

АНДРЕЙ
САПКОВСКИЙ

Бегбунак

Анджей Сапковский

Ведьмак (сборник)

Andrzej Sapkowski

OSTATNIE ŻYCZENIE

MIECZ PRZEZNACZENIA

KREW ELFÓW

CZAS POGARDY

CHRZEST OGINIA

WIEŻA JASKÓŁKI

PANI JEZIORA

© Andrzej Sapkowski, 1993–1997, 1999

© Перевод. Е. Вайсброт, наследники, 1990, 1992, 1994–1998

© Издание на русском языке AST Publishers, 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

© Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru) * * *

Последнее желание

Глас рассудка I

Она пришла под утро.

Вошла осторожно, тихо, бесшумно ступая, плывя по комнате, словно призрак, привидение, а единственным звуком, выдававшим ее движение, был шорох накидки, прикасавшейся к голому телу. Однако именно этот исчезающе тихий, едва уловимый шелест разбудил ведьмака, а может, только вырвал из полусна, в котором он мерно колыхался, словно погруженный в бездонную тень, висящий между дном и поверхностью спокойного моря, среди легонько извивающихся нитей водорослей.

Он не пошевелился, даже не дрогнул. Девушка подпорхнула ближе, сбросила накидку,

медленно, нерешительно оперлась коленом о край ложа. Он наблюдал за ней из-под опущенных ресниц, не выдавая себя. Девушка осторожно поднялась на постель, легла на него, обхватила бедрами. Опираясь на напряженные руки, скользнула по его лицу волосами. Волосы пахли ромашкой. Решительно и как бы нетерпеливо наклонилась, коснулась сосочком его века, щеки, губ. Он улыбнулся, медленно, осторожно, нежно взял ее руки в свои. Она выпрямилась, ускользая от его пальцев, лучистая, подсвеченная и от этого света нечеткая в туманном отблеске зари. Он пошевелился, но она решительным нажимом обеих рук остановила его и легкими, но настойчивыми движениями бедер добилась ответа.

Он ответил. Она уже не избегала его рук, откинула голову, встряхнула волосами. Ее кожа была холодной и поразительно гладкой. Глаза, которые он увидел, когда она приблизила свое лицо к его лицу, были огромными и темными, как глаза русалки.

Покачиваясь, он утонул в ромашковом море, а оно взбурлило и зашумело, потеряв покой.

Ведьмак

1

Потом говорили, что человек этот пришел с севера, со стороны Канатчиковых ворот. Он шел, а навьюченную лошадь вел под уздцы. Надвигался вечер, и лавки канатчиков и шорников уже закрылись, а улочка опустела. Было тепло, но на человеке был черный плащ, накинутый на плечи. Он обращал на себя внимание.

Путник остановился перед трактиром «Старая Преисподняя», постоял немного, прислушиваясь к гулу голосов. Трактир, как всегда в это время, был полон народу.

Незнакомец не вошел в «Старую Преисподнюю», а повел лошадь дальше, вниз по улочке к другому трактиру, поменьше, который назывался «У Лиса». Здесь было пусто – трактир пользовался не лучшей репутацией.

Трактирщик поднял голову от бочки с солеными огурцами и смерил гостя взглядом. Чужак, все еще в плаще, стоял перед стойкой твердо, неподвижно и молчал.

– Что подать?

– Пива, – сказал незнакомец. Голос был неприятный.

Трактирщик вытер руки полотняным фартуком и наполнил щербатую глиняную кружку.

Незнакомец не был стар, но волосы у него были почти совершенно белыми. Под плащом он носил потертую кожаную куртку со шнуровкой у горла и на рукавах. Когда сбросил плащ, стало видно, что на ремне за спиной у него висит меч. Ничего странного в этом не было, в Выземе почти все ходили с оружием, правда, никто не носил меч на спине, словно лук или колчан.

Незнакомец не присел к столу, где расположились немногочисленные посетители, а остался у стойки, внимательно изучая взглядом трактирщика.

– Ищу комнату на ночь, – проговорил он, отхлебнув из кружки.

– Нету, – буркнул трактирщик, глядя на обувь гостя, запыленную и грязную. – Спросите в «Старой Преисподней».

– Я бы хотел здесь.

– Нету. – Трактирщик наконец распознал выговор незнакомца. Ривиец.

– Я заплачу, – тихо и как бы неуверенно сказал чужак.

Тогда-то и началась эта паскудная история. Рябой верзила, с момента появления чужака не спускавший с него угрюмого взгляда, встал и подошел к стойке. Двое его дружков встали шагах в двух позади.

– Ну, нету же местов, шпана ривская, – гаркнул рябой, подходя к незнакомцу вплотную. – Нам тут, в Вызиме, такие ни к чему. Это порядочный город.

Незнакомец взял свою кружку и отодвинулся. Взглянул на трактирщика, но тот отвел глаза. Он и не думал защищать ривийца. Да и кто любит ривийцев?

– Что ни ривиец, то ворюга, – продолжал рябой, от которого несло пивом, чесноком и злобой. – Слышь, что говорю, недоносок?

– Не слышит он, уши-то дерьмом забил, – проямлил один из тех, что стояли позади. Второй захохотал.

– Плати и выматывайся, – рявкнул рябой. Только теперь незнакомец взглянул на него.

– Пиво допью.

– Мы те подмогнем, – прошипел дылда. Он выбил у ривийца кружку и, одновременно схватив одной рукой плечо, впился пальцами другой в ремень, пересекающий наискось грудь чужака. Один из стоявших позади размахнулся, собираясь ударить. Чужак развернулся на месте, выбив рябого из равновесия. Меч свистнул в ножнах и коротко блеснул в свете каганцев. Пошла кутерьма. Поднялся крик. Кто-то из гостей кинулся к выходу. С грохотом упал стол, глухо шмякнулась об пол глиняная посуда. Трактирщик – губы у него тряслись – глядел на чудовищно рассеченное лицо рябого, а тот, вцепившись пальцами в край стойки, медленно оседал, исчезал из глаз, будто тонул. Двое других лежали на полу. Один не двигался, второй извивался и дергался в быстро расплывающейся темной луже. В воздухе дрожал, ввинчиваясь в мозг, тонкий, истошный крик женщины. Трактирщик затрясся, хватил воздуха, и его начало рвать.

Незнакомец отступил к стене. Сжавшийся, собранный, чуткий. Меч он держал обеими руками, водя острием по воздуху. Никто не шевелился. Страх, как холодная грязь, облепил лица, связал члены, заткнул глотки.

В трактир с шумом и лязгом ворвались трое стражников. Видимо, находились неподалеку. Обернутые ремнями палицы были наготове, но, увидев трупы, стражи тут же выхватили мечи. Ривиец прильнул спиной к стене, левой рукой вытащил из-за голенища кинжал.

– Брось! – рявкнул один из стражников дрожащим голосом. – Брось, бандюга! С нами пойдешь!

Второй толкнул стол, мешавший ему зайти ривийцу сбоку.

– Жми за людьми, Чубчик! – крикнул он тому, что стоял ближе к двери.

– Не надо, – проговорил незнакомец, опуская меч. – Сам пойду.

– Пойдешь, пойдешь, сучье племя, только на веревке! – заорал тот, у которого дрожал голос. – Кидай меч, не то башку развалю!

Ривиец выпрямился. Быстро перехватил меч под левую руку, а правой, выставив ее в

сторону стражников, начертил в воздухе сложный знак. Сверкнули набивки, которыми были густо покрыты длинные, по самые локти, манжеты кожаной куртки.

Стражники моментально отступили, заслоняя лица предплечьями. Кто-то из гостей вскочил, другой помчался к двери. Женщина снова завопила. Дико, пронзительно.

– Сам пойду, – повторил незнакомец звучным металлическим голосом. – А вы трое – впереди. Ведите к ипату. Я дороги не знаю.

– Да, господин, – пробормотал стражник, опутив голову, и, робко озираясь, двинулся к выходу. Двое других, пятясь, вышли следом. Незнакомец, убрав меч в ножны, а кинжал за голенище, пошел за ними. Когда они проходили мимо столов, гости прикрывали лица полами курток. 2

Велерад, ипат Вызимы, почесал подбородок и задумался. Он не был ни суеверен, ни трусоват, но перспектива остаться один на один с белоголовым его не прельщала. Наконец он решился.

– Выйдите, – приказал стражникам. – А ты садись. Нет, не тут. Туда, подальше, если не возражаешь.

Незнакомец присел. При нем уже не было ни меча, ни черного плаща.

– Слушаю, – сказал Велерад, поигрывая тяжелой булавой, лежащей на столе. – Я Велерад, ипат, то бишь – градоправитель Вызимы. Что скажешь, милсдарь разбойник, прежде чем отправиться в яму? Трое убитых, попытка навести порчу – недурственно, вовсе недурственно. За такие штучки у нас в Вызиме сажают на кол. Но я – человек справедливый, сначала выслушаю. Говори.

Ривиец расстегнул куртку, извлек из-под нее свиток из белой козловой кожи.

– Это вы на дорогах по трактирам приколачиваете, – сказал он тихо. – То, что тут написано, правда?

– А, – буркнул Велерад, глядя на вытравленные на коже руны. – Вон оно дело-то какое. Как же я сразу-то не сообразил. Ну да, правда. Самая что ни на есть правдивая правда. Подписано: Фольтест, король, владыка Темерии, Понтара и Махакама. Ну а коли подписано, стало быть, правда. Но руны рунами, а закон законом. Людей убивать не позволю! Усек?

Ривиец кивнул – понял, мол. Велерад гневно засопел.

– Знак ведьмачий при тебе?

Незнакомец снова полез за полу куртки, вытащил круглый медальон на серебряной цепочке. На медальоне была изображена ощерившаяся волчья морда.

– Как звать-то? Мне воще-то все равно как, спрашиваю не из любопытства, а для облегчения беседы.

– Геральт.

– Геральт так Геральт. Судя по выговору – из Ривии?

– Из Ривии.

– Так. Знаешь что, Геральт? Об этом, – Велерад хлопнул ладонью по козловой шкуре, – забудь. Выкинь из головы. Это дело серьезное. Многие пробовали. Это, брат, не то что

пару-другую голодранцев прикончить.

– Знаю. Это моя профессия, милсдарь ипат. Написано: три тысячи оренгов награды.

– Три тысячи, – выпятил губы Велерад. – И принцесса в придачу, как людишки болтают, хоть этого милостивый Фольтест не написал.

– Принцесса мне ни к чему, – спокойно сказал Геральт. Он сидел неподвижно, положив руки на колени. – Написано: три тысячи.

– Ну, времена, – вздохнул градоправитель. – Ну и паршивые же пошли времена! Еще двадцать лет назад кто бы подумал, даже по пьянке, что такие профессии появятся? Ведьмаки! Странствующие убийцы василисков! Ходящие, словно точильщики, по домам истребители драконов и топляков. Геральт? В твоём цехе, ведьмаковском, пиво пить дозволено?

– Вполне!

Велерад хлопнул в ладоши и крикнул:

– Пива! А ты, Геральт, садись поближе. Чего уж там.

Пиво было холодное и пенистое.

– Ну, говорю, времена настали, – снова затянул Велерад, прихлебывая из кружки. – Дерьма всякого развелось. В Махакаме, в горах, нечисть кишмя кишит. По лесам раньше волки выли, а нынче, понимаешь, упыри, боровики всякие, куда ни плюнь – оборотень или какая другая зараза. По селам русалки да нищенки детей умышляют, уже на сотни счет пошел. Хвори, о каких раньше никто и слыхом не слыхивал. Прямо волосы дыбом встают. Ну и еще это вот, для комплекта! – Он толкнул свиток по столу. – Неудивительно, Геральт, что на вас такой спрос.

– Это, градоправитель, королевское обращение, – поднял голову Геральт. – Подробности знаете?

Велерад откинулся на спинку стула, сплел пальцы на животе.

– Подробности, говоришь? А как же, знаю. Не то чтоб из первых рук, но источники надежные.

– Это мне и надо.

– Уперся, стало быть. Ну, как знаешь. Слушай. – Велерад отхлебнул пива, понизил голос. – Наш милостивый Фольтест, когда еще в принцах ходил, при старом Меделе, показал, на что способен, а способен-то он был на многое. Мы надеялись, что со временем это пройдет, а нет. Вскоре после коронации, тут же после смерти прежнего-то короля, Фольтест превзошел самого себя. У всех у нас челюсти отвалились. Короче: заделал дитяtko своей сестрице Адде. Адда была моложе его, они всегда держались вместе, но никто ничего не подозревал, ну разве что королева... В общем, глядь, а Адда уже во-от с таким брюхом, а Фольтест начинает заводить разговоры о свадьбе. С сестрой, понял, Геральт? Положеньице сложилось хуже некуда, а тут аккурат Визимир из Новиграда задумал выдать за Фольтеста свою Дальку, прислал сватов, а нам, понимаешь, хоть держи королька-то нашего за ноги-руки, потому как он вознамерился гнать сватов взашей. Ну, обошлось, и слава богам, иначе-то оскорбленный Визимир кишки б из нас повыпускал. Потом, не без помощи Адды, которая повлияла на брата, нам удалось отсоветовать сопляку без времени в женихи лезть. Ну а тут Адда возьми и роди, в положенное время, а как же. А теперь слушай, потому как тут-то и началось. Того, что выродилось, почти никто и не видел. Ну, там, одна повитуха выскочила в окно из башни и убилась насмерть, другая спятила и до сих пор не отошла. Потому-то я и думаю, что

ребеночек, дитяtko королевское, не из красавцев выдался. Девчонка. Впрочем, она тут же померла, никто, сдается мне, особо не спешил пуповину перевязывать. Адда, на свое счастье, родов не пережила. А потом, братец ведьмак, Фольтест в очередной раз сглупил. Ублюдка-то надо было спалить иль, может, закопать где-нито на пустыре, а не хоронить в саркофаге да упрятывать в подземельях дворца.

– Что теперь рассуждать, – поднял голову Геральт. – Поздно. Во всяком случае, надо было вызвать кого-нибудь из Посвященных.

– Это ты о мошенниках со звездочками на колпаках? А как же! Их сюда с десятков слетелось, но уже после того, как стало ясно, что в том склепе лежит. И по ночам из него вылазит. А вылазить-то начало не сразу, э нет. Семь лет после похорон жили мы спокойно. А тут однажды ночью, аккурат было полнолуние, во дворце визг, крик, переполох! Да что долго рассусоливать, сам знаешь, оповещение королевское читал. Дитяtko подросло, и неплохо, да и зубки вымахали ого-го! Одним словом, упыриха! Эх, жаль, ты трупов не видел. Как я. Иначе б постарался Вызиму стороной обойти.

Геральт молчал.

– И тогда, – продолжал Велерад, – Фольтест скликал к нам целую орду всяческих колдунов. Орали они друг на дружку, чуть не побились своими посохами, которые, видно, носят, чтоб собак отгонять, ежели кто науськает. А науськивают-то, я думаю, регулярно. Ты уж прости, Геральт, ежели у тебя другое мнение о волшебниках. Полагаю, в твоём цеху их тоже немало, но на мой вкус – так это дармоеды и дурни. К вам, ведьмакам, в народе больше уважения и доверия. Вы хоть, как бы это сказать, конкретны, что ли.

Геральт улыбнулся, но смолчал.

– Ну, ближе к делу. – Градоправитель, заглянув в кружку, долил пива себе и ривийцу. – Некоторые советы этих колдунов казались не такими уж идиотскими. Один, например, предложил спалить упыриху вместе с дворцом и саркофагом, другой посоветовал отрубить ей башку заступом, остальным больше нравились осиновые колья, которые следовало вбить ей в разные части тела, конечно, днем, когда дьяволица спит в гробу, притомившись после ночных утех. К несчастью, нашелся один шут в колпаке на лысом черепе, горбатый отшельник, который заявил, что все это чары и колдовство, что их можно расколдовать, и из упырицы снова получится Фольтестова дочечка, красивенькая как картинка. Надо только отсидеть в подвале всю ночь – и привет, дело в шляпе. После чего – представляешь себе, Геральт, что это был за придурок, – он отправился на ночь во дворец. Как легко догадаться, осталось от него маловато, почитай, только колпак да посох. Но Фольтест вцепился в его идейку как репей в собачий хвост. Запретил убивать упырицу и изo всех возможных дыр королевства притащил в Вызиму шарлатанов, чтобы те переколдовали ведьму в принцессу. Это была, доложу я тебе, та еще компания. Какие-то скрюченные бабы, хромоножки, грязные, братец, завшивевшие – страх, да и только. Слезы. Ну и давай они шаманить, в основном над тарелкой и кружкой. Правда, некоторых Фольтест не без помощи Совета расколол быстренько, нескольких даже острaстки ради повесил на частоколе, но маловато, маловато. Я б, к примеру, всех их на шибеницу отправил. Ну, о том, что за это время упырица ухитрилась загрызть кой-кого, наплевав на мошенников и их заклинания, думаю, говорить не приходится. Да и о том, что Фольтест во дворце больше не жил. И вообще никто уже там не жил.

Велерад замолчал, отхлебнул пива. Ведьмак тоже помалкивал.

– Так оно и идет, Геральт, шесть лет уже, потому как ОНО уродилось лет четырнадцать назад. Были у нас за это время и заботы иного характера, подрались мы с Визимиром из Новиграда, но по вполне достойным, понятным причинам, поскольку речь шла о передвижке

пограничных столбов, а не о каких-то там доченьках или родственниках узах. Фольтест, кстати, уже начинает снова поговаривать о женитьбе и разглядывать присылаемые соседскими дворами портреты, которые раньше прямым ходом отправлял в отхожее место. Но время от времени на него обратно находит, и он принимается рассылать гонцов на поиски новых колдунов. Ну и награду положил три тысячи, из-за чего сбежалось несколько сумасбродов, странствующих рыцарей, даже один свинопас, известный всей округе недоумок, да будет земля ему пухом. А упырице хоть бы хны. Время от времени загрызет кого. Привыкнуть можно. А от тех героев, что пытаются ее расколдовать, хоть та польза, что бестия нажрется, не отходя от саркофага, и не околачивается за пределами дворцовых служб. А Фольтест живет теперь в новом дворце, вполне приличном.

– За шесть лет, – Геральт поднял голову, – за шесть лет никто не покончил с этим делом?

– Правда твоя. – Велерад пронизательно глянул на ведьмака. – Потому, похоже, и сделать-то ничего нельзя. Придется терпеть. Я говорю о Фольтесте, нашем возлюбленном и милостивом монархе, который все еще велит приколачивать свои призывы и обращения на перепутьях. Только вот охотников вроде бы поубавилось. Недавно, правда, объявился один, так он хотел эти три тысячи непременно получить вперед. Ну, посадили мы его в мешок, значит, и кинули в озеро.

– Да уж, жулья хватает.

– Это точно. Их даже, я бы сказал, с избытком, – поддакнул ипат, не спуская с ведьмака глаз. – Потому, когда пойдешь во дворец, не требуй золота авансом. Если, конечно, пойдешь.

– Пойду.

– Ну, твое дело. Только не забудь мой совет. Ну а коли уж мы заговорили о награде, то последнее время людишки стали поговаривать о второй части. Я тебе говорил: принцессу в жены. Не знаю, кто это придумал, но ежели упырица выглядит так, как рассказывают, то шуточка получается невеселая. И все ж таки не было недостатка в дурнях, которые во весь опор помчались во дворец, как только разошлась весть, что появилась okazия затесаться в королевскую родню. Конкретно, два сапожниковых подмастерья. Слушай, почему сапожники такие идиоты, Геральт?

– Не знаю. А ведьмаки, милсдарь градоправитель, пытались?

– Не без того, а как же. Однако чаще всего, узнав, что упырицу надобно не убить, а расколдовать, тут же пожимали плечами и уезжали. Потому-то мое уважение к вашему брату серьезно выросло. Ну а потом приехал один, тебя помоложе, имени не упомянул, если он вообще его называл. Этот пробовал.

– Ну и?

– Зубастая принцесса растянула его кишочки на расстояние полета стрелы.

Геральт покачал головой.

– Это все?

– Был еще один.

Велерад помолчал. Ведьмак не торопил.

– Да, – сказал наконец градоправитель. – Был. Сначала, когда Фольтест пригрозил ему шибицей, ежели тот прибудет или покалечит упырицу, он только рассмеялся и стал собирать манатки. Ну а потом...

Велерад снова снизил голос почти до шепота:

– Потом принял заказ. Понимаешь, Геральт, у нас в Вызиме есть пара толковых людей, притом и на высоких должностях, которым вся эта фигня осточертела. Слух прошел, будто эти люди втихую убедили ведьмака не тратить времени на всякие там фигли-мигли и чары, с ходу прибить упырицу, а королю сказать, что, мол, чары не подействовали, что-де доченька свалилась с лестницы – несчастный случай на производстве. Король, известно дело, разозлится, но все кончится тем, что он не заплатит ни орена из обещанной награды. Шельма ведьмак в ответ: дескать, задарма сами на чудовищ ходите. Ну что было делать, скинулись мы, поторговались... Только ничего из этого не получилось.

Геральт поднял брови.

– Ничего, говорю, – сказал Велерад. – Ведьмак не захотел идти туда сразу, в первую же ночь. Лазил, таился, по округе шастал. Наконец, говорят, увидел упырицу, вероятно, в деле, потому что бестия не вылезает из гроба только ради того, чтобы косточки поразмять. Ну, увидел он ее и в ту же ночь слинял, не попрощавшись.

Геральт слегка скривил губы, изобразив некое подобие улыбки.

– У толковых людей, – начал он, – вероятно, целы те деньги? Ведьмаки вперед не берут.

– Ну да, – проговорил Велерад. – Вероятно, целы.

– И сколько там? По слухам.

– Кто говорит, восемьсот... – ухмыльнулся Велерад.

Геральт покрутил головой.

– А кто, – буркнул градоправитель, – тысяча.

– Негусто, если учесть, что сплетни, как правило, завышают. Кстати, король-то дает три тысячи.

– Ага. И невесту в придачу, – съехидничал Велерад. – Да и о чем мы толкуем? Известное дело, не получишь ты тех трех тысяч.

– Это почему же?

Велерад хватил рукой о столешницу.

– Геральт, не порти моего мнения о ведьмаках! Этому уже шесть лет с гаком! Упырица ужокошивает до полусотни людей в год, теперь, может, чуток поменьше, потому как все держатся в стороне от дворца. Нет, братец, я верю в колдовство, приходилось видеть то да се на своем веку, и верю, до определенной степени, разумеется, в способности магов и ведьмаков. Но что до переколдовывания – это уж чепуха, придуманная горбатым и сопливым старикашкой, который вконец поглупел от своего отшельнического харча, ерунда, в которую не верит никто. Кроме Фольтеста. Разве не так, Геральт? Адда родила упырицу, потому что спала с собственным братом, вот в чем суть, и никакие чары тут не помогут. Упырица пожирает людей, как... упырица, и надобно ее прикончить, нормально и попросту. Слушай, два года тому назад кметы из какой-то захудалой дыры под Махакамом, у которых дракон пожирал овец, пошли скопом, забили его дубинами и даже не посчитали нужным похвалиться. А мы тут, в Вызиме, ожидаем чуда каждое полнолуние и запираем двери на семь засовов или же привязываем к столбу перед дворцом преступников, рассчитывая на то, что бестия нажрется и снова нырнет в свой гроб.

– Недурственный способ, – усмехнулся ведьмак. – Преступность пошла на убыль?

– Держи карман шире!

– Как пройти во дворец, в тот, новый?

– Я провожу тебя. А как с предложением толковых людей?

– Ипат, – сказал Геральт, – куда спешить? Ведь несчастный случай на работе может произойти действительно, независимо от моего желания. Тогда толковым людям придется подумать, как спасти меня от королевского гнева и подготовить те тысячу пятьсот орен, о которых болтают... людишки.

– Речь шла о тысяче.

– Э нет, милсдарь Велерад, – решительно сказал ведьмак. – Тот, кому вы предлагали тысячу, сбежал, стоило ему взглянуть на упырицу, и даже не торговался. Стало быть, риск гораздо выше, чем на тысячу. Ну конечно, в отличие от него я предварительно попрощаюсь.

Велерад почесал затылок.

– Геральт? Тысячу двести?

– Нет. Работа не из легких. Король дает три, а должен сказать, что расколдовать порой бывает легче, чем убить. В конце концов, кто-нибудь из моих предшественников убил бы упырицу, если б это было так просто. Вы думаете, они дали себя загрызть только потому, что боялись короля?

– Ну, лады, братец. – Велерад грустно покачал головой. – По рукам. Только чтоб королю ни гугу о возможном несчастном случае на... производстве. От всей души советую. З

Фольтест был щупл, отличался красивым – слишком уж красивым – лицом. Ему еще не стукнуло сорока, как решил ведьмак. Он сидел на резном черного дерева карле, протянув ноги к камину, у которого грелись две собаки. Рядом, на сундуке, сидел пожилой, могучего сложения бородатый мужчина. За спиной у короля стоял другой, богато одетый, с гордым выражением на лице. Вельможа.

– Ведьмак из Ривии, – нарушил король недолгую тишину, наступившую после вступительных слов Велерада.

– Да, государь, – наклонил голову Геральт.

– От чего у тебя так голова поседела? От волшебства? Ты вроде бы не стар? Ну ладно, ладно. Шучу. Опыт, надеюсь, у тебя какой-никакой есть?

– Да, государь.

– Рад бы послушать.

– Вы же знаете, государь, – склонился Геральт еще ниже, – что наш кодекс запрещает нам рассказывать о том, что мы делаем.

– Удобный кодекс, господин ведьмак, весьма удобный. Ну а если, к примеру, без подробностей, с лесовиками дело имел?

– Да.

– С вампирами, лешими?

– Да.

Фольтест замялся.

– С упырями?

– Да.

Геральт поднял голову, глянул королю в глаза.

Фольтест смутился. Вроде бы.

– Велерад!

– Слушаю, государь!

– Ты ввел его в курс?

– Да, государь. Он утверждает, что принцессу можно расколдовать.

– Это-то я давно знаю. А каким образом, уважаемый господин ведьмак? Ах да, запоматовал. Кодекс. Ну хорошо. Только одно небольшое замечание. Захаживали тут ко мне несколько ведьмаков. Велерад, ты ему говорил? Хорошо. Поэтому мне ведомо, что ваша специальность в основном предусматривает... умерщвление, а не снятие порчи. Запомни, об этом и думать не смей. Если у моей дочери хоть волос с головы упадет, ты свою на плаху положишь. Это все. Острит и вы, государь Сегелин, останьтесь, сообщите ему все, что он пожелает. Они всегда много спрашивают, ведьмаки. Накормите, и пусть живет во дворце. Нечего по трактирам да корчмам валандаться.

Король встал, свистнул псам и направился к дверям, раскидывая солому, покрывающую пол комнаты. У дверей обернулся.

– Если получится, ведьмак, награда твоя. Возможно, еще кое-что подброшу, если выкажешь себя хорошо. Конечно, в болтовне относительно женитьбы на принцессе нет ни на грош правды. Надеюсь, ты не думаешь, что я выдам дочь за первого попавшегося проходимца?

– Нет, государь, не думаю.

– Ну и славно. Это доказывает, что ты не глуп.

Фольтест вышел, прикрыв за собой двери. Велерад и вельможи, которые до этого стояли, тут же уселись за стол. Ипат допил наполовину полный кубок короля, заглянул в кувшин, чертыхнулся. Острит, занявший карло короля, глядел на ведьмака исподлобья, поглаживая резные подлокотники. Сегелин, бородач, кивнул Геральту.

– Присаживайтесь, господин ведьмак, присаживайтесь. Сейчас ужин подадут. Так что бы вы хотели узнать? Градоправитель Велерад, я думаю, сказал вам все. Я знаю его, уверен, что он сказал скорее больше, чем меньше.

– Всего несколько вопросов.

– Задавайте.

– Господин градоправитель сказал, что после появления упырицы король призвал многих Посвященных.

– Так оно и есть. Только говорите не «упырица», а «принцесса». Так вам легче будет избежать оговорки при короле... и связанных с нею неприятностей.

- Среди Посвященных был кто-нибудь известный? Знаменитый?
- Такие бывали и тогда, и сейчас. Имен не помню... А вы, господин Острит?
- Не припомню, – сказал вельможа. – Но знаю, что некоторые пользовались славой и признанием. Об этом многие говорили.
- Было ли у них согласие в том, что заклятие можно снять?
- Им далеко было до согласия, – усмехнулся Сегелин. – По любому вопросу. Но такое предположение высказывали. Речь шла о простом, вообще не требующем магических способностей методе, и, как я понял, заключался он в том, чтобы провести ночь, от заката до третьих петухов, в подземелье, рядом с саркофагом.
- Чего уж проще, – фыркнул Велерад.
- Я хотел бы услышать, как выглядит... принцесса.
- Принцесса выглядит как упырь, – рявкнул Велерад, вскакивая со стула. – Как самый что ни на есть упыристый упырь, о каком мне только доводилось слышать! В ее высочестве королевской доченьке, проклятом ублюдочном ублюдке, четыре локтя роста, она похожа на бочонок из-под пива, а пасть у нее от уха до уха, полная зубов, острых как кинжалы, у нее кроваво-красные зенки и рыжие патлы. Лапищи с когтями как у рыси свисают до самой земли! Удивительно, как это мы еще не начали посылать ее миниатюры дружественным дворам! Принцессе, чтоб ее чума взяла, уже четырнадцать годков, самое время выдать замуж за какого-нибудь принца!
- Притормозите, градоправитель, – поморщился Острит, поглядывая на дверь. Сегелин слабо улыбнулся.
- Описание весьма красочное и достаточно точное, а именно это вас интересовало, уважаемый ведьмак, верно? Велерад только забыл добавить, что принцесса передвигается с невероятной быстротой и что она гораздо сильнее, чем можно судить по росту и строению. А то, что ей четырнадцать, – факт. Если это имеет значение.
- Имеет, – сказал ведьмак. – А на людей она нападает только в полнолуние?
- Да, – ответил Сегелин. – Если это случается за стенами старого дворца. Во дворце же люди погибали независимо от фазы Луны. Но из дворца она выходит только по полнолуниям, да и то не всегда.
- Был ли хоть один случай нападения днем?
- Нет. Днем – нет.
- Она всегда пожирает жертвы?
- Велерад смачно сплюнул на солому.
- А чтоб тебя, Геральт, сейчас же вечерять будем. Тьфу на тебя! Пожирает, обгладывает, оставляет – по-разному, в зависимости, видать, от настроения. У одного только голову отгрызла, нескольких выпотрошила, а других обгрызла начисто, можно сказать, наголо. Мать ее...
- Осторожнее, Велерад, – прошипел Острит. – Об упырице – что хочешь, но Адду не оскорбляй, потому как при короле-то и сам не отважишься.

– А выжил кто-нибудь из тех, на кого она напала? – спросил ведьмак, казалось, не обратив внимания на вспышку вельможи.

Сегелин и Острит переглянулись.

– Да, – сказал бородач. – В самом начале, лет шесть назад, она набросилась на двух солдат, стоявших на страже у склепа. Одному удалось сбежать.

– И позже, – вставил Велерад, – мельник, на которого она напала за городом. Помните? 4

В комнатку над кордегардией, где поместили ведьмака, мельника привели на другой день поздним вечером. Привел его солдат в плаще с капюшоном.

Особых результатов беседа не дала. Мельник был напуган, бормотал и заикался. Гораздо больше ведьмаку сказали его шрамы: у упырицы были внушающие уважение челюсти и действительно очень острые зубы, в том числе непомерно длинные верхние клыки – четыре, по два с каждой стороны. Когти, пожалуй, острее рысиных, хоть и не такие крючковатые. Впрочем, только поэтому мельнику и удалось вырваться.

Покончив с осмотром, Геральт кивком отпустил мельника и солдата. Солдат вытолкнул парня за дверь и скинул капюшон. Это был Фольтест собственной персоной.

– Не вставай, – сказал король. – Визит неофициальный. Ты доволен допросом? Я слышал, ты с утра побывал во дворце?

– Да, государь.

– Когда приступишь к делу?

– До полнолуния четыре дня. После него.

– Хочешь сначала взглянуть на нее?

– Нет нужды. Но насытившаяся... принцесса... будет не так подвижна.

– Упырица, мэтр, упырица. Брось дипломатничать. Принцессой-то она только еще будет. Впрочем, именно об этом я хотел с тобой поговорить. Отвечай неофициально, кратко и толково – будет или не будет? Только не прикрывайся своими кодексами.

Геральт потер лоб.

– Я подтверждаю, государь, что чары можно снять. И если не ошибаюсь, действительно проведя ночь во дворце. Если третьи петухи застанут упырицу вне гробницы, то снимут колдовство. Обычно именно так поступают с упырями.

– Так просто?

– И вовсе не так просто, государь. Во-первых, эту ночь надо пережить. Во-вторых, возможны отклонения от нормы. Например, не одну ночь, а три. Одну за другой. Бывают также случаи... ну... безнадёжные.

– Так. – Фольтеста передернуло. – Только и слышу: убить чудище, потому что это случай неизлечимый! Я уверен, мэтр, что с тобой уже потолковали. А? Дескать, заруби людоедку без церемоний, сразу же, а королю скажи, мол, иначе не получалось. Не заплатит король – заплатим мы. Очень удобно. И дешево. Король велит отрубить голову или повесить ведьмака, а золото останется в кармане.

– А что, король обязательно прикажет обезглавить ведьмака? – поморщился Геральт.

Фольтест долго глядел в глаза ривийцу. Наконец сказал:

– Король не знает. Но учитывать такую возможность ведьмак все-таки должен.

Теперь замолчал Геральт.

– Я намерен сделать все, что в моих силах, – сказал он наконец. – Но если дело пойдет скверно, я буду защищаться. Вы, государь, тоже должны учитывать такую возможность.

Фольтест встал.

– Ты меня не понял. Не о том речь. Совершенно ясно, что ты ее убьешь, если станет горячо, нравится мне это или нет. Иначе она убьет тебя, наверняка и бесповоротно. Я не разглашаю этого, но не покарал бы того, кто убьет ее в порядке самообороны. Но я не допущу, чтобы ее убили, не попытавшись спасти. Уже пробовали поджигать старый дворец, в нее стреляли из луков, копали ямы, ставили силки и капканы, пока нескольких умников я не вздернул. Но, повторяю, не о том речь. Слушай, мэтр...

– Слушаю.

– Если я правильно понял, после третьих петухов упырицы не будет. А кто будет?

– Если все пойдет как надо, будет четырнадцатилетняя девочка.

– Красноглазая? С зубищами как у крокодила?

– Нормальная девчонка. Но только...

– Ну?

– Физически.

– Час от часу не легче. А психически? Каждый день на завтрак ведро крови? Девичье бедрышко?

– Нет. Психически... трудно сказать... Думаю, на уровне, ну... трех-четырёхгодовалого ребенка. Ей понадобится заботливый уход. Довольно долго.

– Это ясно. Мэтр?

– Слушаю.

– А это... может повториться? Позже?

Ведьмак молчал.

– Так, – сказал король. – Стало быть, может. И что тогда?

– Если после долгого, затянувшегося на несколько дней беспомыслия она умрет, надо будет сжечь тело. И как можно скорее.

Фольтест нахмурился.

– Однако не думаю, – добавил Геральт, – чтобы до этого дошло. Для верности я дам вам, государь, несколько советов, как уменьшить опасность.

– Уже сейчас? Не слишком ли рано, мэтр? А если...

– Уже сейчас, – прервал ривиец. – По-всякому бывает, государь. Может случиться, что наутро

вы найдете в склепе расколдованную принцессу и мой труп.

– Даже так? Несмотря на разрешение на самооборону? Которое, похоже, не шибко тебе и нужно.

– Это дело серьезное, государь. Риск очень велик. Поэтому слушайте: принцесса должна будет постоянно носить на шее сапфир, лучше всего инклюз, на серебряной цепочке. Постоянно. Днем и ночью.

– Что такое инклюз?

– Сапфир с пузырьком воздуха внутри. Кроме того, в камине ее спальни надо будет время от времени сжигать веточки можжевельника, дрока и орешника.

Фольтест задумался.

– Благодарю за советы, мэтр. Я буду придерживаться их, если... А теперь слушай меня внимательно. Если увидишь, что случай безнадежный, убей ее. Если снимешь заклятие, но девочка не будет... нормальной... если у тебя возникнет хотя бы тень сомнения в том, что все прошло удачно, убей ее. Не бойся меня. Я стану на тебя при людях кричать, выгоню из дворца и из города, ничего больше. Награды, разумеется, не дам. Ну, может, что-нибудь выторгуешь... Сам знаешь у кого.

Они помолчали.

– Геральт. – Фольтест впервые назвал ведьмака по имени.

– Слушаю.

– Сколько правды в слухах, будто ребенок родился таким только потому, что Адда была моей сестрой?

– Не много. Порчу надо навести. Чары не возникают из ничего. Но, думаю, ваша связь с сестрой послужила поводом к тому, что кто-то бросил заклинание, а значит, и причиной такого результата.

– Так я и думал. Так говорили некоторые из Посвященных, правда, не все. Геральт. Откуда все это берется? Чары, магия?

– Не знаю, государь. Посвященные пытаются отыскать причины таких явлений. Нам же, ведьмакам, достаточно знать, что их можно вызывать сосредоточением воли. И знать, как с ними бороться.

– Убивая?

– Как правило. Впрочем, чаще всего за это нам и платят. Мало кто требует снять порчу. В основном люди просто хотят уберечься от опасности. Если же у чудища на совести еще и трупы, то присовокупляется стремление отомстить за содеянное.

Король встал, прошелся по комнате, остановился перед висевшим на стене мечом ведьмака.

– Этим? – спросил он, не глядя на Геральта.

– Нет. Этот против людей.

– Наслышан. Знаешь что, Геральт? Я пойду с тобой в склеп.

– Исключено.

Фольтест повернулся, глаза его сверкнули.

– Тебе известно, колдун, что я ее ни разу не видел? Ни при рождении, ни... позже? Боялся. Могу ее уже никогда не увидеть, верно? Имею я право хотя бы видеть, как ты будешь ее убивать?

– Повторяю, исключено. Это верная смерть. И для меня тоже. Стоит мне ослабить внимание, волю... Нет, государь.

Фольтест отвернулся и направился к двери. Геральту показалось, что он уйдет, не произнеся ни слова, без прощального жеста, но король остановился и взглянул на него.

– Ты вызываешь доверие, – сказал он. – Хоть я и знаю, что ты за фрукт. Мне рассказали, что произошло в трактире. Уверен, ты прибил этих головорезов исключительно ради рекламы, чтобы всколыхнуть людей, потрясти меня. Я уверен, ты мог столкнуться с ними и не убивая. Боюсь, мне никогда не узнать, идешь ли ты спасти мою дочь или же убить ее. Но соглашаюсь на это. Вынужден согласиться. Знаешь почему?

Геральт не ответил.

– Потому что, – сказал король, – думаю, она страдает. Правда?

Ведьмак проникательно посмотрел на короля. Не подтвердил, не сделал ни малейшего жеста, но Фольтест знал. Знал ответ. 5

Геральт в последний раз выглянул в окно дворца. Быстро темнело. За озером помигивали туманные огоньки Вызимы. Вокруг дворца раскинулся пустырь – полоса ничейной земли, которой город за шесть лет отгородился от опасного места, не оставив ничего, кроме развалин, прогнивших балок и остатков щербатого частокола, которые разбирать и переносить, видимо, не окупалось. Дальше всего, на другой край города, перенес свою резиденцию сам король – пузатая башня нового дворца чернела вдали на фоне темно-синего неба.

Ведьмак вернулся к запыленному столу, за которым в одной из пустых, разграбленных комнат готовился. Не спеша, спокойно, обстоятельно. Времени, как он знал, было достаточно. До полуночи упырица из склепа не вылезет.

Перед ним на столе стоял небольшой окованный сундучок. Геральт открыл его. Там тесно, в выложенных сухой травой отделениях, стояли флакончики из темного стекла. Ведьмак вынул три.

Поднял с пола продолговатый сверток, плотно укутанный овечьими шкурами и обвязанный ремнем. Развернул, достал из черных блестящих ножен, покрытых рядами рунических знаков и символов, меч с изукрашенной рукоятью. Острие заиграло идеальным зеркальным блеском. Лезвие было из чистого серебра.

Геральт прошептал формулу, медленно выпил содержимое двух флакончиков, после каждого глотка опуская левую руку на оголовье меча. Потом, плотно закутавшись в черный плащ, сел. На пол. В комнате не было ни одного стула. Как, впрочем, и во всем дворце.

Он сидел неподвижно, прикрыв глаза. Дыхание, поначалу ровное, вдруг ускорилось, стало хриплым, беспокойным. А потом полностью остановилось. Снадобье, с помощью которого ведьмак подчинил себе все органы тела, в основном состояло из чемерицы, дурмана, боярышника и молочая. Остальные компоненты не имели названий ни на одном человеческом языке. Не будь Геральт приучен к таким смесям с детства, это был бы смертельный яд.

Ведьмак резко повернул голову. Слух, обострившийся теперь сверх всякой меры, легко вылушил из тишины шелест шагов по заросшему крапивой двору. Это не могла быть упырица. Еще слишком светло. Геральт завел меч за спину, спрятал сундучок в угольях разрушенного камина и тихо, словно летучая мышь, сбежал по лестнице.

На дворе было еще достаточно света, чтобы приближающийся человек мог увидеть лицо ведьмака. Человек – это был Острит – резко попятился, невольная гримаса ужаса и отвращения исказила его лицо. Ведьмак криво усмехнулся – он знал, как выглядит. После мешанины из красавки, аконита и очанки лицо становится блее мела, а зрачки заполняют всю радужницу. Зато микстура позволяет видеть в глубочайшей тьме, а Геральту именно это и было нужно.

Острит быстро взял себя в руки.

– Ты выглядишь так, словно уже стал трупом, колдун, – сказал он. – Не иначе со страха. Не бойся. Я принес тебе жизнь.

Ведьмак не ответил.

– Не слышишь, что я сказал, ривийский знахарь? Ты спасен. И богат. – Подбросив на руке солидный мешок, Острит кинул его под ноги Геральту. – Тысяча оренгов. Бери, садись на коня и выматывай отсюда!

Ривиец молчал.

– Чего вылутился! – повысил голос Острит. – И не задерживай меня. Я не намерен торчать здесь до полуночи. Не понимаешь? Я не желаю, чтобы ты снимал заклятие. Нет, не думай, будто угадал. Я не в сговоре ни с Велерадом, ни с Сегелином. Просто не желаю, чтобы ты ее убивал. Ты должен уехать и оставить все как есть.

Ведьмак не шелохнулся. Он не хотел, чтобы вельможа понял, насколько сейчас обострились и ускорились его движения и реакции. Темнело быстро, это было только на руку Геральту, ведь даже полумрак сумерек был слишком ярок для его расширившихся зрачков.

– А собственно, почему все должно оставаться по-старому? – спросил он, стараясь помедленнее выговаривать слова.

– А вот это, – Острит гордо поднял голову, – не твоего ума дело.

– А если я уже знаю?

– Интересно...

– Легче будет скинуть Фольтеста с трона, если упырица дойдет людей еще больше? Если королевские фокусы вконец осточертеют и вельможам, и народу, верно? Я ехал к вам через Реданию и Новиград. Там на каждом углу толкуют о том, что кое-кто в Вызиме посматривает на короля Визимира как на избавителя и истинного монарха. Но меня, господин Острит, не интересуют ни политика, ни наследование тронов, ни дворцовые перевороты. Я здесь для того, чтобы выполнить работу. Вы никогда не слышали о чувстве долга и элементарной порядочности? О профессиональной этике?

– Не забывай, с кем говоришь, бродяга! – яростно крикнул Острит, сжимая рукоять меча. – Я не привык спорить с кем попало! Этика, кодексы, мораль?! И кто это говорит. Разбойник, который, не успев прибыть, уже прикончил троих. Кто бил поклоны Фольтесту, а за его спиной торговался с Велерадом, словно наемный убийца! И ты еще осмеливаешься задирать голову, холоп? Прикидываться Посвященным? Магом? Чародеем? Ты, паршивый ведьмак! Вон отсюда, пока я тебе череп не раскроил!

Ведьмак даже не дрогнул.

– Лучше б вам самому уйти, Острит, – сказал он. – Темнеет.

Острит попятился, мгновенно выхватил меч.

– Ты сам того хотел, колдун! Убью! Не помогут тебе твои штучки. При мне черепаший камень.

Геральт усмехнулся. Мнение о могуществе черепашьего камня было столь же распространено, сколь и ошибочно. Но ведьмак не намеревался тратить силы на заклятия и тем более скрещивать серебряный клинок с оружием Острита. Он поднырнул под выписывающее круги острие и серебряными шипами манжета ударил вельможу в висок. 6

Острит очухался быстро и теперь водил глазами в абсолютной тьме. Он был связан. Геральта, стоявшего рядом, он не видел, но сообразил, где находится, и завыл протяжно, дико.

– Молчи, – сказал ведьмак. – Накличешь ее прежде времени.

– Проклятый убийца! Где ты? Развяжи немедленно, сукин ты сын! Вздерну поганца!

– Молчи.

Острит тяжело дышал.

– Оставишь меня ей на съедение? Связанного? – спросил он уже тише и совсем уж тихо добавил грязное ругательство.

– Нет, – сказал ведьмак. – Отпущу. Но не сейчас.

– Подлец, – прошипел Острит. – Чтобы отвлечь упырицу?

– Да.

Острит замолчал, перестал дергаться, лежал спокойно.

– Ведьмак?

– Да.

– А ведь я действительно хотел свалить Фольтеста. И не я один. Но лишь я желал его смерти, хотел, чтобы он помер в муках, чтобы свихнулся, чтобы живьем сгнил. Знаешь почему?

Геральт молчал.

– Я любил Адду. Королевскую сестру. Королевскую любовницу. Королевскую девку. Я любил ее... Ведьмак, ты здесь?

– Здесь.

– Я знаю, что ты думаешь. Но этого не было. Поверь, я не произносил никаких заклятий. Я не знаток по части чар. Только однажды, по злобе, сказал... Только один раз. Ведьмак? Ты слышишь?

– Слышу.

– Это его мать, старая королева. Наверняка она. Не могла видеть, как они с Аддой... Это не

я. Я только однажды, понимаешь, пытался уговорить ее, а Адда... Ведьмак! На меня нашло, и я сказал... Ведьмак. Так это я? Я?

– Это уже не имеет значения.

– Ведьмак? Полночь близко?

– Близко.

– Выпусти меня раньше. Дай мне больше времени.

– Нет.

Острит не услышал скрежета отодвигаемой покровной плиты саркофага, но ведьмак услышал. Он наклонился и кинжалом рассек ремни, связывавшие вельможу. Острит не стал дожидаться каких-либо слов, вскочил, неловко заковылял, одеревеневший, побежал. Глаза уже привыкли к темноте, и он увидел дорогу, ведущую из главной залы к выходу.

Из пола с грохотом вылетела плита, закрывавшая вход в склеп. Геральт, предусмотрительно укрывшийся за балюстрадой лестницы, увидел уродливую фигуру упырицы, ловко, быстро и безошибочно устремившейся за удаляющимся топотом башмаков Острита. Упырица не издавала ни звука.

Чудовищный, душераздирающий, сумасшедший визг разорвал ночь, потряс старые стены и не прекращался, то вздымаясь, то опадая и вибрируя. Ведьмак не мог точно оценить расстояние – его обостренный слух ошибался, но он знал, что упырица добралась до Острита быстро. Слишком быстро.

Он вышел на середину залы, встал у выхода из склепа. Отбросил плащ. Повел плечами, поправляя положение меча. Натянул перчатки. У него еще было немного времени. Он знал, что упырица, хоть и нажравшаяся, так быстро труп не бросит. Сердце и печень были для нее ценным запасом пищи, позволяющим долго оставаться в летаргии.

Ведьмак ждал. До зари, по его подсчетам, оставалось еще около трех часов. Пение петуха могло его только спутать. Впрочем, в округе скорее всего вообще не было петухов.

И тут он ее услышал. Она шла медленно, шлепая по полу. А потом он ее увидел.

Описание было точным: спутанный ореол рыжеватых волос окружал непропорционально большую голову, сидящую на короткой шее. Глаза светились во мраке, словно два карбункула. Упырица остановилась, уставившись на Геральта. Вдруг раскрыла пасть – словно похвываясь рядами белых клиновидных зубищ, потом захлопнула челюсть с таким грохотом, будто захлопнула крышку сундука. И сразу же прыгнула, с места, без разбега, целясь в ведьмака окровавленными когтями.

Геральт отскочил, закружился, упырица задела его и тоже закружилась, вспарывая когтями воздух. Она не потеряла равновесия и напала снова, немедленно, с полуоборота, щелкнув зубами у самой груди Геральта. Ривиец отскочил в другую сторону, трижды меняя направление вращения и тем самым сбивая упырицу с толку, отскакивая, сильно, хотя и не с размаху, ударил ее по голове серебряными шипами, сидящими на верхней стороне перчатки, на костяшках пальцев.

Упырица жутко зарычала, заполнив дворец гулким эхом, припала к земле, замерла и принялась выть. Глухо, зловеще, яростно.

Ведьмак зло усмехнулся. Первый «раунд», как он и рассчитывал, прошел успешно. Серебро было убийственным для упырицы, как и для большинства чудовищ, вызванных к жизни

колдовством. Так что, выходит, бестия не отличалась от других, а это давало надежду на то, что чары удастся снять, серебряный же меч как крайнее средство гарантировал ему жизнь.

Упырица не спешила нападать. Теперь она приближалась медленно, оскалив клыки, пуская слюни. Геральт попятился, пошел полукругом, осторожно ставя ноги, то замедляя, то ускоряя движение, тем самым рассеивая внимание упырицы, не позволяя ей собраться для прыжка. Продолжая движение, он разматывал длинную тонкую крепкую цепь с грузом на конце. Серебряную цепь.

В тот момент, когда упырица, напрягшись, прыгнула, цепь просвистела в воздухе и, свернувшись змеей, мгновенно оплела руки, шею и голову чудища. Не довершив прыжка, упырица упала, издав пронзительный визг. Она извивалась на полу, жутко рыча то ли от ярости, то ли от палящей боли, причиняемой ненавистным металлом. Геральт был удовлетворен – убить упырицу, если б он того хотел, не составляло труда. Но он не доставал меча. Пока ничто в поведении упырицы не говорило о том, что это случай неизлечимый. Геральт немного отступил и, не спуская глаз с извивающегося на полу тела, глубоко дышал, собираясь с силами.

Цепь лопнула, серебряные звенья дождем прыснули во все стороны, звеня по камням. Ослепленная яростью упырица, воя, кинулась в атаку. Геральт спокойно ждал и поднятой правой рукой чертил перед собой знак Аард.

Упырица отлетела на несколько шагов, словно ее ударили молотом, но удержалась на ногах, выставила когти, обнажила клыки. Ее волосы поднялись дыбом, зашевелились так, будто она шла против резкого ветра. С трудом, кашляя, шаг за шагом, медленно, но шла! Все-таки шла!

Геральт забеспокоился. Он, конечно, не ожидал, что такой простой знак совсем парализует упырицу, но и не думал, что бестия так легко оправится. Он не мог держать знак слишком долго – это истощало, а меж тем упырице оставалось пройти не больше десятка шагов. Он резко снял знак и отскочил вбок. Как и ожидал, застигнутая врасплох упырица полетела вперед, потеряла равновесие, перевернулась, поскользнулась на полу и покатилась вниз по ступеням зияющего в полу входа в склеп. Снизу донеслись истошные вопли.

Чтобы выиграть время, Геральт прыгнул на лестницу, ведущую на галерею. Не успел пройти и половины, как упырица вылетела из склепа и помчалась за ним, словно огромный черный паук... Ведьмак, дождавшись, пока она взбежит на лестницу, тут же перемахнул через поручень и спрыгнул на пол. Упырица развернулась на лестнице, оттолкнулась и кинулась на него в невероятном, чуть ли не десятиметровом прыжке. Она уже не дала так легко провести себя – дважды ее когти рванули кожаную куртку ривийца. Но новый могучий удар серебряных шипов откинул упырицу. Она закачалась. Геральт, чувствуя вздымающуюся в нем ярость, покачнулся, откинул туловище назад и сильнейшим ударом в бок повалил бестию на пол.

Рык, который она издала, был громче всех предыдущих. С потолка посыпалась штукатурка.

Упырица вскочила, дрожа от неудержимой злобы и жажды убийства. Геральт выжидал. Он уже выхватил меч и, чертя им в воздухе зигзаги, шел, обходил упырицу, следя за тем, чтобы движения меча не совпадали с ритмом и темпом шагов. Упырица не отскочила. Она медленно приближалась, водя глазами вслед за блестящей полоской клинка.

Геральт резко остановился, замер, поднял меч над головой. Упырица растерялась и тоже остановилась. Ведьмак, выписав острием двойной полукруг, сделал шаг в сторону упырицы. Потом еще один. А потом прыгнул, вертя меч над головой.

Упырица съежилась, попятилась. Геральт был все ближе. Глаза его разгорелись зловещим огнем, сквозь стиснутые зубы вырвался хриплый рев. Упырица снова отступила, отброшенная мощью сконцентрированной ненависти, злобы и силы, излучаемой нападающим на нее

человеком, бьющей в нее волнами, врывающимися в мозг и внутренности. До боли пораженная неведомым ей прежде ощущением, она издала вибрирующий тонкий визг, закружилась на месте и в панике кинулась в мрачный лабиринт коридоров дворцовых подземелий.

Геральт, сотрясаемый дрожью, остановился посреди залы.

Один.

«Сколько же понадобилось времени, – подумал он, – чтобы этот танец на краю пропасти, эта сумасшедшая, жуткая пляска привела к желаемому результату, позволила добиться психического слияния с противником, проникнуть в глубины сконцентрированной воли, переполнявшей упырицу. Воли злобной, болезненной, породившей эту уродину». Ведьмак вздрогнул, вспомнив тот момент, когда он поглотил этот заряд зла, чтобы словно зеркало отразить его и направить на чудовище. Никогда он еще не встречался с такой концентрацией ненависти и убийственного неистовства. Даже у василисков, пользующихся самой дурной славой.

«Тем лучше, – думал он, направляясь ко входу в склеп, огромной черной дырой темнеющему в полу. – Тем лучше, сильнее был удар, полученный самой упырицей». Это дает чуть больше времени на дальнейшие действия, прежде чем бестия оправится от шока. Вряд ли он способен еще на одно такое усилие. Действие эликсиров слабеет, а до рассвета еще далеко. Нельзя допустить, чтобы упырица проникла в склеп до утренней зари, иначе весь труд пойдет насмарку.

Он опустился по ступеням. Склеп был невелик и вмещал три каменных саркофага. У первого от входа крышка была сдвинута. Геральт достал из-за пазухи третий флакончик, быстро выпил содержимое, спустился в саркофаг и лег. Как он и ожидал, саркофаг оказался двойным – для матери и дочери.

Крышку он задвинул только после того, как снова услышал сверху рев упырицы. Он лег навзничь рядом с мумифицированными останками Адды, на плите изнутри начертил знак Ирген. Меч положил на грудь и поставил маленькие песочные часы, заполненные фосфоресцирующим песком. Скрестил руки. Воплей упырицы он уже не слышал. Он вообще уже ничего не слышал: четырехлистный вороний глаз и ласточкина трава набирали силу. 7

Когда Геральт открыл глаза, песок в часах уже пересыпался до конца, а значит, он спал даже дольше, чем следовало. Он прислушался – и ничего не услышал. Органы чувств уже работали нормально.

Он взял меч в одну руку, другой провел по крышке саркофага, выговаривая формулу, затем легко сдвинул плиту на несколько вершков.

Тишина.

Он отодвинул крышку еще больше, сел, держа оружие наготове, высунул голову. В склепе было темно, но ведьмак знал, что на дворе светает. Он высек огонь, зажег маленький каганец, поднял, на стенках склепа заплясали странные тени.

Пусто.

Он выбрался из саркофага, занемевший, озябший. И тут увидел ее. Она лежала на спине рядом с гробницей, нагая, без чувств.

Она не была красивой. Худенькая, с маленькими остренькими грудками, грязная. Светло-рыжие волосы укрывали ее почти до пояса. Поставив каганец на плиту, он опустился

рядом с девочкой на колени, наклонился. Губы у нее были белые, на скуле большой кровоподтек от его удара. Геральт снял перчатку, отложил меч, бесцеремонно поднял ей пальцем верхнюю губу. Зубы были нормальные. Он хотел взять ее за руку, погруженную в спутанные волосы. И тут, не успев нащупать кисть, увидел раскрытые глаза. Слишком поздно.

Она рванула его когтями по шее, кровь хлестнула ей на лицо. Она взвыла, другой рукой целясь ему в глаза. Он повалился на нее, схватил за запястья, пригвоздил к полу. Она щелкнула зубами – уже короткими – перед его лицом. Геральт ударил ее лбом в лицо, прижал сильнее. У нее уже не было прежних сил, она только извивалась под ним, выла, выплевывала кровь – его кровь, – заливавшую ей рот. Нельзя было терять ни минуты. Геральт выругался и сильно укусил ее в шею под самым ухом, впился зубами и стискивал их до тех пор, пока нечеловеческий вой не перешел в тихий, отчаянный крик, а потом во всхлипывания – плач страдающей четырнадцатилетней девочки.

Когда она перестала двигаться, он отпустил ее, поднялся на колени, выхватил из кармана на рукаве кусок материи, прижал к шее. Нащупал лежащий рядом меч, приставил острие к горлу бесчувственной девочки, наклонился к ее руке. Ногти были грязные, обломанные, окровавленные, но... нормальные. Совершенно нормальные.

Ведьмак с трудом встал. Сквозь вход в склеп уже струилась липко-мокрая серость утра. Он направился к ступеням, но, покачнувшись, тяжело опустился на пол. Просачивающаяся сквозь намокшую материю кровь бежала по руке, стекала в рукав. Он расстегнул куртку, разорвал рубаху и принялся обматывать шею, зная, что времени осталось совсем мало, что он вот-вот потеряет сознание...

Он успел. И погрузился в небытие.

В Вызиме, за озером, петух, распушив перья в холодном, влажном воздухе, хрипло пропел в третий раз. 8

Он увидел побеленные стены и потолок комнаты над кордегардией. Пошевелил головой, кривясь от боли, застонал. Шея была перевязана плотно, солидно, профессионально.

– Лежи, волшебник, – сказал Велерад. – Лежи, не шевелись.

– Мой... меч...

– Да, да. Самое главное, конечно, твой серебряный ведьмачий меч. Здесь он, не волнуйся. И меч, и сундучок. И три тысячи оронов. Да, да, молчи. Это я – старый дуралей, а ты – мудрый ведьмак. Фольтест не устает твердить это уже два дня.

– Два?

– Ага, два. Недурно она тебя разделала, видно было все, что у тебя там внутри, в шее-то. Ты потерял много крови. К счастью, мы помчались во дворец сразу после третьих петухов. В Вызиме в ту ночь никто глаз не сомкнул. Уснуть было невозможно. Вы там зверски шумели. Тебя не утомляет моя болтовня?

– Прин... цесса?

– Принцесса как принцесса. Худющая. И какая-то бестолковая. Все время плачет. И мочится в постель. Но Фольтест говорит, что это изменится. Я думаю, не к худшему, а, Геральт?

Ведьмак прикрыл глаза.

– Ну хорошо, хорошо, ухожу. – Велерад поднялся. – Отдыхай. Слушай, Геральт. Прежде чем

уйду, скажи, почему ты хотел ее загрызть? А, Геральт?

Ведьмак спал.

Глас рассудка II

1

– Геральт.

Его разбудили ослепительные лучи солнечного света, настойчиво пробивавшиеся сквозь щели в ставнях. Казалось, солнце, стоящее уже высоко, исследует комнату своими золотыми щупальцами. Ведьмак прикрыл глаза ладонью, ненужным неосознанным жестом, от которого никак не мог избавиться, – ведь достаточно было просто сузить зрачки, превратив их в вертикальные щелочки.

– Уже поздно, – сказала Нэннеке, раскрывая ставни. – Вы заспались. Июля, исчезни. Мигом.

Девушка резко поднялась, наклонилась, доставая с полу накидку. На руке, в том месте, где только что были ее губы, Геральт чувствовал струйку еще теплой слюны.

– Погоди... – неуверенно сказал он. Она взглянула на него и быстро отвернулась.

Она изменилась. Ничего уже не осталось от той русалки, того сияющего ромашкового видения, которым она была на заре. Ее глаза были синими, не черными. И всю ее усеивали веснушки – нос, грудь, руки. Веснушки были очень привлекательны и сочетались с цветом ее кожи и рыжими волосами. Но он не видел их тогда, на заре, когда она была его сном. Он со стыдом и сожалением отметил, что обижен на нее – ведь она перестала быть мечтой – и что он никогда не простит себе этого сожаления.

– Погоди, – повторил он. – Июля...

Я хотел...

– Замолчи, Геральт, – сказала Нэннеке. – Она все равно не ответит. Уходи, Июля. Поторопись, дитя мое.

Девушка, завернувшись в накидку, поспешила к двери, шлепая по полу босыми ногами, смущенная, порозовевшая, неловкая. Она уже ничем не напоминала...

Йеннифэр.

– Нэннеке, – сказал он, натягивая рубаху. – Надеюсь, ты не в претензии... Ты ее не накажешь?

– Дурачок, – фыркнула жрица, подходя к ложу. – Забыл, где ты? Это же не келья и не Совет старейшин. Это храм Мелитэле. Наша богиня не запрещает жрицам... ничего. Почти.

– Но ты запретила мне разговаривать с ней.

– Не запретила, а указала на бессмысленность этого. Июля молчит.

– Что?

– Молчит, потому что дала такой обет. Это одна из форм самопожертвования, благодаря которому... А, что там объяснять, все равно не поймешь, даже не попытаешься понять. Я

знаю твоё отношение к религии. Погоди, не одевайся. Хочу взглянуть, как заживает шею.

Она присела на край ложа, ловко смотала с шеи ведьмака плотную льняную повязку. Он поморщился от боли.

Сразу же по его прибытии в Элландер Нэннеке сняла чудовищные толстые швы из сапожной дратвы, которыми его зашили в Вызиме, вскрыла рану, привела её в порядок и перебинтовала заново. Результат был налицо – в храм он приехал почти здоровым, ну, может, не вполне подвижным. Теперь же он снова чувствовал себя больным и разбитым. Но не протестовал. Он знал жрицу долгие годы, знал, как велики её познания в целительстве и сколь богата и разнообразна её аптека. Лечение в храме Мелитэле могло пойти ему только на пользу.

Нэннеке ощупала рану, промыла её и начала браниться. Все это он уже знал наизусть. Жрица не упускала случая поворчать всякий раз, как только ей на глаза попадалась памятка о когтях вызимской принцессы.

– Кошмар какой-то! Позволить самой обыкновенной упирице так изуродовать себя! Мускулы, жилы, ещё чуть-чуть – и она разодрала бы сонную артерию! Великая Мелитэле, Геральт, что с тобой? Как ты мог подпустить её так близко? Что ты собирался с ней сделать? Оттрахать?

Он не ответил, только кисло улыбнулся.

– Не строй дурацкие рожи. – Жрица встала, взяла с комода сумку с медикаментами. Несмотря на полноту и небольшой рост, двигалась она легко и даже с шармом. – В случившемся нет ничего забавного. Ты теряешь быстроту реакций, Геральт.

– Преувеличиваешь.

– И вовсе нет. – Нэннеке наложила на рану зеленую кашицу, резко пахнущую эвкалиптом. – Нельзя было позволять себя ранить, а ты позволил, к тому же очень серьезно. Прямо-таки пагубно. Даже при твоих невероятных регенеративных возможностях пройдет несколько месяцев, пока полностью восстановится подвижность шеи. Предупреждаю, временно воздержись от драк с бойкими противниками.

– Благодарю за предупреждение. Может, ещё посоветуешь, на какие гроши жить? Собрать полдюжины девочек, купить фургон и организовать передвижной бордель?

Нэннеке, пожав плечами, быстрыми уверенными движениями полных рук перевязала ему шею.

– Учить тебя жить? Я что, твоя мать? Ну, готово. Можешь одеваться. В трапезной ожидает завтрак. Поспеш, иначе будешь обслуживать себя сам. Я не собираюсь держать девушек на кухне до обеда.

– Где тебя найти? В святилище?

– Нет. – Нэннеке встала. – Не в святилище. Тебя здесь любят, но по святилищу не шлейся. Иди погуляй. Я найду тебя сама.

– Хорошо. 2

Геральт уже в четвертый раз прошелся по обсаженной тополями аллейке, идущей от ворот к жилым помещениям и дальше в сторону утопленного в обрывистую скалу блока святилища и главного храма. После краткого раздумья он решил не возвращаться под крышу и свернул к садам и хозяйственным постройкам. Там несколько послушниц в серых рабочих одеждах пропалывали грядки и кормили в курятниках птиц. В основном это были молодые и очень

молодые девушки, почти дети. Некоторые, проходя мимо, приветствовали его кивком или улыбкой. Он отвечал, но не узнавал ни одной. Хотя и бывал в храме часто, порой раза два в год, но никогда не встречал больше трех-четырех знакомых лиц. Девушки приходили и уходили – вещуньями в другие храмы, повитухами и лекарями, специализирующимися по женским и детским болезням, странствующими друидками, учительницами либо гувернантками. Но не было недостатка в новых, прибывающих отовсюду, даже из самых удаленных районов. Храм Мелитэле в Элландере пользовался широкой известностью и заслуженной славой.

Культ богини Мелитэле был одним из древнейших, а в свое время – и самых распространенных и уходил корнями в незапамятные, еще дочеловеческие времена. Почти каждая нелюдская раса и каждое первобытное, еще кочевое, человеческое племя почитали какую-либо богиню урожая и плодородия, покровительницу земледельцев и огородников, хранительницу любви и домашнего очага. Большая часть культов слилась, породив культ Мелитэле.

Время, которое довольно безжалостно поступило с другими религиями и культами, надежно изолировав их в забытых, редко навещаемых, затерявшихся в городских кварталах церковках и храмах, милостиво обошлось с Мелитэле. У Мелитэле по-прежнему не было недостатка ни в последователях, ни в покровителях. Ученые, анализируя популярность богини, обычно обращались к древнейшим культам Великой Матери, Матери Природы, указывали на связи с природными циклами, с возрождением жизни и другими пышно именуемыми явлениями. Друг Геральта трубадур Лютик, мечтавший стать авторитетом во всем мыслимом, искал объяснений попроще. Культ Мелитэле, говорил он, – культ типично женский. Мелитэле – патронесса плодovitости, рождения, она опекунша повивальных бабок. А рожаящая женщина должна кричать. Кроме обычных визгов, суть которых, как правило, сводится к клятвенным заверениям, что-де она больше ни за какие коврижки не отдастся ни одному паршивому мужику, рожаящая женщина должна призывать на помощь какое-либо божество, а Мелитэле для этого подходит как нельзя лучше. Поскольку же, утверждал поэт, женщины рожали, рожают и рожать будут, постольку богине Мелитэле потеря популярности не грозит.

– Геральт.

– Ты здесь, Нэннеке? Я искал тебя.

– Меня? – усмехнулась жрица. – Не Иолю?

– Иолю тоже, – признался он. – Ты против?

– Сейчас – да. Не хочу, чтобы ты мешал ей и отвлекал. Ей надо готовиться и молиться, если мы хотим, чтобы из ее транса что-нибудь получилось.

– Я уже говорил тебе, – холодно сказал он, – что не хочу никакого транса. Не думаю, чтобы от него была какая-то польза.

– А я, – слегка поморщилась Нэннеке, – не думаю, чтобы от него был какой-то вред.

– Загипнотизировать меня не удастся, у меня иммунитет. Боюсь я за Иолю. Для нее как для медиума это может оказаться чрезмерным усилием.

– Иоля не медиум и не умственно отсталая ворожея, а девочка, пользующаяся особым расположением богини. Будь добр, не делай глупых мин. Я сказала, что твое отношение к религиям мне известно. Но мне это никогда особенно не мешало и, думаю, не помешает в будущем. Я не фанатичка. Тебе никто не запрещает считать, что нами правит Природа и скрытая в ней мощь. Тебе вольно думать, что боги, в том числе и моя Мелитэле, – всего лишь персонификация этой Мощи, придуманная для простачков, чтобы они легче ее поняли,

признали ее существование. По-твоему, это слепая сила. А мне, Геральт, вера позволяет ожидать от природы того, что воплощено в моей богине: порядка, принципов, добра. И надежды.

– Знаю.

– Ну а коли знаешь, почему не доверяешь трансу? Чего боишься? Что я заставлю тебя биться лбом об пол перед статуей и распевать псалмы? Да нет же, Геральт! Мы просто немного посидим вместе, ты, я и Иолля. И посмотрим, позволяют ли способности этой девочки разобраться в клубке опутывающих тебя сил. Может, узнаем что-нибудь, о чем хорошо было бы знать. А может, не узнаем ничего. Возможно, окружающие тебя силы Предназначения не пожелают объявиться нам, останутся скрытыми и непонятыми. Не знаю. Но почему бы не попробовать?

– Потому что это бессмысленно. Не окружают меня никакие клубки Предназначений. А если даже и окружают, то на кой ляд в них копать?

– Геральт, ты болен.

– Ты хотела сказать – ранен.

– Я знаю, что хотела сказать. С тобой что-то неладно, я чувствую. Ведь я знаю тебя с малолетства, ты тогда доставал мне только до пояса. А теперь чувствую, тебя захватил какой-то дьявольский вихрь, ты запутался, попал в петлю, которая постепенно затягивается вокруг тебя. Я хочу знать, в чем дело. Самой мне не суметь, я вынуждена положиться на способности Иолли.

– Не слишком ли глубоко ты надумала проникнуть? И к чему эта метафизика? Если хочешь, я исповедуюсь тебе. Заполню твои вечера рассказами о самых интересных событиях последних нескольких лет. Вели приготовить бочонок пива, чтобы у меня в горле не пересыхало, и можно начать хоть сейчас. Только боюсь, ты разочаруешься, потому что никаких петель и клубков в моих рассказах не найдешь. Так, простые ведьмачьи истории.

– Послушаю с удовольствием. Но транс, повторяю, не помешал бы.

– А тебе не кажется, – усмехнулся он, – что мое неверие в смысл такого транса заранее перехеривает его целесообразность?

– Не кажется. И знаешь почему? – Нэннеке наклонилась, заглянула ему в глаза, странно улыбнулась. – Потому что это было бы первое известное мне доказательство того, что неверие имеет какую-либо силу.

Крупица истины

1

Черные точки, движущиеся по светлому, исполосованному облаками небу, привлекли внимание ведьмака. Их было много. Птицы парили, выписывая правильные, спокойные круги, потом резко падали и тут же взмывали, трепеща крыльями.

Ведмак долго наблюдал за птицами, стараясь определить расстояние и хотя бы приблизительно время, потребное на то, чтобы преодолеть его, с поправкой на рельеф местности, густоту леса, глубину и направление яра, о существовании которого он подозревал. Наконец откинул плащ, затянул на две дырочки ремень, наискось пересекающий грудь. Эфес и рукоять меча, висевшего за спиной, выглянули из-за правого плеча.

– Накинем пару верст, Плотвичка, – сказал ведьмак. – Сойдем с тракта. Сдается, пташки кружат не без причины.

Кобыла, само собой, не ответила, но двинулась с места, послушная привычному голосу.

– Кто знает, может, там лось валяется, – сказал Геральт. – А может, и не лось. Кто знает?

Яр действительно оказался там, где он и ожидал, – ведьмак сверху окинул взглядом кроны деревьев, плотно заполняющих распадок. Однако склоны яра были пологими, а дно сухое, без терновника и гниющих стволов. Он легко выбрался на противоположный склон. Там раскинулся березняк, за ним – большая поляна, вересковые заросли и бурелом, тянувший вверх щупальца спутанных веток и корней.

Птицы, спугнутые появлением верхового, взмыли выше, раскричались пронзительно, хрипло.

Геральт сразу же увидел первый труп – белизна овчинного кожушка и матовая голубизна платья резко выделялись на фоне пожелтевших островков осоки. Второго трупа видно не было, но он знал, где тот лежит, – положение тела выдавали позы трех присевших на задние лапы волков, спокойно взиравших на ездока. Кобыла фыркнула. Волки как по команде не спеша беззвучно потрусили в лес, то и дело оборачивая на пришельца вытянутые морды. Геральт соскочил с лошади.

У женщины в кожушке и голубом платье не было лица, горла и большей части левого бедра. Ведьмак прошел мимо, не наклонившись.

Мужчина лежал лицом к земле. Геральт не стал переворачивать тело, видя, что и здесь волки и птицы не сплеховали. Впрочем, детальнее рассматривать труп не было нужды – плечи и спину шерстяной куртки покрывал ветвистый узор черной засохшей крови. Мужчина явно погиб от удара в шею, а волки изуродовали тело уже потом.

Кроме короткого меча в деревянных ножнах, у мужчины на широком поясе висел кожаный мешочек. Ведьмак сорвал его, вывалил на траву кресало, кусочек мыла, воск для печатей, горсть серебряных монет, складной, в кожаном футляре нож для бритья, кроличье ухо, три ключа на кольце, амулет с фаллическим символом. Два письма, написанных на полотне, намокли от дождя и росы, руны расплылись, размазались. Третье, на пергаменте, тоже подпорченное влагой, все же возможно было прочесть. Это оказалось кредитное поручение, выданное мурривельским банком гномов купцу по имени Рулле Аспен или Аспем. Сумма была невелика.

Геральт наклонился, приподнял правую руку мужчины. Как он и ожидал, на медном кольце, врезавшемся в распухший и посиневший палец, был вычеканен знак цеха оружейников – стилизованные шлем с забралом, два скрещенных меча и выгравированная под ними руна «А».

Ведьмак вернулся к телу женщины. Когда переворачивал тело, что-то кольнуло его в палец. Роза, приколотая к платью. Цветок увял, но лепестки сохранили свой цвет – темно-голубой, почти синий. Геральт впервые видел такую розу. Он перевернул тело на спину и вздрогнул.

На искалеченной шее женщины четко отпечатались следы зубов. Не волчьих.

Ведьмак осторожно попятился к лошади. Не отрывая взгляда от опушки леса, забрался в седло. Дважды объехал поляну, наклонившись, внимательно рассматривал землю, то и дело оглядываясь, потом, придержав лошадь, тихо сказал:

– Да, Плотвичка, дело ясное, хоть и не до конца. Оружейник и женщина приехали верхом, со стороны вон того леса. Конечно, направлялись из Мурривеля домой – ведь никто не возит при

себе неиспользованные аккредитивы. Ну а почему ехали здесь, а не по тракту – вопрос. И двигались через вересковые заросли бок о бок. Хотелось бы знать, почему оба слезли или свалились с коней. Оружейник погиб сразу. Женщина бежала, потом упала и тоже скончалась, а та погань, что не оставила следов, тащила ее по земле, ухватив зубами за шею. Стряслось это два или три дня назад. Кони разбрелись, не станем их искать.

Плотва, разумеется, не ответив, беспокойно фыркнула, реагируя на знакомый тон голоса.

– Убил их, конечно, – продолжал Геральт, глядя на опушку, – не оборотень и не леший. Ни тот ни другой не оставили бы столько поживы для любителей полакомиться падалью. Если бы здесь было болото, я бы сказал, что это кикимора или глумец. Но здесь нет болот.

Наклонившись, ведьмак немного отвернул попону, прикрывавшую бок лошади, открыл притороченный к вьюку второй меч с блестящей узорчатой чашкой эфеса и черной рифленой рукоятью.

– Да, Плотвичка. Сделаем-ка мы с тобой крюк. Надо посмотреть, чего ради оружейник и женщина ехали лесом, а не по тракту. Если будем спокойно проезжать мимо таких штучек, то не заработаем даже тебе на овес, согласна? А, Плотва?

Лошадь послушно двинулась вперед по бурелому, осторожно обходя ямы от вывороченных с корнями деревьев.

– Хоть это и явно не оборотни, рисковать нам ни к чему, – продолжал ведьмак, доставая из торбы притороченной к седлу пучок бореца и вешая его на мундштук. Лошадь фыркнула. Геральт расшнуровал куртку у шеи, вытащил медальон с ощерившейся волчьей мордой. Медальон, висевший на серебряной цепочке, раскачивался в такт хода лошади, ртутью поблескивая в лучах солнца. 2

Красные черепицы конической крыши, увенчивающей башню, он заметил с вершины взгорья, на которую поднялся, срезав поворот еле заметной тропинки. Склон, поросший орешником, перекрытый иссохшими ветками, усеянный ковром желтых листьев, был довольно крут. Ведьмак вернулся назад, осторожно спустился с холма, выехал на тропинку. Он ехал медленно, то и дело придерживая Плотвичку, и, свесившись с седла, высматривал следы.

Лошадь дернула головой, дико заржала, заплясала на тропке, вздымая копытами облака высохших листьев. Геральт, охватив шею Плотвы левой рукой, правую сложил в знак Акий и водил ею над головой лошади, шепча заклинания.

– Неужто так уж скверно? – проворчал он, осматриваясь кругом и не снимая знака. – Надо же! Спокойно, Плотвичка, спокойно.

Магия подействовала быстро, но подгоняемая ногой лошадь все же тронулась с места тяжело, с трудом, тупо, как-то ходульно, утратив размеренный ритм движения. Ведьмак ловко прыгнул на землю и пошел пешком, ведя лошадь под уздцы. И наткнулся на забор.

Между каменным забором и лесом не было просвета, листва молодых деревьев и кустов можжевельника спутывалась с плющом и диким виноградом, цеплявшимся за камни. Геральт задрал голову. И тут же почувствовал, как по шее, щекоча, приподнимая волосы, присасывается и ползет какое-то невидимое мягкое существо. Он знал, в чем дело.

Кто-то глядел.

Он медленно, стараясь не делать резких движений, обернулся. Плотвичка фыркнула, мышцы у нее на шее задрожали под кожей.

На склоне, с которого он только что спустился, неподвижно, опершись одной рукой о ствол

ольхи, стояла девушка. Ее белое облегающее платье контрастировало с блестящими иссиня-черными растрепанными волосами, спадающими на плечи. Геральту показалось, будто она улыбается, но уверенности не было – она стояла слишком далеко.

– Привет! – бросил он, подняв руку в дружественном жесте, и шагнул в ее сторону.

Девушка, слегка поворачивая голову, следила за его движениями. У нее было бледное лицо и огромные черные глаза. Улыбка – если это была улыбка – слетела с ее губ, словно ее стерли ластиком. Геральт сделал еще шаг. Зашелестели листья. Девушка косулей сбежала по склону, промчалась меж кустов можжевельника и, превратившись в белую черточку, скрылась в глубине леса. Длинное платье, казалось, вовсе не ограничивало свободу ее движений.

Лошадь ведьмака, вздернув морду, испуганно заржала. Геральт, все еще глядевший в сторону леса, машинально успокоил ее знаком. Ведя Плотву за уздечку, пошел вдоль забора, по пояс утопая в лопухах.

Висящие на проржавевших петлях массивные, окованные железом ворота украшала большая медная колотушка. После недолгого колебания Геральт протянул руку и коснулся позеленевшего металла. И сразу отскочил, потому что ворота тут же со скрипом распахнулись, разгоняя по сторонам пучки травы, камушки и ветви. За воротами не было никого – лишь пустой двор, запущенный, заросший крапивой. Ведьмак вошел, ведя лошадь за собой. Одурманенная знаком лошадь не сопротивлялась, но ноги ставила жестко и неуверенно.

Двор с трех сторон был окружен забором и остатками деревянных строительных лесов, четвертую образовывала фасадная стена здания, усеянная оспинами отвалившейся штукатурки, грязными потеками, увитая плющом. Облезлые ставни были закрыты. Двери тоже.

Геральт накинул поводья Плотвички на столбик у ворот и медленно направился к дому по щебенчатой аллейке, проходящей вдоль низкой стенки небольшого фонтана, забитого листьями и мусором. Посередине фонтана на вычурном цоколе вздымался, выгибая к небу отбитый хвост, дельфин, вытесанный из белого камня.

Рядом с фонтаном, на чем-то вроде древней клумбы, рос розовый куст. Ничем, кроме цвета, он не отличался от других кустов роз, какие доводилось видеть Геральту. Цветы были исключением – индиго с легкой примесью пурпура на кончиках некоторых лепестков. Ведьмак коснулся одного, наклонился, понюхал. У цветков был типичный для роз, но немного более резкий запах.

Дверь особняка, а одновременно и все ставни с треском распахнулись. Геральт быстро поднял голову. По аллейке, скрипя щебенкой, прямо на него перло чудище.

Правая рука ведьмака мгновенно взвилась над правым плечом, в тот же миг левая рванула ремень на груди, и рукоять меча сама скользнула в руку. Клинок с шипением выскочил из ножен, описал короткий огненный полукруг и замер, уставившись концом на мчащуюся бестию. Увидев меч, чудище резко остановилось. Щебень прыснул во все стороны. Ведьмак даже не дрогнул.

Существо было человекообразным, выраженным в довольно истрепанную, но хорошего качества одежду, не лишенную со вкусом подобранных, хоть и совершенно нефункциональных украшений. Однако человекообразность эта доходила лишь до грязноватого жабо, а выше вздымалась огромная, косматая медвежья голова с гигантскими ушами, парой диких глазищ и жуткой пастью с кривыми клыками, в которой ярким пламенем шевелился красный язык.

– Вон отсюда, смертный! – рывкнуло чудище, размахивая лапами, но не двигаясь с места. – Сожру! Разорву в клочья!

Ведьмак не шелохнулся, не опустил меч.

– Оглох, что ли? Вон, говорю, отсюда! – зарычало чудище и исторгло из глубин своих звук, напоминающий нечто среднее между визгом свиньи и рыком оленя-самца. Ставни залопотали и захлопали, стряхивая мусор и штукатурку с парпетов. При этом ни ведьмак, ни чудище даже не пошевелились.

– Проваливай, покамест цел! – заорало существо, но вроде бы не так уж уверенно. – А то...

– Что «а то»? – прервал Геральт.

Чудище бурно засопело, наклонило ужасную голову.

– Гляньте-ка, храбрец выискался, – сказала оно спокойно, скаля клыки и глядя на Геральта кроваво-красным глазом. – Опусть свою железяку. Изволь. Может, еще не усек, что ты находишься во дворе моего личного дома? Или там, откуда ты родом, принято угрожать хозяевам мечами на их собственных подворьях?

– Принято, – сказал Геральт. – Но только тем хозяевам, которые приветствуют гостей ревом и посулами разорвать в клочья.

– Ишь ты, – занервничало чудище, – еще оскорбляет, бродяга. Тоже мне гость сыскался. Прет во двор, вытаптывает чужие цветы, распоряжается как дома и думает, что ему немедля поднесут хлеб-соль! Тьфу на тебя!

Чудище сплюнуло, засопело и захлопнуло пасть. Нижние клыки остались снаружи, придавая ему вид кабана-одиночки.

– Ну и что? – сказал ведьмак, опуская меч. – Так и будем стоять?

– А есть другие предложения? Лечь? – хохотнуло чудище. – Говорю же, спрячь железяку.

Ведьмак ловко засунул оружие в ножны на спине, не опуская руки, погладил оголовку, торчащую выше плеча.

– Желательно, – сказал он, – чтоб ты не делал слишком резких движений. Этот меч можно вынуть в любой момент и быстрее, чем думаешь.

– Видел, – кашлянуло чудище. – Если б не это, ты уже давно был бы за воротами с отметиной моего каблука на заднице. Чего тебе тут надо? Откуда ты взялся?

– Заплутал, – солгал ведьмак.

– Заплутал, – повторило чудище, грозно скривив пасть. – Ну так выплутывайся. За ворота, стало быть. Обороты левое ухо к солнцу и так и держись – попадешь на тракт. Ну, чего ждешь?

– Вода тут есть? – спокойно спросил Геральт. – Лошадь пить хочет. Да и я тоже. Если тебе это не в тягость.

Чудище переступило с ноги на ногу, почесало ухо.

– Слушай, ты. Ты что, меня в самом деле не боишься?

– А надо?

Чудище оглянулось, откашлялось, размашисто подтянуло широкие штаны.

– Ладно, чего уж. Гость в дом. Не каждый день встречается человек, который, увидев меня, не драпанул бы или не свалился без чувств. Ну, добро. Ежели ты усталый, но порядочный путник, приглашаю. Но ежели разбойник или вор, знай – дом выполняет мои приказы. За этими стенами команду я!

Он поднял косматую лапу. Ставни тут же заколотились о стену, а в каменном горле дельфина что-то глухо забулькало.

– Приглашаю, – повторил он.

Геральт не пошевелился, внимательно глядя на него.

– Один живешь?

– А тебе какое дело, с кем? – зло проговорило чудище, разевая пасть, а потом громко расхохоталось. – Ага, понимаю. Небось, думаешь, держу сорок молодцев, красавцев вроде меня. Нет, не держу. Ну так как, черт побери, воспользуешься приглашением от чистого сердца? Ежели нет, то ворота вон там, как раз за твоим задом.

Геральт сдержанно поклонился и сухо ответил:

– Принимаю приглашение. Закон гостеприимства не нарушу.

– Мой дом – твой дом, – ответило чудище столь же сухо. – Прошу сюда. А кобылу поставь там, у колодца.

Дом внутри тоже требовал солидного ремонта, однако в нем было в меру чисто и опрятно. Мебель вышла, вероятно, из рук хороших мастеров, даже если это и произошло давным-давно. В воздухе витал ощутимый запах пыли. Было темно.

– Свет! – буркнуло чудище, и лучина, воткнутая в железный захват, незамедлительно вспыхнула и выдала пламя и копоть.

– Недурственно, – бросил ведьмак.

– И всего-то? – захохотало чудище. – Похоже, тебя чем попало не проймешь. Я же сказал, дом выполняет мои приказы. Прошу сюда. Осторожнее – лестница крутая. Свет!

На лестнице чудище обернулось.

– А что это у тебя на шее болтается, гостюшка? А?

– Посмотри.

Чудище взяло медальон в лапу, поднесло к глазам, слегка натянув цепочку на шее Геральта.

– У этого животного неприятное выражение... лица. Что это?

– Цеховой знак.

– Ага, вероятно, твое ремесло – намордники? Прошу сюда. Свет!

Середину большой комнаты, в которой не было ни одного окна, занимал огромный дубовый стол, совершенно пустой, если не считать большого подсвечника из позеленевшей меди, увитого фестонами застывшего воска. Выполняя очередную команду, свечи зажглись, замигали, немного осветив помещение.

Одна из стен была увешана оружием – композициями из круглых щитов, скрещивающихся алебард, рогатин и гизард, тяжелых мечей и топоров. Половину прилегающей стены занимал огромный камин, над которым располагались ряды шелушащихся и облезлых портретов. Стену напротив входа заполняли охотничьи трофеи – лопаты лосиных рогов, ветвистые рога оленей отбрасывали длинные тени на головы кабанов, медведей и рысей, на взъерошенные и расчехренные крылья орлиных и ястребиных чучел. Центральное, почетное место занимала отливающая старинной бронзой, подпорченная, с торчащей из дыр паклей голова скального дракона. Геральт подошел ближе.

– Его подстрелил мой дедуля, – сказала чудище, кидая в камин огромное полено. – Пожалуй, это был последний дракон в округе, позволивший себя поймать. Присаживайся, гость. Голоден?

– Не откажусь, хозяин.

Чудище уселось за стол, опустило голову, сплело на животе косматые лапы, некоторое время что-то бормотало, крутя большими пальцами, потом негромко рыкнуло, хватив лапой о стол. Тарелки и блюда оловянно и серебристо звякнули, хрустально зазвонили кубки. Запахло жарким, чесноком, душицей, мускатным орехом. Геральт не выдал удивления.

– Так, – потерло лапы чудище. – Получше, чем слуги, а? Угощайся, гость. Вот пулярка, вот ветчина, это паштет из... Не знаю, из чего. Это вот рябчики. Нет, ядрена вошь, куропатки. Перепутал, понимаешь, заклинания. Ешь, ешь. Настоящая, вполне приличная еда, не бойся.

– Я и не боюсь. – Геральт разорвал пулярку пополам.

– Совсем забыл, – усмехнулось чудище, – что ты не из пугливых. А звать тебя, к примеру, как?

– Геральт. А тебя, хозяин? К примеру же.

– Нивеллен. Но в округе кличут Ублюдком либо Клыкачом. И детей мною пугают. – Чудище опрокинуло в глотку содержимое гигантского кубка, затем погрузило пальцы в паштет, выхватив из блюда половину за раз.

– Детей, говоришь, пугают, – проговорил Геральт с набитым ртом. – Надо думать, без причин?

– Абсолютно. Твое здоровье, Геральт!

– И твое, Нивеллен.

– Ну как винцо? Заметил, виноградное, не яблочное. Но ежели не нравится, наколдую другого.

– Благодарствую. Вполне, вполне. Магические способности у тебя врожденные?

– Нет. Появились, когда это выросло. Морда, стало быть. Сам не знаю, откуда они взялись, но дом выполняет все, чего ни захочу. Ничего особенного. Так, мелочь. Умею наколдовать жратву, выпивку, одежду, чистую постель, горячую воду, мыло. Любая баба сумеет и без колдовства. Отворяю и запираю окна и двери. Разжигаю огонь. Ничего особенного.

– Ну, как-никак, а все же... А эта... как ты сказал, морда, она давно у тебя?

– Двенадцать лет.

– Как это вышло?

– А тебе не все равно? Лучше налей еще.

– С удовольствием. Мне-то без разницы, просто любопытно.

– Повод вполне понятный и в принципе приемлемый, – громко рассмеялось чудище. – Но я его не принимаю. Нет тебе до этого дела, и вся недолга. Однако, чтобы хоть малость удовлетворить твое любопытство, покажу, как я выглядел до того. Взгляни-ка туда, на портреты. Первый от камина – мой папуля. Второй – хрен его знает кто. Третий – я. Видишь?

Из-под пыли и тенёт с портрета водянистыми глазами взирает какой-то толстячок с пухлой, грустной и прыщавой физиономией. Геральт, который и сам, на манер некоторых портретистов, бывал склонен польстить клиентам, грустно покачал головой.

– Ну, видишь? – осклабившись, повторил Нивеллен.

– Вижу.

– Ты кто такой?

– Не понял.

– Не понял, стало быть? – Чудище подняло голову. Глаза у него загорелись, как у кота. – Мой портрет, гостюшка, висит в тени. Я его вижу, но я-то не человек. Во всяком случае, сейчас. Человек, чтобы рассмотреть портрет, подошел бы ближе, скорее всего взял бы свечу. Ты этого не сделал. Вывод прост. Но я спрашиваю без обиняков: ты человек?

Геральт не отвел взгляда.

– Если ты так ставишь вопрос, – ответил он после недолгого молчания, – то не совсем.

– Ага. Вероятно, я не совершу бестактности, если спрошу, кто же ты в таком разе?

– Ведьмак.

– Ага, – повторил Нивеллен, немного помолчав. – Если мне память не изменяет, ведьмаки довольно своеобразно зарабатывают на жизнь. За плату убивают разных чудищ.

– Не изменяет.

Снова наступила тишина. Языки пламени пульсировали, устремлялись вверх тонкими усиками огня, отражались блестками в резном хрустале кубков, в каскадах воска, стекающего по подсвечнику. Нивеллен сидел неподвижно, слегка шевеля огромными ушами.

– Допустим, – сказал он наконец, – ты ухитришься вытащить меч прежде, чем я на тебя прыгну. Допустим, даже успеешь меня полоснуть. При моем весе это меня не остановит, я повалю тебя с ходу. А потом дело доконтчат зубы. Как думаешь, ведьмак, у кого из нас двоих больше шансов перегрызть другому глотку?

Геральт, придерживая большим пальцем оловянную крышку графина, налил себе вина, отхлебнул, откинулся на спинку стула. Он глядел на чудище ухмыляясь, и ухмылка была исключительно паскудной.

– Та-а-ак, – протянул Нивеллен, ковыряя когтем в уголке пасти. – Надобно признать, ты умеешь отвечать на вопросы, не разбрасываясь словами. Интересно, как ты справишься со следующим? Кто тебе за меня заплатит?

– Никто. Я тут случайно.

– А не врешь?

– Я не привык врать.

– А к чему привык? Мне рассказывали о ведьмаках. Я запомнил, что ведьмаки похищают маленьких детей, которых потом пичкают волшебными травами. Кто выживет, становится ведьмаком, волшебником с нечеловеческими способностями. Их учат убивать, искореняют в них всяческие человеческие чувства и рефлексy. Из них делают чудовищ, задача которых уничтожать других чудовищ. Я слышал, говорили, уже пора начать охоту на ведьмаков, потому как чудовищ становится все меньше, а ведьмаков – все больше. Отведай куропатку, пока вовсе не остыла.

Нивеллен взял с блюда куропатку, целиком запихал в пасть и сжевал, словно сухарик, хрустя косточками.

– Молчишь? – спросил он невнятно, проглатывая птичку. – Что из сказанного правда?

– Почти ничего.

– А вранье?

– То, что чудовищ все меньше.

– Факт, их немало, – ощерился Нивеллен. – Представитель оных как раз сидит перед тобой и раздумывает, правильно ли поступил, пригласив тебя. Мне сразу не понравился твой цеховой знак, гостюшка.

– Ты – никакое не чудовище, Нивеллен, – сухо сказал ведьмак.

– А, черт, что-то новенькое. Тогда кто же я, по-твоему? Клюквенный кисель? Клин диких гусей, тянувшийся к югу тоскливым ноябрьским утром? Нет? Так, может, я – святая невинность, потерянная у ручья сисястой дочкой мельника? Э? Геральт? Ну скажи, кто я такой? Неужто не видишь – я аж весь трясусь от любопытства?

– Ты не чудовище. Иначе б не смог прикоснуться к этой вот серебряной тарелке. И уж ни в коем случае не взял бы в руку мой медальон.

– Ха! – рявкнул Нивеллен так, что язычки пламени свечей на мгновение легли горизонтально.

– Сегодня явно день раскрытия страшных секретов! Сейчас я узнаю, что уши у меня выросли, потому что я еще сосунком не любил овсянки на молоке!

– Нет, Нивеллен, – спокойно сказал Геральт. – Это – результат сглаза. Уверен, ты знаешь, кто навел на тебя порчу.

– А если и знаю, то что?

– Порчу можно снять. И довольно часто.

– Ты как ведьмак, разумеется, умеешь снимать порчу. Довольно часто?

– Умею. Хочешь попробовать?

– Нет. Не хочу.

Чудище раскрыло пасть и вывесило красный язычище длиной в две пяди.

– Ну что, растерялся?

– Верно, – признался ведьмак.

Чудище захохотало, откинулось на спинку стула.

– Я знал, что растеряешься. Налей себе еще, сядь поудобнее. Расскажу тебе всю эту историю. Ведьмак не ведьмак, а глаза у тебя не злые. А мне, видишь ли, приспичило поболтать. Налей себе.

– Уже нечего наливать-то.

– Дьявольщина, – откашлялось чудище, потом снова хватануло лапой по столу. Рядом с двумя пустыми графинами неведомо откуда появился большой глиняный кувшин в ивовой оплетке. Нивеллен сорвал клыками восковую печать. – Как ты, вероятно, заметил, – начал он, наполняя кубки, – округа довольно пустынна. До ближайших людских поселений идти да идти. Потому как, понимаешь, папуля с дедулей в свое время особой любовью ни у соседей, ни у проезжих купцов не пользовались. Каждый, кто сюда заворачивал, в лучшем случае расставался с имуществом, если папуля примечал его с башни. А несколько ближних поселков сгорели, потому как папуля, видишь ли, решил, что они задерживают оброк. Мало кто любил моего папулю. Кроме меня, разумеется. Я страшно плакал, когда однажды на возу доставили то, что осталось от моего папочки после удара двуручным мечом. Дедуля в ту пору уже не разбойничал, потому что с того дня, как получил по черепушке железным шестопером, жутко заикался, пускал слюни и редко когда вовремя успевал добежать до сортира. Получилось, что мне как наследнику досталось возглавить дружину.

Молод я тогда был, – продолжал Нивеллен. – Прямо молокосос, так что парни из дружины мигом меня окрутили. Командовал я ими, как понимаешь, не лучше, чем, скажем, поросенок волчьей стаей. Вскоре начали мы вытворять такое, чего папочка, будь он жив, никогда б не допустил. Опускаю детали, перехожу сразу к сути. Однажды отправились мы аж под самый Гелибол, что под Миртой, и грабанули храм. Вдобавок ко всему была там еще и молоденькая жричка.

– Что за храм, Нивеллен?

– Хрен его знает. Но, видать, скверный был храм. Помню, на алтаре лежали черепа и мослы, горел зеленый огонь. Воняло, аж жуть! Но ближе к делу. Парни прижали жричку, стянули с нее одежду, а потом сказали, что, мол, мне пора уже стать мужчиной. Ну, я и стал, дурной сопляк. В ходе становления жричка плюнула мне в морду и что-то выкрикнула.

– Ну?

– Что я – чудище в человеческой шкуре, что буду чудищем из чудищ, что-то о любви, о крови, не помню. Кинжальчик маленький такой был у нее, кажется, спрятан в прическе. Она покончила с собой, и тут... Драпанули мы оттуда, Геральт, так что чуть коней не загнали. Нет. Скверный был храм...

– Продолжай.

– Дальше было так, как сказала жричка. Дня через два просыпаюсь утром, а слуги, как меня увидели, в рев. И в ноги – бац! Я к зеркалу... Понимаешь, Геральт, запаниковал я, случился со мной какой-то припадок, помню как сквозь туман. Короче говоря, трупы. Несколько. Хватал все, что только под руку попадало, и вдруг стал страшно сильным. А дом помогал как мог: хлопали двери, летали по воздуху предметы, метался огонь. Кто успел, сбежал: тетушка, кухня, парни из дружины, да что там – сбежали даже собаки, воя и поджимая хвосты. Убежала моя кошечка Обжорочка. Со страху удар хватил даже тетушкиного попугая. И вот остался я один, рыча, воя, психуя, разнося в пух и прах что ни попадя, в основном зеркала.

Нивеллен замолчал, вздохнул, шмыгнул носом и продолжал:

– Когда приступ прошел, было уже поздно что-нибудь предпринимать. Я остался один. Никому не мог объяснить, что у меня изменилась только внешность, что, хоть и в ужасном виде, я остался по-прежнему всего лишь глупым пацаном, рыдающим в пустом замке над телами убитых слуг. Потом пришел жуткий страх: вот вернутся те, что спаслись, и прикончат меня, прежде чем я успею растолковать. Но никто не вернулся.

Уродец замолчал, вытер нос рукавом.

– Не хочется вспоминать те первые месяцы, Геральт. Еще и сегодня меня трясет. Давай ближе к делу. Долго, очень долго сидел я в замке, как мышь под метлой, не высывая носа со двора. Если кто-нибудь появлялся – а случалось это редко, – я не выходил, велел дому хлопнуть несколько раз ставнями либо рявкал через водосточную трубу, и этого обычно хватало, чтобы от сбежавшего посетителя только туча пыли осталась. Но вот однажды выглянул я в окно и вижу, как ты думаешь, что? Какой-то толстяк срезает розы с тетушкиного куста. А надобно тебе знать, что это не хухры-мухры, а голубые розы из Назаира, саженцы привез еще дедуля. Злость меня взяла, выскочил я во двор. Толстяк, как только обрел голос, который потерял, увидев меня, провизжал, что хотел-де всего лишь взять несколько цветков для дочурки, и умолял простить его, даровать жизнь и здоровье. Я уже приготовился было выставить его за главные ворота, но тут кольнуло меня что-то, и вспомнил я сказку, которую когда-то рассказывала Леника, моя няня, старая тетеха. Черт побери, подумал я, вроде бы красивые девушки могут превратить лягушку в принца или наоборот, так, может... Может, в этой брехне есть крупица истины, какая-то возможность... Подпрыгнул я на две сажени, зарывал так, что дикий виноград посыпался со стены, и рявкнул: «Дочка или жизнь!» Ничего лучшего в голову не пришло. И тут купец – а это был купец – кинулся в рев, потом признался, что его доченьке всего восемь годков. Ну, смешно, а?

– Нет.

– Вот и я не знал, смеяться мне или плакать над своей паскудной судьбой. Жаль мне стало купца, смотреть было тошно, как он трясется, пригласил его в дом, угостил, а на прощание насыпал в мешок золота и камушков. А надобно тебе знать, что в подвалах, еще с папулиных времен, оставалось много добра, я не очень-то знал, что с ним делать, так что мог позволить себе широкий жест. Купец просиял, благодарил, аж всего себя оплевал. Видно, где-то похвалился своим приключением, потому что не прошло и двух месяцев, как прибыл сюда другой купец. Прихватил большой мешок. И дочку. Тоже не малую.

Нивеллен вытянул ноги под столом, потянулся так, что затрещал стул.

– Мы быстренько договорились с торгашом. Решили, что он оставит мне дочурку на год. Пришлось помочь ему закинуть мешок на мула, сам бы он не управился.

– А девушка?

– Сначала, увидев меня, лишилась чувств, думала, я ее съем. Но через месяц мы уже сидели за одним столом, болтали и совершали долгие прогулки. Но хоть она была вполне мила и на удивление толкова, язык у меня заплетался, когда я с ней разговаривал. Понимаешь, Геральт, я всегда робел перед девчатами, надо мной потешались даже девки из хлева, те, у которых вечно ноги в навозе и которых наши дружинники крутили как хотели, и так, и этак, и наоборот. Так даже они надо мной смеялись. Чего же ждать теперь-то, думал я, с этойкой мордой? Я даже не решился сказать ей, чего ради так дорого заплатил за один год ее жизни. Год этот тянулся, как вонь за народным ополчением, и наконец явился купец и забрал ее. Я же с отчаяния заперся в доме и несколько месяцев не реагировал ни на каких гостей с дочками. Но после года, проведенного в обществе купцовой доченьки, я понял, как тяжело, когда некому слова молвить.

Уродец издал звук, долженствовавший означать вздох, но прозвучавший как икота.

– Следующую, – продолжил он немного погодя, – звали Фэнне. Маленькая, шустрая, болтливая, ну прям королек, только что без крылышек. И вовсе не боялась меня. Однажды, аккурат была годовщина моих пострижин, упились мы медовухи и... хе, хе. Я тут же выскочил из-под перины и к зеркалу. Признаюсь, был я обескуражен и опечален. Морда осталась какой была, может, чуточку поглупее. А еще говорят, мол, в сказках – народная мудрость! Хрен цена такой мудрости, Геральт! Ну, Фэнне скоренько постаралась, чтобы я забыл о своих печалях. Веселая была девчонка, говорю тебе. Знаешь, что придумала? Мы на пару пугали непрошенных гостей. Представь себе: заходит такой тип во двор, осматривается, а тут с ревом вылетаю я на четвереньках. А Фэнне, совсем без ничего, сидит у меня на загривке и трубит в дедулин охотничий рог!

Нивеллен затрясся от смеха, сверкнув белизной клыков.

– Фэнне, – продолжал он, – прожила у меня целый год, потом вернулась в семью с крупным приданым. Ухитрилась выйти замуж за какого-то шинкаря, вдовца.

– Продолжай, Нивеллен. Это интересно.

– Да? – сказала чудище, скребя за ушами. – Ну, ну. Очередная, Примула, была дочкой оскудевшего рыцаря. У рыцаря, когда он пожаловал сюда, был только тощий конь, проржавевшая кираса, и был он невероятно длинным. Грязный, как навозная куча, и источал такую же вонь. Примулу, даю руку на отсечение, видно, зачали, когда папочка был на войне, потому как была она вполне ладненькая. И в ней я тоже не возбуждал страха. И неудивительно, потому что по сравнению с ее родителем я мог показаться вполне даже ничего. У нее, как оказалось, был изрядный темперамент, да и я, обретя веру в себя, тоже не давал маху. Уже через две недели у нас с Примулой установились весьма близкие отношения, во время которых она любила дергать меня за уши и выкрикивать: «Загрызи меня, зверюга!», «Разорви меня, бестия!» и тому подобные идиотизмы. В перерывах я бегал к зеркалу, но, представь себе, Геральт, поглядывал в него с возрастающим беспокойством, потому как я все меньше жаждал возврата к прежней, менее работоспособной, что ли, форме. Понимаешь, раньше я был какой-то растяпистый, а стал мужиком хоть куда. То, бывало, постоянно болел, кашлял, и из носа у меня текло, теперь же никакая холера меня не брала. А зубы? Ты не поверишь, какие у меня были скверные зубы! А теперь? Могу перегрызть ножку от стула. Скажи, хочешь, чтобы я перегрыз ножку от стула? А?

– Не хочу.

– А может, так-то оно и лучше, – раззявил пасть уродец. – Девочек веселило, как я управлялся с мебелью, и в доме почти не оставалось целых стульев. – Нивеллен зевнул, при этом язык свернулся у него трубкой. – Надоела мне болтовня, Геральт. Короче говоря: потом были еще две – Илика и Венимира. Все шло как обычно. Тоска! Сначала смесь страха и настороженности, потом проблеск симпатии, подпитываемый мелкими, но ценными сувенирчиками, потом: «Грызи меня, съешь меня всю», потом возвращение ихних папуль, нежное прощание и все более ощутимый ущерб в сундуках. Я решил делать длительные перерывы на одиночество. Конечно, в то, что девичий поцелуйчик изменит мою внешность, я уже давно перестал верить. И смирился. Больше того, пришел к выводу, что все и так идет хорошо и ничего менять не надо.

– Так уж и ничего?

– Ну подумай сам. Я тебе говорил, мое здоровье связано именно с таким телом – это раз. Два: мое отличие действует на девушек как дурман. Не смейся! Я совершенно уверен, что в человеческом обличье мне пришлось бы здорово набегаться, прежде чем я нашел бы такую, например, Венимиру, весьма, скажу тебе, красивую девицу. Думаю, такой парень, каким я

изображен на портрете, ее бы не заинтересовал. И, в-третьих, безопасность. У папули были враги, некоторым удалось выжить. У тех, кого отправила в мир иной дружина под моим печальным командованием, остались родственники. В подвалах – золото. Если б не ужас, который я внушаю, кто-нибудь да явился бы за ним. Например, кметы с вилами.

– Похоже, ты уверен, – бросил Геральт, поигрывая пустым кубком, – что в теперешнем своем виде никого не обидел. Ни одного отца, ни одной дочери. Ни одного родственника или жениха дочери. А, Нивеллен?

– Успокойся, Геральт, – буркнуло чудище. – О чем ты говоришь? Отцы чуть не обмочились от радости, увидев мою щедрость. А дочери? Ты бы посмотрел на них, когда они приходили в драных платьях, с лапками, изъеденными щелоком от стирки, спины сутулые от постоянного перетаскивания лоханей. На плечах и бедрах у Примулы еще после двух недель пребывания у меня не прошли следы от ремня, которым потчевал ее папочка-рыцарь. А у меня они ходили графинюшками: самое тяжелое, что в ручки брали, так это веер; понятия не имели, где здесь кухня. Я их наряжал и увешивал цацками. Своим волшебством нагревал по их желанию воду для жестяной ванны, которую папуля еще для мамы увел из Ассенгарда. Представляешь себе? Жестяная ванна?! Редко у какого графа, да что там, короля есть жестяная ванна! Для них, Геральт, это был сказочный дом. А что до постели... Зараза, невинность в наши дни встречается реже, чем горный дракон. Ни одной я не принуждал, Геральт.

– Но ты подозревал, что кто-то мне за тебя заплатит. И кто бы это мог быть?

– Какой-нибудь стервец, которому покоя не дают те крохи, что остались в моих подвалах, а дочек ему боги не дали, – выразительно произнес Нивеллен. – Человеческая жадность не знает предела.

– И больше никто?

– И больше никто.

Они помолчали, глядя на нервно подрагивающие язычки пламени свечей.

– Нивеллен, – вдруг сказал ведьмак. – Сейчас ты один?

– Ведьмак, – не сразу ответил уродец, – я думаю, мне определенно следует покрыть тебя не самыми приличными словами, взять за шиворот и спустить с лестницы. И знаешь за что? За то, что ты считаешь меня придурком. Я давно вижу, как ты прислушиваешься, как зыркаешь на дверь. Ты прекрасно знаешь, что я живу не один. Верно?

– Верно. Прости.

– Что мне твои извинения. Ты ее видел?

– Да. В лесу, неподалеку от ворот. В этом причина того, что купцы с дочками с некоторых пор уезжают от тебя несолоно хлебавши?

– Стало быть, ты и об этом знал? Да, причина в этом.

– Позволь спросить...

– Не позволю.

Опять помолчали.

– Что ж, воля твоя, – наконец сказал ведьмак, вставая. – Благодарю за хлеб-соль, хозяин.

Мне пора.

– И верно. – Нивеллен тоже встал. – По известным причинам я не могу предложить тебе ночлег у себя, а останавливаться в здешних лесах не советую. После того как округа опустела, тут по ночам неладно. Тебе следует вернуться на тракт засветло.

– Учту, Нивеллен. А ты уверен, что не нуждаешься в моей помощи?

Чудище искоса глянуло на него.

– А ты уверен, что можешь мне помочь? Сумеешь освободить от этого?

– Я имел в виду не только это.

– Ты не ответил на вопрос. Хорошо... Пожалуй, ответил. Не сумеешь.

Геральт посмотрел ему прямо в глаза.

– Не повезло вам тогда, – сказал он. – Из всех храмов в Гелиболе и Долине Ниммар вы выбрали аккурат храм Корам Агх Тэра, Львиноголового Паука. Чтобы снять заклятие, брошенное жрицей Корам Агх Тэра, требуются знания и способности, которых у меня нет.

– А у кого есть?

– Так это тебя все-таки интересует? Ты же сказал, будто тебе сейчас хорошо.

– Сейчас – да. А потом... Боюсь...

– Чего?

Уродец остановился в дверях комнаты, обернулся.

– Я сыт по горло твоими вопросами, ведьмак. Ты только и знаешь, что спрашиваешь, вместо того чтобы отвечать. Похоже, тебя надо спрашивать по-другому. Слушай, меня уже некоторое время... Ну, я вижу дурные сны. Может, точнее было бы сказать «чудовищные». Как думаешь, только коротко, я напрасно чего-то боюсь?

– А проснувшись, ты никогда не замечал, что у тебя грязные ноги? Не находил иголок в постели?

– Нет.

– А...

– Нет. Пожалуйста, короче.

– Правильно делаешь, что боишься.

– С этим можно управиться? Пожалуйста, короче.

– Нет.

– Наконец-то. Пошли, я тебя провожу.

Во дворе, пока Геральт поправлял вьюки, Нивеллен погладил кобылу по ноздрям, похлопал по шее. Плотвичка, радуясь ласке, наклонила голову.

– Любят меня зверушки, – похвалился Нивеллен. – Да и я их люблю. Моя кошка Обжорочка, хоть и сбежала вначале, потом все же вернулась. Долгое время это было единственное

живое существо, моя спутница недоли. Вереена тоже...

Он осекся, скривил морду.

– Тоже любит кошек? – усмехнулся Геральт.

– Птиц, – ощерился Нивеллен. – Проговорился, язви его. А, да что там. Это никакая не новая купеческая дочка, Геральт, и не очередная попытка найти крупцу истины в старых небылицах. Это нечто посерьезнее. Мы любим друг друга. Если засмеешься, получишь по мордасам.

Геральт не засмеялся.

– Твоя Вереена, – сказал он, – скорее всего русалка. Знаешь?

– Подозреваю. Худенькая. Черненькая. Говорит редко, на языке, которого я не знаю. Не ест человеческую пищу. Целыми днями пропадает в лесу, потом возвращается. Это типично?

– Более-менее. – Ведьмак затянул подпругу. – Ты, верно, думаешь, что она не вернулась бы, если б ты стал человеком?

– Уверен. Знаешь, как русалки избегают людей. Мало кто видел русалку вблизи. А я и Вереена... Эх, язви ее... Ну, бывай, Геральт.

– Бывай, Нивеллен.

Ведьмак дал кобыле в бок и направился к воротам. Урод плелся сбоку.

– Геральт?

– Ну?

– Я не так глуп, как ты думаешь. Ты приехал следом за купцом, который тут недавно побывал. С ним что-то случилось?

– Да.

– Он был у меня три дня назад. С дочкой, впрочем, не из лучших. Я велел дому запереть все двери и ставни, не подавал признаков жизни. Они покрутились по двору и уехали. Девушка сорвала розу с тетушкиного куста и приколола к платью. Ищи их в другом месте. Но будь осторожен, это скверные места... Ночью в лесу опасно. Слышно и видно... неладное.

– Спасибо, Нивеллен. Я не забуду о тебе. Как знать, может, найду кого-то, кто...

– Может, найдешь. А может, и нет. Это моя проблема, Геральт, моя жизнь и моя кара. Я научился переносить, привык. Ежели станет хуже, тоже привыкну. А если уж станет вовсе неумоготу, не ищи никого, приезжай сам и кончай дело. По-ведьмачьи. Бывай, Геральт.

Нивеллен развернулся и быстро пошел к особняку. Ни разу не оглянувшись. 3

Район был пустынный, дикий, зловеще недружелюбный. До наступления сумерек Геральт на тракт не вернулся, не хотел делать крюк, поехал напрямик, через лес. Ночь, положив меч на колени, провел на лысой вершине высокого холма у небольшого костерка, в который то и дело подбрасывал пучки бореца. Посреди ночи далеко в долине заметил свет, услышал шальной вой и пение и еще что-то такое, что могло быть только криком истязаемой женщины. Едва рассвело, он двинулся туда, но нашел лишь вытопанную поляну и обугленные кости в еще теплом пепле. В кроне могучего дуба что-то верещало и шипело. Это мог быть леший, но мог быть и обычный лесной кот. Ведьмак не стал задерживаться, чтобы проверить. 4

Около полудня, когда он поил Плотвичку у родника, кобыла дико заржала, рванулась, оскалив желтые зубы и грызя мундштук. Геральт машинально успокоил ее знаком и тут же увидел правильный круг, образованный торчащими из мха головками красноватых грибов.

– Ну, Плотва, ты становишься истеричкой, – сказал он. – Ведь нормальный же ведьмин круг. Что еще за сцены?

Кобыла фыркнула, повернувшись к нему мордой. Ведьмак потер лоб, поморщился, задумался. Потом одним махом оказался в седле, развернул коня, быстро поехал назад по собственным следам.

– «Любят меня зверушки», – буркнул он. – Прости, лошадка. Выходит, у тебя больше ума, чем у меня. 5

Кобыла прядала ушами, фыркала, рыла копытами землю, не хотела идти. Геральт не стал успокаивать ее знаком, соскочил с седла, перекинул поводья через голову лошади. На спине у него был уже не старый меч в ножнах из кожи ящера, а блестящее красивое оружие с крестовой гардой и изящной, хорошо отбалансированной рукоятью, оканчивающейся шаровым эфесом из белого металла.

На сей раз ворота перед ним не раскрылись, потому что были и без того раскрыты, как он оставил их, уезжая.

Он услышал пение. Не понимал слов, не мог даже разобрать языка. Да это и не нужно было – ведьмак знал, чувствовал и понимал самое природу, сущность пения – тихого, пронизывающего, разливающегося по жилам волной тошнотворного, обессиливающего ужаса.

Пение резко оборвалось, и тут он увидел ее.

Она прильнула к спине дельфина в высохшем фонтане, охватив обомшелый камень маленькими руками, такими белыми, что они казались прозрачными. Из-под бури спутанных черных волос на него глядели огромные, горящие, широко раскрытые антрацитовые глаза.

Геральт медленно приближался мягкими, пружинящими шагами, обходя фонтан полукругом со стороны забора, мимо куста голубых роз. Существо, прилепившееся к хребту дельфина, поворачивало вслед за ним миниатюрное личико, на котором читалась невыразимая тоска, полная такого очарования, что оно заставляло его постоянно слышать пение, хотя маленькие бледные губы не шевелились.

Ведьмак остановился в десяти шагах. Меч, медленно выползая из черных, покрытых эмалью ножен, блеснул над его головой.

– Это серебро, – сказал он. – Клинок серебряный.

Бледное личико не дрогнуло, антрацитовые глаза не изменили выражения.

– Ты так похожа на русалку, – спокойно продолжал ведьмак, – что можешь обмануть кого угодно. Тем более что ты редкая птишка, чернуля. Но лошади не ошибаются. Таких, как ты, они распознают инстинктивно и безошибочно. Кто ты? Думаю, муля или альп. Обычный вампир не вышел бы на солнце.

Уголки белогубого ротика дрогнули и слегка приподнялись.

– Тебя привлек Нивеллен в своем обличье, верно? Сны, о которых он говорил, – твоя работа? Догадываюсь, что это были за сны, и сочувствую ему.

Черноволосая не пошевелилась.

– Ты любишь птичек, – продолжал ведьмак. – Однако это не мешает тебе перегрызать глотки людям? А? Подумать только, ты и Нивеллен! Хорошая бы вышла парочка, урод и вампириха, хозяйева лесного замка. Сразу б подчинили себе все окрест. Ты, вечно жаждущая крови, и он, твой защитник, убийца по заказу, слепое орудие. Но сначала ему надо было стать настоящим чудовищем, а не человеком в маске чудища.

Огромные черные глаза прищурились.

– Что с ним, черноволосая? Ты пела, значит, насосалась крови. Прибегла к последнему средству – стало быть, не сумела покорить его разум. Я прав?

Черная головка легонько, почти незаметно, кивнула, а уголки губ поднялись еще выше. Выражение маленького личика стало жутеньким.

– Теперь небось считаешь себя хозяйкой дома?

Кивок, на этот раз более явный.

– Так ты – муля?

Медленное отрицательное движение головы. Послышалось шипение, которое могло исходить только из бледных, кошмарно усмехающихся губ, хотя ведьмак не заметил, чтобы они пошевелились.

– Альп?

То же движение.

Ведьмак попятился, крепче стиснул рукоять меча.

– Значит, ты...

Уголки губ стали приподниматься выше, все выше, губы раскрылись...

– Брукса! – крикнул ведьмак, бросаясь к фонтану.

Из-за белых губ сверкнули острые клыки. Брукса подпрыгнула, выгнула спину, словно леопард, и взвизгнула. Звуковая волна тараном ударила в ведьмака, сбивая дыхание, ломая ребра, иглами боли вонзаясь в уши и мозг. Отскочив назад, он еще успел скрестить кисти рук в знак Гелиотроп. Чары немного смягчили удар спиной о забор, но в глазах все равно потемнело, а остатки воздуха со стоном вырвались из легких.

На спине дельфина, в каменном кругу высохшего фонтана, там, где только что сидела изящная девушка в белом платье, расплущилось искрящееся тело огромного черного нетопыря, разевающего продолговатую узкую пасть, заполненную рядами иглоподобных снежно-белых зубов. Развернулись перепончатые крылья, беззвучно захлопали, и существо ринулось на ведьмака, словно стрела, пущенная из арбалета. Геральт, чувствуя во рту железный привкус крови, выкинул вперед руку с пальцами, растопыренными в форме знака Квен, и выкрикнул заклинание. Нетопырь, шипя, резко повернул, с хохотом взвился в воздух и тут же отвесно спикировал прямо на шею ведьмака. Геральт отпрыгнул, рубанул мечом, но промазал. Нетопырь медленно, грациозно, подвернув одно крыло, развернулся, обошел его и снова напал, разевая зубастую пасть безглазой морды. Геральт ждал, ухватив обеими руками меч и вытянув его в сторону нападающего. В последний момент прыгнул – не в сторону, а вперед, рубанув наотмашь, так что взвыл воздух. И снова промахнулся. Это было так неожиданно, что он выбился из ритма и уклонился с секундной задержкой. В тот же миг когти

бестии вцепились ему в щеку, а бархатное влажное крыло принялось хлестать по шее. Ведьмак развернулся на месте, перенес вес тела на правую ногу, резко ударил назад... и в третий раз не достал фантастически подвижного зверя.

Нетопырь замахал крыльями, взлетел, помчался к фонтану. В тот момент, когда кривые когти заскрежетали по камням облицовки, жуткая, истекающая слюной пасть уже расплывалась, изменялась, исчезала, хотя проявляющиеся на ее месте бледные губки все еще не прикрывали убийственных клыков.

Брукса пронзительно, модулируя голос, завывала, уставилась на ведьмака ненавидящими глазами и снова взывала.

Удар волны был так силен, что переборол знак. В глазах Геральта завертелись черные и красные круги, в висках и темени заломило. Сквозь боль, высверливающую уши, он услышал голоса, стоны и вопли, звуки флейты и гобоя, гул вихря. Кожа на лице занемела. Тряся головой, он упал на одно колено.

Черный нетопырь беззвучно плыл к нему, разевая на лету зубастую пасть. Геральт, хоть и выбитый из колеи волной рева, среагировал автоматически. Вскочил, молниеносно подстраивая ритм движений к скорости полета чудища, сделал три шага вперед, вольт и полуоборот и сразу же после этого быстрый, как мысль, удар. Острие не встретило сопротивления. Почти не встретило. Он услышал вопль, но на этот раз – вопль боли, вызванной прикосновением серебра.

Брукса, воя, прилипла к спине дельфина. Немного выше левой груди на белом платье расплывалось красное пятно под рассечкой не больше мизинца длиной. Ведьмак заскрежетал зубами – удар, который должен был располосовать бестию, обернулся всего лишь царапиной.

– Ори, вампириха, – буркнул он, отирая кровь со щеки. – Визжи. Теряй силы. И тогда уж я срублю твою прелестную головку!

Ты. Ослабнешь первым. Колдун. Убью.

Губы не пошевелились, но ведьмак отчетливо слышал слова, они звучали у него в мозгу, глухо звеня, словно из-под воды.

– Посмотрим, – процедил он и, наклонившись, направился к фонтану.

Убью. Убью. Убью.

– Увидим!

– Вереена!!!

Нивеллен, наклонив голову, обеими руками вцепившись в дверную коробку, выполз из дома. Покачиваясь, двинулся к фонтану, неуверенно размахивая лапами. Полы куртки были заляпаны кровью.

– Вереена! – снова рявкнул он.

Брукса резко повернула голову. Геральт, занеся меч для удара, прыгнул к ней, но она среагировала гораздо быстрее. Резкий вопль – и очередная волна сбила ведьмака с ног. Он рухнул навзничь, пополз по гравию дорожки. Брукса выгнулась, напрягилась для прыжка, клыки у нее заблестели разбойничьими стилетами. Нивеллен, раскинув лапы, как медведь, пытался ее схватить, но она рявкнула ему прямо в морду, откинув на несколько сажен к деревянным лесам у стены, которые тут же с диким треском сломались, похоронив его под

кучей досок.

Геральт, уже вскочив, мчался полукругом, обходя двор, стараясь отвлечь внимание бруксы от Нивеллена. Брукса, шурша белым платьем, неслась прямо на него, легко, как бабочка, едва касаясь земли. Она уже не вопила и не пыталась трансформироваться. Ведьмак знал, что она устала. Но знал и то, что, даже уставшая, она по-прежнему смертельно опасна. За спиной Геральта Нивеллен, рыча, ворочался под досками.

Геральт отскочил влево, завертел мечом, дезориентируя бруксу. Она двинулась к нему, белая, страшная, растрепанная. Он недооценил ее – она снова завопила. Он не успел сотворить знак, отлетел назад, ударился спиной о стену, боль в позвоночнике пронзила ведьмака, парализовала руки, подсекла колени. Он упал на четвереньки. Брукса, певуче воя, прыгнула к нему.

– Вереена!!! – рявкнул Нивеллен.

Она обернулась. И тогда Нивеллен с размаху вонзил ей между грудей обломанный острый конец трехметровой жерди. Она не крикнула. Только вздохнула. Ведьмак, слыша этот звук, задрожал.

Так они и стояли – Нивеллен на широко расставленных ногах, обеими руками державший жердь, конец которой он зажал под мышкой, и брукса, словно белая бабочка на шпильке, на другом конце жерди, тоже ухватившаяся за нее обеими руками.

Брукса душераздирающе охнула и вдруг сильно нажала на жердь. Геральт увидел, как на ее спине, на белом платье расцвело красное пятно, из которого в потоке крови мерзко и страшно вылезает обломанный острый конец. Нивеллен крикнул, сделал шаг назад, потом второй и начал быстро пятиться, но не отпускал жерди, таща за собой пробитую навывлет бруксу. Еще шаг – и он уперся спиной в стену. Конец жерди, который он держал под мышкой, скрипнул о кирпичи.

Брукса медленно, как-то даже нежно, передвинула маленькие ладони вдоль жерди, вытянула руки на всю длину, сильно ухватила за жердь и нажала снова. Уже почти метр окровавленного дерева торчал у нее из спины. Глаза были широко раскрыты, голова откинута назад. Вздохи стали чаще, ритмичнее, переходя в стон.

Геральт встал, но, зачарованный тем, что видит, по-прежнему не мог ни на что решиться. И тут услышал слова, гудящие внутри черепа, словно под сводом холодного и мокрого подвала.

Мой. Или ничей. Люблю тебя. Люблю.

Снова страшный, прерывистый, захлебывающийся кровью вздох. Брукса рванулась, передвинулась вдоль жерди, протянула руки. Нивеллен отчаянно зарычал, не отпуская жерди, пытаясь отодвинуть бруксу как можно дальше. Напрасно. Она еще больше переместилась вперед, схватила его за голову. Он пронзительно взвыл, замотал косматой головой. Брукса подтянулась еще ближе, наклонила голову к горлу Нивеллена. Клыки сверкнули ослепительной белизной.

Геральт прыгнул. Прыгнул, как высвобожденная пружина. Каждое движение, каждый шаг, которые следовало теперь сделать, были его натурой, были заучены, неотвратимы, автоматичны и смертельно верны. Три быстрых шага. Третий, как сотни подобных шагов до того, кончился на левой ноге могучим, решительным движением. Поворот туловища, резкий, с размаху удар. Он увидел ее глаза. Ничто уже не могло измениться. Услышал ее голос. Впустую. Он крикнул, чтоб заглушить слово, которое она повторяла. Напрасно. Он рубанул.

Рубанул уверенно, как сотни раз до того, серединой лезвия, и тут же, не сбавляя ритма, сделал четвертый шаг и полуоборот. Клинок, в конце полуоборота уже освободившийся, двинулся следом за ним, сверкая, увлекая за собой шлейф красных капель. Волосы цвета воронова крыла заволновались, развеваясь, плыли в воздухе, плыли, плыли, плыли...

Голова упала на гравий.

Чудовищ все меньше?

А я? Кто такой я?

Кто кричит? Птицы?

Женщина в кожане и голубом платье?

Роза из Назаира?

Как тихо!

Как пусто. Какая пустота.

Во мне.

Нивеллен, свернувшись клубком, сотрясаемый спазмами и дрожью, лежал у стены дома в крапиве, обхватив голову руками.

– Встань, – сказал ведьмак.

Молодой, красивый, крепко сложенный мужчина с белой кожей, лежавший у стены, поднял голову, осмотрелся невидящим взглядом. Протер глаза пальцами. Взглянул на свои руки. Ощупал лицо. Тихо застонал, сунул палец в рот, долго водил им по деснам. Снова схватился за лицо и снова застонал, коснувшись четырех кровоточащих вспухших полос на щеках. Охнул, потом засмеялся.

– Геральт! Как это? Как это... Геральт!

– Встань, Нивеллен. Встань и иди. У меня во вьюках лекарства, они нужны нам обоим.

– Я уже... не... Нет? Геральт? Как это?

Ведьмак помог ему встать, стараясь не глядеть на маленькие, белые, словно прозрачные руки, стиснутые на жерди, торчащей между маленькими грудками, облепленными мокрой красной тканью. Нивеллен застонал снова.

– Вереена...

– Не смотри. Идем.

Они пересекли двор, прошли мимо куста голубых роз, поддерживая друг друга. Нивеллен не переставал ощупывать лицо свободной рукой.

– Невероятно, Геральт. Через столько лет! Неужели это возможно?

– В каждой сказке есть крупица истины, – тихо сказал ведьмак. – Любовь и кровь. В них могучая сила. Маги и ученые не первый год ломают себе над этим головы, но поняли только одно...

– Что, Геральт, что?

– Любовь должна быть истинной.

Глас рассудка III

– Я – Фальвик, граф Мойон. А это рыцарь Тайлес из Дорндаля.

Геральт небрежно поклонился, глядя на рыцарей. Оба были в латах и карминовых плащах со знаком Белой Розы на левом плече. Это его немного удивило: в округе, как он знал, не было ни одной командории этого ордена.

Нэннеке, казалось, свободно и беззаботно улыбнулась, заметив его удивление.

– Благородные господа, – сказала она вскользь, удобнее устраиваясь на своем похожем на трон кресле, – пребывают на службе у владельца здешних земель, дюка Эреварда.

– Князя, – подчеркнуто поправил Тайлес, младший из рыцарей, вперившись в жрицу взглядом ясных голубых глаз, в которых стояла неприязнь. – Князя Эреварда.

– Не будем вдаваться в детали, – усмехнулась Нэннеке. – В мои времена князьями именовали только тех, у кого в жилах текла королевская кровь, сегодня, похоже, это уже не имеет значения. Итак, этих господ я тебе представила, теперь объясню цель визита рыцарей Белой Розы в мою скромную обитель. Тебе следует знать, Геральт, что Капитул пытается получить от Эреварда земельные наделы для Ордена, поэтому многие рыцари Розы поступили на службу к князю. А много здешних, как, например, Тайлес, присягнули ему и приняли красный плащ, который, кстати, ему так к лицу.

– Такая честь. – Ведьмак поклонился так же небрежно, как и раньше.

– Не думаю, – холодно проговорила жрица. – Они приехали не для того, чтобы оказать тебе честь. А совсем даже наоборот. Они требуют, чтобы ты как можно скорее убрался отсюда. Говоря кратко и по сути, они намерены тебя выгнать. Ты считаешь это честью? Я – нет. Я считаю это оскорблением.

– Думается, благородные рыцари трудились напрасно, – пожал плечами Геральт. – Я не собираюсь здесь поселяться. Уеду сам, к тому же вскоре, и нет нужды меня торопить и... подталкивать.

– Вскоре? Немедленно! – буркнул Тайлес. – Сей же момент! Князь приказывает...

– На территории этого храма приказываю я, – прервала Нэннеке холодным, властным тоном. – Я обычно стремлюсь к тому, чтобы мои распоряжения не вступали в чрезмерное противоречие с политикой Эреварда. Если, конечно, его политика достаточно логична и понятна. В данном конкретном случае она иррациональна, поэтому я не собираюсь воспринимать ее серьезнее, нежели она того заслуживает. Геральт из Ривии мой гость, господа. Его пребывание в моем храме мне приятно. Поэтому Геральт из Ривии останется в моем храме до тех пор, пока ему этого хочется.

– Ты имеешь наглость противиться князю, женщина? – крикнул Тайлес, откидывая на руку плащ и демонстрируя во всей красе рифленый, украшенный латунью нагрудник. – Ты осмеливаешься подрывать авторитет власти?

– Тише, тише, – сказала Нэннеке и прищурилась. – Сбавь тон. Следи за тем, что говоришь и с кем говоришь.

– Я знаю, с кем говорю! – шагнул вперед рыцарь. Фальвик, тот, что постарше, крепко схватил его за локоть и стиснул так, что скрипнула железная перчатка. Тайлес яростно рванулся. – А говорю я то, что выражает волю князя, хозяина здешних владений! Знай, женщина, у ворот нас ожидают двенадцать солдат...

Нэннеке сунула руку в висящий на поясе мешочек и вынула небольшую фарфоровую баночку.

– Поверь мне, я не знаю, – спокойно сказала она, – что будет, если я разобью эту баночку у твоих ног, Тайлес. Возможно, у тебя разорвутся легкие. Не исключено, что ты покроешься шерстью. А может, и то и другое разом, кто знает? Пожалуй, только милостивая Мелитэле.

– Ты смеешь угрожать мне чарами, жрица? Да наши солдаты...

– Ваши солдаты, стоит хоть одному из них коснуться жрицы Мелитэле, будут висеть на акациях вдоль дороги до самого города, причем еще раньше, чем солнце коснется горизонта. Они отлично знают это. Да и ты тоже, Тайлес, так что перестань хамить. Я принимала тебя, сопляк, прости, Господи, обкаканный, и мне жаль твоей матери, но не искушай судьбу. Не заставляй меня учить тебя хорошим манерам!

– Ну ладно, ладно, – вставил ведьмак, которому все это уже надоело. – Похоже, моя скромная персона может стать причиной серьезного конфликта, а я не вижу повода потворствовать этому. Милсдарь Фальвик, вы кажетесь мне более уравновешенным, чем ваш спутник, которого, как я вижу, заносит по молодости. Послушайте, милсдарь, я обещаю вскоре покинуть здешние места. Через два-три дня. Заявляю также, что не собирался и не собираюсь впредь здесь работать, выполнять заказы и принимать поручения. Я тут не в качестве ведьмака, а просто как частное лицо.

Граф Фальвик глянул ему в глаза, и Геральт сразу понял свой промах. В глазах рыцаря Белой Розы таилась чистая, невозмутимая и ничем не замутненная ненависть. Ведьмаку стало ясно, что выбрасывает и изгоняет его вовсе не дюк Эревард, а Фальвик и ему подобные.

Рыцарь повернулся к Нэннеке, уважительно поклонился и начал речь. Говорил он спокойно и почтительно. Говорил он логично. Но Геральт знал, что Фальвик лжет как сивый мерин.

– Почтенная Нэннеке, прошу простить меня, но князь Эревард, мой сеньор, не желает видеть в своих владениях ведьмака Геральта из Ривии. Не важно, охотится ли Геральт из Ривии на чудовищ или полагает себя частным лицом. Князь знает, что Геральт из Ривии частным лицом не бывает. Ведьмак притягивает неприятности, как магнит железные опилки. Чародеи возмущаются и шлют петиции, друиды в открытую грозятся...

– Не вижу оснований заставлять Геральта из Ривии страдать от разнузданности здешних чародеев и друидов, – прервала жрица. – С каких это пор Эреварда стало интересоваться мнение тех и других?

– Довольно болтать, – поднял голову Фальвик. – Или я выражаюсь недостаточно ясно, почтенная Нэннеке? Тогда скажу так ясно, что яснее некуда: ни князь Эревард, ни Капитул Ордена не намерены ни дня терпеть в Элландере ведьмака Геральта из Ривии, известного как Мясник из Блавикена.

– Здесь не Элландер, – вскочила с кресла жрица. – Здесь храм Мелитэле! А я, Нэннеке, главная жрица Мелитэле, не желаю больше ни минуты терпеть вас на территории храма, господи!

– Милсдарь Фальвик, – тихо произнес ведьмак, – послушайте гласа рассудка. Я не хочу осложнений, да и вам, мне думается, они ни к чему. Я покину здешние места самое большее

через три дня. Нет, Нэннеке, прошу тебя, помолчи. Мне все равно уже пора в путь. Три дня, граф. Большого я не прошу.

– И правильно делаешь, что не просишь, – сказала жрица, прежде чем Фальвик успел ответить. – Вы слышали, парни? Ведьмак останется здесь на три дня, ибо таково его желание. А я, жрица Великой Мелитэле, буду принимать его у себя эти три дня, ибо таково мое желание. Передайте это вашему Эреварду. Нет, не Эреварду. Его супружнице, благородной Эрмелле, и добавьте, что если она хочет, чтобы не прерывались поставки афродизий из моей аптеки, то пусть успокоит своего дюка. Пусть сдерживает его капризы и фанаберии, которые все больше начинают смахивать на кретинизм.

– Довольно! – тонко крикнул Тайлес, и голос перешел у него в фальцет. – Не желаю слушать, как какая-то шарлатанка оскорбляет моего сеньора и его супругу! Не прощу такого неуважения! Отныне здесь будет править Орден Белой Розы. Конец вашим рассадникам тьмы и предрассудков. А я, рыцарь Белой Розы...

– Слушай, ты, молокосос, – прервал Геральт, скверно ухмыльнувшись. – Сдержи свой дурной язычишко. Ты разговариваешь с женщиной, которую должно уважать. Тем более рыцарю Белой Розы. Правда, чтобы стать таковым, последнее время достаточно внести в скарбницу Капитула тысячу новиградских крон, потому-то Орден и стал скопищем отпрысков ростовщиков и портняжек, но какая-то порядочность в вас, надеюсь, еще сохранилась? Или я ошибаюсь?

Тайлес побледнел и потянулся за мечом.

– Фальвик, – сказал Геральт, не переставая усмехаться, – если он вытянет меч, я отберу и отстегаю сопляка по заднице. А потом вышибу им двери.

Тайлес дрожащей рукой вытащил из-за пояса железную перчатку и со звоном кинул на пол к ногам ведьмака.

– Я смою оскорбление Ордена твоей кровью, выродок! – взвизгнул он. – Вызываю тебя на поединок! Выходи во двор!

– У тебя что-то упало, сынок, – спокойно произнесла Нэннеке. – Подними, пожалуйста, здесь сорить не положено, здесь – храм. Фальвик, уведи отсюда своего придурка, иначе это кончится несчастьем. Ты знаешь, что надо передать Эреварду. Впрочем, я напишу ему личное письмо: вы не вызываете у меня доверия. Убирайтесь отсюда. Найдете выход сами, надеюсь?

Фальвик, удерживая разъяренного Тайлеса железной хваткой, поклонился, звякнув латами. Потом посмотрел в глаза ведьмаку. Ведьмак не улыбался. Фальвик перекинул через плечо карминовый плащ.

– Это был не последний наш визит, почтенная Нэннеке, – сказал он. – Мы вернемся.

– Именно этого я опасалась, – холодно ответила жрица. – К несчастью.

Меньшее зло

1

Первыми, как обычно, на него обратили внимание кошки и дети. Полосатый котяра, дремавший на нагретой солнцем поленнице, приподнял круглую голову, прижал уши, фыркнул и юркнул в крапиву. Трехгодовалый Драгомир, сын рыбака Тригли, прилагавший на

пороге хаты все усилия к тому, чтобы еще больше испачкать и без того грязную рубашонку, раскричался, уставившись полными слез глазами на проезжавшего мимо верхового. Ведьмак ехал медленно, не пытаясь опередить воз с сеном, занимавший всю ширину улицы. За ведьмаком, вытянув шею и то и дело сильно натягивая веревку, трусил привязанный к луке седла навьюченный осел. Кроме обычного груза, длинноухий трудяга тащил на спине большую штукину, обернутую попоной. Серо-белый бок осла покрывали черные полосы запекшейся крови.

Наконец воз свернул в боковую улочку, ведущую к амбарам и пристани, от которой веяло бризом и несло смолой и воловьей мочой. Геральт поторопил лошадь. Он оставил без внимания приглушенный крик торговли овощами, уставившейся на костлявую, когтистую лапу, свисающую из-под попоны и подпрыгивающую в такт шагам осла. Не оглянувшись и на растущую кучку возбужденных людей, следовавших за ним.

Перед домом войта, как обычно, было полно телег. Геральт соскочил с кобылы, поправил меч на спине, перекинул узду через деревянную коновязь. Толпа, следовавшая за ним, образовала вокруг осла полукольцо.

Вопли войта были слышны уже от самого входа в дом.

– Нельзя, говорю! Нельзя, мать твою! По-людски не понимаешь, паршивец?

Геральт вошел. Перед войтом, низеньким и толстым, покрасневшим от злости, стоял кмет, держа за шею вырывающегося гусака.

– А тебе чего... О господи! Это ты, Геральт? Уж не ослеп ли я? – И снова обращаясь к просителю, крикнул: – Забирай это, хамло! Оглох, что ли?

– Сказали, – бормотал крестьянин, косясь на гуся, – вот, дескать, надоть чегой-то дать, уважаемый, потому как иначе-то...

– Кто сказал? – рявкнул войт. – Кто? Это что же, выходит, я взятки беру? Не позволю, сказано тебе! Вон, сказано тебе! Привет, Геральт.

– Привет, Кальдемейн.

Войт, пожимая руку ведьмаку, хлопнул его по плечу свободной рукой.

– Ты тут не бывал, почитай, года два? А? Что ж ты нигде не усидишь-то? Откуда занесло? А, хрен с ним, не все равно откуда! Эй, кто-нибудь, тащите сюда пива! Садись, Геральт, садись. У нас тут, понимаешь, черт-те что творится, потому как завтра ярмарка. Ну, что там у тебя, выкладывай!

– Потом. Давай выйдем.

Толпа была уже раза в три побольше, но свободное пространство вокруг осла не уменьшилось. Геральт отвернул попону. Толпа ахнула и попятилась. Кальдемейн широко раскрыл рот.

– Господи, Геральт? Это что такое?

– Кикимора. Не будет ли за нее какой-нибудь награды, милсдарь войт?

Кальдемейн переступил с ноги на ногу, глядя на паучье, обтянутое черной высохшей кожей тело, на остекленевший глаз с вертикальным зрачком, на иглоподобные клыки в окровавленной пасти.

– Где... Откуда...

– На плотине, верстах в четырех от поселка. На болотах. Там, Кальдемейн, кажется, гибли люди. Дети.

– Угу, отлично. Но никто... Кто бы мог подумать... Эй, людишки, по домам, за работу! Тут вам не балаган! Закрой ее, Геральт. Мухи слетаются.

В комнате войт молча схватил кувшин пива и выпил до дна не отрываясь. Тяжко вздохнул, потянул носом.

– Награды не будет, – угрюмо сказал он. – Никто и не думал, что такая... такой... сидит на соленых болотах. Факт, несколько человек пропало в тамошних местах, но... Мало кто лазил по тем трясинам. А ты-то как там очутился? Почему не ехал большаком?

– На большаках не зарабатываешь, Кальдемейн.

– Я забыл. – Войт, надув щеки, сдержал отрыжку. – А ведь какая была тихая округа! Даже домовые – и те редко отливали бабам в крынки с молоком. И вот, поди ж ты, под самым боком какая-то дрянь. Выходит, надо тебя благодарить. Потому как заплатить – не заплачу. Фондов нету. На награды-то.

– Скверно. Немного наличных мне б не помешали, чтобы перезимовать. – Ведьмак отхлебнул из кружки, смахнул с губ пену. – Отправляюсь в Испаден, да не знаю, успею ли до снега. Могу застрять в каком-нибудь городишке вдоль Лутонского тракта.

– Надолго к нам, в Блавикен?

– Нет. Нельзя засиживаться. Зима подпирает.

– Где остановишься? Может, у меня? На мансарде есть свободная комната. На кой тебе к трактирщикам переться? Обдерут как липку, разбойники. Поболтаем, расскажешь, что в мире слышать.

– Охотно. А как на это твоя Либуше? Последний раз я заметил, она не очень-то меня жалует.

– В моем доме бабы ни гугу. Но так, между нами, постарайся не делать при ней того, что недавно выкинул за ужином.

– Ты имеешь в виду, когда я запустил вилкой в крысу?

– Нет. Я имею в виду, что ты в нее попал, хотя было темно.

– Я думал, будет забавно.

– Оно и было. Только не делай этого при Либуше. Слушай, а эта... как там ее... Куки...

– Кикимора.

– Она тебе для чего-то нужна?

– Интересно, для чего бы? Если награды не будет, можешь выкинуть ее на помойку.

– А знаешь, это мысль. Эй, Карэлька, Борг, Носикамень! Есть там кто?

Вошел городской стражник с алебардой на плече, с грохотом задев острием о притолоку.

– Носикамень, – сказал Кальдемейн, – прихвати кого-нибудь в помощь, забери от хаты осла

вместе с той дрянью, что покрыта попоной, отведи за хлевы и утопи в навозной яме. Усек?

– Угу... Слушаюсь... Только, милсдарь войт...

– Чего еще?

– Может, прежде чем утопить...

– Ну?

– Показать ее мэтру Ириону? А вдруг ему куда-нито сгодится?

Кальдемейн хлопнул ладонью по столу.

– А ты не дурак, Носикамень. Слушай, Геральт, может, наш городской колдун отвалит тебе чего за эту пададь? Рыбаки приносят разных чудовищ, восьминогов там, крабаллонов, каракатов, на этом многие заработали. А ну пошли в башню.

– Разбогатели? Собственного колдуна завели? Навсегда или временно?

– Навсегда. Мэтр Ирион. Уже год как в Блавикене. Сильный маг, Геральт, сразу видно.

– Не думаю, чтобы ваш сильный маг заплатил за кикимору, – поморщился Геральт. – Насколько мне известно, она на эликсиры не годится. Думаю, Ирион только отчитает меня. Мы, ведьмаки, не очень-то дружим с волшебниками.

– Никогда не слышал, чтобы мэтр Ирион кого-нибудь обругал. Заплатит ли, не обещаю, но попытка не пытка. На болотах таких куки... это, кикимор, может быть, много. И что тогда? Пусть колдун осмотрит ее и в случае чего наведет на топи какие-нибудь чары или чего там еще.

Ведьмак ненадолго задумался.

– Ну что ж, один-ноль в твою пользу, Кальдемейн. Рискнем. Где моя шапка? 2

Башня, сложенная из гладко отесанных гранитных блоков, увенчанная каменными зубцами, выглядела вполне представительно, возвышаясь над побитыми крышами домов и полуразвалившимися кровлями халуп.

– Вижу, подновил, – сказал Геральт. – Волшебством или вас на работы согнал?

– В основном чарами.

– Какой он, этот ваш Ирион?

– Вполне нормальный. Людям помогает. Но отшельник, молчун. Почти не выходит из башни.

На дверях, украшенных розеттой и инкрустированных светлым деревом, висела огромная колотушка в форме плоской пучеглазой рыбьей головы, державшей в зубастой пасти латунное кольцо. Кальдемейн, видать, знакомый с действием механизма, подошел, откашлялся и проговорил:

– Приветствует войт Кальдемейн, явившийся к мэтру Ириону по делу. С ним приветствует также ведьмак Геральт из Ривии, также явившийся по делу.

Долгое время ничего не происходило, наконец рыбья голова, пошевелив зубастыми челюстями, выпустила облако пара.

– Мэтр Ирион не принимает. Уходите, добрые...

– Я не добрый человек, – громко прервал Геральт. – Я ведьмак. А вон там, на осле, лежит кикимора, которую я убил недалеко от городка. Любой волшебник-резидент обязан заботиться о безопасности района. Мэтру Ириону ни к чему оказывать мне честь беседой, и он не обязан меня принимать, ежели такова его воля. Но кикимору пусть осмотрит и сделает соответствующие выводы. Носикамень, раскрой кикимору и свали ее здесь, у самых дверей.

– Геральт, – тихо сказал войт. – Ты-то уедешь, а мне тут придется...

– Пошли, Кальдемейн. Носикамень, вынь палец из носа и делай что велят.

– Сейчас, – проговорила колотушка совсем другим голосом. – Геральт, это верно ты?

Ведьмак тихо выругался.

– Ну, зануда! Да, верно я. Ну и что с того, что это верно я?

– Подойди ближе к двери, – произнесла колотушка, испуская облачко пара. – Один. Я тебя впущу.

– А как с кикиморой?

– Черт с ней. Я хочу поговорить с тобой, Геральт. Только с тобой. Извините, войт.

– Да чего уж там, мэтр Ирион, – махнул рукой Кальдемейн. – Бывай, Геральт. Увидимся позже. Носикамень! Уродину в жижу!

– Слушаюсь!

Ведьмак подошел к инкрустированной двери, она слегка приоткрылась, ровно настолько, чтобы он мог протиснуться, и тут же захлопнулась, оставив его в полной темноте.

– Эгей! – крикнул он, не скрывая раздражения.

– Готово, – ответил удивительно знакомый голос...

Впечатление было настолько неожиданным, что ведьмак покачнулся и вытянул руки в поисках опоры. Опоры не было.

Сад цвел белым и розовым, воздух был напоен ароматом дождя. Небо пересекала многоцветная радуга, связывая кроны деревьев с далекой голубоватой цепью гор. Домик посреди сада, маленький и скромный, утопал в мальвах. Геральт глянул под ноги и увидел, что стоит по колено в тимьяне.

– Ну, иди же, Геральт, – прозвучал голос. – Я у дома.

Он вошел в сад. Слева заметил движение, оглянулся. Светловолосая девушка, совершенно нагая, шла вдоль кустов, неся корзинку, полную яблок. Ведьмак торжественно поклялся самому себе больше ничему не удивляться.

– Наконец-то. Приветствую тебя, ведьмак.

– Стрегобор! – удивился решивший не удивляться Геральт.

Ведьмаку встречались в жизни разбойники с внешностью городских советников, советники, похожие на вымаливающих подаяние старцев, блудницы, смотревшиеся принцессами, принцессы, выглядевшие как стельные коровы, и короли с манерами разбойников. Стрегобор

же всегда выглядел так, как по всем канонам и представлениям должен выглядеть чародей. Он был высок, худ, согбен, у него были буйные кустистые брови и длинный крючковатый нос. Вдобавок он носил черный, ниспадающий до земли балахон с широченными рукавами, а в руке держал длиннющий посох с хрустальным шариком на конце. Ни один из знакомых Геральту чародеев не выглядел так, как Стрегобор. И – что самое удивительное – Стрегобор действительно был чародеем.

Они присели на терраске, окруженной мальвами, расположившись в плетеных ивовых креслах у столика со столешницей из белого мрамора. Нагая блондинка с корзиной яблок подошла, улыбнулась и снова направилась в сад, покачивая бедрами.

– Тоже иллюзия? – спросил Геральт, любуясь колыхающимися прелестями.

– Тоже. Как и все здесь. Но, дорогой мой, это иллюзия высшего класса. Цветы пахнут, яблоки можешь отведать, пчела может тебя ужалить, а ее, – чародей указал на блондинку, – ты можешь...

– Возможно, позднее...

– И верно. Что поделяешься здесь, Геральт? По-прежнему трудишься, за деньги истребляя представителей вымирающих видов? Что получил за кикимору? Наверное – ничего, иначе б не пришел сюда. Подумать только, есть люди, не верящие в Предназначение. Разве что знал обо мне. Знал?

– Не знал. Уж если я где не ожидал тебя встретить, так именно здесь. Если мне память не изменяет, раньше ты жил в Ковире, в такой же башне.

– Много изменилось с тех пор.

– Хотя бы твое имя. Теперь ты вроде бы зовешься мэтром Ирионом?

– Так звали строителя этой башни, он скончался лет двадцать назад. Я решил, что его надо как-то почтить, ну и занял его обитель. Я тут сижу за резидента. Большинство горожан живут дарами моря, а, как тебе известно, моя специальность – кроме иллюзий, разумеется, – это погода. Порой шторм пригашу, порой вызову, то западным ветром пригоню ближе к берегу косяк мерлангов или угрей. Жить можно. То есть, – добавил он грустно, – можно бы жить.

– Почему «можно бы»? И зачем ты сменил имя?

– У Предназначения масса обличий. Мое прекрасно снаружи и отвратительно внутри. Оно протянуло ко мне свои окровавленные когти...

– Ты ничуть не изменился, Стрегобор, – поморщился Геральт. – Плетешь ерунду и при этом строишь умные и многозначительные мины. Не можешь говорить нормально?

– Могу, – вздохнул чернокнижник. – Если это доставит тебе удовольствие, могу. Я забрался сюда, сбежав от жуткого существа, которое собралось меня прикончить. Бегство ничего не дало, оно меня нашло. По всей вероятности, попытается убить завтра, в крайнем случае – послезавтра.

– Та-а-ак, – бесстрастно протянул ведьмак. – Теперь понимаю.

– Что-то мне сдается, моя возможная смерть не очень-то тебя волнует.

– Стрегобор, – сказал Геральт. – Таков мир. Путешествуя, видишь многое. Двое бьются из-за межи посреди поля, которое завтра истопчут кони дружин двух здешних графов, жаждущих уничтожить друг друга. Вдоль дорог на деревьях болтаются висельники, в лесах разбойники

перерезают глотки купцам. В городах то и дело натыкаешься на трупы в сточных канавах. В дворцах тычут друг друга стилетами, а на пиршествах то и дело кто-нибудь валится под стол, синий от отравы. Я привык. Так чего же ради меня должна волновать грозящая кому-то смерть, к тому же грозящая не мне, а тебе?

– К тому же грозящая мне, – усмехнувшись, повторил Стрегобор. – А я-то считал тебя другом. Надеялся на твою помощь.

– Наша последняя встреча, – сказал Геральт, – имела место при дворе короля Иди в Ковире. Я пришел получить плату за уничтожение амфисбены, которая терроризировала всю округу. Тогда ты и твой собрат Завист наперебой обзывали меня шарлатаном, бездумной машиной для убийств и, если мне память не изменяет, трупоедом. В результате Иди не только не заплатил мне ни шелонга, но еще велел за двенадцать часов убраться из Ковира, а поскольку клепсидра у него была испорчена, я едва-едва успел. А теперь ты говоришь, что рассчитываешь на мою помощь. Говоришь, что тебя преследует чудовище. Чего ты боишься, Стрегобор? Если оно на тебя нападет, скажи ему, что обожаешь чудовищ, оберегаешь их и следишь за тем, чтобы ни один трупоедский ведьмак не нарушил их покоя. Ну а уж если и после этого чудовище выпотрошит тебя и сожрет, значит, оно чудовищно неблагодарное чудовище.

Колдун, отвернувшись, молчал. Геральт рассмеялся.

– Не надувайся как жаба, маг. Говори, что тебе угрожает. Посмотрим, что можно сделать.

– Ты слышал о Проклятии Черного Солнца?

– А как же. Слышал. Только под названием Мании Сумасшедшего Эльтибальда. Так звали мага, который устроил бузу, в результате которой перебили или заточили в башни несколько десятков высокородных девиц. Даже королевских кровей. Якобы они были одержимы дьяволом, прокляты, порчены Черным Солнцем, как на вашем напыщенном жаргоне вы окрестили обыкновеннейшее солнечное затмение.

– Эльтибальд, который вовсе не был сумасшедшим, расшифровал надписи на менгирах дауков, на надгробных плитах в некрополях вожгоров, проанализировал легенды и мифы детолаков. Никаких сомнений быть не могло. Черное Солнце должно было предвещать скорое возвращение Лилиты, почитаемой на Востоке под именем Нийями, и гибель человечества. Дорогу для Лилиты должны были проложить «шестьдесят дев в золотых коронах, кои кровью заполнят русла рек».

– Бред, – сказал ведьмак. – И вдобавок нерифмованный. Все приличные предсказания бывают в стихах. Всем известно, что имел в виду Эльтибальд и Совет Чародеев. Вы воспользовались бредом сумасшедшего, чтобы укрепить свою власть, разрушить союзы, не допустить родственных связей, устроить неразбериху в династиях – словом, как следует подергать за веревочки, подвязанные к марионеткам в коронах. А ты мне мозги пудришь какими-то предсказаниями, которых постыдился бы даже кривой старик на ярмарке.

– Можно скептически относиться к теории Эльтибальда, к интерпретациям предсказателей. Но нельзя отрицать того факта, что у девушек, родившихся после затмения, наблюдаются чудовищные мутации.

– Почему же нельзя? Я слышал нечто диаметрально противоположное.

– Я присутствовал при вскрытии одной из них, – сказал волшебник. – Геральт, то, что мы обнаружили внутри черепа и спинного мозга, невозможно было однозначно определить. Какая-то красная губка. Внутренние органы смещены, перемешаны, некоторых вообще нет. Все покрыто подвижными жгутиками, сине-розовыми лоскутками. Сердце с шестью

камерами. Две практически атрофированы, но тем не менее. Что ты на это скажешь?

– Я видел людей, у которых вместо рук орлиные когти, людей с волчьими клыками. Людей с дополнительными суставами, дополнительными органами и дополнительными чувствами. Все это были результаты вашей возни с магией.

– Говоришь, видел различные мутации? – поднял голову чернокнижник. – А скольких из них ты угробил за деньги в соответствии со своим ведьмачьим призванием? А? Потому как можно иметь волчьи клыки и ограничиться тем, что их показываешь девкам в хлеву, а можно иметь волчью натуру и нападать на детей. Именно так было с рожденными после затмения девочками, у которых обнаружили необъяснимая склонность к жестокости, агрессивность, бурные вспышки гнева и чрезмерный темперамент.

– У любой бабы при желании можно отыскать подобное, – усмехнулся Геральт. – Что ты плетешь? Выпытываешь, сколько мутантов я убил, а почему тебя не интересует, скольких я расколдовал, освободил от сглаза? Я, ведьмак, которого вы презираете. А что сделали вы, могущественные чернокнижники?

– Применили высшую магию. Нашу и священническую в различных храмах. Все испытания окончились смертью девушек.

– Это плохо говорит о вас, а не о девушках. Итак, первые трупы. Насколько я понимаю, вскрывали только их?

– Не только. Не смотри на меня так, сам прекрасно знаешь, что были и еще трупы. Сначала решили было ликвидировать всех. Но потом передумали... Тех же, которых все-таки... убивали, вскрывали. Одну подвергли вивисекции.

– И вы, сукины дети, еще осмеливаетесь критиковать ведьмаков? Эх, Стрегобор, Стрегобор, придет день, люди поумнеют и возьмутся за вас.

– Не думаю, чтобы это случилось очень скоро, – кисло заметил чародей. – Не забывай, мы действовали, защищая людей. Мутантки залили бы кровью целые страны.

– Так утверждаете вы, колдуны, задрав носы выше своего нимба непогрешимости. Коли уж об этом зашла речь, ты, вероятно, не станешь утверждать, что якобы, охотясь на так называемых мутантов, вы ни разу не ошиблись?

– Ладно, – сказал Стрегобор после долгого молчания. – Буду откровенен, хотя в собственных интересах и не следовало бы. Ошиблись, и к тому же не раз. Разделить их по группам оказалось весьма трудным делом. Поэтому мы перестали их... убивать, а стали изолировать.

– Ну да, ваши знаменитые башни, – фыркнул ведьмак.

– Да, наши башни. Однако это была очередная ошибка. Мы недооценили их, и многие сбежали. Среди принцев, особенно тех, что помоложе, которым нечего было делать, а еще меньше – терять, распространилась какая-то идиотская мода освобождать заключенных красоток. К счастью, большинство свернули себе шею.

– Насколько мне известно, заточенные в башнях девушки быстро умирали. Поговаривают, не без вашей помощи.

– Наглая ложь. Однако действительно они быстро погружались в апатию, отказывались от пищи... Что интересно, незадолго до смерти у них прорезывался дар ясновидения. Очередное доказательство мутации.

– Что ни доказательство, то все менее убедительное. Может, есть и другие?

– Есть. К примеру, Сильвена, хозяйка в Нароке, к которой нам не удалось даже приблизиться, так быстро она взяла власть в свои руки. Сейчас там творятся жуткие вещи.

Фиалка, дочь Эвермира, сбежала из башни, воспользовавшись шнурком, сплетенным из косичек, и давно терроризирует Северный Вельгад. Бернику из Тальгара освободил дурень-принц. Его же и ослепили, и теперь он сидит в яме, а самый заметный элемент пейзажа в Тальгаре – шибеница. Есть и еще примеры.

– Именно что есть, – сказал ведьмак. – В Ямурлаке, например, правит старичок Абрад, у него золотуха, ни одного зуба, родился он, почитай, лет за сто до затмения, а не уснет, ежели кого-нибудь не обезглавят в его присутствии. Вырезал всех родственников и перебил половину страны в состоянии, как это говорится, невменяемости. Заметны и следы чрезмерного темперамента, в юности у него, кажется, прозвище было Абрад Юбкодрал. Эх, Стрегобор, славно было бы, если б жестокость владык можно было объяснить мутацией или заклятиями...

– Послушай, Геральт...

– И не подумай. Ты не убедишь меня в своей правоте и тем более в том, что Эльтибальд не был сумасшедшим разбойником. Вернемся к чудовищу, которое тебе якобы угрожает. Я выслушал тебя и должен сказать: рассказанная тобой история мне не нравится. Но я дослушаю ее до конца.

– Не перебивая ехидными замечаниями?

– Обещать не могу.

– Ну что ж, – Стрегобор засунул руки в рукава балахона, – тем больше это займет времени. Итак, история началась в Крейдене, маленьком северном княжестве. Женой Фредефалька, княжившего в Крейдене, была Аридея, умная, образованная женщина. В роду у нее было множество последователей искусства чернокнижников, и, вероятно, по наследству ей достался довольно редкий и могущественный артефакт, Зеркало Нехалены. Как известно, Зеркалами Нехалены в основном пользовались пророки и ясновидцы, потому что они безошибочно, хоть и путано, предсказывали будущее. Аридея довольно часто обращалась к Зеркалу...

– С обычным, как я думаю, вопросом, – прервал Геральт, – «Кто на свете всех милее?». Насколько мне известно, Зеркала Нехалены подразделяются на льстивые и разбитые.

– Ошибаешься. Аридею больше интересовала судьба страны. А отвечая на ее вопросы, Зеркало предсказало мучительную смерть ее самой и множества ее подданных от руки либо по вине дочери Фредефалька от первого брака. Аридея постаралась, чтобы известие это дошло до Совета, а Совет послал в Крейден меня. Думаю, не надо добавлять, что дочурка Фредефалька родилась вскоре после затмения. Я некоторое время наблюдал за девчонкой. И пока наблюдал, она успела замучить канарейку, двух щенков и ручкой гребня выколоть глаз служанке. Я проделал несколько тестов при помощи заклинаний, большинство их подтвердило, что девчонка была мутантом. Я доложил об этом Аридее, потому что Фредефальк души в доченьке не чаял. Аридея, как я сказал, была женщиной неглупой...

– Ясно, – снова прервал Геральт, – и надо думать, не шибко любила падчерицу. Предпочитала, чтобы трон наследовали ее собственные дети. О дальнейшем можно догадаться. Похоже, там не оказалось никого, кто мог бы свернуть дочурке шею. Да попутно и тебе в придачу.

Стрегобор вздохнул, воздел очи горе, то есть к небу, на котором по-прежнему многоцветно и красочно переливалась радуга.

– Я стоял за то, чтобы ее только изолировать, но княгиня решила иначе. Наняла егеря-бандита и отослала с ним малышку в лес. Позже мы нашли его в зарослях. Он лежал без штанов, так что ход событий восстановить было нетрудно. Она воткнула ему шпильку в мозг через ухо, вероятно, когда его внимание было поглощено совершенно иным.

– Если ты думаешь, что мне его жаль, – буркнул Геральт, – то ошибаешься.

– Мы устроили облаву, – продолжал Стрегобор, – но девчонка как сквозь землю провалилась. А мне пришлось срочно ретироваться из Крейдена, потому что Фредефальк начал что-то подозревать. Лишь спустя четыре года я получил известие от Аридеи. Она выследила девку, та жила в Махакаме с семьей гномами зараз, которых убедила, что гораздо выгоднее обирать купцов на дорогах, чем зарабатывать антракоз в шахтах. Ее всюду называли Сорокопуткой, потому что пойманных она любила живьем насаживать на острые колья. Аридея несколько раз нанимала убийц, но ни один не вернулся. А потом уж трудно было найти желающих, слух о девке прошел повсюду. Мечом научилась работать так, что мало какой мужик мог с ней сравниться. Меня снова вызвали, я тайком явился в Крейден и тут узнал, что Аридею отравили. Все считали, что это работа самого Фредефалька, который высмотрел себе наложницу помоложе и поярнее, но я думаю, без Ренфри тут не обошлось.

– Ренфри?

– Так звали Сорокопутку. Я утверждаю, что Аридею отравила она. Князь Фредефальк вскоре погиб при странных обстоятельствах на охоте, а старший сын Аридеи пропал без вести. Конечно, и это тоже была работа девчонки. Я говорю «девчонка», а ей к тому времени стукнуло уже семнадцать. И она неплохо подросла.

– К тому времени, – продолжал колдун после недолгого молчания, – она и ее гномы уже нагнали страху на весь Махакам. Но однажды они по какому-то поводу повздорили, не знаю, то ли из-за дележа добычи, то ли из-за очередности ночи на неделе, важно, что в ход пошли ножи. Семерка гномов не пережила поножовщины. Вышла сухой из воды только Сорокопутка. Она одна. Но тогда я уже был в Махакаме. Мы встретились нос к носу, она мгновенно узнала меня и тут же сообразила, какова была моя роль тогда в Крейдене. Уверяю тебя, Геральт, я едва успел выговорить заклинание, а руки тряслись у меня страшно, когда эта дикая кошка кинулась на меня, размахивая мечом. Я заточил ее в изящную глыбу горного хрусталя, шесть локтей на девять. Когда она погрузилась в летаргию, я кинул глыбу в гномовскую шахту и завалил ствол.

– Халтурная работа, – прокомментировал Геральт. – Легко расколдовать. Нельзя было, что ли, превратить в пепел? Ведь у вас столько исключительно милых заклинаний.

– Не у меня. Не моя специальность. Но ты прав, я схалтурил. Отыскался какой-то идиот-королевич, истратил уйму денег на контрзаклинание, расколдовал ее и с триумфом привез к себе домой, в какое-то замызганное королевство на Востоке. Его отец, старый разбойник, оказался умнее. Отстегал сыночка, а Сорокопутку решил выпытать о сокровищах, которые та награбила вместе с гномами и хитроумно упрятала. Ошибка папеньки состояла в том, что, когда ее нагую распластали на лавке у палача, у того в помощниках ходил старший сын короля. Как-то так получилось, что наутро тот же старший сын, к этому часу уже осиротевший и лишившийся родни, восседал на троне, а Сорокопутка заняла место первой фаворитки.

– Стало быть, не уродина.

– Дело вкуса. Долго ей в фаворитках ходить не довелось. До первого дворцового, громко говоря, переворота, потому как дворец тот больше походил на коровник. Вскоре оказалось, что она не забыла обо мне. В Ковире организовала на меня три покушения из-за угла. Я решил не рисковать и переждать в Понтаре. Она снова нашла меня. Тогда я сбежал в Ангрэн,

но она и тут меня прищучила. Не знаю, как это у нее получается, следы я заметал хорошо. Наверно, свойство ее мутации.

– А что ж ты снова-то ее в хрусталь не заключил? Угрызения совести?

– Нет. Таковых не было. Однако оказалось, что она приобрела иммунитет против магии.

– Невозможно!

– Возможно. Достаточно заполучить соответствующий артефакт или обзавестись аурой. Это опять же могло быть следствием ее прогрессирующей мутации. Я сбежал из Ангрена и спрятался здесь, на Лукоморье, в Блавикене. Год прожил спокойно, но она снова меня вынюхала.

– Откуда знаешь? Она уже здесь?

– Да. Я видел ее в кристалле. – Волшебник поднял палочку. – Она не одна, руководит бандой, а значит, замыслила что-то серьезное. Геральт, больше мне бежать некуда, я не знаю такого места, где бы можно было укрыться. Да. То, что ты прибыл сюда именно сейчас, не случайность. Это Предназначение. Судьба. Рок.

Ведьмак поднял брови.

– Что ты имеешь в виду?

– Я думаю, это ясно. Ты убьешь ее.

– Я не наемный убийца, Стрегобор.

– Согласен, ты не убийца.

– За деньги я истребляю чудовищ. Бестий, угрожающих людям. Кошмариков и страховидл, созданных чарами и заклинаниями таких типов, как ты. Но не людей.

– Она не человек. Она – чудовище, мутантка, проклятый выродок. Ты привез кикимору. Сорокопутка хуже кикиморы. Кикимора убивает от голода, а Сорокопутка удовольствия ради. Убей ее, и я заплачу столько, сколько ты пожелаешь. В пределах разумного, конечно.

– Я уже сказал: истории о мутации и проклятии Лилиты я считаю вздором. У девушки есть причины рассчитаться с тобой, я в это вмешиваться не стану. Обратись к войту, к городской страже. Ты – городской волшебник, на твоей стороне здешний закон.

– Плевать мне на закон, на войта и на его помощь! – взорвался Стрегобор. – Не нужна мне защита, я хочу, чтобы ты ее убил! В эту башню не войдет никто, в ней я в полной безопасности. Но что мне с того, не могу же я сидеть в ней до конца дней своих! Сорокопутка не откажется от своего, пока жива, я знаю. Ну и что, прикажешь мне хиреть в этой башне и ждать, когда придет смерть?

– Девушки сидели... Знаешь что, колдун? Надо было предоставить охотиться на девочек другим чародеям, более могущественным, и предвидеть последствия.

– Я прошу тебя, Геральт.

– Нет, Стрегобор.

Чернокнижник молчал. Ненастоящее солнце на ненастоящем небе несколько не сдвинулось к зениту, но ведьмак знал, что в Блавикене уже смеркается. Он почувствовал голод.

– Геральт, – сказал Стрегобор, – когда мы слушали Эльтибальда, у многих из нас возникали сомнения. Но мы решили выбрать меньшее зло. Теперь я прошу тебя о том же.

– Зло – это зло, Стрегобор, – серьезно сказал ведьмак, вставая. – Меньшее, большее, среднее – все едино, пропорции условны, а границы размыты. Я не святой отшельник, не только одно добро творил в жизни. Но если приходится выбирать между одним злом и другим, я предпочитаю не выбирать вообще. Мне пора. Увидимся завтра.

– Возможно, – сказал колдун. – Если успеешь. 3

В «Золотом Дворе», лучшем постоялом дворе городка, былолюдно и шумно. Гости, местные и приезжие, были заняты в основном типичными для их национальности и профессии делами. Серьезные купцы спорили с краснолюдами относительно цен на товары и процентов кредита. Менее серьезные щипали за ягодичы девушек, разносивших пиво и капусту с горохом. Местные придурки прикидывались хорошо информированными. Девки всеми силами старались понравиться толстосумам, в то же время отталкивая безденежных. Возницы и рыбаки пили так, словно завтра с утра запретят выращивать хмель. Моряки распевали песни, восхваляющие морские волны, отвагу капитанов и прелести сирен, последнее – красочно и в деталях.

– Напряги память, Сотник, – сказал Кальдемейн трактирщику, перегибаясь через стойку так, чтобы его можно было услышать. – Шесть парней и девка, одетые в черные, украшенные серебром кожи по новиградской моде. Я видел их на заставе. Они остановились у тебя или «Под Альбакором».

Трактирщик наморщил выпуклый лоб, протирая кружку полосатым фартуком.

– Здесь они, войт, – сказал наконец он. – Говорят, приехали на ярмарку, а все при мечях, даже девка. Одеты, как ты сказал, в черное.

– Угу, – кивнул войт. – Где они сейчас? Что-то их не видно.

– В маленьком закутке. Золотом платили.

– Схожу один, – сказал Геральт. – Не надо превращать это в официальное посещение, во всяком случае, пока. Приведу ее сюда.

– Может, и верно. Но поосторожней. Мне тут драки ни к чему.

– Постараюсь.

Песня матросов, судя по возрастающей насыщенности ненормативными словами, приближалась к громкому финалу. Геральт приоткрыл жесткий и липкий от грязи полог, прикрывавший вход в эркер.

За столом сидели шестеро мужчин. Той, которую он ожидал увидеть, среди них не было.

– Ну чего?! – рявкнул тот, который заметил его первым, лысоватый, с лицом, изуродованным шрамом, проходящим через левую бровь, основание носа и правую щеку.

– Хочу увидеться с Сорокопуткой.

От стола поднялись две одинаковые фигуры с одинаково неподвижными лицами, светлыми всклокоченными волосами до плеч, в одинаковых облегающих одеждах из черной кожи, горячей серебряными украшениями. Одинаковыми движениями близнецы подняли со скамьи одинаковые мечи.

– Спокойно, Выр. Садись, Нимир, – сказал человек со шрамом, опершись локтями о стол. – С кем, говоришь, хочешь встретиться, братец? Кто такая Сорокопутка?

– Ты прекрасно знаешь, о ком я.

– Что за тип? – спросил потный полуголый детина, крест-накрест перепоясанный ремнями и прикрытый на предплечьях шипастыми щитками. – Ты его знаешь, Ногорн?

– Нет, – сказал человек со шрамом.

– Альбинос какой-то, – хохотнул щуплый темноволосый мужчина, сидевший рядом с Ногорном. Тонкие черты лица, большие черные глаза и остроконечные уши выдавали в нем полукровку-эльфа. – Альбинос, мутант, шутка природы. И надо же, впускают таких в шинки к порядочным людям.

– Я его где-то уже видел, – сказал плотный загорелый тип с волосами, заплетенными в косички, оценивая Геральта взглядом злых прищуренных глаз.

– Не важно, где ты его видел, Тавик, – сказал Ногорн. – Послушай, братец, Киврил только што тебя страшно обидел. Ты его не вызовешь? Такой скушный вечер.

– Нет, не вызову, – спокойно сказал ведьмак.

– А меня, если вылью на тебя эту рыблю похлебку, вызовешь? – захохотал голый по пояс.

– Спокойно, Десятка, – сказал Ногорн. – Раз он сказал нет, значит, нет. Пока. Ну, брат, говори, што хочешь сказать, и выматывайся. Имеешь возможность выйти сам. Если не воспользуешься, тебя вынесут половые.

– Тебе мне сказать нечего. Хочу увидаться с Сорокопуткой. С Ренфри.

– Слышали, парни? – Ногорн взглянул на дружков. – Он хочет видаться с Ренфри. А зачем, братец, позволь узнать?

– Не позволю.

Ногорн поднял голову и глянул на близнецов, те тут же сделали шаг вперед, брэнча серебряными застежками высоких ботинок.

– Знаю, – вдруг сказал тот, с косой. – Вспомнил, где я его видел!

– Чего ты там бормочешь, Тавик?

– Перед домом войта. Он привез какого-то дракона на продажу, этакую помесь паука с крокодилом. Люди болтали, будто он ведьмак.

– Что такое ведьмак? – спросил голый Десятка. – Э? Киврил?

– Наемный колдун, – сказал полуэльф. – Фокусник. Фокусы кажет за горсть сребреников. Я же сказал – шутка природы. Оскорбление человеческих и божеских законов. Таких надобно сжигать.

– Мы не очень обожаем колдунов, – проскрипел Тавик, не отрывая от Геральта взгляда прищуренных глаз. – Чтой-то мне сдается, Киврил, что в тутошней дыре у нас будет работы поболее, чем думалось. Их здесь не один, а ведомо, они держатся разом.

– Свояк свояка видит издалека, – зловеще усмехнулся полукровка. – И как только земля таких носит? Кто вас плодит, уродцев?

– Будь добр, повежливее, – спокойно сказал Геральт. – Твоя матушка, как вижу, достаточно часто бродила по лесу в одиночку, так что у тебя есть причина призадуматься над собственным происхождением.

– Возможно, – ответил полуэльф, не переставая усмехаться. – Но я по крайней мере знал свою мать. А вот ты, ведьмак, не можешь этим похвалиться.

Геральт чуточку побледнел и стиснул зубы. Ногорн, заметивший это, громко рассмеялся.

– Ну, братец, уж такого-то оскорбления ты не можешь спустить. Кажется, за спиной у тебя меч торчит? Ну так как? Выйдете с Киврилом во двор? Вечер – скуотища.

Ведьмак не ответил.

– Засранный трус, – фыркнул Тавик.

– Он вроде што-то говорил о матери Киврила? – спокойно продолжал Ногорн, опершись подбородком на сплетенные пальцы. – Што-то страшно оскорбительное, если я верно понял. Мол, распутничала или как-то так. Эй, Десятка, неужто ты сможешь слушать, как какой-то бродяга оскорбляет матушку твоего друга? Матушка, мать ее так, дело святое!

Десятка охотно поднялся, отстегнул меч, кинул на стол. Выпятил грудь, поправил оцетинившиеся серебряными шипами щитки на предплечьях, сплюнул и сделал шаг вперед.

– Если ты сумлеваешься, – сказал Ногорн, – поясню: Десятка вызывает тебя на кулашный бой. Я сказал, што тебя отседова вынесут. Освободите-ка место.

Десятка приблизился, поднимая кулаки. Геральт положил руку на рукоять меча.

– Осторожнее, – сказал он. – Еще шаг – и тебе придется искать свою руку на полу.

Ногорн и Тавик вскочили, хватаясь за мечи. Молчаливые близнецы вытянули свои. Десятка попятился. Не пошевелился лишь Киврил.

– Что здесь происходит, черт побери! Нельзя на минуту одних оставить?

Геральт очень медленно обернулся и встретился взглядом с глазами цвета морской волны.

Она была почти одного с ним роста. Соломенные волосы были подстрижены неровно, немного ниже ушей. Она стояла, опираясь одной рукой о дверь, в облегающем бархатном кафтанчике, перетянута нарядным поясом. Юбка была неровной, асимметричной – с левой стороны доходила до лодыжки, а с правой приоткрывала крепкое бедро над голенищем высокого сапога из лосиной кожи. На левом боку висел меч, на правом – кинжал с большим рубином в оголовье.

– Онемели?

– Это ведьмак, – буркнул Ногорн.

– Ну и что?

– Он хотел говорить с тобой.

– Ну и что?

– Это колдун, – прогудел Десятка.

– Спокойно, парни, – сказала девушка. – Он хочет со мной говорить, это не преступление.

Продолжайте свои дела. И без скандалов. Завтра торговый день. Думаю, вы не хотите, чтобы ваши фокусы испортили ярмарку – столь важное событие в жизни этого милого городка?

В наступившей тишине послышался тихий противный смешок. Смеялся Киврил, все еще небрежно развалившийся на лавке.

– Да ну тебя, Ренфри, – выдавил полуэльф. – Важное... событие!

– Заткнись, Киврил! Немедленно.

Киврил перестал смеяться. Немедленно. Геральт не удивился. В голосе Ренфри прозвучало нечто очень странное. Нечто такое, что ассоциировалось с красным отблеском пожара на клинках, стонами убиваемых, ржанием коней и запахом крови. Видимо, у остальных тоже возникли подобные ассоциации, потому что бледность покрыла даже загорелую харю Тавика.

– Ну, белоголовый, – прервала тишину Ренфри. – Выйдем в большую залу, присоединимся к войту, с которым ты сюда пришел. Он, верно, тоже хочет со мной потолковать.

Кальдемейн, ожидавший у стойки, увидев их, прервал тихую беседу с трактирщиком, выпрямился, скрестил руки на груди.

– Послушайте, мазель, – твердо сказал он, не тратя времени на обмен ненужными учтивостями. – Я знаю от этого вот ведьмака из Ривии, что привело вас в Блавикен. Похоже, вы в обиде на нашего колдуна.

– Возможно. Ну и что? – тихо спросила Ренфри – тоже не очень-то учтиво.

– А то, что на такие обиды есть городские или кастелянские суды. Кто у нас, на Лукоморье, собирается мстить за обиду железом, тот считается самым обыкновенным разбойником. А еще то, что либо завтра поутру вы вымететесь из Блавикена вместе со своей черной компашкой, либо я вас упрячу в яму, пре... как это называется, Геральт?

– Превентивно.

– Именно. Вы поняли, мазель?

Ренфри сунула руку в мешочек на поясе, достала сложенный в несколько раз пергамент.

– Прочтите, войт, если грамотный. И больше не называйте меня мазелью.

Кальдемейн взял пергамент, читал долго, потом молча подал Геральту.

– «Моим комесам, вассалам и свободным подданным, – прочитал ведьмак вслух. – Всех и каждого извещаю, поелику Ренфри, крейгенская княжна, пребывает на нашей службе и мила нам, то гнев наш падет на голову тому, кто ей чинить припятствия вознамерится. Аудоен, король...» Слово «препятствия» пишется через «е». Но печать, похоже, подлинная.

– Потому что подлинная и есть, – сказала Ренфри, вырывая у него пергамент. – Поставил ее Аудоен, ваш милостивый государь. Потому не советую чинить мне препятствия. Независимо от того, как это пишется, последствия для вас могут быть печальными. Не удастся вам, уважаемый войт, упрятать меня в яму. И не называйте меня мазелью. Я не нарушила ни одного закона. Пока что.

– Если нарушишь хоть на пядь, – Кальдемейн выглядел так, словно собирался сплунуть, – брошу в яму разом с твоим пергаментом. Клянусь всеми богами, мазель. Пошли, Геральт.

– А с тобой, ведьмак, – Ренфри коснулась руки Геральта, – еще пару слов.

– Не опоздай на ужин, – бросил войт через плечо. – Иначе Либуше обозлится.

– Не опоздаю.

Геральт оперся о стойку. Поигрывая медальоном с волчьей мордой, висящим на шее, он смотрел в зелено-голубые глаза девушки.

– Я слышала о тебе, – сказала она. – Ты – Геральт из Ривии, белоголовый ведьмак. Стрегобор – твой друг?

– Нет.

– Это упрощает дело.

– Не думаю. Я не намерен оставаться в стороне.

Ренфри прищурилась.

– Стрегобор завтра умрет, – проговорила она тихо, отбрасывая со лба прядку неровно подстриженных волос. – Зло было бы меньше, если б умер только он.

– Если, а вернее, прежде чем Стрегобор умрет, умрут еще несколько человек. Другой возможности я не вижу.

– Скромно сказано – несколько.

– Чтоб меня напугать, требуется нечто большее, чем слова, Сорокопутка.

– Не называй меня Сорокопуткой, не люблю. Дело в том, что я вижу другие возможности. Стоило бы их обсудить, но, что делать, Либуше ждет. Она хоть ничего, эта Либуше?

– Это все, что ты имела мне сказать?

– Нет. Но теперь иди. Либуше ждет. 4

В его камерке на мансарде кто-то был. Геральт знал об этом еще прежде, чем подошел к двери, и понял по едва ощутимой вибрации медальона. Он задул каганец, которым освещал себе ступени, вынул кинжал из-за голенища, сунул его сзади за пояс. Нажал ручку. В комнатке было темно. Не для ведьмака.

Он, умышленно не торопясь, как бы сонно, переступил порог, прикрыл за собой дверь. В следующий момент, сильно оттолкнувшись, прыгнул ласточкой, навалился на человека, сидевшего на его лежанке, прижал того к постели, левое предплечье сунул ему под подбородок, потянулся за кинжалом. Но не вынул. Что-то было не так.

– Недурно для начала, – глухо проговорила Ренфри, неподвижно лежа под ним. – Я рассчитывала на это, но не думала, что мы так скоро окажемся в постели. Убери руку с моего горла, будь любезен.

– Это ты?

– Это я. Слушай, есть два выхода. Первый: ты слезешь с меня, и мы побеседуем. Второй: все остается как есть, но хотелось бы все же скинуть сапоги. Как минимум.

Ведьмак выбрал первый выход. Девушка вздохнула, встала, поправила волосы и юбку.

– Зажги свечи. В темноте я вижу не как ты, а видеть собеседника люблю.

Она подошла к столу, высокая, худощавая, гибкая, села, вытянув ноги в сапогах. Оружия вроде бы у нее не было.

– Выпить есть?

– Нет.

– В таком случае хорошо, что я прихватила, – засмеялась она, ставя на стол дорожный бурдючок и два кожаных кубка.

– Почти полночь, – холодно сказал Геральт. – Может, перейдем к делу?

– Минутку. Пей. Твое здоровье, Геральт.

– Взаимно, Сорокопутка!

– Меня зовут Ренфри, черт побери, – подняла она голову. – Разрешаю упускать княжий титул, но перестань именовать меня Сорокопуткой.

– Тише, разбудишь весь дом. Могу я наконец узнать, чего ради ты влезла сюда через окно?

– Какой догадливый! Я хочу спасти Блавикен от резни. Чтобы обсудить это с тобой, я лазила по крышам, словно мартовский кот. Цени.

– Ценю. Только вот не знаю, какой смысл в таком разговоре. Положение ясное. Стрегобор сидит в колдовской башне, чтобы его достать, тебе придется организовать осаду. Если ты это сделаешь, тебе не поможет твой королевский папирус. Если ты в открытую нарушишь закон, Аудоен не станет тебя защищать. Войт, стража, весь Блавикен выступят против тебя.

– Если выступит весь Блавикен, то жутко пожалеет. – Ренфри усмехнулась, показав хищные белые зубки. – Ты разглядел моих мальчиков? Ручаюсь, они свое дело знают. Представляешь себе, что произойдет, если начнется драка между ними и теми телками из стражи, которые то и дело спотыкаются о собственные алебарды?

– А ты, Ренфри, воображаешь, что я буду стоять в стороне и спокойно взирать на такую драку? Видишь, я живу у войта? При надобности буду рядом с ним.

– Не сомневаюсь, – посерьезнела Ренфри. – Только скорее всего один ты, потому что остальные попрячутся по подвалам. Нет на свете бойца, который управился бы с моей вооруженной мечами семеркой. Это не под силу ни одному человеку. Но, белоголовый, давай не будем пугать друг друга. Я сказала – резни и потоков крови можно избежать. Конкретно: есть два человека, которым это под силу.

– Я – само внимание.

– Один – Стрегобор. Лично. Он добровольно выйдет из своей башни, я отведу его куда-нибудь на пустырь, а Блавикен снова погрузится в благостную апатию и вскоре забудет обо всем.

– Стрегобор, возможно, и похож на спятившего, но не до такой же степени.

– Как знать, ведьмак, как знать. Есть доводы, которые невозможно отвергнуть, и предложения, которые нельзя отбросить. К таким, например, относится тридамский ультиматум. Я предъявляю колдуну тридамский ультиматум.

– В чем его суть?

– Это маленькая и сладкая тайна.

– Пусть так. Только сомневаюсь в ее эффективности. У Стрегобора, стоит ему заговорить о тебе, начинают зубы стучать. Ультиматум, который заставил бы его добровольно отдаться в твои прелестные ручки, должен и вправду быть каким-то особым. Давай-ка перейдем сразу ко второй особе, которая может предотвратить резню в Блавикене. Попытаюсь угадать, кто это.

– Ну-ну. Интересно, насколько ты проницателен, белоголовый.

– Это ты, Ренфри. Ты сама. Ты проявишь воистину княжеское, да что я – королевское великодушие и откажешься от мести. Я угадал?

Ренфри откинула голову и громко рассмеялась, успев прикрыть рот рукой. Потом посерьезнела и уставилась на ведьмака горящими глазами.

– Геральт, я была княжной, но в Крейдене. У меня было все, о чем только можно мечтать, даже просить не было нужды. Слуги по первому зову, платья, туфельки. Трусики из батиста. Драгоценности и бижутерия, буланый пони, золотые рыбки в бассейне. Куклы и дом для них вместительнее твоей здешней лачуги. И так было до того дня, пока твой Стрегобор и эта шлюха Аридея не приказали егерю отвести меня в лес, зарезать и подать им мои сердце и печень. Прелестно, не правда ли?

– Скорее отвратительно. Я рад, что ты тогда разделалась с егерем, Ренфри.

– Разделалась?!! Как же! Он смиловился и отпустил меня. Но сначала изнасиловал, сукин сын, отобрал серьги и золотую диадемку.

Геральт глянул ей в лицо, поигрывая медальоном. Она не отвела глаз.

– На том и кончилась княжна. Платьице разорвалось, батистовые трусики навсегда потеряли белизну. А потом были грязь, голод, вонь, палки и пинки. Я отдавалась первому встречному за миску похлебки и крышу над головой. Знаешь, какие у меня были волосы? Как шелк и спадали на добрый локоть ниже икр. Когда я завшивела, мне обрезали косы ножницами для стрижки овец под самый корень. Больше они так и не отросли по-настоящему.

Она ненадолго замолчала, отбросила со лба неровную прядку.

– Я воровала, чтобы не подохнуть с голоду. Убивала, чтобы не убили меня. Сидела в ямах, провонявших мочой, не зная, повесят меня утром или только выпорют и выгонят. И все это время моя мачеха и твой колдун преследовали меня, нанимали убийц, пытались отравить. Насылали порчу. Проявить великодушие? Простить им по-королевски? Я ему по-королевски башку оторву, а может, сначала вырву обе ноги, там видно будет.

– Аридея и Стрегобор пытались тебя отравить?

– Именно что. Яблоком, заправленным вытяжкой из красавки. Меня спас один гном. Он дал мне рвотный камень, от которого, я думала, меня вывернет наизнанку, как чулок. Но – выжила.

– Один из семи гномов?

Ренфри, которая в этот момент как раз наполняла кубок, держа над ним бурдючок, замерла.

– Ого. Ты много обо мне знаешь. А что? Что ты имеешь против гномов? Или других гуманоидов? Если быть точной, они относились ко мне лучше, чем большинство людей. Но тебе до этого нет дела. Я сказала, Стрегобор и Аридея, пока могли, преследовали меня, как дикого зверя. Потом уже не могли, я сама стала охотником. Аридея откинула копыта в

собственной постели. Для нее я составила особую программу. А теперь – для колдуна. Геральт, как ты считаешь, он заслуживает смерти? Ну скажи.

– Я не судья. Я – ведьмак.

– Именно что. Я сказала, есть два человека, которые могут предотвратить резню в Блавикене. Второй – ты. Тебя колдун пустит в башню, и ты его убьешь.

– Ренфри, – спокойно сказал Геральт, – по пути ко мне ты, случайно, не свалилась с крыши головой вниз?

– В конце концов, ведьмак ты или нет, черт побери?! Говорят, ты убил кикимору, привез ее на ослике для оценки. Стрегобор хуже кикиморы, она – бездумная скотина и убивает, потому как такой ее боги сотворили. Стрегобор – изверг, маньяк, чудовище. Привези его мне на ослике, и я не пожалею золота.

– Я не наемный убийца, Сорокопутка.

– Верно, – улыбнулась она и откинулась на спинку стула, положив ноги на стол и даже не пытаясь прикрыть юбкой бедра. – Ты – ведьмак, спаситель людей, которых защищаешь от Зла. А в данном случае Зло – это железо и огонь, которые разгуляются здесь, когда мы встанем друг против друга. Тебе не кажется, что я предлагаю Меньшее Зло – самое лучшее решение? Даже для этого сукина сына Стрегобора. Можешь убить его милосердно, одним движением, случайно. Он умрет, не зная, что умирает. А я ему этого не гарантирую. Совсем наоборот.

Геральт молчал. Ренфри потянулась, подняв руки над головой.

– Понимаю твои сомнения, – сказала она. – Но ответ я должна получить немедленно.

– Знаешь, почему Стрегобор и княгиня хотели тебя убить тогда, в Крейдене, и после?

Ренфри резко выпрямилась, сняла ноги со стола.

– Думаю, это ясно, – взорвалась она. – Хотели отделаться от первородной дочери Фредефалька, потому что я была наследницей трона. Дети Аридеи родились в результате мorganатической связи, и у них не было никаких прав на...

– Я не о том, Ренфри.

Девушка опустила голову, но только на мгновение. Глаза у нее разгорелись.

– Ну хорошо. Якобы я проклята. Испорчена еще в лоне матери. Я...

– Договаривай.

– Я – чудовище.

– А разве нет?

Какое-то мгновение Ренфри казалась беззащитной и надломленной. И очень грустной.

– Не знаю, Геральт, – шепнула она, потом черты ее лица снова ожесточились. – Да и откуда мне, черт побери, знать? Если я уколую себе палец, идет кровь. Ежемесячно тоже... ну, сам понимаешь. Переем – болит живот, а перепью – голова. Если мне весело – я пою, если грустно – ругаюсь. Если кого-то ненавижу – убиваю, а если... А, дьявольщина, довольно. Твой ответ, ведьмак.

– Мой ответ таков: нет.

– Ты помнишь, о чем я говорила? – спросила она после недолгого молчания. – Есть предложения, которые нельзя отвергнуть, последствия бывают страшными. Я тебя серьезно предостерегаю, мое предложение относится именно к таким. Подумай как следует.

– Я подумал как следует. И отнесись ко мне серьезно, потому что я тоже предостерегаю тебя серьезно.

Ренфри какое-то время молчала, играя шнуром жемчуга, трижды обернутым вокруг красивой шеи и кокетливо прячущимся в углублении между двумя изящными полушариями, выглядывающими в разрезе блузки.

– Геральт, Стрегобор просил тебя убить меня?

– Да. Он полагал, что это будет Меньшее Зло.

– И ты отказал ему так же, как и мне?

– Так же.

– Почему?

– Потому что я не верю в Меньшее Зло.

Ренфри слабо улыбнулась, затем губы у нее искривились в гримасе, очень некрасивой при желтом свете свечи.

– Стало быть, не веришь. Видишь ли, ты прав, но только отчасти. Существуют просто Зло и Большое Зло, а за ними обоими в тени прячется Очень Большое Зло. Очень Большое Зло, Геральт, это такое, которого ты и представить себе не можешь, даже если думаешь, будто уже ничто не в состоянии тебя удивить. И знаешь, Геральт, порой бывает так, что Очень Большое Зло схватит тебя за горло и скажет: «Выбирай, братец, либо я, либо то, которое чуточку поменьше».

– Можно узнать, куда ты клонишь?

– А никуда. Выпила немного, вот и философствую, ищу общие истины. Одну как раз нашла: Меньшее Зло существует, но мы не в состоянии выбирать его сами. Лишь Очень Большое Зло может принудить нас к такому выбору. Хотим мы того или нет.

– Я явно выпил слишком мало, – ехидно усмехнулся ведьмак. – А полночь меж тем уже миновала, как и всякая полночь. Перейдем к конкретным вопросам. Ты не убьешь Стрегобора в Блавикене, я тебе не дам. Не позволю, чтобы дело дошло до бойни и резни. Вторично предлагаю: откажись от мести. Откажись от намерения убить его. Таким образом ты докажешь ему, и не только ему, что ты не кровожадное, нечеловеческое чудовище, мутант и выродок. Докажешь, что он ошибается. Что причинил тебе Очень Большое Зло своей ошибкой.

Ренфри некоторое время смотрела на медальон ведьмака, вертящийся на цепочке, которую тот крутил пальцами.

– А если я скажу, ведьмак, что не умею прощать или отказываться от мести, то это будет равносильно признанию, что он и не только он правы? Верно? Тем самым я докажу, что я все-таки чудовище, нелюдь, демон, проклятый богами? Послушай, ведьмак. В самом начале моих скитаний меня приютил один свободный кмет. Я ему понравилась. Однако поскольку мне он вовсе не нравился, а совсем даже наоборот, то всякий раз, когда он хотел меня взять,

он дубасил меня так, что утром я едва сползала с лежанки. Однажды я встала затемно и перерезала сердобольному кмету горло. Тогда я еще не была такой сноровистой, как теперь, и нож показался мне слишком маленьким. И, понимаешь, Геральт, слушая, как кмет булькает, и видя, как он дрыгает ногами, я почувствовала, что следы от его палки и кулаков уже не болят и что мне хорошо, так хорошо, что... Я ушла, весело посвистывая, здоровая, радостная и счастливая. И потом каждый раз повторялось то же самое. Если б было иначе, кто стал бы тратить время на месть?

– Ренфри, – сказал Геральт. – Независимо от твоих мотивов и соображений ты не уйдешь отсюда посвистывая и не будешь чувствовать себя так хорошо, что... Уйдешь не веселой и счастливой, но уйдешь живой. Завтра утром, как приказал войт. Я уже тебе это говорил, но повторяю. Ты не убьешь Стрегобора в Блавикене.

Глаза Ренфри блестели при свете свечи, горели жемчужины в вырезе блузки, искрился Геральтов медальон с волчьей пастью, крутясь на серебряной цепочке.

– Мне жаль тебя, – неожиданно проговорила девушка, не спуская глаз с мигающего кружочка серебра. – Ты утверждаешь, что не существует Меньшего Зла. Так вот – ты останешься на площади, на брусчатке, залитой кровью, один-одинешенек, потому что не сумел сделать выбор. Не умел, но сделал. Ты никогда не будешь знать, никогда не будешь уверен. Никогда, слышишь... А платой тебе будет камень и злое слово. Мне жаль тебя, ведьмак.

– А ты? – спросил ведьмак тихо, почти шепотом.

– Я тоже не умею делать выбор.

– Кто ты?

– Я то, что я есть.

– Где ты?

– Мне холодно...

– Ренфри! – Геральт сжал медальон в руке.

Она подняла голову, словно очнувшись ото сна, несколько раз удивленно моргнула. Мгновение, краткий миг казалась испуганной.

– Ты выиграл, – вдруг резко бросила она. – Выиграл, ведьмак. Завтра рано утром я уеду из Блавикена и никогда не вернусь в этот задрипанный городишко. Никогда. Налей, если там еще что-нибудь осталось.

Обычная насмешливая, лукавая улыбка опять заиграла у нее на губах, когда она отставила кубок.

– Геральт?

– Да?

– Эта чертова крыша очень крутая. Я бы лучше вышла от тебя на рассвете. В темноте можно упасть и покалечиться. Я княжна, у меня нежное тело, я чувствую горошину сквозь тюфяк. Если, конечно, он как следует не набит сеном. Ну, как ты думаешь?

– Ренфри, – Геральт невольно улыбнулся, – то, что ты говоришь, подобает княжне?

– Что ты, ядрена вошь, понимаешь в княжнах? Я была княжной и знаю: вся прелесть жизни в

том и состоит, чтобы делать то, что захочется. Я что, должна тебе прямо сказать, чего хочу, или сам догадаешься?

Геральт, продолжая улыбаться, не ответил.

– Я даже подумать не смею, что не нравлюсь тебе, – поморщилась девушка. – Уж лучше считать, что ты просто боишься, как бы тебя не постигла судьба свободного кмета. Эх, белоголовый! У меня при себе нет ничего острого. Впрочем, проверь сам.

Она положила ему ноги на колени.

– Стяни с меня сапоги. Голенища – лучшее место для кинжала.

Босая, она встала, дернула пряжку ремня.

– Тут тоже ничего не прячу. И здесь, как видишь. Да задуй ты свою треклятую свечу.

Снаружи в темноте орал кот.

– Ренфри?

– Что?

– Это батист?

– Конечно, черт побери. Княжна я или нет? В конце-то концов? 5

– Папа, – монотонно тянула Марилька, – когда мы пойдем на ярмарку? На ярмарку, папа!

– Тихо ты, Марилька, – буркнул Кальдемейн, вытирая тарелку хлебом. – Так что говоришь, Геральт? Она выматывается из городка?

– Да.

– Ну, не думал, что так гладко пойдет. С этим своим пергаментом да с печатью Аудоена она приперла меня к стенке. Я прикидывался героем, но, по правде говоря, хрен что мог им сделать.

– Даже если б они в открытую нарушили закон? Устроили шум, драку?

– Понимаешь, Геральт, Аудоен страшно раздражительный король, посылает на эшафот за любую мелочь. У меня жена, дочка, мне нравится моя должность. Не приходится думать, где утром достать жиру для каши. Одним словом, хорошо, что они уезжают. А как это, собственно, получилось?

– Папа, хочу на ярмарку.

– Либуше! Забери ты Марильку! Да, Геральт, не думал я. Расспрашивал Сотника, трактирщика из «Золотого Двора», о новиградской компании. Та еще шайка. Некоторых узнали.

– Да?

– Тот, со шрамом на морде, Ногорн, бывший приближенный Абергарда из так называемой ангреной вольницы. Слышал о такой вольнице? Ясно, кто не слышал. Тот, которого кличут Десяткой, тоже там был. И даже если не был, думаю, его прозвище пошло не от десяти добрых дел. Чернявый полуэльф Киврил – разбойник и профессиональный убийца. Вроде имеет какое-то отношение к резне в Тридаме.

– Где-где?

– В Тридаме. Не слышал? Об этом много было шуму. Три... Ну да, три года назад, потому как Марильке тогда было два годка. Барон из Тридама держал в яме каких-то разбойников. Их дружки, среди них, кажется, и полукровка Киврил, захватили паром на реке, полный пилигримов, а дело было во время Праздника Нис. Послали барону требование: мол, освободи всех. Барон, дело ясное, отказал, и тогда они принялись убивать паломников по очереди, одного за другим. Пока барон не смягчился и не выпустил их дружков из ямы, они спустили по течению больше десятка. Барону за это грозило изгнание, а то и топор: одни заимели на него зуб за то, что он уступил, только когда прикончили стольких, другие подняли шум, что-де очень скверно поступил, что, мол, это был прен... прецедент, или как его там, что, дескать, надо было перестрелять всех там из арбалетов вместе с заложниками или штурмом взять на лодках, не уступать ни на палец. Барон на суде толковал, что выбрал Меньшее Зло, потому как на пароме было больше четверти сотни людей, бабы, ребятня...

– Тридамский ультиматум, – прошептал ведьмак. – Ренфри...

– Что?

– Кальдемейн, ярмарка.

– Ну и что?

– Не понимаешь? Она меня обманула. Никуда они не выедут. Заставят Стрегобора выйти из башни, как заставили барона из Тридама. Или вынудят меня... Не понимаешь? Начнут мордовать людей на ярмарке. Ваш рынок посреди этих стен – настоящая ловушка!

– О боги, Геральт! Сядь! Куда ты, Геральт?

Марилька, напуганная криком, разревелась, втиснувшись в угол кухни.

– Я ж тебе говорила, – крикнула Либуше, указывая на Геральта. – От него одна беда!

– Тихо, баба! Геральт! Сядь!

– Надо их остановить. Немедленно, пока люди не хлынули на рынок. Собирай стражников. Когда будут выходить с постоянного двора, за шеи их и в яму!

– Геральт, подумай. Так нельзя, мы не можем их тронуть, если они ничего не сделали. Станут сопротивляться, прольется кровь. Это профессионалы, они вырежут мне весь народ. Если слух дойдет до Аудоена, полетит моя голова. Ладно, соберу стражу, пойду на рынок, буду следить за ними...

– Это ничего не даст, Кальдемейн. Когда толпа повалит на площадь, ты уже ничем не успокоишь народ, не остановишь панику и резню. Их надо обезвредить сейчас, пока рынок пуст.

– Это будет беззаконие. Я не могу допустить. Что до полуэльфа и Тридама – это может быть сплетня. Вдруг ты ошибаешься, и что тогда? Аудоен из меня ремни нарежет!

– Надо выбрать Меньшее Зло!

– Геральт! Я запрещаю! Как войт запрещаю! Положи меч! Стой!

Марилька кричала, прикрыв мордашку ручонками. 6

Киврил, заслонив глаза ладонью, посмотрел на солнце, выползающее из-за деревьев. На

рынке начиналось оживление, погромыхивали тележки и возы, первые перекупщики уже заполняли палатки товаром. Стучал молоток, пел петух, громко кричали чайки.

– Намечается чудесный денек, – молвил Десятка задумчиво. Киврил косо глянул на него, но смолчал.

– Как кони, Тавик? – спросил Ногорн, натягивая рукавицы.

– Готовы, оседланы. Киврил, их все еще мало на рынке.

– Будет больше.

– Надо бы чего пожрать.

– Потом.

– Как же! Будет у тебя потом время. И желание.

– Гляньте, – неожиданно сказал Десятка.

Со стороны главной улочки приближался ведьмак, обходил прилавки, направляясь прямо к ним.

– Ага, – сказал Киврил. – Ренфри была права. Дай-ка самострел, Ногорн.

Он сгорбился, натянул тетиву, придерживая ногой стремечко. Тщательно уложил стрелу в канавке. Ведьмак шел. Киврил поднял арбалет.

– Ни шага дальше, ведьмак!

Геральт остановился. От группы его отделяло около сорока шагов.

– Где Ренфри?

Полукровка скривил свою красивую физиономию.

– У башни. Делает чародею некое предложение. Она знала, что ты придешь. Велено передать тебе две вещи.

– Говори.

– Первое – послание, которое звучит так: «Я есть то, что я есть. Выбирай. Либо я, либо то, другое, меньшее». Вроде бы ты знаешь, в чем дело.

Ведьмак кивнул, потом поднял руку, ухватил рукоять меча, торчащую над правым плечом. Блеснул клинок, описав круг над его головой. Он медленно направился в сторону группы.

Киврил мерзко, зловеще рассмеялся.

– Ну-ну! Она и это предвидела, ведьмак. А посему сейчас ты получишь то второе, что она велела тебе передать. Прямо меж глаз.

Ведьмак шел. Полуэльф поднес самострел к лицу. Стало очень тихо.

Звякнула тетива. Ведьмак махнул мечом, послышался протяжный звон металла по металлу, стрела, крутясь, взмыла вверх, сухо ударилась о крышу, загромыхала в сточной трубе. Ведьмак шел.

– Отбил... – охнул Десятка. – Отбил в полете...

– Ко мне, – скомандовал Киврил. Лязгнули мечи, вырывающиеся из ножен, группа сомкнула плечи, оцетинилась остриями.

Ведьмак ускорил шаг, его движения, удивительно плавные и мягкие, перешли в бег – не прямо, на оцетинившуюся мечами группу, а вбок, обходя ее по сужающейся спирали.

Тавик не выдержал первым, двинулся навстречу, сокращая расстояние. За ним рванулись близнецы.

– Не расходиться! – рявкнул Киврил, вертя головой и потеряв ведьмака из виду. Выругался, отскочил в сторону, видя, что группа распадается, кружится между прилавками в сумасшедшем хороводе.

Тавик был первым. Еще мгновение назад он гнался за ведьмаком, теперь вдруг увидел, что тот мелькнул у него слева, направляясь в противоположную сторону. Он засеменил ногами, чтобы остановиться, но ведьмак пролетел рядом прежде, чем он успел поднять меч. Тавик почувствовал сильный удар выше бедра. Развернулся и начал падать. Уже оказавшись на коленях, с удивлением взглянул на свое бедро и принялся кричать.

Близнецы одновременно, атакуя мчащуюся на них черную расплывчатую фигуру, налетели один на другого, ударились плечами, на мгновение потеряв ритм. Этого оказалось достаточно. Выр, которого Геральт рубанул по всей ширине груди, согнулся пополам, опустил голову, сделал еще несколько шагов и рухнул на прилавок с овощами. Нимир получил в висок, закружился на месте и, обессилев, тяжело свалился в канаву.

На рынке закипело от бегущих перекупщиков, загрохотали переворачиваемые прилавки, поднялись пыль и крик. Тавик еще раз попробовал приподняться на дрожащих руках и упал.

– Десятка, слева! – рявкнул Ногорн, мчась полукругом, чтобы обойти ведьмака сзади.

Десятка быстро обернулся. Недостаточно быстро. Получил раз по животу, выдержал, размахнулся для удара, тут же получил снова – в шею под самым ухом. Напрягшись, сделал четыре неуверенных шагов и свалился на тележку, полную рыбы. Тележка покатила. Десятка соскользнул на брусчатку, серебрящуюся чешуей.

Киврил и Ногорн ударили одновременно с двух сторон, эльф с размаху сверху, Ногорн с присесту, низко, плоско. Оба удара ведьмак парировал, два металлических удара слились в один. Киврил отскочил, споткнулся, удержался на ногах, схватившись за деревянные столбики ларька. Ногорн бросился и заслонил его поднятым вверх мечом. Удар был настолько сильный, что его отшвырнуло назад, пришлось подогнуть колени. Вскakiвая, он заслонился рукой. Поздно. Получил удар в лицо симметрично старому шраму.

Киврил, оттолкнувшись спиной от ларька, перескочил через падающего Ногорна, налетел с полуоборота, ударил обеими руками, не попал, моментально отскочил. Удара он не почувствовал. Ноги под ним подкосились, когда, защищаясь, он попытался перейти с финтом к очередному выпад. Меч выпал у него из руки, рассеченной с внутренней стороны, выше локтя. Он упал на колени, затряс головой да так и замер в красной луже, среди раскиданной капусты, баранок и рыбы.

На рынок вступила Ренфри.

Она шла мягким, кошачьим шагом, обходя возки и прилавки. Толпа, словно рой шершней, гудевшая в улочках и у стен домов, утихла. Геральт стоял неподвижно, держа меч в опущенной руке. Девушка подошла на десять шагов, остановилась. Стало видно, что под кафтанчиком у нее кольчуга, короткая, едва прикрывающая бедра.

– Ты выбрал, – сказала она. – Ты уверен, что правильно?

– Здесь не будет второго Тридама, – с трудом сказал Геральт.

– И не было бы. Стрегобор высмеял меня. Сказал, что я могу перебить весь Блавикен и добавить несколько ближайших деревушек, но он все равно из башни не выйдет. Что так смотришь? Да, я обманула тебя. Я всю жизнь обманывала, если это было необходимо, чего же ради делать исключение для тебя?

– Уйди, Ренфри.

– Нет, Геральт, – рассмеялась она и быстро выхватила меч.

– Ренфри.

– Нет, Геральт. Ты свой выбор сделал, теперь моя очередь.

Одним рывком она сдернула юбку с бедер, закружила ею в воздухе, обматывая материал вокруг левого предплечья. Геральт отступил, поднял руку, сложив пальцы в знак. Ренфри снова засмеялась, коротко, хрипло.

– Пустое, белоголовый. Это меня не берет. Только меч.

– Отойди, Ренфри, – повторил он. – Отойди. Если мы скрестим мечи, я... Я уже не смогу...

– Знаю, – сказала она. – Но я... Я тоже не могу иначе. Просто не могу. Мы есть то, что мы есть. Ты и я.

Она двинулась на него легким, раскачивающимся шагом. В правой руке, выпрямленной и отведенной в сторону, поблескивал меч, левой она волокла юбку по земле. Геральт отступил на два шага.

Она прыгнула, махнула левой рукой, юбка взлетела в воздух, вслед за нею, заслоненный материалом, блеснул меч. Короткий удар. Геральт отскочил, ткань его даже не задела, а клинок Ренфри скользнул по его мечу, он машинально защитился серединой клинка, связал оба меча коротким вращением, пытаясь выбить у нее оружие. Это была ошибка. Она отбила его острие и сразу на полусогнутых, раскачивая бедрами, ударила, целясь в лицо. Геральт едва успел парировать удар, отскочил от падающей на него ткани. Закружился, избегая мелькающего в молниеносных ударах меча, снова отскочил. Она налетела на него, бросила юбку прямо в глаза, ударила вблизи с полуоборота. Он уклонился, увернувшись совсем рядом с ней. Она знала эти приемы. Развернулась одновременно с ним и, почти коснувшись его, так что он почувствовал ее дыхание, проехала ему лезвием по груди. Боль резанула его, но он не сбил темпа. Развернулся еще раз, в противоположную сторону, отразил клинок, летящий к его виску, сделал быстрый финт и выпад. Ренфри отскочила, наклонилась для удара снизу. Геральт, присев в выпаде, молниеносно рубанул ее снизу, самым концом меча, через открытое бедро и пах.

Она не крикнула. Упала на колено и на бок, отпустила меч, впилась обеими руками в рассеченное бедро. Кровь толчками запульсировала между пальцами, ручейком стекая на изукрашенный пояс, на лосиные сапоги, на грязную брусчатку. Толпа, втиснутая в улочки, зашевелилась и заорала.

Геральт спрятал меч.

– Не уходи, – простонала она, свертываясь в клубок.

Он не ответил.

– Мне... холодно...

Он не ответил. Ренфри снова застонала. Кровь юркими струйками заполняла ямки между камнями брусчатки.

– Геральт... обними меня.

Он не ответил.

Она отвернулась и замерла, прижавшись щекой к камням. Кинжал с очень острым лезвием, который она до того скрывала своим телом, выскользнул из ее мертвеющих пальцев.

Прошла минута, показавшаяся вечностью. Ведьмак поднял голову при звуке стучавшего по брусчатке посоха Стрегобора. Волшебник быстро приближался, обходя трупы стороной.

– Ну, бойня! – засопел он. – Видел, Геральт, все видел в кристалле...

Он подошел ближе, наклонился. В ниспадающей к земле черной одежде, опирающийся о посох, он казался старым, очень старым.

– Невероятно, – покачал он головой. – Сорокопутка мертвая. Совершенно.

Геральт не ответил.

– Ну, Геральт, – выпрямился волшебник, – иди за повозкой. Возьмем ее в башню. Надо сделать вскрытие.

Он глянул на ведьмака и, не дождавшись ответа, наклонился над телом.

Кто-то, незнакомый ведьмаку, сидящий внутри него, стиснул рукоять меча, быстро выхватил его из ножен. «Только коснись ее, колдун, – сказал тот, кого ведьмак не знал. – Только коснись ее, и твоя голова окажется на брусчатке».

– Ты что, Геральт, спятил? Да ты ранен, в шоке! Вскрытие – единственный способ узнать...

– Не прикасайся к ней!

Стрегобор, видя занесенный над ним меч, отскочил, взмахнул посохом.

– Хорошо! – крикнул он. – Как хочешь! Но ты так никогда и не узнаешь! Никогда не будешь уверен! Никогда, слышишь, ведьмак!

– Прочь!

– Как хочешь. – Маг повернулся, ударил посохом в брусчатку. – Я возвращаюсь в Ковир, ни на мгновение не задержусь в этой дыре. Пошли со мной. Не оставайся здесь. Эти люди ничего не знают, не понимают, они видели только, как ты убиваешь. А ты убиваешь отвратительно, Геральт. Ну, пошли?

Геральт не ответил, даже не взглянул на него. Убрал меч. Стрегобор пожал плечами и быстро отошел, ритмично постукивая палкой.

Из толпы полетел камень, ударился о брусчатку. За ним просвистел второй, у самого плеча Геральта. Ведьмак, выпрямившись, поднял обе руки, проделал ими быстрое движение. Толпа зашумела, камни посыпались гуще, но знак отбрасывал их в сторону – они пролетали мимо цели, оберегаемой невидимым, обтекаемым панцирем.

– Достаточно!!! – рывкнул Кальдемейн. – Кончайте, мать вашу...

Толпа загудела, как волна прибоя, но камни перестали летать. Ведьмак стоял неподвижно.

Войт подошел к нему.

– Это, – сказал он, широким жестом указывая на валяющиеся на площади неподвижные тела, – все? Так оно выглядит – Меньшее Зло, которое ты выбрал? Ты сделал уже все, что считал нужным?

– Да, – с трудом, не сразу ответил Геральт.

– Твоя рана серьезна?

– Нет.

– В таком случае уходи отсюда.

– Да, – сказал ведьмак. Он еще минуту постоял, избегая взгляда войта. Потом медленно, очень медленно повернулся.

– Геральт!

Ведьмак оглянулся.

– Не возвращайся сюда никогда, – сказал Кальдемейн. – Никогда.

Глас рассудка IV

– Поговорим, Иоля.

Мне необходим этот разговор. Говорят, молчание – золото. Возможно. Не знаю. Во всяком случае, своя цена у него есть.

Тебе легче, да, не отрицаю. Ведь ты добровольно избрала молчание, ты сделала из него жертву своей богине. Я не верю в Мелитэле, не верю в существование других богов, но ценю твой выбор, твою жертву, ценю и уважаю то, во что ты веришь. Ибо твоя вера и посвящение, цена молчания, которую ты платишь, сделают тебя лучше, достойнее. По крайней мере могут сделать. А мое неверие не может ничего. Оно бессильно.

Ты спрашиваешь: во что я в таком случае верю?

В меч.

Видишь, у меня их два. У каждого ведьмака по два меча. Недоброжелатели болтают, будто серебряный – против чудовищ, а стальной – против людей. Это, конечно, неправда. Есть чудовища, которых можно сразить только серебряным клинком, но встречаются и такие, для которых смертельно железо. Нет, Иоля, не любое железо, а только то, которое содержится в метеоритах. Что такое метеориты? Ты, я думаю, не раз видела падающую звезду. Падающая звезда – короткая светящаяся полоска на ночном небе. Видя ее, ты, наверно, загадывала какое-нибудь желание, может, для тебя это был очередной повод поверить в богов. Для меня метеорит всего лишь кусочек металла, который, падая, зарывается в землю. Металла, из которого можно выковать меч.

Можешь, ну конечно, можешь взять мой меч в руку. Видишь, какой он легкий? Даже ты его поднимешь без труда. Нет! Не прикасайся к острию, поранишься. Оно острее бритвы. Таким

должно быть.

О да, я тренируюсь часто. Каждую свободную минуту. Мне нельзя терять навык. Сюда, в самый дальний уголок храмового парка, я тоже пришел, чтобы размяться, изгнать из мускулов мерзкое, вредное онемение, которое на меня нападает, текущий по моим жилам холод. А ты меня нашла. Забавно, несколько дней я пытался отыскать тебя. Хотел...

Мне нужен этот разговор, Иоля. Присядем, поговорим немного.

Ведь ты меня совсем не знаешь.

Меня зовут Геральт. Геральт из... Нет. Просто Геральт. Геральт из ниоткуда. Я ведьмак.

Мой дом – Каэр Морхен, Обиталище Ведьмаков. Я оттуда. Есть... Была такая крепость. От нее мало что осталось.

Каэр Морхен... Там «изготавливали» таких, как я. Теперь этого уже не делают, а в Каэр Морхене уже никто не живет. Никто, кроме Весемира. Кто такой Весемир? Мой отец. Чему ты удивляешься? Что в этом странного? У каждого есть какой-никакой отец. Мой – Весемир. Ну и что, что не настоящий. Настоящего я не знал, мать тоже. Не знаю даже, живы ли они. И в общем-то мне это безразлично.

Да, Каэр Морхен... Я прошел там обычную мутацию. Испытание Травами, а потом – как всегда. Гормоны, вытяжки, вирусы. И все заново. И еще раз. До результата. Считалось, что я перенес Трансмутацию удивительно хорошо, болел очень недолго. Ну и меня сочли достаточно иммунизированным – есть такое ученое слово – парнем и отобрали для следующих, более сложных... экспериментов. Эти были и того чище. Гораздо. Но, как видишь, я выжил. Единственный из всех, кого для этих экспериментов отобрали. С тех пор у меня белые волосы. Полное отсутствие пигмента. Как говорится – побочный эффект. Так, мелочишка. Почти не мешает.

Потом меня обучали всякому. Довольно долго. И наконец настал день, когда я покинул Каэр Морхен и вышел на большак. У меня уже был медальон. Вот этот. Знак Школы Волка. Дали мне и два меча – серебряный и стальной. Кроме мечей, я нес убеждение, запал, мотивировки и... веру. Веру в то, что я нужен и полезен. Потому что мир, Иоля, якобы полон чудовищ и бестий, а в мою задачу входило защищать тех, кому эти чудовища угрожают. Уходя из Каэр Морхена, я мечтал встретиться со своим первым чудовищем, не мог дожидаться той минуты, когда столкнусь с ним лицом к лицу. И дождался.

У моего первого «чудовища», Иоля, была роскошная лысина и отвратительные зубы. Я встретился с ним на тракте, где он вместе с дружками-мародерами из какой-то армии остановил крестьянскую подводку и вытащил девочку лет, вероятно, тринадцати, а может, и меньше. Дружки держали отца девочки, а лысый срывал с нее платице и верещал, что ей-де самое время узнать, что есть настоящий мужчина. Я подъехал, слез с седла и сказал лысому, что для него тоже настал такой час. Мне это казалось ужасно смешным. Лысый отпустил девчонку и кинулся на меня с топором. Он был страшно медлительный, но крепенький. Я ударил его дважды, только тогда он упал. Удары были не очень точные, но очень, я бы сказал, эффектные, такие, что дружки лысого сбежали, видя, что может сделать из человека ведьмачий меч.

Тебе не скучно, Иоля?

Мне нужна эта беседа. Она мне очень нужна.

Так на чем я остановился? Да, на моем первом благородном деянии. Видишь ли, Иоля, в Каэр Морхене мне в голову вдолбили, что не следует впутываться в такие истории, надо

обходить их стороной, не изображать из себя странствующего рыцаря и не подменять стражей порядка. Я вышел на тракт не геройствовать, а за деньги выполнять поручаемые мне работы. А я вмешался словно дурак, не отъехав и пятидесяти верст от подножия гор. Знаешь, почему я это сделал? Хотел, чтобы девочка, заливаясь слезами, целовала мне, своему избавителю, руки, а ее отец рассыпался бы в благодарностях, стоя на коленях. Вместо этого отец девчонки сбежал вместе с мародерами, а девочку, на которую пролилась большая часть крови лысого, вырвало, и с ней случился приступ истерии, а когда я к ней подошел, она с перепугу упала в обморок. С тех пор я почти никогда не встревал в подобные истории.

Я делал свое дело. Быстро набрался опыта. Подъезжал к оврагам деревень, останавливался у палисадников поселков и городищ. И ждал. Если народ плевался, ругался и кидал в меня камни, я уезжал. Если же кто-нибудь выходил и давал мне задание, я его выполнял.

Я посещал города и крепости, искал оповещения, прибитые к столбам на росстанях. Искал сообщения вроде: «Срочно требуется ведьмак. Оплата по соглашению». А потом, как правило, было какое-нибудь урочище, подземелье, некрополь или руины, лесной овраг либо пещера в горах, забитая костями и воняющая падалью. И что-нибудь такое, единственной целью которого было убивать. От голода, ради удовольствия, выполняя чью-то большую волю, по другим причинам, но – убивать. Мантихор, выворотень, мгляк, жагница, жряк, химера, леший, вампир, гуль, гравейр, оборотень, гигаскорпион, стрыга, упырь, яга, кикимора, глумец. И была пляска во тьме и взмахи меча. И был страх и ужас в глазах того, кто вручал мне потом плату.

Ошибки? А как же, были.

Но я всегда придерживался принципов. Нет, не кодекса. Иногда просто прикрывался кодексом. Людям это нравится. Тех, кто имеет кодексы и руководствуется ими, чтят и уважают.

Не существует никаких кодексов, Иоля. Еще не написан ни один кодекс для ведьмаков. Я свой себе придумал сам. Взял и придумал. И придерживался его. Всегда...

Ну, скажем, почти всегда.

Ведь бывало и так, что мне казалось, будто все ясно, никаких сомнений. Просто надо сказать себе: «А какое мне дело? Не все ли равно, я – ведьмак». И следовало прислушаться к гласу рассудка. Послушаться интуиции, если не опыта. Да хоть бы и обычного, самого что ни на есть обыкновеннейшего страха.

Надо было послушаться гласа рассудка, и тогда...

Я не послушался.

Я думал, выбираю Меньшее Зло. Ну и выбрал... Меньшее Зло. Меньшее Зло! Я, Геральт из Ривии. Которого еще называют Мясником из Блавикена. Нет, Иоля, не прикасайся к моей руке. Контакт может высвободить в тебе... Ты можешь увидеть...

Я не хочу, чтобы ты увидела. Не хочу знать. Мне известно мое Предназначение, которое крутит и вертит мною, как смерч. Мое Предназначение? Оно идет за мной следом, но я никогда не оглядываюсь.

Петля? Да, Нэннеке, кажется, чувствует это. Что меня тогда дернуло, в Цинтре? Разве можно было так глупо рисковать?

Нет, нет и еще раз нет. Я никогда не оглядываюсь. А в Цинтру не вернусь, буду обходить ее, как рассадник чумы. Никогда туда не вернусь.

Да, если мои расчеты верны, ребенок должен был родиться в мае, примерно в дни праздника Беллетэйн. Если я прав, то это было бы любопытное стечение обстоятельств. Потому что Йеннифэр тоже родилась в Беллетэйн...

Пошли, Иоля. Смеркается.

Благодарю тебя за то, что ты согласилась со мной поговорить.

Благодарю тебя, Иоля.

Нет, нет, со мной все в порядке. Я чувствую себя прекрасно.

Вполне.

Вопрос цены

1

К горлу ведьмака был приставлен нож.

Ведьмак лежал, погрузившись в мыльную воду и откинув голову на скользкий край деревянной бадьи. Во рту чувствовался горький привкус мыла. Нож, тупой как валенок, болезненно скреб ему кадык, с хрустом перемещаясь к подбородку.

Цирюльник с миной художника, осознающего рождение шедевра, скребанул еще раз, как бы делая последний мазок, затем вытер ему лицо куском льняного полотна, смоченного чем-то таким, что вполне могло сойти за настойку лекарственного дягиля.

Геральт встал, позволил прислужнику вылить на себя ушат воды, вылез из бадьи, оставляя на полу следы мокрых ног.

– Полотенце, милсдарь. – Прислужник с любопытством глянул на его медальон.

– Благодарю.

– Вот одежда, – сказал Гаксо. – Рубашка, штаны, подштанники, камзол. А вот обувка.

– Вы обо всем подумали, кастелян. А в своих ботинках нельзя?

– Нельзя. Пива?

– Охотно.

Он одевался медленно. Прикосновение чужой, шершавой, непривычной одежды к распаренному телу портило настроение, которое установилось, пока он отмокал в воде.

– Господин кастелян?

– Слушаю вас, милсдарь Геральт.

– Не знаете ли, к чему все это? Зачем я тут нужен?

– Не мое дело, – сказал Гаксо, зыркнув на прислужников. – Мне велено вас надеть...

– Вы хотели сказать – одеть?

– Ну да, одеть и препроводить на пиршество, к королеве. Оденьте, виноват, наденьте камзол,

милсдарь Геральт, и спрячьте под ним ведьминский медальон.

– Ведьмачий, господин кастелян, ведьмачий. Тут лежал мой кинжал.

– Уже не лежит. Он в безопасном месте, как и оба меча и остальное ваше имущество. Там, куда вы идете, ходят без оружия.

Ведьмак пожал плечами, одернул тесноватый пурпурного цвета камзол.

– А это что? – Он указал на вышивку, украшавшую грудь.

– О, конечно, – сказал Гаксо, – чуть не забыл. На время пиршества вы будете благородным хозяином Равиксом из Четыругла. Как почетный гость сядете одесную королевы. Таково ее желание. А на камзоле – ваш герб. На золотом поле черный медведь, на нем девица в голубом одеянии с распущенными волосами и воздетыми руками. Соблаговолите запомнить, у кого-нибудь из гостей может быть бзик на геральдике, такое частенько случается.

– Ясно. Запомню, – серьезно сказал Геральт. – А Четыругла – где это?

– Четыругол. Достаточно далеко. Вы готовы? Можно идти?

– Можно. Скажите-ка еще, государь Гаксо, по какому случаю пир?

– Принцессе Паветте исполняется пятнадцать, по обычаю заявили претенденты на ее руку. Королева Калантэ хочет выдать ее за кого-нибудь из Скеллиге. Нам необходим союз с островитянами.

– Почему именно с ними?

– На тех, с кем у них союз, они нападают реже, чем на других.

– Существенный повод.

– Но не единственный. В Цинтре, милсдарь Геральт, традиция не позволяет править женщине. Наш король, Рёгнер, недавно скончался от морового поветрия, а другого мужа королева иметь не желает. Наша государыня Калантэ – женщина мудрая и справедливая, но король есть король. Тот, кто женится на принцессе, займет трон. Хорошо, если б попался боевой парень. А таких надо искать на Островах. Они там народ жесткий. Ну, пошли.

На середине внутренней галереи, окружавшей небольшой пустой дворик, Геральт остановился и тихо проговорил:

– Скажите, господин кастелян. Мы сейчас одни. Для чего королеве понадобился ведьмак? Вы должны кое-что знать. Кто, если не вы?

– Для того, для чего и всем остальным, – буркнул Гаксо. – Цинтра ничем не отличается от других мест. У нас есть и оборотни, и василиски, да и мантихор найдется, если толком пошукать. А стало быть, и ведьмак может пригодиться.

– Ох, крутите. Я спрашиваю, зачем королеве понадобился ведьмак на пиру, к тому же переодетый в голубого медведя с распущенными волосами.

Гаксо тоже остановился и даже перегнулся через балюстраду галереи.

– Творится что-то неладное, милсдарь Геральт, – буркнул он. – В замке, значит. Что-то тут появляется время от времени.

– Что?

– А что может появляться? Страховидло какое-то. Говорят, маленькое, горбатое, все в шипах, словно еж. Ночами по замку бродит, цепями гремит. Охает и стонет в покоех.

– Вы сами-то видели?

– Нет. – Гаксо сплюнул. – И видеть не хочу.

– Плетете, господин кастелян, плетете, – поморщился ведьмак. – Одно с другим не вяжется. Мы идем на обручальный пир. И что я там должен делать? Присматривать, как бы из-под стола не вылез горбун и не заохал? Без оружия? Выряженный словно шут? Эх, государь Гаксо!

– А, думайте что хотите, – надулся Гаксо. – Велели ничего вам не говорить. Вы просили, вот я и сказал. А вы – мол, я треплюсь. Вежливость сверх меры!

– Простите, не хотел вас обидеть. Просто удивился...

– Перестаньте удивляться. – Гаксо, все еще обиженный, повернул голову. – Вы тут не для того, чтобы удивляться. И советую, милсдарь ведьмак, если королева прикажет вам раздеться догола, покрасить себе задницу голубой краской и повиснуть в сенях головой вниз навроде канделябра, делайте это не удивляясь и немедленно. Иначе могут быть неприятности. Понятно?

– А как же. Идемте, государь Гаксо. Что бы там ни было, проголодался я после купания. 2

Не считая ни о чем не говорящего формального приветствия, когда она поименовала его «хозяином Четыругла», королева Калантэ не обменялась с ведьмаком ни словом. Пир еще не начинался, гости, громогласно объявляемые герольдом, продолжали съезжаться.

За огромным прямоугольным столом могли разместиться свыше сорока человек. Во главе стола на троне с высокой спинкой восседала Калантэ. По правую руку от нее уселся Геральт, по левую – Дрогодар, седовласый бард с лютней. Два верхних кресла слева от королевы пустовали.

Справа от Геральта вдоль длинной стороны стола уселись кастелян Гаксо и воевода с трудно запоминающимся именем. Дальше сидели гости из княжества Аттре – угрюмый и молчаливый рыцарь Раинфарн и его подопечный, пухлый двенадцатилетний князь Виндхальм, один из претендентов на руку принцессы. Дальше – красочные и разномастные рыцари из Цинтры и окрестные вассалы.

– Барон Эйлемберт из Тигга! – возгласил герольд.

– Кудкудак! – буркнула Калантэ, толкнув локтем Дрогодара. – Будет потеха.

Худой и усатый, богато вырядившийся рыцарь низко поклонился, но его живые веселые глаза и блуждающая на губах улыбка противоречили раболепной мине.

– Приветствую вас, государь Кудкудак, – церемонно произнесла королева. Прозвище барона явно срослось с ним крепче, нежели родовое имя. – Рада видеть.

– И я рад приглашению, – вздохнув, сообщил Кудкудак. – Что ж, погляжу на принцессу, ежели на то будет твоя воля, королева. Трудно жить в одиночестве, государыня.

– Ну-ну, государь Кудкудак, – слабо улыбнулась Калантэ, накручивая на палец локон. – Мы прекрасно знаем, что вы женаты.

– Охо-хо, – вздохнул барон. – Сама знаешь, государыня, какая слабая и нежная у меня жена,

а теперь в наших краях как раз оспа ходит. Ставлю свой пояс против старых лаптей, что через год с ней будет все кончено.

– Бедненький Кудкудак, но и счастливцев одновременно. – Калантэ улыбнулась еще милее. – Жена у тебя действительно слабовата. Я слышала, когда на прошлогодней жатве она застучала тебя в стогу с девкой, то гнала вилами чуть ли не версту, да так и не догнала. Надо ее лучше кормить и посматривать, чтобы по ночам спина не мерзла. И через год, вот увидишь, поправится.

Кудкудак посмурился, но не очень убедительно.

– Намек понял. Но на пиру остаться могу?

– Буду рада, барон.

– Посольство из Скеллиге! – крикнул уже порядком охрипший герольд.

Островитяне вошли молодцеватыми гулками шагами, вчетвером, в блестящих кожаных куртках, отороченных мехом котика, перепоясанные клетчатыми шерстяными шарфами. Первым шел жилистый воин, смуглый, с орлиным носом, рядом – плечистый юноша с рыжей шевелюрой. Все четверо склонились перед королевой.

– Почитаю за честь, – сказала Калантэ, слегка покраснев, – вновь приветствовать в своем замке знатного рыцаря Эйста Турсеаха из Скеллиге. Если б не хорошо известный факт, что тебе претит мысль о семейных узах, я бы с радостью приняла весть, что ты, возможно, прибыл просить руки моей Паветты. Неужто одиночество стало тебе докучать?

– Довольно часто, прекрасная Калантэ, – ответил смуглолицый островитянин, поднимая на королеву горящие глаза. – Однако я веду слишком опасную жизнь, чтобы думать о постоянной связи. Если б не это... Паветта еще юный, нераспустившийся бутон, но...

– Что «но», рыцарь?

– Яблочко от яблоньки недалеко падает, – улыбнулся Эйст Турсеах, сверкнув белизной зубов. – Достаточно взглянуть на тебя, королева, чтобы увидеть, какой красавицей станет принцесса, когда достигнет того возраста, в котором женщина может дать счастье воину. Сейчас же бороться за ее руку должны юноши. Такие, как племянник нашего короля Брана, Крах ан Крайт, прибывший к тебе именно с этой целью.

Крах, наклонив рыжую голову, опустился перед королевой на одно колено.

– А кого ты еще привел, Эйст?

Кряжистый мужчина с бородой метлой и верзила с волюшкой за спиной опустились на колено рядом с Крахом ан Крайтом.

– Это доблестный друид Мышовур, как и я, – друг и советник короля Брана. А это Драйг Бон-Дху, наш знаменитый скальд. Тридцать же моряков из Скеллиге ждут во дворе, надеясь, что прекрасная Калантэ из Цинтры покажется им хотя бы в окне.

– Рассаживайтесь, благородные гости. Ты, милсдарь Турсеах, здесь.

Эйст занял свободное место на узкой стороне стола, отделенный от королевы только пустым стулом и местом Дрогодара. Остальные островитяне уселись слева, между маршалом двора Виссегердом и тройкой сыновей хозяина из Стрепта, которых звали Слиздяк, Дроздяк и Держигорка.

– Ну, более-менее все, – наклонилась королева к маршалу. – Начинаем, Виссегерд.

Маршал хлопнул в ладоши. Слуги с блюдами и кувшинами в руках строем двинулись к столу, приветствуемые радостным гулом.

Калантэ почти ничего не ела, лишь равнодушно ковыряла блюда серебряной вилкой. Дрогодар, что-то быстро заглотав, бренчал на лютне. Зато остальные гости активно опустошали блюда с запеченными поросятами, птицей, рыбой и моллюсками, при этом опережал всех рыжий Крах ан Крайт. Раинфарн из Аттре строго следил за юным князем Виндхальмом, один раз даже дал ему по рукам за попытку ухватить кувшин с яблочной наливкой. Кудкудак, на секунду оторвавшись от бараньей ноги, порадовал соседей свистом болотной черепахи. Становилось все веселее. Звучали тосты, все менее складные.

Калантэ поправила тонкий золотой обруч на пепельно-серых, закрученных локонами волосах, слегка повернулась к Геральту, пытавшемуся разгрызть панцирь большого красного омара.

– Ну, ведьмак, – сказала она, – за столом уже достаточно шумно, чтобы незаметно обменяться несколькими словами. Начнем с любезностей. Я рада познакомиться с тобой.

– Взаимно рад, королева.

– А теперь так: у меня к тебе дело.

– Догадываюсь. Редко кто меня приглашает на пирушки из чистой симпатии.

– Надо думать, ты не очень-то интересный собеседник за столом. Ну а еще о чем-нибудь ты догадываешься?

– Да.

– О чем же?

– Скажу, когда узнаю, какое у тебя ко мне дело, королева.

– Геральт, – сказала Калантэ, коснувшись пальцами ожерелья, в котором самый маленький изумрудик был размером со скарабея, – как по-твоему, какое задание можно придумать для ведьмака? А? Выкопать колодец? Залатать дыру в крыше? Выткать гобелен, изображающий все позы, какие король Вриданк и прекрасная Керо испробовали во время первой ночи? Думаю, ты и сам прекрасно знаешь, в чем состоит твоя профессия.

– Знаю. И теперь могу сказать, о чем я догадался.

– Интересно.

– О том, что, как и многие иные, ты путаешь мою профессию с совершенно другой.

– Ах... – Калантэ с задумчивым и отсутствующим видом, слегка наклонившись к бренчащему на лютне Дрогодару, проговорила: – И кто же они такие, Геральт, те многие, которые оказались равными мне по невежеству? И с какой такой профессией эти глупцы путают твою?

– Королева, – спокойно сказал Геральт, – по пути в Цинтру мне встречались кметы, купцы, старьевщики-краснолюды, котельщики и лесорубы. Они говорили о бабе-яге, у которой где-то в здешних местах есть логово, этакий домик на когтистых курьих ножках. Упоминали о химере, гнездящейся в горах. О жагницах-коромыслах и сколопендроморфах. Вроде бы встречается и мантихор, если как следует пошукать. Так что работы для ведьмака хватает, и при этом ему даже нет нужды наряжаться в чужие перья и гербы.

– Ты не ответил на вопрос.

– Королева, не сомневаюсь, что союз со Скеллиге, заключенный путем замужества твоей дочери, Цинтре необходим. Возможно, интриганов, которые хотят этому помешать, следовало бы проучить, да так, чтобы властитель не был в это замешан. Разумеется, лучше, если б это сделал никому здесь не известный хозяин из Четыругла, который тут же исчезнет со сцены. А теперь я отвечу на твой вопрос. Ты путаешь мою специальность с профессией наемного убийцы. А многие иные – это те, в руках у которых власть. Меня уже не раз призывали во дворцы, в которых проблемы хозяина требуют быстрых ударов меча. Но я никогда не убивал людей ради денег, независимо от того, требовали ли этого добрые или скверные обстоятельства. И никогда этого делать не стану.

Атмосфера за столом оживлялась пропорционально количеству убывающего пива. Рыжий Крах ан Крайт нашел благодарных слушателей, которые внимали его рассказу о битве под Твитом. Начертав на столе карту при помощи кости с мясом, смоченной в соусе, он наносил на нее тактическую ситуацию, при этом громко вереща. Кудкудак, доказывая справедливость данного ему прозвища, неожиданно закудахтал, словно самая настоящая квочка, вызвав всеобщее веселье пирующих и отчаяние слуг, решивших, что, насмехаясь над бдительностью охранников, в залу со двора проникла птица.

– М-да, судьба наказала меня чересчур уж догадливым ведьмаком, – улыбнулась Калантэ, но глаза ее были прищурены и злы. – Ведьмак, который без тени уважения или хотя бы элементарной почтительности раскрывает мои интриги и ужасные преступные планы. Послушай, а случайно, не притупило ли твоего рассудка восхищение моей красотой и привлекательностью? Никогда больше так не поступай, Геральт. Не говори так с теми, у кого в руках власть. Никто не простит тебе этого, а ты знаешь королей, знаешь, что средств у них достаточно. Кинжал. Яд. Подземелье. Раскаленные клещи. Есть сотни, тысячи способов, к которым обращаются короли, привыкшие мстить за оскорбленную гордость. Ты не поверишь, Геральт, как легко задеть гордость некоторых владык. Редко кто из них спокойно выслушает такие слова, как «Нет», «Не буду», «Никогда». Мало того, достаточно их перебить либо вставить неподходящее словечко, и все – колесование обеспечено.

Калантэ сложила белые узкие ладони и слегка коснулась их губами, сделав эффектную паузу. Геральт не перебивал и не вставлял неподходящих словечек.

– Короли, – продолжала Калантэ, – подразделяют людей на две категории. Одним приказывают, других покупают. Ибо короли придерживаются старой и банальной истины: купить можно любого. Любого. Вопрос только в цене. С этим ты согласен? Ах, напрасно я спрашиваю, ты же ведьмак, выполняешь свою работу и берешь плату. В отношении тебя слово «купить» теряет свое презрительное звучание. И вопрос цены в твоем случае – дело очевидное, связанное со степенью сложности задачи, качеством исполнения, мастерством. И с твоей славой, Геральт. Нищие на ярмарках распевают о деяниях белоголового ведьмака из Ривии. Если хотя бы половина того, о чем они поют, правда, то могу поспорить, что цена твоих услуг немалая. Привлекать тебя к таким простым и банальным делишкам, как дворцовые интриги и грабежи, было бы пустой тратой денег. Это могут сделать другие, более дешевые руки.

– БРААК! ГРАААХ! БРАААК! – вдруг возопил Кудкудак, сорвав громкие аплодисменты за имитацию крика очередного животного. Геральт не знал какого, но не хотел бы встретиться с чем-либо подобным. Он отвернулся, заметив спокойный ядовито-зеленый взгляд королевы. Дрогодар, опустив голову и спрятав лицо за седыми волосами, опадающими на руки, тихо побрякивал на лютне.

– Ах, Геральт, – сказала Калантэ, жестом запрещая прислужнику доливать кубок. – Я все говорю, а ты все молчишь. Мы на пиру, нам хочется как следует повеселиться. Развесели

меня. Мне начинает не доставать твоих ценных замечаний и проницательных комментариев. Не помешали бы парочка комплиментов, заверения в уважении и верности, например. Очередность – на твое усмотрение.

– Ну что ж, королева, – произнес ведьмак, – не спорю, я, несомненно, малоинтересный собеседник за столом. Надивиться не могу, что именно мне ты оказала честь, поместив рядом с собой. Ведь здесь можно было посадить гораздо более соответствующего твоим желаниям человека. Достаточно кому-либо приказать или кого-либо купить. Всего лишь вопрос цены.

– Говори, говори. – Калантэ откинула голову, прикрыла глаза и сложила губы, изобразив некое подобие милой улыбки.

– Я невероятно горд тем, что именно мне выпала честь сидеть рядом с королевой Калантэ из Цинтры, красоту которой превышает только ее мудрость. Не меньшей честью я почитаю и то, что королева соизволила слышать обо мне, а также и то, что на основании услышанного пожелала использовать меня для банальных делишек. Прошлой зимой князь Погробарк, не будучи столь тонок умом, пытался нанять меня для поисков красоты, которая, пресытившись его ухаживаниями, сбежала с бала, потеряв туфельку. Я с большим трудом убедил его, что для этого нужен ловкий охотник, а не ведьмак.

Королева слушала с загадочной улыбкой на устах.

– Да и другие владыки, не столь мудрые, как ты, государыня Калантэ, бывало, предлагали мне элементарные, по сути, задания. В основном их интересовали банальные убийства пасынка, отчима, мачехи, дядюшки, тетюшки, трудно перечислить. Им казалось, будто все упирается лишь в цену.

Улыбка королевы могла означать все что угодно.

– Поэтому повторяю. – Геральт слегка наклонил голову. – Я вне себя от гордости, имея возможность сидеть рядом с тобой, королева. Гордость же для нас, ведьмаков, значит очень много. Ты не поверишь, королева, как много. Некий владыка однажды уязвил гордость ведьмака, предложив тому работу, не согласующуюся с честью и ведьмачьим кодексом. Более того, он не принял к сведению вежливого отказа, хотел удержать ведьмака в своих владениях. Все, кто бы ни комментировал этот случай, в один голос утверждали, что идея того владыки была не из лучших.

– Геральт, – сказала Калантэ, немного помолчав, – я ошиблась. Ты оказался очень интересным собеседником за столом.

Кудкудак, отряхнув усы и кафтан от пивной пены, задрал голову и пронзительно взвыл, весьма удачно подражая вою волчицы во время течки. Собаки во дворе и по всей округе поддержали его воем.

Один из стрептских братьев, кажется, Держигорка, обмакнув палец в пиво, провел толстую черту около воинского подразделения, нарисованного Крахом ан Крайтом, и воскликнул:

– Ошибочно и бездарно! Нельзя было так действовать. На этом фланге надо было поставить конницу и вдарить сбоку!

– Ха! – рявкнул Крах ан Крайт, хватив костью по столу, в результате чего лица и туники соседей покрылись пятнами соуса. – И ослабить середину? Ключевую позицию? Нелепица!

– Только слепец или чокнутый не маневрирует при такой ситуации!

– Точно! Верно! – крикнул Виндхальм из Аттре.

– А тебя кто спрашивает, говнюк?

– От говнюка слышу!

– Заткнись, не то огрею костью!

– Сиди на своей жопе, Крах, и помалкивай! – крикнул Эйст Турсеах, прерывая беседу с Виссегердом. – Довольно лаяться! Эй, господин Дрогодар! Талант пропадает! Чтобы слушать ваше прекрасное, но слишком тихое пение, необходима сосредоточенность и серьезность. Драйг Бон-Дху, кончай жрать и лакать! За этим столом ты никого не удивишь ни тем, ни другим. Подуй-ка в свои дудки и порадай наши уши приличной боевой музыкой. С твоего позволения, благородная Калантэ!

– О мать моя, – шепнула королева Геральту, в немом отчаянии возводя глаза к потолку. Но кивнула, улыбнувшись естественно и доброжелательно.

– Драйг Бон-Дху, – проговорил Эйст, – сыграй нам песню о битве под Хочебужем! Она-то не подорвет нашего доверия к тактическим действиям полководцев! И еще раз поведает о том, кто покрыл себя неувядаемой славой в том бою! Здравие героической Калантэ из Цинтры!

– Здравие! Хвала! Слава! – рычали гости, наполняя кубки и глиняные кружки.

Дудки Драйговой волынки издали зловещий гул, потом заныли ужасающим, протяжным, вибрирующим стоном. Пирующие запели, отбивая такт, то есть барабания чем попало по столу. Кудкудак алчно уставился на мешок из козлиной кожи, несомненно, зачарованный мыслью о том, как бы включить вырывающиеся из его чрева жуткие звуки в свой репертуар.

– Хочебуж, – сказала Калантэ, глядя на Геральта, – мой первый бой. Хоть я и опасаюсь вызвать нарекания почтенного ведьмака, признаюсь, что тогда дрались из-за денег. Враг палил деревни, которые платили нам дань, а мы, ненасытные и жадные, вместо того чтобы допустить это, кинулись в бой. Банальный повод, банальная битва, банальные три тысячи трупов, расклеванных воронами. И заметь, вместо того чтобы устыдиться, я сижу тут, гордясь, что обо мне слагают песни. Даже если их маломелодичное пение сопровождается столь кошмарной, варварской музыкой.

Королева снова изобразила на лице пародию на улыбку, счастливую и доброжелательную, подняв пустой кубок в ответ на тосты, летевшие со всех сторон стола. Геральт молчал.

– Продолжим. – Калантэ приняла поданное Дрогодаром бедрышко фазана и принялась его изящно обглаживать. – Итак, ты возбудил во мне интерес. Мне рассказывали, что вы, ведьмаки, любопытная каста, но я не очень-то верила. Теперь верю. Если вас ударить, вы издаете такой звук, будто выкованы из стали, а не вылеплены из птичьего помета. Однако это ни в коей мере не меняет того факта, что ты находишься тут, чтобы выполнить задание. И ты его исполнишь не мудрствуя лукаво.

Геральт не улыбнулся ни насмешливо, ни ехидно, хотя было у него такое желание.

– Я думала, – буркнула королева, уделяя, казалось, все внимание исключительно фазаньему бедрышку, – ты что-нибудь скажешь. Или улыбнешься. Нет? Тем лучше. Можно ли считать, что мы заключили соглашение?

– Нечеткие задания, – сухо бросил ведьмак, – невозможно четко выполнять, королева.

– А что тут нечеткого? Ты же сразу обо всем догадался. Действительно, я планирую союз со Скеллиге и замужество моей дочери Паветты. Ты не ошибся, предположив, что моим планам что-то угрожает, а также что нужен мне, дабы эту угрозу ликвидировать. Но на том твоя догадливость и кончается. Предположив, будто я путаю профессию твою с профессией

наемного убийцы, ты сделал мне больно. Учти, Геральт, я вхожу в число тех немногих владык, которые абсолютно точно знают, чем занимаются ведьмаки и для каких дел их следует приглашать. С другой стороны, если некто убивает людей так же ловко, как ты, пусть даже и не ради денег, он не должен удивляться тому, что столь многие приписывают ему профессионализм в подобных делах. Твоя слава опережает тебя, Геральт, и она громче, чем треклятая волынка Драйга Бон-Дху. Да и приятных звуков в ней столь же мало.

Волынщик, хоть и не мог слышать слов королевы, закончил свой концерт. Застольники наградили его хаотической, шумной овацией и с новыми силами кинулись истреблять запасы пищи и напитков, отдавшись воспоминаниям о ходе различных битв и непристойным шуткам о женщинах. Кудкудак то и дело издавал громкие звуки, однако невозможно было определить однозначно, были ли это подражания очередным животным или же попытки облегчить перегруженный кишечник.

Эйст Турсеах перегнулся через стол.

– Королева, вероятно, серьезные проблемы побуждают тебя все свое время посвящать исключительно хозяину из Четыругла, но, мне думается, пора бы уже взглянуть на принцессу. Чего мы ждем? Не того же, чтобы Крах ан Крайт упился вконец. А это уже близко.

– Ты, как всегда, прав, Эйст. – Калантэ тепло улыбнулась. Геральт не переставал дивиться богатому арсеналу ее улыбок. – Действительно, мы с благородным Равиксом обсуждали чрезвычайно важные дела. Но не волнуйся, я посвящу время и тебе. Но ты же знаешь мой принцип: сначала дела, потом удовольствия. Господин Гаксо!

Она подняла руку, кивнула кастеляну. Гаксо молча встал, поклонился и быстро побежал по лестнице, скрывшись в темной галерейке. Королева снова повернулась к ведьмаку.

– Слышал? Мы, оказывается, чересчур увлеклись беседой. Если Паветта уже перестала вертеться перед зеркалом, то сейчас придет. Поэтому слушай внимательно, повторять я не стану. Я хочу добиться того, что задумала и что ты довольно точно угадал. Никаких других решений быть не может. Что касается тебя, то у тебя есть выбор. Тебя могут заставить действовать по моему приказу... Над последствиями непослушания не вижу смысла рассусоливать. Послушание, разумеется, будет щедро вознаграждено. Или же ты можешь оказать мне платную услугу. Заметь, я не сказала: «Могу тебя купить», потому что решила не уязвлять твоего ведьмачьего самолюбия. Согласись, разница колоссальная?

– Размеры этой разницы как-то ускользнули от моего внимания.

– Так уж ты постарайся быть повнимательнее, когда я говорю с тобой. Разница, дорогой мой, состоит в том, что купленному покупателю платит по собственному усмотрению, а оказывающий услугу цену назначает сам. Ясно?

– Более-менее. Допустим, я выбираю форму платной услуги. Но тебе не кажется, что мне следует знать, в чем эта услуга состоит?

– Нет, не следует. Если это приказ, то он, конечно, должен быть конкретным и однозначным. Другое дело, когда речь идет о платной услуге. Меня интересует результат. Ничего больше. Какими средствами ты его обеспечишь – твое дело.

Геральт, подняв голову, встретился с черным пронизывающим взглядом Мышовура. Друид из Скеллиге, не спуская с ведьмака глаз, как бы в задумчивости крошил в руке кусочек хлеба, роняя крошки. Геральт взглянул на стол. Перед друидом на дубовой столешнице крошки хлеба, зернышки каши и красные обломочки панциря омара быстро шевелились, бегая словно муравьи. И складывались в руны. Руны – на мгновение – соединились в слово. В вопрос.

Мышовур ждал, не спуская с Геральта глаз. Ведьмак едва заметно кивнул. Друид опустил веки и с каменным лицом смел крошки со стола.

– Благородные господа! – воскликнул герольд. – Паветта из Цинтры!

Гости утихли, повернув головы к лестнице.

Предваряемая кастеляном и светловолосым пажом в пурпурного цвета курточке принцесса спускалась медленно, опустив голову. Волосы у нее были того же цвета, что у матери, – пепельно-серые, но она носила их заплетенными в две толстые косы, достигающие почти до ягодиц. Кроме диадемы с искусно вырезанной геммой и пояса из мелких золотых звеньев, охватывающего на бедрах длинное серебристо-голубое платье, на Паветте не было никаких украшений.

Сопровождаемая пажом, герольдом, кастеляном и Виссегердом принцесса прошла к столу и заняла свободный стул между Дрогодаром и Эйстом Турсеахом. Рыцарь-островитянин не замедлил позаботиться о ее кубке и занять разговором. Геральт обратил внимание, что отвечала она не больше чем одним словом. Глаза у нее были постоянно опущены и все время прикрыты длинными ресницами, даже во время громогласных тостов, летевших со всех сторон стола. Ее красота, несомненно, произвела впечатление на пирующих. Крах ан Крайт перестал вскрикивать и молча глазел на Паветту, забыв даже о кубке с пивом. Виндхальм из Аттре пожирал принцессу глазами, переливаясь всеми цветами побежалости, словно лишь несколько песчинок в часах отделяли его от брачного ложа. Подозрительно сосредоточившись, разглядывали миниатюрное личико девочки Кудкудак и братья из Стрепта.

– Так, – тихо сказала Калантэ, явно довольная эффектом. – Что скажешь, Геральт? Без ложной скромности – дева уродилась в мать. Мне даже немного жаль отдавать ее в руки рыжему чурбану Краху. Вся надежда на то, что, может быть, из сопляка вырастет нечто такого же класса, как Эйст Турсеах. Как ни говори – та же кровь. Ты меня слушаешь, Геральт? Цинтра должна вступить в союз со Скеллиге, ибо того требуют государственные интересы. Моя дочь должна выйти за соответствующего человека, ибо это моя дочь. Именно этот результат ты должен мне обеспечить.

– Я? Неужто недостаточно твоей воли, королева?

– События могут пойти так, что будет недостаточно.

– Что может быть сильнее твоей воли?

– Предназначение.

– Ага. Стало быть, я, слабый ведьмак, должен сопротивляться Предназначению, которое сильнее королевской воли. Ведьмак, борющийся с Предназначением! Какая ирония!

– В чем ты видишь иронию?

– Не будем об этом. Королева, похоже, услуга, которую ты требуешь, граничит с невозможностью.

– Если бы она граничила с возможностью, – процедила сквозь зубы Калантэ, – я справилась бы сама, мне не понадобился бы знаменитый Геральт из Ривии. Перестань мудрствовать. Сделать можно все, это лишь вопрос цены. Черт возьми, в твоём ведьмачьем ценнике должна быть цена за то, что граничит с невозможностью. Думаю, немалая. Обеспечь нужный мне результат, и ты получишь то, что пожелаешь.

– Как ты сказала, королева?

– Дам, что пожелаешь. Не люблю повторять. Интересно бы узнать, ведьмак, ты перед каждой работой, за которую берешься, стараешься отбить у нанимателя охоту так же усиленно, как у меня? Время уходит, ведьмак. Да или нет? Отвечай.

– Да.

– Лучше. Лучше, Геральт. Твои ответы уже гораздо ближе к идеалу, все больше походят на те, какие я ожидаю. А теперь незаметно протяни левую руку и пощупай за спинкой моего трона.

Геральт сунул руку под желто-голубую драпировку. Почти сразу же наткнулся на меч, плоско прикрепленный к обитой тисненой козловой кожей спинке. Прекрасно знакомый меч.

– Королева, – бросил он тихо, – не говоря уж о том, что я раньше сказал относительно уничтожения людей, ты, конечно, понимаешь, что против Предназначения меча недостаточно?

– Понимаю, – Калантэ опустила голову. – Необходим еще ведьмак, который этот меч держит. Как видишь, я позаботилась и об этом.

– Королева...

– Ни слова больше, Геральт. Мы и так слишком долго шушукаемся. На нас смотрят, а Эйст начинает закипать. Только не слишком усердствуй. Я хочу, чтобы рука у тебя была твердой.

Он так и поступил. Королева включилась в разговор, который вели Эйст, Виссегерд и Мышовур при молчаливом и сонном участии Паветты. Дрогодар отложил лютню и наверстывал упущенное в еде. Гаксо был неразговорчив. Воевода с трудно произносимым именем, который что-то слышал о делах и проблемах Четыругла, спросил из приличия, хорошо ли жеребятся кобылы. Геральт ответил, что, мол, да, лучше, чем жеребцы. Он не был уверен, что шутку правильно поняли. Больше вопросов воевода не задавал.

Мышовур все время пытался встретиться взглядом с ведьмаком, но крошки на столе уже не шевелились.

Крах ан Крайт все больше сближался с двумя братьями из Стрепта. Третий, самый младший, совсем захмелел, стараясь выдержать темп, предложенный Драйгом Бон-Дху. Похоже, скальд из этого состязания вышел трезвым как стеклышко.

Собравшиеся в конце стола более молодые и не столь важные гости фальшиво затянули известную песенку о рогатом козленочке и мстительной, напрочь лишенной чувства юмора бабулечке.

Кучерявый слуга и капитан стражи в желто-голубых цветах Цинтры подбежали к Виссегерду. Маршал, поморщившись, выслушал доклад, встал, подошел к трону и, низко наклонившись, что-то прошептал королеве. Калантэ быстро глянула на Геральта и ответила кратко, односложно. Виссегерд наклонился еще ниже, зашептал, королева резко взглянула на него, молча ударила ладонью по подлокотнику трона. Маршал поклонился, передал приказ капитану стражи. Геральт не расслышал, что это был за приказ. Однако увидел, что Мышовур беспокойно шевельнулся и взглянул на Паветту – принцесса сидела неподвижно, опустив голову.

В зале послышались тяжелые, отдающие металлом шаги, пробивающиеся сквозь гул за столом. Пирующие подняли головы и обернулись.

Приближающаяся фигура была закована в латы, скомбинированные из металлических пластин и травленной в воске кожи. Выпуклый, граненый, черно-голубой нагрудник заходил

на сегментную юбку и короткие защитные щитки на бедрах. Металлические наплечники щетинились острыми стальными иглами, забрало с густой сеткой, вытянутое на манер собачьей морды, было усеяно шипами, как кожа каштана.

Хрустя и скрипя, странный гость приблизился к столу и застыл напротив трона.

– Благородная королева, благородные господа, – проговорил пришелец из-за забрала, проделывая неуклюжий поклон. – Прошу простить за то, что нарушаю торжественный пир. Я Йож из Эрленвальда.

– Приветствую тебя, Йож из Эрленвальда, – медленно проговорила Калантэ. – Займи место за столом. Мы в Цинтре рады любому гостю.

– Благодарю, королева. – Йож из Эрленвальда еще раз поклонился, коснулся груди рукой в железной перчатке. – Однако я прибыл в Цинтру не как гость, а по делу – важному, не терпящему отлагательства. Если королева Калантэ позволит, я изложу его суть незамедлительно, не отнимая у вас непотребно времени.

– Йож из Эрленвальда, – резко сказала королева. – Похвальная забота о нашем времени не оправдывает неуважительности. А таковой я считаю то, что ты обращаешься ко мне из-за железного решета. Посему – сними шлем. Уж мы как-нибудь переживем потерю времени, кое тебе понадобится на такое действие.

– Мое лицо, королева, должно оставаться укрытым. Пока. С твоего позволения.

По зале пролетел гневный шум, гул, там и тут усиленный приглушенными ругательствами. Мышовур, наклонив голову, беззвучно пошевелил губами. Ведьмак почувствовал, как заклинание на секунду наэлектризовало воздух, шевельнуло его медальон. Калантэ глянула на Йожа, прищурившись и постукивая пальцами по подлокотнику трона.

– Позволяю, – сказала она наконец. – Хотелось бы верить, что причина, которой ты руководишься, достаточно серьезна. Итак, говори, что привело тебя, Йож Безликий.

– Благодарю за позволение, – произнес пришелец. – Однако, чтобы отклонить укор в отсутствии уважения, поясню, что дело в рыцарском обете. Я не могу открыть лицо, пока не пробьет полночь.

Королева небрежным жестом подтвердила, что принимает объяснение. Йож сделал шаг вперед, скрипнув шипастыми латами.

– Пятнадцать лет тому назад, – пояснил он громко, – твой супруг, госпожа Калантэ, король Рёгнер, заблудился во время охоты в Эрленвальде. Плутая по бездорожью, упал с коня в яр и вывихнул ногу. Он лежал на дне яра и звал на помощь, но ответом было только шипение змей да вой приближающихся оборотней. Он, несомненно, погиб бы, если б не подоспевшая помощь.

– Я знаю. Так оно и было, – подтвердила королева. – И если ты это знаешь тоже, то догадываюсь, что ты и был тем, кто оказал ему помощь.

– Да. Только благодаря мне он вернулся в замок целым и невредимым. К тебе, государыня.

– Значит, я обязана тебе благодарностью, Йож из Эрленвальда. Эта благодарность не становится меньше от того, что Рёгнер, владыка моего сердца и ложа, уже покинул этот мир. Я рада бы спросить, каким образом могу проявить благодарность, однако боюсь, что благородного рыцаря, дающего обеты и руководствующегося во всех поступках рыцарским кодексом, такой вопрос может обидеть. Поскольку это предполагало бы, что помощь, которую ты оказал королю, не была бескорыстной.

– Ты прекрасно знаешь, королева, что она действительно не была таковой. Знаешь также, что я как раз и пришел за наградой, обещанной мне королем за спасение его жизни.

– Вот как? – улыбнулась королева, но в ее глазах забегали зеленые искорки. – Стало быть, ты нашел короля на дне яра, безоружного, раненого, брошенного на произвол судьбы, на милость змей и чудовищ, и только после того, как он пообещал тебе награду, поспешил ему на помощь? А если б он не хотел или не мог обещать награды, ты оставил бы его там, а я до сих пор не знала бы, где белеют его кости? Ах как благородно! Уж наверняка ты руководствовался каким-нибудь рыцарским обетом.

Шум меж собравшимися усилился.

– И сегодня прибыл за наградой, Йож? – продолжала королева, улыбаясь все более зловеще. – Спустя пятнадцать лет? Вероятно, надеешься на проценты, которые набежали за это время? Здесь не гномий банк, Йож. Стало быть, говоришь, награду тебе обещал Рёгнер? Что делать, трудновато будет призвать его сюда, дабы он расплатился с тобой. Пожалуй, проще отправить тебя к нему, на тот свет. Там вы договоритесь, кто кому задолжал. Я достаточно сильно любила своего супруга, Йож, чтобы не думать о том, что могла бы потерять его уже тогда, пятнадцать лет назад, если б он не захотел с тобой торговаться. Эта мысль вызывает у меня не очень-то приятные чувства к твоей особе. Знаешь ли ты, замаскированный пришелец, что сейчас здесь, в Цинтре, в моем замке и в моих руках, ты столь же беспомощен и близок к смерти, как Рёгнер тогда, на дне яра? Так что же ты можешь предложить мне, какую цену, какую награду, если я пообещаю, что ты уйдешь отсюда живым?

Медальон на шее Геральта дернулся, задрожал. Ведьмак быстро глянул на Мышовура, столкнулся с его пронизывающим, явно обеспокоенным взглядом. Он слегка покачал головой, вопросительно поднял брови. Друид тоже сделал отрицательное движение, едва заметно указав курчавой бородой на Йожа. Геральт не был уверен.

– Твои слова, – воскликнул Йож, – рассчитаны на то, чтобы испугать меня. И на то, чтобы вызвать гнев собравшихся здесь благородных господ, презрение со стороны твоей красавицы дочери Паветты. Но самое главное – твои слова лживы, и ты прекрасно знаешь это!

– Иначе говоря, я вру... как сивый мерин. – На губах Калантэ заиграла очень неприятная улыбка.

– Ты отлично знаешь, королева, – спокойно продолжал пришелец, – что тогда произошло в Эрленвальде. Знаешь, что спасенный мною Рёгнер сам, по своей воле поклялся дать мне все, что я пожелаю. Я призываю всех в свидетели того, что я сейчас скажу! Когда король, которого я спас и отвел к лагерю, снова спросил, чего я хочу, я ответил. Попросил, чтобы он обещал отдать мне то, что оставил дома, но о чем не знает и чего не ожидает. И король поклялся, что быть посему. А вернувшись в замок, застал тебя, Калантэ, рожаящей. Да, королева, я ждал пятнадцать лет, а в это время проценты на мою награду росли. Сегодня, глядя на прекрасную Паветту, я вижу, что ожидание себя оправдало! Милостивые государи, господа и рыцари! Часть из вас прибыла в Цинтру просить руки принцессы. Заявляю, что вы прибыли напрасно. Со дня своего рождения, в силу королевской клятвы, прекрасная Паветта принадлежит мне!

Среди пирующих разразилась буря. Кто-то кричал, кто-то ругался, кто-то колотил кулаками по столу, переворачивая посуду. Держигорка из Стрепта выхватил торчащий в бараньей печени нож и принялся им размахивать. Крах ан Крайт, наклонившись, явно пытался вырвать поперечину из крестовины стола.

– Это черт знает что такое! Бесстыдство! Наглость! – орал Виссегерд. – Чем ты докажешь? Где твои доказательства?

– Лицо королевы, – воскликнул Йож, протянув руку в железной перчатке, – самое лучшее тому доказательство.

Паветта сидела неподвижно, не поднимая головы. В воздухе конденсировалось что-то очень странное. Медальон ведьмака дергался на цепочке под камзолом. Геральт увидел, как королева движением руки подозвала стоявшего рядом пажа и шепотом отдала ему короткий приказ. Какой, Геральт не расслышал, однако удивление, появившееся на лице мальчика, и то, что королеве пришлось повторить приказ, заставило его задуматься. Паж побежал к выходу.

Гомон за столом не прекращался. Эйст Турсеах повернулся к королеве.

– Калантэ, он говорит правду?

– А если даже и так, – процедила королева, кусая губы и теребя зеленый шарф на руке, – то что?

– Если он говорит правду, – насупился Эйст, – то обещание придется выполнить.

– Да?

– Надо понимать, – угрюмо спросил островитянин, – что так же беззаботно ты относишься ко всем обещаниям? В том числе и к тем, которые так хорошо закрепились у меня в памяти?

Геральт, который никак не ожидал увидеть на лице Калантэ яркого румянца, влажных глаз и дрожащих губ, был изумлен.

– Эйст, – шепнула королева, – это совсем другое...

– Правда?

– Ах ты, сукин сын, – неожиданно рявкнул Крах ан Крайт, срываясь с места. – Последний глупец, который осмелился утверждать, будто я что-то сделал напрасно, был обглодан крабами на дне залива Алленкер. Не для того прибыл я сюда из Скеллиге, чтобы возвращаться ни с чем! Конкурент нашелся, мать твоя шлюха! Оля-ля, а ну кто-нибудь принесите мне меч и дайте железяку этому дурню! Сейчас посмотрим, кто...

– А может, заткнешься, Крах? – ядовито бросил Эйст, опершись обеими руками о стол. – Драйг Бон-Дху! Головой отвечаешь за королевского племянника!

– Меня ты тоже успокоишь, Турсеах? – крикнул, вставая, Раинфарн из Аттре. – Кто посмеет удержать меня от того, чтобы смыть кровью позор, нанесенный моему князю? И его сыну Виндхальму, единственному, достойному руки и ложа Паветты! Подайте мой меч! Сейчас здесь, на месте, я покажу этому Йожу, или как там его кличут, как мы в Аттре отвечаем на подобные оскорбления! Интересно, найдется кто-нибудь или что-нибудь, способное меня остановить?

– А как же? Приличия, – спокойно сказал Эйст Турсеах. – Негоже начинать драку или бросать кому-либо вызов, не получив согласия хозяйки дома. Может, вы думаете, что тронная зала Цинтры – трактир, где можно лупить по мордам и пырять ножами, как только придет охота?

Собравшиеся снова принялись орать, перебивая друг друга, угрожая и размахивая руками. Шум оборвался, словно его ножом обрезали, когда в зале неожиданно раздался короткий бешеный рев разъяренного зубра.

– Да, – сказал Кудкудак, откашлявшись и поднимаясь со стула. – Эйст ошибся. Это даже не трактир. Это что-то вроде зверинца, потому и зубр был к месту. Благородная Калантэ,

позволь высказать мое мнение относительно возникшей проблемы.

– Как вижу, – медленно сказала Калантэ, – многие имеют на сей счет свое мнение и высказывают его даже без моего позволения. Странно, почему никого не интересует мое собственное? А мое мнение таково: скорее чертов замок свалится мне на голову, чем я отдам Паве́тту этому... чудаку. У меня нет ни малейшего намерения...

– Клятва Рёгнера... – начал Йож, но королева тут же прервала его, хватив по столу золотым кубком.

– Клятва Рёгнера интересует меня не больше, чем прошлогодний снег! А что до тебя, Йож, так я еще не решила, позволю ли Краху либо Раинфарну схватиться с тобой или попросту велю повесить. Прерывая меня, когда я говорю, ты серьезно влияешь на мое решение!

Геральт, все еще обеспокоенный подергиванием медальона, обводя взглядом залу, неожиданно встретился с глазами Паве́тты, изумрудно-зелеными, как глаза матери. Принцесса больше не скрывала их под длинными ресницами – водила ими от Мышовура к ведьмаку, не обращая внимания на других. Мышовур вертелся, наклонившись, и что-то бормотал.

Кудкудак многозначительно кашлянул.

– Говори, – кивнула королева, – но по делу и в меру кратко.

– Слушаюсь, королева. Благородная Калантэ и вы, милсдари, господа и рыцари! Воистину удивительное условие поставил Йож из Эрленвальда королю Рёгнеру, странной награды захотел, когда король поклялся выполнить любое его желание. Но не надо прикидываться, будто мы никогда не слышали о подобных требованиях, о старом как мир Пправе Неожиданности. О цене, которую может запросить человек, спасший чью-то жизнь в безнадежной, казалось бы, ситуации, кто высказал невозможное, казалось бы, желание. «Отдашь мне то, что выйдет первым встречать тебя». Вы скажете: это может быть собака, алебардник у ворот, даже теща, с нетерпением ожидающая того момента, когда сможет набить морду возвращающемуся домой зятю. Либо: «Отдашь мне то, что застанешь дома, но чего не ожидаешь». После долгого путешествия, уважаемые гости, и неожиданного возвращения это обычно бывает хахаль в постели жены. Но вполне может быть и ребенок. Ребенок, указанный Предназначением.

– Короче, Кудкудак, – нахмурилась Калантэ.

– Слушаюсь! Господи! Неужто вы не слышали о детях, указанных Предназначением? Разве легендарный герой Затрет Ворута не был еще ребенком отдан гномам, потому что оказался тем первым, кого отец встретил, вернувшись в крепость? А Неистовый Дейй, потребовавший от путешественника отдать ему то, что тот оставил дома, но о чем не знает? Этой неожиданностью оказался славный Супри, который позже освободил Неистового Деййя от лежавшего на нем заклятия. Вспомните также Зивелену, которая взошла на трон Метинны с помощью гнома Румплестельта, пообещав ему взамен своего первенца. Зивелена не выполнила обещания, а когда Румплестельт прибыл за наградой, колдовством принудила его бежать. Вскоре и она, и ребенок отравились и умерли. С Предназначением нельзя играть безнаказанно!

– Не пугай меня, Кудкудак, – поморщилась Калантэ. – Близится полночь, пора привидений. Помнишь ли ты еще какие-нибудь легенды со времен твоего, несомненно, трудного детства? Если нет, то садись.

– Прошу позволения, – барон покрутил свои длинные усы, – еще малость постоять. Хотелось бы напомнить присутствующим еще одну легенду. Это старая, забытая легенда, все мы ее,

вероятно, слышали в нашем, несомненно, трудном детстве. В этой легенде короли всегда выполняли данные ими обещания. А нас, бедных вассалов, с королями связывает лишь королевское слово, на нем зиждятся трактаты, союзы, наши привилегии и наши лены. И что? Во всем этом надлежит усомниться? Усомниться в нерушимости королевского слова? Дождаться, что оно будет стоять не больше прошлогоднего снега? Воистину, если будет так, то после трудного детства нас ждет не менее трудная старость.

– На чьей ты стороне, Кудкудак? – крикнул Раинфарн из Аттре.

– Тихо, пусть говорит!

– Этот надутый петух оскорбляет монарха!

– Барон из Тигга прав!

– Тише, – неожиданно сказала Калантэ, вставая. – Позвольте ему закончить.

– Сердечно благодарю, – поклонился Кудкудак. – Я как раз кончил.

Опустилась тишина, странная после того шума, который только что вызвали слова барона. Калантэ продолжала стоять. Вряд ли кто-нибудь, кроме Геральта, заметил, как дрожит рука, которой она коснулась лба.

– Господа, – сказала она наконец, – должна вам кое-что объяснить. Да... Йож... говорит правду. Рёгнер действительно клятвенно пообещал ему отдать то, чего не ожидал. Похоже, наш незабвенный король был, простите, пентюхом в женских делах и не умел считать до девяти. А мне поведал истину только на смертном одре. Ибо знал, что бы я сделала с ним, признайся он в своей клятве раньше. Он знал, на что способна мать, ребенком которой так легкомысленно распоряжаются.

Рыцари и вельможи молчали, Йож стоял неподвижно, словно шипастая железная статуя.

– А Кудкудак, – продолжала Калантэ, – ну что ж, Кудкудак напомнил мне, что я не мать, а королева. Хорошо. Как королева завтра я соберу Совет. Цинтра – не тирания. Совет решит, должна ли клятва покойного короля повлиять на судьбу наследницы трона. Решит, следует ли ее и трон Цинтры отдать бродяге без роду и племени или же поступить в соответствии с интересами государства.

Калантэ ненадолго замолчала, косо взглянув на Геральта.

– А что касается благородных рыцарей, прибывших в Цинтру в надежде получить руку принцессы... то мне остается только выразить соболезнование по случаю жестокого оскорбления, обесчестия и осмеяния, которым они здесь подверглись. Не моя в том вина.

В гуле голосов, прокатившемся по зале, ведьмак уловил шепот Эйста Турсеаха.

– О боги моря, – выдохнул островитянин. – Так не годится. Ты явно провоцируешь их на кровопролитие. Калантэ, ты их попросту науськиваешь...

– Замолчи, Эйст, – яростно прошипела королева. – Не то я разгневаюсь.

Черные глаза Мышовура сверкнули, когда друид указал ими на Раинфарна из Аттре, который собирался встать с угрюмым, перекошенным лицом. Геральт немедленно прореагировал, опередив его, встал первым, шумно отодвинув стул.

– Возможно, Совет не понадобится, – громко и звучно сказал он.

Все удивленно замолчали. Геральт чувствовал на себе изумрудный взгляд Паветты, взгляд Йожа из-за решетки забрала, чувствовал вздымающуюся, как волна наводнения, Силу, густеющую в воздухе. Видел, как под влиянием этой Силы дым от факелов и светильников начинает принимать фантастические формы. Он знал, что Мышовур тоже это видит. Но знал также, что никто другой не замечает.

– Я сказал, – спокойно повторил он, – что, возможно, собирать Совет не понадобится. Ты понимаешь, что я имею в виду, Йож из Эрленвальда?

Шипастый рыцарь сделал два скрипучих шага вперед.

– Понимаю, – сказал он глухо из-за забрала. – Глупый бы не понял. Я слышал, что минуту назад сказала милостивая и благородная государыня Калантэ. Она нашла прекрасный способ отделаться от меня. Я принимаю твой вызов, незнакомый рыцарь.

– Не припомню, чтобы я тебя вызывал, – сказал Геральт. – Я не собираюсь драться с тобой, Йож из Эрленвальда.

– Геральт! – крикнула Калантэ, скривив губы и забыв о том, что ведьмака следует именовать благородным Равиксом. – Не перетягивай струны! Не испытывай моего терпения!

– И моего! – зловеще добавил Раинфарн.

А Крах ан Крайт только заворчал. Эйст Турсеах весьма многозначительно показал ему кулак. Крах заворчал еще громче.

– Все слышали, – проговорил Геральт, – как барон из Тигга рассказывал о славных героях, отнятых в детстве у родителей в силу таких же клятвенных обещаний, какое Йож вынудил дать короля Рёгнера. Однако почему и зачем требуют таких клятв? Ты знаешь ответ, Йож из Эрленвальда. Такая клятва способна создать могучие, неразрывные узы Предназначения между требующим клятвы и ее объектом, то есть Ребенком-Неожиданностью. Такому ребенку, избранному слепой судьбой, могут быть предначертаны необычные деяния. Он, может быть, способен сыграть невероятно важную роль в жизни того, с кем его свяжет судьба. Именно поэтому, Йож, ты потребовал от Рёгнера мзду, которую намерен ныне получить. Тебе не нужен трон Цинтры. Тебе нужна принцесса.

– Все именно так, как ты говоришь, незнакомый рыцарь, – громко рассмеялся Йож. – Именно этого я добиваюсь! Отдайте мне ту, которая станет моим Предназначением!

– Это, – сказал Геральт, – еще надо доказать.

– Ты смеешь сомневаться? После того, как королева подтвердила истинность моих слов? После всего, что сам только что сказал?

– Да. Потому что ты не сказал нам всего. Рёгнер, Йож, знал силу Права Неожиданности и весомость данной тебе клятвы. А дал он ее, зная, что закон и обычай обладают силой, защищающей клятвы. Следящей за тем, чтобы они исполнялись только в том случае, если их подтвердит сила Предназначения. Я утверждаю, что пока еще у тебя нет на принцессу никаких прав, Йож. Ты получишь их лишь после того, как...

– После чего?

– После того, как принцесса согласится уйти с тобой. Так гласит Право Неожиданности. Лишь согласие ребенка, а не родителей подтверждает клятву, доказывает, что ребенок действительно родился под сенью Предназначения. Именно поэтому ты вернулся спустя пятнадцать лет, Йож. Ибо именно такое условие включил в свою клятву король Рёгнер.

– Кто ты?

– Геральт из Ривии.

– Кто ты такой, Геральт из Ривии, что возомнил себя оракулом в вопросах обычаев и законов?

– Он знает закон лучше кого бы то ни было, – хрипло сказал Мышовур, – ибо к нему этот закон был когда-то применен. Его когда-то забрали из родительского дома, потому что он оказался тем, кого отец, возвратясь, никак не думал застать дома. Он был предназначен для чего-то иного. И силой Предназначения стал тем, кто он есть.

– И кто же он?

– Ведьмак.

В наступившей тишине ударил колокол в кордегардии, тоскливым звоном возгласив полночь. Все вздрогнули и подняли головы. На лице глядевшего на Геральта Мышовура появилось странное выражение. Но заметнее и беспокойнее всех пошевелился Йож. Его руки в железных перчатках упали вдоль тела, шипастый шлем покачулся.

Странная, неведомая Сила, заполнившая залу седым туманом, вдруг погустела.

– Это верно, – сказала Калантэ. – Геральт из Ривии – ведьмак. Его профессия достойна уважения и почтения. Он посвятил себя тому, чтобы оберегать нас от ужасов и кошмаров, которые рождает ночь, насылают зловещие, враждебные людям силы. Он убивает всех страшилищ и монстров, какие подстерегают нас в лесах и ярах. А также и тех, которые имеют наглость появляться в наших владениях.

Йож молчал.

– А посему, – продолжала королева, поднимая унизанную перстнями руку, – да исполнится закон, да исполнится клятва, выполнения которой домогаешься ты, Йож из Эрленвальда. Пробило полночь. Твой обет уже не действует. Откинь забрало. Прежде чем моя дочь выскажет свою волю, пусть она увидит твое лицо. Все мы хотим увидеть твое лицо.

Йож из Эрленвальда медленно поднял закованную в железо руку, рванул завязки шлема, снял его, схватившись за железный рог, и со звоном кинул на пол. Кто-то вскрикнул, кто-то выругался, кто-то со свистом втянул воздух. На лице королевы появилась злая, очень злая ухмылка. Ухмылка жестокого торжества.

Поверх широкого полукруглого металлического нагрудника на них глядели две выпуклые черные пуговицы глаз, размещенные по обе стороны покрытого рыжеватой щетиной, вытянутого, тупого, украшенного дрожащими вибриссами рыла с пастью, заполненной острыми белыми зубами. Голова и шея стоящего посреди залы существа топорщились гребнем коротких, серых, шевелящихся игл.

– Так я выгляжу, – проговорило существо, – о чем ты прекрасно знала, Калантэ. Рёгнер, рассказывая тебе о приключении, случившемся с ним в Эрленвальде, не мог умолчать о внешности того, кому был обязан жизнью. Ты прекрасно подготовилась к моему визиту, королева. Твой возвышенный и презрительный отказ исполнить данное слово не одобрили твои же вассалы. Когда провалилась попытка напустить на меня других, жаждущих заполучить руку Паве́тты, у тебя в запасе оказался еще убийца-ведьмак, восседающий по правую руку, и, наконец, обычный, низкий обман. Ты хотела унижить меня, а унизила себя.

– Довольно. – Калантэ встала, подбоченилась. – Покончим с этим. Паве́тта! Ты видишь, кто, а вернее, что стоит перед тобой и надеется тебя заполучить. По букве и духу Права

Неожиданности и извечного обычая решение принадлежит тебе. Отвечай. Достаточно одного твоего слова. Скажи: «Да» – и ты станешь собственностью, добычей этого чудища. Скажешь: «Нет» – и ты уже никогда его не увидишь.

Пульсирующая в зале Сила стиснула виски Геральта железным обручем, шумела в ушах, поднимала волосы на шее. Ведьмак смотрел на белеющие фаланги пальцев Мышовура, стиснутые на краю стола. На тонкую струйку пота, сбегающую по щеке королевы. На крошки хлеба на столе, которые, двигаясь, словно козявки, образовывали руны, разбегающиеся и снова собирающиеся в четкую надпись: «ВНИМАНИЕ!»

– Паветта! – повторила Калантэ. – Отвечай. Хочешь ли ты уйти с этим созданием?

Паветта подняла голову.

– Да.

Сила, переполнявшая залу, вторила ей, глухо гудя под сводами. Никто, абсолютно никто не издал ни малейшего звука.

Калантэ медленно, очень медленно опустилась на трон. Ее лицо не выражало абсолютно ничего.

– Все слышали, – раздался в тишине спокойный голос Йожа. – Ты тоже, Калантэ. И ты, ведьмак, хитрый наемный убийца. Мои права подтверждены. Правда и Предназначение восторжествовали над ложью и мошенничеством. Что ж вам остается, благородная королева и переодетый ведьмак? Холодная сталь?

Никто не отозвался.

– Охотнее всего, – продолжал Йож, шевеля вибриссами и морщась, – я немедленно покинул бы это место вместе с Паветтой, но я не откажу себе в небольшом удовольствии. Ты, Калантэ, подведешь свою дочь ко мне и вложишь ее белую ручку в мою руку.

Калантэ медленно повернула голову и взглянула на ведьмака. В ее глазах был приказ. Геральт не шелохнулся, чувствуя и видя, как собирающиеся в воздухе капли Силы конденсируются на нем. Только на нем. Он уже знал. Глаза королевы превратились в узенькие щелочки, губы дрогнули...

– Что?! Что такое? – вдруг зарычал Крах ан Крайт, срываясь с места. – Белую ручку? В его лапу? Принцесса и этот щетинистый поганец? Это свиное рыло?

– А я собирался драться с ним как с рыцарем! – вторил ему Раинфарн. – С этим страховидлом, с этой скотиной? Затравить его собаками! Собаками!

– Стража! – взвизгнула Калантэ.

Дальше пошло прытко. Крах ан Крайт, схватив со стола нож, с треском повалил стул. Послушный приказу Эйста Драйг Бон-Дху, не раздумывая, изо всей силы хватил его по затылку дудкой от волынки. Крах повалился на стол между заливым осетром и кривыми «шпангоутами» ребер, оставшимися от запеченного кабана.

Раинфарн подскочил к Йожу, блеснув вытащенным из рукава кинжалом. Кудкудак, сорвавшись, пнул табурет прямо ему под ноги. Раинфарн ловко перепрыгнул преграду, но минутной задержки хватило – Йож обманул его коротким финтом и тут же послал на колени могучим ударом закованного в железо кулака. Кудкудак налетел, чтобы вырвать у Раинфарна кинжал, но его задержал князь Виндхальм, ухватив зубами за бедро, словно кровожадный пес.

От дверей бежали стражники, вооруженные гизармами, глевиями и пиками. Калантэ, прямая и грозная, указала им на Йожа властным, резким жестом. Паветта принялась кричать, Эйст Турсеах ругаться. Все повскакивали с мест, не очень-то зная, что делать.

– Убейте его! – крикнула королева.

Йож, зловеще фыркая и оскалив клыки, обернулся к нападающим стражникам. Он был безоружен, но закован в покрытую шипами сталь, от которой со звоном отскакивали острия глевий. Однако удар отбросил его назад, прямо на поднимающегося с пола Раинфарна, который остановил его, схватив за ноги. Йож зарычал, отражая железными налокотниками удары. Раинфарн пырнул его кинжалом, но острие скользнуло по пластинам нагрудника. Стражники, скрестив древки, приперли Йожа к облицовке камина. Раинфарн, повисший у него на поясе, отыскал в панцире щель и всадил туда кинжал. Йож согнулся.

– Да-а-ани! – тонко взвизгнула Паветта, вспрыгивая на стул.

Ведьмак с мечом в руке помчался по столу к дерущимся, раскидывая блюда, тарелки и кубки. Он знал, что времени мало. Визг Паветты становился все неестественнее. Раинфарн снова занес кинжал.

Геральт рубанул, соскочив со стола, подогнув колени. Раинфарн взвыл, покатился к стене. Ведьмак закружился, серединой меча достал стражника, пытавшегося всадить острие глевии между юбкой и нагрудником Йожа. Стражник рухнул на пол, теряя плоский шлем. От входа бежали новые.

– Так не пойдет! – зарычал Эйст Турсеах, хватая стул. С размаху сломал неудобный предмет мебели о пол, а с тем, что осталось в руке, бросился на приближающихся стражников.

Йож, которого зацепили одновременно два крюка гизарм, с грохотом повалился на пол, закричал и зафыркал. Третий стражник подскочил, занес глевию для удара. Геральт острием меча ткнул его в висок. Волокущие Йожа стражники отскочили, бросив гизармы. Те, что бежали от входа, попятились от обломка тяжелого стула, свистящего в руке Эйста, словно волшебный меч Бальмур в правой руке легендарного Затрета Воруты.

Визг Паветты достиг вершины и неожиданно оборвался. Геральт, угадав, что их ждет, ничком упал на пол, поймав взглядом зеленоватую вспышку, тут же почувствовал жуткую боль в ушах, услышал чудовищный гул и дикий крик, вырывающийся из многочисленных глоток. А потом ровный, монотонный, вибрирующий вой принцессы.

Стол, разбрасывая кругом блюда с яствами, вертясь, поднимался, тяжелые дубовые стулья мотались по зале, разбиваясь о стены, носились тучи пыли, летали гобелены и ковры. От входа доносился хруст, крик и сухой треск переламывающихся, как прутики, древков гизарм.

Трон вместе с сидящей на нем Калантэ подпрыгнул, стрелой пронесся через залу, с грохотом врезался в стену и развалился. Королева упала, беспомощная, словно тряпичная кукла. Эйст Турсеах, едва удержавшись на ногах, прыгнул к ней, заключил в объятия, всем телом заслонил от бьющего в стены и пол града обломков.

Геральт, стиснув в кулаке медальон, со всей доступной скоростью полз туда, где Мышовур, все еще неведомо каким чудом стоявший на коленях, а не лежавший на животе, поднимал кверху короткий прутик боярышника. На конце прутика красовался крысиный череп. На стене, за спиной друида, самым настоящим огнем пылал гобелен, некогда изображавший осаду и пожар крепости Ортагор.

Паветта выла. Кружась, она криком, словно батогом, хлестала все и вся. Те, кто пытался встать с пола, тут же падали и извивались либо прилипали к стене. На глазах Геральта

огромная серебряная соусница, выполненная в виде многовесельной лодки с поднятым носом, свистя в воздухе, сбила с ног пытавшегося увернуться воеводу с трудно запоминающимся именем. С бревенчатого потолка тихо сыпалась штукатурка. Под потолком кружил стол, распластавшийся на нем Крах ан Крайт метал вниз чудовищные проклятия.

Геральт дополз до Мышовура, и они присели за горкой, которую, считая снизу, образовали Дроздяк из Стрепта, бочонок пива, Дрогодар, стул и лютя Дрогодара.

– Чистейшая, первородная Сила! – крикнул друид, перекрывая гул и грохот. – Она не может с нею справиться!

– Знаю! – крикнул Геральт. Свалившийся неведомо откуда запеченный фазан с несколькими полосатыми перьями, еще торчавшими в тушке, саданул его по спине.

– Ее надо удержать! Стены начинают давать трещины!

– Вижу!

– Ты готов?

– Да.

– Раз! Два! Давай!

Оба ударили одновременно, Геральт – знаком Аард, Мышовур – жутким трехступенчатым заклинанием, от которого, казалось, начнет плавиться паркет. Кресло, на котором сидела принцесса, разлетелось вдребезги. Паветта этого словно и не заметила – продолжала висеть в воздухе, внутри прозрачной зеленоватой сферы. Не переставая вопить, она повернулась к ним, и ее личико вдруг съежилось в зловещей гримасе.

– А, чтоб тебя! – зарычал Мышовур.

– Внимание! – крикнул ведьмак, втягивая голову в плечи. – Блокируй ее, Мышовур, блокируй, не то нам конец!

Стол тяжело рухнул на пол, ломая под собой крестовину и все остальное, что оказалось внизу. Лежавший на столе Крах ан Крайт подлетел на три локтя. Кругом падал, сыпался тяжелый град из блюд и остатков еды, разлетелись, ударяясь о паркет, хрустальные фужеры. Сорванный со стены карниз загудел, как гром, сотрясая основы замка.

– Она высвобождает все! – крикнул Мышовур, целясь прутиком в принцессу. – Она высвобождает все! Теперь вся Сила ринется на нас!

Геральт ударом меча отразил летящую на друида большую двузубую вилку.

– Блокируй, Мышовур!

Изумрудные глаза метнули в них две зеленые молнии. Молнии свернулись в ослепительные, вращающиеся воронки, вихри, изнутри которых рванулась на них Сила, тараном разрывая черепа, гася глаза, поражая дыхание. Одновременно с Силой посыпались стекло, майолика, блюда, подсвечники, кости, надкусанные краюхи хлеба, доски, досочки и тлеющие поленья из камина. Дико крича, словно огромный глухарь, пролетел над их головами кастелян Гаксо. Огромная голова вареного карпа расплющилась на груди Геральта, на золотом поле, медведе и девице из Четыругла.

Сквозь сотрясающие стены заклятия Мышовура, сквозь крик и вой раненых, гул, грохот и звон, сквозь вой Паветты ведьмак неожиданно услышал самый страшный звук, какой только

ему доводилось когда-либо услышать.

Кудкудак, стоя на карачках, сжимал руками и коленями волынку Драйга Бон-Дху. А сам, перекрикивая зверские звуки, вырывающиеся из меха, откинув голову назад, выл и рычал, визжал и скрежетал, мычал и орал, создавая невероятную мешанину из голосов всех известных, неизвестных, домашних, диких и мифических животных.

Паветта, изумленная, замолчала, глядя на барона широко раскрытыми глазами. Сила резко ослабла.

– Давай! – рявкнул Мышовур, размахивая прутиком. – Давай, ведьмак!

Геральт ударил. Зеленоватая сфера, окружающая принцессу, лопнула под ударом, словно мыльный пузырь, пустота мгновенно всосала неистовствующую в зале Силу. Паветта тяжело свалилась на паркет и расплакалась.

Сквозь краткую тишину, звенящую в ушах после недавнего светопреставления, сквозь разгром и опустошение, поломанные предметы мебели и полумертвые тела с трудом начали пробиваться голоса.

– *Suach op arse, ghoul y badraigh mal an suach*, – долдонил Крах ан Крайт, выплевывая кровь, сочившуюся из искусанной губы.

– Возьми себя в руки, Крах, – с трудом проговорил Мышовур, отряхивая одежду от гречневой каши. – Здесь женщины.

– Калантэ. Любимая. Моя. Калантэ! – повторял Эйст Турсеах в паузах между поцелуями. Королева раскрыла глаза, но не пыталась высвободиться из объятий. Только сказала:

– Эйст. Люди же смотрят.

– Ну и пусть.

– Не пожелает ли, черт возьми, кто-нибудь объяснить мне, что это было? – спросил маршал Виссегерд, выползая из-под сорванного со стены гобелена.

– Нет, – сказал ведьмак.

– Лекаря сюда! – тонко крикнул Виндхальм из Аттре, склонившись над Раинфарном.

– Воды сюда! – кричал один из стрептских братьев, Держигорка, пытаясь погасить собственным кафтаном тлеющий гобелен. – Воды, скорее!

– И пива! – прохрипел Кудкудак.

Несколько рыцарей, еще способных стоять на ногах, пытались поднять Паветту, однако та оттолкнула их, встала без их помощи и нетвердыми шагами направилась к камину, рядом с которым, прислонившись к стене, сидел Йож, неловко пытаясь освободиться от измазанных кровью пластин панциря.

– Ох уж эта теперешняя молодежь! – фыркнул Мышовур, глядя на них. – Раненько начинают! Одно только у них на уме.

– А именно?

– Разве ты не знаешь, ведьмак, что девица, то бишь нетронутая, не могла бы воспользоваться Силой?

– Пропади она пропадом, ее невинность, – буркнул Геральт. – И вообще откуда у нее такие способности? Насколько мне известно, ни Калантэ, ни Рёгнер...

– Унаследовала через поколение, это уж точно, – проговорил друид. – Ее бабка Адалия движением бровей поднимала разводной мост. Эй, Геральт, глянь-ка! А эта никак не успокоится!

Калантэ, висевшая на плече Эйста Турсеаха, указала на раненого Йожа стражникам. Геральт и Мышовур быстро, но, как оказалось, напрасно, подошли. Стражники отскочили от полулежащего тела, попяtilись, шепча и бормоча что-то невнятное.

Чудовищная морда Йожа расплылась, затуманилась, начала терять очертания. Шипы и щетина, покачиваясь, превратились в черные, блестящие, вьющиеся волосы и курчавую бородку, обрамляющие бледное, угловатое мужское лицо, украшенное крупным носом.

– Что... – заикаясь, произнес Эйст Турсеах. – Кто это? Йож?

– Дани, – ласково сказала Паветта.

Калантэ, стиснув зубы, отвернулась.

– Заколдованный? – проворчал Эйст. – Но как...

– Пробило полночь, – сказал ведьмак. – Именно сейчас. Звон, который мы слышали раньше, был недоразумением и ошибкой... звонаря. Верно, Калантэ?

– Верно, верно, – простонал мужчина по имени Дани, ответив вместо королевы, которая, впрочем, и не собиралась отвечать. – Однако, может быть, кто-нибудь, вместо того чтобы болтать, пособит мне снять железяки и вызовет лекаря? Спятивший Раинфарн ткнул меня под ребро.

– К чему нам лекарь? – сказал Мышовур, вынимая прутик.

– Достаточно. – Калантэ выпрямилась, гордо подняв голову. – Довольно. Когда все кончится, я хочу видеть вас у себя в палатах. Всех, кто здесь стоит. Эйст, Паветта, Мышовур, Геральт и ты... Дани. Мышовур?

– Да, королева?

– А этот твой прутик... Я стукнулась спиной. И... окрестностями...

– Слушаюсь, королева. 3

– ...заклятие, – продолжал Дани, потирая виски. – С рождения. Я так и не знаю, в чем была причина и кто это сделал. С полуночи до зари – нормальный человек, с зари... сами видели что. Акерспаарк, мой отец, хотел это скрыть. В Мехте люди суеверные, чародейства и заклятия в королевской семье могли бы роковым образом сказаться на династии. Со двора меня забрал один из отцовских рыцарей, воспитал, вдвоем мы бродили по миру, странствующий рыцарь с оруженосцем, потом, когда он погиб, я блуждал один. Уж и не помню, от кого-то услышал, что от порчи меня может освободить только Ребенок-Неожиданность. Вскоре я встретил Рёгнера. Остальное вам известно.

– Об остальном мы знаем либо догадываемся, – кивнула Калантэ. – Особенно о том, что ты вскружил голову моей дочери. Паветта! И давно?

Принцесса опустила голову и подняла один палец.

– Ну извольте! Ах ты, маленькая колдунья. У меня под носом! Ну, дай только узнать, кто впускал его ночью в замок! Ох, доберусь я до фрейлин, с которыми ты ходила собирать первоцветы! Первоцветы, черт побери! Ну и что мне теперь с вами делать?

– Калантэ... – начал Эйст.

– Не спеши, Турсеах. Я еще не кончила. Дани, все сильно усложнилось. Ты с Паветтой уже скоро год, так? И ничего. Это значит, что ты не у того отца выторговал обещание. Предназначение подшутило над тобой. Какая ирония, как говаривает Геральт из Ривии. Ведьмак.

– Чхал я на Предназначения, заклęcia и иронии, – поморщился Дани. – Я люблю Паветту, она любит меня, только это имеет значение. Ты, королева, не можешь помешать нашему счастью.

– Могу, Дани, могу, и еще как, – усмехнулась Калантэ одной из своих безотказных улыбочек. – Но, к твоему счастью, не хочу. Есть у меня небольшой должок перед тобой, Дани. За что, сам знаешь. Я решительно хотела... Мне следовало бы просить у тебя прощения, но я этого страшно не люблю. Короче – отдаю тебе Паветту, и мы квиты. Паветта? Ты еще не передумала?

Принцесса отрицательно и горячо покачала головой.

– Благодарю, господа, благодарю, – улыбнулся Дани. – Ты мудрая и великодушная королева.

– Еще бы. И прекрасная.

– И прекрасная.

– Если хотите, можете оба остаться в Цинтре. Здешние люди не так суеверны, как жители Мехта, и быстро привыкнут. Впрочем, даже в обличье Йожа ты был весьма симпатичен. Только вот на трон ты пока рассчитывать не можешь. Я собираюсь еще немного покороче... нет, поцарствовать рядом с новым королем Цинтры. Благородный Эйст Турсеах из Скеллиге сделал мне некое предложение.

– Калантэ...

– Да, Эйст, я согласна. Мне еще никогда не доводилось слышать любовного признания, лежа на полу, среди обломков собственного трона, но... Как бы ты сказал, Дани? Только это имеет значение, и пусть никто не встанет на пути к моему счастью, искренне советую. А вы что так глазеее? Я не такая старая, как можно подумать, глядя на мою почти замужнюю дочурку.

– Ох уж эта нынешняя молодежь, – проворчал Мышовур. – Яблочко от яблоньки...

– Что ты там бормочешь, колдун?

– Ничего, государыня.

– Ну и славно. Кстати, Мышовур, у меня есть предложение. Паветте понадобится учитель. Ей следует знать, как обращаться со своим особым даром. Я люблю свой замок и хотела бы, чтобы он стоял как стоит. При следующем приступе истерии моей до чертиков способной доченьки он может развалиться на куски. Твой ответ, друид?

– Почту за честь.

– Мне кажется, – королева глянула в окно, – светает. Пора...

Она резко повернулась туда, где Паветта и Дани о чем-то шептались, держась за руки и чуть не соприкасаясь лбами.

– Дани!

– Да, королева?

– Ты слышишь? Светает! Уже светло!

А ты...

Геральт взглянул на Мышовура, Мышовур на Геральта, и оба рассмеялись.

– Что это вас так рассмешило, волшебники? Разве не видите...

– Видим, видим, – заверил Геральт.

– Мы ждали, пока ты сама увидишь, – хмыкнул Мышовур. – Меня интересовало, когда ты сообразишь.

– Что?

– Ты сняла заклятие. Ты его сняла, – сказал ведьмак. – В тот момент, когда произнесла: «Отдаю тебе Паветту», исполнилось Предначертание.

– Это уж точно, – подтвердил друид.

– О боги, – медленно проговорил Дани. – Наконец-то. Черт побери, я думал, буду больше радоваться, думал, заиграют боевые трубы или что-нибудь похожее... Привычка. Королева! Благодарю тебя. Паветта, ты слышишь?

– Угу, – сказала принцесса, не поднимая глаз.

– Таким образом, – вздохнула Калантэ, устало глядя на Геральта, – все хорошо кончается. Ведь верно, ведьмак? Заклятие снято, надвигаются две свадьбы, ремонт тронной залы займет примерно месяц, четверо убитых, бесчисленное множество раненых, Раинфарн из Аттре еле дышит. Радуйся! Знаешь ли, ведьмак, был момент, когда я собиралась приказать тебе...

– Знаю.

– А теперь я должна воздать тебе... должное. Господи, какая тавтология, или как там ее... Я требовала результата, и вот он – результат. Цинтра заключает союз со Скеллиге. Моя дочь удачно выходит замуж. Мне только что подумалось, что все и без того окончилось бы успешно в соответствии с Предназначением, даже если б я не пригласила тебя на пир и не посадила рядом с собой. Но я ошибалась. Предназначение мог свести на нет кинжал Раинфарна. А Раинфарна сдержал меч в руке ведьмака. Ты честно отработал свое. Остался лишь вопрос цены. Говори, чего ты желаешь?

– Минуточку, – сказал Дани, ощупывая перебинтованный бок. – Вопрос цены, говоришь? Должник – я, и мне следует...

– Не прерывай меня, зять, – прищурилась Калантэ. – Твоя теща не терпит, когда ее прерывают. Запомни! И знай, никакой ты не должник. Так уж получилось, что ты был чем-то вроде предмета сделки, которую заключили мы с Геральтом из Ривии. Я сказала, мы квиты, и не вижу смысла бесконечно просить у тебя прощения. Но договор наш по-прежнему в силе. Ну, Геральт, твоя цена?

– Хорошо, – сказал ведьмак. – Прошу дать мне твой зеленый шарф, Калантэ. Пусть он всегда напоминает мне о цвете глаз прекраснейшей из всех известных мне королев.

Калантэ рассмеялась, сняла с шеи ожерелье с изумрудами.

– Эта безделушка, – сказала она, – выполнена из камней соответствующего оттенка. Сохрани ее вместе с приятными воспоминаниями.

– Можно и мне кое-что сказать? – скромно произнес Дани.

– Разумеется, зятек, прошу, прошу.

– Я продолжаю утверждать, что я – твой должник, ведьмак. Моей жизни угрожал кинжал Раинфарна. Меня убили бы стражники, если б не ты. И коли заходит речь о какой бы то ни было цене, платить должен я. Ручаюсь, меня на это хватит. Чего ты желаешь, Геральт?

– Дани, – медленно проговорил Геральт, – ведьмак, которому задают такой вопрос, обязан просить, чтобы его повторили.

– Повторяю. Ибо, видишь ли, я – твой должник еще и по другой причине. Когда я узнал там, в зале, кто ты такой, я возненавидел тебя и подумал о тебе очень скверно. Я считал тебя слепым, кровожадным орудием, кем-то таким, кто бездумно и беспощадно убивает, оттирает кровь с клинка и пересчитывает деньги. Но я убедился, что профессия ведьмака действительно достойна уважения. Ты защищаешь нас не только от Зла, притаившегося во тьме, но и от того, которое сидит в нас самих. Жаль, что вас так мало.

Калантэ улыбнулась. Впервые за эту ночь Геральт готов был признать, что улыбка получилась естественной.

– Хорошо сказал мой зять. К этому я должна добавить два слова. Ровно два. Прости, Геральт.

– А я, – серьезно сказал Дани, – повторяю: чего ты желаешь?

– Дани, – так же серьезно сказал Геральт, – Калантэ, Паве́тта. И ты, благородный рыцарь Турсеах, будущий король Цинтры. Чтобы стать ведьмаком, надобно родиться под сенью Предназначения, а очень мало таких, кто так рождается. Поэтому-то нас так мало. Мы стареем, погибаем и не можем никому передать свои знания, свои способности. Нам недостает наследников. А этот мир полон Зла, которое только и ждет момента, когда нас не станет.

– Геральт, – шепнула королева.

– Да, королева, ты не ошиблась. Дани! Ты дашь мне то, что уже имеешь, но о чем не знаешь. Я вернусь в Цинтру через шесть лет, чтобы проверить, было ли Предназначение ко мне благосклонно.

– Паве́тта, – раскрыл глаза Дани. – Неужели ты...

– Паве́тта! – воскликнула Калантэ. – Ты... Неужели...

Принцесса потупилась и покраснела.

А потом ответила.

Глас рассудка V

– Геральт! Эй! Ты здесь?

Геральт оторвался от пожелтевших шероховатых страниц «Истории мира» Родерика да Новембра – интересного, хоть и несколько спорного произведения, которое изучал со вчерашнего дня.

– Я здесь. В чем дело, Нэннеке? Я тебе нужен?

– К тебе гость.

– Опять? Кто на сей раз? Дюк Эревард собственной персоной?

– Нет. На сей раз Лютик, твой дружок, шалопай, трутень и бездельник, жрец искусства, блистающая звезда баллады и любовных виршей. Как обычно, осиянный славой, надутый, словно свиной пузырь, и пропахший пивом. Хочешь его видеть?

– Конечно. Это ж мой друг.

Нэннеке, вздохнув, пожала плечами.

– Не понимаю такой дружбы. Он – полная тебе противоположность.

– Противоположности сходятся.

– Ясно. Вот, изволь, шествует, – указала она движением головы. – Твой великий поэт.

– Он действительно великий поэт, Нэннеке. Думаю, не станешь утверждать, будто не слышала его баллад.

– Слышала, – поморщилась жрица. – А как же. Ну что ж, я в этом не разбираюсь, возможно, умение ничтоже сумняшеся перескакивать с волнующей лирики на непристойное свинство как раз и есть талант. Ну ладно. Прости, я вынуждена уйти. Мне не хочется слушать ни его виршей, ни вульгарных шуточек. Я сегодня не в настроении.

Из коридора донесся залиvistый смех, треньканье лютни, и на пороге библиотеки возник Лютик в лиловой курточке из толстого сукна с кружевными манжетами, в шапочке набекрень. Увидев Нэннеке, трубадур преувеличенно почтительно поклонился, метя по полу приколотым к шапочке пером цапли.

– Мое глубочайшее почтение, э, почтеннейшая мать, – дурашливо запищал он. – Хвала Великой Мелитэле и жрицам ее, сосудам добродетели и мудрости...

– Перестань паясничать, Лютик, – фыркнула Нэннеке. – И не именуй меня матерью. При одной мысли, что ты мог бы быть моим сыном, меня охватывает ужас.

Она повернулась и вышла, шурша длинным платьем. Лютик, строя обезьяньи рожицы, изобразил поклон.

– Ну ничуть не изменилась, – сказал он добродушно. – По-прежнему не воспринимает шуток. Взъярилась на меня за то, что, приехав, я немного поболтал с привратницей, этой премиленькой блондиночкой с длинными ресницами, девичьей косой аж до складненькой попочки, не ущипнуть которую было бы грешно. Ну я и ущипнул, а Нэннеке, которая в этот момент как раз подошла... Да что там. Здравствуй, Геральт.

– Здравствуй, Лютик. Как узнал, что я здесь?

Поэт выпрямился, подтянул брюки.

– Я был в Вызиме. Услышал об упирице, узнал, что ты был ранен. Догадался, куда ты мог отправиться на излечение. Вижу, ты уже здоров?

– Правильно видишь. Но попробуй объяснить это Нэннеке. Садись, поболтаем.

Лютик присел, заглянул в книгу, лежащую на пюпитре, и усмехнулся.

– История? Родерик да Новембр? Читал, читал. Когда учился в оксенфуртской академии, история занимала второе место в списке моих любимых предметов.

– А первое?

– География, – серьезно сказал поэт. – Атлас мира был большой, и за ним легче было скрыть пузырь с водкой.

Геральт сухо засмеялся, встал, снял с книжной полки «Тайны магии и алхимии» Лунини и Тирсса и извлек на свет божий спрятанный за солидным томом пузатый, оплетенный соломкой сосуд.

– Ого, – явно повеселел поэт. – Мудрость и вдохновение, как вижу, по-прежнему укрываются в вивлиофиках. Это я люблю. На сливе небось? Да, это алхимия, уж точно. Вот он – философский камень, воистину достойный изучения. Твое здоровье, брат. О-ох, крепка, зараза.

– Что привело тебя сюда? – Геральт взял у поэта бутылку, глотнул и закашлялся, мотая забинтованной шеей. – Куда путь держишь?

– А куда. То есть мог бы и туда, куда держишь ты. Сопровождать тебя. Долго намерен тут отсиживаться?

– Недолго. Местный дюк дал понять, что я нежелательный гость в его владениях.

– Эревард? – Лютик знал всех королей, князей, владык и сеньоров от Яруги до Драконьих гор. – Наплюй на него. Он не решится испортить отношения с Нэннеке, с богиней Мелитэле. Народ как пить дать спалит его хозяйство.

– Мне ни к чему лишние заботы. А сижу я здесь и без того достаточно долго. Поеду на юг, Лютик. Далеко на юг. Здесь мне работы не найти. Цивилизация! На кой им хрен ведьмак? Когда я спрашиваю о какой-нибудь работе, на меня смотрят как на диковинку.

– Что ты плетешь? Какая там цивилизация? Я переправился через Буину неделю назад и наслушался в тутошних местах самых разных разностей. Похоже, есть тут и водяные, и выюны, и химеры, и летюги. Вообще дрянь всяческая. Работы – по уши.

– Разности-то и я слышал. Половина или придумана, или преувеличена. Нет, Лютик. Мир изменился. Кое-что кончается.

Поэт отхлебнул из бутылки, прищурился, тяжело вздохнул.

– Опять начинаешь слезы лить над своей грустной ведьмачьей судьбой? Да еще и философствуешь? Обнаруживаю пагубные последствия не того, какое надобно, чтения. Потому как к мысли об изменяющемся мире пришел даже этот старый хрыч Родерик да Новембр. Изменчивость мира в принципе-то единственная идея в его трактате, с которой можно согласиться безоговорочно. Но идея, скажу я, не настолько новая, чтобы потчевать ею меня и при этом изображать из себя мыслителя, что, поверь, тебе вовсе не к лицу.

Вместо ответа Геральт тоже отхлебнул из бутылки.

– Конечно же, – снова вздохнул Лютик. – Мир изменяется, солнце заходит, а водка кончается. Как думаешь, что кончается еще? Ты упоминал об окончании, философ.

– Вот тебе несколько примеров, – сказал Геральт, немного помолчав. – За последние два месяца, проведенных на этом берегу Буины. Однажды подъезжаю, гляжу – мост. Под мостом сидит тролль, с каждого прохожего и проезжего требует пошину. Тому, кто отказывается, переламывает ногу, а то и две. Ну, иду к солтысу – сколько дадите, спрашиваю, за этого тролля. Солтыс от изумления аж рот разинул. То есть как, спрашивает, а кто будет мост чинить, ежели тролля не станет? Тролль заботится о мосте, регулярно починяет, в поте лица, солидно, на совесть. Выходит, дешевле получается отваливать ему пошину. Ладно. Еду дальше, гляжу – вилохвост. Небольшой такой, аршин пять от носа до хвоста. Летит, тащит в когтях овцу. Я – в село: сколько, спрашиваю, заплатите за гада? Мужики на колени, нет, кричат, это любимый дракон младшей дочки нашего барона, если у него с живота хоть одна чешуйка упадет, барон село спалит, а с нас шкуру сымет. Еду дальше, а есть все больше хочется. Выспрашиваю о работе, верно, есть, но какая? Тому поймай русалку, этому нимфу, третьему этакую духобабу... Вконец спятили, по селам девок полно, ан нет, подавай им нелюдей. Иной просит, чтобы я прикончил двусила и принес кость от его руки, потому как если ее размолоть и добавить в похлебку, то вроде бы потенция усиливается.

– Вот это-то как раз трепотня, – вставил Лютик. – Пробовал. Не усиливает ничегошеньки, а похлебка становится вроде отвара из онучей. Но если люди верят и готовы платить...

– Не стану я убивать двусилов. И других безвредных существ.

– Значит, будешь ходить с пустым брюхом. Разве что сменишь работу.

– На какую?

– А не все равно, на какую? Иди в священники. Был бы вовсе недурен со своими принципами, со своей моралью, со своим знанием человеческой природы и вообще всего сущего. То, что ты не веришь ни в каких богов, не проблема. Я мало знаю священников, которые верят. Стань священником и кончай проливать над собой слезы.

– Я не проливаю. Констатирую.

Лютик заложил ногу на ногу и с интересом стал рассматривать стершуюся подошву.

– Ты, Геральт, напоминаешь мне старого рыбака, который под конец жизни обнаружил, что рыбы пахнут, а от воды тянет холодом и ломит в костях. Будь последовательным. Трепом и стенаниями тут не поможешь. Если б я увидел, что потребность в поэзии кончается, повесил бы лютию на гвоздь и занялся садом. Розы выращивать.

– Ерунда. На такое самопожертвование ты не способен.

– Ну что ж, – согласился поэт, продолжая изучать подошву. – Может, ты и прав. Но у нас немного различные профессии. Спрос на поэзию и звуки лютии никогда не увянет. С тобой дело похуже. Вы, ведьмаки, сами себя лишаете работы. Медленно, но верно. Чем лучше и тщательнее работаете, тем меньше у вас остается работы. Ведь ваша цель, резон существования – мир без чудовищ, мир спокойный и безопасный. То есть мир, в котором ведьмаки не нужны. Парадокс, верно?

– Верно.

– Давным-давно, когда еще жили единороги, существовала большая группа девушек, которые хранили девственность, чтобы иметь возможность их ловить. Помнишь? А крысоловы со

свирелями? Людишки прямо-таки дрались за них. А прикончили крыс алхимики, придумав сильнодействующие яды, к тому же помогли прирученные кошки, белые хорьки и ласки. Зверушки оказались дешевле, приятнее и не хлебали столько пива. Примечаешь аналогию?

– Примечаю.

– Так воспользуйся чужим опытом. Девственницы, занимавшиеся единорогами, мгновенно перестали быть таковыми, как только потеряли работу. Некоторые, стремясь наверстать годы воздержания, со временем стали широко известны техникой и пылом. Крысоловы... Ну, этим лучше не подражай, все они как один спились и отправились к праотцам. Похоже, теперь настал черед ведьмаков. Ты читаешь Родерика да Новембра? Там, если мне память не изменяет, упоминаются ведьмаки, те, первые, что начали колесить по стране лет триста назад, когда кметы выходили на жатву вооруженными толпами, деревни окружали тройным частоколом, купеческие караваны напоминали колонны наемников, а на защитных валах немногочисленных городищ денно и ночно стояли готовые к стрельбе катапульты. Потому что мы, люди, были здесь незваными гостями. Здешними землями владели драконы, мантихоры, грифоны и амфисбены, вампиры, оборотни и упыри, кикиморы, химеры и летюги. И землю приходилось отбирать у них клочками, каждую долинку, каждый перевал, каждый бор и каждую поляну. И удалось это не без неоценимой помощи ведьмаков. Но эти времена, Геральт, ушли безвозвратно. Барон не позволяет забить вилохвоста, потому что это, вероятно, последний драконид в радиусе тысячи верст и уже вызывает не страх, а сочувствие и ностальгию по ушедшему времени. Троль под мостом сжился с людьми, он уже не чудовище, которым пугают детей, а реликт и местная достопримечательность, к тому же полезная. А химеры, мантихоры, амфисбены? Сидят в чащобах и неприступных горах...

– Значит, я был прав. Кое-что кончается. Нравится тебе это или нет. Но кое-что кончается.

– Не нравится мне, что ты излагаешь прописные истины. Не нравится мина, с которой ты это делаешь. Что с тобой творится? Не узнаю тебя, Геральт. Эх, зараза, едем скорее на юг, в те дикие края. Вот прикончишь пару-другую чудовищ – и конец твоей хандре. А чудовищ там вроде бы немало. Говорят, как только какой-нито старой бабке жизнь опостылет, так идет она, сердечная, одна-одинешенька за хворостом в лес, не прихватив с собой рогатины. Результат гарантирован. Ты должен осесть там навсегда.

– Может, и должен. Но не осесть.

– Почему? Там ведьмаку легче заработать.

– Заработать легче, – Геральт отхлебнул из бутылки, – да потратить труднее. К тому же там едят ячневую кашу и просо, у пива привкус чего-то непонятного, и комары грызут.

Люттик расхохотался во все горло, опершись затылком об оправленные в кожу корешки книг на полке.

– Просо и комары! Это напоминает мне наш первый совместный поход на край света. Помнишь? Мы познакомились на гулянье в Гулете, и ты уговорил меня...

– Это ты меня уговорил. Тебе самому пришлось чесать из Гулеты, потому как у девушки, которую ты трахнул под настилом для музыкантов, оказалось четверо рослых братьев. Тебя искали по всему городу, грозились вывалить в соломе и опилках. Потому ты ко мне тогда и пристал.

– А ты чуть было из порток не выскочил от радости, что нашел попутчика. До того ты в дороге мог поболтать разве что с кобылой. Но пусть ты прав, было как говоришь. Я действительно тогда вынужден был скрыться на какое-то время, а Долина Цветов казалась мне самым подходящим местом. Ведь считалось, что это край населенного света, форпост цивилизации,

самый что ни на есть выдвинутый пункт на границе двух миров... Помнишь?

– Помню, Лютик, помню.

Край света

1

Лютик осторожно спустился по ступеням трактира, держа в руках два истекающих пеной жбана. Бранясь себе под нос, он протиснулся сквозь кучку любопытствующих ребятишек. Пересек двор, обходя коровьи лепешки.

Вокруг выставленного на майдане стола, за которым ведьмак беседовал с солтысом, уже собрались десятка полтора поселенцев. Поэт поставил жбаны на стол, присел и сразу же понял, что за время его краткого отсутствия разговор несколько не продвинулся.

– Я ведьмак, милсдарь солтыс, – повторил неведомо который раз Геральт, утирая губы. – Я ничем не торгую. Я не занимаюсь вербовкой в армию и не умею вылечивать сап. Я – ведьмак.

– Профессия такая, – пояснил неведомо который раз Лютик. – Ведьмак, понятно? Упырей убивает и вампиров. Всяку погань... укокошивает. Понимаете, солтыс?

– Ага! – Лоб солтыса, пропаханный глубокими бороздами от тяжелого мышления, разгладился. – Ведьмак! Ну да! А как же! Надыть было так сразу!

– Вот именно, – подтвердил Геральт. – Так вот я сразу и спрошу: найдется для меня в округе какая-никакая работа?

– А-а-а. – Солтыс снова принялся так натужно мыслить, что это можно было заметить невооруженным глазом. – Работа? Да нет... Разве что эти... Ну... Живоглоты? Вы о том, есть ли тут живоглоты?

Ведьмак усмехнулся и кивнул, почесав пальцем веко.

– Есть, – пришел к заключению солтыс после долгого раздумья. – А как же. Гляньте туды, горы видите? Там эльфы живут, там ихнее царство. Дворцы ихние, говорю, – ну прям из чистого золота. Ого-го! Эльфы, говорю. Ужась! Кто туды пойдет, не возвернется.

– Так я и думал, – холодно сказал Геральт. – Именно потому я туда и не собираюсь идти.

Лютик нахально захохотал. Как и ожидал Геральт, солтыс думал долго. Наконец сказал:

– Ага. Ну да, оно конечно. Но тут есть и другие живоглоты... Видать, лезут из эльфовых краев. Ну есть, милсдарь ведьмак, есть, а как же. Конца-краю им нету. А хуже всех будут привидения, я верно говорю, людишки?

«Людишки» оживились, окружили стол со всех сторон.

– Привидения! – сказал один. – Да, да, староста верно глаголет. Бледная девка по хатам ходит на заре, а детишки от того мрут!

– И домовые еще! – добавил другой, солдат из местной стражи. – Коням гривы заплетают по стойлам, сталбыть!

– И нетопыри! Нетопыри тожить тут есть!

– И эти, как их, ну, порчуны! Из-за их человек аж коростой покрывается!

Несколько минут ушло на активное перечисление чудовищ, досаждавших местным хозяевам своими гнусными поступками или самим только своим существованием. Геральт и Лютик узнали об отвертах и мамунах, из-за которых порядочный человек в дом не может попасть в пьяном виде, о летюге, которая, вишь ты, летает, сталбыть, и сосет у коров молоко, о бегающей в лесу голове на паучьих ногах, о кобольдах, носящих красные шапочки, и о грозной щучине, коя вырывает, слышь, белье из рук стирающих в реке баб и того и гляди возьмется за самих этих баб. Не обошлось, как обычно, без жалоб на то, что-де старуха Нарадкова по ночам летает на помеле, а днем ворует фрукты, мельник подмешивает в муку желудевый просев, а некий Дуда, говоря о королевском управляющем, обзывает того вором и сволочью.

Геральт выслушал спокойно, кивая в притворном внимании, задал несколько вопросов, в основном относительно дорог и топографии, затем встал и кивнул Лютику.

– Ну, бывайте здоровы, добрые люди, – сказал он. – Я скоро вернусь, тогда посмотрим, что удастся для вас сделать.

Они молча ехали вдоль халуп и заборов под лай собак и ор детей.

– Геральт, – проговорил Лютик, поднявшись на стременах и сорвав маленькое яблочко с выглянувшей за ограду ветки. – Ты постоянно сетуешь на то, что тебе все труднее найти занятие. А из сказанного нам следует, что работы у тебя здесь навалом, будешь вкалывать до зимы, причем без передыху. Ты бы заработал немного деньжат, я набрал бы чудные темы для баллад. Так почему, объясни мне, мы едем дальше?

– Я не заработал бы и шелонга, Лютик.

– Это почему же?

– А потому же, что в их словах не было и сотой доли правды.

– Не понял?

– Нет таких существ, о которых они говорили. Нет и не было.

– Да ты шутишь! – Лютик выплюнул зернышко и запустил огрызком яблока в лохматого пса, особо яростно кидавшегося на бабки лошади. – Невероятно. Я внимательно наблюдал за этими людьми, а я в людях знаю толк. Они не лгали.

– Верно, – согласился ведьмак. – Не лгали. Они глубоко верили во все сказанное. Что, однако, не изменяет факта.

Поэт какое-то время молчал.

– Ни одного, говоришь, из этих чудищ... Ни одного? Да быть того не может! Что-то из их придумок должно существовать. Хотя бы одно! Согласись.

– Соглашаюсь. Одно тут есть наверняка.

– Ну вот! Что?

– Нетопыри. Летучие мыши, стало быть.

Они выехали за околицу, на дорогу, шедшую по полям, желтым от рапса и волнующегося на ветру овса. Навстречу тащились груженные возы. Бард перекинул ногу через луку седла,

поставил лютню на колени и натренькивал на струнах тоскливые мелодии, время от времени помахивая рукой хихикающим девчонкам в подобранных юбках, топающим по обочине с граблями на крепких плечах.

– Геральт, – сказал он вдруг, – но ведь чудовища существуют. Ну, может, их теперь не так много, как бывало, может, они не таятся за каждым деревом в лесу, но они – есть. Существуют. Так зачем же люди дополнительно придумывают таких, каких нет? Мало того, верят в свои придумки? А? Геральт из Ривии, прославленный ведьмак? А? Ты не задумывался над причиной?

– Задумывался, прославленный поэт. И знаю причину.

– Интересно бы услышать.

– Люди, – Геральт повернул голову, – любят выдумывать страшилищ и страхи. Тогда сами себе они кажутся не столь уродливыми и ужасными. Напиваясь до белой горячки, обманывая, воруя, исхлестывая жен вожжами, моря голодом старую бабку, четвертуя топорами пойманную в курятнике лису или осыпая стрелами последнего оставшегося на свете единорога, они любят думать, что ужаснее и безобразнее их все-таки привидение, которое ходит на заре по хатам. Тогда у них легчает на душе. И им проще жить.

– Запомнил, – сказал Лютик после минутного молчания. – Подберу рифмы и сложу балладу.

– Сложи, сложи. Только не надейся на бурные аплодисменты.

Вскоре последние хаты селения скрылись у них из виду. И хоть ехали они медленно, вскоре осталась позади и полоса лесистых холмов.

– Хм. – Лютик остановил коня, осмотрелся. – Взгляни, Геральт. Разве не красиво? Идиллия, разрази меня гром. Глаз радуется!

Местность за холмами понемногу опускалась к ровным, плоским полям, изукрашенным мозаикой разноцветных посевов. Посреди, округлые и правильные, как листки клевера, стеклянились зеркала трех озер, окаймленных темными полосами ольховника. Горизонт обозначала затянута дымкой синяя линия гор, вздымающихся над черной бесформенной полосой бора.

– Едем, Лютик.

Дорога вела прямо к озерам вдоль дамбы и укрытых в ольховнике прудов, полных крякв, чирков, цапель и чомг. Богатство пернатой живности вызывало удивление, если учесть, что всюду просматривались следы деятельности человека – дамбы были ухожены, обложены фашиной, спуски для воды укреплены камнями и балками, шлюзовые щиты не прогнили, весело брызгали водой. В приозерном тростнике были видны лодки и помосты, а из глубины торчали шесты расставленных сетей и верш.

Лютик вдруг обернулся.

– За нами кто-то едет. На телеге!

– Это ж надо! – не оглядываясь, усмехнулся ведьмак. – На телеге! А я-то думал, местные ездят на нетопырях.

– Знаешь, что я тебе скажу? – проворчал трубадур. – Чем ближе к краю света, тем тоньше становятся твои шуточки. Страшно подумать, до чего это может дойти!

Они ехали не спеша, а поскольку запряженная двумя пегими лошадьми телега была пустой,

она догнала их быстро.

– Тпррр! – Державший вожжи мужчина остановил коней сразу за ними. Кожушок он носил на голое тело, а волосы отпустил до самых бровей. – Славлю богов, милостивцы!

– И мы, – ответил Лютик, знакомый со здешними обычаями, – славим.

– Если хотим, – буркнул ведьмак.

– Меня зовут Крапивка, – сообщил возница. – Я слышал, как вы с солтысом из Верхнего Посада балакали. Знаю, что вы ведьмак.

Геральт опустил поводья, позволив кобыле пофыркать на придорожную крапиву.

– Слышал, – продолжал мужчина в кожанке, – как солтыс байки плел. Наблюдал за вами и диву давался. Давно я таких бредней и врак не слыхивал.

Лютик рассмеялся. Геральт молчал, внимательно глядя на парня. Крапивка кашлянул.

– А не возьметесь ли вы за настоящую, приличную работу, милсдарь ведьмак? – спросил он.

– У меня для вас кое-что есть.

– И что же именно?

Крапивка глаз не опустил.

– О делах на дороге-то не болтают. Едемте ко мне, в Нижний Посад. Там поговорим. Ведь вам все равно туда.

– Откуда такая уверенность?

– Оттуда, что другой дороги тут нету, а ваши кони в ту сторону мордами, а не хвостами повернуты.

Лютик снова засмеялся.

– Что скажешь, Геральт?

– Ничего, – сказал ведьмак. – На дороге о делах не болтают. В путь, уважаемый Крапивка.

– Привязывайте коней к телеге и перелезайте ко мне, – предложил парень. – Удобнее будет. Чего ради задницу седлом мозолить?

– Святая истина.

Они перебрались на воз. Ведьмак с удовольствием растянулся на сене. Лютик, вероятно, боясь испачкать модный зеленый кафтан, уселся на доску. Крапивка чмокнул коням, и телега затарахтела по укрепленной бревнами дамбе.

Переехали по мосту заросший кувшинками и ряской канал, миновали полосу скошенного луга. Дальше, насколько хватал глаз, тянулись обрабатываемые поля.

– Просто не верится, что это край света, конец цивилизации, – сказал Лютик. – Только глянь, Геральт. Рожь – что твое золото, а в кукурузе может спрятаться конный. Или вон та репа, посмотри, какая огромная.

– Да ты никак дока в сельском хозяйстве?

– Поэты должны знать все, – высокопарно проговорил Лютик. – В противном случае мы компрометировали бы себя. Учиться надо, дорогой мой, учиться. От села зависят судьбы мира, так что надобно разбираться в сельских делах. Деревня кормит, обувает, уберегает от холода, развлекает и поддерживает искусство.

– Ну, с развлечениями и искусством ты немного переборщил.

– А самогон из чего гонят?

– Понимаю.

– Мало понимаешь. Учись. Взгляни, видишь фиолетовые цветы? Это люпин.

– Воще-то это вика, – вставил Крапивка. – Вы что, люпина не видели или как? Но в одном вы правы, милсдарь. Родиться здесь все могутно и растет – глядеть приятственно. Оттого и говорят – Долина Цветов. Потому-то и поселились здесь наши деды, сначала вытурив отседова эльфов.

– Долина Цветов, или Доль Блатанна. – Лютик ткнул локтем растянувшегося на сене ведьмака. – Чуешь? Эльфов выгнали, а старое эльфово название оставили, только переиначили на свой лад. Недостаток фантазии. Ну и как вам живется здесь с эльфами, хозяин? Ведь они у вас в горах за межой.

– Не мешаем друг другу. Они сами по себе, мы сами по себе.

– Самый лучший выход, – сказал поэт. – Верно, Геральт?

Ведьмак не ответил. 2

– Благодарим за угощение. – Геральт облизал костяную ложку и положил ее в пустую тарелку. – Благодарим стократно, хозяин, а теперь, с вашего позволения, перейдем к делу.

– А и верно, можно, – согласился Крапивка. – Как, Дхун?

Дхун, солтыс Нижнего Посада, кряжистый мужик с угрюмым взглядом, кивнул девкам, те быстро собрали со стола посуду и покинули комнату к явному сожалению Лютика, который с самого начала лыбился на них и вызывал смешки своими не совсем пристойными шуточками.

– Итак, слушаю, – произнес Геральт, глядя в окно, из-за которого доносились стук топоров и визг пилы. На дворе шла какая-то работа, резкий смоляной дух проникал в дом. – Говорите, чем могу быть полезен.

Крапивка взглянул на Дхуна. Тот кивнул, откашлялся и сказал:

– Сталбыть так. Есть тут у нас одно такое поле...

Геральт пнул под столом Лютика, который уже собрался съехидничать.

– Поле, – продолжал Дхун. – Я верно глаголю, Крапивка? Долго то поле пустовало, но распахали мы его и теперича сажаем на ём коноплю, хмель, лен. Большое поле, агромадное, глаголю. Аж под самый бор подходит...

– И что? – не выдержал поэт. – Что ж на том поле-то?

– Ну што-што? – Дхун поднял голову, почесал за ухом. – Што? Дьявол тама шатается, вот што.

– Что? – фыркнул Лютик. – Что такое?

– Я ж глаголю – диавол.

– Какой дьявол?

– Какой-какой? Диавол, и вся недолга.

– Дьяволов не бывает!

– Не лезь, Лютик, – спокойно сказал Геральт. – А вы продолжайте, уважаемый Дхун.

– Я ж глаголю – диавол.

– Это я уже слышал. – Геральт, если хотел, мог быть чертовски терпеливым. – Перестаньте «глаголить» и скажите, как он выглядит, откуда взялся, чем вам мешает. По порядку, если можно.

– Ну да. Оно конечно. – Дхун поднял руку и принялся отсчитывать с большим трудом, загибая узловатые пальцы. – По порядку, ишь – мудёр! Ну, сталбыть, так. Выглядит-то он, милсдарь ведьмак, точь-в-точь как диавол. Ни дать ни взять. Откедова взялся-то? А ниоткедова. Бах, сталбыть, трах-тарарах – глядим: диавол. А мешать-то он нам, правду говоря, не шибко и мешает. Бывает, даже помогает.

– Помогает? – грохнул Лютик, пытаясь вытащить муху из пива. – Дьявол?

– Не лезь, я же просил. Продолжайте, уважаемый Дхун. И как же он вам помогает, этот, как вы его называете...

– Диавол, – с нажимом повторил войт. – Угу, помогает, а как же: землю удобряет, почву рыхлит, кротов изводит, птиц распугивает, за репой и буряками присматривает. Да и гусениц, что в капусте заводятся, поедает. Хоша, правду сказать, и капусту тоже того – съедает. Но так, не очень, вроде бы шуткует. Одно слово – диавол.

Лютик снова захохотал, потом щелкнул пальцами и выстрелил вымоченной в пиве мухой в спящего у камина кота. Кот открыл один глаз и укоризненно взглянул на барда.

– И однако, – спокойно сказал ведьмак, – вы готовы мне заплатить, чтобы отделаться от того дьявола, так или нет? Иными словами, не хотите, чтобы он обретался в вашей округе?

– А кому ж, – Дхун угрюмо взглянул на него, – хоцца, чтобы диавол сидел у него на поле-то? Это наша земля от дедов-прадедов, по королевской грамоте, и диаволу до нее никаких делов нет. Плевали мы на евонную помочь, што, у нас своих рук нету аль как? И вообще, милсдарь ведьмак, энто и не диавол никакой вовсе, а поганая скотина, и в черепушке евонной, прошу прощения, насрато так, што выдержать нету никакой мочи. Утром не ведаешь, што ему к вечеру в башку взбредет. То в колодец наделает, то за девкой погонится, пугает, грозитя ее... это... Ну, в обчем, того... Крадет, милсдарь ведьмак, скот и провизию. Уничтожает и портит, надоедает всем, на дамбе ямы роет, словно крыса какая аль бобр, вода из одного пруда вконец вытекла, и карпы поснули. В стогах трубку курил, сукин кот, пустил по ветру все сено...

– Понимаю, – прервал Геральт. – Значит, все-таки мешает.

– Не-а, – покрутил головой Дхун. – Не мешает. Озорует, вот што.

Лютик, сдерживая смех, отвернулся к окну. Ведьмак молчал.

– Да чего тут болтать, – проговорил молчавший до того Крапивка. – Вы – ведьмак или кто? Ну так наведите порядок с этим дьяволом. Искали работы в Верхнем Посаде, сам слышал. Так вот вам и работа. Мы заплатим сколь надо. Но учтите, мы не хотим, чтобы вы дьявола убили. Уж это точно.

Ведьмак поднял голову и нехорошо улыбнулся.

– Интересно. Я бы сказал – необычно.

– Што? – наморщил лоб Дхун.

– Необычное условие. Откуда вдруг столько милосердия?

– Убивать не можно, – Дхун еще сильнее сморщился, – потому как в той Долине...

– Нельзя, и вся недолга, – прервал Крапивка. – Поймайте его либо прогоните за седьмую гору. А будем расплачиваться – не обидим.

Ведьмак молчал, не переставая усмехаться.

– По рукам? – спросил Дхун.

– Сначала хотелось бы взглянуть на него, на этого вашего дьявола.

Селяне переглянулись.

– Ваше право, – сказал Крапивка и встал. – И ваша воля. Дьявол по ночам гуляет по всей округе, но днем сидит где-то в конопле. Или у старых верб на болоте. Там его можно увидеть. Мы вас не станем торопить. Хотите передохнуть, отдохайте сколько влезет. Ни удобства, ни еды мы для вас не пожалеем, как того требует закон гостеприимства. Ну, бывайте.

– Геральт, – Лютик вскочил с табурета, выглянул во двор, на удаляющихся селян, – я перестаю что-либо понимать. Не прошло и дня, как мы разговаривали о выдуманных чудовищах, а ты вдруг нанимаешься ловить дьяволов. А о том, что именно дьяволы-то и есть выдумка, что это чисто мифические существа, знает каждый, за исключением, видать, темных кметов. Что должен означать твой неожиданный запал? Бьюсь об заклад, немного зная тебя, ты не снизошел до того, чтобы таким манером получить ночлег, харч и стирку?

– Действительно, – поморщился Геральт. – Похоже, ты меня уже немного знаешь, певун.

– В таком случае – не понимаю.

– А что тут понимать?

– Дьяволов нет! – крикнул поэт, окончательно вырывая кота из дремы. – Нет! Дьяволы не существуют, дьявол побери!

– Правда, – улыбнулся Геральт. – Но я, Лютик, никогда не мог противиться искушению взглянуть на то, чего не существует. 3

– Одно ясно, – проворчал ведьмак, окинув взглядом раскинувшиеся пред ними конопляные джунгли. – Этот дьявол не дурак.

– Откуда такой вывод? – любопытствовал Лютик. – Из того, что он сидит в непроходимой чаще? Любому зайцу ума хватит.

– Дело в особых свойствах конопли. Такое большое поле излучает мощную антимагическую ауру. Большинство заклинаний тут бессильно. А вон там, видишь, жерди? Хмель. Флюиды

шишек хмеля действуют так же. Ручаюсь, это не случайность. Этот тип улавливает ауру и знает, что здесь он в безопасности.

Лютик откашлялся, подтянул брюки.

– Интересно, – сказал он, почесав лоб под шапочкой, – как ты приступишь к работе, Геральт? Никогда еще не видел тебя в деле. Полагаю, тебе кое-что известно о ловле дьяволов. Я пытаюсь припомнить древние баллады. Была одна о дьяволе и бабе, непристойная, но забавная. Понимаешь, баба...

– Отстань ты со своей бабой, Лютик.

– Как хочешь. Я только думал помочь, ничего больше. А к старым байкам надо относиться уважительно, в них – мудрость поколений. Есть, например, баллада о парне по имени Дурында, который...

– Прекрати. Пора браться за дело. Зарабатывать на еду и тюфяк.

– Что ты собираешься предпринять?

– Пошурю немного в конопле.

– Оригинально, – фыркнул трубадур. – Хоть и не очень.

– Ну а как бы начал ты?

– Интеллигентно, – напыжился Лютик. – Ловко. С облавы, например. Выгнал бы чертяку из зарослей, а в чистом поле догнал бы его на лошади и заарканил. Что скажешь?

– Очень оригинальная идея. Как знать, может, и удалось бы ее осуществить, если б ты пожелал принять участие, потому что для такой операции нужны по меньшей мере двое. Но пока воздержимся. Для начала я хочу разобраться, что представляет собой этот черт. А значит, надо пошуровать в конопле.

– Эй, – бард только теперь заметил, – а где твой меч?

– А зачем он? Я тоже знаю балладу о чертях. Ни баба, ни парень по имени Дурында мечами не пользовались.

– Хм... – Лютик осмотрелся. – Что, лезть в самую середину?

– Тебе не обязательно. Можешь возвращаться в село и ждать меня там.

– Э нет, – возразил поэт. – Пропустить такую оказию? Я тоже хочу увидеть черта, убедиться, действительно ли он так страшен, как его малюют. Я спросил, обязательно ли продираться сквозь коноплю, если есть стежка.

– Верно. – Геральт прикрыл глаза рукой. – Есть. Воспользуемся.

– А если это чертова тропа?

– Тем лучше. Не придется много ходить.

– Знаешь, Геральт, – толковал бард, следуя за ведьмаком по узкой, извилистой тропинке в конопле, – я всегда думал, что «черт» просто такая метафора, придуманная, чтобы было чем ругаться. «Черти взяли», «черт с ним», «черт знает что» и так далее. Так мы говорим на простом языке. Низушки, видя приближающихся гостей, говорят: «Снова кого-то дьяволы принесли». Краснолюды, ежели у них что-то не получается, причитают: «Дюввел хоел», а

скверный товар называют «дюввелшайсс». А в Старшей Речи есть такая поговорка: «А d'yeabl аер arse», прости за современный акцент, что означает...

– Я знаю, что это означает. Перестань болтать, Лютик.

Лютик замолчал, снял украшенную пером цапли шапочку, помахал ею и вытер вспотевший лоб. В зарослях конопли стояла тяжелая, влажная, душная жара, которую еще больше усиливал висящий в воздухе аромат цветущих трав и сорняков. Тропинка слегка вильнула и сразу за поворотом закончилась небольшой вытоптанной полянкой.

– Глянь-ка? – сказал Лютик.

В самом центре полянки лежал большой плоский камень, на нем – несколько глиняных мисочек. Между мисочками стояла почти полностью догоревшая сальная свеча. Геральт видел прилепившиеся к лепешкам расплавившегося жира зерна кукурузы и бобов, а также другие косточки и семена.

– Так я и думал, – проворчал он. – Ему приносят жертвы.

– И верно, – сказал поэт, указывая на огарок. – И ставят черту свечку. Но кормят его, как видно, зернышками, словно чижики какого. Ну и хлев! Все липкое от меда и дегтя. Что...

Дальнейшие слова барда заглушило громкое бляение. В конопле что-то запрыгало и затопало, а затем из путаницы растений вылезло самое поразительное существо, какое Геральту доводилось видеть.

У существа были вылупленные глаза, козыи рога и борода, и росту в нем было чуть больше сажени. Губы, подвижные, рассеченные и мягкие, тоже наводили на мысль о жующей козе. Нижнюю часть его тела по самые раздвоенные копытца покрывали длинные, густые, темно-рыжие волосы. Кроме того, у него был длинный, оканчивающийся метелкой хвост, которым оно энергично размахивало.

– Ук! Ук! – гукнул чудик, переступая копытцами. – Ну, чего надо? Прочь! Прочь! На рога возьму! Ук, ук!

– Тебе что, козел, когда-то по заду поддали? – не выдержал Лютик.

– Ук! Ук! Бе-е-е-е! – заблеял козерог. Трудно было сказать, что это: подтверждение, отрицание или просто бляение искусства ради.

– Замолчи, Лютик, – проворчал ведьмак. – Ни слова больше.

– Блеблеблебле-е-е-е! – яростно забулькало существо, при этом верхняя губа у него широко разошлась, являя желтые конские зубы. – Ук! Ук! Ук! Блеублеублеубле-е-е-е!

– Запросто! – кивнул Лютик. – Шарманка и звонок – твои. Когда пойдешь домой, можешь прихватить.

– Перестань, язви тебя, – прошипел Геральт. – Ты все портишь. Прибереги для себя глупые шуточки...

– Шуточки!!! – рывкнул козерог и подпрыгнул. – Шуточки, бе-е-е, бе-е-е! Новые шутники объявились, а? Шарики железные принесли? Я вам покажу шарики железные, стервецы, ук, ук, ук! Пошутить приспичило, бе-е-е? Получайте свои шуточки! Получайте свои шарики! Ну, получайте.

Существо подпрыгнуло и резко взмахнуло рукой. Лютик взвыл и уселся на тропинку,

схватившись за лоб. Существо заблеяло, замахнулось снова. Мимо уха Геральта что-то просвистело.

– Получайте ваши шарики! Бе-е-е!

Железный шарик диаметром с дюйм хватанул ведьмака по плечу, другой ударил Лютика в колено. Поэт скверно выругался и кинулся бежать. Геральт, не ожидая больше, прыгнул следом, а шарики свистели у него над головой.

– Ук! Ук! Бе-е-е! – подпрыгивая, кричал козерог. – Я вам покажу шарики! Шутники засранные!

В воздухе просвистел очередной шарик. Лютик выругался еще противнее и схватился за ягодицу. Геральт прыгнул вбок, в коноплю, но не увернулся от снаряда, который угодил ему в лопатку. Следовало признать, черт кидался весьма прицельно и, казалось, располагал неисчерпаемым запасом шариков. Ведьмак, кружа меж растений, снова услышал торжествующее блеяние и тут же свист нового шарика, ругань и топот. Это Лютик улепетывал по тропинке.

А потом наступила тишина. 4

– Ну, знаешь, Геральт. – Лютик приложил ко лбу охлажденную в ведре подкову. – Такого я не ожидал. Какое-то рогатое чучело с козьей бородой, такой косматый болван, а погнал тебя, словно сопляка какого. А я получил по лбу. Глянь, какая шишка!

– Ты шестой раз показываешь. От этого она меньше не становится.

– Благодарю за сочувствие. А я-то думал, рядом с тобой буду в безопасности!

– Я не просил лезть за мной в коноплю. А вот держать за зубами свой болтливый язык – просил. Не послушался – теперь терпи. Молчи, если можешь, они идут.

В комнату вошли Крапивка и грузный Дхун. За ними семенила седенькая и скрученная кренделем бабуленька в сопровождении светловолосой и поразительно худенькой девчушки.

– Уважаемый Дхун и уважаемый Крапивка, – без предисловий начал ведьмак. – Прежде чем отправиться, я спрашивал, пытались ли вы сами что-нибудь предпринимать в отношении вашего черта-дьявола. Вы сказали: мол, нет. У меня есть основания полагать, что дело обстояло иначе. Жду объяснений.

Селяне перебросились несколькими словами, затем Дхун кашлянул в кулак и сделал шаг вперед.

– Вы, прощения просим, правы. Мы, это, соврали, потому как совестно было. Хотели самитко дьявола перехитрить, сделать так, чтобы он, значит, ушел от нас прочь...

– Каким образом?

– У нас, в Долине, – медленно произнес Дхун, – уже и ранее объявлялись страховидлы. Летучие драконы, земные вьюны, бурдалаки, упыри, огромное паучье и разное змейство. А мы всегда супротив этого гадства искали совета в нашей книге.

– Что за книга?

– Покажи книгу, бабка. Книгу, глаголю! Книгу! Ей-бо, лопну щас. Глуха аки пень! Лилле, скажи бабке, шток книгу показала!

Светловолосая девочка вытащила большую книгу из скрюченных пальцев старухи и подала

ведьмаку.

– В книжице энтой, – продолжал Дхун, – которая в роду нашем уже с незапамятных времен храницца, описаны способы супротив всяческих чудищ, колдовства и уродцев, которые на свете были, есть аль будут.

Геральт взвесил на руке тяжелый, толстый, обросший жирной коркой томище. Девочка продолжала стоять перед ним, перебирая руками фартучек. Она была старше, чем ему показалось вначале, – в заблуждение ввела изящная фигурка, так отличающаяся от ядрененьких тел других посадских девушек, наверняка ее ровесниц.

Он положил книгу на стол и перевернул тяжелую деревянную крышку переплета.

– Глянь-ка, Лютик.

– Старшие Руны, – определил бард, заглядывая ему через плечо и все еще прижимая подкову ко лбу. – Самое древнее письмо, каким пользовались до введения современного алфавита. Оно исходит от рун эльфов и гномовых идеограмм. Забавный синтаксис, но так раньше говорили. Интересные гравюры и виньетки. Нечасто встречается подобное, Геральт, а если и попадаетеся, то в храмовых библиотеках, а не по деревням на краю света. Откуда это у вас, уважаемые Дхун и Крапивка? Уж не хотите ли вы сказать, что умеете это читать? Бабка? Ты умеешь читать Старшие Руны? Ты вообще-то умеешь читать хоть какие-нибудь руны?

– Чаво-о-о?

Светловолосая девочка подошла к бабке и что-то шепнула ей на ухо.

– Читать? – Старушка показала в улыбке беззубые десны. – Я? Нет, золотенькие, не обучена.

– Объясните мне, – холодно сказал Геральт, поворачиваясь к Дхуну и Крапивке, – каким образом вы пользуетесь книгой, не умея читать руны?

– Самая старшая бабка в селе завсегда знает, што в книге есть, – угрюмо сказал Дхун. – А тому, што знает, учит молодую, когда ей уже пора в землю. Сами видите, нашей бабушке уже в сам раз. Тогда бабка пригрела Лилле и учит ее. Но пока ишло бабка лучше знает.

– Старая ведьма и молодая ведьма, – буркнул Лютик.

– Если я верно понял, – недоверчиво сказал Геральт, – бабка знает всю книгу наизусть? Так, да? Бабушка?

– Всю-то нет, где уж там, – ответила бабка опять с помощью Лилле. – Только то, что около картинки стоит.

– Ага. – Геральт наугад отворил книгу. Различный на порванной странице рисунок изображал пятнистую свинью с рогами в форме лиры. – А ну похвалитесь, бабушка. Что здесь написано?

Бабка зачмокала, вгляделась в гравюру, прикрыла глаза.

– Тур рогатый, либо таурус, – прошамкала она. – Неучами ошибочно изюбром именуемый. Рога имеет и бодает ими...

– Довольно. Очень хорошо, весьма... – Ведьмак перевернул несколько слипшихся страниц. – А здесь?

– Потучники и планетники разные. Энти дождем льют, энти ветер веют, энти моланьи мечут. Ежели пожелаешь урожай от их ухранить, возьми нож железный, новый, помёту мышиноного три лота, сала серой цапли...

– Bravo! Хм... А здесь? Это что?

Гравюра изображала расчехренное страховидло на лошади, с огромными глазищами и совсем уж непотребными зубищами. В правой руке оно держало солидных размеров меч, в левой – мешок денег.

– Ведьмак, – проямлила бабка, – некоторыми ведьмином прозываемый. Вызывать его очень опасно, токмо тогда надобно, когда супротив чудищев и поганцев разных ничего поделать уже не можно, ведьмак справится. Однако ж следить надуть...

– Довольно, – проворчал Геральт. – Довольно, бабушка. Благодарю.

– Нет-нет, – запротестовал Лютик, ехидно ухмыльнувшись. – Как там дальше-то? Весьма, весьма интересная книженция! Говорите, бабушка, говорите.

– Э-э-э... Следить надуть, чтобы к ведьмаку не прикасаться, ибо от одного запаршиветь можно. И девок от него прятать, потому ведьмак охоч до них сверх меры...

– Ну точно, ну не в бровь, а в глаз, – засмеялся поэт, а Лилле, как показалось Геральту, едва заметно улыбнулась.

– ...и хоча он весьма до злата жаден, – бормотала бабка, щуря глаза, – не давать ему больше как за утопца серебряный грош либо полтора. За котолака два серебряных гроша. За вампира – четыре серебряных гроша...

– Были ж времена, – проворчал ведьмак. – Спасибо, бабушка. А теперь покажите нам, где тут о дьяволе речь и что энта книга вообще о дьяволах говорит. Хотелось бы услышать поболее, любопытно узнать, каковой метод вы применили супротив одного-то.

– Осторожнее, Геральт, – засмеялся Лютик. – Начинаешь подражать им. Это заразительно.

Бабка, с трудом сдерживая дрожь в руке, перевернула несколько страниц. Ведьмак и поэт наклонились над столом. Действительно, на гравюре фигурировал знакомый уже им шарометатель, волосатый, хвостатый и зловеще ухмыляющийся.

– Дьявол, он же черт, – декламировала бабка. – Он же рокита, либо сильван, а также леший. Супротив скотины и домашней птицы шkodник великий и паскудный. Кабы захотишь его с поля изгнать, таково сделай...

– Ну, ну, – проворчал Лютик.

– Возьми орехов лесных пригоршню, – тянула бабка, водя пальцем по пергаменту, – шаров железных пригоршню-другую. Меду кувшин, дегтю другой. Мыла серого кадку малую, творога другую. Кады дьявол сидит, поиди ночной порой. И зачни есть орехи. Дьявол тутуже, лакомый зело, прибежит и спросит, смачно ли? Тут и дай ему шары-шарики железные...

– А, чтоб вас... – буркнул Лютик. – Чтоб вас наизнанку вывернуло.

– Тише, – сказал Геральт. – Ну, бабуля, дальше.

– ...зубы выломавши, дьявол, увидевши, как ты мед кушаешь, также меду пожелает. Дай оному дегтю, а сам кушай творог. Скоро услышишь, как у дьявола внутри бурчание и сквозение почнется, но сделай вид, будто ничего такого. А захотит дьявол творогу, то дай ему

мыла. А после мыла уж диавол не удержит...

– И так, уважаемые, вы добрались до мыла? – прервал Геральт с каменным лицом, обернувшись к Дхуну и Крапивке.

– Куда там, – ахнул Крапивка. – Хорошо хоть до шариков-то. Ох, задал он нам перцу, когда шарики начал грызть...

– А кто велел давать ему столь шариков-то? – рассмеялся Лютик. – В книге сказано: мол, одну пригоршню. А вы ему цельный мешок этих шариков натащали! Вы ему, диаволу-то, амуниции, почитай, на два годка без малого натащали, дурни!

– Осторожней! – усмехнулся ведьмак. – Начинаешь подражать им. Это заразительно.

– Благодарю.

Геральт быстро поднял голову, заглянул в глаза стоящей рядом с бабкой девочки. Лилле не отвела взгляда. Глаза у нее были ясные и чертовски голубые.

– Зачем вы приносите дьяволу жертвы зерном? Ведь видно же, он – типичное травоядное. Зерна не ест.

Лилле не ответила.

– Я задал тебе вопрос, девушка. Не бойся, от разговора со мной не запаршивеешь.

– Не выпрашивайте ни о чем, – бросил Крапивка с беспокойством в голосе. – Лилле... она... странная. Не ответит, не заставляйте ее.

Геральт не отрывал от Лилле глаз, а Лилле по-прежнему глядела на него. По спине у Геральта пробежали мурашки, выползли на шею.

– Почему вы не пошли на дьявола с дрекольем и вилами? – повысил он голос. – Почему не расставили западни? Если б вы только захотели, его козлиная башка уже торчала бы на шесте в качестве пугала от ворон. Меня предупредили, чтобы я не пытался его убить. Почему? Ты запретила им, верно, Лилле?

Дхун поднялся с лавки. Головой чуть не задев потолок.

– Выдь, девка, – буркнул он. – Забирай бабку и выдь отседова.

– Кто она? – проговорил Геральт, когда за бабкой и Лилле захлопнулась дверь. – Кто эта девочка, Дхун? Почему пользуется у вас большим уважением, нежели эта чертова книга?

– Не ваше дело, – глянул на него Дхун, и в его взгляде не было дружелюбия. – Умных девушек у себя в городах преследуете, на кострах спалаете. У нас этого не было и не будет.

– Вы меня не поняли, – холодно сказал ведьмак.

– И не стараюсь, – проворчал Дхун.

– Я это заметил, – процедил Геральт, тоже не шибко сердечно. – Но одну основную вещь извольте понять, уважаемый Дхун. Нас по-прежнему не связывает никакой договор, я по-прежнему не обязан вам ничем. У вас нет оснований полагать, будто вы прикупили себе ведьмака, который за серебряный грош или полтора сделает то, чего вы сделать не умеете. Или не хотите. Или... не можете. Так вот, уважаемый Дхун, вы еще не купили ведьмака, и не думаю, чтобы это вам удалось. При вашем-то нежелании что-либо понимать.

Дхун молчал, исподлобья глядя на Геральта. Крапивка кашлянул, повертелся на лавке, возя лаптями по глинобитному полу, потом вдруг выпрямился.

– Милсдарь ведьмак, – сказал он. – Не серчайте. Скажем, что и как. А, Дхун?

Посадский солтыс согласно кивнул.

– Когда мы сюда ехали, – начал Крапивка, – вы видели, как тут все растет, какие тут всходы. Другой раз такое вымахает, о чем где в другом месте и мечтать трудно. Даже невозможно. Ну вот. Поскольку у нас саженцы, да и зерно – штука преотличная, мы и дань этим платим, и продаем, и обмениваем...

– Что тут общего с чертом?

– А есть общее, есть. Чертяка раньше вроде бы пакостил и разные штучки подстраивал, а тут вдруг начал зерно воровать понемногу. Тогда мы ему стали класть помалу на камень в конопле, думали, нажрется и отстанет. Ан нет, продолжал красть. А когда мы от него запасы прятать начали по складам да сараям, на три замка запираемым, то он все равно как взбесился, рычал, блеял, «ук-ук» кричал, а уж коли он укукать начинает, то лучше ноги в руки. Грозился, мол...

– ...трахать начнет, – вставил Лютик с добродушной ухмылкой.

– И это тоже, – поддакнул Крапивка. – Да и о красном петухе напоминал. Долго говорить – когда не смог больше красть, потребовал дани. Велел себе зерно и другое добро мешками целыми носить. Тогда мы обозлились и всем сходом решили ему хвостатую задницу отбить. Но...

Крапивка кашлянул, опустил голову.

– Нечего кружить-то, – неожиданно проговорил Дхун. – Неверно мы государя ведьмака оценили. Валяй все как есть, Крапивка.

– Бабка запретила дьявола бить, – быстро проговорил Крапивка, – но мы-то знаем, что это Лилле, потому как бабка... Бабка только то болтает, что ей Лилле велит. А мы... Сами видите, милсдарь ведьмак, мы слушаемся.

– Заметил, – поморщился Геральт. – Бабка может только бородой трясти и бормотать текст, которого и сама не понимает. А на девчонку вы глазеее, как на статую богини, раскрыв рты, не глядите ей в глаза, но пытаетесь угадывать ее желания. А ее желания – для вас приказы. Кто она, эта ваша Лилле?

– Так вы же отгадали, милсдарь. Вещунья. Ну, Мудрая, значит. Только не говорите об этом никому. Просим. Ежели до князя дойдет или, не приведите боги, до наместника...

– Не бойтесь, – серьезно сказал Геральт. – Знаю, в чем дело, и вас не выдам.

Встречающиеся по деревням странные женщины и девушки, которых жители называли вещуньями или Мудрыми, не пользовались особой симпатией у вельмож, собиравших дань и тянувших жилы из селян. Кметы всегда обращались за советом к вещуньям, почти по любому вопросу. Верили им слепо и безгранично. Принимаемые на основе таких советов решения зачастую полностью противоречили политике хозяев и владык. Геральт слышал о совершенно радикальных и непонятных случаях – об уничтожении племенных стад, прекращении сева либо уборки и даже о переселении целых деревень. Владыки преследовали «суеверия», зачастую не выбирая средств. Поэтому крестьяне очень быстро научились скрывать Мудрых. Но слушаться их не перестали. Потому что одно, как подсказывал опыт, не подлежало сомнению – по большому счету всегда оказывалось, что

Мудрые правы.

– Лилле не позволила нам убить дьявола, – продолжал Крапивка. – Велела сделать так, как указывает книга. Вы уже знаете – не получилось. Уже были неприятности с сеньором. Когда мы отдали зерна меньше, чем положено, он разорался, кричал, что разделяется с нами. О дьяволе-то мы ему ни-ни, потому как сеньор строг ужась, как и в шутках ничегошеньки не смыслит. И тут вы объявились. Мы спрашивали Лилле, можно ли вас... нанять?

– И что?

– Через бабушку сказала, что сначала ей надо на вас взглянуть.

– И взглянула.

– Ага. И признала вас, мы это знаем, умеем понять, что Лилле признает, а чего нет.

– Она не произнесла ни слова.

– Она ни с кем, кроме бабушки, словом не обмолвится. Но если б вас не признала – в хату б не вошла ни за что.

– Хм... – задумался Геральт. – Интересно. Вещунья, которая, вместо того чтобы вещать, молчит. Откуда она взялась?

– Не знаем, милсдарь ведьмак, – буркнул Дхун. – Но с бабушкой, как твердят старики, тожить так было. Предыдущая бабушка тожить приласкала неразговорчивую девку, такую, што явилась неведомо откель. А та девка – то как раз наша теперешняя бабушка. Дед мой говаривал: мол, бабушка таким манером возрождается. Совсем вроде как месяц на небе возрождается и всякий раз становится новый. Не смейтесь...

– Я не смеюсь, – покачал головой Геральт. – Я достаточно много видел, чтобы меня могли насмешить такие вещи. К тому же я и не думаю совать нос в ваши дела, уважаемый Дхун. Мои вопросы имеют целью установить связь между Лилле и дьяволом. Вы, пожалуй, уже и сами поняли, что такая связь существует. Поэтому, если вам дорога ваша вещунья, то относительно дьявола я могу вам дать только один совет: вы должны его полюбить.

– Знаете, – сказал Крапивка, – тут не только в дьяволе дело. Лилле никому не позволяет сделать ничего плохого. Ни одному существу.

– Конечно, – вставил Лютик. – Деревенские вещуньи идут с того же корня, что и друиды. А друид, ежели слепень сосет его кровь, так он тому еще и приятного аппетита пожелает.

– Точно, – слабо улыбнулся Крапивка. – В самое что ни на есть яблочко. То же было у нас с дикими свиньями, которые по огородам повадились лазать. И что? Гляньте в окно. Огороды как на картинке. Отыскался способ, Лилле даже не знает какой. Чего глаз не видит, того сердцу не жаль. Понятно?

– Понятно, – буркнул Геральт. – А как же. Ну и что? Лилле не Лилле, а ваш дьявол – это сильван. Существо чрезвычайно редкое, но разумное. Я его не убью, ибо мой кодекс этого не позволяет.

– Ежели он такой страсть как разумный, – проговорил Дхун, – то попробуйте его на этот самый ум взять.

– И верно, – подхватил Крапивка. – Если у дьявола есть разум, значит, он крадет зерно по-умному. Так вы, милсдарь ведьмак, разузнайте, чего ему надо. Ведь он того зерна не жрет, в каждом разе – не столько. Так на кой ему зерно? Нам назло или как? Чего он хочет? Узнайте

и выгоните его из окружи каким-нито ведьмаковским способом. Сделаете?

– Попытаюсь, – решился Геральт. – Но...

– А чего?..

– Ваша книга, дорогие мои, устарела. Понимаете, куда я клоню?

– По правде-то, – буркнул Дхун, – не очень.

– Я вам разъясню. Так вот, уважаемый Дхун, уважаемый Крапивка, если вы думаете, что моя помощь обойдется вам в серебряный грош или полтора, то глубоко заблуждаетесь. 5

– Эй!

В зарослях послышался шорох, гневное «ук-ук» и потрескивание жердей.

– Эй! – повторил ведьмак, предусмотрительно спрятавшись. – Покажись-ка, леший!

– Сам ты леший!

– Тогда кто? Черт?

– Сам ты черт! – Козерог выставил голову из конопля, скаля зубы. – Чего надо?

– Поговорить хочу.

– Смеешься или как? Думаешь, не знаю, кто ты такой? Парни наняли тебя, чтоб меня отсюда выкинул, э?

– Верно, – спокойно согласился Геральт. – Именно об этом я и хотел поговорить. А вдруг – договоримся?

– Вон оно что! – проблеял дьявол. – Хочешь отделаться малой ценой? Без трудов? Со мной такие штучки не пройдут, бе-е-е! Жизнь, человеке, это состязание. Выигрывает лучший. Хочешь у меня выиграть, докажи, что ты лучше. Чем болтать-то – давай устроим состязание. Победитель диктует условия. Я предлагаю гонки отсюда до старой вербы на дамбе.

– Не знаю, где дамба и где старая верба.

– Если б знал, я предлагать бы не стал. Люблю состязаться, но не люблю проигрывать.

– Это я заметил. Нет, не станем играть в догонялки. Жарковато сегодня.

– Жаль. Так, может, потягаемся в чем-нибудь другом? – Дьявол оскалил желтые зубы и поднял с земли большой булыжник. – Знаешь игру «Кто громче гукнет»? Чур, я гукаю первый. Закрой глаза.

– У меня другое предложение.

– Ну-ка, ну-ка?

– Ты отвалишь отсюда без состязаний, гонок и гукания. Сам, без принуждения.

– Засунь свое предложение а d'yeabl aep arse. – Дьявол проявил знание Старшей Речи. – Никуда я не уберусь. Мне и здесь хорошо.

– Но ты слишком уж тут набезобразничал. Переборщил с шутками.

– D?welsheyss тебе до моих шуток. – Леший, оказывается, знал и язык краснолюдов. – И цена твоему предложению такая же, как и d?welsheyss'у. Никуда я не уберусь. Другое дело, если победишь в какой-нибудь игре. Дать тебе шанс? Поиграем в загадки, ежели не любишь силовых игр. Сейчас я тебе загадку загадаю, если отгадаешь – выиграешь, а я уйду. Если нет – я останусь, а ты уберешься. Ну, напряги мозги, потому как загадка не из легких.

Не успел Геральт возразить, как дьявол заблеял, затопал копытцами, мазнул землю хвостом и продекламировал:

Розовы листочки, пухлые стручочки,

Зреет в мягкой глинке, рядом с ручеечком.

А на длинном стебле в точечках цветков.

Не давай котенку, чтобы он не сдох.

– Ну что это? Угадай.

– Понятия не имею, – равнодушно признался ведьмак, даже не пытаясь подумать.

– Скверно. Ты проиграл.

– А правильный ответ? У чего бывают... хм... в точечках цветочки?

– У капусты.

– Слушай, – проворчал Геральт, – твои шуточки начинают действовать мне на нервы.

– Я упреждал, – захохотал дьявол, – что загадка не из легких. Сорт такой. Что делать, я выиграл, остаюсь. А ты уходишь. Низко кланяюсь.

– Минуточку. – Ведьмак незаметно сунул руку в карман. – А моя загадка? Наверно, у меня есть право на реванш?

– Нету, – запротестовал дьявол. – Чего ради? А вдруг я не отгадаю? За дурака меня держишь?

– Нет, – покачал головой Геральт. – Держу тебя за зловерного, наглого, нахального балбеса. Сейчас поиграем в совсем новую, неизвестную тебе игру.

– Да? Ишь ты! Ну и что же это за игра?

– Игра называется, – медленно произнес ведьмак, – «Не делай другому то, что тебе самому неприятно». Закрывать глаза не обязательно.

Геральт наклонился, размахнулся, в воздухе резко просвистел дюймовый металлический шарик и со звоном врезался дьяволу точно между рогами. Сильван рухнул как подкошенный. Геральт щукой скользнул меж жердей и схватил дьявола за косматую ногу. Леший забебекал и взбрыкнул, ведьмак прикрыл голову предплечьем, но у него все равно зазвенело в ушах, потому что дьявол, несмотря на неуклюжую фигуру, лягался с силой разъяренного мула. Геральт попытался ухватить брыкающиеся копыта, но не сумел. Козерог разошелся, заколотил по земле руками и лягнул его снова, на этот раз прямо в лоб. Ведьмак выругался, чувствуя, как нога дьявола вырывается у него из пальцев. Оба они, расцепившись,

покатились в разные стороны, с треском выворачивая жерди и запутываясь в побегах конопли.

Дьявол вскочил первым и кинулся на ведьмака, опустив увенчанную рогами голову. Но Геральт уже твердо стоял на ногах и легко уклонился, схватил лешего за рог, крепко рванул, повалил на землю и прижал коленями. Дьявол заблеял и плюнул ему в глаза, причем так, что этого не постыдился бы и верблюд, страдающий слюноизвержением. Ведьмак автоматически отступил, не отпуская, однако, дьяволиных рогов. Леший, мотая головой, лягнул его двумя копытами сразу и – что самое удивительное – обоими попал. Геральт дико выругался, но рук не разжал. Поднял дьявола с земли, припер к трещащим жердям и со всей силы долбанул ногой по косматому колену, а потом наклонился и наплевал ему прямо в ухо. Дьявол взвыл и зашелкал тупыми зубами.

– Не делай другому... – выдохнул ведьмак, – что тебе неприятно! Продолжаем игру?

– Блеблебле-е-е! – булькал, выл и плевался дьявол, но Геральт крепко держал его за рога и прижимал голову книзу, поэтому плевики попадали дьяволу на собственные копыта, вздымающие тучи пыли и травы.

Следующие несколько минут ушли на бурную возню, обмен ругательствами и пинками. Геральт если и мог чему-то радоваться, так исключительно тому, что никто его не видит, ибо картинка была воистину кретинская.

Очередной пинок разорвал дерущихся и разбросал их в разные стороны, в гущу конопли. Дьявол снова опередил ведьмака – вскочил и кинулся бежать, заметно прихрамывая. Геральт, тяжело дыша и вытирая лицо, бросился вдогонку. Они продрались сквозь коноплю, влетели в хмель. Ведьмак услышал цокот копыт мчащегося галопом коня. Звук, которого он ожидал.

– Здесь! Лютик! Я здесь! – крикнул он. – Во хмелю!

И тут он увидел над собой грудь лошади, а в следующую секунду на него наехали. Он оттолкнулся от коня, как от скалы, и рухнул навзничь. От удара о землю потемнело в глазах. Несмотря на это, он сумел откатиться вбок, за жерди, уклоняясь от удара копыт. Ловко вскочил, но тут на него налетел другой всадник и снова повалил. А потом вдруг кто-то насел на него, пригвоздив к земле.

И был блеск и пронизывающая боль в затылке.

И тьма. 6

Рот был забит песком. Когда Геральт попытался его выплюнуть, то понял, что лежит лицом к земле. Когда захотел пошевелиться, понял, что связан. Слегка приподнял голову. Услышал голоса.

Он лежал на земле у ствола сосны. Шагах в двадцати стояло несколько расседланных лошадей. Он видел их сквозь перистые папоротники, нечетко, но один из коней, несомненно, был гнедой Лютика.

– Три мешка кукурузы, – услышал он. – Хорошо, Торкве. Очень хорошо. Молодцом.

– Это еще не все, – сказал блеющий голос, который мог принадлежать только козерогу. – Посмотри на это, Галарр. Вроде бы фасоль, но совсем белая. И какая крупная! А вот это называется рапс. Они из него масло делают.

Геральт крепко зажмурился, потом снова открыл глаза. Нет, это был не сон. Дьявол и Галарр, кем бы он ни был, пользовались Старшей Речью эльфов. Но слова «кукуруза», «фасоль» и

«рапс» были произнесены на общем.

– А это что такое? – спросил тот, кого звали Галарр.

– Льняное семя. Лен, понимаешь? Рубахи делают из льна. Гораздо дешевле, чем из шелка, и носится дольше. Способ обработки, кажется, довольно сложный, но я выпрошу, что и как.

– Только б принялся этот твой лен, только б не пропал у нас, как репа, – посетовал Галарр, по-прежнему пользуясь чудным воляпюком. – Постарайся раздобыть новые саженцы репы, Торкве.

– Чего проще, – баянул дьявол. – Никаких проблем, все растет как на дрожжах. Доставлю, не бойся.

– И еще одно, – сказал Галарр. – Узнай наконец, в чем суть ихнего троеполя.

Ведьмак осторожно приподнял голову и попробовал повернуться.

– Геральт... – услышал он шепот. – Очнулся?

– Лютик, – тоже шепотом отозвался он. – Где мы... Что с нами...

Лютик тихо застонал. Геральт не выдержал, выругался, напрягся и перевернулся на бок.

Посреди поляны стоял дьявол, носивший, как он уже знал, звонкое имя Торкве. Он был занят погрузкой на лошадей мешков, корзин и вьюков. Помогал ему высокий худощавый мужчина, который мог быть только Галарром. Тот, услышав движение ведьмака, повернулся. Его черные волосы заметно отливали темно-синим. На угловатом лице горели большие глаза. Уши заострились кверху.

Галарр был эльфом. Эльфом с гор. Чистой крови Aen Seidhe – представитель Старшего Народа.

Галарр не был единственным эльфом в пределах видимости. На краю поляны сидели еще шестеро. Один был занят тем, что потрошил вьюки Лютика, другой тренькал на лютне трубадура. Остальные, собравшись вокруг развязанного мешка, усиленно уничтожали репу и сырую морковь.

– Vanadain, Toruviel, – сказал Галарр, движением головы указывая на пленников. – Vedran! Enn'!

Торкве подскочил и заблеял.

– Нет, Галарр! Нет! Филавандрель запретил! Ты забыл?

– Нет, не забыл. – Галарр перекинул два связанных мешка через спину лошади. – Но надо проверить, не ослабли ли петли.

– Чего вы от нас хотите? – простонал трубадур, пока один из эльфов, прижав его к земле коленом, проверял узлы. – Зачем связываете? Что вам надо? Я – Лютик, тру...

Геральт услышал звук удара. Повернулся, выкручивая шею.

У стоящей над Лютиком эльфки тоже были черные глаза и буйно опадающие на плечи волосы цвета воронова крыла, только на висках заплетенные в две тоненькие косички. На ней была короткая кожаная курточка, надетая на свободную рубаху из зеленого атласа, и облегающие шелковые брючки, заправленные в сапоги для верховой езды. Бедра обмотаны цветным платком.

– Que glosse? – спросила она, глядя на ведьмака и поигрывая рукоятью длинного кинжала, висящего на поясе. – Que l'en ravienn el'ea?

– Nell'ea, – возразил он. – T'en pavien, Aen Seidhe.

– Слышал? – повернулась эльфка к товарищу, высокому сеидхе, который, и не думая проверять узлы Геральта, с безразличной миной на вытянутом лице продолжал бренчать на лютне Лютика. – Ты слышал, Ванадайн? Человекообразное умеет говорить! К тому же нагло!

Сеидхе повел плечами. Перья, украшавшие его куртку, зашелестели.

– Еще один повод заткнуть ему глотку, Торувьель.

Эльфка наклонилась над Геральтом. У нее были длинные ресницы, неестественно бледная кожа, обветренные, потрескавшиеся губы. Она носила ожерелье из фигурных кусочков золотистой бронзы, нанизанных на ремешок, несколько раз обернутый вокруг шеи.

– Ну-ка скажи что-нибудь, человекообразное, – прошипела она. – Посмотрим, куда годится твоя привыкшая лаять глотка.

– Тебе что, повод нужен, – ведьмак с усилием перевернулся на спину, выплюнул песок, – чтобы ударить связанного? А так, без предлога, не можешь? Я же видел, тебе это доставляет удовольствие. Ну, успокой душеньку.

Эльфка выпрямилась.

– На тебе я уже душу успокоила, когда у тебя были свободные руки, – сказала она. – Это я прошлась по тебе конем и дала по морде. Знай, что именно я прикончу тебя, когда придет время.

Он не ответил.

– Охотнее всего я б ткнула тебя кинжалом сейчас, глядя в глаза, – продолжала эльфка. – Но от тебя жутко несет, человек. Я прикончу тебя из лука.

– Воля твоя, – пожал плечами ведьмак, насколько это позволяли путы. – Как хочешь, благородная Aen Seidhe. В связанного и неподвижного ты должна бы попасть. Не промахнуться.

Эльфка встала над ним, расставив ноги, и наклонилась, сверкнув зубами.

– Должна, – прошипела она. – И попаду, куда хочу. Но будь уверен, от первой стрелы ты не подохнешь. И от второй тоже. Постараюсь сделать так, чтобы ты чувствовал, что умираешь.

– Не подходи так близко, – поморщился он, изображая отвращение. – От тебя зверски несет, Aen Seidhe.

Эльфка отскочила, качнулась и с размаху пнула его в бедро. Геральт скорчился и сжался, видя, куда она собирается пнуть теперь. Это ему удалось, он получил по ноге, да так, что лязгнули зубы.

Стоящий рядом высокий эльф сопровождал ударам резкими аккордами на струнах лютни.

– Оставь его, Торувьель, – заблеял дьявол. – Спятила? Галарр, вели ей прекратить!

– Thaess! – взвизгнула Торувьель и пнула ведьмака еще раз. Высокий сеидхе сильно рванул струны, одна с протяжным стоном лопнула.

– Достаточно! Довольно, о боги! – нервно крикнул Лютик, дергаясь в путах. – Зачем ты издеваешься над ним, глупая девка! Оставьте нас в покое! А ты перестань терзать лютню, слышишь?

Торувьель повернулась к нему со злой гримасой на потрескавшихся губах.

– Музыкант! – проворчала она. – Гляньте-ка, человек, а музыкант! Лютнист! Надо же!

Она молча выхватила инструмент из рук высокого эльфа и, с размаху разбив о ствол сосны, бросила опутанные струнами остатки Лютику на грудь.

– На коровьем роге тебе играть, дикарь, не на лютне!

Поэт смертельно побледнел, губы у него задрожали. Геральт, чувствуя вздымающуюся где-то внутри холодную ярость, притянул взглядом черные глаза Торувьель.

– Что пялишься? – прошипела эльфка, наклоняясь. – Грязное человекообразное! Хочешь, чтобы я выколола твои гадючьи зенки?

Ожерелье нависло над ним. Ведьмак напрягся, резко приподнялся, схватил ожерелье зубами и сильно рванул, подогнув ноги и выворачиваясь набок. Торувьель, потеряв равновесие, свалилась на него. Геральт метался в узах, как выброшенная на берег рыба. Он прижал собою эльфку, откинул голову так, что хрустнуло в шейных позвонках, и изо всей силы ударил ее лбом в лицо. Торувьель взвыла, захлебнулась воздухом.

Его грубо стащили с нее, волоча за одежду и волосы. Подняли, кто-то ударил, он почувствовал, как перстни рвут кожу на скуле, в глазах заплесал и поплыл лес. Он увидел, как Торувьель поднимается на колени, увидел кровь, текущую у нее из носа и рта. Эльфка выхватила из ножен кинжал, сгорбилась, но вдруг разрыдалась, скусилась, схватилась за лицо и опустила голову в колени.

Высокий эльф в украшенной пестрыми перьями куртке взял у нее из руки кинжал и подошел к удерживаемому другими ведьмаку. Усмехнулся, поднимая клинок. Геральт видел его сквозь красный туман, кровь, сочившаяся из разбитого о зубы Торувьель лба, заливала ему глаза.

– Нет! – заблеял Торкве, подскакивая к эльфу и повисая у него на руке. – Не убивай! Нет!

– Voerle, Vanadain, – раздался вдруг звучный голос. – Quess aen? Caelm, evellienn! Galarr!

Геральт повернул голову, насколько это позволяла вцепившаяся ему в волосы пятерня.

На полянку выехал снежно-белый длинногривый конь. Грива, мягкая даже на вид, казалась шелковистой, как женские волосы. Шевелюра сидящего в богатом седле наездника была того же цвета. Волосы были перехвачены на лбу повязкой, усеянной изумрудами.

Торкве, побебекивая, подскочил к лошади, ухватил ее за стремя и засыпал белоголового эльфа потоком слов. Сеидхе, прервав его властным жестом, спрыгнул с седла. Приблизился к Торувьель, осторожно отнял от ее лица окровавленный платок. Торувьель душераздирающе охнула. Сеидхе покрутил головой, повернулся к ведьмаку, подошел ближе. Его черные пылающие глаза, горевшие на бледном лице словно звезды, были обведены синими кругами, будто он несколько ночей кряду не знал сна.

– Кусаешься даже связанный, – сказал он без акцента, тихо, на общем языке. – Как василиск. Я сделаю отсюда выводы.

– Торувьель сама начала, – забебекал дьявол. – Она пнула его, связанного, словно сумасшедшая...

Эльф жестом велел ему замолчать. По его краткому приказу другие сеидхе перетащили ведьмака к сосне и привязали ремнями к стволу. Потом все присели рядом с лежащей Торувьель, заслонив ее. Геральт слышал, как она вдруг вскрикнула, дергаясь в их руках.

– Я этого не хотел, – сказал дьявол, все еще стоявший рядом с ними. – Не хотел, человек. Я не знал, что они появятся именно тогда, когда мы... Когда тебя оглушили, а твоего друга связали веревкой, я просил, чтобы вас оставили там, в хмеле. Но...

– Они не могли оставить свидетелей, – проворчал ведьмак.

– Может, нас не убьют? – простонал Лютик. – Может, нас не...

Торкве молчал, шмыгая мягким носом.

– Черт побери, ох, прости, – снова застонал поэт. – Убьют? В чем дело, Геральт? Свидетелями чего мы были?

– Наш козлорогий друг выполняет в Долине Цветов особую миссию. Верно, Торкве? По заданию эльфов он крадет семена, саженцы, рассаду, выуживает сельскохозяйственные знания... Что еще, чертушка?

– Что удастся, – бебекнул Торкве. – Все, что они потребуют. А ты скажи мне, чего они не требуют? Они голодают в горах, особенно зимой. А о земледелии понятия не имеют. Пока-то они приручат животных или птицу, пока-то что-нибудь вырастят на своих делянках... У них нет на это времени, человек.

– Плевал я на их время. Что я им сделал? Лично я? – простонал Лютик. – Что плохого сделал им я?

– Подумай хорошенько, – сказал беззвучно подошедший белоголовый эльф, – и, может быть, сам себе ответишь.

– Он просто мстит за все несправедливости, какие эльфы испытывали от людей, – криво усмехнулся ведьмак. – Ему все равно, кому мстить. Не дай обмануть себя благородной внешностью и изысканной речью, Лютик. Он ничем не отличается от той черноглазой, которая била нас ногами. Ему надо на ком-то разрядить свою бессильную ненависть.

Эльф поднял сломанную лютню Лютика. Некоторое время рассматривал искореженный инструмент, потом отбросил его в кусты.

– Если б я хотел дать волю ненависти или желанию отомстить, – сказал он, поигрывая перчатками из мягкой белой кожи, – я напал бы на Долину ночью, спалил поселки и вырезал жителей. Детская забава, они даже не выставляют охраны. Они не видят и не слышат нас, когда ходят в лес. Разве может быть что-то проще, легче, чем быстрая тихая стрела, пущенная из-за дерева? Но мы не охотимся на вас. Это ты, человек со странными глазами, устроил охоту на нашего друга, сильвана Торкве.

– А, да что там, – бебекнул дьявол, – какая там охота. Мы немного поиграли...

– Это вы, люди, ненавидите всех, кто отличается от вас хотя бы только формой ушей, – спокойно продолжал эльф, не обращая внимания на козерога. – Поэтому отняли у нас землю, изгнали из домов, вытеснили в дикие горы. Заняли нашу Dol Blathanna, Долину Цветов. Я – Filavandrel aen Fidhail из Серебряных Башен, из рода Feleaorn'ов с Белых Кораблей. Теперь, изгнанный и оттесненный на край света, я просто Филавандрель с Края Света.

– Мир велик, – буркнул ведьмак. – Можем поместиться. Места хватит.

– Мир велик, – повторил эльф. – Это верно, человек. Но вы изменили этот мир. Сначала изменяли его силой, поступали с ним так, как со всем, что попадало вам под руку. Теперь, похоже, мир начал приспосабливаться к вам. Склонился перед вами. Подчинился вам.

Геральт не отвечал.

– Торкве сказал правду, – продолжал Филавандрель. – Да, мы голодаем. Да, нам угрожает гибель. Солнце светит иначе, воздух – другой, вода – уже не та, какой была. То, что мы некогда ели, чем пользовались, погибает, вырождается, хиреет, пропадает. Мы никогда не занимались земледелием, никогда в отличие от вас, людей, не раздирали землю мотыгами и сохами. Вам земля платит кровавую дань. Нас она одаривала. Вы вырываете у земли ее богатства силой. Для нас земля рожала и цвела, потому что любила нас. Что ж, ни одна любовь не длится вечно. Но мы хотим выжить.

– Вместо того чтобы воровать зерно, его можно купить. Сколько надо. У вас множество того, что очень ценят люди. Вы могли бы торговать.

Филавандрель брезгливо поморщился.

– С вами? Никогда.

Геральт нахмурился, разрывая запекшуюся на щеке кровь.

– Идите вы к черту вместе с вашей наглостью и презрением. Не желая сосуществовать, вы сами обрекаете себя на гибель. Сосуществовать, договориться – вот ваш единственный шанс.

Филавандрель сильно наклонился вперед, глаза у него блеснули.

– Сосуществовать на ваших условиях? – спросил он изменившимся, но все еще спокойным голосом. – Признать ваше превосходство? Сосуществовать как рабы? Парии? Сосуществовать с вами, оставаясь за пределами стен, которыми вы отгораживаетесь от нас в своих городах? Сожительство с вашими женщинами и идти за это на шибеницу? И видеть, что происходит с детьми, появившимися на свет в результате такого сожительства? Почему ты избегаешь моего взгляда, странный человек? Как тебе удастся сосуществовать с ближними, от которых ты, кстати, немного отличаешься?

– Стараюсь помаленьку, – посмотрел ему в глаза ведьмак. – Справляюсь. Потому что должен. Потому что другого выхода у меня нет. Потому что смог подавить в себе спесь и зазнайство, которые хоть и дают мне защиту от «инности», но защиту плачевную. Ибо я понял, что солнце светит иначе, что нечто изменяется, но не я являюсь осью этих изменений. Солнце светит иначе и будет светить, и без толку кидаться на него с мотыгой. Надо признавать факты, эльф, надо этому научиться.

– Как раз этого-то вы и добиваетесь, верно? – Филавандрель отер пот, выступивший на бледном лбу над белесыми бровями. – Именно это вы стремитесь навязать другим? Убедить всех, что вот он пришел, ваш час, ваша, человеческая, эпоха, что то, как вы поступаете с другими расами, столь же естественно, как восходы и закаты солнца? Что все обязаны с этим согласиться, смириться? И ты еще обвиняешь меня в спесивости? А что же тогда проповедуешь ты? Почему вы, люди, не поймете наконец, что ваше владычество над миром не более естественно, чем у вшей, расплодившихся в тулупе? С тем же успехом ты мог бы предложить мне сосуществовать со вшами, с таким же вниманием я слушал бы вшей, если б взамен за признание их верховенства мы согласились на совместное пользование тулупом...

– Знаешь что, эльф, не трать напрасно свое драгоценное время на споры с таким отвратным насекомым, как я, – сказал ведьмак, с трудом сдерживая ярость. – Меня удивляет, как сильно

тебе хочется в такой вше, как я, разбудить чувство вины и раскаяния. Ты жалок, Филавандрель. Ты разгорячился, ты жаждешь мести и осознаешь собственное бессилие. Ну давай, пырни меня мечом. Отыграйся на мне за всю человеческую расу. Увидишь, как тебе полегчает. А для начала вдарь меня по яйцам или по зубам, как это сделала твоя Торувьель.

– Торувьель больна, – сказал Филавандрель, отвернувшись.

– Знаю я эту болезнь и ее признаки. – Геральт сплюнул через плечо. – То, что я предложил, должно помочь.

– И верно, бессмысленный разговор. – Филавандрель встал. – Сожалею, но мы вынуждены вас убить. Месть тут ни при чем, это чисто практическое решение. Торкве продолжит выполнять свою задачу, и никто не должен подозревать, для кого он это делает. Мы не в состоянии воевать с вами, а на торговле и обмене провести себя не дадим. Мы не настолько наивны, чтобы не знать, чьим авангардом являются ваши купцы. Кто за ними идет. И какого рода сосуществование приносит.

– Слушай, эльф, – тихо проговорил молчавший до сих пор поэт. – У меня есть друзья. Люди, которые дадут за нас выкуп. Если хочешь, то и пищей. В любом виде. Подумай об этом. Ведь уворованные семена вас не спасут...

– Их уже ничто не спасет, – прервал его Геральт. – Не пресмыкайся перед ними, Лютик, не кланчи. Это бессмысленно и достойно сожаления.

– Для того, кто живет кратко, – усмехнулся Филавандрель, но улыбка получилась вымученной, – ты проявляешь поразительное презрение к смерти, человек.

– Двум смертям не бывать, одной не миновать, – спокойно сказал ведьмак. – Философия в самый раз для вши, верно? А твое долголетие? Жаль мне тебя, Филавандрель.

– Это почему же? – поднял брови эльф.

– Вы жалостно смешны со своими уворованными мешочками семян на вьючных лошадях, с горсткой зерна, с теми крохами, за счет которых намерены выжить. И с вашей миссией, которая служит только тому, чтобы отвлечь ваши мысли от близкой гибели. Ведь ты-то знаешь, что это уже конец. Ничто не взойдет и не уродится на плоскогорьях, ничто вас уже не спасет. Но вы – долговечны, вы будете жить долго, очень долго, в собственноручно и высокомерно избранной изоляции, слабеющие, малочисленные, все более озлобленные. И ты знаешь, что произойдет, Филавандрель. Знаешь, что тогда отчаявшиеся юнцы с глазами столетних старцев и отцветшие, бездетные и больные, как Торувьель, девушки поведут в долины тех, кто еще сможет удержать в руках меч и лук. Вы спуститесь в цветущие долины навстречу смерти, желая умереть достойно, в бою, а не в постелях, на которые повалят вас анемия, туберкулез и цинга. И тогда, долгожитель Aen Seidhe, ты вспомнишь обо мне. Вспомнишь, что мне было тебя жаль. И поймешь, что я был прав.

– Время покажет, кто был прав, – тихо проговорил эльф. – И в этом преимущество долголетия. У меня есть возможность убедиться лично. Хотя бы благодаря украденным горстям зерна. У тебя такой возможности не будет. Сейчас ты умрешь.

– Пощади хотя бы его. – Геральт указал на Лютика движением головы. – Нет, не из патетического милосердия, а из соображений разума. Обо мне никто не вспомнит, но за него захотят отомстить.

– Ты неверно оцениваешь мой разум, – сказал эльф. – Если он выживет благодаря тебе, он, несомненно, почувствует себя обязанным отомстить за тебя.

– И не сомневайся! – взревел Лютик, бледный как смерть. – Можешь быть уверен, сукин сын! Убей меня тоже, потому что, клянусь, в противном случае я подниму против тебя весь мир. Ты увидишь, на что годны вши из тулупа! Мы перебьем вас, даже если для этого придется сровнять с землей ваши горы! Можешь быть уверен!

– Ну и глуп же ты, Лютик! – вздохнул ведьмак.

– Двум смертям не бывать, одной не миновать, – гордо сказал поэт, впрочем, эффект несколько подпортили стучавшие, как кастаньеты, зубы.

– Это решает дело. – Филавандрель вынул перчатки из-за пояса и натянул их. – Пора кончать этот досадный эпизод.

По его краткому приказу эльфы с луками выстроились напротив. Сделали они это быстро: явно уже давно ожидали приказа. Один, как заметил ведьмак, все еще жевал репу. Торувьель, у которой рот и нос были крест-накрест закрыты полосками ткани и берестой, встала рядом с лучниками. Но без лука.

– Завязать вам глаза? – спросил Филавандрель.

– Отойди, – буркнул ведьмак. – Иди ты в...

– A d'yeabl aep arse, – закончил Лютик, стуча зубами.

– Э нет! – вдруг заблеял дьявол, подбегая и заслоняя собою осужденных. – У вас что, разум отбило? Филавандрель! Мы так не уговаривались! Ты должен был вывезти их в горы, поддержать где-нибудь в пещерах, пока мы не закончим здесь...

– Торкве, – сказал эльф, – не могу. Я не могу рисковать. Ты же видел, что он, связанный, сделал с Торувьель? Я не могу рисковать.

– Мне плевать, что ты можешь, а чего нет! Что вы вообразили? Думаете, я позволю вам совершить убийство? Здесь, на моей земле? Здесь, рядом с моим поселком? Вы, проклятые дурни! Выматывайтесь отседова вместе со своими луками, иначе на рога подниму, ук, ук!!!

– Торкве, – Филавандрель вытер руки о пояс, – то, что мы собираемся сделать, – необходимость.

– D?welsheyss, а не необходимость!

– Отойди в сторону, Торкве!

Козерог потряс ушами, заблеял еще громче, вытаращил глаза и согнул локоть популярным у краснолюдов оскорбительным жестом.

– Никого вы тут убивать не станете! Садитесь на коней и выбирайтесь в горы, за перевалы! В противном случае вам придется убить и меня!

– Ну рассуди, – медленно проговорил беловолосый эльф. – Если мы оставим их в живых, люди узнают о тебе, о том, что ты делаешь. Они поймают тебя и замучают. Ты их знаешь.

– Знаю, – буркнул дьявол, все еще заслоняя собою Геральта и Лютика. – Получается, что мне они известны лучше, чем вам! И не знаю, честное слово, кого следует держать. Жалею, что сошелся с вами, Филавандрель!

– Ты сам этого хотел, – холодно сказал эльф, подавая знак лучникам. – Ты сам хотел, Торкве.

Эльфы вытянули стрелы из колчанов.

– Отойди, Торкве, – сказал Геральт, стискивая зубы. – Это бессмысленно. Отойди в сторону.

Дьявол, не двигаясь, показал ему краснолюдский же жест.

– Я слышу музыку... – неожиданно заплакал Лютик.

– Это бывает, – сказал ведьмак, глядя на наконечники стрел. – Не бери в голову. Не стыдно поглупеть от страха.

Лицо Филавандреля изменилось, собралось в странную гримасу. Беловолосый сеидхе резко повернулся, что-то крикнул лучникам, кратко, отрывисто. Те опустили оружие.

На поляну вышла Лилле.

Это уже не была тощая деревенская девчонка в грубой холщовой рубаше. По покрывающей поляну траве шла – нет, не шла – плыла к ним Королева, сияющая, золотоволосая, огненноглазая, захватывающая дух Королева Полей, украшенная гирляндами цветов, колосьев, трав. У ее левой ноги топтался на непослушных ножках олененок, у правой шелестел большой еж.

– Dana Meabdh, – почтительно произнес Филавандрель. Потом наклонил голову и опустился на одно колено.

Преклонили колени и остальные эльфы, медленно, как бы с нежеланием, один за другим, низко и почтительно склоняя головы. Последней, кто опустился на колени, была Торувьель.

– Hael, Dana Meabdh, – повторил Филавандрель.

Лилле не ответила. Она остановилась в нескольких шагах от эльфа, повела голубым взглядом по Лютику и Геральту. Торкве, хоть и он тоже согнулся в поклоне, тут же принялся развязывать узлы. Никто из сеидхе не пошевелился.

Лилле продолжала стоять перед Филавандрелем. Она не произнесла ни слова, не издала ни звука, но ведьмак видел, как меняются лица эльфов, ощутил обволакивающую их ауру и не сомневался, что между этой парой происходит обмен мыслями. Дьявол вдруг потянул его за рукав.

– Твой друг, – тихо проблеял он, – изволил упасть в обморок. Самое время. Что делать?

– Дай ему пару раз по щекам.

– С удовольствием.

Филавандрель поднялся с колен. По его приказу эльфы мгновенно кинулись седлать коней.

– Пойдем с нами, Дана Меабдх, – сказал беловолосый эльф. – Ты нам нужна. Не покидай нас, Извечная. Не лишай нас своей милости. Мы погибнем без нее.

Лилле медленно покачала головой, указала на восток, в сторону гор. Эльф поклонился, теребя в руках украшенные поводья своего белогривого коня.

Подошел Лютик, бледный и молчаливый, поддерживаемый дьяволом. Лилле взглянула на него, улыбнулась. Посмотрела в глаза ведьмаку, смотрела долго. Не произнесла ни слова. Слова были не нужны.

Большинство эльфов уже были в седлах, когда подошли Филавандрель и Торувьель. Геральт

посмотрел в черные глаза эльфки, горевшие над бинтами.

– Торувьель... – начал он. И не закончил.

Эльфка кивнула, сняла с луки седла лютню, прекрасный инструмент из легкого, искусно инкрустированного дерева с изящным, резным грифом, и молча вручила Лютику. Поэт принял инструмент, поклонился. Тоже молча, но его глаза говорили о многом.

– Прощай, странный человек, – тихо сказал Филавандрель Геральту. – Ты прав. Слова не нужны. Они ничего не изменяют.

Геральт молчал.

– После долгого раздумья, – добавил сеидхе, – я пришел к выводу, что ты был прав. Когда пожалел нас. Посему до свидания. До скорого свидания. В тот день, когда мы спустимся с гор в Долину, чтобы умирать с достоинством. Тогда мы будем искать тебя, я и Торувьель. Не подведи нас.

Они долго молчали, глядя друг на друга. Потом ведьмак ответил коротко и просто:

– Я постараюсь. 7

– О боги, Геральт. – Лютик перестал перебирать струны, прижал лютню, коснулся ее щекой. – Это дерево поет само! Его струны живут! Какой изумительный звук. Черт побери, прости, Торкве, привычка, за такую лютенку несколько пинков и немного страха – очень низкая цена. Я позволил бы пинать себя с утра до вечера, если б знал, что получу. Геральт! Ты вообще-то меня слушаешь?

– Трудно вас не слышать. – Геральт поднял голову от книги, взглянул на дьявола, который все время заядло пищал на какой-то странной дудке, изготовленной из кусочков тростника различной длины. – Да слышу я вас, вся округа вас слышит.

– D?welsheyss, а не округа. – Торкве отложил дудку. – Пустырь, и все тут. Дичь. Эх, жаль мне моей конопли.

– Конопли ему жаль! – засмеялся Лютик, осторожно подкручивая покрытые искусной резьбой колки лютни. – Надо было сидеть в куще, как мышь под метлой, а не пугать девок, уничтожать дамбы и поганить колодцы. Думаю, теперь ты будешь осторожнее и прекратишь свои фокусы, а, Торкве?

– Я люблю фокусы, – сообщил дьявол, ослабившись. – И жизни себе, в смысле себе, без них не представляю. Но так и быть, обещаю, что на новых землях буду осторожнее. Буду... откалывать более продуманные номера.

Ночь была облачная и ветреная, ветер валил тростник, шумел в кустах, в которых они разбили бивак. Лютик подкинул в костер хворосту, Торкве вертелся на подстилке, отмахиваясь хвостом от комаров. В озере плеснулась рыба.

– Нашу поездку на край света я опишу в балладе, – сообщил Лютик. – И тебя в ней тоже не забуду, Торкве.

– Не думай, что это тебе так легко сойдет с рук, – буркнул дьявол. – Я тогда тоже напишу балладу и не забуду тебя, да так не забуду, что ты двенадцать лет не сможешь появляться в приличном обществе. Тогда увидишь. Геральт?

– А?

- Ты вычитал что-то интересное в книге, которую обманом выудил у безграмотных кметов?
- Именно.
- Так прочти и нам, пока еще огонь не погас.
- Да, да, – зазвенел Лютик на лютне Торувьель. – Почитай, Геральт.

Ведьмак оперся на локоть, подвинул книгу поближе к огню.

– «Узреть ее можно, – начал он, – летней порой, с дней мая и древоточца по дни костров, но чаще всего это случается в Праздник Жатвы, который древние называли “Ламмас”. Является она в виде Девы Светловолосой, в цветах вся, и все живое устремляется за ней и льнет к ней, все равно, травы ли, зверь ли. Поэтому и имя у нее Живия. Древние зовут ее Данамеби и особо почитают. Даже Бородачи, хоть они и внутри гор, не среди полей обретаются, уважают ее и именуют “Bloemenmagde”».

– Данамеби, – буркнул Лютик. – Dana Meabdh, Дева Полей.

– «Куда Живия стопу поставит, там земля цветет и родит и буйно плодится зверье всякое, такая в ней сила. Люды всякие жертвы ей приносят из урожая, в надежде неустанной, что в их, а не в чужие края Живия наведается. Ибо говорят также, что осядет наконец Живия среди того люду, коий выше других вознесется, но все это так, пустые словеса. Потому правду мудрецы рекут, что Живия землю токмо любит и то, что растет на ней и живет, однако без разницы, травка ль то мельчайшая, либо червь самый тишайший, а люды всякие для нее значат не боле, чем наименьшая былинка, ибо и они уйдут когда-нибудь, а новые после них, иные придут племена. А Живия вечно есть, была и будет, всегда, по край времен».

– По край времен! – пропел трубадур и забренчал на лютне. Торкве присоединился высокой трелью на своей тростниковой пищалке. – Благодарю тебя, Дева Полей! За урожай, за цветы и Долю Блатанна и за шкуру нижеподписавшегося, в смысле – вышепропевшего, которую ты спасла от стрел. Знаете, что я вам скажу?

Он перестал играть, обнял лютню, словно ребенка, и посмурнел.

– Пожалуй, не стану я упоминать в балладе ни эльфов, ни трудности, с которыми им приходится бороться. А то еще найдутся охотники до гор... Зачем ускорять...

Трубадур замолчал.

– Докончи, – горько сказал Торкве. – Ты хотел сказать: ускорять то, что неизбежно. Неизбежно.

– Не будем об этом, – прервал Геральт. – Зачем? Слова не нужны. Берите пример с Лилле.

– Она разговаривала с эльфом телепатически, – буркнул бард. – Я чувствовал. Правда, Геральт? Ты ведь воспринимаешь такую связь. Ты понял, о чем... Что она передавала эльфам?

– Кое-что.

– О чем она говорила?

– О надежде. О том, что все обновляется и не перестает обновляться.

– И всего-то?

– Этого было достаточно.

- Хм... Геральт? Лилле живет в деревне, среди людей. Не думаешь ли ты, что...
- Что так и останется среди них? Здесь, в Доле Блатанна? Возможно. Если...
- Если что?
- Если люди окажутся того достойны. Если край света останется краем света. Если мы будем уважать границу. Ну, довольно болтать, парни. Спать пора.
- Верно. Полночь близко, костер угасает. А я посижу еще, у меня всегда рифмы лучше подбираются у догорающего костра. А для моей баллады нужно название. Хорошее название.
- Может, «Край света»?
- Банально, – фыркнул поэт. – Даже если это действительно край, надобно его назвать иначе. Метафорически. Полагаю, ты знаешь, что такое метафора, Геральт? Хм... Надо подумать... «Там, где...» Черт, о, прости, Торкве, привычка. «Там, где...»
- Спокойной ночи, – сказал дьявол.

Глас рассудка VI

Ведьмак расшнуровал рубаху, отлепил от шеи намокший лен. В гроте было очень тепло, даже жарко, в воздухе висел тяжелый, влажный пар, каплями оседавший на омшелых валунах и базальтовых плитах стен.

Кругом были растения. Они тянулись из выдолбленных в основании, заполненных торфом углублениях, из огромных ящиков, корыт и горшков. Взбирались по стенам, деревянным решеткам и шестам. Геральт с любопытством осматривался, узнавал некоторые редкие экземпляры – те, что входили в состав ведьмачьих лекарств и эликсиров, магических фильтров и колдовских декоктов. И те, еще более редкие, о свойствах которых он мог лишь догадываться. Были здесь и такие, которых он вообще не знал и о которых даже не слышал. Стены грота покрывали пятна звездолистного донника, из гигантских горшков выпирали плотные шары пустоглава и побеги усыпанной кроваво-красными ягодами аренарии. Он узнавал мясистые, с толстыми прожилками листья скороцета, бордово-желтые овалы безмера и темные стрелки пилорытки. Видел прильнувший к каменным глыбам перистый мох ставикрова, поблескивающие шишечки вороньего глаза и тигрино-полосчатые пластинки мышехвостого ятрышника.

В затененной части грота пузырились серые, словно полевой булыжник, шапки гриба шибальца. Неподалеку рос пивоград – растение, способное нейтрализовать любой известный токсин или яд. Торчащие из заглубленных в грунт ящиков серо-желтые невзрачные метелочки выдавали зарник – корень с сильными и универсальными лечебными свойствами.

Середину грота занимали водные растения. Здесь располагались кадки, полные роголистника и желтоватой ряски, бассейны, покрытые плотным ковром вглубки – пищи для паразитирующего куркума, стеклянные сосуды, забитые спутанными стеблями галюциногенного двустрела, стройными темно-зелеными криптофигиями и клубками ниточников, грязевые, затиненные корыта, питомники бесчисленных видов плесени, простейших болотных растений.

Нэннеке, закатав рукава жреческой одежды, достала из корзинки ножницы и костяные

грабельки и молча принялась за работу. Геральт присел на скамеечку между столбиками света, падающего сквозь большие хрустальные плиты в потолке грота.

Жрица мурлыкала себе под нос, ловко погружала руки в гущу листьев и побегов, быстро щелкала ножницами, заполняя корзинку пучками растений. Попутно поправляла палочки и рамки, поддерживающие стебли, рыхлила землю ручкой грабелек. Иногда, раздраженно ворча, вырывала засохшие или подгнившие стебельки, кидала их в сборник гумуса для пищи грибам и каким-то незнакомым ведьмаку чешуйчатым и змееподобным растениям. Он даже не был уверен, что это вообще растения, ему казалось, что поблескивающие корни слабо шевелятся и тянутся к рукам жрицы волосатыми отростками.

Было тепло. Очень тепло.

– Геральт?

– Слушаю. – Он поборол сонливость. Нэннеке, поигрывая ножницами, глядела на него из-за огромных перистых листьев муходрева.

– Повремени немного. Останься. На несколько дней.

– Не могу, Нэннеке. Мне пора.

– Что тебя так гонит? Наплюй на Эреварда. А этот бродяга, Лютик, пусть едет один. Оставайся, Геральт.

– Нет, Нэннеке.

Жрица щелкнула ножницами.

– Уж не потому ли ты бежишь из храма, что боишься, как бы она тебя здесь не нашла?

– Да, – признался он тут же. – Угадала.

– Загадка не из трудных, – проворчала Нэннеке. – Успокойся, Йеннифэр уже была. Два месяца тому. Так скоро не вернется. Мы повздорили. Нет, не из-за тебя, о тебе она даже не спрашивала.

– Не спрашивала?

– Вот где у тебя болит, – засмеялась жрица. – Ты эгоцентрист, как и всякий мужчина. Самое худшее для вас, когда вами не интересуются, верно? Хуже равнодушия. Не отчаивайся. Я достаточно хорошо знаю Йеннифэр. Она не спрашивала, но внимательно смотрела, пытаюсь отыскать следы твоего присутствия. А на тебя была страшно зла, я это почувствовала.

– Из-за чего повздорили-то?

– Не все ли равно, из-за чего?

– Можешь не говорить. Я и без того знаю.

– Сомневаюсь, – спокойно сказала Нэннеке, поправляя колышки. – Ты знаешь ее весьма поверхностно. Она тебя, по правде сказать, тоже. Довольно типично для уз, которые вас связывают или когда-то связывали. Обоих вас не хватает ни на что, кроме как на чересчур эмоциональную оценку последствий при одновременном игнорировании причин.

– Она была здесь, чтобы вылечиться, – сказал он холодно. – Из-за этого вы и поругались, признайся.

– Мне не в чем признаваться.

Ведьмак встал и застыл под одной из хрустальных плит в кровле грота.

– Подойди на минутку, Нэннеке. Взгляни на это.

Он развернул потайной кармашек в поясе, извлек маленький сверточек – миниатюрный мешочек из козьей кожи, высыпал содержимое на ладонь.

– Два бриллианта, рубин, три славных нефрита, привлекательный агат. – Нэннеке разбиралась во всем. – Сколько отдал?

– Две с половиной тысячи темерских орен. Плата за упырицу из Вызимы.

– За располосованную шею, – поморщилась жрица. – Ну что ж, вопрос цены. Но ты правильно поступил, обратив наличные в стекляшки. Орен держится слабо, а цены на камни в Выземе невысоки, слишком близко от гномовых приисков в Махакаме. Продав камушки в Новиграде, получишь никак не меньше пятисот новиградских крон, а крона сейчас тянет на шесть с половиной орен и постоянно растет в цене.

– Я хочу, чтобы ты это взяла.

– На хранение?

– Нет. Нефриты – для храма, как, скажем, мое пожертвование богине Мелитэле. Остальные камни... для нее. Для Йеннифэр. Отдай, когда она навестит тебя, что, вероятно, случится вскоре.

Нэннеке взглянула ему прямо в глаза.

– На твоём месте я бы не стала этого делать. Поверь, ты её ещё сильнее разозлишь, если такое вообще возможно. Оставь все как есть, ты уже ничего не можешь ни исправить, ни улучшить. Сбежав от неё, ты вел себя... ну, скажем, не вполне достойно для зрелого мужчины. Пытаясь загладить вину драгоценностями, ты себя ведешь как мужчина весьма, весьма незрелый. Поверь, я не знаю, какой тип мужчины мне меньше по душе.

– Она слишком властолюбива, – проворчал Геральт, отвернувшись. – Я не мог этого вынести. Она относилась ко мне, как...

– Перестань, – оборвала Нэннеке. – Не распускай нюни. Я тебе не мамочка, сколько можно повторять? Твоей поверенной тоже не намерена быть. Мне безразлично, как она к тебе относилась. А твоё к ней отношение интересует меня ещё меньше. Посредничать или же вручать ей эти дурные камушки я не собираюсь. Если хочешь быть дураком – пожалуйста, но без меня.

– Ты не поняла. Я не собираюсь ублажать её или покупать. Просто я ей кое-что должен, а лечение, на которое она рассчитывает, стоит, кажется, очень дорого. Я хочу ей помочь, вот и все.

– Ты, оказывается, ещё больший дурень, чем я думала. – Нэннеке подняла корзинку. – Дорогое лечение? Помощь? Геральт, для неё твои камушки – мелочь, не стоящая плевка. Знаешь ли ты, сколько Йеннифэр может получить за прерывание беременности у светской дамы?

– Это-то я как раз знаю. Как и то, что за лечение бесплодия она берет ещё больше. Жаль, себе не в силах помочь. Поэтому ищет помощи у других, в том числе и у тебя.

– Ей не поможет никто, это совершенно исключено. Она волшебница. Как у большинства магичек, у нее атрофированные, совершенно непроизводительные гонады, и это необратимо. У нее никогда не будет ребенка.

– Не все чародейки в этом смысле ущербны. Я кое-что знаю об этом. Ты – тоже.

– Верно. – Нэннеке прищурилась. – Знаю.

– Не может быть правилом то, из чего есть исключения. И, пожалуйста, не надо говорить, что, мол, исключения подтверждают правила. Лучше расскажи об исключениях из таковых.

– Об исключениях, – холодно ответила богослужительница, – можно сказать только одно: они есть. Ничего больше. А Йеннифэр... Ну что ж, к сожалению, она в число исключений не входит. Во всяком случае, в том роде дефектности, о котором мы говорим. Потому что во всем остальном трудно найти исключение большее, нежели она.

– Чародеям, – Геральт не обиделся ни на холод, ни на намеки, – удавалось воскрешать мертвых. Мне известны документально подтвержденные случаи. А воскрешать мертвых, сдается, потруднее, чем ликвидировать атрофию желез или органов.

– Скверно тебе сдается. Я не знаю ни одного задокументированного удачного случая лечения атрофии либо регенерации желез внутренней секреции. Геральт, хватит, наша беседа начинает походить на консилиум. Ты в этом не разбираешься, а я разбираюсь. И если говорю, что Йеннифэр заплатила за приобретение определенных способностей утратой других, значит, так оно и есть.

– Если это настолько очевидно, то не понимаю, почему она все пытается...

– Ты вообще страшно мало понимаешь, – прервала жрица. – Страшно мало. Перестань беспокоиться о недугах Йеннифэр, подумай о своих. Твой организм тоже подвергли необратимым изменениям. Тебя удивляет она, а что скажешь о себе самом? Ведь тебе должно быть ясно, что ты никогда не будешь человеком, а меж тем ты только то и делаешь, что пытаешься быть им. И совершаешь человеческие ошибки. Ошибки, которые ведьмак совершать не должен.

Геральт прислонился к стене грота, отер пот со лба.

– Не отвечаешь, – заметила Нэннеке, улыбнувшись. – Неудивительно. Трудно спорить с гласом рассудка. Ты болен, Геральт. Ты неполноценен. Плохо реагируешь на эликсиры. У тебя ускоренный пульс, замедленная аккомодация глаз, запаздывающие реакции. У тебя не получают самые простые знаки. И ты намерен выйти на большак? Тебе надо лечиться. Необходима терапия. Но прежде – транс.

– Так вот зачем ты прислала ко мне Иолю? Ради терапии? Для облегчения транса?

– Глуп ты, как я погляжу!

– Не настолько.

Нэннеке отвернулась, засунула руку между мясистыми побегами незнакомых ведьмаку вьющихся растений.

– Ну ладно. Да, я прислала ее к тебе. Ради терапии, как ты изволил выразиться. И скажу тебе, это получилось. Утром ты реагировал гораздо лучше. Был спокойнее. Кроме того, Иоля тоже нуждается в терапии. Не злись.

– Я не злюсь ни на... терапию, ни на Иолю.

– А на глас рассудка, который слышишь?

Геральт не ответил.

– Транс необходим, – повторила Нэннеке, окидывая взглядом свой пещерный сад. – Иоля готова. Она установила с тобой физический и психический контакт. Если хочешь уехать, мы сделаем это сегодня ночью.

– Не хочу. Пойми, Нэннеке, в трансе Иоля может начать вещать. Пророчествовать, читать будущее.

– Именно это и имеется в виду.

– Вот-вот. А я не хочу знать будущего. Как я стану после этого делать то, что делаю? Впрочем, я знаю его и без того.

– Ты уверен?

Он промолчал.

– Ну хорошо, – вздохнула богослужительница. – Пошли. Да, Геральт, не хочется быть бестактной, но скажи мне... Скажи, как вы познакомились? Ты и Йеннифэр? Как это началось?

Ведьмак улыбнулся.

– Началось с того, что нам с Лютиком нечего было есть, и мы решили наловить рыбы.

– Надо понимать, вместо рыбы ты поймал Йеннифэр?

– Не совсем так. Я расскажу, как было. Но, если не возражаешь, после ужина – я немного проголодался.

– Тогда пошли. Я взяла все, что требовалось.

Ведьмак направился к выходу, еще раз повел глазами по пещерной теплице.

– Нэннеке?

– А?

– Половина того, что здесь растет, не встречается нигде в мире. Я не ошибаюсь?

– Не ошибаешься. Больше половины.

– В чем причина?

– Если я скажу, что причиной тому милость богини Мелитале, тебе, вероятно, этого будет недостаточно?

– Скорее всего да.

– Так я и думала. – Нэннеке улыбнулась. – Видишь ли, Геральт, наше яркое солнце все еще светит. Но уже не так, как раньше. Хочешь, почитай книжки. А ежели не хочешь тратить на это времени, то, может, тебя удовлетворит, если я скажу, что хрусталь, из которого сделаны окна в кровле, действует как фильтр. Он отсеивает убийственные лучи, которых в солнечном свете все больше. Поэтому здесь живут растения, которых в естественных условиях нигде в мире не встретить.

– Понял, – кивнул ведьмак. – А мы, Нэннеке? Как с нами? Ведь и на нас светит то же солнце. Не следует ли и нам попрыгаться под такие стекла?

– В принципе следует, – вздохнула жрица. – Но...

– Что «но»?

– Но уже поздно.

Последнее желание

1

Сом выставил усастую голову, сильно рванул, забился, взбурлил воду, сверкнул белым брюхом.

– Осторожнее, Лютик! – крикнул ведьмак, упираясь каблуками в мокрый песок. – Держи, черт...

– Держу... – прокряхтел поэт. – Мать моя, ну чудовище! Не рыба – левиафан! Жратвы будет, боги!

– Трави, трави, а то бечева порвется!

Сом прильнул ко дну, рывком кинулся вниз по течению, в сторону излучины. Бечева зазвенела, перчатки Лютика и Геральта задымились.

– Тяни, Геральт, тяни! Не отпускай, запутается в корнях!

– Бечева лопнет!

– Не лопнет! Тащи!

Они напряглись, потянули. Бечева со свистом рассекала воду, вибрировала, разбрасывала капли, блестящие, словно ртуть, в лучах восходящего солнца. Сом вдруг вынырнул, закружил под самой поверхностью воды, напряжение бечевы ослабло. Они принялись быстро выбирать слабинку.

– Завялим, – засопел Лютик. – Отвезем в деревню и велим завялить. А головизна пойдет на уху!

– Осторожнее!

Чувствуя под брюхом мелководье, сом вывалился из воды до половины двухсаженного тела, дернул головой, хлестнул плоским хвостом, резко ринулся в глубину. Перчатки снова задымили.

– Тяни! Тяни! На берег его, рыбью душу!!!

– Бечева трещит! Трави, Лютик!

– Выдержит! Не бойсь! А из головы... уху сварим...

Снова подтянутый ближе к берегу сом взвертелся и принялся яростно рвать бечеву, словно давая понять, что так легко не даст засунуть себя в горшок. Брызги взвились на сажень вверх.

– Шкуру продадим... – Лютик, упираясь и покраснев от натуги, тянул бечеву обеими руками. – А усы... Из усов сделаем...

Никто никогда не узнает, что собирался поэт сделать из сомовых усов. Бечевка с треском лопнула, и рыбаки, потеряв равновесие, повалились на мокрый песок.

– А, чтоб тебя! – рявкнул Лютик так, что эхо пошло по камышам. – Сколько жратвы пропало! Чтоб ты сдох, рыбий хвост!

– Говорил я, – Геральт отряхнул брюки, – говорил, не тяни силой! Испортил ты все, друг мой Лютик. Рыбак из тебя, как из козьей задницы труба.

– Неправда, – обиделся трубадур. – То, что это чудовище вообще заглотало наживку, моя заслуга.

– Интересно. Ты и пальцем не пошевелил, чтобы помочь закинуть крюк. Бренькал на лютне и драл глотку на всю округу, ничего больше.

– Ошибаешься, – ухмыльнулся Лютик. – Когда ты уснул, я снял с крючка живца и нацепилдохлую ворону, которую нашел в кустах. Хотел утром посмотреть на тебя, когда ты эту ворону вытянешь. А сом купился на ворону. На твоего живца хрен бы что клюнуло.

– Клынуло-клынуло. – Ведьмак сплюнул в воду и принялся наматывать бечеву на деревянную крестовину. – А порвалось, потому что ты тянул по-дурному. Чем болтать, сверни лучше остальные лесы. Солнце взошло, пора в дорогу. Я пошел собираться.

– Геральт!

– Что?

– На второй лесе тоже что-то есть... Нет, тьфу ты, просто что-то зацепилось. Ты смотри, держит словно камень, не справиться! Ну... пошло. Ха, ха, глянь! Не иначе барка времен короля Дезмода! А большая, едри ее... Глянь, Геральт!

Лютик, конечно, преувеличивал. Вытянутый из воды клубок прогнивших веревок, остатков сетей и водорослей был большой, но до барки времен легендарного короля ему было далеко. Бард распластал добычу на песке и начал копать в ней мыском ботинка. В водорослях кишмя кишели пиявки, бокоплавы и маленькие рачки.

– Эй! Глянь, что я нашел!

Геральт, заинтересовавшись, подошел. Находка оказалась щербатым глиняным кувшином, чем-то вроде двуручной амфоры, запутавшейся в сети, черной от сгнивших водорослей, колоний ручейников и улиток, покрытой вонючим илом.

– Ха! – гордо воскликнул Лютик. – Знаешь, что это?

– А как же! Старый горшок.

– Ошибаешься, – возвестил трубадур, щепкой соскребая с сосуда раковины и окаменевшую глину. – Это не что иное, как волшебный кувшин. Внутри сидит джинн, который исполнит три моих желания.

Ведьмак хохотнул.

– Смейся-смейся. – Лютик покончил с очисткой, наклонился и постучал по амфоре. – Слушай-ка, на пробке печать, а на печати волшебный знак.

– Какой? Покажи.

– Ишь ты! – Поэт спрятал кувшин за спину. – Еще чего. Я его нашел, и мне полагаются все желания.

– Не трогай печать! Оставь кувшин в покое!

– Пусти, говорю! Это мой!

– Лютик, осторожнее!

– Как же!

– Не трогай! О дьявольщина!

Из кувшина, который во время возни упал на песок, вырвался светящийся красный дым.

Ведьмак отскочил и кинулся за мечом. Лютик, скрестив руки на груди, даже не шевельнулся.

Дым запульсировал и на уровне головы поэта собрался в неправильной формы шар. Потом превратился в карикатурную безносую голову с огромными глазищами и чем-то вроде клюва. В голове было около сажени диаметра.

– Джинн, – проговорил Лютик, топнув ногой, – я тебя освободил, и отныне я – твой повелитель. Мои желания...

Голова защелкала клювом, который был вовсе не клювом, а чем-то вроде обвислых, деформированных и меняющих форму губ.

– Беги, – крикнул ведьмак. – Беги, Лютик!

– У меня, – продолжал Лютик, – следующие желания. Во-первых, пусть как можно скорее удар хватит Вальдо Маркса, трубадура из Цидариса. Во-вторых, в Каэльфе проживает графская дочка Виргиния, которая никому не желает давать. Пусть мне даст. В-третьих...

Каково было третье желание Лютика, никому узнать не дано. Чудовищная голова выкинула две ужасающие лапы и схватила барда за горло. Лютик захрипел.

Геральт в три прыжка подскочил к голове, взмахнул серебряным мечом и рубанул от уха, через середину. Воздух завыл, голова пыхнула дымом и резко выросла, удваиваясь в размерах. Жуткая пасть, тоже значительно увеличившаяся, раскрылась, защелкала и взвизгнула, лапы дернули вырывающегося Лютика и прижали его к земле.

Ведьмак сложил пальцы знаком Аард и послал в голову максимальную энергию, какую только ему удалось сконцентрировать. Энергия, превратившись в охватившем голову свечении в ослепительный луч, ударила в цель. Гроыхнуло так, что у Геральта зазвенело в ушах, а от взрывной волны аж зашумели ивы. Чудовище оглушительно зарычало, еще больше раздулось, но отпустило поэта, взметнулось вверх, закружилось и отлетело к поверхности воды, размахивая лапами.

Ведьмак кинулся оттаскивать неподвижно лежащего Лютика, и тут его пальцы наткнулись на засыпанный песком круглый предмет.

Это была латунная печать, украшенная знаком изломанного креста и девятиконечной звезды.

Висящая над рекой голова уже вымахала до размеров стога сена, а ее раскрытая орущая пасть напоминала ворота овина средних размеров. Вытянув лапы, чудовище напало.

Геральт, не зная, что делать, зажал печать в кулаке и, выставив руку в сторону нападающего, выкрикнул формулу экзорцизма, которой некогда его научила одна знакомая богослужительница. Никогда раньше он этой формулой не пользовался, поскольку в суеверия принципиально не верил. Эффект превзошел все ожидания.

Печать зашипела и раскалилась, обжигая ладонь. Гигантская голова замерла в воздухе над водой. Повисев так минуту-другую, она взвыла, зарычала и превратилась в пульсирующий клуб дыма, в огромную клубящуюся тучу. Туча тонко взвизгнула и с невероятной скоростью помчалась вверх по течению реки, оставляя на поверхности воды бурлящую полосу. Через несколько секунд исчезла вдали, только вода еще какое-то время приносила понемногу утихающий вой.

Ведьмак наклонился к поэту, стоящему на коленях на песке.

– Лютик? Ты жив, Лютик? Черт тебя побери! Что с тобой?

Поэт замотал головой, замахал руками и раскрыл рот для крика. Геральт поморщился и прикрыл глаза – у Лютика был хорошо поставленный, звучный тенор, а при сильном испуге он мог достигать невероятных высот. Но то, что вырвалось из горла барда, было едва слышным скрипом.

– Лютик! Что с тобой? Ну не молчи же!

– Х-х-х... е-е-е... кх... кх-х-уррва!

– Тебе больно? Что с тобой, Лютик?

– Х-х-х... к-к-ку-куррррва...

– Замолчи. Если все в порядке, кивни.

Лютик сморщился, с превеликим трудом кивнул, перевернулся на бок, скорчился, и его тут же вырвало кровью.

Геральт выругался. 2

– Боги милостивые! – Стражник попятился и опустил фонарь. – Что с ним?

– Пропусти нас, добрый человек, – тихо сказал ведьмак, поддерживая скорчившегося в седле Лютика. – Ты же видишь, мы спешим.

– Вижу, – сглотнул стражник, глядя на бледное лицо поэта и его заляпанный черной запекшейся кровью подбородок. – Ранен? Это скверно выглядит.

– Я спешу, – повторил Геральт. – Мы в пути с рассвета. Пропустите нас, пожалуйста.

– Не можем, – сказал другой стражник. – Через ворота можно входить только от восхода до заката. Ночью не можно. Приказ. Не можно никому, разве что со знаком короля аль ипата. Ну и еще если гербовый вельможа.

Лютик захрипел, скорчился еще больше, оперся лбом о гриву коня, затрясся, дернулся в сухом позыве. По шее лошади, изукрашенной засохшими «извержениями», потекла очередная струйка.

– Люди, – сказал Геральт как можно спокойнее, – вы же видите, ему плохо. Мне нужен кто-нибудь, кто его вылечит. Пропустите нас, прошу.

– Не просите. – Стражник оперся на алебарду. – Приказ есть приказ. Пропущу, а меня

поставят к позорному столбу и выгонят со службы. Чем я тогда буду детей кормить? Нет, милостивые государи, не могу. Стащите друга с коня и отведите в сторожевую башню перед крепостной стеной. Там есть комната. Мы его переведем, до рассвета протянет, ежели на роду написано. Ждать осталось недолго.

– Тут перевязать мало, – скрипнул зубами ведьмак. – Нужен знахарь, жрец, способный медик...

– Такого ночью все равно не добудитесь, – сказал второй стражник. – Все, что мы можем сделать, это не заставлять вас перед воротами до рассвета торчать. В доме тепло и найдется, куда положить раненого, легче ему будет, чем в седле. Давайте поможем стащить с коня.

В комнате сторожевой башни действительно было тепло, душно и уютно. Огонь весело потрескивал в камине, за которым истово пел сверчок.

За тяжелым квадратным столом, заставленным кувшинами и блюдами, сидели трое.

– Простите, уважаемые, – сказал поддерживавший Лютика стражник, – ежели помешали... Чай, не будете супротив... Этот рыцарь, хм... Ну и второй, ранен, ну, я подумал...

– Правильно подумал. – Один из мужчин повернул к ним худощавое, угловатое лицо, встал. – Давайте кладите его на лежанку.

Мужчина был эльфом. Как и второй, сидевший за столом, на что указывала их одежда, являвшая собой характерную смесь человеческой и эльфьей моды. Оба были эльфами. Оседлыми. Прижившимися. Третий мужчина, на вид постарше, был человеком. Рыцарем, о чем говорила его одежда и седоватые волосы, постриженные так, чтобы можно было надеть шлем.

– Я Хиреадан, – представился более высокий из эльфов, тот, что с выразительным лицом. Как обычно с представителями Старшего Народа, его возраст определить было невозможно. Ему с равным успехом можно было дать и двадцать, и сто двадцать лет. – А это мой родственник Эррдиль. А вон тот вельможа – Вратимир.

– Вельможа, – с надеждой буркнул Геральт, но внимательный взгляд на герб, вышитый на тунике, развеял его надежды: разделенный на четыре части щит с золотыми лилиями был наискось пересечен серебряной полосой. Вратимир был не только незаконнорожденным, но более того – ребенком от смешанной человеческо-нелюдской связи. И как таковой, хоть и гербовый, не мог считаться полноправным вельможей и явно не пользовался привилегией прохода в город после наступления сумерек.

– Увы, – от внимания эльфа не ускользнул взгляд ведьмака, – и мы тоже вынуждены ждать рассвета. Закон не знает исключений, во всяком случае, для таких, как мы. Присоединяйтесь, милсдарь рыцарь.

– Геральт из Ривии, – представился ведьмак. – Я ведьмак, не рыцарь.

– Что с ним? – Хиреадан указал на Лютика, которого тем временем стражники уложили на топчан. – Похоже на отравление. Если так, могу помочь. У меня есть хорошее лекарство.

Геральт сел, потом кратко и осмотрительно изложил события у реки. Эльфы переглянулись. Седовласый рыцарь сплюнул сквозь зубы и поморщился.

– Невероятно, – сказал Хиреадан. – Что бы это могло быть?

– Джинн из бутылки, – буркнул Вратимир. – Прямо как в сказке...

– Не совсем. – Геральт показал на скорчившегося на топчане Лютика. – Не знаю ни одной сказки, которая бы кончалась так.

– У бедняги повреждения явно магического характера, – сказал Хиреадан. – Боюсь, мои медикаменты вряд ли пригодятся. Но облегчить страдания могут. Ты уже давал ему какие-нибудь лекарства, Геральт?

– Противоболевой эликсир.

– Пойдем, поможешь. Поддержи ему голову.

Лютик жадно выпил смешанное с вином лекарство, поперхнулся последним глотком, раскашлялся и оплевал подушку.

– Я его знаю, – сказал второй из эльфов, Эррдиль. – Это Лютик, трубадур и поэт. Когда-то я слушал его при дворе короля Этайна в Цидарисе.

– Трубадур, – повторил Хиреадан, глядя на Геральта. – Паршиво, очень. У него повреждены мышцы шеи и гортань. Начинаются изменения в голосовых связках. Необходимо как можно скорее прекратить действие чар, иначе... Это может быть необратимо.

– То есть... Он что, не сможет говорить?

– Говорить сможет. Но петь – нет.

Геральт, не произнеся ни слова, сел на стул, опустил голову на стиснутые кулаки.

– Колдун нужен, – сказал Вратимир. – Лекарство или лечебное заклинание. Ты должен отвезти его в какой-нибудь другой город, ведьмак.

– Это почему же? – поднял Геральт голову. – А здесь, в Ринде? Нет, что ли, колдуна?

– Во всей Ринде плохо с магами, – сказал рыцарь. – Верно, господа эльфы? После того как король Эриберт наложил разбойничий налог на чары, магики бойкотируют столицу и города, которые рьяно выполняют всякие королевские распоряжения. А советники в Ринде, я слышал, славятся своим усердием. Верно? Хиреадан, Эррдиль, я прав?

– Прав, – подтвердил Эррдиль. – Но... Хиреадан, можно?

– Даже нужно, – сказал Хиреадан, глядя на ведьмака. – Незачем делать тайну из того, что и так вся Ринда знает. В городе, Геральт, временно обитает одна чародейка.

– Вероятно, инкогнито?

– Не совсем, – усмехнулся эльф. – Особа, о которой я говорю, большая оригиналка. Пренебрегает и бойкотом, который Совет Чародеев объявил Ринде, и распоряжением городских советников, и чувствует себя прекрасно, ибо в результате здесь возник крупный спрос на магические услуги. Конечно, чародейка никаких налогов в казну не платит.

– Городской совет терпит?

– Волшебница живет в доме крупного купца, торгового фактора из Новиграда, и одновременно титулярного советника. Никто не смеет ее там тронуть. Она пользуется правом убежища.

– Скорее домашний арест, чем убежище, – поправил Эррдиль. – Практически она там в заключении. Но на недостаток клиентов не сетует. Богатых клиентов. На советников демонстративно чихает, устраивает балы и пирушки...

– А советники злятся, подзуживают против нее кого только могут, всеми способами подрывают ее репутацию, – добавил Хиреадан. – Распускают о ней отвратительные слухи, надеясь, что высший богослужитель из Новиграда запретит купцу предоставлять ей убежище.

– Не люблю лезть в такие дела, – буркнул Геральт. – Но выбора у меня нет. Как кличут того купца-посланника?

– Бо Берран. – Ведьмаку показалось, что Хиреадан поморщился, произнося имя фактора. – Что ж, действительно, это твой единственный шанс. Вернее, единственный шанс того бедняги, твоего дружка. Но захочет ли чародейка помочь... Не знаю.

– Будь внимателен, когда пойдешь, – сказал Эррдиль. – Шпики и пата наблюдают за домом. Если задержат, сам знаешь, что делать. Деньги открывают любые двери.

– Пойду, как только откроют ворота. Как зовут волшебницу?

Геральту почудилось, что на выразительном лице Хиреадана заиграл легкий румянец. Но это мог быть и отблеск огня из камина.

– Йеннифэр из Венгерберга. 3

– Хозяин спит, – повторил привратник, глядя на Геральта сверху. Он был на голову выше и почти в два раза шире в плечах. – Ты что, оглох, бродяга? Спит хозяин, говорю.

– Ну и пусть его спит, – согласился ведьмак. – У меня дело не к твоему хозяину, а к даме, которая у вас... квартирует.

– Дело, значит. – Привратник, оказывается, был человеком скорым на шуточки, что при такой фигуре и внешности было удивительно. – Ну так иди в бордель и удовлетворяйся. Пшел вон!

Геральт отстегнул от пояса мешочек и подкинул его в руке, не выпуская ремешка.

– Меня не купишь, – гордо произнес цербер.

– А я и не собираюсь.

Привратник был слишком громоздок, чтобы обладать рефлексом, позволяющим уклониться или закрыться от быстрого удара обычного человека. А от удара ведьмака он не успел даже зажмуриться. Тяжелый мешок с металлическим звоном саданул его в висок. Он рухнул на дверь, обеими руками хватаясь за створку. Геральт оторвал его ударом в колено, толкнул плечом и хватил мешочком еще раз. Глаза у привратника помутнели и разбежались в комичном косоглазии, ноги сложились, как два складных ножика. Ведьмак, видя, что дылда хоть уже почти потерял сознание, но все еще пытается размахивать руками, приложил ему с размаха в третий раз, прямо по темечку.

– Деньги, – буркнул он при этом, – открывают любые двери.

В сенях было темновато. Из-за двери слева доносился громкий храп. Ведьмак осторожно заглянул туда. На разобранной лежанке спала, выводя носом затейливые рулады, толстая женщина в ночной рубашке, задранной выше бедер. Картина не из самых изысканных. Геральт затащил привратника в комнату и запер снаружи дверь на засов.

Справа располагалась следующая дверь, полуоткрытая, а за ней каменные ступени, ведущие вниз. Ведьмак уже собирался было пройти мимо, когда снизу долетело невнятное ругательство, грохот и сухой треск бьющегося сосуда.

Помещение оказалось большой кухней, заполненной сильно пахнущими травами и смолистыми дровами. На каменном полу, меж черепков глиняного кувшина, низко наклонив голову, ползал на коленях совершенно нагой мужчина.

– Яблочный сок, мать твою, – произнес он так, что трудно было разобрать, крутя при этом головой, как баран, который по ошибке боднул крепостную стену. – Сок... яблочный... желает... Где слуги?

– Чего желаете? – вежливо спросил ведьмак.

Мужчина поднял голову и икнул. Глаза у него были тупые и красные.

– Она желает яблочного сока, – сообщил он и, с трудом приподнявшись, уселся на прикрытый овчиной сундук, опершись о печь. – Надо... отнести ей наверх, а то...

– Я имею удовольствие разговаривать с купцом Бо Берраном, фактором и посланником?

– Тише, – болезненно поморщился мужчина. – Не верещи. Слушай, там, в бочонке... сок... яблочный. Налей во что-нибудь... и помоги мне подняться по лестнице, лады?

Геральт пожал плечами, потом сочувственно покачал головой. Сам он по возможности избегал алкогольных приключений, но состояние, в котором пребывал купец, не было ему совсем уж чуждо. Он отыскал среди сосудов кувшин и оловянный кубок, зачерпнул из бочонка сока. Услышал храп и повернулся. Голый мужчина спал, свесив голову на грудь.

У ведьмака появилась дурная мысль облить его соком и разбудить, но он тут же раздумал. Взял кувшин и вышел из кухни. Коридор оканчивался тяжелыми инкрустированными дверями. Он осторожно вошел, раскрыв их ровно настолько, чтобы можно было проскользнуть в комнату. Было темно, пришлось расширить зрачки. И тут же скривить нос.

В воздухе висел тяжелый запах прокисшего вина, свечей и перезрелых плодов. И чего-то наподобие смеси аромата сирени с крыжовником.

Он осмотрелся. На столе посреди комнаты громоздились кувшины, графины, кубки, бокалы, серебряные блюда и вазы, тарелки, вилки и ножи с ручками из слоновой кости. Помятая, сползшая набок скатерть, твердая от воска, стекавшего с подсвечников, была залита вином, пестрела фиолетовыми пятнами. Апельсиновая кожура блестела словно цветы среди косточек слив и абрикосов, хвостиков от груш и обобранных от ягод виноградных кистей. Один кубок был перевернут и разбит. Другой цел, наполовину полон, и из него торчала индюшачья кость. Рядом с кубком стояла черная туфелька на высоком каблуке. Туфелька была сделана из кожи василиска. Дороже материала для обуви на свете не существовало.

Вторая туфелька валялась под столом на небрежно брошенном черном платье с белыми оборками и шитьем на тему растительных мотивов.

Геральт постоял минуту нерешительно, борясь с чувством неловкости, желанием развернуться и уйти. Но это означало бы, что цербер в сених получил свое напрасно. Ведьмак не любил делать что-либо напрасно. В углу комнаты он заметил винтовую лестницу, на ступеньках которой лежали четыре увядшие розы и салфетка, испачканная вином и карминовой губной помадой. Запах сирени и крыжовника усиливался.

Лестница вела в спальню, пол которой покрывала большая косматая шкура. На шкуре валялась белая рубашка с кружевными манжетами и несколько белых роз. И черный чулок.

Второй чулок свисал с одного из четырех резных столбиков, поддерживавших балдахин над ложем. Рельефы на столбиках изображали фавнов и нимф в разных позах. Некоторые позиции были весьма любопытными. Другие – идиотски смешными. Многие повторялись. В

принципе.

Геральт громко кашлянул, глядя на обилие черных локонов, выбивающихся из-под дамастового одеяла. Одеяло пошевелилось и застонало. Геральт кашлянул громче.

– Бо? – невнятно спросило обилие черных локонов. – Принес сок?

– Принес.

Из-под черных локонов возникло бледное треугольное лицо, фиалковые глаза и узкие, слегка кривившиеся губы.

– О-о-ох... – Губы скривились еще сильнее. – О-о-ох... Умру от жажды...

– Прошу.

Женщина села, выбравшись из-под одеяла. У нее были ладные плечи и красивая шея, на шее – черная бархотка со звездообразным, искрящимся бриллиантами украшением. Кроме бархотки, на женщине не было ничего.

– Благодарю.

Она взяла кубок, жадно выпила, потом подняла руку и дотронулась до виска. Одеяло сдвинулось еще больше. Геральт отвел глаза. Тактично, но без особого желания.

– Кто ты, собственно говоря, такой? – спросила черноволосая женщина, щуря глаза и прикрываясь одеялом. – Что тут делаешь? Где этот баран Берран?

– На который вопрос следует отвечать в первую очередь?

Он тут же пожалел об иронии. Женщина подняла руку, из пальцев выстрелила золотая лента. Геральт рефлекторно отреагировал, сложив ладони знаком Гелиотропа, выхватил чары уже перед самым лицом, но разряд оказался настолько сильным, что его отбросило назад, на стену. Он сполз на пол.

– Не надо! – крикнул он, видя, что женщина поднимает руку снова. – Госпожа Йеннифэр! Я пришел с миром, без злых намерений!

От лестницы послышался топот, в дверях возникли фигуры слуг.

– Госпожа Йеннифэр!

– Уйдите, – спокойно бросила волшебница. – Вы больше не нужны. Я плачу вам за то, чтобы вы охраняли дом. Но если этот тип все же сумел войти, я займусь им сама. Передайте это господину Беррану. А для меня подготовьте баню.

Ведьмак с трудом выпрямился. Йеннифэр, прищурившись, молча глядела на него.

– Ты отбил мое заклинание, – сказала она наконец. – Ты не волшебник, это видно. Но отреагировал невероятно быстро. Говори, кто ты, незнакомец. И советую, говори быстро.

Йеннифэр перевесилась с кровати, ухватив вырезанного на столбике фавна за неплохо для этой цели приспособленную анатомическую деталь. Не спуская глаз с Геральта, подняла с пола халат с меховым воротником. Плотнo обернувшись, встала. Не спеша налила себе еще сока, выпила одним духом, откашлялась, подошла. Геральт незаметно массировал крестец, который минуту назад довольно болезненно соприкоснулся со стеной.

– Геральт из Ривии.

– Геральт из Ривии, – повторила чародейка, глядя на него из-под черных ресниц. – Как ты сюда попал? И зачем? Надеюсь, ничего плохого Беррану не сделал?

– Не сделал. Госпожа Йеннифэр, мне нужна твоя помощь.

– Ведьмак, – проворчала она, подходя ближе и плотнее закутываясь в халат. – Мало того что ты вообще первый ведьмак, какого я вижу в натуре, так к тому же еще и знаменитый Белый Волк. Наслышана, а как же.

– Представляю себе.

– Не знаю, что ты себе представляешь, – зевнула она и придвинулась совсем близко. – Ты позволишь? – Она коснулась рукой его щеки, заглянула в глаза. Он стиснул зубы. – Зрачки автоматически приспособляются к освещению или ты сужаешь их по желанию?

– Йеннифэр, – спокойно сказал Геральт, – я ехал в Ринду целый день, не останавливаясь. Я ждал всю ночь, пока раскроют ворота. Я дал по черепу привратнику, который не хотел меня впускать. Невежливо и нахально нарушил твой сон и покой. И все потому, что моему другу нужна помощь, которую в силах оказать только ты. Окажи ее, прошу, а потом, если пожелаешь, мы поболтаем о мутациях и аберрациях.

Она отступила на шаг, некрасиво скривила губы.

– О какого рода помощи идет речь?

– О восстановлении магически пораженных органов. Горла, гортани и голосовых связок. Поражение такое, словно его вызвал пурпурный туман. Либо что-то похожее.

– Похожее, – повторила она. – Короче говоря, не пурпурный магический туман поразил твоего друга. Так что это было? Ну, говори, когда меня будят на рассвете, у меня нет сил и желания зондировать твой мозг.

– Хм... Лучше будет, если я все начну сначала...

– О нет, – прервала она – Если все так уж сложно, то немного повремени. Во рту противно, волосы взлохмачены, глаза слипаются, да и другие утренние заботы сильно ограничивают мои способности воспринимать сказанное. Спустись в баню и подожди. Я сейчас там буду, и ты мне все расскажешь.

– Йеннифэр, я не хотел бы показаться нахалом, но время уходит. Мой друг...

– Геральт, – прервала она, – ради тебя я вылезла из постели, хоть и не собиралась делать этого до обеда. Я готова отказаться от завтрака. Знаешь почему? Потому что ты принес мне яблочный сок. Ты спешил, ты страдал из-за мучений друга, ты ворвался сюда силой, колотя людей по черепам, и, несмотря на это, уделил внимание жаждущей женщине. Тем самым ты расположил меня к себе, и, возможно, я тебе помогу. Но от воды и мыла не откажусь. Иди в баню. Прошу.

– Хорошо.

– Геральт?

– Да? – Он задержался на пороге.

– Воспользуйся оказией и искупайся тоже. По запаху я могу определить не только породу и возраст, но и масть твоего коня. 4

Она вошла в тот момент, когда Геральт, сидя нагишом на маленькой табуретке, ополаскивался из ушата. Он кашлянул и скромно отвернулся.

– Не стесняйся, – сказала она, кидая охапку одежды на вешалку. – Я не теряю сознания при виде голого мужчины. Трисс Меригольд, моя подруга, говаривает, что если ты видела одного, значит, видела всех.

Он встал, обернувшись полотенцем вокруг бедер.

– Прелестный рубец, – улыбнулась Йеннифэр, увидев его грудь. – Что это было? Попал под пилу на лесопилке?

Он не ответил. Чародейка продолжала его разглядывать, кокетливо наклонив голову.

– Первый ведьмак, которого мне удалось рассмотреть вблизи, к тому же совершенно раздетого. Ого-го! – Она наклонилась, прислушалась. – Как странно бьется твое сердце! Очень медленный ритм. Ты можешь регулировать выделение адреналина? Ах, прости, профессиональное любопытство. Похоже, тебя раздражают разговоры о свойствах твоего организма. И ты привык эти свойства называть словами, которых я очень не люблю, и при этом впадаешь в патетический сарказм, которого я не люблю еще больше.

Он не отвечал.

– Ну, довольно. Моя ванна остывает. – Йеннифэр сделала такое движение, словно хотела скинуть халат, но замялась. – Я буду купаться, ты будешь рассказывать. Сэкономим время. Но... Не хочу тебя смущать, к тому же мы почти не знакомы. Поэтому, следуя правилам приличия...

– Я отвернусь, – неуверенно предложил он.

– Нет. Я должна видеть глаза собеседника. У меня есть идея получше.

Он услышал, как она произнесла заклинание, почувствовал, как задрожал медальон, и увидел черный халат, мягко падающий на пол. А потом услышал плеск воды.

– Теперь я не вижу твоих глаз, Йеннифэр, – сказал он, – жаль.

Невидимая волшебница, фыркнув, заплескалась в бадье.

– Рассказывай.

Геральт прекратил борьбу с брюками, сел на табурет. Застегивая пряжки ботинок, излагал приключение у реки, сокращая до минимума описание борьбы с сомом. Йеннифэр не походила на человека, интересующегося рыболовством.

Когда он дошел до того места, где существо-облако выбралось из кувшина, большая губка, намыливавшая невидимость, замерла.

– Так, так, – услышал он. – Любопытно. Джинн, запертый в бутылке.

– Какой там джинн, – возразил он. – Какая-то разновидность пурпурной мглы. Какой-то новый, неизвестный ее вид...

– Новый и неизвестный вид заслуживает того, чтобы его как-то назвать, – произнесла невидимая Йеннифэр. – Джинн – название ничуть не хуже других. Продолжай, пожалуйста.

Мыло в бадье пенилось в ходе его повествования, вода плескалась через край. В один из моментов что-то привлекло его внимание, он пригляделся и заметил контуры и формы,

проявленные мылом, покрывающим невидимость. Контуры и формы так увлекли его, что он онемел.

– Рассказывай! – подстегнул его голос, исходящий из ничего поверх контуров и форм. – Что дальше?

– Это все, – сказал он. – Я прогнал этого, как ты говоришь, джинна...

– Каким образом? – Черпак поднялся и вылил воду. Мыло исчезло, формы тоже. Геральт вздохнул.

– Заклинанием.

– Каким? – Черпак снова вылил воду. Ведьмак принялся следить за действиями черпака, ибо вода, хоть и ненадолго, тоже кое-что проявляла. Он повторил заклинание, ради безопасности заменяя гласную «э» вдохом. Думал понравиться чародейке знанием этого принципа и сильно удивился, услышав из бадьи дикий хохот.

– Что тут смешного?

– Твое заклинание... – Полотенце сплыло с вешалки и принялось вытирать остатки контуров. – Трисс лопнет от смеха, когда я ей расскажу! Кто тебя научил, ведьмак? Этому... заклинанию?

– Одна жрица из храма Гулды. Это тайный храмовый язык...

– Кому тайный – тому тайный. – Полотенце хлестнуло о край бадьи, вода плеснула на пол, следы босых ступней обозначили шаги волшебницы. – Никакое это не заклинание, Геральт. И не советую повторять его в других храмах.

– Если не заклинание, так что? – спросил он, наблюдая за тем, как два черных чулка создают из воздуха одну черную ножку за другой.

– Шутливое выражение. – Трусики с оборками охватили нечто ласкающим глаз образом. – Хоть и не совсем цензурное.

Белая блузка с большим жабо в форме цветка порхнула вверх и сотворила формы. Как ведьмак заметил, Йеннифэр не пользовалась никакими штучками с китовым усом, которые так любят женщины. Ей это было ни к чему.

– Какое выражение? – спросил он.

– Давай не будем об этом.

Из стоявшей на столике четырехгранной хрустальной бутылки вылетела пробка. В бане запахло сиренью и крыжовником. Пробка описала несколько кругов и прыгнула на место. Чародейка застегнула манжеты нижней рубашки, натянула платье и материализовалась.

– Застегни, – повернулась она спиной, расчесывая волосы черепаховым гребнем. У гребня, как заметил Геральт, был длинный заостренный конец, который в случае нужды мог заменить кинжал.

Он расчетливо медленными движениями, пряжка за пряжкой, застегивал платье, вдыхая аромат ее волос, черным каскадом ниспадающих до половины спины.

– Возвратимся к твоему «бутылочному» существу, – сказала Йеннифэр, вдевая в уши бриллиантовые серьги. – Конечно же, не твое смешное заклинание обратило его в бегство.

Скорее всего он просто разрядил ярость на твоём дружке и улетел, поскольку это ему надоело.

– Правдоподобно, – угрюмо согласился Геральт. – Не думаю, чтобы он полетел в Цидарис укокошить Вальдо Маркса.

– Что еще за Вальдо Маркс?

– Трубадур, который считает моего друга, тоже поэта и трубадура, бесталанщиной, потакающей изменным вкусам толпы.

Чародейка обернулась, странно блеснув фиалковыми глазами.

– А твой друг успел высказать желание?

– Даже два, и оба до крайности глупые. Почему ты спрашиваешь? Ведь очевидная же нелепица: исполнение желаний гениями, д'йини, духами лампы...

– Очевидная нелепица, – усмехнувшись, повторила Йеннифэр. – Конечно. Вымысел, глупая, бессмысленная сказка, как и все легенды, в которых добрые духи и ворожейки исполняют желания. Такие сказки придумывают несчастные простачки, которые даже и не помышляют о том, чтобы свои многочисленные желания и мечты исполнять собственными силами. Приятно знать, что ты не из их числа, Геральт из Ривии. Поэтому ты близок мне по духу. Я, если чего-то хочу, не мечтаю, а действую. И всегда добиваюсь того, чего желаю.

– Не сомневаюсь. Ты готова?

– Готова. – Волшебница подтянула ремешки туфель и встала.

Даже на каблуках она была не слишком высока. Тряхнула волосами, которые, несмотря на активное расчесывание, сохранили красочно-взвихренный и вьющийся беспорядок.

– Есть вопрос, Геральт. Печать, которая закрывала бутылку. Она все еще у твоего друга?

Ведьмак задумался. Печать была не у Лютика, а у него, к тому же сейчас. Но опыт учил, что волшебникам не следует говорить слишком многого.

– Хм... Думаю, да, – помедлив, ответил он. – Да, пожалуй, у него. А что? Эта печать так важна?

– Станный вопрос, – резко сказала она, – для ведьмака, специалиста по сверхъестественным чудовищам, которому следовало бы знать, что такая печать достаточно серьезна, чтобы к ней не прикасаться.

Он стиснул зубы. Удар был точным.

– Ну что ж, – проговорила Йеннифэр немного мягче. – Видимо, ведьмакам, как простым смертным, свойственно ошибаться. Ну, можно идти. Где твой друг?

– Здесь, в Ринде. В доме некого Эррдила. Эльфа.

– У Эррдила, – скривила она губы, внимательно посмотрев на него. – Знаю, где это. Полагаю, там же находится и его брат, Хиреадан?

– Верно. А что...

– Ничего, – прервала она и, прикрыв глаза, подняла руки. Медальон на шее ведьмака задержался, рванул цепочку.

На влажной стене бани разгорелся светящийся квадрат, обрамляющий фосфоресцирующее молочно-белое ничто.

Ведьмак тихо выругался. Он не любил порталов и перемещений с их помощью.

– Разве обязательно... – кашлянул он. – Здесь недалеко...

– Я не могу ходить по улицам, – отрезала она. – Здесь меня не любят, могут оскорбить, закидать камнями, а то и чем-нибудь похуже. Несколько человек портят мне репутацию, думая, что это сойдет им безнаказанно. Не бойся, мои порталы безопасны.

Геральт был свидетелем того, как однажды сквозь безопасный портал пролетела половина человека. Вторую так и не нашли. Он знал несколько случаев, когда люди входили в порталы и о них больше никто никогда и ничего не слышал.

Волшебница в очередной раз поправила волосы, пристегнула к поясу расшитый жемчугами мешочек. Мешочек казался маловатым, чтобы вместить что-либо, кроме горсти медяков да губной помады, но Геральт знал, что это необыкновенный мешочек.

– Обними меня. Сильнее, я не фарфоровая. В путь!

Медальон завибрировал, что-то сверкнуло, и Геральт погрузился в черное ничто, в пронизывающий холод. Он ничего не видел, не слышал, не чувствовал. Холод был тем единственным, что регистрировали органы чувств.

Он хотел выругаться, но не успел. 5

– Уже час, как она туда вошла. – Хиреадан перевернул стоящую на столе клепсидру. – Начинаю волноваться. Неужто с горлом Лютика все настолько плохо? Как думаешь, не заглянуть ли к ним?

– Она явно не желает этого. – Геральт с трудом допил кубок с травяным настоем. Он ценил и любил оседлых эльфов за ум, выдержку и специфическое чувство юмора, но их вкусов, касающихся пищи и напитков, не понимал и не разделял. – Я бы не стал мешать, Хиреадан. Магия требует времени. Пусть на это уйдут даже сутки, лишь бы Лютик выздоровел.

– Ну что ж, ты прав.

Из соседнего помещения доносился стук молотков, Эррдиль жил в заброшенной корчме, которую купил, намереваясь отремонтировать и въехать вместе с женой, тихой и неразговорчивой эльфкой. Рыцарь Вратимир, который после совместно проведенной в кордегардии ночи пристал к компании, добровольно предложил Эррдию помощь в ремонтных работах. Вместе с супругами он взялся обновлять панель сразу же, как только прошло замешательство, вызванное неожиданным и эффектным появлением ведьмака и Йеннифэр, выскочивших из стены в блеске портала.

– Если честно, – начал Хиреадан, – не думал, что у тебя так здорово пойдет. Йеннифэр не из тех, кто жаждет оказывать помощь. Заботы ближних не очень-то ее волнуют и нарушают сон. Короче говоря, не слышал, чтобы она когда-нибудь кому-нибудь чем-нибудь помогла бескорыстно. Интересно, ради чего она взялась помогать тебе и Лютику?

– Ты не преувеличиваешь? – усмехнулся ведьмак. – Она не произвела на меня такого уж скверного впечатления. Превосходство, верно, любит показывать, но по сравнению с другими колдунами, со всей их наглой сворой, она прямо-таки ходячее обаяние и доброжелательность.

Хиреадан улыбнулся.

– Твои слова звучат так, – сказал он, – словно ты считаешь, будто скорпион красивее паука потому, что у него такой прелестный хвостик. Будь внимателен, Геральт. Ты не первый, кто так о ней думает, не зная, что из своей красоты и доброжелательности она сделала оружие. Оружие, которым пользуется весьма ловко и беспринципно. Что, разумеется, отнюдь не умаляет того факта, что она на удивление красивая женщина. Думаю, не возражаешь?

Геральт быстро взглянул на эльфа. Ему уже второй раз показалось, что он замечает на лице Хиреадана след румянца. Это удивило его не меньше, чем слова. Чистокровные эльфы обычно не восхищаются женщинами людей. Даже очень красивыми. Йеннифэр же, хоть на свой манер и привлекательная, красавицей считаться не могла.

Вкусы вкусами, но в действительности мало кто называл колдуний красавицами. В конце концов, все они происходили из тех общественных слоев, в которых Предназначением дочерей было исключительно замужество. Кто подумает осуждать дочь на годы кропотливой учебы и пытку соматическими изменениями, если ее можно просто удачно выдать замуж? Кому захочется иметь в родне колдунью? Несмотря на уважение, которым пользовались магики, родители чародеек не получали никакой выгоды, потому что к тому времени, когда девушка завершала учебу, ее переставало что-либо связывать с семьей, в расчет шло только братство таких же, как она. Поэтому чародейками становились, как правило, дочери с нулевыми шансами на замужество.

В противоположность священникам и друидкам, которые неохотно брали на воспитание некрасивых или уродливых девушек, чародеи принимали любую, которая проявляла предрасположенность. Если же ребенок проходил сквозь сито первых лет обучения, в дело вступала магия – выпрямляющая и выравнивающая ноги, исправляющая сросшиеся кости, латающая заячьи губы, сглаживающая рубцы, шрамы и следы перенесенной оспы.

Молодая чародейка становилась привлекательной, потому что того требовал престиж профессии. Результатом были псевдокрасивые женщины со злыми и холодными глазами дурнушек. Дурнушек, не способных забыть о своей некрасивой внешности, прикрытой магической маской, причем не для того, чтобы их осчастливить, а исключительно ради упомянутого престижа.

Нет, Геральт не понимал Хиреадана. Его глаза, глаза ведьмака, замечали слишком много деталей.

– Нет, Хиреадан, – ответил он на вопрос. – Не возражаю. И благодарю за предупреждение. Но сейчас дело исключительно в Лютике. Он пострадал при мне, в моем присутствии. Я не сумел его уберечь, не смог помочь. Если б я знал, что это его вылечит, я уселся бы на скорпиона голым задом.

– Этого-то ты и должен опасаться больше всего, – загадочно усмехнулся эльф. – Потому что Йеннифэр знает об этом и любит использовать свое знание. Не доверяй ей, Геральт. Она опасна.

Геральт не ответил.

Наверху скрипнула дверь. Йеннифэр стояла на лестнице, опершись о поручни.

– Ведьмак, можешь на минутку заглянуть?

– Конечно.

Волшебница прислонилась спиной к двери одной из более-менее обставленных комнат, в которой поместили страдающего трубадура. Ведьмак подошел, молча взглянул. Он видел ее левое плечо, немного более высокое, чем правое. Нос, немного длинноватый. Губы, немного

узковатые. Подбородок, скошенный чуть больше, чем следовало бы. Брови, не очень правильные. Глаза... Он видел слишком много деталей. И совершенно напрасно.

– Что с Лютиком?

– Ты сомневаешься в моих способностях?

Он продолжал смотреть. У нее была фигура двадцатилетней девушки, хотя ее истинного возраста он предпочитал не угадывать. Двигалась она с естественной, непринужденной грацией. Нет, невозможно было угадать, какой она была раньше, что в ней исправили. Он перестал об этом думать, не было смысла.

– Твой талантливый друг будет здоров, – сказала она. – Его вокальные способности восстановятся.

– Я благодарен тебе, Йеннифэр.

– У тебя еще будет okazия это доказать, – улыбнулась она.

– К нему можно?

Она чуть помедлила, глядя на него со странной улыбкой и постукивая пальцами по дверной раме.

– Конечно. Входи.

Медальон на шее ведьмака начал резко, ритмично дрожать.

В центре пола лежал светившийся молочной белизной стеклянный шар размером с небольшой арбуз. Шар отмечал середину девятилучевой звезды, точнейшим образом вырисованной и касающейся лучами углов и стен комнаты. В звезду была вписана нарисованная красная пентаграмма. Концы пентаграммы были обозначены черными свечами, укрепленными в подсвечниках странной формы. Черные свечи горели также в изголовье постели, на которой лежал укрытый овечьими шкурами Лютик. Поэт дышал спокойно, уже не стонал и не хрипел, с его лица сбегала гримаса боли, теперь ее сменила блаженная улыбка идиота.

– Он спит, – сказала Йеннифэр. – И видит сон.

Геральт присмотрелся к изображениям, начертанным на полу. Ощущалась заключенная в них магия, но он знал, что это была магия дремлющая, неразбуженная. Она была все равно что дыхание спящего льва, но в ней ощущался и скрытый до поры до времени львиный рык.

– Что это, Йеннифэр?

– Ловушка.

– На кого?

– В данный момент на тебя. – Волшебница повернула ключ в замке, покрутила его в руке. Ключ исчез.

– Итак, меня поймали, – холодно сказал он. – И что дальше? Начнешь покушаться на мою невинность?

– Не льсти себе. – Йеннифэр присела на край кровати. Лютик, все еще кретински улыбаясь, тихо застонал. Это, несомненно, был стон блаженства.

– В чем дело, Йеннифэр? Если это игра, я не знаю правил.

– Я говорила, – начала она, – что всегда получаю то, чего хочу. Так уж случилось, что я захотела иметь то, чем владеет Лютик. Я заберу это у него, и мы расстанемся. Не бойся, я не причиню ему вреда...

– То, что ты устроила на полу, – прервал Геральт, – служит приманкой для демонов. Там, где вызывают демонов, всегда кому-то приносят вред. Я не допущу этого.

– ...у него волос с головы не упадет, – продолжала чародейка, не обращая никакого внимания на его слова. – Голосок у него станет еще красивее, и он будет весьма доволен, даже счастлив. Все мы будем счастливы. И расстанемся без сожаления, но и без обиды.

– Ах, Виргиния, – застонал Лютик, не открывая глаз. – Прелестны твои груди, нежнее лебединого пуха... Виргиния...

– Спятил, что ли? Бредит?

– Он видит сон, – усмехнулась Йеннифэр. – Его мечта сбывается во сне. Я прозондировала его мозг до самого дна. Не очень-то много там оказалось. Чуть-чуть хлама, несколько желаний, уйма поэзии. Ну да не в том дело. Печать, которой была запечатана бутылка с джином, Геральт. Я знаю, что она не у трубадура, а у тебя. Попрошу отдать ее мне.

– Зачем она тебе?

– Ну, как бы тебе сказать? – Волшебница кокетливо улыбнулась. – Может, так: не твое это дело, ведьмак. Такой ответ устроит?

– Нет, – тоже улыбнулся Геральт. – Не устроит. Но не бичуй себя за это, Йеннифэр. Меня нелегко удовлетворить. До сих пор это удавалось только лицам более чем среднего уровня.

– Жаль. Стало быть, так и останешься неудовлетворенным. Что делать. Изволь печать. И не ухмыляйся так. Это не идет ни к твоей красоте, ни к твоей прическе. Если ты еще не заметил, то знай, что именно сейчас начала исполняться благодарность, которой ты мне обязан. Печать – первый взнос за голос певуна.

– Гляжу, ты разбросала цену на множество взносов, – холодно проговорил он. – Хорошо. Этого можно было ожидать, и я ожидал. Но пусть это будет честная торговля, Йеннифэр. Я купил твою помощь, и я заплачу.

Она скривила губы в улыбке, но ее фиалковые глаза оставались холодными.

– Уж в этом-то, ведьмак, не сомневайся.

– Я, – повторил он, – а не Лютик. Я забираю его отсюда в безопасное место. Сделав это, вернусь, выплачу второй взнос и последующие. Что же касается первого... – Он сунул руку в секретный кармашек на поясе, достал латунную печать со знаком звезды и ломаного креста. – Пожалуйста. Но не как первый взнос. Прими это от ведьмака как знак благодарности за то, что хоть и расчетливо, но ты отнеслась к нему доброжелательней, нежели это сделало бы большинство твоей братии. Прими это как доказательство доброй воли, призванное убедить тебя, что, позаботившись о безопасности друга, я вернусь сюда, чтобы расплатиться. Я не заметил скорпиона в цветах, Йеннифэр. И готов расплачиваться за свою невнимательность.

– Прекрасная речь. – Колдунья скрестила руки на груди. – Трогательная и патетическая. Жаль только, напрасная. Лютик мне нужен и останется здесь.

– Он уже однажды столкнулся с тем, кого ты намерена сюда приволочь. – Геральт указал на

изображения на полу. – Когда ты закончишь и притащишь сюда джинна, то независимо от твоих обещаний Лютик пострадает, возможно, еще больше. Ведь тебя интересует то существо из бутылки, верно? Ты намерена завладеть им, заставить служить себе? Не отвечай, я знаю, плевать мне на это. Делай что хочешь, притащи хоть десяток демонов. Но без Лютика. Если ты подставишь Лютика, это уже не будет честной сделкой, Йеннифэр, и ты не имеешь права за таковую требовать платы. Я не допущу... – Он осекся.

– Меня интересовало, когда же ты наконец почувствуешь, – хихикнула чародейка.

Геральт напрягся, собрал в кулак всю свою волю, до боли стиснув зубы. Не помогло. Его словно парализовало, он вдруг превратился в каменную статую, во вкопанный в землю столб. Не мог шевельнуть даже пальцем в башмаке.

– Я знала, что ты сумеешь отразить чары, брошенные открыто, – сказала Йеннифэр. – Знала также, что, прежде чем что-либо предпринять, ты постараешься расположить меня к себе красноречием. Ты болтал, а нависший над тобой заговор действовал и понемногу ломал тебя. Теперь ты можешь только говорить. Но тебе уже нет нужды мне нравиться. Я знаю, ты красноречив. И не надо продолжать, это только снизит эффект!

– Хиреадан... – с трудом проговорил он, все еще пытаюсь бороться с магическим параличом. – Хиреадан поймет, что ты что-то замышляешь. Сообразит быстро, заподозрит в любой момент, потому что не доверяет тебе. Он не доверял с самого начала...

Чародейка повела рукой. Стены комнаты затуманились и окрасились однообразным мутно-серым тоном. Исчезли двери, исчезли окна, исчезли даже пыльные занавески и засиженные мухами картинки на стенах.

– Ну и что, если Хиреадан сообразит? – зловеще поморщилась она. – Помчится на помощь? Сквозь мой барьер не пройдет никто. Но, уверяю тебя, Хиреадан никуда не побежит, не сделает ничего мне во вред. Ничего. Он очарован мною. Нет, дело не в чернокнижии, я не привораживала его. Обычная химия организма. Он влюбился в меня, дурень. Ты не знал? Он даже хотел вызвать Бо на поединок, представляешь? Эльф, а ревнивый. Такое встречается редко. Геральт, я не случайно выбрала этот дом.

– Бо Берран, Хиреадан, Эррдиль, Лютик. Действительно, ты идешь к цели самым прямым путем. Но мною, Йеннифэр, не воспользуешься.

– Воспользуюсь, воспользуюсь. – Чародейка встала с кровати, подошла, старательно обходя начертанные на полу знаки. – Я же сказала, ты мне кое-что должен за излечение поэта. Так, мелочь, небольшую услугу. После того, что я сейчас собираюсь проделать, я сразу же исчезну из Ринды, а у меня в этом городишке еще есть кое-какие... неоплаченные долги, назовем это так. Некоторым людям я тут кое-что пообещала, а я всегда выполняю обещания. Однако поскольку сама я не успею, ты исполнишь мои обещания за меня.

Он боролся, боролся изо всех сил. Напрасно.

– Не дергайся, ведьмак, – ехидно усмехнулась она. – Впустую. У тебя сильная воля и хорошая сопротивляемость магии, но со мной и моими заклинаниями ты помериться не в состоянии. И не ломай комедию. Не пытайся покорить меня демонстрацией своей негибимой и гордой мужественности. Ты только самому себе кажешься негибимым и гордым. Ради друга ты сделал бы все и без чар, заплатил бы любую цену, вылизал бы мне туфли. А может, и еще кое-что, если б мне вдруг вздумалось повеселиться.

Он молчал. Йеннифэр стояла, усмехаясь и поигрывая пришпиленной к бархотке обсидиановой звездой, искрящейся бриллиантами.

– Уже в спальне Бо, – продолжала она, – перекинувшись с тобой несколькими словами, я поняла, кто ты такой. И знала, какой монетой взять с тебя плату. Рассчитаться за меня в Ринде мог бы любой, например, тот же Хиреадан. Но сделаешь это ты, ибо ты должен мне заплатить. За притворное высокомерие, за каменное лицо, за саркастический тон. За мнение, будто ты можешь стоять лицом к лицу с Йеннифэр из Венгерберга, считать ее самовлюбленной нахалкой, расчетливой ведьмой и одновременно таращиться на ее намыленные сиськи. Плати, Геральт из Ривии!

Она схватила его обеими руками за волосы и пылко поцеловала в губы, впившись в них словно вампир. Медальон на шее задержался, Геральту почудилось, что цепочка укорачивается и стискивает горло словно гаррота. В голове сверкнуло, в ушах дико зашумело. Фиалковые глаза чародейки исчезли, и он погрузился во тьму...

Геральт стоял на коленях. Йеннифэр обращалась к нему мягким, нежным голосом.

– Запомнил?

– Да, госпожа.

Это был его собственный голос.

– Так иди и выполни мое поручение.

– Слушаюсь, госпожа.

– Можешь поцеловать мне руку.

– Благодарю тебя, госпожа.

Он пополз к ней, не поднимаясь с колен. В голове гудели десятки тысяч пчел. Ее рука источала аромат сирени и крыжовника... Сирени и крыжовника... Вспышка. Тьма.

Балюстрада, ступени. Лицо Хиреадана.

– Геральт! Что с тобой! Геральт, ты куда?

– Я должен... – Его собственный голос. – Должен идти...

– О боги! Взгляните на его глаза!

Лицо Вратимира, искаженное изумлением. Лицо Эррдилья. И голос Хиреадана.

– Нет! Эррдиль, нет! Не прикасайся к нему и не пробуй задержать. С дороги, Эррдиль! Прочь с его дороги!

Запах сирени и крыжовника...

Дверь. Всплеск солнца. Жарко. Душно. Запах сирени и крыжовника. «Будет буря», – подумал он. И это была его последняя сознательная мысль. 6

Тьма. Запах...

Запах? Нет – вонь. Вонь мочи, гнилой соломы и мокрых лохмотьев. Смерд коптящего факела, воткнутого в железный захват, закрепленный в стене из грубо отесанных каменных блоков. Отбрасываемая факелом тень на покрытом соломой земляном полу...

Тень решетки.

Ведьмак выругался.

– Наконец-то. – Он почувствовал, что кто-то приподнимает его, прислоняет спиной к влажной стене. – Я уже стал опасаться. Ты так долго не приходил в себя.

– Хиреадан? Где... Черт, голова разламывается... Где мы?

– А ты как думаешь?

Геральт отер лицо ладонью и осмотрелся. У противоположной стены сидели трое оборванцев. Он видел их смутно, они приткнулись как можно дальше от факела, почти в полной темноте. Под решеткой, отделяющей всех их от освещенного коридора, прикорнуло что-то, на первый взгляд напоминающее кучу тряпья. На самом деле это был старик с носом, похожим на клюв аиста. Длина висящих сосульками волос и состояние одежды говорили о том, что он находится здесь не первый день.

– Нас кинули в яму, – угрюмо сказал Геральт.

– Рад, что ты обрел способность логически мыслить и делать выводы, – бросил эльф.

– Дьявольщина... А Лютик? Давно мы здесь сидим? Сколько времени прошло с тех пор...

– Не знаю. Когда меня кинули, я тоже был без сознания. – Хиреадан подгреб солому, уселся поудобнее. – Разве это важно?

– Еще как, черт возьми. Йеннифэр... И Лютик. Лютик там, с ней, а она собирается... Эй, вы. Нас давно здесь заперли?

Оборванцы пошептались, но не ответили.

– Вы что, оглохли? – Геральт сплюнул, все еще не в состоянии отделаться от металлического привкуса во рту. – Я спрашиваю, какое сейчас время дня? Или ночи? Наверное, знаете, когда вам приносят жратву?

Оборванцы снова пошептались, покашляли.

– Милсдарь, – сказал наконец один, – оставьте нас в покое и, пожалуйста, не разговаривайте с нами. Мы – честные воры, мы не политические. Мы супротив власти не шли. Не... покушались. Мы токмо воровали.

– Угу, – сказал второй. – У вас свой угол, у нас свой. Каждому свое.

Хиреадан фыркнул. Ведьмак сплюнул.

– Так оно и есть, – промямлил заросший волосней старик с длинным носом. – В тюрьме каждый стережёт свой угол и держится своих.

– А ты, дедок, – насмешливо спросил эльф, – держишься их или нас? Ты к какой группе себя относишь? К честным или политическим?

– Ни к какой, – гордо ответил старик. – Ибо невинен есьм.

Геральт снова сплюнул.

– Хиреадан, – спросил он, массируя виски, – с этим покушением на власть... Верно?

– Абсолютно. Ты ничего не помнишь?

– Ну, вышел на улицу... Люди на меня поглядывали... Потом... Потом был какой-то магазин...

– Ломбард, – понизил голос эльф. – Ты вошел в ломбард. И сразу же дал по зубам ломбардщику. Крепко. Даже очень.

Ведьмак сдержал проклятие.

– Ломбардщик упал, – тихо продолжал Хиреадан. – Ты дал ему несколько раз ногой по весьма чувствительным местам. На помощь прибежал слуга. Ты выкинул его через окно на улицу.

– Боюсь, – буркнул Геральт, – этим дело не ограничилось.

– Опасение вполне обоснованное. Ты вышел из ломбарда и направился по середине улицы, расталкивая прохожих и выкрикивая какие-то глупости относительно чести дамы. За тобой тянулся солидный хвост. Там же были я, Эррдиль и Вратимир. Ты остановился перед домом аптекаря Лавроносика, вошел и через минуту снова вышел, волоча Лавроносика за ногу. Затем обратился к собравшейся толпе с чем-то вроде речи.

– Какой?

– Говоря наиболее доходчиво, ты сообщил, что уважающий себя мужчина не должен называть курвой даже профессиональную проститутку, ибо это низко и отвратительно. Что применять определение «курва» по отношению к женщине, которую ты никогда не... имел – ты выразился более красочно – и никогда ей за это не давал денег, дело грязное и абсолютно недопустимое. Экзекуция, сообщил ты всем и вся, будет произведена немедленно, и это будет наказание в самый раз для такого говнюка, как Лавроносик. После чего зажал голову аптекаря между колен, стащил с него портки и врезал по заднице ремнем.

– Продолжай, Хиреадан. Продолжай, не жалея меня.

– Лупцевал ты Лавроносика по заднице, не жалея сил, а аптекарь выл и верещал, плакал, взывал к помощи господней и людской, умолял сжалиться, обещал даже исправиться, но ты ему явно не верил. Тут подбежали несколько вооруженных бандитов, которых в Ринде почему-то принято именовать гвардией.

– А я, – покачал головой Геральт, – именно тогда и покусился на власть?

– Куда там! Ты покусился гораздо раньше. И ломбардщик, и Лавроносик числятся в городском совете. Вероятно, тебе интересно будет узнать, что оба требовали выкинуть Йеннифэр из города. Они не только голосовали за это в совете, но говорили о ней всякие гадости по корчам и обсуждали ее весьма неизящным образом.

– Об этом я догадывался уже давно. Рассказывай. Ты остановился на гвардейцах. Это они бросили меня в яму?

– Хотели. Ох, Геральт, это было зрелище. Что ты с ними вытворял, описать невозможно. У них были мечи, дубины, палки, топоры, а у тебя только ясневый стек с ручкой, который ты отобрал у какого-то франта. И когда все уже лежали на земле, ты пошел дальше. Большинство из нас знали, куда ты направляешься.

– Хотел бы знать и я.

– Ты шел в храм. Ибо богослужитель Крепп, тоже член совета, уделял Йеннифэр много места в своих проповедях. Впрочем, ты вовсе и не скрывал своего мнения относительно богослужителя Креппа. Ты обещал прочитать ему лекцию, касающуюся уважения к

прекрасному полу. Говоря о нем, ты упустил его официальный титул, но добавлял иные эпитеты, вызывавшие заметное оживление у следовавшей за тобой детворы.

– Так, – проворчал Геральт. – Стало быть, прибавилось и богохульство. Что еще? Осквернение храма?

– Нет. Войти ты не успел. Перед храмом ждала рота городской стражи, вооруженная всем, что только нашлось в цейхгаузе, кроме катапульты, как мне кажется. Походило на то, что тебя просто-напросто изувечат. Но ты не дошел до них. Неожиданно схватился обеими руками за голову и потерял сознание.

– Можешь не заканчивать. Но, Хиреадан, ты-то как очутился в яме?

– Когда ты упал, несколько стражников подскочили, чтобы продырявить тебя копьями. Я вступил с ними в собеседование. Получил по голове алебардой и очутился здесь, в яме. Мне, несомненно, пришлют обвинение в участии в противолюдском заговоре.

– Ну, коли уж мы попали в обвиняемые, – заскрежетал зубами ведьмак, – то как думаешь, что нам грозит?

– Если Невилл, ипат, успел вернуться из столицы, – буркнул Хиреадан, – то кто знает... Мы знакомы. Но если не успел, приговор вынесут политики, в том числе, разумеется, Лавроносик и ломбардщик. А это значит...

Эльф сделал короткий жест в районе шеи. Несмотря на царящий в подвале полумрак, этот жест оставлял мало места для домыслов. Ведьмак помолчал. Воры шепотом переговаривались. Сидящий за «невинность» дедок, казалось, спал.

– Прекрасно, – сказал наконец Геральт и грязно выругался. – Мало того что я буду висеть, так еще зная, что оказался причиной твоей смерти, Хиреадан. И, вероятно, Лютиковой. Не прерывай. Я знаю, что это делишки Йеннифэр, но виноват все равно я. Моя дурь. Она окрутила меня, сделала из меня, как говорят краснолюды, дуба.

– Хм, – проворчал эльф. – Ни добавить, ни убавить. Я тебя предупреждал. Черт побери, тебя предупредил, а сам оказался таким же, пользуясь твоим выражением, дубом. Ты сетуешь на то, что я попал сюда из-за тебя. Я мог остановить тебя на улице, обезоружить, не допустить... Я этого не сделал. Боялся, что, когда развеются чары, которые она на тебя навела, ты вернешься и... причинишь ей зло. Прости.

– Прощаю великодушно. Потому как ты понятия не имеешь, какая сила была в ее заклинании. Я, дорогой эльф, обычный наговор перебиваю за несколько минут и при этом не теряю сознания. Заклинания Йеннифэр тебе бы не удалось сломать, а чтобы меня обезоружить... Вспомни гвардию.

– Повторяю, я думал не о тебе. Я думал о ней.

– Хиреадан?

– Да?

– Ты ее... Ты ее...

– Я не люблю возвышенных слов, – прервал эльф, грустно улыбнувшись. – Я ею, скажем так, сильно увлечен. Ты, вероятно, удивишься, как можно увлечься такой, как она?

Геральт прикрыл глаза, чтобы вызвать в памяти образ. Образ, который его необъяснимым образом, скажем так, не используя возвышенных слов, привлекал.

– Нет, Хиреадан, – сказал он. – Не удивлюсь.

В коридоре задуднили тяжелые шаги, послышался звон металла. На пол подвала легли тени четырех стражников. Проскрипел ключ, невинный старик резко отскочил от решетки и спрятался меж честных грабителей.

– Так быстро? – вполголоса удивился эльф. – Я думал, на то, чтобы поставить эшафот, потребуется больше времени...

Один из стражников, лысый как колено дылда с истинно кабаньей щетиной на морде, ткнул в ведьмака.

– Этот.

Двое других схватили Геральта, грубо подняли и приперли к стенке. Воришки вжались в угол, длинноносый дедок зарылся в солому. Хиреадан хотел вскочить, но упал на подстилку, отползая от приставленного к груди корда.

Лысый стражник остановился перед ведьмаком, подвернул рукава и помассировал кисть руки.

– Господин советник Лавроносик, – сказал он, – велели спросить, как тебе у нас в яме? Может, чего недостает? Может, холод докучает? А?

Геральт не счел нужным отвечать. Пнуть лысого он тоже не мог, потому что удерживавшие его стражники наступили ему на ноги тяжелыми ботинками.

Лысый коротко размахнулся и саданул его под дых. Не помогло защитное напряжение мышц. Геральт, с трудом хватая воздух, некоторое время рассматривал пряжку собственного пояса, потом стражники выпрямили его снова.

– Дык ничего тебе не надуть? – продолжал лысый, разя луком и гнилыми зубами. – Господин советник будет радый, что ты не жалуешься.

Второй удар, туда же. Ведьмак закашлялся, и его наверняка бы вырвало, если б было чем. Лысый повернулся боком. Сменил руку. Удар! Геральт снова уставился на пряжку собственного пояса. Хоть это и казалось странным, но выше пряжки не появилась дыра, сквозь которую просвечивала бы стена.

– Ну как? – Лысый немного отступил, явно собираясь размахнуться сильнее. – Нету никаких пожеланий? Господин Лавроносик велели спросить, нет ли каких? А чтой-то ты молчишь? Язык, что ль, свернулся? Щас я тебе его размотаю.

Удар!

Геральт и на этот раз не потерял сознания. А надо бы, потому что ему как-никак, а внутренние органы еще могли пригодиться. Однако, чтобы потерять сознание, надо было заставить лысого...

Стражник сплюнул, ощерился, снова помассировал пятерню.

– Ну как? Никаких желаний?

– Есть одно... – простонал ведьмак, с трудом поднимая голову. – Чтoб ты лопнул, сволота поганая.

Лысый заскрежетал зубами, отступил и замахнулся, теперь уже, как и хотел Геральт,

примеряясь к голове. Но удар не состоялся. Стражник вдруг забулькал, словно индюк, покраснел, схватился обеими руками за живот, взвыл, зарычал от боли...

И лопнул. 7

– Ну и что мне с вами делать?

Потемневшее небо прорезала ослепительно яркая стрела молнии, после короткой паузы раздался хрупкий, протяжный гром. Ливень набирал силу, над Риндой проплывала дождевая туча.

Геральт и Хиреадан, сидевшие на лавке под большим гобеленом, изображающим Пророка Лебеду, пасущего овец, молчали, скромно потупившись. Ипат Невилл расхаживал по комнате, фыркая и гневно сопя.

– Вы, сволочные, засранные волшебники! – вдруг взорвался он, остановившись. – Невзлюбили мой город или как? Нет других городов на свете или что?

Эльф и ведьмак молчали.

– Чтобы такое... – захлебнулся ипат. – Чтобы ключника... Как помидор! Вдрызг! В красную жижу! Это бесчеловечно!

– Бесчеловечно и безбожно, – поддакнул присутствовавший в канцелярском покое ратуши богослужитель Крепп. – Так бесчеловечно, что любой дурак догадается, кто за этим стоит. Да, ипат. Хиреадана мы знаем оба, а этому, выдающему себя за ведьмака, не достало бы Силы, чтобы так уделывать ключника. Это все работа Йеннифэр, богомерзкой ведьмы!

За окном, как бы подтверждая слова Креппа, гроыхнуло.

– Она, и никто другой, – продолжал богослужитель. – Несомненно. Кто ж, если не Йеннифэр, вздумал бы отыгаться на государевом советнике Лавроносике?

– Ха-ха-ха! – расхохотался ипат. – На это-то я как раз меньше всего злюсь. Лавроносик подкапывался под меня, на мое место метил. Теперь его уже люди слушать не станут. Как вспомнят, как он по заду отхватил...

– Недоставало еще, чтобы вы начали аплодировать сему преступлению, милсдарь Невилл, – поморщился Крепп. – Напоминаю, если б я на ведьмака не наслал бесогонного заклинания, то бишь экзорцизма, он поднял бы руку на меня и на достоинство храма...

– А ведь ты тоже скверно отзывался о ней в своих проповедях, Крепп. Даже Берран жаловался. Но что правда, то правда. Слышите, поганцы? – Ипат снова повернулся к Геральту и Хиреадану. – Нету вам прощения! Не подумаю потакать таким фокусам! Ну, давайте говорите, что у вас есть в свое оправдание, потому как если нет, то я начихаю на все ваши религии и устрою вам такое, что вы до смерти не забудете. А ну выкладывайте все немедля, как на духу!

Хиреадан тяжело вздохнул и глянул на ведьмака многозначительно и с вопросом. Геральт тоже вздохнул, откашлялся.

И рассказал все. Ну, скажем, почти все.

– Стало быть, вон какие пироги, – произнес богослужитель, немного помолчав. – Хорошенькая история. Злой гений, освобожденный от заклятия. И чародейка, которая заимела на этого гения зуб. Недурственная комбинация. Это может скверно кончиться, очень скверно.

– Что такое гений? – спросил Невилл. – И что надобно этой Йеннифэр?

– Волшебники, – пояснил Крепп, – черпают свою мощь из сил Природы, точнее, из так называемых Четырех Основ, сиречь элементов, популярно именуемых стихиями: Воздуха, Воды, Огня и Земли. У каждой из сих стихий имеется свое Измерение, на колдовском жаргоне Плоскостью именуемое. Существуют, стало быть, Плоскость Воды, Плоскость Огня и так далее. Измерения сии нам недоступны и заселены существами, именуемыми гениями...

– Именуемыми в легендах, – прервал ведьмак. – Потому что, насколько мне известно...

– Не прерывай, – обрезал его Крепп. – То, что тебе известно мало, было ясно уже с самого начала твоего рассказа, ведьмак. Так что помолчи и послушай тех, кто умнее тебя. Итак, гении. Их четыре рода, как и четыре Плоскости. Существуют д'йини, существа воздушные, марида, связанные со стихией Воды, ифриты, кои есть гении Огня, и д'ао – гении Земли...

– Ну, тебя понесло, Крепп, это называется словесный понос, – вставил Невилл. – Тут тебе не воскресная школа, не учи нас. Говори кратко: чего Йеннифэр хочет от того гения?

– Такой гений, ипат, есть живой сборник магической энергии. Волшебник, имеющий возможность по желанию призывать гения, может эту энергию направлять в виде заклинаний. Ему не надо тяжким трудом вытягивать Силу из Природы, за него это делает гений. Тогда могущество такого чародея становится огромным, почти безграничным.

– Что-то я не слышал о всесильных магах, – поморщился Невилл. – Совсем даже наоборот, сила большинства из них явно преувеличена. Этого не могут, то не в силах.

– Волшебник Стаммельфорд, – прервал богослужитель, снова впадая в менторский тон и встав в позу лектора, – некогда передвинул гору, коя заслоняла ему вид с башни. Никому ни до, ни после не удавалось совершить подобное. Ибо Стаммельфорд, как гласит молва, пользовался услугами д'ао – гения Земли. Сохранились записи о подобных действиях других магов. Гигантские волны и катастрофические проливные дожди, несомненно, дело рук марида. Огненные столбы, пожары и взрывы – работа огненных ифритов...

– Смерчи, ураганы, полеты над землей, – проворчал Геральт. – Джеоффри Монк.

– Верно. Однако, вижу, кое-что ты все-таки знаешь. – Крепп посмотрел на него благосклонней. – Говорят, старый Монк нашел способ заставить служить себе и д'йини – гения Воздуха. Ходили слухи, что не одного. Он якобы держал их в бутылках и использовал по мере надобности, по три желания от каждого гения. Потому что гении, дорогие мои, исполняют только три желания, а потом свободны и смываются в свои измерения.

– Тот, над рекой, ничего не исполнил, – решительно сказал Геральт, – сразу схватил Лютика за горло.

– Гении, – задрал нос Крепп, – существа зловредные и коварные. Не любят тех, кто загоняет их в бутылки и велит передвигать горы. Они делают все, чтобы не допустить произнесения желаний, и выполняют их таким способом, которым трудно овладеть. И предвидеть. Порою выполняют буквально, поэтому надо следить за тем, что говоришь. Чтобы гения захомутать, нужна железная воля, стальные нервы, могучая Сила и немалое умение. Из сказанного тобою следует, что твои умения, ведьмак, были невелики.

– Слишком малы, чтобы эту дрянь обуздать, – согласился Геральт. – Но все же я изгнал его, да так, что воздух выл. А это чего-нибудь да стоит, Йеннифэр, правда, высмеяла мой экзорцизм...

– Какой экзорцизм? А ну повтори.

Ведьмак повторил слово в слово.

– Что?! – Богослужитель побледнел, потом покраснел и наконец посинел. – Да как ты смеешь! Охальник!

– Простите, – пролепетал Геральт. – Честно-то говоря, я не знаю... значения этих слов.

– Так не повторяй, коли не знаешь! И где только ты мог их услышать!

– Ну, довольно, – махнул рукой ипат. – Напрасно теряем время. Ладно. Теперь мы знаем, зачем волшебнице понадобился ваш гений. Но вы говорили, Крепп, что это скверно. Что именно скверно? Да пусть она его поймает и убирается ко всем чертям, мне-то какое дело. Я думаю...

Никому не дано узнать, что в этот момент думал Невилл, если даже это не было хвастовством. На стене возле гобелена с Пророком Лебедой неожиданно возник светящийся четырехугольник, что-то сверкнуло – и на середину комнаты вывалился... Лютик.

– Он невиновен! – крикнул поэт чистейшим звучным тенором, сидя на полу и водя кругом дурным взглядом. – Невиновен! Ведьмак невиновен. Я желаю, чтобы в это поверили!

– Лютик, – ахнул Геральт, удерживая Креппа, явно собиравшегося выкрикивать экзорцизмы, а может, и заклęcia. – Ты откуда свалился... Лютик?

– Геральт! – Бард вскочил с пола.

– Лютик!

– Это еще кто такой? – буркнул Невилл. – Черт побери, если вы не прекратите колдовать, я за себя не поручусь. Я сказал, здесь, в Ринде, колдовать нельзя! Сначала надо подать письменное прошение, потом оплатить пошлину и налог на имущество... Эй! А это, случайно, не певец, заложник ведьмы?

– Лютик, – повторил Геральт, держа поэта за руки. – Как ты сюда попал?

– Не знаю, – признался бард с глупейшим и обеспокоенным выражением на лице. – Честно говоря, я не совсем понимаю, что со мной творится. Помню немного, но провалиться мне, если знаю, что тут было явью, а что кошмаром. Однако припоминаю миленькую чернулечку с горящими глазами...

– Нашли время болтать о чернулечках, – прервал Невилл. – К делу, уважаемые, к делу. Ты кричал, что ведьмак невиновен. Как это понимать? Что, Лавроносик сам себя высек? Потому что ежели ведьмак невиновен, то иначе быть не могло. Разве что коллективная галлюцинация.

– Мне ничего не ведомо ни о... э... высечении, ни о галлюцинациях, – гордо проговорил Лютик, – ни о лавровых носиках. Повторяю: последнее, что я помню, была моднучая женщина, со вкусом одетая в черное и белое. Вышеупомянутая дама грубо кинула меня в светящуюся дыру явно магического портала. А до того дала четкое и ясное указание: по прибытии на место я должен был немедленно сообщить, цитирую: «Желаю, чтобы мне поверили, что ведьмак не виновен в том, что произошло. Таково, а не иное мое желание». Конец цитаты. Буквально так. Да, я спросил, в чем дело и зачем все это. Чернулечка не дала мне говорить. Обругала неизысканно, взяла за шиворот и кинула в портал. Это все. А теперь...

Лютик выпрямился, отряхнул куртку, поправил воротник и фантазийное, хотя и грязное жабо.

– ...соблаговолите мне сказать, как называется и где находится лучший в этом городе кабак.

– В моем городе нет плохих кабаков, – медленно произнес Невилл. – Но прежде чем убедиться в этом, ты познакомишься с лучшей в моем городе ямой. Ты и твои дружки. Вы еще не на свободе, паршивцы, напоминаю! Гляньте-ка! Один плетет небылицы, другой выскакивает из стены и кричит о невиновности, чего-то желает, верещит, требует, чтоб ему поверили. Он имеет нахальство желать...

– О боги! – Богослужитель вдруг хлопнул себя по лысине. – Понял! Я понял! Желание! Последнее желание!

– Что с тобой, Крепп? – насупился ипат. – Прихворнул?

– Последнее желание! – повторил богослужитель. – Она заставила барда высказать последнее, третье желание. Гением нельзя было овладеть, пока он не исполнил этого желания. А Йеннифэр поставила магическую ловушку и, вероятно, поймала гения, прежде чем тот успел сбежать в свое измерение! Господин Невилл, необходимо обязательно...

За окном гроыхнуло. Да так, что задрожали стены.

– Черт, – проворчал ипат, подходя к окну. – Близко гроыхнуло. Только б не в какой-нибудь дом, мне еще пожара не хватает... Боги! Взгляните! Вы только взгляните на это! Крепп!!! Что это?

Все кинулись к окну.

– Мамочка! – воскликнул Лютик, хватаясь за горло. – Это он! Тот сукин сын, который меня удушил!

– Д'йини! – крикнул Крепп. – Гений Воздуха!

– Над корчмой Эррдия! – закричал Хиреадан. – Над крышей!

– Она его сцапала! – Богослужитель высунулся так сильно, что чуть не вывалился. – Видите магический свет? Волшебница упекла гения в ловушку!

Геральт молча глядел.

Давным-давно, еще будучи совершенным сопляком, когда он обучался в Каэр Морхене, в Обиталище Ведьмаков, он и его дружок Эскель поймали большого лесного шмеля и привязали к стоявшему на столе кувшину длинной ниткой, вытянутой из рубашки. Глядя, какие штучки выделяет шмель на привязи, они надрывались от хохота до того момента, пока их не накрыл на этом деле Весемир, воспитатель, и не отделал ремнем.

Джинн, круживший над крышей будущего трактира Эррдия, вел себя точно как тот шмель. Он взлетал и опускался, взмывал и пикировал, яростно гудя, носился по кругу. Потому что джинн, как и шмель из Каэр Морхена, был привязан скрученными нитями из ослепительно ярких разноцветных лучей света, плотно оплетающих его и оканчивающихся на крыше. Однако джинн располагал большими возможностями, нежели привязанный к кувшину шмель. Шмель не мог разрушать окрестных крыш, разваливать трубы, разносить в пыль и прах башенки и мансарды. Джинн мог. И делал это.

– Он уничтожает мой город! – взвыл Невилл. – Это чудовище уничтожает мой город!

– Хе-хе! – засмеялся богослужитель. – Сдается мне, нашла коса на камень! Это исключительно сильный д'йини! Воистину реку, не знаю, кто кого поймал, ведьма его или он ведьму! Ха, кончится тем, что д'йини сотрет ее в порошок, и очень хорошо сделает!

Справедливость восторжествует!

– Накрал я на справедливость! – рявкнул ипат, не обращая внимания на то, что под окнами могли собраться потенциальные избиратели. – Гляди, Крепп, что творится! Паника, руины! Этого ты мне не сказал, лысый дурень! Умничал, языком трепал, а о самом главном ни-ни! Почему не сказал, что демон... Ведьмак! Сделай что-нибудь! Слышишь, невинный колдун? Наведи порядок! Прощаю тебе все прегрешения, но...

– Тут ничего не сделаешь, господин Невилл, – фыркнул Крепп. – Вы не обращали внимания на то, что я говорил, вот и все. Никогда не прислушивались к моим словам. Это, повторяю, невероятно сильный д'йини, иначе б чародейка его уже взяла. Я вам говорю, ее заклятия сейчас ослабнут, и тогда д'йини раздавит ее и сбежит. И наступит покой.

– А тем временем город превратится в развалины?

– Надо ждать, – повторил богослужитель. – Но не сложа руки. Отдайте приказ, ипат. Пусть люди покинут окрестные дома и приготовятся тушить пожары. То, что там сейчас творится, пустяк по сравнению с адом, коий разверзнется, как только гений покончит с волшебницей.

Геральт поднял голову, встретил взгляд Хиреадана, опустил глаза.

– Господин Крепп, – решился он вдруг. – Мне необходима ваша помощь. Я говорю о портале, которым сюда прибыл Лютик. Портал все еще соединяет ратушу с...

– Портала уже и след простыл, – холодно проговорил богослужитель, указывая на стену. – Не видишь?

– Портал, даже невидимый, оставляет след. Заклинанием можно этот след стабилизировать. Я пройду по нему.

– Да ты никак не в своем уме! Даже если такой проход не разорвет тебя на куски, то чего ты хочешь добиться? Оказаться в центре циклона?

– Я спрашиваю, вы можете произнести заклинание, стабилизирующее след?

– Заклинание? – Богослужитель гордо поднял голову. – Я не безбожный колдун! Я не произношу заклинаний! Мое могущество проистекает из веры и молитв!

– Можете или нет?

– Могу.

– Так за дело! Время не ждет!

– Геральт, – вклинился Лютик, – ты и впрямь сбрендил! Держись подальше от этого чертова удушителя!

– Прошу тишины! – проговорил Крепп. – И серьезности. Я молюсь.

– Пропади ты со своими молитвами! – не выдержал Невилл. – Я бегу собирать народ! Надо что-то делать, а не стоять и впустую молотить языками. О боги, что за день! Что за отвратный день!

Ведьмак почувствовал, как Хиреадан тронул его рукой. Повернулся. Эльф посмотрел ему прямо в глаза, потом потупился.

– Ты идешь туда... потому что должен, правда?

Геральт замялся. Ему показалось, что он улавливает аромат сирени и крыжовника.

– Пожалуй, да, – помедлил он. – Должен. Прости, Хиреадан...

– Не извиняйся. Я знаю, что ты чувствуешь.

– Сомневаюсь. Потому как и сам этого не знаю.

Эльф улыбнулся. Улыбка получилась не очень радостной.

– В том-то и дело, Геральт. Именно в том.

Крепп выпрямился, глубоко вздохнул.

– Готово, – сказал он гордо, указав на едва видимый контур на стене. – Но портал неустойчив и долго не протянет. К тому же нет никакой уверенности в его прочности. Может разорваться. Прежде чем туда ступить, господин ведьмак, подумайте о своих прегрешениях. Могу, конечно, благословить, но отпустить грехи...

– Недостанет времени, – закончил Геральт. – Знаю, господин Крепп. На это всегда не хватает времени. Выйдите все из комнаты. Если портал взорвется, у вас лопнут барабанные перепонки.

– Я останусь, – сказал Крепп, когда за Лютиком и эльфом закрылась дверь. Он пошевелил в воздухе руками, создавая вокруг себя пульсирующую ауру. – На всякий случай небольшая защита. А если портал взорвется... Попытаюсь вытащить, господин ведьмак. Тоже мне великое дело – перепонки. Перепонки срастаются.

Геральт взглянул на него приветливой. Богослужитель улыбнулся.

– Мужественный вы человек, – сказал он, переходя на «вы». – Хоть и ведьмак. Хотите ее спасти, верно? Но мужество вам вряд ли поможет. Джинны – существа мстительные. Чародейке конец. Да и вы, если пойдете туда, тоже погибнете. Подумайте, чиста ли у вас совесть.

– Уже подумал. – Геральт встал перед слабо светящимся порталом. – Господин Крепп?

– Слушаю?

– Тот экзорцизм, который вас так взбудоражил... Что они значат, те слова?

– Да уж, самое подходящее время для шуток и забав...

– Прошу вас, господин Крепп.

– Что делать, – сказал богослужитель, прикрываясь тяжелым дубовым стулом ипата. – Ваше последнее желание. Отказать не могу. Это значило... Хм... Хм... «Топай отсюда и... оттрахай себя сам».

Геральт вступил в ничто, и холод приглушил сотрясающий его смех. 8

Портал, ревя и бушуя, как ураган, стремительно выбросил его, выплюнул с разрывающей легкие силой. Ведьмак бессильно рухнул на пол, с трудом ловя воздух раскрытым ртом.

Пол дрожал. Вначале он подумал, что трясся он сам после путешествия сквозь разрывающий ад портала, но быстро понял ошибку. Вибрировал, трясся и трещал весь дом.

Он осмотрелся. Это была не та комнатка, в которой он последний раз видел Йеннифэр и

Лютика, а большая общая зала ремонтируемой корчмы Эррдила.

Увидел ее. Она стояла на коленях между стульями, склонившись над магическим шаром. Шар излучал сильное молочное сияние, просвечивая красным сквозь пальцы колдуньи. Свет, отбрасываемый шаром, создавал мигающую, колеблющуюся, но ясную картину. Геральт видел комнатку со звездой и раскалившейся сейчас добела пентаграммой, начертанной на полу. Видел вылетающие из пентаграммы разноцветные потрескивающие огненные струи, исчезающие вверх над крышей, откуда доносился яростный рев пойманного джинна.

Йеннифэр увидела его, вскочила и подняла руку.

– Нет! – крикнул он. – Не надо! Я хочу помочь тебе!

– Помочь? – зло фыркнула она. – Ты?

– Да.

– Несмотря на то, что я тебе сделала?

– Несмотря.

– Странно, но в принципе не важно. Мне не нужна твоя помощь. Убирайся немедленно.

– Нет!

– Убирайся! – взвизгнула чародейка, зловеще скривившись. – Тут становится опасно! Я не могу его взять, не понимаю, но мерзавец не слабеет. Я поймала его после того, как он выполнил третье желание трубадура. Ему уже полагается сидеть у меня в шаре. А он вообще не ослабевает. Похоже, становится еще сильнее! Но все равно я его... осилю, сломаю...

– Не осилишь, Йеннифэр. Он убьет тебя.

– Меня не так легко убить...

Она осеклась. Потолок корчмы вдруг разгорелся и заблестел. Картина, которую проецировал шар, расплылась. На бревенчатом потолке вырисовался большой огненный квадрат. Чародейка чертыхнулась, подняла руку, из ее пальцев посыпались искры.

– Беги, Геральт!

– Что происходит, Йеннифэр?

– Он нащупал меня... – простонала она, краснея от усилия. – Хочет до меня добраться. Создает собственный портал, чтобы пробиться сюда. Разорвать нити он не может, но сквозь портал пройдет. Я не могу... Не могу его удержать!

– Йеннифэр!

– Не отвлекай! Мне надо сосредоточиться... Геральт, беги. Я раскрою свой портал. Для тебя. Будь внимателен, это случайный портал, на другой у меня нет ни сил, ни времени... Не знаю, где ты опустишься... но ты будешь в безопасности... Приготовься...

Большой портал на потолке вдруг ослепительно разгорелся, раздался вширь и деформировался, из пустоты возникла знакомая ведьмаку бесформенная, хлопающая обвислыми губами пасть, воющая так, что заныло в ушах. Йеннифэр вскочила, замахала руками и выкрикнула заклинание. Из ее руки вырвалось полотнище света, охватившее джинна словно сеть. Джинн зарычал и выдал из себя длинные лапы, которые, словно нападающие кобры, потянулись к горлу чародейки. Йеннифэр не отступила.

Геральт кинулся к ней, оттолкнул и заслонил собою. Джинн, опутанный магическим светом, выскочил из портала, как пробка из бутылки, кинулся на них, разевая пасть. Ведьмак стиснул зубы и ударил его знаком, без видимого результата. Но гений не напал. Он повис под самым потолком, раздулся до гигантских размеров, вытаращил на Геральта белые глазищи и зарычал. В этом рыке был как бы приказ, распоряжение. Геральт не понял какое.

– Сюда! – крикнула Йеннифэр, указывая на портал, который она выколдовала на стене у лестницы. По сравнению с порталом гения ее портал выглядел бедно, невзрачно и даже кустарно. – Сюда, Геральт! Беги!

– Только с тобой!

Йеннифэр, водя в воздухе руками, выкрикнула заклинание, разноцветные нити с треском рассыпали искры. Джинн закружился, словно бочонок, напряг узы, растянул их. Медленно, но верно он приближался к чародейке. Йеннифэр не отступала.

Ведьмак подскочил, ловко подставил ей ногу, схватил за талию одной рукой, другой вцепился в волосы на затылке. Йеннифэр грязно выругалась и ударила его локтем по горлу. Он не отпустил. Резкий запах озона, порожденного заклинанием, не заглушил аромата сирени и крыжовника. Геральт подсек чародейке ногу и прыгнул, унося ее прямо в опалесцирующее и мигающее ничто меньшего портала.

Портала, ведущего в неведомое.

Они вылетели, слившись в объятиях, упали на мраморный пол, заскользили по нему, перевернув огромный канделябр, а затем стол, с которого с грохотом и звоном посыпались хрустальные кубки, вазы с фруктами и огромная миска, заполненная толченым льдом, водорослями и устрицами. Кто-то взвизгнул, кто-то запищал.

Они лежали в самом центре ярко освещенной бальной залы. Богато разодетые мужчины и блистающие драгоценностями дамы, прервав танец, ошарашенно глядели на них. Музыканты на галерке оборвали мелодию разрывающей уши какофонией.

– Ты кретин! – крикнула Йеннифэр, пытаясь выцарапать ему глаза. – Идиот! Ты мне все испоганил! Я его уже почти поймала!

– Хрен ты поймала! – крикнул в ответ он, не на шутку обозленный. – Я спас тебя, глупая ведьма!

Она взвизгнула, как взбесившийся кот, ее руки сыпанули искрами. Геральт, отвернувшись, вцепился ей в кисти рук, и они принялись кататься среди устриц, засахаренных фруктов и толченого льда.

– У вас есть приглашения? – спросил вальяжный мужчина с золотой цепью камергера на груди, глядя на них сверху с высокомерной миной.

– Прочь, идиот! – снова взвизгнула Йеннифэр, все еще пытаясь выцарапать Геральту глаза.

– Это безобразие! – укоризненно проговорил камергер. – Поверьте, вы немного переигрываете со своей телепортацией. Я буду вынужден подать жалобу в Совет Чародеев. Я потребую...

Никто не узнал, что потребует камергер. Йеннифэр вырвалась, раскрытой рукой вцепилась в волосы и талию. Геральт кинулся следом, уже опробованным на практике движением схватив ее за волосы и талию. Йеннифэр, тоже поднабравшаяся опыта, хватанула его по локтю. От резкого движения у нее лопнуло платье под мышкой, открыв красивую девичью грудь. Из роскошного декольте

выскользнула устрица.

Они влетели в небытие портала. Геральт еще слышал слова камергера:

– Музыка! Продолжайте играть! Все в порядке. Прошу не обращать внимания на достойный сожаления инцидент.

Ведьмак был уверен, что с каждым очередным полетом через портал увеличивается вероятность несчастья, и он не ошибся. Они попали в цель, в корчму Эррдилья, но материализовались под самым потолком и, переломив поручни лестницы, с оглушительным грохотом свалились на стол. Стол не мог этого выдержать и не выдержал.

В момент падения Йеннифэр оказалась внизу. Геральт был уверен, что она потеряла сознание. Он ошибся.

Она ткнула его костяшками кулака в глаз и бросила прямо в лицо целую гроздь оскорблений, которых не постыдился бы краснолюдский могильщик, а краснолюдские могильщики были несравненными охальниками. Ругань сопровождалась яростными и беспорядочными ударами, наносимыми вслепую, куда попало. Геральт схватил ее за руки и, стараясь избежать удара лбом, вжался лицом в декольте чародейки, пахнущее сиренью, крыжовником и устрицами.

– Пусти, – крикнула она, извиваясь, словно угорь. – Идиот, глупец, насильник! Пусти, говорю! Привяжь сейчас лопнет, ее надо усилить, иначе джинн сбежит.

Геральт не ответил, хотя очень хотелось. Он сжал ее сильнее, пытаясь притиснуть к полу. Йеннифэр отвратительно выругалась, рванулась изо всей силы и ударила его коленом в промежность. Прежде чем он сумел вдохнуть, она вырвалась, крикнула заклинание. Он почувствовал, как чудовищная сила поднимает его с пола и бросает через всю залу, а потом, не в силах вдохнуть, он саданулся о резной двухдверный шкаф и развалил его на мелкие кусочки. 9

– Что там творится? – Лютик, вцепившись в подоконник, пытался пробить взглядом завесу ливня. – Скажите, черт побери, что там происходит?

– Дерутся, – крикнул один из глазающих бродяг, отскакивая от окна корчмы словно ошпаренный. Его дружки-оборванцы тоже кинулись бежать, шлепая по грязи босыми ногами.
– Колдун и ведьма дерутся!

– Дерутся? – удивился Невилл. – Они там дерутся, а этот затраханый демон тем временем превращает мой город в руины! Глядите, он повалил еще одну трубу! И раскидал черепицу. Эй, люди! Бегом туда! О боги, счастье, что дождь, был бы пожар как пить дать!

– Долго это не протянется, – угрюмо произнес богослужитель Крепп. – Магический свет ослабевает, привяжь сейчас лопнет. Господин Невилл! Прикажите людям отступать! Там сейчас разверзнется пекло! От дома останутся развалины! Господин Эррдиль, над чем вы смеетесь? Это ж ваш дом. Что вас так развеселило?

– Я развалюху застраховал на кучу денег!

– С учетом магических и сверхъестественных случаев?

– Конечно.

– Разумно, господин эльф. Очень разумно. Поздравляю. Эй, люди, прячьтесь. Кому жизнь мила, не подходите близко!

Из Эррдильева хозяйства донесся оглушительный гул, сверкнула молния. Толпа попятилась, прячась за столбами.

– Зачем Геральт туда полез? – охнул Лютик. – На кой черт? Зачем уперся спасать колдунью? Зачем? Черт побери, Хиреадан, ты это понимаешь?

Эльф грустно улыбнулся.

– Понимаю, Лютик, понимаю. 10

Геральт отскочил от очередной оранжево-огненной стрелы, вылетевшей из пальцев чародейки. Она явно утомилась, стрелы были слабые и медлительные, он увертывался от них без особого труда.

– Йеннифэр! – крикнул он. – Успокойся! Да пойми же ты наконец, что я хочу тебе сказать! Ты не сможешь...

Он не закончил. Из рук волшебницы вырвались тоненькие красные молнии, впились в него в нескольких местах и буквально обмотали. Одежда зашипела и задымилась.

– Не смогу? – процедила она, встав над ним. – Сейчас увидишь, на что я способна. Достаточно, если ты просто лежишь и не будешь мне мешать.

– Сними это с меня! – зарычал он, пытаясь вырваться из огненной паутины. – Я горю, черт побери!

– Не шевелись, – посоветовала она, тяжело дыша. – Это жжет только когда двигаешься... Я не могу уделить тебе больше времени, ведьмак. Пошалили – и будет, хорошего понемножку. Я должна заняться джином, он готов сбежать...

– Сбежать? – крикнул Геральт. – Это ты должна бежать! Джинн... Йеннифэр, послушай меня. Я должен тебе кое в чем признаться... Должен сказать тебе правду. Ты удивишься. 11

Джинн рванулся на привязи, облетел круг, натянул удерживающие его нити и смел башенку с дома Бо Беррана.

– Ну и рычит! – поморщился Лютик, непроизвольно хватаясь за горло. – Как рычит! Жуть! Похоже, он чертовски взбешен!

– Ибо взбешен, – произнес богослужитель.

Хиреадан быстро взглянул на него.

– Что?

– Он взбешен, – повторил Крепп. – И неудивительно. Я бы тоже взбесился, доведись мне в точности выполнять первое желание, которое случайно высказал ведьмак...

– Что? – крикнул Лютик. – Геральт? Желание?

– Ведь у него в руке была печать, которая удерживала джинна в бутылке. Гений выполняет его желания. Поэтому волшебница и не может одолеть джинна. Но ведьмаку не следует ей об этом говорить, даже если он уже догадался. Не следует.

– Черт, – буркнул Хиреадан. – Я начинаю понимать. Ключник в подвале... Лопнул...

– Это было второе желание ведьмака. У него осталось еще одно. Последнее. Но, боги, он не должен выдавать этого Йеннифэр! 12

Она стояла неподвижно, наклонившись к нему и не обращая никакого внимания на джинна, мечущегося на привязи над крышей корчмы. Дом сотрясаясь, с потолка сыпалась известка, мебель ползала по полу, лихорадочно тряслась.

– Вот оно что, – прошипела она. – Благодарю. Тебе удалось меня обмануть. Не Лютик, а ты! Так вот почему джинн так борется! Но я еще не проиграла, Геральт. Ты недооцениваешь моей силы. Пока что у меня в руках и джинн, и ты. У тебя есть еще одно, последнее желание? Так выскажи его. Освободи джинна, и тогда я загоню его в бутылку.

– Тебе не хватит сил, Йеннифэр.

– Ты недооцениваешь мои силы. Желание, Геральт, желание!

– Нет, Йеннифэр. Не могу... Джинн, может, и выполнит его, но тебя не простит. Освободившись, он убьет тебя, отыграется на тебе. Ты ослаблена, едва держишься на ногах. Ты погибнешь, Йеннифэр.

– Это мой риск! – яростно крикнула она. – Какое тебе дело до того, что станет со мной? Подумай лучше о том, что джинн может дать тебе! У тебя в запасе еще одно желание! Ты можешь пожелать что угодно! Воспользуйся возможностью! Используй ее, ведьмак! Ты можешь иметь все! Все! 13

– Они погибнут оба? – завыл Лютик. – Как это? Господин Крепп или как вас там... Почему? Ведь ведьмак... Почему, я просто слов не нахожу, он не бежит? Почему? Что его там держит? Это же глупо...

– Глупо и бессмысленно, – горько проговорил Хиреадан. – Совершенно.

– Самоубийство и обыкновенный идиотизм!

– Это его профессия, – вставил Невилл. – Ведьмак спасает мой город. Призываю богов в свидетели: если он победит волшебницу и прогонит демона, я щедро его вознагражу...

Лютик сорвал с головы шапочку, украшенную пером цапли, плюнул на нее, кинул в грязь и растоптал, повторяя при этом самые разные слова на самых разных языках.

– Но ведь он... – вдруг простонал бард. – У него же в запасе есть еще одно желание. Он мог бы спасти и ее, и себя! Господин Крепп!

– Все не так просто, – задумался богослужитель. – Но если бы он как-то связал свою судьбу с судьбой... Нет, не думаю, чтобы он догадался. И лучше, пожалуй, чтобы не догадался. 14

– Желание, Геральт! Скорее! Чего ты желаешь? Бессмертия? Богатства? Славы? Власти? Моущества? Почестей? Скорее, у нас нет времени!

Он молчал.

– Ты хочешь стать человеком, – вдруг сказала она, мерзко усмехаясь. – Я угадала, верно? Вот чего ты хочешь, вот о чем мечтаешь! О высвобождении, о свободе, возможности быть тем, кем хочешь, а не тем, кем быть вынужден. Джинн исполнит это желание, Геральт. Выскажи его.

Геральт молчал.

Она стояла над ним в мигающем свете волшебного шара, в магическом свете, в розблесках удерживающих джинна лучей, с развевающимися волосами и горящими фиолетовым огнем глазами, выпрямившаяся, стройная, черная, страшная...

И прекрасная.

Она резко наклонилась, взглянула ему в глаза. Он почувствовал аромат сирени и крыжовника.

– Молчишь? Так вот чего ты желаешь, ведьмак! Вот каково твое самое потаенное желание! Ты не знаешь или не можешь решиться? Поищи в себе, поищи глубоко и тщательно, ибо, клянусь Силой, другой возможности тебе не представится!

А он вдруг обрел истину. Он знал. Знал, кем она была когда-то. О чем помнила, о чем не могла забыть, с чем жила. Кем была в действительности, прежде чем стала волшебницей.

Потому что на него смотрели холодные, пронизывающие, злые и мудрые глаза горбуны.

Он ужаснулся. Нет, не от осознания правды. Он ужаснулся от того, что она читает его мысли, знает, что он угадал. И никогда ему этого не простит. Он приглушил в себе эту мысль, убил ее, выкинул из памяти навсегда, без следа, чувствуя при этом огромное облегчение. Чувствуя, что...

Потолок лопнул. Джинн, опутанный сетью уже угасающих лучей, повалился прямо на них, рыча, и в рычании этом было торжество и жажда убийства. Йеннифэр кинулась ему навстречу, из ее рук вырвался свет. Очень слабый свет.

Джинн разинул пасть и протянул к ней лапы. А ведьмак вдруг понял, чего хочет.

И выговорил желание. 15

Дом взорвался, кирпичи, балки и доски взлетели вверх в туче дыма и искр. Из пыли выплыл джинн, огромный, как овин. Рыча и заливаясь торжествующим хохотом, гений Воздуха – д'йини, уже не связанный никакими обязательствами и ничьей волей, проделал над городом три круга, сорвал шпиль с башни ратуши, взмыл в небо и улетел, пропал, исчез.

– Убежал! Убежал! – воскликнул богослужитель Крепп. – Ведьмак добился своего! Гений улетел! Больше он никому не угрожает!

– Ах, – произнес Эррдиль с искренним восхищением. – Какие красочные развалины!

– Черт! Черт! – крикнул Лютик, скорчившись за стеной. – Развалился весь дом! Выжить не мог никто! Это говорю вам я, Лютик!

– Ведьмак Геральт из Ривии пожертвовал собой ради спасения города, – торжественно проговорил ипат Невилл. – Мы не забудем его, мы почтим его. Мы подумаем о памятнике...

Лютик стряхнул с рукава кусок заляпанного глиной тростникового мата, отряхнул курточку от хлопьев смоченной дождем штукатурки, взглянул на ипата и несколькими тщательно подобранными словами высказал свое мнение о жертве, почестях, памяти и всех памятниках мира. 16

Геральт осмотрелся. Из дыры в потолке медленно капала вода. Кругом валялся хлам и кучи деревяшек. По странной случайности то место, где лежали они, было совершенно чистым. На них не упала ни одна доска, ни один кирпич. Все было так, словно их охранял невидимый щит.

Йеннифэр, слегка покрасневшая, опустилась рядом, уперев руки в колени.

– Ведьмак, – кашлянула она. – Ты жив?

– Жив. – Геральт отер пыль с лица, свистнул.

Йеннифэр медленным движением коснулась его запястья, нежно провела пальцами по ладони.

– Я тебя обожгла...

– Мелочь. Несколько пузырей...

– Прости. Знаешь, джинн убрался. Окончательно и бесповоротно.

– Ты жалеешь?

– Не очень.

– Ну и хорошо. Помоги мне встать, пожалуйста.

– погоди, – прошептала она. – А твоё желание... Я слышала, чего ты пожелал. Я одурела, просто одурела. Всего я могла ожидать, только... Что тебя заставило так поступить, Геральт? Почему... Почему я?

– Не знаешь?

Она наклонилась, он почувствовал на лице прикосновение её волос, пахнущих сиренью и крыжовником, и вдруг понял, что никогда не забудет этого аромата, этого мягкого прикосновения, понял, что никогда уже не сможет сравнить их с другими запахами и другими прикосновениями. Йеннифэр поцеловала его, и он понял, что никогда не пожелает других губ, кроме этих мягких, влажных и сладких от помады. Он вдруг понял, что с этой минуты для него будет существовать только она, её шея, её руки и грудки, высвободившиеся из-под чёрного платья, её нежная, прохладная кожа, не сравнимая ни с одной из тех, которых он касался. Он видел совсем рядом её фиалковые глаза, прекраснейшие глаза в мире, глаза, которые, он так этого боялся, станут для него...

...всем. Он знал это.

– Твоё желание, – шепнула она, приложив губы к самому его уху. – Не знаю, может ли вообще исполниться твоё желание. Не знаю, существует ли в Природе Сила, способная исполнить такое желание. Но если может, то ты приговорил себя. Приговорил себя... ко мне.

Он прервал её поцелуем, объятием, прикосновением, лаской, ласками, а потом уже всем, всем собою, каждою своею мыслью, единственной мыслью, всем, всем, всем. Они прервали тишину вздохами и шелестом раскидываемой по полу одежды, прервали тишину очень мягко и неторопливо, обстоятельно, заботливо и нежно, и хотя оба не очень-то знали, что такое заботливость и нежность, это свершилось, ибо они очень того хотели. И вообще они не спешили – и весь мир вокруг перестал существовать, перестал существовать на краткий, совсем краткий миг, а им казалось, что это была целая вечность, потому что это действительно была целая вечность.

А потом мир снова возник, но теперь он существовал уже совершенно по-другому.

– Геральт?

– Ммм...

– И что теперь?

– Не знаю.

– Я тоже не знаю. Потому что, понимаешь, я... Я не уверена, стоило ли тебе обречь себя на меня. Я не умею... Подожди, что ты делаешь... Я хотела тебе сказать...

– Йеннифэр... Йен...

– Йен, – повторила она, полностью подчиняясь ему. – Никто никогда меня так не называл. Скажи еще раз, пожалуйста, ну скажи.

– Йен...

– Геральт... 17

Дождь прекратился. Над Риндой загорелась радуга, она пересекла небо оборванной многоцветной дугой. Казалось, она вырастает прямо из разрушенной крыши корчмы.

– О боги, – буркнул Лютик. – Какая тишина... Они мертвы, говорю вам. Или поубивали друг друга, или мой джинн их прикончил.

– Надо бы взглянуть, – сказал Вратимир, вытирая лоб помятой шапкой. – Они могут быть ранены. Может, вызвать медика?

– Уж скорее могильщика, – сказал Крепп. – Знаю я этих колдуний, да и у ведьмака в глазах тоже чертики бегали. Что поделаешь, надо копать на жальнике две могилы. Правда, эту Йеннифэр я посоветовал бы перед захоронением проткнуть осиновым колом.

– Какая тишина, – повторил Лютик. – Только что доски летали, а теперь мертвая тишина, слышно, как муха пролетит.

Они подошли к развалинам будущей корчмы. Осторожно и медленно.

– Пусть столяр готовит гробы, – сказал Крепп. – Скажите столяру.

– Тише, – прервал Эррдиль. – Я что-то слышал. Что это было, Хиреадан?

Эльф откинул волосы с остроконечного уха, наклонил голову.

– Не уверен... Подойдем поближе.

– Йеннифэр жива, – вдруг сказал Лютик, напрягая свой музыкальный слух. – Я слышал, как она застонала. О, снова!

– Верно, – подтвердил Эррдиль. – Я тоже слышал. Застонала. Вероятно, ужасно страдает. Хиреадан, куда ты! Поберегись!

Эльф осторожно заглянул в разбитое окно и тут же отпрянул.

– Пошли отсюда, – сказал он кратко. – Не будем им мешать.

– Так они оба живы? Хиреадан? Что они там делают?

– Пошли отсюда, – повторил эльф. – Оставим их ненадолго вдвоем. Пусть останутся, она, он и его последнее желание. Переждем в какой-нибудь корчме, пройдет немного времени, и они к нам присоединятся. Оба.

– Нет, что они там делают? – заинтересовался Лютик. – Скажи же, черт побери!

Эльф улыбнулся. Очень, очень грустно.

– Не люблю громких слов, – сказал он. – Но другими словами этого не передать.

Глас рассудка VII

1

На поляне в полном вооружении, без шлема, в откинута на плечо карминовом плаще Ордена стоял Фальвик. Рядом, скрестив руки на груди, – плотный бородатый краснотел в лисьей шубе, кольчуге и шлеме с бармицей из железных колец. Тайлес, без доспехов, в коротком стеганом камзоле, медленно прохаживался, время от времени помахивая обнаженным мечом.

Ведьмак осмотрелся, остановил коня. Кругом посверкивали полулаты и плоские каски окружавших поляну вооруженных пиками солдат.

– Дьявольщина, – проворчал Геральт. – Можно было ожидать.

Лютик развернул коня, тихо выругался, увидев отрезающих им отход пикинеров.

– В чем дело, Геральт?

– Ни в чем. Держи рот на замке и не вступай. Я попробую как-нибудь отбрезаться.

– Я спрашиваю, в чем дело? Снова приключение?

– Заткнись.

– Глупая была мыслишка съездить в город, – простонал трубадур, поглядывая на выступающие над лесом недалекие башенки храма. – Надо было сидеть у Нэннеке и не высовывать носа...

– Я же сказал, заткнись. Вот увидишь, все выяснится.

– Не похоже.

Лютик был прав. Не походило. Тайлес, размахивая мечом, продолжал расхаживать, не глядя на них. Солдаты, опершись на пики, глядели угрюмо и равнодушно, с минами профессионалов, у которых убийство не вызывает усиленного выделения адреналина.

Геральт и Лютик слезли с коней. Фальвик и краснотел медленно подошли.

– Вы оскорбили благородного Тайлеса, ведьмак, – сказал граф без предисловий и требуемых обычаем приветствий. – А Тайлес, как вы, вероятно, помните, бросил вам перчатку. На территории храма не годилось настаивать, поэтому мы подождали, пока вы выглянете из-под юбки богослужительницы. Тайлес ждет. Вы должны биться.

– Должен?

– Должны.

– А вам не кажется, господин Фальвик, – криво усмехнулся Геральт, – что благородный Тайлес оказывает мне слишком много чести? Я не имел удовольствия быть посвященным в рыцари, а что до рождения, то уж лучше не вспоминать о сопутствовавших ему обстоятельствах. Боюсь, вряд ли я достоин того, чтобы... Как это говорится, Лютик?

– Недостаточно достоин того, чтобы дать сатисфакцию и сойтись на ристалище, –

продекламировал поэт, раздувая щеки. – Рыцарский кодекс гласит...

– Капитул Ордена руководствуется собственным кодексом, – прервал Фальвик. – Если б рыцаря Ордена вызвали вы, он мог бы отказать вам в сатисфакции либо нет, в зависимости от своего желания. Однако дело обстоит иначе: рыцарь вызывает вас, а тем самым поднимает до своего уровня, разумеется, исключительно на время, необходимое для того, чтобы смыть оскорбление. Вы не можете отказаться. Отказ временно сравняться с ним в достоинстве делает вас недостойным.

– Весьма логично, – сказал Лютик, состроив чисто обезьянью рожицу. – Похоже, вы изучали философов, благородный рыцарь.

– Не лезь. – Геральт поднял голову, взглянул в глаза Фальвику. – Докончите, рыцарь. Я хотел бы знать, к чему вы клоните. Что произойдет, если я вдруг окажусь... недостойным?

– Что произойдет? – Фальвик ехидно усмехнулся. – А то произойдет, что я прикажу повесить тебя на суку, негодяй.

– Спокойнее, – вдруг хрипло проговорил краснолюд. – Без нервов, господин граф. И без оскорблений, лады?

– Не учи меня манерам, Кранмер, – процедил рыцарь. – И помни, князь отдал тебе приказания, которые ты должен исполнять скрупулезно.

– Это вы не учите меня, граф. – Краснолюд положил руку на засунутый за пояс обоюдоострый топор. – Я знаю, как исполнять приказы, обойдусь без поучений. Господин Геральт, разрешите. Я Деннис Кранмер, капитан стражи князя Эреварда.

Ведьмак чопорно поклонился, глядя краснолюдю в глаза, светло-серые, отливающие сталью под палевыми кустистыми бровями.

– Удовлетворите желание Тайлеса, господин ведьмак, – спокойно продолжал Деннис Кранмер. – Так будет лучше. Цель – не убить, а лишь обезоружить противника. Примите вызов и позвольте ему вас обезоружить.

– Простите, что сделать? Не понял.

– Рыцарь Тайлес – любимец князя, – сказал Фальвик, зловеще улыбаясь. – Если ты, выродок, коснешься его в ходе поединка мечом, будешь наказан. Капитан Кранмер арестует тебя и доставит пред ясные очи его высочества. Для наказания. Таков приказ.

Краснолюд даже не взглянул на рыцаря, он не отрывал от Геральта своих холодных стальных глаз. Ведьмак слабо, но достаточно презрительно улыбнулся.

– Если я верно понял, – сказал он, – я должен согласиться на поединок, ибо, если откажусь, меня повесят. Если же буду драться, то должен позволить противнику меня искалечить, потому как ежели раню его я, то меня колесуют. Сплошь радостные перспективы. А может, облегчить вам дело? Удариться башкой о ствол сосны и самому себя... разоружить? Вас это устроит?

– Без шуточек, – прошипел Фальвик. – Не ухудшай своего положения. Ты оскорбил Орден, бродяга, и должен быть наказан, надеюсь, дошло? А юному Тайлесу нужна слава победителя ведьмака, поэтому Капитул решил предоставить ему такую возможность. Иначе бы ты уже висел. Дашь себя победить – сохранишь свою поганую жизнь. Нам не нужен твой труп, мы хотим, чтобы Тайлес оставил отметку на твоей шкуре. А твоя шкура, шкура мутанта, зарастает быстро. Ну, поехали. Решай, выбора у тебя нет.

– Вы так думаете, господин граф? – Геральт усмехнулся еще противнее, оглянулся, прошелся по солдатам оценивающим взглядом. – А я думаю, есть.

– Да, это правда, – признал Деннис Кранмер. – Есть. Но тогда прольется кровь, много крови. Как в Блавикене. Вы этого хотите? Вы хотите отяготить совесть кровью и смертью? Потому что выбор, о котором вы думаете, господин Геральт, это кровь и смерть.

– Аргументируете очаровательно, даже пленительно, – пошутил Геральт. – Человека, на которого напали в лесу, вы пытаетесь взять на гуманизм, обращаетесь к его высшим чувствам. Просите, как я понял, не проливать кровь напавших на меня разбойников? Гляжу я на ваших пикинеров и вижу, как дрожат у них коленки при одной только мысли о драке с Геральтом из Ривии, ведьмаком, который управляется с упырями голыми руками. Здесь не прольется ни капли крови, никто ничуть не пострадает. За исключением тех, кто сломает ноги, удирая в город.

– Я, – спокойно проговорил краснолюд и молодцевато задрал бороду, – не могу сказать ничего плохого о своих коленях. До сих пор я не убегал ни от кого и привычек не изменю. Я не женат, о детях ничего не знаю, да и мать, малознакомую мне женщину, предпочел бы не втягивать в эту историю. Но данные мне приказы выполняю. Как всегда, скрупулезно. Не обращаясь ни к каким чувствам, ни к высшим, ни к низшим, прошу вас, господин Геральт из Ривии, принять решение. Я соглашусь с любым и поведу себя соответственно.

Они глядели друг другу в глаза, краснолюд и ведьмак.

– Ну хорошо, – сказал наконец Геральт. – Давайте кончать. Жаль терять день.

– Стало быть, согласен. – Фальвик поднял голову, глаза у него заблестели. – Согласен на поединок с благородным Тайлесом из Дорндаля?

– Да.

– Прекрасно. Приготовьтесь.

– Я готов. – Геральт натянул перчатку. – Не будем терять времени. Лютик, сохраняй спокойствие. Ты к этому вообще не имеешь никакого отношения. Правда, господин Кранмер?

– Абсолютно, – твердо сказал краснолюд и поглядел на Фальвика. – Абсолютно, господин Геральт. Как бы там ни было, это касается только вас.

Ведьмак вытянул меч из-за спины.

– Нет, – сказал Фальвик, доставая свой. – Своей бритвой ты драться не будешь. Возьми мой.

Геральт пожал плечами. Взял оружие графа и махнул им для пробы.

– Тяжелый, – отметил он холодно. – С таким же успехом можно биться заступами.

– У Тайлеса такой же. Шансы равные.

– Ах, вы такой шутник, рыцарь Фальвик. Ну невероятный!

Солдаты окружили поляну редкой цепью. Тайлес и ведьмак встали друг против друга.

– Господин Тайлес? Не желаете ли извиниться?

Рыцаренок стиснул зубы, заложил левую руку за спину, замер в позиции фехтовальщика.

– Нет? – усмехнулся Геральт. – Не послушаетесь гласа рассудка? Жаль.

Тайлес присел, прыгнул, напал молниеносно, без предупреждения. Ведьмак даже не подумал парировать, отклонился от плоского удара быстрым полуоборотом. Рыцаренок широко размахнулся, клинок снова рассек воздух. Геральт ловким пируэтом вышел из-под острия, мягко отскочил, сделал короткий финт и выбил Тайлеса из ритма. Тайлес выругался, рубанул широко, справа, на мгновение потерял равновесие, попытался восстановить, неловко и высоко заслонившись мечом. Ведьмак ударил со скоростью и силой молнии, саданул напрямую, выбросил руку на всю длину. Тяжелое оружие со звоном столкнулось с клинком Тайлеса так, что тот сильно ударил рыцаря по лицу. Тайлес взвыл, упал на колени и коснулся лбом травы. Фальвик подбежал к нему. Геральт воткнул меч в землю и отвернулся.

– Стража! – выкрикнул Фальвик. – Взять его!

– Стоять! Ни с места! – крикнул Деннис Кранмер, кладя руку на топор.

Солдаты замерли.

– Нет, граф, – медленно сказал краснотел. – Я всегда выполняю приказы... скрупулезно. Ведьмак не дотронулся до рыцаря Тайлеса. Мальчишка ударился о собственную сталь. Ему не повезло.

– У него ранено лицо! Он обезображен на всю жизнь!

– Кожа срывается. – Деннис Кранмер уставился на ведьмака стальными глазами и обнажил в улыбке зубы. – А рубец? Рубцы для рыцаря – почетная память, повод для славы и хвалы, которых так желал ему Капитул. Рыцарь без шрама – пшик, не рыцарь. Спросите его, граф, убедитесь, что он рад.

Тайлес крутился на земле, плевался кровью, стонал и выл, вовсе не походя на обрадованного.

– Кранмер! – рявкнул Фальвик, вырывая свой меч из земли. – Ты пожалеешь об этом, клянусь!

Краснотел отвернулся, медленно вытащил из-за пояса топор, откашлялся и сочно поплевал в правую руку.

– Ох, господин граф, – проскрипел он. – Не клянитесь напрасно. Терпеть не могу клятв преступников, а князь Эревард дал мне право карать таких с ходу. Я пропущу ваши глупые слова мимо ушей. Но не повторяйте их, убедительно прошу.

– Ведьмак, – Фальвик, задыхаясь от ярости, повернулся к Геральту, – убирайся из Элландера. Немедленно. Тотчас.

– Я редко когда соглашаюсь с ним, – буркнул Деннис, подходя к ведьмаку и отдавая ему меч, – но в данном случае он прав. Уезжайте отсюда как можно скорее.

– Принимаем ваш совет. – Геральт перекинул ремень через плечо. – Но сначала... Мне надо кое-что сказать благородному графу. Господин Фальвик!

Рыцарь Белой Розы нервно заморгал, вытер руки о плащ.

– Возвратимся на минутку к кодексу вашего Капитула, – продолжал ведьмак, стараясь не улыбаться. – Очень меня интересует одно дельце. Если б, положим, я почувствовал себя недовольным и оскорбленным вашим поведением во всей этой афере и если б, допустим, вызвал вас на бой здесь, сейчас, на месте, как бы вы поступили? Сочли бы меня достаточно... достойным того, чтобы скрестить со мной клинки? Или отказались бы, зная, что в таком случае я счел бы вас недостойным даже того, чтобы на вас плюнуть, отхлестать по

морде и дать пинка под зад на глазах кнехтов? А? Граф Фальвик, будьте столь любезны, удовлетворите мое любопытство.

Фальвик побледнел, отступил на шаг, оглянулся. Солдаты избегали его взглядов, Деннис Кранмер скривился, высунул язык и плюнул на солидное расстояние.

– Молчите, – продолжал Геральт, – но я слышу в вашем молчании глас рассудка, господин Фальвик. Вы удовлетворили мое любопытство, а теперь я удовлетворю ваше. Если вас интересует, что будет, ежели Орден пожелает каким-либо образом досадить матери Нэннеке либо ее жрицам и послушницам или же слишком уж грубо обойдется с капитаном Кранмером, то знайте, граф, я отыщу вас и, не посмотрев ни на какой кодекс, выпущу из вас кровь, как из поросенка.

Рыцарь побледнел еще сильнее.

– Не забывайте о моем обещании, господин Фальвик. Пошли, Лютик. Нам пора. Бывай, Деннис.

– Успеха, Геральт, – широко улыбнулся краснолюд. – Бывай! Рад нашей встрече, надеюсь, не последней.

– Взаимно, Деннис. Стало быть, до свидания.

Они нарочито медленно, не оглядываясь, отъехали. На рысь перешли только когда скрылись в лесу.

– Геральт, – вдруг проговорил поэт, – полагаю, мы не поедем прямо на юг? Думаю, надо обойти стороной Элландер и владения Эреварда. А? Или ты намерен продолжать спектакль?

– Нет, Лютик, не намерен. Поедем лесами, потом свернем на Купеческий тракт. Помни, при Нэннеке о сегодняшней драке ни слова. Ни словечка.

– Надеюсь, мы отправимся сразу же?

– Немедленно. 2

Геральт наклонился, проверил исправленную скобу стремени, подогнал еще не размявшийся и туго идущий в пряжке стременной ремень. Подправил подпругу, суммы, скатанную за седлом попону и притороченный к ней серебряный меч. Нэннеке неподвижно стояла рядом, скрестив руки на груди.

Подошел Лютик, ведя под уздцы своего темно-гнедого мерина.

– Благодарим за гостеприимство, уважаемая, – серьезно сказал он. – И уж не злись на меня. Я ведь все равно знаю, что ты меня любишь.

– Конечно, – серьезно ответила Нэннеке. – Люблю тебя, шалопая, хоть и сама не знаю, за что. Ну, будьте...

– До встречи, Нэннеке.

– До встречи, Геральт. Следи за собой.

Ведьмак горько улыбнулся.

– Предпочитаю следить за другими. Это вообще-то полезнее.

Из-за храма, из-за оплетенных плющом колонн вышла Иоля в сопровождении двух младших послушниц. Она несла сундучок ведьмака. Иоля неловко избегала его взгляда, смущенная улыбка то появлялась, то сбежала с ее веснушчатой, пухленькой, покрытой румянцем мордашки. Сопровождающие ее послушницы не скрывали многозначительных взглядов, с трудом удерживаясь, чтобы не рассмеяться.

– Великая Мелитэле, – вздохнула Нэннеке. – Целая прощальная процессия. Возьми сундучок, Геральт. Я пополнила запасы твоих эликсиров, там все, чего не доставало. И то лекарство, знаешь, о чем я. Принимай регулярно каждые две недели. Не забывай. Это важно.

– Не забуду. Благодарю, Иоля.

Девушка опустила голову, подала ему сундучок. Ей так сильно хотелось что-то сказать. Но она не знала, что именно, какие слова произнести. И не знала, что сказала бы, если б могла. Не знала. И хотела.

Их руки соприкоснулись.

Кровь. Кровь. Кровь. Кости словно белые поломанные пруты. Сухожилия словно белесые шпагаты, вырывающиеся из-под кожи, раздираемой огромными, ошетиившимися лапами и острыми зубами. Ужасный звук разрываемого тела и крик – бесстыдный и ужасающий в своем бесстыдстве. В бесстыдстве конца. Смерти. Кровь и крик. Крик. Кровь. Крик...

– Иоля!!!

Нэннеке с невероятной при ее комплекции скоростью припала к лежащей на земле, напрягшейся, сотрясаемой конвульсиями девушке, придерживая ее за плечи и волосы. Одна из послушниц остановилась словно громом пораженная, другая, более скорая, опустилась на колени в ногах Иоли. Иоля выгнулась дугой, раскрыв рот в беззвучном крике.

– Иоля! – кричала Нэннеке. – Иоля! Говори! Говори, детка! Говори!

Девушка напряглась еще сильнее, закусил губу, тонкая струйка потекла по ее щеке. Нэннеке, покраснев от усилия, крикнула что-то, чего ведьмак не понял, но его медальон рванул шею так, что он непроизвольно наклонился, согнутый, придавленный невидимым грузом.

Иоля застыла.

Лютик, бледный как полотно, громко вздохнул. Нэннеке поднялась с колен. С трудом. Медленно.

– Заберите ее, – бросила она послушницам. Их было уже больше, они сбежались, серьезные, изумленные и молчаливые.

– Заберите ее, – повторила жрица. – Осторожно. И не оставляйте одну. Я сейчас приду.

Она повернулась к Геральту. Ведьмак стоял неподвижно, теребя поводья вспотевшей рукой.

– Геральт... Иоля...

– Молчи, Нэннеке.

– Я тоже это видела... Мгновение. Геральт, не уезжай.

– Я должен.

– Ты видел... видел это?

– Да. Не в первый раз.

– И что?

– Нет смысла оглядываться назад.

– Не уезжай, прошу тебя.

– Я должен. Займись Иолей. До свидания, Нэннеке.

Жрица медленно покачала головой, хлюпнула носом и вытерла рукой слезу резким, отрывистым движением.

– Прощай, – шепнула она, глядя ему в глаза.

Меч предназначения

Предел возможного

1

– Повторяю: он оттуда не выйдет, – убежденно сказал прыщавый, качая головой. – Уже час с четвертью, как залез. Ему конец.

Столпившиеся у развалин жители молчали, уставившись на чернеющее в руинах отверстие – заваленный камнями вход в подземелье. Толстяк в желтой суконной куртке переступил с ноги на ногу, кашлянул, снял с головы берет.

– Погодим еще, – сказал он, вытирая пот с реденьких бровей.

– А чего годить-то? – фыркнул прыщавый. – Там в подвалах он и сидит, василиск-то, аль забыли, солтыс? Кто войдет, тому и конец. Мало людей, что ль, погибало? Чего ждать-то?

– Мы ж договаривались, – неуверенно проворчал толстяк. – Как же так?

– С живым договаривались-то, солтыс, – проговорил спутник прыщавого, гигант в кожаном фартуке резника. – А теперича он мертв, это уж как пить дать. Сызначала было ведомо, на смерть идет, как и другие до него. Он и зеркала не прихватил, с одним мечом полез. А без зеркала – знамо дело – василиска не прибьешь.

– Считайте, сэкономили гроши, – добавил прыщавый. – Потому как платить за василиска теперя некому. Идите спокойно домой. А коня и колдуньино хозяйство мы возьмем, не пропадать же добру.

– Оно, конечно, так, – сказал резник. – Упитанная кобыла, да и вьюки плотно набиты. Глянем, что внутри.

– Как же так? Разве ж можно?

– Молчите, солтыс, и не встревайте, а то шишку заработаете, – предостерег прыщавый.

– Упитанная кобылка-то, – повторил резник.

– Оставь коня в покое, дорогуша.

Резник медленно обернулся к чужаку, который вышел из-за излома стены, из-за спин людей, скопившихся вокруг входа в подземелье.

У чужака были густые вьющиеся каштановые волосы, коричневая накидка поверх посаженного на вату кафтана, высокие сапоги верхового. И никакого оружия.

– Отойди от коня, – повторил он, ядовито усмехаясь. – Это как же? Чужой конь, чужая собственность, а ты уставился на нее своими слезящимися глазенками, тянешься к ней паршивой лапой? Это порядок?

Прыщавый, медленно засовывая руку за пазуху куртки, глянул на резника. Резник кивнул, указал головой на группку, из которой вышли еще двое. Плотные, стриженные. У обоих в руках дубинки, которыми на бойнях оглушают животных.

– Это кто ж ты такой, – спросил прыщавый, не вынимая руки из-за пазухи, – чтобы указывать нам, что порядок, а что нет?

– А тебе какое дело, дорогуша?

– Оружия не носишь?

– Верно. – Чужак усмехнулся еще ядовитее. – Не ношу.

– А зря. – Прыщавый вытащил руку из-за пазухи. В руке был длинный нож. – Вовсе даже зря не носишь-то.

Резник тоже вытащил нож, похожий на охотничий. Те двое шагнули вперед, поднимая дубинки.

– А мне как-то ни к чему, – сказал чужак, не двигаясь с места. – Мое оружие ходит следом.

Из-за развалин, мягко, уверенно ступая, вышли две девушки. Толпа незамедлительно расступилась, попятилась, поредела.

Девушки улыбались, сверкая зубами, щуря глаза, от уголков которых к ушам бежали широкие синие полосы татуировки. Мускулы играли на крепких бедрах, вырисовывающихся под рысьими шкурами, и на нагих круглых предплечьях повыше перчаток из кольчужной сетки. За спинами, тоже прикрытыми кольчужкой, торчали рукояти сабель.

Прыщавый постепенно, медленно согнул ноги в коленях, упустил нож на землю.

Из дыры в развалинах донесся грохот камней, скрежет, затем из тьмы вынырнули две руки, вцепившиеся в выщербленный край стены. Вслед за руками появилась голова с белыми, припорошенными кирпичной пылью волосами, затем бледное лицо и наконец рукоять меча, выступающая над плечом. Толпа шумела.

Белоголовый, горбатясь, вытащил из дыры удивительное существо – странное тело, покрытое пылью, напитавшейся кровью. Держа существо за длинный ящерный хвост, он молча бросил его к ногам тучного солтыса. Солтыс отскочил, споткнувшись о валяющийся кусок стены и не сводя глаз с искривленного птичьего клюва, перепончатых крыльев и серповидных когтей на чешуйчатых лапах.

– Василиск, – произнес белоголовый, отряхивая брюки от пыли. – Как договаривались. Извольте мои двести линтаров. Настоящих линтаров, не шибко фальшивых! Предупреждаю – проверю.

Солтыс дрожащими руками извлек мешочек. Белоголовый осмотрелся, на мгновение задержал взгляд на прыщавом, на валяющемся у его ног ноже, потом перевел взгляд на мужчину в коричневой накидке, на девушек в рысьих шкурах.

– Как всегда, – сказал он, принимая кошель из дрожащих рук солтыса. – Я для вас жизнью рискую ради паршивых денег, а вы тем временем подбираетесь к моим вещичкам. Никогда, пропади вы пропадом, не изменитесь.

– Мы не трогали, – забормотал резник, птясь. Двое с дубинками уже давно растворились в толпе. – Не трогали мы ваши вещи, милсдарь.

– Весьма рад, – усмехнулся белоголовый. При виде его улыбки, расцветающей на бледном лице как распускающаяся роза, толпа стала быстро рассеиваться. – И потому, братец, я тебя тоже не трону. Иди с миром. Только быстро.

Прыщавый, птясь, собрался бежать. Прыщи неприятно выделялись на его побледневшей физиономии.

– Эй, погоди-ка, – бросил ему человек в коричневой накидке. – Ты кое о чем забыл.

– О чем, милсдарь?

– Ты поднял на меня нож.

Одна из девушек, та, что повыше, вдруг качнулась на широко расставленных ногах и развернулась. Сабля, выхваченная неведомо когда, резко просвистела в воздухе. Голова прыщавого взмыла и по крутой дуге упала в зияющий провал, ведущий в подземелья. Тело быстро и тяжело, как срубленный ствол, рухнуло в кирпичный бой. Толпа ахнула. Вторая девушка, держа руку на рукояти сабли, ловко обернулась, защищая тыл. Это было ни к чему. Люди, спотыкаясь и кувыркаясь на развалинах, мчались что было сил к городку. Впереди внушающими уважение прыжками неся солтыс, всего на несколько сажен опережая огромного резника.

– Прекрасный удар, – холодно прокомментировал белоголовый, рукой в черной перчатке прикрывая глаза от солнца. – Прекрасный удар зерриканской саблей. Склоняю голову пред ловкостью и красотой свободных воительниц. Я – Геральт из Ривии.

– А я, – незнакомец в коричневой накидке указал на грудь, где красовался выцветший герб в виде трех черных птиц, сидящих рядком на однотонном золотом поле, – Борх по прозвищу Три Галки. А это мои девочки, Тэя и Вэя. Так их называю я, об их настоящие имена можно язык сломать. Обе, как вы догадались, зерриканки.

– Если б не они, я, похоже, остался бы и без коня, и без имущества. Благодарю вас, воительницы. Благодарю и вас, благородный господин Борх.

– Три Галки. И никаких господ. Тебя что-нибудь держит в здешних краях, Геральт из Ривии?

– Отнюдь.

– Прекрасно. Предлагаю: тут неподалеку, на перекрестье дороги к речному порту, есть трактир, «Под Задумчивым Драконом» называется. Тамошней кухне нет равных на сто верст окрест. Я как раз направляюсь туда перекусить и заночевать. Буду рад, если составишь компанию.

– Борх, – белоголовый отвернулся от коня, глянул в светлые глаза незнакомца, – не хочу, чтобы между нами вкралась какая-либо неясность. Я – ведьмак.

– Догадываюсь. А произнес ты это так, будто сообщил: я – прокаженный.

– Встречаются и такие, – медленно проговорил Геральт, – что предпочитают компанию прокаженных обществу ведьмака.

– Есть и такие, – засмеялся Три Галки, – которые предпочитают овец девушкам. Что ж, им можно только посочувствовать. И тем и другим. Повторяю предложение.

Геральт снял перчатку, пожал протянутую ему руку.

– Принимаю. Рад знакомству.

– Ну так в путь. Я голоден как волк. 2

Трактирщик протер тряпкой шершавые доски стола, поклонился и улыбнулся. У него не доставало двух передних зубов.

– Та-а-ак. – Три Галки какое-то время разглядывал закопченный потолок и копошащихся под ним пауков. – Та-а-ак... Для начала... Для начала пиво. Ну, чтобы дважды не ходить, полный бочонок. А к пиву... Что можешь предложить к пиву, дорогуша?

– Сыр? – рискнул трактирщик.

– Не-а, – поморщился Борх. – Сыр будет на десерт. К пиву надо бы что-нибудь кисленького и остренького.

– Тогда так. – Трактирщик улыбнулся еще шире. Два передних зуба были не единственными, которых у него не доставало. – Угорьки с чесноком в масле и уксусе либо маринованные стручки зеленого перца.

– Порядок. И то и другое. А потом суп, такой, как я когда-то тут едал, в нем еще плавали разные там улиточки, рыбки и другая шикарная дрянь.

– Уха плотогонов?

– Во-во. А потом печенку с яичницей и луком. А потом кучу раков. Укропу засыпь в котел сколько влезет. А потом сыр и салат. А потом... ну, там видно будет.

– К вашим услугам. Для всех? Четыре раза, стало быть?

Зеррикanka что повыше отрицательно покачала головой, многозначительно похлопала себя по талии, обернутой плотно прилегающей льняной рубашкой.

– Забыл! – Три Галки подмигнул Геральту. – Девочки блюдут линию. Хозяин, печенку только для нас. Пиво давай сразу, вместе с угорьками. С остальным маленько повремени, чтоб не стыло. Мы пришли не обжираться, а просто провести время в приятной беседе.

– Понято. – Трактирщик снова поклонился.

– Расторопность – важная штука в твоём деле. Давай руку, дорогуша.

Звякнули золотые монеты. Трактирщик разинул рот до предела возможного.

– Это не аванс, – сообщил Три Галки. – Это за понятливость. А теперь жми на кухню, парень.

В эркере было тепло. Геральт расстегнул пояс, сбросил кафтан и закатал рукава рубахи.

– Похоже, – сказал он, – ты не страдаешь отсутствием наличных. Живешь привилегиями

рыцарства?

– Частично, – усмехнулся Три Галки, не входя в детали. – Частично.

Быстро управились с угорьками и четвертью бочонка. Зерриканки тоже не скромничали, явно повеселели и начали перешептываться. Взя, та, что повыше, вдруг рассмеялась.

– Девочки говорят на всеобщем? – тихо спросил Геральт, косясь на них краешком глаза.

– Слабо. И не болтливы. Что похвально. Ну как тебе суп, Геральт?

– Угу...

– Выпьем?

– Угу...

– Геральт, – Три Галки отложил ложку и воспитанно рыгнул, – вернемся ненадолго к нашему дорожному разговору. Я понял, что ты, ведьмак, путешествуешь с одного конца света на другой, а по пути, если попадется какое-нибудь чудовище, убиваешь. И на это живешь. В том и состоит ведьмачья профессия?

– Более-менее.

– А случается, что тебя специально куда-нибудь вызывают? Ну, скажем, по особому заказу. И ты едешь и выполняешь?

– Зависит от того, кто вызывает и зачем.

– И за сколько?

– Тоже верно. – Ведьмак пожал плечами. – Все дорожает, а жить надо, как говаривала одна моя знакомая колдунья.

– Довольно четкий подход, я бы сказал, очень практичный. А ведь в основе лежит какая-то идея, а, Геральт? Конфликт сил Порядка с силами Хаоса, как говаривал один мой знакомый колдун. Полагаю, ты выполняешь некую миссию, защищаешь людей от зла всегда и везде. Без разбора. Стоишь по четко определенной сторону... частокола.

– Силы Порядка, силы Хаоса. Какие громкие слова, Борх. Тебе обязательно надо поставить меня по какую-то сторону частокола в конфликте, который, как считается, извечен, начался задолго до нас и продлится, когда нас уже не будет. На чьей стороне стоит кузнец, когда подковывает коней? Или наш трактирщик, который уже мчится сюда с чугуном баранины? Что, по-твоему, определяет границу между Хаосом и Порядком?

– Все очень просто. – Три Галки посмотрел ему в глаза. – Хаос есть угроза, сторона агрессивная, Порядок же – сторона, которой угрожают, требуя защиты. Давай выпьем. И возьмемся за агнца.

– Верно!

Блудущие линию зерриканки устроили перерыв, который в ускоренном темпе заполнили пивом. Взя, наклонившись к плечу подруги, снова что-то шепнула, касаясь косичкой столешницы. Тэя, та, что пониже, громко рассмеялась, весело прищуривав татуированные веки.

– Да, – сказал Борх, обгладывая кость. – Продолжим беседу, если не возражаешь. Я понял, ты не стремишься встать на сторону какой-либо из Сил. Просто делаешь свое дело.

– Делаю.

– Но от конфликта между Хаосом и Порядком не убежишь. Ты – не кузнец, хоть и использовал такое сравнение. Я видел, как ты работаешь. Входишь в подземелье в руинах и выносишь оттуда усековенного василиска. Есть, дорогуша, разница между подковыванием лошадей и уничтожением василисков. Ты сказал, что за соответствующую плату помчишься на край света и прикончишь чудовище, на которое тебе укажут. Предположим, свирепого дракона, опустошающего...

– Неудачный пример, – прервал Геральт. – Видишь ли, ты с самого начала напутал с Хаосом и Порядком. Драконов, которые, несомненно, представляют Хаос, я не убиваю.

– Как же так? – Три Галки облизнул пальцы. – Чего это вдруг? Ведь среди всех чудовищ дракон, пожалуй, самый вредный, самый жестокий и самый яростный. Самый что ни на есть отвратный гад. Нападает на людей, пышет огнем и похищает этих, как их, ну, девиц, ежели такие найдутся. Мало, что ли, рассказов слышал? Не может быть, чтобы ты, ведьмак, не записал на свой счет парочку драконов.

– Я не охочусь на драконов, – сухо сказал Геральт. – Вилохвостов, ослизгов, летюг. И на истинных драконов тоже – зеленых, черных, красных. Прими это к сведению, и все тут.

– Ты меня удивил, – сказал Три Галки. – Ну ладно, принял к сведению. Впрочем, повременим с драконами, я вижу на горизонте нечто красное, это, несомненно, наши раки. Выпьем!

Они с хрустом рвали зубами красные панцири, высасывали белое мясо. Сильно щекочущая губы соленая вода бежала даже по кистям рук. Борх наливал пиво, уже задевая черпаком дно бочонка. Зерриканки еще больше развеселились, зыркали глазами по трактиру, зловеще ухмыляясь, ведьмак был уверен, что они ищут повода учинить скандал. Три Галки тоже, видимо, это заметил, потому что вдруг пригрозил им раком, взятым за хвост. Девушки захихикали, а Тэя, выпятив губки будто для поцелуя, сделала глазки – при ее татуированной физиономии картинка была довольно жутенькая.

– Дикие, ну прям лесные коты, – буркнул Три Галки. – За ними нужен глаз да глаз. У них, дорогуша, раз-два – и на полу куча кишок. Но стоят любых денег. Если бы ты знал, на что они способны...

– Знаю, – кивнул Геральт. – Лучшего эскорта не сыскать. Зерриканки – прирожденные воины, их с детства натаскивают на драку.

– Я не о том. – Борх сплюнул на стол рачью лапку. – Я имел в виду, какие они в постели.

Геральт беспокойно глянул на девушек. Обе улыбались. Взя молниеносным, почти незаметным движением потянулась к тарелке. Глядя на ведьмака прищуренными глазами, с хрустом разгрызла панцирь. Ее губы блестели от соленой воды. Три Галки опять громко рыгнул и сказал:

– Итак, Геральт, на драконов ты не охотишься, ни на зеленых, ни на черных, ни на красных. Принял к сведению. А почему, позволь поинтересоваться, только на эти три цвета?

– Четыре, если быть точным.

– Ты упоминал три.

– Тебя интересуют драконы, Борх? Есть какая-то особая причина?

– Нет, просто любопытство.

– Угу. А что до цветов, то так принято классифицировать истинных драконов. Хотя это и не совсем точно. Зеленые драконы, самые распространенные, скорее серые, как обычные ослизги. У красных фактически красноватый или кирпичный цвет. Больших драконов темно-коричневого цвета принято называть черными. Самые редкие – белые драконы, мне такой никогда не встречался. Они держатся далеко на севере. Якобы.

– Интересно. А знаешь, о каких драконах я еще слышал?

– Знаю. – Геральт отхлебнул пива. – О тех же, о которых слышал и я. О золотых. Таких нет.

– Почему ты так утверждаешь? Только потому, что никогда не видел? Белого ты тоже не видел.

– Не в том дело. За морями, в Офире и Зангвебаре, есть белые лошади в черную полосу. Их я тоже никогда не видел, но знаю, что они существуют. А вот золотой дракон – существо мифическое. Легендарное. Как, скажем, феникс. Фениксов и золотых драконов не бывает.

Взя, поставив локти на стол, с интересом глядела на него.

– Надо думать, ты знаешь, о чем говоришь. Ты же ведьмак. – Борх набрал пива из бочки. – Однако, я думаю, у каждого мифа, у каждой легенды должны быть какие-то корни. И у этих корней что-то лежит.

– Лежит, – согласился Геральт. – Чаще всего мечта, желание, тоска. Уверенность, что нет предела возможному. А иногда – случай.

– Именно что случай. Может, когда-то и был золотой дракон, единичная, неповторимая мутация?

– Если и так, то его постигла судьба всех мутантов, – отвернулся ведьмак. – Он чересчур отличался от других, чтобы выжить.

– Ха! – произнес Три Галки. – Теперь ты противоречишь законам природы, Геральт. Мой знакомый колдун говаривал, что в природе у каждого существа есть продолжение, и оно, существо, стало быть, выдюжит тем или иным образом. Конец одного – это начало другого, нет предела возможному, во всяком случае, природе таковые не знакомы.

– Крупным оптимистом был твой знакомый колдун. Только одного он не принял во внимание: ошибки, которую совершила природа. Или те, кто с ней играл. Золотой дракон и другие подобные мутанты если и существовали, то сохраниться не могли. Ибо мешала тому сама природа, предел возможного.

– Что еще за предел?

– Мутанты, – на скулах Геральта заиграли желваки, – мутанты стерильны, Борх. Только в легендах может выжить то, что в природе выжить не может. Только легенде и мифу не ведомы пределы возможного.

Три Галки молчал. Геральт взглянул на девушек, на их вдруг посерьезневшие лица. Взя неожиданно наклонилась к нему, охватила его шею жесткой мускулистой рукой, прикоснулась к щеке губами, влажными от пива.

– Любят они тебя, – медленно проговорил Три Галки. – Пусть меня скособочит, они тебя любят!

– Что тут странного? – грустно улыбнулся ведьмак.

– Ничего. Но это надо обмыть. Хозяин! Еще бочонок!

– Куда ты! Ну, разве что кувшин.

– Два кувшина! – рявкнул Три Галки. – Тэя, я на минуточку выйду.

Зерриканка встала, подняла с лавки саблю, окинула зал тоскливым взглядом. Хоть до того, как заметил ведьмак, несколько пар глаз хищновато разгорелись при виде пухлого кошель, никто не решился выйти вслед за Борхом, нетвердой походкой направлявшимся к выходу во двор. Тэя пожала плечами и последовала за работодателем.

– Как тебя по-настоящему зовут? – спросил Геральт оставшуюся за столом Вэю. Девушка сверкнула белыми зубами. Рубаха у нее была расшнурована почти до пределов возможного. Ведьмак не сомневался, что это очередной вызов залу.

– Альвэаэнэрле.

– Красиво. – Ведьмак был уверен, что зерриканка сложит губки бантиком и подмигнет. И не ошибся. – Вэя?

– А?

– Почему вы ездите с Борхом? Вы, свободные воительницы? Ты можешь ответить?

– Хм...

– Что «хм»?

– Он... – Зерриканка собрала лоб в складки, пытаясь отыскать слово. – Он... самый... красивый.

Ведьмак кивнул. Критерии, на основании которых женщины оценивали привлекательность мужчин, не впервой ставили его в тупик.

Три Галки ввалился в эркер, на ходу застегивая штаны и громко отдавая распоряжения трактирщику. Державшаяся в двух шагах позади Тэя, прикидываясь утомленной, осматривала залу, купцы и плотогоны старательно избегали ее взглядов. Вэя высасывала очередного рака, то и дело бросая на ведьмака многозначительные взгляды.

– Я заказал еще по угрю, теперь жареному. – Три Галки тяжело опустился на стул, позвякивая незастегнутым поясом. – Намучился я с этими раками и вроде бы проголодался. И договорился тут для тебя о ночлеге. Какой смысл тащиться ночью. Еще повеселимся. Ваше здоровье, девочки.

– Vessekheal, – сказала Вэя, подняв кубок. Тэя подмигнула и потянулась, при этом ее захватывающий дух бюст, против ожиданий Геральта, не разорвал рубаху.

– Повеселимся. – Три Галки перегнулся через стол и шлепнул Тэю по заду. – Повеселимся, ведьмак. Эй, хозяин, а ну жми сюда!

Трактирщик быстро прибежал, вытирая руки фартуком.

– Бадья у тебя найдется? Такая, для стирки, крепкая и большая?

– Сколь большая, господин?

– На четверых...

– На... четверых... – Трактирщик разинул рот.

– На четверых, – сказал Три Галки, вынимая из кармана пузатый мешочек.

– Найдется, – облизнулся трактирщик.

– Ну и чудно, – рассмеялся Борх. – Вели отнести ее наверх в мою комнату и наполнить горячей водой. Быстро, дорогуша. И пива вели тоже туда отнести, три кувшина.

Зерриканки захохотали и одновременно подмигнули.

– Которую хочешь? – спросил Три Галки. – Ну? Которую?

Ведьмак поскреб затылок.

– Знаю, трудно выбрать, – с пониманием сказал Три Галки. – Я и сам порой колеблюсь. Ладно, разберемся в бадье. Эй, девочки! Помогите подняться по лестнице! З

На мосту был заслон. Дорогу перегораживало длинное крепкое бревно, лежащее на деревянных козлах. Перед ним и за ним стояли алебардисты в кожаных, украшенных шишками куртках и островерхих шлемах с прикрывающими шею кольчугами. Над дорогой лениво шевелилось пурпурное полотнище со знаком серебряного грифа.

– Что за черт? – удивился Три Галки, шагом подъезжая к бревну. – Проезда нет?

– Грамота есть? – спросил стоявший ближе других алебардист, не вынимая изо рта прутик, который жевал то ли с голоду, то ли ради того, чтобы убить время.

– Какая грамота? Что такое, мор, что ли? Иль война? Кто приказал перекрыть дорогу?

– Король Недамир, властитель Каингорна. – Стражник перебросил прутик в другой угол рта и указал на хоругвь. – Без грамоты в горы не можно.

– Идиотизм какой-то, – сказал Геральт утомленным голосом. – Здесь же не Каингорн, а Голопольские владения. Голополье, а не Каингорн взымает пошлину с мостов через Браа. При чем тут Недамир?

– Не ко мне вопрос. – Стражник выплюнул прутик. – Не мое дело. Мне только грамоту проверить. Хотите – говорите с десятником.

– А где он?

– Вона там, за хозяйством сборщика пошлины на солнышке греется, – сказал алебардист, глядя не на Геральта, а на голые бедра зерриканок, лениво потягивающихся в седлах.

За домом сборщика пошлины на сохнувших бревнах сидел стражник, концом древка алебарды выводящий на песке женщину, вернее, ее фрагмент в весьма своеобразном ракурсе. Рядом, нежно касаясь струн лютни, полулежал худощавый мужчина в надвинутой на глаза фантазийной шапочке сливового цвета, украшенной серебряной пряжкой и длинным, нервно покачивающимся пером цапли.

Геральту были знакомы и эта шапочка, и это перо, известные от Буйны до Яруги в замках, молельнях, на постоялых дворах, в корчмах и борделях. Особенно в борделях.

– Лютик!

– Ведьмак Геральт! – Из-под сдвинутой шапочки выглянули веселые синие глаза. – Надо же! И ты здесь? У тебя, случайно, грамоты нет?

– Да что вы все носитесь с этой грамотой? – соскочил с седла ведьмак. – Что тут происходит, Лютик? Мы хотели перебраться на другой берег Браа, я, рыцарь Борх Три Галки и наше сопровождение. И, оказывается, не можем.

– Я тоже не могу. – Лютик встал, снял шапочку, с преувеличенной учтивостью поклонился зерриканкам. – Меня тоже не желают пропустить на другой берег. Меня, Лютика, известного в радиусе тысячи верст менестреля и поэта, не пропускает этот вот десятник, тоже, как видите, жрец искусства.

– Никого без грамоты не пущу, – понуро проговорил десятник, после чего дополнил рисунок последней, завершающей деталью, ткнув концом древка в песок.

– Ну и лады, – сказал ведьмак. – Проедем левым берегом. Правда, так до Хенгфорса дорога будет подальше, но что делать, на нет и суда нет.

– До Хенгфорса? – удивился бард. – Так ты, Геральт, не с Недамиром едешь? Не за драконом?

– За каким таким драконом? – заинтересовался Три Галки.

– Не знаете? Нет, серьезно? Ну, так надо вам обо всем рассказать, господа хорошие. Я все равно тут жду, может, проедет с грамотой кто-нибудь из тех, кто меня знает, и позволит присоединиться. Присаживайтесь.

– Сейчас, – сказал Три Галки. – Солнце на три четверти от зенита, а у меня жажда, мочи нет. Не болтать же на сухую. Тэя, Вэя, вернитесь-ка рысью в городок и купите бочонок.

– Вы нравитесь мне, господин...

– Борх по прозвищу Три Галки.

– Лютик, именуемый Несравненным. Некоторыми девушками.

– Рассказывай, Лютик, – нетерпеливо бросил ведьмак. – Не торчать же тут до вечера.

Бард ухватил пальцами гриф лютни, резко ударил по струнам.

– Как предпочитаете, стихотворной речью или нормальной?

– Нормальной.

– Извольте. – Лютик тем не менее не отложил лютни. – Послушайте же, благородные господа, что случилось неделю тому неподалеку города вольного, Голопольем нареченного. Так вот, ранним утром, едва поднимающееся солнышко зарумянило висящие над полями и лугами покровы туманов...

– Ведь решили – нормальной! – напомнил Геральт.

– А разве нет? Ну ладно, ладно. Понимаю. Кратко, без метафор. На пастбища под Голопольем повадился прилетать дракон.

– Э-э-э, – протянул ведьмак. – Что-то не верится. Уж сколько лет никто в тех местах не выдывал драконов. А не был ли это обычный ослизг? Попадают ослизги почти такие же большие...

– Не обижай, ведьмак. Я знаю, что говорю. Видел. Понимаешь, мне повезло, я как раз был в Голополье на ярмарке и видел все своими глазами. Баллада уже готова, но вы не хотели...

– Рассказывай. Большой был?

– В три конских тулова. В холке не выше лошади, но гораздо толще. Серый, как песок.

– Зеленый, стало быть.

– Ну да. Прилетел неожиданно, свалился прямо на отару овец, разогнал пастухов, задавил с дюжину животных, четырех зарезал и улетел.

– Улетел... – Геральт покачал головой. – И все? Конец?

– Не конец. На следующее утро прилетел снова, теперь уже поближе к городку. Спикировал на группу баб, стиравших белье на берегу Браа. Ух и драпали же они! В жизни своей так не смеялся. А дракон проделал три круга над Голополем и полетел на пастбища, там снова взялся за овец. Тут-то и началась паника и неразбериха, потому как до того мало кто верил пастухам. Ипат скликал местную милицию и цеховиков, но не успели они собраться, как народ взял дело в свои руки и прикончил дракона.

– Как?

– Весьма народным способом. Местный сапожник, Козоед, придумал, как доконать гадину. Забили овцу, напихали в нее чемерицы, волчьей ягоды, собачьей петрушки, серы и сапожного дегтя. Для верности местный аптекарь влил две кварты своей микстуры от чирьяков, а богослужитель из святилища Кревы прочитал над всей этой пакостью молитву. Потом поставили приготовленную таким образом овечку посреди стада и подперли колышками. По правде говоря, никто не верил, что дракон клюнет на это за версту смердящее дерьмо, но реальность превзошла все ожидания. Не удостоив вниманием живых и блеющих овечек, гад заглотал приманку вместе с колом.

– И что? Ну же, Лютик, говори.

– А я что? Ну вот. Прошло ровно столько времени, сколько требуется сноровистому мужику, чтобы расшнуровать дамский корсет, и дракон как примется рычать да пускать дымы передом и задом, подпрыгивать да пытаться взлететь. Потом вдруг словно бы осовел и замер. Двое добровольцев отправились проверить, дышит ли еще отравленный гад, – местный могильщик и здешний дурачок, зачатый чокнутой дочкой дровосека и ротой кнехтов, проходивших через Голополе еще во времена правления воеводы Щукобоба.

– Ох и заливаешь ты, Лютик!

– Не заливаю, а украшаю, а это разные вещи.

– Почти. Рассказывай, время уходит.

– Итак, как я сказал, могильщик и храбрый идиот отправились на разведку. Потом мы насыпали над ними небольшой, но радующий глаз курганчик.

– Так, – сказал Борх. – Стало быть, дракон еще жил?

– Эге, – весело сказал Лютик. – Жил. Но так ослаб, что не сожрал ни могильщика, ни полуидиота, а только слизал с них кровь. А потом, ко всеобщему удивлению, улетел, поднявшись с немалым трудом. Взлетит локтей на полтора – и хрясть об землю, да с грохотом, потом взлетит снова. Иногда брел, волоча лапы. Те, что посмелее, пошли за ним следом, не теряя его из виду. И знаете что?

– Ну, Лютик?

– Дракон скрылся в ущельях Пустульских гор, в районе истоков Браа, и как в воду канул в тамошних пещерах.

– Все ясно, – сказал Геральт. – Дракон, вероятно, спал в тех пещерах несколько столетий летаргическим сном. Слышал я о таких случаях. Там же скорее всего хранятся его сокровища. Теперь понятно, почему алебардисты блокируют мост. Кому-то не терпится наложить лапу на его богатства. А этот «кто-то» – Недамир из Каингорна.

– Точно, – подтвердил трубадур. – Голополье аж бурлит, потому как там считают, что дракон и сокровища принадлежат им. Но боятся поссориться с Недамиром. Недамир – сопляк, еще даже бриться не начал, а уже успел показать, что с ним ссориться не с руки. А дракон, видать, ему потребен до зарезу, потому-то он так быстро и среагировал.

– Ты хотел сказать, не дракон, а сокровища.

– В том-то и дело, что больше дракон, чем сокровища. Потому что, понимаете, Недамир положил глаз на соседнее княжество, Маллеору. Там после неожиданной и странной смерти князя осталась княжна в возрасте, я бы сказал так: предпостельном. Вельможи из Маллеоры с неприязнью смотрят на Недамира и других претендентов, потому как знают, что новый властитель быстренько их обуздает, не то что малолетняя княжна. Вот они и раскопали где-то старое и пылью покрытое предсказание, будто митра и рука девушки положены тому, кто победит дракона. Поскольку дракона здесь никто давным-давно не видел, постольку все думали, что могут спать спокойно. Ясное дело, Недамир начихал бы на легенду и взял Маллеору силой, но когда разошлась весть о Голопольском драконе, он сообразил, что может побить маллеорских дворян их собственным оружием. Явись он с драконьей башкой в руках, народ встретил бы его как ниспосланного богами монарха, а вельможи не посмели бы и пикнуть. И после сказанного вы еще удивляетесь, что Недамир помчался за драконом, как кот с полным пузырем? К тому же за таким драконом, который уже и так еле ноги волочит? Для него это чистый подарок, улыбка судьбы, черт бы его побрал.

– А дороги перекрыл от конкурентов.

– Пожалуй. И от голопольцев. Но при этом по всей округе разослал конных с грамотами, адресованными тем, кто должен дракона прихлопнуть, потому как Недамир не горит желанием лично лезть в пещеру с мечом. Мигом собрали самых известных драконьеров. Многие тебе, вероятно, знакомы, Геральт.

– Возможно. Кто приехал?

– Эйк из Денесле – это раз.

– Скажите... – Ведьмак тихо свистнул. – Богобоязненный и добродетельный Эйк, рыцарь без страха и упрека, собственной персоной.

– Ты его знаешь, Геральт? – спросил Борх. – Он что, действительно такой спец по драконам?

– Не только по драконам. Эйк управится с любым чудовищем. Он убивал даже мантихоров и грифов. Говорят, прикончил нескольких драконов. Силен рыцарь. Но здорово портит мне дело, курицын сын, потому как даже денег не берет. Кто еще, Лютик?

– Рубайлы из Кринфрида.

– Ну, значит, дракону конец. Даже если он выкарабкался. Эта троица – та еще банда, дерутся не часто, но эффективно. Вымордовали всех ослизгов и вилхвостов в Редании, а попутно покончили с тремя красными и одним черным драконом, а это уже говорит о многом. Ну, все?

– Нет. Присоединилась шестерка краснолюдов под командой Ярпена Зигрина.

– Его не знаю.

– Но о драконе Оквисте с Кварцевой горы слыхал?

– Слыхал. И видел камни из его сокровищницы. Были там сапфиры редчайшего оттенка и алмазы размером с черешню.

– Ну так знай, именно Ярпен Зигрин и его краснолюды уделали Оквиста. Об этом была сложена баллада, но слабенькая, не моя. Ежели не слышал, ничего не потерял.

– Все?

– Да. Не считая тебя. Ты утверждал, будто не знаешь о драконе, может, и верно. Ну, теперь знаешь. И что?

– А ничего. Дракон меня не интересует.

– Ха! Хитер, Геральт. Все равно грамоты-то у тебя нету.

– Повторяю, дракон меня не интересует. А ты, Лютик? Тебя-то что так тянет в те края?

– А как же иначе? – пожал плечами трубадур. – Надобно быть при событиях и зрелищах. О битве с драконом будут говорить. Но одно дело – сложить балладу на основе рассказов и совсем другое – если видел бой своими глазами.

– Бой? – засмеялся Три Галки. – И-эх! Что-то вроде забоя свиньи или разделки падали. Слушаю я вас и не могу в толк взять – знаменитые вояки мчатся сломя голову только для того, чтобы добить полудохлого дракона, отравленного каким-то хамом. Смех и слезы.

– Ошибаешься, – сказал Геральт. – Если дракон не пал от отравы на месте, значит, его организм уже нейтрализовал яд и дракон полностью восстановил силы. Впрочем, это не столь важно. Рубайлы из Кринфрида в любом случае его прикончат, но без боя, если хочешь знать, не обойдется.

– Значит, ставишь на рубайл, Геральт?

– Конечно.

– Как же, – усомнился молчавший до того стражник. – Драконище – существо магическое, и его иначе как колдовством не возьмешь. Уж если кто с ним и управится, так та волшебница, что проезжала тута вчера.

– Кто? – наклонил голову Геральт.

– Волшебница, – повторил стражник. – Я же сказал.

– Имя назвала?

– Угу. Только я позабыл. Грамота у нее была. Молодая, красивая, на свой манер, но глазищи... Сами знаете. Человека аж в дрожь кидает, когда такая на него зыркнет.

– Ты что-нибудь знаешь, Лютик? Кто это может быть?

– Нет, – поморщился бард. – Молодая, красивая, да еще и глаза. Тоже мне – приметы. Все они такие. Ни одна из тех, кого я знаю, а знаю я, поверь, многих, не выглядит старше двадцати пяти – тридцати, а ведь некоторые из них, слышал я, еще помнят те времена, когда бор шумел там, где теперь стоит Новиград. В конце концов, зачем существуют эликсиры из мандрагоры? Да и в глаза они себе тоже этот поскрип накапывают, чтобы блестели. Баба,

она и есть баба.

– Не рыжая? – спросил ведьмак.

– Нет, господин, – ответил десятник. – Черная.

– А конь какой масти? Гнедой с белой звездочкой?

– Нет. Вороной. Как она. И вообще, говорю вам, она дракона прикончит. Дракон – работа для колдуна. Человеческая сила супротив него слаба.

– Интересно, что б на это сказал Козоед, – рассмеялся Лютик. – Сыщись у него под рукой что-нибудь покрепче чемерицы и волчьей ягоды, сегодня драконья шкура уже сушилась бы на голопольском частоколе, баллада была бы сложена, а я не парился бы здесь на солнце...

– Как получилось, что Недамир не взял тебя с собой? – спросил Геральт, искоса поглядывая на поэта. – Ты же был в Голополье, когда они отправлялись. Или король не любит артистов? Как вышло, что ты тут жаришься, вместо того чтобы тренькать при королевском стремени?

– Виною тому некая юная вдова, – грустно сказал Лютик. – Черт бы ее побрал. Загулял я, а на другой день Недамир и прочие были уже за рекой. Прихватили даже Козоеда и лазутчиков из голопольской милиции, только обо мне забыли. Я толкую десятнику, а он свое...

– Есть грамота – пускаю, – равнодушно проговорил алебардист, отливая на стену дома сборщика пошлины. – Нет грамоты – не пускаю. Приказ такой...

– О, – прервал его Три Галки. – Девочки возвращаются с пивом.

– И не одни, – добавил, вставая, Лютик. – Гляньте, какой конь. Суший дракон!

Со стороны березовой рощицы галопом мчались зерриканки, а между ними всадник на крупном боевом беспокойном жеребце.

Ведьмак тоже поднялся.

На наезднике был фиолетовый бархатный кафтан с серебряными галунами и короткий плащ, отороченный собольим мехом. Выпрямившись в седле, он гордо глядел на них. Геральту были знакомы такие взгляды. И не сказать, чтобы нравились.

– Приветствую вас. Я – Доррегарай, – представился наездник, медленно и с достоинством слезая с коня. – Мэтр Доррегарай. Чернокнижник.

– Мэтр Геральт. Ведьмак.

– Мэтр Лютик. Поэт.

– Борх по прозвищу Три Галки. А с моими девочками – они вон там вынимают пробку из бочонка – ты уже познакомился, мэтр Доррегарай.

– Действительно, – не улыбнувшись, проговорил чародей. – Мы обменялись поклонами, я и прелестные воительницы из Зеррикании.

– Ну и славно. – Лютик роздал кожаные кубки, которые принесла Вэя. – Выпейте с нами, мэтр чародей. Господин Борх, десятнику тоже налить?

– Конечно. Иди к нам, вояка.

– Я думаю, – проговорил чернокнижник, благовоспитанно отхлебнув небольшой глоток, – что

к заставе на мосту вас привела та же цель, что и меня?

– Если вы имеете в виду дракона, мэтр, – сказал Лютик, – то так и есть. Я собираюсь сложить балладу на месте. Увы, вот этот десятник, человек, видно, неотесанный, не желает пропускать. Требуется грамоты. И все тут.

– Прощения просим. – Алебардист выпил свое пиво, причмокнул. – У меня приказ никого без грамоты не пропускать. А похоже, уже все Голополье скучилось тут с телегами и готово отправиться в горы за драконом. У меня приказ...

– Твой приказ, солдат, – насутился Доррегарай, – касается только орущей голытьбы, распутных девок, которые распространяют болезни, воров, подонков общества и гуляк. Но не меня.

– Без грамоты никого не пропущу, – нахмурился десятник. – Клянусь...

– Не клянись, – прервал Три Галки. – Лучше выпей-ка еще. Тэя, налей этому мужественному воину. И давайте присядем, милостивые государи. Пить стоя, торопливо и без соответствующей торжественности не пристало благородным людям.

Расселись на тюках вокруг бочонка. Алебардист, свежеевозведенный в благородные, покраснел от удовольствия.

– Пей, боевой сотник, – поторапливал Три Галки.

– Я вроде бы десятник, не сотник. – Алебардист еще больше покраснел.

– Но будешь сотник, пренебреженно, – осклабил Борх. – Парень ты хват, башковитый, мигом дорастешь.

Доррегарай, отказавшись от добавки, повернулся к Геральту.

– В городишке все еще толкуют о василиске, уважаемый ведьмак, а ты, вижу, уже на дракона замахнулся, – тихо сказал он. – Интересно, тебе позарез нужны наличные или ты из чистого удовольствия забиваешь существа, которым угрожает вымирание?

– Странное любопытство, – ответил Геральт, – в устах того, кто сломя голову мчит, чтобы успеть выбить у зарезанного дракона зубы, столь ценные при изготовлении колдовских снадобий и эликсиров. А правда ли, уважаемый мэтр, что лучшие зубы те, которые выбивают у живого дракона?

– Ты уверен, что я еду ради этого?

– Уверен. Но тебя уже опередили, Доррегарай. Тут успела проследовать твоя коллега с грамотой, каковой ты, к примеру, не имеешь. Черноволосая, ежели тебя это интересует.

– На вороном коне?

– Кажется.

– Йеннифэр, – недовольно буркнул Доррегарай. Ведьмак незаметно для всех вздрогнул.

Наступившую тишину прервала отрывка будущего сотника.

– Никого... этта... без грамоты...

– Двести линтаров хватит? – Геральт спокойно вытащил мешочек, полученный за василиска от тучного солтыса.

– Геральт, – загадочно улыбнулся Три Галки. – Так все-таки...

– Прости, Борх. Сожалею, но я не поеду с вами в Хенгфорс. Может, другим разом. Может, еще встретимся.

– Ничего не влечет меня в Хенгфорс, – медленно произнес Три Галки. – Ну вовсе ничего, Геральт.

– Спрячьте свой мешок, милсдарь, – грозно произнес будущий сотник. – Это взятка и ничего боле. И за триста не пропущу.

– А за пятьсот? – Борх вынул свой мешочек. – Спрячь мешок, Геральт. Я заплачу пошлину. Меня это начало забавлять. Пятьсот, господин солдат. По сто со штуки, считая моих девочек за одну прелестную штуку. А?

– Ой-ей-ей, – запричитал будущий сотник, пряча под курточку мешочек Борха. – Что я королю скажу?

– Скажешь, – молвил Доррегарай, выпрямляясь и вынимая из-за пояса изящную костяную палочку, – что удар тебя хватил, как только ты увидел.

– Что, господин?

Чародей взмахнул палочкой, выкрикнул заклинание. Сосну, росшую на прибрежном откосе, моментально охватило бушующее пламя.

– По коням! – Лютик запрыгнул в седло, закинул лютню за спину. – По коням, господа! И... дамы!

– Убирай шлагбаум! – рявкнул на алебардистов разом разбогатевший десятник, имеющий солидные шансы стать сотником.

На мосту, за заслоном, Вэя натянула поводья, конь загарцевал, застучал копытами по бревнам. Девушка, размахивая косичками, что-то пронзительно крикнула.

– Верно, Вэя! – отозвался Три Галки. – Вперед, милсдари, по коням! Поедем по-зеррикански, с грохотом и свистом! 4

– Ну, гляньте-ка, – сказал старший из рубайл, Богольт, кряжистый и грузный, словно ствол старого дуба. – Недамир не прогнал вас на все четыре стороны, а ведь я был уверен, что поступит именно так. Ну что ж, не нам, худородным, оспаривать королевские решения. Просим к костру. Устраивайте лежанки, парни. А так, между нами, ведьмак, о чем ты с королем болтал?

– Ни о чем, – сказал Геральт, удобнее пристраиваясь спиной к подтянутому ближе к костру седлу. – Он даже из палатки не вышел. Послал только своего фактотума, как там его...

– Гилленстерна, – подсказал Ярпен Зигрин, крепкий, бородатый краснолюд, подкладывая в костер огромный смолистый пень, который приволок из зарослей. – Фанфарон надутый. Жирный хряк. Когда мы присоединились, он явился, нос до неба, фу-фу, говорит, не забывайте, говорит, краснолюды, кому тут подчиняться следует, говорит, здесь король Недамир распоряжается, а его слово – закон, ну и так далее. Я стоял, слушал и думал: велю своим парням повалить его на землю и сдеру с него плащ. А потом раздумал: ну его, снова шум пойдет, мол, краснолюды зловредные, агрессивные, мол, сукины дети, и с ними невозможно это, ну как его, сосу... стосуществовать... или как там. И обратно где-нито учинят погром, в городишке каком-нибудь. Ну и стал я вежливенько слушать, головой кивать.

– Похоже, господин Гилленстерн ничего другого и не умеет, – вставил Геральт, – потому что и нам сказал то же самое, и нам тоже оставалось только кивать.

– А по-моему, – проговорил второй из рубайл, расстилая попону на куче хвороста, – лучше б вас Недамир прогнал. Народищу претя на того дракона страх сколько. Это уже не экспендиция, а поход на жальник. Я, к примеру, в толкучке биться не обожаю.

– Успокойся, Нищука, – сказал Богольт. – С народом топать лучше. Ты, что ль, никогда на драконов не ходил? На них завсегда тьма народу тянется, целая ярманка, прям-таки бурдель на колесах. А как только гад нос высунет, сам знаешь, кто на поле остается. Мы, и никто боле.

Богольт на минуту замолчал, как следует хлебнул из большой оплетенной бутылки, шумно высморкался, откашлялся.

– Другое дело, известно, что порой только апосля того, как дракона прикончат, начинается потеха и резня, и головы летят, как груши. Как начнут сокровища делить, тут уж охотники прут друг на друга. Ну что, Геральт? Эй! Я прав? Ведьмак, с тобой говорю-то.

– Известны мне такие случаи, – сухо подтвердил Геральт.

– Известны, говоришь? Не иначе как с чужих слов, потому как не слышал я, чтоб ты когда на драконов охотился. Сколь ни живу, не слыхал, чтобы ведьмак на дракона ходил. Тем более странно, что ты сюда явился.

– Верно, – процедил сквозь зубы Кеннет по прозвищу Живодер, самый младший из рубайл. – Чудно чтой-то. А мы...

– Погодь, Живодер. Сейчас я говорю, – прервал его Богольт. – Впрочем, шибко-то разводить не собираюсь. Ведьмак и так понял, что к чему. Я его знаю, и он меня знает, пока-то мы друг дружке дорогу не перебежали и, мыслю, не будем. Потому как, заметьте, парни, ежели б, к примеру, я захотел ведьмаку в деле помешать либо добычу из-под носа увести, то ведьмак-то с ходу б меня своей ведьмачьей бритвой секанул и имел бы право. Я верно говорю?

Никто не подтвердил, но и не отрицал. Похоже, Богольту не очень-то это и нужно было.

– Ну, само собой, кучей-то топать весельше, как я сказал. И ведьмак может в кумпании сгодиться. Округа дикая, безлюдная, а вдруг да выскочит на нас какая-никакая химера аль жряк какой, а то и упырь, и могут дел наделать. А ежели тута Геральт будет, то никаких хлопот не жди, потому как это его специальность. А вот дракон – не его специальность. Я верно говорю?

Снова никто не подтвердил и не отрицал.

– Господин Три Галки, – продолжал Богольт, передавая бутылку краснолюду, – едет с Геральтом, и мне этого достаточно. Рекомендация вполне... Так кто вам мешает, Нищука, Живодер? Не Лютик же?

– Лютик, – сказал Ярпен Зигрин, подавая барду бутылку, – завсегда приклепает где чего интересного творится, и все знают, что он не помешает, не поможет и не задержит. Он что-то вроде репья на собачьем хвосте. Нет, ребята?

«Ребята», бородатые и квадратные краснолюды, захохотали, трясая бородами. Лютик сдвинул шапочку на затылок и хлебнул из бутылки.

– О-о-ох, зараза, – хватил он ртом воздух. – Дух перехватывает. Из чего вы ее гоните, из

скорпионов?

– Одно мне не нравится, Геральт, – сказал Живодер, принимая бутылку от менестреля. – То, что ты колдуна сюды притащил. Тут уж от колдунов скоро продыху не будет.

– Верно, – подхватил краснолюд. – Живодер верно толкует. Этот Доррегарай нужен нам как свиные седло. У нас уже есть своя ведьма, собственная, благородная Йеннифэр, тьфу, тьфу.

– Угу, – проворчал Богольт, почесывая бычью шею, с которой только что снял ошейник, утыканный железными шипами. – Колдунов-то тут уже по горлышко. Аккурат на две штуки больше, чем надеть. И что-то уж больно липнут они к нашему Недамиру. Гляньте только, мы тут под звездочками, у костра, а они, извольте видеть, в тепле, в королевской палатке уже шушукаются, умники. Недамир, ведьма, колдун и этот, Гилленстерн. А похуже всех – Йеннифэр. И чего они шушукаются? А того, как нас обжечь, вот чего.

– И мясо косулье жрут, – угрюмо вставил Живодер. – А мы чего ели-то? Сурка. А сурок, он чего? Он крыса и ничего боле. Так чего мы жрали? Крысу!

– Не беда, – сказал Нищука. – Скоро драконьего хвоста отведаем. Ничего нету лучше, как драконий хвост, запеченный на углях.

– Йеннифэр, – продолжал Богольт, – паршивая, злобная и зубастая баба. Не то что твои девочки, милсдарь Борх. Энти тихие и милые, вона, гляньте, сидят себе рядышком с лошадьми, сабли вострят, а я проходил, шутку кинул – улыбнулись, зубки показали. Да, им-то я рад, не то что Йеннифэрихе, та все чегой-то затевает, надумывает... Говорю вам, парни, надеть присматриваться, а то весь наш уговор коту под хвост пойдет.

– Какой уговор, Богольт?

– Ну что, Ярпен, сказать ведьмаку-то?

– Не вижу супротив показатиев, – учено выразился краснолюд.

– Водяра кончилась, – вставил Живодер, переворачивая бутылку вверх дном.

– Так тащи еще. Ты самый молодой. А уговор-то, Геральт, мы придумали, потому как мы не наемники и никакие там не платные холопы, и не пошлет нас Недамир на дракона, кинув под ноги пару штук золота. Правда такова, что мы одолеем дракона без Недамира, а вот Недамир без нас не одолеет. А отседова следовало, кто стоит больше и чья доля должна быть больше. И мы, сталбыть, решили честно – те, кто врукопашную пойдут и дракона уложат, берут половину. Недамир, учитывая благородное происхождение и титул, берет четверть. В любом случае. А остальные, ежели будут помогать, поровну поделают оставшуюся четверть промежду собой. Что ты об этом думаешь?

– А что об этом думает Недамир?

– Не сказал ни да, ни нет. Но лучше пусть уж не лезет, хлюст. Я ему, дескать, сам он на дракона не пойдет, должен положиться на профессионалов, то бишь на нас, рубайл, да на Ярпена с парнями. Мы, а не кто иной, сойдемся с драконом на длину меча. Остальные, в том числе и колдуны, если помогут, поделают меж собой четверть сокровищев.

– Кроме колдунов, вы кого еще включаете в число остальных? – заинтересовался Лютик.

– Уж конечно, не музыкантов и рифмоплетов, – хохотнул Ярпен Зигрин. – Тех, кто работает топором, а не лютней.

– Та-а-ак, – протянул Три Галки, глядя в звездное небо. – А чем поработает сапожник Козоед

и его сброд?

Ярпен Зигрин сплюнул в костер и проворчал что-то по-краснолюдски.

– Милиция из Голопожья знает тутошние горы и сойдет за провожатых, – тихо сказал Богольт, – потому справедливо будет допустить их к дележке. А вот с сапожником-то дело другое. Понимаете, будет паршиво, ежели хамы решат, что как только в округе появится дракон, то вместо того, чтобы слать за спецами, можно просто сунуть ему отраву и продолжать с девками в кустах озоровать. Ежели такой порядок распространится, то нам не иначе как на побирушки придется идти. Э?

– Правда, – добавил Ярпен. – Потому, говорю вам, с энтим сапожником должно случиться что-нибудь, пока он, трахнутый, в легенду не попал.

– Должно случиться, стало быть, случится, – убежденно сказал Нищука. – Это на мне.

– А Лютик, – подхватил краснолюд, – задницу ему в балладе обработает, на смех подымет. Чтоб осрамить во веки веков.

– Об одном вы забыли, – сказал Геральт. – Есть тут один, кто может вам все попутать. Который ни на какие дележки и договора не пойдет. Я об Эйке из Денесле. С ним вы говорили?

– О чем? – проскрипел Богольт, поправляя палкой поленья в костре. – С Эйком, Геральт, не поговоришь. Его дела не интересуют.

– Подъезжая к вашему лагерю, – сказал Три Галки, – мы встретили его. Он в полном вооружении стоял коленями на камнях и не отрывал глаз от неба.

– Он завсегда так, – сказал Живодер. – Размышляет или молится. Говорит, так надо, потому как боги наказали ему людей от худа оберегать.

– У нас в Кринфриде, – буркнул Богольт, – таких в телятнике держат на цепи и дают куски угля, тогда они на стенах разные разности малют. Но довольно о ближних сплетничать, поговорим об интересе.

В круг света беззвучно ступила закутанная в шелковый плащ невысокая молодая женщина с черными волосами, покрытыми золотой сеточкой.

– Чем это тут так несет? – спросил Ярпен Зигрин, прикидываясь, будто ее не видит. – Не серой ли?

– Нет. – Богольт демонстративно потянул носом, глядя в сторону. – Мускус или что-то вроде.

– Нет, пожалуй, это... – поморщился краснолюд. – Ах! Так это ж благородная госпожа Йеннифэр! Здрасьте, здрастьте!

Чародейка медленно обвела взглядом собравшихся, на мгновение задержала блестящие глаза на ведьмаке. Геральт еле заметно улыбнулся.

– Позвольте присесть?

– Что за вопрос, благодетельница вы наша, – сказал Богольт и икнул. – Присядьте вот тут, на седле. Сдвинь зад, Кеннет, и подай благородной колдунье седло.

– Вы тут о делах, я слышу. – Йеннифэр уселась, вытянув стройные ноги в черных чулках. – Без меня?

– Не смели, – сказал Ярпен Зигрин, – беспокоить столь важную особу.

– Ты, Ярпен, – прищурилась Йеннифэр, повернувшись к краснолюду, – лучше б помолчал. С первого дня ты делаешь вид, будто меня вообще не существует, так уж и продолжай в том же духе, не утруждай себя.

– Да что вы, госпожа! – Ярпен показал в улыбке неровные зубы. – Как можно! Да пусть меня клещи лесные покусают, ежели я не трактирую, нет, не тракую вас лучше, чем нежели воздух. Воздух, к примеру, мне случается испортить, а касательно вас я б себе этого ни в коем разе не позволил.

Бородатые «ребята» зашлись хохотом, но тут же замолкли, увидев синее мерцание, вдруг охватившее чародейку.

– Еще одно слово – и от тебя останется лишь испорченный воздух, – сказала Йеннифэр, и в ее голосе прозвучал металл. – И грязное пятно на траве.

– И верно, – кашлянул Богольт, разряжая обстановку. – Помолчи, Зигрин. Послушаем лучше, что нам скажет госпожа Йеннифэр. Она только что заметила, будто мы тут болтаем о делах без нее. Отседова вывод, что у нее есть какое-то предложение. Послушаем. Только б не предложила собственными чарами уделать дракона.

– А что? – подняла голову Йеннифэр. – Думаешь, невозможно, Богольт?

– Может, и возможно. Но нам не окупится, потому как вы тогда потребуете половину драконьего богатства.

– Как минимум, – холодно сказала чародейка.

– Ну вот, сами видите, нас это ну никак не устраивает. Мы, милсдарыня чародейка, бедные солдаты – если добыча пройдет мимо нашего носа, то голодать нам как пить дать. Мы щавелем и лебедой пробиваемся...

– Разве что в праздник сурок какой аль суслик попадется, – грустно вставил Ярпен Зигрин.

– ...водой колодезной запиваем. – Богольт отхлебнул из бутылки и слегка встряхнул ее. – У нас, госпожа Йеннифэр, нету другого выхода, как только получить свою долю или зимой под забором коченеть. А постоянный двор денег стоит.

– И пиво, – добавил Нищука.

– И девки распутные, – размышлял Живодер.

– Потому, – Богольт взглянул на небо, – мы сами, без чар и вашей помощи дракона уделаем.

– Ты уверен? Запомни, существует предел возможного, Богольт.

– Может, он и существует, только я ни разу не встречал. Нет, госпожа, повторяю, мы сами дракона прикончим, без всяких там чар.

– Тем более, – добавил Ярпен Зигрин, – что у чар тожить наверняка есть свои пределы возможного, которые, в противу наших, нам неведомы.

– Ты сам придумал, – медленно спросила Йеннифэр, – или тебе подсказали? Уж не присутствие ли ведьмака в вашем глубокоуважаемом обществе позволяет вам так задираться?

– Не-а, – сказал Богольт, глядя на Геральта, который, казалось, дремал, лениво

растянувшись на попоне и положив голову на седло. – Ведьмак тут ни при чем. Послушайте, благородная Йеннифэр. Мы сделали королю предложение, он отмолчался. Ну ничего, мы народ терпеливый, до утра погодим. Ежели король предложение примет, едем дальше разом, нет – мы возвращаемся.

– Мы тоже, – буркнул краснолюд.

– Никакой торговли не будет, – продолжал Богольт, – так сказать, на нет и суда нет. Передайте наши слова Недамиру, милсдарыня Йеннифэр. А вам скажу, предложение выгодно и вам, и Доррегараю, ежели вы с ним столкнетесь. Нам, учтите, драконий труп до фени, токмо хвост возьмем. Остальное ваше будет, бери, выбирай! Не пожалеем для вас ни зубов, ни мозга, ничего, что вам потребно для колдовства.

– Конечно, – добавил, хихикая, Зигрин, – падаль будет ваша, чародейская. Никто не отберет. Разве что другие трупоеды.

Йеннифэр встала, закинула плащ на плечо.

– Недамир не намерен ждать утра, – сказала она резко. – Он уже сейчас согласен на ваши условия. Наперекор, чтоб вы знали, моим и Доррегараевым советам.

– Недамир, – медленно процедил Богольт, – проявляет мудрость, удивительную для столь недозрелого короля. Потому как по мне, госпожа Йеннифэр, мудрость – это, в частности, умение пропускать мимо ушей глупые или неискренние советы.

Ярпен Зигрин хмыкнул в бороду.

– Запоете иначе, – чародейка уперлась руками в бока, – когда завтра дракон вас исхлещет, изрешетит и раздолбает ваши кости. Станете мне туфли лизать и скулить, моля о помощи. Как всегда. Я достаточно хорошо знаю вас и вообще таких, как вы. До тошноты.

Она повернулась и ушла во мрак, не попрощавшись.

– В мое время, – сказал Ярпен Зигрин, – чародейки сидели в башнях, читали умные книги и помешивали лопатками в тиглях. Не путались у воинов под ногами, не лезли в наши дела. И не крутили задом у мужчин перед глазами.

– А задок-то, честно говоря, ничего себе, – сказал Лютик, настраивая лютню. – А, Геральт? Геральт! Эй, куда ведьмак запропастился?

– А нам-то что? – буркнул Богольт, подбрасывая поленья в костер. – Ушел. Может, по нужде. Его дело.

– Конечно, – согласился бард и ударил по струнам. – Спеть вам чего-нибудь?

– А что, спой, – сказал Ярпен Зигрин и сплюнул. – Только не думай, будто за твое блеяние я дам тебе хоть шелонг. Тут, парень, не королевский двор.

– Оно и видно, – кивнул трубадур. 5

– Йеннифэр.

Она обернулась, точно удивленная, хотя ведьмак не сомневался, что она уже давно слышала его шаги. Поставила на землю деревянный ушат, выпрямилась, откинула со лба волосы, высвобожденные из-под золотой сеточки и теперь крутыми локонами спадающие на плечи.

– Геральт.

Как обычно, она носила только два своих цвета – черное и белое. Черные волосы, черные длинные ресницы, позволяющие только гадать о цвете скрытых ими глаз. Черная юбка, черный короткий кафтанчик с белым меховым воротником. Белая рубашка из тончайшего льна. На шее – черная бархотка, украшенная усеянной бриллиантами обсидиановой звездой.

– Ты ничуть не изменилась.

– Ты тоже, – поморщилась она. – И в обоих случаях это одинаково нормально. Однако напоминать об этом, хоть, может, это и не самый скверный способ начать разговор, бессмысленно. Правда?

– Правда, – кивнул он, глядя туда, где стояла палатка Недамира и горели костры королевских лучников, частично загороженные темными квадратами фургонов. Со стороны дальнего костра долетал звучный голос Лютика, напевающего «Звездным трактом», одну из своих самых удачных любовных баллад.

– Ну что ж, со вступлением покончено, – сказала волшебница. – Что дальше? Слушаю.

– Видишь ли, Йеннифэр...

– Вижу, – резко прервала она. – Но не понимаю. Зачем ты приехал? Ведь не ради же дракона? В этом-то, думаю, ничего не изменилось?

– Нет. Ничего.

– Так зачем же, спрашиваю, ты присоединился к нам?

– Если я скажу, что из-за тебя, согласишься?

Она молча глядела на него, и в ее блестящих глазах было что-то, что никак не могло понравиться.

– Поверю, почему бы нет, – сказала она наконец. – Мужчины любят встречаться с бывшими любовницами, любят освежать воспоминания. Любят думать, будто давние любовные игры дают им что-то вроде пожизненного права собственности на партнершу. Это хорошо влияет на их самочувствие. Ты не исключение. Несмотря ни на что.

– Несмотря ни на что, – усмехнулся он, – ты права, Йеннифэр. Твоя внешность прекрасно влияет на мое самочувствие. Иначе говоря, я рад, что вижу тебя.

– И это все? Ну, допустим, я тоже рада. Нарадовавшись, желаю спокойной ночи. Видишь, я отправляюсь на отдых. А предварительно намерена смыть с себя пыль и грязь. Но при этом привыкла раздеваться. Посему удались и с присущим тебе тактом обеспечить мне минимум удобств.

– Йен, – протянул он к ней руки.

– Не называй меня так! – яростно прошипела она, отскакивая, а из пальцев, протянутых в его сторону, посыпались голубые и красные искры. – Если коснешься, выжгу глаза, прохвост.

Ведьмак попятился. Чародейка, немного остыв, снова откинула волосы со лба, встала перед ним, упершись руками в бока.

– Ты что думаешь? Что мы весело поболтаем, вспомним давние времена? А может, в завершение всего пойдем вместе на воз и под займемся любовью на овчинах, так просто, чтобы освежить воспоминания? Да?

Геральт, не зная, читает ли чародейка его мысли или удачно угадывает, молчал, криво улыбаясь.

– Эти четыре года сделали свое, Геральт. У меня все прошло, и только исключительно поэтому я не наплевала тебе в глаза при сегодняшней встрече. Но пусть тебя не обманывает моя сдержанность.

– Йеннифэр...

– Молчи! Я дала тебе больше, чем кому-либо из мужчин, паршивец. Сама не знаю, почему именно тебе. А ты... О нет, дорогой мой. Я не девка и не случайно прихваченная в лесу эльфка, которую можно в одно прекрасное утро бросить, оставить на столе букетик фиалок и уйти, не разбудив. Которую можно выставить на посмешище. Осторожней! Если сейчас ты скажешь хоть слово, пожалеешь!

Геральт не произнес ни слова, безошибочно чувствуя бурлящую в Йеннифэр злобу. Чародейка снова смахнула со лба непослушные локоны, взглянула ему в глаза.

– Что ж, мы встретились, – тихо сказала она. – Не надо выставлять себя на посмешище. Сохраним лицо. Прикинемся хорошими знакомыми. Но не ошибись, Геральт. Между нами уже нет ничего. Ничего, понимаешь? И радуйся, ибо это означает, что я уже отказалась от некоторых проектов, еще совсем недавно касавшихся тебя. Однако отсюда вовсе не следует, что простила. Я тебя никогда не прощу, ведьмак. Никогда.

Она резко повернулась, схватила ушат, расплескивая воду, и ушла за воз.

Геральт отогнал бречавшего над ухом комара и медленно пошел к костру, у которого в этот момент редкими хлопками награждали выступление Лютика. Он посмотрел на темно-синее небо по-над черной пилой вершин. Хотелось смеяться. Неведомо чему. 6

– Эй, там, осторожней! Следите! – крикнул Богольт, оборачиваясь на козлах назад, к колонне.
– Ближе к скале! Следите!

Возы катились, подсакивая на камнях. Возницы ругались, хлестали лошадей кнутами, наклонившись, беспокойно следили, достаточно ли далеко колеса проходят от края каньона, вдоль которого бежала узкая неровная дорога. Внизу, на дне пропасти, белой пеной среди валунов бурлила река Браа.

Геральт придержал коня, прижимаясь к каменной стене, покрытой редким коричневым мхом и белым налетом, напоминающим лишайник. Он дал фургону рубайл опередить себя. От головы приплелся Живодер, ведущий колонну совместно с разведчиками из Голополя.

– Добро! – крикнул он. – Двигайтесь скорее. Дальше просторней!

Король Недамир и Гилленстерн, оба верхом, в сопровождении нескольких конных лучников, поравнялись с Геральтом. Следом за ними гроыхали по камням телеги королевского обоза. Еще дальше катился воз краснолюдов, которым, без передыху ругаясь, правил Ярпен Зигрин.

Недамир, худощавый и веснушчатый подросток в белом колушке, миновал ведьмака, окинув его величественным, хоть и явно утомленным взглядом. Гилленстерн распрямился, придержал коня.

– Позвольте вас, господин ведьмак, – произнес он властно.

– Слушаю. – Геральт прижал лошадь каблуками, медленно двинулся рядом с канцлером за обозом. Его удивляло, что при своем солидном животе Гилленстерн предпочитал седло

более удобной телеге.

– Вчера, – Гилленстерн, слегка натянув поводья, украшенные золотыми шишечками, откинул с плеча бирюзовый плащ, – вчера вы сказали, будто вас дракон не интересуется. А что же в таком случае интересуется, господин ведьмак? Зачем вы едете с нами?

– Мы в свободной стране, милсдарь канцлер.

– Пока что. Но в нашем кортеже каждый, господин Геральт, должен знать свое место. И роль, кою будет исполнять, выполняя волю короля Недамира. Вам понятно?

– В чем дело, милсдарь Гилленстерн?

– Скажу. Говорят, последнее время с вами, ведьмаками, трудно договориться. Вроде бы, если ведьмаку укажут чудовище, подлежащее убиению, он, вместо того чтобы хватать меч и рубить, начинает рассуждать, следует ли это делать, не выходит ли это за пределы возможного, не противоречит ли кодексу и действительно ли данное чудовище – чудовище, словно этого не видно с первого же взгляда. Похоже, вам просто стало здорово везти. В мое время ведьмаки не брезговали деньгами. Не рассуждали, рубили, что им скажут, им было все едино, что оборотень, что дракон, что сборщик податей. Важно было как следует рубануть. Ну как, Геральт?

– У вас есть для меня какое-то задание, Гилленстерн? – сухо спросил ведьмак. – Так говорите. Подумаем. А ежели нет, то чего ради впустую языком молоть, не правда ли?

– Задание? – вздохнул канцлер. – Нет. Речь идет о драконе, а это явно превышает пределы твоих возможностей, ведьмак. Уж предпочитаю рубайл. Тебя же я хотел лишь предупредить. Предостережь. Ведьмачьи причуды, в основе которых лежит деление чудовищ на добрых и злых, я и король Недамир можем терпеть, но не желаем о них слышать, а тем более видеть, как их претворяют в жизнь. Не лезьте в королевские дела, ведьмак. И не якшайтесь с Доррегараем.

– Я не привык, как вы выразились, якшаться с чародеями. Откуда такие мысли?

– Доррегарай, – сказал Гилленстерн, – переплюнет своими причудами даже ведьмаков. Не ограничивается делением чудовищ на хороших и плохих. Считает, что все они хорошие.

– Немного преувеличивает.

– Несомненно. Но отстаивает свои взгляды с яростным упорством. Я, честно говоря, не удивлюсь, если с ним что-нибудь приключится. А то, что он присоединился к нам в странном обществе...

– Я не спутник Доррегарая. И он не мой спутник.

– Не прерывай. Общество довольно странное. Ведьмак, напичканный принципами, словно лисья шуба блохами. Чародей, повторяющий друидские бредни о равновесии в природе. Молчаливый рыцарь Борх Три Галки и его эскорт из Зеррикании, в которой, как известно, складывают жертвы к лапам статуи дракона. И все они ни с того ни с сего присоединяются к охоте. Странно, верно?

– Пусть будет странно.

– Так знай, – сказал канцлер, – что у самых загадочных проблем бывают, как говорит практика, самые простейшие решения. Не заставляй меня, ведьмак, прибегать к ним.

– Не понял?

– Понял, понял. Благодарю за беседу, Геральт.

Геральт остановился. Гилленстерн послал коня вперед, догнал обоз и присоединился к королю. Мимо проехал Эйк из Денесле в стеганом кафтане из светлой кожи и с вмятинами от снятых лат, ведя за собой вьючного коня, нагруженного оружием, цельным серебряным щитом и огромной пикой. Геральт приветливо поднял руку, но странствующий рыцарь отвернулся, сжав тонкие губы, и пришпорил коня.

– Не очень-то он тебя любит, – сказал Доррегарай, подъезжая. – А, Геральт?

– Оно и видно.

– Конкурент? Оба вы работаете в одной области, так сказать, только Эйк – идеалист, а ты – профессионал. Почти никакой разницы, особенно для тех, кого убиваете.

– Не надо сравнивать меня с Эйком, Доррегарай. Неизвестно, кого ты обижаешь таким сравнением, его или меня, но сравнивать не надо.

– Как хочешь. По мне, честно говоря, оба вы одинаково отвратны.

– Благодарю.

– Не за что. – Чародей похлопал по шее коня, напуганного воплями Ярпена и его краснолюдов. – Я считаю, что называть убийство призванием отвратительно, низко и глупо. Наш мир пребывает в равновесии. Уничтожение, избиение каких-либо существ, заселяющих этот мир, нарушает равновесие. А это, в свою очередь, приближает гибель, гибель и конец того света, который мы знаем.

– Друидская теория, – отметил Геральт. – Знаком. Однажды мне ее изложил один старый гиерофант, еще в Ривии. Спустя два дня после беседы его разорвали на куски крысолаки. Нарушения равновесия не наблюдалось.

– Мир, повторяю, – Доррегарай равнодушно посмотрел на него, – пребывает в равновесии. Природном. У каждого вида есть свои естественные враги, и каждый является естественным врагом для других видов. К людям это тоже относится. Уничтожение естественных врагов человека, чему ты посвятил свою жизнь и что уже становится заметно, грозит вырождением расы.

– Знаешь что, колдун, – занервничал Геральт, – подойди как-нибудь к матери, у которой василиск сожрал ребенка, и скажи ей, что она должна радоваться, потому как благодаря этому человеческая раса избежала вырождения. Посмотришь, что она тебе ответит.

– Прекрасный аргумент, ведьмак, – сказала Йеннифэр, подъехав к ним сзади на своем вороном. – А ты, Доррегарай, следи за словами.

– Я не привык скрывать свои взгляды.

Йеннифэр въехала между ними. Ведьмак заметил, что золотую сеточку на волосах она сменила на ленту из скрученного белого платочка.

– Так поскорее начни скрывать, Доррегарай, – сказала она. – Особенно перед Недамиром и рубайлами, которые подозревают, что ты намерен помешать им прикончить дракона. Пока ты лишь болтаешь, они смотрят на тебя как на неопасного маньяка. Но как только попытаешься что-либо предпринять, они свернут тебе шею, ты и охнуть не успеешь.

Чародей пренебрежительно усмехнулся.

– Кроме того, – продолжала Йеннифэр, – проповедуя такие взгляды, ты подрываешь основы нашей профессии и призвания.

– Это чем же?

– Свои теории ты можешь прилагать к любым существам и червям, Доррегарай, но только не к драконам, ибо драконы – естественные наисквернейшие враги человека. И речь идет не о деградации человеческой расы, а о самом ее существовании. Чтобы выжить, надо расправиться с врагами, с теми, кто может свести на нет самое возмможность выживания.

– Драконы – не враги человека, – вставил Геральт. Чародейка взглянула на него и улыбнулась. Одними губами.

– Об этом, – сказала она, – предоставь судить нам, людям. Ты, ведьмак, создан не для оценок. Ты создан для работы.

– Как заводная, безвольная игрушка?

– Это твои слова, не мои, – холодно ответила Йеннифэр. – Но сравнение точное.

– Йеннифэр, – сказал Доррегарай, – для женщины с твоим образованием и твоего возраста ты высказываешь поразительные глупости. Почему именно драконов ты считаешь основными врагами людей? Почему не других, во сто крат более страшных существ, на совести которых гораздо больше жертв, чем у драконов? Почему не хирикки, вилохвосты, мантихоры, амфисбены или грифы? Почему не волки?

– Скажу почему. Преимущество человека перед другими расами и видами в том, что его борьба за соответствующее место в природе, за жизненное пространство может быть выиграна лишь тогда, когда он окончательно исключит кочевой образ жизни – переходы с места на место в поисках пищи, следуя календарю природы. Иначе он не достигнет нужного темпа прироста, человеческое дитя слишком долго не обретает самостоятельности. Только находящаяся в безопасности за стенами города или крепости женщина может рожать в нужном темпе, то есть ежегодно. Плодовитость, Доррегарай, – это прогресс, условие выживания и доминирования. И тут мы подходим к драконам. Ни одно чудовище, кроме дракона, не может угрожать городу или крепости. Если драконов не уничтожить, люди ради безопасности станут расплываться, вместо того чтобы объединяться, потому как драконье пламя в густозастроенном поселке – это кошмар, это сотни жертв, это ужасающая гибель. Поэтому драконы должны быть выбиты до последнего, Доррегарай.

Доррегарай взглянул на нее, странно улыбнулся.

– Знаешь, Йеннифэр, не хотел бы я дожить до того часа, когда осуществится твоя идея о царстве человека, когда тебе подобные займут надлежащее им место в природе. К счастью, до этого дело никогда не дойдет. Уж скорее вы все друг другу глотки перегрызете, перетравите, передохнете от дурмана и тифа, ибо грязь и вши, а не драконы угрожают вашим изумительным городам, в которых женщины рожают ежегодно, но только один новорожденный из десяти доживает до одиннадцатого дня! Да, Йеннифэр, плодовитость, плодовитость и еще раз плодовитость. Займись, дорогая моя, деторождением, это более естественное для тебя занятие. Оно займет у тебя время, которое сейчас ты бесплодно тратишь на придумывание глупостей. Прощай.

Пришпорив коня, чародей направился к голове колонны. Геральт, кинув взгляд на бледное и искаженное яростью лицо Йеннифэр, заранее посочувствовал колдуну. Он знал, в чем дело. Йеннифэр, как и большинство чародеек, была стерильна. Но, как многие чародейки, страдала от этого факта и на упоминание о нем реагировала совершенно дико. Доррегарай, вероятно, знал об этом. Однако скорее всего не предполагал, насколько она мстительна.

– Накличет он себе хлопот на голову, – прошипела Йеннифэр. – Ох накличет. Будь осторожнее, Геральт. Не думай, что, ежели в случае чего ты не проявишь рассудительности, я стану тебя защищать.

– Не волнуйся, – усмехнулся он. – Мы, то есть ведьмаки и безвольные игрушки, всегда действуем рассудительно. Поскольку однозначно и четко помечены границы возможного, в пределах которых мы можем действовать.

– Ну, ну, смотри. – Йеннифэр, все еще бледная, взглянула на него. – Ты обиделся, как девочка, которую обвинили в утрате невинности. Ты – ведьмак, и этого ничем не изменить. Твое призвание...

– Прекрати, Йен, меня начинает мутить.

– Не говори со мной так, ведьмак. А твои тошноты меня мало интересуют. Как и прочие реакции из ограниченного ведьмачьего ассортимента.

– Тем не менее некоторые из них тебе придется увидеть, если ты не перестанешь потчевать меня байками о возвышенных предназначениях и борьбе во благо людей, и о драконах, ужасных врагах племени человеческого, я знаю больше.

– Да? – прищурилась чародейка. – И что же ты такое знаешь, ведьмак?

– А хотя бы то, – Геральт не обратил внимания на резкое, предостерегающее дрожание медальона на шее, – что если б у драконов не было сокровищ, то никакая собака, не говоря уж о чародеях, не заинтересовалась бы ими. Даже странно, что при каждой охоте на дракона неподалеку обязательно крутится какой-нибудь чародей, крепко связанный с гильдией ювелиров. Например, ты, и позже, хотя на рынок должны, казалось бы, посыпаться камни и камушки, они почему-то туда не попадают, и их цена не падает. Не рассказывай мне сказочки о призвании и борьбе за выживание расы. Я слишком хорошо и слишком долго тебя знаю.

– Слишком долго, – повторила она, зловеще скривив губы, – это уж точно. Но не думай, что слишком хорошо. Ты, сукин сын. Черт, до чего ж я была глупа. А, иди к дьяволу! Видеть тебя не могу!

Она хлестнула вороного, помчалась вдоль колонны. Ведьмак сдержал коня, пропустил телегу краснолюдов, рычащих, ругающихся, высвистывающих что-то на костяных свирелях. Между ними, развалившись на мешках с овсом и побрякивая на лютне, возлежал Лютик.

– Эгей! – орал Ярпен Зигрин, сидевший на козлах, указывая на Йеннифэр. – Чтой-то там чернеет на дороге? Интересно что? Похоже на кобылу.

– Несомненно! – отвечивал Лютик, сдвигая на затылок сливового цвета шапочку. – Кобыла! Верхом на мерине! Невероятно!

Ярпеновы парни затрясли бородами в хохоте. Йеннифэр сделала вид, будто не слышит.

Геральт остановил коня, пропустил лучников Недамира. За ними, на некотором удалении, ехал Борх, а следом – зерриканки, образуя арьергард колонны. Геральт дождался, пока они подъедут, повел свою кобылу бок о бок с лошадью Борха. Ехали молча.

– Ведьмак, – вдруг проговорил Три Галки. – Хочу тебя спросить.

– Спрашивай.

– Почему ты не завернешь?

Ведьмак какое-то время глядел на него.

– Ты действительно хочешь знать?

– Хочу, – сказал Три Галки, поворачиваясь к нему лицом.

– Я еду с ними, потому что я безвольная игрушка. Потому что я – пучок пакли, гонимый ветром вдоль дорог. Куда, скажи мне, я должен ехать? И зачем? Здесь по крайней мере собрались те, с кем есть о чем поговорить. Те, кто не замолкает, когда я подхожу. Те, кто, даже не любя меня, говорят мне это прямо в глаза, не кидают камни из-за заборов. Я еду с ними по той же причине, по какой поехал с тобой в трактир плотогонов. Потому что мне все равно. У меня нет места, куда я мог бы стремиться. У меня нет цели, которая должна быть в конце пути.

Три Галки откашлялся.

– Цель есть в конце любого пути. Она есть у каждого. Даже у тебя, хоть тебе и кажется, будто ты не такой, как все.

– Теперь я тебя спрошу.

– Спрашивай.

– А в конце твоего пути есть цель?

– Есть.

– Счастливец.

– Дело не в счастье, Геральт. Дело в том, во что ты веришь и чему отдаешь себя. В чем твое призвание. Никто не может знать об этом лучше, чем... чем ведьмак.

– Я сегодня то и дело слышу о призвании, – вздохнул Геральт. – Призвание Недамира – захватить Маллеору. Призвание Эйка из Денесле – защищать людей от драконов. Доррегарай чувствует призвание к совершенно обратному. Йеннифэр, учитывая определенные изменения в организме, не может исполнить своего призвания и мечется из стороны в сторону. Черт побери, только рубайлы да краснолюды не чувствуют никакого призвания, а просто хотят нахапать как можно больше. Может, поэтому меня к ним так тянет?

– Не к ним тебя тянет, Геральт из Ривии. Я не слеп и не глух. Не при звуке их имен ты схватился тогда за мешочек. Но кажется мне...

– Напрасно кажется, – беззлобно сказал ведьмак.

– Прости.

– Напрасно извиняешься.

Они сдержали лошадей в самое время, чтобы не налететь на резко остановившуюся колонну лучников из Каингорна.

– Что случилось? – поднялся на стременах Геральт. – Почему остановились?

– Не знаю, – повернул голову Борх. Взя с удивительно сосредоточенным лицом быстро произнесла несколько слов.

– Поскачу в голову, – сказал ведьмак. – Узнаю.

– Останься.

– Почему?

Три Галки минуту помолчал, глядя в землю.

– Почему? – повторил Геральт.

– Поезжай, – бросил Борх. – Может, так-то оно и лучше.

– Что – лучше?

– Поезжай.

Мост, связывающий два берега каньона, выглядел солидно, был построен из толстых сосновых бревен, опирался на четырехугольный столб, о который поток, шумя, разбивался на длинные полосы пены.

– Эй! Живодер! – рявкнул Богольт, подводя телегу. – Ты чего остановился?

– Черт его знает, что это за мост!

– А чего ради нам на него лезть? – спросил Гилленстерн, подъезжая ближе. – Что-то не светит мне лезть с телегами на эту кладку. Эй, сапожник! Ты почему ведешь туда, а не по тракту? Ведь тракт идет дальше к западу?

Героический отравитель из Голополя приблизился, скинул барашковую шапку. Выглядел он презабавно, облаченный в натянутый на сермягу старомодный полупанцирь, который выковали еще, почитай, при короле Самбуке.

– Тут дорога короче, государь, – пояснил он не канцлеру, а непосредственно Недамиру, лицо которого по-прежнему выражало прямо-таки болезненную усталость.

– Чем какая? – спросил, поморщившись, Гилленстерн. Недамир не удостоил сапожника даже взглядом.

– Это, – сказал Козоед, указывая на три вздымающиеся над округой щербатые вершины, – Хиява, Пустула и Скочий Зуб. Дорога ведет к руинам старой крепости, обходит Хияву с севера, за истоками реки. А по мосту мы можем дорогу срезать. По ущелью выйдем на равнину меж горами. А если тама драконьих следов не найдем, пойдем дале на восток, осмотрим яры. А еще дале на восток лежат ровнютенькие луговины, оттедова прямая дорога в Каингорн, к вашим, государь, владениям.

– И где это ты, Козоед, такого ума об энтих горах поднабрался? – спросил Богольт. – У колодок сапожных аль как?

– Нет, милсдарь. В ребячестве овец тут пас.

– А мост выдюжит? – Богольт приподнялся на козлах, глянул вниз, на пенящуюся реку. – Пропась сажен сорок.

– Выдюжит.

– А откуда вообще взялся такой мост в этой глуши?

– Его, – сказал Козоед, – в давние времена тролли срубили, а кто тут ездил, крепко им платить должен был. А так как редко кто тут ездил, то тролли по миру пошли. А мост остался.

– Повторяю, – гневно сказал Гилленстерн, – у нас телеги с грузом и фуражом, на бездорожье мы можем застрять. Не лучше ли трактом ехать?

– Можно и трактом, – пожал плечами сапожник, – но дорога дальняя. А король говорил, что ему надеть к дракону срочно, потому как он высматривает его, словно коршун падь.

– Падаль, – поправил канцлер.

– Пусть падаль, не все едино? – согласился Козоед. – А мостом все равно ближее.

– Ну так вперед, Козоед, – решил Богольт. – Жми передом, ты и твоё войско. У нас такой обычай – вперед пускать самого боевитого.

– Не больше одной телеги сразу, – предостерег Гилленстерн.

– Лады. – Богольт стегнул лошадей, телега задуднила по бревнам моста. – За нами, Живодер! Глянь-ка, колеса ровно идут?

Геральт придержал коня, дорогу ему загородили лучники Недамира в пурпурно-желтых кафтанах, столпившиеся на каменистой площадке.

Кобыла ведьмака фыркнула.

Дрогнула земля. Горы загудели, зубчатый край каменной стены вдруг затуманился на фоне неба, а сама стена неожиданно заговорила глухим ошутимым гулом.

– Внимание! – зарычал Богольт уже с другой стороны моста. – Эй, там, внимание!

Первые камни, пока еще мелкие, зашуршали и застучали по лихорадочно дрожащему обрыву. На глазах у Геральта часть дороги, раскрываясь в черную, чудовищно быстро увеличивающуюся щель, оборвалась и с оглушительным грохотом рухнула в пропасть.

– По коням! – рявкнул Гилленстерн. – Ваше величество! На другую сторону!

Недамир, вжавшись головой в гриву коня, рванулся на мост, за ним прыгнул Гилленстерн и несколько лучников. Следом, грохоча, ввалился на трясущиеся бревна королевский фургон с полощущимся на ветру прапором с грифом.

– Лавина! С дороги! – взвыл сзади Ярпен Зигрин, хлеща бичом по конским крупам, опережая второй воз Недамира и раскидывая по сторонам лучников. – С дороги, ведьмак! С дороги!

Рядом с телегой краснолюдов прогарцевал Эйк из Денесле, выпрямившийся и чопорный. Если б не смертельно бледное лицо и сжатые в гримасе дрожащие губы, можно было подумать, что странствующий рыцарь не замечает сыплющихся на дорогу камней и обломков. Сзади, в группе лучников, кто-то дико кричал, ржали кони. Геральт рванул поводья, пришпорил коня, в тот же момент земля перед ним запылила от летящих сверху камней. Телега краснолюдов с грохотом протарахтела по камням, перед самым мостом подскочила и с треском осела набок, на сломанную ось. Колесо отбилося от огородки, полетело вниз, в кипень.

Лошадь ведьмака, по которой били острые обломки камней, встала на дыбы. Геральт хотел соскочить, но зацепился застежкой башмака за стремя и упал на бок, на дорогу. Лошадь заржала и понесла прямо на пляшущий над пропастью мост. По мосту бежали краснолюды, вереща и проклиная кого-то.

– Быстрее, Геральт! – крикнул бегущий за ним Лютик, оглянувшись.

– Вставай, ведьмак! – крикнул Доррегарай, мечась в седле и с трудом удерживая взбесившегося коня.

Позади них дорога тонула в клубах пыли, вздымаемой летящими обломками, разбивающими в щепы телеги Недамира. Ведьмак уцепился за ремни выюков, притороченных за седлом чародея. Услышал крик.

Йеннифэр свалилась вместе с лошадей, отползла в сторону, подальше от бьющих вслепую копыт, припала к земле, заслоняя руками голову. Ведьмак отпустил седло, побежал к ней, ныряя в поток камней, перескакивая через разверзающиеся под ногами провалы. Рванул Йеннифэр за плечо, она поднялась на колени. Ее глаза были широко раскрыты, из расщелинной брови текла кровь. Струйка уже доходила до мочки.

– Вставай! Йен!

– Геральт! Осторожно!

Огромная плоская каменная глыба, с грохотом скользя по стене обрыва, двигалась прямо на них. Геральт упал, прикрыв собой чародейку. В этот момент блок взорвался, развалился на миллиарды осколков, посыпавшихся на них и жалящих, словно осы.

– Быстрее! – крикнул Доррегарай. Сидя на пляшущем коне и размахивая палочкой, он дробил в пыль летевшие с обрыва камни. – На мост, ведьмак!

Йеннифэр, изогнув пальцы, махнула рукой, крикнула что-то непонятное. Камни, сталкиваясь с голубоватой полусферой, неожиданно выросшей над их головами, испарялись, как капли воды, падающие на раскаленное железо.

– На мост, Геральт! – крикнула чародейка. – За мной!

Они побежали, догоняя Доррегарая и нескольких спешившихся лучников. Мост качался и трещал, бревна изгибались, кидая их от перил к перилам.

– Скорее!

Мост вдруг осел с пронзительным треском, та половина, которую они уже оставили позади, с грохотом рухнула в пропасть, вместе с ней телега краснолюдов, разваливаясь на части при ударах о каменные острия, под сумасшедшее ржание коней. Часть моста, на которой они находились, выдержала, но Геральт вдруг сообразил, что они уже бегут вверх, по быстро увеличивающейся крутизне. Йеннифэр, тяжело дыша, выругалась.

– Йен, держись!

Остатки моста заскрежетали и опустились. Они упали, уцепившись за щели между бревнами. Йеннифэр не удержалась, пискнула, словно девчонка, и поехала вниз. Геральт, уцепившись одной рукой, другой выхватил кинжал, всадил острие между бревнами и теперь уже обеими руками ухватился за рукоять. Суставы в локтях затрещали, когда Йеннифэр рванула его, повиснув на ремне и ножнах меча. Помост снова хрустнул и наклонился еще больше, став почти вертикальным.

– Йен, – простонал ведьмак. – Сделай что-нибудь... Дьявольщина, кинь заклинание!

– Как? – услышал он злое приглушенное ворчание. – Ведь я же вишу!

– Освободи одну руку!

– Не могу!

– Эй! – крикнул сверху Лютик. – Держитесь? Эй!

Геральт не счел нужным подтверждать очевидное.

– Давайте веревку! – орал Лютик. – Быстрее, мать вашу...

Около трубадура возникли рубайлы, краснолюды и Гилленстерн. Геральт услышал тихие слова Богольта:

– погоди, певун. Она сейчас отвалится. Тогда вытянем ведьмака.

Йеннифэр зашипела, словно змея, повиснув на спине Геральта. Ремень болезненно впился ему в грудь.

– Йен! Ты можешь нащупать опору? Ногами? Можешь что-нибудь сделать ногами?

– Да, – простонала она. – Подрыгать...

Геральт глянул вниз на реку, кипящую меж острых камней, о которые бились крутящиеся, немногочисленные бревна моста, на лошадь и труп в ярких одеждах Каингорна. За камнями в изумрудной прозрачной пучине лениво двигались против течения веретенообразные тела огромных форелей.

– Держишься, Йен?

– Еще... да...

– Подтянись. Надо найти опору.

– Не могу...

– Веревку! Дайте веревку! – кричал Лютик. – Вы что, сдурели? Ведь свалятся оба!

– Может, оно и к лучшему? – задумчиво проговорил невидимый Гилленстерн.

Мост затрещал, просел еще больше. Пальцы Геральта, стиснутые на рукояти, начали неметь.

– Йен...

– Заткнись... и перестань верещать...

– Йен...

– Не называй меня так...

– Выдержишь?

– Нет, – холодно сказала чародейка. Она уже не боролась, просто висела у него на спине мертвым, инертным грузом.

– Йен?

– Заткнись.

– Йен. Прости меня.

– Никогда.

Что-то ползло по бревнам вниз. Быстро. Словно змея.

Излучающая синий свет веревка, извиваясь и свиваясь, будто живая, нащупала подвижным концом шею Геральта, передвинулась под мышки, замоталась в свободный узел. Чародейка застонала. Он был уверен, что она заплачет. Но ошибся.

– Внимание! – крикнул сверху Лютик. – Мы вытаскиваем вас! Нищука! Кеннет! Наверх их! Тяните!

Болезненный рывок, удушающая хватка натянутой веревки. Йеннифэр тяжело вздохнула. Они поехали вверх, быстро, скребя животом по шероховатым доскам настила.

Наверху Йеннифэр встала на ноги первой. 7

– Из всего обоза, король, – сказал Гилленстерн, – мы спасли лишь фургон, не считая рубайловых телег. От отряда осталось семеро лучников. По той стороне пропасти дороги уже нет, только щебень да гладкая стена, насколько позволяет видеть излом. Неизвестно, уцелел ли кто-нибудь из оставшихся, когда мост рухнул.

Недамир не ответил. Эйк из Денесле, выпрямившись, стоял перед королем, вперив в него взор блестящих, лихорадочно горящих глаз.

– Нас преследует гнев богов, – сказал он, вздымая руки. – Видать, согрешили мы, король. Это был священный поход, поход против зла. Ибо дракон есть зло, да, любой дракон есть воплощение зла. Я не прохожу безразлично мимо зла, я давлю его ногами... Уничтожаю. Как велят боги и Святая Книга.

– Что он мелет? – поморщился Богольт.

– Не знаю, – сказал Геральт, поправляя упряжь. – Не понял ни слова.

– Тихо, – сказал Лютик. – Я пытаюсь запомнить, может, удастся использовать, когда подберу рифмы.

– Святая Книга гласит, – окончательно разошелся Эйк, – что изойдет из бездны змий, дракон отвратный, семь глав и десять рог имеющий! А на спине у него усядется дева в пурпуре и багрянце, и кубок золотой будет у нее в руке, а на челе выписан будет знак всякого и полного распутства!

– Я ее знаю! – обрадовался Лютик. – Это Чилия, жена солтыса Зоммерхальдера!

– Успокойтесь, господин поэт, – произнес Гилленстерн. – А вы, рыцарь из Денесле, говорите ясней, если можете.

– Противу зла, король, – завопил Эйк, – надобно поспешать с чистым сердцем и совестью, с поднятой главою! А кого мы видим здесь? Краснолюдов, кои есть поганцы, рождаются в темнотах и темным силам поклоняются! Чародеев-богохульников, присваивающих себе божеские права, силы и привилегии! Ведьмака, коий есть отвратный проклятый извращенец, противуестественное творение. И вы еще удивляетесь, что на наши головы пала кара? Мы дошли до предела возможного! Не надо испытывать божескую милость. Призываю вас, король, очистить от нечисти наши ряды, прежде чем...

– Обо мне ни слова, – жалостно вставил Лютик. – Ни слова о поэтах. А вообще-то я стараюсь...

Геральт ухмыльнулся Ярпену Зигрину, ласково поглаживающему острие засунутого за пояс топора. Краснолюды, развеселившись, осклабились. Йеннифэр демонстративно отвернулась,

притворившись, будто разорванная до самого бедра юбка занимает ее больше, нежели слова Эйка.

– Вы немного переборщили, милсдарь Эйк, – резко проговорил Доррегарай. – Впрочем, уверен, из благородных побуждений. Я считаю совершенно никчемным ваше мнение о чародеях, краснолюдах и ведьмаках. Хотя, мне кажется, все мы уже привыкли к таким речам, все же говорить так невежливо и не по-рыцарски, милсдарь Эйк. И уж вовсе не понятно после того, как вы, а не кто другой, бежите и подаете волшебную эльфову веревку ведьмаку и чародейке, которым угрожает смерть. Из сказанного вами следует, что вам скорее следовало бы молиться, чтобы они упали.

– Черт возьми, – шепнул Геральт Лютику. – Так это он подал веревку? Эйк? А не Доррегарай?

– Нет, – буркнул бард. – Эйк. Именно он.

Геральт недоверчиво покачал головой. Йеннифэр чертыхнулась себе под нос и выпрямилась.

– Рыцарь Эйк, – сказала она с улыбкой, которую любой, кроме Геральта, мог счесть любезной. – Как же так? Я – нечисть, а вы спасаете мне жизнь?

– Вы дама, госпожа Йеннифэр. – Рыцарь чопорно поклонился. – А ваше красивое и искреннее лицо позволяет думать, что вы когда-нибудь отречетесь от чернокнижничества.

– Чернокнижия, хотели вы сказать.

Богольт фыркнул.

– Благодарю вас, рыцарь, – сухо сказала Йеннифэр. – И ведьмак Геральт также вас благодарит. Поблагодари его, Геральт.

– Да меня скорее удар хватит. – Ведьмак обезоруживающе искренне вздохнул. – За что же? Я мерзкий извращенец. А моя безобразная и лживая физиономия не сулит никаких надежд на исправление. Рыцарь Эйк вытащил меня из пропасти случайно, только потому, что я лихорадочно цеплялся за красивую даму. Виси я там один, Эйк и пальцем бы не шевельнул. Я не ошибаюсь, рыцарь?

– Ошибаетесь, господин Геральт, – спокойно отозвался странствующий рыцарь. – Никому из нуждающихся в помощи я не отказываю. Даже ведьмаку.

– Поблагодари, Геральт. И извинись, – резко сказала чародейка. – В противном случае ты подтвердишь, что по крайней мере в отношении тебя Эйк был совершенно прав. Ты не можешь сосуществовать с людьми. Потому что ты – иной. Твое участие в экспедиции – ошибка. Тебя сюда пригнала бессмысленная цель. Поэтому будет целесообразно отделиться. Я считаю, что ты и сам это понял. А если нет, то пойми наконец.

– О какой цели вы говорите, госпожа? – вклинился Гилленстерн.

Чародейка взглянула на него, но не ответила. Лютик и Ярпен Зигрин усмехнулись многозначительно, но так, чтобы чародейка этого не заметила.

Ведьмак взглянул в глаза Йеннифэр. Они были холодны как лед.

– Прошу прощения и благодарю, рыцарь из Денесле, – наклонил он голову. – Благодарю всех присутствующих за мое непреднамеренное и поспешное спасение. Я слышал, когда висел, как вы наперегонки рвались мне на помощь. Прошу всех присутствующих простить меня. За

исключением благородной Йеннифэр, которую я благодарю, ни о чем не прося. Прощайте. Мерзость по собственной воле покидает благородную компанию. Ибо вы у мерзости уже вот где сидите! Бывай, Лютик.

– Эй, Геральт! – крикнул Богольт. – Не разыгрывай из себя целочку. Не делай из мухи слона. К черту...

– Лю-ю-юди!

Со стороны устья ущелья бежали Козоед и несколько голопольских милиционеров, высланных на разведку.

– Что такое? Чего он орет? – поднял голову Нищука.

– Люди... Ваши милости... – задышался сапожник.

– Отдышись, человеке, – сказал Гилленстерн, засовывая большие пальцы за золотой пояс.

– Дракон! Там дракон!

– Где?

– За ущельем... На равнине... Господин, он...

– По коням! – скомандовал Гилленстерн.

– Нищука! – рявкнул Богольт. – На телегу! Живодер, на коня и за мной!

– В галоп, парни! – завопил Ярпен Зигрин. – Галопом, мать вашу так!

– Эй, погодите! – Лютик забросил лютню за спину. – Геральт, возьми меня на коня!

– Прыгай!

Ущелье окончилось россыпью светлых камней, все более редких, образующих неправильную окружность. За ними местность мягко понижалась, переходя в поросшую травой, слегка холмистую луговину, со всех сторон замкнутую известняковыми стенами, в которых зияли тысячи отверстий. Три узких каньона, устья высохших потоков, выходили на луговину.

Богольт первым доскакал до каменного барьера, резко осадил коня, поднялся на стременах.

– О, зараза, – сказал он. – О, чертова зараза. Этого... этого не может быть!

– Чего? – спросил Доррегарай, подъезжая. Рядом с ним Йеннифэр, спрыгнув с телеги, налегла грудью на каменную глыбу, выглянула, попятилась, протерла глаза.

– Что? Что такое? – крикнул Лютик, выглядывая из-за спины Геральта. – Что такое, Богольт?

– Дракон-то... дракон... золотой.

Не больше чем в ста шагах от каменной горловины ущелья, из которого они только что вышли, у дороги, ведущей к северной части каньона, на куполообразном невысоком холме сидело существо. Оно сидело, изогнув правильной дугой длинную изящную шею, склонив узкую голову на выпуклую грудь, оплетя хвостом передние выпрямленные лапы.

Было в этом существе, в его позе что-то невообразимо грациозное, что-то кошачье, что-то противоречащее его явно змеиной родословной. Несомненно, змеиной. Ибо существо было покрыто слепящей глаза золотой чешуей с четким рисунком. Да, существо, сидящее на

холме, было золотым – золотым от острых, зарывшихся в землю когтей до конца длинного хвоста, слегка шевелящегося меж покрывающих холмик растений. Глядя на них огромными золотыми глазами, существо расправило широкие золотистые нетопыриные крылья и так сидело, неподвижное, как бы требуя, чтобы им любовались.

– Золотой дракон, – шепнул Доррегарай. – Невероятно... Живая легенда!

– Не существует в мире, чертова мать, золотых драконов, – заявил Нищука и сплюнул. – Я-то знаю, что говорю.

– А что же в таком случае сидит на холме? – трезво спросил Лютик.

– Обман какой-то...

– Иллюзия...

– Это не иллюзия, – сказала Йеннифэр.

– Это золотой дракон, – проговорил Гилленстерн. – Самый настоящий золотой дракон.

– Золотые драконы бывают только в легендах!

– Перестаньте, – вклинился Богольт. – Нечего дергаться! Любому болвану ясно, что это золотой дракон. Да и какая разница, милсдари, золотой, синий, пегий в крапинку или клетчатый? Он невелик, уделаем его в момент. Живодер, Нищука, разгружайте телегу, вытаскивайте снаряжение. Тоже мне разница – золотой не золотой.

– Есть разница, Богольт, – сказал Живодер, – и большая. Это не тот дракон, на которого мы охотимся. Не тот, подравленный под Голопольем, который сидит в яме на драгоценностях и золоте. А этот сидит только на собственной заднице. Так на кой он нам ляд?

– Это золотой дракон, Кеннет, – буркнул Ярпен Зигрин. – Ты когда-нибудь такого видел? Не понимаешь? За его шкуру мы возьмем больше, чем вытасили бы из обычного сундучища с сокровищами.

– И к тому же это не ухудшает ситуации на рынке драгоценных камней, – добавила Йеннифэр, нехорошо усмехаясь. – Ярпен прав. Договор действует. Есть что делить, разве нет?

– Эй, Богольт? – крикнул Нищука с воза, с грохотом копаясь в снаряжении. – Что надеваем на себя и лошадей? Чем эта золотая гадина может ударить? Огнем? Кислотой? Паром?

– А хрен ее знает, – задумался Богольт. – Эй, чародеи! Легенды о золотых драконах говорят, как такое чудо уделать?

– Как? А проще простого! – крикнул Козоед. – Чего тут мурожить, а ну давайте-ка сюда животягу какую-никакую. Напихаем в нее чего-нибудь ядовитого и подкинем гаду, пусть сожрет и того...

Доррегарай искоса глянул на сапожника. Богольт сплюнул. Лютик отвернулся. На его лице читалось отвращение. Ярпен Зигрин усмехнулся, оперев руки в бока.

– Чего глазеете? – спросил Козоед. – За работу, надо решить, чем труп нафаршировать, чтобы гад поживее его заглотнул. Чем-нибудь жутко ядовитым, отравой какой смердящей или гнилью.

– Ага, – проговорил краснолюд, не переставая усмехаться. – Ядовитое, паскудное и

смердящее. Ясно. Знаешь что, Козоед? Получается – ты.

– Что?

– Дерьмо ты, вот что. Мотай отседова, халтурщик, чтоб глаза мои тебя не видели.

– Господин Доррегарай, – проговорил Богольт, подходя к чародею, – оправдайте хоть чем-нибудь свое присутствие. Припомните легенды и сказания. Что вам известно о золотых драконах?

Чародей улыбнулся, гордо выпрямился.

– Что мне известно о золотых драконах, говоришь? Мало, но все-таки...

– Так слушаю.

– И слушайте, слушайте внимательно. Вон там, перед нами, сидит золотой дракон. Живая легенда, последнее, быть может, и единственное в своем роде существо, уцелевшее от вашего неудержимого стремления убивать. Легенду не убивают. Я, Доррегарай, не позволю вам тронуть этого дракона. Понятно? Можете собирать шмотки, приторачивать вьюки и возвращаться по домам.

Геральт был уверен, что начнется суматоха. Он ошибался.

– Уважаемый чародей, – прервал тишину Гилленстерн, – следите за тем, что и кому вы говорите. Король Недамир может приказать вам, Доррегарай, приторочить вьюки и убираться к черту. Но не наоборот. Вам это ясно?

– Нет, – гордо ответил чародей. – Неясно. Ибо я – Доррегарай, и мне не может приказывать король, владения которого можно охватить взглядом с высоты частокола, огораживающего паршивую, грязную, прости Господи, засранную крепость. Известно вам, милсдарь Гилленстерн, что стоит мне произнести заклинание и шевельнуть рукой, как вы превратитесь в коровью лепешку, а ваш незрелый король – в нечто непроизносимо худшее? Вам ясно?

Гилленстерн не успел ответить, потому что Богольт, подскочив к Доррегараю, схватил его за плечи и повернул к себе лицом. Нищука и Живодер, молчаливые и угрюмые, высунулись из-за спины Богольта.

– Послушай-ка, господин магик, – тихо сказал огромный рубайла, – прежде чем шевелить руками-то. Я мог бы долго толковать тебе, уважаемый, что обычно делаю с такими засратыми легендами и дурацкими трепачами, как ты. Но мне чтой-то не хотца. Вот тебе вместо ответа. Тебе это ясно?

Богольт кашлянул, приложил палец к носу и с близкого расстояния сморкнул чародею на мыски ботинок.

Доррегарай побледнел, но не пошевелился. Он видел – как и все – цепной шестопёр на рукояти длиной в локоть, который держал Нищука в низко опущенной руке. Он знал – как и все, – что время, нужное для заклинания, несравненно большее, чем то, какое требуется Нищуке, чтобы раскроить ему череп.

– Ну, – сказал Богольт. – А теперь аккуратненько отойди в сторонку. А ежели тебе придет охота снова раскрыть пасть, то быстренько засунь в нее пук травы. Потому как если я еще раз услышу твой вой, ты меня запомнишь.

Богольт отвернулся, потер руки.

– А ну, Нищука, Живодер, за работу, а то эта гадина еще, чего доброго, сбежит.

– Не похоже, чтобы он собирался бежать, – сказал Лютик, рассматривая поле предполагаемой битвы. – Посмотрите.

Сидевший на холмике золотой дракон зевнул, задрал голову, махнул крыльями и хлестнул по земле хвостом.

– Король Недамир и вы, рыцари! – зарычал он так, словно это была латунная труба. – Я дракон Виллентретенмерт! Похоже, не всех остановила лавина, которую, не сочтите это похвальбой, я спустил вам на головы. Вы смогли добраться аж сюда. Вам известно, что отсюда есть три выхода. Дорогами на восток, к Голополью, и на запад, к Каингорну, можете воспользоваться. Но по северному каньону не пойдете, ибо я, Виллентретенмерт, запрещаю. Если же кто-либо не желает послушаться моего приказа, того я вызываю на бой, на честный рыцарский поединок. На конвенционном оружии, без колдовства, без полыхания огнем. Бой до полной капитуляции одной из сторон. Жду ответа через вашего герольда, как того требует обычай!

Все стояли, широко раскрыв рты.

– Он умеет говорить! – просипел Богольт. – Невероятно!

– К тому же жуть как мудро, – сказал Ярпен Зигрин. – Кто-нибудь из вас знает, что такое конфессионное оружие?

– Конвенционное, а не конфессионное. Обычное, а не магическое, – сказала Йеннифэр насупившись. – Однако меня удивляет другое. Невозможно членораздельно говорить, если у тебя раздвоенный язык. Этот стервец пользуется телепатией. Будьте внимательны, это действует двусторонне. Он может читать ваши мысли.

– Он что, вконец спятил или как? – заволновался Кеннет Живодер. – Честный поединок? С дурным-то гадом? Еще чего! А ну пошли на него кучей! В куче – сила.

– Нет!

Они оглянулись.

Эйк из Денесле, уже на коне, в полном вооружении, с пикой при стремях, выглядел гораздо солиднее, чем пеший. Из-под поднятого забрала лихорадочно блестели глаза, светилось бледное лицо.

– Нет, господин Кеннет, – повторил рыцарь. – Только через мой труп. Я не допущу, чтобы в моем присутствии оскорбляли рыцарскую честь. Тот, кто рискнет нарушить принципы рыцарского поединка...

Эйк говорил все громче, его возбужденный голос то и дело ломался и дрожал от волнения.

– ...кто оскорбляет честь, тот оскорбляет и меня, и кровь его либо моя прольется на сию измученную землю. Скотина требует поединка? Хорошо! Пусть герольд протрубит мое имя! Да исполнится воля богов! У дракона сила клыков, когтей и дьявольская злоба, а у меня...

– Ну кретин, – буркнул Ярпен Зигрин.

– А у меня благородство, у меня вера, у меня слезы девушек, которых этот гад...

– Кончай, Эйк, тошнит! – рыкнул Богольт. – Дальше, в поле! Принимайся за дракона, чем болтать-то!

– Эй, Богольт, погоди, – вдруг сказал краснолюд, почесав бороду. – Забыл об уговоре? Если Эйк положит гадину, он возьмет себе половину...

– Эйк ничего не возьмет, – ощерился Богольт, – я его знаю. Ему достаточно, если Лютик сложит о нем песенку.

– Тихо! – крикнул Гилленстерн. – Да будет так. Против дракона выступит благородный странствующий рыцарь Эйк из Денесле, бьющийся в цветах Каингорна и тем самым олицетворяющий копье и меч короля Недамира. Таково королевское решение.

– Извольте! – заскрежетал зубами Ярпен Зигрин. – Копье и меч Недамира. Уделал нас каингорнский кролик. И что теперь?

– А ничего, – сплюнул Богольт. – Надеюсь, ты не думаешь связываться с Эйком, Ярпен? Он болтает ерунду, но уж коли забрался на кобылу и его понесло, то лучше отойти с дороги. Пусть идет, зараза, и пусть уколошит дракона. А там посмотрим.

– Кто будет герольдом? – спросил Лютик. – Дракон требовал герольда. Может, я?

– Нет. Это тебе не песенки распевать, Лютик, – поморщился Богольт. – Пусть герольдом будет Ярпен Зигрин. У него голос как у бугая.

– Лады. А чего? – сказал Ярпен. – Давайте сюда знаменщика со знаком, чтобы все было как положено.

– Только говорите вежливо, господин краснолюд. И изысканно, – напомнил Гилленстерн.

– Не учите меня жить, – гордо выпятил живот краснолюд. – Я ходил послом, когда вы еще хлеб называли «ням-ням», а мух – «муф-муф».

Дракон по-прежнему спокойно сидел на холме, весело помахивая хвостом. Краснолюд вскарабкался на самый большой валун, откашлялся и сплюнул.

– Эй, ты там! – заорал он, взявшись за бока. – Дракон поиметый! Слушай, чего тебе герольд скажет. Я, сталбыть! Первым за тебя благородно примется странствующий, мать его так, рыцарь Эйк из Денесле! И всадит тебе пику в брюхо, как того требует священный обычай, на погибель тебе и на радость бедненьким девицам и королю Недамиру! Драка должна быть честной и по правилам, пыхать огнем не можно, а только профессионально дубасить друг дружку, пока энтот другой лапти не откинет, не помрет, сталбыть! Чего тебе от души и сердца желаем. Усек, дракон?

Дракон зевнул, взмахнул крыльями, потом, припав к земле, быстро спустился с холма на ровное место.

– Понял, уважаемый герольд! – прорычал он. – Так пусть же выйдет на поле боя благородный Эйк из Денесле. Я готов!

– Ну прям цирк, да и только. – Богольт сплюнул, угрюмым взглядом проводил Эйка, шагом выезжавшего из-за барьера камней. – Уссаться можно...

– Заткнись, Богольт! – крикнул Лютик, потирая руки. – Смотри, Эйк намерен атаковать! Черт побери, вот будет баллада – всем балладам баллада!

– Уррра! Хвала Эйку! – крикнул кто-то из группы лучников Недамира.

– А я, – угрюмо бросил Козоед, – я б его все ж для верности начинил серой.

Эйк, уже в поле, отсалютовал дракону поднятой пикой, опустил забрало и пришпорил коня.

– Ну-ну, – сказал краснолюд. – Глуп-то он, может, и глуп, но в атаках сечет. Гляньте только!

Эйк, наклонившись и укрепившись в седле, на полном скаку опустил пику. Дракон, против ожидания Геральта, не отскочил, не пошел полукругом, а, прижавшись к земле, кинулся прямо на атакующего рыцаря.

– Бей его! Бей, Эйк! – рявкнул Ярпен.

Эйк, хоть и мчался галопом, не ударил вслепую, куда попало. В последний момент он ловко изменил направление, перекинул пику над головой лошади. Пронесаясь мимо дракона, ударил изо всей силы, привстав на стремях. Все крикнули в один голос. Геральт к хору не присоединился.

Дракон ушел от удара мягким, ловким, полным грации поворотом и, свернувшись, словно живая золотая лента, молниеносно, но тоже мягко, истинно по-кошачьи, достал лапой живот коня. Конь споткнулся, высоко подкинул круп, рыцарь качнулся в седле, но пики не выпустил. В тот момент, когда лошадь почти зарылась ноздрями в землю, дракон резким движением лапы смел Эйка с седла. Все увидели взлетевшие в воздух, кружащие пластины лат, услышали грохот и звон, с которым рыцарь свалился на землю.

Дракон, присев, придавил коня лапой, опустил зубастую пасть. Конь душераздирающе взвизгнул, рванулся и утих.

В наступившей тишине прозвучал глубокий голос Виллентретенмерта:

– Мужественного Эйка из Денесле можно убрать с поля, он не способен к дальнейшему бою. Следующий.

– Ну, курва, – бросил Ярпен Зигрин в наступившей тишине. 8

– Обе ноги, – сказала Йеннифэр, вытирая руки льняной тряпкой. – И кажется, что-то с позвоночником. Латы на спине вмяты, словно он получил железной палицей. А ноги – ну, это из-за собственной пики. Не скоро он снова сядет в седло, если сядет вообще.

– Профессиональный риск, – буркнул Геральт.

– Это все, что ты можешь сказать? – поморщилась чародейка.

– А что бы ты хотела услышать?

– Дракон невероятно скор, Геральт. Слишком скор, чтобы с ним мог тягаться человек.

– Понял. Нет, Йен. Я – пас.

– Принципы? – ядовито усмехнулась чародейка. – Или самый обычный страх? Это единственная человеческая эмоция, которую в тебе не уничтожили?

– И то и другое, – равнодушно согласился ведьмак. – Какая разница?

– Вот именно. – Йеннифэр подошла поближе. – Никакой. Принципы можно нарушить, страх – преодолеть. Убей дракона. Ради меня.

– Ради тебя?

– Ради меня. Мне нужен этот дракон, Геральт. Весь. Я хочу получить его только для себя одной.

– Используй чары и убей.

– Нет. Убей его ты. А я чарами сдержу рубайл и остальных, чтобы не мешали.

– Будут трупы, Йеннифэр.

– С каких пор тебе это мешает? Займись драконом, я беру на себя людей.

– Йеннифэр, – холодно сказал Геральт, – не понимаю. Зачем тебе дракон? Неужто тебя до такой степени ослепил золотой блеск его чешуи? Ты же не бедствуешь, у тебя неисчерпаемый источник прокорма, ты знаменита. В чем же дело? Только не говори мне о призвании, прошу тебя.

Йеннифэр молчала, наконец, скривив губы, с размаху пнула лежащий в траве камень.

– Существует человек, который может мне помочь. Кажется, это... ты знаешь, о чем я... Кажется... это не необратимо. Есть шанс. Я еще могу иметь... Понимаешь?

– Понимаю.

– Это очень сложная операция, очень дорогая. Но взамен за золотого дракона... Геральт?

Ведьмак молчал.

– Когда мы висели на мосту, – проговорила чародейка, – ты просил меня кое о чем. Я исполню твою просьбу. Несмотря ни на что.

Ведьмак грустно улыбнулся, указательным пальцем коснулся обсидиановой звезды на шее Йеннифэр.

– Слишком поздно, Йен. Мы уже не висим. Я раздумал. Несмотря ни на что.

Он ожидал самого худшего, клубов огня, молнии, удара в лицо, оскорблений, проклятий. И удивился, видя только сдерживаемую дрожь губ. Йеннифэр медленно отвернулась. Геральт пожалел о сказанном. Ему было стыдно за прорвавшиеся эмоции. Предел возможного, который он переступил, лопнул, словно струна лютни. Он взглянул на Лютика, успел заметить, как трубадур быстро отвернулся, избегая его взгляда.

– Ну так, с проблемами рыцарской чести покончено! – воскликнул уже нацепивший латы Богольт, встав перед Недамиром, все еще сидевшим на камне. – Рыцарская честь все еще валяется там и стонет. – Выражение скуки не покидало лица короля. – Глупо было, милсдарь Гилленстерн, выпускать Эйку в качестве вашего рыцаря и вассала. Я не собираюсь указывать пальцем, но знаю, кому Эйк обязан сломанными ногами. Выходит, мы быстренько, одним махом, отделались от двух проблем. От одного психа, собиравшегося по-идиотски оживлять легенды о смелом рыцаре, в поединке побеждающем дракона, и одного пройдохи, который думал на этом подзаработать. Вы знаете, о ком я говорю, Гилленстерн? Ну и лады. А теперь наш черед. Теперь дракон наш. Теперь мы, рубайлы, прикончим его. Но уже для себя.

– А уговор, Богольт? – процедил канцлер. – Как с уговором?

– В заднице у меня ваш уговор, многоуважаемый Гилленстерн.

– Это кощунство! Это измывательство над королем! – топнул ногой канцлер. – Королем Недамиром...

– Ну что король? Что король-то? – крикнул Богольт, опираясь на огромный двуручный меч. – Может, король желает самолично пойти на дракона? А может, вы, его верный слуга, упихаете

в латы свое брюхо и выйдете в поле? Почему бы нет, извольте, мы подождем, ваша милость. У вас был шанс, Гилленстерн. Если бы Эйк прикончил дракона, вы получили бы его целиком, нам не досталось бы ничего, ни единой золотой чешуйки с его хребта. А теперь поздно. Протрите глаза. Некому биться в цветах Каингорна. Второй такой дурень, как Эйк, не сыщется!

– Неправда! – Сапожник Козоед припал к королю, все еще занятому рассматриванием только ему одному ведомой точки на горизонте. – Ваше величество, милсдарь король! Погодите малость, скоро подойдут наши из Голополья! Наплюйте вы на выпендривающихся дворян, гоните их взащей! Увидите, как действуют те, кто силен рукой, а не словами!

– Закрой хайло, – спокойно бросил Богольт, стирая пятнышко ржавчины с нагрудника. – Заткни хайло, хам, не то я заткну тебе его так, что зубы в горле застрянут.

Козоед, видя приближающихся Кеннета и Нищуку, попятился за спины голопольских милиционеров.

– Король! – крикнул Гилленстерн. – Что прикажешь, король?

Гримаса безразличия вдруг сползла с лица Недамира. Несовершеннолетний монарх сморщил веснушчатый нос и встал.

– Что прикажу? – тоненько произнес он. – Наконец-то ты спросил об этом, Гилленстерн, вместо того чтобы решать за меня и говорить за меня и от моего имени. Очень рад. Отныне пусть так и будет. С этой минуты ты будешь молчать, Гилленстерн, и слушать приказы. И вот первый: собирай людей, вели положить на телегу Эйка из Денесле. Мы возвращаемся в Каингорн.

– Ваше...

– Ни слова, Гилленстерн. Госпожа Йеннифэр, благородные господа, я прощаюсь с вами. Я потерял на этой экспедиции немного времени, но и получил многое. Многому научился. Благодарю вас за слова, госпожа Йеннифэр, господин Доррегарай, господин Богольт. И благодарю за молчание, господин Геральт.

– Король, – сказал Гилленстерн. – Как же это? Что же это? Дракон уже вот-вот. Руку протянуть. Король, твоя мечта...

– Моя мечта, – задумчиво повторил Недамир. – У меня ее еще нет. А если я здесь останусь... Может, тогда ее у меня уже не будет никогда.

– А Маллеора? А рука княжны? – не сдавался канцлер, размахивая руками. – А трон? Король, тамошний народ признает тебя...

– В задницу тамошний народ, как любит говорить господин Богольт, – засмеялся Недамир. – Трон Маллеоры и без того мой, потому что у меня в Каингорне триста латников и полторы тысячи пеших против их тысячи зазнавшихся щитников. А признать меня они и без того признают. Я до тех пор буду вешать, сносить головы и волочить по улицам лошадьми, пока меня не признают. А их княжна – это жирная телка, и плевать мне на ее руку, мне нужна только ее... короче, пусть родит наследника, а потом я ее все равно отравлю. Методом мэтра Козоеда. Довольно болтать, Гилленстерн. Приступай к выполнению полученного приказа.

– Воистину, – шепнул Лютик Геральту, – он многому научился.

– Многому, – подтвердил Геральт, глядя на холмик, на котором золотой дракон, опустив узкую треугольную голову, лизал ярко-красным раздвоенным языком что-то такое, что сидело в траве около него. – Но не хотел бы я быть его подданным, Лютик.

– И что теперь с нами будет, как думаешь?

Ведьмак спокойно смотрел на маленькое серо-зеленое существо, трепыхавшее крылышками летучей мыши рядом с золотыми когтями наклонившегося дракона.

– А как тебе все это, Лютик? Что ты об этом думаешь?

– Какое значение имеет, что я думаю? Я поэт, Геральт. Разве мое мнение кому-то интересно?

– Интересно.

– Ну так я тебе скажу. Я, Геральт, когда вижу гада, змею, допустим, или другую ящерку, то меня аж тошнить начинается, так я этим паскудством брезгую и боюсь. А вот этот дракон...

– Ну?

– Он... Он красивый, Геральт.

– Спасибо, Лютик.

– За что?

Геральт повернул голову, медленно потянулся к пряжке ремня, наискось пересекавшего грудь, затянул его на две дырочки. Поднял правую руку, проверяя, в нужном ли положении находится рукоять меча. Лютик смотрел на него, широко раскрыв глаза.

– Геральт! Ты собираешься...

– Да, – спокойно сказал ведьмак. – Есть предел возможному. С меня достаточно. Ты идешь с Недамиром или остаешься, Лютик?

Трубадур наклонился, осторожно и заботливо положил лютню рядом с камнем, выпрямился.

– Остаюсь. Как ты сказал? Предел возможному? Оставляю себе право так назвать балладу.

– Это может быть твоя последняя баллада, Лютик.

– Геральт?

– Что?

– Не убивай его... Можешь?

– Меч – это меч, Лютик. Уж коли его возьмешь в руки...

– Постарайся.

– Постараюсь.

Доррегарай захихикал, повернулся к Йеннифэр и рубайлам, указал на удаляющийся королевский обоз.

– Вон там, смотрите, – сказал он, – уходит король Недамир. Больше он уже не отдает королевских приказов устами Гилленстерна. Он уходит, послушавшись гласа рассудка. Хорошо, что ты здесь, Лютик. Думаю, тебе есть смысл начать сочинять балладу.

– О чем?

– А вот о том, – чародей вынул из-за пазухи палочку, – как мэтр Доррегарай, чернокнижник, погнал по домам паршивцев, пожелавших по-паршивски убить последнего золотого дракона, оставшегося на свете. Не двигайся, Богольт! Ярпен, руки прочь от топора! И не вздумай пошевелиться, Йеннифэр! Вперед, паршивцы, за королем, как за родной матерью, марш! Марш по коням, по телегам. Предупреждаю: кто сделает хотя бы одно неверное движение, от того останется вонь и стеклышко на песке. Я не шучу.

– Доррегарай! – прошипела Йеннифэр.

– Уважаемый чародей, – дружелюбно проговорил Богольт, – ну нельзя же так...

– Молчи, Богольт. Я сказал: дракона не трогать. Легенду не убивают. Кру-у-угом – и прочь отсюда.

Йеннифэр неожиданно выбросила руку вперед, и земля вокруг Доррегарая вздыбилась голубым огнем, запылила пылью разорванного дерна и щебня. Чародей покачнувшись, охваченный пламенем. Нищука, подскочив, ударил его в лицо костяшками пальцев. Доррегарай упал, из его палочки вырвалась красная молния и погасла в камнях. Живодер, подскочив с другой стороны, пнул лежащего чародея, размахнулся, чтобы повторить. Геральт прыгнул между ними, оттолкнул Живодера, выхватил меч, ударил, метаясь между наплечником и нагрудником лат. Ему помешал Богольт, парировав удар широким клинком двуручного меча. Лютик подставил ногу Нищуке, но впустую – Нищука вцепился в яркий кафтан барда и вlepил ему кулаком меж глаз. Ярпен Зигрин, подскочив сзади, подрубил Лютику ноги, ударив топищем под коленями.

Геральт собрался в пируэте, ускользнул от меча Богольта, коротко ударил подлетевшего к нему Живодера и сорвал с него железный наручник. Живодер отскочил, споткнулся, упал. Богольт гакнул, шибанул мечом, как косой. Геральт проскочил над свистящим лезвием, головкой меча саданул Богольта в нагрудник, откинул, ударил, метая в щеку. Богольт, видя, что не сумеет парировать тяжелым мечом, бросился назад, упал навзничь. Ведьмак подскочил к нему и в этот момент почувствовал, что земля уходит у него из-под немеющих ног. Увидел, как горизонт становится дыбом. Напрасно пытаюсь сложить пальцы в защитный знак, он тяжело ударился боком о землю, выпустив меч из помертвевшей руки. В ушах гудело и шумело.

– Свяжите их, пока действует заклинание, – сказала Йеннифэр откуда-то сверху и очень издалека. – Всех троих.

Доррегарай и Геральт, оглушенные и бессильные, не сопротивляясь, позволили себя спутать и привязать к телеге. Лютик рвался и ругался, поэтому еще до того, как его связали, получил по физиономии.

– Зачем их связывать, предателей, сукиных сынов, – сказал Козоед, подходя. – Укокошить сразу, и кранты.

– Сам ты сын, к тому же сучий, – сказал Ярпен Зигрин. – Не оскорбляй собак. Пшел вон, подметка гнилая.

– Ишь какие смелые, – проворчал Козоед. – Поглядим, достанет ли вам храбрости, когда мои из Голополя подойдут, а они уже вот-вот. Посмо...

Ярпен, вывернувшись с неожиданной при его тучности ловкостью, треснул сапожника топищем в лоб. Стоявший рядом Нищука добавил пинком. Козоед пролетел несколько сажень и зарылся носом в траву.

– Вы это попомните! – крикнул он, стоя на четвереньках. – Всех вас...

– Парни! – рявкнул Ярпен Зигрин. – Надавайте сапожнику по задку, дратва его мать! Хватай его, Нищука!

Козоед ждать не стал. Вскочил и рысью кинулся в сторону восточного каньона. За ним последовали голопольские охотники. Краснолюды с хохотом кидали им в спины камни.

– Сразу как-то воздух чище стал, – засмеялся Ярпен. – Ну, Богольт, беремся за дракона.

– Не спешите, – подняла руку Йеннифэр. – Братся-то вы можете, да только за ноги. За свои. Все, сколько вас тут есть.

– Не понял? – Богольт ссутулился, глаза его зловеще разгорелись. – Что вы сказали, госпожа ведьма?

– Выматывайтесь отсюда вслед за сапожником, – повторила Йеннифэр, – все. Я сама управлюсь с драконом. Неконвенционным оружием. А на прощание можете меня поблагодарить. Не вмешайся я, вы испробовали бы на себе ведьмачьего меча. Ну, быстренько, Богольт, не заставляй меня нервничать. Предупреждаю, я знаю заклинание, с помощью которого могу превратить вас в мерин. Достаточно рукой пошевелить.

– Ну уж нет, – процедил Богольт. – Мое терпение дошло до предела возможного. Не позволю делать из себя идиота. Живо дер, отцепи-ка дышло. Чую, и мне понадобится неконвенционное оружие. Сейчас, с вашего позволения, кто-то отхватит по крестцу. Я не стану тыкать пальцем, но сей момент получит по крестцу одна паршивая ведьма.

– Только попробуй, Богольт. Доставь мне удовольствие.

– Йеннифэр, – укоризненно сказал краснолюд. – Почему?

– А может, я просто не люблю делиться, Ярпен?

– Ну что ж, – усмехнулся Ярпен Зигрин. – Глубоко человеческое чувство. Настолько человеческое, что не хуже краснолюдского. Приятно видеть свойские... свойства у чародейки. Потому как и я тоже не люблю делиться, Йеннифэр.

Он согнулся и коротко замахнулся. Железный шар, появившийся неведомо откуда и когда, свистнул в воздухе и ударил Йеннифэр в лоб. Прежде чем чародейка успела прийти в себя, она уже висела в воздухе, удерживаемая за руки Живодером и Нищукой, а Ярпен опутывал ей щиколотки веревкой. Йеннифэр яростно крикнула, но один из стоявших позади парней Ярпена закинул ей ременные поводья на голову, сильно стянул, ремень, врезавшийся в раскрытый рот, заглушил крик.

– Ну и как, Йеннифэр? – спросил Богольт, подходя. – Как же ты сделаешь из меня мерина? Коль и рукой не можешь пошевелить?

Он разорвал ей воротник кафтанчика, рубашку. Йеннифэр визжала, давясь поводьями.

– Нет у меня сейчас времени, – проговорил Богольт, бесстыже ощупывая ее под ржание краснолюдов, – но погоди малость, ведьма. Прикончим дракона – поиграем. Привяжите ее как следует к колесу, парни. Обе лапки к ободу, так, чтобы она и пальцем не пошевелила. И пусть ее теперь никто не трогает, мать вашу так, прошу прощения. Очередность установим в зависимости от того, кто как покажет себя с драконом. Эй, кто-нибудь, уберите ремень.

– Богольт, – проговорил связанный Геральт тихо, спокойно и зловеще. – Осторожней. Я отыщу тебя на краю света.

– Удивительно, – ответил рубайла так же спокойно. – Удивительно. Я б на твоём месте сидел

тихо. Я знаю тебя и вынужден серьезно отнестись к угрозе. У меня не будет выхода. Ты можешь не выжить, ведьмак. Мы еще вернемся к этому вопросу. Нищука, Живодер, на коней.

– Ну, судьба, – застонал Лютик. – На кой ляд я ввязался?

Доррегарай, наклонив голову, рассматривал сгустки крови, медленно капавшие из носа на живот.

– Может, перестанешь глазеть! – с трудом выговорила чародейка, словно змея, извиваясь в веревочной петле и напрасно пытаясь скрыть обнаженные прелести. Ведьмак послушно отвернулся. Лютик – нет.

– На то, что я вижу, – засмеялся бард, – ты небось использовала никак не меньше бочонка эликсира из поскрипа, Йеннифэр. Кожа как у шестнадцатилетки, искусай меня гусыня.

– Заткнись, курвин сын! – взывала чародейка.

– Сколько тебе, собственно, лет, Йеннифэр? – продолжал Лютик. – Сотни две? Ну, скажем, сто пятьдесят. А сохранилась как...

Йеннифэр вывернула шею и плюнула в него, но промахнулась.

– Йен, – укоризненно сказал ведьмак, вытирая оплеванное ухо о плечо.

– Пусть он перестанет глазеть!

– И не подумаю, – сказал Лютик, не спуская глаз с роскошной картины, каковую представляла собой растрепанная чародейка. – Ведь мы из-за нее тут сидим, и нам могут перерезать горло. А ее, самое большее, изнасилуют, что в ее-то возрасте...

– Заткнись, Лютик, – сказал ведьмак.

– И не подумаю, – повторил бард. – Я как раз собираюсь сложить балладу о двух сиськах и попрошу не мешать...

– Лютик, – Доррегарай потянул кровоточащим носом, – будь серьезным.

– Я и так чертовски серьезен.

Богольт, поддерживаемый двумя краснолюдами, с трудом вскарабкался в седло, тяжелый и неуклюжий от лат и наложенных на них кожаных защитных пластин. Нищука и Живодер уже сидели на конях, держа поперек седел огромные двуручные мечи.

– Лады, – кашлянул Богольт. – Пошли на него.

– Э нет, – произнес глубокий голос, звучавший как латунная труба. – Это я пришел к вам!

Из-за кольца валунов вынырнула, посверкивая золотом, длинная морда, стройная шея, вооруженная рядом треугольных зубчатых выростов, когтистые лапы. Злые змеиные глаза с вертикальными зрачками глядели из-под роговых век.

– Я не мог усидеть на поле, – сказал дракон Виллентретенмерт, осматриваясь, – потому пришел сам. Охотников биться вроде бы все меньше?

Богольт взял поводья в зубы, а длинный меч – в обе руки.

– Еффо фатит, – сказал он невнятно, грызя ремень. – Ну, ты готоф? Тафай!

– Готов, – сказал дракон, выгибая спину дугой и нагло задирая хвост.

Богольт оглянулся. Нищука с Живодером медленно, нарочито спокойно обходили дракона с двух сторон. Сзади ждали Ярпен Зигрин и его парни с топорами в руках.

– А-а-ах! – рявкнул Богольт, ударив коня пятками и поднимая меч.

Дракон сжался, припал к земле и сверху, из-за собственного хребта, словно скорпион, ударил хвостом, целясь не в Богольта, а в Нищуку, нападавшего сзади. Нищука под аккомпанемент звона, хруста и ржания свалился вместе с конем. Богольт, припав в галопе, рубанул, дракон ловко отскочил от широкого лезвия. Инерция галопа пронесла Богольта мимо. Дракон вывернулся, встал на задние лапы и рванул когтями Живодера, одним ударом разорвав живот лошади и бедро наезднику. Богольт, сильно откинувшись в седле, сумел завернуть коня и, не отпуская вожжей из зубов, атаковал снова.

Дракон хлестнул хвостом по бегущим к нему краснолюдям, повалил всех на землю и бросился на Богольта, как бы мимоходом прихлопнув Живодера, пытавшегося встать. Богольт, мотая головой, пробовал управлять разъяренным конем, но дракон был гораздо проворнее. Хитро зайдя Богольту слева, чтобы затруднить тому удары, он хватил его когтистой лапой. Конь встал на дыбы и кинулся вбок. Богольт вылетел из седла, выпустил меч и потерял шлем, рухнул спиной на землю, ударившись головой о камень.

– Ходу, парни! В горы! – взвыл Ярпен Зигрин, перебивая рев Нищуки, придавленного конем. Развеивая бородами, краснолюды рванулись к скалам со скоростью, поразительной при их коротких ногах. Дракон не преследовал. Он спокойно сидел и осматривался. Нищука метался и орал под конем, Богольт лежал неподвижно. Живодер отполз к скалам боком, словно огромный металлический краб.

– Невероятно, – шептал Доррегарай. – Невероятно...

– Эй! – Лютик рванулся в веревках так, что телега затряслась. – Что это? Вон там? Глядите!

Со стороны восточного каньона ползла огромная туча пыли, вскоре до них донеслись крики, топот. Дракон вытянул шею, рассматривая.

На равнину выкатились три большущие телеги, забитые вооруженными людьми. Разделившись, они начали окружать дракона.

– Это... Черт побери, это же милиция и цеховые из Голополья! – крикнул Лютик. – Они обошли истоки Браа! Да, это они! Гляньте-ка, Козоед, там, впереди!

Дракон опустил голову, нежно подтолкнул к возу маленькое, серенькое, попискивающее существо. Потом ударил хвостом о землю, зарычал и стрелой помчался навстречу голопольцам.

– Что это? – спросила Йеннифэр. – Это маленькое? То, что копошится в траве? Геральт?

– Это то, что дракон защищал от нас, – сказал ведьмак. – То, что недавно проклюнулось в пещере, там, в северном каньоне. Дракончик, вылупившийся из яйца драконицы, отравленной Козоедом.

Дракончик, спотыкаясь и елозя по земле выпуклым животиком, неуверенно подбежал к телеге, пискнул, встал столбиком, растопырив крылышки, потом, не задумываясь, прижался к бедру чародейки. Йеннифэр с растерянным выражением лица громко вздохнула.

– Он тебя любит, – проворчал Геральт.

– Маленький, а не дурак. – Лютик, вывернувшись в узах, ощерился. – Гляньте, куда мордашку-то сунул, хотел бы я быть на его месте, черт побери! Эй, малый, беги! Это Йеннифэр! Гроза драконов. И ведьмаков. Во всяком случае – одного ведьмака. Это уж точно.

– Помолчи, Лютик! – крикнул Доррегарай. – Глядите туда, на поле! Они уже на него напали, гром их разрази!

Телеги голопольцев, гремя, как боевые колесницы, мчались на мчащегося к ним дракона.

– Бей его! – орал Козоед, вцепившись в плечи возницы. – Бей, братва, куда попало и чем попало! Не жалей!

Дракон ловко отскочил от наезжающего на него первого воза, искрящегося остриями кос, вил и рогатин, но попал между двумя другими, из которых на него упала запущенная ремнями огромная двойная рыбацкая сеть. Дракон, запутавшись, повалился, рванулся, сжался в клубок, растопырил лапы. Сеть, разрываема на куски, громко затрещала. С первой телеги, которая уже успела развернуться, на него кинули новые сети, полностью опутавшие его. Две оставшиеся телеги развернулись и помчались к дракону, тарахтя и подскакивая на выбоинах.

– Попался в сети, карась! – орал Козоед. – Сейчас мы с тебя чешуи-то сдерем!

Дракон зарычал, пальнул вздымающимся к небу клубом дыма. Голопольские милиционеры кинулись к нему, соскакивая с телег. Дракон снова зарычал, отчаянно, вибрирующим рыком.

Из северного каньона отозвался высокий боевой клич.

Вытянувшись в сумасшедшем галопе, развевая светлыми косами, пронзительно визжа, окруженные мигающими розблесками сабель, из каньона вылетели...

– Зерриканки! – крикнул ведьмак, бессильно дергая веревки.

– О дьявольщина! – подхватил Лютик. – Геральт! Понимаешь?

Зерриканки промчались через толпу голопольцев, точно раскаленный нож сквозь кусок масла, помечая свой путь порубанными трупами, на ходу соскочили с коней, остановились около рвущегося в сетях дракона. Первый из подбежавших милиционеров тут же лишился головы. Второй замахнулся на Вэю вилами, но зерриканка, держа саблю обеими руками, распорола его от промежности до груди. Остальные поспешно ретировались.

– По телегам! – крикнул Козоед. – По телегам, ребята! Задавим их телегами!

– Геральт! – вдруг крикнула Йеннифэр, подгибая связанные ноги и резким движением всовывая их под вывернутые назад связанные руки ведьмака. – Знак Игни. Пережигай! Нащупал веревку? Пережигай, мать...

– Вслепую? – ахнул Геральт. – Я же тебя обожгу, Йен!

Он послушался, почувствовал, как печет пальцы, сложенные в знак Игни над связанными щиколотками. Йеннифэр отвернулась, стиснула зубами воротник кафтанчика, сдерживая стон. Дракончик, пища, тыркался крылышками ей в бок.

– Йен!

– Пережигай! – взывала она.

Узы сдали в тот момент, когда отвратительная удушливая вонь горячей кожи стала невыносимой. Доррегарай издал странный звук и, потеряв сознание, повис на веревках у

колеса телеги.

Чародейка, скривившись от боли, напряглась, поднимая уже свободную ногу. Крикнула яростным, полным боли и злобы голосом. Медальон на шее Геральта рвался словно живой. Йеннифэр напружинила бедро и, махнув ногой в сторону атакующих голопольских телег, прокричала заклинание. Воздух заискрился, пахло озоном.

– О боги, – изумленно простонал Лютик. – Какая будет баллада!

Заклятие, брошенное стройной ножкой, не совсем удалось чародейке. Первая телега вместе со всем, что в ней находилось, просто окрасилась в золотой, словно бабочка-калужница, цвет, чего голопольские вояки в пылу боя просто не заметили. Со второй телегой дело пошло лучше – весь ее экипаж мгновенно превратился в огромных пупырчатых лягушек, которые, потешно квакая, прыгнули во все стороны. Телега, лишившись управления, перевернулась и разлетелась в щепы. Кони, истерически ржа, умчались, волоча за собой сломанное дышло.

Йеннифэр закусила губу и снова махнула в воздухе ногой. Калужно-золотой воз, сопровождаемый браурными звуками, долетавшими откуда-то сверху, неожиданно превратился в золотистый дым, а бойцы оказались в траве, образовав красочную кучу малу. Колеса третьей телеги из круглых превратились в квадратные. Результат сказался незамедлительно. Кони встали на дыбы, телега перевернулась, а голопольское войско вывалилось на землю. Йеннифэр, уже из чистой мстительности, яростно махала ногой и выкрикивала заклятия, превращая голопольцев в черепах, гусей, тысяченожек, фламинго и поросят. Зерриканки ловко и методично дорезали остальных.

Дракон, разорвав наконец сеть в клочья, вскочил, захлопал крыльями, зарычал и помчался, вытянувшись струной, за уцелевшим от бойни сапожником Козоедом. Козоед неслись быстрее лани, но дракон был еще быстрее. Геральт, видя раскрывающуюся пасть и блестящие, острые как кинжалы зубы, отвернулся. Услышал чудовищный вопль и жуткий хруст. Лютик глупо хихикнул. Йеннифэр, бледная как полотно, согнулась пополам, вывернулась набок, и ее вырвало под телегу.

Наступила тишина, прерываемая лишь соответствующим гоготом, кваканьем и попискиванием недобитых голопольских милиционеров.

Взя, нехорошо усмехаясь, встала над Йеннифэр, широко расставив ноги. Подняла саблю. Йеннифэр, бледнея, подняла ногу.

– Нет, – сказал Борх по прозвищу Три Галки, сидевший на камне. На коленях он держал дракончика, спокойного и довольного.

– Не надо убивать госпожу Йеннифэр, – повторил дракон Виллентретенмерт. – Теперь уже нет смысла. Больше того, теперь мы благодарны госпоже Йеннифэр за неоценимую помощь. Освободи ее, Взя.

– Ты понимаешь, Геральт, – шепнул Лютик, растирая затекшие руки. – Понимаешь? Есть такая древняя легенда о золотом драконе. Золотой дракон может...

– Может принять любой облик, – проворчал Геральт. – Человеческий тоже. Я где-то слышал об этом, но не верил.

– Господин Ярпен Зигрин! – крикнул Виллентретенмерт краснолюду, вцепившемуся в отвесную скалу в двадцати локтях от земли. – Чего вы там ищете? Сурков или сусликов? Это вроде бы не ваше любимое блюдо, насколько я помню. Спускайтесь и займитесь рубайлами. Им нужна помощь. Я больше не буду убивать. Никого.

Лютик беспокойно поглядывал на зерриканоков, зорко осматривавших поле боя, пытался привести в чувство все еще лежавшего без сознания Доррегарая. Геральт смазывал мазью и перевязывал обожженные щиколотки Йеннифэр. Чародейка шипела от боли и бурчала заклинания.

Покончив с делом, ведьмак встал.

– Останьтесь здесь, – сказал он, – мне надо с ним поговорить.

Йеннифэр, морщась, встала.

– Я с тобой, Геральт, – взяла она его под руку. – Можно? Я тебя провожу, Геральт.

– Со мной? Я думал...

– Не думай, – прижалась она к его плечу.

– Йен?

– Все хорошо, Геральт.

Он взглянул ей в глаза. Теплые. Как прежде. Он наклонил голову и поцеловал ее в губы, горячие, мягкие и жадные. Как прежде.

Подошли. Йеннифэр, поддерживаемая Геральтом, глубоко, как перед королем, присела, взяв платье кончиками пальцев.

– Три Гал... Виллентретенмерт, – произнес ведьмак.

– Мое имя в вольном переводе на ваш язык означает Три Черные Птицы, – сказал дракон. Дракончик, вцепившись коготками в его предплечье, подставил шею под ласкающую руку.

– Хаос и Порядок, – улыбнулся Виллентретенмерт, – помнишь, Геральт? Хаос – это агрессия. Порядок – защита от нее. Следовало мчаться на край света, чтобы противодействовать агрессии и злу, правда, ведьмак? Особенно когда плата, по твоим словам, соответствующая. А на этот раз она явно соответствовала. Это были сокровища драконицы Миргтабракке, той, которую отравили под Голополем. Она призвала меня, чтобы я помог ей, отразил грозящее ей зло. Миргтабракке уже улетила. Вскоре после того, как с поля унесли Эйку из Денесле. Времени у нее было предостаточно, пока вы болтали и скандалили. Но она оставила мне свое сокровище, мою плату.

Дракончик пискнул и затрепыхал крылышками.

– Так ты тоже...

– Да, – прервал дракон. – Что делать, такие времена. Существа, которых вы привыкли называть чудовищами, с некоторых пор чувствуют все большую угрозу со стороны людей. Они уже не могут управиться сами. Им нужен защитник. Этаким... ведьмак.

– А цель... цель, которая – в конце пути?

– Вот она. – Виллентретенмерт поднял предплечье. Дракончик испуганно запищал. – Я ее достиг. Благодаря ему я выдержу, Геральт из Ривии, докажу, что пределов возможному нет. Ты тоже когда-нибудь найдешь такую цель, ведьмак. Даже те, которые отличаются, могут выжить. Прощай, Геральт. Прощай, Йеннифэр.

Чародейка, сильнее схватив руку ведьмака, снова присела. Виллентретенмерт встал, взглянул на нее, и лицо у него посерьезнело.

– Прости за откровенность и прямолинейность, Йеннифэр. Это написано на ваших лицах, мне даже нет нужды читать ваши мысли. Вы созданы друг для друга, ты и ведьмак. Но ничего из этого не получится. Ничего. Мне жаль.

– Знаю. – Йеннифэр слегка побледнела. – Знаю, Виллентретенмерт. Но и я хотела бы верить, что нет пределов возможному. Или хотя бы в то, что они еще очень далеки.

Взя, подойдя, коснулась плеча Геральта, быстро произнесла несколько слов. Дракон рассмеялся.

– Геральт, Взя говорит, что долго будет помнить бадью «Под Задумчивым Драконом». Она рассчитывает на то, что мы еще когда-нибудь встретимся.

– Что-что? – спросила Йеннифэр, прищурившись.

– Ничего, – быстро ответил ведьмак. – Виллентретенмерт?

– Слушаю тебя, Геральт из Ривии.

– Ты можешь принять любую форму? Любую, какую пожелаешь?

– Да.

– Почему же человека? Почему Борха с тремя галками в гербе?

Дракон дружески улыбнулся.

– Не знаю, Геральт, при каких обстоятельствах впервые встретились давние предки наших рас. Но факт в том, что для драконов нет ничего более отвратительного, чем человек. Человек пробуждает в драконах инстинктивное, нерациональное отвращение. Со мной дело обстоит иначе. Мне... вы симпатичны. Прощайте.

Это не было постепенное, расплывающееся преобразование, не туманное, пульсирующее дрожание, как при иллюзии. Это было словно мгновение ока. В том месте, где только что стоял курчавый рыцарь в накидке, украшенной гербом с тремя черными птицами, сидел золотой дракон, красиво изогнувший длинную шею. Склонив голову набок, дракон распростер крылья, ослепительно золотые в лучах солнца. Йеннифэр громко вздохнула.

Взя, уже в седле, рядом с Тэей, махнула рукой.

– Взя, – сказал ведьмак. – Ты была права.

– Хм?

– Он самый красивый.

Осколок льда

1

Дохлая овца, распухшая и вздувшаяся, нацелившаяся в небо окостеневшими ногами, пошевелилась. Геральт, сидевший на корточках у стены, медленно вытащил меч, следя за тем, чтобы клинок не звякнул об оковку ножен. В десяти шагах от него куча отбросов неожиданно взгорбилась и заколебалась. Ведьмак вскочил прежде, чем до него дошла волна вони, исторгнутой из порушенного скопища мусора и отбросов.

Оканчивающееся веретенообразным утолщением шипастое щупальце, неожиданно вырвавшееся из-под мусора, устремилось к нему с невероятной скоростью. Ведьмак мгновенно запрыгнул на останки разбитого шкафа, балансирующие на куче гнилых овощей, удержал равновесие, одним коротким движением меча рассек щупальце, отрубив палицеобразную присоску. И тут же отскочил, но, поскользнувшись на досках, по бедра погрузился в вязкую массу.

Куча словно взорвалась, вверх взвились густая вонючая жижа, черепки горшков, прогнившее тряпье и бледные ниточки квашеной капусты, а из-под них вырвалось огромное веретенообразное, бесформенное, как гротескная картофелина, тело, стегающее воздух тремя щупальцами и культей четвертого.

Геральт, увязший и лишенный возможности двигаться, ударил с широкого разворота бедер и гладко обрубил другое щупальце. Два последних, каждое с добрую ветку толщиной, тяжело упали на него, еще глубже вбивая в помойку. «Картофелина» двинулась к нему, пропахивая борозду, словно влекомая силой бочка. Он увидел, как она лопается, разевая широкую пасть, заполненную огромными неровными зубами.

Он позволил щупальцам схватить себя и, с чавканьем вырвав из смердящего месива, потащить к телу, вращательными движениями вгрызающемуся в помойку. Зубастая пасть дико и яростно зачавкала. Оказавшись рядом с жуткой пастью, ведьмак ударил мечом, ухватившись за него обеими руками, сталь вошла плавно и мягко. От тошнотворно сладкой вони перехватило дыхание. Чудище зашипело и задергалось, щупальца отпустили добычу, конвульсивно заплесали в воздухе. Геральт, погрязая в отходах, рубанул ее еще раз, наотмашь, острие отвратно заскрипело и заскрежетало по ощерившимся зубам. Существо забулькало и осело, но тут же раздулось, шипя, брызгая на ведьмака вонючим месивом. Нащупав опору отчаянными движениями увязающих ног, Геральт вырвался, бросился вперед, расталкивая отходы грудью, словно пловец воду, рубанул изо всей силы сверху, всем весом навалился на острие, входящее в тело чудища между фосфоресцирующими белыми глазищами. Чудище булькающе застонало, задергалось, разливаясь по куче отбросов, словно проколотый пузырь, разя ощутимыми теплыми волнами смрада. Щупальца вздрагивали и извивались среди гнили и мрази.

Ведьмак выбрался из гущи, встал на покачивающемся, но твердом основании. Почувствовал, как что-то липкое и отвратительное, что проникло в башмак, ползет по лодыжке. «К колодцу, – подумал он. – Поскорее отмыться от этой мерзости. Отмыться». Щупальца еще раз шлепнули по отбросам, громко и мокро, и замерли.

Упала звезда, секундной молнией оживив черный, усеянный огоньками небосвод. Ведьмак не загадал желания.

Он тяжело, хрипло дышал, чувствуя, как кончается действие принятых перед борьбой эликсиров. Прилегающий к стенам города гигантский сборник мусора и отходов, уходящий отвесно к поблескивающей ленте реки, при свете звезд выглядел красиво и привлекательно. Ведьмак сплюнул.

Чудище было мертво, уже стало частью той кучи, в которой некогда обитало.

Упала вторая звезда.

– Помойка, – с трудом проговорил ведьмак. – Мерзость, дрянь и дерьмо. 2

– От тебя зверски несет, – поморщилась Йеннифэр, не отрываясь от зеркала, перед которым смывала краску с век и ресниц. – Искупайся.

– Воды нет, – сказал он, заглянув в ведро.

– Чепуха. – Чародейка встала, широко распахнула окно. – Какую желаешь: морскую или обычную?

– Для разнообразия морскую.

Йеннифэр резко раскинула руки, выкрикнула заклинание, проделав короткое движение. В раскрытое окно вдруг повеяло насыщенной морской прохладой, створки дрогнули, и в комнату со свистом ворвалась зеленая, собранная в неправильной формы шар водяная пыль. Лохань запенилась волнующейся, бьющей о края, плещущей на пол водой. Чародейка вернулась к прерванному занятию.

– Ну как? Успешно? – спросила она. – Что там такое было, на свалке?

– Думается, риггер. – Геральт стащил башмаки, скинул одежду и опустил ноги в лохань. – Черт, Йеннифэр, холодно. Не сможешь подогреть?

– Нет. – Чародейка, приблизив лицо к зеркалу, с помощью стеклянной палочки капнула себе что-то в глаз. – Такое заклинание ужасно утомляет и вызывает у меня тошноту. А тебе после эликсиров холодная вода на пользу.

Геральт не спорил. Спорить с Йеннифэр было бесполезно.

– Трудно было? – Чародейка погрузила палочку во флакончик и капнула в другой глаз, смешно скривив рот.

– Ничего особенного.

Из-за раскрытого окна долетел грохот, треск ломаемого дерева и голос, фальшиво, нескладно и нечленораздельно повторяющий припев популярной непотребной песенки.

– Риггер. – Чародейка потянулась к очередному флакончику из стоящей на столе солидной батареи, вынула пробку. В комнате запахло сиренью и крыжовником, – Времена настали! В городе и то легко найти работу для ведьмака. Нет нужды таскаться по пустырям. Знаешь, Истредд утверждает, что это становится правилом. Место вымирающих в лесах и болотах существ занимает что-то другое, какая-то новая мутация, приспособленная к искусственной, созданной людьми среде.

Геральт, как всегда, поморщился при упоминании об Истредде. Он уже пресытился постоянными ахами и охами Йеннифэр по поводу гениальности Истредда. Даже если Истредд был прав.

– Истредд прав, – продолжала Йеннифэр, втирая в щеки и веки нечто, пахнущее сиренью и крыжовником. – Посуди сам, псевдокрысы в каналах и подвалах, риггеры на свалках, пласкуны в загаженных рвах и стоках, прудовики в мельничных прудах. Какой-то симбиоз получается, не думаешь?

«И гули на кладбищах, пожирающие покойников на следующий же день после похорон, – подумал Геральт, споласкивая мыльную пену. – Полный симбиоз. Точно».

– Да. – Чародейка отставила флакончик и баночки. – В городах тоже можно найти занятие для ведьмака. Думаю, когда-нибудь ты наконец осядешь в каком-нибудь городе.

«Скорее меня удар хватит», – подумал он. Но вслух не сказал.

Противоречить Йеннифэр значило довести дело до скандала, а скандалить с Йеннифэр было небезопасно.

– Ты закончил, Геральт?

– Да.

– Вылезай из лохани.

Йеннифэр, не вставая, небрежно махнула рукой и проговорила заклинание. Вода из лохани вместе с той, что разлилась по полу и стекала с Геральта, собралась в полупрозрачный шар и со свистом вылетела в окно. Послышался громкий плеск.

– А, чтоб вас, сукины дети! – долетел снизу сердитый возглас. – Некуда, что ли, обмылки плескать? Чтоб вас вши живьем зажрали, чтоб вас сказило, чтоб вы сдохли!

Чародейка прикрыла окно.

– Черт побери, Йен, – захохотал ведьмак. – Могла бы откинуть подальше.

– Могла, – буркнула она. – Да не хотела.

Йеннифэр взяла со стола светильник и подошла к Геральту. Белая ночная рубашка, повторяющая все движения тела, делала ее невероятно привлекательной. «Больше, чем будь она голой», – подумал он.

– Хочу тебя осмотреть, – сказала она. – Риггер мог оцарапать.

– Но не оцарапал. Я бы почувствовал.

– После эликсиров? Не смеши. После эликсиров ты не почувствуешь и открытого перелома, пока торчащая кость не станет цепляться за живые изгороди. А на риггере могло быть все, до столбняка и трупного яда включительно. В случае чего еще не поздно противодействовать. Повернись.

Он чувствовал на теле мягкое тепло светильника, случайные прикосновения ее волос.

– Вроде бы все в порядке, – сказала она. – Ляг, пока эликсиры не свалили с ног. Эти смеси чертовски опасны. Ты день ото дня постепенно убиваешь себя.

– Я вынужден принимать их перед дракой.

Йеннифэр не ответила. Снова присела к зеркалу, медленно расчесала черные, крутые, блестящие локоны. Она всегда расчесывала волосы перед тем, как лечь в постель. Геральт считал это чудачеством, но обожал наблюдать за ней во время этой процедуры и подозревал, что Йеннифэр это знала.

Ему вдруг стало очень холодно, а эликсиры буквально лихорадили его, немела шея, по низу живота ходили водовороты тошноты. Он выругался под нос, свалился на кровать, не переставая при этом глядеть на Йеннифэр.

Шевеление в углу обратило на себя его внимание. На криво прибитых к стене, покрытых тенётами оленьих рогах сидела небольшая, черная как смоль птица и, наклонив голову, глядела на ведьмака желтым неподвижным глазом.

– Что это, Йеннифэр? Откуда оно вылезло?

– Что? – повернула голову Йеннифэр. – Ах, это? Пустельга.

– Пустельга? Пустельги бывают рыжевато-крапчатые, а эта черная.

– Это магическая пустельга. Я ее сделала.

– Зачем?

– Нужно, – отрезала Йеннифэр. Геральт не стал задавать вопросов, знал, что Йеннифэр не ответит.

– Идешь завтра к Истредду?

Чародейка отодвинула флакончик на край стола, спрятала гребень в шкатулку и закрыла дверцы трельяжа.

– Иду. Утром. А что?

– Ничего.

Она легла рядом, не задув светильника. Она никогда не гасила свет, не терпела спать в темноте. Светильник ли, фонарь ли, свеча ли должны были догореть до конца.

Всегда. Еще одно чудачество. У Йеннифэр было невероятно много чудачеств.

– Йен?

– А?

– Когда мы уедем?

– Не нуди. – Она дернула перину. – Мы здесь всего три дня, а ты задаешь этот вопрос по меньшей мере трижды в день. Я сказала, у меня здесь дела.

– С Истреддом?

– Да.

Он вздохнул и обнял ее, не скрывая намерений.

– Эй, – шепнула она. – Ты же принимал эликсиры...

– Ну и что?

– Ну и ничего. – Она захихикала, словно малая девчушка, прижалась к нему, выгнувшись и приподнявшись, чтобы скинуть рубашку. Восхищение ее наготой, как всегда, отозвалось у него дрожью в спине, мурашки побежали по пальцам, соприкоснувшимся с ее кожей. Он дотронулся губами до ее груди, округлых и нежных, с такими бледными сосочками, что они выделялись только формой. Запустил пальцы в ее волосы, пахнущие сиренью и крыжовником.

Она поддавалась его ласкам, мурлыча, как кошка, терлась согнутым коленом о его бедро.

Вскоре оказалось – как обычно, – что он переоценил свою сопротивляемость магическим эликсирам, забыл об их вредном влиянии на организм. «А может, и не эликсиры, – подумал он, – может, утомление, на которое я уже рутинно не обращаю внимания? Но организм, хоть и подправленный искусственно, не поддается рутине. Реагирует естественно. Только беда в том, что происходит это тогда, когда не надо. Зараза!»

Но Йеннифэр – как обычно – не пала духом из-за каких-то пустяков. Он почувствовал, как она касается его, услышал, как мурлычет тут же около его уха. Как обычно, он невольно подумал о космическом множестве других okazji, во время которых она наверняка не упускала случая

воспользоваться этим весьма практическим заклинанием. А потом – перестал об этом думать.

Как обычно – было необычно.

Он смотрел на ее губы, на их уголки, дрожащие в безотчетной улыбке. Он хорошо знал эту улыбку, она всегда казалась ему скорее улыбкой триумфа, нежели счастья. Он никогда не спрашивал ее об этом. Знал, что не ответит.

Черная пустельга, сидевшая на оленьих рогах, встряхнула крыльями, щелкнула кривым клювом. Йеннифэр повернула голову и вздохнула. Очень тоскливо.

– Йен?

– Ничего, Геральт, – поцеловала она его. – Ничего.

Пламечко светильника дрожало. В стене скреблась мышь. Тихонько, мерно, монотонно шуршал короед в комодике.

– Йен?

– Да?

– Уедем отсюда. Я себя здесь скверно чувствую. Город влияет на меня отвратительно.

Она повернулась на бок, провела рукой по его щеке, откинула волосы, проехала пальцами ниже, коснулась затянувшихся шрамов, покрывающих шею сбоку.

– Знаешь, что означает название этого города? Аэдд Гинваэль?

– Нет. На языке эльфов?

– Да. «Осколок льда».

– Удивительно не подходит для здешней паршивой дыры.

– У эльфов, – задумчиво шепнула чародейка, – есть легенда о Королеве Зимы, которая во время бурана проносится по странам на санях, запряженных белыми лошадьми. Королева разбрасывает кругом твердые, острые, маленькие кристаллики льда, и беда тому, кому такая льдинка попадет в глаз или сердце. Он – погиб. Ничто больше не в состоянии обрадовать его, все, что хоть чуточку теплее снега, будет казаться ему некрасивым, отвратительным. Он потеряет покой, забросит все, последует за Королевой, за своей мечтой и любовью. Но... никогда не найдет ее и погибнет от тоски. Кажется, здесь, в этом городе, в незапамятные времена случилось нечто подобное. Красивая легенда, верно?

– Эльфы все ухитряются принарядить в красивые слова, – буркнул он сонно, водя губами по ее плечу. – Это вовсе не легенда, Йен. Это красивое описание отвратного явления, имя которому Дикий Гон, проклятие некоторых мест. Необъяснимое коллективное умопомрачение, заставляющее людей присоединяться к призрачному стаду, мчащемуся по небу. Мне доводилось видеть такое. Действительно, это часто случается зимой. Мне предлагали немалые деньги за то, чтобы я положил конец заразе, но я не взялся. Против Дикого Гона нет средств...

– Ведьмак, – шепнула она, целуя его в щеку. – В тебе нет ни крохи романтики. А я... я люблю легенды эльфов, они такие красивые. Жаль, у людей нет таких. Может, когда-нибудь появятся? Может, люди создадут их? Но о чем могут говорить легенды людей? Кругом, куда ни глянь, серость и неопределенность. Даже то, что начинается красиво, быстро кончается

скукой и обыденностью, заурядностью, тем человеческим ритуалом, тем тоскливым ритмом, который именуется жизнью. Ах, Геральт, нелегко быть чародейкой в нашем мире, но по сравнению с обычным человеческим существованием... Геральт? – Она положила голову на его мерно вздымающуюся грудь. – Спи. Спи, ведьмак. З

Город отвратно влиял на него.

С самого утра. С самого утра все портило ему настроение, угнетало и злило. Его злило, что он проспал и поэтому самое утро практически оказалось самым полднем. Его нервировало отсутствие Йеннифэр, которая ушла еще до того, как он проснулся.

Вероятно, торопилась, потому что все причиндалы, которые она обычно аккуратненько раскладывает по шкатулкам, в беспорядке валялись на столе, словно кости, брошенные гадалкой. Кисточки из тонкого волоса, большие для напудривания лица, маленькие, которыми она накладывала помаду на губы, и совсем малюсенькие для краски, которой она чернила брови и ресницы. Мелки и стерженьки для век и бровей. Щипчики и серебряные ложечки. Баночки и скляночки из фарфора и молочно-белого стекла, содержащие, как он знал, эликсиры и мази с такими банальными ингредиентами, как сажа, гусиный жир и морковный сок, и такими грозными, таинственными, как мандрагора, которую еще именуют поскрипом, антимоний, красавка, конопля, драконья кровь и концентрированный яд гигантских скорпионов. А надо всем этим вокруг в воздухе витали ароматы сирени и крыжовника – благовоний, которые она употребляла всегда.

Она была в этих предметах. Была в этом аромате.

Но не было ее.

Он спустился, ощущая растущее беспокойство и нарастающее раздражение. На все.

Его раздражала холодная яичница, которую подал трактирщик, на мгновение с трудом оторвавшись от девочки, которую тискал в подсобке. Раздражало, что девочке было, самое большее, двенадцать лет и в глазах у нее стояли слезы.

Теплая весенняя погода и радостный гул пульсирующей жизнью улицы не исправили Геральтова настроения. Все не нравилось ему в Аэдд Гинваэль, городке, который, по его мнению, был скверной пародией на все известные ему городки – преувеличенно шумным, душным, грязным и нервирующим.

Он неотрывно улавливал слабый запах свалки в одежде и волосах. Решил пойти в баню.

В бане испортила настроение мина банщика, глядевшего на его медальон и на меч, лежавший на краю кадки. Нервировало, что банщик не предложил ему девки. Он не думал воспользоваться девкой, но в банях их предлагали всем, поэтому его злило сделанное для него исключение.

Когда он вышел, резко пахнувший серым мылом, его настроение не улучшилось, а Аэдд Гинваэль ничуть не стал красивее. По-прежнему в нем не было ничего такого, что могло бы нравиться. Ведьмаку не нравились кучи навоза, покрывающие улочки. Не нравились бродяги, сидевшие на корточках у стены храма. Не нравились каракули, выведенные на стене и вопиющие: ЭЛЬФЫ – В РЕЗЕРВАЦИИ!

В замок его не впустили, а отослали за войтом в купеческую гильдию. Это его расстроило. Расстроило также, когда старшина цеха, эльф, велел искать войта на рынке и при этом глядел на него с презрением и превосходством, странным для того, кому вот-вот предстоит убраться в резервацию.

На рынке было пруд пруди народу, полно ларьков, телег, лошадей, волов и мух. На возвышении стоял позорный столб с правонарушителем, которого чернь забрасывала грязью и дерьмом. Правонарушитель с достойным удивления спокойствием всячески поносил своих мучителей самыми грязными словами, не очень-то возвышая голос.

Для Геральта, неплохо разбиравшегося в ситуации, цель пребывания войта в этом бедламе была абсолютно ясна. У приезжих купцов взятки были предусмотрительно заложены в ценах, стало быть, им надо было кому-то эти взятки сунуть. Войт, также знакомый с обычаем, явился, дабы купцы не страдали напрасно.

Место, где он вершил дела, было обозначено грязно-голубым балдахинном, растянутым на шестах. Там стоял стол, окруженный галдящими «клиентами». За столом сидел войт Гербольт, демонстрируя всем и вся пренебрежение и презрение, нарисованные на поблекшей физиономии.

– Эй! А ты куда?

Геральт медленно повернул голову. И моментально заглушил в себе злость, взял себя в руки, превратился в твердый, холодный осколок льда. Он уже не мог позволить себе какие-либо эмоции. У мужчины, заступившего дорогу, были желтоватые, как перья иволги, волосы, такие же брови над светлыми пустыми глазами. Тонкие кисти рук с длинными пальцами лежали на поясе из массивных латунных пластин, отягощенном мечом, булавой и двумя кинжалами.

– Ага, – сказал мужчина. – Узнаю. Ведьмак, не правда ли? К Гербольту?

Геральт кивнул, не переставая наблюдать за руками мужчины. Он знал, что их опасно было упускать из виду.

– Слышал о тебе, укротитель чудовищ, – сказал желтоволосый, внимательно глядя на руки Геральта. – Хотя, сдается, мы никогда не встречались, думаю, ты тоже обо мне слышал. Я Иво Мирс. Но все называют меня Цикада.

Ведьмак кивнул в знак того, что слышал. Знал он и цену, которую за голову Цикады давали в Вызиме, Казльфе и Ваттвейре.

Если б поинтересовались его мнением, он сказал бы, что цена слишком мала. Но его мнением не интересовались.

– Добро, – сказал Цикада. – Войт, как мне ведомо, ждет тебя. Можешь идти. Но меч, дружок, оставь. Мне тут, понимаешь, платят за то, чтобы я придерживался такого церемониала. Никто с оружием не должен подходить к Гербольту. Понятно?

Геральт равнодушно пожал плечами, расстегнул ремень, обмотал им ножны и передал меч Цикаде. Цикада усмехнулся уголком рта.

– Надо же, – сказал он. – Вежливенько, ни слова супротив. Я знал, что сплетни о тебе преувеличены. Хотелось бы, чтобы ты как-нибудь попросил меч у меня. Увидел бы ответ.

– Эй, Цикада! – крикнул войт. – Пропусти его! Идите сюда, живо, господин Геральт. Здрасьте, здрасьте. Уйдите, господа купцы, оставьте нас вдвоем. Ваши дела должны уступить проблемам гораздо более важным для города. Петиции оставьте моему секретарю!

Показная любезность встречи не обманула Геральта. Он знал, что это просто элемент торга. Купцы получили время на обдумывание, достаточно ли велики взятки.

– Бьюсь об заклад, Цикада пытался тебя спровоцировать. – Гербольт небрежно махнул рукой в ответ на столь же небрежный поклон ведьмака. – Пусть тебя это не волнует. Цикада

хватается за оружие исключительно по приказу. Правда, это ему не очень-то нравится, но, пока я плачу, он вынужден слушаться, иначе – долой со двора на большак. Не волнуйся.

– На кой вам ляд такие Цикады, войт? Неужто здесь так уж опасно?

– Не опасно, потому что плачу Цикаде. – Гербольт засмеялся. – Его слава идет далеко, и это мне на руку. Видишь ли, Аэдд Гинваэль и другие города в долине Тоины подчиняются наместнику из Рикверелина. А наместники последнее время сменяются каждый сезон. Впрочем, непонятно, зачем их менять, ведь каждый второй все равно или полу-, или четвертьэльф, проклятая кровь и порода. Все скверное – от эльфов. Каждый новый наместник, – продолжал напыжившийся Гербольт, – начинает с того, что убирает ипатов, войтов и солтысов старого режима и сажает в кресла своих родичей и знакомых. А после того, что Цикада когда-то сделал со ставленником очередного наместника, меня уже никто не пытается согнать с должности, и я теперь самый старый войт самого старого, уж и не помню, которого по счету, режима. Ну мы тут болтаем, а хрен упал, как любила говаривать моя первая жена, да будет ей земля прахом, в смысле – пухом. Перейдем к делу. Так что за гадина устроилась на нашей свалке?

– Риггер.

– В жизни ни о чем подобном не слышал. Надеюсь, убит?

– Убит.

– И во сколько же это обойдется городской казне? В семьдесят?

– В сто.

– Но, но, господин ведьмак! Уж не белены ль вы объелись? Сто марок за убитого червяка, поселившегося в куче дерьма?

– Червяк не червяк, войт, а восьмерых человек сожрал, как вы сами утверждаете.

– Человек? Тоже мне люди! Уродец, как я уже сообщал, скушал старого Закорка, известного тем, что никогда не трезвел, одну старуху из пригорода и нескольких детишек перевозчика Сулирада, что обнаружилось не прятко, потому как Сулирад и сам не знает, сколько у него детей, он их строгаёт в таком темпе, что сосчитать не успевает. Люди! Человеки! Восемьдесят!

– Если б я не убил риггера, он вскоре сожрал бы кого-нибудь позначительнее. Допустим, аптекаря. И откуда бы вы тогда брали мазь от шанкра? Сто.

– Сто марок – куча денег. Не знаю, дал бы я столько за девятиголовую гидру. Восемьдесят пять.

– Сто, милсдарь Гербольт. Учтите, хоть это и не была девятиголовая гидра, никто из местных, не исключая славного Цикады, не сумел управиться с риггером.

– Потому как никто из местных не привык копаться в дерьме и отбросах. Мое последнее слово – девяносто.

– Сто.

– Девяносто пять, чтоб тебя демоны и дьяволы...

– Согласен.

– Ну. – Гербольт широко улыбнулся. – С этим покончено. Ты всегда торгуешься с таким блеском, ведьмак?

– Нет, – не улыбнулся Геральт. – Скорее – редко. Но хотел доставить вам удовольствие, войт.

– И доставил, чтоб тебя чума... – захохотал Гербольт. – Эй, Перегрибок! А ну гони сюда! Книгу давай и мешок и отсчитай мигом девяносто марок.

– Договорились же о девяноста пяти?

– А налог?

Ведьмак неслышно выругался. Войт поставил на квитанции размашистую закорючку, потом поковырял в ухе чистым концом пера.

– Надеюсь, теперь на свалке будет покой? А, ведьмак?

– Должен. Там был только один риггер. Правда, он мог успеть расплодиться. Риггеры обоеполые, как улитки.

– Что еще за сказки? – Гербольт искоса глянул на него. – Для размножения нужны двое, то бишь самец и самка. Или риггеры плодятся, словно блохи или мыши из гнилой соломы в матрасе? Каждый дурак знает, что нет мышей и мышиц, все они одинаковые и выводятся сами из себя и из гнилой соломы.

– А улитки вылупляются из мокрых листьев, – вставил секретарь Перегрибок, все еще занятый складыванием монет в столбики.

– Каждый это знает, – согласился Геральт, дружелюбно улыбаясь. – Нет улитов и улитиц. Есть только листья. А кто думает иначе, тот ошибается.

– Довольно, – обрезал войт, подозрительно глянув на него. – Хватит трепаться о червях. Я спросил, не может ли у нас на свалке снова что-нибудь вылупиться, и будь добр ответить. Ясно и кратко.

– Примерно через месяц надо бы проверить, лучше всего с собаками. Маленькие риггеры не безопасны.

– А ты бы не мог взять это на себя, ведьмак? Относительно оплаты договоримся.

– Нет. – Геральт взял деньги из рук Перегрибка. – Я не намерен торчать в вашем прелестном городе даже неделю, не то что месяц.

– Интересные ты вещи говоришь. – Гербольт криво усмехнулся, глядя ему прямо в глаза. – Воистину интересные. Потому как, я думаю, ты пробудешь здесь дольше.

– Плохо думаете, войт.

– Неужто? Ты приехал с черной ворожейкой, как там ее, забыл... Гунивер вроде бы. «Под Осетром» остановился. Говорят, в одном с ней номере.

– А что?

– А то, что она, всякий раз как заворачивает в Аэдд Гинваэль, так быстро не выезжает. А бывать-то она у нас уже бывала.

Перегрибок улыбнулся широко, щербато и многозначительно. Гербольт по-прежнему глядел в

глаза Геральту. Без улыбки. Геральт усмехнулся. Как только мог наипаскуднейше.

– Вообще-то я ничего не знаю. – Войт отвел глаза и покрутил каблуком землю. – И мне до этого столько же дела, как до дерьма собачьего. Но чародей Истредд, запомни, у нас – особа важная. Незаменимая для города, я бы сказал, бесценная. Люди его уважают. Местные, да и неместные тоже. Мы в его чародейства носа не суем, да и в личные и всякие прочие дела тоже.

– Может, оно и верно, – согласился ведьмак. – А где он живет, позвольте узнать?

– Не знаешь? Вон видишь дом? Вон тот, белый, высокий, что торчит промеж складом и цейнгаузом, словно, чтобы долго не думать, свечка в жопе. Но сейчас ты его там не застанешь. Истредд недавно недалеко от южного вала что-то выкопал в земле и теперь роет кругом, точно крот. И людей у меня согнал на эти раскопки. Пошел я, спрашиваю вежливо: чего, мол, мэтр, копаешься в яме, словно дитя малое, люди ж смеяться начинают. Что там в той земле есть? А он поглядел на меня, как на голяка какого, и говорит: «История человечества. Ответы на вопросы. На вопросы, что было, и на вопросы, что будет». Хрен, что там было, я ему: целина, кусты и упыри, пока города не построили. А что будет, зависит от того, кого в Рикверелине наместником поставят, опять какого-нибудь полуэльфа паршивого. А в земле нет никакой истории, ничего там нет, разве что червяки, если кому для рыбалки надо. Думаешь, он послушался? Куда там! Копают дальше. Так что, ежели хочешь с ним увидеться, иди к южному валу.

– Э, милсдарь войт, – фыркнул Перегрибок, – сейчас-то он дома. Сейчас ему не до раскопок, сейчас, когда...

Гербольт грозно зыркнул на него. Перегрибок суксился и закашлялся, переступая ногами. Ведьмак, по-прежнему скверно улыбаясь, скрестил руки на груди.

– Да, хм, хм, – откашлялся войт. – Как знать, может, и верно, Истредд сейчас дома. В общем, мне-то какое дело?

– Будьте здоровы, войт, – сказал Геральт, не потрудившись даже сделать вид, будто кланяется. – Желаю успешно закончить день.

Он подошел к Цикаде, вышедшему, бренча оружием, навстречу. Молча протянул руку за своим мечом, который Цикада держал на сгибе локтя. Цикада отступил.

– Торопишься, ведьмак?

– Тороплюсь.

– Осмотрел я твой меч.

Геральт окинул его взглядом, который при всем желании нельзя было назвать теплым.

– Есть чем похвалиться, – кивнул он. – Мало кто его осматривал. А еще меньше тех, кто мог об этом рассказать.

– Хо-хо, – сверкнул зубами Цикада. – Жуть как грозно это прозвучало, аж мурашки по телу. Мне всегда было интересно, ведьмак, почему люди так вас боятся. Думаю, уже знаю.

– Я тороплюсь, Цикада. Возврати меч, будь добр.

– Дым в глаза, ведьмак, ничего больше, только дым в глаза. Вы пугаете людей, словно пасечник пчел, дымом и вонью, своими каменными физиономиями, своей болтовней, слухами, которые, верно, сами о себе распускаете. А пчелы драпают от дыма, дурные,

вместо того чтобы воткнуть жало в ведьмакову задницу, которая тут же распухнет, как и любая другая. О вас говорят, будто вы чувствуете не как люди. Брехня. Если б кого из вас как следует пырнуть, почувствовал бы.

– Ты кончил?

– Угу, – сказал Цикада, возвращая меч. – Знаешь, что меня интересует?

– Знаю. Пчелы.

– Не-а. Я вот думаю, если б ты вошел в улочку с одной стороны с мечом, а я – с другой, то кто бы из нас дошел до ее конца? Вопрос, думаю, мне, стоит того, чтобы поспорить.

– Чего ты цепляешься, Цикада? Ищешь ссоры? Что тебе надо?

– А ничего. Просто интересно, сколь правды в том, что люди болтают. Мол, вы, ведьмаки, так хороши в бою, потому как нету у вас ни сердца, ни души, ни жалости, ни совести. И этого достаточно? Обо мне, к примеру, говорят то же. И не без оснований. Вот и любопытно узнать, кто из нас двоих зашел бы в улочку и вышел бы из нее живым. А? Стоит поспорить? Как думаешь?

– Я же сказал, тороплюсь. Не стану терять времени на глупые раздумья. И спорить не привык. Ибо спорит либо дурак, либо подлец. Первый – не знает, а спорит, второй знает, но спорит. Но если тебе когда-нибудь взбредет в голову помешать мне пройти по улочке, то добром советую, Цикада, сначала подумай как следует.

– Дым, – усмехнулся Цикада. – Дым в глаза, ведьмак. Ничего больше. До встречи, как знать, может, в какой-нибудь улочке?

– Как знать. 4

– Здесь мы можем свободно поговорить. Садись, Геральт.

Больше всего в мастерской бросалось в глаза внушительное количество книг – именно они занимали большую часть просторного помещения. Толстые томища заполняли шкафы, прогибали полки стеллажей, громоздились на сундуках и комодах. На взгляд ведьмака, книги стоили целого состояния. Не было, разумеется, недостатка и в других типичных элементах декора – чучела крокодила, висящей под потолком рыбы-ежа, покрытого пылью скелета и солидной коллекции банок со спиртом, содержащих, пожалуй, любую пакость, какую только можно себе представить, – сколопендр, пауков, змей, жаб, а также неисчислимое множество человеческих и нечеловеческих органов, в основном внутренних. Был там даже гомункулус или что-то, что напоминало гомункулуса, но с таким же успехом могло оказаться копченым младенцем.

На Геральта коллекция впечатления не произвела – он полгода жил у Йеннифэр в Венгерберге, а Йеннифэр располагала еще более интересным собранием, содержащим даже невероятных размеров фаллос, взятый, кажется, от горного тролля. Было у нее не совсем удачно выполненное чучело единорога, на спине которого она обожала заниматься любовью. Геральт считал, что если и существует место, еще менее пригодное для любовных игр, так это, пожалуй, только спина единорога живого. В отличие от него, считавшего кровать роскошью и ценившего все мыслимые возможности, предоставляемые этим чудесным предметом мебели, Йеннифэр была на удивление изобретательной. Геральт вспоминал приятные моменты, проведенные с чародейкой на крутой крыше, в забитом пылью дупле, на балконе, причем – чужом, на перилах моста, в раскачивающейся на бешеной реке лодке и во время левитации в тридцати сажнях над землей. Но хуже всего был единорог. Наступил все же счастливый день, когда кукла сломалась под ними, развалилась и разлетелась на куски,

подбросив массу поводов для смеха.

– Что тебя так забавляет, ведьмак? – спросил Истредд, присаживаясь к длинному столу, уставленному невероятным количеством истлевших черепов, костей и ржавых железяк.

– Всякий раз, когда я вижу такое, – ведьмак уселся напротив и указал на банки и склянки, – я задумываюсь, действительно ли нельзя заниматься магией без всей этой мерзопакости, при одном взгляде на которую желудок подскакивает к горлу.

– Дело вкуса, – сказал чародей, – и привычки. Что одному противно, другого как-то не трогает. А что противно тебе, Геральт? Интересно, что может быть противно тому, кто, как я слышал, ради денег может по шейку лезть в дерьмо и нечистоты? Пожалуйста, не принимай мой вопрос за оскорбление или провокацию. Мне действительно интересно, чем можно вызвать у ведьмака чувство отвращения.

– А в этой баночке ты, случайно, хранишь не менструальную ли кровь невинной девицы, Истредд? Понимаешь, мне становится противно, когда я представляю себе, как ты, серьезный чародей, пытаешься с бутылочкой в руке капля по капле добыть эту ценную жидкость, преклонив колени у самого, так сказать, источника.

– В самое яблочко, – усмехнулся Истредд. – Я, разумеется, говорю о качестве шутки, потому что относительно содержимого баночки ты промахнулся.

– Но тебе доводилось использовать такую кровь, правда? К некоторым заклинаниям, я слышал, и не приступишь, если под рукой нет крови девушки, лучше всего убитой во время полнолуния молнией с ясного неба. Чем, интересно, такая кровь лучше крови старой проститутки, которая спяну свалилась с частокола?

– Ничем, – согласился чародей, мило улыбнувшись. – Но если вылезет наружу, что эту роль практически столь же успешно может выполнять кровь хряка, которую гораздо легче добыть, то любой голодранец примется экспериментировать с чарами. А вот если голытьбе придется набирать в бутылочки и использовать так заинтересовавшую тебя девичью кровь, драконьи слезы, яд белых тарантулов, бульон из отрезанных ручек новорожденных или из выкопанного в полночь трупа, то у многих, уверяю, упадет охота.

Они замолчали. Истредд, казалось, в глубокой задумчивости постукивал ногтями по лежащему перед ним потрескавшемуся, коричневому, утратившему нижнюю челюсть черепу и при этом указательным пальцем водил по зубчатому краю отверстия, зияющего в височной кости. Геральт ненавязчиво посматривал на него и пытался сообразить, сколько же чародею может быть лет. Он знал, что наиболее способные умели затормозить процесс старения перманентно в любом возрасте. Мужчины ради репутации и престижа предпочитали возраст более преклонный, зрелый, говорящий о знаниях и опыте. Женщины – типа Йеннифэр – меньше заботились о престиже, а больше о привлекательности. Истредд выглядел не старше верных сорока. У него были слегка седеющие, прямые, доходящие до плеч волосы и многочисленные, придающие серьезность морщинки на лбу, около рта и в уголках глаз. Геральт не знал, естественна или же вызвана чарами глубина и мудрость серых мягких глаз. После краткого раздумья он пришел к выводу, что это не имеет значения.

– Истредд, – прервал он молчание. – Я пришел, потому что хотел увидеться с Йеннифэр. И хоть не застал ее, ты пригласил меня зайти побеседовать. О чем? О голодранцах, пытающихся порушить вашу монополию на магию? Знаю, что к этому сброду ты причисляешь и меня. Я не удивлен. Правда, мне на мгновение почудилось, что ты окажешься не таким, как твои кореша, которые часто вступали со мной в серьезные разговоры только ради того, чтобы сообщить, как они меня не любят.

– Я не намерен извиняться за своих, как ты выразился, «корешей», – спокойно ответил

чародей. – Я их понимаю, потому что мне, как и им, пришлось крепко потрудиться, чтобы овладеть искусством чернокнижника. Еще совсем мальчишкой, когда мои ровесники бегали по полям с луками, ловили рыбу или играли в чет-нечет, я корпел над манускриптами. От каменного пола в башне у меня ломило кости и болели суставы. Летом, разумеется, потому что зимой хрустел лед на зубах. От пыли старых свитков и книг я кашлял так, что глаза лезли на лоб, а мой мэтр, старый Рётшильд, никогда не упускал случая стегануть меня по спине плеткой, считая, видимо, что иначе мне не добиться успехов в науке. Я не испробовал ни военной службы, ни девочек, ни пива. А ведь это были лучшие годы, когда все удовольствия особо притягательны и приятны.

– Несчастный, – поморщился ведьмак. – Ну прямо-таки слеза прошибает.

– К чему ирония? Я пытаюсь объяснить тебе причины, по которым чародеи не любят сельских знахарей, заклинателей, целителей, ведьм и ведьмаков. Называй это как хочешь, даже обычной завистью, но именно в этом причина антипатии. Нас злит, когда мы видим в руках профанов и халтурщиков искусство магии, которую нас научили воспринимать как элитарный дар, привилегию наилучших и священную мистерию. Даже если это дедовская, бездарная и достойная осмеяния магия. Поэтому мои коллеги тебя не любят. Я, сказать по правде, тоже.

Геральту уже надоели дискуссия, окольные разговоры, его охватило неприятное чувство беспокойства, которое действовало как улитка, ползающая по шее и спине. Он посмотрел прямо в глаза Истредду, стиснув пальцами край столешницы.

– Мы говорим о Йеннифэр, верно?

Чародей поднял голову, продолжая тихонько постукивать ногтями по лежащему на столе черепу.

– Завидная проницательность, – сказал он, выдержав взгляд ведьмака. – Прими мои поздравления. Да, относительно Йеннифэр.

Геральт смолчал. Когда-то давно, много-много лет назад, еще молодым, ведьмак поджидал в засаде мантихора. И чувствовал, что мантихор приближается. Не видел его, не слышал, но чувствовал. Он никогда не забывал этого ощущения. И теперь было то же самое.

– Твоя проницательность, – заговорил чародей, – позволит нам сэкономить массу времени, на которое ушло бы дальнейшее плутание вокруг да около. А так – вопрос поставлен открыто.

Геральт смолчал.

– Близко мы с Йеннифэр познакомились довольно давно, – продолжал Истредд. – Долгое время это было знакомство без обязательств, заключавшееся в долгих либо коротких более-менее регулярных встречах. Такие ни к чему не обязывающие связи повсеместно практикуются людьми нашей профессии. Только вот это вдруг перестало мне нравиться. Я решил предложить ей остаться со мной навсегда.

– Что она ответила?

– Сказала – подумает. Я дал ей время на размышления. Знаю, решить ей было непросто.

– Зачем ты все это говоришь, Истредд? Чем руководишься, кроме достойной уважения, но, как ни говори, странной искренности, столь редкой у людей вашего круга? Какова цель твоей искренности?

– Самая прозаическая, – вздохнул чародей. – Видишь ли, именно ты мешаешь Йеннифэр принять решение. Поэтому я прошу тебя отойти в сторону. Скрыться из ее жизни, перестать

мешать. Короче – отправиться к чертовой матери. Лучше всего втихую и не попрощавшись, как, по ее словам, ты привык поступать.

– И верно. – Геральт вымученно улыбнулся. – Твоя прямолинейность поражает меня все больше. Всего я мог ожидать, но не такой просьбы. А тебе не кажется, что, чем просить, следовало бы просто ударить в меня из-за угла шаровой молнией? И исчезла бы преграда, осталось бы лишь немножко сажи, которую надо соскрести со стены. Легкий и верный способ. Потому что, видишь ли, просьбой можно пренебречь, а шаровой молнией – нет.

– Не вижу причин для отказа.

– Почему же? Разве твоя странная просьба не простое предостережение, предваряющее молнию или какое другое не менее веселенькое действие? А может, она будет поддержана неким более звонким аргументом? Суммой, которая ошарашит жадного ведьмака? И сколько же ты намерен заплатить, чтобы я уступил тебе дорогу к счастью?

Чародей перестал постукивать по черепу, положил на него руку, сжал пальцы. Геральт заметил, как побелели фаланги.

– Я не хотел оскорблять тебя таким предложением, – сказал чародей. – Я был далек от этого. Но... если... Геральт, я чародей, и не из последних. Я не считаю нужным похвастаться всесиливием, но многие из твоих пожеланий, буде ты захотел бы их высказать, я мог бы исполнить. Некоторые, например, вот так же просто.

Он небрежно махнул рукой, словно отгоняя комара. В воздухе над столом тут же запорхало множество сказочно цветастых бабочек-аполлонов.

– Я хочу, Истредд, – процедил ведьмак, отмахиваясь от насекомых, – чтобы ты перестал лезть в наши с Йеннифэр отношения. Мне неинтересно, какие предложения ты ей делаешь. Ты вполне мог исповедоваться ей, когда она была с тобой. Потому что раньше было раньше, а теперь есть теперь. Теперь она со мной. Я что, должен отойти, облегчить тебе жизнь? Отказываюсь. Я не только не помогу, но буду мешать в меру своих скромных возможностей. Как видишь, я не менее откровенен, чем ты.

– Ты не имеешь права мне отказывать.

– За кого ты меня принимаешь, Истредд?

Чародей внимательно посмотрел на него, перегнувшись через стол.

– За ее мимолетное увлечение. За минуты опьянения, в лучшем случае за каприз, за приключение, которых у Йеннифэр были сотни, ибо Йенна обожает игру эмоций, она импульсивна, и ее капризы непредсказуемы. За это я тебя и принимаю, потому что, перекинувшись с тобой несколькими словами, понял, что она не могла относиться к тебе просто как к инструменту. А такое, поверь, с ней бывает очень часто.

– Ты не понял вопроса.

– Ошибаешься, понял. Но я умышленно говорю исключительно об эмоциях Йенны. Потому что ты – ведьмак, и никаких эмоций у тебя быть не может. А мою просьбу выполнить не желаешь лишь потому, что тебе кажется, будто она тебе нужна, думаешь, что... Нет, Геральт, ты с ней только потому, что этого хочет она, и так будет, пока она этого желает. А то, что чувствуешь ты, – лишь отражение ее эмоций, интереса, который она к тебе проявляет. Ради всех демонов Низа, Геральт, ты же не ребенок, ты же знаешь, кто ты. Мутант. Не пойми меня превратно, я не намерен тебя унижать или презирать. Просто отмечаю факт. Ты – мутант, а одно из основных свойств твоей мутации сводится к абсолютной бесстрастности. Таким тебя

сотворили, чтобы ты мог выполнять свою работу. Понимаешь? Ты не можешь ничего чувствовать. То, что ты принимаешь за чувства, – лишь клеточная соматическая память, если ты знаешь, что означает это слово.

– Представь себе – знаю.

– Тем лучше. Послушай. Я прошу тебя о том, о чем могу просить ведьмака. Человека не смог бы. Я откровенен с ведьмаком, с человеком не мог бы себе этого позволить. Геральт, я хочу дать Йенне понимание и определенность, нежность и счастье. Можешь ты положить руку на сердце предложить ей то же? Не можешь. Для тебя это ничего не значащие слова. Ты волочишься за Йенной, тешась, словно ребенок, минутной симпатией, которой она одаряет. Ты, словно одичавший кот, в которого все кидают камни, мурлычешь, радуясь тому, что нашелся кто-то, кто не брезгует тебя приласкать. Понимаешь, что я имею в виду? Знаю, понимаешь, не дурак, это ясно. Так что, сам видишь, у тебя нет права отказать мне, если я вежливо прошу.

– У меня такое же право отказывать, – процедил Геральт, – как у тебя просить, стало быть, наши права взаимоуничтожаются. А посему возвращаемся к исходной точке, а она такова: Йен, которой, видимо, наплевать и на мою мутацию, и на ее последствия, сейчас со мной. Ты сделал ей предложение – это твое право. Она сказала, что подумает? Это – ее право. Тебе кажется, якобы я мешаю ей принять решение? Будто она колеблется, и причина ее колебаний – я? А это уж – мое право. Если она колеблется, то, надо думать, не без причин. Вероятно, я что-то ей все же даю, хоть, возможно, для этого у ведьмаков в словаре и нет нужных слов.

– Послушай...

– Нет. Послушай ты. Говоришь, когда-то она была с тобой? Как знать, может, не я, а ты был всего лишь ее мимолетным увлечением, капризом, игрой эмоций, столь типичной для нее? Я даже не исключаю, Истреда, что она воспринимала тебя всего лишь как инструмент. Этого, господин чародей, нельзя исключить только на основании разговора. В таких случаях, сдается мне, инструмент бывает существеннее болтовни.

Истреда даже не дрогнул. Геральта удивило его самообладание. Тем не менее затянувшееся молчание, похоже, свидетельствовало о том, что удар попал в цель.

– Играешь словами, – сказал наконец чародей. – Упиваешься ими. Словами хочешь заменить нормальные, человеческие ощущения, которых у тебя нет. Твои слова не выражают чувств, это лишь звуки, такие же издает этот вот череп, стоит по нему постучать. Ибо ты так же пуст, как и он. Ты не имеешь права...

– Прекрати, – резко прервал Геральт. Может быть, даже слишком резко. – Прекрати упорно отказывать мне в правах, с меня достаточно, слышишь? Я сказал: наши права равны. Нет, черт возьми, мои – больше.

– Серьезно? – Чародей немного побледнел, доставив тем Геральту невыразимое удовольствие. – Это почему же?

Ведмак на секунду задумался и решил добить его.

– А потому, – выпалил он, – что вчера ночью она была со мной, а не с тобой.

Истреда пододвинул череп поближе, погладил. Рука, к огорчению Геральта, даже не дрогнула.

– По-твоему, это дает какие-то права?

– Только одно: право делать выводы.

– Та-а-ак, – протянул чародей. – Прекрасно. Ну что ж. Со мной она была сегодня утром. Сделай вывод, имеешь право. Я уже сделал.

Молчание длилось долго. Геральт отчаянно искал слова. И не нашел. Ни одного.

– Пустая болтовня, – сказал он наконец, вставая, злой на себя, потому что прозвучало это грубо и глупо. – Ухожу.

– Иди к черту, – так же грубо бросил Истредд, не глядя на него. 5

Когда она вошла, он в одежде лежал на кровати, подложив руки под голову. И притворялся, будто смотрит в потолок, хотя глядел на нее.

Йеннифэр медленно прикрыла за собой дверь. Она была прекрасна.

«Какая же она красивая, – подумал он. – Все в ней прекрасно. И опасно. Ее цвета, контраст черного и белого. Прелесть и угроза. Ее иссиня-черные волосы, натуральные локоны. Скулы, четкие, обозначенные морщинкой, которую улыбка – если она сочтет нужным улыбнуться – образует около губ, чудесно узких и бледных под помадой. Ее брови, чудесно неправильные, когда она смывает уголек, которым подчеркивает их днем. Ее нос, чудесно длинноватый. Ее маленькие руки, чудесно нервные, беспокойные и ловкие. Талия, тонкая и гибкая, подчеркнутая чрезмерно стянутым пояском. Стройные ноги, придающие во время движения красивые очертания черной юбке. Она прекрасна».

Йеннифэр молчала. Села за стол, положила подбородок на сплетенные пальцы.

– Ну хорошо, начнем. Наше затянувшееся драматическое молчание слишком банально, на мой вкус. Давай покончим с этим. Вставай и не таращись на потолок с обиженной миной на физиономии. Ситуация достаточно глупая, и нет нужды делать ее еще глупее. Вставай, говорю.

Он послушно встал, сел верхом на стул напротив. Она не избегала его взгляда. Можно было ожидать.

– Повторяю, давай покончим с этим по-быстрому. Чтобы не ставить тебя в неловкое положение, я отвечу сразу на все вопросы, их не надо даже задавать. Да, правда, отправляясь с тобой в Аэдд Гинваэль, я ехала к Истредду и знала, что, встретившись, пойду с ним в постель. Я не думала, что это выйдет наружу, а вы станете похвастаться друг перед другом. Знаю, что ты сейчас чувствуешь, и мне это неприятно, но виновной я себя не считаю.

Он молчал.

Йеннифэр тряхнула головой, ее блестящие черные локоны каскадом упали на плечи.

– Геральт, скажи что-нибудь.

– Он... – Геральт кашлянул. – Он называет тебя Йенна.

– Да. – Она не опустила глаз. – А я его – Валь. Это его имя. Истредд – прозвище. Я знаю его долгие годы. Он очень близок мне. Не смотри на меня так. Ты мне тоже близок. В этом вся проблема.

– Ты думаешь, принять ли его предложение?

– Понимаешь, думаю. Я сказала – мы знакомы много лет. Много... лет. Меня с ним объединяют увлечения, цели, стремления. Мы понимаем друг друга без слов. Он может дать мне опору, а кто знает, не придет ли день, когда опора мне потребуется. А прежде всего...

Он... он меня любит. Так я думаю.

– Я не буду тебе препятствием, Йен.

– Препятствием? Неужели ты ничего не понимаешь, глупец? Если бы ты стал мне препятствовать, если б просто помешал, я мгновенно отделалась бы от такого препятствия, телепортировала бы тебя на конец полуострова Бремервоорд либо смерчем перенесла в страну Ханна. С минимальными усилиями вплавляла бы тебя в глыбу кварца и поставила в саду на клумбе с пионами. Я могла бы так очистить твой мозг, что ты забыл бы, кем я была и как меня звали. При условии, что хотела бы. Потому что я просто могла бы сказать: «Было очень приятно, пока!» Могла бы втихую уйти, как ты это сделал однажды, сбежав из моего дома в Венгерберге.

– Не кричи, Йен, не нападай. И не вытаскивай на свет историю с Венгербергом, мы же поклялись не возвращаться к ней. Я не в обиде на тебя, Йен, я же тебя не укоряю. Знаю, что к тебе нельзя приложить обычные мерки. Ну а то, что мне грустно... Убивает сознание, что я тебя теряю... Ну так это клеточная память. Атавистические остатки чувств мутанта, очищенного от эмоций.

– Не терплю, когда ты так говоришь! – вспыхнула она. – Не терплю, когда ты произносишь это слово. Никогда больше не произноси его при мне. Никогда!

– Разве это меняет факт?! Я – мутант.

– Нет никакого факта. Не произноси при мне этого слова.

Черная пустельга, сидевшая на рогах оленя, взмахнула крыльями, заскрежетала когтями. Геральт взглянул на птицу, на ее желтый неподвижный глаз. Йеннифэр снова оперлась подбородком о сплетенные пальцы.

– Йен...

– Слушаю.

– Ты обещала ответить на вопросы. На вопросы, которые я даже не должен задавать. Остался один, самый важный. Тот, который я никогда тебе не задавал. Который боялся задавать. Ответь на него.

– Не смогу, Геральт, – жестко сказала она.

– Не верю. Я слишком хорошо тебя знаю.

– Нельзя хорошо знать чародейку.

– Ответь на мой вопрос, Йен.

– Отвечаю: не знаю. Но разве это ответ?

Они замолчали. Долетающий с улицы гул утих, успокоился. Клонящееся к закату солнце запалило огни в щелях ставен, пронизало комнату наклонными лентами света.

– Аэдд Гинваэль, – проворчал ведьмак. – Осколок льда... Я чувствовал. Знал, что этот город... враждебен мне. Он – плох.

– Аэдд Гинваэль, – повторила она громко. – Сани Королевы эльфов. Почему? Почему, Геральт?

– Я еду за тобой, Йен, потому что поводья моих лошадей запутались в полозьях твоих. А

вокруг меня – пурга. И мороз. Холод.

– Тепло растопило бы в тебе льдинку, которой я ранила тебя, – шепнула она, – и развеялись бы чары, и увидел бы ты меня такой, какова я в действительности.

– Так стегани белых коней, Йен, пусть мчат они меня на север, туда, где никогда не наступает оттепель. Чтобы никогда не наступила. Я хочу как можно скорее оказаться в твоём ледовом замке.

– Этого замка не существует. – Губы Йеннифэр дрогнули, скривились. – Он – символ. А наша езда – погоня за мечтой. Недостижимой. Потому что я, Королева эльфов, жажду тепла. В этом моя тайна. Поэтому каждый год в снежной замети несут меня мои сани через какой-нибудь городок, и каждый год кто-нибудь, пораженный моими чарами, запутывает поводыя своих лошадей в полозьях моих саней. Каждый год. Каждый год кто-нибудь новый. Без конца. Ибо тепло, которого я так жажду, одновременно уничтожает чары, уничтожает магию и прелесть. Мой избранник, пораженный ледяной звездочкой, вдруг становится обыкновенным никем. А я в его оттаявших глазах делаюсь не лучше других... смертных.

– И из-под идеальной белизны проступает весна, – сказал он. – Проступает Аэдд Гинваэль, паршивый городок с прекрасным названием. Аэдд Гинваэль со своей мусорной кучей, огромной вонючей помойкой, в которую я должен лезть, потому что мне за это платят, потому что для того меня и сделали, чтобы я лез во всякую мерзость, которая у других вызывает ужас и отвращение. Меня лишили способности чувствовать, чтобы я не мог ощущать, сколь омерзительно мерзостна эта мерзопакость, чтобы не отступал, не бежал от нее, охваченный ужасом. Да, меня лишили эмоций. Но не полностью. Тот, кто это сделал, схалтурил, Йен.

Они замолчали. Черная пустельга зашелестела перьями, раскрывая и складывая крылья.

– Геральт...

– Слушаю, Йен.

– Теперь ты ответь на мой вопрос. На тот, который я тебе никогда не задам. Тот, который боюсь... Сейчас я его тоже не задам, но ответь. Потому... потому что я очень хочу услышать твой ответ. То одно-единственное слово, которого ты никогда мне не сказал. Скажи его, Геральт...

– Не смогу, Йен.

– Почему?

– Ты не знаешь? – Он грустно улыбнулся. – Мой ответ был бы всего лишь словом. Словом, которое не выражает чувств, не выражает эмоций, потому что я их лишен. Словом, которое было бы всего лишь звуком, какой издает пустой и холодный череп, если по нему постучать.

Она молча глядела на него. Ее широко раскрытые глаза приобрели цвет фиолетового пламени.

– Нет, Геральт, – сказала она. – Это неправда. А может, правда, но не вся. Ты не лишен чувств. Теперь я вижу. Теперь я знаю, что...

Она замолчала.

– Докончи, Йен. Коль уж решилась. Не лги. Я знаю тебя. Я вижу это в твоих глазах.

Она не отвела глаз. Он знал.

– Йен, – прошептал он.

– Дай руку, – сказала она.

Она взяла его руку в свои, он сразу почувствовал покалывание и пульсирование крови в сосудах предплечья. Йеннифэр спокойным, размеренным голосом шептала заклинания, но он видел капельки пота, покрывавшие ее побледневший лоб, видел расширившиеся от боли зрачки.

Опустив его руку, она протянула ладони, пошевелила ими, ласкающими движениями поглаживая какой-то невидимый предмет, медленно, сверху вниз. Между ее пальцами воздух начал густеть и мутнеть, клубиться и пульсировать, как дым.

Он глядел словно завороченный. Магия творения, которую считали высшим достижением чародеев, всегда увлекала его гораздо больше, нежели иллюзия или трансформация. «Да, Истредд был прав, – подумал он, – по сравнению с такой магией мои знаки просто смешны».

Между дрожащими от напряжения ладонями Йеннифэр постепенно материализовалось тело птицы, черной как уголь. Пальцы чародейки нежно ласкали встопорщенные перья, плоскую головку, искривленный клюв. Еще движение, гипнотизирующе-плавное, нежное, – и черная пустельга, покрутив головой, громко заверещала. Ее сестра-близнец, все еще неподвижно сидевшая на рогах, ответила тем же.

– Две пустельги, – тихо сказал Геральт. – Две черные пустельги, созданные с помощью магии. Как понимаю, обе тебе нужны.

– Правильно понимаешь, – с трудом сказала она. – Мне нужны обе. Я ошиблась, думая, будто достаточно одной. Как сильно я ошибалась, Геральт... К такой ошибке привела меня гордыня Королевы Зимы, убежденной в своем всемогуществе. А есть вещи... которые невозможно добыть даже магией. И есть дары, которые нельзя принимать, если ты не в состоянии ответить... чем-то, столь же ценным. В противном случае такой дар протечет сквозь пальцы, растает, словно осколок льда, зажатый в кулаке. Останутся только сожаление, чувство потери и вины...

– Йен...

– Я чародейка, Геральт. Власть над материей, которой я обладаю, это дар. Дар, за который я расплачиваюсь. Я заплатила за него... Всем, что имела. Не осталось ничего.

Он молчал. Чародейка потирала лоб дрожащей рукой.

– Я ошибалась, – повторила она. – Но я исправлю свою ошибку. Эмоции и чувства...

Она коснулась головы черной пустельги. Птица нахохлилась, беззвучно раскрывая кривой клюв.

– Эмоции, капризы и ложь, увлечение и игра. Чувства и их отсутствие... Дары, которые нельзя принять... Ложь и правда. Что есть правда? Отрицание лжи? Или утверждение факта? А если факт – это ложь, что же тогда правда? Кто полон чувств, которые разрывают его, а кто – скорлупа пустого холодного черепа? Кто? Что есть правда, Геральт? Что такое правда?

– Не знаю, Йен. Скажи мне.

– Нет, – сказала она и опустила глаза. Впервые. Никогда раньше он не видел, чтобы она это делала. Никогда.

– Нет, – повторила она. – Не могу. Не могу тебе этого сказать. Это скажет птица, рожденная

прикосновением твоей руки к моей. Птица? Что такое правда?

– Правда, – сказала пустельга, – это осколок льда. 6

Хотя ему казалось, что он без цели и намерения мотается по переулкам, он вдруг оказался у южного вала, на раскопках, среди сети рвов, пересекающих руины у каменной стены, идущих зигзагами между приоткрытыми квадратами древних фундаментов.

Истредд был там. В рубахе с подвернутыми рукавами и в высоких сапогах, он покрикивал на рабочих, мотыгами разбирающих стену раскопа, заполненную разноцветными слоями земли, глины и древесного угля. Рядом на досках лежали почерневшие кости, черепки горшков и другие предметы, не узнаваемые, проржавевшие, слежавшиеся.

Чародей увидел его сразу. Отдав рабочим несколько громких приказов, он выпрыгнул из раскопа, подошел, вытирая руки о брюки.

– В чем дело? – Вопрос прозвучал неприязненно.

Неподвижно стоявший ведьмак не ответил. Рабочие, делая вид, будто трудятся, перешептываясь, наблюдали за ними.

– Ты так и пыщешь ненавистью, – поморщился Истредд. – В чем дело, спрашиваю? Ты решил? Где Йенна? Надеюсь...

– Не слишком надейся, Истредд.

– Ого, – сказал чародей. – Что-то я слышу в твоем голосе. Верно ли я тебя понимаю?

– И что же ты такое понимаешь?

Истредд упер руку в бедро и вызывающе взглянул на ведьмака.

– Не будем обманывать друг друга, Геральт. Ты меня ненавидишь, я тебя тоже. Ты оскорбил меня, сказал о Йеннифэр... сам знаешь что. Я ответил таким же оскорблением. Ты мешаешь мне, я мешаю тебе. Покончим с этим как мужчины. Другого решения я не вижу. За этим ты пришел, верно?

– Да, – ответил Геральт, потирая лоб. – Ты прав, Истредд. За этим. Несомненно.

– И правильно сделал. Так продолжаться не может. Только сегодня я узнал, что уже несколько лет Йенна мотается между нами как тряпичный мячик. То она со мной, то с тобой. Бежит от меня, чтобы найти тебя, и наоборот. Другие, с которыми она бывает в промежутках, в расчет не идут. Важны только мы двое. Так дольше продолжаться не может. Нас двое. Остаться должен один.

– Да, – повторил Геральт, не отнимая руки ото лба. – Да... Ты прав.

– В своей самонадеянности, – продолжал чародей, – мы думали, будто Йеннифэр не колеблясь выберет лучшего. Кто он будет, ни ты, ни я не сомневались. Дошло до того, что мы, словно мальчишки, начали похвалиться ее расположением, не больше, чем те мальчишки, понимая, чем было это расположение, что оно означало. Полагаю, ты, как и я, обдумал все и понял, как сильно мы ошибались. Йенна, Геральт, вовсе не намерена выбирать между нами, даже если мы примем ее выбор. Что ж, придется нам проделать это за нее. Я не собираюсь делить Йенну ни с кем, а то, что ты пришел, говорит то же и о тебе. Мы знаем ее, Геральт, слишком хорошо. Пока нас двое, ни один не может быть в ней уверен. Остаться должен один. Ты это понял, правда?

– Правда, – сказал ведьмак, с трудом шевеля помертвевшими губами. – Правда – это осколок льда...

– Что? – не понял Истреда.

– Ничего.

– Что с тобой? Ты болен или пьян? А может, набрался ведьмачьего пойла?

– Со мной все в порядке. Просто что-то... что-то попало в глаз. Остаться, Истреда, должен один. Да, за этим я и пришел. Конечно.

– Я знал, – сказал чародей. – Знал, что ты придешь. Впрочем, буду откровенен. Ты опередил меня.

– Шаровая молния? – слабо усмехнулся ведьмак.

– Возможно, – поморщился Истреда. – Возможно, и шаровая молния. Но наверняка не из-за угла. Честно, лицом к лицу. Ты – ведьмак, это уравнивает шансы. Ну, решай, где и когда.

Геральт подумал. И решился.

– Та площадка... – указал он рукой. – Я там проходил.

– Знаю. Там колодец, называется Зеленый Ключ.

– Значит, колодец. Да, у колодца... Завтра, через два часа после восхода солнца.

– Договорились. Приду вовремя.

Они стояли неподвижно, не глядя друг на друга. Наконец чародей что-то буркнул себе под нос, пнул комок глины и разбил его ударом мыска.

– Геральт?

– Что?

– Ты не чувствуешь себя немного глупо?

– Чувствую, – нехотя признался ведьмак.

– Мне полегчало, – буркнул Истреда. – Потому что я, например, чувствую себя последним кретином. Никогда не предполагал, что стану биться с ведьмаками не на жизнь, а на смерть из-за женщины.

– Я знаю, как ты себя чувствуешь, Истреда.

– Ну что ж... – Чародей вымученно улыбнулся. – Коль до этого дошло, коль я решился на шаг, столь противный моей натуре, значит... так надо.

– Знаю, Истреда.

– Конечно, ты знаешь также, что оставшийся в живых должен будет немедленно бежать и спрятаться от Йенны на краю света.

– Знаю.

– И, конечно, рассчитываешь на то, что, когда она остынет, к ней можно будет вернуться?

– Конечно.

– Ну, значит, все в порядке. – Чародей сделал такое движение, словно хотел повернуться, но после минутного колебания протянул ему руку. – До завтра, Геральт.

– До завтра. – Ведьмак пожал протянутую руку. – До утра, Истредд. 7

– Эй, ведьмак!

Геральт поднял голову от стола, на котором, задумавшись, размазывал пролитое пиво, вырисовывая фантазийные завитушки.

– Нелегко было тебя найти. – Войт Гербольт присел, отодвинул кувшины и кружки. – В трактире сказали, что ты отправился в конюшни, но там я нашел только лошадь и вьюки. А ты здесь... Это, я думаю, самая паршивая забегаловка во всем городе. Сюда заглядывают только последние голодранцы. Что делаешь?

– Пью.

– Это я вижу. Хотел с тобой поговорить. Ты трезв?

– Как новорожденный.

– Рад слышать.

– Что вам надо, Гербольт? Видите, я занят. – Геральт улыбнулся девушке, ставившей на стол очередной кувшин.

– Ходят слухи, – поморщился войт, – что вы с нашим чародеем решили укокошить друг друга.

– Это наше дело. Его и мое. Не встревайте.

– Нет, это не ваше дело, – возразил Гербольт. – Истредд нам нужен, на другого чародея нас не достанет.

– Ну так идите в храм и помолитесь за его победу.

– Не смейся, – проворчал войт. – И не мудрствуй, бродяжья твоя душа. О боги, если б не знал, что чародей мне не простит, то кинул бы тебя в яму, на самое дно, или выволок за стены парой лошадей, а то и велел бы Цикаде прирезать, как свинью. Но, увы, Истредд свихнулся на почве чести и не простит. Знаю, что не простит.

– Ну и чудненько. – Ведьмак допил очередную кружку и выплюнул на пол попавшую в пиво соломинку. – Мне посчастливилось. Это все?

– Нет, – сказал Гербольт, вынимая из-за пазухи туго набитый мешок. – Здесь сто марок, ведьмак, бери и выматывайся из Аэдд Гинваэль. Выматывайся. Лучше всего сделай это немедленно, во всяком случае, до восхода солнца. Я сказал, казне не вытянуть второго чародея, а посему не допущу, чтобы мэтр по дури рисковал жизнью в поединке с таким типом, как ты, из-за какой-то...

Он осекся и не закончил, хотя ведьмак даже не дрогнул.

– Уноси-ка отсюда свою паскудную харю, Гербольт, – сказал он. – А свои сто марок можешь засунуть себе в жопу. Уйди, меня начинает тошнить при виде твоей морды, еще немного, и я облюю тебя от шапки до сапог.

Войт спрятал мешок, положил обе руки на стол.

– Нет так нет. Я хотел по-доброму, но коли нет, то нет. Деритесь, режьте себя на куски, жгите заживо, разорвитесь на части ради девки, которая раздвигает ноги перед каждым, кто захочет. Я думаю, Истредд управится с тобой, ты, платный убийца, так что только сапоги от тебя останутся. А ежели у него не получится, то я достану тебя, еще его труп не остынет, и все кости тебе переломаю. Ни одного целого места не оставлю, ты...

Он не успел убрать рук со стола, движение ведьмака было настолько быстрым, что вылетевшая из-под столешницы рука расплылась в глазах войта, а кинжал со звоном вонзился между его пальцами.

– Возможно, – прошипел ведьмак, сжимая рукоять кинжала и уставившись в лицо Гербольта, от которого отхлынула кровь. – Возможно, Истредд меня убьет. Если же нет... Тогда я уйду отсюда, а ты, вонючка поганая, не пытайся меня задержать, ежели не хочешь, чтобы улочки вашего грязного городишки запенились от крови. Вон отсюда!

– Господин войт! Что тут происходит?

Эй, ты...

– Спокойно, Цикада, – сказал Гербольт, медленно двигая руку по столу подальше от клинка. – Ничего не случилось. Ничего.

Цикада засунул в ножны полувытянутый меч. Геральт не глядел на него. Не глядел он и на войта, который выходил из корчмы под защитой Цикады, прикрывавшего его от возможных выпадов притихших плотогонов и возниц. Он смотрел на маленького человечка с крысиной мордочкой и черными пронзительными глазками, сидевшего в нескольких столах от него.

«Занервничал я, – с удивлением отметил он. – Руки дрожат. А ведь и верно, дрожат руки-то. Со мной творится что-то неладное. Неужто это значит, что... Да, – подумал он, глядя на человечка с крысиной мордочкой. – Пожалуй, да.

Так надо...

Как холодно...»

Он встал.

Глядя на человечка, усмехнулся. Потом отвернул полу куртки, извлек из туго набитого мешочка две золотые монеты, кинул на стол. Монеты звякнули, одна, кружась, ударилась об острие кинжала, все еще торчавшего в гладкой доске стола. 8

Удар был неожиданным, палка тихо свистнула в темноте, так быстро, что еще немного, и ведьмак не успел бы заслонить голову автоматически поднятой рукой и не сумел бы смягчить удара гибким поворотом тела. Он отскочил, упал на колени, перевернулся, встал на ноги, почувствовал колебание воздуха, расступающегося под новым взмахом руки, ушел от удара ловким пируэтом, закружился между двумя наступающими на него в темноте фигурами, протянул руку над правым плечом.

Меча не было.

«Ничто не искоренит во мне этих рефлексов, – подумал он, мягко отскакивая. – Привычка? Клеточная память? Я – мутант, реагирую как мутант», – подумал он, снова падая на колени, и, избегая удара, потянулся за кинжалом к голенищу.

Кинжала не было.

Он криво усмехнулся, тут же получил палкой по голове. В глазах вспыхнуло, боль пронзила до кончиков пальцев. Он упал, расслабляясь и не переставая улыбаться.

Кто-то повалился на него, прижал к земле. Второй сорвал с пояса мешочек. Он уловил глазом блеск ножа. Сидящий у него на груди разорвал куртку под шеей, схватил за цепочку, вытянул медальон. И тут же выпустил его из руки.

– Баал-Зебута, – услышал Геральт сопение. – Ведьмак...

Второй выругался.

– У него же не было меча... О боги... Тьфу, тьфу... Бегим отседова, Радгаст! Не касайся его, тьфу, тьфу...

Луна на мгновение пробилась сквозь тонкое облако. Геральт увидел над собой тощее крысиное лицо, маленькие черные блестящие глазки. Услышал топот ног второго, удаляющийся в переулке, из которого несло кошками и прогорклым жиром.

Человек с крысиной мордочкой медленно снял колено с его груди.

– В следующий раз... – Геральт услышал его четкий шепот, – в следующий раз, ведьмак, когда захочешь покончить жизнь самоубийством, не впутывай в свои дела других. Просто повесься на вожжах в конюшне. 9

Ночью, видимо, шел дождь.

Геральт вышел из конюшни, протирая глаза и выбирая пальцами солому из волос. Восходящее солнце блестело на мокрых крышах, золотом горело в лужах. Ведьмак сплюнул, во рту все еще было неприятно, шишка на голове отдавалась тупой болью.

На барьере перед конюшней сидел черный кот и сосредоточенно лизал лапу.

– Кис, кис, кис, – позвал ведьмак.

Кот, застыв, зловеще глянул на него, прижал уши и зашипел, обнажив клыки.

– Знаю, – кивнул Геральт. – Я тебя тоже не люблю. Я просто пошутил.

Он медленными движениями стянул расслабившиеся застёжки и шнуровки курточки, выровнял на себе складки одежды, проверил, не стесняют ли они где свободу движений. Перекинул меч за спину, поправил рукоять над правым плечом. Перевязал лоб кожаным ремешком, откинув волосы назад, за уши. Натянул длинные боевые перчатки, набитые короткими конусами серебряных игл.

Еще раз глянул на солнце, сузив зрачки в вертикальные щелочки, подумал: «Прекрасный день. Прекрасный для боя».

Вздохнул, плюнул и медленно пошел вдоль улочки, вдоль стен, выделяющих резкий, пронзительный запах мокрой штукатурки, известкового связующего.

– Эй, чудак!

Он обернулся. Цикада в обществе трех подозрительно выглядевших вооруженных типов сидел на штабеле бревен, уложенных вдоль вала. Встал, потянулся, вышел на середину улочки, старательно обходя лужи.

– Далеко собрался? – спросил он, упершись узкими ладонями в увешанный оружием пояс.

– Не твое дело.

– Чтоб было ясно: чихать я хотел на войта, чародея и весь этот засранный город, – сказал Цикада, медленно выговаривая слова. – Дело в тебе, ведьмак. Ты не дойдешь до конца улочки. Слышишь? Нет? Проверить хочу, каков ты в бою. Не дает мне это покоя, ну не дает, понял? Нет? Стой, говорю.

– Прочь с дороги.

– Стой! – рявкнул Цикада, положив руку на рукоять меча. – Не понял? Драться будем. Я тебя вызываю! Счас увидим, кто из нас лучше!

Геральт, не замедляя шага, пожал плечами.

– Вызываю тебя на бой! Слышь, выродок? – крикнул Цикада, снова загораживая ему путь. – Чего ждешь? Вытягай железаку! Что, страх забрал?

Геральт продолжал идти, заставляя Цикаду пятиться, неловко идти задом. Цикадины провожатые поднялись с бревен, пошли следом за ними, однако держались в отдалении. Геральт слышал, как грязь хлюпает у них под ногами.

– Я тебя вызываю! – повторил Цикада, бледнея и краснея попеременно. – Слышь, ты, ведьмино дерьмо? Чего тебе еще надо? В харю наплевать?

– Плюй!

Цикада остановился и действительно набрал воздуха, сложив губы для плевка. Он глядел в глаза ведьмаку, а не на его руки. И это была ошибка. Геральт, по-прежнему не замедляя шага, молниеносно ударил его кулаком в игольчатой перчатке, не замахнувшись, лишь слегка согнув колени. Ударил прямо по кривящимся губам. Губы Цикады лопнули, словно раздавленные вишни. Ведьмак сгорбился и ударил еще раз в то же самое место, на этот раз сделав короткий замах и чувствуя, как вслед за силой и инерцией удара выхлестывает ярость. Цикада, повернувшись на одной ноге в грязи, а другой в воздухе, рыгнул кровью и навзничь шлепнулся в лужу. Ведьмак, слыша за спиной шипение клинка в ножнах, остановился и медленно повернулся, держа руку на эфесе меча.

– Ну, – сказал он дрожащим от злости голосом. – Ну, давайте!

Тот, который достал оружие, смотрел ему в глаза. Секунду. Потом отвел взгляд. Двое других попятнулись. Сначала медленно, потом все быстрее. Слыша это, человек с мечом тоже отступил, беззвучно шевеля губами. Тот, который был дальше всех, развернулся и побежал, разбрызгивая грязь. Остальные замерли на месте, не пытаясь приблизиться.

Цикада развернулся в грязи, приподнялся, упершись локтями, забормотал, кашлянул, выплюнул что-то белое вместе с большой порцией красного. Проходя мимо него, Геральт с отвращением пнул его в щеку, сломав лицевую кость и снова повалив в лужу.

И, не оглядываясь, пошел дальше.

Истредд уже ждал у колодца. Он стоял, опершись о венцы деревянной, обросшей зеленым мхом клетки. На поясе висел меч. Прекрасный, легкий терганский меч с полузакрытой гардой, касающийся окованным концом ножен блестящего голенища охотничьего сапога. На плече чародея сидела нахохлившаяся черная птица.

Пустельга.

– Пришел, ведьмак. – Истредд подставил пустельге руку в перчатке, нежно и осторожно

посадил птицу на навес над колодцем.

– Пришел, Истредд.

– Не думал. Полагал – выедешь.

– Не выехал.

Чародей свободно и громко рассмеялся, откинув голову назад.

– Она хотела нас... хотела нас спасти, – сказал он. – Обоих. Ничего не получилось, Геральт. Скрестим мечи. Остаться должен один.

– Ты намерен драться мечом?

– Тебя это удивляет? Но ведь и ты намерен драться мечом. Давай!

– Почему, Истредд? Почему мечом, а не магией?

Чародей побледнел, нервно дрогнули губы.

– Давай, говорю! – крикнул он. – Не время задавать вопросы. Время вопросов миновало! Наступило время действий!

– Я хочу знать, – медленно сказал Геральт. – Я хочу знать, почему мечом. Хочу знать, как и зачем оказалась у тебя черная пустельга. Я имею право знать. Имею право на... правду, Истредд.

– Правду? – горько повторил чародей. – Ну что ж, может, и имеешь. Да, может, имеешь. Наши права равны. Пустельга, говоришь? Прилетела на заре, мокрая от дождя. Принесла письмо. Коротенькое, я его знаю на память. «Прощай, Валь. Прости. Есть дары, которых нельзя принимать, а во мне нет ничего, чем бы я могла отблагодарить. И это правда, Валь. Правда – осколок льда». Ну, Геральт? Я удовлетворил тебя? Ты воспользовался своим правом?

Ведьмак медленно кивнул.

– Хорошо, – сказал Истредд. – Теперь я воспользуюсь своим. Потому что не принимаю во внимание этого письма. Я не могу без нее... Предпочитаю уж... Приступим, черт побери!

Он сгорбился и выхватил меч быстрым, ловким движением, свидетельствующим о навыке. Пустельга заскрежетала.

Ведьмак стоял неподвижно, опустив руки.

– Чего ждешь? – крикнул чародей.

Геральт медленно поднял голову, некоторое время глядел на него, потом развернулся на каблуках.

– Нет, Истредд, – сказал он тихо. – Прощай.

– Что это значит, черт побери?

– Истредд, – бросил Геральт через плечо, остановившись. – Не впутывай в свои дела других. Если иначе не можешь, повесься в конюшне на вожжах.

– Геральт! – крикнул чародей, и голос у него вдруг надломился и резанул уши фальшивой злой нотой. – Я не откажусь! Она не убежит от меня! Я поеду за ней в Венгерберг, поеду за

ней на край света, я найду ее! Я не откажусь от нее никогда! Знай об этом!

– Прощай, Истредд.

Он отошел в переулок, ни разу не обернувшись. Шел, не обращая внимания на людей, прытко уступающих ему дорогу, на поспешно захлопывающиеся двери и ставни. Он не замечал никого и ничего.

Он думал о письме, которое ожидает его в корчме.

Пошел быстрее. Знал, что в изголовье кровати ожидает мокрая от дождя черная постельга, держащая в кривом клюве письмо. Он хотел как можно скорее прочесть его.

Хотя знал содержание.

Вечный огонь

1

– Ах ты, свинтус! Ах ты, рифмоплет паршивый! Ах ты, изменщик!

Геральт, заинтригованный, потянул кобылу за угол. Не успел он установить источник воплей, как к ним присоединился глубокий липко-стеклянный звон. «Вишневое варенье, – подумал ведьмак. – Такой звук издает банка вишневого варенья, если запустить ее с большой высоты и с большой силой». Это-то он знал отлично. Йеннифэр, когда они жили вместе, доводилось во гневе кидать в него банками варенья. Которые она получала от клиентов. Потому что сама Йеннифэр понятия не имела о том, как варить варенье, а магия в этом отношении не всегда давала положительные результаты.

За углом, перед узким, покрашенным в розовое домиком, собралась солидная кучка ротозеев. На маленьком, украшенном цветами балкончике, под наклонным навесом стояла молодая светловолосая женщина в ночной сорочке. Выгнув пухленькое и кругленькое плечико, выглядывающее из-под оборок, она с размаху запустила вниз обитый по краям цветочный горшок.

Худощавый мужчина в сливового цвета шапочке с белым пером отскочил словно ошпаренный, горшок шмякнулся о землю прямо у его ног и разлетелся на куски.

– Ну, Веспуля! Ну, Веспуленька! Ну, радость моя! – крикнул мужчина в шапочке с пером. – Не верь сплетням! Я хранил тебе верность, провалиться мне на этом самом месте, если вру!

– Прохвост! Чертово семя! Бродяга! – взвизгнула пухленькая блондинка и скрылась в глубине дома. Видать, в поисках очередных снарядов.

– Эй, Лютик! – окликнул мужчину ведьмак, влача на поле боя упирающуюся и фыркающую кобылу. – Как жизнь? Что происходит?

– Жизнь? Нормально, – ослабившись, проговорил трубадур, – как всегда. Привет, Геральт! Каким ветром занесло? А, черт, осторожней!

Оловянный бокал свистнул в воздухе и с грохотом отскочил от брусчатки. Лютик поднял его, осмотрел и кинул в канаву.

– Забирай свои шмотки! – крикнула блондинка, призывно играя оборками на пухленьких грудках. – И прочь с глаз моих! Чтоб ноги твоей больше тут не было, стихоплет!

– Это не мое, – удивился Лютик, поднимая с земли мужские брюки с гачами разного цвета. – В жизни у меня не было таких штанов.

– Убирайся! Видеть тебя не желаю! Ты... ты... Знаете, какой он в постели? Никудышный! Никудышный, слышишь! Слышите, люди?

Очередной горшок просвистел в воздухе, зафурчал торчащим из него сухим стеблем. Лютик едва увернулся. Вслед за горшком полетел медный котел никак не меньше чем в два с половиной галлона. Толпа зевая, держась за пределами обстрела, тряслась от хохота. Самые большие остряки хлопали в ладоши, кричали «бис» и убеждали блондинку действовать активнее.

– Слушай, а у нее в доме нет катапульты? – забеспокоился ведьмак.

– Не исключено, – сказал поэт, задрав голову к балкону. – У нее дома жуткий склад рухляди. Штаны видел?

– А может, лучше уйти? Вернешься, когда утихомирится.

– Еще чего? – скривился Лютик. – Возвращаться в дом, из которого в тебя бросают оскорбления и медные котлы. Сей непороч... виноват, непрочный союз я в одностороннем порядке объявляю разорванным. Подождем только, пусть выкинет... О мать моя, нет! Вespуля! Моя лютня!

Он бросился к дому, протянув руки, споткнулся, упал, схватил инструмент в последний момент, уже над самой брусчаткой. Лютня проговорила стонуще и певуче.

– Уф-ф, – вздохнул бард, поднимаясь с земли. – Порядок. Отличная штука, Геральт, теперь можно идти. Там, правда, еще остался плащ с куньим воротником, но ничего не попишешь, пусть мне будет хуже. Плащ, насколько я ее знаю, она не выкинет.

– Ах ты, лживое дерьмо! – разоралась блондинка и сплюнула с балкона, разбрызгивая слюну.
– Ах ты, бродяга! Ах ты, фанфарон хриплый!

– Что это она тебя так, а? Проштрафился в чем?

– Да нет, все нормально, – пожал плечами трубадур. – Она требует моногамии, мать ее так-то, а сама кидает в людей чужими портками. Слышал, как она меня обзывала? О боги, мне тоже известны такие, которые приятнее отказывают, чем она дает, но я же не кричу об этом на улицах. Пошли отсюда.

– Куда?

– А как думаешь? В Храм Вечного Огня, что ли? Пошли, завалимся в «Наконечник Пики». Надо успокоить нервы.

Ведьмак, не протестуя, повел кобылу за Лютиком, бодро нырнувшим в узкий проулок. Трубадур на ходу подкрутил колки лютни. Потренькал на струнах, взял глубокий вибрирующий аккорд.

Уж осень зиму ветром кличет,

Слова теряют смысл и звук,

И бриллианты слез с ресничек

Дождинками спадают вдруг...

Он замолчал, весело помахал рукой двум девчонкам, проходившим мимо с корзинками, полными овощей. Девчонки захихикали.

– Что привело тебя в Новиград, Геральт?

– Закупки. Упряжь, немного снаряжения. И новая куртка. – Ведьмак одернул шуршащую, пахнущую новизной кожу. – Как тебе нравится моя новая одежда, Лютик?

– Отстаешь от моды, – поморщился бард, стряхивая куриное перо со своего блестящего василькового кафтана с рукавами пухом и воротником зубчиками. – Ах как я рад, что мы встретились. Здесь, в Новиграде, столице мира, центре и колыбели культуры. Здесь просвещенный человек может вздохнуть полной грудью.

– А не перейти ли нам дышать полной грудью на улочку подальше? – предложил Геральт, глядя на оборванца, который, присев на корточки и выкатив глаза, справлял большую нужду в проулке.

– Очень уж язвительным стал твой вечный сарказм. – Лютик снова поморщился. – Говорю тебе: Новиград – пуп мира. Почти тридцать тысяч жителей, не считая гостей столицы, представляешь? Каменные дома, мощеные улицы, морской порт, склады, четыре водяные мельницы, бойни, лесопилки, крупное башмачное производство и вдобавок все вообразимые цехи и ремесла. Монетный двор, восемь банков и девятнадцать ломбардов. Дворец и кордегардия – аж дух захватывает. И развлечения: эшафот, шибеница с опускающейся платформой, тридцать пять трактиров, театр, зверинец, базар и двенадцать борделей. И храмы, не помню уж сколько. Много. Ну а женщины, Геральт! Умытые, чистенькие и ароматные, бархат и шелк, корсеты и ленточки... Ах, Геральт! Стихи так и просятся на уста:

Где ты живешь, белым-бело от снега.

Покрыты льдом и речки, и поля.

В твоих очах печаль, призыв и нега,

Но... зимним сном охвачена земля.

– Новая баллада?

– Ага. Назову ее «Зима». Только она еще не готова, никак не могу окончить. Из-за Веспули меня так и трясет, и рифмы не держатся в голове. Да, Геральт, совсем забыл, как там Йеннифэр?

– Никак.

– Понимаю.

– Ничего ты не понимаешь. Ну, где твоя корчма, далеко еще?

– За углом. О, мы уже на месте. Видишь вывеску?

– Вижу.

– Приветствую и низко кланяюсь, – улыбнулся Лютик девушке, подметавшей лестницу. – Вам, милостивая государыня, уже кто-нибудь говорил, что вы прелестны?

Девушка покраснела и крепче ухватилась за метлу. Геральт подумал было, что она вот-вот приложит трубадуру палкой. Но ошибся. Девушка мило улыбнулась и затрепыхала ресницами. Лютик, как обычно, не обратил на это никакого внимания.

– Приветствую и желаю всего наилучшего! Добрый день! – загремел он, входя в корчму, и резко провел большим пальцем по струнам лютни. – Мэтр Лютик, знаменитейший поэт в сей благодатной стране, посетил твой неопрятный кабаk, хозяин! Ибо возжелал выпить пива. Ценишь ли ты честь, оказываемую тебе мною, мошенник?

– Ценю, – буркнул трактирщик, выходя из-за стойки. – Рад вас видеть, господин певун. Вижу, ваше слово и взаправду не дым. Вы ведь обещали зайти сразу же поутру и заплатить за вчерашнее. А я-то, это ж надо, подумал, вы врете, как всегда. Я прям-таки сгораю со стыда.

– Совершенно напрасно сгораешь, добрый человек, – беспечно бросил трубадур. – Потому как денег у меня нет. Поговорим об этом после.

– Нет уж, – холодно бросил трактирщик. – Поговорим сейчас. Кредит кончился, уважаемый господин поэт. Два раза меня не проведешь.

Лютик повесил лютню на торчащий в стене крюк, уселся за стол, снял шапочку и задумчиво пригладил припиленную к ней эгретку.

– Ты при деньгах, Геральт? – спросил он с надеждой в голосе.

– Нет. Все, что было, ушло на куртку.

– Скверно и паршиво, – вздохнул Лютик. – Черт, ни одной живой души, ну никого, кто мог бы угостить. Эй, хозяин, что так пусто нынче?

– Еще слишком рано для обычных гостей. А подмастерья каменщицкие, те, что храм ремонтируют, уже побывали и вернулись на стройку, забрав мастера.

– И никого больше? Никогошеньки?

– Никого, кроме благородного купца Бибервельта, который завтракает в большом эркере.

– Э, так Даинти тут? – обрадовался Лютик. – Надо было сразу сказать. Пошли в эркер, Геральт. Бибервельта, низушка, знаешь?

– Нет.

– Не беда. Познакомишься. Ого! – воскликнул трубадур, направляясь в боковую комнату. – Чую с запада веяние и дух луковой похлебки, столь милые моему обонянию. Ку-ку! Это мы! Нежданчики!

В эркере, за средним столом, у столба, украшенного гирляндами чеснока и пучками трав, сидел пухлощекий кудрявый низушек в фисташково-зеленой жилетке. В правой руке у него была ложка, левой он придерживал глиняную тарелку. При виде Лютика и Геральта низушек замер, раскрыв рот, а его огромные орехового цвета глаза расширились от страха.

– Привет, Даинти, – сказал Лютик, весело помахав шапочкой. Низушек по-прежнему не изменил позы и не прикрыл рта. Рука у него, как заметил Геральт, слегка подрагивала, а свисающая с ложки длинная ниточка вареного лука раскачивалась, словно маятник.

– Пппп-приве-ет, Лю-ю-тик, – заикаясь, выдавил он и громко сглотнул.

– Икота замучила? Хочешь, напугаю? Сразу пройдет! Слушай: на заставе видели твою женушку! Вот-вот явится! Гардения Бибервельт собственной персоной, ха-ха-ха!

– Дурак ты, Лютик, – укоризненно проговорил низушек.

Лютик снова жемчужно рассмеялся, одновременно взяв два сложных аккорда на струнах лютни.

– Потому как мина у тебя исключительно глупая, братец, а таращишься ты на нас так, словно у нас рога и хвосты выросли. А может, ведьмака испугался? А? Или, думаешь, начался сезон охоты на низушков? Может...

– Прекрати, – не выдержал Геральт, подходя к столу. – Прости, дружище. Лютик сегодня перенес тяжелую личную трагедию и еще не оправился. Вот и пытается шуткой прикрыть печаль, угнетение и стыд.

– Не говорите. – Низушек втянул наконец содержимое ложки. – Сам угадаю. Любезная Веспуля звезданула его по кумполу горшком и выперла наконец взащей? Так, Лютик?

– Я не разговариваю на деликатные темы с личностями, кои сами жрут и пьют, а друзей заставляют стоять, – проговорил трубадур и тут же, не ожидая приглашения, уселся. Низушек зачерпнул ложку похлебки и слизнул свисающие с нее нитки сыра.

– Что правда, то правда, – угрюмо произнес он. – Приглашаю, куда ж деваться. Присаживайтесь и... чем хата богата. Отведайте луковой похлебки.

– В принципе-то я так рано не ем, – задрал нос Лютик. – Но уж, так и быть, уважу. Только не на пустой желудок. Эй, хозяин! Пива, любезный, да живо!

Девушка с красивой толстой косой, свисающей до ягодич, принесла тарелки с похлебкой и кубки. Геральт, приглядевшись к ее кругленькой, покрытой пушком мордашке, отметил для себя, что у нее были бы вполне приличные губки, если б она помнила о том, что ротик надобно хоть иногда прикрывать.

– Дриада лесная! – воскликнул Лютик, хватая руку девушки и целуя ее в ладошку. – Сильфида! Волшебница! Божественное создание с глазами, словно васильковые озера! Прелестная, как утренняя заря, а форма губ твоих, возбуждающе приоткрытых...

– Дайте ему пива, быстренько, – простонал Даинти Бибервельт. – Не то случится несчастье.

– Не случится, не случится, – заверил бард. – Правда, Геральт? На всем белом свете не найти более спокойных людей, нежели мы двое. Я, милсдарь купец, поэт и музыкант, а музыка умягчает обычаи. А наличествующий здесь, в эркере, ведьмак вообще опасен исключительно для чудищ, чудовищ и уродцев. Познакомься: Геральт из Ривии, гроза упырей, упыриц, упырих, оборотней и всяческой мерзопакостности. Небось слышал о Геральте, Даинти?

– Слышал. – Низушек подозрительно глянул на ведьмака. – Ну и что?.. Что поделяваете в Новиграде, милсдарь Геральт? Неужто туточки появились какие-ниабудь страшные монстры? Вас... хм-хм... наняли?

– Нет, – улыбнулся ведьмак, – я на отдыхе.

– О! – произнес Даинти, нервно перебирая волосатыми ногами, на пол-локтя не достающими до пола. – Это славно...

– Что – славно? – Лютик проглотил ложку похлебки и запил пивом. – Не хочешь поддержать нас, Бибервельт? В увеселениях, разумеется. Ишь как все славно складывается. Здесь, в «Наконечнике Пики», мы намерены подвыпить. А потом планируем забежать в «Пассифлору» – это очень дорогой и приличный бордель, на простом языке «Страстоцветом» именуемый, где можно пригласить полуэльфку, а если повезет, то и чистокровку. Однако нам нужен спонсор.

– Кто-кто?

– Ну, тот, кто будет платить.

– Так я и думал, – буркнул Даинти. – Сожалею. Во-первых, у меня деловая торговая встреча. Во-вторых, нет средств на оплату подобных увеселений. В-третьих, в «Страстоцвет» пускают только людей.

– А мы кто – совы сычные или как там? Ах да, понимаю. Туда не пускают низушков. Это верно. Ты прав, Даинти. Здесь Новиград. Столица мира.

– Да, – произнес низушек, не отрываясь от ведьмака и странно кривя губы. – Ну так я уж пойду. Я договорился...

Дверь эркера с грохотом отворилась, и в комнату влетел... Даинти Бибервельт.

– О боги! – взвизгнул Лютик.

Низушек, появившийся в дверях, ничем не отличался от низушка, сидящего за столом, если не считать, что за столом сидел чистый, а в дверях стоял грязный, побитый и помятый.

– Вот где ты, сучий хвост! – рывкнул грязный низушек, кидаясь к столу. – Ах ты, ворюга!

Его чистый близнец вскочил, опрокинув табурет и свалив со стола посуду. Геральт отреагировал автоматически и молниеносно: схватив со скамьи меч в ножнах, он съездил Бибервельту по загривку тяжелым ремнем. Низушек рухнул на пол, суксился, юркнул меж ног Лютика и на четвереньках почимчивал к выходу, при этом его руки и ноги вдруг вытянулись, словно лапки паука. Увидев это, грязный Даинти Бибервельт разразился бранью, взвыл и отскочил, с грохотом врезавшись спиной в деревянную перегородку. Геральт кинул ножны, пинком отбросил с дороги стул и рванул в погоню. Чистый Даинти Бибервельт кузнечиком перескочил порог эркера, влетел в общую залу, натолкнулся на девицу с полураскрытым ртом. Увидев его длинные лапы и карикатурно расплывшуюся физиономию, девушка разинула рот на всю возможную ширину и издала пронизывающий уши вопль. Геральт, воспользовавшись потерей темпа, вызванной соударением Лжедаинти с девушкой, догнал его на середине залы и ловким пинком в колено повалил на пол.

– Не рыпайся, братишечка, – прошипел он сквозь стиснутые зубы, приставив к монстру острие меча. – Не рыпайся.

– Что тут творится? – зарычал трактирщик, подбегая с черенком от лопаты в руке. – Что еще за фокусы? Стража! Дэчка, жми за стражей!

– Не-е-е! – взвыло существо, прижимаясь к полу и еще больше деформируясь. – Смилуйтесь, не-е-е!

– Никакой стражи! – поддержал его грязный низушек, вылетая из эркера. – Держи девчонку, Лютик!

Трубадур схватил верещащую Дэчку, невзирая на спешку, старательно выбирая места. Дэчка запищала и осела на пол у его ног.

– Спокойно, хозяин, – с трудом выговорил Даинти, – это дело личное, не надо стражи. Я покрою ущерб.

– Нет никакого ущерба, – трезво проговорил трактирщик, осматривая залу.

– Но будет, – скрежетнул толстенький низушек. – Потому как сейчас я стану его бить. И еще как! Я стану бить его жестоко, долго и страстно, и тогда он тут все раздолбает.

Распластавшаяся на полу длиннолапая карикатура на Даинти Бибервельта жалостливо захрипела.

– Ничего подобного, – проговорил холодно трактирщик, прищурившись и слегка приподняв черенок. – Бейте его сколь влезет на улице или во дворе, господин низушек. Потому как это... это же прямо-таки уродец какой-то!

– Хозяин, – спокойно произнес Геральт, не ослабляя нажатия клинка на шею уродца. – Главное – не волноваться. Никто ничего не разобьет, не будет никакого ущерба. Мы владеем ситуацией. Я – ведьмак, а уродец, как видите, у меня в руках. Однако, поскольку это действительно похоже на личные отношения, мы спокойно выясним их в эркере. Отпусти девушку, Лютик, и иди сюда. У меня в сумке лежит серебряная цепочка. Вынь ее и как следует стяни лапы этому типу. В локтях, за спиной. Не шевелись, братишечка.

Существо тоненько заскулило.

– Порядок, Геральт, – сказал Лютик. – Связал. Пошли в эркер. А вы, хозяин, чего стоите? Я же заказывал пиво. А уж если я заказываю пиво, то его должно подавать до тех пор, пока я не крикну: «Воды!»

Геральт подтолкнул связанное существо к эркеру и грубо усадил у столба. Даинти Бибервельт тоже уселся, глянул с неприязнью.

– Это ж жуть, как оно выглядит, – сказал он. – Ну прямо куча прокисшего теста. Глянь на его нос, Лютик, вот-вот отвалится, собачья мать. А уши – как у моей тещи перед самыми похоронами. Бррр!

– Минуточку, – буркнул Лютик. – Ты – Бибервельт? Ну да, несомненно. Но то, что сидит у столба, только что было тобою. Если я не ошибаюсь. Геральт! Все взоры обращены на тебя. Ты – ведьмак. Что тут, черт побери, дается? Что это?

– Мимик.

– Сам ты мимик, – гортанно проговорило существо, болтая носом. – Никакой я не мимик, а допплер, и зовут меня Тельико Луннгревинк Леторт. Сокращенно Пенсток. Друзья называют меня Дуду.

– Я те щас покажу Дуду, сукин сын! – рявкнул Даинти, замахиваясь на него кулаком. – Где мои кони? Ворюга!

– Милсдари, – напомнил трактирщик, входя с кувшином и охалкой кружек. – Вы обещали, что будет спокойно.

– Ох, пиво, – вздохнул низушек. – Ну и жажда, черт побери. И голод!

– Я бы тоже выпил, – невнятно сообщил Тельико Луннгревинк Леторт.

Никто не обратил внимания.

– Что это такое? – спросил трактирщик, поглядывая на существо, которое при виде пива высунуло из-за отвисших тестообразных губ длинный язычище. – Что это за штука, господа?

– Мимик, – повторил Геральт, не обращая внимания на гримасы уродца. – Впрочем, у него много названий. Подвойняк, векслинг, бедняк. Или доплер, как он сам себя окрестил.

– Векслинг? – выкрикнул трактирщик. – Здесь, в Новиграде? В моем заведении? А ну быстро, надоть вызвать стражу. И богослужителей.

– Потише! Потихе! – кашлянул Даинти Бибервельт, спешно подъедая похлебку Лютика из чудом уцелевшей тарелки. – Еще успеется. Но потом. Этот стервец обокрал меня, я не намерен отдавать его здешним властям, пока не получу свою собственность. Знаем мы вас, новиградцев, и ваших судей тоже. Вернут, может, одну десятую, не больше.

– Смилуйтесь, – душераздирающе завопил доплер. – Не выдавайте меня людям! Вы знаете, что они творят с нами?

– Именно что знаем, – кивнул трактирщик. – Над пойманным доплером богослужители читают экзорцизмы. А потом связывают, облепляют толстым слоем глины с опилками и обжигают до тех пор, пока глина не превратится в кирпич. По крайней мере так делали раньше, когда эти чудища попадались чаще.

– Варварский обычай, воистину человеческий, – поморщился Даинти, отодвигая пустую уже тарелку. – Впрочем, возможно, это и справедливое наказание за бандитизм и воровство. Ну, давай говори, подлец, где мои кони? А ну быстренько, а то протяну твою носюру между ног и засуну в задницу! Где мои кони, спрашиваю?

– Про... продал, – простонал Тельико Луннгревинк Леторт, а отвисшие уши вдруг собрались у него в шарики, напоминающие миниатюрные кочанчики брюссельской капусты.

– Провал? Вы слышали? – вскипел низушек. – Он продал моих лошадок!

– Ясное дело, – сказал Лютик. – У него было время. Он здесь уже три дня. Я три дня вижу тебя... то есть его... Черт побери, значит ли это, что...

– Конечно, значит! – зарычал купец, топая покрытыми шерстью ногами. – Он обокрал меня в пути, в дне пути от города! Приехал вроде бы как это я, понимаете? И продал моих лошадей! Я его убью! Удушю своими руками!

– Расскажите, как это случилось, господин Бибервельт.

– Геральт из Ривии, если не ошибаюсь? Ведьмак?

Геральт утвердительно кивнул.

– Все складывается как нельзя лучше, – сказал низушек. – Я – Даинти Бибервельт из Почечуева Лога, фермер, коновод и купец. Называй меня просто Дан, Геральт.

– Рассказывай, Дан.

– Ну так вот. Мы с конюхами вели лошадей на рынок в Чертов Брод на продажу. В одном дне пути от города выпал нам последний постой. Мы заночевали, предварительно управившись с бочонком водочки на жженом сахаре. Посреди ночи я просыпаюсь, чую, пузырь чуть не разрывается, ну, слезаю с возу, дай, думаю, при okazji кину взгляд, как там коняшки на лугу. Выхожу, туман хоть глаз коли, вдруг вижу, идет кто-то. Кто тут? – спрашиваю. Он ни гугу. Подхожу ближе и вижу... себя самого. Словно в зеркале. Думаю, не надо было водку хлебать,

отраву проклятую. А этот вон... потому как это был именно он, как даст мне в лоб! Увидел я звезды и накрылся ногами. Утром просыпаюсь в каком-то идиотском кустарнике, на голове – шишка с огурец, кругом – ни души, от нашего обоза тоже ни следа. Бродил я целый день, пока наконец-то тракт отыскал, два дня брел, корешки жевал да сырые грибы. А он... эта засранная Дудулина, или как там его, вместо меня поехал в Новиград и загнал моих лошадей! Я ему сейчас... А своих конюхов высеку, по сто плетей каждому по голому задку, слепым жопам! Чтобы собственного хозяина не узнать, чтобы дать себя так охмурить! Дурни, капустные лбы, морды протокольные...

– Не обижайся на них, Дан, – сказал Геральт. – Мимик копирует с такой точностью, что его невозможно отличить от оригинала или от жертвы, которую он себе высмотрел. Ты что, никогда не слышал о мимиках?

– Слышать-то слышал. Да думал – выдумки.

– Не выдумки, как видишь. Допплеру достаточно внимательно присмотреться к жертве, чтобы мгновенно и безошибочно воспроизвести нужную структуру материи. Заметь, это не иллюзия, а абсолютно полное изменение. До мельчайших деталей. Каким образом мимики это делают, неизвестно. Чародеи предполагают, что тут действует та же составляющая крови, что и при ликантропии, но я думаю, это что-то совершенно иное либо же в тысячи раз более сильное. В конце концов, у оборотней всего две, самое большее – три ипостаси, а доплер может превращаться во что угодно, лишь бы более-менее точно совпадала масса тела.

– Масса тела?

– Ну, в мастодонта, например, он не превратится. И в мышь тоже.

– Понимаю. А цепь, которой ты его связал, зачем?

– Серебро. Для ликантропа убийственно, у мимика, как видишь, только сдерживает трансформацию. Вот он сидит тут в присущем ему виде.

Допплер разлепил склеившиеся губы и зыркнул на ведьмака злыми мутными глазами, радужницы которых уже потеряли свойственный низушкам ореховый цвет и стали желтыми.

– И хорошо, что сидит, сукин сын, – буркнул Даинти. – Подумать только, он даже остановился здесь, в «Наконечнике Пики», где обычно останавливаюсь и я! Ему уже мнится, будто он – это я!

– Даинти, – покрутил головой Лютик. – Он и был тобой. Я встречаюсь с ним уже третьи сутки. Он выглядел как ты и говорил как ты. Он даже мыслил как ты. А когда дело дошло до выпивона, то он и скупым оказался, как ты! А может, и еще скупее.

– Последнее меня не волнует, – сказал низушек. – Так что, может, верну хотя бы часть своих денег. Мне противно к нему прикасаться. Возьми у него мешок, Лютик, проверь, что там. Должно быть немало, если этот конокрад действительно продал моих лошадок.

– У тебя сколько было лошадей?

– Двенадцать.

– Считая по мировым ценам, – проговорил трубадур, заглядывая в мешок, – того, что тут есть, хватит разве что на одну, да и то ежели попадетсЯ старая и облезлая. А если по новиградским, то вообще на две, самое большее – три козы.

Купец смолчал, но вид у него был такой, будто он вот-вот пустит слезу. Тельико Луннгревинк Леторт низко опустил нос, а нижнюю губу еще ниже и тихонько забулькал.

– Одним словом, – наконец проговорил низушек, – ограбило меня и превратило в нищего существо, существование которого, простите за каламбур, я считал сказкой. Это называется: не повезло.

– Ни добавить, ни прибавить, – сказал ведьмак, окидывая взглядом съезжившегося на табурете допплера. – Я тоже был уверен, что мимиков давным-давно истребили. Раньше, говорят, их много обитало в здешних лесах и на плоскогорье. Но их способность к мимикрии очень беспокоила первых поселенцев, и на них начали охотиться. Довольно успешно. А вскоре перебили почти всех.

– К счастью, – сказал трактирщик. – Тьфу, тьфу, клянусь Вечным Огнем, уж лучше дракон или дьявол, которые всегда оказываются драконом или дьяволом, и ведомо, чего держаться. Но вурдалачество, в смысле оборотничество, всяческие изменения и перемены, эта мерзопакостная чертова процедура, обман и предательство людям на урон и гибель – уж это все придумано энтими, хрен знает как их еще и назвать-то, паскудами. Говорю вам, давайте вызовем стражу – и в огонь его, погань такую, в огонь.

– Геральт, – заинтересовался Лютик. – Хотелось бы послушать мнение специалиста. Векслинги, они что, действительно такие опасные и агрессивные?

– Их способность к копированию, – сказал ведьмак, – свойство, которое служит скорее защите, нежели нападению. Я не слышал...

– Дьявольщина, – зло прервал Даинти, хватив кулаком по столу, – если бить по морде и обкрадывать – не нападение, то что же тогда считать нападением? Кончайте мудрствовать. Все проще простого: на меня напали и ограбили, отобрали не только добытое тяжким трудом имущество, но и лично мою внешность. Я требую удовлетворения, я не усну...

– Стражу, стражу надуть скликать, – настаивал трактирщик. – И богослужителей призвать! И спалить энто чудище, энту нелюдь!

– Перестаньте, хозяин, – поднял голову низушек. – Надоели вы со своими «энтими». Заметьте, вам-то энто, тьфу ты, этот нелюдь ничего не сделал. Только мне. Кстати, я-то ведь тоже нелюдь.

– Да что вы, господин Бибервельт, – нервно рассмеялся трактирщик. – Одно дело – вы, другое – он! Вы без малого человек, а он-то монстр. Удивляюсь я с вас, милсдарь ведьмак. Этак вы как-то спокойненько себе сидите. Для чего вы, прошу прощения, существуете? Ваша обязанность – убивать чудовищ или как?

– Чудовищ – да, – холодно сказал Геральт. – Чудовищ, а не представителей разумных рас.

– Ну знаете, милсдарь, – сказал трактирщик. – Теперь-то вы уж явно того, переборщили.

– Это уж точно, – вставил Лютик. – Перегнул ты палку, Геральт, с этой своей разумной расой. Ты только глянь на него.

Телько Луннгревинк Леторт действительно в данный момент никак не походил на представителя разумной расы, а напоминал куклу, вылепленную из грязи и муки, глядящую на ведьмака умоляюще мутными желтыми глазами. Да и сопение, которое он издавал касающимся столешницы носом, было не к лицу представителю разумной расы.

– Кончайте пререкаться! – вдруг рявкнул Даинти Бибервельт. – Не о чем тут рассуждать! Важно одно: мои кони и мои потери! Слышишь, гриб вонючий? Кому продал моих лошадок? Что сделал с деньгами? Говори сразу, не то я тебя запиною, избыю и сдеру с тебя шкуру!

Дэчка, приоткрыв дверь, сунула в эркер светлую головку.

– Гости в корчме, отец, – шепнула она. – Каменщики со стройки и другие. Я их обслуживаю, а вы тут так громко не орите, а то они уж починают зыркать на эркер.

– О Вечный Огонь! – перепугался трактирщик, глядя на распластавшегося допплера. – Если сюда кто-нито заглянет и увидит энтэ... ой-ей, будет дело. Уж ежели не хотите вызывать стражу, то хоть... милсдарь ведьмак! Если энтэ и взаправду векслинг, то скажите ему, пусть превратится во что-нито попрличнее, вроде бы чтобы не узнали. Пока.

– Верно, – сказал Даинти. – Пусть он в кого-нибудь передопплерится, Геральт.

– В кого? – неожиданно пробулькал допплер. – Я могу принять форму, к которой как следует пригляжусь. Так в которого из вас мне перемениться?

– Только не в меня, – быстро сказал трактирщик.

– И не в меня, – охнул Лютик. – Впрочем, это был бы никакой не камуфляж. Меня все знают, так что два Лютика за одним столом – бульшая сенсация, нежели этот... тип «в собственном соку».

– Со мной то же самое, – усмехнулся Геральт. – Остаешься ты, Дан. И все получается прекрасно. Не обижайся, но ты и сам знаешь, люди с трудом отличают низушка от низушка.

Купец долго раздумывать не стал.

– Лады, – сказал он. – Пусть будет так. Сними с него цепь, ведьмак. Ну, давай превращайся в меня, ты, безмозглая разумная раса.

Как только с него сняли цепь, допплер расставил тестообразные лапы, пощупал нос и вытаращился на низушка. Отвисшая кожа на лице собралась и расцветилась. Нос уменьшился и втянулся с глухим чавканьем, на голом черепе выросли курчавые волосы. Даинти вылупил глаза, трактирщик в немом изумлении раскрыл рот на манер собственной дочки Дэчки, Лютик вздохнул и ахнул.

Последним у допплера изменился цвет глаз.

Даинти Бибервельт-2 откашлялся, перегнулся через стол, схватил кружку Даинти Бибервельта-1 и жадно приник к ней устами.

– Не может быть, не может быть, – прошептал Лютик. – Вы только взгляните, до чего точно скопировал. Не различишь. Все тютелька в тютельку. Даже шишки от комаров и пятна на штанах... Именно что – на штанах! Такого не могут даже чародеи! Пощупай, настоящая шерсть, никакая не иллюзия! Невероятно! Как он это делает?

– Никто не знает, – буркнул ведьмак. – И сам он тоже. Я говорил, что он способен произвольно изменять материю, но это органическая способность, инстинктивная...

– Но штаны... Из чего он сотворил штаны? И жилетку?

– Его собственная измененная кожа. Не думаю, что он охотно отдаст штаны. Впрочем, они тут же потеряли бы свойство шерсти...

– А жаль, – проявил сообразительность Даинти. – Я уже подумал было, не приказать ли ему превратить ведро материи в ведро золота.

Допплер, теперь точная копия низушка, расположился поудобнее на скамейке и широко улыбнулся, видимо, радуясь, что стал центром внимания. Он сидел точно в такой же позе, что и Даинти, и точно так же болтал волосатыми ногами.

– А ты много знаешь о доплерах, Геральт? – сказал он, отхлебнул из кружки, почмокал и рыгнул. – Воистину много.

– О боги, и голос, и манеры тоже Бибервельтовы, – сказал Лютик. – Нет ли у кого лоскутка красной китайки? Надо бы его, черт побери, пометить, а то может случиться беда.

– Да ты что, Лютик! – возмутился Даинти Бибервельт-1. – Надеюсь, меня-то с ним не спутаешь. С первого...

– ...первого взгляда видно разницу, – dokonчил Даинти Бибервельт-2 и снова вежливо рыгнул. – И верно, чтобы перепутать, надо быть глупее кобыльего копыта.

– Ну разве я не говорил? – восхищенно шепнул Лютик. – Он мыслит и говорит точно как Бибервельт. Не различишь.

– Преувеличение, – надул губы низушек. – Крупное преувеличение.

– Нет, – возразил Геральт. – Не преувеличение. Верь не верь, но в данный момент он – это ты, Дан. Неведомым образом доплер точно копирует также и психику оригинала.

– Пси... что?

– Ну, свойства разума, характер, чувства, мысли. Душу. И это подтверждает как раз то, что отрицают большинство чародеев и все богослужители. А именно, что душа – тоже материя.

– Святотатство, – шепнул трактирщик.

– И глупость, – твердо заметил Даинти Бибервельт. – Не рассказывай сказок, ведьмак. Свойства разума, ничего себе! Скопировать чужой нос и портки – это куда ни шло, но разум – это тебе не в бочку пер... Простите. Сейчас докажу. Если б этот вшивый доплер скопировал мой купеческий разум, то не продал бы лошадей в Новиграде, где на них нет спроса, а поехал бы в Чертов Брод, на конский рынок, где цены договорные, кто больше даст. Там не прогадаешь...

– Именно что прогадаешь. – Доплер спародировал обиженную мину низушка и фыркнул свойственным тому образом. – Во-первых, цены на аукционе в Чертовом Броде падают, потому что купцы сговариваются, как им торговаться. К тому же идут дополнительные комиссионные аукционщику.

– Не учи меня торговать, задница, – обрушился Бибервельт. – Я в Чертовом Броде взял бы девяносто, а то и сто за штуку. А сколько получил ты от новиградских скряг?

– По сто тридцать, – сказал доплер.

– Брешь, распустеха.

– Не брешу. Я погнал лошадей прямо в порт, господин Даинти, и нашел там заморского торговца кожами. Скорняки не пользуются волами, снаряжая караваны, потому как волы слишком медлительны. Кожи легкие, но ценные, стало быть, надо ездить быстро. В Новиграде нет спроса на коней, потому-то и коней тоже нет. У меня были единственные доступные, вот я и продиктовал цену. Это просто...

– Не учи меня, сказал! – рывкнул Даинти, покраснев, как бурак. – Ну ладно, стало быть, заработал! А деньги где?

– Пустил в оборот, – гордо ответил Тельико, почесав типичным для низушка движением густую шевелюру. – Деньги, господин Даинти, должны обращаться, а интерес – крутиться.

– Смотри, как бы я тебе голову не скрутил! А ну говори, что сделал с выручкой за лошадей?

– Я же сказал – накупил товаров.

– Каких? Что купил, уродина?

– Ко... кошенили, – с трудом проговорил допплер, а потом быстро продекламировал: – Пятьсот корцев кошенили, шестьдесят два рюйса коры мимозы, пятьдесят пять гарнков розового масла, двадцать три бочонка рыбьего жира, шестьсот глиняных мисок и восемьдесят фунтов пчелиного воска. Рыбий жир, кстати, купил очень дешево, потому как он немного уже прогорк. Да, чуть было не забыл. Еще купил сто локтей хлопчатобумажного шнура.

Наступило долгое, очень долгое молчание.

– Прогорклый жир, – сказал наконец Даинти, очень медленно выговаривая отдельные слова.
– Хлопчатобумажный шнур. Розовое масло. Да я, никак, сплю. Да, это кошмар! В Новиграде можно купить все, всякие ценные и полезные вещи, а этот кретин выбрасывает мои деньги на какое-то дерьмо. Прикинувшись мною. Я разорен, уплыли мои денежки, коту под хвост моя купеческая репутация. Нет, довольно! Дай меч, Геральт. Я зарублю его на месте.

Дверь эркера со скрипом отворилась.

– Купец Бибервельт! – пропищал вошедший тип в пурпурной мантии, висевшей на худой фигуре, словно на палке. На голове у него была бархатная шапочка в форме перевернутого ночного горшка. – Есть тут купец Бибервельт?

– Есть, – одновременно откликнулись оба низушка.

В следующий момент один из Даинти Бибервельтов плеснул содержимое кружки в лицо ведьмаку, ловко выбил табурет из-под Лютика и промчался под столом к двери, уронив по пути субъекта в смешной шапочке.

– Пожар! Спасайтесь! – завыл он, влетая в общий зал. – Убивают! Горим!

Геральт, отряхиваясь от пивной пены, кинулся за ним, но другой Бибервельт, тоже бежавший к двери, поскользнулся на опилках и свалился ему под ноги. Оба упали у самого порожка. Лютик, выбравшись из-под стола, дико ругался.

– На-а-ападе-е-ение! – заверещал с пола тощий тип, запутавшись в пурпурной мантии. – На-а-ападе-е-ение! Ба-а-андиты!

Геральт переполз через низушка, влетел в зал, увидел, как допплер, раскидывая гостей, выбегает на улицу. Кинулся следом и тут же уперся в упругую, неподатливую стену людей, загородивших дорогу. Одного, умаруханного глиной и воняющего пивом, ему удалось перевернуть, но остальные зажали его железными тисками плеч. Он яростно рванулся, послышался сухой треск рвущихся ниток, лопающейся кожи, и под правой подмышкой сделалось просторно. Ведьмак ругнулся, перестав вырываться.

– Поймали! – крикнули каменщики. – Мы поймали разбойника! Что делать, господин мастер?

– Известь! – взвыл мастер, поднимая голову от столешницы и водя кругом невидящими глазами. – Извести и камней!

– Стра-а-ажа! – рычал пурпурный, на четвереньках выбираясь из эркера. – Нападение на чиновника! Стража! Пойдешь за это на шибеницу, злодей!

– Мы его поймали! – кричали каменщики. – Мы поймали его, господин!

– Не того! – взвыл субъект в мантии. – Хватайте подлеца! Догоните его!

– Кого?

– Бибервельта, низушка! Догнать его, догнать! В яму его!

– Сейчас, сейчас, – сказал Даинти, выглядывая из эркера. – Что такое, господин Шван? Не вытирайте себе рот моим именем. И не поднимайте тревоги без нужды.

Шван замолчал, изумленно глядя на низушка. Из эркера вышел Лютик в шапочке набекрень, осматривая свою лютню. Каменщики, пошептавшись, отпустили наконец Геральта. Ведьмак, хоть и очень злой, ограничился сочным плевком на пол.

– Купец Бибервельт! – пропищал Шван, близоруко щурясь. – Что это значит? Нападение на городского чиновника может вам дорого обойтись... Кто это был? Тот низушек?

– Брат, – быстро сказал Бибервельт. – Троюродный брат...

– Да, да, – тут же поддержал Лютик, почувствовавший себя в своей стихии. – Далекий кузен Бибервельта. Известный как Чок Бибервельт. Черная овца в семье. Еще будучи ребенком, он свалился в колодец. Высохший. К несчастью, бадья упала ему прямо на голову. Вот он и чокнулся малость. Обычно-то он ведет себя тихо, но при виде пурпура впадает в ярость. Чок, одним словом. Но нечего волноваться, он быстро успокаивается, стоит увидеть рыжие волоски на дамском лобке. Потому он и помчался прямо в «Пассифлору». Понимаете, господин Шван...

– Довольно, Лютик, – прошипел ведьмак. – Заткнись, черт побери.

Шван одернул мантию, стряхнул опилки и выпрямился, придав физиономии величественное выражение.

– Да-а, – сказал он. – Следите внимательнее за своими родственниками, купец Бибервельт, потому как сами-то вы, известно, вполне дееспособны. Если б я подал жалобу... Но у меня нет времени. Я здесь по делу. От имени городских властей призываю вас заплатить налог.

– Э?

– Налог, – повторил чиновник и надул губы на манер, который подсмотрел, вероятно, у кого-то более значительного. – Что такое? Вам что, от брата передалось? Занимаешься торговлей – плати налоги. Либо иди в тюрьму.

– Я? – рявкнул Даинти. – Я – торговлей? Да у меня сплошные потери, мать твою! Я...

– Бибервельт, – снова прошипел ведьмак, а Лютик украдкой ударил низушка по волосатой щиколотке. Низушек кашлянул.

– Само собой, – сказал он с трудом, изображая улыбку на пухлой физиономии. – Само собой, господин Шван. Ежели занимаешься выгодной торговлей, надобно платить налоги. Хорошая торговля – большие налоги. И наоборот, как мне кажется.

– Не мне оценивать ваши доходы, купец. – Чиновник соорудил кислую мину, присел за стол, из бездонных складок мантии извлек счета и свиток пергамента, который развернул на столе, предварительно протерев стол полкой накидки. – Мое дело считать и принимать. Да-а-а... Итак, подсчитаем... Это будет... хммм... это будет... Два пишем, один в уме... Та-а-ак... Тысяча шестьсот пятьдесят три кроны и двадцать копперов...

Даинти Бибервельт издал глухой вопль. Каменщики удивленно заворчали, трактирщик упустил блюдо. Лютик вздохнул.

– Ну, до встречи, ребята, – горько сказал низушек. – Если меня кто-нибудь спросит, так я в тюрьме. 2

– До завтрашнего полудня, – стонал Даинти. – Ну и сукин сын этот Шван, чтоб его скрутило, паршивца, мог бы и подольше подождать. Больше полутора тысяч крон, откуда мне взять до завтра столько наличных? Я погиб, разорен, сгнию в заточении! Нечего сидеть, говорю вам, дьявольщина, надо хватать эту дрянь – доплера! Мы должны его поймать!

Вся троица сидела на мраморной облицовке бездействующего фонтана, расположенного посредине небольшой площади, обрамленной роскошными, но исключительно безвкусными купеческими домами. Вода в бассейне была зеленой и чудовищно грязной, плавающие среди отбросов золотые ельцы натужно работали жабрами и раскрытыми ртами хватали воздух с поверхности. Лютик и низушек жевали олады, которые трубадур только что стянул с попавшегося на пути прилавка.

– На твоём месте, – сказал бард, – я бы отказался от погони, а стал искать кого-нибудь, кто одолжит денег. Нуймаешь ты доплера. И что? Думаешь, Шван примет его в качестве эквивалента?

– Дурак ты, Лютик, хоть и бард. Схватив доплера, я отберу у него мои деньги.

– Какие деньги? То, что было у него в мешочке, пошло на покрытие урона трактирщику и взятку Швану. Больше там ничего не было.

– Лютик, – поморщился низушек, – в поэзии-то ты, возможно, и дока, но в торговых вопросах, уж прости, абсолютный нуль. Ты слышал, какой налог насчитал мне Шван? А за что налоги платят? Ну, за что?

– За все, – отметил поэт. – Я так вон даже за пение плачу. И плевать им на мои объяснения, мол, пою я по внутренней потребности.

– Дурак, говорю. Налоги в торговле платят в зависимости от прибыли. Прибыли, Лютик! Понял? Этот паршивец доплер подделался под меня и занялся каким-то нечистым делом. И заработал на нем. Заработал! А я – плати налог да еще и покрывай долги этого голодранца, ежели он их наделал. А не заплачу, так – в яму, а там публично поставят, как на скотине какой, тавро и сошлют на рудники! Дьявольщина!

– Хе! – весело отозвался Лютик. – Стало быть, нет у тебя, Даинти, иного выхода, как тайно сматываться из города. Знаешь что? Есть идея. Давай обернем тебя бараньей шкурой. Ты пройдешь через ворота, крича: «Я овечка, овечка, бе-е-е». Никто тебя не узнает.

– Лютик, – угрюмо проговорил низушек. – Заткнись, а то ведь стукну. Геральт?

– Что, Дан?

– Поможешь схватить доплера?

– Послушай, – сказал ведьмак, все еще безуспешно пытавшийся зашить разорванный рукав куртки. – Мы в Новиграде. Тут тридцать тысяч жителей – людей, краснолюдов, полуэльфов, низушков и гномов, да, вероятно, еще столько же приезжих. Как ты собираешься отыскать его в такой тьме народу?

Даинти дожевывал оладью, облизнул пальцы.

– А магия, Геральт? Ваши ведьмачьи чары, о которых столько болтают?

– Магически доплера можно обнаружить, только когда он в своем виде, а в своем-то он по улицам не шастает. И даже если б так, все равно магия не поможет, потому что кругом кишмя кишат слабые чародейские сигналы. У каждого второго дома магические замки, а три четверти людей носят амулеты, самые разные – против воров, блох, пищевых отравлений. Не счесть.

Лютик провел пальцами по грифу лютни, звякнул струнами.

– Идет весна, дождем повеяв теплым! – пропел он. – Нет, скверно. Весна грядет и солнце... Нет, черт возьми. Не получается. Ну никак...

– Перестань скрипеть, – проворчал низушек. – Ты действуешь мне на нервы.

Лютик кинул ельцам остатки олады и сплюнул в бассейн.

– Глядите, – сказал он. – Золотые рыбки. Говорят, такие исполняют желания.

– Так те красные, – заметил Даинти.

– Ну и что, какая разница. Черт возьми, нас трое, а они выполняют по три желания каждая. Получается, по одному на брата от каждой рыбки. А, Даинти? Не хочешь, чтобы рыбка заплатила за тебя налог?

– Почему же. А вдобавок пусть что-нибудь свалится с неба и треснет доплера по башке. И еще...

– Стой, стой. У нас тоже есть желания. Я, к примеру, хочу, чтобы рыбка подсказала мне окончание баллады. А ты, Геральт?

– Отцепись, Лютик. Балаболка.

– Не порти игры, ведьмак. Скажи, чего бы ты хотел?

Ведьмак встал.

– Я бы хотел, – проворчал он, – чтобы тот факт, что нас пытаются окружить, оказался недоразумением.

Из переулка напротив фонтана вышли четверо одетых в черное людей в круглых кожаных шляпах и медленно направились к бассейну. Даинти, оглянувшись, тихо выругался.

Из улочки позади них вышли еще четверо. Эти, приближаясь, заблокировали переулок. В руках они держали какие-то странные кружочки, напоминающие свернутые ремни. Ведьмак осмотрелся, пошевелил плечами, поправляя висящий за спиной меч. Лютик икнул.

Из-за черной четверки вышел невысокий мужчина в белом кафтане и коротком сером плаще. Золотая цепь на его шее поблескивала в ритм шагам, стреляя желтыми отблесками.

– Ляшарель... – простонал Лютик. – Это Ляшарель.

Черные люди у них за спинами медленно двигались к фонтану. Ведьмак потянулся за мечом.

– Нет, Геральт, – шепнул Лютик, прижимаясь к нему. – Ради богов, не доставай оружия. Это храмовая стража. Если мы окажем сопротивление, нас живьем из Новиграда не выпустят. Не трогай меча.

Человек в белом кафтане уверенно шел к ним. Типы в черном следовали поодаль, на ходу окружая бассейн, чтобы занять стратегически верно выбранные позиции. Геральт, слегка сгорбившись, внимательно наблюдал. Странные предметы, которые они держали в руках, не были, как он вначале думал, обычными ремennыми кнутами. Это были трехвостки. Или, иначе, ламии.

Человек в белом кафтане приблизился.

– Геральт, – шепнул бард, – ради бога, спокойнее...

– Я не позволю к себе прикоснуться, – буркнул ведьмак. – Не позволю к себе прикоснуться, кем бы он ни был. Внимание, Лютик... Если начнется, убегайте что есть мочи. Я их отвлеку... на какое-то время.

Лютик не ответил. Закинув лютню за спину, он низко склонился перед человеком в белом кафтане, богато расшитом золотыми и серебряными нитками в белую мозаику.

– Благородный Ляшарель...

Человек по имени Ляшарель остановился, окинул их взглядом.

Его глаза, как про себя отметил Геральт, были мерзко холодными и имели цвет стали. Бледный лоб болезненно вспотел, на щеках красные неровные пятна румянца.

– Господин Даинти Бибервельт, купец, – сказал он. – Талантливый мэтр Лютик. И Геральт из Ривии, представитель столь редкой ныне профессии ведьмаков. Встреча старых друзей? У нас, в Новиграде?

Никто не ответил.

– Весьма неудачным, – продолжал Ляшарель, – я считаю тот факт, что на вас поступил донос.

Лютик слегка побледнел, а низушек щелкнул зубами. Ведьмак не глядел на Ляшареля. Он не отрывал глаз от оружия в руках окружавших фонтан людей в кожаных шляпах. В большинстве известных Геральту стран изготовление и владение шиповатой ламией, именуемой еще майенским батогом, было строго запрещено. Новиград не составлял исключения. Геральт видел людей, которых хлестнули ламией по лицу. Эти лица невозможно было узнать.

– Хозяин трактира под названием «Наконечник Пики», – продолжал Ляшарель, – имел наглость обвинить вас в сговоре с демоном, чудовищем, которого именуют векслингом либо подвойняком.

Никто не ответил. Ляшарель скрестил руки на груди и одарил их ледяным взглядом.

– Я считаю своей обязанностью сообщить вам о доносе. Сообщаю также, что вышеупомянутый трактирщик помещен в яму. Есть основания полагать, что он болтал спьяну, находясь под влиянием пива либо водки. И чего только люди не придумают! Во-первых, векслингов не существует. Это вымысел суеверных мужиков.

Никто не ответил.

– Во-вторых, какой векслинг, он же подвойняк, осмелится подойти к ведьмаку, – усмехнулся Ляшарель, – и останется в живых? Я прав? Посему донос трактирщика был бы достоин осмеяния, если б не одна существенная деталь.

Ляшарель покачал головой, выдержав эффектную паузу. Ведьмак услышал, как Даинти

медленно выпускает воздух, втянутый в глубоком вдохе.

– Да, некоторая существенная деталь, – повторил Ляшарель, – а именно: мы имеем дело с ересью и святотатственным кощунством, ибо известно, что ни один, абсолютно ни один подвойняк, равно как и любое иное чудовище, не мог бы даже приблизиться к стенам Новиграда, ибо в девятнадцати храмах города пылает Вечный Огонь, святая сила коего хранит нас. Тот, кто утверждает, будто видел подвойняка в «Наконечнике Пики», на расстоянии броска камня от главного алтаря Вечного Огня, есть кощунствующий еретик и обязан от своего утверждения отказаться... Если же он отказаться не пожелает, мы поможем ему в этом по мере сил и возможностей, которые, поверьте, у нас в ямах всегда под рукой. Посему, как видите, беспокоиться не о чем.

Выражения лиц Лютика и низушка свидетельствовали об обратном.

– Совершенно не о чем беспокоиться, – повторил Ляшарель. – Вы можете покинуть Новиград без помех. Я не стану вас задерживать. Однако вынужден потребовать, дабы о достойных сожаления вымыслах трактирщика вы, уважаемые и благородные, не рассказывали никому и не комментировали вслух данное происшествие. Высказывания, подрывающие божественную силу Вечного Огня, независимо от намерений, мы, скромные служители церкви, вынуждены будем трактовать как ересь со всеми вытекающими отсюда последствиями. Собственные религиозные убеждения поэта, купца и ведьмака, которые я уважаю вне зависимости от того, каковыми бы они ни были, значения не имеют. Верьте во что хотите. Ваше дело. Я терпим до тех пор, пока почитают Вечный Огонь и не кощунствуют против него. А ежели кто-либо начнет кощунствовать, то такового велю спалить, и точка. В Новиграде все равны перед законом. И закон равен для всех: всяк кощунствующий против Вечного Огня идет на костер, а его имущество конфискуется. Но довольно об этом. Повторяю, вы можете без помех пройти в ворота Новиграда. Лучше всего...

Ляшарель слабо улыбнулся, втянул щеку в хитрой гримасе, повел глазами по площади. Немногочисленные прохожие, наблюдавшие за происходящим, ускорили шаги, быстро отворачиваясь.

– ...лучше всего, – закончил Ляшарель, – немедленно. Незамедлительно. Само собой разумеется, в применении к уважаемому купцу Бибервельту понятие «незамедлительно» означает «незамедлительно по совершении налоговых операций». Благодарю за внимание.

Даинти, отвернувшись, беззвучно шевелил губами. Ведьмак не сомневался, что этим беззвучно произнесенным словом было: «стерва». Лютик опустил голову, глуповато улыбаясь.

– Господин ведьмак, – неожиданно сказал Ляшарель. – Если не возражаете, позвольте на пару слов. Лично.

Геральт подошел. Ляшарель протянул было руку. «Если он коснется моего локтя, ударю, – подумал ведьмак. – Ударю, несмотря ни на что».

Ляшарель локтя Геральта не коснулся.

– Господин ведьмак, – сказал он тихо, отвернувшись от остальных. – Мне известно, что некоторые города не в пример Новиграду лишены божественной опеки Вечного Огня. Допустим, существо, подобное векслингу, шатается по одному из таких городов. Интересно, сколько бы ты взял, чтобы немедленно схватить такового живым?

– Я не нанимаюсь ловить чудищ в людных местах, – пожал плечами ведьмак. – Может пострадать посторонний.

– Ты так печешься о судьбе посторонних?

– Так пекусь. Потому что, как правило, за их судьбу обвиняют меня. И мне грозят последствиями.

– Понимаю. А скажем, не была бы забота о судьбе посторонних обратно пропорциональна размеру платы?

– Не была бы.

– Твой тон, ведьмак, мне не очень нравится. Но не в том дело. Я понимаю, что ты хочешь этим сказать. Хочешь сказать, что не намерен сделать того... о чем я мог бы тебя попросить, причем размер платы не имеет значения. А характер оплаты?

– Не понимаю.

– Не думаю.

– И все же.

– Чисто теоретически, – сказал Ляшарель тихо, спокойно, без злобы или угрозы в голосе, – возможно, платой за услуги была бы гарантия, что ты и твои друзья выйдете живыми из... теоретического города. Тогда что?

– На этот вопрос, – криво усмехнулся ведьмак, – невозможно ответить теоретически. Ситуацию, о которой ты говоришь, благородный Ляшарель, следовало бы рассмотреть практически. Я вовсе не стремлюсь к этому, но если потребуется... Если не будет иного выхода... Я готов это... проработать.

– Хм, возможно, ты и прав, – спокойно ответил Ляшарель. – Мы слишком много теоретизируем. Что же до практики, то, вижу, сотрудничества ждать бессмысленно. Может, и к лучшему? Во всяком случае, надеюсь, это не станет поводом к конфликту между нами.

– И я, – проговорил Геральт, – надеюсь.

– Пусть же горит в нас сия надежда, Геральт из Ривии. Ты знаешь, что такое Вечный Огонь? Неугасимое пламя, символ существования, дорога, указанная во мраке, предвестник прогресса, лучшего завтра. Вечный Огонь, Геральт, есть надежда. Для всех, для всех без исключения. Ибо если существует нечто общее... для тебя... для меня... для других... то это как раз и есть надежда. Помни об этом. Приятно было познакомиться, ведьмак.

Геральт молча поклонился. Ляшарель секунду глядел на него, потом энергично развернулся и пошел через площадь, не оглядываясь на эскорт. Люди, вооруженные ламиями, двинулись следом, выстраиваясь в правильную колонну.

– О мамочка моя, – заныл Лютик, пугливо поглядывая на уходящих. – Ну повезло. Если только это конец. Если нас немедля не сцапают...

– Успокойся, – сказал ведьмак, – и перестань скулить. Ничего же не случилось.

– Знаешь, кто это был, Геральт?

– Нет.

– Это был Ляшарель, наместник по делам безопасности. Секретная служба Новиграда подчинена церкви. Ляшарель не богослужитель, но это серый кардинал иерарха, самый могущественный и самый опасный человек в городе. Все, даже Совет и цехи, трясут перед

ним портками, потому как он чистой воды подлец, упившийся властью, как паук мушиной кровью. Хоть и втихую, но в городе поговаривают о его делишках. Исчезающие бесследно люди, ложные обвинения, пытки, тайные убийства, террор, шантаж и обычный грабеж. Принуждения, мошенничества и аферы. О боги, в хорошенькую историю ты впутал нас, Бибервельт.

– Прекрати, Лютик, – фыркнул Даинти. – Тебе-то чего бояться? Никто трубадура не тронет. По непонятным причинам вы пользуетесь неприкосновенностью.

– Неприкосновенный поэт, – стонал все еще бледный Лютик, – в Новиграде тоже может попасть под мчащуюся телегу, отравиться до смерти рыбой или неожиданно утонуть во рву. Ляшарель – спец по таким несчастным случаям. По мне, так невероятно уже то, что он вообще с нами разговаривал. Так сказать, снизошел. Ясно, не без причин. Что-то он замышляет. Вот увидите, он сразу же во что-нибудь нас впутает, нас закуют и законно поволокут на пытки. Так тут делается!

– В его словах, – проговорил низушек, обращаясь к Геральту, – довольно много правды. Надо соблюдать осторожность. И как только такого мерзавца, как Ляшарель, земля носит! Уж сколько лет о нем говорят, что он болен, что ему кровь в голову ударяет, и все ждут, когда же он преставится.

– Замолкни, Бибервельт, – испуганно прошипел трубадур, оглядываясь. – Еще кто-нибудь услышит. Гляньте, как все зырятся на нас. Пошли отсюда, говорю вам. И советую, давайте по-серьезному отнесемся к тому, что нам сказал Ляшарель о доплере. Я, к примеру, в жизни не видел никакого доплера, если потребуется, присягну перед Вечным Огнем.

– Гляньте, – вдруг сказал низушек. – Кто-то к нам спешит.

– Бежим! – взвыл Лютик.

– Спокойно, спокойно, – широко улыбнулся Даинти и прошелся по шевелюре пальцами. – Я его знаю. Это Ондатр, местный купец, казначей цеха. Мы вместе торговали. Смотрите, какая у него мина!словно в штаны наделал. Эй, Ондатр, ты не меня ищешь?

– Клянусь Вечным Огнем, – просипел Ондатр, сдвигая на затылок лисью шапку и вытирая лоб рукавом. – Я был уверен, что тебя заточат в казематы. Истинное чудо. Поразительно...

– С твоей стороны, – ехидно прервал низушек, – очень мило поражаться. Порадуй нас еще, скажи почему?

– Не прикидывайся дураком, Бибервельт, – поморщился Ондатр. – Весь город знает, сколько ты огреб на кошенили. Все об этом только и болтают, небось и до иерархии дошло, и до Ляшареля, какой ты ловкий, как хитро воспользовался тем, что произошло в Повиссе.

– О чем ты, Ондатр?

– О боги, прекрати мести хвостом, будто лиса. Ты кошениль купил? Купил. Воспользовавшись плохим спросом, заплатил авализованным векселем, не выложив ни гроша наличными. И что? За один день распродал весь груз в четыре раза дороже, да еще и за звонкую монету. Может, станешь утверждать, будто тебе случайно повезло? Мол, покупая кошениль, ты ничегошеньки не знал о перевороте в Повиссе?

– О чем? О чем ты болтаешь?

– В Повиссе был переворот, – рявкнул Ондатр. – И эта, как там ее... Леворюция! Короля Рыда свергли, теперь там правит клан Тиссенидов! Двор и войско Рыда одевались в голубое, потому тамошние ткачи покупали одно индиго. А цвет Тиссенидов – пурпур. Индиго тут же

упало в цене, а кошениль пошла вверх, и сразу стало ясно, что именно ты, Бибервельт, наложил лапу на единственный доступный груз. Хе!

Даинти, задумавшись, молчал.

– Хитро, Бибервельт, ничего не скажешь, – продолжал Ондатр. – И никому ни слова, даже друзьям. Шепни ты мне, глядишь, мы бы все заработали, даже фабрику можно было бы совместную основать. Но ты предпочел один, втихую. Твоя воля, но и на меня теперь не рассчитывай. О Вечный Огонь, а ведь и верно: что ни низушек, то самолюбивая дрянь и дерьмо собачье. Мне, к примеру, Вимме Вивальди никогда авалья на векселе не дает, а тебе? Запросто. Потому как вы с ним одна банда, вы, нелюди, окаянные низушки и краснолюды. Чтоб вас холера...

Ондатр сплюнул, развернулся и ушел. Даинти, задумавшись, чесал в голове так, что аж шевелюра хрустела.

– Что-то мне светит, ребята, – сказал он наконец. – Знаю, что надо сделать. Пошли в банк. Ежели кто и может разобраться, так только мой знакомый банкир Вимме Вивальди. З

– Иначе я представлял себе банк, – шепнул Лютик, осматривая помещение. – Где они тут держат деньги, Геральт?

– Черт их знает, – тихо ответил ведьмак, прикрывая разорванный рукав куртки. – Может, в подвале?

– Вряд ли. Я смотрел – нет тут подвала.

– Ну, значит, на чердаке.

– Извольте в контору, господа, – сказал Вимме Вивальди.

Сидевшие за длинными столами молодые люди и краснолюды неведомого возраста занимались тем, что покрывали листы пергамента рядами циферок и буковок. Все без исключения кособочились, и у всех были слегка высунуты языки. Работа, как расценил ведьмак, была чертовски однообразна, но, казалось, поглощала клерков без остатка. В углу сидел дед с внешностью попрошайки, занятый тем, что чинил перья. Дело у него шло ни шатко ни валко.

Банкир старательно запер дверь конторы, пригладил длинную белую ухоженную бороду, местами испачканную чернилами, поправил бордовую бархатную куртку, с трудом сходящуюся на выдающемся брюхе.

– Знаете, мэтр Лютик, – сказал он, усаживаясь за огромный красного дерева стол, заваленный пергаменами. – Я тоже совершенно иначе вас себе представлял. Я знаю ваши песенки, знаю, слышал. О принцессе Ванде, которая утопилась в реке Поппе, потому что никто ее не хотел. И о воробушке, который попал в... тепло и зачирикал...

– Это не мое. – Лютик покраснел от бешенства. – Никогда не певал ничего подобного!

– Вот как? Ну тогда извиняйте.

– А может, перейдем к делу? – вставил Даинти. – Время уходит, а вы о глупостях... Я в серьезном затруднении, Вимме.

– Я этого боялся, – покачал головой краснолюд. – Если помнишь, я тебя предостерегал, Бибервельт. Говорил я тебе три дня тому: не всаживай деньги в прогорклый рыбий жир. Что из того, что он дешев, номинальная цена не имеет значения, важен размер дохода на

перепродаже. То же самое с розовым маслом, и воском, и глиняными мисками. Что тебя дернуло покупать эту дрянь, да вдобавок за наличные, вместо того чтобы по-умному заплатить аккредитивом или векселем? Я же тебе говорил, стоимость хранения в новиградских складах чертовски высока, за две недели она трижды превысит стоимость товара, а ты...

– Ну, – тихо простонал низушек. – Говори, Вивальди. Что – я?

– А ты в ответ: мол, ничего страшного, мол, продашь все за двадцать четыре часа. А теперь являешься и сообщаем, что ты в затруднении, при этом глупо и подкупающе лыбишься. Не идет товар, верно? А издержки растут, а? Эхе-хе, скверно, скверно. Ну как тебя вытаскивать, Даинти? Если б ты застраховал свой хлам, я послал бы кого-нибудь из своих, чтобы он втихаря подпалил склад. Нет, дорогой, единственное, что можно сделать, это подойти к вопросу философски, то есть сказать себе: «Хрен с ним». Это торговля – раз получишь, раз потеряешь. Да что это, в конце концов, за деньги – рыбий жир, воск и масло? Смешно. Давайте поговорим о более серьезных вещах. Скажи, уже пора продавать кору мимозы, ведь спрос начал устанавливаться на пяти и пяти шестых?

– Что?

– Ты оглох? – поморщился банкир. – Последнее предложение было равно пяти и пяти шестым. Ты вернулся, надеюсь, чтобы согласиться? По семь ты все равно не получишь, Даинти.

– Вернулся?

Вивальди погладил бороду и выскреб из нее крошки рулета.

– Ты был тут час назад, – сказал он спокойно, – и распорядился держать до семи. Семикратное превышение при цене, которую ты заплатил, – это две кроны сорок пять копеек за фунт. Чересчур высоко, Даинти, даже для удачно выбранного рынка. Кожевники успели договориться и будут солидарно держать цену. Голову даю...

Дверь отворилась, и в контору влетело нечто в зеленой фетровой шляпе и шубейке из вывороченного кролика, перепоясанной конопляным жгутом.

– Купец Сулимир дает две кроны пятнадцать! – запищало оно.

– Шесть и одна шестая, – быстро подсчитал Вивальди. – Что делать, Дан?

– Продавать! – крикнул низушек. – Шестикратное превышение, а ты еще раздумываешь, холера?

В контору влетело другое нечто, в желтой шапке и плаще, напоминающем старый мешок. Как и в первом, в нем было около двух локтей роста.

– Купец Бибервельт велит не продавать ниже семи! – пискнуло оно, вытерло нос рукавом и выбежало.

– Так, – сказал краснолюд после долгого молчания. – Один Бибервельт велит продавать, другой Бибервельт велит ждать. Любопытная ситуация. Что делать, Даинти? Ты сразу начнешь объяснять, или тоже подождем, пока какой-нибудь третий Бибервельт прикажет грузить кору на галеры и вывезти в Страну Песоглавцев?

– Что это? – заикаясь, спросил Лютик, указывая на нечто в зеленой шапке, все еще стоявшее в дверях. – Что это, черт побери?

– Молодой гном, – сказал Геральт.

– Несомненно, – сухо подтвердил Вивальди. – Это не старый тролль. Впрочем, не важно, что это. Ну, Даинти? Слушаю.

– Вимме, – начал низушек. – Я тебя прошу. Не задавай вопросов. Произошло нечто чудовищное. Считай, что я, Даинти Бибервельт из Почечуева Лога, честный купец, понятия не имею, что тут творится. Расскажи мне все. Подробно. События последних трех дней. Прошу тебя, Вимме.

– Интересно, – сказал краснолюд. – Впрочем, за проценты, которые мне идут, я должен выполнять желания клиентов, какими бы они ни были. Слушай. Ты, задыхаясь, явился сюда три дня назад, отдал мне в депозит тысячу крон наличными и потребовал аваль на векселе в две тысячи пятьсот двадцать. На предъявителя. Я дал.

– Без гарантии?

– Без. Я люблю тебя, Даинти.

– Продолжай, Вимме.

– На другой день с утра ты влетел сюда с грохотом и топотом, потребовав, чтобы я открыл аккредитив на банк в Вызиме. На приличную сумму в три тысячи пятьсот крон. Получателем должен был стать, насколько я помню, некий Терх Луконян, он же Трюфель. Ну так я открыл такой аккредитив.

– Без гарантии, – проговорил низушек с надеждой в голосе.

– Моя любовь к тебе, Бибервельт, – вздохнул банкир, – кончается на сумме в три тысячи крон. На сей раз я взял у тебя письменное обязательство, гласящее, что в случае невыплаты мельница моя.

– Какая мельница?

– Мельница твоего тестя Арно Хардботтома в Почечуевом Логе.

– Я домой не вернусь, – угрюмо, но решительно извещил Даинти. – Проберусь на какой-нибудь корабль и стану пиратом.

Вимме Вивальди почесал за ухом и подозрительно взглянул на него.

– Э-э-э. Свое обязательство ты давно получил обратно и изорвал на мелкие кусочки. Ты платежеспособен. Ничего удивительного при таких доходах...

– Доходах?

– Ах да, совсем забыл, – проворчал краснолюд. – Мне же не следует ничему удивляться. Ты здорово провернул операцию с кошенилью. Потому что, видишь ли, в Повиссе произошел переворот...

– Уже знаю, – прервал низушек. – Индиго подешевело, а кошениль подорожала. А я заработал. Это правда, Вимме?

– Чистейшая. В моем депозите твоих тысяча триста сорок шесть крон и восемьдесят копперов. Чистых, уже за вычетом налога и выплаты моих процентов.

– Ты уплатил за меня налог?

– А как же иначе? – удивился Вивальди. – Ведь час назад ты был тут и велел заплатить. Клерк уже отнес всю сумму в ратушу. Что-то около полутора тысяч, потому что продажа лошадей была, естественно, тоже учтена.

Дверь с грохотом отворилась, и в контору влетело нечто в очень грязной шапке.

– Две кроны тридцать! – пискнуло оно. – Купец Хасельквист!

– Не продавать! – крикнул Даинти. – Будем ждать лучшей цены! А ну оба на биржу!

Гномы схватили кинутые краснолюдом медяки и исчезли.

– М-да. Так на чем я остановился? – задумался Вивальди, поигрывая огромным, странной формы кристаллом аметиста, выполняющим роль прижима для бумаги. – Ага, на кошенили, купленной на вексель. А кредитное письмо, о котором я упоминал, было тебе необходимо для покупки большой партии коры мимозы. Ты купил ее много, но довольно дешево, по тридцать пять копперов за фунт у зангвебарского фактора, того самого Трюфеля или Сморчка – не запомнил. Галера вошла в порт вчера. И тут началось.

– Представляю себе, – простонал Даинти.

– Зачем и кому понадобилась кора мимозы? – не выдержал Лютик.

– Ни за чем, – угрюмо проворчал низушек. – К сожалению.

– Кора мимозы, – пояснил краснолюд, – дубильное вещество, применяемое при выделке кож.

– Неужто нашелся глупец, польстившийся на заморскую кору мимозы, – вставил Даинти, – если в Темерии можно за бесценюк купить дубовую?

– Тут-то как раз и зарыт вампир, – проговорил Вивальди. – Потому как темерские друиды объявили, что ежели немедленно не прекратится уничтожение дубов, то они нашьют на страну саранчу и крыс. Друидов поддерживали дриады, а у тамошнего короля слабость к дриадам. Короче: со вчерашнего дня объявлено полное эмбарго на темерскую дубовину, поэтому мимоза пошла вверх. У тебя была прекрасная информация, Даинти.

Из канцелярии долетел топот, и в контору ворвалось нечто задышающееся в зеленой шапке.

– Благородный купец Сулимир... – выдохнул гном, – велел повторить, что купец Бибервельт, низушек, есть вепрь дикий и щетинистый, спекулянт и мошенник, и он, Сулимир, желает, дабы Бибервельт запаршивел. Две кроны сорок пять, и это его последнее слово.

– Продавай, – выпалил низушек. – Вперед, малыш, беги и подтверди. Считай, Вимме.

Вивальди сунул руку под свитки пергамента и извлек краснолюдские счета, истинную игрушку. В отличие от счетов, используемых людьми, у краснолюдских была форма пирамидки. При этом счета Вивальди были изготовлены из золотых проволочек, по которым передвигались отшлифованные в форме призмочек, прилегающие друг к другу кристаллы рубинов, изумрудов, ониксов и черных агатов. Краснолюд быстрыми движениями толстого пальца некоторое время передвигал драгоценные камушки вверх, вниз и в стороны.

– Получается... хммм... хммм... Минус расходы и мои комиссионные... Минус налог... Та-ак. Пятнадцать тысяч шестьсот двадцать две кроны и двадцать пять копперов. Недурно.

– Если я не разучился считать, – медленно произнес Даинти Бибервельт, – то, в общем, чистыми я должен у тебя иметь...

– Точно двадцать одну тысячу девятьсот шестьдесят девять крон и пять копперов. Неплохо.

– Неплохо? – рявкнул Лютик. – Неплохо? Да за эти деньги можно купить большую деревню или небольшой замок! Я в жизни не видел сразу такую кучу деньжищ!

– Я тоже, – сказал низушек. – Но не горячись, Лютик. Похоже, этих денег вообще еще никто не видел и неизвестно, увидит ли.

– Эй, Бибервельт! – изумился краснолюд. – Откуда такие грустные мысли? Сулимир заплатит наличными либо векселем, а вексели Сулимира – крепкие. Так в чем же дело? Боишься потерять на вонючем жире и воске? При таких доходах ты запросто перекроешь расходы...

– Не в том дело.

– А в чем же тогда?

Даинти кашлянул, опустил курчавую голову.

– Вимме, – сказал он, глядя в пол. – Ляшарель ходит за нами.

– Скверно, – причмокнул банкир. – Впрочем, этого следовало ожидать. Видишь ли, Бибервельт, информация, которой ты воспользовался при сделках, имеет не только торговое, но и политическое значение. О происшедшем в Повиссе и Темерии не знал никто. Ляшарель тоже, а Ляшарель любит все узнавать первым. Поэтому сейчас, я так думаю, он ломает себе голову над вопросом: откуда узнал ты. И скорее всего уже догадался. Потому что догадался и я.

– Интересно.

Вивальди глянул на Лютика и Геральта, сморщил курносый нос.

– Тебе интересно? А мне интересна твоя компания, Даинти, – сказал он. – Трубадур, ведьмак и купец. Чего уж лучше. Мэтр Лютик вхож всюду, даже в королевские дворцы, и, надо думать, у него неплохой слух. А ведьмак? Личная охрана? Выбивала? Деньги выколачивать?

– Поспешные выводы, господин Вивальди, – холодно сказал Геральт. – Мы не в сговоре.

– А я, – процедил Лютик, – никогда не прислуживаюсь. Я поэт, а не шпион!

– Всякое говорят, – поморщился краснолюд. – Всякое, милсдарь Лютик.

– Ложь! – взвизгнул трубадур. – Сплошная ложь!

– Ну хорошо, верю, верю. Только не знаю, поверит ли Ляшарель. Как знать, может, все понемногу и загложнет. Должен сказать, Ляшарель, после того как его в последний раз хватил удар, сильно изменился. Может, страх смерти глянул ему в задницу и заставил призадуматься? Словом, это уже не тот Ляшарель. Он сделался как-то вежливее, рассудительнее, спокойнее и... и как бы порядочнее.

– Э-э-э, – протянул низушек. – Порядочнее? Ляшарель-то?

– Говорю как есть, – возразил Вивальди. – А есть как говорю. Вдобавок сейчас у церковников в голове другая проблема, имя которой – «Вечный Огонь».

– Ну да?

– Всюду должен гореть Вечный Огонь, как говорят. Всюду, где только можно, следует установить алтари, посвященные этому Огню. Множество алтарей. Не выпрашивай

подробности, Даинти, я не очень разбираюсь в людских суевериях. Но знаю, что все священнослужители, а также Ляшарель, практически не занимаются ничем иным, как только этими алтарями и Огнем. Идет солидная подготовка. Налоги будут расти, это уж точно.

– Ну, – сказал Даинти. – Невелика радость, но...

Дверь конторы снова распахнулась, и влетело уже знакомое ведьмаку нечто в зеленой шапке и кроличьей шубейке.

– Купец Бибервельт, – сообщило оно, – велит прикупить мисок, ежели их не хватит. Цена не влияет значения, то бишь не влияет роли. О черт, не играет значения... Э?

– Прекрасно, – улыбнулся низушек, и улыбка его напоминала скривившуюся мордочку взбешенного дикого кота. – Мы купим массу мисок, воля господина Бибервельта для нас закон, а цена не играет роли. А чего еще надо прикупить? Капусты? Дегтя? Железных грабель?

– Кроме того, купец Бибервельт, – прохрипело нечто в шубейке, – просит прислать тридцать крон наличными, потому как должен дать взятку, перекусить и выпить пива, а «Под Пикой» три каких-то проходимца сперли у него мешок с деньгами.

– Ах вот оно что, – протянул Даинти. – Три проходимца! Так, похоже, этот город прямо-таки кишмя кишит проходимцами. А где, если дозволено будет спросить, находится сейчас уважаемый купец Бибервельт?

– Где же, – сказало нечто, хлюпнув носом, – как не на Западном Базаре.

– Вимме, – сказал Даинти зловеще. – Не задавай вопросов, но найди мне хорошую толстую палку. Я отправляюсь на Западный Базар, но без палки пойти не могу. Слишком там много проходимцев и вору.

– Палку, говоришь? Найду. Но, Даинти, одно хотел бы знать, потому как это меня тяготит. Я не должен был задавать тебе вопросов, поэтому не задам, а попытаюсь угадать, а ты подтвердишь либо нет. А?

– Отгадывай.

– Тот прогорклый жир, масло, воск и миски, тот паршивый шпагат – все это тактические шаги, верно? Ты хотел отвлечь внимание конкурентов от кошенили и мимозы? Вызвать панику на рынке? А, Даинти?

Дверь резко раскрылась, и в контору вбежало нечто без шапки.

– Щаверий докладывает, что все готово! – пискнуло оно. – Спрашивает, наливать?

– Наливать! – загремел низушек. – Немедленно наливать!

– Клянусь рыжей бородой старого Рундурина, – взвыл Вивальди, как только за гномом закрылась дверь. – Ничего не понимаю! Что тут деется? Что наливать? Во что наливать?

– Понятия не имею, – признался Даинти. – Но дело должно крутиться, Вимме. 4

С трудом пробиваясь сквозь толпу, Геральт вышел к ларьку, увешанному медными кастрюлями, котелками и сковородками, отливающими красным в лучах предвечернего солнца. За ларьком стоял рыжеволосый краснолюд в оливковой шапке и тяжелых башмаках из тюленьей кожи. На лице краснолюда рисовалось неудовольствие – коротко говоря, он выглядел так, словно через минуту намеревался оплевать копающуюся в товаре клиентку.

Клиентка колыхала бюстом, трясла золотистыми кудряшками и поливала краснолюда бесконечным потоком слов, лишенных склада и лада.

Клиентка была ни много ни мало Веспуля, известная Геральту в качестве метательницы горшков. Не ожидая, пока она его признает, он быстро слился с толпой.

Западный Базар пульсировал жизнью, дорога сквозь скопище народа походила на продираание через кусты боярышника. То и дело что-то цеплялось за рукава и штанины – то дети, потерявшиеся у мам, пока те оттаскивали отцов от палатки с продажей в розлив, то шпики из кордегардии, то торгующие из-под полы продавцы шапок-невидимок, афродизий и похабных картинок, вырезанных на кедровых досочках. Геральт перестал улыбаться и перешел на ругань, одновременно с успехом пользуясь локтями.

Вдруг он услышал звук лютни и знакомый жемчужный смех. Звуки шли со стороны сказочно разукрашенного ларька, снабженного вывеской: «Здесь чудеса, амулеты и наживка для рыбы».

– Кто-нибудь уже говорил вам, что вы прелестны? – верещал Лютик, присев на прилавок и весело болтая ногами. – Нет? Не может быть! Это же город слепцов, ничего больше, просто город слепцов. Подходите, добрые люди! Кто желает услышать балладу о любви? Кто хочет воспылать и обогатиться духовно, пусть бросит монету в шляпу. Ты чего туда суешь, засранец? Медь придержи для нищенок, не обижай медью артиста. Я-то, возможно, прощу, но искусство – никогда!

– Лютик, – сказал, подходя, Геральт. – Я думал, мы разделились, чтобы искать допплера. А ты устраиваешь концерты. И не стыдно петь на ярмарках, словно нищий дед?

– Стыдно? – удивился бард. – Важно, что и как поешь, а не где поешь. Кроме того, я голоден, а хозяин ларька обещал накормить обедом. Что же касается допплера, то ищите его сами. Я для погонь, драк и самосудов не гожусь. Я – поэт.

– Ты б лучше помалкивал, поэт. Здесь твоя невеста, могут быть неприятности.

– Невеста? – Лютик нервно заморгал. – О ком ты? У меня их несколько.

В этот момент сквозь толпу слушателей с силой нападающего тура пробилась Веспуля, держа в руке медную сковороду. Лютик соскочил с прилавка и кинулся бежать, ловко перепрыгивая через корзины с морковью. Веспуля повернулась к ведьмаку, раздувая ноздри. Геральт попятился и уперся спиной в стенку ларька.

– Геральт! – крикнул Даинти Бибервельт, вырываясь из толпы и отталкивая Веспулю. – Быстрее, быстрее! Я его видел. Вон там он, убегает!

– Я еще вас достану, распутники! – взвизгнула Веспуля, стараясь удержать равновесие. – Я еще сочтусь со всей вашей сворой! Хороша компашка! Стиляга, оборванец и карлик с волосатыми пятками! Вы меня попомните!

– Туда, Геральт! – крикнул Даинти, на бегу расталкивая группку школяров, занятых игрой в «три ракушки». – Туда, туда, он между телегами крутится. Заходи слева! Быстрее!

Они кинулись в погоню, сопровождаемые проклятиями перекупщиков и покупателей. Геральт только чудом избежал столкновения с бросившимся под ноги сопливым малышом. Перескочил через него, перевернув при этом два бочонка сельди, за что разъяренный рыбак хлестнул его по спине живым угрем, которого в тот момент демонстрировал клиентам.

И тут он увидел допплера, пытающегося сбежать вдоль загона для овец.

– С другой стороны! – крикнул Даинти. – Обходи его с другой стороны, Геральт!

Допплер стрелой пронесся вдоль заграды, мелькая зеленым жилетом. Теперь было ясно, почему он не превратился ни в кого другого. Проворством никто не мог сравниться с низушкой. Никто. Кроме другого низушка. И ведьмака.

Геральт увидел, что допллер резко меняет направление, вздымая тучу пыли, и ловко ныряет в прогал в ограде, окружающей большую палатку, которая выполняла роль бойни и мясной лавки одновременно. Даинти это тоже заметил, перепрыгнул через жерди и стал пробиваться сквозь сбившуюся в ограде отару блеющих баранов. Было ясно, что он не успеет. Геральт свернул и кинулся вслед за допллером между досками заграды. Неожиданно почувствовал рывок, услышал треск рвущейся кожи, и куртка под другой подмышкой тоже сделалась вдруг очень свободной.

Ведьмак остановился. Выругался. Плюнул. И еще раз выругался.

Даинти влетел в палатку вслед за допллером. Изнутри понеслись крики, звуки ударов, ругань и чудовищный грохот.

Ведьмак выругался в третий раз, особо яростно, заскрежетал зубами, поднял правую руку, сложил пальцы в знак Аард, направив его прямо на палатку. Палатка вздулась, и изнутри послышался жуткий вой, гул и рев скотины. Палатка осела.

Допплер, ползя на животе, выбрался из-под полотна и кинулся ко второй, меньшей, палатке, скорее всего – леднику. Геральт, не раздумывая, направил руку туда и ударил его в спину знаком. Допплер повалился на землю как громом пораженный, перевернулся, но тут же вскочил и влетел в палатку-ледник. Ведьмак преследовал его по пятам.

В палатке несло мясом. И было темно.

Тельико Луннгревинк Леторт стоял там, тяжело дыша, обеими руками ухватившись за висящую на крюке половину свиной туши. Второго выхода из палатки не было, а полотно было крепко и жестко привязано к кольям, торчащим из земли.

– Чистое удовольствие снова встретить тебя, мимик, – холодно произнес Геральт.

Допплер тяжело и хрипло дышал.

– Оставь меня в покое, – простонал он наконец. – Зачем ты меня преследуешь, ведьмак?

– Ты задаешь глупые вопросы, Тельико, – сказал Геральт. – Чтобы завладеть лошадьми и внешностью Бибервельта, ты разбил ему голову и бросил на безлюдье. Ты продолжаешь пользоваться его личностью и плюешь на неприятности, которые тем самым ему доставляешь. Дьявол знает, что ты собираешься делать еще, но я порушу твои планы в любом случае. Я не намерен ни убивать тебя, ни выдавать властям, но из города ты должен убраться. Я прослежу за этим.

– А если не захочу?

– Тогда я вывезу тебя на тачке в мешке.

Допплер вдруг раздулся, потом так же неожиданно похудел и начал расти, его кудрявые каштановые волосы побелели и выпрямились, упав на плечи. Зеленый жилет низушка маслено заблестел и превратился в черную кожу, на плечах и манжетах заискрились серебряные шипы. Пухлая румяная физиономия удлинилась и побледнела.

Над правым плечом выдвинулась рукоять меча.

– Не подходи, – хрипло проговорил второй ведьмак и усмехнулся. – Не приближайся, Геральт. Я не позволю к себе прикоснуться.

«Ну и паршивая же у меня ухмылка, – подумал Геральт, потянувшись за мечом. – Ну и паршивая же морда. Ну и паршиво же я щурю глаза! Так вот как я выгляжу! Зараза!»

Руки допплера и ведьмака одновременно коснулись рукоятей, оба меча одновременно выскочили из ножен. Оба ведьмака одновременно проделали два быстрых мягких шага – один вперед, второй вбок. Оба одновременно подняли мечи и быстро завертели ими в воздухе.

– Ты не можешь меня победить, – буркнул допплер. – Потому что я – это ты, Геральт.

– Ошибаешься, Тельико, – тихо сказал ведьмак. – Брось меч и возвращайся в тело Бибервельта. Иначе пожалеешь, предупреждаю.

– Я – это ты, – повторил мимик. – Ты меня не победишь. Не можешь победить, потому что я – это ты.

– Ты даже понятия не имеешь, что значит быть мной, векслинг.

Тельико опустил руку, стиснутую на рукояти меча.

– Я – это ты, – снова сказал он.

– Нет, – возразил ведьмак. – Нет. И знаешь почему? Потому что ты – маленький, бедный, мягкосердечный допплер. Допплер, который, как ни говори, мог убить Бибервельта и зарыть его тело в зарослях, обрета тем самым абсолютную безопасность и абсолютную уверенность, что не будет раскрыт никогда, никем, включая и жену низушка, известную Гардению Бибервельт. Но ты не убил его, Тельико, потому что это было выше твоих сил. Потому что ты маленький, бедный, великодушный допплер, которого друзья называют Дуду. И в кого бы ты ни превратился, ты всегда остаешься таким. Ты умеешь копировать только то, что в нас доброго, а того, что в нас злого, не понимаешь. Вот каков ты – допплер.

Тельико попятился, упершись спиной о полотно палатки.

– Поэтому, – продолжал Геральт, – сейчас ты превратишься в Бибервельта и спокойно подашь мне лапы, чтобы я мог тебя связать. Ты не можешь сопротивляться мне, потому что я есть то, что ты скопировать не в состоянии. Ты знаешь об этом прекрасно, Дуду. Ведь на несколько секунд ты перенял и мои мысли.

Тельико неожиданно выпрямился, черты его лица, только что бывшего лицом ведьмака, расплылись и разлились, белые волосы заколебались и начали темнеть.

– Ты прав, Геральт, – проговорил он невнятно, потому что в этот момент его губы изменяли форму. – Я перенял твои мысли. Ненадолго, но этого было достаточно. Знаешь, что я сейчас сделаю?

Кожаная куртка ведьмака вдруг перекрасилась в блестящий васильковый цвет. Допплер улыбнулся, поправил шапочку цвета сливы с эгреткой, подтянул ремень лютни, закинутой за спину. Лютни, которая только что была мечом.

– Я скажу тебе, ведьмак, что сделаю, – засмеялся он звучным и серебристым смехом Лютика. – Я пойду, сольюсь с толпой и потихоньку изменюсь в кого угодно, хоть бы в бродягу. Потому что уж лучше быть бродягой в Новиграде, чем допплером в пустыне. Новиград мне кое-чем обязан, Геральт. Возникновение города нарушило среду, в которой мы могли бы жить, жить в наших естественных телах. Нас уничтожали, охотясь словно на бешеных псов. Я – один из

немногих выживших. Я хочу жить и выживу. Раньше, когда за мной в холода охотились волки, я превращался в одного из них и бегал вместе со стаей по несколько недель. И выжил. Сейчас я тоже так поступлю, потому что не хочу больше шнырять по урочищам и зимовать в буреломах, не хочу быть вечно голодным, не хочу бесконечно быть мишенью для стрел. Здесь, в Новиграде, тепло, есть еда, можно заработать, и тут очень редко стреляют друг в друга из луков. Новиград – это стая волков. Я присоединюсь к ней и выживу. Понимаешь?

Геральт медленно кивнул.

– Вы предоставили, – продолжал допплер, кривя губы в наглой Лютиковой улыбке, – скромную возможность ассимилироваться краснолюдом, низушкани, гномом, даже эльфам. А чем я хуже? Почему мне отказывают? Что надо сделать, чтобы получить возможность жить в этом городе? Превратиться в эльфа с глазами серны, шелковистыми волосами и длинными ногами? А? Но чем эльфка лучше меня? Тем, что при виде эльфки вы сучите лапками, а при виде меня вас тянет блевать? Подавитесь вы такими аргументами. Я все равно выживу. Знаю как. Будучи волком, я бегал, выл и грызся с другими за самку. Как житель Новиграда я буду торговать, плести ивовые корзины, попрошайничать или воровать, как один из вас, стану делать то, что обычно делает каждый из вас. Кто знает, может, даже женюсь.

Ведьмак молчал.

– Да, – спокойно продолжал Тельико. – Я ухожу. А ты, Геральт, не станешь меня задерживать, ты даже не пошевелишься. Потому что я несколько секунд знал твои мысли, Геральт. В том числе и те, в которых ты сам себе не хочешь признаваться, скрываешь даже от себя самого. Ведь чтобы меня задержать, тебе пришлось бы меня убить. А эта мысль тебе претит. Правда?

Ведьмак молчал.

Тельико снова поправил ремешок лютни и направился к выходу. Он шел смело, но Геральт видел, как он сутулится и горбится в ожидании свиста клинка. Он сунул нож в ножны. Допплер остановился на полушаге, оглянулся.

– Бывай, Геральт, – сказал он. – Благодарю тебя.

– Бывай, Дуду, – ответил ведьмак. – Желаю удачи.

Допплер повернулся и двинулся в сторону многолюдного базара резвым, веселым, раскачивающимся шагом Лютика. Так же, как и Лютик, он размахивал левой рукой и так же, как и Лютик, щерил зубы, проходя мимо девушек. Геральт медленно двинулся следом. Медленно.

Тельико на ходу перехватил лютню, замедлив шаг, взял два аккорда, потом ловко отбренчал на струнах знакомую Геральту мелодию. Слегка повернувшись, пропел. Совсем как Лютик:

Весна вернется и, как прежде,

Дождем омоет скоротечным.

Так есть и будет. Ведь надежда

Всегда горит Огнем Извечным.

– Повтори это Лютику, если запомнишь! – крикнул он. – И скажи, что «Зима» – неудачное название. Баллада должна называться «Вечный Огонь». Прощай, ведьмак!

– Эй! – раздалось вдруг. – Эй, стилига!

Тельико удивленно обернулся. Из-за палатки вышла Веспуля, бурно раскачивая бюстом и осматривая поэта зловещим взглядом.

– За девками бегаешь, изменщик? – прошипела она, все призывнее размахивая грудью. – Песенки распеваешь, сукин кот?

Тельико снял шапочку и поклонился, широко улыбаясь характерной Лютиковой улыбкой.

– Веспуля, дорогая, – сказал он ласково. – Как же счастлив вновь видеть тебя. Прости, сладенькая моя! Я должен тебе...

– Должен, должен, – прервала Веспуля громко. – И все, что должен, сейчас заплатишь!

Огромная медная сковорода блеснула на солнце и с глубоким звучным стоном опустилась на голову доплера. Тельико с неописуемо глупой гримасой, застывшей на лице, покачнулся и упал, раскинув руки, а его физиономия начала вдруг изменяться и расплываться, переставая походить на что-либо. Видя это, ведьмак прыгнул к нему, на бегу срывая с прилавка ларька огромный ковер. Бросив ковер на землю, он двумя пинками загнал на него доплера и быстро, но плотно завернул.

Усевшись на упаковку, отер лоб рукавом. Веспуля, не отпуская сковороду, зловеще поглядывала на него. Толпа густела.

– Он болен, – сказал ведьмак и вымученно улыбнулся. – Это ради его пользы. Не давите, добрые люди, бедняге нужен воздух.

– Вы слышали? – спокойно, но звучно спросил, проталкиваясь сквозь толпу, Ляшарель. – Давайте не будем! Давайте разойдемся! Сборыща запрещены. Караются штрафом!

Толпа мгновенно рассредоточилась, но только для того, чтобы проявить Лютика, резвым шагом приближающегося под звуки лютни. Увидев его, Веспуля дико взвизгнула, упустила сковороду и помчалась через площадь.

– Что с ней? – спросил Лютик. – Дьявола увидела?

Геральт поднялся с ковра, который тут же начал слабо шевелиться. Ляшарель медленно подошел. Он был один, его личной охраны видно не было.

– Я бы не стал подходить близко, – тихо проговорил Геральт. – Если б я был вами, милсдарь Ляшарель, я бы не подходил.

– Серьезно? – Ляшарель сжал узкие губы, холодно глянул на него.

– Если б я был вами, милсдарь Ляшарель, я прикинулся бы, будто ничего не видел.

– Это уж точно, – произнес Ляшарель. – Но ты не я.

Из-за палатки прибежал Даинти Бибервельт, запыхавшийся и вспотевший. Увидев Ляшареля, он, посвистывая и заложив руки за спину, остановился, сделав вид, будто рассматривает крышу амбара.

Ляшарель подошел к Геральту. Очень близко. Ведьмак не пошевелился, только прищурился. Несколько мгновений они глядели друг на друга, потом Ляшарель наклонился к свернутому

ковру.

– Дуду, – сказал он, обращаясь к тисненным козловой кожей, странно деформированным башмакам Лютика, торчащим из свернутого ковра. – Копируй Бибервельта, живо.

– Почему? – крикнул Даинти, отводя глаза от амбара. – Зачем?

– Тихо, – сказал Ляшарель. – Ну, Дуду, как ты там?

– Готово, – глухо донеслось из ковра. – Готово... Сейчас...

Торчащие из ковра козловые башмаки разлились, размазались и превратились в покрытые шерстью босые ступни низушка.

– Вылезай, Дуду, – сказал Ляшарель. – А ты, Даинти, помалкивай. Для людей все низушки на одно лицо. Правда?

Даинти что-то невнятно пробормотал. Геральт, все еще щурясь, подозрительно глядел на Ляшареля. Наместник выпрямился и осмотрелся. К тому времени от зевак, которые еще удерживались поблизости, остался только утихающий вдали топот деревянных башмаков.

Даинти Бибервельт-2 выбрался из рулона, чихнул, сел, протер глаза и нос. Лютик, присев на валяющийся рядом ящик, тренькал на лютне с выражением умеренного любопытства на лице.

– Кто это, как ты думаешь, Даинти? – мягко спросил Ляшарель. – Он здорово похож на тебя, тебе не кажется?

– Это мой троюродный брат со стороны отца, – выпалил низушек и осклабился. – Близкий родственник. Дуду Бибервельт из Почечуева Лога, крупный спец по торговым операциям. Я как раз решил...

– Да, Даинти?

– Я решил назначить его своим представителем в Новиграде. Как ты на это смотришь, братец?

– Ах, благодарю, братец, – широко улыбнулся близкий родственник по отцовской линии, гордость клана Бибервельтов, крупный спец в торговле. Ляшарель тоже улыбнулся.

– Ну как, исполнилась мечта? – буркнул Геральт. – О жизни в городе? И что только вы находите в этих городах, Дуду... и ты, Ляшарель?

– Пожил бы в вересковых зарослях, – ответил Ляшарель, – поел бы корешков, вымок бы и перемерз, так знал бы. Нам тоже кое-что полагается от жизни, Геральт. Мы не хуже вас.

– Нет, – кивнул Геральт. – Не хуже. Бывает даже лучше. А что с настоящим Ляшарелем?

– Удар его хватил, – шепнул Ляшарель-2. – Уж месяца два как. Апоплексический удар. Да будет земля ему пухом, да светит ему Вечный Огонь. Я как раз был поблизости... Никто не заметил... Геральт? Надеюсь, ты не станешь...

– Чего никто не заметил? – спросил ведьмак с каменной физиономией.

– Благодарю, – шепнул Ляшарель.

– И много вас тут?

– А это важно?

– Нет, – согласился ведьмак. – Не важно.

Из-за фургонов и палаток вылетела трусцой невысокая, локтя в два, фигурка в зеленой шапочке и кроличьей шубейке.

– Господин Бибервельт, – засопел гном и замолчал, водя взглядом от одного низушка к другому.

– Я думаю, малыш, – сказал Даинти, указывая на троюродного брата со стороны отца, – у тебя дело к моему кузену, Дуду Бибервельту. Говори. Вот он.

– Щаверий сообщает, что пошло все, – сказал гном и широко улыбнулся, показав остренские зубки. – По четыре кроны за штуку.

– Похоже, я знаю, о чем речь, – сказал Даинти. – Жаль, нет здесь Вивальди, тот бы мигом подсчитал доход.

– Позволь, братишка, – проговорил Тельико Луннгревинк Леторт, сокращенно Пенсток, для друзей Дуду, а для всего Новиграда – член многочисленной родни Бибервельтов. – Позволь, я подсчитаю. У меня идеальная память на цифры. Как и на многое другое.

– Изволь, – поклонился Даинти. – Изволь, братишка.

– Расходы, – наморщил лоб допплер, – были небольшие. Восемнадцать за масло, восемь пятьдесят за рыбий жир, хмм... Все вместе, включая шнурок, сорок пять крон. Выручка: шестьсот по четыре кроны, то есть две тысячи четыреста. Комиссионных никаких, потому как без посредников...

– Будь добр, не забудь о налоге, – напомнил Ляшарель-2. – И учти: перед вами представитель городских властей и церкви, который серьезно и честно относится к своим обязанностям.

– От налогов освобождено, – сообщил Дуду Бибервельт. – Потому что это продажа на святые цели.

– То есть?

– Смешанные в соответствующих пропорциях рыбий жир, воск, масло, подкрашенные каплей кошенили, – пояснил допплер, – достаточно налить в глиняные миски и в каждую сунуть кусочек шнурка. Зажженный шнурок дает отличное красное пламя, которое держится долго и почти не пахнет. Вечный Огонь. Богослужителям нужны были лампы для Вечного Огня. Теперь уже не нужны.

– Черт возьми, – буркнул Ляшарель. – Верно... Не лампы, лампы были нужны... Дуду, ты гений.

– В мать пошел, – скромно проговорил Тельико.

– А как же, вылитая мать, – подтвердил Даинти. – Вы только взгляните на его умные глаза. Истинная Бегония Бибервельт, моя любимая двоюродная тетя.

– Геральт, – простонал Лютик. – Он за три дня заработал больше, чем я пением за всю свою жизнь!

– На твоём месте, – серьезно проговорил ведьмак, – я бы забросил пение и занялся

торговлей. Попроси, может, возьмет тебя в ученики.

– Ведьмак. – Тельико потянул его за рукав. – Скажи, чем можно тебя... отблагодарить...

– Двадцать две кроны.

– Что?

– За новую куртку. Смотри, что осталось от моей.

– Знаете что? – вдруг крикнул Лютик. – Пошли вместе в бордель! В «Пассифлору»! Бибервельты платят!

– А низушков туда пускают? – забеспокоился Даинти.

– Пусть попробуют не пустить. – Ляшарель соорудил грозную мину. – Пусть только попробуют, и я обвиню весь их бордель в ереси.

– Ну! – воскликнул Лютик. – Тогда все в порядке. Геральт? Идем?

– А знаешь, Лютик, – тихо рассмеялся ведьмак, – с удовольствием.

Немного жертвенности

1

Сирена вынырнула из воды до половины тела и бурно, резко хлопнула ладонями по поверхности. Геральт отметил, что у нее красивая, прямо-таки идеальная грудь. Эффект портил лишь цвет – темно-зеленые соски, а ареолы вокруг них лишь чуточку светлее. Ловко подстраиваясь к набегающей волне, русалка изящно выгнулась, встряхнула мокрыми бледно-зелеными волосами и мелодично запела.

– Что? – Князь перегнулся через борт когги. – Что она сказала?

– Отказывается, – перевел Геральт. – Говорит – не хочу.

– Ты объяснил, что я ее люблю? Что не представляю себе жизни без нее? Что хочу жениться на ней? Что только она, и никакая другая?

– Объяснил.

– И что?

– И ничего.

– Ну так повтори.

Ведьмак прижал к губам пальцы и издал вибрирующую трель. С трудом подбирая слова и мелодию, начал переводить любовные излияния князя.

Сирена легла навзничь на воду и прервала его.

– Не переводи, не мучайся, – пропела она. – Я поняла. Когда он говорит, что любит меня, у него всегда бывает такая глупая физиономия. Он сказал что-нибудь конкретное?

– Не очень.

– Жаль. – Сирена затрепыхалась и нырнула, сильно изогнув хвост и вспенив воду узким плавником, напоминающим плавник султанки.

– Что? Что она сказала? – спросил князь.

– Что ей жаль.

– Чего жаль? Что значит – жаль?

– Мне кажется, это был отказ.

– Мне не отказывают! – крикнул князь, противореча очевидным фактам.

– Ваша милость, – буркнул, подходя, капитан коggi. – Сети готовы – закинем, и она ваша...

– Я бы не советовал, – тихо проговорил Геральт. – Она не одна. Под водой их много, а в глубине может притаиться кракен.

Капитан вздрогнул, побледнел и обеими руками почему-то схватился за ягодицы.

– Кра... кракен?

– Он самый, – подтвердил ведьмак. – Не советую играть с сетями. Ей достаточно крикнуть, и от вашей посуды останутся плавающие доски, а нас утопят как котят. И вообще, Агловаль, реши, ты хочешь жениться или просто намерен поймать ее и держать в бочке?

– Я ее люблю, – твердо сказал Агловаль. – Хочу взять в жены. Но надо, чтобы у нее были ноги, а не чешуйчатый хвост. И это можно сделать. За два фунта роскошных жемчужин я купил магический эликсир с полной гарантией. Выпьет – и ножки отрастут. Помучается недолго, дня три, не больше. Давай вызывай ее, ведьмак, скажи еще раз.

– Я уже говорил дважды. Она ответила, что не согласна. Но добавила, что знает морскую волшебницу, которая с помощью заклинаний готова превратить твои ноги в элегантный хвост. Притом безболезненно.

– Спятила, что ли? У меня – рыбий хвост? Ни за что. Вызывай ее, Геральт.

Ведьмак сильно перегнулся через борт. В тени коggi вода была зеленой и казалась густой, как желе. Звать не было нужды. Сирена взвилась над волнами в фонтане воды, какое-то мгновение стояла на хвосте, потом скатилась по волне, перевернулась, демонстрируя все свои прелести. Геральт сглотнул.

– Эй вы! – пропела она. – Долго еще? У меня кожа скорбнет от солнца! Белоголовый, спроси его, он согласен или нет.

– Он не согласен, – пропел в ответ ведьмак. – Шъееназ, пойми, он не может жить с хвостом и существовать под водой. Ты можешь дышать воздухом, а он водой не может вообще!

– Так я и знала, – взвизгнула сирена. – Знала. Увертки. Глупые, наивные увертки, ни на грош жертвенности! Любящий жертвует! Я ради него жертвовала собой, ежедневно вылезала на скалы, все чешуйки на попе протерла, плавник растрепала, простыла. Насморк схватила! А он ради меня не хочет пожертвовать двумя своими паршивыми обрубками? Любить – значит не только брать, но и уметь отказываться от чего-то, жертвовать собою! Повтори ему это!

– Шъееназ! – воскликнул Геральт. – Ты что, не понимаешь? Он не может жить в воде!

– Я не принимаю глупых отговорок! Я тоже... Я тоже его люблю и хочу иметь от него мальков, но как это сделать, ежели он не хочет дать мне молоко? Куда я ему икру положу? В шапку?

– О чем это она? – крикнул князь. – Геральт! Я привез тебя не для того, чтобы ты с ней беседы беседовал, а...

– Она стоит на своем. Она злится.

– А ну давай сюда сети! – рявкнул Агловаль. – Поддержу ее у себя в бассейне, так она...

– А вот такого не хотите, ваша милость! – крикнул капитан, демонстрируя рукой, что он имеет в виду. – Под нами может быть кракен! Вы когда-нибудь видели кракена, господин? Прыгайте в воду, ежели на то ваша воля, ловите ее руками. Я мешать не стану. Я этой коггой живу!

– Ты живешь моей милостью, паршивец! Давай сети, а то велю повесить!

– Поцелуй...те пса под хвост! На когге – моя воля выше вашей! Я тут капитан!

– Тихо вы оба! – зло крикнул Геральт. – Она что-то говорит, у них трудный диалект, мне надо сосредоточиться!

– С меня довольно! – певуче воскликнула Шъееназ. – Я есть хочу. Ну, белоголовый, пусть он решает, и немедленно. Скажи ему одно: я больше не хочу быть посмешищем и не стану разговаривать с ним, с этой четырехрукой морской звездой. Повтори ему, что для забав, которые он предлагает мне на скалах, у меня есть подруги, которые делают все гораздо лучше! Но я считаю это играми для детишек, у которых еще не сменилась чешуя на хвостах. Я нормальная, здоровая сирена...

– Шъееназ...

– Не прерывай! Я еще не кончила! Я здоровая, нормальная и созревшая для нереста, а ему, если он действительно меня хочет, надо обзавестись хвостом, плавником и всем, что есть у нормального тритона. Иначе я знать его не знаю!

Геральт переводил быстро, стараясь избегать вульгарностей. Не очень-то это получалось. Князь покраснел, выругался.

– Бесстыжая девка! – рявкнул он. – Холодная макрель! Пусть найдет себе треску покрупнее с большим... ну что там у них есть...

– Что он сказал? – заинтересовалась Шъееназ, подплывая.

– Что не желает заводить хвоста!

– Так скажи ему... Скажи ему, чтобы он высушился как следует!

– Что она сказала?

– Она сказала, – перевел ведьмак, – чтобы ты утопился! 2

– Эх, жаль, – сказал Лютик, – не мог я с вами поплавать. Что делать, я на море блюю так, что хуже не придумаешь. А знаешь, я ни разу в жизни не болтал с сиреной. Обидно, черт побери.

– Насколько я тебя знаю, – проговорил Геральт, приторачивая व्यюки, – балладу ты напишешь и без того.

– Верно. Уже готовы первые строчки. В моей балладе сирена пожертвует собою ради князя, сменит рыбий хвост на шикарные ножки, но заплатит за это потерей голоса. Князь изменит ей, бросит, и тогда она умрет от тоски, обратится в пену морскую, когда первые лучи солнца...

– Кто поверит в такую чушь?

– Не важно, – фыркнул Лютик. – Баллады пишут не для того, чтобы в них верили. Их пишут, чтобы ими волновать. А, чего с тобой говорить! Что ты в этом смыслишь? Скажи лучше, сколько заплатил Агловаль?

– Нисколько. Сказал, что я не справился с задачей. Что он ожидал другого, а он платит за дела, а не за добрые намерения.

Лютик покачал головой, снял шапочку и сочувственно посмотрел на ведьмака.

– Означает ли сие, что у нас по-прежнему нет денег?

– Похоже на то.

Лютик сделал еще более жалостливую мину.

– Все из-за меня. Моя вина, Геральт, ты не в обиде?

Нет, ведьмак не был на Лютика в обиде. Совершенно не был.

Хотя то, что с ним случилось, несомненно, произошло по вине Лютика. Именно Лютик настаивал на том, чтобы отправиться на гулянье в Четыре Клена. Гулянья, доказывал он, удовлетворяют глубокие и естественные потребности людей. Время от времени, утверждал бард, человеку надобно встречаться с себе подобными там, где можно посмеяться и попеть, набить пузо шашлыками и пирогами, набраться пива, послушать музыку и потискать в танце потные округлости девушек. Если б каждый человек пожелал удовлетворять эти потребности, так сказать, в розницу, доказывал Лютик, спорадически и неорганизованно, возник бы неопиcуемый хаос. Поэтому придумали праздники и гулянья. А коли существуют праздники и гулянья, то на них следует бывать.

Геральт не возражал, хотя в перечне его собственных естественных и глубоких потребностей участие в гуляньях занимало далеко не первое место. Однако он согласился сопровождать Лютика, поскольку рассчитывал в сборище людей добыть информацию о возможном задании или занятии – давно его никто не нанимал, и запас его наличных небезопасно уменьшился.

Ведьмак не держал на Лютика зла за то, что тот прицепился к Леснякам. Он и сам был виноват – мог вмешаться и остановить барда. Не сделал этого, потому что тоже терпеть не мог пользующихся дурной славой Стражей Пущи, именуемых в народе Лесняками, – добровольной организации, занимающейся истреблением нелюдей. Он сам еле сдерживался, слушая их похвалы о том, как они напиговали стрелами, зарезали либо повесили эльфа, лешего или духобабу. Лютик же, путешествуя в обществе ведьмака, решил, что он в полной безопасности, превзошел самого себя. Сначала Стражи не отвечали на его задирки, ехидные замечания и наглые намеки, вызывающие хохот у наблюдавших за развитием событий крестьян. Однако, когда Лютик пропел заранее заготовленный хамский и оскорбительный куплет, оканчивающийся вообще-то совершенно нейтральными словами: «Я не знаю о таком, кто б хотел быть Лесняком», возник скандал, завершившийся всеобщей потасовкой, а сарай, игравший роль танцзала, сгорел дотла. Вмешалась дружина комеса Будибога по прозвищу Плешак, которому подчинялись Четыре Клена. Лесняков, Лютика, а заодно и Геральта признали сообща виновными во всем ущербе, уроне и преступлениях, включая и соvrащение некоей рыжей немой малолетки, которую после случившегося нашли в кустах за гумном порозовевшей и глуповато улыбающейся, в ночной рубашке, задранной аж до подмышек. К счастью, комес Плешак знал Лютика, поэтому все кончилось штрафом, который тем не менее поглотил всю их наличность. К тому же им пришлось со всех конских ног удирать из Четырех Кленов, потому что изгнанные из деревни Лесняки грозились отыгаться на них, а в окружающих лесах на нимф охотился их отряд,

насчитывавший свыше сорока голов. У Геральта не было ни малейшего желания стать мишенью для Лесняковых стрел – стрелы были зазубренные, как гарпуны наконечники, и страшно калечили тех, в кого попадали.

Пришлось отказаться от первоначального плана посетить расположенные неподалеку от Пуши деревни, в которых ведьмак рассчитывал получить работу. Вместо этого они поехали к морю, в Бремервоорд. К сожалению, кроме малообещающей любовной интриги князя Агловаля и сирены Шъееназ, ведьмак работы не нашел. Они уже проели золотой Геральтов перстень с печаткой и брошь с александритом, которую трубадур некогда получил на память от одной из многочисленных невест. Все было скверно. И все же нет, ведьмак не был зол на Лютика.

– Нет, Лютик, – сказал он. – Я на тебя не сержусь.

Лютик не поверил, что явно следовало из его молчания. Лютик молчал редко. Он похлопал коня по загривку, неведомо который раз покопался во вьюках. Геральт знал, что ничего такого, что можно было бы обратить в наличные, там не окажется. Запах еды, несомый бризом от ближайшего дома, становился невыносимым.

– Мэтр! – крикнул кто-то. – Эй, мэтр!

– Слушаю, – повернулся Геральт. Из остановившейся рядом двуколки, запряженной в пару онагров, выбрался брюхатый, солидный мужчина в войлочных башмаках и тяжелой шубе из волчьих шкур.

– Э-э-э... ну, того... – растерялся брюхач, подходя. – Я не вас, господин... Я мэтра Лютика...

– Это я, – гордо выпрямился поэт, поправляя шапочку с пером цапли. – Чего желаете, добрый человек?

– Мое почтение, – сказал брюхач. – Я – Телери Дроухард по прозвищу Краснобай, бакалейщик, старшина здешней гильдии. Сын мой, Гаспар, обручается с Далией, дочерью Мествина, капитана когги.

– Ха, – сказал Лютик, храня достойную трубадура серьезность. – Поздравляю и желаю счастья молодым. Чем могу служить? Или речь идет о праве первой ночи? От этого я никогда не отказываюсь.

– Э? Не... того... Тут, значить, такое дело, праздник и выпивка по случаю обручения будут нонче вечером. Жена моя, как, значить, узнала, что вы, мэтр, в Бремервоорд заглянули, дырку мне в брюхе провертела... Ну, баба есть баба. Слышь, говорит, Краснобай, покажем всем, что мы не хамы, значить, какие, мы за культуру и искусство головы, значить, положим. Что у нас ежели уж застолье, то, стало быть, это, как его, ну, духовное, а не то что только надраться и облеваться. Я ей, бабе глупой, толкую: мы, дескать, уже наняли одного барда, тебе мало? А она, что один – это, значить, недостаточно, что, дескать, мэтр Лютик – другое дело. Какая слава и, опять же, соседям шпилька в задницу. Мэтр? Окажи нам, значить, такую честь... Двадцать пять талеров, значить, наличными, как символ, само собой... Только лишь бы искусству потрафить...

– Уж не ослышался ли я? – протянул Лютик. – Я – второй бард? Довесок к какому-то другому музыканту? Да еще этот, как его, символ? Мне? Нет, так низко я еще не пал, милсдарь Краснобай Дроухард, чтобы кому-то подпевать!

Дроухард стал пунцовым.

– Прощения просим, мэтр, – пробормотал он еле слышно. – Не так я, значить, мыслил... Энто

все жена... Прощения просим... Окажите честь...

– Лютик, – тихо шепнул Геральт. – Не задирай носа. Нам необходимы эти несколько монет.

– Не учи меня жить! – разорался поэт. – Я задираю нос? Глядите-ка на него! А что сказать о тебе, то и дело отвергающем выгодные предложения? Хирриков ты не убиваешь, потому что они вымирают, двусилов – потому как они безвредны, ночниц – потому что миленькие, дракона, вишь ты, кодекс запрещает. Я, представь себе, тоже себя уважаю! У меня тоже есть свой кодекс!

– Лютик, прошу тебя, сделай это для меня. Немного жертвенности, парень, ничего больше. Обещаю, и я не стану заноситься при следующем задании, если попадется. Ну, Лютик...

Трубадур, глядя в землю, почесал подбородок, покрытый светлым мягким пушком. Дроухард, раскрыв рот, придвинулся ближе.

– Мэтр... Окажите честь. Жена меня, значить, не простит, ежели я вас не уломаю. Ну... Ну, пусть будет тридцать. Как символ.

– Тридцать пять, – твердо сказал Лютик. Геральт усмехнулся, с надеждой втянул носом запах еды, доносящийся с подворья.

– По рукам, мэтр, по рукам, – быстро проговорил Телери Дроухард, и стало ясно, что он дал бы и сорок, если б потребовалось. – А теперича... Мой дом, ежели вам надобно отряхнуться и передохнуть, – ваш дом. И вы, господин... Как вас там?

– Геральт из Ривии.

– И вас, господин, конешным делом, тоже приглашаю. Перекусить, значить, выпить...

– Ну что ж, с удовольствием, – сказал Лютик. – Указывайте дорогу, милейший господин Дроухард. А кстати, так, между нами, тот второй бард, это кто же?

– Благородная госпожа Эсси Давен. З

Геральт еще раз протер рукавом серебряные набивки куртки и пряжку пояса, пятерней причесал перехваченные чистой перевязкой волосы и очистил голенища сапог, потеряв одно о другое.

– Лютик?

– Ну? – Бард разгладил пришпиленную к шапочке эгретку, поправил и одернул курточку. Оба потратили полдня на чистку одежды и приведение ее хотя бы в относительный порядок. – Что, Геральт?

– Постарайся держаться так, чтобы нас выкинули после ужина, а не до него.

– Надеюсь, ты шутишь? За собой смотри получше. Ну, входим?

– Входим. Слышишь? Кто-то поет. Женщина.

– Только услышал? Это Эсси Давен по прозвищу Глазок. Неужто никогда не встречал женщин-бардов? Ах, правда, я же забыл, ты обходишь стороной места, где цветет искусство. Глазок – талантливая поэтесса и певица, к сожалению, не без недостатков, из которых наглость, как я слышал, не самый малый. То, что она теперь поет, – моя баллада. За это она сейчас услышит несколько теплых слов, да таких, что у нее глазок заслезится.

– Лютик, смилуйся. Ведь выкинут же!

– Не встречай. Это профессиональные вопросы. Входим...

– Лютик?

– Э?

– Почему Глазок?

– Увидишь.

Пиршество имело место в помещении просторного склада, освобожденного от бочонков сельди и рыбьего жира. Запах – не совсем – забили, развесив где попало пучки омелы и вереска, украшенные цветными ленточками. Там и тут, как того требует обычай, висели косы чеснока, назначение которых – отпугивать вампиров. Табуреты и лавки, придвинутые к стенам, накрыли белым полотном, в углу организовали большой костер и вертел. Было тесно, но нешумно. Свыше полусотни человек самых различных состояний и профессий, а также прыщавый жених и не отрывающая от него глаз курносая невеста сосредоточенно и в тишине вслушивались в мелодичную балладу, которую исполняла девушка в скромном голубом платье, сидевшая на возвышении с лютей, опертой о колено. Девушке было не больше восемнадцати. Очень худенькая, с длинными и пушистыми волосами цвета темного золота. Когда они вошли, девушка как раз кончила петь, кивком поблагодарив за громкие хлопки, тряхнула головой.

– Приветствую вас, мэтр, приветствую. – Дроухард, празднично одетый, подскочил к ним, потянул к середине склада. – Приветствую и вас, господин Герард... – Геральт смолчал. – Какая, значить, честь... Да... Позвольте... Уважаемые госпожи, уважаемые господа! Это наш почетный гость, который оказал нам почесть и удостоил чести... Мэтр Лютик, известный певец и виршепле... э... поэт, сталбыть, великую честь нам оказал, почествовав... нас. Поэтому мы почествованы... в смысле... э... пооще... нет, польщены...

Раздались восклицания и хлопки. И пора, так как походило на то, что Краснобай Дроухард зачествуеться оказанной ему честью вусмерть. Лютик, порозовевший от гордости, изобразил высокомерную мину и небрежно поклонился, потом помахал рукой девушкам, уместившимся под присмотром старших матрон на длинной лавке, будто куры на насесте. Девушки сидели, чопорно вытянувшись, словно приклеенные к лавке столярным клеем или другим не менее эффективным клеющим средством. Все без исключения держали руки на спазматически сжатых коленях и демонстрировали свои полураскрытые рты.

– А теперича, – воскликнул Дроухард, – нукошь, гостюшки, значить, за пиво, кумовья, и за еду! Просим, просим, чем хата богата...

Девушка в голубом протиснулась сквозь толпу, словно морская волна, ринувшуюся к заставленным едой столам.

– Здравствуй, Лютик.

Определение «глаза как звезды» Геральт считал банальным и затасканным, особенно с тех пор, как начал путешествовать с Лютиком, поскольку трубадур привык раздавать этот комплимент направо и налево. Как правило, незаслуженно. Однако в применении к Эсси Давен даже такой мало подверженный влиянию поэзии субъект, как ведьмак, вынужден был признать точность этого определения. На хорошеньком, но ничем особым не выделяющемся личике горел огромный, прекрасный, блестящий темно-голубой глаз, от которого невозможно было оторваться. Второй глаз Эсси Давен был большую часть времени прикрыт и заслонен золотистой прядкой, падающей на щеку. Эсси то и дело откидывала прядку движением головы либо подув на нее, и тогда становилось видно, что второй глазок Глазка ни в чем не уступает первому.

– Здравствуй, Глазок, – сказал Лютик, поморщившись. – Хорошую ты спела балладу. Значительно улучшила репертуар. Я всегда говорил, что, если не умеешь писать стихи сам, следует пользоваться чужими. И много ты их использовала?

– Не очень, – тут же отреагировала Эсси Давен и улыбнулась, показав белые зубки. – Два или три. Хотелось бы больше, да не получилось. Сплошная белиберда, а мелодии, хоть приятные и простенькие, чтобы не сказать примитивные, но все же не те, которых ожидают мои слушатели. Может, написал что-то новенькое, Лютик? Не довелось слышать.

– Неудивительно, – вздохнул бард. – Свои баллады я пою в таких местах, куда приглашают исключительно талантливых и известных бардов, а ты ведь там не бываешь.

Эсси слегка зарумянилась и, дунув, откинула прядку.

– Это верно. В борделях я не бываю, они, понимаешь, действуют на меня угнетающе. Жаль, конечно, что тебе приходится петь в таких местах. Ну, что делать! Коли нет таланта, публику не выбирают.

Теперь вполне заметно покраснел Лютик. Глазок же радостно засмеялась, неожиданно закинула ему руки на шею и громко чмокнула в щеку. Ведьмак изумился, но не шибко. Подруга по профессии, в конце концов, не могла очень-то уж отличаться от Лютика в смысле предсказуемости.

– Лютик, старый ты звонарь, – сказала Эсси, не разжимая объятий. – Рада снова видеть тебя в добром здравии и полном уме.

– Эх, Куколка! – Лютик схватил девушку за талию, приподнял и закружил так, что затрепыхалось платье. – Ты была прелестна, клянусь богом, я давно не слышал такого чудесного ехидства! Ссоришься ты еще прекраснее, чем поешь! А выглядишь прямо изумительно!

– Сколько раз я тебя просила, – Эсси дунула на прядку и стрельнула глазом в Геральта, – чтобы ты не называл меня Куколкой. К тому же, думается, самое время представить мне твоего спутника. Сразу видно, он не из нашей братии.

– Упасите боги, – рассмеялся трубадур. – У него, Куколка, нет ни голоса, ни слуха, а срифмовать он может только «попа» и «жопа». Это представитель цеха ведьмаков, Геральт из Ривии. Подойди, Геральт, поцелуй Глазку ручку.

Ведмак подошел, не очень-то зная, что делать. В руку, вернее, в перстень, было принято целовать исключительно дам, начиная от дюкессы и выше, и при этом надлежало опуститься на одно колено. В отношении нижестоящих на общественной лестнице женщин такой жест считался здесь, на Юге, эротически двусмысленным и как таковой использовался в принципе только близкими парами.

Однако Глазок развеяла его сомнения, охотно и высоко протянула руку, опустив пальцы. Он неловко взял ее и запечатлел поцелуй. Эсси, все еще тараща на него своим изумительным глазком, зарумянилась.

– Геральт из Ривии, – сказала она. – Ишь в каком обществе ты вращаешься, Лютик.

– Вы оказываете мне честь, – пробормотал ведьмак, сознавая, что сравнивается красноречием с Дроухардом. – Милсдарыня...

– К черту, – фыркнул Лютик. – Не смущай Глазка выканьем и титулованием. Ее зовут Эсси, его – Геральт. Конец... э... презентации. Переходим к делу, Куколка.

– Если ты еще хоть раз назовешь меня Куколкой, получишь по уху. Ну и к какому же делу мы должны перейти?

– Надо договориться, как будем петь. Предлагаю поочередно по несколько баллад. Для эффекта. Разумеется, каждый поет собственные.

– Согласна.

– Сколько тебе платит Дроухард?

– Не твоя забота. Кто начинает?

– Ты.

– Согласна. Ах, смотрите, кто идет! Его высочество князь Агловаль...

– Тэк-тэк, – обрадовался Лютик. – Качественный уровень публики повышается. Хотя, с другой стороны, на него рассчитывать не приходится. Скупердй. Геральт может подтвердить. Здешний князь чертовски не любит платить. Нанимать-то нанимает. С расплатой хуже.

– Слышала я кое-что. – Эсси, глядя на Геральта, сдула прядку со щеки. – Болтали в порту и на пристани. Известная Шъееназ, верно?

Агловаль, короткими кивками ответив на глубокие поклоны столпившихся у входа гостей, почти сразу же подошел к Дроухарду и отвел его в угол, дав понять, что не ожидает от него знаков почтения в центре зала. Геральт наблюдал за ними краешком глаза. Разговор шел тихий, но было видно, что оба возбуждены. Дроухард, то и дело вытирая лоб рукавом, крутя головой, почесывая шею, задавал вопросы, а князь, хмурый и угрюмый, отвечал пожатием плеч.

– Князь, – тихо сказала Эсси, придвигаясь к Геральту, – выглядит озабоченным. Неужто опять сердечные дела? Начавшееся с утра недоразумение с сиреной? А, ведьмак?

– Возможно. – Геральт искоса посмотрел на поэтессу, удивленный и почему-то раздосадованный ее вопросом. – У каждого свои проблемы. Однако не все любят, чтобы о них распевали на ярмарках.

Глазок слегка побледнела, дунула в прядь и вызывающе взглянула на него.

– Говоря так, ты намеревался меня оскорбить или только обидеть?

– Ни то ни другое. Я лишь хотел упредить следующие вопросы касательно проблем Агловаля и сирены. Вопросы, отвечать на которые я не уполномочен.

– Понимаю. – Красивый глаз Эсси Давен слегка прищурился. – Я не поставлю тебя перед такой дилеммой. Больше не задам ни одного вопроса из тех, какие собиралась и которые, откровенно говоря, считала просто вступлением и приглашением к приятной беседе. Ну что ж, стало быть, не будет беседы – и нечего бояться, что ее содержание станут распевать на какой-нибудь ярмарке. Было очень приятно.

Она быстро повернулась и отошла к столам, где ее тут же встретили с почетом. Лютик переступил с ноги на ногу и многозначительно кашлянул.

– Не скажу, чтобы ты был с ней изысканно любезен, Геральт.

– Глупо получилось, – согласился ведьмак. – Действительно, я ее обидел, и главное – без надобности. Может, пойти извиниться?

– Прекрати, – сказал бард и глубокомысленно добавил: – Никогда не выпадает вторая оказия создать первое впечатление. Пошли лучше выпьем пива.

Напиться пива они не успели. Сквозь толпу протиснулся Дроухард.

– Господин Герард, – сказал он. – Простите. Его высочество желают с вами поговорить. Значить.

– Иду, – сказал Геральт, пропустив «Герарда» мимо ушей.

– Геральт, – схватил его за рукав Лютик. – Не забывай.

– О чем?

– Ты обещал взяться за любое дело, не выпендриваясь. Ловлю на слове. Как ты сказал-то? Немного жертвенности?

– Лады, Лютик. Но почему ты решил, что Агловаль...

– Нюхом чую. Так не забудь, Геральт.

– Ну-ну.

Они с Дроухардом отошли в угол залы, подальше от гостей. Агловаль сидел за низким столом. Его сопровождал пестро одетый загорелый мужчина с короткой черной бородой, которого Геральт раньше здесь не видел.

– Снова встретились, ведьмак, – начал князь, – хотя еще сегодня утром я поклялся, что больше тебя не увижу. Но другого ведьмака под рукой нет, придется довольствоваться тобой. Познакомься: Зелест, мой коморник и ответственный за ловлю жемчуга. Говори, Зелест.

– Сегодня утром, – начал чернобородый, – я задумал расширить ловлю за пределы привычной территории. Одна лодка пошла дальше к западу, за мыс, в сторону Драконьих Клыков.

– Драконьи Клыки, – вставил Агловаль, – это два больших вулканических рифа на окончании мыса. Их видно с нашего берега.

– Ну да, – подтвердил Зелест. – Обычно мы туда не заплывали, там водовороты, камни, нырять опасно. Но у побережья жемчуга все меньше. Вот. Ну, стало быть, пошла туда одна лодка. Семь душ экипажа, два матроса и пятеро ныряльщиков, в том числе одна женщина. Когда они не вернулись к вечеру, мы начали беспокоиться, хотя море было спокойное, словно маслом полили. Послал я несколько быстрых скифов, и они вскоре обнаружили лодку, дрейфующую в море. В лодке не было никого. Канули как камень в воду. Неведомо, что случилось. Но бой там был, не бой, а побоище... Были следы...

– Какие? – прищурился ведьмак.

– Вся лодка заляпана кровью.

Дроухард свистнул и беспокойно оглянулся. Зелест понизил голос.

– Было, как я говорю, – повторил он, стискивая зубы. – Лодка вся забрызгана кровью. Не иначе как там прям-таки резню устроили. Что-то убило этих людей. Говорят, морское чудовище. Не иначе морское чудовище.

– Не пираты? – тихо спросил Геральт. – Не конкуренты-жемчужники? Обычную поножовщину исключаете?

– Исключаем, – сказал князь. – Нет тут никаких пиратов и никаких конкурентов. А ножевые расправы не кончаются исчезновением всех до единого. Нет, Геральт. Зелест прав. Это морское чудовище, ничего другого. Слушай, никто не отваживается выйти в море, даже в близкие и знакомые места. Людей охватил жуткий страх, и порт парализован. Даже когги и галеры не отрываются от пристаней. Понимаешь, ведьмак?

– Понимаю, – кивнул Геральт. – Кто покажет мне место?

– Ха. – Агловаль положил руку на стол и забарабанил пальцами. – Это мне нравится. Вот это по-ведьмачьи. Сразу к делу, без лишней болтовни. Да, так я люблю. Видишь, Дроухард, говорил я тебе, хороший ведьмак – это голодный ведьмак. А, Геральт? Если б не твой музыкальный дружок, ты сегодня снова отправился бы спать на пустой желудок. Хорошие у меня сведения, верно?

Дроухард опустил голову. Зелест тупо смотрел перед собой.

– Кто покажет мне место? – повторил Геральт, холодно глядя на Агловаля.

– Зелест, – сказал князь, переставая усмехаться. – Зелест покажет тебе Драконьи Клыки и дорогу к ним. Когда ты намерен взяться за дело?

– С утра. Будьте на пристани, господин Зелест.

– Договорились, господин ведьмак.

– Ну и прекрасно, – потер руки князь и снова насмешливо ухмыльнулся. – Геральт, я рассчитываю на то, что с чудовищем у тебя пойдет лучше, чем с Шъееназ. Я действительно на это рассчитываю. Да, вот еще что. Запрещаю болтать об этом: не желаю, чтобы распространилась паника. Ты понял, Дроухард? Язык велю выдрать, если проговоришься.

– Я понял, князь.

– Ну и прекрасно. – Агловаль поднялся. – Теперь иди, не стану мешать пиршеству, не стану провоцировать слухи. Бывай, Дроухард, пожелай нареченным счастья от моего имени.

– Премного благодарен, милсдарь князь.

Эсси Давен, сидевшая на табуретке в окружении плотного венчика слушателей, напевала мелодичную и грустную балладу о достойной сожаления судьбе покинутой любовницы. Лютик, опершись о столб и бормоча себе под нос, высчитывал на пальцах такты и слоги.

– Ну как? – спросил он. – Получил работу?

– Получил. – Ведьмак не стал вдаваться в подробности, до которых, впрочем, барду не было никакого дела.

– Говорил я, нюхом чую письма и деньги. Хорошо, очень хорошо. Я заработаю, ты заработаешь, будет на что погулять. Поедем в Цидарис, успеем на праздник сбора винограда. А сейчас прости на минутку. Я там, на лавке, высмотрел кое-что интересное.

Геральт проследил за взглядом поэта, но, кроме нескольких девушек с полураскрытыми ртами, не обнаружил ничего любопытного. Лютик одернул курточку, сдвинул шапочку набекрень к правому уху и пляшущей походкой направился к лавке. Ловким фланговым маневром обойдя стерегущих девиц матрон, он начал свой обычный «ритуал щеренья зубов».

Эсси Давен окончила балладу, получила аплодисменты, небольшой мешочек и большой

букет красивых, хоть и несколько привядших хризантем.

Геральт кружил меж гостей, выискивая случай занять место за столом, уставленным яствами. Он тоскливо поглядывал на исчезающие в ускоренном темпе маринованные селедки, голубцы, вареные тресковые головы и бараньи котлеты, на разрываемые на куски кружки колбасы и каплунов, разрубаемых ножами вяленых лососей и свиную ветчину. Проблема состояла в том, что на лавках за столом не было свободного места.

Девушки и матроны, несколько расшевелившиеся, обложили Лютика, пискливо требуя песен. Лютик искренне улыбался и отказывался, неловко изображая из себя скромника. Геральт, преодолев робость, чуть не силой пробился к столу.

Престарелый тип, остро пахнувший уксусом, поразительно вежливо и охотно подвинулся, чуть было не свалив с лавки соседей. Геральт незамедлительно принялся за еду и мгновенно опустошил единственную тарелку, до которой смог дотянуться. Пахнувший уксусом старик подsunул ему следующую. Ведьмак с благодарностью и сосредоточенно выслушал длинную тираду касательно теперешних времен и теперешней молодежи. «Уксусник» упорно именовал послабление нравов «поносом», поэтому Геральту непросто было хранить серьезность.

Эсси стояла у стены, под пучком омелы, в одиночестве, настраивая лютню. Ведьмак видел, как к ней приближается юноша в узком парчовом кафтане, как что-то говорит поэтессе, слабо улыбаясь. Эсси взглянула на юношу, немного скривив красивые губы, быстро произнесла несколько слов. Юноша ссутулился и скоренько отошел, а его уши, красные, как рубины, еще долго светились в полумраке.

– ...мерзость, позор и срамota, – продолжал «уксусник». – Сплошной великий понос, милсдарь.

– Верно, – неуверенно подтвердил Геральт, вытирая тарелку хлебом.

– Прошу тишины, благородные дамы, благородные, значить, господа! – крикнул Дроухард, выходя на середину залы. – Знаменитый мэтр Лютик, хоть и немного, значить, хворый телом и притомившийся, споет для нас знаменитую балладу о знаменитой королеве Марьенне и Черном Вороне! Он проделает это в ответ на горячую, значить, просьбу мельниковой дочери мазели Биелки, которой, как он выразился, отказать не может.

Мельникова дочка Биелка, одна из наименее пригожих девушек среди всех сидевших на лавке, покрасивела в мгновение ока. Поднялись крики и хлопki, заглушившие очередной «понос» старичка, отдающего уксусом. Лютик выждал, пока наступит полная тишина, проиграл на лютне эффектное вступление и начал петь, не отрывая глаз от дочери мельника Биелки, которая хорошела от куплета к куплету. «Воистину, – подумал Геральт, – этот сукин сын действует эффективнее, чем чародейские кремы и мази, которые продает Йеннифэр в своем Венгерберге».

Он увидел, как Эсси проскользнула за спинами столпившихся полукругом слушателей Лютика, как осторожно скрылась в дверях, ведущих на террасу. Руководимый странным предчувствием, он ловко выбрался из-за стола и вышел следом.

Она стояла, опершись локтями о перила террасы-помоста, втянув голову в маленькие приподнятые плечи. И глядела на покрытое рябью море, блестящее в свете луны и портовых огней. Под ногой Геральта скрипнула половица. Эсси выпрямилась.

– Прости, я не хотел помешать, – сказал он скучным голосом, думая увидеть на ее губах ту неожиданную гримасу, которой она только что угостила «парчового юношу».

– Ты мне не мешаешь, – ответила она и улыбнулась, откинув прядь. – Мне нужно было не уединение, а свежий воздух. Тебе тоже мешают дым и духота?

– Немножко. Но еще больше тяготит сознание, что я обидел тебя. Я пришел извиниться, Эсси, попробовать найти повод для приятной беседы.

– Извиниться должна я, – сказала девушка. – Я слишком резко отреагировала. Я всегда реагирую резко, не умею сдерживаться. Прости и предоставь мне вторую возможность. Поговорить.

Он подошел, облокотился о перила рядом с ней. Почувствовал пышущее от нее тепло, легкий аромат вербены. Он любил запах вербены, хотя запах вербены и не был запахом сирени и крыжовника.

– С чем у тебя ассоциируется море, Геральт? – вдруг спросила она.

– С беспокойством, – ответил он, почти не задумываясь.

– Интересно. А ты кажешься таким спокойным и сдержанным.

– Я не сказал, что чувствую беспокойство. Ты спросила об ассоциации.

– Ассоциация – зеркало души. Мне кое-что известно об этом, я – поэт.

– А у тебя, Эсси, с чем ассоциируется море? – быстро спросил он, чтобы покончить с рассуждениями о беспокойстве, которое чувствовал.

– С вечным движением, – не сразу ответила она. – С переменой. И с загадкой, с тайной, с чем-то, чего я не схватываю, что могла бы описать тысячью способами, тысячами стихов, так и не дойдя до сути, до сущности. Да, пожалуй, именно так.

– Стало быть, – сказал он, чувствуя, что вербена все сильнее действует на него, – то, что ты ощущаешь, – тоже беспокойство. А кажешься такой спокойной и сдержанной.

– Я и не спокойна, и не сдержанна, Геральт.

Это произошло неожиданно, совершенно неожиданно. Жест, который он сделал и который мог быть лишь прикосновением, легким прикосновением к ее руке, переродился в крепкое объятие. Он быстро, хоть и не грубо, привлек ее к себе, их тела порывисто, бурно соприкоснулись. Эсси застыла, напряглась, сильно выгнула тело, крепко уперлась руками в его руки, так, словно хотела сорвать, сбросить их с талии, но вместо этого только крепче схватила их, наклонила голову, раскрыла губы.

– Зачем... зачем это? – шепнула она. Ее глаз был широко раскрыт, золотой локон опустился на щеку.

Он спокойно и медленно наклонил голову, приблизил лицо, и они вдруг сомкнулись губами в поцелуе. Однако Эсси и теперь не отпустила его рук, стискивающих ее талию, и по-прежнему сильно изгибала спину, стараясь не соприкоснуться телами. Оставаясь в такой позе, они медленно, словно в танце, кружились. Она целовала его охотно, смело. И долго. Потом ловко и без труда высвободилась из его рук, отвернулась, снова оперлась о перила, втянув голову в плечи. Геральт неожиданно почувствовал себя отвратительно, неопишимо глупо. Это ощущение удержало его от того, чтобы приблизиться к ней, обнять ссутулившиеся плечи.

– Зачем? – спросила она холодно, не поворачиваясь. – Зачем ты это сделал?

Она глянула на него краешком глаза, и ведьмак вдруг понял, что ошибся. Неожиданно понял,

что фальшь, ложь, притворство и бравада завели его прямо в трясину, где между ним и бездной будут уже только пружинящие, сбившиеся в тонкий покров травы и мхи, готовые в любую минуту уступить, разорваться, лопнуть.

– Зачем? – повторила она.

Он не ответил.

– Ищешь женщину на ночь?

Он не ответил.

Эсси медленно отвернулась, коснулась его плеча.

– Вернемся в залу, – свободно сказала она, но его не обманула эта легкость, он почувствовал, как она напряжена. – Не делай такой мины. Ничего не случилось. А то, что я не ищу мужчины на ночь, не твоя вина. Правда?

– Эсси...

– Возвращаемся, Геральт. Лютик уже бисировал дважды. Теперь моя очередь. Пойдем, я спою...

Она как-то странно взглянула на него и, дунув, откинула прядь с глаза.

– Спою для тебя. 4

– Ого, – разыграл удивление ведьмак. – Явился, однако? Я думал, не вернешься на ночь.

Лютик закрыл дверь на крючок, повесил на гвоздь лютню и шапочку с эгреткой, снял куртку, отряхнул и положил на мешки, валявшиеся в углу комнаты. Кроме мешков, лохани и огромного, набитого гороховой соломой матраца, в комнате на чердаке не было никакой мебели – даже свеча стояла на полу, в застывшей лужице воска. Дроухард восхищался Лютиком, но, видать, не настолько, чтобы отдать в его распоряжение комнату или хотя бы эркер.

– А почему это ты думал, – спросил Лютик, стягивая башмаки, – что я не вернусь на ночь?

– Думал, – ведьмак приподнялся на локте, хрустнув соломой, – пойдешь петь серенады под окном прекрасной Биелки, в сторону которой весь вечер вывешивал язык, словно кобель при виде суки.

– Ха-ха, – засмеялся бард. – До чего ж ты глуп. Биелка? Чихал я на Биелку. Просто я хотел вызвать ревность у Акаретты, за которой приударю завтра. Подвинься.

Лютик повалился на матрац и стянул с Геральта попону. Геральт, чувствуя странную злобу, отвернулся к маленькому оконцу, сквозь которое, не поработай там пауки, было бы видно звездное небо.

– Чего набылся? – спросил поэт. – Тебе лихо, что я бегаю за девчонками? С каких пор? Может, ты стал друидом и принес обет чистоты? А может...

– Перестань токовать. Я устал. Ты не заметил, что впервые за две недели у нас есть крыша над головой и матрац? Тебя не радует мысль, что под утро нам не накапает на носы?

– Для меня, – размечтался Лютик, – матрац без девочки – не матрац. Он – неполное счастье, а что есть неполное счастье?

Геральт глухо застонал, как всегда, когда на Лютика находила ночная болтливость.

– Неполное счастье, – продолжал Лютик, вслушиваясь в собственный голос, – это как... как прерванный поцелуй. Что скрипишь зубами, позволь спросить?

– До чего ж ты нуден, Лютик. Ничего, только матрацы, девочки, попки, сиськи, неполное счастье и поцелуйчики, прерванные собаками, которых науськивают на тебя родители невест. Что ж, видно, иначе ты не можешь. Видимо, только фривольность – чтобы не сказать неразборчивый блуд – позволяет вам слагать баллады, писать стихи и петь. Видимо, это – запиши! – темная сторона таланта.

Он сказал слишком много и недостаточно холодно. И Лютик запросто и безошибочно раскусил его.

– Так, – сказал он спокойно. – Эсси Давен по прозвищу Глазок. Прелестный глазок Глазка остановился на ведьмаке и вызвал в душе ведьмака смятение. Ведьмак повел себя по отношению к Глазку, как жак перед принцессой. И вместо того чтобы винить себя, винит ее и ищет в ней темные стороны.

– Глупости, Лютик.

– Нет, дорогой мой. Эсси произвела на тебя впечатление, не скрывай. Впрочем, не вижу ничего безнравственного. Но будь осторожен, не ошибись. Она не такая, как ты думаешь. Если у ее таланта и есть темные стороны, то наверняка не такие, какие ты себе вообразил.

– Догадываюсь, – сказал ведьмак, совладав с голосом, – ты знаешь ее очень хорошо.

– Достаточно хорошо. Но не так, как думаешь ты. Не так.

– Довольно оригинально для тебя, согласишься.

– Глупый ты. – Бард потянулся, подложил обе руки под голову. – Я знаю Куколку почти с детства. Она для меня... ну... как младшая сестра. Повторяю, не ошибись, не сглупи... Тем самым ты доставишь ей огромную неприятность, потому что и ты произвел на нее впечатление. Признайся, ты хочешь ее?

– Даже если и так, то, в противоположность тебе, я не привык это обсуждать, – отрезал Геральт. – И сочинять об этом песенки. Благодарю за то, что ты о ней сказал. Быть может, действительно спас меня от глупой ошибки. И конец. Тема исчерпана.

Лютик некоторое время лежал неподвижно и молчал, но Геральт знал его слишком хорошо.

– Знаю, – сказал поэт.

– Ни хрена ты не знаешь, Лютик.

– Знаешь, в чем проблема, Геральт? Тебе кажется, будто ты иной. Ты носишься со своей «инностью», с тем, что принимаешь за ненормальность. Ты со своей «ненормальностью» нагло навязываешься всем, не понимая, что для большинства трезвомыслящих людей ты самый нормальнейший в мире человек, и дайте боги, чтобы все были такими нормальными. У тебя более быстрая реакция, вертикальные зрачки? Ты видишь в темноте как кошка? Разбираешься в чарах? Тоже мне великое дело! Я, дорогой мой, когда-то знал трактирщика, который ухитрялся в течение десяти минут непрерывно пускать ветры, да так, что они складывались в мелодию псалма: «О, прииди, прииди, утренняя заря». И все же, несмотря на необычный, как там ни говори, талант, трактирщик был самым нормальным среди нормальных, была у него жена, дети и бабка, разбитая параличом...

– Что тут общего с Эсси Давен? Ты можешь объяснить?

– Само собой. Тебе безо всяких оснований почудилось, якобы Глазок заинтересовалась тобой из нездорового, прямо-таки извращенного любопытства, что она глядит на тебя как на диковинку, двухголового тельца либо саламандру в зверинце. И ты тут же надулся, как индюк, дал ей при первой же оказии неприличный, незаслуженный реприманд, хотя, видят боги, я не знаю, что это означает, возвратил удар, которого она не нанесла. Я был тому свидетелем. Как дальше развивались события, я уже не видел, но заметил ваше бегство из залы и ее порозовевшие ланиты, когда ты вернулся. Да, Геральт. Я пытаюсь предостеречь тебя от ошибки, а ты ее уже совершил. Ты хотел отыграться на ней за нездоровое, по твоим понятиям, любопытство. Решил этим любопытством воспользоваться.

– Повторяю, ты несешь чепуху.

– Решил попробовать, – невозмутимо продолжал бард, – а не удастся ли уволочь ее на сенник, узнать, не будет ли ей интересно заняться любовью с чудаком, перевертышем-ведьмаком. К счастью, Эсси оказалась умнее и благородно смиростивилась над твоей глупостью, поняв ее причину. Я делаю такой вывод на основании того, что ты вернулся с террасы не с распухшей физиономией.

– Ты кончил?

– Кончил.

– Ну тогда спокойной ночи.

– Знаю, отчего ты злишься и скрипишь зубами.

– Еще бы. Ты ведь знаешь все.

– Знаю, кто тебя так переиначил, кому ты обязан тем, что не можешь понять нормальной женщины. Ну и влезла же тебе в печенку твоя Йеннифэр, провалиться мне на этом месте, если я понимаю, что ты в ней нашел.

– Прекрати, Лютик.

– А в натуре-то ты предпочитаешь нормальную девушку, такую как Эсси. Что ты нашел в чародейке такого, чего нет у Эсси? Разве что возраст? Глазок, может, не самая юная, но ей столько лет, на сколько она выглядит. А знаешь, в чем когда-то призналась мне Йеннифэр после нескольких бокалов? Ха-ха... Она сказала, что впервые делала это с мужчиной тика в тика через год после того, как изобрели двухлемешный плуг.

– Лжешь, Йеннифэр не переносит тебя, как моровую язву, и никогда бы не раскрылась.

– Ладно, соврал я, признаюсь.

– Незачем. Я тебя знаю.

– Тебе только кажется, будто знаешь. Не забывай – я натура сложная.

– Лютик, – вздохнул ведьмак, действительно чувствуя, как слипаются глаза. – Ты циник, свинтус, бабник и лжец. И ничего, поверь, ничего сложного в тебе нет. Спокойной ночи.

– Спокойной. 5

– А ты рано встаешь, Эсси.

Поэтесса улыбнулась, придерживая развевающиеся на ветру волосы. Осторожно вошла на

мол, обходя дыры и прогнившие доски.

– Я не могла упустить возможность увидеть ведьмака за работой. Снова будешь утверждать, якобы я слишком любопытна? Ну что ж, не скрываю, и верно, очень любопытна. Как дела?

– Какие дела?

– Ах, Геральт. Ты недооцениваешь моей любознательности, моего таланта улавливать и интерпретировать услышанное. Я уже все знаю о несчастье с ловцами жемчуга, знаю подробности твоего уговора с Агловалем, знаю, что ищешь моряка, который согласится поплыть туда, к Драконьим Клыкам. Ну и как, нашел?

Геральт некоторое время внимательно глядел на нее, потом вдруг решился.

– Нет. Не нашел. Ни одного.

– Боятся?

– Боятся.

– Как же ты думаешь заняться разведкой, не выйдя в море? Как, не имея возможности отплыть, хочешь схватить за шкуру чудовище, которое убило ловцов?

Он взял ее за руку и свел с помоста. Они шли медленно по берегу моря, по каменистому пляжу, вдоль вывощенных на берег баркасов, меж рядов сетей, развешенных на шестах, меж покачивающихся на ветру занавесей из вялящихся рыб. Геральт неожиданно обнаружил, что общество поэтессы ему вовсе не мешает, что она не утомительна и не нахальна. Кроме того, он надеялся, что спокойная и деловая беседа сотрет последствия того глупого поцелуя на террасе. Тот факт, что Эсси пришла на мол, позволял надеяться, что она на него не в обиде. Он был этому рад.

– Схватить за шкуру чудовище, – проворчал он, повторяя ее слова. – Если б еще ведать как. Я очень мало знаю о морских страховидлах.

– Интересно. Насколько мне известно, в море чудовищ гораздо больше, чем на суше. Как по количеству, так и по разнообразию. Казалось бы, море должно быть неплохим полем деятельности для ведьмака.

– Однако – нет.

– Почему?

– Наступление людей на море, – он отвернулся, откашлялся, – началось недавно. Ведьмаки были нужны раньше, на суше, на первом этапе колонизации. Мы не годимся для войны с существами, обитающими в море, хотя, верно, в нем полным-полно всякой агрессивной нечисти. Но наших ведьмачьих способностей недостаточно в борьбе против морских чудищ. Эти существа для нас либо чересчур велики, слишком хорошо защищены броней, либо очень уж уверенно чувствуют себя в своей стихии. А то и одновременно все, вместе взятое.

– А чудовище, которое убило ловцов? Не догадываешься, что это было?

– Может, кракен?

– Нет. Кракен разбил бы лодку, а лодка осталась целой. И, говорят, полна крови. – Глазок сглотнула и заметно побледнела. – Не думай, что я умничаю. Я выросла у моря, кое-что видела.

– Так что это могло быть? Гигантский кальмар? Он мог стащить людей с палубы...

– Тогда не было бы крови. Это не кальмар, не касатка, не дракопах. Ведь они не разбили, не перевернули лодку. Это вошло на палубу и там учинило резню. Возможно, ты ошибаешься, ища в море?

Ведьмак задумался.

– Ты начинаешь меня удивлять, Эсси, – сказал он. Поэтесса покраснела. – Не исключено: это могло напасть с воздуха. Какие-нибудь дракоптица, гриф, выворотень, летюга или вилхвост. Может, даже рух...

– Прости, – прервала его Эсси. – Гляди, кто идет?

По берегу приближался Агловаль, один, в сильно намокшей одежде. Он был заметно зол, а увидев их, стал прямо-таки пунцовым от ярости.

Эсси сделала книксен, Геральт наклонил голову, приложил руку к груди.

– Я торчу на камнях три часа кряду, почти с рассвета, – сплюнул Агловаль. – А она даже не показала. Три часа, дурак дураком, на камнях, которые заливают волны. В мокрых штанах.

– Сожалею, – буркнул ведьмак.

– Ты сожалеешь? – взорвался князь. – Сожалеешь! Это твоя вина. Ты провалил все. Все испоганил!

– Что именно? Я был всего лишь переводчиком...

– К черту, – живо прервал Агловаль, поворачиваясь к нему боком. Профиль у него был воистину королевский, хоть на монетах чекань. – Зачем только я тебя нанимал! Это звучит парадоксально, но, пока не было переводчика, мы лучше понимали друг друга, я и Шъееназ, если ты знаешь, о чем я. А теперь... Слышал, что болтают в городе? Шушукаются по углам: мол, ловцы погибли потому, что я разозлил сирену. Дескать, это ее месть.

– Ерунда, – холодно бросил ведьмак.

– А если не ерунда? – проворчал князь. – Откуда мне знать, что ты ей тогда наплел? И на что она способна? С какими чудовищами якшается там, в глубине? Докажи, что все это ерунда. Принеси мне голову чудовища, которое убило ловцов. Берись за работу, вместо того чтобы флиртовать на пляже.

– За работу? – поинтересовался ведьмак. – Как? Выйти в море верхом на бочке? Твой Зелест угрожал матросам пытками и шибеницей, и все равно никто не хочет. Сам Зелест тоже не намерен. Тогда как...

– Какое мне дело как? – прервал Агловаль. – Твоя забота! Для чего нужны ведьмаки, если не для того, чтобы порядочные люди не ломали себе голову, решая, как освободиться от чудовищ? Я нанял тебя и требую, чтобы ты свою работу выполнил. А нет, так выматывайся, иначе погоню кнутами до самых границ моих владений!

– Успокойтесь, высокородный князь, – тихо проговорила Глазок, но ее бледность и дрожь в руках выдавали возбуждение. – И не надо угрожать Геральту, убедительно прошу. К счастью, у нас с Лютиком есть друзья. К примеру, король Этайн из Цидариса очень любит нас и наши баллады. Король Этайн – просвещенный монарх и всегда говорит, что наши баллады – не просто браваурная мелодия и рифмы, но и способ передачи сведений и знаний, что это хроника человечества. Вам очень хочется, благородный князь, попасть в хронику

человечества? Могу помочь.

Агловаль несколько секунд глядел на нее холодным, пренебрежительным взглядом.

– У погибших ловцов были жены и дети, – сказал он наконец гораздо тише и спокойней. – Оставшиеся в живых, когда голод заглянет им в горшки, быстро выйдут в море снова. Ловцы жемчуга, губок, устриц и омаров, рыбаки. Все. Сейчас они боятся, но голод победит страх. Они выйдут в море. Но вернутся ли? Как считаешь, Геральт? Мазель Давен? Интересно б послушать вашу балладу, которую вы об этом сложите. Балладу о ведьмаке, бездейтельно стоящем на берегу и взирающем на окровавленные палубы лодок, на плачущих детей.

Эсси побледнела еще больше, но гордо вскинула голову, дунула на прядь и уже собиралась ответить, но Геральт быстро схватил ее за руку и сжал, предупреждая готовые вырваться слова.

– Довольно, – сказал он. – Во всем этом потоке слов было только одно, по-настоящему стоящее. Ты нанял меня, Агловаль. Я согласился и выполню задание, если оно вообще выполнимо.

– Рассчитываю на это, – коротко ответил князь. – До встречи. Мой поклон, мазель Давен.

Эсси не присела, только кивнула. Агловаль подтянул мокрые брюки и пошел к порту, покачиваясь на камнях. Только теперь Геральт заметил, что все еще держит поэтессу за руку, а та и не пытается вырвать ее. Он разжал пальцы. Эсси, понемногу успокаиваясь, повернулась к нему лицом. Румянец возбуждения уже сошел.

– Тебя легко заставить. Достаточно нескольких слов о женщинах и детях. А сколько говорят, какие бесчувственные вы, ведьмаки. Послушай, Агловалью наплевать на женщин, детей, стариков. Он хочет, чтобы возобновили ловлю жемчуга, потому что каждый день, когда его не приносят, он терпит убытки. Он тебя дурачит голодными детьми, а ты готов тут же рисковать жизнью...

– Эсси, – прервал ведьмак. – Я – ведьмак. Моя профессия – рисковать жизнью. Дети тут совершенно ни при чем.

– Меня не обманешь.

– Откуда ты взяла, что собираюсь?

– А оттуда, что если б ты был таким холодным профессионалом, каким хочешь казаться, то попытался бы набить цену. А ты словом не обмолвился о плате. Ну хорошо, довольно об этом. Возвращаемся?

– Пройдемся еще.

– С удовольствием. Геральт?

– Слушаю.

– Я ведь говорила, что выросла у моря. Умею управлять лодкой и...

– Выкинь из головы.

– Почему?

– Выкинь, и все тут, – повторил он резко.

– Ты мог бы... сформулировать это повежливее.

– Мог бы. Но ты бы решила... черт знает, что бы ты решила. А я – бесчувственный ведьмак и холодный профессионал. Я рискую собственной жизнью. Чужой – нет.

Эсси замолчала. Он видел, как она стиснула губы, как мотнула головой. Порыв ветра снова растрепал ей волосы, на мгновение прикрыл лицо путаницей золотых нитей.

– Я просто хотела тебе помочь, – сказала она.

– Знаю. Благодарю.

– Геральт?

– Слушаю.

– А если в слухах, о которых упоминал Агловаль, что-то есть? Ты же знаешь, сирены не везде и не всегда бывают доброжелательными. Известны случаи...

– Не верю.

– Водороски, – задумавшись, продолжала Глазок, – nereиды, тритоны, морские нимфы. Кто знает, на что они способны. А Шъееназ... У нее есть причины...

– Не верю, – прервал он.

– Не веришь или не желаешь поверить?

Он не ответил.

– И ты хочешь, чтобы тебя считали холодным профессионалом? – спросила она, странно улыбнувшись. – Тем, кто думает не головой, а острием меча? Если хочешь, я скажу, каков ты в действительности.

– Я знаю, какой я в действительности.

– Ты впечатлительный, чуткий, – сказала она тихо. – В глубине души ты полон тревоги. Меня не обманешь каменной физиономией и холодным голосом. Ты – впечатлительный, и именно впечатлительность заставляет тебя бояться, а вдруг да то, против чего ты собираешься выступить с мечом в руке, окажется правым, получит моральный перевес...

– Нет, Эсси, – медленно проговорил он. – Не ищи во мне тем для трогательных баллад о ведьмаке, разрываемом внутренними противоречиями. Возможно, я и хотел бы, чтобы было так, но этого нет. Мои моральные дилеммы разрешают за меня кодекс и воспитание.

– Не говори так! – воскликнула она. – Я не понимаю, почему ты стараешься...

– Эсси, – снова прервал он. – Попробуй понять меня правильно. Я не странствующий рыцарь.

– Но и не холодный, бездумный убийца.

– Верно, – спокойно согласился он. – Не холодный и бездумный, хотя многие считают иначе. Но не моя впечатлительность и свойства характера возвышают меня, а надменная и грубая гордость специалиста, убежденного в своей значимости. Профессионала, в которого вколотили, что законы его профессии и холодная рутина важнее эмоций, что они предохраняют его от ошибок, которые можно совершить, ежели заплутаться в дилеммах Добра и Зла, Порядка и Хаоса. Не я эмоционален, а ты. Впрочем, того требует твоя профессия, правда? Это ты забеспокоилась, подумав, что симпатичная на первый взгляд отвергнутая сирена напала на ловцов жемчуга в приступе отчаянной мести. Ты сразу

начинаешь искать для сирены оправдания, смягчающие обстоятельства, вздрагиваешь при мысли, что ведьмак, которому заплатил князь, прикончит прелестную сирену только за то, что та осмелилась поддаться эмоциям. А ведьмак, Эсси, свободен от таких дилемм. И от эмоций. Даже если окажется, что виновата сирена, ведьмак не убьет ее, потому что это запрещает кодекс. Кодекс решает дилемму за ведьмака.

Глазок взглянула на него, быстро подняв голову.

– Любую дилемму?

«Она знает про Йеннифэр, – подумал он. – Знает. Эх, Лютик, Лютик, стервозный ты сплетник...»

Они глядели друг на друга.

«Что скрывается в твоих синих глазах, Эсси? Любопытство? Увлеченность моим отличием? Каковы темные стороны твоего таланта, Глазок?»

– Прости, – сказала она. – Глупый вопрос. И наивный. Говорящий о том, что я вроде бы поверила тому, что ты сказал. Возвращаемся. Ветер пронизывает до костей. Смотри, как колыхается море.

– Вижу. Знаешь, Эсси, это интересно...

– Что – интересно?

– Голову дам на отсечение, что камень, на котором Агловаль встречается с сиреной, был ближе к берегу и крупнее. А сейчас его не видно.

– Прилив, – коротко сказала Эсси. – Скоро вода дойдет вон туда, под обрыв.

– Даже туда?

– Да. Вода здесь поднимается и опускается сильнее локтей на десять, потому что тут, в теснине и устье реки, возникает так называемое приливное эхо, или как там его именуют моряки.

Геральт глядел на мыс, на Драконьи Клыки, вгрызающиеся в гудящий, вспененный прибой.

– Эсси, а когда отлив начнется?

– Что?

– Как далеко отступит море?

– А что? Ах, поняла. Да, ты прав. Оно отступит до линии шельфа.

– Линии чего?

– Ну, как бы полки, образующей дно, плоского мелководья, резко обрывающегося на границе глубины.

– А Драконьи Клыки?

– Они точно на краю.

– И до них можно будет дойти посуху? Сколько времени будет в моем распоряжении?

– Не знаю, – поморщилась Глазок. – Надо расспросить местных. Но не думаю, Геральт, что это удачная мысль. Посмотри, между сушей и Клыками камни, весь берег изрезан заливчиками и небольшими фиордами. Когда начнется отлив, там образуются ущелья, котлы, заполненные водой. Не знаю...

Со стороны моря, от едва видимых скал, донесся плеск. И громкий певучий окрик.

– Белоголовый! – кричала сирена, грациозно перескакивая с гребня одной волны на другую и молотя по воде быстрыми изящными ударами хвоста.

– Шъееназ! – ответил он, махнув рукой.

Сирена подплыла к камням, встала вертикально в пенящейся глуби, обеими руками откинула волосы на спину, демонстрируя при этом торс со всеми его прелестями. Геральт кинул взгляд на Эсси. Девушка слегка зарумянилась и с сожалением и смущением на мгновение кинула взгляд на собственные выпуклости, едва обозначенные под платицем.

– Где мой? – пропела Шъееназ, подплывая ближе. – Он должен был ждать.

– Ждал три часа и ушел.

– Ушел? – высокой трелью удивилась сирена. – Не стал ждать? Не выдержал каких-то несчастных трех часов? Так я и думала. Ни капли жертвенности! Ну нисколько! Противный, противный, противный! А что делаешь здесь ты, белоголовый? Прогуливаешься с любимой? Прекрасная пара, только вот ноги вас уродуют.

– Это не моя любимая. Мы едва знакомы.

– Да? – удивилась Шъееназ. – А жаль. Вы подходите друг другу, прекрасно смотрите рядом. Кто она?

– Я Эсси Давен, поэтесса, – пропела Глазок с акцентом и мелодичностью, по сравнению с которыми голос ведьмака звучал как воронье карканье. – Приятно познакомиться, Шъееназ.

Сирена шлепнула ладонями по воде, звучно рассмеялась.

– Как хорошо! Ты знаешь нашу речь! Даю слово, вы поражаете меня, люди. Воистину нас разделяет вовсе не так много, как утверждают некоторые.

Ведмак был удивлен не меньше сирены, хоть и мог предполагать, что образованная и начитанная Эсси лучше него знает Старшую Речь, язык эльфов, певучую версию которого использовали сирены, водороски и nereиды. Ему должно было быть ясно также и то, что певучесть и сложная мелодика речи сирен, осложнявшие ему общение, Глазку его только облегчали.

– Шъееназ! – воскликнул он. – Кое-что нас все-таки разделяет, и порой этим оказывается пролитая кровь! Кто... кто убил ловцов жемчуга там, у двух скал? Скажи!

Сирена нырнула, взбурлив воду. Через секунду снова выскочила на поверхность, а ее красивое личико съежилось в противной гримасе.

– Не смейте! – пронзительно крикнула она. – Не смейте приближаться к Ступеням! Это не для вас! Не ссорьтесь с ними! Это не для вас!

– Что? Что не для нас?

– Не для вас! – воскликнула Шъееназ, бросаясь всем телом на волны.

Высоко взметнулись брызги. Еще мгновение был виден ее хвост, раздвоенный узкий плавник, бьющий по волнам. Потом она скрылась в глубине.

Глазок поправила волосы, взвихренные ветром. Она стояла молча, наклонив голову.

– Не знал, что ты так хорошо владеешь Старшей Речью, Эсси.

– И не мог знать, – ответила она с горечью в голосе. – Ведь... ведь мы едва знакомы. 6

– Геральт, – сказал Лютик, осматриваясь и принюхиваясь, будто гончий пес. – Тут жутко воняет, не считаешь?

– Как сказать. – Ведьмак потянул носом. – Я бывал в таких местах, где воняет еще хуже. Тут – всего-навсего запах моря.

Бард отвернулся и сплюнул меж камней. Вода булькала в каменных распадах, пенясь и шумя, приоткрывая промытые волнами, заполненные галькой расселины.

– Глянь, как все здорово высохло. Куда подевалась вода? Что они такое, эти отливы и приливы? Никогда не задумывался?

– У меня были другие заботы.

– Думаю, – Лютик слегка вздрогнул, – там, в глубине, на самом дне чертова океана, сидит преогромнейшее чудище, толстая чешуйчатая уродина, жаба с рогами на мерзкой башке. И время от времени засасывает воду, а с водой все живое и годное в пищу: рыб, тюленей, черепах – все. А потом, насытившись, вырывает воду – и получается прилив. Как думаешь, Геральт?

– Думаю, что ты глуп. Йеннифэр когда-то сказала, что приливы и отливы вызваны Луной.

Лютик захохотал.

– Какая ерундистика! Что общего у Луны с морем? На Луну только собаки воют. Купила тебя, Геральт, твоя врушка, посмеялась над тобой. Насколько мне известно, не в первый раз.

Ведьмак не ответил. Он смотрел на блестящие от воды камни в проточинах, открывшихся при отливе. В них все время вздымалась пена, но похоже было, что пройти удастся.

– Ну что ж, за дело, – сказал он, встал и поправил на спине меч. – Дольше ждать нельзя, можем не успеть до начала прилива. Ты по-прежнему настаиваешь на том, чтобы идти со мной?

– Да. Темы для баллад – не шишки, их под елками не собирают. Кроме того, у Куколки завтра день рождения.

– Не улавливаю связи.

– А жаль. У нас, нормальных людей, принято делать друг другу подарки по случаю дня рождения. На покупки у меня не хватит финансов. Найду что-нибудь на дне морском.

– Селедку? Каракатицу?

– Дурной! Янтарь, может, морского конька или красивую раковину. Ведь важен символ, доказательство памяти и симпатии. Я люблю Глазок, хочу доставить ей радость. Не понимаешь? Так я и думал. Пошли. Ты – первый, потому как там может сидеть какое-нибудь чудо.

– Ладно. – Ведьмак спустился с обрыва на осклизлые, покрытые водорослями камни. – Пойду первым, чтобы в случае чего защитить тебя. В доказательство памяти и симпатии. Только запомни: как я крикну, хватай ноги в руки и чтоб не путался у меня под мечом. Мы идем не морских коньков собирать. Идем расправляться с чудовищем, которое мордует людей.

Они двинулись вниз, в трещины освободившегося от воды дна, местами по колено в воде, все еще кипевшей в каменных ущельях. Увязали в мутьях, выстланных песком и морскими водорослями. Ко всему прочему начался дождь, так что вскоре они промокли до нитки. Лютик то и дело останавливался, ковырял палочкой в гальке и клубках водорослей.

– Взгляни, Геральт, рыбка. Вся красная, черт меня возьми. А это? О, маленький угорь. А это? Это что такое? Похоже на огромную прозрачную блоху. А это... О господи! Гера-а-альт!

Ведьмак резко обернулся, держа руку на мече.

Это был человеческий череп, белый, отполированный о камни, заклинившийся в скальной расселине и забитый песком. И не только песком. Лютик, увидев извивающегося в глазнице многощетинкового червя, затрясся и издал очень неприятный звук. Ведьмак пожал плечами, направляясь в сторону освободившейся от воды каменной равнины, к зубчатым рифам, именуемым Драконьими Клыками и сейчас напоминающим горы. Шел осторожно. Дно было усеяно голотуриями, раковинами, кустиками водорослей. В лужах и впадинах раскачивались огромные медузы и метались змеехвостки. Маленькие пестрые крабы удирали от них, двигаясь бочком, перебирая ножками.

Геральт уже издалека заметил труп, застрявший между камнями. Утопленник шевелил выступающей из-под водорослей грудной клеткой, хотя в принципе ему уже нечем было шевелить. Вокруг него и в нем кишмя кишели крабы. Труп не мог находиться в воде больше суток, но крабы ободрали его так, что осматривать не было смысла. Ведьмак молча изменил направление, обходя труп стороной. Лютик ничего не заметил.

– Ну и несет же тут, – выругался он, догоняя Геральта, плюнул, стряхнул воду с шапочки. – И льет, и холодно. Простужусь, потеряю голос, черт побери...

– Не ной. Если хочешь вернуться, дорогу знаешь.

Сразу за основанием Драконьих Клыков раскинулась полка, а дальше была голубизна, спокойно волнующееся море. Граница отлива.

– Эй, Геральт. – Лютик осмотрелся. – Твое чудовище, похоже, было достаточно разумно, чтобы выбраться в открытое море вместе с уходящей водой. А ты, верно, думал, оно будет лежать где-нибудь тут брюхом вверх и ждать, пока ты его затюкаешь?

– Помолчи.

Ведьмак приблизился к краю полки, опустил на колени, осторожно оперся руками на острые раковины, прикрепившиеся к скале. Не видно было ничего, вода была темная, а поверхность замутненная.

Лютик исследовал закоулки рифов, пинками отбрасывая от ног наиболее нахальных крабов, осматривал и ощупывал мокрые камни с бородами из свисающих водорослей, украшенных шершавыми колониями ракообразных и улиток.

– Эй, Геральт!

– Что?

– Глянь-ка на эти раковины. Жемчужницы, нет?

– Нет.

– Ты в этом разбираешься?

– Нет.

– Тогда воздержись высказывать свое мнение, пока не начнешь разбираться. Я уверен – жемчужницы. Сейчас наберем жемчуга, будет хоть какая польза от экспедиции, не одна простуда. Собрать, Геральт?

– Собирай. Чудовище нападает на ловцов. Собиратели вроде тебя тоже входят в эту категорию.

– Выходит, мне выпала роль приманки?

– Собирай, собирай. Бери какие покрупнее, если не будет жемчужин, то хоть похлебку сварим.

– Еще чего. Буду брать только жемчужины, а скорлупу – псу под хвост. Черт... Как это открывать? Ножа нет, Геральт?

– Так ты даже ножа не прихватил?

– Я поэт, а не ножовщик. А, ладно, свалю в сумку, а жемчужины выберем потом. Ах ты! Пшел вон!

Краб, которому досталось от Лютиковой ноги, пролетел над головой Геральта и шлепнулся в воду. Ведьмак медленно шел вдоль края полки, вглядываясь в черную, непроницаемую воду и слушая ритмичный стук камня, которым Лютик отбивал улиток от скалы.

– Лютик! Иди сюда, смотри!

Рваная, потрескавшаяся полка неожиданно оканчивалась ровным острым краем, уходящим вниз под прямым углом. Под поверхность воды были ясно видны огромные прямоугольные, правильные блоки белого мрамора, обросшие водорослями, моллюсками, актиниями, шевелящимися в воде, как цветы на ветру.

– Что такое? Похоже на... ступени, – удивленно шепнул Лютик. – О-о-о, лестница в подземный город. В легендарный Ис, который поглотили волны. Ты слышал легенду о городе бездны, об Исе под Водами? О-о-о, я напишу об этом балладу, такую, что соперников пот прошибет. Надо осмотреть вблизи... Глянь, там какая-то мозаика, что-то выцарапано. Какие-то надписи. Отодвинься-ка, Геральт.

– Лютик! Там глубина! Соскользнешь...

– А, брось... Я и так весь мокрый. Смотри, здесь неглубоко, едва по пояс, на первой-то ступени. И широко, как в бальном зале. О дьявол...

Геральт мгновенно прыгнул в воду и удержал барда, провалившегося по шею.

– Споткнулся об это дерьмо. – Лютик, хватая воздух, отряхнулся, обеими руками поднял большую плоскую раковину с темно-синими створками, обросшую кудряшками водорослей. – Этого добра полно на уступах. Красивый цвет, верно? Дай-ка я положу в твой мешок, мой уже полон.

– Вылезай оттуда, – проворчал разозлившийся ведьмак. – Немедленно поднимайся на полку. Это не игра.

– Тише! Слышал? Что это было?

Геральт, конечно, слышал. Звук долетел снизу, из-под воды. Глухой и глубокий, хоть одновременно хрупкий, тихий, краткий, обрывистый. Звук колокола.

– Колокол, чтоб меня, – шепнул Лютик, выкарабкиваясь на полку. – Я был прав, Геральт. Это колокол из затопленного Иса, колокол города призраков, приглушенный тяжестью глубин. Это проклятые напоминают нам...

– Ты заткнешься наконец?

Звук повторился. На этот раз значительно ближе.

– ...напоминают нам, – продолжал Лютик, выжимая полу куртки, – о своей страшной судьбе. Этот звон – предупреждение...

Ведьмак перестал обращать внимание на голос Лютика и переключился на другие мысли. Он чувствовал. Чувствовал что-то.

– Это предупреждение. – Лютик слегка высунул язык, что привык делать, когда сосредоточивался. – Предупреждение... либо, хммм... Чтобы мы не забыли... хммм... хммм... Готово!

Сердце колокола бьется,

Песнь о смерти нам несет.

И тревожный голос рвется...

Вода рядом с ведьмаком забурлила. Лютик крикнул. Появившееся из пены лупоглазое чудище замахнулось на Геральта широким, зазубренным, похожим на косу лезвием. У Геральта меч был в руке с того самого момента, как только вода начала горбиться, так что теперь он лишь развернулся и ударил чудище в отвисший, покрытый чешуей зоб. Тут же развернулся в другую сторону, где возник второй бурун и появилось нечто в странном шлеме и в чем-то, напоминающем латы из позеленевшей меди. Ведьмак широким замахом меча отбил острие направленной в него короткой пики и, с размаху рубанув по змеерыбьей зубастой морде, тут же отскочил к краю полки, разбрызгивая воду.

– Беги, Лютик!

– Давай руку!

– Беги, черт побери!

Новое существо вынырнуло из воды, рассекая воздух кривой саблей, которую держало зеленой шершавой лапой. Ведьмак оттолкнулся от усеянного ракушками края скалы, встал в боевую позицию, но рыбоглазое существо не приближалось. Ростом оно было с Геральта, вода тоже доходила ему до пояса, но внушительно торчащий на спине гребень и раздувшиеся жабры делали его крупнее Геральта. Grimаса, искривившая широкую зубастую пасть, поразительно напоминала жуткую ухмылку.

Существо, не обращая внимания на два вздрагивающих, плавающих в красной воде тела, подняло саблю, которую держало обеими руками за длинную безэфесную рукоять. Еще

сильнее напрягая гребень и жабры, оно ловко закрутило клинком в воздухе. Геральт слышал, как легкое острие шипит и жужжит.

Существо сделало шаг вперед, послав в сторону Геральта волну. Геральт тоже завертел мечом. И тоже сделал шаг, принимая вызов.

Рыбоглазый ловко перехватил рукоять пальцами и медленно опустил защищенные черепаховым панцирем и медью руки, погрузив их по самые локти в воду, скрыв под ней оружие. Ведьмак схватил меч обеими руками – правой у самого эфеса, левой за головку, поднял оружие вверх и немного вбок, повыше правого плеча. Он глядел в глаза чудовища, но это были опалесцирующие рыбы глаза с капельками радужниц, поблескивающие холодом и металлом. Глаза, которые ничего не выражали и ничего не выдавали. Ничего, что могло бы предупредить о нападении. Из глубины, с низа ступеней, уходящих в черную бездну, долетели звуки колокола. Они были все ближе, все явственнее.

Рыбоглазый рванулся вперед, выхватывая клинок из-под воды, напал быстрым, как мысль, дальним боковым ударом. Геральту просто повезло – он интуитивно предположил, что удар будет нанесен справа. Он парировал острием, направленным вниз, сильно вывернув корпус, тут же повернул меч, скрестив его плашмя с саблей чудовища. Теперь все зависело от того, кто из них скорее развернет пальцы на рукояти, кто первым перейдет от плоского, статичного соприкосновения клинков к удару, силу которого уже готовили оба, перенося вес тела на нужную ногу. Геральт уже видел, что оба они одинаково быстры.

Но у рыбоглазого пальцы были длиннее.

Ведьмак рубанул вбок, повыше бедра, вывернулся вполоборота, рассек, напирая на клинок, без труда уклонился от широкого, отчаянного и лишнего изящества удара. Чудовище, беззвучно разевая рыбью пасть, скрылось под водой, в которой пульсировали темно-красные облака.

– Давай руку, быстро! – крикнул Лютик. – Они плывут. Целая стая! Я их вижу!

Ведьмак ухватился за правую руку барда и вырвался из воды на каменную полку. За ними широким фронтом пошла волна.

Начинался прилив.

Они бежали быстро, преследуемые прибывающей водой. Геральт оглянулся и увидел, как из моря выскакивают многочисленные рыботоры, как кидаются в погоню, ловко прыгая на мускулистых ногах. Он молча ускорил бег.

Лютик бежал, задыхаясь, тяжело разбрызгивая воду, уже доходящую до колен. Вдруг он споткнулся, упал, шлепнулся в водоросли, уперся дрожащими руками. Геральт схватил его за пояс, вырвал из кипящей кругом пены.

– Беги! Беги! Я их задержу!

– Геральт...

– Беги! Сейчас вода заполнит выемки, тогда нам не выбраться! Жми что есть мочи!

Лютик охнул и побежал. Ведьмак бежал следом, рассчитывая на то, что чудовища растянутся при погоне в цепь. Он знал, что, борясь со всей группой сразу, не победит.

Они догнали его у самой расселины, потому что вода была уже настолько глубока, что они могли плыть, он же с трудом, то и дело погружаясь в пену, рвался наверх по скользким камням. Однако в расселине было слишком тесно, чтобы можно было напасть на него со всех

сторон. Он остановился в мульде, в той, в которой Лютик нашел череп.

Остановился, оглянулся и успокоился.

Первого он достал самым концом меча там, где должен быть висок. Другому, вооруженному чем-то вроде короткого бердыша, вспорол живот. Третий убежал.

Ведьмак кинулся вверх по расселине, но в этот момент вздымающаяся волна загудела, взвихрилась пеной, закружилась водоворотом в расселине, сорвала его с камней и повлекла вниз, в кипень. Он столкнулся с болтающимся в водовороте рыботвором, откинул его пинком. Кто-то схватил его за ноги и потянул вниз, на дно. Он ударился спиной о камень, отворил глаза – в самое время, чтобы увидеть темные фигуры, два взблеска. Первый он парировал мечом, от второго автоматически заслонился левой рукой. Почувствовал удар, боль. Оттолкнулся ногами от дна, взвился наверх, к поверхности, сложил пальцы, стрельнул знаком. Взрыв был глухой, рванул уши коротким пароксизмом боли. «Если выйду живым, – подумал он, молотя по воде руками и ногами, – если выйду живым, поеду к Йен в Венгерберг, попытаюсь еще раз... Если выйду живым...»

Ему показалось, что он слышит звук трубы. Или рога.

Волна, снова вздымаясь в теснине, подняла его, выкинула животом на огромный камень. Теперь он явно слышал звук рога, крики Лютика, которые, казалось, долетают со всех сторон одновременно. Он выдохнул соленую воду из носа, осмотрелся, откинув с лица мокрые волосы.

Он был на берегу, на том самом месте, откуда они отправились. Лежал животом на камнях, кругом белой пеной кипел прибой.

За ним в расселине, которая теперь уже была узким заливчиком, танцевал на волнах большой серый дельфин. На его спине, разметав мокрые зеленоватые волосы, сидела сирена. У нее были изумительные груди.

– Белоголовый! – тягуче пропела она, размахивая рукой, в которой держала большую, коническую, спирально закрученную раковину. – Жив?

– Жив, – удивился ведьмак. Пена вокруг него сделалась розовой. Левая рука немела, ее щипало от соли. Рукав куртки был разрезан ровно и прямо, из разреза сочилась кровь. «Вылез, выкарабкался, – подумал он. – Снова удалось. Нет, никуда я не поеду».

Он увидел Лютика, который бежал, спотыкаясь на мокрых голышах.

– Я их задержала, – пропела сирена и снова подула в раковину. – Но ненадолго! Беги и не возвращайся, белоголовый! Море... не для вас!

– Знаю! – крикнул он в ответ. – Знаю. Спасибо, Шъееназ! 7

– Лютик, – проговорила Глазок, раздирая зубами конец повязки и затягивая узел на кисти Геральта, – объясни ты мне, откуда на ступенях взялась куча раковин? Жена Дроухарда сейчас их убирает и при этом не скрывает, что о вас думает.

– Раковины? – удивился Лютик. – Какие раковины? Понятия не имею. Может, упустили пролетавшие утки?

Геральт усмехнулся, отвернув голову. Усмехнулся, вспомнив дурь Лютика, который все утро убил, вскрывая раковины и копаясь в склизком мясе, при этом порезал пальцы и испачкал рубашку, но не нашел ни единой жемчужины. И неудивительно, потому что скорее всего это были никакие не жемчужницы, а обыкновенные мидии. Идею приготовить суп из улиток они

отбросили, когда Лютик раскрыл первую раковину – она выглядела так неаппетитно и так воняла, что аж слезы выступали.

Глазок закончила перевязку и присела на перевернутое ведро. Ведьмак поблагодарил, рассматривая ловко перевязанную руку. Рана была глубокая и довольно длинная, задевала локоть, который дьявольски болел при движениях. Его наскоро перевязали еще на берегу, но не успели добраться до дома, как рана снова начала кровоточить. Перед самым приходом девушки Геральт залил рассеченную руку коагулирующим эликсиром, побрызгал обезболивающим. Эсси обнаружила их в тот момент, когда они с Лютиком пытались зашить рану с помощью нитки, привязанной к рыболовному крючку. Глазок изругала их и сама взялась за перевязку, а в это время Лютик потчевал ее красочным рассказом о борьбе, не забыв выговорить себе исключительное право на балладу. Эсси, естественно, засыпала Геральта лавиной вопросов, на которые он не мог ответить. Она восприняла это с обидой, скорее всего решив, что он что-то утаивает. Надулась и перестала выпрашивать.

– Агловаль уже знает, – сказала она. – Вас видели, когда вы возвращались, а Дроухардова жена, заметив кровь на лестнице, помчалась сплетничать. Люди кинулись к скалам, надеясь, что волны что-нибудь выбросят, и толкнутся там до сих пор, но, насколько знаю, ничего не нашли.

– И не найдут, – сказал ведьмак. – К Агловалю я пойду завтра, но предупреди его, если сможешь, чтобы запретил людям крутиться около Драконых Клыков. Только прошу, ни слова о ступенях или Лютиковых фантазиях относительно города Ис. Тут же найдутся искатели сокровищ и любители сенсаций – и появятся новые трупы.

– Я не сплетница, – надулась Эсси, резко откинув прядку со лба. – Если о чем-то спрашиваю, так не затем, чтобы сразу бежать к колодцу и рассказывать прачкам.

– Прости.

– Мне надо выйти, – вдруг сообщил Лютик. – Я договорился с Акереттой. Геральт, беру твою курточку. Моя свински умарухана и все еще не просохла.

– Все здесь мокрое, – насмешливо заметила Глазок, с отвращением трогая мыском туфельки разбросанные части одежды. – Разве так можно? Надо было развесить, как следует просушить... Вы просто чудовищны.

– Само высохнет. – Лютик натянул влажную курточку Геральта и с завистью взглянул на серебряные набивки на рукавах.

– Не болтай. А это что такое? Неужели сумка все еще полна тины и водорослей? А это... Тьфу!

Геральт и Лютик молча смотрели на темно-синюю раковину, которую Эсси держала перед собой двумя пальцами. Они совсем о ней забыли. Раковина была слегка приоткрыта и отчетливо воняла.

– Это презент, – сказал трубадур, выбираясь к двери. – Завтра твой день рождения, Куколка! Ну так это тебе подарок.

– Это?

– Красивая, верно? – Лютик понюхал и быстро добавил: – От Геральта. Это он для тебя выбрал. Ах, уже поздно. Опаздываю. Бывайте...

– Ты помнил о моем дне рождения? – медленно спросила Эсси, держа раковину подальше от себя. – Серьезно?

– Дай сюда, – резко сказал он. Встал с матраца, оберегая забинтованную руку. – Прости за этого идиота...

– Нет, – возразила она, вынимая из ножен на поясе маленький кинжальчик. – Раковина действительно красивая, я сохраню ее на память. Только надо вымыть, а для начала отделаться от... содержимого. Я выкину в окно, кошкам.

Что-то стукнуло о пол, покатилося. Геральт расширил зрачки и увидел гораздо раньше, чем Эсси.

Это была жемчужина. Переливающаяся и блестящая жемчужина светло-голубого цвета размером с разбухшую горошину.

– О боги! – Глазок тоже заметила ее. – Геральт... Жемчужина!

– Жемчужина, – рассмеялся он. – Стало быть, ты все-таки получила подарок, Эсси.

Я рад.

– Геральт, не могу принять. Эта жемчужина стоит...

– Она твоя, – прервал он. – Лютик, хоть и разыгрывает глупенького, действительно помнил о твоём дне рождения. Он и правда хотел доставить тебе радость. Говорил об этом, говорил вслух. Ну, видишь, судьба услышала его и исполнила, что требовалось.

– А ты, Геральт?

– Я?

– А ты... Тоже хотел доставить мне радость? Жемчужина такая прекрасная... Она должна сказочно много стоить... Не жалеешь?

– Я рад, что она тебе понравилась. А если и жалею, так о том, что она была только одна. И что...

– Да?

– Что не знаю тебя так долго, как Лютик, так долго, чтобы знать и помнить о твоём дне рождения. Чтобы иметь возможность дарить подарки и доставлять тебе радость. Чтобы иметь право... называть тебя Куколкой.

Она подошла и неожиданно закинула ему руки на шею. Он ловко и быстро предупредил ее движения, отстранился от ее губ, сдержанно поцеловал в щеку, обняв здоровой рукой осторожно, нежно. Он чувствовал, как девушка напрягается и медленно отстраняется, но только на длину рук, все еще лежащих у него на плечах. Он знал, чего она ждет, но не сделал этого. Не привлек ее к себе.

Эсси отпустила его, отвернулась к приоткрытому грязному оконцу.

– Ну конечно, – вдруг сказала она. – Ты же едва меня знаешь. Я совсем забыла, мы едва знакомы...

– Эсси, – проговорил он после недолгого молчания, – я...

– Я тоже едва тебя знаю, – вспыхнула она. – И что с того? Я люблю тебя. Ничего не могу с собой поделать. Ничего.

– Эсси!

– Да. Люблю. Мне совершенно безразлично, что ты подумаешь. Я полюбила тебя в тот самый момент, как увидела, там, на приеме по случаю обручения...

Она замолчала и опустила глаза.

Она стояла перед ним, а Геральт сожалел, что это она, а не рыбоглазый с саблей, укрытой под водой. С рыбоглазым у него были шансы... С ней – никаких.

– Ты молчишь, – бросила она. – Ничего, ни слова...

«Я устал, – подумал он, – и страшно слаб. Мне необходимо присесть, у меня темнеет в глазах, я потерял много крови и ничего не ел... Мне нужно присесть. Проклятая комнатуха, чтоб она сгорела во время ближайшей бури от молнии. Проклятое отсутствие мебели, двух идиотских стульев и стола, который разделяет, через который можно так легко и безопасно разговаривать. Можно даже держаться за руки. А я вынужден садиться на матрац и просить ее, чтобы она присела рядом. А набитый гороховой соломой матрац опасен, с него невозможно никуда вывернуться, отстраниться...»

– Сядь рядом, Эсси.

Она присела. Не спеша. Тактично. Далеко. Очень далеко. Слишком близко.

– Когда я узнала, – шепнула она, прерывая затянувшееся молчание, – когда я услышала, что Лютик притащил тебя, окровавленного, я выбежала из дома словно сумасшедшая, помчалась, ничего не видя, ни на что не обращая внимания. И тогда... Знаешь, о чем я подумала? Что это магия, что ты приворожил меня, украдкой, по секрету, предательски очаровал меня, приколдовал знаком, своим волчьим медальоном, скверным глазом. Так я подумала, но не остановилась, продолжала бежать, потому что поняла, что хочу... хочу оказаться под действием твоей силы, но реальность оказалась страшнее. Ты не приворожил меня, не использовал никаких чар. Почему, Геральт? Почему ты этого не сделал?

Он молчал.

– Если б это была магия, – продолжала она, – все было бы так просто и легко. Я поддалась бы твоей силе и была бы счастлива. А так... Я должна... не знаю, что со мной творится...

«К черту, – подумал он, – если Йеннифэр, когда она со мной, чувствует себя как я сейчас, то я ей не завидую. И уже никогда не стану удивляться. Никогда не буду ненавидеть ее... Никогда...

Потому что Йеннифэр, вероятно, чувствует то, что невозможно исполнить, чувствует глубокую уверенность, что я обязан выполнить то, что выполнить невозможно, еще невозможнее, чем связать Агловаля и Шъееназ. Уверенность, что немного жертвенности тут недостаточно, что надо пожертвовать всем, да и то неизвестно, достаточно ли этого. Нет, я не буду ненавидеть Йеннифэр за то, что она не может и не хочет проявить хоть немного жертвенности. Теперь я знаю, что немного жертвенности – это... очень много».

– Геральт, – простонала Глазок, втягивая голову в плечи. – Мне так стыдно. Мне так стыдно того, что я чувствую какое-то проклятое бессилие, холод, озноб, как короткое дыхание...

Он молчал.

– Я всегда думала, что это прекрасное и возвышенное состояние души, благородное и восхитительное, даже если оно и лишает тебя счастья. Ведь сколько баллад я сложила о подобном. А это просто химия организма, Геральт, простая и всеохватывающая. Так может чувствовать себя больной, выпивший яд. Да потому что человек, выпивший яд, готов на все взамен за противоядие. На все, даже на унижение.

– Эсси, прошу тебя...

– Да, я чувствую себя униженной, униженной тем, что во всем тебе призналась, забыв о достоинстве, которое велит страдать молча... Тем, что своим признанием причинила тебе беспокойство, неловкость. Я чувствую себя униженной тем, что ты смущен. Но я не могла иначе. Я бессильна. Я отдана на милость сразившей меня болезни. Я всегда боялась болезни, того момента, когда стану слабой, бессильной, беспомощной и одинокой. Я всегда боялась болезни, всегда верила, что болезнь будет самым худшим, что может со мной приключиться...

Он молчал.

– Знаю, – зашептала она снова, – знаю, я должна благодарить тебя за то, что... что ты не используешь ситуации. Но я тебя не благодарю. И этого я тоже стыжусь. Я ненавижу твоё молчание, твои изумленные глаза. Я ненавижу тебя. За то, что ты молчишь. За то, что не лжешь, что не... И ее я тоже ненавижу, твою чародейку, я охотно пырнула бы ее ножом за то, что... ненавижу ее. Прикажи мне уйти, Геральт. Прикажи мне уйти отсюда. Сама, по своей воле, я не могу, а уйти хочу, пойти в город, в трактир... Хочу отомстить тебе за свой стыд, за унижение, хочу найти первого попавшегося...

«Черт побери, – подумал он, слыша, как ее голос скачет, словно тряпичный мячик, катящийся по лестнице. – Расплачется, обязательно расплачется. Что делать, дьявол, что делать?»

Державшие его руки Эсси задрожали. Девушка отвернулась и разразилась тихим, поразительно спокойным, несдерживаемым плачем.

«Я ничего не чувствую, – отметил он с ужасом, – ничего, ни малейшего возбуждения. То, что сейчас я обниму ее, будет жест рассудочный, взвешенный, не спонтанный. Я обниму ее, потому что знаю – так надо, а не потому, что хочу. Я ничего не чувствую».

Он обнял ее, она тут же успокоилась, отерла слезы, сильно потрянула головой и отвернулась, чтобы он не мог видеть ее лица. А потом прижалась к нему, сильно втиснув голову в грудь.

«Немного жертвенности, – подумал он, – всего лишь немного жертвенности. Это ее успокоит – объятия, поцелуи, тихие ласки... Она не хочет большего. И даже если хочет, то что? Немного жертвенности, совсем немного... ведь она красива и заслуживает этого... Если б она хотела большего... Это ее успокоит. Тихий, спокойный, нежный любовный акт. А я... Ведь мне все безразлично, у меня не возникает эмоций, потому что Эсси пахнет вербеной, а не сиренью и крыжовником, у нее нет холодной электризирующей кожи, волосы Эсси не черное торнадо блестящих локонов, глаза Эсси прекрасные, мягкие, теплые и синие, но они не горят холодной, бесстрастной фиолетовой глубиной. Потом Эсси уснет, отвернет голову, немного приоткроет рот. Эсси не улыбнется торжествующе. Потому что Эсси...

Эсси – не Йеннифэр.

И поэтому я не могу. Не могу решиться на эту каплю жертвенности».

– Прошу тебя, Эсси, не плачь.

– Не буду. – Она медленно отодвинулась от него. – Не буду. Я понимаю. Иначе быть не может.

Они молчали, сидя рядом на набитом гороховой соломой матрасе. Надвигался вечер.

– Геральт, – вдруг сказала она, и голос ее дрогнул. – А может... Может, было бы так... как с тем моллюском, с тем дивным подарком? Может, мы все-таки нашли бы жемчужину? Позже? Спустя какое-то время?

– Я вижу ее, – с трудом проговорил он. – Оправленную в серебро, вставленную в серебряный цветочек с изумительными лепестками. Я вижу ее на твоей шее, на серебряной цепочке, которую ты носишь так же, как я ношу свой медальон. Это будет твой талисман, Эсси. Талисман, который защитит тебя от любого зла.

– Мой талисман, – повторила она, опуская голову. – Моя жемчужина, которую я оправлю в серебро, с которой никогда не расстанусь. Моя драгоценность, которую я получила взамен. Разве такой талисман может принести счастье?

– Да, Эсси. Будь уверена.

– Могу я посидеть здесь еще? С тобой?

– Можешь.

Надвигались сумерки, становилось все темнее, а они сидели на набитом соломой матрасе в комнатке на чердаке, в которой не было мебели, а только ведро и незажженная свеча на полу в лужице застывшего воска.

Сидели в полном молчании, в тишине, долго, очень долго. А потом пришел Лютик. Они слышали, как он идет, тренькает на лютне и напевает. Лютик вошел, увидел их и не сказал ничего, ни единого слова. Эсси, тоже молча, встала и вышла, не глядя на них.

Лютик не сказал ни слова, но ведьмак видел в его глазах слова, которые не были произнесены. 8

– Разумная раса, – задумчиво проговорил Агловаль, поставив локоть на поручень кресла, а подбородок положив на кисть руки. – Подводная цивилизация? Рыболоды на дне моря. Ступени в глубины. Геральт, ты принимаешь меня за чертовски легковверного князя.

Глазок, стоявшая рядом с Лютиком, гневно фыркнула. Лютик недоверчиво покрутил головой. Геральт вовсе не обратил внимания.

– Мне безразлично, – сказал он тихо, – согласишь ты или нет. Просто я обязан предупредить. Лодка, которая приблизится к Драконьим Клыкам, или люди, которые явятся туда во время отлива, подвергаются опасности. Смертельной опасности. Хочешь проверить, правда ли, хочешь рисковать – твое дело. Я просто предупреждаю.

– Ха, – вдруг проговорил коморник Зелест, сидевший за спиной у Агловала в оконном проеме. – Если они такие же чудища, как эльфы или другие гоблины, то нам они не страшны. Я-то боялся, как бы это не было что-то похуже или, упасите боги, заколдованное. А по ведьмаковым словам получается, что это вроде каких-то морских утопцев-плавунов... Против них есть средства. Слышал я, один чародей вмиг справился с плавунами на озере Моква. Влил в воду баррель магического филтраты – и каюк плавунам. И следы не остались.

– Верно, – заметил молчавший до того Дроухард. – Следы не остались. И от лешей, значить, щук, раков и беззубок. Сгинула дажить водяная зараза на дне, кою умники злодеев кличут. И засохнул, значить, ольшаник на берегах.

– Блеск! – насмешливо проговорил Агловаль. – Благодарю за изумительное предложение, Зелест. Может, у тебя есть и еще какие?

– Ну вроде правда, – коморник сильно покраснел, – магик переборщил малость, слишком уж крынкой размахался. Но мы и без магов управимся, князь. Ведьмак говорит, что с этими чудами можно бороться и убить их тоже можно. Стало быть, война. Как раньше. Нам не впервой, верно? Жили в горах оборотцы, где они теперь? По лесам еще валандаются дикие эльфы и духобабы, но и этим вот-вот конец придет. Перебьем всех до единого. Как деды

наши...

– А жемчужины увидят только мои внуки? – поморщился князь. – Слишком долго придется ждать, Зелест.

– Ну, так-то уж паршиво не будет. Что-то мне видится... Скажем, с каждой лодкой ловцов – две лодки лучников. Быстренько научим чудищ уму-разуму. Узнают, что такое страх. Верно, господин ведьмак?

Геральт холодно посмотрел на него и ничего не ответил.

Агловаль повернул голову, демонстрируя свой благородный профиль, закусил губу. Потом, прищурясь и морща лоб, взглянул на ведьмака.

– Ты не выполнил задания, Геральт, – сказал он. – Снова испоганил дело. Не возражаю, ты проявил благие намерения. Но я за благие намерения не плачу. Я плачу за результат. За эффект. А эффект, прости за определение, дерьмовый. А посему столько ты и заработал.

– Прелестно, благородный князь, – съехидничал Лютик. – Жаль, вас не было там, у Драконьих Клыков. Может, мы с ведьмаком дали бы вам возможность встретиться с одним из тех, морских-то, с мечом в руке. Может, тогда вы поняли бы, в чем дело, и перестали скаречничать и препираться об оплате...

– Как торговка базарная, – добавила Глазок.

– Я не привык торговаться, препираться или спорить, – спокойно сказал Агловаль. – Я сказал – не заплачу ни гроша, Геральт. Уговор был такой: ликвидировать опасность, ликвидировать угрозу, обеспечить ловлю жемчуга без риска для людей. А ты? Являешься и рассказываешь нам о разумной расе со дна морского. Советуешь держаться подальше от того места, которое приносит мне доход. Что ты сделал? Якобы убил... Скольких?

– Не имеет значения. – Геральт слегка побледнел. – Во всяком случае, для тебя, Агловаль.

– Именно. Тем более что доказательств нет. Если б ты принес, к примеру, правые руки этих рыбожаб, как знать, может, и заработал бы обычную ставку, какую берет мой лесник за пару волчьих ушей.

– Ну что ж, – холодно сказал ведьмак. – Мне не остается ничего иного, как распрощаться.

– Ошибаешься, – сказал князь. – Остается кое-что еще. Постоянная работа за вполне приличное вознаграждение и содержание. Должность и патент капитана моей вооруженной охраны, которая с этого дня будет сопровождать ловцов. Не обязательно навсегда, но достаточно долго, до тех пор, пока эта якобы разумная раса наберется ума избегать их как огня. Что скажешь?

– Благодарю, не воспользуюсь. – Ведьмак поморщился. – Такая работа не по мне. Войны с другими расами я считаю идиотизмом. Может, это и отличное развлечение для усталых и поглупевших князей. Для меня – нет.

– Ах как гордо, – усмехнулся Агловаль. – Как благородно. Ты отвергаешь предложение образом, достойным короля. Отказываешься от немалых денег с миной богача, только что сытно пообедавшего. Геральт? Ты сегодня ел? Нет? А вчера? А позавчера? Похоже, у тебя маловато шансов пообедать, очень маловато. Даже здоровым в наше время трудно заработать, а сейчас, с одной рукой на перевязи...

– Да как ты смеешь?! – тонко взвизгнула Глазок. – Как ты смеешь так разговаривать с ним, Агловаль? Руку, которую он носит на перевязи, ему рассадили во время выполнения твоего

приказа! Ты не можешь быть настолько низким...

– Прекрати, – сказал Геральт. – Прекрати, Эсси. Это бессмысленно.

– Неправда! – гневно бросила она. – В этом есть смысл. Кто-то должен наконец сказать правду в глаза такому... типу, который сам себя произвел в князья, воспользовавшись тем, что с ним никто не состязался за право владеть участком скалистого побережья, и который теперь считает, будто ему разрешено унижать других.

Агловаль покраснел и поджал губы, но не произнес ни слова, не пошевелился.

– Да, Агловаль, – продолжала Эсси, сжимая в кулаки дрожащие пальцы, – ты рад возможности унижить других, возможности показать презрение к ведьмаку, готовому подставлять шею за деньги. Но знай, ведьмак смеется над твоим презрением и твоими оскорблениями, они не производят на него никакого впечатления, он их даже не замечает. Нет, ведьмак не чувствует даже того, что чувствуют твои слуги и подданные, Зелест и Дроухард, а они чувствуют стыд, глубокий, опаляющий стыд. Ведьмак не чувствует того, что мы, я и Лютик, а мы чувствуем отвращение. Знаешь, Агловаль, почему? Я скажу тебе. Ведьмак знает, что он лучше, выше тебя. Достоин гораздо большего, чем ты! И это придает ему ту силу, которая у него есть!

Эсси замолчала, опустила голову, но не настолько быстро, чтобы Геральт не успел заметить слезы, блеснувшие в уголке прекрасного глаза. Девушка коснулась рукой висящего на шее цветочка с серебряными лепестками, цветочка, в середине которого сияла большая голубая жемчужина. У цветочка были изящные филигранные лепестки, он был изготовлен мастерски. Дроухард оказался на высоте. Рекомендованный им ремесленник выполнил работу прекрасно. И не взял от них ни гроша. Дроухард заплатил за все.

– Поэтому, якобы благородный князь, – продолжала Глазок, поднимая голову, – не ставь себя в смешное положение, предлагая ведьмаку роль наемника в армии, которую ты собираешься поставить против океана. Неставляй себя на осмеяние, а ведь предложение может вызвать только смех. Ты все еще не понял? Ты можешь заплатить ведьмаку за выполнение задания, можешь его нанять, чтобы он охранял людей от зла, предупреждал грозящую им опасность. Но ты не можешь ведьмака купить, не можешь использовать его в своих целях. Потому что ведьмак, даже раненый и голодный, лучше тебя. Большого стоит. Поэтому он смеется над твоим предложением. Понял?

– Нет, мазель Давен, – холодно произнес Агловаль. – Не понял. Совсем даже наоборот. Понимаю все меньше. Главное же, чего я уж совсем не понимаю, так это почему я все еще не приказал повесить всю вашу троицу, предварительно отколотив батогами и припечатав червонным железом. Вы, мазель Давен, пытаетесь показать, будто знаете все. Так скажите, почему я этого не делаю?

– Извольте, – тут же откликнулась поэтесса. – Ты, Агловаль, не делаешь этого, потому что где-то там, глубоко внутри тебя, тлеет искорка порядочности, хранятся остатки чести, еще не приглушенные спесью нувориша и купчишки. Внутри, Агловаль. На дне сердца. Сердца, которое, что бы там ни говорили, способно любить сирену.

Агловаль побледнел как полотно и стиснул руки на поручнях кресла. «Браво, – подумал ведьмак, – bravo, Эсси, прекрасно». Он гордился ею. Но одновременно чувствовал грусть, чудовищную грусть и раскаяние.

– Уходите, – тихо проговорил Агловаль. – Уходите. Идите куда хотите. Оставьте меня в покое.

– Прощай, князь, – сказала Эсси. – И на прощание прими добрый совет. Совет, который

должен был бы дать тебе ведьмак, но я не хочу, чтобы он тебе его давал. Чтобы унижался до того, чтобы давать тебе советы. Я сделаю это за него.

– Слушаю.

– Океан велик, Агловаль! Еще никто не знает, что лежит там, за горизонтом, если там вообще что-нибудь есть. Океан больше любых пущ и дебрей, в которые вы оттеснили эльфов. Он менее доступен, нежели какие бы то ни было горы и ущелья, в которых вы уничтожали оборотцев. А там, на дне океана, обитает раса, применяющая оружие, знающая секреты обработки металлов. Стерегись, Агловаль. Если вместе с ловцами в море пойдут лучники, ты развяжешь войну против того, чего не знаешь. То, что ты намерен тронуть, может оказаться гнездом шершней. Я советую вам, оставьте им море, ибо море не для вас. Вы не знаете и никогда не узнаете, куда ведут ступени, по которым спускаются к основанию Драконьих Клыков.

– Ошибаетесь, мазель Эсси, – спокойно ответил Агловаль. – Мы узнаем, куда ведут эти ступени. Больше того, мы спустимся по ним. Проверим, что находится по ту сторону океана, если там вообще что-то есть. И вытянем из этого океана все, что только возможно вытянуть. А не мы, так наши внуки либо внуки наших внуков. Вопрос времени. Да, мы сделаем это, даже если океану придется стать красным от крови. И ты об этом знаешь, Эсси, мудрая Эсси, пишущая хронику человечества своими балладами. Жизнь – не баллада, маленькая бедная прекрасная поэтесса, заплутавшаяся в своих красивых словах. Жизнь – это борьба. А борьбе научили нас именно вот такие, стоящие больше нас ведьмаки. Это они указали нам дорогу, они проторили ее для нас, они усеяли ее трупами тех, кто был для нас, людей, помехой и препятствием, трупами тех, кто защищал от нас этот мир. Мы, мазель Эсси, просто продолжаем эту борьбу. Мы, а не твои баллады, пишем историю человечества. И нам уже нет нужды в ведьмаках, нас и без того ничто уже не удержит. Ничто.

Эсси побледнела, дунула на прядь волос и покачала головой.

– Ничто, Агловаль?

– Ничто, Эсси.

Поэтесса усмехнулась.

Из передней долетел какой-то шум, крики, топот. В зал вбежали пажи и стражники, у самых дверей бросились на колени либо согнулись в поклонах.

В дверях стояла Шъееназ.

Ее светло-зеленые волосы были искусно завиты, охвачены изумительной красоты диадемой из кораллов и жемчужин. Она была в платье цвета морской волны с белыми, как пена, оборками. Платье было сильно декольтировано, так что прелести сирены, хоть частично прикрытые и украшенные ожерельем из нефритов и ляпис-лазури, по-прежнему вызывали величайшее восхищение.

– Шъееназ... – простонал Агловаль, падая на колени. – Моя... Шъееназ...

Сирена медленно подошла, и ее движения были мягкими и полными грации, плавными, как набегающая волна.

Она остановилась перед князем, сверкнула в улыбке мелкими белыми зубками, потом быстро подобрала платье и подняла подол на такую высоту, чтобы каждый мог оценить качество работы морской волшебницы водороски. Геральт сглотнул. Не было сомнений: водороска знала толк в красивых ножках и умела их делать.

– Ох! – воскликнул Лютик. – Моя баллада... Совсем как в моей балладе... Она обрела ради него ножки, но потеряла голос!

– Ничего я не потеряла, – сказала Шъееназ напевно на чистейшем всеобщем. – Пока что. После операции я словно новая.

– Ты говоришь на нашем языке?

– А что, нельзя? Как твои дела, белоголовый? О, и твоя любимая тоже здесь, Эсси Давен, если не ошибаюсь? Ты уже лучше ее знаешь или по-прежнему едва-едва?

– Шъееназ... – пролепетал Агловаль, приближаясь к ней на коленях. – Любовь моя! Моя любимая... единственная... Значит, все-таки наконец-то! Наконец-то, Шъееназ!

Сирена грациозным движением подала ему руку для поцелуя.

– Да. Я ведь тоже люблю тебя, глупышка! А что это за любовь, когда любящий не может иногда хоть чем-то пожертвовать? 9

Они выехали из Бремервоорда ранним холодным утром, в тумане, впитавшем в себя яркость красного шара солнца, выкатывающегося из-за горизонта. Выехали втроем. Как решили раньше. Они не разговаривали об этом, не строили планов, просто хотели быть вместе. Какое-то время.

Покинули каменистый мыс, распрощались с рваными клифами над пляжами, странными формациями иссеченных волнами и водоворотами известняковых скал. Но, спустившись в зеленую, усеянную цветами долину Доль Адалатте, все еще слышали запах моря, гул прибоя и резкие, дикие крики чаек.

Лютик не переставая болтал, перескакивал с темы на тему и практически ни одной не заканчивал. Рассказывал о Стране Барса, где глупый, по его мнению, обычай велит девушкам хранить невинность до самого замужества, о железных птицах с острова Инис Порхет, о живой и мертвой воде, о вкусе и удивительных свойствах сапфирного вина, именуемого «Черр», о королевских четверяшках из Эббинга, жутких надоедливых обжорках по имени Пуцци, Грицци, Мицци и Хуан Пабло Вассермиллер. Рассказывал о популяризируемых соперниками новых течениях в музыке и поэзии, которые, по мнению Лютика, были чудовищами, воспроизводящими жизненные отправления организма.

Геральт молчал. Эсси тоже молчала или отвечала односложно. Ведьмак чувствовал на себе ее взгляд. Взгляд, которого избегал.

Через реку Адалатте переправились на пароме, причем тянуть канаты пришлось самим, поскольку паромщик пребывал в состоянии патетически опьяненной, мертвецки-белой, неподвижно трясущейся, устремленной в пространство бледности и не мог оторваться от подпирающего навес столба, за который ухватился обеими руками, и на все вопросы отвечал одним-единственным словом, звучащим как «вург».

Местность на другом берегу Адалатте понравилась ведьмаку – лежащие вдоль реки деревни были в большинстве своем огорожены частоколом, а это давало некоторые шансы отыскать работу.

Когда утром поили лошадей, Глазок подошла к нему, воспользовавшись тем, что Лютик удалился. Ведьмак не успел отойти. Она застала его врасплох.

– Геральт, – сказала она тихонечко. – Я больше... не могу. Это выше моих сил.

Он пытался не смотреть ей в глаза. Она не позволяла, стояла, поигрывая висящей на шее

голубой жемчужиной, оправленной в серебряные лепестки, а он снова жалел, что перед ним нет рыбглазого чудовища с саблей, укрытой под водой.

– Геральт... Что-то надо делать, верно?

Она ожидала его ответа. Его слова. Немного жертвенности. Но у ведьмака не было ничего такого, чем он мог бы пожертвовать, и она знала об этом. Он не хотел лгать. А по правде говоря, и не мог, потому что не мог решиться сделать ей больно.

Положение спас Лютик, надежный Лютик, появившийся неожиданно. Лютик со своей безотказной тактичностью.

– Ну конечно же! – воскликнул он и, размахнувшись, кинул в воду прутик, которым раздвигал прибрежные заросли и гигантскую приречную крапиву. – Конечно же, вы должны что-то с этим сделать: самое время. Я не намерен бесконечно и безучастно наблюдать за тем, что творится между вами! Чего ты от него ждешь, Куколка? Невозможного? А ты, Геральт, на что рассчитываешь? На то, что Глазок прочтет твои мысли, как... Как та, другая? И что этим удовольствуется, а ты удобненько помолчишь, думая, будто не обязан ничего объяснять, что-либо заявлять, в чем-то отказывать? Не обязан раскрываться? Сколько времени, сколько фактов вам требуется, чтобы понять? И когда вы хотите понять? Через сколько лет? В воспоминаниях? Ведь завтра мы расстанемся, черт побери! Нет, с меня довольно, боги, оба вы у меня вот где сидите, вот тут вот! Хорошо, послушайте, я сейчас в орешнике выломаю себе ветку и пойду на рыбалку, а вы останетесь только сами с собой. У вас будет время, вы сможете все друг другу сказать. Так скажите же себе все, постарайтесь понять друг друга. Это не так трудно, как кажется. А потом, о боги, сделайте это. Сделай это с ним, Куколка. Сделай это с ней, Геральт, и будь добр. А тогда, черт побери, либо у вас все пройдет, либо...

Лютик резко развернулся и ушел, ломая камыш и громко ругаясь. Сделал удочку из орехового прута и конского волоса и рыбачил дотемна.

Когда он ушел, Геральт и Эсси долго стояли, взявшись за руки и опершись о корявую вербу, наклонившуюся над глубиной. Потом ведьмак говорил, говорил тихо и долго, а глаза Глазка были полны слез.

А потом, о боги, они сделали это. Он и она.

И все было прекрасно. 10

На следующий день они устроили себе нечто вроде торжественного ужина. В попавшейся на пути деревеньке Эсси и Геральт купили освежеванного ягненка. Пока торговались, Лютик стащил немного чеснока, лука и моркови из огорода за домом. Отъезжая, они еще стянули котелок с забора за кузней. Котелок был слегка дыряв, но ведьмак заделал дыру знаком Игни.

Ужин имел место на поляне, в глубине леса. Костер весело потрескивал, котелок побулькивал. Геральт заботливо помешивал в нем палочкой, изготовленной из ошкуренной макушки елочки. Лютик чистил лук и тер морковь. Глазок, которая понятия не имела о готовке, развлекала их игрой на лютне и скабрезными куплетами.

Это был прощальный ужин, потому что утром им предстояло расстаться. Утром каждый должен был отправиться своим путем на поиски чего-то такого, что у них вообще-то уже было. Но не знали они, что уже обладают этим, даже не догадывались. Не догадывались, куда приведут их дороги, по которым завтра им предстояло отправиться. Каждому в отдельности.

Когда они наелись, напились подаренного Дроухардом пива, посплетничали и посмеялись,

Лютик и Эсси устроили певческое соревнование. Геральт, заложив руки под голову, лежал на подстилке из сосновых лап и думал, что никогда не слышал таких прекрасных голосов и таких прекрасных баллад. Думал о Йеннифэр. Думал и об Эсси. И было у него предчувствие, что... Под конец Глазок на пару с Лютиком исполнили известный дуэт Цинтии и Вертверна, прелестную песню о любви, начинающуюся словами: «Немало слез я пролила...» Геральту казалось, что даже деревья наклонились, слушая их.

Потом Глазок, пахнувшая вербеной, легла рядом с ним, втиснулась ему под руку, положила голову на грудь, вздохнула два раза и спокойно уснула. Ведьмак уснул гораздо, гораздо позже.

Лютик, глядя на угасающий костер, еще долго сидел один, тихо потренькивая на лютне.

Все началось с нескольких тактов, из которых сложилась красивая, спокойная мелодия. Стихи, соответствующие мелодии, рождались одновременно с ней. Слова вплетались в музыку, застывали в ней, как мушки в прозрачно-золотистых кусочках янтаря.

Баллада рассказывала о некоем ведьмаке и некоей поэтессе. О том, как ведьмак и поэтесса встретились на берегу моря, под крики чаек, как полюбили друг друга с первого взгляда. О том, как прекрасна и сильна была их любовь. О том, как ничто, даже смерть, не в состоянии было уничтожить эту любовь и разлучить их.

Лютик знал – мало кто поверит в историю, рассказанную балладой, но не грустил об этом. Он знал, что баллады пишут не для того, чтобы им верили. Их пишут для того, чтобы волновать сердца.

Спустя несколько лет Лютик мог бы изменить содержание баллады, написать, как все было на самом деле. Но не сделал этого. Ведь истинная история не взволновала бы никого. Кому хочется слушать о том, что ведьмак и Глазок расстались и больше уже никогда не встретились? О том, что четыре года спустя Глазок умерла от оспы во время бушевавшей в Вызиме эпидемии? О том, как он, Лютик, пронес ее на руках между сжигаемыми на кострах трупами и похоронил далеко от города, в лесу, одинокую и спокойную, а вместе с ней, как она и просила, две вещи – ее лютню и ее голубую жемчужину. Жемчужину, с которой она не расставалась никогда.

Нет, Лютик оставил первоначальную версию баллады. Но все равно так и не спел ее. Никогда. Нигде. Никому.

Утром, еще в темноте, к бивуаку подкрался голодный и злющий оборотень, но, увидев, что это Лютик, послушал немного и ушел.

Меч Предназначения

1

На первый труп он наткнулся около полудня.

Вид убитых редко волновал ведьмака, гораздо чаще ему доводилось глядеть на останки совершенно равнодушно. На этот раз равнодушен он не был.

Пареньку было лет пятнадцать. Он лежал навзничь, широко раскинув ноги, на губах застыло что-то вроде гримасы изумления. Несмотря на это, Геральт знал, что мальчик погиб сразу, не страдал и скорее всего даже не знал, что умирает. Стрела попала в глаз, глубоко засев в затылочной кости. Стрела была снабжена полосатыми, покрашенными желтым маховыми перьями фазанихи, которые торчали над метелками трав.

Геральт осмотрелся и легко нашел то, что искал: вторую стрелу, двойника первой, вонзившуюся в ствол сосны всего в шести шагах позади. Он знал, что произошло. Мальчик не понял предупреждения, услышал свист и удар стрелы о ствол, удивился и побежал не в ту сторону, куда указывала стрела, велевшая остановиться и немедленно убираться из леса. Шипящий, ядовитый и оперенный свист, короткий звон наконечника, врезающегося в дерево. Ни шагу дальше, человек, говорили этот свист и этот удар. Прочь, человек, немедленно убирайся из Брокилона. Ты завоевал весь мир, человек, тебя везде полным-полно, ты всюду приносишь с собой то, что именуешь современностью, эрой изменений, что называешь прогрессом. Но нам здесь не нужен ни ты, ни твой прогресс. Нам не нужны перемены, которые ты несешь. Нам не нужно все то, что ты приносишь. Свист и удар. Прочь из Брокилона!

«Прочь из Брокилона, человек, – подумал Геральт. – Не имеет значения, что тебе лишь пятнадцать и ты продираешься сквозь лес, ошалев от страха, не в состоянии отыскать дороги домой. Не имеет значения, что тебе уже семьдесят и надо идти за хворостом, иначе тебя за ненадобностью выгонят из халупы, не дадут есть. Не имеет значения, что тебе всего-то шесть лет и тебя приманили цветы, голубеющие на залитой солнцем поляне. Прочь из Брокилона! Свист и удар!»

«Раньше, – еще подумал Геральт, – прежде чем убить, предупреждали дважды. Даже трижды».

«Раньше, – подумал он, трогаясь в путь. – Раньше. Ну что ж, прогресс».

Лес, казалось, не заслуживал дурной славы, которой пользовался теперь. Правда, он был чудовищно диким и труднопроходимым, но это была обычная путаница дебрей, в которых каждый просвет, каждое солнечное пятно, пробившееся сквозь кроны, и усеянные листьями ветви больших деревьев немедленно использовались десятками молодых берез, ольх и грабов, ежевикой, можжевельником и папоротником, покрывающим густыми побегами хрустящий ковер из праха, сухих веток и поросших мхом гниющих стволов самых старых деревьев, тех, что проиграли в борьбе, тех, которые дотянули до конца дней своих. Но чаща не молчала тяжелым, зловещим молчанием, которое, казалось бы, больше соответствовало этому месту. Нет, Брокилон жил. Бренчали насекомые, шуршали под ногами ящерицы, бежали радужные жуки-бегунки, тысячи пауков дергали блестящие от капель паутинки, дятлы разделяли стволы резкими очередями ударов, верещали сойки.

Брокилон жил.

Но ведьмак не дал себя обмануть. Он знал, где находится. Помнил о мальчике со стрелой в глазу. Во мхе и игольнике замечал белые кости, по которым бежали красные муравьи.

Он шел дальше, осторожно, но быстро. Следы были свежие. Он рассчитывал на то, что успеет, сумеет задержать и вернуть людей, идущих впереди. Он льстил себя надеждой, что еще не поздно.

Но было уже поздно.

Второй труп он бы пропустил, если б не солнечный блик на клинке короткого меча, который убитый сжимал в руке. Это был взрослый мужчина. Его простая одежда привычного коричневого цвета говорила о низком происхождении. Одежда, если не считать пятен крови вокруг двух вонзившихся в грудь наконечников стрел, была чистой и новой, значит, это не слуга.

Геральт осмотрелся и увидел труп третьего человека, одетого в кожаную куртку и короткий зеленый плащ. Земля вокруг ног убитого была раскидана, мох и игольник разрыты до песка. Было ясно – этот человек умирал долго.

Геральт услышал стон.

Он быстро раздвинул кусты можжевельника, увидел замаскированную глубокую яму, оставшуюся от вывороченных корней сосны. В яме, на открытых корнях, лежал крупный мужчина с черными вьющимися волосами и такой же бородой, контрастирующими с бледной, прямо-таки трупной белизной лица. Светлый кафтан из оленьей кожи был красным от крови.

Ведьмак спрыгнул в яму. Раненый открыл глаза.

– Геральт... – простонал он. – О боги, да я сплю...

– Фрейксенет? – изумился ведьмак. – Ты здесь?

– Я... О-о-ох...

– Не шевелись. – Геральт опустился рядом. – Куда ты получил? Я не вижу стрелы...

– Она... прошла навылет. Я отломил наконечник и вытащил... Слушай, Геральт...

– Молчи, Фрейксенет, захлебнешься кровью. У тебя пробито легкое. Дьявольщина, надо тебя вытащить. Что вы, черт вас возьми, делаете в Брокилоне? Это владения дриад, их святая святых, отсюда никто живым не уходит. Ты знал?

– Потом... – застонал Фрейксенет и сплюнул кровью. – Потом расскажу... А сейчас вытащи меня... Ох, черт! Осторожней...

О-о-ох...

– Не справлюсь. – Геральт выпрямился, осмотрелся. – Уж очень ты тяжел.

– Тогда оставь меня, – простонал раненый, – оставь. Что делать... Но спаси ее... о боги, спаси ее...

– Кого?

– Княжну... Найди ее, Геральт!

– Лежи спокойно, черт побери! Сейчас что-нибудь соображу и вытащу.

Фрейксенет тяжело закашлялся и снова сплюнул, густая, тягучая нитка крови повисла на бороде. Ведьмак выругался, выбрался из ямы, осмотрелся. Нужны были два молодых деревца. Он быстро пошел к краю поляны, где недавно видел охапку ольх.

Свист и удар.

Геральт застыл на месте. Стрела, вонзившаяся в ствол на уровне его головы, была оперена ястребиными перьями. Он посмотрел в сторону, указанную ясеновым древком, и понял, откуда стреляли. Шагах в пятидесяти была яма от еще одного вывороченного дерева, ствол, выставив наружу путаницу корней, все еще удерживал огромную кучу песчаной земли. Там чернел терновник на границе тени, крапленой более светлыми полосками березовых стволов. Не было видно никого, и он знал, что не увидит.

Он поднял обе руки. Очень медленно.

– Ceadmil! Va an Eithne maeth e Duen Canell! Essea Gwynbleidd!

На этот раз он услышал тихий щелчок тетивы и увидел стрелу, потому что ее выпустили так, чтобы он ее увидел. Отвесно вверх. Он смотрел, как она взвигается, как изменяет

направление полета, как падает по кривой. И не пошевелился. Стрела вонзилась в мох почти вертикально в двух шагах от него. Почти одновременно рядом с ней воткнулась вторая, под таким же углом. Он боялся, что следующей может уже не увидеть.

– Maeth Eithne! – крикнул он снова. – Essea Gwynbleidd!

– Glaeddyv vort! – Голос – словно дуновение ветра. Голос, не стрела. Он жил. Медленно расстегнул пряжку пояса, вытащил меч, отбросил далеко от себя. Вторая дриада беззвучно появилась из-за охваченного кустарниками можжевельника ствола ели, не больше чем в десяти шагах от него. Хотя она была маленькая и очень худенькая, ствол казался еще тоньше. Совершенно непонятно, как он мог ее не заметить, когда она подходила. Возможно, ее маскировала одежда – не уродующая стройной фигурки комбинация из странно сшитых лоскутков ткани множества оттенков зеленого и коричневого, усыпанная листьями и кусочками коры. У волос, перехваченных на лбу черным платочком, был оливковый цвет, а лицо пересекали полосы, нанесенные ореховой кожей.

Конечно, тетива лука была натянута и дриада целилась в него.

– Eithne... – начал он.

– Thaess aer!

Он послушно замолчал, стоя неподвижно и держа руки подальше от тела. Дриада не опустила лука.

– Dunca! – крикнула она. – Braenn! Caemm vort!

Та, что стреляла первой, выскочила из терновника, пробежала по поваленному стволу, ловко перепрыгивая через вывороченные корни. Хотя там валялась куча сухих веток, он не слышал, чтобы хоть одна хрустнула под ее ногами. Позади, близко, он услышал тихий шорох, что-то вроде шелеста листьев на ветру, и понял, что третья дриада стоит у него за спиной.

Именно она, быстро выдвинувшись сбоку, подняла его меч. У нее были волосы цвета меда, стянутые обручем из камышины. На спине покачивался полный колчан стрел.

Та, что была дальше всех, в вывороченной корнями яме, быстро приблизилась. Ее одежда ничем не отличалась от наряда подруг. На тусклых кирпично-рыжих волосах лежал венок, сплетенный из клевера и вереска. Она держала лук, не натянутый, но стрела была на тетиве.

– T'en thesse in maeth aer Eithne llew? – спросила она, подойдя ближе. Голос был очень мелодичный, глаза огромные и черные. – Ess' Gwynbleidd?

– Ae... aessea... – начал он, но слова брокилонского диалекта, певуче звучащие в устах дриады, застревали у него в горле и раздражали губы. – Вы не говорите на всеобщем? Я не очень хорошо знаю...

– An' vaill. Vort llinge, – прервала она.

– Я – Гвинблейдд, Белый Волк. Госпожа Эитнэ меня знает. Я к ней с поручением. Я уже бывал в Брокилоне. В Дуен Канелль.

– Гвинблейдд. – Кирпичноволосая прищурилась. – Vatt'ghern?

– Да, – подтвердил он. – Ведьмак.

Оливковая гневно фыркнула, но опустила лук. Кирпичная смотрела на него широко раскрытыми глазами, а ее размалеванное зелеными полосами лицо было совершенно

неподвижно, мертво, как лицо статуи. Эта неподвижность не позволяла назвать ее ни красивой, ни уродливой, вместо этого напрашивалась мысль о безразличии и бездушии, если не жестокости. Геральт мысленно укорил себя за такую оценку, основывающуюся на ложном очеловечивании дриад. Как-никак, а он-то должен знать, что она просто старшая из всех трех. Несмотря на кажущуюся молодость, она была гораздо, гораздо старше них.

Они стояли молча. Геральт слышал, как Фрейксенет стонет, охает и кашляет. Кирпичная тоже не могла не слышать, но лицо ее даже не дрогнуло. Ведьмак подбоченился.

– Там, в яме, – спокойно сказал он, – лежит раненый. Если ему не оказать помощи, он умрет.

– Thaess aep! – Оливковая натянула лук, направив наконечник стрелы прямо в лицо Фрейксенету.

– Дадите ему сдохнуть? – сказал Геральт, не повышая голоса. – Позвольте ему вот так просто, медленно захлебнуться кровью? В таком случае уж лучше его добить.

– Заткнись! – пролаяла дриада, переходя на всеобщий, но опустила лук и ослабила тетиву. Вопросительно взглянула на кирпичную. Та кивнула, указала на яму. Оливковая подбежала быстро и бесшелестно.

– Я хочу увидеться с госпожой Эитнэ, – повторил Геральт. – У меня поручение...

– Она, – кирпичная указала на медовую, – проводит тебя в Duen Canell. Иди.

– Фрей... А раненый?

Дриада взглянула на него, прищурившись и продолжая играть стрелой, лежащей на тетиве.

– Не тревожься. Иди. Она тебя проводит.

– Но...

– Va'en vort! – обрезала она, поджав губы.

Ведьмак пожал плечами, повернулся к медноволосой, которая казалась самой младшей из всей тройки. Впрочем, он мог и ошибиться. Глаза у нее были голубые.

– Ну идем.

– Да, – тихо сказала медовая. После краткого колебания она отдала ему меч. – Пошли.

– Как тебя зовут? – спросил он.

– Заткнись.

Она шла через чащу очень быстро, не оглядываясь. Геральту приходилось прилагать массу усилий, чтобы поспевать за ней. Он знал, что дриада делает это умышленно, хочет, чтобы идущий следом человек увяз в густых зарослях, со стоном повалился бы на землю, обессиленный, не способный к дальнейшему маршу. Конечно, она не знала, что имеет дело с ведьмаком, а не с человеком. Она была слишком молода, чтобы знать, что такое ведьмак.

Девушка – Геральт уже видел, что она не чистокровная дриада, – резко остановилась, повернулась. Было видно, как под сшитой из лоскутков курткой у нее бурно вздымается грудь и она с трудом сдерживается, чтобы не дышать ртом.

– Пойдем медленнее? – улыбнувшись, предложил он.

– Yea. – Она неприязненно взглянула на него. – Aeen esseath Sidh?

– Нет, не эльф. Как тебя зовут?

– Браэнн, – ответила она, снова трогаясь в путь, но уже медленнее, не стараясь опережать его. Они шли рядом, близко. Он чувствовал запах ее пота, обычного пота молодой девчонки. У пота дриад был запах растертых в руке листиков вербены.

– А как тебя звали раньше?

Она взглянула на него, губы у нее неожиданно искривились, он подумал, что она или крикнет, или велит ему молчать. Но она не сделала ни того ни другого. А помедлив, сказала:

– Не помню.

Геральт не очень-то поверил.

Ей можно было дать не больше шестнадцати лет, и вряд ли она пробыла в Брокилоне дольше шести-семи. Попади она сюда раньше, маленьким ребенком или даже грудным младенцем, в ней уже невозможно было бы узнать человека. Голубые глаза и натуральные светлые волосы случались и у дриад. Дети дриад, зачатые в разрешенных церковью контактах с эльфами либо людьми, перенимали свойства организма исключительно от матерей, к тому же это всегда были девочки. Однако невероятно редко и, как правило, в каком-то из последующих поколений рождался ребенок с глазами либо волосами неведомого мужского предка. Но сейчас Геральт был уверен, что у Браэнн не было и капли дриадской крови. Впрочем, это не имело особого значения. По крови или не по крови, теперь она была дриадой.

– А тебя, – она искоса глянула на него, – как зовут?

– Гвинблейдд.

– Ну идем, Гвинблейдд, – кивнула она.

Теперь они шли медленнее, но все же достаточно быстро. Браэнн, конечно, знала Брокилон, один Геральт не смог бы удержать ни темпа, ни нужного направления. Браэнн проскальзывала сквозь путаницу зарослей по извивающимся, замаскированным тропинкам, переходила яры и распадки, ловко, словно по мосткам, по поваленным стволам, смело шлепала по зеленым от ряски, блестящим площадкам трясин, на которые ведьмак не осмелился бы ступить и потерял бы часы, если не дни, чтобы обойти их. Присутствие Браэнн защищало его не только от дикости леса – были места, в которых дриада замедляла шаг, двигалась очень осторожно, ощупывая тропинку ногой и держа его за руку. Он знал почему. О ловушках Брокилона ходили легенды – волчьи ямы, утыканные заостренными кольями, самострелы, падающие деревья, страшные «ежи» – игольчатые шары на веревках, неожиданно падающие и очищающие тропинки от чужаков. Встречались места, в которых Браэнн задерживалась и мелодично свистела, а из зарослей ей отвечали тем же. Иногда она приостанавливалась, держа руку на стреле в колчане, приказывая ему не шуметь, и напряженно выжидала, пока то, что шелестело в чаще, удалялось.

Как ни быстро они шли, все же пришлось остановиться на ночь. Браэнн выбрала соответствующее место – на пригорке, на который разность температур приносила порывы теплого воздуха. Они спали на высохшем папоротнике, по обычаю дриад очень близко друг к другу. В середине ночи Браэнн обняла его, крепко прижалась. И ничего больше. Он тоже обнял ее. И ничего больше. Она была дриадой. Важно было только сохранить тепло.

На рассвете, еще почти в темноте, они двинулись дальше. 2

Они пересекали полосы лесистых холмов, переходили низинки, заполненные туманом, шли через просторные травянистые поляны, через буреломы.

Наконец Бразнн в очередной раз остановилась, осмотрелась. Казалось, она потеряла дорогу, но Геральт знал, что это невозможно. Однако, воспользовавшись остановкой, он присел на поваленный ствол.

И тут услышал крик. Тонкий. Высокий. Отчаянный.

Бразнн мгновенно упала на колени, вытянув из колчана одновременно две стрелы. Одну схватила зубами, вторую поставила на тетиву, натянула лук, целясь вслепую, сквозь кусты, на голос.

– Не стреляй! – крикнул он, перепрыгнул через ствол, продрался сквозь заросли.

На небольшой полянке у основания каменистого обрыва, прижавшись спиной к стволу засохшего граба, стояла маленькая девчушка в серой курточке. В каких-нибудь пяти шагах от нее, медленно раздвигая траву, что-то двигалось. В этом темно-коричневом «что-то» было около двух сажен длины. В первое мгновение Геральт подумал, что это змея. Но увидел желтые, подвижные, крючкообразные конечности, плоские сегменты длинного туловища и понял – не змея. Гораздо хуже.

Прижавшись к стволу, девчушка тонко пискнула. Гигантская многоножка приподняла над травой длинные дрожащие сяжки, ловила ими запах и тепло.

– Не двигайся! – рявкнул ведьмак и топнул, чтобы привлечь внимание сколопендроморфа. Но многоножка не отреагировала, она уже учуяла запах близкой жертвы. Чудовище пошевелило конечностями, свернулось буквою «S» и двинулось вперед. Его ярко-желтые лапы равномерно, словно весла галеры, мелькали в траве.

– Yghern! – крикнула Бразнн.

Геральт двумя прыжками влетел на поляну, на бегу выхватывая меч из ножен на спине, с размаху бедром ударил окаменевшую под деревом девочку, откинув ее в сторону, в кусты ежевики. Сколопендроморф зашелестел в траве, задрожал конечностями и кинулся на него, подняв передние сегменты и клацая челюстями, блестящими от покрывающего их яда. Геральт заплясал, перескочил через плоское туловище и с полуоборота рубанул мечом, целясь в незащищенное место между броневыми плитками на туловище. Однако чудовище оказалось очень прытким, меч ударил в хитиновый панцирь, не разрубив его, – толстый ковер мха амортизировал удар. Геральт отскочил, но недостаточно ловко. Сколопендроморф с чудовищной силой обернул заднюю часть тела вокруг его ног. Ведьмак упал, перевернулся и попытался вырваться. Безуспешно.

Многоножка выгнулась и развернулась так, чтобы дотянуться до него челюстями, при этом резко заскребла когтями о дерево, проползла по нему. В этот момент над головой Геральта просвистела стрела, с хрустом пробила панцирь существа и пригвоздила его к стволу. Многоножка свилась, сломала стрелу и освободилась, но тут же в нее угодили еще два снаряда. Ведьмак, ударом ноги откинув от себя трепещущие останки, отскочил в сторону.

Бразнн, стоя на коленях, била из лука в невероятном темпе, всаживая в сколопендроморфа стрелу за стрелой. Многоножка ломала стрелы и освобождалась, но новая стрела снова прибавала ее к стволу. Плоская блестящая темно-рыжая голова существа металась из стороны в сторону, щелкала челюстями в тех местах, куда попадали стрелы, бездумно пытаясь дотянуться до разящего ее врага.

Геральт подскочил сбоку и, широко размахнувшись, рубанул мечом, закончив борьбу одним

ударом. Дерево сыграло роль палаческой плахи. Браэнн, не опуская лука, медленно подошла, пхнула извивающееся в траве, перебирающее конечностями тело, плюнула на него.

– Благодарю, – сказал ведьмак, давя отрубленную голову многоножки ударами каблука.

– Чего?

– Ты спасла мне жизнь.

Дриада взглянула на него. В этом взгляде не было ни понимания, ни эмоций.

– Yghern, – сказала она, пнув ботинком свернувшееся туловище. – Он поломал мне шипы.

– Ты спасла жизнь мне и вон той маленькой дриаде, – повторил Геральт. – Черт возьми, где она?

Браэнн ловко раздвинула кусты ежевики, просунула руку меж игольчатых ветвей.

– Так я и думала, – сказала она, вытаскивая из кустов девочку в серой курточке. – Глянь сам, Гвинблейдд.

Это не была дриада. Это не был ни эльф, ни пак, ни сильфида или низушек. Это было обыкновеннейшее на свете дитя человеческое. Девочка. В центре Брокилона, самом наинеобычном месте для самых обычных человеческих детенышей.

У нее были светлые, мышино-серые волосы и огромные ядовито-зеленые глаза. Ей было не больше десяти лет.

– Ты кто? – спросил Геральт. – Откуда ты тут взялась?

Она не ответила. «Где-то я ее уже видел, – подумал он. – Где-то я ее уже однажды видел. Ее или кого-то, страшно на нее похожего».

– Не бойся, – неуверенно сказал он.

– А я и не боюсь, – невнятно буркнула она. У нее явно был насморк.

– Сматываемся отсюда, – неожиданно проговорила Браэнн, оглядываясь. – Там, где есть один игерн, жди другого. А у меня осталось мало шипов.

Девочка взглянула на нее, раскрыла рот, отерла мордашку обратной стороной ладони, размазывая пыль.

– Кто ты, черт побери? – наклонившись, повторил Геральт. – Что ты делаешь в Бро... В этом лесу? Как сюда попала?

Девочка опустила голову и шмыгнула носом.

– Оглохла? Я спрашиваю, кто ты? Как тебя зовут?

– Цири, – хлюпнула она.

Геральт повернулся. Браэнн, рассматривая лук, глядела на него.

– Слушай, Браэнн...

– Чего?

– Неужели возможно... неужели возможно... чтобы она... удрала от вас из Дуен Канелль?

– Чего?

– Не прикидывайся идиоткой, – вспыхнул он. – Я знаю, что вы похищаете девочек. А ты сама что, в Брокилон с неба свалилась? Я спрашиваю, возможно ли это...

– Нет, – отрезала дриада. – Я ее никогда в глаза не видела.

Геральт внимательно рассмотрел девочку. Ее пепельно-серые волосы были растрепаны, полны иголок и листиков, но пахли чистотой, не дымом, не хлебом или жиром. Руки, хоть невероятно грязные, были маленькие и нежные, без шрамов и синяков. Мальчишеская одежда, курточка с красным капюшоном ни о чем не говорили, но высокие сапожки были изготовлены из мягкой дорогой телячьей кожи. Нет, это наверняка не деревенский ребенок. «Фрейксенет, – вдруг подумал Геральт. – Ее искал Фрейксенет. За ней пошел в Брокилон».

– Откуда ты, спрашиваю, малявка?

– Как ты разговариваешь со мной! – Девчушка гордо подняла голову и топнула ножкой. Мягкий мох свел на нет эффект этого движения.

– Ха, – сказал ведьмак и усмехнулся. – И верно, княжна. Во всяком случае, судя по разговору, потому что вид у тебя никудышный. Ты из Вердэна, верно? Знаешь, что тебя ищут? Не волнуйся, я отведу тебя домой. Слушай, Браэнн...

Стоило ему отвернуться, как девчонка моментально развернулась и кинулась бегом через лес по пологому склону холма.

– Bloede turd! – воскликнула дриада, потянувшись к колчану. – Саемм'ере!

Девочка, спотыкаясь, мчалась напрямую сквозь лес, хрустя сухими ветками.

– Стой! – крикнул Геральт. – Куда ты, зараза!

Браэнн мгновенно натянула лук. Стрела ядовито засвистела, летя по плоской параболе, наконечник со звоном врезался в ствол, чуть не задев волосы беглянки. Малышка сгорбилась и припала к земле.

– Ты, чертова идиотка! – крикнул ведьмак, приближаясь к дриаде.

Браэнн ловко вытянула из колчана вторую стрелу.

– Ты же могла ее убить!

– Это Брокилон! – гордо проговорила она.

– А это ребенок!

– Ну и что?

Он взглянул на стрелу. На ней были полосатые перья из маховых крыльев фазанихи, покрашенные желтым в отваре коры. Он не произнес ни слова. Повернулся и быстро пошел в лес.

Девочка лежала под деревом, съежившись, осторожно приподняв голову и глядя на стрелу, торчащую в стволе. Услышав его шаги, она вскочила, но он, прыгнув, поймал ее и схватил за красный капюшон курточки. Она повернула голову и взглянула на него, потом на руку, державшую капюшон. Он отпустил ее.

– Почему ты убежала?

– А тебе-то что? – хлюпнула она носом. – Оставь меня, ты... ты...

– Глупая девчонка, – зло зашипел он. – Это Брокилон. Тебе мало сороконожки? Одна ты в здешнем лесу не дотянешь и до утра. Ты еще не поняла?

– Не прикасайся ко мне! – взвизгнула она. – Ты, холоп, ты... Я – княжна, не думай! Понял?

– Ты глупая малявка.

– Я княжна!

– Княжны одни по лесу не гуляют. У княжон бывают чистые носы.

– Я велю отрубить тебе голову! И ей тоже! – Девочка вытерла нос ладонью и враждебно взглянула на подходившую дриаду. Браэнн рассмеялась.

– Ну хорошо, хватит вопить, – прервал ведьмак. – Почему ты убежала, княжна? И куда? И чего боишься?

Она молчала, потягивая носом.

– Ну ладно, твое дело. – Он подмигнул дриаде. – Мы пошли. Хочешь остаться в лесу одна – твоя воля. Но в другой раз, когда на тебя нападет игерн, не ори. Княжнам это не подобает. Княжны умирают, даже не пикнув, предварительно, конечно, вытерев нос дочиста. Пошли, Браэнн. Прощай, ваше высочество.

– По... погоди...

– Ну?

– Я пойду с вами.

– Ты окажешь нам великую честь. Верно, Браэнн?

– Но ведь ты не отведешь меня обратно к Кистрину. Клянешься?

– Кто такой... – начал он. – А, черт! Кистрин? Князь Кистрин? Сын короля Эрвилла из Вердэна?

Девочка надула маленькие губки, шмыгнула носом и отвернулась.

– Хватит играть, – угрюмо бросила Браэнн. – Идем.

– Сейчас, сейчас, – выпрямился ведьмак и глянул на дриаду сверху. – Планы немного меняются, прекрасная моя лучница.

– Чего? – подняла брови Браэнн.

– Госпожа Эитнэ подождет. Надо отвести девчонку домой. В Вердэн.

Дриада прищурилась и потянулась к колчану.

– Никуда вы не пойдете. Ни ты, ни она.

– Осторожней, Браэнн, – скверно усмехнувшись, сказал ведьмак. – Я не мальчик, которому ты вчера из засады всадила стрелу в глаз. Я умею защищаться.

– Bloede arss! – прошипела она, поднимая лук. – Ты идешь в Duen Canell, она тоже! Не в Вердэн!

– Нет! Не в Вердэн! – Пепельноволосая девочка прильнула к дриаде, прижалась к ее худенькому бедру. – Я с тобой! А он пусть идет в Вердэн один, к глупому Кистрину, если ему так хочется!

Браэнн даже не взглянула на нее. Она не сводила глаз с Геральта, но лук опустила.

– ‘Ss turd! – сплюнула она ему под ноги. – Да! А, иди куда глаза глядят! Посмотрим, сумеешь ли. Сдохнешь, прежде чем выберешься из Брокилона.

«Она права, – подумал Геральт. – Шансов никаких. Без нее и из Брокилона не выйду, и до Дуен Канелль не дойду. Что делать, посмотрим, может, удастся убедить Эитнэ».

– Ну, Браэнн, – проговорил он примирительно и улыбнулся. – Не злись, красавица. Хорошо, пусть будет по-твоему. Пошли вместе в Дуен Канелль. К госпоже Эитнэ.

Дриада буркнула что-то себе под нос и сняла стрелу с тетивы.

– Тогда пошли, – сказала она, поправляя повязку на волосах. – Много времени потеряли.

– О-о-о, – простонала девочка, сделав шаг.

– В чем дело?

– Что-то... с ногой.

– погоди, Браэнн! Иди, малышня, возьму на плечи.

Она была тепленькая и пахла мокрым воробушком.

– Как тебя зовут-то, княжна? Запоматовал.

– Цири.

– А где твои владения, позволь спросить?

– Не скажу, – буркнула она. – Не скажу, и все тут.

– Ну что ж, переживу. Не вертись и не чихай мне в ухо. Что ты делаешь в Брокилоне? Потерялась? Заблудилась?

– Как же! Я никогда не блужу... блудю...

– Не вертись. Сбежала от Кистрина? Из замка Настрог? До или после обручения?

– Откуда ты знаешь? – Она снова чихнула.

– Я, понимаешь ли, невероятно умный. Почему убежала именно в Брокилон? Что, не было направлений побезопасней?

– Глупый конь понес.

– Лжешь, княжна. При твоей-то фигуре ты могла забраться самое большее на кота. К тому же ласкового.

– Ехал Марк. Оруженосец рыцаря Воймира. А в лесу конь упал и сломал ногу. И мы потерялись.

– Ты же сказала, что с тобой такого не случается.

– Так ведь заблудился же он, а не я. Был туман. И мы потерялись.

«Потерялись, – подумал Геральт. – Бедный оруженосец рыцаря Воймира, которому выпало счастье наткнуться на Бразнн и ее спутниц. Сопляк, вероятно, не знающий женщин, помогает сбежать зеленоглазой соплячке, потому что наслушался рыцарских рассказов о девицах, принуждаемых к замужеству. Помогает бежать для того, чтобы пасть от крашеной стрелы дриады, вероятно, не знавшей мужчин. Но уже умеющей убивать».

– Я спросил, ты сбежала из замка Настрог до или после обручения?

– Сбежала, и все тут, тебе-то какое дело, – проворчала Цири. – Бабушка сказала, что я должна туда поехать и познакомиться с этим Кистрином. Только познакомиться. А его отец, этот брюхатый король...

– Эрвилл...

– ...сразу: обручаться – и точка. А я его не хочу. Этого Кистрина. Бабушка сказала...

– Так тебе противен князь Кистрин?

– Я не хочу его, – гордо сообщила Цири, музыкально потянув носом. – Он толстый, глупый и у него скверно пахнет изо рта. Прежде чем я туда поехала, мне показали портретик. А на портретике он толстым не был. Не хочу я такого мужа. И вообще – не хочу я никакого мужа.

– Цири, – неуверенно проговорил ведьмак, – Кистрин еще ребенок, как и ты. Через несколько лет из него может получиться вполне приятный юноша.

– Ну так пусть мне пришлют другой портретик через несколько лет, – фыркнула она. – И ему тоже. Потому как он сказал мне, что на портрете, который ему показали, я была гораздо красивее. И признался, что любит Альвину, фрейлину двора, и хочет быть ее рыцарем. Видишь? Он меня не хочет, и я его не хочу. Так зачем же обручаться?

– Цири, – проворчал ведьмак. – Он – князь, ты – княжна. Князя и княжны женятся именно так, а не иначе. Таков обычай.

– Ты говоришь, как все они. Думаешь, если я маленькая, то мне можно наврать?

– Я не вру.

– Врешь.

Геральт замолчал. Бразнн, шедшая впереди, оглянулась, удивленная, вероятно, тишиной. Пожав плечами, пошла дальше.

– Куда мы идем? – угрюмо спросила Цири. – Я желаю знать!

Геральт молчал.

– Отвечай, когда тебя спрашивают! – проговорила она грозно, подтвердив приказ громким хлопаньем забитого вконец носа. – Ты знаешь, кто... кто на тебе сидит?

Он не отреагировал.

– Отвечай, не то укушу за ухо! – крикнула она.

Ведьмаку это надоело. Он стащил девчонку с закорок и поставил на землю.

– Слушай, ты, сопливка, – сказал он резко, расстегивая пряжку ремня. – Сейчас я положу тебя на колено, стяну трусики и всыплю по попке ремнем. Никто меня не удержит, потому что здесь не королевский двор, а я тебе не придворный и не слуга. Сразу пожалеешь, что не осталась в Настроге. Поймешь, что лучше быть княжной, нежели потерявшейся в лесу соплячкой. Потому что княжна – ты права – может вести себя несносно. И даже тогда княжну никто не посмеет отстегать по попке ремнем, разве что князь. Лично.

Цири скорчилась и несколько раз шмыгнула носом. Браэнн, опершись о дерево, равнодушно глядела на них.

– Ну как? – спросил ведьмак, накручивая ремень на руку. – Будешь вести себя прилично и достойно? Если нет, приступаем к порке ее королевского высочества. Ну? Да или нет?

Девочка захлюпала и зашмыгала носом, потом поспешно кивнула несколько раз.

– Будешь себя вести прилично, княжна?

– Буду, – буркнула она.

– Скоро стемнеет, – проговорила дриада. – Пошли, Гвинблейдд.

Лес поредел. Они шли через песчанистые молодняки, через вересковые заросли, через затянутые мглой луга, на которых паслись стада оленей. Становилось все холодней.

– Благородный господин... – проговорила Цири после очень долгого молчания.

– Меня зовут Геральт. В чем дело?

– Я ужасненько хочу есть.

– Сейчас остановимся. Скоро стемнеет.

– Я не выдержу, – захныкала она. – Я не ела с...

– Не канючь. – Он полез в мешок, вытащил кусок солонины, небольшой кружок сыра и два яблока. – Получай.

– Что это такое, то, желтое?

– Солонина.

– Я это есть не стану, – буркнула она.

– Ну и прекрасно, – сказал он невнятно, засовывая солонину в рот. – Съешь сыр. И яблоко. Одно.

– Почему одно?

– Не крутись. Съешь оба.

– Геральт?

– Э?

– Благодарю.

– Не за что. Ешь на здоровье.

– Я не... Я не за это. За это тоже, но... Ты спас меня от той тысяченожки... Бррр... Я чуть

было не умерла со страху...

– Чуть не умерла, – серьезно подтвердил он и при этом подумал: «Чуть не умерла исключительно болезненным и мерзостным образом». – А благодарить ты должна Браэнн.

– Кто она?

– Дриада.

– Духобаба?

– Да.

– Так она нас... Они похищают детей?! Она нас похитила? Э-э-э, ты же не ребенок. А почему она так странно разговаривает?

– Говорит как говорит. Разве это важно? Важно, как она стреляет. Не забудь ее поблагодарить, когда остановимся.

– Не забуду. – Она засопела.

– Не вертись, княжна, будущая княгиня Вердэна.

– Не буду я, – буркнула она, – никакой княгиней.

– Хорошо, хорошо. Не будешь княгиней. Станешь хомячком и будешь жить в норке.

– Неправда! Ничего ты не знаешь!

– Не пищи мне в ухо. И не забывай о ремне!

– Я не буду княгиней. Я буду...

– Ну? Кем?

– Секрет.

– Ах вот оно что. Секрет. Прелестно. – Он поднял голову. – Что случилось, Браэнн?

Дриада остановилась, пожала плечами, поглядела на небо.

– Я устала, – сказала она мягко. – И ты, наверно, устал тащить ее, Гвинблейдд. Тут остановимся. Сейчас стемнеет. 3

– Цири?

– У? – Она потянула носом, шелестя веточками, на которых лежала.

– Не холодно?

– Нет, – вздохнула она. – Сегодня тепло. Вот вчера... Вчера я ужасненько замерзла, ой-ей.

– Чудно, – заметила Браэнн, расслабляя ремешки длинных мягких сапожек. – Такая малышка, а так далеко в лес зашла. И мимо дозорных прошла, и через мочагу прошла, и через чащобу. Крепкая, здоровая и храбрая. Она взаправду годится... Годится нам.

Геральт быстро взглянул на дриаду, на ее блестящие в полумраке глаза. Браэнн оперлась спиной о дерево, сняла повязку, рассыпала волосы движением головы.

– Она вошла в Брокилон, – проговорила тихо, упреждая комментарии Геральта. – Она наша, Гвинблейдд. Мы идем в Duen Canell.

– Госпожа Эитнэ решит, – кисло улыбнулся ведьмак, понимая в то же время, что Браэнн права.

«Обидно, – подумал он, глядя на вертящуюся на зеленой постели девочку. – Такая бойкая малышка. Где я ее уже видел? Не важно. Но обидно. Мир так велик и так прекрасен. А ее миром будет всего лишь Брокилон, до конца дней ее. Быть может, немногих дней. Может, только до того дня, когда она упадет в папоротники под свист стрел и крики, погибнет в бессмысленной бойне за лес на стороне тех, кому суждено проиграть. Суждено. Рано или поздно».

– Цири?

– А?

– Где живут твои родители?

– У меня нет родителей, – потянула она носом. – Они утонули в море, когда я была маленькой.

«Так, – подумал он, – это многое объясняет. Княжна, дитя покойной княжеской пары. Кто знает, не третья ли дочь после четырех сыновей. Титул, практически значащий меньше, чем титул камергера или конюшего. Болтающееся при дворе пепельноволосое и зеленоглазое нечто, которое надобно как можно скорее пристроить, выдать замуж. Как можно скорее, пока она не успела созреть и превратиться в маленькую женщину, грозящую скандалом, мезальянсом или инцестом, что вовсе не так уж и сложно в общей дворцовой спальне».

Ее бегство не удивляло ведьмака. Он уже не раз сталкивался с княжнами и даже королевами, таскавшимися с труппами бродячих актеров и радовавшихся, что им удалось сбежать от дряхлых, но все еще жаждущих потомка королей. Он видывал принцев, предпочитавших неверную судьбу наемника подысканной отцом хромой или рябой принцессе, застарелое или сомнительное девичество которой должно было стать ценой союза и династического родства.

Он прилег рядом с девочкой, укрыл ее курткой.

– Спи. Спи, сиротинушка.

– Как же! – проворчала она. – Я княжна, а никакая не эта... сиротинушка. И у меня есть бабушка. Моя бабушка – королева, не думай. Вот скажу, что ты хотел меня вздуть ремнем, так моя бабушка велит тебе голову отрубить. Вот увидишь тогда.

– Ужасно! Цири, смилостивься!

– Как же, жди!

– Но ведь ты добрая девочка. Когда голову отрубают, это ужасно больно. Ну обещай, что ничего не скажешь.

– Скажу!

– Цири!

– Скажу, скажу, скажу! Испугался, да?

– Страшно. Знаешь, Цири, когда человеку отрубают голову, от этого можно умереть.

– Смеешься?

– Как я смею!

– Сразу перестанешь смеяться! С моей бабушкой шутки плохи, как топнет ногой, так самые храбрые воины и рыцари падают перед ней на колени, я сама видела. А если кто непослушный, то ррраз – и головы нет.

– Страшно. Цири?

– А?

– Пожалуй, тебе голову... отрубят.

– Мне?

– Угу. Ведь твоя бабушка-королева договорилась о твоём замужестве с Кистрином и послала тебя в Вердэн в Настрог. Ты была непослушной. Как только вернешься... Ррраз! И нет головы.

Девочка замолчала, перестала даже крутиться. Он слышал, как она чмокает, грызя верхнюю губу зубками, как хлюпает носом.

– Неправда, – сказала она наконец. – Бабушка не позволит отрубить мне голову, потому что... Потому что это моя бабушка, разве нет? Ну, самое большее получу по...

– Так, – засмеялся Геральт. – С бабушкой шутки плохи? Ты уже познакомилась с розгами?

Цири гневно фыркнула.

– Знаешь что? – предложил он. – Мы, пожалуй, скажем бабушке, что я тебя уже вздул, а дважды за одно и то же наказывать нельзя. Договорились?

– Думаешь, больно умный? – Цири приподнялась на локте, шелестя ветками. – Если бабушка узнает, что ты меня побил, тут уж голову тебе наверняка отрубят!

– Стало быть, тебе все-таки жалко моей головы?

Девочка замолчала, снова потянула носом.

– Геральт?

– Что, Цири?

– Бабушка знает, что я должна вернуться. Я не могу быть никакой княгиней или женой этого глупого Кистрина. Я должна вернуться, и все тут.

«Должна, – подумал он. – Увы, это не зависит ни от тебя, ни от твоей бабки. А только от настроения старой Эитнэ. И от моих способностей убеждать».

– Бабушка это знает, – продолжала Цири. – Потому что я... Геральт, поклянись, что никому не скажешь. Это страшная тайна. Ужасненькая, говорю тебе. Поклянись.

– Клянусь.

– Тогда скажу. Моя мама была волшебница, не думай. И мой папа тоже был заколдован. Все

это рассказала мне одна няня, а когда бабушка узнала, то был страшный скандал. Потому что я, понимаешь, предназначена.

– Чему?

– Не знаю, – возбужденно проговорила Цири. – Но я предназначена. Так говорила няня. А бабушка сказала, что не позволит, что скорее весь этот хоррел... хоррерный замок рухнет. Понял? А няня сказала, что против Предназначения ничего, ну прям совсем ничегошеньки не поможет. Ха! А потом няня плакала, а бабушка кричала. Видишь? Я предназначена. И не буду я женой глупого Кистрина. Геральт?

– Спи. – Он зевнул так, что хрустнула челюсть. – Спи, Цири.

– Расскажи мне сказку.

– Что-о?

– Сказку мне расскажи, – фыркнула она. – Как же я усну без сказки? Давай, давай!

– Не знаю я, черт побери, никаких сказок. Спи.

– Не лги. Знаешь. Когда был маленький, то что, тебе никто сказок не рассказывал? Ты чего смеешься?

– Ничего. Так, вспомнил кое-что.

– Ага! Вот видишь! Ну так расскажи.

– Что?

– Сказку.

Он снова засмеялся, подложил руки под голову, глядя на звезды, помигивающие из-за ветвей над их головами.

– Жил-был... кот, – начал он. – Такой обычный, полосатый мышелов. И однажды этот кот пошел один-одинешенек на дальнюю прогулку в страшный темный лес. Ну шел он, шел... шел... шел...

– Ты не думай, – проворчала Цири, прижимаясь к нему, – что я усну, прежде чем он дойдет.

– Тихо, малышня. Да... Шел он, значит, шел и встретил лису. Рыжую лису.

Браэнн вздохнула и легла рядом с ведьмаком, по другую сторону, тоже легонько прижавшись к нему.

– Ну. – Цири потянула носом. – Рассказывай же, что было дальше.

– Посмотрела лиса на кота. Кто ты? – спрашивает. Кот отвечает: кот. Ха-ха, сказала лиса, и не боишься ты, кот, один-то по лесу бродить? А если вдруг король отправится на охоту, то как? С собаками, с загонщиками на конях? Говорю тебе, кот, говорит лиса, охота – это страшная беда для таких, как ты и я. У тебя шубка, у меня шубка, ловчие никогда не пропускают таких, как мы, потому что у ловчих есть невесты и любовницы, а у тех лапки мерзнут и шеи, вот и делают из нас воротники и муфты этим девчонкам.

– Что такое муфты? – спросила Цири.

– Не прерывай! И добавила лиса: я, кот, знаю, как их перехитрить, у меня против таких

охотников тысяча двести восемьдесят шесть способов, такая я хитрая. А у тебя, кот, сколько способов против ловчих?

– Ах какая прекрасная сказка, – сказала Цири, прижимаясь к ведьмаку еще крепче. – Ну рассказывай же, что ей кот-то?

– Ага, – шепнула с другой стороны Бразнн. – Кот-то чего?

Ведмак повернул голову. Глаза дриады блестели, рот был полуоткрыт, и язычком она облизывала губы, «Ясно, – подумал он. – Маленькие дриады тоскуют по сказкам. Как и маленькие ведьмаки. Потому что и тем, и другим редко кто рассказывает сказки на сон грядущий. Маленькие дриады засыпают, вслушиваясь в шум деревьев. Маленькие ведьмаки засыпают, вслушиваясь в боль мышц. У нас тоже горели глаза, как у Бразнн, когда мы слушали сказки Весемира там, в Каэр Морхене... Но это было давно... Так давно...»

– Ну, – не выдержала Цири. – Что дальше?

– А кот в ответ: у меня нет никаких способов. Я умею только одно – шмыг на дерево. Этого достаточно, как ты думаешь? Ну, лиса в смех. Эх, говорит, ну и глупец же ты. Задирай свой полосатый хвост и удирай быстрее, погибнешь здесь, если тебя ловцы окружают. И вдруг тут ни с того ни с сего как затрубят рога! Да как выскочат из кустов охотники! Увидели кота с лисой – и на них!

– Ой-ей, – хлюпнула носом Цири, а дриада резко пошевелилась.

– Тише. И ну кричать да верещать, давайте, орут, сдерем с них шкуры! На муфты их, на муфты! И начали травить собаками лису и кота. А кот шмыг на дерево, по-кошачьи. На самую макушку. А собаки лису цап! Не успела рыжая воспользоваться ни одним из своих хитрых способов, как, глянь, уже превратилась в воротник. А кот с макушки дерева намяукал и нафыркал на этих охотников, и они ничего не могли ему сделать, потому что дерево было высокое, ну прямо до неба. Постояли они внизу, постояли, побранились да и ушли ни с чем. И тогда кот слез с дерева и спокойно вернулся домой.

– И что дальше?

– А ничего. Тут и сказке конец.

– А мораль? – спросила Цири. – У сказок всегда бывает мораль, разве нет?

– Чего? – отозвалась Бразнн, сильнее прижимаясь к Геральту. – Что такое мораль?

– У хорошей сказки всегда бывает мораль, а у плохой нет морали, – проговорила Цири убежденно и при этом в который раз хлюпнула носом.

– Это была хорошая, – зевнула дриада. – Значит, у нее есть то, что должно быть. Надобно было, кроха, перед игерном на дерево лезть, как тот умный котяра. Не размышлять, а сразу – пшшш – на дерево. Вот тебе и вся мораль. Выжить! Не даваться!

Геральт тихо засмеялся.

– В дворцовом парке деревьев не было, Цири? В Настроге? Вместо Брокилона могла бы влезть на дерево и сидеть там, на самой макушке, пока у Кистрина не прошла бы охота жениться.

– Смеешься?

– Ага.

- Тогда знаешь что? Не люблю тебя.
- Это ужасно, Цири. Ты поразила меня в самое сердце.
- Знаю, – поддакнула она серьезно, потянув носом, а потом крепко прижалась к нему.
- Спи спокойно, Цири, – проворчал он, вдыхая ее милый воробьиный аромат. – Спи спокойно, девочка. Спокойной ночи, Браэнн.
- Dearme, Gwynbleidd.

Брокилон шумел над их головами миллиардами ветвей и сотнями миллиардов листьев. 4

На следующий день они добрались до Деревьев. Браэнн опустилась на колени, наклонила голову. Геральт почувствовал, что должен сделать то же. Цири удивленно вздохнула.

Деревья – в основном дубы, тисы и гикори – были по несколько сажен в обхвате. Определить их высоту было невозможно, так далеко в небо уходили их кроны. Даже те места, где могучие, искривленные корни переходили в ровный ствол, возвышались далеко над их головами. Здесь можно было идти быстрее – гиганты росли редко, а в их тени не выдерживало ни одно растение, почву покрывал лишь ковер из преющих листьев.

Можно было идти быстрее, но они шли медленно. Тихо. Склонив головы. Здесь, меж Деревьев, они были маленькими, ничего не значащими, несущественными. Даже Цири молчала – за полчаса не произнесла ни слова.

Через час они миновали полосу Деревьев и снова погрузились в долины, во влажные буковины.

Насморк докучал Цири все больше, у Геральта не было носового платка; но ему надоело ее бесконечное хлюпанье, и он научил ее сморкаться при помощи пальцев. Девочке это страшно понравилось. Глядя на ее улыбку и блестящие глаза, ведьмак был уверен, что ее радует мысль о том, как вскоре она сможет похвастаться новым фокусом во время торжественного пира при дворе или аудиенции заморского посла.

Браэнн вдруг остановилась, повернулась.

– Gwynbleidd, – сказала она, снимая зеленый платок, обмотанный вокруг локтя. – Иди сюда. Я завяжу тебе глаза. Так надо.

- Знаю.
- Я тебя поведу. За руку.
- Нет, – запротестовала Цири. – Я поведу. Браэнн?
- Хорошо, малышка.
- Геральт?
- Да?
- Что значит Гвин... блейдд?
- Белый Волк. Так меня называют дриады.
- Осторожней, корень. Не споткнись! Тебя так называют, потому что у тебя белые волосы?

– Да... А, черт!

– Я же сказала, корень.

Они шли. Медленно. Под ногами было скользко от опавших листьев. Он почувствовал на лице тепло, свет солнца пробился сквозь прикрывающий глаза платок.

– Ох, Геральт, – услышал он голос Цири. – Как здесь красиво... Жаль, ты не можешь видеть. Сколько цветов. И птиц. Слышишь, как поют? Ох, сколько их здесь! Множество. О, и белочки. Осторожнее, сейчас будем переходить речку по каменному мостику. Не упади в воду. Ох, сколько тут рыбок! Полным-полно. Знаешь, они плавают в воде! А сколько зверушек, ой-ей! Наверно, нигде столько нет...

– Нигде, – проворчал он. – Здесь – Брокилон.

– Что?

– Брокилон. Последнее Пристанище.

– Не понимаю...

– Никто не понимает. Никто не хочет понять. 5

– Сними платок, Gwynbleidd. Теперь можно. Мы на месте.

Браэнн стояла по колено в густом покрове тумана.

– Duen Canell, – показала она рукой.

Дуен Канелль. Место Дуба. Сердце Брокилона.

Геральт уже дважды бывал здесь. Но никому не рассказывал. Никто бы не поверил.

Котловина, замкнутая кронами огромных зеленых деревьев. Купающаяся в тумане и испарениях, истекающих из земли, от скал, из горячих источников. Котловина...

Медальон на шее слегка дрогнул.

Котловина, купающаяся в тумане. Duen Canell. Сердце Брокилона.

Браэнн подняла голову, поправила колчан на спине.

– Пойдем. Дай ручку, кроха.

Вначале котловина казалась вымершей, покинутой. Но вскоре раздался громкий модулированный свист, и по едва заметным ступеням из трутовиков, спирально охватывающих ближайший ствол, ловко спустилась стройная темноволосая дриада, одетая, как все, в пятнистую маскирующую одежду.

– Cead, Braenn.

– Cead, Sirussa. Va'n vort maeth Eithne a?

– Neen, aefder, – ответила темноволосая, рассматривая ведьмака глазами с поволокой. – Ess'aen Sidh?

Она улыбнулась, блеснув белыми зубками. Она была необычайно красива. Даже по человеческим меркам. Геральт почувствовал себя неуверенно и глуповато, сознавая, что

дриада без стеснения оценивает его.

– Neen, – покачала головой Браэнн. – Ess' vatt'ghern, Gwynbleidd, a vaen maeth Eithne va, a'ss.

– Gwynbleidd. – Красивая дриада скривила губы. – Bloede caerme! Aen'ne caen n'weddd vort!
T'ess foile!

Браэнн захохотала.

– В чем дело? – спросил ведьмак, начиная злиться.

– Ничего, – снова хохотнула Браэнн. – Ничего. Пошли.

– Ох! – воскликнула Цири. – Взгляни, Геральт, какие смешные домики!

В глубине котловины начиналась настоящая Duen Canell – «смешные домики», формой напоминающие огромные шары омелы, на различной высоте облепляли стволы и ветви деревьев – как над самой землей, так и высоко и даже очень высоко – под самыми кронами. Геральт заметил также несколько более крупных наземных сооружений, шалашей из переплетенных, все еще покрытых листьями ветвей. Он видел движение внутри помещений, но наружу дриады почти не показывались. Их было значительно меньше, чем во время его первого посещения.

– Геральт! – шепнула Цири. – Эти домики живут. У них есть листочки!

– Они из живого дерева, – кивнул ведьмак. – Именно так живут дриады, так строят свои дома. Ни одна дриада никогда не причинит боли дереву топором или пилой. Они любят деревья. Но умеют делать так, что ветки растут, образуя домики.

– Чудесно! Я хотела бы иметь такой домик в нашем парке.

Браэнн задержалась около одного из шалашей покрупнее.

– Войди, Гвинблейдд. Здесь подождешь госпожу Эитнэ. Va faill, кроха.

– Что?

– Она попрощалась. Сказала: до свидания.

– Ах, до свидания, Браэнн.

Они вошли. Внутри дома все перемигивалось, как в калейдоскопе, от солнечных пятен, протиснувшихся сквозь крышу.

– Геральт!

– Фрейксенет!

– Жив, чтоб мне провалиться! – Раненый сверкнул зубами, приподнимаясь на постели из лапника. И тут увидел вцепившуюся в бедро ведьмака Цири, и глаза у него расширились, а румянец покрыл все лицо.

– Ах ты, маленькая чертовка! – крикнул он. – Я из-за тебя чуть с жизнью не распростился. Ну, твое счастье, что я не могу встать. Уж я бы тебе отделал шкуру!

Цири надула губки.

– Это второй, – сказала она, смешно сморщив нос, – который хочет меня побить. Я девочка, а

девочек бить нельзя!

– Уж я б тебе показал... что можно, а чего нельзя, – раскашлялся Фрейксенет. – Чтоб тебя! Эрвилл там с ума сходит... Королевские грамоты рассылает, весь трясется при мысли, что твоя бабка обрушит на него свою армию. Кто ему поверит, что ты сама смылась? Все знают, что такое Эрвилл и что он любит. Все думают, что он с тобой... что он тебе спьяну что-то сделал, а потом велел утопить в пруду! Вот-вот начнется война с Нильфгаардом, а трактат о дружбе и союзе с твоей бабкой летит из-за тебя к чертовой матери! Видишь, что ты натворила?

– Не раздражайся, – предостерег ведьмак. – Начнется кровотечение. Как ты оказался тут так быстро?

– Знать не знаю, большую часть времени я был... бездыханным. Они вливали мне что-то отвратное в глотку. Силой. Зажмут нос и... Стыдобища, мать их...

– Ты и выжил только благодаря тому, что они вливали тебе в глотку. Тебя сюда несли?

– Тащили на волокушах. Я спрашивал о тебе – молчат. Я был уверен, что ты схлопотал стрелу. Ты так неожиданно тогда исчез... А ты вон цел и невредим, даже не в путях, и к тому ж, надо же, спас княжну Цириллу... Провалиться мне на этом месте, ты всюду успеваешь, Геральт, всегда падаешь на четыре лапы, как кот.

Ведьмак улыбнулся, но не ответил. Фрейксенет тяжело раскашлялся, отвернулся, сплюнул розовую слюну.

– Да. И то, что меня не прикончили, тоже, уверен, твоя работа. Они знают тебя, чертовы духобабы. Ты второй раз вытягиваешь меня из могилы.

– Прекрати, барон.

Фрейксенет застонал, попытался сесть, но из этого ничего не вышло.

– Накрылось мое баронство, – засопел он. – Бароном я был в Хамме. А теперь я что-то вроде воеводы у Эрвилла в Вердэне. То есть тоже был. Даже если я как-то выкарабкаюсь отсюда, в Вердэне мне уже места не будет, разве что на эшафоте. Именно от меня и охраны сбежала эта маленькая шельма, Цирилла. Думаешь, я что, по собственной охоте отправился сам-третей в Брокилон? Нет, Геральт, я тоже сбежал, на милость Эрвилла я рассчитывать мог, только если б вернул ее. Ну и наткнулись мы на треклятых духобаб, или бабодух, хрен знает, как и называть... Если б не ты, точно подох бы я в той яме. Ты снова спас меня. Это Предназначение, ясно как солнце.

– Преувеличиваешь.

Фрейксенет покрутил головой и повторил:

– Предназначение. Должно быть, наверху записано, что мы снова встретимся, ведьмак, и снова именно ты спасешь мою шкуру. Я помню, об этом поговаривали в Хамме после того, как ты снял тогда с меня тамошний птичий наговор.

– Случайность, – холодно сказал Геральт. – Случайность, Фрейксенет.

– Какая там случайность. Черт, ведь если бы не ты, я до сих пор ходил бы, наверно, в бакланах...

– Ты был бакланом? – возбужденно крикнула Цири. – Настоящим бакланом? Птицей с клювом и перьями?

– Был, – осклабился барон. – Заколдовала меня одна... девка... Мать ее... Из мести.

– Наверно, ты не дал ей меха, – заметила Цири, сморщив нос. – На эту, ну... муфту.

– Была другая причина, – слегка покраснел Фрейксенет и грозно зыркнул на девочку. – А тебе-то какое дело, ты, малышня?

Цири состроила обиженную мину и отвернулась.

– Так, – откашлялся Фрейксенет. – На чем я... Ага, на том, как ты расколдовал меня в Хамме. Если бы не ты, Геральт, остался бы я бакланом до конца дней своих, летал бы вокруг озера и обрывал ветки, лстя себя надеждой, что меня спасет фуфайка из крапивного лыка, которую выткала моя сестренция с упорством, достойным лучшего применения. Черт, как вспомню ту фуфайку, так сразу охота кого-нибудь треснуть. Эта идиотка...

– Не надо так, – усмехнулся ведьмак. – У нее были самые лучшие намерения. Просто ее неверно проинформировали. Вот и все. О снятии заклятий кружит масса бессмысленных мифов. Тебе еще повезло, Фрей. Она могла велеть тебе нырнуть в кипящее молоко. Слышал я о таком случае. Одежда в виде фуфайки из крапивы не очень помогает, хотя, с другой стороны, и мало вредит здоровью.

– Ну, может, и правда. Может, я слишком много требую от нее. Элиза всегда была недалекой, с детства глупой и красивой, действительно чудный материал на жену какого-нибудь короля.

– Что такое чудный материал? – спросила Цири. – И почему на жену?

– Не лезь, шпань, я же сказал. Да, Геральт, повезло мне, что ты тогда объявился в Хамме. И что зятюшка-король согласился потратить парочку-другую дукатов, которых ты потребовал за то, чтобы снять заклятие.

– Знаешь, Фрей, – сказал Геральт, еще шире улыбаясь, – весть об этом разошлась широко!

– Истинная версия?

– Не совсем. Во-первых, тебе добавили десяток братьев.

– Надо же! – Барон приподнялся на локте, раскашлялся. – Стало быть, с Элизой вместе нас было двенадцать душ? Ну и идиотизм! Моя мамуля не была крольчихой.

– Это не все. Решили, что баклан малоромантичен.

– Оно и верно. Ничего в нем нет романтического. – Барон поморщился, ощупывая грудь, обвязанную лыком и кусками бересты. – Так во что я был заколдован, если верить рассказам?

– В лебедя. То есть в лебедей. Потому как вас было одиннадцать штук, не забывай.

– А чем, черт побери, лебедь романтичнее баклана?

– Не знаю.

– Я тоже не знаю. Но могу поспорить, что в рассказе именно Элиза сняла с меня чары при помощи ее жуткого мешка из крапивы.

– Выиграл. А что с Элизой?

– У нее чахотка, бедняжки. Долго не протянет.

– Печально.

– Печально, – равнодушно подтвердил Фрейксенет, глядя в сторону.

– Вернемся к чарам. – Геральт оперся спиной о стену из переплетенных, пружинящих ветвей.

– Рецидивов не бывает? Перья не растут?

– Слава богам, нет, – вздохнул экс-барон. – Все в порядке. Единственное, что у меня осталось от тех времен, так это любовь к рыбе. Нет для меня, Геральт, лучшей жратвы, чем рыба. Иногда я на заре отправляюсь к рыбакам на пристань, и пока они отыщут для меня что-нибудь благородное, я хапну одну-две горстки уклеек, прямо из садка, парочку пескарей, ельца или головля... Шик, не жратва.

– Он был бакланом, – медленно проговорила Цири, глядя на Геральта, – а ты его расколдовал. Ты умеешь колдовать?

– Ну ясно же, – сказал Фрейксенет, – умеет. Какой ведьмак не умеет?

– Ведь... Ведьмак?

– Ты не знала, что это ведьмак? Великий Геральт Рив? Хотя, верно, откуда тебе, такой малышке, знать, кто такой ведьмак? Теперь не то что прежде. Теперь ведьмаков мало, почти и не осталось. Вероятно, ты никогда в жизни не видела ведьмаков?

Цири медленно покачала головой, не спуская с Геральта глаз.

– Ведьмак, девочка, это... – Фрейксенет осекся и побледнел, видя входящую в шалаш Браэнн. – Нет, нет, не хочу! Не дам ничего себе вливать в горло, никогда, никогда больше! Геральт. Скажи ей!

– Успокойся.

Браэнн не удостоила Фрейксенета даже мимолетным взглядом. Сразу подошла к Цири, сидевшей на корточках рядом с ведьмаком.

– Пошли, – сказала она. – Пошли, малышня.

– Куда? – скривилась Цири. – Не пойду. Я хочу с Геральтом.

– Иди, – через силу улыбнулся ведьмак. – Поиграешь с Браэнн и молодыми дриадами. Они покажут тебе Дуен Канелль...

– Она не завязывала мне глаза, – очень медленно проговорила Цири. – Когда мы сюда шли, она не завязала мне глаза. Тебе завязала. Чтобы ты не мог сюда больше попасть, когда уйдешь. Это значит...

Геральт взглянул на Браэнн. Дриада пожала плечами, потом обняла и прижала к себе девочку.

– Это значит... – Голос Цири вдруг сломался. – Это значит, что я отсюда не уйду? Да?

– Никому не уйти от Предназначения.

Все повернули головы при звуке этого голоса. Тихого, но звучного, твердого, решительного. Голоса, требующего послушания, не признающего возражений. Браэнн поклонилась. Геральт опустил на одно колено.

– Госпожа Эитнэ...

Повелительница Брокилона была одета в просторное, легкое, светло-зеленое платье. Как большинство дриад, она была невысока и худощава, но гордо посаженная голова, лицо с серьезными, резкими чертами и решительный рот, казалось, делали ее выше и значительнее. Ее волосы и глаза были цвета расплавленного серебра.

Она вошла в шалаш в сопровождении двух молодых дриад, вооруженных луками. Молча кивнула Браэнн, и та тут же схватила Цири за руку и потянула к выходу, низко наклонив голову. Цири шагала напряженно и неловко, бледная, онемевшая. Когда она проходила мимо Эитнэ, серебряноволосая дриада быстрым движением взяла ее за подбородок, приподняла, долго глядела девочке в глаза. Геральт видел, что Цири дрожит.

– Иди, – наконец сказала Эитнэ. – Иди, дитя. Не бойся. Ты уже не можешь изменить своего Предназначения. Ты – в Брокилоне.

Цири послушно поплелась за Браэнн. На выходе повернулась. Ведьмак увидел, что у нее дрожат губы, а в зеленых глазах блестят слезы. Но не сказал ни слова. Продолжал стоять на колене, склонив голову.

– Встань, Гвинблейдд. Приветствую тебя.

– Приветствую тебя, Эитнэ, Повелительница Брокилона.

– Я снова имею удовольствие принимать тебя в моем Лесу. Хоть и являешься ты сюда без моего согласия и ведома. Входить в Брокилон без моего согласия рискованно, Белый Волк. Даже для тебя.

– Я прибыл в качестве посла.

– Ах... – слабо улыбнулась дриада. – Так вот откуда твоя смелость, которую я не хотела бы называть другим, не столь приятным словом. Геральт, неприкосновенность послов – обычай, принятый у людей. Я его не признаю. Я не признаю ничего человеческого. Все человеческое мне чуждо. Здесь – Брокилон.

– Эитнэ...

– Молчи, – прервала она, не повышая голоса. – Я приказала тебя отпустить. Ты выйдешь из Брокилона живым. Не потому, что ты посол. По другим причинам.

– Тебя не интересует, чей я посол? Откуда пришел, от чьего имени?

– Откровенно говоря, нет. Здесь Брокилон. Ты пришел извне, из мира, до которого мне нет дела. Чего ради мне терять время на выслушивание послов? Что мне любые предложения, любые ультиматумы, придуманные теми, кто мыслит и чувствует иначе, чем я? Какое мне дело, что думает король Вензлав?

Геральт удивленно покачал головой.

– Откуда ты знаешь, что я пришел от Вензлава?

– Это же ясно, – усмехнулась дриада. – Эккехард слишком глуп. Эрвилл и Вираксас чересчур сильно меня ненавидят. Владения других с Брокилоном не соприкасаются.

– Ты многое знаешь о том, что происходит вне Брокилона, Эитнэ.

– Я знаю очень много, Белый Волк. Это привилегия моего возраста. Теперь же, если позволишь, я хотела бы завершить одно дело. Тот мужчина с внешностью медведя, – дриада перестала улыбаться и взглянула на Фрейксенета, – твой друг?

– Мы знакомы. Когда-то я его расколдовал.

– Проблема в том, – холодно сказала Эитнэ, – что я не знаю, как с ним быть. Не могу же я сейчас приказать его добить. Я позволила бы ему выздороветь, но он создает опасность. На фанатика он не похож. Значит, охотник за скальпами. Я знаю, Эрвилл платит за каждый скальп дриады. Не помню сколько. Впрочем, цена возрастает пропорционально падению ценности денег.

– Ошибаешься. Он – не охотник за скальпами.

– Зачем же полез в Брокилон?

– Искать девочку, которую поручили его присмотру. Он рисковал жизнью, чтобы отыскать ее.

– Очень глупо, – холодно бросила Эитнэ. – Это даже трудно назвать риском. Он шел на верную смерть и жив только благодаря лошадиному здоровью и выносливости. Что же до ребенка, то она уцелела случайно. Мои девочки не стреляли, так как думали, что это пак или лепрекун.

Она снова взглянула на Фрейксенета, и Геральту показалось, что ее губы как бы помягчили.

– Ну хорошо. Отметим как-нибудь этот день.

Она подошла к подстилке из лапника. Сопровождавшие ее дриады приблизились тоже. Фрейксенет побледнел и съежился, хоть и не стал от этого меньше.

Эитнэ долго смотрела на него, слегка щуря глаза.

– У тебя дети есть? – спросила наконец. – Я с тобой говорю, дубина.

– А?

– Кажется, я выражаюсь ясно.

– Я не... – Фрейксенет отхаркнулся, закашлял. – Я не женат.

– Меня не интересует твоя семейная жизнь. Я хочу знать, в состоянии ли ты что-либо выскрести из своих ожиревших чресел. О Великое Древо! Ты хоть одну женщину сделал беременной?

– Э-э-э... Да... Да, госпожа, но...

Эитнэ небрежно махнула рукой и повернулась к Геральту.

– Он останется в Брокилоне. До полного выздоровления и еще некоторое время. Потом... Пусть идет куда хочет.

– Благодарю тебя, Эитнэ, – поклонился ведьмак. – А... девочка? Как с ней?

– Почему ты спрашиваешь? – Дриада взглянула на него своими холодными серебряными глазами. – Ты же знаешь.

– Она не обычная деревенская девочка. Она – княжна.

– Это не производит на меня впечатления. Никакой разницы.

– Послушай...

– Ни слова больше, Гвинблейдд.

Он замолчал, прикусив губу.

– Что с моей миссией?

– Я выслушаю тебя, – вздохнула дриада. – Нет, не из любопытства. Просто ради того, чтобы ты мог явиться к Вензлаву и получить плату, которую он тебе, вероятно, обещал за то, что ты доберешься до меня. Но не сейчас, сейчас я буду занята. Придешь вечером к моему Дереву.

Когда она вышла, Фрейксенет приподнялся на локте, застонал, кашлянул, плюнул на ладонь.

– О чем это она, Геральт? Почему я должен здесь оставаться? И что она имела в виду, когда говорила о детях? Во что ты меня впутал, а?

Ведьмак сел.

– Сохранишь голову, Фрейксенет, – сказал он утомленно. – Станешь одним из немногих, которые выбрались отсюда живыми, по крайней мере за последнее время. И станешь отцом маленькой дриады. Может, нескольких.

– Чего? Стать племенным производителем?

– Называй как хочешь. Выбор у тебя ограниченный.

– Понимаю, – буркнул барон и сладострастно улыбнулся. – Ну что ж, видывал я пленных, работающих на рудниках и копающих каналы. Из двух зол предпочитаю... Лишь бы сил достало. Их тут немало...

– Перестань глупо лыбиться, – поморщился Геральт. – Ишь размечтался. Пусть тебе не снятся почести, музыка, вино, опахала и рой влюбленных дриад. Будет одна, может, две. И никакого обожания. К этому они отнесутся вполне по-деловому. А к тебе самому – еще больше.

– Им это не доставляет удовольствия? Надеюсь, огорчения тоже?

– Не будь ребенком. В этом смысле они ничем не отличаются от женщин. Во всяком случае, физически.

– То есть?

– От тебя зависит, будет ли это для дриады радостью или же огорчением. Но интересовать ее будет только результат. Твоя особа – вопрос второстепенный. Не ожидай благодарности. Кстати, ни в коем случае не пытайся что-либо делать по собственной инициативе.

– Собственной... чего?

– Если после содеянного встретишь ее утром, – терпеливо объяснил ведьмак, – поклонись, но, черт побери, без улыбочек или подмигиваний. Дриады воспринимают это чрезвычайно серьезно. Если она улыбнется или подойдет сама, можешь с ней поболтать. Лучше всего о деревьях. А если не разбираешься в деревьях, то о погоде. Но ежели она прикинется, будто тебя не видит, держись подальше. От других дриад тоже. И не давай волю рукам. Дриады, которые не готовы, такие игры не воспринимают. Коснешься – и получишь ножом. Они не поймут твоих намерений.

– А ты, гляжу, в курсе их брачных обычаев, – усмехнулся Фрейксенет. – Случалось?

Ведьмак смолчал. У него перед глазами стояла красивая, стройная дриада, ее бесстыдная

улыбка. Vatt'ghern, bloede saerme. Ведьмак, надо же! Вот не повезло! Ты кого привела, Браэнн? К чему он нам? Никакой корысти от ведьмака...

– Геральт?

– Что?

– А княжна Цирилла?

– О княжне забудь. Из нее получится дриада. Через два-три года она всадит стрелу в глаз собственному брату, если тот попытается войти в Брокилон.

– Чертов зуб! – выругался Фрейксенет, поморщившись. – Эрвилл взъярится. Слушай, Геральт, а нельзя ли...

– Нельзя, – перебил Геральт. – Даже не пытайся. Из Дуен Канелль ты живым бы не вышел.

– Значит, девочка потеряна.

– Для вас – да. 6

Деревом Эитнэ был, конечно же, дуб. Точнее – три сросшихся комлями дуба, все еще зеленых, безо всяких признаков увядания, хотя Геральт определил их возраст лет в триста, не меньше. Внутри дубы были пустые, а дупло было размером с большую комнату, потолок которой конусом уходил вверх. Внутри дупло освещалось некоптящим светильником и было превращено в скромное, удобное, далеко не примитивное жилище.

Эитнэ стояла посреди комнаты на коленях на чем-то вроде волокнистого мата. Перед ней, прямая и неподвижная, словно окаменевшая, сидела на подогнутых ногах Цири, умытая и вылеченная от насморка, широко раскрывшая огромные зеленые глаза. Ведьмак обратил внимание на то, что ее личико теперь, когда с него сошла грязь и сбежала гримаса зловредного дьяволенка, оказалось довольно приятным.

Эитнэ медленно и заботливо расчесывала длинные волосы девочки.

– Входи, Гвинблейдд. Присаживайся.

Он сел, предварительно церемонно преклонив одно колено.

– Отдохнул? – спросила дриада, не глядя на него и продолжая расчесывать девочку. – Когда намерен отправиться в обратный путь? Как насчет завтрашнего утра?

– Как прикажешь, – холодно ответил он. – Достаточно одного твоего слова, Повелительница Брокилона, и я перестану раздражать тебя своим присутствием в Дуен Канелль.

– Геральт. – Эитнэ медленно повернула голову. – Не пойми меня превратно. Я тебя знаю и уважаю. Знаю, что ты ни разу не обидел ни дриады, ни русалки, ни сильфиды или нимфы, совсем наоборот, тебе случалось вставать на их защиту, спасать им жизнь. Но это ничего не меняет. Нас разделяет слишком многое. Мы принадлежим разным мирам. Я не хочу и не могу делать исключений. Ни для кого. Не стану спрашивать, понимаешь ли ты, поскольку знаю, что понимаешь. Я спрашиваю, одобряешь ли ты такое положение?

– А что это изменит?

– Ничего. Но я хочу знать.

– Одобряю. А как с ней? С Цири? Она тоже принадлежит иному миру.

Цири испуганно взглянула на него, потом подняла глаза на дриаду. Эитнэ улыбнулась.

– Теперь уже ненадолго.

– Прошу тебя, Эитнэ, подумай.

– О чем?

– Отдай ее мне. Пусть вернется. В мир, которому принадлежит.

– Нет, Белый Волк. – Дриада снова погрузила гребень в пепельные волосы девочки. – Не отдам. Кто-кто, а ты-то должен это понять.

– Я?

– Ты. И до Брокилона доходят вести извне. Вести о некоем ведьмаке, который за оказанные услуги порой требует странных клятв. «Дашь мне то, чего не ожидаешь застать дома». «Дашь мне то, что уже имеешь, но о чем не знаешь». Звучит знакомо? Ведь с некоторых пор вы таким образом пытаетесь направлять Предназначение, ищите мальчиков, которым судьбой показано стать вашими преемниками, хотите спасти себя от вымирания и забвения. От небытия. Почему же ты удивляешься мне? Я забочусь о судьбе дриад. Думаю, это справедливо? За каждую убитую людьми дриаду – одна ваша девочка.

– Задержав ее, ты вызовешь враждебность и стремление отомстить, Эитнэ. Всколыхнешь застарелую ненависть.

– В человеческой ненависти для меня нет ничего нового. Ничего, Геральт. Я не отдам ее. Тем более что она – здоровый ребенок. Последнее время такое случается нечасто.

– Нечасто?

Дриада уставилась на него своими огромными серебристыми глазами.

– Мне подбрасывают больных девочек. Дифтерия, скарлатина, крупозное воспаление легких, последнее время даже оспа. Думают, если у нас нет иммунитета, то эпидемия нас уничтожит или хотя бы уменьшит нашу численность. Разочаруй их, Геральт. У нас есть кое-что посерьезнее иммунитета. Брокилон заботится о своих детях.

Она замолчала, наклонилась и осторожно расчесала прядку спутавшихся волос Цири, помогая себе другой рукой.

– Могу я, – откашлялся ведьмак, – выполнить поручение, с которым меня прислал король Вензлав?

– А стоит ли тратить время? – подняла голову Эитнэ. – Зачем утруждать себя? Я и без того прекрасно знаю, чего хочет король Вензлав. Вовсе не надо быть пророком. Он хочет, чтобы я отдала Брокилон, вероятно, по самую речку Вду, которую, как известно, он считает, или же хочет считать, естественной межой между Бругге и Вердэном. Взамен, думаю, он пожертвует мне анклав, маленький и дикий закоулок леса. И, вероятно, гарантирует своим королевским словом и королевской опекой, что этот маленький и дикий закоулок, этот кусочек пуши, будет принадлежать мне во веки веков, и никто не осмелится там беспокоить дриад. Пообещает, что там дриады смогут жить в покое. Так, Геральт? Вензлав хочет покончить с тянущейся два столетия войной за Брокилон. И чтобы с ней покончить, дриады должны будут отдать то, за что борются и гибнут двести лет? Как просто – отдать! Отдать Брокилон?

Геральт молчал. Ему нечего было возразить. Дриада усмехнулась.

– Именно так звучит королевское послание, Гвинблейдд? А может, оно просто напрямую говорит: «Не задирай носа, лесное чудище, бестия из пуши, реликт прошлого, а послушай, чего желаем мы, король Вензлав. А мы желаем кедра, дуба и гикори, желаем красного дерева, тиса на луки и мачтовых сосен, потому что Брокилон у нас под самым боком, а мы вынуждены тащить деревья из-за гор. Мы желаем железа и меди, которые под землей. Желаем золота, которое лежит на Крааг Ане. Желаем рубить и пилить, и рыть землю, не опасаясь свиста стрел. И, самое главное, жаждем наконец стать королем, которому в королевстве принадлежит все. Мы не желаем терпеть в своих пределах какой-то Брокилон – лес, в который не можем войти. Такой лес раздражает нас, злит и сгоняет сон с вежд, потому что мы – люди, мы распоряжаемся этим миром. Мы можем, ежели захотим, допустить в наш мир нескольких эльфов, дриад или русалок. Если они не будут слишком нахальны. Подчинись нашей воле, Ведьма Брокилона. Или сгинь».

– Ты, Эитнэ, сама признала, что Вензлав не дурак и не фанатик. Ты наверняка знаешь, что он – король справедливый и стремящийся к миру. Его ужасает льющаяся здесь кровь...

– Пусть держится подальше от Брокилона, и тогда не прольется ни капли крови...

– Ты хорошо знаешь... – Геральт поднял голову, – хорошо знаешь, что все не так. Убивали людей в Выжигах, на Восьмой Версте, на Совиных Холмах. Людей убивали в Бругге, на левом берегу Ленточки. За пределами Брокилона.

– Названные места, – спокойно ответила дриада, – это Брокилон. Я не признаю ваших карт и границ.

– Но там вырубili лес сто лет назад!

– Что значат для Брокилона сто лет? И сто зим?

Геральт замолчал.

Дриада отложила гребень, погладила Цири по пепельным волосам.

– Согласись на предложение Вензлава, Эитнэ.

Дриада холодно взглянула на него.

– Что это нам даст? Нам, детям Брокилона?

– Возможность выжить. Нет, Эитнэ, не прерывай. Знаю, что ты хочешь сказать. Я понимаю, как гордишься ты тем, что Брокилон независим. Однако мир меняется. Что-то кончается. Хочешь ты того или нет, но человек овладевает миром. Выдерживают те, кто сживает с людьми. Другие погибают. Эитнэ, есть леса, где дриады, русалки и эльфы живут спокойно, в мире с людьми. Ведь мы так близки. Ведь люди могут быть отцами ваших детей. Что дает тебе твоя война? Потенциальные отцы ваших детей падают под вашими стрелами. А результат? У скольких дриад Брокилона чистая кровь? Сколько из них – похищенные, переделанные человеческие девочки? Даже Фрейксенетом ты вынуждена воспользоваться, потому что у тебя нет выбора. Что-то маловато я вижу здесь маленьких дриад, Эитнэ. Вижу только ее – человеческую девочку, испуганную и отупевшую от наркотиков, парализованную страхом...

– И вовсе я не боюсь! – вдруг крикнула Цири, на мгновение снова превращаясь в маленького дьяволенка. – И не отупела я нисколечко! И не думай! Со мной тут ничего не может случиться! Вот еще! Я не боюсь! Моя бабушка говорит, что дриады не злые, а моя бабушка – самая умная бабушка в мире! Моя бабушка... Моя бабушка говорит, что должно быть больше таких лесов, как этот...

Она замолчала и опустила голову. Эитнэ засмеялась.

– Дитя Старшей Крови, – сказала она. – Да, Геральт. Все еще рождаются в мире Дети Старшей Крови, о которых говорят пророчества. А ты утверждаешь, будто что-то кончается... Сомневаешься в том, что мы выживем...

– Девчонка должна была выйти за Кистрина из Вердэна, – прервал Геральт. – Жаль, что не выйдет. Кистрин когда-нибудь унаследует правление после Эрвилла и под влиянием жены с такими взглядами, может, прекратил бы рейды против Брокилона?

– Не хочу я твоего Кистрина! – тонко взвизгнула девочка, и в ее зеленых глазах что-то сверкнуло. – Пусть твой Кистрин найдет себе красивый и глупый материал! Я никакой не материал! И не буду я никакой княгиней!

– Тише, Дитя Старшей Крови. – Дриада прижала к себе Цири. – Не кричи. Ну конечно, ты не станешь княгиней...

– Конечно, – кисло вставил ведьмак. – И ты, Эитнэ, и я отлично знаем, кем она будет. Я вижу, это уже решено. Что делать. Так какой ответ я должен отнести королю Вензлаву, Повелительница Брокилона?

– Никакого.

– Что значит «никакого»?

– Никакого. Он поймет. Давно, уже очень давно, когда Вензлава еще не было на свете, к Брокилону подъезжали гарольды, трубили рога и трубы, сверкали латы, развевались знамена и хоругви. «Покорись, Брокилон! – кричали гарольды. – Король Козизуб, Владыка Лысой Горки и Мокрого Луга, требует, чтобы ты покорился, Брокилон!» А ответ Брокилона был всегда одинаков. Когда ты покинешь мой лес, Гвинблейдд, обернись и послушай. В шуме листвы ты услышишь ответ Брокилона. Передай его Вензлаву и добавь, что другого не будет, пока стоят дубы в Дуен Канелль. Пока здесь растет хоть одно дерево и живет хоть одна дриада.

Геральт молчал.

– Ты говоришь – что-то кончается, – медленно продолжала Эитнэ. – Неправда. Есть вещи, которые никогда не кончаются. Ты говоришь о выживании? Я борюсь за выживание. Потому что Брокилон жив благодаря моей борьбе, ибо деревья живут дольше людей, только надо защищать их от ваших топоров. Ты говоришь мне о королях и князьях. Кто они? Те, которых я знаю, это белые скелеты в некрополях Крааг Ана, там, в глубине леса. В мраморных саркофагах, на кучах золотого металла и блестящих камушков. А Брокилон жив, деревья шумят над руинами дворцов, корни разрывают мрамор. А Брокилон жив. Помнит ли твой Вензлав, кем были те короли? Помнишь ли ты, Гвинблейдд? А если нет, то как можешь утверждать, будто что-то кончается? Откуда знаешь, кому предназначена гибель, а кому вечность? Что дает тебе право говорить о Предназначении? Ты хотя бы знаешь, что такое Предназначение?

– Нет, – согласился он. – Не знаю. Но...

– Если не знаешь, – прервала она, – то никакое «но» уже не поможет. Ты не знаешь. Просто: не знаешь.

Она замолчала, коснулась рукой лба, отвернулась.

– Когда много лет назад ты был здесь впервые, – снова заговорила она, – ты тоже не знал. А Моренн... Моя дочь... Геральт, Моренн мертва. Она погибла на Ленточке, защищая Брокилон. Я не узнала ее, когда ее принесли. Лицо было разmozжено копытами ваших лошадей.

Предназначение? И сегодня ты, ведьмак, который не мог дать Моренн ребенка, приводишь ее ко мне, Дитя Старшей Крови. Девочку, которая знает, что такое Предназначение. Нет, это не то знание, которое нравилось бы тебе, которое ты мог бы принять. Она попросту верит. Повтори, Цири, повтори то, что ты сказала мне, прежде чем вошел этот ведьмак, Геральт из Ривии, Белый Волк. Ведьмак, который не знает. Повтори, Дитя Старшей Крови.

– Уважаем... Благородная госпожа, – проговорила Цири ломающимся голосом. – Не задерживай меня здесь. Я не могу... Я хочу... домой. Я хочу вернуться домой с Геральтом. Я должна... С ним...

– Почему с ним?

– Потому что он... Он – мое Предназначение.

Эитнэ повернулась. Она была очень бледна.

– И что ты скажешь, Геральт?

Он не ответил, Эитнэ хлопнула в ладоши. В дупло дуба, словно дух из царящей снаружи ночи, вошла Браэнн, неся обеими руками огромный серебряный кубок. Медальон на шее ведьмака начал быстро и ритмично дрожать.

– И что ты скажешь, Геральт? – повторила сереброволосая дриада, вставая. – Она не хочет оставаться в Брокилоне! Она не желает быть дриадой! Она не хочет заменить мне Моренн, хочет уйти, уйти за своим Предназначением! Так, Дитя Старшей Крови? Ты именно этого хочешь?

Цири, не поднимая головы, кивнула. Ее плечи задрожали. Ведьмак не выдержал.

– Зачем ты издеваешься над ребенком, Эитнэ? Ведь через минуту ты дашь ей отпить Воды Брокилона, и ее желание перестанет что-либо значить. Зачем ты это делаешь? В моем присутствии?

– Хочу показать, что такое Предназначение. Доказать тебе, что ничто не кончается, а только еще начинается.

– Нет, Эитнэ, – сказал Геральт, вставая. – Прости, но я не намерен смотреть. Ты зашла дальше, чем следовало, Повелительница Брокилона, намереваясь подчеркнуть пропасть, разделяющую нас. Вы, Старший Народ, любите повторять, что вам-де чужда ненависть, что это чувство присуще исключительно людям. Неправда. Вы знаете, что такое ненависть, и умеете ненавидеть, только проявляете это немного иначе, мудрее и не так бурно. Но, возможно, потому и более жестоко. Я принимаю твою ненависть, Эитнэ, от имени всех людей. Я заслужил ее. Меня огорчила судьба Моренн.

Дриада не ответила.

– И это – ответ Брокилона, который я должен передать Вензлаву из Бругге, верно? Предостережение и вызов? Зримое доказательство дремлющей меж ваших Древ Ненависти и Силы, по воле которых через минуту человеческое дитя выпьет стирающий память яд, приняв его из рук другого человеческого ребенка, психику и память которого вы уже изменили? И такой ответ должен отнести Вензлаву ведьмак, который знает и любит обоих детей? Ведьмак виновен в смерти твоей дочери? Хорошо, Эитнэ, будь по-твоему. Вензлав услышит твой ответ, услышит мой голос, увидит мои глаза и все по ним прочтет. Но глядеть на то, что здесь сейчас произойдет, я не обязан. И не желаю.

Эитнэ продолжала молчать.

– Прощай, Цири. – Геральт опустился на колени, прижал к себе девочку. Плечи Цири задрожали еще сильнее. – Не плачь. Ты же знаешь, что ничего дурного с тобой здесь случиться не может.

Цири хлюпнула носом. Ведьмак встал.

– Прощай, Браэнн, – бросил он младшей из дриад. – Будь здорова и береги себя. Выживи, Браэнн, живи так же долго, как и твое дерево. Как Брокилон. И вот еще что...

– Да, Гвинблейдд? – Браэнн подняла голову, и в ее глазах что-то влажно блеснуло.

– Легко убивать из лука, девочка. Так легко спустить тетиву и думать: мол, это не я, не я, а стрела. На моих руках нет крови того мальчика. Его убила стрела, а не я. Но стреле ничего не снится по ночам. Пусть и тебе ничего не снится по ночам, голубоглазая дриада. Прощай, Браэнн.

– Мона... – невнятно произнесла Браэнн. Кубок, который она держала в руках, дрожал, по переполняющей его прозрачной жидкости шла рябь.

– Что?

– Мона, – простионала она. – Я – Мона. Госпожа Эитнэ! Я...

– Довольно! – резко бросила Эитнэ. – Довольно! Держи себя в руках, Браэнн.

Геральт сухо засмеялся.

– Вот оно, твое Предназначение, Лесная Госпожа. Я уважаю твое упорство и твою борьбу. Но знаю, скоро ты будешь бороться одна. Последняя дриада Брокилона, посылающая на смерть девочек, которые помнят свои настоящие имена. И все-таки я желаю тебе счастья, Эитнэ. Прощай.

– Геральт, – шепнула Цири, по-прежнему сидя неподвижно с опущенной головой. – Не оставляй меня... одну...

– Белый Волк, – сказала Эитнэ, обнимая ссутулившиеся плечи девочки. – Тебе обязательно надо было ждать, пока она попросит? Попросит, чтобы ты оставался с ней до конца? Почему ты бросаешь ее в такой момент? Оставляешь одну? Куда ты собираешься бежать, Гвинблейдд? И от чего?

Цири еще больше наклонила голову. Но не расплакалась.

– До конца, – кивнул ведьмак. – Хорошо, Цири. Ты не будешь одинока. Я буду с тобой. Не бойся ничего.

Эитнэ взяла кубок из дрожащих рук Браэнн, подняла его.

– Ты умеешь читать Старшие Руны, Белый Волк?

– Умею.

– Прочти, что выгравировано на кубке. Это кубок из Крааг Ана. Из него пили короли, которых уже никто не помнит.

– Duettaeann aef cirran Caerme Glaeddyv. Yn a esseath.

– Знаешь, что это означает?

– «У Меча Предназначения два острия... Одно из них – ты».

– Встань, Дитя Старшей Крови. – В голосе дриады сталью прозвенел приказ, который нельзя было не выполнить, воля, которой нельзя было не подчиниться. – Пей. Это Вода Брокилона.

Геральт закусил губу, глядя в серебристые глаза Эитнэ. Он не смотрел на Цири, медленно подносящую губы к краю кубка. Он уже видел это когда-то, давно. Конвульсии, судороги, невероятный, ужасающий, медленно угасающий крик. И пустота, мертвенность и апатия в медленно открывающихся глазах. Он это уже видел.

Цири пила. По неподвижному лицу Браэнн скатилась слеза.

– Достаточно. – Эитнэ отобрала у нее кубок, поставила на пол, обеими руками погладила волосы девочки, падающие на плечи пепельными волнами.

– Дитя Старшей Крови, – сказала она. – Выбирай. Хочешь ли ты остаться в Брокилоне или же последовать за своим Предназначением?

Ведьмак недоверчиво покачал головой. Цири дышала немного быстрее, на щеках появился румянец. И ничего больше. Ничего.

– Я хочу последовать за моим Предназначением, – сказала она звучно, глядя в глаза дриаде.

– Да будет так, – произнесла Эитнэ, отворачиваясь. – Уходите.

Браэнн схватила Цири, коснулась плеча Геральта, но ведьмак отстранился.

– Благодарю тебя, Эитнэ, – сказал он.

Дриада мгновенно повернулась.

– За что?

– За Предназначение, – улыбнулся он. – За твое решение. Это ведь не была Вода Брокилона, верно? Цири должна была вернуться домой. И ты, Эитнэ, сыграла роль Предназначения. За это я тебя благодарю.

– Как мало ты знаешь о Предназначении, – горько проговорила дриада. – Как мало ты знаешь, ведьмак. Как мало ты видишь. Как мало ты понимаешь. Благодарить меня? Благодарить за ту роль, которую я сыграла? За базарное представление? За фокус, за обман, за мистификацию? За то, что Меч Предназначения был, как ты думаешь, изготовлен из дерева, покрытого позолотой? Продолжай. Не благодари, а разоблачи меня. Поставь на своем. Докажи, что прав ты. Брось мне в лицо твою правду, покажи, как торжествует трезвая, человеческая правда, здравый рассудок, которые, по вашему разумению, помогают вам завоевывать мир. Вот Вода Брокилона, еще немного осталось. Ты отважишься? Завоеватель мира?

Геральт, хоть и был возбужден ее словами, колебался только мгновение. Вода Брокилона, даже самая подлинная, не могла повлиять на него, против содержащихся в ней токсинов, галлюциногенных танинов он был полностью иммунизирован. Но ведь это не могла быть Вода Брокилона, Цири пила ее, и с ней ничего не случилось. Он взял кубок обеими руками, глянул в серебряные глаза дриады.

Земля моментально ушла у него из-под ног и обрушилась ему на спину. Гигантский дуб закружился и задрожал. С трудом водя кругом немеющими руками, он открыл глаза, и это было так, словно он поднимал мраморную плиту саркофага. Увидел перед собой маленькое личико Браэнн, а за ним блестящие ртутью глаза Эитнэ. И еще другие глаза, зеленые, как

изумруды. Нет, более светлые. Как весенняя травка. Медальон на его шее раздражал, вибрировал.

– Гвинблейдд, – услышал он, – смотри внимательно, не закрывай глаза, это тебе не поможет. Смотри, смотри на твое Предназначение.

– Ты помнишь?

Неожиданная, разрывающая завесу дыма вспышка света, огромные, тяжелые от свечей канделябры, истекающие фестонами воска. Каменные стены, крутые ступени. Спускающаяся по ступеням зеленоглазая пепельноволосая девушка в диадемке с искусно вырезанной геммой, в серебристо-голубом платье со шлейфом, поддерживаемым пажом в пунцовой курточке.

–

Ты помнишь?

Его голос, говорящий... Говорящий...

– Я вернусь сюда через шесть лет...

Беседка, тепло, аромат цветов, натужное монотонное гудение пчел. Он один, на коленях, подающий розу женщине с пепельными волосами, локонами выбивающимися из-под узенькой золотой дужки. На пальцах руки, берущей у него розу, перстни с изумрудами, огромные, зеленые кабошоны.

– Возвращайся, – говорит женщина. – Возвращайся, если изменишь мнение. Твое Предназначение будет ждать.

«Я так и не возвратился, – подумал он. – Никогда туда не возвратился. Я никогда не возвратился в...»

Куда?

Пепельные волосы. Зеленые глаза.

Снова ее голос, в темноте, во мраке, в котором гинет все. Есть только огни, огни по самый горизонт. Туман искр в пурпурном дыме. Беллетэйн! Майская ночь! Из клубов дыма смотрят темные фиолетовые глаза, горящие на бледном треугольном лице, заслоненном черной бурей локонов.

Йеннифэр!

– Слишком мало. – Узкие губы видения, неожиданно искривившиеся, по бледной щеке катится слеза, быстро, все быстрее, как капля воска по свече. – Слишком мало. Нужно нечто большее.

– Йеннифэр!

– Тщета за тщету, – говорит видение голосом Эитнэ. – Тщета и пустота, которая в тебе, завоеватель мира, не умеющий даже завоевать женщину, которую любишь. Уходящий и сбегающий, когда его Предназначение находится на расстоянии вытянутой руки. У Меча Предназначения два острия. Одно – это ты. А второе? Белый Волк? Что – второе?

–

Нет Предназначения, – его собственный голос. –

Нет. Его нет. Оно не существует. Единственное, что предназначено всем, – это смерть.

– Правда, – говорит женщина с пепельными волосами и загадочной улыбкой. – Это правда, Геральт.

На женщине серебристые латы, окровавленные, погнутые, продырявленные остриями пик или алебард. Кровь тонкой струйкой течет из уголка загадочно и некрасиво улыбающихся губ.

– Ты смеешься над Предназначением, – говорит она, не переставая улыбаться. – Насмехаешься над ним, играешь с ним. У Меча Предназначения два острия. Одно из них – ты. Другое – смерть? Но это умираем мы, умираем из-за тебя. Тебя смерть не может достать, поэтому довольствуется нами. Смерть следует за тобой по пятам, Белый Волк. Но умирают другие. Из-за тебя. Ты меня помнишь?

– Ка... Калантэ!

– Ты, Дитя Старшей Крови, можешь его спасти. – Голос Эитнэ из-за занавеса дыма. – Ты можешь его спасти. Прежде чем он погрузится в так полюбившееся ему небытие. В черный бесконечный лес.

Глаза зеленые, как весенняя трава. Прикосновение. Голоса, кричащие невнятным хором. Лица.

Он уже не видел ничего, летел в пропасть, в пустоту, во тьму. Последнее, что он услышал, был голос Эитнэ:

– Да будет так. 7

– Геральт! Проснись! Пожалуйста, проснись! Геральт!

Он открыл глаза, увидел солнце, золотой дукат с четкими краями, наверху, над вершинами деревьев, за мутной завесой утреннего тумана. Он лежал на мокром губчатом мхе, твердый корень упирался в спину.

Цири – рядом, на коленях, дергала его за полу куртки.

– Дьявольщина... – Он откашлялся, осмотрелся. – Где я? Как сюда попал?

– Не знаю, – сказала девочка. – Я только что проснулась, здесь, рядом с тобой, я ужасненько замерзла. Не помню как... Знаешь что? Это чары!

– Вероятно, ты права. – Он сел, выгребая сосновые иглы из-за воротника. – Вероятно, ты права, Цири. Вода Брокилона, черт побери... Похоже, дриады недурно позабавились.

Он встал, поднял лежащий рядом меч, перекинул ремень через плечо.

– Цири?

– А?

– Ты тоже позабавилась?

– Я?

– Ты дочь Паветты, внучка Калантэ из Цинтры. Ты с самого начала знала, кто я такой?

– Нет, – покраснела она. – Не с самого. Ты расколдовал моего папу, правда?

– Неправда, – покрутил он головой. – Это сделала твоя мама. И твоя бабка. Я только помог.

– Но няня говорила... Говорила, что я предназначена. Что я – Неожданность.
Дитя-Неожданность. Геральт?

– Цири. – Он поглядел на нее, вертя головой и улыбаясь. – Поверь, ты самая большая нежданность, какая могла со мной приключиться.

– Ха! – Лицо девочки просветлело. – Это правда? Я предназначена! Няня говорила, что придет ведьмак, у которого белые волосы, и заберет меня. А бабушка шумела... Ах, да что там! Куда ты меня заберешь? Скажи?

– Домой. В Цинтру.

– А-а-а... А я-то думала...

– Додумаешь по дороге. Пошли, Цири, надо выйти из Брокилона. Здесь опасное место.

– Я не боюсь!

– А я боюсь.

– Бабушка говорила, что ведьмаки ничего не боятся.

– Бабушка сильно преувеличивает. Ну, в путь, Цири. Если б я еще знал, где мы...

Он взглянул на солнце.

– Ну, рискнем... Пойдем туда.

– Нет. – Цири сморщила нос и указала в противоположную сторону. – Туда.

– А ты-то откуда знаешь?

– Знаю, – пожала она плечами и взглянула на него беззащитными, удивленными, изумрудными глазами. – Как-то так... Ну, понимаешь... Не знаю...

«Дочь Павеиты, – подумал он. – Ребенок... Дитя Старшей Крови? Возможно, унаследовала что-то от матери».

– Цири. – Он распахнул рубашку, вытянул медальон. – Дотронься до него.

– Ой! – Она раскрыла рот. – Какой страшный волк. И клыки... Ого-го!

– Прикоснись.

– Ой-ей!

Ведьмак улыбнулся. Он тоже почувствовал дрожание медальона, резкую волну, пробежавшую по серебряной цепочке.

– Он пошевелился, – вздохнула Цири. – Пошевелился!

– Знаю. Идем, Цири. Веди.

– Это чары, правда?

– Конечно.

Все было так, как он ожидал. Девочка чувствовала направление. Каким образом, неведомо. Но быстро, быстрее, чем он думал, они вышли на дорогу, на трехлучевой развилок. Здесь была граница Брокилона – во всяком случае, так считали люди. Эитнэ, насколько он помнил, этого не признавала.

Цири прикусила губы, сморщила нос, заколебалась, глядя на развилку, на песчаные разбитые дороги, изрытые копытами и колесами телег. Но Геральт уже знал, где находится, ему не надо было, да он и не хотел, доверяться ее сомнительным способностям. И направился по дороге, ведущей на восток, к Бругге. Цири, все еще морщась, оглянулась на западную дорогу.

– Она ведет к замку Настрог, – съехидничал он. – Тоскуешь по Кистрину?

Девочка пробурчала что-то в ответ и послушно пошла за ним. Но оглядывалась еще не раз.

– В чем дело, Цири?

– Не знаю, – шепнула она. – Но это скверная дорога, Геральт.

– Почему? Мы идем в Бругге к королю Вензлаву, который живет в прекрасном дворце. Отмоемся в баньке, выпьемся на кровати с периной...

– Это скверная дорога, – повторила она. – Скверная. Плохая.

– Точно. Мне доводилось видывать и получше. Перестань крутить носом. Идем, быстро.

Они миновали закрытый кустами поворот. И оказалось, что Цири была права.

Их окружили быстро, со всех сторон. Люди в остроконечных шлемах, кольчугах и темно-синих накидках с черно-золотыми клеточками Вердэна на груди. Их окружили, но ни один не приблизился, не притронулся к оружию.

– Куда и откудова? – пролаял кряжистый тип в потертой зеленой одежде, встав перед Геральтом на широко расставленных тумбообразных ногах. Лицо у него было темное и изборожденное морщинами, словно высушенная слива. Лук и белоперистые стрелы торчали высоко над головой из-за спины.

– Из Выжиг, – гладко соврал ведьмак, стискивая ручку Цири. – Возвращаемся к себе в Бругге. А что?

– Королевская служба, – вежливо сказал темнолицый, словно только сейчас заметил меч на спине Геральта. – Мы...

– Давай его сюды, Йунгханс! – крикнул один из тех, что стояли на дороге дальше. Солдаты расступились.

– Не смотри, Цири, – быстро сказал Геральт. – Отвернись. Не смотри.

На дороге лежало поваленное дерево, перекрывающее проезд путаницей ветвей. Надрубленная и сломанная часть ствола белела в придорожных кустах длинными стрелами щепок. Перед деревом стояла телега, накрытая полотном, прикрывающим груз. Маленькие косматые лошади лежали на земле, запутавшись в дышлах и вожжах, утыканные стрелами, щеря желтые зубы. Одна еще была жива, тяжело хрипела, дергалась.

Были там и люди, валяющиеся в темных пятнах впитавшейся в песок крови, свешивающиеся с края телеги, скорчившиеся у колес.

Из-за спин столпившихся вокруг воза вооруженных людей вышли двое, потом прибавился третий. Остальные – их было около десятка – стояли неподвижно, держа коней.

– Что тут произошло? – спросил ведьмак, вставая так, чтобы заслонить от Цири сцену бойни.

Косоглазый мужчина в короткой кольчуге и сапогах изучающе взглянул на него, потер щетинистый подбородок. На левом предплечье у него был вытертый и блестящий кожаный манжет, какими пользовались лучники.

– Нападение, – сказал он коротко. – Духобабы перебили. Мы тут следствие ведем.

– Дриады напали на купцов?

– Сам видишь, – указал рукой косоглазый. – Утыканы стрелами, словно ежи. На тракте! Эти лесные ведьмы становятся все наглее. Уже не только в лес не можно зайти, уж и дорогой вдоль леса нельзя.

– А вы, – прищурился ведьмак, – кто такие?

– Эрвиллова дружина. Из настрогских. У барона Фрейксенета служили. Но барон пал в Брокилоне.

Цири раскрыла было рот, но Геральт сильно сжал ей руку.

– Кровь за кровь, говорю! – загремел спутник косоглазого, гигант в украшенном латунью кафтане. – Кровь за кровь! Этого так оставить нельзя! Сначала Фрейксенет и похищенная княжна из Цинтры, теперь вот купцы. О боги, месть, месть – говорю! Потому как ежели нет, то увидите – завтра-послезавтра они начнут убивать людей на порогах собственных домов!

– Брик верно говорит, – сказал косоглазый. – Верно? А ты, брат, откуда?

– Из Бругге, – снова солгал ведьмак.

– А маленькая? Дочка?

– Дочка. – Геральт снова сжал ручку Цири.

– Из Бругге, – нахмурился Брик. – Ну так я тебе скажу, что энто твой король, Вензлав, потворствует чудищам. Не хочет с нашим Эрвиллом стакнуться и с Виаксасом из Керака. А ежели б с трех-то сторон да на Брокилон рушить, мы б вконец выбили энту мерзость...

– Почему случилась бойня? – медленно спросил Геральт. – Кто-нибудь знает? Выжил кто из купцов?

– Свидетелев нет, – сказал косоглазый. – Но мы-то знаем, что случилось. Йунгханс, лесничий, читает по следам как по книге. Скажи ему, Йунгханс.

– Ну чего ж, – сказал тот, со сморщенным лицом. – Было оно так: ехали купцы трактом. Наткнулись на засеку. Видите, господин, поперек дороги поваленная сосна, недавно срубленная. В чаще есть следы, хотите осмотреть? Ну а когда купцы остановились, чтобы дерево отбросить, их и расстреляли в один миг. Оттедова, из зарослев, где вона та кривая береза. И тама следы есть. А стрелы, брат, все духобаб лесных работа, перья приклеены смолой, наконечники прикручены лыком...

– Вижу, – прервал ведьмак, глядя на убитых. – Некоторые, сдается, выжили, так тех дриады ножами по горлу... Ножами...

Из-за стоявших перед ним солдат выдвинулся еще один – худой и невысокий, в лосином

кафтани. У него были черные, очень коротко остриженные волосы, синие, гладко выбритые щеки. Ведьмаку достаточно было одного взгляда на маленькие узкие ладони в коротких черных перчатках, бледные рыбы глаза, на меч и рукояти кинжалов, торчащих из-за пояса и из голенища левого сапога. Геральт видел достаточно много убийц, чтобы не распознать еще одного.

– Быстрый у тебя глаз, – очень медленно сказал черный, – ты и впрямь много видишь.

– И это славно, – проговорил косоглазый. – Что увидел, пусть королю своему передаст, Вензлав вечно клянется, что не позволит духобаб убивать, потому как они, вишь ты, милые и добрые. Наверняка похаживает к ним майской порой и трахает поманеньку. Потому-то они, может, и добрые. А вот мы сами и проверим, ежели какую живцом возьмем.

– А хоть бы и полуживцом, – захохотал Брик. – Ну, мать вашу, где тот друид? Уж скоро полдень, а его ни следа. Двигаться пора.

– Что собираетесь делать? – спросил Геральт, не отпуская руки Цири.

– А тебе-то какое дело? – прошипел черный.

– Ну что уж ты сразу так-то, Левек, – неприятно усмехнулся косоглазый. – Мы люди порядочные, секретов не держим. Эрвилл присылает нам друида, знаменитого магика, который даже с деревьями ухитряется разговаривать. Он проводит нас в лес отомстить за Фрейксенета, попытаться отбить княжну. Это тебе не кукиш с маслом, брат, а карательная эск... экс...

– Экспедиция, – подсказал чернявый.

Левек.

– Ну да. Прямо договорить не дал. А ты, братец, давай двигай, куда шел. Потому как тут может быть здорово горячо.

– Да-а-а уж, – протянул Левек, глядя на Цири. – Опасно тут, особенно с девчонкой. Духобабы только и ждут такую заграбастать. Как, малышня? Мама дома ждет?

Цири, вздрогнув, кивнула.

– Скверно, – продолжал чернявый, не спуская с нее глаз, – если не дождется. Небось помчится к королю Вензлаву: «Ты вона потворствуешь дриадам, король, и вот, изволь, моя дочка и мой муж – на твоей совести». Кто знает, может, Вензлав тогда заново обдумает свой союз с Эрвиллом?

– Прекратите, господин Левек, – буркнул Йунгханс, и его сморщенная физиономия сморщилась еще больше. – Пусть идут.

– Ну бывай, маленькая. – Левек протянул руку, погладил Цири по голове. Цири вздрогнула и попятилась.

– Ты что? Боишься?

– У тебя кровь на руке, – тихо сказал ведьмак.

– Да? – Левек поднял руку. – Верно. Их кровь. Купцов. Я проверял, не уцелел ли кто. Увы, духобабы стреляют метко.

– Духобабы? – дрожащим голосом проговорила Цири, не отвечая на знак ведьмака. – Ах,

благородный рыцарь, вы ошибаетесь. Это не могли быть дриады!

– Что там этот клоп пищит? – прищурил блеклые глаза чернявый.

Геральт кинул взгляд направо, оценив расстояние.

– Это не дриады, – повторила Цири. – Ясно же!

– Чего?

– Ну, дерево... Оно же срублено! Топором! А дриады никогда не срубили бы дерева, правда?

– Правда, – сказал Левек и глянул на косоглазого. – Ишь какая смышленная девчонка. Слишком уж мудра.

Ведьмак уже раньше заметил, как узкая рука в перчатке, словно черный паук, ползет к рукояти кинжала. Хотя Левек смотрел на Цири, Геральт знал, что удар будет направлен в него. Он подождал, пока Левек коснется оружия и косоглазый затаит дыхание.

Три движения. Только три. Покрытое серебряными набивками предплечье садануло чернявого в висок. Прежде чем он упал, ведьмак уже оказался между Йунгхансом и косоглазым, а меч, с шипением выскочивший из ножен, завыл в воздухе, разрубая висок Брика, гиганта в украшенном латунью кафтане.

– Беги, Цири!

Косоглазый, выхватывая меч, прыгнул, но опоздал. Ведьмак рубанул его поперек груди, наискось, сверху вниз, и тут же, используя энергию удара, снизу вверх, с колен, разделав солдата в кровавый «Х».

– Парни! – рявкнул Йунгханс остальным, окаменевшим от ужаса. – Ко мне!

Цири подбежала к кривому буку и белочкой шмыгнула наверх по веткам, исчезнув в листве. Лесничий послал ей вслед стрелу, но промахнулся. Остальные бежали, рассыпавшись полукругом, выхватывая луки и стрелы. Геральт, все еще на коленях, сложил пальцы знаком Аард и ударил не в лучников – они были далеко, а в песчаную дорогу перед ними, засыпав их пылью.

Йунгханс отскочил, ловко вытянул из колчана вторую стрелу.

– Нет! – взвизгнул Левек, вскакивая с земли с мечом в правой и кинжалом в левой руке. – Оставь его, Йунгханс!

Ведьмак медленно повернулся.

– Он мой, – сказал Левек, трясая головой и отирая предплечьем щеку и рот. – Только мой!

Геральт, наклонившись, двинулся полукругом, но Левек не кружил, наскочил сразу, в два прыжка.

«Хорош», – подумал ведьмак, с трудом отбив меч убийцы коротким вращением своего меча, одновременно полуоборотом уходя от удара кинжалом. Он умышленно не ответил, отскочил, рассчитывая на то, что Левек попытается достать его длинным ударом и потеряет равновесие. Но убийца не был новичком. Он сгорбился и тоже пошел полукругом мягкими, кошачьими шагами. Неожиданно прыгнул, закрутил мечом, завертел, сокращая расстояние. Ведьмак не пошел навстречу, ограничившись быстрым верхним финтом, который принудил убийцу отскочить. Левек сгорбился, спрятав руку с кинжалом за спину. Ведьмак и на этот раз

не напал, не сократил дистанцию, снова пошел полукругом, обходя его.

– Лады, – процедил Левек, выпрямляясь. – Продолжим наши игры? Почему бы и нет? Хорошая игра никогда не надоедает!

Он прыгнул, закружил, ударил раз, другой, третий в быстром темпе – верхний удар мечом и тут же слева плоский косой удар кинжалом. Ведьмак не сбивал ритма – парировал, отскакивая, и снова шел полукругом, принуждая убийцу крутиться. Левек неожиданно попятился и тоже пошел полукругом, но в противоположном направлении.

– У каждой игры, – прошипел он сквозь стиснутые зубы, – должен быть свой конец. Что скажешь об одном ударе, ловкач? Один удар, а потом мы уберем с дерева твоего выродка. Как ты на это смотришь?

Геральт видел, что Левек наблюдает за своей тенью, ждет, когда она коснется противника, показав, что тому солнце бьет в глаза. Он перестал кружить, чтобы облегчить убийце задачу.

И превратил зрачки в вертикальные щелочки, два узеньких штришка. При этом слегка сморщился, прикидываясь, будто ослеплен.

Левек прыгнул, закружил, отставив руку с кинжалом вбок, чтобы сохранить равновесие, ударил, невероятно, казалось, изогнув кисть, снизу, целясь в промежность.

Геральт рванулся вперед, развернулся, отбил удар, выгнув руку и кисть так же невероятно, откинул убийцу силой броска тела и хлестнул его концом клинка по левой щеке. Левек сжался, упал на колени, согнулся и зарылся лицом в песок.

Геральт медленно обернулся к Йунгхансу. Тот, искривив лицо в отвратительной гримасе, прицелился из лука. Ведьмак наклонился, схватил меч обеими руками. Солдаты тоже подняли луки. Стояла глухая тишина.

– Чего ждете? Бейте! Бейте в не... – рявкнул лесничий и тут же споткнулся, закачался, сделав несколько шагов, и упал лицом вниз, в шее у него торчала стрела. На стреле были полосатые перья из маховых перьев фазанихи, раскрашенные желтым в отваре из коры.

Стрелы летели со свистом по длинным плоским параболам со стороны черной стены леса. Они летели, казалось, медленно и спокойно, шумя перьями, и чудилось, что набирают скорость и силу, только ударяя в цель. А били они безошибочно, кося настрогских наемников, валя их в песок дороги, бессильных, срезанных, словно подсолнухи, по которым ударили палкой.

Выжившие, расталкивая друг друга, кинулись к лошадям. Стрелы продолжали свистеть, догоняя их на бегу, настигая в седлах. Только трем удалось пустить коней галопом и умчаться, вереща, кровавая им шпорами бока. Но и эти не ушли далеко.

Лес замкнулся, заблокировал дорогу. Уже нигде не было видно купающегося в солнце песчанистого тракта. Была плотная, непроницаемая стена темных стволов.

Наемники, изумленные и оупевшие, остановили коней, попытались завернуть, но стрелы летели неустанно. И догоняли, и валили их с седел под топот и ржание лошадей, под всеобщий крик и вой.

А потом опустилась тишина.

Замыкавшая тракт стена леса замигала, расплылась радужным туманом и исчезла. Снова возникла дорога, на дороге – сивая лошадь, а на сивой лошади – наездник, могучий, с метлообразной бородой, в куртке из тюленьей шкуры, наискось перехваченной клетчатым

шерстяным шарфом.

Конь, отворачивая морду и грызя удила, сделал шаг вперед, высоко поднимая передние ноги, храпя и косясь на трупы, на запах крови. Наездник, выпрямившийся в седле, поднял руку, и резкий порыв ветра ударил по ветвям деревьев.

Из зарослей на дальнем краю леса показались маленькие фигурки в облегающих одеждах, скомбинированных из зеленого и коричневого, с лицами, покрытыми полосами, нанесенными скорлупой ореха.

– Ceadmil, Wedd Brokiloene! – воскликнул наездник. – Faill, Ana Woedwedd!

– Faill! – Голос из леса, словно веяние ветра.

Коричнево-зеленые фигурки начали исчезать, одна за другой растворяясь в чаще. Осталась только одна с развевающимися волосами медового цвета. Она сделала несколько шагов, приблизилась.

– Va faill, Gwynbleidd! – воскликнула она, подходя ближе.

– Прощай, Мона, – сказал ведьмак. – Я не забуду тебя.

– Забудь, – ответила она твердо, поправляя колчан на спине. – Нет Моны. Мона – был сон. Я Браэнн. Браэнн из Брокилона.

Она еще раз махнула рукой. И исчезла.

Ведьмак повернулся.

– Мышовур, – сказал он, глядя на наездника на сивом коне.

– Геральт, – кивнул наездник, измеряя его холодным взглядом. – Любопытная встреча. Но начнем с самого важного. Где Цири?

– Здесь! – крикнула девочка, скрытая в листве. – Уже можно слезать?

– Можно, – сказал ведьмак.

– Но я не знаю как!

– Так же, как залезала, только наоборот.

– Я боюсь! Я на самой макушке!

– Слезай, говорю! Нам надо поговорить, девочка моя!

– Это о чем же?

– Зачем, черт побери, ты залезла туда вместо того, чтобы убежать в лес? Я убежал бы за тобой, и не пришлось бы... А, черт! Слезай!

– Я сделала, как кот в сказке! Что бы я ни... получается плохо! Почему, хотела бы я знать?

– Я тоже, – сказал друид, слезая с коня, – хотел бы это знать. И твоя бабушка, королева Калантэ, тоже хотела бы знать. Давай слезай, княжна.

С дерева посыпались листья и сухие веточки. Потом послышался резкий треск разрываемой ткани, и наконец появилась Цири, съезжающая верхом по стволу. Вместо капюшона на

курточке болтались художественные лоскуты.

– Дядя Мышовур!

– Собственной персоной. – Друид обнял девочку, прижал к себе.

– Тебя прислала бабушка? Она очень страдает?

– Не очень, – улыбнулся Мышовур. – Она слишком увлечена вымачиванием розог. Дорога в Цинтру, Цири, займет у нас некоторое время. Посвяти его тому, чтобы придумать объяснения своим поступкам. Это должно быть, если ты согласишься воспользоваться моим советом, очень краткое и дельное объяснение. Такое, которое можно проговорить очень-очень быстро. И все равно, я думаю, последние слова тебе придется уже выкрикивать, княжна. Очень, очень громко.

Цири болезненно поморщилась, тихонечко фыркнула, а руки против желания поползли у нее к угрожаемому месту.

– Пошли отсюда, – сказал Геральт, осматриваясь. – Пошли отсюда, Мышовур. 8

– Нет, – сказал друид, – Калантэ изменила планы, она уже не желает замужества Цири с Кистрином. У нее есть на то свои причины. Ко всему прочему, думаю, тебе не надо объяснять, что после той мерзопакостной аферы с подстроенным нападением на купцов король Эрвилл серьезно пал в моих глазах, а с моими глазами в королевстве считаются. Нет, мы в Настрог даже не заглянем. Я забираю малышку прямо в Цинтру. Поехали с нами, Геральт.

– Зачем? – Ведьмак взглянул на накрытую кожаным Мышовура Цири, дремавшую под деревом.

– Ты отлично знаешь зачем. Этот ребенок, Геральт, твое Предназначение. Третий раз, да, третий, пересекаются ваши пути. В переносном, конечно, смысле, особенно если говорить о двух предыдущих. Пожалуй, ты не назовешь это случайностью?

– Какая разница, как назову, – криво улыбнулся ведьмак. – Не в названии дело, Мышовур. Зачем мне в Цинтру? Я уже бывал там, скрещивал уже, как ты это назвал, пути. И что?

– Тогда ты потребовал, чтобы Калантэ, Паветта и ее муж поклялись. Они клятву сдержали. Цири – Неожданность. Предназначение требует, чтобы...

– Чтобы я забрал ребенка и переделал в ведьмака? Девочку? Посмотри на меня, Мышовур. Ты представляешь себе меня пригожей девочкой?

– К черту твое ведьмачество, – занервничал друид. – О чем ты вообще говоришь? Что тут общего? Нет, Геральт, вижу, ничего ты не понимаешь, придется объяснить проще. Слушай, любой дурак, в том числе и ты, может потребовать клятвы, может добиться обещания и из-за этого не станет необычным. Необычен ребенок. И необычна связь, которая возникает, когда рождается такой ребенок. Надо еще ясней? Пожалуйста. С момента рождения Цири уже не имеет значения, чего ты хочешь и от чего отказываешься. Ты, черт побери, не идешь в расчет. Не понимаешь?

– Не кричи. Разбудишь ее. Наша Неожданность, наш Сюрприз спит. А когда проснется... Мышовур, даже от самого необычного можно... порой надо уметь отречься.

– Ты же знаешь, – холодно посмотрел на него друид, – собственного ребенка у тебя не будет никогда.

– Знаю.

– И отказываешься.

– Отказываюсь. Вероятно, имею право?

– Имеешь, – сказал Мышовур. – А как же. Но это довольно рискованно. Есть такое древнее пророчество: у Меча Предназначения...

– ...два острия, – закончил Геральт. – Слышал.

– А! Делай как хочешь. – Друид отвернулся, сплюнул. – Подумать только, я готов был подставить за тебя шею...

– Ты?

– Да. В противоположность тебе я верю в Предназначение. И знаю, как опасно играть с обоюдоострым мечом. Не играй, Геральт. Воспользуйся представившейся возможностью. Преврати то, что связывает тебя с Цири, в нормальные, здоровые узы ребенка и опекуна. Ибо если нет... Тогда эта связь проявится иначе. Страшней. Негативным и разрушительным образом. Я хочу уберечь от этого и тебя, и ее. Если ты захочешь ее забрать, я возражать не стану. Я взял бы на себя риск объяснить Калантэ, почему...

– Откуда ты знаешь, что Цири захочет пойти со мной? Из древних пророчеств?

– Нет, – серьезно сказал Мышовур. – Оттуда, что уснула она только тогда, когда ты ее приласкал. Что она мурлычет сквозь сон твое имя и ручкой ищет твою руку.

– Достаточно, – Геральт встал, – а то я уж готов и вовсе взволноваться. Бывай, бородач. Мои поклоны Калантэ. А относительно Цири... Придумай что-нибудь.

– Тебе не уехать, Геральт.

– От Предназначения? – Ведьмак подтянул подпругу трофейного коня.

– Нет, – сказал друид, глядя на спящую девочку. – От нее.

Ведьмак покачал головой, вскочил в седло. Мышовур сидел неподвижно, копаясь прутиком в погасшем костре.

Геральт отъехал тихо, через вереск, доходящий до стремян, по кособору, ведущему в долину, к черному лесу.

– Гера-а-альт!

Он обернулся. Цири стояла на вершине холма, маленькая, серая фигурка с развевающимися пепельными волосами.

– Не уходи!

Он помахал ей рукой.

– Не уходи, – тихо всхлипнула она. – Не ухо-о-оди!

«Я должен, – подумал ведьмак. – Должен, Цири. Потому что... Я всегда ухожу».

– Ничего у тебя не получится все равно. Вот увидишь! – крикнула она. – И не думай! Не убежишь! Я твое Предназначение, слышишь?!

«Предназначения не существует, – подумал он. – Не существует. Единственное, что предназначено всем, это смерть. Именно смерть – второе острие обоюдоострого меча. Одно – это я. А второе – смерть, идущая за мной по пятам. Я не могу, мне нельзя подвергать опасности Цири».

– Я – твое Предназначение! – донеслось до него с вершины холма, тихо, отчаянно.

Он тронул коня пяткой и поехал вперед, словно в бездну углубляясь в черный, холодный и подмокший лес, в дружелюбную тень, во мрак, которому, казалось, нет конца.

Нечто большее

1

Когда по доскам моста вдруг зацокали копыта, Йурга даже не поднял головы, только тихо взвыл, отпустил колесо, с которым мучился, и со всей доступной резвостью вполз под телегу. Распластавшись, сдирая спиной шершавую корку засохшего навоза и грязи, покрывающую снизу дно повозки, он дрожал и прерывисто повизгивал от страха.

Конь медленно приблизился к телеге. Йурга видел, как он осторожно и мягко ступает по прогнившим, омшелым доскам.

– Вылезай, – сказал невидимый наездник.

Йурга щелкнул зубами и втянул голову в плечи.

Конь фыркнул, топнул.

– Спокойно, Плотва, – проговорил наездник. Йурга услышал, как он похлопывает лошадь по шее. – Вылезай оттуда, человеке. Я тебе ничего плохого не сделаю.

Купец ни на грош не поверил в заверения незнакомца. Однако в голосе было что-то такое, что успокаивало и в то же время интриговало, хотя вряд ли можно было назвать этот голос приятным. Йурга, вознося шепотом молитвы нескольким богам сразу, осторожно высунул голову из-под телеги.

У наездника были белые, как молоко, волосы, стянутые на лбу кожаным ремешком, и черный шерстяной плащ, ниспадающий на круп каштановой лошади. На Йургу верховой не смотрел. Наклонившись в седле, он разглядывал колесо телеги, по самую ступицу застрявшее между растрескавшимися досками. Неожиданно поднял голову, скользнул по купцу взглядом и принялся рассматривать заросли вдоль ущелья. Лицо его ничего не выражало.

Йурга выкарабкался из-под телеги, заморгал, вытер нос, размазывая по физиономии деготь, прихваченный со ступицы. Наездник уставился на него темными, прищуренными, пронзительными, острыми, как рыбы косточки, глазами. Йурга молчал.

– Вдвоем не вытащить, – сказал наконец незнакомец, указав на застрявшее колесо. – Один ехал?

– Сам-третей, – промямлил Йурга. – Со слугами. Сбежали, гады...

– Неудивительно, – сказал наездник, глядя под мост, на дно ущелья. – Ничего странного. Думаю, тебе следует поступить так же. Самое время.

Йурга не проследил за взглядом незнакомца. Не хотел смотреть на груды черепов, ребер и

берцовых костей, разбросанных меж камней и выглядывающих из-под лопухов и крапивы, покрывавших русло высохшей речки. Боялся, что достаточно еще раз увидеть черные провалы глазниц, выщеренные зубы и потрескавшиеся мослы, чтобы все его самообладание развеялось и жалкие остатки храбрости улетучились, как воздух из рыбьего пузыря, заставив мчаться по тракту в гору, обратно, давясь собственным криком, как это было с возницей и слугой меньше часа назад.

– Чего ждешь? – тихо спросил наездник, поворачивая коня. – Темноты? Тогда будет поздно. Они явятся за тобой, как только стемнеет. А может, и раньше. Давай прыгай на коня за мной, сзади. Убираемся отсюда, и как можно скорее.

– А телега? – в голос завыл Йурга, не очень понятно, со страха ли, отчаяния или бешенства. – А товары? Целый год трудов. Уж лучше подохнуть! Не оставлю-у-у!

– Сдается мне, ты еще не знаешь, куда тебя лихо занесло, дружище, – спокойно проговорил незнакомец, указывая рукой на чудовищное кладбище под мостом. – Говоришь, не бросишь телеги? Да пойми ты, когда наступит темнота, тебя не спасет даже сокровищница короля Дезмоды, не то что твой паршивый воз. Какого черта тебе взбрело в голову ехать через это урочище? Решил дорогу срезать. Не знаешь, что тут творится со времен войны?

Йурга покрутил головой: не знаю, мол.

– Не знаешь, ну-ну, – бросил незнакомец. – Но то, что лежит на дне, видел? Трудно не заметить. Это те, которые тоже срезали дорогу. А ты говоришь, не бросишь телеги. А кстати, интересно узнать, что там у тебя?

Йурга не ответил, глядя на наездника исподлобья и пытаясь решить, что лучше – «пакля» или «старые тряпки».

Наездника, казалось, не очень интересовал ответ. Он успокоил каштанку, грызущую удила и потряхивающую гривой.

– Господин, – пробормотал наконец купец. – Помогите. Спасите. До конца жизни помнить буду... Не оставляйте... Что захотите дам, чего только захотите... Спасите, господин!

Незнакомец резко повернул голову, обеими руками опершись о лук.

– Как ты сказал?

Йурга молчал, раскрыв рот.

– Дашь, чего захочу? А ну повтори.

Йурга хлюпнул носом, закрыл рот и пожалел, что у него нет бороды, в которую можно бы наплевать. В голове кипело от фантастических предположений касательно награды, которую мог потребовать странный пришелец. Однако все, включая и право ежедневных любовных игр с его молодой женой Златулиной, казалось не столь страшным, как перспектива потерять воз, и, уж конечно, не таким ужасным, как возможность оказаться на дне поймы в качестве еще одного побелевшего скелета. Купеческая привычка заставила его мгновенно произвести расчеты. Верховой, хоть и не походил на привычного оборванца, бродягу или мародера, каких после войны расплодилось на дорогах тьма-тьмушая, не мог все же ни в коем разе быть и вельможей, комесом или одним из зазнавшихся рыцарьков, слишком много мнящих о себе и находивших удовольствие в том, чтобы сдирать три шкуры с ближних. Йурга решил, что больше чем на двадцать штук золота он не потянет. Однако натура торгаша удержала его от того, чтобы назвать цену самому, и он ограничился лишь бормотанием о благодарности до конца дней своих.

– Я спросил, – спокойно напомнил незнакомец, переждав, пока купец замолкнет, – дашь ли ты мне то, что я пожелаю?

Выхода не было. Йурга сглотнул, наклонил голову и несколько раз утвердительно кивнул. Незнакомец, вопреки его ожиданиям, не рассмеялся зловеще, а совсем даже наоборот, казалось, его вовсе не обрадовала победа в переговорах. Наклонившись в седле, он плюнул вниз и угрюмо проворчал:

– Что я делаю? Зачем все это? Ну ладно, хорошо. Попробую тебя вытащить, хотя, как знать, не кончится ли все это скверно для нас обоих. А если удастся, то взамен...

Йурга съежился, готовый зареветь.

– Дашь мне то, – неожиданно быстро проговорил наездник в черном плаще, – что, вернувшись, застанешь дома, но чего застать не ожидал. Обещаешь?

Йурга застонал и быстро кивнул.

– Хорошо, – проговорил незнакомец. – А теперь отойди. А еще лучше – лезь снова под телегу. Солнце вот-вот сядет.

Он соскочил с седла, скинул плащ, и Йурга увидел, что незнакомец носит за спиной на ремне, наискось пересекающем грудь, меч. У него было туманное ощущение, что когда-то он уже слышал о людях, именно так носящих оружие. Черная, кожаная, доходящая до бедер куртка с длинными манжетами, искрящимися от серебристых набивок, могла указывать на жителя Новиграда или его окрестностей, впрочем, мода на такую одежду в последнее время вообще широко распространилась, особенно среди молодежи. Однако молодым незнакомец не был наверняка.

Наездник стащил с лошади вьюки, повернулся. На груди у него покачивался на серебряной цепочке медальон. Под мышкой он держал небольшой окованный сундучок и продолговатый сверток, окутанный кожей и перехваченный ремнем.

– Ты все еще не подлез? – спросил он, подходя. Йурга увидел, что медальон изображает оскаленную клыкастую волчью морду.

– Вы... ведьмак? – вспомнил он тут же.

– Угадал, – пожал плечами незнакомец. – Ведьмак. А теперь отойди. На другую сторону телеги. Не высовывайся оттуда и сиди смирно. Мне надо недолго побыть одному.

Йурга послушался. Присел у колеса, накрывшись епанчой. Он не хотел смотреть, что делает незнакомец по другую сторону телеги, а тем более глядеть на кости, валяющиеся на дне высохшего русла. Поэтому рассматривал собственные башмаки и зеленые звездочки мха, покрывающего прогнившие доски моста.

Ведьмак.

Солнце заходило.

Он услышал шаги.

Незнакомец медленно, очень медленно вышел из-за телеги на середину моста. Он стоял к Йурге спиной, и на спине у него был уже не тот меч, который Йурга видел недавно. Теперь это было красивое оружие – головка и эфес меча и оковка ножен горели, как звезды, блестели даже в наступающих сумерках, хотя света уже почти не было – погасло даже пурпурно-золотистое мерцание, еще совсем недавно висевшее над лесом.

– Господин...

Незнакомец обернулся. Йурга с трудом сдержал крик.

Лицо чужака было белым – белым и пористым, как отжатый, только что вынутый из тряпки творог. А глаза... О боги, взвыло что-то в Йурге. Глаза...

– За телегу, быстро, – прохрипел незнакомец. Это был не тот голос, который Йурга слышал раньше. Купец вдруг почувствовал, как сильно докучает ему переполненный мочевой пузырь. Незнакомец повернулся и прошел дальше на мост.

Ведьмак.

Конь, привязанный к обрешетке телеги, фыркнул, заржал, глухо забил копытами по доскам.

Над ухом Йурги зазвенел комар. Купец даже не пошевелил рукой, чтобы его отогнать. Зазвенел второй. Целые тучи комаров звенели в зарослях на противоположной стороне яра. Бренчали.

И выли.

Йурга, до боли стиснув зубы, сообразил, что это вовсе не комары.

Из мрака, густеющего на покрытом кустами склоне, появились маленькие уродливые фигурки – не больше четырех локтей, худые, словно скелеты. Они вышли на мост странной походкой, словно цапли, резкими быстрыми движениями высоко поднимая шишковатые колени. Глаза под плоскими складчатыми лбами светились желтым, в широких лягушачьих пастях блестели белые конские зубы. Уродцы, шипя, приближались.

Незнакомец, словно статуя, неподвижно стоявший посреди моста, вдруг поднял правую руку, странно сложив пальцы. Отвратительные карлики попятились, зашипели громче, но тут же снова двинулись вперед, все быстрее, поднимая длинные, тонкие, как прутики, когтистые лапы.

По доскам слева заскребли когти, из-под моста выскочил вдруг очередной уродец, остальные, странно подпрыгивая, ринулись вперед. Незнакомец закружился на месте, сверкнул меч, выхваченный неведомо когда. Голова забирающегося на мост существа отлетела на сажень вверх, волоча за собой косу крови. Белоголовый прыжком налетел на группу других, завертелся, быстро рубя налево и направо. Уродцы, размахивая лапами и воя, кинулись на него со всех сторон, не обращая внимания на сверкающий, режущий как бритва клинок. Йурга скорчился, прижавшись к телеге.

Что-то упало ему под ноги, обрызгало кровью. Это была длинная, костлявая, чешуйчатая, как куриная нога, лапа с четырьмя когтями.

Купец вскрикнул. И тут же почувствовал, как что-то пробегает рядом. Он скрючился еще больше, хотел нырнуть под телегу, в этот самый момент что-то свалилось ему на шею, а когтистые лапы впились в висок и щеку. Он заслонил глаза, рыча и дергая головой, вскочил и нетвердыми шагами выбежал на середину моста, спотыкаясь о валяющиеся на досках трупы. На мосту кипел бой – Йурга не видел ничего, кроме яростной борьбы, кучи, из которой то и дело высверкивал луч серебристого острия.

– Спа-а-сите! – завопил он, чувствуя, как острые клыки, пробив войлочную шапку, впиваются в затылок.

– Голову вниз!

Он втиснул подбородок в грудь, ловя глазом блеск меча. Клинок засвистел в воздухе, скользнул по шапке. Послышался отвратительный мокрый хруст, и Йурге на спину, словно из ведра, хлынула горячая жидкость. Он упал на колени, пригнетаемый мертвым уже грузом, висющим на шее.

На его глазах еще три чудища выскочили из-под моста. Подпрыгивая наподобие странных кузнечиков, они вцепились в бедра незнакомца. Один, получив короткий удар по жабьей морде, дернулся и упал на доски. Вторым, пораженный самым концом меча, повалился, дергаясь в судорогах. Остальные облепили белоголового, словно муравьи, оттеснили к краю моста. Один из них вылетел из клубка, выгнувшись назад, брызжа кровью, дергаясь и воя. И тут весь спутавшийся клубок перевалил через край моста и рухнул вниз. Йурга упал, закрывая голову руками.

Из-под моста взвились торжествующие визги уродцев, которые тут же перешли в крики боли, вопли, прерываемые свистом клинка. Из темноты донесся грохот камней и хруст скелетов, потом снова свист меча и мгновенно оборвавшийся, отчаянный, замораживающий кровь в жилах скрежет.

Потом была уже только тишина, прерываемая резкими криками испуганной птицы в глубине леса, в гуще огромных деревьев. Вскоре замолчала и она.

Йурга сглотнул, поднял голову, с трудом встал. По-прежнему было тихо, не шелестели даже листья, весь лес, казалось, онемел от ужаса. Рваные тучи затянули небо.

– Эй...

Он обернулся, машинально заслоняясь поднятыми руками. Ведьмак стоял перед ним, неподвижный, черный, с блестящим мечом в низко опущенной руке. Йурга обратил внимание на то, что стоит он как-то криво, клонится набок.

– Что с вами, господин?

Ведмак не ответил. Шагнул неловко и тяжело, с трудом двигая левую ногу. Протянул руку, ухватился за телегу. Йурга увидел кровь, блестящую и черную, текущую по доскам.

– Вы ранены, господин!

Ведмак не ответил. Глядя прямо в глаза купцу, он вдруг повис на краю телеги и медленно сполз на доски моста. 2

– Осторожнее, помаленьку... Под голову... Эй, поддержите ему голову!

– Сюда, сюда, на телегу!

– О боги, он истечет кровью... Господин Йурга, кровь просачивается сквозь повязку...

– Не болтать! Вперед, гони, Поквит, живей! Накрой его колушкой, Велль, не видишь – дрожит?

– Может, дать немного самогонки?

– Он же в обмороке! Ну ты и впрямь сдурел, Велль. А самогон давай сюда, надо глотнуть... Вы, псы, стервецы, подлые трусы! Сбежать, оставить меня одного!

– Господин Йурга! Он что-то бормочет!

– Что? Что бормочет-то?

– Э, чтой-то непонятное... Вроде имя чье-то...

– Какое?

– Йеннифэр... З

– Где... я?

– Лежите, господин, не двигайтесь, а то снова все разорвется и полопается. До кости бедро рассадили, паскуды, жуть, сколь крови вытекло... Не узнаете? Йурга я! Это меня вы на мосту спасли, помните?

– Угу...

– Пить небось хотите?

– Чертовски...

– Пейте, господин, пейте. Горячка вас пекет.

– Йурга... Где мы?

– На телеге едем. Молчите, господин, не шевелитесь. Надо из лесов выбраться к людским хатам. Найти кого, кто в лечении смыслит. Того, что мы вам намотали, мало. Кровь все едино течет...

– Йурга...

– Да?

– В моем сундучке... Флакон... С зеленой жидкостью. Сорви печать и дай мне... В какой-нибудь чарке. Чарку вымой как следует и чтоб никто не прикасался к флакону... Если жизнь дорога... Быстрее, Йурга. Черт, ну и трясет твою колымагу. Флакон, Йурга, флакон...

– Уже готово... Пейте...

– Спасибо... Теперь слушай. Сейчас я усну. Буду метаться и бредить, потом лежать словно мертвый. Это ничего, не бойся...

– Лежите, господин, не то рана отворится и кровь из вас уйдет.

Он упал на шкуры, запрокинул голову, чувствовал, как купец укрывает его кожухом и попоной, от которой сильно несло конским потом. Телега тряслась, каждый толчок отзывался дикой болью в бедре. Геральт стиснул зубы. Над собой он видел...

...миллиарды звезд. Они были так близко, что, казалось, достаточно протянуть руку. Над самой головой, над самыми верхушками деревьев.

Он выбирал дорогу так, чтобы держаться в стороне от света, от огней костров, чтобы все время находиться в укрытии из колеблющихся теней. Это было нелегко – кругом пылали костры из пихтовых стволов, языки пламени взвивались к небу красными сполохами, усеянными блестками искр, метили тьму более светлыми полотнищами дымов, стволы трещали, стреляли вспышками, высвечивая пляшущих повсюду людей.

Геральт задержался, чтобы пропустить мчащийся на него, бушующий, перекрывающий дорогу, орущий и дикий хоровод. Кто-то дернул его за рукав, пытаясь сунуть в руку деревянный, исходящий пеной жбанчик. Он легко, но решительно отстранил качающегося мужчину, разбрызгивающего вокруг пиво из бочонка, который держал под мышкой. Он не

хотел пить.

Не в такую ночь, как эта.

Неподалеку, на подмостках из березовых стволов, вздымающихся рядом с огромным костром, светловолосый Майский Король в венке и в брюках из голубой ткани целовал рыжую Майскую Королеву, тиская ее груди, выпирающие сквозь тонкую, пропотевшую полотняную рубаху. Монарх был более чем слегка пьян, покачивался, старался удержать равновесие, обнимая плечи Королевы, прижимал к ней пятерню, стиснутую на кружке пива. Королева, тоже не вполне трезвая, в венке, сползшем на глаза, обнимала Короля за шею и перебирала ногами. Толпа плясала под помостом, пела, верещала, потрясала палками, обмотанными гирляндами зелени и цветов.

– Беллетэйн! – крикнула прямо в ухо Геральту юная невысокая девушка. Потянув его за рукав, заставила вертеться посреди окружившего их хоровода. Сама заплясала рядом, хлопая юбкой. Ее волосы развевались, полные цветов. Он позволил ей увлечь себя в танце, они закружились, ловко уворачиваясь от других пар.

– Беллетэйн! Майская Ночь!

Вокруг возня, писк, нервный смех, изображающий борьбу и сопротивление очередной девушки, уносимой парнем в темноту, за пределы круга света. Хоровод, покрикивая, извивался змеей меж кострами. Кто-то споткнулся, упал, разорвав цепь рук, разделив людей на небольшие группки.

Девушка, глядя на Геральта из-под украшавших ее лоб листьев, приблизилась, прижалась к нему, охватив руками, порывисто дыша. Он грубо схватил ее, грубее, чем намеревался. Руки, прижатые к ее спине, почувствовали горячую влажность тела, проникающую сквозь тонкий лен. Она подняла голову. Глаза были закрыты, зубы блестели из-под приподнятой верхней губы. От нее несло потом и аиром, дымом и желанием.

«А почему бы и нет», – подумал он, продолжая мять ее платице и спину, тешась влажным, парящим теплом на пальцах. Девушка была не в его вкусе – слишком маленькая, слишком пухленькая, – он чувствовал под рукой место, где чересчур тесный лифчик врезался в тело, делил спину на две четко различимые округлости там, где их быть не должно. «Почему бы и нет, – подумал он, – ведь в такую ночь... Это не имеет значения».

Беллетэйн... Огни по самый горизонт. Беллетэйн, Майская Ночь.

Ближайший костер с треском сожрал брошенные ему сухие растопыренные можжевельники, брызнул ярким золотом, залившим все вокруг. Девушка подняла голову, раскрыла глаза, взглянула ему в лицо. Он услышал, как она громко втягивает воздух, почувствовал, как напрягается, как резко упирается руками ему в грудь. Он тут же отпустил ее. Она качнулась, отбросив тело на длину не полностью выпрямленных рук, но не оторвала своих бедер от его. Потом опустила голову, отвела руки, отстранилась, глядя в сторону.

Они несколько мгновений не двигались, но вот возвращающийся хоровод снова налетел на них, захватил, развел. Девушка быстро отвернулась и убежала, неловко пытаясь присоединиться к танцующим. Оглянулась. Только один раз.

Беллетэйн...

«Что я здесь делаю?»

Во мраке заискрилась звезда, замигала, приковала взгляд. Медальон на шее ведьмака дрогнул. Геральт непроизвольно расширил зрачки, без труда пробил взглядом тьму.

Женщина не была кметкой. Кметки не носят черных бархатных плащей. Кметки, которых мужчины несли либо тянули в заросли, кричали, хохотали, трепыхались и сопротивлялись, как форели, которых вытаскивают из воды. И ни одна из них не вела во мрак высоких светловолосых парней в развевающихся рубахах. Эта – вела.

Деревенские девушки никогда не носят на шее бархоток и усеянных бриллиантами обсидиановых звезд.

– Йеннифэр...

Неожиданно расширившиеся фиолетовые глаза, горящие на бледном треугольном лице.

– Геральт...

Она отпустила руку светловолосого херувима с грудью, блестевшей от пота, словно надраенная медная пластина. Парень покачнулся, упал на колени, водил головой, оглядывался, моргал. Медленно встал, глянул на них ничего не понимающим, растерянным взглядом, потом нетвердыми шагами пошел к кострам. Чародейка даже не посмотрела ему вслед. Она пристально глядела на ведьмака, а ее рука сильно стискивала край плаща.

– Приятно снова встретиться, – сказал он свободно. И тут же почувствовал, как улетучивается возникшее было между ними напряжение.

– И верно, – улыбнулась она. Ему казалось, что в этой улыбке было что-то вымученное, но уверен он не был. – Весьма приятная неожиданность, не отрицаю. Что ты тут делаешь, Геральт? Ах... Прости, извини за бестактность. Ну конечно, то же, что и я. Ведь это Беллетэйн. Просто ты поймал меня, так сказать, на месте преступления.

– Я тебе помешал.

– Переживу, – засмеялась она. – Ночь не кончилась. Захочу, увлеку другого.

– Жаль, я так не умею, – сказал он, с большим трудом изображая равнодушие. – Только что одна увидела при свете мои глаза и сбежала.

– Под утро, – сказала Йеннифэр, улыбаясь все искусственнее, – когда они совсем уже ошалеют, им это станет безразлично. Еще найдешь какую-нибудь, не волнуйся...

– Йен... – Слова застряли у него в горле. Они смотрели друг на друга долго, очень долго, а красный отсвет огня играл на их лицах. Йеннифэр вдруг вздохнула, прикрыв глаза ресницами.

– Нет, Геральт. Не надо начинать...

– Это Беллетэйн, – прервал он. – Ты забыла?

Она не торопясь подошла, положила ему руки на плечи, медленно и осторожно прижалась к нему, коснулась лбом груди. Он гладил ее волосы цвета воронова крыла, рассыпавшиеся локонами, крутыми, как змеи.

– Поверь, – шепнула она, поднимая голову. – Я не задумалась бы ни на миг, если б дело было только... Но это бессмысленно. Все начнется заново и кончится тем же, что и раньше. Это бессмысленно...

– Разве все должно иметь смысл? Это Беллетэйн.

– Беллетэйн. – Она отвернулась. – Ну и что? Что-то ведь привело нас к их кострам, к этим

веселящимся людям. Мы собирались плясать, безумствовать, слегка задурманиться и воспользоваться ежегодно царящей здесь свободой, неразрывно связанной с праздником повторяющегося цикла природы. И пожалуйста, мы встречаемся после... Сколько же прошло... Год?

– Год, два месяца и восемнадцать дней.

– Как трогательно. Ты специально?

– Специально, Йен...

– Геральт, – прервала она, резко отстраняясь и поднимая голову. – Скажем ясно: я не хочу.

Он кивнул в знак того, что сказано достаточно ясно.

Йеннифэр откинула плащ на спину. Под плащом была очень тонкая белая блузка и черная юбка, стянутая пояском из серебряных звеньев.

– Не хочу, – повторила она, – начинать сначала. А сделать с тобой то, что я собиралась сделать с тем блондинчиком... По тем же правилам... Это, Геральт, кажется мне каким-то неладным. Оскорбительным и для тебя, и для меня. Понимаешь?

Он снова кивнул. Она поглядела на него из-под опущенных ресниц.

– Не уйдешь?

– Нет.

Она немного помолчала, беспокойно пошевелила пальцами.

– Ты обиделся?

– Нет.

– Тогда пойдем присядем где-нибудь подальше от гомона, поболтаем немного. Потому что, видишь ли, я ведь рада нашей встрече. Seriously. Посидим... Хорошо?

– Хорошо, Йен.

Они отошли во мрак, в заросли вереска, к черной стене леса, обходя свившиеся в объятиях пары. Чтобы найти место только для себя, им пришлось уйти далеко. Сухой холмик, помеченный стройным, словно кипарис, кустом можжевельника.

Чародейка расстегнула брошь плаща, тряхнула им, расстелила на земле. Он сел рядом с ней. Ему очень хотелось ее обнять, но из упрямства он не сделал этого. Йеннифэр поправила глубоко вырезанную блузку, пронизательно взглянула на него, вздохнула и обняла. Можно было этого ожидать. Чтобы читать мысли, ей приходилось напрягаться, но намерения она улавливала произвольно.

Они молчали.

– Эх, – сказала она вдруг, отодвигаясь. Подняла руку, выкрикнула заклинание. Над их головами взлетели красные и зеленые шары, разрываясь высоко в небе. Они распускались разноцветными пушистыми цветами. Со стороны костров долетел смех и радостные восклицания.

– Беллетэйн, – грустно сказала она, – Майская Ночь... Цикл повторяется. Пусть радуются... если могут.

В округе были и другие чародеи. Вдалеке врезались в небо три оранжевые молнии, а с другой стороны, из-за леса, взвился настоящий гейзер радужных, кружащихся метеоров. Люди у костров громко и изумленно ахали, кричали. Геральт сдержанно гладил локоны Йеннифэр, вдыхал аромат сирени и крыжовника. «Если я слишком сильно буду ее желать, – подумал он, – она почувствует и обидится. Нахохлится, ошетинится и оттолкнет меня. Я спрошу спокойно, что у нее слышно...»

– Ничего у меня не слышно, – сказала она, а в ее голосе что-то дрогнуло. – Ничего такого, о чем стоило бы говорить.

– Не надо, Йеннифэр. Не читай меня. Это смущает.

– Прости. Я непроизвольно. А у тебя, Геральт, что нового?

– Ничего. Ничего такого, о чем стоило бы говорить.

Помолчали.

– Беллетэйн! – проворчала она вдруг, и он почувствовал, как она напрягается и как напружинивается рука, прижатая к его груди. – Веселятся. Празднуют извечный цикл обновления природы. А мы? Что делаем здесь мы? Мы, реликты, обреченные на вымирание, на гибель и забвение? Природа возрождается, повторяется цикл. Но не мы, Геральт. Мы не можем повторяться. Нас лишили такой возможности. Нам дана способность творить с природой невероятное, порой просто противоречащее ей. И одновременно отобрали самое простое и самое естественное, присущее природе. Какая корысть с того, что мы живем дольше них? После нашей зимы не придет весна, мы не возродимся, то, что кончается, кончается вместе с нами. Но и тебя, и меня влечет к этим огням, хотя наше присутствие здесь – злая и кощунственная насмешка над их праздником.

Он молчал. Он не любил, когда она впадала в такое настроение, источник которого ему был слишком хорошо известен. «Опять, – подумал он, – опять это начинает ее мучить». Было время, когда казалось, что она забыла, примирилась, как и другие. Он обнял ее, прижал, легонько покачивал, как ребенка. Она не сопротивлялась. Он не удивился. Он знал, что ей это необходимо.

– Знаешь, Геральт, – вдруг сказала она уже спокойно. – Больше всего мне доставало твоего молчания.

Он коснулся губами ее волос, уха. «Я хочу тебя, Йен, – подумал он. – Я хочу тебя, ты же знаешь. Ведь ты знаешь, Йен».

– Знаю, – шепнула она.

– Йен...

Она снова вздохнула.

– Только сегодня, – взглянула она на него широко раскрытыми глазами. – Только эта ночь, которая сейчас кончится. Пусть это будет наш Беллетэйн. Завтра мы расстанемся. Пожалуйста, не рассчитывай на большее, я не могу, я не могла бы... Прости. Если я тебя обидела, поцелуй меня и уйди.

– Если поцелую – не уйду.

– Я надеялась на это.

Она наклонила голову. Он коснулся губами ее раскрытых губ. Осторожно. Сперва верхней,

потом нижней. Вплетая пальцы в крутые локоны, коснулся ее уха, бриллиантовой сережки, шеи. Йеннифэр, возвращая поцелуй, прижалась к нему, а ее ловкие пальцы быстро и уверенно расправлялись с застежками его куртки.

Она опустилась навзничь на плащ, раскинутый на мягком мхе. Он прижался губами к ее груди, почувствовал, как твердеют и обозначаются соски под тоненькой тканью блузки. Она порывисто дышала.

– Йен...

– Молчи... Прошу тебя...

Прикосновение ее гладкой холодной кожи, электризующие пальцы и ладонь. Дрожь вдоль спины, в которую впились ее ногти. Со стороны костров крики, пение, свист, далекий туман искр в пурпурном дыме. Ласка и прикосновение. Ее. Его. Дрожь. И нетерпение. Плавное прикосновение ее бедер, охватывающих его, стискивающих замком.

Беллетэйн!

Дыхание, разрываемое на вздохи. Вспышки под веками, аромат сирени и крыжовника. Майская Королева и Майский Король? Кошунственная насмешка? Беспамятство?

Беллетэйн! Майская Ночь!

Стон. Ее? Его? Черные локоны на глазах, на губах. Сплетенные пальцы дрожащих рук. Крик. Ее? Черные ресницы. Мокрые. Стон. Его?

Тишина. Вечность в тишине.

Беллетэйн... Огни по самый горизонт...

– Йен?

– Ах, Геральт...

– Йен... Ты плачешь?

– Нет!

– Йен...

– Ведь я обещала себе... Обещала...

– Молчи. Не надо. Тебе не холодно?

– Холодно.

– А теперь?

– Теплее.

Небо светлело в пугающем темпе, черная стена леса выострила контуры, выглянула из бесформенного мрака четкая зубчатая линия верхушек деревьев. Выползающий из-за них голубоватый предвестник зари разлился вдоль горизонта, гася лампадки звезд. Стало холодней. Он крепче прижал ее, накрыл плащом.

– Геральт?

– У?

– Сейчас рассветет.

– Знаю.

– Я тебя обидела?

– Чуточку.

– Все начнется сначала?

– Это никогда не кончалось.

– Пожалуйста... Я начинаю чувствовать себя...

– Молчи. Все прекрасно.

Запах дыма, плывущего по вереску. Запах сирени и крыжовника.

– Геральт?

– Да?

– Помнишь нашу встречу в Пустульских горах? И того золотого дракона... Как его звали?

– Три Галки. Помню.

– Он сказал нам...

– Я помню, Йен.

Она целовала его в то место, где шея переходит в ключицу, потом положила туда голову, щекоча волосами.

– Мы созданы друг для друга, – шепнула она. – Может быть, предназначены? Но ведь из этого ничего не получится. Жаль, но когда рассветет, мы расстанемся. Иначе быть не может. Мы должны расстаться, чтобы не обидеть друг друга. Мы, предназначенные друг другу. Созданные друг для друга. Жаль. Тот или те, кто создавал нас, должны были позаботиться о чем-то большем. Одного Предназначения недостаточно, его слишком мало. Необходимо нечто большее. Прости меня. Я должна была тебе это сказать.

– Я знаю.

– Я знала, что не было смысла любить друг друга.

– Ошибаешься. Был. Несмотря ни на что.

– Поезжай в Цинтру, Геральт.

– Что?

– Поезжай в Цинтру. Поезжай туда и на этот раз не отказывайся. Не делай того, что сделал тогда... Когда ты там был...

– Откуда ты знаешь?

– Я знаю о тебе все. Запомнил? Поезжай в Цинтру, поезжай туда как можно скорее. Грядут тяжелые времена, Геральт. Очень тяжелые. Ты обязан успеть...

– Йен...

– Молчи, прошу тебя.

Холодает. Все холодней. И светлее.

– Не уходи. Дождемся утра...

– Дождемся. 4

– Не шевелитесь, господин. Надо сменить повязку, потому как рана кровоточит, а нога страшно опухла. О боги, как это паршиво выглядит... Надо как можно скорее добыть лекаря...

– Чихал я на лекаря, – простонал ведьмак. – Давай сюда мой сундучок, Йурга. Вон тот флакон. Лей прямо на рану. О дьявольщина!!! Ничего, ничего, лей еще... О-о-ох! Лады. Заверни покрепче и накрой меня...

– Распухло, господин, все бедро. И горячка бьет.

– Чихал я на горячку. Йурга?

– Да?

– Я забыл тебя поблагодарить...

– Не вы, господин, должны благодарить, а я. Это вы мне жизнь спасли, меня защищая, урон понесли. А я? Что я такого сделал? Человека раненого, без чувств, перевязал, на воз положил, не дал помереть? Обычная штука, господин ведьмак.

– Не такая уж обычная, Йурга. Меня уже бросали... в подобных ситуациях... Как пса...

Купец, опустив голову, помолчал.

– Оно, конечно, так, отвратный нас свет окружает, – пробормотал он наконец. – Токмо это не повод, чтобы все мы паршивели. Добро нам требуется. Этому меня учил мой отец, тому же я своих сынов учу.

Ведьмак молчал, рассматривая ветви деревьев, висящие над дорогой и перемещающиеся по мере движения телеги. Бедро рвало, но боли он не чувствовал.

– Где мы?

– Перешли вброд речку Траву, едем по Мехунским Урочищам. Это уже не Темерия, а Содден. Вы проспали границу, когда таможенники в телеге шуровали. Ну, скажу вам, охали они, видя вас, сильно. Но старший над ними знал вас, без задержки велел пропустить.

– Знал меня?

– Ага. Геральтом величал. Сказал так: Геральт из Ривии. Это ваше имя?

– Мое...

– Этот таможенник обещал послать кого-нито с вестью, что, дескать, лекарь надобен. Ну я еще сунул ему то-се в лапу, чтоб не запомнил.

– Благодарю, Йурга.

– Нет, господин ведьмак. Я же сказал, что я вас благодарю. И не только. Я вам еще кой-чего должен. Мы уговорились... Что с вами? Вам скверно?

– Йурга... Флакон с зеленой печаткой...

– Господин... Вы же снова... Уж как вы тогда страшно кричали сквозь сон...

– Надо, Йурга.

– Воля ваша. Погодите, щас в чарку вылью. Ну, боги, лекарь надобен, как можно шибчей, не то...

Ведьмак отвернул голову. Он слышал...

...крики детей, играющих в высохшем внутреннем рве, окружающем дворцовые стены. Ребят было около десятка, и шумели они жутко, перекрикивая друг друга тонкими, возбужденными, ломкими, переходящими в фальцет голосами. Носились по рву туда и обратно, напоминая косяк быстрых рыбок, молниеносно и неожиданно меняющих направление, но всегда держащихся вместе. Как обычно, вслед за шумливыми, тощими, как пугала, старшими мальчиками бегал не поспевающий за ними, задыхающийся малец.

– Много их, – заметил ведьмак.

Мышовур, теребя бороду, кисло ухмыльнулся, пожал плечами.

– Верно. Много.

– А который из них... Который из пареньков – та знаменитая Неожданность?

Друид отвел глаза.

– Я не имею права, Геральт...

– Калантэ?

– Конечно. Вряд ли ты думал, что она так просто отдаст ребенка. Ты же ее знаешь. Железная женщина. Я скажу тебе нечто такое, чего говорить не должен, надеюсь, ты поймешь. Полагаю, ты меня не выдашь.

– Говори.

– Когда ребенок родился, это было шесть лет назад, она вызвала меня, приказала отыскать тебя и убить.

– Ты отказался.

– Калантэ не отказывают, – серьезно сказал Мышовур, глядя ему в глаза. – Я был готов отправиться, но тут она снова вызвала меня. И отменила приказ, не объяснив почему. Будь осторожен, когда станешь с ней разговаривать.

– Буду. Скажи, Мышовур, что случилось с Дани и Паветтой?

– Они плыли из Скеллиге в Цинтру. Попали в шторм. Не нашли даже обломков корабля. Геральт... То, что ребенка не было тогда с ними, чертовски странное дело. Необъяснимое. Они хотели взять его с собой на корабль, но в последний момент отказались. Никто не знает причины, Паветта никогда не расставалась с...

– Как это Калантэ перенесла?

– А как ты думаешь?

– Понимаю.

Топоча, словно банда гоблинов, ребяташки забрались наверх и пронесли мимо них. Геральт заметил, что недалеко от головы мчащегося стада бежит девочка с развевающейся светлой косой, такая же худая и вопящая, как мальчишки. С диким воем ватага снова ринулась вниз по крутому склону рва, по крайней мере половина из них, включая девочку, съехали на ягодицах. Самый маленький, все еще не догнавший остальных, упал, захныкал и уже внизу громко расплакался, схватившись за разбитую коленку. Другие мальчишки окружили его, дразня и посмеиваясь, потом помчались дальше. Девочка опустилась перед мальчуганом, обняла, вытерла ему слезы, размазав по мордашке кровь и грязь.

– Идем, Геральт, королева ждет.

– Идем, Мышовур.

Калантэ сидела на большой, подвешенной цепями к ветке огромной липы скамье со спинкой. Казалось, она дремлет, но этому противоречило слабое движение ног, время от времени принуждающих качели двигаться. С королевой были три молодые женщины. Одна сидела на траве, рядом с качелями, ее раскинутое платье белело на зелени, как пятно снега. Две другие, неподалеку, щебетали, осторожно раздвигая побеги малины.

– Госпожа, – склонился Мышовур.

Королева подняла голову. Геральт опустился на одно колено.

– Ведьмак, – сухо проговорила она.

Как и раньше, ее украшали изумруды, гармонировавшие с зеленым платьем. И цветом глаз. Как и раньше, она носила узкий золотой ободок на пепельно-серых волосах. Но руки, которые он помнил белыми и тонкими, были уже не так тонки. Королева пополнела.

– Приветствую тебя, Калантэ из Цинтры.

– Приветствую тебя, Геральт из Ривии. Встань. Я ожидала тебя. Мышовур, друг, проводи девушек в замок.

– Слушаюсь, королева.

Они остались одни.

– Шесть лет, – проговорила Калантэ не улыбаясь. – Ты поразительно пунктуален, ведьмак.

Он не ответил.

– Бывали минуты, что я говорю, бывали годы, когда я тешила себя надеждой, что ты забудешь. Или иные причины помешают тебе приехать. Нет, несчастья в принципе я тебе не желала, но все же должна была учитывать не очень-то безопасный характер твоей профессии. Говорят, смерть идет за тобою следом, Геральт из Ривии, но ты никогда не оглядываешься. А потом... Когда Паветта... Ты уже знаешь?

– Знаю, – Геральт склонил голову, – и сочувствую от всей души.

– Нет, – прервала она. – Это было давно. Я, как видишь, уже не ношу траура. Носила достаточно долго. Паветта и Дани... Предназначенные друг другу... До конца. Ну и как тут не верить в силу Предназначения?

Оба замолчали. Калантэ пошевелила ногой, снова заставив скамейку качаться.

– И вот спустя шесть условленных лет ведьмак вернулся, – медленно проговорила она, а на ее губах заиграла странная улыбка. – Вернулся и потребовал исполнения клятвы. Как думаешь, Геральт, вероятно, так о нашей встрече станут распевать сказители через сто лет. Я думаю, именно так. Да, это они умеют. Могу себе представить. Послушай. И сказал жестокосердный ведьмак: «Исполни клятву, королева, либо падет на тебя мое проклятие». А королева, заливаясь слезами, пала пред ведьмаком на колени, умоляя: «Смилуйся! Не забирай у меня мое дитя! У меня осталось только оно!»

– Калантэ...

– Не прерывай, – резко остановила она. – Я рассказываю сказку, разве не видишь? Слушай дальше. Злой, жестокосердный ведьмак затопал ногами, замахал руками и крикнул: «Берегись, клятвопреступница, берегись возмездия судьбы. Если не сдержишь клятвы, кара не минует тебя». И ответила королева: «Ну хорошо, ведьмак. Да будет так, как пожелает судьба. Вон там, гляди, играют десять детишек. Если угадаешь, который предназначен тебе, заберешь его и оставишь меня с разбитым сердцем».

Ведьмак молчал.

– В сказке, – улыбка Калантэ становилась все менее приятной, – королева, как я себе представляю, позволила бы ведьмаку угадывать трижды. Но мы ж не в сказке, Геральт. Мы здесь, в реальности, ты, я и наша проблема. И наше Предназначение. Это не сказка, это жизнь. Паршивая, скверная, тяжелая, не прощающая ошибок, обид, не знающая жалости, разочарований и несчастий, не щадящая никого, ни ведьмаков, ни королев. И потому, Геральт из Ривии, ты будешь отгадывать только один раз.

Ведьмак продолжал молчать.

– Только один-единственный раз, – повторила Калантэ. – Но, как я сказала, это не сказка, а жизнь, которую мы сами должны заполнять моментами счастья, ибо на улыбки судьбы рассчитывать, как ты знаешь, не приходится. Поэтому, чем бы ни кончилось угадывание, ты не уйдешь отсюда с пустыми руками. Возьмешь одного ребенка. Того, на которого падет твой выбор. Ребенка, из которого ты сделаешь ведьмака. Если этот ребенок, ясное дело, выдержит Испытание Травами.

Геральт резко поднял голову. Королева усмехнулась. Он знал эту усмешку, противную, злую, презрительную.

– Ты удивлен, – отметила она. – Ну что ж, я немного подучилась. Поскольку у дитяти Паве́тты есть шансы стать ведьмаком, я взяла на себя этот труд. Однако мои источники, Геральт, молчат относительно того, сколько детей из десятка выдерживают Испытание Травами. Ты не мог бы удовлетворить мое любопытство?

– Королева, – откашлялся Геральт, – вероятно, ты немало потрудилась, изучая проблему, и должна знать, что кодекс и клятва запрещают мне даже произносить это название, не то что рассуждать о нем.

Калантэ резко остановила качели, упершись каблуком в землю.

– Трое, самое большее – четверо из десяти, – сказала она, покачивая головой в притворной задумчивости. – Крутая селекция, я бы сказала, очень крутая и притом на каждом этапе. Вначале отбор, потом испытания. А затем изменения. Сколько юношей в результате получают медальоны и серебряные мечи? Один из десяти? Один из двадцати?

Ведьмак молчал.

– Я долго размышляла, – продолжала Калантэ уже без улыбки. – И пришла к выводу, что селекция детей на этапе выбора имеет ничтожное значение. Какая в общем-то разница, Геральт, какой ребенок умрет или спятит, напичканный наркотиками? Какая разница, чей мозг разорвется от бредовых видений, чьи глаза лопнут и вытекут вместо того, чтобы стать глазами кошки? Какая разница, в собственной ли крови и блевотине умрет действительно указанный Предназначением или же совершенно случайный ребенок? Ответь.

Ведьмак скрестил руки на груди, чтобы сдержать их дрожь.

– Зачем? – спросил он. – Ты ждешь ответа?

– Верно, не жду. – Королева снова усмехнулась. – Как всегда, ты безошибочен в выводах. Как знать, однако, может, не ожидая ответа, я согласилась бы уделить немного внимания твоим добровольным и искренним словам? Словам, которые, быть может, ты пожелал бы произнести, а вместе с этим освободиться от того, что гнетет тебя? Ну давай примемся за дело, надо же подбросить сказителям материал. Идем выбирать ребенка.

– Калантэ, – сказал он, глядя ей в глаза. – Оставь сказителей в покое. Если им не хватит материала, они сами что-нибудь придумают. А имея в руках истинный материал, они его исказят. Как ты верно заметила, это не сказка, а жизнь. Паршивая и скверная. А посему, черт побери, давай проживем ее по возможности порядочно и хорошо. Ограничим количество творимых другими несправедливостей неизбежным минимумом. В сказке, конечно, королева может умолять ведьмака, а ведьмак требовать своего и топтать ногами. В жизни королева может просто сказать: «Не забирай ребенка, прошу тебя». А ведьмак ответит: «Коли ты просишь, не заберу». И уйдет вслед за заходящим солнцем. Но за такое окончание сказки сказитель не получит от слушателей ни гроша, самое большее – пинок в зад. Потому что скучная получится сказка.

Калантэ перестала улыбаться, в ее глазах мелькнуло что-то знакомое.

– В чем дело? – прошипела она.

– Давай не будем ходить вокруг да около, Калантэ. Ты знаешь, о чем я. Как приехал, так и уеду. Выбрать ребенка? А зачем? Ты думаешь, он мне так уж нужен? Думаешь, я ехал сюда, в Цинтру, гонимый жадой отнять у тебя внука? Нет, Калантэ. Я хотел, быть может, взглянуть на этого ребенка, посмотреть в глаза Предназначению... Потому что я и сам не знаю... Но не бойся. Я не отберу у тебя его, достаточно, если ты попросишь...

Калантэ вскочила со скамеечки, в ее глазах разгорелся зеленый огонь.

– Просить? – яростно прошипела она. – Тебя? Бояться? Мне тебя бояться, треклятый шаман? Ты осмеливаешься бросать мне в лицо твою презренную милость? Оскорблять своим сочувствием? Обвинять в трусости, сомневаться в моей воле? Ты обнаглел от моего доверительного к тебе отношения! Берегись!

Ведьмак решил, что, пожалуй, безопасней всего будет не пожимать плечами, а опуститься на колено и склонить голову. И не ошибся.

– Ну, – прошипела Калантэ, стоя перед ним. Руки у нее были опущены, пальцы, униженные перстнями, сжаты в кулаки. – Ну наконец-то. Это соответствующая поза. Именно так отвечают королеве, если королева задает вопрос. А если не вопрос, а приказ, то надобно еще ниже опустить голову и отправиться его исполнять. Без проволоочки. Ты понял?

– Да, королева.

– Прекрасно. Встань.

Он встал. Она посмотрела на него, закусила губу.

– Тебя очень обидела моя вспышка? Я говорю о форме, а не о содержании.

– Не очень.

– Ну и славно. Постараюсь больше не вспыхивать. Итак, я сказала: там, во рву, играют десять ребятишек. Выберешь одного, который покажется тебе самым подходящим, заберешь, и, о боги, сотворишь из него ведьмака, ибо таково Предназначение. А если не Предназначение, то моя воля.

Он посмотрел ей в глаза, низко поклонился.

– Королева. Шесть лет назад я доказал тебе, что есть нечто более могущественное, нежели королевская воля. Ради богов, ежели таковые существуют, докажу тебе это еще раз. Ты не принудишь меня сделать выбор, делать который я не хочу. Прости за форму, не за содержание.

– Под моим дворцом есть глубокие ямы. Предупреждаю: еще немного, еще слово – и ты закончишь в них свою жизнь.

– Ни один мальчик из тех, что играют во рву, не годится на роль ведьмака, – медленно проговорил он. – И среди них нет сына Паве́тты.

Калантэ прищурилась. Он даже не дрогнул.

– Пошли, – сказала она наконец, развернувшись на каблуках.

Он последовал за ней между рядами цветущих кустов, между клумбами и живыми изгородями. Королева прошла в ажурную беседку. Там, вокруг стола из малахита, стояли четыре больших плетеных ивовых кресла. На покрытой жилками плите, поддерживаемой четырьмя грифонами, стоял кувшин и два серебряных кубка.

– Садись и налей.

Она выпила, подняв в его сторону кубок, резко, солидно, по-мужски. Он, не садясь, ответил тем же.

– Садись, – повторила она. – Я хочу поговорить.

– Слушаю.

– Откуда ты знаешь, что среди детей во рву нет сына Паве́тты?

– Я не знал. – Геральт решился на откровенность. – Я бросил наобум.

– Так. Можно было догадаться. А то, что ни один из них не годится на роль ведьмака? Это правда? И как ты определил? С помощью магии?

– Калантэ, – тихо сказал он. – Мне не надо было ни определять, ни проверять. В том, что ты сказала раньше, была чистая правда. Годится любой ребенок. Все дело в селекции. Последующей.

– О боги моря, как говаривал мой вечно отсутствующий муж, – рассмеялась она. – Так все это неправда? Все пресловутое Право Неожиданности? Легенды о детях-нежданчиках, о тех, кто встречается первым? Так я и думала! Все – игра! Игра со случаем, забавы с судьбой! Но это

чертовски опасная игра, Геральт.

– Знаю.

– Игра с чьим-то несчастьем, несправедливостью. Зачем, скажи мне, заставлять родителей или опекунов давать такие трудные и тяжелые клятвы? Зачем отбирают детей? Ведь кругом полно таких, отбирать которых нет нужды. По дорогам шастают ватаги бездомных и сирот. В любой деревне можно чуть не даром купить ребенка, в голодную пору любой кмет охотно продаст, что ему, он тут же заделает другого. Тогда зачем же? Зачем ты заставил поклясться Дани, Паве́тту и меня? Зачем явился точно через шесть лет после рождения ребенка? И почему, черт побери, не хочешь его взять, почему говоришь, что он тебе ни к чему?

Геральт молчал.

– Молчишь, – отметила Калантэ, покачав головой и откидываясь на спинку кресла. – Подумаем над причиной твоего молчания. Логика – мать знания. И что же она нам подсказывает? Что мы, так сказать, имеем? Ведьмака, ищущего Предназначение, укрытое в странном и сомнительном праве Неожданности. Ведьмак находит это Предназначение. И вдруг отказывается от него. Ему, видите ли, не нужен Ребенок-Неожданность. Лицо у него каменеет, в голосе – лед и металл. Он считает, что королева – как ни говори, женщина – даст себя обмануть, сбить с толку кажущейся мужской твердостью. Нет, Геральт, не жди от меня пощады. Я знаю, почему ты отказываешься выбрать ребенка. Потому что ты не веришь в Предназначение. А когда ты в чем-то не уверен... тебя охватывает страх. Да, Геральт. Тобой руководит страх. Ты боишься. Скажи – нет?

Он медленно поставил кубок на стол. Медленно, чтобы звоном серебра о малахит не выдать дрожь рук, которую унять не мог.

– Нет?

– Ты права.

Она быстро наклонилась, схватила его руку. Сильно сжала.

– Ты вырос в моих глазах, – сказала она и улыбнулась. Улыбка была хорошей. Невольно, наверняка невольно, он ответил улыбкой.

– Как ты догадалась, Калантэ?

– Я не догадалась. – Она не отпустила его руку. – Бросила наобум.

Они одновременно рассмеялись. Потом долго и молча сидели среди зелени и запаха черемухи, тепла и брелчания пчел.

– Геральт?

– Да, Калантэ.

– Ты не веришь в Предназначение?

– Не знаю, верю ли я вообще во что-нибудь. А что до Предназначения... Боюсь, одного его недостаточно. Нужно нечто большее...

– Хочу тебя спросить. Что с тобой? Ведь вроде бы ты и сам был Неожданностью? Мышовур утверждает...

– Нет, Калантэ. Мышовур имел в виду совершенно другое. Мышовур... Он-то, пожалуй, знает.

Но пользуется удобным мифом, когда ему выгодно... Неправда, будто я был тем, кого застали дома, хоть и не ожидали. Неправда, будто именно поэтому я стал ведьмаком. Я самый обыкновенный подкидыш, Калантэ. Нежеланный, незаконнорожденный сын некоей женщины, которой я не помню. Но знаю, кто она...

Королева пронизательно взглянула на него, но ведьмак не продолжал.

– Неужто все рассказы о Праве Неожиданности – легенды?

– Все. Случай трудно назвать Предназначением.

– Но вы, ведьмаки, не перестаете искать?

– Не перестаем. Но это бессмысленно. Вообще бессмысленно все...

– Вы верите, что Дитя Предназначения пройдет через Испытания без риска?

– Мы верим, что такому ребенку не понадобятся Испытания.

– Один вопрос, Геральт. Совершенно личный. Разрешить?

Он кивнул.

– Как известно, нет лучшего способа передать наследственные свойства, чем естественным путем. Ты прошел Испытания и выжил. Если тебе так нужен ребенок с особыми свойствами и сопротивляемостью... Почему бы тебе не найти женщину, которая... Я бестактна, да? Но, похоже, я отгадала?

– Как всегда, – грустно улыбнулся Геральт, – ты безошибочно делаешь выводы, Калантэ. Угадала, конечно. То, о чем ты говоришь, для меня недостижимо.

– Прости, – сказала она, и улыбка сошла с ее лица. – Что ж, это по-людски.

– Это не по-людски.

– Да?... Значит, ни один ведьмак...

– Ни один. Испытание Травами, Калантэ, ужасно. А то, что с мальчиками происходит во время трансмутации, еще страшнее. И необратимо.

– Только ты уж не раскисай, – буркнула она. – Это тебе не к лицу. Не важно, что с тобой вытворяли. Результат я вижу. На мой вкус, вполне удовлетворительный. Если б я могла предположить, что ребенок Павеиты когда-нибудь станет таким, как ты, я не колебалась бы ни минуты.

– Слишком велик риск, – быстро сказал он. – Как ты и думаешь. Выживают самое большее четверо из десяти.

– Черт возьми, разве только Испытание Травами рискованно? Разве только будущие ведьмаки рискуют? Жизнь полна риска: в жизни тоже идет отбор, Геральт. Селекция. Зачастую все решает скверный случай, болезнь, война. Сопротивляться судьбе, может быть, не менее рискованно, чем отдать себя в ее руки. Геральт... Я отдала бы тебе этого ребенка... Но... Я тоже боюсь.

– Я не взял бы. Не мог бы взять на себя ответственность. Не согласился бы отягощать ею тебя. Не хотел бы, чтобы ребенок когда-нибудь вспоминал тебя так... как я...

– Ты ненавидишь ту женщину, Геральт?

– Мою мать? Нет, Калантэ. Догадываюсь, что она оказалась перед выбором... А может, и не было выбора? Нет был, ведь ты знаешь, достаточно нужного заклинания или эликсира... Выбор. Выбор, который надо уважать, потому что это священное и неоспоримое право каждой женщины. Эмоции тут ни при чем. У нее было неоспоримое право решать, и она решила. Но, думаю, встреча с ней, выражение ее лица... Это дало бы мне что-то вроде извращенного удовлетворения, если ты понимаешь, о чем я.

– Я прекрасно понимаю, о чем ты... – улыбнулась она. – Но у тебя мало шансов испытать такое удовлетворение. Я не могу определить твой возраст, ведьмак, но полагаю, ты гораздо старше, чем об этом говорит твоя внешность. А значит, та женщина...

– Та женщина, – прервал он, – наверняка сейчас выглядит много моложе меня.

– Чародейка?

– Да.

– Интересно. Я думала, чародейки не могут...

– Она, вероятно, тоже так думала.

– Вероятно. Но ты прав, не будем обсуждать право женщины принимать решения, это обсуждению не подлежит. Вернемся к нашей проблеме. Так ты не возьмешь ребенка? Бесповоротно?

– Бесповоротно.

– А если... если Предназначение не только миф? Если оно все же существует, то не может ли оно отомстить?

– Если будет мстить, то мне, – спокойно ответил он. – Ведь против него выступаю я. Ты-то выполнила свою часть обязательства. Ведь если Предназначение не легенда, то из указанных тобою детей я должен был выбрать соответствующего. Но ведь ребенка Паве́тты нет среди них?

– Есть. – Калантэ медленно подняла голову. – Хочешь увидеть? Хочешь взглянуть в глаза Предназначению?

– Нет. Не хочу. Отказываюсь, отрекаюсь. Отрекаюсь от этого мальчика. Не хочу смотреть в глаза Предназначению, потому что не верю в него. Ибо знаю: чтобы соединить двух человек, одного Предназначения недостаточно. Нужно нечто большее, чем Предназначение. Я смеюсь над таким Предназначением, я не последую за ним, как мальчишка, которого ведут за руку, ничего не понимающий и наивный. Это мое бесповоротное решение, Калантэ из Цинтры.

Королева встала. Улыбнулась. Он не мог угадать, что кроется за ее улыбкой.

– Да будет так, Геральт из Ривии. Быть может, тебе как раз и было предначертано отречься. Может быть, это было твоим Предназначением. Думаю, так оно и есть. Так знай же, если б ты выбрал и выбрал правильно, то увидел бы, что Предназначение, над которым смеешься ты, жестоко посмеялось бы над тобой.

Он посмотрел в ее ядовито-зеленые глаза. Она улыбнулась. Разгадывать ее улыбки он не умел.

Рядом с беседкой росли розы. Целый куст. Он наклонил ветку, сорвал цветок, опустил на колено и двумя руками подал ей, опустив при этом голову.

– Как жаль, что я не узнала тебя раньше, белоголовый, – проговорила она, принимая розу из его рук. – Встань.

Он встал.

– Если изменишь решение, – она поднесла розу к лицу, – если решишь... Возвращайся в Цинтру. Я буду ждать. И твое Предназначение тоже будет ждать тебя. Возможно, не до бесконечности, но наверняка еще какое-то время.

– Прощай, Калантэ.

– Прощай, ведьмак. Будь осторожен. У меня... У меня минуту назад было предчувствие... Странное предчувствие... будто я вижу тебя в последний раз.

– Прощай, королева. 5

Он проснулся и с удивлением отметил, что мучительная боль исчезла, казалось также, что перестала досаждать пульсирующая, натягивающая кожу припухлость. Он хотел вытянуть руку, потрогать, но не мог пошевелиться. Пока понял, что сдерживает его лишь тяжесть кож, которыми он накрыт, холодный, отвратительный ужас опустился ему на живот, впился во внутренности, словно ястребиные когти. Он сжимал и разжимал пальцы, мысленно повторяя: нет, я не...

Парализован...

– Ты проснулся.

Не вопрос, констатация. Тихий, но внятный мягкий голос. Женщина. Молодая, вероятно. Он повернул голову, застонал, пытаясь подняться.

– Не шевелись. Во всяком случае, не так резко.

– Нннн, – налет, склеивавший губы, разорвался, – нннет... Не рана... Спина...

– Пролежни. – Спокойная, холодная констатация, не соответствующая мягкому альту. – Я помогу. Вот выпей. Медленно, малыми глотками.

У жидкости был в основном запах и вкус можжевельника. «Старый способ, – подумал он. – Можжевельник либо мята просто добавки, значения не имеют, введены лишь для того, чтобы замаскировать настоящий состав». И, однако, он распознал паперник, может, корнежом. Да, наверняка корнежом, корнежом нейтрализует токсины, очищает кровь, испорченную гангреной либо заражением.

– Пей. До конца. Медленней, а то подавишься.

Медальон на шее начал легонько вибрировать. Стало быть, в напитке была и магия. Он с трудом расширил зрачки. Теперь, когда она подняла ему голову, он мог рассмотреть ее получше. Небольшая. В мужской одежде. Маленькое и бледное в темноте лицо.

– Где мы?

– На поляне смолокуров.

Действительно, в воздухе плавал запах смолы. Он слышал голоса, долетающие от костра. В этот момент кто-то подкинул хвороста, пламя с треском взвилось вверх. Он снова взглянул, воспользовавшись светом. Волосы у нее были стянуты опояской из змеиной кожи. Волосы...

Волосы были рыжие, огненно-рыжие, подсвеченные пламенем костра, они казались

красными, как киноварь.

– Больно? – прочитала она его ощущения, но неточно. – Сейчас... Минуточку...

Он почувствовал резкий удар тепла, исходящего от ее рук, разливающегося по спине, сплывающего вниз, к ягодицам.

– Мы тебя перевернем, – сказала она. – Не пытайся сам. Ты очень слаб. Эй, кто-нибудь поможет?

Шаги со стороны огня, тени, силуэты. Кто-то наклонился, Йурга.

– Как вы себя чувствуете, господин? Вам лучше?

– Помогите перевернуть его на живот, – сказала женщина. – Осторожнее, медленнее. Вот так... Хорошо. Благодарю.

Ему больше не надо было на нее смотреть. Теперь, лежа на животе, уже не надо было рисковать взглянуть ей в глаза. Он успокоился, сдержал дрожь рук. Она могла почувствовать. Он слышал, как позвякивают застежки сумки, как она ищет флаконы и фарфоровые баночки. Слышал ее дыхание, чувствовал тепло ее бедра. Она стояла рядом на коленях.

– Рана, – проговорил он, не в состоянии переносить тишину, – доставила тебе хлопот?

– Да, немного. – В голосе холод. – Как обычно при кусаных ранах. Самый паршивый вид ран. Но тебе это, кажется, не внове, ведьмак?

«Знает. Копаются в мыслях. Читает? Вряд ли. И знаю почему. Она боится».

– Да, пожалуй, не внове, – повторила она, снова звякая стеклом. – Я насчитала на твоём теле несколько рубцов... Я, понимаешь ли, чародейка. И лекарка одновременно. Специализация.

«Совпадает», – подумал он, но не произнес ни слова.

– А что касается раны, – спокойно продолжала она, – то тебе следует знать, что спас тебя ритм сердцебиения, четырехкратно замедленный по сравнению с ритмом обычного человека. Иначе бы ты не выбрался, могу сказать со всей ответственностью. Я видела, чем тебе заштопали ногу. Это должно было изображать перевязку, но изображало неудачно.

Он молчал.

– Потом, – продолжала она, задрав ему рубаху по самую шею, – добавилось заражение, обычное при кусаных ранах. Ты его приостановил. Конечно, ведьмачий эликсир? Хорошо помогло. Только вот не понимаю, зачем одновременно было принимать галлюциногены? Наслушалась я твоего бреда, Геральт из Ривии.

«Читает, – подумал он, – все-таки читает. А может, Йурга сказал, как меня зовут? Или я сам проболтался во сне под влиянием «черной чайки»? Кто его знает... Только ей ничего не даст знание моего имени. Ничего. Она не знает, кто я. Понятия не имеет, кто я».

Он почувствовал, как она осторожно втирает ему в спину холодную успокаивающую мазь с резким запахом камфоры. Руки были маленькие и очень мягкие.

– Прости, что делаю это обычным способом, классическим, – сказала она. – Можно было бы удалить пролежни с помощью магии, но я немного притомилась, когда занималась раной на ноге, и чувствую себя не лучшим образом. На ноге я связала и стянула все, что было можно, теперь тебе ничто не угрожает. Однако ближайшие два дня не вставай. Магически

сращенные сосудики имеют тенденцию лопаться, у тебя остались бы скверные кровоподтеки. Шрам, конечно, сохранится. Еще один для полноты коллекции.

– Благодарю... – Он прижал щеку к козам, чтобы изменить голос, замаскировать его неестественное звучание. – Можно узнать... Кого благодарю?

«Не скажет, – подумал он. – Либо солжет».

– Меня зовут Висенна.

«Вот как», – подумал он и медленно, все еще не отрывая щеки от кож, сказал:

– Я рад. Рад, что пересеклись наши пути, Висенна.

– Случайность, не больше, – холодно сказала она, натягивая ему рубаху на спину и накрывая кожухами. – Сообщение о том, что я нужна, мне передали таможенники с границы. Послушай, мазь я оставляю купцу, попроси натирать тебя утром и вечером. Он утверждает, что ты спас ему жизнь, так пусть отблагодарит.

– А я? Могу ли я отблагодарить тебя, Висенна?

– Не будем об этом. Я не принимаю платы от ведьмаков. Назови это солидарностью, если хочешь. Профессиональной солидарностью. И симпатией. В силу этой симпатии – дружеский тебе совет или, если предпочитаешь, указание лекаря. Перестань принимать галлюциногены, Геральт. Галлюцинации не излечивают. Ничего.

– Спасибо, Висенна. За помощь и совет. Благодарю тебя за... за все.

Он вытащил руку из-под кож, нащупал ее колени. Она вздрогнула, потом положила свою руку на его, слегка пожала. Он осторожно высвободил пальцы, провел ими по ее руке, по предплечью.

Ну конечно, гладкая девическая кожа. Она вздрогнула еще сильнее, но он не отнял руки. Он вернулся пальцами к ее ладони, сжал.

Медальон на шее завибрировал, дернулся.

– Благодарю тебя, Висенна, – повторил он, сдерживая дрожь голоса. – Рад, что пересеклись наши пути.

– Случайность, – повторила она, но на этот раз в ее голосе не было холода.

– А может, Предназначение? – спросил он и удивился, потому что возбуждение и нервозность улетучились вдруг без следа. – Ты веришь в Предназначение, Висенна?

– Да, – не сразу ответила она. – Верю.

– В то, – продолжал он, – что люди, связанные Предназначением, всегда встречаются?

– И в это тоже... Что ты делаешь? Не поворачивайся...

– Хочу увидеть твоё лицо... Висенна. Хочу взглянуть в твои глаза. А ты... Ты должна взглянуть в мои.

Она сделала такое движение, словно хотела подняться с колен. Но осталась около него. Он медленно отвернулся, скривив губы от боли. Стало светлей, кто-то снова подбросил хвороста в костер.

Она не пошевелилась. Только отвернула голову, но он ясно видел, что у нее дрожат губы. Она стиснула пальцы на его руке. Сильно.

Он смотрел.

Не было ничего общего. Совершенно другой профиль. Маленький нос. Узкий подбородок. Она молчала. Потом вдруг наклонилась и взглянула ему прямо в глаза. Вблизи. Молча.

– Как тебе нравятся, – спокойно спросил он, – мои подправленные глаза? Такие... необычные. А знаешь, Висенна, что делают с глазами ведьмаков, чтобы их подправить? Знаешь ли, что это удается не всегда?

– Перестань, – мягко сказала она. – Перестань, Геральт.

– Геральт... – Он вдруг почувствовал, как что-то разрывается внутри. – Это имя мне дал Весемир. Геральт из Ривии! Я даже научился подражать ривскому акценту. Вероятно, из внутренней потребности иметь родную сторону. Пусть даже выдуманную. Весемир... дал мне имя. Весемир выдал мне также и твое. Правда, очень неохотно.

– Тише, Геральт, тише.

– Теперь ты говоришь, что веришь в Предназначение. А тогда... тогда – верила? Ну конечно же, должна была верить. Должна была верить, что Предназначение обязательно сведет нас. Только этому следует приписать тот факт, что сама ты отнюдь не стремилась к нашей встрече.

Она молчала.

– Я всегда хотел... Размышлял над тем, что скажу, когда мы наконец встретимся. Думал о вопросе, который тебе задам. Считал, что это даст мне извращенное удовлетворение...

То, что сверкнуло у нее на щеке, было слезой. Несомненно. Он почувствовал, как ему до боли перехватывает горло. Почувствовал утомление. Сонливость. Слабость.

– Днем... – Он застонал. – Завтра при солнечном свете я загляну в твои глаза, Висенна... И задам тебе свой вопрос. А может, и не задам, слишком уж поздно. Предназначение? О да, Йен была права. Недостаточно быть друг другу предназначенными. Надобно нечто большее... Но я посмотрю завтра в твои глаза... При солнечном свете...

– Нет, – проговорила она мягко, тихо, бархатным, дрожащим, разрывающим слои памяти голосом, памяти, которой уже не было. Которой никогда не было, а ведь она же была... Была...

– Да! – возразил он. – Да. Я этого хочу...

– Нет. А теперь ты уснешь. И проснувшись, перестанешь хотеть. Зачем нам смотреть друг другу в глаза при солнечном свете? Что это изменит? Ведь ничего не вернешь, не изменишь. Какой смысл задавать вопросы, Геральт? Неужели то, что я действительно не сумею на них ответить, доставит тебе, как ты говоришь, извращенное удовлетворение? Что даст нам взаимная обида? Нет, не станем мы смотреть друг на друга при свете дня. Усни, Геральт. А так, между нами, вовсе не Весемир дал тебе твое имя. Хоть это тоже ровным счетом ничего не изменит и ничего не вернет, я все же хотела б, чтобы ты об этом знал. Будь здоров и береги себя. И не пытайся меня искать...

– Висенна...

– Нет, Геральт. А теперь ты уснешь... Я... я была твоим сном. Выздоровливай.

– Нет! Висенна!

– Усни. – В бархатном голосе тихий приказ, ломающий волю, разрывающий ее, словно ткань. Тепло, неожиданно истекающее из ее руки...

– Усни.

Он уснул. 6

– Мы в Заречье, Йурга?

– Со вчерашнего дня, господин Геральт. Скоро река Яруга, а там уже мои края. Гляньте, даже кони шибчей пошли, ушами прядут. Чуют – дом близко.

– Дом... Ты живешь в городе?

– В пригороде.

– Интересно. – Ведьмак осмотрелся. – Почти не видно следов войны. Говорили, ваши края жутко разрушены.

– Точно, – сказал Йурга, – уж чего-чего, а руин туточки было вдосталь. Посмотрите внимательней, почти на каждой халупе, за каждым забором все бело от новой тесины. А за рекой, вот увидите, там еще хуже было, там под корень все погорело... Ну что ж, война войной, а жить надоть. Самую-то заваруху мы пережили, когда Черные катились через нашу землю. Точно, тогда казалось, все они тута спалят и вытопчут. Многие из тех, что тогда сбегли, так и не возвратились. А на их местах поселились новые. Жить-то надоть.

– Факт, – буркнул Геральт. – Жить надо. Не важно, что было. Жить надо.

– Это точно, господин. Ну, получайте. Зашил вам портки, залатал. Будут что новые. Это как с нашей землей, господин Геральт. Разодрали ее войной, перепахали, словно плугом прошли, бороной, исковеркали. Но теперича будет как новая. И еще лучше уродит. Даже те, что в той земле погнили, добру послужат, удобряют почву. Щас-то пахать трудно – кости, железяки всюду на полях, но земля и с железом управится.

– Не боитесь, что нильфгаардцы... что Черные вернутся? Если уж однажды нашли путь через горы...

– А как же. Страшно. Однако что ж? Сесть и сопли распускать? Трястись? Жить надоть. А что будет, то будет. Того, что предназначено, не избежать.

– Веришь в Предназначение?

– А как же не верить-то? Опосля того как мы на мосту встренулись, на урочище, как вы меня от смерти спасли? Ох, господин ведьмак, бухнется вам моя Златулина в ноги...

– Прекрати. Честно говоря, я тебе больше обязан. Там, на мосту... Ведь это моя работа, Йурга, моя профессия. Я защищаю людей за деньги. Не по доброте душевной. Признайся, Йурга, ты слышал, что люди болтают о ведьмаках? Мол, неведомо, кто еще хуже – они или чудовища, которых они убивают...

– Неправда ваша, господин, не знаю, почему вы так говорите. Что ж, али у меня глаз нету? Вы тоже из той же самой глины вылеплены, что и та лекарьша...

– Висенна...

– Она нам себя не назвала. Но ведь она мчалась за нами галопом, потому как знала, что

потребна, догнала вечером, сразу занялась вами, едва с седла соскочила. Да, господин, намучилась она с вашей ногой, от этой магии аж воздух звенел, а мы со страху в лес драпанули. У нее потом из носа кровь пошла. Непростая, видать, штука – колдовать. И так заботливо вас перевязывала, ну прям-таки как...

– Как мать? – Геральт стиснул зубы.

– Во-во. Точно сказали. А когда уснули...

– Ну, Йурга?

– Она едва на ногах держалась, бледная была как полотно. Но пришла, спрашивала, не нужно ли кому из нас помощи. Вылечила смолокуру руку, которую ему стволом пришибло. Гроша не взяла да еще и лекарства оставила. Нет, господин Геральт, на свете, знаю, мало ли что о ведьмаках болтают, да и о чародеях тоже. Но не у нас. Мы, из Верхнего Соддена, и люди из Заречья лучше знаем. Слишком многим мы чародеям обязаны, чтобы не знать, какие они. Память о них у нас не в сплетнях и трепотне, а в камне высечена. Увидите, как только роща кончится. Да вы и сами, надо думать, лучше знаете. Битва-то была – на весь мир слышать, а едва год минул. Должны были слышать.

– Не было меня здесь, – буркнул ведьмак. – Год не было. На Севере я был. Но слышал... Вторая битва за Содден...

– В сам раз. Сейчас увидите холм и камень. Раньше-то мы этот холм называли просто: Коршунья гора, а ныне все говорят: Холм Чародеев, или Холм Четырнадцати. Потому как двадцать два их было на том холме, двадцать и два чародея там бились, а четырнадцать пало. Страшный был бой, господин Геральт. Земля дыбом вставала, огонь валил с неба, что твой дождь, молнии били... Мертвые валялись, аж жуть. Но превозмогли чародеи Черных, одержали Силу, коя их вела. А четырнадцать все же пали в той битве. Четырнадцать сложили живот свой. Что, господин? Что с вами?

– Ничего. Продолжай, Йурга.

– Страшный был бой, ох, если б не те чародеи с Холма, кто знает, может, не болтали бы мы с вами сегодня тут, домой поврачаючись, потому как и дома-то не было бы, и меня, и, может, вас... Да, всё чародеи. Четырнадцать их сгинуло, нас защищая, людей из Соддена и Заречья. Ну конечно, другие тоже там бились, воины и рыцари, да и крестьяне, кто мог, схватили вилы да мотыги, а то и просто колья... Все стояли насмерть, и множество полегло. Но чародеи... Не фокус воину погибать, потому как это ж его специальность, а жизнь короткая. Но ведь чародеи могут жить, сколь им хочется. А не задумались...

– Не колебались, – сказал ведьмак, потирая рукой лоб. – Не колебались. Я был на Севере...

– Вы что, господин?

– Так, ничего.

– Да... Так мы туда, все с округи, цветы все время носим, на тот Холм, а майской порой, на Беллетэйн, завсегда там огонь горит. И во веки веков гореть будет. И вечно жить они будут в памяти людской, те четырнадцать. А такая жизнь в памяти – это ж... это... Нечто побольше! Больше, господин Геральт!

– Ты прав, Йурга.

– Каждый ребенок у нас знает имена тех четырнадцати, выбитые на камне, что на вершине Холма стоит. Не верите? Послушайте: Алекс по кличке Рябой, Трисс Меригольд, Атлан Курк,

Ваньелле из Бругге, Дагоберт из Воле...

– Прекрати, Йурга.

– Что с вами, господин? Бледный как смерть!

– Нет, ничего. 7

Он поднимался на Холм медленно, осторожно, вслушиваясь в работу сухожилий и мускулов в магически вылеченной ноге. Хотя рана вроде бы полностью затянулась, он по-прежнему берег ногу и старался не опираться на нее всем телом. Было жарко, аромат трав бил в голову, дурманил, но дурманил приятно.

Обелиск стоял не в центре плоско срезанной вершины, а был слегка сдвинут вглубь, за пределы круга из угловатых, словно позвонки, камней. Если б он поднялся сюда перед самым заходом солнца, то тень менгира, падая на круг, точно прошла бы по его диаметру, указав направление, куда были обращены лица чародеев во время битвы. Геральт глянул туда, на бескрайние холмистые поля. Если там еще оставались кости полегших, а они там были наверняка, то их скрывала буйная трава. Там парил ястреб, спокойно наворачивавший круги на широко раскинутых крыльях. Единственная подвижная точка среди замершего в жаре ландшафта.

Обелиск был широкий у основания, чтобы его охватить, пришлось бы соединить руки по меньшей мере пяти-шести человек. Было ясно, что без помощи магии его втащить наверх не удалось бы. Обращенная к каменному позвоночнику плоскость менгира была гладко отесана, на ней виднелись выбитые рунические письмена.

Имена тех четырнадцати, что погибли.

Он медленно подошел. Йурга был прав. У основания обелиска лежали цветы – обычные полевые цветы: маки, люпины, просвирняки, незабудки. Он медленно читал сверху, а перед его глазами возникали лица тех, кого он знал.

Веселая Трисс Меригольд с каштановыми волосами, хохочущая по любому поводу, выглядевшая как девчонка. Он любил ее. И она его тоже.

Лоудбор из Мурривеля, с которым когда-то он чуть было не подрался в Вызиме, когда поймал волшебника на махинациях с костями во время игры при помощи тонкого телекинеза.

Литта Нейд по прозвищу Коралл. Прозвище ей дали из-за цвета губной помады, которой она пользовалась. Литта когда-то накапала на него королю Белогуну, да так, что ему пришлось неделю отсидеть в яме. Когда его выпустили, он отправился к ней, чтобы узнать о причинах. Не заметил, как оказался у нее в постели, и провел там вторую неделю.

Старый Горазд, который хотел уплатить ему сто марок за право исследовать его глаза и предложил тысячу за возможность провести вскрытие, «не обязательно сейчас», как он тогда выразился.

Оставались три имени, и в этот момент он услышал за спиной легкий шорох и обернулся.

Она была босая, в простом льняном платице. На длинных светлых волосах, свободно спадающих на плечи и спину, лежал венок, сплетенный из маргариток.

– Привет, – сказал он.

Она подняла на него холодные глаза, но не ответила.

Он отметил, что она почти совсем не загорела. Это было странно сейчас, в конце лета, когда деревенские девушки обычно загорали дочерна, ее лицо и открытые руки лишь слегка золотились.

– Принесла цветы?

Она улыбнулась, опустив ресницы. Он почувствовал холод. Она прошла мимо, не произнеся ни слова, опустилась на колени у основания менгира, коснулась ладонью камня.

– Я не приношу цветов, – слегка подняла она голову. – А те, что лежат, для меня.

Он глядел на нее. Она стояла на коленях так, что заслоняла от глаз последнее имя, высеченное на камне. Она была светлой, неестественно светлой, какой-то даже светящейся на темном фоне менгира.

– Кто ты? – медленно спросил он.

Она улыбнулась, и снова повеяло холодом.

– Не знаешь?

«Знаю, – подумал он, глядя в холодную голубизну ее глаз. – Да, кажется, знаю».

Он был спокоен. Иначе он не умел. Уже не умел.

– Меня всегда интересовало, как ты выглядишь, госпожа.

– Не надо меня так величать, – тихо ответила она. – Ведь мы знакомы много лет.

– Верно, – подтвердил он. – Говорят, ты все время идешь следом. Не отступая ни на шаг.

– Иду. Но ты никогда не оглядывался. До сих пор. Сегодня оглянулся впервые.

Он молчал. Ему нечего было сказать. Он устал.

– Как... как это произойдет? – спросил он наконец, холодно и без эмоций.

– Я возьму тебя за руку, – сказала она, глядя ему в глаза. – Возьму за руку и поведу через луг. В туман, холодный и мокрый.

– А дальше? Что там дальше, за туманом?

– Ничего, – усмехнулась она. – Дальше ничего. Ничего...

– Ты шла следом за мной, – сказал он. – А догнала других, тех, с которыми я встречался на пути. Почему? Важно было, чтобы я остался один, верно? Чтобы наконец испытал страх. Признаюсь тебе. Я всегда тебя боялся, всегда. Не оглядывался из-за страха. Из-за боязни увидеть тебя идущей следом. Боялся всегда, всю жизнь, вся моя жизнь прошла в страхе. Я боялся до... сего дня.

– До этого дня?

– Да. До этого. Вот мы стоим лицом к лицу, а я не чувствую страха. Ты отняла у меня все. Даже страх.

– Почему же тогда твои глаза полны ужаса, Геральт из Ривии? Твои руки дрожат, ты бледен. Почему? Неужто так сильно боишься увидеть последнее, четырнадцатое имя, выбитое на обелиске? Хочешь, я скажу тебе, как оно звучит?

– Не надо. Я знаю его. Круг замыкается, змея погружает зубы в собственный хвост. Так должно быть. Ты и это имя. И цветы. Для нее и для тебя. Четырнадцатое имя, выбитое в камне, имя, которое я произносил среди ночи и при свете солнца, в холод, жару и дождь. Нет, я не боюсь произнести его сейчас.

– Ну так произнеси.

– Йеннифэр... Йеннифэр из Венгерберга.

– А цветы для меня.

– Давай кончать, – с трудом проговорил он. – Возьми меня за руку.

Она встала, подошла, он почувствовал исходящий от нее холод, резкий, пронизывающий холод.

– Не сегодня, – проговорила она. – Когда-нибудь – да. Но не сегодня.

– Ты взяла у меня все...

– Нет, – прервала она. – Я ничего не забираю. Я только беру за руку. Чтобы никто не был в такую минуту одинок. Один в тумане... До свидания, Геральт из Ривии. До встречи. Когда-нибудь.

Он не ответил. Она медленно повернулась и ушла. Во мглу, которая неожиданно затянула вершину Холма, во мглу, в которой исчезло все, в белую мокрую мглу, в которой растворились обелиск, лежащие у его основания цветы и четырнадцать высеченных на нем имен. Не было ничего – только мгла и мокрая, блестящая от росы трава под ногами, трава, которая пахла дурманяще, тяжело, сладко, до боли в висках, до забытья, усталости...

– Господин Геральт! Что с вами? Вы уснули? Я же говорил, вы еще слабы. Зачем было лезть на откос?

– Я уснул, – протер лицо рукой ведьмак. – Уснул, надо же... Ну ничего, Йурга, жара...

– Да уж печет – не продохнешь... Надыть ехать, господин. Пошли, я помогу вам спуститься с кручи.

– Да нет, ничего...

– Ничего, ничего. А что ж тогда качаетесь? На кой хрен лезли в гору в такую жару? Приспичило имена прочитать? Так я мог вам их и без того перечислить. Ну что с вами?

– Ничего, Йурга... Ты действительно помнишь все имена?

– Само собой.

– Давай-ка проверим, как у тебя с памятью... Последнее. Четырнадцатое. Какое?

– Ну и невера. Ни во что не верите. Проверить хотите, не вру ль? Я же сказал, эти имена у нас каждый ребенок знает. Последнее, говорите? Ну что ж, последнее – Йойоль Гретхен из Каррераса. Может, знали?

Геральт отер запястьем веки. И глянул на менгир. На все имена.

– Нет. Не знал. 8

– Господин Геральт?

– Да, Йурга?

Купец наклонил голову, некоторое время помолчал, накручивая на палец кончик тонкого ремешка, которым приводил в порядок седло ведьмака. Потом легонько ткнул кулаком в спину державшего вожжи парня.

– Садись на запасную, Поквит. Я повезу. Садитесь ко мне на козлы, господин Геральт. А ты чего возле телеги околачиваешься, Поквит? А ну давай скачи вперед! Нам тут поговорить надоть, твои уши нам ни к чему!

Плотва, следовавшая за телегой, заржала, дернула постромки, видимо, позавидовав кобыле Поквита, галопом пошедшей по тракту.

Йурга чмокнул, слегка тронул коней вожжами.

– Да, – сказал он, немного помешкав, – дело такое, господин... Я обещал вам... Тогда на мосту... Поклялся... Дал обет...

– Не надо, – быстро прервал ведьмак. – Не надо, Йурга.

– Надо, – резко сказал купец. – Мое слово не дым. То, что я дома застану, а чего не ожидал, будет ваше.

– Прекрати. Ничего мне от тебя не надо. Мы квиты.

– Нет уж, господин. Ежели я чего такое в доме застану, сталбыть, это Предназначение. А если над Предназначением посмеяться, ежели соврать – оно строго покарает.

«Знаю, – подумал ведьмак. – Знаю».

– Но... господин Геральт...

– Что, Йурга?

– Ничего в доме я не застану такого, чего б не ожидал. Ничего и уж наверняка не то, на что вы рассчитывали. Господин ведьмак, слышь-ка, Златулина, моя жена, боле детей после остатнего иметь уже не может, и уж чего-чего, а ребеночка-то дома не будет. Похоже, здорово вы маху дали.

Геральт не ответил.

Йурга тоже замолчал. Плотва снова фыркнула, дернула мордой.

– Но у меня двое сынов, – вдруг быстро проговорил Йурга, глядя вперед, на тракт. – Двое здоровых, сильных и неглупых. Ведь должен же я их куда-нито со временем определить. Один, думал, со мной по купецкому делу пойдет, а другой...

Геральт молчал.

– Что скажете? – Йурга повернул голову, взглянул на него. – Вы потребовали на мосту поклясться. Вам нужен был пацан для вашего ведьмачьего дела, ведь ничто другое. Так почему ж этот ребенок обязательно должен быть нежданный? А жданный быть не может? Двое у меня, один, сталбыть, пусть на ведьмака учится. Дело как дело. Не лучше, не хуже...

– Ты уверен, – тихо отозвался Геральт, – что не хуже?

– Защищать людей, – прищурился Йурга, – жизнь им спасать – какое это, по-вашему, дело, плохое или доброе? Те четырнадцать на Холме? Вы на том мосту? Что делали – добро или

зло?

– Не знаю, – с трудом проговорил Геральт. – Не знаю, Йурга. Порой мне кажется, что знаю. А в другой раз – сомневаюсь. Ты хотел бы, чтобы твоего сына мучили такие сомнения?

– Пусть мучают, – серьезно сказал купец. – Пусть бы мучили. А Предназначения своего никто не минует.

Ведьмак не ответил.

Тракт сворачивал к высокому откосу, к кривым березам, неведомо как державшимся на почти отвесном склоне. У берез были желтые листья. «Осень, – подумал Геральт, – снова осень». Внизу посверкивала река, белел новенький частокол сторожевой вышки, крыши домишек, ошкуренные бревна пристани. Скрипел ворот. Подходил к берегу...

...паром, гоня перед собою волну, расталкивая воду тупым носом, разгоняя плавающие на поверхности соломинки и листья, неподвижные в грязной корке пыли. Скрипели канаты, которые тянули перевозчики. Собравшаяся на берегу толпа шумела, все было в этом шуме: крик женщин, брань мужчин, плач детей, рев скота, ржание лошадей, блеяние овец. Однообразная басовая музыка страха.

– Прочь! Прочь, сдай назад, чертовы дети! – кричал конный, голова которого была обмотана окровавленной тряпкой. Его конь, погрузившись по брюхо, пробивался, высоко поднимая передние ноги, разбрызгивая воду. На пристани галдеж, крик – щитonosцы грубо расталкивали толпящихся, били куда попало наконечниками копий.

– Прочь от парома! – рычал конный, размахивая мечом. – Только армия! Прочь, не то буду головы рубить!

Геральт натянул поводья, остановил Плотву, танцующую у самого края ущелья.

По ущелью, бряцая оружием и латами, шли тяжеловооруженные воины, вздымая облака пыли, закрывающей бегущих в арьергарде магов.

– Гера-альт!

Он глянул вниз. На сброшенном с тракта возу, заполненном деревянными клетками, подскакивал и размахивал руками худощавый мужчина в вишневой курточке и шапочке с пером цапли. В клетках трепыхались, кудахтали и гоготали гуси и уры.

– Гера-альт! Это я!

– Лютик? Давай сюда!

– Прочь! Прочь от парома! – ревел на пристани конный с перевязанной головой. – Паром только для солдат! Хотите на тот берег, сукины дети, так за топоры и в лес, плоты вязать! Паром только для солдат!

– О боги, Геральт, – сопел поэт, взбираясь по склону ущелья. Его вишневая курточка была, словно снегом, усыпана птичьими перьями. – Видишь, что творится? Эти, из Соддена, наверняка проиграли бой, началось отступление. Да что я говорю, какое там отступление? Бегство, просто-напросто паническое бегство! И нам надо отсюда драпать, Геральт! На тот берег Яруги...

– Ты что тут делаешь, Лютик? Откуда взялся?

– Что делаю? – буркнул бард. – И ты еще спрашиваешь! Бегу, как все, весь день на заднице

шишки набиваю на этой колымаге! Коня ночью у меня спер какой-то стервец! Геральт, умоляю, вытащи меня из этого ада! Говорю тебе, нильфгаардцы могут тут появиться в любой момент! Кто не отгородится от них Яругой, пойдет под нож. Под нож, понимаешь?

– Не паникуй, Лютик.

Внизу, на пристани, ржание коней, силой затаскиваемых на паром, бьющих копытами по доскам. Вопли. Суматоха. Плеск воды, в которую плюхнулась телега, рев волов, выставивших морды на поверхность. Геральт смотрел, как мешки и ящики с воза перевернулись в потоке, ударились о борт парома, поплыли. Крик, проклятия, ругань. В ущелье туча пыли, топот.

– По очереди! – орал перевязанный, напирая лошадью на толпу. – Порядок, мать вашу! По очереди!

– Геральт, – простонал Лютик, хватаясь за стремяна. – Видишь, что творится? Нам ни в жизнь не попасть на паром. Солдаты переправятся, сколько успеют, а потом сожгут, чтобы им не воспользовались нильфгаардцы. Так ведь делают всегда, нет?

– Точно, – кивнул ведьмак. – Так обычно делают. Однако я не понимаю, почему такая паника? Что это, первая война, других не бывало? Как обычно, дружины королей поперебивают половину друг друга, а потом короли договоятся, подпишут мир, и оба надерутся по сему случаю. Для тех, кто сейчас ломает ребра на пристани, в принципе ничего не изменится. Так чего же ради такой шум-гам?

Лютик внимательно посмотрел на него, не отпуская стремяна.

– Похоже, у тебя паршивые сведения, Геральт, – сказал он. – Или ты не в состоянии понять их значения. Это не обычная война за наследование трона или огрызок земли. Это не стычка двух феодалов, за которой кметы наблюдают, не прерывая сенокоса.

– Тогда что же это такое? Объясни ты мне, потому как я в самом деле не знаю, что творится. Между нами говоря, меня не очень-то все это интересует, но все же объясни, будь добр.

– Подобной войны никогда еще не было, – серьезно сказал бард. – Армии Нильфгаарда оставляют за собой выжженную землю и трупы. Поля трупов. Это война на уничтожение, на полное уничтожение, Нильфгаард против всех. Жестокость...

– Нет и не было войн без жестокостей, – прервал ведьмак. – Ты преувеличиваешь, Лютик. Тут все равно как с тем паромом: так обычно делается. Этакая, я бы сказал, войсковая традиция. С тех пор, как существует мир, идущие по стране армии убивают, грабят, жгут и насилуют. Не обязательно в такой последовательности. С тех пор, как существует мир, крестьяне во время войн прячутся по лесам с бабами и скарбом, а когда приходит конец, возвращаются...

– Не в этой войне, Геральт. После этой войны некому и некуда будет возвращаться. Нильфгаард оставляет за собой пожарища, армия идет лавиной и вырубает на своем пути все и вся. Виселицы и колья растянулись на версты вдоль трактов, дымы застилают небо по всему горизонту. Ты говоришь: с тех пор, как существует мир, не было ничего такого? Это верно. Да, с тех пор как существует мир. Наш мир. Потому как, похоже, нильфгаардцы прибыли из-за гор, чтобы наш мир уничтожить.

– Бессмысленно! Кому нужно уничтожить мир? Войны не для того ведутся, чтобы уничтожать. Войны ведут по двум причинам. Одна из них – власть, другая – деньги.

– Не философствуй, Геральт! Того, что творится, философией не изменишь! Почему ты не слушаешь? Почему не видишь? Почему не хочешь понять? Поверь, Яруга не остановит нильфгаардцев. Зимой, когда река встанет, они пойдут дальше. Говорю тебе, надо бежать,

бежать аж на Север, может, туда они не дойдут. Но даже если и не дойдут, наш мир уже никогда не будет таким, как прежде. Геральт, не бросай меня здесь. Я не справлюсь сам! Не бросай меня!

– Да ты никак спятил, Лютик. – Ведьмак наклонился в седле. – Ты, похоже, совсем сбрендил, если мог подумать, что я тебя брошу. Давай руку, прыгай на коня. Тут тебе искать нечего, на паром все равно не протолкнешься. Отвезу тебя вверх по реке, поищем лодку или плот.

– Нильфгаардцы захватят нас. Они уже близко. Видел конников? Похоже, они идут прямо из боя. Поехали вниз по реке, к устью Ины.

– Перестань каркать. Мы проскользнем, вот увидишь. Вниз по реке тоже тянутся толпы людей, у каждого парома будет то же, что и здесь, все лодки, вероятно, уже захапали. Поехали вверх, против течения, не бойся, я переправлю тебя хоть на колоде.

– Тот берег едва виден!

– Прекрати ныть. Я сказал – переправлю.

– А ты?

– Забирайся на лошадь. Поговорим в пути. Эй, ты что! Только не с мешком! Хочешь, чтобы у Плотвы спина переломилась?

– Это Плотва? Но Плотва же была гнедой, а эта каштановая.

– Все мои лошади зовутся Плотвами. Ты прекрасно знаешь и перестань болтать. Я сказал – выкинь мешок. Что у тебя там, золото?

– Рукописи! Стихи! И немного жратвы...

– Выкинь в реку. Напишешь новые. А едой я поделюсь.

Лютик сделал жалостливую мину, но раздумывать не стал, а с размаху кинул мешок в воду. Запрыгнул на лошадь, устраиваясь на вьюке, схватился за Геральтов пояс.

– Вперед, вперед, – торопил он. – Нечего терять время, Геральт, давай – в лес, прежде чем...

– Перестань, Лютик, твоя паника начинает передаваться Плотве.

– Не смейся. Если б ты видел то, что я...

– Заткнись, дьявольщина. Едем, я хочу до темноты обеспечить тебе переправу.

– Мне? А ты?

– У меня есть дела по эту сторону.

– Да спятил-то, кажись, ты, Геральт. Тебе что, жизнь не мила? Какие еще дела?

– Не твоего ума... Я еду в Цинтру.

– В Цинтру? Нет уже Цинтры.

– Ты что это?

– Нет, говорю, Цинтры. Есть пепелище и куча камней. Нильфгаардцы...

– Слезай, Лютик.

– Что?

– Слезай! – Ведьмак резко обернулся. Трубадур взглянул ему в лицо и мигом слетел на землю, отступил на шаг, споткнулся.

Геральт слез медленно. Перекинул поводья через голову кобылы, минуту стоял в нерешительности, потом вытер лицо, не снимая перчатки. Присел на край ямы, оставшейся от вывороченного куста свидины с кроваво-красными плодами.

– Иди сюда, Лютик, – сказал он. – Садись и рассказывай, что с Цинтрой. Все.

Поэт сел.

– Нильфгаардцы вошли туда через перевал, – начал он после недолгого молчания. – Тысячи. Окружили армию Цинтры в долине Марнадал. Разгорелся бой, длившийся целый день от зари до ночи. Люди из Цинтры яростно сопротивлялись, но их наполовину перебили. Король погиб, и тогда их королева...

– Калантэ.

– Да. Не допустила паники, не позволила оставшимся разбежаться, собрала вокруг себя и знамени кого только смогла, они прорвались сквозь кольцо, выбрались за реку к городу. Кто сумел.

– А Калантэ?

– С горсткой рыцарей защищала переправу, прикрывала отступление. Говорили, билась, как мужчина, кидалась, словно сумасшедшая, в самый водоворот. Ее искололи пиками, когда она мчалась на нильфгаардскую пехоту. Тяжелораненую, вывезли в город. Что в манерке, Геральт?

– Водка. Хочешь?

– Пожалуй.

– Продолжай, Лютик. Говори все.

– Город в принципе не защищался, осады не было, уж некому было стоять на стенах. Остатки рыцарей с семьями, вельможи и королева... забаррикадировались во дворце. Нильфгаардцы взяли дворец с ходу, их маги в пыль раскрошили ворота и часть стены. Не поддавался только донжон, видимо, был сильными чародеями заговорен, потому что сопротивлялся нильфгаардской магии. И все же через четыре дня нильфгаардцы ворвались в покои. Но не застали никого живого. Никого. Женщины убили детей, мужчины убили женщин и кинулись на мечи либо... Что с тобой, Геральт?

– Продолжай, Лютик.

– Либо... как Калантэ... Головой вниз с балкона, с самого верха. Говорят, просила, чтобы ее... Никто не хотел. Тогда она доползла до балкона и... головой вниз. Рассказывают, с ее телом делали ужасные вещи. Не хочу об этом... Что с тобой, Геральт?

– Ничего, Лютик... В Цинтре была... девочка. Внучка Калантэ, лет десяти-одиннадцати. Ее звали Цири. О ней слышал что-нибудь?

– Нет. Но в городе и дворце была жуткая резня, и почти никто не уцелел. А из тех, кто

защищал башню, не выжил никто, я же сказал. Большинство женщин и детей из самых знатных родов были именно там.

Ведьмак молчал.

– Калантэ, – спросил Лютик. – Ты знал ее?

– Знал.

– А девочку, о которой спрашиваешь? Цири?

– И ее знал.

От реки понесло ветром, по воде пошла рябь, ветер рванул ветки. С них мерцающей пылью полетели листья. «Осень, – подумал ведьмак. – Снова осень».

Он встал.

– Ты веришь в Предназначение, Лютик?

Трубадур поднял голову, глянул на него широко раскрытыми глазами.

– Почему ты спрашиваешь?

– Ответь.

– Ну... верю.

– А знаешь ли ты, что одного Предназначения мало? Что надобно нечто большее?

– Не понимаю.

– Не ты один. Но так оно и есть. Надо нечто большее. Проблема в том, что я... Я уже никогда не узнаю, что именно.

– Что с тобой, Геральт?

– Ничего, Лютик. Давай садись. Едем, день пропадает. Как знать, сколько времени нам потребуется, чтобы найти лодку, а лодка нужна будет большая. Не оставлять же Плотву.

– Переправимся вместе? – обрадовался поэт.

– Да. На этом берегу мне уже искать нечего. 9

– Йурга!

– Златулина!

Она бежала от ворот, развевая выпроставшимися из-под платка волосами, спотыкаясь, крича. Йурга бросил вожжи слуге, прыгнул с телеги, помчался навстречу, ухватил ее за талию, крепко поднял, закружил, завертел.

– Я приехал, Златулинка! Вернулся!

– Йурга!

– Вернулся! Эй, раскрывайте ворота! Хозяин вернулся! Эх, Златулинка!

Она была мокрая, пахла мылом. Видимо, стирала. Он поставил ее на землю, но и тогда она,

вцепившись, не отпускала его, дрожащая, теплая.

– Веди в дом, Златулина.

– Боги, ты вернулся... Ночей не спала... Йурга... Я не спала по ночам.

– Я вернулся. Ох, вернулся. И богато вернулся. Видишь телегу? Эй, погоняй, заезжай в ворота! Видишь воз, Златулинка? Много добра везу, потому как...

– Йурга, что мне добро, что мне воз... Ты вернулся... Здоровый... Целый...

– Богато вернулся, говорю. Сейчас увидишь...

– Йурга? А это кто? Вон тот, в черном? Боги, он с мечом...

Купец обернулся. Ведьмак слез с коня, отвернувшись, делая вид, будто поправляет подпругу и вьюки. Не глядел на них, не подходил.

– Потом расскажу. Ох, Златулинка, если б не он... А где дети? Здоровы?

– Здоровы, Йурга, здоровы. В поле пошли, ворон стрелять, но соседи им дадут знать, что ты дома. Тотчас примчатся, все трое...

– Трое? Откуда? Златуля? Да ты уж не...

– Нет... Но надобно тебе кое-что сказать... Не станешь злиться?

– Я? На тебя?

– Я приютила девчушку. От друидов взяла, знаешь, от тех, что после войны детей спасали... Собирали по лесам бездомных и потерявшихся... Едва живых... Йурга. Ты злишься?

Йурга приложил ладонь ко лбу, оглянулся. Ведьмак медленно шел следом за телегой, ведя лошадь под уздцы. На них не глядел, все время отводил взгляд.

– Йурга?

– О боги, – простонал купец. – О боги! Златулина... Такое, чего я не ожидал! Дома!

– Не злись, Йурга... Вот увидишь, как ты ее полюбишь. Девочка умненькая, милая, работающая... Немного странная. Не хочет говорить откуда, сразу плачет. Ну я и не спрашиваю. Йурга, знаешь, я ведь всегда хотела, чтобы была дочка... Что с тобой?

– Ничего, – проговорил он тихо. – Ничего. Предназначение. Всю дорогу он во сне говорил, бредил, ничего, только Предназначение да Предназначение... О боги... Не нашего ума это... Златулина. Не понять нам, что думают такие, как он. Что видят во сне. Не нашего это разума...

– Папа!

– Надбор! Сулик! Ну и выросли, ну бычки, истые бычки! А ну живо ко мне! Живо...

Он осекся, увидев маленькую, худенькую, пепельноволосую девочку, медленно бредущую за мальчиками. Девочка взглянула на него, он увидел огромные глаза, зеленые, как весенняя травка, блестящие, как две звездочки. Увидел, как девочка вдруг срывается, как бежит, как... Услышал, как она кричит, тоненько, пронзительно...

– Геральт!

Ведьмак отвернулся от коня мгновенным ловким движением. И побежал навстречу. Йурга изумленно смотрел на него. Никогда он не думал, что человек может двигаться так быстро.

Они встретились на середине двора. Пепельноволосая девочка в сером платье и белоголовый ведьмак с мечом на спине, весь в горящей серебром черной коже. Ведьмак мягкими прыжками, девочка трусцой, ведьмак на коленях, тонкие ручки девочки вокруг его шеи, пепельные, мышино-серые волосы на его плечах. Златулина глухо вскрикнула. Йурга обнял ее, молча прижал к себе, другой рукой обхватил и прижал мальчиков.

– Геральт! – повторяла девочка, прильнув к груди ведьмака. – Ты нашел меня! Я знала! Я всегда знала! Я знала, что ты меня отыщешь!

– Цири!

Йурга не видел его лица, спрятавшегося в пепельных волосах. Он видел только руки в черных перчатках, сжимающие плечи и руки девочки.

– Ты нашел меня! Ах, Геральт! Я все время ждала тебя! Я так ужасненько долго... Мы будем вместе, правда? Теперь будем вместе, да? Скажи, ну скажи, Геральт! Навсегда! Скажи!

– Навсегда, Цири!

– Так как говорили, Геральт! Как говорили... Я – твоё Предназначение? Ну скажи? Я – твоё Предназначение?

Йурга увидел глаза ведьмака. И очень удивился. Он слышал тихий плач Златулины, чувствовал, как дрожат ее руки. Глядел на ведьмака и ждал, весь напряженный, его ответа. Он знал, что не поймет этого ответа, но ждал его. Ждал. И дождался.

– Ты – нечто большее, Цири. Нечто большее.

Кровь эльфов

Глава первая

Elaine blath, Feainnewedd

Dearme aen a'caelme tedd

Eigean evelienn deireadh

Que'n esse, va en esseath

Feainnewedd, elaine blath! «Цветочек». Колыбельная песня и популярная детская считалка эльфов

Истинно, истинно говорю вам, придет век Меча и Топора, век Волчьей Пурги. Придет Час Белого Хлада и Белого Света. Час Безумия и Час Презрения, Tedd Deireadh. Час Конца. Мир

умрет, погруженный во мрак, и возродится вместе с новым солнцем. Воспрянет он из Старшей Крови, из Hen Ichaer, из зерна засеянного. Зерна, кое не прорастет, не проклюнется, но возгорится Пламенем.

Ess'tuath esse! Да будет так! Внимайте знамениям! А каковы будут оные, глаголю вам: вначале изойдет земля кровью Aen Seidhe. Кровью Эльфов... Aen Ithlinnespeath, пророчество Ithlinne Aegli aep Aeuenien

Город горел.

Забитые дымом узкие улочки, ведущие ко рву, к первой террасе, полыхали жаром, языки пламени пожирали притулившиеся друг к другу соломенные крыши домов, лизали стены замка. С запада, от портовых ворот, накатывался крик, звуки яростного боя, глухие, сотрясающие стены удары тарана.

Нападающие неожиданно окружили их, проломив баррикаду, которую защищали немногочисленные солдаты, горожане с алебардами и арбалетчики. Покрытые черными попонами кони призраками перелетали через заграждения, блестящие мечи разили отступающих защитников.

Цири почувствовала, как везущий ее на луке седла рыцарь резко осадил коня. Услышала его крик. «Держись, – кричал он. – Держись!»

Другие рыцари в цветах Цинтры опередили их, с ходу сцепились с нильфгаардцами. Цири видела это всего лишь одно мгновение, краешком глаза – бешеный водоворот сине-зеленых и черных плащей, лязг стали, удары клинков по щитам, ржание лошадей...

Крик. Нет, не крик – вой.

«Держись!»

Страх. Каждый рывок, каждый удар, каждый скачок коня до боли рвет стискивающие ремень руки. Ноги, сведенные болезненной судорогой, не находят опоры, глаза слезятся от дыма. Обхватившая ее рука душит, давит, чуть ли не ломает ребра. Вокруг нарастает крик, какого она никогда раньше не слышала. Что надо сделать с человеком, чтобы он так кричал?

Страх. Сковывающий волю, парализующий, удушающий страх.

Опять лязг железа, храп коней. Дома вокруг пляшут, исходящие огнем окна неожиданно оказываются там, где только что была забитая грязью улочка, усеянная трупами, заваленная пожитками беглецов. Рыцарь у нее за спиной вдруг заходится странным хриплым кашлем. На вцепившиеся в ремень руки хлещет кровь. Крик. Свист стрел.

Падение, болезненные удары о доспехи. Рядом бьют копыта, над головой проносится конское брюхо и разорванная сбруя, снова конское брюхо, развевающийся черный плащ, звуки ударов наподобие тех, что издает лесоруб, валяющий дерево. Но это не дерево, это железо о железо. Крик, сдавленный и глухой, совсем рядом валится в грязь что-то черное и огромное, разбрызгивая кровь. Закованная в железо нога дергается, раздирает землю огромной шпорой.

Рывок. Какая-то сила подхватывает ее, затягивает на седло. «Держись!» Опять галоп. Руки и ноги отчаянно ищут опоры. Конь становится на дыбы. «Держись!» Нет опоры. Нет... Нет... Кровь. Конь падает. Нельзя отскочить, нельзя выбраться, вырваться из тисков покрытых кольчугой рук. Нельзя укрыться от крови, хлещущей на голову, на шею.

Рывок, чавканье грязи, резкий удар о землю, удивительно неподвижную после дикой скачки. Хрип и пронзительный визг коня, пытающегося поднять круп. Удары подков, мелькающие бабки и копыта. Черные плащи и попоны. Крик.

На улице огонь, ревушая красная стена огня. На ее фоне наездник, огромный, уходящий, кажется, выше пылающих крыш. Покрытый черной попоной конь пляшет, мотает головой, ржет.

Наездник глядит на нее. Цири видит, как блестят его глаза в прорези огромного шлема, украшенного крыльями хищной птицы. Видит отблеск пожара на широком клинке меча, который тот держит в низко опущенной руке.

Наездник глядит. Цири не может пошевелиться. Ей мешают одеревеневшие руки убитого, охватывающие ее талию. Удерживает что-то тяжелое и мокрое от крови, что лежит у нее на бедре и притискивает к земле.

И еще ей не дает двигаться страх. Чудовищный, выворачивающий все внутри страх, из-за которого Цири уже не слышит стон раненого коня, рев пожара, крики убиваемых людей и грохот барабанов. Единственное, что существует, с чем приходится считаться, что имеет значение, это страх. Страх в обличье черного рыцаря с украшенным перьями шлемом, рыцаря, застывшего на фоне кроваво-красной стены бушующего пламени.

Наездник сдерживает коня, крылья хищной птицы на его шлеме расправляются, птица устремляется в полет. Кидается на беззащитную, парализованную страхом жертву. Птица – а может, рыцарь – кричит, вопит страшно, жутко, торжествующе. Черный конь, черные доспехи, черный развевающийся плащ, а за всем этим огонь, море огня.

Страх.

Птица верещит. Крылья трепещут, перья бьют по лицу. Страх!

«На помощь! Почему мне никто не помогает? Я одинокая, я маленькая, беззащитная, я не могу пошевелиться, даже звука не могу издать перехваченным судорогой горлом. Почему никто не приходит мне на помощь?»

Я боюсь!»

Горящие в прорези огромного крылатого шлема глаза. Черный плащ заслоняет все вокруг...

– Цири!

Она просыпается вся в поту, застывшая, а ее собственный крик, крик, разбудивший ее, все еще дрожит, вибрирует где-то внутри, в груди, разрывает высохшее горло. Болят вцепившиеся в попону руки, болит спина...

– Цири, успокойся.

Кругом – ночь, темная и ветреная, монотонно и мелодично шумящая кронами сосен, поскрипывающая стволами. Уже нет ни пожара, ни крика, осталась только эта шумящая колыбельная. Рядом играет огнем и пышет теплом костер бивака, пламя вспыхивает на пряжках упряжи, горит пурпуром на рукояти меча и оковке ножен, прислоненных к лежащему на земле седлу. Нет другого огня, другого железа. Касающаяся ее щеки рука пахнет кожей и пеплом. Не кровью.

– Геральт...

– Это был всего лишь сон. Скверный сон.

Цири дрожит, сжимает руки, подбирает ноги.

Сон. Всего лишь сон.

Костер уже успел пригаснуть, березовые чурки стали красными и прозрачными, потрескивают, то и дело стреляя голубоватым пламенем. Пламя освещает белые волосы и резкий профиль мужчины, который укутывает ее попоной и накрывает колушкой.

– Геральт, я...

– Я рядом. Спи, Цири. Тебе надо отдохнуть. Нас еще ждет долгая дорога.

«Я слышу музыку, – вдруг подумала она. – В этом шуме... таится музыка. Звуки лютни. И голоса. Княжна из Цинтры... Дитя Предназначения... Дитя Старшей Крови, крови эльфов. Геральт из Ривии, Белый Волк и его Предназначение. Нет, нет, это легенда. Вымысел поэта. Ее нет. Она мертва. Ее убили на улицах города, когда она убегала...»

«Держись... Держись...»

– Геральт?

– Что, Цири?

– Что он со мной сделал? Что тогда произошло? Что он... со мной сделал?

– Кто?

– Рыцарь... Черный рыцарь с перьями на шлеме... Ничего не помню. Он кричал... и смотрел на меня. Я не помню, что случилось. Помню только, что боялась. Ужасненько боялась...

Мужчина наклонился, пламя костра заплесало в его глазах. Станных глазах. Очень странных. Когда-то Цири боялась этих глаз, не любила в них глядеть. Но это было давно. Очень давно.

– Ничего не помню, – шепнула она, ища его руку, жесткую и шершавую, как необработанное дерево. – Черный рыцарь...

– Это был сон. Спи спокойно. Это больше не повторится.

Цири уже слышала подобные заверения. Давно. Ей множество раз повторяли их, множество, множество раз успокаивали, когда она просыпалась среди ночи от собственного крика. Но теперь было иначе. Теперь она верила. Ведь теперь это говорил Геральт из Ривии, Белый Волк. Ведьмак. Тот, который был ее Предназначением. Которому она была предназначена. Ведьмак Геральт, отыскавший ее в хаосе войны, смерти и отчаяния. Геральт, который взял ее с собой и обещал никогда не расставаться.

Она уснула, не отпуская его руки.

Бард кончил песнь. Слегка наклонил голову, проиграл на лютне основную мелодическую линию баллады, тонко, тихо, чуть-чуть громче, чем аккомпанирующий ему ученик.

Никто не проронил ни слова. Кроме затихающей музыки, был слышен только шум листвы и поскрипывание ветвей огромного дуба. А потом вдруг протяжно заблеяла коза, привязанная к стоящему у древнего дерева возу. Тогда, будто по сигналу, один из слушателей встал. Отбросил за спину темно-синий, изукрашенный золотом плащ, чопорно и изысканно поклонился.

– Благодарим тебя, маэстро Лютик, – проговорил он звонко, но негромко. – Да будет

позволено мне, Радклиффу из Оксенфурта, магистру Магических Тайн, от всех здесь собравшихся выразить признание твоему возвышенному искусству и благодарность твоему таланту.

Чародей обвел взглядом более сотни собравшихся у основания дуба тесным полукругом, стоявших в стороне, сидевших на возах. Слушатели кивали головами, шептали. Некоторые начали хлопать, другие благодарили певца поднятием рук. Растроганные женщины шмыгали носами и вытирали глаза чем могли, в зависимости от профессии, общественного и имущественного положения: кметки – предплечьем или тыльной стороной ладони, купеческие жены – льняными тряпочками, эльфки и дворянки – батистовыми платочками, а три дочери комеса Вилиберта, который ради выступления известного всем трубадура прервал со своей свитой соколиную охоту, громко и смачно сморкались в изящные шелковые шарфики цвета пожухшей зелени.

– Не будет преувеличением, – продолжал чародей, – сказать, что ты, маэстро Лютик, растрогал нас до глубины души, заставил задуматься и воспарить, тронув наши сердца. Да будет мне дозволено, повторяю, выразить тебе наше уважение.

Трубадур встал и поклонился, обметая колени пером цапли, приколотым к фантазийной шапочке. Ученик прервал игру, заулыбался и тоже поклонился, но маэстро Лютик грозно глянул на него и что-то буркнул вполголоса. Паренек опустил голову и снова принялся тихо брнчать на струнах лютни.

Собравшиеся оживились. Купцы из каравана, пошептавшись, выкатили к дубу солидный бочонок пива. Чародей Радклифф погрузился в тихую беседу с комесом Вилибертом. Дочери комеса перестали сморкаться и влюбленно таращились на Лютика. Бард не замечал их взглядов, поскольку полностью был поглощен тем, что раздаривал улыбки, подмигивал и демонстрировал блеск зубов гордо молчавшей группе странствующих эльфов, в особенности же одной из эльфов, темноволосой и глазастой красавице в маленьком горностаевом токе. Не обошлось и без конкурентов – обладательницу огромных глаз и прелестного тока заметили и тоже ласкали взглядами его слушатели – рыцари, жаки и ваганты. Эльфка, явно польщенная вниманием, пощипывала кружевные манжетики блузки и трепетала ресницами, но эльфы из ее группы плотно окружали ее, не скрывая неприязни к потенциальным волокитам.

Поляна у дуба Блеобхериса, место частых встреч, вече, стоянок путешественников и странствующих, славилась терпимостью и открытостью. Опекающие гигантское дерево друиды именовали поляну Местом Дружбы и охотно привечали здесь любого желающего. Но даже при таких исключительных событиях, как только что закончившееся выступление всесветно известного трубадура, путники держались обособленными группками. Эльфы кучковались с эльфами. Ремесленники-краснолюды тяготели к вооруженным до зубов побратимам, нанятым в качестве охраны купеческого каравана, и терпели рядом с собой разве что горняков-гномов да фермеров-низушков. Все нелюди вели себя сдержанно по отношению к людям. Люди платили нелюдям той же монетой, но и среди них тоже не заметно было особого единения. Знать с презрением поглядывала на купцов и лоточников, а солдаты и кнехты сторонились пастухов в духовитых кожных. Немногочисленные чародеи и их ученики полностью обособлялись, всех вокруг справедливо считая грубиянами. Фон же образовывала плотная, темная, угрюмо молчавшая толпа кметов. Эти, лесом вздымающихся над головами граблей, вил и цепов напоминая армию, игнорировали все и вся.

Исключением, как обычно, были дети. Покончив с необходимостью соблюдать тишину во время выступления барда, ребятня с дикими визгами и криками помчалась в лес, чтобы там целиком отдалась играм, правила которых были совершенно непонятны тем, кто уже успел распрощаться с розовыми годами детства. Маленькие человечки, эльфики, краснолюдики, низушки, гномы, полуэльфы, четвертьэльфы и малышня загадочного происхождения не знали

и не признавали ни расовых, ни социальных различий. Пока что.

– Действительно! – выкрикнул один из находящихся на поляне рыцарей, худой как жердь дылда в красно-черном суконном кафтане, украшенном тремя шагающими на задних лапах львами. – Господин чародей прекрасно сказал! Это были прелестные баллады, милсдарь Лютик, клянусь честью. Ежели когда-нибудь вам доведется побывать вблизи Лысорога, владений моего сеньора, загляните, не задумываясь ни на миг. Угостим по-княжески, да что там, прям-таки по-королевски, не хуже короля Визимира! Клянусь мечом, слыхивал я множество менестрелей, только куда им до вас, маэстро. Примите от нас, высокородных и посвященных в рыцари, уважение и почтение вашему искусству!

Безошибочно учуяв соответствующий момент, трубадур подмигнул ученику, тот отложил лютню и поднял с земли шкатулочку, служившую для сбора более существенных выражений признательности. Поколебавшись, он повел глазами по толпе, потом отложил шкатулку и поднял стоявшее рядом средних размеров ведро. Маэстро Лютик ласковой ухмылкой одобрил сообразительность паренька.

– Маэстро! – воскликнула дородная женщина, сидевшая на загруженном изделиями из ивовых прутьев возу с надписью «ВЭРА ЛЁВЕНХАУПТ И СЫНОВЬЯ». Впрочем, сыновей не было видно, похоже, они занимались тем, что активно транжирили нажитое мамашей состояние. – Маэстро Лютик, ну как же ж так? Вы оставляете нас в неведении! Ведь же ж не конец баллады? Пропойте-ка, что было дале-то?

– Песни и баллады, – поклонился артист, – никогда не оканчиваются, милсдарыня, ибо поэзия вечна и бессмертна, ей не ведомы ни начала, ни концы...

– Но что было дале-то? – не сдавалась торговка, щедро и звонко сыпанув монеты в ведро, подставленное учеником. – Скажите хотя б, ежели нет охоты петь. В ваших песнях вовсе не было имен, но мы же ж знаем, что воспеваемый вами ведьмак – не кто иной, как известный всем Геральт из Ривии, а чародейка, которая распалила в его грудях любовный, как вы поете, жар, это не менее известная Йеннифэр. Что же до Неожиданного Дитяти, обещанного и предназначенного ведьмаку, так это же ж Цирилла, несчастная княжна из разрушенной нападниками Цинтры. Разве ж нет?

Лютик гордо и таинственно улыбнулся.

– Я пою о проблемах универсальных, благородная благодетельница. Об эмоциях, кои могут быть уделом любого и каждого. Не о конкретных лицах.

– Как же! – крикнул кто-то из толпы. – Всем ведомо, что в песенках говорилось о ведьмаке Геральте!

– Да, да! – хором пискнули доченьки комеса Вилиберта, отжимая мокрые от слез шарфики. – Спойте еще, маэстро Лютик! Как там было дальше? Встретились ли наконец ведьмак и чародейка Йеннифэр? И любили ли друг друга? А были ли счастливы? Мы желаем знать! Маэстро, ну маэстро же!

– Эй, вы там! – гортанно крикнул вожак группы краснолюдов, трясая могучей, до пояса, рыжей бородой. – Дерьмо это, все ваши княженки, чародейки, предназначения, любовь и прочие бабские бредни! Потому как все это, с вашего, господин поэт, позволения, враки, то бишь поэтический вымысел для того, чтобы поскладней было слезу выжимать. А вот военные дела, навроде резни и грабежа в Цинтре аль битвы под Марнадалем и Содденом, энти вы нам знаменито пропели, Лютик! Да, не жаль серебришком потряхнуть за такую песню, сердце воина порадовавшую! И видать было, что не привираете ничуть, это говорю я, Шелдон Скаггс, а я лжу от правды отличить умею, потому как я под Содденом был и супротив нападников нильфгаардских стоял там с топором в руке...

– Я, Донимир из Тройи, – крикнул тощий рыцарь с тремя львами на кафтане, – был в обеих битвах за Содден, да что-то вас там не видел, господин краснолюд!

– Потому как не иначе обозы стерегли! – ответил Шелдон Скагс. – А я стоял на первой линии, там, где горячше всего было!

– Думай, о чем говоришь, бородач! – пошел пурпурными пятнами Донимир из Тройи, подтягивая отягощенный мечом рыцарский пояс. – И с кем!

– Сам-то думай! – Краснолюд хватил рукой по заткнутому за пояс топору, повернулся к своим друзьям и ощерился. – Видали его? Рыцарь поиметый! А еще герб нацепил! Три льва на щите! Два пердят, а третий вонь пускает!

– Мир! Мир! – Седовласый друид в белом одеянии властным голосом упредил готовую было вспыхнуть ссору. – Не дело, милсдари. Не дело. Только не здесь, не под кроной Блеобхериса, дуба, пережившего все споры и свары этого мира! И не в присутствии поэта Лютика, баллады коего должны учить нас любви, а не пререканиям!

– Верно! – поддержал друида невысокий полный монах с блестящим от пота лицом. – Смотрите, а глаза не видят, слушаете, а уши ваши глухи. Любови божеской нету в вас, ибо вы – аки бочки порожние...

– Коли уж о бочках речь, – запищал длинноносый гном с воза, украшенного надписью «СКОБЯНЫЕ ИЗДЕЛИЯ. ИЗГОТОВЛЕНИЕ И СБЫТ», – то выкатите еще одну, господа цеховые! У поэта Лютика, надо думать, в горле першит, да и нам супротив возбуждения не худо б!

– Воистину аки бочки порожние, говорю вам! – заглушил гнома монах, не давая сбить себя с панталыку и прервать проповедь. – Ничего-то вы из Лютиковых баллад не уразумели, ничему не научились. Не поняли, что баллады сии о судьбах человеческих вещали, о том, что мы всего лишь игрушки в руках богов, а края наши – поля игрищ богов. Баллады о Предназначении говорили, о предназначении всех нас, а легенда о ведьмаке Геральте и княжне Цирилле, хоть и нарисованная на фоне недавней войны, всего лишь метафора, творение вымысла поэтического, коий тому должен был служить, дабы мы...

– Болтаешь, святой муж! – крикнула с высоты своего воза Вэра Лёвенхаупт. – Какая такая легенда? Какое еще творение вымысла? Уж кто-кто, а я Геральта из Ривии знаю, видела что ни на есть своими собственными глазами в Вызиме, где он дочку короля Фольтеста расколдовал. А потом и еще встречала на Купецком тракте, где он по просьбе Гильдии забил свирепого грифа, что на караваны нападал, и тем своим деянием многим жизнь охранил. Нет, не легенда это и не сказки. Правду, истинную правду пропел нам здесь маэстро Лютик.

– Подтверждаю, – проговорила стройная воительница с гладко зачесанными назад и заплетенными в толстую косу волосами. – Я, Райла из Лирии, также знаю Геральта Белого Волка, известного истребителя чудовищ. Видала я также не раз и не два чародейку Йеннифэр, бываючи в Аэдирне, в городе Венгерберге, где у нее жилье. Однако, что эти двое любят друг друга, не знала.

– Но это обязано быть правдой, – заметила вдруг мелодичным голосом прекрасная эльфка в горностаевом токе. – Столь прелестная баллада о любви не могла быть неправдой.

– Не могла! – поддержали эльфку дочери комеса Вилиберта и как по команде промокнули глаза шарфиками. – Ни в коем случае не могла!

– Милсдарь волшебник! – обратилась к Радклиффу Вэра Лёвенхаупт. – Любили они или нет? Вы-то уж наверняка знаете, как было в натуре у ведьмака с этой Йеннифэр. Приоткройте нам

тайну!

– Если песнь утверждает, что любили, – улыбнулся чародей, – значит, так оно и было, и любовь эта проживет столетия. Такова сила поэзии.

– Говорят, – неожиданно вступил комес Вилиберт, – Йеннифэр из Венгерберга погибла на Содденском Холме. Там сложили головы несколько чародеек...

– Неправда ваша, – сказал Донимир из Тройи. – Нету на стеле ее имени. Это мои края, я не раз бывал на Холме и читал выбитые на памятнике имена. Три чародейки там погибли: Трисс Меригольд, Литта Нейд по прозвищу Коралл... Хм... Имя третьей запомнил...

Рыцарь глянул на чародея Радклиффа, но тот только улыбнулся, не произнеся ни слова.

– Ведьмак, – неожиданно крикнул Шелдон Скагс, – тот Геральт, Йеннифэров любовник, так уж он навряд бы в земле гниет. Слышал я, прибили его где-то в Заречье. Убивал он чудовищ, убивал, да наконец нашла коса на камень. Так уж оно повелось, людишки, кто мечом воюет, от меча и гибнет. Каждому когда-нито да встретится кто получше, и – железяка в бок!

– Не верю. – Стройная воительница скривила бледные губы, зло сплюнула на землю, с хрустом скрестила на груди покрытые кольчужной сеткой руки. – Не верю, чтобы Геральт из Ривии мог встретить кого-то совершеннее себя. Мне довелось видеть, как ведьмак владеет мечом. Он прямо-таки нечеловечески быстр...

– Хорошо сказано, – заметил чародей Радклифф. – Нечеловечески. Ведьмаки – мутанты, поэтому скорость их реакций...

– Не понимаю, о чем вы, милсдарь магик. – Воительница еще презрительнее скривила рот. – Чересчур уж учены ваши слова. Я знаю одно: ни один фехтовальщик из тех, кто мне знаком, не сравнится с Геральтом из Ривии, Белым Волком. Поэтому и не верю, чтобы его победили в бою, как пытается нас убедить господин краснолюд.

– Фехтовальщик сразу срать, как врагов увидит рать, – громыхнул Шелдон Скагс. – Так говорят эльфы.

– Эльфы, – холодно заметил высокий светловолосый представитель Старшего Народа, стоящий рядом с прелестным горностаевым током, – не привыкли так грубо выражаться.

– Нет, нет! – запищали из-за зеленых шарфиков дочка комеса Вилиберта. – Ведьмак Геральт не мог погибнуть! Ведьмак нашел предназначенную ему Цири, а потом чародейку Йеннифэр, и все трое жили долго и счастливо. Правда, маэстро Лютик?

– Так то ж баллада была, мазели, – зевнул жаждущий пива гном, изготовитель скобяных изделий. – Кто ж в балладе правды ищет? Правда – одно, а поэзия – другое. Возьмем хотя бы эту... как ее там, Цирю. Знаменитую Неожиданность. Ее-то господин поэт уж и вовсе из пальца высосал. Как же, бывал я в Цинтре не раз и знаю, что тамошний король и королева в бездетстве жили, ни дочки, ни сына у них не было...

– Ложь! – крикнул рыжий мужчина в курточке из тюленьей шкуры, лоб которого был перехвачен клетчатым платком. – У королевы Калантэ, Львицы из Цинтры, была дочь Паветта. Они с мужем сгинули во время морской бури, пучина морская их поглотила. Обоих.

– Ну вот, сами видите, что не вру! – призвали всех в свидетели скобяные изделия. – Паветтой, а не Цирей звали принцессу Цинтры-то.

– Цирилла, кою звали Цири, была как раз дочкой утонувшей Паветты, – пояснил рыжий. –

Внучкой Калантэ. И не принцесса она была, а княжна Цинтры. Она-то и была предназначенным ведьмаку Ребенком-Неожиданностью, ее-то, еще до того, как она родилась, королева пообещала отдать ведьмаку, как пел маэстро Лютик. Но ведьмак не мог ее отыскать и забрать, вот тут уж господин поэт разминулся с истиной.

– Разминулся, а как же, – вклинился в разговор жилистый юноша, который, судя по одежде, мог быть подмастерьем, готовящимся к сдаче экзамена на мастера. – Ведьмак разминулся со своим Предназначением. Цирилла погибла при осаде Цинтры. Королева Калантэ сначала собственноручно убила княжну, чтобы та живой не досталась нильфгаардцам, а уж потом бросилась с башни.

– Не так все было, и вовсе не так, – запротестовал рыжий. – Княжну убили во время резни, когда она пыталась убежать из города.

– Так или иначе, – крикнули скобяные изделия, – ведьмак не нашел своей Цириллы! Поэт солгал!

– Но солгал красиво, – сказала эльфка в токе, ластясь к высокому эльфу.

– Дело не в поэзии, а в фактах! – воскликнул подмастерье. – Я говорю, что княжна погибла от руки своей бабки. Каждый, кто был в Цинтре, может это подтвердить!

– А я повторяю: ее убили на улицах, когда она бежала, – упорствовал рыжий. – Я знаю, хоть сам и не из Цинтры. Я был в дружине скеллигского ярла, который поддерживал Цинтру во время войны. Король Цинтры, Эйст Турсеах, родом, как известно, с Островов Скеллиге, а ярлу доводился дядькой. А я в ярловой дружине дрался в Марнадале и в Цинтре, а потом, после поражения, под Содденом...

– Еще один ветеран, – буркнул Шелдон Скаггс собравшимся вокруг него краснолюдам. – Сплошь герои да воины. Эй, людишки! Среди вас есть хоть один, кто б не воевал в Марнадале или под Содденом?

– Напрасно ерничаешь, Скаггс, – осуждающе проговорил высокий эльф, обнимая красотку в токе так, что у других соискателей не оставалось никаких сомнений относительно дальнейшего развития событий. – Я, к примеру, тоже участвовал в той битве.

– Интересно знать, на чьей стороне, – довольно громко шепнул Вилиберт Радклиффу.

– Известно, – продолжал эльф, даже не взглянув на комеса и чародея, – больше ста тысяч бойцов стояло в поле во второй битве за Содден, из них не меньше тридцати тысяч полегли или были покалечены. Следует поблагодарить маэстро Лютика за то, что в одной из баллад он увековечил этот великий, но страшный бой. И в словах, и в мелодии его песни я слышал не похвалу, но предупреждение. Повторяю, хвала и вечная слава вашему поэту за балладу. Она, быть может, позволит в будущем избежать повторения трагедии, которой была эта жестокая и ненужная война.

– Воистину, – сказал комес Вилиберт, с вызовом глядя на эльфа. – Любопытные штучки вы отыскиали в балладе, любезнейший. Ненужная война, говорите? Хотели бы избежать трагедии в будущем? Следует понимать, что ежели бы нильфгаардцы ударили по нам заново, вы посоветовали бы капитулировать? Покорно принять нильфгаардский хомут на шею?

– Жизнь – бесценный дар, и ее надлежит хранить, – холодно сказал эльф. – Ничто не оправдывает резни и гекатомб, каковыми были обе битвы за Содден, и проигранная, и выигранная. Обе стоили вам, людям, тысяч жизней. Вы утратили свой гигантский потенциал...

– Эльфова болтовня, – взорвался Шелдон Скаггс. – Глупый треп. Эту цену надо было заплатить, чтобы другие могли жить достойно, в мире. И не позволили Нильфгаарду заковать себя в колодки, ослепить, загнать в северные рудники и соляные копи. Те, что погибли смертью героев и теперь благодаря Лютику будут вечно жить в нашей памяти, научили нас, как защищать собственный дом. Пой свои баллады, Лютик, пой их всем. Не впустую урок, а пойдет он нам на пользу, вот увидите! Потому как не сегодня-завтра нильфгаардцы ринутся на нас снова. Вот очухаются, залижут раны, и мы снова увидим их черные плащи и перья на шлемах! Попомните мои слова!

– Чего они от нас хотят? – вздохнула Вэра Лёвенхаупт. – Что они на нас лезут? Почему не оставят нас в покое, не дадут жить и работать? Чего они хотят, эти нильфгаардцы?

– Нашей крови! – рявкнул комес Вилиберт.

– Нашей земли! – взвыл кто-то из толпы кметов.

– наших баб! – подхватил Шелдон Скаггс, грозно вылупив глаза.

Некоторые из слушателей засмеялись, но тихо и украдкой. Потому что хоть и очень уж забавным было предположение, будто кто-нибудь еще, кроме краснолюдов, мог польститься на исключительно непривлекательных краснолюдов, тема была далеко не безопасной для ехидства и шуток, особенно в присутствии невысоких, кряжистых и бородатых типов, топоры и палаши которых отличались малоприятным свойством мгновенно выскакивать из-за поясов. А краснолюды по неведомым причинам свято верили в то, что весь мир только того и ждет, как бы прихватить их жен и дочерей, и в этом смысле были невероятно возбудимы и обидчивы.

– Когда-то это должно было случиться, – заговорил вдруг седой друид. – Произойти. Мы забыли, что не одни живем на свете, что мы – не пуп этого мира. словно глупые, обожравшиеся, ленивые караси в затянутом тиной пруду, мы не верили в существование щук. Мы допустили, чтобы наш мир, как этот пруд, заилился, заболотился и провонял. Посмотрите вокруг – повсюду преступность и грех, алчность, погоня за прибылью, скандалы, несогласие, падение нравов, потеря уважения ко всем ценностям. Вместо того чтобы жить, как того требует Природа, мы принялись эту Природу уничтожать. И что имеем? Воздух заражен смрадом железоплавильных печей, курных изб, реки и ручьи отравлены отходами скотобоев и кожевенных мастерских, леса бездумно вырубаются... Даже на живой коре священного Блеобхериса, только взгляните, там, над головой поэта, вырезано бранное слово. Да еще и с ошибкой. Мало того что безобразничал вандал, так вдобавок и неуч, не умеющий писать. Чему же удивляться? Это не могло кончиться добром...

– Да, да! – подхватил толстый монах. – Опамятуйтесь, грешники, пока есть время, ибо гнев и кара божия висят над вами! Не забывайте ворожбы Итлины, ее пророческих слов о каре богов, коя падет на племя, отравленное преступлениями! Помните: «Придет Час Презрения, древо сбросит листву, почки завянут, сгниют плоды и прогоркнет зерно, а долины рек вместо воды покроются льдом! И грядет Белый Хлад, а за ним Белый Свет, и мир умрет в пурге». Так говорит вещая Итлина! И прежде чем сие случится, явятся знамения и падут несчастья, ибо знайте, Нильфгаард – это кара божия! Это бич, коим Бессмертные исхлещут вас, грешники, дабы...

– И-эх, заткнитесь, святейший! – рыкнул Шелдон Скаггс, топнув тяжеленным башмаком. – Тошнит от ваших забобонов и вздора! Кишки выворачивает...

– Осторожнее, Шелдон, – усмехнулся высокий эльф. – Не измывайтесь над чужой религией. Это и нехорошо, и неприлично, и... небезопасно.

– Ни над чем я не измываюсь, – возразил краснолюд. – Я не сомневаюсь в существовании

божеств, но меня возмущает, когда кто-нибудь вмешивает их в земные дела и дурит всех предсказаниями какой-то эльфьей идиотки. Нильфгаардцы – орудия богов? Чушь собачья! Обратитесь, люди, памятью ко временам Дезмода, Родовида, Самбука, ко временам Абрада Старого Дуба! Вы их не помните, потому как живете кратенько, навроде майской однодневки, но я-то помню и скажу вам, как было здесь, на этих землях, сразу после того как вы вылезли из ваших лодок на пляжи в устье Яруги и в дельте Понтара. Из четырех причаливших кораблей получилось три королевства, а потом те, кто посильнее, заглотали слабых и таким путем росли, укрепляли свою власть. Подчиняли себе других, поглощали их, и королевства раздувались, становились все больше и сильнее. А теперь то же самое делает Нильфгаард, потому что это сильная и сплоченная, дисциплинированная и крепкая страна. И если вы не сплотитесь так же, то Нильфгаард заглотит вас, будто щука карася, как выразился вон тот мудрый друид!

– Пусть только попробуют! – Донимир из Тройи выпятил украшенную тремя львами грудь и скрипнул мечом в ножнах. – Мы выдали им на орехи под Содденом, можем повторить.

– Уж больно вы заносчивы! – буркнул Шелдон Скаггс. – Видать, забыли, уважаемый, что, прежде чем дело дошло до второй битвы под Содденом, Нильфгаард прошелся по вашим землям словно железный каток, а трупами таких, как вы, любителей похвалиться усталал поля от Марнадаля до Заречья. И остановили нильфгаардцев вовсе не вам подобные крикливые бахвалы, а соединенные силы Темерии, Редании, Аэдирна и Каздвена. Согласие и единение – вот что их остановило!

– Не только! – бросил звучно, но очень холодно Радклифф. – Не только это, господин Скаггс.

Краснолюд громко откашлялся, высморкался, шаркнул башмаками, затем слегка поклонился чародею.

– Никто не отымает заслуг у вашей братии. Позор тому, кто не признает героизма чародеев с Содденского Холма, потому как они здорово сопротивлялись, пролили за общее дело кровь, сыграли решающую роль в победе. Не забыл о них Лютик в своей балладе, и мы тоже не забудем. Но учтите, что те чародеи, которые объединились и плечом к плечу стояли на Холме, признали верховенство Вильгефорца из Роггевеена, как и мы, бойцы Четырех Королевств, признали командование Визимира Реданского. Жаль токмо, что лишь на время войны достало у нас согласия. Потому как ныне, в мире, снова мы разделились, Визимир с Фольтестом душат друг друга пошлинами и правом торга, Демавенд из Аэдирна грызется с Хенсельтом из-за Северной Мархии, а Лиге из Хенгфорса и Тиссенидам из Ковира все это, как говорится, до свечки. Да и меж чародеев, я слышал, нет давнего согласия. Нету меж вами сплоченности, нету дисциплинированности, нету единения. А у Нильфгаарда есть!

– Нильфгаардом правит император Эмгыр вар Эмрейс, тиран и самодержец, принуждающий к послушанию кнутом, шибеницей и топором! – загрохотал комес Вилиберт. – И что же вы нам предлагаете, господин краснолюд? Во что же это нам надобно объединиться? В такую же тиранию? И который же король, которое королевство должно бы, по вашему разумению, подчинить себе остальных? В чьей руке вам хотелось бы видеть скипетр и кнут?

– А мне-то что? – пожал плечами Скаггс. – Ваше, людское дело. Впрочем, краснолюда вы королем не изберете. Это уж точно.

– И ни эльфа, ни даже полуэльфа, – добавил высокий представитель Старшего Народа, продолжая обнимать красотку в токе. – Даже четвертьэльф идет у вас самым низшим сортом...

– Эва как вас заело, – рассмеялся Вилиберт. – В ту же дуду дуετε, что и Нильфгаард, потому что Нильфгаард тоже кричит о равенстве, обещает вам возвращение к давним порядкам, как только нас подомнет под себя и с этих земель выкинет. Этакое единение, этакое равенство

вам мнится, о таком вы болтаете, такое проповедуете? Потому как Нильфгаард вам за это золотом платит! И неудивительно, что вы так с ними лобызаетесь, ведь они же эльфья раса, эти ваши нильфгаардцы...

– Чепуха, – холодно сказал эльф. – Глупости, милсдарь рыцарь. Расизм вам явно глаза затуманил. Нильфгаардцы такие же люди, как и вы.

– Наглая ложь! Все знают: это потомки Черных Сеидхе! В их жилах течет эльфья кровь. Кровь эльфов.

– А в ваших жилах что течет? – насмешливо улыбнулся эльф. – Мы из поколения в поколение смешиваем нашу кровь, из столетия в столетие, мы и вы, и получается это прекрасно, не знаю только, к счастью или наоборот. Смешанные браки вы начали осуждать четверть века назад, кстати сказать, с жалкими результатами. Ну покажите-ка мне сейчас человека без примеси Seidhe Ichaer, крови Старшего Народа.

Вилиберт заметно покраснел. Покраснела также Вэра Лёвенхаупт. Наклонил голову и закашлялся чародей Радклифф. Что интересно, зарумянилась даже прекрасная эльфка в горностаевом токе.

– Все мы – дети Матери Земли, – раздался в тишине голос седовласого друида. – Дети Матери Природы. И хоть не чтим мы ее, хоть порой доставляем ей огорчения и боль, хоть разрываем ей сердце, она любит нас, любит нас всех. Не забывайте об этом вы, собравшиеся здесь, в Месте Дружбы. И к чему выяснять, кто из нас был здесь первым, ибо первым был выброшенный волной на берег Желудь, а из Желудя возрос Великий Блеобхерис, самый древний из дубов. Стоя под ветвями Блеобхериса, меж его извечных корней, не следует забывать о наших собственных, братских корнях, о земле, из коей корни эти вырастают. Будем помнить о словах песни поэта Лютика...

– Кстати! – крикнула Вэра Лёвенхаупт. – А где же он?

– Смылся, – констатировал Шелдон Скаггс, взирая на пустое место под дубом. – Заграбастал денежки и смылся, не попрощавшись. Воистину по-эльфьему!

– По-краснолюдски! – пропищали скобяные изделия.

– По-человечьи, – поправил высокий эльф, а красotka в токе прислонилась головкой к его плечу.

– Эй, музыкант, – бросила бордель-маман Лянтиери, без стука вступая в комнату и распространяя вокруг аромат гиацинта, запах пота, пива и копченой грудинки. – К тебе посетитель. А ну, кыш отсюда, благородные дамы.

Лютик поправил волосы, раскинулся в огромном резном кресле. Две сидевшие у него на коленях «благородные дамы» быстренько спрыгнули, прикрыли прелести, натянули просторные рубашки. «“Девичья застенчивость”, – подумал поэт, – вот шикарное название для баллады». Он встал, застегнул пояс и, увидев стоящего на пороге дворянина, надел суконную куртку, бросив при этом:

– Воистину, никуда от вас не денешься, всюду вы меня отыщете, хотя редко выбираете для этого подходящее время. На ваше счастье, я еще не решил, которую из двух красоток предпочту. А оставить себе обеих при твоих-то ценах, Лянтиери, не могу.

Маман Лянтиери с пониманием усмехнулась, хлопнула в ладоши. Обе девицы – белокожая, веснушчатая островитянка и темноволосая полуэльфка – спешно покинули комнату. Стоящий на пороге мужчина скинул плащ и вручил его маман вместе с небольшим, но пузатеньким

мешочком.

– Простите, маэстро, – сказал он, подходя и присаживаясь к столу. – Знаю, что побеспокоил вас не вовремя. Но вы так скоропалительно исчезли из-под дуба... Я не догнал вас на большаке, как думал, и не сразу напал на ваш след в городке. Поверьте, я не отниму у вас много времени...

– Все так говорят, а оборачивается иначе, – прервал бард. – Оставь нас одних, Лянтиери, да посмотри, чтоб нам не мешали. Слушаю вас, уважаемый.

Мужчина изучающе взглянул на Лютика. У него были темные, влажные, как бы слезящиеся глаза, острый нос и некрасивые тонкие губы.

– Без проволочек приступаю к делу, – бросил он, переждав, пока за хозяйкой борделя прикроется дверь. – Меня интересуют ваши баллады, маэстро. Точнее говоря, определенные личности, о которых вы поете. Меня занимают истинные судьбы героев ваших баллад. Ведь, если не ошибаюсь, именно истинные-то судьбы реальных героев подвинули вас на создание прелестных произведений, которые мне довелось выслушать под дубом. Я говорю... о малютке Цирилле из Цинтры. Внучке королевы Калантэ.

Лютик глянул в потолок, забарабанил пальцами по столу.

– Милостивый государь, – сказал он сухо. – Странные, однако, у вас интересы. И вопросы тоже. Что-то мне сдается, вы не тот, за кого я вас принял.

– И за кого же вы меня приняли, можно узнать?

– Не знаю, можно ли. Все зависит от того, передадите ли вы мне приветы от наших общих знакомых. Следовало бы сделать это в самом начале, да вы, видно, позабыли.

– Отнюдь. – Мужчина сунул руку за полу бархатного кафтана цвета сепии, извлек второй мешочек, побольше того, который вручил бордель-маман, не менее пузатый и столь же призывно звякнувший при соприкосновении со столешницей. – Просто у нас нет общих знакомых, маэстро Лютик. Но неужто этот мешочек не в состоянии заполнить пробел?

– И что ж вы намерены купить за этаким тощенький кошелек? – надул губы трубадур. – Весь бордель-маман Лянтиери и окружающую его территорию?

– Допустим, хотел бы материально поддержать искусство. И артиста. Для того чтобы поболтать с артистом о его творчестве.

– Вы так сильно почитаете искусство, друг мой? Горите таким желанием побеседовать с артистом, что пытаетесь всучить ему деньги, еще не успев представиться, нарушив тем самым элементарные нормы приличия? И вежливости?

– В начале разговора, – незнакомец слегка прищурился, – вам не мешало мое инкогнито.

– Теперь начало мешать.

– Я не стыжусь своего имени, – с едва заметной усмешкой на тонких губах проговорил мужчина. – Меня зовут Риенс. Вы меня не знаете, маэстро, и неудивительно. Вы слишком известны и знамениты, чтобы знать всех своих почитателей. А вот любому почитателю вашего таланта мнится, будто он знает вас так близко, что определенная доверительность как бы вполне допустима. Ко мне это относится в полной мере. Я понимаю, сколь ошибочно такое мнение, и прошу простить великодушно.

– Великодушно прощаю.

– Стало быть, можно надеяться услышать от вас ответы на два-три вопроса...

– Нет, не можно, – насупившись, прервал поэт. – Теперь уж извольте вы простить великодушно, но я не люблю обсуждать свои произведения, вдохновение, а также особ как фиктивных, так и иных. Ибо такие обсуждения лишают произведения их поэтического флера и ведут к тривиальности...

– Неужто?

– Определенно. Ну подумайте, что будет, если я, спев, к примеру, балладу о веселой мельничихе, сообщу, что вообще-то в песне говорится о Звирке, жене мельника Пескаря, и все это дополню указанием на то, что Звирку можно, простите, свободно трахать по четвергам, поскольку именно в эти дни мельник ездит на ярмарку. Но ведь тогда это будет уже никакая не поэзия, а типичное сводничество либо злостная клевета.

– Понимаю, понимаю, – быстро бросил Риенс. – Но мне кажется, пример неудачен. Меня ведь не интересуют чьи-то шалости или грешки. Вы никого не оклеветаете, ответив на мои вопросы. Мне просто любопытно было бы узнать, что в действительности случилось с Цириллой, княжной Цинтры. Некоторые утверждают, будто Цирилла погибла при захвате города нильфгаардцами и что даже есть очевидцы. Из вашей баллады, однако же, можно сделать вывод, что ребенок выжил. Меня искренне интересует, что это – ваше воображение или же реальный факт? Правда или ложь?

– Меня не менее интересует ваше любопытство, – широко улыбнулся Лютик. – Вы обсмеетесь, милсдарь, забыл ваше имечко, но именно это-то мне и было надо, когда я придумывал свою балладу. Я хотел взволновать слушателей и пробудить их любопытство.

– Правда или ложь? – холодно повторил Риенс.

– Раскрыв это, я свел бы на нет эффект своего труда. Прощайте, друг мой. Вы использовали все время, какое только я мог вам посвятить. А там две мои вдохновительницы томятся в неведении, гадая, которую из них я выберу.

Риенс долго молчал, вовсе не собираясь уходить. Глядел на поэта неприязненным влажным взглядом, а поэт ощущал вздымающееся беспокойство. Снизу, из общей залы борделя, доносился веселый гул, сквозь который время от времени пробивался высокий женский хохоток. Лютик отвернулся, как бы демонстрируя презрительное превосходство, в действительности же просто оценивал расстояние до угла комнаты и гобелена, изображающего нимфу, орошающую себе соски водой из кувшина.

– Лютик, – наконец проговорил Риенс, сунув руку в карман кафтана цвета сепии. – Ответь на мой вопрос, убедительно прошу. Мне необходимо знать ответ. Это невероятно важно для меня. И поверь, для тебя тоже, потому что если ответишь мне по-доброму, то...

– Что «то»?

На тонкие губы Риенса заползла паршивенькая ухмылочка.

– То мне не придется принуждать тебя говорить.

– Слушай, ты, шалопут... – Лютик встал и притворился, что злится. – Я не терплю грубости и насилия. Но сейчас я кликну маман Лянтиери, а уж она вызовет некоего Грузилу, который выполняет в этом заведении почетную и ответственную функцию вышибалы. Это настоящий артист, мастер своего дела. Он даст тебе под зад, и ты тут же пролетишь над крышами здешнего городишки, да так прытко и красиво, что немногочисленные в эту пору прохожие примут тебя за Пегаса.

Риенс сделал короткое движение, в его руке что-то сверкнуло.

– Ты уверен, что успеешь кликнуть? – спросил он.

Лютик не намеревался проверять, успеет ли. Ждать он тоже не собирался. Еще прежде чем изящный пружинный кинжал оказался в руке Риенса, он мгновенно прыгнул в угол комнаты, нырнул под гобелен с нимфой, пинком отворил потайную дверцу и стремительно ринулся вниз по винтовой лестнице, ловко скользя по отполированным поручням. Риенс кинулся следом, но поэт знал свое дело – он изучил потайной ход до мелочей, не раз пользовался им, сбегаая от кредиторов, ревнивых мужей и быстрых на мордобой конкурентов, у которых, было дело, слямзивал рифмы и мелодии. Он знал, что на третьем повороте будет вращающаяся дверца, за ней лесенка, ведущая в подвал, и был убежден, что преследователь, как и многие до него, не успеет притормозить, промчится дальше, ступит на прикрытый качающейся крышкой провал и тут же свалится в хлев. И конечно, был уверен, что покрытый синяками, измазюканный навозом и побитый свиньями преследователь откажется от погони.

Лютик ошибался, как всегда, когда был в чем-либо уверен. У него за спиной что-то вдруг полыхнуло голубым, и поэт почувствовал, что конечности сводит судорога, они немеют и перестают сгибаться. Он не сумел притормозить перед вращающейся дверцей, ноги отказались слушаться. Он вскрикнул и покатился по ступеням, ударяясь о стены коридорчика. Крышка опустилась под ним с сухим скрипом, трубадур рухнул вниз, во тьму и смрад. Еще прежде чем ударился о твердый пол и потерял сознание, вспомнил, что маман Лянтиери упоминала о ремонте хлева.

Пришел он в себя от боли в связанных веревкой кистях рук и предплечьях, жестоко выкручиваемых в суставах. Хотел крикнуть, но не мог, казалось, рот забит глиной. Он стоял на коленях на глиняном полу, а веревка со скрипом тянула его за руки вверх. Чтобы хоть немного облегчить боль, он попробовал подняться, но ноги тоже были связаны. Давясь и задыхаясь, он все же ухитрился привстать, в чем ему успешно помогла веревка, немилосердно тащившая вверх.

Перед ним стоял Риенс, злые влажные глаза блестели в свете фонаря, который держал чуть ли не двухсаженный небритый детина. Другой дылда, пожалуй, не менее высокий, стоял позади. Именно он-то, смердящий, тянул перекинутую через балку веревку, привязанную к запястьям поэта.

– Довольно, – сказал Риенс почти тут же, но Лютику показалось, будто миновали столетия. Он коснулся земли, но опуститься на колени, несмотря на неодолимое желание, не мог – натянутая веревка по-прежнему держала его напряженным как струна.

Риенс приблизился. На его лице не было даже следов эмоций, выражение слезящихся глаз не изменилось. Да и голос, когда он заговорил, был спокоен, тих, даже немного как бы утомлен.

– Ты, паршивый рифмоплет. Ты, жалкий поскребыш. Ты, дерьмо поганое. Ты, зазнавшееся ничто. От меня собрался бежать? От меня еще никто не убегал. Мы не кончили беседы, ты, комедиант, баранья башка. Я спросил тебя кое о чем при вполне приемлемых условиях. Теперь ты ответишь на мои вопросы, но уже в условиях гораздо менее комфортных. Ведь верно, ответишь?

Лютик усердно закивал. Только теперь Риенс улыбнулся. И дал знак. Бард отчаянно взвизгнул, чувствуя, как натягивается веревка, а вывернутые за спину руки начинают хрустеть в суставах.

– Ах да, ты же не можешь говорить, – отметил Риенс, все еще паскудно усмехаясь. – А больно, верно? Понимаешь, пока что я подтягиваю тебя исключительно ради собственного

удовольствия. Ужасно люблю смотреть, как кому-то делают больно. Ну, еще малость выше.

Лютик чуть не захлебнулся визгом.

– Довольно, – скомандовал наконец Риенс, подошел к Лютику вплотную и схватил за жабо. – Послушай, петушок. Сейчас я сниму заклинание, чтобы ты смог заговорить. Но ежели попытаешься поднять свой голосок выше необходимого, пожалеешь.

Он сделал движение рукой, коснулся кольцом щеки поэта, и Лютик почувствовал, как нижняя челюсть, язык и нёбо начинают оживать.

– А теперь, – тихо продолжал Риенс, – я задам тебе несколько вопросов, а ты будешь на них отвечать. Связно, быстро и исчерпывающе. Но если хоть на мгновение замнешься или начнешь заикаться, если подашь мне малейший повод усомниться в твоей искренности, то... Посмотри вниз.

Лютик послушался и с ужасом увидел, что к веревке на его щиколотках привязан короткий шнур, другим концом укрепленный на дужке набитого известью ведра.

– Если прикажу подтянуть тебя повыше, – свирепо усмехнулся Риенс, – а с тобой вместе и ведрышко, то вряд ли ты удержишь руки. К тому же сомневаюсь, что после такой процедуры ты сможешь тренькать на лютне. Искренне сомневаюсь. Поэтому, думаю, ты заговоришь. Я прав?

Лютик не подтвердил, потому что от страха не мог ни головой пошевелить, ни звука издать. По лицу Риенса было видно, что он и не ожидал подтверждения.

– Я, разумеется, – пояснил он, – тут же узнаю, говоришь ли ты правду, мгновенно разберусь в любом твоём фортеле, не дам обмануть себя поэтическими вывертами или невнятным бормотанием. Для меня это пустяк, так же как пустяком было парализовать тебя на лестнице. Ну, не будем напрасно терять времени, начнем. Как тебе известно, меня интересует героиня одной из твоих прелестных балладок, внучка королевы Калантэ из Цинтры. Княжна Цирилла, нежненько именуемая Цири. По сообщениям очевидцев, внучка эта погибла при завоевании города два года назад. Меж тем в балладе ты красочно и волнующе описываешь ее встречу с удивительным, чуть ли не легендарным типом... э... ведьмаком Геральтом или Геральдом. Отбросив поэтические бредни о Предназначениях и Предначертаниях судьбы, из баллады следует, что девчонка уцелела во время битвы за Цинтру. Это правда?

– Не знаю... – простонал Лютик. – Я всего лишь поэт! Кое-что слышал, остальное...

– Ну?

– Остальное придумал. Скомбинировал, скомпоновал, разукрасил! Я ничего не знаю! – завыл бард, видя, что Риенс дает знак вонючему дылде, и чувствуя, как сильнее натягивается веревка. – Не вру!

– Факт! – кивнул Риенс. – Не врешь напрямую, я бы почувствовал. Но крутишь, голубок. Ты не придумываешь баллады просто так, без повода, за здорово живешь. А ведьмака-то ты знаешь. Тебя частенько видывали в его обществе. Ну давай, Лютик, выкладывай, если тебе твои суставы дороги. Все, что знаешь.

– Цири, – выдохнул поэт, – была ведьмаку предназначена. Так называемое Дитя-Неожиданность... Вы, наверно, слышали, известная история. Родители поклялись отдать ее ведьмаку...

– Родители собирались отдать ребенка сумасшедшему мутанту? Платному убийце? Врешь, виршеплет! Такие байки можешь бабам петь.

– Так было, клянусь душой моей матери, – прошептал Лютик. – Я знаю из верного источника. Ведьмак...

– Давай о девчонке. Ведьмак меня пока что не интересует.

– О девчонке я знаю только, что ведьмак ехал за ней в Цинтру, когда началась война. Я его тогда встретил. От меня он услышал о резне, о смерти Калантэ... Выспрашивал о ребенке, о внучке королевы... Но ведь я знал, что в Цинтре погибли все, в последнем бастионе не осталось ни одной живой души...

– Говори. Поменьше метафор. Побольше фактов!

– Когда ведьмак узнал о падении Цинтры и о резне, он отказался от поездки туда. Мы вместе сбежали на Север. Я расстался с ним в Хенгфорсе и с тех пор больше не встречал... А так как в дороге он немного говорил об этой... Цири или как ее... и о Предназначении... то я взял и сочинил балладу. Больше ничего не знаю. Клянусь!

Риенс поглядел на него исподлобья.

– А сейчас где этот ведьмак? Наемный убийца чудовищ, романтический резник, обожающий рассуждать о Предназначении?

– Я же говорю, последний раз видел его...

– Знаю, что ты говорил, – прервал Риенс. – Я внимательно слушал тебя. А ты внимательно слушай меня. И точно отвечай на вопросы. А вопрос стоял так: если никто не видел ведьмака Геральта или Геральда больше года, то где он скрывается? Где скрывается обычно?

– Не знаю, где это место, – быстро ответил трубадур. – Не вру, действительно не знаю...

– Не торопись, Лютик, не торопись, – зло усмехнулся Риенс. – Не спеши. Ты хитер, но неосторожен. Так, говоришь, не знаешь, где это? Но бьюсь об заклад, знаешь, что это.

Лютик стиснул зубы. От злости и отчаяния.

– Ну! – Риенс подал знак вонючему. – Где скрывается твой ведьмак? Как называется это место?

Поэт молчал. Вербка напряглась, болезненно выкручивая руки, ноги оторвались от земли. Лютик взвыл, отрывисто и коротко, потому что волшебное кольцо Риенса тут же заставило его онеметь.

– Выше, выше! – Риенс уперся руками в бока. – Знаешь, Лютик, я мог бы с помощью магии прозондировать твой мозг, но это истощает. Кроме того, я люблю смотреть, как от боли глаза вылезают из орбит. Но ты и без того скажешь.

Лютик знал, что скажет. Шнур, привязанный к щиколоткам, натянулся, наполненное известью ведро со скрежетом передвинулось по глиняному полу.

– Господин, – вдруг сказал второй верзила, прикрыв фонарь попоной и выглянув сквозь щель в дверях свинарника. – Сюда кто-то идет. Какая-то девка, пожалуй.

– Знаете, что делать, – прошипел Риенс. – Погаси фонарь.

Вонючий отпустил веревку. Лютик бессильно повалился на землю, но упал так, что видел, как парень с фонарем встал у дверцы, а вонючий, выхватив длинный нож, притаился с другой стороны. Сквозь щели в досках просвечивали огоньки борделя, поэт слышал доносящиеся

оттуда гул и пение.

Дверца скрипнула и раскрылась, там стояла невысокая фигура, обернутая плащом, в круглой, плотно прилегающей к голове шапочке. После недолгого колебания женщина переступила порог. Вонючий подскочил к ней, с размаху пырнул ножом. И тут же упал на колени, потому что нож, не встретив сопротивления, прошел горло фигуры словно клуб дыма. А фигура действительно была клубом дыма, который уже начал рассеиваться. Но прежде чем успел развеяться, в свинарник вступила другая фигура, нечеткая, темная и гибкая, как ласочка. Лютик увидел, как, кинув плащ в фонарщика, она перескочила через вонючего, увидел что-то блестящее у нее в руке, услышал, как вонючий заперхал и завизжал. Второй верзила выпутался из плаща, вскочил, замахнулся ножом. Из руки темной фигуры с шипением вырвалась огненная молния, с жутким хрустом разлилась, словно горящее масло, по лицу и груди верзилы. Парень дико заорал, свинарник заполнился отвратной вонью горящего мяса.

И тогда напал Риенс. Брошенное им заклинание осветило тьму голубым блеском, в котором Лютик увидел стройную женщину в мужской одежде, странно жестикулирующую обеими руками. Увидел лишь на секунду, потому что голубой свет резко оборвался в грохоте ослепительной вспышки, а Риенс, бешено взревев, отлетел назад, рухнул на деревянную перегородку, с треском разломав ее. Женщина в мужской одежде прыгнула следом, в ее руке мелькнул кинжал. Помещение снова заполнилось светом, на этот раз желтым, бьющим из горящего овала, неожиданно возникшего в воздухе. Лютик увидел, как Риенс вскочил с глинобитного пола и, прыгнув в овал, мгновенно исчез. Овал потускнел, но, прежде чем погас совсем, женщина успела подбежать и крикнуть что-то непонятное, протянув руку. Затрещало и загудело, угасающий овал на мгновение вскипел бурлящим огнем. Издалека до Лютика долетел нечеткий звук, очень напоминающий крик боли. Овал полностью погас, свинарник опять погрузился во тьму. Поэт почувствовал, что сила, зажимающая ему рот, исчезает.

– На помощь! – завыл он. – Спасите!

– Не трясись, Лютик, – сказала женщина, опускаясь рядом с ним на колени и разрезая путы пружинным кинжалом Риенса.

– Йеннифэр? Ты?

– Надеюсь, ты не станешь утверждать, будто забыл, как я выгляжу? Да и мой голос, я думаю, ты тоже не успел забыть. Встать можешь? Не поломали тебе костей?

Лютик с трудом поднялся, застонал, растер затекшие плечи.

– Что с ними? – указал он на лежащие на полу тела.

– Проверим. – Чародейка щелкнула кинжалом. – Один должен жить. У меня к нему есть несколько вопросов.

– Вон тот, – трубадур остановился около вонючего, – кажется, жив.

– Не думаю, – равнодушно заметила Йеннифэр. – Я перерезала ему дыхательное горло и сонную артерию. Может, в нем что-то еще и теплится, но это уже ненадолго.

Лютик вздрогнул.

– Ты перерезала ему горло?

– Если б по врожденной осторожности я не выслала впереди себя фантома, то здесь лежала бы я. Осмотрим второго... Надо же! Глянь, такая дылда, а не выдержал. Жаль, жаль...

– Тоже мертв?

– Не вынес шока. Хм... Немного пережарила... Смотри, даже зубы обуглились... Что с тобой, Лютик? Рвать будет?

– Будет, – невнятно ответил поэт, согнувшись и припав лбом к стене.

– Это все? – Волшебница отставила кубок, потянулась к вертелу с цыплятами. – Нисколько не приврал? Ничего не упустил?

– Ничего. Кроме благодарности. Благодарю тебя, Йеннифэр.

Она взглянула ему в глаза, чуть кивнула, ее черные блестящие локоны заволновались, водопадом сплыли с плеча. Она сдвинула зажаренного цыпленка на деревянное блюдо и принялась его ловко разделявать, пользуясь ножом и вилкой. Теперь он понял, где и когда Геральт этому научился. «Хм, – подумал он, – неудивительно, ведь он целый год жил в ее доме в Венгерберге и, прежде чем сбежал, научился множеству фокусов». Лютик стянул с вертела второго цыпленка, не раздумывая, оторвал окорочок и принялся обгрызать, демонстративно ухватив обеими руками.

– Как ты узнала? – спросил он. – Как тебе удалось вовремя прийти на помощь?

– Я была под Блеобхерисом, когда ты там давал концерт.

– Я не видел.

– Я не хотела, чтобы меня видели. Потом поехала за тобой в городок. Ждала здесь, на постоялом дворе, мне было не к лицу идти туда, куда отправился ты, в это пристанище сомнительных наслаждений и несомненного триппера. Однако в конце концов мне надоело. Я кружила по двору, и тут мне почудились голоса, долетающие из свинарника. Я обострила слух, и оказалось, что это вовсе не какой-то скотоложец, как я вначале подумала, а ты. Эй, хозяин! Еще вина, будь любезен!

– Сей минут, благородная госпожа. Уже лечу!

– Дай того же, что вначале, только, убедительно прошу, на этот раз без воды. Воду я люблю в бане, а не в вине.

– Лечу, лечу!

Йеннифэр отставила блюдо. На косточках, как заметил Лютик, еще оставалось мяса на обед корчмарю и его родне. Нож и вилка, несомненно, выглядели элегантно и модно, но малопроизводительно.

– Благодарю тебя, – повторил он, – за спасение. Этот треклятый Риенс не оставил бы меня в живых. Выжал бы из меня все и зарезал как барана.

– Согласна. – Она налила вина себе и ему, подняла кубок. – Так выпьем за твое спасенное здоровье, Лютик.

– За твое, Йеннифэр, – ответил он. – Здоровье, за которое отныне я буду молиться при всякой оказии. Я твой должник, прекрасная дама, расплачусь своими песнями, опровергну в них миф, будто волшебники нечувствительны к чужим страданиям, будто не спешат на помощь посторонним, незнакомым, бедным, несчастным смертным.

– Понимаешь, – улыбнулась она, слегка прищутив прелестные фиалковые глаза, – у мифа в общем-то есть основания, он возник не без причин. Но ты не незнакомый, Лютик. И не посторонний. Я ведь знаю тебя и люблю.

– Правда? – тоже улыбнулся поэт. – До сих пор ты удачно это скрывала. Мне даже доводилось слышать, якобы ты не терпишь меня, цитирую: «Будто моровую язву». Конец цитаты.

– Было дело. – Чародейка вдруг посерьезнела. – Потом я изменила мнение. Потом была тебе благодарна.

– За что, позволь узнать?

– Давай не будем об этом, – сказала она, играя пустым кубком. – Вернемся к более серьезным вопросам. Тем, которые тебе задавали в свинарнике, выламывая при этом руки в суставах. А как было в действительности, Лютик? Ты и верно не видел Геральта после вашего бегства с Яруги? Действительно не знал, что после войны он вернулся на Юг? Был тяжело ранен, так тяжело, что разошлись даже слухи о его смерти? Ни о чем таком не знал?

– Не знал. Я много времени провел в Понт Ванисе, при дворе короля Эстерада Тиссена. А потом у Недамира в Хенгфорсе...

– Не знал... – Чародейка покачала головой, расстегнула кафтанчик. На шее на черной бархотке загорелась усеянная бриллиантами обсидиановая звезда. – Ты не знал о том, что, оправившись от ран, Геральт поехал в Заречье? И не догадываешься, кого он там искал?

– Догадываюсь. Но вот нашел ли, не знаю.

– Не знаешь, – повторила она. – Ты, который, как правило, знаешь обо всем и обо всем поешь. Даже о таких интимных материях, как чьи-то чувства. Под Блеобхерисом я наслушалась твоих баллад, Лютик. Несколько вполне приличных строчек ты посвятил моей особе.

– У поэзии, – проворчал Лютик, рассматривая цыпленка, – свои законы. Никто не должен чувствовать себя обойденным и обиженным...

– «Волосы как вороново крыло, как ночная буря... – процитировала Йеннифэр с преувеличенной напыщенностью, – а в глазах затаились фиолетовые молнии...» Так и было?

– Такой я тебя запомнил, – чуть улыбнулся поэт. – Кто вздумает утверждать, что это не соответствует истине, пусть первым кинет в меня камень.

– Не знаю только, – сжала губы чародейка, – кто поручил тебе описывать мои внутренние органы. Как там было-то? «Сердце ее словно украшающий ее шею драгоценный камень, твердое как алмаз и как алмаз бесчувственное. Сердце – острее, чем обсидиан, режущее, калечущее...» Ты сам придумал? Или, может... – Ее губы дрогнули, скривились. – ...А может, наслушался чьих-то жалоб и исповедей?

– Хм... – Лютик кашлянул, уклоняясь от опасной темы. – Скажи мне, Йеннифэр, когда ты последний раз видела Геральта?

– Давно.

– После войны?

– После войны... – Голос Йеннифэр едва заметно изменился. – Нет, после войны я его не видела. Долгое время... вообще не видела никого. Ну, ближе к делу, поэт. Меня немного удивляет тот факт, что ты ничего не знаешь и ни о чем не слышал, и все-таки именно тебя подтягивают на балке, чтобы раздобыть информацию. Тебя это не беспокоило?

– Обеспокоило.

– Послушай меня, – резко сказала она, ударив кубком по столу. – Послушай внимательно. Выброси эту балладу из репертуара. Не пой ее.

– Ты о...

– Ты прекрасно знаешь, о чем я. Пой о войне с Нильфгаардом. Пой о Геральте и обо мне, нам ты этим не навредишь, но и не поможешь. Ничего не исправишь, ничего не ухудшишь. Но о Львенке из Цинтры не пой.

Она оглянулась, проверяя, не прислушивается ли кто из редких в этот час посетителей корчмы, подождала, пока убирающая со столов девка не ушла на кухню.

– Старайся избегать встреч один на один с людьми, которых не знаешь, – сказала она тихо. – С такими, которые для начала забывают передать тебе привет от общих знакомых. Усек?

Он удивленно поднял брови. Йеннифэр усмехнулась:

– Привет от Дийкстры, Лютик.

Теперь уже оглянулся бард. Испуганно. Его изумление было, вероятно, столь явным, а мина столь забавной, что чародейка позволила себе ехидно усмехнуться.

– Кстати, – шепнула она, перегнувшись через стол. – Дийкстра ждет доклада. Ты возвращаешься из Вердэна, и Дийкстра любопытствует, о чем болтают при дворе короля Эрвилла. Он просил передать, что на этот раз доклад должен быть деловым, детальным и ни в коем случае не рифмованным. Прозой, Лютик. Прозой.

Поэт, сглотнув, кивнул. Он молчал, раздумывая над вопросом. Но чародейка упредила его.

– Наступают трудные времена, – сказала она тихо. – Трудные и опасные. Грядет время перемен. Печально будет стареть, сознавая, что не сделал ничего такого, чтобы грядущие перемены были бы переменами к лучшему. Верно?

Он кивнул, откашлялся.

– Йеннифэр!

– Слушаю, поэт.

– А те, в свинарнике... Хотелось бы знать, кто они такие, чего хотели, кто их настрополил. Ты убила двоих, но в народе болтают, будто вы ухитряетесь вытянуть информацию даже из покойников.

– А о том, что некромантия запрещена эдиктом Капитула, в народе не болтают? Успокойся, Лютик. Бандиты наверняка мало чего знали. Тот, что сбежал... Хм... Вот с ним другое дело.

– Риенс. Он чародей, правда?

– Да. Но не очень умелый.

– Однако же сбежал. Я видел, каким макарон. Телепортировался, разве нет? Разве это ни о чем не говорит?

– Именно. Говорит. О том, что кто-то ему помог. У Риенса не было ни времени, ни сил, чтобы открыть висящий в воздухе овальный портал. Такой телепорт – не фунт изюму. Совершенно ясно, что его открыл кто-то другой. Кто-то несравненно более сильный. Поэтому я

поостереглась за ним гнаться, не зная, где окажусь. Но послала ему вослед заряд достаточно высокой температуры. Ему потребуется масса заклинаний и эликсиров, эффективно залечивающих ожоги, но в любом случае он на некоторое время останется меченым.

– Может, тебе интересно будет узнать, что он нильфгаардец?

– Думаешь? – Йеннифэр выпрямилась, быстрым движением вынула из кармана пружинный нож, повертела в руке. – Нильфгаардские ножи теперь носят многие. Они удобны и сподручны, их можно спрятать даже за декольте...

– Не в ноже дело. Выспрашивая меня, он воспользовался словами «битва за Цинтру», «завоевание города» или как-то похоже. Я никогда не слышал, чтобы кто-нибудь из наших так называл эти события. Для нас это всегда была резня, не битва. Бойня. Резня в Цинтре. Никто не говорит иначе.

Чародейка подняла руку, внимательно присмотрелась к ногтям.

– Ловко, Лютик. У тебя чуткое ухо.

– Профессиональный перекус.

– Интересно, которую из двух профессий ты имеешь в виду? – кокетливо улыбнулась она. – Но за информацию благодарю. Ценная вещь.

– Пусть это будет мой вклад, – ответил он улыбкой, – мой вклад в перемены к лучшему. Скажи, Йеннифэр, чего ради Нильфгаард так интересуется Геральтом и девочкой из Цинтры?

– Не лезь не в свои дела, – неожиданно посерьезнела она. – Я же сказала, забудь, что когда-нибудь слышал о внучке Калантэ.

– Верно, сказала. Но сейчас я ищу не темы для баллады.

– Так чего же ты ищешь, черт побери? Шишек на свою голову?

– Допустим, – сказал он тихо, положив подбородок на сплетенные пальцы и посмотрев чародейке в глаза. – Допустим, Геральт действительно нашел и спас ребенка. Допустим, наконец уверовал в силу Предназначения и забрал найденного ребенка с собой. Куда? Риенс пытался вытянуть это из меня пытками. А ты знаешь, Йеннифэр? Знаешь, где залег ведьмак?

– Знаю.

– И знаешь, как туда добраться?

– И это знаю.

– Тебе не кажется, что его надо бы предостеречь? Предупредить, что его и девочку разыскивают какие-то люди типа Риенса? Я поехал бы, но я действительно не знаю, где это... То место, названия которого предпочитаю не произносить...

– Сделай выводы, Лютик.

– Если ты знаешь, где находится Геральт, то должна поехать и предостеречь его. Ты ему кое-чем обязана, Йеннифэр. Ведь что-то тебя с ним связывало.

– Верно, – холодно подтвердила она. – Кое-что меня с ним связывало. Поэтому я немного знаю его. Он не любит, чтобы ему навязывали помощь. А если и требует помощи, то ищет ее

у людей, которым доверяет. С тех событий прошло больше года, а я... а у меня не было от него никаких известий. Что же касается долга, то я обязана ему ровно столько, сколько и он мне. Ни больше ни меньше.

– Значит, поеду я. – Он поднял голову. – Скажи...

– Не скажу, – прервала она. – Ты погорел, Лютик. Тебя могут поймать снова. Чем меньше ты знаешь, тем лучше. Исчезни. Поезжай в Реданию, к Дийкстре и Филиппе Эйльхарт, примкни ко двору Визимира. И еще раз предупреждаю: забудь о Львенке из Цинтры. О Цири. Прикидывайся, будто никогда не слышал этого имени. Сделай так, как я прошу. Я не хочу, чтобы с тобой случилось что-нибудь скверное. Я слишком тебя люблю, слишком многим тебе обязана...

– Ты второй раз говоришь это. Чем ты мне обязана, Йеннифэр?

Чародейка отвернулась, долго молчала, наконец сказала:

– Ты ездил с ним. Благодаря тебе он не был одинок. Ты был его другом. Ты был с ним.

Бард опустил глаза.

– Невелика же была ему с того польза. Немного он выиграл на такой дружбе. Из-за меня у него были одни лишь неприятности, постоянно приходилось вытаскивать меня из беды... Помогать мне.

Йеннифэр снова перегнулась через стол, положила ему руку на пальцы, сильно сжала, не проронив ни слова. В ее глазах была грусть.

– Поезжай в Реданию, – спустя некоторое время повторила она. – В Третогор. Там ты будешь под присмотром Дийкстры и Филиппы. Не пытайся изображать героя. Ты впутался в опасную аферу, Лютик.

– Я заметил. – Он поморщился, помассировал все еще болевшее предплечье. – Именно поэтому я считаю, что надо предупредить Геральта. Ты одна знаешь, где его искать. Знаешь дорогу. Догадываюсь, что ты там бывала... гостем.

Йеннифэр отвернулась. Лютик видел, как она сжала губы, как дрогнул мускул у нее на щеке.

– Правда, как-то случалось, – сказала она, и в ее голосе было что-то неуловимо странное. – Доводилось мне бывать там гостем. Но никогда – непрошеным.

Ветер яростно взвыл, закачал покрывающие руины метелки трав, зашумел в кустах боярышника и в высокой крапиве. Тучи пронесли по диску луны, на минуту осветив замок, залив бледным, колеблющимся светом ров и остатки стены, вырвав холмики черепов, щерящих поломанные зубы, черными провалами глазниц глядящих в небытие. Цири тонко пискнула и спрятала голову под плащ ведьмака.

Подгоняемая пятками лошадь осторожно переступила кучу кирпичей, вошла под разрушенную арку. Подковы, ударяя по сломанным плитам, будили меж стен призрачное эхо, которое тут же заглушал ветер. Цири дрожала, вцепившись руками в гриву коня.

– Я боюсь...

– Нечего бояться, – ответил ведьмак, положив ей руку на плечо. – На всем свете нет места безопаснее. Это Каэр Морхен. Пристанище ведьмаков. Когда-то здесь был прекрасный замок-крепость. Очень давно.

Она не ответила, только ниже опустила голову. Лошадь ведьмака по прозвищу Плотва тихо фыркнула, словно и она хотела успокоить девочку.

Они погрузились в темноту, в бесконечно длинный черный туннель меж колонн и арок. Плотва шла уверенно и охоче, не обращая внимания на непроницаемую тьму, весело позвякивая подковами по полу.

Перед ними в конце туннеля неожиданно загорелась красным вертикальная линия. Вырастая и расширяясь, она превратилась в двери, из-за которых вырывался свет, мерцающее пламя лучин, укрепленных в железных держателях на стенах. В дверях возникла черная, нечеткая в неверном свете фигура.

– Кто? – услышала Цири злой металлический голос, прозвучавший как лай. – Геральт?

– Да, Эскель. Я.

– Входи.

Ведьмак слез с лошади, снял Цири с седла, опустил на землю, сунул ей узелок, в который она тут же вцепилась обеими руками, жалея, что он слишком мал, чтобы спрятаться за ним.

– Подожди здесь, с Эскем, – сказал Геральт. – Я отведу Плотву в конюшню.

– Пошли на свет, малыш, – проворчал мужчина, которого ведьмак назвал Эскем. – Не стой во тьме.

Цири подняла глаза, взглянула на его лицо и с трудом сдержала крик ужаса. Это был не человек. «Ни у одного человека, – подумала она, – не может быть такого лица».

– Ну, чего ты ждешь? – повторил Эскель.

Она не шевельнулась. Слышала, как в темноте удаляется стук копыт Плотвы. По ногам шмыгнуло что-то мягкое и пищущее. Она подпрыгнула.

– Не стой во мраке, малыш, крысы башмачки прогрызут.

Цири, прижимая узелок, быстро шагнула к свету. Крысы с писком прыснули из-под ног. Эскель наклонился, отобрал у нее узелок, снял шапочку.

– А, зараза! – буркнул он. – Девчонка. Этого только не хватало.

Цири испуганно глянула на него. Эскель улыбался. Она увидела, что это все-таки человек, что у него вполне нормальное человеческое лицо, только от уголка губ через всю щеку до самого уха его уродовал полукруглый длинный шрам.

– Ну, коли уж ты тут, приветствую тебя в Каэр Морхене, – сказал он. – Как тебя кличут?

– Цири, – ответил за нее Геральт, беззвучно появляясь из мрака. Эскель обернулся. Резко, быстро, не произнеся ни слова. Ведьмаки обхватили друг друга, крепко, сильно сплелись руками. На мгновение, не больше.

– Жив, Волк.

– Жив.

– Ну, славно. – Эскель вынул лучину из держателя. – Пошли. Я закрою внутренние ворота, тепло уходит.

Они пошли по коридору. Крысы были и тут, бегали вдоль стен, попискивали в темных провалах боковых проходов, прыскали из неверного круга света, отбрасываемого факелом-лучиной. Цири семенила, стараясь не отставать от мужчин.

– Кто зимует, Эскель? Кроме Весемира.

– Ламберт и Койон.

Они спустились по скользким крутым ступеням. Внизу был виден отсвет. Цири услышала голоса, почувствовала запах дыма.

Огромный холл освещало бушующее в гигантском камине пламя, с гулом рвущееся в пасть уходящей вверх трубы. В центре холла стоял большой тяжелый стол. За таким столом могли разместиться никак не меньше десяти человек. Но сидели только трое. Три человека. «Три ведьмака», – мысленно поправилась Цири. Она видела только их силуэты на фоне огня, полыхавшего в камине.

– Привет, Волк, мы ждали тебя.

– Привет, Весемир. Привет, парни. Приятно снова оказаться дома.

– Кого это ты привел?

Геральт минуту помолчал, потом положил руку на плечо Цири, легонько подтолкнул ее вперед. Она шла неловко, робко, спотыкаясь и сутулясь, наклонив голову. «Я боюсь, – подумала она. – Я ужасненько боюсь. Когда Геральт меня нашел и взял с собой, я думала, что страх уже не вернется, что уже все позади... И вот, вместо того чтобы быть дома, я оказалась в этом страшном, темном, разваливающемся замке, забитом крысами и полным кошмарным эхо... Я снова стою перед пурпурной стеной огня. Вижу грозные черные фигуры, вижу уставившиеся на меня злые, неестественно блестящие глаза...»

– Кто этот ребенок, Волк? Кто эта девочка?

– Она мое... – Геральт осекся. Она почувствовала на плечах его сильные, твердые руки. И неожиданно страх исчез. Пропал без следа. Пурпурный, рвущийся вверх огонь излучал тепло. Только тепло. Черные силуэты были силуэтами друзей. Покровителей. Блестящие глаза выражали любопытство. Заботу. И беспокойство...

Руки Геральта стиснули ей плечи.

– Она – наше Предназначение.

Глава вторая

Воистину нет ничего более отвратного, нежели монстры оные, натуре противные, ведьмаками именуемые, ибо суть они плоды мерзопакостного волшебства и дьявольства. Это есть мерзавцы без достоинства, совести и чести, истинные исчадия адовы, токмо к убиениям приспособленные. Нет таким, како оне, места меж людьми почтенными.

А их Каэр Морхен, где оные бесчестники гнездятся, где мерзкие свои дела обделывают, стерт должен быть с лона земли и след по нему солью и селитрой посыпан. АнонимМонструм, или Ведьмака описание

Нетерпимость и зазнайство всегда были присущи глупцам и никогда, думается, до конца искоренены не будут, ибо они столь же вечны, сколь и сама глупость. Там, где ныне возвышаются горы, когда-нибудь разольются моря, там, где ныне пенятся волны морские, когда-нибудь раскинутся пустыни. А глупость останется глупостью. Никодемус де Боот

Рассуждения о жизни, счастье и благополучии

Трисс Меригольд дохнула на озябшие руки, пошевелила пальцами и пробормотала магическую формулу. Ее конь, буланый мерин, тут же отреагировал на заклинание, фыркнул и повернул морду, косясь на чародейку слезящимися от холода и ветра глазами.

– У тебя два выхода, старик, – сказала Трисс, натягивая перчатки. – Либо ты приспособишься к магии, либо я продам тебя кметам под плуг.

Мерин застриг ушами, пустил струи пара из ноздрей и послушно двинулся вниз по лесистому склону. Чародейка наклонилась в седле, уворачиваясь от ударов заиндевелых веток.

Заклинание подействовало быстро, она перестала ощущать уколы озноба в локтях и на затылке, исчезло неприятное ощущение холода, заставлявшее сутулиться и втягивать голову в плечи. Волшебство, разогрев ее, приглушило и голод, вот уже несколько часов сосущий под ложечкой. Трисс повеселела, уселась поудобнее в седле и принялась внимательнее, чем раньше, рассматривать окрестности.

После того как она свернула с дороги, направление ей указывала белесо-серая стена гор. Покрытые снегом вершины поблескивали золотом в те редкие минуты, когда солнце пробивалось сквозь тучи: чаще всего утром и перед самым закатом. Сейчас, когда горная цепь была почти рядом, приходилось быть внимательнее. Окрестности Каэр Морхена славилась своей дикостью и недоступностью, а выщербину в гранитной стене, которой следовало руководствоваться, непривычный глаз мог обнаружить с большим трудом. Стоило свернуть в одно из многочисленных ущелий, чтобы потерять ее из виду. Даже она, зная дорогу и помня, где искать перевал, не могла позволить себе отвлечься.

Лес кончился. Перед чародейкой раскинулась широкая, усеянная галькой долина, упирающаяся в обрывистые склоны. По середине долины бежала Гвенллех, Река Белых Камней, бурля пеной меж камней и принесенных потоком стволов. Здесь, в верхнем течении, Гвенллех была всего лишь мелким, хоть и широким ручьем, и ее легко можно было пройти вброд. Ниже, в Каздвене, в среднем течении, река образовывала непреодолимое препятствие – она с ревом мчалась в глубоких провалах.

Мерин, ступив в воду, ускорил шаг, явно стремясь поскорее добрести до противоположного берега. Трисс слегка придержала его – ручей был мелкий: едва доходил коню до бабок, но камни на дне были скользкие, а течение быстрое и бурное. Вода бурлила и пенилась вокруг ног лошади.

Чародейка глянула на небо. Усиливающийся холод и ветер здесь, в горах, предвещали пургу, а перспектива провести очередную ночь в гроте либо в каменной расщелине не очень-то привлекала. Конечно, она могла бы, в случае крайней нужды, продолжать путь даже в пургу, могла распознавать дорогу телепатически, могла с помощью магии укрепить себя против холода. Могла, если б это было необходимо. Но такой необходимости она не видела.

К счастью, Каэр Морхен был уже близко. Трисс заставила мерина забраться на пологую осыпь – огромную каменную призму, омытую ледниками и потоками воды, – въехала в плоский проход меж скальными блоками. Стены ущелья вздымались отвесно и, казалось,

встречались высоко наверху, разделенные лишь узким штришком неба. Стало теплее, потому что ветер, воющий над скалами, уже не доставал, не хлестал и не кусал ее.

Проход расширился, вывел в балку, а потом в долину, на огромную, округлую, покрытую лесом мульд, раскинувшуюся меж зубастых камней. Чародейка поехала не по пологим, легкодоступным склонам мулды, а поднялась прямо в дебри, в густую чащу. Сухие ветки захрустели под копытами. Мерин, вынужденный переступать через поваленные стволы, захрапел, заплясал, затопал. Трисс натянула поводья, дернула коня за косматое ухо и выругала, ехидно намекнув на его трусость. Конь, казалось, действительно смутился, пошел ровнее и бодрее, сам выбирая дорогу в чаще.

Вскоре они оказались на открытом пространстве, въехали в русло ручейка, едва сочившегося по дну балки. Чародейка внимательно осмотрелась и нашла то, что искала. Над балкой, опираясь на огромные камни, горизонтально лежал могучий ствол, темный, голый, позеленевший от мха. Трисс подъехала ближе, чтобы удостовериться, действительно ли это Путь, а не случайное дерево, поваленное вихрем. Обнаружила почти незаметную узкую тропинку, скрывавшуюся в лесу. Нет, она не ошиблась, это наверняка Путь – бегущая вокруг Каэр Морхена дорожка, забитая препятствиями, на которой ведьмаки совершенствовались в скорости бега и контроле дыхания. Дорожку именовали Путем, но Трисс знала, что юные ведьмаки называли ее иначе: Мучильня.

Прильнув к шее коня, она медленно проехала под стволом. И тут услышала звон камней и быстрые легкие шаги бегущего человека.

Она повернулась в седле, натянула поводья, ожидая, пока ведьмак взбежит на ствол.

Ведмак взбежал на ствол, стрелой промчался по нему, не замедляя бега, даже не балансируя руками, легко, ловко, мягко, с невероятной грацией. Только мелькнул и тут же скрылся меж деревьев, не задев ни единой ветки. Трисс громко вздохнула, недоверчиво покачала головой. Потому что ведьмаку, судя по росту и фигуре, было около двенадцати лет.

Чародейка ударила буланого пятками, отпустила поводья и рысью направилась вверх по течению ручья. Она знала, что Путь пересекает балку снова в том месте, которое окрестили Горловиной. Ей хотелось еще раз глянуть на маленького ведьмака. Ведь она знала, что в Каэр Морхене детей не тренируют уже почти четверть века.

Особо она не спешила. Тропинка Мучильни извивалась и петляла по бору, на то, чтобы преодолеть ее, ведьмачонку понадобилось бы значительно больше времени, чем ей, едущей наперерез. Однако и медлить тоже не следовало. За Горловиной Путь сворачивал в лес, вел прямо к замку. Если не поймать паренька у пропасти, его можно вообще не увидеть. Трисс уже несколько раз бывала в Каэр Морхене и прекрасно понимала, что видела там только то, что ведьмаки хотели показать, а показать они хотели лишь самую малость из того, что в Каэр Морхене вообще можно было увидеть. Нет, наивной Трисс не была.

Проехав по каменистому руслу ручья, она увидела Горловину – уступ, образованный над яром двумя омшелыми скалами, заросшими искореженными карликовыми деревцами. Она отпустила поводья. Буланный фыркнул и наклонил голову к воде, струящейся меж голышей.

Долго ждать не пришлось. Фигурка ведьмака мелькнула на скале, мальчонка прыгнул, не сбавляя темпа. Чародейка услышала мягкий шлепок, а чуть позже грохот камней, глухой звук падения и тихий крик. Вернее, писк.

Трисс, не раздумывая, соскочила с седла, скинула меховую накидку и помчалась по склону, подтягиваясь за корни и ветви деревьев. Взлетела на скалу с разгона, но поскользнулась на игольнике и упала на колени рядом со скорчившимся на камнях телом. Увидев ее, подросток вскочил как подброшенный пружиной, молниеносно отступил и ловко схватился за меч,

перекинутый за спину, но споткнулся и упал между можжевельным кустом и сосенками. Чародейка не поднималась с колен, а смотрела на мальчика, раскрыв рот от изумления.

Потому что это был вовсе не мальчик.

Из-под пепельной, неровно и неаккуратно подстриженной челки на нее глядели огромные изумрудно-зеленые глаза, самое заметное пятно на маленьком личике с узким подбородком и вздернутым носиком. В глазах стоял испуг.

– Не бойся, – неуверенно сказала Трисс.

Девочка раскрыла глаза еще шире. Она почти не дышала и, похоже, вовсе не вспотела. Не иначе как бежала по Мучильне уже не один день.

– Как ты?

Вместо ответа девочка быстро встала, ойкнула от боли, перенесла вес тела на левую ногу, наклонилась, помассировала коленку. Одета она была во что-то вроде кожаного костюма, сшитого, вернее, сляпанного таким образом, что любой уважающий себя портной, увидев его, взвыл бы от отчаяния и ужаса. Единственным, что в экипировке казалось в меру новым и подогнанным, были высокие, до колен, сапожки, ремни и меч. Точнее, мечик.

– Не бойся, – повторила Трисс, все еще не поднимаясь с колен. – Я слышала, как ты упала, испугалась, потому так бежала...

– Я поскользнулась, – буркнула девочка.

– Ничего не повредила?

– Нет. А что?

Чародейка рассмеялась, попробовала встать, поморщилась от боли, отозвавшейся в щиколотке, чертыхнулась. Села, осторожно выпрямила ногу, выругалась снова.

– Иди сюда, малышка, помоги мне встать.

– Я не малышка.

– Допустим. В таком случае кто ты?

– Ведьмачка!

– Ха! Ну так подойди, ведьмачка, и помоги мне встать.

Девочка не двинулась с места. Она переступила с ноги на ногу и рукой в шерстяной митенке перебирала ремень меча, подозрительно поглядывая на Трисс.

– Не бойся, – улыбнулась чародейка. – Я не разбойница и не чужак какой-нибудь. Меня зовут Трисс Меригольд, я еду в Каэр Морхен. Ведьмаки меня знают. Не таращись. Я одобряю твою бдительность, но будь рассудительной. Как думаешь, добралась бы я сюда, не зная дороги? Ты когда-нибудь встречала на Пути человеческое существо?

Девочка отбросила сомнения и подошла ближе, протянув руку. Трисс поднялась, почти не воспользовавшись помощью. Не в помощи было дело. Ей хотелось рассмотреть девочку вблизи. И прикоснуться к ней.

В зеленых глазках маленькой ведьмачки не было и признаков мутации, прикосновение маленькой ручки тоже не вызывало легкой приятной щекотки, характерной для ведьмаков.

Пепельноволосого ребенка, хоть он и бегал тропинкой Мучильни с мечом за спиной, не подвергали Испытанию Травмами и Трансмутациям. В этом Трисс была уверена.

– Покажи коленку, малышка.

– Не малышка я!

– Прости, забыла. Но какое-то имя у тебя, надо думать, есть?

– Есть. Я... Цири.

– Очень приятно. Подойди-ка поближе, Цири.

– Со мной ничего не стало.

– Хочу взглянуть, как выглядит твое «ничего». Ну вот, так я и думала. «Ничего» поразительно напоминает разорванные штаны и содранную до живого мяса кожу. Стой спокойно и не бойся.

– Я и не боюсь... Аааа!

Чародейка захохотала и потерла о бедро зудевшую от заклинания руку. Девчушка наклонилась, осмотрела колено.

– О! – сказала она. – Уже не больно! И дырки нет... Это чары?

– Угадала.

– Так ты чаровница?

– Опять угадала. Хоть, признаться, предпочитаю чародейку, а не чаровницу. Чтоб не ошибаться, можешь называть меня по имени. Трисс. Попросту Трисс. Пошли, Цири. Внизу ждет мой конь, в Каэр Морхен поедем вместе.

– Мне надо бежать, – покрутила головой Цири. – Нельзя прерывать бег, а то в мышцах образуется молоко. Геральт говорит...

– Геральт в замке?

Цири надулась, стиснула губы, глянула на чародейку из-под пепельной челки. Трисс снова рассмеялась.

– Хорошо. Не буду выпрашивать. Секрет – это секрет, ты правильно делаешь, что не выбалтываешь его незнакомому человеку. Пошли. Посмотрим на месте, кто есть в замке, а кого нет. А о мышцах не беспокойся, я знаю, как управиться с молочной кислотой. О, вот и мой коняга. Я тебе помогу...

Она протянула руку, но Цири помощь не понадобилась. Она заскочила в седло ловко, легко, почти не отталкиваясь от земли. Мерин дернулся, удивленный, затоптался на месте, но девочка, быстро ухватив поводья, успокоила его.

– Вижу, с конями ты управляешься.

– Я со всем управляюсь.

– Подвинься ближе к луке. – Трисс сунула ноги в стремяна, схватилась за гриву. – Дай мне немного места. И не выбей мне глаза своим мечом.

Она тронула мерина пяткой, и они двинулись шагом по руслу ручья, пересекли очередной яр и взобрались на округлый холм. Оттуда уже виднелись прилепившиеся к каменным обрывам руины Каэр Морхена – частично разрушенная трапеция защитного вала, остатки башни и ворот, бочкообразный столб донжона.

Мерин фыркнул и дернул головой, переходя ров по остаткам моста. Трисс натянула поводья. На нее самое не действовали покрывающие дно рва истлевшие черепа и кости. Ей уже доводилось их видеть.

– Не люблю этого, – вдруг проговорила девочка. – Так быть не должно. Умерших надо предавать земле. Под курганом. Ведь верно?

– Верно, – спокойно подтвердила чародейка. – Я тоже так считаю. Но ведьмаки рассматривают это кладбище как... напоминание.

– Напоминание о чем?

– На Каэр Морхен, – Трисс направила коня к растрескавшимся аркам, – напали. Здесь разразилась кровавая битва, в которой погибли почти все ведьмаки. Уцелели только те, которых в тот момент не было в замке.

– Кто напал? И почему?

– Не знаю, Цири, – солгала она. – Это было страшно давно. Спроси ведьмаков.

– Спрашивала, – проворчала девочка. – Они не хотят говорить.

«Я их понимаю, – подумала чародейка. – Ребенку, которого муштруют, чтобы он стал ведьмаком, к тому же девочке, не говорят о таких вещах. Такому ребенку не рассказывают о боянях и резне. Не ожесточают перспективой того, что и он может когда-либо услышать о себе слова, которые выкрикивали тогда валившие на Каэр Морхен фанатики. Мутант! Чудовище! Монстр! Богами проклятое, природе противное существо! Нет, – подумала она, – я не удивляюсь тому, что ведьмаки не рассказали тебе об этом, малышка Цири. И я тоже не расскажу. У меня, малышка Цири, еще больше причин молчать. Ведь я чародейка, а анонимный пасквиль, широко разошедшийся в списках «Монструм», который взбудоражил фанатиков и подтолкнул их на преступление, тоже, кажется, был делом рук какого-то чародея. Но я, малышка Цири, не признаю коллективной ответственности, не чувствую потребности в покаянии по случаю события, имевшего место за полстолетия до моего рождения. А скелеты, которым суждено быть вечным напоминанием, в конце концов истлеют, обратятся во прах, который развеет ветер, неустанно овевающий склоны, и будут забыты...»

– Они не хотят так лежать, – неожиданно сказала Цири. – Не хотят быть символом, укором совести или предостережением. Они не хотят и того, чтобы их прах развеял ветер.

Трисс быстро подняла голову, услышав изменения в голосе девочки. Моментально уловила магическую ауру, пульсирование и шум крови в висках. Напряглась, но не отозвалась ни словом, боясь прервать и нарушить происходящее.

– Обычный курган. – Голос Цири становился все более неестественным, каким-то металлическим, холодным и злым. – Горстка земли, которая зарастет крапивой. У смерти голубые и холодные глаза, а высота обелиска не имеет значения, не имеют значения и надписи, выбитые на нем. Кто может знать об этом лучше тебя, Трисс Меригольд, четырнадцатая с Холма?

Чародейка обомлела. Она видела, как руки девочки стискивают гриву коня.

– Ты умерла на Холме, Трисс Меригольд, – снова проговорил злой, чужой голос. – Зачем ты

сюда приехала? Возвращайся, возвращайся немедленно, а этого ребенка, Дитя Старшей Крови, заberi с собой, чтобы отдать его тем, кому он принадлежит. Сделай так, Четырнадцатая. Ибо, не сделав этого, ты умрешь еще раз. Придет день, и Холм вспомнит о тебе. Вспомнят о тебе братская могила и обелиск, на котором выбито твое имя.

Мерин громко заржал, затряс головой. Цири вдруг дернулась, задрожала.

– Что случилось? – спросила Трисс, пытаясь совладать с голосом.

Цири откашлялась, двумя руками поправила волосы, потерла лицо.

– Н-н... ничего... – неуверенно произнесла она. – Устала, поэтому... Поэтому уснула. Надо бежать...

Магическая аура развеялась. Трисс почувствовала, как накатил неожиданно волна холода. Попыталась убедить себя, что это эффект угасания защитного заклинания, хоть и знала, что все не так. Посмотрела вверх, на каменную громаду замка, таращившуюся на нее черными провалами развалившихся бойниц. По телу пробежала дрожь.

Конь зацокал копытами по плитам двора. Чародейка быстро соскочила с седла, подала руку Цири. Воспользовавшись соприкосновением ладоней, осторожно послала магический импульс. И поразилась. Потому что не почувствовала ничего. Никакой реакции, никакого ответа. И никакого сопротивления. В девочке, которая только что создала невероятно сильную ауру, не было даже намека на магию. Теперь это был обыкновенный, неряшливо подстриженный и скверно одетый ребенок.

Но минуту назад ребенок этот не был обыкновенным ребенком.

Трисс не успела обдумать странное явление. Она услышала скрежет окованных железом дверей, донесшийся из темного жерла коридора, зияющего за полуразрушенным порталом. Сбросила накидку, сняла лисью шапочку, быстрым движением головы рассыпала волосы, свою гордость и распознавательный знак – длинные, горящие золотом, пушистые локоны цвета свежего каштана.

Цири изумленно вздохнула. Трисс улыбнулась, радуясь эффекту. Прекрасные длинные пушистые волосы были редкостью, признаком положения, статуса, знаком свободной женщины, самой себе хозяйки. Знаком женщины необычной, ибо обычные девушки носили косы, обычные замужние женщины покрывали волосы чепчиками либо платками. Дамы знатные, включая и королев, завивали и укладывали волосы. Воительницы стриглись коротко. Только друидки и чародейки, да еще распутницы похвалялись естественными гривами, чтобы подчеркнуть независимость и свободу.

Ведьмаки появились, как всегда, неожиданно, как всегда, беззвучно, как всегда, неведомо откуда. Остановились перед ней, высокие, стройные, со скрещенными на груди руками, сместив вес тела на левую ногу, в той позиции, из которой – она знала – можно атаковать мгновенно. Цири встала рядом с ними в такой же позе. В своей карикатурной одежке она выглядела презабавно.

– Приветствуем тебя в Каэр Морхене, Трисс.

– Приветствую тебя, Геральт.

Он изменился. Казалось, постарел. Трисс знала, что биологически это невозможно. Да, ведьмаки стареют, но слишком медленно, чтобы простой смертный или такая молодая чародейка, как она, могли обнаружить перемены. Но достаточно было одного взгляда, чтобы понять: мутация способна задерживать процесс физического старения, но не психического.

Иссеченное морщинами лицо Геральта было лучшим тому доказательством. Трисс с глубочайшей досадой оторвала взгляд от глаз ведьмака. Глаз, которые явно видели слишком многое. К тому же она не заметила в этих глазах того, на что рассчитывала.

– Приветствую, – повторил он. – Рады видеть тебя.

Рядом с Геральтом стоял Эскель, похожий на Волка как брат-близнец, если не считать цвета волос и длинного шрама, уродующего щеку. И самый младший из ведьмаков в Каэр Морхене – Ламберт, как всегда, с неприятной ухмылкой на лице. Весемира не было.

– Приветствуем и приглашаем войти, – сказал Эскель. – Холодно и дует так, словно где-то висельник завелся. А ты куда, Цири? Тебя приглашение не касается. Солнце пока высоко, хоть его и не видно. Еще можно тренироваться.

– Ай-ай, – тряхнула волосами чародейка. – Похоже, подешевела вежливость в Пристанище ведьмаков. Цири встретила меня первой, проводила в замок. Ей положено быть со мной...

– Она здесь обучается, Меригольд, – поморщился Ламберт, изобразив пародию на улыбку. Он всегда называл ее «Меригольд», без «госпожи», без имени. Трисс не любила этого. – Она ученица, – продолжал Ламберт, – а не мажордом. Встреча гостей, даже столь приятных, как ты, не входит в ее обязанности. Пошли, Цири.

Трисс слегка пожала плечами, прикидываясь, будто не замечает смущенных взглядов Геральта и Эскеля. Смолчала. Не хотела смущать их еще больше. А главное, не хотела, чтобы они поняли, как сильно ее интересует и завораживает эта девочка.

– Я отведу коня, – предложил Геральт, потянувшись к поводьям. Трисс украдкой подвинула руку, и их пальцы встретились. Взгляды тоже.

– Я пойду с тобой, – свободно сказала она. – Во вьюках кое-какие нужные мне мелочи.

– Ты доставила мне несколько неприятных минут, – буркнул он, как только они вошли в конюшню. – Я собственными глазами видел твое пышное надгробие. Обелиск, увековечивающий твою героическую смерть в битве за Содден. Лишь недавно до меня дошли слухи, что это ошибка. Не понимаю, как тебя можно было с кем-то перепутать, Трисс.

– Долгая история, – ответила она. – При случае расскажу. А неприятные минуты – ну что ж, постарайся простить меня.

– Нечего тут прощать. Последнее время мне редко доводилось радоваться, а радость, которую я ощутил, узнав, что ты жива, трудно сравнить с какой-либо иной. Разве только с той, какую я испытываю сейчас, глядя на тебя.

Трисс показалось, что в ней что-то разрывается. Страх перед встречей с беловолосым ведьмаком всю дорогу боролся в ней с надеждой на встречу. А потом – это измученное, истощенное лицо, эти всевидящие больные глаза, слова, холодные и взвешенные, неестественно спокойные, но насыщенные таким чувством...

Она бросилась ему на шею, сразу, не раздумывая. Схватила руку, резко завела себе за шею, под волосы. Мурашки побежали у нее по спине, пронзили таким блаженством, что она чуть было не закричала. Чтобы сдержать и приглушить крик, она нашла губами его губы. Прильнула к ним. Она дрожала, крепко прижимаясь к нему, возбуждая и усиливая в себе страсть, забываясь все больше.

Геральт не забылся.

– Трисс... Прошу тебя...

– Ох, Геральт... Я так...

– Трисс. – Он мягко отстранил ее. – Мы не одни... Сюда идут.

Она взглянула на дверной проем. Тени приближающихся ведьмаков она заметила не сразу, их шаги слышала еще позже. Ну что ж, ее слух, который в принципе она считала обостренным, с ведьмачьим соперничать не мог.

– Трисс, деточка!

– Весемир!

Да, Весемир был действительно стар. Кто знает, не старше ли, чем Каэр Морхен. Но он шел к ней быстрым, энергичным и пружинистым шагом, его рукопожатие было крепким, а руки сильными.

– Рада снова видеть тебя, дедушка.

– Поцелуй меня. Нет, не руку, маленькая чародейка. Руку будешь целовать, когда я окажусь на смертном одре. А это, похоже, вот-вот случится. Ох, Трисс, хорошо, что ты приехала... Кто меня вылечит, если не ты?

– Вылечить? Тебя? От чего? Разве что от мальчишеских штучек! Убери руку с моего зада, старец, не то подпалю твою седую бороду!

– Прости. Все время забываю, что ты выросла и я уже не могу сажать тебя на колени и похлопывать. Что же до моего здоровья... Ох, Трисс, старость не радость. Кости ломит так, что выть хочется. Поможешь старику, девочка?

– Помогу. – Чародейка высвободилась из медвежьих объятий и взглянула на сопровождавшего Весемира ведьмака. Он был молод, казался ровесником Ламберта. Носил короткую черную бороду, которая, однако, не скрывала сильных рябушек после оспы. Это было довольно необычно, потому что ведьмаки, как правило, обладали высоким иммунитетом против заразных болезней.

– Трисс Меригольд. Койон, – представил их Геральт. – Койон проводит с нами первую зиму. Он с Юга, из Повисса.

Молодой ведьмак поклонился. У него были необычно светлые желто-зеленые радужки, а перерезанные красными ниточками хрусталики говорили о тяжелом, хлопотном протекании мутации глаз.

– Идем, деточка, – сказал Весемир, взяв ее за руку. – Конюшня – не место для встречи гостей. Но я не мог дождаться.

Во дворе, меж заслоняющих от ветра стен, Цири занималась под присмотром Ламберта. Ловко балансируя на подвешенной на цепях балке, она с мечом в руке нападала на кожаный мешок, перевязанный ремнями так, чтобы он изображал человеческое тело. Трисс задержалась.

– Плохо! – шипел Ламберт. – Слишком близко подходишь! И не руби вслепую. Я же сказал, самым концом меча по шейной артерии! Где у гуманоида шейная артерия? На макушке? Что с тобой творится? Сосредоточься, княжна!

«Ха! – подумала Трисс. – Стало быть, и впрямь не легенда. Это она. Я верно догадывалась».

Она решила пойти в атаку не откладывая, не позволив ведьмаку выкрутиться.

– Знаменитое Дитя-Неожиданность? – указала она на Цири. – Похоже, вы всерьез взялись выполнять требования судьбы и Предназначения? Только вроде бы сказки у вас перепутались, ребята. В сказках, которые мне рассказывали, пастушечки и сиротки становились княжнами. А тут, вижу, наоборот – княжну переделывают в ведьмачку. Вам не кажется, что это несколько рискованно?

Весемир взглянул на Геральта. Беловолосый ведьмак молчал, его лицо ничего не выражало, даже дрожанием век он не отреагировал на немую просьбу о поддержке.

– Все не так, как ты думаешь, – откашлялся старик. – Геральт привез ее сюда прошлой осенью. У нее нет никого, кроме... Послушай, Трисс, ну как тут не поверить в Предназначение, если...

– Что общего у Предназначения с размахиванием мечом?

– Мы учим ее пользоваться мечом, – тихо проговорил Геральт, повернувшись к чародейке и глядя ей прямо в глаза, – потому что ничему другому научить не можем. Не умеем ничего больше. Предназначение ли, нет ли, но Каэр Морхен теперь ее дом. Во всяком случае, на какое-то время. Тренировки и фехтование забавляют ее, помогают сохранить здоровье. Позволяют забыть о перенесенной трагедии. Теперь это ее дом, Трисс. Другого у нее нет.

– Множество цинтрийцев, – чародейка выдержала взгляд, – убежали после поражения в Вердэн, в Бругге, в Темерию, на Острова Скеллиге. Среди них есть вельможи, бароны, рыцари. Друзья, родственники... как и... подданные этой девчушки. Формально.

– Друзья и родственники после войны не стали ее искать. Не нашли.

– Потому что не им она была предназначена, – не очень искренне, но очень мило улыбнулась Трисс Геральту. Так мило, как только умела. Ей не хотелось, чтобы он говорил таким тоном.

Ведьмак пожал плечами. Трисс, которая немного знала его, сразу же сменила тактику, отказавшись от аргументации.

Снова взглянула на Цири. Девочка, ловко ступая по бревну, проделала быстрый поворот, рубанула легко, тут же отскочила. Манекен закачался на веревке.

– Ну наконец-то! – крикнул Ламберт. – Наконец-то поняла! Отступи и давай еще раз. Хочу удостовериться, что это не случайность!

– Меч, – обернулась Трисс к ведьмакам, – похоже, острый. Бревно, похоже, скользкое и неустойчивое. А учитель похож на идиота, сбивающего девочку с толку своим криком. Не боитесь? Или рассчитываете на то, что Предназначение оградит ребенка?

– Цири почти полгода тренировалась без меча, – сказал Койон. – Умеет двигаться. А мы внимательно следим, потому что...

– Потому что это ее дом, – закончил Геральт тихо, но жестко. Очень жестко. Тоном, пресекающим дискуссию.

– В том-то и дело, – глубоко вздохнул Весемир. – Ты устала, Трисс? Голодна?

– Не отрицаю, – вздохнула она, не пытаясь больше поймать взгляд Геральта. – Честно говоря, ваюсь с ног. Последнюю ночь я провела в полуразрушенном пастушьем шалаше, зарывшись в солому и мешки. Уплотнила развалюху с помощью магии, если б не это, очоурилась бы, пожалуй. Мечтаю о чистой постели.

– Поужинаешь с нами. Сейчас. Потом как следует выспишься и отдохнешь. Мы приготовили

тебе самую лучшую комнату, ту, что в башне. И поставили там самую лучшую кровать, какая только нашлась в Каэр Морхене.

– Благодарю, – кисло улыбнулась Трисс. «В башне, – подумала она. – Хорошо, Весемир. Сегодня можно и в башне, если тебе так уж важно соблюсти видимость приличия. Могу переночевать в башне. В лучшей кровати, какая только сыскалась в Каэр Морхене. Хоть и предпочитала бы в самой скверной, но с Геральтом».

– Пошли, Трисс.

– Пошли.

Ветер постукивал ставнями, шевелил прикрывающие окно остатки траченного молью гобелена. Трисс в абсолютной тьме лежала на лучшей в Каэр Морхене кровати. И не могла уснуть. И дело было вовсе не в том, что лучшая в Каэр Морхене кровать оказалась древней развалюхой. Нет. Трисс усиленно размышляла. И все отгоняющие сон мысли крутились вокруг одного основного вопроса: почему и зачем ее вызвали в замок? С какой целью?

Болезнь Весемира – не более чем предлог. Весемир – ведьмак. То, что при этом он еще и столетний дед, не мешает многим молодцам завидовать его здоровью. Если б оказалось, что старца, допустим, пырнул жалом мантихор или покусал вурдалак, тогда Трисс еще могла бы поверить, что ее вызвали именно к нему. Но «ломота в костях»? Смех, да и только. «Ломота в костях» – не шибко оригинальное недомогание в чертовски холодных стенах Каэр Морхена. Весемир вылечился бы ведьмачьим эликсиром или – еще проще – крепким ржаным самогоном внутрь и наружно в равных пропорциях. Ему не понадобилась бы чародейка с заклинаниями, фильтрами и амулетами.

Так кто же ее вызвал? Геральт?

Трисс ворочалась в постели, чувствуя волны накатывающего тепла. И возбуждения, усиленного злостью. Тихо выругалась, ударила кулаком по перине, перевернулась на бок. Древнее ложе заскрипело. «Я не владею собой, – подумала она. – Веду себя словно глупая девчонка. Или того хуже – как недоласканная старая дева. Не могу даже логично мыслить».

Она снова выругалась.

«Конечно же, не Геральт. Без эмоций, девица, без эмоций. Вспомни его мину там, в конюшне. Ты уже видывала такие мины, девочка, видела, не обманывай себя. Глупые, покаянные, растерянные мины мужчин, которые хотят забыть, которые сожалеют, которые не желают помнить случившегося, не хотят возвращаться к тому, что было. О боги, иначе не бывает. И ты это знаешь. Ведь у тебя солидный опыт, малышка».

Что касается эротической стороны жизни, то тут Трисс имела право считать себя типичной чародейкой. Началось все с кислого вкуса запретного плода, особо привлекательного из-за суровых правил академии и строжайших наказов преподавательницы, у которой она проходила практику. Потом наступила самостоятельность, свобода и неупорядоченные связи, закончившиеся, как обычно бывает, горечью, разочарованием и воздержанием. Начался долгий период одиночества и, наконец, открытие, что для снятия стрессов и напряжений вовсе не так уж и необходим человек, желающий считать себя твоим господином сразу после того, как перевернется на спину и смахнет пот со лба. Что для успокоения нервов имеются менее хлопотные методы, которые, ко всему прочему, не пачкают полотенца кровью, не пускают под одеялом ветров и не требуют завтрака. Затем пришел краткий и забавный период удовлетворенности собственным полом, закончившийся выводом, что пачканье, ветры и обжорство свойственны отнюдь не только мужчинам. Наконец, как все без малого магички, Трисс перешла на приключения с другими чародеями, спорадические и нервирующие своим холодным, техничным и, как правило, ритуальным протеканием.

И тогда появился Геральт из Ривии. Ведущий беспокойную жизнь ведьмак, связанный странными, беспокойными и бурными отношениями с Йеннифэр, ее сердечной подружкой.

Трисс наблюдала за обоими и завидовала, хоть, казалось, завидовать-то было нечему. Связь явственно приносила несчастье обоим, ведя напрямую к истощению, была болезненной и... вопреки всякой логике продолжалась. Трисс этого не понимала. И ее это интриговало. Интриговало до такой степени, что...

Она соблазнила ведьмака, почти не пользуясь магией. Просто подоспело удачное время, момент, когда они с Йеннифэр в очередной раз осточертели друг другу и бурно расстались. Геральту требовалось тепло, и он хотел забыть обо всем.

Нет, Трисс не стремилась отнять его у Йеннифэр. По сути, подруга была ей нужнее, чем он. Но краткая связь с ведьмаком не разочаровала ее. Она нашла то, что искала, – чувство вины, страха и боли. Его боли. Трисс видела проявление этих эмоций, они ее будоражили, и она не смогла о них забыть, когда пришло время расстаться. А что такое своя боль, поняла недавно. В тот момент, когда неодолимо возжелала снова быть с ним. Ненадолго, на мгновение, но быть.

А теперь он так близко...

Трисс сжала пальцы в кулак и принялась колотить по подушке. «Нет, – подумала она, – не будь дурочкой, малышка. Не думай об этом. Думай о...»

О Цири? Неужели...

Да, вот истинная причина ее визита в Каэр Морхен. Пепельноволосая девочка, из которой в замке хотят сделать ведьмака. Настоящую ведьмачку. Мутантку. Машину для убийства, такую, как они сами.

«Это ясно, – подумала она вдруг, снова чувствуя возбуждение, но теперь, однако, совершенно иного рода. – Это ясно. Они собираются мутировать ребенка, подвергнуть его Испытанию Травами и Трансмутации, но не знают, с какого бока подступиться. Из стариков жив один Весемир, а Весемир всего лишь учитель фехтования. Скрытая в подземельях Каэр Морхена лаборатория, покрытые пылью бутылки с легендарными эликсирами, печи, перегонные кубы и реторты... Никто не знает, как этим пользоваться. Потому что, совершенно ясно, мутагенные эликсиры разработал в незапамятные времена какой-то чародей-ренегат, а его наследники годами совершенствовали их, годами с помощью магии контролировали процесс трансмутации, которым подвергали детей. И однажды цепь прервалась. Не хватило магических знаний и способностей.

У ведьмаков есть травы, лаборатория. Они знают рецептуру. Но у них нет чародея...

Как знать, – думала она, – может, и пытались? Давали детям декокты, приготовленные без участия магии?»

Она вздрогнула при мысли о том, что могло твориться с теми детьми.

«А теперь, – подумала она, – собираются мутировать девочку, но не знают как. А это может означать... Это может означать, что от меня ждут помощи. И я увижу то, чего не видел ни один ныне живущий чародей, познакомлюсь с тем, с чем ни один ныне живущий чародей не познакомился. Знаменитые травы, хранящиеся в величайшем секрете культуры вирусов, прославленные таинственные рецепты...

И именно я поднесу пепельноволосому ребенку набор эликсиров, мне доведется наблюдать мутационные Изменения, собственными глазами видеть, как...

Как умирает пепельноволосое дитя.

О нет. – Трисс вздрогнула. – Никогда. Ни за что.

Впрочем, пожалуй, я раньше времени начинаю волноваться. Пожалуй, не в этом дело. За ужином мы беседовали, сплетничали о том о сем. Несколько раз я пыталась навести разговор на Дитя-Неожиданность. Впустую. Они тут же меняли тему.

Я наблюдала за ними. Весемир был сдержан и озабочен. Геральт неспокоен, Ламберт и Эскель неестественно веселы и болтливы, Койон естественен до неестественности. Искренна и открыта была только Цири, зарумянившаяся от мороза, растрепанная, счастливая и чертовски голодная. Они поедали похлебку с пряностями, густую от гренек и сыра, а Цири удивилась, что не подали грибов. Они пили сидр, но девочка получила воду, чем была явно удивлена и разочарована. «Где салат?» – взвизгнула она вдруг, а Ламберт резко и укоризненно глянул на нее и велел снять локти со стола.

Грибочки и салат. В декабре?

Ясно, – подумала Трисс. – Ее кормят легендарными пещерными грибами, неизвестной науке горной растительностью, поят знаменитыми напитками из таинственных трав. Девочка развивается быстро, набирается сатанинской, ведьмачьей кондиции. Естественным путем, без мутации, без риска, без гормональной революции. Но чародейке этого знать не положено. Для чародейки это секрет. Ничего они мне не скажут, ничего не покажут.

Я видела, как эта девчушка бежит. Видела, как она с мечом пляшет на бревне, ловкая и быстрая, полная прямо-таки кошачьей грации, двигается словно акробатка. Я должна, – подумала она, – обязательно должна ее увидеть раздетой, посмотреть, как она развивается под влиянием того, чем ее здесь пичкают. А вдруг да удастся выкрасть и вывезти пробы грибочков и салата? Ну, ну...

А доверие? Чихала я на ваше доверие, ведьмаки. В мире процветают рак, черная оспа, столбняк и белокровие, есть аллергия, есть синдром неожиданной смерти новорожденных. А вы укрываете от мира ваши грибочки, из которых, возможно, удалось бы дистиллировать спасающие жизнь лекарства. Держите в секрете даже от меня, перед которой похваляетесь дружбой, уважением и доверием. Даже я не могу увидеть не только лабораторию, но и задрипанные грибки!

Зачем же вы меня сюда притащили? Меня, чародейку?

Магия!»

Трисс захохотала.

«Ну, – подумала она, – вот я вас и поймала, ведьмаки! Цири нагнала на вас такого же страха, как и на меня. Погрузилась в сон наяву, начала вещать, прорицать, выдавать ауру, которую вы ощущаете почти так же хорошо, как и я. Безотчетно психокинетически схватила что-то или силой воли согнула оловянную ложку, уставившись на нее за обедом. Отвечала на вопросы, которые вы задавали мысленно, а может, и на те, что вы даже в мыслях боитесь себе задавать. И вас обуял страх. Вы сообразили, что ваша Неожиданность гораздо более неожиданна, чем вы могли подумать.

Вы сообразили, что приютили в Каэр Морхене Исток.

Что без чародейки вам не управиться.

А нет ни одной дружески к вам расположенной чародейки и ни одной, которой вы могли бы довериться. Кроме меня и...

И кроме Йеннифэр».

Ветер взвыл, захлопал ставнями, вздул гобелен. Трисс Меригольд перевернулась на спину, принялась задумчиво грызть ноготь большого пальца.

«Геральт не пригласил Йеннифэр. Пригласил меня. Так, может быть... Как знать. Возможно. Но если все так, как я думаю, то почему...

Почему?..»

– Почему ты не пришел сюда, ко мне? – тихо крикнула она в темень. Возбужденно и зло.

Ей ответил ветер, завывающий в руинах.

Утро было солнечное, но чертовски холодное. Трисс проснулась замерзшая, невыспавшаяся, но успокоенная и решившаяся.

В холл она спустилась последней. С удовлетворением встретила взгляды, награждавшие ее усилия, – дорожную одежду она сменила на простое, но эффектное платье, умело воспользовалась магическими ароматизаторами и немагической, но дьявольски дорогой косметикой. Трисс ела овсянку, перебрасываясь с ведьмаками малозначительными и банальными фразами.

– Опять вода? – вдруг заворчала Цири, заглянув в кубок. – У меня от воды зубы болят! Я хочу соку! Того, голубого!

– Не сутулься, – сказал Ламберт, краешком глаза глянув на Трисс. – И не утирайся рукавом! Кончай есть, пора на занятия. Дни все короче.

– Геральт. – Трисс покончила с овсянкой. – Вчера Цири упала на Пути. Ничего страшного, виной ее шутовская одежда. Все это подогнано отвратительно, вернее, не подогнано вовсе и мешает ей двигаться.

Весемир кашлянул, отвел глаза. «Так, – подумала чародейка, – значит, это твоя работа, Мастер меча. Факт, похоже, кафтанчик скроен мечом, а сшит наконечником стрелы».

– Дни, и верно, все короче, – начала она, не дождавшись комментариев. – Но сегодняшний мы сократим еще больше. Ты кончила, Цири? Пошли со мной. Сделаем необходимые поправки в твоём обмундировании.

– Она бежит в нем уже год, Меригольд, – зло бросил Ламберт. – И все было в порядке, пока...

– ...пока не явилась баба, которая не может видеть немодную и плохо сидящую одежду? Ты прав, Ламберт. Но баба явилась – и порядок рухнул, пришло время великих перемен. Идем, Цири.

Девочка замялась, взглянула на Геральта. Геральт кивнул, улыбнулся. Хорошо. Так, как умел улыбаться раньше, когда...

Трисс отвела глаза. Улыбка предназначалась не ей.

Комната Цири была точной копией жилищ ведьмаков. Как и у них, здесь не было практически ничего, кроме сколоченной из досок лежанки, табурета и сундучка. Стены и двери своих жилищ ведьмаки украшали шкурами забитых на охоте зверей – оленей, рысей, даже росомех. На дверях же комнатки Цири висела шкура гигантской крысы с отвратительным чешуйчатым хвостом. Трисс поборол в себе желание сорвать вонючую гадость и выкинуть в окно.

Девочка, стоя около лежанки, выжидающе смотрела на нее.

– Попробуем, – сказала чародейка, – слегка подправить твой... балахон. Мне всегда удавались кройка и шитье, думаю, управлюсь и с этой козловой шкурой. А ты, ведьмачка, когда-нибудь держала в руке иглу? Тебя научили хоть чему-то сверх того, чтобы дырывать мечом мешки с сеном?

– Когда я была в Заречье, в Кагене, приходилось прясть, – неохотно буркнула Цири. – Шить мне не позволяли, потому что я только портила лен и напрасно тратила нитки. После меня все надо было распарывать. Ужасненько скучная эта штука – прядение, ой-ёй!

– Факт, – захохотала Трисс. – Скучнее не придумаешь. Я тоже не люблю прясть.

– А приходилось? Мне да, потому как... Но ты же чаров... Чародейка. Ты же можешь все выколдовать! А свое красивое платье... ты его... выколдовала?

– Нет, – улыбнулась Трисс. – Но и не сама сшила. Не настолько уж я способная.

– А как ты сделаешь мне одежду? Волшебством?

– Зачем? Достаточно магической иглы, которой мы с помощью заклинаний добавим немного прыти, а если понадобится...

Трисс медленно провела рукой по обведенной бахромой дырке на рукаве курточки, пробормотала заклинание, одновременно активируя амулет. От дырки не осталось и следа. Цири запищала от восторга:

– Это волшебство! Теперь у меня будет волшебная курточка! Хо!

– Пока не сошью нормальной, но приличной. Ну а теперь снимай все, девочка моя, переоденешься в другое. Надеюсь, это не единственная твоя одежда?

Цири покачала головой, приподняла крышку сундучка, показала вылинявшее просторное платье, серо-голубой кафтанчик, льняную рубашку и шерстяную блузку, напоминающую хламиду.

– Это мое, – сказала она. – В этом я сюда приехала. Но теперь не ношу. Бабы шмотки.

– Понятно, – насмешливо поморщилась Трисс. – Бабы не бабы, а пока придется надеть. Ну, живей раздевайся. Дай-ка я помогу... Ё-моё! Это что такое?

Руки девочки были покрыты огромными, налитыми кровью синяками. Многие уже пожелтели, некоторые были совсем свежими.

– Это еще что, черт возьми? – зло повторила волшебница. – Кто тебя так отделал?

– Это? – Цири глянула на руки, словно была удивлена количеством синяков. – Ах это... Ветряк. Очень медленно работала.

– Что за ветряк? Говори толком!

– Ну ветряк, – повторила Цири, поднимая на волшебницу свои огромные глаза. – Ну такой... Ну... Я на нем учусь вывертываться при нападении. У него такие лапы из палок, и он крутится и размахивает этими лапами. Надо очень быстро прыгать и уворачиваться. Надо вырабатывать... лефрекс. Ежели нет лефрекса, то ветряк хватает тебя палкой. Вначале этот ветряк ужасненько поколачивал. Ну а теперь-то...

– Снимай штанишки и рубаху. О боги! Дева! Как ты вообще можешь ходить? Бегать?

Оба бедра и ляжки были черно-синими от кровоподтеков и припухлостей. Цири вздрогнула и зашипела, птясь от волшебницы. Трисс выругалась по-краснолюдски. Хуже некуда.

– Тоже ветряк? – спросила она, пытаясь сохранять спокойствие.

– Это? Нет. Вот это ветряк. – Цири равнодушно указала на роскошный синяк пониже левого колена. – А эти – другие... Это маятник. На маятнике я отрабатываю шаги с мечом. Геральт говорит, что я уже в норме... На маятнике. Говорит, у меня есть это... ну... Чутье. Вот – чутье есть.

– А если не хватит чутья, – скрежетнула зубами Трисс, – тогда, полагаю, маятник тебя саданет?

– Обязательно, – поддакнула девочка, глядя на чародейку и явно насмехаясь над ее неведением. – Еще как саданет-то!

– А здесь? На боку? Это что было? Кузнечный молот?

Цири зашипела от боли и покраснела.

– С гребенки свалилась...

– ...и гребенка по тебе саданула, – dokonчила Трисс. Ей было все труднее сдерживаться.

– Ну как же гребенка может садануть, – фыркнула Цири, – если она вкопана в землю? Не может! Я просто упала. Училась делать пируэт в подскоке, и у меня не вышло. Вот и синяк. Потому что ударились о столбик.

– И лежала два дня? И дышать было трудно? Болит?

– И вовсе нет. Койон размассировал меня и снова посадил на гребенку. Так надо, понимаешь? Иначе испугаешься навсегда.

– Что-что?

– Испугаешься навсегда, – гордо повторила Цири, отбрасывая со лба пепельную челку. – Не знаешь? Даже если с тобой что-то случится, надо все равно сразу же возвращаться на снаряд, иначе станешь трусить, а если будешь трусить, то фи́га с два у тебя получится. Нельзя отказываться от тренировки. Так сказал Геральт.

– Надо будет запомнить, – процедила волшебница. – Да и то, что автор – Геральт. Недурственный рецепт на жизнь, только я не уверена, годится ли он при любых обстоятельствах. Но его довольно легко реализовать за чужой счет. Итак, отказываться нельзя. Даже если тебя повалят на землю и примутся колотить как только могут, ты должна встать и продолжать тренировки. Иначе... фи́га с два?

– Конечно. Ведьмак не боится ничего.

– Серьезно? А ты, Цири? Тоже ничего не боишься? Отвечай честно.

Девочка отвернулась, закусила губу.

– Никому не скажешь?

– Не скажу.

– Больше всего я боюсь двух маятников. Двух сразу. И ветряка, но только когда его запускают с большой скоростью. И еще есть такая длинная жердь. На нее-то я все еще должна лазить с

этим, как его, страхом... не, страховкой. Ламберт говорит, что я растяпа и недотепа, но это вовсе не так. Геральт мне сказал, что у меня немного в другом месте центр тяги... не, тяжести, потому что я девочка. Просто надо больше заниматься, разве что... Я хотела тебя о чем-то спросить. Можно?

– Можно.

– Если ты разбираешься в магии и заклинаниях... Если можешь волшебствовать... Ты можешь сделать так, чтобы я стала мальчишкой?

– Нет, – ответила Трисс ледяным голосом. – Не могу.

– Хм... – явно опечалилась юная ведьмачка. – А не можешь хотя бы...

– Хотя бы что?

– Ну, не можешь ли ты сделать так, чтобы мне не приходилось... – Цири залилась румянцем.
– Давай на ушко скажу.

– Говори, – наклонилась Трисс. – Слушаю.

Цири, покраснев еще сильнее, приблизила губы к каштановым волосам чародейки.

Трисс быстро выпрямилась, глаза у нее запылали.

– Сегодня? Сейчас?

– Угу.

– Затраханые мудаки! – рявкнула чародейка и пнула табурет так, что тот врезался в дверь, сбив с нее крысину шкуру. – Зараза, мор, чума и проказа! Убью проклятых кретин!!!

– Успокойся, Меригольд, – сказал Ламберт. – Волноваться вредно и, главное, нет причин.

– Не учи меня! И перестань называть «Меригольд»! А еще лучше, если вообще замолчишь. Я не с тобой говорю. Весемир, Геральт, кто-нибудь из вас видел, как вы отделали ребенка? У нее на теле живого местечка нет!

– Дитя, – серьезно сказал Весемир. – Не позволяй эмоциям овладеть тобой. Ты была воспитана иначе, видела, как детей воспитывают по-другому. Родина Цири – Юг, там девочек и мальчиков воспитывают совершенно одинаково, никакой разницы, как у эльфов. На пони ее посадили, когда ей было пять лет от роду, а когда стукнуло восемь – она уже ездила на охоту. Ее учили пользоваться луком, копьем и мечом. Синяки для Цири – не новость...

– Не рассказывайте мне баек, – возмутилась Трисс. – Не прикидывайтесь идиотами. Здесь – не пони, не прогулки и не катание на санках. Здесь Казр Морхен! На ваших ветряках и маятниках, на вашей Мучильне поломали кости и свернули шеи десятки мальчиков, закаленных и испытанных жизнью бродяг, подобных вам, которых вы собирали по большакам и вытаскивали из канав. Жилистых, битых жизнью сорванцов и гуляк. А какие шансы у Цири? Даже воспитанная на Юге, даже по-эльфьему, даже такой гром-бабой, как Львица Калантэ, эта малышка по-прежнему была и остается княжной. Нежная кожа, изящное сложение, легкий костяк... Это девочка! Кого вы намерены из нее сотворить? Ведьмака?

– Эта девочка, – тихо и спокойно проговорил Геральт, – эта нежная маленькая княжна пережила бойню в Цинтре. Предоставленная самой себе, она пробралась сквозь когорты Нильфгаарда. Ухитрилась избежать рыскающих по селам мародеров, которые грабили и изничтожали все живое. Продержалась две недели в лесах Заречья совершенно одна. Месяц

бродила с кучкой беженцев, тяжело вкалывала наравне со всеми и наравне со всеми голодала. Почти полгода батрачила в деревне, когда ее приютила семья кметов. Поверь, Трисс, жизнь научила ее и закалила не хуже, чем подобных нам бродяг, собранных в Каэр Морхене с большаков и из канав. Цири не слабее подобных нам, нежеланных, незаконнорожденных, подкинутых ведьмакам в корчмах, словно котят в ивовых корзинках. А то, что она девочка... Какое это имеет значение?

– И ты еще спрашиваешь? Смеешь спрашивать? – крикнула чародейка. – Какое это имеет значение? А такое, что девочка, не будучи подобна вам, имеет свои собственные дни! И с большим трудом это переносит! А вы хотите, чтобы она выблевывала свои легкие на Мучильне и каких-то идиотских ветряках!

Хоть Трисс и была чертовски зла, но почувствовала огромное удовлетворение при виде поглупевших физиономий молодых ведьмаков и вдруг отвисшей челюсти Весемира.

– Вы даже не знали, – покачала она головой уже спокойно, но с мягким укором. – Тоже мне – опекуны! Девочка стесняется говорить об этом, потому что ее научили о таких неприятностях мужчинам не говорить. И стыдится слабости, боли, того, что она не такая ловкая, как обычно. Хоть кто-нибудь из вас подумал об этом? Заинтересовался? Попробовал догадаться, что ей мешает? А может, она впервые в жизни закровоточила у вас, здесь, в Каэр Морхене? И плакала по ночам, ни у кого не находя сочувствия, даже просто понимания? Хоть кто-нибудь из вас вообще об этом подумал?

– Прекрати, Трисс, – тихо охнул Геральт. – Достаточно. Ты добила, чего хотела. А может, и больше, чем хотела.

– Пропади все пропадом, – выругался Койон. – Хороши ж мы были, ничего не скажешь. Эх, Весемир, но ты-то...

– Замолчи, – буркнул старый ведьмак. – Ничего не говори.

Совершенно неожиданно повел себя Эскедь, который встал, подошел к чародейке, низко поклонился, взял ее руку и уважительно поцеловал. Она быстро отдернула руку. Не для того чтобы продемонстрировать злобу и раздражение, а чтобы прервать приятную, пронзившую ее вибрацию, вызванную прикосновением ведьмака. Эскедь эманировал сильно. Сильнее, чем Геральт.

– Трисс, – сказал он, озабоченно потирая чудовищный шрам на щеке. – Помоги нам. Просим. Помоги нам, Трисс.

Чародейка глянула ему в глаза, сжала губы.

– В чем? В чем я должна помочь, Эскедь?

Эскедь снова потер шрам, взглянул на Геральта. Беловолосый ведьмак наклонил голову, прикрыл глаза рукой. Весемир громко откашлялся.

В этот момент скрипнула дверь, и в холл вошла Цири. Кашель Весемира перешел во что-то вроде хриплого, громкого вздоха. Ламберт раскрыл рот. Трисс сдержала смех.

Цири, подстриженная и причесанная, шла к ним мелкими шажочками, осторожно придерживая темно-голубое платье, подрезанное снизу и подогнанное по фигурке, но еще несущее на себе следы перевозки во вьюках. На шее девочки поблескивал второй презент от чародейки – черная змейка из лаковой кожи с рубиновым глазком и золотой застежкой.

Цири задержалась перед Весемиром. Не очень зная, что делать с руками, засунула большие пальцы за пояс.

– Я не могу сегодня тренироваться, – медленно и четко проговорила она в абсолютной тишине, – потому что я... я... – Она взглянула на чародейку. Трисс подмигнула ей, скорчив рожицу, как довольный озорством сорванец, пошевелила губами, подсказывая выученную причину. – Я... мне... нездоровится, – закончила Цири громко и гордо, задрав нос чуть не до бревенчатого потолка.

Весемир снова раскашлялся. Но Эскель, милый Эскель, не потерял головы и опять повел себя так, как и положено.

– Конечно, – сказал он, улыбнувшись. – Это понятно и очевидно. Мы отложим обучение до тех пор, пока ты... пока тебе не перестанет... нездоровиться. Теоретические занятия тоже сократим, а если ты почувствуешь себя плохо, то и вовсе отменим. Если тебе понадобятся медикаменты либо...

– Этим займусь я, – вмешалась Трисс, тоже улыбнувшись. Легко и свободно.

– Да... – Только теперь Цири слегка зарумянилась и взглянула на старого ведьмака. – Дядя Весемир, я попросила Трисс... То есть госпожу Меригольд, чтобы... Потому что... Ну, чтобы она осталась с нами. Подольше. Долго. Но Трисс сказала, что ты должен дать на это согласие или как-то так... Дядя Весемир! Согласись!

– Соглашаюсь... – прокашлялся Весемир. – Конечно, соглашаюсь!

– Мы ужасно рады. – Только теперь Геральт отнял руку ото лба. – Нам ужасно приятно, Трисс.

– Ужасненько, – пискнула Цири.

Чародейка слегка кивнула Цири и невинно взмахнула ресницами, накручивая на палец каштановый локон. У Геральта было каменное лицо.

– Ты очень правильно и тактично поступила, Цири, – сказал он, – предложив госпоже Меригольд подольше погостить в Каэр Морхене. Я горжусь тобой, Цири.

Цири покраснела, широко улыбнулась. Чародейка подала ей следующий условный знак.

– А теперь, господа, – сказала девочка, еще выше задирая нос, – оставляю вас одних, потому как вы наверняка желаете обсудить с Трисс различные важные проблемы. Госпожа Меригольд, дядя Весемир, милостивые государи... Я прощаюсь. Временно.

Она грациозно присела и вышла из холла, медленно и с достоинством ступая по лестнице.

– Дьявольщина, – прервал тишину Ламберт. – Подумать только, а я не верил, что она и вправду княжна.

– Поняли, обалдуи? – Весемир осмотрелся. – Если утром она натянет платице... И чтобы мне никаких тренировок... Ясно?

Эскель и Койон окинули старика взглядами, лишенными даже признаков почтения. Ламберт открыто фыркнул. Геральт смотрел на чародейку. Она улыбалась.

– Условия? – явно обеспокоился Эскель. – Трисс, мы же поклялись, что облегчим Цири тренировки. Какие тебе еще нужны условия?

– Ну, условия, пожалуй, не самое удачное слово. Назовем это советами. Я дам вам три совета, и вы будете им строго следовать. Если, конечно, вам важно, чтобы я осталась и помогла воспитывать малышку.

– Слушаем, – сказал Геральт. – Говори, Трисс.

– Прежде всего, – начала она, насмешливо улыбаясь, – необходимо разнообразить меню Цири. В особенности ограничить присутствие в нем секретных грибочков и таинственной зелени.

Геральт и Койон владели собой прекрасно. Ламберт и Эскель немного хуже. Весемир не владел вообще. «Ну что ж, – подумала Трисс, глядя на его смешно обеспокоенную мину, – в его времена мир был лучше. Лицемерие считалось пороком, которого надлежало стыдиться. Искренность не осуждалась».

– Меньше отваров из малоизвестных трав, – продолжала она, стараясь сдержать смех, – а больше молока. У вас есть козы. Доеение никакое не искусство, увидишь, Ламберт, научишься мгновенно.

– Трисс, – начал Геральт, – послушай...

– Нет, ты послушай. Вы не подвергали Цири резкой мутации, не затрагивали гормонов, не пробовали эликсиры и травы. И за это вам хвала. Это было разумно, по-человечески. Вы пока что не нанесли ей вреда ядами, тем более нельзя ее калечить теперь.

– О чем это ты?

– Грибочки, секреты которых вы так оберегаете, – пояснила она, – действительно сохраняют девочку в прекрасной форме и укрепляют мышцы. Травы гарантируют идеальный обмен веществ и ускоряют развитие. Однако все, вместе взятое, дополненное тренировками, приводит к определенным изменениям в строении тела. В жировой ткани. Цири – женщина. Если вы не калечили ее гормонально, то не калечьте физически. Когда-нибудь она может обидеться на вас за то, что вы так безжалостно лишили ее женских... атрибутов. Вы понимаете, о чем я?

– А как же, – буркнул Ламберт, бесстыже рассматривая бюст Трисс, натягивающий ткань платья. Эскель кашлянул и испепелил юного ведьмака взглядом.

– Пока что, – медленно проговорил Геральт, тоже стрельнув глазами, – ты, надеюсь, не обнаружила в ней ничего необратимого?

– Нет, – улыбнулась она. – К счастью, нет. Она развивается нормальной и здоровой, сложена как юная дриада, приятно смотреть. Но, пожалуйста, соблюдайте умеренность в использовании ускорителей.

– Будем соблюдать, – пообещал Весемир. – Благодарим за предупреждение, дитя. Что еще? Ты говорила о трех... советах.

– Именно. Вот второй: нельзя допустить, чтобы Цири здесь одичала. Ей необходим контакт с миром. С ровесниками. Она должна получить приличное образование и подготовиться к нормальной жизни. Пока пусть себе размахивает мечом. Без мутации ведьмачка из нее все равно не получится, но ведьмачья тренировка ей не повредит. Времена сейчас трудные и опасные, сумеет защититься, если понадобится. Как эльфка. Но вы не имеете права похоронить ее тут, в вашей глухомани. Она должна приобщиться к нормальной жизни.

– Ее нормальная жизнь сгорела вместе с Цинтрой, – проворчал Геральт. – Однако, Трисс, ты, как всегда, права. Мы уже думали об этом. Придет весна, отвезу ее в храмовую школу к Нэннеке, в Элландер.

– Очень удачная мысль и мудрое решение. Нэннеке – исключительная женщина, а храм богини Мелитэле – исключительное место. Безопасное, верное, гарантирующее необходимое

девочке воспитание. Цири знает?

– Знает. Скандалила несколько дней, но в конце концов приняла к сведению. Сейчас даже с нетерпением ждет весны, ее подбадривает перспектива поездки в Темерию. Интересует окружающий мир.

– Как и меня в ее возрасте, – улыбнулась Трисс. – И это сравнение опасно приближает нас к третьему совету. Самому важному. И вы знаете какому. Не делайте глупых мин. Я – чародейка, забыли? Не знаю, сколько времени вам потребовалось на то, чтобы распознать магические способности Цири. Мне – не больше получаса, и я уже поняла, кого, вернее, что представляет собою девочка.

– И что же?

– Исток!

– Невероятно!

– Вероятно! Даже наверняка. Цири – Исток, у нее медиумические способности. Больше того, эти способности вызывают опасение. Только и исключительно поэтому вы притащили меня в Каэр Морхен, верно? Я права? Только и исключительно поэтому?

– Да, – после недолгого молчания подтвердил Весемир.

Трисс незаметно с облегчением вздохнула. Она опасалась, что подтвердит Геральт. * * *

Назавтра выпал первый снег. Вначале слабый, он вскоре перешел в метель. Шел всю ночь, а наутро стены Каэр Морхена утонули в заносах. О том, чтобы бегать по Мучильне, нечего было и думать, тем более что Цири все еще чувствовала себя неважно. Трисс подозревала, что ведьмачьи ускорители могли быть причиной менструальных нарушений. Однако уверенности не было, об этих снадобьях она практически не знала ничего, а Цири, несомненно, была единственной девочкой на свете, которой таковые давали. Ведьмакам она о своих подозрениях не сказала. Не хотела огорчать и тревожить, предпочитала использовать собственные методы. Напоила Цири эликсирами, повязала ей на талии под платицем шнурок активных яшм и запретила производить какие-либо усилия, в особенности же дико гоняться с мечом за крысами.

Цири скучала, сонно бродила по замку, наконец из-за отсутствия других развлечений присоединилась к Койону, занимавшемуся уборкой конюшни, чисткой и ремонтом упряжи.

Геральт, что вызвало бешенство чародейки, где-то пропал и появился лишь под вечер, притащив подстреленную косулю. Трисс помогла ему разделать добычу. Хоть страшно брезговала запахом мяса и крови, но хотела быть рядом с ведьмаком. Рядом. Как можно ближе. В ней набирала силу холодная, ожесточенная решимость. Она не желала больше спать одна.

– Трисс! – неожиданно крикнула Цири, с топотом сбега по лестнице. – Можно я сегодня лягу у тебя? Трисс, я тебя прошу, ну разреши! Прощу тебя, Трисс!

Снег падал и падал. Посветлело лишь, когда наступил Midinvaern – День Зимнего Солнцестояния. МидинваэРН.

Глава третья

На третий день умерли все дети, кроме одного отрока годов едва десяти. Оный, мучимый бурным безумием, вдруг впал в глубокое беспамятство. Очи его стали аки стекло, он непрестанно хватал руками покрывало либо водил ими в воздухе, как бы желая ухватить перо пишущее. Дыхание стало громким и хриплым, пот холодный, липучий и смердящий выступил на коже. Тогда снова ввели ему эликсир в жилы, и приступ повторился. На сей раз начался из носа кровоток, а кашель перешел во рвоту, после коей отрок совсем светшал и обессилел.

Признаки таковые не смягчали два дни. Кожа отрока, прежде залитая потом, сухой стала и горячее, пульс утратил полноту и жесткость, был, однако же, довольно сильным, скорее медлительным, нежели быстрым. Ни единого разу отрок сей уж не приходил в себя и не кричал боле.

Наконец настал день седьмой. Отрок очнулся как бы ото сна и отверст очи, а очи его были како у змеи... Карла Деметрия КрестИспытание Травами и иные тайные ведьмаков практики, собственными глазами наблюдавшие. Манускрипт исключительно для ознакомления Капитула Чародеев

– Ваши опасения были необоснованными, совершенно беспочвенными, – поморщилась Трисс, опершись локтями о стол. – Миновали времена, когда волшебники охотились за Истоками и магически одаренными детьми, силой, а то и обманом вырывали их из рук родителей или опекунов. Вы что, серьезно считали, что мне захочется отнять у вас Цири?

Ламберт фыркнул и отвернулся. Эскель и Весемир глянули на Геральта, но тот молчал. Он смотрел в сторону, все время поигрывая своим серебряным медальоном ведьмака – головой волка, ощерившего клыки. Трисс знала, что медальон реагирует на магию. В такую ночь, как Мидинваэрн, когда воздух прямо-таки вибрирует от магии, медальоны ведьмаков должны дрожать не переставая, раздражать и беспокоить.

– Нет, детка, – наконец проговорил Весемир. – Знаем, ты бы этого не сделала. Но знаем и то, что ты обязана сообщить о ней Капитулу. Давным-давно известно, что это входит в обязанности каждого чародея и чародейки. Да, вы наблюдаете за такими детьми, чтобы потом в подходящий момент соблазнить их магией, склонить...

– Успокойтесь, – холодно прервала она. – Я не скажу о Цири никому. Капитулу тоже... Что вы так смотрите?

– Удивлены легкостью, с которой ты обещаешь хранить тайну, – спокойно сказал Эскель. – Прости, Трисс, не хотелось бы тебя обижать, но куда подевалась ваша легендарная лояльность по отношению к Совету и Капитулу?

– Многое произошло. Война многое изменила. А битва за Содден и того больше. Не хочу утомлять вас политикой, но некоторые проблемы и вопросы, простите, вообще секретны, и я не имею права их раскрывать. Что же касается лояльности... Я лояльна. Но можете поверить, в этом деле я могу быть лояльной по отношению и к Капитулу, и к вам.

– Такая двойная лояльность, – впервые за вечер Геральт посмотрел ей в глаза, – чертовски трудная штука. Она редко кому удается, Трисс...

Чародейка взглянула на Цири. Девочка с Койоном сидели на медвежьей шкуре в дальнем углу холла и играли в ладушки. Игра была однообразной, оба были одинаково ловкими, ни один не мог прихлопнуть руку другого. Однако им это явно не мешало и не портило забавы.

– Геральт, – сказала Трисс. – Найдя Цири там, над Яругой, ты забрал ее с собой. Привез в

Каэр Морхен, спрятал от мира, не хочешь, чтобы даже близкие ребенку люди знали, что она жива. Что-то мне неизвестное заставило тебя поверить в существование Предназначения, в то, что мы находимся в его власти и оно руководит нами во всех наших поступках. Я тоже так считаю, всегда так считала. Ежели Предназначение пожелает, чтобы Цири стала волшебницей, она ею станет. Ни Капитул, ни Совет не должны о ней знать, не должны за ней наблюдать либо уговаривать ее. Сохранив ваш секрет, я вовсе не предам Капитул. Но, как вы сами понимаете, есть тут одна загвоздка.

– Если б одна, – вздохнул Весемир. – Говори, дитя мое.

– У девочки магические способности, и ими нельзя пренебрегать. Это чревато...

– Чем?

– Неконтролируемые способности опасны. Для Истока и для окружения. Окружению Исток может угрожать по-всякому. Себе – только одним: болезнью мозга. Чаще всего – кататонией.

– Тысяча дьяволов! – после долгого молчания проговорил Ламберт. – Вот слушаю я вас и думаю: кто-то тут уже явно тронулся умом, того и гляди начнет угрожать окружающим. Предназначение, Истоки, чудеса, невидимки... Ты не перебарщиваешь, Меригольд? Она что, первый ребенок, которого приволокли в замок? Никакого Предназначения Геральт не нашел, просто отыскал очередного осиротевшего и бездомного ребенка. Мы научим ее пользоваться мечом и выпустим в мир, как множество других. Согласен, никогда раньше нам не доводилось тренировать в Каэр Морхене девочек. Были у нас с Цири проблемы, мы совершали ошибки, и хорошо, что ты нам на них указала. Но не переусердствуй. Она не так уж неповторима, чтобы падать пред ней на колени и воздевать очи горе. Мало, что ли, кружит по миру баб-воительниц? Уверяю тебя, Меригольд, Цири выйдет отсюда ловкой и здоровой, сильной и способной управляться с житейскими невзгодами. И, ручаюсь, без всяких там кататоний и других падучих. Если, конечно, ты не внушишь ей чего-нибудь такого.

– Весемир, – Трисс повернулась в кресле, – вели ему замолкнуть, он мешает.

– Мудришь, – спокойно сказал Ламберт, – а ведь еще не обо всем знаешь. Гляди.

Он протянул руку к камину, странно сложив пальцы. В камине загудело и завывало, пламя вспыхнуло, поленья раскалились, взорвались искрами. Геральт, Весемир и Эскейль беспокойно посмотрели на Цири, но девочка не обратила внимания на эффектный фейерверк.

Трисс скрестила руки на груди, вызывающе глянула на Ламберта.

– Знак Аард? Хотел меня удивить? Таким же знаком, утроенным концентрацией, усилием воли и заклинанием, я могу мгновенно выкинуть поленья из камина, да так высоко, что тебе они покажутся звездами.

– Ты-то можешь, – согласился он. – А вот Цири – нет. Она не в состоянии сложить знак Аард. И вообще никакой знак сложить не в состоянии. Пробовала сотни раз, и... ничего. А ты прекрасно знаешь, что для наших знаков требуется минимум способностей. Получается, что у Цири нет даже их. Она совершенно нормальный ребенок. У нее нет и признака магических возможностей, она типичный антиталянт. А ты нам плетешь сказки об Истоке, пытаешься напугать...

– Исток, – холодно объяснила Трисс, – не контролирует своих умений, они ей не подчиняются. Она – медиум, что-то вроде посредника. Бессознательно контактирует с энергией, бессознательно ее преобразует. А когда пытается взять под контроль, когда прикладывает усилия, как, например, при попытках сложить знаки, у нее ничего не выходит. И не выйдет не только после сотни, но и после тысячи попыток. Это типично для Истока. Но вот

наступает момент, когда Исток не прилагает усилий, не напрягается, сидит себе спокойненько, размышляет о манной кашке либо о колбасе с капустой, играет в кости, «любит» с кем-то в постели, ковыряет в носу... и вдруг что-то происходит. Например, пламя охватывает дом или вспыхивает полгорода.

– Преувеличиваешь, Меригольд.

– Ламберт, – Геральт отпустил медальон, положил руки на стол, – во-первых, не называй Трисс «Меригольд», она не раз просила тебя. Во-вторых, Трисс не преувеличивает. Я собственными глазами видел в деле Цирину мамочку, принцессу Паве́тту. Поверьте, было на что посмотреть. Не знаю, была ли она Истоком, но никто и не подозревал о ее способностях, пока она чуть было не развалила королевский замок в Цинтре.

– Выходит, надо согласиться, – сказал Эске́ль, зажигая свечи в очередном подсвечнике, – что у Цири это вполне может быть наследственным.

– Не только может быть, – сказал Весемир, – а определенно есть. С одной стороны, Ламберт прав. Цири не способна складывать знаки. С другой... Все мы видели...

Он замолчал, глянул на Цири, которая радостным писком отмечала только что одержанную победу. Трисс видела улыбку на лице Койона и не сомневалась, что тот просто поддался.

– Именно, – насмешливо сказала она. – Видели. Что вы видели? При каких обстоятельствах? А вам не кажется, парни, что пришло время поговорить откровенно? Черт побери, повторяю, я сохраню тайну. Слово даю.

Ламберт взглянул на Геральта. Геральт утвердительно кивнул. Молодой ведьмак встал, снял с высокой полки большой квадратный хрустальный графин и небольшой флакончик. Перелил содержимое флакончика в графин, встряхнул, разлил прозрачную жидкость по стоящим на столе кубкам.

– Выпей с нами, Трисс.

– Неужто ваша тайна и впрямь настолько страшна, – съехидничала чародейка, – что на трезвую голову о ней говорить нельзя, обязательно надо сначала надраться?

– Не умничай. Глотни. Легче поймешь.

– А что это?

– «Белая Чайка».

– Что?

– Легкое снадобье, – улыбнулся Эске́ль, – для приятных сновидений.

– Черт возьми! Ведьмачий галлюциноген? Так вот почему у вас вечерами блестят глаза!

– «Белая Чайка» – мягкое средство. Галлюциногены содержит «Черная».

– Если в напитке есть магия, мне нельзя его брать в рот!

– Исключительно натуральные составляющие, – успокоил Геральт, но при этом мина у него была сконфуженная. Он явно опасался расспросов о составе эликсира. – К тому же разбавлены большим количеством воды. Мы б не стали предлагать что-то такое, что может навредить.

Игристая жидкость со странным вкусом обожгла холодом глотку, разлилась теплом по телу.

Чародейка провела языком по деснам и нёбу. Но не смогла распознать ни одного составляющего элемента.

– Вы дали Цири выпить этой... «Чайки»? – догадалась она. – И тогда...

– Чистая случайность, – прервал ее Геральт. – В первый вечер, сразу по приезде... Она хотела пить. Бокал «Чайки» стоял на столе. Мы не успели оглянуться, как она выпила одним духом. И впала в транс.

– Набрались мы страха, – признался Весемир и вздохнул. – Ох, набрались, девочка. По горлышко.

– Она заговорила не своим голосом, – спокойно сказала Трисс, глядя ведьмакам в глаза, отражавшие огоньки свечей. – Начала говорить о том, чего знать не могла. Начала... пророчествовать. Верно? Что она говорила?

– Глупости, – сухо сказал Ламберт. – Бессмысленный бред.

– Не сомневаюсь, что вы тогда прекрасно поняли друг друга. Бред – твоя стихия, убеждаюсь всякий раз, стоит тебе раскрыть рот. Окажи любезность, не раскрывай его некоторое время. Лады?

– На этот раз, Трисс, – серьезно сказал Эскель, потирая шрам на щеке, – Ламберт прав. Глотнув «Чайки», Цири действительно заговорила так, что мы ничего не сумели понять. Тогда, в первый раз, это была полная белиберда. Только после...

Он осекся. Трисс догадливо покрутила головой.

– Только во второй раз она заговорила осмысленно. Стало быть, был и второй. Тоже после наркотика, который хлебнула по вашей неосмотрительности?

– Трисс, – поднял голову Геральт. – Сейчас не до шуток. Нас это не забавляет. Нас это тревожит и беспокоит. Да, был и второй раз. Цири довольно неудачно упала во время тренировки. Потеряла сознание. Когда пришла в себя, снова погрузилась в транс. И опять несла чепуху. И снова голос был не ее. И снова все было непонятно. Но я уже слышал подобные голоса, подобный характер речи. Так говорят несчастные, хворые, душевнобольные женщины, которых называют оракулами. Понимаешь, что я имею в виду?

– Полностью. Это во второй раз. Переходим к третьему.

Геральт вытер лоб, вдруг покрывшийся испариной.

– Цири часто просыпается среди ночи, – начал он. – С криком. Она многое пережила. Она не хочет об этом говорить, но, несомненно, видела в Цинтре и Ангрене такое, что ребенку видеть не положено. Я даже опасаюсь, что... кто-то ее... обидел. И это возвращается в снах. Обычно ее легко успокоить, она засыпает без труда... Но однажды, проснувшись, она снова впала в транс. Опять заговорила чужим, неприятным... злым голосом. Говорила четко и осмысленно. Пророчествовала, прорицала. И напорочила нам...

– Что? Что, Геральт?

– Смерть, – мягко сказал Весемир. – Смерть, дитя мое.

Трисс взглянула на Цири, пискливо упрекавшую Койона в обмане. Койон обнял ее, рассмеялся. Чародейка вдруг поняла, что никогда, никогда раньше не слышала, чтобы ведьмаки смеялись.

- Кому? – быстро спросила она, глядя на Койона.
- Ему, – сказал Весемир.
- И мне, – добавил Геральт. И улыбнулся.
- А когда проснулась...
- Ничего не помнила. А мы не расспрашивали.
- И правильно сделали. Теперь о пророчестве. Оно было конкретным, детальным?
- Нет, – глянул ей прямо в глаза Геральт. – Путаным. Не спрашивай об этом, Трисс. Нас печалит не содержание ворожбы и бреда Цири, а лишь то, что с ней творится. Мы боимся не за себя, а за...
- Осторожнее, – бросил Весемир. – Не говори об этом при ней.

Койон подошел к столу, таща девочку на закорках.

- Пожелай всем спокойной ночи. Полночь близко. Вот-вот кончится Мидинваэрн. С завтрашнего утра весна ближе с каждым днем!
- Пить хочется. – Цири слезла с закорок, потянулась к кубку Эскеля. Ведьмак ловко отодвинул кубок, схватил кувшин с водой. Трисс быстро поднялась.
- Прошу, – подала она девочке свой наполовину полный кубок, одновременно многозначительно сжав руку Геральту и глядя в глаза Весемиру. – Пей.
- Трисс, – шепнул Эскель, видя, как Цири взахлеб пьет. – Что ты делаешь? Это же...
- Помолчи, пожалуйста.

Ждать почти не пришлось. Цири вдруг напряглась, тихо крикнула, улыбнулась широкой, счастливой улыбкой. Зажмурилась, раскинула руки. Засмеялась, закружилась, затанцевала на цыпочках. Ламберт молниеносно отбросил стоявший на дороге табурет, Койон встал между танцующей девочкой и огнем камина.

Трисс вскочила, вырвала из-за декольте амулет – оправленный в серебро сапфир на тонкой цепочке. Крепко зажала его в кулаке.

- Дитя, – простонал Весемир, – что ты делаешь?
- Я знаю, что делаю, – сказала она резко. – Девочка впала в транс, а я установлю с ней психический контакт. Войду в нее. Я вам говорила, что она представляет собою что-то вроде магического посредника, передатчика, я должна знать, что она передает, как и откуда черпает ауру, как ее преобразовывает. Сегодня Мидинваэрн, удачная ночь для такого мероприятия...
- Не нравится мне это, – нахмурился Геральт. – Совсем не нравится.
- Если у одной из нас случится эпилептический припадок, – отмахнулась от него чародейка, – знаете, как поступить. Прутик в зубы, поддержать, переждать. Головы выше, ребята. Мне доводилось делать такое не раз.

Цири перестала плясать, села на пол, вытянула руки, опустила голову на колени. Трисс прижала к виску уже теплый амулет, прошептала формулу заклинания. Закрыла глаза, сосредоточилась, выслала импульс.

Море зашумело, волны с грохотом ударили в скалистый берег, высокими гейзерами взвились меж камней. Она махнула крыльями, ловя соленый ветер. Невероятно счастливая, спикировала, догнала стаю подружек, задела коготками хребты волн, снова взмыла в небо, роняя капли, стала планировать, носимая вихрем, шумящим в маховых и правильных перьях. Сила внушения, подумала она трезво. Всего лишь сила внушения. Чайка!

Трииисс! Трииисс!

Цири! Где ты?

Трииисс!

Чайки умолкли. Правда, чародейка еще чувствовала на лице мокрые брызги белых грив, но под ней уже не было моря. Вернее, было, но это было море трав, бескрайняя, уходящая за горизонт равнина. Трисс с ужасом поняла, что перед ней раскинулась степь, окружающая вершину Холма под Содденом. Но нет, это был не Холм. Это не мог быть Холм.

Небо вдруг потемнело, вокруг за клубились тени. Трисс видела длинную цепь размытых фигур, медленно спускающихся по склону. Слышала набегающие друг на друга шепотки, складывающиеся в непонятный, волнующий хор.

Цири стояла рядом, повернувшись спиной. Ветер развеивал ее пепельные волосы.

Туманные, нечеткие фигуры шли и шли бесконечной, долгой чередой. Проходя мимо, они поворачивали головы. Трисс придушила крик, глядя на равнодушные, спокойные, бесстрастные лица, на невидящие, мертвые глаза. Большинство лиц она не знала, не узнавала. Но некоторые – да.

Коралл. Ваньелла. Йойоль, Рябой Алекс...

– Зачем ты меня сюда привела? – шепнула она. – Зачем?

Цири повернулась. Подняла руку, и чародейка увидела струйку крови, стекающую по линии жизни с ладони на сустав.

– Это роза, – спокойно сказала девочка. – Роза из Шаэрраведда. Я укололась. Ничего страшного. Всего лишь кровь. Кровь эльфов...

Небо потемнело еще больше, а спустя мгновение разгорелось резкими, слепящими стрелами молний. Все замерло в тишине и неподвижности. Трисс остановилась рядом с Цири и увидела, что они стоят на краю бездонной пропасти, в которой клубится красноватый, как бы подсвеченный дым. Вспышка очередной беззвучной молнии выхватила из тьмы ведущую в глубь пропасти длинную мраморную лестницу.

– Так надо, – дрожащим голосом произнесла Цири. – Другого пути нет. Только этот. По лестнице вниз. Так надо, потому что, потому что... Va'esse deireadh aep eigeap...

– Говори, – шепнула волшебница. – Говори, дитя.

– Дитя Старшей Крови... Feainnewedd... Luned aep Hen Ichaer... Deithwen... Белое Пламя... Нет, нет... Нет!

– Цири!

– Черный рыцарь... с перьями на шлеме... Что он мне сделал? Что тогда случилось? Я боялась... Я все еще боюсь. Это не кончилось, это никогда не кончится. Львенок должен умереть... Этого требуют интересы... Нет... Нет...

– Цири!

– Нет! – Девочка напряглась, крепко зажмурилась. – Нет, нет, не хочу! Не прикасайся ко мне!

Выражение ее лица резко изменилось, оно застыло, голос стал металлическим, холодным и враждебным, в нем зазвучала злая, жестокая насмешка:

– Ты явилась даже сюда, Трисс Меригольд? Даже сюда? Ты зашла слишком далеко, Четырнадцатая. Я тебя предостерегал.

– Кто ты? – вздрогнула Трисс. Но голос не выдал ее волнения.

– Узнаешь в свое время.

– Я узнаю сейчас!

Чародейка подняла руки, резко раскинула их, вложив все свои силы в волшебство опознания. Магическая завеса разорвалась, но за ней была вторая, третья... четвертая...

Трисс со стоном опустилась на колени. А реальность продолжала разрываться, раскрывались двери за дверями, длинный, бесконечный ряд дверей, ведущих в никуда. В пустоту.

– Ты ошиблась, Четырнадцатая, – проговорил насмешливый металлический голос. – Ты перепутала небо со звездами, отраженными ночью в поверхности пруда.

– Не прикасайся... Не прикасайся к этому ребенку!

– Она не ребенок.

Губы Цири пошевелились, но Трисс видела, что глаза ее по-прежнему мертвые, стеклянные, отсутствующие.

– Она не ребенок, – повторил голос. – Она – Пламя, Белое Пламя, от которого займется и сгорит мир. Это Старшая Кровь, Hen Ichaeg. Кровь эльфов. Зерно, которое не прорастет, не проклянется, но полыхнет Пламенем, Кровь, которая будет осквернена... Когда придет Tedd deireadh, Час Конца. Va'esse deireadh aep eigean!

– Ты предвещаешь смерть? – крикнула Трисс. – Только это ты и умеешь – предвещать смерть? Всем? Им, ей... Мне?

– Тебе? Ты уже мертва, Четырнадцатая. В тебе все уже умерло.

– Могуществом Высших Сфер, – простонала чародейка, собирая остатки сил и водя рукой в воздухе. – Водой, огнем, землей и воздухом заклинаю тебя. Заклинаю мыслью, сном и смертью, тем, что было, что есть и что будет! Заклинаю тебя. Кто ты? Говори!

Цири отвернулась. Ведущие в глубь пропасти ступени исчезли, растворились, на их месте возникло серое свинцовое море, пенящееся, вздыбленное ломкими хребтами волн. В тишину снова ворвался крик чаек.

– Лети, – проговорил голос устами девочки. – Пора. Возвращайся, откуда пришла, Четырнадцатая с Холма. Лети на крыльях чайки и слушай крики других чаек. Слушай внимательно!

– Заклинаю тебя...

– Ты не можешь. Лети, чайка!

И неожиданно вновь возник свистящий вихрь, влажный и соленый ветер, и был полет, полет без конца и начала. Дико кричали чайки. Кричали и повелевали.

Трисс?

Цири?

Забудь о нем! Не мучай его... Трисс!

Забудь!

Трисс! Трисс! Трисс!

Трисс!

Она открыла глаза, откинула голову на подушку, пошевелила онемевшими руками.

– Геральт?

– Я здесь, с тобой. Как ты себя чувствуешь?

Трисс осмотрелась. Она лежала на кровати в своей комнате. На лучшей кровати во всем Каэр Морхене.

– Что с Цири?

– Она спит.

– Как долго...

– Слишком долго, – прервал он, накрыл ее одеялом, обнял. Когда наклонялся, медальон с волчьей мордой замаячил у нее перед глазами. – Ты поступила не лучшим образом, Трисс.

– Все в порядке. – Она вздрогнула в его объятиях и тут же подумала: «Все вовсе не в порядке». Потом повернула голову так, чтобы медальон не прикасался к лицу. Теорий о свойствах ведьмачьих амулетов было множество, но ни одна не советовала чародейкам прикасаться к ним в дни и ночи Солнцестояний.

– Мы... Мы что-нибудь говорили в трансе?

– Ты – нет. Все время была без сознания. Цири... прежде чем проснуться... сказала: Va'esse deireadh aep eígean...

– Она знает Старшую Речь.

– Не настолько, чтобы построить полную фразу...

– ...означающую «Что-то кончается». – Чародейка провела по лицу рукой. – Геральт, все очень серьезно. Девочка – невероятно мощный медиум. Не знаю, с чем и с кем она контактирует, но думаю, для нее не существует пределов контакта. Что-то хочет овладеть ею. Что-то... что для меня чересчур могущественно. Я боюсь за нее. Очередной транс... может кончиться психическим срывом. Я не могу этого осилить, не умею овладеть, не смогу... В случае нужды я не смогла бы заблокировать, приглушить ее способности, не сумела бы постоянно их гасить, если б потребовалось. Ты должен воспользоваться помощью... другой чародейки. Более способной. Более опытной. Ты знаешь, о ком я.

– Знаю. – Он отвернулся, поджал губы.

– Не упрямься. Не сопротивляйся. Я догадываюсь, почему ты обратился не к ней, а ко мне. Перебори гордыню, перебори обиду и ожесточение. Это бессмысленно. Ты измучаешься. К тому же ты рискуешь здоровьем и жизнью Цири. То, что скорее всего произойдет с ней в очередном трансе, может оказаться хуже Испытания Травами. Обратись за помощью к Йеннифэр, Геральт.

– А ты, Трисс?

– Что я? – Она с трудом сглотнула. – Я не в счет. Я подвела тебя. Подвела во всем. Я была... была твоей ошибкой. Ничем больше.

– Ошибки, – медленно проговорил он, – тоже зачисляются на мой счет. Я не вымарываю их из жизни и из памяти. И никогда не ищу виновных. Ты многое значила для меня и всегда будешь значить. Ты никогда не подводила меня, не разочаровывала. Никогда. Поверь.

Она долго молчала, наконец сказала, сдерживая дрожь в голосе:

– Я останусь до весны. Буду рядом с Цири... Буду присматривать за ней. Днем и ночью. Я буду с ней днем и ночью. А весной... Весной мы отвезем ее в Элландер в храм Мелитэле. Возможно, то, что хочет взять над нею власть, не сможет подступиться к ней в храме. И тогда ты обратишься за помощью к Йеннифэр.

– Хорошо, Трисс. Благодарю тебя.

– Геральт...

– Слушаю.

– Цири сказала что-то еще, верно? Что-то такое, что слышал только ты. Что?

– Нет, – возразил он, и голос у него дрогнул. – Нет, Трисс.

– Прошу тебя.

– Она обращалась не ко мне.

– Знаю. Ко мне. Скажи, прошу.

– Уже когда проснулась... Когда я ее поднял... Она прошептала: «Забудь о нем. Не мучай его».

– Не буду, – сказала Трисс тихо. – Но забыть не могу. Прости.

– Это я должен просить у тебя прощения. И не только у тебя.

– Ты так сильно любишь. – Она не спросила, сказала.

– Да, – вполголоса признался он после долгого молчания.

– Геральт...

– Слушаю, Трисс.

– Побудь эту ночь со мной.

– Трисс...

– Только побудь.

– Хорошо.

Вскоре после Мидинваэрна снег перестал. Ударили морозы.

Трисс не оставляла Цири одну ни днем, ни ночью. Все время была настороже.

Девочка почти каждую ночь просыпалась с криком. Бредила, плакала. Чародейка успокаивала ее заклинаниями и эликсирами, усыпляла, обнимая и покачивая на руках. А потом долго не могла уснуть сама, размышляя о сказанном Цири во сне и после пробуждения. И чувствовала всевозрастающий страх. *Va'esse deireadh aер eigeap.* Что-то кончается...

Так продолжалось десять дней и ночей. И неожиданно прошло. Кончилось, исчезло бесследно. Цири успокоилась, спала спокойно, без сновидений, без бреда.

Но Трисс неустанно присматривала за ней. Не отходила от девочки ни на шаг. Все время была настороже.

– Быстрее, Цири! Шаг вперед, отскок! Полупируэт, удар, отскок! Удерживай равновесие левой рукой, иначе свалишься с гребня! И побьешь себе... женские атрибуты!

– Что?

– Ничего. Не устала? Если хочешь, передохнем.

– Нет, Ламберт! Могу еще. Я не такая слабая, не думай. Может, попробовать скакать через каждый второй столбик?

– И не мечтай! Упадешь, тогда Меригольд оторвет мне... э... голову!

– Не упаду!

– Я сказал, повторять не буду. Без фокусов! Больше показывать не стану! Тверже ноги! И дыхание, Цири, дыхание! Сопишь, словно подыхающий мамонт!

– Неправда!

– Не пищи! Работай! Нападение, отскок! Выпад! Полуповорот! Выпад! Полный оборот! Увереннее на столбиках, черт побери! Не качайся! Шаг вперед, удар! Быстрее! Полуоборот! Прыгай и... коли! Вот так! Очень хорошо!

– Правда? Правда было хорошо, Ламберт?

– Кто это сказал?

– Ты! Только что.

– Оговорился. Выпад! Полуоборот! Отскок! И еще раз! Цири, а где защита? Сколько раз можно повторять? После отскока всегда должна быть защита, выброс клинка, прикрывающий голову и шею. Всегда!

– Даже если дерусь с одним противником?

– Никогда не знаешь, с кем дерешься! Никогда не знаешь, что позади, за тобой. Заслоняться надо всегда. Работай ногами и мечом. Необходимо выработать абсолютный рефлекс. Рефлекс, понимаешь? Об этом нельзя забывать. Забудешь в настоящем бою – и тебе крышка. Еще раз! Ну! Вот так! Видишь, как здорово получилось с таким выпадом? Таким фортелем ты можешь отразить любой удар и наносить сама. Можешь бить назад, если понадобится. Ну, покажи пируэт и удар назад.

- Ххаа-а!
- Очень хорошо. Понимаешь, в чем вся штука? Дошло?
- Я не дурочка!
- Ты девочка! Все девочки... без понятия.
- Эх, Ламберт, если б тебя слышала Трисс!
- Если бы да кабы во рту выросли бобы, то был бы не рот, а целый огород. Ну, достаточно.
- Я не устала.
- А я устал. Сказал, отдых. Слезай с гребня.
- Сальто?
- А ты как хотела бы? Как курица с насеста? Давай прыгай. Не бойся, я подстрахую.
- Ххаа-а!
- Ловко. Для девчонки очень даже хорошо. Можешь снять повязку с глаз.
- Трисс, может, на сегодня довольно? А? Давай возьмем санки и покатаемся с горки? Солнце светит, снег искрится, аж глазам больно! Прекрасная погода!
- Не высовывайся, вывалишься из окна.
- Пойдем за санками, Трисс! Ну, Трисс!
- Скажи это Старшей Речью. Урок окончен. Отойди от окна, возвращайся к столу... Цири, сколько раз можно просить? Перестань размахивать мечом. Положи.
- Это мой новый меч! Настоящий, ведьмачий! Из стали, которая упала с неба! Правда-правда! Так сказал Геральт, а он никогда не лжет, ты же знаешь!
- О да. Знаю.
- Мне надо к этому мечу привыкнуть. Дядя Весемир подогнал его как раз к моему весу, росту и длине руки. Я должна приучить к нему кисть и запястье.
- Приучай себе на здоровье, только во дворе. Не здесь. Ну, слушаю. Кажется, ты собиралась предложить мне покататься на санках. Старшей Речью. Ну, предлагай.
- Хм... Как будет «санки»?
- Sledd – как предмет. Aesledde – как действие.
- Ага. Понятно. Va'en aesledde ell'ea?
- Так вопрос заканчивать нельзя. Это невежливая форма. Вопрос подчеркивают интонацией.
- Но дети с Островов...
- Ты изучаешь не скеллигский жаргон, а классическую Старшую Речь.
- А к чему она мне, эта Речь?

– К тому, чтобы ее знать. Полезно научиться тому, чего еще не знаешь. Кто не знает языков – тот калека.

– Все равно все разговаривают на всеобщем!

– Верно. Но некоторые – не только на нем. Уверяю тебя, Цири, лучше причислять себя к некоторым, чем ко всем. Ну, слушаю. Итак, полная фраза: «Погода у нас сегодня прекрасная, поэтому пойдем кататься на санках».

– Elaine... Хм... Elaine tedd a'taeghane, a va'en aesledde.

– Прекрасно!

– Ха! Ну, пошли кататься.

– Пошли. Но позволь мне закончить макияж.

– Для кого это ты так размалевываешься, а?

– Для себя. Женщина подчеркивает красоту ради улучшения самочувствия.

– Хм... Знаешь что? Я тоже скверно себя чувствую. Не смейся, Трисс!

– Иди сюда. Садись ко мне на колени. Отложи меч, я же просила! Спасибо. Теперь возьми вон ту большую кисточку, попудри лицо. Не так сильно, дева, не так сильно! Глянь в зеркало. Видишь, какая ты красивая?

– Не вижу никакой разницы. Я подкрашу себе глаза, хорошо? Почему ты смеешься? Ты же всегда красишь глаза. Я тоже хочу.

– Хорошо. Давай наложи вот эти тени на веки. Не зажмуривайся, ты же ничего не видишь, размазываешь по всей мордашке. Возьми немного и только чуточку махни по векам. Махни, говорю! Дай-ка я разотру. Закрой глаза. А теперь открой.

– О-о-о!

– Чувствуешь разницу? Чуточку теней не помешает даже таким красивым глазкам, как твои. Эльфы знали, что делали, когда придумывали тени для век.

– Эльфы?

– Ты не знала? Макияж – изобретение эльфов. Мы много полезного позаимствовали у Старшего Народа. Чертовски мало дав им взамен. Теперь возьми мелок, тоненько обведи верхнее веко, у самых ресниц. Цири, что ты делаешь?

– Не смейся. У меня же веко дрожит!

– Немножко раскрой рот, дрожать перестанет. Видишь? Готово.

– Ого!

– Ну, теперь пойдем повергнем своей красотой наших ведьмаков в шок. Не знаю ничего более приятного. А потом возьмем санки и размажем весь макияж в глубоких сугробах.

– И раскрасимся снова!

– Нет. Велим Ламберту натопить баню и искупаемся.

- Опять? Ламберт говорит, что мы расходуем слишком много дров на наши купания.
- Lamberth caen me a'baeth aep arse.
- Что? Этого я не поняла...
- Со временем научишься идиомам. До весны еще успеешь много чего узнать. А теперь...
Va'en aesledde, me elaine lured!
- Ну, что на картинке... Да нет, черт возьми, не на той... На этой. Это, как ты уже знаешь, гуль. Послушаем, что тебе известно о гулях... Эй, дева, а ну-ка глянь на меня. Слушай, что там у тебя, ядрена вошь, на веках?
- Хорошее самочувствие.
- Чего-чего? Ну ладно. Слушаю.
- Хм... Гуль, дядя Весемир, это чудище, которое пожирает трупы. Встретить его можно на кладбищах, около курганов, всюду, где погребывают, не – погребают мертвецов. В не... некрополях. На местах схваток, на побоищах...
- Выходит, опасен он только для покойников, так, что ли?
- Не только. На живых гуль тоже нападает. Когда голоден или разъярен. Например, когда идет бой... Много погибших людей...
- Что с тобой, Цири?
- Ничего.
- Послушай. Забудь о прошлом. Оно уже не вернется.
- Я видела... В Соддене и Заречье... Целые поля... Они лежали там, их грызли волки и одичавшие собаки. Расклевывали птицы... Наверняка там были и гули...
- Потому ты сейчас и изучаешь гулей. Известное перестает быть кошмаром. То, с чем умеешь бороться, уже не так страшно. Как бороться с гулем, Цири?
- Серебряным мечом. На гуля действует серебро.
- Что еще?
- Яркий свет. И огонь.
- Значит, с ним можно бороться при помощи света и огня?
- Можно, но опасно. Ведьмак не должен пользоваться ни светом, ни огнем. Это мешает видеть. Яркий свет отбрасывает тени, а тени затрудняют о... ориентацию. Драться всегда надо в темноте, при свете луны или звезд.
- Совершенно верно. Правильно запомнила, понятливая девочка. А теперь взгляни на эту гравюру.
- Уууу...
- Согласен. Эта сук... Это существо не из красивых. Это гравейр. Гравейр – разновидность гулей. Он очень похож на гуля, но гораздо крупнее. Отличают его также, как видишь, три костяных гребня на черепе. Остальное – как у любого трупоеда. Обрати внимание: когти

короткие и тупые, пригодные для разгребания могил, для рытья земли. Мощные зубы, которыми он дробит кости, и длинный тонкий язык, чтобы вылизывать из них разложившийся мозг и жир. Как следует провонявшее сало для грайвера – деликатес... Что с тобой?

– Нннничего...

– Ты совсем бледная. И зеленая. Очень мало ешь. Ты завтракала?

– Дааа... ела...

– О чем это я? Ага, чуть не забыл. Запомни, это важно. У грайверов, гулей и других чудовищ из этой группы нет собственной экологической ниши. Они – реликты периода Сопряжения Сфер. Убивая их, мы не нарушаем сложившихся в природе, в нашей теперешней сфере систем и связей. Эти чудовища чужды нашей теперешней сфере, им здесь нет места. Это ты понимаешь?

– Понимаю, дядя Весемир. Геральт мне объяснял. Все знаю. Экологическая ниша – это...

– Хорошо, хорошо. Я знаю, что это такое. Если Геральт объяснил, повторять не надо. Вернемся к грайверу. К счастью, грайверы встречаются довольно редко, потому что это крайне опасные сук... М-да. Малейшее повреждение при схватке с грайвером кончается заражением трупным ядом. Каким эликсиром вылечивается заражение трупным ядом? Ну?

– «Иволгой».

– Правильно. Но лучше избегать заражения. Поэтому, борясь с грайвером, нельзя приближаться к поганцу вплотную. Надо всегда держать дистанцию, а удар наносить с наскока.

– Хм... А в какое место лучше всего его трахнуть?

– Не трахнуть, а треснуть. Теперь перейдем именно к этому. Смотри...

– Еще раз, Цири. Прделаем это медленно, так, чтобы ты могла овладеть каждым движением. Смотри, нападаю на тебя с терции, с третьей позиции, наклоняюсь как для укола... Почему ты пятишься?

– Потому что знаю, это финт. Ты можешь пойти в широкий синистр, левый разворот или ударить батманом с верхней кварталы, четвертой позиции. А я отступлю и отвечу контрвыпадом!

– Неужто? А если я сделаю так?

– И-и-и! Ты же хотел медленно! Что я сделала неверно? Скажи, Койон?

– Ничего. Просто я выше тебя и сильнее.

– Это нечестно!

– Нет такого понятия, как честный бой. В бою используют любое преимущество и любую возможность. Отступая, ты позволила мне вложить в удар большую силу. Вместо того чтобы пятиться, надо было применить полуповорот влево и попробовать достать меня снизу, кварталой из декстера, под подбородок, в щеку либо в горло.

– Так ты и позволишь! Сделаешь обратный пируэт и рубанешь меня по левой стороне шеи прежде, чем я успею закрыться! Откуда мне знать, как ты поступишь?

– Должна знать. И знаешь.

– Как же!

– Цири, то, что мы делаем, – бой. Я твой противник. Хочу и должен тебя победить. Ведь речь идет о моей жизни. Я выше тебя и сильнее, поэтому буду использовать любой удобный случай для ударов, которыми собою тебя с ритма и сломаю твою защиту, как ты только что видела. Зачем мне пируэт? Я уже в синистре. Смотри. Нет ничего проще, как ударить из второй позиции под мышку, внутрь предплечья. Если я вспорю тебе вену, ты умрешь через несколько секунд. Защищайся!

– Ха-а-а!

– Очень хорошо. Прекрасная, мгновенная защита. Видишь, какгодились упражнения с суставами. А теперь – внимание, многие фехтовальщики совершают ошибку в статической обороне, на секунду замирают, и тогда их можно опередить, ударить – так!

– Ха-а-а!

– Прекрасно! Но отскакивай, тут же отскакивай – и в пируэт! У меня в левой руке может быть кинжал! Хорошо! Очень хорошо! А теперь, Цири? Как я поступлю теперь?

– Откуда я знаю?

– Наблюдай за моими ногами. Как у меня распределен вес тела? Что можно сделать из такой позиции?

– Все!

– Поэтому крутись, крутись, заставь меня развернуться! Защищайся! Хорошо! Не гляди на мой меч, мечом я могу тебя обмануть! Защищайся! Хорошо! И еще раз! Хорошо! И еще!

– Ау-у-у!

– Скверно.

– Фу... Что я сделала не так?

– Ничего. Просто я был быстрее. Сними щитки. Присядем на минутку. Передохнем. Ты устала, все утро бегала по Мучильне.

– Я не устала. Я есть хочу.

– Черт возьми, я тоже. А сегодня кухарит Ламберт, он не умеет готовить ничего, кроме клецек... Да если б их варил как следует...

– Койон?

– А?

– Я все еще не очень ловкая.

– Ты очень ловкая.

– Я буду когда-нибудь такой же ловкой, как ты?

– Сомневаюсь.

– Хм... Ну ладно. А ты... Кто самый лучший фехтовальщик на свете?

- Понятия не имею.
- Ты никогда не знал такого?
- Я знал многих, которые считали себя лучшими.
- Хо-хо! Кто они были? Как их звали? Что они умели?
- Потихоньку, потихоньку, девочка! У меня нет ответов на твои вопросы. А это так важно?
- Именно что важно! Хотелось бы знать... кто они – такие фехтовальщики. И где их найти.
- Где найти-то – я знаю.
- Ну и где же?
- На кладбищах.
- Внимательнее, Цири. Теперь подвесим третий маятник, с двумя ты уже управляешься. Шаги будешь делать как и при двух, просто сделаешь одним вольтом больше. Готова?
- Да.
- Соберись. Расслабься. Вдох, выдох. Нападай!
- Ух! Ау-у-у... Черт!
- Не ругайся, пожалуйста. Здорово досталось?
- Нет. Просто задело... Я опять сделала что-то не так?
- Слишком строго выдерживала ритм и чересчур ускорила второй пируэт, а финт сделала шире, чем надо. В результате тебя занесло прямо под маятник.
- Ох, Геральт, там совсем нет места для вольта и разворота! Они слишком плотно висят!
- Там прорва места, уверяю тебя. Просто расстояния между маятниками задуманы так, чтобы создать неритмичное движение. Это бой, Цири, не балет. В бою нельзя двигаться ритмично. Ты должна движением сбивать противника, обманывать его, мешать ему. Ты готова?
- Готова. Раскачай эти чертовы тюки.
- Не ругайся. Расслабься. Нападай!
- Ха! Ха-а! Ну и как, а? Геральт? Меня вовсе не задело.
- И ты даже не скользнула мечом по второму мешку. Повторяю, это бой, а не балет, не акробатика... Что ты там бормочешь?
- Ничего.
- Расслабься. Поправь повязку на запястье. Не стискивай так рукоять меча, это отвлекает, мешает соблюдать равновесие. Дыши спокойно. Готова?
- Да.
- Начинай!
- У-у-ух! А, чтоб тебя... Геральт, у меня ничего не получится. Тут слишком мало места для

финта и смены ноги. А когда я ударю с обеих ног, без финта...

– Видел я, что делается, когда ударяешь без финта. Больно?

– Не очень...

– Присядь. Передохни.

– Я не устала. Геральт, мне под третьим маятником не проскочить, хоть десять лет отдыхай. Быстрее я не могу.

– И не надо. Ты и без того достаточно быстра.

– Тогда скажи, как это сделать? Одновременно полуповорот, вольт и удар?

– Все очень просто. Ты была невнимательна. Я же сказал, нужно одним вольтом больше. Вольтом. Дополнительный пируэт не нужен. Он – лишний. Второй раз ты все делала хорошо и прошла все маятники.

– Но не ударила мешка, потому что... Геральт, без полуоборота я ударить не могу, теряю скорость, нету у меня этого, как его, ну как оно называется?

– Инерция. Это верно. Ты наберешь и инерцию, и энергию, но не за счет пируэта и смены ног. На это у тебя не хватит времени. Ударь маятник мечом.

– Маятник? Бить по мешкам?

– Это поединок, Цири. Мешки выявляют слабые места твоего противника, в которые ты должна попадать. Маятников, которые имитируют оружие противника, ты должна избегать, уклоняться от них. Если маятник тебя коснется, считай, что ты ранена. В настоящем бою ты уже могла бы не встать. Маятник не должен тебя коснуться. Но ты можешь его ударить... Ты что загрустила?

– Я... Я не смогу отразить удар маятника мечом. Я слишком слабая... И всегда буду слабой! Потому что я девочка!

– Иди сюда, девочка. Вытри нос. И послушай внимательно. Ни один богатырь в мире, ни один силач или здоровяк не сумеют парировать удара, который нанесет ослизг хвостом, гигаскорпион клещами или гриф когтями. А маятники изображают именно это оружие. Даже и не пытайся парировать их удары. Маятника ты не отбросишь, а вот сама отлетишь от него. К тебе перейдет его энергия, необходимая, чтобы ты смогла нанести удар. Достаточно легко, но очень быстро отбиться и тут же немедленно нанести такой же быстрый удар с противоположного полуоборота. Оттолкнувшись, ты получишь инерцию. Ясно?

– Угу.

– Скорость, Цири, а не сила. Сила нужна дровосеку, который топором валит деревья в дебрях. Потому-то девочки редко бывают лесорубами. Поняла, в чем дело?

– Угу. Раскачивай маятники.

– Сначала передохни.

– Я не устала.

– Уже поняла как? Такие же шаги, финт...

– Знаю.

– Нападай!

– Ха-а! Ха! Ха-а-а-а!!! Вот и все! Достала я тебя, гриф! Геральт, ты видел?

– Не ори. Контролируй дыхание.

– Получилось! Честное слово, получилось! Геральт! Получилось! Похвали меня! Геральт!

– Браво, Цири! Браво, девочка.

В середине февраля теплый ветер, повеявший с юга, с перевала, слизал снег. * * *

О том, что творится в мире, ведьмаки знать не желали.

Трисс последовательно и настойчиво направляла на политику вечерние беседы, которые они вели в темном холле, освещаемом вспышками огня в огромном камине. Реакции ведьмаков всегда были одинаковы: Геральт молчал, приложив руку ко лбу. Весемир кивал, время от времени вставляя замечания, из которых следовало только то, что «в его времена» все было лучше, логичнее, приличнее и здоровее. Эскель прикидывался внимательным слушателем, не скупился на улыбки и милые взгляды, иногда даже ему случалось заинтересоваться каким-нибудь маловажным вопросом. Койон откровенно зевал и глядел в потолок, а Ламберт не скрывал пренебрежения.

Они не желали знать ни о чем, им дела не было до дилемм, которые сгоняли сон с глаз королей, чародеев, владык и вождей, проблем, от которых дрожали и гудели советы, рады и думы. Для них не существовало ничего, что творилось за утопающими в снегах перевалами, за Гвенл्लехом, несущим свинцовым потоком ледяные глыбы. Для них существовал только Каэр Морхен, одинокий, затерянный в диких горах замок.

В тот вечер Трисс была раздражена и беспокойна – возможно, причиной был ветер, воющий в разрушенных стенах замка. В тот вечер все были странно возбуждены – ведьмаки, за исключением Геральта, стали непривычно разговорчивы. Разумеется, все разговоры крутились вокруг одного – весны да приближающегося в связи с этим выезда на большак. Конечно, говорили и о том, что принесет им большак, – о вампирах, выворотнях, леших, ликантропах и василисках.

Теперь уж зевать и глядеть в потолок пришла пора Трисс. На сей раз она молчала до тех пор, пока Эскель не задал вопроса, которого она так долго ждала.

– Слушай, как все в действительности обстоит на Юге, на Яруге? Стоит ли направляться туда? Не хотелось бы попасть в самую заварушку.

– Что ты называешь заварушкой?

– Ну... – запинаясь, пробормотал он, – понимаешь... Ты все время толкуешь нам о возможности новой войны... О непрекращающихся стычках на границах, о бунтах на занятых Нильфгаардом землях. Напекаешь на то, что ходят слухи о возможности новой переправы нильфгаардцев через Яругу...

– Пустое, – сказал Ламберт. – Дерутся, режут, рубятся без устали сотни лет. Не в новинку. Я уже решил: двину на дальний Юг, в Содден, Махакам и Ангрен. Известно, там, где прошли войска, особо плодятся страховиды. В таких местах всегда можно было неплохо заработать.

– Факт, – поддержал Койон. – Местность пустеет, по деревням одни бабы, управиться не могут. Кругом без крова и присмотра шастают ребята. Легкая добыча приманивает чудищ.

– А у господ баронов, – добавил Эскель, – комесов разных, войтов с солтысами головы

заняты войной, им не до защиты подданных. Приходится нанимать нас. Все так. Но из того, что нам тут поведала Трисс, следует, что конфликт с Нильфгаардом – дело серьезное. Никакая не междоусобица. Верно, Трисс?

– Даже если и так, – язвительно сказала чародейка, – вам-то это, думается, только на руку? Серьезная, кровопролитная война еще больше опустошит деревни, наплодит овдовевших баб, несметное множество осиротевших детей...

– Не понимаю сарказма. – Геральт отнял руку ото лба. – Действительно не понимаю, Трисс.

– Да и я тоже, дитя, – поднял голову Весемир. – О ком речь? О вдовах и детях? Ламберт и Койон занимаются трепотней, словно дети малые, но ведь не слова важны. Ведь они...

– ...они этих детей защищают, – гневно прервала Трисс. – Да. Знаю. Спасают от оборотней, которые за год убивают двух, ну, трех детей, в то время как нильфгаардцы могут за один час вырезать и спалить целое поселение. Да, вы сирот защищаете. А я хочу, чтобы сирот было как можно меньше. Борюсь с причинами, а не с последствиями. Поэтому вхожу в Совет Фольтеста из Темерии, сижу там вместе с Феркартом и Кейрой Мец. Мы обсуждаем, как не допустить войны, а если она все же случится, как защищаться. Потому что война висит над нами как стервятник, неустанно. Для вас она – приключение. Для меня – игра, ставка в которой – выживание. Я втянута в эту игру, поэтому мне больно и оскорбительно видеть ваши безразличие и беззаботность.

Геральт выпрямился, взглянул на нее.

– Мы – ведьмаки, Трисс. Разве ты не понимаешь?

– А что тут понимать? – тряхнула каштановой гривой чародейка. – Все ясно и понятно. У вас вполне определенное отношение к миру. То, что этот мир стоит на грани катастрофы, вас не колышет. Меня же – колышет. В этом наше различие.

– Думаю, не только в этом.

– Мир разваливается, – продолжала она. – На это можно смотреть сложа ручки, а можно этому противодействовать.

– Как? – криво усмехнулся Геральт. – Эмоциями?

Трисс отвернулась к пылающему в камине огню и ничего не ответила.

– Мир разваливается, – проговорил Койон, покачивая головой в притворной задумчивости. – Уж сколь раз я это слышал.

– Я тоже, – поморщился Ламберт. – И неудивительно, в последнее время это стало расхожей фразой. Так говорят короли, когда становится ясно, что для правления нужна хоть капелька ума. Так говорят купцы, когда алчность и дурость доводят их до банкротства. Так говорят чародеи, когда начинают терять влияние на политику либо источники дохода. А тем, кому адресованы их сетования, хотелось бы услышать хоть мало-мальски толковое предложение. Закругляйся, Трисс, и давай выкладывай свои прожекты.

– Меня никогда не забавляли словесные перепалки, – чародейка кинула на него холодный взгляд, – и красноречивые фразы, цель которых – посмеяться над собеседником. Это, понимаете ли, не для меня. Что я имею в виду, вы знаете прекрасно. Вам нравится прятать голову в песок? Ваше дело. Но ты, Геральт, меня удивляешь.

– Трисс, – беловолосый ведьмак снова взглянул ей в глаза, – чего ты от меня ждешь? Чтобы я активно участвовал в борьбе за сохранение разваливающегося мира? Записался в армию и

сдерживал Нильфгаард? Встал, ежели начнется очередная битва за Содден, с тобою рядом на Холме, плечом к плечу, и дрался за свободу?

– Я гордилась бы, – сказала она, опустив голову. – Я была бы горда и счастлива, если б могла драться рядом с тобой.

– Верю. Но я недостаточно благороден для этого. И недостаточно мужественен. Я не гожусь в солдаты и герои. Я мучительно боюсь погибнуть либо остаться калекой. Но это не единственная причина. Солдата нельзя заставить не бояться, но можно вооружить основанием, мотивацией, которая поможет ему перебороть страх. А у меня такой мотивации нет. И быть не может. Я – ведьмак. Искусственно созданный мутант. Я убиваю чудовищ. За деньги. Защищаю детей, если родители заплатят. Если мне заплатят нильфгаардские родители, я стану защищать нильфгаардских детей. И если даже весь мир превратится в развалины, во что я не верю, я буду убивать чудовищ на развалинах до тех пор, пока какое-нибудь из них не прикончит меня. Вот моя судьба, моя мотивация, моя жизнь и мое отношение к миру. И выбирал не я. Это сделали за меня другие.

– Ты ожесточен, – заметила Трисс, нервно теребя прядку волос. – Либо прикидываешься таковым. Забываешь, что я тебя знаю, не разыгрывай передо мной бесчувственного, бессердечного, беспринципного и безвольного мутанта. А причину ожесточенности я угадываю и понимаю. Пророчество Цири, верно?

– Неверно, – холодно ответил он. – Похоже, однако, ты мало меня знаешь. Я боюсь смерти, как любой, но с мыслью о ней освоился давным-давно и так же давно избавился от радужных иллюзий. Но я вовсе не сетую на свою судьбу, Трисс, тут простой холодный расчет. Статистика. Еще ни один ведьмак не умер от старости, в постели, диктуя завещание. Ни один. Цири не застала меня врасплох и не напугала. Я знаю, что умру в какой-нибудь смердящей падалью яме, разорванный на куски грифом, ламией или мантихором. Но я не хочу умирать на войне, ибо это не моя война.

– Меня удивляют, – резко ответила Трисс, – удивляют твои слова, отсутствие мотивации, как ты по-ученому пожелал окрестить безразличие и равнодушие. Ты был на Соддене, в Ангрене и в Заречье. Ты знаешь, что случилось с Цинтрой, знаешь, что случилось с королевой Калантэ и несколькими тысячами тамошних людей. Знаешь, сквозь какой ад прошла Цири, знаешь, почему она кричит по ночам. Я тоже это знаю, потому что я там тоже была. Я тоже боюсь смерти и боли, сегодня боюсь еще больше, чем тогда. У меня есть на то причины. А что до мотиваций, то тогда мне казалось, что у меня их не больше, чем у тебя. Какое мне, чародейке, дело до судеб Соддена, Бругге, Цинтры или других королевств? До головной боли более или менее толковых властителей и владык? До интересов купцов и баронов? Я была чародейкой и тоже могла сказать: это, мол, не моя война, я, дескать, могу и на развалинах мира составлять эликсиры для нильфгаардцев. Вместо этого я встала на Холме рядом с Вильгефорцем, рядом с Артаудом Террановой, рядом с Феркартом, рядом с Энид Финдабаир и Филиппой Эйльхарт, рядом с твоей Йеннифэр. Рядом с теми, кого уже нет, – Коралл, Йойолем, Ваньеллой... Был такой момент, когда я от страха забыла все заклинания, кроме одного, с помощью которого могла телепортироваться с того страшного места домой, в мою маленькую башенку в Мариборе. Была такая минута, когда меня начало рвать от ужаса, а Йеннифэр и Коралл поддерживали меня за шею и волосы...

– Прекрати. Прекрати, прошу тебя...

– Нет, Геральт, не прекращу. Ты же хочешь знать, что произошло там, на Холме. Так слушай – были гул и пламя, были огненные стрелы и разрывающиеся огненные шары, были рев и грохот, а я вдруг оказалась на земле, на какой-то куче тлеющего, дымящегося тряпья, и неожиданно поняла, что эта куча тряпья – Йойоль, а рядом то ужасное, то тело без рук и ног, которое так жутко кричит, – Коралл. И я думала, что кровь, в которой я валяюсь, это кровь

Коралл. Но это была моя собственная кровь. И когда я увидела, что со мною сделали, я начала выть, выть, как побитый пес, как незаслуженно обиженный ребенок... Оставь меня! Не бойся, я не расплачусь. Я уже давно не девочка из башенки в Мариборе. Я, черт побери, Трисс Меригольд. Четырнадцатая погибшая под Содденом. Под Обелиском на Холме четырнадцать могил, но только тринадцать тел. Тебя удивляет, что такое могло случиться? Большинство трупов было невозможно распознать по их кускам, да никто и не разбирал. Живых тоже трудно было пересчитать. Из тех, кто меня хорошо знал, в живых осталась только Йеннифэр, а Йеннифэр ослепла. Другие знали меня мимолетно, обычно узнавали по прекрасным волосам. А их-то, черт побери, уже не было!

Геральт крепче обнял ее. Она уже не пыталась его оттолкнуть.

– Для нас, уцелевших, не пожалели самых действенных чар, – глухо продолжала она, – заклинаний, эликсиров, амулетов и артефактов. Не было ничего такого, чего бы не отдали для покалеченных героев с Холма, нас вылечили, подлатали и вернули прежнюю внешность, волосы и зрение. Почти не видно... следов. Но я уже никогда не надену декольтированного платья, Геральт. Никогда.

Ведьмак молчал, молчала и Цири, которая беззвучно проскользнула в холл и задержалась на пороге, ссутулившись и скрестив руки на груди.

– Поэтому, – помолчав, сказала чародейка, – не говори мне о мотивации. Прежде чем мы встали на том Холме, Капитул просто сказал: «Так надо». Чья это была война? Что мы там защищали? Землю? Границы? Людей и их халупы? Интересы королей? Влияние и доходы чародеев? Порядок от Хаоса? Не знаю. Но защищали, ибо так было надо. И если понадобится, я встану на Холме снова. Потому что если я этого теперь не сделаю, значит, тогда все было впустую.

– Я встану рядом с тобой! – тоненько крикнула Цири. – Вот увидишь, встану! Нильфгаардцы заплатят мне за бабушку, за все... Я не забыла!

– Тихо, – проворчал Ламберт. – Не вступай в разговоры старших.

– Еще чего! – топнула ножкой девочка, и глаза у нее загорелись зеленым огнем. – Думаете, зачем я учусь драться мечом? Хочу убить его, того черного рыцаря, того, с крыльями на шлеме, за то, что он со мной сделал, за то, что я так боялась! И я его убью! Для этого и учусь!

– Значит, теперь учиться перестанешь, – сказал Геральт голосом, с холодностью которого могли бы поспорить стены Каэр Морхена. – Пока не поймешь, что такое меч и чему он должен служить в руке ведьмака, не возьмешь его в руки. Ты учишься не для того, чтобы убивать и быть убитой. Ты учишься убивать не из страха и ненависти, а для того, чтобы уметь спасти жизнь. Свою и чужую.

Девочка закусил губы, дрожа от возбуждения и злобы.

– Поняла?

Цири резко вскинула голову.

– Нет!

– Значит, не поймешь никогда. Выйди.

– Геральт, я...

– Выйди.

Цири развернулась на пятках, несколько секунд стояла в нерешительности, словно ожидая чего-то невозможного. Потом быстро побежала по лестнице. Было слышно, как хлопнула дверь.

– Слишком резко, Волк, – сказал Весемир. – Слишком уж резко. И не следовало этого делать в присутствии Трисс. Эмоциональные связи...

– Не говори мне об эмоциях! Я сыт по горло болтовней об эмоциях!

– Почему же? – насмешливо и холодно проговорила чародейка. – Почему, Геральт? Цири – нормальный ребенок. Она нормально все чувствует, воспринимает эмоции естественно, принимает их такими, каковы они в действительности. Ты, разумеется, этого не понимаешь и удивляешься. Тебя поражает и раздражает то, что кто-то может испытывать нормальную любовь, нормальную радость, нормальный страх, боль и обиду, нормальную ненависть и нормальную печаль. Что именно холодность, отстраненность и безразличие считает ненормальными. О да, Геральт, тебя это раздражает, раздражает до такой степени, что тебе в голову лезут мысли о подземельях Каэр Морхена, о лаборатории, о покрытых пылью бутылках с мутагенными отравками...

– Трисс! – крикнул Весемир, глядя на побелевшее лицо Геральта.

Но чародейка не позволила себя прервать, она говорила все быстрее, все громче:

– Кого ты намерен обмануть, Геральт? Меня? Ее? А может, самого себя? Может, не хочешь подпустить к себе правду, правду, которая известна всем, кроме тебя? Может, не хочешь признать тот факт, что эликсиры и травы не забили в тебе эмоции и человеческие чувства! Ты забил их в себе сам! Ты сам! Но не пытайся убивать их в этом ребенке!

– Молчи! – крикнул ведьмак, вскакивая со стула. – Молчи, Меригольд. – Он отвернулся, бессильно опустил руки, потом тихо сказал: – Извини, Трисс. Прости.

Он быстро направился к лестнице, но чародейка мгновенно вскочила, подбежала к нему, обняла.

– Ты уйдешь не один, – шепнула она. – Я не позволю тебе оставаться одному. Не сейчас.

Они с самого начала знали, куда она побежала. Вечером шел мелкий, мокрый снег. Он затащил подворье тонким, идеально белым покрывалом, на котором остались следы ног.

Цири стояла на самом верху разрушенной стены, неподвижная как статуя. Меч она держала так, что гарда оказалась на уровне глаз. Пальцы левой руки легко касались эфеса.

Увидев их, девочка прыгнула, закружилась в пируэте, мягко опустившись в такой же, но зеркальной позиции.

– Цири, – сказал ведьмак. – Пожалуйста, спустись.

Казалось, она не слышит. Не пошевелилась, даже не дрогнула. Однако Трисс видела, как свет луны, отброшенный клинком на ее лицо, сверкнул серебром на струйках слез.

– Никто у меня меча не отберет! – крикнула она. – Никто! Даже ты!

– Спустись, – повторил Геральт.

Она вызывающе тряхнула головой, а в следующий момент прыгнула снова. Плохо укрепленный кирпич с грохотом выскользнул у нее из-под ноги. Цири покачнулась, попыталась удержать равновесие. Не смогла.

Ведьмак прыгнул.

Трисс подняла руку, раскрыла рот, чтобы произнести формулу левитации. Но знала, что не успеет. Знала также, что Геральт тоже не успеет. Это было невозможно.

Геральт успел.

Его пригнуло к земле, бросило на колени и на бок. Он упал. Но Цири не выпустил.

Чародейка медленно подошла. Она слышала, как девочка что-то шепчет и хлюпает носом. Геральт тоже шептал. Слов Трисс не различала. Но понимала их значение.

Теплый ветер завыл в расщелинах стен. Ведьмак поднял голову.

– Весна, – сказал он тихо.

– Да, – подтвердила Трисс, сглотнув. – На перевалах еще лежит снег, но в долинах... В долинах уже весна. Выезжаем, Геральт? Ты, я и Цири?

– Да. Самое время.

Глава четвертая

В верховьях реки мы увидели их города, такие субтильные, словно сотканые из утреннего тумана, из которого они возникали. Казалось, они вот-вот растают, улетят с ветром, который покрывал рябью поверхность воды. Там были особнячки, белые, как цветы лилий. Были башенки, казалось, сплетенные из плюща, мостики, воздушные, как плакучие ивы. И было многое другое, чему мы не могли найти имени и названия. А ведь мы уже дали имена и названия всему, что в этом новом, возродившемся мире видели наши глаза. Неожиданно где-то в дальних уголках памяти всплывали названия драконов и грифов, сирен и нимф, сильфид и дриад. Белых единорогов, что в сумерки приходили к реке и склоняли к воде свои изящные головы. Всему мы как бы заново давали названия. И все становилось близким, знакомым, своим.

Кроме них. Они, казалось, так похожие на нас, были чуждыми, настолько чуждыми, что мы долго не могли найти названия для этой чуждости. Хен ГедымдейтЭльфы и люди

Хороший эльф – мертвый эльф. Маршал Милан Раупеннэк

Несчастье пришло в строгом соответствии с извечной природой несчастий и стервятников – оно висело над ними какое-то время, но выжидало соответствующего момента. Того часа, когда они удалились от поселений, редко разбросанных вдоль Гвенллеха и Верхней Буины, миновали Каррайг и оказались на безлюдной, изрезанной оврагами полосе, предваряющей пуцу. Несчастье безошибочно свалилось на жертву, а жертвой стала Трисс.

Вначале это выглядело малопривлекательно, но не очень опасно, походило на обычное расстройство желудка. Геральт и Цири тактично старались не обращать внимания на вынужденные стоянки, вызванные недомоганием чародейки. Трисс, бледная как смерть, потя и болезненно кривясь, держалась еще несколько часов, но ближе к полудню, просидев в

придорожных зарослях ненормально долго, уже не в состоянии была сесть на коня. Цири хотела помочь ей, но это кончилось неудачей – чародейка не смогла удержаться за гриву, сползла по боку лошади и повалилась на землю.

Они подняли ее, уложили на плащ. Геральт молча развязал один из вьюков, отыскал шкатулку с магическими эликсирами, раскрыл и чертыхнулся: все флакончики выглядели одинаково, а таинственные знаки на печатях ни о чем не говорили.

– Который, Трисс?

– Ни один, – простонала она, обеими руками ухватившись за живот. – Я не могу... Мне нельзя это принимать.

– Что? Почему?

– У меня повышенная восприимчивость...

– У тебя, у чародейки?

– У меня аллергия! – Она расплакалась от бессильной злобы и отчаяния. – Так было всегда! Я не выношу эликсиров! Лечу ими других, себя же могу только амулетами!

– А где твой амулет?

– Не знаю, – скрипнула она зубами. – Вероятно, оставила в Казр Морхене или потеряла...

– Дьявольщина! Как тебе помочь? Может, заклинанием?

– Я пыталась. Результаты ты видишь. Из-за судорог я не могу сконцентрироваться...

– Не плачь.

– Тебе легко говорить!

Ведьмак встал. Стащил свои вьюки со спины Плотвы и начал в них копать. Трисс свернулась калачиком, приступ боли стянул у нее мышцы на лице, скривил рот.

– Цири?

– Что, Трисс?

– Как ты себя чувствуешь? Никаких... неожиданностей?

Девочка отрицательно покачала головой.

– Может, у меня отравление? Что я ела? Но мы все ели одно и то же... Геральт! Мойте руки как следует. Присмотри, чтобы Цири мыла...

– Лежи спокойно. Выпей.

– Что это?

– Обычное успокоительное. Магии в нем кот наплакал. Повредить не должно. А спазмы ослабнут.

– Геральт, спазмы... пустяк. Вот если поднимется температура... Это может быть... дизентерия. Или паратиф.

– У тебя нет иммунитета?

Трисс не ответила, отвернулась, закусила губу, скрючилась еще больше. Ведьмак не настаивал на своем предложении.

Дав немного передохнуть, усадил чародейку в седло Плотвы. Сам сел у нее за спиной, поддерживая обеими руками, а Цири, двигаясь бок о бок, держала поводья, одновременно ведя мерина Трисс. Не проехали даже версты. Чародейка вываливалась из рук, не держалась в седле. Вдруг начался озноб, поднялась температура. Несварение желудка усилилось. Геральту хотелось думать, что это результат аллергической реакции на остаточную магию в его ведьмачьем эликсире. Он хотел так думать, но, честно говоря, и сам не верил.

– Ох, господин, – вздохнул сотник. – Попали вы в недобрый час. Похоже, хуже попасть не могли.

Сотник был прав. Ни возражать, ни спорить было невозможно. Застава у моста, в которой обычно коротали время трое солдат, конюх, мытник и не больше десятка проезжих, теперь была полным-полна народу. Ведьмак насчитал свыше тридцати легковооруженных воинов в цветах Каэдвена и с полсотни щитоносцев, расположившихся лагерем вдоль низкого забора. Большинство собрались у костров, подтверждая старый солдатский принцип: спи, когда можно, вставай, когда будят. Через распахнутые настежь ворота было видно, что и во дворе тоже полно людей и лошадей. На площадке покривившейся сторожевой вышки несли вахту два солдата с готовыми к стрельбе арбалетами. На разъезженном копытами предместье стояло шесть крестьянских телег и два купеческих фургона, а в загородке, тоскливо склонив головы к перемешанной с навозом грязи, маялось несколько распряженных волов.

– Было нападение. На заставу. Вчерась ночью, – упредил сотник вопрос Геральта. – Едва-едвашеньки подоспели, иначе б нашли тут одну землю спаленную.

– Кто напал? Разбойники? Мародеры?

Солдат покрутил головой, сплюнул, глянул на Цири и скорчившуюся в седле Трисс.

– Зайдите во двор. Чародейка ваша вот-вот свалится с седла. У нас уже есть несколько раненых, одной будет больше. Какая разница?

В открытой выгородке под навесом лежали несколько человек в окровавленных повязках. Немного дальше, между частоколом и деревянным колодцем с журавлем, Геральт заметил шесть неподвижных тел, накрытых мешковиной, из-под которой выглядывали лишь ступни в грязных, стоптанных башмаках.

– Покладите чародейку тама, при раненых. – Солдат указал на выгородку. – Да, милсдарь ведьмак, и верно, неудача, что больна. Несколько наших отхватили во время боя, нам бы не помешала магическая подмога. У одного, как мы стрелу-то вытащили, в кишках наконечник засел. Помрет парень к утру, как пить дать помрет... А чародейка, что могла бы его спасти, сама трясется в горячке, от нас помощи ждет. В недобрый час, воистину, в недобрый час...

Он осекся, видя, что ведьмак не отрывает глаз от накрытых мешковиной тел.

– Двое из тутошней стражи, двое наших из сотни и двое... ихних, – сказал солдат, приподнимая край заскорузнувшей ткани. – Гляньте, коли охота.

– Отойди, Цири.

– Я тоже хочу! – высунулась у него из-за спины девочка, раскрыв рот глядевшая на трупы.

– Отойди, прошу тебя. Займись Трисс.

Цири фыркнула, но послушалась. Геральт подошел ближе.

– Эльфы? – сказал он, не скрывая удивления.

– Эльфы, – подтвердил солдат. – Скотоели.

– Кто-кто?

– Скотоели, – повторил солдат. – Лесные бандиты.

– Странное название. Если не ошибаюсь, это значит «белки». Скоя'таэли?

– Ну да, милсдарь, скотоели. Так они себя на эльфьем языке называют. Людишки говорят, мол, потому, что иногда носят беличьи хвосты на колпаках и шапках. Другие же – потому, дескать, что в бору обитают, орешками кормятся. С ними, что ни день, все больше мороки, право слово.

Геральт покачал головой. Солдат накрыл покойников мешковиной, отер руки о кафтан.

– Пошли. Неча тут стоять. Отведу вас к начальнику. А хворой займется наш десятник, ежели сможет, конечно. Воще-то он умеет прижигать и сшивать раны, вправлять кости, ну, глядишь, и лекарства какие сумеет смешать, кто его знает, головастый парень, горец. Пошли, милсдарь ведьмак.

В домишке мытаря, дымном и темном, в это время шла оживленная и весьма шумная перебранка. Коротко подстриженный рыцарь в кольчуге и желтой тунике наседа на двух купцов и эконома, на что совершенно равнодушно и угрюмо смотрел мытарь с перевязанной головой.

– А я сказал – нет! – Рыцарь треснул рукой по разваливающемуся столу и выпрямился, поправляя на груди пластинку с изображением святого. – Пока не вернутся разъезды, не пойдет никто! Нечего по дорогам болтаться.

– Мне через два дня надо в Дазвон попасть! – разорался эконом, подсовывая рыцарю под нос короткую, покрытую зарубками палку с выжженным знаком. – Если спознюсь, коморник мне башку свернет! Я буду жаловаться комесу!

– Жалуйся сколько влезет! – засмеялся рыцарь. – Только, советую, сначала набей себе портки соломой. У комеса нога тяжелая! А сейчас тут команду я, потому что комес далеко, а на твоего коморника мне... О, Унист! Кого это ты ведешь, сотник? Еще один купец?

– Нет, – засмеялся сотник. – Ведьмак. Геральт из Ривии зовется.

К удивлению Геральта, рыцарь широко улыбнулся, подошел и протянул руку.

– Геральт из Ривии, – повторил он, продолжая улыбаться. – Слышал о вас, к тому же от достойных людей. Что вас привело сюда?

Геральт объяснил, что именно. Рыцарь перестал улыбаться.

– Неудачно вы попали. В неудачное время. И в неудачное место. У нас тут война, господин ведьмак. По лесам валандается банда скоя'таэлей, не дальше как вчера мы схватились с ними. Вот дождусь подкрепления, и начнем облаву.

– С эльфами воюете?

– Не только. Да вы что, ведьмак, о «белках» не слышали?

– Не слышал.

– Где же вы гуляли последние два года? За морями? Потому как у нас тут, в Каздвене, ская'таэли позаботились, чтобы о них говорили. Да уж, позаботились, и недурственно. Первые банды появились, как только вспыхнула война с Нильфгаардом. Воспользовались, треклятые нелюди, нашими трудностями. Мы бились на Юге, а они начали на тылы наскакивать. Рассчитывали, что Нильфгаард нас разобьет. Ну и принялись вопить о конце человеческой власти, о возвращении давних порядков. «Людей – в море!» – вот их клич, под такой убивают, жгут и грабят.

– Это ваша вина и ваша ныне забота, – угрюмо заметил эконо, похлопывая по бедру заостренной палкой, знаком своих функций. – Ваша, вельможев и рыцарев. Вы нелюдей угнетали, жить им не давали, вот и получаете теперича. А мы завсегда тут грузы возили, и никто нас не задевал. Нам армия ни к чему.

– Что правда, то правда, – сказал один из купцов, молча сидевших на лавке, – «белки» не страшнее разбойников, что тут по дорогам шастали. А за кого эльфы сперва-то взялись? Именно за разбойников. Да.

– А какая разница, кто меня стрелой из кустов пырнет – разбойник или эльф? – сказал вдруг мытарь с перевязанной головой. – Крыша, которую мне посередь ночи над головой запалят, одинаково горит, ей без разницы, в чьей руке была головня. Говорите, господин купец, мол, ская'таэли не хуже разбойников? Враки! Разбойникам нужна была добыча, эльфам – кровушка людская. Дукаты есть не у каждого, а кровь в жилах... Значит, говорите, пусть голова болит у знати? Это вранье еще поболее. А лесорубы, которых постреляли на вырубке, а винокуры, которых посекали на Буках, кметы из подожженных сел – их-то вина в чем перед нелюдями? Жили, трудились вместе по-соседски, и вдруг, на тебе, стрела в спину... А я? В жизни ни одного нелюдя не обидел, а гляньте, лоб поранен краснолюдским палахом. И если б не воины, на которых вы брешете, лежать бы мне сейчас под тремя вершками дерна...

– Именно. – Рыцарь в желтой тунике снова ударил по столу рукой. – Мы защищаем вашу паршивую шкуру, милостивый государь эконо, от тех, как вы изволили выразиться, угнетенных эльфов, которым, как вы утверждаете, мы не давали жить. А я вам другое скажу – слишком уж мы их распустили. Попустительствовали, смотрели на них как на людей, как на ровню, а теперь они наносят нам удар в спину. Нильфгаард им за это платит, голову дам на отсечение, а дикие эльфы с гор снабжают оружием. Но настоящая опора у них те, кто постоянно живет среди нас: эльфы, полуэльфы, краснолюды, гномы и низушки. Эти укрывают, кормят, поставляют добровольцев...

– Не все, – отозвался второй купец, худощавый, с благородными, совсем не купеческими чертами лица. – Большинство нелюдей порицают «белок», благородный рыцарь, и не желают иметь с ними ничего общего. Большинство лояльны и порой платят за это непомерно высокую цену. Вспомните бургграфа из Бан Арда. Он был полуэльфом, а призывал к миру и сотрудничеству. Погиб от предательской стрелы.

– Которую, вероятно, выпустил сосед-низушек либо краснолюд, а ведь небось тоже лояльным прикидывался, – насмешливо бросил рыцарь. – По мне, так нет среди них ни одного лояльного! Каждый... Эй! Это еще кто?

Геральт обернулся. У него за спиной стояла Цири, одаривая всех бирюзовым взглядом огромных глаз. В чем, в чем, а в том, чтобы двигаться, не привлекая к себе ничьего внимания, – в этом она действительно преуспела.

– Она со мной, – объяснил Геральт.

– Хм... – Рыцарь смерил Цири взглядом, потом повернулся к купцу с благородным лицом, явно видя в нем наиболее серьезного оппонента. – Да, уважаемый, не говорите мне о лояльных нелюдях. Все они – наши враги, просто одни более, другие менее удачно

прикидываются, будто все наоборот. Низушки, краснолюды и гномы жили меж нами в течение столетий, казалось бы, в относительном согласии. Но стоило эльфам поднять головы, как и они тоже схватились за оружие – и в леса. Говорю вам, напрасно мы попустительствовали свободным эльфам и дриадам. Не трогали их леса и горные анклавы. Им, видите ли, этого было мало, теперь они вопят: «Это наш мир. Вон отсюда, приبلуды!» О боги, мы им покажем, кто пойдет вон, а от кого тут мокрого места не останется! Потрепали мы шкуру нильфгаардцам, теперь примемся за бандитов!

– Нелегко напасть на эльфа в лесу, – бросил ведьмак. – Да и за краснолюдом или гномом я бы в горы не пошел. И крупные у них отряды?

– Не отряды – банды, – поправил рыцарь. – Банды, милсдарь ведьмак. До двадцати голов, порой больше. Они такую шайку называют «рабочая бригада». Этакое гномовское словосочетание. А в том, что напасть на них нелегко, вы правы, сразу видно – спец. Гоняться по лесам да камышам бессмысленно. Единственный способ – отрезать от тылов, изолировать, лишить пищи. Взять за глотку тех нелюдей, которые им помогают, что по городам живут, поселкам, деревушкам и фермам...

– Проблема в том, – сказал купец с благородными чертами лица, – что все еще неизвестно, кто из нелюдей помогает, а кто нет.

– Значит, хватать всех подряд!

– Так, – криво усмехнулся купец. – Где-то я уже это слышал. Всех за глотку – и в рудники, в огороженные лагеря со сторожевыми вышками, в каменоломни. Невинных тоже. Женщин, детей. Так?

Рыцарь вскинул голову, схватился за рукоять меча, бросил резко:

– Именно так и не иначе! Деточек пожалели, а сами будто только родились, уважаемый. Перемирие с Нильфгаардом – штука хрупкая, вроде яичной скорлупы, не сегодня-завтра война может вспыхнуть заново, а на войне всякое бывает. Если нас побьют, думаете, что станет? Я вам скажу – эльфовские «бригады» выйдут из лесов, причем во множестве, в силе, и ваши лояльные тут же к ним присоединятся. Все эти лояльные краснолюды, дружественные низушки – все они, думаете, станут болтать о мире, о дружбе? Нет, уважаемый. Они станут животы нам вспарывать, кишки выпускать, именно их-то руками Нильфгаард и расправится с нами. И утопят они нас в море, как обещают. Нет, цацкаться с ними нельзя. Либо они, либо мы. Третьего не дано.

Дверь домика скрипнула, и появился солдат в окровавленном фартуке.

– Прощения просим, коли помешал, – кашлянул он. – Кто из вас, господа, привез хворую?

– Я, – сказал ведьмак. – А что?

– Извольте за мной.

Они вышли во двор.

– Скверно с нею, милсдарь, – сказал солдат, указывая на Трисс. – Я дал ей водки с перцем и селитрой. Не помогло. Не очень...

Геральт смолчал, да и что было говорить? Как раз в этот момент чародейка, скорчившись, являла миру доказательство того, что водку с перцем и селитрой ее желудок принять не в состоянии.

– Может, зараза какая-нито, – поморщился солдат, – либо эта, как ее, зинтерейя. Ежели это по

людям пойдет...

– Это чародейка, – возразил ведьмак. – Чародейки не болеют...

– Оно и видно, – цинично вставил рыцарь, вышедший следом за ними. – Из вашей-то, как погляжу, прямо-таки хлещет здоровье. Господин Геральт, послушайте меня. Женщине нужна помощь, а мы ее оказать не в силах. Не могу я, понимаете, допустить эпидемию в армии.

– Понимаю. Уеду немедленно. Выбора у меня нет, придется завернуть к Даэвону или Ард Каррайгу.

– Далеко не уйдете. Разъездам приказано задерживать всех. Кроме того, это небезопасно. Скоя'таэли ушли как раз в ту сторону.

– Как-нибудь управлюсь.

– После того, что я о вас слышал, – скривил губы рыцарь, – не сомневаюсь, что справитесь. Но ведь вы не один. У вас на руках тяжелобольная женщина и та вон девочка...

Цири, пытавшаяся в этот момент очистить о перекладину лестницы запачканный навозом ботинок, подняла голову. Рыцарь кашлянул и опустил глаза. Геральт улыбнулся. За последние два года Цири почти забыла о своем происхождении и практически полностью избавилась от княжеских манер, но когда хотела, ее взгляд очень походил на взгляд бабушки. Так сильно походил, что королева Калантэ наверняка гордилась бы внучкой.

– Да, о чем это я... – осекся рыцарь, смущенно дергая пояс. – Господин Геральт, я знаю, что вам делать. Поезжайте за реку, на юг. Догоните обоз, который идет по большаку. Скоро ночь. Они наверняка встанут на ночевку. К утру догоните.

– Что за люди?

– Не знаю, – пожал плечами рыцарь. – Но не купцы и не обычный обоз. Слишком велик порядок, одинаковые фуры – крытые... Не иначе королевские сборщики. Я пропустил их через мост, они шли на юг, скорее всего к бродам на Ликсели.

– Хм... – задумался ведьмак, глядя на Трисс. – Это бы мне было с руки. Да найду ли я у них помощь?

– Может, да, – холодно сказал рыцарь, – может, нет. Только тут-то не найдете наверняка.

Занятые разговорами, они не услышали и не заметили, как он подъехал. Костер, вокруг которого они сидели, просвечивал мертвенно-желтым светом сквозь полотнища на уставленных в круг фурах. Геральт слегка дернул поводья и заставил лошадь громко заржать, чтобы предупредить расположившийся на отдых обоз, убрать неожиданность и избежать нервных движений. Он по опыту знал, что спусковые механизмы самострелов не любят нервных движений.

Отдыхающие вскочили, проделывая при этом, несмотря на предостережение, массу нервных движений. Большинство, это он увидел сразу, были краснолюдами. Это его немного успокоило – краснолюды, хоть и легковозбудимые, привыкли сначала спрашивать и лишь потом стрелять.

– Кто? – хрипло крикнул один из краснолюдов, быстрым, энергичным движением выхватывая топор, вбитый в лежащий около костра ствол. – Кто идет?

– Друг. – Ведьмак слез с коня.

– Интересно чей? – буркнул краснолюд. – Подойди. Держи руки так, чтобы мы видели.

Геральт приблизился, держа руки так, чтобы их мог видеть даже тот, кто страдает конъюнктивитом или куриной слепотой.

– Ближе.

Он подошел ближе. Краснолюд опустил топор, слегка наклонил голову.

– Или меня глаза обманывают, – сказал он, – или это ведьмак по имени Геральт из Ривии. Или же кто-то чертовски на Геральта похожий.

– Ярпен Зигрин? – удивился Геральт. – Не кто иной, как Ярпен Зигрин собственной бородатой персоной...

– Ха! – Краснолюд завертел топором так, словно это была ивовая ветка. Острие прошуршало в воздухе и с глухим стуком врезалось в ствол. – Тревога отменяется! Это и впрямь друг!

Все заметно успокоилось. Геральту показалось, что он слышит глубокие вздохи облегчения. Краснолюд подошел, протянул руку. Его пятерня смело могла состязаться с железными клещами.

– Привет, злодуга! Ха-ха! – сказал он. – Откуда бы ни шел и куда бы ни направлялся, привет. Парни! Одни мы тут! Помнишь моих парней, ведьмак? Это Янник Брасс, это вот Ксавьер Моран, а этот – Паулье Дальберг и евонный брат Реган.

Геральт не мог вспомнить ни одного, впрочем, все они были на одно лицо – бородатые, кряжистые, почти квадратные в своих толстых, стеганых куртках.

– Шестеро вас было, – он по очереди пожал жесткие, сучковатые руки, – если не ошибаюсь.

– Хорошая память, – рассмеялся Ярпен Зигрин. – Шестерка нас была. Это точно. Но Люкас Корто оженился, осел в Махакаме и отпал от компании, пацан дурашливый. Как-то никто не попался на его место пока что. А жаль. Шестерка – число в сам раз, ни много ни мало. Толь теленка съесть, толь бочонок опорожнить, нету лучше, как вшестером...

– Похоже, – Геральт головой указал на остальных, нерешительно топтавшихся при фурах, – вас тут достаточно, чтобы управиться с тремя телятами, не говоря уж о птице. Что за братией командуешь, Ярпен?

– Не я тут в командирах. Позволь представить тебе. Простите, милсдарь Венцк, не сделал сразу, но я и мои парни знаем Геральта из Ривии не один день, есть у нас малость общих воспоминаний. Геральт, это господин комиссар Вильфрид Венцк, служит королю Хенсельту из Ард Каррайга, милостью богов царствующему в Каэдвене владыке.

Вильфрид Венцк был высокий, выше Геральта, а краснолюда вообще превышал двукратно. Одет он был в обычную простую одежду, какую носят сельские солтысы, коморники либо конные гонцы, но в его движениях чувствовалась резкость, жесткость и уверенность, которую ведьмак знал и умел распознать безошибочно даже ночью, даже при скупом свете костра. Так держат себя люди, привыкшие к латам и оружию, оттягивающему пояс. Геральт был готов побиться об заклад на любую сумму, что Венцк – профессиональный воин. Он пожал протянутую руку, слегка поклонился.

– Сядем. – Ярпен Зигрин указал на ствол, в котором по-прежнему крепко сидел его огромный топор. – Ну, что поделываешь в сих краях, Геральт?

– Ищу помощи. Еду сам-третей с женщиной и подростком. Женщина больна. Серьезно.

Догонял вас, чтобы просить помощи.

– Черт побери, лекаря-то у нас нету. – Краснолюд сплюнул на горящие чурки. – Где ты их оставил?

– Полперехода отсюда, на большаке.

– Покажешь дорогу. Эй, вы там! Трое на коней, седлать запасных! Геральт, твоя больная баба в седле удержится?

– Вряд ли. Потому и пришлось оставить.

– Возьмите бурку, полотнище и две жерди с фуры. Быстро!

Вильфрид Венцк, скрестив руки на груди, кашлянул.

– Мы на тракте, – резко сказал Ярпен Зигрин, не глядя на него. – На тракте в подмоге не отказывают. * * *

– Холера. – Ярпен отнял руку ото лба Трисс. – Раскаленная что твоя печка. Не нравится мне это. А ежели тиф аль дизентерия?

– Это не может быть ни тиф, ни дизентерия, – убежденно солгал Геральт, накрывая больную попонами. – У чародеев иммунитет против таких болезней. Скорее всего пищевое отравление, ничего заразного.

– Хм... Ну ладно. Пойду пошурю в торбах. Было у меня когда-то доброе снадобье против поноса, может, еще немного осталось.

– Цири, – буркнул ведьмак, подавая девочке отвязанный от седла кожушок. – Иди спать, ты валишься с ног. Нет, не на воз. На воз положим Трисс. Ты ложись у костра.

– Нет, – тихо возразила Цири, глядя на удаляющегося краснолюда. – Я лягу рядом с ней. Когда они увидят, что ты меня от нее убираешь, они тебе не поверят. Подумают, что это заразительно, и выгонят нас, как те, с заставы.

– Заразно, – поправил ведьмак.

– Геральт, – вдруг прошептала чародейка, – где... мы?

– У друзей.

– Я здесь, – сказала Цири, глядя ее каштановые волосы. – Я с тобой. Не бойся. Чувствуешь, как тут тепло? Горит костер, а краснолюд сейчас принесет лекарство против... против желудка, то есть от...

– Геральт, – простонала Трисс, пытаясь выпростаться из-под покрывал. – Никаких... никаких магических эликсиров, запомни...

– Помню, помню. Лежи спокойно.

– Мне надо... Ох...

Ведьмак молча наклонился, поднял чародейку вместе с коконом покрывающих ее попон и отправился в лес, во тьму. Цири вздохнула и тут же повернулась, слыша тяжелые шаги. Из-за фуры вышел краснолюд, держа под мышкой большой сверток. Пламя костра играло на острие топора, засунутого за пояс, посверкивали пуговицы тяжелой куртки.

– Где больная? – буркнул он. – На помеле улетела?

Цири указала во мрак.

– Ясно, – кивнул Зигрин. – Я знаю эту боль и препаршивейшую слабость. Как был помоложе, жевал все, что удавалось отыскать или прибить, так что травился не раз. Кто она, чародейка ваша?

– Трисс Меригольд.

– Не знаю. Не слышал. Впрочем, я редко сталкиваюсь с Братством. Однако ж пора представиться. Меня зовут Ярпен Зигрин. А тебя, коза?

– Иначе, – буркнула Цири, сверкнув глазами.

– Так-так, – захохотал краснолюд. – Прощения просим. Не распознал во мраке-то. Так, стало быть, никакая не коза, а знатная девица. Низко кланяюсь. Ну и как же благородную девицу звать, ежели не секрет?

– Не секрет. Цири.

– Цири. Ага. И кто же ты такая, Цири?

– А вот это как раз и секрет. – Цири гордо задрала носик.

– Язычок у тебя, мазель, острый, как осиное жало, – снова захохотал Ярпен. – Ну прости. Я принес снадобья и немного перекусить. Извольте принять. Или прогоните старого, неотесанного мужлана Ярпена Зигрина?

– Простите... – смутилась Цири, наклонила голову. – Трисс действительно необходима помощь, милсдарь... Зигрин. Она очень больна. Спасибо за лекарство.

– Пустое. – Краснолюд снова осклабился. – Пошли, Цири, поможешь нам. Снадобье-то еще приготовить надо. Накрутим пилюль по рецепту моей бабки. Супротив этих пилюль никакая засевшая в кишках зараза не устоит.

Он развернул сверток, вытащил что-то вроде куска торфа и небольшой глиняный горшочек. Цири заинтересовалась, подошла.

– Следует знать, милейшая Цири, – сказал Ярпен, – что моя бабка разбиралась в лечении как никто. Дока была. Увы, источником всех и всяческих хворей считала безделье, а безделье лучше всего вылечивать батогом. Ко мне и моим родственникам таковое лечение она в основном применяла в профилактических целях. Колошматила нас по любому случаю и без оного тоже. Исключительная была яга. А однажды, когда ни с того ни с сего дала мне краюшку хлеба с салом и сахаром, то так меня этим удивила, что я от волнения упустил эту краюшку салом вниз. Ну а бабка отлупила меня, карга старая. А потом дала другую краюшку, правда, уже без сахара.

– Моя бабушка, – понимающе кивнула Цири, – тоже однажды меня высекла. Розгами.

– Розгами? – засмеялся краснолюд. – Моя как-то отдубасила меня черенком от кайла. Ну, хватит приятных воспоминаний, давай-ка пилюли крутить. Бери рви это и скручивай в шарики.

– Что это? Липнет и мажется... Фу... А воняет... ужас какой-то!

– Это специальное тесто из дерти. Отличное лекарство. Мни шарики. Поменьше, поменьше.

Для чародейки, чай, делаешь, не для коровы. А ну дай-ка одну. Нормально. Теперь обваливаем шарики в снадобье.

– Фи...

– Завоняло? – Краснолюд сунул похожий на картофелину нос в горшочек. – Не может того быть. Растертый чеснок с горькой солью не должен так вонять, хоть сто лет простоит.

– Ну и отвратность! Трисс этого есть не станет!

– А мы сделаем, как моя бабка. Ты зажмешь ей нос, я стану запихивать пилюли.

– Ярпен, – прошипел Геральт, неожиданно появляясь из тьмы с чародейкой на руках. – Гляди, как бы я тебе чего-нибудь кой-куда не запихал.

– Это же лекарство, – обиделся краснолюд. – Помогает! Плесень, чеснок...

– Да, – слабо простонала Трисс из глубин своего кокона. – Верно, Геральт, это действительно должно помочь...

– Ну видишь? – Ярпен тыркнул Цири локтем, гордо задрав при этом бороду и показывая на Трисс, заглатывающую пилюлю с видом мученицы. – Мудрая волшебница. Знает что к чему.

– Что ты говоришь, Трисс? – наклонился ведьмак. – А, понимаю. Ярпен, может, у тебя есть лекарственный дягель? Или шафран?

– Пспрашиваю у своих. Я тут принес немного воды и ёдова...

– Спасибо. Но им прежде всего нужен отдых. Ложись, Цири.

– Я еще сделаю компресс для Трисс...

– Сам сделаю. Ярпен, надо бы поговорить.

– Пошли к костру. Откроем бочонок...

– Мне надо только с тобой. Большая компания мне ни к чему. Даже совсем наоборот.

– Ясно. Слушаю.

– Что это за обоз?

Краснолюд поднял на него свои маленькие пронизательные глаза, потом медленно и отчетливо сказал:

– Королевская служба.

– Об этом-то я догадался. – Ведьмак выдержал взгляд. – Ярпен, я спрашиваю не из пустого любопытства.

– Знаю. И что тебе надо, тоже знаю. Но это транспорт... хм... особого назначения.

– И что же вы транспортируете?

– Рыбу. Соленую, – не задумываясь сказал Ярпен, после чего не сморгнув глазом продолжал врать: – Фураж, инструмент, упряжь, всякую мелочевку для армии. Венцк – квартирмейстер королевской армии.

– Он такой же квартирмейстер, как я друид, – усмехнулся Геральт. – Впрочем, дело ваше, я

не привык совать носа в чужие секреты. Но ведь ты видел, в каком состоянии Трисс. Позволь нам присоединиться, Ярпен, и разреши положить ее на одну из телег. На несколько дней. Я не спрашиваю, куда вы направляетесь, этот тракт ведет прямо на юг, разветвляется только за Ликселью, а до Ликсели десять дней пути. За это время жар спадет, и Трисс сможет ехать верхом, а если даже и нет, то я остановлюсь в городе за рекой. Понимаешь, десять дней на повозке, как следует накрытая, теплая пища... Прошу тебя.

– Не я тут командую, а Венцк.

– Думаю, ты можешь повлиять на него, раз конвой состоит в основном из краснолюдов. Ясно же, что он вынужден считаться с тобой.

– Что тебе Трисс? Кто она тебе?

– А это важно? В нашей ситуации?

– В нашей – не важно. Я спрашиваю из пустого любопытства, чтобы потом пустить сплетню по кабакам. Но, честно сказать, тебя так и тянет к чародейкам.

Ведьмак грустно улыбнулся.

– А девочка? – Ярпен головой указал на Цири, которая никак не могла угнездиться под кожушком. – Твоя?

– Моя, – не раздумывая, ответил Геральт. – Моя, Зигрин.

Рассвет был мутным, мокрым, пахнущим ночным дождем и утренним туманом. Цири казалось, что она проспала всего несколько минут и, едва она успела прислониться к наваленным на телегу мешкам, ее разбудили.

Геральт в это время укладывал рядом с нею Трисс, которую только что принес из очередной вынужденной вылазки в лес. Попоны, которыми была укутана чародейка, искрились росой. У Геральта синели круги под глазами. Цири знала, что он так и не вздремнул – Трисс лихорадило всю ночь. Она очень страдала.

– Я тебя разбудил? Прости. Спи. Еще рано.

– Что с Трисс? Как она себя чувствует?

– Лучше, – простонала чародейка. – Лучше, но... Геральт, послушай... я хотела тебе...

– Да? – наклонился к ней ведьмак, но Трисс уже спала. Он выпрямился, потянулся.

– Геральт, – шепнула Цири, – нам позволят... ехать на телеге?

– Посмотрим. – Он закусил губу. – Пока можешь, спи. Отдыхай.

Он спрыгнул с воза. Цири слышала звуки, свидетельствующие о том, что бивак начали сворачивать, – топот коней, звон упряжи, скрип дышел, щелканье замков для пристяжных, разговоры и перебранку. А потом, совсем близко, хриплый голос Ярпена Зигрина, спокойный – высокого мужчины по имени Венцк и холодный – Геральта. Она приподнялась, осторожно выглянула из-за полотнища, прикрывающего фуру.

– В отношении этого я не получал прямых запретов, – сказал Венцк.

– Прекрасно, – повеселел краснолюд. – Стало быть, дело решено?

Комиссар поднял руку, показав, что еще не кончил. Некоторое время все молчали. Геральт и

Ярпен терпеливо ждали.

– Тем не менее, – сказал наконец Венцк, – я отвечаю головой за то, чтобы обоз добрался до места назначения.

Он снова замолчал. Никто не перебивал. Было ясно, что тому, кто надумал разговаривать с комиссаром, следовало привыкать к долгим паузам между фразами.

– Чтобы добрался без происшествий, – закончил он спустя минуту. – И в назначенный срок. А забота о больной может нас задержать.

– Мы идем с опережением, – заверил его Ярпен, немного переждав. – Идем впереди времени, господин Венцк, срок выдержим. А что касается безопасности... Сдается мне, ведьмак нам не помеха. Дорога до самой Ликсели идет лесами, по обе стороны дикая пуща. А по пуще, говорят, болтаются всякие вредные существа.

– Действительно, – согласился комиссар. Глядя ведьмаку в глаза, он, казалось, взвешивает каждое слово. – Последнее время в каэдвенских лесах можно встретить самых разных вредных существ, подзуживаемых не менее вредными существами. Они могут угрожать нашей безопасности. Король Хенсельт, зная о том, дал мне право приглашать добровольцев в помощь вооруженному эскорту. Господин Геральт, я думаю, это решило бы нашу проблему.

Ведмак молчал долго, дольше, чем заняла вся речь Венцка, густо пересыпанная паузами.

– Нет, – сказал он наконец, – нет, господин Венцк. Скажем ясно. Я готов отплатить за помощь, оказанную госпоже Меригольд, но не в такой форме. Могу присматривать за лошадьми, носить воду и дрова, даже кухарить. Но кнехтом у короля не стану. Прошу на мой меч не рассчитывать. Я не намерен убивать этих, как вы сообразовали выразиться, вредных существ по приказу других существ, которых отнюдь не считаю менее вредными.

Цири услышала, как Ярпен Зигрин громко засопел и кашлянул в кулак. Венцк спокойно смотрел на ведьмака.

– Понимаю, – бросил он сухо. – Люблю ясность. Хорошо. Господин Зигрин, прошу побеспокоиться, чтобы наше движение не замедлилось. Что же до вас, господин Геральт... Думаю, вы окажетесь полезным и нужным в том, в чем сочтете возможным. И вас, и меня оскорбило бы, если б вашу полезность я рассматривал как плату за помощь, оказанную страдающей женщине. Она сегодня чувствует себя лучше?

Ведмак утвердительно наклонил голову, несколько ниже и любезнее, чем делал это обычно, как показалось Цири. Выражение лица Венцка не изменилось.

– Я рад, – сказал он после привычной уже паузы. – Взяв госпожу Меригольд на одну из фур, я принимаю на себя ответственность за ее здоровье, удобство и безопасность. Господин Зигрин, прикажите трогаться.

– Господин Венцк!

– Слушаю, господин Геральт.

– Благодарю вас.

Комиссар наклонил голову. Как показалось Цири, тоже несколько ниже и любезнее, нежели того требовали обычные, ни к чему не обязывающие приличия.

Ярпен Зигрин пробежал вдоль колонны, громко выкрикивая приказы и распоряжения. Затем взгромоздился на козлы, гикнул и стегнул лошадей. Фура дернулась и загромыхала по лесной

дороге. Тряска разбудила Трисс, но Цири успокоила ее, сменила компресс на лбу. Качка действовала усыпляюще. Чародейка вскоре заснула. Цири тоже задремала, а когда проснулась, солнце уже стояло высоко. Она выглянула из-за бочек и тюков. Фура, на которой она ехала, возглавляла обоз. Следующей управлял краснолюд с повязанным вокруг шеи красным платком. Из разговоров, которые краснолюды вели между собой, Цири знала, что его зовут Паулье Дальберг. Рядом с Паулье сидел его брат Реган. Видно было и Венца, едущего верхом в сопровождении двух коморников.

Плотва, кобыла Геральта, привязанная к телеге, тихо заржала, приветствуя Цири. Каштанки и буланого мерина нигде не было видно. Вероятно, они шли позади вместе с запасными лошадьми обоза.

Геральт сидел на козлах рядом с Ярпеном. Они тихо беседовали, время от времени потягивая пиво из стоявшего между ними бочонка. Цири начала было прислушиваться, но вскоре это ей наскучило – разговор шел о политике, в основном о планах и намерениях короля Хенсельта и каких-то специальных службах и специальных задачах, сводящихся к тайной помощи оказавшемуся под угрозой войны соседу, королю Демавенду из Аэдирна. Ярпен, не обращая внимания на пробивающуюся в голосе ведьмака насмешку, объяснял, что некоторые виды рыб настолько ценны, что вполне хватает нескольких телег, чтобы покрыть годовое жалованье хоругви латников, а каждая новая хоругвь латников – это уже существенная помощь. Геральт с удивлением спросил, чего ради такой поклаже быть секретной, на что краснолюд ответил, что как раз в этом-то и состоит секрет.

Трисс дернулась во сне, сбросила компресс и что-то еле слышно пробормотала. Потребовала от какого-то Кевина, чтобы тот не давал воли рукам, и тут же отметила, что от Предназначения не уйдешь. Наконец, заявив, что все, ну абсолютно все вокруг являются в определенной степени мутантами, спокойно уснула.

Цири тоже почувствовала сонливость, но ее привел в себя громкий хохот Ярпена, который, как оказалось, напоминал Геральту о былых приключениях. Речь шла об охоте на золотого дракона, который, вместо того чтобы позволить себя прикончить, взял да пересчитал охотникам кости, а сапожника по имени Козоед попросту съел. Цири стала прислушиваться с большим интересом.

Геральт спросил о судьбах рубайл, но Ярпен ничего не знал о них. В свою очередь Ярпен поинтересовался женщиной по имени Йеннифэр, а Геральт почему-то сделался удивительно немногословным. Краснолюд хлебнул пива и принялся сетовать на то, что упомянутая Йеннифэр все еще обижается на него, хоть с тех пор минул уже не один годок.

– Я столкнулся с ней на ярмарке в Горс Велене, – повествовал он. – Едва увидев меня, она фыркнула навроде кошки и самыми что ни на есть ужасными словами отозвалась о моей покойной матушке. Я удрал со всей доступной мне скоростью, а она крикнула вослед, что когда-нито еще достанет меня и уж тогда-то у меня из задницы трава вырастет.

Цири захихикала, представив себе Ярпена с травой, торчащей из штанов. Геральт буркнул что-то о женщинах и их неуравновешенных характерах, а краснолюд счел это чересчур мягким определением бабской зловредности, жестокости и мстительности.

Ведьмак темы не поддержал, и Цири опять задремала.

На этот раз ее разбудили возбужденные голоса. Точнее, слова Ярпена, который кричал:

– Именно так! И не иначе! Я так решил!

– Тише, – спокойно сказал ведьмак. – На телеге больная женщина. Пойми же, я не критикую ни твоих решений, ни постановлений...

– Еще бы, – язвительно прервал краснолюд. – Ты всего лишь многозначительно ухмыляешься.

– Ярпен, я тебя по-дружески предупреждаю. Тех, что сидят верхом на заборе, ненавидят обе стороны. В лучшем случае относятся к ним с недоверием.

– Я не сижу верхом. Я четко держусь одной стороны...

– Для этой стороны ты на веки вечные был и останешься краснолюдом. Чужаком. А для противоположной...

Он замолчал.

– Ну! – буркнул Ярпен, отворачиваясь. – Ну давай, чего ждешь? Скажи, что я предатель и пес на поводке у человеков, готовый за горсть серебра и миску отвратной жратвы броситься на побратимов, которые восстали против вас и бьются за свободу. Ну давай, давай, выблюй это из себя. Не терплю недомолвок.

– Нет, Ярпен, – тихо сказал Геральт. – Ничего я выблевывать не собираюсь.

– Ах не собираешься. – Краснолюд хлестнул лошадей. – Тебе не хочется? Ты предпочитаешь глядеть и ухмыляться? Мне ты не скажешь ни слова, да? Но Венцу мог? «Прошу не рассчитывать на мой меч». Ах как возвышенно, благородно, по-рыцарски! Иди ты к псу под хвост со своим благородством! И затраханной гордостью!

– Я просто-напросто хочу быть честным. Не хочу впутываться в этот конфликт. Хочу сохранить нейтралитет.

– Не выйдет! – рявкнул Ярпен. – Нейтралитет сохранить не удастся, понимаешь? Нет, ничего ты не понимаешь. Слушай, мотай с моей телеги и садись на коня. Прочь с глаз моих, зануда нейтральная. Ты действуешь мне на нервы.

Геральт отвернулся. Цири затаила дыхание. Но ведьмак не произнес ни слова. Просто спрыгнул с телеги, быстро, мягко, ловко. Ярпен переждал, пока тот отвяжет Плотву, и снова хлестнул лошадей, бормоча себе в бороду какие-то непонятные, но исключительно ярко звучащие слова.

Цири поднялась, чтобы тоже спрыгнуть и отыскать свою Каштанку. Краснолюд повернулся, окинул ее неприязненным взглядом.

– С тобой тоже одна мука, коза, – зло фыркнул он. – Больно нужны нам тут бабы и девчонки, черт побери, отлить с козел не могу, всякий раз приходится останавливать лошадей и лезть в кусты!

Цири уперлась кулачками в бока, потрянула пепельной челкой и задрала нос.

– Да? – пустила она петуха. – Пива надо меньше пить, господин Зигрин, так реже хотеться будет.

– Тебе-то что до моего пива, сопливка!

– Не верещите! Трисс только что уснула!

– Моя телега! Буду верещать, ежели мне так желается!

– Бревно!

– Чего-чего? Ах ты, коза бесстыжая!

– Бревно! Бревно!!!

– Я те щас покажу бревно... О дьявол! Тпррр! Бревно!!!

Краснолюд сильно откинулся назад, натянул вожжи в последний момент, когда лошади уже собирались переступить через перекрывающий дорогу ствол сосны. Ярпен привстал на козлах, кроя по-человечьи и краснолюдски, свистя и рыча, остановил упряжку. Краснолюды и люди, соскочив с телег, подбежали, помогли отвести лошадей на свободную дорогу.

– Задремал никак, Ярпен? – буркнул, подходя, Паулье Дальберг. – Черт, если б наехал, ось бы полетела, колеса к черту. Что ты, мать твою...

– Мотай отседова, Паулье! – рявкнул Ярпен Зигрин и зло хлестнул вожжами по конским крупам.

– Счастливец, – сладенько проговорила Цири, усаживаясь на козлы рядом с краснолюдом. – Сами видите, лучше держать на телеге ведьмачку, чем ехать одному. Вовремя я крикнула. А вот если б вы в это время... отливали с козел и наехали на бревно? Ну-ну. Страшно подумать, что с вами могло тогда случиться.

– Ты заткнешься?

– Уже молчу. Ни словечка.

Она выдержала не больше минуты:

– Господин Зигрин?

– Никакой я не господин. – Краснолюд тыркнул ее локтем. Ухмыльнулся. – Я Ярпен. Ясно? Давай поведем телегу вместе, э?

– Ясно. Можно подержать вожжи?

– Погодь, не так. Наложь на палец указательный, прижми большим, о, вот так. Левую так же. Не дергай, не натягивай слишком.

– Так хорошо?

– Хорошо.

– Ярпен?

– Ну?

– Что значит «сохранять нейтралитет»?

– Быть равнодушным, безразличным, – нехотя буркнул он. – Не давай вожжам провисать. Левую сильнее на себя!

– Как это «безразличным»? К чему безразличным?

Краснолюд сильно наклонился и сплюнул под телегу.

– Если ская'таэли нападут на нас, твой Геральт намерен стоять и спокойно посматривать, как они будут перерезать нам глотки. Ты, вероятно, приткнешься рядышком, ведь это будет наглядный урок. Тема занятий: поведение ведьмака в конфликте разумных рас.

– Не понимаю.

– Этому-то я как раз нисколько не удивляюсь.

– Поэтому вы с ним ругались? Кто они, собственно, такие, эти скоя'таэли? Эти... «белки»?

– Цири. – Ярпен яростно растрепал бороду. – Это не для маленьких девчонок.

– Ну вот, теперь ты на меня злишься. Я вовсе не маленькая. Я слышала, как о «белках» говорили солдаты на заставе. Видела... двух убитых эльфов. А рыцарь говорил, что они... тоже убивают. И что среди скоя'таэлей не только эльфы. Краснолюды тоже есть.

– Знаю, – сухо сказал Ярпен.

– А ты ведь тоже краснолюд.

– Это уж точно.

– Почему же ты боишься «белок»? Они вроде бы дерутся только с людьми.

– Все не так просто, – задумался он. – К сожалению.

Цири долго молчала, покусывая нижнюю губу и морща носик. Потом сказала:

– Знаю. «Белки» борются за свободу. А ты хоть и краснолюд, но работаешь в специальной секретной службе короля Хенсельта и ходишь как пес на поводке у людей.

Ярпен хмыкнул, утер нос рукавом и выглянул с козел, проверяя, не подъехал ли Венцк слишком близко. Но комиссар, занятый беседой с Геральтом, был далеко.

– Слух у тебя что надо, деваха, прям как у сурка, – широко ухмыльнулся он. – Да ты и попонятливее тех, кому на роду написано рожать детей, варить похлебки да прясть. Тебе кажется, будто ты знаешь все? Это потому, что ты еще ребенок. Не делай дурашливых рожиц, годков тебе это не прибавит, только становишься еще некрасивее, чем обычно. Удачно, признаю, ты поняла скоя'таэлей, понравилось тебе это словцо. Знаешь, почему ты так хорошо их понимаешь? Потому что скоя'таэли тоже вроде детишек. Шпань, которая не понимает, что ее подзуживают, науськивают, что кто-то использует их ребячью дурость, подкармливая сказочками о свободе.

– Но ведь они действительно борются за свободу. – Цири подняла голову, взглянула на краснолюда широко раскрытыми зелеными глазами. – Как дриады в лесу Брокилон. Они убивают людей, потому что люди... некоторые люди творят им зло. Потому что когда-то это была ваша земля, краснолюдов и эльфов и этих, как их, низушков, гномов и других... А теперь тут поселились люди, вот эльфы и...

– Эльфы! – фыркнул Ярпен. – Уж если быть точным, как раз они-то тут такие не пришей кобыле хвост, как и вы, люди, хоть и прибыли на своих белых кораблях за добрых тысячу лет до вас. Теперь-то они наперебой лезут со своей дружбой, теперь-то мы братья, теперь-то лыбятся, болтают: «Мы сородичи, побратимы, мы Старшие Народы». А раньше ети их... хм, хм... Раньше-то у нас мимо ушей свистели их стрелы, когда мы...

– Так первыми в мире были краснолюды?

– Если быть точными – гномы. В этой части света. Потому что мир невообразимо велик, Цири.

– Знаю. Я видела карту...

– Не могла ты видеть. Никто еще не нарисовал такой карты, и сомневаюсь, что это вскоре случится. Никто не знает, что лежит там, за Огненными горами и Великим морем. Даже эльфы, хотя и похваляются, мол, знают все. Ни хрена они не знают, поверь мне...

– Хм... А теперь... Ведь людей гораздо больше, чем... чем вас.

– Потому что плодитесь вы как кролики, – скрежетнул зубами краснолюд. – Ничего вам не надо, только бы трахаться вокруг, без разбора, с кем попало и где попало. А вашим бабам стоит сесть мужику на штаны, как живот вздувается... Ну, чего покраснела, ровно мак полевой? Хотела понять? Вот тебе голая правда и верная история мира, которым владеет тот, кто удачнее разделяет другим черепа и быстрее накачивает своих баб. А с вами, людьми, трудно конкурировать как в смертоубийстве, так и в... траханье...

– Ярпен, – холодно сказал Геральт, подъехав на Плотве. – Сдержись немного, будь любезен, в выборе слов. А ты, Цири, перестань играть в возницу, загляни к Трисс, проверь, не проснулась ли и не надо ли ей чего.

– Давно уже проснулась, – проговорила слабым голосом чародейка из глубины фуры. – Но не хотела... прерывать очень, поверь, любопытную беседу. Не мешай, Геральт. Хотелось бы... побольше узнать о влиянии траханья на прогресс общества. * * *

– Можно согреть немного воды? Трисс хочет умыться.

– Валяй, – разрешил Ярпен Зигрин. – Ксавьер, сыми вертел с огня, наш заяц готов. Давай котел, Цири. Ого! Полный до краев! Одна притащила от ручья такую тяжесть?

– Я сильная.

Старший из братьев Дальбергов прыснул.

– Не суди по внешности, Паулье, – серьезно сказал Ярпен, ловко разделявая обжаренного зайца на порции. – Не над чем смеяться. Она девица щупленькая, верно, но, вижу, крепенькая и выносливая. Она навроде кожаного ремня: тонкий, а руками не разорвешь. Да и повесишься – тоже выдержит.

Никто не засмеялся. Цири подошла к развалившимся вокруг костра краснолюдям. На этот раз Ярпен Зигрин и четверка его парней развели собственный костер, потому что зайцем, которого подстрелил Ксавьер Моран, делиться не собирались. Им самим едва хватало на один, ну два укуса.

– Подкинь-ка в огонь, – сказал Ярпен, облизывая пальцы. – Вода шибчей закипит.

– Вода – дурь, – заметил Реган Дальберг, выплюнув косточку. – Мытье хворой токмо навредить может. Да и здоровому тожить. Помните старого Шрадера? Жена ему однажды велела помыться, и вскорости после того помер Шрадер-то.

– Потому как бешеный пес покусал.

– А не мылся б, то и пес не покусал бы.

– Я тоже думаю, – заметила Цири, проверяя пальцем температуру воды в котле, – что ежедневно мыться – это уж слишком. Но Трисс просит, а однажды даже заплакала... Вот мы с Геральтом и...

– Знаем, – кивнул старший Дальберг. – Но то, что ведьмак... Никак надивиться не могу. Эй, Зигрин, ежели б у тебя была баба, ты бы мыл ее и чесал? Носил бы на руках в кусты, чтобы она...

- Заткнись, Паулье, – прервал Ярпен. – Ты про ведьмака не того... Это порядочный мужик.
- А я чего? Я ничего. Удивляюсь токмо...
- Трисс, – задиристо вставила Цири, – вовсе не его баба.
- Тем больше удивляюсь.
- Тем больший ты дуб, стало быть, – подвел итог Ярпен. – Цири, отлей малость воды на кипяток, запарим чародейке еще шафрана с маком. Сегодня ей вроде получшало? А?
- Пожалуй, – буркнул Янник Брасс. – Ради нее пришлось задерживать обоз всего шесть разов. Я, конечным делом, знаю, нельзя отказывать в помощи на тракте, дурак тот, кто мыслит иначе. А кто откажет, тот воце сверхдурак и подлый сукин сын. Но слишком уж долго мы в этих лесах топчемся, слишком долго, говорю вам. Искушаем судьбу, холера, слишком уж мы судьбу испытываем, парни. Тут опасно. Скоя'таэли...
- Сплюнь, Янник.
- Тьфу, тьфу. Ярпен, я драки не боюсь, и кровь лить не впервой, но... Ежели придет дело драться со своими... Мать их! Почему это нам выпало? Этот засратый груз должна сопровождать засратая сотня конных, не мы. Чтоб черти побрали умников из Ард Каррайга, чтоб их...
- Заткнись, говорю. Давай лучше горшок с кашей. Зайчатинкой, мать его так, червячка заморили, теперь надо чего-нибудь съесть. Цири, поешь с нами?
- Конечно.
- Долго было слышно лишь чавканье, чмоканье да стук сталкивающихся в горшке деревянных ложек.
- Зараза, – сказал Паулье Дальберг и протяжно рыгнул. – Я б еще чего съел.
- Я тоже, – поддержала Цири и тоже рыгнула, восхищенная простецкими манерами краснолюдов.
- Только не каши, – сказал Ксавьер Моран. – Уже в глотке стоит эта пшенка. Солонина тоже обрыдла.
- Ну так нажрись травы, ежели у тебя такой изячный скус.
- Иль березу ошкурь зубами. Бобры – вон те этак делают и живы.
- Бобра б я, пожалуй, съел.
- А я – рыбки, – размечтался Паулье, с хрустом разгрызая добытый из-за пазухи сухарь. – Хоцца мне рыбки, ей-бо.
- Так наловим рыбы.
- Где? – проворчат Янник Брасс. – В кустах?
- В ручье.
- Тоже мне ручей. На другой берег насрать можно. Какая там может быть рыба?
- Есть там рыбы. – Цири облизнула ложку и сунула за голенище. – Я видела, когда ходила по

воду. Но какие-то больные. У них сыпь. Черные и красные пятна...

– Форель! – рыкнул Паулье, брызгая крошками сухаря. – А ну, ребята, к ручью! Реган! Скидывай портки! Сделаем сачок из твоих портков.

– Почему из моих?

– Стаскивай мигом, не то по шее получишь, молокосос! Тебе мать что сказала? Меня слушать!

– Поспешите, если хотите рыбачить, вот-вот стемнеет, – сказал Ярпен. – Цири, вода вскипела? Оставь, оставь, ошпаришься и вымажешься котлом-то. Знаю, что сильная, но уж позволь, я отнесу.

Геральт уже ожидал. Они издалека заметили его белые волосы между раздвинутыми полотнищами фуры. Краснолюд перелил воду в бадейку.

– Помощь нужна, ведьмак?

– Спасибо, Ярпен, Цири поможет.

Температура у Трисс уже спала, но слабость была прямо-таки чудовищной. Геральт и Цири уже наловчились ее раздевать и мыть, научились притормаживать ее благородные, но пока непосильные порывы к самостоятельности. Дело шло на удивление справно – он держал чародейку в объятиях, Цири мыла и вытирала. Одно только Цири удивляло и раздражало – Трисс излишне уж крепко, по ее мнению, прижималась к Геральту. В этот раз даже пыталась его поцеловать.

Геральт движением головы указал на вьюки чародейки. Цири поняла сразу, потому что это тоже входило в ритуал: Трисс всегда требовала, чтобы ее причесывали. Девочка отыскала гребень, опустилась на колени. Трисс, наклонив к ней голову, обхватила ведьмака. По мнению Цири, слишком уж крепко.

– Ах, Геральт, – разрыдалась чародейка. – Как жаль... Какая жалость, что все, что было между нами...

– Трисс, прошу тебя...

– ...не случится теперь... Когда я выздоровею... Все было бы совсем иначе... Я могла бы... Я могла бы даже...

– Трисс!

– Я завидую Йеннифэр... Я ревную тебя к ней...

– Цири, уйди.

– Но...

– Прошу тебя...

Цири спрыгнула с телеги и налетела прямо на Ярпена, который ожидал, опершись о колесо и задумчиво покусывая длинную травинку. Краснолюд поймал ее. Ему не пришлось даже наклоняться, как Геральту. Он был вовсе не выше ее ростом.

– Никогда не совершай такой ошибки, маленькая ведьмачка, – буркнул он, косясь на телегу. – Если кто-нибудь проявит к тебе сочувствие, симпатию и преданность, если удивит благородством характера, цени это, но не перепутай с... чем-то другим...

– Подслушивать нехорошо.

– Знаю. И небезопасно. Я едва успел отскочить, когда ты выплеснула смывки из бадейки. Пошли глянem, сколько форелей попалоcь в Регановы портки.

– Ярпен?

– Хе?

– Я тебя люблю.

– Я тебя тоже, коза.

– Но ты краснолюд. А я нет.

– А какое это... Да. Ская'таэли. Ты имеешь в виду «белок», да? Это не дает тебе покоя, а?

Цири высвободилась из-под тяжелой руки.

– Тебе тоже не дает. И другим. Я же вижу.

Краснолюд молчал.

– Ярпен?

– Слушаю.

– Кто прав? «Белки» или вы? Геральт хочет быть... нейтральным. Ты служишь королю Хенсельту, хоть сам – краснолюд. А рыцарь на заставе кричал, что все – наши враги и что всех надо... Всех! Даже детей. Почему? Ярпен? Кто же прав?

– Не знаю, – с трудом проговорил краснолюд. – Я не набрался премудростей. Делаю так, как считаю нужным. «Белки» взялиcь за оружие, ушли в леса. Людей – в море, кричат, не зная даже, что это сомнительное требование им подбросили нильфгаардские лазутчики. Не понимая, что эти слова адресованы не им, а людям, что они должны пробудить людскую ненависть, а не боевой задор юных эльфов. Я это понял, поэтому то, что вытворяют ская'таэли, считаю преступной глупостью. Что ж, через несколько лет меня за это, возможно, окрестят предателем и продажной тварью, а их станут именовать героями... Наша история, история нашего мира знает такие случаи.

Он замолчал, поскреб бороду. Цири тоже молчала.

– Элирена... – неожиданно буркнул он. – Ежели Элирена была героиней, ежели то, что она сделала, называется геройством, то ничего не попишешь, пусть меня обзывают предателем и трусом. Потому что я, Ярпен Зигрин, трус, предатель и ренегат, утверждаю, что мы не должны истреблять друг друга. Я утверждаю, что мы должны жить. Жить так, чтобы позже ни у кого не пришлось просить прощения. Героическая Элирена... Ей пришлось. Простите меня, умоляла она, простите. Сто дьяволов! Лучше сгнуться, чем жить с сознанием, что ты сделал что-то такое, за что приходится просить прощения.

Он снова замолчал. Цири не задавала вопросов, так и просившихся на язык. Инстинктивно чувствовала, что этого делать не следует.

– Мы должны жить рядом, – продолжал Ярпен. – Мы и вы, люди. Другого выхода у нас нет. Двести лет мы об этом знаем и больше ста работаем на это. Ты хочешь знать, почему я поступил на службу к Хенсельту, почему принял такое решение? Я не могу допустить, чтобы то, над чем мы работаем, пошло коту под хвост. Сто лет с лишком мы пытались сжиться с

людьми. Низушки, гномы, мы, даже эльфы. Я не говорю о русалках, нимфах и сильфидах, эти всегда были дикарками, даже когда о вас тут и слуху не было. Тысяча чертей, это тянулось сто лет, но нам как-никак удалось наладить совместную жизнь, бок о бок, вместе, нам удалось частично убедить людей, что мы очень мало отличаемся друг от друга.

– Мы вообще не отличаемся, Ярпен.

Краснолюд резко обернулся.

– Мы вообще не отличаемся, – повторила Цири. – Ведь ты мыслишь и чувствуешь так же, как Геральт. И как... как я. Мы едим одно и то же, из одного котла. Ты помогаешь Трисс, и я тоже. У тебя была бабушка, и у меня... Мою бабушку убили нильфгаардцы. В Цинтре.

– А мою – люди, – с трудом сказал Ярпен. – В Бругге. Во время погрома.

– Конные! – крикнул кто-то из людей Венцка, ехавший в головном дозоре. – Конные впереди!

Комиссар помчался к телеге Ярпена. Геральт приблизился с другой стороны.

– Назад, Цири! – резко бросил он. – Слезай с козел и назад. Будь при Трисс.

– Оттуда ничего не видно!

– Кончай базарить! – буркнул Ярпен. – А ну быстро назад! И дай мне чекан. Он под кожухом.

– Это? – Цири показала тяжелый, отвратно выглядевший предмет, напоминающий молот с острым, слегка искривленным крюком на стороне, противоположной бойку.

– Угу, – подтвердил краснолюд. Он засунул черенок чекана за голенище, а топор положил на колени. Венцк, внешне спокойный, смотрел на дорогу, приставив руку ко лбу.

– Легкая кавалерия из Бен Глеана, – сказал он через минуту. – Так называемая Медвежья Хоругвь, узнаю по плащам и бобровым шапкам. Сохраняйте спокойствие. Внимание тоже. Плащи и бобровые шапки довольно легко меняют хозяев.

Конники быстро приближались. Их было около десятка. Цири видела, как на своем возу Паулье Дальберг кладет на колени два натянутых самострела, а Реган накрывает их попоной. Она тихо вылезла из-под полотнища, спрятавшись, однако, за широкой спиной Ярпена. Трисс попробовала подняться, чертыхнулась и упала на подстилку.

– Стой! – крикнул первый из конных, несомненно, командир. – Кто такие? Откуда и куда?

– А кто спрашивает? – Венцк спокойно выпрямился в седле. – И по какому праву?

– Армия короля Хенсельта! А спрашивает десятник Зывик. И повторять он не привык! Отвечай немедля. Кто такие, а?

– Служба квартирмейстера королевской армии.

– Кажный может сказать! Не вижу никого в королевских цветах!

– Приблизься, десятник, и повнимательнее взгляни на мой перстень.

– Чего вы мне тут кольцами разблестелись? – выкрикнул десятник. – Что я, все кольца в мире знаю, аль как? Такой перстень может быть у кого хошь. Тоже мне важный знак!

Ярпен Зигрин встал на козлах, поднял топор и резко подsunул его десятнику под нос.

– А такой знак тебе ведом? – буркнул он при этом. – Нюхни и запомни запах.

Десятник рванул поводья, развернул лошадь.

– Пугать меня надумал? – рявкнул он. – Меня? Я на королевской службе.

– И мы тоже, – тихо сказал Венцк. – И, думаю, подольше, чем ты. Не ерепенься, солдат, миром советую.

– Я здесь охрану несусь! Откедова мне знать, кто вы такие?

– Ты перстень видел? – процедил комиссар. – И если знаков на камне не узнаешь, то меня начинает интересовать, ты-то кто таков? На флажке Медвежьей Хоругви выткан такой же знак. Должны знать.

Солдат явно опешил, на что, вероятно, одинаково повлияло и спокойствие Венцка, и угрюмые, решительные лица, выглядывающие из фургонов эскорта.

– Хм... – сказал он, сдвигая шапку к левому уху. – Ладно. Если вы и вправду те, за кого себя выдаете, не будете, думаю, супротив, ежели взгляну, что на возах.

– Будем, – насупился Венцк. – К тому же очень. Нет тебе никакого дела до нашего груза, десятник. Да и не понимаю, чего ты можешь в нем искать.

– Не понимаете, – покачал головой солдат, кладя руку на рукоять меча. – Так скажу. Торговля людьми запрещена, а хватает таких, кои продают невольников Нильфгаарду. Ежели людей в колодах на возах найду, не докажете мне, что королю служите. Хоть дюжину колечек выставьте.

– Хорошо, – сухо сказал Венцк. – Если о невольниках речь... Ищи. Разрешаю.

Солдат шагом подъехал к среднему фургону, наклонился в седле, приподнял полотно.

– Что в бочках?

– А что должно быть? Невольники? – съязвил Янник Брасс, рассевшись на козлах.

– Спрашиваю – что? Так отвечайте.

– Соленая рыба.

– А в тех вона ящиках? – Солдат подъехал к следующему возу, пнул по бортику.

– Подковы, – проворчал Паулье Дальберг. – А там, позади, буйволиные шкуры.

– Вижу, – махнул рукой десятник, чмокнул коню, поехал вперед, заглянул в фургон Ярпена.

– А чтой-то там за баба лежит?

Трисс Меригольд слабо улыбнулась, приподнялась на локте, сделав рукой короткий сложный жест.

– Кто? Я? – тихонько спросила она. – Ты же меня вообще не видишь.

Солдат нервно заморгал, вздрогнул.

– Соленые рыбы, – убежденно сказал он, опуская полотно. – Порядок. А этот ребенок?

– Сушеные грибы, – сказала Цири, нахально глядя на него. Солдат замолк, замер с открытым

ртом.

– Ну да? – спросил он минуту погодя. – Чего?

– Закончил осмотр, вояка? – холодно поинтересовался Венцк, подъезжая с другой стороны фургона. Солдат с трудом оторвал взгляд от зеленых глаз Цири.

– Закончил. Ехайте, веи вас Бог. Но поглядывайте. Два дни тому скотоели под корень вырезали конный разъезд у Барсучьего Яра. Сильная, большая была ихая бригада. Конечным делом, Барсучий Яр отседова далече. Только эльф по лесу прет шибчее ветра. Нам велено облаву замкнуть, да разве эльфа схватишь? Все едино что ветер в решето ловить...

– Ну, довольно, мы не любопытные, – нелюбезно прервал комиссар. – Время не ждет, у нас еще дальняя дорога.

– Ну, бывайте. Эй, там, за мной!

– Слышал, Геральт? – проворчал Ярпен Зигрин, глядя вслед удаляющемуся разъезду. – Чертовы «белки» в округе. Как чуял. Все время мурашки по спине бегали, словно мне из лука прямо в крестец кто метил. Нет, мать их, нельзя ехать все время вслепую, как доселе, посвистывая, подремывая да сонно попердывая. Надо знать, что впереди. Послушай, есть мысль.

Цири резко дернула Каштанку, сразу сорвалась в галоп, низко наклонившись в седле. Геральт, занятый разговором с Венцком, выпрямился.

– Не дури! – крикнул он. – Без фокусов, девка! Хочешь шею сломать? И не отъезжай очень-то далеко...

Больше она не услышала ничего, слишком сильно вырвалась вперед. Сделала это нарочно, надоело выслушивать ежедневные поучения. «Не так быстро, не так резко, Цири. Та-та-та! Не отдаляйся! Па-па-па! Будь осторожна! Па-па! Ну совсем так, будто я девчонка малая, – подумала она. – А мне уже почти тринадцать, у меня резвая Каштанка и острый меч за спиной. И ничего я не боюсь! И... весна кругом».

– Эй, смотри, задок сотрешь!

«Ярпен Зигрин. Еще один мудрила! Па-па!»

Дальше, дальше, галопом по выбоинам, через зеленые травы и кустики, через серебристые лужи, через золотой влажный песок, через перистые папоротники. Испуганная лань умчалась в лес, только сверкнула в прыжках черно-белым фонариком зада. С деревьев взлетают птицы – цветастые сойки и золотистые щурки, черные болтливые сороки со смешными хвостами. Из-под копыт взмывается вода в лужах и выбоинах.

Дальше, дальше! Лошадь, которая слишком долго еле-еле шевелила ногами, плетясь за обозом, идет легко, мчится резво, быстро, ее радует скорость, играют мускулы, влажная грива хлещет Цири по лицу. Лошадь вытягивает шею. Цири отпускает поводья. Дальше, лошадка, не грызи удила и мундштук, дальше, в карьер, в карьер, быстрее, быстрее! Весна!

Она придержала Каштанку, оглянулась. Ну наконец-то одна. Наконец-то далеко. Уже никто не поругает, не станет увещевать, не обратит внимания, не будет грозиться, что покончит, мол, с такими поездочками. Наконец-то одна, свободна, вольна и независима.

Теперь помедленнее. Легкой рысью. Ведь это же прогулка не ради одного только удовольствия, у нее тоже есть определенные обязанности. Ведь сейчас она – конный

разъезд, патруль, передовое охранение. «Ха, – думает Цири, осматриваясь, – безопасность всего обоза сейчас зависит от меня. Все с нетерпением ждут, когда я вернусь и доложу: дорога свободна, никого не видела, ни следов колес, ни копыт. Доложу, а тогда тощий господин Венцк с холодными голубыми глазами серьезно кивнет, Ярпен Зигрин оскалит желтые конские зубы, Паулье Дальберг кивнет: молодец, малыш! А Геральт едва-едва улыбнется. Улыбнется, хотя последнее время он улыбается так редко».

Цири осматривается, все фиксирует в памяти. Две поваленные березки – не проблема. Куча веток – не страшно, телеги пройдут. Промытый дождем ровик – что за преграда, колеса первой фуры пробьют колею, остальные пройдут следом. Большая поляна – отличное место для привала...

Следы? Какие тут могут быть следы! Никого тут нет. Лес. Птицы верещат среди свежих, зеленых листиков. Коричнево-рыжая лиса не спеша перебежала дорогу... И все пахнет весной.

Дорога переламывается на половине холма, скрывается в песчанистом яре, уходит под кривые сосенки. Цири съезжает с дороги, взбирается по склону, чтобы сверху осмотреть район. И коснуться мокрых, пахучих листьев.

Соскакивает с седла, забрасывает вожжи на сук, медленно идет через покрывающий холм можжевельник. По другую сторону холма видна проплешина, зияющая в гуще леса, словно кто-то выгрыз часть деревьев: вероятно, след после пожара, который полыхал здесь давным-давно, потому что нигде не видно пепелища, всюду зелено от невысоких березок и елочек. Дорога, докуда хватает глаз, кажется свободной и проезжей.

И безопасной.

«Чего они боятся? – подумала Цири. – Скоя'таэлей? А чего их бояться? Я не боюсь эльфов. Я им ничего не сделала».

Эльфы. «Белки». Скоя'таэли».

Прежде чем Геральт приказал ей отойти, Цири успела рассмотреть трупы на заставе. Особенно запомнился один – с лицом, закрытым слепившимися от коричневой крови волосами, с неестественно вывернутой и выгнутой шеей. Застывшая в жуткой гримасе верхняя губа приоткрывала зубы, очень белые и очень мелкие, нечеловеческие. Она запомнила обувь эльфа, потрепанную и истертую, длинную, до колен, внизу шнурованную, сверху защелкивающуюся на многочисленные кованые крючки.

Эльфы, которые убивают людей, сами гибнут в борьбе. Геральт говорит, что надо соблюдать нейтралитет... А Ярпен – что надо поступать так, чтобы потом не приходилось просить прощения...

Она пнула кротовью горку, задумчиво поводила носком ботинка по песку.

Кто, у кого и за что должен просить прощения?

«Белки» убивают людей. А Нильфгаард им за это платит. Использует их. Подзуживает, науськивает. Нильфгаард.

Нет, Цири не забыла, хоть очень бы хотела забыть. О том, что случилось в Цинтре. О бродяжничестве, отчаянии, страхе, голоде и боли. О маразме и отупении, которые наступили позже, гораздо позже, когда ее нашли и приютили друиды из Заречья. Она помнила это как в тумане, а хотела перестать помнить вообще.

Но это возвращалось. Возвращалось в наваждениях и снах. Цинтра. Топот коней и дикие

крики, трупы, пожар... И Черный рыцарь в крылатом шлеме... А потом... Хаты в Заречье... Почерневшая труба на пепелище... Рядом, у нетронутого колодца, черный кот, зализывающий страшный ожог на боку. Колодец... Журавль... Ведро...

Ведро, полное крови.

Цири протерла лицо, глянула на ладонь. Ладонь была мокрая. Девочка хлюпнула носом, вытерла слезы рукавом.

«Нейтралитет? Равнодушие? – Ей хотелось кричать. – Ведьмак, равнодушно вззирающий на бойню? Нет! Ведьмак должен защищать людей. От лешего, вампира, оборотня и не только. Он обязан защищать от любого зла. А я в Заречье видела, что такое зло.

Ведьмак обязан защищать и спасать. Защищать мужчин, чтобы их не подвешивали, как мишени для стрел, за руки на деревьях и не насаживали на колья. Защищать светловолосых девушек, чтобы их не распинали между вбитыми в землю колышками. Защищать детей, чтобы их не резали и не бросали в колодцы. Защиты заслуживает даже кот, обгоревший в подожженном сарае. Поэтому я стану ведьмачкой, для того у меня и меч, чтобы защищать таких, как люди из Соддена и Заречья, потому что у них ведь нет мечей, они не знают выпадов, финтов, полуоборотов, вольтов и пируэтов, их никто не научил, как надо драться, они бессильны и безоружны против оборотня и нильфгаардского мародера. Меня драться учат. Чтобы я могла защищать безоружных. Всегда. Я никогда не буду нейтральной. Никогда не буду безразличной.

Никогда!»

Она не знала, что ее подтолкнуло – то ли тишина, холодной тенью опустившаяся на лес, то ли движение, пойманное краешком глаза. Но она отреагировала мгновенно – рефлекс, приобретенный и выработанный в лесах Заречья, когда, убегая из Цинтры, она мчалась наперегонки со смертью. Она упала на землю, вползла под куст можжевельника и замерла. Только б не заржала лошадь. Только б не заржала!

На склоне противоположного холма что-то снова пошевелилось, она заметила мелькнувший силуэт, растворившийся в листве. Эльф осторожно выглянул из зарослей. Откинув с головы капюшон, несколько секунд осматривался, прислушивался, потом беззвучно и быстро пошел по склону. Вслед за ним выглянули из листвы еще двое. А потом двинулись остальные. Их было много. Они шли длинной цепью, гуськом, примерно половина была на конях. Эти ехали медленно, выпрямившись в седлах, напряженные, чуткие. Несколько секунд она видела всех четко и хорошо, когда в абсолютной тишине они передвигались на фоне неба, в светлом прорыве в стене деревьев, а потом скрылись, растворились в мерцающей тени чащи. Исчезли без шороха и шелеста, словно духи. Не топнула копытом, не заржала ни одна лошадь, не хрустнула ветка под ногой или подковой. Не звякнуло оружие, которым они были увешаны.

Эльфы скрылись, но Цири не шевелилась, продолжала лежать, прижавшись к земле под можжевельником, стараясь дышать как можно тише. Она знала, что ее может выдать испуганная птица или зверь, а птицу или зверя может напугать любой шорох и любое движение, даже самое незаметное, самое осторожное. Она поднялась лишь тогда, когда лес успокоился совсем, а среди деревьев, между которыми скрылись эльфы, застрекотали сороки.

Поднялась только для того, чтобы оказаться в крепких объятиях. Черная кожаная перчатка зажала ей рот, приглушила крик ужаса.

– Тихо!

– Геральт?

– Тихо, я говорю.

– Ты видел?

– Видел.

– Это они... – шепнула она. – Скоя'таэли, да?

– Да. А ну быстро на коней. Гляди под ноги.

Осторожно и тихо они спустились с холма, но не вернулись на тракт, а остались в чащобе. Геральт внимательно осматривался, не разрешал ей ехать, не отдавал поводья Каштанки, вел лошадь сам.

– Цири, – проговорил он вдруг. – Ни слова о том, что мы видели. Ни Ярпену, ни Венцку. Никому. Понимаешь?

– Нет, – буркнула она, опуская голову. – Не понимаю. Почему я должна молчать? Ведь их надо предупредить. За кого мы, Геральт? Против кого? Кто наш друг, кто враг?

– Завтра отделимся от обоза, – сказал он, помолчав. – Трисс уже почти здорова. Попрощаемся и поедем своим путем. У нас будут собственные проблемы, собственные тревоги и собственные трудности. Тогда, надеюсь, ты наконец поймешь, что не надо делить обитателей нашего мира на друзей и врагов.

– Мы должны быть... нейтральны? Безразличны, да? А если они нападут...

– Не нападут.

– А если...

– Послушай меня, – повернулся он к ней. – Как думаешь, почему такой важный транспорт, груз золота и серебра, тайную помощь короля Хенсельта Аэдирну, сопровождают краснолюды, а не люди? Я уже вчера видел эльфа, который наблюдал за нами с дерева. Я слышал, как они ночью прошли мимо обоза. Скоя'таэли не нападут на краснолюдов, Цири.

– Но они здесь, – проворчала она. – Здесь. Вертятся, окружают нас.

– Я знаю, почему они здесь. Покажу тебе.

Он резко развернул коня, кинул ей поводья. Она тронула Каштанку пятками, лошадь пошла быстрее, но он жестом приказал оставаться позади. Они пересекли тракт, снова въехали в чащу. Ведьмак вел, Цири ехала следом. Оба молчали. Долго.

– Взгляни. – Геральт осадил лошадь. – Взгляни, Цири.

– Что это?

– Шаэрраведд.

Перед ними, насколько позволяли видеть деревья, вздымались гладко отесанные гранитные и мраморные блоки с притупленными, скругленными ветром краями, покрытые промытыми дождями рисунками, растрескавшиеся от морозов, разорванные корнями деревьев. Меж деревьями проглядывали поломанные колонны, арки, остатки фриз, оплетенные плющом, окутанные плотным ковром зеленого мха.

– Это была... крепость?

– Дворец. Эльфы не строили крепостей. Слезь. Кони не пройдут по развалинам.

– Кто все уничтожил? Люди?

– Нет. Они сами. А потом ушли.

– Почему?

– Знали, что больше сюда не вернутся. Это случилось после второго столкновения между ними и людьми, больше двухсот лет назад. До того, уходя, они оставляли города нетронутыми. Люди строили свои дома на фундаментах эльфовых построек. Так возникли Новиград, Оксенфурт, Вызима, Третогор, Марибор, Цидарис. И Цинтра.

– Цинтра тоже?

Он утвердительно кивнул, не отрывая глаз от руин.

– Ушли, – шепнула Цири. – Но теперь возвращаются. Зачем?

– Чтобы взглянуть.

– На что?

Он молча положил ей руку на плечо, легонько подтолкнул. Она спрыгнула с мраморных ступеней, спустилась ниже, придерживаясь за пружинящие ветви кустов орешника, пробивающегося из каждой щели в омшелых, потрескавшихся плитах.

– Здесь был центр дворца. Его сердце. Фонтан.

– Здесь? – удивилась Цири, глядя на ольхи и белые стволы берез, столпившихся среди идеальных глыб и блоков. – Здесь? Но тут ничего нет.

– Идем.

Поток, питавший фонтан, видимо, часто менял русло, терпеливо и неустанно подмывал мраморные и алебастровые плиты, а те спускались, образуя запруды и снова направляя воды потока в новую сторону. В результате вся территория оказалась иссечена неглубокими промоинами стариц. Кое-где вода стекала каскадами по остаткам постройки, смывая с них листья, песок – в этих местах мрамор, терракота и мозаика все еще искрились свежими красками, словно лежали тут не два столетия, а три дня.

Геральт перепрыгнул через ручей и пошел туда, где еще сохранились остатки колоннады. Цири шла следом. Они соскочили с крошившихся ступеней, наклонив головы, вошли под нетронутый свод арки, наполовину ушедшей в земляной вал. Ведьмак остановился, указал рукой. Цири громко вздохнула.

На многоцветной от раздробленной терракоты насыпи рос большой розовый куст, усыпанный десятками прелестных бело-лиловых цветов. На лепестках поблескивали капельки росы, сверкающей словно серебро. Куст оплетал своими побегами большую плиту из белого камня. А с плиты на них глядело печальное красивое лицо, тонкие и благородные черты которого не смогли стереть и размыть ни ливни, ни снега. Лицо, которое не сумели исковеркать зубила варваров, вылуцивающих из барельефа золото орнаментов, мозаику и драгоценные камни.

– Аэлирэнн, – сказал Геральт после долгого молчания.

– Какая красивая, – шепнула Цири, ухватив его за руку. Ведьмак словно и не заметил. Он

смотрел на барельеф и был в этот момент далеко-далеко, в ином мире и времени.

– Аэлирэнн, – повторил он спустя минуту. – Которую краснолюды и люди называют Элиреной. Она вела эльфов в бой двести лет тому назад. Старейшины возражали. Они знали, что шансов победить у них нет. Понимали, что могут уже не воспрянуть после поражения. Они хотели спасти свой народ, хотели выжить. И решили разрушить города, уйти в недоступные дикие горы... и ждать. Эльфы – долгожители, Цири. По нашим меркам почти бессмертны. Люди казались им чем-то таким, что минует, как засуха, как тяжкая зима, как налет саранчи, а потом снова пойдут дожди, наступит весна, проклюнется новый урожай. Они хотели переждать. Да, переждать. Решили уничтожить города и дворцы. В том числе и свою гордость – Шаэрраведд. Да, хотели переждать, но Элирена... Элирена подняла молодых. Они взялись за оружие и пошли за ней на последний отчаянный бой. И их истребили. Безжалостно истребили.

Цири молчала, не отрывая глаз от прекрасного мертвого лица.

– Они умирали с ее именем на устах, – тихо продолжал ведьмак. – Повторяя ее призыв, ее клич. Они погибали за Шаэрраведд. Потому что Шаэрраведд был символом. Они погибали в борьбе за камень и мрамор. И за Аэлирэнн. Как она и обещала, они умирали достойно, героически, с честью. Они сберегли честь, но обрекли на гибель собственную расу. Собственный народ. Помнишь, что тебе сказал Ярпен? Кто владеет миром, а кто вымирает? Он объяснил это тебе грубо, но правильно. Эльфы долговечны, но плодовита только их молодежь, только молодые могут иметь потомство, а почти вся молодежь пошла тогда за Элиреной. За Аэлирэнн, за Белой Розой из Шаэрраведда. Мы стоим в руинах ее дворца, у фонтана, плеск которого она слушала вечерами. А это... это были ее цветы.

Цири молчала. Геральт привлек ее к себе, обнял.

– Теперь ты знаешь, почему ская'таэли были здесь, понимаешь, на что они хотели взглянуть? Но понимаешь ли, что нельзя допустить, чтобы юные эльфы и краснолюды снова позволили себя уничтожать? Понимаешь ли, что ни я, ни ты не имеем права участвовать в этой бойне? Эти розы цветут весь год. Они должны были бы одичать, а они – видишь – прекраснее, чем в ухоженных садах. В Шаэрраведд постоянно приходят эльфы, Цири. Разные эльфы. И запальчивые, и глупые, для которых символом остается потрескавшийся камень. И разумные, для которых символ – бессмертные, вечно возрождающиеся цветы. Эльфы, которые понимают, что если вырвать этот куст и спалить землю, то розы Шаэрраведда уже не расцветут никогда. Это ты понимаешь?

Она кивнула.

– Понимаешь ли ты теперь, что такое нейтралитет, который так взволновал тебя? Быть нейтральным – не значит быть равнодушным и бесчувственным. Не надо убивать в себе чувства. Достаточно убить в себе ненависть. Ты поняла?

– Да, – шепнула она. – Теперь поняла. Геральт, я... я хотела бы взять одну... Одну из этих роз. На память. Можно?

– Возьми, – сказал он после недолгого колебания. – Возьми, чтобы помнить. Ну, пошли. Возвращаемся к обозу.

Цири вколола розу под шнуровку курточки. Неожиданно тихо ойкнула, подняла руку. Струйка крови стекла у нее с пальца в ладонку.

– Укололась?

– Ярпен... – прошептала девочка, глядя на кровь, заполняющую линию жизни. – Венцк...

Паулье...

– Что?

– Трисс! – пронзительно крикнула она, сильно вздрогнула, потерла лоб. – Быстрее, Геральт! Мы должны им... помочь! На коней, Геральт!

– Цири, что с тобой?

– Они умирают!

Она мчалась галопом, прижавшись ухом к шее лошади, подгоняя ее криком и ударами пяток. Песок лесной дороги взметнулся из-под копыт. Уже издалека она услышала крики, почувствовала дым.

Навстречу, перегораживая тракт, к ней мчалась пара лошадей, волокущих за собой сбрую, вожжи и сломанное дышло. Цири не стала сдерживать Каштанку, пронеслась мимо на полном скаку, хлопья пены лизнули ей лицо. Позади услышала ржание Плотвы и ругань Геральта, которому пришлось остановиться.

Она вылетела на поворот дороги, на большую поляну.

Обоз полыхал. Из зарослей огненными птицами неслись к телегам горящие стрелы, дырявя полотно, врезаясь в доски. Скоя'таэли, визжа и вопя, кинулись в атаку.

Цири, не обращая внимания на доносящиеся сзади крики Геральта, направила лошадь прямо к двум первым выдвинутым вперед фурам. Одна была перевернута набок, рядом стоял Ярпен Зигрин с топором в одной руке и самострелом в другой. У его ног, неподвижная и бессильная, в голубом, задравшемся до середины бедер платье лежала...

– Триисс! – Цири выпрямилась в седле, хватанула лошадь пятками. Скоя'таэли обернулись на ее крик, мимо головы девочки засвистели стрелы. Она закрутила головой, не замедляя галопа и слыша крик Геральта, приказывающего ей бежать в лес. Но она и не подумала. Наклонилась, помчалась прямо на целящихся в нее лучников. Неожиданно почувствовала запах белой розы, приколотой к курточке.

– Триисс!

Эльфы отскочили от мчащейся лошади. Одного она легко задела стремянем. Услышала резкий свист, лошадь дернулась, взвизгнула, метнулась вбок. Цири увидела стрелу, глубоко врезавшуюся пониже седла, у самого ее бедра. Она вырвала ноги из стремян, пригнулась к седлу, крепко оттолкнулась и прыгнула.

Мягко упала на перевернутый фургон, забалансировала руками, прыгнула опять, опустившись на подогнутые ноги около рычащего и размахивающего топором Ярпена. Рядом, на другом возу, дрался Паулье Дальберг, а Реган, откинувшись назад и упершись ногами в доски, с трудом сдерживал упряжку. Кони дико ржали, топали, рвали дышло в ужасе от пожирающего полотно огня.

Цири кинулась к Трисс, лежащей среди рассыпавшихся бочек и ящиков, схватила ее за платье и потащила к перевернутому возу. Чародейка стонала, держась за голову выше уха. Совсем рядом с Цири застучали копыта, захрапели кони – два эльфа, размахивая мечами, теснили к ней яростно защищавшегося Ярпена. Краснолюд крутился волчком, ловко отражая топором сыпавшиеся на него удары. Цири слышала проклятия, звон и стонущий звук металла.

От горящего обоза отделилась еще одна телега, она неслась в их сторону, волоча за собой

дым и пламя, разбрасывая горящие тряпки. Возница бессильно свисал с козел, рядом стоял Янник Брасс, с трудом удерживая равновесие. Одной рукой он держал вожжи, другой отбивался от двух эльфов, галопирующих по обеим сторонам фуры. Третий скоя'таэль, поравнявшись с лошадьми, на бегу всаживал им в бока стрелу за стрелой.

– Прыгай! – рывкнул Ярпен, перекрывая гул. – Прыгай, Янник!

Цири увидела, как к мчащейся телеге галопом подлетает Геральт, как коротким, экономным ударом меча сметает с седла одного эльфа, а Венцк, подскочив с противоположной стороны, рубит второго, того, который стрелял в лошадей. Янник бросил вожжи и спрыгнул прямо под коня третьего скоя'таэля. Эльф поднялся на стремях и рубанул его мечом. Краснолюд упал. В тот же момент пылающий воз врезался между бьющимися противниками, разбросал их по сторонам. Цири в последний момент ухитрилась оттащить Трисс из-под копыт взбесившихся лошадей. С треском вырвалась вага, фургон подскочил, потерял колесо и перевернулся, раскидывая груз и тлеющие доски.

Цири подтащила чародейку к перевернутому возу Ярпена. Ей помог Паулье Дальберг, который вдруг оказался рядом, и обоих прикрыл Геральт, вогнав Плотву между ними и нападающими скоя'таэлями. Вокруг телеги закипел бой. Цири слышала удары клинков, крики, храп лошадей, стук копыт. Ярпен, Венцк и Геральт, окруженные эльфами со всех сторон, бились как ошалевшие черти.

Неожиданно дерущихся раскидала упряжка Регана, борющегося на козлах с толстым низушкой в кафтане из рысьего меха. Низушек сидел на Регане и пытался заколоть его длинным ножом.

Ярпен ловко заскочил на телегу, схватил низушка за шею и пинком выкинул за обрешетку. Реган пронзительно взвизгнул, схватил вожжи, хлестнул коней. Упряжка рванулась, телега покатилась, мгновенно набирая скорость.

– Кругом, Реган! – закричал Ярпен. – Кругом! Вокруг!

Телега вывернулась и снова ринулась на эльфов, раскидывая их.

Один подскочил, схватил правую пристяжную за удила, но не сумел удержать, инерция кинула его под копыта и колеса. Цири услышала ужасающий крик.

Второй эльф, скакавший рядом, наотмашь рубанул мечом. Ярпен уклонился, оружие звякнуло по поддерживающему полотно фургона обручу, инерция занесла эльфа вперед. Краснолюд вдруг сгорбился, резко махнул рукой. Скоя'таэль взвизгнул, напряжился в седле и тут же рухнул на землю. Между лопатками у него засел чекан.

– Ну давайте, сукины дети!!! – рычал Ярпен, крутя топором мельницу. – Который еще? Гони в круг, Реган! В круг!

Реган, тряся окровавленным чубом, ссутулившись на козлах под свист стрел, выл как сумасшедший и безжалостно стегал лошадей. Упряжка мчалась по тесному кругу, создавая подвижную, пылающую огнем и полыхающую дымом преграду вокруг перевернутой фуры, под которую Цири затащила почти потерявшую сознание чародейку.

Неподалеку от них плясал конь Венцка, мышино-серый жеребец. Венцк горбился, Цири видела белые перья стрелы, торчащей у него в боку. Несмотря на рану, он ловко защищался от двух пеших эльфов, нападающих на него с обеих сторон. На глазах у Цири вторая стрела угодила ему в спину. Комиссар рухнул грудью на лошадь, но удержался в седле. Паулье Дальберг бросился ему на выручку.

Цири осталась одна.

Схватила за меч. Клинок, который во время тренировок молниеносно выскакивал из-за спины, сейчас ни за что не хотел вылезать, сопротивлялся, увязал в ножнах, как в смоле. В кипящем водовороте тел, в мелькании оружия, которое прямо-таки расплывалось в глазах, ее меч выглядел неестественно и чуждо медлительным, казалось, пройдут столетия, прежде чем он выйдет из ножен полностью. Земля тряслась и гудела. Цири вдруг поняла, что дрожит не земля, а ее собственные колени.

Паулье Дальберг, угрожая топором наседающему на него эльфу, тащил по земле раненого Венца. Рядом с возом пронеслась Плотва, на эльфа налетел Геральт. Он где-то потерял повязку, белые волосы развевались, как на ветру. Лязгнули мечи.

Другой ская'таэль, пеший, выскочил из-за воза. Паулье бросил Венца, выпрямился, закрутил топором. И замер.

Перед ним стоял краснолюд в шапке, украшенной беличьим хвостом, с черной бородой, заплетенной в две косы. Паулье заколебался.

Но чернобородый не задумался ни на секунду. Ударил обеими руками. Острие топора свистнуло и врезалось Паулье в ключицу с отвратительным хрустом. Паулье упал, не произнеся ни звука, моментально. Все выглядело так, словно сила удара переломила под ним колени.

Цири заорала.

Ярпен Зигрин соскочил с воза. Чернобородый краснолюд закружился, ударил. Ярпен ушел от удара ловким полуоборотом, гакнул страшно, хватанул снизу, разрубая черную бороду, гортань, челюсть и лицо – до самого носа. Ская'таэль выгнулся и рухнул навзничь, истекая кровью, колотя руками и раздирая каблуками землю.

– Геральт!!! – крикнула Цири, чувствуя за спиной движение. Чувствуя за спиной смерть.

Это была нечеткая, пойманная во вращении фигура. Фигура и блеск, но девочка отреагировала мгновенно, косым выпадом и финтом, которым научилась в Каэр Морхене. Парировала удар, но стояла слишком нетвердо, чересчур наклонившись набок, чтобы набрать инерции. Сила удара кинула ее на корпус воза. Меч выскользнул из руки.

Стоявшая перед ней красивая длинноногая эльфка в высоких сапогах жестоко скривилась, подняла меч, тряхнула волосами, рассыпавшимися из-под откинутого капюшона. Меч ослепительно сверкнул, загорелись браслеты на запястьях «белки».

Цири не могла пошевелиться.

Но меч не упал, не ударил. Потому что эльфка смотрела не на нее, а на белую розу, приколотую к курточке.

– Аэлирэнн! – крикнула «белка» – громко, так, словно криком своим хотела перебороть колебания. Но не успела. Геральт, оттолкнув Цири, широко хлестнул эльфку мечом по груди. Кровь брызнула на лицо и одежду, красные пятна покрыли белые лепестки розы.

– Аэлирэнн... – душераздирающе крикнула эльфка, опускаясь на колени. Прежде чем упасть, она успела крикнуть еще раз. Громко, протяжно, отчаянно: – Шаэrrpавеееддд!

Реальность возникла так же неожиданно, как и исчезла. Сквозь заполняющий уши монотонный глухой шум Цири стала различать голоса. Через мерцающий и мокрый занавес слез пробились контуры живых и убитых.

– Цири, – шепнул стоявший рядом на коленях Геральт. – Очнись.

– Бой... – простонала она, садясь. – Геральт, что...

– Все кончилось. Помогли солдаты из Бен Глеана.

– Ты не был... – шепнула она, закрывая глаза, – не был нейтральным...

– Не был. А ты жива и Трисс тоже.

– Что с ней?

– Ударилась головой, упав с телеги, которую Ярпен пытался сохранить. Но она уже в норме. Лечит раненых.

Цири осмотрелась. В дыму догорающих фур мелькали силуэты вооруженных людей. Кругом валялись ящики и бочки. Часть разбилась, и их содержимое рассыпалось. Обычные булжники. Девочка изумленно взглянула на них.

– Помощь Демавенду из Аэдирна, – скрежетнул зубами стоявший рядом Ярпен Зигрин. – Секретная и невероятно важная помощь. Обоз спецназначения.

– Это была ловушка?

Краснолюд обернулся, взглянул на нее, на Геральта. Потом снова глянул на вывалившиеся из бочек камни, сплюнул.

– Ага. Ловушка.

– На «белок»?

– Нет.

Убитых сложили в рядок. Они лежали бок о бок – эльфы, люди и краснолюды. Был среди них и Янник Брасс. Была темноволосая эльфка в высоких сапогах. И краснолюд с черной, блестящей от запекшейся крови бородой, заплетенной в косички. А рядом с ними...

– Паулье! – рыдал Реган Дальберг, держа на коленях голову брата. – Паулье! Зачем?

Все молчали. Даже те, кто знал зачем. Реган повернул к ним искаженное болью, все в слезах лицо.

– Что я скажу матери? – простонал он. – Что я ей скажу?

Все молчали.

Неподалеку, окруженный солдатами в черно-золотых цветах Каэдвена, лежал Венцк. Он тяжело дышал, и при каждом выдохе на его губах вздувались кровавые пузыри. Рядом стояла на коленях Трисс, над ними – рыцарь в блестящих латах.

– Ну как? – спросил рыцарь. – Госпожа чародейка? Он выживет?

– Я сделала все, что могла. – Трисс встала, сжала губы. – Но...

– Что?

– Они пользовались вот этим. – Она показала стрелу со странным наконечником и ударила ею по стоящей бочке. Кончик стрелы разделился, расщепился на четыре шипастые

крючковатые иглы. Рыцарь выругался.

– Фредэгард... – с трудом проговорил Венцк. – Послушай, Фредэгард...

– Тебе нельзя говорить, – резко сказала Трисс. – И шевелиться! Заклинание едва держит!

– Фредэгард, – повторил комиссар. Кровавый пузырь у него на губах лопнул, на его месте тут же образовался новый. – Мы ошибались... Все мы ошибались. Это не Ярпен... Мы несправедливо подозревали... Я ручаюсь за него. Ярпен не предал... Не пре...

– Молчи! – крикнул рыцарь. – Молчи, Вильфрид! Эй, быстро, давайте сюда носилки! Носилки!

– Уже не надо, – глухо проговорила чародейка, глядя на губы Венцка, на которых больше не вздувались пузыри. Цири отвернувшись. Прижалась лицом к Геральту.

Фредэгард выпрямился. Ярпен Зигрин не смотрел на него. Он смотрел на убитых. На Регана Дальберга, по-прежнему стоявшего на коленях возле брата.

– Это было необходимо, господин Зигрин, – сказал рыцарь. – Война. Был приказ. Нам надо было убедиться...

Ярпен молчал.

– Простите, – шепнул рыцарь и опустил глаза.

Краснолюд медленно повернул голову, взглянул на него. На Геральта. На Цири. На всех. Людей.

– Что вы с нами сделали? – проговорил он с горечью в голосе. – Что вы сделали с нами? Что вы сделали... из нас?

Никто не ответил.

Глаза длинноногой эльфки были стеклянными и матовыми. На ее искривленных губах застыл крик.

Геральт обнял Цири. Медленно отколол от ее курточки белую, покрытую темными пятнышками крови розу, молча бросил цветок на тело «белки».

– Прощай, – шепнула Цири. – Прощай, Роза из Шаэрраведда. Прощай и...

– Прости нас, – закончил Геральт.

Глава пятая

Оне валандаются по стране, нахальные и наглые, сами себя зла истребителями, оборотней уничтожителями и упырей отравителями именующие, выманивают у легковверных плату, а приработав так, двигаются даде, дабы в ближайшем городе таковое жульничество вновь свершить. Легче всего проникают оне в хаты честного, простого и не отдающего себе в том отчета хозяина, кой все злключения и злсчастия запросто приписывает чарам, противуестественным творениям и мерзопакостным чудовищам, действиям облачников альбо злых духов. Заместо того чтобы богам молиться, в храм богатое подношение занести, простак сей грязному ведьмаку готов шелонг последний отдать, веря, что ведьмак, этот выродок безбожный, сумеет долю его уллучшить и несчастья отвратить. АнонимМонструм, или

Не имею ничего против ведьмаков. Пусть их охотятся на вампиров. Платили бы только подати. Родовид III Смелый, король Редании

Жаждешь справедливости – найми ведьмака. Граффити на стене Кафедры Права Оксенфуртского университета

– Ты что-то сказал?

Мальчик шмыгнул носом и сдвинул со лба слишком большую для него бархатную шапочку с фазаньим пером, лихо свисающим сбоку.

– Ты рыцарь? – снова повторил он, глядя на Геральта голубыми, как синька, глазами.

– Нет, – ответил ведьмак, удивленный тем, что ему вообще хочется отвечать. – Не рыцарь.

– Но у тебя меч! Мой папка – рыцарь короля Фольтеста. У него тоже есть меч. Побольше твоего.

Геральт оперся локтями о релинг и сплюнул в воду, пенящуюся за кормой барки.

– Ты носишь на спине, – не отставал малец. Шапочка снова сползла ему на глаза.

– Что?

– Ну, меч. На спине. Почему у тебя на спине меч?

– Потому что весло сперли.

Мальчишка раскрыл рот, дав возможность всем налюбоваться роскошными дырками на месте выпавших молочных зубов.

– Отойди от борта, – сказал ведьмак. – И закрой рот, не то муха влетит.

Мальчик раскрыл рот еще шире.

– Седой, а глупый, – буркнула мать мальчика, богато одетая матрона, оттаскивая малыша за бобровый воротник плаща. – Иди сюда, Эверетт! Сколько раз можно повторять – не якшайся с простолюдинами.

Геральт вздохнул, глядя, как из утреннего тумана vyplывают очертания островов и кустарников. Барка, неуклюжая, как черепаха, тащилась в свойственном ей, то есть – черепашьем, темпе, продиктованном ленивым течением Дельты. Пассажиры, в основном купцы и кметы, дремали на своем багаже. Ведьмак снова развернул свиток и углубился в письмо Цири.

...я сплю в Большой зале, которая называется «спальня», а кровать у меня, понимаешь, ужасненько Большая. Я сплю со Средними Девочками, нас тут двенадцать, но я больше всего дружу с Эурнэйд, Катье и Иолей Второй. Сегодня, например, Ела Суп, а хуже всего, что иногда надо Поститься и вставать рано-рано, на самом раннем Рассвете. Раньше, чем в Каэр Морхене. Остальное напишу завтра, потому как сейчас у нас будут Моления. В Каэр Морхене

никто никогда не молился, интересно, чего это тут надо? Наверно, потому что это Храм.

Геральт, мать Нэннеке прочитала и велела не писать Глупостей и чтобы еще и без ошибок. И чему учусь, и что чувствую себя хорошо, и что здорова. Геральт, я чувствую себя хорошо, и я здорова, только, понимаешь, Есть хочу, но скоро Обед. И еще мать Нэннеке велела написать, что Молитва еще никому не навредила, ни мне, ни тебе, это уж Точно.

Геральт, у меня снова есть свободное время, поэтому напишу, что учу. Читать и писать правильные Руны. Историю. Природу. Поэзию и Прозу. Правильно разговаривать на всеобщем Языке и на Старшей Речи. Я лучше всех по Старшей Речи, умею даже писать Старшие Руны. Я напишу тебе что-нибудь, сам увидишь. Elaine blath Feainnewedd, что значит «Прекрасный Цветочек, дитя Солнца». Теперь видишь, что умею. И еще...

Ну вот, теперь снова могу писать, потому что нашла новое перо, а то старое сломалось. Мать Нэннеке прочитала и похвалила меня, что правильно. И велела написать, что я послушная и чтобы ты не волновался. Не волнуйся, Геральт.

У меня снова есть время, так пишу, что случилось. Когда мы кормили индюшей, я и Июля, и Катье, то Один Большой Индюш ка-а-ак нападет на нас, шея у него краснющая, и был он Ужасненько Страшный. Сначала напал на Июлю, а потом хотел напасть на меня, но я не испугалась, потому что он был все равно меньше и не такой быстрый, как Маятник. Я сделала финт и пируэт и хлестнула его два раза прутом, так что Он сбежал. Мать Нэннеке не позволяет мне тут носить Мой Меч, жаль, а то я бы тому Индюшу показала, чему научилась в Казр Морхене. Я уже знаю, что правильно Старшими Рунами надо писать Caer a'Muirehen, что значит Крепость Старого Моря. Или Замок. Верно, потому там везде Ракушки и Улитки, а также Рыбы, оттиснутые на камнях. А «Цинтра» правильно пишется Xin'trea. А мое имя происходит от Zireael, потому что это значит «Ласточка», а это значит, что...

– Читаете?

– Читаю. – Он поднял голову. – А что? Случилось что-то? Кто-то что-то заметил?

– Да нет, ничего, – ответил шкипер, вытирая руки о кожаный кафтан. – На воде покой. Но ведь туман, мы уже близко от Журавлиной Кущи.

– Знаю. Шестой раз плыву туда, Гладыш, да пять раз – обратно. Успел познакомиться с трассой. Глаза открыты, не бойся.

Шкипер кивнул, отошел к носу, перешагивая через громоздящиеся всюду тюки и кули пассажиров. Сбившиеся в середине палубы лошади фыркали и били подковами о доски палубы. Барка, пропахивая носом поля кувшинок, шла по фарватеру в плотном тумане, разводя на стороны заросли. Геральт снова взялся за письмо.

...у меня эльфовское имя. Но я же не эльфка. Геральт, тут у нас тоже говорят о «белках». Иногда даже солдаты приезжают и выпытывают и говорят, что раненых эльфов нельзя лечить. Я ни словечка не пискнула о том, что было весной, не бойся. И о том, чтобы тренироваться, тоже Помню, не думай. Хожу в парк и тренируюсь, когда есть время. Но не всегда, потому что надо на кухне работать и в Саду, как всем девочкам. Да и учебы тоже Ужасненько много. Но это ничего, буду учиться. Ты ведь тоже учился в Храме, мне об этом сказала мать Нэннеке. И еще сказала, что Мечом размахивать может каждый Дурак. Для этого Ума не надо, а ведьмачка должна быть умной.

Геральт, ты обещал приехать. Приезжай.

Твоя Цири

PS. Приезжай, приезжай же.

PS2. Мать Нэннеке велела написать тебе в конце.

Хвала Великой Мелитэле, да будет с тобой вечно ее благословение. И чтобы с тобой ничего не случилось.

Цири

«Поехал бы я в Элландер, – подумал он, пряча письмо. – Но это опасно. Могу навести их на след... Да и с письмами тоже пора кончать. Нэннеке пользуется жреческой почтой. Однако... Нет, черт побери, слишком рискованно».

– Хм... Хм...

– Что там еще, Гладыш? Журавлиную Кущу уже прошли.

– И хвала богам, без приключений, – вздохнул шкипер. – Да, милсдарь Геральт, снова, похоже, спокойный будет рейс. Туман вот-вот подымется, а как солнце выглянет, тут и страхам конец. Чудище при солнце не вынырнет.

– Буду только рад.

– Я думаю, – криво усмехнулся Гладыш. – Компания платит вам за рейс. Случись чего аль нет – мощна пополняется. Верно?

– Будто не знаешь? Неужто завидки берут? Мол, зарабатываю, опершись о борт и любуясь чайками? А тебе за что платят? За то же самое. За то, что валандаешься по палубе. Ежели все идет гладко, так тебе делать нечего, шмонаешься от носа до кормы, лыбишься пассажиркам или пробуешь расколоть купцов на стакашек. Меня тоже наняли, чтобы был на палубе. На всякий случай. Безопасная переправа, потому что ведьмак в охране. Расходы на ведьмака включены в стоимость провоза, так?

– Оно, конечно, правда, – вздохнул шкипер. – Компания не внакладе. Я-то их хорошо знаю. Плаваю по Дельте пятый год, от Пены до Новиграда, от Новиграда до Пены. Ну, за дело, милсдарь ведьмак. Вы опирайтесь о борт, я пойду пройду до кормы.

Туман немного поредел. Геральт вынул из сумки второе письмо, которое недавно доставил странный посланец. Читал он это письмо уже раз тридцать. От письма шел аромат сирени и крыжовника.

Дорогой друг...

Ведьмак тихо выругался, глядя на четкие, ровные, угловатые, вычерченные энергичным движением пера руны, однозначно отражающие настроение автора. Геральту – уже в тридцать первый раз – непреодолимо захотелось укунить себя со злости в зад. Когда месяц назад он писал чародейке, то две ночи кряду размышлял, как начать письмо. Наконец остановился на «Дорогой подруге». И теперь получил свое.

Дорогой друг, меня чудовищно обрадовало твое нежданное письмо, полученное всего лишь через неполных три года после нашей последней встречи. Радость моя была тем безмернее, что на каждом углу трепачи гудели о твоей неожиданной и бравурной смерти. Ты правильно поступил, решив опровергнуть сплетни, хорошо также, что сделал это так скоро. Из твоего письма следует, что ты вел жизнь спокойную, размеренную, роскошно нудную и лишенную каких бы то ни было событий. В нынешние времена такая жизнь – недопустимый шик, дорогой друг, и я рада, что тебе это удалось.

Меня тронула твоя неожиданная забота о моем здоровье, которую ты, дорогой друг, соизволил проявить. Спешу известить, что я действительно чувствую себя уже хорошо, период недомогания позади, я разделалась с хлопотами, описанием которых не хочу тебя утруждать.

Меня сильно волнует и беспокоит, что подарок, нежданно-негаданно полученный от Судьбы, доставляет тебе столько хлопот. Ты абсолютно прав, предположив, что здесь необходима профессиональная помощь. Хотя описание трудностей, с которыми ты столкнулся, выглядит довольно загадочно, что вполне понятно, тем не менее я убеждена, что знаю источник проблемы. И согласна с тем, что совершенно необходимо вмешательство еще одной чародейки. Я горжусь тем, что оказалась именно второй из тех, к которым ты обращаешься. И чем же я заслужила столь высокое положение в списке?

Будь спокоен, дорогой друг, а если ты уже собрался обратиться за помощью к другим чародейкам, не делай этого, ибо нет нужды. Я отправлюсь незамедлительно, еду прямо к тому месту, которое ты указал несколько туманно, но для меня понятно. Естественно, я отправлюсь тайно и с соблюдением всех предосторожностей. На месте сориентируюсь в сути вопроса и сделаю все, что в моих силах, чтобы усмирить вышедший из берегов источник. Ты понимаешь, о чем я. При этом постараюсь оказаться не хуже иных дам, к которым ты уже обращался, обращаешься либо намерен был обратиться с «покорными просьбами». Как-никак я ведь твоя дорогая подруга. Мне слишком дорога твоя дорогая дружба, чтобы я решилась подвести тебя, дорогой друг. Ибо это может дорого обойтись всем нам.

Если в течение ближайших нескольких лет ты пожелаешь написать мне, не колеблись ни минуты. Письмам твоим я неизменно рада.

Твоя дорогая подруга Йеннифэр

Письмо пахло сиренью и крыжовником.

Геральт чертыхнулся.

Из задумчивости его вырвало неожиданное движение на палубе и покачивание барки, говорящее о смене курса. Часть пассажиров облепила правый борт. Шкипер Гладыш выкрикивал с носа команды, барка медленно и неохотно сходила с фарватера, уступая дорогу двум выплывающим из тумана судам. Ведьмак взглянул на них с интересом.

Первым шел большой, не меньше семидесяти сажен, трехмачтовый галеас, над которым развевался амарантовый флаг с серебряным орлом. За ним ритмично двигалась небольшая стройная сорокавесельная галера, украшенная красно-золотым шевроном на черном поле стяга.

— А ведь хороши, дьяволы? — сказал Гладыш, подходя к ведьмаку. — Реку пашут, аж волна кипит.

— Интересно, — буркнул Геральт. — Галеас идет под реданским флагом, а галера — из Аэдирна.

— Точно, из Аэдирна, — подтвердил шкипер. — И несет вымпелы наместника в Хагге. Но заметьте, оба судна килевые, почти две сажени погружения. Значит, плывут они не до самой Хагги, потому что через пороги и мели в верховьях реки им не пройти. Плывут в Пену или до Белого Моста. А гляньте-ка, на борту полно солдат. Это не купцы, это военные суда, милсдарь Геральт.

— На галеасе идет кто-то важный. Раскинули на палубе шатер.

– Ну да, ныне так вельможи путешествуют, – кивнул Гладыш, ковыряя в зубах щепочкой, оторванной от борта. – Рекой оно безопасней. По лесам бригады эльфов валандаются, никогда не знаешь, из-за какого дерева полетит стрела. А на воде не страшно. Эльф – что твой кот, воды не любит. Предпочитает в зарослях отсиживаться...

– Кто-то действительно важный. Шатер богатый.

– Запросто может быть. А вдруг да сам король Визимир осчастливил реку? Разный народ теперь путешествует... А коль уж мы об этом заговорили, вы просили в Пене, чтобы я понюхал, не любопытствует ли кто о вас, не расспрашивает ли. Так вот, вон того недотепу видите?

– Не тычь пальцем, Гладыш. Кто таков?

– Я знаю? Сами спросите, ведь к вам идет. Гляньте-ка, как раскачивается! А вода – само зеркало, зараза, чуть рябь пойдет, он точно на карачки встанет, растяпа.

Растяпой оказался невысокий худощавый мужчина неопределенного возраста в шерстяном просторном костюме и не очень чистом плаще, скотом круглой латунной брошью. Шпильку броши, по-видимому, потерянную, заменял кривой гвоздь с расклепанной шляпкой. Мужчина подошел, кашлянул, прищурил близорукие глаза.

– Хм... Имею ли я удовольствие лицезреть господина Геральта из Ривии, ведьмака?

– Да, глубокоуважаемый. Имеете.

– Разрешите представиться: Линус Питт, магистр бакалавр, преподаватель естественной истории в оксенфуртской академии.

– Чрезвычайно приятно.

– Хм. Мне сказали, что вы, милсдарь, по заданию Компании Малатиуса и Грока охраняете перевозки. Якобы из-за опасности нападения какого-то монстра. Меня интересует, о каком именно монстре может идти речь?

– Меня и самого это интересует. – Ведьмак оперся о борт, глядя на маячащие в тумане темные очертания прибрежных заливных лугов на темерской стороне. – И я прихожу к выводу, что наняли меня скорее на случай нападения бригады скоя'тазлей, которые вроде бы шатаются поблизости. Я, понимаете, плаваю между Пеной и Новиградом уже шестой раз, а жагница не появилась ни разу.

– Жагница? Какое-то местное название. Желательно пользоваться научной терминологией. Хм... Жагница... Нет, не знаю, какой именно вид, простите за случайный каламбур, вы имеете в виду...

– Я имею в виду шершавое чудище длиной в две сажени, напоминающее обросший водорослями пень с десятью лапами и челюстями словно пилы.

– Описание оставляет желать лучшего с точки зрения научной точности. Может быть, какой-либо вид из семейства Nyphyridae?

– Не исключаю, – вздохнул Геральт. – Жагница, насколько мне известно, входит в исключительно паршивую семейку, причем ни одно название для этой семейки не может быть слишком обидным. Дело в том, уважаемый бакалавр, что, кажется, один из членов этого преотвратного семейства две недели назад напал на барку Компании. Здесь, в Дельте, неподалеку от места, в котором мы сейчас находимся.

– Кто так говорит, – скрипуче засмеялся Линус Питт, – тот лжец либо невежа. В смысле – невежда. Ничего подобного произойти не могло. Я прекрасно знаю фауну Дельты. Семейство Nuphydridae вообще здесь не наблюдалось. И ни одна другая, столь же опасная хищная разновидность. Значительное осолонение и нетипичный химический состав воды, особенно во время прилива...

– Во время прилива, – прервал Геральт, – после того как вода пройдет через каналы Новиграда, в Дельте вообще не остается воды в научном смысле слова. А наблюдается некая субстанция, состоящая из отходов, обмылков, жира и дохлых крыс.

– Увы, увы, – погрузился магистр бакалавр. – Деградация среды... Вы не поверите, но из почти двух тысяч видов рыб, которые обитали в этой реке еще пятьдесят лет назад, осталось не больше девяти сот. Это невероятно печально.

Оба оперлись о релинг и молча глядели на зеленую мутную тень. Прилив уже начинался, и вода воняла все сильнее. Появились первые дохлые крысы.

– Полностью вымер белокаменник белоплавниковый, – прервал молчание Линус Питт. – Исчезли кефаль, змееглаз, султанохвостка, полосатый выюн, марена, пескарь длинногубый, зубатка королевская...

Сажень в десяти от борта вода забурлила. На мгновение появился более чем двадцатифунтовый экземпляр зубатки королевской, которая заглотала дохлую крысу и скрылась в глубине, изящно махнув хвостовыми плавниками.

– Что это было? – вздрогнул магистр.

– Не знаю. – Геральт глянул на небо. – Не пингвин ли?

Ученый покосился на него, стиснув зубы.

– Уж наверняка не ваша легендарная жагница! Мне говорили, якобы ведьмаки слывут серьезными знатоками некоторых редких видов. А вы мало того что повторяете сплетни и сказки, так еще и пытаетесь вульгарно насмехаться надо мной... Вы вообще-то меня слушаете?

– Туман не поднимется, – тихо сказал Геральт.

– Э?

– Ветер слишком слаб. Когда мы войдем в рукава между островами, он еще больше послабеет. Мгла продержится до самого Новиграда.

– Я плыву не в Новиград, а в Оксенфурт, – сухо известил Питт. – А туман? Не настолько уж он плотен, чтобы прикрыть навигацию, как вы думаете?

Мальчонка в шапочке с пером пробежал мимо них, сильно высунулся, пытаясь прутиком подцепить бьющуюся о борт крысу. Геральт подошел, вырвал у него прутик.

– Пшел отсюда! Не подходи к борту!

– Ма-а-а-а-а!

– Эверетт! Сейчас же ко мне!

Магистр бакалавр выпрямился, проницательно глянул на ведьмака.

– Вы, похоже, действительно верите, что нам что-то угрожает?

– Господин Питт, – сказал Геральт как можно спокойнее. – Две недели назад что-то стащило двух человек с палубы одной из барок Компании. В тумане. Не знаю, что это было. Может, как раз ваша гифрида или как ее там. Может, пескарь длинноусый. Но я думаю, жагница.

Ученый надулся.

– Предположения, – менторским тоном заметил он, – должны зиждиться на солидном научном фундаменте, а не на болтовне и сплетнях. Я же говорю, гифрида, которую вы упорно именуете жагницей, в водах Дельты не наблюдается. Она была уничтожена добрых полвека назад, в частности, благодаря деятельности вам подобных персон, готовых незамедлительно убивать все, что уродливо выглядит, не размышляя, без исследований, без наблюдений, не думая об экологической нише.

Геральту вдруг захотелось честно ответить, что он думает о жагнице и ее экологической нише, но он раздумал, а вместо этого спокойно сказал:

– Господин бакалавр. Одной из тех, кого утащили с палубы, была молодая беременная женщина. Она хотела охладить в воде опухшие ноги. Теоретически рассуждая, ее ребенок когда-нибудь мог бы стать ректором вашего многоуважаемого учебного заведения. Что вы скажете о таком подходе к экологии?

– Антинаучный, эмоциональный и субъективный подход. Природа руководствуется собственными законами, и хоть законы сии жестоки и бескомпромиссны, исправлять их не следует. Это борьба за существование! – Магистр перегнулся через релинг и сплюнул в воду. – А уничтожение видов, даже хищных, оправдать нельзя ничем. Что скажете?

– Скажу, что высовываться опасно. Неподалеку может оказаться жагница. Хотите на собственном опыте проверить, каким образом жагница борется за существование?

Линус Питт отпустил релинг и быстро отскочил. Слегка побледнел, но самообладание тут же вернулось к нему. Он снова надул губы.

– Надо думать, вы много знаете об этих фантастических жагницах, милсдарь ведьмак?

– Несомненно, меньше, чем вы. А не воспользоваться ли нам оказией? Просветите меня малость, господин бакалавр, сообщите немного сведений о водных хищниках. Охотно послушаю, не так будет тянуться путешествие.

– Смеетесь?

– Ни в коем разе. Я действительно хотел бы заполнить пробелы в образовании.

– Хм... Если действительно... Почему бы и нет. Тогда послушайте. Семейство Hyphydridae, входящее в отряд Amphipoda, или обоеногих, охватывает четыре известных науке вида. Два из них живут исключительно в тропических водах. В нашей климатической зоне встречается, в настоящее время довольно редко, лишь небольшая *Hyphydra longicauda*, а также достигающая нескольких больших размеров *Hyphydra marginata*. Обителю обоих видов являются стоячие либо медленнотекущие воды. Это действительно хищные виды, использующие в качестве пищи теплокровных существ... Хотите что-либо добавить?

– Пока нет. Слушаю затаив дыхание.

– М-да... В книгах можно найти упоминание о подвиде *Pseudo-hyphydra*, живущем в болотистых водах Ангrena. Однако в последнее время ученый Бумблер из Альдерсберга доказал, что это совершенно самостоятельный вид из семейства Mordidae, иначе загрызцев. Представители этого вида питаются исключительно рыбами и малыми земноводными. Их называли *Ichtyovorax bumbleri*.

– Повезло же чуду, – усмехнулся ведьмак. – Уже в третий раз назвали.

– То есть?

– Существо, о котором вы говорите, это жряк, на Старшей Речи носящий название Cinerea. И если ученый Бумблер утверждает, будто жряк питается исключительно рыбами, то отсюда я могу сделать вывод, что этот ученый муж никогда не купался в озерке, в котором обитает жряк. Но в одном Бумблер прав: с жагницей у жряка столько же общего, сколько у меня с лисой. Оба любим курочек и уточек.

– Какая Cinerea?! – воскликнул бакалавр. – Cinerea – мифическое существо! Нет, меня искренне разочаровывает ваше неведение. Воистину я поражен...

– Знаю, – прервал Геральт. – Я многое теряю при ближайшем знакомстве. Тем не менее позволю себе сделать несколько замечаний к вашим теориям, глубокоуважаемый господин Питт. Так вот, жагницы всегда жили в Дельте и продолжают тут жить. Правда, было время, когда казалось, что они вымерли. Потому что они питались маленькими тюленями...

– Карликовыми морскими свиньями, обитающими в реках, – поправил магистр. – Не будьте невеждой. Не путайте тюленей с...

– ...питались морскими свиньями, а морских свиней истребили, так как они походили на тюленей и поставляли тюлений мех и жир. Позже в верховьях реки прорыли каналы, понастроили дамб и плотин. Течение ослабло, Дельта заилилась и заросла. А жагница мутировалась. Приспособилась.

– Не понял?

– Люди восстановили ее пищевую цепочку. Дали ей других теплокровных существ вместо морских свиней. По Дельте стали возить овец, крупный рогатый скот, свиней. Жагницы мгновенно сообразили, что любая плывущая по Дельте барка, баржа, плот или коменга – это одно огромное блюдо со жратвой.

– А мутация? Вы говорили о мутации?

– Это вот, выражаясь по-научному, жидкое дерьмо, – Геральт указал на зеленую воду, – кажется, жагнице по вкусу. Стимулирует рост. Эта стерва, похоже, может достигать таких размеров, что запросто стаскивает с плота корову. А уж стянуть с палубы человека – для нее пустяк. Особенно с палуб тех барок, которые Компания использует для перевозки пассажиров. Сами видите, как глубоко она сидит в воде.

Магистр бакалавр быстренько, насколько возможно и как того позволяли телеги и багаж, попятился от борта.

– Я слышал всплеск, – шепнул он, всматриваясь в туман между группами растительности. – Милсдарь ведьмак! Я слышал...

– Спокойнее. Кроме плеска, слышен еще и скрип весел в уключинах. Это таможенники с реданского берега. Увидите, сейчас они тут появятся и устроят такую бучу, какую не сумели бы сотворить три, а то и четыре жагницы.

Мимо пробежал Гладыш. Громко выругался, пытаясь не придавить мальчонку в шапочке с пером, который путался у него под ногами. Пассажиры и купцы, страшно взволнованные, шебуршили свое имущество и пытались спрятать контрабанду.

Немного погодя о борт стукнулась большая лодка, и на палубу барки прыгнули четверо юрких, злых и очень шумливых мужчин. Они сразу же взяли шкипера в кольцо и принялись

грозно кричать, пытаясь придать своим персонам и функциям видимость значительности, а затем активно накинута на багаж и имущество пассажиров.

– Досматривают еще до того, как мы причалили! – посетовал Гладыш, подходя к ведьмаку и маистру. – Противозаконно, разве нет? Ведь мы еще не на реданской земле. Редания на правом берегу в полуверсте отсюда!

– Нет, – возразил бакалавр. – Граница между Реданией и Темерией проходит по фарватеру Понтара.

– А как тут, мать его, этот фарватер найти? Это Дельта! Островки, заливные луга постоянно меняют положение, фарватер, что ни день, другой. Кара господня! Эй! Сукин кот, поставь на место багор, не то я тебе задницу надеру! Благородная госпожа! Глядите за ребенком! Кара господня!

– Эверетт! Брось, испачкаешься!

– Что в сундуке? – верещали таможенники. – Эй, развязывай тук. Это чья телега? Валюта есть? Есть, говорю, валюта? Темерские или нильфгаардские деньги?

– Вот так выглядит таможенная война, – прокомментировал кутерьму Линус Питт, делая умную мину. – Визимир заставил Новиград ввести у себя право склада. Фольтест из Темерии ответил реторсионным, то есть абсолютным, правом склада в Выземе и Горс Велене и тем самым здорово подсек реданских купцов. Тогда Визимир поднял пошлины на темерские изделия. Защищает, видите ли, реданское хозяйство. Темерию заполняют дешевые товары из нильфгаардских мануфактур, а ремесленникам конкуренции не выдержать.

– Короче говоря, – усмехнулся Геральт, – Нильфгаард товаром и золотом помаленьку подбирает под себя то, чего не смог взять оружием. Темерия не защищается? Фольтест не вводит блокады южных границ?

– А как? Товар идет через Махакам, через Бругге, через Вердэн, через порты Цидариса. Купцов интересует исключительно прибыль, а не политика. Если король Фольтест закроет границу, купеческие гильдии поднимут дикий крик...

– Валюта есть? – буркнул, подходя, заросший щетиной таможенник с кроваво-красными глазами. – Что-нибудь для досмотра?

– Я ученый!

– Да хоть князь! Спрашиваю: что ввозите?

– Оставь их, Боратек, – сказал начальник группы, высокий и плечистый таможенник с длинными усами. – Ведьмака не признал? Привет, Геральт. Это твой знакомый ученый? В Оксенфурт, стало быть? И без багажа?

– Верно. В Оксенфурт. И без багажа.

Таможенник вытащил из рукава огромный платок, протер лоб, усы и шею.

– Ну и как нынче, Геральт? Чудовище объявлялось?

– Нет. А ты, Ольсен, может, что видел?

– Мне глазеть недосуг. Я работаю.

– Мой папка, – встрял бесшумно подкраившийся Эверетт, – рыцарь короля Фольтеста! У него

усы еще длиннее! Во какие!

– Топай отсюда, молокосос, – шуганул его Ольсен и тяжело вздохнул. – Может, есть малость водки, Геральт?

– Нет.

– У меня есть, – удивил всех ученый муж из академии, вытаскивая из саквояжика плоский бурдючок.

– А у меня закусь, – похвалился Гладыш, появляясь как из-под земли. – Копченые налимы!

– А у моего папки...

– Брысь отседова, малек!

Уселись на бухтах канатов в тени одного из стоящих посередине палубы востов, поочередно прикладываясь к бурдючку и закусывая налимом. Ольсену пришлось их ненадолго покинуть, потому что разразился скандал. Купец-краснолюц из Махакама требовал сбавить пошлину, пытаясь убедить таможенников, что ввозимые им меха – это шкурки не чернобурых лисиц, а кошек. Исключительно крупных. Мать же юркого и прилипчивого Эверетта вообще не желала подвергаться досмотру, плаксиво ссылаясь на ранг мужа и привилегии, которые дает знатное происхождение.

Барка медленно двигалась по широкой протоке меж покрытых кустарником островов, волоча за собой по бортам косы кувшинок, водяных лилий и гореца. В камышах грозно гудели слепни и посвистывали морские черепахи. Цапли, застыв на одной ноге, со стоическим спокойствием глядели в воду, зная, что горячиться вовсе ни к чему – рано или поздно рыба подплывет сама.

– Итак, милсдарь Геральт, – бросил Гладыш, вылизывая налимом кожу. – Еще один спокойный рейс? Знаете, что я вам скажу? Это чудище – не дурак. Оно знает, что вы на него затаились. У нас в селе была, понимаешь, речка, выдра в ней проживала. На дворы прокрадывалась, курей душила. А такая была хитрющая, что никогда не залазила, ежели в дому был отец либо я с братьями. Только тогда появлялась, когда оставался дедок. Один-одинешенек. А дедуля наш, понимаешь, был маленько того, умишком слабоват, да и ноги у него паралич хлопнул. Выдра, песья мать, словно знала. Ну и однажды отец...

– Десять процентов *ad valorem*! – раскричался с середины палубы краснолюцкий купец, размахивая лисьей шкуркой. – Сколько положено и сверх того ни медяка не заплачу!

– Так конфискую все! – зло рявкнул Ольсен. – И новиградской страже сообщу, а уж тогда в кутузку пойдешь вместе с этим своим Адвалором! Боратек, забирай все до гроша! Эй, мне-то хоть оставили?

– Садись, Ольсен. – Геральт освободил место на канатах. – Нервная у тебя, погляжу, работенка.

– У меня она уже в печенках сидит. – Таможенник вздохнул, отхлебнул из бурдючка, вытер усы. – Брошу к чертовой матери, вернусь в Аэдирн. Я, потомственный венгербержец, потащился за сестрой и шурином в Реданию, а теперь возвращаюсь. Знаешь, Геральт, думаю записаться в армию. Король Демавенд вроде бы объявил набор в специальные войска. Полгода учебы в лагере, а уж потом пойдет деньга в три раза больше, чем я тут получаю, даже вместе со взятками. Пересолен твой налим.

– Слышал я о том специальном войске, – подтвердил Гладыш. – Это супротив «белок» задумано, потому как со скотоельскими бригадами легулярное войско не управляется.

Охотнее всего туда принимают, я слышал, полуэльфов. Но тот лагерь, где их воевать учат, это навроде, понимаешь, истинного пекла. Оттедова половина на половину выходят, одни на жалованье, другие на жалыник. Ногами вперед.

– Так надо, – сказал таможенник. – Специальные войска, шкипер, это тебе не хухры-мухры! Это не засратые щитоносцы, которым важно только знать, каким концом пика колет. Специальное войско должно уметь биться!

– Такой уж ты суровый вояка, Ольсен? А «белок» не боишься? Что тебе задницу стрелами утыкают?

– И-эх! Я небось тоже знаю, как тетиву натягивать. Уж воевал с Нильфгаардом, так что мне эльфы? Тьфу!

– Говорят, – вздрогнул Гладыш, – ежели кто живьем в руки попадет энтим скотоелям... Так лучше б ему не родиться. Замучают вусмерть.

– А, заткнись, шкипер. Плетешь, как баба какая, невесть чего. Война есть война. То ты врагу, то он тебе пинка под зад даст. Наши пойманных эльфов тоже не шибко жалуют.

– Тактика террора. – Линус Питт выкинул за борт голову и хребет налима. – Насилие порождает насилие. Ненависть поселилась в сердцах... и отравила кровь побратима...

– Чего-чего? – скривился Ольсен. – Балакайте по-людски...

– Тяжкие времена настали.

– Это уж точно, – подтвердил Гладыш. – Не иначе, понимаешь, большая война будет. Вороны каждый день густо по небу летают, похоже, падаль им уже видится. А прорицательница Итлима конец света предрекла. Белый, говорит, Свет придет, а за ним, понимаешь, Белый Хлад. Либо наоборот, забыл, как там было. А людишки треплются, мол, были уже знаки на небе...

– Ты лучше на фарватер гляди, шкипер, чем на небо-то зыриться, а то, глядь, на мели заползет твой корабль, не приведи господи. Ну, вот и Оксенфурт. Гляньте-ка, уже Бочку видно!

Туман явно поредел, так что стали видны на правом берегу поля и участок акведука.

– Это, милостивые государи, экспериментальная установка для очистки стоков, – похвалился магистр бакалавр, отказавшись от очередного глотка водки. – Великий прогресс науки, огромное достижение академии. Мы отремонтировали бывший эльфов акведук, каналы и отстойник, уже очищаем стоки со всего университета, городка, ближних сел и ферм. То, что вы называете Бочкой, и есть отстойник. Огромный успех науки...

– Головы ниже, головы... – бросил Ольсен, прячась за фальшбортом. – В прошлом годе, когда эта штуковина взорвалась, так говно занесло аж до Журавлиной Кущи.

Барка вошла в протоку между островами, приземистая башня и акведук скрылись в тумане. Все облегченно вздохнули.

– Ты плывешь по Оксенфуртскому рукаву, Гладыш? – спросил Ольсен.

– Сначала заверну в Грабовую Бухту. За рыботорговцами и купцами с темерской стороны.

– Хм, – почесал шею таможенник. – В бухту... Слушай-ка, Геральт, у тебя случайно нет ли каких конфликтов с темерцами?

– А что? Кто-то обо мне выпрашивал?

– В том-то и дело. Я, понимаешь, не забыл твоей просьбы вылавливать таких, что тобой любопытствуют. Так вот, испытывала о тебе темерская стража. Мне о том донесли темерские таможенники, у меня с ними дружба. Чем-то тут, Геральт, пахнет.

– От воды? – забеспокоился Линус Питт, оглянувшись на акведук и «колоссальный успех науки».

– От того говнюка? – ткнул Гладыш пальцем в Эверетта, постоянно вертевшегося поблизости.

– Я не о том, – поморщился таможенник. – Послушай, Геральт, темерские таможенники говорили, что стражники задавали странные вопросы. Они знают, что ты плаваешь на барках Малатиуса и Грока. Пытались, в одиночку ли. Не возишь ли с собой... А, черт, только не смейся! Их интересовала какая-то несовершеннолетняя девчонка, которую якобы выдвигали в твоём обществе.

Гладыш захохотал. Линус Питт глянул на ведьмака полным неприязни взглядом, каким и полагается смотреть на седовласых мужчин, заинтересовавших закон склонностью к несовершеннолетним девочкам.

– Поэтому, – откашлялся Ольсен, – таможенники посчитали, что скорее всего это частные сыщики. Личные счета, в которые кто-то впутывает стражу. Вроде бы... Ну, семья девчонки или жених. Ну, таможенники попробовали выяснить, кто за этим стоит. И выяснили... Какой-то дворянин вроде бы, языкастый, не бедный и не скупой, велящий именовать себя... Риенсом... или вроде того. На левой щеке у него красное пятно вроде ожога. Знаешь такого?

Геральт встал.

– Гладыш, я сойду в Грабовой Бухте.

– Чего это? А как же чудиче?

– Это ваши заботы.

– Кстати о заботах, – прервал Ольсен, – глянь-ка на правый борт. Легки на помине.

Из-за острова, из быстро поднимающегося тумана возник баркас, на мачте которого лениво трепыхался черный флаг, украшенный серебряными лилиями. Экипаж судна состоял из нескольких человек в островерхих шапках темерских стражников.

Геральт быстро схватился за сумку, вытащил оба письма – от Цири и от Йеннифэр. Скоренько порвал их на мелкие кусочки и выкинул в реку. Таможенник молча наблюдал за ним.

– Что ты творишь, позволь узнать?

– Не позволю. Гладыш, присмотри за моей лошастью.

– Ты хочешь... – поморщился Ольсен. – Ты намерен...

– Мое дело, что я намерен... Не вмешивайся, не то случится пограничный инцидент. Они плывут под темерским флагом.

– Трахал я их флаг. – Таможенник передвинул корд поудобнее, протер рукавом эмалированную пластинку на груди с изображением орла на красном поле. – Если я на

палубе и занят досмотром, значит, здесь Редания. Я не позволю...

– Ольсен, – схватил его за рукав ведьмак, – не вмешивайся, прошу тебя. Того, обожженного, на баркасе нет. А мне необходимо знать, кто он таков и чего хочет. Мне необходимо с ним встретиться.

– Хочешь, чтоб в колодки заковали? Не дури! Если это личные счета, месть по частному поручению, то сразу же за островом, на Глубине, полетишь за борт с якорем на шее. Встретишься с раками на дне!

– Это темерская стража, не бандиты!

– Да? Ты только глянь на их морды! Впрочем, я мигом узнаю, кто они такие в натуре. Увидишь.

Баркас быстро подошел и пристал к борту барки. Один из стражников бросил канат, другой зацепил релинг багром.

– Я шкипер! – Гладыш загородил дорогу трем запрыгнувшим на палубу людям. – Это судно Компании Малатиуса и Грока! В чем дело...

Один из людей, коренастый и лысый, бесцеремонно оттолкнул его рукой, толстой, как ветвь дуба.

– Некий Геральт, именуемый Геральтом из Ривии, – загремел он, измеряя шкипера взглядом.
– Есть таковой на борту?

– Нету.

– Это я. – Ведьмак переступил через сумки и тюки, подошел. – Это я Геральт, именуемый Геральтом. В чем дело?

– Именем закона вы арестованы. – Лысый окинул взглядом толпу пассажиров. – Где девчонка?

– Я один.

– Брешешь!

– Минутку, минутку. – Из-за спины ведьмака вышел Ольсен, положил руку ему на плечо. – Спокойнее, без крика. Опоздали, темерцы. Он уже арестован и тоже именем закона. Я схватил. За контрабанду. В соответствии с приказом забираю его в кордегардию в Оксенфурте.

– Вон как? – поморщился лысый. – А девчонка?

– Здесь нет и не было никакой девчонки.

Стражники растерянно переглянулись. Ольсен широко улыбнулся, подкрутил черные усы, фыркнул.

– Знаете, что мы сделаем? Плывите с нами до Оксенфурта. Мы с вами – люди простые, где уж нам разбираться в законах? А комендант оксенфуртской кордегардии – человек неглупый и бывалый, он нас рассудит. Ведь вы знаете нашего коменданта, а? Он, к примеру, вашего, из Бухты, прекрасно знает. Выложите ему ваше дело... Покажете приказ и печати... У вас же, как положено, есть приказ с печатями?

Лысый молчал, угрюмо глядя на таможенника. Наконец бросил:

– Нет у меня ни времени, ни желания плыть в Оксенфурт! Забираю пташку на наш берег, и вся недолга! Стран, Витек! А ну осмотрите барку! Отыщите девку, мигом!

– Тихо. Помаленьку. – Ольсен, не обращая внимания на крик, цедил слова медленно и четко. – Вы на реданской стороне Дельты, темерцы. Нет ли у вас чего для досмотра? Иль какой контрабанды? Сейчас проверим. Поищем. А чего найдем, так придется вам потопать в Оксенфурт. А мы, ежели хотим, завсегда чего-нито найдем. Парни! Ко мне!

– Мой папка, – неожиданно пропищал Эверетт, неведомо когда появившийся рядом с лысым, – рыцарь! У него нож еще побольше!

Лысый мгновенно хватил паренька за бобровый воротник, поднял над палубой, сорвал шапочку с перышком. Перехватил его в поясе рукой, приставил мальчонке к горлу охотничий нож.

– Назад! – рявкнул он. – Назад! Перережу глотку сопляку!!!

– Эвере-е-етт! – взывала матрона.

– Любопытные методы, – медленно проговорил ведьмак, – применяет темерская стража. Воистину настолько любопытные, что прямо-таки верить не хочется, что это действительно пограничная стража.

– Заткнись! – взвился лысый, тряся визжащего как поросенок Эверетта. – Стран, Витек, хватайте его! В пути и на баркас. А вы – назад! Где девчонка, спрашиваю? Давай ее сюда, а то прирежу говнюка!

– Давай режь, – процедил Ольсен, вытаскивая корд и подавая знак своим таможенникам. – Мой он, что ли? А когда уж прирежешь, поболтаем.

– Не лезь! – Геральт кинул меч на палубу, жестом удержал таможенников и матросов Гладыша. – Я твой, господин лжестражник. Отпусти ребенка.

– На баркас! – Лысый, не отпуская Эверетта, попятился к борту, ухватился за канат. – Витек, вяжи его! А вы все – назад! Если кто пошевелится, щенок сдохнет!

– Ты спятил, Геральт? – буркнул Ольсен.

– Не вмешивайся!

– Эвере-е-етт!

Темерский баркас вдруг покачнулся, отскочил от барки. Вода взбурлила, и из нее с громким плеском выскочили две длинные зеленые шершавые лапы, усеянные шипами, словно конечности богомола. Лапы схватили стражника с гарпуном и мгновенно утащили под воду. Лысый дико завыл, отпустил Эверетта и вцепился в канаты, свисающие с борта баркаса. Эверетт свалился в воду, которая уже успела покраснеть. Все – и на барке, и на баркасе – принялись кричать как сумасшедшие.

Геральт вырвался из рук пытавшихся связать его стражников. Одного ударил кулаком в подбородок и выкинул за борт. Второй замахнулся на него железным крюком, но обмяк в объятиях Ольсена. Под ребра ему по рукоять был всажен корд.

Ведьмак перемахнул через низкий релинг. Не успела еще густая от водорослей вода сомкнуться у него над головой, как он услышал крик Линуса Питта, преподавателя естественной истории в оксенфуртской академии, магистра бакалавра:

– Что это? Что за вид? Таких животных нет и быть не может!!!

Геральт нырнул у самого борта темерского баркаса, чудом избежав удара острой, которой его пытался ткнуть один из людей лысого. Стражник собрался было ударить снова, но свалился в воду со стрелой в горле. Геральт схватил упущенную острогу, оттолкнулся ногами от борта, кинулся в клубящуюся круговерть, с размаху ткнул во что-то, надеясь, что это не Эверетт.

– Невероятно! – слышал он крик бакалавра. – Такое животное существовать не может! Во всяком случае, не должно!

«Полностью согласен с последним утверждением», – подумал ведьмак, тыча острой в твердый, усеянный шипами панцирь жагницы. Труп темерского стражника бессильно подергивался в серповидных челюстях чудовища. Жагница резко взмахнула плоским хвостом, нырнула на дно, вздымая тучи ила.

Геральт услышал тонкий крик: Эверетт, колотя по воде руками, словно щенок лапами, ухватился за ноги лысого, пытающегося взобраться на баркас по свисающим с борта канатам. Канаты оборвались, стражник и мальчик, пуская пузыри, скрылись под водой. Геральт кинулся в их сторону, нырнул. То, что он почти тут же наткнулся пальцами на бобровый воротник мальчонки, было полнейшей случайностью. Ведьмак вырвал Эверетта из опутывающих его водорослей, вынырнул спиной вниз и, молотя ногами, подплыл к барке.

– Здесь, Геральт! Здесь! – слышал он перебивающие друг друга крики и рев. – Давай его! Канат! Хватай канат! Зара-а-аза! Канат! Геральт, острой! Мое ди-и-итя!!!

Кто-то вырвал мальчика у него из рук, поволок наверх. В тот же момент кто-то другой ухватил его сзади, саданул по затылку, накрыл собой и толкнул под воду. Геральт упустил острогу, развернулся, вцепился нападающему в пояс. Второй рукой хотел ухватить за волосы, но из этого ничего не получилось. Человек был тот самый – лысый.

Оба вынырнули. Только на мгновение. Темерский баркас уже немного отошел от барки. Сцепившиеся в схватке Геральт и лысый оказались посередине. Лысый схватил ведьмака за горло, тот сунул ему большой палец в глаз. Стражник завыл, отпустил его, отплыл. Геральт не мог отплыть, что-то держало его за ногу и тянуло вниз. Рядом пробкой выскочила в воздух половина тела. Он уже знал, что его держит, разъяснения Линуса Питта, орущего с борта барки, ему были ни к чему.

– Это членистоногое! Отряд Amphipoda! Класс крупножвальчатые!

Геральт яростно заколотил руками по воде, пытаясь вырвать ногу из клещей жагницы, тащивших его к мерно щелкающим жвалам. Магистр бакалавр снова оказался прав. Жвалы были немалые.

– Хватай канат! – кричал Ольсен. – Канат хватай!

Над ухом ведьмака просвистела острога, с треском врезалась в вынырнувший, обросший водорослями и ракушками панцирь чудовища. Геральт ухватился за древко, надавил, сильно оттолкнулся, поджал свободную ногу и с размаху ударил по жагнице. Вырвался из ее шипастых лап, оставив в них башмак, большую часть брюк и немало кожи. В воздухе, в основном мимо цели, засвистели новые остроги и гарпуны. Жагница убрала лапы, махнула хвостом, грациозно нырнула в зеленую глубину.

Геральт ухватился за канат, который свалился ему прямо на лицо. Багор, болезненно поранив бок, подцепил его за пояс. Он почувствовал рывок, поехал вверх, подхваченный множеством рук, перевалился через релинг и рухнул на доски палубы, истекая водой, илом и

кровью. Рядом толпились пассажиры, экипаж барки и таможенники. Краснолюд, везший меха «особо крупных чернобурых кошек», и Ольсен стреляли из луков, перегнувшись через фальшборт. Эверетт, мокрый и зеленый от водорослей, стучал зубами в объятиях матери, ревел и объяснял всем, что он не хотел.

– Милсдарь Геральт! – кричал у него над ухом Гладыш. – Вы живы?

– Черт побери... – Ведьмак выплюнул водоросли. – Стар я уже для этого... Слишком стар...

Рядом краснолюд спустил тетиву, и Ольсен радостно заорал:

– Прямо в брюхо! О-хо-хо! Прекрасный выстрел, господин арбалетчик! Эй, Боратек, верни ему деньги! Своим выстрелом он заработал таможенную скидку!

– Постойте... – прохрипел ведьмак, тщетно пытаясь встать. – Не поубивайте всех, черт побери! Мне нужен хоть один живой!

– Одного-то мы оставили, – заверил таможенник. – Того, лысого, что со мной препирался. Остальных перестреляли. А плешивый – вон он, там плывет. Щас выловим. Давайте гарпун!

– Открытие! Великое открытие! – кричал Линус Питт, прыгая у борта. – Совсем новый, неведомый науке вид! Совершеннейший уникум! Ах как я вам благодарен, милсдарь ведьмак! Отныне этот вид будет фигурировать в книгах как... как *Geraltia maxillosa pitti*!

– Уважаемый бакалавр, – щелкнул зубами Геральт. – Если вы взаправду хотите меня отблагодарить... то пусть эта холера называется *Everetia*.

– Тоже красиво, – согласился ученый. – Ах какое открытие! Какой уникальный, изумительный образец! Наверняка единственный живущий в Дельте!

– Нет, – неожиданно угрюмо сказал Гладыш. – Не единственный! Гляньте!

Прилегающий к недалекому островку ковер желтых кувшинок дрогнул, резко заколыхался. Они увидели волну, а потом – огромное, продолговатое, напоминающее гнилой ствол тело, быстро перебирающее многочисленными конечностями и щелкающее челюстями. Лысый оглянулся, дико взвыл и поплыл, колошматя по воде руками и ногами.

– Какой экземпляр, какой экземпляр! – быстро записывал возбужденный до предела Питт. – Головные хватательные конечности, четыре пары челюстеножек... Сильный хвостовой веер... Острые клещи...

Лысый снова оглянулся и завыл еще пронзительнее. А *Everetia maxillosa pitti* вытянула хватательные головные конечности и сильнее взмахнула хвостовым веером. Лысый поднял фонтаны брызг в отчаянной и безнадежной попытке спастись.

– Да будет вода ему водкой, – сказал Ольсен. Но шапки не снял.

– М-мой пап-пка, – защелкал зубами Эверетт, – умеет плавать быстрее, ч-чем тот дядя!

– Уберите ребенка, – буркнул ведьмак.

Чудовище раззявило клещи, щелкнуло челюстями. Линус Питт побледнел и отвернулся.

Лысый коротко вскрикнул, захлебнулся и скрылся под водой. Вода запульсировала темным кармином.

– Зараза. – Геральт тяжело опустился на палубу. Сел. – Слишком уж я стар для этого... Чересчур стар...

Что уж тут говорить – Лютик был прямо-таки влюблен в городок Оксенфурт.

Территорию университета окружали стены, а вокруг стен раскинулось второе кольцо – большое, шумное, пыхтающее, бурлящее и галдящее кольцо городка. Деревянного, пестроцветного городка Оксенфурт с узкими улочками и островерхими крышами, городка Оксенфурт, который жил академией, жаками, преподавателями, учеными, исследователями и их гостями, жил наукой и за счет науки и знаний, жил тем, что обычно сопутствует процессу познания, ибо из отходов и осколков теории в городке Оксенфурт рождались практика, сделки и доходы.

Поэт медленно ехал по грязной, забитой народом улочке, минуя мастерские, лавки, магазины и магазинчики, в которых благодаря академии изготавливали и продавали десятки тысяч изделий и прелестей, недоступных в других уголках мира, изготовление которых в других уголках мира считалось невозможным либо нерентабельным. Он миновал трактиры, кабаки, лотки, будки, ларьки, стойки и переносные прилавки, источавшие захватывающие дух ароматы экзотических, неведомых в других уголках мира блюд, приготовленных неведомыми в других уголках мира способами, с добавками и приправами, которых в других уголках мира и не знали, и не использовали. Это был Оксенфурт, пестрый, веселый, шумный и ароматный городок чудес, в которые ловкие и инициативные люди ухитрялись превратить сухую и бесполезную, казалось бы, теорию, понемногу просачивающуюся сквозь университетские стены. Был это также и городок увеселений, вечерних гуляний, постоянного праздника и непрекращающегося кутежа. Улочки днем и ночью гремели музыкой, пением, звоном бокалов и стуком кружек, ибо известно – ничто так не усиливает жажды, как процесс усвоения знаний. Несмотря на то что распоряжением ректора студентам и бакалаврам запрещалось пить и гулять до наступления темноты, в Оксенфурте пили и гуляли круглые сутки, поскольку известно, что если что-то и может усилить жажду еще больше, нежели процесс усвоения знаний, так это именно полный либо частичный запрет употреблять горячительное.

Лютик подбодрил своего темно-гнедого мерина и поехал дальше, пробиваясь сквозь заполняющие улочки толпы. Перекупщики, лоточники и бродячие мошенники шумно рекламировали свои товары и услуги, еще больше усиливая и без того царящий вокруг беспредельный хаос.

– Кальмары! А вот кому жареные кальмары?!

– Мазь от коросты! Только у меня! Надежная, изумительная мазь!

– Коты ловчие, коты чародейские! Только послушайте, добрые люди, как они мячуют!

– Амулеты! Эликсиры! Любовные фильтры! Приворотные средства! Любистки и афродизиаки с гарантией! От одной щепотки даже покойник воспрянет! Кому, кому?!

– Зубы рву почти безболезненно! Дешево! Дешево!

– Что значит «дешево»? – заинтересовался Лютик, грызя надетого на прутик жесткого как подошва кальмара.

– Два геллера в час!

Поэт вздрогнул, пнул мерина ногой, украдкой оглянулся. Два типа, следовавшие за ним от самой ратуши, остановились около цирюльни, прикидываясь, будто их заинтересовали цены цирюльничьих услуг, выписанные мелом на доске. Лютик не дал себя обмануть: знал, что их действительно интересует.

Он проехал мимо огромного здания борделя «Под Розовым Бутоном», где, как было известно всем, предлагались изысканные, неведомые либо непопулярные в других уголках мира

улады. Искушение заглянуть на часок вызвало кратковременную, но интенсивную борьбу холодного Лютикова рассудка с его же поэтическим характером. Победил рассудок. Лютик вздохнул и двинулся к академии, стараясь не замечать кабаков, из которых вырывались веселые и призывные звуки.

Нет, что ни говори, а трубачур любил городок Оксенфурт.

Он снова оглянулся. Два соглядывая так и не воспользовались услугами цирюльника, хотя вроде бы намеревались. Теперь они стояли у магазинчика с музыкальными инструментами, делая вид, будто заинтересовались глиняными окаринками. Продавец из кожи вон лез, расхваливая товар в надежде заработать. Лютик знал, что пыжился он напрасно.

Он направил коня к главным воротам академии – Воротам Философов. Быстро разделался с формальностями, сводившимися к тому, чтобы расписаться в гостевой книге и отвести мерина в конюшню.

За Воротами Философов его встретил иной мир. Территория учебного заведения ничем не походила на кварталы обычной городской застройки, в противоположность городку она не была полем упорных боев за каждую пядь пространства. Здесь все было почти так, как оставили эльфы. Широкие, посыпанные мелким цветным гравием аллеи между изящными, радующими глаз особняками, ажурные ограды, заборчики, живые изгороди, каналы, мостики, клумбы и зеленые скверики только в немногих местах были придавлены каким-нибудь огромным угрюмым домиком, построенным в более поздние, постэльфыи времена. Везде было чисто, спокойно и благородно – здесь запрещались любые формы торговли и платных услуг, не говоря уж об увеселениях духа или плотских утехах.

По аллеям парка прогуливались жаки, уставившиеся в книги, свитки и пергаменты. Другие, устроившись на скамеечках, газонах и клумбах, излагали друг другу задания, дискутировали, а то и незаметно играли в «чет-нечет», «козла», «пьяницу» либо другие, требующие наличия столь же высокого интеллекта игры. Здесь же вальяжно и с достоинством совершали променады профессора, погруженные в глубокомысленные беседы либо научные споры. Крутились юные бакалавры, впериw взоры в соблазнительные попочки студенток. Лютик с удовольствием отметил, что с его времен в академии ничего не изменилось.

С Дельты повеял ветер, принесся сладкий аромат моря и несколько более сильный дух сероводорода со стороны величественного здания Кафедры Алхимии, возвышающегося над каналом. В кустах прилегающего к студенческим общежитиям парка посвистывали серо-желтые зеленушки, а на тополе сидел орангутан, сбежавший, вероятно, из зверинца при Кафедре Естественной Истории.

Не теряя времени, поэт быстренько углубился в лабиринт аллеек и живых изгородей. Территорию он знал как свои пять пальцев, и неудивительно – учился здесь четыре года, а потом целый год преподавал на Кафедре Труверства и Поэзии. Должность преподавателя ему предложили, когда он, блестяще сдав последний экзамен, заставил профессоров онеметь, поскольку за время занятий снискал репутацию лентяя, гуляки и идиота. Позже, когда после нескольких лет скитаний по стране с лютней его слава менестреля разошлась далеко и широко, академия принялась усиленно добиваться его визита и гостевых лекций. Лютик изредка позволял себя упросить, поскольку любовь к бродяжничеству в нем непрестанно боролась с влечением к удобству, роскоши и постоянному доходу. Ну и конечно, с симпатией к Оксенфурту.

Он оглянулся. Два типа, которые так и не приобрели ни окарин, ни свирелей, ни гуслей, следовали за ним на некотором отдалении, внимательно рассматривая верхушки деревьев и фасады домов.

Беззаботно посвистывая, поэт свернул с центральной аллеи и направился к особняку, в

котором размещалась Кафедра Медицины и Траволечения. Аллейка, ведущая к Кафедре, была полна студенток в характерных светло-зеленых одеждах. Лютик внимательно осматривался в поисках знакомых лиц.

– Шани!

Молоденькая медичка с темно-рыжими подстриженными чуть ниже ушей волосами оторвалась от анатомического атласа, встала со скамейки.

– Лютик! – улыбнулась она, щуря веселые карие глаза. – Сто лет тебя не видела! Иди, представлю тебя подругам. Они влюблены в твои стихи.

– Потом, – шепнул бард. – Взгляни незаметно, Шани. Видишь тех двоих?

– Шпики. – Медичка сморщила курносый носик, фыркнула, не впервой изумляя Лютика тем, как легко жаки распознают разведчиков, шпионов и осведомителей. Антипатия, испытываемая студенческой братией к секретным службам, была притчей во языцех, хоть и не вполне поддавалась рациональному объяснению. Университет пользовался экстерриториальностью, а студенты и преподаватели – неприкосновенностью. Службы, которые занимались выкорчевыванием любой и всяческой крамолы, не осмеливались докучать «академикам».

– Идут за мной от самого рынка, – сказал Лютик, делая вид, будто заигрывает с медичкой. – Можешь что-нибудь для меня сделать?

– Смотря что. – Девушка покрутила шейкой, как испуганная серна. – Если ты снова влип в какую-то дурную историю...

– Нет, нет, – быстро успокоил он. – Я только хочу передать сообщение, а сам не могу из-за того дерьма, что прилипло к моим каблукам...

– Крикнуть ребят? Одно слово – и шпики как ветром сдует.

– Утихомирься. Хочешь, чтобы начались беспорядки? Едва-едва кончились скандалы из-за торговых мест для нелюдей, а тебе уже новых захотелось? К тому же я не люблю насилия. Со шпиками я управлюсь, а вот ты, если можешь...

Он приблизил губы к волосам девушки, некоторое время что-то шептал. Глаза Шани расширились.

– Ведьмак? Настоящий ведьмак?

– Тише ты. Сделаешь?

– Конечно. – Медичка с готовностью улыбнулась. – Хотя бы просто из любопытства. Увидеть вблизи известного...

– Я же просил – тише. Только помни – никому ни словечка.

– Врачебная тайна. – Шани улыбнулась еще милее, а Лютику опять захотелось в конце концов сложить балладу о таких вот девочках – не очень ладных, но прекрасных, таких, которые снятся по ночам, в то время как классически красивые девы забываются через пять минут.

– Спасибо, Шани.

– Пустяки, Лютик. До скорого. Привет.

Обцеловав, как положено, друг другу щеки, поэт и медичка резво направились в противоположные стороны: она – к Кафедре, он – к Парку Мыслителей.

Пройдя мимо современного угрюмого здания Кафедры Техники, носящего у жаков название «Deus ex machina», он свернул к Мосту Гильденштерна. Далеко уйти не удалось. За поворотом аллеики, у клумбы с бронзовым бюстом Никодемуса де Боота, первого ректора академии, его поджидали оба шпики. По обычаю всех шпииков мира они старались не глядеть собеседнику в глаза, и, как у всех шпииков мира, у них были самые обыкновенные, ничего не говорящие физиономии, которым они усиленно пытались придать умное выражение, благодаря чему здорово напоминали душевнобольных.

– Привет от Дийкстры, – бросил один из шпииков. – Идемте.

– Взаимно, – нахально ответил бард. – Идите.

Шпионы переглянулись, затем, не двинувшись с места, уставились на нецензурное слово, которое кто-то накорябал углем на цоколе ректорского бюста. Лютик вздохнул.

– Так я и думал, – сказал он, поправляя лютню. – Стало быть, мне непременно придется куда-то идти с уважаемыми господами? Что делать? Пошли. Вы – впереди, я – сзади. В данном конкретном случае возраст должен уступить красоте почетное место в строю.

Дийкстра, шеф секретных служб короля Визимира Реданского, на шпиона не походил. Особенно далеко он отступал от стереотипа, в соответствии с которым шпион непременно должен быть невысоким, тощим, с крысоподобной мордочкой и маленькими пронизательными глазками, зыркающими из-под черного капюшона. Дийкстра, как было известно Лютику, капюшонов никогда не носил и отдавал предпочтение одежде светлых тонов. В нем было почти семь футов росту, а весил он, вероятно, ненамного меньше тринадцати пудов. Когда он скрещивал руки на груди – а скрещивать их он любил, – это выглядело так, словно два кашалота пристроились на ките. Что касается черт лица, прически и цвета волос, то он походил на свежееотмытого борова. Лютик знал очень немногих людей, внешность которых была бы столь обманчива, как у Дийкстры. Потому что этот боровоподобный гигант, казавшийся вечно сонным, разбухшим кретином, обладал необычайно живым умом. И немалым авторитетом. Популярная при дворе короля Визимира поговорка гласила, что если Дийкстра утверждает, что на улице полдень, хотя там стоит непроглядная темень, значит, следует беспокоиться судьбами солнца.

Однако сейчас Лютика волновало – и не без оснований – другое.

– Лютик, – сонно проговорил Дийкстра, скрещивая кашалотов на ките. – Ты дурья башка. Ты законченный идиот. Неужто тебе обязательно надо испоганить все, за что бы ты ни взялся? Хоть один-единственный раз в жизни ты можешь сделать что-нибудь нормально? Мне известно, что тебе около сорока, выглядишь ты на тридцать, думаешь, будто тебе немногим больше двадцати, а поступаешь так, якобы тебе всего лишь десять. Я это понимаю, поэтому-то, как правило, даю тебе точнейшие указания. Я говорю тебе, когда, как и что ты должен сделать. И у меня постоянно такое ощущение, словно я говорю в пустоту.

– А у меня, – ответил поэт, набравшись наглости, – постоянно такое ощущение, будто ты раскрываешь рот исключительно ради тренировки губ и языка. Давай переходи к конкретным вопросам, исключай из речи риторические построения и никчемное красноречие. В чем дело на сей раз?

Они сидели за большим дубовым столом, меж заставленных книгами и заваленных рулонами пергамента шкафов, на самом верхнем этаже ректората, в арендуемых помещениях, которые Дийкстра игриво именовал Кафедрой Новейшей Истории, а Лютик – Кафедрой Практического Шпионажа и Прикладной Диверсии. Было их, включая поэта, четверо: кроме Дийкстры, в

беседе участвовали еще две персоны. Одной из этих персон был, как обычно, Ори Ройвен, седой и вечно простуженный секретарь шефа реданских шпионов. Вторая была персоной не вполне обычной.

– Ты прекрасно знаешь, о чем я, – холодно сказал Дийкстра. – Однако, поскольку тебе доставляет удовольствие прикидываться идиотом, я не стану портить тебе настроения и разъясню понятными словами. А может, пожелаешь воспользоваться такой возможностью ты, Филиппа?

Лютик кинул взгляд на молчавшую до того четвертую, не вполне обычную, персону. Филиппа Эйльхарт, видимо, прибыла в Оксенфурт недавно либо собиралась вскоре уехать, потому что была не в платье, не в привычном ярком макияже и без любимой бижутерии из черных агатов. На ней была короткая мужская курточка, брюки в обтяжку и высокие сапоги – одежда, которую поэт именовал «полевой». Темные волосы чародейки, обычно распущенные и пребывающие в художественном беспорядке, сейчас были зачесаны назад и перевязаны на затылке тесемкой.

– Жаль терять время, – сказала она, поднимая красивые брови. – Лютик прав. Пора отказаться от ложного красноречия и эффектной, но пустой болтовни. Стоящая перед нами проблема проста и банальна.

– О да, – усмехнулся Дийкстра. – Банальна. Опасный нильфгаардский агент, который уже мог бы банально сидеть в моей наилучшей третогорской тюрьме, банально сбежал, банально предупрежденный и спугнутый банальной дурью господ Лютика и Геральта. Мне доводилось видеть людей, отправляющихся на эшафот за значительно меньшие банальности. Почему ты не уведомил о подготовленной вами засаде, Лютик? Разве я не приказал информировать меня о всех намерениях ведьмака?

– Я ничего не знал о планах Геральта, – убежденно солгал Лютик. – Я же тебе говорил, что он отправился в Темерию и Содден на поиски Риенса. Я также сообщил тебе, когда он вернулся. Я был уверен, что он смирился с проигрышем. Риенс буквально растворился в воздухе, ведьмак не нашел ни малейших его следов, об этом, если помнишь, я тебе тоже говорил...

– Врал, – холодно сказал шпион. – Ведьмак нашел следы Риенса. В виде трупов. И тогда решил изменить тактику. Вместо того чтобы гоняться за Риенсом – подождать, пока тот найдет его сам. Нанялся на барки Компании Малатиуса и Грока в качестве сопровождающего. Сделал так, зная, что Компания широко объявит об этом, Риенс узнает и что-нибудь предпримет. И господин Риенс предпринял. Станный, неуловимый господин Риенс. Наглый, самоуверенный господин Риенс, которому не хочется даже пользоваться фальшивыми именами или переименовывать свое. Господин Риенс, от которого за версту несет дымом из нильфгаардского камина и смердит чародеем-ренегатом. Правда, Филиппа?

Чародейка не сказала ни «да», ни «нет». Она молчала, изучающе и проницательно глядя на Лютика. Поэт опустил глаза, неуверенно кашлянул. Он не любил таких взглядов.

Привлекательных женщин, в том числе и чародеек, Лютик делил на чрезвычайно приятных, просто приятных, неприятных и очень неприятных. Чрезвычайно приятные на предложение отправиться в постель отвечали радостным согласием, просто приятные – веселым смехом. Реакцию неприятных предсказать было затруднительно. К очень неприятным трубадур относил тех, в отношении которых уже одна мысль о соответствующем предложении вызывала дрожь и слабость в коленках.

Филиппа Эйльхарт, хоть и весьма привлекательная, была очень неприятной.

Кроме того, Филиппа Эйльхарт была важной персоной в Совете Чародеев и пользовалась полным доверием в качестве придворной магички короля Визимира. Магичкой она была

очень способной. Молва гласила, что она была одной из немногих, владеющих искусством полиморфизма. Выглядела она лет на тридцать. В действительности же ей было никак не меньше трехсот.

Дийкстра, сплетя пальцы пухлых рук на животе, крутил мельницу большими пальцами. Филиппа по-прежнему молчала. Ори Ройвен кашлял, хлюпал носом, беспрерывно поправлял просторную тогу. Тога походила на профессорскую покроем, но выглядела так, словно Ори получил ее не от Сената, а откопал на свалке.

– Однако твой ведьмак, – вдруг буркнул супершпион, – недооценил господина Риенса. Засаду-то он устроил, но при этом показал полнейшее отсутствие ума, предположив, будто Риенс заявится к нему лично. Риенс, как полагал ведьмак, должен был чувствовать себя в безопасности. Не мог унюхать подвоха, обнаружить подкарауливающих его людей господина Дийкстры. Потому что, видите ли, маэстро Лютик по приказу ведьмака не пикнул господину Дийкстре о расставленной ловушке. А ведь, выполняя распоряжение, маэстро Лютик обязан был это сделать. Маэстро Лютик имел на сей счет вполне четкие и однозначные приказы, которые он, понимаете ли, почел за благо пропустить мимо ушей.

– Я не твой подчиненный, – надулся поэт. – И не обязан выполнять твои распоряжения и приказы. Время от времени я помогаю тебе, но делаю это по собственной воле, из патриотических побуждений, чтобы не бездействовать, видя приближающиеся изменения...

– Ты шпионишь на всех, кто тебе платит, – холодно прервал Дийкстра. – Доносишь всем, у кого ты на крючке. А у меня на тебя несколько недурных крючочков, Лютик. Так что не дерзи.

– Я шантажа не боюсь!

– А может, поспорим?

– Господа. – Филиппа Эйльхарт подняла руку. – Будьте серьезнее, прошу вас. Не отклоняйтесь от темы.

– Верно. – Шпион раскинулся в кресле. – Послушай, поэт. Что с возу упало, то пропало. Риенса предупредили, и второй раз он будет осторожнее. Но я не могу допустить, чтобы подобное повторилось. Поэтому хочу встретиться с ведьмаком. Приведи его ко мне. Перестань блуждать по городу и не пытайся обмануть моих агентов. Иди прямо к Геральту и приведи его сюда, на Кафедру. Мне необходимо с ним поговорить. Лично и без свидетелей. Без шума и огласки, которые, несомненно, возникнут, если я захочу ведьмака арестовать. Приведи его ко мне, Лютик. Это все, что от тебя сейчас требуется.

– Геральт выехал, – спокойно соврал бард.

Дийкстра взглянул на чародейку. Лютик напрягся в ожидании зондирующего импульса, но ничего не почувствовал. Филиппа смотрела на него, прищулив глаза, однако не похоже было, чтобы она пыталась чарами проверить его искренность.

– Дождусь его возвращения, – вздохнул Дийкстра, прикинувшись, будто верит. – У меня к нему серьезное дело, придется кое-что изменить в моих планах и подождать. Как только ведьмак вернется, приведи. Чем скорее, тем лучше. Лучше для многих.

– Возможны осложнения, – поморщился Лютик. – Трудно будет убедить Геральта прийти сюда. Он, понимаешь ли, испытывает необъяснимую антипатию к шпионам. Хотя, кажется, понимает, что ваша работа не хуже других, и все-таки брезгует теми, кто ею занимается. Патриотические побуждения, говорит он, штука хорошая, но в шпионы обычно идут конченные подлецы и последние...

– Хватит, хватит. – Дийкстра небрежно махнул рукой. – Попрошу без словесных красот. Надоело. Они, понимаешь ли, довольно грубоваты.

– Я тоже так считаю, – фыркнул трубадур. – Но ведьмак – простодушный и прямолинейный в суждениях добряк. Куда ему до нас, светских львов. Он просто терпеть не может шпионов и, я знаю, не захочет с тобой разговаривать, а уж о том, чтобы помогать секретным службам, и речи быть не может. Да и крючочка на него у тебя нет.

– Ошибаешься, – сказал шпион. – Есть. И не один. Для начала вполне достаточно заварушки на барке под Грабовой Бухтой. Знаешь, кто поднялся на борт? Вовсе не люди Риенса.

– Также мне удивил, – спокойно сказал поэт. – Уверен, это были несколько бездельников, каких полно в темерской страже. Риенс выспрашивал о ведьмаке, за сведения о нем, кажется, обещал кругленькую сумму. Любому понятно, что ведьмак ему очень даже нужен. Вот несколько пройдох и попытались сцапать Геральта, запереть, а потом продать Риенсу, диктуя свои условия и выторговав сколько удастся. Потому что за голую информацию о нем они получили бы мало, а то и вовсе ничего.

– Хвалю за сообразительность. Ясное дело, ведьмака, не тебя. Ты бы не додумался. Но все гораздо сложнее, чем кажется. Дело в том, что моих коллег, людей из секретной службы короля Фольтеста, тоже, оказывается, интересуется господин Риенс. Они разгадали план пройдох, как ты их назвал. Это они вошли на барку, они намеревались сцапать ведьмака. Возможно, в качестве приманки для Риенса, а может, с другой целью. Ведьмак под Грабовой Бухтой уделал темерских агентов, Лютик. Их шеф очень, очень зол. Так, говоришь, Геральт выехал? Надеюсь, не в Темерию? Оттуда он может не вернуться.

– Это и есть твой крючочек?

– А как же! Именно. Я могу замять дело с темерцами. Но не даром. Куда выехал Геральт, Лютик?

– В Новиград. – Глазом не сморгнув солгал трубадур. – Риенса искать.

– Ошибка, ошибка, – усмехнулся шпион, делая вид, будто не заметил лжи. – Понимаешь, жаль все-таки, что он не поборол неприязни к шпионам и не связался со мной. Я бы ему помог сэкономить время и силы. В Новиграде Риенса нет. Зато темерских агентов там пруд пруди. Вероятнее всего, ожидают ведьмака. Они уже уразумели то, о чем я знаю давно. А именно, что если ведьмака Геральта из Ривии спросить определенным образом, он ответит на множество вопросов. Вопросы, которые начинают задавать себе секретные службы всех Четырех Королевств. Уговор прост: ведьмак приходит сюда, на Кафедру, и отвечает на эти вопросы мне. Вот и все. Я угомоню темерцев и обеспечу Геральту безопасность.

– Что за вопросы? Может, я смогу на них ответить?

– Не смеди, Лютик.

– И все же, – вдруг проговорила Филиппа Эйльхарт, – возможно, мог бы. Может, он помог бы нам сэкономить время? Не забывай, Дийкстра, наш поэт увяз в этой афере по уши, и он здесь, у нас, а ведьмака-то еще нет. Где ребенок, с которым Геральта видели в Каэдвене? Девочка с серыми волосами и зелеными глазами? Та, о которой Риенс пытался тебя тогда, в Темерии, когда прихватил в борделе? А, Лютик? Что тебе известно о девочке? Где ведьмак ее спрятал? Куда поехала Йеннифэр, получив письмо Геральта? Где скрывается Трисс Меригольд и какие у нее причины скрываться?

Дийкстра не пошевелился, но по тому, как он взглянул на чародейку, Лютик понял, что шпион удивлен. Вопросы были заданы явно преждевременно. И не тому, кому следовало. Это

казалось опрометчивым и неосторожным, однако Филиппу Эйльхарт можно было заподозрить в чем угодно, только не в опрометчивости и неосторожности.

– Сожалею, – ответил Лютик, – но ни на один из твоих вопросов у меня ответов нет. Я помог бы, если б сумел. Но не сумею.

– Лютик, – процедила Филиппа, глядя ему в глаза, – если ты знаешь, где находится девочка, скажи. Ручаюсь, мы с Дийкстрой заботимся исключительно о ее безопасности. О безопасности, которой... угрожает... опасность.

– Не сомневаюсь, – солгал поэт, – что именно это вас волнует. Но я действительно не знаю, в чем дело. В жизни не видел ребенка, который вас так интересуется. А Геральт...

– Геральт, – прервал Дийкстра, – не подпустил тебя к тайне, не пикнул ни словечка, хоть, не сомневаюсь, ты закидал его вопросами. Интересно почему, как ты думаешь, Лютик? Неужто твой простодушный и брезгающий шпионами добряк почуял, что ты есть такое в действительности? Оставь его в покое, Филиппа, не трать даром времени. Он ничего не знает, не дай обмануть себя его умничаньем и многозначительными ухмылками. Он может нам помочь исключительно в одном – когда ведьмак вынырнет из укрытия, он свяжется с ним, больше ни с кем. Представь себе, Геральт считает его другом.

– Именно, – медленно поднял голову Лютик. – Он считает меня другом. И представь себе, Дийкстра, не без оснований. Прими наконец это к сведению и сделай выводы. Сделал? Ну вот. Теперь можешь начинать шантажировать.

– Ну, ну, – усмехнулся шпион. – Да у тебя прямо-таки аллергия на дела. Не обижайся, поэт. Я шутил. Шантаж? Между нами, друзьями? И речи быть не может. А твоему ведьмаку, поверь, я зла не желаю и мешать не думаю. Кто знает, может, даже договорюсь с ним к общей выгоде. Но чтобы такое случилось, мне надо с ним встретиться. Когда он появится, приведи его ко мне. Крепко тебя прошу, Лютик. Очень. Ты понял, насколько крепко?

– Понял, как крепко, – фыркнул трубадур.

– Хотелось бы верить, что это правда. Ну а теперь иди. Ори, проводи трубадура к выходу.

– Бывай. – Лютик встал. – Желаю успеха в труде и личной жизни. Мое почтение, Филиппа. Ах да, Дийкстра! Агенты, которые за мной ползают. Отзови их, пожалуйста.

– Само собой, – солгал шпион. – Отзову. Неужели ты мне не веришь?

– Верю, – солгал поэт. – Я тебе верю.

Лютик задержался на территории академии до вечера. Все время внимательно осматривался, но шпики не заметил. И именно это беспокоило его особенно.

На Кафедре Труверства он прослушал лекцию о классической поэзии. Затем сладко выспался на семинаре по поэзии современной. Разбудил его знакомый бакалавр, и они отправились на Кафедру Философии, чтобы принять участие в затянувшемся, но бурном диспуте на тему «Сущность и происхождение жизни». Еще не успело стемнеть, как половина диспутантов была пьяна в стельку, а остальные рвались в рукопашную, пытаясь перекричать друг друга и создавая невообразимый шум и гам. Все это было поэту на руку.

Он незаметно выбрался на чердак, вылез через чердачное оконце, спустился по водосточной трубе на крышу библиотеки, перескочил, чуть не сломав ног, на крышу прозекторской. Оттуда добрался до забора, прилегающего к стене сада. За густыми зарослями крыжовника отыскал дыру, которую расширил сам, будучи студентом. Дальше раскинулся городок Оксенфурт.

Лютик смешался с толпой, потом быстро прошмыгнул боковыми переулками, петляя, словно преследуемый гончими заяц. Добравшись до каретного сарая, укрылся в тени. Переждав добрых полчаса и не заметив ничего подозрительного, забрался по лестнице на чердак, перескочил на крышу дома знакомого пивовара, Вольфганга Амадея Козлобородика. Цепляясь за обросшие мхом черепицы, добрался до окна нужной мансарды. В комнатке за окном горела масляная лампа. Нетвердо стоя на водосточном желобе, Лютик постучал в свинцовый переплет. Окно не было закрыто и поддалось при легком нажиме.

– Геральт! Эй, Геральт!

– Лютик? Погоди... Пожалуйста, не входи...

– Что значит – не входи? Как так – не входи? – Поэт толкнул окно. – Ты не один, что ли? Может, аккурат трахаешь кого?

Не дождавшись ответа, да и не ожидая его, он перебрался на подоконник, свалив лежащие там яблоки и луковицы.

– Геральт... – засопел он и тут же умолк. А потом чертыхнулся вполголоса, глядя на светло-зеленую одежду медички, валяющуюся на полу. Раскрыл от удивления рот и чертыхнулся снова. Всего он мог ожидать. Только не этого. – Шани, – покрутил он головой. – А, чтоб меня...

– Попрошу без комментариев.

Ведьмак сел на кровати, а Шани подтянула простыню под самый нос.

– Ну входи уж. – Геральт потянулся за брюками. – Коли влез через окно, значит, дело серьезное. Потому как если не серьезное, я немедленно выкину тебя через то же окно.

Лютик слез с подоконника, сбросив оставшиеся луковицы. Сел, придвинув ногой табурет. Ведьмак поднял с пола одежду свою и Шани. Мина у него была сконфуженная. Одевался он молча. Медичка, прячась у него за спиной, возилась с рубашкой. Поэт нахально рассматривал ее, мысленно подыскивая сравнения и рифмы к форме маленьких грудок и золотистому при свете масляной лампы цвету ее кожи.

– Ну, в чем дело, Лютик? – Ведьмак щелкнул застежками высоких ботинок. – Выкладывай.

– Собирайся, – сухо ответил поэт. – Надо срочно выехать.

– Сколь срочно?

– Невероятно срочно.

– Шани... – кашлянул Геральт, – Шани сказала мне о шпиках, которые за тобой следили. Надо понимать, ты не потерял их?

– Ничего ты не понимаешь.

– Риенс?

– Хуже.

– В таком случае действительно не понимаю... Минутку. Реданцы? Третогор? Дийкстра?

– Угадал.

– Это еще не повод...

– Это уже повод, – прервал Лютик. – Их интересует не Риенс, Геральт. Их интересует девочка и Йеннифэр. Дийкстра желает знать, где они. Он заставит тебя выдать ему это. Теперь понимаешь?

– Теперь да. Смываемся вместе. Через окно?

– Обязательно. Шани? Справишься?

– Не первое окно в моей жизни. – Медичка одернула на себе одежду.

– Не сомневаюсь, – внимательно глянул на нее поэт, рассчитывая на то, что обнаружит достойный рифм и метафор румянец, но просчитался. Веселье в глазах и наглая ухмылка – вот и все, что он увидел.

На подоконник беззвучно опустилась большая серая сова. Шани тихо вскрикнула. Геральт потянулся за мечом.

– Не дури, Филиппа, – сказал Лютик.

Сова исчезла, а на ее месте возникла неловко присевшая Филиппа Эйльхарт. Чародейка тут же спрыгнула в комнату, разглаживая волосы и одежду.

– Добрый вечер, – сказала она холодно. – Представь меня, Лютик.

– Геральт из Ривии, Шани с медицинского. А сова, которая так ловко летела следом за мной, вовсе и не сова, а Филиппа Эйльхарт из Совета Чародеев, в настоящее время – на службе у короля Визимира, украшение третогорского двора. Жаль, у нас только один стул.

– Вполне достаточно. – Чародейка уселась на освобожденный трубадуром табурет, окинула присутствующих томным взглядом, немного подольше остановившись на Шани. Медичка, к удивлению Лютика, вдруг зарделась.

– В принципе то, с чем я прибыла, касается исключительно Геральта из Ривии, – начала Филиппа после недолгого молчания. – Однако я сознаю, что удалять отсюда кого-либо было бы бестактно, а посему...

– Я могу выйти, – неуверенно сказала Шани.

– Не можешь, – проворчал Геральт. – Никто не может, пока ситуация не прояснится. Я прав, милсдарыня Эйльхарт?

– Для тебя – просто Филиппа, – улыбнулась чародейка. – Сейчас не до правил хорошего тона. И никому не надо выходить, никто мне не мешает. В крайнем случае – удивляет. Ну что ж, жизнь – непрерывная цепь неожиданностей... как говаривала одна моя знакомая... Наша общая знакомая, Геральт. Изучаешь медицину, Шани? Который курс?

– Третий, – пробормотала девушка.

– Ах. – Филиппа Эйльхарт смотрела не на нее, а на ведьмака. – Семнадцать годков – какой прекрасный возраст! Йеннифэр многое бы дала за то, чтобы ей снова было столько же. Как думаешь, Геральт? Впрочем, при случае я сама ее спрошу.

Ведьмак очень неприятно улыбнулся.

– Спросишь. Не сомневаюсь. Не сомневаюсь и в том, что сопроводишь свой вопрос комментариями. Не сомневаюсь также, что это тебя здорово развеселит. А теперь перейдем к делу. Прошу.

– И верно, – кивнула чародейка. – Самое время. А времени у тебя совсем немного. Лютик, вероятно, уже успел передать, что Дийкстра вдруг вспылал желанием встретиться с тобой и побеседовать относительно местопребывания некоей девицы. Дийкстра получил соответствующие распоряжения от короля Визимира, поэтому, я думаю, он станет настойчиво просить тебя указать ему это место.

– Ясно. Благодарю за предостережение. Одно только немного удивляет. Ты говоришь, Дийкстра получил приказы от короля. А ты не получила никаких? Как ни говори, а в Совете Визимира ты тоже занимаешь не последнее место.

– Верно. – Чародейка не обратила внимания на прозвучавшую в голосе Геральта издевку. – Занимаю. И серьезно отношусь к своим обязанностям, состоящим в том, чтобы предупреждать возможные ошибки короля. Порой, как в данном конкретном случае, я не могу напрямую сказать королю, что он ошибается, и отговорить его от поспешных действий. Я просто должна помешать ему совершить ошибку. Ты меня понимаешь?

Ведьмак утвердительно кивнул. Лютик усомнился, действительно ли Геральт понимает. Он-то знал, что Филиппа лгала как по нотам.

– Итак, я вижу, – медленно сказал Геральт, доказывая, что прекрасно все понял, – Совет Чародеев тоже интересуется моей подопечной. Чародеи желают знать, где моя подопечная пребывает. И хотят добраться до нее прежде, чем это сделает Визимир либо кто-нибудь другой. Почему, Филиппа? Что такое есть в моей подопечной? Чем она вызвала такой интерес?

Глаза чародейки сузились.

– Ты не знаешь? – прошипела она. – Ты так мало знаешь о своей подопечной? Не хотелось бы делать опрометчивых выводов, но подобное неведение, похоже, указывает на то, что как опекун ты гроша ломаного не стоишь. Воистину меня удивляет, как, будучи настолько незнающим и плохо информированным, ты решился на опеку. Мало того, решился лишить права на опеку других, тех, у кого имеется и соответствующая квалификация, и право. И при этом ты еще спрашиваешь – почему. Гляди, Геральт, как бы невежество тебя не погубило. Берегись. И береги этого ребенка, черт побери! Береги девочку как зеницу ока. А если сам не в силах, попроси других!

Какое-то время Лютик думал, что ведьмак напомним о роли, которую взяла на себя Йеннифэр. Он ничем не рисковал, зато выбил бы из рук Филиппы аргументы. Но Геральт молчал. Поэт догадался о причинах. Филиппа знала обо всем. Филиппа предупредила. И ведьмак понял предупреждение.

Лютик сосредоточился на наблюдении за глазами и лицами, раздумывая, не связывало ли их что-либо в прошлом. Лютик знал, что подобные, доказывающие взаимное влечение словесные поединки, которые вел порою ведьмак с чародейками, очень часто оканчивались в постели. Но наблюдение, как обычно, ничего не дало. Для того чтобы узнать, связывает ли ведьмака с кем-либо что-либо, существовал только один-единственный способ: в соответствующий момент влезть в соответствующее окно.

– Опекать, – помолчав, проговорила чародейка, – значит принять на себя ответственность за безопасность существа, не способного самостоятельно обеспечить свою безопасность. Если ты поставишь под угрозу свою подопечную... Если с ней приключится несчастье, ответственность падет на тебя, Геральт. Только на тебя.

– Знаю.

– Боюсь, ты все еще мало знаешь.

– Ну так просвети меня. Чего ради столько персон вдруг вознамерились снять с меня груз ответственности, пожелали принять на себя мои обязанности и взять под покровительство мою воспитанницу? Чего хочет от Цири Совет Чародеев? Чего хочет от нее некий Риенс, который в Соддене и Темерии уже прикончил троих, два года назад контактировавших со мной и с девочкой? Который чуть было не убил Лютика, пытаясь добыть от него сведения о ней? Кто он – этот Риенс, Филиппа?

– Не знаю, – сказала чародейка. – Не знаю, кто такой Риенс. Но, как и ты, очень хотела бы узнать.

– А у этого Риенса, – неожиданно проговорила Шани, – нет ли случайно на лице шрама после ожога третьей степени? Если да, то я знаю, кто он. И знаю, где он.

В наступившей тишине стало слышно, как за окном по водосточному желобу застучали первые капли дождя.

Глава шестая

Убийство – всегда убийство, независимо от мотивов и обстоятельств. Посему те, кто убивает либо подготавливает убийство, суть преступники и разбойники, невзирая на то, кто они: короли, князья, маршалы или судьи. Никто из задумавших и совершивших насилие не может считаться лучше обыкновенного преступника. Ибо любое насилие по природе своей неизбежно ведет к преступлению. Никодемус де Боот

Размышления о жизни, счастье и благополучии

– Не надо совершать ошибки, – сказал король Редании Визимир, запуская унизанные перстнями пальцы в волосы на виске. – Мы не имеем права на просчет или ошибку.

Собравшиеся молчали. Демавенд, повелитель Аэдирна, сидел, развалившись в кресле и вперившись в кубок с пивом, стоящий у него на животе. Фольтест, король Темерии, Понтара, Махакама и Соддена, а с недавних пор и сеньор-протектор Бругге, демонстрировал всем свой благородный профиль, отвернувшись к окну. На противоположной стороне стола сидел Хенсельт, король Каздвена, и водил по участникам совещания маленькими пронизательными глазками, горевшими на бородатой, типично разбойничьей физиономии. Мэва, королева Лирии, задумчиво перебирала огромные рубины ожерелья, время от времени многозначительно кривя красивые полные губы.

– Не надо совершать ошибки, – повторил Визимир. – Ибо ошибка может обойтись нам слишком дорого. Воспользуемся чужим опытом. Когда пятьсот лет назад наши предки высадились на пляжах, эльфы тоже прятали головы в песок. Мы выдирали у них страну по клочкам, а они отступали, все время считая, что вот она, последняя граница, и дальше мы не пойдем. Будем умнее! Ибо теперь пришел наш черед. Теперь мы – эльфы. Нильфгаард стоит на Яруге, а я здесь слышу: «Ну и пусть стоит». Слышу: «Дальше они не пойдут». Но они пойдут. Повторяю, не надо повторять ошибку, которую совершили эльфы!

По оконным стеклам снова задробили капли дождя. Завыл ветер. Королева Мэва подняла голову. Ей показалось, что она слышит карканье воронья. Но это был всего лишь ветер. Ветер и дождь.

– Не сравнивай нас с эльфами, – сказал Хенсельт из Каздвена. – Таким сравнением ты

унижаешь нас. Эльфы не умели воевать, отступали перед нашими предками, прятались в горах и лесах. Эльфы отдали нашим предкам Содден. А мы показали нильфгаардцам, что значит драться с нами. Не пугай нас Нильфгаардом, Визимир, не занимайся пустой пропагандой. Говоришь, Нильфгаард стоит на Яруге? А я говорю, нильфгаардцы сидят за рекой и нос боятся высунуть! Ибо под Содденом мы перебили им хребет! Сломали их в военном, но главное – в моральном отношении. Не знаю, правда ли, что Эмгыр вар Эмрейс возражал тогда против агрессии такого масштаба и нападение на Цинтру было делом рук какой-то враждебной ему партии. Ручаюсь, если б тогда ему удалось нас победить, он кричал бы «браво!», раздавал бы привилегии и поместья. Но после Соддена вдруг оказалось, что он был против и всему виной своеволие его маршалов. И полетели головы. Эшафоты залила кровь. Это точные сведения, никакие не слухи. Восемь показательных казней, гораздо больше – более скромных. Несколько на первый взгляд естественных, но тем не менее загадочных смертей, масса неожиданных отставок. Говорю вам: Эмгыр взбесился и практически уничтожил собственные командирские кадры. Кто ж теперь поведет его армии? Сотники?

– Нет, не сотники, – холодно сказал Демавенд Аэдирнский. – А молодые и способные командиры, которые долго ждали такого случая и которых Эмгыр загодя обучал. Те, кого престарелые маршалы не подпускали к командованию, не давали расти. Молодые, способные командиры, о которых уже говорят. Те, что задушили восстания в Метинне и Назаире и за короткое время разбили мятежников в Эббинге. Командиры, которые понимают роль неожиданных глубоких маневров, кавалерийских рейдов, молниеносных бросков пехоты, десантов с моря. Применяющие разгромные удары на узких направлениях, использующие при осаде крепостей современную технику вместо сомнительной магии. Их недооценивать нельзя. Они рвутся форсировать Яругу и доказать, что кое-чему научились на ошибках престарелых маршалов.

– Ежели чему-то научились, – пожал плечами Хенсельт, – то Яругу не перейдут. Устье реки на границе Цинтры и Вердэна по-прежнему контролирует Эрвилл и три его крепости: Настрог, Розрог и Бодрог. Эти крепости невозможно захватить с марша, тут никакая современная техника не поможет. Наш фланг защищает также флот Этайна из Цидариса, поэтому, а также благодаря пиратам из Скеллиге мы господствуем над побережьем. Ярл Крах ан Крайт, как помните, не подписал с нильфгаардцами перемирия, регулярно их покусывает, нападает на них и сжигает приморские поселения и форты в провинциях. Нильфгаардцы прозвали его Тырт ыс Муиром, Морским Вепрем. Им пугают детей.

– Робость нильфгаардских детей, – криво усмехнулся Визимир, – не обеспечит нам безопасности.

– Конечно, – согласился Хенсельт. – Ее обеспечит нечто иное. Не владея устьем реки и берегом, при открытом фланге Эмгыр вар Эмрейс не сможет снабжать оружием и провиантом отряды, которые переправились бы на правый берег Яруги. Какие еще молниеносные переброски, какие кавалерийские рейды? Смешно! Через три дня после форсирования реки их армии останутся. Половина осадит крепости, остальные расползутся, чтобы грабить, искать фураж и провизию. А когда их блистательная кавалерия сожрет большую часть собственных лошадей, мы устроим им второй Содден. Черт побери, хотелось бы, чтобы они форсировали реку! Но – увы и ах! – не форсируют.

– Допустим, – вдруг сказала Мэва из Лирии, – Яругу они не форсируют. Допустим, Нильфгаард просто будет выжидать. Однако подумаем, кому это на руку – нам или им? Кто может себе позволить выжидать в бездействии, а кто нет?

– Именно! – подхватил Визимир. – Мэва, как всегда, говорит мало, но бьет в яблочко. У Эмгыра есть время, братья... короли, прости, Мэва. А у нас его нет. Разве вы не видите, что творится? Три года назад Нильфгаард сдвинул камушек на склоне горы и теперь спокойно

ждет лавины. Попросту ждет, а с кручи скатываются все новые и новые камушки. Потому что тот, первый, оказался тем камнем, трогать который было нельзя. А когда выяснилось, что достаточно его тронуть, чтобы он покатился, так тут же нашлись другие, которым лавина по душе. От Синих Гор до Бремервоорда по лесам шастают эльфы рабочие бригады, это уже не маленькая партизанская, а самая настоящая большая война. Не успеем мы охнуть, как в бой кинутся свободные эльфы из Доль Блатанна. В Махакаме уже бунтуют краснолюды, брокилонские дриады все больше нагледят. Это война, война крупномасштабная. Война внутренняя. Гражданская. Наша. А Нильфгаард ждет... На кого работает время, как думаете? В бригадах скоя'таэлей дерутся тридцати – сорокалетние эльфы. Но они живут по триста лет! У них время есть. У нас его нет!

– Скоя'таэли, – согласился Хенсельт, – стали истинным тернием в заднице. Парализуют мне торговлю и транспорт, терроризируют фермеров. С этим надо кончать!

– Если нелюди хотят войны, они ее получают, – вставил Фольтест из Темерии. – Я всегда был сторонником дружбы и мирного сосуществования, но если они предпочитают пробу сил, посмотрим, кто сильнее. Я готов. В Темерии и Соддене берусь уничтожить «белок» за шесть месяцев. Однажды эти земли наши предки уже залили кровью эльфов. Я считаю это трагедией, но выхода не вижу, трагедия повторится. Эльфов необходимо... пацифицировать.

– Твои войска двинутся на эльфов, если ты отдашь им приказ, – кивнул Демавенд. – Но пойдут ли они на людей? На кметов, из которых ты набираешь пехоту? На цеховиков? На свободные города? Визимир, говоря о скоя'таэлях, назвал только один камушек из лавины. Да, да, господа, не таращите на меня глаза! По деревням и городкам уже начинают болтать, что на захваченных Нильфгаардом землях кметам, фермерам и ремесленникам живется легче, свободнее и богаче, что купеческие гильдии получили больше привилегий... Нильфгаардские мануфактуры заваливают нас товарами. В Бругге и Вердэне их деньги вытесняют местную валюту. Если мы будем сидеть сложа руки, то погибнем, переругавшись и запутавшись в конфликтах, увязнув в усмирении восстаний и бунтов, постепенно попадая в зависимость от экономической мощи Нильфгаарда. Мы погибнем, задохнувшись в собственном затхлом закутке, потому что, поймите, Нильфгаард перекрывает нам дорогу на Юг, а нам необходимо развиваться. К тому же экспансивно, в противном случае нашим внукам не будет здесь места!

Собравшиеся молчали. Визимир Реданский глубоко вздохнул, схватил один из стоявших на столе кубков, пил долго. Молчание затягивалось, дождь стучал в окна, ветер выл и хлопал ставнями.

– Всеми сложностями, о которых мы говорим, – сказал наконец Хенсельт, – мы обязаны Нильфгаарду. Эмиссары Эмгыра подзуживают нелюдей и призывают к беспорядкам. Это они разбрасываются золотом и сулят баронам и дюкам высокие должности в провинциях, которые создадут на месте наших королевств. Не знаю, как у вас, а в Каэдвене ни с того ни с сего расплодилось множество монахов, ворожеек и им подобных паршивых мистиков, возвещающих конец света...

– У меня то же самое, – подтвердил Фольтест. – Черт побери, сколько лет был покой! С тех пор как мой дед указал монахам их место, их ряды здорово поредели, а оставшиеся служители божьи взялись за полезные дела. Изучали книги, заботились об убогих, хворых и бездомных, обучали детишек. В политику не вмешивались. А теперь вдруг очнулись и в храмах выкрикивают бредни внимающему их сброду, а сброд слушает и наконец-то понимает, почему ему так скверно живется. Я терплю, я не такой порывистый, как мой дед, и почти не чувствителен ко всему, что подрывает мой королевский авторитет и достоинство. В конце концов, что это за достоинство и авторитет, если их может подорвать визг какого-то спятившего фанатика. Но и моему терпению приходит конец. Последнее время главной темой проповедей стал Спаситель, коий грядет с Юга. С Юга, понимаете? Из-за Яруги!

– Белое Пламя, – буркнул Демавенд. – И приидет Белый Хлад, а за ним Белый Свет. А потом мир возродится с помощью Белого Пламени и Белой Королевы... Тоже слышал. Это изложение пророчеств Ithlinne aer Aevenien, эльфьей предсказательницы. Я велел поймать одного монаха, который кричал об этом на рынке в Венгерберге, и палач долго и упорно пытался у него, сколько золота пророк получил от Эмгыра... Но прорицатель только плел байки о Белом Пламени и Белой Королеве... До самого своего конца.

– Осторожнее, Демавенд, – поморщился Визимир. – Не плоди мучеников, ведь именно это-то Эмгыру и нужно. Лови нильфгаардских агентов, но священнослужителей не трогай, последствия могут быть непредсказуемы. Они по-прежнему пользуются в народе влиянием и уважением. Нам достаточно головной боли с «белками». Не хватает еще волнений в городах или крестьянских войн.

– К черту! – фыркнул Фольтест. – Этого не делай, этим не рискуй, того нельзя... Разве мы собрались, чтобы перечислять, чего делать не можем? Или ты, Демавенд, притащил нас в Хаггу, чтобы мы лили слезы и стонали над собственной слабостью и немощью? Начнем наконец действовать! Надо что-то делать! Надо прервать то, что творится!

– Я с самого начала именно это и предлагаю. – Визимир выпрямился. – Именно действовать.

– Как?

– Что мы можем сделать?

Снова наступило молчание. Ветер шумел, ставни хлопали по стене замка.

– Почему, – вдруг проговорила Мэва, – все вы смотрите на меня?

– Восхищаемся твоей красотой, – пробурчал Хенсельт из глубин кубка.

– И этим тоже, – поддакнул Визимир. – Мэва, все мы знаем, что ты исхитряешься отыскать выход из любого положения. У тебя женская интуиция, ты мудрая женщина...

– Перестань кадить. – Королева Лирии сплела руки на подоле, загляделась на потемневшие гобелены с охотничьими сценами. Гончие, вытянувшись в прыжках, задирали морды к бокам убегающего белого единорога. «Никогда не видела живого единорога, – подумала Мэва. – Никогда. И, пожалуй, уже никогда не увижу».

– Наше положение, – заговорила она после долгого молчания, оторвав взгляд от гобелена, – напоминает мне долгие зимние вечера в ривском замке. Тогда что-то висело в воздухе. Мой муж раздумывал, как бы ему завалить очередную фрейлину. Маршал комбинировал, как бы поскорее начать войну, чтобы побыстрее прославиться. Чародей воображал, будто он-то и есть владыка. Лакеям не хотелось услуживать, шут ходил грустный, угрюмый и до ужаса нудный, собаки выли в меланхолии, а коты спали, начихав на мышей, разгуливавших по столу в поисках чего бы поесть. Все чего-то ждали. Все украдкой поглядывали на меня. А я... Я им тогда показала. Показала всем, на что способна, так что аж стены тряслись, а окрестные медведи просыпались в берлогах. И глупые мысли мигом вылетели из голов. Неожиданно все поняли, кто тут командует.

Мужчины не произнесли ни слова. Ветер взвыл сильнее. Лениво перекликались стражники на стенах. Удары капель о стекла в свинцовых рамках перешли в сумасшедшее стаккато.

– Нильфгаард смотрит и ждет, – медленно тянула Мэва, поигрывая ожерельем. – Нильфгаард наблюдает. Что-то висит в воздухе, а во многих головах рождаются глупые мысли. Так давайте покажем всем, на что мы способны. Покажем, кто здесь настоящий король. Тряхнем стенами погруженного в зимний маразм замка!

– Уничтожить «белок», – быстро сказал Хенсельт. – Начать крупную совместную военную операцию. Устроить нелюдям кровавую баню. Пусть Понтар, Гвенллекх и Буина зайдутся кровью от истоков до устьев!

– Прижать карательной экспедицией свободных эльфов в их Долю Блатанна, – добавил, собрав лоб в складки, Демавенд. – Ввести экспедиционный корпус в Махакам. Позволить наконец Эрвиллу из Вердэна взяться за дриад в Брокилоне! Да, кровавая баня! А тех, кто выживет, – в резервации!

– Науськать Крах ан Крайта на нильфгаардское побережье, – подхватил Визимир. – Поддержать его флотом Этайна из Цидариса, пусть поднимет пожар от Яруги до Эббинга! Демонстрация силы...

– Мало, – покрутил головой Фольтест. – Всего этого слишком мало. Надо... Знаю, что надо.

– Так говори же!

– Цинтра.

– Что?

– Отобратить у нильфгаардцев Цинтру. Форсируем Яругу, ударим первыми. Сейчас, когда они не ожидают. Выкинем их снова за Марнадаля.

– Как? Мы только что говорили, что Яруга для войск непреодолима...

– Для нильфгаардских. Но мы реку контролируем. У нас в руках устье, пути снабжения, наш фланг – под защитой Скеллиге, Цидариса и крепости в Вердэне. Для Нильфгаарда переброска через реку сорока – пятидесяти тысяч человек – серьезное усилие. Мы можем переправить на левый берег Яруги значительно больше. Не разевай рот, Визимир. Ты хотел сделать нечто такое, что прервет выжидание? Что-нибудь эффектное, такое, что снова сделает нас настоящими королями? Этим «чем-нибудь» станет Цинтра. Цинтра объединит нас, ибо Цинтра – это символ. Вспомните Содден! Если б не резня в городе и не мученическая смерть Калантэ, не было бы тогда такой победы. Силы были равны, никто не рассчитывал на то, что мы разобьем их наголову. Но наши войска бросились им на горло, как волки, как бешеные псы, чтобы отомстить за Львицу из Цинтры. А есть среди нас и такие, ярости которых не утолила кровь, пролитая на Содденском Холме. Вспомните Крах ан Крайта, Морского Вепря.

– Это верно, – кивнул Демавенд. – Крах поклялся отомстить Нильфгаарду кровью. За Эйста Турсеаха, убитого у Марнадаля. И за Калантэ. Если мы атакуем левый берег, Крах поддержит нас силами Скеллиге. Да, тут есть шансы на удачу! Я поддерживаю Фольтеста! Нечего ждать, ударим первыми, выволим Цинтру, выгоним сукиных сынов за перевал Амелл.

– Спокойнее, – буркнул Хенсельт. – Не спешите дергать льва за усы, он еще не сдох. Это во-первых. Во-вторых, если мы ударим первыми, то окажемся агрессорами. Нарушим перемирие, которое сами же скрепили печатями. Нас не поддержит Недамир с его Лигой, не поддержит Эстерад Тиссен. Не знаю, как поведет себя Этайн из Цидариса. Против агрессивной войны выскажутся наши цехи, купечество, знать... А прежде всего чародеи. Не забывают о чародеях!

– Чародеи не поддержат нападения на левый берег, – подтвердил Визимир. – Перемирие было делом рук Вильгефорца из Рогевеена. Известно, что по его идее перемирие должно было постепенно перерасти в постоянный и устойчивый мир. Нет, Вильгефорц не поддержит войну. А Капитул, можете мне верить, сделает то, что захочет Вильгефорц. После боев за Содден он – первый в Капитуле. Что бы ни говорили другие маги, первую скрипку там играет

Вильгефорц.

– Вильгефорц, Вильгефорц! – воскликнул Фольтест. – Уж очень он у нас возвысился, этот магик. Меня начинает раздражать, что мы вынуждены считаться с планами Вильгефорца и Капитула, планами, которых, кстати, я толком не знаю и не понимаю. Но есть, господа короли, средство и против этого. А ежели нападение совершит Нильфгаард? Например, в Доль Ангре? На Аэдирн и Лирию? Это можно бы организовать... Инсценировать. Этакая небольшая провокация... Пограничный инцидент, вызванный ими? Допустим, нападение на пограничный форт? Естественно, мы будем готовы,отреагируем мгновенно и решительно, при полной поддержке всех, даже Вильгефорца и их Чародейского Капитула. И тогда Эмгыр вар Эмрейс оторвет взор от Соддена и Заречья, о своей стране напомнят цинтрийцы. Эмигранты и беженцы встанут в Бругге под знамена Виссегерда. У них почти восемь тысяч вооруженных людей. Разве можно найти лучшее острие меча? Они живут надеждой обрести страну, из которой им пришлось бежать. Рвутся в бой. Готовы ударить по левому берегу. Ждут только клича.

– Клича, – подтвердила Мэва, – и обещания, что их поддержат. Потому что с восемью-то тысячами Эмгыр управится силами пограничных гарнизонов, ему даже перебрасывать подкреплений не придется. Виссегерд прекрасно об этом знает и не тронется с места, пока не будет уверен, что следом высадятся твои, Фольтест, войска, поддержанные реданскими корпусами. Но прежде всего Виссегерду нужен Львенок из Цинтры. Кажется, внучка королевы уцелела во время бойни. Говорят, кто-то видел ее среди беглецов, но потом ребенок таинственным образом исчез. Эмигранты ее активно разыскивают... Потому что на восстановленный престол Цинтры им нужен человек королевских кровей. Из рода Калантэ.

– Чушь, – холодно сказал Фольтест. – Прошло больше двух лет. Если ребенок не нашелся до сих пор, значит, он мертв. Об этой легенде можно забыть. Нет уже Калантэ, нет никакого Львенка, нет королевской крови, которой принадлежит трон. Цинтра... никогда уже не будет тем, чем была при жизни Львицы. Конечно, эмигрантам Виссегерда этого знать не положено.

– Стало быть, пошлешь цинтрийских партизан на смерть? – прищурилась Мэва. – На передовую линию? Не сказав, что Цинтра может возродиться только как вассальная страна под твоим сеньоратом? Ты предлагаешь нам напасть на Цинтру... ради тебя? Ты подчинил себе Содден и Бругге, теперь востришь зубы на Вердэн... И тебе видится Цинтра, да?

– Согласись, Фольтест, – буркнул Хенсельт, – ведь Мэва права? Именно поэтому ты подбиваешь нас на авантюру?

– Успокойтесь. – Король Темерии сморщил благородную физиономию, гневно крикнул. – Не превращайте меня в завоевателя, которому привиделась империя. В чем дело? Содден и Бругге? Эккехард из Соддена был двоюродным братом моей матери. Вас удивляет, что после его смерти Свободные Земли поднесли корону мне, его родственнику? Кровь – не водица! А Вензлав из Бругге принес мне вассальную присягу, но без принуждения! Он поступил так, чтобы спасти страну! Потому что при ясной погоде он видит, как поблескивают нильфгаардские копыта на левом берегу Яруги!

– Мы как раз и говорим о левом берегу, – процедила королева Лирии. – О берегу, по которому намерены ударить. А левый берег – это Цинтра. Разрушенная, сожженная, лежащая в руинах, оккупированная, обезлюдившаяся, но по-прежнему остающаяся Цинтрой. Цинтрийцы не поднесут тебе короны, Фольтест, и не присягнут на верность, как вассалы. Цинтра не согласится быть вассальным государством. Кровь – не водица!

– Цинтра, если ее... Когда мы ее освободим, должна стать нашим совместным протекторатом, – сказал Демавенд из Аэдирна. – Цинтра – это устье Яруги, слишком важный стратегический пункт, чтобы потерять контроль над ним.

– Это должна быть свободная страна, – возразил Визимир. – Свободная, независимая и сильная. Страна, которая будет железными воротами, предместьем Севера, а не полосой выжженной земли, на которой будет брать разгон нильфгаардская конница!

– Удастся ли восстановить такую Цинтру? Без Калантэ?

– Не горячись, Фольтест, – надула губки Мэва. – Я тебе уже сказала, цинтрийцы никогда не признают ни протектората, ни чужой крови на троне. Если ты попытаешься навязать им себя в качестве сеньора, то положение изменится. Виссегерд снова начнет собирать отряды для борьбы, на этот раз, однако, под крылом Эмгыра. И в один прекрасный день его отряды кинутся на нас, как штурмовой авангард нильфгаардцев, острие пики, как ты недавно красочно выразился.

– Фольтест об этом знает, – фыркнул Визимир. – Поэтому так усиленно разыскивает Львенка, внуку Калантэ. Не понимаете? Кровь – не водица. Корона через замужество. Достаточно найти девочку и заставить ее выйти за него замуж.

– Ты спятил? – чуть не подавился слюной король Темерии. – Львенок мертв! Я вовсе не ищу девочку, но если даже... У меня и в мыслях не было принуждать ее к чему-нибудь...

– А тебе и не пришлось бы ее принуждать, – прервала Мэва, мило улыбнувшись. – Ты все еще вполне недурен, родственничек. А в Львенке течет кровь Калантэ. Очень горячая кровь. Я знала Калю, когда еще была молодой. Ей достаточно было увидеть парня, как она тут же начинала сучить ножками, да так, что если б хвороста куда надо подкинуть, он в тот же миг занялся бы живым огнем! Ее дочка, Паветта, мать Львенка, была один к одному такая же. Скорее всего и Львенок недалеко ушел от маменьки. Чутьочку усилий, Фольтест, и девушка долго не выстоит. На это ты и рассчитываешь, верно?

– Именно на это он и рассчитывает, – захохотал Демавенд. – Ну и хитрый планчик нарисовал наш король! Мы ударим по левому берегу и еще не успеем обернуться, как Фольтест отыщет Львенка и завоюет девичье сердце, у него будет молодая женушка, которую он возведет на престол Цинтры, а тамошний люд примется слезы лить от радости и писаться в штаны от счастья. Ведь у них будет своя королева, кровь от крови и плоть от плоти Калантэ. Будет у них королева... только в том-то и дело, что вместе с королем. Королем Фольтестом.

– Ну и чепуху же вы несете! – воскликнул Фольтест, то краснея, то бледнея. – Что вам в голову ударило? Во всем этом нет ни на грош смысла!

– В этом уйма смысла, – сухо сказал Визимир. – Мне известно, что ребенка кто-то усиленно разыскивает. Кто, Фольтест?

– Ясно же! Виссегерд и цинтрийцы!

– Нет, не они. Во всяком случае, не только... Кто-то еще. Кто-то, чья дорога помечена трупами. Кто-то, кто не отступает перед шантажом, подкупам и пытками... Коли уж мы заговорили об этом, то хотелось бы знать, не состоит ли при ком-нибудь из вас тип по имени Риенс. Так, по мидам вижу, что либо не состоит, либо вы не признаетесь. А это одно на одно выходит. Повторяю: внуку Калантэ ищут, ищут такими методами, которые заставляют задуматься. Кто ее ищет, спрашиваю?

– К черту! – Фольтест треснул кулаком по столу. – Не я! Мне и в голову не приходило жениться на каком-то там ребенке ради какого-то там трона! Ведь я...

– Ведь ты вот уже четыре года тайно сожительствуешь с баронессой Ла Валеттой, – снова усмехнулась Мэва. – Лобызаетесь будто голубочки, только того и ждете, чтобы старый барон наконец копыта откинул. Что так смотришь? Все мы об этом знаем. За что, думаешь, шпикам

платим? Но ради трона Цинтры, дорогуша, не один король рад бы пожертвовать личным счастьем...

– Минутку. – Хенсельт с хрустом поскреб бороду. – Говорите, не один король? Тогда на минутку оставьте Фольтеста в покое. Есть и другие. Верно, в свое время Калантэ собиралась выдать внуку за сына Эрвилла из Вердэна. Эрвиллу тоже может показаться Цинтра. И не только ему...

– Хм, – буркнул Визимир. – Оно, конечно, так. У Эрвилла трое сыновей. А как относительно тех из нас, кого боги не обделили потомками мужеского пола? А, Мэва? Ты, случаем, не пускаешь нам пыль в глаза?

– Меня можете исключить. – Королева Лирии улыбнулась еще очаровательнее. – Правда, по миру валандаются два моих отпрыска... Плоды канувшего в небытие прекрасного прошлого... Если только их до сих пор не повесили. Вряд ли кому из них вдруг приспичит царствовать. У них не было к тому ни предрасположения, ни влечения. Оба были глупее даже собственного папеньки, да будет земля ему пухом. Кто знал покойного, тот понимает, о чем я...

– Факт, – подтвердил король Редании. – Я его знал. Неужто сыновья еще глупее? Холера, я думал, глупее не бывает... Прости, Мэва...

– Пустое, Визимир.

– Кто еще богат сыновьями?

– Ты, Хенсельт.

– Мой женат!

– А на что яд? Кто-то из нас справедливо заметил, мол, ради трона Цинтры нашлись бы охотники пожертвовать собственным счастьем. Был бы смысл!

– Категорически отвергаю подобные инсинуации! И прекратите! У других тоже есть сыновья!

– У Недамира из Хенгфорса – двое. Да и сам он вдовец. Не забывайте об Эстераде Тиссене из Ковира.

– Я бы их исключил, – покрутил головой Визимир. – Хенгфорсская Лига и Ковир планируют династический союз. Цинтра и Юг их не интересуют... Хм. Но вот Эрвилл из Вердэна... Это, пожалуй, реально.

– Есть некто не менее... реальный, – вдруг заметил Демавенд.

– Кто?

– Эмгыр вар Эмрейс. Он не женат. И помоложе тебя, Фольтест.

– Черт побери, – наморщил лоб король Редании. – Если это правда... Эмгыр поимел бы нас без мыла! Ясно: народ и дворяне Цинтры всегда пойдут за кровью Калантэ. Представляете себе, что будет, если Эмгыр поймает Львенка?! Этого нам только не хватало! Королева Цинтры и императрица Нильфгаарда! Да уж!

– Императрица! – фыркнул Хенсельт. – Ну, тут-то ты явно перебрал. На кой черт Эмгыру девчонка, зачем ему жениться? Ради трона Цинтры? Цинтра уже и так под Эмгыром! Он захватил страну и сделал из нее нильфгаардскую провинцию! Сидит на троне всей своей Эмгыровой задницей, и там еще хватит места, чтобы повертеться!

– Во-первых, – заметил Фольтест, – Эмгыр владеет Цинтрой по праву, точнее, по бесправию агрессора. А поймай он девчонку и женись на ней, его царствование стало бы легальным. Понимаешь? Нильфгаард, связанный супружеством с королевской кровью Калантэ, – это уже не Нильфгаард-завоеватель, на которого скалит зубы весь Север. Это уже Нильфгаард-сосед, с которым надлежит считаться. Как ты вытуришь такой Нильфгаард за Марнададь, за перевалы Амелл? Напав на королевство, на троне которого легально сидит Львенок, внучка Львицы из Цинтры? Дьявольщина! Не знаю, кто ищет ребенка. Я не искал. Но заявляю, что теперь начну. Я по-прежнему считаю, что девочка мертва, но рисковать нам нельзя. Выходит, она слишком важная персона. Если она выжила, мы должны ее отыскать!

– И сразу же решить, за кого выдадим, когда отыщем? – поморщился Хенсельт. – Такие решения не следует доверять случаю. Конечно, мы могли бы вручить ее бравым партизанам Виссегерда в качестве боевого штандарта, привязанного к длинному древку, пусть несут перед строем, атакуя противоположный берег. Но если мы хотим, чтобы вновь обретенная Цинтра послужила нам всем... Надеюсь, вы понимаете, о чем я? Если мы нападём на Нильфгаард и отобьём Цинтру, тогда можно будет посадить Львенка на трон. Но у Львенка может быть только один муж, который сумеет обеспечить наши интересы в устье Яруги. Кто из присутствующих согласится на это?

– Я – нет, – съехидничала Мэва. – Отказываюсь от такой возможности.

– А я не исключал бы и отсутствующих, – серьезно проговорил Демавенд. – Ни Эрвилла, ни Недамира, ни Тиссенидов. А этакий Виссегерд, подумайте сами, может нас удивить и получить неожиданную пользу от штандарта, привязанного к длинному древку. Вам доводилось слышать о морганатических браках? Виссегерд стар и дурен, как коровья лепешка, но если Львенка напоить отварами из полыни и тернеры, она может нежданно-негаданно в него влюбиться! А для короля Виссегерда в наших планах тоже найдется местечко?

– Нет, – буркнул Фольтест. – В моих – не найдется.

– Хм... – замялся Визимир. – В моих, пожалуй, тоже нет. Виссегерд – орудие, а не партнер, и именно такую, а никак не иную роль должен сыграть в наших планах нападения на Нильфгаард. Кроме того, если именно Эмгыр вар Эмрейс так активно разыскивает Львенка, то рисковать мы не можем.

– Никак не можем, – поддакнул Фольтест. – Львенок не должен попасть в руки Эмгыра. И вообще – в чьи-либо... неподходящие руки... Живой.

– Детоубийство? – поморщилась Мэва. – Скверное решение, милостивые государи короли. Недостойное. И, пожалуй, неоправданно жестокое. Вначале необходимо девочку найти, ведь пока еще ее у нас нет. А когда найдем, отдайте ее мне. Я подержу ее годика два в каком-нибудь замке в горах, выдам за одного из моих рыцарей, и когда вы ее снова увидите, у нее уже будут двое детей и во-от такой живот.

– То есть, если я верно понял, как минимум трое будущих претендентов и самозванцев? – кивнул Визимир. – Нет, Мэва. Конечно, ничего приятного в этом нет, но Львенок, если она выжила, теперь должна умереть. Высшие государственные интересы... Как вы на это, короли?

Дождь колотил в окна. Между башнями замка Хагги выл ветер.

Короли молчали.

– Визимир, Фольтест, Демавенд, Хенсельт и Мэва, – проговорил маршал, – встретились на секретном совещании в Хагге над Понтаром. Совещались втайне.

– Какая символика, – сказал, не оборачиваясь, щуплый черноволосый мужчина в лосевом кафтане со следами от оружия и пятнами ржавчины. – Ведь именно под Хаггой неполных сорок лет назад Вирфурил разбил армию Меделла, закрепив свою власть в Долине Понтара и установив теперешние границы между Аэдирном и Темерией. А сегодня, извольте, Демавенд, сын Вирфурила, приглашает в Хаггу Фольтеста, сына Меделла, притянув туда же для комплекта Визимира из Третогора, Хенсельта из Ард Каррайга и веселую вдовушку Мэву из Лирии. Сидят и тайно совещаются. Догадываешься, о чем, Коегоорн?

– Догадываюсь, – кратко ответил маршал. Он знал, что стоявший к нему спиной мужчина не терпит, чтобы в его присутствии похвалялись красноречием и комментировали очевидные истины.

– Этайна из Цидариса не пригласили. – Мужчина в лосевом кафтане повернулся, заложил руки за спину, медленно прошелся от окна к столу и обратно. – Эрвилла из Вердэна тоже. Не пригласили ни Эстерада Тиссена, ни Недамира. Значит, либо они слишком самоуверенны, либо слишком неуверенны. Не пригласили никого из Чародейского Капитула. Это интересно. И знаменательно. Коегоорн, постарайся, чтобы чародеям стало известно о совещании. Пусть знают, что монархи не считают их равными себе. Сдается мне, чародеи из Капитула все еще сомневаются в этом. Развей их сомнения.

– Слушаюсь.

– Есть что-нибудь новое от Риенса?

– Ничего.

Мужчина остановился у окна и долго стоял, глядя на мокнущие под дождем холмы. Коегоорн ждал, нервно сжимая и разжимая руку, лежавшую на оголовье меча: опасался, что его ждет долгий монолог. Маршал знал, что стоящий у окна мужчина почитает такие монологи беседой, а беседу рассматривает как честь и доказательство доверия. Он знал об этом, но монологи выслушивать не любил.

– Как ты находишь эту страну, наместник? Удалось полюбить свою новую провинцию?

Маршал вздрогнул, застигнутый врасплох. Такого вопроса он не ожидал. Но долго над ответом не задумывался. Неискренность и нерешительность могли обойтись слишком дорого.

– Нет, ваше величество. Не полюбил. Страна какая-то... угрюмая.

– Некогда она была другой. Увидишь. Еще будет прекрасная, радостная Цинтра, Коегоорн. Обещаю. Но не грусти, я тебя здесь долго не продержу. Другой займет кресло наместника провинции. Ты нужен мне в Доль Ангре. Немедленно отправишься, чтобы подавить смуту. Мне в Доль Ангре нужен ответственный человек, который не даст себя спровоцировать. Приструнишь молодых офицеров. Остудишь горячие головы. Позволишь себя спровоцировать, только когда я прикажу. Не раньше.

– Слушаюсь!

Из передней долетел звон оружия, звяканье шпор и возбужденные голоса. В дверь постучали. Мужчина в лосевом кафтане отвернулся от окна, кивнул. Маршал слегка поклонился и вышел.

Мужчина вернулся к столу, сел, склонился над картами. Долго глядел на них, наконец оперся лбом на сплетенные пальцы. Огромный бриллиант в перстне заискрился, отражая тысячами блесков огоньки свечей.

– Ваше высочество, позвольте, – вернулся маршал.

Мужчина не изменил позы. Но маршал заметил, что руки у него дрогнули. Угадал по искоркам бриллианта. Осторожно и тихо прикрыл за собой дверь.

– Вести, Коегоорн? От Риенса?

– Нет, ваше величество. Но вести хорошие. Восстание в провинции подавлено. Мы разбили бунтовщиков. Очень немногим удалось сбежать в Вердэн. Мы поймали вожака, дюка Виндхальма из Аттре.

– Хорошо, – помолчав, сказал мужчина, по-прежнему не поднимая головы. – Виндхальм из Аттре... Прикажи обезглавить. Нет. Не обезглавить. Казнить по-другому. Эффектно, долго и жестоко. И, разумеется, публично. Необходим пример. Что-нибудь такое, что испугает других. Только, пожалуйста, Коегоорн, избавь меня от подробностей. Никаких красочных описаний в рапортах. Не нахожу в этом ничего приятного.

Маршал, кивнув, сглотнул. Он тоже не находил в этом ничего приятного. Ну совершенно ничего. Поэтому решил поручить исполнение казни специалистам. Он не собирался расспрашивать специалистов о деталях. И уж тем более присутствовать при экзекуции.

– Будешь присутствовать при казни. – Мужчина поднял голову, взял со стола письмо, сломал печать. – Официально. Как мой наместник в провинции Цинтра. Заменишь меня. Я не желаю смотреть. Это приказ, Коегоорн.

– Слушаюсь! – Маршал даже не пытался скрыть смущение и недовольство. Перед мужчиной, который отдал приказ, нельзя было ничего скрывать. Да и редко кому это удавалось.

Мужчина взглянул на письмо и почти тут же кинул его в огонь камина.

– Коегоорн!

– Слушаю, ваше величество!

– Я не стану ждать рапорта Риенса. Подними на ноги магиков, пусть подготовят устный приказ, который незамедлительно должен быть передан Риенсу: перестать цацкаться с ведьмаком. Это может скверно кончиться. С ведьмаком играть нельзя. Я его знаю, Коегоорн. Он слишком хитер, чтобы навести Риенса на след. Повторяю, Риенс должен немедленно организовать покушение, незамедлительно вывести ведьмака из игры. Убить. А потом исчезнуть, затаиться и ждать распоряжений. А если он раньше нападет на след чародейки, пусть оставит ее в покое. У Йеннифэр волос не должен с головы упасть. Запомнил, Коегоорн?

– Так точно.

– Телепатосвязь должна быть зашифрована и жестко застрахована от возможности магического прочтения. Предупреди чародеев. Ежели они дело испоганят, если те, кому не положено, узнают о содержании распоряжения, я всю ответственность возложу на них.

– Так точно. – Маршал кашлянул.

– Что еще, Коегоорн?

– Граф... уже здесь, ваше величество. Прибыл в соответствии с приказом.

– Так быстро? – усмехнулся мужчина. – Поразительная поспешность. Надеюсь, он не загнал того вороного, из-за которого ему все так завидовали. Пусть войдет.

– Мне присутствовать, ваше величество?

– Разумеется, наместник Цинтры.

Вызванный из передней рыцарь вошел в комнату энергичным, уверенным, четким шагом, скрипя черными латами. Остановился, гордо выпрямился, отбросил с плеча за спину мокрый, покрытый грязью черный плащ, положил руку на рукоять огромного меча. Прижал к бедру черный шлем, украшенный крыльями хищной птицы. Коегоорн взглянул рыцарю в лицо. Увидел жесткую воинственную гордость и дерзость. Но не обнаружил ничего такого, что следовало бы увидеть на лице человека, который последние два года провел в башне, откуда, как все о том говорили, выйти мог только на эшафот. Маршал усмехнулся в усы. Он знал, что презрение к смерти и бесшабашная храбрость юности проистекали исключительно из отсутствия воображения. Прекрасно знал. Сам когда-то был таким.

Сидевший за столом мужчина положил подбородок на сплетенные пальцы и внимательно взглянул на рыцаря. Рыцарь напрягся как струна.

– Чтобы все было ясно, – обратился к нему мужчина из-за стола. – Знай, оплошность, которую ты допустил в этом городе два года назад, тебе не прощена. Я предоставлю тебе еще один шанс. Ты получишь еще один приказ. От того, как ты его исполнишь, будет зависеть мое решение касательно твоей дальнейшей судьбы.

Лицо молодого рыцаря даже не дрогнуло, ни одно перышко не шелохнулось на крыльях, украшающих прижатый к бедру шлем.

– Я никогда никого не обманываю, не сулю несбыточных надежд, – продолжал мужчина. – Поэтому знай, в какой-то степени надеяться ты можешь только на то, что твоей шеи не коснется топор палача, да и то лишь в том случае, если на этот раз ты снова не совершишь ошибки. На полное помилование шансов у тебя мало. На то, что я забуду и прощу, – никаких.

Юный рыцарь в черных латах и на этот раз не дрогнул, но Коегоорн заметил, как сверкнули его глаза. «Не верит, – подумал он. – Не верит и заблуждается. Совершает огромную ошибку».

– Приказываю быть максимально внимательным, – продолжал мужчина. – Тебе тоже, Коегоорн. Приказы будут касаться и тебя. Те, что я сейчас отдам. Через минуту. Мне надо немного подумать над их содержанием и формой.

Маршал Мэнно Коегоорн, наместник провинции Цинтра и будущий главнокомандующий армией Доль Ангра, поднял голову, выпрямился, положил руку на головку меча. Точно такую же позу принял рыцарь в черных доспехах и шлеме с крыльями хищной птицы. Оба ждали. В тишине. Терпеливо. Как и надлежало ждать приказов, над содержанием и формой которых задумался император Нильфгаарда, Emhyr var Emreis, Deithwen Addan yn Carn aep Morvudd, Эмгыр вар Эмрейс, Белое Пламя, Пляшущее на Курганах Врагов.

Цири проснулась.

Она лежала, вернее, полусидела, положив голову на несколько хорошо взбитых подушек. Компрессы на лбу были уже теплыми и лишь чуточку влажными. Она сбросила их, не в состоянии переносить неприятной тяжести и жжения. Дышала она с трудом. Горло пересохло, нос почти полностью забила запекшаяся кровь. Но эликсиры и заклинания подействовали – боль, которая несколько часов туманила взгляд и, казалось, разрывала череп, исчезла, отступила, осталась лишь тупая пульсация и давление в висках.

Цири осторожно потрогала нос.

«Ну и странный же был сон, – подумала она. – Первый сон за столько дней. Первый, в котором я не чувствовала страха. Первый, который касался не меня. Я была... наблюдателем. Видела все как бы с горы, с вышины... Так, словно была птицей... Ночной птицей...

Сон, в котором я видела Геральта.

В этом сне была ночь. И дождь, который покрывал рябью воду канала, шумел в гонгах крыш, стропилах сараев, блестел на досках помостов и мостиков, на палубах лодок и барж... И там был Геральт. Не один. С ним был мужчина в смешной шапочке с пером, обвисшим от влаги. И художавая девушка в зеленом плаще с капюшоном... Все трое медленно и осторожно шли по мокрому помосту... А я видела их сверху. Так, словно была птицей. Ночной птицей...

Геральт остановился. Спросил: далеко еще? Нет, сказала художавая девушка, стряхивая воду с зеленого плаща. Мы уже почти пришли... А где, черт побери, Филиппа? Ведь я только что ее видел, она летела вдоль канала... Ну и отвратная погода... Пошли. Веди, Шани. А кстати, откуда ты знаешь этого знахаря?

Я иногда продаю ему лекарства, которые умыкаю из лаборатории. Что так смотришь? Отчим с трудом наскребает на мое учение... Бывает, деньги нужны... А знахарь, получив настоящие лекарства, лечит людей... Или хотя бы не травит их... Ну пошли же.

Странный сон, – подумала Цири. – Жаль, проснулась. Хотелось бы увидеть, что дальше... Узнать, что они там делают. Куда идут...»

Из соседней комнаты донеслись голоса, которые ее разбудили. Мать Нэннеке говорила быстро, она была явно возбуждена, зла и взбуждена.

– Ты обманула мое доверие, – говорила она. – Не следовало этого позволять. Можно было догадаться, что твоя антипатия к ней приведет к несчастью. Я не должна была разрешать тебе. Ведь я тебя знаю. Ты бездушна, ты жестока, а ко всему прочему еще оказалась безответственной и неосторожной. Ты безжалостно терзаешь ребенка, принуждаешь к усилиям, которые она не в состоянии совершить. Ты бессердечна.

У тебя действительно нет сердца, Йеннифэр.

Цири прислушалась, чтобы уловить ответ чародейки, ее холодный, жесткий и звучный голос. Хотела услышать, как онаотреагирует, как посмеется над жрицей, как высмеет ее чрезмерную заботливость. Как скажет то, что говорит обычно, – быть чародейкой не шуточки, занятие не для кисейных барышень, сделанных из фарфора или праздничных яичек, выдутых из тонкого стекла. Но Йеннифэр ответила тихо. Так тихо, что девочка не только не поняла, но даже не расслышала слов.

«Усну, – подумала она, осторожно и нежно ощупывая нос, все еще болезненно чуткий, забитый засохшей кровью. – Вернусь в свой сон. Посмотрю, что делает Геральт там, в ночи, под дождем, у канала...»

Йеннифэр держала ее за руку. Они шли по длинному коридору, между каменными колоннами, а может, статуями, Цири не могла разглядеть. Мешал плотный мрак. Но в темноте кто-то был, кто-то скрывался там и наблюдал за ними. Она слышала шепотки, тихие, как дуновение ветерка.

Йеннифэр держала ее за руку, а она шла быстро и уверенно, полная решимости, так что Цири едва поспевала за ней. Бесконечное множество дверей открывалось перед ними. Одна за другой. Одна за другой. Бесконечное множество дверей с гигантскими, тяжелыми створками бесшумно открывалось перед ними.

Мрак густел. Впереди Цири снова увидела двери. Йеннифэр не замедлила шага, но Цири вдруг поняла, что эти двери перед ними сами не раскроются. И тут же обрела поразительную уверенность, что отворять их нельзя. Что нельзя в них пройти. Что за этими дверями что-то ее ждет...

Она остановилась, попыталась вырваться, но рука Йеннифэр не поддавалась, а сильно и неумолимо тащила ее вперед. И Цири наконец поняла, что ее предали, обманули, продали. Что все время с первой встречи, с самого начала, с первого дня она была лишь марионеткой, куклой на ниточках. Она дернулась сильнее, вырвалась из рук Йеннифэр. Мрак заколебался словно дым, шепотки в темноте неожиданно оборвались. Чародейка сделала шаг вперед, остановилась, повернулась, взглянула на нее.

Если боишься, вернись.

Эти двери открывать нельзя. Ты об этом знаешь.

Знаю.

И все-таки ведешь меня туда.

Если боишься – вернись. Есть еще время вернуться. Еще не поздно.

А ты?

Мне уже поздно.

Цири осмотрелась. Сквозь всеобъемлющий мрак она видела двери, и те, которые они только что миновали, и те, что уже остались далеко позади. И оттуда, издалека, из тьмы, услышала...

Цокот подков. Скрежет черных доспехов. И шум крыльев хищной птицы. И голос. Тихий, понижающий мозг голос...

Ты ошиблась. Ты перепутала небо со звездами, отраженными ночью в поверхности пруда.

Она проснулась. Резко подняла голову, сбросила примочку, свежую – примочка была мокрой и холодной. Ее заливал пот, в висках опять звенела и билась тупая боль. Йеннифэр сидела рядом на кровати, отвернувшись так, что Цири не видела ее лица. Видела только бурю черных волос.

– Я видела сон... – шепнула Цири. – В этом сне...

– Знаю, – сказала чародейка странным, не своим голосом. – Поэтому я здесь. Рядом с тобой.

За окном, во тьме, дождь шумел в листве деревьев. * * *

– А, черт, – проворчал Лютик, отряхивая воду с намокших под дождем полей шляпы. – Не дом – крепость. Чего этот знахарь боится, раз так огородился?

Лодки и баржи, пришвартованные к набережной, лениво покачивались на морщинистой от дождя воде, сталкивались с тихим стуком, скрипели, позвякивая цепями.

– Портовый район, – пояснила Шани. – Тут полно бандюг и подонков – и местных, и пришлых. К Мырману ходит множество людей, приносят деньги... Все об этом знают. Как и о том, что живет он один. Вот он и бережется. Удивляетесь?

– Ничуть. – Геральт взглянул на постройки, возведенные на вбитых в дно канала сваях саженьях в пяти от набережной. – Думаю, как попасть на этот остров. В его надводную хатку.

Вероятно, придется втихую позаимствовать одну из лодок...

– Нет нужды, – сказала медичка. – Там подъемный мостик.

– А как ты уговоришь знахаря опустить его? К тому же там еще и двери, а тарана мы не прихватили...

– Предоставьте это мне.

Большая серая сова беззвучно опустилась на перила помоста, тряхнула крыльями, встопорщилась и обратилась в Филиппу Эйльхарт, столь же встопорщенную и мокрую.

– Я-то что тут делаю? – раздраженно пробормотала чародейка. – Я-то что тут с вами делаю, черт меня побери? Балансирую на мокрой палке. И на грани государственной измены. Если Дийкстра узнает, что я вам помогаю... Вдобавок ко всему еще и моросит! Не люблю летать в дождь. Это здесь? Это, что ли, дом Мырмана?

– Да, – подтвердил Геральт. – Послушай, Шани. Давай попробуем...

Они сбились в плотную кучку и начали шептаться, невидимые во тьме под камышовым навесом. Из таверны на противоположной стороне канала упала на воду полоса света. Послышалось пение, смех и крики. На набережную вывалились трое плотогонов. Двое ругались, дергая и толкая друг друга, без усталости повторяя одни и те же проклятия. Третий, опершись о столб, отливал в канал, фальшиво насвистывая.

Донг! – металлически звякнула железная тарелка, подвешенная к столбику на помосте.

Донг!

Знахарь Мырман отворил оконце и выглянул. Фонарь в руке только слепил его, он его отставил.

– Кой черт там звонит ночью? – рявкнул он. – Стукни себя по пустому лбу, засранец, бандюга, ежели тебе приспичило стучать! Вон, пошли прочь, пьянь сволочная! А ну быстро! Тут у меня самострел натянут! Кому там не терпится получить шесть вершков стрелы в задницу?

– Господин Мырман! Это я, Шани!

– Что? – Знахарь высунулся сильнее. – Мазель Шани? Сейчас? Ночью? С чего бы это?

– Опустите мостик, господин Мырман! Я принесла, что вы просили!

– Именно теперь, в темень? Не могли днем, мазель?

– Днем слишком много глаз. – Худошавая фигурка в зеленом плаще замаячила на помосте. – Если увидят, что я вам ношу, меня выкинут из академии. Опустите мостик, я не хочу стоять под дождем, у меня туфельки промокли.

– Вы не одна, мазель? – подозрительно бросил знахарь. – Обычно приходите одна. Кто там с вами еще?

– Друг. Как и я – жак. Одной, что ли, мне тащиться ночью в ваш заразный район? Мне что, невинность не дорога, или как? Пустите меня наконец, черт побери!

Бормоча себе под нос, Мырман освободил собачку воротка, мостик, со скрипом опустившись, стукнул о доски помоста. Знахарь прошел к двери, отодвинул засов. Не убирая заряженного арбалета, осторожно выглянул.

Он не заметил метящего в висок кулака в черной, утыканной серебряными набивками перчатке. Зато, хоть ночь и была темной, безлунной, а небо – затянуто тучами, вдруг увидел десятки тысяч ослепительно ярких звезд. * * *

Тубланк Мишеле еще раз провел бруском по острию меча. Видно было, что это действие поглощает его без остатка.

– Итак, мы должны для вас убить человека. – Он отложил брусок, протер рукоять кусочком намазанной жиром кроличьей шкурки и критически осмотрел лезвие. – Обычного человека, который шлендает в одиночку по улицам Оксенфурта, без гвардии, без эскорта, без телохранителей. Даже без слуг. И чтобы его прикончить, нам не надо будет ни в храмы врываться, ни в ратуши, замки или гарнизонную крепость... Так, милсдарь Риенс? Я верно вас понял?

Мужчина с лицом, изуродованным рубцом, оставшимся после ожога, утвердительно кивнул, слегка прищурив темные влажные глаза с неприятным выражением.

– Кроме того, – продолжал Тубланк, – когда мы убьем этого типа, нам не будет нужды прятаться где-нибудь ближайшие полгода, потому что никто не станет за нами гоняться или нас разыскивать? Никто не напустит на нас выпивох или любителей заработать наградные? Мы не станем объектами родовой вражды либо кровной мести? Иначе говоря, милсдарь Риенс, нам предстоит замочить для вас обыкновеннейшего, ничем не примечательного, не имеющего никакого веса фрайера?

Мужчина со шрамом не ответил. Тубланк глянул на неподвижно сидевших на скамейке братьев. Рицци, Флавиус и Лодовико, как всегда, молчали. В этой троице на их долю приходилась работа, а разговоры разговаривать было делом Тубланка. Потому что только Тубланк посещал в свое время храмовую школу. Убивал он ничуть не хуже братьев, но сверх того еще умел читать и писать. Ну и молоть языком.

– И вот, чтобы убить такую серь, милсдарь Риенс, вы нанимаете не первого попавшегося портового пьянчужку, а нас, братьев Мишеле? За сто новиградских крон?

– Ваша обычная ставка, – процедил мужчина с рубцом. – Верно?

– Неверно, – холодно возразил Тубланк. – Мы промышляем не тем, что замачиваем обычных фрайеров. А коли уж беремся... Милсдарь Риенс, гусь, которого вам желательно видеть трупом, обойдется вам в двести. Двести честных, блестящих крон с вычеканенной меткой новиградского монетного двора. Знаете почему? Потому что в этом дельце имеется запашок, милостивый государь. Не говорите мне, какой именно, обойдемся. Но за него надо заплатить. Двести, я сказал. Ну, по рукам, и можете считать, что ваш... дружок испекся. Не хотите – ищите кого другого.

В воняющем гнилью и прокисшим вином подвале повисла тишина. По глиняному полу, быстро перебирая лапками, бежал таракан. Флавиус Мишеле с треском растоптал его молниеносным движением ноги, почти не изменив позы и совершенно не изменив выражения лица.

– Согласен, – сказал Риенс. – Получите двести. Пошли.

Тубланк Мишеле, с пятнадцати лет промышляющий убийствами, ничем не выдал удивления. Он не надеялся выторговать больше ста двадцати, ну, ста пятидесяти. И тут сообразил, что низковато оценил сочившийся от этого дельца «запашок».

Знахарь Мырман очнулся на полу собственного дома. Он лежал на спине, спеленутый, как баран. Сильно болел затылок. Он помнил, что, падая, ударился головой о дверной косяк.

Болел висок, по которому его стукнули. Пошевелиться он не мог, потому что на грудь тяжело и безжалостно давил высокий, застегнутый на крючки ботинок. Знахарь, щурясь, глянул вверх. Ботинок принадлежал высокому мужчине с белыми, как молоко, волосами. Лица Мырман не видел, оно скрывалось во мраке, которого не пробивал стоявший на столе фонарь.

– Не отнимайте жизнь... – простонал Мырман. – Пощадите ради богов... Деньги отдам... Все отдам... Покажу, где спрятаны...

– Где Риенс, Мырман?

При звуке этого голоса знахарь затрясся. Он был не из пугливых, и его мало чем можно было пронять, но в голосе беловолосого было все то небольшое, что пронять могло. И нечто большее.

Нечеловеческим усилием воли знахарь переборол страх, ползающий по внутренностям отвратным слизняком.

– А? – Он прикинулся изумленным. – Что? Кто? Как вы сказали?

Мужчина наклонился, и теперь Мырман увидел его лицо. Увидел глаза. И желудок ушел у него аж до прямой кишки.

– Не крути, Мырман, не верти хвостом, – послышался из тени знакомый голос Шани, медички из академии. – Когда я была у тебя три дня назад, то здесь, на этом вот табурете, за этим самым столом, сидел субъект в плаще, подбитом ондатрой. Он пил вино, а ведь ты никогда никого не угощаешь, только самых близких друзей. Он подъезжал ко мне, нагло уговаривал пойти потанцевать в «Три Звоночка». И даже задумал было лапаться. Пришлось дать по рукам. А ты сказал: «Оставь ее, милсдарь Риенс, не пугай. Мне с академичками надо жить в мире и крутить интересы». И вы оба хохотали, ты и твой милсдарь Риенс с ошпаренной мордой. Так что не разыгрывай идиота, потому что эти люди не глупее тебя. Давай выкладывай, пока вежливо просят.

«Ах ты, шклярка заумная, – подумал знахарь. – Ах ты, гадина предательская, ты, харя рыжая, уж я тебя найду, уж я тебе отплачу... Только бы выбраться из этой истории...»

– Какой Риенс? – заныл он, извиваясь и тщетно пытаясь высвободиться из-под давящего на грудину башмака. – И откуда мне знать, кто он и где он? Мало ли кто сюда приходит, всякие разные, так что же я...

Беловолосый наклонился еще больше, медленно вытащил кинжал из-за голенища второго ботинка, а первым сильнее нажал на грудь знахаря.

– Мырман, – сказал он тихо. – Хочешь – верь, хочешь – не верь. Но если ты сейчас же не скажешь, где находится Риенс... Если немедленно не раскроешь, как связываешься с ним... то я тебя по кусочкам скормлю угрям в канале. Начну с ушей.

В голосе беловолосого было нечто такое, что заставило знахаря тут же поверить каждому его слову. Он глядел на клинок и знал, что он острее тех ножей, которыми сам вскрывал язвы и чирьи. Его так затрясло, что упирающийся в грудь ботинок стал нервно подпрыгивать. Но он молчал. Вынужден был молчать. Пока что. Потому что если Риенс вернется и спросит, почему он его выдал, Мырману придется показать почему. «Одно ухо, – подумал он, – одно ухо я должен выдержать. Потом скажу...»

– Зачем терять время и пачкаться кровью? – неожиданно послышался из мрака мягкий женский альт. – Зачем рисковать? Ведь он начнет крутить и врать. Позвольте мне применить

свои методы. Заговорит так быстро, что искушает себе язык. Придержите-ка его.

Знахарь взвыл и дернулся в путях, но белоголовый прижал его коленом к полу, схватил за волосы и вывернул голову. Рядом кто-то опустил на колени. Мырман почувствовал запах духов и мокрых птичьих перьев, ощутил прикосновение пальцев к виску. Хотел крикнуть, но горло ему перехватил ужас, и он сумел только пискнуть.

– Ты уже намерен кричать? – по-кошачьему замурлыкал мягкий алыт у самого его уха. – Рановато, Мырман, рановато. Я еще не начинала. Но сейчас начну. Если эволюция создала в твоём мозгу какие-нибудь извилины, то я их сейчас тебе немного углублю. Вот тогда ты узнаешь, как можно кричать.

– Итак, – сказал Вильгефорц, выслушав донесение, – наши короли начали думать самостоятельно. Самостоятельно планировать, поразительно быстро эволюционируя от мышления тактического к стратегическому. Любопытно. Еще недавно, под Содденом, единственное, что они умели, так это, размахивая мечом, галопировать с диким гиканьем во главе отряда, даже не интересуясь, не остался ли этот отряд позади, а может, вообще скачет совсем в другую сторону. А сегодня, извольте, в Хаггенском замке они решают судьбы мира. Любопытно. Очень любопытно. Но, если быть откровенным, я этого ожидал.

– Знаем, – согласился Артауд Терранова. – И помним: ты предостерегал. Поэтому тебе и сообщаем.

– Благодарю за память, – усмехнулся чародей, а Тиссая де Врие тут же поняла, что о сообщенных фактах он знал давно. Но смолчала. Выпрямившись в кресле, она подровняла кружевные манжеты, поскольку левый лежал несколько иначе, чем правый. Почувствовала на себе неприязненный взгляд Террановы и веселый – Вильгефорца. Она знала, что всех или нервирует, или забавляет ее ставший притчей во языцех педантизм. Но это ее совершенно не волновало. – Что скажет на это Капитул?

– Для начала, – ответил Терранова, – мы хотели бы услышать твое мнение, Вильгефорц.

– Для начала, – улыбнулся чародей, – надо немного выпить и перекусить. Времени у нас достаточно, позвольте мне быть добрым хозяином. Вижу, вы озябли и утомлены. Сколько пересадок в телепортах, можно узнать?

– Три, – пожала плечами Тиссая де Врие.

– Я был ближе, – потянулся Артауд. – Мне хватило двух. Но сложных, признаюсь.

– Везде такая паскудная погода?

– Везде.

– Ну так давайте подкрепимся едой и старым красным вином из Цидариса. Лидия, можно тебя попросить?

Лидия ван Бредевоорт, ассистентка и личный секретарь Вильгефорца, возникла из-за портьеры словно легкое привидение, глазами улыбнулась Тиссае де Врие. Тиссая, хорошо владея лицом, ответила милой улыбкой и наклоном головы. Артауд Терранова встал, почтительно поклонился. Он тоже прекрасно владел лицом. Лидию он знал.

Две служанки, спеша и шелестя юбками, быстро накрыли на стол. Лидия ван Бредевоорт зажгла свечи в подсвечниках, тонко выколдовав изящный огонек между большим и указательным пальцами. Тиссая заметила у нее на руке пятнышко масляной краски. Зафиксировала это в памяти, чтобы после ужина попросить молодую чародейку показать новое произведение. Лидия была способной художницей.

Вечеряли в молчании. Артауд Терранова, не стесняясь, лез в тарелки и, пожалуй, чересчур часто и без приглашения со стороны хозяина позвякивал серебряной крышечкой графина с красным вином. Тиссая де Врие ела не спеша, больше внимания уделяя не пище, а тому, чтобы создавать правильные композиции из тарелочек, столовых приборов и салфеток, которые, по ее мнению, все время лежали неровно и травмировали ее приверженность к порядку и чувство эстетики. Пила она сдержанно. Вильгефорц ел и пил еще сдержаннее. Лидия, естественно, не пила и не ела вообще.

Пламя свечей колебалось длинными желто-красными язычками. По оконным витражам звенели капли дождя.

– Ну, Вильгефорц, – наконец проговорил Терранова, ковыряя вилкой в блюде в поисках достаточно жирного куса свинины. – Что думаешь относительно начинаний наших монархов? Хен Гедымгейт и Франческа прислали нас, ибо желают знать твоё мнение. Меня и Тиссая это тоже интересует. Капитул хочет в этом вопросе занять соответствующую позицию. А если дело дойдет до действий, то действовать мы также хотели бы согласно. Итак, что ты посоветуешь?

– Весьма польщен, – Вильгефорц жестом поблагодарил Лидию, которая хотела добавить ему на тарелку порцию брокколи, – тем, что моё мнение может быть решающим для Капитула.

– Этого никто не сказал. – Артауд снова подлил себе вина. – Решение мы в любом случае примем коллегиально, когда Капитул соберется. Но хотелось бы, чтобы каждый мог предварительно высказаться, дабы мы сориентировались. Итак – слушаем.

Если с ужином покончено, то, может быть, перейдем в лабораторию, – телепатически предложила Лидия, улыбаясь глазами. Терранова взглянул на её улыбку и быстро допил то, что оставалось в кубке. До дна.

– Прекрасная мысль. – Вильгефорц вытер пальцы салфеткой. – Будет удобнее, к тому же там надежнее защита от магического подслушивания. Пошли. Можешь прихватить графин, Артауд.

– Не премину. Это мой любимый год.

Перешли в лабораторию. Тиссая не могла удержаться, чтобы не кинуть взгляд на стол, уставленный ретортами, тиглями, пробирками, кварцевыми сосудами и неисчислимой магической утварью. Все было защищено камуфлирующим заклятием, но Тиссая де Врие была Архимагистром, не существовало заслона, сквозь который она не могла бы пробиться. А её немного интересовало, чем занимается маг последнее время. Она мгновенно сориентировалась в конфигурации недавно применявшейся аппаратуры, которую обычно использовали, когда надо было обнаружить место пребывания исчезнувших людей и для психовидения методом «хрусталь-металл-камень». Чародей или кого-то разыскивал, или разрешал теоретическую логистическую проблему. Вильгефорц из Роггевеена слыл крупным любителем подобных проблем.

Расселись по резным карлам красного дерева. Лидия взглянула на Вильгефорца, поймала данный взглядом знак и тут же вышла. Тиссая незаметно вздохнула.

Все знали, что Лидия ван Бредевоорт любит Вильгефорца из Роггевеена, и любит давно, тихой, упорной, неотступной любовью. Чародей, конечно, тоже об этом знал, но делал вид, будто не знает. Лидия облегчала ему задачу, ни разу не выдав своих чувств – никогда не сделав ни малейшего шага или жеста, не подав знака мыслью, а если б даже могла говорить, не сказала бы ни слова. Она была слишком горда для этого. Вильгефорц тоже ничего не предпринимал, потому что Лидию не любил. Он мог, разумеется, запросто сделать её своей любовницей и тем самым ещё сильнее привязать к себе, а как знать, может, и осчастливить.

Находились такие, кто это ему советовал. Но Вильгефорц к подобным советам не прислушивался. Он был слишком горд и чересчур принципиален. Так что положение оставалось безнадежным, но стабильным, и это в равной степени устраивало обоих.

– Итак, – прервал тишину молодой чародей. – Капитул не знает, что предпринять в отношении инициатив и планов наших государей? И совершенно напрасно мучается. Эти планы следует просто проигнорировать.

– Как-как? – Артауд Терранова замер с кубком в левой и графином в правой руке. – Уж не ослышался ли я? Бездействовать? Позволить...

– Мы и без того уже позволили, – прервал Вильгефорц. – Ведь никто у нас разрешения не просил. И не попросит. Повторяю: следует делать вид, будто мы ни о чем не догадываемся. Это единственно разумное поведение.

– То, что они надумали, грозит войной, к тому же крупномасштабной.

– То, что они надумали, стало нам известно благодаря секретной и неполной информации, исходящей из секретного, весьма сомнительного источника. Сомнительного до такой степени, что упорно напрашивается слово «дезинформация». А если даже это и правда, то их замыслы пока еще пребывают в фазе планирования и долго в этой стадии останутся. А когда выйдут за пределы... Ну что ж, тогда мы... подстроимся к ситуации.

– Ты хотел сказать, – поморщился Терранова, – что запляшем так, как они нам заиграют?

– Да, Артауд. – Вильгефорц взглянул на него, и глаза у него блеснули. – Ты запляшешь так, как они тебе заиграют. Либо покинешь танцевальный зал. Потому что подиум для оркестра слишком высок, чтобы ты мог на него забраться и велеть музыкантам играть другую музыку. Пойми же наконец. Если ты считаешь, что существует другое решение, то ошибаешься. Путаешь небо со звездами, отраженными ночью в поверхности пруда.

«Капитул сделает то, что он прикажет, скрывая приказ под видимостью совета, – подумала Тиссая де Врие. – Все мы пешки на его шахматной доске. Он пошел в гору, вырос, затмил нас своим блеском, подчинил себе. Мы – пешки в его игре. В игре, правил которой не знаем».

Левый манжет опять лег иначе, чем правый. Чародейка тщательно расправила его.

– Планы королей уже находятся на стадии реализации, – проговорила она медленно. – В Каздвене и Аэдирне начаты операции против скоя'таэлей. Льется кровь эльфской молодежи. Дело доходит до погромов и преследования нелюдей. Говорят о нападении на свободных эльфов в Доле Блатанна и Синих Горах. Это массовое убийство. Так нам что, передать Гедымгейту и Энид Финдабаир, что ты рекомендуешь сидеть сложа ручки? Прикидываться, будто мы ничего не видим?

Вильгефорц повернулся к ней. «Сейчас ты сменишь тактику, – подумала Тиссая. – Ты – игрок, на слух уловил, какие кости катятся по столу. Сменишь тактику. Ударишь в другую сторону».

Вильгефорц не спускал с нее глаз.

– Ты права, – коротко сказал он. – Ты права, Тиссая. Война с Нильфгаардом – одно, но за истреблением нелюдей нельзя наблюдать в бездействии. Предлагаю Большой Сбор, всеобщий Сбор всех, до мэтров третьей степени, а также и тех, кто после Соддена заседает в королевских Советах. На Большом Сборе обратимся к их рассудку и распорядимся унять монархов.

– Такой проект я одобряю, – сказал Терранова. – На Большом Сборе напомним королям, по отношению к кому в первую очередь они обязаны быть лояльными. Учтите, что у королей

сейчас в советниках даже некоторые члены нашего Капитула. Королям служат Кардуин, Филиппа Эйльхарт, Феркарт, Радклифф, Йеннифэр...

Услышав последнее имя, Вильгефорц вздрогнул. Внутренне, разумеется. Но Тиссая де Врие была Архимагистром. Тиссая уловила мысль, импульс, перепрыгнувший с магической аппаратуры к двум лежащим на столе книгам. Обе книги были невидимы, укрыты магией. Чародейка сконцентрировалась и пробила заслон.

«Aen Ithlinne speath», пророчество Ithlinne Aegli aep Aevenien, эльфской прорицательницы. Предсказание конца цивилизации, пророчество гибели и возвращения варварства, коим предстоит прийти одновременно с массами льда,двигающимися с границ вечной мерзлоты. А другая книга... Очень старая... Потрепанная... «Aen Hen Ichaeg»... «Старшая Кровь»... Кровь Эльфов?

– Твое мнение, Тиссая?

– Поддерживаю. – Чародейка поправила перстень, который повернулся на пальце не в ту сторону. – Поддерживаю предложение Вильгефорца. Нужен Большой Сбор, и как можно скорее.

«Металл-камень-хрусталь, – подумала она. – Ищешь Йеннифэр? Зачем? И что общего у Йеннифэр с пророчеством Итлины? И со Старшей Кровью Эльфов? Что ты задумал, Вильгефорц?»

Простите, – телепатически сказала Лидия ван Бредевоорт, беззвучно входя.

– Простите, – встал чародей, – но это срочно. Я со вчерашнего дня ждал письма. Это отнимет не больше минуты.

Артауд зевнул, сдержал ветры, потянулся к графину. Тиссая взглянула на Лидию. Лидия улыбнулась. Глазами. Иначе она не могла.

Нижняя половина лица Лидии ван Бредевоорт была фантомом.

Четыре года назад по распоряжению Вильгефорца, ее мэтра, Лидия приняла участие в исследовании свойств артефакта, найденного при раскопках древнего некрополя. Артефакт оказался защищенным мощным заклинанием. Активизировался всего один раз. Из пяти участников эксперимента трое чародеев погибли на месте. Четвертый потерял глаза, обе руки и сошел с ума. Лидия отделалась ожогами, искалеченной челюстью и мутацией гортани и горла, до сих пор эффективно сопротивляющейся попыткам регенерации. Поэтому пришлось применить сильнейший фантом, чтобы люди не падали в обморок при виде ее лица. Это был очень сильный, мастерски наложенный фантом, который с трудом пробивали даже избранные.

– Хм... – Вильгефорц отложил письмо. – Благодарю, Лидия.

Посланец ждет ответа, – улыбнулась Лидия.

– Ответа не будет.

Понимаю. Я распорядилась подготовить комнаты для гостей.

– Благодарю. Тиссая, Артауд, простите за несколько минут задержки. Продолжим. На чем мы остановились?

«Ни на чем, – подумала Тиссая де Врие. – Но я тебя внимательно слушаю. Когда-нибудь ты все же дойдешь до вопросов, которые тебя действительно интересуют».

– Ах да, – медленно начал Вильгефорц. – Вспомнил. Речь идет о самых молодых по стажу членах Совета. О Феркарте и Йеннифэр. Насколько мне известно, Феркарт связан с Фольтестом из Темерии и входит в королевский Совет вместе с Трисс Меригольд. А с кем связана Йеннифэр? Ты говорил, Артауд, что она из тех, кто служит королям.

– Артауд преувеличил, – спокойно сказала Тиссая. – Йеннифэр живет в Венгерберге, поэтому Демавенд порой обращается к ней за помощью, но постоянно они не сотрудничают. И уж наверняка нельзя утверждать, будто она выслуживается перед Демавендом.

– Что у нее со зрением? Надеюсь, все в порядке?

– Да.

– Это хорошо. Это очень хорошо. Я беспокоился... Знаете, я хотел с ней связаться, но оказалось, что она выехала. Никто не знает куда.

«Камень-металл-хрусталь, – подумала Тиссая де Врие. – Все, что носит Йеннифэр, активно и не обнаруживается психовидением. Так ты ее не отыщешь, дорогой. Если Йеннифэр не желает, чтобы видели, где она находится, никто и не увидит».

– Напиши ей, – сказала она спокойно, подравнивая манжеты. – И перешли письмо обычным способом. Дойдет обязательно. А Йеннифэр, где бы она ни была, ответит. Она отвечает всегда.

– Йеннифэр, – бросил Артауд, – частенько исчезает. Порой на целые месяцы. Причины бывают скорее всего тривиальные...

Тиссая взглянула на него, поджав губы. Чародей замолчал. Вильгефорц слегка улыбнулся.

– Именно, – сказал он. – Именно об этом я и подумал. В свое время она была крепко связана с... неким ведьмаком. Геральтом, если не ошибаюсь. Похоже, это не была обычная, мимолетная интрижка. Кажется, Йеннифэр довольно сильно увлеклась.

Тиссая де Врие выпрямилась, сжала пальцы на поручнях карла.

– Зачем ты спрашиваешь? Это их личное дело. Что нам до него.

– Конечно. – Вильгефорц взглянул на письмо, брошенное на пюпитр. – Ничего. Но мною руководит не болезненное любопытство, а забота об эмоциональном состоянии члена Совета. Меня удивляет реакция Йеннифэр на сообщение о смерти этого... Геральта. Мне казалось, она могла бы успокоиться, примириться, не впадать в депрессию или излишний траур.

– Несомненно, могла бы, – холодно сказала Тиссая. – Тем более что такие вести доходили до нее не раз. И неизменно оказывались слухами.

– Верно, – подтвердил Терранова. – Геральт, или как его там, умеет справляться с трудностями. И что тут странного? Это мутант, машина для убийств, сконструированная так, чтобы убивать и не дать убить себя. А что до Йеннифэр, не надо преувеличивать значения ее так называемых эмоций. Мы ее знаем. Она эмоциям не поддается. Играла ведьмаком, вот и все. Ее увлекала смерть, с которой этот типус постоянно заигрывает. А когда наконец доиграется, проблемы исчезнут.

– Пока что, – сухо сказала Тиссая де Врие, – ведьмак жив.

Вильгефорц усмехнулся, снова кинул взгляд на лежащее перед ним письмо.

– Неужто? – сказал он. – Не думаю.

Геральт вздрогнул, сглотнул. Уже миновало первое потрясение после выпитого эликсира, начиналась активная фаза, отмеченная легким, но неприятным головокружением, сопровождающим адаптацию зрения к темноте.

Адаптация протекала быстро. Ночной мрак редел, все вокруг становилось серым, туманные и неясные вначале контуры постепенно делались контрастнее, четче и резче. В выходящей на набережную улочке, только что темной, как внутренность бочки из-под смолы, Геральт уже различал крыс, шествующих по сточной канаве, обнюхивающих лужи и щели в стенах.

Слух тоже обострился под действием ведьмачьего декокта. Путаница вымерших переулков, в которой еще минуту назад было слышно только, как шумит дождь в водостоках, оживала, наполнялась звуками. Теперь он слышал ор дерущихся котов, лай собак за каналом, смех и крики, доносящиеся из кабаков и трактиров Оксенфурта, ругань и пение в корчме плотогонов, далекую трель флейты, наигрывающей синкопированную мелодийку. Ожили темные, казалось, уснувшие дома – Геральт начал различать храп спящих людей, тяжелые шаги волов в заградах, фыркание лошадей в конюшнях. Из одного дома в глубине улочки доносились приглушенные, лихорадочные стоны занимающейся любовью женщины.

Звуки нарастали, набирали силу. Он уже улавливал непристойные слова песенок кутил, узнал имя партнера стонущей женщины, различил прерывистое, нечленораздельное бормотание знахаря, доводимого «ласками» Филиппы Эйльхарт до состояния полного и скорее всего перманентного идиотизма.

Близился рассвет. Дождь наконец перестал, сорвался ветер, разгонявший тучи. Небо на востоке явно светлело.

Крысы в переулке заволновались, прыснули в разные стороны, спрятались меж ящиков и мусора.

Ведьмак услышал шаги: четверо или пятеро. Точнее он пока определить не мог. Поднял голову, но Филиппы не заметил.

Он мгновенно изменил тактику. Если среди приближающихся находился Риенс, у него было мало шансов его схватить. Сначала пришлось бы драться с эскортом, а этого он не хотел. Во-первых, потому, что находился под действием эликсира, а значит, этим людям суждено было умереть. Во-вторых, потому, что у Риенса появилось бы время сбежать.

Шаги приближались. Геральт вышел из тени.

Из переулка появился Риенс. Ведьмак мгновенно узнал волшебника, хоть никогда раньше не видел. Шрам на щеке, подарок Йеннифэр, прикрывала тень от капюшона.

Риенс был один. Эскорт скрывался в улочке. Почему – Геральт понял сразу же. Риенс знал, кто ждет его у дома знахаря. Он ожидал засады и все же пришел. Ведьмак понял почему. К тому же еще прежде, чем услышал тихий скрип мечей, извлекаемых из ножен. «Добро, – подумал он. – Если вы того хотите, добро».

– Приятно на тебя охотиться, – тихо проговорил Риенс. – Не надо искать. Сам являешься туда, где хотят тебя видеть.

– То же можно сказать и о тебе, – спокойно ответил ведьмак. – Ты явился сюда. Я хотел тебя здесь встретить, и ты пришел.

– Похоже, ты здорово прижал Мырмана, коли он рассказал об амулете и показал, где он спрятан. И как его активировать, чтобы он выслал сигнал. А вот того, что амулет

одновременно и уведомляет, и предостерегает, Мырман не знал и сказать не мог, даже если б ты стал его поджаривать на раскаленных углях. Я раздал множество таких амулетов. Знал, что рано или поздно ты наткнешься на один из них.

Из-за угла вышли четверо. Они двигались медленно и бесшумно. При этом все время оставались в тени, а обнаженные мечи держали так, чтобы их не выдал блеск клинков. Ведьмак, разумеется, прекрасно все видел. Но никак не отреагировал. «Хорошо, убийцы, – подумал он. – Раз вы этого хотите, получите».

– Я ждал, – продолжал Риенс, не двигаясь с места, – и дождался. Я намерен наконец очистить от тебя землю, паскудный выродок.

– Ах, намерен? Ты переоценил себя. Ты всего лишь оружие. Убийца, нанятый другими любителями мокрых дел. Кто тебя нанял, лакей?

– Слишком много хочешь знать, мутант. Я – лакей? А знаешь, кто ты? Куча дерьма на дороге, которую надо поскорее убрать, потому что люди не желают пачкать о тебя башмаки. Нет, я не скажу, кто именно, хотя и мог бы. Зато скажу кое-что другое, чтобы тебе было над чем подумать по дороге в ад. Я уже знаю, где находится ублюдок, которого ты так стережешь. И знаю, где затаилась ведьма Йеннифэр. Моих патронов она не интересуется, но я испытываю к этой девке особое отвращение. Вот покончу с тобой и возьмусь за нее. Она еще пожалеет о своих фокусах с огнем. О да, пожалеет. И очень даже.

– А вот этого говорить не следовало, – гаденько усмехнулся ведьмак, чувствуя эйфорию драки, вызванную эликсиром, реагирующим с адреналином. – Пока ты этого не сказал, у тебя еще были шансы выжить. Теперь их нет.

Сильное дрожание амулета предупредило его о внезапном нападении. Он отпрянул, молниеносно выхватив меч, покрытым рунами клинком отбил и свел на нет выпущенную в него резкую, парализующую волну магической энергии. Риенс попятился, поднял руку, но в последний момент струсил. Не пытаясь повторить заклинания, быстро ретировался в глубину переулка. Ведьмак не мог за ним бежать – на него кинулись те четверо, которые думали, будто их скрывает тень. Сверкнули мечи.

Это были профессионалы. Все четверо. Опытные, ловкие, сработавшиеся профессионалы. Они напали на него парами, двое – слева, двое – справа. При этом один всегда скрывался за спиной другого. Ведьмак выбрал тех, что слева. На вызванную эликсиром эйфорию наложилась ярость.

Первый убийца напал финтом с декстера и тут же отскочил, чтобы дать возможность второму, тому, что стоял у него за спиной, нанести предательский удар. Геральт закружился в пируэте, обошел их и рубанул второго сзади самым концом меча через затылок, шею и спину. Он был зол и ударил крепко. Кровь фонтаном брызнула на стену.

Первый молниеносно отступил, дав место следующей паре. Эти разделились, тыча мечами с двух сторон, так, чтобы только один удар можно было парировать – второй должен был попасть в цель. Геральт не парировал, а, кружась в пируэте, вошел между ними. Чтобы не столкнуться, им пришлось сбить сыгранный темп, отшлифованные шаги. Один успел вывернуться в мягком кошачьем финте, ловко отскочил. Второй не успел, потерял равновесие, повернулся спиной. Ведьмак, развернувшись обратным пируэтом, с размаху рубанул его по крестцу. Он был зол. Чувствовал, как острый ведьмачий клинок перерубает позвоночник врага. Дикий вой прокатился по улочкам. Два оставшихся бандита напали на него тут же, засыпали ударами, парировать которые ему удавалось с величайшим трудом. Он вошел в разворот, вырвался из-под мелькающих орудий убийства. Но вместо того чтобы опереться спиной о стену и защищаться, напал.

Этого они не ожидали, не успели отскочить и разделиться. Один ответил, но ведьмак ушел от контрудара, закружился, ударил за спину, вслепую, ориентируясь по движению воздуха. И попал. Услышал сдавленный крик, но оглядываться было некогда. Последний из убийц был уже рядом, уже бил быстрым синистром, квартой. Геральт парировал в последний момент, статически, без оборота, квартой из декстера. Убийца, воспользовавшись инерцией парирования, отскочил как пружина и ударил с полуоборота, широко и мощно. Слишком мощно. Геральт уже кружился. Клинок убийцы, значительно более тяжелый, чем клинок ведьмака, прорезал воздух, убийце пришлось последовать за мечом. Инерция развернула его. Геральт вывернулся из полупируэта совсем рядом с ним, очень близко. Увидел его искаженное лицо, изумленные глаза. Он был зол. Ударил. Коротко, но сильно. И не промахнулся. Прямо в глаза.

Он слышал дикий крик Шани, вырывающейся из рук Лютика на мостике, ведущем в домик знахаря.

Риенс, скинув плащ, пятился в глубь улочки, вытянув вперед руки, из которых уже начинал струиться магический свет. Геральт обеими руками стиснул меч и не раздумывая бросился в его сторону. У чародея не выдержали нервы. Не dokonчив заклинания, он кинулся бежать, крича что-то непонятное. Но Геральт понимал. Он видел, что Риенс вызывает помощь, умоляет спасти его.

И спасение пришло. Улочка разгорелась ярким светом, на облупленной, покрытой подтеками стене дома разгорелся огненный овал телепортала. Риенс прыгнул туда. Геральт – следом. Он был чертовски зол.

Тубланк Мишеле застонал, скрючился, сжимая обеими руками распоротый живот. Он чувствовал, как кровь покидает его, быстро стекая между пальцами. Рядом лежал Флавиус. Еще секунду назад он дрожал. Теперь застыл. Тубланк зажмурился, потом открыл глаза. Сова, сидевшая рядом с Флавиусом, явно не была галлюцинацией, потому что не исчезла. Он опять застонал и отвернулся.

Какая-то девка, судя по голосу, очень молодая, дико кричала:

– Отпусти меня! Там раненые! Я должна... Я медичка, Лютик! Пусти меня, слышишь!

– Ты им не поможешь, – глухо ответил тот, кого называли Лютиком. – После удара ведьмачьим мечом... Даже и не подходи. Не гляди. Прошу тебя, Шани, не гляди.

Тубланк почувствовал, что кто-то опускается рядом. Уловил аромат духов и запах мокрых перьев. Мешал нервирующий плач и крик молодой девки. Той... медички. Но если кричала медичка, то кто же стоял рядом с ним? Тубланк застонал.

– ...будет хорошо. Все будет хорошо.

– Кур... вин... сын... – простонал он. – Риенс... Сказал нам... Обычный фрайер... А... это... был ведьмак... За... пашок... Спаси... те... Мои... кишки...

– Тихо, тихо, сынок. Успокойся. Уже хорошо. Уже не болит. Ведь правда, уже не болит? Скажи, кто вас сюда притащил? Кто связал с Риенсом? Кто его порекомендовал? Кто вас в это впутал? Скажи мне, сынок, прошу тебя. И тогда все будет хорошо. Вот увидишь, будет хорошо. Ну, скажи, прошу тебя.

Тубланк почувствовал на губах кровь. Но не в силах был сплюнуть. Прижавшись щекой к влажной земле, раскрыл рот. Кровь текла сама.

Он уже не чувствовал ничего.

– Скажи мне, – повторял мягкий голос. – Скажи, сыночек.

Тубланк Мишеле, профессиональный убийца с четырнадцатилетнего возраста, закрыл глаза, улыбнулся кровавой улыбкой. И прошептал все, что знал.

А когда раскрыл глаза, увидел кинжал с узеньким лезвием и маленькой золотой ручкой.

– Не бойся, – произнес мягкий голос, и острие кинжала коснулось его виска. – Больно не будет.

Действительно, больно не было.

Он нагнал волшебника в последний момент, перед самым телепорталом. Меч он отбросил еще раньше, руки были свободны, вытянутые в прыжке пальцы вцепились в край плаща беглеца. Риенс потерял равновесие, рывок выгнул его, принудил попятиться. Он дернулся. От резкого движения плащ разорвался от застёжки до застёжки, сполз с плеча. Поздно. Слишком поздно.

Геральт развернул его ударом кулака в плечо и тут же ударил левым в шею, под ухом. Риенс покачнулся, но не упал. Ведьмак подлетел к нему мягким прыжком и с силой всадил кулак под ребра. Волшебник охнул и повис на кулаке. Геральт схватил его за полу куртки, завертел и повалил на землю. Прижатый коленом Риенс вытянул руку, раскрыл рот, чтобы выкрикнуть заклинание. Геральт сжал пальцы в кулак и хватил его сверху. Прямо в губы. Губы лопнули, как спелая смородина.

– Презент от Йеннифэр у тебя уже есть, – прохрипел он. – Теперь получай от меня.

Он ударил еще раз. Голова волшебника дернулась, на лоб и щеки брызнула кровь. Геральт немного удивился – он не почувствовал боли, но, несомненно, тоже получил свое во время стычки. Это была его кровь. Он не обратил на это внимания, к тому же искать рану и заниматься ею было некогда. Он размахнулся снова и ударил Риенса еще раз. Он был зол.

– Кто тебя прислал? Кто тебя нанял?

Риенс плюнул в него кровью. Ведьмак саданул его опять.

– Кто?

Огненный овал телепортала засиял сильнее, пышущий из него свет залил переулок. Ведьмак почувствовал бьющую из овала Силу, почувствовал еще прежде, чем его медальон начал резко, предостерегающе дергаться.

Риенс тоже ощутил истекающую из телепортала энергию, предваряющую близкую помощь. Он крикнул, дернулся, как гигантская рыба. Геральт уперся ему коленями в грудь, поднял голову, сложил пальцы в знак Аард, нацелился в горящий портал. Это была его ошибка.

Из портала не вышел никто. Из него только вырвалась Сила, и Силу поглотил Риенс.

Выпрямленные пальцы волшебника удлинились, превратившись в стальные шипы. Они со скрипом врезались в грудь и плечи Геральта. Из шипов вырвалась энергия. Ведьмака отбросило назад. Потрясение было таким, что он явно почувствовал, как хрустят и ломаются стиснутые до боли зубы.

Риенс попытался вскочить, но тут же снова рухнул на колени, и так, на коленях, пополз к телепорталу. Геральт, с трудом хватая воздух, вытащил из-за голенища кинжал. Волшебник обернулся, рывком вскочил. Ведьмак тоже вскочил, но быстрее. Риенс снова оглянулся, взвизгнул. Геральт сжал стилет в руке. Он был зол. Очень зол.

Что-то ухватило его сзади, лишило сил, сковало. Медальон на шее резко задергался, боль в раненом плече лихорадочно запульсировала.

В каких-нибудь десяти шагах от него стояла Филиппа Эйльхарт. Из ее поднятой руки струился матовый свет – две полосы, два луча. Оба касались его спины, стискивали плечи светящимися путами. Он рвался, но впустую. Не мог двинуться с места. Мог только смотреть, как Риенс неуверенными шагами добирается до телепортала, мигающего молочным полусветом.

Риенс медленно, не спеша вступил в свет телепортала, погрузился в него, как ныряльщик, растворился, исчез. Спустя секунду овал погас, на мгновение накрывая улочку непроницаемой, плотной, бархатной тьмой.

Где-то в закоулках орали дерущиеся коты. Геральт глянул на клинок меча, который поднял, направляясь к чародейке.

– Зачем, Филиппа? Зачем ты это сделала?

Чародейка отступила на шаг. Кинжал, который только что торчал в голове Тубланка Мишеле, теперь был у нее в руке.

– Зачем ты спрашиваешь? Ведь знаешь же.

– Да, – подтвердил он. – Теперь знаю.

– Ты ранен, Геральт. Боли не чувствуешь только потому, что одурманен эликсиром, но смотри, как идет кровь. Ты уже успокоился? Могу я не опасаться подойти и заняться тобой? К дьяволу, не смотри так! И не приближайся ко мне. Еще шаг, и придется... Не приближайся! Прошу! Я не желаю тебе зла, но если ты приблизишься...

– Филиппа! – крикнул Лютик, все еще удерживая рыдающую Шани. – Ты спятила?

– Нет, – с трудом проговорил ведьмак. – Она в своем уме. И прекрасно знает, что делает. Она все время знала, что делает. Использовала нас. Предала. Обманула...

– Успокойся! – повторила Филиппа Эйльхарт. – Тебе этого не понять, да и понимать ни к чему. Я должна была так поступить. И не называй меня предательницей, потому что я поступила так ради дела гораздо более важного, чем ты можешь себе представить. Дела настолько важного, что, оказавшись перед необходимостью выбора, ради него приходится жертвовать делишками мелкими и менее значительными. Послушай, черт возьми, мы тут болтаем, а ты стоишь в луже крови. Успокойся и позволь мне и Шани заняться тобой.

– Она права! – крикнул Лютик. – Ты же ранен, черт побери! Тебя надо перевязать и сматываться отсюда! Лаяться будете потом!

– Ты и твое значительное дело... – Ведьмак, не обращая внимания на трубадура, неловко сделал шаг вперед. – Твое значительное дело, Филиппа, и твой выбор – это раненый, которого ты хладнокровно пырнула кинжалом, когда он уже сказал тебе все, что ты хотела знать, то, чего мне узнать было нельзя. Твое значительное дело – это Риенс, которому ты позволила сбежать, чтобы он случайно не назвал имени своего работодателя. Чтобы мог убивать. Твое значительное дело – это трупы, которых не должно было быть. Прости, я неверно выразился. Не трупы, незначительные делишки! Мелкие!

– Я знала, что ты не поймешь.

– Не пойму, верно. Никогда. Но в чем дело – знаю. Ваши значительные, ваши великие дела, ваши войны, ваша борьба за спасение мира... Ваша цель, которая оправдывает средства...

Прислушайся, Филиппа. Слышишь голоса, крики? Это коты дерутся за свои великие дела. За абсолютную власть над кучей отбросов. Это не шутки, там льется кровь и летят клочья шерсти. Там идет война. Но мне в высшей степени наплевать на все эти войны, кошачьи и твои.

– Тебе только так кажется, – прошипела чародейка. – Все это коснется и тебя, к тому же гораздо раньше, чем ты предполагаешь. Перед тобой необходимость и выбор. Ты впутался в Предназначение, дорогой мой, больше, чем полагал. Ты думал, будто взял под крыло ребенка, маленькую девочку. Ошибаешься. Ты приютил Пламя, от которого в любой момент может вспыхнуть мир. Наш мир. Твой, мой... И тебе придется выбирать. Как и мне. Как Трисс Меригольд. Как пришлось выбирать Йеннифэр. Ибо Йеннифэр уже выбрала. Твое Предназначение в ее руках, ведьмак. Ты сам отдал его в ее руки.

Ведьмак покачнулся. Шани крикнула, вырвалась из рук Лютика. Геральт жестом остановил ее, выпрямился, взглянул прямо в темные глаза Филиппы Эйльхарт.

– Мое Предназначение, – с трудом проговорил он. – Мой выбор. Я скажу тебе, Филиппа, что я выбрал. Я не позволю, чтобы вы впутали в свои грязные махинации Цири. Предупреждаю. Тот, кто посмеет нанести вред Цири, кончит так же, как эти четверо. Я не стану присягать или клясться. Мне не на чем присягать и нечем клясться. Я просто предупреждаю. Ты обвинила меня в том, что я скверный опекун, что не смогу защитить этого ребенка. Я буду защищать. Как умею. Буду убивать. Буду безжалостно убивать...

– Верю, – усмехнулась чародейка. – Верю – будешь. Но не сегодня, Геральт. Не сейчас. Потому что через минуту ты потеряешь сознание от потери крови. Шани, ты готова?

Глава седьмая

Никто не рождается чародеем. Мы по-прежнему слишком мало знаем о генетике и механизмах наследственности. Явно недостаточно времени и средств мы отдаем исследованиям. К сожалению, опыты по наследственной передаче магических способностей мы постоянно осуществляем методом, я бы так сказала, естественным. Последствия этих псевдоэкспериментов мы чересчур часто обнаруживаем в городских канавах и у стен храмов. Неоправданно много встречается пускающих слюни дебилов и кататоничек, делающих под себя пророков, вещуний, деревенских прорицательниц и чудотворцев, кретинов с мозгами, искалеченными унаследованной, необузданной Силой.

Эти дебилы и кретинки тоже могут давать потомство, передавать свои способности и продолжать вырождаться. Кто-нибудь в состоянии предвидеть, определить, как будет выглядеть последнее звено этой цепи?

Большинство из нас, чародеев, теряет способность к продолжению рода вследствие соматических изменений и функциональных нарушений гипофиза. Некоторым удастся стать магиками, сохранив производительность гонад. Они могут зачинать и рожать и имеют наглость почитать это счастьем и благословением. А я повторяю: никто не рождается чародеем. И никто не должен им рождаться! Я осознаю значение своих слов, отвечаю на вопрос, поставленный на Большом Сборе в Цидарисе. Отвечаю со всей определенностью: каждая из нас должна решить, кем хочет быть – чародейкой или матерью.

Я требую стерилизовать всех адептов. Без исключения. Тиссая де Врие Отравленный источник

– Что я вам скажу, – неожиданно проговорила Иоля Вторая, поставив корзинку с зерном на бедро. – Будет война. Так сказал княжеский эконо, когда приезжал за сырами.

– Война? – Цири откинула волосы со лба. – С кем? С Нильфгаардом?

– Я не расслышала, – призналась послушница. – Но эконо говорил, что наш князь получил приказ от самого короля Фольтеста, который рассылает грамоты, а на дорогах черным-черно от войска. Ой-ёй! Что будет?

– Если война, – сказала Эурнэйд, – то наверняка с Нильфгаардом. С кем же еще-то? Опять! О боги, это ужасно!

– А ты не перебрала с этой войной, Иоля? – Цири сыпанула зерна курам и цесаркам, толкущимся вокруг них непоседливой, говорливой кучкой. – Может, просто снова облава на ская'таэлей?

– Мать Нэннеке о том же спросила эконома, – сообщила Иоля Вторая. – А эконо ответил, что нет, что на этот раз речь идет не о «белках». Замки и крепости получили, кажется, приказы накапливать запасы продовольствия на случай осады. А ведь эльфы нападают в лесах, а не осаждают замки! Эконом спрашивал, может ли храм дать побольше сыров и других продуктов для ихних запасов. И еще требовал гусиных перьев. Им нужно много гусиных перьев, сказал. Для стрел. Чтобы стрелять из луков, понимаете! О боги! У нас будет полно работы! Вот увидите! Работы будет по горлышко!

– Не у всех, – съязвила Эурнэйд. – Некоторые не замарают ручек. Некоторые в работе только два дня на неделе. Им, видите ли, некогда работать: они, понимаете ли, учатся чернокнижеским фокусам. А взаправду-то, наверно, бьют баклуши да бегают по парку и сшибают палкой траву. Ты знаешь, о ком я, Цири, верно?

– Цири, конечно, отправится на войну, – захохотала Иоля Вторая. – Она же вроде бы рыцарская дочка! Великая воительница со страшным мечом! Наконец-то сможет рубить головы вместо крапивы!

– Нет! Она могущественная чародейка! – сморщила носик Эурнэйд. – Она превратит всех врагов в полевых мышек. Цири! Покажи нам какое-нибудь страшное волшебство. Стань невидимой или сделай так, чтобы морковь выросла раньше срока. Или чтобы куры кормились сами. Ну не заставляй себя упрашивать! Крикни заклинание!

– Магия существует не для того, чтобы ее демонстрировать, – зло сказала Цири. – Магия – не ярмарочные фокусы.

– Конечно, конечно, – рассмеялись послушницы. – Не для этого. А, Иоля? Ну точно говорит не Цири, а эта баба-яга Йеннифэр!

– Цири все больше начинает походить на нее, – бросила Иоля, презрительно потянув носом. – Даже пахнет так же. Ха, уж точно магические благовония, сделанные из поскрипа или амбры. Ты пользуешься магическими благовониями, Цири?

– Нет! Мылом! Тем, чем вы пользуетесь слишком редко!

– Ого! – поморщилась Эурнэйд. – Какая колючая, какая злая! А как надувается!

– Раньше она такой не была, – насупилась Иоля Вторая. – Стала такой, как только подружилась с той ведьмой. Спит вместе с ней, ест вместе с ней, ни шага от своей Йеннифэрихи не отступает. В храм на занятия почти совсем перестала ходить, а для нас у

нее вообще уже ни минутки свободной нет!

– А нам приходится за нее всю работу выполнять! И на кухне, и в огороде! Глянь-ка, Иоля, какие у нее ручки. Прямо как у принцессы!

– Так уж жизнь устроена, – пропела Цири. – У кого есть немного ума – тому книги. А у кого сумбур в голове – тому метла!

– А ты на метле только летаешь, да? Чародейка фигова!

– Глупая!

– Сама ты глупая!

– А вот и нет!

– А вот и да! Пошли, Иоля, не обращай на нее внимания. Чародейки – компания не для нас.

– Конечно! – крикнула Цири и бросила на землю корзинку с зерном. – Куры – вот ваша компания!

Послушницы, задрав носы, отошли, окруженные шумливой ватагой птиц.

Цири громко чертыхнулась, повторив любимое выражение Весемира, значение которого было ей не вполне ясно. Потом добавила еще несколько слов, услышанных от Ярпена Зигрина, значение которых было для нее вообще полнейшей загадкой. Пинком разогнала клунь, рванувшихся было к рассыпавшемуся зерну. Подняла корзинку, повертела в руках, а потом закружилась в ведьмачьем пируэте и кинула ее словно диск через камышовые крыши курятников. Развернулась на пятках и припустила через храмовый парк.

Бежала она легко, умело управляя дыханием. У каждого второго дерева проделывала ловкий полуоборот с прыжком, изображая удар мечом и сразу после этого выполняя выученный вольт и финт. Ловко перепрыгнула заборчик, уверенно и мягко опустилась на подогнутые ноги.

– Ярре! – Она задрала голову к оконцу, зияющему в каменной стене башни. – Ярре, ты там? Это я!

– Цири? – высунулся мальчик. – Ты что тут делаешь?

– К тебе можно?

– Сейчас? Хм... Ну, пожалуйста. Прошу.

Она вихрем взмыла по лестнице, застав молодого послушника в тот момент, когда он, отвернувшись, поспешно поправлял одежду и прикрывал одними пергаментами другие, лежащие на столе. Ярре пятерней прошелся по волосам, закашлялся и неловко поклонился. Цири засунула большие пальцы за пояс, тряхнула пепельной головкой.

– Что это за война такая, о которой все болтают? – выпалила она. – Хочу знать!

– Пожалуйста, присядь.

Она осмотрелась. В комнате стояло четыре больших стола, заваленных книгами и свитками. Стул был всего один. И тоже заваленный.

– Война? – буркнул Ярре. – Да, идут такие разговоры... Тебя это интересует? Тебя, дев... Не садись на стол, прошу, я только-только привел в порядок материалы... Сядь на стул. Сейчас,

погоди, книги сниму... А госпожа Йеннифэр знает, что ты здесь?

– Нет.

– Хм... А мать Нэннеке?

Цири поморщилась. Она понимала, о чем речь. Шестнадцатилетний Ярре был воспитанником первосвященницы, которого она готовила в жрецы и хроникеры. Он жил в Элландере, где работал писарем в городском суде, но в храме Мелитэле бывал чаще, чем в городке, целыми днями, а порой и ночами изучая, переписывая и снабжая виньетками книги из храмовой библиотеки. Цири никогда не слышала этого от Нэннеке, но было известно, что первосвященница категорически не желала, чтобы Ярре крутился вокруг юных послушниц. И наоборот. Послушницы, однако же, то и дело поглядывали на паренька и шушукались, обсуждая предполагаемые возможности, которые предоставляло им частое присутствие на территории храма существа, носящего брюки. Цири страшно удивлялась, ибо, по ее мнению, Ярре являл собою полнейшее отрицание всего того, что, как ей казалось, могло считаться признаками интересного мужчины. В Цинтре, как она помнила, интересным считался мужчина, если доставал головой до бревенчатого потолка, рычал, как буйвол, и от него за тридцать шагов несло лошадью, потом и пивом независимо от времени суток. Мужчин, которые не соответствовали приведенному описанию, придворные дамы королевы Калантэ считали не заслуживающими вздохов и сплетен. Цири достаточно насмотрелась и на мужчин иного толка – умных и мягких друидов из Ангрена, степенных и хмурых поселенцев из Соддена, ведьмаков из Каэр Морхена. Ярре тоже был иным. Он был худ как палка, неуклюж, носил слишком просторную, заляпанную чернилами, пыльную одежду, у него были вечно сальные волосы, а на подбородке вместо щетины росло семь или восемь длинных волосков, половина которых торчала из большой бородавки. Цири действительно не понимала, что ее так влечет в башню Ярре. Она любила с ним беседовать, мальчик знал немало, от него можно было многому научиться. Но в последнее время, когда он смотрел на нее, его глаза становились какими-то рассеянными и маслянистыми.

– Ну, – нетерпеливо бросила она. – Скажешь наконец или нет?

– О чем говорить-то? Не будет никакой войны. Все это слухи.

– Ага! – фыркнула она. – Значит, князь рассылает гонцов исключительно ради забавы. Войска разгуливают по дорогам от скуки? Не крути, Ярре! Ты бываешь в городке и в замке, наверняка что-то знаешь!

– Почему ты не спросишь госпожу Йеннифэр?

– У госпожи Йеннифэр в голове дела посерьезнее, – фыркнула Цири, но тут же спохватилась, мило улыбнулась и затрепыхала ресницами. – Ох, Ярре, ну пожалуйста, скажи! Ты такой умный! Ты умеешь говорить так красиво и по-ученому, я могла бы слушать часами! Ну пожалуйста, Ярре!

Юноша покраснел, а глаза у него посмурнели еще больше. Цири украдкой вздохнула.

– Хм. – Ярре потоптался на месте, неуверенно пошевелил руками, явно не зная, что с ними делать. – Что я могу сказать? Верно, люди в городе болтают, их волнует то, что творится в Доле Ангрен... Но войны не будет. Наверняка. Можешь мне поверить.

– Конечно, могу! – вздохнула она. – Но хотелось бы знать, откуда такая уверенность? В Совете князя, насколько мне известно, ты не заседаешь. А если вчера тебя назначили комесом, похвались. Я поздравлю.

– Я изучал исторические трактаты, – покраснел Ярре, – из них можно узнать больше, чем

сидя в Совете. Я читал «Историю войн», написанную маркизом Пеллиграмом, «Стратегию» дюка де Руйтера, «Преимущества легкой реданской кавалерии» Бронибора... А в нынешней политической ситуации разбираюсь достаточно, чтобы сделать выводы по аналогии. Ты знаешь, что такое аналогия?

– Конечно, – солгала Цири, вытаскивая стебель травы из застёжки ботинка.

– Если историю прежних войн, – мальчик уставился в потолок, – наложить на теперешнюю политическую географию, то легко понять, что мелкие пограничные инциденты из тех, например, что были в Доле Ангре, случайны и не играют роли. Ты, изучая магию, знаешь, надеюсь, политическую географию?

Цири не ответила, задумчиво перебирая лежащие на столе пергаменты. Перевернула несколько страниц большой, оправленной в кожу книги.

– Оставь, не трогай, – заволновался Ярре. – Это ужасно ценное, уникальное произведение.

– Я не съем.

– У тебя грязные руки.

– Не грязнее твоих-то. Слушай, у тебя тут есть какие-нибудь карты?

– Есть, но они в сундуке, – быстро ответил юноша, однако, увидев гримасу Цири, вздохнул, сбросил с сундука свитки пергамента, поднял крышку, опустился на колени и начал копаться в содержимом. Цири, крутясь на стуле и размахивая ногами, продолжала листать книгу.

Между страниц вдруг выскользнул листок с картинкой, на которой была изображена женщина с завитыми в спиральные локоны волосами, совершенно нагая, страстно обнимающаяся с абсолютно голым бородатым мужчиной. Высунув язык, девочка долго крутила гравюру, не в состоянии сообразить, где верх, где низ. Наконец обнаружила самую существенную деталь картинки и расхохоталась. Ярре, подойдя с огромным рулоном под мышкой, сильно покраснел, молча взял у нее гравюру и спрятал под покрывающие стол материалы.

– Страшно ценное и уникальное произведение, – съехидничала Цири. – Так вот какие аналогии ты изучаешь! И много там подобных картинок? Интересно, книга называется «Лечение и оздоровление». Хотела бы я знать, какие же болезни лечат таким способом?

– Ты умеешь читать Старшие Руны? – удивился мальчик, озабоченно покашливая. – Не знал.

– Ты еще много чего не знаешь, – задрала она нос. – Ты что думаешь? Я тебе не какая-то послушница, которая только и умеет, что кур щупать... Я – чародейка. Ну, показывай свою карту!

Они опустились на колени, руками и ногами придерживая на полу непослушный лист, упорно стремящийся снова свернуться в рулон. Наконец Цири придавила один из углов ножкой стула, а Ярре прижал другой тяжелой книгой, носящей название «Жизнь и деяния великого короля Родовида».

– Хм... Какая-то нечеткая твоя карта! Никак не могу в ней разобраться... Где мы? Где Элландер?

– Здесь, – указал он пальцем. – Тут Темерия. Здесь Вызима, столица нашего короля Фольтеста. Здесь, в Долине Понтара, лежит княжество Элландер. А тут... Да, вот тут наш храм.

– А это что за озеро? У нас нет тут никаких озер.

– Это не озеро. Это клякса от чернил.

– Ага... А здесь? Здесь Цинтра, да?

– Да. К югу от Заречья и Соддена. Вот здесь протекает река Яруга, впадающая в море как раз в Цинтре. Эта страна, не знаю, известно ли тебе, сейчас захвачена нильфгаардцами...

– Знаю, – обрезала она, сжимая кулаки. – Очень даже хорошо знаю. А где сам Нильфгаард? Не вижу я тут такой страны. Не уместилась на карте, что ли? Дай другую, побольше!

– Хм. – Ярре почесал бородавку на подбородке. – Таких карт у меня нет... Но я знаю, что Нильфгаард где-то дальше, в южном направлении... Примерно вот там... Я думаю...

– Так далеко? – удивилась Цири, рассматривая то место на полу, на которое он указал. – Вон даже откуда заявились? А по пути завоевали другие страны?

– Да, верно. Завоевали Метинну, Мехт, Назаир, Эббинг, все королевства к югу от гор Амелл. Королевства эти, как и Цинтра и Верхний Содден, нильфгаардцы теперь называют провинциями. Но Нижний Содден, Вердэн и Бругге им захватить не удалось. Здесь, у Яруги, войска Четырех Королевств задержали их, победив в бою...

– Знаю, я учила историю. – Цири хлопнула по карте раскрытой ладонью. – Ну, Ярре, говори о войне. Мы ползаем по политической географии. Давай вытягивай выводы из аналогий и из чего только хочешь. Я слушаю.

Мальчик фыркнул, покраснел и принялся толковать, указывая на соответствующие районы концом гусиного пера.

– Сейчас границу между нами и захваченным Нильфгаардом Югом образует, как видишь, река Яруга. Это практически непреодолимая преграда. Она почти никогда не замерзает, а в дождливые поры несет столько воды, что разливается почти на целую версту вширь. На длинном участке, вот тут, она течет между обрывистыми, недоступными берегами, среди скал Махакама...

– Страны краснолюдов и гномов?

– Да. Поэтому форсировать Яругу можно вот здесь, в нижнем течении, в Соддене, и здесь, в среднем, в Доль Ангре...

– И как раз в Доль Ангре был тот ици... Ициндент?

– Инцидент. Не торопись. Я тебе как раз объясняю, что реку Яругу ни одна армия сейчас форсировать не в состоянии. Обе доступные долины, по которым извечно двигались армии, сильно укреплены и защищены как нами, так и Нильфгаардом. Взгляни на карту. Смотри, сколько тут крепостей. Заметь: вот Вердэн, вот Острова Скеллиге...

– А это что такое? Большое белое пятно?

Ярре пододвинулся ближе, она почувствовала тепло его коленки.

– Лес Брокилон. Это запретный район. Королевство лесных дриад. Брокилон тоже защищает наш фланг. Дриады не пропустят здесь никого, нильфгаардцев тоже.

– Хм... – Цири наклонилась над картой. – Это Аэдирн... И город Венгерберг... Ярре! Немедленно прекрати!

Мальчик быстро отдернул руку от ее волос и покраснел как пион.

– Я не желаю, чтобы ты так со мной...

– Цири, я...

– Я пришла к тебе по серьезному делу, как чародейка к ученому, – сказала она с прохладцей и достоинством, точно подражая тону Йеннифэр. – Так веди себя как следует!

Ученый смутился еще больше, а мина у него была такая глупая, что чародейка с трудом сдержала смех, снова склонившись к карте.

– Из всей твоей географии, – проговорила она, – ничего пока не ясно. Ты рассказываешь о реке Яруге, а ведь нильфгаардцы уже однажды переходили на другой берег. Что им помешает теперь?

– Тогда, – откашлялся Ярре, смахивая со лба обильный пот, – против них выступили только Бругге, Содден и Темерия. Сейчас мы объединились в союз. Как в битве под Содденом. Четыре Королевства. Темерия, Редания, Аэдирн и Каэдвен...

– Каэдвен... – важно сказала Цири. – Да, знаю, в чем этот союз состоит. Король Хенсельт из Каэдвины оказывает секретную специальную помощь королю Демавенду из Аэдирина. Эту помощь он возит в бочках. А когда король Демавенд подозревает, что кто-то оказывается предателем, он загружает в бочки камни. Устраивает ловушки...

Тут она осеклась, вспомнив, что Геральт запретил ей рассказывать о событиях в Каэдвины. Ярре подозрительно взглянул на нее.

– Правда? А откуда ты все это знаешь?

– Читала в книге маршала Пэликана, – фыркнула она, – и в других... аналогиях. Рассказывай, что случилось в Доле Ангры или как там она называется. А сначала покажи, где это.

– Здесь. Доля Ангры – это широкая долина, дорога, ведущая с Юга к королевствам Лирии и Ривии, в Аэдирн, а дальше – в Долю Блатанна и Каэдвен... А через Долину Понтара – к нам, в Темерию.

– И что там случилось?

– Начались бои. Кажется. Я мало об этом знаю. Но так говорили в замке.

– Если начались бои, – нахмурилась Цири, – значит, идет война! Так что ты мне тут плетешь?

– Не впервой дело доходит до стычек, – пояснил Ярре, но девочка видела, что уверенность его понемногу идет на убыль. – На границе очень часто случаются инциденты. Но они не имеют значения.

– Это почему же?

– Равновесие сил. Ни мы, ни нильфгаардцы ничего не можем сделать. Ни одна сторона не может дать противнику повод к войне. Понимаешь? Поэтому вооруженные инциденты в Долю Ангры – наверняка случайные события, скорее всего разбойничьи нападения или столкновения с контрабандистами... Это ни в коем случае не могут быть действия регулярных войск, ни наших, ни нильфгаардских... Потому что это-то как раз и был бы такой повод.

– Ага. Слушай, Ярре, а скажи-ка мне... – Она осеклась. Подняла голову, быстро тронула пальцами висок, поморщилась. – Мне надо идти. Госпожа Йеннифэр вызывает.

– Ты можешь ее слышать? – заинтересовался мальчик. – На расстоянии? Каким образом...

– Мне надо идти, – повторила она, вставая и отряхивая с коленей пыль. – Послушай, Ярре. Мы с госпожой Йеннифэр выезжаем по очень важным делам. Не знаю, когда вернемся. Предупреждаю, речь идет о секретах, касающихся исключительно чародеек, поэтому не задавай вопросов.

Ярре тоже встал. Поправил одежду, но, как и раньше, не знал, куда девать руки. Глаза у него стали безобразно масляными.

– Цири...

– Что?

– Я... я...

– Не знаю, о чем ты, – нетерпеливо сказала она, тараща на него свои огромные изумрудные глаза. – Ты тоже явно не знаешь. Я пошла. Бывай, Ярре.

– До свидания, Цири. Счастливого пути. Я буду... Я буду о тебе думать...

Цири вздохнула. * * *

– Я здесь, госпожа Йеннифэр.

Цири влетела в комнату словно снаряд, пущенный из катапульты. Дверь, отворившаяся от удара, стукнулась о стену. О стоявший на пути табурет вполне можно было поломать ноги, но девочка ловко перепрыгнула через него, завертелась в грациозном пируэте и, рубанув воздух несуществующим мечом, радостно рассмеялась удачному выпад.

Несмотря на то что бежала она очень быстро, дыхание было в полной норме.

– Я здесь!

– Наконец-то! Раздевайся – и в бадью! Живо!

Чародейка не оглянулась, не отрываясь от стола, следя за отражением девочки в зеркале. Медленными движениями она расчесывала свои влажные черные локоны, распрямляющиеся под нажимом гребня, но тут же снова свертывающиеся в блестящие кольца.

Девочка мгновенно расстегнула застёжки ботинок, скинула обувь, сбросила одежду и с плеском прыгнула в бадью. Схватив мыло, принялась энергично намыливать предплечья.

Йеннифэр сидела неподвижно, глядя в окно и поигрывая гребнем. Цири фыркала, отдувалась, булькала и плевалась всякий раз, когда мыльная пена попадала ей в рот. Тряхнула головой, размышляя, существует ли такое заклинание, которое позволяло бы мыться, не используя воды, мыла и не теряя напрасно времени.

Чародейка отложила гребень, но по-прежнему задумчиво глядела в окно на тучи ворон, с непрекращающимся карканьем летевших на восток. На столе рядом с зеркалом и солидной батареей флаконов с притираниями и косметикой лежало несколько писем. Цири знала, что Йеннифэр ожидала их давно и от них зависело, когда они покинут храм. Вопреки тому, что девочка сказала Ярре, она понятия не имела, куда и зачем они едут. А в этих письмах...

Для отвода глаз шлепая по воде левой рукой, она сложила пальцы правой в знак, сконцентрировалась на формуле, уставилась на письма и выслала импульс.

– И не думай, не мечтай, – сказала Йеннифэр, не поворачиваясь.

– Я думала... – кашлянула девочка. – Я думала, одно из них от Геральта...

– Было б от Геральта, дала бы почитать. – Чародейка развернулась на стуле к ней лицом. – Долго ты еще намерена мылиться?

– Уже кончила.

– Пожалуйста, встань.

Цири встала. Йеннифэр слабо улыбнулась.

– Да. Детство кончилось. Ты округлилась где следует. Опустите руки. Твои локти меня не интересуют. Ну-ну, без фокусов, без ложного стыда. Это твое тело, самая естественная вещь под солнцем. То, что ты созреваешь, тоже вполне естественно. Если б твоя судьба сложилась иначе... Если б не война, ты уже давно была бы женой какого-нибудь князя или принца. Ты это понимаешь, верно? О проблемах, касающихся пола, мы беседовали достаточно часто и довольно подробно, чтоб ты поняла, что ты уже женщина. Физиологически, разумеется. Надеюсь, ты не забыла, о чем мы беседовали?

– Нет. Не забыла.

– Надеюсь также, что при посещениях Ярре тебя память тоже не подводит?

Цири опустила глаза, но только на мгновение. Йеннифэр не улыбалась.

– Оботрись и иди сюда, ко мне, – сказала она холодно. – Пожалуйста, не хлюпай.

Обернувшись полотенцем, Цири присела на табурет у колен чародейки. Йеннифэр расчесывала ей волосы, время от времени срезая ножницами какую-нибудь непослушную прядку.

– Ты на меня сердишься? – неуверенно спросила девочка. – За то, что... я была в башне?

– Нет. Но Нэннеке этого не любит. Ты же знаешь.

– Но ведь я ничего... Этот Ярре меня вообще не интересует. – Цири слегка зарумянилась. – Я только...

– Именно, – проворчала чародейка. – Ты только. Не строй из себя дитяtko, ты уже не ребенок, напоминаю. Мальчик, видя тебя, распускает слюни и начинает заикаться. Разве не видишь?

– Я не виновата. Что же мне делать?

Йеннифэр перестала ее расчесывать, взглянула на девочку глубоким фиалковым взглядом.

– Не играй им. Это нехорошо.

– Я вовсе и не играю! Просто разговариваю!

– Хотелось бы верить, – чародейка щелкнула ножничками, подрезая очередную прядку, которая никак не желала лечь как надо, – что во время ваших бесед ты помнишь о моей просьбе!

– Помню, помню!

– Ярре – умный и толковый паренек. Одно-два неосторожных слова могут навести его на верный путь, на проблемы, о которых ему знать не положено. О которых вообще никто знать

не должен. Никто, абсолютно никто не должен догадаться, кто ты.

– Я помню, – повторила Цири. – Никому ни словечка не сказала, успокойся. Скажи, поэтому мы так спешим уехать? Ты боишься, что кто-то мог узнать, что я здесь? Поэтому?

– Нет. По другим причинам.

– Потому... что может быть война? Все говорят о новой войне! Все об этом говорят, госпожа Йеннифэр.

– Верно, – холодно подтвердила чародейка, щелкая ножницами над ухом Цири. – Это тема из числа так называемых вечных. О войнах говорили, говорят и будут говорить. И не без причин – войны были и будут. Наклони голову.

– Ярре сказал, что войны с Нильфгаардом не будет. Рассказывал о каких-то аналогиях... Показывал карту. Я уже и сама не знаю, что об этом думать. Не знаю, что такое эти аналогии, наверно, что-то ужасненько мудреное... Ярре читает разные ученые книги и умничает, но я думаю...

– Интересно было бы узнать, что ты думаешь.

– В Цинтре... Тогда... Госпожа Йеннифэр, моя бабушка была гораздо умнее Ярре. Король Эйст тоже был умный, плавал по морям, видел все, даже нарвала и морского змея, поспорю, что и аналогию видел не раз. Ну и что? Неожиданно пришли они, нильфгаардцы...

Цири подняла голову, голос у нее сорвался. Йеннифэр обняла ее, крепко прижала к себе.

– Увы, – сказала она. – Увы, ты права, утенок. Если б умение пользоваться опытом и делать выводы помогало, все давно бы забыли, что такое война. Но тех, кто жаждет войны, никогда не сдерживали и не сдержат ни опыт, ни аналогии.

– Значит, все-таки... Значит, правда. Война будет. Поэтому нам надо уезжать?

– Не будем об этом. Не нервничай раньше времени.

Цири потянула носом.

– Я уже видела войну, – шепнула она. – И не хочу ее больше видеть. Никогда. Не хочу опять оставаться одна. Не хочу бояться. Не хочу снова потерять все, как тогда. Не хочу потерять Геральта... и тебя, госпожа Йеннифэр. Не хочу тебя потерять. Хочу быть с тобой. И с ним. Всегда.

– Будешь. – Голос чародейки слегка дрогнул. – И я буду с тобой, Цири. Всегда. Обещаю.

Цири снова засопела. Йеннифэр тихо кашлянула, отложила ножницы и гребень, встала, подошла к окну. Воронье продолжало каркать, направляясь к горам.

– Когда я сюда приехала, – заговорила вдруг чародейка своим обычным звучным, слегка насмешливым голосом, – когда мы встретились впервые... ты не любила меня.

Цири молчала.

«Наша первая встреча, – подумала она. – Помню. Я была с другими девочками в Гроте. Зарычка показывала нам растения и травы. Тут вошла Иоля Первая, что-то шепнула Зарычке на ухо. Монахиня поморщилась. А Иоля Первая подошла ко мне со странным выражением на лице. Собирайся, Цири, сказала, иди быстро в трапезную. Мать Нэннеке вызывает. Кто-то приехал.

Странные, многозначительные взгляды, волнение в глазах. И шепот. Йеннифэр. Чародейка Йеннифэр. Скорее, Цири, поторопись. Мать Нэннеке ждет. И она ждет тоже, чародейка.

Я тогда с первого мгновения знала, – подумала Цири, – что это она. Потому что я видела ее. Видела предыдущей ночью. В моем сне.

Она.

Тогда я не знала, как ее зовут. В моем сне она молчала. Только глядела на меня, а за ней во тьме я видела закрытые двери...»

Цири вздохнула. Йеннифэр повернулась, обсидиановая звезда на ее шее заискрилась тысячами бликов.

– Ты права, – серьезно согласилась девочка, глядя прямо в фиалковые глаза чародейки. – Я тебя не любила.

– Цири, – сказала Нэннеке, – подойди к нам. Это госпожа Йеннифэр из Венгерберга, магистр магии. Не бойся. Госпожа Йеннифэр знает, кто ты. Ей можно доверять.

Девочка поклонилась, сложив руки полным уважения жестом. Чародейка, шурша черным платьем, подошла, взяла ее за подбородок, достаточно бесцеремонно подняла голову, повернула влево, вправо. Цири почувствовала злость и нарастающий бунт – она не привыкла, чтобы с ней так обращались. И в то же время ощутила укол обжигающей зависти. Йеннифэр была очень красива. По сравнению с нежной, бледной и вообще-то распространенной внешностью монахинь и послушниц, которых Цири видела ежедневно, чародейка блистала светской, прямо-таки вызывающей красотой, подчеркнутой каждой деталью. Ее локоны цвета воронова крыла, каскадом ниспадающие на плечи, блестели, отражая свет, почти как павлиньи перья, извивались и волновались при каждом движении. Цири вдруг устыдилась своих исцарапанных локтей, шершавых рук, поломанных ногтей, волос, сбившихся в серые сосульки. Неожиданно ей невероятно захотелось, чтобы у нее было все то, что было у Йеннифэр, – прекрасная длинная шея, а на ней прелестная черная бархотка и изумительно искрящаяся звезда. Ровные, подчеркнутые угольком брови и длинные ресницы. Гордые губы. И две округлости под черной тканью и белыми кружевами, вздымающиеся при каждом вздохе.

– Так вот она, знаменитая Неожиданность. – Чародейка слегка скривила губы. – Посмотри-ка мне в глаза, девочка.

Цири вздрогнула и втянула голову в плечи. Нет, в одном она не завидовала Йеннифэр, одного предпочитала бы не иметь и даже не видеть. Этих глаз, фиолетовых, глубоких как бездонные озера, странно блестящих, бесстрастных и злых. Страшных.

Чародейка повернулась к первосвященнице. Звезда на ее шее загорелась отражениями солнца, проникающего в окна трапезной.

– Да, Нэннеке, – сказала она. – Несомненно. Достаточно взглянуть в эти зеленые глаза, чтобы понять, что в ней что-то есть. Высокий лоб, правильные дуги бровей, красиво расставленные глаза. Тонкие крылья носа. Длинные пальцы. Редкий цвет волос. Определенно кровь эльфов, хотя этой крови в ней немного. Прадед или прабабка – эльфы. Я угадала?

– Я не знаю ее родословной, – спокойно ответила первосвященница. – Меня это не интересовало.

– Высокая для своих лет, – продолжала чародейка, по-прежнему оценивая Цири взглядом.

Девочка закипала от злости и возбуждения, боролась с непреодолимым желанием вызывающе крикнуть, взорваться сколько есть силы в легких, затопать ногами и убежать в парк, свалив по дороге вазу со стола и хлопнув дверью так, чтобы известка посыпалась с потолка. – Неплохо развита. – Йеннифэр не спускала с нее глаз. – Она перенесла в детстве какие-нибудь заразные болезни? Вероятно, ты ее об этом тоже не спрашивала. У тебя – не болела?

– Нет.

– Мигрени? Обмороки? Склонность к простуде? Менструальные боли?

– Нет. Только сны.

– Знаю. – Йеннифэр откинула волосы со щеки. – Он писал. Из его письма следует, что в Каэр Морхене с ней не проводили никаких... экспериментов. Хотелось бы верить, что это так.

– Это правда. Ей давали только натуральные стимуляторы.

– Стимуляторы никогда не бывают натуральными! – повысила голос чародейка. – Никогда! Именно стимуляторы и могли усилить у нее проявления... Холера, не думала, что он мог быть настолько безответственным!

– Успокойся. – Нэннеке взглянула на Йеннифэр холодно и как-то на удивление неуважительно. – Я сказала, это были натуральные, совершенно безвредные снадобья. Прости, дорогая, но в этом я разбираюсь лучше тебя. Конечно, для тебя существует только один-единственный авторитет – ты сама, но в данном случае я вынуждена тебя разочаровать. И давай больше к этому не возвращаться.

– Как хочешь. – Йеннифэр поджала губы. – Ну, пошли, девочка. Времени у нас немного, грешно растрачивать его впустую.

Цири с трудом сдержала дрожь в руках, сглотнула, вопросительно взглянула на Нэннеке. У первосвященницы было серьезное и вроде бы опечаленное лицо, а улыбка, которой она ответила на немой вопрос, была очень искусственной.

– Сейчас ты пойдешь с госпожой Йеннифэр, – сказала она. – Некоторое время госпожа Йеннифэр будет тобой руководить.

Цири, стиснув зубы, опустила голову.

– Ты наверняка удивлена, – продолжала Нэннеке, – что тебя вдруг берет под свою опеку магистр магии. Но ты умная девочка, Цири. Догадываешься, в чем причина. Ты унаследовала от предков некоторые... свойства. Знаешь, о чем я. Ты приходила ко мне после тех снов, после ночных тревог в опочивальне. Я не могла тебе помочь. Но госпожа Йеннифэр...

– Госпожа Йеннифэр, – прервала чародейка, – сделает все, что надо. Пошли, девочка.

– Иди! – кивнула Нэннеке, тщетно пытаясь придать улыбке хотя бы видимость натуральности. – Иди, дитя мое. Помни, такой опекун, как госпожа Йеннифэр, – огромная честь. Не опозорь храм и нас, твоих учителей. И будь послушна.

«Сбегу сегодня же ночью, – решила Цири. – Обратно, в Каэр Морхен. Уведу коня из конюшни, и только меня и видели. Сбегу!»

– Размечталась, – вполголоса сказала чародейка.

– Что? – подняла голову жрица. – Что ты сказала?

– Ничего, ничего, – улыбнулась Йеннифэр. – Тебе показалось. А может, показалось мне? Глянь-ка на свою подопечную, Нэннеке. Злая как кошка. Искры из глаз, того и гляди зашипит, а если б умела, наверняка и уши прижала. Ведьмачка! Придется как следует взять ее за шиворот, подпилить коготки!

– Будь снисходительной. – Черты лица первосвященницы ожесточились. – Пожалуйста, прояви к ней снисходительность и сердечность. Она действительно вовсе не та, за кого ты ее принимаешь.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Она тебе не соперница, Йеннифэр.

Несколько секунд они мерили друг друга взглядами, чародейка и жрица, а Цири почувствовала, как дрожит воздух и какая-то удивительная, страшная Сила застывает между ними. Так продолжалось долю секунды, потом Сила исчезла, а Йеннифэр рассмеялась, свободно и звонко.

– Я забыла, – сказала она, – ты всегда принимаешь его сторону, а, Нэннеке? Всегда полна забот о нем. Как мать, которой у него никогда не было.

– А ты всегда против него, – зло усмехнулась жрица. – Как всегда, одаряешь его сильным чувством. И изо всех сил стараешься не наживать этих чувств. Не называть их настоящим именем.

Цири снова почувствовала нарастающую где-то внизу живота ярость, пульсирующее в висках упрямство и бунт. Вспомнила, сколько раз и при каких обстоятельствах она слышала это имя – Йеннифэр. Имя, которое пробуждало беспокойство, имя, которое было символом какой-то грозной тайны. Она догадывалась, что это за тайна.

«Разговаривают при мне открыто, не смущаясь, – подумала она, чувствуя, как руки снова начинают дрожать от злости. – Совершенно со мной не считаются. Вообще не обращают на меня внимания. Словно я ребенок. Разговаривают о Геральте при мне, в моем присутствии, а ведь этого делать нельзя, потому что я... Я...

Кто я?»

– А ты, Нэннеке, – возразила чародейка, – как всегда, любишь анализировать чужие чувства и, словно этого мало, еще и интерпретировать по собственному усмотрению!

– И сую нос в чужие дела?

– Я не хотела этого сказать. – Йеннифэр тряхнула черными локонами, а локоны сверкнули и свернулись змеями. – Благодарю, что ты сделала это за меня. А теперь давай сменим тему. Потому что глупее этой не сыскать. Даже стыдно перед нашей юной послушницей. Что же касается снисходительности, о которой ты меня просишь... Я буду снисходительной. Вот с сердечностью могут возникнуть сложности, ведь все полагают, что у меня такого органа нет. Ну да ладно, как-нибудь управимся. Верно, Неожданность?

Она улыбнулась Цири, а Цири, наперекор себе, наперекор злости и раздражению, вынуждена была ответить улыбкой. Потому что улыбка чародейки оказалась неожиданно милой, доброжелательной и... сердечной. И очень красивой.

Цири выслушала речь Йеннифэр, демонстративно отвернувшись спиной и прикидываясь, будто все ее внимание поглощает шмель, гудящий в цветке одной из растущих у стены храма мальв.

– Никто меня об этом не спрашивал, – буркнула она.

– О чем не спрашивал?

Цири развернулась в полупируэте, зло ударила кулаком по мальве. Шмель улетел с раздраженным гудением.

– Никто меня не спрашивал, хочу ли я, чтобы ты меня учила!

Йеннифэр подбоченилась, сверкнула глазами и прошипела:

– Какое совпадение. Представь себе, меня тоже никто не спрашивал, хочу ли я тебя учить. Впрочем, желание тут ни при чем. Я не беру в ученики кого попало, а ты, вопреки всему, еще можешь оказаться именно «кем попало». Меня попросили проверить, что ты такое. Посмотреть, что в тебе сидит и как с тобой обстоят дела. А я, хоть и без особого желания, согласилась.

– Но я-то еще не согласилась!

Чародейка подняла руку, шевельнула пальцами. Цири почувствовала, как заколотилось в висках, а в ушах зашумело, как бывает, когда заглываешь слюну, но гораздо сильнее. Почувствовала сонливость и обессиляющую слабость, утомление, из-за которого немеет шея, становятся ватными ноги.

Йеннифэр опустила руку, и все эти странности мгновенно прекратились.

– Послушай меня внимательно, Неожданность, – сказала она. – Я запросто могу тебя заморозить, загипнотизировать или погрузить в транс. Могу парализовать, силой напоить эликсиром, раздеть донага, положить на стол и изучать несколько часов, с перерывами на обед, а ты будешь лежать и пялиться в потолок, не в состоянии пошевелить даже глазными яблоками. Я поступила бы так с любой соплячкой. С тобой не хочу, так как за версту видно, что ты девочка разумная и гордая, с характером. Я не хочу ни тебя, ни себя ставить в неловкое положение перед Геральтом. Потому что это он просил меня изучить твои способности. Помочь разобраться в них.

– Он просил тебя? Зачем? Он мне не говорил! Даже и не спрашивал...

– Ты упрямо твердишь одно по одному, – прервала чародейка. – Никто у тебя твоего мнения не спрашивал, никто не потрудился узнать, чего ты хочешь, чего не хочешь. Неужели тебе надо, чтобы тебя считали строптивой, упрямой малявкой, которой не стоит задавать таких вопросов? Но я все же рискну, задам вопрос, которого никто не задавал. Ты согласна на испытания?

– А что это будет? Что за испытания? И зачем...

– Я тебе уже объясняла. Если ты не поняла... Я не намерена отшлифовывать твои способности к восприятию или работать над повышением интеллекта. Мне одинаково легко испытывать и умную, и глупую.

– Я не глупая! Я все поняла!

– Тем лучше.

– Но я не гоюсь в волшебницы! У меня нет никаких способностей. Я никогда не стану и не хочу быть чародейкой! Я предназначена Ге... Я предназначена быть ведьмачкой! Я приехала сюда ненадолго. Скоро вернусь в Каэр Морхен...

– Ты упорно таращишься на мое декольте, – холодно сказала Йеннифэр, щуря фиалковые глаза. – Видишь там что-то необычное, особенное, или в тебе говорит простая зависть?

– Звезда... – буркнула Цири. – Из чего она? Эти камушки шевелятся и так странно светятся...

– Пульсируют, – усмехнулась чародейка. – Это активные бриллианты, вплавленные в обсидиан. Хочешь взглянуть поближе? Прикоснуться?

– Да... Нет! – Цири попятилась, зло тряхнула головой, стараясь отогнать легкий аромат сирени и крыжовника, идущий от Йеннифэр. – Не хочу! Зачем мне? Это меня не интересует! Ни чуточки! Я – ведьмачка! У меня нет никаких способностей к магии! Я не гожусь в чародейки, это, кажется, ясно, потому что я... А вообще...

Чародейка присела на стоявшую у стены каменную скамейку и принялась сосредоточенно обстригать ногти.

– ...а вообще, – закончила Цири, – мне надо подумать.

– Иди сюда. Сядь.

– Мне нужно время, чтобы подумать, – неуверенно повторила Цири, присаживаясь рядом.

– Правильно. – Йеннифэр кивнула, продолжая заниматься ногтями. – Дело серьезное. Требует раздумий.

Некоторое время обе молчали. Прогуливающиеся по парку послушницы с любопытством поглядывали на них, перешептывались, хихикали.

– Ну?

– Что... ну?

– Надумала?

Цири вскочила, фыркнула, топнула ножкой.

– Я... я... – засопела она, не в состоянии дыхнуть от ярости. – Насмехаешься? Мне нужно время! Я должна подумать! Дольше! Весь день... И ночь!

Йеннифэр посмотрела ей в глаза, и Цири суксилась под ее взглядом.

– Мудрость гласит, – медленно проговорила чародейка, – что утро вечера мудренее. Но в твоём случае, Неожданность, ночь может принести лишь очередной кошмар. Ты снова проснешься от крика и боли, вся в поту, снова будешь бояться, бояться того, что видела, бояться того, чего не сумеешь припомнить. И в эту ночь сон уже не вернется. Будет ужас. До самого рассвета. До утра.

Девочка задрожала, опустила голову.

– Поверь мне, Неожданность. – Голос Йеннифэр чуточку изменился.

Рука чародейки была теплой. Черный бархат так и манил прикоснуться к нему. Аромат сирени и крыжовника приятно щекотал ноздри. Объятие успокаивало и заставляло расслабиться, смягчало возбуждение, приглушало злобу и бунт.

– Ты поддашься испытаниям, Неожданность.

– Поддамся, – ответила Цири, понимая, что отвечать не было нужды. Потому что это вовсе не

было вопросом.

– Я уже ничегошеньки не понимаю, – сказала Цири. – То ты говоришь, что у меня есть способности, потому что я вижу эти сны. То собираешься устраивать опыты и проверки... Так как же? Есть у меня способности или нет?

– На этот вопрос ответят испытания.

– Испытания, испытания, – скривилась Цири. – Нет у меня никаких способностей, говорю тебе. Если б были, я, надо думать, знала бы? Разве не так? Но... А если, ну, совсем случайно, такие способности есть, то что?

– Существует две возможности, – равнодушно проговорила чародейка, раскрывая окно. – Их потребуется либо погасить, либо научить тебя управлять ими. Если ты обладаешь способностями и захочешь научиться, я попробую дать тебе немного элементарных знаний о магии.

– Что значит «элементарных»?

– Основных.

Они были одни в большой, расположенной рядом с библиотекой комнате, которую Нэннеке выделила чародейке в боковом нежилом крыле здания. Цири знала, что эту комнату обычно занимают гости. Знала, что Геральт, навещая храм, всякий раз жил именно здесь.

– Ты захочешь меня учить? – Цири присела на кровати, провела рукой по бархатному покрывалу. – Забрать отсюда, да? Никуда я с тобой не поеду!

– Значит, уеду одна, – холодно сказала Йеннифэр, развязывая ремни вьюков. – И ручаюсь, скучать не буду. Я ведь говорила, учить тебя стану только в том случае, если ты сама того захочешь. И могу делать это здесь, на месте.

– И долго ты собираешься меня... учить?

– Покуда будешь хотеть. – Чародейка наклонилась, раскрыла шкафчик, вытащила оттуда старую кожаную сумку, ремень, два отороченных мехом ботинка и глиняную, в ивовой оплетке, бутыль. Цири услышала, как она чертыхается под нос, одновременно усмехаясь, увидела, как снова убирает находки в шкафчик, и догадалась, кому они принадлежали. Кто их там оставил.

– Что значит – покуда буду хотеть? – спросила Цири. – Если мне наскучит или не понравится твоя наука...

– Тогда покончим с учебой. Достаточно, чтобы ты сказала. Или показала.

– Показала? Как?

– Если мы решимся на обучение, я потребую от тебя абсолютного послушания. Повторяю: абсолютного. Поэтому, если тебе учеба опостылеет, достаточно будет проявить непослушание. Тогда обучение незамедлительно прекратится. Ясно?

Цири кивнула, глянула на чародейку зеленым глазом.

– Во-вторых, – продолжала Йеннифэр, распаковывая баулы, – я потребую абсолютной искренности. Ты не должна от меня ничего скрывать. Ничего. Если же почувствуешь, что с тебя довольно, достаточно солгать, притвориться или замкнуться в себе. Если я о чем-то спрошу, а ты не ответишь искренне, это также будет означать немедленное окончание учебы.

Ты меня поняла?

– Да, – проворчала Цири. – Но эта... искренность... Она... обязательна для обеих? Я смогу... задавать вопросы тебе?

Йеннифэр глянула на нее, и ее губы сложились в странную гримасу.

– Конечно, – немного помолчав, ответила она. – Само собой разумеется. На этом будет основываться учеба и опека. Искренность обязательна для обеих. Можешь спрашивать в любой момент. Я отвечу. Честно.

– На любой вопрос?

– На любой.

– С этой минуты?

– С этой минуты.

– Что... между тобой и Геральтом, госпожа Йеннифэр?

Цири чуть не потеряла сознание от собственной наглости, похолодела от тишины, наступившей после ее вопроса.

– Грусть, – ответила чародейка серьезно. – Тоска. Обида. Сожаление. Надежда. И страх. Да, похоже, я ничего не упустила. Ну, теперь уж можно приступить к испытаниям, маленькая зеленоглазая змейка. Проверим, годишься ли ты. Хотя после твоего вопроса я очень бы удивилась, если б оказалось, что нет. Пошли, утенок.

– Почему ты меня так называешь? – нахохлилась Цири.

Йеннифэр усмехнулась уголками губ.

– Есть такая сказочка. О гадком утенке. Я обещала тебе быть откровенной.

Цири выпрямилась, возбужденная, нетерпеливо завертелась на стуле, жестком и натирающем попку после многих часов сидения.

– Ничего из этого не получится! – проворчала она, вытирая о стол испачканные угольком пальцы. – Ну ничего же... ничего у меня не выходит! Не гожусь я в волшебницы! Я знала с самого начала, но ты не хотела меня слушать. Вообще не обращала внимания!

Йеннифэр подняла брови.

– Не хотела слушать, говоришь? Интересно. Обычно я обращаю внимание на каждое произнесенное в моем присутствии слово и запоминаю его. Условие одно – в этом слове должна быть хоть крупица смысла.

– Все ехидничаешь. – Цири скрипнула зубами. – А я просто хотела сказать... Ну, об этих способностях. Понимаешь, там, в Каэр Морхене, в горах... Я не умела делать ни одного ведьмачьего знака. Ни единого!

– Знаю.

– Знаешь?

– Знаю. Но это ни о чем не говорит.

– То есть? Но... Но это еще не все!

– Ну, ну...

– Я не гожусь. Ты что, не понимаешь? Я... слишком молодая.

– Я была моложе, когда начинала.

– Но, наверно, не была...

– О чем это ты, девочка? Перестань заикаться! Хотя бы одну полную фразу сказать можешь? Прошу тебя. Очень.

– Потому что... – Цири опустила голову, покраснела. – Потому что Иоля, Мирра, Эурнэйд и Катье, когда мы обедали, смеялись надо мной и сказали, что чары ко мне не пристаут и я не научусь никакой магии, потому что... потому что... я девица, то есть... это значит...

– Представь себе, я знаю, что это значит... – прервала ее чародейка. – Возможно, ты снова подумашь, что я, как ты выразилась, ехидничаю, но я с сожалением отмечаю: ты плетешь чепуху. Продолжим испытания.

– Я – девица! – задиристо повторила Цири. – Зачем мне твои испытания? Девицы не могут... ну... волшебничать... волшебствовать...

– Да! Положение безвыходное. – Йеннифэр откинулась на спинку стула. – Иди и потеряй девичество, если оно тебе так мешает. Я подожду. Но поспеши, если можешь.

– Смеешься?

– Ты заметила? – Чародейка сладко улыбнулась. – Поздравляю. Предварительное испытание на сообразительность ты выдержала. А теперь – испытание настоящее. Сосредоточься. Взгляни: на этой картинке нарисованы четыре сосенки с разным количеством веток. Нарисуй пятую, такую, которая соответствует этим четырем и стоит на этом пустом месте.

– Сосенки глупые, – вынесла свой приговор Цири, высывая язык и рисуя угольком довольно худосочное деревце. – И скучные! Не понимаю, что общего у сосенок с магией? А? Госпожа Йеннифэр? Ты обещала отвечать на мои вопросы.

– Увы, – вздохнула чародейка, поднимая листок и критически рассматривая рисунок. – Похоже, придется пожалеть о своем обещании. Что общего у сосенок с магией? Ничего. Но нарисовала ты правильно и в срок. Нет, серьезно, для девицы очень даже хорошо.

– Опять смеешься?

– Нет. Я редко смеюсь. Нужен по-настоящему существенный повод, чтобы заставить меня смеяться. Сосредоточься на новом листке, Неожиданность. На нем нарисованы ряды из звездочек, колечек, крестиков и треугольников, в каждом ряду другое количество каждого из элементов. Подумай и ответь: сколько звездочек должно быть в последнем ряду?

– Звездочки глупые!

– Девочка! Сколько?

– Три!

Йеннифэр долго молчала, уставившись в только ей известную деталь на резных дверцах шкафчика. Зловредная ухмылочка начала понемногу сползать с губ Цири и наконец исчезла совершенно. Без следа.

– Тебя, наверно, интересовало, – очень медленно проговорила чародейка, не переставая любоваться шкафом, – что произойдет, если ты дашь бессмысленный и глупый ответ. Вероятно, решила, что я этого не замечу, так как твои ответы, дескать, меня вовсе и не интересуют? Напрасно! Или ты думала, что я молча соглашусь с тем, что ты неумная? Тоже напрасно! А может, тебе надоели испытания и ты для интереса решила испытать меня... Считаешь, удалось? Как бы там ни было, это испытание окончено. Отдай листок.

– Прости, госпожа Йеннифэр. – Девочка опустила голову. – Там, конечно, должна быть... одна звездочка. Прости, пожалуйста. Пожалуйста, не злись.

– Посмотри на меня, Цири.

Цири удивленно подняла глаза. Чародейка впервые назвала ее по имени.

– Цири, – сказала Йеннифэр. – Запомни, я, вопреки всему, злюсь так же редко, как и смеюсь. Ты меня не разозлила. Но, извинившись, доказала, что я в тебе не ошиблась. А теперь возьми следующий листок. Видишь, на нем пять домиков? Нарисуй шестой...

– Опять? Но я действительно не понимаю, зачем...

– ...шестой домик. – Голос чародейки опасно изменился, а глаза полыхнули фиолетовым огнем. – Здесь, на пустом месте. Не заставляй меня повторять, прошу тебя. * * *

После яблочек, сосенок, звездочек, рыбок и домиков пришла очередь лабиринтов, из которых следовало как можно скорее выбраться, волнообразных линий, клякс, напоминающих раздавленных тараканов, других странных изображений и мозаик, от которых глаза начинали косить, а голова кружиться. Потом был блестящий шарик на шнурке, в который надлежало долго всматриваться. Всматриваться было нудно до тошноты, при этом Цири постоянно засыпала. Йеннифэр, на удивление, это вовсе не расстраивало, хоть несколькими днями раньше она громко накричала на девочку за попытку подремать над одной из таракановых клякс.

От сидения над тестами у Цири разболелись шея и спина, и болели они с каждым днем все сильнее. Она затосковала по движению и свежему воздуху и, выполняя «договор об обязательной искренности», сразу же сказала об этом Йеннифэр. Чародейка восприняла ее слова так, словно давно их ожидала.

Два следующих дня они бегали по парку, перепрыгивали через канавы и заборы, сопровождаемые веселыми либо сочувственными взглядами жриц, монахинь и послушниц. Занимались гимнастикой, учились сохранять равновесие, шагая по заборчику, огораживающему сад и хозяйственные постройки. В отличие от тренировок в Казр Морхене занятия с Йеннифэр всегда сопровождались теорией. Чародейка учила Цири правильному дыханию, управляя движениями груди и диафрагмы сильными нажатиями руки. Объясняла принципы движения, действия мускулов и костей, показывала, как отдыхать, расслабляться и разряжать психическое напряжение.

Во время одной из таких разрядок, растянувшись на траве и уставившись в небо, Цири задала давно занимавший ее вопрос:

– Госпожа Йеннифэр? Когда мы наконец покончим с испытаниями?

– Они тебе так надоели?

– Нет... Но хотелось бы уже знать, гожусь ли я в чародейки.

– Годишься.

– Ты уже знаешь?

– Я знала это с первой минуты. Мало кто может заметить активность моей звезды. Очень мало кто. Ты заметила сразу.

– А испытания?

– Окончены. Я знаю о тебе все, что хотела.

– Но некоторые задания... Не очень получались. Ты сама говорила, что... Ты действительно уверена? Не ошибаешься? Уверена, что у меня есть способности?

– Убедена.

– Но...

– Цири. – Чародейка, казалось, развеселилась и в то же время как бы обеспокоилась. – С того момента, как мы разлеглись на лужайке, я разговаривала с тобой, не используя голоса. Это называется телепатия, запомни. И ты, думаю, заметила, что это не мешало нам общаться.

– Магия, – Йеннифэр, глядя в небо над холмами, оперлась руками о лук седла, – по мнению некоторых, представляет собою овеществление Хаоса. Она – ключ, способный отворять запертые двери. Двери, за которыми таятся кошмар, опасность и невообразимый ужас, враждебные, деструктивные силы, силы чистого Зла, которые в состоянии уничтожить весь мир, а не только того, кто двери раскроет. А поскольку любителей манипулировать этими дверями хватает, постольку кто-нибудь когда-нибудь да совершит ошибку, и тогда гибель мира будет предрешена и неизбежна. Следовательно, магия – это месть и оружие Хаоса. То, что после Сопряжения Сфер люди научились пользоваться магией, стало проклятием и погибелью мира. Гибелью человечества. Так оно и есть, Цири. Те, кто считает магию Хаосом, не ошибаются.

Вороной жеребец чародейки, почувствовав удар пятками, протяжно заржал и медленно двинулся через вересковые заросли. Цири подогнала лошадь, поравнялась с чародейкой. Вереск доходил до стремян.

– Магия, – немного погодя снова заговорила Йеннифэр, – по мнению некоторых, есть Искусство. Искусство могущественное, элитарное, способное творить произведения прекрасные и необычные. Магия – это дар, данный немногим избранным. Те, кто лишен дара, могут лишь с изумлением и завистью взирая на результаты работы творцов, восхищаться созданными произведениями, одновременно чувствуя, что без этих произведений и этого таланта мир был бы беднее. То, что после Сопряжения Сфер некоторые избранные открыли в себе дар и магию, обнаружили в себе Искусство, есть благословение красоты. Так оно и есть. Те, кто считает магию Искусством, тоже правы.

На куполообразном лысом холме, выглядывающем из вереска будто спина притаившегося хищника, лежал огромный валун, покоящийся на нескольких камнях размером поменьше. Чародейка направила коня к нему, не прерывая лекции.

– Есть также такие, по мнению которых магия – Наука. Чтобы овладеть ею, мало одного дара и врожденных способностей. Необходимы годы упорных занятий и напряженного труда, необходима выдержка и самодисциплина. Так, обретенная магия – это знание, это познание, границы которого постоянно расширяют светлые и живые умы путем опыта, эксперимента, практики. Так, обретенная магия – это прогресс. Это плуг, ткацкий станок, водяная мельница, железоплавильный горн, рычаг и многошківный блок. Это прогресс, развитие, это – изменение. Это – постоянное движение. Наверх. К лучшему. К звездам. То, что после

Сопряжения Сфер мы открыли магию, когда-нибудь позволит нам достичь звезд. Слезь с лошади, Цири.

Йеннифэр подошла к монолиту, положила ладонь на шершавую поверхность камня, осторожно смахнула с него пыль и засохшие листья.

– Те, кто считает магию Наукой, – проговорила она, – тоже правы. Запомни это, Цири. А теперь подойди ко мне.

Девочка сглотнула, подошла. Чародейка обняла ее.

– Запомни, – повторила она. – Магия – это Хаос, Искусство и Наука. Она – проклятие, благословение и прогресс. Все зависит от того, кто, как и с какой целью пользуется магией. А магия – всюду. Всюду вокруг нас. Легкодоступная. Достаточно протянуть руку. Взгляни. Я протягиваю руку.

Кромлех ощутимо задрожал. Цири услышала глухой, далекий, идущий из-под земли гул. Вереск заволновался, полег от вихря, неожиданно обрушившегося на холм. Небо резко потемнело, затянулось тучами, мчащимися с невероятной скоростью. Девочка почувствовала на лице капли дождя. Прищурила глаза, спасаясь от блеска молний, которыми вдруг запылал горизонт. Инстинктивно прижалась к чародейке, к ее пахнущим сиренью и крыжовником волосам.

– Земля, по которой мы ступаем; огонь, который не угасает в ее недрах; вода, из которой вышла жизнь и без которой она была бы невозможна; воздух, которым мы дышим, – достаточно протянуть руку, чтобы овладеть ими, заставить подчиниться себе. Магия всюду. Она в воздухе, в воде, в земле, в огне. И она за дверьми, которое заперло от нас Сопряжение Сфер. Оттуда, из-за закрытых дверей, магия порой протягивает руку к нам. Ты об этом знаешь, правда? Ты уже почувствовала прикосновение магии, прикосновение руки из-за закрытых дверей. Это прикосновение наполняет тебя страхом. Такое прикосновение переполняет страхом любого. Ибо в каждом из нас есть Хаос и Порядок, Добро и Зло. Но всем этим можно овладеть. Надо только научиться. И ты научишься, Цири. Для того я и привела тебя сюда, к камню, с незапамятных времен стоящему на перекрестье пульсирующих Силою жил. Коснись его.

Валун дрожал, а вместе с ним дрожал и вибрировал весь холм.

– Магия протягивает к тебе руки, Цири. К тебе, странная девочка, Ребенок-Неожиданность, Дитя Старшей Крови, Крови Эльфов. Странная девочка, вплетенная в Движение и Перемену, в Гибель и Возрождение. Предназначенная и являющаяся Предназначением. Магия протягивает к тебе руки из-за закрытых дверей, к тебе, маленькая песчинка в колесах Механизма Судьбы. Протягивает к тебе свои когти Хаос, который все еще не уверен, станешь ли ты его орудием или же помехой в его планах. То, что Хаос является тебе в снах, и есть проявление его неуверенности. Хаос боится тебя, Дитя Предназначения. А хочет сделать так, чтобы страх чувствовала ты.

Сверкнула молния, протяжно громыхнул гром. Цири дрожала от холода и изумления.

– Хаос не может показать тебе, что он такое в действительности. Поэтому показывает будущее, показывает то, что случится. Он хочет сделать так, чтобы ты боялась приближающихся дней, чтобы страх перед тем, что ждет тебя и твоих близких, начал управлять тобою, овладел тобою полностью. Поэтому Хаос насылает сны. Сейчас ты покажешь мне, что видишь в снах. И страх овладеет тобой. А потом ты забудешь и возьмешь верх над страхом. Взгляни на мою звезду, Цири. Не отрывай от нее глаз.

...Что-то блеснуло. Загрохотало.

Кровь. Губы Йеннифэр, разможенные и разбитые, шевелятся беззвучно, кровоточат. Белые скалы мелькают в скачке. Ржет конь. Прыжок. Пропась, бездна. Крик. Полет, бесконечный полет. Бездна...

В глубине бездны дым. Ступени, ведущие вниз.

Va'esse deireadh aep eigeap. Что-то кончается. Что?

Elaine blath, Feainnewedd, Дитя Старшей Крови? Голос Йеннифэр долетает как будто издалека, глухо, он пробуждает эхо среди истекающих водой каменных стен...

– Говори!

Фиалковые глаза блестят, горят на исхудавшем, стянутом спазмой, почерневшем от мук лице, закрытом вихрем взлохмаченных, грязных черных волос. Темнота. Влага. Страх. Ужасающий холод каменных стен. Холод металла на запястьях рук, на щиколотках ног...

Бездна. Дым. Ступени, ведущие вниз... Ступени, по которым надо спуститься. Необходимо, ибо... ибо что-то кончается. Ибо наступает Tedd Deireadh, Час Конца, Час Волчьей Пурги, Час Белого Хлада и Белого Света...

Львенок должен умереть! Высшие государственные интересы!

Идем, говорит Геральт. По ступеням вниз. Так надо. Мы должны. Другого пути нет. Только ступени. Вниз!

Его губы не шевелятся. Они синие. Кровь, всюду кровь... Все ступени в крови... Только б не поскользнуться... Ведьмак спотыкается только один раз... Блеск клинка. Крик. Смерть. Вниз. По ступеням вниз.

Дым. Огонь. Ужасающая скачка, цокот копыт. Вокруг – пожар. Держись, Львенок из Цинтры!

Черный конь ржет. Встает на дыбы. Держись!

Черный конь пляшет. В прорези шлема, украшенного крыльями хищной птицы, блестят и горят безжалостные глаза.

Широкий меч, отражая блеск пожара, падает со свистом. Вольт, Цири! Финт! Пируэт, выпад! Вольт! Вольт! Слишком медленно! Медленноооо!

Удар вспышкой ослепляет глаза, сотрясает все тело, боль на мгновение парализует, оупляет, лишает чувствительности, потом вдруг вспыхивает с новой ужасающей силой, впивается в щеку чудовищными острыми клыками, рвет, пронизывает насквозь, отдается в шее, в затылке, в груди, в легких...

Цири!

Она чувствовала спиной и затылком шероховатый, неприятно неподвижный холод камня. Она не помнила, когда села. Йеннифэр на коленях стояла рядом. Нежно, но решительно распрямляла ей пальцы, оторвала руку от щеки. Щека пульсировала, пульсировала болью.

– Мама... – простонала Цири. – Мама... Как больно... Мамочка...

Чародейка коснулась ее лица. Рука была холодной как лед. Боль мгновенно прекратилась.

– Я видела... – шепнула девочка, прикрывая глаза. – То, что во сне... Черного рыцаря... Геральта... И еще... Тебя. Я видела тебя, госпожа Йеннифэр.

– Знаю.

– Я видела тебя... Видела, как...

– Никогда больше. Никогда больше ты этого не увидишь. Это тебе никогда больше не приснится. Я дам тебе Силу, которая отгонит от тебя эти кошмары. Для того я тебя сюда привела, Цири, чтобы эту Силу показать. Завтра я начну тебе ее давать. * * *

Наступили тяжелые, заполненные трудами дни, дни напряженной учебы, изматывающей работы. Йеннифэр была решительной, требовательной, зачастую суровой, порой властно грозной. Но нудной – никогда. Если раньше Цири еле сдерживалась, чтобы не заснуть в храмовой школе, а случалось это иногда и во время урока под убаюкивающе монотонный голос Нэннеке, Иоли Первой, Зарычки или других учительниц-жриц, то с Йеннифэр это было невозможно. И не только из-за тембра голоса чародейки и не потому, что говорила она краткими, резко подчеркнутыми фразами. Гораздо важнее было содержание занятий. Учения о магии. Учения увлекающего, возбуждающего, поглощающего целиком.

Большую часть дня Цири проводила с Йеннифэр. В спальню возвращалась поздней ночью, колодой валилась на постель, засыпала мгновенно. Послушницы жаловались, что она страшно храпит, пытались ее будить. Впустую.

Цири спала крепко.

Без сновидений.

– О боги, – беспомощно вздохнула Йеннифэр, обеими руками растрепала черные локоны, опустила голову. – Это же так просто! Если ты не сумеешь овладеть этим движением, что же тогда делать с более сложными?

Цири отвернулась, проворчала что-то, фыркнула, растерла занемевшую руку. Чародейка снова вздохнула.

– Ну взгляни еще раз на гравюру, заметь, как должны быть расставлены пальцы. Обрати внимание на поясняющие стрелки и положение рук, определяющих жест, который следует выполнить.

– Я пялилась на нее уже тысячу раз! Руны я понимаю. Vort, caelme. Ys, veloë. От себя, медленно. Вниз быстро. Руку... О, так!

– А мизинец?

– Его невозможно так держать, если одновременно не согнуть безымянный палец.

– Дай сюда руку.

– О-о-ой!

– Тише. Нэннеке снова примчится, подумает, что я с тебя живьем кожу сдираю или варю в масле. Не меняй положения пальцев. А теперь сделай жест.оборот,оборот запястьем. Хорошо. Теперь тряхни ладонью, расслабь пальцы. И повтори. Ну нет! Знаешь, что ты сделала? Если б таким макаром бросила настоящее заклинание, то не меньше месяца нянчила бы руку в лубках! У тебя что, руки деревянные?

– Мои руки привыкли к мечу! В этом все дело!

– Глупости. Геральт всю жизнь размахивает мечом, а пальцы у него ловкие и... хм... очень нежные. Дальше, утенок, попытайся еще раз. Ну, видишь? Стоило захотеть. Постарайся. Еще

раз. Хорошо. Тряхни кистью. И еще раз. Хорошо. Устала?

– Немножко...

– Дай-ка помассирую тебе руку и предплечье. Почему ты не пользуешься моей мазью? Лапки у тебя шершавые, как у баклана... А это что такое? След от колечка, да? Мне кажется, или я действительно запретила тебе носить украшения?

– Но я его выиграла у Мирры в волчок! И носила всего-то полдня...

– Ровно полдня лишних! Не носи больше, прошу.

– Не понимаю, почему мне нельзя...

– И не надо понимать, – отрезала чародейка, но в ее голосе не было зла. – Прошу, не носи никаких украшений такого типа. Хочешь, воткни цветок в волосы. Сплети венок. Но никакого металла, никаких кристаллов, никаких камушков. Это важно, Цири! В свое время я объясню почему. Пока поверь на слово и выполни мою просьбу.

– Ты носишь звезду, серьги и перстни! А мне нельзя? Потому что я... девица?

– Утенок. – Йеннифэр улыбнулась, погладила ее по голове. – У тебя бзик на этом? Я тебе уже объясняла: не имеет никакого значения, девица ты или нет. Никакого. Завтра вымой волосы, пора, я вижу.

– Госпожа Йеннифэр?

– Слушаю.

– А можно... Мы ведь договорились об откровенности. Ты обещала... Можно тебя кое о чем спросить?

– Можно, только ради богов не о девственности.

Цири закусила губу и долго молчала.

– М-да... – вздохнула Йеннифэр. – Что делать. Спрашивай.

– Понимаешь... – Цири зарделась, облизнула губы. – Девочки в спальне постоянно сплетничают и рассказывают разные истории... О празднике Беллетэйн и тому подобное... А меня называют соплячкой, дитяtkом, потому что, мол, уже пора бы... Госпожа Йеннифэр, как же взаправду-то? Как узнать, что пришло время...

– Пойти с мужчиной в постель?

Цири стала пунцовой. Долго молчала, потом подняла глаза и кивнула.

– Очень просто, – легко сказала Йеннифэр. – Раз ты начала об этом думать, значит, время уже пришло.

– Но я вовсе не хочу!

– А совсем и не обязательно. Не хочешь – не идешь.

– Ага. – Цири снова прикусила губу. – А этот... Ну... Мужчина... Как узнать, что он и есть тот самый, с которым...

– ...можно пойти в постель?

– Угу.

– Если в принципе имеется выбор, – чародейка криво усмехнулась, – а опыта особого нет, то в первую очередь следует оценить не мужчину, а постель.

Изумрудные глаза Цири и формой, и размером превратились в плоски.

– То есть как... постель?

– А вот так. Тех, у которых постели вообще нет, следует исключить с ходу. Из оставшихся отбрасываешь владельцев грязных и неряшливых постелей. А когда останутся только те, у которых постели чистые и опрятные, выбираешь того, который тебе приглянулся больше других. К сожалению, способ этот не гарантирует стопроцентной уверенности. Можно чертовски ошибиться.

– Шутишь?

– Нет, не шучу. Цири, со следующей ночи будешь спать здесь, со мной. Перенесешь ко мне свои вещи. В опочивальне послушниц, похоже, на болтовню уходит слишком много времени, которое должно быть отдано отдыху и сну. * * *

Освоив основные позиции рук, движения и жесты, Цири начала изучать заклинания и формулы. Формулы были легче. Записанные Старшей Речью, которой девочка пользовалась свободно, они легко запоминались. Применять иногда при их произношении достаточно сложную интонацию не составляло большого труда. Йеннифэр была явно довольна, со дня на день становилась все милее и симпатичнее. Все чаще делая перерывы в учебе, они болтали бог знает о чем, шутили, даже стали находить удовольствие в тонком подтрунивании над Нэннеке, которая частенько «забегала» на лекции и тренировки, колкая и распушившаяся как квочка, готовая в любой момент взять Цири под покровительственное крыло, защитить и спасти от ею же самой придуманной суровости чародейки и «нечеловеческих пыток» обучения.

Выполняя указания Йеннифэр, Цири перебралась в ее комнату. Теперь они были рядом не только днем, но и ночью. Иногда учеба проходила и по ночам: некоторые жесты, формулы и заклинания нельзя было применять при дневном свете.

Довольная успехами девочки чародейка сбавила темпы обучения. У них появилось больше свободного времени. Вечера они проводили за чтением книг. Цири продралась сквозь «Диалоги о природе магии» Стаммельфорда, «Державы стихий» Джамбаттисты, «Естественную магию» Рихтера и Монка. Посмотрела – прочесть полностью она была не в состоянии! – такие произведения, как «Невидимый мир» Йана Беккера или «Тайна тайн» Агнес из Гланвилля. Заглядывала в древнейший пожелтевший «Codex Mirthe» и в «Ard Aergane» и даже в знаменитую, страшную «Dhu Dwimmermorc», полную наводящих ужас гравюр.

Бралась и за другие, не относящиеся к магии труды. Почитывала «Историю мира» и «Трактат о жизни». Не упустила и более легких книжек из храмовой библиотеки. С румянцем на щеках проглотила «Забавы» маркиза Ла Креахма и «Королевские дамы» Анны Тиллер. Читала «Невзгоды любви» и «Час Луны» – сборники поэтических произведений известного трубадура Лютика. Пустила слезу над нежными, с поволокой тайны балладами Эсси Давен, собранными в небольшой, изящно переплетенный томик, носящий название «Голубая жемчужина».

Частенько пользовалась предоставленным ей правом и задавала вопросы. И получала ответы. Однако все чаще ей приходилось отвечать на вопросы самой. Вначале Йеннифэр, казалось, вообще не интересовала ее судьба: ни детство в Цинтре, ни события более поздних, военных лет. Но потом вопросы становились все конкретнее. Цири вынуждена была

отвечать – делала она это с большой неохотой, потому что каждый вопрос чародейки приоткрывал в ее памяти дверцы, которые она обещала себе никогда не отворять, хотела бы оставить запертыми раз и навсегда. После встречи с Геральтом в Соддене она считала, что начала «новую жизнь» и все, что было в Цинтре, перечеркнуто окончательно и бесповоротно.

Ведьмаки в Каэр Морхене никогда ни о чем не спрашивали, а перед приездом в храм Геральт даже потребовал, чтобы она ни словечком не обмолвилась, кем была. Нэннеке, которая, конечно же, все знала, постаралась, чтобы для других жриц и послушниц Цири была самой обыкновенной внебрачной дочерью рыцаря и кметки, ребенком, которому не нашлось места ни в замке отца, ни в халупе матери. Половина послушниц в храме Мелитэле были именно такими детьми.

Йеннифэр тоже знала тайну. Она была из числа тех, кому можно доверять. Йеннифэр спрашивала. О том. О Цинтре.

– Как ты выбралась из города, Цири? Каким образом тебе удалось скрыться от нильфгаардцев?

Этого Цири не помнила. Все обрывалось, терялось во мраке и дыме. Она помнила осаду, прощание с королевой Калантэ, бабкой, помнила баронов и рыцарей, силой отрывающих ее от ложа, на котором лежала раненая, умирающая Львица из Цинтры. Помнила головокружительную скачку по пылающим улочкам, кровавый бой и падение с коня. Помнила черного наездника в шлеме, украшенном крыльями хищной птицы.

И ничего больше.

– Не помню. Я действительно не помню, госпожа Йеннифэр.

Йеннифэр не настаивала. Задавала другие вопросы. Делала это деликатно и тактично, а Цири становилась все раскованнее. Наконец начала говорить сама. Не ожидая вопросов, рассказывала о своих детских годах в Цинтре и на Островах Скеллиге. О том, как узнала о Праве Неожданности и о том, что приговор судьбы предназначил ее Геральту из Ривии, ведьмаку с белыми волосами. Рассказывала о войне. О бродяжничестве по лесам Заречья, о пребывании в деревне. О том, как Геральт нашел ее там и забрал в Каэр Морхен, в Пристанище ведьмаков, открыв тем самым новую главу в ее короткой жизни.

Однажды вечером она по собственному почину, без всяких вопросов, свободно, весело и здорово приукрашивая, рассказала чародейке о своей первой встрече с ведьмаком в лесу Брокилон, среди дриад, которые похитили ее и хотели силой задержать, переделать в одну из своих.

– Да! – сказала Йеннифэр, выслушав рассказ. – Много бы дала, чтобы видеть это. Я говорю о Геральте. Пытаюсь представить себе его мину, тогда, в Брокилоне, когда он увидел, какую Неожданность подсунуло ему Предназначение! Думаю, у него было чудненькое выражение лица, когда он узнал, кто ты такая!

Цири расхохоталась, в ее изумрудных глазах заплясали дьявольские огоньки.

– Уж да! – прыснула она. – Мина была та еще! Еще какая! Хочешь взглянуть? Я тебе покажу. Глянь на меня.

Йеннифэр расхохоталась.

«Этот смех, – подумала Цири, глядя на летящие на восток тучи черных птиц, – этот смех по-настоящему сблизил нас. Ее и меня. Мы поняли, и она, и я, что можем вместе смеяться, говорить о нем, о Геральте. Мы вдруг стали близки друг другу, хотя я прекрасно знаю, что

Геральт одновременно связывает нас и разделяет. И что так будет всегда.

Нас связал этот общий смех.

И то, что случилось двумя днями позже. В лесу, на холме. Тогда она показала мне, как отыскивать...» * * *

– Не понимаю, зачем мне искать эти... Опять забыла, как они называются...

– Интерсекции, – подсказала Йеннифэр, выбирая репы, вцепившиеся в рукав, пока они продирались сквозь заросли. – Я тебе покажу, как их обнаруживать. Это места, из которых можно черпать Силу.

– Но я уже умею черпать Силу. А ты сама учила меня, что Сила – везде. Так зачем же мы лазаем по кустам? Ведь в храме полно энергии!

– Верно, ее там немало. Именно поэтому храм и построили в том, а не в каком-то другом месте. И потому же на территории храма тебе кажется, будто черпать энергию так легко.

– У меня уже ноги болят! Присядем на минутку, ладно?

– Ладно, утенок.

– Госпожа Йеннифэр?

– Да?

– Почему мы всегда черпаем Силу из водных жил? Ведь магическая энергия – везде. Есть в земле, правда? В воздухе, в огне?

– Правда.

– А земля... О, здесь вокруг полно земли. Под ногами. И всюду есть воздух! А если нам захочется огня, то ведь достаточно разжечь костер и...

– Ты еще слишком слаба, чтобы вытягивать энергию из земли. Еще слишком мало знаешь, чтобы тебе удалось добыть что-либо из воздуха. А играть с огнем я тебе категорически запрещаю! Я уже говорила: ни в коем случае нельзя касаться энергии огня!

– Не кричи. Я помню.

Они молча сидели на поваленном сухом стволе, слушая ветер, шумящий в кронах деревьев, и дятла, заядло долбившего где-то неподалеку. Цири хотелось есть, и слюна густела у нее от голода, но она знала, что жалобы ничего не дадут. Раньше, месяц назад, Йеннифэр реагировала на такое нытье сухой проповедью об искусстве обуздывать примитивные инстинкты, а позже просто отделялась пренебрежительным молчанием. Протестовать было так же бессмысленно, как и обижаться на прозвище «утенок». Результаты были одинаковыми. Никакими.

Чародейка выдернула из рукава последний репей.

«Сейчас она о чем-то спросит, – подумала Цири. – Я слышу, как она думает. Снова спросит о чем-то, чего я не помню. Либо помнить не хочу. И напрасно спросит! Я ей не отвечу. Все это – в прошлом, а в прошлое нет возврата. Она сама когда-то так сказала...»

– Расскажи о своих родителях, Цири.

– Я их не помню, госпожа Йеннифэр.

– Так вспомни, пожалуйста.

– Папы я действительно не помню, – сказала Цири тихо, подчиняясь приказу. – Ну... Почти совсем... Маму... Маму – да. У нее были длинные волосы, вот такие... И она всегда была грустной... Я помню... Нет, ничего не помню...

– Пожалуйста, припомни.

– Не помню!

– Посмотри на мою звезду.

...Кричали чайки, пикирующие в пробелы между рыбацкими лодками, где они хватали отходы и выбрасываемую из ящиков рыбью мелочь. Слабо полоскались на ветру паруса драккаров, над пристанью стелился пригнетаемый туманом дым. В порт входили триремы из Цинтры, блестели желтые львы на голубых стягах. Дядя Крах, который стоял рядом и держал на ее плече огромную, как у медведя, лапу, вдруг опустился на одно колено. Выстроившиеся в ряд воины принялись ритмично бить мечами по щитам.

По помосту шла королева Калантэ. Ее бабушка. Та, которую на Островах Скеллиге официально именовали Ard Rhena, Верховная Королева. Но дядя Крах ан Крайт, ярл Скеллиге, продолжая стоять на одном колене и опустив голову, приветствовал Львицу из Цинтры титулом менее официальным, однако считавшимся у островитян более почтительным:

– Будь здорова, Модрон.

– Княжна, – сказала Калантэ холодно и властно, вообще не глядя на ярла. – Иди сюда. Иди ко мне, Цири.

Рука бабушки была сильная и твердая, как рука мужчины, перстни на ней ледяные.

– Где Эйст?

– Король... – не сразу ответил Крах, – в море, Модрон. Ищет обломки... И тела. Со вчерашнего дня.

– Как ты позволил? – крикнула королева. – Как мог допустить? Как ты мог это допустить, Крах? Ты, ярл Скеллиге! Ни один драккар не имеет права выйти в море без твоего разрешения! Почему ты позволил, Крах?!

Дядя еще ниже опустил рыжую голову.

– Коней! – бросила Калантэ. – Мы едем в форт. А завтра на рассвете я отплываю. Забираю княжну в Цинтру. Никогда не разрешу ей сюда вернуться. А ты... У тебя передо мной крупный долг, Крах. Когда-нибудь я пожелаю, чтобы ты его вернул.

– Знаю, Модрон.

– Если я не сумею тебе напомнить, это сделает она. – Калантэ взглянула на Цири. – Ей вернешь свой долг, ярл. Ты знаешь как.

Крах ан Крайт встал, выпрямился, черты его загорелого лица ожесточились. Быстрым движением он выхватил из ничем не украшенных ножен прямой стальной меч, обнажил левое предплечье, покрытое толстыми белесыми шрамами.

– Только без театральных жестов, – фыркнула королева. – Экономь кровь. Я сказала:

когда-нибудь! Помни!

– Aen me Glaeddyv, zvaere a'Bloedgeas, Ard Rhena, Lions aep Xin'trea! – Крах ан Крайт, ярл Островов Скеллиге, поднял руку, потряс мечом. Воины рявкнули, колотя оружием по щитам.

– Клятву приняла. Проводи до форта, ярл.

Цири помнила возвращение короля Эйста, его окаменевшее, бледное лицо и молчание королевы. Помнила мрачный, страшный пир, на котором дикие бородатые морские волки из Скеллиге медленно упивались в мучительной тишине. Помнила шепоты. Geas Muire... Geas Muire!

Она помнила реки темного пива, выливаемые на пол, рога, растрескиваемые о каменные стены залы под взрывы отчаянного, бессильного, бессмысленного гнева. Geas Muire! Паветта!

Паветта, принцесса Цинтры, и ее муж, князь Дани. Родители Цири. Они пропали. Погибли. Их убило Geas Muire... Проклятие Моря. Их поглотил шторм, которого никто не предвидел. Шторм, которого не должно было быть...

Цири отвернулась, чтобы Йеннифэр не увидела слез, заполняющих ее глаза. «Зачем все это, – подумала она. – Зачем эти вопросы, эти воспоминания? В прошлое возврата нет. У меня уже не осталось никого. Ни папы, ни мамы, ни бабушки, той, которая была Ard Rhena, Львицей из Цинтры. Дядя Крах ан Крайт, вероятно, тоже погиб. У меня уже нет никого, и сама я – тоже другая. Возврата нет!..»

Чародейка молчала, задумавшись.

– Именно тогда начались твои сны? – неожиданно спросила она.

– Нет, – задумалась Цири. – Нет, не тогда. Позже.

– Когда?

Девочка поморщилась.

– Летом... За год до войны...

– Так. Значит, сны начались после встречи с Геральтом в Брокилоне?

Цири кивнула. «На следующие вопросы не отвечу», – решила она.

Но Йеннифэр больше вопросов не задавала. Быстро встала, глянула на солнце.

– Ну что ж. Хватит расслаиваться, утенок. Время уходит. Будем продолжать поиски. Руку свободно вперед, не напрягай пальцев. Вперед.

– Куда идти?

– Безразлично.

– Жилы есть всюду?

– Почти. Ты научишься их обнаруживать, находить на местности, распознавать такие точки. Их помечают высохшие деревья, карликовые растения, эти места обходят стороной все животные. Кроме кошек.

– Кошек?

– Кошки любят спать и отдыхать на интерсекциях. Ходит масса рассказов о магических зверушках, но по правде-то кошка, если не считать дракона, единственное существо, умеющее поглощать Силу. Никто не знает, зачем кошке Сила и как она ею пользуется... Что с тобой?

– О-о-о! Там, в той стороне! Там, кажется, что-то есть! За тем вон деревом!

– Не фантазируй, Цири. Интерсекции можно почувствовать, стоя над ними... Хм... Интересно. Я бы сказала – невероятно. Ты действительно чувствуешь, как тянет?

– Да!

– Значит, пошли. Интересно, интересно... Ну, уточняй. Покажи где.

– Здесь! В этом месте!

– Bravo! Изумительно. Ты чувствуешь, как сводит безымянный палец? Видишь, как он изгибается вниз? Запомни, это сигнал.

– Можно зачерпнуть?

– погоди, я проверю.

– Госпожа Йеннифэр! Как оно получается, ну, с этим черпанием? Если я наберу в себя Силу, то ведь ее может не хватать там, внизу. Разве так можно? Мать Нэннеке учила нас, что ничего нельзя брать просто так, ради каприза. Даже вишни следует оставлять на деревьях для птиц, и пусть ягоды сами упадут, если придет время.

Йеннифэр обняла ее, нежно поцеловала в волосы на виске.

– Хотелось бы, – промурлыкала она, – чтобы твои слова услышали другие. Вильгефорц, Франческа, Терранова... Те, кто считает, что обладает исключительными правами на Силу и может пользоваться ею без ограничений. Хотелось бы, чтобы они послушали маленького утенка из храма Мелитэле. Не бойся, Цири. Хорошо, что ты об этом думаешь, но поверь мне, Силы в природе предостаточно. Ты ей урона не нанесешь. Это все равно как сорвать в саду одну-единственную вишенку.

– Уже можно черпать?

– погоди. Ого, это чертовски сильное гнездо. Мощная пульсация! Осторожнее, утенок, очень осторожно, очень медленно.

– Я не боюсь! Па-па! Я ведьмачка! Ха! Я чувствую ее! Чувствую! О-о-о!!! Госпожа Йеннифэр... Йен... ни... фэ-е-е-ер...

– А, дьявольщина! Я же предупреждала! Голову выше! Выше, говорю! На, приложи к носу, иначе захлебнешься кровью! Спокойнее, спокойнее, малышка, только не теряй сознания. Я рядом. Я рядом... Дочурка. Держи платочек. Сейчас я начарую льда...

Из-за такой малой крови был колоссальный скандал. Йеннифэр и Нэннеке не разговаривали целую неделю.

Целую неделю Цири бездельничала, читала книги и скучала, потому что чародейка объявила перерыв в учебе. Девочка не видела ее круглыми днями – на рассвете Йеннифэр куда-то исчезала, возвращалась под вечер, глядела на нее странно и была странно неразговорчива.

Через неделю Цири не выдержала. Вечером, когда чародейка вернулась, она молча подошла

к ней, крепко прижалась.

Йеннифэр молчала. Очень долго. Ей не надо было говорить. Ее пальцы, сжатые на плечах девочки, говорили за нее.

А еще через день после долгого многочасового разговора первосвященница и чародейка помирились.

И тогда, к огромной радости Цири, все вернулось на свои места.

– Гляди мне в глаза, Цири. Маленький огонек. Формула!

– Aine verseos!

– Хорошо. Смотри на мою руку. Такой же жест и распыли огонек в воздухе.

– Aine aen aenye!

– Прекрасно. А теперь какой жест? Да, именно такой. Очень хорошо. Усиль жест и зачерпни. Больше, больше, не прерывай!

– О-о-о-х...

– Спину прямо! Руки вдоль тела! Кисти расслабь, никаких ненужных движений пальцами, любое движение может во много раз усилить эффект, ты хочешь, чтобы здесь разгорелся пожар? Усиливай, чего ты ждешь?

– О-о-о-х, не могу... не могу...

– Расслабься и перестань трястись! Черпай! Что ты делаешь? Ну, теперь лучше... Не ослабляй воли! Слишком быстро. Слишком резко прерываешь... И излишне разогреваешься! Медленнее, утенок, спокойнее. Я знаю, это неприятно. Привыкнешь.

– Больно... В животе... Вот тут...

– Ты женщина, это типичная реакция. Со временем закалишься. Но чтобы иммунизироваться, тебе надо будет тренироваться без противоболевой блокады. Это совершенно необходимо. Ничего не бойся, я слежу, экранирую тебя. Ничего с тобой случиться не может. Но боль ты должна перетерпеть. Дыши спокойнее. Соберись. Жест! Прекрасно. И бери Силу, черпай, втягивай... Хорошо, хорошо. Еще немного...

– О... о-о-ох!

– Ну, видишь? Можешь, если захочешь. Теперь смотри на мою руку. Внимательно. Сделай точно такой же жест. Пальцы! Пальцы, Цири! Гляди на мою руку, а не на потолок. Теперь хорошо, да, очень хорошо. Связывай! А теперь разверни, обрати жест и выдай Силу в виде яркого света.

– И-и-и! И-и-и...

– Перестань выть! Возьми себя в руки! Это спазм! Сейчас пройдет. Пальцы шире, пригаси, выдай это из себя! Медленнее, черт побери, не то лопнут кровеносные сосуды!

– И-и-и-к!

– Слишком бурно, утенок, все еще слишком бурно. Знаю, Сила вырывается наружу, но ты должна научиться ею управлять. Нельзя допускать таких взрывов, как только что. Если б я тебя не экранировала, ты натворила бы тут черт знает что... Ну, еще разок. С самого начала.

Жест и формула!

– Нет! Хватит! Я больше не могу!

– Дыши медленнее, перестань дрожать, сконцентрируйся и начинай.

– Нет, ну пожалуйста, госпожа Йеннифэр... Мне больно... Мне нехорошо...

– Только без слез, Цири. Нет ничего отвратительнее, чем ревущая чародейка. Ничто не вызывает большей жалости. Запомни! Никогда об этом не забывай. Еще раз, сначала. Заклинание и жест. Нет, нет, теперь без подсказки. Сделай сама. Ну, напряги память!

– Aine verseos... Aine aen aenye... О-о-о-х!

– Скверно! Слишком быстро.

Магия, словно железный дротик с крюком, засела в ней. Ранила глубоко. Болела. И причиняла боль. Ту странную боль, которая удивительным образом сочетается с блаженством. * * *

Для разрядки они снова бегали по парку. Йеннифэр убедила Нэннеке выдать из хранилища меч Цири, разрешила девочке тренироваться в выпадах, вольтах и финтах. Разумеется, так, чтобы другие жрицы и послушницы этого не видели. Но магия присутствовала во всем и всегда. Цири училась простыми заклинаниями и концентрацией воли расслаблять мускулы, снимать спазмы, контролировать адреналин, управлять лабиринтом внутреннего уха и блуждающим нервом, ускорять либо замедлять пульс, недолго обходиться без кислорода.

Чародейка удивительно много знала о мече и ведьмачьем «танце». Знала массу всякой всячины о секретах Каэр Морхена. Она, несомненно, бывала в замке. Знала Весемира и Эскеля. Ламберта и Койона не знала.

Йеннифэр бывала в Каэр Морхене, Цири догадывалась о причинах того, почему во время бесед о замке глаза чародейки становились теплее, утрачивали злой блеск и холодную, равнодушную, мудрую глубину. Если б эти слова годились для Йеннифэр, Цири назвала бы ее в такие минуты размышляющей, вслушивающейся в воспоминания.

О причинах Цири догадывалась. Да.

Была тема, затрагивать которую девочка интуитивно и старательно избегала. Но однажды разогналась и разболталась. О Трисс Меригольд. Йеннифэр как бы неохотно, как бы равнодушно, как бы банальными, тщательно дозируемыми вопросами вытянула из Цири все до конца. Глаза у нее при этом были жесткие и непроницаемые.

О причинах Цири догадывалась. Но, о диво, уже не чувствовала раздражения. Магия успокаивала.

– Так называемый знак Аард, Цири, это очень простое заклинание из разряда психокинетических чар, основывающееся на направлении энергии в требуемую сторону. Мощность броска зависит от концентрации воли излучающего и выданной им Силы. Она может быть значительной. Ведьмаки освоили это заклинание, воспользовавшись тем, что оно не требует знания магической формулы – достаточно концентрации и жеста. Поэтому они называли его знаком. Откуда они взяли название, не знаю, возможно, из Старшей Речи. Слово «ard» означает, как известно, «верх», «верхний», «высочайший». Если так, то название это очень обманчиво, потому что трудно найти более легкое психокинетическое заклинание. Мы, разумеется, не станем терять времени и энергии на такой примитив, как ведьмачий знак. Мы будем изучать истинный психокинез. Ну-ка потренируемся. На той вон корзинке, что лежит под яблоней. Сконцентрируйся.

– Готово.

– Слишком быстро. Напоминаю: контролируй истечение Силы. Выдать ты можешь лишь столько, сколько взяла. Если выдашь хотя бы на малую толику больше, то это пойдет за счет твоего собственного организма. Такое усилие может лишить тебя сознания и даже убить. Если же ты выдашь все, что взяла, то потеряешь возможность повторить, придется черпать еще раз, а ты уже знаешь, как это трудно и небезболезненно.

– О, знаю!

– Нельзя ослаблять концентрацию и позволять энергии вырываться из тебя самой. Моя учительница любила говорить, что выдавать Силу следует так, как будто ты – прости! – пукаешь в бальном зале: нежно, экономно и под контролем. И так, чтобы посторонние не догадались, что это твоя работа. Понимаешь?

– Понимаю!

– Выпрямись и перестань хихикать. Напоминаю: заклинание – дело серьезное. Его бросают в грациозной, но и гордой в то же время позе. Жесты проделывают плавно, сдержанно. С достоинством. Не строят глупых мин, не морщатся, не высовывают языка. Ты оперируешь силами природы, так прояви к природе уважение.

– Хорошо, госпожа Йеннифэр.

– Будь внимательнее, на этот раз я тебя не экранирую. Ты самостоятельная чародейка. Это твой дебют, утенок. Видела бутылку с вином на шкафчике? Если дебют пройдет хорошо, твоя учительница выпьет сегодня вечером.

– Одна?

– Ученикам пить вино разрешают только после сдачи экзаменов на подмастерье. Придется подождать. Ты понятливая, так что осталось всего годков десять, не больше. Ну, начинаем. Сложи пальцы. А левая рука? Ишь размахалась! Опусть свободно или упрись в бок. Пальцы! Хорошо. Ну, выдавай!

– А-а-а-х!

– Я не просила издавать звуки! Выдай энергию. Молча.

– Ха-а-а! Ха! Подскочила! Корзинка подскочила! Ты видела?

– Едва-едва дрогнула. Цири, экономно не значит слабо. Психокинез используют с определенной целью. Ведьмаки применяют знак Аард, чтобы сбить противника с ног. Энергия, которую ты выдала, не собьет у противника даже шапки! Еще раз! Немного сильнее. Смелее!

– Ха! Поплыла! Теперь было хорошо? Правда? Госпожа Йеннифэр?

– Хм... Потом сбегает на кухню, стащишь немного сыра к нашему вину... Было почти хорошо. Почти. Еще сильнее, утенок, не бойся. Подними корзинку с земли и как следует ударь ею о стену вон того сарайчика, так, чтобы перья полетели. Не сутулься. Голову выше! Грациозно, но гордо! Смелее, смелее! О черт!

– Ой-ёй! Прости, госпожа Йеннифэр... Кажется... я выдала чуточку многовато...

– Совсем капельку. Не нервничай. Иди сюда. Ну, маленькая...

– А сарайчик?

– Это случается. Не переживай. Дебют в принципе следует оценить положительно. А сарайчик? Это был не такой уж красивый сарайчик. Так, сараюшка какая-то. Не думаю, чтобы кому-то его очень уж доставало в ландшафте. Но-но, милые дамы! Спокойно, спокойно, к чему такой шум и гам, ничего же не случилось! Без нервов, Нэннеке! Ничего не случилось, повторяю. Просто надо собрать доски. Пригодятся для печки.

В теплые безветренные вечера воздух густел от аромата цветов и трав, дышал покоем и тишиной, прерываемой брэнчанием пчел и жужжанием больших жуков. В такие часы Йеннифэр выносила в сад ивовое кресло Нэннеке, усаживалась, вытянув ноги далеко вперед. Она часами изучала книги, часами читала письма, которые получала через странных посланцев, в основном – птиц. Иногда просто сидела, уставившись вдаль. Одной рукой задумчиво тербила свои черные блестящие локоны, другой гладила по голове Цири, которая сидела на траве, пристроившись к теплему упругому бедру чародейки.

– Госпожа Йеннифэр?

– Я здесь, утенок.

– Скажи, с помощью магии можно сделать все-все?

– Нет.

– Но многое, верно?

– Верно. – Чародейка на минуту прикрыла глаза, коснулась пальцами век. – Очень многое.

– Что-нибудь действительно огромное... Что-то страшное! Очень страшное?

– Порой значительно более страшное, чем хотелось бы.

– Хм... А я... Когда-нибудь я сумею сделать что-нибудь такое?

– Не знаю. Может быть, никогда. Лучше б никогда.

Тишина. Молчание. Жара. Аромат цветов и трав.

– Госпожа Йеннифэр?

– Что еще, утенок?

– Сколько тебе было лет, когда ты стала чародейкой?

– Хм... Когда сдала вступительные экзамены? Тринадцать.

– О! Как и мне! А сколько... сколько тебе было лет, когда... Ну, об этом не спрошу...

– Шестнадцать.

– Ага... – Цири слегка покраснела, изобразила неожиданный интерес к облаку удивительной формы, висящему высоко над храмовыми башнями. – А сколько тебе было лет... когда ты познакомилась с Геральтом?

– Больше, утенок, намного больше.

– Ты все время называешь меня утенком! Ведь знаешь же, как я этого не люблю. Почему ты так делаешь?

- Потому что я ехидная. Чародейки всегда бывают ехидными.
- Но я не хочу быть утенком... гадким, как в той сказке. Хочу стать красивой. По-настоящему красивой, как ты, госпожа Йеннифэр. Благодаря магии я когда-нибудь смогу быть такой же красивой?
- Ты... К счастью, тебе этого делать не надо... Тебе для этого магия не нужна. Ты сама не знаешь, какое это счастье.
- Но я хочу быть действительно красивой!
- Ты действительно красива. Ты действительно красивый... утенок. Мой красивый утенок. Мой прекрасный лебеденок... Лебеденок...
- О, госпожа Йеннифэр!
- Цири, ты наделаешь мне синяков.
- Госпожа Йеннифэр?
- Слушаю.
- На что ты так смотришь?
- На то вон дерево. Это липа.
- А что в ней такого интересного?
- Ничего. Просто мне приятно ее видеть. Меня радует, что я... я могу ее видеть.
- Не понимаю.
- Это хорошо.
- Тишина. Молчание. Душно.
- Госпожа Йеннифэр?
- Что еще?
- К твоей ноге ползет паук. Смотри, какой противный.
- Паук как паук.
- Убей его!
- Мне не хочется наклоняться.
- Тогда убей заклинанием!
- На территории храма Мелитэле? Чтобы Нэннеке вытурила нас в шею? Нет уж, благодарю. А теперь сиди смирно. Мне надо подумать.
- А над чем ты так раздумываешь? Ну, ну, все. Молчу.
- Не нахожу слов от радости. А я уже начала было опасаться, что ты задашь один из своих несравненных вопросов.
- Почему бы и нет? Я люблю твои несравненные ответы!

– Наглеешь, утенок.

– Я – чародейка. А чародейки ехидны и наглы.

Молчание. В воздухе неподвижность. Душно, как перед грозой. И тишина. На этот раз прерываемая только далеким карканьем воронья.

– Их все больше, – задрала Цири голову. – Летят и летят... Как осенью. Отвратные птицы... Жрицы говорят, что это плохой знак... Знамя... Нет. Знамение или как-то так. Что такое знамение, госпожа Йеннифэр?

– Прочитай в Dhu Dwimthe morg. Там целая глава посвящена этому.

Молчание.

– Госпожа Йеннифэр?

– А, черт! Ну что там еще?

– Почему Геральт так долго... Почему он не приезжает?

– Наверно, забыл о тебе, утенок. Нашел себе девочку покрасивее.

– Ох, нет! Знаю, что не забыл! Не мог! Знаю, знаю наверняка, госпожа Йеннифэр!

– Прекрасно, что знаешь. Счастливый ты... утенок.

– Я тебя не любила, – повторила Цири.

Йеннифэр не взглянула на нее, по-прежнему стояла, отвернувшись, у окна и глядела в сторону темнеющих на востоке холмов. Над холмами небо было черным от воронья.

«Сейчас спросит, – подумала Цири, – почему я ее не любила. Нет, она слишком умна для таких вопросов. Сухо обратит внимание на грамматическую форму и спросит, с каких пор я начала употреблять прошедшее время. И я скажу. Я буду такая же сухая, как она, повторю ее тон, пусть знает, что я тоже умею притворяться холодной, бесчувственной и равнодушной, стыдящейся чувств и эмоций. Я ей все скажу. Хочу, должна все сказать. Хочу, чтобы она обо всем знала, прежде чем мы покинем храм Мелитэле. Прежде чем выедем, чтобы наконец встретиться с тем, по которому я тоскую. С тем, по которому тоскует она. С тем, кто наверняка тоскует по нам обеим. Хочу сказать ей, что...

Я скажу ей это. Только бы она спросила».

Чародейка отвернулась от окна, улыбнулась. И не спросила ни о чем.

Они выехали на следующее утро на заре. В мужских дорожных одеждах, в плащах, шапочках и капюшонах, прикрывающих волосы. Обе вооруженные.

Провожала их только Нэннеке. Они с Йеннифэр долго и тихо разговаривали, потом обе, чародейка и первосвященница, крепко, по-мужски пожали друг другу руки. Цири, держа поводья своей серой в яблоках лошади, хотела попрощаться так же, но Нэннеке не позволила. Обняла ее, прижала, поцеловала. В глазах у нее стояли слезы. У Цири тоже.

– Ну, – наконец сказала первосвященница, вытирая глаза рукавом. – Отправляйтесь. Пусть Великая Мелитэле хранит вас в пути, дорогие мои. Но у богини и без вас множество дел, так что сами тоже не плошайте. Смотри за ней, Йеннифэр. Береги ее как зеницу ока.

– Надеюсь, – едва заметно усмехнулась чародейка, – что смогу уберечь гораздо лучше.

По небу в сторону Долины Понтара летели стаи ворон, громко каркая. Нэннеке не смотрела на них.

– Берегите себя, – повторила она. – Грядут тяжелые времена. Может оказаться, что Ithlinne аер Aevenien знала, что предрекает. Грядет Час Меча и Топора. Час Презрения и Волчьей Пурги. Береги ее, Йеннифэр. Не позволяй никому обижать ее.

– Я вернусь сюда, матушка, – сказала Цири, запрыгивая в седло. – Обязательно вернусь! Скоро!

Ей было невдомек, как сильно она ошибалась.

Час Презрения

Глава первая

Ты в крови. Лицо и руки.

Вся в крови твоя одежда.

Так гори, прими же муки,

Фалька, изверг. Брось надежду.

Детская песенка, исполняемая во время аутодафе куклы Фальки в сочевник Саовины

ВЕДЬМАНЫ, т. е. ведьмаки нордлингов (см.) – таинственная элитная каста жрецов-воинов, вероятно, один из друидских кланов (см.). Обладая, как считается в народе, магической силой и сверхчеловеческими способностями, В. боролись против чудовищ, злых духов и всяческих темных сил. В действительности же мастерски владевшие оружием В. использовались владыками Севера в межплеменных разборках. Во время боя В., впадая в транс, вызываемый, как полагают, самогипнозом либо одурманивающими декоктами, слепо бились, будучи совершенно невосприимчивыми к боли и даже серьезным телесным повреждениям, что укрепляло веру в их сверхъестественные способности. Теория, гласящая, что В. представляют собой продукт мутации либо генной инженерии, подтверждения не получила. В. – герои многочисленных сказаний нордлингов (ср. Ф. Деланной «Мифы и легенды народов Севера»). Эффенберг и Тальбот Encyclopaedia Maxima Mundi; т. XV

– Чтобы зарабатывать на жизнь в качестве настоящего гонца, – любил говаривать Апплегатт поступающим на службу юнцам, – требуются, во-первых, золотая голова и, во-вторых, железная задница. Золотая голова, – поучал Апплегатт молодых гонцов, – необходима, поскольку под одеждой, в привязанной к голой груди плоской кожаной суме гонец возит только малозначительные сообщения, которые, не опасаясь, можно доверить ненадежной бумаге либо пергаменту. По-настоящему же важные, секретные известия, от которых многое зависит, гонец должен запомнить и повторить кому следует. Слово в слово. А это порой бывают непростые слова. Их и выговорить-то трудно, не то что запомнить. А чтобы запомнить и, повторяя, не ошибиться, надобно воистину золотая голова.

Что же касается железной задницы, так это любой гонец очень даже скоро почувствует сам, стоит ему провести в седле три дня и три ночи, протрястись сто, а то и двести верст по большакам, а ежели понадобится, то и по бездорожью. Ну, само собой, сидишь в седле не беспрерывно, иногда слезаешь, чтобы передохнуть. Потому как человек может выдержать многое, а лошадь – нет. Но когда после передышки снова заберешься в седло, то кажется, что зад в голос вопит: «Спасите, убивают!»

– А кому в наше время нужны конные гонцы, господин Апплегатт? – иногда удивлялись молодые люди. – К примеру, из Венгерберга до Вызимы никому не доскакать быстрее, чем в четыре-пять дней, даже на самом что ни на есть резвом скакуне. А сколько времени понадобится чародею, чтобы из того же Венгерберга переслать магическое сообщение в Вызиму? Полчаса, а то и меньше. У гонца конь может сбить ногу. Его могут прикончить разбойники или «белки», разорвать волки или грифы. Был гонец, и нет гонца. А чародейское сообщение завсегда дойдет, дороги не попутает, не запоздает и не затеряется. К чему гонцы, коли при каждом королевском дворе есть чародеи? Нет, господин Апплегатт, теперь гонцы уже не нужны.

Какое-то время Апплегатт тоже думал, что больше он не пригодится. Ему было тридцать шесть. Ростом, правда, он не выдался, но был силен и жилист, работы не чурался, и голова была у него, разумеется, золотая. Мог он найти другую работу, чтобы прокормить себя и жену, отложить немного деньжат на приданое двум незамужним пока дочерям, мог по-прежнему помогать замужней, мужу которой, безнадежному недотепе, постоянно не везло в делах. Но Апплегатт не хотел и не представлял себе другой работы. Он был королевским конным гонцом.

И вдруг, после долгого мучительного бездействия и никому ненужности, Апплегатт снова потребовался. По большакам и лесным просекам застучали конские копыта. Гонцы, как в добрые старые времена, опять принялись бороздить краину, разнося известия от города к городу.

Апплегатт знал, в чем тут дело. Он видел много, а слышал и того больше. От него требовалось незамедлительно стереть из памяти содержание переданного сообщения, забыть о нем так, чтобы не вспомнить даже под пытками. Но Апплегатт помнил. Помнил и знал, почему короли вдруг перестали обращаться к магии и магикам. Сообщения, которые перевозили гонцы, должны были оставаться тайной для чародеев. Короли вдруг не стали доверять магикам, перестали верить им свои секреты.

Почему так неожиданно охладела дружба королей и чародеев, Апплегатт не знал, да и не очень-то хотел знать. И короли, и магики, по его мнению, были существами непонятными, непредсказуемыми – особенно когда наступали трудные времена. А того, что наступили трудные времена, не заметить было невозможно, разъезжая от города к городу, от замка к замку, от королевства к королевству.

Дороги были забиты военными. По большакам пылили колонны пехотинцев и конников, а каждый встречный начальник был возбужден, взволнован, обидчив и так важен, будто судьбы

мира зависели от него одного. Города и замки тоже были полны вооруженного люда, день и ночь там кипела лихорадочная суэта. Обычно незаметные бургграфы и кастеляны теперь без устали метались по дворам и стенам замков, злые, словно осы перед бурей, орали, сквернословили, отдавали приказы (забывая проверить их исполнение), раздавали пинки и зуботычины. К крепостям и гарнизонам днем и ночью тянулись колонны тяжело груженных телег, навстречу им быстро и легко шли уже пустые обозы. На дорогах вздымали облака пыли перегоняемые прямо с пастбищ горячие трехлетки. Не привыкшие к удилам и вооруженному седоку лошади пользовались последними днями свободы, создавая погонщикам массу дополнительных хлопот, а другим пользователям дорог – немало забот.

Одним словом, в жарком неподвижном воздухе висела война.

Аплегатт приподнялся на стременах, осмотрелся. Внизу, у подножия взгорья, поблескивала река, круто извиваясь меж луговин и куп деревьев. За рекой, на юге, раскинулись леса. Гонец прижал пятками лошадь.

Время торопило.

Он был в пути уже два дня. Королевский приказ и почта застали его в Хагге, где он отдыхал после возвращения из Третогора. Из крепости выехал ночью, рысью прошел по большаку вдоль левого берега Понтара, перед рассветом пересек границу с Темерией, а теперь, в полдень второго дня, уже был на берегу Исмены. Если б король Фольтест оказался в Вызиме, Аплегатт вручил бы ему послание еще минувшей ночью. К сожалению, короля не было в столице, он пребывал на юге страны, в Мариборе, почти в двух сотнях верст от Вызимы. Аплегатт знал об этом, потому в районе Белого Моста оставил ведущий на запад большак и поехал лесами в сторону Элландера. Он немного рисковал. В здешних лесах разбойничали «белки» – эльфы бригады, скоя'таэли, и горе тому, кто попадал им в руки либо нарывался на стрелу. Но королевский гонец вынужден рисковать. Служба такая.

Аплегатт легко преодолел реку – с июня не было дождей, и вода в Исмене заметно спала. Придерживаясь опушки леса, добрался до дороги, ведущей из Вызимы на юго-восток, в сторону краснолюдских медеплавильных кузниц и поселков в массиве Махакам. По дороге тащились телеги, их то и дело опережали конные разъезды. Аплегатт облегченно вздохнул. Где людно – нет скоя'таэлей. Кампания против восставших эльфов тянулась в Темерии уже год, преследуемые по лесам «беличыи» бригады разбились на мелкие группы, а мелкие группы держались вдали от шумных дорог, и засад на них не устраивали.

К вечеру он уже был на западной границе княжества Элландер, у развилки вблизи деревушки Завада, оттуда прямая и безопасная дорога вела на Марибор – сорок две версты мощным людным трактом. На развилке пристроилась корчма. Он решил передохнуть и дать отдых лошади. Знал, что если выехать на заре, то, даже не особенно утомляя кобылку, можно будет еще до захода солнца увидеть серебряно-черные флаги на красных крышах башен мариборского замка.

Он расседлал кобылу и, отпустив слугу, сам протер ее. Аплегатт был королевским гонцом, а королевские гонцы никому не позволяют прикасаться к своим лошадям. Съел внушительную порцию яичницы с колбасой и четвертушку пеклеванного хлеба, запил квартой пива. Послушал сплетни. Самые разные. В корчме останавливались путешественники со всех сторон света.

В Доле Ангре снова заварушка, снова отряд лирийской кавалерии столкнулся на границе с нильфгаардским разъездом. Мэва, королева Лирии, опять на весь мир обвинила Нильфгаард в провокациях и попросила помощи у короля Демавенда из Аэдирна. В Третогоре свершилась публичная экзекуция реданского барона, который тайно сносился с эmissарями нильфгаардского императора Эмгыра. В Каздвене объединившиеся в большую группу

подразделения ская'таэлей учинили резню в форте Лейда. В ответ население Ард Каррайга устроило погром, истребив почти четыре сотни живших в столице нелюдей.

В Темерии, рассказали едущие с юга купцы, среди цинтрийских эмигрантов, собранных под штандарты маршала Виссегерда, царит печаль и траур, ибо подтвердилось страшное сообщение о смерти Львенка, княжны Цириллы, последней из рода королевы Калантэ, Львицы из Цинтры.

Было поведано еще несколько страшных и зловещих историй. Например, что в некоторых местностях коровы вдруг стали давать кровь, а не молоко, а на рассвете люди видели в тумане Деву Мора, предвестницу жуткой гибели. В Бругге, в районах леса Брокилон, заповедного королевства лесных дриад, объявился Дикий Гон, галопирующее по небесам скопище ведьм, а Дикий Гон, каждому ведомо, всегда предвещает войну. С полуострова Бреммервоорд заметили призрачный корабль, а на его борту – привидение черного рыцаря в шлеме с крыльями хищной птицы...

Дальше гонец прислушиваться не стал, он был сильно утомлен. Отправился в общую ночлежную комнату, колодой повалился на подстилку и уснул.

Поднялся на заре. Выйдя во двор, немного удивился – оказалось, что он не первым собрался в путь, а такое случалось не часто. У колодца стоял оседланный гнедой жеребец, рядом в корыте мыла руки женщина в мужской одежде. Услышав шаги Аппегатта, она обернулась, мокрыми руками собрала и отбросила на спину буйные черные волосы. Гонец поклонился. Женщина слегка кивнула.

Входя в конюшню, он чуть не столкнулся со второй ранней пташкой – молоденькой девушкой в бархатном берете, выводившей в этот момент серую в яблоках кобылу. Девушка потирала лицо и зевала, прижавшись к боку лошади.

– Ой-ёй, – буркнула она, проходя мимо гонца. – Точно, усну в седле... Усну... Аауауа...

– Холод разбудит, когда кобылку разгонишь, – вежливо сказал Аппегатт, стаскивая с балки седло. – Счастливого пути, мазелька...

Девушка повернулась и глянула на него так, словно только сейчас увидела. Глаза у нее были огромные и зеленые, как изумруды. Аппегатт накинул на лошадь чепрак.

– Счастливого пути, говорю. – Обычно он не был словоохотлив или разговорчив, но сейчас чувствовал потребность поболтать с ближним, даже если этим ближним была самая что ни на есть обычная заспанная девчонка. Может, виной тому – долгие дни одиночества на дороге, а может, то, что девчонка немного походила на его среднюю дочку.

– Храни вас боги, – добавил он, – от несчастий и дурных приключений. Вы же вдвоем, да к тому же женщины... А времена теперь недобрые. Кругом опасности поджидают на большаках...

– Опасности... – вдруг проговорила девочка странным, измененным голосом. – Опасность – тихая. Не услышишь, как налетит на серых перьях. Я видела сон. Песок... Песок был горячий от солнца...

– Что? – замер Аппегатт, прижимая к животу седло. – О чем ты, мазелька? Какой песок?

Девочка сильно вздрогнула, протерла лицо. Серая в яблоках кобыла тряхнула головой.

– Цири! – крикнула черноволосая женщина со двора, поправляя подпругу и вьюки. – Поспеш!

Девочка зевнула, глянула на Аппегатта, буркнула что-то невнятное. Казалось, она удивлена его присутствием в конюшне. Гонец молчал.

– Цири, – повторила женщина. – Заснула?

– Иду, иду, госпожа Йеннифэр!

Когда Аппегатт оседлал коня и вывел во двор, женщины и девочки там уже не было. Протяжно и хрипло пропел петух, разлаялась собака, в деревьях откликнулась кукушка. Гонец вскочил в седло. Неожиданно вспомнил зеленые глаза заспанной девочки, ее странные слова. Тихая опасность? Серые перья? Горячий песок? Не иначе как не в своем уме девка, подумал он. Множество таких сейчас встречается – спятивших девчонок, обиженных в военные дни мародерами или другими бродягами. Да, не иначе тронутая. А может, просто как следует не проснувшаяся, еще толком не пришедшая в себя? Диву даешься, какие бредни порой люди плетут на рассвете, между сном и явью...

Он снова вздрогнул, а между лопатками почувствовал боль. Помассировал плечи пятерней.

Оказавшись на мариборском тракте, он всадил коню пятки в бока и послал в галоп.

Время торопило.

В Мариборе гонец отдыхал недолго – не кончился день, а ветер уже снова свистел у него в ушах. Новый конь, чубарый жеребец из мариборских конюшен, шел ходко, вытягивая шею и метя хвостом. Мелькали придорожные вербы. Грудь Аппегатта прикрывала сума с дипломатической почтой. Зад вопиял.

– Хоть бы ты себе шею свернул, летун проклятый! – рявкнул ему вслед возница, натягивая вожжи пары, напуганной промчавшимся чубарым. – Ишь прет, будто ему смерть пятки лижет! Ну-ну, при, дурень, все едино – от костлявой не сбежишь!

Аппегатт протер слезящиеся от ветра глаза.

Вчера он передал королю Фольтесту письмо, а потом проговорил тайное послание короля Демавенда:

Демавенд – Фольтесту. В Доль Ангре все готово. Ряженные ждут приказа. Намечен срок: вторая июльская ночь после новолуния. Люди должны высадиться на том берегу спустя два дня.

Над большаком, громко каркая, летели вороны. Они летели на восток, в сторону Махакама и Доль Ангра, в сторону Венгерберга. Гонец мысленно повторил слова секретного послания, которое через него король Темерии слал королю Аэдирна:

Фольтест – Демавенду. Первое: акцию задержать. Мудрилы собрались на острове Танедд, хотят встретиться и что-то обсудить. Их Сбор может многое изменить. Второе: поиски Львенка можно прекратить. Подтвердилось: Львенок мертв.

Аппегатт ткнул чубарого пятками.

Время торопило.

Узкая лесная дорога была забита телегами. Аппегатт придержал коня, спокойно потрусил к последнему в длинной веренице возу. Сразу же сообразил, что через затор не пробиться. О том, чтобы повернуть назад, не было и речи: слишком большая потеря времени. Лезть в болотистую чащобу, чтобы обойти затор, тоже не очень улыбалось, тем более что дело шло к ночи.

– Что случилось? – спросил он возниц с последней телеги обоза, двух старичков, из которых один, похоже, дремал, а второй был мертв. – «Белки» напали? Отвечайте! Я спешу!

Не успел старикан ответить, как со стороны невидимой в лесу головы колонны слышались крики. Возницы спешно запрыгивали на телеги, хлестали лошадей и волов, сопровождая удары малоизысканными проклятиями. Колонна тяжело стронулась с места. Дремавший старичок очнулся, тряхнул бородой, чмокнул мулам и хлестнул их вожжами по крупам. Старик, казавшийся мертвым, воскрес, сдвинул на затылок соломенную шляпу и глянул на Апплегатта.

– Гляньте-ка. Он спешит. Эй, сынок, те посчастливилось. В сам час прискакал.

– И то верно, – пошевелил бородой второй старик и подстегнул мулов. – В сам час. Ежели б в полудень заехал, стоял бы с нами, ждал вольного проезда. Все мы спешим, а торчать пришлось. А как проедешь, коли тракт запёрт?

– Тракт был закрыт? Это почему же?

– Свирепый людоедец объявился, сынок. На лыцаря напал, что сам-друг со слугой ехал. Лыцарю-то вроде как чуд энтот башку вместе с шлемом оторвал, коняке кишки выпустил. Слуга успел драпануть, кричал, мол, ужас там одна, мол, тракт аж красным стал от кровишки.

– Что за чудовище-то? – спросил Апплегатт, сдерживая коня, чтобы продолжить разговор с возницами едва волочившейся телеги. – Дракон?

– Неа, не дракон, – встрял второй старичок, тот, что в соломенной шляпе. – Говорят, мандыгор аль как-то этак. Слуга болтал, мол, летучий стервь, страсть какой жуткий. А уж ярый – мочи нету! Слуга думал, сожрет лыцаря и улетит, ан где тама! Уселси на дороге, курвишке, и сидит, шипит, зубишками клацает. Ну вот и закупорил дорогу, навроне как пробка флягу, потому как ежели кто подъезжал и чуду энту видел, тут же воз бросал и деру. Возов понабралось с полверсты, а кругом, сам видишь, болоты, сынок, пушша и трясина, ни объехать, ни завернуть. Вот и стоим, стало быть.

– Столько народу, – фыркнул гонец, – а стояли как столбы какие! Надо было топоры хватать да колья и согнать зверюгу с дороги, а то и прибить.

– Оно, конешным делом, пробовали. Некоторые, – сказал державший вожжи старичок, подгоняя мулов, потому что колонна двинулась быстрее. – Трое краснолюдинов из купецкой стражи, а с ими четверо новобранцев, что в Каррерас в крепость шли, в войско. Краснолюдов бестия покалечила, а новобранцы...

– Сбегли, – закончил второй старичок, после чего сочно и далеко сплюнул, попав точно между крупамулов. – Сбегли, едва энту мандыгорину узрели. Один вроде бы в штаны наклал. О, глянь, глянь, сынок, это он! Вона там!

– Еще чего, – занервничал Апплегатт, – засранца мне собрались показывать? Не интересуюсь...

– Да нет! Чудишше! Убитое чудишше. Солдаты на фуру кладут. Видишь?

Апплегатт приподнялся на стременах. Несмотря на опускающиеся сумерки, через головы любопытных увидел, как солдаты поднимают огромную бледно-желтую тушу. Крылья летучей мыши и скорпионий хвост чудовища бессильно волочились по земле. Гакнув, солдаты подняли тушу повыше и свалили на воз. Запряженные в воз лошади, взволнованные запахом крови и падали, заржали, дернули дышло.

– Не стоять! – рявкнул на старичков командовавший солдатами десятник. – Дальше! Не загоразивать проезд!

Дедок подогнал мулов, воз подскочил на выбоинах. Аплегатт ткнул коня пяткой, поравнялся с ними.

– Похоже, солдаты бестию прикончили?

– Куды там, – возразил старичок. – Солдаты, как пришли, только на людей орали да ругались. То – стой, то – оттяни назад, то то, то другое. К чуду-то не больно спешили. Послали за ведьмаком.

– Ведьмаком?

– Ну да, – подтвердил второй старичок. – Которому-то из них припомнилось, будто он в деревне ведьмака видел, вот и послали за им. Опосля он проезжал мимо нас. Волос белый, морда отвратная и крепкий меч за спиной. И часу не прошло, как спереду кто-то крикнул, мол, щас можно будет ехать, потому как ведьмак бестию укотрупил. Тута наконец тронулися мы, и аккурат, сынок, ты появился!

– Хм, – задумчиво проговорил Аплегатт. – Сколько лет по дорогам гоняю, а ведьмака еще не встречал. Кто-нибудь видел, как он то чудовище уделывал?

– Я видел! – крикнул паренек с расчехренной шевелюрой, подъезжая с другой стороны телеги. Ехал он без седла, управлял худой клячей с помощью уздечки. – Все видел! Потому как рядом с солдатами был, в самом переду!

– Гляньте-ка на него, – фыркнул старик с вожжами. – Молоко на губах не обсохло, а умничает – страх! А хлыста не хошь?

– Оставьте его, отец, – бросил Аплегатт. – Скоро развилок, оттуда я на Каррерас пойду, а сначала хотелось бы знать, как оно было с тем ведьмаком. Давай выкладывай, малый.

– А было оно так, – быстро начал парень, двигаясь шагом вровень с телегой, – что прибыл тот ведьмак к войсковому командиру. Сказал, что звать его Герант. Командир ему на то: мол, как звать, так и звать, лучше пусть за дело берется. И показал, где чудовище сидит. Ведьмак подошел ближе, поглядел малость. До чудовища было шагов сто, может, меньше, но он только сдала глянул и сразу говорит, мол, это исключительно огромный мантихор и что он его прибьет, ежели ему двести крон заплатят.

– Двести крон? – зашелся второй старичок. – Он што, сдурел?

– То же ему и командир сказал, только малость поглубше. А ведьмак на то: мол, столько это стоит и что ему-де все едино, пусть чудовище сидит на дороге хоть до Судного дня. Командир в ответ, что столько не заплатит, лучше погодит, пока чудо само улетит. Ведьмак ему: мол, не улетит, потому как оно голодное и злое. А ежели улетит, то тут же обратно возвратится, потому как это его охотничья тера... терера... тория.

– А ты, сопляк, не балаболы! – разозлился старичок, без видимого результата пытаюсь высморкаться в пальцы, в которых одновременно держал вожжи. – Говори, как оно было...

– А я чего? Ведьмак говорит: не улетит чудовище, а будет всю ночь убитого лыцаря глотать поманеньку, потому как лыцарь в железе, трудно его выковыривать изнутри-то. Тут подошли купцы и ну ведьмака уламливать: и так, и этак, мол, скинутся и сто крон ему дадут. А ведьмак в ответ, что бестия-де зовется мантихор и сильно опасна, а свои сто крон купцы могут запихать себе в задницу, он шею подставлять задарма не намерен. Ну тут командир рассерчал и говорит: мол, такова, значит, собачья и ведьмачья доля – шею подставлять, а задница не для

крон сделана, а к сранью приспособлена. А купцы, видать, боялись, что ведьмак тоже разозлится и уйдет, потому как согласились на сто пятьдесят. Ну ведьмак меч достал и отправился по тракту к тому месту, где чуда сидела. А командир, видать, со зла, шагнул след за ним, на землю сплюнул и говорит, что таких выроdkов адовых незнамо почему земля носит. Один купец ему на то, что коли б войско заместо того, чтоб по лесам за эльфами гоняться, страховидлов с дорог выгоняло, то и ведьмаки не нужны были бы, и что...

– Заткнись, – прервал старичок, – и давай выкладывай, что видал.

– Я, – похвалился парень, – ведьмакову кобылу стерег, каштанку со стрелкой белой.

– Хрен с ней, с кобылой! А как ведьмак чудишше забивал, видел?

– Эээ, – затянул парень. – Не видел... Меня назад прогнали. Все в голос орали и коней пугали, тогда...

– Я сказал, – презрительно сплюнул дедок, – ни фига ты не видел, сопляк.

– Ведьмака видел, когда он вернулся, – захорохорился паренек. – А командир, который на все смотрел, сбледнул с лица и тихо проговорил солдатам, что энто не иначе как чары магические либо эльфьи фокусы и что обнаковенный человек так быстро мечом махать не сумеет... А ведьмак взял у купцов деньги, уселся на кобылу и уехал.

– М-да, – протянул Аппегатт. – Куда поехал? По тракту к Каррерасу? Если да, то, может, догоню. Хоть гляну на него...

– Неа, – сказал паренек. – Он с развилка в сторону Дорьяна двинул. Спешил сильно.

Ведьмаку редко что-нибудь снилось, да и те редкие сны он, проснувшись, не помнил. Даже кошмары – а обычно это кошмары и были.

На сей раз тоже был кошмар, но на сей раз ведьмак запомнил по крайней мере фрагмент. Из клубка каких-то неясных, но беспокоящих фигур, странных, зловещих сцен и непонятных, но навевающих ужас слов и звуков неожиданно вылучился четкий и чистый образ Цири. Не такой, какой он помнил по Каэр Морхену. Ее пепельные, развевающиеся в галопе волосы были длиннее – такие, как тогда, при первой встрече в Брокилоне. Когда она – во сне – проносилась мимо, он хотел крикнуть, но не мог издать ни звука. Хотел броситься за ней, но ему чудилось, будто он по пояс увяз в густеющей смоле. А Цири, казалось, не видит его, уносится дальше, в ночь, скрывается между покореженными ольхами и вербами, а деревья словно живые размахивают ветвями. И тут он увидел, что ее преследуют, что вслед за нею мчится вороной конь, а на нем – всадник в черных доспехах и шлеме, украшенном крыльями хищной птицы.

Геральт не мог ни пошевелиться, ни крикнуть. Мог только смотреть, как крылатый рыцарь догоняет Цири, хватая за волосы, стаскивает с седла и мчится дальше, волоча ее за собой. Он мог только смотреть, как лицо Цири синеет от боли, а изо рта ее вырывается беззвучный крик. Проснуться! – приказал он себе, не в силах выносить кошмар. Проснуться! Проснуться немедленно!

Он проснулся.

Долго лежал неподвижно, заново переживая сон. Вытянул из-под подушки мешочек, быстро пересчитал десятикрановки. Сто пятьдесят за вчерашнего мантихора. Пятьдесят за мгляка, которого убил по просьбе войта из деревушки под Каррерасом. И пятьдесят за оборотня, которого ему указали поселенцы из Бурдорфа.

Пятьдесят за оборотня – работа была легкой. Оборотень не защищался. Загнанный в пещеру,

из которой не было выхода, он упал на колени и молча ожидал удара мечом. Ведьмаку было его жаль.

Но ему нужны были деньги.

Не прошло и часа, как он уже ехал по улицам города Дорьяна в поисках знакомого переулочка и знакомой вывески.

Вывеска гласила: «Кодрингер и Фэнн. Консультации и юридические услуги». Однако Геральт прекрасно знал, что занятия Кодрингера и Фэнна имели в принципе очень мало общего с законом, у самих же партнеров была масса причин избегать любого контакта как с законом, так и с его представителями. Не менее серьезно ведьмак сомневался и в том, что кто-либо из клиентов, посещавших контору, вообще знал, что означает слово «консультации».

На нижний этаж с улицы входа не было – были только солидно запертые ворота, вероятно, ведущие в сарай с телегами или в конюшню. Чтобы добраться до дверей, требовалось обойти дом сзади, войти на грязный, полный кур и уток двор, оттуда подняться по лесенке, а затем пройти по узкой галерейке к темному коридору. Только тогда посетитель оказывался перед крепкими, окованными железом дверями красного дерева, украшенными большой латунной колотушкой в форме львиной головы.

Геральт постучал и сразу же отступил. Он знал, что вмонтированный в двери механизм может выстрелить через скрытые в оковке отверстия двадцатидюймовыми железными стрелами. Теоретически стрелы вылетали из дверей только в том случае, когда кто-либо пытался алхимичить с замком или же когда Кодрингер либо Фэнн нажимали на спусковое устройство, но Геральт уже не раз убеждался, что безотказных механизмов не существует и порой они действуют даже тогда, когда действовать, казалось бы, не должны. И наоборот.

Видимо, в дверях было какое-то – скорее всего чародейское – приспособление, опознающее гостей. После того как посетитель ударял колотушкой, никто изнутри никогда ни о чем не спрашивал и не требовал, чтобы ему отвечали. Двери отворялись, и в них появлялся Кодрингер, и никогда – Фэнн.

– Привет, – сказал Кодрингер. – Входи. Незачем так прижиматься к стенке: я размонтировал защиту. Несколько дней назад с ней что-то приключилось, она ни с того ни с сего заработала и продырявила старьевщика. Входи смело. У тебя дело ко мне?

– Нет. – Ведьмак вошел в просторные мрачные сени, в которых, как всегда, слегка отдавало кошкой. – Не к тебе. К Фэнну.

Кодрингер расхохотался, утверждая ведьмака в подозрении, что Фэнн – фигура стопроцентно мифическая, служившая лишь тому, чтобы вводить в заблуждение судебных приставов, прево, сборщиков налогов и прочих ненавистных Кодрингеру личностей.

Они вошли в контору, в которой было посветлее: комната располагалась на втором этаже, и в солидно зарешеченные окна большую часть дня светило солнце. Геральт занял стул, предназначенный для клиентов. Напротив за дубовым столом раскинулся в мягком кресле Кодрингер, велевший именовать себя «юристом», человек, для которого не существовало ничего невозможного. Если у кого-то возникали затруднения, заботы, проблемы – он шел к Кодрингеру. И тут же получал на руки доказательства непорядочности и злоупотреблений компаньонов или банковский кредит без обеспечения и гарантий. Единственный в длинном списке кредиторов взыскивал наличность с фирмы, объявившей себя банкротом. Получал наследство, несмотря на то, что богатый дядюшка грозился не оставить ему ни медяка. Выигрывал процесс о наследстве, потому что даже самые близкие родственники неожиданно снимали претензии. Сын клиента выходил из тюрьмы либо освобожденный от обвинений на основании неопровержимых доказательств, либо ввиду отсутствия таковых, ибо, если даже

доказательства в свое время и существовали, они таинственным образом исчезали, а свидетели наперебой отказывались от прежних показаний. Охотник за приданым, пытающийся заарканить дочку, неожиданно обращал свои интересы на другую. Любовник жены или соблазнитель дочери в результате несчастного случая получал переломы трех конечностей, в том числе по меньшей мере одной верхней. Заклятый враг или иной столь же неудобный тип переставал вредить – как правило, он пропадал без следа. Да, если у кого-то были проблемы, он ехал в Дорьян, быстренько бежал в фирму «Кодрингер и Фэнн» и стучался в двери красного дерева. В дверях возникал «юрист» Кодрингер, невысокий, щуплый, седовласый, с нездоровой кожей, какая бывает у человека, редко выходящего на свежий воздух. Кодрингер приглашал в контору, усаживался в кресло, брал на колени большущего черно-белого кота и поглаживал его. Оба – Кодрингер и котяра – осматривали клиента неприятным, вызывающим беспокойство взглядом желто-зеленых глаз.

– Я получил твое письмо. – Кодрингер и кот бросили на ведьмака желто-зеленые взгляды. – Посетил меня также и Лютик. Он проезжал через Дорьян несколько недель назад. Рассказал кое-что о твоих заботах и горестях. Но очень мало. Слишком мало.

– Правда? Ты меня удивляешь. Это первый известный мне случай, когда Лютик не сказал слишком много.

– Лютик, – Кодрингер не улыбнулся, – мало сказал, потому что и знал мало. А сказал меньше, чем знал, потому что попросту кое о чем ты ему говорить запретил. Откуда такое недоверие? Причем к коллеге?

Геральт едва заметно вздохнул. Кодрингер собирался сделать вид, будто не заметил, но не смог, потому что заметил кот. Широко раскрыв глаза, кот обнажил белые клыки и почти беззвучно зашипел.

– Не раздражай кота, – сказал «юрист», успокаивая животное. – Тебе не понравилось слово «коллега»? Но это же правда. Я тоже своего рода ведьмак. Я тоже освобождаю людей от чудовищ и чудовищных забот. И тоже делаю это за деньги.

– Есть некоторая разница, – проворчал Геральт под все еще недружелюбным взглядом кота.

– Есть, – согласился Кодрингер. – Ты – ведьмак анахроничный, а я ведьмак современный, идущий в ногу со временем. Поэтому вскоре ты останешься без работы, а я буду процветать. Выворотней, стрыг, эндриаг и вурдалаков в мире не останется. А сукины дети будут всегда.

– Но ты-то в основном избавляешь от хлопот именно сукиных детей, Кодрингер. Запутавшиеся в несчастьях бедняки не в состоянии оплатить твои услуги.

– Твои – тоже. Бедняки никогда ничего оплатить не в состоянии. Это им не по силам. Потому они и остаются бедняками.

– Удивительная логика! А уж новая – дух захватывает.

– Таково свойство истины – захватывать дух. А истина-то именно в том, что базу и опору нашей с тобой профессии составляют сукины дети. С той только разницей, что твои уже почти реликт, а мои – реальны и набирают силу.

– Хорошо, хорошо. Давай ближе к делу.

– Давно пора, – кивнул Кодрингер, поглаживая кота, который напрягся и громко замурлыкал, впиваясь когтями ему в колено. – И покончим с делами в порядке их значимости. Первое: мой гонорар, коллега ведьмак, составляет двести пятьдесят новиградских крон. Ты располагаешь такой суммой? Или тоже относишься к запутавшимся в заботах и хлопотах беднякам?

– Сначала проверим, заработал ли ты столько.

– Проверку, – холодно сказал «юрист», – ограничь исключительно собственной персоной и поспеши. А когда уже проверишь, выкладывая деньги на стол. Вот тогда и перейдем к следующим, менее важным вопросам.

Геральт отвязал от пояса мешочек и со звоном бросил на стол. Кот мгновенно спрыгнул с колен хозяина и сбежал. «Юрист» спрятал мешочек в ящик стола, не проверяя содержимого.

– Ты спугнул кота, – сказал он с явным укором.

– Прости. Думал, звон монет – последнее, что может его спугнуть. Говори, что удалось узнать.

– Риенс, – начал Кодрингер, – который тебя так интересует, фигура довольно таинственная. Мне удалось установить лишь, что два года он провел в школе чародеев в Бан Арде. Его вытурили оттуда, прихватив на мелких кражах. У школы, как обычно, ожидали вербовщики из каэдвенской разведки. Риенс дал себя завербовать. Что он делал для разведки Каэдвена, мне установить не удалось. Но выкидышей из школы чародеев обычно натаскивают на убийц. Сходится?

– Тютелька в тютельку. Продолжай.

– Следующая информация из Цинтры. Господин Риенс сидел там в кутузке. Во времена правления королевы Калантэ.

– За что?

– Представь себе, за долги. Сидел недолго, кто-то его выкупил, выплатив долги вместе с процентами. Операция была осуществлена через банк анонимным доброхотом. Я пытался проследить, от кого шли деньги, но после четырех банков сдался. Риенса выкупил профессионал. И ему очень важна была анонимность.

Кодрингер замолчал, тяжело раскашлялся, приложив платочек ко рту.

– И вдруг сразу по окончании войны господин Риенс появился в Соддене, в Ангрене и в Бругге, – продолжил он после недолгой паузы, вытерев губы и взглянув на платочек. – Изменившийся до неузнаваемости, во всяком случае, в смысле поведения и количества наличных, которыми сорил налево и направо. Потому что ежели говорить об имени, то наглец не перетруился – продолжал пользоваться именем «Риенс». И как Риенс предпринял интенсивные поиски некоей особы, вернее, особы. Навестил друидов из ангреновского Круга, тех, что приютили сирот войны. Тело одного друида через некоторое время нашли в ближайшем лесу, изуродованное, со следами пыток. Потом Риенс появился в Заречье...

– Знаю, – прервал Геральт. – Знаю, что он сделал с семьей кметов из Заречья. За двести пятьдесят крон я рассчитывал на большее. Пока что новостью для меня была лишь информация о школе чародеев и каэдвенской разведке. Остальное знаю. Знаю, что Риенс – беспощадный убийца. Знаю, что он наглый прохвост и мерзавец, не пытающийся даже брать себе фальшивые имена. Знаю, что работает по чьему-то поручению. По чьему, Кодрингер?

– По поручению какого-то чародея. Этот чародей выкупил его из каталажки. Ты сам сказал, а Лютик подтвердил, что Риенс пользуется магией. Настоящей магией – не фокусами, которые мог бы знать как бывший школяр. Стало быть, кто-то его поддерживает, снабжает амулетами, скорее всего обучает втайне. Некоторые из официально практикующих магов имеют таких секретных учеников и фактотумов для вершения нелегальных либо грязных делишек. На их жаргоне нечто подобное называется «ходить на поводке».

– Ходя на чародейском поводке, Риенс воспользовался бы камуфлирующей магией. А он не меняет ни имени, ни внешности. Не стал даже осветлять кожу после ожога, которым его наградила Йеннифэр.

– Это-то и подтверждает, что он ходит на поводке! – Кодрингер закашлялся, отер губы платочком. – Потому что чародейский камуфляж – никакой не камуфляж, только дилетанты применяют нечто подобное. Если бы Риенс скрывался под магическим покровом либо иллюзорной маской, об этом просигналил бы всякий магический аларм, а такие алармы сейчас имеются практически во всех городских воротах. А чародеи улавливают иллюзорные маски безошибочно. В любом скоплении народа, в самой большой толчее Риенс обратил бы на себя внимание каждого чародея так, словно из ушей у него пышет огонь, а из задницы прут клубы дыма. Повторяю: Риенс действует по распоряжению чародея и действует так, чтобы не привлекать к себе внимания других чародеев.

– Некоторые считают его нильфгаардским шпионом.

– Знаю. Например, Дийкстра, шеф реданской разведки. Дийкстра ошибается редко, поэтому можно принять, что и на этот раз он прав. Но одно не исключает другого. Фактотум чародея может одновременно быть и нильфгаардским шпионом.

– А это значит, что какой-то официально практикующий чародей шпионит в пользу Нильфгаарда с помощью тайного фактотума.

– Глупости. – Кодрингер закашлялся, внимательно осмотрел платок. – Чародей шпионит в пользу Нильфгаарда? Чего ради? Из-за денег? Смешно. Рассчитывая на большую власть под правлением победоносного императора Эмгыра? Еще смешнее. Не секрет, что Эмгыр вар Эмрейс держит своих чародеев в черном теле. Чародеи в Нильфгаарде играют исключительно служебную роль, как, скажем, конюхи. И власти у них не больше, чем у тех же конюхов. Кто-нибудь из наших разнузданных магов решил бы на борьбу в пользу императора, у которого стал бы конюхом? Филиппа Эйльхарт, которая диктует Визимиру Реданскому королевские указы и эдикты? Сабрина Глевиссиг, перебивающая речи Хенсельта Каздвенского ударом кулака по столу и приказывающая королю заткнуться и слушать? Или, может, Вильгефорц из Роггевеена, недавно ответивший Демавенду Аздирнскому, что ему сейчас не до короля?

– Короче, Кодрингер. Так что там с Риенсом?

– Ничего особенного. Нильфгаардская разведка пробует добраться до чародея, привлекая к сотрудничеству его фактотума. Из того, что мне известно, Риенс не побрезговал бы нильфгаардскими флоренами и не задумываясь предал бы своего мэтра.

– Теперь-то уж ты несешь чепуху. Даже наши разнузданные, как ты их назвал, магики сообразили бы, что их предали, а раскрытый Риенс повис бы на шибенице. Если б повезло.

– Ну и ребенок же ты, Геральт. Раскрытых шпионов не вешают, а используют. Фаршируют дезинформацией, пытаются переделать в двойных агентов...

– Не заставляй ребенка скучать, Кодрингер. Меня не интересуют ни закулисные делишки разведок, ни политика. Риенс наступает мне на пятки, я хочу знать, почему и по чьей указке. Получается, что по указке какого-то чародея. Кто этот чародей?

– Еще не знаю. Но вскоре буду знать.

– Вскоре, – процедил ведьмак, – для меня слишком поздно.

– Не исключаю, – серьезно проговорил Кодрингер, – что ты влип в паскудную историю,

Геральт. Хорошо, что обратился ко мне, я умею вытаскивать из историй. В принципе тебя уже вытащил.

– Серьезно?

– Seriously. – «Юрист» приложил платок к губам и закашлялся. – Видишь ли, коллега, кроме чародея, а возможно, и Нильфгаарда, в игре участвует и третья партия. Представь себе, меня посетили агенты тайных служб короля Фольтесты. У них возникли затруднения. Король приказал искать некую потерявшуюся княжну. Когда оказалось, что все не так просто, агенты решили обратиться к специалисту по непростым делам. Излагая проблему, они намекнули специалисту, что о разыскиваемой княжне может многое знать некий ведьмак. Больше того, он даже может знать, где она находится.

– И что на это специалист?

– Для начала выразил недоумение. Его, понимаешь ли, удивило, что упомянутого ведьмака до сих пор не упекли в темницу, чтобы там традиционными способами вытянуть все, что он знает, и немало того, чего не знает, но придумает, дабы удовлетворить любопытство вопрошающих. Агенты ответили, что шеф запретил. У ведьмаков, пояснили агенты, ужасно хилая нервная система, и под пытками они тут же умирают, поскольку, как образно они выразились, у ведьмаков жилка в мозгу лопаается. Поэтому-то им было поручено за ведьмаком только следить, но и эта задача оказалась им не по плечу. Специалист похвалил агентов за рассудительность и велел забежать через две недельки.

– И забежали?

– А как же. И тогда специалист, который уже считал тебя клиентом, представил агентам неопровержимые доказательства того, что ведьмак Геральт не имел, не имеет и не может иметь ничего общего с разыскиваемой княжной. Ибо специалист отыскал очевидцев кончины княжны Цириллы, внучки королевы Калантэ, дочери принцессы Паветты. Цирилла умерла три года назад в лагере для беженцев в Ангрене. Дифтерит. Перед смертью девочка страшно страдала. Не поверишь, у темерских агентов слезы в глазах стояли, когда они слушали моих очевидцев.

– У меня тоже стоят. Насколько я понимаю, темерские агенты не могли или не хотели предложить тебе больше двухсот пятидесяти крон?

– Твой сарказм разрывает мне сердце, ведьмак. Я вытащил тебя из паскудной истории, а ты вместо благодарности заставляешь меня страдать.

– Благодарю и прошу прощения. Зачем король Фольтест велел агентам искать Цири, Кодрингер? Что им было велено сделать, когда найдут?

– Ну и недогадлив же ты. Конечно, прикончить. Ее считают претенденткой на трон Цинтры, а относительно этого трона существуют и другие планы.

– Тут что-то не клеится, Кодрингер. Трон Цинтры сгорел вместе с королевским дворцом, городом и всей страной. Сейчас там правит Нильфгаард. Фольтест это прекрасно знает, другие короли тоже. Как Цири может претендовать на трон, которого уже нет?

– Пошли. – Кодрингер встал. – Попытаемся вместе найти ответ на твой вопрос. Попутно докажу, что доверяю тебе... Что тебя так заинтересовало в этом портрете, позволь узнать?

– То, что он продырявлен так, словно дятел долбил его несколько сезонов подряд, – сказал Геральт, глядя на картину в золоченой раме, висящую на стене напротив стола «юриста». – И то, что на нем изображен исключительный идиот.

– Мой покойный родитель. – Кодрингер слегка поморщился. – Редкостный кретин. Я повесил портрет здесь, чтобы он всегда был у меня перед глазами. В качестве предостережения. Пошли, ведьмак.

Они вышли в сени. Котьяра, лежавший посередине ковра и страстно вылизывавший вытянутую под странным углом заднюю лапу, при виде ведьмака незамедлительно сбежал в темень коридора.

– Почему коты так тебя не любят, Геральт? Тут есть что-то общее с...

– Да, – отрезал Геральт. – Есть...

Панель красного дерева беззвучно раздвинулась, явив потайной ход. Кодрингер прошел первым. Панель, несомненно, приводимая в движение магически, закрылась за ними, но они не погрузились в темноту. Из глубин коридора струился свет.

В помещении в конце коридора было прохладно и сухо, в воздухе стоял тяжелый, удушливый запах пыли и свечей.

– Познакомишься с моим компаньоном, Геральт.

– С Фэнном? – усмехнулся ведьмак. – Быть не может.

– Может. Признайся, ты подозревал, что никакого Фэнна не существует?

– Ну что ты...

Между подпирающими низкий потолок шкафами и книжными стеллажами послышался скрип, а спустя минуту оттуда выехал странный экипаж. Это было высокое кресло на колесах. В кресле сидел карлик с огромной головой, покоящейся – если не считать шеи – на непропорционально узких плечах. У карлика не было обеих ног.

– Познакомьтесь, – сказал Кодрингер. – Иаков Фэнн, ученый-правовед, мой компаньон и неоценимый сотрудник. А это наш гость и клиент...

– ...ведьмак Геральт из Ривии, – с улыбкой договорил калека. – Нетрудно догадаться. Работаю над проблемой несколько месяцев. Извольте за мной, милсдари.

Они двинулись вслед за поскрипывающим креслом по лабиринту между стеллажами, прогибающимися под тяжестью фолиантов, которых не постыдилась бы университетская библиотека Оксенфурта. Инкунабулы, по оценке Геральта, накапливало несколько поколений Кодрингеров и Фэннов. Ему было приятно оказанное доверие, радовало, что наконец-то можно познакомиться с Фэнном. Однако он не сомневался, что персона ученого правоведа, хоть и абсолютно реальная, частично была и мифической. Мифического Фэнна, неразлучное alter ego Кодрингера, частенько выдвали в городке, а прикованный к креслу ученый правовед, вероятнее всего, никогда помещения не покидал.

Середина комнаты была освещена особенно хорошо, здесь стоял невысокий, доступный для кресла на колесах пюпитр, на котором громоздились книги, свитки пергамента и веленовой бумаги, отдельные листы, какие-то документы, бутылки чернил и туши, пучки перьев и многочисленные загадочные принадлежности. Впрочем, не все были загадочными. Геральт узнал формы для подделки печатей и алмазную терку для ликвидации записей на официальных документах. На середине пюпитра лежал небольшой пулевой арбалет-репетир, а рядом из-под бархатной ткани выглядывали огромные увеличительные стекла, изготовленные из шлифованного горного хрусталя. Такие стекла были редкостью и стоили целое состояние.

– Нашел что-нибудь новое, Фэнн?

– Немного. – Калека улыбнулся. Улыбка была милой и располагающей. – Укоротил перечень потенциальных работодателей Риенса до двадцати восьми чародеев...

– С этим пока погодим, – быстро прервал Кодрингер. – Сейчас нас интересует другое. Изложи Геральту причины, по которым исчезнувшей княжной Цинтры так активно заинтересовались агенты Четырех Королевств.

– В жилах девочки течет кровь королевы Калантэ, – проговорил Фэнн, как бы удивленный необходимостью объяснять очевидное. – Она – последняя из королевского рода. У Цинтры серьезное стратегическое и политическое значение. Затерявшаяся, оказавшаяся вне пределов досягаемости претендентка на трон неудобна и даже опасна, если она попадет под нежелательное влияние. Например, влияние Нильфгаарда.

– Насколько я помню, – сказал Геральт, – в Цинтре закон лишил женщин права наследовать трон.

– Верно, – подтвердил Фэнн и снова улыбнулся. – Но ведь женщина может стать чьей-то женой и матерью ребенка мужского пола. Разведслужбы Четырех Королевств узнали о предпринимаемых Риенсом лихорадочных поисках княжны и убеждены, что именно об этом речь. Поэтому решили не дать княжне возможности стать женой и матерью. Простым, но эффективным способом.

– Но княжна мертва, – быстро бросил Кодрингер, наблюдая за изменениями, которые на лице Геральта вызвали слова улыбающегося карлика. – Агенты узнали об этом и прекратили поиски.

– Временно прекратили. – Ведьмак с великим трудом сохранял спокойствие и холодный тон. – Ложь тем отличается от истины, что непременно становится явью. Кроме того, королевские агенты – только одна из партий, участвующих в игре. Агенты, вы сами это сказали, преследовали Цири, чтобы спутать планы другим, тем, кто ее ищет. А другие могут оказаться не столь податливыми на дезинформацию. Я нанял вас, чтобы вы нашли способ обеспечить ребенку безопасность. Ваши предложения?

– Есть у нас некая концепция. – Фэнн глянул на компаньона, но не увидел на его лице приказа молчать. – Мы хотим тонко, но широко распустить слухи, что не только княжна Цири, но даже ее возможные мужские потомки не имеют никаких прав на трон Цинтры.

– В Цинтре кудель не наследует, – пояснил Кодрингер, борясь с очередным приступом кашля. – Наследует исключительно меч[1].

– Совершенно верно, – подтвердил ученый правовед. – Геральт только что сказал сам. Это древний закон, даже дьяволице Калантэ не удалось его отменить, а ведь как старалась.

– Она пыталась свалить закон интригой, – убежденно сказал Кодрингер. – Поясни, Фэнн.

– Калантэ была единственной дочерью короля Дагорода и королевы Адалии. После смерти родителей она выступила против аристократии, видевшей в ней не более чем жену будущего короля. А она хотела править самолично и лишь для проформы и ради поддержания династии соглашалась на институт принца-консорта, сидящего рядом, но значащего не больше, чем расфранченная кукла. Древние роды воспротивились. Калантэ могла выбрать одно из трех: гражданскую войну, отречение в пользу другой линии либо брак с Рёгнером, князем Эббинга. Она выбрала третье. Управляла страной, но... при Рёгнере. Естественно, не позволила себя укротить или отправить в бабий притвор. Она была Львицей из Цинтры. Но на троне сидел Рёгнер, хоть никто и не титуловал его Львом.

– А Калантэ, – добавил Кодрингер, – до зарезу надо было забеременеть и родить сына. Однако ничего не получилось. Она родила дочь, Паветту, потом было два выкидыша, и стало ясно, что больше детей у нее не будет. Все планы рухнули. Вот она, бабья доля. Разрушенная матка перехеривает непомерные амбиции.

Геральт поморщился:

– Ты тривиален до безобразия, Кодрингер.

– Знаю. Правда тоже была тривиальной. Потому что Рёгнер начал втихаря приискивать себе юную принцессу с соответственно широкими бедрами, желательно из семей с проверенной плодовитостью до прабабок включительно. А у Калантэ зашаталась почва под ногами. Любой обед, любой кубок вина могли быть последними, каждая охота могла завершиться несчастным случаем. Многое говорит за то, что именно тогда Львица из Цинтры взяла инициативу в свои руки. Рёгнер отошел в мир иной. В стране свирепствовала оспа, и смерть короля никого не удивила.

– Начинаю понимать, – проговорил ведьмак внешне равнодушно, – каковы будут слухи, которые вы намерены тонко, но широко распустить. Цири – по вашей версии – окажется внучкой отравительницы и мужеубийцы?

– Не забегай вперед, Геральт. Продолжай, Фэнн.

– Калантэ, – улыбнулся карлик, – сохранила себе жизнь, но корона была от нее все дальше. Когда после смерти Рёгнера Львица возжаждала абсолютной власти, аристократия вновь категорически воспротивилась нарушению законов и традиций. На троне Цинтры должен сидеть король, а не королева. Вопрос поставили ребром: как только маленькая Паветта начнет хоть немного смахивать на женщину, ее надлежит выдать за того, кто станет новым королем. Возможность повторного брака бесплодной королевы даже не рассматривалась. Львица из Цинтры поняла, что может рассчитывать самое большее на роль королевы-матери. Кроме того, мужем Паветты мог вообще стать человек, который полностью отстранил бы тещу от правления.

– Я снова буду тривиальным, – предупредил Кодрингер. – Калантэ всячески оттягивала момент замужества Паветты. Отвергла первый проект марьяжа, когда девочке было десять лет, и второй, когда той исполнилось тринадцать. Аристократы разгадали планы и потребовали, чтобы пятнадцатый день рождения Паветты стал ее последним днем в девичестве. Калантэ пришлось согласиться. Но уже раньше она добилась того, на что втайне рассчитывала. Паветта слишком долго ходила в девицах. У нее кое-где начало чесаться так, что она связалась с первым попавшимся бродягой, к тому же заколдованным и превращенным в чудовище. Были там какие-то сверхъестественные обстоятельства, какие-то предсказания, чары, обещания. Какое-то Право Неожиданности. Так, Геральт? Что случилось дальше, ты, вероятно, помнишь. Калантэ притащила в Цинтру ведьмака, а ведьмак наделал там шороху. Не зная, что им манипулируют, снял заклятие с чудовищного Йожа, позволив тому жениться на Паветте. Тем самым ведьмак обеспечил Калантэ сохранение трона. Связь Паветты с расколдованным чудовищем оказалась для вельмож таким шоком, что они без слов одобрили неожиданный брак Львицы с Эйстом Турсеахом. Ярл с Островов Скеллиге показался им лучше, нежели бродяга Йож. Таким образом, Калантэ продолжала править страной. Эйст, как все островитяне, относился к Калантэ со слишком большим пиететом, чтобы в чем-либо ей противоречить, а исполнение королевских обязанностей попросту утомляло его. Он полностью отдал бразды правления в ее руки. А Калантэ, пичкая себя медикаментами и эликсирами, таскала супруга в постель днем и ночью. Хотела править до последнего своего часа. А уж если и быть королевой-матерью, то матерью собственного сына. Однако, как я уже сказал, амбиции-то непомерные...

– Не повторяйся.

– На принцессе же Паветте, жене странного Йожа, уже во время свадебной церемонии было подозрительно свободное платье. Отчаявшаяся Калантэ изменила планы. Если не мой сын, подумала она, так пусть будет сын Паветты. Но Паветта родила дочь. Проклятие или как? Однако принцесса еще могла рожать. То есть могла бы. Потому что произошел загадочный несчастный случай. Она и этот странный Йож погибли при невыясненных обстоятельствах в кораблекрушении.

– Не слишком ли много ты пытаешься мне навязать, Кодрингер?

– Я пытаюсь прояснить ситуацию, ничего больше. После смерти Паветты Калантэ скисла, но ненадолго. Ее последней надеждой была внучка. Дочь Паветты, Цирилла. Цири, неистовствующее при королевском дворе воплощение дьяволенка. Для некоторых – любимица, особенно для людей в годах, потому что она напоминала им Калантэ, когда та была ребенком. Для других – ублюдок, дочь чудовищного Йожа, на которую, кроме того, предъявлял права некий ведьмак. И теперь мы подходим к сути проблемы: любимицу Калантэ, настойчиво подготавливаемую на роль наследницы престола, воспринимаемую некоторыми даже как второе воплощение королевы, Львенка, в котором кипела кровь Львицы, уже тогда некоторые считали не имеющей прав на трон. Цирилла была зачата порочно. Паветта совершила мезальянс, смешала королевскую кровь с кровью приبلуды неведомого происхождения.

– Хитро, Кодрингер. Только в действительности все не так. Отец Цири вовсе не был последним прибудой. Он был принцем.

– Да что ты говоришь? Не знал. Из какого же королевства?

– Из какого-то на юге... Из Мехта... Да, именно из Мехта.

– Любопытно, – буркнул Кодрингер. – Мехт давно уже под Нильфгаардом. Входит в состав провинции Метинна.

– Но остается королевством, – вставил Фэнн. – Там на троне сидит король.

– Но командует Эмгыр вар Эмрейс, – обрезал Кодрингер. – Кто бы ни сидел там на троне, он сидит по милости и воле Эмгыра. Но коли уж мы заговорили об этом, проверь, кого Эмгыр сделал королем. Я не помню.

– Уже ищу. – Калека толкнул колеса кресла, со скрипом отъехал к стеллажам, стянул с них толстый рулон и принялся просматривать листы, отбрасывая просмотренные на пол. – Хммм... Ага, вот. Королевство Мехт. В гербе попеременно серебряные рыбы и короны на красно-голубом четырехдольном поле...

– Плюнь на геральдику, Фэнн. Кто там король?

– Ойот по прозвищу Справедливый. Избран путем голосования...

– ...Эмгыром из Нильфгаарда, – холодно dokonчил Кодрингер.

– ...Девять лет назад.

– Не тот, – быстро приброесил «юрист». – Этот нас не интересует. Кто был до него?

– Минутку. Вот. Акерспаарк. Умер...

– Умер от острого воспаления легких, пробитых кинжалом убийц, подосланных Эмгыром или

шибко справедливым Ойотом. – Кодрингер снова проявил догадливость. – Геральт, упомянутый Акерспаарк вызывает у тебя какие-нибудь ассоциации? Не мог ли это быть папуля Йожа?

– Да, – подтвердил ведьмак после недолгого раздумья. – Акерспаарк. Помню. Так Дани называл своего отца.

– Дани?

– Это его имя. Он был сыном Акерспаарка, принцем...

– Нет, – прервал Фэнн, рассматривая свитки. – Здесь перечислены все: законнорожденные сыновья – Орм, Горм, Хорм и Гонзалес; законнорожденные дочери – Аля, Валя, Нина, Полина, Мальвина и Аргентина...

– Снимаю обвинения в адрес Нильфгаарда и Справедливого Ойота, – серьезно заявил Кодрингер. – Акерспаарка не убили. Он нормально затрахался вусмерть. Потому что наверняка были у него и незаконнорожденные детишки, а, Фэнн?

– Были. И немало. Но никого по имени Дани я что-то не вижу.

– Ясное дело – не видишь. Твой Йожа, Геральт, никакой не принц. Даже если его и вправду породил где-то на отшибе этот профессиональный трахтмахер Акерспаарк, от права на титул принца его отделяла чертовски длинная череда законнорожденных Ормов, Гормов и прочих Гонзалесов с их собственным, наверняка многочисленным же потомством. С формальной точки зрения брак Паветты – типичный мезальянс.

– А Цири – дитя мезальянса, не имеет права на трон?

– Браво!

Фэнн проскрипел к пюпитру, вертя колеса кресла.

– Это аргумент, – сказал он, поднимая огромную голову. – Всего лишь аргумент. Не забывай, Геральт, мы боремся не за корону для княжны Цириллы и не за лишение ее оной. Из распространяемых слухов должно следовать, что девочка не годится на то, чтобы с ее помощью наложить лапу на Цинтру. И если кто-то такую попытку предпримет, ее легко можно будет поставить под сомнение. В политической борьбе девочка перестанет быть фигурой, станет малозначительной пешкой.

– И ее оставят в живых, – бесстрастно dokonчил Кодрингер.

– С формальной точки зрения, – спросил Геральт, – сколь весом этот ваш аргумент?

Фэнн взглянул на Кодрингера, потом на ведьмака.

– Не очень. Цирилла – все же кровь Калантэ, хоть и немного разжиженная. В нормальных условиях ее, возможно, и отстранили бы от трона, но условия сейчас ненормальные. Кровь Львицы имеет политическое значение...

– Кровь... – Геральт потер лоб. – Что значит «Дитя Старшей Крови», Кодрингер?

– Не понимаю. А что, кто-то, говоря о Цирилле, употребил такую формулировку?

– Да.

– Кто?

– Не важно кто. Что это значит?

– Luned aep Hen Ichaer, – неожиданно сказал Фэнн, отъезжая от пюпитра. – Дословно это не «Дитя», а «Дочь Старшей Крови». Хммм... Старшая Кровь... Встречалось мне такое определение... не помню точно... Кажется, речь идет о каком-то эльфьем предсказании. В некоторых версиях текста пророчества Итлины, тех, что постарше, есть, кажется, упоминание о Старшей Крови Эльфов, или Aep Hen Ichaer. Но у нас нет полного текста пророчества. Надо бы обратиться к эльфам...

– Оставим это, – холодно прервал Кодрингер. – Не надо излишка проблем, Фэнн, излишек предсказаний и тайн вреден. Благодарю тебя. Ну бывай, плодотворной тебе работы. Геральт, позволь. Вернемся в контору.

– Маловат, верно? – удостоверился ведьмак, как только они вернулись и уселись в кресла: «юрист» за стол, он – напротив. – Маловат гонорар, верно?

Кодрингер поднял со стола металлический предмет в форме звезды и повертел его в пальцах.

– Маловат, Геральт. Копаться в эльфьих предсказаниях – для меня дикая нагрузка, потеря времени и средств. Необходимо найти подходы к эльфам, потому что никто, кроме них, ничего в их записях понять не в состоянии. Эльфские манускрипты – в большинстве случаев дико закрученная символика, акrostихи, а то и просто шифровки. Старшая Речь всегда двусложна. По меньшей мере. А в письменном виде может иметь и десяток значений. Эльфы никогда не стремились помогать тем, кто хотел разобраться в их пророчествах. А в теперешние времена, когда по лесам идет кровавая война с «белками», когда дело доходит до погромов, опасно к ним даже приближаться. Вдвойне опасно. Эльфы могут принять нас за провокаторов, люди – обвинить в предательстве...

– Сколько, Кодрингер?

«Юрист» минуту помолчал, не переставая играть металлической звездой. Наконец сказал:

– Десять процентов.

– Десять процентов от чего?

– Не издевайся, ведьмак. Дело принимает серьезный оборот. Становится все менее ясно, в чем тут дело, а когда не ясно, в чем дело, значит, дело наверняка в деньгах. Тогда мне милее проценты, нежели обычный гонорар. Дашь десять процентов от того, что сам с этого поимеешь. Конечно, с зачетом уже выплаченной суммы. Составим договор?

– Нет. Не хочу ввергать тебя в расходы. Десять процентов от нуля дает ноль, Кодрингер. Я, дорогой коллега, не поимею с этого ничего.

– Повторяю: не издевайся надо мной. Не верю, что ты действуешь без выгоды. Не верю, что за этим не скрывается...

– Меня не интересует, во что ты веришь. Не будет никакого договора. И никаких процентов. Назначь размер гонорара за сбор информации.

– Любого другого, – закашлялся Кодрингер, – я выкинул бы вон, будучи уверен, что он пытается меня провести. Но тебе, анахроничный ведьмак, как-то удивительно к лицу благородное и наивное бескорыстие. Это чисто в твоём стиле, прекрасно и патетически старомодно... позволить себя убить задаром...

– Не будем терять времени. Сколько, Кодрингер?

– Еще столько же. Всего – пятьсот.

– Сожалею, – покачал головой Геральт, – но меня не станет на такую сумму. Во всяком случае, сейчас.

– Повторяю предложение, которое я тебе уже сделал в самом начале нашего знакомства, – медленно проговорил «юрист», продолжая играть звездой. – Возьми у меня работу, и тебя станет. И на информацию, и на другие прелести.

– Нет.

– Почему?

– Тебе не понять.

– Теперь ты ранишь уже не сердце, а гордость профессионала. Ибо я льщу себя надеждой, что в принципе понимаю все. В основе наших профессий лежит сволочизм окружающих, однако ты упорно предпочитаешь анахроничное современному.

– Bravo, – усмехнулся ведьмак.

Кодрингер снова зашелся кашлем, вытер губы, посмотрел на платок, потом поднял желто-зеленые глаза.

– Ты глянул в список магичек и магигов, который лежал на пюпитре? В список потенциальных работодателей Риенса?

– Глянул.

– Ты не получишь его до тех пор, пока я не установлю точно – кто. Не обольщайся тем, что подглядел. Лютик сказал мне, что Филиппа Эйльхарт, вероятнее всего, знает, кто стоит за Риенсом, но тебе эти сведения дать не пожелала. Филиппа не стала бы прикрывать какую-нибудь шушери. Значит, за этим поганцем стоит важная фигура.

Ведьмак молчал.

– Берегись, Геральт! Ты в серьезной опасности. Кто-то ведет с тобой игру. Кто-то точно предвидит твои действия, кто-то ими управляет. Не позволяй невежеству и зазнайству взять над собой верх. С тобой играют не упыриха, не оборотень и не братья Мишеле. Это даже не Риенс. Дитя Старшей Крови, черт побери! Как будто мало было трона Цинтры, чародеев, королей и Нильфгаарда, так еще вдобавок эльфы. Прерви игру, ведьмак, выходи из нее. Спутай им планы. Сделай то, чего никто не ожидает. Разорви эту сумасшедшую связь, не допусти, чтобы тебя ассоциировали с Цириллой. Оставь ее Йеннифэр, а сам возвращайся в Каэр Морхен и не высовывай оттуда носа. Затаись в горах, а я покопаюсь в эльфьих манускриптах, спокойно, без спешки, детально. А после того как узнаю имя занимающегося этим чародея, ты успеешь собрать деньги, и мы произведем обмен.

– Я не могу ждать. Девочка в опасности.

– Верно. Но мне известно, что считают помехой на пути к ней. Помехой, которую надлежит любым путем убрать. Именно поэтому ты – в опасности. За девочку примутся только после того, как прикончат тебя.

– Либо когда я прерву игру, отойду в сторонку и затаюсь в Каэр Морхене. Я слишком много тебе заплатил, Кодрингер, чтобы ты давал мне такие советы.

«Юрист» покрутил в пальцах стальную звезду.

– За сумму, которую ты мне вручил, я активно действую уже некоторое время, ведьмак, – сказал он, сдерживая кашель. – Совет, который я тебе даю, продуман. Затаись в Каэр Морхене, исчезни. И тогда те, кто ищет Цириллу, возьмут ее.

Геральт сощурился и усмехнулся. Кодрингер не побледнел.

– Я знаю, что говорю, – продолжал он, выдержав взгляд и ухмылку. – Преследователи твоей Цири найдут ее и сделают с ней, что захотят. А тем временем и она, и ты будете в безопасности.

– Объяснись, прошу. По возможности быстрее.

– Я нашел одну девочку. Дворянку из Цинтры, военную сироту. Она побывала в лагерях для беженцев, сейчас измеряет аршином и кроит ткани, приютил ее суконник из Бругге. Она не отличается ничем особенным, кроме одного: здорово напоминает портрет на некоей миниатюре, изображающей Львенка из Цинтры... Хочешь взглянуть?

– Нет, Кодрингер. Не хочу. И не согласен с таким решением.

– Геральт, – прикрыл глаза «юрист», – что тобою движет? Если ты хочешь уберечь свою Цири... Сдается мне, ты сейчас не можешь себе позволить роскошь презрения. Пренебрежения. Нет, я неверно выразился. Ты не можешь позволить себе роскошь пренебрегать пренебрежением. Презирать презрение. Грядет время небрежения, коллега ведьмак, Час Презрения. Колоссального. Безграничного. Ты должен приспособиться. То, что я тебе предлагаю, – прямая альтернатива. Некто должен умереть, чтобы мог жить другой. Тот, кого ты любишь, уцелеет. Умрет другая девочка, которую ты не знаешь, которой никогда не видел.

– Которой могу пренебречь? – прервал ведьмак. – За то, что я люблю, я должен заплатить пренебрежением к самому себе? Презрением? Нет, Кодрингер. Оставь ребенка в покое, пусть продолжает измерять сукно аршином. Ее портретик уничтожь. Сожги. А за мои двести пятьдесят тяжко заработанных крон, которые ты кинул в ящик, дай мне нечто другое. Информацию. Йеннифэр и Цири покинули Элландер. Я уверен, ты об этом знаешь. Уверен, знаешь, куда они направляются. Уверен, знаешь, следует ли кто-то за ними.

Кодрингер побарабанил пальцами по столу, закашлялся.

– Волк, забыв о предупреждении, хочет продолжить охоту, – отметил он. – Не видит, что охотятся на него, что он прет прямо на флажки, развешенные настоящим охотником.

– Не будь банальным. Будь конкретным.

– Ну как хочешь. Нетрудно догадаться, что Йеннифэр едет на Большой Сбор чародеев, назначенный на начало июля в Гарштанге на острове Танедд. Стремительно бежит и не пользуется магией, так что ее трудно засечь. Еще вчера она была в Элландере. Я высчитал, что через три-четыре дня доберется до города Горс Велен, от которого до Танедда один шаг. Направляясь в Горс Велен, она должна проехать через поселок Анхор. Отправившись немедленно, ты еще сможешь перехватить тех, кто едет за ней следом. А они едут.

– Надеюсь, – Геральт неприятно ухмыльнулся, – это не королевские агенты?

– Нет, – сказал «юрист», поигрывая металлической звездой. – Это не агенты. Но и не Риенс, который умнее тебя, потому что после драки с Мишеле затаился в какой-то дыре и не высовывает оттуда носа. Следом за Йеннифэр едут трое наемных убийц.

– Догадываюсь, ты их знаешь.

– Я всех знаю. И поэтому хочу предложить: оставь их в покое. Не ездь в Анхор. А я воспользуюсь имеющимися знакомствами и связями, напущу их на Риенса. Если удастся...

Он резко оборвал, сильно замахнулся. Металлическая звезда взвыла в воздухе и со звоном врезалась в лоб Кодрингера-сеньора, продырявив полотно и воткнувшись в стену почти до половины.

– Хорошо, а? – широко улыбнулся «юрист». – Эта штука называется орион. Заморское изобретение. Тренируюсь уже с месяц, попадаю без промаха. Может пригодиться. С тридцати шагов такая звездочка безотказна и смертоносна, а спрятать ее можно в перчатке либо за ленточкой шляпы. Уже год, как орионы поступили на вооружение нильфгаардских спецслужб. Ха-ха, если Риенс шпионит в пользу Нильфгаарда, то забавно будет, коли его найдут с орионом в виске! Что скажешь?

– Ничего. Это твои проблемы. Двести пятьдесят крон лежат у тебя в ящике.

– Ясно, – кивнул Кодрингер. – Твои слова означают, что мне предоставлена свобода действий. Помолчим минутку, Геральт. Почтим скорую кончину господина Риенса минутой молчания. Почему ты кривишься, черт побери? Не уважаешь величия смерти?

– Уважаю, и слишком сильно, чтобы спокойно выслушивать насмехающихся над ней идиотов. Ты когда-нибудь думал о собственной смерти?

«Юрист» тяжело раскашлялся, долго рассматривая платок, которым прикрывал рот. Потом поднял глаза.

– Конечно, – сказал он тихо. – Думал.

И довольно интенсивно. Но тебе нет никакого дела до моих мыслей, ведьмак. Едешь в Анхор?

– Еду.

– Ральф Блюнден по прозвищу Профессор, Хеймо Кантор, Коротышка Йакса. Тебе о чем-нибудь говорят эти имена?

– Нет.

– Все трое прекрасно владеют мечом. Лучше Мишеле. Так что я посоветовал бы более верное. Дальнобойное оружие. Например, нильфгаардские звездочки. Хочешь, продам несколько штук? У меня их много.

– Не куплю. Непрактично. Шумят в полете.

– Свист воздействует на психику. Парализует жертву страхом.

– Возможно. Но может и предостеречь. Я успел бы уклониться.

– Если бы видел, что в тебя кидают, конечно. Знаю, ты можешь уклониться от стрелы, пущенной из лука и даже из арбалета... Но сзади...

– Сзади тоже.

– Брехня.

– Поспорим, – холодно сказал Геральт. – Я повернусь лицом к портрету твоего папы-идиота, а ты брось в меня своим орионом. Попадешь – выиграл. Не попадешь – проиграл. Проиграешь – расшифруешь эльфы манускрипты. Меня интересует Дитя Старшей Крови.

Добудешь информацию. В кредит.

– А если выиграю?

– Добудешь ту же информацию и покажешь Йеннифэр. Она заплатит. Ты внакладе не останешься.

Кодрингер открыл ящик и вынул второй орион.

– Рассчитываешь на то, что я не приму заклада, – отметил, а не спросил он.

– Нет, – усмехнулся ведьмак. – Уверен, что примешь.

– Рисковый ты парень. Забыл? Я не страдаю угрызениями совести.

– Не забыл. Ведь грядет Час Презрения, а ты идешь в ногу с прогрессом и духом времени. Я же принял близко к сердцу упреки относительно анахроничной наивности и на этот раз рискну не без надежды выиграть. Ну так как? Уговорились?

– Уговорились. – Кодрингер взял металлическую звезду за один из лучей и встал. – Любопытство всегда брало во мне верх над рассудком, не говоря уж о беспричинном милосердии. Отвернись.

Ведьмак отвернулся. Глянул на густо издырявленную физиономию на портрете и торчащий в ней орион. Потом прикрыл глаза.

Звезда взвыла и ударила в стену в четырех вершках от рамки.

– Черт побери! – вздохнул Кодрингер. – Даже не дрогнул. Ну и сукин сын!

– А чего ради было вздрагивать? Я слышал, что ты бросаешь так, чтобы промазать.

На постоялом дворе было пусто. В углу на лавке сидела молодая женщина с синяками вокруг глаз. Стыдливо отвернувшись, она грудью кормила ребенка. Широкоплечий парень, возможно, муж, дремал рядом, опершись спиной о стену. В тени за печью сидел еще кто-то, кого Аплегатт не мог различить в полумраке комнаты.

Хозяин поднял голову, увидел Аплегатта, заметил его одежду и бляху с гербом Аэдирна на груди и моментально погрузнел. Аплегатт привык к таким встречам. Он был королевским гонцом, а королевские декреты говорили ясно – гонец имеет право в каждом городе, в каждом селе, на каждом постоялом дворе и гостинице потребовать свежего коня, и беда тому, кто откажет. Ясное дело, гонец своего коня оставлял, а нового брал, оставив расписку – владелец мог обратиться к солтысу и получить компенсацию. Но с этим бывало разное. Поэтому на гонца всегда смотрели с неприязнью и опаской – потребует или не потребует? Заберет на погибель нашего Злотка? Нашу с рождения выкормленную Краську? Нашего вынянченного Воронка? Аплегатту уже доводилось видеть ревущих детишек, вцепившихся в оседланного, выводимого из конюшни любимца и друга, не раз смотрел он в лица взрослых, побледневшие от несправедливости и чувства собственного бессилия.

– Свежего коня не надо, – сказал он быстро. Ему показалось, что хозяин облегченно вздохнул. – Я только перекушу, проголодался в дороге. Есть что в горшке?

– Малость похлебки осталось, сейчас подам, садитесь. Заночуете? Уже смеркается.

Аплегатт задумался. Два дня назад он повстречался с Гансомом, знакомым гонцом, и, выполняя приказ, они обменялись посланиями. Гансом взял письма и послание к королю Демавенду и отправился через Темерию и Махакам в Венгерберг. Аплегатт же, взяв почту

для короля Визимира Реданского, поехал в сторону Оксенфурта и Третогора. Впереди было около трехсот верст.

– Поем и поеду, – решил он. – Полнолуние, а дорога ровная.

– Воля ваша.

Суп был жидковат и безвкусен, но гонец не придавал значения подобным пустякам. Смаковал он дома, женину кухню, а в пути ел, что на зуб попадало. Сейчас он медленно хлебал, неловко держа ложку огрубевшими от поводьев пальцами.

Дремавший на лежанке кот неожиданно поднял голову, зашипел.

– Королевский гонец?

Аплегатт вздрогнул. Вопрос задал человек, сидевший в тени. Теперь он вышел, подошел к гонцу. У него были белые как молоко волосы, стянутые на лбу кожаной повязкой. Черная куртка покрыта серебряными кнопками, высокие сапоги. Над правым плечом поблескивала сферическая головка перекинутого за спину меча.

– Куда путь держишь?

– Куда королевская воля пошлет, – холодно ответил Аплегатт. На подобные вопросы он никогда не отвечал иначе.

Беловолосый какое-то время молчал, внимательно глядя на гонца. У него было неестественно бледное лицо и странные темные глаза.

– Королевская воля, – сказал он наконец неприятным, слегка хриловатым голосом, – вероятно, велит тебе поспешить? Надо думать, тебе срочно в дорогу?

– А вам что до того? Кто вы такой, чтобы меня подгонять?

– Я – никто. – Белоголовый неприятно усмехнулся. – И не подгоняю тебя. Но на твоём месте я бы уехал поскорее. Не хочу, чтобы с тобой приключилось что-нибудь скверное.

На такие замечания Аплегатт тоже имел отработанный ответ. Короткий и четкий. Незадиристый и спокойный – но однозначно напоминающий, кому служит королевский гонец и что грозит тому, кто отважится тронуть гонца. Однако в голосе беловолосого было что-то такое, что удержало Аплегатта от привычного ответа.

– Надо дать лошади передохнуть, господин. Час, может, два.

– Понимаю, – кивнул белоголовый и поднял голову, как бы прислушиваясь к доходящим снаружи голосам. Аплегатт тоже прислушался, но услышал только сверчка.

– Ну что ж, отдыхай. – Белоголовый поправил ремень, наискось пересекающий грудь. – Только во двор не выходи. Что бы ни случилось, не выходи.

Аплегатт воздержался от вопросов. Он инстинктивно почувствовал, что так будет лучше. Наклонился к тарелке и возобновил поиски немногочисленных плавающих в супе шварок. Когда поднял голову, белоголового в комнате уже не было.

Спустя две минуты заржала лошадь, стукнули копыта.

В комнату вошли трое мужчин. Увидев их, корчмарь принялся быстрее протирать кубки. Женщина с младенцем подошла ближе к дремлющему мужу, разбудила его тычком локтя. Аплегатт подтянул к себе табурет, на котором лежали его пояс и корд.

Мужчины подошли к стойке, быстрыми оценивающими взглядами окинули гостей. Шли они медленно, позвякивая шпорами и оружием.

– Приветствую, милостивые государи, – откашлялся корчмарь. – Чего желаете?

– Водки, – сказал один, высокий и кряжистый, с длинными, как у обезьяны, руками, вооруженный двумя зерриканскими саблями, ремни которых крест-накрест пересекали грудь.

– Хлебнешь, Профессор?

– Вполне позитивно, – согласился второй, поправляя сидящие на крючковатом носу очки из шлифованного голубоватого горного хрусталя в золотой оправе. – Если отравка не подпорчена какими-нито инградиенциями.

Корчмарь налил. Аппегатт заметил, что руки у него слегка дрожат. Мужчины прислонились спинами к стойке и не спеша потягивали из глиняных чарок.

– Великомилостивый сударь хозяин, – вдруг проговорил очкастый. – Полагаю не без резону, здесь недавно тому проезжали две дамы, интенсивно следующие в направлении Горс Велена.

– Тут много кто проезжает, – проворчал хозяин.

– Инкриминированных дам, – медленно продолжил очкастый, – ты не мог бы не квалифицировать. Одна из них черноволоса и сверхординарно красива. Ехала на вороном жеребце. Вторая, помоложе, светловолосая и зеленоглазая, вояжирует на серой в яблоках кобыле. Были здесь таковые вышепоименованные?

– Нет, – опередил корчмаря Аппегатт, неожиданно почувствовавший холод спиной. – Не были.

Опасность с серыми перьями. Горячий песок...

– Гонец?

Аппегатт кивнул.

– Откуда и куда?

– Откуда и куда королевская воля пошлет.

– Дам, которыми я интересовался, акцидентально не было ль?

– Нет.

– Что-то больно прытко ты отрицаешь, – буркнул третий, высокий и худой как жердь. Волосы у него были черные и блестящие, словно намазаны жиром. – А мне не показалось, чтобы ты очень-то уж напрягал память.

– Перестань, Хеймо, – махнул рукой очкарик. – Это гонец. Не причиняй служивому сложностей. Как поименовывается сей пункт, хозяин?

– Анхор.

– До Горс Велена велика ли дистанция?

– Чего?

– Верст, говорю, сколько?

– Я верст не мерял. Но дня три езды будет...

– Верховом?

– На телеге.

– Эй! – вдруг вполголоса проговорил кряжистый, выпрямляясь и выглядывая во двор сквозь настежь распахнутые двери. – Глянь-ка, Профессор. Это кто такой? Уж не...

Очкарик тоже глянул во двор, и лицо у него неожиданно сморщилось.

– Да, – прошипел он. – Позитивно он. Однако посчастливилось нам.

– Погодим, пока войдет.

– Он не войдет. Он видел наших лошадей.

– Знает, кто мы...

– Заткнись, Йакса. Он что-то говорит.

– Предлагаю на выбор, – донесся со двора хрипловатый, но громкий голос, который Аплегатт узнал сразу же. – Один из вас выйдет и скажет мне, кто вас нанял. Тогда уедете отсюда без помех. Либо выйдете все трое. Я жду.

– Сукин сын, – буркнул черноволосый. – Знает. Что делать будем?

Очкарик медленно отставил чарку.

– То, за что нам заплатили.

Он поплевал на ладонь, пошевелил пальцами и вытащил меч. Увидев это, двое других тоже обнажили клинки. Хозяин раскрыл рот, чтобы крикнуть, но тут же захлопнул его под холодным взглядом из-под голубых очков.

– Всем сидеть, – прошипел очкарик. – И ни звука. Хеймо, как только он начнет, постарайся зайти ему сзади. Ну, парни, с Богом. Выходим.

Началось сразу же, как только они вышли. Удары, топот, звон оружия. Потом крик, от которого волосы встают дыбом.

Хозяин побледнел, женщина с синими обводами вокруг глаз глухо крикнула, обеими руками прижала младенца к груди. Кот на лежанке вскочил, выгнув спину, встопорщил щеткой хвост. Аплегатт быстро втиснулся со стулом в угол. Корд он держал на коленях, но из ножен не вынимал.

Со двора снова донесся топот ног, свист и звон клинков.

– Ах ты... – дико крикнул кто-то, и в этом крике, хоть и закончившемся грубым ругательством, было больше отчаяния, чем ярости. – Ты...

Свист клинка. И тут же высокий, пронзительный визг, который, казалось, разрывает воздух на клочки. Грохот, словно на доски рухнул тяжелый мешок с зерном. Со стороны коновязи стук копыт, ржание напуганных лошадей.

На досках снова удары, тяжелые, быстрые шаги бегущего человека. Женщина с ребенком прижалась к мужу, хозяин уперся спиной в стену. Аплегатт достал корд, все еще пряча оружие под столешницей. Бегущий человек направлялся прямо в комнату. Но прежде чем он

оказался в дверях, просвистел клинок.

Человек вскрикнул и тут же ввалился в комнату. Казалось, он упадет на пороге, но нет, не упал. Медленно сделал несколько неуверенных шагов и только потом тяжело рухнул на середину комнаты, подняв пыль, накопившуюся в щелях пола. Обмякнув, он повалился лицом вниз, прижал руки и согнул ноги в коленях. Хрустальные очки со звоном упали на доски, превратившись в голубую кашу. Под неподвижным телом начала растекаться темная, поблескивающая лужа.

Никто не шелохнулся. Не издал ни звука.

В комнату вошел белоголовый.

Меч, который он до того держал в руке, он ловко сунул в ножны за спиной. Подошел к стойке, даже взглядом не удостоив лежащий на полу труп. Хозяин съежился.

– Паршивые люди... – хрипло сказал белоголовый. – Паршивые люди умерли. Когда придет судебный пристав, может оказаться, что за их головы назначена награда. Пусть поступит с ней, как сочтет нужным.

Хозяин усердно закивал.

– Может также случиться, – минуту спустя продолжил белоголовый, – что о судьбе этих паршивцев тебя станут расспрашивать их дружки либо товарищи. Этим скажешь, что их покусал Волк. И добавь, чтобы почаще оглядывались. Однажды, оглянувшись, они увидят Волка.

Когда три дня спустя Аплегатт добрался до ворот Третогора, было уже далеко за полночь. Он обозлился, потому что проторчал перед рвом и надорвал себе горло – стражники спали мертвецким сном и долго не открывали ворот. Чтобы полегчало, он принялся проклинать их аж до третьего колена. Потом с удовольствием слушал, как разбуженный начальник вахты пополняет его упреки новыми красочными деталями и пожеланиями в адрес кнехтовых матерей, бабок и прабабок. Разумеется, о том, чтобы ночью попасть к королю Визимиру, нечего было и мечтать. Впрочем, это оказалось Аплегатту только на руку – он рассчитывал проспать до зари, до утреннего колокола, но ошибся. Вместо того чтобы указать гонцу место для отдыха, его без проволочек проводили в кордегардию. В комнате ожидал не ипат, а другой человек, толстый и заносчивый – Дийкстра, доверенное лицо короля Редании. Дийкстра – гонец знал об этом – был уполномочен выслушивать сведения, предназначенные исключительно королю. Аплегатт вручил ему письма.

– Устное послание есть?

– Есть, милостивый государь.

– Выкладывай.

– «Демавенд – Визимиру, – выложил Аплегатт, прищуриваясь. – Первое: ряженные будут готовы во вторую ночь после июльского новолуния. Присмотри, чтобы Фольтест не подвел. Второе: Сбор Мудрил на Танедде я личным присутствием не почту и тебе не советую. Третье: Львенок мертв».

Дийкстра слегка поморщился, побарабанил пальцами по стеклу.

– Вот письма королю Демавенду. А устное послание... Слушай хорошо, запомни точно. Передашь своему королю слово в слово. Только ему. Никому больше. Никому, понял?

– Понял, милостивый государь.

– Сообщение такое: «Визимир – Демавенду. Ряженных остановить обязательно. Кто-то предал. Пламя собрал армию в Долю Ангре и ждет предлога». Повтори.

Аплегатт повторил.

– Хорошо, – кивнул Дийкстра. – Отправишься, как только взойдет солнце.

– Я пять дней в седле, милостивый государь. – Гонец потер ягодицы. – Поспать хотя бы до полудня... Позвольте?

– А твой король Демавенд сейчас спит по ночам? А я сплю? За один только этот вопрос, парень, тебе следовало бы дать по морде. Перекусишь, потом немного передохнешь на сене. А на заре отправишься. Я велел дать тебе породистого жеребца, увидишь, скачет как вихрь. И не криви рожу. Возьми еще мешочек с экстрапремией, чтобы не болтал, мол, Визимир скупердяй.

– Премного благодарен.

– В лесах под Понтаром будь внимателен. Там видели «белок». Да и обычных разбойников в тех краях хватает.

– Ну это-то я знаю, милостивый государь. Знаете, что я видел три дня тому...

– И что ж ты видел?

Аплегатт быстро пересказал события в Анхоре. Дийкстра слушал, скрестив на груди огромные ручки.

– Профессор... – задумчиво сказал он. – Хеймо Кантор и Коротышка Йакса. Убиты ведьмаком. В Анхоре, на тракте, ведущем в Горс Велен, то есть в Танедд, к Гарштангу... А Львенок мертв?

– Что вы сказали, господин?

– Ничего. – Дийкстра поднял голову. – Во всяком случае, не тебе. Отдыхай. А на заре – в путь.

Аплегатт съел, что подали, полежал немного, от усталости даже не смежив глаз, и перед рассветом уже был за воротами. Жеребчик действительно оказался хорош, но норовист. Аплегатт не любил таких коней.

Спина между левой лопаткой и позвоночником дико чесалась, не иначе блоха укусила, пока дремал в конюшне. А почесать не было никакой возможности.

Жеребчик заплясал, заржал. Гонец дал ему шпорой и послал в галоп.

Время торопило.

– Gar’ean, – прошипел Каирбр, выглядывая из ветвей дерева, с которого наблюдал за большаком. – En Dh’oine evall a straede!

Торувьель поднялась с земли, схватила пояс с мечом, препоясалась и носком ботинка ткнула в бедро Яевинна, который дремал рядом, в яме из-под вывороченного дерева. Эльф вскочил, зашипел, обжегшись о горячий песок, на который оперся рукой.

– Que suecc’s.

– Конник на дороге.

- Один? – Яевинн поднял лук и колчан. – Эй, Каирбр, всего один?
- Один. Подъезжает.
- Прикончим. Одним Dh'oine меньше.
- Успокойся, – схватила его за рукав Торувьель. – Зачем? Наше дело разведать – и к бригаде. Зачем убивать штатских на дорогах? Разве так борются за свободу?
- Именно так. Отодвинься.
- Если на дороге останется труп, первый же патруль поднимет шум. Армия начнет охоту. Прикроют броды, нам будет сложнее перейти на другой берег!
- Здесь мало кто ездит. Пока труп обнаружат, мы будем далеко.
- Верховой тоже уже далеко, – бросил с дерева Каирбр. – Надо было не трепаться, а стрелять. Теперь не достанешь. Тут добрых двести шагов.
- Из моей-то шестидесятифунтовки? – Яевинн погладил лук. – Тридцатидюймовой флейтой? К тому же тут не двести шагов. Самое большее – сто пятьдесят. Mire, que spar aen'kee.
- Перестань, Яевинн...
- Thaess aep, Toruviel.

Эльф повернул шапку так, чтобы ему не мешал прикрепленный к ней беличий хвост, быстро и сильно, до уха, натянул тетиву, прицелился и выстрелил.

Аплегатт ничего не услышал. Это была стрела с желобком вдоль стержня для увеличения жесткости и уменьшения веса, специально снабженная длинными узкими серыми перьями. Тройной острый как бритва наконечник врезался гонцу в спину между лопаткой и позвоночником. Острия были расположены под углом – вонзаясь в тело, наконечник повернулся словно винт, рассекая мышцы, разрывая кровеносные сосуды, круша кости. Аплегатт повалился грудью на шею коня и сполз на землю, словно мешок шерсти.

Песок на дороге был горяч, раскален солнцем так, что от него шел пар. Но гонец этого уже не почувствовал. Он умер мгновенно.

Глава вторая

Сказать, что я ее знал, было бы преувеличением. Думаю, кроме ведьмака и чародейки, никто ее не знал по-настоящему. Когда я увидел ее впервые, она не произвела на меня особого впечатления, даже несмотря на довольно необычные сопутствующие обстоятельства. Я знавал людей, утверждавших, будто сразу, с первой же встречи они ощущали дыхание смерти, исходящее от этой девочки. Мне она показалась совершенно обыкновенной, хотя я и знал, что обыкновенной-то она как раз и не была, – поэтому я настойчиво пытался усмотреть, обнаружить, почувствовать в ней необычность. Но ничего не заметил и ничего не почувствовал. Ничего, что могло стать сигналом, предчувствием либо предвестником позднейших трагических событий. Причиной которых была она. И тех, которые вызвала сама. Лютик. Полвека поэзии

У самого развилка, там, где кончался лес, были вкопаны в землю девять столбов. К вершине каждого прибито колесо от телеги. Над колесами кружило воронье, расклевывая и терзая трупы, привязанные к обручам и спицам. Столбы были слишком высокими, да и птицы все время заслоняли разлагающиеся на колесах останки, так что догадаться, кем были казненные, Йеннифэр и Цири не могли.

Ветер принес тошнотворный запах тления. Цири отвернулась и с отвращением поморщилась.

– Изумительная декорация. – Йеннифэр наклонилась в седле и сплюнула, забыв, что совсем недавно отругала Цири за подобный плевок. – Живописная и ароматная. Но почему здесь, на опушке леса? Обычно такие штуки устанавливают сразу за городскими стенами. Верно, добрые люди?

– Это «белки», благороднейшая госпожа, – поспешил пояснить, сдерживая запряженную в двуколку пегую лошаденку, один из бродячих торговцев, которых они догнали на развилке. – Эльфы на столбах-то. Потому и столбы в лесу стоят. Другим «белкам» на упреждение.

– Выходит, – взглянула на него чародейка, – взятых живьем скоя'таэлей привозят сюда...

– Эльфа, милсдарыня, – прервал торговец, – редко удастся взять живьем. А ежели даже кого воины схватят, то в город везут, где оседлые нелюди обретаются. Когда они казнь на рынке посмотрят, у них сразу отпадает охота с «белками» якшаться. А когда в бою таких эльфов убивают, то трупы свозят на развилки и вешают на столбах. Порой издалека возят, совсем уж померших...

– Подумать только, – буркнула Йеннифэр, – а нам запрещают заниматься некромантией из уважения к величию смерти и бренности останков, коим полагаются покой, почести и церемониальные погребения...

– Что вы сказали, госпожа?

– Ничего. Поехали побыстрее, Цири, как можно дальше от этого места. Тьфу, у меня такое ощущение, будто я вся пропиталась вонью.

– Я тоже, ой-ей-ей, – сказала Цири, рысью объезжая двуколку торговца. – Поедем галопом, хорошо?

– Хорошо... Но не сумасшедшим же!

Вскоре показался город, огромный, окруженный стенами, утыканный башнями с островерхими блестящими крышами. А за городом в лучах утреннего солнца искрилось море, сине-зеленое, усеянное белыми пятнышками парусов. Цири осадил коня на краю песчаного обрыва, приподнялась в стремени, жадно втянула носом ароматный морской воздух.

– Горс Велен, – сказала Йеннифэр, подъезжая и останавливаясь рядом. – Вот и добрались. Возвращаемся на большак.

На большаке снова пошли легким галопом, оставив позади несколько воловьих упряжек и пешеходов, нагруженных вязанками хвороста и дров. Когда опередили всех и остались одни, чародейка остановилась и жестом сдержала Цири.

– Подъезжай поближе, – сказала она. – Еще ближе. Возьми поводья и веди моего коня. Мне нужны обе руки.

– Зачем?

– Возьми поводья.

Йеннифэр вынула из вьюка серебряное зеркальце, протерла, тихо проговорила заклинание. Зеркальце выскользнуло у нее из руки, поднялось и повисло над конской шеей, точно напротив лица чародейки. Цири удивленно вздохнула, облизнула губы.

Чародейка извлекла из вьюка гребень, сняла берет и несколько минут энергично расчесывала волосы. Цири молчала. Она знала, что во время этой процедуры Йеннифэр нельзя мешать или расспрашивать. Живописный и на первый взгляд неряшливый беспорядок ее крутых буйных локонов возникал в результате долгих стараний и немалых усилий.

Чародейка снова полезла во вьюк. Вдела в уши бриллиантовые серьги, а на запястьях защелкнула браслеты. Сняла шаль, расстегнула блузку, обнажая шею. Стала видна черная бархотка, украшенная обсидиановой звездой.

– Да! – не выдержала наконец Цири. – Я знаю, зачем ты это делаешь! Хочешь хорошо выглядеть, потому что едем в город! Угадала?

– Угадала.

– А я?

– Что – ты?

– Тоже хочу хорошо выглядеть! Я причешусь...

– Надень берет, – резко бросила Йеннифэр, по-прежнему вглядываясь в висящее над ушами лошади зеркальце. – На то самое место, где он был. И убери под него волосы.

Цири недовольно фыркнула, но послушалась тотчас. Она уже давно научилась различать оттенки голоса чародейки. Знала, когда можно поспорить, а когда нет.

Йеннифэр, уложив наконец локоны на лбу, достала из вьюка маленькую баночку зеленого стекла.

– Цири, – сказала она уже мягче. – Мы путешествуем тайно. А поездка еще не кончилась. Поэтому ты должна прятать волосы под беретом. Во всех городских воротах есть люди, которым платят за точные и незаметные наблюдения за путешественниками. Понимаешь?

– Нет, – нахально ответила Цири, натягивая поводья вороного жеребца чародейки. – Ты стала такой красивой, что у всех, кто выглянет из ворот, глаза на лоб повылазят! Тоже мне – скрытность!

– Город, к воротам которого мы направляемся, – усмехнулась Йеннифэр, – называется Горс Велен. Мне в Горс Велене таиться не надо, совсем, я бы сказала, наоборот. С тобой дело другое. Тебя никто не должен запомнить.

– Кто будет глядеть на тебя, запомнит и меня!

Чародейка раскрыла баночку, из которой повеяло сиренью и крыжовником. Взяв на указательный палец немного содержимого, втерла себе под глаза чуточку мази, потом сказала, все еще загадочно улыбаясь:

– Сомневаюсь, чтобы кто-нибудь вообще обратил на тебя внимание.

Перед подъемным мостом стояла длинная колонна наездников и телег, у ворот толпились пешие, ожидающие своей очереди на досмотр. Цири ахнула, раздраженная перспективой

долгого ожидания. Однако Йеннифэр выпрямилась в седле и направилась рысью, глядя поверх голов страждущих, а те быстро расступились, давая ей место и почтительно кланяясь. Стражники в длинных кольчугах сразу же заметили чародейку и освободили ей проход, не жалея древков копий, которыми подгоняли упрямых или слишком медлительных.

– Сюда, сюда, милостивая государыня! – крикнул один из стражников, таращась на Йеннифэр и бледнея. – Въезжайте здесь, прошу вас! А ну расступись! Расступись, хамы!

Спешно вызванный начальник вахты выглянул из кордегардии, хмурый и злой, но увидев Йеннифэр, покраснел, широко раскрыл глаза и рот и согнулся в низком поклоне.

– Покорно приветствую в Горс Велене, милостивая государыня, – пробормотал он, выпрямляясь и еще больше выпучивая глаза. – Я в твоём распоряжении... Могу ли чем-то услужить? Эскорт? Провожатый? Может, вызвать кого?

– Не требуется. – Йеннифэр выпрямилась в седле, глянула на него сверху. – Я пробуду в городе недолго. Еду на Танедд.

– Конечно, конечно... – Вояка переступил с ноги на ногу, не отрывая глаз от лица чародейки. Остальные стражники следовали примеру начальника. Цири гордо задрала голову, но тут же увидела, что на нее вообще никто не смотрит. Так, словно ее и вовсе не существует.

– Конечно, – повторил командир стражи. – На Танедд, да... На Сбор, конечно. А как же. В таком случае желаю...

– Благодарю. – Чародейка тронула коня, определенно не интересуясь, чего хотел пожелать ей командир. Цири потрусила следом. Стражники кланялись проезжающей Йеннифэр, не достаивая девочку хотя бы взглядом.

– Даже имени твоего не спросили, – буркнула она, догоняя Йеннифэр и ловко объезжая пробитые в грязи колеи. – И куда едем – тоже! Ты их заколдовала?

– Не их. Себя. – Чародейка повернулась, и Цири громко ахнула. Глаза Йеннифэр горели фиолетовым огнем, а лицо пылало красотой. Слепящей. Вызывающей. Грозной. И неестественной.

– Зеленая баночка! – сразу догадалась Цири. – Что там было?

– Гламария. Эликсир, точнее, мазь для особых случаев. Послушай, тебе обязательно надо лезть в каждую лужу на дороге?

– Хочу ополоснуть лошади бабки!

– Дождя не было целый месяц. Это не вода, а помои и конская моча.

– А-а... Скажи, зачем тебе понадобился эликсир? Так уж важно было...

– Это Горс Велен, – прервала Йеннифэр. – Город, который своим благополучием в значительной степени обязан чародеям. Ты сама видела, как тут относятся к чародейкам. А мне не хотелось ни представляться, ни доказывать, кто я такая. Предпочитаю, чтобы это было ясно с первого взгляда. Вон за тем красным домом свернем влево. Шагом, Цири, сдерживай лошадь, еще собьешь какого-нибудь ребенка.

– А зачем мы сюда приехали?

– Я тебе уже говорила.

Цири фыркнула, поджала губы, сильно ткнула лошадь пяткой. Кобыла заплясала, чуть не наскочив на проезжающую мимо телегу. Возница привстал на козлах и собирался покрыть ее цветистой фурманской вязью, но увидев Йеннифэр, быстро сел и принялся внимательно изучать состояние собственных башмаков.

– Еще один такой фортель, – процедила Йеннифэр, – и мы повздорим. Ты ведешь себя как юная коза. Мне стыдно за тебя.

– Ты намерена отдать меня в какую-то школу, да? Я не хочу!

– Тише. Люди смотрят.

– На тебя смотрят, не на меня! Не хочу я ни в какую школу! Ты обещала, что всегда будешь со мной, а теперь собираешься бросить! Одну. Я не хочу быть одна!

– И не будешь. В школе много девочек твоего возраста. Заведешь подружек.

– Не нужны мне подружки. Я хочу быть с тобой и с... Я думала, что...

Йеннифэр быстро обернулась.

– Что ты думала?

– Что мы едем к Геральту, – вызывающе подняла голову Цири. – Я прекрасно знаю, о чем ты думала всю дорогу. И почему вздыхала ночью.

– Довольно, – прошипела чародейка, а блеск ее горящих глаз заставил Цири вжаться лицом в гриву лошади. – Слишком уж ты разговорилась. Напоминаю: время, когда ты могла возражать, ушло. И случилось это по твоей собственной воле. Теперь ты должна слушаться. И делать то, что я прикажу. Поняла?

Цири кивнула.

– Да, что прикажу. И это будет для тебя лучше всего. Всегда. Поэтому ты будешь слушаться меня и выполнять все мои распоряжения, ясно? Останови лошадь. Мы на месте.

– Это школа? – буркнула Цири, окидывая взглядом внушительный фасад дома. – Это уже...

– Ни слова больше. Слезай. И веди себя как положено. Это не школа, школа находится в Аретузе, а не в Горс Велене. Это банк.

– Зачем нам банк?

– Подумай. Слезай, я сказала. Да не в лужу! Оставь лошадь, для этого есть слуги, сними перчатки. В банк в перчатках для езды не входят. Взгляни на меня. Поправь берет. Выровняй воротничок. Выпрямись. Не знаешь, что делать с руками? Так не делай ничего!

Цири вздохнула.

Высыпавшие из здания служащие были краснолюдями. Цири внимательно приглядывалась к ним. Такие же невысокие и бородатые крепыши, они тем не менее ничем не походили на ее друга Ярпена Зигрина и его ребят. Служащие были какие-то безликие, одинаково одетые, никакие. И раболепные, чего об Ярпене и его ребятах сказать было никак нельзя.

Йеннифэр и Цири вошли. Магический эликсир чародейки продолжал действовать, поэтому появление Йеннифэр тут же вызвало великое возбуждение, беготню, поклоны, дальнейшие раболепные и покорные пожелания и заверения в готовности услужить, конец чему положило лишь появление невероятно толстого, богато одетого белобородого краснолюда.

– Уважаемая Йеннифэр! – загудел краснотел, позвякивая золотой цепью, свисавшей с могучей шеи значительно ниже белой бороды. – Какая неожиданность! И какая честь! Прошу, прошу в контору! А вы там, не стоять, не глазеть! За работу! К счетам! Абакам! Вильфли, немедленно в контору бутылку Кастель де Нефа, года... Ну сам знаешь какого. Живо, одна нога тут, другая там! Изволь, изволь. Йеннифэр, истинное удовольствие видеть тебя. Ты смотришься... Ах, черт возьми, аж дух захватывает!

– Ты тоже, – улыбнулась чародейка, – недурственно держишься, Джианкарди.

– Надеюсь. Прошу, прошу ко мне в контору. Ах нет, нет, как можно, вы первыми. Ты же знаешь дорогу, Йеннифэр.

В конторе было темновато и приятно прохладно, в воздухе стоял аромат, который Цири помнила по башне писаря Ярре, – запах чернил, пергамента и пыли, покрывавшей дубовую мебель, гобелены и старые книги.

– Прошу вас, присаживайтесь. – Банкир отодвинул от стола тяжелое кресло для Йеннифэр, окинул Цири внимательным взглядом. – Хмм...

– Дай ей какую-нибудь книгу, Мольнар, – небрежно бросила чародейка, заметив его взгляд. – Она обожает книги. Сядет в конце стола и не будет нам мешать. Верно, Цири?

Цири не сочла нужным подтверждать.

– Книгу, хм, – обеспокоился краснотел, подходя к шкафу. – Что у нас тут есть? Вот книга прихода и расхода... Нет, не то. Пошлины и торговые оплаты... Тоже нет. Кредит и рембурс? Нет? О, а это как сюда попало? Черт его знает... Но, пожалуй, это будет в самый раз. Пожалуйста, девочка.

Книга называлась «Physiologus» и была очень старой и очень потрепанной. Цири осторожно перевернула обложку и несколько страниц. Фолиант заинтересовал ее сразу же, потому что повествовал о таинственных чудовищах и бестиях и был полон гравюр. Несколько следующих минут она старалась делить интерес между книгой и беседой чародейки с банкиром.

– Есть какие-нибудь письма, Мольнар?

– Нет. – Банкир налил вина Йеннифэр и себе. – Ни одного нового. Последнее поступило месяц назад. Я переслал тебе условленным образом.

– Я получила. Благодарю. А случайно... кто-нибудь этими письмами не интересовался?

– Здесь – нет, – улыбнулся Мольнар Джианкарди. – Но ты точно выбрала мишень, дорогая моя. Банк Вивальди доверительно информировал меня, что письма пытались выследить. Кроме того, их филиал в Венгерберге выявил попытку проследить операции на твоем личном счете. Один из работников оказался нечестным...

Банкир осекся, глянул на чародейку из-под кустистых бровей. Цири прислушалась. Йеннифэр молчала, поигрывая обсидиановой звездой.

– Вивальди, – понизил голос Джианкарди, – не мог либо не хотел вести следствие. Нечестный и скорый на подкуп служащий по пьянке свалился в канаву и захлебнулся. Несчастный случай. Жаль. Слишком быстро, слишком неосмотрительно...

– Потеря невелика, а сожаление кратко, – надула губы чародейка. – Я знаю, кого интересуют мои письма и счета, следствие у Вивальди не дало бы ничего нового.

– Коли ты так считаешь... – Джианкарди почесал бороду. – Едешь на Танедд? На Большой Сбор чародеев?

– Именно.

– Решать судьбы мира?

– Зачем преувеличивать?

– Всякие слухи ходят, – сухо проговорил банкир. – И всякое творится.

– Например, если не секрет?

– С прошлого года, – сказал Джианкарди, поглаживая бороду, – наблюдаются удивительные сдвиги в налоговой политике... Знаю, тебя это не интересует...

– Говори.

– Двойной размер подушного налога и налога на зимний постой, а также налога, который берут непосредственно армейские власти. Все купцы и предприниматели должны дополнительно платить в королевскую казну «десятый грош», совершенно новый налог, один грош от каждого нобеля оборота. Краснолюды, гномы, эльфы и низушки, кроме того, платят повышенную подушную и подымную пошлыны, а ежели ведут торговую либо производственную деятельность, то сверх того еще облагаются обязательной нелюдской «дарственной» податью, составляющей десять со ста. Таким образом, я отчисляю в казну больше шестидесяти процентов дохода. Мой банк, включая филиалы, дает Четырем Королевствам шестьсот гривен в год. К твоему сведению, это почти в три раза больше, чем богатый герцог или граф платит кварталы в королевскую казну.

– А люди дарственной на армию не облагаются?

– Нет. Платят только подушные и постоянные.

– Получается, – покачала головой чародейка, – что краснолюды и другие нелюди финансируют проводящуюся в лесах кампанию против скоя'таэлей. Я ожидала чего-нибудь подобного. Но, прости, что общего у налогов со Сбором на Танедде?

– После ваших сборов всегда что-то происходит, – буркнул банкир. – Впрочем, надеюсь, на этот раз ничего страшного не случится, а наоборот – вдруг да прекратятся эти странные скачки цен. Был бы очень рад.

– Поясни.

Джианкарди раскинулся в кресле и сплел руки на прикрытом бородой животе.

– Я занимаюсь своим ремеслом немало лет. Достаточно долго, чтобы научиться увязывать некоторые движения цен с определенными фактами. Последнее время сильно подскочили цены на драгоценные камни. На них повысился спрос.

– Обменивают наличные на драгоценности, чтобы избежать потерь на колебаниях курса и паритета монет?

– И это тоже. Кроме того, у камней еще одно огромное преимущество: лежащий в кармане кошелек с несколькими унциями бриллиантов равняется по стоимости примерно пятидесяти гривнам, а такая сумма в монетах весит двадцать пять фунтов и требует солидного мешка. С кошельком в кармане можно бежать гораздо быстрее, чем с мешком на плечах. Да и обе руки свободны, что тоже немаловажно. Одной рукой можно держать жену, а второй, если

потребуется, – кое-кому и тумака отвесить.

Цири негромко фыркнула, но Йеннифэр тут же успокоила ее грозным взглядом.

– Значит, – подняла она голову, – есть такие, кто уже заранее готовится к бегству. Интересно куда?

– Больше всего ценится дальний Север. Хенгфорс, Ковир, Повисс. Во-первых, потому что это действительно далеко, во-вторых, эти государства нейтральны и у них хорошие отношения с Нильфгаардом.

– Понимаю. – Ехидная ухмылка не сходила с уст чародейки. – Итак, бриллианты в карман, жену за руку – и на Север... Не рановато ли? Впрочем, Бог с ними. Что еще дорожает, Мольнар?

– Лодки.

– Что-что?

– Лодки, – ослабившись, повторил банкир. – Все корабли с побережья строят лодки, заказанные квартирмейстерством короля Фольтеста. Квартирмейстеры платят хорошо и постоянно делают заказы. Если у тебя есть свободный капитал, Йеннифэр, вложи в лодки. Золотое дело. Изготавливаешь челн из камыша и коры, выставляешь счет на баркас из первосортной сосны, выручкой делишься с квартирмейстером...

– Не дури, Джианкарди! Говори, в чем дело.

– Лодки, – неохотно сказал банкир, глядя в бревенчатый потолок, – транспортируют на юг, к Яруге, в Содден и Бругге. Но, насколько мне известно, их используют не для ловли рыбы, а прячут в лесах вдоль правого берега. Солдаты вроде бы часами тренируются садиться в них и вылезать. Пока – на суше.

– Ага. – Йеннифэр закусила губу. – Но почему некоторые так спешат на север? Яруга-то на юге.

– Существует обоснованное опасение, – буркнул банкир, поглядывая на Цири, – что император Эмгыр вар Эмрейс не будет в восторге, узнав, что упомянутые лодки спущены на воду. Некоторые полагают, что такое действие может Эмгыра разозлить, и тогда лучше быть как можно дальше от нильфгаардских границ... Черт, хотя бы до жатвы. Ежели жатва будет позади, вздохну с облегчением. Если чему быть, это случится до жатвы.

– Урожай будет в амбарах, – медленно проговорила Йеннифэр.

– Верно. Коней трудно пасти на стерне, а крепости с полными амбарами придется осаждать долго... Погода благоприятствует землепашцам, и урожай обещает быть недурным... Да, погода исключительно хороша. Солнышко припекает, ждет не дождется дождя... А Яруга в Доль Ангре очень мелка... Ее легко перейти. В обе стороны.

– Почему Доль Ангра?

– Надеюсь, – банкир погладил бороду, сверля чародейку острым взглядом, – тебе можно доверять?

– Как всегда, Джианкарди. Ничего не изменилось.

– Доль Ангра, – медленно проговорил банкир, – это Лирия и Аэдирн, у которых военный союз с Темерией. Уж не думаешь ли ты, что Фольтест покупает лодки для себя?

– Нет, – протянула чародейка. – Не думаю. Благодарю за информацию, Мольнар. Как знать, возможно, ты и прав. Может, на Сборе нам удастся повлиять на судьбы мира и населяющих его людей?

– Не забудьте о краснолюдах, – сказал Джианкарди, – и их банках.

– Постараемся. Кстати, коли уж мы об этом заговорили...

– Внимательно слушаю.

– У меня были расходы, Мольнар. А если я сниму со счета у Вивальди, опять кто-нибудь попыбует утопиться, так что...

– Йеннифэр, – прервал краснолюд, – ты у меня пользуешься неограниченным кредитом. Погром в Венгерберге случился очень давно. Возможно, ты забыла, но я не забуду никогда. Никто из семейства Джианкарди не забудет. Сколько тебе нужно?

– Тысячу пятьсот темерских оренос с переводом на филиал Чианфанелли в Элландере на адрес храма Мелитэле.

– Принято. Приятный перевод – взносы в пользу храмов не облагаются налогами. Что еще?

– Сколько сейчас платят за обучение в школе в Аретузе?

Цири прислушалась.

– Тысячу двести новиградских крон, – сказал Джианкарди. – Для учениц не жалеют ничего, живут в Аретузе как принцессы. А ими кормится половина города – портные, сапожники, кондитеры, поставщики...

– Знаю. Внеси две тысячи на счет школы. Анонимно. С указанием, что это за зачисление и задаток за обучение. Одной ученицы.

Джианкарди отложил перо, взглянул на Цири, понимающе улыбнулся. Цири, сделав вид, будто изучает книгу, внимательно слушала.

– Все, Йеннифэр?

– Еще триста новиградских крон для меня. Наличными. Для Сбора на Танедде мне потребуются по меньшей мере три платья.

– Зачем тебе наличные? Дам банковский чек. На пятьсот. Импортные ткани тоже чертовски подорожали, а ведь ты не станешь надевать шерсть или лен. И если что-либо потребуется тебе или ученице в Аретузе, мои склады и магазины в твоём распоряжении.

– Благодарю. На какой процент договоримся?

– Проценты, – поднял голову краснолюд, – ты заплатила семье Джианкарди авансом, Йеннифэр. Во время погрома в Венгерберге. Не будем об этом.

– Не люблю таких долгов, Мольнар.

– Я тоже. Но я – купец, краснолюд дела. Я знаю, что такое обязательность. Знаю ей цену. Повторяю: не будем больше об этом. Со всем, о чем ты просила, покончено. О чем не просила – тоже.

Йеннифэр подняла брови.

– Некий близкий тебе ведьмак, – хохотнул Джианкарди, – недавно посетил городок Дорьян. Мне донесли, что он там задолжал ростовщику сто крон. Ростовщик работает на меня. Я покрою этот долг, Йеннифэр.

Чародейка кинула взгляд на Цири, сильно поморщилась.

– Мольнар. Не суй пальцы в дверь, в которой испортились петли. Сомневаюсь, чтобы он все еще считал меня близкой, а если узнает о покрытии долга, возненавидит вконец. Ты ведь его знаешь, он честолобив до идиотизма. И давно он был в Дорьяне?

– Дней десять назад. Потом его видели в Малом Логе. Оттуда, как мне сообщили, поехал в Хирунд, потому что получил задание от тамошних фермеров. Как обычно, прикончить какое-то чудовище...

– И за это, как обычно, ему заплатят деньгами, – голос Йеннифэр слегка изменился, – которых, как обычно же, ему едва хватит на лечение, если чудовище его покорежит. Как обычно. Если ты, Мольнар, действительно хочешь что-то для меня сделать, свяжись с фермерами в Хирунде, пусть увеличат вознаграждение. Так, чтобы ему было на что жить.

– Как обычно, – фыркнул Джианкарди. – А если он все-таки узнает об этом?

Йеннифэр уставилась на Цири, которая смотрела на них и слушала, даже не пытаясь изображать заинтересованность Physiologus'ом.

– От кого бы это?

Цири опустила глаза. Банкир многозначительно улыбнулся, погладил бороду.

– Перед тем как выбраться на Танедд, ты отправишься в сторону Хирунда? Случайно, конечно?

– Нет, – отвела глаза чародейка. – Не направляюсь. Сменим тему, Мольнар.

Джианкарди снова погладил бороду, глянул на Цири. Цири опустила голову, закашлялась и заерзала на стуле.

– Верно, – согласился банкир, – пора сменить тему. Но твоей подопечной явно наскучила книга... и наши разговоры. А то, о чем я теперь хотел бы с тобой поговорить, наскучит ей, мне кажется, еще больше... Судьбы мира, судьбы краснолюдов этого мира, судьбы их банков – ах, какая скучная тема для юных дев, будущих выпускниц Аретузы! Приподними немного свои крылышки, Йеннифэр. Дай ей прогуляться по городу...

– Ох, да! – крикнула Цири.

Чародейка передернулась и уже собралась было возразить, но вдруг передумала. Цири не была уверена, но ей показалось, что причиной тому стало еле заметное движение глаз, сопровождавшее предложение банкира.

– Пусть девочка осмотрит достопримечательности славного града Горс Велена, – добавил Джианкарди, широко улыбаясь. – Ей положено немного свободы перед... Аретузой. А мы тут еще чуточку поболтаем кое о чем... хм... личном. Нет, я не предлагаю ребенку бродить в одиночку, хоть это и безопасный город. Я дам ей спутника и защитника – одного из моих младших коллег...

– Прости, Мольнар, – Йеннифэр не ответила на улыбку, – но мне кажется, что в нынешние времена даже в безопасном городе общество краснолюда...

– У меня и в мыслях не было, – притворно возмутился Джианкарди, – предлагать в спутники краснотел. Клерк, о котором я говорю, сын уважаемого купца, человека, я бы так сказал, до последней морщинки. Ты думала, у меня работают только краснотелы? Эй, Вильфли! Кликни-ка сюда Фабио, одна нога тут, другая...

– Цири. – Чародейка подошла к девочке, слегка наклонилась. – Только без глупостей, чтобы мне не пришлось краснеть. А с клерком – язык за зубами, поняла? Поклянись, что будешь следить за действиями и словами. Не кивай. Обещания дают в полный голос.

– Обещаю, госпожа Йеннифэр.

– Время от времени посматривай на солнце. В полдень вернешься. Точно. А если... Нет, не думаю, чтобы кто-то тебя узнал. Но если увидишь, что кто-то слишком уж внимательно на тебя поглядывает...

Чародейка открыла кошелек, достала небольшой, покрытый рунами хризопраз в форме песочных часов.

– Спрячь в кошелек. Не потеряй. В случае чего... Заклинание помнишь? Только аккуратно, активация дает сильное эхо, а действующий амулет испускает волны. Если вблизи окажется кто-то восприимчивый к магии, ты себя не замаскируешь, а совсем наоборот. Да, вот еще тебе... Если захочешь что-нибудь купить.

– Спасибо, госпожа Йеннифэр. – Цири положила амулет и монеты в кошелек, с любопытством взглянула на вбежавшего в контору мальчика. Мальчик был веснушчат, волнистые каштановые волосы ниспадали ему на высокий воротник серой униформы клерка.

– Фабио Сахс, – представил мальчика Джианкарди.

Тот почтительно поклонился.

– Фабио, это госпожа Йеннифэр, наша почетная гостья и уважаемая клиентка. А мазель, ее воспитанница, желает посетить город. Будешь ее провожатым и защитником.

Мальчик снова поклонился, на этот раз явно в сторону Цири.

– Цири, – холодно сказала Йеннифэр, – встань, пожалуйста.

Цири встала, немного удивленная, потому что знала: обычай этого не требует. И тут же поняла. Клерк, выглядевший ее ровесником, был на голову ниже.

– Мольнар, – сказала чародейка. – Кто кого будет защищать? Не мог дать кого-нибудь посолиднее?

Мальчик покраснел и вопросительно глянул на хозяина. Джианкарди кивнул. Клерк снова поклонился.

– Милостивая государыня, – проговорил он свободно и без тени смущения. – Возможно, я и невелик ростом, но на меня можно положиться. Я хорошо знаю город, пригороды и всю округу. В случае нужды буду защищать мазель в полную силу. А когда я, Фабио Сахс Младший, сын Фабио Сахса, делаю что-то в полную силу... то мало кто из тех, что покрупнее, сравняется со мной.

Йеннифэр несколько секунд глядела на мальчика, потом повернулась к банкиру.

– Поздравляю, Мольнар. Ты умеешь подбирать сотрудников. В будущем твой младший клерк не раз порадует тебя. Истинно благородный металл высшей пробы красиво звучит, когда по

нему ударишь. Цири, с полным доверием отдаю тебя под опеку Фабио, сына Фабио, поскольку это мужчина серьезный и достойный доверия.

Мальчик покраснел до корней каштановых волос. Цири почувствовала, что тоже зарумянилась.

– Фабио. – Краснолюд открыл шкатулку, покопался в звонком содержимом. – Вот тебе полнобеля и три... и два пятака. На случай, если мазель выскажет какое-либо пожелание. Если не выскажет, вернешь. Ну, можете идти.

– В полдень, Цири, – напомнила Йеннифэр. – Ни минутой позже.

– Помню, помню.

– Меня зовут Фабио, – сказал мальчик, как только они сбежали по ступеням и вышли на шумную улицу. – А тебя – Цири, да?

– Да.

– Что бы ты хотела посмотреть в Горс Велене, Цири? Главную улицу? Переулок мастеров золотых дел? Морской порт? А может, рынок и ярмарку?

– Все.

– Хм... – задумался мальчик. – Времени у нас только до полудня... Лучше всего пойти на рынок. Сегодня базарный день, там можно увидеть много интересного! Но сначала поднимемся на стену, оттуда виден весь залив и знаменитый остров Танедд. Согласна?

– Пошли.

По улице тархтели телеги, тащились лошади и волы, бондари катили бочки, кругом – шум, гам и суeta. Цири немного ошарашило движение и кажущийся беспорядок, она оступилась и вместо деревянного тротуара влезла по щиколотки в грязь и навоз. Фабио хотел взять ее за руку, но она вырвалась:

– Еще чего! Я сама ходить умею!

– Хм... Ну да. Тогда пошли. Сейчас мы на главной улице. Называется она Карод и связывает Главные и Морские ворота. В ту сторону ведет к ратуше. Видишь башню с золотым петушком? Это и есть ратуша. А там вон, где цветная вывеска, – трактир «Под расшнурованным корсетом». Но туда, хм... туда мы не пойдем. Давай срежем дорогу, пройдем по Окружной улице через рыбный рынок.

Они свернули в переулок и вышли прямо на небольшую площадь, втиснувшуюся между стенами домов. Площадь была забита прилавками, бочками и кадками, из которых бил сильный запах рыбы. Тут шла оживленная и шумная торговля, перекупщики, продавцы и покупатели старались перекричать кружащих надо всем чаек. У стены сидели кошки, делая вид, будто рыба их вообще не интересует.

– Твоя госпожа, – вдруг сказал Фабио, лавируя между прилавками, – очень строгая.

– Знаю.

– Она тебе не родная, верно?

– Да. А как ты догадался?

– Сразу видно! Она очень красивая, – сказал Фабио с жестоким, разоружающим откровением

совсем еще молодого человека.

Цири повернулась словно пружина, но прежде чем успела ответить Фабио какой-нибудь колкостью относительно его веснушек и роста, мальчик уже тащил ее между тележками, бочками и прилавками, одновременно объясняя, что возвышающаяся над площадью башня называется «Воровская», что камни для ее постройки брали со дна морского и что растущие около нее деревья называются пальмами.

– Ты ужасно неразговорчивая, Цири, – неожиданно заметил он.

– Я? – изобразила она удивление. – Ничего подобного! Просто внимательно тебя слушаю. Знаешь, ты рассказываешь очень интересно. Я как раз хотела тебя спросить...

– О чем?

– А далеко отсюда до... до города Аретузы?

– Совсем близко. Только Аретуза вовсе не город. Поднимемся на стену, покажу.

Стена была высокая, с крутыми ступенями. Фабио вспотел и задыхался, и неудивительно: он не закрывал рта, сообщил Цири, что стена, окружающая Горс Велен, построена недавно, она гораздо моложе самого города, возведенного еще эльфами, сказал, что в ней тридцать пять футов высоты и что это так называемая казематная кладка, сложенная из тесаного камня и необожженного кирпича, то есть материала, лучше других выдерживающего удары таранов.

Наверху их охватил морской ветер. Цири с удовольствием вдыхала его после плотной и неподвижной духоты города. Она оперлась локтями о край стены, глядя сверху на расцвеченный парусами порт.

– Что это, Фабио? Вон та гора?

– Остров Танедд.

Остров, казалось, был совсем близко. И походил не на остров, а на вколоченный в морское дно гигантский каменный столб, огромный зиккурат, спеленутый змеящимся серпантинном дорожки, террасами и зигзагами лестниц. На террасах зеленели рощицы и сады, а из зелени проглядывали прилепившиеся к скалам, будто ласточкины гнезда, белые островерхие башни и изящные купола, венчающие группы окруженных галереями зданий, которые, похоже, были возведены не хитроумными строителями, а вырезаны в склонах горы, вздымающейся из морской пучины.

– Все это создали эльфы, – пояснил Фабио. – Говорят, с помощью эльфьей магии. Однако уже с незапамятных времен Танедд принадлежит чародеям. Ближе к вершине, там, где – видишь? – блестят на солнце купола, расположен дворец Гарштанг. В нем через несколько дней откроется Большой Сбор магов. А вон там, смотри, уже на самой вершине, высокая одинокая башня с зубцами. Это Тор Лара, Башня Чайки.

– Туда можно попасть по суше? Это же близко.

– Можно. Есть мост, он соединяет берег залива с островом. Его отсюда не видно, деревья заслоняют. А видишь красные крыши у подножия горы? Это дворец Локсия. Туда-то и ведет мост. Только через Локсию можно пройти к дороге, ведущей на верхние террасы.

– А туда, где вон те миленькие галерейки и мостики? И сады? Как они держатся на камнях и не падают? Что это за дворец?

– Это и есть Аретуза, которая тебя интересовала. Знаменитая школа для юных чародеек.

– Ах, – Цири облизнула губы, – так это там... Слушай, Фабио...

– Слушаю.

– Ты хоть иногда встречаешь молодых чародеек, которые учатся в школе? Ну в Аретузе?

Мальчик удивленно взглянул на нее.

– Что ты! Никогда! С ними никто не встречается! Им запрещено покидать остров и выходить в город. А на территорию школы никого вообще не пропускают. Даже бургграфа и судебного исполнителя. Если у них возникает какое-то дело к чародейкам, они могут пройти только в Локсию. На самый нижний уровень.

– Так я и думала, – покачала головой Цири, не отрывая глаз от горящих золотом крыш Аретузы. – Прямо не школа, а тюрьма какая-то! На острове, на скале, да еще и над пропастью. Тюрьма – и вся недолга.

– Вообще-то да, – согласился Фабио, немного подумав. – Оттуда довольно трудно выйти... Только там не как в тюрьме. Просто ученицы – молодые девушки. Их надо охранять...

– От чего?

– Ну... – замялся мальчик. – Ты же знаешь...

– Не знаю.

– Хм... Я думаю... Ох, Цири, никто же их не запирает в школе. Они сами хотят...

– Ну конечно. – Цири шельмовски улыбнулась. – Хотят – вот и сидят в своей тюрьме. Не хотели б, так не дали бы себя запереть. Все так просто – надо только вовремя сбежать. Еще до того, как туда попадешь, потому как потом может быть труднее...

– Как это – сбежать? А куда им...

– Им, – прервала Цири, – вероятно, некуда, бедняжкам. Фабио? А где город... Хирунд?

Мальчик удивленно глянул на нее.

– Хирунд не город. Это ферма. Большая ферма. Там есть сады и огороды, поставляющие овощи и фрукты всем городам в округе. Есть пруды, в которых разводят карпов и других рыб...

– И далеко до этого Хирунда? В какую сторону? Покажи.

– Зачем тебе?

– Покажи, прошу тебя.

– Видишь дорогу, ведущую на запад? Там, где телеги? По ней как раз и едут в Хирунд. Верст пятнадцать, все время лесами.

– Пятнадцать верст, – повторила Цири. – Недалеко, если конь хороший... Спасибо, Фабио.

– За что?

– Не важно. Теперь проводи меня на рынок. Ты обещал.

– Пошли.

Такой толчеи, суеты, сутолоки и гомона, какие встретили их на рынке Горс Велена, Цири еще видеть не доводилось. Шумный рыбный базар, через который они недавно проходили, по сравнению с рынком показался бы тихим храмом. Площадь была огромной, и все-таки Цири казалось, что пройти на территорию ярмарки невозможно. Оставалось лишь взглянуть издали. Однако Фабио смело врезался в спрессованную толпу, волоча девочку за собой. У Цири сразу же закружилась голова.

Продавцы вопили, покупатели орали еще громче, затерявшиеся в толкотне дети выли и стонали. Мычали коровы, блеяли овцы, кудахтали куры и гоготали гуси.

Ремесленники-краснолюды яростно колотили молотками по каким-то железякам, а когда прерывали свое занятие, чтобы напиться, начинали жутко ругаться. В нескольких точках площади надрывались пищалки, гусли и цимбалы, видимо, там давали концерты ваганты и музыканты. Вдобавок ко всему кто-то невидимый в этом бедламе, но наверняка не музыкант, без устали дул в латунную трубу.

Цири отскочила от трусившей прямо на нее, пронзительно визжащей свиньи и налетела на клетку с курами. Ее толкнули, она наступила на что-то мягкое и мякающее.

Шарахнулась, чуть не угодив под копыта огромной, вонючей, отвратной и ужасающе странной скотины, расталкивающей людей косматыми боками.

– Что это было? – ойкнула она, пытаясь удержаться на ногах. – А, Фабио?

– Верблюды. Не бойся!

– А я и не боюсь! Тоже мне! Подумаешь вербульд!!!

Она с любопытством оглядывалась. Понаблюдала за работой низушков, на глазах у всех изготавливавших изящные бурдюки из козьей шкуры, повосхищалась прелестными куклами, которых предлагали на своем прилавке две полуэльфки. Долго рассматривала изделия из малахита и яшмы, выставленные на продажу угрюмым и все время бурчащим гномом. С интересом и знанием дела осмотрела мечи в мастерской оружейника. Остановилась около девушек, плетущих корзинки из ивы, и пришла к выводу, что нет ничего хуже такой работы.

«Трубодуй» перестал надрываться. Вероятнее всего, его прикончили.

– Чем так вкусно пахнет?

– Пончиками. – Фабио пощупал кошелек. – Хочешь попробовать один?

– Хочу попробовать два.

Продавец подал три пончика, принял пятак и сдал четыре медяка, один из которых переломил пополам. Цири, уже немного освоившаяся, с интересом наблюдала за операцией продавца, жадно поглощая первый пончик.

– Не отсюда ли, – спросила она, принимаясь за второй, – пошла поговорка «ломаного гроша не стоит»?

– Отсюда. – Фабио прикончил свой пончик. – Ведь монет меньше гроша не существует. А там, откуда ты родом, полугроши не в ходу?

– Нет. – Цири облизнула пальцы. – Там, откуда я родом, в ходу золотые дукаты. Кроме того, все это ломанье было бессмысленным и ненужным.

– Почему?

– Потому что я хочу съесть третий пончик.

Заполненные сливовым повидлом пончики подействовали как самый волшебный эликсир. У Цири поднялось настроение, и бурлящая народом площадь перестала ее пугать, изумлять и даже начала нравиться. Она больше не позволяла Фабио тащить себя, а сама потянула его в самую гущу, к тому месту, с которого кто-то произносил речь, забравшись на импровизированную трибуну из бочек. Оратором оказался престарелый толстяк. По бритой голове и коричневому балахону Цири признала в нем бродячего жреца. Ей уже встречались такие, время от времени они навещали храм Мелитэле в Элландере. Мать Нэннеке никогда не называла их иначе как «эти дурные фанатики».

– Един на свете закон! – рычал толстый жрец. – Божий закон! Вся природа подчинена этому закону, вся земля и все, что на сей земле произрастает! А чары и магия – противны сему закону. Проклятие чародеям, близок уже день гнева, когда огонь небес поразит их богомерзкий остров! Рухнут стены Локсии, Аретузы и Гарштанга, за коими собираются ныне эти безбожники, плетущие козни! Рухнут эти стены...

– И придется, мать их перемать, все заново возводить, – буркнул стоящий рядом с Цири подмастерье в одежде, умаруханной известью.

– Увещаю вас, люди добрые и благочестивые, – не унимался жрец, – не верьте чародеям, не обращайтесь к ним за советами и с просьбами. Не позволяйте им соблазнять себя ни видом роскошным, ни речью гладкой, ибо истину говорю вам, чародеи оные есть аки гробы повапленные, снаружи прекрасные, изнутри же гнили и истлевших костей полные!

– Гляньте на него, – проговорила молодая женщина с корзинкой, полной моркови, – вот треплется! На магигов, вишь ты, лает, потому как завидует, вот и все.

– Точно, – поддакнул каменщик, – у самого, ишь, башка словно яйцо лысая, а брюхо аж до колен. А чародеи – вона какие красивые, не плешивеют, не брюхатят... А чародейки, ого, сама красотища...

– Ибо твои раскрасавицы души дьяволу запродали! – крикнул невысокий типчик с сапожным молотком за поясом.

– Глуп ты, подошва гнилая. Если б не добрые тетки с Аретузы, ты б давно с сумой по миру пошел! Им скажи спасибо, что есть чего жрать.

Фабио потянул Цири за рукав, и они снова нырнули в толпу, которая понесла их к центру площади. Послышался грохот бубна и громкие крики, призывающие к тишине. Толпа и не думала замолкать, но глашатаю с деревянного помоста это вовсе не мешало. У него был зычный, хорошо поставленный голос, и он умел им пользоваться.

– Возвещаю, – заорал он, развернув рулон пергамента, – что Гуго Ансбах, низушек по рождению, объявлен вне закона, ибо злоумышленникам-эльфам, кои «белками» именуются, в доме своем ночлег и приют доставил. То же самое Юстин Ингвар, кузнец, краснолюд по рождению, коий негодникам оным наконечники для стрел ковал. Сим на обоих поименованных бургграф поиск оглашает и ловить их наказывает. Кто их схватит, тому награда – пятьдесят крон наличными. А ежели кто даст им пропитание альбо укрытие, их сообщником почитаться будет и одинаковая кара ему, какая и им назначена. А ежели в ополье либо в селении схвачены будут, все ополье либо все селение расплачиваться будут...

– Энто кто ж, – раздался выкрик в толпе, – низушку схронение дал! По ихним фермам пущай шукают, а найдут, то всех их, нелюдев, в яму!

– Не в яму, на шибеницу!

Глашатай принялся читать дальнейшие объявления бургграфа и городского совета, но Цири потеряла к ним интерес. Она как раз намеревалась выбраться из толчеи, когда вдруг почувствовала на ягодице руку. Вовсе не случайную, нахальную и невероятно искусную.

Теснота, казалось бы, не позволяла обернуться, но Цири научилась в Каэр Морхене двигаться в местах, в которых двигаться невозможно. Она развернулась, вызвав некоторое замешательство окружающих. Стоявший у нее за спиной юный жрец с бритой головой усмехнулся нагловатой, отработанной ухмылкой. Ну и что, говорила эта ухмылка, что теперь? Чудненько покраснеешь и этим румянцем все окончится?

Видимо, жрец никогда не имел дела с ученицами Йеннифэр.

– Лапы прочь, ты, дубина лысая! – заорала Цири, бледнея от бешенства. – За свою задницу хватайся, ты... гроб повапленный!!!

Воспользовавшись тем, что зажатый в толпе жрец не мог пошевелиться, Цири собралась его пнуть, но помешал Фабио, спешно оттащивший ее подальше от священнослужителя и места происшествия. Видя, что она вся трясется от злости, он подсунул ей горсть посыпанных сахарной пудрой хрустиков, при виде которых Цири мгновенно забыла об инциденте. Они стояли около ларька, там, откуда был виден подиум с позорным столбом посередине. Однако преступника там не было, а сам подиум был увешан гирляндами цветов и служил ареной группе разряженных как попугаи бродячих музыкантов, изо всех сил рвущих струны гуслей и попискивающих на дудках и свистульках. Молодая черноволосая девушка в украшенном цехинами сердаке пела и плясала, потрясая тамбурином и весело притопывая маленькими туфельками:

Вот однажды чародейку тяпнула гадюка.

Чародейка хоть бы охнуть, а гадюка – трупом!

Толпящиеся вокруг подиума зрители хохотали до упаду и хлопали в ритм песенки. Продавец сладких хрустиков бросил в шипящее масло очередную порцию. Фабио облизнул пальцы и потянул Цири за рукав.

Ларьков было бесчисленное множество, и всюду предлагали что-нибудь вкусненькое. Они отведали еще по пирожному с кремом, потом – заодно – вяленого угорька, заели чем-то очень странным, жареным и наколотым на палочку. Позже задержались у бочек с квашеной капустой и сделали вид, будто пробуют, намереваясь якобы купить побольше. А поскольку, наевшись, так и не купили, торговка обозвала их засранцами.

Пошли дальше. На оставшиеся деньги Фабио приобрел корзиночку груш-бергамоток. Цириглянула на небо, но решила, что еще не полдень.

– Фабио! А что за палатки и будки вон там, у стены?

– Разные увеселения. Хочешь взглянуть?

– Хочу.

Перед первой палаткой стояли одни мужчины, возбужденно переступающие с ноги на ногу. Изнутри доносились звуки флейты.

– «Чернокожая Лейла... – Цири с трудом прочитала корявую надпись на полотне, – выдает в танце все секреты своего тела...» Глупость какая-то! Какие секреты?..

– Пошли дальше, пошли, – торопил Фабио, слегка покраснев. – Взгляни, это интересно. Здесь принимает ворожейка, будущее предсказывает. У меня еще есть два гроша, хватит...

– Жаль денег, – фукнула Цири. – Тоже мне – предсказание за два гроша! Чтобы предсказывать, надо быть вещуньей. Вещание – великий талант. Даже среди чародеек не больше чем одна из ста способна на такое.

– Моей старшей сестре, – заметил мальчик, – ворожейка предсказала, что она выйдет замуж, и это оправдалось. Не гримасничай, Цири. Пошли поворожим тебе...

– Я не хочу выходить замуж. Не хочу ворожбы. Тут жарко, а из этой палатки несет ладаном, я туда не пойду. Хочешь, иди один, я подожду. Только не знаю, на кой тебе эти предсказания. Что ты хочешь узнать?

– Ну... – замялся Фабио. – Больше всего... Буду ли я путешествовать. Смогу ли повидать весь мир...

«Будет, – вдруг подумала Цири, чувствуя головокружение. – Он будет плавать на больших белых парусниках... Доберется до стран, которых до него никто не видел... Фабио Сахс, первооткрыватель новых земель... Его именем назовут полуостров, край континента, который сегодня еще не имеет названия. Пятидесяти четырех лет, имея жену, сына и трех дочерей, он умрет вдали от дома и близких... От болезни, которая сегодня еще не имеет названия...»

– Цири! Что с тобой?

Она потерла лицо рукой. Ей казалось, что она выныривает из воды, выбирается к поверхности со дна глубокого, ледяно-холодного озера.

– Ничего, ничего... – пробормотала она, оглядываясь и приходя в себя. – Голова закружилась... Все из-за жары. И ладана из палатки...

– Скорее всего из-за капусты, – серьезно сказал Фабио. – Напрасно мы столько съели. У меня тоже в животе бурчит.

– Ничего со мной не случилось! – Цири молодецкато задрала голову, действительно почувствовав себя лучше. Мысли, которые вихрем пронеслись в голове, развеялись и тут же забылись. – Пошли, Фабио. Идем дальше.

– Хочешь грушу?

– Конечно.

У стены группа подростков играла в волчок на деньги. Волчок, обмотанный шнурком, надо было ловким, напоминающим щелчок бича рывком заставить вращаться так, чтобы он накручивал круги по начерченным мелом полям. Цири обыгрывала в волчок большинство мальчиков в Скеллиге, обыграла и всех послушниц в храме Мелитэле. Она уже собиралась было вступить в игру и освободить сорванцов не только от медяков, но и от залатанных штанов, когда ее внимание вдруг привлекли громкие крики.

На самом конце шеренги палаток и будок стояла притиснутая к стене и каменной лестнице странная полукруглая выгородка, образованная полотнищами, растянутыми на саженой высоты шестах. Между двумя шестами был вход, который загораживал высокий рябой мужчина в стеганке и полосатых штанах, заправленных в матросские сапоги. Перед ним теснилась кучка людей. Сунув в горсть рябого несколько монет, люди по одному скрывались

за полотнищем. Рябой кидал деньги в большое сито, позвякивал ими и хрипло выкрикивал:

– Ко мне, добрые люди! Ко мне! Собственными глазами увидите самое страшнейшее страшилище, какое только боги создали! Ужас и страх! Живой василиск, ядовитое страховидло зерриканских пустынь, воплощение дьявола, ненасытный людоед! Такого чудовища вы еще не видели, люди! Только что пойманное, из-за моря на корабле привезенное! Взгляните, взгляните на живого, злострашного василиска собственными глазами! Последняя возможность! Здесь, у меня, всего за три пятака! Бабы с детьми – по два!

– Ха, – сказала Цири, отгоняя от груши ос. – Василиск? Живой? Надо обязательно взглянуть. До сих пор я видела только гравюры. Пошли, Фабио.

– У меня кончились деньги.

– У меня есть. Я заплачу. Пошли смело.

– Полагается шесть. – Рябой взглянул на брошенные в горсть медяки. – Три пятака с особы. Дешевше только бабы с детьми.

– Он, – Цири ткнула в Фабио грушей, – ребенок. А я – баба.

– Дешевше только бабы с детьми на руках, – заворчал рябой. – Ну, давай, добавляй еще два пятака, хитроумная девка, или валяй отседова и пропусти других. Поспешите, люди! Осталось всего три свободных места.

Пришлось добавить.

За выгородкой из полотнищ толпились горожане, плотным кольцом окружая сколоченное из досок возвышение, на котором стояла покрытая ковром клетка. Запустив недостающих до комплекта зрителей, рябой запрыгнул на помост, взял длинную палку и сдернул ковер. Понесло падалью и отвратительной вонью. Зрители зашептались и малость отступили.

– Осторожнее, добрые люди, – упредил рябой. – Не слишком близко, это опасно!

В клетке, явно ему тесной, свернувшись клубком, лежал ящер, покрытый темной чешуей со странным рисунком. Когда рябой стукнул по клетке палкой, гад зашевелился, зашуршал чешуйками по прутьям, вытянул длинную шею и пронзительно зашипел, демонстрируя острые белые конические зубы, резко контрастирующие с почти черной чешуей, обрамляющей пасть. Зрители охнули. Залился лаем кудлатый песик, которого держала на руках женщина с внешностью торговки.

– Смотрите внимательней, – крикнул рябой, – и радуйтесь, что в наших сторонах подобные чудища не обретаются! Вот чудовищный василиск из далекой Зеррикании! Не приближайтесь, не приближайтесь, потому как хоть он и заперт в клетке, но одним токмо своим дыханием может отравить!

Цири и Фабио наконец протолкались сквозь кольцо зрителей.

– Василиск, – продолжал с возвышения рябой, опираясь на палку, как страж на алебарду, – это самая что ни на есть ядовитая гадина на свете! Ибо василиск – царь всех змей! Если б василисков было больше, наш мир пропал бы бесследно! К огромному счастью, это чудовище редкое, ибо рождается из петушиного яйца. А сами знаете, люди, что яйца сносит не каждый петух, а только такой паршивец, который на манер квочки другому петуху гузку подставляет.

Зрители дружным смехом прореагировали на шутку. Не смеялась лишь Цири, все время внимательно рассматривавшая существо, которое, раздраженное шумом, извивалось, билось

о прутья клетки и кусало их, тщетно пытаюсь расправить в тесноте исковерканные крылья.

– Яйца, таким петухом снесенные, – тянул рябой, – должны сто и одна змея высидывать! А когда из яйца проклюнется василиск...

– Это не василиск, – заметила Цири, откусывая грушу. Рябой косо глянул на нее.

– ...А когда выклюнется василиск, говорю, – продолжал он, – тогда он всех змей в гнезде пожрет, их яд поглотит. Но вреда ему от того никакого не будет. Сам же ядом так надуется, что не токмо зубом забить сумеет и не прикосновением даже, но дыхом одним! А ежели конный рыцарь возьмет и пикой василиска проткнет, то яд по древку вверх ударит и одновременно седока с конем на месте повалит.

– Это неправдивая неправда, – громко сказала Цири, выплевывая семечко.

– Самая наиправдивейшая правда! – возразил рябой. – Убьет. И коня, и седока убьет!

– Как же, жди!

– Тихо, мазелечка! – крикнула торговка с собачкой. – Не мешай! Хотца нам любопытствовать и послушать!

– Перестань, Цири, – шепнул Фабио, ткнув ее в бок.

Цири фыркнула на него и полезла в корзинку за очередной грушей.

– От василиска, – рябой повысил голос, перебивая нарастающий меж зрителей шум, – каждый зверь в тот же миг сбегает, как только его шипение услышит. Каждый зверь, даже дракон, да что там, коркодрил даже, а коркодрилы невозможно страшные, кто их видел, тот знает. Одно только единое животное не боится василиска – это куна. Куница значит. Куна, как только чудовище в пустыне узрит, тут же в лес как можно шибчей мчится, там только одной ей ведомое зелье выищет и съест. Тогда василисков яд уже куне не страшен, и она может его насмерть загрызть.

Цири хохотнула и издала губами протяжный, совершенно непристойный звук.

– Эй, мудрила! – не выдержал рябой. – Ежели тебе что не нравится, убирайся отседова. Нечего силком слушать и на василиска пялиться.

– Никакой это не василиск.

– Да? А что же оно такое, мазель мудрила?

– Выворотка, – заметила Цири, отбрасывая хвостик груши и облизывая пальцы. – Обычная выворотка. Молодая, маленькая, изголодавшаяся и грязная. Но выворотка, и все тут. На Старшей Речи – выверна.

– О, гляньте-ка! – воскликнул рябой. – Ишь какая умная да ученая к нам заявила! Заткнись, не то я тебе...

– Эй-эй, – проговорил светловолосый юноша в бархатном берете и вамсе без герба, какие носят оруженосцы, держащий под руку тоненькую и бледненькую девушку в платьице абрикосового цвета. – Не так шибко, господин зверолов! Не угрожайте благородной девушке, не то я вас запросто своим мечом успокою. Кроме того, что-то тут шельмовством пахнет.

– Какое шульмовство, милсдарь юный рыцарь? – возмутился рябой. – Лгет эта соп... Я хотел сказать, эта благородная мазель ошибается! Это василиск.

– Это выворотка! – повторила Цири. – Тоже мне – василиск, ха!

– Какая еще «воротка»! Только гляньте, какой грозный, как шипит, как клетку кусает! Какие у него зубища-то! Зубища, говорю, как у...

– ...как у выворотки, – поморщилась Цири.

– Ежели ты вовсе разуму лишилась, – рябой одарил ее взглядом, которого не устыдился бы настоящий василиск, – то подойди! Подойди, чтобы он на тебя дыхнул! Враз все узрят, как ты копыта откинешь, посинеешь от яда! Ну, подойди!

– Пожалуйста. – Цири вырвала руку у Фабио и сделала шаг вперед.

– Я этого не допущу! – крикнул светловолосый оруженосец, отпуская руку абрикосовой подружки и заграждая Цири дорогу. – Этого делать нельзя. Ты слишком рискуешь, милая дама.

Цири, которую еще никто не величал милой дамой, слегка зарумянилась, взглянула на юношу и затрепыхала ресницами тем самым способом, который не раз испробовала на писаре Ярре.

– Нет никакого риска, благородный рыцарь, – кокетливо улыбнулась она наперекор запретам Йеннифэр, которая достаточно часто напоминала ей присказку о дураке и сыре. – Ничего со мной не случится. Ее ядовитое дыхание – выдумка!

– И все же я хотел бы, – юноша положил руку на оголовье меча, – быть рядом с тобой. Для защиты и охраны... Позволишь?

– Позволю. – Цири не понимала, почему бешенство на лице абрикосовой девушки доставляет ей такое удовольствие.

– Она под моей охраной и защитой! – поднял голову Фабио, вызываясь взглянув на оруженосца. – Я тоже иду с ней!

– Милостивые государи. – Цири вскинула голову. – Больше выдержки. И не толкайтесь. Всем места хватит.

Кольцо зрителей заволновалось и загудело, когда она смело подошла к клетке, чуть ли не чувствуя дыхание обоих мальчиков на затылке. Выворотка яростно зашипела и заметалась, в ноздри зрителей ударил змеиный смрад. Фабио громко засопел, но Цири не отступила. Подошла еще ближе и протянула руку, почти коснувшись клетки. Чудовище бросилось на прутья, хватая их зубами. Толпа снова закачалась, кто-то ойкнул.

– Ну и что, – гордо подбоченилась Цири. – Умерла? Отравило меня это ядовитое чудовище? Это такой же василиск, как я...

Она осеклась, заметив неожиданную бледность, покрывшую лица оруженосца и Фабио. Мгновенно обернулась и увидела, что два прута клетки расходятся под напором разъяренного ящера, вырывая из рамы ржавые гвозди.

– Бегите! – крикнула она во весь голос. – Клетка ломается!

Зрители с ревом ринулись к выходу. Некоторые пытались пробиться через полотно, но запутались в нем сами и запутали других, повалили шесты, попадали друг на друга, образуя верещащий клубок. Оруженосец схватил Цири за руку в тот момент, когда она пыталась отскочить, в результате оба завертелись, споткнулись и упали, переворачивая Фабио. Кудлатый песик торговли принялся лаять, рябой – поносить всех святых, а совершенно

запутавшаяся абрикосовая девушка – пронзительно визжать.

Прутья клетки с треском вылетели, выворотка выбралась наружу. Рябой соскочил с подиума и попытался удержать ее палкой, но чудовище одним ударом лапы выбило палку у него из рук, свернулось ихватило его шиповатым хвостом, превратив покрытую оспинами щеку в кровавое месиво. Шипя и расправляя покалеченные крылья, выворотка слетела с помоста и тут же кинулась на Цири, Фабио и оруженосца, пытавшихся подняться с земли. Абрикосовая девушка потеряла сознание и повалилась на спину. Цири напружинилась для прыжка, но поняла, что не успеет.

Ее спас кудлатый песик, который вырвался из рук торговки, запутавшейся в своих шести юбках. Тонко влаивая, псина кинулась на чудовище. Выворотка зашипела, приподнялась, прижала собачонку когтями, взвилась невероятно быстрым змеиным движением и впиалась ей зубами в шею. Песик дико взвыл.

Оруженосец поднялся на колени и потянулся за мечом, но не нашел рукояти, потому что Цири оказалась проворнее. Она молниеносно выхватила меч у него из ножен, подпрыгнула в полуобороте. Выворотка поднялась, оторванная голова собачки свисала у нее из зубастой пасти.

Все движения, которым Цири научилась в Каэр Морхене, проделались как бы сами собой, почти помимо ее воли и участия. Она рубанула не ожидавшую нападения выворотку по животу и тут же закружилась в вольте, а кинувшийся на нее ящер свалился на песок, исходя кровью. Цири перепрыгнула через него, ловко увернувшись от свистящего хвоста, уверенно, точно и сильно ударила чудовище в бок, отскочила, машинально проделала ненужный уже вольт и тут же ударила еще раз, перерубив позвонки. Выворотка свернулась и замерла, только змеиный хвост еще извивался и бил по земле, разбрасывая песок.

Цири осторожно сунула окровавленный меч в руку оруженосцу.

– Конец! – крикнула она собирающейся толпе и все еще выпутывающимся из полотен зрителям. – Чудовище убито! Этот мужественный рыцарь прикончил его...

Неожиданно она почувствовала спазм в горле и бурление в желудке, в глазах потемнело. Что-то со страшной силой ударило ее по ягодицам так, что аж клацнули зубы. Она осмотрелась дурным взглядом. Оказывается, никто ее не ударил, просто она упала.

– Цири, – шепнул опустившийся перед ней на колени Фабио. – Что с тобой? О боги, ты бледная как смерть...

– Жаль, – пробормотала девочка, – ты себя не видишь.

Вокруг толпились люди. Некоторые тыкали в тело выверны палками и головнями, другие приводили в себя рябого, остальные восхваляли героического оруженосца, бесстрашного изничтожителя драконов, единственного, кто сохранил спокойствие и предотвратил смертоубийство. Оруженосец успокаивал абрикосовую девушку, не переставая с некоторым одурением глядеть на клинок меча, покрытый размазанными полосами высыхающей крови.

– Мой герой... – Абрикосовая мазелька пришла наконец в себя и закинула оруженосцу руки на шею. – Мой спаситель! Мой любимый!

– Фабио, – слабым голосом сказала Цири, видя пробивающихся сквозь толпу городских стражников. – Помоги встать и заberi меня отсюда поскорее.

– Бедные дети... – Полная горожанка в чепчике взглянула на них, когда они бочком пробирались сквозь толпу. – Ну досталось вам. Если б не храбрый рыцаренок, выплакали бы

глазоньки ваши матери!

– Узнайте, у кого этот юноша в оруженосцах! – крикнул ремесленник в кожаном фартуке. – Он заслужил пояса и шпор!

– А зверолова – к позорному столбу! Палок ему, палок! Такое чудовище – да в город, да к людям...

– Воды, воды. Мазелька снова в обморок упала!

– Моя бедная Мушка! – вдруг взвыла торговка, склонившись над тем, что осталось от лохматого песика. – Моя несчастная собаченька! Люди, хватайте ту девку, ту шельму, которая дракона разозлила! Где она? Хватайте ее! Не зверолов, а она всему виной!

Городские стражники, поддерживаемые многочисленными добровольцами, принялись, крутя головами, проталкиваться сквозь толпу.

– Фабио, – шепнула Цири. – Разделимся. Встретимся на улочке, по которой пришли. Иди. Если тебя кто-нибудь задержит и спросит обо мне – ты меня не знаешь и понятия не имеешь, кто я такая.

– Но... Цири!

– Иди!

Она зажала в кулаке амулет Йеннифэр и пробормотала активирующее заклинание. Чары подействовали мгновенно и в самое время. Стражники, которые уже пробирались к ней, обескураженно остановились.

– Какого черта? – удивился один из них, глядя, казалось бы, прямо на Цири. – Где она? Ведь только что видел!

– Там, там! – крикнул второй, указывая в противоположную сторону.

Цири повернулась и ушла, все еще опьяненная азартом боя, ослабленная активизацией амулета. Амулет действовал так, как и должен был действовать, – ее не заметил никто, и никто не обращал на нее внимания. Абсолютно никто. В результате, пока она не выбралась из толпы, ее безбожно толкали, наступали на ноги и пинали. Она чудом избежала удара брошенной с воза крынки. Ей чуть не выбили глаз вилами. Заклятие, как оказалось, имело хорошие и дурные стороны – причем хороших не меньше, чем дурных.

Амулет действовал недолго. Цири недоставало сил овладеть им и продлить время действия заклинания. К счастью, чары прекратились в подходящий момент – когда она выбралась из толпы и увидела Фабио, ожидавшего на улочке.

– Ой-ей, – сказал мальчик. – Ой-ей, Цири. Пришла! Я беспокоился.

– Напрасно. Пошли скорее. Полдень уже миновал. Мне надо возвращаться.

– Недурно ты управилась с тем чудовищем, – уважительно взглянул на нее мальчик. – И крутилась быстро! Где научилась?

– Чему? Выверну убил оруженосец.

– Неправда. Я видел...

– Ничего ты не видел. Пожалуйста, прошу тебя, Фабио, ни слова никому. Никому. А особенно госпоже Йеннифэр. Ой-ей, задаст она мне, если узнает... – Цири замолчала. – Они, – она

указала за спину, туда, где остался рынок, – были правы. Я раздразила выверну... Все случилось из-за меня...

– Не из-за тебя, – убежденно возразил Фабио. – Клетка прогнила и была сколочена кое-как. Могла развалиться в любой момент, через час, завтра, послезавтра... Хорошо, что это случилось сейчас, потому что ты спасла...

– Оруженосец спас! – рявкнула Цири. – Оруженосец! Заруби себе на носу! Если только ты меня выдашь, я превращу тебя... во что-нибудь ужасное! Я знаю чары! Я заколдую тебя...

– Эй! – раздалось у них за спиной. – Хорошего понемногу!

У одной из следовавших за ними женщин были темные, гладко зачесанные назад волосы, блестящие глаза и тонкие губы. На плечах – короткий плащик из фиолетовой камки, отороченный мехом сони.

– Почему ты не в школе, воспитанница? – спросила она ледяным, звучным голосом, окидывая Цири пронизательным взглядом.

– Подожди, Тиссая, – сказала вторая женщина помоложе, светловолосая и высокая, в зеленом платье с очень смелым декольте. – Я ее не знаю. Вряд ли она...

– Воспитанница, – прервала темноволосая. – Уверена, одна из твоих девочек. Ты же всех в лицо не знаешь. Она из тех, что сбежали из Локсии во время неразберихи при смене жилья. И сейчас она признается сама. Ну, воспитанница, слушаю.

– А? – поморщилась Цири.

Женщина сжала тонкие губы, поправила отвороты перчаток.

– У кого ты украла камуфлирующий амулет? Или тебе кто-то его дал?

– А?

– Не испытывай моего терпения, воспитанница. Как тебя зовут? Кто твоя наставница? Ну быстро!

– А?

– Прикидываешься дурочкой, воспитанница? Имя! Как тебя зовут?

Цири стиснула губы, в ее глазах заплескали зеленые огоньки.

– Анна Ингеборга Клопшток, – нагло процедила она.

Женщина подняла руку, и Цири тут же поняла всю величину своей промашки. Йеннифэр всего один раз, устав от ее затянувшихся капризов, продемонстрировала ей действие парализующих чар. Ощущение было исключительно мерзкое. Теперь это повторилось.

Фабио глухо вскрикнул и кинулся к Цири, но другая женщина, светловолосая, схватила его за воротник и осадила на месте. Мальчик рванулся, но рука женщины была как железо. Цири не могла даже дрогнуть. Ей казалось, что она понемногу врастает в землю. Темноволосая наклонилась и уставилась на нее блестящими глазами.

– Я не сторонница телесных наказаний, – сказала она холодно, снова поправляя отвороты перчаток, – но постараюсь, чтобы тебя вздули, воспитанница. Не за непослушание, не за кражу амулета и не за прогулы. Не за то, что ты носишь недозволенный наряд, ходишь с мальчиками и болтаешь с ними о делах, о которых тебе говорить не дозволено. Тебя

выпорют за то, что ты не сумела распознать гроттмейстера.

– Нет! – крикнул Фабио. – Не наказывай ее, благородная госпожа! Я работаю клерком в банке господина Мольнара Джианкарди, а эта девушка...

– Заткнись! – взвизгнула Цири. – Зат...

Заклинание, лишившее ее способности говорить, было брошено резко и грубо. Она почувствовала на губах кровь.

– Ну, – подтолкнула Фабио светловолосая, отпуская и ласковым движением разглаживая помятый воротник мальчика, – говори. Кто эта мазелька?

Маргарита Ло-Антиль вынырнула из бассейна, с плеском разбрызгивая воду. Цири не могла удержаться и не посмотреть на нее. Она не раз видела Йеннифэр обнаженной и никак не думала, что у кого-то может быть более совершенная фигура. Она ошибалась. При виде обнаженной Маргариты Ло-Антиль от зависти покраснели бы даже мраморные статуи богинь и нимф.

Чародейка схватила ушат с холодной водой и опрокинула себе на бюст, при этом непристойно ругаясь и отряхиваясь.

– Эй, дева! – крикнула она Цири. – Поддай-ка, пожалуйста, полотенце. Да перестань наконец на меня пялиться.

Все еще обиженная, Цири тихо фыркнула. Когда Фабио проговорился, кто она такая, чародейки, выставив Цири на посмеище, силой протащили ее через половину города. В банке Джианкарди все, разумеется, тут же выяснилось. Чародейки извинились перед Йеннифэр, объяснив свое поведение. Дело в том, что воспитанниц из Аретузы временно перевели в Локсию, так как помещения школы понадобились под жилища участникам и гостям Сбора чародей. Воспользовавшись неразберихой при переезде, несколько воспитанниц сбежали с Танедда и отправились в город. Маргарита Ло-Антиль и Тиссая де Врие, встревоженные активизацией амулета Цири, приняли ее за одну из прогульщиц.

Обе чародейки извинились перед Йеннифэр, но ни та, ни другая и не подумали извиниться перед Цири. Йеннифэр, выслушивая извинения, глядела на нее, и Цири чувствовала, как горят у нее уши. А больше всего досталось Фабио – Мольнар Джианкарди отчитал его так, что у мальчика слезы стояли в глазах. Цири было его жалко, но она и гордилась им – Фабио сдержал слово и даже не заикнулся о выверне.

Выяснилось, что Йеннифэр прекрасно знает Тиссая и Маргариту. Чародейки пригласили ее в «Серебряную цаплю», самую лучшую и самую дорогую гостиницу в Горс Велене, где Тиссая де Врие остановилась по приезду, по одной только ей известной причине оттягивая появление на острове. Маргарита Ло-Антиль, которая, оказывается, была ректором Аретузы, приняла приглашение старшей чародейки и временно делила с нею жилье. Гостиница действительно оказалась роскошная, в подвальных помещениях разместилась баня, которую Маргарита и Тиссая, выложив баснословные деньги, сняли в свое исключительное пользование. Йеннифэр и Цири, конечно, были приглашены и вот уже несколько часов то плавали в бассейне, то потели в парной, непрерывно сплетничая.

Цири подала чародейкам полотенце. Маргарита легонько ущипнула ее за щеку. Цири фыркнула и с плеском прыгнула в пахнущую розмарином воду бассейна.

– Плавает как маленький тюлень, – засмеялась Маргарита, растягиваясь рядом с Йеннифэр на деревянном лежаке. – А стройна как наяда. Дашь ее мне, Йенна?

– Для того и привезла.

– На который курс принять? Основы знает?

– Знает. Но пусть начнет, как все, с младшей группы. Не мешает.

– Разумно, – сказала Тиссая де Врие, занятая очередной перестановкой кубков на мраморном столике, покрытом капельками сконденсированного пара. – Умно, Йеннифэр. Девочке будет легче, если она начнет вместе с другими новичками.

Цири выбралась из бассейна, присела на край парапета, выжимая волосы и болтая ногами в воде. Йеннифэр и Маргарита лениво перебрасывались словами, то и дело протирая лица смоченными в холодной воде салфетками. Тиссая, целомудренно обмотавшаяся простыней, не вступала в разговор и, казалось, была полностью поглощена установлением надлежащего порядка на столике.

– Покорно просим прощения, благородные дамы! – раздался сверху голос невидимого хозяина гостиницы. – Соблаговолите простить за то, что посмел помешать, но... Какой-то офицер желает срочно видеть госпожу де Врие! Говорит, это не терпит отлагательства!

Маргарита Ло-Антиль хохотнула и подмигнула Йеннифэр. Обе одновременно скинули с бедер полотенца и расположились в нарочито изысканных и соблазнительных позах.

– Пусть офицер войдет! – крикнула Маргарита, сдерживая смех. – Приглашаем. Мы готовы!

– Ну дети и дети, – вздохнула Тиссая де Врие, покачив головой. – Накройся, Цири!

Офицер вошел, но оказалось, что чародейки старались напрасно. Офицер, увидев их, не смутился, не покраснел, не раскрыл рта, не вытаращил глаза. Ибо офицер был женщиной. Высокой, стройной женщиной с мечом на боку и толстой черной косой.

– Госпожа, – сухо проговорила женщина, слегка поклонившись Тиссае де Врие и звякнув звеньями кольчуги. – Докладываю о выполнении твоих приказаний. Прошу разрешения вернуться в гарнизон.

– Разрешаю, – кратко ответила Тиссая. – Благодарю за сопровождение и помощь. Счастливого пути.

Йеннифэр присела на лежанке, не отводя глаз от черно-красно-золотого банта на плече воительницы.

– Мы не знакомы?

Воительница сдержанно поклонилась, протерла вспотевшее лицо. В бане было жарко, а она стояла в кольчуге и кожаном камзоле.

– Я часто бывала в Венгерберге, – сказала она, – госпожа Йеннифэр. Меня зовут Райла.

– Судя по банту, ты служишь в спецподразделениях короля Демавенда?

– Да, госпожа.

– В чине?

– Капитана.

– Прекрасно, – рассмеялась Маргарита Ло-Антиль. – В армии Демавенда, отмечаю это с удовлетворением, наконец-то начали выдавать офицерские патенты солдатам независимо от

того, есть у них, прости, Цири, яйца или нет.

– Разрешите идти?

– Я почувствовала неприязнь в твоём голосе, Йенна, – сказала Маргарита, дожидаясь, пока Райла выйдет. – В чём дело?

Йеннифэр встала, взяла со столика два кубка.

– Ты видела столбы на развилках дорог? – спросила она. – Должна была видеть, должна была вдыхать вонь разлагающихся трупов. Эти столбы – их придумка и их дело. Капитана и его подчинённых из спецподразделений. Банда садистов!

– Идёт война, Йеннифэр. Райле не раз доводилось видеть товарищей по оружию, живыми попавших в лапы «белок». Повешенных за руки на деревьях в качестве мишеней для стрел. Ослеплённых, кастрированных, с ногами, обгоравшими на кострах. Жестокостей, которые совершают скоя'таэли, не устыдилась бы сама Фалька.

– Методы спецподразделений тоже слишком живо напоминают методы Фальки. Но не о том речь, Рита. Я не лью слез над судьбой эльфов, я знаю, что такое война, и знаю, как выигрывают войны. Их выигрывают солдаты, которые убежденно и самоотверженно защищают свою страну, свой дом. Не такие наёмники, как Райла, дерущиеся ради денег, не умеющие и не желающие жертвовать собой. Им вообще неизвестно, что такое самопожертвование. А если и известно, то они презирают его.

– Хрен с ними, с их самопожертвованиями и их презрением. Нам-то какое дело? Цири, накинь что-нибудь и сбегай наверх за новым кувшином. Хочу сегодня надраться.

Тиссая де Врие вздохнула, покачивая головой. Это не ушло от внимания Маргариты.

– К счастью, – хохотнула она, – мы уже не в школе, милая мэтресса. И можем позволить себе все, что захочется.

– Даже в присутствии будущей воспитанницы? – ехидно спросила Тиссая. – Когда ректором Аретузы была я...

– Помним, помним, – улыбнувшись, прервала Йеннифэр. – При всем желании не забудем. Отправляйся за кувшином, Цири.

Наверху в ожидании кувшина Цири стала свидетельницей отъезда воительницы и четырех ее солдат. С любопытством и удивлением она наблюдала за их поведением, выражением лиц, изучала одежду и оружие. Капитан Райла с мечом и черной косой препиралась с хозяином гостиницы:

– Не стану ждать до утра! И накласть мне на то, что ворота закрыты! Хочу немедленно за стены! У гостиничных конюшен есть собственные потайные потери. Приказываю открыть ход!

– Инструкции...

– Насрать мне на ваши инструкции! Я выполняю приказы гроссмейстера де Врие!

– Ну хорошо, хорошо, капитан, не кричите, сейчас открою...

Потерна оказалась узким, крепко закрытым на засовы проходом, ведущим непосредственно за стены города. Прежде чем прислужник передал Цири кувшин, она увидела, как этот проход отворили и Райла с группой выехала наружу. В ночь.

Цири задумалась.

– Ну наконец-то, – обрадовалась Маргарита то ли Цири, то ли кувшину. Цири поставила кувшин на столик, видимо, неточно, потому что Тиссая де Врие тут же его подвинула. Наполняя кубки, Йеннифэр нарушила тщательно продуманное расположение сосудов, и Тиссая снова пришлось наводить порядок. Цири с ужасом представила себе Тиссая в роли учительницы.

Йеннифэр и Маргарита вернулись к прерванному разговору, не забыв о кувшине. Цири задумалась, одновременно прислушиваясь к беседе чародеек.

– Нет, Йенна, – покачала головой Маргарита. – Похоже, это у тебя не временно. Я, например, порвала с Ларсом. С ним покончено. Elaine deireadh, как говорят эльфы.

– И поэтому хочешь надраться?

– В частности, – подтвердила Маргарита Ло-Антиль. – Грустно мне, не скрываю. Ведь мы были вместе четыре года. Но пришлось порвать. Я убедилась, что с ним в общем-то каши не сварить.

– Тем более, – фыркнула Тиссая де Врие, разглядывая золотое вино в хрустальном кубке, – что Ларс женат.

– Как раз это-то, – пожала плечами чародейка, – не имеет никакого значения. Все приличные мужчины интересующего меня возраста женаты, тут уж ничего не попишешь. Ларс любил меня, да и мне какое-то время казалось... Ах, что говорить. Он слишком многого хотел. Угрожал моей свободе, а меня тошнит при одной мысли о моногамии. Впрочем, я взяла пример с тебя, Йенна. Помнишь наш разговор в Венгерберге? Когда ты решила порвать со своим ведьмаком? Тогда я советовала тебе подумать, говорила, что любовь на улице не валяется. И все же ты была права. Любовь любовью, а жизнь жизнью. Любовь проходит...

– Не слушай ее, Йеннифэр, – холодно сказала Тиссая. – Она огорчена и обижена. Знаешь, почему она не идет на банкет в Аретузу? Потому что ей неловко явиться одной, без мужчины, с которым ее связывали четыре года. Из-за которого ей завидовали. Которого она потеряла, потому что не сумела оценить его любви.

– А может, стоит поговорить о чем-нибудь другом? – предложила Йеннифэр вроде бы беспечным, но заметно изменившимся голосом. – Налей нам, Цири. Язви его, маловат кувшинчик-то. Будь другом, принеси еще один.

– Два, – засмеялась Маргарита. – В награду получишь глоточек и сядешь с нами, не надо будет прислушиваться издали. Твое воспитание начнется здесь и сейчас, в бане, еще прежде, чем ты попадешь ко мне в Аретузу.

– Воспитание! – Тиссая возвела очи горе. – О боги!

– Тише, любезная мэтресса. – Маргарита шлепнула себя по мокрому бедру, изображая гнев.

– Сейчас я – ректор школы! Тебе не удастся срезать меня на последнем экзамене!

– Очень жаль.

– Мне тоже, представь себе. Будь у меня сейчас частная практика, как у Йеннифэр, мне не приходилось бы мытариться с воспитанницами, вытирать носы плаксам и ругаться с гордячками. Послушай меня, Цири, учись. Чародейки всегда действуют. Хорошо ли, плохо ли – станет ясно позже. Но необходимо действовать, смело хватать жизнь за гриву. Поверь, малышка, я жалею исключительно о бездеятельности, нерешительности, колебаниях. О действиях и поступках, даже если они порой приносят печаль и тоску, по-настоящему не

жалею никогда. Взгляни на даму, которая сидит вон там, делает строгие гримасы и педантично поправляет все что можно. Это Тиссая де Врие, гроссмейстер, воспитавшая десятки чародеек, вдалбливая им, что действовать следует всегда, что нерешительность...

– Перестань, Рита.

– Тиссая права, – сказала Йеннифэр, все еще глядя в угол бани. – Перестань. Знаю, ты грустишь из-за Ларса, но не делай из своей грусти науку жить. У девочки еще будет время научиться этому, к тому же не в школе. Иди, Цири, за кувшином.

Цири встала. Она уже была полностью одета.

И полна решимости.

– Что? – крикнула Йеннифэр. – Что такое? Как это – уехала?

– Приказала, – забормотал хозяин, бледнея и прижимаясь спиной к стене. – Приказала оседлать коня...

– И ты послушался? Вместо того чтобы кинуться к нам?

– Государыни! Откуда ж знать-то? Я был уверен, что она отправляется по вашему приказу... У меня и в мыслях не было...

– Дурак набитый...

– Спокойнее, Йеннифэр. – Тиссая приложила руку ко лбу. – Не поддавайся эмоциям. Сейчас ночь. Ее не выпустят за ворота.

– Она велела, – шепнул хозяин, – отворить потерну...

– И ей отворили?

– Из-за вашего Сбора, – опустил глаза хозяин, – в городе полно чародеев... Люди в страхе, боятся им перечить... Как я мог отказать? Она говорила точно как вы, госпожа, ну совсем таким же тоном... И глядела точно как вы. Никто не смел ей даже в глаза глянуть, не то что спрашивать... Она была ну точно такая же, как вы... Тютелька в тютельку... Велела подать перо и чернила... и написала записку.

– Давай сюда! – крикнула Йеннифэр.

Тиссая де Врие опередила ее и громко прочитала:

Госпожа Йеннифэр. Прости меня. Еду в Хирунд, потому что хочу видеть Геральта. Встретиться с ним, прежде чем пойду в школу. Прости мое непослушание, но я должна. Знаю, ты меня накажешь, но не хочу в будущем сожалеть о бездеятельности и колебаниях. Если и придется о чем-то жалеть, то пусть это будут действия и поступки. Я –

чародейка. Хватаю жизнь за гриву. Вернусь, как только смогу.

Цири

– Все?

– Есть еще приписка: «Скажи госпоже Рите, что в школе ей не придется вытирать мне нос».

Маргарита Ло-Антиль недоверчиво покачала головой, а Йеннифэр разразилась бранью. Хозяин гостиницы покраснел и раскрыл рот. Доводилось ему слышать проклятия, но такие он

слышал впервые.

Ветер дул с суши. Волны туч затягивали висящую над лесом луну. Дорога в Хирунд тонула во мраке. Ехать галопом стало опасно. Цири сдержала лошадь, пошла рысью. О том, чтобы идти шагом, даже не подумала. Она торопилась.

Вдалеке было слышно ворчание надвигающейся бури, горизонт то и дело освещали вспышки молний, вырывающих из мрака зазубренную пилу вершин деревьев.

Она остановила коня на развилке – дорога расходилась на два рукава, оба выглядели одинаково.

«Почему Фабио ничего не сказал о развилке? Да что там, ведь я никогда не плутаю, я всегда знаю, в какую сторону идти или ехать. Почему же сейчас не могу решить, на какую дорогу свернуть?»

Огромная тень беззвучно пронеслась над головой. Цири почувствовала, как сердце подсказывает к горлу. Конь заржал, дернулся и помчался галопом, выбрав правую дорогу. Немного погодя она сдержала его.

– Это всего-навсего обыкновенная сова, – проговорила она, стараясь успокоить себя и коня. – Обычная птица... Бояться нечего...

Ветер усиливался, темные тучи целиком затянули луну. Но впереди, там, где в плотной стене леса угадывался разрыв, было светлее. Она поехала быстрее, песок полетел из-под копыт коня.

Вскоре пришлось остановиться. Перед ней был обрыв и дальше море, из которого вздымался знакомый черный конус острова. С того места, где она стояла, огней Гарштанга, Локсии и Аретузы видно не было. Маячила лишь одинокая, венчающая Танедд башня.

Тор Лара.

Загрохотало, и почти тут же ослепительная молния сшила затянутое тучами небо с вершиной башни. Тор Лара глянула на нее красными зрачками окон. Казалось, внутри башни на секунду загорелся огонь.

«Тор Лара... Башня Чайки... Почему это название вызывает во мне такой ужас?»

Вихрь рванул деревья, зашумели ветви. Цири зажмурилась, пыль и листья ударили ее по щеке. Она развернула фыркающего и оседающего на задние ноги коня. Сориентировалась. Остров Танедд указывал на север, а ей надо ехать на запад. Песчаная дорога лежала во мраке четкой белой полосой. Она пустила коня галопом.

Загрохотало снова, и при свете молнии Цири неожиданно увидела конных. Темные, размытые, подвижные силуэты по обеим сторонам дороги. Услышала окрик:

– Gar’ean!

Не раздумывая, она остановилась, натянула поводья, развернулась и послала коня в галоп. За ней – крик, свист, ржание, топот копыт.

– Gar’ean! Dh’oine!

Галоп, удары копыт, ветер. Тьма, в которой мелькают белые стволы придорожных берез. Грохот. Молния, в ее свете двое конных пытаются перегорodить ей дорогу. Один протягивает руку, хочет схватить поводья. К шапке пристегнут беличий хвост. Цири ударяет коня плеткой,

прижимается к конской шее, проносится рядом. За ней – крик, свист, грохот грома. Молния.

– Spar’le! Yaevinn!

«В карьер, в карьер! Быстрее, конь! Гром. Молния. Развилок. Влево! Я никогда не ошибаюсь! Снова развилок. Направо. В карьер, конек! Быстрее, быстрее!»

Дорога идет в гору, под копытами песок, конь, хоть она и подгоняет его, замедляет бег...

На вершине холма она оглянулась. Очередная молния осветила дорогу. Пусто. Она прислушалась, но слышала только шум ветра в листьях. Загрохотало.

«Здесь никого нет. «Белки» – всего лишь воспоминания, вынесенные из Каэдвена. Роза из Шаэрраведда... Мне привиделось. Тут нет ни единой живой души, никто за мной не гонится...»

В нее ударил ветер.

«Ветер дует с суши, – подумала она, – я чувствую его правой щекой... Я заблудилась».

Молния. В ее свете заискрилась поверхность моря, выплыл из мрака черный конус острова Танедд. И Тор Лара. Башня Чайки. Башня, которая притягивает как магнит... «Но я не хочу в эту башню... Я еду в Хирунд. Потому что должна увидеть Геральта».

Снова вспышка.

Между нею и обрывом возник черный конь. На нем – рыцарь в шлеме, украшенном крыльями хищной птицы. Крылья вдруг захлопали, птица ринулась в полет...

Цинтра!

Парализующий страх. Руки до боли стискивают ременные поводья. Молния. Черный рыцарь останавливает коня. Вместо лица у него жуткая маска. Крылья хлопают.

Конь без понукания рванулся в галоп. Тьма, освещенная молниями. Лес кончается. Под копытами плеск, чавканье грязи. Позади шум крыльев хищной птицы. Все ближе... Ближе...

Сумасшедший галоп, глаза слезятся от ветра. Молнии режут небо, в их свете Цири видит ольхи и вербы по обеим сторонам дороги. Но это не деревья. Это слуги Короля Ольх. Слуги Черного рыцаря, который мчится за ней, и крылья хищной птицы шумят на его шлеме. Диковинные чудовища по обеим сторонам дороги протягивают к ней узловатые руки, дико хохочут, разевая черные пасти дупел. Цири прижимается к шее коня. Ветки свистят, достают ее, цепляются за одежду. Покореженные стволы скрипят, дупла шамкают беззубыми ртами, заливаются ехидным смехом...

Львенок из Цинтры! Дитя Старшей Крови!

Черный рыцарь уже совсем близко. Цири чувствует его руку, пытающуюся схватить ее за волосы на затылке. Подгоняемый криком конь рвется вперед, резким прыжком берет невидимую преграду, с треском ломает камыш, спотыкается...

Она натянула поводья, откинувшись в седле, завернула хрипящего коня. Крикнула, дико, яростно. Выхватила меч из ножен, завертела над головой.

«Это уже не Цинтра! Я уже не ребенок! Я не беззащитна. Не позволю...»

– Не позволю! Ты не прикоснешься ко мне! Никогда не прикоснешься ко мне!

Конь с плеском и хлюпаньем прыгнул в воду, достигающую ему до живота. Цири наклонилась, крикнула, ударила коня пятками, вырвалась на дамбу. «Пруды, – подумала она. – Фабио говорил о прудах, в которых разводят рыбу. Это Хирунд. Я на месте. Я никогда не блуждаю...»

Молния. Позади дамба, дальше черная стена леса, пилой режущая небо. И никого. Только стон ветра нарушает тишину. Где-то на болотах крикает испуганная утка.

«Никого. На дамбе никого. Никто за мной не гонится. Это был мираж, кошмар. Воспоминание о Цинтре. Мне все привиделось. Вдали огонек. Фонарик. Либо костер. Это ферма. Хирунд. Уже близко. Еще одно усилие...»

Молния. Одна, вторая, третья. Грома не слышно. Ветер неожиданно замирает. Конь ржет, мотает головой и встает на дыбы.

На черном небе появляется молочно-белая, быстро светлеющая полоса, извивающаяся змеей. Ветер снова ударяет в вербы, сбивает с дамбы облака листьев и сухой травы.

Далекий огонек исчезает. Тонет и растворяется в лавине голубых огоньков, которыми вдруг вспыхивает болото. Конь фыркает, ржет, мечется по дамбе. Цири с трудом удерживается в седле.

В движущейся по небу ленте возникают нечеткие силуэты всадников. Они все ближе, их видно все четче. Раскачиваются буйволиные рога и растрепанные султаны на шлемах, под шлемами белеют оскالившиеся черепа. Наездники сидят на лошадиных скелетах, покрытых лохмотьями попон. Бешеный ветер воет в вербах, острия молний одно за другим режут черное небо. Ветер воет все громче. Нет, это не ветер, это жуткое пение.

Кошмарная кавалькада заворачивает, мчится прямо на нее. Копыта призрачных лошадей вспарывают мерцание болотных огоньков. В голове кавалькады несется Король Гона. Проржавевший шишак колыхнется над черепом, зияющим провалами глазниц, горящих синеватым огнем. Развевается рваный плащ. О покрытый ржавчиной нагрудник грохочет ворот, пустой, как старый гороховый стручок. Некогда в нем сидели драгоценные камни. Но они вывалились во время дикой гонки по небу. И стали звездами...

«Неправда! Этого нет! Это кошмар, бред, призраки, миражи! Мне это только кажется!»

Король Гона сдерживает лошадь-скелет, раздражается диким, жутким смехом.

Дитя Старшей Крови! Ты –

наша! Ты –

наша! Присоединяйся к кортежу, присоединяйся к нашему Гону! Мы будем мчаться, мчаться до конца, до скончания вечности, до пределов существования! Ты –

наша, звездоокая дочь Хаоса! Присоединяйся, познай радость Гона! Ты –

наша, ты –

одна из нас! Твое место с нами, среди нас!

– Нет! – кричит Цири. – Прочь! Вы – трупы!

Король Гона смеется, клацают гнилые зубы над заржавевшим воротом доспехов. Синим горят глазницы черепа.

Да, мы – трупы! Но смерть –
ты!

Цири прижимается к шее коня. Подгонять его нет нужды. Чувствуя позади настигающие их призраки, конь сломя голову мчится вперед по дамбе.

Бернье Хофмайер, низушек, фермер из Хирунда, поднял кучерявую голову, прислушался к далеким раскатам грома.

– Опасная штука – этакая буря и без дождя. Ударит где-нибудь молния, и пожар...

– Малость дождя не помешала бы, – вздохнул Лютик, подкручивая колки лютни, – потому как воздух такой, что хоть ножом режь... Сорочка липнет к спине, комары жрут... Но, пожалуй, все кончится ничем. Кружила буря, кружила, но теперь уже сверкает где-то на севере. Скорее всего над морем.

– Бьет в Танедд, – сказал низушек. – Самая высокая точка в округе, Тор Лара, прям-таки притягивает молнии. При крепкой буре все выглядит так, будто она полыхает огнем. Аж диво берет, что не разваливается...

– Магия, – убежденно отметил трубадур. – На Танедде все – магическое, даже сама скала. А чародеи молний не боятся. Да что это я! Известно ли тебе, Бернье, что они умеют молнии ловить?

– Да ну тебя! Врешь все, Лютик!

– Чтоб меня гром... – Поэт осекся, тревожно глянул на небо. – Чтоб меня гусь клюнул, ежели лгу. Говорю тебе, Хофмайер, магики ловят молнии. Собственными глазами видел. Старый Горазд, тот, которого позже на Содденском Холме убили, однажды схватил молнию на моих глазах. Взял длиннющий кусок проволоки, один конец прикрепил к вершине своей башни, а другой...

– А другой надо было в бутылку сунуть, – пискнул вдруг бегающий по двору сын Хофмайера, маленький низушек с густой и курчавой словно руно шевелюрой. – В стеклянную бутылку, в какой папка вино гонит. Молния по проволоке в бутылку и шмыгнет...

– А ну домой, Франклин! – рявкнул фермер. – В постель, спать, быстро! Скоро полночь, а завтра с утра за работу! Ох, гляди, поймаю я тебя, ежели будешь во время бури с бутылками и проволокой мудрить. Пуцу ремень в дело! Две недели на заднице не усидишь! Петунья, заberi его отседова. А нам еще пивка принеси!

– Хватит, – гневно бросила Петунья Хофмайер, забирая сына со двора. – И без того вон сколько вылакали.

– Не ворчи. Того и гляди ведьмак вернется. Гостя попотчевать надобно.

– Когда вернется, тогда и принесу. Для него.

– Ну, скупа баба, – буркнул Хофмайер, но так, чтобы жена не услышала. – Прям как свояченица Бибервельтиха из Почечуева Лога. Все до одного там скряга на скряге и скрягой погоняют... А ведьмака что-то долго не видать. Как пошел на пруды, так и пропал. Станный человек. Видел, как вчера вечером на девочек глядел, на Цинию и Тангеринку, когда они во дворе играли? Станные у него были глаза. А теперь... Не могу отделаться от ощущения, что он пошел, чтобы побыть одному. Да и у меня гостит только потому, что моя ферма в стороне, вдали от других. Ты его лучше знаешь, Лютик, скажи...

– Знаю? Его-то? – Поэт прихлопнул комара на шее, потренировал на лютне, всматриваясь в черные силуэты верб над прудом. – Нет, Бернье. Не знаю. Думаю, никто его не знает. Но с ним явно что-то творится. Зачем он сюда приехал, в Хирунд? Чтоб поближе к Танедду? А когда вчера я предложил ему вместе проехаться в Горс Велен, откуда Танедд видно, он тут же отказался. Что его здесь держит? Может, вы сделали какое-нибудь выгодное предложение?

– Где там, – буркнул низушек. – Честно говоря, я вообще не верю, чтобы тут какое-никакое чудовище объявилось. Того паренька, что в пруду утоп, могли спазмы схватить. А все сразу в крик: мол, это дело рук топляка или кикиморы, и, дескать, надобно ведьмака призвать... А уж деньги-то ему такие никчемные пообещали, стыдобища, да и только. А он что? Три ночи по дамбам да прудам лазает, днем или спит, или сидит молча, копна копной, на детишек смотрит, на дом... Странно, я бы сказал – необыкновенно.

– И правильно бы сказал.

Сверкнула молния, осветив двор и постройки фермы. На мгновение глянули белым развалины эльфьего особняка в конце дамбы. Через несколько секунд над садами прокатилась волна грома. Сорвался нежданный ветер, деревья и камыши над прудом зашумели и пригнулись, зеркало воды подернулось рябью и стало матовым, ошетинились вставшие торчком листья кувшинок.

– Все ж таки буря к нам идет, – глянул на небо фермер. – Может, магии чарами отогнали от острова? Их на Танедд съехалось больше двух сотен... Как думаешь, Лютик, о чем они там будут совещаться, на своем Сборе? Выйдет из того что-нибудь путное?

– Для нас? Сомневаюсь. – Трубадур провел большим пальцем по струнам лютни. – Их сборы – обычно показ мод, сплетни, повод для поклепов и внутренних разборок. Споры – распространять магию или, наоборот, предоставить элите. Склоки между теми, кто королям служит, и теми, кто предпочитает на королей давить, но при этом как бы оставаться в тени.

– Ох, – вздохнул Бернье Хофмайер, – что-то мне думается, во время ихнего Сбора будет на Танедде постоянно сверкать и греметь не хуже, чем во время бури.

– Возможно. А нам-то какое дело?

– Тебе – никакого, – грустно проговорил низушек. – Потому как ты только и знаешь, что на лютне брэнчать да песенки распевать. Глядишь на окружающий тебя мир, а видишь одни стихи да ноты. А у нас тут за последнюю неделю конники дважды капусту и репу копытами пропахали. Армия гоняется за «белками», «белки» крутятся и удирают, а и тем, и другим дорога не иначе как через нашу капусту выпадает...

– Не время жалеть капусту, когда лес горит, – проговорил поэт.

– Ты, Лютик, – Бернье Хофмайер искоса глянул на него, – как чего скажешь, так неизвестно, плакать ли, смеяться ли или дать тебе под зад. Я серьезно говорю! И скажу тебе, паршивые времена пришли. На большаках колья, шибеницы, на полянах и по просекам – трупы, мать их. Эти края, пожалуй, так выглядели во времена Фальки. Ну и как тут жить? Днем заявляются люди короля и шумят, что за помощь «белкам» возьмут нас на дыбы. А ночью врываются эльфы, и попробуй откажи им в помощи! Они сразу же весьма поэтично обещают показать нам, как ночь обретает красное обличье. Такие, понимаешь, поэтичные, сукины дети, что выблевать невозможно. Так нас и взяли, как говорится, меж двух жерновов...

– Рассчитываешь на то, что чародейский Сбор что-то изменит?

– Ну да, рассчитываю. Ты сам сказал, что среди магигов два лагеря борются. Прежде уже

бывало, что чародеи королей сдерживали, клали конец войнам и волнениям. Ведь именно магии мир заключили с Нильфгаардом три года тому. Так, может, и теперь...

Бернье Хофмайер замолчал, прислушался. Лютик ладонью приглушил звучащие струны.

Из мрака на дамбе показался медленно бредущий ведьмак. Снова сверкнула молния. Когда загрохотало, ведьмак был уже рядом, во дворе.

– Ну и как, Геральт? – спросил Лютик, чтобы прервать неловкое молчание. – Выследил уродину?

– Нет. Сегодня ночь неподходящая. Непокойная ночь. Непокойная... Устал я, Лютик.

– Сядь передохни.

– Я не о том.

– Верно, – буркнул низушек, глядя в небо и прислушиваясь. – Непокойная ночь, что-то недоброе в воздухе висит... Животные маются в хлеве... А в ветре слышны крики...

– Дикий Гон, – тихо сказал ведьмак. – Замкните как следует ставни, господин Хофмайер.

– Дикий Гон? – изумился Бернье. – Призраки?

– Не бойтесь. Они пройдут высоко. Летом Гон всегда проходит высоко. Гон опасен во время зимней бури, особенно – путникам на перекрестке дорог. Но дети могут проснуться. Гон несет с собой ночные кошмары. Лучше закрыть ставни.

– Дикий Гон, – проговорил Лютик, беспокойно зыркая вверх, – к войне.

– Глупости и преувеличение.

– Нет! Незадолго до нильфгаардского нападения на Цинтру...

– Тише! – Ведьмак жестом прервал его, резко выпрямился, уставившись в темень.

– Что слу...

– Конники.

– Дьявольщина, – прошипел Хофмайер, соскакивая со скамьи. – Ночью могут быть только ская'таэли. Опять капусту...

– Один конь, – прервал его ведьмак, поднимая со скамьи меч. – Один живой конь. Остальные – призраки из Гона... Черт возьми... Невероятно... Летом?

Лютик тоже вскочил, но убежать постыдился, потому что ни Геральт, ни Бернье бежать не собирались. Ведьмак выхватил меч из ножен и бросился в сторону дамбы, низушек, не раздумывая, поспешил за ним, вооружившись вилами. Опять сверкнуло, на дамбе появился мчащийся галопом конь. А за конем следовало нечто неопределенное, нечто сотканное из мрака и отсвета, какой-то клуб, вихрь, мираж. Что-то, вызывающее панический страх, отвращение, ужас, проникающий до мозга костей.

Ведьмак крикнул, поднимая меч. Наездник заметил его, пришпорил коня, оглянулся. Ведьмак крикнул еще раз. Гроыхнул гром.

Сверкнуло, но теперь это была не молния. Лютик повалился на колени рядом со скамьей и подлез бы под нее, не будь скамья слишком низкой. Бернье уронил вилы. Петунья Хофмайер,

выбежавшая из дома, крикнула.

Ослепительный блеск материализовался в прозрачную сферу, внутри которой замаячила фигура, мгновенно обретая контуры и форму. Лютик распознал ее тут же. Он знал эти черные, рассыпавшиеся локоны и обсидиановую звезду на бархотке. Тем, чего он не знал и никогда раньше не видел, было лицо. Лицо Фурии, лицо богини Мести, Гибели и Смерти.

Йеннифэр подняла руки и выкрикнула заклинание, из ее пальцев с шипением вырвались разбрасывающие искры спирали, разрывая ночное небо и тысячами звезд отражаясь в поверхности пруда. Спиральи копьями врезались в преследующий одинокого всадника клуб. Клуб вскипел. Лютику показалось, что он слышит жуткие крики, видит кошмарные силуэты призрачных коней. Это продолжалось доли секунды, потому что клуб вдруг сжался, собрался в шар и взмыл в небо, удлиняясь на ходу и подобно комете волоча за собой хвост. Опустилась тьма, освещаемая только колеблющимся светом фонаря, который держала Петунья Хофмайер.

Наездник осадил коня перед домом, слетел с седла, покачнулся. Лютик сразу же сообразил, кто это. Никогда раньше он не видел этой худенькой пепельноволосой девочки, но узнал ее мгновенно.

– Геральт... – прошептала девочка. – Госпожа Йеннифэр... Простите... Мне надо было. Ты же знаешь...

– Цири, – сказал ведьмак. Йеннифэр сделала шаг к девочке, но тут же остановилась. Молчала.

«К кому она подойдет?» – подумал Лютик. Однако никто из них, ни ведьмак, ни чародейка, не сделал ни шага, ни жеста. «К кому она подойдет прежде? К нему? Или к ней?»

Цири не подошла ни к нему, ни к ней. Не в состоянии выбрать, она просто-напросто упала в обморок.

Дом был пуст, все семейство низушков чуть свет отправилось на работу. Цири притворялась, будто спит, но слышала, как Геральт и Йеннифэр вышли. Она соскользнула с постели, быстро оделась, тихонько выбралась из комнаты и следом за ними пошла в сад.

Геральт и Йеннифэр свернули на дамбу, разделяющую покрытые белыми водяными лилиями и желтыми кувшинками пруды. Спрятавшись за разрушенной стеной, Цири сквозь щель наблюдала за чародейкой и ведьмаком. Девочка думала, что Лютик, известный поэт, стихи которого она читала не раз, еще спит. Она ошибалась. Поэт не спал. И застал ее на месте преступления.

– Эй, – хихикнул он, неожиданно подходя. – Разве хорошо подслушивать и подглядывать? Побольше деликатности, малышка. Позволь им немного побыть одним.

Цири покраснела, но тут же сжала губы и гордо проговорила:

– Во-первых, я не малышка. А во-вторых, мне кажется, я им не мешаю, а?

Лютик немного посерьезнел.

– Пожалуй, верно. Мне даже кажется, помогаешь.

– Я? Чем?

– Не прикидывайся. Вчера все было разыграно очень хитро. Но меня не проведешь. Ты изобразила обморок. Да?

– Да, – отвела глаза Цири. – Госпожа Йеннифэр сразу разгадала, а Геральт – нет...

– Они вдвоем отнесли тебя в дом. Их руки соприкасались. Они сидели у твоей постели почти до утра, не произнеся ни слова. Только теперь решились поговорить. Здесь, на дамбе, у прудов. А ты решила подслушать, о чем они говорят... И подглядеть за ними через пролом в стене. Тебе до зарезу надо знать, что они там делают?

– Они там ничего не делают. – Цири слегка зарумянилась. – Беседуют, вот и все.

– А ты... – Лютик присел на траву под яблоней и оперся спиной о ствол, предварительно убедившись, что там нет ни муравьев, ни гусениц. – Тебе до смерти хочется знать, о чем беседуют, да?

– Да... Нет! А впрочем... Впрочем, я все равно ничего не слышу. Слишком далеко.

– Если хочешь, – засмеялся бард, – я тебе скажу.

– А ты-то откуда можешь знать?

– Ха-ха! Я, милая Цири, поэт. Поэты о таких вещах знают все. Поверь, поэты о таком знают больше, чем сами собеседники. Если их можно так называть.

– Как же!

– Слово даю! Слово поэта.

– Да? Ну тогда... Тогда скажи, о чем они разговаривают? Объясни, что все это значит!

– Взгляни еще раз в пролом и посмотри, что они делают.

– Хм-м-м... – Цири закусила верхнюю губу, потом наклонилась к отверстию. – Госпожа Йеннифэр стоит у вербы... Обрывает листики и даже не смотрит на Геральта... А Геральт, опустив голову, стоит рядом. И что-то говорит. Нет, молчит. Ой, ну и рожица у него... Ну и странная же...

– Все по-детски просто. – Лютик отыскал в траве яблоко, вытер о брюки и критически осмотрел. – Сейчас он просит простить ему всякие глупые слова и поступки. Просит простить за нетерпение, за недостаток веры и надежды, за упрямство, за ожесточение. За капризы и позы, недостойные мужчины. Просит простить за то, что когда-то не понимал, за то, что не хотел понять...

– Все это неправдивая неправда! – Цири выпрямилась и резким движением откинула челку со лба. – Все ты выдумал!

– Просит простить за то, что понял лишь теперь, – продолжал Лютик, уставившись в небо, а в его голосе послышались ритмы, свойственные балладам. – Что хочет понять, но боится: а вдруг да не успеет... И может даже быть, что не поймет уже. Извиняется и просит прощения... Прощения... Хм... Значения... Сомнения... Предназначения. Все банально, холера...

– Неправда! – топнула ногой Цири. – Геральт вовсе так не говорит. Он... он вообще молчит. Я же видела. Он стоит там с ней и молчит...

– В том-то и состоит роль поэзии, Цири. Говорить о том, о чем другие молчат.

– Дурацкая она, твоя роль. Все ты выдумываешь!

– И в этом тоже состоит роль поэзии. Ой, я слышу у пруда возбужденные голоса. А ну

выгляни быстренько, взгляни, что там делается.

– Геральт, – Цири снова заглянула в щель, – стоит опустив голову. А Йеннифэр страшно кричит на него. Кричит и размахивает руками. Ой-ей... Что бы это значило?

– Детский вопрос. – Лютик снова глянул на плывущие по небу облака. – Теперь она просит у него прощения.

Глава третья

Сим беру тебя, дабы владеть тобой и оберегать тебя, беру на долю хорошую и долю плохую, долю самую лучшую и долю самую худшую, днем и ночью, в болезни и здоровье, ибо люблю тебя всем сердцем своим и клянусь любить вечно, пока смерть не разлучит нас. Старинная венчальная формула

О любви мы знаем немного. Любовь – что груша. Она сладкая и имеет определенную форму. Но попробуйте дать определение формы груши! Лютик. Полвека поэзии

У Геральта были основания подозревать – и он действительно подозревал, – что банкеты чародеев отличаются от пиров и торжественных обедов простых смертных. Однако что различие окажется столь велико и принципиально – он не ожидал.

Предложение Йеннифэр сопровождать ее на предваряющем чародейский Сбор банкете оказалось для него неожиданным, но не ошарашило. Это было не первое предложение такого рода. Уже раньше, когда они жили вместе и их отношения складывались прекрасно, Йеннифэр хотелось присутствовать на сборах и дружеских пирушках в его обществе. Однако он решительно отказывался, полагая, что в компании чародеев в лучшем случае окажется диковинкой и сенсацией, а в худшем – нежелательным пришельцем и парией. Йеннифэр смеялась над его опасениями, но не настаивала. А поскольку в иных ситуациях она умела настаивать так, что весь дом сотрясаясь и сыпалось стекло, постольку Геральт утвердился в мнении, что его решения были правильными.

На этот раз он согласился. Не раздумывая. Предложение последовало после долгого, откровенного и эмоционального разговора. Разговора, который сблизил их вновь, отодвинул в тень и забытые давние конфликты, растопил лед обиды, гордыни и ожесточения. После разговора на дамбе в Хирунде Геральт согласился бы на любое, абсолютно любое предложение Йеннифэр. Не отказался бы даже от совместного посещения ада ради того, чтобы хлебнуть чашечку кипящей смолы в компании огненных демонов.

И еще была Цири, без которой ни этого разговора, ни этой встречи не было бы, Цири, которой, если верить Кодрингеру, интересовался какой-то чародей. Геральт рассчитывал на то, что его присутствие на Сборе спровоцирует чародея и заставит того действовать. Но Йеннифэр он не сказал об этом ни слова.

Из Хирунда он, она, Цири и Лютик поехали прямо на Танедд. Для начала остановились в огромном комплексе дворца Локсия, разместившемся у юго-восточного подножия горы. Дворец уже кишмя кишел гостями Сбора и сопровождающими их лицами, но для Йеннифэр сразу же нашлись покои. В Локсии они провели целый день. Весь этот день Геральт разговаривал с Цири, Лютик бегал, собирал и распространял слухи и сплетни, чародейка

выбирала и примеривала наряды. А когда наступил вечер, ведьмак с Йеннифэр присоединились к многоцветной процессии, направлявшейся в Аретузу – дворец, в котором предстояло иметь место банкету. И теперь, в Аретузе, Геральт удивлялся и изумлялся, хоть и дал себе слово ничему не удивляться и не изумляться.

Огромная центральная зала дворца имела форму буквы «Т». Длинное плечо освещали окна, узкие и невероятно высокие, достигающие чуть ли не до поддерживаемого колоннами свода. Свод тоже был высокий. Такой высокий, что трудно было разглядеть детали украшающих его фресок, на которых основным мотивом было многократно повторенное изображение пяти обнаженных фигур. Оконные проемы были забраны чертовски дорогими витражами, и все же в зале явно ощущались сквозняки. Геральта удивляло, что свечи при этом не гаснут, но, присмотревшись внимательнее, он удивляться перестал. Канделябры были магические, а возможно, даже иллюзорные. Во всяком случае, света они давали много, несравненно больше, чем обычные свечи.

Когда они вошли, в зале уже находилось не меньше сотни людей. Зала, по оценке ведьмака, могла вместить как минимум в три раза больше, даже если посередине, как того требовала традиция, поставить столы подковой. Но традиционной подковы не оказалось. Похоже было на то, что пировать собрались стоя, прохаживаясь вдоль стен, украшенных гобеленами, гирляндами и колеблющимися на сквозняке знаменами. Под гобеленами и гирляндами стояли ряды длинных столов. На столах теснились замысловатые блюда среди замысловатых цветных композиций из замысловатых ледяных фигур. Вглядевшись внимательнее, Геральт констатировал, что замысловатости было значительно, то есть значительно больше, чем еды.

– Есть нечего, – грустно отметил он, разглаживая на себе короткий, черный, расшитый серебром и перехваченный в талии камзол, в который вырядила его Йеннифэр. Такой камзол – последний писк моды – почему-то называли дублетом. Откуда взялось такое название, ведьмак понятия не имел. И иметь не хотел. Йеннифэр на его замечание не отреагировала. Впрочем, Геральт и не ожидал реакции, хорошо зная, что чародейка не привыкла реагировать на подобные замечания. Но не отчаялся. Продолжал брюзжать. Просто ему хотелось побрюзжать.

– Музыки нет. Дует черт-те как. Присесть негде. Что, есть и пить будем стоя?

Чародейка одарила его волооким фиалковым взглядом и сказала неожиданно спокойно:

– Именно. Будем есть стоя. Кстати, тебе следует знать, что долго задерживаться у стола с блюдами бестактно.

– Постараюсь быть тактичным, – буркнул он. – Тем более что и задерживаться-то, похоже, негде.

– Пить большими глотками – очень бестактно, – продолжала поучать Йеннифэр, не обращая внимания на его ворчание. – Избегать беседы непростительно бестактно...

– А то, – прервал он, – что вон тот тощага в кретинских штанах указывает на меня пальцем двум своим подружкам, тоже бестактно?

– Да. Но не очень.

– Что будем делать, Йен?

– Фланировать по залу, здороваться, раздавать комплименты, беседовать... Перестань разглаживать дублет и поправлять волосы...

– Ты не разрешила мне надеть повязку...

– Твоя повязка слишком претенциозна. Ну, возьми меня под руку и пошли. Торчать вблизи входа – бестактно.

Они кружили по зале, постепенно наполняющейся гостями. Геральту зверски хотелось есть, но вскоре он понял, что Йеннифэр не шутила. Было видно, что обязывающий чародеев этикет и впрямь предполагает, что есть и пить надо мало и как бы с неохотой. Вдобавок ко всему каждая остановка у столика с яствами влекла за собой исполнение неких общественных обязанностей. Кто-то кого-то замечал, проявлял радость по сему случаю, подходил и приветствовал столь же многословно, сколь и фальшиво. После обязательной имитации взаимоцелования в щечку или до неприятности деликатного рукопожатия, неискренних улыбок и еще менее искренних, хоть и недурно замаскированных комплиментов следовала краткая и тоскливо банальная беседа ни о чем.

Ведьмак внимательно осматривался, пытаясь отыскать знакомые лица в надежде, что он тут все же не единственный, кто допущен к общению с чародейской братией. Йеннифэр заверяла его, что он, конечно же, не единственный, но что-то он не видел никого, кто не входил бы в Братство, а может, просто не мог никого узнать.

Пажи разносили на подносах вино, лавируя среди гостей. Йеннифэр не пила вообще. Ведьмак хотел, но не мог.

Ловко работая плечом, чародейка оттеснила его от стола и вывела в самый центр залы, в самый фокус всеобщего интереса. Сопротивление не помогло. Он понимал, в чем дело. Это была самая банальнейшая демонстрация.

Геральт знал, чего может ожидать, поэтому со стоическим спокойствием сносил полные нездорового любопытства взгляды чародеек и загадочные ухмылки чародеев. Хоть Йеннифэр и уверяла его, что правила хорошего тона и такта запрещают пользоваться на таких мероприятиях магией, он не верил, чтобы магики сумели удержаться, тем более что Йеннифэр провокационно выставляла его на всеобщее обозрение. И был прав. Несколько раз он почувствовал дрожание медальона и уколы чародейских импульсов. Некоторые мужчины, не говоря уже о дамах, пытались бесцеремонно читать его мысли. Он был к этому готов, знал, в чем дело, и знал, как реагировать. Глядел на идущую с ним под руку Йеннифэр, на бело-черно-бриллиантовую Йеннифэр с волосами цвета воронова крыла и фиалковыми глазами, а зондирующие его чародеи конфузились, смущались и, к его величайшему удовлетворению, явно теряли самоуверенность. Да, мысленно отвечал он им, да, вы не ошибаетесь. Существует только она. Она, рядом со мной, здесь и сейчас, и только это имеет значение. Здесь и сейчас. А кем она была раньше, где была раньше и с кем была раньше – ничего, абсолютно ничего не значит. Сейчас она со мной, здесь, среди вас. Со мной и ни с кем другим. Именно так я думаю, думаю постоянно о ней, неустанно думаю о ней, чувствую аромат ее духов, тепло ее тела. А вы хоть подавитесь от зависти.

Чародейка крепко сжала ему руку, прильнула к нему.

– Благодарю, – мурлыкнула она, снова направляясь к столам. – Но, пожалуйста, без чрезмерной демонстративности.

– А что, вы, чародеи, всегда принимаете искренность за демонстративность? Не потому ли, что не верите в искренность даже тогда, когда вычитаете ее в чужих мыслях?

– Да. Поэтому.

– И все-таки ты меня благодаришь?

– Потому что тебе верю. – Она еще сильнее сжала ему руку, потянулась к блюду. – Положи мне немного лосося, ведьмак. И крабов.

– Это крабы из Повисса. Их выловили месяц назад, не иначе. А стоит жара. Не боишься...

– Эти крабы, – прервала она, – еще сегодня ползали по морскому дну. Телепортация – чудесное изобретение.

– Верно, – согласился он. – Неплохо бы его распространить, не думаешь?

– Мы над этим работаем. Накладывай, накладывай, есть хочу.

– Я люблю тебя, Йен.

– Я же просила, без демонстративности... – Она осеклась, вскинула голову, отбросила со щеки черные локоны, широко раскрыла фиалковые глаза. – Геральт! Ты впервые признался мне в этом!

– Невероятно. Издеваешься!

– Ничего подобного. Раньше ты только думал, сегодня сказал.

– Неужто такая уж разница?

– Огромная.

– Йен...

– Не разговаривай с набитым ртом. Я тоже тебя люблю. Разве не говорила? О боги, ты же задохнешься! Подними руки, я постучу тебя по спине. Дыши глубже.

– Йен...

– Дыши, дыши, сейчас пройдет.

– Йен!

– Да. Откровенность за откровенность.

– Ты не заболела?

– Я ждала. – Она выжала на лосося лимон. – Не могла же я реагировать на признания, которые делают мысленно! Дождалась слов, смогла ответить, вот и отвечаю. Я чувствую себя изумительно.

– Что случилось?

– Расскажу позже. Ешь. Лосось прекрасный, клянусь Силой, он действительно прекрасный.

– Можно тебя поцеловать? Сейчас, здесь, при всех?

– Нет.

– Йеннифэр! – Проходящая мимо темноволосая чародейка высвободила руку из-под локтя сопровождающего ее мужчины, подошла. – Все-таки приехала? Это чудесно! Я не видела тебя тысячу лет!

– Сабрина! – Йеннифэр обрадовалась так искренне, что любой, кроме Геральта, позволил бы себя обмануть. – Дорогая! Какая радость!

Чародейки осторожно обнялись и взаимно расцеловали друг другу воздух около ушей и бриллиантово-ониксовых сережек. Сережки обеих чародеек, напоминающие миниатюрные кисти винограда, были одинаковые – в воздухе незамедлительно запахло дикой враждой.

– Геральт, позволь представить – моя школьная подружка, Сабрина Глевиссиг из Ард Каррайга.

Ведьмак поклонился, чмокнул высоко поданную руку. Он уже успел сообразить, что все чародейки при встрече ожидали целования руки. Это как бы уравнивало их по меньшей мере с княжнами. Сабрина Глевиссиг подняла голову, ее серьги дрогнули и зазвенели. Тихонько, но демонстративно и нахально.

– Я так хотела с тобой познакомиться, Геральт, – улыбнулась она. Как все чародейки, она не признавала «господ», «милостивых государей», даже в сокращенной до «милсдаря» форме, или иных, обязательных у знати форм. – Рада, страшно рада. Наконец-то ты, Йен, перестала скрывать его от нас. Откровенно говоря, странно, что так долго тянула. Абсолютно нечего стыдиться.

– Я тоже так думаю, – не замедлила ответить Йеннифэр, слегка прищулив глаза и демонстративно отбрасывая волосы с собственных серег. – Прелестная блузка, Сабрина. Просто дух захватывает. Правда, Геральт?

Ведьмак кивнул, сглотнул. Блузка Сабрины Глевиссиг, сшитая из черного шифона, являла миру абсолютно все, что можно было являть, а являть было что. Карминовая юбка, стянутая серебряным пояском с огромной пряжкой в форме розы, была на боку разрезана в соответствии с последней модой. Однако мода требовала носить юбки с разрезом до половины ляжки, а Сабрина сделала разрез до половины бедра. Очень привлекательного бедра.

– Что нового в Каэдвене? – спросила Йеннифэр, прикидываясь, будто не видит, куда смотрит Геральт. – Твой король Хенсельт по-прежнему растрчивает силы и средства на ловлю «белок» по лесам? И все еще мечтает о карательной экспедиции против эльфов в Доли Блатанна?

– Оставим в покое политику, – улыбнулась Сабрина. Немного длинноватый нос и хищные глаза делали ее похожей на классическое изображение ведьм. – Завтра на Совете наедемся этой политики по горлышко. И слушаемся разных... моралей. О необходимости мирного сосуществования... О дружбе... О надобности согласованной позиции в отношении планов и намерений наших королей... Чего еще слушаемся, Йеннифэр? Что еще готовят нам на утро Капитул и Вильгефорц?

– Оставим в покое политику.

Сабрина Глевиссиг серебристо рассмеялась под аккомпанемент тихого позвякивания сережек.

– Верно. Подождем до завтра. Завтра... Завтра все выяснится. Ах, эта политика, эти бесконечные совещания... Как же скверно они отражаются на коже! К счастью, у меня есть прекрасный крем, поверь, дорогая, морщинки исчезают как сон золотой... Дать тебе рецепт?

– Спасибо, милая, но мне не нужно. Поверь.

– Знаю, знаю. В школе я всегда завидовала твоей коже. Господи, сколько лет-то прошло?

Йеннифэр сделала вид, будто кланяется кому-то из проходящих. Сабрина же улыбнулась ведьмаку и максимально выпятила то, чего не скрывал черный шифон. Геральт снова

сглотнул, стараясь не глядеть чересчур нахально на ее розовые соски, слишком явно просматривающиеся под прозрачной тканью. Робко взглянул на Йеннифэр. Чародейка улыбнулась, но он знал ее достаточно хорошо. Она была в ярости.

– Ах, – сказала она вдруг. – Я вижу там Филиппу, мне обязательно надо с ней поговорить. Позволь, Геральт. Прости, Сабрина.

– Ну, ну... – Сабрина Глевиссиг заглянула ведьмаку в глаза. – А вкус у тебя... вполне... вполне.

– Благодарю. – Голос Йеннифэр был подозрительно холоден. – Спасибо, дорогая.

Филиппа Эйльхарт пребывала в обществе Дийкстры. Геральт, у которого когда-то случилась мимолетная встреча с реданским шпионом, в принципе должен был бы обрадоваться: наконец он напал на мало-мальски знакомого человека, который, как и он, не входил в Братство. Но он не обрадовался.

– Рада тебя видеть, Йенна. – Филиппа поцеловала воздух рядом с сережкой Йеннифэр. – Привет, Геральт. Оба вы знаете графа Дийкстру, не правда ли?

– Кто его не знает. – Йеннифэр наклонила голову и подала Дийкстре руку для поцелуя. – Рада вновь видеть вас, граф.

– Безмерно рад, – заверил шеф тайных служб короля Визимира, – вновь видеть тебя, Йеннифэр. Тем более в столь милом обществе. Господин Геральт, примите уверения в моем безмерном к вам почтении...

Геральт воздержался от заверений в том, что его почтение еще безмернее, пожал поданную руку, вернее, попытался это сделать, потому что размеры длани Дийкстры существенно превышали норму и делали рукопожатие практически невозможным. Гигантских габаритов шпион одет был в светло-бежевый дублет, весьма неформально расстегнутый. Было видно, что граф чувствует себя в нем свободно.

– Мне показалось, – бросила Филиппа, – вы беседовали с Сабриной?

– Беседовали, – фыркнула Йеннифэр. – Ты видела, что на ней? Надо не иметь ни вкуса, ни совести, чтобы... Она, язви ее, старше меня на... А, бог с ней. Хоть было бы что показывать! Отвратная обезьяна!

– Она пыталась вас выпотрошить? Всем известно, что она шпионит в пользу Хенсельта из Каэдвена.

– Серьезно? – Йеннифэр изобразила изумление, что справедливо было воспринято как превосходная шутка.

– А вы, милсдарь граф, хорошо себя чувствуете на нашем празднике? – спросила Йеннифэр, когда Филиппа и Дийкстра уже отсмеялись.

– Превосходно. – Шпион короля Визимира галантно поклонился.

– Если учесть, – улыбнулась Филиппа, – что граф здесь по службе, то такое заверение весьма лестно для нас. И как всякая лесть, малоискренне. Всего минуту назад он признался мне, что предпочел бы милый семейный полумрак, аромат чуть чадающего факела и слегка подгоревшего на вертеле мяса. Недостает ему также традиционного, залитого соусом и пивом стола, по которому он мог бы стучать кулаком в такт хамским пьяным песням и под который мог бы под утро изящно свалиться, чтобы уснуть среди обгладывающих кости гончих. А к моим аргументам, иллюстрирующим преимущества нашего способа увеселения,

он остался, представь себе, глух.

– Серьезно? – Ведьмак взглянул на шпиона дружелюбнее. – И какие же это были аргументы, позвольте узнать?

На сей раз в качестве изысканной шутки был воспринят его вопрос, и обе чародейки рассмеялись одновременно.

– Ах, мужчины, мужчины, – сказала Филиппа. – Ничего-то вы не понимаете. Разве в полумраке и дыме, сидя за столом, можно щегольнуть платьем и фигурой?

Геральт, не найдя ответа, только поклонился. Йеннифэр незаметно пожала ему руку.

– Ах, я вижу там Трисс Меригольд. Мне обязательно надо с ней поговорить... Простите, я вас покину. Встретимся позже, Филиппа. Мы наверняка еще найдем сегодня случай поболтать. Не правда ли, граф?

– Несомненно. – Дийкстра улыбнулся и низко поклонился. – Всегда к твоим услугам, Йеннифэр. По первому зову.

Они подошли к Трисс, переливающейся бесчисленными оттенками голубого и салатного. Увидев их, Трисс прервала беседу с двумя чародеями, радостно засмеялась, обняла Йеннифэр, ритуал целования воздуха около ушей повторился. Геральт взял поданную ему руку, но решил поступить вопреки церемониалу – обнял рыжеволосую чародейку и поцеловал в мягкую, как персик покрытую пушком щеку. Трисс слегка зарумянилась.

Чародеи представились. Первый назвался Дрительмом из Понт Ваниса, второй – его братом Детмольдом. Оба служили королю Эстераду из Ковира. Оба оказались неразговорчивыми, оба отошли при первой же возможности.

– Вы беседовали с Филиппой и Дийкстрой из Третогора, – заметила Трисс, поигрывая висящим на шее, оправленным в серебро и бриллиантики сердечком из ляпис-лазури. – Конечно, знаете, кто такой Дийкстра.

– Знаем, – сказала Йеннифэр. – Он с тобой говорил? Пытался выпрашивать?

– Пытался. – Чародейка многозначительно улыбнулась и засмеялась. – Довольно осторожно. Но Филиппа мешала ему, как могла. А я-то думала, у них отношения получше.

– У них прекрасные отношения, – серьезно предупредила Йеннифэр. – Будь внимательна, Трисс. Не пикни ему ни словечка о... Знаешь, о ком.

– Знаю. Кстати... – Трисс понизила голос. – Что у нее слышно? Увидеть можно будет?

– Если ты наконец решишься сесть за парту в Аретузе, – усмехнулась Йеннифэр, – сможете встречаться очень часто.

– Ах, так. – Трисс широко раскрыла глаза. – Понимаю. А что, Цири...

– Тише, Трисс. Поговорим позже. Завтра. После совещания.

– Завтра? – странно улыбнулась Трисс.

Йеннифэр насупилась, но прежде чем успела что-то спросить, в зале возникло легкое движение.

– Пришли. Наконец-то. – Трисс закашлялась.

– Да, – подтвердила Йеннифэр, отрывая глаза от лица подруги. – Пришли. Геральт, теперь ты сможешь познакомиться с членами Капитула и Высшего Совета. Если удастся, представлю тебя, но не помешает знать заранее, кто есть кто.

Собравшиеся чародеи расступились, почтительно кланяясь входящим в залу персонам. Первым следовал немолодой, но крепкий мужчина в очень скромной шерстяной одежде. Рядом с ним шествовала высокая женщина с резкими чертами лица и темными, гладко зачесанными волосами.

– Герхард из Аэлле, известный под именем Хен Гедымгейт, самый старший из здравствующих ныне чародеев, – вполголоса сказала Йеннифэр. – Женщина рядом с ним – Тиссая де Врие. Она лишь немного моложе Хена, но активно применяет эликсиры.

За первой парой шла видная женщина с очень длинными темно-золотыми волосами, шелестя украшенным кружевами платьем цвета резеды.

– Франческа Финдабаир, именуемая Энид ан Глеанной, Маргариткой из Долин. Не таращись, ведьмак. Ее считают самой прелестной женщиной мира.

– Она член Капитула? – шепнул ведьмак. – Кажется очень юной. Тоже магические эликсиры?

– Не в ее случае. Франческа – эльфка чистых кровей. Обрати внимание на сопровождающего ее мужчину. Это Вильгефорц из Роггевеена. Вот он действительно молод. Но невероятно талантлив.

Определение «молод», как знал Геральт, охватывало у чародеев возраст до ста лет включительно. Вильгефорц выглядел на тридцать пять, был высок и прекрасно сложен, носил короткий камзол по рыцарской моде, но, разумеется, без герба. И смотрелся весьма пристойно. Это бросалось в глаза, несмотря на то, что рядом с ним плыла вся такая воздушная Франческа Финдабаир с огромными глазами лани и прямо-таки сказочно красивая.

– Вон тот невысокий мужчина рядом с Вильгефорцем – Артауд Терранова, – пояснила Трисс Меригольд. – Впятером они образуют Капитул...

– А девушка со странным лицом, которая идет за Вильгефорцем?

– Его ассистентка, Лидия ван Бредевоорт, – холодно сказала Йеннифэр. – Ничего не значащая особа, но всматриваться в ее лицо – грубейшая бестактность. Лучше обрати внимание на тех трех, что идут позади, это члены Совета. Феркарт из Цидариса, Радклифф из Оксенфурта и Кардуин из Лан Экстера.

– И это весь Совет? Полный состав? Я думал, их больше.

– В Капитуле пять членов, в Совете еще пять. Филиппа Эйльхарт тоже числится в Совете.

– По-прежнему не сходится, – покрутил он головой, а Трисс захохотала.

– Ты ему не сказала? Ты действительно ничего не знаешь, Геральт?

– О чем?

– Ведь Йеннифэр тоже член Совета. Со времен битвы под Содденом. Ты еще не похвасталась, дорогая?

– Нет, дорогая. – Чародейка взглянула подруге прямо в глаза. – Во-первых, я не люблю хвастаться. Во-вторых, на это не было времени. Я не видела Геральта очень давно, у нас

масса хвостов. Набрался длинный список. Мы отщелкиваем их в соответствии с этим списком.

– Конечно... – неуверенно проговорила Трисс. – Хм-м-м... После такого долгого перерыва... Понимаю. Есть о чем поговорить...

– Разговоры, – двусмысленно улыбнулась Йеннифэр, одаряя ведьмака очередным томным взглядом, – числятся в конце списка. В самом конце, Трисс.

Золотоволосая чародейка явно смутилась, слегка покраснела.

– Конечно, – повторила она, играя сердечком из ляпис-лазури. – Понимаю.

– Приятно слышать. Геральт, принеси нам вина. Нет-нет, не от этого пажа. От того, который подальше.

Геральт так и поступил, четко уловив приказ в ее голосе. Беря фужеры с подноса, который нес паж, он незаметно наблюдал за обеими чародейками. Йеннифэр говорила быстро и тихо, Трисс Меригольд слушала, опустив голову. Когда он вернулся, Трисс уже не было. Йеннифэр не проявила никакого интереса к принесенному вину, поэтому он оставил два ненужных уже фужера на стол и холодно спросил:

– Надеюсь, ты не пересолила?

Глаза Йеннифэр полыхнули фиолетом.

– Не пытайся сделать из меня идиотку. Думал, я не знаю о ней и тебе?

– Если в этом дело...

– Именно в этом, – обрезала она. – Не делай глупых мин и удержись от комментариев. А прежде всего не пытайся лгать. Я знаю Трисс дольше, чем тебя, мы любим друг друга, прекрасно понимаем и будем понимать независимо от разных мелких... инцидентов. А сейчас мне показалось, что у нее возникли на этот счет некоторые сомнения. Я развеяла их, вот и все. Не будем возвращаться к этому.

Он и не собирался. Йеннифэр сдула локон со щеки.

– А теперь я ненадолго оставлю тебя: надо поговорить с Тиссаей и Францеской. Перекуси что-нибудь, у тебя в животе урчит. И будь внимателен. Несколько человек наверняка тебя зацепят. Не дай себя съесть с потрохами и не попорти мне репутации.

– Будь спокойна.

– Геральт?

– Да?

– Недавно ты выразил желание поцеловать меня здесь, при всех. Желание все еще в силе?

– И более того...

– Постарайся не размазать помаду.

Он краешком глаза зыркнул на собравшихся. Все наблюдали за поцелуем, но ненахально. Филиппа Эйльхарт, стоявшая неподалеку с группой молодых чародеев, подмигнула ему и сделала вид, что аплодирует.

Йеннифэр оторвала губы, вздохнула глубоко.

– Пустячок, а приятно, – проворчала она. – Ну иди. Я скоро вернусь. А потом, после банкета... Хм...

– Ну?

– Не ешь ничего с чесноком. Пожалуйста.

Когда она отошла, ведьмак, махнув рукой на церемонии, расстегнул дублет, выпил оба фужера и попытался всерьез заняться едой. Ничего из этого не получилось.

– Геральт?

– Господин граф?

– Давай без титулов, – поморщился Дийкстра. – Никакой я не граф. Визимир велел меня так титуловать, чтобы не раздражать дворян и магигов моей хамской родословной. Ну как у тебя идет демонстрация платья и фигуры? И показуха, будто ты от души веселишься?

– Мне незачем прикидываться. Я здесь, как говорится, не при исполнении.

– Интересно, – усмехнулся шпион. – Это еще раз подтверждает всеобщее мнение о тебе как о неповторимом и единственном в своем роде. Потому что все остальные здесь, как ты выразился, при исполнении.

– Этого-то я и опасался. – Геральт тоже счел нужным улыбнуться. – Чувствовал, что буду здесь неповторимым и единственным в своем роде. То есть не на месте.

Шпион исследовал ближайшие тарелки, с одной поднял и сунул в рот большой зеленый стручок неведомого Геральту растения.

– Пользуясь случаем, – сказал он, – благодарю за братьев Мишеле. Многие в Редании облегченно вздохнули после того, как ты зарубил всех четверых в оксенфуртском порту. Я смеялся до колик, когда вызванный на экспертизу университетский медик, осмотрев раны, авторитетно заявил, что кто-то использовал косу, насаженную торчком.

Геральт смолчал. Дийкстра взял второй стручок.

– Жаль, – продолжал он, с хрустом прожевывая стручок, – что, укокошив их, ты не обратился к ипату. Была назначена награда за живых или мертвых. Немалая.

– Слишком много хлопот с налоговой декларацией. – Ведьмак тоже решил попробовать зеленый стручок, который на вкус оказался вроде намыленного сельдерея. – Кроме того, мне надо было срочно выехать, потому как... Но тебе со мной, вероятно, скучно, Дийкстра, ты и так все знаешь.

– Где уж там, – усмехнулся шпик. – Всего не знаю. Да и откуда бы?

– Из сообщения Филиппы Эйльхарт, например.

– Сообщения, рассказы, сплетни... Приходится их выслушивать, такова моя профессия. Но моя профессия заставляет меня просеивать их через очень густое сито. Представь себе, недавно дошли до меня слухи, будто кто-то замочил знаменитого Профессора и двух его дружков. Случилось это у постоянного двора в Анхоре. Тот, кто это сделал, не очень-то спешил за наградой.

Геральт пожал плечами.

– Сплетни. Просей их через густое сито, посмотрим, что останется.

– Зачем? Я знаю, что останется. Обычно это бывает попытка сознательной дезинформации. Да, коли уж мы заговорили о дезинформации, как там чувствует себя малышка Цирилла? Нежная, болезненная девчушка, столь восприимчивая к дифтериту? Здорова ли?

– Остановись, Дийкстра, – холодно ответил ведьмак, глядя прямо в глаза шпиону. – Знаю, ты здесь по долгу службы, но не усердствуй чрезмерно.

Шпик захохотал. Две проходящие мимо чародейки удивленно и с любопытством взглянули на них.

– Король Визимир, – сказал Дийкстра, перестав хохотать, – платит мне повышенные премиальные за каждую раскрытую тайну. Чрезмерное усердие обеспечивает моей семье приличную жизнь. Ты успеешь, но у меня есть жена и дети.

– Не вижу в этом ничего смешного. Продолжай зарабатывать на жизнь жене и детям, но, пожалуйста, не за мой счет. В этой зале, сдается, нет недостатка в секретах и загадках.

– Вот именно. Вся Аретуза – одна сплошная загадка. Думаю, ты заметил? Что-то тут висит в воздухе, Геральт. Чтобы было ясно: речь не о канделябрах.

– Не понимаю.

– Верю. Потому как и я не понимаю. А очень бы хотел понять. А ты б не хотел? Ах, прости. Ты тут и так, вероятнее всего, все знаешь? Через Йеннифэр из Венгерберга. Например. Подумать только, были времена, когда и мне доводилось узнавать то да се от прелестной Йеннифэр. Ах, где они, прошлогодние снега?

– Я и верно не понимаю, о чем ты, Дийкстра. Ты не мог бы выражаться пояснее? Попытайся. При условии, что это не будет в порядке служебного долга. Прости, но я не собираюсь работать на твои повышенные премиальные.

– Думаешь, я пытаюсь незаметно выпросить тебя? – скривился шпион. – Хитростью вытянуть информацию? Обижаешь, Геральт. Мне попросту интересно, замечаешь ли ты в этой зале те же закономерности, которые бросаются в глаза мне.

– И что же такое тебе бросается?

– Тебя не удивляет полное отсутствие коронованных особ?

– Нисколько. – Геральту наконец удалось заостренной палочкой подцепить маринованную оливку. – Вероятно, коронованные особы предпочитают традиционные пиры за столом, под который под утро можно изящно свалиться. Кроме того...

– Что кроме того? – Дийкстра положил в рот сразу четыре оливки, которые, не смущаясь, извлек из соусницы пальцами.

– Кроме того, – ведьмак взглянул на прохаживающиеся по зале группки, – королям не хотелось утруждать себя. Взамен они прислали армию шпионов. Из чародейской братии и вне ее. Наверное, для того, чтобы те вынюхивали, что тут висит в воздухе.

Дийкстра выплюнул на стол косточки оливок, снял с серебряной подставочки длинную вилку и начал копать ею в глубокой хрустальной салатнице.

– А Вильгефорц, – сказал он, не прекращая своего занятия, – побеспокоился о том, чтобы не было недостатка в шпионах. Получил всех королевских нюхачей в одном котле. Зачем

Вильгефорцу все королевские шпики в одном котле, ведьмак?

– Понятия не имею. И меня это мало интересует. Я же сказал: я здесь в частном порядке. Я тут – как бы это сказать? – не в котле.

Шпион короля Визимира выловил из салатницы маленькую осьминожку и с отвращением осмотрел ее.

– И они это едят, – сокрушенно покачал он головой с притворным сочувствием, потом повернулся к Геральту: – Слушай внимательно, ведьмак. Твоя уверенность в том, что ты присутствуешь здесь как частное лицо, убеждение в том, что все тут происходящее тебя не касается и касаться не может, возбуждают меня и вызывают желание рискнуть. Как у тебя с этим делом? С азартом то есть?

– Если можно, пояснее, пожалуйста.

– Предлагаю пари. – Дийкстра поднял вилку с насаженным на нее головоногим. – Я утверждаю, что не пройдет и часа, как Вильгефорц заведет с тобой долгий разговор. Утверждаю, что во время этого разговора он докажет тебе, что ты вовсе не частное лицо, а сидишь в его котле. Если я ошибусь, то у тебя на глазах съем это дерьмо вместе со щупальцами и всем содержимым. Принимаешь пари?

– А что должен буду съесть я, если проиграю?

– А ничего. – Дийкстра быстро осмотрелся. – Если проиграешь, изложишь мне содержание вашей беседы.

Ведьмак некоторое время молчал, спокойно глядя на шпиона, наконец сказал:

– До встречи, граф. Приятно было побеседовать. Поучительно.

Дийкстру передернуло.

– Даже так...

– Даже так, – перебил Геральт. – До встречи.

Шпион пожал плечами, бросил осьминога в салатницу вместе с вилкой, повернулся и отошел. Геральт, не глядя ему вслед, медленно направился к другому столу, где на серебряной патере вздымалась горка огромных бело-розовых креветок в обрамлении листиков салата и четвертушек лимона. Аппетит на креветки был велик, но, чувствуя на себе любопытные взгляды, он хотел полакомиться ракообразными элегантно, блюдя ритуал. Он нарочито медленно, сдержанно и с достоинством отведывал закуски с других блюд.

У соседнего стола стояла Сабрина Глевиссиг, погруженная в беседу с неизвестной ему огненно-рыжей чародейкой. На рыжей была белая юбка и блузка из белого жоржета, столь же прозрачная, как и у Сабрины, но отличавшаяся стратегически размещенными аппликациями и вышивкой. Геральт заметил, что у аппликаций было любопытное свойство: они и прикрывали, и в то же время подчеркивали соответствующие места.

Чародейки беседовали, попутно поедая кусочки лангуста в майонезе. Говорили они тихо и на Старшей Речи. И хотя не смотрели в его сторону, но разговаривали явно о нем. Он напряг свой чуткий ведьмачий слух, прикинувшись, будто занят исключительно креветками.

– ...с Йеннифэр? – уточнила рыжеволосая, поигрывая жемчужным ожерельем, накрученным на шею так, что оно выглядело ошейником. – Ты серьезно, Сабрина?

– Совершенно, – ответила Сабрина Глевиссиг. – Не поверишь, но это тянется уже несколько лет. И как ему удастся выдержать эту ядовитую змею, ему непостижимо.

– А что тут удивительного? Заговорила его, да так и держит. Ты сама, что ли, так не делала?

– Но это же ведьмак. Они не поддаются заговорам. Во всяком случае, не на такой срок.

– Значит, любовь, – вздохнула рыжеволосая. – А любовь слепа.

– Он слеп, – поморщилась Сабрина. – Поверишь, Марти, она осмелилась представить ему меня как свою школьную подружку. Bloede pest, она старше меня на... Ну не в этом дело. Говорю тебе, она ревнует своего ведьмака – слов не хватает. Малышка Меригольд только улыбнулась ему, а эта яга тут же отругала ее, не выбирая выражений, и прогнала. А сейчас... Ты только глянь. Стоит себе, разговаривает с Францеской, а сама с ведьмака глаз не сводит.

– Боится, – хихикнула рыжая, – что мы уведем его хотя бы на сегодняшнюю ночь. Что ты на это скажешь, Сабрина? Попробуем? Парень привлекательный, не то что наши дохляки с их комплексами и претензиями...

– Говори тише, Марти, – прошипела Сабрина. – Не гляди на него и не лисься. Йеннифэр за нами наблюдает. И держи стиль. Хочешь его соблазнить? Это дурно пахнет.

– Хм, ты права, – подумав, согласилась Марти. – А если, например, он подойдет и предложит сам?

– Ну тогда, – Сабрина Глевиссиг глянула на ведьмака хищным черным глазом, – я б дала ему не раздумывая, хоть на голом камне.

– А я, – хохотнула Марти, – даже на еже.

Ведьмак, вперившись в скатерть, прикрылся креветкой и листиком салата, невероятно радуясь тому, что мутация кровеносных сосудов не позволяет ему покраснеть.

– Ведьмак Геральт?

Он проглотил креветку, повернулся. Чародей со знакомыми чертами лица улыбнулся, коснувшись вышитых лацканов фиолетового дублета.

– Доррегарай из Воле. Мы ведь знакомы. Встречались...

– Помню. Простите, не узнал сразу. Рад...

Чародей улыбнулся чуть значительнее, приняв два фужера с подставленного пажом подноса.

– Наблюдаю за тобой довольно долго, – сказал он, вручая один из фужеров Геральту. – Всем, кому Йеннифэр тебя представляет, ты сообщаешь, что рад. Лицемерие или нескритичность?

– Вежливость.

– С ними-то? – Доррегарай широким жестом обвел пиршествующих. – Поверь мне, не стоит стараться. Эта спесивая, завистливая и лживая банда твоей вежливости не оценит, совсем наоборот – примет за издевку. С ними, ведьмак, надо обходиться по их собственным меркам – грубо, нагло, невежливо, вот тогда ты им, может быть, и понравишься. Выпьешь со мной вина?

– Разбавленного, которое здесь предлагают? – мило улыбнулся Геральт. – С величайшим... отвращением. Но ежели тебе нравится... Заставлю себя.

Сабрина и Марти, наставив ушки из-за своего стола, громко фыркнули. Доррегарай окинул обеих полным презрения взглядом, щелкнул пальцем по фужеру ведьмака, улыбнувшись, но на этот раз искренне.

– Один – ноль в твою пользу. Ты быстро осваиваешься. Черт возьми, где ты научился так шевелить мозгами? На большаках, по которым все еще выслеживаешь вымирающих существ? Твое здоровье. Ты не поверишь, но ты – один из немногих в этой зале, кому я хотел бы предложить такой тост.

– Правда? – Геральт отхлебнул вина, облизнулся, одобряя вкус. – Несмотря на то что я тружусь на ниве истребления вымирающих существ?

– Не лови меня на слове. – Чародей дружески хлопнул его по плечу. – Банкет только начался. Вероятно, тебя еще зацепят несколько персон, так что экономнее разбрасывайся ядовитыми замечаниями. Что же до твоей профессии... В тебе, Геральт, по крайней мере достаточно достоинства, чтобы не обвешиваться трофеями. А глянь вокруг. Ну смелее, брось условности, они любят, когда на них глазеют.

Ведьмак послушно уставился на бюст Сабрины Глевиссиг.

– Взгляни. – Доррегарай, схватив его за рукав, указал пальцем на проходящую мимо, окутанную развевающимся гипюром чародейку. – Туфельки из кожи рогатой агамы. Заметил?

Ведьмак кивнул. Неискренне, потому что видел исключительно то, что, по идее, должна была скрывать прозрачная гипюровая блузочка.

– Или вот, изволь, каменная кобра. – Чародей безошибочно распознал очередные прохаживающиеся по зале туфельки. Мода, которая укоротила платья на пятерню выше щиколоток, облегчала ему задачу. – А там... Белый легван. Саламандра. Выверна. Очковый кайман. Василиск. Все это гады, которым угрожает вымирание. Холера, неужели нельзя носить обувь из телячьей либо свиной кожи?

– Ты, как всегда, о кожах, Доррегарай? – спросила Филиппа Эйльхарт, останавливаясь рядом. – О скорняжничестве и сапожничестве? До чего ж тривиальная и невкусная тема.

– На вкус и цвет... – презрительно скривился чародей. – У тебя чудесные аппликации на платье, Филиппа. Если не ошибаюсь, бриллиантовый горностаи? Вкус – на высоте. Ты, я думаю, знаешь, что этот вид, учитывая его изумительный мех, полностью истребили двадцать лет назад?

– Тридцать, – поправила Филиппа, кладя в рот последнюю креветку из тех, которые Геральт так и не успел съесть. – Знаю, знаю, этот вид незамедлительно воскрес бы, прикажи я модистке оторочить платье очесами льняной пакли. Я подумывала об этом. Но пакля не подходила по цвету.

– Перейдем к столу на той стороне, – предложил ведьмак. – Я видел там большую тарелку черной икры. А поскольку лопатоносные осетры уже тоже почти истреблены, надо поспешить.

– Икра в твоём обществе? Всю жизнь мечтала. – Филиппа взмахнула ресницами, сунула ему руку под локоть, возбуждающе пахнула корицей и нардом. – Пошли немедленно. Поддержишь нашу компанию, Доррегарай? Нет? Ну тогда привет, веселись на здоровье.

Чародей фыркнул и отвернулся. Сабрина Глевиссиг и ее рыжая подруга проводили уходящих взглядами более ядовитыми, чем у вымирающих каменных кобр.

– Доррегарай, – буркнула Филиппа, бесцеремонно прижимаясь к Геральту, – шпионит в

пользу короля Этайна из Цидариса. Будь внимателен. Все его змеи и кожи – не более чем вступление, которым он предваряет расспросы. А Сабрина Глевиссиг усиленно прислушивается...

– ...потому что шпионит для Хенсельта из Каэдвена, – закончил Геральт. – Знаю. Ты говорила. А та рыжая, ее подружка...

– Не рыжая, а крашеная. У тебя что, глаз нет? Это Марти Содергрэн.

– А она для кого шпионит?

– Марти? – Филиппа рассмеялась, сверкнув зубами из-за ярких карминовых губ. – Ни для кого, Марти политикой не интересуется.

– Волнительно, как вы любите говаривать. Я думал, тут все шпионят.

– Во-первых, не волнительно, а волнующе, а во-вторых, многие, но не все, – прищурилась чародейка. – Во всяком случае, не Марти Содергрэн. Марти – целительница. И нимфоманка. Ах, гром меня поразит, глянь. Выжрали всю икру! До последней икринки! Вылизали патеру! И что же теперь делать?

– Теперь, – невинно улыбнулся Геральт, – ты станешь мне рассказывать, что тут висит в воздухе. Скажешь, что я должен забыть о нейтралитете и сделать выбор. Предложишь пари. О том, что в этом пари может стать моей наградой, я даже мечтать не смею. Но зато знаю, что должен буду сделать, ежели проиграю.

Филиппа долго молчала, не опуская глаз, потом тихо сказала:

– Можно было догадаться. Дийкстра не удержался. Сделал тебе предложение. А ведь я его предупредила, что ты презираешь шпионов.

– Я презираю не шпионов. Презираю шпионство. И презираю презрение. Не предлагай мне никаких пари, Филиппа. Да, я тоже чувствую, что здесь что-то висит в воздухе. Ну и пусть себе висит на здоровье. Меня это не касается, и мне это безразлично.

– Когда-то ты мне это уже сказал. В Оксенфурте.

– Рад, что не забыла. Обстоятельства, надеюсь, тоже помнишь?

– В мельчайших подробностях. Я тогда не сказала тебе, кому служит Риенс, или как там его. Позволила ему бежать. Эх и зол же ты был на меня...

– Мягко говоря.

– Пришло время реабилитироваться. Завтра я отдам тебе Риенса. Не перебивай, не корчи рожи. Это вовсе не пари в стиле Дийкстры. Это обещание, а обещания я выполняю. Нет, пожалуйста, никаких вопросов. Подожди до завтра. А сейчас сосредоточимся на икре и банальных сплетнях.

– Нет икры.

– Минуточку.

Она быстро оглянулась, пошевелила рукой и пробормотала заклинание. Серебряный сосуд в форме изогнувшейся в прыжке рыбы тут же наполнился икрой уже совсем было вымершего лопатоносного осетра. Ведьмак усмехнулся.

– Иллюзией можно наесться?

- Нет. Но вкусовые железы сноба пощекотать можно. Попробуй.
- Хм. Действительно... Она даже кажется вкуснее натуральной...
- И от нее не полнеешь, – гордо проговорила чародейка, орошая лимонным соком очередную ложку икры. – Можно попросить рюмочку белого вина?
- Изволь. Филиппа?
- Слушаю.
- Кажется, правила приличия запрещают здесь произносить заклинания. Так, может, безопасней было бы вместо иллюзии икры наколдовать только ее вкус? Ведь ты смогла бы...
- Конечно. – Филиппа Эйльхарт взглянула на него сквозь хрусталь фужера. – Конструкция такого заклинания проще устройства цепа. Но получив только ощущение вкуса, мы потеряли бы удовольствие, которое доставляет действие. Процесс, сопровождающие его ритуальные движения, жесты... Сопутствующая этому процессу беседа, контакт глаз... Я потешу тебя шутливым сравнением, хочешь?
- Слушаю и тешусь авансом.
- Ощущение оргазма я тоже могла бы наколдовать.

Не успел ведьмак прийти в себя, как к ним подошла невысокая худощавая чародейка с длинными, прямыми, соломенного цвета волосами. Он узнал ее сразу – это была та самая дамочка в туфельках из кожи рогатой агамы и блузке из зеленого гипюра, не скрывающего даже столь мелкую деталь, как крохотное родимое пятнышко над левой грудью.

– Простите, – сказала она, – но я вынуждена прервать ваш флиртик. Филиппа, Радклифф и Детмольд приглашают тебя на краткую беседу. Срочно.

– Что делать, коли так, иду. Будь, Геральт. Пофлиртуем позже!

– Ах! – Блондинка окинула его взглядом. – Геральт. Ведьмак, из-за которого вконец спятила Йеннифэр? Я наблюдала за тобой и никак не могла сообразить, кто бы это мог быть. И ужасно мучилась!

– Мне знакомы такого рода муки, – ответил он, вежливо улыбаясь. – Как раз сейчас я чувствую подобное.

– Прости за бестактность. Я – Кейра Мец. О, икра!

– Осторожнее! Это иллюзия.

– Дьявольщина, ты прав! – Чародейка бросила ложку так, словно это был хвост черного скорпиона. – Какая наглость! Чья работа? Твоя? Ты умеешь создавать иллюзию черной икры? Ты?

– Я, – солгал он, не переставая улыбаться. – Я – мэтр магии, а ведьмаком прикидываюсь, чтобы сохранить инкогнито. Неужто ты думаешь, что Йеннифэр заинтересовалась бы банальным ведьмаком?

Кейра Мец посмотрела ему прямо в глаза, скривила губы. На шее у нее висел серебряный медальон в форме креста «анкх», усыпанного цирконами.

– Вина? – предложил Геральт, чтобы прервать неловкое молчание и опасаясь, что его предыдущая шутка была не совсем верно понята.

– Нет, благодарю... коллега мэтр, – ледяным голосом сказала Кейра. – Не пью. Не могу. Сегодня ночью собираюсь забеременеть.

– От кого? – спросила, подходя, рыжая крашеная подруга Сабрины Глевиссиг, одетая в прозрачную блузку из белого жоржета, украшенную продуманно размещенными аппликациями. – От кого? – повторила она, невинно взмахнув длинными ресницами.

Кейра повернулась и осмотрела ее всю от туфельек из белой игуаны до жемчужной диадемки.

– А тебе какое дело?

– Никакого. Профессиональное любопытство. Ты не представишь меня своему спутнику, известному Геральту из Ривии?

– Без особого желания. Но ведь от тебя не отделаешься. Геральт, это Марти Содергрэн. Целительница. Ее специальность – афродизии.

– Обязательно говорить о делах? О, вы оставили мне немного икры? Как мило!

– Осторожней! – в два голоса сказали Кейра и ведьмак. – Иллюзия.

– И верно! – Марти Содергрэн наклонилась, сморщила носик, потом взяла фужер, глянула на мазок карминовой помады. – Ясно. Филиппа Эйльхарт. Кто еще отважится на такую наглость? У, змейство! Знаешь, что она шпионка Визимира из Редании?

– И еще – нимфоманка? – рискнул ведьмак.

Марти и Кейра прыснули одновременно.

– Неужто ты на это рассчитывал, когда любезничал с ней и пытался флиртовать? – спросила целительница. – Если да, то учти: кто-то тебя здорово купил. Филиппа с некоторых пор перестала интересоваться мужчинами.

– Слушай, а может, ты – женщина? – Кейра Мец надула блестящие губки. – Может, только прикидываешься мужчиной, коллега мэтр магии? Чтобы соблюсти инкогнито? Знаешь, Марти, он минуту назад признался мне, что любит притворяться.

– Любит и умеет, – съязвила Марти. – Верно, Геральт? Я только что видела, как ты прикидывался, будто у тебя скверный слух и ты не знаешь Старшей Речи.

– У него уйма недостатков, – холодно бросила Йеннифэр, подходя и властно беря ведьмака за руку. – Практически он вообще состоит из одних недостатков. Вы напрасно теряете время, девочки.

– Похоже на то, – согласилась Марти Содергрэн, не переставая ехидно ухмыляться. – Ну что ж, желаем приятных утех. Пошли, Кейра, выпьем чуточку... безалкогольного. Может, и я решусь на что-нибудь сегодня ночью?

– Ф-фу, – выдохнул Геральт, когда они отошли. – Ты подросла в самое время, Йен. Благодарю.

– Благодарить? Ох, притвора! Я тут насчитала одиннадцать баб, щеголяющих сиськами под прозрачными блузками. Стоило оставить тебя на полчаса, и ты тут же занялся трепом с двумя из них... – Йеннифэр осеклась, глянула на блюдо в форме рыбы и добавила: – ...И поглощением иллюзий. Ох, Геральт, Геральт! Пошли. Выпал случай свести тебя с несколькими достойными знакомства особами.

– Одна из них – Вильгефорц?

– Интересно, – прищурилась чародейка, – что ты спрашиваешь именно о нем. Да, Вильгефорц хочет познакомиться с тобой и побеседовать. Предупреждаю, беседа может показаться банальной и поверхностной, но не обманись. Вильгефорц – опытный, невероятно ловкий и тонкий игрок. Не знаю, чего ему от тебя нужно, но будь внимателен.

– Буду внимателен, – вздохнул Геральт, – но не думаю, чтобы твой опытный игрок сумел застать меня врасплох. Во всяком случае, после того, что я тут испытал. На меня накинута шпионы, посыпались вымирающие гады и горностаи. Меня кормили несуществующей икрой. Не любящие мужчин нимфоманки подвергали сомнению мою мужественность, грозили изнасилованием на ежике, пугали беременностью, Господи, даже оргазмом, к тому же таким, который не требует ритуальных телодвижений. Бррр...

– Ты пил?

– Немного белого из Цидариса. Но скорее всего в нем были афродизии... Йен? После разговора с твоим Вильгефорцем мы вернемся в Локсию?

– Мы не вернемся в Локсию.

– Не понял.

– Я хочу провести эту ночь в Аретузе. С тобой. Так, говоришь, афродизии? В вине? Любопытно...

– О-хо-хо, – вздохнула Йеннифэр, потягиваясь и закидывая ногу ведьмаку на бедро. – О-хо-хонюшки-хо-хо! Как же давно я не занималась любовью... Ужасно давно.

Геральт выпростал пальцы из ее локонов и ничего не ответил. Во-первых, замечание Йен могло быть провокацией, он опасался скрытого в приманке крючка. Во-вторых, не хотел словами смазать вкус блаженства, которое все еще чувствовал на губах.

– Ужасно давно не занималась любовью с мужчиной, который признался мне в любви и которому в любви призналась я, – замурлыкала она минуту спустя, когда уже стало ясно, что ведьмак на приманку не позарится. – Даже забыла, как это бывает. О-хо-хо-хо-хо!

Она ухватилась руками за уголки подушки, напряглась, и ее залитые лунным светом груди приобрели такую форму, которая отозвалась у ведьмака мурашками пониже спины. Он обнял Йеннифэр, они лежали неподвижно, угасали, остывали.

За окном стрекотали цикады, слышались отдаленные тихие голоса и смех – банкет все еще продолжался, хотя было уже довольно поздно.

– Геральт?

– Да, Йен?

– Расскажи.

– О разговоре с Вильгефорцем? Сейчас? Давай лучше утром.

– Нет, сейчас. Прошу тебя.

Он посмотрел на секретерчик в углу комнатки. Там лежали книги, альбомы и другие предметы, которые временно переведенная в Локсию воспитанница не прихватила с собой. Сидела там, опершись о книги, полненькая тряпичная куколочка в оборчатом платьице,

помятом от частого прижимания. «Девочка не забрала куколку, – подумал он, – чтобы в Локсии, в общей спальне, не подвергаться насмешкам товаров. Она не забрала свою куколку и теперь, наверно, не может без нее уснуть».

Кукла смотрела на него глазками-пуговками. Он отвернулся.

Когда Йеннифэр представляла Геральта Капитулу, он внимательно наблюдал за чародейской элитой. Хен Гедымгейт удостоил его лишь кратким, утомленным взглядом – было видно, что банкет надоел старику. Артауд Терранова поклонился, двусмысленно улыбнувшись и переводя взгляд с него на Йеннифэр, но тут же посерьезнел под взглядами коллег. Голубые эльфьи глаза Франчески Финдабаир были непроницаемы и жестки как стекло. Когда Геральта ей представляли, Маргаритка из Долин улыбнулась. Улыбка, хоть и сногшибательно красивая, заставила ведьмака внутренне содрогнуться. Тиссая де Врие, которая, казалось, была целиком поглощена тем, что непрерывно поправляла манжеты и бижутерию, улыбнулась ему не столь сногшибательно красиво, зато гораздо искреннее! И именно Тиссая тут же завела с ним разговор, напомнив одно из его благородных ведьмачьих деяний, которое он, надо сказать, запомнил и подозревал, что таковое высосано из пальца.

И тогда в беседу включился Вильгефорц. Вильгефорц из Роггевеена, чародей с импозантной внешностью, благородными, правильными чертами лица, искренним и уважительным голосом. Геральт знал, что от таких типов можно ждать чего угодно.

Они беседовали долго, чувствуя на себе настороженные взгляды. На ведьмака смотрела Йеннифэр. На Вильгефорца – молодая чародейка с приятными глазами, все время прячущая нижнюю часть лица за веером. Они обменялись несколькими не обязательными фразами, затем Вильгефорц предложил продолжить беседу в более узком кругу. Геральту показалось, что Тиссая де Врие была единственной, кого это предложение удивило.

– Ты уснул, Геральт? – Ворчание Йеннифэр вырвало его из задумчивости. – Ты же собирался рассказать о вашем разговоре.

Куколка с секретера глядела на него пуговками глаз. Он не выдержал ее взгляда.

– Как только мы вышли на галерею, – начал он, немного помолчав, – девица со странным лицом...

– Лидия ван Бредевоорт. Ассистентка Вильгефорца.

– Да, верно, ты говорила. Ничего не значащая особа. Так вот, когда мы вышли на галерею, эта ничего не значащая особа остановилась, взглянула на него и о чем-то спросила. Телепатически.

– Это была не бестактность. Лидия не может пользоваться голосом.

– Я догадался. Потому что Вильгефорц ответил ей не телепатически.

– Да, Лидия, прекрасная мысль, – ответил Вильгефорц. – Мы прогуляемся по Галерее Славы. Ты сможешь кинуть взгляд на историю магии, Геральт из Ривии. Ты, конечно, знаком с историей магии, но сейчас тебе представится возможность ознакомиться с ее иллюстрированным вариантом. Если ты тонкий знаток искусства, не пугайся. Большинство картин – работы студенток-энтузиасток из Аретузы. Лидия, будь добра, дай чуточку света. Здесь темновато.

Лидия ван Бредевоорт повела в воздухе рукой, и в коридоре тут же стало чуть светлее.

На первой картине был изображен древний парусник, который буруны метали меж торчащих из кипени рифов. На носу корабля стоял мужчина в белом одеянии. Его голову окружал

светящийся ореол.

– Первая высадка, – догадался ведьмак.

– Конечно, – подтвердил Вильгефорц. – Корабль Изгнанников. Йан Беккер овладевает Силой. Успокаивает волны, доказывая тем самым, что магия вовсе не обязательно должна быть злой и разрушительной, но может спасать жизнь.

– Это событие действительно имело место?

– Сомневаюсь, – усмехнулся чародей. – Гораздо вероятнее, что во время первого путешествия Беккера, вместе со спутниками перевесившегося через борт, выворачивало наизнанку. Силой удалось овладеть лишь после высадки, которая по странной случайности оказалась удачной. Пройдем дальше. Здесь ты опять видишь Иана Беккера, он заставляет воду брызнуть из камня в том месте, где было заложено первое поселение. А тут, взгляни, окруженный коленопреклоненными поселенцами Беккер разгоняет тучи и сдерживает ливень, чтобы спасти урожай.

– А какое событие изображает эта картина?

– Распознавание Избранных. Беккер и Джамбаттиста подвергают магическому испытанию прибывающих поселенцев, чтобы выявить Истоки. Этих детей отнимут у родителей и отправят в Мирту – первое пристанище магов. Ты видишь воистину исторический момент. Гляди – все дети напуганы, только вон та решительная брюнеточка протягивает руки к Джамбаттисте. Это прославившаяся впоследствии Агнесс из Гланвилля, первая женщина-чародейка. За ее спиной стоит мать. Грустная какая-то.

– А это что за массовая сцена?

– Новиградская Уния. Беккер, Джамбаттиста и Монк заключают соглашение с владыками, жрецами и друидами. Что-то вроде пакта о ненападении и отделении магии от государства. Страшный кич. Пройдем дальше. Здесь мы видим Джеоффрея Монка, отправляющегося в горы Понтара, тогда еще носившего название Aevon y Pont ar Gwennelen. Река Алебастровых Мостов. Монк плыл в Лок Муинну, чтобы склонить тамошних эльфов принять группу детей-Истоков, которых должны были обучать эльфы магии. Возможно, тебе будет интересно узнать, что среди детей был мальчик, которого позже назвали Герхартом из Аэлле. Ты с ним только что познакомился. Теперь он – Хен Гедымгейт.

– Сейчас, – ведьмак взглянул на чародея, – самое время вспомнить, что спустя несколько лет после столь мирного и успешного похода Монка войска маршала Раупеннэка из Третогора учинили резню в Лок Муинне и Эст Хэмлете, перебив всех эльфов, невзирая на возраст и пол. И разразилась война, окончившаяся бойней у Шаэрраведда.

– При столь глубоком знакомстве с историей, – снова улыбнулся Вильгефорц, – ты не можешь не знать, что в этих войнах не участвовал ни один из ныне здравствующих чародеев. Потому-то ни одна воспитанница и не вдохновилась темой. Пошли дальше.

– Пошли. А что за событие отражено на этом полотне? А, знаю! Это Раффар Белый примиряет враждующих королей и кладет конец Шестилетней войне. А здесь мы видим Раффара, отказывающегося принять корону. Прекрасный, благородный жест.

– Ты так считаешь? – наклонил голову Вильгефорц. – Ну что ж, во всяком случае, это был жест со значением. Однако Раффар принял пост первого советника и фактически правил страной, ибо король был дебилом.

– Галерея Славы... – буркнул ведьмак, подходя к следующей картине. – А что у нас тут?

– Исторический момент создания первого Капитула и утверждения Ордена. Слева направо сидят Герберт Стаммельфорд, Аврора Хенсон, Иво Рише, Агнесс из Гланвилля, Джеоффрей Монк и Радмир из Тор Карнедда. Здесь, если быть честным, тоже так и просится дополнительная батальная картинка, потому что вскоре в жестокой войне прикончили тех, кто не хотел признавать Капитул и подчиниться Ордену. В частности, Раффара Белого. Но об этом факте исторические трактаты умалчивают, чтобы не замутить прекрасную легенду, сложенную о нем.

– А здесь... Хм... Да, это, пожалуй, писала очень юная воспитанница.

– Верно. Кстати, это аллегория. Я бы назвал ее «Аллегория триумфа женственности». Воздух. Вода. Земля. Огонь. И четыре известные чародейки, магистры, овладевшие силами этих стихий. Агнесс из Гланвилля, Аврора Хенсон, Нина Фиораванти и Клара Ларисса де Винтер. Взгляни на следующее очень удачное полотно. На нем тоже изображена Клара Ларисса, открывающая академию для девушек. В здании, в котором мы сейчас находимся. А портреты – прославленные выпускницы Аретузы. Вот длинная история триумфа женственности и постепенной феминизации профессии: Йянна из Мурривеля, Нора Вагнер, ее сестра Августа, Жейд Глевиссиг, Летисия Шарбоннэ, Илона Ло-Антиль, Карла Деметия Крест, Виолента Суарец, Эйприль Венхавер... И единственная из ныне живущих – Тиссая де Врие...

Пошли дальше. Шелковое платье Лидии ван Бредевоорт шелковисто шептало, и в этом шепоте слышалась опасная тайна.

– А это? – Геральт остановился. – Что за чудовищная сцена?

– Мученичество мага Радмира, с которого живьем содрали кожу во время восстания Фальки. На дальнем плане полыхает город Мирта, который Фалька приказала предать огню.

– За что вскоре спалили самое Фальку. На костре.

– Широко известный факт. Темерские и реданские дети до сих пор играют в сожжение Фальки в сочевник Саовинны. Давай вернемся. Осмотрим другую сторону Галереи... Хочешь о чем-то спросить? Слушаю...

– Меня удивляет хронология. Конечно, я знаю, как действуют эликсиры молодости, но одновременное изображение на полотнах ныне живущих и давно скончавшихся...

– Иначе говоря, ты удивлен, что встретил на банкете Хена Гедымгейта и Тиссаю де Врие, но не обнаружил ни Беккера, ни Агнесс из Гланвилля, ни Стаммельфорда, ни Нины Фиораванти?

– Нет. Я знаю, что вы не бессмертны...

– Что есть смерть? – прервал Вильгефорц. – Как ты думаешь?

– Конеч.

– Конеч чему?

– Существованию. Похоже, мы начинаем философствовать.

– Природа не знает такого понятия – философия, Геральт из Ривии. Философией принято называть предпринимаемые людьми жалкие и смешные потуги понять Природу. За философию сходят и результаты таких потуг. Это все равно как если б корень моркови пытался отыскать причины и следствия своего существования, называя результат обдумываний извечным и таинственным конфликтом Корня и Ботвы, а дождь считал бы

Неразгаданной Созидающей Силой. Мы, чародеи, не теряем времени на отгадывание – что есть Природа. Мы знаем, что она есть, ибо сами являемся Природой. Ты меня понимаешь?

– Пытаюсь, но говори помедленнее, пожалуйста. Не забывай, ты разговариваешь с морковкой.

– Ты когда-нибудь задумывался над тем, что произошло, когда Беккер заставил воду брызнуть из камня? Говорится очень просто: Беккер овладел Силой. Принудил стихию к послушанию. Подчинил себе Природу... Как ты относишься к женщинам, Геральт?

– Не понял?

Лидия ван Бредевоорт отвернулась, шелестя шелком, и замерла в ожидании. Геральт увидел, что под мышкой она держит завернутую картину. Он понятия не имел, откуда эта картина взялась, ведь еще минуту назад у Лидии не было ничего. Амулет у него на шее легонько вздрогнул.

Вильгефорц усмехнулся.

– Я спросил о твоем мнении касательно отношений между мужчиной и женщиной, – напомнил он.

– Касательно какой стороны этих отношений?

– Ну, можно ли, по-твоему, принудить женщину к послушанию? Разумеется, я имею в виду истинных женщин, а не самочек. Можно ли подчинить себе настоящую женщину? Овладеть ею? Заставить покориться твоей воле? И если да, то каким образом? Ответь.

Тряпичная куколка не спускала с них своих пуговичек. Йеннифэр отвела глаза.

– Ты ответил?

– Ответил.

Чародейка стиснула левой рукой его локоть, а правой – лежащие на ее груди пальцы.

– Как?

– Ты же знаешь.

– Ты понял, – немного помолчав, сказал Вильгефорц. – И, вероятно, понимал всегда. А значит, поймешь и то, что только когда умрут и исчезнут понятия воли и подчинения, приказа и послушания, хозяина и подчиненного, будет достигнуто единение. Общность, слияние в единое целое. Взаимопроникновение. А когда такое наступит, смерть перестанет что-либо значить. Там, в банкетной зале, присутствует Йан Беккер, который был водой, брызнувшей из камня. Говорить, что Беккер умер, все равно что утверждать, будто умерла вода. Взгляни на это полотно.

– Изумительно, – сказал ведьмак после недолгого молчания. И тут же почувствовал легкое дрожание своего медальона.

– Лидия, – улыбнулся Вильгефорц, – благодарит тебя за одобрение. А я вижу – у тебя есть вкус. Поздравляю. Картина изображает встречу Грегеннана из Леда с Ларой Доррен аэп Шиадаль, легендарных любовников, разобщенных и уничтоженных часами презрения. Он был чарореем, она – эльфкой. Одной из элиты Aen Saevherne, то есть Ведающих. То, что могло стать началом объединения, обернулось трагедией.

– Я знаю эту легенду и всегда считал ее сказкой. А как было в действительности?

– Этого, – серьезно ответил чародей, – не знает никто. То есть почти никто. Лидия, повесь свою картину тут, рядом. Полюбуйся, Геральт, очередным произведением кисти Лидии. Это портрет Лары Доррен аэп Шиададь, выполненный на основе древней миниатюры.

– Поздравляю. – Ведьмак поклонился Лидии ван Бредевоорт, и голос у него даже не дрогнул.
– Истинный шедевр.

Голос у него не дрогнул, хотя Лара Доррен аэп Шиададь смотрела на него с портрета глазами Цири.

– Что потом?

– Потом? Лидия осталась в Галерее. Мы с Вильгефорцем вышли на террасу. И он поездил на мне в свое удовольствие...

– Сюда, Геральт. Пожалуйста, наступай только на темные плитки.

Внизу шумело море, остров Танедд вздымался из белой пены прибоя. Волны разбивались о стены Локсии, лежавшей прямо под ними. Локсия, как и Аретуза, искрилась огнями. Вздвигающийся над ними каменный горб Гарштанга был черен и мертв.

– Завтра, – чародей проследил за взглядом ведьмака, – члены Капитула и Совета облачатся в традиционные одежды, знакомые тебе по древним гравюрам: серые, ниспадающие до земли плащи и островерхие шапки, а также вооружатся длинными палочками и посохами, уподобляясь таким образом колдунам и ведьмам, которыми пугают детей. Традиция, ничего не подделаешь. В сопровождении нескольких делегатов мы отправимся наверх, в Гарштанг. Там, в специально подготовленной зале, будем совещаться. Остальные будут ждать нашего возвращения и решения в Аретузе.

– Совещание в Гарштанге в узком кругу – тоже традиция?

– Совершенно верно. Давняя и продиктованная практическими соображениями. Случалось, что совещания чародеев бывали бурными и оканчивались чрезмерно активным обменом мнениями. Во время одного из таких обменов шаровая молния повредила прическу и платье Нины Фиораванти. Нина, посвятив этому год работы, обложила стены Гарштанга чрезвычайно мощной аурой и антимагической блокадой. С тех пор в Гарштанге не действует ни одно заклинание, а дискуссии протекают спокойно. Особенно если предварительно отобрать у диспутантов ножи.

– Понимаю. А башня, что повыше Гарштанга, на самой макушке, это что? Какое-то важное здание?

– Tor Lara. Башня Чайки. Руины. Важное? Пожалуй, да.

– Пожалуй?

Чародей оперся о перила.

– Предания эльфов говорят, что Tor Lara якобы связана телепортом с таинственной, до сих пор не обнаруженной Tor Ziríael, Башней Ласточки.

– Якобы? Вам не удалось обнаружить этот телепортал? Не верю.

– И правильно делаешь. Мы обнаружили портал, но его пришлось заблокировать. Многие протестовали, все жаждали экспериментов, каждый хотел прославиться в качестве

разведчика Башни Ласточки, мифического пристанища эльфьих магов и мудрецов. Однако портал был испорчен вконец и действовал хаотично. Были жертвы, поэтому его и заблокировали. Пошли, Геральт, холодает. Осторожнее. Ступай только по темным плиткам.

– Почему только по темным?

– Эти строения разрушены. Влага, эрозия, сильные ветры, соленый воздух – все роковым образом сказывается на стенах. Ремонт обошелся бы слишком дорого, поэтому мы пользуемся иллюзией. Престиж. Понимаешь?

– Не совсем.

Чародей пошевелил рукой, и терраса исчезла. Под ними была пропасть, бездна, утыканная внизу торчащими из пены морской каменными зубьями. Они стояли на узенькой ленточке из темных плит, цирковым мостиком протянувшимся от дворика Аретузы к поддерживающей иллюзорную террасу колонне.

Геральт с трудом сохранил равновесие. Будь он нормальным человеком, не ведьмаком, ему б не удержаться. Но даже он был захвачен врасплох. Чародей, конечно, заметил его резкое движение, да и выражение лица, несомненно, как-то изменилось. Ветер покачнул его на узкой дорожке, пропасть взвыла зловецим шумом волн.

– А ведь ты боишься смерти, – ухмыльнулся Вильгефорц. – Все-таки ты ее боишься.

Тряпичная куколка глядела на них глазками-пуговками.

– Он тебя обманул, – проворчала Йеннифэр, прижимаясь к ведьмаку. – Никакой опасности не было, он наверняка страховал тебя и себя левитационным полем. Рисковать он не стал бы. Что дальше?

– Мы перешли в другое крыло Аретузы. Он провел меня в большую комнату, скорее всего – кабинет одной из учительниц, а то и ректорши. Мы присели за стол, на котором стояли песочные часы. Я уловил аромат духов Лидии и понял, что она побывала в комнате до нас...

– А Вильгефорц?

– Вильгефорц спросил...

– Почему ты не стал чародеем, Геральт? Тебя никогда не прельщало Искусство? Только откровенно.

– Откровенно? Прельщало.

– Так почему же ты не внял гласу влечения?

– Решил, что разумнее внимать гласу рассудка.

– То есть?

– Годы ведьмачества научили меня соизмерять силы с намерениями. Знаешь, Вильгефорц, когда-то я знавал краснлюда, который в детстве мечтал стать эльфом. Как думаешь, стал бы, если б последовал гласу влечения?

– Это что же, сравнение? Параллель? Если да, то совершенно неудачная. Краснлюд не мог стать эльфом. Ибо у него не было матери-эльфки.

Геральт долго молчал. Наконец сказал:

– Ну конечно. Можно было догадаться. Ты немного покопался в моей биографии. Можешь сказать зачем?

– Может, мне привиделась такая картина в Галерее Славы: мы двое за столом, а на латунной табличке надпись: «Вильгефорц из Роггевеена заключает пакт с Геральтом из Ривии».

– Это была бы аллегория, – сказал ведьмак, – под названием «Знание торжествует над невежеством». Я предпочел бы картину более реалистическую: «Вильгефорц объясняет Геральту, в чем дело».

Вильгефорц сложил пальцы рук на уровне рта.

– Разве не ясно?

– Нет.

– Ты забыл? Картина-то, которая мне привиделась, висит в Галерее Славы, на нее глядят люди будущих поколений, которые прекрасно знают, в чем дело, какие события отражены на полотне. Изображенные там Вильгефорц и Геральт договариваются и заключают пакт о взаимопонимании, в результате чего Геральт, внемля гласу не какой-то там тяги или влечения, а истинного призвания, вступил наконец в ряды магов, положив конец тому не очень осмысленному и лишнему будущему существованию, которое вел до сих пор.

– Подумать только, – сказал ведьмак после очень долгого молчания, – еще совсем недавно я считал, будто уже ничто не в состоянии меня удивить. Поверь, Вильгефорц, долго я буду вспоминать этот банкет и здешнюю феерию событий. Воистину, это достойно картины под названием «Геральт покидает остров Танедд, лопааясь от смеха».

– Не понял. – Чародей слегка наклонился. – Я запутался в вычурностях твоей речи, густо пересыпанной изысканнейшими оборотами.

– Причины непонимания мне ясны. Мы слишком различны, чтобы понять. Ты – могущественнейший маг из Капитула, достигший единения с Природой. Я – бродяга, ведьмак, мутант, болтающийся по миру и за деньги уничтожающий чудовищ...

– Вычурность, – прервал чародей, – сменилась баналом...

– Мы слишком различны. – Геральт не позволил себя прервать. – А тот пустячок, что моя мать была, совершенно случайно, чародейкой, этого различия стереть не может. Кстати, из чистого любопытства: кем была твоя мать?

– Понятия не имею, – спокойно сказал Вильгефорц.

Ведьмак тут же умолк.

– Друиды из Ковирского Круга, – продолжил чародей, – нашли меня в канаве в Лан Экстере. Приютили, воспитали и выучили. На друида, разумеется. Знаешь, кто такие друиды? Это такие мутанты, бродяги, которые болтаются по миру и поклоняются священным дубам.

Ведьмак молчал.

– А потом, – продолжал Вильгефорц, – в ходе некоторых друидских ритуалов вылезли наружу мои способности. Способности, которые определенно и неоспоримо позволяли установить мою родословную. Породили меня, конечно, случайно, два человека, из коих по меньшей мере один был чародеем.

Геральт молчал.

– Тот, кто мои скромные способности обнаружил, был, само собой, случайно встретившимся чародеем, – спокойно продолжал Вильгефорц. – И он же решил оказать мне колоссальную услугу: предложил обучаться и совершенствоваться, а в перспективе – вступить в Братство магов.

– И ты, – глухо проговорил Геральт, – принял предложение.

– Нет. – Голос Вильгефорца становился все холоднее и неприятнее. – Отказался в крайне невежливой, даже просто в хамской форме. Вывалил на дедуню всю злобу. Хотел, чтобы он почувствовал себя виноватым, он и вся его магическая кодла. Виноватым, конечно, из-за канавы в Лан Экстере, виноватым в том, что один или два прощелыги-магика, лишенные сердца и человеческих чувств поганцы, кинули меня в канаву после рождения, а не до него. Чародей, конечно, и не понял меня, и не возмутился тем, что я ему тогда сказал. Пожал плечами и пошел прочь, заклеив тем самым себя и своих соратников печатью бесчувственных, невежественных, заслуживающих величайшего презрения подлецов.

Геральт молчал.

– Друидами я пресытился, – продолжал Вильгефорц. – Поэтому покинул священные дубравы и ринулся в мир. Хватался за все, многого стыжусь до сих пор. В конце концов стал наемником. Моя дальнейшая жизнь потекла, как ты, вероятно, догадываешься, по известному руслу: солдат героический, солдат побежденный, мародер, грабитель, насильник, убийца, наконец – беглец, удирающий на край света от веревки. Ну драпанул я на край света. И там, на краю света, познал женщину. Чародейку.

– Осторожнее, – шепнул ведьмак, прищурившись. – Осторожнее, Вильгефорц, смотри, чтобы притягиваемые за хвост подобия не завели тебя слишком далеко.

– Подобия уже кончились. – Чародей не опустил глаз. – Потому что я не справился с чувствами, которые испытывал к той женщине. Ее чувств я не понял, а она и не пыталась мне помочь. Я ее бросил. Потому как она была, выражаясь научно, промискуитична, а проще говоря, хотела всегда, с кем угодно, где угодно и как угодно, а ко всему прочему была воплощением невежественности, злобности, бесчувственности и холодности. Подчинить ее себе было невозможно, а подчиняться ей – унижительно. Я бросил ее, так как понял, что она интересовалась мною только потому, что мой интеллект, личность и завораживающая таинственность как бы отводили на второй план тот факт, что я не был чародеем, она же только чародеям позволяла любить себя больше чем одну ночь. Что, впрочем, не противоречит тому факту, что она хотела всегда... ну и так далее. Я бросил ее, потому что... Потому что она была вроде как бы моей матерью. Я вдруг понял, что мое чувство к ней вовсе не любовь, а нечто гораздо более сложное, сильное, но трудноопределяемое. Этакая смесь страха, обиды, бешенства, угрызений совести, потребности в искуплении, чувства вины, урона и ущербности, извращенной потребности страдать и каяться. То, что я чувствовал к этой женщине, было... ненавистью.

Геральт молчал.

Вильгефорц смотрел в сторону.

– Я бросил ее, – начал он снова. – И не смог жить с той пустотой в сердце, которая во мне возникла. И неожиданно понял, что причина этой пустоты – не отсутствие женщины, а отсутствие того, что я тогда ощущал. Парадокс, правда? Я думаю, доканчивать нет нужды, ты догадываешься о продолжении. Я стал чародеем. Из ненависти. И лишь тогда понял, сколь был глуп. Я путал небо со звездами, отраженными ночью в поверхности пруда.

– Как ты справедливо заметил, параллели между нами не вполне параллельны, – буркнул Геральт. – Вопреки видимости между нами мало общего, Вильгефорц. Что ты хотел доказать,

рассказывая свою историю? Что путь к вершинам чародейства крут и труден, но доступен всем? Даже, прости за параллели, незаконнорожденным и подкидышам, бродягам и ведьмакам...

– Нет, – прервал чародей. – Я не собирался доказывать, что такой путь доступен каждому. Это очевидно и давно доказано. Не было нужды доказывать и то, что для определенного рода людей другого пути попросту не существует.

– Итак, – усмехнулся ведьмак, – выбора у меня нет? Придется заключить с тобой пакт, которому предстоит быть темой картины, и стать чародеем? Только из-за генетики? Ну-ну! Мне немного знакома теория наследственности. Мой отец, до чего я дошел с немалым трудом, был бродягой, невеждой, грубияном, авантюристом и рубакой. У меня может оказаться избыток генов от папочки, а не от мамы. То, что я тоже неплохо умею рубить и колоть, вроде бы подтверждает сказанное.

– И верно, – ухмыльнулся чародей. – Слушай, песок почти весь просыпался, а я, Вильгефорц из Роггевеена, магистр магии, член Капитула, все еще не без приятственности треплюсь с невеждой, рубакой и бродягой, сыном невежды, рубаки и бродяги. Мы обсуждаем вопросы и проблемы, которые, как известно, обычно обсуждают, сидя у костров, невежды, рубаки и бродяги. Например, генетику. Откуда ты вообще знаешь это слово, друг мой рубака? Из храмовой школы в Элландере, в которой учат читать по слогам и писать двадцать четыре руны? Что заставило тебя читать книги, в которых можно найти эти и подобные слова? Где ты оттачивал риторику и красноречие? И зачем? Чтобы общаться с вампирами? Ах, друг мой, генетический бродяга, которому улыбается Тиссая де Врие. Друг ты мой, ведьмак, рубака, привлекающий Филиппу Эйльхарт так, что у нее аж руки трясутся. Невежда, при одной мысли о котором Трисс Меригольд становится краснее мака. О Йеннифэр и не говорю.

– Может, и хорошо, что не говоришь. В часах действительно осталось совсем мало песка, можно песчинки пересчитать. Не пиши больше картин, Вильгефорц. Говори, в чем дело. Скажи просто и доходчиво. Представь себе, будто мы сидим у костра, два бродяги, запекаем на вертеле поросенка, которого только что сперли, и тщетно пытаемся упиться березовым соком. Я задаю простой вопрос. А ты отвечаешь. Как бродяга бродяге.

– И как же он звучит, твой простой вопрос?

– Что за договор ты мне предлагаешь? Какой пакт мы должны заключить? Зачем я понадобился тебе в твоём котле, Вильгефорц? В котле, в котором, сдается, уже начинает бурлить. Что здесь, кроме канделябров, висит в воздухе?

– Хм. – Чародей задумался или сделал вид, будто задумался. – Вопрос не прост, но попытаюсь ответить. Только не как бродяга бродяге. Отвечу... как один наемный рубака другому. Себе подобному.

– Ну что ж.

– Так слушай, друг-рубака. Намечается солидная драчка. Битва не на жизнь, а на смерть, поблажек не будет. Одни победят, других расклюют вороны. Говорю тебе, друг, присоединяйся к тем, у кого больше шансов. К нам. Других можешь бросить и наплевать на них. Им ничего не светит, так зачем же погибать вместе с ними? Нет, нет, друг, не кривись, я знаю, что ты хочешь сказать. Мол, ты – нейтрален. Мол, тебе до свечки и те, и другие, ты просто переждешь заварушку в горах, в Каэр Морхене. Скверная идея, дружок. У нас будет все, что тебе любо. Если же не присоединишься, потеряешь все. И поглотит тебя пустота, тщета и ненависть. Уничтожит наступающий Час Презрения. Будь же благоразумен и примкни к соответствующей стороне, когда придется выбирать. А выбирать придется. Можешь поверить.

– Поразительно, – паскудно ухмыльнулся ведьмак. – Как будоражит всех мой нейтралитет. Всем не терпится заключать со мной пакты и союзы, предлагать сотрудничество, втолковывать, что необходимо делать выбор и присоединяться к соответствующей стороне. Вильгефорц, ты напрасно теряешь время. В этой игре я тебе партнер не равный. Не вижу возможности оказаться вместе на одном полотне в Галерее Славы. Тем более – на батальном.

Чародей молчал.

– Расставляй, – продолжал Геральт, – на своей доске королей, ферзей, слонов и пешек, не обращая на меня внимания, потому что я на этой шахматной доске значу не больше, чем покрывающая ее пыль. Это не моя игра. Ты утверждаешь, что мне придется выбирать. Ошибаешься. Я не стану выбирать. Я подлажусь к событиям. Подлажусь к тому, что выберут другие. Я всегда так поступал.

– Ты фаталист.

– Да. Хотя это и еще одно слово, которого я знать не должен. Повторяю: это не моя игра.

– Неужто? – Вильгефорц перегнулся через стол. – В этой партии, ведьмак, на шахматной доске уже стоит черная ладья, намертво связанная с тобой узами Предназначения. Ты знаешь, о ком я, верно? Думаю, ты не хочешь ее потерять?

Глаза ведьмака превратились в щелочки.

– Что вам нужно от ребенка?

– Есть только один способ узнать.

– Предупреждаю: я не допущу, чтобы ее обидели...

– Есть только один способ сделать это. Я предложил тебе его, Геральт из Ривии. Обдумай мое предложение. У тебя впереди целая ночь. Думай, глядя на небо. На звезды. И не перепутай их с теми, которые отражаются в поверхности пруда. Песок в часах пересыпался.

– Я боюсь за Цири, Йен.

– Напрасно.

– Но...

– Поверь мне. – Она обняла его. – Поверь, прошу тебя. Не обращай внимания на Вильгефорца. Он – игрок. Он хотел тебя обмануть, спровоцировать. И частично ему это удалось. Но это не имеет значения. Цири – под моей опекой, а в Аретузе она будет в безопасности, сможет развить свои способности, и никто ей не мешает. Никто. Однако о том, чтобы она стала ведьмачкой, забудь. У нее иной дар. И иным свершениям она предназначена. Можешь мне поверить.

– Я верю тебе.

– Какой прогресс! А о Вильгефорце не думай. Грядущий день прояснит многое и разрешит массу проблем.

«Грядущий день, – подумал он. – Она что-то от меня скрывает. А я боюсь спросить. Кодрингер был прав. Я попал в дикую кабалу. Но теперь у меня нет выхода. Приходится ждать, что принесет грядущий день, который якобы прояснит многое. Приходится ей верить. Я знаю: что-то должно случиться. Подожду. И подлажусь к ситуации».

Он взглянул на секретер.

– Йен?

– Я здесь.

– Когда ты училась в Аретузе... Когда спала в такой же комнате, как эта... У тебя была куколка, без которой ты не могла уснуть? Которую днем усаживала на секретер?

– Нет. – Йеннифэр резко пошевелилась. – У меня вообще не было кукол. Не спрашивай об этом. Пожалуйста, не спрашивай.

– Аретуза, – шепнул он, осматриваясь. – Аретуза на острове Танедд. Ее дом. На многие годы... Когда она отсюда выйдет, будет зрелой женщиной...

– Прекрати. Не думай и не говори об этом... Лучше...

– Что, Йен?

– Люби меня.

Он обнял ее. Прикоснулся. Нашел. Йеннифэр, невероятно мягкая и жесткая одновременно, громко вздохнула. Слова, которые они произносили, обрывались, тонули во вздохах и ускоренном дыхании, переставали что-либо значить, рассеивались. Они умолкали, сосредоточивались на поисках самих себя, на поисках истины. Они искали долго, нежно и тщательно, боясь неуместной поспешности, легкомысленности и развязности. Они искали сильно и самозабвенно, боясь святотатственного сомнения и нерешительности. Они искали осторожно, боясь кощунственной грубости.

Они отыскиали друг друга, преодолели страх, а минуту спустя нашли истину, которая вспыхнула у них под веками поражающей, ослепительной очевидностью, стоном разорвала сжатые в отчаянии губы. И тогда время спазматически дрогнуло и замерло, все исчезло, а единственным живым чувством было прикосновение. Минула вечность, вернулась реальность, а время опять дрогнуло и снова сдвинулось с места, медленно, тяжело, словно огромный перегруженный воз. Геральт взглянул в окно. Луна по-прежнему висела на небе, хотя то, что случилось мгновение назад, в принципе должно было бы сбросить ее на землю.

– Ой-ей-ей, ой-ей, – после долгого молчания проговорила Йеннифэр, медленным движением стирая со щеки слезинку.

Они лежали неподвижно на разбросанной постели, под шум дождя, среди исходящего паром тепла и угасающего счастья, в молчании, а вокруг них клубилась бесформенная тьма, перенасыщенная ароматами ночи и голосами цикад. Геральт знал, что в такие моменты телепатические способности чародейки обостряются и усиливаются. Поэтому старался думать только о прекрасном. О том, что могло принести ей радость. О взрывной яркости восходящего солнца. О тумане, стелющемся на рассвете над горным озером. О хрустальных водопадах, в которых резвятся лососи, такие блестящие, словно они отлиты из серебра. О теплых каплях дождя, барабаниющих по тяжелым от росы листьям лопухов.

Он думал для нее. Йеннифэр улыбалась, слушая его мысли. Улыбка дрожала на ее щеке лунными тенями ресниц.

– Дом? – вдруг спросила Йеннифэр. – Какой дом? У тебя есть дом? Ты хочешь построить дом? Ах... Прости. Я не должна...

Он молчал. Он был зол на себя. Думая для нее, он против своего желания позволил ей прочесть мысль о ней.

– Прекрасная мечта. – Йеннифэр нежно погладила его по руке. – Дом. Собственноручно построенный дом, в этом доме ты и я. Ты бы разводил лошадей и овец, я занималась бы огородом, варила еду и чесала шерсть, которую мы возили бы на торг. На денежки, вырученные за шерсть и дары земли, мы покупали бы все необходимое, ну, скажем, медные казанки и железные грабли. Время от времени нас навещала бы Цири с мужем и тройкой детей, иногда на несколько деньков заглядывала бы Трисс Меригольд. Мы бы красиво и благолепно старели. А если б я начинала скучать, ты вечерами насвистывал бы мне на собственноручно изготовленной свирели. Всем известно: игра на свирели – лучшее лекарство от хандры.

Ведьмак молчал.

Чародейка тихонько кашлянула и сказала:

– Прости.

Он приподнялся на локте, наклонился, поцеловал ее. Она резко пошевелилась, обняла его.

– Скажи что-нибудь.

– Я не хочу тебя потерять, Йен.

– Но я же твоя.

– Эта ночь кончится.

– Всему на свете приходит конец...

«Нет, – подумал он. – Не хочу так. Я устал. Я слишком устал, чтобы спокойно принять перспективу концов, становящихся началами, с которых надо все начинать заново. Я хотел бы...»

– Помолчи. – Она быстро положила пальцы ему на губы. – Не говори, чего бы ты хотел и о чем мечтаешь. Ведь может оказаться, что я не сумею исполнить твоих желаний. А это причинит мне боль.

– А чего хочешь ты, Йен? О чем мечтаешь?

– Только о достигаемом.

– А как же я?

– Ты уже мой.

Он долго молчал. И дождался той минуты, когда она прервала молчание.

– Геральт?

– Ммм?..

– Люби меня. Ну пожалуйста...

Когда Геральт пришел в себя, луна по-прежнему была на своем месте. Яростно бренчали цикады, словно и они безумием и иступленностью стремились перебороть беспокойство и страх. Из ближайшего окна в левом крыле Аретузы кто-то, кто не мог уснуть, кричал и бранился, требуя тишины. Из окна с другой стороны какой-то обладатель артистической души бурно аплодировал и поздравлял с успехом...

– Ох, Йен... – укоризненно шепнул ведьмак.

– Была причина... – Она поцеловала его, потом прижалась щекой к подушке. – У меня был повод кричать. Вот я и кричала. Этого нельзя глушить в себе, это нездорово и противоестественно. Обними меня, если можешь.

Глава четвертая

Телепорт Лара, или Портал Бенавента, названный так по имени обнаружившего его чародея, расположен на верхнем этаже Башни Чайки на острове Танедд. Стационарный, спорадически активный. Принципы функционирования – неизвестны. Назначение – неизвестно, вероятнее всего, искажено в результате самораспада; при активации не исключены многочисленные разветвления либо разбросы.

ВНИМАНИЕ: телепорт действует хаотично и смертельно опасен. Эксперименты категорически запрещены. В Башне Чайки и вблизи нее не разрешается применять магию. В особенности телепортационную. В виде исключения Капитул рассматривает запросы на вход в Тор Лара и осмотр телепортала. Заявления надлежит обосновать началом исследовательских работ и специализацией в соответствующей области.

Библиография: Джеоффрей Монк. Магия Старшего Народа; Иммануэль Бенавент. Портал в Тор Лара; Нина Фиораванти. Теория и практика телепортации; Рансант Альваро. Врата тайны. Перечень запрещенных артефактов. *Ars Magica*, изд. LVIII

В начале был только пульсирующий, мерцающий хаос и каскад образов, вихрь, полная звуков и голосов бездна. Цири видела уходящую в небо башню, на крыше которой плясали молнии. Слышала крик хищной птицы и сама была этой птицей, мчащейся с огромной скоростью, а под нею бушевало море. Она видела маленькую тряпичную куколку и неожиданно сама становилась этой куколкой, а вокруг клубилась тьма, гудящая, звенящая стрекотом цикад. Цири видела гигантского черно-белого кота и тут же становилась этим котом, а вокруг нее был мрачный дом, потемневшие панели, аромат свечей и старых книг. Она слышала, как несколько раз произнесли ее имя, видела серебряных лососей, перепрыгивающих через водопады, слышала шум дождя, барабнящего по листьям. А потом услышала странный, протяжный крик Йеннифэр. Этот-то крик и разбудил ее, вырвал из бездны безвременья и хаоса.

Теперь, тщетно пытаясь вспомнить сон, она уже слышала только тихие звуки лютни и флейты, гул тамбурина, пение и смех. Лютик и несколько случайно встретившихся вагантов все еще веселились в комнате в конце коридора.

В окно проник лунный лучик, развеяв мрак, и комнатка в Локсии сразу стала походить на место из сна. Цири откинула простыню. Она вспотела, волосы прилипли ко лбу. Вечером она долго не могла уснуть – не хватало воздуха, хоть окно было открыто настежь. Она знала почему. Выходя с Геральтом, Йеннифэр укрыла комнату магической защитой. Якобы для того, чтобы никто не мог войти, но Цири подозревала, что скорее всего Йеннифэр не хотела, чтобы выходила она. Ее попросту арестовали. Йеннифэр, хоть и явно радовалась встрече с Геральтом, еще не забыла и не простила ей самовольную и дурацкую эскападу в Хирунд, благодаря которой, вообще-то говоря, их встреча и состоялась.

Самое ее встреча с Геральтом разочаровала и наполнила грустью. Ведьмак был

немногословен, сдержан, спокоен и явно неоткровенен. Их беседы обрывались, увязали в неоконченных, прерванных на полуслове фразах и вопросах. Глаза и мысли ведьмака убегали от нее и уходили далеко-далеко. Цири знала, куда именно.

Из комнатки в конце коридора долетало одинокое тихое пение Лютика, музыка лютни, шуршащая как ручеек по камням. Она узнала мелодию, которую бард слагал несколько дней. Баллада – Лютик хвастался этим не раз – носила название «Неуловимая» и должна была принести автору победу на ежегодном турнире бардов, проходившем поздней осенью в замке Вартбург. Цири вслушалась в слова:

Ты плывешь над мокрыми крышами —

С мятным дождиком заодно.

Меж кувшинками светло-рыжими

Ты ныряешь, ныряешь... Но

(Не шути над мечтой моею)

Я пойму тебя все равно,

О, конечно, если успею...[2]

Цокали копыта, наездники распарывали галопом ночь, на горизонте небо полыхало заревами пожаров. Хищная птица заскрипела и раскинула крылья, устремляясь в полет. Цири снова погрузилась в сон, слыша, как кто-то произносит ее имя. То это был Геральт, то Йеннифэр, то Трисс Меригольд, наконец – причем несколько раз, – незнакомая художавая светловолосая грустная девушка, смотрящая с оправленной в рог и латунь миниатюры.

Потом она увидела черно-белого кота, а мгновение спустя уже опять была этим котом, смотрела его глазами. Кругом – чужой, мрачный дом. Она видела большие шкафы, забитые книгами, освещенный несколькими свечами пюпитр, около него двух склонившихся над свитками мужчин. Один кашлял и вытирал губы платком. Другой, карлик с огромной головой, сидел в кресле на колесах. У него не было обеих ног.

– Невероятно... – вздохнул Фэнн, пробегая глазами истлевший пергамент. – Где ты взял эти документы?

– Не поверишь, если скажу, – раскашлялся Кодрингер. – Теперь ты понял, кто такая в действительности Цирилла, княжна Цинтры? Дитя Старшей Крови... Последний отпрыск этого проклятого древа ненависти! Последняя ветвь, а на ней последнее отравленное яблочко...

– Старшая Кровь... Так далеко вспять... Паветта, Калантэ, Адалия, Элен, Фиона...

– И Фалька.

– О Господи! Невозможно! Во-первых, у Фальки не было детей! Во-вторых, Фалька была законной дочерью...

– Во-первых, о юности Фальки нам не известно ничего. Во-вторых, не смей меня, Фэнн. Ты же знаешь, что при слове «законный» у меня начинаются колики. Я верю в этот документ,

потому что он кажется мне подлинным и говорит правду. Фиона, прапрабабка Паветты, была дочерью Фальки, чудовища в человеческом обличье. Черт возьми, я не верю в идиотские вещания, пророчества и прочую чепуху, но как только вспомню пророчества Итлины...

– Порченная кровь?

– Порченная, отравленная, проклятая – понимать можно по-разному. Но по легенде, если помнишь, именно Фалька была проклята, потому что Лара Доррен аэп Шиададь навела порчу на ее мать...

– Сказки, Кодрингер.

– Верно, сказки. Но знаешь, когда сказки перестают быть сказками? Как только в них начинают верить. А в сказку о Старшей Крови кое-кто верит. Особенно в ту ее часть, где говорится, что кровь Фальки породит Мстителя, который до основания разрушит старый мир, а затем на его руинах построит новый.

– И этот Мститель – Цирилла?

– Нет. Не Цирилла. Ее сын.

– А Цириллу разыскивает...

– Эмгыр вар Эмрейс, император Нильфгаарда, – холодно закончил Кодрингер. – Теперь понимаешь? Цирилла независимо от ее воли должна стать матерью наследника трона. Великого князя, которому предстоит быть Князем Тьмы, потомком дьяволицы Фальки. Мстителем. Гибель, а потом обновление мира должны, мне сдается, протекать управляемо, контролируемо.

Калека долго молчал.

– А тебе не кажется, – спросил он наконец, – что следовало бы известить Геральта?

– Геральта? – Кодрингер скривил рот. – Это еще кто такой? Уж не тот ли наивный тип, который недавно втолковывал мне, будто действует совершенно бескорыстно? Конечно, верю, он действует не ради собственной выгоды. Он действует ради чужой. Впрочем, неосознанно. Он преследует бегущего на поводке Риенса, но при этом не чувствует ошейника на собственной вые. И я должен его информировать? Помогать тем, кто хочет сам завладеть курочкой, несущей золотые яйца, чтобы шантажировать Эмгыра или влезть к нему в доверие? Нет, Фэнн, я глуп, но не настолько же.

– Ведьмак тоже бежит на поводке? На чьем?

– Подумай.

– Дьявольщина!

– Точно сказано. Единственная, кто имеет на него влияние. Которой он доверяет. Но я ей не доверяю. И никогда не доверял. Я лично включусь в эту игру.

– Опасная игра, Кодрингер.

– Безопасных игр не бывает. Есть только игры стоящие и не стоящие свеч. Фэнн, брат, ты не понимаешь, что попало нам в руки. Золотая курочка, которая не кому-то, а нам снесет огромное яйцо, все из желтенького золотца...

Кодрингер раскашлялся. Когда отнял платок ото рта, на нем были пятна крови.

– Золотом этого не излечишь, – сказал Фэнн, глядя на платок в руке компаньона. – А мне не вернешь ног...

– Как знать?

В дверь постучали. Фэнн беспокойно завертелся в кресле на колесах.

– Ты кого-то ждешь, Кодрингер?

– Да. Людей, которых посылаю на Танедд. За золотой курочкой.

– Не отворяй! – крикнула Цири. – Не отворяй дверей! За ними смерть! Не отворяй этих дверей!

– Открываю, открываю! – крикнул Кодрингер, отодвигая засов, потом повернулся к мяукающему коту: – Да сиди ты тихо, чудо в перьях...

И осекся. В дверях стояли не те, кого он ожидал. В дверях стояли трое, которых он не знал.

– Милсдарь Кодрингер?

– Хозяин выехал по делам. – «Юрист» изобразил глупейшую мину и поменял голос на слегка писклявый. – Я – камердинер хозяина, меня зовут Гломб. Микаэль Гломб. Чем могу служить?

– Ничем, – сказал один из троих, высокий полуэльф. – Коли хозяина нет, мы только оставим письмо и сообщение. Вот письмо.

– Передам незамедлительно. – Кодрингер, вживаясь в роль нерасторопного лакея, униженно поклонился, протянул руку за перевязанным красным шнурком свитком пергамента. – А сообщение?

Оплетающий рулон шнурок развернулся, как нападающая змея, рванулся вперед и туго охватил ему запястье. Высокий сильно дернул. Кодрингер потерял равновесие, качнулся вперед, чтобы не упасть на полуэльфа, инстинктивно уперся левой рукой ему в грудь. В таком положении он не мог уклониться от кинжала, которым его ткнули в живот. Он глухо застонал и хотел откатнуться назад, но закрученный на запястье магический шнур не пустил. Полуэльф снова притянул его к себе и ударил опять. Кодрингер повис на клинке.

– Вот сообщение и поздравление от Риенса, – просипел высокий полуэльф, сильно рванув кинжал кверху и потроша «юриста», как рыбу. – Отправляйся в пекло, Кодрингер, прямиком в пекло.

Кодрингер захрипел, чувствуя, как острие клинка скрипит на ребрах и грудной кости. Осел на пол, свернувшись в клубок. Хотел крикнуть, предостеречь Фэнна, но успел лишь захрипеть, и хрип тут же задушила волна крови.

Высокий полуэльф перешагнул через безвольное тело, вслед за ним в комнату вошли двое других. Люди.

Фэнн не дал застать себя врасплох.

Щелкнула тетива – один из бандитов рухнул навзничь, получив стальным шариком посередине лба. Фэнн отъехал к пюпитру, дрожащими руками попытался перезарядить арбалет.

Высокий подскочил к нему, сильным ударом перевернул кресло. Карлик покатился между раскиданными по полу бумагами. Бессильно перебирая маленькими ручками и культями ног,

он напоминал покалеченного паука.

Полуэльф пнул арбалет, выбил его из поля досягаемости Фэнна. Не обращая внимания на пытающегося ползти калеку, быстро просмотрел лежащие на пюпитре документы. Его внимание привлекла небольшая оправленная в рог и латунь миниатюра, изображающая светловолосую девочку. Он поднял миниатюру вместе с прикрепленным к ней листком.

Другой бандит бросил убитого друга, приблизился. Полуэльф вопросительно поднял брови. Бандит отрицательно покрутил головой.

Полуэльф спрятал за пазуху миниатюру и несколько прихваченных с пюпитра документов. Потом вынул из бокала пучок перьев и зажег их от свечи. Медленно вращая, чтобы получившаяся кисть как следует разгорелась, бросил на пюпитр, в свитки, которые тут же занялись огнем.

Фэнн вскрикнул.

Высокий полуэльф снял с уже горящего стола бутылку с жидкостью для вытраивания чернил, встал над мечущимся карликом и вылил на него все содержимое. Фэнн протяжно завыл. Второй бандит стащил со стеллажа полную охапку свитков и привалил ими калеку.

Огонь с пюпитра взвился к потолку. Вторая бутылка, поменьше, с жидкостью для проявления текста, с грохотом взорвалась, пламя лизнуло стеллаж. Свитки, рулоны и папки начали темнеть, сворачиваться и как бы оживать. Фэнн выл. Высокий отступил от горящего пюпитра, свернул из бумаг трубку и зажег ее. Другой бандит накинуд на калеку еще одну охапку свитков.

Фэнн выл.

Полуэльф стоял над ним, держа в руке пылающий факел.

Черно-белый кот Кодрингера уселся на ближайшем заборчике. В его желтых глазах плясало отражение пожара, превращающего дружественную ночь в жуткую пародию дня. Вокруг кричали: «Горит! Горит! Воры!» К дому сбегались люди. Кот замер, глядя на них с удивлением и презрением. Эти глупцы явно стремились туда, к огненному аду, из которого ему едва удалось выбраться.

Равнодушно отвернувшись, кот Кодрингера принялся вылизывать лапку, вымазанную кровью.

Цири проснулась вся в поту, до боли стискивая руками простыню. Кругом стояла тишина и мягкий сумрак, словно кинжалом пронзенный лучом лунного света.

Пожар. Огонь. Кровь. Кошмар... Не помню, ничего не помню...

Она глубоко вдохнула свежий ночной воздух. Ощущение духоты исчезло. Она знала почему.

Защитные заклинания больше не действовали.

Что-то случилось, подумала Цири, вскочила с кровати и быстро оделась. Прицепила кордик. Меча у нее не было, Йеннифэр отняла его и передала на хранение Лютику. Поэт уже наверняка спал, а в Локсии стояла тишина. Цири подумала было, не пойти ли и не разбудить, но тут почувствовала в ушах сильную пульсацию и шум крови.

Вливающаяся через окно струя лунного света превратилась в дорогу. На конце дороги, очень далеко, были двери. Двери раскрылись, в них стояла Йеннифэр.

Иди.

За спиной чародейки раскрывались новые двери. Одна за другой. Бесконечное множество. Во мраке туманно проступали черные столбы колонн. А может, статуй. Я сплю, подумала Цири, сама не веря в это. Я сплю. Никакая это не дорога, это свет, полоса света. По ней невозможно идти.

Иди.

Цири пошла.

Если б не дурацкие принципы ведьмака, не его нежизненная щепетильность, многие дальнейшие события протекали бы совершенно иначе. Многое вообще не случилось бы. И тогда история мира покатила бы по-другому.

Но история мира покатила так, как покатила, – и исключительной тому причиной был тот факт, что у ведьмака были принципы. Проснувшись утром и почувствовав потребность сделать то, что на его месте сделал бы каждый, то есть выйти на балкончик и помочиться в цветочницу с настурциями, Геральт поступил иначе. Он был щепетил и принципиален. Он тихонько оделся, не будя крепко спящую Йеннифэр, которая лежала неподвижно и, казалось, не дышала. Да, он оделся и вышел из комнатки в сад.

Банкет еще продолжался, но, судя по звукам, подходил к концу. Алхимики бы сказали – это были следы банкета. В окнах бальной залы все еще горели огни, свет заливал атриум и клумбы с пионами. Поэтому ведьмак прошел немного дальше, к самым густым кустам, и там загляделся на светлое небо, уже разгорающееся на горизонте пурпурной полосой утренней зари.

Когда он неспешно возвращался, размышляя о важных проблемах, его медальон сильно дернулся. Ведьмак придержал его ладонью, чувствуя пронизывающую тело вибрацию. Было ясно – в Аретузе кто-то выкрикивал заклинания. Геральт наострил уши и услышал приглушенные крики, грохот и гул, доносящиеся с галереи в левом крыле дворца.

Любой другой на его месте немедленно бы развернулся и отправился в противоположную сторону, сделав вид, будто ничего не слышал. И тогда история мира, возможно, покатила бы иначе. Но ведьмак был щепетил и привык поступать в соответствии с дурацкими, нежизненными принципами.

Когда он вбежал на галерею, а затем в коридор, там уже шел бой. Несколько бандитов в серых куртках пытались заковать поваленного на пол невысокого роста чародея. Операцией командовал Дийкстра, шеф разведки Визимира, короля Редании. Прежде чем Геральт успел что-либо предпринять, двое бандитов приперли его к стене, а третий приставил к груди трехзубый наконечник корсеки.

На всех бандитах были медальоны с реданским орлом.

– Это называется «попал в дерьмо и не чирикай», – тихо пояснил Дийкстра, приближаясь. – А у тебя, ведьмак, похоже, врожденный талант попадать куда не надо. Стой спокойно и постарайся не привлекать к себе внимания.

Реданцы наконец осилили невысокого чародея и подняли его с пола, держа за руки. Это был Артауд Терранова, член Капитула.

Позволявший видеть подробности свет исходил из шара, висящего над головой Кейры Мец, чародейки, с которой Геральт вечером болтал на банкете. Он едва узнал ее – она сменила воздушный гипюр на строгий мужской наряд, а на боку у нее висел кинжал.

– Заковать его! – кратко приказала она. В ее руке звякнули наручники, изготовленные из голубоватого металла.

– Не смей! – крикнул Терранова. – Не смей, Мец! Я – член Капитула.

– Был. Теперь ты обыкновенный предатель. И поступят с тобой как с предателем. Обыкновенным.

– А ты – паршивая, продажная девка, которая...

Кейра отступила на шаг, развернулась в бедрах и изо всей силы ударила его кулаком по лицу. Голова чародея отлетела назад, и на какое-то мгновение Геральту показалось, что она вот-вот оторвется от туловища. Терранова обмяк в руках державших его людей, из носа и рта потекла кровь. Второй раз чародейка не ударила, хотя уже занесла руку. Ведьмак заметил латунный высверк кастета на ее пальцах. И не удивился. Кейра была щупловата, такой удар не мог быть нанесен голой рукой.

Он не пошевелился. Бандиты держали его крепко, а острия корсеки продолжали упираться в грудь. Неизвестно, кстати, стал ли бы он шевелиться, если б был свободен, да и знал ли бы, как поступить.

Реданцы защелкнули наручники на вывернутых за спину руках чародея. Терранова закричал, задержался, согнулся, захрипел в позыве рвоты. Геральт уже понял, из чего сделаны наручники. Это был сплав железа и двимерита, редкого минерала, обладающего свойством глушить магические способности. Такое глушение сопровождалось довольно неприятными для маиков побочными явлениями.

Кейра Мец подняла голову, откинула волосы со лба. И тут увидела Геральта.

– А он что тут делает, черт побери? Как он-то сюда попал?

– Да вот – попал, – равнодушно ответил Дийкстра. – Хобби у него такое – попадать куда не следует. Что с ним делать?

Кейра помрачнела, несколько раз топнула каблуком сапожка.

– Стереги. У меня сейчас нет времени.

Она быстро ушла, за ней последовали реданцы, волоча Терранову. Светящийся шар поплыл следом за чародейкой, но уже наступало утро, быстро светлело. По знаку Дийкстры наемные убийцы отпустили Геральта. Шпион подошел и заглянул ведьмаку в глаза.

– Сохраняй полное спокойствие.

– Что тут происходит? Что это...

– И полное молчание.

Кейра Мец вернулась очень скоро и не одна. Сопровождал ее чародей с льняными волосами, которого вчера представили Геральту как Детмольда из Бан Арда. Увидев ведьмака, он выругался, стукнул кулаком по ладони:

– Дьявольщина! Это тот самый, который так нравится Йеннифэр?

– Он, – подтвердила Кейра. – Геральт из Ривии. Проблема в том, что я не знаю, как обстоят дела у Йеннифэр...

– Я тоже не знаю, – пожал плечами Детмольд. – Во всяком случае, он уже впутался. Слишком

много видел. Отведите его к Филиппе, она решит. Наденьте на него наручники.

– В этом нет необходимости, – медленно проговорил Дийкстра. – Я за него ручаюсь. Отведу куда следует.

– Все складывается прекрасно, – кивнул Детмольд. – У нас со временем туго. Пошли, Кейра, наверху все осложняется...

– Ну и горячатся, – буркнул реданский шпион, глядя вслед уходящим. – Нет опыта, вот в чем дело. А путчи и перевороты – это как окрошка. Ее положено есть холодной. Пошли, Геральт. И помни: спокойно, с достоинством, без фокусов. Не заставляй меня сожалеть о том, что я не дал тебя заковать или связать.

– Что тут творится, Дийкстра?

– Ты еще не догадался? – Шпион шел рядом, трое реданцев держались позади. – Ну скажи честно, ведьмак, как получилось, что ты сюда заявился?

– Боялся, настурции завянут.

– Геральт, – криво взглянул на него Дийкстра. – Ты вляпался в дерьмо по самую макушку. Сейчас вынырнул и держишь рот над поверхностью, но ногами все еще не достал дна выгребной ямы. Тебе подают руку помощи, рискуя свалиться туда же и испоганиться. Перестань строить из себя идиота. Прийти сюда тебе велела Йеннифэр, верно?

– Нет. Йеннифэр спит в тепленькой постельке. Успокоился?

Тучный шпик резко отвернулся, схватил ведьмака за плечи и припер к стене коридора.

– Нет, не успокоился, ты, идиотский кретин, – зашипел он. – Неужели все еще не понял, дурень, что порядочные, верные королям чародеи сегодня ночью не спят? Что они вообще не ложились в постельки? В теплых постельках спят подкупленные Нильфгаардом предательницы. Предательницы, которые сами готовили путч, но не на сегодня. Они не знали, что их планы и намерения раскрыты. И именно сейчас их вытаскивают из теплых постелек, бьют кастетами по зубам, надевают наручники из двимерита. С предателями покончено, понимаешь? Если не хочешь отправляться на дно вместе с ними, перестань прикидываться идиотом! Вчера вечером Вильгефорц привлек тебя на свою сторону? Или, может, еще раньше это сделала Йеннифэр? Говори! Быстро, потому что дерьмо уже начинает заливать тебе рот!

– Окрошка, Дийкстра, – напомнил Геральт. – Проводи меня к Филиппе. Спокойно, с достоинством и без фокусов.

Шпион отпустил его, отступил на шаг.

– Идем, – сказал он холодно. – По этой лестнице наверх. Но нашу беседу мы еще закончим. Это я тебе обещаю.

Там, где сходились четыре коридора, у поддерживающей свод колонны было светло от фонарей и магических шаров. Здесь толпились реданцы и чародеи. В числе последних – члены Совета: Радклифф и Сабрина Глевиссиг. Сабрина, как и Кейра Мец, была в черном мужском костюме. Геральт понял, что в происходящем у него на глазах путче стороны можно различать по одежде.

На полу, склонившись над телом, лежащим в луже крови, стояла на коленях Трисс Меригольд. Геральт узнал Лидию ван Бредевоорт. По волосам и шелковому платью. По лицу бы не узнал, потому что лица у нее уже не было, а был чудовищно жуткий череп с

приоткрытыми до половины щек зубами и деформированной, запавшей, скверно сросшейся челюстью.

– Прикройте ее, – сухо сказала Сабрина Глевиссиг. – Когда она скончалась, фантом развеялся. Черт побери, да закройте же ее чем-нибудь!

– Как это случилось, Радклифф? – спросила Трисс, отдергивая руку от позолоченной рукояти стилета, торчавшего пониже грудины Лидии. – Как это могло случиться? Ведь трупов не должно было быть!

– Она напала на нас, – буркнул чародей, опуская голову. – Когда выводили Вильгефорца, она кинулась на нас. В неразберихе... Я и сам не знаю, как получилось... Это ее собственный стилет.

– Закройте ей лицо! – Сабрина быстро отвернулась. Увидела Геральта, ее хищные, антрацитово-черные глаза полыхнули пламенем. – А этот откуда взялся?

Трисс мгновенно вскочила, прильнула к ведьмаку. Геральт увидел перед глазами ее ладонь, потом вспышку и медленно погрузился в темноту. Почувствовал руку на воротнике и резкий рывок.

– Держите его, а то упадет. – Голос Трисс был неестественным, в нем звучал притворный гнев. Она снова дернула его так, чтобы он на мгновение оказался рядом с ней.

– Прости, – услышал он быстрый шепот. – Так надо.

Люди Дийкстры поддержали его.

Он пошевелил головой и переключился со зрения на другие органы чувств. В коридорах царил оживление, воздух колебался, приносил ароматы. И голоса. Сабрина Глевиссиг ругалась. Трисс уговаривала ее. Воняющие казармой реданцы тащили по полу бессильное тело, шепчущее шелком платья. Кровь. Запах крови. И запах озона. Запах магии. Возбужденные голоса. Шаги, нервный стук каблучков.

– Поспешите! Дело затягивается! Мы уже должны быть в Гарштанге! – Филиппа Эйльхарт. Нервничает. – Сабрина, быстро отыщи Марти Содергрэн. Если понадобится, вытащи ее из постели. Гедымгейту плохо. Скорее всего сердце. Пусть Марти займется. Но ничего не говори ни ей, ни тому, с кем она спит. Трисс, найди и доставь в Гарштанг Доррегарая, Дрительма и Кардуина.

– Зачем?

– Они представляют здесь королей. Пусть проинформируют Этайна и Эстерада о нашей акции и ее результатах. Отведешь их... Трисс, у тебя на руке кровь! Кто?

– Лидия.

– Дьявольщина! Когда? Как?

– Разве важно как? – Холодный, спокойный голос. Тиссая де Врие. Шелест платья. Тиссая была в бальном платье. Не в реданской униформе. Геральт прислушался, но не услышал звона оков из двимерита.

– Прикидываешься взволнованной? – повторила Тиссая. – Отчаявшейся? Когда организуют мятежи, когда ночью приводят вооруженных убийц, следует считаться с возможными жертвами. Лидия мертва. Хен Гедымгейт при смерти. Я только что видела Терранову с изуродованным лицом. Сколько еще будет жертв, я тебя спрашиваю, Филиппа Эйльхарт?

– Не знаю, – жестко ответила Филиппа. – Но я не отступлю.

– Конечно. Ты не отступаешь никогда и ни перед чем.

Дрогнул воздух, каблуки застучали по полу в знакомом ритме. Филиппа шла к нему. Он запомнил нервный постук ее каблуков, когда вчера они вместе проходили через залу Аретузы, чтобы полакомиться икрой. Запомнил аромат корицы и нарда. Сейчас этот аромат смешивался с запахом соды. Геральт категорически исключал возможность своего участия в каком-либо перевороте или путче, но подумал: а стал бы он сначала чистить зубы, а уж потом поднимать мятеж?

– Он тебя не видит, Филь, – спокойно сказал Дийкстра. – Он ничего не видит и ничего не видел. Вон та красотка с прекрасными волосами ослепила его.

Геральт слышал дыхание Филиппы и фиксировал каждое ее движение, но растерянно пошевелил головой, изображая беспомощность. Чародейка не дала себя обмануть.

– Не прикидывайся, Геральт. Трисс затмила тебе взор, но ведь не лишила разума. Каким чудом ты тут оказался?

– Меня прихватили случайно. Где Йеннифэр?

– Блажен неведающий. – В голосе Филиппы не было насмешки. – Ибо проживет дольше. Благодарю Трисс. Это было мягкое заклинание, слепота скоро пройдет. Зато ты не видел того, чего тебе видеть нельзя. Присмотри за ним, Дийкстра. Я сейчас вернусь.

Снова движение. Голоса. Звучное сопрано Кейры Мец, немного гундосый бас Радклиффа. Стук реданских сапожищ. И возбужденный голос Тиссаи де Врие:

– Отпустите ее! Как вы смели? Как вы смели так с ней поступить?

– Это предательница! – Радклифф. С прононсом.

– Ни за что не поверю!

– Кровь – не водица. – Холодно. Филиппа Эйльхарт. – А император Эмгыр обещал эльфам свободу. И собственное независимое государство. Здесь, на этих землях. Разумеется, после того, как будут вырезаны люди. И этого хватило, чтобы она тут же нас предала.

– Ответь! – Тиссая де Врие. Возбужденно. – Ответь ей, Энид!

– Ответь, Франческа!

Звон кандалов из двимерита. И певучий эльфский акцент Франчески Финдабаир, Маргаритки из Долин, самой красивой женщины мира:

– Va vort a me, Dh'oine. N'aen te a dice'n.

– Тебе этого достаточно, Тиссая? – Голос Филиппы словно лай. – Теперь согласишься? Ты, я, все мы есть и всегда были для нее Dh'oine, людьми, которым ей, Aen Seidhe, нечего сказать. А ты, Феркарт? Что тебе пообещали Вильгефорц и Эмгыр, коли ты решился на предательство?

– Иди ты к дьяволу, спятившая проститутка!

Геральт затаил дыхание, но не услышал удара кастетом по челюсти. Филиппа была гораздо сдержаннее Кейры. Или же у нее не было кастета.

– Радклифф, забирай предателей в Гарштанг! Детмольд, подай руку гроссмейстеру де Врие. Идите. Я сейчас присоединюсь.

Шаги. Аромат корицы и нарда.

– Дийкстра?

– Слушаю, Филь.

– Твои подчиненные больше не нужны. Пусть возвращаются в Локсию.

– Я верно понял?

– В Локсию, Дийкстра!

– Слушаюсь, милостивая государыня. – В голосе шпиона прозвучала насмешка. – Лакеи сделали свое дело, лакеи могут уходить. Теперь это уже забота исключительно одних чародеев. А посему я незамедлительно исчезаю с прекрасных глаз вашего высочества. Благодарности за помощь и соучастие в путче не ожидаю, но уверен, что ваше высочество сохранит меня в своей благодарной памяти.

– Прости, Сигизмунд. Благодарю за помощь.

– Не за что. Было чрезвычайно приятно. Эй, Воймир, собирай людей! Пятеро останутся со мной. Остальных отведи вниз и посади на «Шпагу». Только тихонько, на цыпочках, без шума, без фортелей. Боковыми коридорами. В Локсии и в порту – ни-ни! Выполняй!

– Ты ничего не видел, Геральт, – шепотом сказала Филиппа Эйльхарт, пахнув на ведьмака корицей, нардом и содой. – Ничего не слышал. С Вильгефорцем никогда не беседовал. Сейчас Дийкстра заберет тебя в Локсию. Я постараюсь отыскать тебя там, когда... Когда все кончится. Я кое-что обещала тебе вчера и свое слово сдержу.

– Что с Йеннифэр?

– У него, кажется, заскок. – Дийкстра вернулся, шаркая ногами. – Йеннифэр, Йеннифэр... Йеннифэр – и ничего больше! Оскомину набило. Не обращай на него внимания, Филь. Есть дела поважнее. У Вильгефорца нашли что-нибудь?

– Да. Пожалуйста, это тебе.

– Ого! – Шелест разворачиваемой бумаги. – Ого! Ого! Ого! Прекрасно! Герцог Нитерт. Отлично! Барон...

– Пожалуйста, без имен! И очень тебя прошу: вернувшись в Третогор, не начинай сразу с экзекуций. Не вызывай скандалов прежде времени.

– Не бойся. Парни из этого списка, столь падкие на нильфгаардское золото, в безопасности. Пока. Это будут мои любимейшие марионетки. Для начала подвяжу им ниточки к ручкам и ножкам. А позже накинута шнурочки на шейки... А что, были и другие письма? Предатели из Каэдвена, из Темерии, из Аэдирна? Рад был бы взглянуть на них. Хотя бы одним глазком...

– Знаю, что был бы рад. Но это не моя работа. Те письма добыли Радклифф и Сабрина Глевиссиг, уж эти-то знают, как с ними поступить. А теперь – прощай. Я спешу.

– Филь...

– Слушаю?

– Верни ведьмаку зрение. Чтобы не спотыкался на лестнице. * * *

В бальной зале Аретузы банкет все еще продолжался, но сменил характер на более традиционный и непринужденный. Столы передвинули, чародейки и чародеи натаскали в залу где-то раздобытые стулья, кресла и табуретки, расселись и предались разнообразным увеселениям, большинство которых не отличалось особой тактичностью. Многочисленная группа, окружив большущий бочонок первача, болтала и время от времени раздражалась безудержным смехом. Те, кто еще совсем недавно деликатно покалывал изысканные закуски серебряными вилками, теперь бесцеремонно обгладывали бараньи ребрышки, ухватив их обеими руками. Несколько магов резались в карты, наплевав на окружающих, многие спали. В углу какая-то парочка бурно целовалась, и азарт, с которым это делалось, указывал на то, что поцелуями дело не ограничится.

– Ты только взгляни на них, ведьмак, – перегнулся Дийкстра через поручень галереи, рассматривая чародеев сверху. – Как они самозабвенно веселятся. А тем временем их Совет скрутил чуть ли не весь Капитул и судит за измену и кумовство с Нильфгаардом. Глянь на эту парочку. Сейчас они кинутся искать укромный уголок и еще не успеют натрахаться вдосыть, как Вильгефорц будет висеть. Нет, удивителен все-таки этот мир...

– Заткнись, Дийкстра.

Дорога, ведущая в Локсию, вгрызалась зигзагом ступеней в склон горы. Ступени соединяли террасы, украшенные запущенными теперь живыми изгородями, клумбами и увядшими агавами в горшках. На одной из террас Дийкстра остановился, подошел к стене, к ряду каменных химерьих голов, из пастей которых сочилась вода. Наклонился и долго пил.

Ведьмак подошел к балюстраде. Море искрилось золотом, небо выглядело еще более кичовым, чем на картинах в Галерее Славы. Внизу виднелся отряд отосланных из Аретузы реданцев, строем направляющихся в порт. Сейчас они как раз переходили мостик, стягивающий берега каменного ущелья.

Неожиданно внимание Геральта привлекла одинокая яркая фигура, бросавшаяся в глаза потому, что она быстро двигалась в сторону, противоположную реданцам. В Аретузу.

– Ну, – кашлянув, поторопил его Дийкстра. – Пора в путь-дорогу...

– Если тебе невтерпех, можешь идти один.

– Как же, – поморщился шпион. – А ты вернешься наверх спасать свою ненаглядную Йеннифэр. И набезобразничаешь не хуже перепившего гнома. Пошли в Локсию, ведьмак. Или у тебя галлюцинации, или еще что-то в том же роде? Ты думаешь, я вытащил тебя из Аретузы из чувства долго скрываемой любви? Как бы не так. Я вытащил тебя потому, что ты мне нужен.

– Зачем?

– Прикидываешься? В Аретузе учатся двенадцать девиц из самых знатных семей Редании. Я не могу конфликтовать с глубокоуважаемой ректоршей Маргаритой Ло-Антиль. Ректорша не выдаст мне Цириллу, княжну Цинтры, которую Йеннифэр привезла на Танедд. А тебе выдаст. Если попросишь.

– Откуда такое смехотворное предположение, что я попрошу?

– Из смехотворного предположения, что ты захочешь обеспечить Цирилле безопасность. Под моим присмотром, под опекой короля Визимира она будет в безопасности. В Третогоре. На Танедде этого нет и не будет. Воздержись от ехидных замечаний. Да, я знаю, вначале планы

королей относительно девочки не отличались особым вкусом. Но все изменилось. Сейчас стало ясно, что живая, здоровая и находящаяся в безопасности Цирилла может сыграть в надвигающейся бойне роль гораздо более существенную, нежели десять полков тяжелой конницы. Мертвая же она и гроша ломаного не стоит.

– Филиппа Эйльхарт знает о твоих планах?

– Нет. Она не знает даже, что мне известно о том, что девочка находится в Локсии. Моя некогда столь обожаемая Филь высоко задирает нос, но пока еще в Редании правит король Визимир. Я выполняю приказы Визимира, интриги чародеев меня мало волнуют. Цири сядет на «Шпагу» и отправится в Новиград, а оттуда – в Третогор. И будет в безопасности. Ты мне веришь?

Ведьмак наклонился к одной из химер, отпил воды, льющейся из чудовищной пасти.

– Веришь? – повторил Дийкстра, стоя над ним.

Геральт выпрямился, вытер губы и изо всей силы двинул его по щеке. Шпион покачнулся, но не упал. Ближайший из реданцев подскочил и хотел схватить ведьмака, но схватил воздух и тут же сел, выплевывая кровь и зуб. На Геральта сразу накнулись остальные, возникла толкучка, беспорядок, хаос и сутолока. А как раз это-то ведьмаку и было надо.

Один реданец с грохотом врезался в каменную морду химеры. Струящаяся из пасти вода мгновенно стала красной. Другой получил костяшками кулака по кадыку, согнулся, словно у него вырвали гениталии. Третий, отхватив локтем в глаз, со стоном отскочил. Дийкстра облапал ведьмака медвежьей хваткой, Геральт сильно ударил его каблуком по ступне, шпион взвыл и смешно заплясал на одной ноге.

Очередной бандюга хотел рубануть ведьмака кордом, но только рассек воздух. Геральт схватил его одной рукой за локоть, другой – за запястье, завертел, повалив на землю двух других, пытавшихся встать. Бандюга был силен и не подумал выпустить из рук корд. Геральт нажал сильнее и с хрустом сломал ему руку.

Дийкстра, продолжая прыгать на одной ноге, поднял с земли корсеку и собирался пригвоздить ведьмака к стене трехзубым острием. Геральт уклонился, схватил древко обеими руками и использовал хорошо знакомый ученым принцип рычага. Шпион, видя растущие на глазах кирпичи и щели стены, отпустил корсеку, но было поздно: избежать удара промежностью по истекающей водой морде химеры ему не удалось.

Геральт воспользовался корсекой, чтобы свалить с ног очередного убийцу, потом уперся древком в пол и ударом сапога переломил его, сократив до размеров меча. Для начала испытал палку, хлопбытнув по шее Дийкстру, все еще сидящего верхом на химерьей голове, и тут же утихомирил дылду со сломанной рукой. Швы дублета давно разошлись под обеими подмышками, и ведьмак чувствовал себя гораздо свободнее.

Последний, еще державшийся на ногах парень тоже налетел на ведьмака с корсекой, думая, что ее длина дает ему преимущество. Геральт ударил его по переносице. Парень с разгону уселся на горшок с агавой. Другой реданец, слишком уж упрямый, вцепился зубами в ляжку ведьмаку и больно укусил. Ведьмак разозлился не на шутку и сильным пинком лишил грызуна возможности грызть вообще что-либо и когда-либо.

На ступени вбежал запыхавшийся Лютик, увидел, что творится, и побледнел как бумага.

– Геральт! – завопил он спустя секунду. – Цири исчезла! Нету ее.

– Так я и думал. – Ведьмак наградил палкой очередного реданца, не желавшего лежать

спокойно. – Заставляешь себя ждать, Лютик. Я тебе еще вчера сказал: если что-то случится – мчись со всех ног в Аретузу. Меч принес?

– Оба!

– Второй – Цирин, идиот. – Геральт походя треснул детину, пытавшегося выбраться из горшка с агавой.

– Я в мечях не разбираюсь, – просипел поэт. – Слушай, да перестань ты их лупцевать! Не видишь реданских орлов, что ли? Они – люди короля Визимира! Твои действия означают бунт и измену, за это можно угодить в узилище...

– На эшафот, – с трудом ворочая языком, проговорил Дийкстра, выхватывая кинжал и приближаясь нетвердыми шагами. – Оба пойдете на эшафот...

Больше он ничего сказать не успел, потому что упал на четвереньки, получив в висок обломком древка корсеки.

– Колесование, – угрюмо оценил Лютик. – А предварительно – раскаленные клещи...

Ведьмак пнул шпиона по ребрам. Дийкстра перевернулся на бок, как прибитый лось.

– Четвертование, – вынес приговор поэт.

– Прекрати, Лютик. Давай сюда оба меча. И уматывай, да побыстрее. Беги с острова. Беги как можно дальше!

– А ты?

– Возвращаюсь наверх. Надо спасти Цирин... и Йеннифэр. Дийкстра, лежи смирненько и оставь в покое кинжал!

– Это тебе даром не пройдет, – выдохнул шпион. – Я приведу своих. Я пойду за тобой...

– Не пойдешь.

– Пойду. У меня на борту «Шпаги» пятьдесят человек...

– А цирюльника среди них нет?

– Чево-о-о?!

Геральт зашел шпику за спину, наклонился, схватил его за ногу, дернул, резко и очень сильно крутанул. Хрустнуло. Дийкстра взвыл и потерял сознание. Лютик вскрикнул так, словно это был его собственный сустав.

– То, что с моими останками сделают после четвертования, – буркнул ведьмак, – меня уже мало волнует.

В Аретузе стояла тишина. В Бальной Зале остались одни слабаки, которым уже не доставало сил шуметь. Геральт не стал туда заходить, не хотел, чтобы его видели.

Не без труда отыскал комнату, в которой провел ночь с Йеннифэр. Коридоры дворца составляли самый настоящий лабиринт и все выглядели одинаково.

Тряпичная куколка глядела на него глазками-пуговками.

Он присел на кровать, крепко обхватил голову руками. На полу крови не было. Но на спинке

стула висело черное платье. Йеннифэр переделалась. В мужскую одежду, униформу заговорщиков?

Либо ее вытащили в исподнем. В кандалах из двимерита?

В оконной нише сидела Марти Содергрэн, целительница. Услышав шаги, подняла голову. Щеки у нее были мокрыми от слез.

– Хен Гедымгейт скончался, – сказала она ломким голосом. – Сердце. Я ничего не могла сделать... Почему меня вызвали так поздно? Сабрина ударила меня. По лицу. Почему? Что случилось?

– Ты Йеннифэр видела?

– Нет. Оставь меня. Я хочу побыть одна.

– Покажи мне кратчайший путь в Гарштанг. Пожалуйста. * * *

Выше Аретузы были три зарешеченные террасы, дальше склон горы становился обрывистым и недоступным. Над обрывом возносился Гарштанг. У основания дворец был темным, гладким, прилепившимся к скалам каменным блоком. Лишь самый высокий уровень поблескивал мрамором и витражами окон, да золотилась на солнце облицовка куполов.

Мощенная булыжником дорога, ведущая в Гарштанг и дальше на вершину, змеей обвивала гору. Однако была еще одна дорога, более короткая, – лестницы, соединяющие террасы, под самым Гарштангом уходящие в черную пасть туннеля. Именно на них указала ведьмаку Марти Содергрэн.

Туннель оканчивался мостом, связывающим края пропасти. За мостом лестница шла круто вверх и сворачивала, скрываясь за каменным изломом. Ведьмак пошел быстрее.

Перила лестницы украшали фигурки фавнов и нимф. Фигурки словно шевелились и казались живыми. Медальон ведьмака начал сильно дрожать.

Геральт протер глаза. Кажущееся движение фигурок объяснялось тем, что камень, из которого они были вытесаны, со временем местами выветрился, был изъеден морской солью и стал пористым. К тому же, когда он проходил мимо, его глазам являлись другие участки камня.

Маскирующая Танедд иллюзия колебалась, исчезала. Мостик тоже частично был иллюзорным. Сквозь дырявый как решето камуфляж проглядывала пропасть и грохочущий на дне водопад.

Здесь не было темных плит, указывающих безопасный путь. Геральт перешел мостик медленно, проверяя каждый шаг, проклиная в душе потерю времени. Оказавшись по другую сторону пропасти, он услышал шаги человека и узнал его сразу.

Сверху по лестнице сбегал Доррегарай, чародей, состоящий на службе у короля Этайна из Цидариса. Геральт помнил слова Филиппы Эйльхарт. Чародеев – представителей нейтральных королей пригласили в Гарштанг в качестве наблюдателей. Но Доррегарай мчался по лестнице с такой скоростью, что было ясно: приглашение внезапно отменили.

– Доррегарай!

– Геральт? – засопел чародей. – Ты что тут делаешь? Не стой, беги! Быстрее вниз, в Аретузу!

– Что случилось?

– Предательство.

– Что?!

Доррегарай неожиданно вздрогнул, как-то странно кашлянул, сразу же наклонился и упал прямо на ведьмака. Прежде чем Геральт успел подхватить его, он заметил стержень серо-перистой стрелы, торчащей у чародея из спины. Схватив чародея, он покачнулся, и это спасло ему жизнь, потому что вторая такая же стрела, вместо того чтобы пробить ему горло, ударила в слащаво ухмыляющуюся физиономию каменного фавна, отколов тому нос и часть щеки. Ведьмак отпустил Доррегарая и спрятался за балюстрадой лестницы. Чародей повалился на него.

Стрелков было двое. Их шапки украшали беличьи хвосты. Один остался наверху лестницы, натянув тетиву лука, второй выхватил из ножен меч и помчался вниз, перепрыгивая сразу через несколько ступенек. Геральт скинул с себя Доррегарая, вскочил, вытащил меч. Запела стрела, ведьмак прервал ее пение, отразив наконечник быстрым ударом клинка. Второй эльф был уже близко, но, увидев отбитую стрелу, на мгновение остановился. Только на мгновение – и тут же кинулся на ведьмака, замахнувшись мечом. Геральт парировал удар быстро, коротко, укосом, так, чтобы клинок эльфа скользнул по клинку его меча. Эльф потерял равновесие, ведьмак медленно развернулся и рубанул его по шее, под ухо. Только один раз. Этого было достаточно.

Стрелок на верхней ступени лестницы снова натянул лук, но тетиву отпустить не успел. Что-то сверкнуло, эльф крикнул, раскинул руки, плашмя повалился на лестницу, а огненная молния с шипением пролетела над ним, обратив в пыль фигурку фавна.

– Прекрати! – крикнул Геральт. – Это я, ведьмак!

– Черт побери, – выдохнул подбежавший чародей. Геральт не видел его на банкете. – Я принял тебя за одного из эльфьих бандюг... Что с Доррегараем? Жив?

– Кажется, да...

– Быстрее. На ту сторону моста.

Они перетаскивали Доррегарая, к счастью, удачно, потому что в спешке не обращали внимания на раскачивающуюся и исчезающую иллюзию. Никто за ними не гнался, несмотря на это, чародей вытянул руку, проговорил заклинание, и очередная молния развалила мост. По стенам пропасти загрохотали камни.

– Это должно их задержать, – проговорил он.

Ведьмак отер струйку крови, текущую изо рта Доррегарая.

– У него пробито легкое. Помочь сможешь?

– Я могу, – сказала Марти Содергрэн, с трудом взбираясь по лестнице со стороны Аретузы, от туннеля. – Что тут происходит, Кардуин? Кто его подстрелил?

– Соя'таэль. – Чародей отер лоб рукавом. – В Гарштанге продолжается бой. Треклятая банда, одни лучше других! Филиппа ночью заковывает в кандалы Вильгефорца, Вильгефорц и Франческа Финдабаир вызывают на остров «белок»! А Тиссая де Врие... Дьявольщина, эта натворила дел!

– Говори понятнее, Кардуин!

– Не до болтовни сейчас! Я бегу в Локсию, оттуда немедленно телепортируюсь в Ковир. А эти тут, в Гарштанге, пусть перебьют друг дружку! Все это уже потеряло всякий смысл! Война! Здешнюю драчку затеяла Филиппа, чтобы дать королям повод начать войну с Нильфгаардом! Мэва из Лирии и Демавенд из Аэдирна спровоцировали Нильфгаард! Вы это понимаете?

– Нет, – сказал Геральт. – И не хотим понимать. Где Йеннифэр?

– Прекратите! – крикнула Марти Содергрэн, наклонившись над Доррегараем. – Помогите мне! Поддержите его. Я не могу вытащить стрелу.

Они помогли. Доррегарай стонал и дергался, ступени лестницы тоже дрожали. Геральт вначале думал, что это результат магических заклинаний целительницы, но это был Гарштанг. Неожиданно разлетелись витражи, в окнах дворца замерцал огонь, за клубился дым.

– Продолжают драться, – скрежетнул зубами Кардуин. – Там все кипит, заклинание на заклинании...

– Заклинания? В Гарштанге? Там же антимагическая аура!

– Тиссаина работа! Она наконец выбрала, на чью сторону встать. Сняла блокаду, рассеяла ауру и нейтрализовала димерит. Тогда все кинулись друг на друга. Вильгефорц и Терранова с одной стороны, Филиппа и Сабрина – с другой... Треснули колонны и обвалился потолок... А Франческа отворила входы в подземелья, оттуда вдруг выскочили эти чертовы эльфы... Мы кричали им, что мы нейтральны, но Вильгефорц только рассмеялся. Не успели мы организовать заслон, как Дрительм получил стрелу в глаз, Рейеана превратили в утыканного стрелами ежа... Дальше я ждать не стал. Марти, долго еще? Надо сматываться.

– Доррегарай не сможет идти. – Целительница отерла окровавленные руки о белое бальное платье. – Телепортируй нас, Кардуин.

– Отсюда? Да ты никак спятила. Слишком близко Тор Лара. Портал Лара эмитирует и искривит любую телепортировку. Отсюда нельзя телепортироваться!

– Он не может идти! Я должна остаться с ним...

– Так оставайся, – встал Кардуин. – И ликуй! Мне моя жизнь дороже! Я возвращаюсь в Ковир. Ковир – нейтрален!

– Блеск! – Ведьмак плюнул вслед исчезающему в туннеле чародею. – Дружба и солидарность! Но и я не могу с тобой остаться, Марти. Я должен идти в Гарштанг. Твой нейтральный собрат развалил мост. Другая дорога есть?

Марти Содергрэн шмыгнула носом. Потом подняла голову и утвердительно кивнула.

Он был уже у стены Гарштанга, когда на голову ему свалилась Кейра Мец.

Указанная целительницей дорога вела через висячие сады, соединенные серпантинами лестниц. Лестницы густо заросли плющом и душистой жимолостью. Растения усложняли подъем, зато давали укрытие. Геральту удалось незамеченным пробраться к самой стене дворца. Кейра свалилась на него в тот момент, когда он искал вход. Оба упали в кусты терновника.

– Я выбила себе зуб, – угрюмо заметила чародейка, слегка шепелявя. Она была взъерошена, растрепана, грязна, измазана штукатуркой и сажеей, на щеке сиял кровоподтек. – И, кажется, сломала ногу, – добавила она, отплевываясь кровью. – Это ты, ведьмак, что ли? Я свалилась на тебя? Каким чудом?

– Вот и я тоже спрашиваю.

– Меня выкинул в окно Терранова.

– Встать можешь?

– Нет.

– Я хочу пробраться внутрь. Незаметно. Как?

– Слушай, – Кейра снова сплюнула, застонала, пытаюсь приподняться на локте, – а что, все ведьмаки такие психи? В Гарштанге идет бой! Там творится такое, что аж штукатурка сыплется со стен. Тебе обязательно надо набить себе шишки? Без них ты не можешь?

– Нет. Я ищу Йеннифэр.

– Ха! – Кейра отказалась от попыток привстать. Легла. – Хотелось бы, чтобы и меня хоть кто-нибудь так любил. Возьми меня на руки.

– Может, в другой раз. Я маленько тороплюсь.

– Возьми меня на руки, говорю! Покажу дорогу в Гарштанг. Мне необходимо добраться до этой суки Террановы. Ну чего ждешь? Сам ты входа не найдешь, а если и найдешь, тебя тут же пришьют подлецы эльфы... Я не могу идти, но еще в состоянии бросить парочку заклинаний. Тот, кто встанет у нас на пути, пожалеет.

Она охнула, когда он ее поднимал.

– Прости.

– Пустое. – Она обхватила руками его шею. – Нога, понимаешь. А от тебя все еще несет духами. Нет, не сюда. Вернись и иди наверх. Есть другой вход, со стороны Тор Лара. Может, там нет эльфов... О-о-о! Осторожнее, черт...

– Прости. Откуда тут взялись скоя'таэли?

– Ждали в подземельях. Танедд пуст как выеденное яйцо, там есть огромная каверна, туда можно заплыть на корабле, если знать откуда. Кто-то им выдал... О-ой! Осторожнее. Не трясись так!

– Прости. Значит, «белки» приплыли морем? Когда?

– Черт их знает когда. Может, вчера, может, неделю назад. Мы охотились на Вильгефорца, а Вильгефорц – на нас. Вильгефорц. Франческа. Терранова и Феркарт... Здорово они нас уделали... Филиппа-то думала, что они собирались постепенно перехватить власть в Капитуле, чтобы влиять на королей... А они, оказывается, надумали прикончить нас во время Большого Сбора... Геральт, мне не выдержать... Нога... Положи меня на минутку... Ау-у-у-у...

– Кейра, у тебя открытый перелом. Кровь течет через голенище.

– Заткнись и слушай. Речь о твоей Йеннифэр. Мы вошли в Гарштанг, в зал совещаний. Там – антимагическая блокада, но она на двимерит не действует, мы чувствовали себя в безопасности. Началась склока, ругань. Тиссая и нейтралы кричали на нас, мы орали на них. А Вильгефорц молчал и усмехался...

– Повторяю: Вильгефорц – предатель! Он стакнулся с Эмгыром из Нильфгаарда, втянул в заговор других. Предал Орден. Изменил нам и королям...

– Помаленьку, Филиппа. Я знаю, благосклонность Визимира тебе важнее солидарности Братства. То же относится и к тебе, Сабрина, ибо такую же роль ты играешь при дворе в Каздвене. Кейра Мец и Трисс Меригольд представляют интересы Фольтеста из Темерии, Радклифф – орудие Демавенда Азди́рнского...

– Какое это имеет отношение, Тиссая, к...

– Интересы королей не обязательно должны совпадать с нашими. Я точно знаю, в чем дело. Короли начали истреблять эльфов и других нелюдей. Может быть, ты, Филиппа, считаешь это справедливым. Может быть, ты, Радклифф, считаешь правильным помогать армии Демавенда устраивать облавы на скоя'таэлей? Но я-то против! И не удивлюсь, если Энид Финдабаир против. Однако это еще не предательство. Не прерывай! Я прекрасно знаю, что удумали ваши короли, знаю, что они хотят развязать войну. Действия, которые направлены на то, чтобы помешать этой войне, возможно, и являются изменой в глазах твоего Визимира, но в моих – нет. Ежели ты хочешь судить Вильгефорца и Францеску, суди и меня тоже!

– О какой войне тут шумят? Мой король, Эстерад из Ковира, не поддержит агрессивных действий против империи Нильфгаард! Ковир есть и будет нейтральным!

– Ты – член Совета, Кардуин, а не посол своего короля!

– И кто это говорит? Сабрина!

– Довольно! – хлопнула ладонью по столу Филиппа. – Я удовлетворю твое любопытство, Кардуин. Тебя интересует, кто готовит войну? Ее готовит Нильфгаард, который намерен напасть на нас и уничтожить. Но Эмгыр вар Эмрейс не забыл Содденский Холм и на этот раз решил оградить себя, выключив чародеев из игры. Для этого он установил контакт с Вильгефорцем из Роггевеена. Купил его, пообещав власть и почести. Да, Тиссая, Вильгефорцу, герою Соддена, светило стать наместником и хозяином всех завоеванных стран Севера. Именно Вильгефорц при поддержке Террановы и Феркарта должен был бы управлять провинциями, которые будут созданы на месте захваченных королевств, именно ему досталась бы честь хлестать бичом спины заселяющих эти страны невольников, вкалывающих, прости за грубое слово, на Империю. А Францеска Финдабаир, Энид ан Глеанна, надеялась стать королевой государства Свободных Эльфов. Конечно, под нильфгаардским протекторатом, но эльфов это устроило бы, если только император Эмгыр позволит им уничтожать людей. А эльфам не надо ничего больше, как только истреблять Dh'oine.

– Тяжкое обвинение. Поэтому и доказательства должны быть столь же весомыми. Но прежде чем ты, Филиппа, положишь на чашу весов свои доказательства, тебе следует знать мою позицию. Доказательства можно сфабриковать, действия и их мотивы можно интерпретировать. Но существующих фактов не изменит ничто. Ты разрушила единство и солидарность Братства, Филиппа Эйльхарт. Ты заковала членов Капитула в кандалы, словно бандитов. Поэтому не смей предлагать мне место в новом Капитуле, который намеревается сколотить продавшаяся королям шайка путчиков. Между нами – смерть и кровь. Смерть Хена Гедымгейта. И кровь Лидии ван Бредевоорт. Эту кровь ты пролила с презрением. Ты была моей лучшей ученицей, Филиппа Эйльхарт. Я всегда гордилась тобой. Но теперь я тебя презираю.

Кейра Мец была бледной как пергамент.

– С некоторого времени, – шепнула она, – в Гарштанге вроде бы стало потише. Кончается... Гоняют по дворцу. Там пять этажей. Семьдесят шесть комнат и залов. Есть где побегать...

– Я спросил о Йеннифэр. Поспеш. Боюсь, ты потеряешь сознание.

– Йеннифэр? Ах да... Все шло по нашей задумке, когда неожиданно появилась Йеннифэр. И привела в зал медиума...

– Кого?

– Девочку. Лет, пожалуй, четырнадцати. Пепельные волосы, огромные зеленые глаза... Не успели мы ее толком рассмотреть, как она начала вещать. Рассказала о событиях в Доле Ангре. Никто не сомневался, что она говорит правду. Она была в трансе, а в трансе не лгут.

– Вчера ночью, – проговорила девочка, – войска со знаками Лиры и штандартами Аэдирна напали на империю Нильфгаард. Штурмовали Глевициген, пограничный форт в Доле Ангре. Герольды от имени короля Демавенда огласили по окрестным деревням, что с сего дня Аэдирн принимает на себя власть над всей страной. Население призвали к вооруженному восстанию против Нильфгаарда...

– Невероятно! Чудовищная провокация!

– Гладко у тебя это получается, Филиппа Эйльхарт, – спокойно сказала Тиссая де Врие. – Не обольщайся, твои всхлипывания не прервут транса. Продолжай, дитя мое...

– Император Эмгыр вар Эмрейс отдал приказ ответить ударом на удар. Нильфгаардские войска сегодня на рассвете вошли в Лирию и Аэдирн.

– Вот так, – усмехнулась Тиссая, – ваши короли доказали, какие они разумные, просвещенные, прогрессивные и миролюбивые владыки. А некоторые из чародеев показали, чьему делу в действительности служат. Тех, кто мог бы противодействовать агрессивной войне, предусмотрительно заковали в диммерит и против них выдвинули нелепые обвинения...

– Все это отъявленная ложь!

– Да идите вы все в жопу! – неожиданно взорвалась Сабрина Глевиссиг. – Филиппа! Что все это значит? Что означает драчка в Доле Ангре? Разве мы не договорились не начинать раньше времени? Почему трахнутый Демавенд не сдержался? Почему потаскуха Мэва...

– Замолкни, Сабрина!

– Нет, нет, пусть говорит, – подняла голову Тиссая де Врие. – Пусть расскажет о концентрации на границе армии Хенсельта из Каэдвена. Пусть расскажет о войсках Фольтеста из Темерии, которые скорее всего уже спускают на воду лодки, укрытые до той поры в зарослях над Яругой. Пусть скажет об экспедиционном корпусе под командованием Визимира из Редании, стоящем на берегах Понтара. Или ты думала, Филиппа, мы слепы и глухи?

– Все это чудовищная провокация! Король Визимир...

– Король Визимир, – прервала бесстрастным голосом пепельноволосая девочка, – убит вчера ночью. Убит кинжалом. В Редании больше нет короля.

– В Редании уже давно не было короля. – Тиссая де Врие встала. – В Редании правила всемилостивейшая государыня Филиппа Эйльхарт, достойная воспреемница Раффара Белого. Готовая ради власти пожертвовать тысячами жизней.

– Не слушайте ее! – взвизгнула Филиппа. – Не слушайте эту девчонку! Она – орудие, бездумное орудие... Кому ты служишь, Йеннифэр? Кто приказал тебе привести сюда это чудовище?

– Я, – сказала Тиссая де Врие.

– Что дальше? Что случилось с девочкой? С Йеннифэр?

– Не знаю. – Кейра закрыла глаза. – Тиссая вдруг сняла блокаду. Одним заклинанием. В жизни не видела ничего подобного... Одурманила нас и заблокировала, потом освободила Вильгефорца и других. А Франческа отворила входы в подземелья, и в Гарштанге сразу стало полным-полно скоя'таэлей. Ими командовал тип в латах и крылатом нильфгаардском шлеме. В этом ему помогал субъект с меткой на лице. Этот умел выкрикивать заклинания. И прикрываться магией...

– Риенс.

– Возможно, не знаю. Было горячо... Рухнул потолок. Заклинания и стрелы... Бойня... У них убит Феркарт, у нас – Дрительм, Радклифф, Марквар, Рейеан и Бианка д'Эст... Контужена Трисс Меригольд, ранена Сабрина... Увидев трупы, Тиссая спохватилась, пыталась нас защищать, уговаривала Вильгефорца и Терранову... Вильгефорц отругал ее и поднял на смех. Тогда она убежала. Ох, Тиссая... Столько трупов...

– Что с девочкой и Йеннифэр?

– Не знаю. – Чародейка зашлась кашлем, сплюнула кровью. Дыхание было поверхностным и явно затрудненным. – После какого-то очередного взрыва я на мгновение потеряла сознание. Тот тип с меткой и его эльфы парализовали меня. Терранова сначала ударил меня ногой, а потом выкинул в окно.

– У тебя не только нога, Кейра. Сломаны ребра.

– Не бросай меня.

– Вынужден. Я за тобой вернусь.

– Как же...

Вначале был только мерцающий хаос, мигание теней, мешанина тьмы и света, хор неразборчивых, доносящихся из пучины голосов. Неожиданно голоса набрали силы, поднялся крик и гул. Свет превратился в огонь, пожирающий гобелены и ковры, обернулся снопами искр, брызнувшими, казалось, со стен, с балюстрад и с колонн, поддерживающих свод.

Цири задохнулась дымом и поняла, что это уже не сон.

Попыталась встать, опираясь на руки. Наткнулась ладонью на влагу, взглянула вниз. Она стояла на коленях в луже крови. Тут же лежало неподвижное тело эльфа.

– Встань.

Рядом стояла Йеннифэр, держа в руке кинжал.

– Госпожа Йеннифэр... где мы? Я ничего не помню...

Чародейка быстро схватила ее за руку.

– Я с тобой, Цири.

– Где мы? Почему все горит? Кто этот... ну, мертвец?

– Когда-то, столетия назад, я сказала тебе, что Хаос протягивает к тебе руки. Помнишь? Нет,

вероятно, не помнишь. Этот эльф протянул к тебе руку. Пришлось убить его, потому что его хозяева только того и ждали, чтобы одна из нас выдала себя, воспользовавшись магией. И они дождутся, но не сейчас... Ты уже пришла в себя?

– Эти чародеи... – шепнула Цири. – В большой зале... Что я им говорила? И почему говорила? Я вовсе не хотела... Но вынуждена была говорить! Почему? Зачем, госпожа Йеннифэр?

– Тише, утенок. Я совершила ошибку. Идеальных людей не бывает.

Снизу донесся гул и ужасающий крик.

– Пошли. Быстрее. У нас нет времени.

Они побежали по коридору. Дым густел, душил, давил, слепил. Стены дрожали от взрывов.

– Цири. – Йеннифэр остановилась на перекрестье коридоров, сильнее сжала руку девочки. – Теперь послушай меня внимательно. Я должна здесь остаться. Видишь лестницу? Спустишься по ней...

– Нет! Не оставляй меня одну!

– Вынуждена. Повторяю: спустишься по этой лестнице. На самый низ. Там будут двери, за ними длинный коридор. В конце коридора конюшня, в ней стоит оседланный конь. Один. Только один. Выведешь его и сядешь. Это обученный конь, он служит гонцам, едущим в Локсию. Знает дорогу, достаточно его подстегнуть. Когда будешь в Локсии, отыщешь Маргариту и отдашься под ее защиту. Не отходи от нее ни на шаг.

– Госпожа Йеннифэр! Нет! Я не хочу оставаться одна!

– Цири, – тихо сказала чародейка. – Когда-то я уже сказала тебе, что все, что я делаю, делается ради твоего блага. Поверь мне. Пожалуйста, поверь. Беги.

Цири уже была на лестнице, когда снова услышала голос Йеннифэр. Чародейка стояла около колонны, упершись в нее лбом.

– Я люблю тебя, доченька, – еле слышно шепнула она. – Беги.

Ее окружили на середине лестницы. Снизу два эльфа с беличьими хвостами на шапках, сверху человек в черной одежде. Цири не раздумывая перескочила через поручни и бросилась в боковой коридор. Они последовали за ней. Она была быстрее и запросто убежала бы, если б коридор не оканчивался оконным проемом.

Она выглянула. Вдоль стены шел каменный выступ шириной не больше двух ладоней. Цири перебросила ноги через подоконник и вышла. Отодвинулась от окна, прижалась спиной к стене. Вдалеке блестело море.

Из окна высунулся эльф. У него были светлые волосы и зеленые глаза, на шее – шелковый платок. Цири быстро отодвинулась, перемещаясь к другому окну. Но в него выглянул человек в черной одежде. У этого глаза были темные и отвратные, на щеке красовалось пятно.

– Ну вот и конец, девка!

Она глянула вниз. Под собой, очень далеко, увидела двор. А над двором, в каких-нибудь десяти футах ниже выступа, на котором она стояла, был мостик, соединяющий две галерейки. Только дело в том, что это не был мостик. Это были жалкие остатки мостика. Узкая каменная кладка с остатками разбитых поручней.

– Ну чего ждете? – крикнул человек с пятном. – Вылезайте и хватайте ее!

Светловолосый эльф осторожно поставил ноги на выступ, прижался спиной к стене. Протянул руку. Он был совсем близко.

Цири сглотнула. Каменная кладка, остатки мостика, была не уже балансира в Каэр Морхене, а она десятки раз прыгала на балансир, умела амортизировать прыжок и удерживать равновесие. Но ведьмачий балансир отделяли от земли четыре фута, а под каменным мостиком зияла пропасть настолько глубокая, что плиты двора казались меньше ладони.

Она прыгнула, опустилась, покачнулась, удержала равновесие, ухватилась за остатки поручней. Уверенным шагом достигла галереи. Не могла удержаться, обернулась и показала преследователям согнутую в локте руку, жест, которому ее научил краснолюд Ярпен Зигрин. Человек с отметиной громко выругался.

– Прыгай! – крикнул он светловолосому эльфу, стоящему на выступе. – Прыгай за ней!

– Да ты никак рехнулся, Риенс, – холодно сказал эльф. – Прыгай сам, если хочется.

Удача, как водится, недолго сопутствовала ей. Когда она сбежала с галереи и выбралась за стену, в кусты терновника, ее схватили. Схватил ее и сжал чертовски сильно невысокий полноватый мужчина с припухшим носом и разбитой губой.

– Ну и готово, – прошипел он. – Готово, пташечка!

Цири дернулась и взвыла, потому что руки, сжимавшие ей плечи, причинили дикую, лишающую силы боль. Мужчина захохотал.

– Не трепыхайся, серая пташка, не то подпалю тебе перышки. Ну-ка дай взглянуть на птенчика, столь милого сердцу Эмгыра вар Эмрейса, императора Нильфгаарда. И Вильгефорца тоже.

Цири перестала вырываться. Невысокий мужчина облизнул разбитую губу.

– Интересно, – снова зашипел он, наклоняясь к ней. – Вроде бы такая ценность, а я, понимаешь, не дал бы за тебя и ломаного гроша. Глянь ты, до чего ж обманчива бывает внешность. Ха! Ну-с, сокровище мое! А если б, к примеру, подарочек Эмгыру преподнесет не Вильгефорц, не Риенс, не тот модник в шлеме с перьями, а старый Терранова? Как отблагодарит Эмгыр старого Терранова? Что скажешь, пташечка? Ты же мастерица пророчествовать!

Его дыхание смердило невыносимо. Цири отвернулась, скривилась. Он понял ее неверно.

– Не щелкай на меня клювиком, пташечка. Я не боюсь птичек. Или надо бояться? Что скажешь, фальшивая ворожейка? Подставная прорицательница? Должен я бояться пташек?

– Должен, – шепнула Цири, чувствуя головокружение и неожиданно охвативший ее холод.

Терранова засмеялся, откинув голову назад. Смех перешел в вопль боли. Сверху опустилась большая серая сова и впилась ему когтями в глаза. Чародей выпустил Цири, резким движением сбросил с себя сову и тут же рухнул на колени, схватившись за лицо. Меж пальцев хлынула кровь. Цири вскрикнула, попятилась. Терранова отнял от лица окровавленные руки, диким, рвущимся голосом принялся было выкрикивать заклинания, но не успел. За его спиной возникла размытая фигура, ведьмачий клинок просвистел в воздухе и перерубил ему шею под самым затылком.

– Геральт!

– Цири!

– Отложите нежности на потом! – крикнула с каменной стены сова, оборачиваясь темноволосой женщиной. – Уходите! Сюда бегут «белки»!

Цири высвободилась из рук Геральта, глянула недоуменно. На сидящую на стене женщину-сову было страшно смотреть. Обожженная, обшарпанная, измазанная пеплом и кровью, она выглядела ужасно.

– Ты, маленькое чудовище, – сказала женщина-сова, глядя на нее сверху. – За твое несвоевременное прорицание тебя надо было бы... Но я кое-что обещала твоему ведьмаку, а я всегда держу слово. Я не смогла дать тебе Риенса, Геральт. Взамен даю ее. Живую. Бегите. * * *

Кагыр Маур Дыффин азп Кеаллах был взбешен. Девчонку, которую ему приказали схватить, он видел всего минуту, но не успел ничего предпринять, потому что эти чертовы чародеи распалили в Гарштанге такое пекло, что невозможно было что-либо сделать. Кагыр заплутал в дыме и пожаре, вслепую кружил по коридорам, метаясь по лестницам и галереям, проклиная Вильгефорца, Риенса, себя и весь мир.

От встреченного эльфа он узнал, что девчонку видели за стенами дворца, бегущей по дороге на Аретузу. И тут счастье улыбнулось Кагыру. Скоя'таэли обнаружили в конюшне оседланного коня.

– Беги быстрее, Цири. Они близко. Я задержу, а ты беги. Беги что есть мочи. Как на Мучильне!

– Ты тоже оставляешь меня одну?

– Я – следом. Только не оглядывайся!

– Дай мой меч, Геральт.

Он взглянул на нее. Цири невольно попятилась. Таких глаз у него она не видела никогда.

– Получив меч, ты вынуждена будешь убивать. Сможешь?

– Не знаю. Дай меч.

– Беги. И не оглядывайся.

На дороге зацокали копыта. Цири обернулась. И замерла, парализованная страхом.

Ее догонял черный рыцарь в шлеме, украшенном крыльями хищной птицы. Крылья шумели, развевался черный плащ, конские подковы выбивали искры из булыжников дороги.

Цири не могла пошевелиться.

Черный конь прорвался сквозь придорожные кусты, рыцарь громко крикнул. В крике этом была Цинтра. Ночь, смерть, кровь и пожар. Цири переборола обессиливающий страх и бросилась бежать. С разбегу перепрыгнула живую изгородь и упала на каменные плиты маленького дворика с бассейном и фонтаном. Отсюда не было выхода, дворик окружали высокие и гладкие стены. Конь захрипел у нее за спиной. Она попятилась, споткнулась и вздрогнула, уткнувшись спиной в твердую и податливую стену. Ловушка.

Хищная птица хлопала крыльями, срываясь в полет. Черный рыцарь рванул коня, перескочил через живую изгородь, отделяющую его от двора. Копыта зазвенели по плитам,

конь поскользнулся, проехал, осев на зад. Рыцарь покачнулся в седле, наклонился. Конь вскочил, сбросив рыцаря. Латы загудели о камни. Однако рыцарь тут же поднялся, загородив Цири, втиснувшуюся в угол.

– Ты не прикоснешься ко мне! Никогда не прикоснешься ко мне! – крикнула она голосом, глухим от угрозы, припертая спиной к каменной стене.

– Должен. Я выполняю приказ.

Когда он протянул к ней руку, страх вдруг исчез, его место заняла дикая ярость. Напряженные, застывшие в предплечье мышцы заработали как пружины, все выученные в Каэр Морхене движения исполнились сами собою, гладко и плавно. Цири прыгнула, рыцарь кинулся на нее, но он не был готов к пируэту, с помощью которого она запросто вывернулась за пределы его рук. Меч взвыл и укусил, безошибочно попав между пластинами лат. Рыцарь покачнулся, упал на одно колено, из-под наплечника брызнула светло-красная струйка крови. Яростно вереща, Цири снова обошла его пируэтом, снова ударила, на этот раз прямо в купол шлема, повалив рыцаря на другое колено. Бешенство и злоба совершенно ослепили ее, она не видела ничего, кроме ненавистных крыльев. Посыпались черные перья, одно крыло отлетело, второе упало на окровавленный наплечник. Рыцарь, все еще тщетно пытаясь подняться, попробовал остановить клинок, схватив его железной перчаткой, но ведьмачье острие разрубило кольчугу и поранило руку. После очередного удара упал шлем. Цири отскочила, чтобы набрать инерции для последнего, смертельного удара.

И не ударила.

Не было черного шлема, не было крыльев хищной птицы, шум которых преследовал ее в ночных кошмарах. Больше не было черного рыцаря из Цинтры. Перед ней в луже крови стоял на коленях бледный темноволосый юноша с ничего не понимающими голубыми глазами и губами, искривленными гримасой ужаса. Черный рыцарь из Цинтры пал под ударами ее меча, перестал существовать, от жутких крыльев остались обрубленные перья. Изумленный, сжавшийся, истекающий кровью парнишка был никем. Она никогда раньше не видела его и не знала. Он был ей безразличен. В ней не было ни страха, ни ненависти. И она не хотела убивать.

Она бросила меч на плиты двора.

Повернулась, слыша крики скоя'таэлей, приближающихся со стороны Гарштанга. Поняла, что еще мгновение – и они окружают ее во дворе. Поняла, что нагонят на дороге. Необходимо было опередить их. Она подбежала к вороному коню, перебирающему подковами на плитах двора, криком послала его в галоп, на бегу заскакивая в седло.

– Оставьте меня... – простонал Кагыр Маур Дыффин азп Кеаллах, отталкивая здоровой рукой поднимающих его эльфов. – Ничего не случилось! Пустяковая рана... Ловите ее! Ловите девчонку...

Один из эльфов крикнул, на лицо Кагыра брызнула кровь. Другой скоя'таэль покачнулся, закружился и упал на колени, обеими руками хватаясь за рассеченный живот. Остальные отскочили, рассыпались по дворику, сверкая мечами.

На них напало белоголовое чудовище. Прыгнуло со стены. С высоты, с которой невозможно было спрыгнуть, не сломав ног. Невозможно было опуститься мягко, завертеться в неуловимом глазомыслии пируэте и за долю секунды убить. Но белоголовое чудовище совершило это. И начало убивать.

Скоя'таэли дрались ожесточенно. На их стороне было количественное преимущество. Но шансов не было никаких. На глазах Кагыра, широко раскрытых от ужаса, свершалась бойня.

Сероволосая девочка, только что ранившая его, была быстрой, была невероятно ловкой, была словно кошка, защищающая котят. Но белоголовое чудовище, влетевшее между ская'таэлями, было зеррикским тигром. Сероволосая девочка из Цинтры, которая по неведомой причине не убила его, казалась сумасшедшей. Белоголовое чудовище не было сумасшедшим. Оно было спокойным и холодным. Оно убивало спокойно и холодно.

У ская'таэлей не было никаких шансов выжить. Один за другим они замертво валились на плиты двора. Но не отступали. Не убегали, даже оставшись вдвоем, и вновь и вновь нападали на белоголовое чудовище. На глазах Кагыра чудовище одному отрубило руку выше локтя, другого как бы лишь мимолетно коснулось, однако этот почти незаметный удар отбросил эльфа назад, перекинул через парапет фонтана и повалил в воду. Вода выплеснулась через край бассейна карминной волной.

Эльф с отрубленной рукой стоял на коленях у фонтана, дурными глазами глядя на истекающую кровью культю. Белоголовое чудовище схватило его за волосы и быстрым движением меча перерезало горло. Когда Кагыр открыл глаза, чудовище уже было рядом.

– Не убивай... – прошептал рыцарь, отказавшись от попыток подняться со скользких от крови плит. Рассеченная сероволосой девочкой рука перестала болеть, занемела.

– Я знаю, кто ты, нильфгаардец. – Белоголовое чудовище пнуло шлем с обрубленными перьями. – Ты преследовал ее упорно и долго. Но больше ты не сможешь причинить ей зла.

– Не убивай...

– Почему? Ну, давай, хотя бы один факт в свою пользу! Хотя бы один! И поспеши.

– Это я... – прошептал Кагыр. – Это я вывез ее тогда из Цинтры. Из пожара... Я спас ее. Спас ей жизнь...

Когда Кагыр открыл глаза, чудовища уже не было, а он лежал во дворе один, окруженный трупами эльфов. Вода в фонтане играла, переливаясь через край, размывала кровь на плитах. Кагыр потерял сознание.

У основания башни пристроилось здание, образующее одну большую залу, вернее, нечто вроде атриума. Сплошь издырявленная крыша над перистилем, вероятно, иллюзорная, опиралась на колонны и пилястры, выполненные в виде скуподетых кариатид с восхитительными бюстами. Точно такие же кариатиды поддерживали свод портала, в котором скрылась Цири. За порталом Геральт обнаружил лестницу, ведущую наверх, в башню.

Он выругался про себя, не понимая, зачем девочка побежала туда. Следуя за ней по стенам, он видел, как пал ее конь. Видел, как она ловко вскочила на ноги, но вместо того чтобы бежать по обвивающему вершину серпантину, вдруг помчалась наверх, в сторону одинокой башни. Лишь позже он обнаружил на дороге эльфов. Занятые обстрелом бегущих в гору людей эльфы не видели ни Цири, ни его. Из Аретузы приближалась помощь.

Он собирался последовать за Цири по лестнице, когда услышал шум. Сверху. Он быстро обернулся. Это была не птица.

Вильгефорц, полоща широкими рукавами, влетел сквозь дыру в потолке и медленно опустился на пол.

Геральт встал у входа в башню, вытянул меч и вздохнул. Он искренне надеялся, что драматическая финальная битва разыграется между Вильгефорцем и Филиппой Эйльхарт. Участвовать в таком представлении у него не было ни малейшего желания.

Вильгефорц отряхнул камзол, поправил манжеты, взглянул на ведьмака, прочел его мысли и вздохнул:

– Идиотский трагифарс.

Геральт не отозвался.

– Она вошла в башню?

Ведмак не ответил. Чародей покачал головой.

– Вот тебе и эпилог. Конец венчает дело. А может, Предназначение? Знаешь, куда ведет эта лестница? В Тор Лара. В Башню Чайки. Оттуда нет выхода. Все кончено.

Геральт отступил так, чтобы его фланги были защищены поддерживающими портал кариатидами.

– Разумеется, – процедил он сквозь зубы, наблюдая за руками чародея. – Все кончено. Половина твоих сообщников перебита. Трупы стянутых на Танедд эльфов валяются до самого Гарштанга. Остальные сбежали. Из Аретузы приближаются чародеи и люди Дийкстры. Нильфгаардец, который должен был схватить Цири, вероятно, уже истек кровью. А Цири там, в башне. Говоришь, оттуда нет выхода? Рад слышать. Значит, туда есть только один вход. Тот, который загораживаю я.

Вильгефорц засопел.

– Ты неисправим. По-прежнему не умеешь правильно оценить обстановку. Капитул и Совет больше не существуют; армии императора Эмгыра идут на север; лишившиеся советов и помощи чародеев короли беспомощны, как дети. Под напором Нильфгаарда их королевства рухнут как песочные замки. Я предлагал тебе вчера и повторяю сегодня: присоединись к победителям. Наплюй на проигравших.

– Проиграл – ты. Для Эмгыра ты был всего лишь орудием. Ему нужна была Цири. Вот он и прислал этого юнца с крыльями на шлеме. Интересно б знать, как Эмгыр поступит с тобой, когда ему сообщат о провале твоей миссии.

– Стреляешь вслепую, ведьмак. И, естественно, мажешь. А если я тебе скажу, что не я Эмгырово орудие, а Эмгыр – мое?

– Не поверю.

– Будь рассудителен. Неужто ты действительно собираешься устроить театр, банальную сцену борьбы Добра и Зла? Повторяю вчерашнее предложение. Еще не поздно. Ты еще можешь выбирать, встать на соответствующую сторону...

– На ту, которую я сегодня немного... проредил?

– Не смейся, твои демонические ухмылки на меня не действуют. Несколько обезглавленных эльфов? Артауд Терранова? Мелочь, ничего не значащие фактики. Можно о них забыть.

– Конечно. Твой взгляд на мир мне известен. Смерть не имеет значения, верно? Тем более – чужая?

– Не будь банальным. Мне жаль Артауда, но что поделаешь? Назовем это... взаиморасчетами. В конце концов, я дважды пытался тебя прикончить. Эмгыр торопил, поэтому пришлось напустить на тебя убийц. Всякий раз я делал это с искренним нежеланием. Я, понимаешь ли, не теряю надежды, что когда-нибудь нас изобразят на одном полотне.

– Отбрось надежду, Вильгефорц.

– Убери меч. Войдем вместе в Тор Лара. Успокоим Дитя Старшей Крови, которая где-то там, наверно, умирает от страха. И уйдем отсюда. Вместе. Ты будешь рядом с ней. Увидишь, как исполняется ее Предназначение. А император? Ну что ж, император получит то, что хотел. Ведь я забыл тебе сказать, что хотя Кодрингер и Фэнн мертвы, но их дела и идеи по-прежнему живы и чувствуют себя неплохо.

– Врешь. Уходи. Пока я не наплевал тебе в рожу.

– Поверь, у меня действительно нет желания убивать тебя. Я вообще убиваю неохотно.

– Правда? А Лидия ван Бредевоорт?

– Не произноси этого имени, ведьмак, – поморщился чародей.

Геральт крепче сжал рукоять меча, насмешливо улыбнулся.

– Почему Лидия должна была умереть, Вильгефорц? Почему ты приказал ей умереть? Чтобы отвести внимание от себя, верно? Выгадать время, чтобы иммунизироваться на димерит и послать телепатический сигнал Риенсу? Бедная художница Лидия с изуродованным лицом. Все знали, что она – ничего не значащая особа. Все. Кроме нее.

– Молчи.

– Ты убил Лидию, чародей. Воспользовался ею. А теперь хочешь воспользоваться Цириллой? С моей помощью? Нет. Ты не войдешь в Тор Лара.

Чародей отступил на шаг. Геральт напряжился, ожидая прыжка и удара. Но Вильгефорц не сделал ни того, ни другого. Он просто отвел руку немного в сторону, и Геральт тут же увидел, как в руке буквально из ничего материализовалась толстая шестифутовая палка.

– Знаю, – сказал магик, – что мешает тебе разумно оценить положение. Знаю, что усложняет и затрудняет тебе правильное видение будущего. Твое невежество, Геральт. Я отучу тебя от невежества. Отучу при помощи этой вот волшебной палочки.

Ведьмак прищурился, немного приподнял клинок.

– Дрожу от нетерпения.

Спустя несколько недель, уже исцеленный стараниями дриад и водой Брокилона, Геральт пытался сообразить, какую ошибку совершил во время боя. И пришел к выводу, что во время боя он не совершил никакой. Единственную ошибку он совершил перед боем. Следовало бежать еще до того, как бой начался.

Чародей был скор, палка так и вертелась в его руках. Тем большим было изумление Геральта, когда во время защиты меч и палка, столкнувшись, звякнули металлом. Но на долгое удивление времени не было. Вильгефорц напал, ведьмаку приходилось извиваться в вольтах и пируэтах. Он боялся парировать мечом. Чертова палка была железной, к тому же магической.

Четырежды он оказывался в позиции, пригодной для контрнападения и удара. Четырежды ударял. В висок, в шею, под мышку, в пах. Каждый удар мог быть смертельным. И каждый был парирован.

Ни один человек не сумел бы парировать такие выпады. Геральт понемногу начал понимать. Но было уже поздно.

Удара, которым чародей его достал, он не видел. Удар бросил его на стену. Он оттолкнулся спиной, но отскочить не успел, не успел сделать ложный выпад: удар лишил его дыхания. Он получил второй раз, в плечо, снова отлетел назад, сильно стукнулся затылком о выступающие груди кариатиды. Вильгефорц ловко подскочил, размахнулся и саданул его палкой в живот, под ребра. Колени мгновенно стали ватными, он упал. И это был конец боя. В принципе.

Стоя на коленях, он неловко пытался заслониться мечом. Клинок, застрявший между стеной и пилястром, переломился под ударом со стеклянным вибрирующим стоном. Он заслонил голову левой рукой, палка с размаху сломала ему кость предплечья. Боль ослепила.

– Я мог бы выдавить тебе мозг через уши, – очень издали проговорил Вильгефорц. – Но ведь это был всего лишь урок. Ты ошибся, ведьмак, перепутал небо со звездами, отраженными ночью в поверхности пруда. Ага, тебя рвет? Прекрасно. Сотрясение мозга. Кровь из носа? Отлично. Ну, стало быть, до свидания. Когда-нибудь увидимся. Возможно.

Он уже не видел ничего и ничего не слышал. Тонул, погружался во что-то теплое. Думал, что Вильгефорц ушел, и поэтому удивился, когда по его ноге с размаху ударил железный стержень, круша основание бедренной кости.

Следующих ударов, даже если они и были, он уже не помнил.

– Держись, Геральт, не поддавайся, – беспрерывно повторяла Трисс Меригольд. – Держись. Не умирай... Прошу тебя, не умирай...

– Цири...

– Молчи. Сейчас я тебя отсюда вытащу. Держись... О боги, у меня нет сил...

– Йеннифэр... Я должен...

– Ничего ты не должен! Ничего ты не можешь! Держись, не поддавайся... Не теряй сознания... Не умирай, пожалуйста...

Она волокла его по полу, устланному трупами. Он видел свою грудь и живот, все в крови. Кровь текла из носа. Видел ногу. Она была вывернута под странным углом и казалась гораздо короче здоровой. Боли он не чувствовал. Ощущал лишь холод, все тело было холодным, одеревенелым и чужим. Его тошнило.

– Держись, Геральт. Из Аретузы идет помощь. Уже скоро...

– Дийкстра... Если Дийкстра на меня нападет... мне конец.

Трисс дико выругалась.

Она тащила его по лестнице. Сломанные нога и рука подсакивали на ступенях. Боль ожила, вгрызлась во внутренности, в виски, дошла до глаз, ушей, макушки. Он не кричал. Знал, что крик облегчит боль, но не кричал. Только раскрывал рот, это тоже приносило облегчение.

Услышал гул.

На верху лестницы стояла Тиссая де Врие. Волосы взлохмачены, лицо в пыли. Она подняла обе руки, ее ладони запылали. Она выкрикнула заклинание, а пляшущий на кончиках пальцев огонь ринулся вниз в виде ослепительного гудящего шара. Ведьмак услышал грохот рушащихся стен и дикие крики обожженных.

– Тиссая, нет! – отчаянно крикнула Трисс. – Не делай этого!

– Им сюда не войти, – проговорила Великий Магистр, не поворачивая головы. – Здесь – Гарштанг на острове Танедд. Никто не приглашал сюда королевских прихвостней, выполняющих приказы своих близоруких владык!

– Ты их убиваешь!

– Молчи, Трисс Меригольд! Покушение на единство Братства провалилось, островом по-прежнему владеет Капитул! Короли – руки прочь от Капитула! Это наш конфликт, и мы сами его разрешим! Решим свои проблемы, а потом положим конец вашей идиотской войне! Ибо на нас, чародейх, лежит ответственность за судьбы мира!

Из ее руки вырвалась новая шаровая молния, множественное эхо взрыва прокатилось меж колонн и каменных стен.

– Прочь! – крикнула она снова. – Вам нет хода сюда! Вон!

Крики внизу прекратились. Геральт понял, что нападающие отступили от лестницы, ретировались. Силуэт Тиссаи расплылся у него в глазах. Это была не магия. Он терял сознание.

– Беги отсюда, Трисс Меригольд, – услышал он слова чародейки, доносящиеся издалека, как из-за стены. – Филиппа Эйльхарт уже сбежала, убралась на своих птичьих крыльях. Ты была ее сообщницей в этом гнусном заговоре, я должна тебя покарать. Но уже достаточно крови, смерти, несчастий! Вон отсюда! Отправляйся в Аретузу, к своим сообщникам! Телепортируйся. Портал Башни Чайки больше не существует. Он рухнул вместе с башней. Можешь телепортироваться не страшась. Куда захочешь. Хоть к своему королю Фольтесту, ради которого ты предала Братство!

– Я не брошу Геральта... – прошептала Трисс. – Он не должен попасть в руки реданцев... Он тяжело ранен... У него внутреннее кровоизлияние... Но у меня больше нет сил! Нет сил, чтобы раскрыть телепорт! Тиссая! Помоги мне, прошу тебя!

Тьма. Пронизывающий холод. Издалека, из-за каменной стены голос Тиссаи де Врие:

– Я помогу тебе.

Глава пятая

ЭВЕРТСЕН Петер, род. в 1234, приспешник императора Эмгыра Деитвена и один из фактических творцов могущества Империи. Главный коморний армии во времена СЕВЕРНЫХ ВОЙН (см.); с 1290-го Верховный Имперский Казначей (коронный подскарбий). В последний период правления Эмгыра возведен в сан Кoadьютора Империи. При императоре Морврane Воорысе, будучи несправедливо обвинен в злоупотреблениях, осужден, заключен в крепость, умер в 1301-м в замке Виннебург. Реабилитирован посмертно императором Йоанном Кальвейтом в 1328-м. Эффенберг и ТальботEncyclopaedia Maxsima Mundi, т. V

Трепещите, ибо близок Тот, Кто Уничтожит Народы. Земли ваши истопчет он и веревкою их отмерит. И разрушены будут города ваши и пустынные. Нетопырь, ворон и филин поселятся в домах ваших. И змей угнездится в них. Aen Ithlinnespeath

Командир отряда остановил лошадь, снял шлем, прошелся пальцами по редким, слипшимся от пота волосам.

– Приехали, – повторил он в ответ на вопросительный взгляд трубадура.

– Что? Как? – удивился Лютик. – Почему?

– Дале не поедem. Видите? Речка, что внизу блестит, энто Ленточка. Мы токмо до ей бралися вас провожать. Сталбыть, время возвратиться.

Солдаты, беспокойно осматриваясь, остановились позади. Ни один не слез с коня. Лютик заслонил глаза рукой, поднялся на стремянах.

– Это где ж ты реку увидел?

– Внизу, говорю. Спускайтесь по яру, сразу попадете.

– Проводите хотя бы до берега, – возразил Лютик. – Покажите брод...

– Ну да! Было б чего указывать. С мая ни капли. Жаришша вонна, вот она, вода, сталбыть, и опала. Замелела Ленточка-то. В каждом месте конь перейдет...

– Я показывал вашему начальнику письмо от короля, – насупившись, сказал трубадур. – Он ознакомился, и я собственными ушами слышал, как он велел вам проводить меня до самого Брокилона. А вы хотите бросить меня здесь, в этой чащобе? А если я заблужусь?

– Не заблудите, – угрюмо буркнул подъехавший к ним солдат, который до сих пор молчал. – Не успеете заблудить-то. Сперва вас-то духобабы стрела отышшет.

– Ну и трусоваты же вы, – съязвил Лютик. – Ну и нагнали же на вас страху дриады. Ведь Брокилон только на том берегу Ленточки начинается. Ленточка – граница. Мы ее еще не пересекли!

– Ихая граница, – пояснил, оглядываясь, командир, – доходит дотудова, откудова ихие стрелы летят. Стрела, пушшенная с того берега, ежели крепко пустить, долетит аж до опушки, да ишшо и такую силу имет, штоб кольчугу продырявить. Вы-то уперлися, штобы туда иттить. Ваша шкура. А мне жизнь мила. Я дале не пойду. Надыть мне башку в шершнево гнездо сувать-то?

– Я же вам объяснил, – Лютик сдвинул шапочку на затылок и выпрямился в седле, – что еду в Брокилон с миссией. Я, можно сказать, посол. Дриад не боюсь. Но прошу вас проводить меня до берега Ленточки. А вдруг да на меня в этих зарослях разбойники нападут?

Второй солдат, угрюмый, вымученно улыбнулся.

– Разбойники? Тута? Ясным днем? Ну, господин, днем тута духа живого не встренешь. Остатние времена духобабы пушшают стрелы в каждого, кто на берегу Ленточки кажется, а то, быват, и далеко на нашу сторону запушшают. Не-а, разбойников-то вы не бойтесь.

– Правда твоя, – подтвердил командир. – Шибко глупым должен быть разбойничек-то, штобы днем до Ленточки иттить. Да и мы-то не дурни. Сам-друг едете, без латов и оружия и на вояка, прошенья просим, не смотритея, за версту видать. Ну так вам, может, и пошшасливицца. А вот ежели духобабы узрят нас, конных, да с оружием, не видать нам солнца за стрелами-то летучими.

– М-да, трудное дело... – Лютик похлопал коня по шее, глянул вниз, в пойму. – Стало быть, еду один. Ну, бывайте, солдатики. Благодарю за сопровождение.

– Не тыркайтесь больно-то. – Угрюмый солдат глянул в небо. – Вечер рядом. Как туман с воды подымется, тут и ежжайте. Потому как, знаете...

– Что?

– В тумане-то выстрел понеуверенней. Ежели к вам судьба будет ласковой, промажет духобаба-то. Токмо что они, господин, редко мажут.

– Я ж говорю вам...

– Ну, ну, говорили, не забыл. Дескать, с мисьей к им едете. Но я вам кой-чего другого скажу: с мисьей ли, с процесьей, им все едино. Пустят в вас стрелу, и конец.

– Нанялись, что ль, пугать меня? – снова надул щеки поэт. – За кого вы меня принимаете, за городского писаку или как? Я, господа хорошие, видел больше битв, чем вы все, вместе взятые. И о дриадах тоже знаю побольше вас. Хотя бы то, что они никогда не стреляют без предупреждения.

– Было так-то, правда ваша, – тихо сказал командир. – Упреждали. Пустят стрелу в ствол либо на стежку, сталбыть, где энта стрела – тама и рубеж, дале – ни шагу. Ежели человек быстро заворотит, мог уйти целехоньким. Токмо ныне все иначе. Ныне они сразу шьют так, чтобы забить.

– С чего бы такое ожесточение?

– Вишь ли, – буркнул солдат, – оно вона как. Когда короли мир с Нильфгаардом заключили, то взялись сильно за эльфовы банды. Видать, здорово их прижали, потому как не проходит ночи, чтобы недобитки не сбегали через Бругге, в Брокилоне шукая схоронения. А когда наши эльфов гонят, то часом, бывает, и с духобабками разделяются, которые из-за Ленточки на помощь идут. А бывало, и наше войско с разбегу в лес заглянет... Понятно?

– Понял. – Лютик внимательно глянул на солдата, покивал головой. – Преследуя скоя'таэлей, вы переходили Ленточку. Убивали дриад. И теперь дриады отвечают вам той же монетой. Война.

– Точно, господин. Война всамделишная. Всегда это была драка не на живот, а на смерть, но теперича-то уж и вовсе паршиво. Меж ними и нами – ненависть. Ишшо раз говорю: ежели нет нужды, не ездите туды.

Лютик сглотнул.

– В том-то и дело, – он выпрямился в седле, с большим трудом изобразив на лице воинственную мину, – что есть нужда. И я еду. Сейчас. Вечер не вечер, туман не туман, надо двигаться, коли долг призывает.

Годы тренировок взяли свое. Голос трубадура звучал красиво и грозно, сурово и холодно, звенел железом и мужеством. Солдаты взглянули на него с неприкрытым изумлением.

– Прежде чем двинетесь, – командир отстегнул от седла плоскую деревянную фляжку, – глотните первачу, милсдарь певун. Глотните...

– Легчей помирать будет, – угрюмо добавил другой, неразговорчивый.

Поэт отхлебнул из фляжки.

– Трус, – гордо возвестил он, как только перестал кашлять и отдышался, – умирает сто раз. Мужественный человек – лишь однажды. Но госпожа Фортуна благоприятствует смелым,

трусов презирует. Так сказать, смелого стрелы боятся, смелого меч не берет.

Солдаты взглянули с еще большим восхищением. Они не знали и не могли знать, что Лютик цитирует слова известной в его стороне боевой песни, к тому же написанной не им.

– А вот этим, – поэт вытащил из-за пазухи звякнувший содержимым кожаный мешочек, – позвольте отблагодарить за эскорт. Прежде чем до форта доберетесь, прежде чем вас снова суровая служба-матка приласкает, загляните в кабак, выпейте за мое здоровье.

– Благодарим, господин. – Командир слегка покраснел. – Щедрый вы человек, а ведь мы... Прошшевайте и простите, что одного вас оставляем, но...

– Пустое. Ну, бывайте.

Бард лихо сдвинул шапочку на левое ухо, тронул коня пяткой и направился вниз по откосу, насвистывая известную исключительной непристойностью кавалерийскую песенку из «Свадьбы в Беллерлине».

– А корнет-то в замке болтал, – услышал он еще слова угрюмого, – мол, энто дармоед, трус и балда. А энто боевитый и храбрый господин, хоть и виршеплет.

– Истинная правда, – ответил командир. – Трусом-то его не назовешь, ничего не скажешь. Даже глазом не моргнул, это точно. Да ишшо и свишшет, слышь? Хо, хо... Слыхал, что говорит? Мол, послом идет. Не боись, кого-нито послом не назначут. Надыть голову иметь на плечах-то, штобы послом стать.

Лютик прибавил ходу, чтобы как можно скорее скрыться у них из глаз. Он не хотел подпортить только что заработанной репутации. А знал – долго ему не просвистеть, потому как не хватит уже влаги на пересохших от страха губах.

Яр был мрачный и влажный, мокрая глина и покрывающий ее ковер погнивших листьев приглушали звон копыт темно-гнедого мерина, которого поэт окрестил Пегасом. Пегас шел медленно, свесив голову. Это был один из тех немногих коней, которым все всегда без разницы.

Лес кончился, но от русла реки, обозначенного полосой ольх, Лютика еще отделяла широкая, заросшая камышами низинка. Поэт остановил коня. Внимательно осмотрелся, но ничего подозрительного не заметил. Напряг слух, но услышал только кваканье лягушек.

– Ну, коняга, двум смертям не бывать, – кашлянул он. – Вперед.

Пегас немного приподнял голову и вопросительно поставил торчком обычно отвисающие уши.

– Ты верно слышал. Вперед.

Мерин медленно двинулся, под копытами зачавкало болото. Лягушки длинными прыжками удирали из-под ног коня. В нескольких шагах перед ними с шумом и криком поднялась утка, и сердце трубадура на мгновение остановилось, а потом взялось стучать очень быстро, как бы наверстывая упущенное. Пегас вообще не обратил на утку никакого внимания.

– Ехал герой... – пробормотал Лютик, вытирая залитую потом шею платочком, вытянутым из-за пазухи. – Ехал неустрашимо чрез урочище, не обращая внимания на скачущих земноводных и летающих драконов. Ехал себе и ехал. И доехал до бескрайних просторов...

Пегас фыркнул и остановился. Они были у реки. Камыши и очерет доходили выше стремени. Лютик отер пот со лба, повязал платок на шею. Долго, до слез, вглядывался в ольховник на

противоположном берегу. Не заметил ничего и никого. Поверхность воды морщинили вытянувшиеся по течению водоросли, над ними шмыгали бирюзово-оранжевые зимородки. Воздух мерцал от туч насекомых. Рыбы заглатывали поденок, оставляя на воде большие круги.

Всюду, насколько хватал глаз, виднелись бобриные зарубки, кучки надкусанных веток, поваленные и обглоданные стволы, омываемые медленным течением. «Ну и бобров же тут, – подумал поэт, – невероятное богатство. И неудивительно. Никто не беспокоит чертовых древоточцев. Сюда не заходят ни бандиты, ни ловчие, ни бортники, даже вездесущие трапперы не устанавливают здесь силков. А те, которые пытались, получали стрелу в горло, и раки обгладывали их в прибрежном иле. А я, идиот, лезу сюда по доброй воле, сюда, на Ленточку, в реку, затянутую трупной вонью, которую не перебивает даже запах аира и мяты...»

Он тяжело вздохнул.

Пегас медленно ступил в воду передними ногами, опустил морду, пил долго, потом повернул голову и глянул на Лютика. Вода стекала у него с губ и ноздрей. Поэт покачал головой, снова вздохнул, громко потянул носом.

– И взглянул герой на бурлящую пучину, – продекламировал он тихонько, стараясь не стучать зубами. – Взглянул и двинулся вперед, ибо сердце его не ведало тревоги.

Пегас повесил голову и опустил уши.

– Тревоги не ведало, говорю.

Пегас тряхнул головой, звякнул кольцами поводьев и мундштука. Лютик ткнул его пяткой в бок. Мерин обреченно ступил в воду.

Ленточка была речкой мелкой, но сильно заросшей. Пока они добрались до середины русла, за ногами Пегаса уже заплетались длинные косы водорослей. Конь ступал медленно и с трудом, при каждом шаге пытаясь стряхнуть удерживающие его растения.

Прибрежные заросли и ольховник правого берега были уже недалеко, так недалеко, что Лютик почувствовал, как желудок опускается у него вниз, аж до самого седла. Он прекрасно понимал, что посередине реки, увязнувший в водорослях, он представляет собой прекрасную, не позволяющую промахнуться мишень. Глазами воображения он уже видел изгибающиеся дуги луков, напружинивающиеся тетивы и острые наконечники нацеленных в него стрел.

Он стиснул икрами бока коня, но Пегас начихал на это. Вместо того чтобы пойти быстрее, конь остановился и задрал голову. Яблоки будущих удобрений шлепнулись в воду. Лютик протяжно застонал.

– Смельчак, – пробормотал он, прикрывая глаза, – не смог форсировать бурлящих порогов. Погиб геройской смертью, пронзенный бесчисленными стрелами. Навечно поглотила его темно-синяя тонь, взяли в свои объятия водоросли, зеленые, как нефриты. Пропал по нему след всякий, осталось только конское говно, уносимое стремниной к далекому синему морю...

Пегас, которому, видимо, полегчало, без принуждения пошел резвее, а на прибрежной, свободной от водорослей быстрине даже позволил себе взбрыкнуть, в результате чего целиком вымочил Лютику ботинки и штаны. Поэт этого даже не заметил – картина нацеленных ему в живот стрел не покидала его ни на мгновение, а ужас ползал по спине и затылку словно огромная, холодная и скользкая пиявка. Потому что за ольховником, меньше чем в ста шагах, за сочной зеленой полосой трав вздымалась из вереска отвесная, черная,

грозная стена леса.

Брокилон.

На берегу, в нескольких шагах ниже по течению, белел конский скелет. Крапива и очереты проросли сквозь клетку ребер. Валялось там еще немного других костей, поменьше, не похожих на конские. Лютик вздрогнул и отвернулся.

Подгоняемый пятками мерин с плеском и хлюпаньем выбрался на прибрежное болото, тина противно засмердела. Лягушки ненадолго прекратили музицировать. Стало очень тихо. Лютик прикрыл глаза. Больше он уже не декламировал, не импровизировал. Остался только холодный, отвратительный страх, ощущение сильное, но совершенно лишенное творческих посылов.

Пегас застриг ушами и бесстрастно пошлепал в сторону Леса Дриад, который многие именовали Лесом Смерти.

«Я пересек границу, – подумал поэт. – Сейчас все решится. Пока я был у реки и в реке, они еще могли проявлять великодушие. Но теперь... Теперь я – пришелец, чужак, незванный-непрошенный. Как и тот, чьи косточки... От меня тоже может остаться лишь скелет... Предостережение очередным... Если дриады здесь... Если они за мной наблюдают...»

Он вспомнил турниры лучников, ярмарочные конкурсы и стрелецкие смотры, соломенные щиты и манекены, утыканные и разорванные наконечниками стрел. Что чувствует человек, в которого попала стрела? Удар? Боль? А может... ничего?

Дриад либо не было поблизости, либо они еще не решили, как поступить с одиноким всадником, который, сказать по правде, хоть и подъехал к лесу физически живой, целый и невредимый, но зато полумертвый от страха. Путь к деревьям преграждала поросшая кустарником, оцетинившаяся корнями и ветками путаница бурелома, но у Лютика и без того не было ни малейшего желания подъезжать к самой опушке и уж тем более углубляться в лес. Он мог принудить себя к риску, но не к самоубийству.

Очень медленно слез с седла, привязал поводья к торчащему вверх корню. Обычно он так не делал – Пегас, как правило, не удалялся от хозяина. Однако Лютик не мог сказать, как конь поведет себя, услышав свист и жужжание стрел. До сих пор ни у него, ни у Пегаса не было okazji привыкнуть к таким звукам.

Он снял с луки седла лютню, уникальный, высокого класса инструмент с изящным грифом. «Презент от эльфки, – подумал он, поглаживая инкрустированное дерево. – Может случиться, что он вернется к Старшему Народу... Разве что дриады положат его рядом с моим трупом...»

Невдалеке лежало древнее, поваленное ветром дерево. Поэт присел на ствол, опер лютню о колено, облизнул губы, вытер вспотевшие ладони о штаны.

Солнце клонилось к закату. Над Ленточкой вздымался туман, серо-белым покрывалом затягивая луга. Становилось прохладнее. Прокурлыкали и улетели журавли, осталось лишь кваканье лягушек.

Лютик ударил по струнам. Раз, другой, третий. Покрутил колки, настроил инструмент и начал играть. А потом запел.

Yviss, m'evelienn vente caelm en tell

Elaine Ettariel Aep cor me lode deith ess'viell

Yn blath que me darienn Aen minne vain tegen a me

Yn toin av muireann que eveigh e aep llea...

Солнце скрылось за лесом. В тени гигантских деревьев Брокилона сразу же стало сумрачно.

L'eassan Lamm feinne renn, ess'ell

Elaine Ettariel,

Aep cor...

Нет, он не услышал. Он почувствовал присутствие.

– N'te mire daetre. Sh'aente vort.

– Не стреляй, – прошептал он, не оглядываясь. – N'aen aesparg a me... Я пришел с миром...

– N'ess a tearth. Sh'aente.

Он послушался, хотя пальцы озябли и занемели на струнах, а песня с трудом пробивалась из горла. Но в голосе дриады не слышалось враждебности, а он, черт побери, был профессионалом.

L'eassan Lamm feinne renn, ess'ell,

Elaine Ettariel,

Aep cor aen tedd teviel e gwen

Yn blath que me darienn

Ess yn e evellien a me

Que sh'aent te caelm a'veann minne me stiscea...

На этот раз он позволил себе глянуть через плечо. То, что притаилось около ствола, очень близко, напоминало обмотанный плющом куст. Но это был не куст. У кустов не бывает таких огромных горящих глаз.

Пегас тихо фыркнул, и Лютик понял, что у него за спиной, в темноте кто-то поглаживает коня по ноздрям.

– Sh'aente vort, – снова попросила приткнувшаяся за его спиной дриада. Голос напоминал шум листвы, по которой скатываются капельки дождя.

– Я... – начал он, – я... Я друг ведьмака Геральта... Я знаю, что Геральт... Что Gnyynbleidd

находится у вас в Брокилоне. Я приехал...

– N'te dice'en. Sh'aente, va.

– Sh'aent, – мягко попросила из-за его спины другая дриада, чуть ли не одновременно с третьей. И, кажется, четвертой. Он не был уверен.

– Yea, sh'aente, taedh, – проговорило серебристым звучным голосом то, что еще минуту назад казалось поэту березкой, растущей в нескольких шагах от него. – Ess'laine... Taedh... Ты петь... Еще об Эттариэль... Да?

Он так и сделал.

Любить тебя – вот жизни цель,

Бесспорная, как смерть,

Прекрасная Эттариэль!

Позволь же мне посметь

В груди встревоженной нести

Воспоминаний клад.

От злого времени спасти

Твой голос, жест и взгляд.

И колдовской цветок, заклад

Любви и наших встреч,

Струящий сладкий аромат,

Не запрещай сберечь!

На нем крупинки серебра —

Поблескивание рос.

Мне тайна чудится, игра

И откровенность слез.[3]

На этот раз он услышал шаги.

– Лютик!

– Геральт!

– Да. Можешь больше не шуметь. * * *

– Как ты меня отыскал? Как узнал, что я в Брокилоне?

– От Трисс Меригольд... Черт... – Лютик снова споткнулся и наверняка упал бы, если бы идущая рядом дриада не поддержала его ловким приемом, удивительно сильным при ее небольшом росте.

– Gar’ean, taedh, – серебристо предостерегла она. – Va caelm.

– Спасибо. Тут ужасно темно... Геральт? Где ты?

– Здесь. Не отставай.

Лютик пошел быстрее, снова споткнулся и чуть не налетел на ведьмака, остановившегося перед ним. Дриады бесшумно миновали их.

– Ну и мрак... Далеко еще?

– Нет. Сейчас будем в лагере. Кто, кроме Трисс, знает, что я прячусь здесь? Ты кому-нибудь проболтался?

– Пришлось сказать королю Вензлаву. Необходим был пропуск через Бругге. Такие времена, что и не говори... Кроме того, нужно было согласие на вход в Брокилон. Но ведь Вензлав тебя любит и знает. Представь себе, он назначил меня послом. Я уверен, что он сохранит тайну, я его просил. Не злись, Геральт...

Ведьмак подошел ближе. Лютик не видел выражения его лица, видел только белые волосы и заметную даже в темноте многодневную белую щетину.

– Я не злюсь. – Геральт положил руку барду на плечо, и тому показалось, что холодный до того голос ведьмака немного изменился. – Я рад, что ты приехал. Курицын сын.

– Холодно тут, – вздрогнул Лютик, потрескивая ветками, на которых они сидели. – Может, костер разжечь?

– И не думай, – буркнул ведьмак. – Забыл, где находишься?

– Они до такой степени... – Трубадур пугливо осмотрелся. – Никакого огня, да?

– Деревья ненавидят огонь. Они тоже.

– Черт подери, так и сидеть в холоде? И в темноте? Руку вытянешь – собственных пальцев не видно...

– А ты не вытягивай.

Лютик вздохнул, ссутулился, потер локти. Было слышно, как сидящий рядом ведьмак переламинает пальцами тоненькие прутики.

В темноте неожиданно мигнул зеленый огонек. Вначале слабый и нечеткий, он быстро сделался ярче. Затем загорелись новые, сразу во многих местах, они двигались и танцевали, будто светлячки или болотные огни. Лес вдруг ожил мерцанием теней. Лютик стал различать силуэты окружающих их дриад. Одна приблизилась, поставила рядом с ними что-то похожее на подожженный клубок растений. Поэт осторожно протянул руку, поднес ладонь. Зеленый жар был совершенно холодным.

– Что это, Геральт?

– Гнилушка и разновидность мха, который растет только здесь, в Брокилоне. Они одни знают, как надо все это сплести, чтобы светило. Спасибо, Фаувэ.

Дриада не ответила, но и не ушла. Присела рядом. Ее лоб перехватывал венок, длинные волосы спадали на плечи. В слабом свете волосы казались зелеными, а может, и верно были такими. Лютик знал, что волосы у дриад порой бывают удивительного цвета.

– Taedh, – сказала она мелодично, подняв на трубадура глаза, горевшие на миниатюрном личике, пересеченном двумя параллельными, косо расположенными полосками маскировочной раскраски. – Ess've vort sh'aente aen Ettariel? Sh'aente a'vean vort?

– Нет... Может, потом, – мягко ответил он, старательно подбирая слова Старшей Речи. Дриада вздохнула, наклонилась, нежно погладила гриф лежащей рядом лютни, пружинисто встала. Лютик смотрел, как она уходит в лес, к другим, тени которых тихо покачивались в неярком свете зеленых фонариков.

– Как думаешь, я ее не обидел, а? – спросил он тихо. – Они разговаривают на своем диалекте, я не знаю вежливых форм...

– Проверь, не торчит ли у тебя нож в животе. – В голосе ведьмака не было ни издевки, ни улыбки. – Дриады реагируют на обиду тем, что всаживают нож в живот. Не бойся, Лютик. Похоже, они готовы простить тебе много больше, чем языковые ошибки. Концерт, который ты дал на опушке, явно пришелся им по вкусу. Теперь ты для них ard taedh, великий бард. Они ожидают продолжения «Цветка Эттариэли». Ты знаешь продолжение? Ведь баллада-то не твоя.

– Перевод мой. Я немного обогатил эльфью мелодию, не заметил?

– Нет.

– Так я и думал. К счастью, дриады лучше разбираются в искусстве. Где-то я вычитал, что они невероятно музыкальны. Вот я и разработал свой хитрый план, за который, кстати, ты меня все еще не похвалил.

– Хвалю, – сказал ведьмак, немного помолчав. – Действительно, ловко было задумано. Да и счастье тебе тоже подвалило. Как всегда. Их луки бьют точно в цель за двести шагов. Обычно дриады не ждут, пока кто-нибудь перейдет на их берег и начнет петь. Они очень восприимчивы к неприятным запахам. А после того как течение Ленточки унесет труп, у них в лесу не воняет.

– Ну-ну, – сглотнув, откашлялся поэт. – Главное – у меня получилось, и я нашел тебя. Геральт, как ты тут...

– Бритва есть?

– Бритва? Ну конечно.

– Утром одолжишь? Эта борода у меня уже в печенках сидит.

– А у дриад не было... Хм... Ну конечно, верно, им бритвы ни к чему. Конечно, одолжу. Слушай, Геральт?

– А?

– У меня с собой нет ничего съестного. Как ты думаешь, ard taedh, великий бард, может в гостях у дриад рассчитывать на ужин?

– Они не ужинают. Никогда. А стражницы на границе Брокилона и не завтракают. Придется тебе поститься до обеда. Я уже привык.

– Но когда мы доберемся до их столицы, до их знаменитой, укрытой в чащобе Дуен Канелли...

– Мы туда не доберемся, Лютик.

– То есть? Я думал... Но ты же... Ведь они предоставили тебе убежище. Ведь они... тебя... уважают.

– Точно сказано.

Молчали долго.

– Война, – сказал наконец поэт. – Война, ненависть и презрение. Всюду. Во всех сердцах.

– Поэтизируешь.

– Да так оно и есть.

– Точно. Ну говори, с чем прибыл. Рассказывай, что творилось в мире, пока меня здесь штопали.

– Сначала, – наконец сказал поэт, – Расскажи-ка, что в действительности произошло в Гарштанге.

– А Трисс не рассказывала?

– Рассказывала. Но мне хотелось бы услышать твою версию.

– Если ты знаешь версию Трисс, значит, знаешь более подробную и наверняка более точную. Расскажи, что случилось потом, когда я уже был в Брокилоне.

– Геральт, – шепнул Лютик, – честное слово, я не знаю, что случилось с Йеннифэр и Цири... Никто не знает. Трисс тоже...

Ведьмак резко пошевелился, хрустнули ветки.

– Разве я о Цири или Йеннифэр спрашиваю? – бросил он изменившимся голосом. – Расскажи о войне.

– Ты ничего не знаешь? До тебя никакие вести не дошли?

– Дошли. Но я хочу услышать все от тебя. Ну же, говори.

– Нильфгаардцы, – начал бард, немного помолчав, – напали на Лирию и Аэдирн. Без объявления войны. Поводом якобы стало нападение войск Демавенда на какой-то пограничный форт в Доле Ангре во время сближения чародеев на Танедде. Некоторые утверждают, что это была провокация и все устроили нильфгаардцы, переодетые в солдат

Демавенда. Как там было в натуре, нам никогда не узнать. Во всяком случае, реакция Нильфгаарда была молниеносной и массивной: границу перешла могучая армия, которую накапливали в Доле Ангре никак не меньше нескольких недель, а то и месяцев. Спалля и Скалля, две лирийские пограничные крепости, были взяты с ходу, всего за три дня, Ривия подготовилась к многомесячной осаде, а капитулировала через два дня под давлением цеховиков и купечества, которым пообещали, что если они откроют ворота и дадут откупного, то их не станут грабить.

– Обещание сдержали?

– Да.

– Интересно. – Голос ведьмака снова немного изменился. – Сдерживать обещания в нынешние времена? Уж не говоря о том, что раньше и не думали давать таких обещаний, да никто их и не ожидал. Ремесленники и купцы не открывали крепостных ворот, защищали их, каждый свою башню или навесную бойницу.

– У денег нет родины, Геральт. Купцам без разницы, под чьим правлением деньгу зашибать. А нильфгаардскому палатину без разницы, из кого он будет выколачивать налоги и подати. Мертвые купцы денег не куют и налогов не платят.

– Дальше.

– После капитуляции Ривии армии Нильфгаарда быстро пошли на север, почти не встречая сопротивления. Войска Демавенда и Мэвы отступили, не сумев организовать для решительной битвы. Нильфгаардцы дошли до Альдерсберга. Чтобы не допустить блокады крепости, Демавенд и Мэва решили принять бой. Позиция их армий оставляла желать лучшего... Черт, если б было больше света, я б тебе начертил...

– Не черти. И сокращайся. Кто победил?

– Слышали, господа? – Один из регистрантов, задыхающийся и потный, пробился сквозь группу, окружающую стол. – Прибыл гонец с поля боя! Победа наша! Бой выигран! Победа! Наш, наш сегодня день! Побили мы врага, разбили наголову!

– Тише, – поморщился Эвертсен. – Голова раскалывается от ваших воплей. Да слышали мы, слышали. Побили мы врага. Наш сегодня день. Наше поле и победа наша. Тоже мне – сенсация!

Коморники и регистранты удивленно уставились на начальника.

– Вы не радуетесь, милсдарь коморный?

– Радуюсь, но умею делать это тихо и без надрыва.

Регистранты молча переглянулись. «Щенки, – подумал Эвертсен. – Возбужденные сопляки. Впрочем, им я не удивляюсь, но, извольте, там, наверху, даже Мэнно Коегоорн и Элан Трахх, да что там, даже седобородый генерал Брайбан верещат, прыгают от радости и дубасят друг друга по спинам. Виктория! Победа! Наш день! А чей он должен быть? Королевства Аэдирн и Лирия вместе сумели мобилизовать три тысячи конных и десять тысяч пехоты, из которых одна пятая в первые же дни наступления была отрезана и блокирована в фортах и крепостях. Часть оставшейся армии им пришлось вывести из боя для защиты флангов, которым угрожали глубокие рейды нашей легкой кавалерии и диверсионные уколы отрядов скоя'таэлей. Оставшиеся пять или шесть тысяч – из них не больше тысячи двухсот рыцарей – приняли бой на полях под Альдерсбергом. Коегоорн бросил на них тринадцатитысячную армию, в том числе десять тысяч хоругвей латников, цвет нильфгаардского рыцарства. А

теперь радуется, вопит, колотит маршальским жезлом по ляжке и требует пива... Виктория! Победа! Тоже мне – сенсация!»

Решительным движением он смел в кучу и собрал покрывающие стол карты и записи, поднял голову, осмотрелся, потом резко сказал:

– Слушайте мои распоряжения.

Подчиненные замерли в ожидании.

– Каждый из вас слушал вчерашнее выступление фельдмаршала Коегоорна перед хорунжими и офицерами. Посему обращаю ваше внимание, милостивые государи, на то, что все, что маршал говорил военным, нас не касается. У вас будут другие задания и другие распоряжения. Мои.

Эвертсен задумался, потер лоб.

– «Мир хижинам, война крепостям, – сказал вчера командирам Коегоорн. – Вам известен такой принцип. Этому вас учили в военной академии. Принцип этот действовал до сегодняшнего дня. С завтрашнего вы должны его забыть. С завтрашнего дня вы обязаны руководствоваться другим принципом, который отныне станет девизом нашей войны. Девиз этот и мой приказ таковы: война всему живому. Война всему, что горит. Вы должны оставлять за собой выжженную землю. С завтрашнего дня мы переносим войну за пределы той линии, за которую отойдем после подписания мирного договора. Мы отойдем, но там, за линией, должна остаться выжженная земля. Королевства Аэдирн и Лирия должны быть превращены в пепел! Вспомните Содден! Сегодня пришел час возмездия!» Так сказал фельдмаршал.

Эвертсен громко откашлялся.

– А теперь мой приказ: прежде чем войска оставят за собой выжженную землю, мы должны вытянуть из этой земли и этой страны все, что удастся, все, что может приумножить богатства нашей родины. Ты, Авдегаст, займешься погрузкой и вывозом уже собранных и складированных плодов земли. То, что еще на полях и чего не уничтожат героические рыцари Коегоорна, следует собрать.

– У меня мало людей, милсдарь коморный...

– А пленные зачем? Гоните их на работу. Мардер и ты... забыл, как тебя кличут...

– Гельвет. Эван Гельвет, милсдарь коморный.

– Займетесь живым инвентарем. Собрать в стада, согнать в предназначенные пункты на карантин. Остерегаться ящура и других болезней. Больную либо подозрительную скотину забить, трупы сжечь. Остальное гнать на юг назначенными путями. Ясно?

– Так точно.

«Теперь специальные задания, – подумал Эвертсен, приглядываясь к подчиненным. – Кому их поручить? Все младенцы, молоко на губах не обсохло, почти ничего в жизни не видели, не испытали... Эх, мне б сейчас тех старых, бывалых коморников и регистрантов... Войны, войны, постоянные войны... Солдаты гибнут во множестве и часто, но и коморники, с учетом соотношения, тоже ненамного реже. Но среди воинов незаметен урон, потому что армия постоянно пополняется, ибо каждый хочет быть воином. А кто хочет быть коморником либо регистрантом? Кто, вернувшись, на вопрос сына, что он делал на войне, захочет ответить, как корcem измерял зерно, пересчитывал вонючие кожи и взвешивал воск, как вел по разьеженным, покрытым воловьими лепешками дорогам колонну заполненных трофеями телег, погонял мычащие и блеющие стада, глотая пыль, вонь и мух...

Специальное задание. Плавильня в Гулете с огромными печами, плавильня гальмея и большая кузня в Эйсенлаане, три тысячи пудов готовой продукции. Литейные мастерские и шерстяные мануфактуры в Альдерсберге. Солодовни, винокурни, ткацкие и красильные мастерские в Венгерберге...

Демонтировать и вывезти. Так приказал император Эмгыр, Белое Пламя, Пляшущее на Курганах Врагов. Двумя словами: демонтировать и вывезти, Эвертсен.

Приказ есть приказ. Прииски и их добычу. Монеты. Драгоценности. Произведения искусства. Но этим займусь я сам. Лично».

Рядом со стоящими на горизонте черными столбами дыма выросли новые. И опять. И снова. Армия осуществляла приказы Коегоорна. Королевство Аэдирн превращалось в страну пожаров и пожарищ.

По дороге, фурча и вздымая тучи пыли, тащилась длинная колонна штурмовых машин. На все еще обороняющийся Альдерсберг. И на Венгерберг, столицу короля Демавенда.

Петер Эвертсен смотрел и считал. Рассчитывал. Пересчитывал. Петер Эвертсен был Верховным Имперским Казначеем, во время войны – первым коморником армии. Он исполнял обязанности двадцать пять лет. Расчеты и подсчеты были его жизнью.

Стенобойная машина стоит пятьсот флоренов, осадная башня – двести, камнемёт – минимум сто пятьдесят, самая простая баллиста – восемьдесят. Обученная прислуга получает десять с половиной флоренов месячного жалованья. Колонна, которая тащится на Венгерберг, обходится, считая лошадей, волов и мелкое оборудование, самое меньшее в триста гривен. Из гривны, иначе – марки чистого золотого песка, весящей полфунта, чеканят шестьдесят флоренов. Годовая добыча крупных приисков – пять-шесть тысяч гривен...

Осадную колонну обошла легкая кавалерия. По значкам на штандартах Эвертсен распознал тактическую хоругвь князя Виннебурга, одну из переброшенных из Цинтры. Да, подумал он, этим будет чем поживиться. Битва выиграна, аэдирнская армия рассеяна. Резервные отряды в тяжелые бои с регулярными войсками не бросят. Будут преследовать отступающих, уничтожать разрозненные, потерявшие командиров группы, убивать, грабить и жечь. Радуются, потому что наклевывается приятная, веселая войнишка. Войнишка, на которой не перетрудишься. И на которой не убьют.

Эвертсен подсчитывал.

Тактическая хоругвь состоит из девяти обычных хоругвей и насчитывает две тысячи конных. Хоть солдаты Виннебурга скорее всего уже не будут участвовать в крупных боях, все же в стычках поляжет не меньше одной шестой состава. Потом будут лагеря и биваки, отравленная пища, грязь, вши, комары, протухшая вода. Неизбежно начнутся тиф, дизентерия, малярия, которые унесут еще не меньше четверти. К этому надо прибавить общим счетом непредвиденные несчастные случаи, обычно около пятой части состава. Домой вернутся восемьсот. Не больше. А скорее всего – и того меньше.

Веселая войнишка.

По большаку прошли очередные хоругви, за кавалерией появились пехотные корпуса. Маршировали лучники в желтых куртках и круглых шлемах, арбалетчики в плоских касках, щитники и пикинеры. За ними тяжело шагали латники, закованные в броню как раки, ветераны из Виковаро и Этолии, дальше – разномастная толпа: кнехты из Метинны, наемники из Турна, Мехта, Гесо и Эббинга.

Несмотря на жару, подразделения двигались в меру бодро, вздымаемая солдатскими

ботинками пыль клубилась над дорогой. Грохотали барабаны, развевались штандарты, покачивались и блестели наконечники пик, копий, алебард и гизарм. Солдаты шли в меру резво и весело. Маршировала армия победителей. Непобежденная армия. Дальше, парни, вперед, в бой! На Венгерберг! Прикончить врага, отомстить за Содден! Повоевать на славу, набить мешки добычей и домой, домой!

Эвертсен глядел. И подсчитывал. * * *

– Венгерберг пал через неделю, – dokonчил Лютик. – Ты удивишься, но тамошние цеховики доблестно и до конца защищали башни и назначенные им отрезки стен. Поэтому нильфгаардцы вырезали все отряды и всех жителей города, что-то около шести тысяч человек. Когда об этом узнали, началось великое бегство. Разгромленные полки и гражданское население в массовом порядке двинулись в Темерию и Реданию. Толпы беженцев тянулись по Долине Понтара и перевалам Махакама. Но не всем удалось уйти. Конные разъезды нильфгаардцев следовали за ними, отрезали дорогу к бегству... Знаешь, что им было нужно?

– Нет. Я в этом не разбираюсь... Я не знаток войн, Лютик.

– Пленники. Рабы. Нильфгаардцы хотели захватить в неволю как можно больше людей. Для Нильфгаарда это самая дешевая рабочая сила. Поэтому они так активно преследовали беглецов. Это была хорошо организованная гигантская охота. Ведь армия бежала, а уходящих людей никто не защищал.

– Никто?

– Почти никто.

– Не успеем, – закашлялся Виллис, оглядываясь. – Не успеем уйти... Дьявольщина, граница уже так близко... Так близко...

Райла привстала в стременах, глянула на большак, извивающийся меж покрытых лесом взгорий. Дорога, сколько хватал глаз, была усеяна брошенным имуществом, трупами лошадей, сдвинутыми на обочины телегами и колясками. Сзади, из-за лесов, вздымались в небо черные столбы дымов. Был слышен приближающийся гул, нарастающие звуки боя.

– Приканчивают арьергард... – Виллис отер с лица сажу и пот. – Слышишь, Райла? Они нагнали арьергард и вырезают всех до одного! Нам не успеть!

– Теперь – мы арьергард, – сухо сказала наемница. – Теперь наша очередь.

Виллис побледнел, кто-то из прислушивавшихся солдат громко вздохнул. Райла дернула поводья, развернула тяжело хрипящего, с трудом поднимающего голову коня.

– В любом случае убежать не успеем, – сказала она спокойно. – Кони вот-вот падут. Прежде чем мы доберемся до перевала, они догонят нас и зарубят.

– Бросим все и скроемся в лесу, – сказал Виллис, не глядя на нее. – По одному, каждый за себя. Может, удастся... выжить.

Райла не ответила, глазами и движением головы указала на перевал, на дорогу, на последние группки длинной колонны беженцев, тянущихся к границе. Виллис понял. Грязно выругался, соскочил с седла, покачнулся, оперся на меч.

– Спешиться! – хрипло крикнул он солдатам. – Перекрыть большак чем только можно. Ну чего уставились? Двум смертям не бывать... Мы – армия! Мы – арьергард! Мы должны остановить преследователей, задержать хоть ненадолго...

Он умолк.

– Если мы ненадолго задержим преследователей, люди успеют перейти в Темерию, на ту сторону гор, – dokonчила Райла, тоже слезая с коня. – Там – женщины и дети. Ну что тарашитесь? Это наше ремесло. За это нам платят, забыли?

Солдаты переглянулись. Несколько мгновений Райла думала, что они все-таки сбегут, поднимут мокрых измученных коней на последний невероятный рывок, погонят их вслед за колонной беженцев, к спасительному перевалу. Она ошиблась. Она плохо их знала.

Солдаты перевернули на дорогу воз. Быстро возвели баррикаду. Кустарную, невысокую. Совершенно недостаточную.

Долго ждать не пришлось. В ущелье, спотыкаясь, храпя, разбрасывая хлопья пены, влетели два коня. Наездник был только на одном.

– Блайс!

– Готовьтесь... – Наемник сполз с седла на руки солдат. – Готовьтесь, мать вашу... Они совсем близко...

Конь захрапел, сделал несколько танцевальных движений, упал на зад, тяжело рухнул на бок, дернулся, вытянул шею, протяжно заржал.

– Райла... – прохрипел Блайс, отводя глаза. – Дайте... Дайте мне что-нибудь. Я потерял меч...

Воительница, глядя на упирающиеся в небо дымы пожаров, указала головой на топор, лежащий у перевернутого воза. Блайс схватил оружие, покачнулся. Левая штанина пропиталась кровью.

– Что с остальными, Блайс?

– Вырезали, – простонал наемник. – Всех. Весь отряд... Райла, это не нильфы... Это «белки»... Нас догоняли эльфы. Скоя'таэли идут первыми, перед нильфгаардцами.

Один из солдат душераздирающе крикнул, второй тяжело опустился на землю, закрыв лицо руками. Виллис выругался, подтянул ремни полулат.

– По местам! – крикнула Райла. – За баррикаду! Им нас живыми не взять. Обещаю!

Виллис сплюнул, быстро сорвал с наплечника трехцветную черно-красно-золотую кокарду специальных войск короля Демавенда, кинул ее в заросли. Райла, разглаживая и очищая от грязи и пыли свою кокарду, криво усмехнулась:

– Не знаю, поможет ли это тебе, Виллис. Не знаю.

– Ты обещала, Райла.

– Обещала. И обещание выполняю. По местам, парни! Арбалеты и луки к бою!

Да, долго ждать не пришлось.

После того как они отразили первую волну, их осталось лишь шестеро. Бой был кратким, но яростным. Мобилизованные из Венгерберга солдаты дрались как дьяволы, остервенением не уступая наемникам. Ни один не хотел попасть живым в руки скоя'тазлей. Предпочитали умереть в бою. И умирали, пронзенные стрелами, умирали от ударов копий и мечей. Блайс умер лежа, зарезанный кинжалами двух эльфов, которые свалились на него, спрыгнув с

баррикады. Ни один не поднялся. У Блайса тоже был кинжал.

Скоя'таэли не дали им передохнуть. Навалилась другая группа. Виллис, получив третий раз копьем, успел только крикнуть:

– Райла! Капитан! Ты обещала!

Наемница, уложив очередного эльфа, быстро обернулась.

– Прощай, Виллис. – Она уперла лежащему острие меча чуть пониже грудной кости и резко нажала. – Встретимся в аду!

Через минуту она осталась одна. Скоя'таэли охватили ее со всех сторон. Воительница, вымазанная кровью с головы до ног, подняла меч, закружилась, взмахнула черной косой. Она стояла среди трупов, страшная, скривившаяся как демон. Эльфы попятились.

– Идите! – крикнула она дико. – Ну чего ждете! Вам не взять меня живой. Я – Черная Райла!

– Glaeddyv vort, beanna, – спокойно сказал светловолосый красивый эльф с лицом херувима и огромными васильковыми глазами ребенка. Он выдвинулся из-за окружающих ее, но все еще мнущихся скоя'таэлей. Его снежно-белый конь хрипел, мотал головой вверх-вниз, энергично роя копытами напоенный кровью песок большака.

– Glaeddyv vort, beanna, – повторил наездник. – Брось меч, женщина.

Наемница жутко расхохоталась, отерла лицо отворотом перчатки, размазывая пот, смешанный с пылью и кровью.

– Мой меч слишком дорого мне обошелся, чтобы бросаться им, эльф! – крикнула она. – Чтобы его взять, тебе придется ломать мне пальцы! Я – Черная Райла! Ну иди же!

Долго ждать не пришлось.

– И никто не пришел Аэдирну на помощь? – спросил ведьмак после долгого молчания. – Ведь, кажется, существовали какие-то союзы. Договоры о взаимопомощи... Пакты...

– В Редании, – откашлялся Лютик, – хаос после смерти Визимира. Ты знаешь, что король Визимир убит?

– Знаю.

– Правление взяла на себя королева Гедвига, но в стране возникла неразбериха. И террор. Охота на скоя'таэлей и нильфгаардских шпигов. Дийкстра мотается по всей стране, эшафоты не сохнут от крови. Дийкстра все еще не может ходить. Его носят в паланкине.

– Догадываюсь. Он преследовал тебя?

– Нет. Мог, но не преследовал. А, не важно. Во всяком случае, погруженная в хаос Редания не в состоянии была выставить армию, которая могла бы поддержать Аэдирн.

– А Темерия? Почему король Фольтест Темерский не поддержал Демавенда?

– Как только началась агрессия в Доле Ангре, – тихо сказал Лютик, – Эмгыр вар Эмрейс направил посольство в Вызиму...

– К черту, – прошипел Бронибор, глядя на закрытую дверь. – О чем они так долго болтают? Почему Фольтест вообще снизошел до переговоров? Принял этого нильфгаардского пса? Его надо было обезглавить и голову отослать Эмгыру! В мешке!

– О Боже, комес, – поперхнулся жрец Виллимер. – Это же посол! Персона посла священна и неприкосновенна! Не годится...

– Ах, не годится? Я скажу вам, что годится, а что не годится! Не годится бездействовать и посматривать, как агрессор опустошает страны, с которыми мы в союзе! Лирия пала. Аэдирн вот-вот падет! Демавенд в одиночку Нильфгаарда не сдержит! Необходимо немедленно выслать в Аэдирн экспедиционный корпус, надо облегчить положение Демавенда ударом на левый берег Яруги! Там мало войск, большую часть они перебросили в Долю Ангру! А мы тут совещаниями балуемся! Вместо того чтобы бить, болтаем. Да еще нильфгаардского посла принимаем!

– Замолчите, комес. – Князь Эревард из Элландера окинул старого вояку холодным взглядом. – Это политика. Надо учиться видеть немного дальше конских ноздрей и своего копья. Посла надобно выслушать. Император Эмгыр выслал его к нам не без причины.

– Ясно, не без причины, – проворчал Бронибор. – Эмгыр сейчас громит Аэдирн и знает, что если вступим мы, а с нами и Редания и Каэдвен, то мы разобьем его, выкинем за Долю Ангру, в Эббинг. Знает, что если мы ударим на Цинтру, то угодим ему в незащищенный живот, заставим драться на два фронта! Он этого боится! Поэтому пытается напугать нас, чтобы мы не вступали в войну! Именно с таким заданием сюда приехал нильфгаардский посол.

– Стало быть, надлежит выслушать посла, – повторил князь. – И принять решение, соответствующее интересам нашего королевства. Демавенд безрассудно спровоцировал Нильфгаард и теперь пожинает плоды. А я вовсе не тороплюсь помирить за Венгерберг. То, что творится в Аэдирне, – не наши проблемы.

– Не наши? Да что вы, сто тысяч чертей, плетете? То, что нильфгаардцы уже в Лирии и Аэдирне, на правом берегу Яруги, что нас отделяет от них только лишь Махакам, вы называете не нашими проблемами? Надо не иметь ни крупицы разума, чтобы...

– Прекратите, – остановил Виллимер. – Ни слова больше. Король идет.

Двери залы отворились. Члены королевского Совета встали, отодвигая стулья. Многие стулья пустовали. Командующий наемными войсками и большинство командиров были при подразделениях в Долине Понтара, в Махакаме и у Яруги. Пустовали также стулья, обычно занятые чародеями. Чародеи... «Да, – подумал жрец Виллимер, – местам, которые занимают здесь, при королевском дворе в Вызуме, чародеи, долго оставаться незанятыми. Как знать, не навсегда ли?»

Король Фольтест быстро пересек залу, остановился у трона, но не сел, только наклонился, оперся руками о сиденье. Он был очень бледен.

– Венгерберг осажден, – тихо произнес король Темерии, – и падет с минуты на минуту. Нильфгаард безостановочно идет на север. Окруженные полки еще бьются, но это уже ничего не изменит. Аэдирн потерян. Король Демавенд бежал в Реданию. Судьба королевы Мэвы неизвестна.

Совет молчал.

– На нашу восточную границу, то есть на устье Долины Понтара, нильфгаардцы выйдут через несколько дней, – продолжал Фольтест так же тихо. – Хагга, последняя крепость Аэдирина, долго не продержится. А Хагга – это уже наша восточная граница. И на нашей южной границе произошло нечто очень скверное. Король Эрвилл из Вердэна присягнул на верность императору Эмгыру. Открыл ворота и сдал крепости в устье Яруги. В Настроге, Розроге и Бодрого, которые должны были защищать наш фланг, теперь размещены нильфгаардские гарнизоны.

Совет молчал.

– Благодаря этому, – продолжал Фольтест, – Эрвилл сохранил королевский титул, но его сюзереном стал Эмгыр. Так что формально Вердэн все еще королевство, но практически он – нильфгаардская провинция. Вы понимаете, что это означает? Ситуация изменилась на обратную. Вердэнские крепости в устье Яруги – в руках Нильфгаарда. Я не могу приступить к форсированию реки. И не могу ослабить стоящую там армию, формируя корпуса, которым следовало бы вступить в Аэдирн и поддержать армии Демавенда. Я не могу этого сделать. На мне лежит ответственность за страну и подданных.

Совет молчал.

– Император Эмгыр вар Эмрейс, – продолжал король, – предложил мне... заключить пакт. Я принял предложение. Сейчас я изложу вам, в чем суть этого пакта. А вы, выслушав меня, поймете... Признаете, что... Скажете...

Совет молчал.

– Скажете... – закончил Фольтест, – скажете, что я принес вам мир.

– Итак, Фольтест поджал хвост, – буркнул ведьмак, переламывая пальцами очередной прут. – Стакнулся с Нильфгаардом. Бросил Аэдирн на произвол судьбы...

– Да, – подтвердил поэт. – Однако ввел войска в Долину Понтара, обложил и занял крепость Хаггу. А нильфгаардцы не вошли на перевалы Махакама и не пересекли Яругу в Соддене, не напали на Бругге, который после капитуляции и действий Эрвилла взяли в клещи. Несомненно, такова была цена нейтралитета Темерии.

– Цири была права, – прошептал ведьмак. – Нейтралитет... Нейтралитет, как правило, бывает подлым.

– Что?

– Ничего. А Каэдвен, Лютик? Почему Хенсельт из Каэдвена не поддержал Демавенда и Мэву? Ведь у них был союз, их объединял пакт. А если даже Хенсельт по примеру Фольтеста наплевал на подписи и печати на документах и пустил по ветру королевское слово, то, надо думать, не по дурости? Разве он не понимает, что после падения Аэдирна и пакта Нильфгаарда с Темерией придет его черед, что он – следующий в нильфгаардском списке? Ведь ясно же, что Каэдвен должен поддержать Демавенда. В мире уже нет ни веры, ни правды, но ум-то, надо думать, еще остался? А, Лютик? Есть еще в мире ум? Или остались лишь подлость и презрение?

Лютик отвернулся. Зеленые фонарики были близко, окружали их плотным кольцом. Он не заметил этого раньше, но теперь понял: дриады прислушивались к его рассказу.

– Молчишь, – сказал Геральт. – Значит, Цири была права. Значит, Кодрингер был прав. Значит, все были правы. Только один я, наивный, анахроничный и глупый ведьмак, был не прав.

Сотник Дигот по прозвищу Полгарнец откинул полотно палатки, вошел, тяжело сопя и зло ворча. Десятники повскакивали с мест, приняв армейскую стойку и нагнав на лица подобающие случаю выражения. Зывик ловко накинул кожушок на стоящий между седлами бочонок водки, прежде чем глаза сотника успели привыкнуть к полумраку. Не то чтобы Дигот был таким уж ярым противником выпивок в лагере, просто надо было спасти бочонок. Прозвище сотника родилось не на пустом месте – все знали, что при соответствующих условиях он был способен лихо и чуть ли не мгновенно выхлебать полгарнца самогона.

Казенный солдатский кубок емкостью в кварту сотник опустошал как полквартовку одним махом и редко когда проливал хоть каплю на усы.

– Ну и как, господин сотник? – спросил Бодэ, десятник лучников. – До чего там договорились благородные командиры? Какие приказы? Переходим границу? Говорите же!

– Щас, – буркнул Полгарнец. – Ну и жарища, забодай ее комар... Щас все выложу. Только для начала дайте чего напиться, не то глотка высохнет вконец. И не трепитесь, мол, нету, потому как самогоном несет от палатки за версту. И знаю, откедова несет. О, из-под того вон кожушка.

Зывик, бормоча под нос ругательства, добыл бочонок. Десятники сбились в плотную кучку, забренчали чарки и оловянные кружки.

– Аааа! – Сотник отер усы и глаза. – Уууух, крепка, забодай ее... Лей еще, Зывик.

– Ну же, говорите, – поторапливал Бодэ. – Приказы-то какие? Идем на нильфов аль дале будем торчать на границе, словно грачи на заборе?

– Горит вам в драчку, что ль? – Полгарнец надолго раскашлялся, сплюнул, тяжело присел на седло. – Так уж и тянет за рубеж, в Аэдирн? Подпирает, э? Ярые волчишки, ничего не скажешь, клыками так и клацаете.

– А как же, – холодно сказал малыш Сталер, переступая с ноги на ногу. Обе, как у всякого старого кавалериста, были кривыми, как дуги. – А как же, господин сотник. Пяту ночь в обуви спим, в готовности, стало быть. Вот и хотим знать, чего будет-то. То ль битва, то ль обратно в форт.

– За рубеж идем, – кратко сообщил Полгарнец. – Завтра на заре. Пять хоругвей. Бурая – передом. А теперь слушайте, скажу, что нам, сотникам и хорунжим, велели комес и благородный господин маркграф Мансфельд из Ард Каррайга, напрямки от короля прибывши, передать. Наставьте уши, потому как дважды говорить не стану. А приказы те непростые.

В палатке стало тихо.

– Нильфы перешли через Долю Ангру, – сказал сотник. – Прихлопнули Лирию, за четыре дня дошли до Альдерсберга, там после генерального боя разбили армию Демавенда. С марша после неполных шести дней осады предательством взяли Венгерберг. Теперича резко прут на север, теснят войска из Аэдиерна к долине Понтара и к Долю Блатанна. Идут к нам, в Каздвен. Потому приказ для Бурой Хоругви таков: перейти рубеж и быстро двигаться на юг, прямо к Долине Цветов. За три дни надо нам стать у речки Дыфни. Повторяю, за три дни, стало быть, на рысях идти будем. За речку Дыфню – ни шагу. Ни шагу, повторяю. Вот-вот на том берегу покажутся нильфы. С ними, слушайте как следует, в бой не вступать. Никоим разом, понято? Даже ежели они где-нито захочут речку перейти, то только показать им, знаки, стало быть, дать, чтобы знали – это мы, каздвенское войско.

В палатке стало еще тише, хотя казалось, тише уже быть не может.

– Это как же ж так? – бухнул наконец Бодэ. – Нильфгаардцев-то не бить? На войну идем или как? Как же ж так, господин сотник?

– Приказ такой, стало быть. Идем не воевать, только... – Полгарнец почесал шею. – А с братской помощью. Переходим границу, чтобы дать защиту людям из Верхнего Аэдиерна... Не, чего я... Не из Аэдиерна, а из Нижней Мархии. Так сказал благородный господин маркграф Мансфельд. Так, мол, и так, говорит, Демавенд понес поразку, откинул копыта и лежит, потому как дрянно правил и политикой, стало быть, подтирался. Значит, с ним уже конец и со

всем Аэдирном тоже. Наш король Демавенду много грошей одолжил, пришел час возвратить с процентом. Не можем мы также позволить, чтобы наши земки и братья из Нижней Мархии попали к нильфгаардцам в полон. Должны мы их, того, высвободить. Потому как это наши извечные земли, Нижняя, стало быть, Мархия. Когда-то под скипетром Каздвена земли те были и ныне под тот скипетр возвращаются. Аж по самую речку Дыфню. Такой вот пакт заключил наш милостивый король Хенсельт с Эмгыром из Нильфгаарда. Но пакт пактом, а Бурая Хоругвь должна у реки встать. Понятно?

Никто не ответил. Полгарнец скривился, махнул рукой.

– А, забодай ты комар, ни хрена вы не поняли, вижу. Да и ладно. Потому как и я сам тоже. Для понимания существуют король, графья, комесы и благородные господа. А мы – войско! Наше дело – приказы слушать: дойти до речки Дыфни за три дня, там стать и стоять стеной. И все тут. Плесни, Зывик.

– Господин сотник... – робко начал Зывик. – А чего будет, ежели, к примеру, аэдирнская армия сопротивляться почнет? Дорогу загородит? Ведь с оружием через ихнюю страну идем! Как тогда?

– Ну да, а ежели наши земки и братья, – язвительно подхватил Сталер, – те, которых мы высвободить вроде бы должны... Ежели они примутся из луков бить, камнями кидать? Э?

– Должны мы за три дня стать у Дыфни, – с нажимом сказал Полгарнец. – Не позже. Кто нас захочет задержать, тот, стало быть, неприятель. А неприятеля на мечи поднять надуть. Но внимание и смирно! Слушай приказ! Ни сел, ни халуп не палить, у людей имущество не отбирать, не грабить, баб не трогать! Вбейте себе и солдатам в мозг: кто тот приказ нарушит, пойдет на шибеницу. Комес десяток раз это повторил: идем, забодай ты комар, не с нашествием, а как бы с братской помощью! Ну чего зубы скалишь, Сталер? Приказ! А теперь бегом в десятки, поднять всех на ноги, кони и снаряжение должны гореть, как в полнолуние! Перед ужином все хоругви выстроить, сам комес будет проверять с хорунжими. Ежели за какую-нито десятку стыду наберуся, попомнит меня десятник, ой, попомнит! Выполнять!

Зывик вышел из палатки последним. Щуря ослепшие от солнца глаза, поглядел на царящий в лагере балаган. Десятники спешили к своим подразделениям, сотники бежали и лаялись, корнеты, знать и пажи путались под ногами. Латники из Бан Арда носились по полю, вздымая тучи пыли. Жарища была страшная.

Зывик пошел быстрее. Миновал четырех прибывших вчера скальдов из Ард Каррайга, сидевших в тени богато разукрашенного шатра маркграфа. Скальды занимались тем, что загодя слагали балладу о победоносной войсковой операции, о гениальности короля, расторопности командиров и мужестве простого солдата. Как обычно, делали это авансом перед операцией, чтобы не терять попусту времени.

– Ох, встречали нас братушки да хле-ебом-солью... – начал на пробу один из скальдов. – Избавителей встречали да хле-ебом-солью... Эй, Графнир, подкинь-ка какую-нибудь рифму к «соли». Новую. Неизбитую.

Другой скальд подкинул рифму. Зывик не расслышал какую. То ли «фасоль», то ли «антресоль».

Расположившиеся среди верб у пруда десять солдат вскочили, увидев своего командира.

– Собирайсь! – рявкнул Зывик, останавливаясь достаточно далеко, чтобы источаемый им перегар не повлиял на морально-боевой уровень подчиненных. – Прежде чем солнце на четыре пальца подымет, все на смотр! Все должно блестеть, как энтю самое солнце, оружие, амуниция, конь тожить! Будет маршировка, ежели из-за кого перед сотником стыду

наберуся, ноги тому сукин-сыну повыдергиваю! Живо!

– В бой идем! – догадался конник Краска, быстренько запихивая рубашку в брюки. – В бой идем, господин десятник?

– А ты че думал? На пляски по случаю начала жатвы? Или как? Рубеж переходим. Завтра на заре двинется вся Бурая Хоругвь. Сотник не сказал, в каком строю, но токмо наша десятка передом пойдет, как завсегда. Ну, живее подымайте жопы-то! Кру-у-гом! Скажу сразу, потому как опосля времени верняком не достанет. Никакая это не будет обнаковенная бойня, парни. Какую-то дурь надумали благородные, мать их так. Какое-то вызволение или как там ее. Не идем врага колотить, а на эти, ну на наши изувечные, не – извечные земли, с этой, ну как ее, братской помощью. А теперя смирно! Чего скажу-то: людишек из Аэдирна не трогать, не грабить...

– Это как же так? – раскрыл рот Краска. – Как же так-то – не грабить? А чем коней кормить, господин десятник?

– Фураж для коней грабить, боле ничего. Но людишек не сечь, халуп не палить, посевов не травить... Закрой пасть, Краска! Это тебе не вече, это войско, мать вашу так! Приказы слушать, иначе на шибеницу! Сказал: не убивать, не палить, баб... – Зывик осекся, задумался и закончил после минутного раздумья: – Баб трахать без шуму и штоб никто не видел.

– На мосту через реку Дыфню, – закончил Лютик, – они обменялись рукопожатиями. Маркграф Мансфельд из Ард Каррайга и Мэнно Коегоорн, главнокомандующий нильфгаардскими войсками из Доля Ангры. Пожали друг другу руки над кровоточащим, догорающим королевством Аэдирн, закрепляя тем самым бандитский раздел добычи. Самый отвратный из жестов, какие только знала история.

Геральт молчал.

– Раз уж мы остановились на отвратности, – немного погодя сказал он неожиданно спокойно, – то что с чародеями, Лютик? Я имею в виду тех, что из Капитула и Совета?

– С Демавендом не остался ни один, – начал поэт. – А Фольтест всех, кто ему служил, вытурил из Темерии. Филиппа – в Третогоре, помогает королеве Гедвиге наводить порядок в том бардаке, который все еще царит в Редании. С ней Трисс и еще трое, имен не помню. Несколько в Каздвене. Многие сбежали в Ковир и Хенгфорс. Предпочли нейтралитет, потому что Эстерад Тиссен и Недамир, как ты знаешь, нейтралитет сохраняли и сохраняют.

– Знаю. А как Вильгефорц? И те, кто при нем?

– Вильгефорц исчез. Предполагалось, что он вынырнет в захваченном Аэдирне в качестве наместника Эмгыра... Но от него ни слуху ни духу. От него и всех его поделельников. Кроме...

– Говори, Лютик.

– Кроме одной чародейки, которая стала королевой.

Филавандрель аэп Фидайль молча ожидал ответа. Королева, заглядевшись в окно, тоже молчала. Окно выходило в сады, еще недавно бывшие гордостью и красой властелина Доля Блатанна, наместника тирана из Венгерберга. Убегая от Вольных Эльфов, идущих в авангарде войск императора Эмгыра, наместник-человек успел вывезти из древнего дворца эльфов большую часть ценных вещей, даже часть мебели. Но садов забрать не мог. Он их уничтожил.

– Нет, Филавандрель, – сказала наконец королева. – Еще рано, еще очень рано. Не надо мечтать о расширении наших границ, пока мы не знаем даже, где они точно проходят.

Хенсельт из Каэдвена и не думает соблюдать договор и убираться с Дыфни. Шпионы доносят, что он отнюдь не отказался от мысли о нападении. Он может ударить в любой момент.

– Значит, мы не добились ничего.

Королева медленно протянула руку. Бабочка аполлон, влетевшая в окно, уселась на ее кружевной манжет, сложила и раскрыла заканчивающиеся остриями крылышки.

– Мы добились больше, – сказала королева тихо, чтобы не спугнуть бабочку, – чем могли ожидать. Спустя сто лет мы наконец получили обратно нашу Долину Цветов...

– Я бы не называл ее так, – грустно улыбнулся Филавандрель. – После того как здесь прошли войска, она скорее Долина Пепла.

– Мы снова получили свою собственную страну, – закончила королева, глядя на бабочку. – Мы снова – Народ, не изгнанники. А пепел удобряет. Весной Долина Цветов расцветет вновь.

– Этого слишком мало, Маргаритка. Все еще слишком мало. Мы сбавили тон. Еще недавно мы похвалялись, что столкнем людей в море, с которого они прибыли. А теперь сузили наши границы и амбиции до Доль Блатанна...

– Эмгыр Деитвен подарил нам Доль Блатанна. Чего ты от меня хочешь, Филавандрель? Требовать большего? Не забывай, что, даже принимая дары, следует соблюдать умеренность. Особенно это относится к дарам Эмгыра, ибо Эмгыр ничего не дает даром. Земли, которые он нам даровал, мы должны удерживать. А наших сил едва хватит, чтобы удерживать Доль Блатанна.

– Вернем бригады из Темерии, Редании и Каэдвена, – предложил белоголовый эльф. – Вернем всех скоя'таэлей, борющихся с людьми. Теперь ты королева, Энид, они выполнят твой приказ. Сейчас, когда у нас наконец-то есть собственный клочок земли, их борьба потеряла смысл. Теперь их обязанность – вернуться и защищать Долину Цветов. Пусть сражаются как вольный народ, обороняя свои границы. А они гибнут как разбойники по лесам!

Эльфка опустила голову.

– Эмгыр на это не согласен, – шепнула она. – Бригады должны продолжать борьбу.

– Зачем? Во имя чего? – Филавандрель аэп Фидаиль резко выпрямился.

– Я скажу больше. Мы не имеем права поддерживать их и помогать. Таково условие Фольтеста и Хенсельта. Темерия и Каэдвен признают нашу власть над Доль Блатанна только в том случае, если мы официально осудим борьбу «белок» и отречемся от них.

– Дети умирают, Маргаритка. Умирают ежедневно, гибнут в неравной борьбе. После тайных договоров с Эмгыром люди накинута на бригады и уничтожат их. Это наши дети, наше будущее! Наша кровь! А ты заявляешь, что мы должны от них отречься! Que'ss aen me dicette, Enid? Vorsaeke'llan? Aen vaine?

Бабочка взлетела, затрепыхала крылышками, устремилась к окну, закружилась, подхваченная потоками горячего воздуха. Франческа Финдабаир, именуемая Энид ан Глеанна, некогда чародейка, а отныне королева Aen Seidhe, Вольных Эльфов, подняла голову. В ее прекрасных голубых глазах стояли слезы.

– Бригады, – повторила она глухо, – должны продолжать борьбу. Нарушать порядок в

человечьих королевствах, затруднять военные приготовления. Таков приказ Эмгыра, а я не могу противиться Эмгыру. Прости меня, Филавандрель.

Филавандрель аэп Фидайль взглянул на нее и низко поклонился.

– Я-то прощаю, Энид. Но вот простят ли они?

– И ни один чародей не продумал все случившееся заново? Даже после того, как Нильфгаард убивал и жег все и вся в Аэдирне, ни один из них не бросил Вильгефорца, не присоединился к Филиппе?

– Ни один.

Геральт молчал долго. Наконец очень тихо сказал:

– Не верю. Не верю, чтобы никто не отрекся от Вильгефорца, когда истинные причины и последствия его предательства вылезли наружу. Я, как всем известно, наивный, неразумный и анахроничный ведьмак. Но я по-прежнему не верю, чтобы ни у одного чародея не проснулась совесть. * * *

Тиссая де Врие поставила тщательно отработанную, замысловатую подпись под последней фразой письма. Подумав, добавила рядом идеограмму, означающую ее истинное имя. Имя, которого никто не знал. Имя, которым она не пользовалась очень-очень давно. С тех пор как стала чародейкой.

«Жаворонок».

Отложила перо. Старательно, ровненько, точно поперек исписанного листа пергамента. Долго сидела неподвижно, уставившись в красный шар заходящего солнца. Потом встала. Подошла к окну. Какое-то время глядела на крыши домов. Домов, в которых в это время укладывались спать обычные люди, утомленные своей обычной человеческой жизнью и трудами, полные обычного человеческого беспокойства о судьбах, о завтрашнем дне. Чародейка взглянула на лежащее на столе письмо. Письмо было адресовано обычным людям. То, что большинство обычных людей не умели читать, значения не имело.

Остановилась перед зеркалом. Взбила волосы. Стряхнула с буфов рукава несуществующую пылинку. Поправила на декольте ожерелье из шпинели.

Подсвечники у зеркала стояли неровно. Видимо, служанка трогала их и переставляла во время уборки. Служанка. Обычная женщина. Обычный человек с глазами, полными страха перед наступающим. Обычный человек, затерявшийся в полотнищах времён презрения. Обычный человек, пытающийся обрести надежду и уверенность в завтрашнем дне в ее, чародейки, словах...

Обычный человек, доверие которого она не оправдала.

С улицы донеслись звуки шагов, стук тяжелых солдатских сапог. Тиссая де Врие даже не вздрогнула, не повернула головы. Ей было безразлично, чьи это шаги. Королевского солдата? Прево с приказом арестовать предательницу? Наемного убийцы? Палача, подосланного Вильгефорцем? Ее это не интересовало.

Шаги утихли в отдалении.

Подсвечники у зеркала стояли неровно. Чародейка подровняла их, поправила салфетку так, чтобы угол оказался точно посередине, симметрично четырехугольным подставкам подсвечников. Сняла с рук золотые браслеты и ровненько положила их на разглаженную салфетку. Глянула критично, но не нашла ни малейшего изъяна. Все лежало ровно,

аккуратно. Как и должно было лежать.

Она отворила ящик комода, вынула из него короткий стилет с костяной ручкой.

Лицо у нее было гордое и неподвижное. Мертвое.

В доме стояла тишина. Такая тишина, что можно было услышать, как на столешницу падают лепестки увядающего тюльпана.

Красное как кровь солнце медленно опустилось на крыши домов. Тиссая де Врие села на стоящее у стола кресло, задула свечи, еще раз поправила лежащее поперек письма перо и перерезала себе вены на обеих руках.

Утомление от полного дня езды и впечатлений дало о себе знать. Лютик проснулся и понял, что заснул, скорее всего захрапел на полуслове во время рассказа. Пошевелился и чуть не скатился с кучки веток – Геральта уже не было рядом, и он не уравнивал подстилки.

– Так на чем... – Лютик откашлялся, сел. – На чем же я вчера остановился? Ага, на чародеях... Геральт? Где ты?

– Здесь, – отозвался ведьмак, едва различимый в темноте. – Продолжай. Ты собирался сказать об Йеннифэр.

– Послушай. – Поэт точно знал, что о названной персоне не имел ни малейшего намерения упоминать даже мимоходом. – Я, верно, ничего...

– Не ври. Я тебя знаю.

– Если ты меня так хорошо знаешь, – занервничал трубадур, – то на кой ляд добиваешься, чтобы я говорил? Зная меня как фальшивый шелонг, ты должен знать также, почему я промолчал, почему не повторяю дошедших до меня сплетен! Ты должен был бы додуматься, что это за сплетни и почему я хочу тебя от них избавить!

– Que suess's? – Одна из спящих рядом дриад вскочила, разбуженная его возбужденным голосом.

– Прости, – тихо сказал ведьмак. – Ты тоже.

Зеленые фонарики Брокилона уже погасли, лишь немногие еще слабо тлели.

– Геральт, – прервал молчание Лютик. – Ты всегда утверждал, будто стоишь в стороне, будто тебе все едино... Она могла поверить. И верила, когда вместе с Вильгефорцем начала эту игру...

– Довольно, – прервал Геральт. – Ни слова больше. Когда я слышу слово «игра», мне хочется кого-нибудь убить. Давай свою бритву. Надо же наконец побриться.

– Сейчас? Еще темно...

– Для меня никогда не бывает темно. Я – монстр.

Когда ведьмак вырвал у него из руки кошелек с туалетными принадлежностями и направился к реке, Лютик почувствовал, что сонливость как рукой сняло. Небо уже начинало светлеть. Поэтому он отошел в лес, осторожно проходя мимо спящих, прижавшихся друг к другу дриад.

– Ты к этому причастен?

Он вздрогнул и обернулся. У опирающейся о ствол дриады волосы серебрились, это было

видно даже в утреннем полумраке.

– Отвратительная картинка, – сказала она, скрещивая руки на груди. – Человек, который все потерял. Знаешь, певун, это любопытно. В свое время мне казалось, что всего потерять нельзя, что всегда что-то, да остается. Всегда. Даже во времена презрения, когда наивность может отыгаться самым чудовищным образом, нельзя потерять все. А он... Он потерял несколько кварт крови, возможность нормально ходить, частично власть над левой рукой, ведьмачий меч, любимую женщину, чудом найденную дочь, веру... Но, подумала я, но ведь что-то должно было у него остаться? Я ошибалась. У него уже нет ничего... Даже бритвы.

Лютик молчал. Дриада не шелохнулась.

– Я спросила, ты причастен к этому? – продолжила она после недолгого молчания. – Но, видимо, спросила напрасно. Конечно, причастен. Ты же его друг. А если у тебя есть друзья и все-таки ты все теряешь, значит, виноваты друзья. В том, что сделали, и в том, чего не сделали. В том, что не знали, что следует сделать.

– А что я мог? – шепнул он. – Что я мог сделать?

– Не знаю.

– Я сказал ему не все...

– Это так.

– Я ни в чем не виноват.

– Виноват.

– Нет! Нет! Я не...

Он вскочил, раскидывая ветки лежанки. Геральт сидел рядом, растирая лицо. От него шел аромат мыла.

– Не виноват? – холодно спросил он. – Интересно, что тебе приснилось? Что ты – лягушка? Успокойся. Ты не лягушка. Что ты – олух? Ну, в таком случае это мог быть провидческий сон.

Лютик оглянулся. Они были на поляне совершенно одни.

– Где она... Где они все?

– На опушке. Собирайся. Тебе пора.

– Геральт, я только что разговаривал с дриадой. Она говорила на всеобщем без всякого акцента и сказала мне...

– Ни одна из этой группы не говорит на всеобщем без акцента. Тебе приснилось, Лютик. Это Брокилон. Тут многое может присниться.

На опушке их ожидала одинокая дриада. Лютик узнал ее сразу – это была та, с зеленоватыми волосами, которая ночью приносила им свет и уговаривала его спеть еще. Дриада подняла правую руку, приказывая остановиться.левой она держала лук со стрелой на тетиве. Ведьмак крепко сжал трубадуру руку.

– Что-то случилось? – шепнул Лютик.

– Да. Стой тихо, не шевелись.

Плотный туман, заполняющий пойму Ленточки, заглушал голоса и звуки, но не настолько, чтобы Лютик не услышал плеск воды и похрапывание лошадей. Реку переходили конные.

– Эльфы, – догадался он. – Скоя’таэли? Бегут в Брокилон, верно? Целая бригада...

– Нет, – проворчал Геральт, всматриваясь в туман. Поэт знал, что зрение и слух ведьмака невероятно чувствительны, но не мог угадать, оценивает ли он сейчас слухом или же зрением. – Не бригада. То, что осталось от бригады. Пятеро или шестеро конных, три лошади без седоков. Стой здесь, Лютик. Я иду туда.

– Gar’ean, – предостерегла зеленоволосая дриада, поднимая лук. – N’t’e va, Gwynbleidd! Kî’rin!

– Thaess aep, Fauve, – неожиданно резко ответил ведьмак. – M’aespar que va’en ell’ea? Пожалуйста, стреляй. А если нет, то замолчи и не думай меня запугать, потому что меня запугать нельзя. Я должен поговорить с Мильвой Барринг и поговорю, независимо от того, нравится тебе это или нет. Останься, Лютик.

Дриада опустила голову. Лук тоже.

Из тумана проступили девять лошадей, и Лютик увидел, что действительно только на шести из них сидели наездники. Заметил он и фигурки дриад, появившихся из зарослей и направлявшихся навстречу, заметил, что трем наездникам пришлось помогать слезть с лошадей и поддержать, чтобы они могли дойти до спасительных деревьев Брокилона. Другие дриады, словно привидения, промчались по бурелому и береговому откосу и исчезли во мгле, затягивающей Ленточку. С противоположного берега раздался крик, ржание, плеск воды. Поэту почудилось, что он слышит свист стрел. Впрочем, уверен он не был.

– За ними гнались... – проворчал он.

Фаувэ повернулась, держа руку на луке седла.

– Ты петь такая песня, taedh, – проворчала она. – N’t’e ch’aent a’minne, не о Эттариэль. Любить – нет. Время – нет любить. Теперь время – убивать, да. Такая песня – да!

– Я, – пробормотал он, – не виноват в том, что творится...

Дриада минуту помолчала, глядя в сторону, потом быстро проговорила:

– Я – нет тоже. – И быстро скрылась в чаще.

Ведьмак вернулся примерно через час. Привел двух оседланных лошадей – Пегаса и гнедую кобылу. На чепраке кобылы видны были следы крови.

– Это лошадь эльфов, верно? Тех, что перешли реку?

– Да, – ответил Геральт. Лицо и голос у него были чужие и незнакомые. – Это кобыла эльфов. Однако временно она послужит мне. А представится случай – обменяю на коня, который умеет нести раненого, а если раненый упадет, останется рядом с ним. Кобылу этому явно не научили.

– Уезжаем?

– Уезжаешь ты. – Ведьмак кинул поэту поводья Пегаса. – Ну бывай, Лютик. Дриады проводят тебя версты три вверх по течению, чтобы ты не налетел на солдат из Бругге, которые, вероятно, все еще крутятся на том берегу.

– А ты? Остаешься?

– Нет. Не остаюсь.

– Узнал что-то от «белок»? О Цири, да?

– Бывай, Лютик.

– Геральт... Послушай...

– Что мне слушать? – крикнул ведьмак и вдруг осекся. – Ведь я ее... Я же не могу оставить ее на произвол судьбы. Она совсем одна. Ей нельзя быть одной, Лютик. Ты этого не поймешь. Никто этого не поймет, но я-то знаю. Если она будет одинока, с ней случится то же, что когда-то... Что когда-то случилось со мной... Ты этого не поймешь...

– Я понимаю. И поэтому еду с тобой.

– Да ты спятил! Знаешь, куда я еду?

– Знаю. Геральт, я... Я не сказал тебе всего... Я чувствую свою вину. Я не сделал ничего. Не знал, как следует поступить... Но теперь знаю. Я хочу поехать с тобой. Сопровождать тебя. Я не сказал тебе... о Цири, о слухах, которые кружат. Я встретил знакомых из Ковира, а те, в свою очередь, слышали сообщения послов, которые вернулись из Нильфгаарда... Догадываюсь, что эти слухи могли дойти даже до «белок» и ты уже все узнал от тех эльфов, которые перешли через Ленточку. Но позволь... мне... мне самому рассказать тебе...

Ведьмак долго молчал, безвольно опустив руки, наконец сказал изменившимся голосом:

– Прыгай в седло. Расскажешь по дороге.

В то утро во дворце Лок Грим, летней резиденции императора, царило необычное оживление. Тем более необычное, что всякие оживления, возбуждения и волнения были абсолютно не в обычаях нильфгаардской знати, а проявление беспокойства либо любопытства считалось признаком незрелости. Такое поведение нильфгаардскими вельможами почиталось столь предосудительным и недостойным, что выказывать оживление или возбуждение стыдилась даже незрелая молодежь, от которой, кстати, мало кто ожидал приличного поведения.

Однако в то утро в Лок Гриме молодежи не было. Молодежи нечего было искать в Лок Гриме. Гигантскую тронную залу дворца заполняли серьезные и строгие аристократы, рыцари и дворяне, все как на подбор затянутые в черную придворную одежду, оживляемую лишь белизной брыжей и манжет. Мужчин сопровождали немногочисленные, но столь же серьезные и строгие дамы, которым традиция разрешала освежить чернь одежд минимумом скромной бижутерии. Все прикидывались благопристойными, благовоспитанными, серьезными и строгими. А меж тем были невероятно возбуждены.

– Говорят, она некрасива. Худа и некрасива.

– Но вроде бы королевских кровей.

– От незаконного брака?

– Отнюдь. Легального.

– Стало быть, взойдет на трон?

– Если император пожелает...

– Разрази меня гром, вы только гляньте на Ардаля аэп Даги и князя де Ветта... Ну и физики... Словно укуса наглотались...

- Тише, граф... Тебя удивляют их мины? Если слухи подтвердятся, Эмгыр даст пощечину древним родам. Унизит их...
- Слухи не подтвердятся. Император не женится на этой найде! Он не может так поступить...
- Эмгыр может все. Следите за словами, барон. Следите за тем, что говорите. Бывали уже такие, кто утверждал, будто Эмгыр не может того, сего. Кончали на эшафоте.
- Говорят, он уже подписал декрет о пожаловании ей земель. Триста гривен ренты, представляете себе?
- И титул принцессы. Кто-нибудь из вас ее уже видел?
- Как только она прибыла, ее тут же отдали в руки графини Лиддерталь, а вокруг дома поставили гвардейцев.
- Ее поручили графине, чтобы та научила девчонку хотя бы началам хороших манер. Говорят, ваша принцесса ведет себя как девка из коровника...
- И что странного? Она с севера, из варварской Цинтры.
- Тем невероятнее слухи о браке Эмгыра. Нет, нет, это абсолютно невозможно. Император, как и планировалось, возьмет в жены младшую дочь де Ветта. Он не женится на узурпаторке!
- А пора бы уж наконец жениться. Ради продолжения династии. Самое время завести маленького великого князя...
- Так пусть женится, только не на этой бродяге!
- Тише, без экзальтации! Ручаюсь, милостивые государи, этому союзу не бывать. Какая цель может быть у такого марьяжа?
- Политика, граф. Мы ведем войну. Такой союз имел бы политическое и стратегическое значение... Династия, из которой происходит принцесса, имеет законные титулы и подтвержденные ленные права на земли в Долине Ярры. Если она станет супругой императора... О, это был бы удачный шаг. Только взгляните на послов короля Эстерада, как они шепчутся...
- Похоже, князь, вы одобряете столь странное поведение? А может, даже и присоветовали его Эмгыру, а?
- Мое личное дело, маркграф, что я советую и одобряю, а что нет. А решения императора я не рекомендовал бы вам подвергать сомнению.
- Стало быть, он уже принял решение?
- Не думаю.
- Значит, ошибаетесь, если не думаете.
- Что вы этим хотите сказать, милостивая государыня?
- То, что Эмгыр удалил от дворца баронессу Тарнханн. Приказал ей вернуться к мужу.
- Порвал с Дервлей Трыффин Бруаннэ? Не может быть! Дервля была его фавориткой три года...

- Повторяю: удалил со двора.
- Это правда. Говорят, Золотоволосая Дервля страшно скандалила. Четверо гвардейцев силой заталкивали ее в карету...
- Вот муж обрадуется...
- Сомневаюсь.
- Великое Солнце! Эмгыр порвал с Дервлей? Порвал с ней ради этой найды? Дикарки с севера?
- Тише... Тише, черт побери...
- Кто за этим стоит? Какая партия поддерживает?
- Я же просила тише. На нас смотрят...
- Эта девка... Я хотел сказать, принцесса... Кажется, некрасива... Когда император ее увидит...
- Думаете, он ее еще не видел?
- Некогда было. Он только час назад прибыл из Дарн Руаха.
- Эмгыру никогда не нравились тощие. Айна Дермтт... Клара аэп Гвиндолин Гор... А Дервля Трыффин Бруаннэ – это же писаная красавица...
- Может, и найда со временем похорошеет...
- Если ее отмыть. Княжны с севера, кажется, моются редко...
- Следите за словами. Возможно, мы говорим о будущей супруге императора...
- Она же еще ребенок. Ей не больше четырнадцати.
- Повторяю, это будет политический союз... Чисто формальный...
- Если б так, Золотоволосая Дервля осталась бы при дворе.
- Найда из Цинтры политически и формально уселась бы на трон рядом с Эмгыром... А по вечерам Эмгыр давал бы ей забавляться тиарой и играть коронными драгоценностями, а сам шел бы в опочивальню Дервли... По крайней мере до того времени, пока соплячка не достигнет того возраста, когда уже можно безопасно рожать.
- Хм... Да... В этом что-то есть. Как ее зовут... эту «принцессу»?
- Ксерелла или как-то так.
- Да нет же. Зирилла. Да, кажется, Зирилла.
- Варварское имечко.
- Тише, дьявольщина...
- И серьезнее. Вы ведете себя как дети!
- Следите за словами! Следите за тем, чтобы я не почел их за оскорбление!

– Желаете сатисфакции? Вы знаете, где меня искать, маркграф!

– Тише! Спокойнее! Достойнее! Император...

Герольду достаточно было одного удара жезлом о паркет, чтобы украшенные черными беретами головы аристократов и рыцарей склонились словно колосья под порывом ветра. В тронной зале повисла тишина, такая, что герольду не потребовалось чрезмерно напрягать голосовые связки.

– Эмгыр вар Эмрейс, Деитвен Аддан ын Карн аэп Морвудд!

Белое Пламя, Пляшущее на Курганах Врагов, ступил в залу. Прошел вдоль рядов знати своим обычным быстрым шагом, энергично размахивая правой рукой. Его черная одежда ничем не отличалась от одежд дворян, разве что отсутствием брыжей. Темные волосы императора, как всегда, не уложенные в прическу, удерживало в относительном порядке узкое золотое кольцо, на шее поблескивала императорская цепь.

Эмгыр довольно небрежно присел на трон, стоящий на возвышении, уперся рукой в подлокотник, а подбородок положил на ладонь. На другой подлокотник трона ногу не забросил, а это означало, что соблюдение церемониала по-прежнему обязательно. Ни одна из склоненных голов не приподнялась ни на вершок.

Император громко, не меняя позы, кашлянул. Придворные перевели дыхание и выпрямились. Герольд снова ударил жезлом по паркету.

– Цирилла Фиона Элен Рианнон, королева Цинтры, княжна Бругге и Соддена, наследница Инис Ард Скеллиг и Инис Ан Скеллиг, сюзеренка Аттре и Абб Ярра!

Глаза присутствующих обратились к дверям, в которых стояла высокая и преисполненная достоинства Стелла Конгрев, графиня Лиддерталь. Рядом с графиней шла носительница всех только что перечисленных весьма внушительных титулов. Худенькая, светловолосая, невероятно бледная, сутуловатая, в длинном белом платье. В платье, в котором она чувствовала себя явно неуютно и скверно.

Эмгыр Деитвен выпрямился на троне, а дворяне незамедлительно согнулись в поклонах. Стелла Конгрев незаметно подтолкнула светловолосую девочку. Обе они шествовали вдоль шеренги аристократов, представителей первых семей Нильфгаарда. Девочка семенила неуверенно и как бы окоченев. «Сейчас споткнется», – подумала графиня.

Цирилла Фиона Элен Рианнон споткнулась.

«Неловкая и тощая, – подумала графиня, приближаясь к трону. – Неловкая и в придачу недоразвитая. Но я сделаю из нее красотку. Сделаю из нее королеву, как приказал ты, Эмгыр».

Белое Пламя Нильфгаарда рассматривал их с высот своего трона. Как всегда, глаза его были слегка прищурены, на губах блуждала едва заметная насмешливая улыбка.

Королева Цинтры споткнулась снова. Император уперся локтем в подлокотник трона, коснулся рукой щеки. Улыбнулся. Стелла Конгрев была уже достаточно близко, чтобы разгадать его улыбку. И обмерла от ужаса. «Что-то не так, – испуганно подумала она. – Что-то не так. Полетят головы. Ох, Великое Солнце, полетят...»

Она быстро взяла себя в руки, поклонилась, заставив сделать книксен и девочку.

Эмгыр вар Эмрейс не поднялся с трона. Но слегка наклонил голову. Придворные затаили дыхание.

– Королева, – проговорил Эмгыр. Девочка съежилась. Император не глядел на нее. Он глядел на собравшихся в зале. – Королева, – повторил он. – Я рад возможности приветствовать тебя в моем дворце и в моем государстве. Ручаюсь словом императора, что близок тот день, когда все принадлежащие тебе по праву титулы вернутся к тебе вместе с землями, которыми ты законно, легально и неоспоримо владеешь. Узурпаторы, хозяйничающие в твоих владениях, развязали против меня войну. Они напали на меня, заявив при этом, будто защищают твои права и власть. Так пусть же весь мир знает, что ко мне, а не к ним ты обращаешься за помощью. Так пусть же весь мир знает, что здесь, в моем государстве, ты обретешь вновь надлежащие сюзерену почести и королевское имя, в то время как для моих врагов ты была лишь изгнанницей. Так пусть же весь мир знает, что в моем государстве ты в безопасности, в то время как мои враги не только отказывали тебе в короне, но и пытались подвергнуть опасности твою жизнь.

Взгляд императора Нильфгаарда остановился на послых Эстерада Тиссена, владыки Ковира, и на посланниках Недамира, короля Лиги из Хенгфорса.

– Пусть правду узнает весь мир, в том числе и короли, которые делали вид, будто не ведают, на чьей стороне истина и справедливость. И пусть весь мир узнает, что помощь тебе будет оказана. Твои и мои враги будут повергнуты. В Цинтре, в Соддене и Бругге, в Аттре, на Островах Скеллиге и в устье Ярры вновь воцарится мир, а ты, к радости и ликованию твоих земляков и всех почитающих справедливость людей, обретешь трон.

Девочка в белом платье опустила голову еще ниже.

– А пока этого не случилось, – продолжал Эмгыр, – в моем государстве будут относиться к тебе с подобающим почтением я и все мои подданные. А поскольку в твоём королевстве все еще полыхает пожар войны, в доказательство почтения, уважения и дружбы Нильфгаарда дарю тебе титул принцессы Рована и Имлака, госпожи замка Дарн Рован, куда ты сейчас отбудешь, дабы ожидать там наступления спокойных и счастливых времен.

Стелла Конгрев сдержалась и не позволила появиться на лице хотя бы признаку удивления. «Он не оставит ее при себе, – подумала она, – отошлет в Дарн Рован, на край света, туда, где сам не бывает никогда. Он явно не намерен свататься к этой девочке и не думает о скором браке. Он явственно не желает ее даже видеть. Тогда почему же освободился от Дервли? В чем тут дело?»

Она встrepенулась, быстро схватила принцессу за руку. Аудиенция была окончена. Когда они выходили из залы, император на них не смотрел. Придворные кланялись.

Дождавшись, пока они выйдут, Эмгыр вар Эмрейс закинул ногу на подлокотник трона.

– Кеаллах, – сказал он. – Ко мне!

Сенешаль остановился на положенном по церемониалу расстоянии, согнулся в поклоне.

– Ближе, – сказал Эмгыр. – Подойди ближе, Кеаллах. Я буду говорить тихо. И то, что скажу, предназначено исключительно для твоих ушей.

– Ваше величество...

– Что еще предусмотрено на сегодня?

– Прием верительных грамот и вручение экзекватуры послу короля Эстерада из Ковира, – быстро доложил сенешаль. – Назначение заместников, префектов и палатинов в новые провинции и палатинаты. Утверждение графского титула и земельного надела...

– Послу вручим экзекватуру и примем его на приватной аудиенции. Остальное – на завтра.

– Слушаюсь, ваше величество.

– Скажи Скеллену и виконту Эиддону, чтобы сразу после аудиенции явились в библиотеку. Тайно. Ты тоже. И приведи вашего главного мага, ворожея... как там его?

– Ксартисиус, ваше величество. Он живет в башне за городом...

– Его жилищные условия меня не интересуют. Пошлешь за ним, пусть доставят в мои покои. Тихо, без шума, секретно.

– Ваше величество... Разумно ли, чтобы астролог...

– Я приказал, Кеаллах.

– Слушаюсь.

Не прошло и трех часов, как все названные встретились в императорской библиотеке. Ваттье де Ридо, виконта Эиддона, вызов не удивил. Ваттье руководил военной разведкой. Эмгыр вызывал его очень часто – шла война. Не удивил вызов и Стефана Скеллена по прозвищу Филин, исполняющего при императоре обязанности коронера, специалиста по особым заданиям и спецслужбам. Филина никогда ничто не удивляло.

А вот третий из вызванных был невероятно удивлен. Тем более что именно к нему-то император обратился прежде всего:

– Мэтр Ксартисиус.

– Ваше императорское величество?

– Мне необходимо знать местонахождение некоей особы. Особы, пропавшей без вести либо кем-то укрываемой. Возможно, она находится в узилище. Чародеи, которым я уже однажды это поручал, не оправдали надежд. Возьмешься?

– На каком расстоянии находится... может находиться эта особа?

– Если б я знал, мне не потребовались бы ворожба и твои услуги.

– Прошу простить, ваше императорское величество, – икнув, пробормотал астролог. – Дело в том, что большое расстояние затрудняет астромантию. Практически... исключает... Хм, хм... А ежели на эту особу распространяется магическая протекция... Я могу попробовать, но...

– Короче, мэтр.

– Мне необходимо время... И компоненты для заклинаний... Если конъюнкция звезд будет удачной, то... Хм... хм... Ваше императорское величество, то, о чем вы просите, дело очень сложное... Мне необходимо время...

«Еще минута – и Эмгыр велит посадить его на кол, – подумал Филин. – Если чародей не перестанет бормотать...»

– Мэтр Ксартисиус, – неожиданно любезно, даже мягко прервал император, – ты получишь все необходимое. В том числе и время. В границах разумного.

– Я сделаю все, что в моих силах, – заверил астролог. – Но смогу установить лишь приблизительное расположение... То есть район или радиус...

– Что?

– Астромантия... – пробормотал Ксартисиус. – При больших расстояниях астромантия позволяет только приблизительно локализовать. Очень приблизительно, с большим допуском. Так сказать, разбросом. Поверьте, ваше императорское величество, я действительно не знаю, смогу ли...

– Сможешь, мэтр, сможешь, – процедил император, а его темные глаза зловеще сверкнули. – Я абсолютно уверен в твоих способностях. А что касается допуска и разброса, то чем больше будут твои... допуски, тем меньше моя... терпимость.

– Мне необходимо знать точную дату рождения названной особы, – поежившись, пробормотал астролог. – По возможности до часа... Весьма полезно было бы получить какой-нибудь предмет, принадлежавший оной особе.

– Волосы, – тихо сказал Эмгыр. – Волосы подойдут?

– О-о-о! – повеселел астролог. – Волосы! Это значительно облегчит... Ах, если б еще получить кал либо мочу...

Глаза Эмгыра опасно прищурились, а маг скуксился и переломился пополам в низком поклоне.

– Покорнейше прошу простить, ваше императорское величество... – заикаясь, пробормотал он. – Прошу простить... Я понимаю... Да, волос будет вполне достаточно... Совершенно достаточно... Абсолютно достаточно... Когда можно будет их получить?

– Их доставят тебе сегодня же одновременно с датой рождения. Я тебя не задерживаю, мэтр. Отправляйся в свою башню и начинай следить за созвездиями.

– Да будет с вашим императорским величеством Великое Солнце...

– Хорошо, хорошо. Можешь идти.

«Теперь наша очередь, – подумал Филин. – Интересно, что ждет нас?»

– Каждого, – медленно проговорил император, – кто хоть слово пикнет о том, что сейчас будет сказано, ждет четвертование. Ваттье!

– Слушаю, ваше величество.

– Каким образом к нам попала эта... принцесса? Кто этим занимался?

– От крепости Настрог, – собрал лоб в складки начальник разведки, – ее высочество конвоировали гвардейцы под командованием...

– Не об этом я спрашиваю, черт подери! Как девочка оказалась в Настроге, в Вердэне? Кто доставил ее в крепость? Кто там сейчас начальником? Тот, кто прислал сообщение? Годыврон какой-то?

– Годыврон Пыткаирн, – быстро сказал Ваттье де Ридо, – конечно, был проинформирован о миссии Риенса и графа Кагыра аэп Кеаллаха. Спустя трое суток после событий на острове Танедд в Настрог явились два человека. Точнее – один человек и один эльф-полукровка. Именно они, ссылаясь на указания Риенса и графа Кагыра, передали Годыврону принцессу.

– Так, – усмехнулся император, и Филин почувствовал, как у него по спине пробежали мурашки. – Вильгефорц ручался, что схватит Цириллу на Танедде. Риенс гарантировал мне то же самое. Кагыр Маур Дыффин аэп Кеаллах получил относительно этого четкие указания. И вот в Настрог у реки Ярре, через три дня после аферы на острове, Цириллу привозит не

Вильгефорц, Риенс или Кагыр, а человек и полуэльф. Годыврон, конечно, и не подумал арестовать обоих?

– Не подумал. Наказать его за это, ваше величество?

– Нет.

Филин сглотнул. Эмгыр молчал, потирая лоб, огромный бриллиант в его перстне искрился звездой. Через минуту император поднял голову.

– Ваттье.

– Ваше величество?

– Поставишь на ноги всех своих подчиненных. Приказываю схватить Риенса и графа Кагыра. Догадываюсь, что они находятся на территориях, еще не занятых нашими войсками. Для этого используешь скоя'таэлей либо эльфов королевы Энид. Обоих арестованных доставишь в Дарн Руах и подвергнешь пыткам.

– О чем спрашивать, ваше величество? – прищурился Ваттье де Ридо, прикидываясь, будто не видит бледности, покрывшей лицо сенешаля Кеаллаха.

– Ни о чем. Позже, когда они уже немного размякнут, я повыспрашиваю их лично. Скеллен!

– Слушаю, ваше величество.

– Как только этот старый хрыч Ксартисиус... Если этот бормочущий говноман ухитрится определить то, что я приказал ему определить... Тогда организуешь в указанном им районе поиски некоей особы. Описание получишь. Не исключено, что астролог укажет территорию, которая находится под нашей властью, тогда поставишь на ноги всех, отвечающих за эту территорию. Весь гражданский и военный аппарат. Этот вопрос – наипервостепеннейший. Ты понял?

– Так точно. Могу ли я...

– Не можешь. Садись и слушай, Филин. Скорее всего Ксартисиус не определит ничего. Особа, которую я приказал ему искать, вероятно, находится не на нашей, а на чужой территории и под магической опекой. Голову дам на отсечение, что она пребывает там же, что и наш таинственно потерявшийся друг, чародей Вильгефорц из Роггевеена. Поэтому, Скеллен, сформируешь и подготовишь специальный отряд, которым будешь командовать лично. Людей подберешь из самых лучших. Они должны быть готовы ко всему... Не верить в приметы и так далее... То есть не бояться магии.

Филин поднял брови.

– Твой отряд, – закончил Эмгыр, – получит задание отыскать и захватить пока что неизвестное мне, но наверняка неплохо замаскированное и хорошо охраняемое укрытие Вильгефорца. Нашего бывшего друга и соратника.

– Понял, – бесстрастно сказал Филин. – У разыскиваемой особы, которую я там скорее всего обнаружу, не может, как я понимаю, волос с головы упасть?

– Правильно понимаешь.

– А у Вильгефорца?

– У Вильгефорца – может. – Император жестко усмехнулся. – У него даже должен упасть раз

и навсегда. Вместе с головой. К другим чародеям, обнаруженным в его укрытии, это также относится. Без исключений.

– Понял. Кто займется розыском укрытия Вильгефорца?

– Я же сказал: ты, Филин.

Стефан Скеллен и Ваттье де Ридо переглянулись. Эмгыр откинулся на спинку кресла.

– Все ясно? Итак... В чем дело, Кеаллах?

– Ваше величество, – с трудом проговорил сенешаль, на которого до сих пор никто, казалось, не обращал внимания. – Покорнейше прошу помиловать...

– Никаких помилований предателям. Никакого милосердия к тем, кто противится моей воле.

– Кагыр... Мой сын...

– Твой сын... – Эмгыр прищурился. – Я еще не знаю, в чем провинился твой сын. Хотелось бы верить, что его вина лишь в глупости и нерасторопности, а не в предательстве. Если так, он будет обезглавлен, а не колесован.

– Ваше величество, Кагыр не предатель... Кагыр не мог...

– Достаточно, Кеаллах, ни слова больше! Виновные будут наказаны. Они пытались меня обмануть, а этого я не прощаю. Ваттье, Скеллен, через час явитесь за подписанными инструкциями, приказами и полномочиями, затем незамедлительно приступайте к выполнению заданий. И еще одно: не надо, думаю, добавлять, что девица, которую вы недавно видели в тронной зале, для всех должна оставаться Цириллой, королевой Цинтры и принцессой Рован. Для всех. Приказываю считать это государственной тайной и вопросом величайшего государственного значения.

Собравшиеся с удивлением взглянули на императора. Деитвен Аддан ын Карн аэп Морвудд слегка улыбнулся.

– Или вы еще не поняли? Вместо настоящей Цириллы из Цинтры мне подсунули какую-то недотепу. Предатели, вероятно, тешили себя надеждой, что я ее не разоблачу. Но я распознаю истинную Цири. Распознаю ее на краю света и во мраке ада.

Глава шестая

Великозагадочно то, что единорожец, хотя ж небывало пуглив и любознателен есть, ежели такову девицу повстречает, коя еще со супругом телесно не общалась, незамедля пристанет к оной, преклонит колена и безо всякого страху главу свою ей на подол покладет. Говорят, в минувшие и древние времена такие девицы бывали, кои из способности таковой себе ремесло учиняли. В безбрачии и воздержании томились лета многие, дабы ловчим аки манки на единорожцев служить могли. Однако же вскорости выявилось, что единорожец токмо к младым девицам пристаёт, старшими же пренебрегает. Разумным животным будучи, единорожец безошибочно понимает, что сверх меры в девичестве пребывать – вещь противная натуре и зело подозрительная. Physiologus

Разбудила и привела ее в чувство жара, обжигающая кожу, как раскаленное железо палача.

Она не могла пошевелить головой, что-то ее держало. Она дернулась и вскрикнула от боли, чувствуя, как разрывается кожа на виске. Раскрыла глаза. Камень, на который опиралась голова, был бурым от запекшейся крови. Она ощупала висок, почувствовала под пальцами твердый, потрескавшийся струп. Струп прилип к камню и оторвался, когда она пошевелила головой. Ранка снова начала кровоточить. Цири откашлялась, харкнула, выплюнула песок вместе с густой тягучей слюной. Приподнялась на локтях, села, осмотрелась.

Со всех сторон ее окружала каменистая, красно-серая, иссеченная рытвинами и террасами равнина, кое-где вздыбившаяся кучками камней, огромными валунами либо торчащими из песка скалами странной формы. Высоко над равниной в желтом небе висело огромное раскаленное солнце, искажающее все видимое слепящим огнем и дрожанием воздуха.

«Где я?»

Она осторожно коснулась разбитого, распухшего виска. Больно. Очень больно. «Видимо, – подумала она, – я не раз перевернулась, здорово проехала по земле». Тут она увидела разорванную, изодранную в клочья одежду и обнаружила новые участки боли – на крестце, на спине, на руке и бедрах. При падении пыль, острые песчинки и гравий забрались всюду – в волосы, в уши, в рот и даже в глаза, которые горели и слезились. Горели ладони и локти, стертые до мяса.

Медленно и осторожно она распрямила ноги и снова застонала, потому что левое колено отозвалось на движение пронизывающей тупой болью. Она ощупала его через неповрежденную кожу брюк, но колено было в норме. При вдохах сильно и зловеще кололо в бок, а попытка наклониться привела к тому, что она чуть не крикнула от резкой спазмы в нижней части спины. «Ну и побилась же я, – подумала она. – Но вроде ничего не поломала. Если б сломала кости, болело бы сильнее. Я цела. Просто ушиблась. Я смогу встать. И встану».

Медленно, экономными движениями она приняла нужную позу, неловко встала на колени, пытаясь предохранять ушибленное колено. Потом, постанывая, охая и шипя, встала на четвереньки. Прошла вечность, прежде чем ей удалось подняться во весь рост. Однако головокружение тут же подкосило ей ноги, и она сразу тяжело повалилась на камни. Чувствуя подступающую тошноту, повернулась на бок. Раскаленные камни жгли как уголья.

– Не встать, – всхлипнула она. – Не могу... Испекусь на солнце.

В голове билась боль, вредная, непрекращающаяся боль. Каждое движение усиливало ее. Цири замерла. Заслонила голову руками, но жара вскоре стала невыносимой. Хочешь не хочешь, а от нее надо как-то скрыться. Преодолевая обессиливающее сопротивление больного тела, жмурясь от разрывающей виски боли, она на четвереньках поползла к большому камню, который песчаные вихри сделали похожим на странный гриб. Бесформенная головка каменного гриба давала у основания немного тени. Цири свернулась калачиком, кашляя и шмыгая носом.

Лежала она до тех пор, пока передвигающееся по небу солнце вновь не достало ее потоками излившегося сверху огня. Она переползла на другую сторону камня, но это не помогло. Солнце стояло в зените, каменный гриб практически не давал тени. Она прижала руки к вискам, надеясь унять боль.

Разбудила ее дрожь, сотрясающая все тело. Огненный шар солнца растратил слепящую золотистость. Теперь, повиснув над далекими рваными, зубчатыми скалами, он был оранжевым. Жара чуточку спала.

Цири с трудом села, осмотрелась. Головная боль немного утихла. Она ощупала голову: жара спалила и высушила струп на виске, превратив его в твердую, скользкую корочку. Однако тело все еще болело, казалось, на нем нет ни одного здорового местечка. Она отхаркнулась, скрипнув песком на зубах, попробовала сплунуть. Ничего не получилось. Оперлась спиной о камень, все еще источающий тепло. «Наконец-то перестало припекать, – подумала она. – Теперь, когда солнце садится, можно выдержать, а скоро...

Скоро наступит ночь».

Она вздрогнула. «Где я, черт дряхлый, нахожусь? Как отсюда выбраться? И куда? Куда идти? А может, вообще не двигаться с места, ждать, пока найдут? Ведь меня же будут искать. Геральт, Йеннифэр. Не оставят же они меня одну...»

Она снова попыталась сплунуть, и опять ничего не получилось. И тогда она поняла.

Жажда.

Она помнила. Уже тогда, во время бегства, ее мучила жажда. К луке седла вороного, на которого она забралась, убегая в Башню Чайки, была приторочена деревянная фляжка. Она это помнила точно. Но тогда не смогла ее ни отстегнуть, ни унести. А теперь фляжки не было. Теперь вообще не было ничего. Ничего, кроме острых раскаленных камней, струпа, стягивающего кожу на виске, боли во всем теле и пересохшего горла, которое невозможно смочить, даже проглотив слюну.

«Я не могу здесь оставаться. Я должна идти и отыскать воду. Не найду воды – умру».

Она попробовала подняться, ранив пальцы о каменный гриб. Встала. Сделала шаг. И со стоном упала на четвереньки, выгнулась в сухом позыве тошноты. Ее схватили судороги, началось головокружение настолько сильное, что снова пришлось лечь.

«Я бессильна. И одинока. Опять. Все меня предали, бросили, оставили одну. Как когда-то...»

Цири почувствовала, как горло стискивают невидимые клещи, до боли сводит челюсти, начинают дрожать полопавшиеся губы. «Нет более отвратного зрелища, чем плачущая чародейка», – вспомнила она слова Йеннифэр. «Но ведь... Ведь меня здесь никто не увидит... Никто...»

Свернувшись в клубок под каменным грибом, Цири всхлипнула, разразилась сухим, страшным плачем. Без слез.

Подняв наконец распухшие, непослушные веки, она увидела, что жара еще больше смягчилась, а небо, совсем недавно бывшее желтым, окрасилось в свойственный ему темно-синий цвет, по которому – о диво! – протянулись тонкие белые нитки облаков. Солнечный диск покраснел, опустился ниже, но все еще лил на пустыню зыбкий, пульсирующий жар. А может, жар источал нагретый камень?

Цири села, отметив, что боль в голове и побитом теле перестала докучать, была сейчас ничем по сравнению с сосущей болью, нарастающей в желудке, и чудовищными, вызывающими постоянный кашель резами в пересохшем горле.

«Не поддаваться, – подумала она. – Мне поддаваться нельзя. Как и в Каэр Морхене, я должна встать, преодолеть, победить, заглушить в себе боль и слабость. Я должна встать и идти. Теперь по крайней мере я знаю направление. Там, где сейчас солнце, – запад. Я должна идти, должна найти воду и что-нибудь съедобное. Я должна. Иначе – погибну. Это – пустыня. Я залетела в пустыню. В Башне Чайки был магический портал, чародейское приспособление, при помощи которого можно переноситься на большие расстояния...»

Портал в Тор Лара был странным порталом. На последнем этаже, на который она вбежала, не было ничего, даже окон, только голые, покрытые плесенью стены. И на одной из стен вдруг разгорелся правильный, опалесцирующий белым светом овал. Она заколебалась, но портал притягивал, призывал ее, прямо-таки умолял войти. Другого выхода не было, только этот светящийся овал. Она зажмурилась и ступила в него.

А потом была слепящая яркость и сумасшедшая круговерть, вихрь, запирающий дыхание и ломающий ребра. Она помнила полет в тишине, холоде и пустоте, потом снова вспышку и... шквал воздуха. Наверху все было голубым, внизу – туманным и серым...

Портал выбросил ее на лету, как орлик выпускает слишком тяжелую для него рыбу. Повалившись на камни, она сразу же потеряла сознание. На сколько времени – она не знала.

«В храме я читала о порталах, – вспомнила она, вытряхивая песок из волос. – В книгах были упоминания о телепорталах, действующих искаженно либо хаотично, выносящих неведомо куда. Вероятно, портал в Башне Чайки был именно таким. Выкинул меня куда-то на край света. Куда – не знает никто. Никто меня здесь не найдет. Если останусь – умру».

Она встала. Собрав все силы, придерживаясь за камень, сделала первый шаг. Второй, третий.

С первых же шагов поняла, что пряжки правого сапога сорваны, а сползающее голенище затрудняет ходьбу. Она села, на этот раз уже умышленно, не вынужденно, осмотрела одежду и оснащение. Сосредоточившись на этих действиях, забыла об усталости и боли.

Первое, что она обнаружила, был кордик. Она забыла о нем, пояс с ножнами сполз вниз. Рядом с кордиком, как всегда, на поясе висел маленький кошелек. Подарок Йеннифэр. Кошелек содержал то, что «у дамы всегда должно быть при себе». Цири развязала кошелек. Увы, стандартная экипировка дамы не предусматривала ситуации, в которой она оказалась. В кошельке лежали: черепаховый гребень, универсальный ножичек-пилка для ногтей, обмотанный тряпицей, предварительно прокипяченный тампон из льняной ткани и жадеитовая баночка мази для рук.

Цири немедленно смазала мазью горящее лицо и губы и сразу же слизала мазь с губ. Не раздумывая вылизала всю баночку, наслаждаясь жирностью и капелькой успокоительной влаги. У использованных для ароматизации мази ромашки, амбры и камфоры был отвратительный вкус, но подействовали они стимулирующе.

Она обвязала сползающее с ноги голенище вытянутым из рукава ремешком, встала, несколько раз топнула для пробы. Развязала тампон, сделала из него широкий бинт, защищающий разбитый висок и обожженный солнцем лоб.

Встала, поправила пояс, передвинула кордик ближе к левому бедру, механически вытащила его из ножен, проверила большим пальцем клинок. Острый. Она знала.

«Ну что ж, – подумала она, – оружие у меня есть. Я – ведьмачка. Нет, я тут не погибну. Что нам голод, выдержу. В храме Мелитэле порой приходилось поститься даже и по два дня кряду. А вода... Вот воду необходимо искать. Буду идти до тех пор, пока не найду. Должна же эта проклятая пустыня где-то кончаться. О большой пустыне я бы что-нибудь да знала, заметила бы на картах, которые рассматривала вместе с Ярре. Ярре... Интересно, что он сейчас делает...»

Ну – вперед. На запад. Туда, где заходит солнце. Единственное четкое направление. Ведь я никогда не плутаю, всегда знаю, в какую сторону идти. Если потребуются, буду идти всю ночь. Я – ведьмачка. Как только ко мне вернутся силы, я побегу, как на Мучильне. Тогда быстро доберусь до края пустоши. Выдержу. Должна выдержать... Хо-хо, Геральт, наверно, не раз

бывал в таких пустынях, а то и еще попаршивее...

Все. Иду».

Прошел час. Местность не изменилась. Вокруг по-прежнему были только камни, красно-серые, острые, выскальзывающие из-под ног, требующие осторожности. Редкие кустики, сухие и колючие, протягивали к ней из расщелин искореженные ветки. У первого попавшегося куста Цири задержалась, надеясь найти листья или молодые побеги, которые можно будет высосать и сжевать. Но у куста были только колючки. Он не годился даже на то, чтобы сделать из него палку. Второй и третий кусты были точно такими же, на следующие она уже не обращала внимания, не задерживаясь, проходила мимо.

Смеркалось быстро. Солнце опустилось к зубчатому, рваному горизонту, стало красным, потом пурпурным. Вместе с сумерками надвигался холод. Вначале это было приятно, прохлада успокаивала обожженную кожу. Однако вскоре стало гораздо холоднее, и Цири начала щелкать зубами. Она ускорила шаг, рассчитывая на то, что согреется, но усилие снова пробудило боль в боку и колене. Она начала прихрамывать. Вдобавок солнце полностью скрылось за горизонтом, и моментально опустилась тьма. Было новолуние, а звезды, от которых искрилось все небо, почти не давали света. Вскоре Цири перестала что-либо видеть. Несколько раз падала, болезненно сдирая кожу с запястий. Дважды попадала ступней в щели между камнями, не сломала и не вывихнула ногу только потому, что ее выручали от падения выученные ведьмачьи движения. Ясно – идти в темноте было невозможно.

Она в отчаянии присела на плоскую базальтовую плиту, не имея понятия, выдержала ли направление. Ту точку, в которой солнце скрылось за горизонтом, она давно уже потеряла. Ее окружала бархатистая, непроглядная темень. И пронизывающий холод. Холод, который парализовал, кусал суставы, заставлял сутулиться и втягивать голову в плечи. Цири затосковала по солнцу, хоть и знала, что, как только оно выглянет, на камни и скалы хлынет ливень невыносимого жара. Жара, лишаящего возможности двигаться. Цири снова почувствовала, как горло стискивает спазм, заливая волна отчаяния и безнадежности. Но на этот раз отчаяние и безнадежность сменились бешенством.

– А вот и не буду плакать! – крикнула она во мрак. – Я – ведьмачка! Я... чародейка!

Цири подняла руки, прижала ладони к вискам. Сила есть всюду! В воде, в воздухе, в земле...

Цири быстро встала, протянула руки, медленно, неуверенно сделала несколько шагов, лихорадочно отыскивая истоки. Ей повезло. Почти тотчас она почувствовала в ушах знакомый шум и пульсацию, ощутила энергию, бьющую из водной жилы, скрытой в глубинах земли. Она зачерпнула Силу одновременно с осторожным, сдержанным вдохом, понимая, что она ослаблена, а в таком состоянии резкое наполнение мозга кислородом может мгновенно лишить ее сознания, свести на нет все усилия и привести к роковым последствиям. Энергия понемногу наполняла ее, приносила знакомую, минутную эйфорию. Легкие начали работать быстрее и сильнее.

Получилось!

«Вначале утомление, – подумала она, – сначала парализующая боль в руках и бедрах. Потом – холод. Необходимо повысить температуру тела».

Постепенно она вспоминала жесты и заклинания. Некоторые проделывала и произносила слишком поспешно – судороги, резкая спазма и головокружение подрезали колени. Она опустилась на базальтовую плиту, успокоила руки, сдержала рваное, неравномерное дыхание.

Повторила формулу, принуждая себя к спокойствию и сосредоточенности. На этот раз результат сказался незамедлительно. Она растерла на бедрах и затылке охватившее ее тепло. Встала, чувствуя, как утомление исчезает, а наболевшие мускулы расслабляются.

– Я – чародейка! – торжествующе воскликнула она, высоко поднимая руки. – Явись, бессмертный Свет! Я призываю тебя! Aen'drean ve, eveigh Aine!

Небольшой теплый шар света бабочкой выплыл из ее ладони, отбросив на камни подвижные мозаики теней. Медленно двигая руками, она успокоила шар, поместила его так, чтобы он висел перед ней. Решение было не самое удачное – свет ослеплял. Она передвинула шар за спину. Не то – ее собственная тень ложилась на дорогу, ухудшая видимость. Цири потихоньку переместила светящуюся сферу вбок, повесила чуть выше правого плеча. Хотя шар явно не мог конкурировать с настоящей магической Aine, все же девочка была невероятно горда своими действиями.

– Ха! – сказала она, напустив на себя важный вид. – Жаль, Йеннифэр не видит!

Бодро и энергично она двинулась дальше, шагая быстро и уверенно выбирая дорогу в мерцающем и зыбком свете, создаваемом шаром. Одновременно пыталась вспомнить другие заклинания, но ни одно не годилось для этой ситуации, к тому же некоторые требовали очень больших усилий, она немного боялась их и не хотела применять без крайней надобности. К сожалению, она не помнила ни одного заклинания, способного создать воду либо пищу. Знала, конечно, что такие заклинания существуют, но не умела воспроизвести ни одного.

В свете мерцающей сферы мертвая до того пустыня неожиданно ожила. Из-под ног Цири неуклюже убегали поблескивающие жуки и косматые пауки. Небольшой желто-рыжий скорпион резво перебежал дорогу, волоча за собой сегментный хвост, и забился в щель между камнями. Зеленая длиннохвостая ящерка шмыгнула во мрак, шурша по гравию. Разбегались похожие на больших мышей грызуны, юркие и высоко подпрыгивающие на задних лапках. Несколько раз она примечала во тьме блеск глаз, а однажды услышала замораживающее кровь в жилах шипение, исходящее из груды камней. Если вначале она надеялась поймать что-нибудь пригодное для еды, то это шипение окончательно заставило ее отказаться от поисков в камнях. Она внимательнее стала смотреть под ноги, а перед глазами вставали гравюры из книг, которые она разглядывала в Каэр Морхене. Гигантский скорпион, скарлетия, химера, вихт, ламия, крапук. Чудовища, обитающие в пустынях. Она шла, опасливо оглядываясь и чутко прислушиваясь, сжимая потной ладонью рукоять кордика.

Спустя несколько часов светящийся шар помутнел, создаваемый им круг света уменьшился, ослаб. Цири, с трудом сосредоточившись, вновь произнесла заклинание. Шар на несколько секунд заиграл ярким светом, но тут же покраснел и угас вновь. Предпринятое усилие заставило ее покачнуться, перед глазами заплескали черные и красные пятна. Она тяжело села, скрипнув гравием.

Шар погас совершенно. Цири уже не пыталась заклинять его, истощение, опустошенность и слабость, которые она ощущала в себе, заранее обрекали все ее попытки на провал.

Впереди, далеко на горизонте, вставал туманный отсвет. «Я потеряла дорогу, – с ужасом поняла она. – Все перепутала... Сначала шла на запад, а теперь солнце взойдет прямо передо мной. Значит...»

Она почувствовала страшную слабость и сонливость, которую не снимал даже сотрясающий ее холод. «Не усну, – решила она. – Мне нельзя засыпать... Мне нельзя...»

Проснувшись она от пронизывающего холода. В себя ее привела скручивающая внутренности боль в животе, сухое мучительное жжение в горле. Она попыталась встать. И не смогла.

Онемевшие суставы не желали слушаться. Ощупывая почву вокруг себя, она почувствовала под пальцами влагу.

– Вода... Вода!

Дрожа всем телом, она приподнялась на четвереньки, припала губами к базальтовой плите, лихорадочно слизывая осевшие на камне капельки, высасывая влагу из углублений на неровной поверхности. В одном собрала без малого полгорсти росы – выхлебнула ее вместе с песком, не решившись выплюнуть. Осмотрелась.

Осторожно, чтобы не потерять, собрала языком блестящие капельки, висящие на иголках карликового кустика, который загадочным образом ухитрился вырасти между камнями. На земле лежал кордик. Она не помнила, когда вынула его из ножен. Клинок был мутным от пленочки росы. Цири тщательно вылизала холодный металл.

Преодолевая сковывающую тело боль, поползла на четвереньках, выискивая влагу на попадающихся камнях. Но золотой диск солнца выскочил из-за каменистого горизонта, залил пустыню ослепительным желтым светом и мгновенно высушил камни. Цири радостно встретила нарастающее тепло, однако понимала, что уже вскоре, безбожно поджариваемая, снова затоскует по ночному холоду.

Она повернулась спиной к яркому шару. Там, где был он, горел восток. А ей надо идти на запад.

Жара нарастала, быстро набирала силу, вскоре стала невыносимой. К полудню измучила так, что она волей-неволей вынуждена была изменить направление, чтобы поискать тени. Наконец нашла укрытие: большой, похожий на гриб камень. И заползла под него.

И тут увидела лежащий между камнями предмет. Это была начисто вылизанная жадеитовая баночка из-под мази для рук.

Ей уже не хватило сил заплакать.

Голод и жажда перебороли утомление и отчаяние. Покачиваясь, она встала и снова пошла. Солнце палило.

Далеко на горизонте, за зыбкой завесой жара, она различила что-то, что могло быть только горной цепью. Очень далекой горной цепью.

Когда наступила ночь, она с огромным трудом зачерпнула Силы, но выколдовать магический шар удалось лишь после нескольких попыток, и это измучило так, что идти дальше она уже не могла. Она растратила всю энергию, согревающее и приносящее облегчение заклинание не получилось. Выколдованный свет добавлял смелости и поднимал дух, но холод изнурял. Пронизывающий, мучительный холод не давал уснуть до самого утра. Она дрожала, с нетерпением ожидая восхода солнца. Вынула из ножен кордик, предусмотрительно положила его на камень, чтобы металл покрылся росой. Она жутко устала, но голод и жажда отгоняли сон. Дотерпела почти до рассвета. Было еще темно, когда она принялась жадно вылизывать росу с клинка. Как только рассвело, она сразу же опустилась на четвереньки, чтобы поискать влагу в углублениях и расщелинах.

Услышала шипение.

Большая яркая ящерица, сидевшая на ближайшей каменной глыбе, разевала на нее беззубую пасть, распускала роскошный гребень, раздувалась и хлестала по камню хвостом. Перед ящерицей поблескивала маленькая, наполненная водой ямочка.

Сначала Цири испуганно попятилась, но тут же ее охватила дикая ярость. Шлепая вокруг

растопыренными пальцами, она ухватилась за острый осколок камня.

– Это моя вода! – взывала она. – Моя!

Она бросила камень в ящерицу и промахнулась. Ящерица подпрыгнула на лапках с длинными коготками, ловко юркнула в каменный лабиринт. Цири припала к камню, высосала остатки воды из ямки. И тут увидела: за камнем в круглой нишке лежали семь яичек, чуточку выглядывающих из красноватого песка. Девочка, не раздумывая ни минуты, подползла к гнезду, схватила одно из яичек и впилась в него зубами. Кожистая шкурка лопнула и осела у нее в руке, клейкое содержимое стекло в рукав. Цири высосала яйцо, облизала руку. Глотала она с трудом, совершенно не чувствуя вкуса.

Она высосала все яйца, да так и осталась стоять на четвереньках, липкая, грязная, вся в песке, со свисающим с губ клейким содержимым, лихорадочно копаясь в песке и издавая нечеловеческие звуки.

И вдруг замерла.

...Сиди прямо, княжна. Убери локти со стола. Следи за тем, как тянешься к тарелке, испачкаешь кружева на рукавах! Вытри губы салфеткой и перестань чавкать. О боги, неужели никто не научил этого ребенка, как следует вести себя за столом? Цирилла!

Цири расплакалась, опустив голову на колени.

Она выдержала до полудня, потом жара скрутила ее и заставила передохнуть. Она дремала долго, спрятавшись в тени под каменистым уступом. Тень не приносила прохлады, но была все же лучше, чем палящее солнце. Жажда и голод отпугивали сон.

Далекая горная цепь, казалось, горела и сверкала в лучах солнца. «На вершинах гор, – подумала Цири, – может лежать снег, там может быть лед, там могут быть ручьи. Я должна туда добраться, должна добраться туда как можно скорее».

Она шла почти всю ночь, руководствуясь звездами. Все небо было в звездах. Цири пожалела, что была невнимательна на занятиях и не хотела изучать атласы неба, хранившиеся в храмовой библиотеке. Она, конечно, знала самые главные созвездия – Семь Коз, Кувшин, Серп, Дракон и Зимнюю Деву, но те, что видела сейчас, висели высоко над головой, и по ним трудно было ориентироваться. Наконец удалось выбрать из мерцающего звездного муравейника одну достаточно яркую звезду, указывающую, как она считала, нужное направление. Она не знала, что это за звезда, и сама дала ей название – Око.

Она шла. Горная цепь не приблизилась ничуть – по-прежнему была такой же далекой, как и вчера. Но зато указывала направление.

Двигаясь, Цири внимательно осматривалась. Нашла еще одно ящеринное гнездо, в нем было четыре яйца. Углядела зеленое растение, не больше мизинца, которое каким-то чудом сумело вырасти меж камней. Поймала большого коричневого жука. И тонконого паука.

Съела все.

В полдень ее вырвало всем, что она съела, и она потеряла сознание. Очнувшись, искала глазами хоть немного тени, не нашла и продолжала лежать, свернувшись в клубок, сжимая руками живот.

После захода солнца пошла снова. Словно автомат. Несколько раз падала, вставала, шла дальше.

Шла, ибо должна была идти.

Вечер. Отдых. Ночь. Око указывает дорогу. Марш до полного изнеможения, которое наступило задолго до восхода солнца. Отдых. Скверный сон. Голод. Холод. Отсутствие магической энергии. Неудача при попытке выколдовать свет и тепло.

Роса, которую она утром слизала с клинка кордика и камней, только еще больше усилила жажду.

Когда солнце взошло, она уснула в наплывающем тепле. Разбудила ее жара. Она встала, чтобы идти дальше.

Обморок случился через неполный час. Когда она пришла в себя, солнце стояло в зените, палило. У нее не было сил искать тени. Не было сил встать. Но она встала.

Шла. Не поддавалась. Почти весь день. И часть ночи.

Самую сильную жару снова проспала, приткнувшись под наклонным, зарывшимся в песок камнем. Сон был плохой и мучительный – ей снилась вода, вода, которую можно было пить. Огромные, белые, все в водяном тумане и радуге водопады. Поющие потоки. Маленькие лесные ключи, окруженные купающимися в воде папоротниками. Пахнущие влажным мрамором дворцовые фонтаны. Омшелые колодцы и полные ведра воды... Капли, стекающие с тающих сосулек льда... Вода. Холодная живительная вода, от которой ломит зубы. Ах, какой же у нее чудесный, неповторимый вкус...

Она проснулась, вскочила и пошла туда, откуда пришла. Она возвращалась, качаясь и падая. Ей необходимо было вернуться! Ведь она же прошла мимо воды! Прошла, не остановилась. Мимо шумящего меж камней потока! Как она могла быть такой безрассудной!

Она взяла себя в руки. Встряхнулась.

Жара ослабла, приближался вечер. Солнце указывало на запад. Горы. Солнце не может, не должно, не имеет права быть у нее за спиной. Цири отогнала мираж, сдержала слезы. Повернулась и пошла к горам.

Шла всю ночь, но очень медленно. Ушла совсем недалеко, засыпая на ходу. Ей снилась вода. Восходящее солнце застало ее сидящей на каменной глыбе, уставившейся на клинок кордика и обнаженное предплечье.

Ведь кровь – жидкость. Ее можно пить.

Она отогнала миражи и кошмары. Облизала покрытый росой кордик и пошла дальше.

Обморок. Очнулась она от жара, пышущего от солнца и раскаленных камней.

Впереди, за дрожащим от жары занавесом, проступала рваная, зубчатая цепь гор.

Горы были ближе. Гораздо ближе.

Но у Цири уже не было сил. Она села.

Кордик,жатый в руке, отражал солнце, горел огнем. Он был острым. Она знала об этом.

«Зачем ты мучаешься, а? – спросил кордик серьезным, спокойным голосом педантичной чародейки по имени Тиссая де Врие. – Зачем обрекаешь себя на страдания? Покончи с этим наконец!»

«Нет. Не поддамся».

«Ты же не выдержишь. Знаешь, как умирают от жажды? Ты вот-вот сойдешь с ума, и тогда

уже будет поздно. Тогда ты уже не сможешь с этим покончить».

«Нет. Не поддамся. Выдержу».

Она спрятала кордик в ножны. Встала, покачнулась, упала. Встала, покачнулась, пошла вперед.

Над собой, высоко в желтом небе, увидела коршуна.

Очнувшись, она не могла вспомнить, когда упала. Не помнила, как долго лежала. Подняла глаза. К кружащему над ней коршуну присоединились еще два. У нее не было сил встать.

Было ясно: конец. Она восприняла это спокойно. Даже с облегчением.

Что-то к ней прикоснулось.

Что-то легонько и осторожно ткнулось ей в руку. После долгого одиночества, когда ее окружали лишь мертвые и неподвижные камни, это прикосновение, несмотря на усталость, заставило ее резко вскочить, во всяком случае, она попыталась вскочить. То, что к ней прикоснулось, фыркнуло и с громким топотом отбежало.

Цири с трудом села, протирая фалангами пальцев загноившиеся уголки глаз.

«Ну вот я и спятила», – подумала она.

В нескольких шагах от нее стояла лошадь. Цири заморгала. Нет, это не был мираж. Это действительно была лошадь. Лошадка. Молодая лошадка. Почти жеребенок.

Она пришла в себя. Облизала запекшиеся губы и кашлянула. Лошадка подпрыгнула и отбежала, шурша копытами по гравию. Она двигалась очень странно, и масть у нее тоже была непривычной: то ли буланая, то ли серая. Но, возможно, так только казалось, потому что солнце освещало ее сзади.

Лошадка фыркнула и подошла на несколько шагов. Теперь Цири видела ее лучше. Настолько лучше, что, кроме действительно непривычной масти, сразу же заметила и странные неправильности строения – маленькую головку, необычно стройную шею, тоненькие бабки, длинный и густой хвост. Лошадка остановилась и взглянула на Цири, повернув голову боком. Цири беззвучно вздохнула.

Из выпуклого лба лошадки торчал рог длиной не меньше двух пядей.

«Невозможная невозможность, – подумала Цири, приходя в себя и собираясь с мыслями. – Ведь единорогов уже нет на свете, ведь они же вымерли. Даже в ведьмачьей книге в Каэр Морхене не было единорога! Я читала о них только в «Книге мифов» в храме... Да и в Physiologus'е, который я просматривала в банке господина Джианкарди, была картинка, изображающая единорога... Но тот единорог больше походил на козла, чем на лошадь, у него были косматые бабки и козлиная борода, а рог был, пожалуй, длиной в два локтя...»

Цири удивилась, что так хорошо все помнит, помнит события, происходившие сотни лет назад. Голова закружилась, внутренности скрутила боль. Она застонала и свернулась в клубок. Единорог фыркнул и сделал к ней шаг, остановился, высоко поднял голову. Цири вдруг вспомнила, что говорили о единорогах книги.

– Можешь подойти... – прохрипела она, пытаясь сесть. – Можешь, потому что я...

Единорог фыркнул и умчался, размахивая хвостом. Но недалеко. Через минуту остановился, мотнул головой, копнул копытом и громко заржал.

– Неправда! – в отчаянии застонала она. – Ярре только один раз поцеловал меня, а это не в счет. Вернись!

От усилий у нее потемнело в глазах, она бессильно упала на камни. Когда наконец сумела поднять голову, единорог уже снова был близко. Внимательно глядя на нее, он наклонил голову и тихо фыркнул.

– Не бойся меня... – шепнула она. – Не надо, ведь... ведь я же умираю...

Единорог заржал, тряхнул головой. Цири потеряла сознание.

Когда она очнулась, никого рядом не было. Застывшая, измученная жаждой, голодная и одинокая... Единорог был миражем, призраком, сном. И исчез, как исчезают сны. Она понимала это, признавала и все-таки чувствовала обиду и отчаяние, словно это видение и правда существовало, было рядом – и вот бросило ее. Как бросили все остальные.

Она хотела встать, но не могла. Прижалась лицом к камням. Медленно протянула руку к бедру, нащупала рукоять кордика.

«Кровь – жидкость. Я должна напиться».

Послышался стук копыт. Фыркание.

– Ты вернулся... – прошептала она, поднимая голову. – Ты в самом деле вернулся?

Единорог громко фыркнул. Она увидела его копыта, близко, у самых глаз. Копыта были мокрые. С них прямо-таки стекала вода.

Надежда придала ей силы, переполнила радостью. Единорог вел. Цири шла следом, все еще не веря, что это не сон. Когда наконец усталость победила, она опустилась на четвереньки. Потом поползла.

Единорог привел ее к неглубокой впадине между скалами, дно которой выстилал песок. Цири ползла из последних сил. Но ползла. Потому что песок был влажный.

Единорог остановился над небольшим углублением в песке, заржал, ударил копытом раз, другой, третий. Она поняла. Подползла ближе, стала помогать. Рыла, обламывая ногти, копала, отбрасывала. Возможно, всхлипывала при этом, но не отдавала себе в том отчета. Стоило в углублении появиться грязно-коричневой жиже, как Цири тут же приникла к ней губами, глотала мутную воду вместе с песком так жадно, что жидкость мгновенно исчезла. Цири с величайшим трудом взяла себя в руки, углубила ямку, помогая кордиком, потом села и стала ждать. Скрипя песком на зубах и дрожа от нетерпения, она ждала, чтобы лунка снова наполнилась водой. А потом пила. Долго.

В третий раз она дала воде немного отстояться, выпила глотка четыре без песка, только с мутью. И тут вспомнила о единороге.

– Ты, наверно, тоже хочешь пить, Конек? – сказала она. – Но ведь грязь ты пить не станешь. Коньки грязи не пьют.

Единорог заржал.

Цири углубила ямку, укрепив ее края камнями.

– погоди, Конек. Пусть немного отстоится.

Конек фыркнул, топнул, отвернулся.

– Не косись. Пей.

Единорог осторожно поднес ноздри к воде.

– Пей, Конек, это не сон. Это всамделишная вода. * * *

Вначале Цири тянула, не хотела отходить от ключа. Придумала, как лучше пить. Просто надо было выжимать в рот намоченный в ямке платочек, что позволяло отцедить песок и тину. Но единорог налегал – ржал, топал, отбегал, возвращался снова. Он призывал идти и указывал дорогу. Хорошо подумав, Цири послушалась – Конек прав, надо идти, идти в сторону гор, выбраться из пустыни. Она двинулась следом за единорогом, оглядываясь и тщательно фиксируя в памяти положение источника. Она не хотела блуждать, если б пришлось возвращаться.

Вместе они шли весь день. Единорог, которого она назвала Коньком, вел. Это был удивительный Конек. Он обрывал и жевал стебли, которых не тронула бы не только лошадь, но и изголодавшаяся коза. А обнаружив в камнях колонну больших муравьев, тут же принялся поедать их. Сначала Цири изумленно смотрела на него, потом присоединилась к пиршеству. Она была чертовски голодна.

Муравьи оказались ужасно кислыми, но, возможно, благодаря этому у нее не возникали позывы. Кроме того, муравьев было много, и можно было поработать занемевшими челюстями. Единорог съедал насекомых целиком, она же удовольствовалась брюшками, выплевывая твердые части хитиновых оболочек.

Пошли дальше. Единорог высмотрел несколько кустиков пожелтевших ковылин и с удовольствием сжевал их. На этот раз Цири не присоединилась. А когда Конек отыскал в песке ящериные яйца, ела она, он же только посматривал.

Пошли дальше. Цири заметила небольшие заросли ковыля и указала на них Коньку. Спустя какое-то время Конек обратил ее внимание на огромного черного скорпиона с хвостом пяди в полторы. Цири затоптала эту мерзость. Видя, что она не собирается есть скорпиона, единорог съел его сам, а вскоре указал ей на очередное гнездо ящерицы.

Сотрудничество оказалось вполне сносным.

Пошли дальше. * * *

Горная цепь была все ближе.

Когда опустилась глубокая ночь, единорог остановился. Он спал стоя. Цири, знакомая с лошадьми, вначале пыталась уговорить его лечь. Она могла бы прислониться к нему и попользоваться его теплом. Но из этого ничего не получилось. Конек косился и отходил, все время выдерживая дистанцию. Он вообще не желал вести себя классическим образом, описанным в ученых книгах, – явно не имел ни малейшего желания класть голову ей на подол. Цири одолевала сомнения. Она не исключала, что относительно взаимоотношений единорогов и девиц книги лгали. Но имелась и другая возможность. Во-первых, у Цири не было подола, а значит, и некуда было класть голову, а во-вторых, единорог был явно единорогом-жеребенком и как всякое юное создание абсолютно, ну абсолютно не разбирался в девицах. Вероятность того, что Конек мог воспринимать и серьезно толковать те несколько странных снов, которые ей некогда привиделись, она категорически отбросила. Ну кто же всерьез толкует сны?

Он ее немного разочаровал. Они вместе путешествовали уже два дня и две ночи, а он так и не нашел воды, хоть и искал. Несколько раз останавливался, крутил головой, водил рогом, потом уходил рысью, разведывал каменные распадки, греб копытами в песке. Нашел

муравьев, нашел муравьиные яйца и личинки. Нашел ящеринное гнездо. Нашел цветастую змейку, которую ловко забил. Но воды не нашел.

Цири заметила, что единорог все время крутит, не придерживается прямой линии, и не без оснований заподозрила, что животное вовсе не было обитателем пустыни – просто заблудилось тут.

Как и она.

Муравьи, которые стали попадаться все чаще, содержали в себе кислую влагу, но Цири все серьезнее начала подумывать о возвращении к источнику. Если б они пошли еще дальше и не нашли воды, на возвращение могло бы и не хватить сил. Жара все усиливалась, движение изнуряло.

Она уже намеревалась попробовать втолковать это Коньку, когда тот вдруг протяжно заржал, махнул хвостом и галопом бросился вниз, между иззубренными камнями. Цири последовала за ним, на бегу пережевывая муравьиные брюшки.

Большое пространство между камнями заполняла широкая песчаная площадка, в центре которой расположилось углубление.

– О! – обрадовалась Цири. – Умная ты коняшка, Конек! Опять нашел источник. В этой яме должна быть вода!

Единорог протяжно фыркал, обходя углубление легкой рысью. Цири подошла. Углубление было большим, никак не меньше двадцати футов в диаметре. Круглое, оно напоминало воронку и было таким правильным, словно кто-то оттиснул в песке гигантское яйцо. Внезапно Цири поняла, что такая правильная форма не могла возникнуть сама по себе. Но было уже поздно.

На дне воронки что-то зашевелилось, в лицо Цири ударил сильный фонтан песка и гравия. Она отскочила, упала и почувствовала, что сползает вниз. Рвущиеся вверх фонтаны гравия били не только по ней, они били в обрез воронки, и ее край осыпался волнами и волочил девочку ко дну. Цири крикнула, словно пловец молотя руками, напрасно пытаясь нащупать опору для ног. Тут же сообразила, что резкие движения только ухудшают положение, ускоряют осыпание песка. Она перевернулась на спину, уперлась каблуками и широко раскинула руки. Песок на дне ямы зашевелился и заволновался, она увидела вылезающие из-под него коричневые, оканчивающиеся крючками клешни длиной в добрую половину сажени. Она снова крикнула, на этот раз гораздо громче.

Град гравия сразу перестал сыпаться на нее и ударил в противоположный край воронки. Единорог встал на дыбы, неистово заржал, край воронки обломился под ним. Он попытался вырваться из зыбкого песка, но тщетно – он погружался все глубже и все быстрее сползал ко дну. Страшные клешни громко защелкали. Единорог отчаянно заржал, дернулся, бессильно колотя передними копытами по осыпающемуся песку. Задние ноги у него целиком увязли. Как только он сполз на дно воронки, его тут же схватили чудовищные клешни укрытого в песке существа.

Услышав дикий визг боли, Цири яростно крикнула и кинулась вниз, выхватывая из ножен кордик. Оказавшись на дне, она мгновенно поняла свою ошибку. Чудовище скрывалось глубоко, удары кордика не доставали его через слой песка. Вдобавок ко всему удерживаемый чудовищными клешнями и затягиваемый в песчаную ловушку единорог обезумел от боли, визжал, вслепую колотил передними копытами, угрожая переломать ей кости.

Ведьмачьи пляски и фокусы здесь пригодиться не могли. Но существовало одно достаточно простое заклинание. Цири призвала Силу и ударила телекинезом.

Туча песка взвилась вверх, обнажая скрытое чудовище, вцепившееся в бедро визжащего единорога. Цири тоже взвизгнула от ужаса. Ничего более отвратительного она не видела никогда – ни на картинках, ни в ведьмачьих книгах. Ничего столь мерзостного она даже не могла вообразить.

Чудовище было серо-коричневым, овальным и раздувшимся, словно упившийся кровью клоп, узкие сегменты бочкообразного тела покрывала редкая щетина. Ног у него, казалось, нет вообще, зато клешни были почти такой же длины, как и само тело.

Лишившись песчаной защиты, существо немедленно отпустило единорога и начало закапываться быстрой, резкой вибрацией раздувшегося тела, а выбирающийся из воронки единорог еще и помогал ему, сталкивая вниз волны песка. Цири охватило бешенство и жажда мести. Она кинулась на едва уже выступающую из песка мерзость и всадила кордик в выпуклую спину. Налетела сзади, предусмотрительно держась подальше от щелкающих клешней, которыми чудовище, как оказалось, могло дотянуться далеко назад. Ударила снова, а хищник закапывался с невероятной скоростью. Но закапывался не для того, чтобы сбежать, а чтобы напасть. Ему хватило двух движений, чтобы скрыться полностью, затем он резко двинул волну, засыпав Цири до половины бедер. Она вырвалась и бросилась назад, но бежать было некуда – кругом песок, любое движение тянуло на дно. А песок на дне вспучивался двигающейся к ней волной, из волны высунулись щелкающие, оканчивающиеся острыми крючками клешни.

Спас ее Конек. Опустившись на дно воронки, он мощно ударил копытами в выступающий песок, выдающий неглубоко скрывающееся чудовище. Под сильными ударами приоткрылась серая спина. Единорог наклонил голову и всадил рог точно в то место, где вооруженная клешнями голова соединялась с пузатым туловищем. Видя, что пригвожденный к земле монстр бессильно загребает песок, Цири подскочила и с размаху вонзила кордик в дергающееся тело. Выхватила, ударила снова. И еще раз. Единорог вырвал рог и со всей силы опустил на бочкообразный корпус передние копыта.

Истоптанный монстр уже не пробовал закапываться. И вообще не шевелился. Песок вокруг него увлажнился от зеленоватой жижи. Не без труда они выбрались из воронки. Отбежав на несколько шагов, Цири без сил свалилась наземь, тяжело дыша и дрожа под действием поступающего в гортань и виски адреналина. Единорог обошел ее вокруг. Он ступал неловко, из раны на бедре сочилась кровь, стекая по ноге на бабки, метя шаги красным. Цири поднялась на четвереньки, и ее вырвало. Спустя немного она встала, подошла к единорогу, но Конек не позволил к себе прикоснуться. Отбежал, повалился на бок. Потом вычистил рог, несколько раз сунув его в песок.

Цири тоже очистила и вытерла клинок кордика, то и дело беспокойно поглядывая в сторону далекой воронки. Единорог встал, заржал, шагом подошел к ней.

– Я хочу осмотреть твою рану, Конек.

Конек заржал и тряхнул рогатой головой.

– Ну, на нет и суда нет. Если можешь идти, пойдем. Здесь лучше не оставаться.

Вскоре им встретилась обширная песчаная лавина, вся, до основания обрамляющих ее скал, пестрящая выкопанными в песке воронками. Цири изумленно рассматривала их – некоторые были чуть не в два раза больше той, в которой они недавно боролись за жизнь.

Они не решились пересечь песчаный поток, лавируя между воронками. Цири была уверена, что воронки подстерегали неосторожные жертвы, а сидящие в них монстры с длинными клешнями опасны только тем, кто попадал в воронки. Соблюдая осторожность и держась подальше от ям, можно было пересечь песчаный район напрямик, не опасаясь, что одно из

чудовищ вылезет из воронки и погонится за ними. Она считала, что риска нет, – но предпочитала не испытывать этого на собственной шкуре. Единорог был явно согласен – фыркал и отбегал, оттаскивая ее от лавины песка. Они обошли опасный район, держась ближе к скалам и твердому каменистому грунту, в который ни одна тварь не сумела бы закопаться.

Цири не спускала с воронок глаз. Несколько раз видела, как из убийственных ловушек вырывались фонтаны песка – чудовища углубляли и обновляли свои жилища. Некоторые воронки были так близко одна от другой, что выбрасываемый монстром песок попадал в соседние ямы, тревожа укрытых на дне существ, и тогда начиналась ужаснейшая канонада, в течение нескольких минут песок свистел и градом сыпался кругом.

Цири заинтересовало, на кого же песчаные чудовища охотятся в безводной и, казалось бы, мертвой пустыне. Ответа долго ждать не пришлось – из ближайшей ямы по широкой дуге вылетел темный предмет и шлепнулся неподалеку от них. После недолгого колебания она сбежала с камней на песок. Оказывается, из воронки вылетел трупик грызуна, напоминающего кролика. Во всяком случае – шерсткой. Трупик был съезжившийся, твердый и сухой, легкий и пустой, как пузырь. В нем не было ни капли крови. Цири вздрогнула – теперь она уже знала, на кого охотятся и как питаются уродины.

Единорог предостерегающе заржал. Цири подняла голову. Поблизости не было ни одной воронки, только ровный и гладкий песок. И у нее на глазах этот ровный и гладкий песок вдруг вздулся, а вздутие начало быстро передвигаться в ее сторону. Она кинула высосанную труху и умчалась на камни.

Решение обойти песчаную лавину стороной оказалось верным.

Они пошли дальше, обходя даже мельчайшие участки песка и ступая исключительно по твердому грунту.

Единорог шел медленно, прихрамывая. Из его раненого бедра сочилась кровь. Но он по-прежнему не позволял Цири подойти и осмотреть рану.

Песчаная лавина заметно сузилась и начала извиваться. Мелкий сыпучий песок уступил место крупному гравию, потом окатышам. Воронки больше не попадались, поэтому они решили идти по проделанному лавиной руслу. Цири, хоть ее снова мучили жажда и голод, пошла быстрее. Появилась надежда. Песчаная лавина была никакой не лавиной, а дном реки, текущей с гор. В реке не было воды, но высохшее русло вело к истокам – слишком слабым и маловодным, чтобы наполнить русло, однако скорее всего достаточным, чтобы из них можно было напиться.

Она могла бы идти еще быстрее, но приходилось сдерживаться, потому что единорог шел медленно, с явным трудом, хромал, тянул ногу, копыто ставил боком. Когда опустился вечер, он лег. И не встал, когда она подошла. Позволил ей осмотреть рану.

Раны было две, по обеим сторонам сильно вспухшего, горячего бедра. Обе все время кровоточили, и вместе с кровью из них струился липкий, дурно пахнущий гной.

Чудовище было ядовитым.

На следующий день стало еще хуже. Единорог едва шел. Вечером лег на камни и не захотел подниматься. Когда она опустилась рядом на колени, он дотянулся до раненого бедра ноздрями и рогом, заржал. В этом ржании была боль.

Гной выделялся все сильнее, запах был отвратительный. Цири достала кордик. Единорог тонко завизжал, попытался встать и упал задом на камни.

– Я не знаю, что делать... – всхлипнула девочка, глядя на клинок. – Я действительно не знаю... Наверно, рану надо разрезать, выдавить гной и яд... Но я не умею! Я могу навредить тебе еще больше!

Единорог попытался поднять голову, заржал. Цири села на камни, обхватила голову руками.

– Меня не научили лечить, – с горечью сказала она. – Меня научили убивать, втолковывая, что таким путем я могу спасти. Это была страшная ложь, Конек. Меня обманули.

Надвигалась ночь, быстро темнело. Единорог лежал. Цири лихорадочно размышляла. Она набрала колосья и стебли, обильно растущие на берегу высохшей реки, но Конек не захотел их есть. Бессильно положил голову на камни и уже не пытался подняться. Только моргал. На морде проступила пена.

– Я не могу тебе помочь, Конек, – глухо сказала она. – У меня нет ничего...

Кроме магии.

Я – чародейка.

Она встала. Вытянула руки. Ничего. Магической энергии требовалось много, а ее не было вообще. Этого она не ожидала. Как же так? Ведь водные жилы есть повсюду. Она сделала несколько шагов в одну, потом в другую сторону. Пошла по кругу. Отступила.

Ничего.

– Проклятая пустыня! – крикнула она, потрясая кулаками. – В тебе нет ничего! Ни воды, ни магии! А говорили, что магия должна быть всюду! И это тоже было ложью! Все меня обманывали, все!

Единорог заржал.

Магия есть всюду. Она есть в воде, в земле, в воздухе и...

И в огне.

Цири зло стукнула себя кулаком по лбу. Раньше это не приходило ей в голову, возможно, потому, что там, меж голых камней, вообще не было ничего способного гореть. А теперь под рукой были сухие ковыли и стебли, а чтобы создать малюсенькую искорку, ей должно хватить тех крох энергии, которые она еще чувствовала в себе.

Она набрала побольше сухих стеблей, сложила в кучку, обложила сухим ковылем. Осторожно сунула туда руку.

– Аенуе!

Костерок посветлел, замерцал язычок пламени, разгорелся, охватил стебли, сожрал их, взвился вверх. Цири подбросила стеблей.

«И что дальше, – подумала она, глядя на оживающее пламя. – Вбирать? Как? Йеннифэр запрещала касаться энергии огня... Но у меня нет ни выбора, ни времени! Я обязана действовать! Стебельки и ковылины сгорят мгновенно... Огонь погаснет... Огонь... Какой он прекрасный, какой теплый...»

Она не заметила, как и когда это случилось. Засмотрелась в пламя и вдруг почувствовала ломоту в висках. Схватила за грудь, ей почудилось, что лопаются ребра. Внизу живота, в промежности и в сосках забила боль, которую мгновенно сменило блаженство. Она встала.

Нет, не встала. Взлетела.

Сила заполняла ее расплавленным свинцом. Звезды на небосклоне заплясали, как отраженные в поверхности пруда. Горящее на западе Око ослепительно вспыхнуло. Цири поглотила этот свет, а вместе с ним и Силу.

– Hael, Aenye!

Единорог дико заржал и попытался вскочить, опираясь на передние ноги. Рука Цири поднялась сама, пальцы сложились в знак, губы сами выкрикнули заклинание. Из пальцев выплыла светящаяся, колеблющаяся ясность. Огонь загудел языками пламени.

Рвущиеся из ее руки волны света коснулись раненого бедра единорога, сосредоточились, проникли в него.

– Хочу, чтобы ты выздоровел! Я хочу этого! Yass'hael, Aenye!

Сила вспыхнула в ней, переполнила безграничной радостью. Огонь взвился к небу, вокруг посветлело. Единорог поднял голову, заржал, потом вдруг быстро вскочил с земли, сделал несколько неверных шагов. Выгнул шею, дотянулся мордой до бедра, пошевелил ноздрями, зафыркал – как бы с недоверием. Заржал громко и протяжно, подпрыгнул, махнул хвостом и галопом обежал костер.

– Я вылечила тебя! – гордо воскликнула Цири. – Вылечила! Я – чародейка! Мне удалось извлечь Силу из огня! И она во мне, эта Сила! Я все могу! Я могу все!

Она обернулась. Разгоревшийся костер гудел, рассыпая искры.

– Нам больше не надо искать источники! Мы больше не будем пить воду пополам с грязью! Теперь у меня есть Сила! Я чувствую Силу, которая таится в этом огне! Я сделаю так, чтобы на проклятую пустыню хлынул дождь! Чтобы вода брызнула из камней! Чтобы здесь выросли цветы! Трава! Кольраби! Теперь я могу все! Все!!!

Она резко подняла обе руки, выкрикивая заклинания и скандируя апострофы. Она не понимала их, не помнила, когда научилась им и вообще обучалась ли когда-нибудь. Это не имело значения. Она чувствовала Силу, горела огнем. Она сама была огнем. Она дрожала от переполняющего ее могущества.

Неожиданно ночное небо пропахала стрела молнии, меж скал и ковылей завыл ветер. Единорог пронзительно заржал и поднялся на дыбы. Огонь, бушуя, устремился вверх. Веточки и стебли уже давно обуглились, теперь горели сами камни. Но Цири этого не видела. Она чувствовала Силу. Видела только огонь. Слышала только огонь.

Ты можешь все, – шептало пламя, –

ты овладела нашей Силой, ты велика! Ты могуча!

В пламени возникает фигура. Высокая молодая женщина с длинными, прямыми, цвета воронова крыла волосами. Женщина дико хохочет, вокруг нее бесится огонь.

Ты могуча! Те, кто тебя обидел, не знали, с кем имеют дело! Отомсти! Отплати им! Отплати им всем! Пусть они трепещут от страха у твоих ног, пусть лязгают зубами, не смея взглянуть вверх, на твое лицо! Пусть канючат и стенают, добиваясь твоей милости. Но ты будь выше этого! Отплати им! Отплати всем и за все! Мсти!

За спиной черноволосой женщины – огонь и дым, в дыму – виселицы, колья, эшафоты и помосты, горы трупов. Это трупы нильфгаардцев, тех, кто захватил и разрушил Цинтру, убил

короля Эйста и ее бабушку Калантэ, тех, кто убивал людей на улицах города. На виселице болтается рыцарь в черных латах, веревка скрипит, вокруг выются вороны, пытающиеся выклевать ему глаза сквозь щели в крылатом шлеме. Другие виселицы уходят за горизонт, на них висят скоя'таэли, убившие Паулье Дальберга в Каэдвене и преследовавшие ее на острове Танедд. На высоком коле дергается чародей Вильгефорц, его красивое, обманчиво благородное лицо сморщено и сине-черно от муки, острый окровавленный конец кола торчит из ключицы... Другие чародеи из Танедда ползают на коленях по земле, руки у них связаны за спинами, а острые колья уже ждут их...

Столбы, обложенные связками хвороста, тянутся до полыхающего, помеченного столбами дыма горизонта. У ближайшего столба, притянутая цепями, стоит Трисс Меригольд... Дальше – Маргарита Ло-Антиль... мать Нэннеке... Ярре... Фабио Сахс...

– Нет! Нет! Нет!

Да! – кричит черноволосая.

– Смерть всем, отплати им всем! Презрение им всем! Они это заслужили! Все они обидели либо собираются обидеть тебя! Могут когда-нибудь снова обидеть! Презирай их, ибо пришел наконец Час Презрения! Презрение, месть и смерть! Смерть всему миру! Смерть, гибель и кровь!

Вся в крови твоя одежда.

Так гори, прими же муки...

Они предали тебя! Обманули! Обидели!!! Теперь у тебя Сила, мсти!

Йеннифэр. Ее губы разбиты, кровоточат, на руках и ногах оковы, тяжкие цепи прикреплены к мокрому и грязным стенам узилища. Вокруг эшафота люди, поэт Лютик кладет голову на плаху, над ним сверкает острие палаческого топора. Собравшиеся под эшафотом оборванцы разворачивают тряпки, чтобы собрать кровь... Гул толпы заглушает удар, от которого сотрясается помост...

Тебя предали! Обманули. Все! Ты была для них марионеткой, куклой на веревочках! Тебя использовали! Обрекли на голод, на палящее солнце, на жажду, на скитания, на одиночество! Пришел Час Презрения и мести! Ты владеешь Силой. Ты могуча! Пусть же весь мир трепещет перед тобой! Пусть весь мир трепещет перед Старшей Кровью!

На эшафот заводят ведьмаков – Весемира, Эскеля, Койона, Ламберта. И Геральта... Геральт еле держится на ногах, он весь в крови...

Нет!!!

Вокруг нее огонь, за стеной пламени дикое ржание, единороги вздымаются на дыбы, трясут головами, бьют копытами. Их гривы – как рваные боевые штандарты, их рога длинные и острые, как мечи. Единороги огромны, огромны, как кони рыцарей, гораздо крупнее ее Конька. Откуда они взялись? Откуда их столько? Пламя с ревом взмывает в небо. Черноволосая женщина вздымает руки, на ее руках кровь, ее волосы развеивает жар.

Гори... Ты в крови...

– Прочь! Отойди! Я не хочу тебя! Мне не нужна твоя Сила!

Так гори, прими же муки...

...Брось надежду...

– Не хочу!

Хочешь! Жаждешь! Жажда и месть. Жажда и жадность кипят в тебе как пламя, наслаждение охватывает тебя! Это могущество, это Сила, это власть! Это блаженнейшее из блаженств мира!

Молния. Гром. Ветер. Топот копыт и ржание безумствующих вокруг огня единорогов.

– Я не хочу этой Силы! Не хочу! Я отрекаюсь от нее!

Она не знала, то ли погас огонь, то ли у нее потемнело в глазах. Она упала, чувствуя на лице первые капли дождя.

Существо следует лишить существования. Нельзя допустить, чтобы оно существовало. Существо опасно. Подтверждение.

Отрицание. Существо призвало Силу не для себя. Оно поступило так, чтобы спасти Иуарраквакса. Существо соперечивает. Благодаря Существо Иуарраквакс опять с нами.

Но у Существа –

Сила. Если оно захочет ею воспользоваться...

Оно не сумеет ею воспользоваться. Никогда. Оно отказалось от нее. Отреклось от Силы. Совсем. Сила –

ушла. Это очень странно...

Нам никогда не понять Существ.

И не надо понимать! Отберем у Существа существование. Пока не поздно. Подтверждение.

Отрицание. Уйдем отсюда. Оставим Существо. Отдадим Существо его Предназначению.

Цири не знала, сколько времени она лежала в камнях, сотрясаемая дрожью, уставившись в изменяющее свой цвет небо. Оно было то темным, то светлым, то холодным, то жарким, а она лежала, бессильная, иссушенная и пустая, как шкурка, как трупик грызуна, которого чудовище высосало и выкинуло из воронки.

Она не думала ни о чем. Она была одинока, опустошена. У нее уже не было ничего, и она не ощущала в себе ничего. Не было жажды, голода, утомления, страха. Исчезло все, даже воля к жизни. Была только гигантская, холодная, мрачная, ужасающая пустота. Она воспринимала эту пустоту всем своим естеством, каждой клеткой своего тела.

Чувствовала кровь на внутренней стороне ляжки. Это было ей безразлично. Она была пуста. Она потеряла все.

Небо меняло расцветки. Она не шевелилась. Разве движение в пустоте имеет какой-то смысл?

Она не пошевелилась, когда вокруг нее зацокали копыта, звякнули подковы. Не прореагировала на громкие окрики, на возбужденные голоса, на фыркание лошадей. Она не пошевелилась, когда ее схватили жесткие, сильные руки. Когда ее подняли, она бессильно повисла. Не отреагировала на резкие, грубые вопросы, на то, что ее трясли и дергали. Она не понимала этих вопросов и не хотела понимать.

Она была пуста и безучастна. Равнодушно приняла воду, брызгающую ей на лицо. Когда ко рту приставили фляжку, она не поперхнулась. Пила. Безучастно. Равнодушно.

Позже она тоже была безразлична ко всему. Ее затащили на седло. В промежности болело. Она дрожала, ее обернули попой. Она была бессильной и мягкой, вываливалась из рук, поэтому ее привязали ремнем к сидевшему сзади седоку. Седок вонял потом и мочой. Это было ей безразлично.

Кругом были лошади. Много лошадей. Цири глядела на них равнодушно. Она была пуста, она потеряла все. Уже ничто не имело никакого значения.

Ничто.

Даже то, что командовавший конниками рыцарь был в шлеме, украшенном крыльями хищной птицы.

Глава седьмая

Когда к костру преступницы поднесли огонь и ее охватило пламя, принялась она осыпать оскорблениями собравшихся на плацу рыцарей, баронов, чародеев и господ советников словами столь мерзостными, что всех объял ужас. И хоть костер тот мокрыми поленьями обложили, дабы дьяволица не сгорела быстро и крепче огнем терзания познала, теперь же чем быстрее велено было сухого древна подбросить и казнь докончить. Но воистину демон сидел в оной ведьме проклятушей, ибо хоть она уже и шипела зело, однакож крику боли не издала, а еще более ужаснейшие ругательства выкрикивать почала. «Возродится Мститель из крови моей! – возвестила она во весь глас. – Возродится из оскверненной Старшей Крови Истребитель народов и миров. Отмстит он за муки мои! Смерть, смерть и мщение всем вам и всем коленам вашим!» Одно токмо это успела она выкрикнуть, прежде чем спалилась. Так сгинула Фалька, такову кару понесла за пролитую кровь невинную. Родерик да

НовембрИстория мира, том II

– Гляньте на нее. Солнцем опалена, покалечена, вся в пылишше. Пьет и пьет, ровно губка, а оголодала – аж страх. Говорю ж вам, она с востока пришла. Прошла через Корат. Через Сковородку.

– Э-э-э! На Сковородке-та никто не выживет. С заката шла, от гор, по руслу Сухака. Корат едва краем задела, а и того хватило. Кады мы ее отыскали-та, пала уж, без духу лежала.

– На закате пустоши верстами тягнутси. Дык откедова шла-та?

– Не шла – ехала. Кто знат, откедова, издалека ль? Следы копыт подле нее были. Видать, конь-та ейный в Сухаке пал, потому как побита, в синьцах вся.

– Пошто ж она така для Нильфгаарда важна, хотца знать. Кады нас префект на поиски слал, я думал, кака важна дворянка сгинула. А эта? Обнаковенная девка, помело драное, к тому ж немовля какая-та. Не-а, не знаю, Скомлик, тоё ли, что надыть, искали-та...

– Она. И не как всяка. Как всяку-то мы б ее помершей нашли.

– Ишшо б малость. Никак дождж ее спас. Он, зараза. Самые што ни на есть стары деды дожджу на Сковородке-та не припомнут. Тучи завсегда обходят Корат-та... Дажить кады в долинах дожджит, тама ни единой капли не падет!

– Гляньте-ка на ее, как жрет. Быдто б неделю ничо на зуб не имела... Эй, девка! Вкусна ль солонина-то? Хлеб-та сухой? Э?

– Пытай по-эльфьему. Аль по-нильфскому. Она по-людски не разумет. Эльфий помет какой-то...

– Придурок, недоделок. Как я ее утром на коня-та сажал, то быдто куклу тряпичну сажал-та.

– Глазов нету, – сверкнул зубами тот, кого назвали Скомликом, крупный и лысоватый. – Каки с вас ловчие, ежели ишшо ее не признали! И не придурок она и не без разума. Прикидываются. Дивна и хитра пташка.

– И чего ж така Нильфгаарду важна? Награду обещшали, во все стороны патрули-та разогнали... Чего б это?

– Того не ведаю. А вот кабы ее как след запытать... Плетью по хребту... Ха! Видали, как она на меня зыкнула? Все понимает, внимательно слухат. Эй, девка! Скомлик я, искатель, ловчий. А энто, глянь-кось, нагайка, кнутом именуемая. Мила тебе на спине шкура?

– Довольно! Молчать!!!

Громкий, резкий, не терпящий возражений приказ прозвучал от другого костра, у которого сидел рыцарь.

– А ну за работу! Лошадей привести в порядок. Мои доспехи и оружие вычистить. В лес по дрова! А девушку не трогать! Ясно, хамы?

– Воистину, благородный господин Сверс, – буркнул Скомлик. Его дружки опустили головы.

– За работу! Выполняй!

Ловчие зашептались.

– Судьба нас покарала энтим засранцем, – пробормотал один. – И надыть же было префекту-та аккурат его над нами поставить, лыцаря затрахатого...

– Ишь важный какой, – тихо промямлил другой, оглядываясь украдкой. – А ведь девку-та мы, ловчие, отыскиали... Наш нюх тому виной, што мы в русло Сухака-та завернули.

– Угу. Заслуга, вишь, наша, а энто благородный награду-та хапанет, нам едва чево достанется... Флорен под копыты кинет, хватай, ловчий, поблагодарствуй за господску-та ласку...

– Заткнись, – прошипел Скомлик. – Ишшо услышит неровен час...

Цири осталась у огня одна. Рыцарь и оруженосец внимательно глядели на нее, но молчали.

Рыцарь был уже в годах, но еще крепкий мужчина с суровым, меченным шрамом лицом. Во время езды он не снимал шлема с птичьими крыльями, но это были не те крылья, которые являлись Цири в ночных кошмарах и на острове Танедд. Это был не Черный Рыцарь из Цинтры. Но он был рыцарь нильфгаардский. Приказы отдавал и говорил на всеобщем, но с заметным акцентом, напоминающим акцент эльфов. Со своим оруженосцем, пареньком немногим старше Цири, разговаривал языком, близким Старшей Речи, но не таким напевным, более твердым. Это, вероятно, был нильфгаардский диалект. Цири, хорошо владеющая Старшей Речью, понимала большинство слов, но не выдавала себя. На первой стоянке, на краю пустыни, которую называли Сковородкой или Коратом, нильфгаардский рыцарь и его оруженосец засыпали ее вопросами. Тогда она не отвечала, потому что была в полной прострации, ошарашена случившимся. Через несколько дней пути, когда выбрались из каменных ущелий и спустились вниз, в зеленые долины, Цири пришла в себя, начала наконец замечать окружающий мир и хоть замедленно, но реагировать. Однако по-прежнему не отвечала на вопросы, поэтому рыцарь вообще перестал к ней обращаться. Казалось, она его больше не интересуется. Ею занимались только мужчины, велевшие называть себя ловчими. Эти тоже пытались ее выпрашивать. И были грубы.

Однако нильфгаардец в крылатом шлеме быстро призвал их к порядку. Было ясно, кто здесь хозяин, а кто слуга.

Цири прикидывалась глуповатой немой, но внимательно прислушивалась к разговорам и понемногу начала осознавать свое положение. Она попала в лапы к нильфгаардцам. Нильфгаард ее разыскивал и нашел, несомненно, выследив трассу, по которой ее послал из Тор Лара хаотично работающий телепорт. То, что не удалось Йеннифэр и Геральту, удалось крылатому рыцарю и ловчим.

Что произошло на Танедде с Йеннифэр и Геральтом? Куда попала она? У нее были самые скверные предчувствия. Ловчие и их главарь Скомлик говорили на простонародном, исковерканном жаргоне всеобщего языка, но без нильфгаардского акцента. Ловчие, несомненно, были обычными людьми. Но служили нильфгаардскому рыцарю. Их подогревала мысль о награде, которую за Цири выплатит префект. Флоренами.

Но единственные страны, где в ходу флорен, а люди служат нильфгаардцам, – это управляемые префектами имперские провинции на дальнем юге.

На следующий день, когда они остановились на берегу ручья, Цири начала подумывать о возможности побега. Магия могла бы помочь. Она осторожно попробовала применить самое простое заклинание, самый простой телекинез. Опасения подтвердились. В ней не осталось ни крохи чародейской энергии. После неразумной игры с огнем магические способности полностью покинули ее.

Цири словно овладела апатия ко всему. Она надолго замкнулась в себе.

Это продолжалось до того дня, когда на дороге через вересковые заросли им встретился Голубой Рыцарь.

– Ай-ай! – буркнул Скомлик, глядя на загородивших им путь всадников. – Быть беде. Энтэ Варнхагены из Сарды...

Наездники приближались. Впереди на могучей сивой лошади ехал гигант в вороненых с голубым отливом латах. Сразу за ним держался другой латник, сзади следовали два наездника в простых грязно-коричневых одеждах, несомненно – слуги.

Нильфгаардец в крылатом шлеме выехал им навстречу, сдерживая пляшущего гнедого. Его

оруженосец нащупал рукоять меча, повернулся в седле.

– Стоять сзади и следить за девушкой, – бросил он Скомлику и его ловчим. – Не вмешиваться!

– Дурни, што ль, – тихо проговорил Скомлик, как только оруженосец отъехал. – Не дураки в разборки промеж господ из Нильфгаарда мешаться.

– Будет драчка, Скомлик, да?

– Как пить дать. Промеж Сверсами и Варнхагенами родовая вражда, кровная месть. Слезайте с конев. Девку стерегите, в ей наш спор и выгода. Ежели счастье привалит, вся награда наша.

– Варнхагены небось тоже девку ищут. Ежели победят, отымут... Нас токмо четверо...

– Пятеро... – сверкнул зубами Скомлик. – Один малый из Сарды, сдается, мой свояк. Увидите, в этой драчке наш будет верьх, а не господ лыцарев...

Рыцарь в голубых доспехах натянул поводья сивки. Крылатый встал напротив. Спутник Голубого остановился позади. Его странный шишак был украшен двумя лентами кожи, свисающими с забрала и напоминающими огромные усы или моржовые клыки. Поперек седла Два Клыка держал грозно выглядывшее оружие, немного напоминавшее шпonton гвардейцев из Цинтры, но с более коротким древком и длинным железным острием.

Голубой и Крылатый обменялись несколькими словами. Цири не расслышала какими, но тон рыцарей не оставлял сомнений. Это не были дружественные слова. Голубой вдруг выпрямился в седле, резко указал на Цири, проговорил что-то громко и зло. Крылатый в ответ крикнул так же зло, махнул рукой в железной перчатке, явно приказывая Голубому идти прочь. И тут началось.

Голубой пришпорил сивку и рванулся вперед, выхватывая из держателя при седле топор. Крылатый осадил гнедого, одновременно вытащив из ножен меч. Однако прежде чем латники начали бой, напал Два Клыка, древком шпонтон послав коня в галоп. Оруженосец Крылатого прыгнул на него, выхватывая меч, но Два Клыка приподнялся в седле и ткнул его шпонтон в грудь. Длинный наконечник с хрустом пробил нагрудник и кольчугу, оруженосец раздирающе крикнул и рухнул с коня, обеими руками ухватившись за шпonton, вбитый по самую крестовину.

Голубой и Крылатый сошлись с гулом и грохотом. Топор был опаснее, но меч – быстрее. Голубой получил в плечо, кусок вороненого наручника отлетел в сторону, вращаясь и таща за собой ремешок, наездник покачнувшись в седле, на голубом панцире блеснули карминовые струйки. Проскочившие в галопе кони разделили дерущихся. Крылатый нильфгаардец развернул гнедого, но тут на него налетел Два Клыка, обеими руками подняв для удара меч. Крылатый рванул поводья. Два Клыка, управлявший конем лишь ногами, пронесся мимо. Однако Крылатый успел рубануть его на ходу. Цири увидела, как наплечник вмялся, из-под металла хлынула кровь.

Голубой уже возвращался, крича и размахивая топором. Оба рыцаря на ходу обменялись гулками ударами и разъехались. На Крылатого снова налетел Два Клыка, кони столкнулись, зазвенели мечи. Два Клыка ударил Крылатого, разрубив нарукавник и щиток. Крылатый выпрямился и мощно ударил справа по боковине нагрудника. Два Клыка покачнувшись в седле. Крылатый поднялся в стремях и с размаху врезал ему еще раз между разрубленным, уже вогнутым наплечником и шишаком. Острие широкого меча с грохотом вонзилось в металл, увязло там. Два Клыка напрягся и задрожал. Кони столкнулись, топоча и грызя зубами удила. Крылатый оперся о луку, вырвал меч. Два Клыка свесился с седла и рухнул под копыта.

Подковы коня зазвенели по раздавленному панцирю.

Голубой развернул сивку, напал, подняв топор. Он с трудом управлял конем раненой рукой. Крылатый заметил это, ловко зашел ему справа, поднялся в стремянах для страшного удара. Голубой отразил удар топором и выбил меч из руки Крылатого. Кони снова сошлись. Голубой был настоящим силачом, тяжелая секира в его руке поднялась и упала, как камышинка. На латы Крылатого с грохотом обрушился удар, от которого гнедой даже присел. Крылатый покачнулся, но удержался в седле. Прежде чем топор успел грохнуть его второй раз, он отпустил поводья, закрутил левой рукой, схватив висящую на ремennom темляке тяжелую граненую булаву, и с размаху саданул ею Голубого по шлему. Шлем загудел словно колокол, теперь Голубой покачнулся в седле. Кони визжали, пытались кусаться и не хотели расходиться.

Однако Голубой, явно одурманенный ударом булавы, все же сумел ударить топором, с гулом хватив противника по нагруднику. То, что оба все еще держались в седлах, было заслугой высоких луков. По бокам обеих лошадей текла кровь, особенно хорошо заметная на светлой шерсти сивки. Цири с ужасом смотрела на бой. В Каэр Морхене ее научили драться, но она не представляла себе, каким образом могла бы сопротивляться таким силачам. И парировать хотя бы один из их мощных ударов.

Голубой обеими руками ухватился за рукоять топора, глубоко врезавшегося в нагрудник Крылатого, сгорбился и уперся в стремяна, пытаясь выбить противника из седла. Крылатый с размаху ударил его булавой раз, другой, третий. Кровь брызнула из-под козырька шлема на голубые латы и шею сивки. Крылатый ударил гнедого шпорами, прыжок коня вырвал острие секиры из его нагрудника, качающийся в седле Голубой выпустил из рук рукоять топора. Крылатый перехватил булаву правой рукой, налетел, страшным ударом пригнул голову Голубого к конской шее. Схватив поводья сивки свободной рукой, нильфгаардец дубасил булавой, голубые латы звенели, как железный горшок, кровь текла из-под промятого шлема. Еще удар – и Голубой рухнул головой вперед под копыта сивки. Сивка отскочил, но гнедой Крылатого, явно натренированный, с грохотом лягнул упавшего. Голубой еще был жив, о чем свидетельствовал отчаянный рев боли. Гнедой продолжал топтать его с таким упорством, что раненый Крылатый не удержался в седле и свалился рядом.

– Позабивали дружка дружку, сукины дети, – охнул ловчий, державший Цири.

– Господа лыцари, чума на них и зараза, – сплюнул другой.

Слуги Голубого поглядывали издали. Один завернул коня.

– Стой, Ремиз! – крикнул Скомлик. – Куда ты? В Сарду? На виселицу торописси?

Слуги остановились, один глянул, заслонив глаза рукой.

– Скомлик, ты, што ль?

– Я. Подъезжай, Ремиз, не бойсь! Лыцаревы разборки не наша забота!

Цири вдруг решила, что пора кончать с апатией. Она ловко вырвалась у державшего ее ловчего, подскочила к сивке Голубого, одним прыжком взлетела в седло с высокой лукой.

Возможно, ей и удалось бы сбежать, если б слуги из Сарды были не в седлах и не на отдохнувших конях. Они запросто догнали ее, вырвали поводья. Она соскочила и помчалась к лесу, но конные догнали ее снова. Один на скаку схватил ее за волосы, рванул, поволок. Цири крикнула, повисла на его руке. Конник кинул ее прямо под ноги Скомлику. Свистнула нагайка. Цири взвыла и свернулась клубком, заслоняя голову руками. Нагайка свистнула снова и хлестнула ее по рукам. Она отпрыгнула, но Скомлик подскочил, пнул ее, потом

прижал ботинком крестец.

– Сбежать удумала, змейство?

Свистнула нагайка. Цири снова вскрикнула. Скомлик опять пнул ее и проехался нагайкой.

– Не бей меня! – крикнула она.

– Ага, заговорила, зараза! Расшнуровала хайло-то. Вот я те щас!

– Опомнись, Скомлик! – крикнул кто-то из ловчих. – Жизнью хошь и из ей выколотить аль как? Она стоит сильно, штоб ее доконать-та!

– Ясны громы, – сказал Ремиз, слезая с коня. – Неужто та, котору Нильфгаард ишшет уже неделю как?

– Она.

– Ха! Все гарнизоны ее ишшут. Кака-то важна для Нильфгаарда персона! Вроде какой-то сильный маг наворожил, што она должна быть гдей-то тут. В тутошних местах! Болтали в Сарде. Где отыскиали-та?

– На Сковородке.

– Не может того быть!

– Может, может, – зло сказал Скомлик, скривившись. – Взяли мы ее, награда наша! Че стоите навроде кольев? А ну спутать пташку и на седло! Топаем отседова, парни. Живо!

– Благородный Сверс-та, – начал один из ловчих, – вроде бы ишшо дыши...

– Долго не подышит. Пес с им. Едем прямо в Амарильо, парни. К префекту. Предоставим ему девку-та и отхватим награду.

– В Амарильо? – Ремиз почесал затылок, глянул на поле недавней брани. – Там-то уж нам палач точно! Чево скажешь префекту-та? Лыцари побиты, а вы, стал быть, целы? Как все дело на явь выйдет, префект велит вас повесить, а нас этапным ходом отошлет в Сарду... А тады Варнхагены шкуру с нас живьем сдерут. Вам-та, может, и в Амарильо дорога, а по мне так лучшей в леса податься...

– Ты ж – мой свояк, Ремиз, – сказал Скомлик. – И хоша ты есть песий хвост, потому как сестру мою поколачивал, все ж как-никак родня. Потому шкуру твою сберегу. Едем в Амарильо, говорю. Префект знат, что промеж Сверсами и Варнхагенами вражда. Встренулись, побили один другого, обнаковенная меж ими штука. Чево мы-та могли? А девку, гляньте на мои слова, мы нашли позднее. Мы ловчие. Отноне ты тож ловчий, Ремиз. Префект того не знат, всколькоиrom мы со Сверсом поехали. Не сочтет...

– Ты ничего не запомятовал, Скомлик? – протяжно спросил Ремиз, глядя на второго слугу из Сарды.

Скомлик медленно обернулся, потом мгновенно выхватил нож и с размахом вбил его слуге в горло. Слуга взвизгнул и повалился на землю.

– Я ничего не забываю, – холодно сказал ловчий. – Ну, таперича мы уж тута токмо одни свои. Свидетелев нету, да и голов для дележки награды не больно много. По коням, парни, в Амарильо! Впереду еще добрый шмат пути, тянуть нечего!

Выехав из темной и влажной буковины, они обнаружили у подножия горы деревушку –

несколько крыш внутри кольца из низкого частокола, огораживающего излучину небольшой речки.

Ветер принес запах дыма. Цири пошевелила занемевшими пальцами рук, притянутых ремнями к луке седла. Вся она вконец одеревенела, ягодицы болели немилосердно, докучал полный пузырь. Она не слезала с седла с восхода солнца. Ночью не передохнула, потому что ее руки привязали к рукам лежавших по обе стороны ловчих. На каждое ее движение ловчие отвечали руганью и обещаниями поколотить.

– Деревня, – сказал один.

– Ага, – ответил Скомлик.

Они спустились с горы, копыта лошадей захрустели по высоким, спаленным солнцем травам. Вскоре вышли на покрытую выбоинами дорогу, ведущую прямо к деревне, к деревянному мостику и воротам в частоколе.

Скомлик остановил коня, приподнялся на стремянах.

– Што за деревня? Никогда тут не бывал. Ремиз, знашь это место?

– Ране, – сказал Ремиз, – деревню звали Бела Речка. Но как начались беспорядки, несколько тутошних пристали к бунтовщикам, то Варнхагены из Сарды пустили тут красного петуха, людишек перебили альбо погнали в неволю. Таперича одни нильфгаардские поселенцы здесь обретаются, новопоселенцы, стал быть. А деревушку в Глысвен перекрестили. Поселенцы тутошние недобрые, упрямые люди. Говорю – не надеть тута останавливаться. Едем дале.

– Коням передых нужон, – запротестовал один из ловчих. – И еда. Да и у меня кишка кишке кукиш кажет. Што нам новопоселенцы – говно, замухрышки. Махнем им перед носом приказом префекта, префект-та тожить нильфгаардец, как и они. Увидите, в пояс нам поклонятся.

– Ну уж, – буркнул Скомлик, – видал кто нильфгаардца-та, который в пояс кланяется? Ремиз, а корчма какая-никакая есть в энтом Глысвене?

– Есть. Корчму Варнхагены не спалили.

Скомлик обернулся в седле, глянул на Цири.

– Развязать ее надеть. Нельзя, штобы кто узнал... Дайте ей попону. И чего-нито на башку... Эй... Ты куда, девка?

– В кусты надо.

– Я те дам кусты, потаскуха! Садись у дороги! И помни: в деревне ни слова. Думаешь, хитра больно? Пикнешь токо, так горло перережу. Ежели я за тебя флоренов не получу, никто не получит.

Подъехали шагом, конские копыта застучали по мостику. Из-за частокола тут же выглянули поселенцы, вооруженные копьями.

– Сторожат у ворот-та, – буркнул Ремиз. – Антересно, чего ради?

– Ага, – буркнул Скомлик, приподнимаясь на стремянах. – Ворота стерегут, а от мельницы частокол развален, возом можно проехать...

Подъехали ближе, остановили лошадей.

– Мир вам, хозяйева! – крикнул весело, хоть и не совсем натурально Скомлик. – В добрый час!

– Кто такие? – кратко спросил самый высокий из поселенцев.

– Мы, кум, армия, – соврал Скомлик, откинувшись в седле. – На службе его восходительства господина префекта в Амарильо.

Посланец провел рукой по древку копья, глянул на Скомлика исподлобья. Он явно не мог припомнить, на каких крестинах ловчий стал его кумом.

– Нас сюды прислал господин префект, – продолжал врать Скомлик, – чтоб узнать, как идут делишки у его земков, добрых людей из Глысвена. Его восходительство шлет, стал быть, пожелания и спрашивает, не надоть людям из Глысвена какой помощи?

– Справляемся понемногу, – сказал поселенец. Цири отметила, что он говорит на всеобщем с таким же акцентом, как и Крылатый, хоть стилем речи старается подражать жаргону Скомлика. – Привычные мы сами себе управляться.

– Рад будет господин префект, услышавши энто. Корчма открыта? В горлах у нас пересохло...

– Открыта, – угрюмо бросил поселенец. – Пока еще открыта.

– Пока еще?

– Пока еще. Вскорости мы эту корчму разберем, стропилы и доски на амбар сгодятся. А с корчмы никакого дохода. Мы трудимся в поте лица и в корчму не заглядываем. Корчма только приезжих тянет, больше таких, которым мы не рады. Теперь там тоже такие остановились.

– Кто? – Ремиз слегка побледнел. – Не из форта ли Сарда, случаем? Не благородные ли господа Варнхагены?

Поселенец скривился, помял губами, словно собирался плюнуть.

– К сожалению, нет. Милиция господ баронов. Нисары.

– Нисары? – наморщил лоб Скомлик. – А откедова они? Под чьей командой-та?

– Старшим над ними высокий, черный, усатый, как сом.

– Ха! – Скомлик повернулся к спутникам. – Повезло нам. Токмо одного такого знаем, нет? То никак будет наш старый друг Веркта. «Верь мне», помните? А чего ж тут у вас, кум, нисары поделывают?

– Господа нисары, – понуро пояснил поселенец, – в Тыфффию направляются. Почтили нас своим присутствием. Везут пленника. Одного из банды Крыс взяли в полон.

– Глянь-ка! – фыркнул Ремиз. – А нильфгаардова инператора не взяли? В полон-та?

Поселенец нахмурился, стиснул руку на древке копья. Его товарищи глухо зароптали.

– Езжайте в корчму, господа солдаты. – На скулах поселенца заходили желваки. – И поболтайте с господами нисарами, вашенскими дружками. Вы вроде бы на службе у префекта. Так спросите господ нисар, почему они бандита в Тыфффию везут, вместо того чтобы тут, на месте, сразу на кол волами тянуть, как префект велел. И напомним господам нисарам, дружкам вашим, что здесь власть – префект, а не барон из Тыфффии. У нас уж

готовы и волю в ярме, и кол заостренный. Если господа нисары не пожелают, то мы сообразим, что надо. Шепните им это.

– Шепну, а как же. – Скомлик многозначительно глянул на спутников. – Бывайте, люди.

Они шагом двинулись меж халуп. Деревня казалась вымершей, не было видно ни души. Под одним из заборов рылась свинья, в грязи барахтались грязные утки. Дорогу наездникам пересек большой черный котище.

– Тьфу, тьфу, котья морда. – Ремиз наклонился в седле, сплюнул, сложил пальцы знаком, оберегающим от злой порчи. – Дорогу перешел, котий сын!

– Штоб у него мыша в горле застряла!

– Чего? – повернулся Скомлик.

– Кот. Што твоя смола черный. Дорогу перебег, тьфу, тьфу.

– Хрен с ним. – Скомлик осмотрелся. – Гляньте-ка, пустынь какая. Однако ж видел я сквозь пузыри оконные, людишки сидят по хатам, глядят. Тама вон из-за ворот, заметил, пика блеснула.

– Баб стерегут, – засмеялся тот, который пожелал коту подавиться мышью. – Нисары в селе. Слыхали, что кмет плел. Видать, не любят нисаров-та.

– И не диво. «Верь мне» и его кодла ни одной кметки не пропустят. Эх, доиграются они ишшо, энти господа нисары. Бароны их стражами порядка величают, за то им плотют, чтоб порядок стерегли, за дорогами приглядывали. А как крикнешь кмету в ухо «нисар!», так он немедля себе пятки со страху обдекает. Но это до поры до времени. Ну ишшо одного теленка зарежут, ну ишшо одну девку оттрахают, и, глянь, кметы их на вилы подымут. Ей-бо. Видали тех, у ворот, какие мордovorоты у их злые? Это нильфгаардское поселение. С имя шуток не шуток... Хо, а вот и корчма...

Они поторопили коней.

У корчмы была малость просевшая, сильно омшелая крыша. Стояла корчма в некотором отдалении от халуп и хозяйственных построек, отмечая, однако, середину, центральную точку всего огороженного разваленным частоклом пространства, место пересечения двух проходящих через селение дорог. В тени единственного поблизости большого дерева был загон, заграда для скота и отдельная – для лошадей. В последней стояло пять или шесть нерасседланных верховых коней. Перед дверью, на ступенях, сидели два типа в кожаных куртках и остроконечных меховых шапках. Оба любовно прижимали к груди глиняные кувшины, а между ними стояла миска, полная обглоданных костей.

– Кто такие? – крикнул один при виде Скомлика и его спутников, слезающих с коней. – Чего тут ишшите? Топайте отседова! Занята корчма именем закона!

– Не ори, нисар, не ори! – сказал Скомлик, стаскивая Цири с седла. – А дверь раззявь пошире, потому как мы хочим внутрь. Твой командир, Веркта, – наш замок.

– Не знаю вас!

– Потому как зелен ишшо. «Верь мне» и я разом служили ишшо в стародавние времена, прежде чем Нильфгаард тута осел.

– Ну, коли так... – заколебался любитель пива, отпуская рукоять меча, – заходите. Мне все едино...

Скомлик толкнул Цири, другой ловчий схватил ее за воротник.

Вошли.

В помещении было мрачно и душно, несло дымом и жареным. Корчма была почти пуста – занят только один стол, который стоял в полосе света, падающего сквозь окно, затянутое рыбьими пузырями. За ним сидели несколько мужчин. В глубине, перед топкой, возился корчмарь, грохоча горшками.

– Челом бью господам нисарам! – загудел Скомлик.

– Бей, бей, да не с нами пей, – буркнул один из сидевших у оконца, сплюнув на пол.

Другой остановил его жестом.

– Давай потише. Свои парни, не узнал, што ль? Скомлик и его ловчие. Челом, челом!

Скомлик расплылся в улыбке и двинулся к столу, но остановился, видя своих дружков, уставившихся на столб, который поддерживал балку потолка. У столба сидел на табуретке щуплый светловолосый паренек лет пятнадцати, странно напряженный и вытянутый. Цири заметила, что его неестественная поза – результат того, что руки его вывернуты назад и связаны, а шея притянута к столбу ремнем.

– Обсыпь меня короста, – громко вздохнул один из ловчих, тот, что держал Цири за воротник.
– Глянь-ка, Скомлик! То ж Кайлей!

– Кайлей? – наклонил голову Скомлик. – Крыс Кайлей? Не может того быть!

Один из сидевших за столом нисар, толстяк с волосами, зачесанными в колоритный чуб, гортанно рассмеялся.

– Может, может, – сказал он, облизывая ложку. – Кайлей своей собственной вонючей персоной. Оправдался ранний подъем. Получим за него верняк – полгорсти флоренов доброй императорской монетой.

– Хватанули Кайлея, ну-ну, – поморщился Скомлик. – Значится, правду говорил нильфгаардский кметок...

– Тридцать флоренов, сучий хвост, – вздохнул Ремиз. – Недурственно... Платит барон Люц из Тыффии?

– Верно, – подтвердил другой нисар, черноволосый и черноусый. – Благородный барон Люц из Тыффии, наш господин и благодетель. Крысы ограбили его советника на большаке, ну вот он обозлился и назначил награду. И мы эту награду примем, Скомлик, верь мне. Хе, гляньте-ка, парни, ишь как напыжился! Не ндравится ему, что энто мы, а не он Крыса изловил, хоша и ему префект банду ловить приказал.

– Ловчий Скомлик, – толстяк с чубом ткнул в Цири ложкой, – тожить чего-то словил. Вишь, Веркта? Девка кака-то.

– Вижу, – сверкнул зубами черноволосый. – Чего ж это, неужто тебя беда так скрутила, что ты дитёв уводишь заради выкупа? Что за грязнуха така?

– Не твое дело!

– Ишь какой грозный, – засмеялся чубатый. – Удостовериться хотим, не дочка ль твоя.

– Евонная дочка? – засмеялся Веркта, черноусый. – Да неужто? Чтоб дочь сплодить, надыть

яйцы носить.

Нисары грохнули.

– Ну, ну, ржите, лбы бараньи, – рявкнул Скомлик и напыжился. – А тебе, Веркта, так скажу: не минет неделя, увидишь, о ком громчее-та будут – о вас и вашем Крысе аль о том, чего я сварганил. И тады посмотрим, кто шшедрее – ваш барон или инператов префект из Амарильо!

– Могешь меня в зад уцаловать, – презрительно известил Веркта и вернулся к похлебке, – вместих с твоим префектом, твоим инператом и всем Нильфгаардом разом. Верь мне. И не надувайся. Знаю, что Нильфгаард уж неделю как за какой-то девой гонится, аж пыль на дорогах стоит. Знаю, что награда за нее назначена. Но мне это до говна, значит, верь мне. Я уж префекту и нильфам прислуживать не мыслю, и наплевать мне на них. Я теперича у барона Люца служу и, стал быть, ему одному подчиняюся, никому боле.

– Твой барон, – отхаркнулся Скомлик, – вместо тебя нильфгаардскую ручку поглаживает, нильфгаардские сапоги лижет. Тебе того не надо делать, вот ты и трепешься.

– Не хорохорься, – примиряюще сказал нисар. – Не супротив тебя говорил, верь мне. То, што девку, кою Нильфгаард ишшет, ты нашел, рад видеть. Хорошо, что и награду ты возьмешь, а не засратые нильфгаардцы. А то, што ты префекту служишь, дык никто себе господ не выбирает, это они выбирают нас. Нет, што ль? А ну, садись с нами, выпьем, коли встреча вышла.

– Ну, чего ж нет-та, – согласился Скомлик. – Токмо для початку дайте-ка кусок вожжей. Привяжу девку к столбу, рядом с вашим Крысом, лады?

Нисары грохнули.

– Глянь-ка, пугало пограничное! – захохотал толстяк с чубом. – Вооруженная силы Нильфгаарда. Повяжи ее, Скомлик, повяжи, чего уж. Токмо возьми железну цепь, потому как вожжи-та твой важный пленник запросто разорвет и морду тебе набьет, прежде чем сбежать. Выглядит грозно, аж мурашки по пузу.

Даже спутники Скомлика глухо рассмеялись. Ловчий покраснел, затянул пояс, подошел к столу.

– Я для верности, штоб не сбегла.

– Ну, ну, – прервал Веркта, разламывая хлеб. – Хошь поболтать, так садися, поставь всем, как положено. А свою девку, ежели хошь, подвесь за ноги к потолку. Мне энто без разницы, верь мне. Токмо жуть как смешно, Скомлик. Для тебя и для твоего префекта это, может, и важный пленник, а по мне – так замороженное и запуганное дите. Собираешься ее связывать? Она, верь мне, едва на ногах держится, где ей там сбежать-та. Чего боисси?

– Щас скажу чего. – Скомлик закусил губу. – Это нильфгаардское поселение. Нас тута хлеб-солью поселенцы не встречали, а для вашего Крыса, сказали, уже готов кол заостренный. И правы, потому как префект указ дал, чтоб пойманных разбойников на месте кончать. Ежели им пленника не выдадите, они и для вас колышки обстругают.

– Эва как, – бросил чубатый. – Чаек им пугать, дурням. Лучше пусть не лезут, не то кровушки им пустим.

– Крыса им не выдадим, – добавил Веркта. – Наш он и в Тыфффию поедет. А барон Люц уж все с префектом уладит. Э, что трепаться попусту. Садитесь.

Ловчие, повернув пояса с мечами, охотно присели к столу, покрикивая на корчмаря и согласно указывая на Скомлика как на плательщика.

Скомлик пинком придвинул табурет к столбу, схватил Цири за руку, дернул так, что она упала, ударившись плечом о колено связанного паренька.

– Сиди тут, – буркнул он. – И не шевелись, иначе изобью, суку.

– У, гнида, – проворчал паренек, глядя на него прищуренными глазами. – Ты, пес...

Большинство слов, которые слетели со злых, искривленных губ паренька, Цири не знала. Но по изменениям на лице Скомлика поняла, что это должны были быть слова невероятно мерзкие и обидные.

Ловчий побледнел от бешенства, замахнулся, ударил связанного по лицу, ухватил за длинные светлые волосы, рванул, стукнув парня затылком по столбу.

– Эй! – крикнул Веркта, поднимаясь из-за стола. – Чего ты?

– Клыки ему повыбиваю, Крысу паршивому! – рявкнул Скомлик. – Ноги из жопы вырву! Обе!

– Иди сюды и перестань хайло рвать. – Веркта сел, одним духом опрокинул кубок пива, отер усы. – Твоим пленным можешь вырывать чего ндравится, а от наших – стороной. А ты, Кайлей, не изображай больно-то уж смелого. Сиди тихо и починай мыслить о шафоте, который барон Люц уже велел поставить в городке. Спс тех штук, которы тебе на том шафоте сотворит палач, уже составлен, и, верь мне, долгий спс, на три локтя будет. Полгородка уж заклады поставило, до которого пункта ты выдержишь. Так што эконошь силенки-то, Крыс. Я и сам поставлю малость и рассчитываю – ты меня не разочаруешь и выдержишь хоша бы кастрирования.

Кайлей сплюнул, отвернув голову, насколько позволял стянутый на шее ремень. Скомлик затянул пояс потуже, зловещим взглядом окинул скорчившуюся на табурете Цири и присоединился к компании за столом, нещадно ругаясь, потому что в принесенном корчмарем кувшине остались лишь слабые следы пены.

– Как взяли Кайлея-та? – спросил он, дав знак корчмарю, что хочет расширить заказ. – К тому ж живым? Потому как не уверю, что остальных Крысов перебили.

– По правде-та, – ответил Веркта, критически рассматривая то, что только что извлек из носа, – повезло, и вся недолга. Сам-друг был. От шайки отлучился и в Нову Кузню к девке приперся на ночку. Солтысина знал, што мы недалече стоим, ну и кликнул. Пспели мы до свету, схватили его на сеновале, он и не пикнул.

– А с девкой евонной поиграли сообча, – захохотал толстяк с чубом. – Ежели ее Кайлей ночкой не удобрухал, так мы-то не обидели. Мы ее поутру так удобрухали, что потом-та она ни рукой, ни ногой двинуть не могла!

– Ну, говорю, лопухи вы и дурни, – громко и насмешливо известил Скомлик. – Протрахали добру деньгу, глупцы. Вместо того чтоб девку трахать, надоть было железо раскалить и Крыса выпытать, где банда ночует. Могли всех взять. Гиселера и Реефа... За Гиселера Варнхагены из Сарды двадцать флоренов давали уж в зашлом годе. А за ихнюю подружку, как там ее... Мистель навроде... За ее префект ишшо боле б дал опосля того, что она с евонным братаном учинила под Друи, когда Крысы обоз раскурочили.

– Ты, Скомлик, – поморщился Веркта, – то ль от рождения чокнутый, то ль тебе жизнь тяжкая разум из башки в уши выдула. Нас шестеро. Што, вшестером надо было на целу шайку вдарить иль как? А награда нас и без того не обойдет. Барон Люц в тюрьге Кайлею пятки

пригреет, времени не пожалеет, верь мне. Кайлей запоем, выдаст их скрытники и жилье, тогда силой и кучей пойдём, окружим банду, вытащим, как раков из сачка.

– Как же! Станут они ждать. Узнают, что Кайлея схватили, и затаятся в других скрытниках и камышовнике. Нет, Веркта, надеть тебе глянуть правде в глаза: испоганили вы дело. Обменяли награду на бабью манду. Такие уж вы, знаем мы вас... токмо манды у вас на уме-то.

– Сам ты манда! – Веркта выскочил из-за стола. – Ежели у тебя чешется, так топай сам за Крысами-та вместе с твоими героями! Токмо смотри, потому как на Крысов идтить, нильфгаардский подлиза, энто тебе не недорослую девку лапать!

Нисары и ловчие принялись орать и взаимно обзывать друг друга. Корчмарь быстренько подал пива, вырвав пустой кувшин из рук толстяка с чубом, уже замахнувшегося на Скомлика. Пиво быстро смягчило спор, охладило глотки и успокоило темпераменты.

– Есть давай! – крикнул толстяк корчмарю. – Яешню с колбасой, фасоли, хлеба и сыра!

– И пива!

– Ну, чего вытаращился, Скомлик? Мы нонче при деньге! Ослобонили Кайлея от коня, кошелька, безделушек, меча, седла и кожанка, все продали краснолюдям!

– Красные сапожки евонной девки тожить продали. И кораллы!

– Ну, стал быть, и верно есть на что выпить! Рад!

– И чегой-то ты такой-та уж радый? У нас есть, не у тебя... Ты за свою важну добычу токмо сопли из-под носа вытирать сможешь или вшей у нее выискивать! Каков поход, таков и доход, ха-ха!

– Ну собачье племя!

– Ха-ха! Садись, шутовал я.

– Выпьем за дружбу! Мы ставим!

– Эй, где яешня, корчмарь, чтоб тебя чума сожрала! Быстрей!

– И пиво давай!

Скорчившаяся на табуретке Цири подняла голову, наткнувшись на злые зеленые глаза Кайлея, сверкнувшие из-под взлохмаченной челки светлых волос. Ее прошила дрожь. Лицо Кайлея, хоть и симпатичное, было злым. Очень злым. Цири тут же поняла, что этот ненамного старше ее паренек способен на все.

– Никак тебя мне боги послали, – шепнул Кайлей, сверля ее зеленым взглядом. – Подумать только, я не верю в богов, а они прислали. Не оглядывайся, идиотка маленькая. Ты должна мне помочь... Слушай, зараза...

Цири съежилась еще больше, опустила голову.

– Слушай, – прошипел Кайлей, совсем по-крысиному сверкнув зубами. – Когда мимо нас будет проходить корчмарь, крикнешь... Да слушай же ты меня, черт возьми...

– Нет, – шепнула она. – Они меня избьют...

Губы Кайлея скривились, а Цири сразу же поняла, что избиение вовсе не самое худшее, что

может с ней случиться. Хотя Скомлик был большой, а Кайлей худой и вдобавок связанный, она инстинктивно чувствовала, кого надо бояться больше.

– Если поможешь мне, – шепнул Кайлей, – я помогу тебе. Я не один. Мои друзья в беде не оставляют... Поняла? Но когда мои друзья нагрянут, когда начнется, я не могу торчать у столба, потому что эти сволочи меня прикончат... Слушай, собачий хвост, что надо сделать...

Цири опустила голову еще ниже. Губы у нее дрожали.

Ловчие и нисары жрали яичницу, чавкая как свиньи. Корчмарь помешал в котле и принес на стол очередной кувшин пива и буханку пеклеванного хлеба.

– Я голодная! – послушно запищала Цири, немного побледнев. Корчмарь остановился, дружелюбно взглянул на нее, потом повернулся к пирующим.

– Можно ей дать, господа?

– Прочь! – невнятно рявкнул Скомлик, краснея и брызгая яичницей. – Прочь от нее, вертельщик засратый, не то я тебе ноги повыкручиваю! Нельзя! А ты сиди тихо, шалава, тихо...

– Эй-эй, Скомлик, чегой-то ты, одурел вконец или как? – бросил Веркта, с трудом проглатывая покрытый луком хлеб. – Гляньте, парни, жадюга, сам жрет за чужие деньги, а девке жалеет. Дай ей миску, хозяин. Я плачу, и я решаю, кому дать, кому нет. А ежели кому-то это не ндравится, может сразу получить по щетине.

Скомлик покраснел еще сильнее, но смолчал.

– Чтой-то мне ишшо вспомнилося, – добавил Веркта. – Надыть Крыса накормить, чтоб копыта в пути не откинул, не то барон с нас шкуру спустит, верь мне. Девка его покормит. Эй, хозяин! Навали жратвы какой для них! А ты, Скомлик, чево там бурчишь? Чево тебе не ндравится?

– Следить за ней надыть, – ловчий головой указал на Цири, – потому как энто кака-то странная пташка. Ежели б то была обнаковенная девка, Нильфгаард бы за ней не гонялси, префект награды бы не посулил.

– Обнаковенная – не обнаковенная, – хохотнул толстяк с чубом, – сразу видать будет, как ей промеж ног глянуть! Как вы на это, парни? Заберем на сеновал на минутку?

– И не вздумай трогать, – буркнул Скомлик. – Не позволю!

– Эва! Будем тебя спрашивать!

– Моя добыча и мое дело, чтоб ее целой довести! Префект из Амарильо...

– Наклали мы на твою префекта. За наши деньги пил, а нам потрахаться пожалел? Эй, Скомлик, не будь сквалыгой! И голова у тебя не упадет, и выгода тебя не обойдет! Целой довезешь. Девка – не рыбий пузырь, от тисканья не пукнет!

Нисары заржали. Спутник Скомлика поддержал их. Цири затряслась, побледнела, подняла голову. Кайлей усмехался.

– Поняла уже? – прошипел он, еле шевеля губами. – Как напьются, возьмутся за тебя. Изувечат. Мы едем в одной телеге. Говори, что я велю. Получится у меня – получится и у тебя.

– Еда готова! – крикнул корчмарь. У него не было нильфгаардского акцента. – Подойди, мазелька!

– Нож, – шепнула Цири, принимая у него миску. – Нож. Быстро.

– Ежели мало, получай еще! – неестественно воскликнул корчмарь, косясь в сторону пирующих и добавляя в миску каши. – Отойди, прошу тебя.

– Нож.

– Жаль мне тебя, дочка, но не могу. Пойми ты. Отойди...

– Из корчмы, – повторила она дрожащим голосом слова Кайлея, – никто не выйдет живым. Нож. Быстро. А когда начнется, беги...

– Держи миску, неряха! – крикнул корчмарь, поворачиваясь так, чтобы заслонить собой Цири. Он был бледен и дробно лязгал зубами. – Ближе к сковороде!

Она почувствовала холодное прикосновение кухонного ножа, который он сунул ей за пояс, заслонив ручку курточкой.

– Прекрасно, – прошипел Кайлей. – Сядь так, чтобы меня заслонить. Поставь миску мне на колени. В левую руку возьми ложку, в правую – нож. И пили вожжу. Не тут, дура. Под локтем, на столбе. Осторожнее, глядят.

Цири почувствовала, как пересохло горло. Наклонила голову чуть не к самой миске.

– Корми меня и ешь сама. – Зеленые глаза всматривались в нее из-под прищуренных век, гипнотизировали. – И пили, пили. Смелее, малек. Получится у меня – получится и у тебя...

«Верно, – подумала Цири, трудясь над веревкой. Нож вонял железом и луком, острие было неровным, видимо, много раз точили. – Он прав. Разве я знаю, куда меня везут эти подлецы? Разве я знаю, что надо от меня их нильфгаардскому префекту? Может, и меня ждет колесо, растяжки и клещи, раскаленное железо... Я не дам отвести себя как овцу на бойню. Уж лучше рискнуть...»

С грохотом вылетело окно, вместе с рамой и кинутым снаружи пнем для рубки поленьев, все свалилось на стол, чиня опустошение среди мисок и кувшинов. Вслед за пнем на стол прыгнула светловолосая коротко подстриженная девушка в красной курточке и высоких блестящих сапогах выше колен. Упав на колени, она тут же взмахнула мечом. Один из нисаров, самый медлительный, не успевший отскочить, рухнул на спину вместе с лавкой, исходя кровью из рассеченного горла. Девушка ловко спрыгнула со стола, уступив место влетевшему в окно пареньку в коротком вышитом полукожушке.

– Кры-ы-ысы! – рявкнул Веркта, возясь с мечом, запутавшимся в поясе.

Чубатый толстяк выхватил оружие, прыгнул к ползающей по полу девушке, замахнулся, но та, поднявшись на колени, ловко парировала удар, отползла, а парень в кожушке, прыгнувший вслед за ней, с размаху ткнул нисара в висок. Толстяк повалился на пол, мгновенно обмякнув, как вывернутый тюфяк.

Двери корчмы распахнулись под ударом ноги, в помещение ворвались двое Крыс. На первом, высоком и чернявом, был усеянный шишками кафтан, на лбу – пурпурная повязка. Этот двумя быстрыми ударами меча откинул двух ловчих в противоположные углы, схватился с Верктой.

Второй, коренастый и светловолосый, широким ударом располосовал Ремиза, шурина

Скомлика. Оставшиеся кинулись в бегство, направляясь к кухонным дверям. Но Крысы уже врывались и туда – из задней комнаты вдруг выскочила темноволосая девушка в сказочно красивой одежде. Быстрым тычком пропорола насквозь одного из ловчих, мельницей отогнала другого и тут же зарубила корчмаря, прежде чем тот успел крикнуть, кто он такой.

Помещение заполнил рев и звон мечей. Цири спряталась за столбом.

– Мистле! – Кайлей, разорвав надпиленную веревку, силится освободиться от ремня, все еще державшего ему шею у столба. – Гиселер! Рееф! Ко мне!

Однако Крысы были заняты дракой, крик Кайлея услышал только Скомлик. Ловчий развернулся и уже собрался пригвоздить Крысу к столбу, но Цири прореагировала мгновенно и автоматически – как во время драки с выверной в Горс Велене и на Танедде, – все выученные в Каэр Морхене движения проделались вдруг сами по себе, почти без ее участия. Она выскочила из-за столба, завертелась в пируэте, налетела на Скомлика и сильно ударила его бедром. Она была слишком мала и легка, чтобы откинуть огромного ловчего, но ей удалось нарушить ритм его движений и обратить на себя его внимание.

– Ах ты, дрянь поганая!

Скомлик замахнулся, меч взвыл в воздухе. Тело Цири снова само по себе проделало спасительный вольт, а ловчий чуть не перевернулся, полетев следом за набравшим инерцию клинком. Грязно ругаясь, он рубанул еще раз, вложив в удар всю свою силу. Цири ловко отскочила, уверенно опустившись на левую ногу, закружилась в обратном пируэте. Скомлик рубанул снова, но и на этот раз не смог ее достать.

Между ними вдруг свалился Веркта, поливая обоих кровью. Ловчий отступил, оглянулся. Его окружали одни трупы. И Крысы, надвигающиеся со всех сторон с направленными на него мечами.

– Стойте, – холодно сказал чернявый в пурпурной повязке, наконец освобождая Кайлея. – Похоже, он очень хочет зарубить девочку. Не знаю почему. Не знаю также, каким чудом ему это не удалось до сих пор. Но дадим ему шанс, коли он так сильно хочет.

– Дадим и ей, Гиселер, – сказал кряжистый. – Пусть это будет честный бой. Дай ей какое-нибудь железо, Искра.

Цири почувствовала в руке рукоять меча. Немного тяжеловатого.

Скомлик яростно засопел, кинулся на нее, размахивая оружием в мерцающей мельнице. Он был слишком медлителен – Цири уходила от ударов быстрыми финтами и полуоборотами, даже не пытаясь парировать сыпавшиеся на нее удары. Меч служил ей только противовесом, облегчавшим вольты.

– Черт-те что! – коротко рассмеялась стриженная. – Невероятно! Акробатка!

– Быстрая, – сказала разноцветная, которая дала ей меч. – Быстрая, как эльфка. Эй ты, толстый! Может, хочешь кого-нибудь из нас? С ней у тебя не получается.

Скомлик попятился, осмотрелся, вдруг неожиданно прыгнул, целясь в Цири уколom, вытянувшись словно цапля с выставленным клювом. Цири ушла от удара коротким финтом, закружилась. Несколько мгновений видела набухшую, пульсирующую жилу на шее Скомлика. Она знала: в той позиции, в которой он оказался, он не сумеет ни избежать удара, ни парировать. Знала, куда и как следует ударить.

Но не ударила.

– Достаточно. – Она почувствовала на плече руку. Девушка в яркой одежде оттолкнула ее, одновременно двое других Крыс – в полукожушке и коротко стриженная – зажали Скомлика в углу, держа его под мечами.

– Достаточно баловаться, – повторила цветастая, поворачивая Цири к себе. – Это немного затянулось. И по твоей вине, девочка. Можешь убить и не убиваешь. Что-то мне сдается, долго ты не проживешь.

Цири вздрогнула, глядя в огромные темные миндалевидные глаза, видя приоткрытые в улыбке зубы, такие мелкие, что улыбка выглядела противоестественной. Это были не человеческие глаза и не человеческие зубы. Яркая девушка была эльфкой.

– Пора уходить, – резко сказал Гиселер, тот, с пурпурной перевязкой на лбу, явно командир. – Это действительно слишком уж затянулось. Мистле, прикончи поганца.

Коротко стриженная приблизилась, подняла меч.

– Смилуйтесь! – взвизгнул Скомлик, падая на колени. – Даруйте жизнь! У меня дети малые... Малышки...

Девушка ударила резко, развернувшись в бедрах. Кровь брызнула на побеленную стену широким неправильным веером карминовых точек.

– Терпеть не могу малышей, – сказала стриженная, быстрым движением пальцев сгоняя кровь с лезвия.

– Не стой, Мистле, – поторопил ее парень с пурпурной повязкой. – По коням. Надо смываться! Поселение нильфгаардское, у нас здесь нет друзей!

Крысы мгновенно выбежали из корчмы. Цири не знала, что делать, но раздумывать было некогда. Мистле, коротко стриженная, подтолкнула ее к двери.

Перед корчмой, среди осколков кувшинов и обглоданных костей, лежали трупы нисаров, охранявших вход. Со стороны поселка бежали вооруженные копьями поселенцы, но при виде высыпавших на двор Крыс тут же скрылись между домишками.

– На коне сидишь? – крикнула Мистле Цири.

– Да...

– Ну так давай хватай любого – и вперед! За наши головы назначена награда, а это – нильфгаардское село. Тут уже хватаются за луки и рогатины! Галопом за Гиселером! Посередине улочки! Держись подальше от халуп!

Цири легко перепрыгнула через невысокую загородку, схватила поводья одного из коней ловчих, запрыгнула в седло,хватила коня по крупу плоской стороной меча, которого так и не выпустила из рук. Рванула в галоп, опережая Кайлея и многоцветную эльфку, которую называли Искрой. Помчалась за Крысами в сторону мельницы. Увидела, что из-за угла одной из хат выскакивает человек с арбалетом и целится в спину Гиселера.

– Руби его! – услышала сзади. – Руби его, дева!

Цири откинулась в седле, рывком поводьев и нажимом пятки заставив коня сменить направление, замахнулась мечом. Человек с арбалетом отвернулся, в последний момент она увидела его искаженное ужасом лицо. Поднятая для удара рука на мгновение задержалась, этого было достаточно, чтобы конь пронес ее мимо. Она услышала щелчок освобожденной тетивы, конь взвизгнул, дернул крупом и встал на дыбы. Цири прыгнула, вырывая ноги из

стремлян, ловко опустилась на полусогнутые. Подоспевшая Искра перевесилась с седла, резким взмахом рубанула арбалетчика по затылку. Арбалетчик упал на колени, перегнулся вперед и рухнул лицом в лужу, разбрызгивая грязь. Раненый конь ржал и топтался рядом, наконец помчался между халупами, сильно взбрыкивая.

– Идиотка! – крикнула эльфка, минуя Цири. – Чертова идиотка!

– Запрыгивай, – рявкнул Кайлей, подъезжая.

Цири подбежала, схватила протянутую руку. Хрустнул плечевой сустав, но она успела вскочить на коня, прижалась к спине светловолосого паренька. Запустили рысью, обгоняя Искру. Эльфка вернулась, чтобы перехватить еще одного арбалетчика, который бросил оружие и бежал к воротам овина. Искра без труда настигла его. Цири отвернулась. Услышала, как арбалетчик взвыл. Коротко, дико, словно зверь.

Их догнала Мистле, тянувшая за собой оседланного коня. Крикнула что-то. Цири не поняла слов, но сообразила сразу. Отпустила плечи Кайлея, на полном ходу спрыгнула на землю, подскочила к лошади, опасно приблизившись к постройкам. Мистле кинула ей поводья, обернулась и предостерегающе крикнула. Цири повернулась в самую пору, чтобы ловким полуоборотом уйти от предательского удара копьем, которым орудовал крепенький поселенец, выглянувший из хлева.

То, что случилось после, долгое время преследовало ее в снах. Она помнила все, каждое движение. Полуоборот, спасший от удара острием копья, дал ей идеальную позицию. Копейщик же, сильно наклонившийся вперед, не мог ни отскочить, ни заслониться древком, которое держал обеими руками. Цири ударила плашмя, вывернувшись в обратный пируэт. Какое-то мгновение видела раскрытый в крике рот на заросшем щетиной лице. Видела увеличенный лысиной лоб, светлый повыше линии, над которой шапка или капюшон защищали его от загара. А потом все, что она видела, заслонил фонтан крови.

Она все еще держала коня за поводья, конь испугался жуткого воя, дернулся, повалил ее на колени. Цири не выпустила поводьев. Раненый выл и хрипел, конвульсивно метался по соломе и навозу, а кровь выплескивалась из него, как из вебря. Цири чувствовала, как желудок подпирает горло.

Рядом осадил коня Искра. Схватив поводья кружащего на месте коня Цири, она дернула, поднимая на ноги все еще вцепившуюся в ремень девочку.

– В седло! И рысью!

Цири сдержала тошноту, вскочила в седло. На мече, который она не выпускала из рук, была кровь. Она с трудом сдержалась, чтобы не бросить оружие как можно дальше.

Из прохода между халупами вылетела Мистле, волоча за собой двух человек. Один ухитрился вырваться и сбежать, перепрыгнув через заборчик, второй, получив мечом, упал на колени, обеими руками схватившись за голову...

Цири с эльфкой погнала галопом, но тут же осадил коней, упершись в стремяна, потому что со стороны мельницы возвращался Гиселер с другими Крысами. За ними, подбадривая себя криками, мчалась толпа вооруженных поселенцев.

– За нами! – крикнул на скаку Гиселер. – За нами, Мистле! К речке!

Мистле, склонившись набок, перескакивая через низкие заборчики, натянула поводья и галопом пустилась за ними. Цири прижалась головой к гриве и припустила следом. Совсем рядом галопом пронеслась Искра. Ветер развеивал ее прекрасные темные волосы,

приоткрывая маленькое остренькое ушко, украшенное филигранной сережкой.

Человек, которого ранила Мистле, все еще ползал на коленях посреди дороги, раскачиваясь и обеими руками держась за окровавленную голову. Искра завернула коня, подлетела к нему, ударила мечом сверху изо всей силы. Раненый взвыл. Цири увидела, как отрубленные пальцы прыснули в сторону, словно щепки от разрубленного полена, и упали на землю толстыми белыми червями.

Она с величайшим трудом сдержала позывы тошноты.

Около дыры в частоколе их ожидали Мистле и Кайлей, остальные Крысы были уже далеко. Вся четверка пошла стремительным вытянутым галопом, перенеслась через речку, разбрызгивая воду, взметнувшуюся выше конских голов. Наклонившись и прижавшись щеками к гривам, они взобрались на песчаный откос, погнали через фиолетовый от люпинов луг. Искра, у которой был самый лучший конь, вырвалась вперед.

Влетели в лес, во влажную темь, между стволами буков. Догнали Гиселера и остальных, но задержались только на мгновение. Лес кончился, они вырвались на вересковое поле и снова пустили лошадей в галоп. Вскоре Цири и Кайлей начали отставать – лошади ловчих не могли выдержать темпа прекрасных, породистых коней Крыс. У Цири были дополнительные сложности – на крупном коне она едва касалась ногами стремян, а на ходу не могла подогнать стремennых ремней. Без стремян она умела ездить не хуже, чем с ними, но знала, что при такой скорости долго галопа не выдержит.

К счастью, через несколько минут Гиселер сдержал передних, позволив ей и Кайлею присоединиться. Цири перешла на рысь. Укоротить стремennые ремни она еще не могла, в ремешках не было дырочек. Тогда она, не снижая скорости, перекинула правую ногу над лукой и уселась по-дамски.

Мистле, увидев позу девочки, рассмеялась.

– Видишь, Гиселер? Она не только акробатка, но еще и вольтижерка! Эх, Кайлей, где ты выкопал эту чертовку?

Искра, придерживая свою прелестную каштанку, по-прежнему сухую и так и рвущуюся в галоп, подъехала ближе, напирая на коня Цири. Тот захрапел и попятился, задрал голову. Цири откинулась в седле, натянула поводья.

– Знаешь, почему ты еще жива, кретинка? – буркнула эльфка, отбрасывая волосы со лба. – Парень, которого ты по глупости своей пожалела, раньше времени нажал спусковой крючок и попал в коня, а не в тебя. Иначе б сейчас у тебя стрела сидела в спине аж по перья. Зачем тебе меч?

– Оставь ее, Искра, – сказала Мистле, ощупывая мокрую от пота шею своей лошади. – Гиселер, надо идти помедленней, иначе мы загоним лошадей! Ведь никто за нами не гонится.

– Мы должны как можно скорей перейти Вельду, – ответил Гиселер. – За рекой передохнем. Кайлей, как твоя лошадь?

– Выдержит. Это не скакун, в гонках не пройдет, но зверюга крепкая.

– Ну так вперед.

– Минутку, – сказала Искра. – А девчонка?

Гиселер оглянулся, поправил пурпурную повязку на лбу, задержал взгляд на Цири. Его лицо

сейчас немного напоминало Кайлея – такой же злой изгиб губ, такие же прищуренные глаза, острые, выпирающие скулы. Однако он был старше светловолосого. Синеватая тень на щеках свидетельствовала о том, что он уже регулярно бреется.

– И верно, – бросил он грубовато. – Что делать с тобой, девка?

Цири опустила голову.

– Она помогла мне, – проговорил Кайлей. – Если б не она, паршивый ловчий прищпандорил бы меня к столбу...

– В деревне, – добавила Мистле, – все видели, как она убежала с нами. Одного хлопнула, вряд ли он выжил. Это поселенцы из Нильфгаарда. Если девочка попадет к ним в лапы, они ее забудут. Мы не можем ее бросить.

Искра гневно фыркнула, но Гиселер махнул рукой.

– До Вельды, – решил он, – поедет с нами. А там видно будет. Сядь как следует, дева. Если отстанешь, мы оглядываться не станем. Поняла?

Цири поспешно кивнула.

– Давай, давай. Кто такая? Откуда? Как зовут? Почему ехала под охраной?

Цири наклонила голову. Пока они скакали, у нее было достаточно времени, чтобы придумать какую-нибудь историю, и она придумала несколько. Но атаман Крыс не походил на человека, который поверил бы хоть одной из них.

– Ну, – поторопил Гиселер. – Ты ехала с нами несколько часов. Останавливалась с нами, а я еще не слышал твоего голоса. Ты – немая, что ли?

Пламя костра рванулось вверх, рассыпая искры и заливая то, что осталось от пастушьего шалаша, волной золотого света. Будто послушный приказам Гиселера, огонь высветил лицо девочки словно бы для того, чтобы можно было легче прочесть на нем ложь и фальшь. «Ведь я не могу открыть им правды, – с отчаянием подумала Цири. – Это разбойники, убийцы. Если они узнают правду о нильфгаардцах, о том, что ловчие поймали меня ради награды, то и сами могут эту награду захотеть. Кроме того, правда слишком... неправдоподобна, чтобы в нее поверить».

– Мы вывезли тебя из поселка, – медленно продолжал главарь. – Взяли сюда, в одно из наших убежищ. Дали поесть. Ты сидишь за нашим костром. Так говори же, кто ты такая?

– Отстань от нее, – вдруг бросила Мистле. – Гляжу я на тебя и сразу вижу нисара, ловчего или одного из нильфгаардских сволочей. И чувствую себя как на допросе, привязанной к пыточной скамье палача в подвале!

– Мистле права, – проговорил светловолосый парень, носивший полукожушок. Цири вздрогнула, услышав его акцент. – Девочка явно не хочет говорить, кто она, и имеет на это право. Я, когда к вам присоединился, тоже был неразговорчив. Не хотел, чтобы вы узнали во мне одного из нильфгаардских... сволочей...

– Прекрати, Рееф! – махнул рукой Гиселер. – Ты – другое дело. А ты, Мистле, перебрала! Это никакой не допрос. Просто я хочу услышать, кто она такая и откуда. Как только узнаю, укажу ей дорогу домой, вот и все. А как это сделать, если я не знаю...

– Ты вообще ничего не знаешь, – отвела глаза Мистле. – Даже есть ли у нее дом. А я вот думаю – нету. Ловчие схватили ее на большаке, когда она была одна. Типичные повадки

трусов. Если велишь отправить ее куда глаза глядят, она в одиночку в горах не выживет. Разорвут ее волки или помрет с голоду.

– Что же с ней делать? – сказал юношеским басом коренастый, тыча палкой в горящие поленья. – Доставить поближе к какой-нибудь деревушке?

– Прекрасная мысль, Ассе, – усмехнулась Мистле. – Кметов не знаете? Им вечно недостает рабочих рук. Загонят девку скот пасти, предварительно сломав ей ногу, чтобы не сбежала. Ночами она будет ничьей, а стало быть, общей собственностью. Будет расплачиваться за жратву и крышу над головой, знаешь, какой монетой. А весной станет метаться в родильной горячке, рожая чьего-нибудь ребенка в грязном хлеве.

– Если у нее будет конь и меч, – медленно процедил Гиселер, все еще глядя на Цири, – то не хотелось бы мне оказаться на месте того, кто захочет переломить ей ногу или сотворить ублюдка. Видели, какую пляску она затеяла в корчме с ловчим, которого потом прикончила Мистле? Он по воздуху колотил, а она отплясывала как ни в чем не бывало... Да, по правде-то меня мало интересует ее имя, а вот где она выучилась таким штукам, хотелось бы знать...

– Штучки ее не спасут, – неожиданно проговорила Искра, точившая меч. – Она умеет только плясать. Чтобы выжить, надо уметь убивать, а этого она не сможет.

– Пожалуй, сможет, – вступился Кайлей. – Когда в деревне рубанула по шее того парня, кровь свистнула на полсажени...

– А сама чуть в обморок не грохнулась, – фыркнула эльфка.

– Она же еще ребенок, – вставила Мистле. – Я догадываюсь, кто она такая и где научилась своим фортелям. Мне доводилось встречать таких. Это танцорка или акробатка из какой-нибудь бродячей труппы.

– С каких пор, – поморщилась Искра, – нас стали интересовать танцорки и акробатки? Черт побери, скоро полночь, спать хочу. Давайте кончать пустую болтовню. Надо выспаться и отдохнуть, чтобы завтра к вечеру быть в Кузне. Надеюсь, вы еще не забыли, что тамошний солтыс выдал Кайлея нисарам, и теперь вся их зачуханная деревушка должна узнать, что такое красная ночь! А девочка? У нее есть конь и есть меч. Она их честно заработала. Дадим ей немного едова и денег. За то, что спасла Кайлея. И пусть едет, куда хочет, сама о себе позаботится...

– Хорошо, – сквозь зубы процедила Цири, вставая.

Наступила тишина, прерываемая только потрескиванием костра. Крысы с любопытством смотрели на нее.

– Хорошо, – повторила она, удивляясь, как по-чужому прозвучал ее голос. – Вы мне не нужны, я не просила... И вовсе не хочу оставаться с вами! Уеду сей же час...

– А ты, я гляжу, не немая, – угрюмо заметил Гиселер. – Умеешь говорить, да еще и нагло.

– Гляньте на ее глаза, – фыркнула Искра. – Гляньте, как она голову держит. Хищная птичка! Юная соколица!

– Собираешься уехать? – сказал Кайлей. – А куда, позволю спросить?

– Вам-то какое дело? – крикнула Цири, и глаза ее загорелись зеленым огнем. – Я вас спрашивала, куда вы едете? Меня это не интересует! И вы меня тоже не интересуете! Вы мне не нужны. Я сумею... Я справлюсь сама! Одна!

– Одна? – повторила Мистле, странно улыбаясь.

Цири умолкла, опустив голову. Крысы тоже молчали.

– Сейчас ночь, – наконец сказал Гиселер. – Ночью в одиночку не ездят, дева. Тот, кто ездит в одиночку, должен погибнуть. Там, около лошадей, валяются попона и шкуры. Выбери что-нибудь. Ночью в горах холодно. Что уставилась? Погаси свои зеленые фонарики! Приготовь лежанку и спи. Тебе надо отдохнуть.

Немного подумав, Цири послушалась, а когда вернулась, волоча за собой попону и одну из шкур, Крысы уже не сидели, а стояли полукругом у костра, и красные огоньки пламени играли в их глазах.

– Мы – Крысы Пограничья, – гордо проговорил Гиселер. – За версту чуем добычу. Нам не страшны ловушки. И нет на свете ничего, чего бы мы не разгрызли. Мы – Крысы. Подойди сюда, девочка.

Цири подошла.

– У тебя нет ничего, – сказал Гиселер, вручая ей украшенный серебром пояс. – Возьми хотя бы это.

– У тебя нет ничего и никого, – улыбнувшись, проговорила Мистле, накинула ей на плечи зеленый атласный кафтанчик и сунула в руки вышитую мережкой блузку.

– У тебя нет ничего, – буркнул Кайлей, и подарком от него был кинжальчик в ножнах, искрящихся дорогими камнями. – У тебя нет никого. Ты одинока.

– У тебя нет никого, – повторил за ним Ассе. Цири приняла дорогую перевязь.

– У тебя нет близких, – проговорил с нильфгаардским акцентом Рееф, вручая ей пару перчаток из мягчайшей кожи. – У тебя нет близких и...

– ...Ты всюду будешь чужой, – dokonчила с кажущимся безразличием Искра, быстро и довольно бесцеремонно надевая на голову Цири беретик с перьями фазана. – Всюду чужой и всегда другой. Как нам называть тебя, маленькая соколица?

Цири взглянула ей в глаза.

– Gvalch'ca.

Эльфка рассмеялась.

– Стоит тебе начать говорить, и ты говоришь на многих языках. Маленькая соколица! Хорошо, будешь носить имя Старшего Народа, имя, которое ты выбрала себе сама. Ты – Фалька.

Фалька.

Она не могла уснуть. Кони топали и храпели в темноте, ветер шумел в лапах елей. Небо искрилось звездами. Ярко светило Око, долго бывшее ее верным проводником по каменной пустыне. Оно указывает на запад. Но Цири не была уверена, что это правильное направление. Теперь она уже ни в чем не была уверена.

Она не могла уснуть, хотя впервые после долгих дней чувствовала себя в безопасности. Она не была одинока. Лежанку из ветвей она устроила себе в сторонке, подальше от Крыс, которые спали на согретом огнем глинобитном полу разрушенного шалаша. Она была далеко от них, но чувствовала их близость и присутствие. Она не была одинока.

Послышались тихие шаги.

– Не бойся...

Кайлей.

– Я не скажу им, – шепнул светловолосый юноша, опускаясь на колени и наклоняясь к ней, – что тебя ищет Нильфгаард. Не скажу о награде, которую за тебя пообещал префект из Амарильо. Там, в корчме, ты спасла мне жизнь. Я отблагодарю тебя. Приятным. Сейчас.

Он прилег рядом с ней. Медленно и осторожно. Цири пыталась вскочить, но Кайлей прижал ее к подстилке движением не грубым, но сильным и решительным. Мягко положил ей пальцы на губы. Это было ни к чему: Цири парализовал страх, а из перехваченного, болезненно сухого горла она не смогла бы извлечь ни звука, даже если б хотела. Но она не хотела. Тишина и мрак были лучше. Безопаснее. Привычнее. Они скрывали страх и стыд.

Она тихо охнула.

– Тише, маленькая, – шепнул Кайлей, осторожно расшнуровывая ей рубашку. Медленно, мягкими движениями спустил ей ткань с плеч, а низ рубашки подтянул выше бедер. – И не бойся. Увидишь, как это приятно.

Цири задрожала от прикосновения сухой, жесткой и шероховатой руки. Она лежала неподвижно, напряженная и оцепеневшая, переполненная обессиливающим страхом и отвращением, заливающими виски и щеки волнами жара. Кайлей завел ей левую руку под голову, прижал ее ближе к себе, стараясь отвести руку, которой она ухватилась за подол рубашки, тщетно пытаясь снова стянуть ее вниз. Ее начала бить дрожь.

В окружающей тьме она вдруг уловила движение, почувствовала толчок, услышала звук пинка.

– Ты спятила, Мистле? – буркнул Кайлей.

– Оставь ее, ты, свинья.

– Отвали. Иди спать.

– Оставь ее в покое, я сказала.

– А я беспокою, что ли? Она кричит или вырывается? Я только хочу приласкать ее перед сном. Не мешай.

– Выматывайся отсюда, или я тебя ткну.

Цири услышала скрип кинжала в металлических ножнах.

– Я не шучу, – проговорила Мистле, слабо вырисовывающаяся во мраке над ними. – Отправляйся к парням, да побыстрее!

Кайлей сел, выругался под нос, потом молча встал и быстро ушел.

Цири почувствовала, как по щекам покатились слезы. Быстро, все быстрее. Они, словно юркие червячки, вползали под волосы около ушей. Мистле легла рядом, заботливо укрыла шкурой. Но не поправила задранной рубашки. Оставила так, как было. Цири снова задрожала.

– Тише, Фалька. Все хорошо.

Мистле была теплой, от нее пахло смолой и дымом. Но прикосновение ее маленькой руки снова заставило Цири напрячься. У нее перехватило дыхание. Мистле прижалась к ней, прильнула, ее маленькая рука не останавливаясь поползла по телу, как теплая улиточка. Цири глухо застонала...

– Тише, соколица, – шепнула Мистле, осторожно подсовывая ей руку под голову. – Ты больше не будешь одна. Больше не будешь.

Назавтра Цири поднялась на заре. Осторожно выскользнула из-под шкуры, чтобы не разбудить Мистле, спящую с приоткрытым ртом, прикрыв предплечьем глаза. Руку покрывала гусиная кожа. Цири заботливо укутала девушку. После недолгого колебания наклонилась, нежно поцеловала ее в стриженные, торчащие щеткой волосы. Мистле замурлыкала сквозь сон. Цири отерла слезы со щеки.

Она уже не была одинока.

Остальные спали, кто-то звучно храпел, кто-то так же звучно пустил ветры. Искра лежала, откинув руку на грудь Гиселера, ее буйные волосы рассыпались в беспорядке. Кони фыркали и топтались, дятел короткими очередями ударов долбил ствол сосны.

Цири сбежала к речке. Мылась долго, подрагивая от холода. Резкими движениями трясущихся рук старалась смыть с себя то, что уже смыть было невозможно. По щекам текли слезы.

Фалька.

Вода пенилась и шумела на камнях, уплывала вдаль, в туман.

Все уплывало вдаль. В туман.

Все.

Они были отбросами общества, отребьем. Удивительным сборищем, порожденным войной, несчастьем и презрением. Война, несчастье и презрение объединили их и выкинули на берег, как вздыбившаяся в половодье река выбрасывает на плесы черные, отполированные водой и камнями куски дерева.

...Кайлей очнулся среди дыма, огня и крови в разрушенном замке, между трупами родственников и родителей. Бредя по усеянному убитыми двору, наткнулся на Реефа, солдата из корпуса карателей, которых император Эмгыр вар Эмрейс послал усмирять бунты в Эббинге. Рееф был одним из тех, кто захватил и разрушил замок после двух дней осады. Захватив замок, спутники бросили Реефа, хотя Рееф был еще жив. Но заботиться о раненых – не в обычаях бандюг из нильфгаардских подразделений.

Вначале Кайлей думал добить Реефа, но ему не хотелось бродить в одиночестве. А Реефу, как и Кайлею, было шестнадцать лет.

Они вместе зализывали раны. Вместе прикончили и ограбили сборщика податей, вместе упились пивом в корчме, а потом, проезжая на трофейных конях через деревню, разбрасывали вокруг остатки награбленных денег, хохоча при этом до колик.

Вместе бежали от гоняющихся за ними нисаров и нильфгаардских патрулей.

Гиселер дезертировал из армии. Вероятнее всего, это была армия князя из Гесо, вступившего в союз с повстанцами из Эббинга. При этом Гиселер, надо думать, не очень-то понимал, куда затащили его вербовщики. Был он тогда пьян в стельку. Протрезвев и получив во время муштры выволочку от сержанта, он сбежал. Вначале блуждал в одиночку, но когда

нильфгаардцы разгромили повстанческую конфедерацию, в лесах стало тесно от дезертиров и беглецов. Беглецы быстро объединились в банды. Гиселер пристал к одной из них.

Банда обирала и палила деревни, нападала на обозы и транспорты, растворялась и таяла, сбегающая от эскадронов нильфгаардской кавалерии. Однажды банда Гиселера наткнулась в дебрях на Лесных Эльфов и погибла от летящих со всех сторон стрел, шипящих серыми перьями. Стрела насквозь пробила плечо Гиселера, пригвоздив его к дереву. Ту эльфку, которая под утро вытянула стрелу и перевязала ему рану, звали Аэниеведдиен.

Гиселер так и не узнал, почему эльфы осудили Аэниеведдиен на изгнание, за какие провинности послали на смерть – ведь для свободной эльфки одиночество в узкой полосе ничьей земли, отделяющей Свободный Старший Народ от людей, было смертным приговором. Одиноким эльфке предстояло погибнуть. Если она не найдет спутника.

Аэниеведдиен нашла спутника. Ее имя, в вольном переводе означающее «Дитя огня», для Гиселера было слишком трудным и чересчур поэтичным. Он назвал ее Искрой.

Мистле была родом из богатой дворянской семьи из города Турн в Северном Мехте. Отец, вассал Рудигера, присоединился к повстанческой армии, проиграл бой и пропал без вести. Когда население Турна, узнав о приближающейся карательной экспедиции широкоизвестных «миротворцев из Геммеры», бежало из города, семья Мистле последовала за всеми, а сама Мистле затерялась в охваченной паникой толпе. Прекрасно одетая, изящная дворяночка, которую с юных лет носили в ленте, не поспевала за беженцами. После трех суток блуждания в одиночестве она попала в руки следовавших за нильфгаардцами ловчих. Девушки моложе семнадцати были в цене. Нетронутые. Ловчие не тронули Мистле, предварительно проверив, не тронута ли она. После проверки Мистле прорыдала всю ночь.

В долине реки Вельды обоз ловчих был разгромлен и вырезан под корень бандой нильфгаардских мародеров. Прикончили всех ловчих и невольников мужского пола. Пощадили только девушек. Девушки не знали, почему их пощадили. Неведение длилось недолго.

Мистле была единственной, кто выжил. Из рва, в котором она оказалась, ее, голую, покрытую синяками, нечистотами, грязью и засохшей кровью, вытащил Ассе, сын сельского кузнеца, гонящийся за нильфгаардцами трое суток, озверевший от жажды отомстить за то, что мародеры сделали с его отцом, матерью и сестрами и что ему довелось видеть, укрывшись в конопле.

Однажды все они встретились на празднике Ламмас, Празднике Жатвы, в одной из деревенок в Гесо. Война и нужда в то время еще почти не коснулась земель над Верхней Вельдой – кметы веселыми играми и плясками традиционно отмечали начало Месяца Серпа.

Мистле, Гиселеру, Искре, Реефу, Ассе и Кайлею не пришлось долго искать друг друга. Слишком многое их выделяло в толпе. Слишком много общего было у них за плечами. Объединяла их любовь к крикливой, цветастой, причудливой одежде, краденым безделушкам, роскошным лошадям, мечам, которых они не снимали даже на время пляски. Их выделяли дерзость и кичливость, самоуверенность, задиристость и грубость.

Презрение и пренебрежение.

Они были детьми Часа Презрения. И только презрение чувствовали к остальным. Признавали только силу. Ловкость во владении оружием, которую они быстро приобрели на дорогах. Решимость. Признавали быстрого коня и острый меч.

И друзей. Товарищей. Дружков. Потому что одинокий должен погибнуть – от голода, от меча, от стрелы, от кметской дубины, от веревки и пожара. Одинокий гибнет – зарезанный,

забитый, оскверненный, изнасилованный, словно игрушка перебрасываемый из рук в руки.

Они встретились на Празднике Жатвы. Угрюмый, почерневший, тощий Гиселер. Худой, длинноволосый Кайлей со злыми глазами и губами, сложенными в мерзкую ухмылочку. Рееф, все еще говоривший с нильфгаардским акцентом. Высокая длинноногая Мистле с остриженными, торчащими щеткой соломенными волосами. Глазастая и яркая Искра, гибкая и воздушная в танце, быстрая и убийственная в схватке, с тонкими губами и мелкими эльфьими зубками. Плечистый Ассе со светлым, курчавящимся пушком на подбородке.

Атаманом стал Гиселер. А называли они себя Крысами. Кто-то когда-то так их нарек. Им это понравилось.

Они грабили и убивали, а их жестокость стала притчей во языцех.

Вначале нильфгаардские префекты недооценивали их. Были уверены, что по примеру других банд они вскоре станут жертвами концентрированных действий разъяренного крестьянства, вырежут и перебьют себя сами, когда страсть к награбленному возьмет верх над бандитской солидарностью. Что касается других банд – префекты были правы, но их ждала осечка, когда речь заходила о Крысах. Потому что Крысы, дети Часа Презрения, презирали добычу. Они нападали, грабили и убивали ради развлечения, а отбитых у войсковых транспортов лошадей, скот, зерно, фураж, соль, деготь и сукно раздавали по деревням. Горстями золота и серебра расплачивались с портными и ремесленниками за то, что любили сверх меры: оружие, броскую одежду и украшения. Одариваемые ими кормили их, поили, принимали и укрывали и, даже истязаемые до крови нильфгаардцами и нисарами, не выдавали Крысиных нор и троп.

Префекты назначали высокие награды – и вначале сыскались были такие, кто польстился на нильфгаардское золото. Но по ночам халупы доносчиков охватывало пламя, а убегающие от пожара умирали от клинков призрачных наездников, кружащих среди дыма. Крысы нападали по-крысиному. Тихо, предательски, жестоко. Крысы обожали убивать.

Префекты ухватились за испытанные в борьбе с другими бандами способы – пытались заслать к Крысам предателей. Не получилось. Крысы не принимали никого. Плотная, сдружившаяся шестерка, порожденная Часом Презрения, не желала чужаков, презирала их.

Так было до того дня, пока не явилась ловкая, как акробатка, пепельноволосая неразговорчивая девочка, о которой Крысы не знали ничего, кроме одного: она была такой же, какими некогда были они, каким был каждый из них. Одинокая и переполненная обидой за все, что отнял у нее Час Презрения.

А в Час Презрения одинокий должен погибнуть.

Гиселер, Кайлей, Рееф, Искра, Мистле, Ассе и Фалька.

Префект из Амарильо невероятно удивился, когда ему донесли, что Крысы разбойничают всемером.

– Семеро? – удивился префект из Амарильо, недоверчиво глядя на солдата. – Говоришь, их было семеро, не шестеро? Ты уверен?

– Чтоб я так жил! – невнятно ответил единственный уцелевший после резни солдат.

Пожелание было вполне уместным – голова и половина лица солдата были перебинтованы грязными, набухшими кровью тряпками. Префект, которому довелось побывать не в одном бою, знал, что солдат получил мечом сверху, самым концом клинка, ударом слева, метким, точным, требующим опыта и скорости, направленным в правое ухо и щеку – в места, не

защищенные ни шишаком, ни железным воротником.

– Рассказывай.

– Шли мы берегом Вельды в сторону Турна, – начал солдат. – Конвоировали один из транспортов господина Эвертсена, идущий на юг. На нас налетели у разведенного моста, когда мы через реку переправлялись. Одна телега завязла, тады мы выпрягли коней с другой, чтобы ее вытащить. Часть конвою поехала дале, я приостался с пятерьми и с коморником. И тут нас обскочили. Коморник, прежде чем его забили, успел крикнуть, мол, это Крысы, а потом уж они сели нашим на шею... И вырезали всех до одного. Кады я это увидел...

– Когда ты это увидел, – поморщился префект, – ты всадил коню шпоры в бок, но поздно...

– Она налетела на меня, – опустил голову солдат, – как раз та седьмая, которую я сызначала не приметил. Девчонка. Почти ребенок. Я думал, ее Крысы оставили сзади, потому как молодая и неопытная.

Из тени высунулся гость префекта.

– Девочка? – спросил он. – Как выглядела?

– Как все они. Разукрашенная словно эльфка, пестрая как попугай, выраженная в безделушки, бархат и парчу, в шапочке с перьями...

– Светловолосая?

– Кажись, так, господин. Кады я ее увидал, налетел конем, думал, хочь ее одну усеку за товарищев, кровью за кровь отплачу... Зашел справа, чтобы ловчей ударить... Как она это сделала, не знаю. Но я промахнулся. Словно по призраку бил... Не знаю, как эта дьяволица сделала... Хочь я прикрылся, она меня оттедова достала. Прямо по морде... Господин, я под Содденом был, под Альдерсбергом был. А теперича от девки выпендренной памятка мне на морде на всю жизнь.

– Радуйся, что жив остался, – буркнул префект, глядя на своего гостя. – И радуйся, что тебя посеченного на переправе нашли. Теперь будешь в героях ходить. Если б без борьбы сбежал, если б без памятки на морде докладывал мне о потере груза и лошадей, то сейчас бы уже пяткой о пятаку на виселице колотил! Ну, марш отсюда! В лазарет.

Солдат вышел. Префект повернулся к гостю:

– Сами видите, благородный господин коронер, нелегкая тут служба, нет покоя, полны руки работы. Вы там, в столице, думаете, что в провинциях баклуши бьют, пиво дрызгают, девок портят и взятки берут. О том, чтобы людей или денег прислать побольше, никто не заботится, только приказы шлют: дай, сделай, найди, всех на ноги поставь, от зари до зари летай... А тут башка раскалывается от собственных забот... Таких банд, как Крысы, у нас шастает пять или шесть. Правда, Крысы самые страшные, не проходит и дня...

– Достаточно, достаточно, – надул губы Скеллен. – Знаю, чего вы ноете, господин префект. Только напрасно. От данных приказов никто вас не освободит, не рассчитывайте. Крысы не Крысы, банды не банды, а продолжать поиски должны. Всеми доступными средствами, до отмены приказа. Так приказал император.

– Три недели ищем, – поморщился префект. – Кстати, не очень-то ведая, кого или чего ищем – призрака, духа или иглу в стоге сена. А результат? Только у меня одного несколько человек пропали без вести, не иначе как бунтовщиками или бригадами скоя'таэлей убиты. Говорю вам еще раз, господин коронер, если мы до сей поры не нашли этой вашей девчонки, то и не найдем. Если даже такая тут была, в чем я сомневаюсь. Разве что...

Префект осекся, задумался, глядя на коронера исподлобья.

– Эта девка... Седьмая, которая с Крысами ездит...

Филин пренебрежительно махнул рукой, стараясь, чтобы его жест и выражение лица выглядели убедительно.

– Нет, господин префект. Не ищите слишком легких решений. Расфранченная полуэльфка или другая бандитка в парче наверняка не та девушка, которая нам нужна. Наверняка. Продолжайте поиски. Это приказ.

Префект насупился, глянул в окно.

– А с той бандой, – добавил внешне безразлично коронер императора Эмгыра Стефан Скллен по прозвищу Филин, – с этими Крысами, или как там их... Наведите порядок, господин префект. В провинции должен установиться порядок. Беритесь за работу. Выловить и повесить без церемоний. Всех.

– Легко сказать, – буркнул префект. – Но сделаю, что в моих силах, заверьте императора. И все же, я думаю, ту, седьмую девчонку у Крыс следовало бы для верности взять живой...

– Нет, – перебил Филин, следя за тем, чтобы голос не дрогнул. – Никаких исключений, повесить всех. Всю семерку. Мы не желаем больше о них слышать. Не желаем слышать о них больше ни слова.

Крещение огнем

Глава первая

Крещенье огнем —

в громе, в полях сражений

вспомни об нем.

Не было завершенья —

войны вершились пламенем,

шли племена —

на битвы.

Больно по мне бил

голос набата,

страшная правда преданий,

отсвет огня рыжего.

Но вы – не предали,

братья мои по оружию... [4]

Dire Straits

...И сказала гадалка ведьмаку: «Вот тебе мой ответ – обуь ботинки с подошвами железными, возьми в руку посох железный. Иди в тех железных ботинках на край света, а дорогу перед собой посохом ощупывай, слезой окропляй. Иди сквозь огонь и воду, не останавливаясь, не оглядываясь. А когда сотрутся подошвы железные, изотрется посох железный, когда от ветра и жары иссохнут очи твои так, что боле ни одна слеза из них истечь не сможет, тогда на краю света найдешь то, что ищешь и что любишь. Может быть».

И пошел ведьмак сквозь огонь и воду и не оглядывался. Но не взял ни башмаков железных, ни посоха. А взял только свой меч ведьмачий. Не послушался он слов гадалки. И хорошо сделал, ибо была это плохая гадалка. Флоуренс ДеланнойСказки и предания

В кустах дебоширили птицы.

Склон балки покрывала плотная, густая масса ежевики и барбариса – идеальное место для гнездовья и кормежки, поэтому неудивительно, что тут прямо-таки кишмя кишела птица. Самозабвенно расточали трели зеленушки, щебетали чечетки и славки-завирушки, то и дело раздавалось звучное «теньк-теньк» зяблика. «Зяблик тенькает к дождю», – подумала Мильва, невольно взглянув на небо. Туч не было. Но зяблики всегда тенькают к дождю. А немного бы дождя не помешало.

Место напротив устья котловинки было прекрасной позицией, обещавшей удачную охоту, особенно здесь, в Брокилоне, пристанище всякой живности. Владеющие обширным лесным

районом дриады охотились очень редко, а человек отваживался заходить сюда и того реже. Жаждающий мяса и шкур ловчий сам становился объектом ловли. Брокилонские дриады были безжалостны к пришельцам. Мильва имела случай убедиться в этом на собственной шкуре.

Чего-чего, а уж зверья в Брокилоне было предостаточно. Однако Мильва сидела в засаде уже больше двух часов, а на расстоянии выстрела еще никто не появлялся. Охотиться на ходу она не могла – стоявшая месяцами сушь выстлала почву хворостом и листьями, хрустевшими при каждом шаге. Сейчас только неподвижность в засаде могла завершиться успехом и принести добычу.

На лук присела бабочка адмирал. Мильва не стала ее пугать. Наблюдая за тем, как бабочка складывает и раскрывает крылышки, она одновременно смотрела на лук, новое приобретение, которому все еще не могла нарадоваться. Она была, как говорится, лучницей от Бога, обожала хорошее оружие. А то, которое сейчас держала в руке, было лучшим из лучших.

За свою жизнь Мильва сменила множество луков. Она училась стрелять из обыкновенных ясеневых и тисовых, но быстро отказалась от них в пользу чутко реагирующих на малейшее движение руки ламинированных, которыми пользуются дриады и эльфы. Эльфы луки были короче, легче и удобнее, а благодаря комбинации дерева и сухожилий животных гораздо «скоростнее», чем тисовые, – выпущенная из них стрела достигала цели быстрее и летела по более пологой траектории, что значительно уменьшало возможность сноса ветром. Самые лучшие экземпляры такого оружия с четверным изгибом носили у эльфов название zefhar, потому что изогнутые плечи и грифы лука напоминали именно такой рунический знак. Мильва пользовалась зефарами уже несколько лет и считала, что вряд ли найдется лук, который бы превосходил их.

Но наконец напала и на такой. Было это, конечно, в Цидарисе, на Морском базаре, славившемся богатым выбором удивительных и редких товаров, которые моряки привозили из самых дальних уголков мира, отовсюду, куда только добирались их когти и галеоны. Мильва всякий раз, как только выпадала возможность, посещала базар и осматривала заморские луки. Именно там она приобрела лук, который, как она решила, послужит ей долгие годы, изготовленный в Зеррикании зефар, усиленный шлифованным рогом антилопы. Этот лук она считала идеальным. Целый год. Потому что год спустя, на том же самом лотке, у того же самого купца увидела другое чудо.

Лук пришел с дальнего севера. Прекрасно сбалансированное оружие шестидесяти двух дюймов в размахе, плоские ламинированные плечи, склеенные из перемежающихся слоев благородной древесины, вываренных жил и китового уса. От лежавших рядом экземпляров его отличала не только конструкция, но и цена – и цена-то и обратила на себя внимание Мильвы. Однако стоило ей взять лук в руки и испробовать, как она, не колеблясь и не торгуясь, заплатила все, что требовал купец. Четыреста новиградских крон. Конечно, такой сногшибательной суммы при ней не было. Она тут же продала свой зерриканийский зефар, связку собольих шкурок и чудесной работы эльфийский медальончик – коралловую камню, обрамленную речными жемчугами.

Но не сожалела. Никогда. Лук был невероятно легкий и идеально меткий. Хоть и не очень размашистый, он таил в своих композитных плечах сильный удар. Снабженный прикрепленной к очень точно изогнутым грифам шелково-конопляной тетивой, он при двадцатичетырехдюймовом натяжении давал шестьдесят пять фунтов силы. Правда, существовали луки, дававшие даже восемьдесят, но Мильва считала это перебором. Выпущенная из ее «китовой» шестидесятипяти стрела преодолевала расстояние в двести футов за время между двумя ударами сердца, а на ста шагах сохраняла силу, вполне достаточную, чтобы запросто уложить оленя. Человека же, если он был без лат, прошивала насквозь. На зверя крупнее оленя и на тяжеловооруженных людей Мильва охотилась редко.

Бабочка улетела. Зяблики по-прежнему шебуршились в кустах. И по-прежнему ничто не выходило на выстрел. Мильва оперлась бедром о ствол сосны и принялась вспоминать. Так просто, чтобы убить время.

Впервые она встретилась с ведьмаком в июле, через две недели после событий на острове Танедд и начала войны в Доле Ангре. Мильва возвращалась в Брокилон после почти двадцатидневного отсутствия. Она привела остатки команды ская'тазлей, разгромленной в Темерии, когда «белки» пытались пройти на территорию охваченного войной Аэдирна. Команда думала присоединиться к восстанию, поднятому эльфами в Доль Блатанна. Им не повезло. Если б не Мильва, с ними было бы покончено. Но они нашли Мильву и убежище в Брокилоне.

Сразу по приезде она узнала, что в Коль Серрае ее срочно ждет Аглайиса. Мильва немного удивилась. Аглайиса стояла во главе брокилонских целительниц, а глубокая, богатая горячими источниками и пещерами котловина Коль Серрая была местом лечебниц.

Однако она откликнулась на вызов, думала, речь идет о каком-нибудь лечащемся эльфе, который хочет с ее помощью связаться со своей командой. Увидев же раненого ведьмака и узнав, в чем дело, прямо-таки взбеленилась. Выскочила из грота с развевающимися волосами и все возмущение выместила на Аглайисе.

– Он меня видел! Видел мое лицо! Ты понимаешь, чем мне это грозит?

– Нет, не понимаю, – холодно ответила целительница. – Это Gwynbleidd, ведьмак. Друг Брокилона. Он здесь с новолуния. Уже четырнадцать дней. И пройдет еще какое-то время, прежде чем он сможет встать и нормально ходить. Ему нужны вести из мира, вести о его близких. Доставить их можешь только ты.

– Вести из мира? Да ты в своем уме, духобаба?! Ты хоть знаешь, что творится сейчас на свете за границами твоего спокойного леса? В Аэдирне – война! В Бругге, в Темерии и в Редании неразбериха, великая ловитва! За теми, кто поднял восстание на Танедде, гонятся повсюду. Кругом полным-полно шпионов и ан'гиваров. Хватит одного слова, достаточно губы скривить где не надо, и уже палач в яме тебя каленым железом пришпарит. И что, мне идти на разведку, пытать, известия собирать? Шею подставлять? И ради кого? Ради какого-то паршивого ведьмака? Он мне что, брат, сват? Нет, ты точно разума лишилась, Аглайиса!

– Ежели ты намерена и дальше орать, – спокойно прервала дриада, – то идем поглубже в лес. Ему нужен покой.

Мильва невольно оглянулась на выход из грота, в котором только что видела раненого. «Хорош парень, – невольно подумала она. – Правда, худ, кожа да кости... Башка белая, но живот плоский, словно у парнишки, – видать, труд ему друг, а не солонина с пивом...»

– Он был на Танедде, – отметила, не спросила она. – Бунтовщик.

– Не знаю, – пожала плечами Аглайиса. – Раненый. Нуждается в помощи. До остального мне дела нет.

Мильва отмахнулась. Целительница славилась нелюбовью к болтовне. Но Мильва успела наслушаться сообщений дриад с восточных границ Брокилона, знала уже все о событиях двухнедельной давности. О рыжеволосой чародейке, явившейся одновременно с магической вспышкой в Брокилон, о калеке со сломанными рукой и ногой, которого она притащила в лес и который оказался ведьмаком, Гвинблейддом, Белым Волком, как его называли дриады.

Вначале, рассказывали дриады, неизвестно было, что делать. Заляпанный кровью ведьмак то кричал, то терял сознание. Аглайиса делала ему временные перевязки, чародейка

ругалась. И плакала. В последнее Мильва совершенно не верила – кто-нибудь хоть раз видел плачущую чародейку? А потом пришел приказ из Дуен Канелль, от Среброглазой Эитнэ, владычицы Брокилона. Чародейку отпустить. Ведьмака лечить.

И его лечили. Мильва видела. Он лежал в гроте, в лохани, полной воды из волшебных брокилонских источников, его укрепленные в шинах и на вытяжках конечности были опутаны плотным покровом из лечебных выюнов конинхаэли и побегов пурпурного окопника. Волосы белые, ровно молоко. Он был в сознании, хотя те, кого лечили конинхаэлью, обычно чуть ли не трупом валяются, бредят, их устами говорит магия...

– Ну? – Невыразительный голос целительницы вырвал ее из задумчивости. – Так как? Что ему сказать?

– Чтобы шел ко всем чертям, – проворчала Мильва, поправляя оттянутый кошельем и охотничьим ножом пояс. – И ты туда же, Аглайиса.

– Твоя воля. Я не принуждаю.

– Верно. И не принудишь.

Она не оглядываясь пошла в лес меж редких сосен. Она была зла.

О ночных событиях на острове Танедд в первое июльское новолуние Мильва знала из бесконечных разговоров скоя'таэлей.

Во время Большого Сбора чародеев на острове вспыхнул мятеж, пролилась кровь, полетели головы. Армия Нильфгаарда как по сигналу ударила на Аэдирн и Лирию, началась война. А в Темерии, Редании и Каздвене все сосредоточилось на «белках». Во-первых, потому что, кажется, взбунтовавшимся чародеям на Танедде пришла на помощь команда скоя'таэлей. Во-вторых, потому что вроде бы какой-то то ли эльф, то ли полуэльф кинжалом прикончил Визимира, реданского короля. Повсюду бурлило, словно в котле. Кровь эльфов текла рекой...

«Да, – подумала Мильва, – может, и верно болтают жрецы, мол, конец света и Судный день уж рядом. Мир в огне, человек не только эльфу волк, но и человеку, брат на брата с ножом идет... А ведьмак лезет в политику и пристаёт к бунтовщикам. Ведьмак, который только для того существует, чтоб по миру болтаться и вредящих людям монстров кончать. Сколь существует мир, ведьмаки никогда не давали себя втянуть ни в политику, ни в войны. Недаром же сказывают сказку о глупом короле, который хотел ситом воду носить, зайца гонцом сделать, а ведьмака воеводой посадить. А тут, нате вам, ведьмак в мятеже супротив короля пострадал, в Брокилоне от кары хорониться вынужден. Нет, и впрямь конец света пришел. Точно!»

– Здравствуй, Мария.

Мильва вздрогнула. У стоящей при сосне дриады глаза и волосы были цвета серебра. Заходящее солнце окружало ее голову кроваво-красным ореолом на фоне пестрой стены леса. Мильва опустилась на одно колено, низко склонила голову.

– Здравствуй, госпожа Эитнэ.

Владычица Брокилона засунула за лыковый поясок золотой ножик в форме серпа.

– Встань. Пройдемся. Хочу с тобой поговорить.

Они долго шли по заполненному тенями лесу, маленькая среброволосая дриада и высокая девушка с льняными волосами. Ни та, ни другая не прерывали молчания.

- Давно ты не заглядывала в Дуен Канелль, Мария, – сказала наконец дриада.
- Времени не было, госпожа Эитнэ. До Дуен Канелль от Ленточки долгая дорога, а я... Ты же знаешь.
- Знаю. Устала?
- Эльфам нужна помощь. Ведь я помогаю им по твоему приказу.
- По моей просьбе.
- Во-во. По просьбе.
- Есть у меня еще одна.
- Так я и думала. Ведьмак небось?
- Помоги ему.

Мильва остановилась, отвернулась, резким движением отломила зацепившуюся за платье веточку жимолости, повертела в пальцах, кинула на землю.

– Уже полгода, – сказала она тихо, глядя в серебристые глаза дриады, – я рискую головой, провожу в Брокилон эльфов из разгромленных команд. А как токо передохнут, раны подлечат, вывожу обратно... Мало тебе? Недостаточно я сделала? Каждое новолуние темной ночью на тракт отправляюсь... Солнца уже боюсь, ровно летучая мышь или сова какая...

– Никто не знает лесных тропок лучше тебя.

– В дебрях мне не узнать ничего. Ведьмак вроде бы хочет, чтобы я вести собирала, к людям пошла. Это бунтовщик, на его имя у ан'гиваров уши наставлены. Мне самой никак невозможно в городах показываться. А вдруг кто распознает? Память о том еще жива, не засохла еще та кровь... А много было тогда крови, госпожа Эитнэ, ох много.

– Немало. – Серебристые глаза пожилой дриады были чужими, холодными, непроницаемыми. – Немало, правда твоя.

– Если меня узнают, на кол натянут.

– Ты осмотрительна... Ты осторожна и внимательна.

– Чтобы добыть сведения, о которых просит ведьмак, надо забыть об осторожности. Надо расспрашивать. А сейчас любопытствовать опасно. Если меня схватят...

– У тебя есть контакты.

– Умучают. Заистязают. Либо сгоят в Дракенборге...

– Ты – мой должник.

Мильва отвернулась, закусила губу.

– Да, должник, – сказала она горько. – Не забыть.

Она прикрыла глаза, лицо вдруг сморщилось, губы дрогнули, зубы стиснулись сильнее. Под веками призрачным, лунным светом той ночи бледно забрезжило воспоминание. Неожиданно вернулась боль в щиколотке, схваченной ременной петлей, боль в выворачиваемых суставах. В ушах загудели листья резко распрямляющегося дерева... Крик, стон, дикое, сумасшедшее

метание и жуткое чувство охватившего ее страха, когда она поняла, что ей не освободиться... Крик и страх, скрип веревки, раскачивающиеся тени, неестественная, перевернутая земля, перевернутое небо, деревья с перевернутыми кронами, боль, бьющаяся в висках кровь... А на рассвете – дриады, вокруг, веночком... Далекий серебристый смех... Куколка на веревочке! Дергайся, дергайся, куколка, головкой книзу... И ее собственный, но чужой визгливый крик. А потом тьма.

– Да, должник. Конечно, – повторила она сквозь стиснутые зубы. – Да, конечно, я же висяк, снятый с веревки. Похоже, пока я жива, мне с этим долгом не расплатиться.

– У каждого свой долг, – сказала Эитнэ. – Такова жизнь, Мария Барринг. Долги и кредиты, обязательства, благодарности, расплаты. Что-то кому-то должен сделать. А может, себе самой? Ведь если по правде, то каждый всегда расплачивается с самим собой, а не с кем-то. Любой долг мы выплачиваем самим себе. В каждом из нас сидит кредитор и должник одновременно. Главное – уравновесить этот счет. Мы приходим в мир как частица данной нам жизни, а потом все время только и знаем, что расплачиваемся за это. С самим собою. Для того, чтобы в конце концов сошелся баланс.

– Тебе дорог этот человек, госпожа Эитнэ? Этот... ведьмак?

– Дорог. Хоть он и сам этого не знает. Возвращайся в Коль Серрай, Мария Барринг. Иди к нему. И сделай то, о чем я прошу.

В котловинке хрустнул хворост, скрипнула ветка. Громко и зло прозвучал крик сороки, взлетели зяблики, мелькнув белыми правильными перышками. Мильва затаила дыхание. Наконец-то!

«Чек-чек, – крикнула сорока. – Чек-чек-чек». Снова скрипнула ветка.

Мильва поправила вытертый до блеска, на славу послуживший кожаный наплечник на правом предплечье, вложила кисть руки в прикрепленную к грифу лука петлю. Вынула стрелу из плоского колчана на бедре. Автоматически, по привычке проверила острие и оперение. Стержни стрел она покупала на ярмарках, выбирая в среднем одну из десятка предложенных, но перья прилаживала всегда сама. У большинства готовых стрел были слишком короткие воланы, и укреплены они были по оси стрелы, а Мильва пользовалась исключительно стрелами со спиральными воланами длиной не менее пяти дюймов.

Она наложила стрелу на тетиву и уставилась на выход котловинки, в зеленеющее между стволами пятно барбариса, отягощенного гроздьями красных ягод.

Зяблики улетели недалеко и снова принялись тень-тенькать. «Ну иди же, козочка, – подумала Мильва, приподнимая и натягивая лук. – Иди. Я готова».

Но косули пошли по балке в сторону болотца и источников, питающих ручьи, впадающие в Ленточку. Из котловинки вышел козел. Стройный, на глаз фунтов сорока весом. Он поднял голову, застриг ушами, потом повернулся к кустам, сорвал ветку.

Стоял он удачно – задом. Если б не ствол, заслонявший цель, Мильва выстрелила бы, не раздумывая. Даже попав в живот сзади, стрела прошила бы его и добралась до сердца, печени или легких. Попав в бедро, она рассекла бы артерию, животное тоже должно было бы вскоре пасть. Мильва ждала, не освобождая тетивы.

Козел снова поднял голову, сделал шаг, вышел из-за ствола и слегка повернулся. Мильва, удерживая тетиву в полном натяжении, мысленно выругалась. Выстрел в переднюю часть тела был нежелателен: наконечник вместо легкого мог угодить в живот. Она ждала, сдерживая дыхание, уголок губ чувствуя соленый привкус тетивы. Это было еще одно

большое, прямо-таки неоценимое достоинство ее лука – пользуйся она более тяжелым или не столь тщательно изготовленным оружием, она не смогла бы так долго держать его в натяжении, не рискуя утомить руку и снизить точность выстрела.

К счастью, козел наклонил голову, сорвал выступающую из мха траву и повернулся боком. Мильва спокойно вздохнула, прицелилась в область легкого и мягко отпустила тетиву.

Однако ожидаемого звука ломаемого наконечником ребра она не услышала. Козел подпрыгнул, взвизгнул и скрылся, сопровождаемый хрустом сухих веток и шорохом листьев.

Несколько ударов сердца Мильва стояла неподвижно, окаменевшая, словно мраморная статуя лесной русалки. Лишь когда все звуки утихли, она отвела правую руку от щеки и опустила лук. Отметив в памяти, куда побежало животное, спокойно села и оперлась спиной о ствол. Она была опытной охотницей, браконьерствовала в господских лесах с малых лет, первую косулю уложила, когда ей было одиннадцать, первого четырнадцатилетнего оленя – по невероятному охотничьему везению – в день своего четырнадцатилетия. А опыт говорил, что никогда не следует спешить за подстреленным животным. Если попала хорошо, козел должен пасть не больше чем в двухстах шагах от устья котловинки. Если попала хуже – поспешность может испортить дело. Неудачно подстреленное животное, если его не тревожить, после панического бегства немного успокоится и пойдет тише. Если же преследовать и пугать – помчится сломя голову и остановится, лишь когда вымотается вконец.

Так что в распоряжении у Мильвы было никак не меньше получаса. Она прикусила сорванный стебелек и снова задумалась. Вспоминала.

Когда через двенадцать дней она вернулась в Брокилон, ведьмак уже ходил. Слегка прихрамывал и немного тянул бедро, но ходил. Мильва не удивилась – она знала о чудесных целительных свойствах лесной воды и травы, именуемой конинхаэлью. Знала также способности Аглайисы, неоднократно была свидетельницей прямо-таки мгновенного исцеления раненых дриад. А слухи о невероятной выносливости и стойкости ведьмаков тоже, видеть, не были высосаны из пальца.

Она не пошла в Коль Серрай сразу по прибытии, хоть дриады напоминали, что Gwynbleidd нетерпеливо ждал ее возвращения. Тянула умышленно, все еще недовольная поручением, намеренно показывала, что сначала должна провести в лагерь эльфов из очередной команды «белок». Пространно рассказала обо всем случившемся в пути, сообщила дриадам, что люди блокируют границу вдоль Ленточки. Лишь когда ей напомнили в третий раз, она искупалась, переделалась и отправилась к ведьмаку.

Он ждал на опушке, там, где росли кедры. Прохаживался, время от времени приседал, пружинисто выпрямлялся. Видимо, Аглайиса назначила ему упражнения.

– Какие вести? – спросил он сразу же, как только они поздоровались. Холод в его голосе ее не обманул.

– Война, пожалуй, идет к концу, – ответила она, пожав плечами. – Нильфы, говорят, вконец разгромили Лирию и Аэдирн. Вердэн не поддался, и король Темерии заключил союз с нильфгаардским императором. Эльфы в Долине Цветов собственное государство заложили. А вот ская'таэли из Темерии и Редании туда не ушли. Продолжают биться...

– Я не об этом.

– Нет? – Она изобразила удивление. – Ах, верно. Да, заглянула я в Дорьян, как ты просил, хоть и пришлось хороший крюк сделать. А тракты нынче опасны.

Она оборвала, потянулась. На этот раз он ее не торопил.

– Слушай, а этот Кодрингер, – наконец спросила она, – которого ты велел навестить, был твоим другом?

Лицо ведьмака не дрогнуло, но Мильва знала, что он понял с полуслова.

– Нет. Не был.

– Это хорошо, – облегченно вздохнула она. – Потому как его уже среди живых нет. Сгорел вместе со своим домом, осталась вроде бы труба и половина передней стены. Весь Дорьян гудом гудит от слухов. Одни болтают, что Кодрингер занимался чернокнижничеством и яды варил, что у него с дьяволом уговор был, так что чертов огонь его поглотил. Другие говорят, мол, сунул он, как обычно, нос и пальцы не в ту дырку. А кому-то это не понравилось, вот его и уколошили и огонь подкинули, чтоб следы замести. А ты как думаешь?

Ни ответа, ни эмоций на посеревшем лице ведьмака она так и не дождалась. Поэтому продолжала, сохраняя язвительный и грубоватый тон:

– Интересно, что пожар и гибель Кодрингера случились в первое июльское новолуние, точно как мятеж на Танедде. Ну, прямо так, будто б кто догадался, что как раз Кодрингер знает чего-то о бунте и его станут пытать о подробностях. Будто кто-то хотел ему заранее рот зашнуровать навеки, язык удержать. Что на это скажешь? Э, вижу, ничего! Ишь неразговорчивый какой! Тогда я тебе скажу: опасное твое дело, все это твои вынюхивания да расспрашивания. Может, кто-нито еще и другие рты и уши, кроме кодрингеровых, захочет прикрыть. Так я думаю.

– Прости, – сказал он, немного помолчав. – Ты права. Я подверг тебя риску. Это было слишком опасное задание для...

– Для девки, верно? – Она дернула головой, резким движением отбросила с плеча все еще влажные волосы. – Это, что ль, ты хотел сказать? Тоже мне фрайер сыскался! Заруби себе на носу, что хоть я и сидя отливаю, все равно мой кафтан не зайцем, а волком оторочен! Не шей мне труса, ты меня не знаешь!

– Знаю, – сказал он тихо и спокойно, не прореагировав на ее злость и повышенный тон. – Ты – Мильва. Водишь сквозь облавы в Брокилон «белок». Мне известно твое мужество. Но я легкомысленно и себялюбиво подверг тебя риску...

– Дурень! – грубо оборвала она. – О себе беспокойся, не обо мне. О девчонке беспокойся!

Она насмешливо улыбнулась, потому что на этот раз лицо у него изменилось. Она намеренно помолчала, ожидая дальнейших вопросов.

– Что тебе известно? – наконец спросил он. – И от кого?

– У тебя – Кодрингер, – фыркнула она, заносчиво подняв голову. – У меня свои знакомцы. Такие, у которых быстрые глаза и чуткие уши.

– Говори, Мильва. Пожалуйста.

– После заварушки на Танедде, – начала она, переждав секунду, – закипело повсюду. Ловля предателей началась. Особенно тех чародеев, которые за Нильфгаардом пошли, как и других продажных... Некоторых поймали. Другие канули, будто камень в воду. Не надо большого ума, чтобы угадать, куда они подались, под чьими перьями спрятались. Но охотились не токо на чародеев и предателей. В мятеже на Танедде взбунтовавшимся чародеям помогала команда «белок», ими известный Фаоильтиарна верховодил. Ищут его. Отдан приказ каждого

схваченного эльфа пытаться, о команде Фаоильтиарны выспрашивать.

– Кто он, Фаоильтиарна этот?

– Эльф, ская'таэль. Мало кто людям в печенку залез, как он. Большая цена за его голову назначена. Но ищут не только его. Ищут еще какого-то нильфгаардского рыцаря, что на Танедде был. И еще...

– Ну, говори.

– Ан'гивары о ведьмаке по имени Геральт из Ривии выспрашивают. И о девушке по имени Цирилла. Этих двух велено живьем брать. Под страхом смерти у их обоих волос с головы упасть не должен, пуговицу с платья сорвать не имеют права. Хо! Здорово же ты, видать, мил их сердцу, коли так о твоём здоровье пекутся...

Она осеклась, увидев его лицо, с которого мгновенно сползло нечеловеческое спокойствие. Поняла, что хоть и старалась, но не сумела нагнать на него страха. Во всяком случае, за его собственную шкуру. Неожиданно ей стало стыдно.

– Ну, с этим преследованием-то они впустую шебуршатся, – сказала она уже мягче, но все еще с чуть насмешливой ухмылкой. – Ты в Брокилоне в безопасности. Да и деваху они тоже живой не получают. Когда они развалины на Танедде да на магической башне, которая обвалилась, перелопачивали... Эй, что с тобой?

Ведмак покачнулся, оперся о кедр, тяжело опустился рядом с деревом. Мильва отскочила, напуганная бледностью, которая вдруг покрыла его лицо.

– Аглайса! Сирисса! Фаувэ! Ко мне, живо! У, хрен чертов, помирать он, что ль, собрался! Эй ты, ведьм!

– Не зови их... Со мной все в порядке... Говори... Я хочу знать.

Мильва вдруг поняла.

– Ничего они в развалинах не нашли! – крикнула она, чувствуя, как тоже бледнеет. – Ничего! Хоть каждый камень осмотрели и волшебствовали – ничего не нашли...

Она смахнула испарину со лба, жестом остановила сбегавшихся на крик дриад. Схватила ведьмака за плечи, наклонилась над ним так, что ее длинные светлые волосы упали ему на побледневшее лицо.

– Ты неверно понял, – быстро, нескладно повторяла она, с трудом отыскивая нужные слова в толчее тех, что так и рвались на язык. – Я токо хотела сказать, что... Ты неверно меня понял. Ведь я... ну откуда мне было знать, что ты аж так... Я не так хотела. Я токо о том, что девушка... Что ее не найдут, потому как она бесследно исчезла, все одно как те чародеи... Прости.

Он не ответил. Глядел в сторону. Мильва закусила губу, сжала кулаки.

– Через три дня я уезжаю из Брокилона, – сказала она тихо после долгого, очень долгого молчания. – Как токо месяц пойдет на ущерб и ночки малость темнее станут. Через десять дней вернусь, может, раньше. Сразу после Ламмаса, в первых днях августа. Не волнуйся. Землю перерою, но дознаюсь для тебя обо всем. Ежели кто хоть что-нибудь знает о той девочке, ты тоже будешь знать.

– Спасибо, Мильва.

– Через десять дней... Gwynbleidd.

– Меня зовут Геральт, – протянул он руку.

Она пожала, не задумываясь. Крепко.

– Меня зовут Мария Барринг.

Кивком и тенью улыбки он поблагодарил за откровенность: она знала, что он это оценил.

– Будь осторожна, прошу тебя. Задавая вопросы, смотри, кому задаешь.

– За меня не беспокойся.

– Твои информаторы... Ты им доверяешь?

– Я не доверяю никому. * * *

– Ведьмак в Брокилоне. У дриад.

– Так я и думал. – Дийкстра скрестил руки на груди. – Но хорошо, что подтвердилось.

Он немного помолчал. Леннеп облизнул губы. Он ждал.

– Хорошо, что подтвердилось, – повторил шеф тайных служб королевства Редании, задумавшись так, словно говорил сам с собой. – Всегда лучше, когда уверен. Эх, если б еще оказалось, что Йеннифэр... Чародейка не с ним, Леннеп?

– Простите. – Разведчик вздрогнул. – Нет, светлейший господин. Нет. Что прикажете? Если хотите получить живьем, я выманю его из Брокилона. А ежели вам милее мертвяк...

– Леннеп, – Дийкстра поднял на агента холодные бледно-голубые глаза, – не надо усердствовать. В нашем деле излишнее усердие не оправдывается. Зато всегда подозрительно.

– Господин, – слегка побледнел Леннеп, – я только...

– Знаю. Ты только спросил, что я прикажу. Приказываю: оставь ведьмака в покое.

– Слушаюсь. А как с Мильвой?

– И ее тоже. Пока что.

– Слушаюсь. Можно идти?

– Иди.

Агент вышел, осторожно и тихонечко притворив за собой дубовую дверь кабинета. Дийкстра долго молчал, уставившись в наваленные на столе карты, письма, доносы, протоколы допросов и смертные приговоры.

– Ори.

Секретарь поднял голову, откашлялся. Молчал.

– Ведьмак в Брокилоне.

Ори Ройвен снова кашлянул. Невольно глянул под стол, на ноги шефа.

– Точно. Этого я ему не забуду, – буркнул тот. – Две недели не мог из-за него ходить. Оpozорился перед Филиппой. Словно пес скулил и вымаливал у нее чертовы чары, иначе хроmal бы до сих пор. Ну что ж, сам виноват, недооценил. Хуже всего, что не могу ему сейчас отплатить, добраться до его ведьмачьей задницы! У самого времени нет, а использовать в личных интересах моих людей не могу. Ведь верно, Ори, не могу?

– Кхе-кхе...

– Нечего покашливать. Сам знаю. Эх, черт побери, как же власть развращает! Как искушает воспользоваться ею! Как легко забыться, когда она у тебя есть! Но стоит забыться раз, конца не видеть... А что, Филиппа Эйльхарт все еще сидит в Монтекальво?

– Да.

– Бери перо и чернила. Продиктую письмо к ней. Пиши... А, черт, никак не сосредоточусь. Что там за крики, Ори? Что там творится на площади?

– Жаки закидывают камнями резиденцию нильфгаардского посла. Мы им за это, кхе-кхе, заплатили. Мне кажется.

– Ага. Ну ладно. Прикрой окно. Завтра пусть идут забрасывать камнями филиал банка краснолюда Джианкарди. Он отказался открыть мне счет.

– Джианкарди, кхе-кхе, перечислил значительные суммы в военный фонд.

– Да? Тогда пусть закидывают те банки, которые не перечислили.

– Все перечислили.

– Ну и нуден же ты, Ори. Пиши, говорю. «Милейшая Филь, свет очей моих...» Черт, постоянно забываю. Возьми новый лист. Готов?

– Так точно, кхе-кхе...

– «Дорогая Филиппа. Трисс Меригольд, вероятно, тоскует по ведьмаку, которого телепортировала с Танедда в Брокилон, делая из этого факта глубокую тайну даже от меня, что меня жестоко огорчило. Успокой ее. Ведьмак уже чувствует себя хорошо. Начал посылать из Брокилона эмиссарок с заданием искать следы княжны Цириллы, мазельки, которая тебя так интересуется. Наш друг Геральт явно не знает, что Цирилла пребывает в Нильфгаарде, где готовится к браку с императором Эмгыром. Мне хотелось бы, чтобы ведьмак спокойно сидел в Брокилоне, поэтому я постараюсь, дабы это известие дошло до него». Написал?

– Кхе-кхе, «дошло до него».

– С новой строки. «Меня интересует...» Ори, вытри перо, черт побери! Мы ведь Филиппе пишем, не в королевский совет. Письмо должно выглядеть эстетично! С новой строки. «Меня интересует, почему ведьмак не ищет контактов с Йеннифэр. Не хочется верить, что такая граничащая с помешательством страсть столь неожиданно угасла, вне зависимости от политических пристрастий его идеала. Прости за невольный каламбур. С другой стороны, если окажется, что именно Йеннифэр доставила Цириллу Эмгыру и если найдутся тому доказательства, я с удовольствием споспешествовал бы тому, чтобы эти доказательства попали ведьмаку в руки. Проблема разрешилась бы сама собой, в этом я уверен, а вероломная черноволосая красotka потеряла бы покой. Ведьмак не любит, когда кто-нибудь прикасается к его девчужке. Артауд Терранова однозначно убедился в этом на Танедде. Хотелось бы верить, Филь, что у тебя нет доказательств предательства Йеннифэр и ты не знаешь, где она скрывается. Мне было бы ужасно неприятно, если б оказалось, что это очередной от меня секрет. У меня от тебя нет тайн...» Ты почему хихикаешь, Ори?

– Так просто, кхе-кхе.

– Пиши! «У меня нет от тебя тайн, Филь, и я рассчитываю на взаимность. Остаюсь с глубоким уважением», ну и т. д. и т. п. Давай подпишу.

Ори Ройвен посыпал письмо песочком. Дийкстра уселся поудобнее, завертел мельницу пальцами сплетенных на животе рук.

– А Мильва, которую ведьмак посылает на слежку, – проговорил он. – Что можешь о ней сказать?

– Она, кхе-кхе, – кашлянул секретарь, – занимается переброской в Брокилон групп ская'таэлей, разбитых темерскими войсками. Выводит эльфов из облав и котлов, обеспечивает им отдых и возможность формировать новые боеспособные команды...

– Не ублажай меня общедоступными сведениями, – прервал Дийкстра. – Деятельность Мильвы мне известна. Кстати, я собираюсь ее использовать. Если б не это, давно бы кинул ее на сожжение темерцам. Что ты можешь сказать о ней самой? О Мильве как таковой?

– Родилась она, мне кажется, в какой-то захудалой деревушке в Верхнем Соддене. Вообще-то ее зовут Мария Барринг. Мильва – прозвище, которое ей дали дриады. На Старшей Речи означает...

– Знаю. Каня – Коршун, – прервал Дийкстра. – Дальше.

– В роду с незапамятных времен – охотники. Лесные люди, запанибрата с дебрями. Когда сына старого Барринга затоптал сохатый, старик выучил лесному ремеслу дочку. Когда он умер, мать снова вышла замуж. Кхе-кхе... Мария не ладила с отчимом и сбежала из дома. Тогда, мне кажется, ей было шестнадцать лет. Отправилась на север, жила охотой, но баронские лесничие не давали ей житья, преследовали и травили, словно зверя. Тогда она принялась браконьерствовать в Брокилоне, и там, кхе-кхе, на нее напали дриады.

– И вместо того чтобы прибить, пригрили, – буркнул Дийкстра. – Признали своей... А она отблагодарила. Стакнулась с брокилонской ведьмой, со старой Среброокой Эитнэ. Мария Барринг умерла, да здравствует Мильва!.. Сколько раз она ходила, прежде чем люди из Вердэна и Керака спохватились? Три?

– Кхе-кхе... Четыре, мне кажется... – Ори Ройвену постоянно что-то казалось, хотя память у него была безупречная. – Всего было что-то около сотни человек, тех, что особенно рьяно охотились за духобабыми скальпами. И долго они не могли сообразить, потому что время от времени Мильва кого-нибудь из них выносила из бойни на своем горбу, а уцелевший до небес восхвалял ее мужество. Только после четвертого раза, в Вердэне, мне кажется, кто-то хватил себя по лбу. Как же так получается, кхе-кхе, что провожатая, которая людей против духобаб сзывает, сама всякий раз живьем уходит? И вылезло шило из мешка, поняли людишки, что провожатая-то ведет, да только в западню, прямо под стрелы поджидающих в засаде дриад...

Дийкстра отодвинул на край стола протоколы с допросами. Ему почудилось, что пергамент все еще воняет камерой пыток.

– И тогда, – догадался он, – Мильва исчезла в Брокилоне, словно сон золотой. Но до сих пор в Вердэне трудно сыскать охотника ходить на дриад. Старая Эитнэ и юная Коршунка проделали недурственную работенку. И после этого они еще осмеливаются утверждать, будто провокации – наше, человеческое изобретение. А может...

– Кхе-кхе? – закашлялся Ори Ройвен, удивленный оборванной фразой и затянувшимся

молчанием шефа.

– А может, наконец-то начали учиться у нас, – dokonчил холодно главшпик, глядя на доносы, протоколы допросов и смертные приговоры.

Не увидев нигде следов крови, Мильва забеспокоилась. Вдруг вспомнила, что козел шагнул в тот момент, когда она выстрелила. Шагнул или собирался шагнуть – одно на одно выходило. Пошевелился, и стрела могла попасть в живот спереди. Мильва выругалась. Выстрел в живот, проклятие и позор для охотника! Неудача! Тьфу-тьфу, не повезло!

Она быстро подбежала к склону долинки, внимательно выискивая следы крови среди ежевики, мха и папоротника. Искала стрелу. Снабженная четырехгранным наконечником, наточенным так, что острия граней сбивали волосы на предплечье, стрела, выпущенная с пятидесяти шагов, должна была пробить козла навывлет.

Наконец увидела, нашла и облегченно вздохнула. Трижды сплюнула, радуясь удаче. Напрасно опасалась, было даже лучше, чем она предполагала. Стрела не была обляпана клейким и вонючим содержимым желудка. Не было на ней и следов светлой, розовой и пенистой легочной крови. Весь стержень покрывал темный богатый пурпур. Стрела пронзила сердце. Мильве не надо было подкрадываться, ее не ожидал долгий поход по следам. Козел, несомненно, лежал мертвый в чаще, не больше чем в ста шагах от полянки, в том месте, которое ей укажет кровь. А получивший в сердце козел должен был, сделав пару прыжков, истекать кровью, так что след найдется.

Пройдя десяток шагов, она действительно нашла след и направилась по нему, снова погружаясь в мысли и воспоминания.

Данное ведьмаку обещание она выполнила. Вернулась в Брокилон даже раньше, чем думала, спустя пять дней после Праздника Жатвы, через пять дней после новолуния, начинающего у людей месяц август, а у эльфов Ламмас, седьмой, предпоследний savaed года.

На рассвете переправились через Ленточку она и пятеро эльфов из команды, которую она вела. Вначале было девять конных, но солдаты из Бругге все время преследовали их, а за три стоянки до реки нагнали и отстали только перед самой Ленточкой, когда в утреннем тумане на правом берегу замаячил Брокилон. Солдаты боялись Брокилона. Это спасло Мильву и эльфов. Они переправились. Исхудавшие, израненные. И не все.

У нее было для ведьмака известие, но, думая, что Gwinbleidd все еще находится в Коль Серрае, она собиралась пойти к нему только к обеду, выспавшись как следует. Поэтому сильно удивилась, когда он неожиданно возник из тумана, словно дух лесной. Молча присел рядом, глядя, как она устраивает себе лежанку, расстилает попону на куче веток.

– Ну тебя и принесло, – сказала она укоризненно. – Слушай, ведьмак, я с ног валюсь. День и ночь в седле, задницы не чувствую, а вымокла до пупка, потому как мы на заре словно волки через прибрежные ивняки продирались.

– Прошу тебя! Ты что-нибудь узнала?

– Узнала, – хмыкнула она, расшнуровывая и скидывая промокшие, упирающиеся сапоги. – Без особого труда, об этом кричат повсюду. Что ж ты не сказал, что твоя дева такая важная птица? Я-то думала, падчерица твоя, заморыш какой-нито, сирота, судьбой обиженная. А тут – глядь: цинтрийская княжна! Хо-хо! А может, и ты князь переодетый, а?

– Пожалуйста, говори.

– Не достанется уже твоя Цирилла королям, потому что, говорят, из Танедда прямиком в

Нильфгаард сбежала. Не иначе как вместе с теми магиками, что королей предали. А в Нильфгаарде император Эмгыр ее с помпой принял. И знаешь что? Наверде как ожениться с ней надумал. А теперь дай мне отдохнуть. Если хочешь, поговорим, когда выплусь.

Ведьмак молчал. Мильва развесила мокрые онучи на разлапистой ветке так, чтобы их достало восходящее солнце, дернула застежку пояса.

– Раздеться хочу, – буркнула она. – Ну, чего стоишь? Приятных-то сообщений, мнится мне, не ожидал? Ничего тебе не угрожает, никто о тебе не спрашивает, неинтересен ты стал шпикам. А твоя девица сбежала, слышь, от королей, императрицей будет...

– Сведения верные?

– Нонче ничего верного нету, – зевнула Мильва, присаживаясь на лежанке. – Разве что солнышко каждый день по небу с востока на закат плывет. А что болтают о нильфгаардском императоре и княжне из Цинтры, то должно быть правдой, уж больно много разговоров о них.

– Откуда вдруг такой неожиданный интерес?

– А ты будто не знаешь? Как-никак она Эмгыру в приданое кус земли притащит. Слушай, да она ж и моей госпожой станет, потому как я ж из Верхнего Соддена, а весь Содден, оказывается, ее лен! Тьфу, ежели в ее лесах олененка уложу, а меня прихватят, то по ейному приказу и повесить могут... Ну и поганый же мир! Зараза, глаза у меня слипаются...

– Последний вопрос. Из тех чародеев... Ну, из тех чародеев, которые предали, кого-нибудь поймали?

– Нет. Но одна магичка, говорят, жизни себя лишила. Вскоре после того, как пал Венгерберг, а каэдвенские войска вступили в Аэдирн. Не иначе как с огорчения или со страха перед казнью...

– В группе, которую ты привела, были свободные лошади? Какую-нибудь эльфы мне дадут?

– Ага, в дорогу тебе не терпится, – проворчала Мильва, закутываясь в попону. – Думается, знаю куда...

Она замолчала, пораженная выражением его лица. Неожиданно поняла, что принесенное ею известие вовсе не было удачным. И тут вдруг сообразила, что ничего, ну ничегошеньки не понимает. Вдруг, неожиданно, как-то невзначай почувствовала потребность сесть с ним рядом, засыпать его вопросами, выслушать, узнать, быть может, что-то посоветовать. Она сильно потерла костяшкой указательного пальца уголок глаза. «Я устала, – подумала она. – Смерть всю ночь наступала мне на пятки. Мне необходимо отдохнуть. В конце концов, какое мне дело до его горестей и печалей? Какое мне вообще до него дело? И до той девчонки? К чертовой матери и его, и ее! Зараза, из-за всего этого совсем сон пропал...»

Ведьмак встал.

– Так дадут мне лошадь? – повторил он.

– Бери любую. Только не лезь эльфам на глаза. Потрепали нас на переправе, окровавили... А вороного не тронь. Мой он, вороной-то... Ну, чего стоишь?

– Спасибо за помощь.

Она не ответила.

– Я твой должник. Как мне расплачиваться?

– Как? Очень просто – уйди ты наконец! – крикнула она, приподнимаясь на локте и резко дернув попону. – Я... Я выспаться должна! Бери коня... И езжай. В Нильфгаард, в пекло, ко всем чертям, мне все едино! Уезжай! Оставь меня в покое!

– За все, что задолжал, расплачусь, – тихо сказал он. – Не забуду. Может, когда-нибудь случится так, что тебе потребуется помощь. Опора. Плечи. Руки. Крикни тогда, крикни в ночь! И я приду.

Козел лежал на краю склона, губчатого от бьющих всюду родников, густо заросшего папоротником, вытянувшийся, с остекленевшим глазом, уставившимся в небо. Мильва видела огромных клещей, впившихся в его светло-льняное брюхо.

– Придется вам поискать себе кровушку в другом месте, стервецы, – буркнула она, засучивая рукава и доставая нож. – Эта уже остыла.

Ловкими и быстрыми движениями она вспорола кожу от грудины до анального отверстия, умело отделила слой жира, испачкав руки до локтей, отрезала пищевод, вывалила наружу внутренности. Взрезала желудок и желчный пузырь, ища безоары. В магические свойства безоаров она не верила, но хватало дурней, которые верили и платили за эти комочки свалявшейся шерсти.

Потом подняла козла и уложила на валявшийся неподалеку ствол распластанным животом к земле, чтобы стекла кровь. Вытерла руки пучком папоротников.

Села рядом с добычей.

– Спятивший, сумасшедший ведьмак. Псих, – сказала она тихо, вглядываясь в нависшие в ста футах над ней кроны брокилонских сосен. – Отправляешься в Нильфгаард за своей девкой. Отправляешься на край света, который полыхает огнем, и даже не подумал о том, чтобы прихватить с собой провизии. Я знаю, тебе есть ради чего жить. А чего есть?

Сосны, конечно, не отвечали и не прерывали монолога.

– Я думаю так, – продолжала Мильва, выбирая ножом кровь из-под ногтей. – Нет у тебя ни одного шанса отыскать твою девицу. Ты не доберешься не то что до Нильфгаарда, а даже и до Яруги. Я думаю, не дойдешь даже до Соддена. Мнится мне, смерть тебе прописана. На твоей морде она выписана, из глаз твоих паскудных глядит. Достанет тебя твоя смерть, чокнутый ведьм, ох быстро достанет. Ну, козлик мой не даст тебе помереть с голоду. А это тоже что-то! Так я думаю.

Видя входящего в зал аудиенций нильфгаардского вельможу, Дийкстра незаметно вздохнул. Шиллярд Фиц-Эстерлен, посол императора Эмгыра вар Эмрейса, имел привычку вести разговоры на дипломатическом языке и обожал вплетать во фразы всяческие языковые диковинки, понятные только дипломатам и ученым. Дийкстра обучался в оксенфуртской академии и хоть не получил звания магистра, основы напыщенного университетского сленга знал. Однако пользовался им неохотно, ибо в глубине души терпеть не мог помпы и всяческих форм претенциозного церемониала.

– Приветствую вас, ваше превосходительство.

– Милостивый государь граф, – церемонно поклонился Шиллярд Фиц-Эстерлен. – Ах, благоволите простить. Возможно, следовало бы сказать: светлейший князь? Ваше высочество регент? Ваше высокопревосходительство государственный секретарь? Клянусь честью, ваше высокопревосходительство, почести сыплются на вас таким градом, что, ей-богу, не знаю, как вас и титуловать, чтобы не нарушить протокола.

– Лучше всего будет: «Ваше королевское величество», – скромно ответил Дийкстра. – Вы же знаете, ваше превосходительство, что короля играет свита. И вам, думаю, не чужд тот факт, что стоит мне шепнуть: «Подскакивать!» – как третогорские дворяне немедленно спрашивают: «Как высоко?»

Посол знал, что Дийкстра преувеличивает, но не так уж сильно. Принц Родовид был еще малолеткой, королева Гедвига пришиблена трагической смертью супруга, аристократия напугана, одурела, вся в склоках и разбилась на фракции. Фактически в Редании правил Дийкстра. Дийкстра мог запросто получить любой титул и государственный пост. Ему стоило только захотеть. Но Дийкстра не хотел. Ничего.

– Ваше высокопревосходительство изволили меня вызвать, – сказал, немного помолчав, посол, – минуя министра иностранных дел. Чему я обязан такой честью?

– Министр, – Дийкстра возвел очи горе, – отказался от своих функций по состоянию здоровья.

Посол сокрушенно покачал головой. Он прекрасно знал, что министр иностранных дел сидит в темнице, а будучи трусом и идиотом, несомненно, выдал Дийкстре все о своем не вполне невинном флирте с нильфгаардской разведкой, как только увидел «инструментарий», любезно продемонстрированный ему перед началом допроса. Он знал, что сеть, организованная агентами Ваттье де Ридо, шефа императорской разведки, была разгромлена и все нити оказались в руках Дийкстры. Знал также, что нити эти вели напрямую к его собственной персоне. Но его персона была под защитой дипломатического иммунитета, а обязанности посла принуждали его вести игру до конца. Тем более после странных зашифрованных инструкций, которые недавно прислали в посольство Ваттье и коронер Стефан Скеллен, имперский агент по специальным поручениям.

– Поскольку преемник министра иностранных дел еще не назначен, – продолжал Дийкстра, – на меня возложена малоприятная обязанность проинформировать вас, ваше превосходительство, что вы признаны в королевстве Реданском персоной нон грата.

Посол поклонился.

– Весьма сожалею, – сказал он, – что чреватые взаимным отзывом послов последствия вызваны проблемами, непосредственно не затрагивающими ни королевства Реданского, ни империи Нильфгаарда. Империя не предпринимала никаких враждебных Редании шагов.

– Если, конечно, не считать блокады устья Яруги и Островов Скеллиге для наших кораблей и товаров. А также вооружения и поддержки банд скоя'таэлей.

– Это, ваше превосходительство, злостные инсинуации.

– А концентрация имперских сил в Вердэне и Цинтре? А рейды вооруженных банд на Содден и Бругге? Содден и Бругге – темерские протектораты, а мы, ваше превосходительство, в союзе с Темерией, так что нападение на Темерию – это нападение на нас. Остаются также проблемы, касающиеся непосредственно Редании: мятеж на острове Танедд и бандитское покушение на короля Визимира. И роль, которую империя сыграла в этих событиях.

– Quod attinet[5] инцидента на Танедде, – развел руками посол, – я не уполномочен высказывать свое мнение. Его императорскому величеству Эмгыру вар Эмрейсу чужды закулисные игры и сведение личных счетов между вашими чародеями. Я весьма сожалею о том, что наши протесты относительно вашей пропаганды, всячески пытающейся навязать общественному мнению иной взгляд на вещи, дают исчезающе малый эффект. Пропаганды, распространяемой, позволю себе заметить, не без поддержки властей королевства Реданского.

– Ваши протесты поражают и безмерно удивляют меня, – улыбнулся Дийкстра. – Кстати, император отнюдь не скрывает, что при его дворе находится цинтрийская герцогиня, похищенная именно на Танедде.

– Цирилла, королева Цинтры, – с нажимом поправил Шилярд Фиц-Эстерлен, – была не похищена, но искала в империи убежища. Здесь нет ничего общего с инцидентом на Танедде.

– Seriously?

– Инцидент на Танедде, – продолжал с каменной физиономией посол, – вызвал неудовольствие императора. А коварное покушение какого-то сумасшедшего на жизнь короля Визимира – его искреннее возмущение. Еще большее возмущение и отвращение вызывает распространяемая в обществе мерзкая сплетня о якобы скрывающихся в империи истинных подстрекателях названных преступлений.

– Изоляция истинных подстрекателей, – медленно проговорил Дийкстра, – положит конец сплетням. Будем надеяться. А их изоляция и восстановление справедливости – вопрос времени.

– *Justitia fundamentum regnorum*, – серьезно согласился Шилярд Фиц-Эстерлен. – *A crimen horribilis non potest non esse punibile*[6]. Ручаюсь, что его императорское величество также желает, чтобы стало так.

– Император в силах выполнить это желание, – как бы нехотя проговорил Дийкстра, скрещая руки на груди. – Одна из вдохновительниц заговора, Энид ан Глеанна, до недавнего времени – чародейка, известная под именем Франческа Финдабаир, с императорского благословения разыгрывает из себя королеву марионеточного государства эльфов в Доль Блатанна.

– Его императорское величество, – холодно поклонился посол, – не может вмешиваться в дела Доль Блатанна, независимого государства, признанного всеми сопредельными.

– Но не Реданией. Для Редании Доль Блатанна – по-прежнему часть королевства Аэдирн. Хотя совместно с эльфами и Каэдвеном вы растащили Аэдирн по кускам, хоть от Лирии не осталось *lapis super lapidem*[7], вы слишком поспешно вымарали эти королевства с карты мира. Слишком быстро и поспешно, ваше превосходительство. Однако сейчас не время и не место дискутировать на сей счет. Пусть себе Франческа Финдабаир пока что правит, истина и справедливость восторжествуют. А как с другими бунтовщиками и организаторами покушения на короля Визимира? Что с Вильгефорцем из Роггевеена, что с Йеннифэр из Венгерберга? Есть основания полагать, что после провала путча они сбежали в Нильфгаард.

– Уверяю вас, – поднял голову посол, – это не так. И если б такое случилось, ручаюсь, кара их не минует.

– Они виновны не перед вами, следовательно, не вам их карать. Искренность желания осуществить возмездие, являющееся, как ни говорите, *fundamentum regnorum*[8], император Эмгыр докажет, выдав нам преступников.

– Нельзя отказать в справедливости вашему требованию, – признал Шилярд Фиц-Эстерлен, изобразив на лице смущенную улыбку. – Однако этих персон нет в империи, это *primo*[9]. *Secundo*[10], если б они даже туда попали, то существует *impedimentum*[11]. Экстрадицию совершают по приговору суда, в данном случае вынесенному имперским Советом. Надеюсь, вы, ваше превосходительство, не станете возражать, что разрыв Реданией дипломатических отношений – акт недружелюбный, и трудно рассчитывать на то, что Совет выскажется в пользу экстрадиции персон, ищущих убежища, если таковой экстрадиции домогается

недружественное государство. Это был бы случай беспрецедентный. Разве что...

– Что?

– Разве что создать такой прецедент?

– Не понимаю.

– Если б королевство Реданское согласилось выдать императору его подданного, арестованного у вас обыкновенного бандита, император и его Совет имели бы основания ответить взаимностью на такой жест доброй воли.

Дийкстра долго молчал, казалось, он дремлет или размышляет.

– О ком идет речь?

– Имя преступника... – Посол прикинулся, будто пытается вспомнить, потом открыл сафьяновую папку с документами. – Простите, *memoria fragilis est*[12]... Ага, вот. Некий Кагыр Маур Дыффин аэп Кеаллах. За ним числятся немалые преступления. Он разыскивается за убийство, дезертирство, *raptus puellae*[13], изнасилование, воровство и подделку документов. Скрываясь от гнева императора, он сбежал за границу.

– В Реданию? Далекий же он выбрал путь.

– Ваше превосходительство, – слегка улыбнулся Шилард Фиц-Эстерлен, – вы, насколько мне известно, не ограничиваете своих интересов только лишь Реданией. Мы ничуть не сомневаемся, что, если б преступник был схвачен в одном из союзных Редании королевств, вы, ваше превосходительство, знали б об этом из донесений своих многочисленных знакомых.

– Как, говорите, зовут преступника-то?

– Кагыр Маур Дыффин аэп Кеаллах.

Дийкстра долго молчал, притворяясь, будто копается в памяти, наконец сказал:

– Нет, знаете ли, никого с подобным именем не арестовывали.

– Серьезно?

– Моя *memoria* в таких вопросах *fragilis* не бывает. Сожалею, ваше превосходительство.

– Взаимно, – холодно ответил Шилард Фиц-Эстерлен. – Особенно сожалею, поскольку взаимная экстрадиция преступников при таких условиях представлялась бы осуществимой. Не смею дольше задерживать ваше внимание. Желаю здоровья и успехов.

– Взаимно. Прощайте, ваше превосходительство.

Посол вышел, проделав несколько весьма сложных церемониальных поклонов.

– Поцелуй меня в *sempiternum meam*, хитрец, – проворчал Дийкстра, скрещая руки на груди. – Ори! Вылезай!

Красный от долго сдерживаемого кашля секретарь вышел из-за портьеры.

– Филиппа все еще торчит в Монтекальво?

– Да, кхе-кхе. И с нею госпожи Ло-Антиль, Меригольд и Мец.

– Через день-два может начаться война, через минуту вспыхнет граница на Яруге, а эти бабы заперлись в какой-то зачуханной развалюхе. Бери перо, пиши. «Возлюбленная Филь...» А, холера!

– Я написал: «Дорогая Филиппа».

– Прекрасно. Пиши дальше. «Возможно, тебе будет интересно узнать, что чудака в шлеме с перьями, который скрылся с Танедда столь же таинственно, сколь и появился, зовут Кагыр Маур Дыффин, он сын сенешаля Кеаллаха. Этого странного типа ищем не только мы, но, как выяснилось, и служба Ваттье де Ридо, и люди того курвина сына...»

– Госпожа Филиппа, кхе-кхе, не любит таких выражений. Я написал «канальи».

– Пусть будет каналья... «этой канальи Стефана Скллена. Ты знаешь не хуже меня, дорогая Филь, что разведслужбы империи активно разыскивают только тех агентов и эмиссаров, которые вызвали особое недовольство Эмгыра. Тех, которые, вместо того чтобы выполнить приказ или сгнать, предали и приказа не выполнили. Поэтому проблема выглядит достаточно странно, как-никак мы были уверены, что приказы, данные Кагыру, касались поимки княжны Цириллы и доставки ее в Нильфгаард». С новой строки. «Странные, но обоснованные подозрения, возникшие у меня в связи с этим делом, а также довольно удивительные, но не лишённые смысла теории, которые у меня есть, я хотел бы обсудить с тобой один на один.

С выражением глубокого уважения et cetera, et cetera[14]...»

Мильва поехала на юг, прямо, не сворачивая, сначала по берегу Ленточки, через Выжиги, потом, переправившись через реку, по подможкам ярам, покрытым мягчайшим ярко-зеленым ковром кукушкина льна. Она исходила из того, что ведьмак, не зная местности так хорошо, как она, не станет рисковать и не переправится на берег, занятый людьми. Срезав огромный, выпучившийся в сторону Брокилона изгиб реки, она вполне могла бы нагнать его в районе порогов Кеанн Трайс. Двигаясь быстро и не останавливаясь, могла даже перегнать.

Зяблики не ошибались, когда звенели. Небо на юге явно хмурилось. Воздух стал плотным и тяжелым, комары и мошкара сделались чертовски нахальными и настойчивыми.

Когда она спустилась в пойму, заросшую еще увешанным зелеными орехами орешником и голой чернявой крушиной, почувствовала: она здесь не одна. Не услышала. Почувствовала. Знала – это эльфы.

Придержала коня, чтобы укрывшиеся в чаще лучники могли как следует ее рассмотреть. Затаила дыхание. В надежде, что терпения у них хватит.

Над перекинутым через спину коня козлом брэнчала муха.

Шелест. Тихий свист. Она просвистела в ответ. Скоя'таэли словно духи выглянули из зарослей, а Мильва только теперь вздохнула свободно. Она их знала. Они были из команды Коиннеаха Де Рео.

– Hael, – сказала она, слезая с коня. – Que'ss va?

– Ne'ss, – сухо ответил эльф, имени которого она не помнила. – Caemm.

Неподалеку на поляне расположились остальные. Их было не меньше тридцати, больше, чем во всей команде Коиннеаха. Мильва удивилась. Последнее время отряды «белок» скорее таяли, нежели росли. Встречавшиеся теперь команды были кучками истекающих кровью, взбудораженных, едва державшихся в седлах и на ногах голодранцев. Эта команда была другой.

– Cead, Coinneach, – поздоровалась она с приближающимся командиром.

– Ceadmil sor'ca.

Sor'ca. Сестренка. Так ее называли те, с которыми она была в дружбе, когда хотели выразить ей уважение и симпатию. Хотя они, как ни говори, были на много-много зим старше нее. Сначала она была для эльфов просто Dh'oine, человеком. Позже, когда она уже регулярно им помогала, стали называть ее Aen Woodbeanna, «Девушка из леса». Еще позже, узнав лучше, стали на манер дриад именовать Мильвой, Коршуном. Ее настоящее имя, которое она выдавала только самым близким, отвечая взаимностью на подобные жесты с их стороны, эльфам не нравилось, они выговаривали его как «Meag'ya» со слабой гримасой, словно оно ассоциировалось в их языке с чем-то неприятным. И сразу переходили на «sor'ca».

– Куда направляетесь? – Мильва взглянула внимательнее, но по-прежнему не видела ни раненых, ни больных. – На Восьмую Версту? В Брокилон?

– Нет.

Слишком хорошо зная эльфов, она воздержалась от дальнейших расспросов. Ей достаточно было нескольких взглядов на неподвижные, застывшие лица, на преувеличенное, демонстративное спокойствие, с каким они приводили в порядок экипировку и оружие. Достаточно было внимательно заглянуть в глубокие, бездонные глаза, чтобы понять: они шли в бой.

Небо на юге темнело, затягивалось туманами.

– А ты куда направляешься, sor'ca? – спросил Коиннеах, потом быстро кинул взгляд на перевешенного через спину коня козла и слабо улыбнулся.

– На юг, – холодно сказала она, давая понять, что он ошибается. – К Дришоту.

Эльф перестал улыбаться.

– По человечесьему берегу?

– По крайней мере до Кеанн Трайса, – пожала она плечами. – У порогов наверняка перейду на брокилонскую сторону, потому что...

Она обернулась, услышав храп коней. Новые скоя'таэли присоединились к команде, и без того уже необычно многочисленной. Новых Мильва знала еще лучше.

– Чиаран! – тихо вскрикнула она, не скрывая изумления. – Торувьель! Вы что тут делаете? Едва успела вывести вас в Брокилон, а вы снова...

– Ess'creasa, sor'ca, – серьезно сказал Чиаран аэп Деарб. Повязка, наложенная ему на голову, пропиталась кровью.

– Так надо, – повторила вслед за ним Торувьель, осторожно, чтобы не повредить висящей на перевязи руки, слезая с коня. – Пришли сообщения. Мы не можем сидеть в Брокилоне, когда на счету каждый лук.

– Если б я знала, – надула губы Мильва, – не стала б трудиться ради вас. Не подставляла бы шею на переправе.

– Известия поступили только вчера ночью, – тихо пояснила Торувьель. – Мы не могли... Мы не можем в такой момент оставить наших братьев по оружию. Не можем, пойми это.

Небо темнело все больше. На этот раз Мильва явно услышала далекий гром.

– Не ездй на юг, sor'ca, – сказал Коиннеах Де Рео. – Идет буря.

– Что мне буря... – Она осеклась, внимательно глянула на него. – Ха! Так вот какие вести до вас дошли? Нильфгаардцы, да? Переправляются через Яругу в Соддене? Бьют на Бругге? Вот почему вы двинулись?

Он не ответил.

– Как в Долю Ангре, – заглянула она ему в темные глаза. – Снова нильфгаардский император использует вас, чтобы вы огнем и мечом творили замешательство на тылах людей. А потом император с королями мир заключит, а вас выгонят взащей. Сами же и сгорите в огне, который распалите.

– Огонь очищает. И закаляет. Сквозь него надо пройти. Aenyell'hael, all'ea, sor'ca? По-вашему «крещение огнем».

– Мне мильше другой огонь. – Мильва толкнула козла и сбросила его на землю, под ноги эльфам. – Такой, что под котлом потрескивает. Берите, чтобы в походе с голоду не ослабнуть. Мне он уже ни к чему.

– Не поедешь на юг?

– Поеду.

«Поеду, – подумала она, – поеду быстро. Надо предупредить дурного ведьмака, упредить, в какую заварушку он прет. Надо его повернуть обратно».

– Не ездй, sor'ca.

– Отстань, Коиннеах.

– С юга идет буря, – повторил эльф. – Идет страшная буря. И большой огонь. Схоронись в Брокилоне, сестренка, не ездй на юг. Ты сделала для нас очень много, больше уже сделать не сможешь. И не должна... Мы – должны. Ess'tedd, esse creasa. Нам пора. Прощай.

Воздух был тяжелый и плотный.

Телепроеекционное заклинание было очень сложным, произносить его надо было совместно, соединив руки и мысли. И даже тогда усилие оказалось чертовски большим. Да и расстояние было немалое. Стиснутые веки Филиппы Эйльхарт дрожали, Трисс Меригольд тяжело дышала, на высоком лбу Кейры Мец выступила испарина. Только на лице Маргариты Ло-Антиль не заметно было утомления.

В скупой освещенной комнате вдруг сделалось очень светло, темные панели стен покрыла мозаика розблесков. Над круглым столом повис горящий молочным светом шар. Филиппа Эйльхарт закончила заклинание, и шар опустился напротив, на один из двенадцати стоящих вокруг стола стульев. Внутри шара возникла туманная фигура. Изображение дрожало, проекция была не очень стабильной. Но быстро становилась все четче.

– Дьявольщина, – буркнула Кейра, вытирая лоб. – Что они там, в Нильфгаарде, не знают ни гламари, ни украшающих чар?

– Скорее всего нет, – ответила Трисс уголком губ. – О моде, пожалуй, тоже никогда не слышали.

– И ни о чем вроде макияжа, – тихо сказала Филиппа. – А теперь ша, девушки. И не глазейте на нее. Надо стабилизировать проекцию и поприветствовать нашу гостью. Поддержи меня, Рита.

Маргарита Ло-Антиль повторила формулу заклинания и жест Филиппы. Изображение несколько раз дрогнуло, утратило туманную шаткость, контуры и цвета обострились. Теперь чародейки могли получше рассмотреть фигуру, разместившуюся по противоположную сторону стола. Трисс закусила губу и многозначительно подмигнула Кейре.

У женщины в проекции было белое лицо с нездоровой кожей, неопределенные, невыразительные глаза, тонкие губы и слегка кривоватый нос. На голове – странная конусовидная, немного помятая шляпа. Из-под мягких полей ниспадали темные, казавшиеся не очень чистыми волосы. Впечатление непривлекательности и неряшливости усиливалось черной, свободной и бесформенной одеждой с потрепанной серебряной вышивкой на плече. Рисунок изображал полумесяц, окруженный звездами, и был единственным украшением нильфгаардской чародейки.

Филиппа Эйльхарт встала, стараясь не слишком демонстрировать бижутерию, кружева и декольте.

– Почтенная госпожа Ассирэ, – проговорила она. – Приветствуем тебя в Монтекальво. Чрезвычайно рады, что ты согласилась принять наше приглашение.

– Обыкновенное любопытство, – неожиданно приятным и мелодичным голосом ответила чародейка из Нильфгаарда, автоматически поправляя шляпу. Рука у нее была худая, покрытая желтыми пятнами, ногти обломанные и неровные, явно обгрызенные. – Обыкновенное любопытство, – повторила она, – последствия которого могут, кстати, быть для меня трагическими. Я хотела бы услышать объяснения.

– Незамедлительно приступаю, – кивнула Филиппа, подав знак остальным чародейкам. – Однако вначале позволь вызвать проекции других участников собрания и представить всех друг другу. Прошу немного терпения.

Чародейки вновь соединили руки. Воздух в комнате зазвенел натянутой струной, из-под кесонного потолка на стол опять опустился светящийся туман, заполняя помещение мерцающими тенями. Над тремя из незанятых стульев выросли пульсирующие светом сферы, внутри сфер замаячили очертания фигур. Первой возникла Сабрина Глевиссиг в бирюзовом, вызывающе декольтированном платье с огромным ажурным стоячим воротником, создающим изумительное обрамление для фантазийно уложенных и забранных в бриллиантовую диадему волос. Рядом с ней проявилась из млечного тумана проекция Шеалы де Танкарвилль в черном, обшитом жемчугом бархате и боа из черно-бурой лисы на шее. Магичка из Нильфгаарда нервно облизнула тонкие губы. «Подожди Францеску, – подумала Трисс. – Увидишь Францеску, черная крыска, так глаза у тебя на лоб полезут».

Францеска Финдабаир не подвела. Ни роскошным платьем цвета бычьей крови, ни гордой прической, ни рубиновым колье, ни глазами серны, подчеркнутыми ярким эльфийским макияжем.

– Приветствую всех дам, – сказала Филиппа, – в замке Монтекальво, куда я позволила себе пригласить вас для обсуждения неких проблем весьма серьезного свойства. Я искренне сожалею, что встречаемся мы в виде телепроекций. Однако встретиться непосредственно пока что не позволяют ни время, ни разделяющие нас пространства, ни ситуация, в которой мы все оказались. Я – Филиппа Эйльхарт, владелица этого замка. В качестве инициатора собрания и хозяйки позволю себе представить всех. Справа от меня сидит Маргарита Ло-Антиль, ректор академии в Аретузе. Слева от меня – Трисс Меригольд и Кейра Мец из Каррераса. Дальше – Сабрина Глевиссиг из Ард Каррайга, Шеала де Танкарвилль,

прибывшая из Крейдена в Ковире, Франческа Финдабаир, известная также как Энид ан Глеанна, теперешняя властительница Долины Цветов, Доль Блатанна. И наконец, Ассирэ вар Анагид из Виковаро в Нильфгаардской империи. А теперь...

– А теперь я попрощаюсь! – рявкнула Сабрина Глевиссиг, указывая униженной перстнями рукой на Францеску. – Ты слишком далеко зашла, Филиппа! Я не намерена сидеть за одним столом с этой чертовой эльфкой, даже в виде иллюзии! Кровь на стенах и паркетах Гарштанга еще не успела засохнуть! А кровь эту пролила она. Она и Вильгефорц!

– Попрошу соблюдать приличия. – Филиппа обеими руками оперлась о край стола. – И спокойствие. Выслушайте то, что я имею сказать. Ни о чем больше я не прошу. Когда закончу, каждая из вас решит, остаться или уйти. Проекция – добровольная, ее можно прервать в любой момент. Единственное, о чем я прошу тех, кто решит уйти, это соблюсти нашу встречу в тайне.

– Я знала! – Сабрина пошевелилась так резко, что на мгновение выпала из проекции. – Тайная встреча! Тайные договоры! Короче говоря, заговор! И, думаю, ясно, против кого. Ты что, смеешься над нами, Филиппа? Требуешь удержать все в тайне от наших королей, от коллег, которых не сочла нужным пригласить. А там вон сидит Энид Финдабаир, по милости Эмгыра вар Эмрейса распоряжающаяся в Доль Блатанна, владычица эльфов, которых активно и вооруженно поддерживает Нильфгаард. С каких это пор чародеи из Нильфгаарда перестали слепо слушаться своих владык и рабски подчиняться императорской власти? О каких секретах мы тут говорим? Если она здесь, то с согласия и ведома Эмгыра! По его приказу. В качестве его глаз и ушей!

– Я возражаю, – спокойно сказала Ассирэ вар Анагид. – Никто не знает, что я участвую во встрече. Меня просили соблюсти тайну, я ее соблюла и блюсти буду. Также и в своих личных интересах. Ибо если это станет известно, мне не сносить головы, поскольку на этом зиждется низкопоклонство чародеев в Империи. У них на выбор либо низкопоклонство, раболепие, угодничество, либо эшафот. Я пошла на риск. Я возражаю против того, что якобы прибыла сюда в качестве шпиона. Доказать это я могу лишь одним: собственной смертью. Достаточно нарушить тайну, о которой просит госпожа Эйльхарт. Достаточно, чтобы весть о нашей встрече вышла за пределы этих стен, и я распрощаюсь с жизнью.

– Для меня разглашение тайны тоже могло бы иметь малоприятные последствия, – очаровательно улыбнулась Франческа. – У тебя отличная возможность отыгаться, Сабрина.

– Я расплачусь другим способом, эльфка. – Черные глаза Сабрины грозно вспыхнули. – Если секрет выйдет на явь, то не по моей вине либо неосторожности. Ни в коем случае не по моей!

– Ты на что-то намекаешь?

– Конечно, – вклинилась Филиппа Эйльхарт. – Конечно, Сабрина намекает. Она тонко напоминает дамам о моем сотрудничестве с Сигизмундом Дийкстрой. Словно сама не связана с разведкой короля Хенсельта!

– Есть разница, – буркнула Сабрина. – Я не была три года любовницей Хенсельта! А тем более его разведки!

– Достаточно! Замолкни!

– Поддерживаю, – неожиданно громко сказала Шеала де Танкарвилль. – Заткнись, Сабрина. Довольно болтать о Танедде, шпионских и внесупружеских аферах. Я прибыла не для того, чтобы участвовать в склоках или выслушивать взаимные упреки и замечания. Меня также не привлекает роль арбитра, и если меня пригласили ради этого, то заявляю, что это ход

впустую. Я, по правде говоря, подозреваю, что участвую в сборище напрасно, что теряю время, которое с трудом урвала от своей исследовательской работы. Однако воздержусь от преждевременных предположений. Предлагаю наконец дать высказаться Филиппе Эйльхарт. Надо в конце концов узнать цели и причины нашего сборища. Роли, в которых нам предстоит выступать. Тогда мы без лишних эмоций решим, продолжать ли спектакль, или опустить занавес. Тайна, о которой нас попросили, разумеется, обязывает нас всех. Что же касается последствий для тех, кто тайну не сохранит, то я, Шеала де Танкарвилль, займусь этим лично.

Ни одна из чародеек не пошевелилась и не произнесла ни слова. Трисс ни на миг не усомнилась в серьезности предупреждения Шеалы. Отшельница из Ковира не привыкла бросать слова на ветер.

– Говори, Филиппа, а многууважаемое собрание прошу соблюдать тишину, пока Филиппа не даст знать, что закончила.

Филиппа Эйльхарт встала, шурша платьем.

– Уважаемые сестры, – сказала она. – Ситуация серьезна. Магия в опасности. Трагические события на Танедде, к которым я мысленно возвращаюсь с сожалением и нежеланием, доказали, что результаты сотен лет бесконфликтного сотрудничества мгновенно рассыпаются в прах, стоит заговорить личным интересам и чрезмерным, неумным амбициям. Теперь мы имеем разброд, несогласие, взаимную вражду и недоверие. Происходящее начинает ускользать из-под контроля. Чтобы контроль восстановить, не допустить стихии возобладать, необходимо взять в крепкие руки правила этого терзаемого штормами корабля. Я, госпожа Ло-Антиль, госпожа Меригольд и госпожа Мец уже обсудили проблему и достигли согласия. Восстановить уничтоженные на Танедде Капитул и Совет недостаточно. Да, впрочем, их и не из кого восстанавливать, к тому же нет гарантий, что в них с самого начала не угнездится болезнь, которая уничтожила предыдущие. Необходима совершенно иная, секретная организация, которая будет служить исключительно делу магии. Которая совершит все возможное, чтобы не допустить катаклизма. Ибо погибнет магия – погибнет этот мир. Так же, как много веков назад мир прежний, лишившись магии и несомого ею прогресса, погрузился в хаос и мрак, захлебнулся в крови и варварстве. Всех присутствующих здесь дам мы приглашаем примкнуть к нашей инициативе, принять активное участие в работах предлагаемого тайного сообщества. Мы позволили себе пригласить вас, чтобы услышать ваше мнение по этому вопросу. Я кончила.

– Благодарим, – кивнула Шеала де Танкарвилль. – Если позволите, я продолжу. Мой первый вопрос, дорогая Филиппа, таков: почему я? Зачем сюда позвали меня? Я неоднократно отказывалась от выдвижения моей кандидатуры в Капитул, я отказалась от кресла в Совете. Во-первых, меня поглощает моя работа. Во-вторых, я считала и считаю, что в Ковире, Повиссе и Хенгфорсе есть другие, более достойные этой чести. Я спрашиваю, почему сюда пригласили меня, а не Кардуина? Не Истредда из Аэдд Гинваэля, Тугдуаля или Зангениса?

– Потому что они – мужчины, – ответила Филиппа. – Организация же, которую я имею в виду, должна состоять исключительно из женщин. Госпожа Ассирэ?

– Я снимаю свой вопрос, – улыбнулась нильфгаардская чародейка. – Он совпадал с вопросом госпожи де Танкарвилль. Ответ меня удовлетворяет.

– Попахивает бабским шовинизмом, – язвительно бросила Сабрина Глевиссиг. – Особенно в твоих устах, Филиппа, после того, как ты изменила свою... ориентацию. Я ничего не имею против мужчин. Больше того, я обожаю мужчин и жизни без них себе не представляю. Но... После недолгого обдумывания... В принципе это разумная концепция. Мужчины психически нестабильны, слишком поддаются эмоциям, на них нельзя положиться в критический момент.

– Это верно, – спокойно согласилась Маргарита Ло-Антиль. – Я постоянно сравниваю результаты адептов из Аретузы с достижениями мальчиков из школы в Бан Арде, и сравнение неизменно склоняется в пользу девочек. Магия – это терпение, тонкость, интеллект, рассудительность, выдержка, а также покорное, но спокойное принятие поражений и неудач. Мужчин губит амбиция. Они всегда хотят чего-то такого, о чем прекрасно знают, что это невозможно и недостижимо. А возможного и достижимого не замечают.

– Достаточно, достаточно, достаточно! – воскликнула Шеала, не скрывая усмешки. – Нет ничего более опасного, нежели научно обоснованный шовинизм, стыдись, Рита. Однако же... Да, я тоже считаю правильным предложенную однополую структуру этого... конвента или, если угодно, ложи. Как нам сказали, речь идет о будущем магии, а магия – дело слишком серьезное, чтобы ее судьбу доверить мужчинам.

– Если позволите, – мелодично проговорила Франческа Финдабаир, – я хотела бы ненадолго прервать дискуссию о вполне естественном и несомненном доминировании нашего пола, а сосредоточиться на вопросах, касающихся предложенной инициативы, цель которой по-прежнему мне не до конца ясна. Выбранный же момент не случаен и вызывает ассоциации. Идет война. Нильфгаард разгромил и припер северные королевства к стенке. Так не скрывается ли под общими словами, которые я здесь слышала, понятное желание обратить ситуацию? Разгромить и прижать к стенке Нильфгаард? А потом взяться за наглых эльфов? Если да, дорогая Филиппа, то мы не найдем общего языка.

– Это что, та причина, ради которой меня сюда пригласили? – спросила Ассирэ вар Анагид. – Я особого внимания политике не уделяю, но знаю, что императорская армия одерживает в войне победы над вашими войсками. Кроме госпожи Франчески и госпожи Танкарвилль, подданной нейтрального королевства, все остальные дамы представляют враждебные Нильфгаардской империи государства. Как мне следует понимать слова о солидарности магичек? Как призыв к измене? Сожалею, но в этой роли я себя не вижу.

Закончив, Ассирэ наклонилась, словно тронула что-то, не уместившееся в проекции. Трисс показалось, что она слышит мурлыканье.

– Да с ней еще и кот, – шепнула Кейра Мец. – Ручаюсь, черный...

– Тише, – прошипела Филиппа. – Дорогая Франческа, уважаемая Ассирэ. Наша инициатива должна быть абсолютно аполитичной, это наше основное положение. Руководствоваться мы будем не интересами рас, королевств, королей и императоров, а благом магии и ее будущим.

– Руководствуясь благом магии, – Сабрина Глевиссиг насмешливо ухмыльнулась, – мы, я думаю, не должны забывать о благосостоянии магичек? А ведь нам известно, как относятся к чародеям в Нильфгаарде. Мы тут себе будем спокойно болтать, а когда Нильфгаард победит и мы попадем под власть императора, то все мы будем выглядеть так же, как...

Трисс беспокойно пошевелилась. Филиппа еле слышно вздохнула. Кейра опустила глаза. Шеала сделала вид, будто поправляет боа. Франческа закусил губу. Лицо Ассирэ вар Анагид не дрогнуло, но покрылось легким румянцем.

– Всех нас будет ждать малоприятная судьба, хотела я сказать, – быстро закончила Сабрина. – Филиппа, Трисс и я, все мы были на Содденском Холме. Эмгыр рассчитается с нами за то поражение, за Танедд, за всю нашу деятельность. Но это только одно из сомнений, которые вызывает у меня декларируемая аполитичность предполагаемого конвента. Означает ли участие в нем незамедлительное отречение от действительной и, как ни говори, политизированной службы, которую мы сейчас несем при наших королях? Или же мы должны будем остаться на своих местах и служить двум господам: магии и власти?

– Когда кто-то уверяет меня, что он не интересуется политикой, – усмехнулась Франческа, – я

всегда спрашиваю: которая из политик имеется в виду? Конкретно.

– А я знаю, что наверняка не та, которую ведет вопрошающий, – сказала Ассирэ вар Анагид, глядя на Филиппу.

– Я вне политики, – подняла голову Маргарита Ло-Антиль. – И моя школа тоже. Я имею в виду все существующие типы, роды и разновидности политики.

– Милые дамы, – заговорила долго молчавшая Шеала. – Помните, что вы пол доминирующий. Так что не ведите себя как девчонки, которые через весь стол тянут к себе блюдо со сладостями. Предложенные Филиппой принципы абсолютно понятны. По крайней мере мне, а у меня не так уж много оснований считать вас менее сообразительными. За стенами этой залы можете быть кем угодно, служить кому и чему желаете столь верно, сколь хотите. Но когда конвент соберется, мы должны будем заниматься исключительно магией и ее будущим.

– Именно так я себе все и представляю, – подтвердила Филиппа Эйльхарт. – Знаю, что проблем множество, что есть сомнения и неясности. Обсудим их при следующей встрече, в которой все мы примем участие уже не как проекции или иллюзии, а, так сказать, во плоти. Присутствие будет считаться не формальным актом присоединения к конвенту, а жестом доброй воли. Возникнет ли вообще такой конвент, мы примем решение сообща. Мы все. На равных правах.

– Мы все? – повторила Шеала. – Я вижу здесь пустые стулья, полагаю, их поставили не случайно.

– Конвент должен состоять из двенадцати чародеек. Я хотела бы, чтобы кандидатку на одно из пустующих пока стульев предложила нам и представила на следующем сборе госпожа Ассирэ. В Нильфгаардской империи наверняка сыщется еще хотя бы одна достойная чародейка. Другое место я оставила для тебя, Франческа. Чтобы ты как единственная чистокровная эльфка не чувствовала себя одинокой. Третье...

Энид ан Глеанна подняла голову.

– Прошу выделить два места. У меня две кандидатуры.

– Кто-нибудь из дам возражает? Если нет, я тоже не против. Сегодня у нас пятое августа, пятый день после новолуния. Встретимся снова на второй день после полнолуния, дорогие единомышленницы. Через четырнадцать дней.

– Минутку, – прервала Шеала де Танкарвилль. – Одно место все же остается пустым. Кто будет двенадцатой чародейкой?

– Это как раз и станет первой задачей, которой займется ложа, – таинственно улыбнулась Филиппа. – Через две недели я вам скажу, кто должен сесть на двенадцатый стул. А потом мы совместно подумаем, как это осуществить. Вас удивит моя кандидатура и эта особа. Потому что это не обычная особа, уважаемые коллеги. Это Смерть или Жизнь. Разрушение или Возрождение. Порядок или Хаос. Все зависит от точки зрения.

Вся деревня высыпала на улицу, чтобы поглазеть на проезжающую банду. Тузек вышел вместе со всеми. У него была масса работы, но удержаться он не мог. Последнее время много чего говорили о Крысах. Прошел даже слух, будто всех их схватили и вздернули. Однако слух оказался ложным, доказательство чему демонстративно и не спеша как раз двигалось через всю деревню.

– До чего ж наглые, – изумленно шептал кто-то за спиной у Тузека. – Надо ж, посередь

деревни прут...

– Вырядились-то будто б на свадьбу...

– А кони? Какие кони-то! И у нильфгаардцев таких не сыщешь!

– Э! Краденые. Крыси у всех конёв забирают. Коня-то теперича всюду продашь запросто. А самых лучших себе оставляют...

– Тот, вона, впереди который, гляньте-ка, энто Гиселер... Атаман ихний.

– А подле него, на каштанке, эльфка. Искра, стало быть.

Из-за забора выскочила дворняга, зашлась лаем, увиваясь подле передних ног Искриной кобылы. Эльфка трянула буйной гривой темных волос, развернула коня, сильно наклонилась и стегнула собаку нагайкой. Дворняга заскулила и, трижды перевернувшись в воздухе, шлепнулась в пыль, а Искра плюнула на нее. Тузек с трудом сдержал проклятие.

Стоявший рядом кмет продолжал шептать, незаметно указывая на других Крыс, медленно едущих по деревне. Тузек и не хотел бы слышать, да приходилось. Не затыкать же уши. Он знал сплетни и слухи не хуже других, без труда догадывался, что тот вон, со спутанными, доходящими до плеч соломенными волосами, который грызет яблоко, это Кайлей, широкоплечий – Ассе, а тот, что в вышитом полукожушке, – Рееф.

Дефиладу замыкали две девушки, едущие бок о бок, держась за руки. Та, что повыше, на гнедом коне, острижена словно после тифа, кафтанчик распахнут, кружевная блузка просвечивает идеальной белизной, колье, браслет и серьги брызжут слепящими искрами.

– А стриженная – энто Мистля... – услышал Тузек. – Обвесилась стекляшками, ровно елка на Йуле...

– Говорят, прибила больше людей, чем вёсен считает...

– А другая? На пегой? Ну, та вон, с мечом на спине?

– Фалькой ее кличут. С того лета с Крысями ходит. Тоже, говорят, не золото...

«Не золото» было, по оценке Тузека, немногим старше его дочери Миленки. Пепельные волосы молоденькой бандитки космами выбивались из-под бархатного берета, украшенного надменно покачивающимся пучком фазаньих перьев. На шее у нее пылал шелковый платочек цвета мака, завязанный фантазийным бантом.

Среди выбежавших из домишек кметов неожиданно возникло движение, потому что ехавший первым Гиселер вдруг придержал коня и ленивым движением кинул звонкий мешочек к ногам опирающейся на клюку бабки Микитки.

– Дай тебе Бог счастья, сыночек милостивый, – взывала бабка Микитка. – Чтоб ты здоровенький был, благодетель ты наш, чтоб ты...

Переливчатый смешок Искры заглушил Микиткино бормотание. Эльфка молодецки перебросила правую ногу через луку, полезла в кошель и с размаху сыпанула в толпу горсть монет. Рееф и Ассе последовали ее примеру, самый настоящий серебряный дождь обрушился на песчанистую дорогу. Кайлей, хохоча, бросил в копошащихся над деньгами людей огрызок яблока.

– Благодетели!

– Соколики вы наши!

– Да продлятся дни ваши!!!

Тузек не последовал за другими, не повалился на колени выгребать монеты из песка и куриного помета. Он по-прежнему стоял у ограды, глядя на медленно проезжающих девушек. Младшенькая, та, что с пепельными волосами, заметила его взгляд и выражение лица. Отпустила руку стриженной, хлестнула лошадь, боком наехала на него, приперев к забору и чуть не задев стремянами. Он увидел ее зеленые глаза и задрожал. Столько в них было злобы и холодной ненависти.

– Брось, Фалька! – крикнула стриженная.

Это было ни к чему. Зеленоглазая бандитка удовольствовалась тем, что приперла Тузека к забору, и поехала за Крысами, даже не повернув головы.

– Благодетели!

– Соколики!

Под вечер в деревню влетели вызывающие ужас Черные конники из форта под Фэн Аспрой. Звенели подковы, ржали кони, бряцало оружие. Солтыс и другие испытываемые кметы врали, будто нанятые, направляли погоню на ложный след. Тузека никто ни о чем не спрашивал. И хорошо.

Вернувшись с пастбища и зайдя во двор, он услышал голоса. Распознал щебетание двойняшек колесника Згарба, ломкие фальцеты соседских мальчишек. И голос Миленки. «Играют», – подумал он, вышел из-под поленницы и остолбенел.

– Милена!

Миленка, его единственная выжившая дочка, его счастье, перевесила себе через плечо палку на шнурке, изображающую меч. Волосы распустила, к шерстяной шапочке прицепила петушиное перо, на шею намотала материнский платочек. С удивительным, фантазийным бантом.

Глаза у нее были зеленые.

Тузек никогда прежде не бил дочери, никогда не пускал в ход отцовский ремень.

Сегодня он сделал это впервые.

На горизонте сверкнуло. Порыв ветра бороной прошелся по поверхности Ленточки. «Будет буря, – подумала Мильва, – а после бури наступит ненастье. Зяблики не ошибались».

Она пришпорила коня. Чтобы нагнать ведьмака до бури, надо поспешить.

Глава вторая

Я был знаком в жизни со многими военными. Знавал маршалов, генералов, воевод и гетманов, триумфаторов многочисленных кампаний и битв. Слушал их рассказы и воспоминания. Видывал их склоненными над картами, выписывающими на них разноцветные черточки и стрелки, разрабатывающими планы, обдумывающими стратегию. В этой бумажной войне все получалось прекрасно, все работало, все было ясно и в идеальном порядке. Так

должно быть, поясняли военные. Армия – это прежде всего порядок и организованность. Армия не может существовать без порядка и организованности.

Тем поразительнее, что реальная война – а несколько реальных войн мне видеть довелось – с точки зрения порядка и организованности удивительно походит на охваченный пожаром бордель. ЛютикПолвека поэзии

Хрустально чистая вода Ленточки переливалась через грань порога мягкой гладкой дугой, потом шумным и вспененным каскадом рушилась между черными, как оникс, камнями, ломалась на них и исчезала в белой кипени, из которой разливалась в обширные плесы, такие прозрачные, что виден был каждый камушек в разноцветной мозаике дна, каждая зеленая косичка колеблющихся в потоке водорослей.

Оба берега покрывал ковер гореца, в котором извивались плющи, гордо выставляющие на горлышках белые жабо. Кусты над горами переливались зеленым, коричневым и охрой и выглядели на фоне елей так, словно их посыпали серебряным порошком.

– Да, – вздохнул Лютик. – Это прекрасно.

Огромная темная форель попыталась прыгнуть через ступень водопада. Какое-то мгновение она висела в воздухе, трепеща плавниками и метя хвостом, потом тяжело упала в пену кипящей круговерти.

Темнеющее на юге небо перечеркнула разлапистая молния, эхо далекого грома прокатилось по стене леса. Гнедая кобыла ведьмака заплесала, мотнула головой, очерилась, пытаясь выплюнуть удила. Геральт сильно натянул поводья, кобыла, танцуя, попятилась, звеня подковами по камням.

– Тпру! Тпррру! Видал, Лютик? Чертова балерина! Нет, при первой же okazji освобожусь от этой скотины! Провалиться мне, обменяю хоть на осла!

– И как думаешь, скоро выпадет такой случай? – Поэт почесал горящую от комариных укусов шею. – Правда, дикий ландшафт этой долины дает нам ни с чем не сравнимое эстетическое наслаждение, но для разнообразия я охотно заглянул бы в какой-нибудь не столь эстетичный трактир. Скоро неделя, как мы наслаждаемся романтической природой, пейзажами и далекими горизонтами. Что-то я затосковал по закрытым помещениям. Особенно таким, в которых подают горячую пищу и холодное пиво.

– Придется потосковать еще некоторое время, – повернулся в седле ведьмак. – Возможно, твои страдания смягчит сознание того, что я тоже малость тоскую по цивилизации. Ты же знаешь, я торчал в Брокилоне ровно тридцать шесть дней. И ночей, во время которых романтически наслаждающаяся природа подмораживала мне зад, ползала по спине и оседала росой на носу... Тпррру! Зараза! Ты перестанешь наконец прыгать, треклятая кобылятина?

– Слепни ее кусают. Эти гадины сделались злыми и кровожадными, как всегда перед бурей. На юге гроыхает и сверкает все чаще.

– Я заметил. – Ведьмак взглянул на небо, сдерживая расплывшуюся лошадь. – Да и ветер изменился. Морем отдает. Смена погоды, не иначе. Ну, поехали. Подгони своего сонного мерина.

– Моего жеребца зовут Пегас.

– Само собой! Знаешь что? Мою эльфью кобылу тоже надо бы как-то назвать. Хммм...

- Может, Плотвичка? – съехидничал трубадур.
- Плотва? – согласился ведьмак. – А что, звучит.
- Геральт?
- Слушаю.
- У тебя в жизни была хоть одна лошадина, которую не называли бы Плотва?
- Нет, – ответил ведьмак после недолгого раздумья. – Не было. Подгони своего кастрированного жеребца, Лютик. Путь дальний.
- И верно, – буркнул поэт. – Нильфгаард... Как думаешь, сколько верст?
- Много.
- До зимы доберемся?
- Сначала до Вердэна. Там обсудим... некоторые проблемы.
- Какие? Думаешь отделаться от меня? Как бы не так! Я буду тебя сопровождать! Так я решил.
- Посмотрим. Я же сказал, сначала надо добраться до Вердэна.
- А далеко еще? Ты эти места знаешь?
- Знаю. Мы у порогов Кеанн Трайса, перед нами место, которое называется Седьмая Верста. А вон те горки за рекой – Совиные Холмы.
- А мы едем на юг, вниз по течению? Ленточка впадает в Яругу где-то в районе крепости Бодрог...
- Мы поедem на юг, но по тому берегу. Ленточка сворачивает к западу, мы поедem лесами. Я хочу добраться до места, которое называется Дришот, то есть Треугольник. Там сходятся границы Вердэна, Бругге и Брокилона.
- А оттуда?
- К Яруге. И к устью. В Цинтру.
- А потом?
- А потом видно будет. Если это вообще возможно, заставь своего Пегаса идти хоть немного быстрее.

Ливень настиг их на переправе, на самой середине реки. Сначала поднялся сильный ветер, прямо-таки ураганными порывами вороша волосы и плащи, сеча лица листьями и веточками, сорванными с прибрежных деревьев и кустов. Криками и ударами пяток они подгоняли лошадей и, вспенивая воду, двигались к берегу. Когда ветер неожиданно утих, они увидели движущуюся на них стену дождя. Поверхность Ленточки побелела и закипела, словно кто-то с неба кидал в реку миллиарды свинцовых шариков.

Еще не добравшись до берега, они уже здорово вымокли. Быстро укрылись в лесу. Кроны деревьев образовали над головами плотную зеленую крышу, но это была не та крыша, которая могла бы укрыть от такого ливня. Дождь быстро иссек и наклонил листья, спустя минуту в лесу лило ничуть не хуже, чем на открытом пространстве.

Они завернулись в плащи, подняли капюшоны. Меж деревьев воцарилась тьма, освещаемая только все более частыми сполохами молний. То и дело громыхало, протяжно и оглушительно. Плотва пугалась, фыркала и плясала. Пегас хранил невозмутимое спокойствие.

– Геральт! – вскрикнул Лютик, пытаясь перекрыть очередную развал грома, катящийся по лесу гигантской телегой. – Давай остановимся! Спрячемся где-нибудь!

– Где? – крикнул тот в ответ. – Езжай!

И они ехали.

Спустя какое-то время дождь заметно ослаб, ветер опять зашумел в кронах деревьев, раскаты громов перестали сверлить уши. Они выехали на тропу, бегущую через густой ольховник. Потом на поляну. На поляне вздымался гигантский бук, под его ветвями, на толстом и просторном ковре из коричневых листьев и орешков, стоял запряженный парой мулов воз. На козлах сидел возница и целился в них из арбалета. Геральт выругался. Слова заглушил раскат грома.

– Опусть самострел, Кольда, – сказал невысокий человек в соломенной шляпе, отворачиваясь от ствола бука, подпрыгивая на одной ноге и застегивая штаны. – Мы не этих ждем. Но все одно – клиенты. Не пугай клиентов, Кольда. Времени у нас маловато, но поторговать завсегда успеем!

– Кой черт? – проворчал Лютик за спиной у Геральта.

– Подъезжайте ближе, господа эльфы! – крикнул человек в шляпе. – Не бойтесь, я свой. N'ess a tearth! Va, Seidhe, Ceadmil! Я свой, понимаешь, эльф? Поторгуем? Ну, подъезжайте сюда, под буковину, тута не так льет на голову!

Геральт ошибке не удивился. Они с Лютиком были закутаны в серые эльфьи плащи. На нем самом была полученная от дриад куртка с любимым эльфами лиственным мотивом, а сидел он на коне с типично эльфьей сбруей и характерно украшенными трензелями. Лицо частично заслонял капюшон. Что до красавчика Лютика, так того уже и раньше не раз принимали за эльфа или полуэльфа, особенно после того, как он отпустил волосы до плеч и взял привычку изящно завивать их на железках.

– Поосторожнее, – буркнул ведьмак, – слезай. Ты – эльф. Не раскрывай пасти без надобности.

– Это почему же?

– Это гавенкары.

Лютик тихонько зашипел. Он понимал, чем тут пахнет.

Всем правили деньги, спрос вызывал предложение. Рыскающие по лесам скоя'таэли собирали годную на продажу, но ненужную им добычу, однако страдали от недостатка оружия и экипировки. Так родилась лесная разъездная торговля. На просеки, тропы и поляны втихую заявлялись телеги торгующих с «белками» спекулянтов. Эльфы называли их hav'saaren, словом непереводаемым, но как-то сочетающимся с хищным корыстолюбием. Меж людей укоренился термин «гавенкары», и слово это – в ушах Геральта по крайней мере – звучало еще паскуднее. Потому что паскудными были и эти люди. Жестокие и беспощадные, не отступающие ни перед чем, даже перед убийством. Схваченный солдатами гавенкар не мог рассчитывать на милосердие. А потому и сам не привык его проявлять. Встретив на пути кого-то, кто мог бы выдать его солдатам, он не раздумывая хватался за самострел либо нож.

Так что влипли они – лучше не придумашь. К счастью, гавенкары приняли их за эльфов. Геральт плотнее заслонил лицо капюшоном и начал подумывать о том, что будет, когда маскарад раскроется.

– Ну, дает! – потер руки торгош. – Льет, словно кто в небе дырку пробуравил. Паршивый tedd, ell’ea? Ну ничего, для торговли нет плохой погоды. Есть только скверный товар или скверные денежки, хе-хе! Понял, эльф?

Геральт кивнул. Лютик буркнул что-то нечленораздельное из-под капюшона. На их счастье, презрительная нелюбовь эльфов к общению с людьми была широко известна и никого не удивляла. Однако возница не отложил самострел, а это был недобрый знак.

– Вы от кого? Из какой команды? – Гавенкар, как и всякий серьезный торговец, не дал сбить себя с толку сдержанностью и неразговорчивостью клиентов. – От Коиннеаха Де Рео? От Ангуса Бри-Кри? Или, может, от Риордаина? Риордаин, к примеру, неделю назад под корень вырубил королевских коморных, с обозом идущих, а в обозе-то дань была собранная. Монета, не хламье какое. Я не беру в оплату ни деготь, ни зерно, ни окровавленную одежду, а из добычи токмо норку, соболя аль горностая. Но милей всего мне монетка, камушки да драгоценности! Ежели есть – можно поторговаться. У меня товарец – первый сорт! Evelienn vara en ard scedde, ell’ea, понял, эльф? Все есть. Гляньте.

Торгош подошел к возу, приподнял край тента. Они увидели мечи, луки, пучки стрел, седла. Гавенкар покопался в товаре, вытащил одну из стрел. Наконечник был зазубренный и надпиленный.

– У других такого не сыщете, – сказал он хвастливо. – Другие купцы с перепугу в штаны накладывают, хвосты подожмут, потому как за такие стрелочки лошадками напополам разрывают, ежели кого с ними прихватят. Но я-то знаю, что «белкам» любо, клиент – наш хозяин, а торговлишки без риска не бывает, только б профитик был! У меня разбрызгивающие наконечники, девять оронов за дюжину. Разнесут так, что кусочков не соберешь! Naev’de aen tvedeane, ell’ea, понял, Seidhe? Клянусь, не обдираю, сам зарабатываю малость самую, головками деток своих клянусь. Ежели три дюжины сразу возьмете, шесть процентов скину с цены. Случайность, клянусь, чистейшая случайность... Эй, Seidhe, а ну, прочь от фургона!

Лютик испуганно отдернул руку от тента, глубже натянул капюшон.

Геральт неведомо который раз проклял про себя неумную любознательность барда.

– Mir’me vara, – забормотал Лютик, просительно поднимая руки. – Squaess’me.

– Ладно, ничего, – осклабился гавенкар. – Но туда нельзя заглядывать, потому как там на возу другой товар тожить есть. Но не на продажу, не для Seidhe. Заказной, хе-хе. Ну, мы тут болтаем... Кажите денежки.

«Начинается», – подумал Геральт, глядя на натянутый самострел возницы. У него были основания полагать, что наконечник стрелы вполне мог быть гавенкарской «случайно приобретенной», разбрызгивающей штучкой, которая, попав в живот, выходила из спины в трех, а порой и четырех местах, превращая внутренности подстреленного в весьма неприятный гуляш.

– N’ess tedd, – сказал он, подражая певучему акценту. – Tearde. Mireann vara, va’en vort. Вернемся с командой, тогда торговля. Ell’ea? Понял, Dh’oine?

– Понял, – сплюнул гавенкар. – Понял, что вы нагишом. Товар-то взять хотите, а наличных – тью-тью. Пшли прочь! И не возвращайтесь, потому как у меня тут с важными особами встреча назначена. Вам лучше тем особам на глаза не попадаться. Двигайте...

Он осекся, услышав храп коня.

– А, чтоб тебя! Поздно! Они уже здесь. А ну, лбы под капюшоны, эльфы! Не шевелиться и чтоб мне ни гу-гу! Кольда, дуб стоеросовый, отложи арбалетину, да живей!

Шум дождя, громыхание грома и ковер листьев заглушали стук копыт, благодаря чему наездникам удалось подъехать незаметно и окружить бук мгновенно. Это не были скоя'таэли. «Белки» не носили лат, а восемь окруживших дерево конников посверкивали металлом шлемов, наплечников и кольчуг, залитых дождем.

Один из них медленно приблизился, вырос над гавенкаром, словно гора. Сам он был нормального роста, но сидел на могучем боевом жеребце. Защищенные латами плечи прикрывала волчья шкура, лицо заслонял шлем с широким выступающим наносником, достигающим до нижней губы. В руке чужак держал грозно выглядевший чекан.

– Ридокс! – крикнул он хрипло.

– Фаоильтиарна! – отозвался торговец ломким голосом.

Наездник подъехал еще ближе, наклонился в седле. Вода струей стекала со стального наносника прямо на карваш и зловеще блестящий клюв чекана.

– Фаоильтиарна! – повторил гавенкар, кланяясь в пояс. Он снял шляпу, дождь мгновенно плотно прилепил к черепу его реденькие волосики. – Фаоильтиарна! Я свой, пароль и отзыв знаю... От Фаоильтиарны еду, ваше превосходительство... Жду вот тут, как было договорено...

– А это кто такие?

– Эскорт мой. – Гавенкар наклонился еще ниже. – Ну энти, эльфы...

– Пленник?

– На возу. В гробе.

– В гробу?! – Гром частично заглушил яростный рев наездника с чеканом. – Это тебе даром не пройдет! Господин Ридо ясно приказал: пленник должен быть доставлен живым!

– Так живой же он, живой, – спешно пробормотал торговец. – Как приказано! В гроб мы его запыхали, но живой он... Не я придумал с гробом-то, ваше превосходительство... Это Фаоильтиарна...

Конник хлопнул чеканом по стремени, дал знак. Трое конных прыгнули с седел и стащили тент с фургона. Когда они выкинули на землю седла, попоны и связки упряжи, Геральт при свете молнии действительно увидел гроб из свежеструганой сосны. Однако не приглядывался особо внимательно, чувствуя покалывание в кончиках пальцев. Он уже знал, что увидит через минуту.

– Как же так, ваша милость? – проговорил гавенкар, глядя на раскиданные по мокрой траве товары. – Добро мое с возу вон?

– Беру все. Вместе с упряжкой.

– Аааа. – На заросшую щетиной физиономию торговца выползла слащавая улыбочка. – Энтэ другая разница. Энтэ будет... Дайте подумать. Пять сотен, с позволения вашей милости, ежели в темерской валюте. Если же вашими флоренами, то сорок пять.

– Гляди не продешеви! – фыркнул конный, отвратительно ухмыляясь из-за наносника. – А ну, подойди ближе.

– Осторожнее, Лютик, – прошипел ведьмак, незаметно расстегивая застежку плаща.

Громыкнуло.

Гавенкар подошел к наезднику, наивно рассчитывая на самую большую торговую сделку в своей жизни. И это действительно была сделка его жизни, может, не самая лучшая, но уж наверняка последняя. Наездник приподнялся на стременах и с размаху всадил ему чекан в полысевшее темечко. Торговец упал, не издав ни звука, задержался, замахал руками, вспахал каблуками мокрый ковер листьев. Кто-то из копавшихся в телеге закинул ремень на шею вознице, затянул, второй подскочил, ткнул кинжалом.

Один из конников рывком поднял арбалет, целясь в Лютика. Однако у Геральта в руке уже был меч, выброшенный из телеги гавенкара. Перехватив оружие посередине лезвия, он метнул его, как копье. Прошитый насквозь арбалетчик свалился с коня все еще с выражением безбрежного изумления на лице.

– Беги, Лютик!

Лютик подскочил к Пегасу и диким прыжком взлетел к седлу. Однако прыжок оказался излишне диким, а поэт недостаточно ловким. Он не сумел удержаться за луку и шмякнулся на землю по другую сторону лошади. Это спасло ему жизнь, клинок меча напавшего на него наездника рассек воздух над ушами Пегаса. Мерин испугался, рванул, столкнулся с конем противника.

– Это не эльфы! – рывкнул наездник в шлеме с наносником, тоже выхватывая меч. – Живыми брать! Живыми!

Один из тех, кто, выполняя приказ, соскочил с телеги, замешкался. Однако Геральт уже успел выхватить собственный меч и не терял ни секунды. Запал двух оставшихся несколько остудил хлынувший на них фонтан крови. Геральт воспользовался этим и прикончил второго. Но конники уже подскочили к нему. Он вывернулся из-под их мечей, парировал удар, сделал вольт и в этот момент почувствовал сильную боль в правом колене, почувствовал, что падает. Он не был ранен. Просто вылеченная в Брокилоне нога без всякого предупреждения перестала слушаться.

Замахнувшийся на него секирой пеший вдруг крикнул и завертелся, словно кто-то его сильно толкнул. Прежде чем упасть, ведьмак увидел стрелу с длинными перьями, впившуюся в бок нападающего до половины стержня. Лютик крикнул. Гром заглушил его крик.

Вцепившийся в колесо телеги Геральт увидел при свете молнии светловолосую девушку с натянутым луком, выбегающую из ольховника. Конники тоже заметили ее. И не могли не заметить, потому что в этот момент один из них перевалился через конский круп, получив в кадык стрелу, превратившую его горло в кровавое месиво. Трое остальных, в том числе командир в шлеме с наносником, сразу же оценили опасность, с криком помчались к лучнице, прячась за шеями лошадей. Они думали, что конские шеи будут достаточной защитой от стрел. Они ошибались.

Мария Барринг по прозвищу Мильва натянула лук. Она целилась спокойно, прижав тетиву к щеке. Первый из атакующих вскрикнул и сполз с коня, ступня застряла в стремях, и подкованные копыта раздавили его. Второго стрела прямо-таки смела с седла. Третий, командир, был уже близко, поднялся в стременах, занес меч для удара. Мильва даже не дрогнула. Бесстрашно глядя на нападающего, натянула лук и с пяти шагов всадила ему стрелу прямо в лицо, рядом со стальным наносником. Стрела прошла навывлет, сбросив

шлем. Конь не остановился. Наездник, лишившийся шлема и значительной части головы, еще несколько мгновений сидел в седле, потом медленно наклонился и свалился в лужу. Конь заржал и помчался дальше.

Геральт с трудом встал, помассировал ногу, которая хоть и болела, но – о диво – казалась вполне дееспособной. Он мог спокойно встать на нее, мог ходить. Рядом, сваливая с себя придавивший его труп с развороченным горлом, поднимался с земли Лютик. Лицо поэта цветом могло соперничать с негашеной известью.

Мильва приблизилась, попутно выдергивая стрелу из тела убитого.

– Благодарю тебя, – сказал ведьмак. – Лютик, поблагодари. Это Мильва Барринг. Мы обязаны ей жизнью.

Мильва вырвала стрелу из другого трупа, осмотрела окровавленный наконечник. Лютик что-то невнятно промямлил, склонился в учтивом, но несколько дрожащем поклоне, затем упал на колени, и его вырвало.

– Кто такой? – Лучница вытерла наконечник о мокрые листья, сунула стрелу в колчан. – Друг твой, что ли, ведьмак?

– Да. Его зовут Лютик. Он поэт.

– Поэт. – Мильва поглядела на сотрясаемого сухими уже позывами трубадура, потом подняла глаза. – Ежели так, то понимаю. А вот чего не понимаю, так это пошто он тут блюет, вместо того чтобы где в тишине рифмы складывать. Впрочем, мне-то что. Не мое дело.

– В определенной степени твое. Ты спасла ему шкуру. Мне тоже.

Мильва протерла мокрое от дождя лицо, на котором все еще можно было увидеть отпечаток тетивы. Хоть стреляла она несколько раз, отпечаток был только один – тетива постоянно прижималась к одному и тому же месту.

– Я уже сидела в ольховнике, когда ты трепался с гавнюкаром, – сказала она. – Не хотела, чтобы шельма меня видел, да и нужды не было. А потом приехали другие, и пошла сеча. Нескольких ты здорово разделал. Умеешь мечом крутить, ничего не скажешь. Хоть ты и хромой. Надо было тебе еще в Брокилоне посидеть, лечить ногу-то. Попортишь, так до конца жизни спотыкаться будешь, соображаешь, думаю?

– Переживу.

– И мне так мнится. Потому как я ехала следом, чтобы предупредить. И завернуть. Ничего не получится из твоей езды. На юге война. От Дришота идут на Бругге нильфгаардские войска.

– Откуда знаешь?

– А хоть бы и оттуда. – Девушка широким взмахом указала на трупы и коней. – Это ж нильфы. Похуже гавнюкаров будут. Солнце на шлемах видишь? Шитье на пополах? Собирайтесь, берем ноги в руки, того и гляди сюда новые нагрянут. Эти тут разъездом. Разведкой.

– Не думаю, – покачал головой Геральт, – что разведка или передовой отряд. За другим они приехали.

– Это за чем же?

– За этим, – указал он на лежащий в телеге гавенкаров потемневший от воды сосновый гроб.

Дождь поутих, греметь перестало. Буря перемещалась к северу. Ведьмак поднял валяющийся среди листьев меч, запрыгнул на воз, ругаясь втихую, потому что колено все еще давало о себе знать.

– Помоги открыть.

– Ты что, мертвяка хочешь... – Мильва осеклась, видя просверленные в крышке отверстия. – Холера! Гавнюкар живца в ящике вез?

– Какой-то пленник. – Геральт поддел мечом крышку. – Гавенкар здесь ждал нильфгаардца, чтобы передать ему. Они обменялись паролем и отзывом...

Крышка со скрипом оторвалась, явив человека с кляпом во рту, за руки и за ноги привязанного ременными петлями к боковинам гроба. Ведьмак наклонился. Присмотрелся внимательнее. Потом еще раз, еще внимательнее. И выругался.

– Ну, извольте, – проговорил он протяжно. – Сюрприз! Кто бы ожидал?

– Знаешь его, что ль, ведьмак?

– Встречались, – неприятно усмехнулся он. – Спрячь нож, Мильва. Не разрезай ему пут. Это, похоже, внутренняя нильфгаардская проблема. Нам не следует вмешиваться. Оставим все как есть.

– Да хорошо ли я слышу? – проговорил из-за их спин Лютик. Он все еще был бледен, но любопытство пересилило другие чувства. – Хочешь оставить в лесу связанного человека? Догадываюсь, ты узнал кого-то, с кем был на ножах, но ведь это пленник, черт побери! Он был узником людей, которые напали на нас и чуть было не прикончили. Он враг наших врагов, а враги наших врагов...

Лютик замолчал, видя, что ведьмак вытаскивает из-за голенища складной нож. Мильва тихо кашлянула. Темно-голубые, прикрытые до сих пор от дождя глаза связанного человека расширились. Геральт наклонился и разрезал петлю на его левом плече.

– Глянь, Лютик, – сказал он, взяв пленника за кисть и поднимая ее. – Видишь шрам на руке? Это его Цири рубанула. На острове Танедд, месяц назад. Это нильфгаардец. Приехал на Танедд специально, чтобы увести Цири. Она дала ему мечом, спасаясь от похищения.

– Коту под хвост вся ейная работня, – буркнула Мильва. – Чего-то тут, сдается, не играет. Ежели этот нильф твою Цирю с острова для Нильфгаарда увести хотел, то как он в гроб-то попал? Почему его гавнюкар нильфам как раз же и выдавал? Вытащи у него кляп из пасти, ведьмак. Может, он чего скажет?

– Нет у меня никакого желания его слушать, – глухо ответил ведьмак. – У меня уже сейчас рука чешется ткнуть его мечом. Едва сдерживаюсь. А если он еще и заговорит, не сдержусь. Я вам не все о нем сказал.

– Ну и не сдерживайся, – пожала плечами Мильва. – Сдерживаться вредно. Ткни, ежели это такой негодяй. Только побыстрее, время торопит. Я ж говорила, вот-вот нильфы нагрянут. Я – за своим конем.

Геральт выпрямился, отпустив руку связанного. Тот тут же выдернул изо рта кляп и сплюнул. Но не заговорил. Ведьмак кинул ему нож на грудь.

– Не знаю, за какие грехи запихали тебя в этот сундук, нильфгаардец, – сказал он. – И мне это до свечки. Оставляю тебе нож, освобождайся сам. И жди здесь своих или убегай в леса, воля твоя.

Пленник молчал. Сейчас, связанный и засунутый в деревянный ящик, он выглядел еще более жалким и незащищенным, чем на Танедде, а там Геральт видел его на коленях, в луже крови, раненого, трясущегося от страха. Да и казался он гораздо моложе. Ведьмак не дал бы ему больше двадцати пяти лет.

– Я подарил тебе жизнь на острове, – добавил он. – Дарю и сейчас. Но в последний раз. При следующей встрече прикончу как собаку. Запомни. Если тебе вдруг вздумается уговорить своих дружков погнаться за нами, прихвати гроб с собой. Пригодится. Поехали, Лютик.

– А ну, быстро! – крикнула Мильва, возвращаясь галопом с ведущей на запад тропы. – Да не сюда! В леса, сучья мать, в леса!

– Что случилось?

– От Ленточки конники идут. Большой кучей! Нильфы! Ну, чего глазеее? По коням, пока нас не окружили!

Бой за село шел уже битый час, а конца все еще видно не было. Пешие, обороняющиеся из-за каменных стенок, заборов и баррикад, сложенных из телег, отразили уже три атаки конницы, наступавшей на них по дамбе. Ширина дамбы не позволяла конникам организовать фронтальный нажим, а обороняющейся пехоте давала возможность уплотнить оборону. В результате волны конницы всякий раз разбивались о баррикаду, из-за которой отчаявшиеся, но ожесточенные кнехты осыпали плотные ряды конников градом стрел из луков и арбалетов. Кавалеристы сбивались в кучу, и тогда защитники набрасывались на них, колотя бердышами, гизармами и коваными боевыми цепями. Конница отступала к прудам, оставляя трупы людей и лошадей, а пехотинцы вновь прятались за баррикадой и покрывали врага страшными ругательствами. Спустя какое-то время конница восстанавливала порядок и атаковала снова.

И все повторялось.

– Интересно, кто с кем дерется? – в очередной раз невнятно спросил Лютик, мусоливший во рту сухарь, который выклянчил у Мильвы.

Они сидели на самом краю обрыва, хорошо укрытые в можжевельнике, и могли наблюдать за боем, не опасаясь, что их самих кто-нибудь заметит. Точнее говоря, не то чтобы могли, а просто вынуждены были наблюдать. Другого выхода у них не было. Впереди кипел бой, позади горели леса.

– Нетрудно угадать, – наконец неохотно решился ответить Геральт на вопрос Лютика. – Конники – нильфгаардцы.

– А пешие?

– А пешие – не нильфгаардцы.

– Конники – регулярная кавалерия из Вердэна, – сказала Мильва, до той поры угрюмая и подозрительно неразговорчивая. – Шахматные клетки на пополах. А те, что в деревне, – бруггенские наемники. По хоругви видать.

Действительно, ободренные очередным успехом кнехты подняли над шанцем зеленый штандарт с белым крестом, плечи которого раздваивались на концах. Геральт смотрел внимательно, но раньше штандарта не видел, защитники подняли его только теперь. Видимо, в начале боя он где-то затерялся.

– И долго мы будем сидеть? – спросил Лютик.

– Глянь-ка! – буркнула Мильва. – Спрашивает! Посмотри сам-то! Куды ни глянь – всюду хреново.

Лютику не надо было ни смотреть, ни оглядываться. Весь горизонт был исполосован столбами дыма. Плотнее всего дымило на севере и западе, где чья-то армия поджигала леса. Многочисленные дымы вздымались в небо и на юге, там, куда они направлялись, когда путь им преградил бой. Но за тот час, что они провели на обрывистом холме, дымы поднялись и на востоке.

– Однако ж, – начала лучница после недолгого молчания, взглянув на Геральта, – интересуется меня, ведьмак, и здорово интересуется, что ты теперь собираешься делать. За нами Нильфгаард и горящие леса, что перед нами – сам соображаешь. Так какие же у тебя планы?

– Мои планы не изменились. Пережду бой и отправлюсь на юг. К Яруге.

– Не иначе как тебе разум отшибло, – скривилась Мильва. – Видать же, что дееется. Голым же глазом видать, что это не какая-то там драчка ничьих мужиков, а, как говорится, война. Нильфгаард на пару с Вердэном прет. На юге уж верняком Яругу перешли, не иначе уж весь Бругге, а может, и Содден в огне...

– Я должен добраться до Яруги.

– Ладно! А потом?

– Найду лодку, пойду вниз, попробую дойти до устья. Потом корабль. Должны же оттуда, черт побери, плавать какие-нито корабли...

– В Нильфгаард, что ли? – фыркнула Мильва. – Планы, значит, не изменились.

– Ты не обязана меня сопровождать.

– Ясно, не обязана. И хвала богам, потому как я смерти не ищу. Бояться-то я ее не боюсь, но скажу тебе: дать себя прикончить невелика штука.

– Знаю, – ответил он спокойно. – Есть опыт. Не шел бы в ту сторону, коли не нужна. Но – нужна, вот и иду. Ничто меня не удержит.

– Хо! – окинула она его взглядом. – А голосок, словно кто ножом по дну старого котла скребет. Если б тебя император Эмгыр услышал, в штаны б, ей-бо, напустил со страху. Ко мне, стража, ко мне, свита моя императорская, беда, беда-то какая, слышь, уж тут к нам, в Нильфгаард, ведьмак челном прет. Вот-вот тута будет, жизни и короны лишит! Все! Погибнул я, несчастный!

– Перестань, Мильва.

– Факт! Сам час тебе правду в глаза сказать. Да пусть меня полинялый кролик на пне отдерет, если я когда дурнее тебя парня видала! Едешь у Эмгыра свою девку выдирать? Которую Эмгыр в императрицы высмотрел? Которую у королей отобрал? У Эмгыра коготь что надо, чего уцепит, того не отпустит. Короли с ним не управились, а ты хочешь?

Ведьмак не ответил.

– В Нильфгаард, стало быть, намылился, – повторила Мильва, покачав головой. – С императором воевать надумал, невесту у него отбить. А ты подумал, как все может обернуться? Вот ты доехал, вот свою Цирю в дворцовых покоях отыскал, всю в злате и шелках, ну и что ты ей скажешь? Пошли, мол, милая, со мной, что тебе императорский трон,

вдвоем в шалаше заживем из души в душу, перед новолунием кору грызть будем. Ты глянь на себя, хромой оборвыш. Ты даже капор и опорки у дриад получил после какого-то эльфа, который от ран помер в Брокилоне. Ты знаешь, что будет, когда тебя твоя мазелька увидит? В очи тебе плюнет, высмеет, драбантам велит тебя взашей за порог выкинуть и собаками затравить!

Мильва говорила все громче, под конец почти кричала. Не только от злости, но чтобы перекрыть усиливающийся гул. Снизу орали десятки, может, сотни глоток. На бруггенских кнехтов навалилась очередная атака. Но теперь с двух сторон одновременно. Одетые в синие туники с черно-белыми клетками на груди вердэнцы гарцевали впереди, а из-за пруда, заходя защитникам с фланга, вылетел сильный отряд наездников в черных плащах.

– Нильфы, – кратко бросила Мильва.

Теперь у бруггенской пехоты не было никаких шансов выстоять. Кавалеристы прорвались через преграды и мгновенно разнесли защитников мечами. Штандарт с крестом упал. Часть пехотинцев бросила оружие и сдалась, часть пыталась бежать к лесу. Но оттуда налетел третий отряд, ватага разномастно одетых легковооруженных конников.

– Скоя'таэли, – поднявшись, сказала Мильва. – Теперь-то ты понял, что творится, ведьмак? Дошло до тебя? Нильфгаард, Вердэн и «белки» вкупе. Война. Как в Аэдирне месяц назад.

– Это рейд, – покрутил головой Геральт. – Грабительский налет. Только конница, никакой пехоты...

– Пехота форты и укрепленные замки берет. Вон те дымы, думаешь, откуда? Из коптилен?

Снизу, от дереvушки, до них долетали дикие, отчаянные вопли беглецов, которых догоняли и приканчивали «белки». С крыш поднялись дымы и огонь. Сильный ветер подсушил солому после утреннего ливня, пожар мгновенно перекидывался на соседние домишки.

– Вот, – буркнула Мильва, – конец селу. А ведь токо-токо отстроились опосля той войны. Два года в поте лица ставили, а сгорит за пару часов. Научиться б пора!

– Чему? – быстро спросил Геральт.

Она не ответила. Дым от пылающей дереvушки взбивался высоко, добрался до обрыва, щипал глаза, выжимал слезы. Со стороны пожара долетели крики. Лютик вдруг побелел как полотно.

Пленных сбили в кучу, взяли в кольцо. По приказу рыцаря в шлеме с черным султаном конники принялись сечь и рубить безоружных. Падающих топтали лошадьми. Кольцо сжималось. Крики, долетавшие до обрыва, перестали походить на человеческие голоса.

– И мы пойдем на юг? – спросил поэт, выразительно глядя на ведьмака. – Через пожары? Туда, откуда являются эти мясники?

– Сдается мне, – не сразу ответил Геральт, – выбора у нас нет.

– Есть, – сказала Мильва. – Я могу провести вас лесами за Совиные Холмы и обратно до Кеанн Трайса. В Брокилон.

– Через пылающие леса? Сквозь огонь, от которого мы едва убежали?

– Все вернее, чем дорогой на юг. До Кеанн Трайса не боле четырнадцати верст, а я знаю тропки.

Ведьмак глядел вниз, на гибнущую в огне деревню. Нильфгаардцы уже управились с пленными, конники выстраивались в походную колонну. Разношерстная ватага скоя'тазлей двинулась по тракту, ведущему на восток.

– Я не возвращусь, – ответил Геральт жестко. – А вот Лютика в Брокилон проводи.

– Нет! – запротестовал поэт, хоть лицо его все еще не обрело своего нормального цвета. – Еду с тобой.

Мильва махнула рукой, подняла колчан и лук, сделала шаг в сторону лошадей, неожиданно повернулась.

– К дьяволу! Слишком долго и слишком часто я эльфов от гибели спасала. Не можно мне теперь глядеть, как кто гибнет. Провожу вас до Яруги, психи шальные, токо не южным путем, а восточным.

– Там же леса горят!

– Провожу через огонь. Привыкла.

– Ты не должна этого делать, Мильва.

– И верно, не должна! Ну, в седла! Двигайтесь наконец!

Уехали недалеко. Кони с трудом передвигались в чащобе и по заросшим стежкам, а пользоваться дорогами они не отваживались – отовсюду долетал топот и гул перемещающихся войск. Сумрак застал их среди заросших кустарником балок, и тут они остановились на ночлег. Дождь перестал. Небо было светлым от пожаров.

Они отыскивали сравнительно сухое место, присели, обернувшись накидками и попонами. Мильва отправилась разведать околицу. Как только она отошла, Лютик дал волю долго сдерживаемому любопытству, которое возбуждала в нем брокилонская лучница.

– Девушка – прямо лань, – бурчал он. – Везет тебе на такие знакомства, Геральт. Стройная и ладная, не ходит – танцует. По мне, так немного узковата в бедрах, а в плечах чуточку мощновата, но ведь женщина, женщина... Яблочки впереди... того и гляди, хо-хо... рубашка лопнет...

– Заткнись, Лютик.

– В пути, – мечтательно закатил глаза Лютик, – мне случилось нечаянно коснуться. Бедра, скажу тебе, словно мрамор. М-да, не скучал ты тот месяц в Брокилоне...

Мильва, которая в этот момент вернулась из разведки, услышала театральный шепот и заметила взгляды.

– Обо мне треплешься, поэт? Че-то ты на меня пялишься, едва я отвернусь? Птица мне на спину наклала?

– Никак не можем надивиться твоему искусству лучника, – осклабился Лютик. – Думаю, на стрелецких состязаниях у тебя б конкурентов не было.

– Давай-давай, трепись.

– Читал я, – Лютик многозначительно глянул на Геральта, – что самых лучших лучниц можно найти среди зерриканок, в степных кланах. Некоторые вроде бы отрезают себе левую грудь, чтобы не мешала натягивать лук. Бюст, говорят, мешает тетиве.

– Не иначе, какой виршеплет навроде тебя выдумал, – приснула Мильва. – Сидит себе и от нечего делать придумывает всякую ослиную дурь, перо в горшок ночной макает, а люди глупые верят! Что, сиськами, что ль, стреляют-то? Или как? К щеке тетиву натягивают, боком стоя, вот так. Ни за чего тетива не задевает. Что отрезают – глупость, выдумка пустоголовых бездельников навроде тебя, которым вечно одни бабы титьки снятся.

– Благодарю за сердечные слова о поэтах и поэзии. И за лекцию о лучницах. Хорошее оружие лук. Знаете что? Я думаю, именно в этом направлении будет развиваться военная наука. В будущих войнах биться будут на расстоянии. Изобретут такое оружие, что противники смогут запросто убивать друг друга, вообще не видя, кого убивают!

– Дурь одна... – кратко оценила Мильва. – Лук – хорошая штука, но война – это мужик супротив мужика, на длину меча. Тот, что крепче, слабаку башку пополам. Всегда так было и так будет. А когда кончится, то и войнам конец. А пока что – видел, как воюют? В той деревне, возле дамбы. Эх, что трепаться впустую. Пойду гляну. Кони храпят, ровно б волк где поблизости крутит...

– Ну – лань и лань! – Лютик проводил ее взглядом. – Хммм... Однако, возвращаясь к упомянутой деревне у дамбы и к тому, что Мильва твоя сказала, когда мы на обрыве сидели... Ты не считаешь, что она была малость права?

– Относительно чего?

– Относительно... Цири. – Поэт слегка запнулся. – Наша прелестная и быстрострельная дева, похоже, не уразумела ваших взаимоотношений, думает, как мне кажется, что ты намерен соперничать с нильфгаардским императором в борьбе за ее руку. Что в этом истинная причина твоего похода в Нильфгаард.

– Стало быть, относительно этого она не права. А относительно чего права?

– Погоди, не заводись. Но взгляни правде в глаза. Ты приголубил Цири и считаешь себя ее опекуном. Но это ведь не обычная девушка. Она – королевское дитя, Геральт. Ей, как ни говори, положен трон. Дворец. Корона. Не знаю, конечно, нильфгаардская ли. Не знаю, лучший ли для нее муж Эмгыр...

– И верно. Не знаешь.

– А ты знаешь?

– Ясное дело – потихоньку приближаешься к выводам, – сказал ведьмак, плотнее заворачиваясь в попону. – Не старайся очень-то. Я знаю, что это за вывод. Нет смысла спасать Цири от судьбы, писанной ей при рождении. Ибо спасенная Цири вполне может приказать драбантам скинуть нас с лестницы. А посему – оставим ее в покое. Так?

Лютик раскрыл рот, но Геральт не дал ему заговорить.

– Девочку, – начал он все сильнее изменяющимся голосом, – поймал не дракон или злой волшебник, не пираты похитили ее ради выкупа. Она не сидит в башне, в застенке или в клетке, ее не пытаются и не морят голодом. Все совсем наоборот. Она спит на дамасте, ест с серебра, носит шелка и кружева, вся увешана драгоценностями, того и гляди ее коронуют. Короче говоря, она счастлива. А какой-то ведьмак, которого злой рок когда-то случайно поставил у нее на пути, надумал это счастье порушить, уничтожить, растоптать дырявыми опорками, которые ему достались в наследство от какого-то дохлого эльфа. Так?

– Не это я имел в виду, – буркнул Лютик.

– Да не к тебе он обращается. – Мильва неожиданно вынырнула из мрака и после недолгого

колебания присела рядом с ведьмаком. – Ко мне. Это мои слова так его допекли. По злобе я говорила, не подумавши... Ты уж прости, ведьм. Знаю я, как бывает, когда в живую рану коготь всадить... Ну, не злись. Больше я так не сделаю. Простишь? Или надо тебя ради прощения... приглубить?

Не ожидая ответа или разрешения, она сильно обняла его за шею и поцеловала в щеку. Он крепко сжал ей руку.

– Придвинься, – откашлялся он. – И ты тоже, Лютик. Рядом теплее будет!

Молчали долго. По светлому от зарев небу двигались облака, то и дело заслоняя помигивающие звезды.

– Хочу вам кое-что сказать, – наконец проговорил Геральт. – Но поклянитесь, что не станете смеяться.

– Давай.

– Видел я странные сны. В Брокилоне. Сначала думал – бред. Что-то с головой. Понимаете, на Танедде меня здорово треснули по лбу. Но несколько ночей я видел один и тот же сон. Постоянно один и тот же.

Лютик и Мильва молчали.

– Цири, – продолжал он, – не спит во дворце под парчовым балдахином, а едет на лошади через какую-то пыльную деревушку... Кметы указывают на нее пальцами. Называют именем, которого я не знаю. Лают собаки. Она не одна. Есть там и другие. Какая-то коротко остриженная девушка держит Цири за руку... Цири ей улыбается. Не нравится мне ее улыбка. Не нравится мне ее яркий макияж... А больше всего не нравится мне то, что за ней следом плетется смерть...

– Тогда где же эта девушка? – заурчала Мильва, словно кошка прижимаясь к нему. – Не в Нильфгаарде?

– Не знаю, – с трудом ответил он. – Но один и тот же сон я видел несколько раз. Проблема-то в том, что я не верю в такие сны.

– Ну и глупо. Я верю.

– Не знаю, – повторил он. – Но чувствую. Перед ней огонь, а за ней смерть. Мне надо спешить.

На рассвете снова пошел дождь. Не так, как вчера, когда буря сопровождалась сильным, но кратким ливнем. Сейчас небо посерело и затянулось свинцовым налетом. Начало моросить: мелко, ровно, докучливо.

Они ехали на восток. Мильва вела. Когда Геральт обратил ее внимание на то, что Яруга находится на юге, лучница обрезала его и напомнила, что ведет она и она сама знает, что делает. Больше он не заговаривал. В конце концов важно было, что они едут. Направление особого значения не имело.

Ехали молча, мокрые, озябшие, ссутулившись в седлах. Придерживались лесных тропок, проскальзывали вдоль вырубков, пересекали тракты. Слыша стук копыт проходившей по дорогам кавалерии, углублялись в чащу. Широкой дугой обходили гул и рев боев. Проезжали мимо полыхающих деревень, мимо дымящихся и тлеющих пожарищ, мимо поселков и мыз, от которых остались только черные квадраты выгоревшей земли и резкая вонь промоченной дождем гари. Спугивали стаи ворон, обжигающихся трупами. Миновали группы и колонны

сгибающихся под тяжестью тюков и сундуков, бегущих от войны и пожара кметов, отупевших, отвечающих на вопросы только испуганным, ничего не понимающим и не выражающим взглядом пустых от несчастья и ужаса глаз.

Они ехали на восток, в огне и в дыму, в мороси и тумане, а перед их глазами разворачивался гобелен войны, сменялись картины.

Была картина с журавлем, вознесшим черную стрелу посреди руин спаленной деревушки. На журавле висел нагой труп. Головой вниз. Кровь из разрубленной промежности и живота стекала ему на грудь и лицо, сосульками свисала с волос. На спине трупа была видна руна «Ард». Вырезанная ножом.

– An'givare, – сказала Мильва, откидывая мокрые волосы с шеи. – Здесь были «белки».

– Что значит an'givare?

– Доносчик.

Была картина с сивой лошадей в черной попоне. Животное, покачиваясь, ступало по краю побоища, пробираясь между навалами трупов и вбитыми в землю обломками копий, тихо и со свистом ржало и волочило за собой вывалившиеся из распоротого брюха внутренности. Добить лошадей они не могли – кроме нее, по полю шатались обдирающие трупы мародеры.

Была картина с распятой девушкой, лежащей недалеко от спаленного крестьянского двора, голой, окровавленной, глядящей в небо остекленевшими глазами.

– Говорят, драка – мужская доля, – проворчала Мильва. – А над бабой не сжалются, обязательно должны поизмываться. Герои, собачья масть!

– Ты права. Но этого не изменишь.

– Я уже изменила. Сбежала из дому. Не хотела подметать халупу и драить полы. И ждать, когда придут, халупу подпалят, а меня разложат на полу и...

Она не закончила, подогнала коня.

А потом была картина со смолокурней. Вот тогда-то Лютик выблевал все, что в тот день съел, то есть сухарь и половину вяленой трески.

В смолокурне нильфгаардцы – а может, скоя'таэли – расправились с большой группой пленников. Сколько их было в этой большой группе, невозможно было сосчитать даже приблизительно. Потому что для расправы послужили не только стрелы, мечи и копья, но и найденный в смолокурне лесорубский инструмент: топоры, струги и пилы.

Были и другие картины, но Геральт, Лютик и Мильва их уже не запомнили. Выкинули из памяти.

Стали невосприимчивыми.

За следующие два дня не проехали и двадцати верст. Шел дождь. Почва, возжаждущая после летней суши воды, упиалась до пересыта, лесные дорожки развезло. Туман и испарения не позволяли видеть дымы пожаров, но запах гари указывал на то, что войска все еще недалеко и продолжают жечь все, что берет огонь.

Беженцев они не видели. Шли по лесам одни. Во всяком случае, так им казалось.

Геральт первым услышал храп идущего за ними следом коня. С каменным лицом завернул

Плотву. Лютик раскрыл было рот, но Мильва жестом велела ему молчать, вынула лук из сайдака при седле.

Едущий следом за ними человек появился из зарослей. Увидел, что его ожидают, и остановил коня, гнедого жеребца. Так они и стояли в тишине, прерываемой только шумом дождя.

– Я запретил тебе ехать за нами, – наконец сказал ведьмак.

Нильфгаардец, которого Лютик последний раз видел засунутым в гроб, уставился на мокрую гриву коня. Поэт едва узнал его, одетого в кольчугу, кожаный кафтан и плащ, несомненно, позаимствованный у одного из убитых гавенкаров. Однако он запомнил молодое лицо, которое с момента приключения под буком еще не успела изменить скупая растущая борода.

– Я запретил, – повторил Геральт.

– Запретил, – наконец признал юноша. Говорил он без нильфгаардского акцента. – Но я должен.

Геральт спрыгнул с коня, бросил поводья поэту. И вытянул меч.

– Слезай, – сказал он спокойно. – Вижу, ты уже приобрел себе железяку. Это хорошо. Я не хотел кончать тебя, когда ты был безоружным. Теперь – другое дело. Слезай.

– Я не стану с тобой биться. Не хочу.

– Догадываюсь. Как и все твои соплеменники, предпочитаешь другой вид драки. Такой, как в той смолокурне, рядом с которой тебе пришлось проехать, следуя за нами. Слезай, говорю.

– Я – Кагыр Маур Дыффин азп Кеаллах.

– Меня не интересует твое имя. Я приказал слезть.

– Не слезу. Я не хочу с тобой биться.

– Мильва, – кивнул ведьмак лучнице. – Окажи мне любезность, убей под ним коня.

– Нет! – Нильфгаардец поднял руку, прежде чем Мильва наложила стрелу на тетиву. – Нет, пожалуйста, не надо. Я слезу.

– Так-то оно лучше. А теперь доставай меч, сопляк.

Юноша скрестил руки на груди.

– Убей меня, если хочешь. Если не хочешь сам – прикажи своей эльфке застрелить меня из лука. Я не стану с тобой биться. Я Кагыр Маур Дыффин... сын Кеаллаха. Я хочу... Я хочу присоединиться к вам.

– Уж не ослышался ли я? Повтори.

– Хочу к вам присоединиться. Ты ищешь девочку. Я хочу тебе помочь.

– Псих ненормальный, – повернулся Геральт к Мильве и Лютику. – Он спятил. Чокнутый какой-то.

– В сам раз для нашей компании, – буркнула Мильва. – Прямо тютелька в тютельку подошел бы.

– Обдумай его предложение, Геральт, – съехидничал Лютик. – Как-никак нильфгаардский дворянин. Может, с его помощью нам будет легче пробраться в...

– Попридержи язык, – прервал его ведьмак. – Ну, давай доставай меч, нильфгаардец.

– Я не буду биться. И я не нильфгаардец. Я из Виковаро. Меня зовут...

– Мне плевать, как тебя зовут. Доставай оружие.

– Нет.

– Ведьмак, – Мильва наклонилась в седле, сплюнула на землю, – время идет, а дождь мочит. Нильф не хочет с тобой биться, а ты, хоть и строишь зверские рожи, не зарубишь его так, за здорово живешь. И что, будем тут торчать, покуда не обделаемся? Всажу его гнедому стрелу в пах, и едем дальше. Пёхом он за нами не поспеет.

Кагыр, сын Кеаллаха, одним прыжком подскочил к гнедому жеребцу, запрыгнул в седло и помчался назад, криком подгоняя коня. Ведьмак какое-то время глядел ему вслед, потом сел на Плотву. Молча. И не оглядываясь.

– Старею, видать, – буркнул он немного погодя, когда Плотва поравнялась с вороным конем Мильвы. – Принципы наружу вылезли.

– У стариков это бывает. – Лучница с сочувствием глянула на него. – И часто вылезают? Отвар из медуницы, говорят, помогает. И вправлять надо. А пока – клади себе подушечку под зад.

– Принципы, – серьезно пояснил Лютик, – не геморройные шишки, Мильва. Ты путаешь понятия.

– А кто их там поймет, треп-то ваш заумный! Болтаете, болтаете, одно токо и умеете! А ну, дальше! Езда!

– Мильва, – немного погодя спросил ведьмак, прикрывая лицо от секущего на галопе дождя. – Убила б ты под ним коня?

– Нет, – неохотно призналась она. – Чем конь-то виноват? Да и нильф энтот... Какого черта он за нами увязался? Пошто говорит, что должен?

– Чтоб меня черти взяли, если знаю.

Дождь не прекращался, когда лес неожиданно кончился и они выехали на тракт, бегущий среди холмов с юга на север. Или наоборот, в зависимости от точки зрения.

То, что они увидели на тракте, их не удивило. Такое уже было. Перевернутые и развороченные телеги, конские трупы, раскиданные тюки, вьюки и лубяные короба. И изувеченные, застывшие в разных позах тела, которые еще недавно были живыми людьми.

Подъехали ближе, без опаски, так как ясно было, что бойня произошла не сегодня, а вчера или позавчера. Они уже научились распознавать такие штуки, а может, чувствовали их простым животным инстинктом, который пробудился и обострился в них за прошедшие дни. Научились они и осматривать побоища, потому что иногда – правда, редко – среди пораскиданных пожитков удавалось найти немного съестного либо мешок фуража.

Остановились у крайнего фургона разгромленного обоза, спихнутого в ров и как бы присевшего на ступицу поломанного колеса. Под фургоном лежала полная женщина с неестественно вывернутой шеей. Ворот куртки покрывали размытые дождем струйки

засохшей крови из разорванной мочки уха, из которой выдрали серьгу. На тенте фургона виднелась надпись: «ВЭРА ЛЁВЕНХАУПТ И СЫНОВЬЯ». Сыновей поблизости не было.

– Это не кметы, – стиснула зубы Мильва. – Это купцы. С юга шли, от Диллингена и Бругге, тут их и накрыли. Скверно, ведьмак. Я уж мнила тут к югу свернуть, а теперь, ей-бо, не знаю, что делать. Диллинген и весь Бругге уж точно в нильфгаардских руках, здесь нам к Яруге не пройти. Надо дальше на восток двигать, через Турлуг. Там леса и безлюдье, туда армия не пойдет.

– Дальше на восток я не поеду, – возразил Геральт. – Мне необходимо попасть на Яругу.

– И попадешь, – неожиданно спокойно ответила она. – Но по более безопасному пути. А двинешь отсюда на юг, прямо в зубы нильфам попадешь. И ничего не выгадаешь.

– Время выгадаю, – буркнул он. – А если ехать на восток, значит, снова его упущу. Говорил же – не могу я себе этого...

– Тише! – вдруг сказал Лютик, поворачивая коня. – Перестаньте на минуту болтать.

– Что такое?

– Слышу... пение.

Ведьмак покачал головой. Мильва хихикнула.

– Чудится тебе, трубадуй.

– Тихо, сказал! Заткнитесь! Кто-то поет, говорю же. Не слышите?

Геральт скинул капюшон, который Мильва обозвала капором. Мильва тоже прислушалась, потом глянула на ведьмака и молча кивнула.

Музыкальный слух не подвел трубадура. То, что казалось невозможным, оказалось правдой. Они стояли в сердце леса под морозящим дождем, на дороге, усеянной трупами, и слышали пение. Кто-то приближался с юга и пел бодро и весело.

Мильва дернула поводья вороного, готовая бежать, но ведьмак жестом остановил ее. Его это заинтересовало. Потому что доносящееся до них пение не было грозной, ритмичной, гудящей многоголосицей марширующей пехтуры или задорной песенкой конников. Оно не вызывало страха. Совсем наоборот.

Дождь шумел в листве. Уже можно было различить слова песенки. Веселой песенки, казавшейся в этой панораме войны и смерти чем-то чуждым, неестественным и совершенно неуместным.

Гляньте, там в бору-борочке да волчишко пляшет,

Зубья щерит, резво скачет и хвостиком машет.

Ты чего такой веселый, бестия лесная?

Иль жены не подыскалось? Не нашлась такая?

Ум-та, ум-та, у-ху-ха!

Люттик вдруг рассмеялся, вытащил из-под мокрого плаща лютню, не обращая внимания на шипение ведьмака и Мильвы, рванул струны и подхватил во весь голос:

Гляньте, серый волк патлатый стонет под горою,

Морда в землю, хвост под брюхом и слеза рекою.

Ты чего такой унылый, бестия лесная?

Ох, женился я по дури! Ох, судьбина злая!

– Ум-та, ум-та, у-ху-ха! – подхватили совсем близко многочисленные голоса.

Раздался дружный смех, кто-то пронзительно засвистел на пальцах, и из-за поворота показалась удивительно живописная, идущая гуськом компания, разбрызгивающая грязь ритмичными ударами тяжелых сапожищ.

– Краснолюды, – вполголоса отметила Мильва. – Но не из «белок». Бороды не заплетены.

Их было шестеро. В коротких, переливающихся всеми оттенками серого и коричневого плащах с капюшонами, какие краснолюды обычно носят во время ненастья. Геральт знал, что такие плащи совершенно не пропускали воды, поскольку из года в год они пропитывались дегтем, покрывались дорожной пылью и остатками жирной пищи. Практически такая одежда переходила от отца к старшему сыну, поэтому пользовались ею, как правило, исключительно краснолюды зрелого возраста. А зрелости краснолюдов достигал тогда, когда борода доходила ему до пояса, что обычно случалось годам к пятидесяти.

Ни один из приближающихся на молодого не походил. Но и на старого тоже.

– Людей ведут, – буркнула Мильва, движением головы указывая Геральту на группу, выходящую из леса вслед за шестеркой краснолюдов. – Не иначе, как беженцев, глянь, все поклажей увешаны.

– Да и сами тоже неплохо нагружены, – заметил Люттик.

Действительно, каждый краснолюд тащил груз, под которым запросто свалился бы не только человек, но и конь, что послабее. Кроме обычных наспинных мешков и котомок, Геральт заметил небольшие туески, солидный медный котел и что-то вроде маленького сундука с ящичками. Один нес на плече колесо от телеги.

Передний шел налегке. За пояс у него был засунут небольшой топорик, за спиной – длинный меч в ножнах, обернутых полосатыми кошачьими шкурками, на плече зеленый мокрый взъерошенный попугай. Именно передний с ними и поздоровался.

– Приветствую! – рявкнул он, останавливаясь посереде дороги и упираясь руками в бока. – Времена такие, что лучше волка повстречать в бору, чем человека, а если уж выпало человека, то сподручней встречного стрелой из самострела попотчевать, чем добрым словом поприветствовать! Но кто песней здоровается, кто музыкой представляется, тот, видать, свой мужик. А может, и своя баба, прошу прощения у милой дамы! Приветствую. Я – Золтан Хивай.

– Я – Геральт, – представился после недолгого колебания ведьмак. – Пел Люттик. А это – Мильва.

– Крррва мать! – проскрипел попугай.

– Захлопни клюв! – буркнул на птицу Золтан Хивай. – Прощения прошу. Мудрая эта заморская птица, но невоспитанная. Десять талеров за чудака отдал. Фельдмаршал Дуб зовется. А это остальная моя компания: Мунро Бруйс, Язон Варда, Кaleb Страттон, Фиггис Мерлуццо и Персиваль Шуттенбах.

Персиваль Шуттенбах был не краснолюд. Вместо всклокоченной бороды из-под мокрого капюшона выступал длинный и острый нос, безошибочно указывающий на принадлежность владельца старой и благородной расе гномов.

– Эти, – указал Золтан Хивай на сбившихся неподалеку в кучку людей, – беженцы из Кернова. Одни бабы с ребятей. Больше их было, но Нильфгаард окружил их три дня тому, вырезал и рассеял. Мы наткнулись на них в лесах и теперь вот сообща идем.

– Смело идете, – позволил себе заметить ведьмак. – По дороге с песнями.

– Не думаю, – тряхнул бородой краснолюд, – что топать с плачем было бы лучше. От Диллингена шли лесами, тихо и скрытно, а когда войска прошли, выбрались на тракт, чтобы время нагнать. – Он осекся, глянув на побоище.

– К таким картинкам, – указал он на трупы, – мы уже попривыкли. От самого Диллингена, от Яруги на трактах одна смерть... Вы из этих?

– Нет. Купцов нильфгаардцы вырезали.

– Нет. Не нильфгаардцы, – покрутил головой краснолюд, равнодушно глядя на убитых. – Скоя'таэли. Регулярное войско не тратит времени на то, чтобы стрелы из трупов вытаскивать. А хорошая стрела полкроны стоит.

– Ишь, разбирается, – буркнула Мильва.

– Куда идете?

– На юг, – тут же ответил Геральт.

– Не советую. – Золтан Хивай снова покачал головой. – Там сплошь ад, огонь и гибель. Диллинген уже наверняка захвачен, все крупные силы Черных переходят Яругу, того и гляди зальют всю долину на правом берегу. Сами видите, они уже перед нами, на севере, идут на город Бругге. Стало быть, единственно разумное направление бегства – восток.

Мильва многозначительно глянула на ведьмака, а ведьмак воздержался от комментариев.

– Мы, к примеру, на восток направляемся, – продолжал Золтан Хивай. – Единственный шанс – это спрятаться за фронт, а с востока, от реки Ины, в конце концов двинутся темерские войска. Думаем идти туда лесными просеками до Холмов Турлуга, потом Старой Дорогой до Соддена, до реки Хотли, что в Ину впадает. Хотите, пойдемте вместе. Если не помешает, что медленно идем. У вас кони, а нас беженцы задерживают здорово.

– Вам, гляжу, – проговорила Мильва, проницательно глядя на него, – это вроде бы не мешает. Краснолюд даже с грузом тридцать верст в день может отмахать без малого, сколь и конный человек. Я знаю Старую Дорогу. Без беженцев вы бы у Хотли за три дня были.

– Это ж бабы с детяками. – Золтан Хивай выставил бороду и живот. – Мы их на милость судьбы не кинем. Иль посоветуете что другое? Э?

– Нет, – сказал ведьмак. – Не посоветуем.

– Рад слышать. Значит, не подвел меня первый взгляд. Ну так как? Вместе идем?

Геральт глянул на Мильву, лучница кивнула.

– Добро. – Золтан Хивай заметил это. – Стало быть, в путь, пока нас тут на тракте какой-нито разъезд не прихватил. Но прежде... Язон, Мунро, осмотрите телеги. Ежели что полезного там осталось – забрать. Фиггис, проверь, годится ль наше колесо к той вон малой фуре. Она б нам была в сам раз.

– Годится! – крикнул через минуту тот, что тащил колесо. – Словно от ней и было.

– Ну, видишь, дурья башка? Дивился, когда я тебе вчера велел колесо взять и тащить! Приспособляй! Помоги ему, Калев!

Удивительно быстро снабженный новым колесом воз покойницы Вэры Лёвенхаупт со снятым тентом и без ненужных элементов вытащили из рва на дорогу. Мгновенно свалили на него весь груз. Подумав, Золтан Хивай приказал посадить на телегу детей. Распоряжение было выполнено без энтузиазма – Геральт заметил, что беженки косо глядят на краснолюдов и предпочитают держаться от них подальше.

Лютик с явным неудовольствием поглядывал на двух краснолюдов, примерявших снятую с трупов одежду. Остальные шныряли среди телег, но, видно, ничего стоящего не нашли. Золтан Хивай свистнул на пальцах, дав знак, что пора уже кончать «промысел», затем глазом профессионала окинул Плотову и вороного Мильвы.

– Верховые, – отметил он, с неудовольствием шмыгнув носом. – Значит, не годятся. Фиггис, Калев – за дышла. Будем меняться в упряжи. Марш! * * *

Геральт был уверен, что краснолюды бросят телегу, как только та порядком увязнет на раскисших просеках, но ошибся. Низкорослые парни были сильны как быки, а ведущие на восток лесные дороги оказались травянистыми и не очень топкими.

Дождь шел без перерыва. Мильва стала угрюмой, вялой, а если и заговаривала, то только чтобы сказать, что у лошадей вот-вот полопается размякшая роговина на копытах. Золтан Хивай в ответ облизывался, осматривал копыта и утверждал, что он крупный дока по части приготовления конины, чем доводил Мильву до бешенства.

Они выдерживали постоянный строй, в центре которого двигалась телега. «Тягачи» время от времени менялись. Перед телегой вышагивал Золтан, рядом с ним ехал на Пегасе Лютик, дружески препиравшийся с попугаем. За телегой следовали Геральт с Мильвой, а в хвосте тащились шесть женщин из Кернова.

Вел, как правило, Персиваль Шуттенбах, длинноносый гном. Уступая краснолюдам ростом и силой, он был их ровней по выносливости, а ловкостью даже значительно превосходил. Во время движения постоянно петлял, шебуршил по кустам, выбегал вперед и исчезал, затем неожиданно появлялся и нервными, обезьяньими жестами издали давал понять, что все в порядке, можно идти дальше. Иногда подходил и быстро докладывал о преградах на пути. Всякий раз, возвращаясь, приносил четверке сидевших на возу детей горсть орехов, ягод либо какие-нибудь странные, но явно вкусные корешки.

Шли они чудовищно медленно, пробирались по просекам и вырубкам три дня. Не встретили армии, не видели ни дымов, ни пожарищ. Однако одиноки не были. «Разведчик» Персиваль то и дело докладывал о скрывающихся в лесах группах беженцев. Несколько таких групп они миновали, причем быстро, потому что вид вооруженных вилами и дубинами людей как-то не вызывал желания вступать с ними в контакт. Правда, кто-то из краснолюдов все-таки предложил попытаться переговорить и оставить одной группе женщин из Кернова, но Золтан

воспротивился, а Мильва его поддержала. Женщины тоже явно не горели желанием покинуть компанию. Это было тем удивительнее, что к краснолюдам они относились с очевидным страхом и неприязнью, почти не разговаривали с ними и на каждой стоянке держались особняком.

Геральт объяснял поведение женщин трагедией, которую они недавно пережили, но при том подозревал, что причиной неприязни могли быть и свободные нравы краснолюдов. Золтан и его компания ругались так же непристойно и часто, как и попугай по имени Фельдмаршал Дуб, но при этом репертуар у них был несравнимо богаче. Распевали скабрёзные песенки, в чем им активно помогал Лютик. Плевались, сморкались в руку и пускали громкие ветры, становившиеся, как правило, поводом для смеха, шуток и соперничества. В кусты ходили исключительно по большой нужде, а малую справляли, не затрудняя себя долгим хождением. Последнее наконец разобрало Мильву, которая крепко отчитала Золтана, когда тот утром отлил на еще теплый пепел костра, совершенно не стесняясь зрителей и не обращая внимания на поднявшуюся вонь. Получив от Мильвы выговор, Золтан нисколько не смутился и сообщил, что скрывать такого рода действия могут только двуличные, коварные и склонные к доносу типы, по каковым действиям таковых обычно и узнают. Однако красноречивые пояснения краснолюда не произвели на лучницу никакого впечатления. Она угостила краснолюдов богатым букетом ругательств и несколькими вполне конкретными обещаниями, что явно возымело действие, потому что все стали послушно ходить в кусты. Однако чтобы не попасть в разряд двуличных и коварных доносителей, делали это коллективно.

Зато новое общество совершенно изменило Лютика. Поэт был с краснолюдами запанибрата, особенно когда оказалось, что некоторые слышали о нем и даже знают его баллады и куплеты. Лютик старался не уступать Золтановой компании ни в чем. Носил стеганую куртку, которую выклянчил у краснолюдов, изрядно потрепанную шапочку с пером заменил на лихой куний колпак. Перепоясался широким, украшенным латунью поясом, за который заткнул полученный в подарок нож вполне разбойничьего вида. Нож этот, как правило, колол его в пах при каждом наклоне. К счастью, убийственное оружие вскоре где-то потерялось, а другого ему получить уже не удалось.

Они шли густыми лесами, покрывающими склоны Турлуга. Леса казались вымершими, никаких признаков животных, видимо, распуганных войсками и беженцами. Не за чем было поохотиться, но, к счастью, пока что голод им не грозил. Краснолюды прихватили с собой достаточно припасов. А когда они кончились – а кончились они вскоре, потому что ртов было много, – Язон Варда и Мунро Бруйс, едва стемнело, исчезли, прихватив пустой мешок. Под утро они вернулись уже с двумя мешками, полными под завязку. В одном оказался овес для лошадей, в другом – крупа, мука, сушеная говядина, только-только початый круг сыра и даже огромный сычуг – деликатес в виде фаршированного ливером свиного желудка, спрессованного между двумя дощечками вроде меха для раздувания огня в печи.

Геральт догадывался, откуда берется добыча. Сразу комментировать не стал, но дождался подходящего момента. Когда он оказался с Золтаном один на один, то вежливо спросил, не видит ли тот чего-нибудь неприличного в ограблении других беженцев, голодных не меньше них и наравне с ними быющих за выживание. Краснолюд серьезно ответил, что да, ему страшно стыдно, но такой уж у него характер.

– Мой колоссальный недостаток, – пояснил он, – в неизбывной доброте. Я прямо-таки не могу не творить добро. Однако я – краснолюд разумный и рассудительный и знаю, что быть добрым ко всем невозможно. Если я попробую быть добрым ко всем, ко всему миру и всем населяющим его существам, то это будет то же самое, что капля пресной воды в соленом море, другими словами: напрасное усилие. Поэтому я решил творить добро конкретное, такое, которое не идет впустую. Я добр к себе и своему непосредственному окружению.

Больше вопросов Геральт не задавал.

На одной из стоянок Геральт и Мильва долго беседовали с Золтаном Хиваем, неисправимым и закоренелым альтруистом. Краснолюд был в курсе того, как проходят военные действия. Во всяком случае, так казалось.

– Наступление, – отвечал он, останавливая то и дело скрипяще сквернословящего Фельдмаршала Дуба, – началось с Дришота, на рассвете седьмого дня после Ламмаса. Вместе с нильфгаардцами шли союзные им вердэнские войска, потому что Вердэн, как вы знаете, теперь стал имперским протекторатом. Армии шли быстро, поджигая по пути все деревни за Дришотом и сметая размещенные там бруггенские гарнизоны. А на крепость Диллинген из-за Яруги накинудись нильфгаардские Черные пехотинцы. Они перешли реку в совершенно неожиданном месте. Навели мост на лодках, за полдня навели, верите?

– Тут во все поверишь, – проворчала Мильва. – Вы были в Диллингене, когда началось?

– Неподалеку, – уклончиво ответил краснолюд. – Когда до нас дошли вести о нападении, мы уже были на пути к городу Бругге. На тракте возник страшный бедлам, от беженцев не продохнешь, одни жмут с юга на север, другие – наоборот. Забили тракт, тут мы и уперлись. А нильфгаардцы, как оказалось на поверку, были и за нами, и перед нами. Вероятно, разделились те, что шли от Дришота. Думается мне, большой конный разъезд пошел на северо-восток, как раз к городу Бругге.

– Значит, Черные уже находятся к северу от Турлуга. Получается, что мы в самой середине, между разъездами. В пустоте.

– Ага, в середине, – согласился краснолюд. – Да не в пустоте. Императорским ратям фланги прикрывают «белки», вердэнские волонтеры и всякие вольные группы, а эти похуже нильфгаардцев будут. Такие-то Кернов и спалили и нас чуть было не сцапали, мы едва успели в леса дунуть. Нам туда нельзя носа высунуть из пуши. И все время надо быть настороже. Вот дойдем до Старой Дороги, а оттуда по берегу Хотли до Ины, а уж на Ине должны напасть на темерские войска. Солдаты короля Фольтеста, верно, тоже уже отряхнулись от неожиданности и дали отпор нильфгаардцам.

– Хорошо б, – сказала Мильва, глядя на ведьмака. – Однако ж секрет в том, что нас важные дела на юг гонят. Мы-то думали от Турлуга на юг двинуть, к Яруге.

– Не знаю, какие такие дела гонят вас в те стороны. – Золтан подозрительно зыркнул на них.

– Однако, видать, шибко важные и срочные, ежели ради них шеей рисковать собрались.

Он понизил голос, переждал, но никто не спешил с пояснениями. Краснолюд почесал зад, кашлянул, сплюнул и наконец сказал:

– Я не удивлюсь, если окажется, что нильфгаардцы уже держат в кулаке оба берега Яруги аж до самого до устья Ины. А вам в какое место у Яруги надо?

– Ни в какое конкретно, – решился ответить Геральт. – Лишь бы к реке. Хочу на лодке к устью поплыть.

Золтан глянул на него и рассмеялся. Однако тут же умолк, сообразив, что это была не шутка.

– Надо признать, – сказал он, помолчав, – дорожка у вас что надо! Только забудьте об этом. Весь Южный Бругге в огне, не успеете добраться до Яруги, вас или на кол посадят, или в плен возьмут и погонят в Нильфгаард. А если вы каким-то чудом все же дотопаете до реки, то спуститься к устью у вас нет никакой возможности. Я уже сказал о мосте на лодках, перекинутом из Цинтры на бруггский берег. Этот мост, говорю вам, стерегут днем и ночью,

там никто по реке не проплывет, разве что лосось. Вашим срочным и важным делам следует поубавить в срочности и важности. Выше задницы не подскочишь. Я имею в виду ваши дела.

Выражение лица и взгляд Мильвы явно свидетельствовали, что ей тоже так мнится. Геральт не комментировал. Чувствовал он себя отвратительно. Кость левого предплечья и правое колено все еще грызли невидимые клыки тупой, раздражающей боли, которую еще больше усиливала всеприсутствующая влага. Докучали также мучительные, удручающие, невыразимо неприятные ощущения, ощущения чуждые, которых никогда раньше он не испытывал и с которыми не умел справиться.

Бессилие и отчаяние.

Через два дня дождь прекратился, выглянуло солнце. Леса вздохнули испарениями и быстро рассеивающимися туманами, птицы принялись активно наверстывать упущенное. Золтан повеселел и объявил стоянку подольше, после которой пообещал идти быстрее и добраться до Старой Дороги всего за один день.

Женщины из Кернова разукрасили все окружающие ветки чернью и серостью развешанной для сушки одежды, а сами в одних ночных рубашках, собранных у шеи, стыдливо укрылись в кустах и занялись стряпней. Раздетые догола ребятишки разыгрались, самыми причудливыми способами нарушая благородный покой исходящей паром пущи. Лютик отсыпался. Мильва исчезла.

Краснолюды отдыхали активно. Фиггис Мерлуццо и Мунро Бруйс отправились на поиски грибов. Золтан Хивай, Язон Варда, Калек Страттон и Персиваль Шуттенбах уселись неподалеку от телеги и без передыху резались в гвинт – их любимую карточную игру, которой отдавали каждую свободную минуту даже в предыдущие дождливые вечера.

Ведьмак иногда подсаживался и болел, теперь поступил так же. Сложных правил этой типично краснолюдской игры он по-прежнему не мог уразуметь, но восхищался исключительно старательным исполнением карт и картинками фигур. В сравнении с теми, которыми пользовались люди, карты краснолюдов были истинным шедевром полиграфии. Геральт в который уже раз убеждался, что техника бородатого народца ушла далеко вперед не только в области горного промысла и металлургии. То, что в конкретной, карточной отрасли способности краснолюдов не обеспечили им монополии на рынке, объяснялось лишь тем, что у людей карты были не столь популярны, как кости, а наиболее активные представители человеческой расы менее всего обращали внимание на эстетику. Люди, за которыми ведьмаку довелось наблюдать не раз, как правило, резались в истрепанные, замусоленные картонки, настолько грязные, что, прежде чем сделать ход, картежникам приходилось их с трудом отлеплять от пальцев. Фигуры были изображены так неряшливо, что отличить, например, даму от валета можно было лишь благодаря тому, что валет сидел на коне. Впрочем, конь больше напоминал покалеченного хоряка.

Картинки на картах краснолюдов исключали подобные ошибки. Окоронованные короли, которых краснолюды именовали «выжниками», были явно королевских статей, дамы – или «бабы» по краснолюдской терминологии – грудасты и красивы, а вооруженные алебардами валеты – «нижники» – лихо усаты.

Солнце пригревало, лес парил. Геральт болел.

Основным принципом краснолюдского гвинта было что-то напоминающее торг на конском рынке – как интенсивностью, так и напряженностью голосов торгующихся. Затем пара, объявляющая самую высокую «цену», старалась получить как можно больше взяток, чему другая пара игроков всячески мешала. Игра протекала громко и шумно, а рядом с каждым игроком лежала толстая палка. Пользовались палками довольно редко, но хватались за них часто.

– Ты чего делаешь, зуб те в корень! Дуб хреновый! Ты почему листьями пошел вместо сердец? Я чего, задарма в сердцах гвинтовал? У-ух, взял бы дрын и огрел бы тебя по дурной башке!

– Дык у меня ж было четыре листа с нижником. Я думал набрать!

– Аккурат четыре! Небось собственный хер присчитал, карты-то меж ног держал. Ты хоть малость-то думай, Страттон, тут тебе не университет какой! Тут в карты играют! Да при хорошей-то карте и свинья выиграет. Сдавай, Варда.

– Лепня в звонах.

– Мала куча в шарах.

– Ширял выжник в шарах, да осталось ох да ах! Дубль в листах.

– Гвинт!

– Не дрыхни, Калеп! Дубль с гвинтом был! Что нахмурился?

– Больша куча в звонах!

– Хааа! Пас! Ну и чего? Никто не гвинтует? Поджали хвосты, сынки? Вистуй, Варда. Персиваль, перец старый, ежели ему еще раз подмигнешь, так тресну меж глаз, до зимы не проморгаешься!

– Нижник!

– Баба!

– А я по ней выжником! Баба тоже мне! Бью и ха-ха, еще у меня сердца есть, на черный час поберег! Нижник, десята, девята...

– И хрен с ними! А я козырем. Кто без козырей, тому... Ха-ха! И в кучу! Ага, Золтан! Вот те в пуп!!!

– Видали его, гнома тырканного! И-эх! Взял бы дрын...

Прежде чем Золтан сумел воспользоваться палкой, из леса донесся дикий визг.

Геральт вскочил первым. Выругался на бегу, потому что колено снова прошла боль. Тут же следом мчался Золтан Хивай, схватив с телеги свой обмотанный кошачьими шкурками меч. Остальные краснолюды и Персиваль Шуттенбах кинулись за ним, вооружившись палками, последним трусил Лютик, разбуженный криком. Сбоку из леса выскочили Фиггис и Мунро. Бросив корзинки с грибами, оба краснолюда подхватили на руки и оттащили убегающих детей. Неведомо откуда появилась Мильва, на ходу вытаскивая стрелу из колчана и указывая ведьмаку место, откуда донесся крик. Впрочем, Геральт и без того слышал, видел и уже знал, в чем дело.

Кричала веснушчатая лет девяти девчушка с косичками. Она стояла словно истукан в нескольких шагах от кладки сгнивших стволов. Геральт подскочил, схватил ее под мышки, прерывая дикий писк и одновременно уголком глаза ловя шевеление между стволами. Быстро попятился, налетев на Золтана и его краснолюдов. Мильва, которая тоже заметила движение среди стволов, натянула лук.

– Не стреляй, – прошипел он. – Забирай отсюда ребенка! Быстро! А вы – назад. Только спокойно. Никаких резких движений.

Вначале им казалось, что пошевелилась одна из гнилых колод, словно собиралась слезть с нагретой солнцем кладки и поискать тени среди деревьев. Лишь присмотревшись внимательнее, можно было заметить нетипичные для колоды элементы – прежде всего четыре пары тонких лап с шишковатыми суставами, поднимающихся над грязным, покрытым точками и поделенным на рачьи сегменты панцирем.

– Только спокойно, – тихо повторил Геральт. – Не провоцируйте его. Не обманитесь его кажущейся неподвижностью. Он не агрессивен, но способен двигаться молниеносно. Если почувствует угрозу, может напасть, а против его яда противоядия нет.

Существо потихоньку вползло на колоду. Посматривало на людей и краснолюдов, медленно вращая сидящими на стебельках глазами. И почти не двигалось. Чистило концы лап, поочередно приподнимая их и старательно общипывая вызывающими уважение острыми жвалами.

– Столько крика, – вдруг спокойно бросил Золтан, вставая рядом с ведьмаком, – я уж подумал было, это и впрямь что-то страшное. К примеру, кавалерист из вердэнских добровольцев. Или прокуратор. А это, глянь-ка, просто шибко выросший паучий рачище. Надо признать, интересные формы ухитряется принимать природа.

– Уже не ухитряется, – ответил Геральт. – То, что там сидит, это гловоглаз. Творение Хаоса. Вымирающий реликт, оставшийся после Сопряжения Сфер, если ты знаешь, о чем я говорю.

– Представь себе, знаю, – посмотрел ему в глаза краснолюд. – Хоть и не ведьмак и не спец по Хаосу и таким зверушкам. М-да, интересно, что ты, ведьмак, теперь сотворишь с этим... послесопряженным реликтом. Точнее говоря, любопытно как? Воспользуешься собственным мечом или предпочтешь мой сигилль?

– Хорошее оружие. – Геральт глянул на меч, который Золтан вытянул из лаковых ножен, обмотанных кошачьими шкурками. – Но оно не понадобится.

– Интересно, – повторил Золтан. – А мы, стало быть, будем стоять и таращиться друг на друга? Ждать, пока реликт почувствует угрозу? А может, повернуться и призвать на помощь нильфгаардцев? Ну, что предлагаешь, изничтожитель чудовищ?

– Принесите с телеги черпак и крышку от котла.

– Чего-чего?

– Не спорь со спецом, Золтан, – бросил Лютик.

Персиваль Шуттенбах кинулся к телеге и мгновенно доставил требуемое. Ведьмак подмигнул компании и изо всех сил принялся колотить черпаком по крышке.

– Хватит! Кончай! – чуть ли не сразу заорал Золтан Хивай, зажимая уши руками. – Черпак, дьявол тебя раздери, ломаешь! Сбежал рак-то! Сбежал уже, дуб хреновый.

– Еще как сбежал! – восхитился Персиваль. – Аж пыль столбом. Мокрель кругом, а за ним пыль, чтоб я сдох!

– У гловоглаза, – холодно пояснил Геральт, возвращая краснолюду немного помятые кухонные принадлежности, – невероятно чуткий и нежный слух. Ушей нет, а слышит он, я бы сказал, всем собой. Особенно он не переносит металлических звуков. Ему больно...

– Даже в жопе, – прервал Золтан. – Знаю, у меня тоже засвербило, когда ты принялся дубасить по крышке. Если у чуда слух получше моего, то я ему сочувствую. Надеюсь, он не вернется? Дружков не приведет?

– Не думаю, чтобы на свете осталось много его дружков. Да и сам гловоглаз теперь наверняка не скоро вернется в эти места. Бояться нечего.

– О чудах спорить не стану, – погрузился краснолюд. – Но твой концерт на жестяных инструментах был, думаю, слышен аж на Островах Скеллиге. Возможно, какие-нибудь меломаны уже прут в нашу сторону, лучше б они нас тут не застали, когда притопают. Сворачиваем стоянку, парни! Эй, девки, одеваться и пересчитать детишек! Отправляемся! Живо! * * *

Когда остановились на ночлег, Геральт решил выяснить неясности. На сей раз Золтан Хивай не сел играть в гвинт, так что отвести его в сторону для откровенного разговора было нетрудно. Геральт начал сразу, без предисловий:

– Говори, откуда ты знал, что я ведьмак?

Краснолюд вылутился на него и плутовато ухмыльнулся.

– Конечно, можно похвалиться наблюдательностью. Можно бы сказать, мол, заметил, как изменяются твои глаза в сумерках и на полном солнце. Можно бы показать, что я краснолюд бывалый и слышал кое-что о Геральте из Ривии. Но правда гораздо банальнее. Не гляди волком. Ты – скрытный, но твой дружок бард поет и треплется, рот у него не закрывается. Оттуда и знаю, какая у тебя профессия.

Геральт воздержался от следующего вопроса. И правильно сделал.

– Ну ладно, – продолжал Золтан. – Лютик выболтал все. Видать, почувствовал, что мы ценим откровенность, а то, что мы к вам относимся по-дружески, ему и чувствовать не было нужды, потому как мы своего отношения не скрываем. Короче: я знаю, почему ты так спешишь на юг. Знаю, что за срочные и важные дела ведут тебя в Нильфгаард. Знаю, кого ты намерен там искать. И не только из трепотни поэта. Перед войной я жил в Цинтре и слышал рассказы о Ребенке-Неожиданности и беловолосом ведьмаке, которому эта Неожиданность была предназначена.

Геральт не прокомментировал и на этот раз.

– Остальное, – продолжал краснолюд, – уже действительно вопрос наблюдательности. Ты пожалел того обраковевшего отвратника, хотя ты – ведьмак, а ведьмаки на то и созданы, чтобы таких чудов выкорчевывать. Но чуд ничего твоей Неожиданности не сделал, потому ты и пожалел меча, прогнал его только, дубася по крышке. Потому как ты сейчас не ведьмак вовсе, а благородный рыцарь, который спешит на выручку похищенной и оскорбленной девушке.

Вот ты все сверлишь меня глазами, – добавил он, так и не дождавшись ответа. – Подвохи выискиваешь, боишься, как бы вылезший на явь секрет против тебя не обернулся. Не грызи себя. Вместе дойдем до Ины, помогая друг другу, поддерживая взаимно. У тебя такая же цель, как у нас: продержаться и жить. Чтобы благородную миссию продолжать. Или жить обычно, но так, чтобы в смертный час не устыдиться. Ты думаешь, что сам изменился? Что мир изменился? А ведь он, мир-то, каким был раньше, таким и остался. И ты тоже. Не грызи себя.

И не думай отделяться от нас, – продолжал Золтан монолог, не обескураженный молчанием ведьмака, – я о том, чтобы идти в одиночку на юг, через Бругге и Содден к Яруге. Надо поискать другой путь в Нильфгаард. Хочешь, посоветую...

– Не советуй. – Геральт помассировал колено, которое болело уже несколько дней. – Не советуй, Золтан.

Он нашел Лютика, сидевшего рядом с режущимися в гвинт краснолюдами. Молча взял поэта за рукав и оттянул в лес. Лютик сразу сообразил, чем дело пахнет, достаточно было одного взгляда на лицо ведьмака.

– Трепло, – тихо сказал Геральт. – Болтун. Фонтан красноречия, черт побери! Язык бы тебе тисками зажать, болван. Удила в зубы засунуть.

Трубадур молчал, но выражение лица у него было гордое.

– Когда народ увидел, что я начал с тобой появляться, – продолжал ведьмак, – некоторые умники дивились такому знакомству. Их поражало, что я позволяю тебе путешествовать со мной. Советовали, грабанув тебя где-нито на безлюдье, задушить, выкинуть в яму от выкорчеванного дерева и присыпать ветками и листьями. Ей-богу, жалею, что не послушался доброго совета.

– Неужто такой уж большой секрет, кто ты и что собираешься делать? – неожиданно вспылил Лютик. – И что, мы все время должны это скрывать и притворяться? А краснолюды... Они же вроде бы совсем наша компания...

– У меня нет компании, – буркнул ведьмак. – Нету. И я не хочу, чтобы она была. Мне она не нужна. Понял?

– Что ж не понять? – проговорила у него за спиной Мильва. – И я тоже понимаю. Никто тебе не нужен, ведьмак. Ты это часто показываешь.

– Я не веду необъявленную войну, – резко обернулся он. – Мне не нужна компания удальцов, я иду в Нильфгаард не для того, чтобы спасти мир, низвергнуть империю зла. Я иду к Цири. Поэтому могу идти в одиночку. Простите, если это нехорошо прозвучит, но остальные меня не интересуют. А теперь уйдите. Я хочу побыть один.

Когда он обернулся, оказалось, что ушел только Лютик.

– Я снова видел сон, – бросил он кратко. – Мильва, я теряю время. Я теряю время! Я ей нужен. Ее нужно спасать.

– Говори, – сказала она тихо. – Выкинь это из себя. Хоть и было страшно, выкинь!

– Это не было страшно. В моем сне... Она плясала. Плясала в какой-то забитой дымом халупе. И была, черт возьми, счастлива. Играла музыка, кто-то что-то выкрикивал... Вся халупа ходуном ходила от крика и хохота... А она плясала, плясала, дробила каблучками... А над крышей этой чертовой халупы, в холодном ночном воздухе... плясала смерть. Мильва... Мария... Я ей необходим.

Мильва отвела глаза.

– Не только ей, – шепнула она.

Так, чтобы он не услышал.

На следующей стоянке ведьмак заинтересовался сигиллем, мечом Золтана, на который успел мельком взглянуть во время встречи с гловоглазом. Краснолюд спокойно развернул кошацьи шкурки и вынул меч из лаковых ножен.

Меч был длиной около сорока дюймов, а весил не больше тридцати пяти унций. Покрытый на значительной длине таинственными руническими письменами голубоватый клинок был таким острым, что при определенном навыке им можно было бриться. У двенадцатидюймовой, покрытой перекрещивающимися лоскутами ящеринной кожи рукояти вместо оголовья был

цилиндрический латунный хомутик, гарда была небольшая и мастерски выполненная.

– Хороша вещь. – Геральт прокрутил сигиллем короткую шипящую мельницу, изобразил быстрый удар слева и молниеносный переход к защите из второй позиции декстера. – Да, отличная железяка.

– Ха! – фыркнул Персиваль Шуттенбах. – Железяка! Посмотри как следует, а то еще чего доброго назовешь его хреновиной.

– Когда-то был у меня меч получше.

– Не спорю, – пожал плечами Золтан. – Потому что он наверняка был выкован в наших краях. Вы, ведьмаки, умеете мечами размахивать, а сами делать-то их не научились. Такие мечи только у нас покупают, в Махакаме, у горы Карбон.

– Краснолюды варят сталь, – добавил Персиваль, – и куют слоистые оголовки. А шлифовкой и оттачиванием занимаемся мы, гномы. В наших мастерских. По нашей, гномовой технологии, в точности как некогда мы делали наши гвихиры, лучшие мечи на свете.

– Меч, который я ношу сейчас, – обнажил Геральт клинок, – взят в Брокилоне, в катакомбах на Крааг Ане. Я получил его от дриад. Первокласное оружие и вовсе не краснолюдское и не гномово. Это эльфье оружие, ему лет сто, а то и двести.

– Ничего он не понимает в этом! – воскликнул гном, взяв меч в руку и проведя по лезвию пальцами. – Окончание эльфье, верно. Рукоять, гарда и оголовки. Эльфы травили, гравировали и вообще украшали. Но ковали клинок и точили в Махакаме. И верно, сделали это несколько веков назад, потому как сразу видно, что это сталь второсортная, да и обработка примитивная. Вот глянь на сигилль Золтана, разницу видишь?

– Вижу. Мой выглядит не хуже.

Гном хмыкнул и махнул рукой. Золтан высокомерно усмехнулся.

– Оружие, – пояснил он менторским тоном, – должно рубить, а не выглядеть. И оценивают его не по тому, как оно выглядит. Дело в том, что твой меч – обычная композиция стали и железа, а у моего сигилля клинок выкован из металла с присадками графита и буры...

– Современная технология! – не выдержал Персиваль, немного горячась, поскольку дискуссия явно переходила на хорошо знакомые ему вопросы. – Конструкция и композиция клинка, многослойный мягкий сердечник, окованный твердой, а не мягкой сталью...

– Помаленьку, помаленьку, – придержал его краснолюд. – Metallурга ты из него, Шуттенбах, все равно не сделаешь, не утомляй его деталями. Я ему попроще объясню. Добрую, твердую магнетитовую сталь, ведьмак, наточить невероятно трудно. Почему? Потому что она твердая! Ежели не владеешь технологией, как не владели ею некогда мы, а вы не владеете и по сей день, а острый меч получить хочется, то упроченный сердечник по ребрам оковывают мягкой сталью, которая легче поддается обработке. Именно такой упрощенной методом изготовлен твой брокилонский меч. Современные клинки изготавливают наоборот – мягкий сердечник, твердое острие. Обработка занимает много времени и, как я уже сказал, нуждается в совершенной технологии. Но в результате получают клинок, которым можно рассечь подброшенный в воздух батистовый платочек.

– Твоим сигиллем такой фокус проделать можно?

– Нет, – усмехнулся краснолюд. – Так отточенные экземпляры можно по пальцам пересчитать, и редко какой из них выходит за пределы Махакама. Но ручаюсь, скорлупа того шершавого краба практически не выдержала бы удара сигиллем. Ты разделал бы его на

кусочки и даже не притомился б.

Дискуссия о мечях и металлургии продолжалась еще некоторое время. Геральт слушал с интересом, делился собственными наблюдениями, пополнял знания, спрашивал о том о сем, осматривал и опробовал Золтанов сгилль. Он еще не знал, что завтра ему придется подкрепить теорию практикой.

Первым сигналом, что поблизости живут люди, была стоящая в окружении щепок и коры ровная поленница дров, обнаруженная на вырубке идущим впереди Персивалем Шуттенбахом.

Золтан остановил группу и выслал гнома на дальнюю разведку. Персиваль скрылся, а спустя полчаса примчался, возбужденный и задыхающийся, уже издали размахивая руками. Подбежал, но вместо того чтобы сразу приступить к докладу, ухватил пальцами длинный нос и громко, со звуком, которому позавидовала бы чабанья трембита, высморкался.

– Не пугай зверей, – буркнул Золтан Хивай. – И говори, что там впереди?

– Мыза, – выдохнул гном, вытирая пальцы о полы украшенного многочисленными карманами кафтана. – На поляне. Три хаты, овин, пара клетей под дерном... На дворе псина, а из трубы – дым. Чего-то там готовят, похоже, овсянку, к тому ж на молоке.

– Ты что, на кухне был? – засмеялся Лютик. – В горшки заглядывал? Откуда знаешь, что овсянка?

Гном, несмотря на свой малый рост, свысока взглянул на него, а Золтан гневно фыркнул.

– Не обижай его, поэт. Он унюхает жратву за версту. Если сказал – овсянка, значит, овсянка. Черт. Не нравится мне это.

– Почему ж? Я, к примеру, овсянку люблю. С удовольствием бы съел.

– Золтан прав, – сказала Мильва. – А ты помалкивай, Лютик, это тебе не поэзия. Ежели овсянка на молоке, значит, там корова есть. А кмет, стоит ему узреть дымы, перво-наперво хватает корову и прет в пущу. Почему этот аккурат не смылся? Сворачиваем в лес, обойдем стороной. Скверно все это пахнет.

– Не шебуршись, не шебуршись, – буркнул краснолюд. – Сбежать всегда успеем. А может, уж войне конец? Может, двинулась наконец темерская армия? Что мы тут знаем, в пуще? Может, уж где победная битва прошла, может, отогнали Нильфгаарда, может, фронт уж у нас позади, кметы и коровы по домам воротились? Надо проверить, разведать. Фиггис, Мунро, тут останетесь, да глаза пошире. А мы сообразим разведку. Если будет безопасно, прокричу ястребом-перепелятником.

– Ястребом-перепелятником? – обеспокоенно пошевелил бородой Мунро Бруйс. – Да ты ж в подражании птичьим голосам ни уха ни рыла, Золтан.

– О том и речь. Как услышишь странный, ни на что не похожий крик – значит я. Веди, Персиваль. Геральт, пойдешь с нами?

– Все пойдем, – слез Лютик с седла. – Если это засада, большой группой безопаснее.

– Оставляю вам Фельдмаршала. – Золтан снял попугая с плеча и подал Фиггису Мерлуццо. – Этот военачальничек хренов может ни с того ни с сего начать матом садить, и тогда прости-прощай скрытный подход. Пошли.

Персиваль быстро вывел их на опушку, в густые кусты дикой сирени. За кустами местность

немного опускалась, там были навалены кучи выкорчеванных пней. Дальше раскинулась большая поляна. Они осторожно выглянули.

Сообщение гнома было абсолютно точным. В центре поляны действительно стояли три хаты, овин и несколько крытых дерном клетей. Посреди двора отливала всеми цветами радуги огромная лужа навозной жижи. Постройки и небольшой прямоугольник запущенного огорода были обнесены низким, частично развалившимся заборчиком, за заборчиком метался грязный пес. Над одной из халуп подымался дым, лениво ползая по провалившейся крыше.

– И верно, – шепнул, приняхавшись, Золтан, – аппетитно чем-то пахнуло. Особенно после того, как ноздри к вони погорелья привыкли. Обузданных лошадей не видать, это хорошо, потому как не исключаю, что тут какие-нито бездельники пристали и стряпней занялись. Хммм... похоже, не опасно тут.

– Пойду туда, – заявила Мильва.

– Нет, – возразил краснолюд. – Ты больно уж на «бельчиху» смахиваешь. Ежели тебя увидят, могут испугаться, а в страхе люди бывают непредсказуемыми. Пойдут Язон и Калев. А ты держи лук наготове, в случае чего защитишь их. Персиваль, жми к остальным. Будьте готовы, ежели придется отход трубить.

Язон Варда и Калев Страттон осторожно вышли из кустов, медленно, внимательно поглядывая по сторонам, двинулись к постройкам.

Собака унюхала их сразу, яростно залаяла, заметалась по двору, не обращая внимания на ласковое почмокивание и посвистывание краснолюдов. Дверь хаты распахнулась. Мильва тут же подняла лук и мягко натянула тетиву. И тут же ее отпустила.

На порог выплыла невысокая полненькая девочка с длинными косами. Что-то крикнула, размахивая руками. Язон Варда развел руки, что-то крикнул в ответ. Девочка принялась кричать, они слышали крик, но не могли различить слов.

Но до Язона и Калеба слова эти, видимо, дошли и произвели впечатление, потому что оба краснолюда словно по команде выполнили военный маневр «Кру-у-гом!» и кинулись обратно в кусты. Мильва снова натянула лук и принялась водить стрелой, выискивая цель.

– В чем дело, язви их? – прошипел Золтан. – Что такое? От кого они так прут? Мильва?

– Заткнись, – зашипела лучница, продолжая водить стрелой от хаты к хате, от клетки к клетке. Но никак не могла отыскать цели. Девочка с косами скрылась в хате, захлопнула за собой дверь.

Краснолюды мчались, словно все демоны Хаоса гнались за ними. Язон что-то вопил, может, ругался. Лютик вдруг побледнел.

– Он кричит... О мать Божья!

– Что еще... – Золтан осекся, потому что Язон и Калев уже подбежали, красные от усилия. – В чем дело? Ну!

– Там зараза... – выдохнул Калев. – Черная оспа...

– Вы к чему-нито прикасались? – Золтан Хивай быстро попятился, чуть не перевернув Лютика. – Говорю, прикасались к чему-нито?

– Нет... Псина подойти не дала...

– Будь она благословенна, собака траханная. – Золтан воздел очи горе. – Дайте ей, боги, долгую жизнь и гору костей повыше Карбона. Девчонка та, толстая... на ней были коросты?

– Нет. Она здоровая. Больные в крайней хате лежат, ее родня. А много уже померло, крикнула. Ай-ай! Золтан, ветер-то на нас дул!

– Ну, кончайте зубами лязгать, – сказала Мильва, опуская лук. – Если заразных не трогали, ничего с вами не станет, нечего трястись. Если вообще правда с этой оспой. Девка просто могла вас напугать.

– Нет, – возразил Язон, все еще дрожа. – За клетью яма... В ней трупы. Девчонка не в силах мертвяков хоронить, вот в яму и кидает.

– Ну, – Золтан потянул носом, – вот те и овсянка, Лютик. У меня что-то отбило желание. Убираемся отсюда, живо.

Со стороны построек разлаялся пес.

– Прячьтесь, – прошипел ведьмак, опускаясь на колени.

Из вырубки с правой стороны поляны вылетела группа всадников, свистя и не сдерживая галопа, объехала постройки, потом ворвалась во двор. Наездники были вооружены, но одеты разношерстно и бестолково, да и вооружение, казалось, тоже было собрано с бору по сосенке. И не в цейхгаузе, а на поле боя.

– Тринадцать, – быстро пересчитал Персиваль Шуттенбах.

– Кто такие?

– Не нильфгаардцы и не регулярные войска, – оценил Золтан. – И не скоя'таэли. Похоже, волонтеры. Тык вольные охотники.

– Или мародеры.

Конники кричали, рыскали по подворью. Собака получила по спине древком копья и сбежала. Девочка с косами выскочила на порог, крикнула. Но на этот раз предупреждение не подействовало или его просто не приняли всерьез. Один из конных подлетел, схватил девочку за косу, стащил с порога, поволок через лужу. Другие спрыгнули с лошадей, помогли, выволокли девочку на край подворья, содрали с нее рубашку и повалили на кучу перегноя. Девчушка отчаянно сопротивлялась, но силенки у нее были не те. Только один мародер не присоединился к потехе, стерег лошадей, привязанных к забору. Девочка пронзительно и протяжно крикнула. Потом коротко, болезненно. И больше ее слышно не было.

– Вояки! – Мильва вскочила. – Герои, курвины дети!

– Оспы не боятся, – покрутил головой Язон Варда.

– Страх, – пробормотал Лютик, – свойство людей. А в этих не осталось ничего человеческого.

– Кроме кишок, – прохрипела Мильва, тщательно накладывая стрелу на тетиву, – которые я им сейчас пропорю, сволочам.

– Их тринадцать, – многозначительно проговорил Золтан Хивай. – И у них кони. Ну, свалишь одного, двух, остальные нас окружают. Кроме того, это может быть разъезд. Хрен их знает, какая сила за ними тянется.

– А что, спокойно глядеть?

– Нет. – Геральт поправил меч на спине и повязку на волосах. – С меня довольно. У меня бездеятельность уже вот где сидит. А они разбежаться не должны. Видишь того, что коней держит? Когда я туда подойду, сбивай его с седла. Если удастся, то и еще одного. Но только когда я подойду.

– Останется одиннадцать, – повернулась лучница.

– Я считать умею.

– И еще оспа, – буркнул Золтан Хивай. – Пойдешь туда, притащишь заразу... Дьявольщина, ведьмак! Подвергаешь всех нас опасности из-за... Мать твою, это ж не та девчонка, которую ты ищешь!

– Заткнись, Золтан. Возвращайтесь к телеге, спрячьтесь в лесу.

– Я с тобой, – хрипло бросила Мильва.

– Нет. Прикрывай издали, так будет больше пользы.

– А я? – спросил Лютик. – Что делать мне?

– Что обычно. Ничего.

– Ты спятил, – буркнул Золтан. – Один на такую кучу... Что с тобой? В героя нацелился играть, в избавителя девиц?

– Заткнись, сказал.

– А, хрен с тобой. погоди. Давай сюда свой меч. Их много, лучше, если тебе не придется повторять удары. Возьми мой сгилль. Им достаточно рубануть один раз.

Ведмак не колеблясь молча взял оружие краснотупа. Еще раз указал Мильве на мародера, присматривавшего за лошадьми. Потом перепрыгнул через выкорчеванный пенек и быстрыми шагами направился к хатам.

Светило солнце. Кузнечики выпрыгивали из-под ног.

Стережущий коней человек заметил его, вытянул копье из кольца при седле. Волосы у него были очень длинные, спутавшиеся, падающие на рваную, чиненную ржавой проволокой кольчугу. Ботинки – новенькие, с блестящими застегжками, видимо, недавно сорванные с кого-то.

Часовой крикнул, из-за забора вышел второй мародер. У этого пояс с мечом висел на шее, и свободными руками он застегивал штаны. Геральт был уже совсем рядом. Со стороны кучи перегноя доносился хохот занятых девочкой мужиков. Он дышал глубоко, и каждый вдох усиливал в нем жажду убийства. Он мог бы успокоиться, но не хотел. Хотел получить хоть немного удовлетворения.

– А ты кто? Стой! – крикнул длинноволосый, взвешивая копье в руке. – Чего тут надо?

– Мне надоело смотреть.

– Чевооооо...

– Тебе имя Цири ни о чем не говорит?

– Да я те...

Больше мародер не успел сказать ничего. Украшенная серыми перьями стрела попала ему в середину груди и скинула с седла. Прежде чем он упал на землю, Геральт услышал шум перьев другой стрелы. Второй солдат получил наконечником в живот, низко, между руками, державшими ширинку. Он взвыл зверем, согнулся пополам и полетел спиной на забор, ломая и валя жерди.

Прежде чем остальные опомнились и схватились за оружие, ведьмак уже был среди них. Краснолюдский меч замерцал и запел, в пении его легкой как перышко и острой как бритва стали была слышна дикая жажда крови. Ведьмак почти не чувствовал сопротивления тел, которые рубил. Кровь брызнула ему на лицо, вытереть ее было некогда.

Если даже мародеры сначала и думали о борьбе, то вид трупов и потоков крови быстро заставил их об этом забыть. У одного штаны были спущены до колен, он даже не успел их подтянуть, получил в шейную артерию и рухнул навзничь, смешно раскачивая так и не удовлетворенной мужской гордостью. Другой, совсем еще сопляк, заслонил голову обеими руками, а сигилль отсек обе в кистях. Остальные рассыпались, разбежались в разные стороны. Ведьмак догонял их, проклиная боль, которая снова забилась в колене. Он надеялся, что нога не откажет.

Двух он еще успел прижать к ограде, они пытались защищаться, заслониться мечами. Но, парализованные ужасом, делали это неловко. Лицо ведьмака снова обагрилось кровью, бьющей из разрубленных краснолюдским клинком артерий. Но остальные мародеры воспользовались моментом, успели отбежать и уже заскакивали на коней. Один, получив стрелу, тут же свалился, дергаясь и извиваясь, как вытщенная из сети рыба. Двое других пустили лошадей в галоп. Но убежать успел только один, потому что на поле боя появился Золтан Хивай. Краснолюд раскрутил топор и кинул его, попав одному из убегающих в середину спины. Мародер взвыл, вывалился из седла, дрыгая ногами. Последний живой прижался к конской шее, перелетел через переполненную трупами яму и помчался к вырубке.

– Мильва! – одновременно крикнули ведьмак и краснолюд.

Лучница, уже бежавшая к ним, остановилась, замерла, расставила ноги, опустила натянутый лук и начала его медленно поднимать все выше и выше. Они не слышали звона тетивы. Стрелу увидели лишь тогда, когда она достигла вершины дуги и помчалась вниз. Седок свесился с коня, из плеча у него торчала оперенная стрела. Но он не упал. Выпрямился и продолжал криком подгонять лошадь.

– Ну, да! – изумленно охнул Золтан Хивай. – Ну – выстрел!

– В жопу такие выстрелы. – Ведьмак отер кровь с лица. – Сбежал сукин сын и приведет дружков.

– Она ж попала! А было шагов двести!

– Могла целиться в коня.

– А конь-то в чем виноват? – зло прошипела Мильва, подходя к ним. Сплюнула, глядя на наездника, исчезающего в лесу. – Промазала в голодранца, потому что задыхалась чуток... Ладно, гад, сматывайся с моей стрелой! Чтоб тебе подохнуть!

Из просеки до них донеслось лошадиное ржание и сразу после этого дикий визг убиваемого человека.

– Хо-хо! – Золтан глянул на лучницу с изумлением. – Далеко-то он не ушел! Недурно работают твои шипы! Отравленные? Иль, может, чары? Потому как если даже этот сукин кот оспу подхватил, то болезнь, думаю, так быстро не возьмет!

– Это не я. – Мильва понимающе глянула на ведьмака. – И не оспа. Но, мнится мне, я знаю – кто.

– Я тоже. – Краснолюд закусил ус и мимолетно ухмыльнулся. – Я заметил, что вы постоянно оглядываетесь, знаю, что кто-то за вами тайком идет. На гнедом жеребце. Не знаю кто, но коли это вам не помеха... Не мое дело.

– Тем более что от такой тыловой охраны польза бывает, – сказала Мильва, снова взглянув на Геральта. – Ты уверен, что этот Кагыр – тебе враг?

Геральт не ответил. Вернул Золтану меч.

– Благодарю. Славно сечет!

– В хорошей руке, – сверкнул зубами краснолюд. – Слыхал я байки о ведьмаках, но чтоб положить восьмерых за неполных две минуты...

– Хвалиться нечем. Они защищаться не умели.

Девочка с косами поднялась на четвереньки, потом встала на ноги, покачнулась, трясущимися руками попыталась поправить на себе остатки разорванной в клочья рубашки. Ведьмак сильно удивился, увидев, что она вообще ничем, ну совершенно ничем не похожа на Цири, а ведь еще мгновение назад он мог бы поклясться, что она прямо-таки Цирина двойняшка. Девочка неуверенными движениями потерла лицо и, покачиваясь, двинулась к хибаре. Прямо по жиже.

– Эй, погоди! – крикнула Мильва. – Эй, ты... Может, тебе в чем помочь? Эй!

Девочка даже не взглянула на нее. На пороге она споткнулась, чуть не упала, придерживалась за косяк и захлопнула за собой дверь.

– Благодарность человеческая не знает границ, – проговорил краснолюд. Мильва развернулась как на пружине. Лицо ее застыло.

– А за что благодарить-то?

– Вот именно, – добавил ведьмак. – За что?

– За мародерских лошадей, – опустил глаза Золтан. – Прирежет на мясо, не придется коров забивать. Супротив оспы она, видать, отпорна, а теперь ей и голод не страшен. Выживет. А то, что благодаря тебе миновали ее долгие игры и огонь горящих халуп, она поймет только через пару дней, когда придет в себя. Пошли отсюда, пока нас не обдуло заразным ветром... Эй, ведьмак, ты куда? Собирать благодарности?

– За ботинками, – холодно сказал Геральт, наклоняясь над длинноволосым мародером, тарашившимся в небо мертвыми глазами. – Похоже, они мне будут в самый раз.

Все следующие дни они ели конину. Ботинки с блестящими застёжками были вполне приличны. Нильфгаардец по имени Кагыр все время ехал следом за ними на своем гнедом жеребце, но ведьмак больше не оглядывался.

Наконец-то он понял секреты игры в гвинт и даже сыграл с краснолюдями. И, конечно, проиграл.

О событиях на мызе не разговаривали. Смысла не было.

Глава третья

МАНДРАГОРА, или поскрип, мужской корень, сонное зелье – растение из семейства пасленовых, включающего в себя злаковые бесстебельчатые с реповидными корневищами растения, в которых можно обнаружить подобие человеческого телу; листья собраны в розетку. *M. autumnalis* или *officinalis* в небольших количествах культивируется в Виковаро, Роване и Имлаке, в диком виде встречается редко. Ягоды зеленые, впоследствии желтеющие, потребляются с уксусом и перцем. Листья используют в сыром виде. Корни *M.* в настоящее время применяются в медицине и фармацевтике. В прошлом занимали большое место в предрассудках, особенно у народов Севера; из них вырезали человеческие фигурки (альруники, альрауны) и хранили в домах в качестве ценных талисманов. Они считались защитой от болезней, приносили счастье в судебных процессах, женщинам гарантировали удачную беременность и легкие роды. Их выряжали в платица и в новолуние давали им новую одежду. Корнями *M.* торговали, а их цена доходила до шестидесяти флоренов. С той же целью использовались корни переступеня (см.). Если верить предрассудкам, корень *M.* применялся для чар и чародейских фильтров, а также приготовления отрав; этот предрассудок возродился в период охоты на ведьм. Обвинение в преступном использовании *M.* было выдвинуто, в частности, в процессе Лукреции Виго (см.). Пользовалась *M.* в качестве отравы также легендарная Филиппа Альхард (см.). Эффенберг и Тальбот *Encyclopaedia Maxima Mundi*, том IX

Старая дорога немного изменилась с того времени, когда ведьмак проезжал по ней последний раз. Некогда ровный, выложенный плоскими базальтовыми плитами тракт, построенный сотни лет назад эльфами и краснолюдами, теперь превратился в руины, испещренные дырами. Местами дыры там, где некогда лежали хорошо подогнанные плиты, были настолько глубокими, что походили на небольшие каменоломни. Движение замедлилось, телега краснолюдов то и дело останавливалась, с величайшим трудом лавируя между ямами.

Золтан Хивай знал, что разрушило дорогу. В результате последней войны с Нильфгаардом, пояснил он, невероятно выросла потребность в строительном материале. Тогда люди вспомнили, что Старая Дорога – неисчерпаемый источник обработанного камня. А поскольку запущенный, лежащий в стороне от торговых путей и селений, ведущий из никуда в никуда тракт давным-давно потерял значение как транспортная магистраль и мало кому был нужен, постольку его разрушали без жалости и меры.

– Ваши крупные города, – сетовал краснолюд, вторя скрипучим ругательствам попугая, – все как один построены на эльфьих и наших фундаментах. Под небольшие замки и дома вы положили собственные фундаменты, но на постройку этажей по-прежнему берете наши камни. И при этом неустанно твердите, что именно благодаря вам, людям, свершается прогресс.

Геральт не комментировал.

– Но вы даже разрушать по-умному не умеете, – ругался Золтан, командуя очередной операцией по извлечению колеса из ямы. – Ну почему бы не брать камни постепенно, начиная с обочин? Ну – дети! Вместо того чтобы последовательно есть пончик, вы выковыриваете пальцем мармелад из середины, а остальное выкидываете, потому что

дальше уже не так вкусно.

Геральт толковал, что всему виной политическая география. Западный конец Старой Дороги лежит в Бругге, восточный – в Темерии, а середина – в Соддене, так что каждое королевство разрушает свой участок по собственному разумению. В ответ Золтан красочно и смачно охарактеризовал то место, в котором ему видятся короли, и привел перечень изысканных непристойностей, обрисовывающих их политику. Фельдмаршал Дуб добавил от себя еще кое-что относительно королевских матерей.

Чем дальше, тем было хуже. Золтаново сравнение с пончиком и мармеладом становилось все менее точным – дорога скорее напоминала дрожжевую выпечку, из которой старательно повытаскивали все изюмины и цукаты. Похоже было, что неотвратимо приближается та роковая минута, когда телега либо развалится, либо увязнет окончательно и бесповоротно. Однако спасло их то же, что некогда уничтожило тракт. Они натолкнулись на идущую на юго-восток грунтовую дорогу, пробитую и утрамбованную тяжелыми фургонами, перевозившими выковыренные плиты. Золтан повеселел, решил, что дорога наверняка ведет к какому-нибудь форту над Иной, рекой, у которой он уже надеялся встретить темерские войска. Краснолюд свято верил, что, как и в предыдущей войне, именно из-за Ины, из Соддена развернется сокрушительное контрнаступление армий союзных королевств, и недобитки поверженного Нильфгаарда со срамом убегут за Яругу.

И действительно, новая дорога снова приблизила их к войне. Ночью небо впереди неожиданно осветилось гигантским заревом, а днем они обнаружили столбы дыма, пометившие горизонт на юге и востоке. Однако поскольку все еще неизвестно было, кто бьет и палит, а кого бьют и палят, постольку они двигались осторожно, высылая на дальнюю разведку Персиваля Шуттенбаха.

Однажды утром их неожиданно догнал гнедой жеребец без седока. Зеленый чепрак с нильфгаардским шитьем пестрел темными потеками крови. Нельзя было с уверенностью сказать, была ли это кровь наездника, убитого рядом с телегой гавенкара, или же она пролилась позже, когда конь уже обрел нового хозяина.

– Ну, вот и конец заботам, – сказала Мильва, глядя на Геральта. – Ежели это и вправду были заботы.

– Настоящая забота в том, что мы не знаем, кто седока из седла вышиб, – буркнул Золтан. – И не едет ли этот кто-то следом за нами и нашей бывшей тыловой охраной.

– Это был нильфгаардец, – сквозь зубы процедил Геральт. – Он говорил почти без акцента, но беглые кметы могли его распознать...

– Надо было его тогда кончать, ведьмак, – повернула голову Мильва. – Смерть была бы полегче.

– Он восстал из гроба, – покачал головой Лютик, красноречиво глядя на Геральта, – только для того, чтобы сгнить в каком-нибудь рву.

На этом закончилась эпитафия Кагыру, сыну Кеаллаха, выпущенному из гроба нильфгаардцу, утверждавшему, что он вовсе и не нильфгаардец. Больше о нем не говорили. Поскольку Геральт, несмотря на многократные угрозы, так и не захотел расстаться с норовистой Плотвой, на гнедого взобрался Золтан Хивай. Краснолюд не доставал ногами до стремени, но жеребчик был спокойный и не возражал, чтобы им командовали.

Ночью горизонт светился заревами, днем ленты дымов вздымались в небо, пачкая голубизну. Вскоре они натолкнулись на сожженные постройки, языки огня все еще ползали по обугленным балкам и конькам. Неподалеку от пожарища сидели восемь оборванцев и пять

собак, совместно отдирающих остатки мяса с раздувшегося, частично обуглившегося конского трупа. При виде краснолюдов пиршествующие в панике разбежались. Остался только один человек и один пес, которых никакая опасность не в состоянии была оторвать от торчащих гребнем ребер павшей лошади. Золтан и Персиваль пытались расспросить человека, но узнать ничего не смогли. Человек только скулил, трясся, втягивал голову в плечи и давился сдираемыми с костей остатками. Собака ворчала и скалила зубы, показывая десны. Лошадиный труп жутко вонял.

Золтан и Геральт решили рискнуть и не сворачивать с дороги, которая вскоре вывела их на очередное пожарище. Здесь сожгли крупное село, неподалеку от которого, видимо, тоже была стычка, потому что сразу за дымящимися развалинами вздымался свеженасыпанный курган. А невдалеке от кургана на развилке дорог рос огромный дуб.

Дуб был обвешан желудями.

И людьми.

– Это надо осмотреть, – решил Золтан Хивай, положив конец дискуссиям о риске и опасности. – Подъедем ближе.

– На кой черт, – возмутился Лютик, – тебе рассматривать висельников, Золтан? Чтобы обобрать? Так и отсюда видно, что на них даже обуви нет.

– Дурень, меня интересует не обувь, а военная ситуация. Развитие событий на театре военных действий. Ну, чего ржешь? Ты поэт и не знаешь, что такое стратегия.

– Я тебя удивлю. Знаю.

– А я тебе говорю, что ты не распознал бы стратегию, даже если она выскочит из кустов и даст тебе под зад.

– И верно, такой бы я не узнал. Стратегию, выскакивающую из кустов, я предоставляю краснолюдам. Висящую на дубах – тоже.

Золтан махнул рукой и направился к дереву. Лютик, которому никогда не удавалось сдержать любопытства, легонько ударил Пегаса пятками и шагом поехал за краснолюдом. Геральт после недолгого раздумья двинулся следом. Мильва присоединилась к нему.

Вороны, устроившие пир на трупах, при виде конников с трудом поднялись на крыло, каркая и шумя перьями. Некоторые отлетели к лесу, другие только перебрались на верхние ветви огромного дерева, с интересом посматривая на Фельдмаршала Дуба, который с плеча краснолюда осыпал их матюками.

У первого из повешенных была на груди табличка с надписью «Предатель народа», другой оказался «Коллаборационистом», третий – «Эльфским стукачом», четвертый – «Дезертиром». Пятой была женщина в разорванной и окровавленной ночной рубашке, поименованная «Нильфгаардской курвой». На двух казненных табличек не было, из чего следовало, что они попали в петли случайно.

– Прекрасно! – возликовал Золтан Хивай, указывая на дощечки. – Видите? Здесь прошли наши войска. Наши парни перешли в наступление, отогнали агрессора. И, как всегда, у них нашлось время на отдых и солдатские забавы.

– И что это означает?

– Что фронт уже передвинулся, и от нильфгаардцев нас отделяют темерские войска. Мы в безопасности.

– А дымы впереди?

– Это наши, – уверенно заявил краснолюд. – Жгут деревни, которые давали ночлег либо жратву «белкам». Говорю вам – мы уже за линией фронта. С этого развилка начинается Южный Тракт, который ведет к Армерии, укрепленному замку в вилке Хотли и Ины. Дорога смотрится прилично, по ней можно идти. Бояться нильфгаардцев нечего.

– Где дымит, там горит, – бросила Мильва. – А где горит, там можно обжечься. Я так думаю – дурное дело идти на огонь. Дурное дело идти по дороге, на которой нас сразу же любой конный разъезд окружит. Заберемся в леса.

– Здесь прошли темерцы или войско из Соддена, – упирался краснолюд. – Мы за линией фронта. Можно не опасаясь жать по тракту: если и встретятся войска, то наши.

– Рисковый ты мужик, Золтан, – покачала головой лучница. – Ежели ты такой уж шибко военный, то должен знать, что у нильфов в обычае далеко запускать конные разъезды. Здесь были темерцы. Возможно. А вот что перед нами, мы не знаем. На юге небо аж черно от дыма, не иначе как горит твой замок в Армерии. А значит, мы не за фронтом, а на фронте. Можем наткнуться на войско, на мародеров, на бандитов, на «белок». Пошли к Хотле, но просеками.

– Верно, – поддержал ее Лютик. – Мне тоже эти дымы не нравятся. Даже если Темерия перешла в наступление, перед нами еще могут быть передовые нильфгаардские части. Черные делают глубокие рейды. Выходят на тылы, соединяются со скоя'таэзлями, сеют панику и отходят. Я помню, что делалось в Верхнем Соддене во время предыдущей войны. Я тоже считаю, что идти надо лесами. В лесах нам ничего не грозит.

– Я бы, пожалуй, не был так-то уж уверен. – Геральт указал на последнего повешенного, у которого, хоть он и болтался выше всех, вместо ступней были разорванные когтями, окровавленные огрызки с торчащими костями. – Глядите. Это работа гулей.

– Вампиров? – Золтан Хивай попятился, сплюнул. – Трупоедов?

– Вот-вот. Ночью в лесу надо оберегаться.

– Курррррва мать! – заскрипел Фельдмаршал Дуб.

– Ну, прям мои слова, птица, – насупился Золтан Хивай. – М-да, попали мы в переплет. Ну, так что ж? В лес, где упыри, или по дороге, где армия и мародеры?

– В леса, – убежденно сказала Мильва. – И в самую гущу. Лучше гули, чем люди.

Шли лесами, вначале осторожные, собранные, реагирующие на каждый шорох в чаще. Однако вскоре приободрились, настроение немного улучшилось, и темп движения восстановился. Ни гулей, ни каких-либо следов их присутствия видно не было. Золтан в шутку бросил, что вампиры и всякая прочая нечисть, должно быть, узнали о приближающихся войсках, и ежели чудам еще и довелось увидеть в деле мародеров и вердэнских волонтеров, то они с перепугу забились в самые дикие и непроходимые дебри и сидят, дрожа со страха и клацая клыками.

– И стерегут вомпериц, жен своих и дочек, – ворчала Мильва. – Чуды знают, что солдат в походе и овцы паршивой не пропустит. А ежели бабские рубашки на вербе повесить, то героям хватит и дыры от сучка.

Лютик, который долгое время не терял задора и юмора, настроил лютню и принялся складывать соответствующий куплет о вербах, дуплах и похотливых вояках, а краснолюды и попугай наперебой подбрасывали ему рифмы.

– О, – сказал Золтан.

– Что? Где? – спросил Лютик, приподнимаясь на стременах и заглядывая в овраг, на который указывал краснолюд. – Ничего не вижу.

– О, – повторил Золтан.

– Не болтай, словно попугай! Что – о?

– Речка, – спокойно пояснил Золтан. – Правый приток Хотли. Называется О.

– Аааа...

– Да ты что? – засмеялся Персиваль Шуттенбах. – Речка А впадает в Хотлю в верховьях далеко отсюда. А это О, а не А.

Низина, по дну которой текла речушка с незатейливым названием, заросла высокой, выше краснолюдских голов, крапивой, пронзительно пахла мятой и созревшей древесиной и была до предела заполнена непрекращающимся лягушиным кваком. Берега у нее были крутые, и именно это сделало свое гиблое дело. Телега Вэры Лёвенхаупт, которая с самого начала движения героически переносила все превратности судьбы и преодолела все преграды, проиграла в стычке с речкой О. Она вырвалась из рук спускающих ее к воде краснолюдов, подскакивая, съехала на самое дно низинки и развалилась на мелкие куски.

– Крррва мать! – заскрежетал Фельдмаршал Дуб, контрапунктируя хоровой крик Золтана и его компании.

– Откровенно говоря, – оценил Лютик, рассматривая останки экипажа и раскиданную поклажу, – оно, может, и к лучшему. Дурной воз – мир праху его! – только затруднял движение, вечно с ним были хлопоты. Взгляни реально, Золтан. Согласись, нам здорово повезло, что никто на нас не напал и не преследовал. Если б надо было быстренько драпать, пришлось бы фургон бросить вместе со всем вашим добром, которое теперь можно спасти...

Краснолюд с негодованием отвернулся и зло забурчал себе в бороду, но Персиваль Шуттенбах неожиданно поддержал трубадура. Поддержку, как заметил ведьмак, сопровождало несколько многозначительных подмигиваний. Подмигивания, по идее, должны были быть незаметными, но выразительная мимика маленькой физиономии гнома всякую незаметность исключала.

– Поэт прав, – повторил Персиваль, кривясь и подмигивая. – Отсюда до Хотли и Ины можно шапкой докинуть. Перед нами Фэн Карн, сплошное бездорожье. Там тащиться с телегой было б тяжело. А если нас на Ине встретят темерские войска, то с нашим грузом... нам пришлось бы трудновато.

Золтан задумался, шмыгнув носом.

– Ну ладно, – наконец сказал он, поглядывая на останки телеги, омываемые ленивым течением речки О. – Разделимся. Мунро, Фиггис, Язон и Кaleb остаются. Остальные идут дальше. Лошадей придется нагрузить торбами с провизией и ручным инструментом. Мунро, знаешь, что делать? Лопаты есть?

– Ну!

– Только чтобы мне никаких видимых следов не осталось. А место как следует пометьте и запомните!

– Будь в спокойе.

– Догоните нас запросто. – Золтан закинул за спину вещевой мешок и сгилль, поправил топорик за поясом. – Идем по течению О, потом вдоль Хотли до Ины. Ну, пока.

– Интересно, – шепнула Мильва Геральту, когда поредевший отряд двинулся в путь, провожаемый взмахами рук оставшейся позади четверки краснолюдов. – Интересно, что такое было в тех тuesaх, ежели их надо на месте закопать, а место пометить? Да еще и так, чтобы не видел никто из нас?

– Не наше дело.

– Вряд ли, – вполголоса сказал Лютик, осторожно направляя Пегаса между обнаженными стволами, – в тuesaх были сменные подштанники. У них с этим грузом связаны крупные планы. Я достаточно много с ними болтал, чтобы сообразить, чем дело пахнет и что в их тuesaх может быть спрятано.

– И что же там, по-твоему, спрятано?

– Их будущее. – Поэт оглянулся, не услышит ли кто. – Персиваль по профессии шлифовщик камней, собирается открыть собственное дело. Фиггис и Язон – кузнецы, говорили о кузне. Калев Страттон намерен жениться, а родители невесты однажды уже выгнали его взашей как голодранца. А Золтан...

– Перестань, Лютик. Треплешься, словно баба. Прости, Мильва.

– Да чего уж там...

За речкой, за темной и подмокшей полосой старых посадок лес редел, дальше пошли поляны, низкий березняк и сухие луговины. И все-таки продвигались медленно. По примеру Мильвы, которая, стоило им тронуться, взяла на седло веснушчатую девочку с косичками, Лютик тоже взял на Пегаса ребенка, а Золтан усадил на гнедого жеребца двух, а сам шел рядом, держа поводья. Но скорость не увеличилась, женщины из Кернова не поспевали за конными.

Уже смеркалось, когда, проплутав почти час по ярам и оврагам, Золтан Хивай остановился, перебрислся несколькими словами с Персивалем Шуттенбахом и повернулся к остальным членам группы.

– Не галдите и не смейтесь надо мной, – сказал он, – но, сдается мне, заблудился я. Не знаю, хрен его возьми, где мы находимся и куда надо идти.

– Не болтай глупостей, – занервничал Лютик. – Что значит не знаешь? Мы же руководствуемся течением речки. А там, внизу, ведь все еще речка О. Я прав?

– Прав. Только заметь, в какую сторону она течет.

– Елки... Невероятно!

– Вероятно, – угрюмо сказала Мильва, терпеливо выбирая сухие листики и хвою из волос веснушчатой девочки. – Мы заплутали среди оврагов. Река вертит, выкручивает подковы. Мы – на излучине.

– Но это все еще речка О, – упирался Лютик. – Если держаться речки, заплутать невозможно. Речкам доводится выписывать кренделя, согласен, но в конце концов все они обязательно куда-то впадают. Таков закон природы.

– Не мудри, певун, – поморщился Золтан. – Заткнись. Не видишь, я думаю?

– Нет. По тебе не видно. Повторяю, надо двигаться берегом реки, и тогда...

– Перестань, – буркнула Мильва. – Ты городской. Твой закон природы стенами обложен, там твои мудрости, может, чего и стоят. А ты глянь кругом. Долина изрыта оврагами, берега крутые, заросшие. Как ты собираешься идти вдоль реки? По склону яра вниз, в заросли и болото, потом обратно вверх, снова вниз, обратно вверх, коней за вожжи тащить? Два оврага осилишь, а на третьем пластом свалишься. Мы женщин и детей везем, Лютик. А солнце того и жди сядет.

– Заметил. Ну ладно, молчу. Послушаем, что предложат привычные к лесам следопыты.

Золтан Хивай хватил по голове матерящегося попугая, накрутил на палец клочок бороды, зло рванул.

– Персиваль?!

– Направление в общем-то знаем. – Гном взглянул на солнце, висящее уже над самыми кронами деревьев. – Значит, первая... э... концепция будет такова: плюнем на реку, возвращаемся, выходим из оврагов на сухую землю и идем через Фэн Карн по междуречью аж до Хотли.

– Вторая концепция?

– О – река мелкая. Правда, после недавних дождей воды в ней прибыло, но перейти можно. Срезаем извилины поперек течения, всякий раз, когда она загородит нам дорогу. Держась солнца, выйдем напрямую на развилку Хотли и Ины.

– Нет, – вдруг проговорил ведьмак. – От второй... концепции предлагаю отказаться сразу же. Об этом нечего и думать. На другом берегу мы рано или поздно влезем в одно из Мехунских Урочищ. Паскудные места, я решительно советую держаться от них в стороне.

– Что ли знаешь эти места? Бывал когда? Знаешь, как отсюда выбраться?

Ведьмак немного помолчал. Потер лоб.

– Довелось как-то. Три года назад. Но въехал я с противоположной стороны, с востока. Направляясь в Бругге, хотел срезать кусок. А как выбрался, не помню. Потому что меня полуживым вывезли на телеге.

Краснолюд некоторое время глядел на него, но больше вопросов не задавал.

Повернули молча. Женщины из Кернова шли с трудом, спотыкаясь и опираясь на палки, но ни одна ни разу не пожаловалась на трудности. Мильва ехала рядом с ведьмаком, поддерживая руками веснушчатую девочку с косичками.

– Мнится мне, – неожиданно проговорила она, – что крепко резанули тебя тады на Урочище, ну, три лета назад. Думаю, чуда какая. Рискованное у тебя занятие, Геральт.

– Не возражаю.

– Я знаю, – подхватил сзади Лютик, – как тогда было. Ты был ранен, какой-то купчина вывез тебя оттуда, а потом в Заречье ты отыскал Цири. Мне об этом Йеннифэр говорила.

При звуке этого имени Мильва слегка усмехнулась. Геральт заметил и решил на ближайшей стоянке как следует надрать Лютику уши за неумную болтовню. Однако, зная поэта, не рассчитывал на особый результат, тем более что скорее всего Лютик уже выболтал все, что знал.

– А может, напрасно, – бросила после недолгого молчания лучница, – не поехали мы тем берегом, на Урочища... Ежели в тот раз ты девочку отыскал... Эльфы говорят, что если второй раз то место посетить, где что-то случилось, то время может обернуться... Они это называют... А, черт, забыла... Чего-то там с судьбой. Узел, что ль...

– Петля, – поправил Геральт. – Петля судьбы.

– Тьфу ты! – скривился Лютик. – Кончайте болтать о петлях и судьбах. Мне когда-то эльфка наворожила, что с этой юдолью слез я распрощаюсь на эшафоте с помощью ловкого мастера висельных дел. Правда, не верю я в такого рода дешевую ворожбу, но несколько дней назад приснилось мне, будто меня вздергивают. Проснулся весь в поту, сглотнуть не мог и воздуха хватить. Так что не люблю я, когда кто о петлях болтает.

– Не с тобой разговариваю, а с ведьмаком, – парировала Мильва. – А ты ушей не наставляй, так ничего дрянного в них не влетит, верно, Геральт? Так что скажешь об этой петле судьбы? Вдруг да повторится время-то, если на Урочище заехать?

– Потому и хорошо, что завернули мы, – резко ответил он. – У меня нет никакого желания повторять кошмар.

– М-да, ничего не скажешь, – покачал головой Золтан, осматриваясь. – В хорошенькое местечко ты нас завел, Персиваль! Лучше некуда!

– Фэн Карн, – буркнул гном, почесывая кончик длинного носа. – Выгон Курганов... Всегда пытался понять, откуда такое название...

– Теперь понял? Курганы тут пасутся. На выгоне, стало быть.

Просторная низина перед ними была уже затянута вечерним туманом, из которого, словно из моря, докуда хватал глаз, выступали бесчисленные могильные холмы и омшелые монолиты. Некоторые камни были обычными бесформенными глыбами. Другие, ровно отесанные, превращены в обелиски и менгиры. Третьи, стоявшие ближе к центру этого каменного леса, были сгруппированы в дольмены, могильные холмики и кромлехи и расположены концентрически, что исключало случайный каприз природы.

– Да уж, – повторил краснолюд. – Лучше места для ночлега не придумаешь. Эльфье кладбище. Если мне память не изменяет, ведьмак, ты недавно гулей упомянул? Ну так вот знай, я их чую меж этих курганов. Здесь, должно быть, все. Гули, гравейры, вампиры, вихты, духи эльфов, привидения – полный набор! Все сидят там и знаете о чем сейчас думают? Что, мол, вот не придется ужин искать, сам пришел.

– Может, вернемся? – шепотом предложил Лютик. – Может, выберемся отсюда, пока еще немного видно?

– Бабы больше и шага не сделают, – зло бросила Мильва. – Дети от усталости с ног валятся. Кони утомлены. Сам же подгонял, Золтан, еще немного, еще полверсты, повторял, еще стае [15], болтал. А теперь что? Два стае взад переть? Дерьмо все это! Кладбище – не кладбище, жальник – не жальник, ночуем где досталось.

– И верно, – поддержал ведьмак, слезая с лошади. – Не паникуйте. Не всякое кладбище чудовищами и привидениями полнится. Я никогда не бывал на Фэн Карне, но если б тут действительно было опасно, я б об этом слышал.

Никто, не исключая и Фельдмаршала Дуба, не проронил ни слова. Женщины из Кернова разобрали своих детей и уселись тесной кучкой, молчаливые и явно напуганные. Персиваль и Лютик стреножили коней и пустили их на буйную траву. Геральт, Золтан и Мильва подошли к

краю поляны, рассматривая утопающее в тумане и надвигающихся сумерках кладбище.

– Ко всему прочему еще и новолуние, – буркнул краснолюд. – Ох будет сегодня ночью ведьмов праздник, чую, ох дадут нам демоны жару... А что это там светится на юге? Не зарево?

– А как же, зарево и есть, – подтвердил ведьмак. – Снова кому-то кто-то крыши над головами запалил. Знаешь что, Золтан? Я себя как-то безопаснее чувствую здесь, на Фэн Карне.

– Я тоже так себя почувствую, когда солнце взойдет. Если только гули дадут нам восхода дожждаться.

Мильва покопалась в торбе, вытащила что-то блестящее.

– Серебряный наконечник. На такую оказию приберегала. В пять крон мне на базаре обошелся. Таким гуля можно пришить, ведьмак, а?

– Не думаю, чтобы тут были гули.

– Ты ж сам говорил, – буркнул Золтан, – что висельника на дубе гули обгрызли. А где жальник, там и гули.

– Не всегда.

– Ловлю тебя на слове. Ты – ведьмак, спец, надеюсь, будешь нас защищать. Мародеров ты здорово разделал... А что, гули дерутся лучше мародеров?

– Несравненно. Я же просил – перестаньте паниковать.

– А против вомпера пойдет? – Мильва насадила серебряный наконечник на стержень стрелы, проверила остроту подушечкой большого пальца. – Или на упыря?

– Может подействовать.

– На моем сигилле, – буркнул Золтан, обнажая меч, – выгравировано старинными краснолюдскими рунами древнейшее краснолюдское заклинание. Ежели хоть какой-никакой гуль приблизится ко мне на длину клинка – запомнит меня! Вот гляньте.

– Хо, – заинтересовался подошедший в этот момент Лютик. – Так вот они какие, знаменитые тайные письма краснолюдов? И о чем говорит надпись?

– «На погибель сукинсынам!»

– Что-то пошевелилось среди камней! – неожиданно воскликнул Персиваль Шуттенбах. – Гуль, гуль!

– Где?

– Вон там, там! Среди камней спрятался!

– Один?

– Я видел одного.

– Знать, здорово проголодался, коли думает к нам еще до ночи подобраться. – Краснолюд поплевал на ладони и крепче ухватил рукоять сигилля. – Хо-хо! Враз убедится, что лакомство ему не по зубам. А ну, Мильва, всади ему стрелу в жопу, а я выпущу из него дух!

– Ничего я там не вижу, – прошипела Мильва, держа у подбородка перья стрелы. – Ни травка меж камней не дрогнет. А тебе не привиделось, гном?

– Отнюдь, отнюдь, – возразил Персиваль. – Видите вон тот валун, что вроде разбитого стола? Туда гуль скрылся, как раз за ту каменюку.

– Стойте здесь. – Геральт быстро вынул меч из ножен за спиной. – Стерегите баб и следите за лошадьми. Если гули нападут, животные сбесятся. Я пойду проверю, что это было.

– Один не пойдешь, – решительно возразил Золтан. – Тогда, на мызе, я позволил тебе одному пойти, потому как оспы испугался. И две ночи кряду не мог уснуть от срама. Больше – никогда! Персиваль, а ты куда? На тылы? Ты ж вроде бы чуду увидел, значит, теперь авангардом пойдешь. Не бойсь, я иду следом.

Они осторожно пошли меж курганов, стараясь не шуметь в траве, доходящей Геральту до колен, а краснолюду и гному до пояса. Приближаясь к дольмену, который указал Персиваль, быстро разделились, отрезая гулю дорогу к бегству. Но тактика оказалась ненужной. Геральт знал, что так оно и будет – его ведьмачий медальон даже не дрогнул, не просигналил ни о чем.

– Никого тут нет, – осматриваясь, отметил Золтан. – Ни живого духа. Надо думать, привиделось тебе, Персиваль. Ложная тревога. Напрасно только страху на нас нагнал. Да, положено тебе за это дать пинка под зад.

– Видел! – взъерепенился гном. – Видел, как между камнями проскакивал. Худой, черный, как сборщик податей...

– Заткнись, гном дурной, не то я тебе...

– Что за странный запах? – спросил вдруг Геральт. – Не чуете?

– А и верно. – Краснолюд приняхался на манер гончей. – Странно воняет.

– Травы. – Персиваль потянул воздух чутким двухдюймовым носом. – Полынь, камфорный базилик, шалфей, анис... Корица? Какого черта?

– А чем воняют гули, Геральт?

– Трусами. – Ведьмак быстро осмотрел следы в траве, потом в несколько шагов вернулся к дольмену и слегка постучал плоскостью меча по камню.

– Вылезай, – прошипел он сквозь зубы. – Знаю, что ты там. А ну живо, не то ткну в дыру железом.

Из идеально замаскированной норы под камнем донеслось глухое урчание.

– Вылезай, – повторил Геральт. – Мы ничего тебе не сделаем.

– Волос у тебя с головы не упадет, – сладко заверил Золтан, поднимая над норой сигилль и грозно вращая глазами. – Выходи смело!

Геральт покачал головой и решительным жестом велел ему отойти. В дыре под дольменом снова захрипело и оттуда крепко дыхнуло травяно-корневым ароматом. Через минуту появилась седая голова, а потом лицо, украшенное породистым горбатым носом, определенно принадлежавшим не гулю, а худощавому мужчине средних лет. Персиваль не ошибся. Мужчина действительно немного смахивал на сборщика податей.

– Можно вылезти не опасаясь? – спросил он, поднимая на Геральта черные глаза под седеющими бровями.

– Можешь.

Мужчина выбрался из дыры, отряхнул черную одежду, перехваченную в поясе чем-то вроде фартука, поправил полотняную торбу, вызвав тем самым волну травяных запахов.

– Предлагаю вам, милостивые государи, спрятать оружие, – сказал он совершенно спокойно, водя взглядом по окружающим его путникам. – Оно не понадобится. У меня, как видите, никакого оружия нет. Я его не ношу. Никогда. Нет при мне также ничего такого, что можно было бы счесть достойной вас добычей. Меня зовут Эмиель Регис – цирюльник. Я из Диллингена.

– Действительно, – поморщился Золтан Хивай. – Цирюльник, алхимик или же знахарь. Не обижайтесь, но от вас сильно несет аптекой.

Эмиель Регис, не разжимая губ, странно усмехнулся, развел руками – мол, что поделаешь.

– Запах вас выдал, милсдарь цирюльник, – сказал Геральт, убирая меч в ножны. – У вас были особые причины прятаться от нас?

– Особые? – глянул на него черноглазый мужчина. – Нет. Скорее – обычные. Просто испугался. Такие времена.

– Верно, – согласился краснолюд и указал большим пальцем на освещающее небо зарево. – Времена такие. Я думаю, вы такой же беженец, как и мы. Конечно, интересно, почему вы, так далеко от родимого Диллингена убежав, в одиночку скрываетесь среди здешних курганов. Впрочем, людям всякое случается, тем более в трудные времена. Мы испугались вас, вы – нас. У страха глаза велики.

– С моей стороны, – назвавшийся Эмиелем Регисом мужчина не спускал с них глаз, – вам ничего не угрожает. Надеюсь, я могу рассчитывать на взаимность?

– Вы что ж, – ощерился Золтан, – за разбойников нас принимаете, или как? Мы, милсдарь цирюльник, тоже беженцы. Направляемся к темерской границе. Хотите, можете пристать. Вместе-то оно лучше и безопасней, чем в одиночку, а нам медик может пригодиться. С нами женщины и дети. А не найдется ль среди смердящих чудодейственных лекарств, которые, чую, вы носите при себе, чего-нибудь против ног? Стерли мы их.

– Найдется, – тихо сказал цирюльник. – Рад случаю помочь. Что же до вашего предложения... Искренне благодарю, но я не беженец. Я не бежал из Диллингена от войны. Я здесь живу.

– Подумать только! – нахмурился краснолюд, слегка отступив. – Живете? Тут, на кладбище?

– На кладбище? Нет, что вы, у меня хата неподалеку. Кроме дома и магазина в Диллингене, разумеется. Но здесь я провожу все лето, каждый год с июня по сентябрь, от субботы, то есть летнего солнцестояния, до эквинокциума, то есть осеннего равноденствия. Собираю разные травы и корни, частично на месте дистиллирую лекарства и эликсиры.

– Но о войне знаете, – отметил, а не спросил Геральт, – несмотря на отшельничью жизнь вдали от мира и людей. От кого знаете?

– От беженцев. В неполных двух верстах отсюда, у реки Хотли, большой лагерь. Там скопилось несколько сотен беженцев, кметов из Бругге и Соддена.

– А темерская армия? – заинтересовался Золтан. – Двинулась?

– Об этом мне не ведомо.

Краснолюд выругался, потом уставился на цирюльника.

– Так. Стало быть, живете здесь себе, поживаете, милсдарь Регис, – проговорил он протяжно.
– А по ночам меж могил разгуливаете. И не страшно?

– А чего мне бояться?

– А вот этот... господин. – Золтан указал на Геральта. – Ведьмак. Он недавно видел следы гулей. Трупоедов, понимаете? А не надо быть ведьмаком, чтобы знать, что гули держатся жальников.

– Ведьмак? – Цирюльник с явным интересом взглянул на Геральта. – Истребитель чудовищ? Ну-ну. Любопытно. А вы не объяснили спутникам, милостивый государь ведьмак, что этому некрополю больше полутысячи лет? Гули неразборчивы в пище, верно, однако пятисотлетние кости не грызут. Здесь гулей нет.

– Это меня несколько не огорчает, – сказал Золтан Хивай, оглядываясь. – Ну-с, милсдарь медик, позвольте пригласить вас в наш лагерь. Побалуемся холодной конинкой, надеюсь, не побрезгуете?

Регис долго смотрел на него. Наконец сказал:

– Благодарствую. Однако у меня есть мысль получше. Приглашаю к себе. Правда, моя летняя, так сказать, резиденция скорее шалаш, а не хата. Но рядом ключевая вода. И «топка», на которой можно разогреть конину.

– Охотно воспользуемся, – поклонился краснолюд. – Может, и нет здесь гулей, но все равно мысль о ночевке на кладбище не очень меня привлекает. Пошли, познакомитесь с остальными из нашей компании.

Когда они подходили к стоянке, кони зафыркали, стали бить копытами.

– Встаньте малость под ветер, милсдарь Регис. – Золтан Хивай окинул медика красноречивым взглядом. – Запах шалфея пугает лошадей, а мне, стыдно признаться, напоминает о зубодрале.

– Геральт, – буркнул Золтан, как только Эмиель Регис скрылся за пологом, прикрывавшим вход в хату. – Разуй глаза. Этот вонючий знахарь не шибко мне нравится.

– Что-нибудь конкретное?

– Не нравятся мне люди, сидящие целое лето на кладбищах, к тому же вдали от человеческого жилья. Неужто травы не растут в более приятных местах? Уж больно этот Регис смахивает на любителя пограбить могилки. Цирюльники, алхимики и им подобные выкапывают на жальниках трупы, чтобы потом проделывать с ними разные экскременты.

– Эксперименты. Для этих целей используют свежие трупы. А здесь очень старое кладбище.

– Точно, – почесал бороду краснолюд, наблюдая за женщинами из Кернова, готовящими себе ночлег у кустов черемухи, растущей вокруг халупы цирюльника. – А может, он выгребает из могил спрятанные там драгоценности?

– Спроси его, – пожал плечами Геральт. – Приглашение ты принял сразу, не раздумывая, а теперь вдруг тебя подозрительность заела, словно старую деву, которой расточают комплименты.

– Хммм, – протянул Золтан. – Вообще-то ты, пожалуй, прав. Но я охотно глянул бы, что у него там, в халупе. Так, для верности...

– Так войди и прикинься, будто хочешь попросить вилку...

– Почему вдруг вилку?

– А почему нет?

Краснолюд долго глядел на него, потом решился, быстро подошел к хатке, аккуратненько постучал в косяк и вошел. Не выходил довольно долго, потом вдруг появился в дверях.

– Геральт, Персиваль, Лютик, идите-ка сюда. Увидите нечто интересное. Ну, смелее, без церемоний, господин Регис приглашает.

В хате было тесно и забито теплым, дурманящим, свербящим в носу запахом, бьющим в основном от пучков трав и корней, которыми были увешаны стены. Вся мебель состояла из подстилки, тоже прикрытой травами, и колченого стола, заставленного неисчислимыми стеклянными, глиняными и фарфоровыми бутылочками. Скупой свет, позволявший видеть все это, шел от угольев в топке странной пузатой печки, напоминавшей клепсидру на сносках. Печку охватывала паутина разнокалиберных трубок, изогнутых дугами и спиралями. Под одной из таких трубок стояла деревянная бадейка, в которую что-то капало.

При виде печки Персиваль Шуттенбах вытаращил глаза, раззявился, вздохнул, потом подпрыгнул и восторженно заорал:

– Хо-хо-хо! Что я вижу? Это же самый настоящий перегонный куб с ректификационной колонкой и медным охладителем! Какая работа! Сами сконструировали, милостивый государь цирюльник?

– Именно, – скромно признался Эмиель Регис. – Я занимаюсь изготовлением эликсиров, приходится дистиллировать, извлекать пятые вытяжки, а также...

Он осекся, видя как Золтан Хивай ловит стекающие из трубки капли и облизывает палец. Краснолюд вздохнул, на его румяной физиономии отразилось неопишное блаженство.

Лютик не выдержал, тоже попробовал. И тихонько застонал.

– Пятая вытяжка, – признал он, причмокивая. – А может, шестая или даже седьмая.

– Ну да, – слегка улыбнулся цирюльник. – Я же сказал, дистиллят...

– Самогон, – поправил Золтан. – Да еще какой! Испробуй, Персиваль!

– Я в органической химии не разбираюсь, – не вставая с коленей, растерянно ответил гном, изучающий особенности монтажа алхимической печи. – Сомневаюсь, что распознаю компоненты...

– Дистиллят из мандрагоры, – рассеял сомнения Регис. – Обогащенный белладонной. И ферментированный крахмальной массой.

– То есть затором?

– Можно и так назвать.

– А нельзя ли попросить какую-нибудь плошку?

– Золтан, Лютик. – Ведьмак скрестил руки на груди. – Вы что, сдурели? Это же мандрагора.

Самогон из мандрагоры. Оставьте в покое бадейку.

– Но, милейший господин Геральт. – Алхимик отыскал среди запыленных реторт и бутылей небольшую мензурку, заботливо протер ее тряпочкой. – Ничего страшного. Мандрагора была собрана в соответствующий сезон, а пропорции старательно подобраны и точно отмерены. На одну либру крахмальной массы я даю только пять унций поскрипа, а белладонны всего половину драхмы...

– Не об этом речь. – Золтан глянул на ведьмака, понял с ходу, посерьезнел, осторожно отодвинулся от печи. – Не в том дело, милсдарь Регис, сколько драхм вы туда кидаете, а в том, сколько стоит одна драхма поскрипа. Слишком это дорогой напиток для нас.

– Мандрагора? – удивленно шепнул Лютик, указывая на лежащую в уголке домишки кучку клубней, напоминающих маленькие сахарные свеколки. – Это мандрагора? Настоящая мандрагора?

– Женская разновидность, – кивнул алхимик. – Она растет в больших количествах именно на кладбище, на котором нам довелось познакомиться. Поэтому здесь я и провожу лето.

Ведьмак красноречиво взглянул на Золтана. Краснолюд моргнул. Регис едва заметно ухмыльнулся.

– Прошу, прошу, господа, если есть охота, искренне приглашаю продегустировать. Ценю ваш такт, но в данной ситуации у меня мало шансов довести эликсиры в охваченный войной Диллинген. Все это и без того пропало бы, поэтому не будем говорить о ценах. Как говорится, лучше в нас, чем в... Простите, но сосуд для дегустации у меня всего один.

– Достаточно, – проворчал Золтан, принимая мензурку и осторожно зачерпывая из бадейки. – Ваше здоровье, милсдарь Регис. Ууууу!..

– Прошу прощения, – снова улыбнулся цирюльник. – Качество дистиллята, вероятно, оставляет желать лучшего... В принципе это полуфабрикат.

– Это самый лучший полуфабрикат из всех полуфабрикатов, какие только я пил, – наконец смог выдохнуть Золтан. – Бери, поэт...

– Аааах! О, мать моя! Отличный! Попробуй, Геральт.

– Первая – хозяину, – слегка поклонился ведьмак Эмиелю Регису. – Где твои манеры, Лютик?

– Извольте извинить, милостивые государи, – ответил поклоном на поклон алхимик. – Но я себе этого не позволяю. Здоровье уже не то, что ранее. Пришло время отказаться... по многим причинам.

– Ни глоточка?

– Тут дело в принципе, – спокойно пояснил Регис. – Я никогда не нарушаю принципов, которые сам себе установил.

– Восхищаюсь и завидую принципиальности. – Геральт малость отпил из мензурки и после недолгого колебания выпил до дна.

Удовольствие немного подпортили брызнувшие из глаз слезы. По желудку растеклось живительное тепло.

– Схожу-ка я за Мильвой, – бросил он, передавая сосуд краснолюду. – Не вылакайте все,

пока мы не вернемся.

Мильва сидела при лошадях, играя с веснушчатой девчушкой, которую весь день везла на своем седле. Узнав о гостеприимстве Региса, она сначала пожала плечами, но упрашивать себя не заставила.

Войдя в домишко, они застали компанию за осмотром корней мандрагоры.

– Впервые вижу, – признался Лютик, вертя в руках клубень. – И верно, немного напоминает человека.

– Которого перекорежил прострел, – заявил Золтан. – А этот вот – ну прямо баба на сносях. А глянь, этот-то, прошу прощения, словно два человека трахаются.

– У вас одни потрапушки в башках-то. – Мильва ловко опрокинула наполненную мензурку, крепко кашлянула в кулак. – А, чтоб тебя... Хороша фиговина! И верно, что ль, из поскрипа? Чародейский напиток пьем! Не всякий раз попадается. Благодарствую, милсдарь цирюльник.

– Ну что вы, что вы, право! И мне приятно!

Активно наполняемая мензурка обошла компанию, поднимая настроение, придавая бодрость и активируя разговорчивость.

– Такая мандрагора, слышал я, варево ба-а-альшой магической силы, – убежденно сказал Персиваль Шуттенбах.

– А как же, – подтвердил Лютик, затем хлебнул, отер губы и принялся разглагольствовать. – Разве ж мало баллад сложено на эту тему? Чародеи используют мандрагору для эликсиров, которые обеспечивают им вечную молодость. А чародейки, кроме того, изготавливают из поскрипа мазь, гламария называется. Намазавшаяся такой мазью чародейка становится такой красивой и чарующей, что прям глаза на лоб вылазят. И еще следует вам знать, что мандрагора сильные афродизионные свойства имеет, и ее используют при любовной магии, особенно для того, чтобы сломить девичье сопротивление. Отсюда и название народное мандрагоры: поскрип. Зелье, значит, чтобы у девок не скрипело...

– Балда, – прокомментировала Мильва.

– А вот я слышал, – сказал гном, опрокинув разом полную мензурку, – что когда корень такой из земли вытягивают, то растение плачет и голосит, словно живое.

– Хо, – сказал Золтан, зачерпывая из бадейки. – Если б только голосило. Говорят, мандрагора вопит так жутко, что можно, значитца, чувств лишиться, а кроме того, заклинания выкрикивает и порчу наводит на того, кто ее из земли тянет. Жизнью можно за таковой риск уплатить.

– Ох, мнится мне, трепотня все это. – Мильва приняла от краснолюда мензурку, браво хлебнула и вздрогнула. – Не может того быть, чтобы у растения такая сила была.

– Самая что ни на есть правдивая правдость! – разгорячился краснолюд. – Однако толковые знахари изобрели способ защититься. Отыскав поскрип, наматывают на корень веревку одним концом, а к другому концу, значитца, веревки привязывают собаку. За хвост.

– Иль свинью, – вставил гном.

– Иль дикого кабана, – серьезно добавил Лютик.

– Дурак ты, хоть и поэт. Суть в том, чтобы эта собака или свинья мандрагору из земли

вытянула, вот тогда ругань и заклинания падут на них, а знахарь, в кустах скрывшийся, целым останется. Ну как, милсдарь Регис? Я верно говорю?

– Метод довольно любопытный, – согласился алхимик, загадочно улыбаясь. – В основном благодаря хитроумности. Однако существенным минусом такой методы следует признать ее сложность. В конце концов теоретически достаточно было бы просто веревки без животного. Не думаю, чтобы мандрагора умела понять, кто тянет за веревку. Волшебства и заклинания в принципе-то должны пасть на веревку, которая, согласитесь, дешевле и проще в обслуживании, нежели собака. Не говоря уж о свинье.

– Ехидничаете?

– Да как я смею? Я же сказал, поражаюсь хитроумности. Потому что хоть мандрагора вопреки всеобщему мнению не способна ни порчу навести, ни ругаться, однако в природном виде это растение настолько токсично, что ядовита даже почва вокруг корней. Попадание свежего сока на лицо или поврежденную руку, да что там, даже вдыхание запаха может привести к печальным последствиям. Я пользуюсь маской и перчатками, хоть и ничего не имею против «метода хвоста и веревки».

– Хммм, – задумался краснолюд. – А насчет крика страшнейшего, который издает вырываемый поскрип, это-то правда?

– У мандрагоры нет голосовых связок, – спокойно пояснил алхимик. – Это в принципе довольно типично для растений, не правда ли? Однако выделяемый клубнями токсин обладает сильным галлюциногенным действием. Голоса, крики, шепоты и иные звуки – все это не что иное, как галлюцинации, вызываемые поражением нервного центра.

– Ха, совсем было запамятовал. – Лютик, который только что опрокинул очередную мензурку, громко отрыгнул. – Мандрагора сильно ядовита! А я брал ее в руку! А сейчас мы хлебаем этот отвар, не задумываясь...

– Токсичен лишь свежий корень растения, – успокоил его Регис. – Мой выдержан целый сезон и приготовлен соответствующим образом, а дистиллят профильтрован. Опасаться нечего.

– Это уж точно, нечего, – согласился Золтан. – Самогон завсегда самогон, гнать его можно даже из цикуты, крапивы, рыбьей чешуи и старой шнуровки от сапог. Давай посуду, Лютик, народ ждет!

Последовательно наполняемая мензурка снова пошла по кругу. Все удобно расположились на глинобитном полу. Ведьмак зашипел и выругался – боль в колене снова дала о себе знать. Он заметил, что Регис внимательно присматривается к нему.

– Свежая рана?

– Не совсем. Но докучает. У тебя нет каких-нибудь трав, чтобы боль унять?

– Смотря что за боль, – едва заметно улыбнулся цирюльник. – И по какой причине. В твоем поте, ведьмак, я ощущаю странный запах. Магией лечили? Давали магические ферменты и гормоны?

– Всекие лекарства давали. Понятия не имею, что еще можно вынюхать в моем поту. У тебя чертовски тонкое обоняние, Регис.

– У каждого свои достоинства. Для нейтрализации недостатков. Что тебе лечили волшебством?

– Рука была сломана и бедренная кость.

– И давно?

– Месяц с небольшим.

– И уже ходишь? Невероятно. Брокилонские дриады, верно?

– Как ты угадал?

– Только дриады знают лекарства, способные так быстро восстановить костную ткань. На твоих руках я вижу темные точки, места, в которые проникали корешки конинхаэли и симбиотические побеги пурпурного окопника. Конинхаэлью умеют пользоваться только дриады, а пурпурный окопник не растет нигде, кроме Брокилона.

– Bravo! Безошибочный вывод! Однако меня интересует другое. Мне сломали бедренную кость и предплечье. А сильные боли я почему-то чувствую в колене и локте.

– Типично, – покачал головой цирюльник. – Магия дриад восстановила тебе поврежденные кости, но одновременно произвела небольшую революцию в нервных стволах. Побочный эффект, который сильнее всего ощущается в суставах.

– Что можешь посоветовать?

– К сожалению, ничего. Ты еще долго будешь предчувствовать ненастье. Зимой боли усилятся. Однако я не рекомендовал бы тебе пользоваться сильными обезболивающими средствами. Особенно наркотиками. Ты – ведьмак. Тебе это абсолютно противопоказано.

– Значит, полечусь твоей мандрагорой. – Ведьмак поднял мензурку, которую ему только что вручила Мильва, выпил до дна и закашлялся так, что опять слезы потекли из глаз. – Мне уже лучше. Дьявольщина!

– Не уверен, – Регис улыбнулся, не разжимая губ, – ту ли болезнь ты лечишь. И вообще лечить надо причины, а не проявления.

– Это не для ведьмака, – фыркнул уже немного зарумянившийся Лютик, прислушивавшийся к разговору. – Ему-то как раз против его хворобы водяра поможет.

– Хорошо бы тебе тоже. – Геральт остудил поэта взглядом. – Особенно если у тебя от нее язык задубеет.

– На это вряд ли можно рассчитывать, – снова улыбнулся цирюльник. – В состав препарата входит белладонна. Много алкалоидов, в том числе скополамин. Прежде чем на вас как следует подействует мандрагора, всех вас разберет элоквенция.

– Что разберет? – спросил Персиваль.

– Элоквенция. Красноречие. Простите. Давайте пользоваться простыми словами.

Геральт скривил губы в деланной улыбке.

– Справедливо. Легко впасть в манерность и начать пользоваться такими словами ежедневно. В таких случаях люди начинают считать болтуна невежественным шутом.

– Или алхимиком, – добавил Золтан Хивай, зачерпывая мензуркой из бадейки.

– Или ведьмаком, – фыркнул Лютик, – который начитался всякой мурсы, чтобы произвести впечатление на некую чародейку. А чародейки, милостивые государи... и милостивые государыни, ни на что не клюют так охотно, как на изысканный треп. Я верно говорю, Геральт? Ну, расскажи нам чего-нибудь...

– Пропусти очередь, Лютик, – холодно прервал ведьмак. – Слишком уж быстро на тебя подействовали содержащиеся в этом самогоне алкалоиды и... скополамин. Ишь разговорился. Элоквенция разобрала!

– А, перестань, Геральт, – поморщился Золтан. – Секретничаешь-то напрасно. Ничего нового нам Лютик не сказал. Ты давно уж стал ходячей легендой. Тут никуда не денешься. Истории о твоих похождениях разыгрывают в кукольных театриках. В том числе и историю о тебе и чародейке по имени Гвиневера.

– Йеннифэр, – вполголоса поправил Эмиель Регис. – Видел я такой спектакль. История об охоте на джинна, если мне память не изменяет.

– Был я при той охоте, – похвалился Лютик. – Смеху, доложу я вам...

– Расскажи всем, – поднялся Геральт. – Запивая и разукрашивая по возможности. Я прогуляюсь.

– Эй! – встрепенулся краснолюд. – Нечего обижаться.

– Ты меня не понял, Золтан. Мне надо облегчиться. Что делать, такое случается даже с ходячими легендами.

Ночь была ужасно холодная. Кони топали и похрапывали, пар валил у них из ноздрей. Залитый лунным светом домик цирюльника выглядел прямо-таки сказочно. Ну, один к одному – домик лесной волшебницы. Ведьмак застегнул брюки.

Мильва, вскоре вышедшая за ним, неуверенно кашлянула. Ее длинная тень поравнялась с его тенью.

– Чего ты обратно злишься? – спросила она. – Что ли всерьез на них обозлился?

– Нет.

– Так какого беса стоишь тут один?

– Считаю.

– Э?

– С того момента, как мы выбрались из Брокилона, прошло двадцать дней, за это время мы прошли всего верст шестьдесят. Цири, если верить слухам, находится в Нильфгаарде, в столице Империи, в городе, от которого меня отделяют, по осторожным прикидкам, что-то около двух с половиной тысяч верст. Из элементарных расчетов получается, что при таком темпе я доберусь туда через год и четыре месяца. Как тебе это нравится?

– Никак. – Мильва пожалала плечами, снова кашлянула. – Я не умею считать так хорошо, как ты. А читать и писать и вовсе. Я глупая, простая девушка из деревни. Никакая тебе не компания. Не друг для разговоров.

– Не говори так.

– Так ведь правда же. – Она резко отвернулась. – На кой ты мне эти версты и дни перечислял? Чтобы я присоветовала тебе что-нибудь? Страх твой разогнала, тоску приглушила, которая свербит тебя сильнее, чем боль в поломанной ноге? Не умею! Тебе нужна не я, а та, другая, о которой болтал Лютик. Мудрая, ученая. Любимая.

– Лютик – трепач.

– Ну-ну. Но часом с головой треплется. Вернемся, хочу напиться еще.

– Мильва?

– Ну чего?

– Ты ни разу не сказала, почему решила ехать со мной.

– А ты не спрашивал.

– Теперь спрашиваю.

– Теперь – поздно. Теперь я уж и сама не знаю.

– Ну наконец-то, – обрадовался Золтан уже заметно изменившимся голосом. – А мы тут, представьте себе, решили, что Регис отправится с нами.

– Серьезно? – Геральт внимательно посмотрел на цирюльника. – Что вдруг такое неожиданное решение?

– Господин Золтан, – не опустил глаз Регис, – разъяснил, что в моих краях буйствует очень серьезная война. Возвращаться в те места нельзя, оставаться на этой пустоши – не очень разумно. Идти в одиночку – опасно.

– А с нами, совершенно незнакомыми, тебе, значит, безопасно. Ты определил это с одного взгляда?

– С двух, – слегка улыбнувшись, ответил цирюльник. – Первый – на женщин, которых вы охраняете. Второй – на их детей.

Золтан громко отрыгнул, скребанул мензуркой по дну бадейки.

– Внешность бывает обманчивой, – усмехнулся он. – А может, мы собираемся продать баб в неволю? Персиваль, да сделай ты что-нибудь! Ну, открой побольше кран или еще чего. Мы ж хотим напиться, а капает, будто кровь из носа.

– Холодильник не управится. Жидкость будет теплой.

– Не беда. Ночь-то холодная.

Тепловатый самогон здорово подстегнул красноречие. Золтан и Персиваль порозовели вконец, голоса у них изменились еще больше. Речь гнома и поэта вообще превратилась в почти нечленораздельное бормотание. Разыгравшийся аппетит компания зажевывала холодной кониной, которую сдабривала оказавшимися в хате корешками хрена, обильно роняя слезы, потому что хрен по крепости ничуть не уступал самогону. Но добавлял огня дискуссии.

Регис неожиданно удивился, когда оказалось, что конечная цель похода не анклав массива Махакам, извечное и безопасное местопоселение краснолюдов. Золтан, который перещеголял болтливостью Лютика, сообщил, что в Махакам не вернется даже под конвоем, и дал волю своей неприязни к царящим там порядкам. Особенно ему претила политика и абсолютизм старосты Махакама и всех прочих краснолюдских кланов Брувера Гоога.

– Старый гриб! – рявкнул он и плюнул в топку печурки. – Глядишь и не знаешь, то ль живой, то ль сеном набитый. Почти не движется, и правильно делает, потому как при каждом движении его пердёж пробирает. Не поймешь, чего говорит – борода от засохшего борща с усами склеилась. А командует всем и всеми, все должны, вишь ты, плясать под его дудку.

– Тем не менее трудно утверждать, что политика старосты Гоога себя не оправдывает, – вставил Регис. – Именно благодаря его решительным действиям краснолюды отделились от эльфов и уже не дерутся совместно со скоя’таэлями. А это привело к прекращению погромов, к отмене карательной экспедиции на Махакам. Верность контактам с людьми приносит плоды.

– Хрен она приносит, а не плоды. – Золтан осушил мензурку. – Что касается «белок», так старого пердуна вовсе не интересовала никакая верность людям. Просто слишком много юнцов бросали работу на рудниках и в кузницах, присоединялись к эльфам, чтобы найти в командах свободу и достойные мужчин приключения. Когда это выросло до размеров проблемы, Брувер Гоог зажал говнюков в железные клещи. Чихать ему на убиваемых скоя’таэлями людей и плевать на репрессии, которым из-за этого подвергались краснолюды, в том числе и на ваши знаменитые погромы. Погромы ему вообще были и остаются до свечки, потому что осевших в городах краснолюдов он считает отщепенцами. А что касается угрозы в виде карательных экспедиций на Махакам, то не смешите меня, мои милые. Никакой угрозы не было и нет, потому что ни один из королей не осмелится тронуть Махакам даже пальцем. Я скажу больше: даже нильфгаардцы, если им удастся захватить окружающие массив долины, Махакам тронуть не посмеют. Знаете почему? Так я вам скажу: Махакам – это сталь. И еще какая! Там есть уголь, там есть магнетитовые руды, неисчерпаемые запасы. А в других местах одна труха.

– И в Махакаме есть техника, – вставил Персиваль Шуттенбах. – Металлургия! Огромные печи, не какие-то засранные курные избы. Водяные и паровые молоты...

– На, Персиваль, перец длинноносый, глотни, – Золтан подал гному в который раз наполненный сосуд, – а то доконаешь нас своей техникой. Все знают о технике. Но не все знают, что Махакам экспортирует сталь. В королевства. Но и в Нильфгаард тоже. А если нас кто пальцем тронет, мы уничтожим мастерские и затопим рудники. А тогда деритесь, люди, да только дубовыми палицами, кремнями и ослиными челюстями.

– Вроде бы такой злой был на Брувера Гоога и махакамские порядки, – заметил ведьмак, – и вдруг стал говорить «мы».

– Да! Верно! – запальчиво подтвердил краснолюд. – А разве не существует солидарность? А? Согласен, немного меня и гордость берет, что мы мудрее зазнаек-эльфов. Надеюсь, возражать не станешь? Эльфы несколько сотен лет прикидывались, будто вас, людей, вообще нет. В небо посматривали, цветочки-василечки нюхали, а при виде людей отводили размазанные глазки. А когда оказалось, что это ничего не дает, вдруг очухались и схватились за оружие. Решили убивать вас и дать повыбивать себя. А мы, краснолюды? Мы приспособились. Нет, мы не позволили себя подчинить, и не мечтайте. Это мы вас себе подчинили. Экономически.

– Правду говоря, – заметил Регис, – вам было приспособиться легче, чем эльфам. Эльфов объединяет земля, территория. Вас – клан. Где клан, там и родина. Если даже какой-нибудь совсем уж недальновидный король сдуру нападет на Махакам, вы затопите рудники и без сожаления пошлепаете куда-нибудь в другое место. В другие удаленные горы. Да хоть бы и в человечьи города.

– И верно! В ваших городах можно вполне прилично жить.

– Даже в гетто! – Лютик хватил воздуха после глотка дистиллята.

– А что плохого в гетто? Я предпочитаю жить среди своих. Зачем мне интеграция?

– Лишь бы нас в цехи пустили. – Персиваль утер нос рукавом.

– Когда-нибудь да допустят, – убежденно сказал краснолюд. – А нет, так станем портачить или оснуем собственные цехи, пусть создадут здоровую конкуренцию. Рынок – так рынок!

– А все-таки в Махакаме безопаснее, чем в городах, – заметил Регис. – Города могут в любой момент полыхнуть. Войну разумнее пересидеть в горах.

– Кто хочет, пусть идет туда. – Золтан зачерпнул из бадейки. – Мне милей свобода, а в Махакаме ею и не пахнет. Не представляете себе, как выглядит власть старика. Последнее время ему приспичило регулировать эти, ну, как их? О – общественные права и законы. К примеру: допустимо ли носить подтяжки или нет? Карпа есть сразу или погодить, пока заливное застынет? Соответствует ли игра на окарине нашей многовековой краснолюдской традиции или же это губительное влияние прогнившей и декадентствующей – во словцо-то, Регис, какое! – человеческой культуры. После скольких лет работы можно подать заявление на выделение постоянной жены. Которой рукой следует... подтираться. На каком расстоянии от рудника разрешается свистеть. И тому подобные проблемы жизненно важного значения. Нет, ребята, я не вернусь к горе Карбон. Нет у меня желания провести жизнь в рудничном забое. Сорок лет внизу, если раньше не бухнет метан. Но у нас другие планы, верно, Персиваль? Мы себе будущее уже обеспечили...

– Будущее, будущее... – Гном осушил мензурку, высморкался и взглянул на краснолюда уже немного затуманенными глазами. – Не говори гоп, Золтан. Нас еще могут схватить, и тогда наше будущее – петля. Или Дракенборг.

– Заткнись, – буркнул краснолюд, угрожающе взглянув на него. – Разболтался!

– Скополамин, – шепнул Регис.

Гном сочинительствовал. Мильва грустила. Золтан, забыв, что однажды все это уже рассказывал, повествовал о Гооге, старом грибе, старосте Махакама. Геральт, забыв, что однажды все это уже слышал, внимал. Регис тоже слушал и даже добавлял комментарии, совершенно не беспокоясь тем, что остался единственным трезвым в уже здорово подпитом обществе. Лютик бренчал на лютне и пел:

У гордых дам присловье есть:

Мол, трудно в дупла палкой влезть...

– Идиот, – заметила Мильва. Лютик не обиделся.

Да нет – всегда найдется тот,

чей сук в дуплишко путь найдет...

– Кубок... – бормотал Персиваль Шуттенбах, – чаша, значит... Из сплошного куска млечного опала вырезанная... Во-о-от такой величины. Я нашел на вершине горы Монсальват. По краю шла яшма, а основание из золота. Красотища...

– Крррва мать... – очнулся от дремы Фельдмаршал Дуб.

– Не давайте ему больше сивухи, – с трудом сказал Золтан Хивай, имея в виду явно не Фельдмаршала.

– Постой-постой, – проговорил Лютик, тоже не совсем внятно. – Так что случилось с тем легендарным кубком, в смысле чашей?

– На мула обменял. Нужен был мне мул, груз перевезти... Корунды и кристаллический уголь. Было у меня этого... Ээп... Целая куча... Ээп... Груз, значит, тяжелый, без мула никуда... На кой хрен был мне нужен этот кубок, в смысле чаша?

– Корунды? Уголь?

– Ну, по-вашему рубины и алмазы. Очень... ээп... полезные...

– Я думаю!

– Для сверл и напильников. Для подшипников. Их у меня была... ээп... целая куча.

– Слышь, Геральт? – Золтан махнул рукой и, хотя сидел, чуть было не повалился на бок. – Мал, вот и набрался быстро. Куча алмазов ему снится. Эй, Персиваль, как бы сон-то твой не оправдался! Наполовину. На ту, которая без алмазов!

– Сны, сны, – снова забормотал Лютик. – А ты, Геральт? Тебе снова Цири снилась? Понимаешь, Регис, Геральт – мастер на пророческие сны! Цири – это Дитя-Неожиданность, Геральт связан с ней узами предназначения, потому видит ее в снах. Неплохо б тебе также знать, что мы в Нильфгаард идем, чтобы отнять нашу Цири у императора Эмгыра, который ее похитил. И не успеет Эмгыр оглянуться, как мы ее отобьем! Я бы сказал вам больше, парни, но это тайна. Секрет. Жуткая, глубокая и мрачная тайна... Никто не может об этом узнать, понятно? Ни-и-икто!

– Я ничего не слышал, – заверил Золтан, нахально глядя на ведьмака. – Не иначе как ухвертка заползла в ухо.

– Ох уж эти ухвертки, – согласился Регис, делая вид, будто ковыряет в ухе, – ну прямо-таки несчастье какое-то.

– В Нильфгаард топаем... – Лютик оперся о краснолюда, думая удержать равновесие, что оказалось крупной ошибкой. – Это, как я уже сказал, секретная тайна! Тайный секрет! Секретно-тайная цель!

– И по правде сказать, очень ловко спрятанная, – кивнул цирюльник, кинув взгляд на побледневшего от ярости Геральта. – Судя по направлению вашего похода, даже самый подозрительный и прозорливый тип не догадается о цели движения.

– Мильва, что с тобой?

– Отстань от меня, пьяный дурак.

– Хе! Она плачет! Эй, гляньте-ка...

– Иди к черту, говорю! – Лучница отерла слезы. – Вот дам кулаком меж глаз, виршеплет затраханый... Давай стекляшку, Золтан...

– Подевалась куда-то... – пробормотал краснолюд. – О, есть. Спасибо, ци-цилюрьник... А где, мать его, Шуттенбах?

– Вышел. Какое-то время назад. Лютик, помнится, ты обещал рассказать историю про

Дитя-Неожиданность...

– Щас, щас. Регис. Только глотну... Все расскажу... И о Цири, и о ведьмаке... В подробностях...

– На погибель сукинсынам!!!

– Тихо ты, краснолюдина! Дите перед халупой разбудишь!

– Не злись, лучница! На, выпей.

– Эээх! – Лютик обвел комнатку полудурным взглядом. – Если б меня сейчас увидела графиня де Леттенхоф...

– Кто-кто?

– Не важно. Холера, эта сивуха и верно язык развязывает... Геральт, тебе еще налить? Геральт!

– Отзынь от него, – сказала Мильва. – Пусть спит.

Стоящий на краю села овин исходил музыкой, музыка дошла до них еще прежде, чем они подъехали, и взбудоражила. Они начали невольно раскачиваться в седлах медленно ступающих лошадей, вначале следуя глухому ритму барабана и басетлей, потом, когда подъехали ближе, в такт мелодии, которую пели пищалки и гусли. Ночь была холодная, в свете полной луны овин с прорывающимися сквозь щели в досках проблесками казался сказочным, волшебным замком.

Из ворот овина вырывался гул и свет, мерцающий от теней пляшущих пар.

Стоило им войти, как музыка оборвалась, расплылась протяжным, фальшивым аккордом. Расплясавшиеся и потные кметы расступились, освобождая глинобитный пол, собрались вдоль стен и подпирающих крышу столбов. Цири, шедшая рядом с Мистле, видела расширенные от страха глаза девушек, замечала твердые, решительные взгляды мужчин и парней, готовых на все. Слышала усиливающийся шепот и гул, перебивающий сдержанное гудение дудок, мушиное пиликанье скрипок и гуслей. Шепот. Крысы... Крысы... Разбойники.

– Не пугайтесь, – громко сказал Гиселер, бросая онемевшим музыкантам плотно набитый позвякивающий мешочек. – Мы приехали повеселиться. Ведь гулянье для всех, разве нет?

– Где ваше пиво? – тряхнул мешочком Кайлей. – И где ваше гостеприимство?

– И почему здесь так тихо? – обвела помещение взглядом Искра. – Мы ехали с гор на гулянье. Не на тризну!

Кто-то из кметов наконец переборол страх, подошел к Гиселеру с пенящимся глиняным кувшином. Гиселер принял с поклоном, выпил и по обычаю любезно поблагодарил. Несколько парней крикнули, мол, давайте плясать. Но остальные молчали.

– Эй, кумовья! – снова закричала Искра. – Плясать хочу, да, похоже, для начала надо вас растормошить!

У стены овина стоял тяжелый стол, уставленный глиняной посудой. Эльфка хлопнула в ладоши, ловко запрыгнула на дубовую столешницу. Кметы поспешно пособирали посуду, а ту, которую убрать не успели, Искра сбросила широким пинком.

– Ну, господа музыканты... – подбоченилась она, тряхнув волосами. – Покажите, на что

способны! Музыка!

Она быстро отбила каблуками ритм. Повторил барабан, подхватили басетля и свирель. Вступили дудка и гусли, усложняя, призывая Искру сменить шаг и ритм. Эльфка, яркая и легкая, как бабочка, легко подстроилась, заплясала. Кметы принялись хлопать в ладоши.

– Фалька! – крикнула Искра, щуря удлинённые броским макияжем глаза. – С мечом-то ты ловкая! А в пляске? Поддержишь?

Цири сбросила с плеча руку Мистле, отвязала с шеи платочек, сняла берет и курточку. Одним прыжком оказалась на столе рядом с эльфкой. Кметы подбодрили криком, барабан и басетля загудели, стонущие запели дудки.

– А ну, музыканты! – вскрикнула Искра. – Вовсю! И быстрее!

Уперев руки в бока и резко откинув волосы, эльфка задрожала ногами, заплясала, отбила каблуками быстрое, ритмичное стаккато. Цири, захваченная ритмом, повторила ее движения. Эльфка рассмеялась, подпрыгнула, сменила ритм. Цири резким движением головы стряхнула со лба волосы, повторила точно один к одному. Обе заплясали синхронно, одна – зеркальное отражение другой. Кметы орали, подбадривали. Гусли и скрипки взвились высоким пением, разрывая в клочья размеренное гудение басетлей и стон дудок.

Они плясали, выпрямившись тростинками, касаясь друг друга локтями упирающихся в бедра рук. Подковки каблуков отбивали ритм, стол трясся и гудел, в свете сальных свечей и факелов клубилась пыль.

– Шибчей! – подгоняла музыкантов Искра. – А ну, жизни! Жизни!

Это была уже не музыка, это было безумие!

– Пляши, Фалька! Забудь обо всем! Про все! Про всех!

Каблук, мысок, каблук, мысок, каблук, шаг и прыжок, движение плеча, кулаки в бока, каблук, мысок. Стол трясется, свет качается, колеблется толпа, все колеблется, весь овин пляшет, пляшет, пляшет... Толпа орет. Гиселер орет. Ассе орет. Мистле хохочет, хлопает, все хлопают и топают, дрожит овин, дрожит земля, дрожит мир! Мир? Какой мир? Нет никакого мира, нет ничего, есть только пляска, пляска... Каблук, мысок, каблук... Локоть Искры... Горячка, горячка... Уже только ржут скрипки, свирели, басетли и дудки, барабанщик только поднимает и опускает палочки, он больше не нужен, такт отбивают они, Искра и Цири, их каблук, так что гудит и раскачивается стол, гудит и раскачивается весь овин... Ритм, ритм. Ритм в них, музыка в них, музыка – они сами! Темные волосы Искры пляшут надо лбом и на плечах. Струны гуслей надрываются лихорадочным, огненным, взрывающимся до самых высот пением. Кровь бьется в висках.

Иступление! Забвение!

«Я – Фалька! Я всегда была Фалькой! Пляши, Искра! Хлопай, Мистле!» Скрипки и дудки обрывают мелодию резким, высоким аккордом, Искра и Цири заканчивают пляску одновременно барабанной дробью каблуков, не отрывая друг от друга локтей. Дышат обе, распаленные, мокрые, вдруг прижимаются одна к другой, обнимают, обдают друг друга потом, жаром и счастьем. Сарай взрывается единым криком, заполняется громом рукоплесканий.

– Фалька, ты дьяволица! – тяжело дышит Искра. – Когда нам надоест разбойничать, пойдем в мир зарабатывать на жизнь плясками...

Цири тоже дышит тяжело, неровно. Не может произнести ни слова. Только судорожно

смеется. По щекам текут слезы.

В толпе вдруг раздается крик, возникает суматоха. Кайлей сильно толкает могучего кмета, кмет толкает Кайлея, они схватываются, мелькают поднятые кулаки. Подскакивает Рееф, при свете факелов вспыхивает кинжал.

– Нет! Стоять! – пронзительно кричит Искра. – Никаких драк. Это ночь плясок!

Эльфка берет Цири за руку, обе соскакивают на пол.

– Музыканты, играть! Кому не терпится показать свое умение? Давайте с нами! Ну, кто смел?

Монотонно гудит басетля, в гул врывается протяжный стон дудок, потом высокое пение гуслей. Кметы хохочут, тыркают друг друга кулаками, перебарывают страх и смущение. Один, широкоплечий и светловолосый, хватает Искру. Другой, помоложе и постройнее, неуверенно кланяется Цири. Цири гордо вскидывает голову, но тут же улыбается. Паренек обнимает руками ее талию, Цири кладет свои руки ему на плечи. Прикосновение пронзает ее огненной стрелой, заполняет пульсирующим желанием.

– Живее, музыканты! Живее!

Овин дрожит от крика, вибрирует ритмом и мелодией.

Цири пляшет.

Глава четвертая

ВАМПИР, или упырь, умерший человек, оживленный Хаосом. Утратив первую жизнь, В. проживает вторую ночной порой. Выходит из могилы при свете луны и перемещаться может токмо вослед за ее лучами; нападает на спящих девиц либо парней, кровь сладкую коих, не разбудив оных, сосет. Physiologus

Кметы чеснок в превеликом множестве поедали, а большей верности ради ожерелья чесночные на шею повешали. Некоторые, особливо девушки, цельные головки чеснока запихивали себе куда только можно. Все село преужасающе чесночным духом воняло, кметы мыслили, будто в безопасности обретаются и теперь уже ничего им упырь учинить не сумеет. Како же велико было изумление, когда упырь, в полночь налетевши, вовсе не испугался, а токмо хохотать почал, зубьями от веселия скрежеща и насмехаясь. «Славно, – кричал, – что вы сразу же нашпиговались, потому как теперича я вас жрать стану, а заправленное мясо больше мне на вкус приходится. Посолитесь еще и поперчитесь, да и о горчице не позабудьте». Сильвестр БугиардоLiber Tenebrarum, или Книга Страшных, но Истинных Случаев, Наукою Никогда не Экспликованных

Светит месяц, светит ясный...

Глянь, мертвяк летит ужасный...

Подвывает крепко...

Не боишься, девка?

Народная песенка

Птицы, как всегда, опередили восход солнца, разбудив серую, туманную предрассветную тишь своим гомоном, и, как всегда, первыми в путь собрались молчаливые женщины из Кернова с детьми. Таким же быстрым и энергичным оказался цирюльник Эмиель Регис, присоединившийся к компании с дорожным посохом и кожаной торбой на спине. Остальная часть группы, которая ночью активно дегустировала дистиллят, не была столь приткой. Утренний холод поднял ночных кутил, однако не сумел полностью свести на нет эффекты мандрагорового зелья. Геральт очнулся в углу домишки. Голова его лежала на подоле у Мильвы. Золтан и Лютик, обнявшись, храпели на куче поскриповых клубней так, что раскачивались висащие на стенах пучки трав. Персиваль отыскался за халупой, свернувшийся в клубок под кустом черемухи и накрытый соломенной рогожкой, которой Регис пользовался, чтобы вытирать ботинки.

Все пятеро являли миру очевидные, хоть и дифференцированные признаки утомления и последствий Регисова похода. Признаки эти они пытались изгнать, интенсивно утоляя жажду в ручье.

Однако когда туман рассеялся и лучи кроваво-красного солнца пробились сквозь кроны сосен и лиственниц Фэн Карна, группа была уже в пути, резво двигаясь среди курганов, дольменов и надгробий иной формы. Вел Регис, за ним следовали Персиваль и Лютик, подбадривавшие друг друга тем, что в два голоса пели балладу о железном волке и трех сестрах. За ними топал Золтан Хивай, тянувший за поводья вороного жеребца. Во владениях цирюльника краснолюд нашел суковатую ясеневую палку и теперь колотил ею по менгирам, мимо которых проходил, желая при этом давно преставившимся эльфам вечного отдохновения, а сидящий у него на плече Фельдмаршал Дуб топорщил перья и время от времени неохотно, малопонятно и как-то неубедительно поскрипывал.

Самой податливой на действие дистиллята оказалась Мильва. Она шла с явным трудом, вспотевшая, бледная, злая как оса и даже не отвечала на щебетание девочки с косичками, которую везла на седле своего воронка. Геральт не пытался заводить разговора, да и у него настроение тоже было не из лучших.

Туман, а также излагаемые громкими, но несколько испитыми голосами перипетии железного волка и трех сестер привели к тому, что на группу кметов они наткнулись неожиданно. Кметы же слышали их уже издали и не шевелясь ждали меж врытых в землю монолитов, а серые сермяги служили им прекрасной маскировкой. Еще немного, и Золтан Хивай угостил бы одного из них палкой, приняв за надгробный камень.

– Огогого! – крикнул он. – Простите, люди! Не заметил. День добрый. Приветствую!

Десяток кметов нестройным хором пробурчали что-то в ответ, угрюмо посматривая на компанию. В руках они держали лопаты, кирки и саженой длины заостренные жерди.

– Приветствую, – повторил краснолюд. – Как я понимаю, вы из лагеря на Хотле.

Попал?

Вместо ответа один из кметов указал на коня Мильвы.

– Вороной. Видите?

– Вороной, – повторил другой и облизнулся. – Точно вороной. В сам раз будет.

– Э? – Золтан заметил движение и взгляды. – Ну, вороной. И что? Конь ведь, не жирафа какая, чего глазеть-то на него?

– А вы чего тут делаете, кумовья, на кладбище на этом? – Кмет окинул компанию неприязненным взглядом.

– А вот выкупили эту территорию. – Краснолюд взглянул ему прямо в глаза и стукнул палкой по менгиру. – И меряем шагами[16], не объегорили ли нас случаем на акрах.

– А мы тут вомпера ловим!

– Кого?

– Вомпера, – отчетливо повторил старший из кметов, почесывая лоб под заскорузнувшим от грязи колпаком. – Гдей-то тут лежище себе учинил, сукин сын. Осиновых кольев настругали, отышшем окаянного, продырявим, чтоб уж не встал!

– И вода святая у нас в двойчатках есть, которую нам блаженный жрец уделил! – бодро крикнул другой кмет, демонстрируя горшки. – Издырявим кровопивца, чтоб на веки веков исчезнул!

– Ха-ха, – сказал Золтан Хивай. – Охота, вижу, на всю ширь идет и продумана в подробностях. Вампир, говорите? Ну, считайте, повезло вам, добрые люди. У нас специалист по вампирам имеется, ведь...

Он осекся и выругался про себя, поскольку ведьмак крепко саданул его сапогом по щиколотке.

– Кто вампира видел? – спросил Геральт, взглядом велев спутникам молчать. – Откуда знаете, что его надо искать именно здесь?

Кметы пошептались.

– А никто его не видал, – признался наконец тот, что был в фетровом колпаке. – И не слышал. А как же его увидеть, ежели он по ночам летает, во тьмах? А как же его услыхать, коли он на нетопыриных крыльях полошшит, без шуму и шороху?

– Вомпера-то мы не видали, – добавил другой. – Но следы евонного страшного дела были. С того дня, как месяц в полною взошел, упырище кажду ночь кого-нито из наших пришибает. Двох уже разодрал. Бабу одну и отрока единого. Ужась и тревога! На куски вомпер несчастливцев разодрал, всю кровю из них высосал! Так чего ж таперича – в бездействии третью ночь ждатель?

– Кто сказал, что всему виной вампир, а не другой хищник? Кто придумал по могильникам рыскать?

– Блаженный жрец сказал. Ученый и набожный человек, счастье, что в наш лагерь забрел. Враз угадал, что на нас вомпер нападает. Кара это за то, что мы молитвы забросили и приношения не делаем. Он ныне в лагере молитвы возносит, игзорсизмы всякие, а нам велел поискать могилу, в которой мертвяк дневает.

– Именно здесь?

– А где ж еще могилу вомперью искать, ежели не на жальнике? Это ведь эльфов жальник, каждое дите знает, что эльфы – раса поганая и безбожная, каждый второй эльф опосля смерти адовым отродьем становится! Вся зараза через эльфов!

– И брадобреев! – серьезно кивнул Золтан. – Истинная правда. Каждое дите знает. Далеко лагерь-то, о котором речь шла?

– Э, недалеко...

– Да не говорите вы им много-то, отец Овсивуй! – буркнул заросший щетиной кмет с волосами до бровей, тот, который уже раньше проявил враждебность. – Черт их знает, кто такая, какая-то подозрительная шайка. А ну, за дело. Пущай коня дают, а опосля идут в свою сторону.

– Святая правда, – сказал старший кмет. – Надыть дело кончать, потому как время не ждет. Давайте коня. Того, вороного. Нужон нам, чтобы вомпера отыскать. Сыми, девка, дите с седла.

Мильва, которая все время равнодушно пялилась на небо, взглянула на кмета, и черты лица у нее опасно обострились.

– Ты мне, что ли, говоришь, кметок?

– Тебе-тебе. Давай воронка, нужон он нам.

Мильва потерла вспотевшую шею и стиснула зубы, а ее усталые глаза приобрели совершенно волчье выражение.

– В чем дело, люди, – улыбнулся ведьмак, пытаясь разрядить обстановку. – Зачем вам конь, которого вы так любезно просите?

– А как же нам иначе-то могилу упыря отыскать? Известно ж, надыть на вороном жеребце жальник объехать, а у которой могилы жеребец пристанет и не даст себя стронуть, там вомпер и зарыт. Тады надыть его выкопать и осиновым колом прошить. Не противьтесь, потому как нам все едино, что в лоб, что по лбу. Должны мы того воронка получить!

– А другая масть, – дружелюбно спросил Лютик, протягивая кмету вожжи Пегаса, – не подойдет?

– Никак.

– Ну, значит, не повезло вам, – прошипела сквозь стиснутые зубы Мильва. – Я коня не отдам.

– Это как же так не дашь? Не слыхала, что я сказал, девка? Нам надыть!

– Вам – да. А мне, стало быть, нет?

– Предлагаю полюбовное решение, – мягко проговорил Регис. – Как я понимаю, госпожу Мильву дрожь пробирает при одной мысли, что можно отдать лошадь в чужие руки...

– Точно, – зло сплюнула лучница. – При одной мысли трясет...

– Ну, чтобы и волки были сыты, и овцы целы, – спокойно продолжал цирюльник, – пусть госпожа Мильва сама сядет на воронка и совершит столь якобы необходимый объезд некрополя.

– Не стану я, будто дура какая, по кладбищу рыскать.

– Да тебя никто и не просит, девка! – крикнул мужик с волосами до бровей. – На то нужен парень, хват, а бабе на кухне при горшках сидеть след. Конечно, девка позже может сгодиться, потому как супротив упыря, говорят, шибко пользительны девичьи слезы. Ежели вомпера окропить имя, сгорит, ровно головня. Токмо слезы должна чистая и не тронутая еще молодка пролить. Что-то не видится мне, чтобы тебя не трогали, женчина. Сталбыть, ты тут ни до чего не нужная.

Мильва быстро сделала шаг вперед и неуловимым движением выбросила правый кулак. Голова кмета отлетела назад – заросшая шея и подбородок оказались прекрасной мишенью. Девушка шагнула еще и саданула ребром раскрытой ладони, усилив удар за счет разворота бедер и плеч. Кмет попятился, запутался в собственных лаптях и повалился на менгир. Удар затылком был хорошо слышен.

– Теперь видишь, на что я гожусь, – сказала дрожащим от бешенства голосом лучница, растирая кулак. – Кто из нас хват, а кому в руки ухват? Ничего нет вернее кулачного боя. После него все становится ясно. Кто молодец и хват, тот на ногах стоит, кто дурень и слабак, тот на земле лежит. Я верно говорю, кметы?

Крестьяне не торопились подтверждать, а, раскрыв рты, пялились на Мильву. Тот, что в фетровом колпаке, опустился перед длинноволосым на колени и легонько пошлепал его по щекам. Впустую.

– Убит, – ахнул он, поднимая голову. – Насмерть. Как же так, девка? Как же так – взять да человека убить?

– Я не хотела, – шепнула Мильва, опуская руки и бледнея от ужаса. А потом сделала то, чего от нее никто и ожидать не мог.

Отвернувшись, покачнувшись, оперлась лбом о менгир, и ее бурно вырвало.

– Что с ним?

– Легкое сотрясение мозга, – ответил Регис, вставая и застегивая торбу. – Череп цел. Он уже пришел в себя. Помнит, что случилось, помнит, как его зовут. Это хорошо. Бурная реакция госпожи Мильвы была, к счастью, безосновательна.

Ведьмак взглянул на лучницу, сидевшую неподалеку у камня и уставившуюся вдаль.

– Это не кисейная барышня, чтобы реагировать так бурно, – буркнул он. – Вину тому я приписал бы скорее вчерашнему самогону с «белладонной».

– Ее уже и раньше рвало, – тихо заметил Золтан. – Позавчера, на ранней заре. Все еще спали. Я думаю, это из-за грибов, которые мы жрали в Турлуге. У меня тоже живот два дня болел.

Регис странно глянул на ведьмака из-под седеющих бровей, загадочно улыбнулся и закутался в черный шерстяной плащ. Геральт подошел к Мильве.

– Как ты себя чувствуешь?

– Отвратно. Что с кметком?

– Ничего страшного. Пришел в себя. Однако Регис запретил ему вставать. Крестьяне сооружают люльку, отвезем его в лагерь между двумя лошадьми.

– Возьмите моего вороного.

– Мы взяли гнедого и Пегаса. Они помягче. Вставай, пора в путь.

Теперь выросшая количественно группа напоминала похоронную процессию и тащилась в столь же похоронном темпе.

– Что скажешь об их вампире? – спросил ведьмака Золтан Хивай. – Веришь в эту историю?

– Я не видел убитых. Ничего сказать не могу.

– Явная липа, – убежденно заметил Лютик. – Кметы говорят, что убитые были разорваны. Вампиры не разрывают. Прокусывают артерию и выпивают кровь, оставив два четких оттиска клыков. Очень часто жертва выживает. Я читал об этом в специальной книге. Были там и гравюры, изображающие следы вампирьих укусов на лебяжьих выях девушек. Подтверди, Геральт.

– А что подтверждать? Я не видел таких гравюр. Да и в девушках плохо разбираюсь. С лебяжьими выями.

– Не ехидничай. Следы вампирьих укусов должен был встречать не раз и не два. Тебе когда-нибудь доводилось видеть, чтобы вампир раздирал жертву в клочья?

– Чего нет, того нет.

– В случае высших вампиров – никогда, – тихо сказал Эмиель Регис. – Из того, что мне известно, таким ужасным образом людей не калечат ни альп, ни катакан, ни муля, ни брукса, ни носферат. А вот фледер и экимма очень грубо обходятся с жертвами.

– Bravo! – Геральт взглянул на него с искренним восхищением. – Ты не упустил ни одного вида вампиров. И не назвал ни одного мифического, существующего только в сказках. Да уж – знания поразительные. Следовательно, ты не можешь не знать, что экиммы и фледеры в нашем климатическом поясе не встречаются.

– Тогда что же? – фыркнул Золтан, размахивая ясеновой палкой. – Кто же тогда в нашем поясе разорвал ту бабу и парня? Сами, что ли, себя в приступе отчаяния разорвали?

– Перечень существ, которым можно приписать такой поступок, достаточно велик. Открывает его стая одичавших собак, нередкое несчастье военных лет. Вы не представляете себе, на что способны такие псы. Половину жертв, приписываемых чудовищам Хаоса, в действительности следует отнести на счет одичавших дворняг.

– Значит, чудовищ ты исключаешь?

– Отнюдь. Это могла быть стрыга, гарпия, гравейр, гуль...

– Не вампир?

– Скорее всего нет.

– Кметы упоминали какого-то жреца, – напомнил Персиваль Шуттенбах. – Как думаете, жрецы разбираются в вампирах?

– Некоторые разбираются во многом, к тому же неплохо, их мнение, как правило, стоит выслушать. К сожалению, это относится не ко всем.

– Особенно не к тем, которые валандаются по лесам с беженцами, – фыркнул краснолюд. – Скорее всего это какой-то отшельник, темный пустынный из глухомани. Направил кметскую

экспедицию на твоё кладбище, Регис. Собирая мандрагору при лунном свете, ты никогда не замечал там какого-нибудь вампира? Даже малюсенького? Крохотного?

– Никогда, – усмехнулся цирюльник. – И ничего странного. Вампир, как вы только что слышали, летает во тьме на нетопыриных крыльях без шума и шороха. Его легко прозевать.

– И легко увидеть там, где никогда не было и нет, – подтвердил Геральт. – В молодости я не раз тратил втуне время и энергию, гоняясь за привидениями и плодами предрассудков, которых видела и красочно описывала вся деревня с солтысом во главе. А однажды я два месяца просидел в замке, который якобы облюбовал себе вампир. Вампира не было. Но кормили отменно. Первое, второе и... компот.

– Однако у тебя, несомненно, бывали случаи, когда слухи о вампирах имели под собой почву, – сказал Регис, не глядя на ведьмака. – Тогда, думается, время и энергия не пропадали втуне. Чудовище погибало от твоего меча?

– Случалось.

– Так или иначе, – сказал Золтан, – кметам повезло. Я думаю подождать у них в лагере Мунро Бруйса и парней, да и нам отдых не повредит. Кто бы ни пришиб бабу и парня, ему не позавидуешь, если в лагере будет ведьмак.

– Ну, коли уж об этом речь, – стиснул зубы Геральт, – то убедительно прошу не болтать, кто я такой и как меня зовут. В первую очередь это касается тебя, Лютик.

– Воля твоя, – кивнул краснолюд. – Наверно, у тебя есть к тому причины. Хорошо, что вовремя нас упредил, потому как лагерь уже видно.

– И слышно, – подтвердила Мильва, прервав долгое молчание. – Шуму-то, шуму – страсть!

– Мы слышим, – сделал мудрую мину Лютик, – обычную симфонию лагеря беженцев. Как всегда, расписанную на несколько сотен человеческих глоток, не меньшее количество мычащих коров, блеющих овец и гогочущих гусей. Сольные партии в исполнении скандалящих баб, дерущихся детей, поющего петуха, а также, если не ошибаюсь, осла, которому сунули репей под хвост. Симфония называется: «Человеческое сборище в борьбе за выживание».

– Симфония, – заметил Регис, шевеля крылышками породистого носа, – как всегда, одороакустическая. От борющегося за выживание человечества несет изумительным ароматом вареной капусты, блюда, без которого, видимо, долго продержаться невозможно. Характерный ароматический привкус создают также эффекты удовлетворения физиологических потребностей, справляемых где попало, чаще же всего по периметру лагеря. Никогда не мог понять, почему борьба за выживание воплощается в нежелании копать выгребную яму.

– Порази вас дьявол с вашей болтовней, – занервничала Мильва. – Полсотни пустых слов, когда хватило бы трех: воняет капустой и говном.

– Капуста и говно всегда идут в паре, – сентенциозно изрек Персиваль Шуттенбах. – Одно приводит в движение другое. Перпетуум мобиле.

Стоило им вступить в шумный и вонючий лагерь между кострами, телегами и шалашами, как они незамедлительно оказались в центре внимания всех собравшихся беженцев, которых было никак не меньше, а то и больше двух сотен. Интерес этот быстро и почти невероятно возрос: неожиданно кто-то крикнул, неожиданно кто-то завыл, неожиданно кто-то кинулся кому-то на шею, кто-то принялся дико хохотать, а кто-то столь же дико рыдать. Возникло

сильнейшее замешательство. Из какофонии мужских, женских и детских выкриков трудно было вначале понять, в чем дело, но наконец все объяснилось. У шедших с ними женщин из Кернова отыскивались в лагере муж и брат, которых те уже считали погибшими либо пропавшими без вести в военной заварухе. Радости и слезам не было конца.

– Такая банальная мелодрама, – убежденно сказал Лютик, указывая пальцем на трогательную сцену, – может случиться только в реальной жизни. Попробуйся я таким манером закончить одну из своих баллад, меня б подняли на смех.

– Несомненно, – подтвердил Золтан. – Однако такая мелодраматическая банальность радует. На сердце легчает, когда видишь, что судьба кому-то дарит, а не отнимает. Ну – бабы с возу... Вел, вел, аж наконец довел. Пошли, нечего стоять.

Ведьмак хотел было предложить немного повременить, надеясь, что какая-нибудь из женщин сочтет нужным хотя бы словом поблагодарить краснолюда. Но тут же раздумал, видя, что его надеждам не суждено оправдаться. Обрадованные встречей женщины вообще забыли об их существовании.

– Чего стоишь? – быстро глянул на него Золтан. – Ждешь, когда тебя цветами обсыпят? Медком помажут? Собираемся, нечего нам тут делать.

– Ты прав.

Далеко они не ушли. Их остановил тоненький голосок веснушчатой девочки с косичками. В руке у нее был большой букет полевых цветов.

– Спасибо вам, – задыхаясь от быстрого бега, пропищала она, – что вы охраняли меня, и братика, и маму. Что были добрые к нам и вообще. Я нарвала вам цветочков.

– Спасибо, – сказал Золтан Хивай.

– Вы добрые, – добавила девчушка, прикусив кончик косички. – Я ни капельки не верю тому, что говорит моя тетка. Вы совсем-совсем никакие не паршивые подземные карлы. Ты, дяденька, не седой выродок из ада, а ты, дядя Лютик, вовсе никакой не кичливый индюк. Неправду она говорила, моя тетка. А ты, тетя Мильва, вовсе никакая не разбойница с луком, а тетя Мария, и я тебя люблю. Тебе я нарвала самых красивых цветочков.

– Спасибо, – сказала Мильва чуть-чуть изменившимся голосом.

– От всех нас спасибо, – добавил Золтан. – Эй, Персиваль, паршивый подземный карл, дай-ка ребенку что-нибудь на прощание. Не завалился ли у тебя в кармане какой-нибудь ненужный камень?

– Завалился. Держи, мазеличка. Это алюмосиликат бериллия, популярно называемый...

– Изумрудом, – закончил краснолюд. – Не забивай ребенку голову, все равно не запомнит.

– Ой, какой красивый! Зелененький! Спасибо! Большое-пребольшое!

– Играй на здоровье.

– И не потеряй, – буркнул «кичливый индюк» Лютик. – За этот камушек можно купить небольшую усадьбу.

– А, брось. – Золтан приладил к колпаку полученные от девочки васильки. – Камень как камень, о чем говорить. Бывай здорова, малявка. А мы пойдем, присядем где-нибудь у брода, подождем Бруйса, Язона и других. Они вот-вот должны быть. Странно, что их так долго не

видать. Забыл, дубом меня хрясть, отобрать у них карты. Спорю, сидят где-нибудь и режутся в гвинт!

– Коней надо накормить, – сказала Мильва. – И напоить. Пошли к реке.

– Может, и для нас найдется какая-никакая теплая еда, – добавил Лютик. – Персиваль, пошуй в лагере, воспользуйся своим носярой на пользу народу. Подсядем там, где вкуснее готовят.

К их легкому удивлению, доступ к реке охранялся. Стерегающие водопой мужики потребовали по грошу за коня. Мильва и Золтан взъярились не на шутку, но Геральт, не желая скандала и связанного с ним шума, успокоил их, а Лютик выложил найденные на дне кармана монеты.

Вскоре обнаружился Персиваль Шуттенбах, злой и грустный.

– Нашел поесть?

Гном высморкался и вытер пальцы о шерсть проходившей мимо овцы.

– Нашел, только не знаю, хватит ли нас на нее. Здесь за все требуют деньги, а цена – хошь стой, хошь падай! Мука и крупы – крона за фунт. Тарелка жидкого супа – два нобиля. Котелок пойманных в Хотле выюнов стоит столько, сколько в Диллингене фунт вяленого лосося...

– А фураж?

– Талер за мерку овса.

– Сколько-сколько? – взорвался краснолюд. – Сколько?

– Сколь-сколь, – буркнула Мильва. – Лошадей спроси сколь. Падут, если заставим траву щипать! Впрочем, здесь и травы-то нет.

Против очевидных фактов не попрешь. Не помогла и бурная торговля с владельцем овса. Парень отобрал у Лютика остатки денег, получил несколько ругательств от Золтана, впрочем, нисколько не обидевшись. А кони охотно сунули морды в мешки с кормом.

– Чертовы обдиралы! – верещал краснолюд, разряжая злость ударами палки по колесам телег, мимо которых проходил. – Как они еще дышать позволяют задарма, не требуют полгрошика за вдох. Или пятак за... кучу!

– Высшие физиологические потребности, – вполне серьезно заметил Регис, – таксированы соответственно. Видите натянутую на жерди палатку? И мужика, что стоит рядом? Он торгует прелестями собственной дочери. Цена – договорная. Я только что видел, как он принял курицу.

– Хреновое же у вас будущее, люди, – угрюмо бросил Золтан Хивай. – Каждое разумное творение на этом свете, попав в беду, нужду и несчастье, присоединяется к собратьям, потому что вместе легче переждать худое время. Один другому помогает. А у вас, людей, каждый только и знает, как бы на чужой беде нажиться. В голод пищей не поделится, пожирает тех, кто послабее. Такое поведение объяснимо у волков, ибо дает выжить самым здоровым и сильным. Но у разумных рас такая селекция обычно позволяет выжить и командовать другими самым большим подлецам. Выводы и прогнозы сделайте сами.

Лютик резко возразил, приведя известные ему примеры еще большей обдиравки и торгашества среди краснолюдов, но Золтан и Персиваль заглушили его, одновременно проиграв на губах протяжные звуки, имитирующие пускание ветров, что у обеих разумных рас выражало пренебрежение к аргументам оппонента. Конец начавшейся было ссоре положило

неожиданное появление группы кметов, предводительствуемых уже знакомым по охоте на вампиров стариканом в фетровом колпаке.

– Мы касательно Лаптя, – сказал один из кметов.

– Не покупаем, – в унисон буркнули краснолюд и гном.

– Энто тот, которому башку пробили, – быстро пояснил другой кмет, – мы его женить замышляли.

– Не возражаю, – зло сказал Золтан. – Всего ему наилучшего на новом жизненном пути. Желаю здоровья, счастья, успехов в делах и личной жизни.

– И множества маленьких Лаптят, – добавил Лютик.

– Ну-ну, милсдари, – сказал кмет. – Вам бы все хиханьки да хаханьки, а как нам его таперича женить-то? Ежели он опосля того, как вы ему в умишко долбанули, вовсе дурной стал, дня от ночи не отличает?

– Ну, не так уж все паршиво, – буркнула Мильва, глядя в землю. – Мнится мне, ему уж полегчало. Гораздо лучше, чем с самого с ранья.

– Не знаю я, какой Лапоть с самого с ранья был, – возразил кмет, – а только видел, как стоял он перед оглоблей, торчком торчавшей, и втолковывал той оглобле, какая она красна девка. Э, чего тут болтать, скажу коротко: гоните штраф за убийство.

– Чего-чего?

– Кады лыцарь кмета прибьет, должен штраф платить. Так в законе сказано.

– Я не рыцарь! – рявкнула Мильва.

– Это во-первых, – поддакнул Лютик. – Во-вторых, это был несчастный случай. В-третьих, Лапоть жив, значит, не может быть и речи о штрафе за убийство. Самое большее – о компенсации, то есть возмещении ущерба. А в-четвертых, у нас нет денег.

– Тады отдавайте конев.

– А ху-ху не хо-хо? – Глаза Мильвы зловеще прищурились. – Да ты, похоже, вконец сбрендил, кметок! Гляди не переусердствуй.

– Крррва мать! – заскрежетал Фельдмаршал Дуб.

– Вот прямо в самое суть попала птица, – протяжно сказал Золтан Хивай, похлопывая по засунутому за пояс топорiku. – Чтоб вы знали, мужики, у меня тоже не самое лучшее мнение о матерях тех типов, у которых только и мыслей, как заработать, пусть даже на раздолбанной башке сородича. Двигайте отсюда, люди. Если уйдете немедленно, обещаю – гнаться не стану.

– Не хотите платить, дык пусть вас вышние власти рассудят.

Краснолюд скрипнул зубами и уже потянулся к топорiku, но Геральт схватил его за локоть.

– Спокойно. Так ты намерен разрешить проблему? Укокошить их?

– Почему сразу уж – укокошить? Достаточно порядком покалечить.

– Хватит, черт побери, – прошипел ведьмак, потом обратился к кмету: – Кто у вас тут вышня

власть, о которой ты говорил?

– Староста наш лагерный, Эктор Ляабс, солтыс из пожженной Брэзы.

– Ведите к нему. Как-нибудь договоримся.

– Он таперича занятый, – сказал кмет. – Суд над чаровницей чинит. Вуна, видите, какая тамотки толпишша, возле клена. Ведьму схватили, котора с вомпером в сговоре была.

– Снова вампир, – развел руками Лютик. – Слышите? Они опять за свое. Если не могилы раскапывать, так чародеек ловить, соучастниц вампирьих. Люди, а может, вместо того чтобы орать, сеять и урожаи собирать, вам сподручней было б ведьмаками стать?

– Вам бы токмо, говорю, шутковать, – сказал кмет. – Да смефуечки-смефуйки разводить! Жрец тута есть, а жрец – он повыше ведьмака будет. Повернее. Жрец сказал, что вомпер завсегда на пару с чаровницей свои дела обделывает. Чаровница призывает упыря и жертвы ему указывает, а всем глаза морочит, чтоб, значит, не видели ничего.

– И оказалось, что оно всамделе так и есть, – добавил второй. – Промеж собой ведьму-предательницу вырастили. На своей груди. Но жрец ее чары распознал, и таперича мы ее спалим.

– А как же иначе, – проворчал ведьмак. – Ну что, глянем на этот ваш суд. И поговорим со старостой о несчастье, приключившемся с дурным Лаптем. Подумаем о подходящем решении. Правда, Персиваль? Ручаюсь, в одном из твоих карманов отыщется еще какой-нибудь заваливающий камушек. Ведите, люди.

Процессия двинулась к раскидистому клену, под которым, и верно, черно было от возбужденных людей. Ведьмак, немного поотстав, попытался заговорить с одним из кметов, у которого физиономия казалась более или менее приличной.

– Что за чародейка? Действительно занимается магией?

– Эх, господин, – буркнул тот. – Не знаю я ничего. Приблудная энто девка, чужая. По-моему, малость умом тронутая. Взрослая, а все с детишками малыми играла, и сама как дите, ее спросишь, а она в ответ ни бе ни ме. Но я ничего не знаю. Навроде все говорят, что она с вомпером того, ну, трахивалась и волшебствовалась.

– Все, кроме нее самой, – тихо бросил шедший рядом с ведьмаком Регис. – А когда ее об этом спрашивают, она в ответ ни бе ни ме. Так я думаю.

На более детальные рассуждения времени не хватило, потому что они уже подошли к клену. Толпа пропустила их, правда, не без помощи Золтана и его ясеневого дрына.

К обрешетке нагруженного мешками воза была привязана девушка лет шестнадцати, руки у нее были широко раскиданы. Девушка едва касалась земли пальцами ног. В тот момент, когда они подошли, с ее худых плеч сдирали рубашку, на что связанная прореагировала вращением глаз и глуповатой смесью хихиканья и плача.

Рядом был разожжен костер. Кто-то заботливо раздувал уголья, кто-то другой хватал клещами подковы и аккуратно укладывал их в самый жар. Над толпой носился возбужденный вопль жреца.

– Подлая колдунья! Безбожная женщина! Признай истину! Нет, вы только гляньте на нее, люди, упилась какого-то зелья! Взгляните только на нее! У нее на лице так и написано чародейство!

Жрец был худ, лицо у него было сухощавое и темное, как вяленая рыба. Черная одежда висела на нем, как на жерди. На шее посверкивал священный символ. Геральт не мог разглядеть, какого божества, впрочем, он в этом и не разбирался. Быстро разрастающийся последнее время пантеон мало его интересовал. Однако жрец, несомненно, принадлежал к одной из самых новых религиозных сект. Те, что постарше, занимались более полезными делами, нежели ловлей девушек, распинанием их на обрешетках телег и науськиванием суеверной толпы.

– С первых дней истории женщина была и остается сосудом всяческого зла! Орудием Хаоса, соучастницей заговоров против мира и рода человеческого! Женщиной управляет только телесное сладострастие! Потому так охотно она демонам служит, чтоб можно было похоть свою ненасытную и свои натуре противные вожеления ублажать!

– Сейчас кое-что узнаем о женщинах, – буркнул Регис. – Это фобия в чистой, клинической форме. Святому мужу, видать, частенько снится *vagina dentata*.

– Могу поспорить, что все гораздо хуже, – проворчал Лютик. – Голову дам на отсечение, он даже наяву не перестает мечтать об обычной, беззубой. И семя ударило ему в голову.

– А заплатит за это недоразвитая девушка.

– Если не найдется кто-нибудь, – проворчала Мильва, – кто удержит черного дурня.

Лютик многозначительно и с надеждой взглянул на ведьмака, но Геральт отвел глаза.

– А от чего же, как не от бабского чародейства, все наши теперешние беды? – продолжал выкрикивать жрец. – Кто, как не чаровницы, предал королей на острове Танедд да покушение на короля Редании устроил? Кто, как не эльфская ведьма из Доли Блатанна, насылает на нас «белок»? Теперь-то видите, до какого зла довело нас цацканье с чародейками! Потакание их мерзопакостным делишкам! Закрывание глаз на их самоуправство, зазнайство, богатства! А кто тому виной? Короли! Зазнавшие владыки отреклись от богов, отстранили жрецов, отобрали у них управление и места в Советах, а омерзительных чаровниц осыпали почестями и златом! И вот теперь пожинают плоды!

– Ага! Так вот где вампир зарыт, – проговорил Лютик. – Ты ошибся, Регис. Тут речь о политике, а не о зубастой вагине.

– И о деньгах, – добавил Золтан Хивай.

– Воистину, – надрывался жрец, – говорю вам, прежде чем ринуться на борьбу с Нильфгаардом, надобно очистить от этих отвратниц собственный дом! Выжжем каленым железом эту язву! Очистимся огнем! Не позволим жить тем, кои занимаются волшебством!

– Не позволим! На костер ее!

Привязанная к телеге девушка истерически захохотала, завращала глазами.

– Погоди, погоди, не так шибко, – проговорил молчавший до той поры угрюмый кмет огромного роста, вокруг которого собралась группка из нескольких молчаливых мужчин и мрачных женщин. – Пока что мы токмо крики и слышали. Кричать-то каждый сумеет, вон даже ворона. От вас, благочинный, боле уважения ожидать надо, нежели от вороны.

– Да вы никак сомневаетесь в моих словах, староста Ляабс? Словах священнослужителя?

– Ни в чем я не сомневаюсь. – Гигант сплюнул на землю и зло поддернул штаны. – Эта девка – сирота и приبلуда, никто она для меня. Ежели окажется, что была с вомпером в сговоре, берите ее, кончайте. Но покудова в этом обозе я староста, потудова токмо виновных буду

здесь карать. Хотите карать, для начала покажите довод вины ейной.

– И покажу! – крикнул жрец, подавая знак своим челядникам, которые недавно укладывали подковы в огонь. – И покажу! В глаза покажу! Вам, Лябс, и всем присутствующим!

Челядники вынесли из-за телеги и поставили на землю небольшой закопченный котелок с ручкой.

– Вот доказательство! – рявкнул жрец, пинком переворачивая котелок. На землю плеснула жидкость, оставив кусочки морковки, ленточки неопределенного растения и несколько маленьких косточек. – Ведьма варила магический декокт! Эликсир, благодаря коему могла по воздуху летать! К своему полюбовнику-вомперу, чтобы с ним в греховную связь вступать и дальнейшие преступления замышлять! Знаю я ее чародейские дела и способы, знаю я, из чего этот декокт! Чаровница живьем кота варила!

Толпа грозно охнула.

– Кошмар, – вздрогнул Лютик. – Сварить живое существо? Было мне жалко девчонку, но далековато она, пожалуй, зашла...

– Заткнись, – прошипела Мильва.

– Вот оно – доказательство! – верещал жрец, вытаскивая из исходящей паром лужицы косточку. – Вот доказательство неопровержимое! Кошачья кость!

– Это птичья кость, – холодно сказал Золтан Хивай, прищуриваясь. – Как мне думается, сойки либо голубя. Девуха немного супа себе сварила, вот и все.

– Молчи, недомерок языческий! – взорвался жрец. – Не кощунствуй, ибо боги тебя накажут руками благочестивых людей! Это отвар из кота, утверждаю я!

– Из кота! Точно – из кота! – закричали окружавшие жреца кметы. – Был у девки кот! Черный кот был! Все видели, что был! Повсюду с ней лазал! А где он таперича-то, кот энтот! Нету его! Значит, сварила она его!

– Сварила! Сварила из него декот!

– Верно! Декот чаровница из кота сварила!

– Не надуть другого доказательства! В огонь ведьму! А для начала на спытки! Пусть во всем признается!

– Крррва мать! – скрежетнул Фельдмаршал Дуб.

– Жаль мне того кота, – вдруг громко сказал Персиваль Шуттенбах. – Хороша была зверюга, жирненькая. Шубка будто антрацит, глазки словно два хризоберилла, усики длинненькие, а хвост толстый, как дубина разбойничья! Картинка – не кот! Небось уйму мышей изничтожил!

Кметы утихли.

– А вы-то откедова знаете, милсдарь гном? – бухнул кто-то. – Откедова вам-то известно, как ейный кот выглядел?

Персиваль Шуттенбах высморкался, вытер пальцы о брючину.

– А потому, как вон он там на телеге сидит. За вашими спинами.

Собравшиеся как по команде обернулись, загудели, уставились на сидящего на узлах кота. А

тот, не обращая внимания на всеобщий интерес, задрал заднюю лапу и принялся сосредоточенно вылизывать свой зад.

– Вот и видно, – в абсолютной тишине сказал Золтан Хивай, – что ваше неопровержимое доказательство – коту под хвост, благочестивый. Ну, какой еще у вас довод в запасе? Может, кошка? Хорошо б было, мы б свели парочку, расплодили, ни один грызун до амбара на расстояние полета стрелы не подойдет.

Несколько кметов хихикнули, несколько других, в том числе староста Эктор Ляабс, открыто захохотали. Жрец покраснел.

– Я тебя запомню, паршивец! – крикнул он, тыча пальцем в краснолюда. – Безбожный кобольд! Порождение Тьмы! Ты откуда тут взялся? Может, и ты с вампиром вась-вась? Погоди, покараем ведьму, возьмем тебя на допрос! Но сначала над чаровницей суд учиним! Подковы уже поклали в уголья, поглядим, что грешница запоет, когда у нее мерзопакостная шкура зашипит. Ручаюсь, сама в преступном чаровстве признается. Нужно будет другое доказательство, когда признается?

– А нужно будет, нужно, – сказал Эктор Ляабс. – Потому как если вам, благочинный, раскаленные подковы к пяткам приложить, так, уверен, вы признаетесь даже и в греховном с кобылой сожительстве. Тьфу! Вы – божий вроде бы человек, а словно живодер болтаете!

– Да, я – божий человек, – взвился жрец, перекрывая усиливающийся шум. – В божественную верую справедливость, кару и отмщение! И в божий суд! Пусть встанет ведьма пред божьим судом...

– Прекрасная мысль, – громко прервал ведьмак, выходя из толпы.

Жрец смерил его злым взглядом, кметы, перестав шептаться, глядели, раскрыв рты.

– Божий суд, – начал Геральт в полной тишине, – это абсолютно верное и совершенно справедливое дело. Ордалии признаны равно светскими судами и имеют свои правила. Правила эти гласят, что в случае обвинения женщины, ребенка, старика либо человека неполноценного перед судом может стать защитник. Я верно говорю, староста Ляабс? Так вот я объявляю себя защитником. Огородите ристалище. Кто уверен в виновности этой девушки и не боится суда божьего, пусть выйдет на бой со мной.

– Ха! – воскликнул жрец, все еще не сводя с него глаз. – Не слишком ли хитро, милостивый государь незнакомец? На поединок вызываешь? Сразу видно, что ты резник и рубака! Своему бандитскому мечу хочешь доверить суд божий?

– Если вам меч не нравится, благочестивый, – медленно проговорил Золтан Хивай, вставая рядом с Геральтом, – и если этот человек вам не подходит, так, может, я схожусь? Извольте, пусть обвинитель девки выходит со мной на топоры...

– Или со мной на луки. – Мильва, прищурившись, тоже подошла к Геральту. – По одной стреле со ста шагов.

– Видите, люди, как быстро умножаются защитники ведьмы? – крикнул жрец, потом обернулся и скривился в мимолетной улыбке. – Ладно, негодники, принимаю на ордалии всю вашу тройку. Да свершится суд божий, да установим вину ведьмы, одночасно и вашу добродетельность проверим. Но не мечом, топором, копьями или стрелами. Говорите, вам известны законы суда божьего? И я их знаю! Вот подковы, покладенные в уголья, раскаленные добела. Испытание огнем! Ну, приспешники чародейства! Кто подкову из огня вынет, поднесет ко мне и следов ожога не поимеет, тот докажет, что ведьма невиновна. Если же суд божий покажет что другое, то и вам смерть, и ей. Я сказал!

Недоброжелательное ворчание старосты Лябса и его группы заглушило восторженные крики большинства собравшихся вокруг жреца, учувших шикарное развлечение и зрелище. Мильва взглянула на Золтана, Золтан на ведьмака, ведьмак на небо, потом на Мильву.

– Ты веришь в богов? – спросил он тихо.

– Верю, – буркнула лучница, глядя на угли в костре. – Но не думаю, чтобы им захотелось забивать себе головы горячими подковами.

– От костра до этого сукина сына всего три шага, – прошипел сквозь стиснутые зубы Золтан. – Как-нибудь выдержу, работал у горна... Однако молитесь за меня вашим богам...

– Минуточку, – положил краснолюду руку на плечо Эмиель Регис. – Подождите молиться.

Цирюльник подошел к костру, поклонился жрецу и зрителям, быстро наклонился и сунул руку в раскаленные уголья. Толпа ахнула в одно горло. Золтан выругался. Мильва вцепилась в плечо Геральту. Регис выпрямился, спокойно поглядел на добела раскаленную подкову, которую держал в руке, и не спеша подошел к жрецу. Тот попятился, но уперся в стоящих у него за спиной кметов.

– Вы это имели в виду, уважаемый, если не ошибаюсь? – спросил Регис, поднимая подкову. – Испытание огнем? Если да, то я думаю, суд божий свершился и приговор однозначен. Девушка невиновна. Ее защитники невиновны. И я, представьте себе, тоже невиновен.

– По... по... покажите руку... – забормотал жрец. – Не обожжена ли...

Цирюльник усмехнулся свойственной ему улыбкой, не разжимая губ, потом переложил подкову в левую руку, а правую, совершенно здоровую, показал вначале жрецу, потом, высоко подняв, всем остальным. Толпа зарычала.

– Чья это подкова? – спросил Регис. – Пусть хозяин заберет ее.

Никто не ответил.

– Дьявольские штучки! – вскричал жрец. – Ты сам либо чаровник, либо воплощение дьявола!

Регис бросил подкову на землю и повернулся.

– Так проведите обряд экзорцизма, – предложил он холодно. – Пожалуйста! Однако суд божий уже свершился. А я слышал, что сомнение в результатах ордалий – ересь.

– Сгинь, пропади! – взвизгнул жрец, размахивая перед носом цирюльника амулетом и проделывая другой рукой каббалистические жесты. – Прочь в свою адскую бездну, черт! Да расступится под тобой земля...

– Ну хватит! – зло крикнул Золтан. – Эй, люди! Господин староста Лябс! Вы намерены и дальше глядеть на это безобразие? Намерены...

Голос краснолюда заглушил дикий крик.

– Ни-и-ильфгаард!

– Конники с запада! Конники! Нильфгаард прет! Спасайся кто может!

Лагерь мгновенно охватила паника. Кметы соскакивали с телег, выбегали из шалашей, сталкиваясь и сшибая друг друга с ног. Всеобщий многоголосый рев вознесся к небесам.

– Наши лошади! – крикнула Мильва, освобождая вокруг себя место ударами кулаков и

пинками. – Наши лошади, ведьмак! За мной! Быстро!

– Геральт! – вопил Лютик. – Спаси!

Толпа разделилась, раздробилась, словно волна прибоя, мгновенно увлекла Мильву за собой. Геральт, удерживая Лютика за воротник, не дал себя прихватить, потому что вовремя вцепился в телегу, к которой была привязана обвиненная в волшебстве девушка. Однако телега вдруг дернулась и двинулась с места, а ведьмак и поэт свалились на землю. Девушка задергала головой и принялась истерически хохотать. По мере того как телега удалялась, смех стихал и терялся среди всеобщего рева.

– Затопчут! – визжал лежащий на земле Лютик. – В кашу превратят! Спаситееее!

– Кррррва мать! – скрежетал где-то Фельдмаршал Дуб.

Геральт поднял голову, выплюнул песок и увидел пресмешную сцену.

Ко всеобщей панике не присоединились только четыре osoby, из них одна – против своей воли. Это был жрец, которого железной хваткой держал за шею староста Эктор Лябс. Двое других были Золтан и Персиваль. Гном быстрыми движениями задрал сзади одежду жреца, а вооруженный клещами краснолюд вытащил из огня раскаленную подкову и засунул ее в штаны святого мужа. Освобожденный от объятий Лябса жрец помчался, словно комета с дымящимся хвостом, а его визг утонул в реве толпы. Геральт видел, как староста, гном и краснолюд собрались было поздравить друг друга с удачной ордалией, когда на них накатила очередная волна мчащейся в панике толпы. Все утонуло в клубах пыли, ведьмак не видел ничего, да и рассматривать было некогда: он был занят Лютиком, которого теперь сбила с ног несшаяся напролом свинья. Когда Геральт наклонился, чтобы поднять поэта, из тарахтящего мимо него воза прямо ему на спину свалилась обрешетка. Тяжесть придавила его к земле, и прежде чем он успел сбросить с себя обрешетку, по ней промчалось не меньше пятнадцати человек. Когда наконец он сумел высвободиться, рядом с грохотом и треском перевернулась другая телега, из которой на ведьмака свалилось три мешка пшеничной муки по цене крона за фунт. Мешки развязались, и мир утонул в белом облаке.

– Вставай, Геральт! – кричал трубадур. – Вставай, язви тебя!

– Не могу, – простонал ослепленный драгоценной мукой ведьмак, обеими руками хватаясь за прошитое болью колено. – Спасайся сам, Лютик!

– Я тебя не оставлю!

С западной стороны лагеря доносились ужасные крики, перемешивающиеся со звоном подкованных копыт и ржанием лошадей. Рев и топот неожиданно усилились, на них наложился грохот металла, сталкивающегося с металлом.

– Бой! – крикнул поэт. – Они бьются!

– Кто? С кем? – Геральт резкими движениями пытался очистить глаза от муки и сора. Неподалеку что-то горело, их охватил жар и клубы вонючего дыма. Топот копыт усилился, земля задрожала. Первое, что он увидел в туче пыли, были десятки мелькающих перед глазами конских бабок. Всюду. Кругом. Он превозмог боль.

– Под телегу! Прячься под телегу, Лютик, иначе затопчут!

– Не двигайся... – простонал притиснутый к земле поэт. – Лежи... Говорят, конь никогда не наступит на лежащего человека...

– Не уверен, – вздохнул Геральт, – что каждый конь об этом слышал. Под телегу! Быстро!

В этот момент один из не знающих человеческих примет коней на лету саданул его копытом по виску. В глазах у ведьмака разгорелись пурпуром и золотом все созвездия небосклона, а секундой позже непроглядная темень затянула небо и землю.

Крысы вскочили, разбуженные протяжным криком, отразившимся многократным эхом от стен пещеры. Ассе и Рееф схватились за мечи. Искра принялась на чем свет стоит ругаться, ударившись головой о каменный выступ.

– В чем дело? – вскрикнул Кайлей. – Что случилось?

В пещере стояла тьма, хоть снаружи и светило солнце. Крысы отсыпались за ночь, проведенную в седлах во время бегства от погони. Гиселер сунул лучину в уголья, распалил, поднял, подошел к тому месту, где, как обычно вдали от остальных, спали Цири и Мистле. Цири сидела, опустив голову, Мистле обнимала ее.

Гиселер поднял лучину выше. Подошли остальные. Мистле накрыла шкурой голые плечи Цири.

– Послушай, Мистле, – серьезно сказал главарь Крыс. – Я никогда не вмешивался в то, что вы делаете на одной постели. Никогда не сделал вам неприятного или насмешливого замечания. Это ваши заботы. Всегда старался отводить глаза и ничего не замечать. Это, повторяю, ваши заботы и ваши склонности, другим нет до того дела. Пока все происходило незаметно и тихо. Но теперь вы малость переборщили.

– Не будь идиотом, – взорвалась Мистле. – Ты что думаешь, это... Девочка кричала во сне! Это был кошмар!

– Верно, Фалька?

Цири кивнула.

– Такой страшный был сон? Что тебе снилось?

– Оставь ее в покое!

– Заткнись, Мистле. Ну, Фалька?

– Человека, которого я когда-то знала, – с трудом проговорила Цири, – затоптали кони. Копыта... Я чувствовала, как меня давят... Чувствовала его боль... Голова и колено... У меня все еще болит... Простите. Я разбудила вас.

– Нечего извиняться. – Гиселер взглянул на сжатые губы Мистле. – Просить прощения должны мы. А сон? Ну что ж, присниться может каждому. Каждому.

Цири прикрыла глаза. Она не была уверена, что Гиселер прав.

В себя его привел пинок.

Он лежал, уперев голову в колесо перевернутой телеги, рядом с ним корчился Лютик. Пнул его кнехт в стеганом кафтане и круглом шлеме. Тут же стоял второй. Оба держали в поводу лошадей, у седел которых висели арбалеты и щиты.

– Мельники, что ль?

Второй кнехт пожал плечами. Геральт увидел, что Лютик не отрывает глаз от щитов. Сам он тоже давно заметил на щитах лилии. Герб королевства Темерия. Такие же знаки носили и другие конные стрельцы, которых было полным-полно кругом. Большинство занимались

поимкой коней и обиранием трупов. В основном одетых в черные нильфгаардские плащи.

Лагерь по-прежнему представлял собою дымящиеся развалины после штурма, но уже появлялись уцелевшие и бывшие поблизости кметы. Конные стрельцы с темерскими лилиями сгоняли их в кучу, покрикивали.

Мильвы, Золтана, Персиваля и Региса нигде не было видно.

Рядом сидел герой недавнего «процесса ведьм», черный котище, равнодушно взиравший на Геральта зелеными глазами. Ведьмак немного удивился: обычно кошки не терпели его присутствия. Однако раздумывать над странным явлением было некогда, потому что один из кнехтов ткнул его древком копья.

– А ну, вставайте. Оба! Эй, у седого-то меч!

– Кидай оружие! – крикнул другой, подзывая остальных. – Меч на землю, да побыстрее, нито пропорю глевией!

Геральт исполнил приказ. В голове звенело.

– Кто такие?

– Путники, – сказал Лютик.

– Ишь ты! – фыркнул солдат. – По домам топаете? Сбежали из-под знамени и цвета спороли? Много в этом лагере таких путников, которые Нильфгаарда испужались, которым солдатский хлеб не пондравился! Есть и наши старые знакомцы! Из нашей хоругви!

– Энтих путников теперича другая дорога ждет, – захохотал второй. – Короткая! Наверх, на сук!

– Мы не дезертиры! – крикнул поэт.

– Видно будет, кто такие. Начальство разберется.

Из круга конных стрельцов выдвинулся небольшой отряд легкой кавалерии под командованием нескольких тяжеловооруженных латников с пышными султанами на шлемах.

Лютик пригляделся к рыцарям, отряхнулся от муки и привел в порядок одежду, затем поплевал на ладонь и пригладил растрепанные волосы.

– Ты, Геральт, молчи, – предупредил он. – Переговоры поведу я. Это темерское рыцарство. Разбили нильфгаардцев. Ничего с нами не сделают. Уж я-то знаю, как разговаривать с такими. Надо им показать, что они не с кем-кем, а с равными себе имеют дело.

– Лютик, умоляю...

– Не шебуршись, все будет в ажуре. Я собаку съел на разговорах с рыцарями и дворянами. Половина Темерии меня знает. Эй, прочь с дороги, прислуга, расступись! У меня слово к вашим господам!

Кнехты растерянно переглянулись, но отвели пики, расступились. Лютик и Геральт направились к рыцарям. Поэт вышагивал гордо, с барской миной на физиономии, мало соответствующей изодранному и вымазанному мукой кафтану.

– Стоять! – рявкнул на него один из латников. – Ни шагу! Кто такие?

– А кому это я отвечать должен? – подбоченился Лютик. – И почему? Кто вы такие, чтобы

невинных путников удерживать?

– Не тебе спрашивать, голозадый! Отвечай!

Трубадур наклонил голову набок, поглядел на гербы, украшающие щиты и туники рыцарей.

– Три красных сердца на золотом поле, – отметил он. – Следовательно, вы – Обри. В голове щита трезубец, значит, вы – первородный сын Анзельма Обри. Родителя вашего я хорошо знаю, милсдарь рыцарь. А вы, милсдарь Крикливый, что там у вас на серебряном щите? Ага! Между головами грифов черный столб? Герб рода Пепеброков, если не ошибаюсь, а я в таких штуках редко ошибаюсь. Столб, говорят, отражает присущую членам этого рода «смекалку».

– Прекрати, черт возьми, – прошипел Геральт.

– Я – известный поэт Лютик! – напыжился бард, не обращая на него внимания. – Наверняка слышали? Так вот проводите-ка нас к вашему начальнику, к сеньору, ибо привык я с равными себе разговоры разговаривать.

Латники не отреагировали, но выражение их лиц становилось все менее приятным, а металлические перчатки все сильнее сжимали изукрашенные трензеля поводьев. Лютик явно этого не замечал.

– Ну, в чем дело? – громко спросил он. – Чего так глазеете, рыцарь? Да-да, к вам я обращаюсь, милсдарь Черный Столб! Что вы рожи строите? Кто-то сказал вам, что, ежели прищурить глаза и выпятить нижнюю челюсть, так будете выглядеть мужественнее, достойнее и грознее? Обманули вас. Вы выглядите так, словно уже неделю не могли как следует опорожниться!

– Взять их! – рявкнул первородный сын Анзельма Обри, владелец щита с тремя сердцами. Черный Столб из рода Пепеброков тырнул своего рысака шпорами.

– Взять их! Связать негодяев!

Они шли за лошадьми. Вторые концы веревок, которые связывали их руки, были прикреплены к лукам седел. То и дело им приходилось бежать, потому что наездники не жалели ни коней, ни пленников. Лютик дважды падал и по несколько минут ехал на животе, крича так, что сердце разрывалось. Его ставили на ноги, безжалостно подгоняли древком копья. И гнали дальше. Пыль слепила слезящиеся глаза, душила и свербела в носу. Жажда сушила глотки.

Одно утешало – дорога, по которой их гнали, вела на юг. Так что наконец-то Геральт двигался в желаемом направлении, причем достаточно быстро. Однако радости он не испытывал, потому что совершенно иначе представлял себе такое путешествие.

На место добрались в тот момент, когда Лютик уже охрип от богохульствования, перемешанного с мольбами о милосердии, а боль в локте и колене Геральта превратилась в настоящую пытку, настолько мучительную, что ведьмак начал уже подумывать о радикальных, пусть даже и отчаянных действиях.

Добрались до армейского лагеря, разместившегося около разрушенной, наполовину сожженной крепости. Внутри, за кольцом стражи, коновязей и дымящих лагерных костров, стояли украшенные флагами палатки рыцарства, окружающие просторный и полный движения майдан за развалившейся и обгоревшей изгородью. Майдан оказался концом их вынужденной экскурсии.

Увидев колоду, Геральт и Лютик натянули веревки. Конные вначале не намерены были подпускать их к водопою, но сын Анзельма Обри вспомнил, видимо, о знакомстве Лютика со

своим родителем и соизволил снизойти. Они втиснулись между лошадьми, напились, ополоснули лица связанными руками. Рывок веревки вернул их к реальности.

– Кого вы опять приволокли? – спросил высокий худощавый рыцарь в вороненых, богато вызолоченных доспехах, ритмично похлопывая булавой по орнаментированной ташке. – Только не говорите, что это очередные шпики.

– Шпики или дезертиры, – подтвердил сын Анзельма Обри. – Их поймали в лагере у Хотли, где разгромили нильфгаардский разъезд. Весьма подозрительные типы.

Рыцарь в золоченых доспехах прыснул, потом внимательнее посмотрел на Лютика, и его юное, но суровое лицо вдруг осветилось улыбкой.

– Ерунда. Развязать.

– Но это же нильфгаардские шпионы, – запетушился Черный Столб из рода Пепеброков. – Особенно вон тот. Лаялся не хуже деревенского пса. Поэт, говорит! Сукин он сын, а не поэт!

– Он не врал, – улыбнулся рыцарь в золоченых доспехах. – Это бард Лютик. Я его знаю. Снять с него путы. Со второго тоже.

– Вы уверены, господин граф?

– Это приказ, рыцарь Пепеброк.

– А ты думал, я не пригожусь, да? – буркнул Лютик Геральту, растирающему онемевшие от уз кисти. – Ну, теперь видишь? Моя слава опережает меня, меня знают и уважают везде.

Геральт не ответил, занятый массажем собственных кистей, донимавшего локтя и колена.

– Соблаговолите простить рвение этих юношей, – сказал рыцарь, названный графом. – Им всюду мерещатся нильфгаардские шпионы. Каждый наш разъезд приводит нескольких типов, показавшихся им подозрительными. То есть тех, которые чем-либо выделяются в бегущей толпе. А вы, милсдарь Лютик, очень даже выделяетесь. Как очутились у Хотли, среди беглецов?

– Я ехал из Диллингена в Марибор, – гладко соврал поэт, – когда мы попали в этот ад, я и мой... коллега по перу. Так сказать, сопёрник. Вероятно, вы его знаете. Это... Гиральдус.

– Как же, как же, знаю, читал, – похвалился рыцарь. – Такая честь для меня, господин Гиральдус. Я – Даниель Эчеверри, граф Гаррамон. Да, маэстро Лютик, многое изменилось с того времени, когда вы пели при дворе короля Фольтеста!

– Да уж!

– Кто б подумал, – нахмурился граф, – что до этого дойдет. Вердэн отдали Эмгыру, Бругге практически уже завоеван, Содден – в огне... А мы отступаем, непрерывно отступаем... Прошу прощения, я хотел сказать: совершаем тактический маневр. Нильфгаард все вокруг жжет и уничтожает, уже почти до Ины дошел, совсем немного – и окружит крепости Майены и Развана, а темерская армия не перестает проделывать «тактический маневр»...

– Когда у Хотли я увидел лилии на ваших щитах, – сказал Лютик, – думал, это контрнаступление.

– Контрудар, – поправил Даниель Эчеверри. – И разведка боем. Мы перешли Ину, разбили несколько нильфгаардских разъездов и групп скоя'таэлей, палящих все, что только можно.

Видите, что случилось с крепостью в Армерии, которую нам удалось отбить. А форты в Каркано и Видорте сожжены до основания. Весь юг в крови, огне и дыме... Ах, что же это я... Вы прекрасно знаете, что творится в Бругге и Соддене, с беженцами оттуда вам довелось идти. А мои молодцы вас за шпионов приняли! Еще раз приношу свои извинения. И приглашаю отобедать. Некоторые дворяне и офицеры будут рады познакомиться с вами, милостивые государи поэты.

– Такая честь для нас, милсдарь граф, – натянуто поклонился Геральт. – Но время торопит. Нас ждет дорога.

– Прошу не смущаться, – улыбнулся Даниель Эчеверри. – Обычный скромный солдатский обед. Косуля, рябчики, стерлядка, трюфели...

– Отказаться, – Лютик сглотнул и смерил ведьмака многозначительным взглядом, – значит оскорбить хозяина. Мы идем не мешкая, милсдарь граф. Не ваш ли это шатер, тот, богатый, в сине-золотых расцветках?

– Нет. Это палатка главнокомандующего. Лазурь и золото – цвета его родины.

– То есть? – удивился Лютик. – Я был уверен, что это армия Темерии. Что командуете здесь вы.

– Мы – отдельное подразделение армии Темерии. Я – офицер связи короля Фольтеста, здесь служит много темерских дворян со своими отрядами, которые порядка ради носят лилии на щитах. Но ядро корпуса составляют подданные другого королевства. Видите штандарт перед шатром?

– Львы, – остановился Геральт. – Золотые львы на голубом поле. Это... это герб...

– Цинтры, – подтвердил граф. – Это эмигранты из королевства Цинтры, в настоящее время оккупированного Нильфгаардом. Ими командует маршал Виссегерд.

Геральт развернулся, намереваясь сообщить графу, что срочные дела все же вынуждают его отказаться от косули, стерлядки и трюфелей. Но не успел. К ним приближалась группа, во главе которой шествовал рослый, очень полный седой рыцарь в голубом плаще с золотой цепью на латах.

– Вот, господа поэты, сам маршал Виссегерд собственной персоной, – сказал Даниель Эчеверри. – Позвольте, ваше превосходительство, представить вам...

– Нет нужды, – хриловато прервал маршал Виссегерд, сверля Геральта взглядом. – Мы уже были друг другу представлены. В Цинтре, при дворе королевы Калантэ. В день помолвки принцессы Паветты. Это было пятнадцать лет тому назад, но у меня прекрасная память. А ты, мерзавец ведьмак, помнишь меня?

– Помню, – кивнул Геральт, послушно протягивая солдатам руки.

Даниель Эчеверри, граф Гаррамон, пытался последовать за ними уже в тот момент, когда кнехты усадили связанных Геральта и Лютика на стоящие в палатке табуреты. Теперь, когда по приказу маршала Виссегерда кнехты вышли, граф возобновил усилия.

– Это поэт и трубадур Лютик, господин маршал, – повторил он. – Я его знаю. Его знает весь мир. Я считаю несправедливым так с ним обращаться. Ручаюсь рыцарским словом, что он не нильфгаардский шпион.

– Не ручайтесь опрометчиво, – буркнул Виссегерд, не спуская глаз с пленников. – Возможно, он и поэт, но если его схватили в компании этого мерзавца ведьмака, то я б не стал за него

ручаться. Вы, кажется, все еще не представляете себе, что за пташка попалась нам в сети.

– Ведьмак?

– Он самый. Геральт по кличке Волк. Тот стервец, который предъявлял права на Цириллу, дочь Паветты, внучку Калантэ, ту Цири, о которой сейчас так много болтают. Вы еще слишком молоды, граф, чтобы помнить то время, когда афера эта будоражила многие королевские дворы, но я, так уж получилось, был очевидцем.

– А что может его связывать с княжной Цириллой?

– Этот пес, – Виссегерд указал на Геральта пальцем, – содействовал обручению Паветты, дочери королевы Калантэ, с Дани, никому не известным приблудой с Юга. В результате этого собачьего союза позже родилась Цирилла, предмет их мерзопакостного сговора. Ибо вам следует знать, что ублюдок Дани заранее пообещал девочку ведьмаку в качестве платы за возможность марьяжа. Право Неожиданности, понимаете?

– Не совсем. Но продолжайте, ваше превосходительство господин маршал.

– Ведьмак, – Виссегерд снова наставил на Геральта палец, – хотел после смерти Паветты забрать девочку, но Калантэ не позволила и с позором прогнала его. Однако он дождался соответствующей минуты. Когда началась война с Нильфгаардом и Цинтра пала, он похитил Цири, воспользовавшись военной неразберихой. Держал девочку в укрытии, хоть и знал, что мы ее разыскиваем. А в конце концов она ему наскучила, и он продал ее Эмгыру!

– Это ложь и поклеп! – воскликнул Лютик. – Во всем сказанном нет и слова правды!

– Молчи, самоучка, или велю тебе кляп в рот засунуть. Сопоставьте факты, граф. Ведьмак владел Цириллой, теперь ею владеет Эмгыр вар Эмрейс. А ведьмака прихватили в авангарде нильфгаардского разъезда. О чем это говорит?

Даниэль Эчеверри пожал плечами.

– О чем говорит? – повторил Виссегерд, наклоняясь над Геральтом. – Ну ты, шельма! Говори! Сколько времени шпионишь в пользу Нильфгаарда, пес паршивый?

– Я не шпионю ни для кого.

– Прикажу ремни из тебя драть!

– Приказывайте.

– Господин Лютик, – вдруг проговорил граф Гаррамон. – Пожалуй, полезнее будет, если вы попытаете объяснить. И чем скорее, тем лучше.

– Я уже давно бы это сделал, – взорвался поэт, – но светлейший господин маршал пригрозил сунуть мне кляп в рот! Мы невинны, все это досужие вымыслы и жуткая клевета. Цириллу похитили с острова Танедд, а Геральт был тяжело ранен, защищая ее. Это может подтвердить любой! Любой бывший на Танедде чародей. И министр иностранных дел Редании, господин Сигизмунд Дийкстра...

Лютик вдруг замолчал, вспомнив, что как раз Дийкстра-то совершенно не годится в свидетели защиты, а ссылка на чародеев из Танедда тоже не очень улучшает ситуацию.

– И совсем уж дико, – продолжил он громко и быстро, – обвинять Геральта в том, что он похитил Цири в Цинтре! Геральт нашел девочку, когда после резни, учиненной в городе, она скиталась по Заречью, а спрятал он ее не от вас, а от преследовавших ее агентов

Нильфгаарда! Меня самого эти агенты поймали и пытали, чтобы узнать, где скрывается Цири! Я-то ни словечка не вымолвил, а вот агенты эти уже землю грызут. Не знали, с кем имели дело!

– Однако, – прервал граф, – ваше мужество было бесполезным. Эмгыр в конце концов получил Цириллу. Как известно всем, он намерен на ней жениться и сделать императрицей Нильфгаарда. А пока что титуловал ее королевой Цинтры и округи, наделав нам тем самым массу хлопот.

– Эмгыр, – заявил поэт, – мог бы посадить на трон Цинтры кого угодно. Цири же, как ни взгляни, имеет на этот трон право.

– Да? – рявкнул Виссегерд, обрызгав Геральта слюной. – Право? Дерьмовое это право. Эмгыр может на ней жениться, его воля. Может и ей, и ребенку, которого ей заделает, присваивать звания и титулы, на какие ему достанет фантазии и прихоти. Королева Цинтры и Островов Скеллиге? Извольте, наше вам... Княгиня Бругге? А почему бы нет? Графиня-наместница Соддена... Ну-ну... А почему, спрашиваю вас, не владычица Солнца и герцогиня Луны? У этой проклятой, порочной крови нет никаких прав на престол. Проклятая кровь, вся бабская линия этого рода – проклятые, гнусные последыши, от Рианнон начиная! И прабабка Цириллы Адалия, которая с собственным кузеном зачала, и ее прапрабабка, Мерзавка Мюриель, которая еб... пардон, трахалась с любым проходимцем! Ублюдки от кровосмешения и прочие внебрачные выродки так и прут одна за другой!

– Говорите тише, господин маршал, – надменно сказал Лютик. – Перед вашей палаткой укреплен штандарт с золотыми львами, а вы не задумываясь готовы обозвать незаконнорожденной бабушку Цири, королеву Калантэ, Львицу из Цинтры, за которую большинство ваших солдат проливали кровь в Марнадале и под Содденом. Я не поручился бы за преданность вам вашего войска.

Виссегерд шагнул к Лютику, схватил поэта за жабо и приподнял с табурета. Лицо маршала, только что покрытое лишь красными пятнами, теперь залилось глубоким геральдическим пурпуром. Геральт начал сильно опасаться за друга, к счастью, в палатку неожиданно влетел возбужденный адъютант и доложил о срочных и важных известиях, доставленных конным разъездом. Виссегерд сильным толчком бросил Лютика на табурет и вышел.

– Фууу, – выдохнул поэт, крутя головой. – Еще б малость, и мне конец... Вы можете хоть немного ослабить узы, господин граф?

– Нет, господин Лютик, не могу.

– Верите этим бредням? Верите, что мы шпионы?

– Не имеет никакого значения, верю я или нет. Однако развязать вас не могу.

– Что делать, – кашлянул Лютик. – Какой дьявол вселился в вашего маршала? Чего ради он ни с того ни с сего накинулся на меня, словно чеглок на вальдшнепа?

Даниель Эчеверри криво усмехнулся.

– Напомнив ему о солдатской верности, вы невольно разбередили старую рану, господин поэт.

– То есть? Какую рану?

– Солдаты искренне оплакивали Цириллу, когда до них дошли известия о ее смерти. А потом разнеслась новая весть. Оказалось, что внучка Калантэ жива. Что она в Нильфгаарде и тешится благосклонностью императора Эмгыра. Тогда началось массовое дезертирство.

Поймите, эти люди бросили дома и семьи, убежали в Содден и Бругге, в Темерию, потому что хотели биться за Цинтру, за кровь Калантэ. Хотели бороться за освобождение страны, изгнать из Цинтры агрессора, сделать так, чтобы наследница Калантэ обрела принадлежащий ей по праву трон. А что оказалось? Кровь Калантэ возвращается на трон Цинтры в почестях и славе...

– Как марионетка в руках Эмгыра, похитившего ее.

– Эмгыр женится на ней. Хочет посадить рядом с собой на императорский престол, подтвердить титулы и лены. Разве так поступают с марионетками? Цириллу видели при императорском дворе послы из Ковира. Они утверждают, что не похоже, будто ее увели силой. Цирилла, единственная наследница трона Цинтры, возвращается на престол союзницей Нильфгаарда. Такие вести разошлись среди солдат.

– Вести, которые распустили нильфгаардские агенты.

– Я-то знаю об этом, – кивнул граф. – Но солдаты не знают. Поймав дезертиров, мы караем их петлей, но я их немного понимаю. Это цинтрийцы. Они хотят драться за свои, не за темерские дома. Под своим, не темерским командованием. Под собственными штандартами. Они видят, что здесь, в этой армии, их золотые львы склоняются перед темерскими лилиями. У Виссегерда было восемь тысяч солдат, в том числе пять тысяч знатных цинтрийцев, остальные – темерские вспомогательные отряды и рыцари-добровольцы из Бругге и Соддена. Сейчас корпус насчитывает шесть тысяч. А дезертировали исключительно цинтрийцы. Армия Виссегерда тает и без боев. Вы понимаете, что для него это означает?

– Потерю престижа и положения.

– Конечно. Еще несколько сотен дезертиров, и король Фольтест отберет у него жезл. Уже сейчас этот корпус трудно назвать цинтрийским. Виссегерд мечется, хочет пресечь бегство, поэтому распускает слухи о сомнительном и даже незаконном происхождении Цириллы и ее предков.

– Слухи, которые вы, граф, – не сдержался Геральт, – воспринимаете с явным неудовольствием.

– Вы заметили? – улыбнулся Даниель Эчеверри. – Ну что ж, Виссегерд не знает моей родословной... Кратко говоря, мы с Цири родственники. Мюриель, графиня Гаррамон, по прозвищу Прелестная Мерзавка, прабабка Цири, была и моей прабабкой. О ее любовных похождениях в родне ходят легенды, тем не менее я без всякого удовольствия слушаю Виссегердовы измышления о склонностях моей родоначальницы к кровосмешению и ее неразборчивости в связях. Но не реагирую. Ибо я – солдат. Правильно ли вы меня поняли?

– Да, – сказал Геральт.

– Нет, – сказал Лютик.

– Виссегерд командует корпусом, входящим в состав темерской армии. А Цирилла в руках Эмгыра – угроза корпусу, а значит, армии и тем самым моему королю и моей стране. Я не намерен отрицать распускаемые Виссегердом слухи о Цири и тем самым подрывать авторитет командующего. Наоборот – я склонен даже поддерживать его утверждения, будто Цирилла – незаконнорожденная и не имеет права на престол. Я не только не пойду против маршала, не только не буду подвергать сомнению его решения и приказы, но наоборот – всячески поддержу их. И исполню, когда потребуется.

Ведьмак презрительно усмехнулся.

– Теперь, надеюсь, ты понимаешь, Лютик? Господин граф и не думал считать нас шпионами, иначе он не стал бы все так подробно объяснять. Господин граф знает, что мы невиновны. Но он пальцем не пошевелит, когда Виссегерд приговорит нас...

– Неужели это значит... Это значит, что...

Граф отвел глаза.

– Виссегерд, – проговорил он тихо, – в бешенстве. Вы многое потеряли, попав ему в руки. Особенно вы, милсдарь ведьмак. Мэтра Лютика я постараюсь...

Его прервало появление Виссегерда, все еще пурпурного и сопящего, как бугай. Маршал подошел к столу, ударил жезлом по устилающим стол картам, потом повернулся к Геральту и пронзил его взглядом. Ведьмак не опустил глаз.

– Раненый нильфгаардец, которого схватил разъезд, – процедил Виссегерд, – ухитрился по пути сорвать перевязку и изошел кровью. Он предпочел умереть, чем содействовать поражению и смерти своих соплеменников. Мы хотели его использовать, но он сбежал от нас в мир иной, протек сквозь пальцы, ничего на пальцах не оставив, кроме своей крови. Добрая школа. Жаль, что ведьмаки не прививают таких принципов королевским детям, которых забирают на воспитание.

Геральт молчал, но глаз по-прежнему не опускал.

– Что, выродок? Игра природы? Дьявольское порождение? Чему ты научил похищенную Цириллу? Как воспитал? Все видят и знают как! Этот ублюдок жив, расположился на нильфгаардском троне без всяких-яких! А когда Эмгыр призовет ее на свои перины, она без всяких-яких с превеликим желанием расставит ножки... курррва мать! Проститутка!

– Вами руководит злоба, – буркнул Лютик. – Это что ж, по-рыцарски, взвалить на ребенка вину за всех? На ребенка, которого Эмгыр увел силой?

– Против силы тоже есть способы! Именно рыцарские, именно королевские! Будь она настоящей королевской крови, она б нашла их! Нашла бы нож! Ножницы, кусок разбитого стекла, наконец. Шило! Могла себе, сука, зубами жилы перегрызть на кистях! На собственном чулке повеситься!

– Я не желаю вас больше слушать, господин Виссегерд, – тихо сказал Геральт. – Не желаю больше слушать.

Маршал громко скрежетнул зубами, наклонился.

– Не желаешь? – проговорил он дрожащим от бешенства голосом. – Все складывается как нельзя лучше, потому что мне как раз больше нечего тебе сказать. Только одно: тогда, в Цинтре, пятнадцать лет назад, много болтали о Предназначении, ведьмак. В ту ночь твоя судьба была предreshена, черными рунами выписана меж звезд. Цири, дочь Паве́тты, – вот твое Предназначение. И твоя смерть. Ибо за Цири, дочь Паве́тты, ты будешь висеть.

Глава пятая

К операции «Кентавр» бригада приступила в качестве отдельного подразделения IV Конной Армии. Мы получили подкрепление в виде трех сотен легкой вердэнской кавалерии, которые я передал в подчинение боевой группе «Вреемде». Из остальной части бригады, по примеру

кампании в Аэдирне, я выделил боевые группы «Сиверс» и «Мортесен», каждая в составе четырех эскадронов.

Из района сосредоточения под Дришотом мы вышли в ночь с пятого на шестое августа. Приказ группам был таков: выйти на рубеж Видорт – Каркано – Армерия, захватить переправы на Ине, уничтожая встреченного противника, но обходя крупные узлы сопротивления. Устраивая пожары, особенно ночью, осветить дорогу дивизионам IV Армии, вызвать панику среди гражданского населения с тем, чтобы создать пробки беженцев на всех коммуникациях в тылах врага. Имитируя окружение, оттеснять отступающие подразделения врага в сторону реальных котлов. Уничтожая отдельные группы гражданского населения и пленных, вызывать ужас, усугубляя панику и ломая моральный дух неприятеля.

Вышеприведенную задачу бригада выполняла с величайшей солдатской самоотверженностью и самоотдачей. Элан ТрагеЗа императора и отечество. Славный боевой путь VII Даэрлянской Кавалерийской Бригады

Мильва не успела подбежать и схватить лошадей. Она оказалась свидетелем их кражи, но свидетелем беспомощным. Сначала ее окружила ошавевшая, паникующая толпа, потом дорогу перекрыли мчащиеся телеги, затем она увязла в блеющей отаре овец, сквозь которую пришлось пробиваться, как сквозь снежный завал. Потом, уже у Хотли, лишь прыжок в заросшее камышом прибрежное болото спас ее от мечей нильфгаардцев, безжалостно кромсавших сбившихся у реки беженцев, не разбирая ни женщин, ни детей. Мильва кинулась в воду и перебралась на другой берег, то бродом, то плывя на спине среди сносимых течением трупов.

И пустилась в погоню. Она запомнила, в каком направлении сбежали кметы, укравшие Плотву, Пегаса, гнедого жеребца и ее собственного воронка. А при седле у воронка был ее бесценный лук. «Что делать, – думала она, хлюпая на бегу набравшейся в сапоги водой. – Остальные пока обойдутся без меня. Мне, сучья мать, надо отыскать лук и лошадей!»

Сначала она отбила Пегаса. Мерин поэта не обращал внимания на колотившие его по бокам берестяные лапти, не реагировал на непрекращающуюся ругань неумелого седока и не собирался переходить в галоп, а шел через березняк лениво, сонно и медленно. Парень сильно отстал от остальных конокрадов. Услышав, а потом и увидев за спиной у себя Мильву, он не раздумывая скатился с лошади и дал деру в чащу, обеими руками поддерживая штаны. Мильва не стала его догонять, превозмогла клекотавшее в ней желание как следует отлупцевать воришку. Запрыгнула в седло с ходу, так что забренчали струны лютни, притороченной к вьюкам. Хорошо зная лошадей, она заставила мерина перейти в галоп. Вернее, на тяжелый бег, который Пегас почему-то считал галопом.

Но даже этого псевдогалоп хватало, потому что конокрадам не давала как следует двигаться вторая – нетипичная – лошадь, норовистая Плотва ведьмака, гнедая кобыла, которую раздраженный ее фокусами Геральт то и дело обещал обменять на другую верховую скотину, пусть даже на осла, мула или хоть козла. Мильва догнала грабителей в тот момент, когда разозленная неумелым использованием поводьев Плотва повалила седока на землю, а остальные кметы, соскочив с седел, пытались усмирить брыкающуюся и лежащую кобылку. Они были настолько заняты этим, что Мильву заметили, лишь когда она налетела на них на Пегасе и двинула одному кулаком по лицу, сломав нос. Когда он падал, воя и призывая божью помощь, она его узнала. Это был Лапоть, кмет, которому явно не везло на людей. И особенно на Мильву.

Мильву, увы, счастье тоже покинуло. Точнее говоря, виною было не счастье, а ее собственная дерзость и подтвержденная практикой уверенность в том, что любым двум

кметам она сумеет наложить так, как сочтет нужным. Однако, соскочив с седла, она неожиданно получила кулаком в глаз и, непонятно как оказавшись на земле, тут же выхватила нож, готовая выпустить напавшему кишки, но отхватила толстой палкой по голове, да так, что дубина треснула, запорошив ей глаза корой и пылью. Оглушая, ослепшая, она тем не менее ухитрилась вцепиться в колено охаживающего ее обломком дубинки кмета, а кмет неожиданно взвыл и упал. Второй крикнул, заслонил голову обеими руками. Мильва протерла глаза и увидела, что он закрывается от сыплющихся на него ударов плети, которые наносил сидевший на гнедом коне наездник. Она вскочила, с размаху дала поваленному кмету по шее. Конокрад захрипел, дернул ногами и раздвинул их. Мильва тут же воспользовалась этим, вложив в точно направленный пинок всю злость. Парень свился в клубок, зажал руками промежность и завыл так, что с берез посыпались листья.

Тем временем хозяин гнедого коня, разделавшись с другим кметом и пускающим кровь из носа Лаптем, ударами плети погнав обоих в лес, развернулся, чтобы отхлестать воющего, но сдержал коня. Потому что Мильва уже успела одной рукой схватить своего вороного, а в другой держала лук с наложенной на тетиву стрелой. Тетива была натянута наполовину, но наконечник стрелы направлен прямо в грудь наездника.

– Я знал, – сказал он спокойно, – что мне представится случай вернуть твой наконечник, эльфка.

– Я не эльфка, нильфгаардец.

– Я не нильфгаардец. Опустить наконец свой лук. Если б я желал тебе зла, мне достаточно было просто посмотреть, как они с тобой разделяются.

– Без тебя знаю, – проговорила она сквозь зубы, – что ты за тип такой и чего от меня хочешь. Но спасибо за спасение. И за мою стрелу. И за того стервеца, в которого я на вырубке скверно выстрелила.

Кмет, получивший между ног, согнувшись в три погибели, давился криком, вжавшись головой в лесной подстил. Наездник не глядел на него.

– Хватай коней, – сказал он, глядя на Мильву, – мы должны побыстрее отскочить от реки, армия прочесывает леса по обоим берегам.

– Мы? – поморщилась она, не опуская лука. – Вместе? С каких это пор мы стали родней? Или друзьями?

– Я объясню. – Он развернул коня и схватил вожжи гнедого жеребца. – Если ты дашь мне на это время.

– Времени-то как раз у меня и нету. Ведьмак и остальные...

– Знаю. Только нам не спасти их, если позволим себя прикончить или поймать. Хватай коней – и в чащу. Поторопись.

«Его зовут Кагыр, – вспомнила Мильва, кинув взгляд на странного спутника, с которым ей довелось сидеть в яме из-под вывороченного дерева. – Станный нильфгаардец, который треплется, будто он не нильфгаардец. Кагыр. Ну да».

– Мы думали, тебя убили, – буркнула она. – Гнедой без седока вернулся...

– Было небольшое приключение, – сухо ответил он. – С тремя разбойниками, волосатыми, словно оборотни. Налетели на меня из засады. Конь убежал. Разбойники не сумели. Они были без лошадей. Прежде чем мне удалось добыть нового верхового, я здорово отстал от вас. Догнал лишь сегодня утром. У самого лагеря. Перебрался через реку ниже по течению и

ждал на том берегу. Знал, что вы поедете на восток.

Один из укрытых в ольховнике коней зафыркал, топнул. Смеркалось. Комары нагло зудели около ушей.

– Тихо в лесу, – сказал Кагыр. – Армия отошла. Бой кончился.

– Ты хотел сказать – резня.

– Наша конница... – Он осекся, кашлянул. – Императорская конница напала на лагерь, и тут с юга налетели ваши. Кажется, темерцы.

– Если бой кончился, надо вернуться. Ведьмака отыскать, Лютика и остальных.

– Разумнее дожидаться вечера.

– Страшно тут как-то, – сказала она тихо, сжимая лук. – Угрюмое урочище, аж мурашки бегают. Вроде тихо, а все что-то шуршит в кустах... Ведьмак болтал, мол, гули тянутся на места боев... А кметы о вомпере говорили...

– Ты здесь не одна, – ответил он вполголоса. – Одному страшнее.

– Угу! – Она поняла, о чем он. – Ты ведь почти две недели вслед за нами тащишься. Один, как в жопе дырочка. Волочишься за нами, а вокруг все твои... Хоть говоришь, ты не нильф, но все едино – твои. Пусть меня черти сжуют, если я понимаю... Заместо того чтобы к своим пристать, за ведьмаком тянешься. Зачем?

– Это долгая история.

Когда высокий скоя'таэль наклонился над ним, крепко связанный Струйкен зажмурился от страха. Говорили, некрасивых эльфов не бывает, все эльфы как на подбор прекрасны, такими уж они рождаются. Возможно, легендарный командир «белок» тоже родился красивым. Но сейчас, когда его лицо пересекал ужасный шрам, обезобразивший лоб, бровь, нос и щеку, от присущей эльфам красоты не осталось и следа.

Покореженный эльф присел на лежащий рядом ствол.

– Я – Исенгрим Фаоильтиарна, – сказал он, снова наклоняясь над пленником. – Четыре года я борюсь с людьми, три года командую группой. Я схоронил погибшего в боях родного брата, четырех двоюродных, больше сорока братьев по оружию. Я считаю вашего императора своим союзником и неоднократно доказывал это, передавая вашим разведслужбам информацию, помогая вашим агентам и резидентам, ликвидируя указанных вами людей.

Фаоильтиарна замолчал, подал знак затянутой в перчатку рукой. Стоящий неподалеку скоя'таэль поднял с земли небольшой туесок из березовой коры. Из туеска сочился сладкий запах.

– Я считал и считаю Нильфгаард союзником, – повторил эльф. – Поэтому сначала я не верил, когда мой информатор предупредил, что на меня готовится засада. Что я получу указание встретиться с глазу на глаз с нильфгаардским эмиссаром, а когда прибуду, меня схватят. Я не верил собственным ушам, но, будучи осторожным от природы, пришел на встречу пораньше и не один. Каково же было мое удивление и разочарование, когда оказалось, что на секретную встречу вместо эмиссара явились шестеро бандитов с рыбацкой сетью, веревками, кожаным колпаком, кляпом и кафтаном с крючками, затягиваемым ремнями. Экипировка, я бы сказал, обычно применяемая вашей разведкой при похищениях. Нильфгаардская разведка захотела схватить меня, Фаоильтиарну, живого, отвезти куда-то с кляпом во рту, затянутого по уши в смиренный кафтан. Загадочное дело, сказал бы я.

Требующее разъяснения. Я рад, что один из разбойников, несомненно, их начальник, позволил поймать себя живым и сможет дать мне необходимые разъяснения.

Струйкен стиснул зубы и отвернулся, чтобы не глядеть на изуродованное лицо эльфа. Он предпочитал глядеть на туесок из березовой коры, около которого бренчали две осы.

– Теперь же, – продолжал Фаоильтиарна, вытирая платочком вспотевшую шею, – поболтаем, господин похититель. Для облегчения переговоров я поясню тебе некоторые детали. В этом туеске находится кленовый сок. Если наша беседа будет далека от взаимопонимания и далекоидущей откровенности, то упомянутым соком мы обильно смажем тебе голову. С особым тщанием – веки и уши. Потом отнесем на муравейник, вон на тот, по которому бегают симпатичные и трудолюбивые насекомые. Добавлю, что метода эта прекрасно оправдалась уже в случае нескольких Dh'oine и an'givare, которые проявляли упорство и минимум откровенности.

– Я на императорской службе, – взвизгнул шпион, бледнея. – Я – офицер императорских специальных подразделений, подчиненный господина Ваттье де Ридо, виконта Эиддона! Меня зовут Йан Струйкен! Я протестую...

– По роковому стечению обстоятельств, – прервал эльф, – здешние красные муравьи, обожающие кленовый сок, никогда не слышали о господине Ридо. Начнем. О том, кто отдал приказ похитить меня, я спрашивать не стану, ибо это ясно. Мой первый вопрос: куда меня должны были отвезти?

Нильфгаардский агент задержался в веревках, затряс головой, ему показалось, будто муравьи уже ползают по щекам. Однако молчал.

– Что делать, – прервал молчание Фаоильтиарна, давая рукой знак эльфу с туеском. – Обмажьте его.

– В Вердэн, в замок Настрог! – завопил Струйкен. – По приказу господина де Ридо.

– Благодарю. И что же в Настроге?

– Следствие...

– О чем собирались расспрашивать?

– О событиях на Танедде! Умоляю, развяжите меня! Я скажу все!

– Конечно, скажешь, – вздохнул эльф, потягиваясь. – Тем более что начало уже положено, а в таких делах самое трудное – начать. Продолжай.

– У меня был приказ узнать у вас, где скрываются Вильгефорц и Риенс! И Кагыр Маур Дыффин аэп Кеаллах!

– Забавно. На меня расставляют ловушку, чтобы расспрашивать о Вильгефорце и Риенсе? И что же я могу о них сказать? Что может меня с ними связывать? А с Кагыром еще забавнее. Ведь его я отослал к вам, как вы и желали. В путях. Неужели посылка не дошла?

– Отряд, высланный на место встречи, уничтожен... Кагыра среди убитых не было...

– Так. И у господина Ваттье де Ридо возникли подозрения? Но вместо того чтобы попросту послать к нам очередного эмиссара и попросить объяснений, он тут же устраивает мне западню. Приказывает отвезти в Настрог и выслушать. Относительно событий на Танедде.

Шпион молчал.

– Ты не понял? – Эльф наклонился к нему. – Это был вопрос. Так в чем дело?

– Не знаю... Этого я не знаю, клянусь...

Фаоильтиарна махнул рукой. Струйкен рычал, дергался, клялся Великим Солнцем, заверял в своей невинности, плакал, мотал головой и плевался соком, который плотным слоем покрывал его лицо. И только когда четверо скоя'таэлей потащили его к муравейнику, он решился заговорить. Хотя последствия могли быть еще ужаснее, чем муравьи.

– Господин... Если об этом узнают, я погиб... Но я признаюсь... Я видел секретные приказы. Подслушал... Скажу вам...

– Это ясно, – кивнул эльф. – Рекорд в муравейнике, составляющий час сорок минут, принадлежит некоему офицеру из специальных отрядов короля Демавенда. Но в конце концов и он заговорил. Ну, начинай. Быстро, складно и конкретно.

– Император уверен, что на Танедде его предали. Предатель – Вильгефорц из Роггевеена, чародей. И его помощник по имени Риенс. А прежде всего Кагыр Маур Дыффин аэл Кеаллах. Ваттье... Господин Ваттье не уверен, не причастны ли и вы к этому делу, хотя бы невольно... Поэтому приказал схватить вас и без лишнего шума доставить в Настрог... Господин Фаоильтиарна, я двадцать лет работаю в разведке. Ваттье де Ридо – мой третий начальник...

– Пожалуйста, поскладнее. И перестань трястись. Если будешь со мной откровенен, тебе представится возможность послужить еще нескольким шефам.

– Это держалось в величайшей тайне, но я знал... Знал, кого Вильгефорц и Кагыр должны были схватить на острове. И получилось, что им вроде бы удалось. Потому что в Лок Грим привезли эту, ну... Как там ее... Ну, принцессу из Цинтры. Вот и я подумал, что это успех, что Кагыр и Риенс станут баронами, а тот чародей никак не меньше чем графом... А вместо этого император вызвал Филина... То есть господина Скеллена и господина Ваттье и приказал схватить Кагыра... И Риенса, и Вильгефорца... Всех, кто знает что-либо о Танедде и этом деле, велено было взять на пытки... И вас тоже... Нетрудно было догадаться... Ну... что было предательство. Что в Лок Грим привезли подложную принцессу.

Шпион задохнулся, нервно хватая воздух ртом, заляпанным кленовым соком.

– Развяжите его, – скомандовал Фаоильтиарна. – И пусть вымоет лицо.

Приказ был исполнен незамедлительно. Спустя минуту организатор неудавшейся засады уже стоял, опустив голову, перед легендарным командиром скоя'таэлей. Фаоильтиарна равнодушно глядел на него.

– Вытри как следует сок из ушей, – сказал он наконец. – Слушай внимательно и напряги память, как пристало многолетнему практику. Я представлю императору доказательство моей лояльности, дам полный отчет об интересующих вас проблемах. А ты слово в слово повторишь все Ваттье де Ридо.

Агент усердно закивал головой.

– В середине блатэ, то есть в начале июня по вашему календарю, – начал эльф, – со мной связалась Энид ан Глеанна, чародейка, известная как Франческа Финдабаир. Вскоре по ее поручению в мою группу прибыл некий Риенс, кажется, фактотум Вильгефорца из Роггевеена, тоже магик. В величайшей тайне был разработан план операции, в ходе которой предполагалось ликвидировать определенную часть чародейов во время Большого Сбора на острове Танедд. Мне было сказано, что этот план одобрен Ваттье де Ридо, Стефаном

Скелленом и поддержан императором Эмгыром. В противном случае я б не согласился сотрудничать с Dh'oine. Не важно – чародейями или нет, ибо я был в жизни свидетелем слишком многих провокаций. Интерес Империи к этой афере подтвердило прибытие на полуостров Бреммервоорд корабля под командованием Кагыра, сына Кеаллаха, имевшего особые полномочия. Выполняя распоряжения Кагыра, я выделил в его подчинение специальную группу. Я знал, что группе поручено поймать и увезти с острова... некую особу.

Фаоильтиарна немного помолчал. Потом продолжил:

– На Танедд мы пошли на корабле Кагыра. У Риенса были амулеты, при помощи которых он укрыл корабль чародейским туманом. Мы заплыли в пещеру под островом. Оттуда перебрались в подземелья Гарштанга. Уже там заметили, что не все в порядке. Риенс принял какие-то телепатические сигналы от Вильгефорца. Мы знали, что нам придется прямо с марша включиться в идущий уже бой, и были готовы. И хорошо, потому что как только вышли из пещер – попали в ад.

Эльф сильно скривил покалеченное лицо, как будто воспоминания причинили ему боль.

– После первых успехов начались сложности. Нам не удалось уничтожить всех королевских чародеев, мы понесли большие потери. Погибли несколько магов-заговорщиков, другие кинулись спасать свою шкуру и начали телепортироваться. В какой-то момент исчез Вильгефорц, следом за ним – Риенс, а вскоре после этого Энид ан Глеанна. Исчезновение Энид я расценил как сигнал к отступлению. Однако приказа не отдавал, ждал возвращения Кагыра и его группы, которая, как только началась операция, направилась выполнять свою миссию. Поскольку они не возвращались, мы начали их искать. Из его группы, – Фаоильтиарна посмотрел в глаза нильфгаардскому агенту, – не уцелел ни один, все были посечены самым зверским образом. Кагыра мы нашли на лестнице, ведущей в Тор Лара, башню, которая во время боя взорвалась и развалилась на куски. Он был без сознания и ранен. Стало ясно, что поручения не выполнил. Объекта его миссии не было нигде, а снизу, от Аретузы, уже бежали королевские солдаты. Я знал, что Кагыр ни в коем случае не должен попасть им в руки, иначе он стал бы доводом активного участия Нильфгаарда в акции. Мы забрали его и спустились в подземелья, там погрузились на корабль и уплыли. Из моей команды уцелели двенадцать бойцов, в большинстве своем раненных.

Ветер нам благоприятствовал. Мы высадились к западу от Гирунда, укрылись в лесах. Кагыр пытался срывать с себя повязки, кричал что-то о спятившей девчонке с зелеными глазами, о Львенке из Цинтры, о ведьмаке, который вырезал его группу, о Башне Чайки и о чародее, который летал словно птица. Требовал коня, приказывал двинуться на остров, ссылаясь на императорские указы. В такой ситуации я вынужден был признать это бредом сумасшедшего. В Аэдирне, как мы знали, шла война, я считал более важным поскорее восстановить поредевшую команду и возобновить борьбу с Dh'oine.

Кагыр все еще был с нами, когда в контактном пункте я нашел ваш секретный приказ. Я был изумлен. Кагыр явно не выполнил своей миссии, однако не было никаких признаков тому, что он предал. Впрочем, я рассуждать не стал, решив, что это ваше дело и разбираться вам. Кагыр, когда его связывали, не сопротивлялся, был спокоен и покорен. Я приказал уложить его в деревянный гроб и с помощью знакомого hav'saare доставить на указанное в письме место. Признаться, я не намерен был ослаблять свою команду и дать им эскорт. Не знаю, кто уничтожил ваших людей в месте встречи. А о том, где это место находится, знал только я. Так что, если вам не нравится версия совершенно случайной гибели вашего подразделения, то ищите предателя у себя, поскольку, кроме меня, только вы знали время и место.

Фаоильтиарна встал.

– Это все. Все, что я сказал, – правда. Ничего больше я б не сказал даже в казематах

Настрога. Ложь и выдумки, которыми, возможно, попытался бы удовлетворить следователя и палачей, вам скорее напортили бы, нежели помогли. Ничего больше я не знаю. Не знаю, где находятся Вильгефорц и Риенс. Не знаю, есть ли у вас основания подозревать их в предательстве. Заявляю также, что ничего не знаю о принцессе из Цинтры, ни о настоящей, ни о подложной. Я сказал все, что знал. Рассчитываю, что ни господин де Ридо, ни Стефан Скллен не пожелают больше устраивать на меня ловушки. Dh'oine уже давно пытаются меня поймать либо убить, поэтому я взял за правило в любом случае уничтожать всех участников засад. В будущем также я не стану выяснять, не имею ли случайно дело с подчиненными Ваттье либо Скллена. На такие разбирательства у меня не будет ни времени, ни охоты. Я выражаюсь ясно?

Струйкен кивнул, сглотнул слюну.

– Бери коня, шпион, и убирайся из моих лесов.

– Значит, в том гробу тебя к палачу везли, – буркнула Мильва. – Теперь-то понимаю, хоть тоже не все. Почему ж вместо того, чтобы затаиться где-нибудь, ты за ведьмаком шлепаешь? Он на тебя зверски зол... Два раза жизнь подарил...

– Три.

– Два я видела. Хоть не ты ведьмаку на Танедде яйца перетряхнул, как я изначально думала, не знаю, стоит ли тебе без опаски снова под его меч переться. Я мало чего из вашего трепа разумею, но меня-то ты спас, и глаза у тебя какие-то хорошие... Потому говорю тебе, Кагыр, кратко: когда ведьмак вспоминает тех, кто его Цирю в Нильфгаард уволок, то зубами скрежещет, аж искры летят. А ежели на него плюнуть, слюна зашипит.

– Цири, – повторил Кагыр. – Красиво ее зовут.

– Не знал, что ль?

– Нет. При мне ее всегда называли Цириллой или Львенком из Цинтры... А когда она была со мной... А она когда-то была... То не проронила ни слова. Хоть я и спас ей жизнь.

– Черт один, пожалуй, разберется в делах в ваших, – покачала она головой. – Поперекручены ваши судьбы, Кагыр, попутаны и повывернуты. Не на мой ум.

– А как тебя зовут? – вдруг спросил он.

– Мильва... Мария Барринг. Но ты говори – Мильва.

– Ведьмак едет не туда, куда надо, Мильва, – сказал он, помолчав. – Нету Цири в Нильфгаарде. Не в Нильфгаард ее увели. Если вообще увели.

– Как так?

– Это долгая история.

– Великое Солнце! – Остановившись на пороге, Фрингилья наклонила голову и удивленно взглянула на подругу. – Что ты сотворила с волосами, Ассирэ?

– Вымыла, – сухо ответила Ассирэ вар Анагйд. – И сделала прическу. Входи, садись. Брысь со стула, Мерлин!

Чародейка присела на место, которое с явным нежеланием освободил черный кот. При этом она не переставала рассматривать новую прическу подруги.

– Перестань пялиться, – Ассирэ коснулась рукой пушистых блестящих локонов, – к тому же я взяла пример с тебя.

– Меня, – расхохоталась Фрингиля Виго, – всегда считали чудачкой и бунтаркой. Но когда тебя увидят на торжествах или при дворе...

– Я не бываю при дворе, – отрезала Ассирэ. – А торжественные сборища должны будут привыкнуть. За окнами тринадцатый век. Самое время покончить с мнением, будто забота чародейки о внешности говорит о ее несовершенном и мелочном уме.

– Ногти тоже. – Фрингиля слегка прищурила зеленые глаза, от которых никогда и ничто не ускользало. – Не узнаю тебя, дорогая моя.

– Простейшее заклинание, – холодно ответила чародейка, – и ты убедишься, что перед тобой я, а никакой не двойник. Ну, давай шепчи, если так уж надо. А потом переходи к тому, о чем я тебя просила.

Фрингиля Виго погладила кота, который терся об ее ногу, мурлыча и выгибая спину, прикидываясь, будто выражает тем самым любовь, а в действительности намекая на то, что черноволосой чародейке неплохо бы освободить стул.

– А тебя, – проговорила она, не поднимая головы, – просил сенешаль Кеаллах аэп Груффид, верно?

– Верно, – тихо подтвердила Ассирэ. – Кеаллах просил, он был в отчаянии, просил о помощи, о заступничестве, о спасении сына, которого Эмгыр приказал схватить, пытать и обезглавить. К кому он мог еще обратиться, если не к свояченице? Маур, супруга Кеаллаха, мать Кагыра, – моя племянница, младшая дочь моей родной сестры. К тому же я ничего ему не обещала. Потому что я бессильна что-либо сделать. Недавние события не позволяют мне обращать на себя внимание. Я объясню. Но только после того, как выслушаю сведения, которые просила тебя собрать.

Фрингиля Виго украдкой облегченно вздохнула. Она боялась, что подруга все же захочет вмешаться в грозящее эшафотом дело Кагыра, сына Кеаллаха. И попросит ее о помощи, а она не сможет отказать.

– Примерно в середине июля, – начала она, – собравшийся в Лок Крими двор имел возможность лицезреть пятнадцатилетнюю девушку, якобы княжну Цириллу, которую Эмгыр во время аудиенции упорно именовал королевой и принял так ласково, что даже появились слухи о скором браке.

– Слышала. – Ассирэ погладила кота, который отсекся от Фрингили и теперь пытался аннексировать уже ее стул. – Об этом, несомненно, политическом марьяже продолжают говорить.

– Но уже не так громко и не так часто. Цинтрийку увезли в Дарн Рован. В Дарн Роване, как ты знаешь, часто держат государственных узников. Кандидаток в императрицы – значительно реже.

Ассирэ смолчала. Терпеливо ждала, рассматривая свои недавно обстриженные и покрытые лаком ногти.

– Ты, конечно, помнишь, – продолжала Фрингиля Виго, – как три года назад Эмгыр вызвал всех нас и приказал установить место пребывания некой особы. На территории Северных Королевств. Несомненно, помнишь также, как он взбеленился, когда у нас ничего не получилось. Альбрыха, пытавшегося объяснить, что на таком расстоянии зондировать

невозможно, не говоря уж о том, чтобы пробивать экраны, Эмгыр покрыл последними словами. А теперь слушай. Спустя неделю после памятной аудиенции в Лок Крими, когда праздновали победу под Альдерсбергом, Эмгыр увидел в зале замка Альбрыха и меня. И удостоил нас беседой. Смысл его слов, немного опошляя, был таков: «Вы дармоеды и лентяи. Ваши шарлатанские штучки обходятся мне в целое состояние, а толку от них нуль с хвостиком. Задание, с которым не справилась вся ваша затраханная братия, простой астролог выполнил в четыре дня».

Ассирэ вар Анагид презрительно фыркнула, не переставая поглаживать кота.

– Я легко узнала, – продолжала Фрингилья Виго, – что этим астрологом-кудесником был не кто иной, как знаменитый Ксартисиус.

– Стало быть, искали ту самую цинтрийку, кандидатку в императрицы. Ксартисиус ее отыскал. Ну и что? Его назначили министром иностранных дел? Главой Департамента Неразрешимых проблем?

– Нет. Через неделю бросили в тюрьму.

– Прости, но я не вижу связи между Ксартисиусом и Кагыром, сыном Кеаллаха.

– Терпение. Позволь излагать по порядку. Это необходимо.

– Извини. Слушаю.

– Помнишь, что дал нам Эмгыр, когда мы три года назад брались за поиски?

– Прядь волос.

– Верно. – Фрингилья открыла сумочку. – Вот эту. Светленькие волосы шестилетней девочки. Я сохранила немного. Тебе следует знать, что надзор за изолированной в Дарн Роване цинтрийской княжной поручен Стелле Конгрев, графине Лиддерталь. Когда-то Стелле привелось кое-что задолжать мне, поэтому я без проблем получила другую прядку волос. Вот эту. Они немного темнее, но волосы с возрастом темнеют. Однако дело в том, что волосы принадлежат совершенно разным людям. Я проверила. Это несомненно.

– Я догадывалась о чем-то подобном, – признала Ассирэ вар Анагид, – как только услышала, что цинтрийку направляют в Дарн Рован. Астролог либо провалил дело, либо позволил втянуть себя в заговор, имеющий целью «всучить», прости за грубость, Эмгыру фальшивую девицу. Заговор, который будет стоить Кагыру, сыну Кеаллаха, головы. Благодарю, Фрингилья. Все ясно.

– Не все, – покачала черной головкой чародейка. – Во-первых, не Ксартисиус отыскал цинтрийку и не он доставил ее в Лок Крим. Астролог занялся гороскопами и астромантией уже после того, как Эмгыр понял, что ему подсунили «липовую» княжну, и начал активные поиски настоящей. А в тюрьму старый идиот попал за обыкновенную ошибку в фокусе или шарлатанство. Дело в том, что, как мне удалось установить, он определил место нахождения искомой особы с точностью порядка ста верст. А центр этой территории оказался в пустыне, в диком безлюдье где-то за массивом Тир Тохаир, за истоками Вельды. Посланный туда Стефан Скеллен нашел одних только скорпионов да стервятников.

– А чего ты еще хотела от Ксартисиуса? Но на судьбе Кагыра это никак не отразится. Эмгыр запальчив, но никогда не пошлет на пытку и смерть просто так, без оснований. Кто-то, как ты сама сказала, виновен в том, что в Лок Крим доставили фальшивую княжну вместо истинной. Кто-то постарался раздобыть двойника. Стало быть, заговор был, а Кагыр позволил себя в него втянуть. Я не исключаю, что непреднамеренно. Что им воспользовались.

– Если так, то им воспользовались бы до конца. Он бы лично привез двойника Эмгыру. А Кагыр исчез без следа. Почему? Ведь его исчезновение должно было вызвать подозрения. Неужели думал, что Эмгыр раскроет обман с первого взгляда? А ведь раскрыл! Да и обязательно раскрыл бы, ведь у него была...

– Прядка волос, – прервала Ассирэ, – прядка волос шестилетней девочки. Фрингиля, эту девочку Эмгыр ищет не три года, а гораздо дольше. Похоже, Кагыр влип во что-то паршивое, что-то такое, что началось еще в то время, когда он ездил верхом на палочке. Хммм... Оставь мне эти волосы. Я хотела бы как следует исследовать обе прядки.

Фрингиля Виго медленно прищурила зеленые глаза.

– Оставляю. Но будь осторожна, Ассирэ. Не впутывайся в паршивые дела. Ты можешь обратить на себя внимание. А в начале беседы ты намекнула, что тебе это не на руку. И обещала объяснить причины.

Ассирэ вар Анагид встала, подошла к окну, засмотрелась на блестящие в свете заходящего солнца островерхие крыши, шпили и башенки Нильфгаарда, имперской столицы, именуемой Городом Золотых Башен.

– Когда-то ты сказала, а я запомнила, – проговорила она, не поворачиваясь, – что магию не должны разделять границы. Что благо магии должно быть величайшим благом, не признающим никаких границ. Что пригодилось бы что-то вроде... секретной организации... Что-то вроде конвента или ложи...

– Я готова, – прервала длившееся несколько секунд молчание Фрингиля Виго, нильфгаардская чародейка. – Я решила и готова присоединиться. Благодарю за доверие и отличие. Когда и где произойдет собрание этой ложи, моя загадочная и таинственная подруга?

Ассирэ вар Анагид, нильфгаардская чародейка, повернулась. На ее губах играла тень улыбки.

– Скоро, – сказала она. – Сейчас все объясню. Но сначала, чуть не забыла... Дай мне адрес твоей модистки, Фрингиля.

– Ни одного огня, – шепнула Мильва, всматриваясь в темный берег за блестевшей в лунном свете рекой. – Ни живого духа там нет, мнится мне. В лагере было сотни две беженцев. Ни один головы не сносил?

– Если победили имперские, то погнали всех в неволю, – шепнул в ответ Кагыр. – Если победили ваши, прихватили, уходя, и их.

Они подошли ближе к берегу, к заросшей камышом трясине. Мильва наступила на что-то и еле сдержала крик, увидев торчащую между кочками усеянную пиявками руку.

– Всего-навсего труп, – буркнул Кагыр, схватив ее за плечо. – Наш. Даэрляндец... Седьмая даэрляндская кавалерийская бригада. Серебряный скорпион на рукаве...

– О боги... – вздрогнула девушка, сжимая лук вспотевшей рукой. – Слышал голос? Что это было?

– Волк.

– Или гуль... Или какой другой окаянец. Там, в лагере, тоже должна куча трупов лежать... Зараза, не пойду я ночью на тот берег!

- Подождем до рассвета... Мильва? Чем тут так странно...
- Регис?.. – Лучница сдержала крик, почувствовав запах полыни, шалфея, кориандра и аниса.
- Регис? Ты, что ль?
- Я, – бесшумно появился из мрака цирюльник. – Беспокоился за тебя. Вижу, ты не одна.
- Угу. Верно видишь. – Мильва отпустила плечо Кагыра, который уже доставал меч. – Я не одна, и он теперь тоже не один. Но это долгая история, как говорят некоторые. Регис, что с ведьмаком? С Лютиком? С остальными? Знаешь, что с ними?
- Знаю. Лошади есть?
- Есть. В ивняке укрыты.
- Двигаем на юг, вниз по Хотле. Немедленно. До полуночи надо быть у Армерии.
- Что с ведьмаком и поэтом? Они живы?
- Живы. Но у них неприятности.
- Какие?
- Это долгая история.

Лютик застонал, пытаясь повернуться и устроиться хоть немного поудобнее. Однако это была задача, невыполнимая для человека, лежащего в куче осыпающихся стружек и опилок и связанного веревками наподобие подготовленного к копчению свиного рулета.

- Не повесили нас сразу, – ойкнул он. – Вся надежда... В этом вся наша надежда...
- Успокойся. – Ведьмак лежал не двигаясь, глядя на луну, просвечивающую сквозь щели в крыше деревянного сарая. – Знаешь, почему Виссегерд не повесил нас сразу? Потому что решил казнить публично, на рассвете, когда весь корпус соберется уходить. В пропагандистско-воспитательных целях.

Лютик умолк. Геральт слышал, как он сопит и постанывает.

- У тебя-то есть шансы вывернуться, – сказал он, чтобы успокоить поэта. – Мне Виссегерд собирается отомстить за личную обиду, а против тебя он ничего не имеет. Твой знакомый граф вытащит тебя из беды, вот увидишь.
- Хрен вам, – ответил бард, к удивлению ведьмака спокойно и совершенно рассудительно, – хрен вам, хрен и дерьмо. Не считай меня ребенком. Во-первых, в пропагандистско-воспитательных целях два висельника лучше, чем один. Во-вторых, он не захочет оставлять в живых свидетелей. Нет, брат, будем болтаться рядышком.
- Перестань, Лютик. Лежи тихо и обдумывай возможности.
- Какие еще возможности, черт побери?
- Любые.

Болтовня поэта мешала ведьмаку собраться с мыслями, а мыслил он интересно. Все время ждал, что в сарай вот-вот ввалятся люди из темерской войсковой разведки, которые, несомненно, были в корпусе Виссегерда. Разведку наверняка заинтересовали бы подробности событий в Гарштанге на острове Танедд. Геральт почти не знал подробностей, однако понимал, что, прежде чем агенты в это поверят, он уже будет очень, очень больным.

Вся его надежда основывалась на том, что ослепленный жаждой мести Виссегерд не разболтал о его поимке. Разведка могла бы попытаться вырвать пленников из когтей взбешенного маршала, чтобы забрать их в главную квартиру. Вернее, потащить в главную квартиру то, что останется от них после первых допросов.

Меж тем поэт придумал «возможность».

– Геральт! Давай прикинемся, будто знаем что-то очень важное. Что мы действительно шпионы или нечто подобное. Тогда...

– Умоляю тебя, Лютик!

– Можно попытаться подкупить стражу. У меня есть немного денег. Дублоны, зашитые в подкладку сапога. На черный день... Давай крикнем стражников...

– И они отберут у тебя все да еще и поколотят.

Поэт заворчал, но тут же умолк. С майдана долетали крики, конский топот и – что хуже всего – запах солдатской гороховой похлебки, за миску которой Геральт отдал бы всю стерлядку и все трюфели мира. Стоящие перед сараем стражи лениво переговаривались, похохатывали, время от времени кашляли и отплевывались. Стражи были профессиональными солдатами, это чувствовалось по фразам, составленным почти исключительно из местоимений и изысканно-грязных ругательств.

– Геральт!

– Ну?

– Интересно, что случилось с Мильвой... С Золтаном, Персивалем, Регисом... Ты их не видел?

– Нет. Вполне возможно, что во время стычки их зарубили или потоптали конями. Там, в лагере, труп на трупе валялся.

– Не верю, – твердо и с надеждой в голосе заявил Лютик. – Не верю, чтобы такие ловкачи, как Золтан и Персиваль... Или Мильва...

– Не обольщайся. Даже если они выжили, нам не помогут.

– Почему?

– По трем причинам. Во-первых, у них свои заботы. Во-вторых, мы лежим связанные в сарае в центре лагеря, насчитывающего несколько тысяч солдат.

– А третья причина? Ты сказал – три?

– А в-третьих, – утомленно проговорил Геральт, – лимит чудес на этот месяц исчерпала встреча керновской бабы с ее потерявшимся мужем.

– Там. – Цирюльник указал на светящиеся точки бивуачных огней. – Там форт Армерия, теперешний передовой лагерь темерских войск, сконцентрированных под Майеной.

– Там держат ведьмака и Лютика? – поднялась Мильва на стременах. – Да, тогда дело хреново... Там уйма вооруженного люда, да и охрана вокруг. Нелегко будет прокрасться.

– И не надо, – ответил Регис, слезая с Пегаса. Мерин протяжно фыркнул, отвернул морду. Ему явно не нравился щекочущий в носу травяной аромат цирюльника.

– И не надо подкрадываться, – повторил он. – Я сделаю все сам. Вы подождите с лошадьми

там, у реки, видите – пониже самой яркой звезды Семи Коз. Там Хотля впадает в Ину. Когда я вытащу ведьмака из беды, направлю его туда. Там и встретитесь.

– До чего самоуверенный, – буркнул Кагыр Мильве, когда, слезши, они оказались рядом. – Один, без всякой помощи собрался вытащить их из беды, слышала? Кто он такой?

– Взаправду не знаю, – тоже тихо ответила Мильва. – А что до вытаскивания, так я ему верю. Вчера он на моих глазах голой рукой вытащил из угольев раскаленную подкову...

– Чародей?

– Нет, – возразил из-за Пегаса Регис, демонстрируя тонкий слух. – Разве так уж важно кто? Я ведь не спрашиваю тебя, кто ты такой?

– Я – Кагыр Маур Дыффин аэп Кеаллах.

– Благодарю и восхищаюсь. – В голосе цирюльника прозвучала легкая ирония. – Почти не чувствуется нильфгаардский акцент в нильфгаардском имени.

– Я не...

– Довольно! – перебила Мильва. – Не время препираться и канителиться. Регис, ведьмак ждет помощи.

– Не раньше полуночи, – холодно бросил цирюльник, глядя на луну. – Значит, у нас есть время поговорить. Кто этот человек, Мильва?

– Этот человек, – взяла Кагыра под защиту явно раздраженная Мильва, – выручил меня. Этот человек скажет ведьмаку, как только они встретятся, что тот идет не туда, куда надо. Цири нет в Нильфгаарде.

– Действительно, любопытно. – Голос цирюльника помягчал. – А каков источник, уважаемый Кагыр, сын Кеаллаха?

– Это долгая история.

Люттик уже долго молчал, когда один из стражей вдруг осекся на полуслове, второй кашлянул, а может, охнул. Геральт знал, что их было трое, поэтому напряг слух, но третий солдат не издал ни звука.

Геральт затаил дыхание. То, что он услышал, был не скрип открываемых спасительных дверей сарая. Отнюдь. Это был ровный, тихий, многоголосый храп. Стражи элементарно уснули на посту.

Геральт вздохнул, беззвучно выругался и уже собирался было снова погрузиться в мысли о Йеннифэр, когда медальон на его шее сильно дрогнул, а в ноздри ударил запах полыни, базилика, кореандра, шалфея, аниса и дьявол знает чего еще.

– Регис? – недоверчиво шепнул он, напрасно пытаясь оторвать голову от стружек.

– Регис, – прошептал Люттик, зашуршав опилками. – Только один он так смердит. Где ты? Я тебя не вижу...

– Тише.

Медальон перестал дрожать. Геральт услышал облегченный вздох поэта и тут же скрип лезвия, перепиливающего веревку. Через минуту Люттик уже стонал от боли, вызванной восстанавливающимся кровообращением, но при этом сдерживал стоны, засунув в рот кулак.

– Геральт. – Размытая колеблющаяся тень цирюльника возникла перед ним. – Через лагерные посты пойдете сами. Направляйтесь на восток, на самую яркую звезду Семи Коз. Прямо к Ине. Там вас ожидает Мильва с лошадьми.

– Помоги мне встать.

Освобожденный Регисом ведьмак постоял сначала на одной, потом на другой ноге, кусая кулак. Кровообращение Лютика уже пришло в норму. Через минуту ведьмак тоже был в порядке.

– Как нам выйти? – вдруг спросил поэт. – Стражники у дверей храпят, но могут...

– Не могут, – шепотом прервал Регис. – Будьте осторожны. Полная луна, на майдане светло от костров. Несмотря на ночную пору, в лагере движение, но это даже к лучшему. Дозорным надоело окрикивать всех подряд. Ну – успеха! Выходите.

– А ты?

– Обо мне не беспокойтесь. Не ждите меня и не оглядывайтесь.

– Но...

– Лютик, – прошипел ведьмак. – О нем не беспокойся. Слышал?

– Выходите, – повторил Регис. – Успеха. До встречи, Геральт.

Ведьмак обернулся.

– Благодарю тебя за спасение, – сказал он. – Но лучше б нам никогда не встречаться. Ты меня понимаешь?

– Полностью. Не теряйте времени.

Охранники спали в живописных позах, похрапывая и посапывая. Ни один не дрогнул, когда Геральт с Лютиком проскальзывали в приотворенную дверь. Ни один не пошевелился, когда ведьмак бесцеремонно стаскивал с двоих толстые домотканые плащи.

– Это не обычный сон, – шепнул Лютик.

– Конечно, – шепнул Геральт, незаметный в темноте у стены сарая.

– Понимаю, – вздохнул поэт. – Регис – чародей?

– Нет. Не чародей.

– Он вытащил из огня подкову. Усыпил стражников...

– Перестань болтать и сосредоточься. Мы еще не на свободе. Завернись в плащ и идем через майдан. Если кто-нибудь остановит, прикинемся солдатами.

– Хорошо. В случае чего скажу...

– Мы прикинемся глупыми солдатами! Пошли.

Они пересекли площадь, держась подальше от солдат, собравшихся вокруг горящих мазниц и бивуачных костров. По майдану во всех направлениях сновали люди, двое лишних не бросались в глаза. Они не вызывали подозрений, никто их не окликал и не задерживал. Быстро и без помех вышли за поломанную изгородь.

Все шло гладко, даже чересчур гладко. Геральт почувствовал беспокойство, поскольку инстинктивно ощущал опасность. И это ощущение, вместо того чтобы уменьшаться, усиливалось по мере удаления от центра лагеря. Он повторял себе, что тут нет ничего странного – в центре шумного даже ночью сбора они не обращали на себя внимания, в крайнем случае могла начаться суеда, если кто-то обнаружит усыпленных у дверей деревянного сарая охранников. Теперь же они приближались к внешнему кольцу охраны, где посты, естественно, должны были быть бдительнее. То, что они шли со стороны лагеря, не могло им помочь, совсем наоборот! Ведьмак помнил о ширящемся в корпусе Висегерда дезертирстве и был уверен, что часовые получили приказ тщательно следить за всеми, кто намеревался покинуть лагерь.

Луна давала достаточно света, чтобы Лютик мог идти не на ощупь. Ведьмак же при таком освещении видел не хуже, чем днем, и это помогло им обойти два пикета и переждать в кустах, пока проедет конный патруль. Впереди, почти сразу за постами, лежал темный ольховник. Все шло гладко. Даже чересчур гладко.

Погубило их незнание воинских порядков.

Низкая и мрачная ольховая роща манила, обещала укрытие. Но сколько существует мир, бывалые вояки, когда им доводится выходить на охрану, устраивались в кустах, откуда бодрствующие могли наблюдать и за возможным неприятелем, и за собственными, чересчур ретивыми офицерами, которым вдруг приспичило бы явиться с неожиданной проверкой.

Едва Геральт и Лютик подошли к рощице, как перед ними выросли люди. И остря копий.

– Пароль!

– Цинтра! – не раздумывая, выпалил Лютик.

Солдаты дружно расхохотались.

– Эх, люди, люди, – сказал один. – Ну ни на шелонг фантазии. Ну хоть бы один что-нибудь новенького придумал. Так нет же, «Цинтра» – и вся недолга. По печке затосковали, а? Порядочек. Ставка такая же, что и вчера.

Лютик громко скрежетнул зубами. Геральт оценил ситуацию и шансы. Оценка получалась явно не в их пользу.

– Ну, чего умолкли? – подгонял солдат. – Хотите пройти, гоните пошлину, а мы прикроем глаза. Да пошибчей, того и гляди обходящий явится.

– Щас. – Поэт сменил стиль разговора и акцент. – Присесть надыть, да сапог стянуть, потому как тама у меня...

Больше он сказать не успел. Четверо солдат повалили его на землю, двое, зажав его ноги своими, стянули сапоги. Тот, что спрашивал о пароле, отодрал с внутренней стороны голенища подкладку. Что-то со звоном посыпалось.

– Золото! – рявкнул старший. – А ну, разуйте энтого второго! Да кликните проверяющего!

Однако разувать и вызвать было некому, потому что часть патрульных кинулась на колени в поисках рассыпавшихся меж листьев дублонов, остальные же яростно дрались за овладение вторым сапогом Лютика. «Теперь или никогда», – подумал Геральт и тут же саданул старшего в челюсть, а пока тот падал, хватил его по голове. «Золотоискатели» этого даже не заметили. Лютик, не ожидая приглашения, вскочил и помчался сквозь кусты, за ним на ветру, словно вымпелы, развевались онучи. Геральт бежал следом.

– Хватай! Хватай! – вопил поваленный старшой, тут же поддержанный товарищами. – Разводящий!

– Мерзавцы! – взвизгнул на бегу Лютик. – Стервецы! Деньги отобрали!

– Береги дыхание, дурень! Лес видишь? Ну, бегом, быстрее!

– Тревога! Тревога! Трево-о-о-га!!!

Они бежали. Геральт зверски выругался, слыша крики, свист, топот и ржание. Позади. И впереди. Удивление его было недолгим,хватило одного внимательного взгляда. То, что он принял за спасительный лес, оказалось приближающейся к ним лавиной конницы.

– Стой, Лютик! – крикнул он, мгновенно поворачиваясь в сторону настигающего их галопом патруля, и пронзительно засвистел, сунув пальцы в рот.

– Нильфгаард! Нильфгаард насаждает! – заорал он что было сил в легких. – В лагерь! Назад в лагерь, дуры головы! Играть сбор! Нильфгаард!

Выдвинувшийся вперед конник преследующего их патруля осадил лошадь, глянул в указанном направлении, громко вскрикнул и хотел завернуть, но Геральт, решив, что и без того достаточно много сделал для цинтрийских львов и темерских лилий, подскочил к солдату и ловким рывком стащил его с седла.

– Запрыгивай, Лютик! И держись!

Повторять дважды не потребовалось. Конь слегка присел под тяжестью дополнительного седока, но, получив по бокам двумя парами пяток, помчался галопом. Сейчас приближающиеся массы нильфгаардцев были гораздо опаснее Виссегерда с его корпусом, поэтому беглецы пустили коня вдоль кольца лагерных постов, пытаясь как можно скорее уйти с линии готового вот-вот разгореться столкновения противников. Однако нильфгаардцы были уже ближе и заметили их. Лютик крикнул. Геральт оглянулся и увидел, как из темной стены нильфгаардских конников в их сторону начинает выдвигаться черное щупальце погони. Он не колеблясь направил коня к лагерю, обгоняя ретирующихся охранников. Одинаково хорошо он видел и мчащуюся на них со стороны лагеря конницу. Поднятый по тревоге корпус Виссегерда на удивление быстро оказался в седлах. А Геральт и Лютик – в западне.

Выхода не было. Ведьмак снова изменил направление и выжал из коня все возможное, стараясь выскользнуть из опасно сужающейся щели между молотом и наковальней. Когда засветила надежда, что им все-таки повезет, ночной воздух неожиданно заполнился шумом перьев. Лютик взвизгнул, на этот раз действительно громко, и впился пальцами в бока Геральта. Ведьмак почувствовал, как что-то теплое потекло ему на шею.

– Держись! – схватил он поэта за локоть и сильно притянул к себе. – Держись, Лютик!

– Убили меня! – завыл поэт, удивительно громко для убитого. – Истекаю кровью! Умираю!

– Держись!

Град стрел из луков и арбалетов, которым осыпали друг друга обе армии, оказавшийся роковым для Лютика, одновременно стал и избавлением. Обстреливающие друг друга войска сбились в кучи, нажим ослаб, а вот-вот готовая захлопнуться щель между фронтами оставалась щелью еще достаточно долго, чтобы тяжело храпящий конь успел вынести обоих ездоков из ловушки. Геральт нещадно колотил пятками коня, заставляя того продолжать галоп, потому что, хоть перед ними уже и маячил спасительный лес, позади не умолкал гул копыт. Конь взвизгнул, споткнулся. Возможно, им и удалось бы убежать, но Лютик вдруг застонал и обмяк, стягивая с седла и Геральта. Геральт машинально натянул поводья, конь

встал на дыбы, и оба они слетели на землю, упав между невысокими сосенками. Поэт бессильно повалился и не вставал, продолжая душераздирающе стонать. Вся левая сторона головы и левое плечо у него были в крови, отливающей черным в лунном свете.

Позади них с гулом, грохотом и ревом столкнулись конники. Но несмотря на кипящую битву, нильфгаардские преследователи не забыли о беглецах. Прямо на них мчались галопом трое наездников.

Ведьмак вскочил, чувствуя вздымающуюся в нем волну леденящей ярости и ненависти. Прыгнул навстречу преследователям, отводя внимание конников от Лютика. Нет, он не собирался жертвовать собою ради друга. Он хотел убивать.

Первый выдвинувшийся вперед наездник налетел на него с поднятым топором, но ведь он не мог знать, что перед ним ведьмак. Геральт легко увернулся от удара, ухватил наклонившегося в седле нильфгаардца за плащ, пальцами другой руки стиснул широкий пояс, сильным рывком стянул конника с седла, навалился на него, прижал к земле и только тут сообразил, что у него нет оружия. Тогда он ухватил поваленного солдата за горло, но удушить не смог, мешал железный ринграф. Нильфгаардец дернулся, ударил его железной перчаткой, рассек щеку. Ведьмак придавил его всем телом, нащупал на широком поясе противника короткий кинжал, вырвал его из ножен. Солдат почувствовал это и завыл. Геральт оттолкнул все еще колотящую по нему руку с серебряным скорпионом на рукаве, замахнулся кинжалом.

Нильфгаардец заорал.

Геральт врубил ему кинжал в раскрытый рот. По самую рукоять. Вскочив, он увидел коней без седоков, трупы и удаляющуюся в сторону продолжающегося боя группу конных. Цинтрийцы из лагеря разгромили нильфгаардскую погоню, а поэта и дерущихся на земле даже не заметили во мраке, заполняющем лесок.

– Лютик! Куда тебя? Где стрела?

– В го... голове... В голову вонзилась...

– Не болтай глупостей! Черт, повезло тебе... Только чиркнуло...

– Я истекаю кровью.

Геральт сбросил куртку и оторвал рукав рубахи. Наконечник стрелы прошел у Лютика над ухом, расцарапав кожу до виска. Поэт то и дело прижимал к ранке трясущуюся руку, потом рассматривал кровь, обильно пачкающую ладони и манжеты. Глаза были дурные. Ведьмак подумал, что перед ним человек, которому впервые в жизни причинили боль и ранили. Который впервые в жизни видит собственную кровь в таком количестве.

– Вставай, – сказал он, быстро и кое-как обматывая голову трубадура рукавом рубахи. – Это ничего, Лютик, всего лишь царапина... Вставай, надо побыстрее сматываться отсюда...

Ночная битва на лугу продолжалась, звон железа, ржание и крики все усиливались. Геральт быстро поймал двух нильфгаардских коней, но нужен оказался только один. Лютик сумел встать, однако тут же снова тяжело уселся на землю, застонал, громко зарыдал. Ведьмак поднял его, прижал к себе, усадил в седло. Сам сел позади и погнал коня. На восток, туда, где повыше уже видной на небе бледно-голубой полосы рассвета висела самая яркая звезда созвездия Семи Коз.

– Скоро рассветет, – сказала Мильва, глядя не на небо, а на блестящую поверхность реки. – Сомы крепко белорыбиц гоняют. А ведьмака и Лютика ни слуха ни духа. Ох, не испоганил ли

дело Регис...

– Не накличь беды, – буркнул Кагыр, поправляя подпругу гнедого жеребца.

– Тьфу-тьфу... Так ведь оно как-то уж так идет... Кто с этой вашей Цирей столкнется, так все одно что башку под топор поклат... Несчастье эта девка приносит... Несчастье и смерть.

– Сплюнь, Мильва.

– Тьфу-тьфу от сглаза, от порчи... Ну и холодина, аж трясет всю. И пить хочется, а в реке у берега обратно труп гниющий видела... Брр... Тошнит меня... Не иначе – блевать буду...

– На, – Кагыр протянул ей фляжку, – глотни. И сядь ближе ко мне, согрею.

Новый сом ударил на мелководье в косячок уклеек. Рыбки прыснули по поверхности серебристым градом. В лунной дорожке мелькнула то ли летучая мышь, то ли козодой.

– Кто знает, – задумчиво протянула Мильва, прижавшись к плечу Кагыра, – что будет завтра? Кто реку перейдет, а кто землюшку обымет?

– Будет, что должно быть. Отбрось дурные мысли.

– Не боишься?

– Боюсь. А ты?

– Тошнит меня.

Молчали долго.

– Расскажи, Кагыр, когда ты с той Цирей встретился?

– Впервые? Три года назад. Во время боев за Цинтру. Вывез ее из города. Нашел окруженную со всех сторон огнем. Я ехал сквозь пламя и дым, держа ее в руках, а она тоже была как пламя.

– И что?

– Пламя в руках не удержать.

– Если в Нильфгаарде не Циря, – сказала Мильва после долгого молчания. – То кто же?

– Не знаю.

У Дракенборга, реданского форта, превращенного в лагерь для интернированных эльфов и других подрывных элементов, были свои печальные традиции, созданные в ходе трех лет функционирования. Одна из таких традиций – казнь на рассвете. Вторая – предварительный сбор обреченных на смерть в большой общей камере, откуда на заре их выводили к виселице.

Смертников набиралось в камере около десятка, а вешали каждое утро двух, трех, порой четырех. Остальные ждали своего часа. Долго. Иногда неделю. Ожидающих в лагере называли «шутами». Потому что атмосфера в камере смертников всегда была веселая. Во-первых, на завтрак подавали кислое и крепко разбавленное вино, носящее на лагерном жаргоне название «Сухой Дийкстра», поскольку не было секретом, что предсмертный напиток поставлялся приговоренным по личному распоряжению шефа реданских разведслужб. Во-вторых, из камеры смертников уже не таскали на допросы в зловещих подземельях «Мойки», а стражникам запрещалось измываться над заключенными.

В ту ночь с традициями тоже все было в порядке. В камере, занятой шестью эльфами, одним полуэльфом, одним низушком, двумя людьми из королевств и одним нильфгаардцем, было весело. «Сухого Дийкстру» по общему согласию выливали в жестяную миску и хлебали без помощи рук. Такая метода позволяла хотя бы чуточку захмелеть. Лишь один из эльфов, ская'таэль из разгромленного отряда Иорвета, недавно жестоко избитый в «Мойке», держался спокойно и серьезно, занятый тем, что выцарапывал на бревне стены надпись: «Свобода или смерть». Подобных надписей на стенах было бесчисленное множество. Остальные смертники, поддерживая традицию, без конца пели «Гимн шутов», сложенную в Дракенборге песню, слова которой каждый выучивал в бараках, слушая по ночам звуки, долетавшие из камеры смертников, и зная, что придет и его черед выступить в хоре.

Пляшут шуты на веревке,
Дергают петлю ритмично,
Ох, до чего же мы ловки,
Как же мы пляшем отлично.

Как же не дергать веревку,
Если солдат из-под ног
Выбьет скамеечку ловко
Сильным ударом сапог!

Звякнул засов, скрипнул замок. «Шуты» замолчали. Появление стражников на заре могло означать только одно – сейчас хор станет жиже на несколько голосов. Вопрос – чьих?

Стражники вошли группой. В руках веревки, чтобы связать руки тех, кого поведут на виселицу. Один шмыгнул носом, сунул палку под мышку, развернул пергамент, откашлялся.

– Эхель Трогельтон!

– Трайгльтан, – равнодушно поправил эльф из команды Иорвета, еще раз глянул на выцарапанный «лозунг» и с трудом поднялся.

– Космо Бальденвегг!

Низушек громко сглотнул.

Назариан знал, что Бальденвегга арестовали по подозрению в актах диверсии, совершаемых по поручению нильфгаардской разведки. Однако Бальденвегг не признавался и упорно твердил, что обоих нильфгаардских коней он украл по собственной инициативе и заработка ради, а Нильфгаард никакого отношения к этому не имеет. Но ему явно не поверили.

– Назариан!

Назариан послушно встал, подал стражникам руки. Когда всю тройку выводили, остальные

«шуты» затаили:

Пляшут в петельках шуты,

Ах ты, ух ты!

Ну а ветерок легко

Песни носит далеко!

Рассвет горел пурпуром и кармином. День обещал быть прекрасным, солнечным.

«Гимн шутов, – подумал Назариан, – вводит в заблуждение».

Действительно, повешенные не могли плясать лихого танца висельников, потому что вешали их не на шибенице с поперечиной, а просто на столбах, вкопанных в землю. Из-под ног же выбивали не скамейки, а практичные, невысокие, носящие следы частого использования березовые пеньки. К тому же анонимный, казненный год назад автор песенки не мог знать этой висельной технологии, когда творил. Как и каждый повешенный, он ознакомился с деталями непосредственно перед смертью. В Дракенборге экзекуции никогда не совершались публично. Справедливое наказание, а не садистская месть. Слова «Гимна», как и название вина, приписывали Дийкстре.

Эльф из команды Иорвета стряхнул с себя руки стражников, не задерживаясь, поднялся на пень и позволил надеть себе на шею петлю.

– Да здрав...

Пенек выбили у него из-под ног.

Низушку потребовалось два пенька, поставленных один на один. Мнимый диверсант не пытался выкрикивать патетических лозунгов. Он просто энергично дрыгнул короткими ногами и повис на столбе. Голова бессильно свесилась набок.

Стражники схватили Назариана, и тут Назариан вдруг решился.

– Буду говорить! – прохрипел он. – Буду давать показания! У меня есть важная информация для Дийкстры!

– Поздновато, пожалуй, – с сомнением проговорил Васконье, присутствующий при экзекуции заместитель коменданта Дракенборга по политическим вопросам. – Стоит увидеть петлю, как в каждом втором из вас просыпается фантазия!

– Я не выдумываю! – Назариан дернулся в руках палачей. – У меня информация!

Спустя неполный час Назариан сидел в карцере и восторгался прелестью жизни, гонец стоял в полной готовности около коня и яростно чесал между ног, а Васконье читал предназначенный Дийкстре рапорт и исправлял в нем ошибки.

Покорнейше уведомляю ваше превосходительство графа, что преступник по имени Назариан, приговоренный за нападение на королевского чиновника к смертной казни через повешение, показал следующее.

По распоряжению некоего Риенса в день июльского новолуния сего года он совместно с

двумя сообщниками своими Ягдой и эльфом-полукровкой Ширру участвовал в убийстве юристов Кодрингера и Фэнна в городе Дорьян. Там Ягда был убит, а полуэльф Ширру убил обоих юристов и дом их подпалил. Преступник Назариан все на одного Ширру сваливает, отпирается и утверждает, будто сам он не убивал, но, вероятно, говорит так из-за страха перед повешением. Ваше превосходительство графа может заинтересовать следующее: до того как совершить преступление, злодеи оные, то есть Назариан, полуэльф Ширру и Ягда, следили за ведьмаком, неким Гиеральдом из Ривии, кой с юристом Кодрингером тайно сносился. По какому вопросу, того преступник Назариан не знает, ибо ни вышеупомянутый Риенс, ни полуэльф Ширру ему секрета не выдали. Когда же Риенсу было сообщено о тех закулисных переговорах, Риенс приказал юристов умертвить.

Далее преступник Назариан показал следующее: сообщник его Ширру выкрал из дома юристов документы, кои Риенсу были доставлены в Каррерас, в трактир «У Пройдохи Лиса». О чем Риенс и Ширру там совещались, Назариану не ведомо, но на другой день вся преступная тройка направилась в Бругге и там на четвертый день после новолуния похитила юную девицу из дома красного кирпича, на дверях коего латунные ножницы прибиты были. Девицу Риенс магическим напоем ошеломил, а преступники Ширру и Назариан с великой поспешностью отвезли ее в Вердэн, в крепость Настрог.

А теперь наиболее великоважное, о чем я Вашему превосходительству графу доношу: преступники выдали похищенную девицу нильфгаардскому коменданту крепости, заверив одного, что похищенную звать Кирилой из Цинтры. Комендант, как сообщил преступник Назариан, был таковым сообщением весьма возбужден.

Вышеизложенное направляю вашему превосходительству графу особо тайным курьером. Подробный протокол допроса также вышлю, как только писарь его начисто перепишет. Покорно прошу ваше превосходительство графа об инструкциях, что с преступником Назарианом учинить. Быть может, сечь его кнутом, дабы он больше деталей припомнил, либо же повесить для всеобщего обозрения?

С величайшим уважением и т. д. и т. п.

Васконье размашисто подписал рапорт, оттиснул печать и вызвал гонца.

Содержание рапорта стало известно Дийкстре вечером того же дня. Филиппе Эйльхарт – в полдень дня следующего.

Когда несший ведьмака и Лютика конь выбрался из прибрежного ольховника, Мильва и Кагыр сильно нервничали. Они уже раньше слышали отголоски боя, вода Ины относилась звуки на большое расстояние.

Помогая стащить поэта с седла, Мильва заметила, как при виде нильфгаардца у Геральта окаменело лицо. Она не успела и слова сказать, впрочем, Геральт тоже, потому что Лютик отчаянно стонал и вырывался из рук. Поэта уложили на песок, подсунули под голову свернутый плащ. Мильва собиралась было сменить пропитавшуюся кровью кустарную повязку, но тут почувствовала на плече руку и учуяла знакомый запах полыни, аниса и других трав. Регис, по обыкновению, явился неведомо когда, неведомо как и неведомо откуда.

– Позволь, – сказал он, вытаскивая из своей бездонной торбы медицинские препараты и инструменты. – Я им займусь.

Когда цирюльник отрывал перевязку от раны, Лютик болезненно застонал.

– Спокойно, – сказал Регис, промывая рану. – Это пустяки. Немного крови. Просто немного крови... А славно пахнет твоя кровь, поэт.

И именно тогда ведьмак повел себя так, как Мильва ожидать не могла. Он подошел к коню и вытащил из ножен, притороченных под тебеньками седла, длинный нильфгаардский меч.

– Отойди от него, – буркнул он, встав над цирюльником.

– Славно пахнет эта кровь, – повторил Регис, не обращая внимания на ведьмака. – Я не чувствую в ней запаха заражения, которое при ранении головы могло бы оказаться роковым. Артерии и вена не повреждены... Сейчас будет щипать...

Лютик застонал, бурно втянул воздух. Меч в руке ведьмака дрогнул, заблестел отраженным от реки светом.

– Я наложу несколько швов, – сказал Регис, по-прежнему не обращая внимания ни на ведьмака, ни на его меч. – Держись, Лютик.

Лютик держался.

– Все, кончаю. – Регис взялся за перебинтовку. – До свадьбы, тривиально говоря, заживет. Рана в самый раз для поэта. Будешь, Лютик, расхаживать как военный герой с гордой повязкой на лбу, а сердца взирающих на тебя дам будут трепыхаться и таять как воск. Да, ничего не скажешь, поэтическая рана. Не то что стрела в живот, разорванная печень, разодранные почки и кишки, вывалившееся содержимое и кал, воспаление брюшины... Ну, готово. Геральт, я в твоём распоряжении.

Он встал, и тогда ведьмак быстрым, неуловимым движением приставил ему меч к горлу.

– Отойди, – буркнул он Мильве. Регис даже не дрогнул, хотя острие меча слегка упиралось ему в шею. Лучница затаила дыхание, видя, как глаза ведьмака разгораются во мраке страшным кошачьим блеском.

– Ну давай, – спокойно сказал Регис. – Тычь!

– Геральт, – простонал с земли Лютик совершенно осознанно. – Ты что, вконец спятил? Он спас нас от виселицы... Перевязал мне голову...

– Спас в лагере девушку и нас, – тихо напомнила Мильва.

– Молчите. Вы не знаете, кто он такой.

Цирюльник не пошевелился. А Мильва вдруг с ужасом обнаружила то, что должна была обнаружить уже давно.

Регис не отбрасывал тени.

– Действительно, – медленно сказал он. – Вы не знаете, кто я такой. А пора бы. Зовут меня Эмиель Регис Рогеллек Терзиефф-Годфрой. На этом свете я живу четыреста двадцать восемь лет, или пять тысяч сто тридцать шесть месяцев по вашему летосчислению, или же три тысячи четыреста двадцать четыре месяца по исчислению эльфов. Я – потомок потерпевших крушение несчастных существ, застрявших среди вас после катаклизма, который вы называете Сопряжением Сфер. Я, деликатно говоря, считаю чудовищем. Кровожадным монстром. А сейчас столкнулся с ведьмаком, который профессионально занимается истреблением таких, как я. Это все.

– Вполне достаточно. – Геральт опустил меч. – Даже слишком. Исчезни, Эмиель Регис Что-то-Там Как-то-Там еще. Выматывайся!

– Невероятно, – съехидничал Регис. – Ты позволяешь мне уйти? Ты – ведьмак? Мне – грозе

людей? Но ведьмак обязан воспользоваться оказией, чтобы этого не допустить! Любой оказией!

– Выматывайся! Удались, да побыстрее!

– В сколь дальние страны прикажешь удалиться? – медленно спросил Регис. – Ведь ты – ведьмак и знаешь обо мне. Когда разберешься со своей проблемой, когда покончишь со всем, с чем тебе надо покончить, ты, вероятно, вернешься в эти пределы. Ты знаешь, где я обретаюсь, где бываю, чем занимаюсь. Будешь меня преследовать?

– Не исключено. Если заплатят. Я – ведьмак.

– Желаю удачи. – Регис застегнул торбу, развернул плащ. – Бывай. Да, вот еще что. Сколь высока должна быть плата за мою голову, чтобы ты соблаговолил обеспокоить себя? Как ты меня оцениваешь?

– Дьявольски высоко.

– Ты щекочешь мое тщеславие. А конкретно?

– Валяй отсюда, Регис.

– Незамедлительно. Но сначала назначь за меня цену. Пожалуйста.

– За обычного вампира я брал столько, сколько стоит хороший конь под седло. Но ведь ты – необычный.

– Так сколько?

– Сомневаюсь. – Голос ведьмака был холоден как лед. – Сомневаюсь, чтобы кто-нибудь смог такую услугу оплатить.

– Понимаю и благодарю, – усмехнулся вампир, на этот раз показав зубы. Мильва и Кагыр попяtilись, а Лютик с трудом сдержал крик ужаса.

– Ну всего! Успеха вам!

– Всего, Регис, взаимно.

Эмиель Регис Рогеллек Терзиефф-Годфрой тряхнул плащом, закутался в него и исчез. Просто взял и исчез. * * *

– Теперь, – Геральт повернулся, все еще держа обнаженный меч в руке, – твоя очередь, нильфгаардец.

– Нет, – зло прервала Мильва. – С нас хватит. По коням, выбираемся отсюда! Река крик несет, не успеем обернуться, как на горб сядут!

– Я с ним вместе не поеду.

– Ну так езжай один! – крикнула разъяренная не на шутку Мильва. – В другую сторону! У нас уже вот где твои фокусы сидят, ведьмак! Региса прогнал, а ведь он спас тебе жизнь. Но это твое дело. А вот Кагыр спас меня, и он мне друг! Если тебе он враг, то возвращайся в Армерию, скатертью дорога! Там твои дружки уже с петлей поджидают!

– Не кричи.

– Так не стой пень пнем. Подсоби посадить Лютика на мерина.

– Ты сохранила наших лошадей! Плотву тоже?

– Он сохранил, – кивнула она на Кагыра. – Ну, в путь.

Переправившись через Ину, они поехали правым берегом реки, по мелким разливам, через лозняк и старицы, через поймы и заболотины, гудящие кваканьем лягушек, криканьем невидимых уток и чирков. День вспыхнул красным солнцем, слепя глаза, заблестел на зеркалах озерков, заросших кубышками, а они свернули к тому месту, где один из многочисленных рукавов Ины впадал в Яругу. Теперь их охватили мрачные, угрюмые леса, в которых деревья вырастали прямо из зеленой от ряски трясины.

Мильва ехала впереди, рядом с ведьмаком, пересказывая ему то, что узнала от Кагыра. Геральт хранил гробовое молчание, ни разу не повернул головы, не взглянул на нильфгаардца, ехавшего позади и помогавшего поэту. Лютик тихонько постанывал, ругался и жаловался на головную боль, но держался героем и не задерживал движения. То, что нашелся Пегас и притороченная к седлу лютня, заметно поправило его самочувствие.

К полудню снова выехали на освещенные солнцем заливные луга, за которыми растянулась широкая гладь Большой Яруги. Перебрались через старицы, перешли бродом мели и рукава. И попали на остров, сухое место среди болот и зарослей, разбросанных между многочисленными рукавами реки. Остров зарос кустарником и лозняком, было здесь и несколько крупных деревьев, голых, усохших, белых от бакланьего помета.

Мильва обнаружила в камышах лодку, которую, видимо, загнало сюда течением. Она же первой высмотрела меж ив полянку, прекрасное место для отдыха.

Остановились, и тогда ведьмак решил, что пришло время поговорить с нильфгаардцем с глазу на глаз.

– Я подарил тебе жизнь на Танедде. Жаль мне тебя стало, молокосос. Самая большая ошибка в моей жизни. Утром я выпустил из-под ножа высшего вампира, у которого на совести наверняка не одна человеческая жизнь. А должен был бы убить. Но я думал не о нем, потому что у меня голова занята только одним: добраться до тех, кто причинил зло Цири. Я поклялся себе, что они заплатят за это кровью.

Кагыр молчал.

– То, что ты рассказал Мильве, ничего не меняет. Из этого следует лишь одно: на Танедде тебе не удалось похитить Цири, хоть ты и очень старался. И теперь ты тащишься за мной, думая, что я снова приведу тебя к ней и ты опять наложишь на нее лапу. Рассчитываешь на то, что тогда твой император, может быть, подарит тебе жизнь, не отправит на эшафот.

Кагыр молчал. Геральт чувствовал себя скверно. Очень скверно.

– Из-за тебя она кричала по ночам, – буркнул он. – В ее детских глазах ты превратился в кошмар. А ведь ты был и остаешься только орудием, всего лишь жалким слугой своего императора. Не знаю, что ты с ней сделал, чтобы стать для нее кошмаром. А еще хуже, что я не понимаю, почему, несмотря на все это, я не могу тебя убить. Не понимаю, что меня удерживает.

– Может, то, – тихо сказал Кагыр, – что наперекор всем предположениям и видимостям у нас с тобой есть нечто общее. У тебя и у меня?

– Интересно что?

– Как и ты, я хочу спасти Цири. Как и ты, я не переживаю, когда вижу, что кого-то это удивляет и возмущает. Как и ты, я не намерен никому объяснять, почему это происходит.

– Ты кончил?

– Нет.

– Тогда слушаю.

– Цири, – медленно проговорил нильфгаардец, – едет на лошади через пыльную деревню. С шестеркой молодых людей. Среди них – коротко остриженная девушка. Цири пляшет в сарае на столе, и она счастлива.

– Мильва пересказала тебе мои сны.

– Нет. Она не рассказала мне нечего. Ты не веришь?

– Нет.

Кагыр опустил голову, покрутил каблуком в песке.

– Я забыл, – сказал он, – что ты не можешь мне верить, не можешь доверять. Понимаю. Но ведь ты, как и я, видел еще один сон. Сон, о котором никому не рассказывал. И вряд ли захочешь.

Можно сказать, что Сервадио просто повезло. В Лоредо он прибыл, не собираясь шпионить за кем-либо определенным. Но деревня неспроста называлась Разбойничьим Посадом. Лежала она на Бандитском Тракте, разбойники и бандиты со всех лежащих над Верхней Вельдой районов заглядывали сюда, встречались, чтобы продать либо обменять добычу, запастись чем надо, отдохнуть и повеселиться в отборной бандитской компании. Деревню несколько раз сжигали дотла, но немногочисленные постоянные и многочисленные непостоянные обитатели всякий раз отстраивали ее заново. Жили здесь за счет бандитов, и жили, надо сказать, вполне сносно. А шпики и доносители типа Сервадио не теряли надежды добыть в Лоредо какую-нибудь информацию, за которую префект отвалил бы несколько флоренов.

Сейчас Сервадио рассчитывал получить больше чем несколько. Потому что в деревню въезжали Крысы.

Вел Гиселер, слева и справа от него ехали Искра и Кайлей. За ними – Мистле и новенькая, сероволосая, которую называли Фалькой, замыкали процессию Ассе и Рееф, которые вели запасных лошадей, несомненно, краденых и предназначенных на продажу. Наездники были утомлены и покрыты пылью, но держались в седлах гордо, охотно отвечали на приветствия гостей в Лоредо дружков и знакомых. Спрыгнув с коней и угостившись пивом, они тотчас же приступили к шумным переговорам с торговцами и скупщиками краденного. Все, кроме Мистле и новенькой, сероволосой, носящей меч за спиной. Эти отправились к прилавкам, как всегда, заполняющим площадь. В Лоредо были свои торговые дни, и тогда выбор товаров, рассчитанных на приезжих бандитов, был значительно богаче и разнообразнее. Сегодня был как раз такой день.

Сервадио осторожно последовал за девушками. Чтобы заработать, надо было донести, а чтобы донести – подслушать.

Девушки рассматривали пестрые платки, бусы, расшитые блузки, чепраки, изукрашенные налобные ремни для лошадей. Копались в товаре, но не покупали. Мистле почти все время держала руку на плече сероволосой.

Шпион осторожно подобрался ближе, прикинулся, будто рассматривает ремни и пояса на прилавке шорника. Девушки разговаривали, но тихо, он не мог разобрать, а подойти ближе опасался. Они могли заметить, заподозрить.

В одной из лавочек продавали сахарную вату. Девушки подошли, Мистле купила две обмотанные снежной сладостью палочки, одну подала сероволосой. Та деликатно отщипнула. Белый лоскуток приклеился к ее губе. Мистле отерла его осторожным, заботливым движением. Сероволосая широко раскрыла изумрудные глаза, медленно облизала губы, улыбнулась, кокетливо наклонила голову. Сервадио почувствовал дрожь, струйку холодного пота, стекавшую с шеи между лопатками. Он вспомнил слухи, ходившие о двух бандитках.

Собрался потихоньку отойти, было ясно, что ничего здесь не подслушаешь, не вынюхаешь. Девушки не говорили ни о чем важном, зато подальше, где собрались атаманы разбойничьих шаек, Гиселер, Кайлей и другие, шумно ругались, торговались, кричали, то и дело подставляли кубки под шпунт бочонка. Здесь Сервадио надеялся узнать побольше. Кто-нибудь из Крыс мог обронить слово, пусть даже полслова, относительно ближайших планов банды, их пути или цели. Если б удалось подслушать и своевременно передать сведения солдатам префекта или живо интересующимся Крысами нильфгаардским агентам, награда была бы практически в кармане. А если б, воспользовавшись этой информацией, префект сумел бы расставить удачную ловушку, то можно было рассчитывать на хорошие наличные. «Куплю бабе кожих, – лихорадочно думал он. – Детям наконец-то башмаки и какие-нибудь игрушки... А себе...»

Девушки расхаживали вдоль палаток и прилавков, облизывая и сдирая с палочки сахарную вату. Сервадио неожиданно обнаружил, что за ними наблюдают. И указывают на них пальцами. Он знал этих бандитов и конокрадов из шайки Пинты по кличке Вывихвост.

Бандиты обменялись несколькими вызывающе громкими замечаниями, расхохотались. Мистле прищурилась, положила сероволосой девочке руку на плечо.

– Горлинки! – фыркнул один из бандюг Вывихвоста, дылда с усами вроде пучков пакли. – А поглядывают так, будто вот-вот клювики друг дружке сунут!

Сервадио видел, как сероволосая девочка вздрогнула, видел, как Мистле стиснула пальцами ее плечо. Бандиты зашлись смехом. Мистле медленно повернулась, некоторые из них тут же замолчали. Но тот, что с паклевыми усами, был либо пьян, либо совершенно лишен воображения.

– Может, которой из вас мужик нужен? – подошел он ближе, проделывая гадкие и недвусмысленные жесты. – Похоже, ежели таких, как вы, как следует прошуровать, дык враз от этой вашенской любви излечитесь! Эй! С тобой говорю, ты...

Тронуть ее он не успел. Сероволосая девочка свернулась как нападающая змея, меч сверкнул и ударил еще прежде, чем выпущенная из руки сахарная вата коснулась земли. Усач покачнулся, забулькал индюком, кровь из рассеченной шеи брызнула длинной струей. Девушка снова свернулась, налетела двумя танцующими шагами, рубанула еще раз, поток крови хлынул на прилавки, труп повалился, песок вокруг него моментально покраснел. Кто-то крикнул. Другой бандит наклонился, вытащил из-за голенища нож, но в тот же момент упал, получив от Гиселера окованной рукояткой нагайки.

– Хватит одного трупа! – рявкнул атаман Крыс. – Этот сам напросился, не знал, с кем задирается! Назад, Фалька!

Только теперь сероволосая опустила меч. Гиселер поднял над головой мешочек и потряхнул им.

– По законам нашего братства плачу за убитого. Как положено, по весу, талер за каждый фунт паршивого трупа! И на том конец! Я верно говорю, други? Эй, Пинта, твое слово?

Искра, Кайлей, Рееф и Ассе встали позади предводителя. Лица у них были каменные, руки – на рукоятках мечей.

– Верно, – отозвался из группы бандитов Вывихвост, невысокий кривоногий мужчина в кожаной куртке. – Прав ты, Гиселер. Конец распре. Было – нету.

Сервадио сглотнул, пытаясь впитаться в уже окружившую их толпу. Неожиданно почувствовал, что не имеет никакого желания крутиться около Крыс и пепельноволосой девчонки, которую называли Фалькой. И тут же решил, что обещанная префектом награда не так уж и высока, как ему думалось.

Фалька спокойно убрала меч в ножны, оглянулась. Сервадио остолбенел, видя, как ее миниатюрное личико вдруг покрывается морщинками.

– Моя вата, – жалостно ойкнула девочка, глядя на валяющуюся на грязном песке сладость. – Моя вата упала...

– Куплю тебе другую, – обняла ее Мистле. * * *

Ведьмак сидел на песке между ивами угрюмый, злой и задумчивый. Глядел на бакланов, рассеявшихся на обделанном ими же дереве.

Кагыр после разговора скрылся в кустах и не показывался. Мильва и Лютик искали, чего бы поесть. В пригнанной течением лодке удалось под сетями обнаружить медный котел и корзину с овощами. Они поставили в прибрежном заливчике найденную в лодке ивовую вершу, а сами бродили у берега и колотили палками по водорослям, чтобы загнать в ловушку рыб. Поэт уже чувствовал себя хорошо, ходил павлином, геройски задрал голову.

Геральт был задумчив и зол.

Мильва с Лютиком вытащили вершу и начали ругаться, потому что вместо ожидаемых сомов и карпов там серебрилась и трепыхалась мелочь.

Ведьмак встал.

– Идите-ка сюда оба! Бросьте свой вентерь и идите сюда. Хочу вам кое-что сказать...

– Возвращайтесь домой, – начал он без вступлений, когда они подошли, мокрые и воняющие рыбой. – На север, в сторону Махакама. Дальше я поеду один.

– Что?

– Расходятся наши пути, Лютик. Хватит играть. Возвращаешься домой стихи писать. Мильва проводит тебя через леса... В чем дело?

– Ни в чем. – Мильва резко откинула волосы с плеча. – Ни в чем. Продолжай, ведьмак. Интересуюсь, что скажешь.

– Мне больше нечего сказать. Я еду на юг, на тот берег Яруги. Через захваченную нильфгаардцами территорию. Путь опасный и дальний. А я больше не могу оттягивать. Поэтому поеду один.

– Отделавшись от неудобного груза, – покачал головой Лютик. – Гири у ноги, сдерживающей движение и доставляющей хлопоты. Иными словами – меня.

– И меня, – добавила Мильва, глядя в сторону.

– Послушайте, – сказал Геральт уже гораздо спокойнее. – Это мое, лично мое дело. Совсем

не ваше. Я не хочу, чтобы вы подставляли шеи за то, что касается исключительно меня...

– Это касается исключительно тебя, – медленно повторил Лютик. – Никто тебе не нужен. Спутники тебе мешают и тормозят движение. Ты ни от кого не ждешь помощи. И не намерен ни на кого оглядываться. Кроме того, ты обожаешь одиночество. Что-нибудь я забыл сказать?

– Да, – зло ответил Геральт. – Забыл сказать, что тебе необходимо поменять свою пустую башку на другую, с мозгами. Если б та стрела прошла дюймом правее, идиот, то сейчас вороны выклевали бы тебе глаза. Ты – поэт, у тебя есть воображение, попытайся представить себе такую картинку. Повторяю – вы возвращаетесь на север, я направляюсь в противоположную сторону. Один.

– Ну и езжай, – пружинисто встала Мильва. – Может, думаешь, я стану тебя упрашивать? Бес с тобой, ведьм! Пошли, Лютик, приготовим чего-нибудь пожрать. Голод меня морит, а когда я твоего ведьма слушаю, мне блевать хочется.

Геральт отвернулся. Принялся рассматривать зеленоглазых бакланов, сушивших крылья на покрытых пометом ветках. Неожиданно почувствовал запах трав и зло выругался.

– Ты злоупотребляешь моим терпением, Регис.

Вампир, появившийся неведомо откуда и неведомо когда, не обиделся, присел рядом.

– Надо сменить поэту повязку, – сказал он спокойно.

– Ну так иди к нему. И держись от меня подальше.

Регис вздохнул, вовсе не намереваясь отходить.

– Я только что слышал ваш разговор с Мильвой и Лютиком, – сказал он серьезно. – Надо признать, у тебя истинный талант привлекать на свою сторону людей. Хоть весь мир «покушается на твою добродетель», ты пренебрегаешь и союзниками, и товарищами, которые стараются тебе помочь.

– Мир перевернулся! Вампир принимает меня учить, как мне поступать с людьми. Что тебе известно о людях, Регис? Единственное, что ты знаешь, это вкус их крови. Дьявольщина, я начал с тобой разговаривать?

– Начал. Мир перевернулся, – согласился вампир совершенно серьезно. – Так, может, захочешь и совет выслушать?

– Нет. Не захочу. Он мне не нужен.

– Да, совсем забыл! Советы тебе не нужны, союзники тебе не нужны, без спутников ты тоже обойдешься. Ведь цель твоего похода – цель личная и особая, больше того, характер цели требует, чтобы ты реализовал ее самолично. Риск, опасность, труд, борьба с сомнениями должны лечь на тебя. Только и исключительно. Ибо все это элементы покаяния, искупления вины, которое ты стремишься совершить. Этакое, сказал бы я, испытание, крещение огнем. Ты пройдешь сквозь опаляющее, но и очищающее пламя. Сам, в одиночку. Потому что если кто-нибудь тебя в этом поддержит, поможет, возьмет на себя хотя бы частичку этого огненного крещения, этой боли, этого покаяния, то тем самым как бы обеднит тебя, урвет у тебя ту часть искупления, которая достанется ему. Твой, это только твой долг и ничей больше. Долг, который надобно заплатить, и ты не хочешь расплачиваться за него, одновременно одалживаясь у других кредиторов. Я рассуждаю логично?

– Удивительно трезво! Твое присутствие раздражает меня, вампир. Оставь меня один на

один с моим искуплением, пожалуйста. И с моим долгом.

– Незамедлительно, – поднялся Регис. – А ты посиди подумай. Совет же я все-таки тебе дам. Потребность в искуплении, очищающем крещении огнем, ощущение вины – это не то, на что ты можешь иметь исключительное право. Жизнь отличается от банковского дела тем, что ей знакомы долги, которые можно заплатить, только задолжав другим.

– Уйди. Пожалуйста.

– Незамедлительно.

Вампир ушел, присоединился к Лютику и Мильве. Пока сменяли Лютику повязку, все активно рассуждали, чего бы поесть. Мильва вытряхнула из верши мелочь и весьма критически посмотрела на нее.

– Нечего раздумывать, – сказала она. – Надо надеть этих тараканов на ветки и поджарить над костром.

– Нет, – повертел свежеперевязанной головой Лютик. – Мысль не из лучших. Предлагаю сварить из них суп.

– Суп из рыб?

– Конечно. У нас масса этой мелочи, есть соль, – загибал Лютик пальцы. – Мы раздобыли лук, морковь, петрушку, сельдерей с ботвой. И котел. Соединив все это, получим суп. Уха называется.

– Надо бы немного приправ.

– О, – усмехнулся Регис, берясь за торбу. – Нет проблем. Базилик, перец душистый, перец горький, лавровый лист, шалфей...

– Хватит, хватит, – остановил его Лютик. – Достаточно. Мандрагора в ухе нам не нужна. Лады, за работу. Очисти рыбу, Мильва.

– Сам чисти! Нет, гляньте на них! Думают, ежели баба в компании завелась, так она у них на кухне будет вкалывать? Воды я принесу и огонь распалю. А с этими пескарями поганьтесь сами.

– Это не пескари, – сказал Регис. – Это голавли, плотвички, ершики и подлещики.

– Ха! – не выдержал Лютик. – Видно, ты и в рыбке разбираешься.

– Я во многом разбираюсь, – спокойно сказал вампир без всякого зазнайства. – Кое-чему учился.

– Ежели ты такой уж ученый, – Мильва еще раз дунула в огонь, потом встала, – то выпотроши по-ученому эту рыбешку. Я по воду пошла.

– Одна потащишь полный котел? Геральт, помоги ей!

– Сама справлюсь, – фыркнула Мильва. – А его помощь мне ни к чему. У этого ведьмака свои, особые, личные дела, ему нельзя мешать!

Геральт отвернулся, сделав вид, будто не слышит. Лютик и вампир ловко чистили рыбью мелочь.

– Жидковата будет ушица, – отметил Лютик, вешая котел над костром. – Хорошо б рыбку

покрупнее.

– Такая сгодится? – Из ивняка неожиданно появился Кагыр, неся за шею трехфунтовую щуку, все еще дергающую хвостом и работающую жабрами.

– Ого! Ну, красавец! Где откопал, нильфгаардец?

– Я не нильфгаардец. Я из Виковаро, а зовут меня Кагыром...

– Ладно-ладно, слышали уже. Где щуку-то взял, спрашиваю?

– Смастерил жерлицу, в качестве приманки использовал лягушек. Закинул в яму у берега. Щука взяла сразу.

– Одни спецы, – покрутил перевязанной головой Лютик. – Эх, жаль, не предложил я бифштексов, наверняка тут же притащили бы корову. Ну, беремся за то, что имеем. Регис, всех маленьких рыбок сыпь в котел с головами и хвостами. А щуку надо как следует приготовить. Умеешь, нильф... Кагыр?

– Умею.

– Ну, тогда за дело. Геральт, чертушка, долго собираешься сидеть с обиженной миной? Чисти овощи!

Ведьмак послушно встал, подсел, но демонстративно подальше от Кагыра. Не успел сказать, что у него нет ножа, как нильфгаардец – или виковарец? – подал свой, достав себе другой из-за голенища. Геральт принял, ворчливо поблагодарил.

Совместная работа шла споро. Полный рыбьей мелочи и овощей котел вскоре забулькал и запенился. Вампир ловко собрал пену выструганной Мильвой ложкой. Когда Кагыр очистил и порезал щуку, Лютик бросил в котел хвост, плавники, позвоночник и зубастую голову хищника и перемешал.

– Ням-ням! Ну и аромат! Когда все как следует выварится, отцедим мусор.

– Не иначе как через онучи, – поморщилась Мильва, стругая очередную ложку. – Как ты собираешься цедить, ежели решета нету?

– Ах, дорогая Мильва, – улыбнулся Регис. – Нельзя же так! То, чего у нас нет, мы легко заменим тем, что у нас есть. Все это – исключительно вопрос инициативы и позитивного мышления.

– Иди ты к бесу со своим трепом, вомпер.

– Процедим через мою кольчугу, – сказал Кагыр. – Не беда. Потом я ее прополощу.

– До того тоже, – бросила Мильва. – Иначе я эту суху, или как там ее, есть не стану.

Процеживание прошло нормально.

– Теперь бросай в отвар щуку, Кагыр, – распорядился Лютик. – Ну запах, скажу я вам! Слюнки текут! Больше дров не подбрасывайте, пусть только мерцает. Куда ты прешь, Геральт, со своей ложкой! Теперь мешать нельзя!

– Не шуми. Я не знал.

– Незнание, – усмехнулся Регис, – не оправдывает непродуманных действий. Если чего-то не знаешь, если в чем-то сомневаешься, полезно спросить совета...

– Замолкни, вампир! – Геральт встал и отвернулся. Лютик прыснул.

– Гляньте-ка! Обиделся.

– Такой уж он есть, – отметила Мильва, надув губы. – Болтун. Когда не знает, что делать, начинает болтать и обижаться. Неужто еще не поняли?

– Давно, – тихо сказал Кагыр.

– Перца добавить. – Лютик облизал ложку, почмокал. – Еще немного соли. О, теперь в сам раз! Снимем котел с огня. Дьявольщина. Горячий! Рукавиц нету...

– У меня есть, – сказал Кагыр.

– А мне, – Регис схватил котел с другой стороны, – не нужны.

– Ладно. – Поэт вытер ложку о брюки. – Ну, компания, подсаживайтесь. Приятного аппетита! Геральт, тебе нужно особое приглашение? С герольдом и фанфарами?

Все плотно окружили стоящий на песке котел, и долгое время слышно было лишь благовоспитанное черпание. После того как жидкость была уполовинена, начались осторожные поиски кусочков щуки, наконец ложки заскребли по дну котла.

– Ну, набила брюхо, – крикнула Мильва. – Неглупая была мыслишка с этим супом, Лютик.

– И верно, – согласился Регис. – Что скажешь, Геральт?

– Скажу спасибо. – Ведьмак с трудом поднялся, помассировал колено, которое снова начало побаливать. – Достаточно? Или тебе нужны фанфары?

– Вечно с ним так, – махнул рукой поэт. – Не обращайтесь внимания. Вам крепко повезло, что не довелось быть с ним, когда он лаялся со своей Йеннифэр, бледнолицей красавицей с эбеновыми волосами.

– Помягче, – напомнил вампир. – И не забывай – у него проблемы.

– Проблемы, – сдержал отрывку Кагыр, – следует разрешать.

– Точно, – заметил Лютик. – Но как?

Мильва фыркнула, поудобнее устраиваясь на горячем песке.

– Вон вомпер знает. Он ученый.

– Суть дела не в знаниях, а в умении оценить конъюнктуру, – спокойно сказал Регис. – А когда конъюнктуру оценишь, то приходишь к выводу, что имеешь дело с проблемами неразрешимыми. Все ваше мероприятие лишено шансов на успех. Вероятность отыскать Цири равна нулю.

– Ну, так-то не можно, – съязвила Мильва. – Мыслить надо позитивно и енецтативно. Как с тем ситом. Ежели его нет, заменим чем-нито другим. Я так думаю.

– До последнего времени, – продолжал вампир, – вы считали, что Цирилла находится в Нильфгаарде. Добраться туда и освободить или выкрасть казалось мероприятием, превышающим наши силы. Теперь, после сенсационного заявления Кагыра, мы вообще не знаем, где Цири находится. О какой инициативе говорить, если понятия не имеешь, в какую сторону двигаться.

– Так что ж делать? – охнула Мильва. – Ведьмак уперся – на юг и все тут...

– Для него, – усмехнулся Регис, – стороны света не имеют особого значения. Ему все равно, куда двигаться, лишь бы не бездействовать. Типично ведьмачий принцип. Мир полон Зла, поэтому достаточно идти куда глаза глядят, а встреченное по дороге Зло изничтожать. И тем самым послужить делу Добра. Остальное придет само собой. Иначе говоря: движение – все, цель – ничто.

– Осельство, – прокомментировала Мильва. – Ведь же евовная цель – Цирия. Как же это так: она – ничто?

– Я пошутил, – признался вампир, уставившись на все еще стоявшего к ним спиной Геральта. – К тому же не очень тактично. Прошу простить. Ты права, дорогая Мильва. Наша цель – Цири. А поскольку мы не знаем, где она находится, есть смысл узнать об этом и соответствующим образом направить свои действия. Проблема Дитя-Неожиданности, как я заметил, прямо-таки клоочет магией, предназначением и прочими сверхъестественными элементами. А я знаю кое-кого, кто в таких вопросах прекрасно разбирается и наверняка нам поможет.

– Да? – обрадовался Лютик. – Кто такой? Где? Далеко?

– Ближе, чем в Нильфгаарде, столице Нильфгаарда. Точнее говоря, совсем близко. В Ангрене, на том берегу Яруги. Я имею в виду друидский Круг в борах на Каэд Дху.

– Немедленно отправляемся!

– А что, никто из вас, – наконец занервничал Геральт, – не считает нужным узнать мое мнение?

– Твое? – повернулся Лютик. – Ты же понятия не имеешь, что делать. Даже супом – в смысле ухой, – который хлебал, обязан нам. Если б не мы, ходил бы голодным. Да и мы тоже, если б стали ждать тебя. Этот котел ухи – результат кооперации. Эффект совместной деятельности группы, дружины, команды, коллектива, наконец, сплоченного общей целью. Ты это понимаешь, дорогой друг?

– Да разве ж он поймет? – поморщилась Мильва. – Он только и знает, что Я да Я. Сам. Один. Волк-одиночка! Видно сразу, не ловчий он никакой, к лесу не обвыклый. Не охотятся волки в одиночку! Никогда! Волк-одиночка, ха, лжа это, глупая городская болтовня. А он того не понимает!

– Понимает, понимает! – усмехнулся Регис, по своей привычке не размыкая губ.

– Он только выглядит идиотом, – подтвердил Лютик. – Но я постоянно рассчитываю на то, что ему в конце концов захочется пошевелить мозгами. Может, тогда он сделает верные выводы? Может, поймет, что единственное, что у одиночек получается хорошо, – это рукоблудство?

Кагыр Маур Дыффин аэп Кеаллах тактично молчал.

– Чтоб всех вас черти взяли, – наконец проговорил ведьмак, пряча ложку за голенище. – Чтоб всех вас черти взяли, вас, кооперированную кучу идиотов, объединенных общей целью, которой никто из вас не понимает. И меня тоже пусть черти возьмут!

На этот раз по примеру Кагыра тактично промолчали все: Лютик, Мария Барринг по прозвищу Мильва и Эмиель Регис Рогеллек Терзиефф-Годфрой.

– Ну и компашка мне досталась, – проговорил Геральт, покачав головой. – Братья по оружию! Дружина героев! Прямо садись и плачь! Виршеплет с лютней. Дикие мордастые

полудриады-полубабы. Вампир, которому пять тысяч сто с хвостиком месяцев, и чертов нильфгаардец, упорно твердящий, что он не нильфгаардец.

– А во главе дружины ведьмак, страдающий угрызениями совести, бессилием и невозможностью принимать решения, – спокойно закончил Регис. – Нет, предлагаю двигаться инкогнито, чтобы не вызывать сенсаций.

– И смеха, – добавила Мильва.

Глава шестая

...и ответила королева: «Не меня о милости проси, а тех, кому ты чарами своими зло причинила. Отважилась ты злые дела творить, так будь же отважной и теперь, когда расплата и справедливость близки. Не в моих силах грехи твои отпустить». И тут же зафыркала ведьма, ровно кошка, загорелись ее злые глаза. «Моя погибель близка, – крикнула она, – но и твоя недалека, королева. Ты еще вспомнишь в свой смертный час Лару Доррен и ее проклятие. И то еще знай, что проклятие мое ляжет и на потомков твоих до десятого колена». Однако, сообразив, что в груди у королевы бесстрашное бьется сердце, злая эльфья чародейка перестала браниться и пугать, проклятием грозить, а словно сука побитая принялась скулить, моля о помощи и милосердии... Сказ о Ларе Доррен. Версия людей

...но мольбы не смягчили каменных сердец Dh'oine, безжалостных, жестоких людей. А когда Лара, прося о милости уже не для себя, а для своего ребенка, вцепилась в двери кареты, то палач-разбойник ударил ее кордом и отсек ей пальцы. А когда ночью мороз лютый прихватил, испустила Лара последнее издыхание на холме меж лесов, родив девочку, которую оберегла остатками еще теплившегося в ее теле тепла. И хоть вокруг была ночь, зима и снежная затьма, на холме наступила вдруг весна и расцвели цветы феавинневедд. До сего дня такие цветы цветут только в двух местах: в Доле Блатанна и на холме, на котором погибла Лара Доррен аэп Шиададь. Сказ о Ларе Доррен. Версия эльфов

– Я же просила тебя, – гневно проворчала лежащая на спине Цири. – Просила же, чтобы ты ко мне не прикасалась.

Мистле отдернула травинку, которой щекотала Цири по шее, растянулась рядом, уставилась в небо, подложив обе руки под стриженный затылок.

– Странно ты последнее время ведешь себя, соколениш.

– Не хочу, чтобы ты ко мне прикасалась, вот и все.

– Это же просто забава!

– Знаю. – Цири стиснула зубы. – Просто забава. Все это была лишь просто забава. Но, знаешь, меня это перестало забавлять. Совсем перестало!

Мистле приподнялась на локте, потом снова легла, долго молчала, глядя в голубизну неба, иссеченную рваными полосами облаков. Высоко над ними кружил ястреб.

– Твои сны, – наконец сказала она. – Это все из-за твоих снов, да? Почти каждую ночь ты

вскакиваешь с криком. То, что некогда пережила, возвращается в снах. Мне это знакомо.

Цири не ответила.

– Ты никогда не говорила мне о себе, – снова прервала тишину Мистле. – О том, что перенесла. Откуда ты? Есть ли у тебя родные...

Цири резко провела рукой по шее, но теперь это была всего лишь божья коровка.

– У меня были близкие, – сказала она глухо, не глядя на подругу. – То есть я думала, что были... Такие, которые отыскиали бы меня даже здесь, на краю света, если б только хотели... Или если б жили. Слушай, что тебе надо, Мистле? Я должна тебе рассказать о себе?

– Не обязательно.

– Это хорошо. Потому что это, наверное, просто забава. Как и все между нами.

– Не понимаю, – Мистле отвернулась, – почему ты не уйдешь, если тебе так плохо со мной.

– Не хочу быть одна.

– И всего-то?

– Это очень много.

Мистле закусила губу. Однако прежде чем успела что-либо сказать, они услышали свист. Обе вскочили, отряхнули иголки, подбежали к лошадям.

– Начинается забава, – сказала Мистле, запрыгивая в седло и вытаскивая меч, – та самая, которую с некоторых пор ты полюбила больше всего на свете, Фалька. Не думай, будто я не заметила.

Цири зло ударила коня пятками. Они сломя голову помчались по склону оврага, уже слыша дикое улюлюканье остальных Крыс, вылетающих из рожицы по другую сторону тракта. Клещи засады захлопывались.

Неофициальная аудиенция подошла к концу. Ваттье де Ридо, виконт Эиддон, шеф военной разведки императора Эмгыра вар Эмрейса, покинул библиотеку, кланяясь королеве Долины Цветов гораздо почтительнее, нежели того требовал придворный этикет. В то же время поклон был очень осторожный, а движения Ваттье отработанны и сдержанны – императорский шпион не спускал глаз с двух оцелотов, растянувшихся у ног владычицы эльфов. Золотоглазые коты казались ленивыми и сонными, но Ваттье-то знал, что это не талисманы, а чуткие стражи, готовые мгновенно превратить в кровавое месиво любого, кто попытается приблизиться к королеве ближе, чем того требует протокол.

Франческа Финдабаир, она же Энид ан Глеанна, Маргаритка из Долин, дождалась, пока за Ваттье затворятся двери, и погладила оцелотов.

– Можно, Ида.

Ида Эмеан азп Сивней, чародейка эльфов, вольная Aen Seidhe с Синих Гор, скрывавшаяся во время аудиенции под заклинанием невидимости, материализовалась в углу библиотеки, поправила платье и киноварно-рыжие волосы. Оцелоты прореагировали лишь тем, что чуточку шире приоткрыли глаза. Как все коты, они видели невидимое, их невозможно было обмануть таким простым заклинанием.

– Меня уже начинает раздражать этот парад шпионов, – язвительно сказала Франческа,

устраиваясь поудобнее на стуле черного дерева. – Хенсельт из Каэдвена недавно прислал «консула». Дийкстра направил в Долю Блатанна «торговую миссию». А теперь сам супершпик Ваттье де Ридо! Ах, а еще раньше тут крутился Стефан Скеллен, Великий Императорский Никто. Но я не дала ему аудиенции. Я – королева, а Скеллен – никто. Хоть и с должностью, а – никто.

– У нас Стефану Скеллону больше повезло, – медленно проговорила Ида Эмеан. – Он беседовал с Филавандрелем и Ванадайном.

– И, как Ваттье меня, пытался их о Вильгефорце, Йеннифэр, Риенсе и Кагыре Маур Дыффине, сыне Кеаллаха?

– В частности. Ты удивишься, но его больше интересовала оригинальная версия пророчества Ithlinne Aegli aep Aevenien, особенно фрагменты, говорящие о Aep Hen Ichaer, Старшей Крови. Интересовала его также Tor Lara, Башня Чайки, и легендарный портал, некогда связывавший Башню Чайки с Tor Ziriael, Башней Ласточки. Это так типично для людей, Энид. Рассчитывать на то, что сразу, по первому их слову, мы откроем им загадки и тайны, которые сами пытаемся распутать уже не одну сотню лет.

Франческа подняла руку и посмотрела на перстни.

– Любопытно, – сказала она, – знает ли Филиппа о странных интересах Скеллена и Ваттье? И Эмгыра вар Эмрейса, которому оба они служат?

– Рискованно предполагать, будто не знает, – Ида Эмеан быстро взглянула на королеву, – и утаить, что мы знаем это, от Филиппы и от всей логи на совещании в Монтекальво. Это могло бы поставить нас в ложное положение... А ведь мы хотим, чтобы ложа возникла. Хотим, чтобы нам, эльфийм чародейкам, верили, не подозревали в двойной игре.

– Дело в том, что мы действительно ведем двойную игру, Ида. И чуточку играем с огнем. С Белым Пламенем Нильфгаарда...

– Огонь опалает, – Ида Эмеан подняла на королеву удлинённые умелым макияжем глаза, – но и очищает. Сквозь него надо пройти. Необходимо рискнуть, Энид. Ложа должна возникнуть, должна начать действовать. В полном составе. Двенадцать чародеек, среди них та, о которой говорит пророчество. Даже если это игра, мы должны поставить на доверие.

– А если провокация?

– Ты лучше знаешь втянутых в дело лиц.

Энид ан Глеанна задумалась.

– Шеала де Танкарвилль, – сказала она наконец, – это скрытная отшельница, никаких связей. У Трисс Меригольд и Кейры Мец такие связи были, но сейчас обе они эмигрантки, король Фольтест изгнал из Темерии всех чародеев. Маргариту Ло-Антиль интересует только ее школа и ничего кроме. Конечно, в данный момент три последние находятся под сильным влиянием Филиппы, а Филиппа – загадка. Сабрина Глевиссиг не откажется от политического влияния, которое сохраняет в Каэдвене, но ложу не предаст. Ее слишком привлекает власть, которую дает ложа.

– А Ассирэ вар Анагид? И вторая нильфгаардка, с которой мы познакомимся в Монтекальво?

– О них я знаю мало, – слегка улыбнулась Франческа. – Но как только увижу, буду знать больше. Как только увижу, во что и как они одеты.

Ида Эмеан прищурила подведенные глаза, но задавать вопросы поостереглась.

– Остается нефритовая статуэтка, – проговорила она спустя минуту. – По-прежнему ненадежная и загадочная фигурка из нефрита, упоминание о которой тоже можно выискать в Ithlinnespeath. Пожалуй, пора бы дать ей высказаться. И сообщить, что ее ждет. Помочь тебе с декомпрессией?

– Нет. Я сделаю это сама. Ты же знаешь, как реагируют на распаковку. Чем меньше свидетелей, тем легче она переживет удар, нанесенный ее гордости.

Франческа Финдабаир еще раз проверила, весь ли дворик плотно изолирован от остальной части дворца охранным полем, перекрывающим изображение и заглушающим звуки. Зажгла три черные свечи в подсвечниках с вогнутыми зеркальными отражателями. Подсвечники стояли на символах Беллетэйна, Ламмаса и Йуле в местах, обозначенных кольцевой мозаикой пола, изображающей восемь знаков Викки, эльфьего зодиака. Внутри зодиакального кольца располагался мозаичный же круг поменьше, усеянный магическими символами и охватывающий пентаграмму. На трех символах меньшего круга Франческа поставила небольшие металлические треножки, а на них осторожно и тщательно разместила три кристалла. Нижние шлифованные грани кристаллов повторяли форму верхних плоскостей треножников, что само по себе обеспечивало чрезвычайно точную их установку. Тем не менее Франческа все же несколько раз проверила правильность сопряжения. Ошибки допустить было нельзя. Слишком велик риск.

Неподалеку шумел фонтан, вода изливалась из мраморного кувшина, который держала мраморная наяда, и четыремя каскадами спадала в бассейн, шевеля листья кувшинок, между которыми шныряли золотые рыбки.

Франческа отворила шкатулку, вынула маленькую нефритовую, мыльную на ощупь фигурку, установила ее строго по центру пентаграммы. Отступила, еще раз взглянула на лежащий на столе листок с непонятной обычному эльфу тарабарщиной, глубоко вздохнула, подняла руки и произнесла заклинание.

Свечи мгновенно вспыхнули ярче, фасетки кристаллов разгорелись и начали лучиться струями света. Струи ударили в фигурку, которая тут же изменила цвет – из зеленоватой стала золотой, а через мгновение – прозрачной. Воздух задрожал от магической энергии, бьющей в защитные экраны. Одна из свечей прыснула искрами, по полу заплясали тени, мозаика ожила, изменяя рисунки. Франческа не опускала рук, не прекращала инкантиции.

Фигурка очень быстро выростала, увеличивалась, пульсируя и оживая, изменяла структуру и форму, словно ползающий по полу клуб дыма. Свет, вырывающийся из кристаллов, прошивал этот дым насквозь, в лентах блеска появилось движение и затвердевающая материя. Еще мгновение, и в центре магических кругов возникла человеческая фигура. Фигура черноволосой женщины, бессильно лежащей на полу.

Свечи расцвели лепестками дыма, кристаллы помутнели. Франческа опустила руки, расслабила пальцы и смахнула пот со лба.

Черноволосая женщина на мозаичном паркете свернулась в клубок и начала кричать.

– Как тебя зовут? – звучно спросила Франческа.

Женщина напряглась, прижимая обе руки к низу живота.

– Как тебя зовут?

– Йе... Йенни... Йеннифэр!!! Аааааа...

Эльфка облегченно вздохнула. Женщина продолжала извиваться, выть, колотить кулаками

по полу. Казалось, ее вот-вот вырвет. Франческа ждала терпеливо. И спокойно. Женщина, еще минуту назад бывшая нефритовой статуэткой, мучилась и страдала, это было видно. И нормально. Но мозг у нее поврежден не был.

– Ну, Йеннифэр, – после долгого молчания прервала Франческа стоны чародейки. – Может, хватит, а?

Йеннифэр с видимым трудом поднялась на четвереньки, вытерла нос предплечьем, глянула дурными глазами. Ее взгляд скользнул по Францеске так, словно эльфки вообще не было во дворике, остановился и ожил лишь при виде исходящего водой фонтана. Йеннифэр с огромным трудом подползла к нему, перевалилась через облицовку и с плеском шлепнулась в бассейн. Захлебнулась, принялась кашлять и фыркать, плевать и, наконец, разгребая водяные лилии, добралась на четвереньках до мраморной наяды и села, прислонившись спиной к цоколю статуи. Вода стекала у нее по груди.

– Франческа, – с трудом проговорила она, тронув обсидиановую звезду на шее и взглянув на эльфку уже более осмысленно. – Ты...

– Я. Что ты помнишь?

– Ты меня упаковала... Дьявольщина, ты меня упаковала?

– Упаковала и распаковала. Что ты помнишь?

– Гарштанг... Эльфы. Цири. Ты. И три с лишним тысячи пудов, неожиданно свалившихся мне на голову... Теперь уже знаю, что это было. Артефактная компрессия...

– Так. Память работает. Хорошо.

Йеннифэр опустила голову, глянула себе между ляжек, туда, где шмыгали золотые рыбки.

– Прикажи потом сменить воду в бассейне, Энид, – пробормотала она. – Я только что... упустила...

– Чепуха, – усмехнулась Франческа. – Посмотри, нет ли в воде крови. Случается, компрессия разрушает почки.

– Только почки? – Йеннифэр осторожно вздохнула. – Во мне, кажется, нет ни одного здорового органа... Во всяком случае, так я себя чувствую. Дьявольщина, Энид, не понимаю, чем я заслужила такое угощение...

– Выйди из бассейна.

– Нет. Мне здесь хорошо.

– Знаю. Дегидратация.

– Деградация! Дегренголада! Моральное падение! Зачем ты со мной так поступила?

– Вылезай, Йеннфэр!

Чародейка с трудом встала, обеими руками ухватилась за мраморную наяду. Стряхнула с себя кувшинки, рывком разорвала и скинула истекающее водой платье. Встала нагая перед фонтаном, под струями. Ополоснувшись и напившись, вышла из бассейна, присела на облицовке, отжала волосы, осмотрелась.

– Где я?

– В Доль Блатанна.

Йеннифэр вытерла нос.

– Драка на Танедде еще продолжается?

– Нет. Кончилась. Полтора месяца назад.

– Похоже, я здорово тебе насолила, – помолчав, сказала Йеннифэр. – Здорово прищемила нос, Энид. Но можешь считать, что мы квиты. Отомстила ты достойно, хоть, пожалуй, слишком уж садистски. Не могла просто перерезать мне горло?

– Не говори глупостей, – поморщилась эльфка. – Я упаковала тебя и вынесла из Гарштанга, чтобы спасти твою жизнь. Мы еще вернемся к этому чуть позже. Вот полотенце. Возьми. Вот простыня. Новое платье получишь после купания в соответствующем месте в ванне с теплой водой. Ты уже достаточно навредила золотым рыбкам.

Ида Эмеан и Франческа пили вино. Йеннифэр – глюкозу и морковный сок. В огромных количествах.

– Подобьем баланс, – сказала она, выслушав сообщение Франчески. – Нильфгаард захватил Лирию, на пару с Каздвеном разделил Аэдирн, спалил Венгерберг, подчинил себе Вердэн, сейчас заглатывает Бругге и Содден. Вильгефорц бесследно исчез. Тиссая де Врие покончила с собой. А ты стала королевой Долины Цветов, император Эмгыр короной и скипетром отблагодарил тебя за мою Цири, которую так долго разыскивал и которую теперь заполучил и использует как хочет. Меня ты упаковала и полтора месяца держала в коробке в виде нефритовой статуэтки. И, вероятно, ожидаешь, что я тебя за это поблагодарю.

– Не помешало бы, – холодно ответила Франческа Финдабаир. – На Танедде был некий Риенс, который долгом чести почитал медленно и жестоко прикончить тебя, а Вильгефорц обещал ему в этом помочь. Риенс бегал за тобой по всему Гарштангу. Но не нашел, потому что ты уже была нефритовой фигуркой у меня за декольте.

– И была ею сорок семь дней. Правда, не за декольте.

– Да. Я же, когда меня спрашивали, могла со спокойной совестью отвечать, что Йеннифэр из Венгерберга нет в Доль Блатанна. Ведь спрашивали о Йеннифэр, а не о статуэтке.

– Что же изменилось, если ты наконец решила меня распаковать?

– Многое. Сейчас поясню.

– Сначала поясни кое-что другое. На Танедде был Геральт. Ведьмак. Помнишь, я представила его тебе в Аретузе? Что с ним?

– Успокойся. Он жив.

– Я спокойна. Говори, Энид.

– Твой ведьмак, – сказала Франческа, – за один час наделал больше, чем кто-нибудь другой за всю свою жизнь. Не рассусоливая: сломал ногу Дийкстре, снес голову Артауду Терранове и зверски изрубил около десятка ская'таэлей. Ах, чуть не забыла: он еще разбередил нездоровое возжелание Кейры Мец.

– Это ужасно, – поморщилась Йеннифэр. – Надеюсь, Кейра уже пришла в себя? К нему претензий нет? Убеждена, что если, нездорово разбередив ее возжелание, он незамедлительно же ее не оттрахал, то виновата не нехватка уважения, а банальный

недостаток времени. Заверь ее от моего имени.

– Тебе самой представится случай это сделать, – холодно бросила Маргаритка из Долин. – Причем в самое ближайшее время. Однако обратимся к темам, которые, как ты бездарно пытаешься показать, тебе безразличны. Твой ведьмак с такой энергией бросился выгораживать Цири, что поступил весьма и весьма опрометчиво – накинулся на Вильгефорца, и Вильгефорц изуродовал его. В том, что, изуродовав, незамедлительно не убил, виновата не нехватка старательности, а банальный недостаток времени. И что, ты по-прежнему станешь прикидываться, будто тебя это не колышет?

– Нет. – Издевательская гримаса сошла с лица Йеннифэр. – Нет, Энид. Меня это колышет. И сильно. Я бы даже сказала – волнует. И в самое ближайшее время некоторые особы лично познакомятся с моим волнением. Даю тебе слово!

Франческа не восприняла угрозу, как раньше не восприняла насмешку.

– Трисс Меригольд телепортировала изувеченного ведьмака в Брокилон, – сказала она. – Насколько я знаю, дриады продолжают его лечить. Кажется, ему уже лучше, но полезнее б ему было не высовывать оттуда носа. Его разыскивают агенты Дийкстры и разведки всех королевств. Кстати, тебя тоже.

– Я-то чем заслужила такую честь? Ведь я Дийкстре ничего плохого не сделала... Ах, не говори, сама догадаюсь. Исчезла с Танедда без следа. Никто не догадывается, что я, редуцированная и упакованная, оказалась у тебя за декольте. Все уверены, что я сбежала в Нильфгаард вместе с участниками заговора. Все, кроме действительных заговорщиков, разумеется, но эти никого не выведут из заблуждения. Как ни говори, продолжается война, дезинформация – оружие, острие которого всегда должно быть хорошо отточено и направлено в нужную сторону. А теперь, спустя сорок семь дней, пришло время оружие использовать. Мой дом в Венгерберге сожжен, меня разыскивают. Мне не остается ничего иного, кроме как присоединиться к командам скоя'таэлей. Либо другим образом включиться в борьбу эльфов за свободу.

Йеннифэр отхлебнула морковного сока и уставилась в глаза по-прежнему спокойной и молчаливой Иды Эмеан азп Сивней.

– Ну что, госпожа Ида? Госпожа вольная Aen Seidhe с Синих Гор. Я точно угадала писанную мне судьбу? Почему вы молчите, словно камень?

– Я, госпожа Йеннифэр, – ответила рыжеволосая эльфка, – молчу, когда не могу сказать ничего толкового. Это значительно лучше, чем заниматься необоснованными предположениями и прикрывать беспокойство болтовней. Переходи к делу, Энид. Объясни госпоже Йеннифэр что к чему.

– Я вся – внимание. – Йеннифэр коснулась пальцами обсидиановой звезды на бархотке. – Говори, Франческа.

Маргаритка из Долин положила подбородок на сплетенные пальцы.

– Сегодня, – сказала она, – вторая ночь после полнолуния. Еще немного, и мы телепортируемся в замок Монтекальво, владение Филиппы Эйльхарт. Примем участие в собрании организации, которая должна тебя заинтересовать. Ведь ты всегда считала, что магия – величайшая ценность, стоящая над всяческими раздорами, спорами, политическими разногласиями, личными интересами, антипатиями, недовольством и неприязнью. Тебя, я думаю, обрадует известие, что недавно сложился «костяк» организации, что-то вроде тайной ложи, создаваемой исключительно ради защиты магии. Цель ложи – следить за тем, чтобы магия занимала в иерархии всяческих проблем надлежащее ей место. Воспользовавшись

правом рекомендовать новых членов упомянутой ложи, я решила предложить две кандидатуры: Иду Эмеан аэп Сивней и тебя.

– Ах какие неожиданные честь и доверие, – съязвила Йеннифэр. – Из магического небытия за декольте прямиком в тайную элитную и всемогущественную ложу. Стоящую выше личных интересов и вражды. Только вот гожусь ли я? Найду ли в себе достаточно силы характера, чтобы отказаться от неприязни к тем особам, которые отняли у меня Цири, изуродовали небезразличного мне мужчину, а самое меня...

– Уверена, Йеннифэр, – прервала эльфка, – что ты найдешь в себе сил характера. Я знаю тебя и убеждена, что у тебя достаточно таких сил. У тебя также хватит амбиций, чтобы развеять сомнения относительно нежданной чести и доверия. Однако, если ты того желаешь, скажу прямо: я рекомендую тебя ложе, потому что считаю личностью, которая того заслуживает и может с большой пользой послужить нашему делу.

– Благодарю. – Насмешливая улыбка и не думала сходить с губ чародейки. – Благодарю, Энид. Я прямо-таки физически ощущаю, как меня распирают гордость, спесь и самообожание. Я могу лопнуть в любой момент. И даже раньше, чем подумаю, почему вместо меня ты не рекомендуешь в вашу ложу еще одного эльфа из Доли Блатанна либо эльфку с Синих Гор?

– В Монтекальво, – холодно ответила Франческа, – узнаешь почему.

– Хотелось бы сейчас.

– Скажи ей, – проворчала Ида Эмеан.

– Дело в Цири, – сказала после краткого раздумья Франческа, подняв на Йеннифэр непроницаемые глаза. – Ложа интересуется ею, а никто не знает девочку лучше тебя. Остальное узнаешь на месте.

– Хорошо. – Йеннифэр энергично потерлась лопаткой о спинку стула. Высушенная компрессией кожа все еще немилосердно зудела. – Скажи только, кто еще входит в состав вашей ложи? Кроме вас двоих и Филиппы.

– Маргарита Ло-Антиль, Трисс Меригольд и Кейра Мец, Шеала де Танкарвилль из Ковира. Сабрина Глевиссиг. И две чародейки из Нильфгаарда.

– Интернациональная бабская республика?

– Можно сказать и так.

– Они, конечно, по-прежнему считают меня сообщницей Вильгефорца. И тем не менее одобряют мою кандидатуру?

– Они одобряют мой выбор. Об остальном позаботишься сама. Тебя попросят рассказать о связях с Цири. С самого начала. С первых дней, имевших место не без участия твоего ведьмака пятнадцать лет назад в Цинтре, и до событий полуторамесячной давности. Откровенность и правдивость будут абсолютно необходимы. И подтвердят твою лояльность конвенту.

– Кто сказал, будто мне есть что подтверждать? Не рановато ли говорить о лояльности? Я не знаю ни статуса, ни программы вашего бабьего интернационала...

– Йеннифэр, – эльфка слегка свела к переносице свои идеально правильные брови, – я рекомендую тебя ложе. Но принуждать к чему-либо не намерена. И уж тем более к лояльности. У тебя есть выбор.

– Догадываюсь какой.

– Правильно догадываешься. Но это по-прежнему выбор свободный. Однако, со своей стороны, я искренне рекомендую выбрать ложу. Поверь, так ты pomoжешь своей Цири гораздо эффективнее, нежели кидаясь вслепую в водоворот событий, на что, как мне думается, тебя так и тянет. Цири угрожает смерть. Спасти ее могут только наши совместные действия. Выслушав то, что будет сказано в Монтекальво, ты убедишься в моей правоте... Йеннифэр, мне не нравятся вспышки, которые я вижу в твоих глазах. Дай мне слово, что не попытаешься сбежать.

– Нет, – покачала головой Йеннифэр, прикрывая рукой звезду на бархотке. – Нет, Франческа, не дам.

– Хочу предупредить, дорогая: все стационарные порталы Монтекальво имеют искривляющую блокаду. Любой, пожелавший без разрешения Филиппы войти туда или выйти оттуда, окажется в камере, стены которой выложены двумеритом. Собственный телепорт ты открыть не сможешь, не располагая компонентами. Твою звезду я отбирать не хочу, потому что ты должна полностью сохранить способность мыслить здраво и логично. Но если попытаешься устроить какие-нибудь фокусы... Йеннифэр, я не могу этого позволить... Ложа не может допустить, чтобы ты очертя голову в одиночку бросилась спасать Цири и искать способы отомстить. Я редуцирую тебя и снова упакую в нефритовую статуэтку. Если потребуется – на несколько месяцев. Или лет.

– Благодарю за предупреждение. Но слова все равно не дам.

Фрингилья Виго старалась казаться спокойной, но в действительности была очень напряжена и сильно нервничала. Она сама неоднократно журила начинающих нильфгаардских магиков за некритичное следование стереотипным мнениям и представлениям, сама постоянно высмеивала тривиальный, созданный сплетнями, слухами и пропагандой образ типичной чародейки с Севера – искусственно прекрасной, грубой, праздной и порочной до пределов извращенности, а зачастую и за пределами. Однако сейчас, по мере того как многочисленные пересадки в телепортах приближали ее к замку Монтекальво, ее все сильнее охватывали сомнения: что же она в действительности застанет на сборище таинственной ложи? И что ее там ждет? Разыгравшееся воображение рисовало картинки убийственно красивых женщин с бриллиантовыми колье на лебяжьих шеях и обнаженными грудями с карминными сосками, женщин с влажными губами и блестящими от алкоголя и наркотиков глазами. Внутренним взором Фрингилья уже видела, как заседания тайного конвента переходят в дикую и разнузданную оргию с бешеной музыкой, афродизиями, невольниками обоих полов и изощренными аксессуарами.

Последний телепорт бросил ее между двух колонн из черного мрамора. Во рту у нее пересохло, магический ветер выжимал слезы. Рука лихорадочно стискивала изумрудное ожерелье, закрывающее каре декольте. Рядом материализовалась Ассирэ вар Анагид, также заметно нервничающая. Правда, у Фрингильи были основания предполагать, что подругу смущает новая и нетипичная для нее одежда: неброское, но очень элегантное платье цвета гиацинта, дополненное маленьким скромным колье из александритов.

Возбуждение мгновенно развеялось. В огромном, светлом от магических ламп зале было прохладно и тихо. Нигде ни обнаженного негра, шпарящего в барабан, ни отплясывающих на столах девиц с цехинами на вздувшихся лонах. Не чувствовался запах гашиша и кантарид. Нильфгаардских чародеек встретила Филиппа Эйльхарт, владелица замка, стройная, серьезная, предупредительная и деловитая. Другие чародейки подошли и представились. Фрингилья облегченно вздохнула. Магички с Севера были красивы, ярки и блистали драгоценностями, но в подчеркнутых тонирующим макияжем глазах не чувствовалось ни одурманивающих средств, ни нимфомании. Ни у одной не были открыты

груди. Совсем наоборот. Две из них были в платьях, очень скромно застегнутых под горлышко, – суровая, одетая в черное Шеала де Танкарвилль и молоденькая Трисс Меригольд с голубыми глазами и изумительно красивыми каштаново-рыжими волосами. У темноволосой Сабрины Глевиссиг и блондинок Маргариты Ло-Антиль и Кейры Мец были декольте, но совсем немногим более глубокие, нежели у Фрингильи.

Ожидание других участниц конвента заполнила приятная беседа, во время которой все имели случай рассказать кое-что о себе, а тактичные замечания и утверждения Филиппы Эйльхарт быстро и умело крушили лед, хотя единственным льдом в пределах досягаемости был лед в буфете, где вздымалась горка устриц. Другого льда не чувствовалось. У исследовательницы Шеалы де Танкарвилль незамедлительно отыскалось множество общих тем с исследовательницей Ассирэ вар Анагид, Фрингилья же быстро почувствовала расположение к веселой Трисс Меригольд. Беседа сопровождалась поглощением устриц. По-настоящему же ела лишь Сабрина Глевиссиг, достойная дочь каэдвенских лесов, которая позволила себе высказать пренебрежительное мнение касательно «склизкой мерзости» и желание отведать кусочек холодной косулины с черносливом. Филиппа Эйльхарт вместо того, чтобы ответить холодным высокомерием, дернула шнурок звонка, и через минуту незаметные и бесшумные слуги внесли мясо. Изумление Фрингильи было неописуемо. «Ну что ж, – подумала она, – что город, то норы, что деревня, то обычай».

Телепорт между колоннами черного мрамора разгорелся и глухо завибрировал. На лице Сабрины Глевиссиг появилось безмерное удивление. Кейра Мец упустила на лед устрицу и нож. Трисс сдержала вздох.

Из портала вышли три чародейки. Три эльфки. Одна – с волосами цвета темного золота, вторая – карминово-рыжая, третья – с волосами цвета воронова крыла.

– Приветствую тебя, Франческа, – сказала Филиппа. В ее голосе не было того возбуждения, которое выражали глаза. Однако она тут же прищурилась. – Приветствую тебя, Йеннифэр.

– Я получила право на два кресла, – мелодично сказала названная Францеской темноволосая эльфка, несомненно, заметившая изумление Филиппы. – Вот мои кандидатки. Всем знакомая Йеннифэр из Венгерберга. И госпожа Ida Emean aep Sivney, Aen Saevherne с Синих Гор.

Ида Эмеан слегка наклонила рыжую голову, зашуршала воздушным нарциссово-желтым платьем.

– Думаю, – осмотрелась Франческа, – мы уже все в сборе?

– Недостает только Вильгефорца, – тихо, но с явной злобой прошипела Сабрина Глевиссиг, косо поглядывая на Йеннифэр.

– И спрятанных в подземелье скоя'таэлей, – буркнула Кейра Мец. Трисс остудила ее взглядом.

Филиппа покончила с представлением дам. Фрингилья с интересом рассматривала Францеску Финдабаир, Энид ан Глеанна, Маргаритку из Долин, знаменитую королеву Доля Блатанна, владычицу эльфов, недавно обретших свою страну. Слухи о красоте Францески, отметила Фрингилья, не были преувеличены.

Рыжеволосая и большеглазая Ида Эмеан вызвала явный интерес у всех, не исключая обеих магичек из Нильфгаарда. Вольные Эльфы с Синих Гор не поддерживали контактов не только с самими людьми, но даже с живущими рядом с ними соплеменниками. А немногочисленные среди Вольных Эльфов Aen Saevherne, Ведуньи, были почти легендарной загадкой. Мало кто даже среди эльфов мог похвалиться близким знакомством с Ведуньями. Ида выделялась в

группе не только цветом волос. В ее украшениях не было ни унции золота, ни карата камней – только жемчуг, кораллы и янтарь.

Однако самые явные эмоции вызывала третья из вновь прибывших чародеек, Йеннифэр, черноволосая, одетая в черное с белым и, вопреки первому впечатлению, не эльфка. Ее появление в Монтекальво оказалось большой и не для всех приятной неожиданностью. Фрингилья чувствовала исходящую от некоторых магичек антипатию и даже враждебность.

Когда ей представляли нильфгаардских чародеек, Йеннифэр задержала на Фрингилье фиолетовые глаза, глаза утомленные и обведенные кругами. Даже макияж не в силах был этого скрыть.

– Мы встречались, – бросила она, касаясь приколотой к бархотке обсидиановой звезды.

В зале вдруг повисла напряженная тишина.

– Мы уже виделись, – повторила Йеннифэр.

– Не припоминаю, – сказала Фрингилья, выдерживая ее взгляд.

– Неудивительно. Но у меня прекрасная память на лица и фигуры. Я видела тебя на Содденском Холме.

– Значит, ошибки быть не может. – Фрингилья Виго гордо подняла голову, повела по собравшимся взглядом. – Я была у Содденского Холма.

Филиппа Эйльхарт опередила ответ Йеннифэр.

– Я тоже там была. Тоже многое помню. Однако, мне кажется, чрезмерное напряжение памяти и выискивание ненужных подробностей не принесет пользы здесь, в этом зале. Нам сейчас гораздо больше помогла бы забывчивость, прощение и объединение. Нам и тому, что мы собираемся предпринять. Ты согласна со мной, Йеннифэр?

Черноволосая чародейка откинула со лба крутые локоны.

– Когда я наконец узнаю, что именно вы намерены предпринять, – ответила она, – тогда и скажу, с чем согласна, а с чем – нет.

– В таком случае полезнее начать незамедлительно. Прошу вас, дамы, занять свои места.

Места за круглым столом – все, кроме одного – были помечены. Фрингилья сидела рядом с Ассирэ вар Анагид, справа от нее расположился свободный стул, отделяющий ее от Шеалы де Танкарвилль, дальше сидели Сабрина Глевиссиг и Кейра Мец. Слева от Ассирэ – Ида Эмеан, Франческа Финдабаир и Йеннифэр. Точно напротив Ассирэ уселась Филиппа Эйльхарт, справа от которой поместилась Маргарита Ло-Антиль, а слева – Трисс Меригольд.

У всех стульев подлокотники были выполнены в виде сфинксов.

Начала Филиппа. Повторив приветствие, она сразу же перешла к делу. Фрингилья, которую Ассирэ детально познакомила с предыдущим собранием, из вступительного слова не узнала ничего нового. Не удивили ее ни заявления всех чародеек о присоединении к конвенту, ни первые слова, касающиеся войны, которую Империя вела с нордлингами, в особенности же недавно начатой операции в Соддене и Бругге, в ходе которой императорские войска вступили в вооруженный конфликт с армией Темерии. Несмотря на объявленную аполитичность конвента, чародейки не скрывали своих воззрений. Некоторых явно беспокоило присутствие Нильфгаарда у ворот их государств. Фрингилью обуревали смешанные чувства. Ей казалось, что столь образованное общество должно понимать, что

Империя несет на Север культуру, благосостояние, порядок и политическую стабильность. С другой же стороны, она не знала, как стала бы реагировать сама, если б не к их, а к ее дому подходили вражеские армии.

Однако Филиппа Эйльхарт считала, что следует прекратить дискуссии на военные темы.

– Результатов войны никто предвидеть не может, – сказала она. – Более того, такая попытка лишена смысла. Давайте взглянем наконец на эти проблемы трезво. Во-первых, война не столь уж большое зло. Гораздо опаснее, на мой взгляд, перенаселение, которое при теперешнем уровне сельского хозяйства и промышленности означало бы безусловную победу голода. Во-вторых, война – это продолжение политики владык. А сколько из ныне правящих будут жить через сто лет? Ни один, это очевидно. Сколько династий выдержат? Предвидеть невозможно. Сегодняшние территориальные и династические споры, сегодняшние амбиции и сегодняшние надежды через сто лет будут прахом и пылью, покрывающими хроники. И если мы себя не защитим, если позволим втянуть себя в войну, то и от нас останутся те же прах и пыль. Если же мы взглянем несколько шире, по-над королевскими и императорскими штандартами, если перестанем откликаться на боевые и патриотические вопли, то мы выдюжим и выживем. А выжить мы обязаны. Обязаны, ибо на нас лежит бремя ответственности. Нет, не перед королями с их местническими интересами, ограничивающимися одним-единственным – своим – королевством. Мы ответственны за мир. За прогресс. За изменения, которые этот прогресс несет. Мы ответственны за будущее. Ибо если не мы, то кто?

– Тиссая де Врие выразила бы это иначе, – сказала Франческа Финдабаир. – Ее всегда волновала ответственность перед обычными, простыми обитателями. Не в будущем, но здесь и сейчас.

– Тиссая де Врие умерла. Будь она жива, она была бы с нами.

– Наверняка, – улыбнулась Маргаритка из Долин. – Но не думаю, чтобы она согласилась с теорией о войне как лекарстве против голода и, простите за неологизм, «перелюднения». Обратите внимание на последнее слово, уважаемые дамы. Мы общаемся, используя всеобщий язык, имеющий целью облегчить взаимопонимание. Но для меня это язык чужой. Все более чужой. На языке же моей матери нет слова «перелюднение», а слово «перезэльфинье» было бы совсем уж двойным неологизмом, ибо такового нет ни в человеческом, ни в эльфьем языке. Незабвенная Тиссая де Врие беспокоилась о судьбах обычных людей, которых ты тактично назвала просто обитателями. Мне же не менее важна судьба обычных эльфов. Я б охотно аплодировала идее уйти мыслью в будущее и рассматривать сегодняшний день как эфемериду. Но с огорчением вынуждена отметить, что сегодняшний день обуславливает день завтрашний, а без завтра не будет будущего. Вам, людям, возможно, кажутся смешными рыдания над кустом сирени, сгоревшей в военной разрухе. Ведь в конце концов в сирени нет недостатка, не этот куст, так другой. Не будет сирени, будет акация. Простите ботанический уклон моих метафор. Но соблаговолите понять: то, что для вас, людей, – вопрос политики, то для нас, эльфов, – проблема выживания.

– Политика меня не интересует, – громко заявила Маргарита Ло-Антиль, ректор академии магии. – Я просто не желаю, чтобы девушек, воспитанию которых я себя посвятила, использовали в качестве кондотьеров, забивая им головы лозунгами о любви к родине. Родина этих девушек – магия, этому я их учу. Если моих девочек вовлекут в войну, поставят на новом Содденском Холме, то они проиграют независимо от результатов драки на поле боя. Я понимаю твои опасения, Энид, но мы должны заниматься будущим магии, а не расовыми проблемами.

– Мы должны заниматься будущим магии, – повторила Сабрина Глевиссиг. – Но будущее магии обуславливает статус чародеев. Наш статус. Наше значение. Роль, которую мы играем

в обществе. Доверие, уважение и достоверность, повсеместная вера в нашу полезность, в то, что магия необходима. Стоящая перед нами дилемма представляется детски простой: либо утрата статуса и изоляция в башнях из слоновой кости, либо служение. Служение даже на Содденских Холмах, даже как кондотьерки...

– Или как прислужницы и девки на побегушках? – Трисс Меригольд откинула с плеча свои роскошные волосы. – С согнутыми шеями, готовые к услугам при первом же движении императорского пальца? Ибо такую роль выделит нам Рах Nilfgaardiana[17], если воцарится повсюду.

– Если воцарится, – с нажимом сказала Филиппа. – Для нас нет никаких дилемм. Мы должны служить. Но магии. Не королям и императорам, не их сегодняшней политике. Не проблемам расовой интеграции, ибо она тоже подчиняется сиюминутным политическим целям. Наш конвент, дорогие дамы, не для того созван, чтобы приспосабливаться к теперешней политике и ежедневным изменениям линии фронта. Не для того, чтобы лихорадочно искать решений, адекватных данной ситуации, словно хамелеоны изменяя цвет. Роль нашей логи, нашей лиги, нашего конвента должна быть активной. И совершенно обратной сказанному. Реализуемой всеми доступными нам способами.

– Если я верно поняла, – подняла голову Шеала де Танкарвилль, – ты уговариваешь нас активно влиять на ход событий. Всеми способами. В том числе и противозаконными?

– О каких законах ты говоришь? О законах для малых мира сего? О внесенных в кодексы, которые мы сами разработали и продиктовали королевским юристам? Нас обязывает только один закон. Наш!

– Понимаю, – улыбнулась чародейка из Ковира. – Итак, мы активно начнем влиять на ход событий. Если политика владык нам не понравится, мы ее самым элементарным образом изменим. Так, Филиппа? А может, лучше сразу свергнуть коронованных дурней, сместить с тронов и изгнать? Может, сразу взять власть в свои руки?

– Мы уже сажали на троны удобных нам владык. Наша ошибка состояла в том, что мы ни разу не возвели на престол магию. Ни разу не дали магии абсолютной власти. Пора исправлять ошибку.

– Ты, конечно, имеешь в виду себя? – Сабрина Глевиссиг перегнулась через стол. – И конечно, на троне Редании? Ее величество Филиппа Первая? С Дийкстрой в качестве принца-консорта?

– Я не имею в виду себя. Я не имею в виду королевство Редания. Я имею в виду великое Королевство Севера, в которое, расширившись, превратится нынешнее королевство Ковир. Я имею в виду Империю, сила которой будет равна силе Нильфгаарда, благодаря чему неустойчивые сейчас плечи весов мира наконец перестанут раскачиваться. Империю, управляемую магией, которую мы возведем на трон, женив наследника ковирского престола на чародейке. Да, именно это, вы правильно меня поняли, дорогие единомышленницы. И не случайно всех так заинтересовал пустующий сегодня стул. Именно на этот стул мы посадим двенадцатую чародейку логи. А потом возведем ее на престол.

Воцарившееся молчание прервала Шеала де Танкарвилль.

– Проект действительно дерзкий, – проговорила она чуть-чуть насмешливо. – Действительно достойный всех здесь сидящих. Полностью оправдывающий создание такого конвента, как наш. Разумеется, нам не к лицу задачи менее почетные, даже если они балансируют на грани реальности и выполнимости. Это все равно что вколачивать гвозди астролябией. Нет-нет, лучше уж сразу ставить перед собой задачи явно невыполнимые.

– Почему невыполнимые?

– Помилуй, Филиппа, – сказала Сабрина Глевиссиг. – Ни один король никогда не возьмет в жены чародейку, ни одно общество не примет чародейки на троне. Помехой тому извечный обычай. Возможно, обычай неумный, но он существует.

– Существуют также, – добавила Маргарита Ло-Антиль, – помехи, я бы сказала, технического характера. Особа, которую можно было бы сочетать с ковириским двором, должна соответствовать ряду условий как в наших глазах, так и в глазах ковириского двора. Эти условия, совершенно очевидно, противоречат друг другу. Ты этого не видишь, Филиппа? Для нас это должна быть особа, обученная магии, целиком и полностью преданная делу магии, понимающая свою роль и способная играть ее умело, незаметно, не вызывая подозрений. Без дирижеров и суфлеров, без каких-либо прячущихся в тени серых кардиналов, на которых всегда, при первом же перевороте, обращается гнев мятежников. В то же время это должна быть личность, которую Ковир возведет на трон сам, без видимого нажима с нашей стороны.

– Это очевидно.

– И как ты думаешь, кого изберет не «нажимаемый» нами Ковир? Девушку из королевского рода, в жилах которой из поколения в поколение течет королевская кровь. Девушку молоденькую, соответствующую юному принцу. Девушку, которая сможет рожать, ибо речь идет о династии. Установленная на такой высоте планка исключает тебя, Филиппа, исключает меня, исключает даже Кейру и Трисс, самых младших среди нас. Исключает также всех выпускниц моей школы, которые, кстати, и нам мало интересны, ведь это бутоны, цвет лепестков которых пока еще загадка. Невозможно представить себе, чтобы одна из них села на пустое, двенадцатое, место за этим столом. Иными словами, даже если весь Ковир спятит и согласится одобрить супружество принца с чародейкой, у нас такой чародейки нет. Так кто же станет Королевой Севера?

– Девушка из королевского рода, – спокойно ответила Филиппа. – В жилах которой течет королевская кровь, кровь нескольких великих династий. Молоденькая и способная рожать. Девушка с небывалыми магическими и провидческими способностями, носительница Старшей Крови, предсказанная прорицаниями. Девушка, которая напеваючи будет играть свою роль без дирижеров, хореографов, суфлеров, пособников и серых кардиналов, даже если они будут коричневыми. Ибо такова воля Предназначения. Девушка, фактические способности которой известны и будут известны только нам. Цирилла, дочь Паветты из Цинтры, внучка Львицы Калантэ. Старшая Кровь. Леденящее Пламя Севера. Разрушительница и Обновительница, приход которой напророчен уже сотни лет назад. Цири из Цинтры, Королева Севера. И ее кровь, из которой восстанет Королева Мира.

Увидев вырывающихся из засады Крыс, двое сопровождающих карету верховых тут же развернулись и кинулись в стороны. Шансов у них не было. Гиселер с Реефом и Искрой отрезали им путь и после короткой схватки зарубили. На двух оставшихся, готовых отчаянно защищать карету, запряженную четверкой серых в яблоках лошадей, вылетели Кайлей, Ассе и Мистле. Цири почувствовала разочарование и непреодолимую злость. Ей не оставили никого. Похоже, ей некого будет убить.

Но был еще один всадник, едущий перед каретой в качестве гонца, легковооруженный, на быстром коне. Он мог бы убежать, но не убежал. Развернулся, закрутил мечом и помчался прямо на Цири.

Она подпустила его, даже немного сдержала коня. Когда он ударил, она приподнялась на стременах, свесилась с седла, ловко избежав клинка, тут же вынырнула, резко оттолкнувшись от стремян. Наездник был ловок и скор, сумел ударить снова. На этот раз она парировала удар наискось, а когда его меч соскользнул, рубанула наездника снизу, коротко, по кисти руки,

проделав финт, нацелилась мечом в лицо, и когда он машинально заслонился левой рукой, ловко развернула меч и хлестнула его под мышку ударом, которому часами училась в Каэр Морхене. Нильфгаардец сполз с седла, упал, поднялся на колени, дико завыл, резкими движениями пытаясь сдержать рвущуюся из разрубленных артерий кровь. Цири несколько мгновений присматривалась к нему, как всегда, очарованная видом человека, изо всех сил борющегося со смертью. Дождалась, пока он истечет кровью. Потом отъехала, не оглядываясь.

Все кончилось. Эскорт перебит до последнего человека. Ассе и Рееф остановили карету, уцепившись за узды первой пары цуговых лошадей. Форейтор, молоденький паренек в цветастой ливрее, которого сбросили с правой цуговой, ползал на коленях, плакал и умолял о милосердии. Кучер бросил вожжи и вторил ему, складывая руки как для молитвы. Гиселер, Искра и Мистле галопом подскочили к карете. Кайлей спрыгнул с лошади и дернул дверцу. Цири подъехала ближе, слезла, все еще держа в руке покрытый кровью меч.

В карете сидела толстая матрона в роброне и чепце, обнимающая молоденькую и ужасно бледную девушку в черном, застегнутом под шею платье с гипюровым воротничком. К платьицу, как заметила Цири, была приколота гемма. Очень красивая.

– Ну, лошадки! – крикнула Искра, рассматривая упряжку. – Хороши – в яблоках! Картинка, да и только! Заработаем на них по несколько флоренов!

– А каретку, – Кайлей улыбнулся женщине и девочке, – оттащут в городок кучер и форейтор, надев на себя упряжь. А если придется в гору тянуть, то и дамочки помогут!

– Господа бандиты! – заныла матрона в роброне, которую плотоядная ухмылочка Кайлея напугала больше, чем окровавленное железо в руке Цири. – Взываю к вашей совести. Ведь вы не опозорите эту юную девочку?!

– Эй, Мистле, – крикнул Кайлей, насмешливо усмехаясь. – Тут, я слышу, к твоей совести взывают!

– Заткнись, – поморщился Гиселер, все еще не слезая с лошади. – Никому не смешно от твоих глупостей. А ты успокойся, женщина. Мы – Крысы. Мы не воюем с женщинами и не обижаем их. Рееф, Искра, выпрягайте лошадей! Мистле, хватай верховых! И – смываемся!

– Мы, Крысы, не воюем с женщинами, – снова ощерился Кайлей, поглядывая на побледневшее лицо девушки в черном платье. – Только время от времени шалим с ними, ежели у них есть на то охота. А у тебя, мазелька, есть на это охота? У тебя случайно не чешется между ножками? Ну, стыдиться нечего. Достаточно кивнуть головкой.

– Больше почтительности! – крикнула ломким голосом дама в роброне. – Да как ты смеешь так обращаться к благородной баронессе, милсдарь бандит?

Кайлей захохотал, затем преувеличенно почтительно поклонился.

– Прощения просим! Не хотел оскорбить! Что, даже спросить не дозволено?

– Кайлей! – крикнула Искра. – Иди сюда! Ты что там треплешься? Помоги лошадей выпрягать! Фалька! Двигайся!

Цири не отрывала глаз от герба на дверях кареты, серебряного единорога на черном поле. «Единорог, – подумала она. – Когда-то видела я такого единорога... Когда? В другой жизни? А может, это был сон?»

– Фалька! Что с тобой?

«Я – Фалька. Но я была ею не всегда. Не всегда».

Она вздрогнула, сжала губы. «Я плохо обошлась с Мистле. Обидела ее. Надо как-то извиниться».

Она поставила ногу на ступеньку кареты, вперилась в гемму на платице бледной девушки и кратко бросила:

– Давай это.

– Да как ты смеешь?! – завопила матрона. – Знаешь ли ты, с кем разговариваешь? Это благородная баронесса Касадей!

Цири оглянулась, удостоверилась, что никто не слышит.

– Ах, баронесса? Баронессочка? – прошипела она. – Невысок титул. И даже если б эта молокососка была герцогиней, то должна передо мной присесть, да так, чтобы задницей земли коснуться, да и головкой тоже. Давай брошку! Ну, чего ждешь? Сорвать ее с тебя вместе с корсетом?

Тишина, наступившая за столом после заявления Филиппы, быстро сменилась общим гулом. Магички наперебой выражали удивление и недоверие, требовали объяснений. Некоторые, несомненно, многое знали о предполагаемой Владычице Севера Цирилле, или Цири, другим имя было знакомо, но знали они меньше. Фрингилья Виго не знала ничего, но кое-что подозревала и терялась в догадках, вращающихся в основном вокруг некой прядки волос. Однако Ассирэ, которую она спросила вполголоса, молчала и посоветовала помолчать и ей, тем более что Филиппа Эйльхарт продолжала:

– Многие из нас видели Цири на Танедде, где высказанным в трансе пророчеством она наделала много шума. У некоторых из нас был с нею близкий и даже очень близкий контакт. Я в основном имею в виду тебя, Йеннифэр. Теперь твоя очередь заговорить.

Пока Йеннифэр рассказывала о Цири, Трисс Меригольд внимательно присматривалась к подруге. Йеннифэр говорила спокойно и без эмоций, но Трисс знала ее достаточно долго и достаточно хорошо. Ей уже доводилось выдвигать ее в самых различных ситуациях, к тому же в таких, которые вызывали стресс, мучили и доводили до грани болезни, а порой и до самой болезни. Сейчас Йеннифэр, несомненно, была именно в таком состоянии. Она выглядела утомленной, больной и, можно бы сказать, пришибленной.

Чародейка рассказывала, а Трисс, которая знала и рассказ, и того, о ком шла речь, незаметно посматривала на слушательниц. Особенно же на двух чародеек из Нильфгаарда. На невероятно похорошевшую Ассирэ вар Анагид, ухоженную, но все еще неуверенно чувствующую себя в макияже и модном платье. И на Фрингилью Виго, ту, что помоложе, симпатичную, привлекательную от природы и скромно элегантную, с зелеными глазами и черными, как у Йеннифэр, волосами, правда, не такими буйными, короче подстриженными и гладко зачесанными.

Не видно было, чтобы нильфгаардки заплутались в лабиринтах истории Цири, хотя рассказ Йеннифэр был длинным и достаточно запутанным, начинался с нашумевшей любовной истории Паветты из Цинтры и юноши, колдовством превращенного в Йожа, повествовал о роли Геральта и о Праве Неожиданности, о связывающем ведьмака и Цири Предназначении. Йеннифэр рассказывала о встрече Цири и Геральта в Брокилоне, о войне, о потере и обретении, о Казр Морхене. О Риенсе и преследующих девочку нильфгаардских агентах. Об учебе в храме Мелитэле, о загадочных способностях Цири.

«Они слушают с каменными лицами, – подумала Трисс, глядя на Ассирэ и Фрингилью. – Как

сфинксы. Но они, это ясно, что-то скрывают. Интересно что? Удивление, потому что не знали, кого Эмгыр притащил в Нильфгаард? Или то, что обо всем знают давно, может, даже лучше, чем мы? Сейчас Йеннифэр станет говорить о прибытии Цири на Танедд, о сделанном в трансе предсказании, которое вызвало такой переполох. О кровавом бое в Гарштанге, в результате которого Геральт был изувечен, а Цири похищена. И тогда придет конец притворству, – подумала Трисс. – Будут сброшены маски. Все знают, что за аферой на Танедде стоял Нильфгаард. А когда глаза всех уставятся на вас, нильфгаардки, выхода не будет, придется говорить. И тогда выяснится многое, тогда, возможно, и я узнаю кое-что новое. Каким образом Йеннифэр исчезла из Танедда, почему вдруг появилась здесь, в Монтекальво, в обществе Францески? Кто такая и какую роль играет Ида Эмеан, эльфка, Aep Saevherne с Синих Гор? Почему мне кажется, что Филиппа Эйльхарт все время говорит меньше, чем знает, хоть и демонстрирует преданность и верность магии, а не Дийкстре, с которым постоянно обменивается письмами?

И может, узнаю наконец, кто такая Цири в действительности. Цири, для них – Королева Севера, а для меня пепельноволосая ведьмачка из Каэр Морхена, о которой я все время думаю как о младшей сестренке».

Фрингилья Виго кое-что слышала о ведьмаках, типах, профессионально занимающихся истреблением чудовищ и бестий. Она внимательно слушала повествование Йеннифэр, вслушивалась в звучание ее голоса, наблюдала за выражением лица. Не дала себя обмануть. Сильная эмоциональная связь между Йеннифэр и так интересующей всех Цири была очевидна. Связь между чародейкой и упомянутым ею ведьмаком была также очевидной не менее. И столь же сильной. Фрингилья начала размышлять об этом, но ей помешали возбужденные голоса.

Она уже поняла, что многие из собравшихся здесь чародеек во время бунта на Танедде оказались во враждующих лагерях, поэтому ее нисколько не удивляла неприязнь, проявляющаяся за столом в форме колких замечаний в адрес Йеннифэр. Назревал скандал, однако его упредила Филиппа Эйльхарт, бесцеремонно стукнув кулаком по столу так, что звякнули фужеры и кубки.

– Довольно! Заткнись, Сабрина! Не поддавайся провокации, Францеска! Хватит болтать о Танедде и Гарштанге. Теперь это уже история!

«История, – подумала с неожиданной досадой Фрингилья. – Но такая, на ход которой они, будучи в разных лагерях, оказывали влияние. Они знали, что и для чего делают. А мы, имперские чародейки, ничего не знаем. Мы и вправду что-то вроде «девчонок на побегушках», которые знают, куда их посылают, но не знают зачем. Хорошо, – подумала она, – что создается эта ложа. Черт знает, чем все кончится, но хорошо, что хоть начинается».

– Продолжай, Йеннифэр, – попросила Филиппа.

– У меня все, – сжала губы чародейка. – Повторяю, именно Тиссая де Врие приказала мне привести Цири в Гарштанг.

– Ничего проще, как свалить все на покойницу, – буркнула Сабрина Глевиссиг, но Филиппа резким жестом заставила ее замолчать.

– Я не хотела вмешиваться в то, что произошло ночью в Аретузе, – заговорила Йеннифэр, побледнев и явно занервничав. – Я хотела забрать Цири и бежать с Танедда. Но Тиссая убедила меня в том, что появление девочки в Гарштанге для многих станет шоком, а ее пророчество, высказанное в трансе, предупредит конфликт. Я не сваливаю на нее вину, ведь я думала так же. Обе мы совершили ошибку. Однако моя вина была больше. Если б я оставила Цири под присмотром Риты...

– Что стало, то стало, – прервала Филиппа. – Ошибиться может каждый. Даже Тиссая де Врие. Когда Тиссая впервые увидела Цири?

– За три дня до начала Большого Сбора, – сказала Маргарита Ло-Антиль. – В Горс Велене. Я тоже тогда с ней познакомилась. И как только увидела, поняла: это необыкновенная личность!

– Необычайно необыкновенная, – проговорила молчавшая до того Ида Эмеан аэп Сивней. – Ибо в ней сконцентрировалось наследие необыкновенной крови. Nen Ichaeg, Старшая Кровь. Генетический материал, играющий решающую роль в необыкновенных способностях носителя. Решающий фактор в той величайшей роли, которую ей предстоит сыграть. Которую она должна будет сыграть.

– Ибо того требуют эльфы легенды, мифы и пророчества? – насмешливо спросила Сабрина Глевиссиг. – Все это с самого начала пахло сказкой и фантазией! Теперь я уже не сомневаюсь. Благородные дамы, я предлагаю для разнообразия заняться чем-нибудь более серьезным, рациональным и реальным.

– Склоняю голову перед трезвой рациональностью – силой и источником великих преимуществ вашей расы, – слегка улыбнулась Ида Эмеан. – Однако здесь, в кругу лиц, способных воспользоваться мощью, которая не всегда поддается рациональному анализу и объяснению, мне представляется несколько неуместным отмахиваться от пророчеств эльфов. Наша раса не столь рационалистична и не в рационализме черпает силу. И все же существует несколько десятков тысячелетий.

– Однако генетический материал, о котором мы ведем речь, именуемый Старшей Кровью, оказался несколько менее устойчивым, – заметила Шеала де Танкарвилль. – Даже эльфы легенды и пророчества, от которых я отнюдь не отмахиваюсь, считают Старшую Кровь полностью уничтоженной, вымершей, утерянной. Не так ли, госпожа Ида? В мире уже нет Старшей Крови. Последней, в которой она текла, была Lara Dorren аер Shiadhal. Все мы знаем легенду о Ларе Доррен аэп Шиадаль и Кregenнане из Лёда.

– Не все, – впервые подала голос Ассирэ вар Анагид. – Не все. Вашу мифологию я изучала поверхностно и этой легенды не знаю.

– Это не легенда, – сказала Филиппа Эйльхарт. – Это истинная история. Среди нас есть чародейка, которая прекрасно знает не только историю Лары и Кregenнана, но и ее последствия, а они, несомненно, всех заинтересуют. Попросим тебя, Франческа.

– Из сказанного тобой следует, – усмехнулась королева эльфов, – что ты знаешь это не хуже меня.

– Возможно. Но именно тебя я прошу высказаться.

– Чтобы испытать мою искренность и лояльность ложе, – кивнула Энид ан Глеанна. – Хорошо. Прошу вас, дамы, сесть поудобнее, ибо рассказ будет не из коротких.

– История Лары и Кregenнана – это история истинная, однако к настоящему времени она настолько орнаментирована сказочными деталями, что распознать ее зерно трудно. Имеются также колоссальные расхождения между человеческой и эльфьей версиями легенды, в обеих просматриваются шовинизм и расовая неприязнь. Поэтому я откину орнаментовку и ограничусь сухими фактами. Итак, Кregenнан из Лёда был чародеем, человеком. Лара Доррен аэп Шиадаль – эльфьей магичкой, Aen Saevherne, Ведуньей, одной из загадочных даже для нас, эльфов, носителей Nen Ichaeg, Старшей Крови. Их дружба, а затем любовная связь вначале была с удовлетворением воспринята обеими расами, однако вскоре появились враждебно настроенные решительные противники идеи объединения людской и эльфьей

магии. Как среди эльфов, так и среди людей нашлись такие, кто считал это предательством, изменой. Возникли какие-то неясные сегодня конфликты личного свойства, ревность и зависть. Короче: в результате интриги Крегеннан был убит. Лару Доррен травили и преследовали, она скончалась от истощения где-то на безлюдье, родив дочь. Девочка уцелела чудом. Ее приютила Кери, королева Редании.

– Напуганная заклитием, которое посулила наслать на нее Лара, после того как Кери отказала ей в помощи и выгнала на мороз, – вклинилась Кейра Мец. – Если бы она после этого не приютила ребенка, на нее и на весь ее род обрушились бы страшные несчастья... Якобы...

– Это-то как раз и есть те сказочные украшения, от которых отказалась Франческа, – прервала Филиппа Эйльхарт. – Будем придерживаться фактов.

– Пророческие способности Ведунов Старшей Крови – это факты, – сказала Ида Эмеан, подняв глаза на Филиппу. – А настойчиво повторяющийся во всех версиях легенды мотив пророчества заставляет задуматься.

– Заставляет сегодня и заставлял некогда, – подтвердила Франческа. – Слухи о заклитии Лары не утихли, о них вспоминали даже через семнадцать лет, когда взятая под крылышко Кери девочка, получившая имя Рианнон, превратилась в девушку, красота которой затмевала даже легендарную красоту матери. Удочеренная Кери Рианнон носила официальный титул реданской принцессы, и ею интересовалось много правящих домов. Когда из массы конкурентов Рианнон наконец выбрала Гоидемара, юного короля Темерии, слухи о проклятии чуть было не разрушили марьяж. Однако особенно активно слухи распространились спустя три года после свадьбы Гоидемара и Рианнон. Во время мятежа Фальки.

Фрингилья, которая никогда не слышала ни о Фальке, ни о ее мятеже, подняла брови. Франческа заметила это.

– Для Северных Королевств, – пояснила она, – это были трагические и кровавые события, о которых помнят до сих пор, хоть прошло уже больше ста лет. В Нильфгаарде, с которым в те времена Север практически не имел никаких отношений, все это наверняка неизвестно, поэтому я позволю себе очень кратко напомнить некоторые факты. Фалька была дочерью Вриданка, короля Редании, от брака, с которым он покончил, когда ему на глаза попала красавица Кери, та самая, которая позже приютила ребенка Лары. Сохранился документ, пространно и путанно объясняющий причины развода, но сохранился также портретик первой жены Вриданка, ковирской дворянки, несомненно, полуэльфки, но с решительным перевесом человеческих черт. Глаза сумасшедшей отшельницы, волосы утопленницы и рот ящерицы. Короче: дурнушку отослали в Ковир вместе с годовалой дочерью, Фалькой. И вскоре забыли и о той, и о другой.

– Фалька, – немного помолчав, продолжала Энид ан Глеанна, – напомнила о себе спустя двадцать пять лет, подняв восстание и вроде бы собственноручно убив отца, Кери и двух единокровных братьев. Вооруженный мятеж вначале вспыхнул в виде поддерживаемой частью темерского и ковирского дворянства борьбы законной первородной дочери за надлежащий ей трон, но вскоре он перерос в крестьянскую войну, охватив колоссальные территории. Стороны не уступали друг другу в жестокости. Фалька вошла в легенды как кровавый демон, хотя, вероятнее всего, она просто перестала владеть ситуацией и вышедшими из-под ее контроля требованиями, которые выписывали мятежники на своих штандартах. Смерть королям, смерть чародеям, смерть священнослужителям, дворянам, богачам и господам, наконец – смерть всему живому, ибо опьяневшую от крови чернь уже невозможно было сдержать. Мятеж перекинулся и на другие государства...

– Между прочим, – неожиданно вставила Сабрина Глевиссиг, – имя «Фалька», первоначально означавшее небольшую волну, на одном из древних языков означало «Сокол» и писалось,

кажется, «Фалько». А что касается мятежа, – с явной насмешкой добавила она, – то нильфгаардские историки писали об этом. А госпожи Ассирэ и Виго, несомненно, читали. Закругляйся, Франческа. Переходи к Рианнон и тройняшкам из Гутборга.

– Пожалуйста. Рианнон, то есть удочеренную Кери дочь Лары Доррен, теперь уже супругу Гоидемара, короля Темерии, случайно поймали повстанцы Фальки и заключили в замок Гутборг. В это время она была беременна. Замок еще очень долго сопротивлялся после всеобщего усмирения мятежа и казни Фальки, но в конце концов Гоидемар взял его приступом и освободил жену. С тремя детьми – двумя девочками, которые уже ходили, и мальчиком, только-только начинавшим. Рианнон лишилась разума. Разъяренный Гоидемар подверг дикой пытке всех пленников, и из обрывков, прерываемых воем показаний, сложилась удобочитаемая картина.

Фалька, воспринявшая красоту скорее от эльфией бабки, нежели от матери, щедро одаряла прелестями своих вожаков, не брезгуя ни дворянами, ни предводителями шаек и убийцами, тем самым обеспечивая себе их преданность. В конце концов она забеременела и одновременно с заключенной в Гутборге Рианнон родила дитя. Своего младенца Фалька приказала подкинуть к двум близнецам, рожденным Рианнон. Как она, кажется, заявила, чести быть мамками ее ублюдков достойны только королевы, и такая судьба ждет всех коронованных самок при новом порядке, который она, Фалька, построит после победы.

Проблема состояла в том, что никто, включая и Рианнон, не знал, кто из тройки был ребенком Фальки. С большой долей вероятности предполагали, что это одна из девочек, потому что Рианнон вроде бы родила девочку и мальчика. Повторяю: вроде бы, поскольку, несмотря на чванливые заявления Фальки, детей вскармливали обыкновенные деревенские мамки. Пришедшая в конце концов в себя Рианнон почти ничего не помнила. Да, родила. Да, иногда ей в постель приносили и показывали тройняшек. Ничего больше.

Тогда призвали чародеев, чтобы те исследовали всех троих и установили, кто есть кто. Гоидемар был в таком бешенстве, что собирался после того, как Фалькиного ублюдка обнаружит, уничтожить ребенка, причем публично. Этого мы допустить не могли. После подавления мятежа пойманных повстанцев зверски истязали, следовало наконец положить этому конец. Убийство ребенка, не достигшего и двух лет, вы понимаете? Вот тогда-то и возникла бы легенда! А уже и без того начинали кружить слухи, что сама Фалька родилась чудовищем в результате наговора Лары Доррен, что было очевидным вздором, так как Фалька родилась еще до того, как Лара сошлась с Крегеннаном. Но мало кому хотелось подсчитывать годы. Памфлеты и нелепые документы втихую появлялись даже в оксенфуртской академии. Однако возвращаюсь к исследованиям, которые нам поручил Гоидемар...

– Нам? – подняла голову Йеннифэр. – Это кому же?

– Тиссае де Врие, Августе Вайнер, Летисии Шарбоннэ и Хену Гедымгейту, – спокойно сказала Франческа. – Позже подключили и меня. Я была молодой чародейкой, но эльфийкой чистой крови. А мой отец... Биологический, ибо он отказался от меня... Он был Ведуном. Я знала, что такое ген Старшей Крови.

– И такой ген отыскивали у Рианнон, когда исследовали ее и короля, прежде чем исследовать детей, – догадалась Шеала де Танкарвилль. – И у двух детей, что позволило выявить внебрачного ребенка Фальки. И как вам удалось уберечь ребенка от гнева короля?

– Очень просто, – усмехнулась эльфка. – Мы разыгрывали незнание. Объясняли королю, что проблема очень сложная, что мы продолжаем исследования, а такие исследования требуют времени... Много времени. Гоидемар, человек по сути своей добрый и благородный, быстро остыл и вовсе не подгонял нас, а тройняшки росли и носились по дворцу, приводя в восторг

королевскую чету и весь двор. Амавет, Фиона и Адель. Три одинаковых воробушка. Разумеется, к ним внимательно присматривались, то и дело возникали подозрения, особенно если кто-то из детей натворит что-нибудь. Однажды Фиона вылила из окна содержимое ночной вазы прямо на крупного конетабля, тот во всеуслышание окрестил ее дьявольским отродьем и распрощался с должностью. Спустя некоторое время Амавет измазал лестницу жиром, а некая придворная дама, когда ее руку брали в лубки, прошептала что-то о проклятой крови и... распрощалась со двором. Не столь высокородных крикунов незамедлительно знакомили с позорным столбом и плетью, так что все быстро научились держать язык за зубами. Даже некий барон из очень древнего рода, которому Адель угодила стрелой в «нижний бюст», отделался всего лишь...

– Не надо отвлекаться на рассказы о проделках детишек, – прервала Филиппа Эйльхарт. – Так когда наконец Гоидемару сказали правду?

– Никогда. Он не спрашивал, а нас это устраивало.

– Но кто из детей был незаконнорожденным ребенком Фальки, вы знали?

– Конечно. Адель.

– Не Фиона?

– Нет. Адель. Она скончалась от чумы. Дьявольский ублюдок, проклятая кровь, дочь чертовой Соколихи-Фальки наперекор протестам короля помогала жрецам в пригородной больнице, спасала больных детей, а сама заразилась и умерла. Ей было семнадцать лет. Годом позже ее псевдобрат Амавет учинил роман с графиней Анной Камэни и пал от рук убийц, нанятых графом. В тот же год скончалась Рианнон, не перенесшая смерти обожаемых ею детей. Тогда-то Гоидемар призвал нас снова. Потому что принцессой Фионой, последней из тройки, интересовался король Цинтры Корам. Хотел взять ее женой своему сыну, кстати, тоже Кораму, но, зная кружащие слухи и сплетни, опасался, как бы Фиона не оказалась внебрачной дочерью Фальки. Мы использовали весь свой авторитет, чтобы убедить его в том, что Фиона – законный ребенок. Не знаю уж, поверил ли он, но молодые пришли друг другу по вкусу, и таким образом вскоре дочь Рианнон, прапрапрабабка вашей Цири, стала королевой Цинтры.

– Внеся в династию Корамов тот самый ген, за которым вы продолжали охотиться.

– Фиона, – спокойно сказала Энид ан Глеанна, – не была носителем гена Старшей Крови, который мы уже тогда называли «геном Лары».

– То есть как это?

– Носителем «гена Лары» был Амавет, а наш эксперимент продолжался. Ибо Анна Камэни, из-за которой распрощались с жизнью любовник и муж, еще не сняв траура, родила близнецов. Мальчика и девочку. Отцом, несомненно, был Амавет, потому что девочка оказалась носителем гена. Девочку называли Мюриель.

– Прелестная Мерзавка Мюриель? – удивилась Шеала де Танкарвилль.

– Гораздо позже, – усмехнулась Францеска. – Вначале – Малютка Мюриель. Действительно, это был милый, прелестный ребенок. Когда ей исполнилось четырнадцать, ее уже называли Мюриель – Бархатные Глазки. Многие утонули в этих глазках. Наконец ее выдали за Роберта, графа Гаррамона.

– А мальчик?

– Криспин. У него этого гена не было, потому он нас и не интересовал. Погиб, кажется, во время какой-то войны. В голове у него только и было, что драться да стрелять.

– Постой. – Сабрина резким движением растрепала волосы. – Ведь Прелестная Мерзавка Мюриель была матерью Адалии по прозвищу Ворожейка...

– Верно, – подтвердила Франческа. – Любопытная штучка эта Адалия. Мощный Исток, идеальный материал для чародейки. Увы, она не хотела быть чародейкой. Предпочитала быть королевой.

– А ген? – спросила Ассирэ вар Анагид. – Она была его носителем?

– Как ни странно – нет.

– Так я и думала, – кивнула Ассирэ. – Непрерывно «ген Лары» может передаваться только по женской линии. Если же носителем оказывается мужчина, ген редуцируется во втором, самое большее в третьем поколении.

– Однако после этого, вероятно, все же активизируется, – сказала Филиппа Эйльхарт. – Адалия, у которой «ген Лары» не проявился, была матерью Калантэ, а ведь Калантэ, бабка Цири, снова оказалась носителем «гена Лары».

– Первой после Рианнон, – неожиданно проговорила Шеала де Танкарвилль. – Вы ошибались, Франческа. Было два гена. Один, истинный, был скрытым, латентным, вы прозевали его у Фионы, обманутые сильным и четко выраженным геном Амавета. Но у Амавета был не «ген Лары», а активатор. Госпожа Ассирэ права. Передающийся по мужской линии активатор уже у Адалии был настолько нечетким, что вы его не обнаружили. Адалия была первым ребенком Мерзавки. У следующих наверняка не было и следа активатора. Латентный ген Фионы тоже скорее всего редуцировался бы у ее мужских потомков не дальше чем в третьем поколении. Но он не исчез, и я знаю почему.

– Черт побери, – прошипела сквозь зубы Йеннифэр.

– Я заплутала, – сообщила Сабрина Глевиссиг, – заплутала в дебрях вашей генетики и генеалогии.

Франческа пододвинула к себе патеру с фруктами, протянула руку, прошептала заклинание.

– Простите за базарный психокинез, – улыбнулась она, приказав красному яблоку подняться высоко над столом. – Но при помощи левитирующих фруктов мне легче будет все объяснить, в том числе и ошибку, которую мы совершили. Красное яблочко – это «ген Лары». Старшая Кровь. Зеленое – латентный ген. Гранат – это псевдоген, активатор. Начнем. Вот Рианнон, красное яблочко. Ее сын Амавет – гранат. Дочь Амавета – Прелестная Мерзавка Мюриель и его внучка Адалия – тоже гранаты, причем последний – уже редуцирующийся. А вот вторая линия: Фиона, дочь Рианнон – зеленое яблочко. Ее сын Корбетт, король Цинтры, – зеленое. Сын Корбетта и Элен Каздвенской Дагорад – зеленое. Как видите, в двух последующих поколениях исключительно мужские потомки, ген редуцируется, он уже очень слаб. Однако в самом низу у нас теперь гранат и зеленое яблочко. Адалия, княжна Марибора, и Дагорад, король Цинтры. И их дочь – Калантэ, красное яблочко. Возродившийся, сильный «ген Лары».

– Ген Фионы, – кивнула Маргарита Ло-Антиль, – встретился с активатором Амавета в результате супружеского инцеста, и никто не обратил внимания на кровное родство? Ни один королевский геральдик и хронист не обратили внимания на явное кровосмешение?

– Оно не было столь уж явным. Ведь Анна Камэни не кричала на весь базар, что ее близнецы – внебрачные дети, потому что родственники мужа незамедлительно лишили бы и ее самое, и ее детей герба, титулов и имущества. Да, верно, сплетни появились и кружили упорно, причем не только среди плебса. Мужа для «порченной» инцестом Калантэ пришлось искать аж в дальнем Эббинге, куда слухи не дошли.

– Прибавь к своей пирамиде еще два красных яблока, Энид, – сказала Маргарита. – Теперь, в соответствии со справедливыми замечаниями госпожи Ассирэ, возродившийся «ген Лары» гладко идет по женской линии.

– Да. Вот Паветта, дочь Калантэ. И дочь Паветты – Цирилла. Единственная в данный момент наследница Старшей Крови, носительница «гена Лары».

– Единственная? – резко спросила Шеала де Танкарвилль. – Не слишком ли ты самоуверенна, Энид?

– Что ты имеешь в виду?

Шеала неожиданно поднялась, стрельнула униженным перстнями пальцами в патеру и заставила левитировать оставшиеся на ней фрукты, разрушив и превратив в разноцветный хоровод всю схему Францески.

– Вот что я имею в виду, – холодно проговорила она, указав на фруктовый хаос. – Все это – возможные генетические комбинации. И мы знаем не больше, чем видим здесь, то есть ничего. Ваша ошибка отыгралась на вас, Францеска, породила лавину ошибок. Ген проявился случайно спустя сто лет, за эти годы могло случиться такое, о чем мы и понятия не имеем. События тайные, тщательно скрываемые, затушевываемые. Дети добрачные, внебрачные, зачатые тайно, даже подмененные. Инцесты. Смешение рас, кровь забытых предков, отзывающаяся в поздних поколениях. Короче говоря, ген, который сто лет тому назад был у вас на расстоянии вытянутой руки, даже в руках, теперь ускользнул. Ошибка, Энид, ошибка, ошибка! Слишком много стихийности, слишком много случайностей. Слишком мало контроля. Слишком мало вмешательства в случайность.

– Мы, – стиснула зубы Энид ан Глеанна, – имели дело не с кроликами, которых можно запереть в клетки, подбирая из них пары.

Фрингилья, следуя за взглядом Трисс Меригольд, заметила, как руки Йеннифэр вдруг сжали резные подлокотники стула.

«Так вот что сейчас связывает Йеннифэр и Францеску, – лихорадочно размышляла Трисс, по-прежнему избегая взгляда подруги. – Расчет. Ведь, конечно же, не обошлось без сознательного подбора пар и разведения потомства. Да, их планы относительно Цири и принца из Ковира, на первый взгляд, казалось бы, невероятные, в действительности были совершенно реальны. Они такое уже делали. Возводили на троны кого хотели, по собственному желанию конструировали союзы и династии, которые были им удобны и выгодны. В дело шло все: чары, афродизии, эликсиры. Короли и королевы неожиданно заключали странные, часто морганатические браки, зачастую наперекор всем планам, намерениям и договорам. А позже тем, кто хотел, но не должен был родить, тайно подавали противозачаточные средства. Те же, кто рожать не собирался, а надо было, чтобы рожал, вместо обещанных средств получали плацебо, воду с лакрицей. Отсюда и все эти невероятные родственные отношения – Калантэ, Паветта... И Цири. Йеннифэр была в этом замешана. А теперь сожалеет. И правильно делает. Черт побери, если об этом узнает Геральт...»

«Сфинксы, – думала Фрингилья Виго. – Сфинксы, вырезанные на подлокотниках стульев. Да, это должно стать знаком и эмблемой ложи. Знание, тайна, молчание. Они – сфинксы. Они без труда добьются всего, чего пожелают. Им ничего не стоит женить Ковир на этой их Цири. В их руках сила. В их руках знание. В их руках средства. Бриллиантовое кольцо на шее Сабрины Глевиссиг стоит, вероятно, без малого столько, сколько составляет весь платежный баланс лесистого и скалистого Каэдвена. Они запросто добились бы того, что планируют. Но есть одна заковыка...»

«Так, – подумала Трисс Меригольд, – наконец-то начинается разговор о том, с чего следовало начать. С того отрезвляющего и остужающего факта, что Цири находится в Нильфгаарде, во власти Эмгыра. Очень далеко от разрабатываемых здесь планов...»

– Несомненно, – говорила Филиппа, – Эмгыр охотился за Цириллой давно. Все считали, что предполагался политический марьяж с Цириллой и овладение леном, который на законном основании унаследовала девочка. Однако нельзя исключить, что дело тут вовсе не в политике, а в гене Старшей Крови, который Эмгыр вознамерился внести в императорскую линию. Если Эмгыр знает то же, что знаем и мы, то он может пожелать, чтобы пророчество осуществилось в его роду, а будущая Королева Мира родилась бы в Нильфгаарде.

– Поправка, – вставила Сабрина Глевиссиг. – Того хочет не Эмгыр, а нильфгаардские чародеи. Только они могли выискать ген и объяснить Эмгыру его значение. Присутствующие здесь нильфгаардские дамы, я думаю, не откажутся это подтвердить и прояснить свою роль в интриге.

– Меня удивляет, – не выдержала Фрингиля, – тенденция присутствующих здесь нильфгаардских дам искать нити интриг в далеком Нильфгаарде, хотя все указывает на то, что заговорщиков и предателей следует искать гораздо ближе к вам самим.

– Замечание столь же прямое, сколь и точное. – Шеала де Танкарвилль суровым взглядом удержала готовящуюся было возразить Сабрину. – Информация о Старшей Крови проникла в Нильфгаард от нас, все указывает на это. Или вы забыли о Вильгефорце?

– Я – нет. – В черных глазах Сабрины на секунду полыхнул огонь ненависти. – Я не забыла!

– Придет его час, – зловеще сверкнула глазами Кейра Мец. – Но пока речь не о нем, а о том, что Цири, столь важная для нас Старшая Кровь, находится в руках Эмгыра вар Эмрейса, императора Нильфгаарда.

– У императора в руках, – спокойно пояснила Ассирэ, взглянув на Фрингилю, – нет ничего похожего. У содержащейся в Дарн Роване девушки нет никакого экстраординарного гена. Она обычна до банальности. Вне всяких сомнений, это не Цири из Цинтры. Не та девушка, которую разыскивал император. А искал он ту, которая носит «ген Лары». Он даже получил ее волосы. Волосы эти я исследовала и обнаружила нечто такое, чего понять не могла. Теперь понимаю.

– Итак, Цири нет в Нильфгаарде, – тихо проговорила Йеннифэр. – Ее там нет.

– Ее там нет, – серьезно подтвердила Филиппа Эйльхарт. – Эмгыра обманули, подсунули ему двойника. Я сама узнала об этом только вчера. Однако меня радует искренность госпожи Ассирэ. Это подтвердило, что наша ложа уже действует. * * *

Йеннифэр с трудом сдерживала дрожь в руках. «Только спокойно, – повторяла она, – только спокойно, не выдавать себя, ждать подходящего момента. И слушать, слушать, собирать информацию. Сфинкс. Быть сфинксом».

– Итак, Вильгефорц, – хлопнула Сабрина рукой по столу. – Не Эмгыр, а Вильгефорц, эта очаровашка, этот благопристойный подлюга! Провел и Эмгыра, и нас!

Йеннифэр успокаивала себя глубокими вдохами. Ассирэ вар Анагид, чародейка из Нильфгаарда, совершенно явно чувствовала себя неуютно в плотно облегающем платье, рассказывала о каком-то молодом нильфгаардском дворянине. Йеннифэр знала, о ком речь, и невольно сжимала кулаки. Черный рыцарь в крылатом шлеме, кошмар и бред Цири... Она ловила на себе взгляды Франчески и Филиппы. Трисс, взгляд которой она пыталась привлечь, избегала ее глаз. «Дьявольщина, – думала Йеннифэр, с трудом придавая лицу

безразличное выражение, – ну и влипла я. В какую паршивую ловушку я загнала девочку... Черт, как мне теперь смотреть в глаза ведьмаку...»

– Значит, представится прекрасная возможность, – возбужденно воскликнула Кейра Мец, – отыскать Цири и одновременно взять за глотку Вильгефорца! Подождем у подлеца землю под задницей!

– Чтобы поджигать землю, сначала надо найти убежища Вильгефорца, – съехидничала Шеала де Танкарвилль, чародейка из Ковира, которую Йеннифэр никогда не жаловала избытком симпатии. – А пока что это никому не удалось. Даже некоторым сидящим за нашим столом дамам, которые, к слову сказать, не жалели на поиски ни времени, ни своих незаурядных способностей.

– Уже найдены два из многочисленных убежищ Вильгефорца, – холодно ответила Филиппа Эйльхарт. – Дийкстра активно разыскивает остальные, а я бы его со счетов не сбрасывала. Порой там, где подводит магия, справляются шпионы и осведомители. * * *

Один из сопровождающих Дийкстру агентов заглянул в камеру, испуганно попятился, прислонился к стене и побледнел как полотно. Смотрелся он так, словно вот-вот потеряет сознание. Дийкстра сделал пометку в памяти: перевести неженку на бумажную работу. Но стоило ему самому заглянуть в камеру, как он тут же изменил мнение о работнике. Желудок подскочил у него к горлу. Однако, чтобы не компрометировать себя перед подчиненным, он не спеша вынул из кармана надушенный платок, приложил к носу и рту и наклонился над голым телом, валявшимся на каменном полу.

– Рассечены живот и матка, – поставил он диагноз, стараясь говорить спокойно и холодно. – Очень умело, рукой хирурга. Из девушки извлекли плод. Делали это, когда она была еще жива. Но не здесь. И что, все в таком состоянии? Леннеп, я к тебе обращаюсь?

– Нет... – вздрогнул агент, оторвав глаза от трупа. – У других винтовой гарротой сломаны шеи. Они не были беременны... Но мы произведем вскрытие...

– Сколько нашли всего?

– Кроме этой – четырех. Ни одну не удалось опознать.

– Неправда, – проговорил из-за платочка Дийкстра. – Я уже успел опознать эту. Это Жоли, младшая дочь графа Ланьера. Та, что год назад пропала без вести. Взгляну на остальных.

– Некоторых огонь подпортил, – сказал Леннеп. – Трудно будет узнать... Но, милостивый государь, кроме того... Мы нашли...

– Ну, говори, перестань заикаться!

– В том колодце, – агент указал на зияющую в полу дыру, – кости. Много костей. Мы не успели достать и проверить, но ручаюсь, все они окажутся костями юных девок. Если попросить магигов, может, удалось бы распознать... И сообщить родителям, которые все еще разыскивают пропавших дочерей...

– Ни в коем случае. – Дийкстра резко повернулся. – Ни слова о том, что здесь найдено. Никому. А тем более магикам. После того, что я здесь видел, я теряю к ним доверие. Леннеп, верхние уровни осмотрены тщательно? Найдено что-нибудь, что могло бы нам помочь?

– Ничего, милостивый государь. – Леннеп опустил голову. – Как только к нам поступило донесение, мы тут же кинулись в замок. Но было уже поздно. Все сгорело. Огонь ужасной силы. Не иначе – магический. Не знаю почему...

– А я знаю. Пожар устроил не Вильгефорц, а Риенс или другой фактотум чародея. Вильгефорц не оставил бы ничего, кроме сажи на стенах. Он бы ошибки не совершил. Да, он знает, что огонь очищает... И стирает следы.

– Верно, стирает, – буркнул Леннеп. – Нет даже признаков того, что Вильгефорц тут вообще был...

– Значит, надо такие признаки создать. – Дийкстра отнял платок от лица. – Учить вас, как это делается? Я знаю, что Вильгефорц тут был. Кроме трупов, в подземелье ничего не уцелело? А за железной дверью что? Вон там?

– Позвольте, милостивый государь. – Агент взял из рук помощника факел. – Я покажу.

Не было сомнений, что магический пожар, которому предстояло испепелить все, что находилось в подземелье, начался именно здесь, в просторном помещении за железными дверями. Ошибка в заклинании существенно испортила план, но и без того пожар был сильный и бурный. От огня обуглились книжные полки, занимавшие одну из стен, разорвались и расплавились стеклянные сосуды. Все превратилось в вонючую массу. Единственное, что осталось нетронутым, был стол с жестяной столешницей и два вмурованных в пол кресла странной формы. Странной, но не оставляющей сомнения в их назначении.

– Они сконструированы так, – сглотнул Леннеп, указывая на кресла и прикрепленные к ним захваты, – чтобы держать ноги... разведенными. Разведенными широко.

– Сукин сын, – прошипел сквозь стиснутые зубы Дийкстра. – Сволочной сукин сын...

– В стоке под деревянным креслом, – продолжал агент, – мы обнаружили следы крови, кала и мочи. Стальное кресло новенькое, вряд ли когда-либо использовалось. Не знаю, что и думать...

– А я знаю, – сказал Дийкстра. – Стальное было специально создано для кого-то особого. Для кого-то, кого Вильгефорц подозревал в особых способностях.

– Я отнюдь не недооцениваю Дийкстру и его разведку, – сказала Шеала де Танкарвилль. – Знаю, чтобы отыскать Вильгефорца, требуется время. Однако, отбросив проблему личной мести, которая, кажется, занимает некоторых из нас, позволю себе заметить, что вовсе не обязательно думать, будто именно Вильгефорц держит Цири.

– Если не Вильгефорц, то кто? Она была на острове. Никто из нас, как я понимаю, не телепортировал ее оттуда. Ее нет у Дийкстры, нет у кого-либо из королей. Это нам известно. А в развалинах Башни Чайки мы не нашли ее тела.

– Тор Лара, – медленно произнесла Ида Эмеан, – некогда скрывала в себе очень мощный портал. Вы исключаете вероятность того, что девочка убежала с Танедда, воспользовавшись этим порталом?

Йеннифэр прикрыла глаза, впилась ногтями в головы сфинксов на подлокотниках. «Только спокойно, – подумала она. – Только спокойно». Она почувствовала на себе взгляд Маргариты, но не подняла головы.

– Если Цири проникла в телепорт Тор Лара, – проговорила слегка изменившимся голосом ректор Аретузы, – опасаясь, нам придется забыть о наших планах и проектах. Боюсь, мы можем уже никогда не увидеть Цири. Не существующий больше портал Башни Чайки был поврежден, искажен. Он был убийствен.

– О чем мы говорим? – вспыхнула Сабрина. – Чтобы даже просто обнаружить телепорт в

башне, чтобы даже просто суметь его увидеть, необходимо воспользоваться магией четвертого порядка. А для приведения портала в действие необходимы сверхмагические способности! Не знаю, сумел ли бы это сделать даже Вильгефорц, а что говорить о пятнадцатилетней девчонке! Как можно даже предполагать нечто подобное? Кто, по-вашему, эта девчонка? Что в ней такого есть? * * *

– Разве важно, – протянул Стефан Скеллен по прозвищу Филин, коронер императора Эмгыра вар Эмрейса, – что в ней такого есть, господин Бонар? И вообще есть ли в ней что-то? Мне важно, чтобы ее вообще не было. Я плачу вам за это сто флоренов. Если вам так хочется, проверьте, что в ней такого есть. После того, как убьете, или до того. Как вам удобнее. Кстати, цена не возрастет, даже если вы что-то найдете, торжественно заявляю и предупреждаю.

– А если доставлю живой?

– Тоже нет.

Огромного роста, но костлявый как скелет мужчина, которого называли Бонаром, подкрутил седые усы. Другой рукой он все время опирался о меч, словно хотел скрыть от глаз Скеллена резьбу рукояти.

– Привезти голову?

– Нет, – поморщился Филин. – Зачем мне ее голова? Законсервировать в меду?

– Доказательство.

– Поверю на слово. Вы – человек, известный делами, Бонар. Солидностью тоже.

– Благодарю за доверие. – Ловец наград усмехнулся, а Скеллен, у которого перед трактиром стояли двадцать вооруженных человек, при виде его улыбки почувствовал, как по спине поползли мурашки. – Вроде бы так и должно быть, а встречается редко. Господам баронам и господам Варнхагенам я обязательно должен притащить головы всех Крыс, иначе не заплатят. Коли вам Фалькина голова ни к чему, думаю, вы не станете возражать, если я присовокуплю и ее для полноты комплекта?

– Чтобы оприходовать и вторую награду? А как же профессиональная этика?

– Я, уважаемый господин Скеллен, – прищурился Бонар, – беру плату не за убийство, а за услугу, оказываемую убийством. А ведь оную я окажу и вам, и Варнхагенам.

– Логично, – согласился Скеллен. – Поступайте как сочтете нужным. Когда можно вас ожидать за получением оплаты?

– Вскоре.

– То есть?

– Крысы идут на Бандитский Тракт, надеются перезимовать в горах. Я перережу им дорогу. Двадцать дней, не больше.

– Вы уверены в их маршруте?

– Они были у Фэн Аспры, там разграбили обоз и двух купцов. Бушевали под Тыффией. Ночью влетели в Друи поплясать на кметском празднике. Наконец заглянули в Лоредо. Там, в Лоредо, Фалька зарубила человека. Да так, что до сих пор об этом говорят, щелкая зубами. Поэтому я и спрашивал, что такого сидит в той Фальке.

– Может, что-то такое, что и в вас, – насмешливо бросил Скеллен. – Хотя нет. Простите. Вы ведь берете деньги не за убийство, а за предоставленные услуги. Вы – настоящий ремесленник, Бонар, истинный профессионал. Специальность не лучше и не хуже другой. Работа, которую надлежит выполнить. За нее платят, а жить-то надо? Э?

Ловец наград долго глядел на него. Так долго, что с губ Филина наконец сползла улыбка.

– Истинно. Жить-то надо. Один зарабатывает на жизнь тем, что умеет делать. Другой делает то, что делать вынужден. Мне в жизни посчастливилось, как мало какому ремесленнику, разве что какой-нибудь курве. Мне платят за ремесло, которое я искренне, по-настоящему люблю.

Предложение Филиппы перекусить и смочить пересохшее от многочисленных речей горло Йеннифэр встретила с облегчением, радостью и надеждой. Однако вскоре оказалось, что надежды были тщетными. Маргариту, явно желавшую с ней поговорить, Филиппа быстренько оттеснила в другой конец зала. Подошедшую Трисс Меригольд сопровождала Франческа. Эльфка не смущаясь следила за беседой. Однако Йеннифэр видела беспокойство в васильковых глазах Трисс и была уверена, что даже в разговоре без свидетелей ее просьбы о помощи остались бы без ответа. Трисс, несомненно, уже была всей душой предана ложе. И несомненно, чувствовала, что верность Йеннифэр все еще сомнительна.

Трисс пыталась ее утешить, уверяла, что в Брокилоне Геральт вне опасности и стараниями дриад выздоравливает. У нее, как всегда, когда речь заходила о Геральте, на щеках вспыхивал румянец. «Видимо, он ее тогда здорово ублажил, – не без язвительности подумала Йеннифэр. – Раньше ей не доводилось иметь дело с такими, как он. Не скоро она о нем забудет. И очень хорошо».

На сообщение Трисс она отреагировала равнодушным пожатием плеча. Ее не волновало, что ни Трисс, ни Франческа не поверили ее безразличию. Она хотела остаться в одиночестве и хотела дать им это понять.

Они поняли.

Йеннифэр стояла в дальнем углу буфета, занимаясь устрицами. Ела осторожно, все еще чувствуя боль – последствие компрессии. Пить вино опасалась, не зная, как прореагирует организм.

– Йеннифэр?

Она обернулась. Фрингиля Виго слабо улыбнулась, глядя на короткий нож, который Йеннифэр держала в руке.

– Вижу и чувствую, что ты с удовольствием отворила бы меня вместо устрицы. Все еще неприязнь?

– Ложа, – холодно ответила Йеннифэр, – требует взаимного доверия. Приязнь – не обязательна.

– Не обязательна и не требуется. – Нильфгаардская чародейка повела глазами по залу. – Приязнь возникает либо в результате длительного процесса, либо спонтанно.

– То же самое и с неприязнью. – Йеннифэр раскрыла устрицу и проглотила содержимое вместе с морской водой. – Порой видишь человека всего за долю секунды перед тем, как он тебя ослепит, и уже не любишь.

– О, проблема неприязни го-о-ораздо сложнее, – прищурилась Фрингиля. – Допустим, кто-то, кого ты не распознаешь с вершины холма, на твоих глазах разрубает на куски твоего друга.

Ты вообще не видишь кто, а уже не любишь.

– Бывает и так, – пожала плечами Йеннифэр. – Судьба временами выкидывает фортели.

– Судьба, – тихо проговорила Фрингилья, – действительно непредсказуема, как озорной ребенок. Порой друзья отворачиваются от тебя, а враги приносят пользу. Можно, к примеру, поговорить с ними один на один. Никто не пытается помешать, не прерывает, не подслушивает. Все думают: о чем могут беседовать два врага? Ни о чем существенном. Так, высказывают друг другу разные банальности, время от времени вставляя шпильки.

– Несомненно, – кивнула Йеннифэр, – так все и думают. И правильно поступают.

– Тем удобнее нам будет, – не смутилась Фрингилья, – затронуть некую тему. Важную и небанальную.

– Какую ж тему ты имеешь в виду?

– Тему бегства, которую ты обдумываешь.

Йеннифэр, в этот момент открывавшая вторую устрицу, чуть не порезала палец. Украдкой осмотрелась, потом взглянула на нильфгаардку из-под полуопущенных ресниц. Фрингилья Виго еле заметно улыбнулась.

– Будь добра, одолжи нож. Для устриц. Ваши устрицы великолепны. У нас, на юге, нелегко такие достать. Особенно сейчас, в условиях военной блокады... Блокада – штука очень неприятная. Верно?

Йеннифэр тихо кашлянула.

– Я заметила. – Фрингилья проглотила устрицу, потянулась за второй. – Да, Филиппа смотрит на нас. Ассирэ тоже. Ассирэ, вероятно, волнует моя верность ложе. Как же: верность под угрозой! Она уже готова подумать, что я размякну. Хммм... Любимый мужчина изуродован. Девочка, которую ты считаешь дочерью, исчезла, возможно, брошена в тюрьму... Может быть, ей угрожает смерть? А может быть... ее просто используют в качестве карты в шулерской игре? Даю слово, я б не выдержала. Немедленно сбежала бы отсюда. Пожалуйста, возьми нож. Хватит устриц, надо следить за фигурой.

– Блокада, как ты только что изволила заметить, – шепнула Йеннифэр, глядя в зеленые глаза нильфгаардской чародейки, – штука очень неприятная. Прямо-таки вредная. Она не позволяет сделать желаемое. Блокаду можно преодолеть, если располагаешь... средствами. У меня их нет.

– Рассчитываешь на то, что я их тебе дам? – Нильфгаардская чародейка внимательно посмотрела на шершавую поверхность створок устрицы, которую все еще держала в руке. – О, об этом нет и речи. Ложа может быть уверена в моей преданности. А ложа – это, я думаю, ясно – не желает, чтобы ты поспешала на выручку любимым людям. Кроме того, я твой недруг, Йеннифэр. Как ты могла забыть!

– Действительно! Как я могла?

– Друга, приятеля, – тихо сказала Фрингилья, – я предупредила бы, что, даже располагая компонентами для телепортационных заклинаний, он не сумеет незаметно разрушить блокаду. Такая операция требует времени и слишком уж бросается в глаза. Немного лучше был бы какой-нибудь незаметный, стихийный «кабестан», притягатель. Повторяю – немного. Телепортироваться на импровизированный притягатель, как ты, несомненно, знаешь, очень рискованно. Приятельнице, если б она решилась пойти на такой риск, я не посоветовала бы. Но ты – не она.

Фрингилья наклонила раковину, которую держала в руке, и слила на столешницу немного морской воды. Совсем немного.

– На этом мы и закончим наш банальный разговор. Ложа требует от нас всего лишь взаимного доверия. Дружба, к счастью, не обязательна.

– Телепортировалась, – сказала тихо и невыразительно Франческа Финдабаир, как только улеглось вызванное исчезновением Йеннифэр волнение. – Не надо горячиться, милые дамы. Теперь уже поздно охать и ахать. Она слишком далеко. Это моя ошибка. Я подозревала, что ее обсидиановая звезда маскирует эхо заклинаний...

– Как она это сделала, черт побери?! – рявкнула Филиппа. – Эхо она приглушить могла, это нетрудно. Но каким чудом она раскрыла для себя портал? Монтекальво заблокирован!

– Никогда я ее не любила, – пожала плечами Шеала де Танкарвилль. – Никогда не одобряла ее образ жизни. Но никогда не сомневалась в ее способностях.

– Она выболтает все! – разоралась Сабрина Глевиссиг. – Все о ложе! Помчится напрямик...

– Глупости, – быстро прервала Трисс Меригольд, глядя на Францеску и Иду Эмеан. – Йеннифэр не предаст нас. Не для того она отсюда сбежала, чтобы нас предавать.

– Трисс права, – поддержала ее Маргарита Ло-Антиль. – Я знаю, почему она сбежала. Знаю, кого хочет спасти. Я видела их обеих, ее и Цири, вместе. И все понимаю.

– А я ничего не понимаю! – крикнула Сабрина, и снова в зале стало шумно.

Ассирэ вар Анагид наклонилась к подруге.

– Я не спрашиваю, зачем ты это сделала, – шепнула она. – Не спрашиваю, как сделала. Я спрашиваю – куда?

Фрингилья Виго едва заметно улыбнулась, поглаживая пальцами резную головку сфинкса на подлокотнике стула.

– А откуда мне знать, – прошептала она в ответ. – На каком побережье ловят таких роскошных устриц?

Глава седьмая

ИТЛИНА, собственно Ithlinne Aegli aep Aevenien, легендарная эльфья целительница, астролог и прорицательница, славящаяся своими предсказаниями, ворожкой и пророчествами, из которых наиболее известно Aep Ithlinnespeath, Предсказание Итлины. Распространявшееся в списках и неоднократно издававшееся в различной форме Предсказание в разные периоды пользовалось огромной популярностью, а комментарии, расшифровки и пояснения, к нему присовокупляемые, приспособляли текст к текущим событиям, что укрепляло веру в величайшее ясновидение И. В особенности считается, что И. предсказала Северные Войны (1239–1268); Великие Эпидемии (1268, 1272 и 1294); кровавую войну Двух Единорогов (1309–1318) и вторжение гааков (1350). И. предвидела также наблюдаемые с конца XIII века климатические изменения («белый хлад»), которые суеверия всегда почитали указаниями на конец света и связывали с предсказанным приходом Разрушительницы (см.). Тот же пассаж из Пророчества И. дал повод к позорной охоте на чародеек (1272–1276) и привел к смерти множества женщин, принимаемых за воплощение Разрушительницы. Сегодня многие

исследователи считают И. фигурой мифической, а ее «пророчества» – современным, от начала до конца сфабрикованным апокрифом и ловким литературным надувательством. Эфпенбах и ТальботEncyclopaedia Maxima Mundi, том X

Дети, веночком окружавшие бродячего сказителя Посвиста, запротестовали, подняв невообразимый и бестолковый галдеж. Наконец Коннор, кузнецов сын, самый старший, самый сильный и самый смелый, а вдобавок притащивший сказителю горшок-двойчатку, полную щей и перемешанных со шкварками картофелин, выступил в роли доверенного лица и выразителя воли общества.

– Как же так?! – воскликнул он. – Ну как же так, дедушка? Как же так – на сёння хватит? Разве ж можно в таком месте сказку обрывать? В таком желательстве нас оставить? Мы хотим знать, что дальше-то было! Не можем мы ждать, кады вы обратно в село заглянете, потому как это через полгода аль через год моёт случиться! Сказывайте дале!

– Солнышко закатилось, – ответил старик. – В постельки вам пора, малышня! Ежели завтра с утра на работе зевать станете и охать, что родители-то вам скажут? Знаю я, что скажут. Опять, мол, старый Посвист болтал им до полуночи, головы детям былинами заморочил, выспаться не дал. Значит, когда он снова в село заявится, не давать ему ничего, ни каши, ни клецок, ни кусочка сала, а только выгнать его, деда, потому как от евонных сказок один вред да неприятности.

– А вот и не скажут так-то! – хором закричали дети. – Рассказывайте еще, дедунь! Просим вас!

– Хммм, – забормотал старик, поглядывая на солнце, понемногу скрывающееся за кронами деревьев на другом берегу Яруги. – Ну, воля ваша. Но уговор будет, значит, такой: один пусть сбегает в халупу и принесет простокиши, чтоб мне было чем горло промочить. А остальные подумайте, о чьих судьбах рассказывать, потому как обо всех я вам ныне рассказать не успею, хоть и до утра стану говорить. Стало быть, надо выбрать, о ком сегодня, а о ком в другоряд.

Дети снова подняли шум, стараясь перекрычать друг друга.

– Тихо! – крикнул Посвист, взмахнув посохом. – Я сказал – выбрать, а не как сойки: рет-рет, рет-рет-рет! Ну, так как же? О чьих судьбах рассказывать-то?

– О Йеннифэр, – поглаживая спящего на подоле котенка, пропищала Нимуэ, самая младшенькая из слушателей, которую из-за ее роста прозвали Коротышкой. – Рассказывайте о дальнейших судьбах чародейки, дедушка. Как она с того кове... из конвета на Лысой Горе волшебством сбегла, чтоб Цирю спасать. Это хочется послушать. Потому как я, когда вырасту, чародейкой стану.

– Аккурат! – крикнул Броник, сын мельника. – Сопли-то утри, Коротышка. В чародейские подмастерья сопливых не берут! А вы, дедунь, рассказывайте не об Йеннифэр, а о Цири и Крысях, как они на разбой ходили и бились...

– Тихо вы, – проговорил Коннор, хмурый и задумчивый. – Глупые вы все. Ежеле сегодня еще чего-нито услышать хотим, то пусть это в порядке каком-никаком будет. Расскажите нам, дедушка, о ведьмаке и дружине евонной, как они от Яруги двинулись...

– Я хочу о Йеннифэр, – пискнула Нимуэ.

– Я тоже, – отозвалась Орля, ее старшая сестра. – Об ее с ведьмаком любви хочу. Как они

любились! Только пусть это добром кончится, дедуля! Не хочу, чтобы о смерти было. Нет!

– Тихо, дурная, кому о любви-то интересно? О войне хотим, о битвах!

– О ведьмачьем мече!

– О Цири и Крысях!

– Заткните хлебалы! – грозно глянул на всех Коннор. – Нито схвачу палку и отдубасю, мелюзга! Я сказал: по порядку. Пусть дед дальше о ведьмаке говорит, о том, как он путешествовал с Лютиком и Мильвой!

– Да! – снова запищала Нимуэ. – О Мильве хочу послушать, о Мильве! Потому как я, если меня в чародейки взять не захочут, то лучницей стану!

– Значит, выбрали, – сказал Коннор. – И в сам час, потому что дед, гляньте-ка, задремал враз, уж головой покачивает, носом ровно деркач клюет... Эй, дед! Не спите! Сказывайте нам о ведьмаке Геральте. С того места, где над Яругой дружина остановилась.

– Токо для начала, чтобы нас так любопытство не разбирало, – вставил Броник, – скажите нам, дедушка, хоть малость о других. Что с ними было. Легше будет ждать, пока вы в село возвратитесь, чтоб сказку продолжить. Хоть кратенько скажите. Об Йеннифэр и о Цири. Пожалуйста.

– Йеннифэр, – хмыкнул дед Посвист, – из чародейского замку, который Лысой Горой звался, на заклинании улетела. И напрямик в море шлепнулась. Во вздымающиеся волны океановы, промеж скал острых. Но не страшитесь, то для магии мелочь, не утопла она. На Острова Скеллиге попала, там союзников нашла. Потому как, видите ли, преогромная в ней злоба на чародея Вильгефорца вздымалась. Убежденная, что это он Цири порвал, умыслила она его выискать, месть жестокою сотворить, а Цири освободить. Вот и все. Когда-нито расскажу, как было.

– А Циря?

– Цири безотрывно с Крысами разбойничала, под именем Фальки скрываясь. Любо ей было разбойничье житье, потому как, хоть никто в те времена об этом не знал, были в той девице злость и жестокость – все самое отвратное, что в каждом человеке сокрыто, вылазило из нее и верх над добром помаленьку брало. Ох, великую ошибку пополнили ведьмаки из Каэр Морхена, что ее убивать приспособили. А сама-то Цири и не мнила, смерть неся, что ей самой костлявая на пятки наступает. Потому как уже страшный Бонар за ей следил, по следу ее шел. Писано им было встренуться, Бонару, стало быть, и Цири. Но об этом в инший раз расскажу. Теперича о ведьмаке послушайте.

Дети притихли, окружили старца тесным кругом. Слушали. Надвигались сумерки.

Дружественные днем коноплянки, малинник и росшие неподалеку от домишек мальвы вдруг превратились в таинственный, темный бор. Что это так в нем шуршит? Мышь ли, страшный ли огненноокий эльф? А может, упырь или баба-яга за детьми явилась? Что ли то вол в заграде топчет, что ли топот боевых коней жестоких напастников, опять, как сто лет назад, переправляющихся через Яругу? Или это летучая мышь над крышей мелькнула, или, может, вампир, по магическому заклинанию летящий к далекому морю?

– Ведьмак Геральт, – начал сказитель, – вместе со своей новой компанией двинулся на Ангрен, где болота и боры. В тот час еще были там боры, хо-хо, не то что ноне, ноне нету уж таких боров, разве что в Брокилоне... Компания направилась на восток, в верховья Яруги, в сторону урочищ Черного Леса. Поначалу хорошо у них шло, но потом, хо-хо... Что было, расскажу...

Текла, струилась сказка-вязь о давно минувших, забытых временах. Дети слушали.

Ведьмак сидел на пеньке, на краю обрыва, с которого раскинулся вид на заливные луга и камышники на берегу Яруги. Солнце заходило. Журавлиный клин поднялся с лугов, закурлыкал.

«Все испортилось, – подумал ведьмак, оглядываясь на развалины шалаша лесорубов и тоненький дымок, выходящий от костра Мильвы. – Все пошло наперекосяк. А как хорошо начиналось. Странная была компания, но ведь была. Была у нас впереди цель, близкая, реальная, конкретная. Через Ангрен на восток, в Казд Дху. Вполне нормально получалось. Но, поди ж ты, испортилось. Невезение или рок?»

Журавли курлыкали свой журавлиный хейнал.

Эмиель Регис Рогеллек Терзиефф-Годфрой ехал впереди на гнедом нильфгаардском жеребце, добытом ведьмаком под Армерией. Жеребец, первое время косившийся на вампира и его травяной запах, быстро обвык и доставлял забот не больше, чем идущая рядом Плотва, которая здорово брыкалась в ответ на укусы слепней. За Регисом и Геральтом трусил на Пегасе Лютик с перевязанной головой и воинственной миной. По пути поэт слагал ритмичную героическую песнь, в боевой мелодии и рифмах которой звучали отголоски недавних приключений. Форма произведения однозначно говорила о том, что во всех этих приключениях именно автор и исполнитель оказался самым мужественным из мужественных. Процессию замыкали Мильва и Кагыр Маур Дыффин азп Кеаллах. Кагыр ехал на вновь обретенном гнедом, ведя на поводу сивую, навьюченную частью их скромной экипировки.

Наконец выехали из приречных болот на лежащую выше сухую территорию, на холмы, с которых уже можно было видеть блестящую ленту Большой Яруги, а на севере – высокие и скалистые предгорья далекого массива Махакам. Погода стояла прекрасная, солнышко пригревало, москиты утихомирились и перестали докучать и брнчать в ушах. Сапоги и брюки высохли. На залитых солнцем склонах кусты ежевики были черным-черны от ягод, кони отыскивали траву, стекающие с возвышенностей ручейки несли хрустально чистую воду и были полны форелей. Когда настала ночь, можно было разжечь костер и даже прилечь рядом с ним. Словом, было прекрасно, а настроение должно было немедленно поправиться. Но не поправилось. Почему – стало ясно на одном из первых бивуаков.

– Погоди минутку, Геральт, – начал поэт, оглядываясь и покашливая. – Не спеши в лагерь. Мы хотим здесь, одни, поговорить с тобой. Я и Мильва. Тут дело... Ну, в Регисе.

– Так. – Ведьмак опустил на землю охапку хвороста. – Начали бояться? Самое время.

– Перестань, – поморщился Лютик. – Мы приняли его как товарища, он предложил свою помощь в поисках Цири. Мою собственную шею вытащил из петли, этого я ему не забуду. Но, черт побери, мы чувствуем что-то вроде страха. Удивляешься? Ты всю жизнь преследовал и убивал таких, как он.

– Его я не убил. И не собираюсь. Тебе этого достаточно? Если нет, то, хоть жалость разрывает мое бедное сердце, излечить тебя от страха я, убей меня, не в состоянии. Это звучит парадоксально, но единственный среди нас знаток по части лечения именно он, Регис.

– Я же сказал, перестань, – занервничал трубадур. – Ты разговариваешь не с Йеннифэр, тут красноречивые выкрутасы ни к чему. Ответь прямо на прямой вопрос.

– Задавай. Без красноречивых выкрутасов.

– Регис – вампир. Чем питаются вампиры – не секрет. Что будет, если он как следует

проголодается? Да-да, мы видели, как он ел уху, с той поры он ест и пьет с нами, совершенно нормально, как любой из нас. Но... Но сможет ли он сдержать жажду... Геральт, тебя что, за язык надо тянуть?

– Он сдержал жажду крови, хоть был близко, когда твоя кровушка лилась у тебя из башки. Перебинтовывая тебя, он даже пальцев не облизал. А тогда, в полнолуние, когда мы обожрались мандрагоровой сивухой и переспали в его шалаше, у него была прекрасная okazия взяться за нас. Ты проверил, нет ли случайно следов на твоей лебяжьей шейке?

– Не смейся, ведьмак, – буркнула Мильва. – Ты больше нас знаешь о вомперах. Над Лютиком смеешься, тады ответь мне. Я в пуще выросла, в школах не училась, темная я. Но не моя в том вина, смеяться надо мной не гоже. Я, стыдно сказать, тоже малость побаиваюсь этого... Региса.

– Небезосновательно, – кивнул Геральт. – Это так называемый высший вампир. Чрезвычайно опасный. Будь он нашим врагом, я б тоже боялся. Но, хрен знает почему, он оказался нашим другом. Именно он ведет нас на Казд Дху, к друидам, которые могут помочь мне добыть сведения о Цири. Я потерял надежду, поэтому хочу использовать этот шанс, не отказываюсь от него. Потому и соглашаюсь на его вампирье общество.

– Только потому?

– Нет, – ответил он не сразу. Наконец решился на откровенность. – Не только... Он... Он очень порядочно и справедливо поступает. В лагере беженцев над Хотлей, во время суда над девушкой он не раздумывал, не колебался. Хотя знал, что это его выдаст.

– Вытащил раскаленную подкову из огня, – подтвердил Лютик. – Даже несколько минут держал ее в руке и не поморщился. Ни один из нас не сумел бы повторить этот фокус даже с печеной картофелиной.

– Он невосприимчив к огню.

– Что он может еще?

– Может, если захочет, стать невидимым. Может взглядом заколдовать, погрузить в глубокий сон, как поступил со стражами в лагере Виссегерда. Может обращаться в нетопыря и летать, как нетопырь. Думаю, все это он может проделывать только ночью и только в полнолуние. Но я могу и ошибаться. Он уже несколько раз заставлял меня врасплох, вероятно, у него может еще что-то быть в запасе. Подозреваю, что он необычен даже для вампира. Идеально уподобляется человеку, и уже многие годы. Лошади и собаки могут учуять его истинную природу, но он сбивает их с толку запахом трав, которые постоянно носит с собой. Но ведь и мой медальон на него тоже не реагирует, а должен бы. Повторяю, его нельзя мерить обычной меркой. Об остальном спросите его сами. Это наш товарищ. Между нами не должно быть недоговоренностей, а тем более взаимного недоверия и опасений. Возвращаемся в лагерь. Помогите с хворостом.

– Геральт?

– Слушаю, Лютик.

– Ну а если... Ну, я спрашиваю чисто теоретически... Если бы...

– Не знаю, – ответил ведьмак честно и искренне. – Не знаю, смог бы я его прибить. И поверьте, предпочитаю не пробовать.

Лютик принял близко к сердцу совет ведьмака и решил выяснить неясности и развеять сомнения. Сделал он это, как только они отправились в путь. И сделал со свойственным ему

тактом.

– Мильва! – воскликнул он вдруг, не останавливая лошадь и косясь на вампира. – Ты могла бы проехать вперед, подстрелить олененка или кабанчика? Я уже по горло сыт ягодами и грибами, рыбами и беззубками, с удовольствием съел бы для разнообразия хороший кус настоящего мяса. Как ты на это, Регис?

– Слушаю? – Вампир поднял голову от шеи лошади.

– Говорю, мясо! – четко повторил поэт. – Я уговариваю Мильву поохотиться. Ты б съел свежего мяса?

– Съел бы.

– А крови, свежей крови б выпил?

– Крови? – Регис сглотнул. – Нет. Что до крови – благодарю. А вы, если есть желание, не стесняйтесь.

Геральт, Мильва и Кагыр хранили молчание. Тяжелое, гробовое молчание.

– Я понимаю, в чем дело, Лютик, – медленно проговорил Регис. – И позволь мне успокоить тебя. Я вампир, верно. Но крови я не пью.

Гробовое молчание стало могильным. Но Лютик не был бы Лютиком, если б тоже молчал.

– Думаю, ты неверно меня понял, – сказал он беззаботно, – я имею в виду не...

– Я не пью крови, – прервал Регис. – Давно. Отучился.

– То есть как – отучился?

– Обыкновенно.

– Я, ей-богу, не понимаю.

– Прости. Это личная проблема.

– Но...

– Лютик... – не выдержал ведьмак, обернувшись в седле. – Это элементарно, Лютик. Регис только что сказал тебе, чтобы ты заткнулся. Только выразил это вежливее. Так будь добр, закрой хайло наконец.

Однако посеянное зерно беспокойства и неуверенности проклюнулось и дало всходы. Когда они остановились на ночлег, атмосфера все еще была тяжелой и напряженной, ее не разрядила даже подбитая Мильвой у реки жирная, не меньше восьми фунтов черная казарка, которую они обмазали глиной, испекли и съели, дочиста обглодав даже самые маленькие косточки. Голод забили, но беспокойство осталось. Разговор не клеился, несмотря на титанические усилия Лютика. Болтовня поэта превратилась в столь очевидный монолог, что наконец он заметил это и сам. И умолк. Воцарившуюся у костра глубокую тишину нарушал лишь хруст сена, которое методически пережевывали лошади.

Несмотря на позднюю пору, никого, однако, не тянуло спать. Мильва грела воду в подвешенном над огнем котле и распрямляла над паром смявшиеся перья стрел. Кагыр ремонтировал полуоторвавшуюся застежку сапога. Геральт стругал палочку. Регис водил глазами от одного к другому.

– Ну хорошо, – сказал он наконец. – Похоже, никуда не денешься. Сдается, я давно должен был вам объяснить...

– Никто тебя не заставляет. – Геральт кинул в костер долго и упорно обрабатываемую палочку и поднял голову. – Мне, к примеру, не нужны твои объяснения. Я – старомодный тип, если протягиваю кому-то руку и принимаю как товарища, то для меня это значит гораздо больше, чем контракт, заключенный в присутствии нотариуса.

– Я тоже старомодный, – отозвался Кагыр, все еще занятый сапогом.

– Я вообще других модов не знаю, – сухо бросила Мильва, сунув очередную стрелу во вздымающийся из котла пар.

– Не обращай внимания на треп Лютика, – добавил ведьмак. – Такой уж он есть. А откровенничать перед нами и признаваться в чем-то ты не обязан. Мы перед тобой тоже душу не изливали.

– Однако я думаю, – слегка улыбнулся вампир, – вы сообразовали выслушать то, что я хочу сказать, отнюдь не будучи обязан? Я чувствую потребность быть откровенным с людьми, которым протягиваю руку и принимаю как товарищей.

На этот раз не ответил никто.

– Начать следует с того, – помолчав, сказал Регис, – что все опасения, которые могут быть связаны с моей вампирьей природой, безосновательны. Я ни на кого не набрасываюсь, не подбираюсь ночью, чтобы впиться зубами в шею спящего. И не только в шею моих спутников, к которым у меня отношение не менее старомодное, нежели у других присутствующих здесь... старомодников. Я не касаюсь крови вообще. Вообще и никогда. Отказался и отвык от нее, когда она стала для меня проблемой. Опасной проблемой, разрешить которую мне было нелегко. Проблема, – продолжал он, помолчав, – по сути дела, проявилась и стала опасной чуть ли не строго по учебнику «О вреде кровопийства». Уже в юные годы я любил... хммм... поразвлечься в хорошей компании и этим не отличался от большинства сверстников. Вы ведь знаете, как это бывает, сами были молодыми. Однако у вас, людей, действует система запретов и ограничений: родительская власть, опекуны, начальники и руководители, обычаи, наконец. У нас этого нет. Молодежь пользуется полной свободой. И создает собственные образцы поведения, разумеется, глупые, отличающиеся истинно младенческой дурью. Не хлебнешь? Ах, нет? Ну тогда что же ты за вампир? Ах, он не пьет? Ну так не приглашайте его больше, он портит нам всю потеху. Я не хотел портить потеху, а перспектива потерять одобрение друзей меня пугала. Ну... и я играл, веселился. Гульба и баловство, пирушки и попойки, каждое полнолуние мы летали в деревни и пили из кого попало. Наисквернейшую, самого отвратного качества... хммм... влагу. Нам было без разницы, из кого... лишь бы... хмммм... гемоглобин... Какая ж потеха без крови! С вампирками пошалить тоже как-то смелости не хватало, пока не глотнешь.

Регис замолчал, задумался. Все тоже молчали. Геральт почувствовал, что ему ужасно хочется упиться вдрызг.

– Игры делались все развязнее, – продолжал вампир. – Дальше – больше. Порой как пойдет-поедет, так по три-четыре ночи кряду я не возвращался в склеп. От самого малого когда-то количества... влаги я начинал терять контроль над собой, однако это не мешало мне продолжать пиршество. Дружья – как дружья. Одни по-дружески унимали, так я на них обижался. Другие, наоборот, уговаривали, вытаскивали из склепа на гулянки, да что там, подсовывали... хммм... объекты. И веселились, поглядывая на меня.

Мильва, по-прежнему занятая подновлением смятых перьев, забурчала. Кагыр наконец кончил починять сапог и, казалось, спал.

– Потом, – продолжал Регис, – появились тревожные признаки. Шалости и общество отошли на второй план. Оказалось, что я вполне могу обойтись и без них. Меня начала устраивать просто... кровь, даже та, которую пьешь...

– Чокаясь с зеркалом? – вставил Лютик.

– Хуже, – спокойно ответил Регис. – Я не отражаюсь в зеркалах.

Он какое-то время помолчал.

– Я сошелся с одной... вампиркой. Все могло быть, да, пожалуй, и было всерьез. Я прекратил кутежи. Но ненадолго. Она ушла от меня. А я принялся пить, как говорится, в два горла. Отчаяние, обида, сами знаете – отличные самооправдания. Всем кажется, будто они понимают. Даже мне самому казалось, что я понимаю. А получилось, что я просто подгоняю теорию к практике. Вам надоело? Я кончаю. Наконец я стал выделять такое, чего не делал ни один вампир. Начал летать по-пьянке. Однажды к ночи парни послали меня в село за кровью. Я нацелился на девушку, идущую по воду, промахнулся и с разгона врезался в венцы колодца... Кметы меня чуть было не прикончили. К счастью, они не знали, как за это взяться... Продырявили меня кольями, отрубили голову, облили святой водой и закопали. Представляете, что я чувствовал, когда проснулся?

– Представляем, – сказала Мильва, рассматривая стрелу. Все удивленно взглянули на нее. Лучница кашлянула и отвернулась. Регис незаметно улыбнулся.

– Я уже заканчиваю, – сказал он. – В могиле у меня было достаточно времени, чтобы подумать.

– Достаточно? – спросил Геральт. – И сколько же?

– Любознательность профессионала? – взглянул на него Регис. – Около пятидесяти лет. Регенерировавшись, я решил взять себя в руки. Было нелегко, но я справился. С тех пор – ни капли. Не пью.

– Совсем? – Лютик принялся было икать, но любопытство пересилило. – Совсем? Никогда? Но ведь...

– Лютик, – слегка приподнял брови Геральт. – Возьми себя в руки. И подумай. Молча.

– Извините, – проворчал поэт.

– Не извиняйся, – сказал вампир. – А ты, Геральт, не делай ему замечаний. Его любопытство понятно. Во мне, вернее, во мне и в моем мифе воплощены все его человеческие страхи. Трудно требовать от человека, чтобы он освободился от страхов. Страхи выполняют в психике человека не менее важную роль, чем все остальные эмоциональные состояния. Психика, лишенная страха, была бы психикой ущербной. Увечной.

– Представь себе, – сказал Лютик, приходя в себя. – Ты не вызываешь у меня страха. Выходит, я калека?

На миг Геральт подумал, что сейчас Регис покажет наконец зубы и вылечит Лютика от предполагаемого увечья, но ошибся. Вампир не был любителем театральных жестов.

– Я говорил о страхах, укоренившихся в сознании и подсознании, – спокойно пояснил он. – Пожалуйста, не обижайся на сравнение, но ворона не пугается развешенных на палке шапок и тряпок после того, как переборет страх и сядет. Но стоит ветру пошевелить лохмотьями, и птица тут же улетит.

– Поведение вороны, – заметил из темноты Кагыр, – объясняется борьбой за существование.

– Объясняется-обсирается, – фыркнула Мильва. – Ворона не боится пугала, просто она думает, что у человека супротив нее припасены камни и стрелы.

– Борьба за существование, – подтвердил Геральт. – Только в человеческом, а не в вороньем издании. Благодарим за разъяснение, Регис, принимаем его целиком и полностью. Только перестань копаться в человеческом подсознании. Это бездна. Мильва права. Причины, по которым люди впадают в панику, увидев жаждущего крови вампира, не иррациональны, но вытекают из стремления выжить.

– Слышу глас специалиста. – Вампир слегка поклонился в его сторону. – Специалиста, которому профессиональная гордость не позволяет брать деньги за борьбу с мнимыми страхами. Уважающий себя ведьмак нанимается, как известно, исключительно для борьбы с реальным и непосредственно угрожающим злом. Полагаю, профессионал пожелает нам объяснить, почему вампир – большее зло, нежели дракон либо волк. Как ни говори, у последних тоже есть клыки.

– Может, потому, что последние пускают клыки в ход с голода либо в порядке самообороны, но никогда – потехи ради или чтобы преодолеть робость по отношению к объекту противоположного пола?

– Люди об этом не знают, – сразу же парировал Регис. – Ты знаешь давно, остальные наши друзья узнали всего минуту назад. Большинство же глубоко убеждено, что вампиры не забавляются, а питаются кровью, только кровью и ничем, кроме крови, да притом только кровью человеческой. А кровь – это животворная жидкость, потеря ее приводит к ослаблению организма, витальной силы. Вы рассуждаете так: существо, проливающее нашу кровь, – наш смертельный враг. А такое существо, которое вдобавок еще и специально охотится за нашей кровью, ибо питается ею, – существо вдвойне поганое и враждебное: оно повышает свою витальную силу за счет нашей. Чтобы его род процветал, наш должен погибнуть. Наконец, такое существо отвратительно еще и потому, что хоть мы и знаем жизненную силу крови, но пить ее нам противно. Хоть кто-нибудь из вас стал бы пить кровь? Сомневаюсь. А есть и такие люди, которым достаточно просто увидеть кровь, как они тут же млеют или падают в обморок. В некоторых сообществах женщин в течение нескольких дней месяца считают нечистыми и изолируют их...

– Пожалуй, только дикари... – прервал Кагыр. – А млеют и падают в обморок при виде крови разве что вы – нордлинги.

– Мы плутаем по бездорожью, – поднял голову ведьмак, – сворачиваем с прямого пути в дебри сомнительной философии. Ты считаешь, Регис, что людям было бы легче, знай они, что вы видите в них не жратву, а... «рюмочную»? Где ты отыскал иррациональность страхов? Вампиры сосут из людей кровь – этого-то факта отрицать нельзя. Человек, к которому вампир относится как к кувшину водки, теряет силы, это тоже очевидно. Человек, я бы так сказал, «осушенный», теряет витальность полностью. То есть умирает. Прости, но страх перед смертью нельзя пихать в тот же мешок, что и отвращение к крови. Менструальной или какой другой.

– Вы несете такую заумь, что у меня башка кругом идет, – бросила Мильва. – А вообще-то вся ваша мудрость вокруг одного вертится – что у бабы под юбкой. Философы засратые, прости господи.

– Оставим ненадолго символику крови, – сказал Регис. – Потому что здесь мифы действительно основаны на фактах. Перейдем к мифам, которые на фактах не основаны, а меж тем широко распространены. Каждому известно, что человек, укушенный вампиром, если

он, конечно, выживет, сам должен стать вампиром. Так?

– Так, – сказал Лютик. – Была такая баллада...

– Ты знаком с основами арифметики?

– Я изучал все семь главных искусств: тривий и квадриум. А диплом получил *summa cum laude*[18].

– В вашем мире после Сопряжения Сфер осталось около тысячи двухсот высших вампиров. При этом количество абсолютных абстинентов, а кроме меня, таких немало, уравнивает массу пьющих сверх меры, как и я в свое время. Среднестатистический вампир пьет в каждое полнолуние, ибо полнолуние для нас – праздник, который мы привыкли... хммм... обмывать. Сводя проблему к человеческому календарю и принимая двенадцать полнолуний в году – вообще-то это не совсем так, – мы получим теоретическое количество ежегодно укушенных людей, равное четырнадцати тысячам четыремстам. После Сопряжения прошло около тысячи пятисот лет. В результате простого умножения получим, что в данный момент на свете теоретически должны существовать двадцать один миллион шестьсот тысяч вампиров. Если же учесть геометрическую прогрессию...

– Достаточно, – вздохнул Лютик. – У меня нет абаки, но общее количество я себе представляю. А вернее – не представляю. Значит, поражение вампиризмом – чушь собачья и вымысел.

– Благодарю, – поклонился Регис. – Переходим к следующему мифу, утверждающему, что вампир – это человек, который умер, однако не совсем. В могиле он не гниет и в прах не обращается. Лежит себе там свеженький и румянький, готовый выйти и кусаться. Откуда берется такой миф, если не из вашего подсознательного и иррационального отвращения к почтенным покойникам? Напоказ-то вы окружаете мертвых почестями и памятью, мечтаете о бессмертии, в ваших мифах и легендах то и дело кто-нибудь воскресает, побеждает смерть. Но если ваш достопочтенный покойник-прадедущка действительно неожиданно вылезет из могилы и потребует пива, начнется паника. И неудивительно. Органическая материя, в которой прекращаются жизненные процессы, разлагается. Внешние проявления такого разложения малопривлекательны. Труп, прости, Мильва, воняет, превращается в отвратительное месиво. Бессмертный дух, неперенный элемент ваших мифов, с ужасом сбрасывает смердящую падаль и возносится. Он чист, его можно безопасно почитать. Однако вы ухитрились придумать такой отвратительный тип духа, который не улетает, не покидает останки, больше того, не желает даже, опять же, Мильва, прости, вонять. Это отвратительно и противоестественно! Живой мертвец – что может быть для вас отвратительнее? Какой-то кретин даже пустил в оборот термин «мертвяк», которым вы с таким восторгом нас награждаете.

– Люди, – едва заметно усмехнулся Геральт, – раса примитивная и суеверная. Им трудно как следует понять и правильно назвать существо, которое воскресает после того, как его протыряли кольями, обезглавили и на пятьдесят лет закопали в землю.

– Действительно, трудно. – Вампир не обиделся на насмешку. – Ваша мутированная раса восстанавливает ногти, волосы и эпидермис, но не способна согласиться с существованием более совершенных в этом смысле творений. Все, что совершеннее вас, вы считаете отвратительной аберрацией. А отвратительные аберрации вы вставляете в мифы. В социологических целях.

– Ни фиги я во всем этом не поняла, – спокойно заметила Мильва, наконецником стрелы откидывая волосы со лба. – Нет, конечно, понимаю, что вы балакаете о сказках, сказки знаю и я, хоть я и дурная девка из леса. Чудно мне, что ты вовсе солнца не боишься, Регис. В сказках солнце вомперов в пепел оборачивает. Это, что ли, тоже сказка?

– Как нельзя более, – сказал Регис. – Вы верите, что вампир опасен только ночью, первый луч солнца превращает его в прах. В основах мифа, родившегося за первобытными кострами, лежит ваша солярность, то есть теплолюбие и суточный ритм, предполагающий дневную активность. Ночь для вас – холодная, темная, недоброжелательная, опасная, полная неожиданностей пора, а восход солнца означает очередную победу в борьбе за выживание, новый день, продолжение жизни. Солнце приносит свет и тепло, живительные для вас солнечные лучи несут гибель враждебным вам монстрам. Вампир рассыпается в пыль, тролль окаменевают, оборотни перестают быть оборотнями, гоблин бежит куда глаза глядят. Ночные хищники возвращаются по своим логовам, перестают угрожать. До самого захода солнца мир принадлежит вам. Повторяю и подчеркиваю: миф возник у костров древнейших стоянок. Теперь он всего лишь миф, потому что вы освещаете и обогреваете свои жилища; и хоть вами все еще управляет солярный ритм, вы сумели победить ночь. Мы, высшие вампиры, тоже немного отделились от своих первоначальных склепов. Освоили день. Аналогия полная. Такое объяснение тебя, дорогая Мильва, удовлетворяет?

– Не-а. – Лучница отбросила стрелу. – Однако я поняла. Учусь. Умная буду – аж жуть! Социолоция, активация, сратовация, вурдоляция. В школах, говорят, розгами секут. С вами учиться приятней. Башка трещит малость, зато задница цела.

– Одно не подлежит сомнению, и заметить это легко, – сказал Лютик. – Солнечные лучи не превращают тебя в пепел, Регис, солнечное тепло на тебя так же мало влияет, как раскаленная подкова, которую ты лихо вытащил из огня голый рукой. Однако, возвращаясь к твоим аналогиям, для нас, людей, день навсегда останется естественной порой активности, а ночь – естественной порой отдыха. Таково наше физическое и физиологическое строение: днем, к примеру, мы видим лучше, чем ночью. Исключение – Геральт, который всегда видит одинаково хорошо, но он – мутант. А что, у вампиров это тоже было результатом мутации?

– Можно сказать и так, – согласился Регис. – Хотя я считаю, что мутация, растянувшаяся на достаточно долгое время, перестает быть мутацией, а становится эволюцией. Но то, что ты сказал о физическом строении, очень точно. Приспособление к солнечному свету было для нас печальной необходимостью. Чтобы выжить, мы должны были уподобиться в этом отношении людям. Мимикрия, сказал бы я. Впрочем, имеющая последствия. Воспользуюсь метафорой: мы легли в постель больного.

– Не понял.

– Есть основания думать, что долговременный солнечный свет убийствен. Существует теория, что, по скромным прикидкам, примерно через пять тысяч лет этот мир будут заселять только лунарные существа, активные ночью.

– Хорошо, что не доживу, – вздохнул Кагыр, зевнув во весь рот. – Не знаю, как вам, а мне повышенная дневная активность явно напоминает о необходимости ночного сна.

– Мне тоже, – потянулся ведьмак. – А до восхода убийственного солнца осталось всего несколько часов. Однако, прежде чем нас сморит... Регис, в порядке обучения и расширения познаний, развеи еще какой-нибудь миф о вампирах. Я полагаю, еще хоть один, да остался неразвешанным.

– Именно, – кивнул вампир. – Еще один. Последний, но в принципе не менее важный. Это миф, продиктованный вам вашими сексуальными фобиями.

– Во, фобиев каких-то приплел, – зевнула Мильва.

Кагыр тихо прыснул.

– Миф я оставил под конец, – Регис смерил его взглядом, – и тактично не стал бы о нем

упоминать, но Геральт сам захотел, так что у меня нет причин утаивать. Сильнее всего людьми управляют страхи с сексуальной подоплекой. Девушка, теряющая сознание в объятиях сосущего ее вампира, молодец, млеющий от мерзостных действий вампирки, осыпающей поцелуями его тело, – так вы это себе представляете. Оральное насилие. Вампир парализует жертву страхом и принуждает к оральному акту. Точнее – жуткой пародии на оральный акт. А такой акт, исключающий продолжение рода, есть нечто отвратительное.

– Говори за себя, – буркнул ведьмак.

– Акт, завершающийся не зачатием, а удовлетворением и смертью, – продолжал Регис. – Вы сплели из этого зловещий миф. Сами подсознательно мечтаете о чем-то подобном, но вас передергивает при одной мысли о том, чтобы нечто такое дать партнеру либо партнерше. Потому за вас это делает мифологический вампир, вырастая в связи с этим до размеров привлекательнейшего символа зла.

– Ну, разве ж я не говорила?! – воскликнула Мильва, как только Лютик кончил ей объяснять, что имел в виду Регис. – Ни о чем другом, только об одном! Оральный секс какой-то придумали! Начинаете мудро, а кончаете всегда на жопе! Оратели! Мать вашу... * * *

Журавлиное курлыканье понемногу стихало вдали.

«На следующее утро, – вспомнил ведьмак, – мы уже в серьезно улучшившемся настроении двинулись в путь. И тут совершенно неожиданно нас настигла война».

Они шли по заросшему дремучим лесом, практически безлюдному и стратегически маловажному району, который вряд ли мог привлечь агрессоров. Хотя от имперских земель их отделяла всего лишь гладь Большой Яруги, этот рубеж преодолеть было непросто. Тем большим было их изумление.

Война проявилась не столь эффектно, как в Бругге и Соддене, где по ночам горизонт полыхал пожарами, а днем столбы черного дыма рассекали голубизну неба. Здесь, в Ангрене, было не так зрелищно. Было хуже. Неожиданно возникла стая ворон, с диким карканьем круживших над лесом, а вскоре они наткнулись на трупы. Раздетые и не пригодные для опознания останки являли собою несомненные и откровенные следы насильственной и жестокой смерти. Эти люди были убиты в бою. Но не только. Большинство трупов лежало в зарослях, однако некоторые, зверски искалеченные, висели на ветвях деревьев, подвешенные за руки либо за ноги, протягивали обугленные конечности с погасших костров, торчали на кольях. И воняли. Весь Ангрен вдруг начал смердеть жуткой, отвратительной вонью варварства.

Вскоре пришлось прятаться в оврагах и зарослях, потому что справа и слева, спереди и сзади земля загудела от топота копыт кавалерийских коней. И все новые отряды проносились мимо их укрытий, вздымая пыль.

– Снова, – крутил головой Лютик, – снова мы не знаем, кто кого бьет и почему. Снова мы не знаем, кто у нас позади, а кто впереди и куда направляется. Кто нападает, а кто отступает. Чтоб все это ведьма лысая взяла! Не помню, говорил ли я вам уже, но утверждаю, что война всегда напоминала мне охваченный пожаром бордель...

– Говорил, – прервал Геральт, – добрую сотню раз.

– За что тут дерутся? – смачно сплюнул поэт. – За бесплодную землю и пески? Ведь ничем больше не может похвалиться эта очаровательная страна!

– В кустарнике, – сказала Мильва, – валялись и эльфы. Здесь ходят команды скоя'таэлей. Всегда ходили. Тут им дорога лежит, когда добровольцы из Доли Блатанна и Синих Гор в

Темерию тянутся. Ктой-то им эту дорогу загородить хочет. Так я думаю.

– Не исключено, – согласился Регис, – что темерская армия устраивает здесь облавы на «белок». Но что-то многовато этих войск в районе. Подозреваю, нильфгаардцы все же переправились через Яругу.

– Я тоже, – слегка поморщился ведьмак, глядя на каменное лицо Кагыра. – На трупах, которых мы видели утром, явные следы нильфгаардского метода ведения войны.

– Одни других стоят, – буркнула Мильва, неожиданно взяв молодого нильфгаардца под защиту. – А на Кагыра нечего коситься, потому как теперича вы одной одинаковой и дивной долей повязаны. Ему смерть, ежели Черным в лапы попадет, а ты недавно у темерцев из петли сбег. Чего ж теперь гадать, какое войско у нас взаду, какое впереди, которые свои, которые чужие, которые добрые, которые злые. Ныне все они наши недруги, не гляди, какие цвета носят.

– Ты права.

– Интересно, – сказал Лютик, когда на следующий день они снова затаились в овраге, пережидая, пока пройдет очередная кавалькада. – Войска галопируют по холмам, аж земля гудит, а снизу, от Яруги, слышны топоры. Дровосеки рубят лес как ни в чем не бывало. Слышите?

– Может, дровосеки, – задумался Кагыр, – а может, тоже армия? Какие-то саперные работы?

– Нет, это лесорубы, – сказал Регис. – Ясно – не могут отказаться от ангреноского золота.

– Какого золота?

– Взгляните как следует на деревья.

Вампир в очередной раз заговорил тоном всеведущего мудреца, поучающего несообразительных малышей. Такой тон ему доводилось использовать достаточно часто, и это немного раздражало Геральта.

– Это, – продолжал Регис, – кедры, яворы и ангреноские сосны. Очень ценный материал. Тут повсюду разбросаны лесосеки-биндюги, на которых вяжут в плоты и сплавляют вниз по реке стволы. Всюду вырубки, а топоры звенят и день, и ночь. Война, которую мы видим и слышим, обретает осязаемый смысл. Как известно, Нильфгаард захватил устье Яруги, Цинтру и часть Нижнего Соддена. Это означает, что сплавляемый из Ангрена лес уже идет на императорские лесопилки и верфи. Северные Королевства пытаются сдержать сплав, а нильфгаардцы – наоборот, хотят, чтобы вырубали и сплавляли как можно больше.

– А нам, как всегда, не везет, – покачал головой Лютик. – Потому что нам надо в Каэд Дху, точь-в-точь через самый пуп Ангрена и этой дровяной войны. Нету, что ли, ё-мое, другой дороги?

«Тот же вопрос, – вспоминал ведьмак, уставившись на заходящее над Яругой солнце, – я задал Регису, как только топот копыт утих вдали, кругом успокоилось и мы смогли наконец двинуться дальше».

– Другая дорога в Каэд Дху? – задумался вампир. – Чтобы обойти взгорья, сойти с дороги армии? Верно, есть такая дорога. Не очень удобная и не очень безопасная. И более длинная. Но войск, гарантирую, мы там не повстречаем.

– Говори.

– Можно свернуть на юг и попробовать перебраться через впадину в излучине Яруги. Через Ийсгит. Знаешь Ийсгит, ведьмак?

– Знаю.

– Доводилось проезжать через лиственный лес, тот, что на мокрых глинах растет?

– Угу.

– Спокойствие в твоем голосе, – откашлялся вампир, – вроде бы свидетельствует о том, что ты одобряешь идею. Ну что ж, нас пятеро, в том числе ведьмак, солдат и лучница. Опыт, два меча и лук. Маловато, чтобы противостоять нильфгаардскому разъезду, но на Ийсгит должно хватить.

«Ийсгит, – подумал ведьмак. – Тридцать с гаком квадратных стае болот и трясин, испещренных глазками озерков. И разделяющие трясины мрачные леса со странными деревьями. У одних стволы покрыты чешуей, а комли – вроде луковиц, более стройные к вершинам, к плоским и густым кронам. Другие – высокие и тощие, сидят на перекрученных вроде осьминожьих щупалец корнях, а с их голых ветвей свисает бахрома мха и высохших болотных растений. Бахрома постоянно шевелится, но не ветер ее шевелит, а ядовитый болотный газ. Ийсгит, или «болотняк», название «смердяк» было бы точнее.

А в трясинах, болотах, прудиках и озерах, заросших ряской и водяной заразой – элодеей, кипит жизнь. Там обитают не только бобры, лягушки, черепахи и водоплавающие птицы. Ийсгит кишмя кишит существами гораздо более опасными, вооруженными клешнями, щупальцами и хватательными конечностями, которыми они ухитряются ловить, калечить, топить и раздирать на части. Этих существ столько, что никто никогда не смог их перечислить и проклассифицировать. Даже ведьмаки».

Сам он тоже редко охотился в Ийсгите, да и вообще в Нижнем Ангрене. Местность была слабо заселена, немногочисленные обитающие по берегам болот люди привыкли смотреть на чудовищ как на элемент ландшафта. Относились к ним почтительно, и им редко приходило в голову нанимать ведьмака, чтобы уничтожить чудовищ. Редко, но все же приходило. Поэтому Геральт знал Ийсгит и его опасности.

«Два меча и лук, – подумал он. – И опыт, моя ведьмачья практика. Вместе у нас должно получиться. Особенно если я пойду впереди и буду внимательно наблюдать за всем – гнилыми стволами, водорослями, кустами, травой, даже орхидеями. Потому как на Ийсгите даже орхидеи порою только выглядят цветком, а на поверку оказываются ядовитым крапауком. Надо будет придерживать Лютика, смотреть, чтобы он ни к чему не прикасался. Тем более что там нет недостатка в растениях, обожающих кусочки мяса в качестве добавки к хлорофилловой диете. Растений, побеги которых, прикоснувшись к коже человека, действуют не хуже крапаучьего яда. Ну и газ, разумеется. Ядовитый газ. Надо подумать о повязках на рот и нос...»

– Ну так как? – вырвал его из задумчивости Регис. – Одобряешь план?

– Одобряю. Двигаем.

«Что-то меня тогда заставило, – вспоминал ведьмак, – не говорить остальным о намерении идти через Ийсгит. Попросить Региса тоже на эту тему не распространяться. Сам не знаю, почему я тянул. Сегодня, когда все полетело к чертовой матери, я мог бы толковать себе, будто обратил внимание на поведение Мильвы. На ее проблемы. На очевидные признаки. Но это было бы неправдой. Ничего я не заметил, а то, что заметил, меня не интересовало. Балбес! И мы продолжали двигаться на восток, не торопясь свернуть к болотам.

С другой стороны, хорошо, что не торопились, – подумал он, доставая меч и пробуя большим пальцем острое как бритва лезвие. – Если б мы тогда сразу поехали к Ийсгиту, сегодня у меня не было бы этого оружия».

С рассвета не было ни видно, ни слышно никаких войск. Мильва ехала первой, далеко опережая остальных. Регис, Лютик и Кагыр беседовали.

– Лишь бы только друиды захотели нам помочь, – опасался поэт. – Случалось мне встречать друидов, и поверьте, это были молчуны, нелюдимы с причудами. Может случиться так, что они вообще не пожелают с нами разговаривать, не говоря уж о том, чтобы применить магию.

– Регис, – напомнил ведьмак, – кого-то знает в Казд Дху.

– А не случилось ли это знакомство лет триста или четыреста назад?

– Мы познакомились гораздо позже, – заверил, загадочно улыбнувшись, вампир. – Впрочем, друиды – долгожители. Они постоянно находятся на воздухе, среди первобытной и непорухнутой природы, и это прекрасно влияет на их здоровье. Дышат полной грудью. Лютик, наполняя легкие лесным воздухом – тоже будешь здоровяком.

– От этого лесного воздуха, – насмешливо бросил Лютик, – я скоро шерстью обрасту, черт. По ночам мне снятся корчма, пиво и баня. А первобытную и непорухнутую природу пусть первобытная зараза порушит, ибо сомневаюсь я сильно в ее спасительном влиянии на здоровье, особенно психическое. Упомянутые друиды – лучший тому пример, поскольку они – выжившие из ума психи. Зациклившиеся на своей природе и ее охране. Сколько раз был я свидетелем того, как они подавали петиции властям! «Не охотиться, деревьев не рубить, отходы в реки не спускать» и тому подобная чепуховина. А уж вершиной идиотизма было явиться всей их украшенной венками из омелы делегацией к королю Этайну в Цидарис. Я как раз там был...

– И чего хотели? – любопытствовал Геральт.

– Цидарис, как вы знаете, одно из королевств, в которых большинство населения живет рыболовством. Друиды потребовали, чтобы король приказал использовать только сети с определенным размером ячеек и сурово наказывал всех, у кого ячейки окажутся меньше разрешенных. У Этайна челюсть отвисла, а омельщики пояснили, что такие ячейки – единственный способ сохранить рыбные запасы от уничтожения. Но король вывел их на террасу, указал на море и поведал, как однажды самый смелый из его мореходов плыл на запад два месяца и вернулся, потому что на корабле пресная вода кончилась, а суши на горизонте и в помине не было. И они, друиды, думают, спросил он, будто можно вычерпать всю рыбу из такого моря? Вполне можно, заявили омельщики, хотя, несомненно, морское рыболовство дольше других продержится в качестве источника пищи, взятой прямо из природы. Однако же придет время, когда рыб станет недоставать, и голод даст о себе знать. Поэтому надо обязательно ловить сетями с большими ячейками, брать взрослых рыб, охранять мелюзгу. Этайн спросил, когда, по мнению друидов, наступит этот ужасный голодный день, а они ему на то – скоро, мол, через две тысячи лет, по их прогнозам. Король любезно попрощался с ними и попросил снова зайти через тыщонку годков, не стесняться. Тогда он и подумает над их предложением. Омельщики шуточки не поняли и принялись было возражать, тогда их выставили за ворота.

– Уж такие они, друиды, – подтвердил Кагыр. – У нас в Нильфгаарде...

– Ага! – торжествующе воскликнул Лютик. – «У нас в Нильфгаарде!» Еще вчера, когда я называл тебя нильфом, ты подпрыгнул так, будто тебя шершень укусил! Может, наконец решишь, кто ты такой?

– Для вас, – пожал плечами Кагыр, – я остаюсь нильфгаардцем, ничто вас, вижу, не убедит. Однако точности ради вам следует знать, что нильфгаардцами в Империи называют только коренных жителей столицы и ее ближайших окрестностей, лежащих в Нижней Альбе. Мой род идет из Виковаро, а значит...

– Тихо, вы! – неожиданно и малолюбезно скомандовала едущая в авангарде Мильва. Все тут же умолкли и остановили лошадей, уже зная, что скорее всего девушка видит, слышит или инстинктивно чувствует нечто такое, что удастся съесть, ежели к этому можно будет подобраться и попасть в него стрелой. Мильва действительно схватила лук, но не спрыгнула с седла. Значит, речь шла не об охоте. Геральт осторожно приблизился.

– Дым, – сказала она кратко.

– Не вижу.

– Понюхай.

Обоняние не подвело лучницу, хоть запах дыма был слабый.

Это не мог быть дым пожара или погорелья. У этого дыма, отметил Геральт, был приятный запах, и шел он от костра, на котором что-то жарилось.

– Обойдем стороной? – вполголоса спросила Мильва.

– Но сначала глянем, – ответил он, слезая с кобылы и бросая поводья Лютику. – Неплохо знать, что обходишь стороной. И кто останется за спиной. Пошли со мной. Другие пусть ждут в седлах. Будьте внимательны.

Из зарослей на опушке раскинулся вид на обширную вырубку и уложенные ровными штабелями стволы. Тоненькая струйка дыма поднималась как раз между штабелями. Геральт немного успокоился – в пределах видимости ничто не шевелилось, а между штабелями было слишком мало места для большой группы людей. Мильва тоже это заметила.

– Лошадей нет, – шепнула она. – Это не армия. Лесорубы, мнится мне.

– Мне тоже. Но пойду проверю. Прикрой.

Когда он крадучись подошел, то услышал голоса. Подошел ближе. И страшно удивился. Но слух его не подвел.

– Пол лепни в шарах!

– Малая куча в звонах!

– Гвинт!

– Пас!

– Вист! Клади карту! А, чтоб тебя!!!

– Ха-ха-ха! Нижник с сеном! Фигня! Усрешься сначала, пока целую кучу наберешь!

– Поглядим! Кладу нижника! Что, взял? И-эх, Язон, спел, как утка жопой!

– Чего бабу-то не поклат, засранец? Эх, взял бы дубину...

Возможно, ведьмак и дальше осторожничал бы – в конце концов, в гвинт мог играть кто угодно, да и Язон – тоже имя не из редких. Однако в возбужденные голоса картежников вдруг

ворвался хорошо знакомый скрежет Фельдмаршала Дуба, услышавшего, видимо, в слове одного из картежников нечто знакомое:

– Кррррва... мать!

– Привет, парни! – вышел из-за штабеля Геральт. – Рад видеть. К тому же снова в полном составе, даже с генералиссимусом, в смысле с фельдмаршалом!

– Хрен синий! – Золтан Хивай от изумления упустил карты и тут же быстро вскочил на ноги, да так прытко, что сидевший у него на плече Фельдмаршал Дуб захлопал крыльями и испуганно вскрикнул. – Ведьмак, чтоб мне провалиться! Иль фата-моргана? Персиваль, ты видишь то же, что и я?

Персиваль Шуттенбах, Мунро Бруйс, Язон Варда и Фиггис Мерлуццо окружили Геральта и крепко помяли ему правую руку своими ручищами. А когда из-за навала стволов появилась остальная часть группы, шумная радость соответственно усилилась.

– Мильва! Регис! – выкрикивал Золтан, обнимая всех по очереди. – Лютик, живой, хоть с повязкой на башке! Ну, что скажешь, музыкантишка затраханый, относительно очередной мелодраматической банальности? Жизнь, брат, получается, не поэзия! Знаешь почему? Потому как не поддается критике!

– А где, – осмотрелся Лютик, – Калев Страттон?

Краснолюды сразу умолкли и посмурнели.

– Калев, – наконец сказал Золтан, шмыгнув носом, – в земле под березкой спит, далеко от своих любимых вершин и горы Карбон. Когда нас Черные над Иной достигли, он слишком медленно ногами перебирал, до лесу не добег... Огреб по башке мечом, а когда упал, они истыкали его рогатинами. Ну, веселей! Мы уж его оплакали, хватит. Радоваться надо. Вы вон в комплекте из суматохи лагерной вышли. Ха, даже приросла дружина-то, как вижу...

Кагыр наклонил голову под внимательным взглядом краснолюда, но смолчал.

– Ну, присаживайтесь, – пригласил Золтан. – Мы тут овечку запекаем. Наткнулись пару дней тому, одинокая и грустная, ну не дали мы ей злой смертью погибнуть с голода или в волчьей пасти, милостиво прирезали и на жратву перерабатываем. Садитесь. А тебя, Регис, на минутку в сторонку попрошу. Геральт, тебя тоже...

За штабелем сидели две женщины. Одна кормила грудью младенца. Увидев приближающихся мужчин, скромно отвернулась. Рядом молодая девушка с обмотанной не очень чистой тряпичной рукой играла на песке с двумя ребятишками. Эту ведьмак узнал сразу, как только она подняла на него затуманенные, равнодушные глаза.

– Отвязали мы ее от телеги, которая уже горела, – пояснил краснолюд. – Еще б немного, и кончилась бы так, как хотел тот взъевшийся на нее попина. Огненное крещение все ж прошла. Лизнуло ее пламя, припекло до живого мяса. Ну, перевязали как могли, салом помазали. Но это малость не то. Цирюльник, вот если б ты мог...

– Незамедлительно.

Регис хотел развернуть повязку, но девушка запищала, отступила и заслонила лицо здоровой рукой. Геральт подошел, чтобы ее придержать, но вампир жестом остановил его. Глубоко заглянул в бездумные глаза девушки, и та тут же успокоилась, обмякла. Голова опустилась на грудь. Она даже не дрогнула, когда Регис осторожно отлеплял грязную повязку и мазал обожженное предплечье резко и странно пахнущей мазью.

Геральт отвернулся, поглядел на женщин, на детей, потом на краснолюда. Золтан откашлялся.

– На бабу, – пояснил он вполголоса, – и двух малолеток мы наткнулись здесь, в Ангрене. Потерялись они, одни были, напуганные и голодные, ну так прибрали мы их, охраняем. Как-то так уж получилось...

– Вечно у тебя как-то так получается, – повторил Геральт, слегка улыбнувшись. – Неисправимый ты альтруист, Золтан Хивай.

– У каждого свои недостатки. Вон ты, к примеру, по-прежнему девчонке на спасение торопишься.

– По-прежнему. Хоть дело усложнилось.

– Из-за нильфгаардца, который раньше за тобой следил, а теперь к компании пристал?

– Частично. Золтан, откуда беженцы?

От кого бежали? От Нильфгаарда или «белок»?

– Трудно сказать. Ребяшня ни хрена не знает, бабы малоразговорчивы и сторонятся, неведомо почему. Капризничают. Выругаешься при них или пёрнешь, так словно буряки краской наливаются... Ладно. Но встречали мы других беженцев, лесорубов, от них знаем, что бушует тут Нильфгаард. Старые наши знакомцы, пожалуй, разъезд, который с запада пришел, из-за Ины. Но есть тут вроде бы группы, что и с юга пришли. Из-за Яруги.

– А с кем бьются?

– Загадка. Лесорубы говорили о войске, которым какая-то Белая Королева командует. Эта королева Черных бьет. Кажется, даже на тот берег Яруги перебирается со своим войском, на императорские земли огонь и меч несет.

– Что за войско?

– Представления не имею, – почесал ухо Золтан. – Видишь ли, каждый день тут какие-то вооруженные по просекам мотаются, но мы не спрашиваем, кто такие. Прячемся по кустам...

Разговор прервал Регис, управившийся с обожженным предплечьем девушки.

– Перевязку надо менять ежедневно, – сказал он краснолюду. – Я оставлю мазь и бинт, который не прилипает к ожогу.

– Спасибо, цирюльник.

– Рука у нее заживет, – тихо сказал вампир, глядя на ведьмака. – Со временем даже шрам исчезнет с молодой кожи. Хуже с головой. Этого моей мазью не вылечишь.

Геральт молчал. Регис вытер руки тряпочкой.

– Рок либо проклятие, – сказал он вполголоса. – Уметь почувствовать в крови болезнь, всю суть болезни, и быть не в состоянии вылечить...

– Оно конечно, – вздохнул Золтан, – кожу латать – одно дело, а вот разум исправить никто не сумеет. Только заботиться да опекать. Спасибо за помощь, цирюльник. Ты, гляжу, тоже к ведьмачьей компании пристал?

– Как-то так уж получилось.

– Хм, – погладил Золтан бороду. – И куда вы направляетесь Цири искать?

– Идем к Каэд Дху, в друидский Круг. Надеемся на помощь друидов.

– Ниоткуда нету помощи, – проговорила звучным, металлическим голосом сидящая у штабеля девушка с перевязанной рукой. – Ниоткуда нету помощи. Только кровь. И огненное крещение. Огонь очищает. Но и убивает.

Регис сильно ухватил за руку остолбеневшего Золтана, жестом велел ему молчать. Геральт, который знал, что это гипнотический транс, не шевелился.

– Кто кровь проливал и кто кровь пил, – говорила девушка, не поднимая головы, – тот кровью заплатит. Три дня не минуют, одно умрет в другом, и тогда что-то умрет в каждом. Понемногу будут умирать, понемножечку... А когда сотрутся подошвы железные и высохнут слезы, тогда умрет последнее, что еще осталось. Умрет даже то, что никогда не умирает.

– Говори, – тихо и ласково сказал Регис. – Говори, что ты видишь.

– Туман. В тумане Башня. Это Башня Ласточки... На озере, которое сковано льдом.

– Что еще?

– Туман.

– Что чувствуешь?

– Боль...

Регис не успел задать следующего вопроса. Девушка дернула головой, дико закричала, завывала, а когда подняла глаза, в них действительно был один лишь туман.

Золтан, вспоминал Геральт, все еще водя пальцами по покрытому рунами оружию, после той истории с девушкой проникся к Регису уважением, отбросил фамильярный тон. Выполняя просьбу Региса, они ни слова не сказали остальным о странном явлении. Ведьмак не очень-то обеспокоился. Ему уже доводилось видывать подобные транс, и он в общем-то полагал, что болтовня загипнотизированных была не вещанием, а повторением уловленных мыслей и подсознательных внушений гипнотизера. Правда, сейчас был не гипноз, а вампировы чары, и Геральта немного интересовало, что бы околдованная девушка еще выловила из мыслей Региса, продлись транс дольше.

Полдня они шли вместе с краснолюдями и их подопечными. Потом Золтан Хивай остановился и отозвал ведьмака в сторону.

– Надо расходиться, – сказал он кратко. – Мы, Геральт, решили. На севере уже голубеет Махакам, а долина эта ведет прямо в горы. Довольно приключений. Хватит. Мы возвращаемся к своим. К горе Карбон.

– Понимаю.

– Приятно знать. Желаю счастья тебе и твоей компании. Странной компании, осмелюсь заметить.

– Они хотят мне помочь, – тихо сказал ведьмак. – Для меня это нечто новое. Поэтому я решил не доискиваться, что ими движет.

– Умно. – Золтан скинул с плеча свой краснолюдский сгилль в лаковых ножнах, обернутых кошачьими шкурками. – На, держи, прежде чем наши пути разошлись.

– Золтан...

– Не болтай, ведьмак, бери. Мы войну в горах пересидим, зачем нам железо? Но приятно будет порой за кружкой пива вспомнить, что выкованный в Махакаме сигилль в добрые руки попал и за доброе дело свищет. Не опозорится. А ты, когда этим клинком обидчиков твоей Цири будешь хлестать, рубани хоть одного за Калеба Страттона. И вспомни Золтана Хивая и краснолюдские кузни.

– Будь уверен. – Геральт принял меч, закинул за спину. – Можешь быть уверен, Золтан Хивай, краснолюд, – добро, искренность и справедливость навсегда остаются в памяти.

– И верно, – прищурился краснолюд. – Поэтому и я не забуду ни тебя, ни мародеров на лесной вырубке, ни Региса и подковы в огне. А что до взаимности и искренности...

Он заговорил тише, кашлянул, отхаркнулся, сплюнул.

– Мы, Геральт, обработали купца под Диллингеном. Богача, который на гавенкарской торговле разжирел. Когда он загрузил драгоценности и золото на воз и драпанул из города, мы устроили на него засаду. Он аки лев защищал свое имущество, помощь кликал. Вот я ему несколько разков обушком по кумполу и дал. А дальше уж он спокойный был и тихонький. Помнишь туеса, которые мы тащили, потом на телеге везли и наконец у речки О в землю зарыли? Там-то и было гавенкарское добро. Разбойничья добыча, на которой мы свое будущее строить собираемся.

– Зачем ты все это мне говоришь, Золтан?

– Потому как тебя, думается, не так давно здорово подвела обманчивая внешность. То, что ты принимал за добро и справедливость, оказалось дрянным и паршивым под красивой маской. Тебя легко обмануть, ведьмак, потому что ты не хочешь замечать, что людьми движет. Их побуждений. А я не хочу тебя обманывать. Так что не гляди на этих баб и детишек, не считай стоящего перед тобой краснолюда справедливым и благородным. Бандит перед тобой стоит, грабитель и, может, убийца. Потому как не исключено, что побитый мною гавенкар так и не очухался, валяясь во рву на Диллингенском тракте.

Он долго молчал, глядя на далекие, тонушие в облаках горы на севере.

– Ну, бывай, Золтан, – сказал наконец Геральт. – Быть может, силы, в существовании которых я понемногу начинаю сомневаться, позволят нам когда-нибудь встретиться еще. Я б хотел этого. Хотел бы познакомить тебя с Цири, хотел бы познакомить ее с тобой. Но даже если это не получится, знай – я не забуду тебя. Бывай, краснолюд.

– Ты, человек, подашь мне руку? Мне – разбойнику и бандиту?

– Не задумываясь. Меня теперь уже не так легко обмануть, как прежде. И хоть я и не всегда догадываюсь о побудительных причинах, но понемногу овладеваю искусством заглядывать под маскарадные маски.

Геральт махнул сигиллем и перерубил пополам пролетающую мимо бабочку.

«После расставания с Золтаном и его группой, – вспоминал он, – мы наткнулись в лесах на группу кочующих кметов. Часть, увидев нас, разбежалась, некоторых Мильва остановила, угрожая луком. Оказалось, что кметы до недавних пор были нильфгаардскими пленниками. Их согнали рубить кедры, но несколько дней назад на стражников напал какой-то отряд и освободил их. Сейчас они возвращались по домам. Лютик во что бы то ни стало хотел выяснить, кем были эти освободители, расспрашивал дотошно». * * *

– Энти воины, – повторил кмет, – под Белой Королевой ходят. Громят Черных, ого-го!

Балакали, мол, они словно гари́лы на вражьи́х тылах...

– Кто-кто?

– Я ж говорю – гари́лы.

– Гори́ллы, черт возьми, – поморщился Лютик и махнул рукой. – Ох, люди, люди... Какие знаки, спрашиваю, армия носила?

– Разные, господин. Особливо конные. Пехтура – красное чего-то.

Кмет взял ветку и накарябал на песке ромб.

– Ромб? – удивился сведущий в геральдике Лютик. – Не темерская лилия, а ромб, герб Ривии. Интересно. До Ривии отсюда добрых двести верст. Я уж не говорю о том, что армия Лирии и Ривии полностью уничтожена во время боев в До́ль Ангре и под Альдерсбергом, а страну оккупирует Нильфгаард... Ничего не понимаю!

– Это нормально, – обрезал ведьмак. – Хватит болтать. В путь.

– Ха! – крикнул поэт, все время раздумывавший над полученной от кметов информацией. – Сообразил! Не гори́ллы, а гери́льясы! Партизаны! На тылах врага, понимаете?

– Понимаем, – кивнул Кагыр. – Одним словом, на этих территориях действуют партизаны нордлингов. Какие-то подразделения, сформированные, видимо, из остатков войск Лирии и Ривии, разбитых в середине июля под Альдерсбергом. Я слышал об этой битве, когда был у «белок».

– Такое известие я полагаю утешительным, – заявил Лютик, гордый тем, что именно ему, а не кому-то еще удалось расшифровать «гари́лью» загадку. – Даже если у мужиков в голове запутались геральдические знаки, то скорее всего мы имеем дело не с армией Темерии. Я не думаю, чтоб до ривских герильясов уже дошла весть о двух шпионах, таинственным образом сбежавших недавно из-под виселицы маршала Виссегерда. Если мы натолкнемся на этих партизан, то, может, удастся отбрехаться.

– Рассчитывать на это можно, – сказал Геральт, успокаивая брыкающуюся Плотву. – Но, честно говоря, я предпочел бы не встречаться.

– Но это же твои соплеменники, ведьмак, – сказал Регис. – Тебя же зовут Геральт из Ривии.

– Небольшая поправка, – сказал ведьмак. – Я сам себя так нарек, чтобы было по красивее. У моих клиентов имя с такой добавкой вызывает больше доверия.

– Понимаю, – усмехнулся вампир. – Только почему ты вдруг выбрал Ривию? Ты оттуда, что ли?

– Вытягивал прутики, помеченные разными звучными названиями. Такую методику мне посоветовал мой наставник. Не сразу. Но когда я упорно просил именовать себя Геральтом Роджером Эриком дю Хо-Беллегардом, то Весемир решил, что это смешно, претенциозно и звучит идиотски. Сдается, он был прав.

Лютик громко фыркнул, многозначительно взглянув на вампира и нильфгаардца.

– Мое многочленное имя, – проговорил несколько обиженный его взглядом Регис, – имя настоящее. Согласующееся с вампирьей традицией.

– Мое тоже, – поспешил пояснить Кагыр. – Маур – имя моей матери, а Дыффин – прадеда. И

не вижу здесь ничего смешного, поэт. А сам-то ты, интересно бы узнать, тебя-то самого как зовут? Ведь «урезанный» Лютик – явный псевдоним.

– Я не могу выдавать вам свое настоящее имя и пользоваться им, – таинственно ответил бард, гордо задирая нос. – Оно слишком знаменито.

– Меня, – неожиданно включилась в разговор Мильва, долго и угрюмо молчавшая, – здорово злило, когда меня сокращали в Майю, Маню, Марыльку. Кто такое имя слышит, зараз думает, что можно по заднице шлепнуть.

Темнело. Журавли улетели, их курлыканье утихло вдали. Успокоился ветер, веющий с гор. Ведьмак убрал сигилль в ножны.

«Можно было ожидать раньше, – подумал он. – Но кто из нас, кроме Региса, разбирался в таких делах? Нет, конечно, все заметили, что Мильву часто по утрам рвет. Но мы порой ели такое, что всех наизнанку выворачивало. Лютик тоже блевал раза два, а у Кагыра как-то разыгрался такой понос, что он перепугался, уж не дизентерия ли это. А то, что девушка то и дело слезает с коня и уходит в кусты, я принял за воспаление мочевого пузыря...

Ну, балбес!

Регис, кажется, догадывался. Но молчал. Молчал до тех пор, когда больше уже молчать было нельзя. Когда мы остановились в покинутом лесорубами шалаше, Мильва отозвала его в лес и они долго, временами очень громко, разговаривали. Вампир вернулся из леса один. Варил и смешивал какие-то травы, потом неожиданно попросил всех нас в шалаш. Начал он издали, как всегда, своим действующим на нервы менторским тоном».

– Обращаюсь ко всем, – повторил Регис. – Как ни говори, мы – команда и несем коллективную ответственность. Здесь ничего не меняет тот факт, что, вероятнее всего, среди нас отсутствует тот, кто несет самую большую – индивидуальную – ответственность. Я бы сказал так: непосредственную.

– Выражайся, язви тебя в душу, если она у тебя, конечно, есть, яснее, – занервничал Лютик. – Команда, коллектив, ответственность... Что с Мильвой? Чем она больна?

– Это не болезнь, – тихо сказал Кагыр.

– Во всяком случае, не в прямом значении этого слова, – подтвердил Регис. – Мильва беременна.

Кагыр кивнул, показав тем самым, что догадывался. Лютик осоловел. Геральт прикусил губу.

– Который месяц?

– Она отказалась назвать, притом в весьма малолюбезной форме, какую-либо дату, в том числе и дату последних месячных. Но я в этом разбираюсь. Десятая неделя.

– Значит, забудь о своих патетических намеках на непосредственную и индивидуальную ответственность, – угрюмо сказал Геральт. – Это не мы. Если у тебя и были какие-то сомнения, то я их отвожу. Однако ты совершенно прав, говоря о коллективной ответственности. Нам сразу и неожиданно достались, я бы сказал так, роли отцов и мужей. Послушаем, что скажет лекарь. Внимательно.

– Нормальное, регулярное питание, – начал перечислять Регис. – Никаких стрессов. Здоровый сон. А вскоре – конец конной езде.

Молчали долго.

- Понятно, – сказал наконец Лютик. – У нас проблемы, милсдари мужа и отцы.
- И более крупные, чем вы думаете, – сказал вампир. – Либо менее. Все зависит от точки зрения.
- Не понимаю.
- А должен бы, – буркнул Геральт.
- Она потребовала, – после краткого молчания проговорил Регис, – чтобы я приготовил и дал ей некий сильно и радикально действующий... медикамент. Она считает это ремедиумом против хлопот. Она настроена весьма решительно. Весьма.
- Ты дал?
- Не посоветовавшись с другими... отцами и мужьями? – усмехнулся Регис.
- Лекарство, о котором она просит, – тихо проговорил Кагыр, – не чудесная панацея. У меня три сестры, я знаю, что говорю. Она, кажется, думает, что вечером выпьет отвар, а наутро двинется вместе с нами. Ничего подобного. Ничего. Понадобится не меньше десяти дней, прежде чем можно будет посадить ее на лошадь. Ты, Регис, должен ей об этом сказать до того, как дать лекарство. А дать сможешь только тогда, когда мы найдем для нее кровать. Кровать и чистую постель.
- Понял, – кивнул Регис. – Один голос «за». А ты, Геральт?
- Чего – я?
- Господа любезные. – Вампир обвел их своими темными глазами. – Не прикидывайтесь, будто не понимаете.
- В Нильфгаарде, – сказал Кагыр, краснея и опуская голову, – в таких вопросах решающий голос остается за женщиной. Никто не может влиять на ее решение. Регис сказал, что Мильва решила... воспользоваться медикаментом. Только поэтому, исключительно поэтому, я начал невольно думать о предстоящем как о свершившемся факте. И о его последствиях. Но я – чужеземец, не разбирающийся в ваших... Я вообще в такие дела не имею права вмешиваться. Простите.
- За что? – удивился трубадур. – Ты что, действительно принимаешь нас за дикарей, нильфгаардец? За примитивное племя, подчиняющееся каким-то шаманским табу? Разумеется, только женщина может принять решение, это ее неотъемлемое право. Если Мильва решается на...
- Замолкни, Лютик, – буркнул ведьмак. – Заткнись, очень тебя прошу.
- Ты думаешь иначе? – взорвался поэт. – Ты хотел бы ей запретить, либо...
- Заткнись, черт побери, иначе я за себя не ручаюсь. Сдается мне, Регис, ты проводишь среди нас нечто вроде плебисцита. Зачем? Медик – ты. Снадобья, которые она просит... Да, снадобья, к слову «медикамент» у меня как-то душа не лежит – гляньте-ка, опять душа вылезла! Только ты можешь это снадобье приготовить и дать. И ты это сделаешь, если она попросит опять. Не откажешь.
- Медикамент уже готов. – Регис показал маленькую бутылочку из темного стекла. – Если она попросит снова, я не откажу. Если попросит!
- Так в чем же дело? В нашем единомыслии? Во всеобщем одобрении? Ты этого ожидаешь?

– Ты прекрасно знаешь, в чем дело, – сказал вампир. – Верно чувствуешь, что надо сделать. Но поскольку спрашиваешь, отвечаю. Да, Геральт, дело именно в этом. Да, именно это следует сделать. Нет, этого ожидаю не я.

– Ты можешь выражаться яснее? – спросил Лютик.

– Нет, – ответил вампир. – Яснее уже не могу. Тем более что и надобности нет. Верно, Геральт?

– Верно. – Ведьмак положил голову на сплетенные пальцы. – Да, черт побери, верно. Но почему ты смотришь на меня? Это должен сделать я? Но я не умею. Не смогу. Я совершенно не гоюсь на эту роль. Совершенно, понимаете?

– Нет, – возразил Лютик. – Совершенно не понимаем. Кагыр, ты понимаешь?

Нильфгаардец взглянул на Региса, потом на Геральта.

– Пожалуй, да, – сказал он медленно. – Так мне кажется.

– Ага, – кивнул трубадур. – Ага. Геральт понял с ходу. Кагыру кажется, что он понимает. Я явно нуждаюсь в пояснениях, но сначала мне велят молчать, потом я слышу, что нет нужды, чтобы я понимал. Благодарствую. Двадцать лет на службе поэзии достаточно много, чтобы знать: есть вещи, которые либо понимаешь сразу, даже без слов, либо не поймешь никогда.

Вампир улыбнулся.

– Не знаю никого, – сказал он, – кто мог бы выразить это изящнее.

Стемнело совершенно. Ведьмак встал.

«Двум смертям не бывать, – подумал он. – От этого не уйти. Нечего тянуть. Надо это сделать. Надо – и конец».

Мильва сидела в одиночестве около небольшого костерка, который разожгла в лесу, в яме от вывороченного дерева, вдали от шалаша лесорубов, где ночевали остальные. Она не вздрогнула, услышав его шаги. Словно ожидала его. Только подвинулась, дав ему место на поваленном стволе.

– Ну и что? – бросила резко, не ожидая, пока он что-нибудь скажет. – Наделала я вам дел, а?

Он не ответил.

– Небось и не предполагал, когда мы отправлялись, а? Когда меня в компанию брал? Небось думал, ну и что, что хамка, что дурная девка деревенская? Разрешил ехать. Потрепаться с ней в дороге о мудростях всяких – небось думал – не потрепешься, а сгодиться может. Здоровая, крепкая баба, из лука шьет, задницы в седле не натрет, а станет опасно, не наделает в портки, польза от нее будет. А вышла не польза, а одно горе. Колода на ноге. Разобрало дурную девку...

– Зачем ты поехала со мной? – спросил он тихо. – Почему не осталась в Брокилоне? Ты же знала...

– Знала... – быстро прервала она. – Ведь среди дриад была, а они мигом узнают, что с девкой, от них не утаишься. Они узнали, прежде чем я сама... Но, мнилось мне, так-то быстро меня слабость не возьмет. Думала, будет нужда, выпью спорыньи или другого какого отвара, и не заметишь, не догадаешься...

– Все не так просто.

– Знаю. Вомпер сказал. Долго я слишком валандалась, все размышляла, колебалась. Теперь уж гладко не пройдет...

– Я не это имел в виду.

– Зараза, – сказала она, помолчав. – Подумать! Я-то на Лютика грешила! Потому как видела, что он токо пыжится, а сам-то пустышка, слабак, к труду не привычный, того и гляди дальше идти не сможет и придется его бросить. Думала, будет плохо, вернусь с Лютиком... А глянь, Лютик-то хват, а я...

Голос у нее надломился. Геральт обнял ее. И тут же понял, что это было то движение, которого она ждала, которое ей было невероятно нужно. Шершавость и жестокость брокилонской лучницы мгновенно испарились, осталась дрожащая, тонкая мягкость испуганной девушки. Но именно она прервала затянувшееся молчание.

– Так ты мне и тада сказал... В Брокилоне. Мол, мне нужна будет... рука. Что буду я ночью кричать, в темноту... Ты здесь, я чувствую твое плечо рядом с моим... А кричать все равно хочется... О-ей-ей... Ты почему дрожишь?

– Да так, ничего. Воспоминание.

– Что со мной будет?

Он не ответил. Вопрос был адресован не ему.

– Папка мне однажды показал... У нас у реки такая черная оса живет, что в живую гусеницу яйца откладывает. Из яиц осята вылупляются, гусеницу заживо съедают... Изнутри... Сейчас во мне такое же сидит.

Во мне, внутри, в моем собственном животе. Растет, все растет и заживо меня сожрет...

– Мильва...

– Мария. Мария я – не Мильва. Какая из меня Каня? Коршун? Квочка я с яйцом, не Коршун... Мильва с дриадами хохотала на побоище, вырывала стрелы из окровавленных трупов – не пропадать же добру, жаль доброго наконечника! А ежели который еще дышал, то ножом его по горлу! Вжик! На такую судьбу Мильва предательством выводила тех людей и хохотала... Их кровь кричит теперь. Та кровь, словно осиный яд, пожирает теперь Марию изнутри. Мария расплачивается за Мильву. За Каню-Коршуна.

Он молчал. В основном потому, что не знал, что сказать. Девушка сильнее прильнула к его плечу.

– Я вела в Брокилон команду скоя'таэлей, – сказала она тихо. – На Выжиггах это было, в июне, с неделю до субботки. Загнали нас, битва была, ушли мы в семь коней: пятеро эльфов, одна эльфка и я. До Ленточки с полверсты, но конные за нами, конные перед нами, кругом тьма, мочага, болоты... Ночью упрятались мы в лозники, надо было коням передышку дать. Да и себе. Тогда-то эльфка разделась без слова, легла... Уйти или прикинуться, мол, не вижу? Кровь в виски колотит, а она вдруг и говорит: «Кто знает, говорит, что утром будет? Кто, говорит, Ленточку перейдет, а кто землю охватит? Еп'са, говорит, minne. Так и сказала: маленько, дескать, любви. Только так, говорит, можно победить смерть. И страх». Они боялись, она боялась, и я боялась... И разделась я тоже и легла непоодаль, попону под спину подстелила... Когда меня первый обнял, я зубы стиснула, потому как не готова была, испуганная и сухая... Но он мудрый был, эльф ведь, токо с виду молодой... Умный... Нежный... Мхом пахнул, травами и росой... К другому я сама руки протянула... С желанием...

Маленько любви? Бес один знает, сколь в том было любви, а сколь страху, но страху было поболее, так мне мнится... Потому как любовь-то была притворная, хоть и добрая, но притворная все ж, словно в ярмарочной игре, как в вертепе, ведь там-то, если актеры способные, то даже забываешь, что притворное, а что правдивое. А страх был. Настоящий был страх.

Геральт молчал.

– А смерти все ж не удалось нам преобороть. На заре двух убили, пока мы до берега Ленточки дошли. Из тех трех, что выжили, ни одного боле не видела. Мамка моя говорила, что девка завсегда знает, чей плод в животе носит... А я не знаю. Я даже и имен-то тех эльфов не знала, откуда ж мне ведать-то? Скажи откуда?

Он молчал. Позволяя своей руке говорить за себя.

– Да и зачем мне было знать? Вомпер уж спорыньи наварил... Придется вам меня оставить в какой-нито деревне... Нет, не говори ничего, молчи. Я знаю, какой ты. Ты даже своей норовистой кобылы не бросишь, не оставишь, на другую не выменяешь, хоть и грозишься весь час. Ты не из тех, кто бросает. Но теперь – надо. Я просто в седле не усiju. Но знай: как токо оздоровею, двину за вами вслед. Потому как хочу, чтобы ты свою Цирю отыскал, ведьмак. Чтобы ты ее с моей помощью отыскал и возвернул.

– Так вот почему ты поехала за мной? – сказал он, потирая лоб. – Вот почему.

Она опустила голову.

– Потому ты и поехала за мной, – повторил он. – Отправилась, чтобы помочь спасти чужого ребенка. Хотела расплатиться. Отдать долг, о котором думала уже тогда, отправляясь за мной... Чужой ребенок за своего. И я обещал тебе помочь в нужде. Мильва, я не смогу тебе помочь. Поверь, не смогу.

Теперь молчала она. Он не мог. Чувствовал, что ему нельзя молчать никак.

– Тогда, в Брокилоне, я остался твоим должником и поклялся, что расплачусь за это. Неразумно. Глупо. Ты помогла мне в тот момент, когда помощь была мне необходима. Такой долг невозможно возвратить. Нельзя заплатить за то, что не имеет цены. Некоторые утверждают, будто каждая, абсолютно каждая вещь в мире имеет свою цену. Это неправда. Есть вещи, у которых нет цены, они бесценны. Их проще всего узнать: стоит только их потерять, и все – они уже потеряны навсегда. Я сам потерял очень многое. Поэтому сегодня не могу тебе помочь.

– Ты мне как раз помог, – очень спокойно ответила она. – Ты даже не знаешь, как помог. А теперь уходи. Пожалуйста. Оставь меня одну. Уходи, ведьмак. Уходи, пока ты не до конца развалил мой мир.

Когда на заре они двинулись в путь, Мильва поехала впереди, спокойная и улыбчивая. А когда следовавший за ней Лютик принялся бренчать на лютне, она посвистывала в такт мелодии.

Геральт и Регис замыкали процессию. После долгого молчания вампир взглянул на ведьмака, усмехнулся одобрительно и удивленно. Покачал головой. Потом вытащил из своей медицинской торбы маленькую бутылочку темного стекла, показал Геральту. Улыбнулся снова и кинул бутылочку в кусты.

Ведьмак молчал.

Когда они остановились напоить коней, Геральт отвел Региса в укромное место.

– Планы меняются, – сообщил он сухо. – Мы не поедем через Ийсгит.

Вампир минуту помолчал, буравя его черными глазами. Потом сказал:

– Если б я не знал, что как ведьмак ты опасаясь только реальных угроз, я б подумал, что ты принял близко к сердцу болтовню ненормальной девчонки.

– Но ты знаешь. Поэтому подумает логично.

– Ну-ну. Однако хочу обратить твоё внимание на следующее: во-первых, состояние, в котором находится Мильва, не болезнь и не дефект. Конечно, девушка обязана о себе заботиться, но она совершенно здорова и разумна. Я бы даже сказал – весьма разумна. Гормоны...

– Брось менторский и отдающий превосходством тон, – прервал Геральт. – Он начинает действовать на нервы.

– Это был первый вопрос, – напомнил Регис, – из двух, которые я намерен был затронуть. А вот второй: когда Мильва обнаружит твою сверхзаботливость и поймет, что ты носишься с ней как курица с яйцом, она взбеленится, а затем последует стресс, который ей абсолютно противопоказан. Геральт, я не хочу быть ментором. Хочу быть рациональным.

Геральт не ответил.

– Есть еще и третья проблема, – добавил Регис, по-прежнему сверля его глазами. – Идти через Ийсгит нас заставляет не энтузиазм и жажда приключений, а необходимость. По горам шатаются войска, а нам необходимо добраться в Каэд Дху. Мне казалось, это срочно. Казалось – тебе важно как можно скорее добыть информацию и двинуться на спасение твоей Цири.

– Важно. – Геральт отвел глаза. – Мне очень важно. Я хочу спасти и вернуть Цири. До последнего времени я думал, что любой ценой. Но нет. Этой – нет. Этой ценой я не заплачу, на такой риск не пойду. Не согласен. Мы не пойдем через Ийсгит.

– Альтернатива?

– Другой берег Яруги. Поедем вверх по течению, далеко за трясины. Переправимся через Яругу на высоте Каэд Дху. Если будет трудно, переправимся к друидам только вдвоем. Я переплыву, ты перелетишь под видом нетопыря. Что так смотришь? Ведь то, что река для вампира – преграда, это просто еще один миф и предрассудок. А может, я ошибаюсь?

– Не ошибаешься. Но летать я могу только в полнолуние.

– До полнолуния всего две недели. Пока мы доберемся до нужного места, как раз и будет почти полнолуние.

– Геральт, – сказал вампир, по-прежнему не спуская с ведьмака взгляда. – Станный ты человек, ведьмак. Для ясности: это не было определение уничижительное. Ну ладно. Отказываемся от Ийсгита, опасного для женщин в интересном положении. Переправимся на другой берег Яруги, по твоему мнению, безопасный.

– Я умею оценивать степень риска.

– Не сомневаюсь.

– Мильве и остальным ни слова. Если спросят, скажешь, что это часть нашего плана.

– Разумеется. Начинаем поиски лодок.

Долго искать не пришлось, а результат поисков превзошел все ожидания. Отыскалась даже не лодка, а паром. Спрятанный среди верб, ловко замаскированный ветками и пучками камыша, паром выдал канат, связывающий его с левым берегом. Нашелся и паромщик. Увидев их, он быстро шмыгнул в кусты, но Мильва засекла его и вытащила из укрытия за воротник, попутно спугнув и помощника, могучего сложения парня с плечами богатыря и лицом законченного идиота. Паромщик трясся от страха, глаза у него бегали, словно пара мышей по пустому амбару.

– На тот берег? – Паромщик икнул, узнав, чего от него ждут. – Ни за что! Там нильфгаардская земля, а теперича военный час! Схватют – на кол натянут! Не поплыву! Убейте, не поплыву!

– Убить можем, – скрипнула зубами Мильва. – Предварительно исколотить тоже можем. А ну, раскрой еще пасть – увидишь, что можем!

– Военный час, – вампир просверлил паромщика взглядом, – наверняка тебе в контрабанде не помеха, а, добрый человек? На то тебе и паром, хитро установленный подальше от королевских и нильфгаардских форпостов, я не ошибаюсь? А ну, давай сталкивай его на воду.

– Так-то оно будет разумнее, – добавил Кагыр, поглаживая рукоять меча. – Будешь волокитить, переправимся сами, без тебя, паром останется на том берегу, и чтобы его вернуть, придется тебе плыть по-лягушачьи, брассом, стало быть. А так – переправишь нас и вернешься. Часок страха – и забудешь.

– А станешь упираться, стервь, – снова пригрозила Мильва, – так приложу, до зимы не забудешь!

Перед лицом суровых, не подлежащих обсуждению аргументов паромщик отступил, и вскоре уже вся команда была на пароме. Некоторые лошади, особенно Плотва, упирались и не хотели грузиться, но паромщик и его придурковатый помощник, видимо, сталкивались с такой ситуацией не раз, что доказывала ловкость, с которой они управились с упирающимися лошадьми. Дурачок-гигант на пару с паромщиком принялся крутить ворот, приводящий в движение посудину, и переправа началась.

Когда выплыли на открытую воду и их охватил ветер, настроение улучшилось. Переправа через Яругу была чем-то новым, иным этапом, указывающим на прогресс в движении. Впереди был нильфгаардский берег, рубеж, граница. Все вдруг оживились. Это передалось даже глуповатому помощнику паромщика, который ни с того ни с сего принялся насвистывать какую-то кретинскую мелодийку. Геральт тоже чувствовал странную эйфорию, словно из ольховника на левом берегу вот-вот выглянет Цири и радостно крикнет, увидев его.

Вместо Цири крикнул паромщик. И отнюдь не радостно.

– О боги! Мы пропали! Гляньте туды!

Геральт взглянул в указанном направлении и выругался. Меж ольховин на высоком берегу сверкнули доспехи, загудели копыта. Еще мгновение, и левобережная паромная пристань почернела от конников.

– Черные! – взвизгнул паромщик, бледнея и отпуская ворот. – Нильфгаардцы! Смерть! Спасите, боги!

– Держи коней, Лютик! – заорала Мильва, пытаясь одной рукой вытащить лук из луба. – Держи коней!

– Это не имперские, – сказал Кагыр. – Мне кажется...

Его голос заглушили крики конников на пристани. И крик паромщика. Подгоняемый его криком придурковатый помощник схватился за топор, размахнулся и с силой опустил острие на канат. Паромщик помог вторым топором. Конники на пристани это увидели и тоже принялись орать. Несколько человек въехали в воду, схватили канат. Некоторые бросились к парому вплавь.

– Оставьте канат в покое! – крикнул Лютик. – Это не нильфгаардцы! Не перерубайте...

Однако было уже поздно. Перерубленный канат тяжело плюхнулся в воду, паром развернулся, и его подхватило течение. Конники на берегу подняли страшный крик.

– Лютик прав, – угрюмо сказал Кагыр. – Это не имперские... Они на нильфгаардском берегу, но это не нильфгаардцы.

– Конечно ж, нет! – закричал Лютик. – Я узнаю знаки! Орлы и ромбы! Знаки Лирии! Это лирийские герильясы! Эй, люди...

– Прячься за борт, дурень!

Поэт, как всегда, вместо того чтобы послушаться, пожелал узнать, в чем дело. И тут в воздухе засвистели стрелы. Часть со стуком врезалась в борт парома, часть пролетела выше и хлопнулась в воду. Две летели прямо на Лютика, но ведьмак уже выхватил свой меч, прыгнул, быстрыми ударами отбил обе.

– Великое Солнце, – ахнул Кагыр. – Отбил... Отбил две стрелы! Невероятно! Ничего подобного я не видел...

– И не увидишь! Впервые в жизни мне удалось такое! Прячьтесь за борт!

Однако солдаты с пристани прекратили обстрел, видя, что течение несет паром прямо к их берегу. Вода вспенилась у боков лошадей, загоняемых в воду. Паромная пристань заполнилась новыми конниками. Их было никак не меньше двух сотен.

– Подмогайте! – закричал паромщик. – А ну, за шесты, милсдари, мать вашу! К берегу нас несет!

Они поняли сразу, а шестов, к счастью, было достаточно. Регис и Лютик держали лошадей. Мильва, Кагыр и ведьмак помогали паромщику и его придурковатому прислужнику. Паром, который оттолкнули сразу пятью шестами, развернулся и пошел быстрее, явно направляясь к середине реки. Солдаты на берегу снова подняли крик, опять схватились за луки. Просвистело несколько стрел, одна из лошадей дико заржала. К счастью, подхваченный течением паром плыл быстро и все больше удалялся от берега, за пределы прицельных выстрелов.

Они уже были на середине реки. Паром крутился, словно дерьмо в проруби. Кони топали и ржали, вырывались от вцепившихся в поводья Лютика и вампира. Конники на берегу орали и грозились кулаками. Геральт вдруг заметил среди них наездника на белом коне, размахивавшего мечом и, кажется, отдававшего приказы. Спустя минуту кавалькада отступила к опушке леса и галопом помчалась краем высокого берега. Латы посверкивали в прибрежных зарослях.

– Они не отстанут, – застонал паромщик. – Знают, что за заворотом быстрина снова нас к ихнему берегу прибьет... Держитя палки наготове, милсдари! Как нас к правому берегу повернет, надуть барке подмогнуть перебороть течение и выскакивать. Иначе нам горе...

Паром плыл, понемногу дрейфуя к правому берегу, к высокому, крутому, ошестинившемуся кривыми соснами откосу. Левый берег, от которого они сейчас удалялись, сделался плоским, вдавался в реку полукруглой песчаной косой. На косу галопом вылетели наездники, с разгона въезжая в воду. Рядом с косой явно была мелина, застружина, и прежде чем вода дошла лошадям до брюха, конники вошли в реку довольно далеко.

– Дойдут на выстрел, – угрюмо оценила Мильва. – Прячьтесь.

Снова засвистели стрелы, некоторые попали в доски. Но отбивающееся от застружины течение быстро понесло паром в сторону крутого поворота на правом берегу.

– Таперича за шесты! – приказал трясущийся паромщик. – Живо, пристаем, пока быстрина не ухватит!

Однако сделать это оказалось не так просто. Течение было быстрым, вода глубокой, а паром большим, тяжелым и неповоротливым. Вначале он вообще не реагировал на их усилия, наконец шесты сильнее уперлись в дно. Походило на то, что у них получится, когда Мильва вдруг упустила шест и молча указала на правый берег.

– А вот теперь... – Кагыр смахнул пот со лба. – Теперь – точно нильфгаардцы.

Геральт тоже видел это. У наездников, неожиданно появившихся на правом берегу, были черные и зеленые плащи, у коней – характерные узды, набранные из колец. Наездников была по меньшей мере сотня.

– Пропали мы таперича вконец... – заныл паромщик. – Ох, маменька родная, это ж Черные!

– К шестам! – рявкнул ведьмак. – К шестам – и на быстрину! Дальше от берега.

Задача опять оказалась не из легких. Течение у правого берега было сильное, паром несло прямо к высокому обрыву, с которого уже слышались крики нильфгаардцев. Когда через минуту упершийся в шест Геральт поднял голову, то увидел над собой ветки сосен. Выпущенная с края обрыва стрела врезалась в палубу почти отвесно в двух ступнях от него. Вторую, метившую в Кагыра, он отбил ударом меча.

Мильва, Кагыр, паромщик и его помощник отталкивались уже не от дна, а от берега, от обрыва. Геральт бросил меч, схватил шест и помог им, а паром начало снова сносить на стрежень. Однако они все еще были в опасной близости от правого берега, а по берегу мчалась погоня. Не успели отдалиться, как обрыв кончился, и на плоский, заросший камышом берег вылетели нильфгаардцы. В воздухе завывали перья стрел.

– Прячьтесь!

Помощник паромщика вдруг как-то странно выругался и упустил шест в воду. Геральт увидел окровавленный наконечник и четыре вершка стрелы, торчащие из его спины. Гнедой конь Кагыра встал на дыбы, заржал, мотая простреленной шеей, повалил Лютика и выпрыгнул за борт. Остальные лошади тоже ржали и метались, паром трясся от ударов копыт.

– Держите коней! – крикнул вампир. – Дер...

Он вдруг осекся, навалился спиной на борт, осел, наклонил голову. Из груди у него торчала черноперая стрела.

Мильва увидела это. Она дико вскрикнула, схватила лук, высыпала под ноги стрелы из колчана и начала шить. Быстро. Стрела за стрелой. Ни одна не прошла мимо цели.

На берегу закипело. Нильфгаардцы отступали к лесу, оставляя в камышах воющих раненых и

убитых. Укрывшиеся в лесу продолжали стрелять, но стрелы уже едва долетали, быстрое течение несло паром к середине реки. Расстояние было слишком велико для прицельной стрельбы нильфгаардских луков. Но не для лука Мильвы.

Среди нильфгаардцев вдруг возник офицер в черном плаще, в шлеме, на котором раскачивались черные крылья. Он кричал, размахивал булавой, указывал на реку ниже по течению. Мильва шире расставила ноги, подтянула тетиву к уголку рта, быстро прицелилась. Стрела зашумела в воздухе, офицер выгнулся дугой назад в седле, повис в руках подхвативших его солдат. Мильва снова натянула лук, выпустила тетиву из пальцев. Один из поддерживавших офицера нильфгаардцев душераздирающе крикнул и свалился с лошади. Остальные скрылись в лесу.

– Мастерские выстрелы, – спокойно сказал Регис из-за спины ведьмака. – Но лучше беритесь-ка за шесты. Мы все еще слишком близко от берега, а несет нас на мель!

Лучница и Геральт обернулись.

– Ты жив?

– А вы думали, – вампир показал на черноперую стрелу, – что мне можно нанести вред каким-то обрубком прутика?

Удивляться было некогда. Паром снова крутился и плыл по стремнине. Но на повороте реки опять возникла песчаная коса и мель, а на берегу стало черным-черно от нильфгаардцев. Некоторые спускались в воду и готовили луки. Все, не исключая и Лютика, схватились за шесты. Вскоре шесты перестали доставать дно, течение вынесло паром на глубину.

– Лады, – засопела Мильва, бросая шест. – Теперь они нас не достанут...

– Один добрался до отмели, – указал Лютик. – Готовится стрелять. Прячьтесь!

– Не попадет, – холодно оценила обстановку Мильва.

Стрела плюхнулась в воду в двух саженях от носа парома.

– Снова натягивает! – воскликнул трубадур, выглядывая из-за борта. – Внимание!

– Не попадет, – повторила Мильва, поправляя щиток на левом предплечье. – Лук у него добрый, но лучник из него, как из козьей жопы валторна. Горячится. После выстрела дергается и трясется как баба, у которой слизень ползает промежду полжопками. Держите коней, чтоб меня не толкнули.

На этот раз нильфгаардец взял слишком высоко. Стрела просвистела над паромом. Мильва подняла лук, расставила ноги, быстро натянула тетиву до щеки и отпустила ее нежно, даже на долю дюйма не изменив позиции. Нильфгаардец рухнул в воду как молнией пораженный, течение понесло его. Черный плащ вздулся пузырем.

– Это делается так, – опустила Мильва лук. – Токо ему уж поздно научиться.

– Остальные едут за нами следом, – Кагыр указал на правый берег, – и после того как Мильва подстрелила офицера, погони не прекратят. Ручаюсь. Река извивается, на следующем повороте течение снова прибьет нас к ихнему берегу. Они знают и будут ждать...

– Теперича у нас иншая печаль, – заныл паромщик, поднимаясь с колен и бросив убитого помощника. – Теперича нас прет прямиком к левому берегу. О боги, наперехлест нас взяли... И все из-за вас, милостивцы, мать вашу так! На ваши головы кровь та падет...

– Захлопни пасть и берись за шест!

На левом, теперь уже пологом берегу толпились, кричали и размахивали руками конники, в которых Лютик признал лирийских партизан. Геральт снова заметил наездника на белом коне. Уверенности не было, но ему показалось, что наездник – женщина. Светловолосая женщина в латах, но без шлема.

– Что они кричат, – прислушался Лютик. – Что-то вроде бы о королеве.

Крик на левом берегу усилился. Стал слышен звон металла.

– Бой, – кратко бросил Кагыр. – Взгляните. Из леса выезжают имперские. Нордлинги бегут. Теперь они в ловушке.

– Выходом из ловушки, – сплюнул Геральт в воду, – был паром. Они, сдается, хотели спасти хотя бы свою королеву и старших военачальников, перевезти их паромом на другой берег. А мы паром украли. Ох не любят они теперь нас, не любят...

– А должны бы, – сказал Лютик. – Паром не спас бы никого, а отнес бы прямо в лапы нильфгаардцев на правом берегу. Мы тоже должны избегать правого берега. С лирийцами попытаюсь договориться, но Черные забьют нас безжалостно...

– Несет все шибче, – бросила Мильва, тоже сплюнув в воду и рассматривая плывущий плевок. – И серединой глубины. Теперь пусть нас в задницу поцелуют и те, и другие. Повороты тут некрутые, берега ровные и все заросли ивняком. Мы плывем вниз по Яруге, они нас не достанут. Им быстро надоест.

– Хреновину порешь, девка, – простонал паромщик. – Перед нами Красная Биндюга... Тамотка – мост! Паром уткнется... Ежели они нас опередят, то ждать тама будут...

– Нордлинги нас не опередят. – Регис указал с кормы на левый берег. – У них свои проблемы.

Действительно, на правом берегу шел ожесточенный бой. Центр его был в лесу и давал о себе знать лишь боевыми криками, но во многих местах черные и разноцветные наездники рубились мечами в прибрежной воде, трупы с плеском падали в реку. Шум и звон металла постепенно стихали, паром величаво, но довольно быстро плыл вниз по течению.

На заросших берегах не было видно вооруженных, не слышно было звуков погони. Геральт уже начал было надеяться, что все кончится добром, но тут увидел впереди деревянный мост, стягивающий берега. Река под мостом обтекала мели и островки, на самый большой из островков упирался один из мостовых быков. На правом берегу виднелись беспорядочные навалы стволов, штабеля, кучи дерева.

– Там везде мелко, – выдохнул паромщик. – Токмо середкой можно проплыть, право от острова. Течение туда нас несет, но хватайте шесты, могут пригодиться, если уткнемся...

– На мосту, – Геральт заслонил глаза рукой, – военные. На мосту и на биндюге, на вырубке.

Это уже видели все. И видели, как из леса за вырубкой вдруг вылетает ватага всадников в черных и зеленых плащах. Уже можно было услышать гул боя.

– Нильфгаардцы, – сухо отметил Кагыр. – Те, которые нас преследовали. Значит, на мосту – нордлинги...

– За шесты! – крикнул паромщик. – Пока бьются, может, промкнемся!

Не «промкнулись». Они были уже совсем близко от моста, когда он загудел под ногами бегущих солдат. Поверх кольчуг на солдатах были белые накидки, украшенные красными ромбами. У большинства – самострелы, которые сейчас они уперли в перила и целились в приближающийся к мосту паром.

– Не стрелять, ребята! – во весь голос заорал Лютик. – Не стрелять! Мы свои!

Солдаты не расслышали. Или не хотели расслышать.

Залп из самострелов оказался трагическим по своим последствиям. Одна из стрел угодила в паромщика, все еще пытавшегося управлять паромом с помощью шеста. Стрела прошила его навылет. Кагыр, Мильва и Регис своевременно укрылись за бортами. Геральт схватился за меч и отбил одну из стрел, но стрел было множество. Лютика, который все еще кричал и размахивал руками, необъяснимым чудом не ранило. Однако истинное побоище град стрел учинил среди лошадей. Сивый запасной, в которого угодили три стрелы разом, рухнул на колени. Пал, дергаясь, вороной Мильвы, пал гнедой жеребец Региса. Получившая в круп Плотва встала на дыбы и выскочила за борт.

– Не стрелять! – орал Лютик. – Мы свои!

На этот раз подействовало.

Снесенный течением паром со скрежетом врезался в мель и замер. Все выскочили на островок либо в воду, прячась от ударов копыт бьющихся в муках лошадей. Мильва была последней, потому что ее движения вдруг сделались странно медлительными. «Получила стрелой», – подумал ведьмак, видя, как девушка неловко перебирается через борт, бессильно падает на песок. Он подскочил к ней, но вампир его опередил.

– Что-то во мне оборвалось, – очень медленно и очень неестественно проговорила девушка. А потом прижала руки к промежности. Геральт увидел, как штанина шерстяных брюк темнеет от крови.

– Лей мне на руки. – Регис подал ему выхваченную из торбы бутылочку. – Лей мне это на руки, быстро!

– Что с ней?

– Выкидыш. Дай нож, надо разрезать одежду. И отойди.

– Нет, – сказала Мильва. – Я хочу, чтобы он был рядом.

По ее щеке потекла слеза.

Мост над ними гудел от солдатских сапог.

– Геральт! – верещал Лютик.

Ведьмак, видя, что вампир делает с Мильвой, смущенно отвернулся. Увидел, как по мосту мчатся солдаты в белых накидках. С правого берега, от вырубки, все еще был слышен гул.

– Бегут, – выдохнул Лютик, подсакивая и хватая Геральта за рукав. – Нильфгаардцы уже на правом предмостье! Там все еще идет бой, но большинство бойцов бежит на левый берег! Ты слышишь? Нам тоже надо бежать!

– Нельзя, – стиснул зубы ведьмак. – У Мильвы выкидыш. Она не сможет идти.

Лютик зверски выругался.

– Значит, надо нести, – бросил он. – Это единственная возможность.

– Не единственная, – сказал Кагыр. – Геральт, на мост!

– Зачем?

– Остановим бегство. Если нордлинги удержат хоть ненадолго правый подступ к мосту, может, нам удастся уйти по левому.

– Как ты собираешься остановить бегство?

– Я уже командовал войсками. Лезь на бык и на мост!

На мосту Кагыр с ходу показал, что он действительно человек опытный и прекращать панику среди военных умеет.

– Ну, сукины дети! Куда, сволота поганая! – орал он, подкрепляя каждый рык ударом кулака, валящим отступающих на доски моста. – Стоять! Стоять, трусы поганые!

Некоторые из бегущих – далеко не все – остановились, пораженные ревом и сверканием меча, которым размахивал Кагыр. Другие пытались проскользнуть у него за спиной. Но Геральт тоже выхватил меч и включился в операцию.

– Куда! – крикнул он, мощным ударом осадив одного из бегущих. – Куда? Стоять! Поворачивай! Тпррру!

– Нильфгаард, господин! – крикнул кнехт. – Там резня! Пустите!

– Трусы! – рявкнул влетающий на мост Лютик таким голосом, какого Геральт никогда от него не ожидал. – Паршивые, засранные трусы! Заячьи сердца! Удираете, шкуры свои спасаете? Чтобы в сраме жизнь прожить, подлецы?

– Силища их, господин рыцарь, – не выстоим!

– Сотник убит... – простонал другой. – Десятники сбежали! Смерть идет!

– Надо головы свои спасать!

– Ваши товарищи, – крикнул Кагыр, размахивая мечом, – продолжают биться на предмостье и на вырубке. Позор тому, кто не двинется им на помощь! За мной!

– Лютик, – прошипел ведьмак. – Сигай на остров. Как-нибудь с Регисом доставьте Мильву на левый берег! Ну, чего стоишь?

– За мной, парни! – орал Кагыр, размахивая мечом. – За мной! Кто в богов верует! На берег! На биндюгу! Бей, круши!

Несколько солдат подхватили голосами, выражающими различные степени решимости. Некоторые из тех, кто уже убежал, устыдились, повернулись и присоединились к «мостовой армии», во главе которой вдруг оказались ведьмак и нильфгаардец.

Возможно, солдаты и вправду кинулись бы на выручку, но тут на подходах к мосту зачернели плащи конников. Нильфгаардцы прорвали оборону и ворвались на мост, по доскам загрохотали подковы. Часть остановившихся было солдат снова кинулась бежать, часть нерешительно остановилась. Кагыр выматерился. По-нильфгаардски. Но никто, кроме ведьмака, не обратил на это внимания.

– Что началось, надобно заканчивать! – буркнул Геральт, сжимая в руке меч. – Идем на них!

Надо распалить наше войско.

– Геральт. – Кагыр остановился, неуверенно глянул на него. – Ты хочешь, чтобы я... Чтобы я убивал своих? Я не могу...

– Насрал я на эту войну, – скрежетнул зубами ведьмак. – Но тут Мильва. Ты присоединился к команде? Решай. Идешь за мной или встаешь на сторону черных плащей? Ну, быстрее!

– Иду с тобой!

Так и получилось, что один ведьмак и один союзный ему нильфгаардец заорали, завертели мечами и не раздумывая ринулись вперед, два спутника, два друга, два соратника – навстречу общему врагу, в неравный бой. И это было их общее огненное крещение. Крещение общим боем, яростью, сумасшествием и смертью. Они шли на смерть, они, два товарища. Так они думали. Ведь не могли они знать, что не умрут в тот день на этом мосту, перекинувшимся через Яругу. Не знали, что предначертана им обоим иная смерть. В другом месте и в другое время.

На рукавах у нильфгаардцев было серебряное шитье, изображающее скорпиона. Кагыр зарубил двоих быстрыми ударами своего длинного меча. Геральт рассек двоих ударами сигилля. Потом запрыгнул на перила моста и, пробегая по ним, напал на остальных. Геральт был ведьмаком, удерживать равновесие для него было пустяк, но его акробатический номер изумил и застал врасплох нильфгаардцев. Так они и умерли, не успев оправиться от изумления, от ударов краснолюдского оружия, для которого кольчуги были не прочнее шерсти. Кровь брызнула на измызганные доски и бревна моста.

Увидев боевое преимущество предводителей, теперь уже сильная количественно армия, оборонявшая мост, подняла невообразимый рев и крик, в котором звучал возрастающий боевой дух. И стало так, что минуту назад паниковавшие беглецы кинулись на нильфгаардцев разъяренными волками, рубя налево и направо мечами и топорами, протыкая копьями, избивая палицами и алебардами. Развалились перила, кони рухнули в воду вместе с наездниками в черных плащах. Рычащая армия ворвалась на предмостье, продолжая гнать перед собой Геральта и Кагыра, случайных командиров, не позволяя им сделать то, ради чего они все это затеяли. А затеяли они одно: как можно скорее выбраться, вернуться к Мильве и сбежать на левый берег.

На вырубке тоже кипел бой. Нильфгаардцы окружили и отрезали от моста солдат, которые не удрали и яростно оборонялись из-за баррикад, сооруженных из кедровых и сосновых стволов. При виде наступающей подмоги горстка защитников баррикады подняла радостный крик. Чуть-чуть рановато. Плотный клин лирийской подмоги выжал нильфгаардцев с моста, однако теперь на лирийцев обрушились фланговые удары императорской конницы. Если б не баррикады и штабеля стволов, мешавшие и бегству, и нападению кавалерии, пехота была бы мгновенно рассеяна. Припертые к штабелям солдаты начали яростный бой.

Для Геральта это было нечто новое, такой тактики боя он не знал. Никакого фехтования и работы ног, только хаотичная рубка и непрекращающиеся удары, сыплющиеся со всех сторон... Однако ему помогало то, что он неожиданно и не совсем заслуженно оказался в роли командира, и теперь солдаты дрались за него, прикрывали бока, защищали спину, расчищали перед ним фронт, освобождая место, в которое он мог ударить и ужалить насмерть. Сутолока все увеличивалась. Ведьмак и его «армия» уже дрались плечом к плечу с кровоточащей и поредевшей горсткой защитников баррикады, в большинстве своем краснолюдских кнехтов. Дрались в кольце окружения.

А потом вспыхнул огонь.

Одна из сторон баррикады, разместившейся между биндюгой и мостом, представляла собой

огромную, колючую, как еж, кучу сосновых веток и сучьев – непреодолимое препятствие для лошадей и пехоты. Сейчас все это полыхало пламенем – кто-то кинул туда факел. Защитники пятились, подгоняемые жаром и дымом. Сбившись в кучу, ослепнув, мешая друг другу, они один за другим умирали под ударами штурмующих нильфгаардцев.

Положение спас Кагыр. Имея военный опыт, он не дал окружить на баррикаде собравшихся вокруг него солдат. Позволил отрезать себя от группы Геральта, но теперь возвращался. Даже добыл коня в черном чепраке и, работая мечом, ударил по флангу. За ним с диким ревом в образовавшийся прогал врывались алебардисты и пикинеры в белых накидках с красными ромбами.

Геральт сложил пальцы знаком Аард и ударил в полыхающие ветки. На особый эффект он не рассчитывал, поскольку уже несколько недель не употреблял ведьмачьих эликсиров. Но результат все же был. Костер словно взрывом разметало, и он рассыпался, разбрасывая искры.

– За мной! – рявкнул он, ткнув мечом в висок взбирающегося на баррикаду нильфгаардца. – За мной! Сквозь огонь!

И они пошли, раскидывая копьями все еще горящую кучу, забрасывая нильфгаардских коней схваченными голыми руками головнями. «Крещение огнем, – подумал ведьмак, словно сумасшедший рубя и парируя удары. – Я должен был пройти сквозь огонь ради Цири. А иду сквозь огонь в бою за дело, которое вообще меня не касается. Огонь, который должен был меня очистить, самым поганым образом палит мои волосы и обжигает лицо».

Кровь, которой он был обрызган, шипела и исходила паром.

– Вперед, ребята! Кагыр! Ко мне!

– Геральт! – Кагыр смел с седла очередного нильфгаардца. – На мост! Пробивайся с людьми на мост! Организуем оборону...

Он не закончил, потому что на него галопом налетел конник в черном нагруднике, без шлема, с развевающимися окровавленными волосами. Кагыр парировал удар длинного меча, но упал с присевшего на задние ноги коня. Нильфгаардец наклонился, чтобы пригвоздить его к земле. Но не сделал этого, сдержал удар. На его наплечнике горел серебряный скорпион.

– Кагыр? Кагыр аэп Кеаллах! – воскликнул он изумленно.

– Мортейсен... – В голосе растянувшегося на земле Кагыра было не меньше изумления.

Бегущий рядом с Геральтом наемник-краснолюд в закопченной и обгоревшей по краям накидке с красным ромбом изумляться не стал, а, не теряя напрасно время, с размаху вбил рогатину в живот нильфгаардца и, толкнув древко, свалил того с седла. Второй подскочил, наступил тяжелым ботинком на черный нагрудник упавшего, вонзил острие копья прямо в горло. Нильфгаардец захрипел, вырвал кровью и заскреб по песку шпорами.

В тот же миг ведьмак получил в крестец чем-то очень тяжелым и очень твердым. Колени у него подогнулись. Он упал, слыша громкий торжествующий рев. Видел, как наездники в черных плащах уносятся в лес. Слышал, как мост гудит под копытами мчащихся с левого берега конников, над которыми развевался штандарт с орлом, обрамленным красными ромбами.

Так окончилась для Геральта великая битва за мост на Яруге, битва, которой впоследствии исторические хроники не уделили, разумеется, ни строчки.

– Не беспокойтесь, милостивый государь, – сказал фельдшер, ощупывая и осматривая спину

ведьмака. – Мост уничтожен. Погоня с того берега нам не угрожает. Ваши друзья и женщина в безопасности. Это ваша супруга?

– Нет.

– Ах, а я подумал... Всегда страшно, когда война беременных женщин берedit...

– Молчите. Ни слова об этом. Что у вас за знамена?

– Не знаете, за кого дрались? Поразительно, поразительно... Это армия Лирии. Видите, лирийский черный орел и ривские красные ромбы. Ну, готово. Всего-навсего удар. Крестец малость поболит, и все. Ничего страшного. Выздоровеете.

– Благодарю.

– Это я вас благодарить должен. Если б вы моста не удержали, нильфгаардцы бы нас на том берегу под корень вырубili, к реке прижавши. Не сумели бы мы уйти от погони... А вы королеву спасли! Ну, бывайте, господин... Я пошел, другие раненые помощи требуют.

– Благодарю.

Он сидел на стволе поваленного на вырубке дерева утомленный, измученный, разбитый и безразличный ко всему. Один. Кагыр куда-то исчез. Между бревнами переломившегося пополам моста катила свои зелено-золотые воды Яруга, посверкивая в лучах клонящегося к горизонту солнца.

– Это он, милостивая государыня. Позвольте я помогу вам слезть.

– Прекрати.

Геральт поднял голову, услышав шаги, стук подков и скрип панцирей. Перед ним стояла женщина в латах, женщина с очень светлыми волосами, почти такими же светлыми, как его собственные. Впрочем, он тут же понял, что волосы не были светлыми, они были седыми, хотя на лице женщины не было заметно признаков старости. Зрелого возраста – да. Но не старости.

Женщина прижимала ко рту батистовый платочек с кружевными ромбиками по краям. Платочек был в крови.

– Встаньте, милостивый государь, – шепнул Геральту один из стоявших рядом рыцарей. – И отдайте честь. Перед вами королева.

Ведьмак встал. Поклонился, преодолевая боль в крестце.

– Ты ваффирил мофт?

– Простите?

Женщина отняла платочек ото рта, сплюнула кровью. Несколько красных капелек попало на орнаментированный нагрудник.

– Ее величество Мэва, королева Лирии и Ривии, – сказал стоявший рядом с женщиной рыцарь в фиолетовом плаще, украшенном золотым шитьем, – спрашивает, вы ли геройски командовали обороной моста на Яруге?

– Так уж как-то получилось.

– Полуфилофь! – Королева попробовала засмеяться, но ничего у нее не вышло. Она

поморщилась, невнятно выругалась, снова сплюнула. Прежде чем успела заслонить платочком рот, он увидел отвратительную рану, заметил отсутствие нескольких зубов. Она поймала его взгляд.

– Ну да, – проговорила она из-за платочка, глядя ему в глаза. – Какой-то фукин фын фаданул мне пъямо в мовду. Мелоть.

– Королева Мэва, – высокопарно сообщил человек в фиолетовом плаще, – билась в первых рядах, как доблестный муж, как рыцарь, противостоя превосходящим силам Нильфгаарда! Эта рана болит, но не уродует! А вы спасли и ее, и наш корпус. Когда какие-то изменники захватили и увели паром, этот мост остался для нас единственным спасением. А вы его геройски защитили.

– Певефтань, Одо. Как ваф вовут, гевоу?

– Меня?

– Ну конечно, вас. – Рыцарь в фиолетовом грозно глянул на него. – Что с вами? Вы ранены? Контужены? Вас ранили в голову?

– Нет.

– Тогда отвечайте, когда королева спрашивает! Вы же видите, у нее поранен рот и ей трудно говорить!

– Певефтань, Одо.

Фиолетовый поклонился, потом взглянул на Геральта.

– Ваше имя?

«А, да что там, – подумал Геральт. – Семь бед, один ответ. Не стану врать».

– Геральт.

– Геральт откуда?

– Ниоткуда.

– Не поффяффенный? Не выцавь? – Мэва украсила песок под ногами красными брызгами слюны, смешанной с кровью.

– Не понял. А, нет-нет. Не посвященный... Ваше королевское величество.

Мэва вынула меч.

– На колени.

Он выполнил приказ, по-прежнему не в состоянии поверить происходящему и продолжая думать о Мильве и дороге, которую выбрал для нее, испугавшись трясин и болот Ийсгита.

Королева повернулась к фиолетовому.

– Пвоивнефи фовмулу. У меня нет фубов.

– За беспримерное мужество в бою за справедливое дело, – торжественно провозгласил фиолетовый, – за доказательство доблести и чести, за верность короне я, Мэва, волею богов королева Лирии и Ривии, правом моим и привилегией посвящаю тебя в рыцари. Служи верно.

Стерпи этот удар, и ни одного более.

Геральт почувствовал на плече легкий удар клинка. Взглянул в светло-зеленые глаза королевы. Мэва сплюнула густой красной слюной, приложила платочек к лицу, подморгнула ему поверх кружев.

Фиолетовый подошел к монархине, что-то шепнул. Ведьмак расслышал слова: «поименование», «ривские ромбы», «штандарт» и «честь».

– Спваведливо, – кивнула Мэва. Она говорила все четче, перебарывая боль, просовывала язык в щербину, оставшуюся на месте выбитых зубов. – Ты дервал мофт вместе с воинами иф Ривии, мувественный Геральт ниоткуда. Так уф как-то полуфилося, ха-ха! Ну а мне полуфилося поваловать тебе за это поименование: Гевальт Вивский. Ха-ха!

– Поклонитесь, милостивый государь рыцарь, – прошипел фиолетовый.

Свежеиспеченный рыцарь Геральт Ривский поклонился так глубоко, чтобы королева Мэва, его сюзерен, не смогла увидеть горькой усмешки, которой не сумел сдержать Геральт из Ривии, ведьмак.

Башня Ласточки

Глава первая

Ночью как траур черной

К Дун Дару они подкрались,

Где юна ведьмачка скрывалась.

Ночью как траур черной

Село они окружили,

Чтоб ведьмачка сбежать не сумела.

Ночью как траур черной

Врасплох млodu ведьмачку

Хотели взять – прогадали.

Не взошло еще солнце ясно,

А уж на дороге мерзлой

Тридцать убитых лежало... [19]

Песня нищих о жуткой резне, случившейся в Дун Даре в ночь Саовинны

– Могу дать тебе все, что пожелаешь, – сказала волшебница. – Богатство, власть, скипетр и славу, жизнь долгую и счастливую. Выбирай.

– Не нужны мне ни богатство, ни слава, ни власть и ни скипетр, – ответствовала ведьмачка. – А хочу я, чтоб был у меня конь черный, как ночной вихрь быстрый. Хочу, чтоб был у меня меч блескучий и острый как луч луны. Хочу ночью черной носиться на коне моем черном по земле, хочу разить силы Зла и Тьмы моим блескучим мечом. Вот чего я желаю.

– Дам тебе коня, койи будет чернее ночи и быстрее вихря ночного, – обещала волшебница. – Дам тебе меч, что острее и ярче лунного луча будет. Но ты требуешь многого, ведьмачка, значит, и заплатить придется немало.

– Чем? Ведь у меня же ничего нет.

– Кровью твоею. Флоуренс ДеланнойСказки и Предания

Каждому ведомо: Вселенная, как и жизнь, движется по кругу. По кругу, на ободе которого помечены восемь волшебных точек, дающих полный оборот, или годичный цикл. Этими точками, попарно лежащими на ободе круга друг насупротив друга, являются Имбаэлк, или Почкование; Ламмас, или Созревание; Беллетэйн, или Цветение, и Саовинна, или Замирание. Обозначены на том ободе также два Солтыция, или Солнцестояния: зимнее, именуемое Мидинваэрн, и Мидаёт – летнее. Есть также два Эквинокция, или Равноночия, также Равноденствием именуемые: Бирке – весеннее и Велен – осеннее. Даты эти делят обруч на восемь частей – именно так в календаре эльфов делится год.

Высадившиеся на пляжах в устьях Яруги и Понтара люди привезли с собой собственный календарь, в основе которого лежит движение Луны. Календарь этот делит год на двенадцать лун, или месяцев, определяющих цикл годичной работы кмета, начиная с изготовления в январе кольев и до самого конца, до того часа, когда мороз скует землю, превратив ее в твердь. Но хоть люди и по-иному делили год и отсчитывали даты, тем не менее они не отринули эльфий круг и восемь точек на его ободе. Позаимствованные из эльфьего календаря Имбаэлк и Ламмас, Саовинна и Беллетэйн, оба Солнцестояния и оба Равноночия

стали и у людей важными праздниками, торжественными датами, кои выделялись меж других дат так же явно, как одиноко стоящее дерево выделяется посреди луга.

Ибо даты эти – магические.

Ни для кого не секрет, что во время этих восьми дней и ночей прямо-таки невероятно усиливается волшебная аура. Никого не удивишь магическими феноменами и загадочными явлениями, сопровождающими эти восемь дат, а в особенности же Эквинокции и Солтыции. К таким феноменам все уже настолько привыкли, что они редко кого волнуют.

Однако в тот год все было иначе.

В тот год люди, как обычно, отметили осенний Эквинокций торжественным семейным ужином, на котором полагалось выставить как можно больше различных плодов, собранных в уходящем году, пусть даже и понемногу каждого. Так велел обычай. Откушав и поблагодарив богиню Мелитэле за урожай, люди отправились отдыхать. И тут-то и начался кошмар.

К самой полуночи разразилась страшнейшая метель, подул убийственный ветер, в котором сквозь шум пригибаемых чуть не до земли деревьев, скрип стрех и хлопанье ставней слышался жуткий вой, крики и скулёж. Мчащиеся по небу тучи принимали самые фантастические формы, среди которых чаще всего повторялись мчащиеся в карьер кони и единороги. Почти целый час не утихал ураган, а в наступившей после него неожиданной тишине ночь ожила трелями и хлопаньем крыльев сотен козодоев, этих таинственных птиц, которые, если верить молве, собираются в стаи, чтобы распевать над умирающими отходную песнь. На сей раз хор козодоев был так могуч и громок, словно вот-вот предстояло погибнуть всему миру.

Козодои дикими голосами орали свой реквием, небосклон затянули тучи, погасившие остатки лунного света. Тогда занудила страшная беанн'ши, вестница чьей-то скорой и дурной смерти, а по черному небу пронесся Дикий Гон – табун огненнооких, развевающих лохмотьями плащей и штандартов призраков на конских скелетах. Как и всегда, Дикий Гон собрал свой урожай, но уже много десятилетий он не был так ужасен, как в этом году: в одном только Новиграде насчитали двадцать с лишним человек, пропавших бесследно.

Когда Гон промчался и тучи развеялись, люди увидели луну – на ущербе, как всегда во время Эквинокция. В ту ночь у луны был цвет крови.

У простого народа для феномена Равноночия было множество объяснений, кстати, существенно различающихся в зависимости от специфики региональной демонологии. У астрологов, друидов и чародеев тоже были свои объяснения, но в большинстве случаев ошибочные и как бы придуманные «про запас». Мало, невероятно мало было людей, которые умели бы это явление связать с реальными фактами.

На Островах Скеллиге, например, некоторые суеверные люди видели в удивительных явлениях предвестие Tedd Deireadh, конца света, предваряемого битвой Rag nar Roog, последней битвой Света и Тьмы. Бурный шторм, который в ночь Осеннего Солнцестояния потряс остров, верящие в приметы островитяне сочли волной, создаваемой носом чудовищного, с бортами, выложенными ногтями трупов, драккара Нагльфар из Морхёгга, везущего армию призраков и демонов. Однако люди более просвещенные либо лучше информированные связывали безумство небес и моря с ужасной смертью злой чародейки Йеннифэр. Третьи – совсем уж хорошо осведомленные – видели в бурлящем море знамение того, что в этот момент умирает кто-то, в чьих жилах течет кровь королей Скеллиге и Цинтры.

Над миром раскинулась ночь Осеннего Солнцестояния, ночь ужасов, кошмаров и привидений, ночь бурных, удушающих и жутких пробуждений на вздыбленных и влажных от пота простынях. Видения и пробуждения не обошли стороной и самые светлые головы: в

Нильфгаарде, Городе Золотых Башен, с криком проснулся император Эмгыр вар Эмрейс. На севере, в Лан Эксетере, вскочил с ложа король Эстерад Тиссен, потревожив свою супругу, королеву Зулейку. В Третогоре сорвался с постели и схватился за кинжал архишпион Дийкстра, разбудив при этом супругу министра финансов. В огромном замке Монтекальво спорхнула с дамастовых простыней чародейка Филиппа Эйльхарт, не став, однако, будить супруги графа да Ноалье. Проснулись – более или менее резко – краснолюды Ярпен Зигрин в Махакаме, старый ведьмак Весемир в горной крепости Каэр Морхен, банковский клерк Фабио Сахс в городе Горс Велен, ярл Крах ан Крайт на борту драккара «Рингхорн». Проснулась чародейка Фрингилья Виго в замке Боклер, проснулась жрица Сигдрифа в храме богини Фрейи на острове Хиндарсфьялл. В осажденной крепости Марибор проснулся Даниель Эчеверри, граф Гаррамон. Зывик, десятник Бурой Хоругви, в форте Бан Глеан. Купец Доминик Бомбаст Хувенагель в городке Клармон. И многие, многие другие.

Однако мало было таких, кто сумел бы все эти явления и феномены связать с истинным, конкретным фактом. И с конкретной личностью. Так уж получилось, что трое из них провели ночь осеннего Эквинокция под одной крышей. В храме богини Мелитэле в Элландере.

– Козодой... – простонал писарь Ярре, вперившись во тьму, затянувшую храмовый парк. – Никак не меньше тысячи, целые тучи... Кричат о смерти... О ее смерти... Она умирает...

– Не болтай глупостей! – Трисс Меригольд резко отвернулась, занесла кулак: несколько мгновений казалось, что она вот-вот толкнет или ударит паренька в грудь. – Ты что, веришь в идиотские приметы? Конец сентября, козодой перед отлетом собираются в стаи. Вполне естественно!

– Она умирает...

– Никто не умирает! – крикнула чародейка, бледнея от бешенства. – Никто, понятно? Перестань нести дурь!

Библиотечный коридор заполняли адептки, разбуженные ночной тревогой. Лица их были серьезны и бледны.

– Ярре, – Трисс успокоилась, положила пареньку руку на плечо, сильно сжала, – ты – единственный мужчина в храме. Все мы смотрим на тебя, ищем в тебе опоры и помощи. Ты не смеешь впадать в панику, ты не смеешь бояться. Возьми себя в руки. Не разочаровывай нас.

Ярре глубоко вздохнул, пытаясь унять дрожь в руках.

– Это не страх, – прошептал он, отводя взгляд от глаз чародейки. – Я не боюсь, я тревожусь! За нее. Я видел сон...

– Я тоже, – сжала губы Трисс. – Мы видели один и тот же сон. Ты, я и Нэннеке. Но об этом – молчок.

– Кровь у нее на лице... Столько крови...

– Я же просила – молчи. Идет Нэннеке.

Подошла верховная жрица. Лицо у нее было утомленное. На немой вопрос Трисс она ответила, отрицательно покачав головой. Заметив, что Ярре собирается что-то сказать, она опередила его:

– К сожалению, ничего. Когда Дикий Гон мчался над храмом, проснулись почти все, но ни у одной не было видений. Даже таких туманных, как наши. Иди спать, мальчик, тебе тут делать нечего. Девочки, по спальням!

Она обеими руками протерла лицо и глаза.

– Э-э-х! Эквинокций. Чертова ночь... Иди приляг, Трисс... Не в наших силах что-либо сделать.

– Беспомощность, – стиснула кулаки чародейка, – доводит меня до сумасшествия. При мысли, что она где-то там страдает, истекает кровью, что она в опасности... Дьявольщина! Знать бы, что делать.

Уже собравшаяся уходить верховная жрица храма Мелитэле повернулась:

– А молиться не пробовала?

На юге, в Эббинге, за горами Амелл, в районе под названием Переплют, на обширных трясины, иссеченных реками Вельда, Лета и Арета, в восьмистах милях полета ворона по прямой от города Элландер и храма Мелитэле, приснившийся под утро кошмар разбудил старого отшельника Высоготу. Проснувшись, Высогота никак не мог вспомнить содержания сна, но необъяснимое волнение не дало ему больше уснуть. * * *

– Холодно, холодно, холодно, бррр, – шептал про себя Высогота, пробираясь по тропинке среди камышей. – Холодно, холодно, бррр.

Очередная ловушка тоже была пуста. Ни одной ондатры. На редкость неудачный лов. Бормоча проклятия и шмыгая замерзшим носом, Высогота очистил ловушки от грязи и травы.

– Ох и холодно же, – бормотал он, направляясь к краю топи. – А ведь четыре дня только прошло с Эквинокция. Сентябрь. Да, таких холодов в конце сентября я за всю свою жизнь не припомню. А ведь живу уже достаточно долго!

Следующая, предпоследняя ловушка тоже была пуста. Высоготу даже ругаться расхотелось...

– Не иначе, – бормотал он, направляясь к последней ловушке, – с каждым годом все больше холодает. А теперь, похоже, эффект похолодания пойдет лавиной. Ну, эльфы предвидели это уже давным-давно, да кто верит в предсказания эльфов?

Над головой старика снова захлопали крылышки, пронеслись серые, невероятно быстрые тени. Туман над трясиной опять раззвонился дикими, урывчатыми трелями козодоев, наполнился быстрым хлопанием крыльев. Высогота не обращал внимания на птиц. Суеверным он не был, а козодоев на болотах всегда было множество, особенно на заре, когда они летали так плотно, что, казалось, вполне могли задеть за голову. Впрочем, не всегда их было так-то уж много, как сегодня, может, и не всегда они носились так неистово... ну что же, последнее время природа проделывала диковинные штучки, а диковинки гонялись за диковинками, да при этом каждая следующая диковинка была диковиннее предыдущей!

Он уже вытаскивал из воды последнюю – тоже пустую – ловушку, когда услышал ржание. Козодои как по команде разом умолкли.

На трясины Переплута были островки, сухие, выступающие из воды места, поросшие черной березой, ольхой, свидиной, кизилом и терновником. Большинство пригорков трясины обступала так плотно, что туда самостоятельно ни в коем разе не мог бы добраться конь либо не знающий тропинок наездник. И все же ржание – Высогота снова услышал его – шло именно со стороны такого островка.

Любопытство взяло верх над осторожностью.

Высогота слабо разбирался в лошадях и их породах, но он был эстетом, умевшим распознать

и оценить красоту. А вороной конь с блестящей словно антрацит шерстью, которого он увидел на фоне березовых стволиков, был дивно красив. Он был прямо-таки квинтэссенцией красоты. Он был так дивно красив, что казался нереальным.

И тем не менее был вполне реальным. И вполне реально попал в ловушку, запутавшись вожжами и уздечкой в кроваво-черные ветки свидины. Когда Высогота подошел ближе, конь прижал уши, ударил ногой так, что почва задрожала, дернул красивой головой, повернулся. Теперь стало видно, что это кобыла. И кое-что еще. Нечто такое, от чего сердце старого Высоготы забилося, словно ошалевшее, а невидимые клещи стиснули горло.

За лошадью в неглубокой яме от вывороченного дерева лежал труп.

Высогота сбросил на землю мешок. И устыдился первой мысли: развернуться и бежать. Он подошел ближе, сохраняя осторожность, потому что вороная кобыла переступала на месте, прижимала уши, скалила зубы в мундштуке и, казалось, только и ждала случая укусить его или лягнуть.

Труп был трупом паренька чуть старше десяти – двенадцати лет. Он лежал ничком, одна рука прижата телом, другая впилась в землю пальцами и откинута в сторону. На парнишке была замшевая курточка, плотно облегающие кожаные штаны и эльфы мягкие сапожки на застежках.

Высогота наклонился, и тут труп громко застонал. Вороная кобыла протяжно заржала, хватанула копытами по земле.

Отшельник опустил на колени, осторожно повернул раненого. Невольно отдернул голову и свистнул. Чудовищная маска из грязи и запекшейся крови заменяла пареньку лицо. Он осторожно собрал мох, листья и песок с покрытого слизью и слюной рта, попытался оторвать от щеки сбившиеся в твердый колтун, слепленные кровью волосы. Раненый застонал, напрягся, и его стала бить дрожь. Высогота наконец отлепил ему волосы от лица.

– Девочка, – сказал он громко, не в силах поверить в увиденное. – Это девочка.

Если б в ту ночь кто-нибудь сумел тихо и незаметно подобраться к затерянной среди трясин хате с провалившейся и обросшей мхом стрехой, если б он заглянул сквозь щели в ставнях, то увидел бы в слабо освещенном сальными свечами помещении молоденькую девочку с плотно обмотанной тряпицами головой, лежащую в мертвой, почти трупной неподвижности на застланных шкурками нарах. Увидел бы он и старца с седой бородой клинышком и солидной, начинающейся от высокого, изборожденного морщинами лба лысиной, обрамленной длинными белыми волосами, падающими на плечи. Он заметил бы, как старец зажигает еще одну свечу, как ставит на стол песочные часы, как точит перо, как наклоняется над листом пергамента. Как задумывается и бормочет что-то себе под нос, не спуская глаз с лежащей на нарах девочки.

Но такое было невозможно. Никто этого увидеть не мог. Домишко отшельника Высоготы был ловко упрятан на вечно покрытом мглой безлюдье, среди трясин, на которые никто не решился бы забрести.

– Запишем, – Высогота обмакнул перо в чернила, – нижеследующее: «Прошло три часа после процедуры. Диагноз:

vulnus incisivum, рубленая рана, нанесенная с большой силой неизвестным острым предметом предположительно с искривленным острием. Рана охватывает левую часть лица, начинается ниже глазной впадины, пересекает щеку и доходит до приушно-челюстного участка. Наиболее глубокая, почти касающаяся надкостницы часть раны оказалась несколько ниже глазной впадины, на скуловой кости. Предполагаемое время, прошедшее с момента

ранения до первой перевязки, – десять часов».

Перо закрипело по пергаменту, но скрип этот продолжался лишь несколько секунд. И несколько строчек. Не все, что Высогота говорил себе, он считал нужным заносить на пергамент.

– Возвращаясь к перевязке раны, – продолжал спустя немного старик, уставившись на мигающий и коптящий огонек свечи, – запишем нижеследующее: «Я не срезал рваные края раны, а ограничился лишь тем, что убрал несколько не получающих крови лоскутков и, разумеется, запекшуюся кровь. Промыл рану вытяжкой из коры вербы, удалил загрязнения и посторонние тела. Наложил швы. Конопляные. Другим родом нитей, сие следует отметить особо, я не располагал. Использовал компресс из горной арники и наложил муслиновую повязку».

На середину избы выбежала мышь. Высогота кинул ей кусочек хлеба. Девочка на нарах вела себя беспокойно, стонала сквозь сон.

– Восьмой час после операции. Состояние больной без изменений. Состояние лекаря – стало быть, мое – улучшилось, поскольку я малость вздремнул... Можно продолжать записи. Ибо следует перенести на сии листы некоторые сведения о моей пациентке. Для потомков. Ежели какие-либо потомки доберутся до здешних трясин прежде, чем все тут пожухнет и превратится в пыль.

Высогота тяжело вздохнул, обмакнул перо и вытер его о краешек чернильницы.

– Что же касается пациентки, – забормотал он, – то да будет записано нижеследующее. Лет ей, похоже, около шестнадцати, высокая, строения на вид худощавого, но отнюдь не тощего, не вызванного долговременным голоданием. Упитанность и физическое строение типичны скорее для юной эльфки, однако никаких признаков того, что она метиска до квартеронки включительно, не отмечено... Как известно, низкий процент эльфьей крови может следов не оставить.

Высогота как бы только теперь вспомнил, что не нанес на листок ни одной руны, ни единого слова... Он поднес перо к пергаменту, но чернила уже высохли. Старика это нисколько не огорчило.

– Так и запишем, – продолжал он, – что девушка никогда не рожала, а также что на теле ее не обнаружены никакие застарелые знаки, шрамы, рубцы, следы, которые оставляют тяжелый труд, несчастные случаи, бурная жизнь. Подчеркиваю: речь идет о застарелых следах. Свежие следы на ее теле наличествуют в достатке. Девочку избивали. Хлестали, причем не отцовской рукой. Ногами, вероятно, пинали тоже.

Я обнаружил на ее теле весьма странный, я бы сказал, своеобразный знак... Хм... Запишем и это для блага науки... В паху, почти у самого срама, вытатуирована пунцовая роза.

Высогота сосредоточенно осмотрел очиненный конец пера, затем погрузил его в чернильницу. Однако на этот раз не забыл, с какой целью это сделал, – начал быстро покрывать листок ровными строками наклонного письма. Писал, пока чернила не высохли на перо.

– В полубреду она говорила и кричала. Однако акцент и характер произношения, если отбросить частые вкрапления непристойностей, взятых из жаргона преступников, не позволяют сказать что-либо с абсолютной уверенностью, но я рискнул бы утверждать, что ее родина скорее всего Север, нежели Юг. Отдельные слова...

Он снова поскрипел пером по пергаменту, правда, не очень долго, и даже очень недолго,

чтобы успеть записать все только что сказанное. Затем продолжил монолог прямо с того места, где прервал его:

– Некоторые выражения, слова, имена и названия, произнесенные в бреду, следовало бы запомнить. И впоследствии изучить. Все указывает на то, что весьма – к тому же весьма – необычная особа нашла тропинку к хибаре старого Высоготы...

Он немного помолчал, прислушался.

– Только бы, – пробормотал он, – хибара старого Высоготы не оказалась завершением ее пути.

Высогота склонился над пергаментом и даже поднес к нему перо, но не написал ничего, ни единой руны. Бросил перо на стол. Несколько секунд сопел, раздраженно ворчал, сморкался. Поглядел на топчан, прислушался к исходящим оттуда звукам.

– Необходимо отметить и записать, – сказал он утомленно, – что все обстоит очень скверно. Мои старания и процедуры могут оказаться недостаточными, а усилия тщетными, ибо опасения были обоснованными. Рана заражена. Девочка вся в огне. Уже выступили три из четырех основных признаков резкого воспалительного процесса.

Rubor, calor и

tumor. В данный момент они легко обнаруживаются визуально и на ощупь. Когда пройдет постпроцедурный шок, проявится и четвертый симптом –

dolor [20].

Запишем: почти полстолетия минуло с того дня, как я занимался медицинской практикой. Чувствую, как годы иссушают мою память и снижают ловкость моих пальцев. Я уже мало что делать умею и еще меньше сделать могу. Вся надежда на защитные механизмы юного организма.

– Двенадцатый час после процедуры. Как и ожидалось, наступило четвертое кардинальное проявление признаков заражения:

dolor. Больная кричит от боли, поднимается температура, усиливается фебра[21]. У меня нет ничего, никаких средств, которые можно было бы ей дать. Есть лишь небольшое количество датурового эликсира[22], но девочка слишком слаба, чтобы выдержать его действие. Есть также немного борца, но борец ее наверняка убьет.

– Пятнадцатый час после процедуры. Рассвет. Больная без сознания. Температура резко возрастает. Фебра усиливается. Кроме того, наблюдаются сильные спазмы лицевых мышц. Если это столбняк – девочке конец. Вся надежда на то, что это просто сокращения лицевого либо тройничного нерва. Либо и того и другого... Тогда девочка будет обезображена... Но жить будет...

Высогота глянул на пергамент, на котором не увидел ни одной руны, ни единого слова.

– При условии, – глухо пробормотал он, – что нет заражения. * * *

– Двадцатый час после процедуры. Температура поднимается.

Rubor, calor, tumor и

dolor подходят, как мне кажется, к кризисной точке. Но у девочки нет шансов дотянуть хотя бы до этих границ. Так и запишу... Я, Высогота из Корво, не верю в существование богов. Но

если они случайно все же существуют, то пусть возьмут под свое крыло эту девочку. И да простят мне то, что я сделал... Если то, что я сделал, окажется ошибкой.

Высогота отложил перо, потер припухшие и свербящие веки, прижал ладони к вискам.

– Я дал ей смесь датуры и аконита, – глухо сказал он. – В ближайшие часы должно решиться все...

Он не спал, а лишь дремал, когда из дремы его вырвали стук и удары, сопровождаемые стоном. Стоном скорее ярости, чем боли.

На дворе светало, сквозь щели в ставнях сочился слабый свет. Песок в часах пересыпался до конца, причем уже давно – Высогота, как всегда, забыл их перевернуть. Каганчик едва тлел, рубиновые угли в камине слабо освещали угол комнатухи. Старик встал, отдернул сляпанную на скорую руку занавеску из покрывал, которой отгородил топчан от остальной части комнаты, чтобы обеспечить больной покой.

Девочка уже ухитрилась подняться с пола, на который только что скатилась, и теперь сидела, сгорбившись на краю постели, пытаясь почесать лицо, обмотанное перевязкой.

– Я же просил не вставать, – кашлянул Высогота. – Ты слишком слаба. Если чего-то хочешь, крикни. Я всегда рядом.

– А я вот как раз и не хочу, чтобы ты был рядом, – сказала она тихо, вполголоса, но вполне внятно. – Мне надо помочиться.

Когда он вернулся, чтобы забрать ночной горшок, она лежала на топчане, ощупывая материю, прижатую к щеке лентами и охватывающую лоб и шею. Когда минуту спустя Высогота снова подошел к ней, она не пошевелилась, чтобы изменить позу, а лишь спросила, глядя в потолок:

– Четверо суток, говоришь?

– Пятеро. После нашего последнего разговора прошли еще сутки. Все это время ты спала. Это хорошо. Тебе сон необходим.

– Я чувствую себя лучше.

– Рад слышать. Снимем повязку. Я помогу тебе сесть. Возьми меня за руку.

Рана затягивалась хорошо и не мокла. На этот раз почти не пришлось с болью отрывать тряпицу от струпа. Девушка осторожно дотронулась до щеки. Поморщилась. Высогота знал, что причиной была не только боль. Всякий раз она заново убеждалась в размерах раны и понимала, сколь она серьезна. С ужасом убеждалась, что то, что раньше она чувствовала прикосновением, не было кошмаром, вызванным температурой.

– У тебя есть зеркало?

– Нет, – солгал он.

Она взглянула на него, пожалуй, впервые совершенно осознанно.

– Стало быть, все настолько плохо. – Она осторожно провела пальцами по швам.

– Рана очень обширная, – прогудел он, злясь на себя за то, что вынужден объяснять и извиняться перед девчонкой. – Опухоль на лице все еще не спадает. Через несколько дней я сниму швы, а пока буду прикладывать арнику и вытяжку из вербены. Не стану обматывать

всю голову. Рана хорошо заживает. Поверь мне – хорошо.

Она не ответила. Пошевелила губами, подвигала челюстью, морщила и кривила лицо, проверяя, что рана делать позволяет, а чего нет.

– Я сварил бульон из голубя. Поешь?

– Поем. Только теперь попробую сама. Унизительно, когда тебя кормят будто парализичку.

Она ела долго. Деревянную ложку подносила ко рту осторожно и с таким трудом, словно та весила фунта два. Но справилась без помощи Высоготы, с интересом наблюдавшего за ней. Высогота был любознательным и сгорал от нетерпения, зная, что одновременно с выздоровлением девушки начнутся разговоры, которые могут прояснить загадку. Он знал – и не мог дождаться этой минуты. Он слишком долго жил в одиночестве, в отрыве от людей и мира.

Девушка кончила есть, откинулась на подушки. Некоторое время неподвижно глядела в потолок, потом слегка повернула голову. Невероятно большие зеленые глаза – в который раз отметил Высогота – придавали ее лицу невинно детское выражение, в данный момент, однако, противоречащее жутко искащенной щеке. Высогота знал такой тип красоты – большеглазый вечный ребенок, лицо, вызывающее инстинктивную симпатию. Вечная девочка, даже когда двадцатый или тридцатый дни рождения давно останутся в прошлом. Да, конечно, Высогота прекрасно знал этот тип красоты. Такой была его вторая жена. Такой же была его дочь.

– Мне надо отсюда бежать, – неожиданно сказала девушка. – И как можно скорее. За мной гонятся. Ты же знаешь.

– Знаю, – подтвердил он. – Это были твои первые слова, которые вовсе не были бредом. Точнее – одни из первых. Потому что прежде всего ты спросила о своем коне и своем мече. Именно в такой последовательности. Когда я заверил тебя, что и конь, и меч под надежным присмотром, ты заподозрила меня в соучастии какому-то Бонарту и решила, что я не лечу тебя, а подвергаю пыткам надежды. Когда я не без труда вывел тебя из заблуждения, ты назвалась Фалькой и поблагодарила меня за спасение.

– Это хорошо. – Она отвернулась, словно опасалась смотреть ему в глаза. – Хорошо, что не забыла поблагодарить. Все, что случилось, я помню как бы сквозь туман. Не знаю, что было явью, а что сном. И боялась, что не поблагодарила. Меня зовут не Фалька.

– Об этом я тоже узнал, хотя скорее всего случайно. Ты разговаривала в бреду.

– Я беглянка, – сказала она, не поворачиваясь. – Беглец. Укрывать меня опасно. Опасно знать, как меня в действительности зовут. Мне надо лезть в седло и выматываться, пока они не добрались сюда.

– Ты только что, – мягко сказал он, – с трудом села на горшок. Что-то я не представляю себе, как ты залезешь в седло. Но уверяю: здесь безопасно. Здесь тебя никто не отыщет.

– За мной наверняка гонятся. Идут по следу, перепахивают все кругом...

– Успокойся. Ежедневно идут дожди, следы найти невозможно. А ты на безлюдье, у отшельника. В доме пустытника, который отринул себя от мира или мир от себя так, чтобы миру тоже нелегко было бы его отыскать. Впрочем, если ты так хочешь, я могу найти способ передать весть о тебе твоим родным или друзьям.

– Ты даже не знаешь, кто я...

– Ты – раненая девушка, – прервал он. – Убегающая от кого-то, кто не задумываясь ранит девушек. Хочешь, чтобы я кому-нибудь сообщил о тебе?

– Некому сообщать, – после краткого молчания ответила она. Высогота уловил, как изменился ее голос. – Мои друзья погибли. Все до единого.

Он промолчал.

– Я – смерть, – продолжала она странным голосом. – Каждый, кто сталкивается со мной, умирает.

– Не каждый, – возразил он, внимательно глядя на нее. – Не Бонарт, тот, чье имя ты выкрикивала в бреду, тот, от которого собираешься теперь убежать. Ваше столкновение навредило больше тебе, чем ему. Это он... ранил тебя в лицо?

– Нет. – Она сжала губы, чтобы приглушить то ли стон, то ли ругательство. – В лицо меня ранил Филин. Стефан Скеллен. А Бонарт... Бонарт ранил гораздо сильнее. Глубже. Что, я и об этом тоже говорила в бреду?

– Успокойся. Ты ослабла, тебе нельзя перевозбуждаться.

– Меня зовут Цири.

– Я сделаю тебе компресс из арники, Цири.

– Подожди... немножко. Дай мне зеркало.

– Я же сказал...

– Пожалуйста!

Высогота решил, что дальше оттягивать не стоит. Принес даже каганчик, чтобы она могла лучше рассмотреть, что сотворили с ее лицом.

– Ну да, – сказала она изменившимся, ломким голосом. – Ну да. Так я и думала. Почти так, как я думала.

Он вышел, задернув за собой занавеску.

Она старалась всхлипывать совсем тихо, так, чтобы он не слышал. Очень старалась. * * *

Через день Высогота снял половину швов. Цири ощупала щеку, пошипела как змея, жалуясь на сильную боль около уха и большую чувствительность шеи в районе челюсти. Однако встала, оделась и вышла во двор. Высогота не возражал и сопровождал ее. Помогать или поддерживать надобности не было. Она была здорова и гораздо сильнее, чем можно было предполагать.

Покачнулась лишь, когда выходила, и прислонилась к дверному косяку.

– Однако... – Она подавилась воздухом. – Ну и холодина! Мороз, верно? Уже зима? Сколько же времени я здесь провалялась? Сколько недель?

– Ровно шесть дней. Сегодня пятое октября. Но октябрь обещает быть очень холодным.

– Пятое октября? – Она поморщилась, ойкнула от боли. – Это как же так... Две недели?

– Что? Какие две недели?

– Не важно, – пожала она плечами. – Может, я что-то путаю... А может, и не путаю. Скажи, чем тут так жутко несет?

– Шкурами. Я ловлю ондатр, бобров, нутрий и выдр, выделяваю шкуры. Ведь отшельникам тоже надо на что-то жить.

– Где моя коняга?

– В овчарне.

Вороная кобыла встретила пришедших громким ржанием, а коза Высоготы поддержала ее блеянием, в котором прозвучало явное недовольство необходимостью делить обиталище с другим жильцом. Цири обхватила лошадь за шею, пошлепала, погладила по загривку. Кобыла фыркала и гребла копытом солому.

– Где мое седло? Упряжь? Чепрак?

– Здесь.

Он не возражал, не делал замечаний, не высказывал своего мнения. Просто молчал, опираясь на палку. Не пошевелился, когда она застонала, пытаясь поднять седло, не дрогнул, когда покачнулась под грузом и тяжело, с громким стоном хлопнулась на застеленный соломой глинобитный пол. Не подошел, не помог встать. Просто внимательно смотрел.

– Ну да, – проговорила она сквозь стиснутые зубы, отталкивая кобылу, пытавшуюся сунуть ей нос за воротник. – Все ясно. Но я должна отсюда бежать, холера меня заberi! Попросту должна!

– Куда? – холодно спросил он.

Она пощупала лицо, продолжая сидеть на соломе рядом с упущенным седлом.

– Как можно дальше.

Он кивнул, словно ответ его удовлетворил, сделав все ясным и понятным и не оставив места домыслам. Цири с трудом поднялась, даже не пытаясь наклониться за седлом и упряжью. Только проверила, есть ли у кобылы сено и овес в колоде, а потом принялась протирать спину и бока лошади пучком соломы. Высогота молча ждал и дождался. Девушка, побледнев как полотно, покачнулась, ее понесло на столб, поддерживавший крышу. Высогота молча подал ей палку.

– Со мной все в порядке. Прости...

– У тебя просто закружилась голова. Ты больна и слаба, как новорожденная. Возвращаемся. Тебе надо лечь.

После захода солнца, проспав несколько часов, Цири вышла снова. Высогота, возвращаясь от реки, натолкнулся на нее около живой изгороди из ежевичных кустов.

– Не отходи слишком далеко от дома, – сказал он резко. – Во-первых, ты очень ослабла...

– Я чувствую себя лучше.

– Во-вторых, это опасно. Вокруг обширная трясина, бесконечные камыши. Ты не знаешь тропок, можешь заблудиться или утонуть.

– А ты, – она указала на мешочек, который он тащил, – тропки, конечно, знаешь. И даже не

очень далеко по ним ходишь, стало быть, болото не очень и велико. Дубишь шкуры, чтобы жить, понятно. У Кэльпи, моей кобылы, не переводится овес, а поля тут что-то не видать. Мы едим кур и каши. И хлеб. Настоящий хлеб, не лепешки, что на поду пекут. Хлеба ты от траппера не получишь. А значит, неподалеку есть деревня.

– Железная логика, – спокойно согласился он. – И верно, провизию я получаю в ближнем селе. Самом ближнем, но вовсе не близком, лежащем на краю болота. Трясина прилегает к реке. Я обмениваю шкуры на пищу, которую мне привозят лодкой, на хлеб, крупу, муку, соль, сыр, иногда кролика или курицу. Порой привозят известия.

Вопроса он не дождался, поэтому продолжал:

– Орава конных за время погони дважды побывала в деревне. Первый раз предупредили, чтобы тебя не прятать, пригрозили мужикам огнем и мечом, если тебя в селе прихватят. Второй – обещали награду. За то, что найдут труп. Твои преследователи убеждены, что ты валяешься мертвая в лесах, в каком-нибудь яре или лощине.

– И не успокоятся, – проворчала она, – пока не отыщут труп. Уж это я знаю хорошо. Им нужно доказательство, что я подохла. Без такого доказательства они не откажутся от поисков. Будут тыркаться всюду. В конце концов доберутся до тебя.

– Это им очень важно, – заметил Высогота. – Я бы даже сказал, невероятно важно...

Цири стиснула зубы.

– Не бойся. Я уеду прежде, чем они меня найдут. Тебя не подставляю... Не бойся.

– С чего ты взяла, что я боюсь? – пожал он плечами. – Что, у меня есть причина бояться? Сюда не пройдет никто, никто тебя здесь не выследит. Но вот если ты высунешь нос из камышей, то точно попадешь своим преследователям в лапы.

– Иначе говоря, – гордо вскинула она голову, – я должна здесь остаться? Это ты хотел сказать?

– Ты не под арестом. Можешь уезжать, когда вздумаешь. Точнее – когда сумеешь. Но можешь остаться и переждать. Любые, даже самые горячие преследователи остывают. Рано или поздно. Всегда. Можешь поверить. Я в этом разбираюсь.

Ее зеленые глаза сверкнули, когда она взглянула на него.

– Впрочем, – быстро сказал он, пожимая плечами и уходя от ее взгляда, – поступай, как знаешь. Повторяю, я тебя не удерживаю.

– Однако сегодня, – вздохнула она, – я, пожалуй, не уеду. Слаба я еще. Да и солнце вот-вот зайдет... А я ведь тропок не знаю. Пошли-ка в хату. Озябла я что-то. * * *

– Ты сказал, что я пролежала у тебя шесть суток. Это верно?

– А зачем мне врать?

– Не кипятись. Я стараюсь подсчитать дни... Я убежала... Меня ранили... в день Эквинокция. Двадцать третьего сентября. Если ты предпочитаешь считать по-эльфьему, то в последний день Ламмаса.

– Этого не может быть.

– А зачем мне врать? – крикнула она и застонала, схватившись за лицо.

Высогота спокойно глядел на нее.

– Не знаю зачем, – холодно сказал он. – Но я когда-то был лекарем, Цири. Очень давно, но я все еще умею отличить рану, нанесенную десять часов назад, от раны, нанесенной четыре дня назад. Я нашел тебя двадцать седьмого сентября. Значит, ты была ранена двадцать шестого. На третий день Велена, если предпочитаешь считать по-эльфьему. Через три дня после Эквинокция.

– Меня ранили в самый Эквинокций.

– Это невозможно, Цири. Ты наверняка напутала даты.

– Наверняка нет. Это у тебя какой-то устаревший отшельничий календарь.

– Пусть так. А это так уж важно?

– Нет. Абсолютно нет.

Спустя три дня Высогота снял последние швы. У него были все основания быть довольным и гордиться своим делом – линия шва была ровная и чистая, опасаться отметин, оставленных грязью, было нечего. Однако удовольствие слегка подпортил вид Цири, в угрюмом молчании рассматривавшей шрам в зеркале, которое она поворачивала и так, и этак и безуспешно пыталась прикрыть шрам волосами, зачесывая их на щеку. Шрам уродовал. Факт оставался фактом, и тут никакие парикмахерские ухищрения не помогали. Нечего было пытаться изображать дело так, будто все выглядит иначе. Красный, толщиной с веревку, помеченный следами иглы и вмятинами от ниток шрам выглядел чудовищно. Конечно, краснота и следы иглы и ниток могли постепенно – к тому же довольно скоро – исчезнуть. Однако Высогота знал, что никаких шансов на то, что шрам исчезнет вообще и перестанет уродовать лицо, у Цири не было.

Девушка чувствовала себя значительно лучше, но, к удивлению и удовольствию Высоготы, почему-то вообще больше не заговаривала об отъезде. Выводила из овчарни вороную Кэльпи – Высогота знал, что у нордлингов словом «кэльпи» обозначают морщинца, грозное морское существо, которое, если верить молве, способно принимать облик красивейшего жеребца, дельфина и даже очаровательной женщины, хотя обычно напоминает спутанный клубок трав. Цири седлала кобылу и несколько раз объезжала дворик вокруг хаты. Затем Кэльпи возвращалась в овчарню составить общество козе, а Цири направлялась в хату, дабы составить общество Высоготе. Даже – скорее всего от скуки – помогала ему заниматься шкурами. Когда он сортировал нутрий по размерам и оттенкам, она разделявала шкурки ондатр вдоль спинки и брюшка, пользуясь при этом введенной внутрь шкурки дощечкой. Пальцы у нее были невероятно ловкие.

Именно во время этого занятия и возник у них достаточно странный разговор.

– Ты не знаешь, кто я. Ты даже не догадываешься, кто я такая.

Цири несколько раз повторила свое утверждение и этим вызвала у него легкое раздражение. Конечно, по его виду она об этом догадаться не могла. Выдай он свои чувства перед такой соплячкой, это оскорбило бы его. Нет, такого он допустить не мог, но не мог не выдать и разбавившего его любопытства.

Любопытства в общем-то безосновательного, потому что в принципе он вполне мог бы догадаться, кто она такая. Во времена юности Высоготы молодежные банды тоже не были редкостью. Прошедшие годы не могли приглушить магнетической силы, привлекавшей в такие шайки молокососов, алчущих приключений и сильных ощущений. Очень часто им же самим на погибель. О малолетках, похваляющихся шрамами на лицах, можно было сказать,

что им крупно повезло, ибо тех, кому повезло меньше, ждали пытки, шибеница, крюк или кол.

Да, со времен Высоготовой юности изменилось только одно: эмансипация прогрессировала. В банды тянулись не только подростки, но и сбрендившие девчонки, предпочитавшие коня, меч и приключения спицам, кудели и ожиданию сватов.

Конечно, Высогота не сказал ей всего этого напрямик. А поведал уклончиво. Но так, дабы она поняла, что он это знает. Дабы ей стало ясно, что если кто-то здесь и является загадкой, то, уж конечно, не она – чудом избежавшая облавы малолетняя разбойница из банды таких же малолетних паршивцев. Изувеченная соплячка, пытающаяся окружить себя ореолом таинственности...

– Ты не знаешь, кто я. Но не бойся. Я скоро уеду. Не стану подвергать тебя опасности.

Высогота не выдержал.

– Не грозит мне никакая опасность, – сказал он сухо. – Да и что вообще может грозить? Даже если преследователи явятся сюда, в чем я весьма сомневаюсь, что плохого могут они мне сделать? Конечно, оказание помощи беглым преступникам наказуемо, но это не касается отшельников, поскольку отшельник не знаком со светскими установлениями. Я вправе принимать любого, попавшего в мою обитель. Ты верно сказала: я не знаю, кто ты такая. Откуда мне, отшельнику, знать, кто ты, что натворила и за что тебя преследует закон? Да и какой закон? Ведь я даже не знаю, чьи законы действуют в здешних краях, под чьей и какой юрисдикцией они находятся. И меня это не интересует. Я – отшельник.

Он немного перебрал с этим отшельничеством. И сам чувствовал это. Но не отказался – ее яростные зеленые глаза кололи его словно шпоры.

– Я – убогий пустынный. Умерший для мира и дел его. Я – человек простой и необразованный, мировых проблем не знающий...

Вот тут-то он явно переборщил.

– Как же! – взвизгнула она, отбрасывая шкурку и нож на пол. – Дурочкой меня считаешь, да? Нет, я не дурочка, и не думай. Пустынный убогий! Когда тебя не было, я тут кое-что высмотрела. Заглянула туда, в угол, за не очень чистые занавески. Откуда, интересно знать, на полках взялись ученые книги, скажи, ты, человек простой и необразованный?

Высогота бросил шкурку нутрии на кучку.

– Когда-то здесь жил сборщик налогов, – сказал он небрежно. – Это кадастры и бухгалтерские книги.

– Брешешь, – поморщилась Цири, массируя шрам. – Ведь прямо в глаза врешь!

Он не ответил, прикинувшись, будто оценивает оттенок очередной шкурки.

– Может, думаешь, – снова заговорила девушка, – что, если у тебя седая борода, морщины во весь лоб и сто лет за плечами, так ты можешь запросто объегорить такую наивную молодку, как я, а? Ну, так я тебе скажу: первую попавшуюся, может, и обведешь вокруг пальца. Но я-то не первая попавшаяся.

Он высоко поднял брови в немом провокационном вопросе. Она не заставила себя долго ждать.

– Я, дорогой мой отшельничек, училась в таких местах, где было множество книг. В том числе и таких, что на твоих полках стоят. Многие из их названий мне знакомы.

Высогота еще выше поднял брови. Она глядела ему прямо в глаза.

– Странные речи, – процедила она, – ведет зачуханная замарашка, замызганная сиротинушка, а может, и вообще грабительница или бандитка, найденная в кустах с раздолбанной мордой. Однако неплохо бы тебе знать, милсдарь отшельник, что я читала Родерика да Новембра, просматривала, и не раз, труд под названием «Materia medica». Знаю «Herbarius», точно такой, как на твоей полке. Знаю также, что означает на корешках книг горностаевый крест на красном щите. Это знак, что книгу издала оксенфуртская академия.

Она замолчала, продолжая внимательно наблюдать за Высоготой. Тот молчал, стараясь, чтобы его лицо ничего не выдавало.

– Поэтому я думаю, – сказала она, тряхнув головой свойственным ей гордым и немного резким движением, – что ты вовсе не простачок и не отшельник. И отнюдь не умер для мира, а сбежал от него. И скрываешься здесь, на безлюдье, укрывшись видимостью и... бескрайними камышами.

– Если все обстоит так, как ты говоришь, – улыбнулся Высогота, – то действительно преудивительно переплелись наши судьбы, начитанная ты моя девочка. Но ведь и ты тоже здесь скрываешься. Ведь и ты, Цири, умело укутываешь себя вуалью видимостей. Однако я человек старый, полный подозрений и прогоркшего старческого недоверия...

– Ко мне?

– К миру, Цири. К миру, в котором жульническая явь натягивает на себя маску истины, чтобы обжегить иную истину, кстати говоря, тоже фальшивую и тоже пытающуюся жульничать. К миру, в котором герб оксенфуртской академии малюют на дверях борделей. К миру, в котором раненые разбойницы выдают себя за бывалых, ученых, а может, и благородных мазелей, интеллектуалок и эрудиток, цитирующих Родерика да Новембра и знакомых с гербом академии. Вопреки всякой видимости. Вопреки тому, что сами-то носят со-о-овсем другой знак. Бандитский татуаж. Пунцовую розу, наколотую в паху.

– Верно, ты прав. – Она прикусила губу, а лицо покрылось таким густым румянцем, что розовая до того полоса шрама показалась черной. – Ты прогоркший старик. И въедливый дед.

– На моей полке, за занавеской, – указал он движением головы, – стоит «Aen N'og Mab Teadh'morc», сборник эльфьих сказок и рифмованных предсказаний. Есть там весьма подходящая к нашей ситуации и беседе историйка об уважаемом вороне и юной ласточке. А поскольку, Цири, я, как и ты, – эрудит, постольку я позволю себе привести соответствующую цитату. Ворон, как ты, несомненно, помнишь, обвиняет ласточку в легкомысленности и недостойной непоседливости.

Hen Cerbin dic'ss aen n'og Zireael

Aark, aark, caelm foile, te veloe, ell?

Zireael...

Он замолчал, поставил локти на стол, а подбородок положил на сплетенные пальцы. Цири тряхнула головой, выпрямилась, вызываяще глянула на него и dokonчила:

...Zireael veloe que'ss aen en'ssan irch

Mab og, Hen Cerbin, vean ni, quirk, quirk!

– Прогоркший и недоверчивый старик, – проговорил после недолгого молчания Высогота, не меняя позы, – приносит извинения юной эрудитке. Седой ворон, которому всюду мнятся предательство и обман, просит ласточку, единственная вина которой в том, что она молода, полна жизни и привлекательна, простить его.

– А вот теперь ты несешь напраслину! – воскликнула Цири, инстинктивно прикрывая шрам на лице. – Такие комплименты можешь держать при себе. Они не исправят кривых швов, которыми ты заметал мне кожу. И не думай, что такими фокусами ты добьешься моего доверия. Я по-прежнему не знаю, кто ты таков. Почему обманул меня относительно дней и дат. И с какой целью заглядывал мне меж ног, хотя ранена я была в лицо. И одним ли только заглядыванием все кончилось.

На этот раз ей удалось вывести его из равновесия.

– Да что ты вообразила, соплячка?! – крикнул он. – Да я тебе в отцы гожусь!

– В деды, – холодно поправила она. – В деды, а то и в прадеды. Но ты мне и не дед, и не прадед. И вообще я не знаю, кто ты таков. Только наверняка уж не тот, за кого себя выдаешь. Или хочешь, чтобы тебя за него принимали.

– Я – тот, кто нашел тебя на болоте, почти вмерзшей в мох, с черной коркой крови и тины вместо лица, без сознания, запаскудевшую и грязную. Я тот, кто взял тебя к себе в дом, даже не зная, кто ты такая, а предполагать имел право самое худшее. Кто перевязал тебя и уложил в постель. Лечил, когда ты умирала от лихоманки. Ухаживал. Мыл. Всю. В районе татуировки тоже.

Она снова покраснела, но в глазах по-прежнему стоял наглый вызов.

– На этом свете, – проворчала она, – жульническая явь частенько прикидывается истиной, ты сам так сказал. Я тоже, представь себе, немного знаю свет. Ты спас меня, перевязал, ухаживал. За это тебя благодарю. Я благодарна тебе за... доброту. Но ведь я знаю, что не бывает доброты без...

– Без расчета и надежды на выгоду, – закончил он с улыбкой. – Да-да, конечно. Я человек бывалый, возможно, даже знаю мир не хуже тебя, Цири. Раненых девочек, как известно, обдирают со всего, что имеет хоть какую-то ценность. Если они без сознания или слишком слабы, чтобы защищаться, то обычно дают волю своим похотям и страстям, порой прибегая к развратным и противным натуре приемам. Верно?

– Внешность очень часто бывает обманчива, – ответила Цири, в очередной раз заливаясь румянцем.

– Ах какое верное утверждение. – Старик бросил очередную шкурку на соответствующую кучку. – И так же верно ведущее нас к заключению, что мы, Цири, ничего не знаем друг о друге. Перед нами лишь внешность, а ведь она бывает так обманчива.

Он переждал немного, но Цири не спешила отвечать.

– Хотя нам обоим и удалось проделать нечто вроде неглубокой разведки, мы по-прежнему ничего друг о друге не знаем. Я не знаю, кто такая ты, ты не знаешь, кто такой я...

На этот раз он молчал не случайно. Она глядела на него, а в ее глазах затаился вопрос, которого он и ожидал. Что-то странное сверкнуло в них, когда она заговорила:

– Кто начнет первым?

Если б в сумерки кто-нибудь подкрался к хате с провалившейся и обомшелой стрехой, если б заглянул внутрь, то при свете каганка и тлеющих в камине углей увидел бы седобородого старика, склонившегося над кипой шкур. Увидел бы пепельноволосую девушку с безобразным шрамом на щеке, совершенно не сочетающимся с огромными, как у ребенка, зелеными глазами.

Но увидеть этого не мог никто. Хата стояла в камышах, на трясине, на которую никто не отваживался ступить.

– Меня зовут Высогота из Корво. Я был лекарем. Хирургом и алхимиком. Был исследователем, историком, философом, этиком. Я был профессором оксенфуртской академии. Мне пришлось оттуда бежать после опубликования некоего труда, который сочли безбожным, за что тогда, пятьдесят лет назад, грозила смертная казнь. Мне пришлось эмигрировать. Жена последовать за мной не пожелала и бросила меня. Остановился я лишь далеко на юге, в Нильфгаардской империи. Стал преподавать этику в Императорской Академии в Кастелль Граупиане и проработал там почти десять лет. Однако и оттуда вынужден был бежать после того, как опубликовал некий трактат... Между прочим, труд этот рассматривал проблему тоталитарной власти и преступного характера завоевательных войн, но официально произведение и меня обвинили в метафизическом мистицизме и клерикальной схизме. Сочли, что я действовал по наущению экспансивных и ревизионистских жреческих групп, реально правивших королевствами нордлингов. Довольно забавно в свете смертного приговора, вынесенного мне за атеизм двадцатью годами раньше. Впрочем, к тому времени экспансивные жрецы на Севере уже давно были забыты. Но в Нильфгаарде этого не учитывали. Брачные узы мистицизма и суеверия с политикой преследовались и сурово наказывались.

Сегодня, оглядываясь назад, я думаю, что, если б покорился и раскаялся, может, сфабрикованное против меня дело и развалилось бы, а император ограничился б немилостью и не стал применять драконовы меры. Но я был зол, раздражен и убежден в своих истинах, которые считал вневременными, стоящими выше той или иной власти либо политики. Я почитал себя обиженным, причем обиженным несправедливо. Тиранически. Поэтому установил плотные контакты с диссидентами, тайно порицающими тирана. Не успел я оглянуться, как уже сидел вместе с диссидентами в узилище, а некоторые из «сокамерников», стоило им увидеть инструменты допросов, тут же указали на меня как на главного идеолога движения.

Император воспользовался своим правом помилования, однако осудил меня на изгнание и пригрозил немедленно расправиться в случае возвращения на имперские земли.

Я обиделся на весь мир, на королевства, империи и университеты, на диссидентов, чиновников, юристов. На коллег и друзей, которые при первом же намеке на опасность отреклись от меня. На вторую жену, которая, как и первая, считала, что неприятности мужа – вполне достаточный повод для развода. На детей, незамедлительно отказавшихся от меня. Я стал отшельником. Здесь, в Эббинге, на болотах Переплюта. Унаследовал эту развалюху после одного пустынного, с которым мне случайно довелось познакомиться. К несчастью, Нильфгаард аннексировал Эббинг, и я, хотел я того или нет, снова оказался в Империи. У меня больше нет ни сил, ни желания продолжать скитания, поэтому я вынужден скрываться. Императорские приговоры не имеют сроков давности и остаются в силе даже в том случае, если вынесший их правитель давным-давно преставился, а у правящего нет поводов с приятностью вспоминать своего предшественника и разделять его взгляды. Смертный

приговор остается в силе. Таков закон и обычай Нильфгаарда. Приговоры за измену государству не устаревают и не подлежат амнистии, которую каждый новый император непременно объявляет после коронации. В результате восхождения на престол нового императора амнистируются все, кто был обречен его предшественником... за исключением повинных в измене государству. Безразлично, кто правит в Нильфгаарде: если станет известно, что я жив и нарушил приговор изгнания, пребывая на имперской территории, меня обезглавят на эшафоте.

Как видишь, Цири, мы оказались в совершенно равной ситуации.

– Что такое этика? Я знала, но забыла.

– Наука о морали. О правилах поведения благородного, порядочного, приличного и вежливого. О вершинах добра, на которые дух человеческий возносят справедливость и моральность. И о безднах зла, в которые низвергают человека порок и непорядочность.

– Вершины добра! – фыркнула Цири. – Справедливость! Моральность! Не смейся, не то у меня шрам на морде лопнет. Тебе повезло, что тебя не преследовали, не насылали на тебя охотников за наградами вроде Бонарта. Тогда б ты увидел, что это за штука – бездна зла. Этика? Дерьмо цена всей твоей этике, Высогота из Корво. Нет, Высогота, не порочных или непорядочных сбрасывают в бездну, нет! О нет! Как раз порочные, злые, но решительные сбрасывают туда моральных, порядочных и благородных, но, на свое несчастье, робких, колеблющихся и не в меру щепетильных.

– Благодарю за науку, – съехидничал Высогота. – Уверен, проживи хоть целый век, никогда не поздно чему-нибудь подучиться. Воистину, всегда стоит послушать бывалых, тертых, зрелых и опытных людей.

– Ну-ну, смейся, смейся, – тряхнула головой Цири. – Пока можешь. Потому как теперь моя очередь смеяться. Теперь я повеселю тебя повествованием. Расскажу, как было со мной. А когда закончу, поглядим, захочется ли тебе и дальше подъелдыкивать меня.

Если б в тот день в сумерках кто-нибудь подобрался к избе с провалившейся стрехой, если б заглянул сквозь щели в ставнях, то увидел бы в скупой освещенной комнатухе седобородого старика, сосредоточенно слушающего повествование пепельноволосой девушки, сидящей на колоде у камина. Он заметил бы, что девушка говорит медленно, как бы с трудом подыскивая слова, нервно потирает изуродованную отвратительным рубцом щеку и долгими минутами молчания перемежает повествование о своих судьбах. Повествование о знаниях, которые получила и которые все, все до единого, оказались ложными и путанными. О клятвах, которые ей давали и которых не сдержали. Повествование о том, как Предназначение, в которое ей должно было верить, подло обмануло ее и лишило наследства. О том, как всякий раз, когда она уже начинала верить, на нее обрушивались мытарства, боль, обида и презрение. О том, как те, которым она верила и любила, предали, не пришли на помощь, когда она страдала, когда ей грозили унижение, мучение и смерть. Повествование об идеалах, которым ей полагалось следовать, но которые подвели, предали, покинули ее именно в тот момент, когда они были ей особенно нужны, доказав тем самым, сколь ничтожной оказалась их цена. О том, как помощь, дружбу – и любовь – она наконец нашла у тех, у кого, казалось бы, не следовало искать ни помощи, ни дружбы. Не говоря уж о любви.

Но этого никто не мог увидеть и тем более услышать. Хата с провалившейся и заросшей мхом стрехой была хорошо укрыта туманами на топях, на которые никто не отважился бы ступить.

Вступая в зрелый возраст, юная дева начинает исследовать области жизни, до того ей недоступные, которые в сказках символизируются проникновением в таинственные башни и поисками укрытой там комнаты. Девушка взбирается на вершину башни, ступая по винтовой лестнице – лестницы в снах представляют собою символы эротических переживаний. Запретная комната, этот маленький, замкнутый на замок покой, символизирует вагину, а поворот ключа в замке – сексуальный акт. Бруно Беттельгейм *The Uses of Enchantment, the Meaning and Importance of Fairy Tales*

Западный ветер нагнал ночную бурю.

Фиолетово-черное небо расколосось вдоль зигзага молнии, взорвалось рассыпчатым грохотом грома. Обрушившийся на землю дождь резко забарабанил по дорожной пыли густыми как масло каплями, зашумел по крышам, размазал грязь на пленках оконных пузырей. Но сильный ветер быстро разогнал ливень, отогнал грозу куда-то далеко-далеко, за испещренный молниями горизонт.

И тогда разлаялись собаки. Зазвенели копыта, забренчало оружие. Дикие крики и свист вздымали волосы на головах разбуженных кметов, в панике вскакивающих с постелей, подпирающих кольями двери и оконные рамы. Вспотевшие руки сжимали рукояти топоров, черенки вил. Сжимали крепко. Но бесполезно.

Террор, террор неся по деревне. Преследуемые или преследователи? Взбесившиеся от ярости или от ужаса? Пролетят, не задержат лошадей? Или же вот-вот осветится ночь огнем полыхающих крыш?

Тише, тише, дети...

Мама, это демоны? Это Дикий Гон? Привидения, вырвавшиеся из ада?

Мама, мама!

Тише, тише, дети! Это не демоны, не дьяволы.

Хуже.

Это люди.

Надрывались собаки. Завывал ветер. Звенели подковы.

Сквозь село и сквозь ночь мчалась разгульная ватага.

Хотспорн влетел на пригорок, сдержал и развернул коня. Он был предусмотрительным и осторожным. Не любил рисковать, тем более что осторожность ничего не стоила. Он не торопился спускаться вниз, к речке, к почтовой станции. Предпочитал сначала как следует приглядеться.

Около станции не было ни лошадей, ни телег, стоял там лишь один фургончик, запряженный парой мулов. На тенте виднелась надпись, которую Хотспорн издали прочесть не мог. Но опасностью не пахло. Опасность Хотспорн учуять умел. Хотспорн был профессионалом.

Он спустился на заросший кустарником и ивняком берег, решительно послал коня в реку, галопом прошел меж бьющих повыше седла всплесков воды. Ныряющие вдоль берега утки разлетелись с громким кряканьем.

Хотспорн подогнал коня, через раскрытую заграду въехал во двор станции. Теперь уже можно было прочесть надпись на тенте фургона: МЭТР АЛЬМАВЕРА, ИСКУСНИК ТАТУИРОВКИ

Каждое слово было намалевано другим цветом и начиналось с преувеличенно огромных, изящно изукрашенных букв. А на корпусе фургона, повыше переднего колеса, красовалась выведенная пурпурной краской небольшая стрела с раздвоенным наконечником.

– С коня! – услышал он за спиной. – На землю, да поживее! Руки прочь от меча!

Его поймали и беззвучно окружили: справа – Ассе в черной кожаной курточке, расшитой серебром, слева – Фалька в зеленом замшевом кафтанчике и берете с перьями. Хотспорн стянул капюшон, закрывавший лицо.

– Ха! – Ассе опустил меч. – Это вы, Хотспорн. Я бы узнал, но меня обманул ваш воронок.

– Но хороша кобылка! – восторженно сказала Фалька, сдвигая берет на ухо. – Черна и блестит как уголь, ни волоска посветлее. А стройна! Ух, красавица!

– Да уж, такая вот досталась за неполные сто флоренов, – небрежно улыбнулся Хотспорн. – Где Гиселер? Внутри?

Ассе кивнул. Фалька, зачарованно глядя на кобылу, пошлепала ее по шее.

– Когда мчалась через воду, – она подняла на Хотспорна большие зеленые глаза, – то была словно настоящая кэльпи! Если б вынырнула из моря, а не из речки, не поверила бы, что это не настоящая кэльпи.

– А ты, Фалька, когда-нибудь видела настоящую кэльпи?

– На картинке. – Девушка вдруг погрузилась. – А, чего болтать-то. Пошли в дом. Гиселер ждет.

У окна, дающего немного света, стоял стол. На столе, опираясь о крышку локтями, полулежала Мистле, совершенно голая ниже пояса. На ней не было ничего, кроме черных чулок. Между нескромно раздвинутыми ногами копошился худой длинноволосый тип в грязном халате. Это не мог быть никто иной, как только мэтр Альмавера, искусник татуировки, поскольку он-то как раз и был занят тем, что выкалывал на ляжке Мистле цветную картинку.

– Подойди ближе, Хотспорн, – пригласил Гиселер, отодвигая табурет от дальнего стола, за которым сидел с Искрой, Кайлеем и Реефом. Двое последних, как и Ассе, тоже были одеты в черную телячью кожу, усеянную застёжками, кнопками, цепочками и другими изысканными украшениями из серебра. «Какой-то ремесленник здорово подзаработал», – подумал Хотспорн. Крысы, когда на них находил стих и распирало желание помодничать, платили портным, сапожникам и шорникам воистину по-королевски. Ясное дело, они никогда не упускали случая сорвать с подвергшегося нападению человека одежду либо финтифлюшки, попавшиеся на глаза.

– Вижу, ты нашел нашу цедулю в развалинах старой станции, – потянулся Гиселер. – Да что я, иначе б тебя тут не было. Надо признать, быстренько ты явился.

– Потому как кобыла хороша, – вставила Фалька. – Поспорю, что и резвая!

– Я ваше сообщение нашел. – Хотспорн не сводил глаз с Гиселера. – А как с моим? Дошло?

– Дошло... – кивнул головой крысиный главарь. – Но... Но чтоб не разводить... У нас тогда не было времени. А потом мы упились, и пришлось малость передохнуть. А позже другой нам

путь вышел...

«Говнюки», – подумал Хотспорн.

– Короче говоря, ты поручение не выполнил?

– Угу. Прости, Хотспорн. Некогда было... Но в другой раз, хо-хо. Обязательно!

– Обязательно! – высокопарно подтвердил Кайлей, хоть никто его об этом не просил.

«Чертовы безответственные говнюки. Перепились. А потом, ишь ты, другая дорога им вышла. К портняжкам за завитушками и цацками, не иначе!»

– Выпьешь?

– Благодарю. Нет.

– А может, отведаешь этого? – Гиселер указал на стоящую среди бутылей и кубков разукрашенную лаковую шкатулочку. Хотспорн уже знал, почему глаза у Крыс так блестят, почему их движения такие нервные и быстрые.

– Первоклассный порошок, – заверил Гиселер. – Не возьмешь щепотку?

– Благодарю, нет. – Хотспорн многозначительно указал на кровавое пятно на полу и уходящий в каморку след на половиках, явно говорящий, куда и когда утащили труп. Гиселер заметил взгляд.

– Один типчик тут больно шустрый собрался героя из себя строить, – фыркнул он. – Ну так Искре пришлось его маленько пожурить.

Искра гортанно засмеялась. Сразу было видно, что наркотика они приняли сверх меры.

– Да так пожурила, что он кровью захлебнулся, – похвалилась она. – Ну а тогда другие сразу поутихли. Это называется «террор»!

Она, как обычно, была увешана драгоценностями, даже в крылышке носа красовалось колечко с бриллиантом. Она носила не кожу, а вишневого цвета кафтанчик с парчовым рисунком, уже достаточно знаменитый, чтобы считаться последним пискom моды у золотой молодежи из Турна. Как, впрочем, и шелковый платочек, которым повязал голову Гиселер. Хотспорну уже доводилось слышать о девушках, которые стриглись «под Мистле».

– Это называется «террор», – задумчиво повторил он, продолжая рассматривать кровавую полосу на полу. – А хозяин станции? А его жена? Сын?

– Нет-нет, – поморщился Гиселер. – Думаешь, мы всех порубили? Что ты! В чулане их временно заперли. Теперь, как видишь, станция наша.

Кайлей громко прополоскал рот вином, выплюнул на пол. Маленькой ложечкой набрал из шкатулки немного фисштеха, как они именовали наркотик, осторожно высыпал на поспянувленный кончик указательного пальца и втер себе в десну. Подал шкатулку Фальке, та повторила ритуал и передала порошок Реефу. Нильфгаардец отказался, занятый просмотром каталога цветных татуировок, и передал шкатулку Искре. Эльфка отдала ее Гиселеру, не воспользовавшись.

– Террор, – буркнула она, щури блестящие глаза и шмыгая носом. – Мы станцию держим под террором! Император Эмгыр весь мир так держит, а мы только эту халупу. Но принцип тот же!

– А-а-а-а, хрен ты возьми! – взвыла на столе Мистле. – Ты гляди, чего колешь! Сделаешь еще раз так, я тебя так кольну! Насквозь пройдет!

Крысы – кроме Фальки и Гиселера – расхохотались.

– Коли ее, мэтр, коли, – добавил Кайлей. – Она промежду ног закаленная!

Фалька грубо выругалась и запустила в него кубком. Кайлей увернулся. Крысы снова зашлись хохотом.

– Стало быть, так. – Хотспорн решил положить конец веселью. – Станцию вы держите под террором. А зачем? Ежели отбросить удовольствие, проистекающее из терроризирования?

– Мы здесь, – ответил Гиселер, втирая себе фисштех в десну, – вроде караул стоим. Кто сюда явится, чтобы коней сменить или передохнуть, того мы обдираем. Это удобнее, чем где на перекрестках или в чащобе при тракте. Хотя, как только что сказала Искра, принцип тот же.

– Но сегодня, с рассвета, только этот нам попался, – вставил Рееф, показывая на Альмаверу, почти с головой скрывшегося между разведенными ляжками Мистле. – Голодранец, как всякий искусник, ничего у него не было, ну так мы его с его искусства обдираем. Киньте глаз, какой он способный к рисованию.

Рееф натянул рукав и показал татуировку – обнаженную женщину, шевелящую ягодицами, когда он сжимал кулак. Кайлей тоже похвастался: вокруг его руки, повыше шипастого браслета, извивался зеленый змей с раскрытой пастью и пурпурным раздвоенным языком.

– Со вкусом сделано, – равнодушно сказал Хотспорн. – И полезно при распознавании трупов. Ничего у вас из грабежа не получилось, дорогие Крысы. Придется заплатить художнику за его искусство. У меня не было времени предупредить вас: вот уже семь дней, с первого сентября, знаком является пурпурная стрела с раздвоенным наконечником. Как раз такая намалевана на фуре.

Рееф тихо выругался. Кайлей рассмеялся. Гиселер равнодушно махнул рукой.

– Ничего не поделаешь. Оплатим ему иглы и краску. Пурпурная стрела, говоришь? Запомним. Если до утра еще такой со знаком стрелы появится, мы ему плохого не сделаем.

– Собираетесь торчать здесь до утра? – немного неестественно удивился Хотспорн. – Неразумно, Крысы. Рискованно и небезопасно.

– Чего-чего?

– Рискованно, говорю, и небезопасно.

Гиселер пожал плечами, Искра фыркнула и сморкнулась на пол. Рееф, Кайлей и Фалька глядели на купца так, словно он только что сообщил им, что, мол, солнце свалилось в речку и надобно его быстренько оттуда выловить, пока раки не оципали. Хотспорн понял, что пытался образумить спятивших сопляков. Что предостерег перед риском и опасностью переполненных дурью и бравадой фанфаронов, которым понятие страха совершенно чуждо.

– Преследуют вас, Крысы.

– Ну и что за беда?

Хотспорн вздохнул.

Беседу прервала Мистле, которая подошла к ним, не потрудившись даже одеться. Поставила ногу на лавку и, крутя бедрами, продемонстрировала всем и вся произведение мэтра Альмаверы: пунцовую розу на зеленой веточке с двумя листочками, помещенную на ляжке почти в самом паху.

– Ну как? – спросила она, уперев руки в боки. Ее браслеты, доходящие почти до локтей, бриллиантово блеснули. – Что скажете?

– Прелээээстно! – фыркнул Кайлей, откидывая волосы. Хотспорн заметил, что Крыс в ушах носит серьги. Было ясно, что такие же серьги вскоре будут – как и усеянная серебром кожа – модными у золотой молодежи в Турне, да и во всем Гесо.

– Твой черед, Фалька, – сказала Мистле. – Что прикажешь себе выколоть?

Фалька коснулась ее ляжки, наклонилась и присмотрелась к татуировке. Вблизи. Мистле ласково потрепала ее пепельные волосы. Фалька захохотала и без всяких церемоний стала раздеваться.

– Хочу такую же розу, – заканючила она. – В том же самом месте, что и у тебя, любимая.

– Ну и мышей тут у тебя, Высогота. – Цири прервала рассказ, глядя на пол, где в кругу падающего от каганца света разыгрывался настоящий мышиный турнир. Можно было только догадываться, что делалось за пределами круга, в темноте. – Кота б тебе не помешало завести. А еще лучше – двух.

– Грызуны, – откашлялся отшельник, – стремятся к теплу, потому как зима приближается. А кот у меня был. Но отправился куда-то, бедняга, и пропал.

– Не иначе – лиса загрызла или куница.

– Ты не видела моего кота, Цири. Если его что-то и загрызло, то не иначе как дракон.

– Аж такой был? М-да, жаль. Уж он бы твоим мышам не позволил лазать по постели. Жаль.

– Жаль. Но, я думаю, он вернется. Кошки всегда возвращаются.

– Я подкину в огонь. Холодно.

– Холодно. Чертовски холодные сейчас ночи... А ведь еще даже не середина октября... Ну, продолжай, Цири.

Цири некоторое время сидела неподвижно, уставившись в огонь камина. Огонь ожил, затрещал, загудел, отбросил на изуродованное лицо девушки золотой отблеск и подвижные тени.

– Рассказывай!

Мэтр Альмавера накалывал, а Цири чувствовала, как слезы скапливаются у нее в уголках глаз. Хоть перед процедурой она предусмотрительно приглушила себя вином и фисштехом, боль была невыносимая. Она стискивала зубы, чтобы не стонать, и не стонала, конечно, а делала вид, будто не обращает внимания на иглы, а боль презирает. Старалась как бы вовсе и не замечать боли, участвовать в беседе, которую Крысы вели с Хотспорном – субъектом, пытающимся выдавать себя за купца, хотя в действительности – если не считать того факта, что жил он за счет торговцев, – ничего общего с купечеством не имевшим.

– Грозовые тучи собрались над вашими головами, – говорил Хотспорн, водя по лицам Крыс темными глазами. – Мало того что за вами охотится префект из Амарильо, мало того что

гонятся Варнхагены, мало того что барон Касадей...

– И этот туда же, – поморщился Гиселер. – Ну ладно, префекта и Варнхагенов я понимаю, но чего ради какой-то Касадей на нас взъелся?

– Гляньте-ка, истинный волк в овечьей шкуре, – усмехнулся Хотспорн, – и бебекает жалостливо: «Бе-е-е, бе-е-е, никто меня не любит, никто меня не понимает, куда ни явлюсь, всюду камнями забрасывают, ату его, ату, кричат. За что, ну за что мне такая обида и несправедливость?» А за то, дорогие мои Крысы, что доченька барона Касадея после приключения у речки Трясогузки до сего дня млеет и температурит.

– А-а-а, – вспомнил Гиселер. – Карета с четверкой серых в яблоко? Та самая девица, что ль?

– Та. Сейчас, как я сказал, хворает, по ночам с криком вскакивает, господина Кайлея вспоминает... Но особенно мазельку Фальку. И брошь, память о матушке-покойнице, которую – я имею в виду брошь – мазелька Фалька силой у нее с платица содрать изволила, произнося при этом всякие разные слова.

– И вовсе не в этом дело! – крикнула со стола Цири, воспользовавшись okazji, чтобы криком отреагировать на боль. – Мы проявили к баронессе презрение и нанесли оскорбление, позволив всухую уйти! Надо было прошпарить девицу-то!

– И верно. – Цири почувствовала взгляд Хотспорна на своих голых бедрах. – Воистину великое сие есть бесчестие не лишить девку чести, то бишь не прошпарить, в смысле не оттрахать! Неудивительно, что оскорбленный папаша Касадей скликал вооруженную банду и назначил награду. Поклялся принародно, что все вы будете висеть головами вниз на стенах его замка. Пообещал также, что за сорванную с доченьки брошь сдерет с мазели Фальки шкуру. Лентами.

Цири выругалась, а Крысы разразились дурашливым хохотом. Искра чихнула и дико рассопливилась – фисштех раздражал ее слизистую.

– Мы на эти преследования чихали, – заявила она, вытирая шарфом рот, нос, подбородок и стол. – Префект, барон, Варнхагены! Гоняются, да не догонят. Мы – Крысы! За Вельдой трижды вильнули, и теперь эти дурни друг другу на пятки наступают, идут против остывших следов. Пока сообразят что к чему, будут уже слишком далеко, чтобы возвращаться.

– Да если и завернут! – запальчиво воскликнул Ассе, некоторое время назад вернувшийся с вахты, на которой его никто не подменил и подменять не собирался. – Пощекочем их, и вся недолга.

– Точно! – крикнула со стола Цири, уже забыв, как прошлой ночью они драпали от погони через деревушки над Вельдой и как она тогда струхнула.

– Лады. – Гиселер хлопнул раскрытой ладонью по столу, положив на шумной болтовне крест. – Давай, Хотспорн, выкладывай. Я же вижу, ты хочешь нам кое-что поведать, кое-что поважнее префекта, Варнхагенов, барона Касадея и его чересчур впечатлительной дочурки.

– Бонарт идет у вас по следу.

Опустилась тишина, необычно долгая. Даже мэтр Альмавера перестал на минуту колоть.

– Бонарт, – медленно протянул Гиселер. – Старый седой висельник. Факт, кому-то мы и верно здорово насолили.

– Кому-то богатенькому, – согласилась Мистле. – Не каждого стать на Бонарта.

Цири уже собиралась спросить, кто таков этот Бонарт, но ее опередили, почти одновременно и в один голос, Ассе и Рееф.

– Это охотник за наградами, – угрюмо пояснил Гиселер. – Давней, кажется, солдатчиной промышлял, потом торгашествовал, наконец, взялся убивать людей за награды. Тот еще сукин сын. Каких мало.

– Болтают, – довольно беспечно сказал Кайлей, – что если б всех, кого Бонарт затюкал, похоронить на одном жальнике, то понадобился бы жальник ого-го каких размеров.

Мистле набрала щепотку белого порошка в углубление между большим пальцем и указательным и резко втянула его ноздрей.

– Бонарт разнес банду Большого Лотара, – сказала она. – Засек его и его брата, которому Мухомор кликуха была.

– Говорят, ударом в спину, – добавил Кайлей.

– И Вальдеса убил, – добавил Гиселер. – А когда Вальдес помер, то и его ганза развалилась. Одна из лучших была. Толковая, боевая дружинка. Крепкая. В свое время я подумывал пристать к ним. Когда еще мы с вами не стакнулись.

– Все верно, – сказал Хотспорн. – Такой ганзы, как Вальдесова, не было и не будет. Песни слагают о том, как они вырвались из облавы под Сардой. Вот буйные были головы, вот уж прям-таки холостяцкая удаль! Мало кому было им в соперники идти.

Крысы замолчали разом и уставились ему в глаза, блестящие и злые.

– Мы, – процедил после недолгой тишины Кайлей, – вшестером когда-то пробились через эскадрон нильфгаардской конницы!

– Отбили Кайлея у нисаров, – проворчал Ассе.

– С нами, – прошипел Рееф, – тоже не каждому соперничать!

– Это верно, Хотспорн, – выпятил грудь Гиселер. – Крысы не хуже какой другой банды, да и Вальдесовой ганзы тоже. Холостяцкая удаль, говоришь? Так я тебе кой-чего о девичьей удали расскажу. Искра, Мистле, Фалька втроем, вот как тут сидят, белым днем проехали посредине города Друи, а выведавши, что в трактире стоят Варнхагены, промчались сквозь трактирню. Насквозь! Въехали спереди, выехали со двора. А Варнхагены остались сидеть, раззявив хайла, над побитыми кувшинами и разлитым пивом. Может, скажешь, невелика удаль?

– Не скажет, – опередила ответ Мистле, зловеще усмехаясь. – Не скажет, потому что знает, что такое Крысы. Его гильдия тоже в курсе.

Мэтр Альмавера закончил татуировку. Цири с гордой миной поблагодарила, оделась и под села к компании. Приснула, чувствуя на себе странный, изучающий и как бы насмешливый взгляд Хотспорна. Зыркнула на него злым глазом, демонстративно прижимаясь к плечу Мистле. Она уже успела убедиться, что такие фокусы конфузят и эффективно охлаждают мужчин, у которых в голове поют амуры. В случае Хотспорна она действовала немного как бы «на вырост», с опережением, потому что квазикупец в этом отношении не был настырным.

Хотспорн был для Цири загадкой. Она видела его раньше всего один раз, остальное ей рассказала Мистле. Хотспорн и Гиселер, пояснила она, знают друг друга и дружат давно, есть у них условные сигналы, пароли и места встреч. Во время таких встреч Хотспорн передает

информацию – и тогда они едут на указанный тракт и нападают на указанного купца, конвой либо обоз. Иногда убивают указанного человека. Всегда обговаривается определенный знак – на купцов с таким знаком на телегах нападать нельзя.

Вначале Цири была удивлена и слегка разочарована – она души в Гиселере не чаяла, Крыс считала образцом свободы и независимости, сама полюбила эту свободу, это презрение ко всем и всему. Но тут неожиданно пришлось выполнять работу на заказ. Как наемным убийцам, кто-то приказывал им, кого бить. Мало того – кто-то кого-то заказывал убивать, а они слушались, опустив глаза.

– Дело за дело, – пожала плечами Мистле, – Хотспорн отдает нам приказы, но и предоставляет информацию, благодаря которой мы выживаем. У свободы и презрения – свои пределы. В конце концов всегда один является орудием другого. Такова жизнь, соколица.

Цири была разочарована и удивлена, но это быстро прошло. Она училась. В частности, тому, чтобы не удивляться сверх меры и не ждать слишком многого, ибо в таких случаях разочарование бывает не столь убийственным.

– У меня, дорогие Крысы, – тем временем продолжал Хотспорн, – есть и ремедиум от всех ваших забот. От нисаров, баронов, префектов, даже от Бонарта. Да, да. Потому что, хоть он и затягивает на ваших шеях аркан, я располагаю методами, которые позволят вам из петли выскользнуть.

Искра прыснула. Рееф захохотал. Но Гиселер остановил их жестом: позволил Хотспорну продолжать.

– В народе идет слух, – сказал, чуть переждав, купец, – что вот-вот будет объявлена амнистия. Если даже кого-то ждет кара за неявку, да что там, даже если кого-то ждет веревка, он будет помилован, если, конечно, явится с повинной. К вам это относится в полной мере.

– Херню порешь! – крикнул Кайлей, пуская слезу из-за слишком большой дозы фисштеха, попавшего в нос. – Нильфгаардские штучки, фортели! Нас, старых воробьев, на такой мякине не проведешь!

– Погодь, Кайлей, – сдержал его Гиселер. – Не горячись. Хотспорн, насколько мы его знаем, не привык трепаться зазря и чепуху молоть. Он привык знать, что и почему болтают. А значит, знает сам и нам скажет, откуда взялась столь неожиданная нильфгаардская милость.

– Император Эмгыр, – спокойно сказал Хотспорн, – женится. Вскоре у нас в Нильфгаарде будет императрица. Потому и собираются объявить амнистию. Император, говорят, безмерно счастлив, ну, вот и другим отщипнуть желает толику этой безмерности.

– В заднице у меня императорская безмерность, – торжественно провозгласила Мистле. – А амнистией я позволю себе не воспользоваться, потому как эта нильфгаардская милость что-то мне свежим запахом щепок отдает. Вроде бы кол заостряют, ха-ха!

– Сомневаюсь, – пожал плечами Хотспорн, – чтобы это был обман. Тут вопрос политики. И большой. Большей, нежели вы, Крысы, или все здешнее разбойство, вместе взятое. В политике тут дело.

– Это в какой же такой политике? – насупился Гиселер. – Я, к примеру, ни черта не понял.

– Марьяж Эмгыра – дело политическое, и при помощи этого марьяжа могут быть решены многие политические проблемы. Император заключает персональную унию, чтобы еще сильнее сплотить империю, положить конец пограничным стычкам и распрям, обеспечить мир. Знаете, на ком он женится? На Цирилле, наследнице престола Цинтры!

– Ложь! – рявкнула Цири. – Треп!

Вранье!

– На основании чего мазель Фалька осмеливается обвинять меня во лжи? – поднял на нее глаза Хотспорн. – А может, упомянутая мазель лучше проинформирована?

– Еще как лучше-то! Наверняка!

– Потише, Фалька, – поморщился Гиселер. – Когда тебя на столе в гузку кололи, так ты тихонько лежала, а теперь хорохоришься. Что еще за Цинтра такая, Хотспорн? Какая еще такая Цирилла? Почему все это навроде бы так уж важно?

– Цинтра, – вмешался Рееф, отсыпая на палец порошок, – это маленькое государствишко на севере, за которое Империя воевала с тамошними хозяевами. Три или четыре года тому прошло.

– Верно, – подтвердил Хотспорн. – Имперские войска захватили Цинтру и даже перешли через Ярру, но потом вынуждены были ретироваться.

– Потому что получили трепку под Содденским Холмом, – буркнула Цири. – Ретировались так, что чуть было портки не растеряли. Драпали, вот что.

– Мазель Фалька, как я вижу, знакома с новейшей историей. Похвально, похвально. В столь юном возрасте. Дозволено мне будет спросить, где мазель Фалька ходила в школу?

– Не дозволено!

– Хватит! – снова напомнил Гиселер. – Давай о Цинтре, Хотспорн, и об амнистии.

– Император Эмгыр, – сказал купец, – решил создать из Цинтры плющевое государство...

– Сплющенное? Это что еще за штука?

– Не сплющенное, а плющевое, несамостоятельное. Как плющ, который не может существовать без могучего ствола, вокруг которого обвивается. А стволом этим, разумеется, будет Нильфгаард. Такие государства уже имеются. Возьмем, к примеру, Метинну, Мехт, Туссент... Там правят местные династии. Как бы правят, разумеется.

– Это называется органическая автономия, – похвалился Рееф. – Я слышал.

– Однако проблема Цинтры оказалась сложнее. Тамошняя королевская линия угасла...

– Угасла?! – Из глаз Цири, казалось, вот-вот сыпанутся зеленые искры. – Хорошо же она угасла! Нильфгаардцы прикончили королеву Калантэ! Пришили самым обычным манером! Это ты называешь «угасла»?

– Признаю, – Хотспорн жестом сдержал Гиселера, собиравшегося снова отчитать Цири за вмешательство, – что мазель Фалька явно поражает нас своими обширными не по возрасту познаниями. Королева Калантэ действительно погибла во время войны. Погибла, как считалось, и ее внучка Цирилла, последнее звено в королевской линии. Получалось, что Эмгыру не из чего было слепить эту, как мудро заметил милсдарь Рееф, органическую автономию, в смысле, конечно, ее ограниченной автономности. Но тут неожиданно, как бы ни с того ни с сего, отыскалась вышеименованная Цирилла.

– Сказочки, понимаешь, какие-то, – фыркнула Искра, опираясь о плечо Гиселера.

– Действительно, – кивнул Хотспорн. – Немного, надобно признать, смахивает на сказку.

Говорят, злая чародейка держала Цириллу где-то взаперти на дальнем севере, в магических узах. Но Цирилле удалось сбежать и попросить убежища в Империи.

– Все это одна огромная, чертовская, неправдивая неправдивость, болтовня и глупость! – разоралась Цири, потянувшись трясущимися руками к шкатулочке с фисштехом.

– Император же Эмгыр, если верить молве, – продолжал не сбитый с толку Хотспорн, – как только ее увидел, влюбился без ума и жаждет взять в жены.

– Соколица права, – твердо сказала Мистле, подтверждая свои слова ударом кулака по столу. – Все это чертовы бредни! Никаким чертовым чертом не могу понять, о чем тут говорят. Одно ясно: строить на этой дури надежду на нильфгаардскую милость было бы еще большей дурью.

– Верно! – поддержал ее Рееф. – Какое нам дело до императорского жениховства? Хоть с кем хошь император окрутится, нас завсегда будет невеста ждать. Из пеньки сплетенная!

– Не в ваших шеях дело, дорогие Крысы, – напомнил Хотспорн. – Это политика. На северных рубежах Империи ширятся восстания, бунты и волнения, особенно в Цинтре и ее округе. А возьми император в жены наследницу Цинтры, так Цинтра успокоится. Если будет торжественно объявлена амнистия, то бунтующие партии спустятся с гор, перестанут рвать Империю и чинить беспорядки. Да и вообще, если цинтрийка взойдет на императорский престол, то бунтовщики вступят в императорскую армию. А вы знаете, что на севере за Яррой продолжают войны, каждый солдат на счету.

– Ага! – выкрикнул Кайлей. – Теперь я понял! Вон она какая амнистия! Дадут тебе на выбор: вот кол острый, вот императорские цвета. Или кол в жопу, или цвета на горбушку. И на войнучку, подыхать за Империю.

– Но «войнучке», – медленно сказал Хотспорн, – действительно бывает по-всякому, как в той песенке. То бишь на войне, как на войне! В конце концов не каждому достанется воевать, дорогие Крысы. Возможно, конечно, после выполнения условий амнистии, то есть явки с повинной, будет введен некий род... альтернативной службы.

– Чего-чего?

– Я знаю, в чем дело. – Зубы Гиселера на мгновение сверкнули на загорелом, синеватом от бритья лице. – Купеческая гильдия, дети мои, пожелает приветить нас. Приютить и обласкать. Как матушка родная.

– Как курвина мать скорей, – буркнула себе под нос Искра.

Хотспорн сделал вид, будто не слышал.

– Ты совершенно прав, Гиселер, – сказал он холодно. – Гильдия может, если захочет, дать вам работу. Официально, в виде альтернативной службы в армии. Дать защиту. Официально и взамен.

Кайлей хотел что-то сказать. Мистле тоже хотела что-то сказать, но быстрый взгляд Гиселера заткнул рты обоим.

– Передай гильдии, Хотспорн, – сказал ледяным тоном атаман Крыс, – что за предложение мы благодарим. Мы подумаем, поразмыслим, обсудим. Посоветуемся, как поступить.

Хотспорн встал.

– Я еду.

– Сейчас, в ночь?

– Переночую в селе. Тут мне как-то не с руки. А завтра напрямик на границу с Метинной, потом главным трактом в Форгехам, где пробуду до Эквинокция, а может быть, и подольше. Потому что там буду ожидать тех, кто уже подумал, размыслил, обсудил, посоветовался и готов явиться, чтобы под моим присмотром ожидать амнистии. Да и вы тоже очень-то не тяните с раздумьями и размышлениями. Добром советую, потому что Бонарт вполне может и решительно готов опередить амнистию.

– Ты все время пугаешь нас Бонартом, – медленно сказал Гиселер, тоже поднимаясь. – Можно подумать, будто эта стервь уже за порогом... А он, верно, еще за горами, за лесами, за синими морями...

– ...в Ревности, – спокойно закончил Хотспорн. – На постоялом дворе «Под головой химеры». Милях в тридцати отсюда. Если б не ваши выкрутасы над Вельдой, вы наверняка наткнулись бы на него уже вчера. Но вас это не волнует, знаю. Ну, бывай, Гиселер. Бывайте, Крысы. Мэтр Альмавера, я еду в Метинну и люблю компанию в пути... Что вы сказали, мэтр? Охотно? Так я и думал. Ну, стало быть, упаковывайте свои причиндалы. Заплатите мэтру, Крысы, за его художества.

Почтовая станция пропахла жареным луком и картофельным супом, который готовила жена хозяина, временно выпущенная из чуланного заточения. Свеча на столе фукала, пульсировала и раскачивала хвостиком пламени. Крысы наклонились над столом так, что огонек грел их почти соприкасающиеся головы.

– Он в Ревности, – тихо говорил Гиселер. – На постоялом дворе «Под головой химеры». Точно день езды отсюда. Что вы об этом думаете?

– То же, что и ты, – проворчал Кайлей. – Едем туда и прикончим сукина сына.

– Отомстим за Вальдеса, – сказал Рееф. – И Мухомора.

– И нечего, – прошипела Искра, – разным там Хотспорнам тыкать нам в глаза чужими делами и прытью. Пришьем Бонарта, этого трупоеда, оборотня. Приколотим его башку над дверьми кабака, чтобы названию соответствовало! И чтоб все знали, что никакой он не волевой, а обычный смертный был, как все другие, и что вообще сам на тех, что посильнее, нарвался. Сразу станет видно, чья ганза покрепче всех будет от Кората до Переплюта!

– На ярмарках станут о нас песни распевать! – запальчиво бросил Кайлей. – Да и по замкам тоже!

– Поехали. – Ассе хлопнул по столу рукой. – Едем и прикончим стервятника.

– А уж потом, – задумался Гиселер, – поразмыслим о хотспорновской амнистии... О гильдии... Ты чего морду кривишь, Кайлей, ровно клопа разгрыз? На пятки нам наступают, а зима приближается. Я так думаю, Крысы: перезимуем, погреем задницы у камина, амнистией от холода прикрывшись, амнистийное теплое пиво потягивая. Перетерпим с этой амнистией нормально и толково... как-нибудь до весны. А весной... Как травка из-под снега выглядывает...

Крысы рассмеялись в один голос, тихо, зловеще. Глаза горели у них, как у настоящих крыс, когда те ночью, в темном закоулке подбираются к раненному, не способному защищаться человеку.

– Выпьем, – сказал Гиселер. – Бонарту на погибель! Похлебаем супчика и спать. Отдохнуть надо, потому как до зари двинем.

– Ясно, – фыркнула Искра. – Берите пример с Мистле и Фальки, те уж час, как в постели.

Жена хозяина почтовой станции задрожала у чугуна, слыша от стола тихий, злой, отвратный хохот.

Цири подняла голову, долго молчала, засмотревшись на едва тлеющее пламечко каганка, в котором уже догорал остаток фитиля.

– Тогда я выскользнула из станции, будто воровка, – продолжила она рассказ. – Под утро, в полной темноте. Но не сумела убежать незаметно. Когда я вставала с постели, проснулась Мистле. Прихватила меня в конюшне, где я седлала коня. Не выдала удивления. И вовсе не пыталась меня удержать... Начинало светать.

– Да и сейчас уже недалеко до рассвета, – зевнул Высогота. – Пора спать, Цири. Завтра продолжишь.

– Может, ты и прав. – Она тоже зевнула, встала, сильно потянулась. – У меня глаза слипаются. Но в таком темпе, отшельник, я никогда не dokonчу. Сколько вечеров прошло? Никак не меньше десяти. Боюсь, на весь рассказ потребуется тысяча и одна ночь.

– У нас есть время, Цири. Много времени.

– От кого ты собралась сбежать, соколица? От меня? Или от себя?

– Конец бегству! Теперь надо догонять. Поэтому нужно вернуться туда... где все началось. Необходимо. Пойми меня, Мистле.

– Так вот почему... почему ты была сегодня так ласкова со мной. Впервые за столько дней... Последний прощальный раз? А потом – забыть?

– Я тебя никогда не забуду, Мистле.

– Забудешь.

– Никогда. Клянусь. И это не был последний раз. Я тебя разыщу. Я приеду за тобой... Приеду в золотой карете с шестеркой лошадей. Со свитой дворян. Вот увидишь. Я очень скоро обрету... возможности. Огромные возможности. Я сделаю так, что твоя судьба изменится... Увидишь. Убедишься, как много я смогу сделать. Как много изменить.

– Для этого необходима гигантская сила, – вздохнула Мистле. – И могучая магия...

– И это тоже возможно. – Цири облизнула губы. – Магия тоже... Могу отыскать... Все, что я когда-то утратила, может ко мне вернуться... Клянусь, ты удивишься, когда мы встретимся снова.

Мистле отвернулась, долго смотрела на розово-голубые облака, которые рассвет уже вырисовал над восточным краем мира.

– Верно, – сказала она тихо. – Я буду очень удивлена, если мы еще когда-нибудь встретимся. Если еще когда-нибудь я увижу тебя, малыш. Ну – поезжай. Не будем тянуть...

– Жди меня. – Цири шмыгнула носом. – И не дай себя убить. Подумай об амнистии, о которой говорил Хотспорн. Даже если Гиселер и другие не захотят... Ты все равно подумай, Мистле. Это, может быть, позволит тебе выжить. Потому что я вернусь за тобой. Клянусь.

– Поцелуй меня.

Светало. Ярчало. Усиливался холод.

– Я люблю тебя, Свиристелька моя.

– Я люблю тебя, Соколушка моя. Ну – поезжай.

– Конечно, она не верила мне. Думала, что я струсилась и погналась за Хотспорном, чтобы искать спасения, умолять об амнистии, которой он так нас соблазнял. Откуда ей было знать, какие чувства овладели мной, когда я слушала трёп Хотспорна о Цинтре, о моей бабушке Калантэ... И о том, что «какая-то Цирилла» станет женой императора Нильфгаарда. Того самого императора, который убил бабушку Калантэ, а за мной послал черного рыцаря с пером на шлеме. Я рассказывала тебе, помнишь? На острове Танедд, когда он протянул ко мне руку, я устроила ему кровопускание. Надо было его тогда убить... Но я почему-то не смогла... Глупая была. Впрочем, кто знает, может, он там, на Танедде, изошел кровью и подох... Что ты так на меня смотришь?

– Рассказывай. Расскажи, как поехала за Хотспорном, чтобы восстановить право на наследство. Отыскать то, что тебе принадлежало по... закону.

– Ты напрасно язвишь, напрасно ехидничаешь. Да, я знаю, это было глупо, теперь-то я вижу, а вот тогда... Я гораздо умнее была в Каэр Морхене и в храме Мелитэле, там я знала, что все ушедшее не может вернуться, что я больше уже не княжна Цинтры, а что-то совершенно другое, что никакого наследства у меня уже нет, все потеряно, тут уж никуда не денешься, надо смириться. Мне объяснили это умно и спокойно, и я это приняла. Тоже спокойно. И вдруг все стало возвращаться. Сначала, когда мне в глаза пытались пустить пыль, проорав титул той касадеевой баронессы... Мне всегда было плевать на такие штуки, а тут я вдруг взбеленилась, задрала нос и еще громче заорала, что-де мой титул повыше ейного и мой род гораздо знатнее. И с той поры это не выходило у меня из головы. Я чувствовала, как во мне нарастает злость. Ты понимаешь, Высогота?

– Понимаю.

– А слова Хотспорна переполнили чашу. Я чуть не лопнула от ярости... Мне раньше столько болтали о Предназначении... А тут, понимаешь, получается, что моим Предназначением воспользуется кто-то другой, да к тому же благодаря мерзостному шарлатанству. Кто-то выдал себя за меня, за Цири из Цинтры, и получит все, будет купаться в роскоши. Нет, я не могла думать ни о чем другом... Я вдруг как-то сразу поняла, что недоедаю, мерзну, засыпая под открытым небом, что вынуждена мыть интимные места в ледяных ручьях... Я! У которой ванна должна быть из золота, вода благоухать нардом и розами, полотенца – теплыми, постель чистой! Ты понимаешь, Высогота?!

– Понимаю.

– Я уже готова была поехать в ближайшую префектуру, в ближайший форт, к тем самым черным нильфгаардцам, которых так боялась и которых так ненавидела... Я была готова сказать: «Это я – Цири, вы, нильфгаардские тупицы, не ее, а меня должен взять в жены ваш глупый император. Вашему императору подсунили какую-то бессовестную авантюристку, а этот ваш кретин не почуял мошенничества». Я была в такой ярости, что так бы и поступила, если б подвернулся случай. Не раздумывая, понимаешь, Высогота?

– Понимаю.

– К счастью, я охолонула.

– К великому твоему счастью, – серьезно кивнул он. – У проблемы императорской женитьбы все признаки государственной аферы, борьбы партий или фракций. Если б ты раскрылась, подпортив планы каким-то влиятельным силам, то не избежала бы кинжала или яда.

– Я тоже это поняла. И забыла. Намертво забыла. Признать, кто я такая, означало смерть. Я могла не раз убедиться в этом. Но не будем забегать вперед.

Они какое-то время молчали, занимаясь шкурками. Несколько дней назад улов оказался довольно богатым, в ловушки и капканы попало множество ондатр и нутрий, две выдры и один бобр. Так что работы хватало.

– И ты догнала Хотспорна? – наконец спросил Высогота.

– Догнала. – Цири отерла лоб рукавом. – Очень даже быстро, потому что он не шибко-то спешил. И совсем не удивился, увидев меня!

– Мазель Фалька! – Хотспорн натянул поводья, танцуя развернул вороную кобылу. – Какая приятная неожиданность! Хотя, признаться, не столь большая. Я ожидал, не скрою, ожидал. Знал, что вы сделаете выбор. Мудрый выбор. Я заметил вспышку интеллекта в ваших прекрасных и полных прелести глазах.

Цири подъехала ближе, так, что они почти соприкоснулись стремянами. Потом протяжно отхаркнулась, наклонилась и сплюнула на песок дороги. Она научилась плевать таким манером, отвратительным, но эффективным, когда надо было остудить пыл предполагаемого обольстителя.

– Понимаю, – слегка улыбнулся Хотспорн, – вы хотите воспользоваться амнистией?

– Ты плохо понимаешь.

– Тогда чему же следует приписать радость, доставляемую мне лицезрением прелестного личика мазели?

– А надо, чтобы было чему? – фыркнула она. – Ты на станции болтал, будто любишь компанию в дороге?

– Неизменно, – шире улыбнулся он. – Но если дело не в амнистии, то не уверен, что нам по пути. Мы находимся, как видите, на пересечении дорог. Четыре стороны света. Выбор... Символика, как в хорошо знакомой легенде. На восток пойдешь, не вернешься. На запад пойдешь, не вернешься... На север... Хм-м-м... К северу от этого столба – амнистия.

– Не морочь мне голову своей амнистией.

– Как прикажете. Тогда куда же, если дозволено будет спросить, дорожка ведет? Которая из дорог символического перекрестка? Мэтр Альмавера, искусник иглы, погнал своих мулов на запад, к городку Фано. Восточный тракт ведет к поселку Ревность, но я определенно не советовал бы выбирать этот путь...

– Река Ярра, – медленно проговорила Цири, – о которой шла речь на станции, – это нильфгаардское название реки Яруги, верно?

– Ты такая ученая, – он наклонился, заглянув ей в глаза и переходя на «ты», – а этого не знаешь?

– Ты не можешь по-человечески ответить, когда тебя по-человечески спрашивают? – не осталась в долгу Цири.

– Я пошутил, зачем же сразу злиться? Да, это та самая река. По-эльфьему и по-нильфгаардски – Ярра, по-нордлингски – Яруга.

– А устье этой реки, – продолжала Цири, – Цинтра?

– Именно Цинтра.

– Отсюда, где мы сейчас стоим, далеко до Цинтры? Сколько миль?

– Немало. И зависит от того, в каких милях считать. Почти у каждой нации свои, ошибиться нетрудно. По методу всех странствующих купцов такие дистанции удобнее считать в днях. Чтобы отсюда доехать до Цинтры, понадобится примерно двадцать пять – тридцать дней.

– Куда? Прямо на север?

– Что-то тебя, мазель Фалька, очень уж интересует Цинтра. К чему бы это?

– Собираюсь взойти на тамошний престол.

– Прелестно, прелестно. – Хотспорн поднял руку, как бы защищаясь от удара. – Тонкий намек понял, больше вопросов не будет. Самый короткий путь в Цинтру, как это ни парадоксально, ведет не прямо на север, потому как там кругом бездорожья и болотистые приозерья. Сначала следует направиться к городу Форгехаму, а потом ехать на северо-запад, до Метинны, столицы аналогично называемой страны. Потом следует ехать через равнину Маг Деиру, торговым трактом до самого города Нойнройт и только уже оттуда направиться на северный тракт, ведущий к долине Марнададь. А долина Марнададь – это уже Цинтра.

– Хм-м-м... – Цири уставилась в зеленый горизонт, в размытую линию темных взгорий. – До Форгехама, а потом на северо-запад... Это значит... куда же?

– Знаешь что, – Хотспорн едва заметно улыбнулся. – Я направляюсь как раз к Форгехаму, а потом до Метинны. Вот этой дорожкой, что между сосенками песочком золотится. Поезжай за мной, не заблудишься. Амнистия амнистией, но мне будет приятно общество прелестной девушки.

Цири смерила его самым пренаихолоднейшим из всех своих холодных взглядов. Хотспорн шельмовски закусил губу.

– Ну так как?

– Едем.

– Браво, мазель Фалька. Мудрое решение. Я же говорил, ты столь же мудра, сколь прелестна.

– Слушай, Хотспорн, кончай меня мазелить. У тебя это звучит как-то обидно, а я не позволяю обижать себя безнаказанно.

– Как прикажете, мазель...

Многообещающий прекрасный рассвет не оправдал возлагавшихся на него надежд. Наступивший день был серым и промозглым. Влажный туман приглушал цвета осенней листвы склонившихся над дорогой деревьев, отливающих тысячами оттенков охры, пурпура и золота.

Во влажном воздухе стоял аромат коры и грибов.

Они ехали медленно по ковру опавших листьев, но Хотспорн часто подгонял вороную кобылу, время от времени заставляя ее идти галопом либо рысью. В такие моменты Цири восхищенно глядела на них.

– Ее как-нибудь зовут?

– Нет, – сверкнул зубами Хотспорн. – Я отношусь к верховым лошадям чисто потребительски, стараюсь не привыкать к ним. Давать коням имена, если не содержишь конного завода или табуна, я считаю претенциозным. Согласна со мной? Конь Воронок, собачка Дружок, киска – Мурка. Претенциозно!

Цири не нравились его поглядывания и многозначительные улыбки и уж тем более насмешливый тон вопросов и ответов. Поэтому она пошла по самому простому пути – молчала, говорила кратко, не провоцировала. Если, конечно, удавалось. Правда, удавалось не всегда. Особенно когда он заговаривал об амнистии. Когда же в очередной раз – и довольно резко – она выразила недовольство, Хотспорн на удивление «сменил фронт» – принялся доказывать, что в ее случае амнистия излишня, более того – ее вообще не касается. Амнистируют преступников, а не их жертвы.

– Сам ты жертва, Хотспорн! – зашлась смехом Цири.

– Я сказал совершенно серьезно, – заверил он. – Не для того, чтобы вызвать у тебя птичье щебетание, а чтобы посоветовать, как спасти шкуру в случае, если тебя поймают. Конечно, на барона Касадея это не подействует, да и на Варнхагенов тоже вряд ли, от них снисхождения не жди, эти в самом лучшем случае просто линчуют тебя на месте. Быстро, и если прытко пойдет, то безболезненно. Но вот если ты попадешь в руки префекту и предстанешь перед судом, суровым, но справедливым лицом имперского закона... О, вот на этот случай я порекомендовал бы тебе такую линию защиты: заливайся слезами и настаивай на том, что ты невинная жертва стечения обстоятельств.

– И кто в это поверит?

– Каждый. – Хотспорн наклонился в седле, заглянул ей в глаза. – Потому что ведь такова истинная правда. Ты – невинная жертва, Фалька. Тебе еще нет шестнадцати, по законам Империи ты – несовершеннолетняя. В Крысиной банде оказалась случайно. Не твоя вина, что ты пришлась по вкусу одной из бандиток, Мистле, противоестественная сексуальная ориентация которой ни для кого не секрет. Ты подпала под влияние Мистле, тебя использовали и принудили к...

– Ну, вот и выяснилось, – прервала Цири, сама удивляясь своему спокойствию. – Наконец-то выяснилось, что тебе надобно, Хотспорн. Видывала я уже таких типов, как ты.

– Серьезно?

– Как у всякого петушка, гребешок у тебя вскочил при одной мысли обо мне и Мистле, – продолжала она спокойно. – Как у каждого глупого самца, в твоей дурной башке шевельнулась мыслишка попробовать вылечить заблудшую овцу от противной натуры болезни, обратить на путь истинный. А знаешь, что во всем этом самое отвратное и противное натуры? Именно такие мыслишки!

Хотспорн посматривал на нее молча, храня довольно загадочную усмешку на тонких губах.

– Мои мысли, дражайшая Фалька, – сказал он, немного помолчав, – может, и необычны, может, и не совсем хороши, и уж, что там говорить, совершенно очевидно далеки от невинности... Но, о Господи, они соответствуют натуры. Моей натуры. Ты оскорбляешь меня, полагая, будто моя тяга к тебе зиждется на некоем... извращенном любопытстве. Ха, ты оскорбляешь самое себя, не замечая или же не желая замечать, что твоя пленительная красота и редкостная прелесть в состоянии заставить броситься на колени любого мужчину. Что очарование твоего взгляда...

– Слушай, Хотспорн, – прервала она, – уж не вознамерился ли ты переспать со мной?

– Какой интеллект! – развел он руками. – У меня прямо-таки слов не хватает.

– Ну, так я тебе помогу их подыскать. – Она слегка подогнала коня, чтобы взглянуть на купца сбоку. – Потому что у меня-то слов достаточно. Я чувствую себя польщенной. В любом другом случае – кто знает? Если б это был кто-нибудь другой, о! Но ты, Хотспорн, ты вообще мне не нравишься. Ничего, ну совсем, понимаешь ли, ничто меня в тебе не привлекает. И даже, я бы сказала, наоборот – все меня от тебя отталкивает. Ты должен понять, что в такой ситуации половой акт был бы актом, противным натуре.

Хотспорн рассмеялся, тоже подогнав коня. Вороная кобыла заплясала на просеке, красиво поднимая изящную голову. Цири завертелась в седле, борясь со странным чувством, которое вдруг ожило в ней, ожило где-то глубоко, в самом низу живота, но быстро и отчаянно рвалось наружу, на раздражаемую одеждой кожу. «Я сказала ему правду, – подумала она. – Он мне не нравится, черт побери, а нравится мне его лошадь, его вороная кобыла. Не он, а лошадь... Что за кретинизм! Нет, нет и нет! Даже если б и не Мистле, было б смешно и глупо поддаться ему только потому, что меня возбуждает вид пляшущей на просеке вороной кобылы».

Хотспорн позволил ей подъехать, глядя ей в глаза и странно улыбаясь. Потом снова дернул поводья, заставил кобылу перебирать ногами, вертеться и делать балетные па вбок. «Знает, – подумала Цири, – знает, пройда, что я чувствую. Чертовщина! Да я просто-напросто любопытная!»

– Сосновые иголки, – мягко бросил Хотспорн, подъезжая очень близко и протягивая руку, – запутались у тебя в волосах. Я выну, если позволишь. Добавлю, что жест исключительно результат моей галантности, а не извращенного желания.

Прикосновение – ее это совсем не удивило – было ей приятно. Она еще далеко не решила, но на всякий случай подсчитала дни от последней менструации. Этому ее научила Йеннифэр – считать заранее, а не на горячую голову, потому что потом, когда становится жарко, возникает странное нежелание заниматься расчетами и думать о возможных последствиях.

Хотспорн глядел ей в глаза и улыбался, будто точно знал, что подсчет вышел в его пользу. «Будь он еще не такой старый, – вздохнула украдкой Цири. – Но ведь ему, пожалуй, под тридцать».

– Турмалин. – Пальцы Хотспорна нежно коснулись ее уха и серьги. – Красивые, но всего лишь турмалины. С удовольствием подарил бы тебе и вдел изумруды. Они много зеленее, а значит, больше соответствуют твоей красоте и цвету глаз.

– Знай, – процедила она, нагло глядя на него, – что, если твоя возьмет, я потребую изумруды вперед. Потому как ты ведь не только лошадей трактуешь потребительски, Хотспорн. Утром, после упоительной ночи, ты решишь, что вспоминать мое имя – дело слишком претенциозное. Собачка Дружок, киска Мурка и девочка Марыська!

– Ну, гордыня! – неестественно рассмеялся он. – Ты можешь заморозить самое горячее желание, Снежная Королева.

– Я прошла хорошую школу.

Туман немного рассеялся, но по-прежнему было грустно и тоскливо. И сонно. Сонливость была грубо прервана криками и топотом. Из-за дубов, мимо которых они в этот момент проезжали, вырвались конники.

Цири и Хотспорн действовали так быстро и так слаженно, словно тренировались не одну неделю. Развернули лошадей, пошли с места в карьер, прижимаясь к гривам, подгоняя лошадей криком и ударами пяток. Над их головами зафурчали перья стрел, поднялся крик,

звон, топот.

– В лес! – крикнул Хотспорн. – Сворачивай в лес! В чащобу!

Они помчались, не снижая скорости. Цири еще крепче прижалась к конской шее, чтобы хлещущие по плечам ветки не скинули ее с седла. Она увидела, как арбалетный болт отстрелил щепу от ствола ольхи. Криком подогнала лошадь, в любой момент ожидая удара стрелы в спину. Ехавший первым Хотспорн вдруг странно охнул.

Они перескочили через глубокую рытвину, сломя голову съехали по обрыву в тернистую чащу. И тут вдруг Хотспорн сполз с седла и рухнул в клюкву. Вороная кобыла заржала, взвизгнула, мотнула хвостом и помчалась дальше. Цири, не раздумывая, соскочила, хлопнула свою лошадь по крупу. Та последовала за вороной, Цири помогла Хотспорну подняться, и оба нырнули в кустарник, в ольховник, перевернулись, скатились по склону и свалились в высокие папоротники на дне яра. Мох смягчил падение.

Сверху по обрыву били копыта погони – к счастью, идущей по высокому лесу за убегающими лошадьми. Их исчезновение в папоротниках, казалось, не заметили.

– Кто такие? – прошипела Цири, выкарабкиваясь из-под Хотспорна и вытряхивая из волос помятые сыроежки. – Люди префекта? Варнхагены?

– Обычные бандиты... – Хотспорн выплюнул листок. – Грабители...

– Предложи им амнистию, – скрипнула песком на зубах Цири. – Пообещай им...

– Помолчи. Еще услышат, чего доброго.

– Эге-гей! Ого-го! Зде-е-еся! – долетало сверху. – Слева заходи! Сле-е-ева!

– Хотспорн?

– Что?

– У тебя кровь на спине.

– Знаю, – ответил он холодно, вытягивая из-за пазухи сверток полотна и поворачиваясь к ней боком. – Затолкай мне под рубашку. На высоте левой лопатки...

– Куда ты получил? Не вижу стрелы...

– Это был арбалет... Железный болт... скорее всего обрубленный подковный гвоздь. Оставь, не трогай. Это рядом с позвоночником...

– Дьявольщина! Что же делать?

– Вести себя тихо. Они возвращаются.

Застучали копыта, кто-то пронзительно свистнул. Кто-то верещал, призывал, приказывал кому-то возвращаться. Цири прислушалась.

– Уезжают, – проворчала она. – Отказались от погони. И коней не поймали.

– Это хорошо.

– Мы их тоже не поймаем. Идти сможешь?

– Не придется, – усмехнулся он, показывая ей застегнутый на запястье довольно пошло

выглядевший браслет. – Я купил эту безделушку вместе с лошадью. Она магическая. Кобыла носила ее со стригункового возраста. Если потереть, вот таким макаром, – все равно что ее позвать. Она словно слышит мой голос. Прибежит. Не сразу, но прибежит наверняка. А если немного повезет, то и твоя пегашка прибежит вместе с ней.

– А если немного не повезет? Уедешь один?

– Фалька, – сказал он посерьезнев. – Я не уеду один, я рассчитываю на твою помощь. Меня придется поддерживать в седле. Пальцы ног у меня уже немеют. Я могу потерять сознание. Послушай: овраг приведет тебя к пойме ручья. Поедешь вверх по течению, на север. Отвезешь меня в местность под названием Тегамо. Там найдешь человека, который сумеет вытащить железку из спины, не убив при этом и не парализовав.

– Это близко?

– Нет. Ревность ближе. Котловина милях в двадцати в противоположной стороне, вниз по течению. Но туда не надо ехать ни в коем случае.

– Почему?

– Ни в коем случае, – повторил он, поморщившись. – Тут дело не во мне, а в тебе. Ревность – для тебя смерть.

– Не понимаю.

– И не надо. Просто поверь мне.

– Гиселеру ты сказал...

– Забудь о Гиселере. Если хочешь жить, забудь о них о всех.

– Почему?

– Останься со мной. Я сдержу обещание, Снежная Королева. Украшу тебя изумрудами... Осыплю ими...

– Да уж, ничего не скажешь, самое время шутковать.

– Шутить никогда не поздно.

Хотспорн вдруг обнял ее, прижал плечом и принялся расстегивать блузку. Бесцеремонно, но не спеша Цири оттолкнула его руку.

– Действительно! Нашел же время!

– Для этого любое время хорошо. Особенно для меня, сейчас. Я тебе сказал, это позвоночник. Завтра могут возникнуть трудности... Что ты делаешь? Ах, холера тебя...

На этот раз она оттолкнула его сильнее. Слишком сильно. Хотспорн побледнел, закусил губу, застонал.

– Прости. Но если человек ранен, ему положено лежать спокойно.

– Близость твоего тела заставляет меня забыть о боли.

– Перестань, черт тебя побери!

– Фалька... Будь снисходительной к страдающему человеку.

– Будешь страдающим, если руки не уберешь! Ну, быстро!

– Тише... Бандиты могут нас услышать... Твоя кожа как атлас... Не крутись, черт побери!

«А, хрен с ним, – подумала Цири, – будь что будет. В конце концов, что за важность? А интересно. Я имею право быть любопытной. Какие уж тут чувства? Взгляну на это мероприятие потребительски, вот и все. И беспретенциозно забуду».

Она подчинилась прикосновениям и удовольствию, которое они принесли. Отвернула голову, но сочла это излишне скромным и обманчиво ханжеским – не хотела, чтобы он решил, будто соблазнил невинность. Взглянула ему прямо в глаза, но ей это показалось слишком смелым и вызывающим – такой она тоже не хотела казаться. Поэтому просто прикрыла глаза, обняла его за шею и помогла разделаться с пуговичками, потому что у него дело шло туго и он только напрасно терял время.

К прикосновениям пальцев добавилось прикосновение губ. Она уже была близка к тому, чтобы забыть обо всем на свете, когда Хотспорн вдруг замер. Несколько секунд она терпеливо выжидала, помня, что он ранен и рана должна ему мешать. Но все слишком уж затягивалось. Его слюна застывала у нее на сосках.

– Эй, Хотспорн! Уснул, что ли?

Что-то потекло ей на грудь и бок. Она прикоснулась пальцами. Кровь.

– Хотспорн! – Она толкнула его с себя. – Хотспорн, ты умер?

«Глупый вопрос, – подумала она. – Я же вижу. Я же вижу, что он мертв».

– Он умер, положив голову мне на грудь. – Цири отвернулась. Угольки в камине полыхнули красным, порозовили ее покалеченную щеку. Возможно, был там и румянец. Впрочем, в этом Высогота уверен не был.

– Единственное, что я тогда чувствовала, – добавила она, по-прежнему отвернувшись, – это разочарование. Тебя это шокирует?

– Нет. Как раз это-то – нет.

– Понимаю. Я стараюсь не разукрашивать рассказ, ничего не исправлять. Ничего не утаивать. Хотя порой такое желание возникает, особенно касательно утайки. – Она шмыгнула носом, покрутила согнутым пальцем в уголке глаза. – Я привалила его ветками и камнями. Стемнело, мне пришлось там заночевать. Бандиты все еще крутились окрест, я слышала их крики и была почти уверена, что это не простые бандюги. Я только не знала, на кого они охотились: на меня или на него. Однако вынуждена была сидеть тихо. Всю ночь. До рассвета. Около трупa. Бррр.

– На рассвете, – немного помолчав, продолжала она, – от погони не осталось ни слуху ни духу, и можно было отправляться. Лошадь у меня уже была. Волшебный браслет, который я сняла с руки Хотспорна, и впрямь действовал. Вороная вернулась. Теперь она была моей. Это был мой приз. Есть такой обычай на Островах Скеллиге, знаешь? От первого любовника девушке полагается дорогой подарок. Ну, какая разница, что мой-то умер, так и не успев стать первым?

Кобыла топнула передними копытами о землю, заржала, стала боком, словно повелев любоваться собой. Цири не могла сдержать вздоха восхищения при виде ее небольшой изящной головы с выпуклым лбом, сидящей на гибкой шее морского льва с прекрасно вырисовывающимися мускулами, высокой холки, всего тела, изумляющего своей пропорциональностью.

Она осторожно подошла, показывая кобыле браслет на запястье. Кобыла протяжно фыркнула, прижала подвижные уши, но позволила схватить себя за трензеля и погладить по бархатистому носу.

– Кэльпи, – сказала Цири. – Ты черная и гибкая, как морская кэльпи. Ты изумительна и волшебна, как кэльпи. Вот и будет тебе имя – Кэльпи. И мне все равно – претенциозно это или нет.

Кобыла зафыркала, поставила уши торчком, тряхнула шелковистым хвостом, достигающим до самых бабок. Цири, обожающая высокую посадку, подтянула стремянные ремни, протерла нетипичное плоское седло без арчака и передней луки. Подогнала сапог к стремени и ухватила лошадь за гриву.

– Спокойно, Кэльпи.

Седло вопреки ожиданию было вполне удобным. И по понятным причинам гораздо более легким, чем обычное кавалерийское с высокими луками.

– Ну а теперь, – сказала Цири, похлопывая лошадь по горячей шее, – посмотрим, такая ли ты резвая, как красивая. Настоящий ли ты скакун, или всего лишь парадная лошадка. Что скажешь относительно двадцати миль галопа, Кэльпи?

Если б глубокой ночью кто-нибудь исхитрился тихарем подобраться к затерявшейся среди топей хате с провалившейся и обросшей мхом стрехой, если б заглянул сквозь щели в ставнях, то увидел бы седобородого старика, слушающего повествование девушки с зелеными глазами и пепельными волосами.

Он увидел бы, как догорающие поленья в камине оживают и светлеют, словно в предчувствии того, что услышат.

Но это было невозможно. Никто не мог этого увидеть. Хата старого Высоготы была хорошо укрыта среди камышей на болоте. На вечно затянутом туманами безлюдье, на которое никто не отваживался заходить.

– Пойма ручья была ровной, пригодной для езды, поэтому Кэльпи летела словно вихрь. Конечно, ехала я не вверх по течению, а вниз. Я помнила это довольно странное название: «Ревность». Вспомнила, что Хотспорн говорил на станции Гиселеру. Поняла, почему он предостерегал меня. В Ревности была ловушка. Когда Гиселер отмахнулся от предложения, касающегося амнистии и работы на гильдию, Хотспорн сознательно напомнил о расположившемся в поселке охотнике за наградами. Он знал, на какую приманку Крысы клюнут, знал, что поедут туда и попадут в капкан. Мне необходимо было добраться до Ревности раньше них, перерезать им дорогу, предупредить. Завернуть. Всех. Или хотя бы только Мистле.

– Насколько я понял, – проворчал Высогота, – из этого ничего не получилось.

– Тогда, – сказала она глухо, – я считала, что в Ревности ожидает вооруженный до зубов многочисленный отряд. Я и подумать не могла, что засада – всего лишь один человек.

Она умолкла, глядя в темноту.

– И понятия не имела, что это за человек. Какой это человек.

Бирка когда-то была селом богатым, красивым и живописно расположенным – ее желтые крыши и красные черепицы плотно заполняли котловину с крутыми лесистыми склонами, меняющими цвет в зависимости от времени года. Особенно осенью Бирка радовала взгляд и впечатлительное сердце.

Так было до тех пор, пока поселок не сменил названия. А получилось это так: молодой кмет, эльф из ближнего эльфьего поселения, был насмерть влюблен в мельникову дочку из Бирки. Кокетка-дочка высмеяла притязания эльфа и продолжала «общаться» с соседями, знакомыми и даже родственниками. Те стали подтрунивать над эльфом и его слепой как у крота любовью. Эльф – что довольно нетипично для эльфов – воспыал гневом и жаждой мести, причем воспыал чрезмерно. Однажды ветреной ночью он подкинул огонь и спалил всю Бирку.

Потерявшие практически все погорельцы пали духом. Одни пошли по миру, другие перестали работать и запили. Деньги, которые собирали на восстановление, постоянно растрачивались и пропивались, и теперь богатое некогда поселение являло собой образец нищеты и отчаяния, стало сборищем уродливых и кое-как сляпанных халуп под голым и начерно обгоревшим склоном котловин. До пожара у Бирки была овальной формы центральная рыночная площадь, теперь же из немногочисленных более или менее прилично восстановленных домов, амбаров и винокурен выстроилось что-то вроде длинной улочки, которую замыкал фасад поставленного совместными усилиями постоянного двора и трактира «Под головой химеры», который содержала вдова Гулё.

И уже семь лет никто не пользовался названием «Бирка». Говорили «Пылкая Ревность», для сокращения – просто «Ревность».

По улице Ревности ехали Крысы. Стояло холодное, облачное, хмурое утро. Люди скрывались в домах, прятались в сараях и мазанках. У кого были ставни – тот с треском захлопывал их, у кого были двери – тот запирали их и подпирали изнутри колом. У кого еще оставалась водка, тот пил для куражу. Крысы ехали шагом, демонстративно медленно, стремя в стремя. На их лицах лежало безграничное презрение, но прищуренные глаза внимательно рассматривали окна, навесы и углы строений.

– Один болт из арбалета, – громко предостерег на всякий случай Гиселер. – Один щелчок тетивы – и начнем резать!

– И еще раз пустим здесь красного петуха! – добавила звучным сопрано Искра. – Оставим чистую землю и грязную воду!

У некоторых жителей наверняка были самострелы, но не нашлось такого, кто захотел бы проверить, не болтают ли Крысы на ветер.

Крысы слезли с лошадей. Отделяющую их от трактира «Под головой химеры» четверть стае прошли пеше, бок о бок, ритмично позванивая и бренча шпорами, украшениями и бижутерией.

Со ступеней трактира, увидев их, смылись трое ревнюков, гасивших вчерашнее похмелье пивом.

– Хорошо, если б он был еще здесь, – буркнул Кайлей. – Шляпанули мы. Нечего было тянуть, надо было гнать сюда хотя бы ночью...

– Балда, – ощерилась Искра. – Если мы хотим, чтобы барды о нас песни слагали, то нельзя было делать этого ночью, впотьмах. Люди должны видеть! Лучше всего – утром, пока еще все трезвые, верно, Гиселер?

Гиселер не ответил. Он поднял камень и с размаху засадил им в дверь трактира.

– Вылезай, Бонарт!

– Выползай, Бонарт! – хором подхватили Крысы. – Выползай, Бонарт!

Внутри послышались шаги. Медленные и тяжелые. Мистле почувствовала пробежавшую по спине дрожь.

В дверях появился Бонарт.

Крысы невольно отступили на шаг, каблуки высоких сапог уперлись в землю, руки ухватились за рукояти мечей. Охотник за наградами держал свой меч под мышкой в ножнах. Таким образом, у него были свободные руки – в одной очищенное от скорлупы яйцо, в другой – кусок хлеба.

Он медленно подошел к поручням, взглянул на Крыс сверху, свысока. Он стоял на крыльце, да и сам был велик. Огромен, хоть и тощ, как гуль.

Он глядел на них, водил водянистыми глазами от одного к другому. Потом откусил сначала кусочек яйца, потом кусочек хлеба.

– А где Фалька? – спросил невнятно. Крошки желтка ссыпались у него с усов и губ.

– Гони, Кэльпи! Гони, красавица! Гони что есть мочи!

Вороня кобыла громко заржала, вытянула шею в сумасшедшем галопе. Щебенка градом летела из-под копыт, хотя казалось, что копыта едва касаются земли.

Бонарт лениво потянулся, скрипнул кожаной курткой, медленно натянул и старательно расправил лосевые перчатки.

– Как же так? – скривился он. – Убить меня хотите? И за что же?

– А за Мухомора, чтоб далеко не ходить, – ответил Кайлей.

– И веселья ради, – добавила Искра.

– И для собственного спокойствия, – подкинул Рееф.

– А-а-а, – медленно протянул Бонарт. – Вон оно, значит, в чем дело-то! А ежели я пообещаю оставить вас в покое, отстанете?

– Не-а, пес паршивый, не отстанем, – обольстительно улыбнулась Мистле. – Мы тебя знаем. Знаем, что ты не отлипнешь, будешь тащиться следом и ждать okazji тыркнуть кого-нибудь из нас в спину. Выходи!

– Помаленьку! Помаленьку! – Бонарт усмехнулся, зловеще растягивая губы под седыми усами. – Поплясать мы всегда успеем. Чего понапрасну возбуждаться-то? Для начала послушайте мое предложение, Крыси. Предлагаю выбор, а уж вы поступите по своему разумению.

– Ты чего бормочешь, старый гриб? – крикнул Кайлей, горбатясь. – Говори ясней.

Бонарт покачал головой и почесал ягодицу.

– Награда за вас назначена, Крыси. Немалая. А жить-то надо.

Искра фыркнула на манер лесного кота, по-кошачьи раскрывая глаза. Бонарт скрестил руки на груди, переложив меч на сгиб локтя.

– Немалая, говорю, награда за мертвых. За живых чуток поболее. Поэтому мне, честно говоря, все едино. Лично против вас я ничего не имею. Еще вчера думал, что прикончу вас просто так, интереса и веселья ради. Но вы пришли сами, сэкономили мне время и силы и тем прямо

за самое сердце меня взяли. Поэтому позволю вам выбирать. Как хотите, чтобы я вас взял: по-доброму или по-злому?

На скулах Кайлея заходили желваки. Мистле наклонилась, приготовилась к прыжку. Гиселер схватил ее за плечо.

– Он хочет нас раззадорить, – прошипел он. – Пусть болтает, каналья!

Бонарт прыснул.

– Ну? – повторил он. – Так как: по-доброму или по-злому? Я, к примеру, советую первое. Потому как, понимаете, по-доброму га-а-а-раздо меньше больно.

Крысы как по команде выхватили оружие. Гиселер махнул клинком крест-накрест и замер в позиции фехтовальщика. Мистле сочно сплюнула.

– А ну, иди сюда, костяное чучело, – сказала она внешне спокойно. – Иди, подлюга. Прикончим, как старого, седого, завшивевшего пса.

– Стало быть, предпочитаете по-плохому. – Бонарт, глядя куда-то поверх крыш домов, медленно вытянул меч, отбросив в сторону ножны. Не спеша спустился с приступочек, позвякивая шпорами.

Крысы быстро расположились поперек улочки. Кайлей отошел дальше всех влево, почти к стене винокурни. Рядом с ним встала Искра, кривя тонкие губы в присущей ей страшной ухмылке. Мистле, Ассе и Рееф отошли вправо, Гиселер остался посередине, поглядывая на охотника за наградами из-под прищуря.

– Ну, лады, Крыси. – Бонарт осмотрелся по сторонам, глянул в небо, потом поднял меч и поплевал на острие. – Коль пошла такая пляска... А ну, музыка! Играй!

Они бросились друг на друга, словно волки, мгновенно, тихо, без предупреждения. Запели в воздухе клинки, заполняя улочку стоном стали. Вначале были слышны только удары клинков, вздохи, стоны и ускоренное дыхание.

А потом неожиданно и вдруг Крысы начали кричать. И умирать.

Рееф вылетел из клубка первым, треснулся спиной о стену, брызжа кровью на грязно-белую известку. За ним нетвердым шагом выкатился Ассе, согнулся и упал на бок, попеременно сгибая и разгибая колени.

Бонарт вертелся и прыгал как волчок, окруженный мерцанием и свистом клинка. Крысы пятились от него, подсакивали, делая выпады и отпрыгивая, яростно, заядло, безжалостно и... безрезультатно. Бонарт парировал, рубил, нападал, непрерывно атаковал, не давал передышки, навязывал темп. А Крысы отступали. И умирали.

Искра, получив в шею, упала в грязь, свернувшись клубком, как кошка, кровь из артерии брызнула на лодыжки и колени переступавшего через нее Бонарта. Охотник широким взмахом отразил выпад Мистле и Гиселера, развернулся и молниеносным ударом разделал Кайлея от ключицы до бедра, ударив его самым концом меча. Кайлей выпустил меч, но не упал, только согнулся и обеими руками схватился за грудь и живот, а из-под ладоней хлестала кровь. Бонарт снова увернулся от удара Гиселера, парировал нападение Мистле и рубанул Кайлея еще раз. Размозжил ему висок. Светловолосый Крыс упал в лужу собственной крови, смешанной с грязью.

Мистле и Гиселер замерли на мгновение, но вместо того чтобы бежать, заорали в один голос, дико и бешено. И кинулись на Бонарта.

Кинулись и нашли свою смерть. * * *

Цири влетела в поселок и помчалась галопом по улочке. Из-под копыт вороной кобылы полетели брызги грязи.

Бонарт пнул каблуком Гиселера, лежавшего у стены. Главарь Крыс не подавал признаков жизни. Из разрубленного черепа уже перестала вытекать кровь.

Мистле, стоя на коленях, искала меч, шаря обеими руками по грязи и не видя, что ползает в быстро растущей луже крови. Бонарт медленно подошел к ней.

– Не-е-е-е-е!!!

Охотник поднял голову.

Цири с ходу соскочила с лошади, завертелась, упала на одно колено.

Бонарт усмехнулся.

– Крысиха, – сказал он. – Седьмая Крысиха. Хорошо, что ты здесь. Тебя-то мне и не доставало для комплекта.

Мистле нащупала меч, но не в состоянии была его поднять. Она захрипела и, кинувшись под ноги Бонарта, дрожащими пальцами вцепилась в голенища его сапог. Раскрыла рот, чтобы крикнуть, но вместо крика из ее глотки вырвалась блестящая карминовая струя. Бонарт сильно ударил ее, свалив в навоз. Однако Мистле, обеими руками держась за распоротый живот, сумела все-таки подняться снова.

– Неееее! – крикнула Цири. – Мистлеее!!!

Охотник за наградами не обратил внимания на ее крик, даже головы не повернул, а завертел мечом и ударил размашисто, как косой, жутким ударом, который подхватил Мистле с земли и бросил на стену, словно мягкую тряпичную куклу, будто замаранный красным лоскут.

Крик увяз в горле Цири. Руки тряслись, когда она хваталась за меч.

– Убийца, – прошипела она сквозь стиснутые зубы, поражаясь, как чуждо прозвучал собственный голос. Чужие губы вдруг стали чудовищно сухими. – Убийца! Мразь!

Бонарт, слегка наклонив голову, с интересом рассматривал ее.

– Будем помирать?

Цири шла к нему, обходя его полукругом. Меч в поднятых и выпрямленных руках двигался, обманывал, вводил в заблуждение.

Охотник за наградами громко рассмеялся.

– Умирать! – повторил он. – Крысиха решила умереть.

Он поворачивался медленно, не сходя с места, не давая поймать себя в обманную ловушку полукруга. Но Цири было все равно. Она кипела от ярости и ненависти, дрожала от жажды убийства, стремилась достать этого страшного старика, почувствовать, как клинок врезается в его плоть. Хотела увидеть его кровь, хлещущую из рассеченных вен в ритме последних ударов сердца.

– Ну, Крысиха. – Бонарт поднял испачканный меч и плюнул на острие. – Прежде чем подохнешь, покажи, на что ты способна. Давай, музыка, играй!

– Ей-богу, не знаю, как получилось, что они не прикончили друг дружку в первом же бою, – рассказывал спустя шесть дней Никляр, сын гробовщика. – Видать, здорово хотели позабывать. Да и оно видно было. Она его, он ее. Налетели дружка на дружку, столкнулись мгновенно, и пошел сплошной звон от мечей-то. Может, двумя, может, тремя ударами обменялись. Некому было считать-то ни глазом, ни ухом. Так шибко бились, уважаемый, что глаз человеческий аль ухо не ловили того. А плясали и скакали дооколо себя словно твои две ласки!

Стефан Скеллен по прозвищу Филин слушал внимательно, поигрывая нагайкой.

– Отскочили дружка от дружки, – тянул парень, – а ни на ей, ни на ём – ни царапинки. Крысиха-то была, видать, злющая как сам черт, а уж шипела не хуже котища, когда у его хочут мышь отобрать. А милсдарь господин Бонарт был совсем спокойным.

– Фалька, – сказал Бонарт, усмехаясь и показывая зубы, как настоящий гуль. – Ты и верно умеешь плясать и мечом вертеть! Ты меня заинтересовала, девушка. Кто ты такая? Скажи, прежде чем умрешь.

Цири тяжело дышала. Чувствовала, как ее начинает охватывать ужас. Поняла, с кем имеет дело.

– Скажи, кто ты такая, и я подарю тебе жизнь.

Она крепче стиснула рукоять. Необходимо было пройти сквозь его выпады, парирования, рубануть его прежде, чем он успеет заслониться. Нельзя было допустить, чтобы он отбивал ее удары, нельзя было и дальше принимать на свой меч его меч, испытывать боль и надвигающийся паралич, который пронизывал ее насквозь и заставлял костенеть при его выпадах локоть и предплечье. Нельзя было растрачивать энергию на пустые уверты от его ударов, проходящих мимо не больше чем на толщину волоса. «Я заставлю его промахнуться, – подумала она. – Сейчас. В этой стычке. Или умру».

– Ты умрешь, Крысиха, – сказал он, идя на нее с выставленным далеко вперед мечом. – Не боишься? Все потому, что не знаешь, как выглядит смерть.

«Каэр Морхен, – подумала она, отскакивая. – Ламперт. Гребень. Сальто».

Она сделала три шага и пируэт, а когда он напал, отмахнувшись от финта, она крутанула сальто назад, упала в полуприсест и тут же рванулась на него, поднырнув под его клинок и выворачивая сустав для удара, для страшного удара, усиленного мощным разворотом бедер. И тут ее неожиданно охватила эйфория, она уже почти чувствовала, как острие вгрызается ему в тело.

Но вместо этого был лишь жесткий, стонущий удар металла о металл. И неожиданная вспышка в глазах. Удар и боль. Она почувствовала, что падает, почувствовала, что упала. «Он парировал и отвел удар, – подумала она. – Я умираю».

Бонарт пнул ее в живот. Вторым пинком, точно и болезненно нацеленным в локоть, выбил у нее из рук меч. Цири схватилась за голову, она чувствовала тупую боль, но под пальцами не было раны и крови. «Он ударил кулаком, – зло подумала она. – Я просто получила кулаком. Или головкой меча. Он не убил меня. Отлупцевал как соплячку».

Она открыла глаза.

Охотник стоял над ней, страшный, худой как скелет, возвышающийся как большое безлистное дерево. От него разило потом и кровью.

Он схватил ее за волосы на затылке, поднял, заставил встать, но тут же рванул, выбивая

землю из-под ног, и потащил, орущую как осужденная на вечные муки, к лежащей у стены Мистле.

– Не боишься смерти, да? – буркнул он, прижимая ее голову к земле. – Так погляди, Крысиха. Вот она – смерть. Вот так умирают. Погляди, это кишки. Это кровь. А это – говно! Вот что у человека внутри.

Цири напряглась, согнулась, вцепившись в его руку, зашла в сухом позыве. Мистле еще жила, но глаза уже затянул туман, они уже стекленели, стали рыбьими. Ее рука, будто ястребиный коготь, сжималась и разжималась, зарывшись в грязь и навоз. Цири почувствовала резкую, пронизывающую вонь мочи. Бонарт залился хохотом.

– Вот так умирают, Крысиха. В собственном дерьме и кишках!

Он отпустил ее. Она упала на четвереньки, сотрясаемая сухими, отрывистыми рыданиями. Мистле была рядом. Рука Мистле, узкая, нежная, мягкая, умная рука Мистле...

Она уже не шевелилась.

– Он не убил меня. Привязал к коновязи за обе руки.

Высота сидел неподвижно. Он сидел так уже долго. Даже сдерживал дыхание. Цири продолжала рассказ, ее голос становился все глуше, все неестественнее и все неприятнее.

– Он приказал сбежавшимся принести ему мешок соли и бочонок уксуса. И пилу. Я не знала... Не могла понять, что он надумал... Тогда еще не знала, на что он способен. Я была привязана... к коновязи... Он крикнул каких-то челядников, приказал им держать меня за волосы... и не давать закрыть глаза. Показал им, как... Так, чтобы я не могла ни отвернуться, ни зажмуриться... Чтобы видела все, что он делает. «Надобно позаботиться, чтобы товар не протух, – сказал он. – Чтобы не разложился!..»

Голос Цири надломился, сухо увяз в горле. Высота, неожиданно поняв, что сейчас услышит, почувствовал, как слюна заполняет ему рот.

– Он отрезал им головы, – глухо сказала Цири. – Пилой. Гиселеру, Кайлею, Ассе, Реефу, Искре... И Мистле. Отпиливал им головы... Поочередно. У меня на глазах.

Если б в ту ночь кто-нибудь сумел подкрасться к затерянной среди трясин хате с провалившейся и обросшей мхом стрехой, если б заглянул сквозь щели в ставнях, то увидел бы в скупой освещенной комнатке седобородого старика в кожухе и пепельноволосую девушку с лицом, изуродованным шрамом во всю щеку. Увидел бы, как девушка содрогается от плача, как всхлипывает, как бьется в руках старика, а тот пытается ее успокоить, неловко и машинально глядя и похлопывая по содрогающимся в спазмах плечам.

Но это было невозможно. Никто не мог этого увидеть. Хата была хорошо спрятана среди камышей на болоте. На вечно покрытом туманами безлюдье, на которое никто не отваживался заглядывать.

Глава третья

Часто мне задавали вопрос, как получилось, что я решил записывать свои воспоминания. Многих, казалось, интересовал тот момент, когда начали возникать мои мемуары, какой именно факт, событие или же явление сопутствовали началу записей либо дали толчок к ним.

Сначала я давал разные пояснения и частенько лгал, однако же теперь предпочитаю писать правду, поскольку сегодня, когда волосы мои поседели и заметно поредели, я знаю, что правда есть ценное зерно, ложь же – ни на что не годные плевелы.

А правда такова: событием, которое дало всему начало и которому я обязан первой записью, из коих впоследствии начал формироваться труд моей жизни, было то, что я совершенно случайно нашел клочок бумаги и обломок свинцового карандаша среди вещей, которые я и мои друзья позаимствовали из лирийских военных лагерей. Случилось это... ЛютикПолвека поэзии

...Случилось это спустя пять дней после сентябрьского новолуния, точно на тридцатый день нашего похода, считая с момента, когда мы покинули Брокилон, и на шестой день после Битвы на Мосту.

Сейчас, любезные мои будущие читатели, я немного отступлю во времени и опишу события, кои имели место непосредственно после достославной и чреватой последствиями Битвы на Мосту. Однако вначале я ознакомлю с событиями то, уверен, неисчислимо множество читателей, кои о Битве на Мосту ничего не знают, то ли в силу иных интересов, то ли по причине общей невежественности. Разъясняю: оная Битва имела место быть в последний день августа Года Великой Войны в Ангрене, на мосту, стягивающем два берега реки Яруги в районе поселения, именуемого Красная Биндюга. Сторонами вышеупомянутого вооруженного конфликта были: армия Нильфгаарда с одной стороны и лирийский корпус под командованием королевы Мэвы с другой и мы, то есть мужественная команда –

я, нижеподписавшийся, а также ведьмак Геральт, вампир Эмиель Регис Рогеллек Терзиефф-Годфрой, лучница Мильва и Кагыр Маур Дыффин аэп Кеаллах, нильфгаардец, не перестающий с упорством, достойным лучшего применения, утверждать, будто он и не нильфгаардец вовсе.

Тебе, читатель, также может быть непонятно, откуда в Ангрене взялась королева Мэва, о которой в то время шел слух, будто она со своей армией погибла во время нильфгаардской июльской инкурсии на Лирию, Ривию и Аэдирн, приведшей к полному захвату этих стран и их оккупации имперскими войсками. Однако же Мэва не погибла, как предполагали, в бою и не попала в нильфгаардский плен. Собрав под свои знамена крупный отряд конников из уцелевшего лирийского войска, а также наемников и обычных бандитов, доблестная Мэва развернула партизанскую войну против нильфгаардцев. А для такой войны дикий Ангрен был идеальным местом –

можно было и из засады ударить, и затаиться где-нибудь в лесах и перелесках, потому как в Ангрене с лесами все в порядке. Правду сказать, кроме лесов-то, в той краине ничего и нету. Что следует отметить особо.

Отряд Мэвы, к тому времени именуемый не иначе как Армией Белой Королевы, быстро набирал силы и такой лихости, что ухитрился бесстрашно переправиться на левый берег Яруги, дабы там, на глубоких тылах противника, скакать и носиться вдоволь.

И теперь мы возвращаемся к нашим баранам, в смысле к Битве на Мосту. Тактическая ситуация складывалась нижеследующим образом: партизаны королевы Мэвы, пошумев на левом берегу Яруги, захотели перебраться на правый берег, но налетели на нильфгаардцев, разбойничавших на правом берегу той же Яруги, которую, кстати, именовали, смешно подумать, Яррой. На вышепоименованных наравались мы с центральной позиции, то есть с самой середины реки Яруги, с обеих сторон –

и левой, и правой –

какими-то неизвестными нам в то время вооруженными людьми окруженные. Не имея по сему случаю возможности куда-либо ретироваться, мы проявили невиданный героизм и покрыли себя неувядаемой славой. Битву, кстати сказать, выиграли лирийцы, поскольку им так удавалась их стратегическая задумка, то бишь бегство на правый берег. Нильфгаардцы сбежали в неизвестном направлении и тем самым бой проиграли. Я, конечно, понимаю, что все это звучит несколько конфузно и по-любительски, и не упущу возможности перед опубликованием записок проконсультировать текст с каким-либо военным теоретиком. Сейчас же я опираюсь на авторитет Кагыра аэп Кеаллаха, единственного солдата в нашей команде. Кагыр же утверждает, что одержание победы методом своевременной ретирады с поля боя допускает большинство милитарных доктрин.

Участие нашей команды в битве, бесспорно, достойное всяческой похвалы, однако имело и негативные последствия. С Мильвой, которая была в интересном положении, произошел несчастный случай. У нее случился выкидыш. Остальным повезло, ибо никто не получил серьезных повреждений. Но никто же ни почестей не дождался, ни даже благодарности, за исключением ведьмака Геральта, поскольку ведьмак Геральт, вопреки неоднократным — и явно ошибочным —

заявлениям о своей индифферентности и не менее же неоднократно декларируемой нейтральности, в Битве продемонстрировал прыть столь же великую, сколь и чрезмерно эффектную, иными словами, бился воистину показательно, если не сказать —

театрально. Его заметили, и Мэва, королева Лирии, собственной десницей свершила над ним акколаду, посвятив его в рыцари. От этой почести, как вскоре оказалось, было больше неприятности, нежели авантажа.

Ибо следует тебе знать, любезный читатель, что ведьмак Геральт всегда был личностью скромной, рассудительной и выдержанной, поведения прямого и неусложненного наподобие ратовища алебарды или вил. Однако неожиданное вознесение и кажущаяся милость королевы Мэвы заметно его изменили, и не зная я его лучше, то сказал бы, что он возгордился и, вместо того чтобы побыстрее и понезаметнее сойти со сцены, болтался в королевской свите, ликовал, купался в лучах славы и королевской милости.

А нам слава и популярность нужны были менее всего. Тем, кто подзабыл, напоминаю, что тот же самый ведьмак Геральт из Ривии, волею королевы Мэвы ставший ныне рыцарем Геральтом Ривским, преследовался органами безопасности всех Четырех Королевств, что было связано с бунтом магиков на острове Танедд. Меня, человека невинного и чистого как слеза ребенка, пытались обвинить в шпионаже. Сюда же следует отнести Мильву, сотрудничавшую с дриадами и скоя'таэлями и причастную, как оказалось, к известной резне на границах леса Брокилон. Не остался в стороне и Кагыр аэп Кеаллах, нильфгаардец, подданный, как ни говори, враждебного государства, присутствие которого на несвойственной ему стороне фронта объяснить и оправдать было бы непросто. В общем, все складывалось так, что единственным членом нашей команды, биографию которого не подмочили ни политические, ни криминальные деяния, был вампир. Таким образом, раскрытие и выявление кого-либо из нас грозило всем остальным, мягко выражаясь, насаждением на острые осиновые колья. Каждый день, проведенный —

вначале, впрочем, с приятностью, сыто и безопасно —

под сенью лирийских штандартов, повышал риск материализации вышесказанного.

Геральт, которому я на это категорично указал, слегка посмурнел, но не замедлил высказать свои соображения, коих оказалось два. Во-первых, Мильве после случившегося с ней все еще требовались присмотр и опека, а при армии имелись фельдшеры. Во-вторых, армия королевы Мэвы направлялась на восток, в сторону Казд Дху, а наша компания, прежде чем

сменить направление и влипнуть в вышеописанную историческую битву, тоже двигалась в Каэд Дху –

у проживающих там друидов мы надеялись получить сведения, которые могли бы помочь найти Цири. С прямого пути к друидам нас вынудили свернуть буйствовавшие в Ангрене разъезды и никому не подчиняющиеся банды. Теперь, под защитой дружественной лирийской армии, при милости и доброжелательности королевы Мэвы, дорога на Каэд Дху была нам открыта, более того, казалась простой и безопасной.

Я упреждал ведьмака, что это всего лишь видимость, что королевская милость может обернуться своей тыльной стороной. Ведьмак слушать не пожелал. А кто оказался прав, скоро стало ясно всем. Как только разошлась весть, что с востока, от перевала Клатат, идет на Ангрен мощная нильфгаардская карательная экспедиция, войско Лирии не мешкая завернуло на север, к горам Махакам. Геральту, как нетрудно догадаться, такой финт вовсе не улыбался –

он спешил к друидам, а не в Махакам! Наивный, словно ребенок, он помчался к королеве Мэве, намереваясь получить увольнение из армии и королевское благословение его личных интересов. И в тот же момент окончились королевская любовь и благожелательность, а уважение и восхищение героем Битвы за Мост развеялись как дым. Рыцарю Геральту Ривскому холодно и твердо напомнили об его рыцарских обязанностях перед королевой. Все еще слабую Мильву, вампира Региса и нижеподписавшегося велено было незамедлительно включить в колонну тащившихся за армией беженцев и штатских. Кагыр азп Кеаллах, рослый юноша, который ну никак уж на штатского не смахивал, был препоясан бело-голубым шарфом и включен в так называемую вольную команду, то есть подразделение кавалерии, составленное из хулиганов и бродяг, подбираемых на дорогах лирийским корпусом. Таким образом, нас разделили, и походило на то, что наша экспедиция захла –

прошу простить за вульгаризм –

окончательно и бесповоротно.

Однако, как ты догадываешься, дорогой читатель, это вовсе не был конец, более того, это не было даже начало! Мильва, узнавшая о развитии событий, тот же час назвалась здоровой и дееспособной и первой призвала к бегству. Кагыр сунул в кусты шарф с королевскими цветами и сбежал из вольной команды на волю, а Геральт выскользнул из роскошных шатров первосортного рыцарства.

Не стану разбрасываться по мелочам, а врожденная скромность не позволяет мне чрезмерно выпячивать свои собственные –

немалые –

заслуги в описываемом мероприятии. Отмечу лишь факт: в ночь с пятого на шестое сентября наша команда втихую покинула корпус королевы Мэвы. Прежде чем распрощаться с лирийским войском, мы не преминули обильно экипироваться, не спрашивая, разумеется, на то согласия квартирмейстерской службы. Слово «грабеж», кое употребила Мильва, я воспринимаю как чересчур крепкое. Ведь в принципе нам полагалось какое-никакое вознаграждение за участие в достопамятной Битве за Мост. А если не вознаграждение, то хотя бы компенсация и возмещение понесенных убытков! Умалчивая о трагическом происшествии с Мильвой, синяках и ранах Геральта и Кагыра, нельзя не сказать, что в бою нам прикончили или покалечили всех лошадей, кроме моего верного Пегаса и норовистой кобылы ведьмака Плотвы. Поэтому в порядке рекомпенсации мы прихватили трех полнокровных кавалерийских верховых коней и одну запасную лошадку. Взяли также лишь столько снаряжения, сколько сумели ухватить –

справедливости ради скажу, что половину взятого нам впоследствии пришлось выкинуть за ненадобностью. Как выразилась Мильва, «так всегда бывает, когда хапаешь втемную». Наиболее полезная часть краденого пришлась на вампира Региса, который в темноте видит лучше, чем днем. Дополнительно Регис снизил боеспособность лирийской армии, прихватив мышинного цвета упитанного мула, которого вывел из огады так ловко, что ни одно животное даже не фыркнуло и не топнуло. Байки о животных, чувствующих вампиров и реагирующих на их запах паническим страхом, явно следует отнести к области народного творчества, разве что речь идет о некоторых животных и некоторых вампирах. Добавлю, что тот мышастый мул держится при нас до сих пор. После того как мы потеряли запасную лошадку, которая где-то заплутала позже в лесах Заречья, перепуганная волками, мул несет наш багаж, вернее, то, что от него осталось. Зовут мула Драакуль, имечко это дал ему Регис сразу после изъятия, да так оно и осталось. Региса явно забавляет это имя, несомненно, имеющее какое-то шутливое звучание в культуре и речи вампиров, нам же он этого разъяснить не пожелал, утверждая, что «сие есть непереводаемая игра слов».

Таким-то вот образом компания наша снова вышла на тракт, а уже и без того достаточно длинный перечень лиц, которые нас не любили, стал еще длиннее. Геральт Ривский, рыцарь без страха и упрека, покинул ряды рыцарства еще до того, как посвящение было подтверждено патентом, а придворный герольд придумал ему герб. Кагыр же аэп Кеаллах в долголетнем конфликте Нильфгаарда с нордлингами ухитрился уже драться в рядах обеих армий и из обеих дезертировать, заочно заработав и там, и тут смертный приговор. Да и остальные были в отнюдь не лучшей ситуации —

в конце концов, веревка есть веревка простое, и не столь уж велика разница, за что тебя вздернут: за ущерб, нанесенный рыцарской чести, дезертирство или поименование армейского мула Драакулем.

Пусть же тебя не удивляет, любезный читатель, что мы предпринимали воистину титанические усилия, дабы максимально увеличить разрыв между нами и корпусом королевы Мэвы. Что было сил в конях, гнали на юг, к Яруге, намереваясь переправиться на левый берег. И вовсе не только для того, чтобы отгородиться рекой от королевы и ее партизан, а потому, что безлюдья Заречья были не столь опасны, как охваченный войной Ангрэн, —

к друидам в Казд Дху гораздо разумнее было двигаться левым, а не правым берегом. Парадоксально, поскольку левый берег Яруги —

это уже территория вражеской Нильфгаардской империи. «Породил» эту левобережную концепцию ведьмак Геральт, у которого после выхода из братства посвященных в рыцари самоуверенных нахалов в значительной степени восстановились разум, способность логически мыслить и свойственная ему предусмотрительность. Будущее показало, что план ведьмака был чреват последствиями и повлиял на результат всей экспедиции. Но об этом позже.

У Яруги, когда мы туда добрались, полно было нильфгаардцев, переправлявшихся по отстроенному мосту в Красной Биндуге, чтобы продолжать наступление на Ангрэн, а скорее всего и дальше, на Темерию, Махакам, и одному богу известно, куда еще нацелился нильфгаардский генеральный штаб. Нечего было и думать форсировать реку с ходу, следовало затаиться и ждать, пока не перейдут войска. Битых двое суток мы просидели в приречных лозах, подпитывая ревматизм и откармливая москитов. Ко всему прочему погода вскоре испортилась, моросило, сквозило и от холода зуб на зуб попадал только по чистой случайности. Такого холодного сентября я не припомню в числе многочисленных оставшихся в моей памяти сентябрей. Именно тогда-то, любезный читатель, обнаружив среди позаимствованных из лирийских обозов вещей клочок бумаги и обломок карандаша, я и начал, чтобы убить время и забыть о невзгодах, вспоминать и увековечивать некоторые из наших приключений.

Докучливая слякоть и вынужденное бездействие вконец испортили нам настроение и вызвали разные черные мысли. Особенно у ведьмака. Геральт уже давно подсчитывал дни, отделяющие его от Цири, а каждый день, проведенный не в пути, отдалял его –

как он думал –

от девушки все дальше. Теперь, в мокром лозняке, на холоде, под дождем, ведьмак с каждой минутой становился все угрюмее и злее. Было заметно, что он сильно хромает, а когда ему казалось, что никто его не видит и не слышит, он ругался и шипел от боли. Надобно тебе знать, милый читатель, что Геральту поломали кости во время мятежа чародеев на острове Танедд. Фрактуры срастались и вылечились магическими стараниями дриад из леса Брокилон, но докучать, видимо, не перестали. Поэтому ведьмак испытывал и телесные, и душевные страдания, и злым из-за этого был как хрен с уксусом. Не подступись.

И вновь его начали преследовать сны. Девятого сентября утром, когда он спал после ночного бдения, он поразил всех, с криком сорвавшись с лежанки и схватившись за меч. Это походило на амок, но, к счастью, прошло моментально.

Он отошел в сторону, вскоре вернулся с угрюмой миной и сообщил ни много ни мало, что немедленно распускает дружину и дальше отправится один, поскольку там где-то творятся чудовищные вещи, что время торопит, что становится опасно, а он ни в какую не хочет подвергать опасности никого и ни за кого не желает нести ответственности. Он болтал и резонерствовал так нудно и так неубедительно, что никому не хотелось с ним спорить. Даже обычно терпеливый вампир отошел в сторонку, пожав плечами, Мильва сплунула, Кагыр сухо напомнил, что отвечает за себя сам, а что до риска, так не для того он носит меч, чтобы тот оттягивал ему пояс. Однако потом все разом замолкли и многозначительно уставились на нижеподписавшегося, несомненно, полагая, что я воспользуюсь оказией и вернусь домой. Вероятно, нет нужды добавлять, что разочарование их трудно поддается описанию.

Однако обстоятельства заставили нас прервать «передышку» и подтолкнули к смелому действию –

форсировать Яругу. Признаюсь, такое мероприятие меня беспокоило, поскольку план предполагал ночную переправу вплавь, осуществляемую, цитирую Мильву и Кагыра, «на конских хвостах». Даже если это была метафора –

подозреваю, что отнюдь нет, –

я как-то не представлял себе во время такой переправы ни себя, ни моего рысака Пегаса, на хвосте которого зиждились все мои надежды на удачный исход операции. Плавание, говоря осторожно, не было и не стало моей сильной стороной. Плавание же «на конском хвосте» –

и подавно. Если б Мать Природа хотела, чтобы я плавал, то в ходе акта творения и процесса эволюции она не упустила бы случая снабдить меня хотя бы перепонками между пальцами. Не говоря уж о Пегасе.

Мои тревобления оказались напрасными –

по крайней мере касательно плавания на конском хвосте. Мы переправились совсем другим образом. Кто знает, не еще ли более безумным и, сказать по правде, совсем уж нахальным –

по восстановленному мосту в Красной Биндюге, под самым носом у нильфгаардских постов и патрулей. Предприятие, как выяснилось, только на первый взгляд казалось диким лихачеством и смертельным риском, в действительности же прошло как по маслу. После того как проследовали линейные подразделения, по мосту туда и обратно принялись сновать обоз

за обозом, экипаж за экипажем, стадо за стадом, толпы самого различного, в том числе и гражданского сброда, среди которого наша компания не выделялась совершенно ничем и никому в глаза не бросалась. Таким образом, десятого дня сентября месяца все мы перебрались на левый берег Яруги, только один раз окликнутые стражей, которой Кагыр, грозно насупившись, гневно буркнул что-то об императорской службе, подтвердив сказанное классической армейской и всегда эффективной «куррва ваша мать». Прежде чем кто-либо успел нами заинтересоваться еще, мы уже были на левом берегу реки, в глубине зареченских лесов, потому что здесь был только один тракт, и тот –

на юг, а нам не подходили ни направление, ни обилие путающихся там нильфгаардцев.

На первой же ночевке в лесах Заречья меня тоже посетил дивный сон –

однако в отличие от Геральта мне приснилась не Цири, а чародейка Йеннифэр. Как обычно вся в черном и белом, она витала в воздухе над угрюмым горным замком, а снизу другие чародейки грозили ей кулаками и всячески поносили. Йеннифэр взмахнула длинными черными рукавами платья и черным альбатросом улетела к бесконечному морю прямо навстречу восходящему солнцу. С этого момента сон обратился в кошмар. После пробуждения детали стерлись, остались нечеткие, мало осмысленные картинки, но были и картины жуткие: истязания, крик, боль, страх, смерть... Одним словом...

Я не стал рассказывать Геральту о своем сне. Слова не молвил. И, как выяснилось позже, правильно поступил.

– Йеннифэр ее звали! Йеннифэр из Венгерберга. И презнамениейшая была чародейка! Чтоб мне рассвета не дожидаться, ежели лжу.

Трисс Меригольд вздрогнула, повернулась, пытаясь пробить взглядом толпу и сизый дым, плотно заполнявший главный зал таверны. Наконец встала из-за стола, с легким сожалением оставив филе из морского языка с анчоусовым маслицем. Местное фирменное блюдо и первейший деликатес. Однако по тавернам и постоялым дворам Бреммервоорда она шаталась не для того, чтобы поглощать деликатесы, а ради сбора информации. Кроме того, ей надо было следить за фигурой.

Круг людей, в который предстояло втиснуться, был уже плотен и густ – в Бреммервоорде люди обожали рассказы и не упускали ни одной возможности послушать новый. А многочисленные моряки никогда не разочаровывали, всегда могли позабавить новым и свежим репертуаром морских басен и баек. Ясное дело, в основном матросским, но ведь это не имело ни малейшего значения. Рассказ есть рассказ. У него свои законы.

Рассказчица, занимавшая публику сейчас и упомянувшая Йеннифэр, была рыбачкой с Островов Скеллиге – полная, ширококостная, коротко стриженная, одетая, как и ее четыре спутницы, в вытертый до блеска камзол из нарвальей кожи.

– Случилось это в девятнадцатый день сентября месяца, наутро после второй ночи полнолуния, – излагала островитянка, отхлебывая пиво из солидных размеров кубка.

Ее рука, как заметила Трисс, была цвета старого кирпича, а обнаженные, узловатые мускулистые предплечья – никак не меньше двадцати дюймов в обхвате. У Трисс было двадцать два в талии.

– Рано-ранешенько, – продолжала рыбачка, водя глазами по лицам слушателей, – вышел наш баркас в море, на зунд промеж Ан Скеллиг и Спикероогой, на устричную отмель, где обнаковенно мы лососевые переметы ставим. Шибко спешили, потому как на шторм нагоняло, небо сильно темнело с заходу. Надо было поживше выбрать лосося с сетей, иначе, сам знаешь, в сетях только морды помятые остаются, пооборванные, и весь улов идет псу

под хвост.

Слушатели, в большинстве своем жители Бреммервоорда и Цидариса, в основном кормящиеся морем и существованием своим морю обязанные, покивали и поворачали с пониманием. Трисс лососей доводилось видеть обычно в виде розовых пластинок, но и она тоже покивала и поворачала с пониманием, поскольку не хотела выделяться. Она была здесь инкогнито, с секретной миссией.

– Приплыли мы... – продолжала рыбачка, покончив с кубком и дав знать, что кто-то из слушателей должен бы уже поставить другой. – Приплыли мы, значицца, выбираем сети, а тут вдруг Гудрун, Стурлихина дочка, как взвизгнет во весь голос. И пальцем в правый борт тычет! Глядим, а там летит чегой-то по воздуху, да не птица! У меня сердце аж захолонуло, потому как я сразу подумала, выворетень то аль гриф малый. Пролетают такие порой над Спикероогой, правда, в основном-то зимой, особенно при западном ветре. Но это черное чудо тем часом хлюсть в воду! И по волне – шмыг! Прямо в наши сети. Запуталось в сетях-то и барахтается в воде, будто тюлень какой. Тогда мы кучей, сколь нас было, а было нас баб восемь штук, за сеть и давай тягать энтю на палубу! И только тута рты разинули! Потому как девка это оказалась! В платье черном и сама черна, как твой ворон. Сетью омотана, промежду двумя лососями, из которых в одном, чтоб я так здорова была, сорок два с половиной фунта было, не мене.

Рыбачка из Скеллиге сдула пену с кубка и отхлебнула немало. Никто из слушателей не комментировал и не выражал недоверия, хоть факт поимки лосося такого поразительного веса не помнили даже самые старшие из них.

– Черноволосая в сетях-то, – снова заговорила островитянка, – кашляет, водой морской плюется и дергается, а Гудрун, Стурлихина дочка, нервничает, потому как на сносях она, да в голос как заорет: «Кэльпи, – орет, – кэльпи энтю, хавфруя!» А ведь каждый дурень знает, что не кэльпи это, потому как кэльпи-то давно бы уж сеть продрала, да и воще, неужто такое чудище даст себя на борт вытаранить? И не хавфруя это, потому как рыбьего хвоста у ей нету, а дева морская завсегда при хвосте рыбьем бывает, и воще ж она в море-то с неба свалилася, а видал кто-нибудь кэльпи или хавфрую, чтобы они по небу летали? Но Скади, Унина дочка, так та завсегда сразу же в крик: «Кэльпи!» Паникует. Да как ухватит за гаф! И с гафом-то к сети. А из сетей ка-ак брызнет синим, а Скади-то ка-ак заорет! Гаф влево, сама вправо, да пусть я сдохну, ежели лжу, трижды перевернулась и ка-а-ак долбанется задницей о палубу! Ха, сразу видать стало, что этакая чародейка в сетях похуже, чем, между прочим, медуза, скорпена аль угорь дохлый костяной будет. А к тому ж еще и верещать ведьма почала и курвиться с угрозами всякими! А из сети аж шипит, воняет и пар идет, такое она там, в середке, волшебство нагадила! Ну, видим, не шуточки тут шуткуются.

Островитянка осушила кубок и не мешкая потянулась за следующим.

– Да, не шуточки это, – она громко отрыгнула, утерла нос и рот, – магичку в сети поймать! Чуюм, что от той магии, чтоб я так жила, аж барка начинает сильнее качаться. Делать было нечего! Бритта, Каренина дочка, подцепила сеть багром, а я схватила весло и бац, бац, бац!!!

Пиво брызнуло высоко и потекло по столу, несколько перевернувшихся кружек свалилось на пол. Слушатели вытирали щеки и брови, но не проронили ни слова обиды или замечания. Рассказ – это рассказ. У него свои законы.

– Поняла ведьма, с кем дело имеет. – Рыбачка выпатила обильный бюст и вызывающе осмотрелась. Мол, с бабами со Скеллиге связываться не моги! – Говорит, дескать, поддаюся я вам по доброй воле и обещаю ни заклинаний, ни порчи, ну, не наводить. И имя свое назвала – Йеннифэр из Венгерберга.

Слушатели зашумели. После событий на Танедде прошло едва два месяца, имена

подкупленных Нильфгаардом предателей еще были на слуху. Имя знаменитой Йеннифэр – тоже.

– Отвезли мы ее, – продолжала островитянка, – на Ард Скеллиг в Каэр Трольд к ярлу Краху ан Крайту. Боле я уж ее не видала. Ярл был в отбытии, говорили, как вернулся, вначале принял магичку сурово, однако ж позднее ласково и вежливо. Хм-м-м-м... А я только и ждала, какую мне чародейка сюрпризу пожалует за то, что я ее веслом чуть не прибила. Думала, отлает меня перед ярлом. Ан нет. Слова не молвила, не пожаловалась. Гонористая баба. Держала слово. Позднее, когда она убила, то мне ее даже жаль было...

– Йеннифэр мертва? – крикнула Трисс, от изумления забыв о своем инкогнито и секретной миссии. – Йеннифэр из Венгерберга умерла?

– Ага, умерла. А как же. – Рыбачка допила пиво. – Мертвая она, как эта вот макрелина. Убила себя собственными чарами, магические фокусы проделывая. Совсем недавно это случилось, в последний день сентября, прям пред ночью. Но это уж совсем иная история.

– Лютик! Не спи в седле!

– А я и не сплю. Я творчески мыслю.

Итак, ехали мы, любезный читатель, лесами Заречья, направляясь на восток, к Казд Дху, в поисках друидов, которые могли бы нам пособить отыскать Цири. Как все было, расскажу. Однако вначале, исторической правды ради, сообщу кое-что о нашей команде –

об отдельных ее членах.

Вампиру Регису было больше четырехсот лет. Если не лгал, сие означало, что он был старше любого из нас. Конечно, это мог быть обыкновенный треп, да как проверишь? Однако я предпочитал исходить из того, что наш вампир –

существо правдивое, поскольку заявил он также, что навсегда и бесповоротно отказался высасывать кровь из людей, и благодаря этому заверению мы как-то спокойней засыпали на ночных привалах. Я заметил, что вначале Мильва и Кагыр после пробуждения опасливо и с беспокойством ощупывали свои шеи, но это вскоре кончилось. Вампир Регис был –

вернее сказать, казался –

вампиром стопроцентно честным: коли сказал, что сосать не будет, так и не сосал.

Однако были и у него недостатки, правда, отнюдь не вампирьей натуры. Регис был интеллектуалом и обожал демонстрировать это. Была у него раздражающая привычка высказывать баналы и истины тоном и с миной пророка, на что, однако, мы вскоре перестали реагировать, поскольку высказываемые утверждения оказывались либо действительно истинными, либо звучали как таковые, либо были непроверяемы, что на поверку одно на одно выходило. Зато уж действительно несносной была Регисова манера отвечать на вопросы еще прежде, чем вопрошающий успевал вопрос сформулировать окончательно, а то и до того, как вопрос вообще был задан. Я это внешнее проявление якобы высокого интеллекта всегда считал скорее признаком хамства и невежества, а таковые терпимы разве что в университетской среде да в дворянских кругах, но трудно переносятся в коллективе, с которым день за днем идешь стремя в стремя, а ночью спишь под одной попоной. Однако до серьезных раздоров не дошло, за что благодарить следует Мильву. В отличие от Геральта и Кагыра, которых, видимо, прирожденный оппортунизм принуждал подлаживаться к манерам вампира, а порой и соревноваться с ним, лучница Мильва предпочитала решения простые и «непретенциозные». Когда Регис в третий раз ответил на ее вопрос, не дослушав и до половины, она резко обругала его, воспользовавшись словами и определениями, способными

вогнать в краску даже заслуженного ландскнехта. Как ни странно, это подействовало –

вампира мгновенно освободил от нервничающей манеры. Из чего следует, что в качестве самой эффективной защиты от интеллектуального превосходства следует принять максимально грубое облаивание пытающегося демонстрировать все преимущества интеллектуала.

Мильва, мне кажется, довольно тяжело переживала свое несчастье –

выкидыш. Я пишу «мне кажется», так как понимаю, что, будучи мужчиной, никоим образом не могу себе представить, как воспринимает женщина такой случай и такую потерю. Хотя я и поэт, и человек пишущий, тем не менее мое вышколенное и натренированное воображение оказывается бессильным, и тут уж ничего не поделаешь.

Физическую кондицию лучница восстановила быстро –

хуже было с психической. Случалось, что целый день, от рассвета до заката, она не произносила ни слова. Любила исчезать и держаться в стороне. Это всех нас несколько беспокоило. Но наконец наступил перелом: Мильва отреагировала как дриада либо эльфа –

бурно, импульсивно и не совсем понятно. Однажды утром она на наших глазах вытащила нож и, не произнеся ни слова, отхватила косу у самой шеи. «Не положено, я не девушка, –

сказала она, видя, как у нас отвалились челюсти. –

Но и не вдова, –

добавила она. –

И на том конец траура». С этого момента она постоянно была уже такой, как и раньше, –

ехидной, кусачей, надутой и скорой на непарламентские выражения. Из этого мы сделали вывод, что кризис удачно миновал.

Третьим, не менее странным членом нашей команды был нильфгаардец, не упускавший случая заметить, что он не нильфгаардец. Зовут его, как он утверждал, Кагыр Маур Дыффин аэп Кеаллах...

– Кагыр Маур Дыффин, сын Кеаллаха, – торжественно заявил Лютик, наставив на нильфгаардца свинцовый стерженек. – Со многим из того, что я не люблю и, более того – не переношу, мне пришлось смириться в этой уважаемой компании. Но не со всем! Я не переношу, когда мне заглядывают через плечо в то время, как я пишу! И смириться с этим не намерен!

Нильфгаардец отодвинулся от поэта, после недолгого раздумья схватил свое седло, козух и попону и перетащил все ближе к дремлющей Мильве.

– Прости, – сказал он при этом. – Прошу простить мое нахальство, Лютик. Я заглянул случайно, из обычного любопытства. Думал, ты чертишь карту или производишь какие-то расчеты.

– Я не бухгалтер! – вздыбился поэт в буквальном и переносном смысле. – И не картограф! И даже если бы был таковым, это не оправдывает того, что ты запускаешь журавля в мои записки!

– Я уже извинился, – сухо напомнил Кагыр, устраивая себе лежанку на новом месте. – Со

многим я смирился в этой уважаемой компании и ко многому привык. Но извиняться по-прежнему считаю для себя возможным только один раз.

– А вообще-то, – проговорил ведьмак, совершенно неожиданно для всех и, кажется, для себя тоже, приняв сторону юного нильфгаардца, – ты стал чертовски раздражителен, Лютик. Невозможно не заметить, что это как-то связано с бумагой, которую ты с некоторых пор принялся пачкать на биваках огрызком свинчатки.

– Факт бесспорный, – подтвердил вампир Регис, подбрасывая в огонь березовые ветки. – Последнее время наш менестрель стал раздражительным да к тому же скрытным, таинственным и жаждущим уединения. О нет, в отпавлении естественных потребностей присутствие свидетелей ему отнюдь не мешает, чему, впрочем, в нашей ситуации удивляться не приходится. Стыдливая скрытность и раздражительность, вызываемая посторонними взглядами, связаны у него исключительно с процессом покрывания бумаги бисерным почерком. Неужто мы присутствуем при рождении поэмы? Рапсодии? Эпоса? Романса? Канцоны, наконец?

– Нет, – возразил Геральт, придвигаясь к костру и укутываясь попоной. – Я его знаю. Это не может быть рифмованная речь, ибо он не богохульствует, не бормочет себе под нос и не подсчитывает количество слогов на пальцах. Он пишет в тишине, и, стало быть, это – проза.

– Проза! – Вампир сверкнул острыми клыками, от чего обычно воздерживался. – Уж не роман ли? Либо эссе? Моралите? О громы небесные, Лютик! Не мучай нас. Не злоупотребляй... Раскрой, что пишешь?

– Мемуары.

– Чего-чего?

– Из сих записок, – Лютик продемонстрировал набитую бумагой тубу, – возникнет труд моей жизни. Мемуары, называемые «Пятьдесят лет поэзии».

– Вздорный и нелепый труд, – сухо отметил Кагыр. – У поэзии нет возраста.

– Если все же принять, что есть, – добавил вампир, – то она много древнее.

– Вы не поняли. Название означает, что автор произведения отдал пятьдесят лет, не больше и не меньше, служению Госпоже Поэзии.

– В таком случае это еще больший вздор, – возразил ведьмак. – Ведь тебе, Лютик, нет и сорока. Искусство писать тебе вбили розгами в задницу в храмовой инфиме[23] в восьмилетнем возрасте. Даже если ты писал стихи уже там, то ты служишь своей Госпоже Поэзии не больше тридцати лет. Но я-то прекрасно знаю, ибо ты сам не раз об этом говорил, что всерьез рифмовать и придумывать мелодии начал в девятнадцать лет, вдохновленный любовью к графине де Стэль. И значит, стаж твоего служения упомянутой Госпоже, друг мой Лютик, не дотягивает даже до двадцати лет. Тогда откуда же набралось пятьдесят в названии труда? Может быть, служение графине засчитывается как год за два? Или это метафора?

– Я, – надулся поэт, – охватываю мыслью широкие горизонты. Описываю современность, но заглядываю и в будущее. Произведение, которое я начинаю создавать, я намерен издать лет через двадцать – тридцать, а тогда никто не усомнится в правильности данного мемуарам заглавия.

– Ага, теперь понимаю. Если меня что-то удивляет, так это твоя предусмотрительность. Обычно завтрашний день тебя интересовал мало.

– Завтрашний день меня по-прежнему мало интересует, – высокомерно возвестил поэт. – Я

мыслю о потомках. О вечности!

– С точки зрения потомков, – заметил Регис, – не очень-то этично начинать писать уже сейчас, так сказать, «на вырост». Потомки имеют право, увидев такое название, ожидать произведения, написанного с реальной полувековой перспективы личностью, обладающей реальным полувековым объемом знаний и экспериенции[24].

– Человек, экспериенция коего насчитывает полвека, – резко прервал Лютик, – должен по самой природе вещей быть семидесятилетним дряхлым дедом, с мозгом, разжиженным склерозом. Такому следует посиживать на веранде в валенках и попердывать, а не мемуары писать, потому как люди смеяться будут. Я такой ошибки не совершу, напишу свои воспоминания раньше, пребывая в расцвете творческих сил. Позже, перед тем как издать труд, я лишь введу небольшие косметические поправки.

– В этом есть свои достоинства. – Геральт помассировал и осторожно согнул больное колено. – Особенно для нас. Потому как хоть мы, несомненно, фигурируем в его произведении и хоть он, несомненно же, не оставил на нас сухой нитки, через полвека это уже не будет иметь для нас большого значения.

– Что есть полвека? – усмехнулся вампир. – Мгновение, момент... Да, Лютик, небольшое замечание: «Полвека поэзии» звучит, на мой взгляд, лучше, чем «Пятьдесят лет».

– Не возражаю. – Трубадур наклонился над листком, почиркал по нему свинчаткой. – Благодарю, Регис. Наконец хоть что-то конструктивное. У кого еще есть какие-либо замечания?

– У меня, – неожиданно проговорила Мильва, высовывая голову из-под попоны. – Ну, чего зенки вытарачил? Мол – неграмотная? Да? Но и не дурная. Мы в походе, топаем Цири на выручку, с оружием в руках по вражеской земле идем. Может так стрястись, что в лапы вражьи попадут эти Лютиковы «мимо арии». Мы виршеплета знаем, не секрет, что он трепач, к тому же сплетник знатный. Того и гляди его арии пролетят мимо. Потому пусть глядит, какие арии карябает. Чтобы нас за евонные каракули случаем на суку не подвесили.

– Ты преувеличиваешь, Мильва, – мягко сказал вампир.

– И к тому же сильно, – отметил Лютик.

– Мне тоже так кажется, – незлобливо добавил Кагыр. – Я не знаю, как там у вас, у нордлингов, но в Империи наличие рукописей не считается преступлением, а литературная деятельность не карается.

Геральт скосил на него глаза, с хрустом переломил палочку, которой поигрывал, и сказал вполне дружелюбно, но не без насмешки:

– Все верно, однако на территориях, захваченных этой культурнейшей из наций, библиотеки подлежат сожжению. Впрочем, не будем об этом. Мне, Мария, тоже кажется, что ты преувеличиваешь. Писанина Лютика, как всегда, не имеет никакого значения. Для нашей безопасности тоже.

– Аккурат! – уперлась лучница, усаживаясь поудобнее. – Я свое знаю. Мой отчим, когда королевские коморники делали у нас перепись людей, так ноги взял в руки, завалился в лес и две недели там отсиживался, носу не казал. Нет уж, где пергамент, там яма, любил он говорить, а кого ныне чернилами записывают, того завтра колесом ломать станут. И верно говорил, хоть и паршивец был, хуже не сыскать. Мнится мне, он в пекле поджаривается, курвин сын!

Мильва отбросила попону, подсела к огню, окончательно выбитая из сна. Дело шло, как заметил Геральт, к очередной долгой ночной беседе.

– Не любила ты своего отчима, думается, – заметил Лютик после минутного молчания.

– Ага, не любила. – Мильва громко скрипнула зубами. – Потому как стервец он был. Када мамка не видала, подбирался и лапами лез, рукоблуд паршивый. Слов не понимал, так я однажды, не сдержавшись, граблями его малость оходила, а кады он свалился, так еще шуранула разок-другой ногами по ребрам, да и в промежность. Два дни он опосля лежал и кровью плевался... А я из дому прочь в белый свет дунула, не дожидаясь, пока он вконец оздоровеет. Потом слухи до меня дошли, что помер он, да и матка моя вскорости за ним... Эй, Лютик? Ты это записываешь, что ли? И не моги! Не моги, слышь, что говорю?

Удивительно было, что шла с нами Мильва, странным был факт, что сопровождал нас вампир. Однако же самым поразительным –

и в принципе непонятным –

были мотивы Кагыра, который неожиданно из первейшего врага стал если не другом, то союзником. Парень доказал это в Битве на Мосту, когда не задумываясь встал с мечом в руке рядом с ведьмаком против своих соплеменников. Действием этим он завоевал нашу симпатию и окончательно развеял наши подозрения. Написав «наши», я имею в виду себя, вампира и лучницу, потому что Геральт, хоть и дрался с Кагыром бок о бок, хоть и рядом с ним заглянул смерти в глаза, по-прежнему не доверял нильфгаардцу и симпатией его не одаривал. Правда, свою неприязнь он старался скрывать, но поскольку он был –

я вроде бы уже упоминал об этом –

личностью прямой как ратовище копья, притворяться не умел, и антипатия выпирала из него на каждом шагу словно угорь из дырявой вирши.

Причина была однозначна –

Цири.

По воле судьбы я оказался на острове Танедд во время июльского новолуния, когда случилась кровавая бойня между верными королям чародеями и предателями, направляемыми Нильфгаардом. Предателям помогали «белки», взбунтовавшиеся эльфы и Кагыр, сын Кеаллаха. Кагыр был на Танедде, его послали туда со специальным заданием –

поймать и умыкнуть Цири. Защищаясь, Цири ранила его. У Кагыра на левой руке шрам, при виде которого у меня всегда перехватывает дух. Болеть это должно было зверски, а два пальца у него и теперь не сгибаются.

И после этого именно мы спасли его у Ленточки, когда собственные соплеменники везли его в путах на жестокую казнь. За что, спрашиваю, за какую провинность хотели его прикончить? Неужели только за неудачу на Танедде? Кагыр не из болтливых, но у меня ухо чуткое даже на полуслово. Парню нет еще и тридцати, и, похоже, был он в нильфгаардской армии офицером высокого ранга. Поскольку всеобщим языком он пользуется свободно, а для нильфгаардца это редкость, постольку, думаю я, то есть предполагаю, в каком роде войск Кагыр служил и почему так быстро вырос. И почему поручали ему столь серьезные задания. В том числе и за рубежом.

Потому что ведь именно Кагыр однажды уже пытался увести Цири. Почти четыре года назад, во время резни в Цинтре. Тогда впервые дало о себе знать управляющее судьбами этой девочки Предназначение.

Совершенно случайно я беседовал об этом с Геральтом. Было это на третий день после того, как мы пересекли Яругу, за десять дней до Эквинокция, во время похода через зареченские леса.

Разговор был хоть и очень краткий, но полный неприятных и тревожных нот. А на лице и в глазах ведьмака уже тогда читалась жестокость, которая проявилась позже, в самый Эквинокций, после того как к нам присоединилась светловолосая Ангулема.

Ведьмак не глядел на Лютика. Не глядел вперед. Он глядел на гриву Плотвы.

– Калантэ, – начал он, – перед самой смертью заставила нескольких рыцарей поклясться, что они не позволят Цири попасть в руки нильфгаардцев. Во время панического бегства рыцарей убили, и Цири осталась одна среди трупов и пожаров, в ловушке закоулков горящего города. Она не спаслась бы, это ясно. Но ее отыскал Кагыр. Отыскал и вырвал из пасти огня и смерти. Уберег. Героически. благородно!

Лютик немного сдержал Пегаса. Они ехали последними, Регис, Мильва и Кагыр опередили всех примерно на четверть стае, но поэт не хотел, чтобы хоть словечко из разговора дошло до ушей спутников.

– Проблема в том, – продолжал ведьмак, – что наш Кагыр проявил благородство, выполняя приказ. Он был так же благороден, как баклан: не заглотал рыбу, потому что ему на горло надели колечко. Он должен был принести рыбу в клюве своему хозяину. Это не получилось, вот хозяин и разгневался на баклана! Теперь баклан в немилости! Не потому ли ищет дружбы и общества рыб? Как думаешь, Лютик?

Трубадур наклонился в седле, спасаясь от низко нависшей ветви липы. Листья на ветке совсем пожелтели.

– Тем не менее он спас ей жизнь, ты сам сказал. Благодаря ему Цири вышла из Цинтры целой и невредимой.

– И кричит по ночам, видя его во сне.

– И все же он ее спас! Перестань копаться в воспоминаниях, Геральт. Очень многое изменилось, да и меняется каждый день, воспоминания не принесут ничего, кроме огорчений, которые тебе явно идут не на пользу. Он спас Цири. Факт был, есть и останется фактом.

Геральт наконец оторвал взгляд от гривы, поднял голову. Лютик глянул ему в лицо и быстро отвел глаза.

– Факт останется фактом, – повторил ведьмак злым, металлическим голосом. – О да! Он этот факт вывалил мне в лицо на Танедде, и от злости голос застрял у него в горле, потому что он смотрел на клинок моего меча. Этот факт и этот крик не дали мне убить его. Ну что ж, так было и так уж, видать, останется. А жаль. Потому что следовало уже тогда, на Танедде, начать цепь. Длинную цепь смертей: цепь мести, о которой еще и через столетие ходили бы сказания. Такие, которых боялись бы слушать в потемках. Ты понимаешь это, Лютик?

– Не очень.

– Ну и черт с тобой.

Неприятный это был разговор и неприятная у ведьмака тогда была физиономия. Ох не нравилось мне, когда его охватывало такое настроение и он начинал с такого конца.

Впрочем, должен признать, что образное сравнение с бакланом свою роль сыграло –

я начал беспокоиться. Рыба в клюве, которую несут туда, где ее оглушат, выпотрошат и зажарят! Воистину миленькая аналогия, радостные перспективы...

Однако рассудок возражал против этого. В конце концов, если продолжать придерживаться рыбьих метафор, то кем были мы? Плотвичками, маленькими костлявыми плотвичками. Вряд ли взамен за столь мизерную добычу «баклан» Кагыр мог рассчитывать на императорскую милость. К тому же он явно и сам не был такой уж щукой, какой хотел казаться. Плотвой –

да, как все мы. А кто вообще обращает внимание на плотвичек в те времена, когда война словно железная борона перепахивает землю и человеческие судьбы?

Готов дать голову на отсечение, что в Нильфгаарде о Кагыре вообще не помнят.

Ваттье де Ридо, шеф нильфгаардской армейской разведки, опустив голову, выслушивал императорскую нотацию.

– Итак, – ехидно тянул Эмгыр вар Эмрейс, – организация, которая заглатывает в три раза больше государственных средств, чем образование, культура и искусство вместе взятые, не в состоянии отыскать одного-единственного человека. Человек запросто исчезает, скрывается, хотя я трачу баснословные деньги на учреждение, от которого ничто не должно бы укрыться! Один виновный в предательстве человек смеется в глаза учреждению, которому я дал достаточно привилегий, прав и средств, чтобы оно не давало спать даже невинному. О, можешь мне поверить, Ваттье, когда в следующий раз на Совете станут нудить о необходимости урезать фонды на секретные службы, я охотно их послушаю. Можешь поверить!

– Ваше императорское величество, – откашлялся Ваттье де Ридо, – примет, я не сомневаюсь, соответствующее решение, предварительно взвесив все «за» и «против». Как неудачи, так и успехи имперской разведки. Ваше величество, можете быть уверены, что предатель Кагыр аэп Кеаллах не избежит возмездия. Я предпринял действия...

– Я плачу вам не за предпринимание действий, а за их результаты. А результаты мизерны! Что с делом Вильгефорца? Где, черт побери, Цирилл? Что ты там бормочешь? Громче!

– Я думаю, ваше величество должны взять в жены девицу, которую мы держим в Дарн Роване. Нам необходим этот брак, лояльность суверенного лена Цинтра, успокоение Островов Скеллиге и мятежников из Аттре, Стрепта, Маг Турга и со Стоков. Необходима всеобщая амнистия, мир на тылах и на линиях обеспечения и снабжения... Необходим нейтралитет Эстерада Тиссена из Ковира.

– Я знаю об этом... Но девица, что сидит в Дарн Роване, – не настоящая Цирилл. Я не могу вступить с ней в брак.

– Ваше императорское величество, соблаговолите простить, но разве так уж важно, более ли она настоящая, чем настоящая, или менее? Политическая ситуация требует торжественного бракосочетания. Срочно. Молодая будет в вуали. А когда мы наконец отыщем настоящую Цириллу, мы избранницу попросту... заменим.

– Да ты не спятил ли, Ваттье?

– Ненастоящую нам показали мимолетно. Настоящую в Цинтре никто не видел четыре года, к тому же утверждают, что она больше времени проводила на Скеллиге, чем в самой Цинтре. Гарантирую, что никто не обнаружит подмену...

– Нет!

– Ваше императорское...

– Нет, Ваттье! Найди мне настоящую Цириллу! Оторвите наконец свои зады от кресел, шевелите ягодицами и мозгами. Найдите Кагыра. И Вильгефорца. Прежде всего Вильгефорца. Потому что Цири у него. Я в этом уверен.

– Ваше императорское величество...

– Ну, говори, Ваттье! Я слушаю!

– В свое время я подозревал, что так называемая проблема Вильгефорца – обычная провокация. Что чародей или убит, или находится в неволе, а показушная и громогласная охота служит Дийкстре для того, чтобы очернить нас и оправдать кровавые репрессии.

– Я тоже так полагал.

– И однако... В Редании это не придали публичной гласности, но я знаю от своих агентов, что Дийкстра отыскал одно убежище Вильгефорца, а в нем доказательства тому, что чародей проводил дьявольские эксперименты на людях. Точнее, на человеческих плодах и... беременных женщинах. Поэтому, если Вильгефорц поймал Цири, боюсь, дальнейшие поиски...

– Замолчи, черт побери!

– С другой стороны, – быстро проговорил Ваттье де Ридо, глядя на изменившееся от дикой ярости лицо императора, – все это может оказаться демонстрацией, имеющей целью опорочить чародея. Это похоже на Дийкстру.

– Изволь отыскать Вильгефорца и отобрать у него Цири! Дьявольщина! Работать, а не отвлекаться и плести кружева предположений. Вот что надо делать! Где Филин? По-прежнему в Гесо? Ведь он вроде бы «перевернул там каждый камень и заглянул в каждую щель». «Девушки там нет и не было». «Астролог ошибся или лжет». Все это цитаты из его донесений. Тогда что он там до сих пор делает?

– Коронер Скеллен, осмелюсь заметить, осуществляет не вполне понятные действия... Свое подразделение – то, которое ваше величество приказали ему организовать – он набирает в Мехте, в форте Рокаин, где заложил базу. Этот отряд, позволю себе добавить, весьма подозрительная банда. Странно уже то, что под конец августа господин Скеллен подыскал известного наемного убийцу...

– Что?

– Нашел наемного убийцу, которому приказал уничтожить буйствующую в Гесо разбойничью шайку. Дело само по себе, конечно, похвальное, но разве в этом задача императорского коронера?

– А в тебе, случаем, не говорит ли зависть, Ваттье? И не она ль придает твоим донесениям красочности и пыла?

– Я лишь отмечаю факты, ваше величество.

– Факты. – Император резко поднялся. – Именно факты я хочу видеть. Слышать о них мне уже наскучило. * * *

День был действительно тяжелый. Ваттье де Ридо утомился. Правда, чтобы вконец не захлебнуться в незавершенных документах, у него был запланирован еще часок или два работы с бумагами. Однако при одной только мысли об этом Ваттье начинало подташнивать. «Нет, – подумал он, – никаких самопожертвований, никаких самопринуждений. А пойду я к Кантарелле, сладенькой Кантарелле, с которой так славно отдыхается».

Долго раздумывать он не стал, а поднялся, взял плащ и вышел, полным отвращения жестом остановив секретаря, пытавшегося сунуть ему на подпись сафьяновую папку со срочными документами. Завтра! Завтра тоже будет день!

Он покинул дворец через черный ход, со стороны садов, и пошел по кипарисовой аллейке. Прошел мимо искусственного бассейна, в котором дотягивал свой сто тридцать второй год карп, выпущенный еще императором Торресом, о чем свидетельствовала золотая памятная медаль, прикрепленная к жаберной крышке огромной рыбыны.

– Добрый вечер, виконт.

Ваттье коротким движением предплечья высвободил укрытый в рукаве стилет. Рукоятка сама скользнула в ладонь.

– Ты здорово рискуешь, Риенс, – сказал он холодно. – Очень рискуешь, демонстрируя в Нильфгаарде свою обожженную физиономию. Даже если ты – всего лишь магическая телепроекция.

– Ты заметил? А Вильгефорц гарантировал, что если ты до меня не дотронешься, то не догадаешься, что это иллюзия.

Ваттье спрятал стилет. Он вовсе не догадался, что это была иллюзия, но теперь уже знал.

– Ты слишком труслив, Риенс, – сказал он, – чтобы появиться здесь своей собственной реальной персоной. Ты же знаешь, чем это тебе грозит.

– Император все еще зол на меня? И на моего мэтра Вильгефорца?

– Твоя наглость обезоруживает.

– К черту, Ваттье. Уверяю, мы по-прежнему на вашей стороне, я и Вильгефорц. Признаю, мы обманули вас, подсунув фальшивую Цириллу, но сделали это из лучших побуждений, из самых лучших, пусть меня утопят, если я лгу. Вильгефорц предполагал, что ежели настоящая пропала, так пусть уж лучше будет фальшивая, чем никакой. Мы считали, что вам все равно...

– Твоя наглость перестает разоружать, а начинает оскорблять. Я не намерен тратить время на болтовню с оскорбляющим меня миражем. Когда я наконец поймаю тебя в истинном виде, тогда побеседуем, к тому же долго, клянусь. А пока... Араге[25], Риенс.

– Не узнаю тебя, Ваттье. Раньше, явись к тебе даже сам дьявол, ты б не упустил случая проверить, нельзя ли тут чего-нибудь выгадать.

Ваттье не удостоил иллюзию взгляда, а вместо этого принялся рассматривать замшелого карпа, лениво перемешивающего водоросли в бассейне.

– Выгадать? – повторил он наконец, брезгливо выпячивая губы. – У тебя? Да что ты можешь дать? Настоящую Цириллу? Своего патрона Вильгефорца? Или, может, Кагыра аэп Кеаллаха?

– Стоп! – Иллюзия Риенса подняла иллюзорную руку. – Ты сказал.

– Что я сказал?

– Ты сказал «Кагыр». Мы доставим вам голову Кагыра. Я и мой мэтр Вильгефорц...

– Смилуйся, Риенс, – прыснул Ваттье. – Измени-ка очередность.

– Как хочешь: Вильгефорц при моей помощи выдаст вам голову Кагыра, сына Кеаллаха. Мы знаем, где он находится, можем вытащить его, как рака из-под колоды, в любой момент.

– Эва, какие у вас, оказывается, возможности-то. Ну надо же! Уж такие у вас хорошие агенты в армии королевы Мэвы?

– Испытываешь? – скривился Риенс. – Или и впрямь не знаешь? Скорее всего – второе. Кагыр, дорогой мой виконт, находится... Мы знаем, где он находится, знаем, куда направляется, знаем, в какой компании. Тебе нужна его голова? Ты ее получишь.

– Голову, – ухмыльнулся Ваттье, – которая не может рассказать, что в действительности произошло на Танедде.

– Пожалуй, так оно будет лучше, – цинично проговорил Риенс. – Зачем давать Кагыру возможность говорить? В нашу задачу входит загладить, а не усугубить неприязнь между Вильгефорцем и императором. Мы провернем дельце так, что все будет выглядеть твоей, и исключительно твоей, заслугой. Доставка в течение ближайших трех недель.

Древний карпище в бассейне баламутил воду грудными плавниками. «Бестия, – подумал Ваттье, – должна быть чертовски мудрой. Только на что ему эта мудрость? Все время одна и та же тина, одни и те же кувшинки».

– Твоя цена, Риенс?

– Мелочишка. Где находится и что надумал Стефан Скллен?

– Я сказал ему, что он хотел знать. – Ваттье де Ридо раскинулся на подушках, играя золотым локоном Картии ван Кантен. – Видишь ли, сладенькая моя, к некоторым вопросам следует подходить умно. А умно – значит конформистски. Если поступать иначе, не получишь ничего. Только протухшую воду и вонючий ил в бассейне. И что с того, что бассейн сооружен из мрамора и от него до дворца три шага? Разве я не прав, сладенькая моя?

Картия ван Кантен, ласково именуемая Кантареллой, не ответила. А Ваттье вовсе и не ожидал ответа. В свои восемнадцать лет девушка, мягко выражаясь, на гения не тянула. Ее интересы – во всяком случае, сейчас – ограничивались любовными играми и – во всяком случае, сейчас – с Ваттье. В вопросах секса Кантарелла обладала прирожденным талантом, в котором сошлись пыл и техничность с артистизмом. Однако гораздо важнее было не это. Вовсе не это.

Кантарелла говорила мало и редко, но изумительно и охотно слушала. При Кантарелле можно было выговориться, расслабиться и восстановить психическую кондицию.

– На моей службе человека ждут сплошные нарекания, – с горечью в голосе сказал Ваттье. – Потому что, видишь ли, я не отыскал какую-то там Цириллу! А того, что благодаря моим людям армия одерживает победу за победой, недостаточно? А того, что наш генеральный штаб в курсе малейшего движения врага, этого что, тоже мало? А того, что крепость, которую пришлось бы штурмовать неделями, императорским войскам открыли мои агенты, тоже мало? Так ведь нет, никто за это не похвалит. Важна только какая-то задрипанная Цирилла!

Гневно сопя, Ваттье де Ридо принял из рук Кантареллы фужер, наполненный знаменитым эст-эст из Туссента, вином урожая того года, который помнил еще времена, когда император Эмгыр вар Эмрейс был маленьким, не имевшим прав на престол и чудовищно обиженным пареньком, а Ваттье де Ридо – юным и малозначительным офицером разведки.

Это был прекрасный год. Для вин.

Ваттье потягивал вино, играл изумительными грудками Кантареллы и рассказывал.

Кантарелла изумительно слушала и молчала.

– Стефан Скеллен, сладенькая моя, – мурлыкал шеф имперской разведки, – это комбинатор и заговорщик. Но я буду знать, что он комбинирует, еще до того, как туда доберется Риенс... У меня там уже есть человек. Очень близко к Скеллену... Очень близко.

Кантарелла развязала пояс, перехватывающий халат Ваттье, наклонилась, Ваттье почувствовал ее дыхание и задохнулся в предвкушении блаженства. «Талант, – подумал он. – Гений». А потом мягкое и горячее прикосновение губ изгнало у него из головы всяческие мысли.

Картия ван Кантен медленно, ловко и талантливо доставляла блаженство Ваттье де Ридо, шефу имперской разведки. Однако это был не единственный талант Картии. Но о другом таланте Картии Ваттье де Ридо понятия не имел.

Он не знал, что вопреки видимости Картия ван Кантен обладала идеальной памятью и живым, подвижным как ртуть интеллектом.

Все, о чем повествовал ей Ваттье, каждое сообщение, каждое слово, которое он при ней обронил, Картия назавтра же пересказывала Ассирэ вар Анагид. * * *

Да, даю голову на отсечение, что в Нильфгаарде наверняка уже давным-давно все забыли о Кагыре, не исключая и невесты, ежели у него такая имелась.

Но об этом потом, а теперь отступим назад к дню и месту форсирования нами Яруги. Итак, ехали мы довольно быстро на восток, намереваясь добраться до района Черного Леса, который на Старшей Речи именуется Казд Дху. Потому что именно там проживали друиды, способные выколдовать место пребывания Цири, а может быть, и извлечь указание на это место из странных сновидений, тревоживших Геральта. Ехали мы через леса Верхнего Заречья, которые еще называют Левобережьем, по дикой и практически безлюдной местности, расположенной между Яругой и лежащим у подножия гор Амелл районом, называемым Стоками, с востока ограниченным долиной Доля Ангра, а с запада болотистым приозерьем, название которого как-то выветрилось у меня из памяти.

На территорию эту никто никогда не зарился, а посему никогда и не было толком известно, кому она в натуре принадлежит и кому подчиняется. Кое-что на этот счет могли бы, думается, сказать аборигены Темерии, Соддена, Цинтры и Ривии, рассматривавшие с переменным успехом Левобережье как лен своей короны и временами пытавшиеся с таким же успехом доказать свою правоту огнем и мечом. А потом из-за гор Амелл накатились армии Нильфгаарда, и больше уже никто и ничего сказать не мог, в том числе и относительно лена и собственности на землю. Всё расположенное к югу от Яруги принадлежало Империи. К тому времени, когда я пишу эти слова, Империя захватила уже и многие земли к северу от Яруги. Ввиду отсутствия точной информации я не могу сказать, сколь многие и сколь далеко на север распространяющиеся.

Возвращаюсь к Заречью. Позволь, любезный читатель, слегка отклониться от темы в пользу реминисценций, касающихся исторических процессов: история данной территории сплошь и рядом творилась и формировалась как бы случайно, как побочный продукт конфликтующих внешних сил. Историю любой страны избыточно часто творят пришлые обитатели. Поэтому пришлые-то бывают, как правило, причиной, последствия же их творчества всегда и неизменно обрушиваются на головы аборигенов.

Правило это распространяется на Заречье целиком и полностью.

У Заречья было свое население, коренные заречане, которых постоянные, тянущиеся годами раздоры и войны превратили в голодранцев и принудили к миграции. Деревни и села

погорели, развалины дворов и превратившиеся в пустыри поля поглотила пуща. Торговля захирела, торговые обозы обходили запущенные дороги и тракты стороной. Немногочисленные оставшиеся заречане превратились в одичавших невежд. От росомах и медведей они отличались в основном тем, что носили штаны. По крайней мере некоторые. То есть некоторые носили, а некоторые отличались. Это был в массе своей народ неотзывчивый, простецкий и грубый.

И начисто лишенный чувства юмора.

Темноволосая дочь бортника откинула на спину мешающую ей косу и продолжала яростно и энергично крутить жернова. Все усилия Лютика кончались ничем – казалось, слова поэта вообще не доходят до адресата. Лютик подмигнул остальной компании, прикинулся, будто вздыхает, возвел очи горе, но не отступил.

– Да, – повторил он, скаля зубы. – Давай я покручу, а ты сбегай в подполье за пивом. Должна же где-то тут быть потайная ямка, а в ямке бочонок. Я прав или не прав, красотка?

– Оставьте вы девушку в спокойе, господин хороший, – раздраженно сказала жена бортника, возившаяся у печи высокая худощавая женщина поразительной красоты. – Сказала ж я вам, нету у нас никакого пива.

– Уж дважды шесть раз было сказано, милсдарь, – поддержал жену бортник, прерывая беседу с ведьмаком и вампиром. – Наделаем вам налесников – блинчиков с творогом и медом, тады и поедите. В наперед пусть деваха в спокойствии зерна на муку намелет, потому как без муки и сам чародей блина не испекет! Не трожьте ее, пусть трет в спокойе.

– Ты слышал, Лютик? – крикнул ведьмак. – Отцепись от девушки и займись чем-нибудь полезным. Или «мимо арии» пиши!

– Пить я хочу. Выпил бы чего-нито перед едой. Есть у меня немного трав, сделаю себе навару. Эй, бабка, найдется у тебя в хате кипяток? Кипяток, спрашиваю, найдется?

Сидевшая на припечке мать бортника подняла голову от носка, который штопала.

– Кипяток-то? А найдется, голубок, как не найтись, – забормотала она. – Токмо остылый совсем.

Лютик вздохнул разочарованно и подсел к столу, где компания болтала с повстречавшимся на рассвете в лесу бортником. Бортник был невысок ростом, крепкий, черный и дьявольски заросший, поэтому неудивительно, что, неожиданно появившись из зарослей, он нагнал на всех страха – его приняли за ликантропа. Самое смешное, что первым, кто воскликнул «Оборотень, оборотень!», был вампир Регис. Возникло некоторое замешательство, но все быстро разъяснилось, а бортник, хоть на вид грубоватый, оказался вопреки сложившемуся о бортниках мнению хозяином гостеприимным и любезным. Компания без церемоний приняла приглашение в его «имение». Имение, которое на бортничьем жаргоне называлось станом, располагалось на очищенной от пней поляне, бортник жил там с матерью, женой и дочерью. Последние две были женщинами выдающейся, но немного странноватой красоты, явно говорившей о том, что среди их предков затесались дриада или гамадриада.

Во время завязавшейся беседы бортник вначале казался человеком, с которым говорить можно исключительно только о пчелах, бортях, окуливании, лезивах, дуплах, воске, меде и медосборе, но это была лишь видимость.

– В политике? А что в той политике-то? Что всегда. Дань требуют все более. Три крынки меду и полколоды воска. Едва дышу, чтобы поспеть. От зари до захода на лезиве сижу, борти подметаю... Кому дань-то плачу? А кто требует. Откедова мне знать, при ком ноне власть?

Остатние времена, того-этого, в нильфовой речи орут. Навроде-ка таперича мы имперантная провенция аль как-то так. За мед, ежели чего продаю, плотют императными деньгами, на которых ихний король набит. По обличью-то навроде бы, того-этого, пригожий, хучь суровый. Сразу видать...

Обе собаки – черная и рыжая – уселись напротив вампира, задрали головы и принялись подвывать. Бортникова гамадриада отвернулась от печи и прошлась по псам метлой.

– Неладный знак, – бросил бортник, – когда псы посередь дня воют. Того-этого... О чем-то я думал сказать?

– О друидах из Каэд Дху.

– А, ну да, того-этого... Так ты не шутовал, милсдарь? Вы и впрямь хотите к друидам идтить? Жизень вам обрыдла или как? Там же смерть! Омельники каждого, кто на их поляны войтить решится, хватают, в ивовые клетки втискивают и, того-этого, на медленном огню жарют.

Геральт взглянул на Региса. Регис подмигнул ему. Оба прекрасно знали ходившие о друидах слухи, все до одного надуманные. Зато Мильва и Лютик слушали с повышенным интересом. И с явным беспокойством.

– Одне говорят, – продолжал бортник, – что омельники мстят, потому как нильфы им первыми досадили: ступили в святые дубравы перед Дошь Ангрый и принялись корчевать друидов безо всяких на то причин. Другие же поговаривают, будто почали-то, того-этого, друиды, сцапав и вусмерть умучивши императских-то, и за это им Нильфгаард отплачивает. А как оно по-правдошнему стоит, не ведомо. Но только дело это верное, друиды хватают, в Ивовую Бабу суют и жгут. Идтить к ним – верная погибель... Того-этого...

– Мы не боимся, – спокойно сказал Геральт.

– А и верно. – Бортник измерил взглядом ведьмака, Мильву и Кагыра, который в этот момент как раз входил в халупу, приведя в порядок лошадей. – Видать, вы не из пужливых, храбрые и при железе. Ха, с такими, того-этого, как вы, не страх ходить... Токмо нету уж омельников в Черном Лесе-то, пустой ваш труд и ваша дорога. Прижал их Нильфгаард, вытурил из Каэд Дху. Нету их тама-то.

– Что значит – нет?

– А то и значит. Утекли омельники, того-этого, прочь.

– Куда?

Бортник посмотрел на свою гамадриаду, помолчал.

– Куда? – повторил ведьмак.

Полосатый кот бортника уселся перед вампиром и дико завопил. Гамадриада огрела его метлой.

– Неладный знак, когда котяра посередь дня мяучит, – прогудел бортник, странно смутившись. – А друиды... Того-этого... Сбегли, значит, на Стоки. Да. Правду говорю. Ага. На Стоки.

– Добрых шестьдесят миль к югу, – оценил Лютик довольно беспечным и даже веселым голосом. Но тут же умолк под взглядом ведьмака.

В наступившей тишине было слышно лишь обещающее несчастья мяуканье изгнанного во двор кота.

– В принципе, – бросил вампир, – какая нам разница?

Утро следующего дня принесло новые неожиданности. И загадки, которые, однако, очень скоро нашли объяснение.

– Чтоб мне сгнить, – сказала Мильва, которая первой выбралась из скирды, разбуженная шумом. – Чтоб меня скрутило! Ты только глянь, Геральт.

Поляна была полна народа. С первого взгляда было видно, что собралось здесь никак не меньше пяти или шести бортничьих станов. Зоркий глаз ведьмака выловил в толпе также нескольких трапперов и по меньшей мере одного смолокура. В целом толпу можно было оценить в двенадцать мужчин, десять баб, десяток подростков обоих полов и столько же малолеток. У сборища было шесть телег, двенадцать волов, десять коров и четыре козы. Много овец, а также немало собак и кошек, лай и мяв которых в таких условиях следовало, несомненно, считать неладным предзнаменованием.

– Любопытно, – протер глаза Кагыр, – что это может означать?

– Хлопоты, – сказал Лютик, вытрясая сено из волос.

Регис молчал, но выражение лица у него было странное.

– Просим откусать, милостивые государи, – сказал их знакомый бортник, подходя к скирде в обществе плечистого мужчины. – Готов уж завтрак, того-этого... Овсянка на молоке. И мед... А это, дозволейте представить, Ян Кронин, староста наш бортный.

– Очень приятно, – соврал ведьмак, не отвечая на поклон, в частности, еще и потому, что колено у него дико болело. – А народ, они-то откуда тут взялись?

– Того-этого... – почесал бортник темечко. – Вишь ты, зима ведь идет... Борти уже полажены, дели заложены, придолжаки приспособлены, завихи, веники, стало быть, подвешены... Сам час уж нам на Стоки возвращаться. В Ридбрун... Мед отстаивать, перезимовать... Но в лесах опасно... Одному... того-этого...

Староста кашлянул. Бортник глянул на мину Геральта и вроде бы немного поумniejszyлся в размерах.

– Вы, того-этого, на конях и при железе, – пробормотал он. – Ратные и смелые, сразу видать. С такими, как вы, идтить не страх. Да и вам удобство выходит... Мы кажну тропку, кажну просечку, кажну болотину и кустарник знаем... И кормить вас будем...

– А друиды, – холодно сказал Кагыр, – перебрались из Каэд Дху. Именно на Стоки. Какое невероятное совпадение.

Геральт медленно подошел к бортнику. Обеими руками ухватил его за одежду на груди. Но после недолгого раздумья отпустил, поправил кафтан. Ничего не сказал. Ни о чем не спросил. Но бортник и без того поспешил разъяснить:

– Я правду говорю! Клянусь! Пусть подо мной земля расступится, ежели соврал! Ушли омельники из Каэд Дху! Нету их тама-то!

– И они теперь на Стоках, да? – проворчал Геральт. – Там, куда вам путь лежит, всему вашему сброду? Куда вы вознамерились подыскать себе вооруженный эскорт? Ну, говори, парень. Да гляди, земля и вправду вот-вот расступится!

Бортник опустил глаза и с опаской глянул на грунт под ногами. Геральт многозначительно молчал. Мильва, сообразив наконец, в чем дело, крепко выругалась. Кагыр презрительно фыркнул.

– Ну! – поторопил ведьмак. – Так куда перебрались друиды?

– А кто их, милсдарь, знает, куды, – пробормотал наконец бортник. – Но на Стоках быть могут... Как и где еще. На Стоках край непчатый больших дубрав, а друиды ради дубравы могут...

За бортником уже стояли, кроме старосты Кронина, обе гамадриады – мать и дочь. «Хорошо, что дочка пошла в мать, а не в отца, – машинально подумал ведьмак. – Бортник годится жене как шатун кобыле». За гамадриадами стояли еще несколько женщин, вовсе не таких красивых, но с такими же умоляющими взглядами.

Он глянул на Региса, не зная, то ли смеяться, то ли ругаться. Вампир пожал плечами.

– Если по-честному, Геральт, – сказал он, – то бортник прав. В принципе не исключено, что друиды выбрались на Стоки. Это действительно вполне подходящая для них территория.

– Твое «не исключено», насколько я понимаю, – взгляд ведьмака был очень, ну очень холодным, – достаточно велико, чтобы ни с того ни с сего сменить направление и отправиться вслепую вместе с ними?

Регис снова пожал плечами.

– А какая разница? Ну, подумай. Друидов в Каэд Дху нет. Значит, это направление следует исключить. Возвращение на Яругу – тоже. Думается, дебатировать тут нечего. Все направления равно хороши.

– Серьезно? – Температура голоса ведьмака сравнялась с температурой его взгляда. – И которое же из всех остальных тебе представляется предпочтительным? Совместное с бортниками? Или какое-то совершенно противоположное? Ты возьмешься установить это с помощью своей безбрежно безошибочной мудрости?

Вампир медленно повернулся к бортнику, бортничьему старосте, гамадриадам и другим бабам.

– А чего это вы, – спросил он серьезно, – так боитесь, добрые люди, что пожелали занять эскорт? Что именно вызывает у вас опасения? Говорите прямо.

– Ох, милсдарь, – простонал Ян Кронин, и в глазах его мелькнул неподдельный ужас. – И вы еще спрашиваете... Нам идти через Гнилое Урочище! А там, милсдарь мой, страшно! Там, милсдарь мой, бруколаки, листоносы, эндриаги, иноги и прочая мерзопакостность! Тута, две неполных недели тому, схватил леший зятья мово, да так, что зять-то только хрипнуть успел, и все, пропал, стало быть. Такое там дивотище обретается, что ужасть как боимся мы туды с бабами и детьми малыми суваться. Ну?

Вампир серьезно взглянул на ведьмака.

– Моя безбрежная мудрость, – сказал он, – безошибочно рекомендует мне считать максимально подходящим и соответствующим цели направлением то направление, которое наиболее подходит и максимально соответствует ведьмаку. Именно.

И отправились мы на юг, к Стокам, местности, лежащей у подножия гор Амелл. Тронулись большим табором, в котором было все: юные девы, бортники, трапперы, бабы, дети, юные девы, домашний скот, домашний скарб, юные девы. И чертовски много меда. От этого меда

все так и липло к рукам, даже юные девы.

Табор шел со скоростью пешеходов и телег, однако темп марша от этого, в общем, не снизился, потому что мы не блуждали, а шли словно по шнурку –

бортники знали дорогу, тропки и перетяжки между озерами, и это знание здорово пригодилось, потому что начало моросить, и неожиданно все чертово Заречье утонуло в плотной как сметана мгле. Без бортников мы б наверняка заблудились, а то и увязли где-нибудь в топях. Не приходилось нам также тратить время и силы на поиски и приготовление пищи –

кормили нас трижды в день, сытно, хоть и не слишком изысканно. И позволяли после еды несколько минут полежать пузом кверху.

Короче говоря, все было прелестно. Даже ведьмак, этот старый угрюмец и нудяга, начал чаще улыбаться и радоваться жизни, так как высчитал, что мы делаем по пятнадцати миль в день, а с момента выхода из Брокилона нам ни разу не удалось совершить такой фокус. Работ у ведьмака не было никаких, потому что хоть Гнилое Урочище было гнилым настолько, что трудно себе представить что-нибудь еще более прогнившее, никаких монстров мы не встретили. Ну, малость были по ночам привидения, подвывали лесные плакальщики и болотные огоньки отплясывали на трясинах. В общем, ничего сенсационного.

Немножко, правда, беспокоило то, что мы снова шли в довольно случайно выбранном направлении и снова без точно сформулированной цели. Но, как справедливо выразился вампир Регис, лучше без точно сформулированной цели двигаться вперед, чем без цели стоять на месте, и уж наверняка гораздо лучше, чем без цели пятиться.

– Лютик! Привяжи ты как следует свою тубу. Жаль будет, если полвека поэзии оторвутся и потеряются в папоротниках.

– Не бойсь! Не потеряются! И отобрать не дам. Каждому, кому придет в голову дурная мысль отобрать тубу, придется переступить через мой труп. Позволь узнать, Геральт, чем вызван твой жемчужно-утробный смех? Позволь угадать... Врожденным кретинизмом? Э?

Случилось так, что группа археологов из университета в Каstellь Граупиане, проводящая раскопки в Боклере, обнаружила под слоем древесного угля, указывающего на некогда бушевавший здесь гигантский пожар, еще более древний слой, датированный XIII веком. В том же слое откопали каверну, образованную остатками стен и уплотненную глиной и известью, а в ней, к великому изумлению ученых, – два прекрасно сохранившихся скелета: женщины и мужчины. Рядом со скелетами – кроме оружия и небольшого количества мелких артефактов – лежала длинная тридцатидюймовая туба, изготовленная из затвердевшей кожи. На коже был оттиснут герб с выцветшими красками, изображающий львов и ромбы. Руководивший экспедицией профессор Шлиман, крупный специалист по сфрагистике темных веков, идентифицировал этот герб как знак Ривии, древнего королевства с неустановленной локализацией.

Возбуждение археологов дошло до предела, поскольку в таких тубах в темные века хранились рукописи, а вес находки позволял предполагать, что внутри находится много бумаги либо пергамента. Отличное состояние тубы оставляло надежду на то, что документы удастся прочитать и они бросят свет на погруженное во мрак столетий прошлое. Ожидалось, что заговорят века. Это была невероятная удача! Победа науки, которую нельзя было упустить. Предусмотрительно вызвали из Каstellь Граупиана лингвистов и знатоков мертвых языков, а также специалистов, умеющих вскрывать тубы, не рискуя повредить ценное содержимое.

Тем временем по команде профессора Шлимана расползлись слухи о «сокровище». Надо ж

было случиться такому, что слова эти дошли до трех нанятых для раскопок субъектов, известных под именами Стибр, Спьерл и Камил Ронштеттер. Уверенные, что туба буквально набита золотом и драгоценностями, трое вышеназванных землекопов сперли ночью бесценный артефакт и сбежали с ним в лес. Там разожгли небольшой костерок и уселись вокруг.

– Ну, чего ждешь, – бросил Стибру Спьерл. – Отпирай трубу!

– Не поддается, сучья мать, – ответил Спьерлу Стибр. – Держит, будто зубами!

– Так ты бутсой ее, протраханную, бутсой! – посоветовал Камил.

Поддаваясь каблуку Стибра, застежки бесценной находки уступили, и на землю вывалилось содержимое.

– И-эх, хрен затраханный в дупель! – крикнул изумленный Спьерл. – Чего-то это такое?

Вопрос умом не отличался, поскольку с первого взгляда было видно, что это листы бумаги. Поэтому Стибр вместо ответа взял один листок и поднес к носу. Долго вглядывался в незнакомые знаки.

– Записанный, – наконец отметил авторитетно. – Буквы здесь!

– Буквы?! – рявкнул Камил Ронштеттер, бледнея от ярости. – Буквы выписаны? Ну, бя...

– Коль выписаны, значит – волшебство! – пробормотал Спьерл, от ужаса звеня зубами. – Литеры – значит заклиние! Не трогай, затраханная евонная мать! Этим заразиться можно!

Стибру не надо было повторять дважды, он кинул лист в огонь и нервно вытер дрожащие руки о штанину. Камил Ронштеттер ударом ноги загнал в костер остальные бумаги – мало ли что: а вдруг какие-нито детишки натолкнутся на эту дрянь. Потом вся троица быстро удалилась от опасного места. Бесценный памятник письменности темных веков горел ярким, высоким пламенем. Несколько минут тихим шепотом переговаривались чернеющие в огне века. А потом пламя погасло и тьма египетская покрыла землю и темные века.

Глава четвертая

ХУВЕНАГЕЛЬ ДОМИНИК БОМБАСТ, род. в 1239-м, разбогател в Эббинге, осуществляя широко поставленную торговлю, и осел в Нильфгаарде; пользовался благорасположением предыдущих императоров; во времена Яна Кальвейта возведен в бургграфы и назначен управляющим соляными копиями в Венендале, а в награду за заслуги получил должность невойгенского старосты. Верный советник императора, Х. пользовался его благоволением и принимал участие во многих общественных акциях. Умер в 1301. Будучи в Эббинге, вел широкую благотворительную деятельность, поддерживал неимущих и страждущих, основывал сиротские дома, лечебницы и детские приюты. Выдавал на них немалые суммы. Большой поклонник изящных искусств и спорта, основал в столице театр драмы и комедии, а также стадион, оба – его имени. Считался образцом справедливости, порядочности и купеческой честности. Эффенберг и Тальбот *Encyclopaedia Maxima Mundi*, том VII

– Фамилия и имя свидетельницы?

– Сельборн Веда. То есть, простите, Жоанна.

– Профессия?

– Различные услуги.

– Шутить изволите? Напоминаю свидетельнице, что вы вызваны в имперский трибунал в ходе процесса о государственной измене! От ваших показаний зависит жизнь множества людей, поскольку карой за измену является смерть! Напоминаю вам также, что сами вы стоите перед трибуналом отнюдь не по собственному желанию, а приведены из цитадели, из места изоляции, а вернетесь ли вы туда или выйдете на волю, зависит, в частности, от ваших показаний. Трибунал позволил себе столь долгую тираду, дабы показать свидетельнице, сколь неуместны в данном деле всякого рода водевильчики и шутовство. Они не только безвкусны, но и грозят весьма серьезными последствиями. Даю полминуты на обдумывание. Затем трибунал задаст вопрос вторично.

– Я готова, уважаемый господин судья.

– Извольте обращаться к нам «Высокий трибунал». Ваша профессия?

– Я чую, Высокий трибунал. Но в основном оказываю услуги имперской разведке, стало быть...

– Прошу давать ответы конкретные и краткие. Когда трибуналу понадобятся более пространные пояснения, трибунал их попросит. Трибуналу известен факт сотрудничества свидетельницы с секретными службами Империи. Однако прошу сообщить для протокола, что означает определение «чую», которое вы использовали в качестве характеристики своей профессии?

– У меня чистое ВДВ, то есть внемчувственное дистанционное восприятие, или чистое пси первого рода без ВПК – возможности психокинеза. Иначе говоря, Высокий трибунал, вещи передвигать я не могу, но могу слышать чужие мысли, беседовать на расстоянии с чародеем, эльфом или другой чующей. И мысленно передать приказ, то есть принудить кого надо сделать то, что я хочу. Могу также прорицать, но только в усыпленном состоянии.

– Прошу занести в протокол, что свидетельница Жоанна Сельборн является псионичкой, обладающей способностью внесенсорной перцепции. Она телепатка и телеэмпатка, способная под гипнозом к предсказаниям, но не имеет способности к психокинезу. Трибунал напоминает свидетельнице, что использование магии и парасенсорных способностей в данном зале сурово запрещено. Продолжим слушание. Когда, где и при каких обстоятельствах свидетельница оказалась причастной к делу особы, выдающей себя за Цириллу, княжну Цинтры?

– О том, что это какая-то Цирилла, я узнала лишь в тюрьме... То бишь в месте изоляции, Высокий трибунал. Во время следствия. Когда мне разъяснили, что она – та самая, которую при мне называли Фалькой или цинтрийкой. А обстоятельства были такие, что их надо по порядку выложить, для ясности, стало быть. А было так: подцепил меня в корчме в Этолии Дакре Силифант, ну, вот тот, что там сидит...

– Прошу запротоколировать: свидетельница Жоанна Сельборн указала на обвиняемого Силифанта без принуждения. Продолжайте.

– Дакре, Высокий трибунал, вербовал ганзу... Ну, стало быть, вооруженный отряд. Сплошь чумные мужики и бабы... ДUFFицей Крель, Нератин Цека, Хлоя Штиц, Андрес Верный, Тиль Эхрад. Сейчас уже ни одного в живых нету, Высокий трибунал... А из тех, что выжили, большинство здесь, вон – под стражей сидят...

– Прошу сообщить точно, когда имела место встреча свидетельницы с обвиняемым Силифантом.

– В прошлом году это было, в августе, да, где-то под конец, точно не помню. Во всяком случае, не в сентябре, потому что тот сентябрь, ого-го, надолго мне запомнится! Дакре, который где-то выведальничал обо мне, сказал, что ему в ганзу нужна чующая, такая, что чар не боится, потому как придется с чародеями дело иметь. Работа, добавил он, для императора и Империи, к тому же хорошо оплачиваемая, а командовать ганзой будет не кто иной, как лично Филин.

– Говоря о Филине, свидетельница имеет в виду Стефана Скеллена, имперского коронера?

– Его, его. А как же.

– Прошу запротоколировать. Когда и где свидетельница столкнулась с коронером Скелленом?

– А тоже в сентябре. Четырнадцатого, в Рокаине. Рокаин, Высокий трибунал, это приграничная крепостишка, что торговый путь из Мехта в Эббинг стережет, а также в Гесо и Метинну. Именно туда привел нашу ганзу Дакре Силифант. В пятнадцать коней. Так что всего нас вместе было двадцать и два, потому как остальные уже в Рокаине стояли, готовые, под командой Оля Харшейма и Берта Бригдена.

Деревянный пол загудел под тяжелыми сапожищами, зазвенели шпоры, забряцали металлические пряжки.

– Приветствую вас, господин Стефан.

Филин не только не встал, но даже не снял ног со стола. Только махнул рукой, жестом большого хозяина.

– Наконец-то, – сказал он ядовито. – Долго ж ты заставил себя ждать, Силифант.

– Долго? – рассмеялся Дакре Силифант. – Очень мило! Вы, господин Скеллен, дали мне четыре недели на то, чтобы собрать для вас и привести сюда больше дюжины самых отъявленных молодцев, каких породила Империя с окрестностями. Да чтобы привести такую ганзу, какую соорудил я, и года мало! А я обернулся в двадцать два дня. Похвалить бы следовало, а?

– С похвалами-то воздержусь, – холодно сказал Скеллен, – до поры до времени, пока твою ганзу не осматрю.

– А хоть бы и сейчас. Вот мои, а теперь ваши, господин Скеллен, порученцы: Нератин Цека и Дуффичей Крель.

– Привет, привет. – Филин наконец решил встать, встали и его адъютанты. – Познакомьтесь, господа... Берт Бригден, Оля Харшейм.

– Мы знакомы. – Дакре Силифант крепко пожал руку Олю Харшейму. – Мы под старым Брайантом контру в Назаире давили. Весело было, а, Оля? Ух, весело! Кони выше бабок в крови ходили. А господин Бригден, если не ошибаюсь, из Геммеры? Из карателей? Ну, стало быть, будут в отряде знакомцы! У меня там несколько карателей уже есть.

– Горю желанием поскорее увидеть, – вставил Филин. – Можно идти?

– Моментик, – сказал Дакре. – Нератин, поди выставь команду в строй, чтоб толково перед господином коронером выглядели.

– Нератин Цека – он или она? – прищурился Филин, глядя вслед выходящим офицерам. – Женщина или мужчина?

– Господин Скеллен. – Дакре Силифант откашлялся, но когда заговорил, голос у него был уверенный, а взгляд холодный. – Точно не скажу. С виду – мужчина, но уверенности нет. Относительно же того, какой из Цеки офицер, – уверен. То, о чем вы спросить изволили, имело бы значение, если б я, к примеру, просил руки. А я не намерен. Вы, полагаю, тоже.

– Ты прав, – после краткого раздумья признал Скеллен. – Не о чем болтать. Пошли глянем на твою шайку, Силифант.

Нератин Цека, существо неопределенного пола, не терял времени. Когда Скеллен и офицеры вышли на подворье форта, отряд уже стоял в парадном строю, выровняв линию так, чтобы ни одна конская морда не высывалась больше чем на пядь. Филин удовлетворенно кашлянул. «Недурная бандочка, – подумал он. – Эх, если б не политика, создать бы такую ганзу да двинуть на пограничье, грабить, насиловать, убивать и жечь... Снова почувствовать себя молодым... Эх, если б не политика!»

– Ну и как, господин Скеллен? – спросил Дакре Силифант, зарумянившись от скрываемого возбуждения. – Как оцените потешных моих ястребков?

Филин прошелся взглядом по лицам и фигурам. Некоторых он знал лично – кого лучше, кого похуже. Других – по слухам. По репутации.

Тиль Эхрад, светловолосый эльф, разведчик геммерских карателей. Риспат Ля Пуант, вахмистр из того же подразделения. И следующий геммерец – Киприан Фрипп Младший. Скеллен присутствовал при казни Киприана Старшего. Братья славились своими садистскими наклонностями.

Дальше свободно пригнулась в седле на пегой кобыле Хлоя Штиц, воровка, которую частенько использовали тайные службы. Филин быстро отвел взгляд от ее бесстыжих глаз и насмешливой ухмылки.

Андрес Верный, нордлинг из Редании, – головорез, Стигварт – пират, ренегат из Скеллиге. Неведомо откуда взявшийся Деде Варгас, профессиональный убийца. Каберник Турент, убийца-любитель.

И другие. Подобные. «Все они одинаковые, – подумал Скеллен. – Братва, та еще семейка, в которой, стоит им убить первых пять человек, все становятся на одно лицо. Одинаковые движения, одинаковые жесты, одинаковая манера речи, повадок и одежды».

Одинаковые глаза. Бесстрастные и холодные, плоские и неподвижные, как у змей, глаза, выражения которых ничто, даже самая чудовищная жестокость, уже не в состоянии изменить.

– Ну, каково? А, господин Стефан?

– Недурно. Ничего ганзочка, Силифант.

Дакре еще больше покраснел, отдал честь по-геммерски, приложив пятерню к колпаку.

– Особо бы пригодились, – напомнил Скеллен, – несколько человек, которым знакома магия. Которых не испугают ни чары, ни чародеи.

– Помню. Тиль Эхрад. А кроме него, вон та высокая девушка на красивой каштанке, та, что рядом с Хлоей Штиц.

– Потом приведешь ее ко мне.

Филин оперся о поручень крылечка, ударил по стойке окованной рукояткой нагайки.

– Здравствуйте, рота!

– Здравия желаем, господин коронер!

– Многие из вас, – заговорил Скеллен, когда отзвучало эхо хорового рева банды, – со мной уже работали, знают меня и мои требования. Пусть они пояснят тем, кто меня не знает, чего я жду от подчиненных, а чего у подчиненных не одобряю. Так что я не стану впустую глотку драть. Сегодня же некоторые получают задания и завтра на рассвете отправятся его выполнять. На территорию Эббинга. Напоминаю: Эббинг формально – королевство автономное, и формально же у нас там нет никаких юридических прав, поэтому приказываю действовать обдуманно и осторожно. Вы остаетесь на императорской службе, но запрещаю этим похвастаться, чваниться и неуважительно обращаться с местными властями. Приказываю вести себя так, чтобы не обращать на себя особого внимания. Ясно?

– Так точно, господин коронер.

– Здесь, в Рокаине, вы гости и вести себя должны, как подобает гостям. Запрещаю покидать выделенное жилье без особой надобности. Запрещаю контакты с гарнизоном форта. Впрочем, офицеры придумают что-нибудь, чтобы вы не бесились от скуки. Господин Харшейм, господин Бригден, извольте разместить подразделение по квартирам!

– Едва я успела с кобылы слезть, Высокий трибунал, а Дакре цап меня за рукав. Господин Скеллен, говорит, хочет с тобой поболтать, Веда. Ну, что было делать? Пошли. Филин за столом сидит, ноги на столе, нагайкой себя по голенищам похлестывает. И, как говорится, просто с мосту, дескать, я, что ли, та самая Жоанна Сельборн, которая причастна к исчезновению корабля «Звезда Юга»? Я ему на то, что ни в чем меня не обвинили. Он в смех. Люблю, говорит, таких, которых ни в чем обвинить нельзя. Потом спросил, врожденный ли у меня дар ВДВ, чуйности, значит. Когда я подтвердила, он задумался и говорит: «Я думаю, этот твой дар мне против чародеев сгодится, но для пользы придется иметь дело с другой персоной, не менее загадочной».

– Свидетельница уверена, что коронер Скеллен использовал именно эти слова?

– Уверена. Ведь я же чуйная.

– Продолжайте.

– Тут наш разговор прервал гонец, весь в пыли, видать, коня не жалел. Срочные у него были для Филина вести, а Дакре Силифант, когда мы на квартиру шли, сказал, мол, носом чует, что гонцовые вести нас еще до вечера в седла загонят. И верно, Высокий трибунал. Не успели мы толком об ужине подумать, как половина ганзы уже в седлах была. Мне повезло, потому как взяли Тиля Эхрада, эльфа. Я рада была: после нескольких дней пути задница, Высокий трибунал, у меня болела, страх сказать... Да и месячные как раз начались как назло...

– Извольте воздерживаться от красочных описаний своих интимных осложнений. И придерживайтесь темы. Когда вы, свидетельница, узнали, кто такая эта «загадочная персона», о которой упоминал коронер Скеллен?

– Сейчас скажу, только ведь какая-то очередность все же должна быть, иначе все запутается так, что опосля не распутаешь! Те, что тогда перед ужином с такой спешкой коней седлали, погнали из Рокаина в Мальхун. И привезли оттуда какого-то подростка.

Никляр был зол на себя. Да так, что чуть не плакал.

Ну почему он не послушался советов умных людей? Почему забыл сказку о вороне, которая не умела держать клюв на запоре. Сделал бы, что положено, и вернулся домой, в Ревность. Так нет же! Вздуродораженный приключением, гордый тем, что раздобыл верхового коня, чувствуя в мешке приятную тяжесть монет, Никляр не удержался, чтобы не щегольнуть. Вместо того чтобы из Клармона вернуться прямо в Ревность, поехал в Мальхун, где у него было множество знакомцев, в том числе и несколько девушек, к которым он, так сказать, питал... В Мальхуне он хорохорился, будто гусак весной, шумел, хвалился конем на майдане, ставил выпивку в корчме, кидал деньги на стойку с миной и видом если не принца крови, то по меньшей мере графа.

И рассказывал.

Рассказывал о том, что четыре дня назад произошло в Ревности. Рассказывал, то и дело менял версию, добавлял, фантазировал, наконец, брехал прямо в глаза – что вовсе не мешало слушателям. Завсегдатаи корчмы, и местные, и приезжие, слушали охотно. А Никляр трепался так, будто все знал прекрасно. И все чаще в центре надуманных им историй оказывался он сам.

Уже на третий вечер его собственный язык накликал на его голову неприятности.

При виде людей, вошедших в корчму, в помещении наступила гробовая тишина. И в ней звон шпор, щелканье металлических застёжек и скрежет оружия прозвучали зловещим знаком, вещающим с вершины звонницы.

Никляру не удалось разыграть из себя героя. Его схватили и выволокли из корчмы так быстро, что он задел за пол каблуками не больше трех раз. Знакомые, которые еще вчера, выпивая за его счет, клялись в дружбе до гроба, теперь молча головы чуть ли не под крышки столов повтыкали, словно бы там, под столами, неведомо какие чудеса творились либо голые бабы отплясывали. Даже присутствовавший в корчме помощник шерифа отвернулся к стене и словечка не молвил.

Никляр тоже не молвил, не спросил, за что и почему. Изумление обратило его язык в негнущийся и сухой пенек.

Усадили его на коня, велели ехать. Несколько часов. Потом был форт с частоколом и башней. Майдан, заполненный громыхающей, обвешанной оружием солдатней. И изба. В избе три человека. Командир и двое подчиненных, сразу было видать. Командир – небольшой, чернявый, богато одетый – был основательный в речи и на удивление вежливый. Никляр аж рот разинул, когда услышал, что его просят извинить за хлопоты и доставленное беспокойство, а одновременно уверяют, что ничего плохого ему не сделают. Но не дал себя обмануть. Эти люди очень напоминали ему Бонарта.

Ассоциация была на удивление точной.

Интересовал их именно Бонарт. Это было вполне естественно, поскольку именно собственный Никляров язык загнал его в западню.

Когда его вызвали и он принялся рассказывать, ему напомнили, что надобно говорить правду, не приукрашивая. Напомнили вежливо, но сурово и убедительно, а тот, кто напоминал, тоже богато одетый, все время играл окованной плетью, и глаза у него были мерзостные. Злые.

Никляр, сын гробовщика из поселка Ревность, рассказал правду. Всю правду, только правду и ничего, кроме правды. О том, как девятого сентября утром в поселке Ревность Бонарт, охотник за наградами, вырубил под корень банду Крысей, даровав жизнь одной лишь бандитке, самой молодой, по имени Фалька. Рассказал, как вся Ревность сбеглась, чтобы посмотреть, как Бонарт станет пойманную потрошить и казнить, но людишки здорово

просчитались, потому как Бонарт, о диво, Фальку не прикончил, даже не мучил. И вообще не сделал ей ничего сверх того, что обычный мужик делает жене по субботам вечером, возвращаясь из трактира, – ну, обнаковенно тыркнул пару раз, дал под зад – и все. Боле ничего.

Богато одетый господин с нагайкой молчал, а Никляр рассказал, как потом Бонарт на глазах у Фальки поотпиливал у убитых Крысей головы и как из этих голов, словно изюминки из теста, выковыривал золотые серьги с камушками. Как Фалька, глядя на это, орала и блевалась, привязанная к коновязи.

Рассказал, как Бонарт затянул у Фальки на шее ошейник, словно на суке какой, как затащил ее за этот ошейник в постоянный двор «Под головой химеры». А потом...

– А потом, – продолжал парень, то и дело облизывая губы, – милсдарь господин Бонарт пива пожелали, потому как вспотели они жутко и в горле у них пересохло. А опосля крикнули, что желание у них имеется кого-нито добрым конем одарить и цельными пятерья флоренами наградить. Наличными. Так он именно и сказал, этими самыми словами. Ну, тут я сразу вызвался, не дожидаясь, пока кто иньший меня опередит, потому как жутко хотел коня занять и малость собственных денег. Отец не дает ничего, все пропивает, что на гробах заработает. Ну я, значит, вызвался и спрашиваю, какого коня, мол, верняком одного из крысиных, можно получить. А милсдарь господин Бонарт поглядели, аж у меня мурашки пошли, и говорят, дескать, получить-то я могу под зад, а другое все надо заработать. Ну, чего было делать? Кобылка у ворот, прям как в сказке, так и верно, потому как крысевы кони у коновязи стояли, особенно та вороная Фалькина кобыла, редкой красоты лошадь. Ну, я поклонился и спрашиваю, чего делать-то надо, чтобы заработать. А господин милсдарь Бонарт, что, мол, в Клармон сгонять требуется, да по пути в Фано заглянуть. На коне, который я себе выберу. Знал он, верно, что я глаз на ту вороную положил, но ту он мне сразу запретил брать. Ну и выбрал я себе каштанку с белой звездочкой...

– Поменьше о конских мастях, – сухо напомнил Стефан Скеклен. – Больше о деле. Говори, что тебе Бонарт поручил.

– Господин Бонарт писание написал, спрятать велел как следует. До Фана и Клармона велели ехать, тама указанным особам писания в руки собственные отдать.

– Письма? Что в них было?

– А мне-то откедова знать, господин? С чтанием у меня не шибко, да и запечатаны были письма господина Бонарта собственноручной печаткой.

– Но кому письма были, помнишь?

– А то! Помню. Милсдарь Бонарт раз десять повторять велели, чтобы не запомнил я. Добрался, не запутался, куда надо, кому надо письма отдал в собственные их руки. И хвалили меня, что я, мол, головастый парень, а тот благородный купец даже денар дали...

– Кому письма передал? Говори толком.

– Первое писание было к мэтру Эстерхази, мечнику и оружейнику из Фано. Другое же милостивому государю Хувенагелю, купцу из Клармона.

– Может быть, они письма при тебе распечатывали? Может, кто что сказал, читая? Напряги память, парень...

– Не-а, не помню. Тады я не думал, да и теперь как-то не вспоминаецца.

– Мун, Оль, – повернулся Скеклен к адъютантам, совершенно не повышая голоса. –

Возьмите хама во двор, спустите штаны, отсчитайте тридцать плетей.

– Помню! Я помню! – взвизгнул парень. – Только что вспомнил!

– Для освежения памяти, – ощерился Филин, – нет лучшего средства, чем орехи с медом или нагайкой по жопе. Говори.

– Когда в Клармоне господин купец Хувенагель писание читали, то был тамотки еще один, ну, маленький такой, прям низушек, да и только. Господин Хувенагель ему сказали... Э-э-э-э... Сказали, что ему как раз пишут, что тут может быть така охотность и цирк, каких мир не видывал! Так они сказали!

– Не выдумываешь?

– Могилкой матери своей клянусь! Не велите меня бить, господин хороший. Помилуйте!

– Ну-ну, вставай, не лижи сапог! На, получай денар.

– Стократ благодарствуйте... Милостивец...

– Я сказал, не слюнявь мне сапоги. Оль, Мун, вы что-нибудь поняли? Что общего у охотности, тьфу ты, у желания с...

– Охотность, – вдруг сказал Мун. – Да не охотность, а охота!

– Во-во! – крикнул парень. – Именно что охота! Так они и сказали, слово в слово. Вы будто там были, господин хороший!

– Охота, цирк! – Оль Харшейм ударил кулаком по ладони. – Условный шифр, но не очень хитрый. Простой. Цирк, охота – это предупреждение против возможной погони или облавы. Бонарт предостерегает, что их могут преследовать или облаву устроить, и советует им бежать! Но от кого? От нас?

– Как знать, – задумчиво сказал Филин. – Как знать. Надо послать людей в Клармон... И в Фано тоже. Займись этим, Оль, дашь задание группам... Слушай-ка, парень.

– А, господин милостивый?

– Когда ты уезжал из Ревности с письмами от Бонарта, он, как я понимаю, был еще там? А собирался в путь? Торопился? Может, говорил, куда направляется?

– Не-а, не говорил. Да и в путь ему не было с руки. Одежу, сильно кровью обрызганную, велел выстирать и вычистить, а сам в одной рубаше и портках исподних токмо ходил, но с мечом при поясе. Потому, я думаю, спешил. Ведь же Крысей побил и головы им отрезал награды для, а стало быть, надо было ему ехать и об ей напомнить, о Фальке-то. Да Фальку он ведь тоже для того взял, чтоб живцом кому-то доставить. Така ведь евонная профессия, нет?

– Фалька. Ты ее как следует рассмотрел? Чего хохочешь, дурень?

– Ой-ей, господин милостивый! Рассмотрел? Да еще и как! В подробностях!

– Раздевайся, – повторил Бонарт, и в его голосе было что-то такое, что Цири невольно сжалась. Но бунтарский характер тут же взял вверх.

– Не буду!

Кулака она не увидела, даже не уловила его движения. В глазах сверкнуло, земля

покачнулась, ушла из-под ног и вдруг больно ударила по бедру. Щека и ухо горели огнем – она поняла, что Бонарт ударил не кулаком, а тыльной стороной раскрытой ладони.

Он встал над ней, поднес ей к лицу сжатый кулак. Она видела тяжелую печатку в форме черепа, которой только что ужалил ее в лицо как шершень.

– За тобой один передний зуб, – сказал он леденящим тоном. – Если в следующий раз услышу от тебя слово «нет», то выбью два сразу. Раздевайся.

Она встала, покачиваясь, трясущимися руками начала расстегивать застёжки и пуговицы. Присутствовавшие в кабаке «Под головой химеры» поселяне зашептались, закашляли, вытаращили глаза. Хозяйка постоянного двора, вдова Гулё, сунула голову под стойку, делая вид, будто что-то там ищет.

– Скидавай с себя все! До последней тряпки.

«Их здесь нет, – думала она, раздеваясь и тупо глядя в пол. – Никого здесь нет. И меня здесь тоже нет».

– Расставь ноги.

«Меня вообще здесь нет. То, что сейчас произойдет, меня не касается. Вообще. Нисколько».

Бонарт рассмеялся.

– Ты, сдается, слишком высокого о себе мнения. Ишь, размечталась! Вынужден тебя разочаровать. Я раздеваю тебя, идиотка, чтобы проверить, не спрятала ли ты на себе магических гексов, сиглей или амулетов. Не восторгаться же твоими, Господи прости, мощами. Не придумывай себе черт знает чего. Ты – тощая, плоская как доска недоросль, ко всему прочему уродлива как тридцать семь несчастий. Уверен, даже если б меня сильно приперло, уж лучше отшуровать индюка что пожирнее.

Он подошел, разметал ее одежду носком сапога, оценил взглядом.

– Я же сказал – всё! Серьги, колечки, ожерелье, браслет!

Он тщательно собрал украшения. Пинком отбросил в угол курточку с воротником из голубой лисы, перчатки, цветной платочек и пояс с серебряной цепочкой.

– Нечего расхаживать, ровно попугай или полуэльфка из борделя. Остальное можешь надеть. А вы чего таращитесь? Гулё, принеси чего-нибудь перекусить, проголодался я. А ты, брюхатый, проверь, как там с моей одеждой.

– Я – здешний старшина.

– Вот и славно, – процедил Бонарт, и под его взглядом старшина Ревности, казалось, начал худеть на глазах. – Если хоть что-то попортят при стирке, то тебя как правящую личность привлеку к ответственности. А ну давай жми к прачкам! Вы, остальные, тоже вон отсюда! А ты, хлюст, чего стоишь? Письма получил, конь оседлан, отправляйся на тракт и в галоп! Да помни: подкачаешь, потеряешь письма или адреса перепутаешь, отыщу тебя и так отделаю, что мать родная не узнает!

– Еду, еду уже, милостивый государь! Еду!

– В тот день, – Цири сжала губы, – он бил меня еще дважды: кулаком и арапником. Потом ему расхотелось. Он только сидел и молча таращился на меня. Глаза у него были такие... ну, какие-то рыбы, что ли. Без бровей, без ресниц... Какие-то водянистые шарики, и в каждом –

черное ядрышко. Он тарачился на меня и молчал. И этим угнетал еще больше, чем избиениями. Я не знала, что он замышляет.

Высогота молчал. По избе шмыгали мыши.

– Время от времени спрашивал, кто я такая, но я молчала. Как тогда в пустыне Карат, когда меня схватили ловчие, так и теперь ушла глубоко в себя, как-то внутрь, если ты понимаешь, что я имею в виду. Тогда ловчие говорили, что я кукла, а я и была такой деревянной куклой, бесчувственной и мертвой. Верно. На все, что с той куклой делали, я смотрела как бы сверху, извне. Они бьют? Ну и что! Пинают? Ну и что! Надевают на шею ошейник, будто собаке? Ну и пусть! Это же не я, меня здесь вообще нет... Понимаешь?

– Понимаю, – кивнул Высогота. – Понимаю, Цири.

– И тут, Высокий трибунал, настала и наша очередь. Нашей, стало быть, группы. Команду над нами принял Нератин Цека, кроме того, придали нам Бореаса Муна. Траппера. Бореас Мун, Высокий трибунал, может, говорили, рыбу в воде выследить. Такой он был! Болтают, что однажды Бореас Мун...

– Свидетельница, извольте воздержаться от отступлений.

– Что вы сказали? Ах да... Понимаю. Значит, велели нам что есть мочи в копытах мчать в Фано. Было это шестнадцатого сентября утром.

Нератин Цека и Бореас Мун ехали первыми, за ними – Каберник Турент и Киприан Фрипп Младший – стремя в стремя, а дальше – Веда Сельборн и Хлоя Штиц. В конце – Андреас Верный и Деде Варгас. Последние распевали модную в то время солдатскую песенку, финансируемую и рекламируемую военным министерством. Даже меж солдатских песен эта выделялась жутким убожеством рифм и абсолютным отсутствием уважения к грамматике. Называлась она «На войнючке», поскольку все куплеты, а было их больше сорока, начинались именно с этих слов.

На войнючке, на войне всякое бывает,

То глядишь, не у того голову срубают,

На войнючке, на войне крик идет: «Порушу!

Только пикни, в тот же миг все кишки наружу!»

Веда тихо посвистывала в такт мелодии. Она была довольна, что оказалась среди людей, которых хорошо узнала за время долгого пути из Этолии в Рокаин. Правда, после разговора с Филином она ожидала всего лишь какого-нибудь мелкого назначения, вроде «пристяжки» к группе из людей Бригдена и Харшейма. Однако к ним «пристегнули» Тиля Эхрада, но эльф-то знал большинство своих попутчиков, а они знали его.

Ехали шагом, хоть Дакре Силифант приказал гнать что есть духу. Но они были профессионалами. Взбивая пыль, прошлись галопом, пока их было видно из форта, потом притормозили. Загонять коней и переть сломя голову личит соплякам и любителям. А спешка, как известно, важна лишь при ловле блох.

Хлоя Штиц, специалистка-воровка из Имако, рассказывала Веде о своем давнем сотрудничестве с коронером Стефаном Склленом. Каберник Турент и Фрипп Младший

сдерживали коней, подслушивали, часто оглядываясь.

– Я его знаю хорошо. Уже несколько раз работала под ним...

Хлоя едва заметно заикнулась, уловив двусмысленный характер выражения, но тут же свободно и безмятежно рассмеялась.

– Под его командой тоже, – фыркнула она. – Нет, Веда, не бойся. У Филина принуждения не бывает. В этом смысле он не навязывался, я сама тогда искала случая и нашла. А для ясности скажу: таким манером получить его благосклонность не удастся.

– Я ни на что такое не рассчитываю, – надула губы Веда, вызываясь глянув на плотоядные ухмылочки Турента и Фриппа. – Случая искать не стану, но и не испугаюсь. Я не позволю испугать себя всякой мелочью. И уж наверняка не мужицкими фитюльками, которые иначе и не назовешь.

– А у вас ничего другого на уме, одни фитюльки, – бросил Бореас Мун, сдерживая буланого жеребца и ожидая, пока Веда и Хлоя поравняются с ним. – А тут не ими воевать придется, уважаемые дамы! – продолжал он. – С Бонартом, ежели кто его знает, мало кто сравняется, когда о мечях речь. Я был бы рад, если б оказалось, что между ним и господином Скелленом нет ни ссоры, ни вражды. Если б все давно по косточкам разошлось.

– А я этого не понимаю, умом-то, – признался едущий сзади Андреас Верный. – Навроде бы как чаровника какого нам выслеживать велено, потому нам чуйную и придали, Веду Сельборн, вона эту. А теперича о каком-то Бонарте разговор идет и девке какой-то.

– Бонарт, охотник за наградами, – откашлялся Бореас Мун, – был с господином Скелленом в сговоре. И обманул. Хучь приобещал господину Скеллену, что энту девку пришьет, а сам в живых оставил.

– Не иначе как ему кой-то другой поболее деньжат за живую пообещал, чем Филин за мертвую, – пожала плечами Хлоя Штиц. – Они такие – охотники за наградами-то. Чести у них не ищи!

– Бонарт не такой, – возразил, оглянувшись, Фрипп Младший. – Бонарт от раз данного слова не отступал.

– Сталбыть, еще дивнее дело сыскалось, что вдруг отступил.

– А чего бы это, – спросила Веда, – девка такая важная? Ну, та, которую надо было прибить, а не прибили?

– А нам-то что? – поморщился Бореас Мун. – У нас – приказ! А господин Скеллен имеет право своего требовать. Бонарт должен был Фальку затюкать, а не затюкал. Господин Скеллен вправе потребовать, чтобы он отчитался перед ним.

– Этот Бонарт, – убежденно бросила Хлоя Штиц, – собирается за живую девку взять поболее, чем за мертвую. Вот те и весь сказ.

– Господин коронер, – сказал Бореас Мун, – сначала тоже думал, что Бонарт одному барону из Гесо, который на банду Крысей взъелся, живую Фальку приобещал, чтоб тот с ей позабавился и помаленьку умучил. Но вроде как бы это неправда. Не ведомо, для кого Бонарт живую Фальку прячет, но наверняка не для того барона.

– Господин Бонарт! – Толстый старшина Ревности вкатился в корчму, сопя и задыхаясь. – Господин Бонарт, вооруженные в поселке. На конях едут.

– Тоже мне новость. – Бонарт протер тарелку хлебом. – Было б удивительно, если б они ехали, к примеру, на обезьянах. Сколько?

– Четверо.

– А где моя одежда?

– Только-только развесили... Еще не высохла...

– Чтоб вас разнесло. Придется гостей в подштанниках принимать. Но по правде, каков гость, такова и милость.

Он поправил затянутый на исподнем пояс с мечом, сунул штрипки от кальсон в голенища сапог, рванул за цепь, привязанную к ошейнику Цири.

– Вставай, Крысиха!

Когда он вывел ее во двор, четверка конных уже приближалась к корчме. Видно было, что позади у них долгий путь по проселкам да в непогоду – одежда, упряжь и кони были заляпаны засохшей пылью и грязью.

Их было четверо, но они еще вели запасную. При виде запасной Цири почувствовала, как ее вдруг охватывает жар, хотя день был очень холодный. Это была ее собственная пегая, все еще в ее же сбруе и под ее седлом. И в налобнике, подарке от Мистле. Наездники были из тех, что убили Хотспорна.

Они остановились перед постоянным двором. Один – вероятно, командир, – подъехал ближе, поклонился Бонарту, стащив с головы куний колпак. Он был смуглый и носил черные усы, похожие на проведенную угольком черточку над верхней губой. Верхняя губа, заметила Цири, то и дело у него съеживалась – тик все время придавал ему разъяренное выражение. А может, он и верно был разъярен?

– Приветствую вас, господин Бонарт!

– Приветствую вас, господин Имбра. Приветствую, господа. – Бонарт не спеша зацепил цепь Цири за крючок на столбе. – Прошу простить, что встречаю в кальсонах, но не ожидал, никак не ожидал. Дальний путь за вами, ох дальний... Из Гесо, значит, аж сюда, в Эббинг, пригнали. А как уважаемый барон? Здоров ли?

– Как огурчик, – равнодушно ответил смуглый, снова кривя верхнюю губу. – Простите, болтать некогда. Спешим мы.

– А я, – Бонарт подтянул пояс и подштанники, – вас вовсе и не задерживаю.

– К нам дошла весть, что вы Крыс перебили.

– Верно.

– И, выполняя обещание, данное барону, – смуглый по-прежнему прикидывался, будто не видит во дворе Цири, – взяли Фальку живьем?

– И это, думается мне, правда.

– Значит, вам посчастливилось там, где нам не повезло. – Смуглый глянул на пегую лошадку. – Лады. Забираем девку, и домой. Руперт, Ставро, заберите ее.

– Не спеши, Имбра, – поднял руку Бонарт. – Никого вы не заберете. По той простой причине, что я не дам. Я раздумал. Оставляю девушку себе, для собственного употребления.

Названный Имброй смугляк наклонился в седле, отхаркнулся и сплюнул поразительно далеко, почти на ступени крыльца.

– Но ты обещал господину барону.

– Обещал. Но раздумал.

– Что? Верно ли я расслышал?

– Верно, не верно – не моя печаль, Имбра.

– Ты три дня гостил в замке? За данные барону обещания три дня пил и жрал? Лучшие вина из погребов, печеных павлинов, косулье мясо, паштеты, карасей в сметане? Три ночи будто король на пуховатках спал? А теперь, значит, раздумал? Да?

Бонарт молчал, храня безразличие и усталость на лице.

Имбра стиснул зубы, чтобы сдержать дрожь.

– А знаешь, Бонарт, мы ведь можем Крысиху у тебя силой отнять!

Лицо Бонарта, до того тоскливое и равнодушное, мгновенно напряглось.

– Попробуйте. Вас четверо, я один. К тому же в подштаниках. Но ради таких засранцев и штаны надевать не стану.

Имбра снова сплюнул, дернул поводья, развернул коня.

– Тьфу, Бонарт, что с тобой приключилось? Ты ж всегда тем славился, что был солидным, честным профессионалом, слово данное надежно выполнял. А тут получается, что твое слово менее дерьма стоит! А поскольку человека по словам его оценивают, то получается, что и ты...

– Ну, если уж о словах речь, – холодно прервал Бонарт, положив руки на пряжку пояса, – то смотри, Имбра, как бы у тебя случаем во время трепа слишком грубое словечко не высралось. Потому, если я стану его тебе обратно в глотку зашпунтовывать, может быть больно.

– На четверых-то ты смел! А на четырнадцать смелости хватит? Потому как поручиться могу, что барон Касадей неуважения не потерпит.

– Сказал бы я, куда бы твоего барона засунул, да, понимаешь, толпа собирается, а в ней женщины и дети. Поэтому скажу только, что через десять дней я в Клармон явлюсь. Кто хочет свои права качать, мстить за неуважение или Фальку у меня отобрать, пусть в Клармон едет.

– Я туда приеду.

– Буду ждать. А теперь – выпердывайтесь отседова.

– Они его боялись. Жутко боялись. Я чуяла, как от них страхом разит.

Кэльпи громко заржала, дернула головой.

– Четверо их было, вооруженных до зубов. А он один, в штопанных-перештопанных кальсонах и обтрепанной рубаше с короткими рукавами. Он был бы смешон... Если б не был страшен.

Высогота молчал, щуря слезящиеся от ветра глаза. Они стояли на бугорке, возвышающемся над болотами Переплюта, неподалеку от того места, где две недели назад старик нашел

Цири. Ветер клал камыши, морщил воду на разливах реки.

– У одного из четырех, – продолжала Цири, позволив кобыле войти в воду и пить, – был небольшой самострел при седле, у него рука к тому самострелу потянулась. Я чуть не слышала его мысли, чувствовала его ужас: «Успею ли напасть? Выстрелить? А что будет, если промажу?» Бонарт тоже видел этот самострел и эту руку, тоже слышал его мысли, я уверена. И уверена, что тот конник не успел бы натянуть самострела.

Кэльпи подняла морду, зафыркала, зазвонила колечками мундштука.

– Я все лучше понимала, в чьи руки попала. Однако по-прежнему не догадывалась о его мотивах. Я слышала их разговор, помнила, что раньше говорил Хотспорн. Барон Касадей хотел заполучить меня живой, и Бонарт ему это обещал. А потом раздумал. Почему? Или намеревался выдать кому-то, кто заплатит больше? Или каким-то непонятным образом догадался, кто я такая в действительности? И собирался выдать нильфгаардцам?

Из поселка мы уехали под вечер. Он позволил мне ехать на Кэльпи. Но руки связал и все время держался за цепь на ошейнике. Все время. А ехали мы, почти не задерживаясь, всю ночь и весь день. Я думала, умру от усталости. А по нему вообще ничего не чувствовалось. Это не человек. Это дьявол во плоти.

– И куда он тебя отвез?

– В городишко, который называется Фано.

– Когда мы въехали в Фано, Высокий трибунал, уже темно было, тьма хоть глаз коли, вроде бы шестнадцатое сентября, но день хмурый и холодный чертовски, прямо – ноябрь. Долго искать мастерскую оружейника не пришлось, потому как это самая большая домина во всем городишке, к тому же оттуда непрерывно шел грохот молотов, кующих оружие. Нератин Цека... Напрасно вы, господин писарь, это записываете, потому что уж не помню, говорила ли я, но Нератин уже в той деревне, которую называют Говорог, землю грызет.

– Извольте не поучать протоколянта. Продолжайте показания.

– Нератин заколотил в ворота. Вежливо так сказал, кто мы и с чем. Вежливо просил послушать. Ну, впустили нас. Мастерская механика была красивым зданием, прямо-таки крепость, обнесена сосновым частоколом, башенки, крытые дубовыми клепками, внутри на стенах – полированная лиственница...

– Трибунал не интересуют архитектурные детали. Переходите к сути, свидетельница. Предварительно же прошу повторить для протокола имя механика.

– Эстерхази, Высокий трибунал. Эстерхази из Фано.

Оружейных дел мастер Эстерхази долго смотрел на Бореаса Муна, не торопясь отвечать на заданный вопрос.

– Может, и был тут Бонарт, – сказал он наконец, поигрывая висящим на шее костяным свистком. – А может, и не был? Кто знает? Здесь, господа дорогие, у нас мастерская по изготовлению мечей. На все вопросы, касающиеся мечей, мы ответим охотно, быстро, гладко и исчерпывающе. Но я не понимаю, почему должен отвечать на вопросы, касающиеся наших гостей и клиентов.

Веда вытащила из рукава платочек, сделала вид, будто утирает нос.

– Причину можно найти, – сказал Нератин Цека. – Ее можете отыскать вы, господин Эстерхази. Могу я. Желаете выбрать?

Несмотря на внешнюю изнеженность, лицо Нератина могло быть жестким, а голос зловещим. Но механик только приснул, продолжая поигрывать свистулькой.

– Между подкупом и угрозой? Нет, не желаю. И то, и другое я считаю достойным лишь плевка.

– Совсем незначительные сведения, – откашлялся Бореас Мун. – Неужто так уж много? Мы ведь знакомы не первый день, господин Эстерхази, да и имя коронера Скеллена тоже, думаю, вам не чуждо...

– Не чуждо, – прервал оружейник. – Отнюдь. Делишки и выходки, с которыми это имя ассоциируется, нам тоже не чужды. Но здесь Эббинг, автономное самоуправляемое королевство. Хоть одна лишь видимость, но все же. Поэтому мы вам ничего не скажем. Идите своей дорогой. В утешение обещаю, что, если через неделю или месяц кто-либо заинтересуется вами, услышит от нас не больше.

– Но, господин Эстерхази...

– Хотите услышать поточнее? Извольте. Выматывайтесь отсюда!

Хлоя Штиц яростно зашипела, руки Фриппа и Варгаса потянулись к мечам, Андреас Верный положил пятерню на висящий у бедра чекан. Нератин Цека не пошевелился, лицо даже не дрогнуло. Веда видела, что он не спускает глаз с костяной свистульки. Прежде чем войти, Бореас Мун остерег их – звук свистульки был знаком вызова для притаившихся в укрытии охранников, прирожденных рубак, которых в мастерской оружейника называли «испытателями качества продукции».

Однако, предвидя всяческие неожиданности, Нератин и Бореас предусмотрели и дальнейшие действия. В запасе у них была козырная карта.

Веда Сельборн. Чующая.

Веда уже давно зондировала оружейника, тонко покалывала импульсами, осторожно проникала в путаницу его мыслей. Теперь она была готова. Приложив к носу платочек – всегда имелась опасность кровотечения, – она ворвалась в мозг пульсацией и приказом. Эстерхази закашлялся, покраснел, обеими руками схватился за крышку стола, за которым сидел, так, словно боялся, что стол улетит в теплые края вместе со стопкой счетов, чернильницей и прижимом для бумаг в виде nereиды, достаточно своеобразно общающейся с двумя тритонами одновременно.

Спокойно, – приказала Веда, –

это ничего, ничего страшного. Просто у тебя появилось желание рассказать нам о том, что нас интересует. Ты же знаешь, что нас интересует, слова так и рвутся на волю. Ну так давай! Начинай! Сам увидишь, как только начнешь говорить, в голове перестанет шуметь, в висках стучать, а в ушах колоть. И спазм челюстей тоже прекратится. Ну, давай!

– Бонарт, – хрипло сказал Эстерхази, раскрывая рот шире, чем того требовала членораздельная речь, – был здесь четыре дня тому, двенадцатого сентября. При нем была девушка, которую он называл Фалькой. Я ожидал такого визита, потому что двумя днями раньше мне доставили письмо от него...

Из левой ноздри у него вытекла тоненькая струйка крови.

Говори, – приказала Веда. –

Говори все. Увидишь, как тебе полегчает.

Мечник Эстерхази с интересом рассматривал Цири, не вставая из-за дубового стола.

– Тот меч, – угадал он, постукивая ручкой пера по удивительной группе на прижиме для бумаг, – тот меч, о котором ты просил в письме, – для нее? Правда, Бонарт? Ну, стало быть, оценим... Проверим, согласуется ли он с тем, что ты написал. Росту в ней пять футов девять дюймов. Так оно и есть. Вес – сто двенадцать фунтов... Ну, мы дали бы ей немного меньше ста двенадцати, но это мелочь. Рука, ты писал, на которую подойдет перчатка номер пять... Ну-с, покажем ручку, благородная мазелька. Что ж, и это сходится.

– У меня всегда все сходится, – сухо сказал Бонарт. – Найдется для нее какая-нито приличная железяка?

– В моей фирме, – гордо отвечал Эстерхази, – не изготавливают и не предлагают ничего иного, кроме приличного оружия. Я понимаю так: нужен не парадный меч, а боевой. Да, правда, ты же писал. Ясное дело, оружие для девушки отыщется без труда. К такому росту и такому весу идут мечи в тридцать восемь дюймов, стандартного изготовления. Ей для ее легкого строения и маленькой руки требуется мини-бастарда с рукоятью, удлиненной до девяти дюймов, и шаровым оголовком. Мы могли бы предложить эльфью тальдагу либо зерриканскую саберру, а может, и легкую вироледанку...

– Покажи товар, Эстерхази.

– Тебя что, в кипятке держат или как? Ну, тогда позволь... Изволь пройти... Эй, Бонарт? Что там еще? Почему ты ее водишь на поводке?

– Следи за своим сопливым носом, Эстерхази. Не суй, куда не следует, а то, глядишь, еще, чего доброго, прижмет! Ненароком.

Эстерхази, поигрывая висящей на шее свистулькой, глядел на охотника без страха и уважения, хотя глядеть приходилось, сильно задрав голову. Бонарт подкрутил усы, откашлялся.

– Я, – сказал он немного тише, но так же зловеще, – не встречаю в твои дела и интересы. Тебя удивляет, что я ожидаю взаимности?

– Бонарт! – У мечника даже веко не дрогнуло. – Когда ты покинешь мой дом и мой двор, когда захлопнешь за собой мои ворота, вот тогда я уважу твою приватность, тайну твоих интересов, специфику профессии. И не полезу в них, будь уверен. Но унижать человеческое достоинство в моем доме я не позволю. Надеюсь, ты меня понял? За моими воротами можешь девушку тащить за лошадью, привязав к конскому хвосту, твоя воля. В моем доме ты снимешь с нее ошейник. Немедленно.

Бонарт нехотя протянул руку к ошейнику, расстегнул, не отказав себе в удовольствии так дернуть девушку, что чуть не повалил ее на колени. Эстерхази, прикинувшись, будто не видит этого, выпустил свистульку из пальцев.

– Так-то оно лучше, – сказал он сухо. – Пошли.

Они прошли по галерейке на другой дворик, поменьше, прилегающий к задней стене кузницы и одной стороной выходящий в сад. Здесь, под опирающимся на резные столбы навесом, стоял длинный стол, на который подмастерья в этот момент выкладывали мечи. Эстерхази жестом пригласил Бонарта и Цири подойти к выставке.

– Прошу. Вот что я могу предложить. Здесь, – указал он на длинный ряд мечей, – лежит моя продукция, все головки кованые, впрочем, видна поковка, моя чеканная марка. Цены в пределах от пяти до девяти флоренов, потому что это стандартные изделия. А вот те, что

лежат вот здесь, монтируются и отделяются только у меня... Оголовки импортные. Откуда – видно по чеканке. У тех, что из Махакама, вычеканены скрещенные молоты. Повисские украшены короной либо лошадиной мордой, а которые из Вироледы, у тех солнце и знаменитая фирменная надпись. Цены начинаются с десяти флоренов.

– А кончаются?

– По-разному. Вот, к примеру, эта чудесная виrolеданка. – Эстерхази взял со стола меч, отсалютовал им, потом перешел в фехтовальную позицию, ловко вращая рукой и предплечьем в сложном финте, именуемом «анжелика». – Эта стоит пятнадцать. Давняя работа, коллекционное оголовье. Видно, что делалась на заказ. Мотив, исполненный на накладке, говорит о том, что оружие было предназначено для женщины.

Он крутанул мечом, задержал руку в терции, фухтелем клинка к ним.

– Как и на всех головках из Вироледы, традиционная надпись: «Не вынимай без причины, не прячь без чести!» Ха! В Вироледи все еще гравировали такие надписи. А во всем мире клинки эти покупают шарлатаны и глупцы. И во всем мире честь здорово подешевела. Неходкий это нынче товар.

– Поменьше болтай, Эстерхази. Дай ей меч, пусть примерит к руке. Возьми оружие, девка.

Цири взяла легкий меч, сразу почувствовала, как шершавая рукоять уверенно прирастает к ладони, а тяжесть клинка так и приглашает руку согнуться в локте и рубануть.

– Это мини-бастарда, – напомнил Эстерхази совершенно напрасно. Она умела пользоваться длинной рукоятью, положив три пальца на сферическую головку.

Бонарт отступил на два шага, на двор. Вытянул меч из ножен, завертел им, аж засвистело.

– Ну же! – бросил он Цири. – Убей меня! Вот тебе меч, а вот подходящий случай. У тебя есть шанс. Используй. Не скоро я предоставлю тебе другой.

– Вы что, ошалели?

– Заткнись, Эстерхази.

Она обманула его боковым взглядом и нарочитым движением плеча, ударила как молния из плоского синистра. Клинок зазвенел от парирующего удара, такого сильного, что Цири покачнулась и вынуждена была отскочить, задев бедром о стол с мечами. Пытаясь сохранить равновесие, она инстинктивно опустила меч – знала, что в этот момент, если б он хотел, то убил бы ее без проблем.

– Вы что, и впрямь ошалели? – возвысил голос Эстерхази, а свистулька снова оказалась у него в руке. Слуги и ремесленники смотрели одурев.

– Отложи железяку. – Бонарт не выпускал Цири из виду, на оружейника же вообще не обращал внимания.

Она, чуть поколебавшись, отложила меч. Бонарт жутковато ухмыльнулся.

– Я знаю, кто ты такая, змея. Но я заставлю тебя самое признаться в этом. Словом или действием! Заставлю признаться, кто ты такая есть. И вот тогда-то я убью тебя.

Эстерхази взвизгнул, словно его кто-то ранил.

– А этот меч, – Бонарт даже не взглянул на него, – был для тебя тяжеловат. Поэтому ты была

чересчур медлительна. Так же медлительна, как беременная улитка. Эстерхази! То, что ты ей дал, было тяжелее, чем надо, по меньшей мере на четыре унции.

Мечник побледнел. Он переводил взгляд от девочки к Бонарту и обратно, и лицо у него странно изменилось. Наконец он кивнул подмастерью, вполголоса отдал распоряжение.

– Есть у меня то, – сказал он медленно, – что должно тебя удовлетворить, Бонарт.

– Так почему ж сразу не показал? – проворчал охотник. – Я же писал, что хочу получить экстра-класс. Может, думаешь, хороший меч я купить не в состоянии?

– Я знаю, на что ты «в состоянии», – с упором сказал Эстерхази. – Не первый день тебя знаю. А почему не показал сразу? Я же не мог знать, кого ты ко мне приведешь... с ошейником и на поводке. Не мог догадаться, для кого и для чего предназначен меч. Теперь знаю все.

Подмастерье вернулся, неся продолговатый короб.

– Подойди, девушка, – тихо сказал Эстерхази. – Взгляни.

Цири подошла. Взглянула. И громко вздохнула.

Она мгновенно обнажила меч. Огонь из камина ослепительно вспыхнул на долах клинка, заиграл красным в кружевах эфеса.

– Это он, – сказала Цири. – Ты, конечно, догадываешься. Возьми в руки, если хочешь. Но будь осторожен, он острее бритвы. Чувствуешь, как рукоять прилипает к ладони? Она сделана из такой плоской рыбы, у которой на хвосте ядовитый шип.

– Скат?

– Наверно. У этой рыбы в коже есть малюсенькие зубчики, поэтому рукоять не скользит в руке, если даже рука вспотеет. Глянь, что вытравлено на клинке.

Высогота наклонился, взглянул, прищурившись.

– Эльфья мандала, – сказал он, поднимая голову. – Так называемая blathan saerme, гирлянда судьбы, означающая духовное единство с миром, – стилизованные цветы дуба, спиреи и венчикового дрока. Башня, пораженная молнией. У Старших Народов – символ хаоса и деструкции... А над башней...

– Ласточка, – dokonчила Цири. – Zireael. Мое имя.

– Право дело, недурная вещица, – сказал наконец Бонарт. – Гномовская работа, сразу видно. Только гномы такую темную сталь ковали. Только гномы точили в пламени, и только гномы покрывали клинки ажуром, чтобы уменьшить вес... Признайся, Эстерхази, это копия?

– Нет, – ответил мечник. – Оригинал. Самый настоящий гномий гвихир. Эфесу свыше двухсот лет. Оправа, конечно, гораздо моложе, но копией я бы ее не назвал. Гномы из Тир Тохаира делали его по моему заказу. В соответствии с переданной технологией, методикой и образцами.

– Дьявольщина. Возможно, меня и верно на это не хватит. И сколько же ты хочешь за этот клинок?

Эстерхази немного помолчал. Лицо у него было непроницаемое.

– Я отдам его даром, Бонарт, – наконец глухо сказал он. – В подарок. Чтобы исполнилось то, чему исполниться суждено.

– Благодарю, – сказал Бонарт, явно растерявшись. – Благодарю тебя, Эстерхази. Королевский подарок, воистину королевский... Принимаю, принимаю. И я – твой должник...

– Нет, не должник. Меч для нее, а не для тебя. Подойди, девушка, носящая ошейник. Взгляни на знаки, вытравленные на клинке. Ты не понимаешь их, это ясно. Но я их тебе объясню. Взгляни. Линия, обозначающая судьбу, извилистая и ведет вот к этой башне. К гибели, к уничтожению устоявшихся ценностей, устоявшегося порядка. Но здесь, над башней, видишь, ласточка. Символ надежды. Возьми этот меч. И да исполнится то, чему исполниться суждено.

Цири осторожно протянула руку, нежно погладила темное оружие с блестящим словно зеркало лезвием.

– Возьми его, – медленно проговорил Эстерхази, глядя на Цири широко раскрытыми глазами.
– Возьми. Возьми его в руки, девочка. Возьми...

– Нет! Нет! – неожиданно выкрикнул Бонарт, подскочил к Цири, схватил за плечо и резко и сильно оттолкнул. – Прочь!

Цири упала на колени, гравий, покрывавший двор, болезненно уколол ладони.

Бонарт захлопнул короб.

– Еще не сейчас, – проворчал он. – Еще не сегодня. Еще не пришло время.

– Вероятнее всего, – спокойно согласился Эстерхази, глядя ему в глаза. – Да, скорее всего еще не пришло. А жаль.

– Не очень-то это много дало, Высокий трибунал, читать мысли того мечника. Мы были там шестнадцатого сентября, за три дня до полнолуния. А когда возвращались из Фано в Рокаину, нас догнал Оль Харшейм и семь лошадей. Господин Оль приказал гнать что есть мочи за остальными людьми. Потому как днем раньше, пятнадцатого сентября, была резня в Клармоне... Наверно, напрасно я об этом говорю, Высокий трибунал наверняка знает о бойне в Клармоне...

– Прошу давать показания, не заботясь о том, что трибунал знает.

– Бонарт опередил нас на день. Пятнадцатого сентября он привез Фальку в Клармон...

– Клармон, – повторил Высогота. – Знаю я этот городок. Куда он тебя привез?

– В большой дом на рынке. С колоннами и арками у входа. Сразу было видно, что живет там богатей... * * *

Стены комнат были увешаны богатыми гобеленами и роскошными декоративными тканями, изображающими религиозные, охотничьи сцены и идиллические картинки с участием нагих женщин. Мебель украшала инкрустация из различных сортов дерева и бронзовые оковки, а ковры – такие, что ноги увязали в них по щиколотки. Цири не успела рассмотреть детали, потому что Бонарт шел резво и тащил ее за цепь.

– Здравствуй, Хувенагель!

В радужной мозаике, отбрасываемой витражами, на фоне охотничьей картины стоял крупный мужчина в сияющем золотым шитьем кафтане и обшитой выпорками делии. Хоть и был он в расцвете мужского века, однако же лысина уже явно переросла норму, а щеки свисали, как брылы у породистого бульдога.

- Милости прошу, Лео, – сказал он. – И тебя, госпожа...
- Никакая не госпожа. – Бонарт показал цепь и ошейник. – Здраваться нет нужды.
- Вежливость никогда не помешает, тем более что она ничего не стоит.
- Кроме времени. – Бонарт потянул за цепь, подошел, бесцеремонно пошлепал толстяка по животу.
- Недурно ты подобрел, – оценил он. – Честно говоря, Хувенагель, когда ты оказываешься на пути, через тебя проще перелезть, чем обойти.
- Жизнь в достатке, – добродушно пояснил Хувенагель, трясая щеками. – Милости прошу, Лео. Приятный гость, потому сегодня я и рад безмерно. К тому же дела идут на удивление хорошо, так что даже плюнуть хочется, казна чуть не лопается! Только сегодня, к примеру, один нильфгаардский ротмистр тыла, провиант-мастер, занимающийся доставкой вооружения на фронт, одарил меня шестью тысячами армейских луков, которые я с десятикратной надбавкой продам в розницу охотникам, браконьерам, разбойникам, эльфам и другим прочим разным борцам за свободу. К тому же дешево купил у одного здешнего маркиза замок...
- А на кой хрен тебе замок?
- Для представительности. Но ближе к теме. Одной сделкой я обязан тебе, Лео. Безнадежный, казалось бы, должник рассчитался. Буквально минуту назад. Руки у него аж тряслись, когда он отсчитывал деньги. Этот тип видел тебя и подумал...
- Знаю, что он подумал. Письмо мое получил?
- Получил. – Хувенагель тяжело уселся, придавив животом стол, так что звякнули кубки и фужеры. – И все подготовил. Ты не видел афиши? Не иначе как голодранцы сорвали... Люди уже сходятся к цирку. Касса звоном полна... Садись, Лео. Время есть. Поболтаем, выпьем винца...
- Не хочу я твоего винца. Небось казенное. Слямзенное из нильфгаардских обозов.
- Обижаешь, охотник. Это эст-эст из Туссента. Гроздья собирали, когда наш милостивый император Эмгыр был таким вот маленьким карапузом, какавшим в горшок. Это был славный год. Для вина. Твое здоровье, Лео.
- Бонарт молча поднял чару. Хувенагель почмокал, весьма критически поглядывая на Цири.
- Стало быть, эта вот большеглазая косуля, – сказал он наконец, – должна будет гарантировать успех объявленной в письме забавы? Известно мне, что Виндсор Имбра уже у города. И ведет за собой нескольких добрых резачков. Да и парочка здешних рубак видела афиши...
- Ты когда-нибудь разочаровывался в моем товаре, Хувенагель?
- Не доводилось, факт. Но и давно от тебя ничего не получал.
- Я работаю реже, чем раньше. И вообще подумываю полностью перейти на заслуженный отдых. Хе-хе!
- Чтобы было на что жить, необходим капитал. Возможно, у меня есть для тебя предложение... Выслушаешь?
- Поскольку больше развлечься нечем, – Бонарт ногой пододвинул стул, заставил Цири

сесть, – выслушаю.

– А не думал ли ты двинуться на север, к примеру, в Цинтру, на Стоки, а то и за Яругу? Может быть, слышал, что каждому, кто туда двинется и пожелает там поселиться на завоеванных территориях, Империя гарантирует земельный надел в четыре лана? И освобождение от налогов на десять лет.

– Я, – спокойно ответил охотник за наградами, – не гожусь в хлеборобы. Я не могу копать в земле или ходить за скотиной. Я слишком впечатлительный. При виде говна или червяка меня начинает тошнить.

– Ну, один к одному, как я, – затряс щеками Хувенагель. – Из всех сельхоззанятий я одобряю только самогонование. Остальное – отвратительно. Говорят, что сельское хозяйство – основа экономики и оно-де обеспечивает благосостояние страны. Однако я считаю недостойным для себя и унижительным ставить свое благосостояние в зависимость от того, воняет там где-то навозом или нет. Я кое-что предпринял в должном направлении. Нет нужды пахать землю, Бонарт, нет необходимости откармливать скотину. Достаточно ее иметь. Если располагать приличным количеством земли, можно тянуть из нее доходы. Можно, поверь мне, жить в полном достатке. Да, в этом направлении я действительно кое-что предпринял, отсюда, кстати, и мой вопрос о поездке на Север. Потому что, видишь ли, Бонарт, у меня там для тебя нашлось бы занятие. Постоянное, хорошо оплачиваемое, не требующее больших затрат времени. И в самый раз для человека впечатлительного: никакого дерьма, никаких дождевых червей и слизняков.

– Готов выслушать. Без всяких обязательств, разумеется.

– Из наделов, которые император обещает выделить переселенцам, можно при толике предприимчивости и небольшом исходном капитале собрать в купу недурную латифундию.

– Понимаю. – Охотник прикусил ус. – Понимаю, куда ты клонишь. И догадываюсь, какие шаги предпринимаешь ради обеспечения собственного благосостояния. Сложностей не предвидишь?

– Предвижу. Двойки. Во-первых, необходимо найти лиц, которые, прикинувшись переселенцами, поедут на Север отбирать у коренных жителей и принимать наделы. Формально для себя, фактически для меня. Но отысканием наемников займусь я. На твою же долю падает вторая из сложностей.

– Я – весь слух!

– Некоторые подставники, получив землю, не пожелают ее отдать. Они забудут о полученных деньгах и заключенном договоре. Ты не поверишь, Бонарт, сколь глубоко обман, подлость и стервозность укоренились в природе человека.

– Поверю.

– Поэтому придется убеждать бесчестных, что бесчестность не окупается. Что она наказуема. И этим займешься ты.

– Звучит красиво.

– Звучит так, как оно есть. У меня накопилась практика, я уже проделывал такие фортели. После формального включения Эббинга он вошел в Империю, где раздают наделы. И позже, когда был проведен Акт о разграничении, получилось так, что Клармон, этот красивый городок, оказался на моей земле и, стало быть, принадлежит мне. Вообще вся эта территория принадлежит мне. Аж вон дотуда, до затянутого седой дымкой горизонта. Все это

мое. Все сто пятьдесят ланов. Имперских, конечно, не кметских. А это дает шестьсот тридцать влук, или восемнадцать тысяч девятьсот морг[26].

– «О, дурная Империя и близкая гибель»! – продекламировал насмешливо Бонарт. – Империя, в которой все крадут, должна развалиться. Ибо в своекорыстии и самолюбии слабость ее кроется.

– В этом кроется мощь ее и сила, – затряс щеками Хувенагель. – Ты, Бонарт, путаешь воровство с частным предпринимательством.

– И очень даже часто, – равнодушно признал охотник за наградами.

– Ну, так как там с нашей «компанией»?

– А не рановато ли делить северные территории? Может, для верности подождать, пока Нильфгаард выиграет войну?

– Для верности? Не шути. Результат войны предрешен. Войны выигрывают деньги. У Империи они есть, у нордлингов их нет.

Бонарт многозначительно кашлянул.

– Коли уж мы заговорили о деньгах...

– Все в порядке. – Хувенагель покопался в лежащих на столе бумагах. – Вот банковский чек на сто флоренов. Вот акт договора переадресовки обязательств, в силу которого я получу от Варнхагенов из Гесо награду за головы бандитов. Подпиши. Благодарю. Тебе полагается процент со сборов от представлений, но касса еще не закрыта. Большой интерес, Лео, к искусству. Право же, большой. Люди в моем городке ужасно страдают от тоски и хандры.

Он осекся, взглянул на Цири.

– Искренне надеюсь, что ты не ошибся и эта... особа доставит нам заслуженное развлечение... Пожелает сотрудничать с нами ради общего блага... и выгоды.

– Для нее, – Бонарт окинул Цири холодным рыбьим взглядом, – никакого блага не будет. И она об этом знает.

Хувенагель поморщился.

– Это скверно, черт побери, скверно, что она об этом знает. А не должна бы. Что с тобой, Лео? А если она не пожелает быть увеселением, если окажется злостно ненадежной? Что тогда?

У Бонарта не изменилось выражение лица.

– Ну, тогда, – сказал он, – мы выпустим на арену твою братву. Они, помнится, всегда были надежны. В смысле увеселений.

Цири молчала долго, потирая покалеченную щеку, наконец сказала:

– Я начинала понимать. Начинала понимать, что они намерены со мной сделать. Я вся собралась, была готова бежать при первой же возможности. Готова была на любой риск. Но они не предоставили мне такой возможности. Присматривали за мной хорошо.

Высогота молчал.

– Они стащили меня вниз. Там ждали гости толстого Хувенагеля. Такие же уникамы! Откуда

на свете берется столько поразительных чувел, Высогота?

– Размножаются. Естественный отбор.

Первый из мужчин был невысокий и толстенький, напоминал скорее низушка, чем человека, даже держал себя как низушек – скромно, порядочно, опрятно и... пастельно. Другой, хоть и немолодой, был в одежде и при выправке солдата с мечом, а на плече его черной куртки горело серебряное шитье, изображающее дракона с крыльями летучей мыши. Третьей была светловолосая и тощая женщина, лицо ее украшал слегка крючковатый нос и тонкие губы. Ее фишашкового цвета платье было чрезмерно декольтировано. Нельзя сказать, что это было удачное портновское решение. Декольте почти ничего не демонстрировало, если не считать малопривлекательной морщинистой и пергаментно сухой кожи, покрытой толстым слоем белил.

– Высокородная маркиза де Нэменс-Уйвар, – представил Хувенагель. – Господин Деклан Рос азп Маэльглыд, ротмистр тыла конных войск его императорского величества владыки Нильфгаарда. Господин Пенницвик, бургомистр Клармона. А это господин Лео Бонарт, мой родственник и давний соратник.

Бонарт слегка поклонился.

– Ну а это – та маленькая разбойница, которой сегодня предстоит нас развлекать, – отметила факт тощая маркиза, впиваясь в Цири блекло-голубыми глазами. Голос у нее был хриплый, сексапильно вибрирующий и донельзя пропитой. – Не очень красива, сказала б я. Но неплохо сложена... Вполне приятное... тельце.

Цири дернулась, оттолкнула назойливую руку, побледнев от ярости и шипя, как змея.

– Прошу руками не трогать, – холодно проговорил Бонарт. – Не подкармливать, не дразнить. За последствия не отвечаю.

– Тельце, – маркиза облизнула губы, не обращая внимания на его слова, – всегда можно привязать к кровати, тогда оно становится более доступно. Может, продадите, господин Бонарт? Мы с маркизом любим такие тельца, а господин Хувенагель журит нас, когда мы используем местных пастушек и кметских ребятишек. Впрочем, маркиз теперь уже не тот, что раньше! Детвора не для него. Бегать не может из-за всяческих шанкров и кондилон, которые у него в промежности пооткрывались...

– Довольно. Довольно, Матильда, – мягко, но быстро сказал Хувенагель, видя на лице Бонарта растущее отвращение. – Пора уже в цирк. Господину бургомистру только что сообщили, что в город въехал Виндсор Имбра с подразделением кнехтов барона Касадея. Значит – нам пора.

Бонарт достал флакончик, протер рукавом ониксовую крышку столика, высыпал на нее маленькую горку белого порошка. Притянул Цири за цепь от ошейника.

– Знаешь, как этим пользоваться?

Цири стиснула зубы.

– Втяни носом. Или возьми на посплюявленный палец и вотри в десну.

– Нет!

Бонарт даже не повернул головы.

– Сделаешь сама, – тихо сказал он, – или это сделаю я, но тогда уж потешатся все

присутствующие. Слизистые оболочки у тебя ведь не только во рту и в носу, Крысица. В некоторых других забавных местах тоже. Я кликну слуг, велю тебя раздеть, придержать и использовать для забавы эти места.

Маркиза де Нэменс-Уйвар гортанно засмеялась, глядя, как Цири дрожащей рукой тянется к наркотику.

– Забавные места, – проговорила она, облизнув губы. – Любопытная мысль. Надо будет как-нибудь попробовать! Эй, эй, девушка, осторожнее, не транжирь хороший порошок. Оставь немного мне!

Наркотик был гораздо сильнее, чем тот, которым пользовались Крысы. Уже через несколько минут Цири охватила слепящая эйфория, все вокруг стало резким, свет и краски резали глаза, запахи свербил в носу, звуки стали невыносимо громкими, все сделалось нереальным, воздушным, эфемерным. Были ступени, были угнетающие тяжелой пылью гобелены и драпри, был хриплый смех маркизы де Нэменс-Уйвар. Был двор, быстрые капли дождя на лице, рывки ошейника, который все еще не был с нее снят. Огромное здание с деревянным куполом и большой отвратительно безвкусной картиной на фасаде – не то дракон, не то грифон, не то выворотень. Перед входом в здание толпились люди. Один кричал и жестикулировал.

– Это мерзко! Мерзко и грешно, господин Хувенагель! Дом, бывший некогда храмом, использовать для столь нечестного, бесчеловечного и отвратительного зрелища! Животные тоже чувствуют, господин Хувенагель! У них тоже есть свое достоинство! Преступно ради выгоды натравливать одних на других к утехе черни!

– Успокойтесь, святой отец! И не мешайте моему частному предпринимательству! А вообще-то сегодня здесь не будут натравливать животных. Ни одного зверя! Исключительно люди!

– Ах так? Ну, тогда прошу прощения.

Здание было набито людьми, сидевшими на рядах скамей, расположенных амфитеатром. В центре разместилась яма, круговое углубление диаметром около тридцати футов, обнесенное толстыми бревнами и окруженное перилами. Смерд и шум дурманили. Цири снова почувствовала рывок ошейника, кто-то схватил ее под мышки, кто-то подтолкнул. Не ведая как, она оказалась на дне охваченного бревнами углубления, на плотно утрамбованном песке.

На арене.

Первый удар прошел, теперь наркотик лишь подбадривал и обострял органы чувств. Цири прижала руки к ушам – заполняющая амфитеатр толпа гудела, гикала, свистела. Шум стоял невероятный. Она увидела, что ее правое запястье и предплечье тесно охватывают кожаные наручи. Когда ей их надели, она не помнила.

Услышала знакомый пропитой голос, увидела тощую фисташковую маркизу, нильфгаардского ротмистра, пастелевого бургомистра, Хувенагеля и Бонарта, занимающих возвышающуюся над ареной ложу. Она снова схватилась за уши, потому что кто-то вдруг крепко ударил в медный гонг.

– Смотрите, люди! Сегодня на арене не волк, не гоблин, не эндриага! Сегодня на арене убийца Фалька из банды Крыс! Заклады принимает касса у входа! Не жалейте денег, люди! Удовольствие не съешь, не выпьешь, но если поскупишься на него – не приобретешь, а потеряешь!

Толпа рычала и аплодировала. Наркотик действовал. Цири дрожала от эйфории, ее зрение и слух отмечали каждую деталь. Она слышала хохот Хувенагеля, пьяный смех маркизы, серьезный голос бургомистра, холодный бас Бонарта, повизгивание жреца – защитника животных, пiski женщин, плач ребенка. Она видела темные потеки крови на ограждавших арену бревнах, зияющую в них обрешеченную вонючую дыру. Блестящие от пота, скотски искривленные морды над ограждением.

Неожиданное движение, поднимающиеся голоса, ругань. Вооруженные люди, расталкивающие толпу, но увязающие, упирающиеся в стену охранников, вооруженных алебардами. Одного из этих людей она уже встречала, помнила смуглое лицо и черные усики, похожие на черточку, нанесенную угольком на дрожащую в тике верхнюю губу.

– Господин Виндсор Имбра? – Голос Хувенагеля. – Из Гесо? Сенешаль высокородного барона Касадея? Приветствуем вас, приветствуем зарубежных гостей. Прошу вас. Плата при входе!

– Я сюда не в игрушки играть пришел, господин Хувенагель! Я здесь по делам службы. Бонарт знает, о чем я говорю!

– Серьезно, Лео? Ты знаешь, о чем говорит господин сенешаль?

– Без дурацких шуточек. Нас здесь пятнадцать! Мы приехали за Фалькой! Давайте ее, иначе худо будет!

– Не понимаю, чего ты кипятишься, Имбра, – насупил брови Хувенагель. – Но заметь – здесь не Гесо и не земли вашего самоуправного барона. Будете шуметь и людей беспокоить, велю вас отсюда плетью выставить!

– Не в обиду тебе будь сказано, господин Хувенагель, – остановил его Виндсор Имбра, – но закон на нашей стороне! Господин Бонарт пообещал Фальку господину барону Касадею. Дал слово. Так пусть свое слово сдержит!

– Лео? – затряс щеками Хувенагель. – О чем это он? Ты знаешь?

– Знаю. И признаю его правоту. – Бонарт встал, небрежно махнул рукой. – Не стану возражать или причинять кому-либо беспокойство. Вон она, девчонка, все видят. Кому надо, пусть берет.

Виндсор Имбра замер, губа задрожала сильнее.

– Даже так?

– Девчонка, – повторил Бонарт, подмигнув Хувенагелю, – достанется тому, кто не поленится ее с арены вытащить. Живой или мертвой – в зависимости от вкусов и склонностей.

– Даже так?

– Черт побери, я начинаю терять спокойствие! – Бонарт удачно изобразил гнев. – Ничего другого, только «даже так» да «даже так». Шарманка испорченная. Как? А вот так, как пожелаешь! Твоя воля. Хочешь, напичкай мясо ядом, кинь ей, как волчице. Только не думаю, что она станет жрать. На дуру не похожа, а? Нет, Имбра. Кто хочет ее заполучить, должен сам к ней спуститься. Туда, на арену. Тебе нужна Фалька? Ну так бери ее!

– Ты мне свою Фальку под нос суешь, будто сому лягушку на удочке, – проворчал Виндсор Имбра. – Не верю я тебе, Бонарт. Носом чую, что в той лягушке железный крючок укрыт.

– Ну и нос! Какая чувствительность к железу! Поздравляю! – Бонарт встал, вынул из-под

скамьи полученный в Фано меч, вытянул его из ножен и кинул на арену, да так ловко, что оружие вертикально воткнулось в песок в двух шагах от Цири. – Вот тебе и железо. Явное, вовсе не укрытое. Мне эта девка ни к чему. Кто хочет, путь берет. Если взять сумеет.

Маркиза де Нэменс-Уйвар нервически засмеялась.

– Если взять сумеет! – повторила она пропитым контральто. – Потому как теперь у тельца есть меч. Браво, милсдарь Бонарт. Мне казалось отвратительным отдавать в руки этим голодранцам безоружное тельце.

– Господин Хувенагель. – Виндсор Имбра уперся руками в бока, не удостаивая тощей аристократки даже взгляда. – Этот вертеп разыгрывается под вашим покровительством, потому как ведь театр-то ваш. Скажите-ка мне, по чьим правилам здесь играют? По вашим или бонартовским?

– По театральным, – расхохотался Хувенагель, трясая животом и бульдожьими брылами. – Потому как театр-то действительно мой, однако же наш клиент – наш хозяин, он платит, он и условия ставит! Именно клиент ставит условия. Мы же, купцы, должны поступать в соответствии с этими правилами: чего клиент желает, то и надобно ему дать.

– Клиент? Вот это быдло, что ли? – Виндсор Имбра широким жестом обвел заполненные народом скамьи. – Все они пришли сюда и заплатили за то, чтобы полюбоваться зрелищем?

– Доход есть доход, – ответил Хувенагель. – Если что-то пользуется спросом, почему б это что-то не продавать? Люди за бой волков платят? За борьбу эндриаг и аардварков? За науськивание собак на барсука или выворотня в бочке? Чему ты так удивляешься, Имбра? Людям зрелища и потехи нужны как хлеб, хо-хо, даже больше, чем хлеб. Многие из тех, что пришли, от себя оторвали. А глянь, как у них глаза горят. Дождаться не могут, чтобы потеха началась.

– Но у потехи, – язвительно усмехаясь, добавил Бонарт, – должна быть сохранена хотя бы видимость спорта. Барсук, прежде чем его, собачья его душа, псы из бочки вытащат, может кусать зубами, так спортивней получается. А у девчонки есть клинок. Пусть и здесь будет спортивно. Как, добрые люди, я прав или не прав?

Добрые люди вразнобой, но громко и ликующе подтвердили, что Бонарт прав во всех отношениях. Целиком и полностью.

– Барон Касадей, – медленно проговорил Виндсор Имбра, – недоволен будет, господин Хувенагель. Ручаюсь, рад он не будет. Не знаю, стоит ли вам с ним раздор учинять.

– Доход есть доход, – повторил Хувенагель и тряхнул щеками. – Барон Касадей прекрасно знает об этом. Он у меня под маленькие проценты большие деньги одолжил, а когда придет, чтобы еще одолжить, тогда уж мы как-нибудь наши раздоры отладим. Но я не допущу, чтобы какой-то заграничный деятель вмешивался в мое личное и частное предпринимательство. Здесь поставлены заклады. И люди за вход уплатили. В песок, что на арене, должна впитаться кровь.

– Должна? – заорал Виндсор Имбра. – Говно собачье. Ох, рука у меня чешется показать вам, что вовсе не должна! Вот уйду отсюда и поеду себе прочь, не оглядываясь. Вот тогда вы можете вдоволь тут свою собственную кровь пускать! Мне даже подумать мерзостно собравшемуся сброду потеху доставлять!

– Пусть идет. – Из толпы неожиданно вышел заросший до глаз тип в куртке из конской кожи. – Хрен с им, пуцай идет, ежели ему, вишь ты, мерзит! Мне не мерзит. Говорили, кто эту Крысицу упекет, получит награду. Я объявляюсь и на арену вхожу.

– Еще чего! – взвизгнул один из людей Имбры, невысокий, но жилистый и крепко срубленный мужчина с буйными, расчехранными и свалявшимися в колтуны волосами. – Мы-та первой были! Верно, парни?

– Верно, – поддержал его другой, худой, с бородкой клинышком. – При нас первенствование! А ты нос не задирай, Виндсор! Ну и чего, что чернь в зрителях? Фалька на арене, стоит руку потянуть и – хватай. А хамы пущай себе глаза вылупляют, нам плевать на это!

– Да еще и добыток достанется! – заржал третий, выраженный в яркий амарантовый дублет. – Ежели спорт, так спорт, разве ж не так, господин Хувенагель? А коли потеха, так потеха! Тут вроде бы о какой-то награде болтали?

Хувенагель широко улыбнулся и подтвердил кивком головы, гордо и достойно тряся обвисшими брылами.

– А как, – любопытствовал бородатенький, – заклады ставят?

– Пока, – рассмеялся купец, – на результаты боя еще не ставили! Сейчас идет три к одному, что ни один из вас не осмелится войти за ограждение.

– Фью-ю-ю-ю! – свистнул Конская Шкура. – Я осмелюсь! Я готов!

– Сдвинься, сказал! – возразил Колтун. – Мы первыми были, и, сталбыть, первенствование по нашей стороне. А ну, чего ждем?

– И всколькиром можно туда, к ей на площадку? – Амарантовый поправил пояс. – Али токмо поодиночке лъзя?

– Ах вы, сукины дети! – совершенно неожиданно рявкнул пастельный бургомистр бычьим голосом, никак не соответствующим его телесам. – Может, вдсятером хотите на одиночку? Может, конно? Может, на колесницах? Может, вам катапульту с цехгауза одолжить, чтобы вы издавека камнями в девуку метали? А! Ну!

– Ладно, ладно, – прервал Бонарт, что-то быстро обсудив с Хувенагелем. – Пусть будет спорт, но и потеха тоже быть должна. Можно по двое. Парой, значит.

– Но награда, – предупредил Хувенагель, – удвоена не будет! Если вдвоем, то придется поделить.

– Какая ишшо пара? Как ишшо вдвох? – Колтун резким движением стряхнул с плеч куртку. – И не встыд вам, парни? Это ж девка, не боле того! Тьфу! А ну, отсунься. Один пойду и положу ее! Тоже делов-то!

– Мне Фалька нужна живая, – запротестовал Виндсор Имбра. – Плевал я на ваши бои и поединки! Я на Бонартову потеху не пойду, мне девка нужна. Живая! Вдвоем пойдете, ты и Ставро. И вытащите ее оттуда.

– Для меня, – проговорил Ставро, тот, что с бородкой, – позорно идти вдвоем на эту ходобищу.

– Барон тебе твой позор флоренами осладит. Но только за живую.

– Стало быть, барон скупец, – захохотал Хувенагель, тряся брюхом и бульдожьими брылами. – И духа спортивного нет в нем ни на обол. Да и желания другим дух поднимать. Я же спорт поддерживаю. И размер награды увеличиваю. Кто в одиночку на арену выйдет и один, на собственных ногах с ней сойдется, тому я этой вот рукой из этого вот кошеля не двадцать, а тридцать флоренов выложу.

– Так чего ж мы ждем? – крикнул Ставро. – Я иду первым!

– Не спеши! – снова прорычал маленький бургомистр. – У девки всего лишь тонкий лён на хребте! Значит, и ты скинь свою разбойничью шкуру, солдат! Это ж спорт!

– Чума на вас! – Ставро сорвал с себя украшенный железяками кафтан, затем стащил через голову рубаху, явив миру худые, заросшие, как у павиана, руки и грудь. – Чума на вас, глубокоуважаемый, и на ваш спорт засратый! Так пойду, нагишом, в портках одних! Вот так! Иль портки тоже скинуть?

– Снимай и подштанники! – сексуально прохрипела маркиза де Нэменс-Уйвар. – Посмотрим, только ль на морду ты мужик!

Награжденный долгими аплодисментами, голый по пояс Ставро достал оружие, перебросил ногу через бревно барьера, внимательно наблюдая за Цири. Цири скрестила руки на груди. Не сделала даже шага в сторону торчащего из песка меча. Ставро замялся.

– Не делай этого, – сказала Цири очень тихо. – Не заставляй меня... Я не позволю прикоснуться к себе.

– Не злись, девка. – Ставро перебросил через барьер вторую ногу. – У меня ничего супротив тебя нет. Но доход есть доход.

Он не закончил, потому что Цири была уже рядом. Уже держала в руке Ласточку, как она мысленно называла гномов гвихир. Она использовала простой, прямо-таки детский выпад, финт, который называется «три шажка», но Ставро не дал себя на это поймать. Он отступил на шаг, инстинктивно поднял меч и тут оказался целиком в ее власти – после отскока уперся спиной в ограждение арены, а острие Ласточки застыло в дюйме от кончика его носа.

– Этот фокус, – пояснил Бонарт маркизе, перекрывая рев и крики восхищения, – называется «три шажка, обман и выпад терцией». Дешевый номер, я ждал от девчонки чего-нибудь поизящнее. Но надо признать, захоти она, этот остопоп был бы уже мертв.

– Убей его! Убей! – орали зрители. А Хувенагель и бургомистр Пенницвик опустили вниз большие пальцы. С лица Ставро отхлынула кровь, на щеках проступили прыщи и оспины – последствия перенесенной в детстве болезни.

– Я ведь сказала, не заставляй меня, – прошептала Цири. – Я не хочу тебя убивать! Но прикоснуться к себе не дам. Возвращайся туда, откуда пришел.

Она отступила, отвернулась, опустила меч и посмотрела вверх, в ложу.

– Забавляетесь мной! – крикнула она ломким голосом. – Хотите принудить биться? Убивать? Не заставите! Я не буду драться!

– Ты слышал, Имбра? – прогремел в тишине насмешливый голос Бонарта. – Прямая выгода! И никакого риска! Она не будет драться. Ее, понимаешь ли, можно забирать с арены и отвезти к барону Касадею, чтобы он наигрался с ней вдоволь. Можно взять без риска. Голыми руками!

Виндсор Имбра сплюнул. Все еще прижимающийся спиной к бревнам Ставро тяжело дышал, сжимая в руке меч. Бонарт засмеялся.

– Но я, Имбра, ставлю бриллианты против орехов – ничего у вас из этого не получится.

Ставро глубоко вздохнул. Ему показалось, что стоящая к нему спиной девушка выбита из колеи, расслабилась. Он кипел от ярости, стыда и ненависти. И не выдержал. Напал. Быстро

и предательски.

Зрители не заметили вольта и обратного удара. Увидели только, как бросающийся на Фальку Ставро проделывает прямо-таки балетный прыжок, а потом, совсем уж не балетным па, валится лицом в песок, а песок моментально набухает кровью.

– Инстинкты берут верх! – перекричал толпу Бонарт. – Рефлексы действуют! Ну как, Хувенагель? Разве не говорил я? Вот увидишь, цепные псы не потребуются!

– Ах, что за прелестное и прибыльное зрелище! – Хувенагель аж прищурился от удовольствия.

Ставро приподнялся на дрожащих от усилия руках, замотал головой, закричал, захрипел, его вырвало кровью, и он снова упал на песок.

– Как, вы сказали, называется этот удар, милостивый государь Бонарт? – сексуально прохрипела маркиза де Нэменс-Уйвар, потирая коленом колено.

– Это была импровизация... – Охотник за наградами, который вообще не смотрел на маркизу, сверкнул зубами. – Прекрасная, творческая, я бы сказал, прямо-таки нутряная импровизация. Я слышал о том месте, где учат так импровизированно выпускать кишки. Готов поспорить, что наша мазелька знает это место. А я уже знаю, кто она такая.

– Не принуждайте меня! – крикнула Цири, и в ее голосе завибрировала угрожающая нотка. – Я не хочу! Понимаете? Не хочу!

– Эта девка из пекла родом! – Амарантовый ловко перепрыгнул через барьер, моментально обежал арену вокруг, чтобы отвлечь внимание Цири от запрыгивающего с противоположной стороны Колтуна. Вслед за Колтуном барьер преодолел Конская Шкура.

– Нечистая игра! – зарычал чувствительный ко всему, что касается игр, маленький, как низушек, бургомистр Пенницвик, и толпа его поддержала.

– Трое на одну! Нечистая игра!

Бонарт засмеялся. Маркиза облизнула губы и принялась еще сильнее перебирать ногами.

План тройки был прост – припирают отступающую девушку к бревнам, а потом двое блокируют, а третий убивает. Ничего у них не получилось. По той простой причине, что девушка не отступала, а нападала.

Она проскользнула между ними балетным пируэтом так ловко, что почти не оставила на песке следов. Колтуна ударила на лету, точно туда, куда и следовало ударить. В шейную артерию. Удар был такой тонкий, что она не сбила ритма, а танцуя вывернулась в обратный финт. При этом на нее не попала ни капля крови, хлещущей из шеи Колтуна чуть ли не на сажень. Амарантовый, оказавшийся позади нее, хотел рубануть Цири по шее, но удар предательского меча пришелся на молниеносный ответный выпад выброшенного за спину клинка. Цири развернулась как пружина, ударила обеими руками, увеличив силу удара резким разворотом бедер. Темный, острый как бритва гномий клинок, шипя и чмокая, распорол Амарантовому живот, тот взвыл и рухнул на песок, тут же свернувшись в клубок. Конская Шкура, подскочив, ткнул было девушку острием в горло, но она мгновенно вывернулась в вольте, мягко обернулась и коротко резанула его серединой клинка по лицу, вспоров глаз, нос, рот и подбородок.

Зрители орали, свистели, топали и выли. Маркиза де Нэменс-Уйвар засунула обе руки между стиснутыми ляжками, облизывала губы и смеялась пропитым нервным контральто. Нильфгаардский ротмистр тыла был бледен, как веленевая бумага. Какая-то женщина

пыталась прикрыть глаза вырывающемуся ребенку. Седой старичок в первом ряду бурно и громко извергал содержимое желудка, покрывая блевотиной песок между ногами.

Конская Шкура рыдал, ухватившись за лицо, из-под пальцев струилась смешанная со слюной и слизью кровь. Амарантовый дергался на песке и визжал свиньей. Колтун перестал царапать бревно, скользкое от крови, брызгавшей из него в такт биениям сердца.

– Спааасиитее! – выл Амарантовый, судорожно пытаясь удержать вываливающиеся из живота внутренности. – Ребееебееебееятаа! Спааасите!

– Пиии... тхи... бхиии, – блевался и сморкался кровью Конская Шкура.

– У-бей е-го! У-бей е-го! – скандировала жаждущая хлеба и зрелищ публика, ритмично топая. Блюющего старичка спихнули со скамьи и пинками угнали на галерку.

– Ставлю бриллианты против орехов, – прогремел среди крика и ора насмешливый бас Бонарта, – что больше никто не отважится выйти на арену. Бриллианты против орехов, Имбра! Да что там – даже против ореховой скорлупы!

– У-бей! – Рев, топанье, аплодисменты. – У-бей!

– Милостивая дева! – выкрикнул Виндсор Имбра, жестами призывая подчиненных. – Дозволь раненых забрать! Дозволь выйти на арену и забрать, прежде чем они кровью истекут и помрут! Прояви человечность, милостивая дева!

– Человечность?! – с трудом повторила Цири, чувствуя, что только теперь она по-настоящему начинает закипать. Она быстро привела себя в норму серией выученных вдохов-выдохов. – Войдите и заберите. Но войдите без оружия. Будьте и вы человечны. Хотя бы раз!

– Не-е-е-ет! – рычала и скандировала толпа. – У-бить! У-бить!

– Вы – подлые скоты! – Цири, танцуя, развернулась, ведя глазами по трибунам и скамьям. – Вы – подлые свиньи! Мерзавцы! Паршивые сукины дети! Идите сюда, спуститесь, попробуйте и понюхайте! Вылизите кровь, пока не застыла! Скоты! Вампиры!

Маркиза охнула, задрожала, закатила глаза и мягко привалилась к Бонарту, не вынимая зажатых между ляжками рук. Бонарт поморщился и отодвинул ее от себя, вовсе и не помышляя о деликатности. Толпа выла. Кто-то бросил на арену огрызок колбасы, другой – ботинок, третий – огурец, целясь при этом в Цири. Она на лету рассекла огурец ударом меча, вызвав тем самым еще более громкий взрыв рева.

Виндсор Имбра и его люди подняли Амарантового и Конскую Шкуру. Амарантовый зарычал. Конская Шкура потерял сознание. Колтун и Ставро вообще не подавали признаков жизни. Цири отступила так, чтобы быть как можно дальше. Насколько позволяла арена. Люди Имбры тоже старались держаться от нее в стороне.

Виндсор Имбра не двигался. Он ждал, пока вытащат раненых и убитых. Он смотрел на Цири из-под полуприкрытых век, держа руку на рукояти меча, который, несмотря на обещание, не отвязал, выходя на арену.

– Не надо, – предостерегла она, едва заметно шевеля губами. – Не вынуждай меня. Прошу.

Имбра был бледен. Толпа топала, орала и выла.

– Не слушай ее, – снова перекрыл рев и гам Бонарт. – Достань меч. Иначе весь мир узнает, что ты трус и засранец! От Альбы до Яруги будет известно, что доблестный Виндсор Имбра удрал от малолетней девчонки, поджав хвост, словно дворняга!

Клинок Имбры на один дюйм выдвинулся из ножен.

– Не надо, – сказала Цири.

Клинок спрятался.

– Трус! – заорал кто-то из толпы. – Дерьмояд! Заячья жопа!

Имбра с каменным выражением лица подошел к краю арены. Прежде чем ухватиться за протянутые сверху руки, оглянулся еще раз.

– Ты наверняка знаешь, что тебя ждет, девка, – сказал он тихо. – Наверняка уже знаешь, что такое Лео Бонарт. Наверняка уже знаешь, на что Лео Бонарт способен. Что его возбуждает. Тебя будут выталкивать на арену! Ты будешь убивать на потеху таким свиньям и сволочам, как все эти сидящие вокруг хари. И на потеху тем, кто еще хуже них. А когда уже то, что ты убиваешь, перестанет их тешить, когда Бонарту надоест мучить тебя, тогда он тебя убьет. Они выпустят на арену столько бойцов, что ты не сумеешь прикрыть спину. Или выпустят собак. И собаки тебя растерзают, а чернь в зале будет вдыхать сладостный аромат крови, и колотить в ладони, и орать «фора!». А ты подохнешь на испоганенном песке. Подохнешь точно так, как сегодня умирали те, которых посекла ты. Ты вспомнишь мои слова.

Странно, но только теперь она обратила внимание на небольшой гербовый щит на его эмалированном ринграфе.

Серебряный, поднявшийся на дыбы единорог на черном поле.

Единорог.

Цири опустила голову. Она глядела на украшенный орнаментом клинок меча.

И вдруг сделалось очень тихо.

– Ради Великого Солнца, – неожиданно проговорил молчавший до того Деклан Рос аэп Маэльглыд, нильфгаардский ротмистр тыла. – Не делай этого, девушка. Ne tuv'en que'ss, luned!

Цири медленно перевернула Ласточку в руке, уперла головку в песок. Согнула колено. Придерживая оружие правой рукой, левой точно нацелила острие себе под грудь. Острие мгновенно пробило одежду, кольнуло.

«Только б не разреветься, – подумала Цири, сильнее напирая на меч. – Только не плакать. Плакать не по кому и не над чем. Одно сильное движение – и всему конец... Всему...»

– Не сумеешь, – раздался в полной тишине голос Бонарта. – Не сумеешь, ведьмачка! В Казр Морхене тебя научили убивать, поэтому ты убиваешь как машина. Рефлекторно. А для того чтобы убить себя, требуются характер, сила, решимость и отвага. А этому они не могли тебя научить.

– Как видишь, я не смогла, он оказался прав, – с трудом сказала Цири. – Не смогла.

Высогота молчал, держа в руке шкурку нутрии. Неподвижно. Уже давно. Он почти забыл о ней.

– Я струсил. Струсил. И заплатила за это. Как платит трус. Болью, позором, паскудным унижением. И жутким отвращением к себе самой.

Высогота молчал.

Если б в ту ночь кто-нибудь подкрался к хате с провалившейся стрехой и заглянул сквозь щели в ставнях, то увидел бы в скупо освещенной комнатухе седобородого старика и пепельноволосую девушку, сидящих у камина. Заметил бы, что они молчат, уставившись в светящиеся рубином угли.

Но этого увидеть не мог никто. Хата с провалившейся, заросшей мхом стрехой была хорошо укрыта туманом и испарениями на бескрайних болотах и трясинах Переплюта, куда никто не отваживался заходить.

Глава пятая

Кто прольет кровь человеческую, того кровь прольется рукою человека. Бытие, 9:6

Многие из живущих заслуживают смерти, а многие из умерших – жизни. Ты можешь вернуть им ее? То-то же. Тогда не спеши осуждать и на смерть. Никому, даже мудрейшему из мудрых, не дано видеть все хитросплетения судьбы. Дж. Р. Р. Толкин

Воистину, великая надобна самоуверенность и великая ослепленность, дабы кровь, стекающую с эшафота, именовать правосудием. Высогота из Корво

– Чего вы ищете на моей земле? – повторил вопрос Фулько Артевельде, префект из Ридбруна, уже явно обеспокоенный затянувшейся тишиной. – Откуда прибыли? Куда направляетесь? С какой целью?

«Вот так кончаются игры в добрые намерения, – подумал Геральт, глядя на иссеченное заглубевшими шрамами лицо префекта. – Так кончаются благородные порывы дурного ведьмака, проявившего сочувствие к банде заросших грязью лесных людей. Так заканчиваются желания обрести удобство и ночлег в заезжих дворах, в которых обязательно сыщется шпик. Таковы печальные последствия странствований с болтуном-виршеплетом на шее. И вот сижу я теперь в напоминающей камеру беззаконной конуре, на жестком, прибитом к полу стуле для допрашиваемых, а спинка этого стула, чего невозможно не заметить, снабжена захватами и кожаными ремешками для укрепления рук и фиксации шеи. Правда, пока что ими не воспользовались, но они есть.

И как же, черт побери, теперь выпутаться из этой истории?»

Проблуждав пять дней с зареченскими бортниками, они наконец-то выбрались из лесной пущи и вышли на заболоченные кустарники. Дождь прошел, ветер разогнал испарения и легкий туман, солнце пробилось сквозь тучи, и в лучах солнца заиграли снежной белизной вершины гор.

Если еще не так давно Яруга была для них той четкой линией, границей, пересечение которой казалось явным переходом к дальнейшему, более серьезному этапу похода, то теперь они еще сильнее почувствовали, что приближаются к черте, барьеру, грани, к тому месту, с которого можно только отступать. Это чувствовали все и в первую очередь сам Геральт – ничего иного почувствовать было невозможно, когда с утра до вечера перед твоими глазами вздымается на юге и загораживает путь могучая, зубчатая, горящая снегами

и ледниками горная цепь. Горы Амелл. И возвышающийся даже над зубастой пилой Амелла грозный и величественный, граненый, словно острие кинжала, обелиск Горгоны. Горы Дьявола. Они не обсуждали эту тему, но Геральт чувствовал, что думают о ней все. Потому что и ему при взгляде на цепь Амелла и Горгону мысль о продолжении похода на юг тоже казалась чистейшей воды сумасшествием.

К счастью, вдруг оказалось, что больше на юг идти не придется.

Известие принес кудлатый лесной бортник, из-за которого последние пять дней им выпала роль вооруженного эскорта. Тот самый супруг и отец пригожих гамадриад, рядом с которыми сам он смотрелся как кабан при кобылах. Тот самый, который пытался обмануть их, утверждая, будто друиды из Каэд Дху отправились на Стоки.

Случилось это на следующее утро после прибытия в многолюдный как муравейник городок Ридбрун, который был целью движения бортников и трапперов из Заречья. То есть на следующий день после прощания с эскортируемыми бортниками, которым ведьмак больше нужен не был, а поэтому он никак уж не ожидал увидеть кого-нибудь из них. Тем большим было его удивление.

Большим, потому что бортник начал с пространного извития слов, благодарностей, а окончил тем, что вручил Геральту мешок, полный денег, в основном мелочи. Его ведьмачьей платы. Он принял, чувствуя на себе немного насмешливые взгляды Региса и Кагыра, которым не раз во время похода жаловался на неблагодарность человеческую и подчеркивал безмерную глупость руководившего им бескорыстного альтруизма.

И тогда возбужденный бортник прямо-таки выкрикнул новость: «Того-этого, омельники, стало быть, друиды, сидят, господин ведьмак, того-этого, в дубравах над озером Лок Мондуирн, кое находится, того-этого, в тридцати пяти милях к западу отседова».

Сведения эти бортник добыл в пункте скупки меда и воска у проживающего в Ридбруне родственника, а родственник тот, в свою очередь, получил сию информацию от знакомого, искателя алмазов. Когда же бортник узнал о друидах, он что есть духу помчался, чтобы, того-этого, уведомить. И теперь аж весь излучал счастье, пылал гордостью и чувством значимости, как любой враль, вранье которого случайно оборачивается правдой.

Вначале Геральт намеревался было двинуться к Лок Мондуирну незамедлительно, но компания активно воспротивилась. Располагая деньгами бортников, заявили Регис и Кагыр, и находясь в таком месте, где торгуют всем, надлежит пополнить запасы провизии и снаряжения. И подкупить стрел, добавила Мильва, потому как от нее постоянно требуют дичи, а не станет же она стрелять оструганными щепками. И хотя бы одну ночь, заметил Лютик, переспать в гостинице, улегшись в постель, предварительно искупавшись и с приятственным пивным шумком в голове.

Друиды – признали все хором – не волки, в лес не убегут.

– Хоть это полное и неожиданное стечение обстоятельств, – добавил со странной улыбкой вампир Регис, – но наша команда оказалась на совершенно верном пути движения в совершенно верном же направлении. А посему нам бесспорно и однозначно предначертано к друидам попасть. День либо два задержки значения не имеют. Что же до поспешности, – философически добавил он, – то ощущение, будто время зверски торопит, обычно является сигналом тревоги, обязывающим попридержать темп, действовать помалу и с соответствующей обдуманностью.

Геральт не возражал и не скандалил. Против философских умозаключений вампира не выступал, хотя навещавшие его по ночам странные видения все же склоняли к поспешанию. Независимо от того, что сути этих сновидений он после пробуждения вспомнить не мог.

Было семнадцатое сентября, полнолуние. До осеннего Эквинокция оставалось шесть дней.

Мильва, Регис и Кагыр вызвались закупить провиант и укомплектовать снаряжение. Геральту же и Лютику выпало провести разведку в Ридбруне и «взять языка».

Лежащий в излучине реки Нэви Ридбрун когда-то был городком небольшим, если считать городком только плотную деревянную и кирпичную застройку внутри кольца ошетинившихся частоколом земляных валов. Но плотная застройка внутри кольца валов составляла лишь центр города, и здесь жить могло не более десятой части населения. Девять же десятых обитали в шумном море охвативших валы хат, халуп, шалашей, будок, сараев, палаток и фургон, выполняющих роль жилья.

За чичероне ведьмаку и поэту служил родственник бортника, молодой, плутоватый и нагловатый субъект, типичный представитель здешних шалопаев, родившийся в канаве, в дюжине канав валявшийся и не раз в них же утолявший жажду. В городском шуме, толкотне, грязи и вони он чувствовал себя как форель в хрустальной горной быстрине, а возможность сопровождать кого-то по своему отвратительному городишку его явно радовала. Не обращая внимания на тот факт, что его никто ни о чем не спрашивает, парнишка активно давал пояснения. Оказывается, Ридбрун является важным этапом для нильфгаардских поселенцев, направляющихся на север за обещанными императором наделами: как-никак, четыре лана, или, легко сосчитать, пятьсот морг[27]. К тому же десятилетнее освобождение от податей и налогов. Ридбрун лежит в устье долины реки Нэви, пересекающей горы Амелл и идущей через перевал Теодуль, соединяющий Стоки и Заречье с Маг Тургой, Гесо, Метинной и Мехтом, территориями, уже давно подчиненными Нильфгаардской империи. Город Ридбрун, объяснял сорванец, для поселенцев – последнее место, где еще можно рассчитывать на что-то большее, нежели только на себя, на свою бабу и на то, что уместилось на телегах. Поэтому-то большинство поселенцев довольно долго стоят под городом, набираясь духа для последнего рывка к Яруге и за Яругу. А многие из них, добавил парень с гордостью канавного патриота, остаются в городе навсегда, потому что город этот – ого-го! – культура, не какое-то тебе деревенское, провонявшее навозом захолустье.

Сказать по правде, Ридбрун тоже здорово вонял, в том числе и навозом.

Геральт несколько лет назад побывал здесь, но теперь городка не узнавал. Очень многое изменилось. В былые времена здесь не шаталось столько конников в черных латах и плащах с серебряными эмблемами на нарукавниках. В былые времена под городом не было и каменоломен, в которых ободранные, грязные, истощенные донельзя и окровавленные люди ломали камень на плиты и дробили на щебень, подгоняемые палками одетых в черное надсмотрщиков.

– Здесь стоит много нильфгаардского войска, – пояснил мальчишка, – но не постоянно, а только на время перерыва в переходах и преследовании партизан из организации «Вольные Стоки». Сильный нильфгаардский гарнизон сюда пришлют, когда уже на месте старого города будет возведена большая каменная крепость из того камня, который добывают в каменоломнях. Камень же ломают военнопленные. Из Лирии, Аэдирна, последнее время из Соддена, Бругге, Ангрена. И из Темерии. Здесь, в Ридбруне, вкалывают сотни четыре пленных. Добрых пять сотен работают на рудниках, приисках и в карьерах вокруг Бельхавена, а свыше тысячи строят мосты и ровняют дороги на перевале Теодуль.

На городском рынке и во времена Геральта тоже стоял эшафот, но не столь пышный. Не было на нем такого количества вызывающих мерзкие ассоциации приспособлений, а на шибеницах, кольях, вилах и шестах не висело и не торчало столько вызывающих отвращение и разлагающихся декораций.

– Это все господин Фулько Артевельде, недавно назначенный армейскими властями префект,

– пояснил сорванец, глядя на эшафот и украшающие его детали человеческой анатомии. – Это опять же господин Фулько послал кого-то к палачу. Шутки шутить с господином Фулько нельзя. Это свирепый господин.

Знакомец паренька, искатель алмазов, которого они нашли на постоялом дворе, не произвел на Геральта приятного впечатления, поскольку пребывал в том дрожаще-бледном, полутрезво-полупьяном, полуреальном и близком к сонному умопомрачению состоянии, в которое повергает человека беспробудная пьянка. У ведьмака мгновенно упало сердце. Походило на то, что сенсационные сообщения о друидах могли иметь источником обычную

delirium tremens [28].

Перепившийся искатель алмазов отвечал – как ни странно! – на вопросы вполне осмысленно, замечание Лютика о том, что не очень-то он похож на искателя алмазов, искатель остроумно отвел, сказав, что как только найдет хоть один алмаз, то сразу же будет походить. Место пребывания друидов над озером Мондуирн он назвал конкретно и точно, без фантастических украшательств и дутой мифоманской манеры. Позволил себе спросить, чего это собеседники ищут у друидов, а когда ему ответило презрительное молчание, предупредил, что появление в друидских дубравах равносильно верной смерти, поскольку друиды взяли за правило пришельцев хватать, засовывать в куклу, именуемую Ивовый Бабой, и сжигать живьем под сопровождение молитв, пения и заклинаний. Из рассказа следовало, что безосновательные слухи и глупые суеверия постоянно сопровождали друидов, четко выдерживая дистанцию в полстае.

Дальнейшую беседу прервали девять вооруженных гизармами солдат в черной форме, со знаками солнца на нарукавниках.

– Вы есть, – спросил командовавший солдатами унтер-офицер, похлопывая себя по лодыжке дубовой палкой, – ведьмак по имени Геральт?

– Да, – после недолгого раздумья ответил Геральт. – Мы есть таковые.

– Посему соблаговольайте проследовать за нами.

– Откуда такая уверенность, что я... соблаговольаю? Я что, арестован?

Унтер долго молча и, казалось, бесконечно глядел на него, и глядел странно, как-то без всякого уважения. Было ясно, что восемь сопровождающих его солдат дают ему основание смотреть именно так.

– Нет, – ответил он наконец. – Вы не арестованы. Арестовывать приказа не было. Если б такой приказ был, я б вас по-другому спрашивал, глубокоуважаемый господин. Са-а-авсем по-другому.

Геральт поправил пояс, на котором висел меч. Поправил достаточно демонстративно и холодно ответил:

– А я по-другому бы отвечал.

– Ну-ну, господа, – решил вступить в разговор Лютик, изобразив на лице нечто такое, что, по его мнению, было улыбкой опытного дипломата. – К чему такой тон? Мы люди порядочные, опасаться властей нам нет резона, более того, мы с удовольствием содействуем властям. Всякий раз, как выпадает такая okazия, разумеется. Но, учитывая сказанное, хотелось бы и нам от власти видеть то же, не правда ли, господин военный? Хотя бы столь мизерную вещь, как разъяснение причины желания урезать наши и без того урезанные гражданские свободы.

– Война, господин, – ответил унтер, которого ничуть не смутил поток Лютиковой речи. – Свободы, как следует из самого названия, существуют во время мира. А причины вам разъяснит господин префект. Я выполняю приказы, и давайте не будем вступать со мной в дискуссии.

– Что верно, то верно, – согласился ведьмак. – Давайте не будем. Ведите меня в префектуру, господин унтер-офицер. А ты, Лютик, возвращайся к нашим, скажи, что произошло. Делайте, что положено. Уж Регис знает, что именно.

– Так что же вы, господин ведьмак, делаете на Стоках? Чего ищете?

Вопрошавший был плечистым темноволосым мужчиной с лицом, покрытым шрамами и украшенным кожаным лоскутом, прикрывающим левый глаз. В темной улочке вид его циклопского лица наверняка исторг бы крик ужаса из груди встречных, что послабее. И совершенно напрасно, поскольку это лицо принадлежало господину Фулько Артевельде, префекту Ридбруна, самому старшему рангом стражу законности и порядка во всей округе.

– Чего ищете на Стоках? – повторил самый старший по рангу страж законности и порядка во всей округе.

Геральт вздохнул, пожал плечами, изображая равнодушие.

– Вы же сами знаете ответ на свой вопрос, господин префект. Ведь о том, что я есть ведьмак, как выразился ваш унтер, вы могли узнать исключительно от бортников из Заречья, которые наняли меня для охраны. А поскольку я есть ведьмак, постольку на Стоках ли, где ли еще я, как правило, ищу возможности заработать. Поэтому перемещаюсь в том направлении, которое указывают мне нанимающие меня хозяева.

– Логично, – кивнул Фулько Артевельде. – По крайней мере по форме. С бортниками вы расстались два дня тому назад. Но намереваетесь продолжать движение на юг в несколько странной компании. С какой целью?

Геральт не опустил глаз, выдержав горячий взгляд единственного ока префекта.

– Я арестован?

– Нет. Пока нет.

– Следовательно, цель и направление моего движения – мое личное дело. Как мне кажется.

– Однако я рекомендовал бы вам говорить честно и откровенно. Ну, хотя бы для того, чтобы доказать, что вы не чувствуете за собой никакой вины и не опасаетесь ни закона, ни стоящих на его страже властей. Попытаюсь повторить вопрос: какова цель вашего похода, ведьмак?

Геральт ненадолго задумался.

– Я пытаюсь добраться до друидов, которые когда-то проживали в Ангрене, а теперь, кажется, благоволили, как опять же выразился бы ваш унтер-офицер, перебраться в эти районы. Это нетрудно будет узнать от бортников, которых я сопровождал.

– Кто-то нанял вас, опасаясь друидов? Неужто защитники природы спалили в Ивовой Бабе одним человеком больше, чем надо?

– Сказки, сплетни, суеверия довольно странно слышать от человека просвещенного. Мне нужна от друидов информация, а не их кровь. Но, честное слово, господин префект, сдается мне, что я уже был достаточно и даже излишне откровенен и показал, что не вижу за собой никакой вины.

– Не о вашей виновности идет речь, во всяком случае, не только о ней. Однако хотелось, чтобы в нашей беседе было больше благожелательности. Вопреки видимости цель этой беседы, в частности, – сохранение жизни вам и вашим спутникам.

– Вы, – не сразу ответил Геральт, – вызвали у меня колоссальное любопытство, господин префект. В частности. Я с искренним вниманием выслушаю ваши пояснения.

– Не сомневаюсь. Будут и пояснения. Но постепенно. Поэтапно. Слышали ли вы когда-либо, господин ведьмак, об институте главного, то есть коронного, свидетеля? Знаете, кто это такой?

– Знаю. Тот, кто, желая избежать ответственности, закапывает своих друзей.

– Ужасное упрощение, – не улыбнувшись, сказал Фулько Артевельде, – впрочем, вполне типичное для нордлинга. Вы часто пробелы в образовании прикрываете саркастическими либо карикатурными упрощениями, которые считаете шутками. Здесь, на Стоках, господин ведьмак, действует закон Империи. Точнее, здесь будет действовать закон Империи, когда мы окончательно выкорчем широко распространенное беззаконие. Самым лучшим средством борьбы с беззаконием и бандитизмом является эшафот, который вы, несомненно, видели на рынке. Но порой себя оправдывает и институт коронного свидетеля.

Он выдержал эффектную паузу. Геральт не прерывал.

– Не так давно, – продолжил префект, – нам удалось поймать в ловушку шайку несовершеннолетних преступников. Бандиты сопротивлялись и погибли...

– Но не все, не так ли? – нагло догадался Геральт, которому уже начинало надоедать красноречие префекта. – Одного взяли живьем и обещали помиловать, если он станет коронным свидетелем, иначе говоря – стукачом. То есть если он согласится заваливать других. И он завалил меня.

– Чего ради такой вывод? У вас были контакты со здешним преступным миром? Сейчас или раньше?

– Нет. Не было. Ни сейчас, ни раньше. Поэтому простите, господин префект, но все, что сейчас происходит, есть либо тотальное недоразумение, либо блеф. Либо нацеленная на меня провокация. В последнем случае я рекомендовал бы не терять напрасно времени, а перейти к сути дела.

– Мысль о нацеленной на вас провокации, похоже, вас не покидает, – заметил префект, наморщив изуродованную шрамом бровь. – Неужели у вас, несмотря на заверения, все же есть поводы опасаться закона?

– Нет. Зато есть основания опасаться, что борьба с преступностью осуществляется здесь быстро, масштабно и немелочно, без тщательного выяснения – виновен или невиновен. Ну что ж, возможно, это всего лишь карикатурное упрощенчество, типичное для тупого нордлинга. Смею заметить, что нордлинг по-прежнему не понимает, каким образом префект Ридбруна намерен сохранить ему жизнь.

Фулько Артевельде несколько секунд молча рассматривал Геральта. Потом хлопнул в ладоши.

– Ввести ее, – приказал он явившимся солдатам.

Геральт несколькими глубокими вдохами успокоил себя, поскольку неожиданно возникшая мысль заставила его вспотеть, отчаянно забилося сердце. Через секунду ему пришлось еще несколько раз глубоко вдохнуть, пришлось даже – что было уж совсем невероятно! –

проделать знак спрятанной под столом рукой. А результат – не менее невероятно – был нулевой. Его кинуло в жар. И в холод.

Потому что часовые втолкнули в помещение Цири.

– О, гляньте-ка, – сказала Цири, как только ее усадили на стул и сковали руки за спинкой. – Гляньте, что кот приволок!

Артевельде проделал короткое движение рукой. Один из солдат, огромный детина с лицом не очень смышленного ребенка, неторопливо размахнулся и треснул Цири по лицу так, что аж стул покачнулся.

– Простите ее, милсдарь, – сказал солдат извиняющимся тоном и на удивление мягко. – Молодая, глупая. Дикая.

– Ангулема, – медленно и проникновенно проговорил Артевельде, – я обещал выслушать тебя. То есть выслушать твои ответы на мои вопросы. Твои шуточки я слушать не намерен. За них ты будешь наказана. Поняла?

– Да, дядечка.

Жест. Шлепок. Стул закачался.

– Молодая, – бухнул солдат, потирая руку о бедро. – Дикая...

Из курного носа девушки – Геральт уже видел, что это не Цири, и не мог надивиться своей ошибке – вытекла тонкая струйка крови. Девушка сильно хлюпнула носом и хищно усмехнулась.

– Ангулема, – повторил префект. – Ты меня поняла?

– Так точно, господин Фулько.

– Кто это, Ангулема?

Девушка снова хлюпнула носом, наклонила голову, вытаращила на Геральта огромные глазищи. Карие, не зеленые. Потом покачала растрепанной гривой светлых волос, непослушными прядками падающими на брови.

– Никогда в жизни его не видела. – Она слизнула с губы кровь. – Но знаю, кто он такой. Впрочем, я вам уже говорила, господин Фулько. Дней десять тому, как он пересек Яругу и направляется в сторону Туссента. Так иль нет, беловолосый дядечка?

– Молодая она... Дикая, – быстро сказал солдат, с некоторым беспокойством поглядывая на префекта. Но Фулько Артевельде только поморщился и pokrutil головой.

– Ты и на эшафоте будешь дурь нести, Ангулема? Ну ладно, пошли дальше. С кем, по-твоему, этот ведьмак Геральт путешествует?

– И тоже я вам это уже говорила. С красавцем по имени Лютик, который трубадурит и лютню с собой таскает. С молодой женщиной, у которой темно-блондинистые волосы, отрезанные по шейку. Ее имени не знаю. И с мужчиной одним, без описания, имя тоже не называлось. Всего их четверо.

Геральт положил подбородок на фаланги пальцев, с любопытством разглядывая девушку. Ангулема не опустила глаз.

– Ну, у тебя и глазищи, – сказала она. – Не глаза – глазяры!

– Дальше, дальше, Ангулема, – поторопил, морщась, господин Фулько. – Кто еще входит в ведьмачью компанию.

– А никто. Я ж сказала – четверо их. Ушей нет, что ль, дядечка?

Жест. Шлепок. Потекло. Солдат помассировал руку о бедро, воздержавшись от замечания о дикости и молодости.

– Лжешь, Ангулема, – сказал префект. – Сколько их, второй раз спрашиваю?

– Как хотите, господин Фулько. Как хотите. Воля ваша. Двести! Триста! Шестьсот!

– Господин префект! – Геральт быстро и резко упредил приказ бить девушку. – Оставим это, если можно. Все, что она сказала, настолько точно, что речь может идти не о лжи, а скорее о недоинформированности. Но откуда у нее эти сведения? Она только что призналась, что видит меня впервые в жизни. Я тоже вижу ее впервые. Ручаюсь.

– Благодарю, – криво глянул на него Артевельде, – за помощь в расследовании. Невероятно ценную помощь. Как только я начну допрашивать вас, рассчитываю на то, что вы окажетесь столь же красноречивы. Ангулема, ты слышала, что сказал господин ведьмак? Говори. Не заставляй себя подгонять.

– Было сказано, – девушка слизнула текущую из носа кровь, – что если донести властям о каком-нито планируемом преступлении, если выдать, кто планирует какое-нито мошенничество, то будет проявлена милость. Ну, вот я и говорю. Или нет? Я знаю о готовящемся преступлении, хочу предотвратить плохой поступок. Слушайте, что я скажу: Соловей и его кодла ожидают в Бельхавене этого вот ведьмака и собираются его там прикончить. Такой контракт заключил с ним один полуэльф, чужой, черт его знает откуда прибывший. Никому не известный. Все сказал этот полуэльф: кто как выглядит, откуда и когда прибудет, в какой компании. Предупредил, что это будет ведьмак, и не какой-то там фраер, а тертый калач, и чтобы они не разыгрывали из себя целочек, а тыркнули его в спину, из самострела пальнули, а еще лучше – отравили, если в Бельхавене он станет чего-нито есть или пить. За это полуэльф дал Соловью деньги. Много денег. А после дела пообещал дать еще больше.

– После дела, – заметил Фулько Артевельде. – Значит, тот полуэльф все еще в Бельхавене? С бандой Соловья?

– Возможно. Этого я не знаю. Уже две недели, как я сбежала из Соловьиной ганзы.

– Так вот почему ты их заваливаешь? – усмехнулся ведьмак. – Личные счета?

Глаза девушки прищурились, припухшие губы презрительно скривились.

– Какое тебе дело до моих с кем-то счетов, дядечка? А тем, что я их закладываю, жизнь тебе спасаю. Разве нет? Надо бы поблагодарить!

– Благодарю. – Геральт снова опередил приказ бить. – Я только хотел заметить, что если это личные счета, то достоверность твоих слов уменьшается, коронный свидетель. Люди выдают, чтобы спасти свою шкуру и жизнь, но когда хотят отомстить – лгут.

– У нашей Ангулемы нет никаких шансов спасти жизнь, – прервал Фулько Артевельде. – Но шкуру она действительно хочет спасти. Для меня это полностью оправданный мотив. Ну как, Ангулема? Ведь ты хочешь спасти свою шкуру, верно?

Девушка стиснула губы. И явно побледнела.

– Бандитская храбрость, – презрительно проговорил префект. – И дерьмовая... Нападать превышающим числом, грабить слабых, убивать безоружных. Это в вашем духе. А вот взглянуть смерти в лицо – это труднее. На это вы уже не способны.

– Еще посмотрим, – буркнула она.

– Посмотрим, – серьезно согласился Фулько. – И услышим. Все легкие вывернешь наизнанку на эшафоте, Ангулема.

– Ты обещал помилование.

– И сдержу обещание. Если то, что ты сказала, окажется правдой.

Ангулема дернулась на стуле, казалось, указывая на Геральта движением всего тела.

– А это, – взвизгнула она, – что? Не правда? Пусть скажет, что он не ведьмак и не Геральт! Ишь, будет тут шипеть, что мне веры нет! А пусть идет в Бельхавен, так увидит, что я не вру. Утром его труп в канаве найдете. И тогда скажете, что я, мол, не предупредила преступления, а значит, помилование – пшик? Да? Мошенники вы, вот кто! Мошенники – и все тут!

– Не бейте ее, – сказал Геральт. – Пожалуйста.

В его голосе было что-то такое, что на полпути остановило занесенные для удара руки префекта и солдата. Ангулема шмыгнула носом, проницательно глянула на него.

– Спасибо, дядечка. Но бить – невелико дело, коли хотят – пускай бьют. Меня с малолетства били, я уж привыкла. Если и впрямь хочешь быть добрым, то подтверди, что я правду говорю. Пусть сдержит слово. Пусть меня, курва их мать, повесят.

– Заберите ее, – приказал Фулько, жестом удерживая пытающегося протестовать Геральта.

– Она нам больше не нужна, – пояснил он, когда они остались вдвоем. – Я знаю все и поясню вам. А потом попрошу о взаимности.

– Вначале, – голос у ведьмака был холодным, – объясните, в чем суть столь шумного финала, закончившегося дикой просьбой о повешении. Ведь как коронный свидетель девушка свое дело сделала.

– Еще не сделала.

– То есть?

– Гомер Страгген по прозвищу Соловей исключительно опасный разбойник. Жестокий и наглый. Его безнаказанность привлекает других. Я должен с ним покончить. Поэтому пошел на сговор с Ангулемой. Обещал ей, что если в результате ее показаний Соловей будет схвачен, а его шайка разбита, то Ангулема будет повешена.

– Не понял? – Ведьмак был крайне удивлен. – Вот, стало быть, как выглядит институт коронного свидетеля. Взамен за сотрудничество с властями виселица? А за отказ сотрудничать что?

– Кол. С предварительным выдавливанием глаз и вырыванием грудей раскаленными щипцами.

Ведьмак не произнес ни слова.

– Это называется «дать пример ужаса», – продолжал, немного помолчав, Фулько Артевельде.
– Действие абсолютно необходимое в борьбе с бандитами. Почему вы сжимаете кулаки так,

что слышно, как хрустят суставы? Быть может, вы сторонник гуманного убиения? Вы можете позволить себе такую роскошь, ведь вы в основном боретесь с существами, которые, как бы смешно это ни звучало, тоже убивают гуманно. Я себе такого позволить не могу. Я видел купеческие обозы и дома, ограбленные Соловьем и ему подобными. Я видел, что делали с людьми, добиваясь, чтобы те сказали, где хранятся ценности, либо выдали магические пароли шкатулок и касс. Я видел женщин, у которых Соловей с помощью ножа проверял, не укрыли ли они драгоценности ТАМ. Я видел людей, с которыми делали еще более ужасные вещи исключительно ради разбойничьей потехи. Ангулема, судьба которой так вас тронула, участвовала в таких забавах, это уж точно. Она достаточно долго была в банде. И если б не чистая случайность, если б не то, что она сбежала от них, никто не узнал бы о засаде в Бельхавене, а вы познакомились бы с ней при иных обстоятельствах. Возможно, именно она всадила бы вам в спину болт из самострела.

– Я не люблю, как это называет один мой друг, сослагательного наклонения. Вам известно, почему она сбежала из шайки?

– Ее показания были туманны, а моих людей не очень-то это интересовало. Но все знают, что Соловей относится к тому разряду мужчин, которые низводят женщин до роли, я бы сказал, первично натуральной. Если иначе у него не получается, он навязывает женщинам эту роль силой. Сюда, вероятно, прибавились возрастные конфликты. Соловей – мужчина зрелый, а последняя компания Ангулемы – сосунки того же возраста, что и она. Но все это в принципе мне безразлично. А позвольте спросить, почему не безразлично вам? Почему, сразу видно, Ангулема вызывает у вас столь явно выраженные эмоции?

– Станный вопрос. Девушка доносит о покушении на меня, которое по поручению какого-то полуэльфа готовит ее бывшая дружина. Факт уже сам по себе ошеломляющий, поскольку у меня нет никаких застарелых распрей ни с какими полуэльфами. Кроме того, она знает, в какой компании я путешествую. С такими подробностями, как-то: что трубадура зовут Лютик, а у женщины отрезана коса. Именно коса-то заставляет меня видеть во всем либо ложь, либо провокацию. Не требуется особое искусство, чтобы поймать и допросить кого-либо из лесных бортников, с которыми я шел последнюю неделю. И быстренько инсценировать...

– Достаточно! – Артевельде саданул кулаком по столу. – Нечего рассусоливать! Получается, что я здесь спектакль устроил? И зачем же? Чтобы обмануть вас, поймать? Да кто вы такой, что так боитесь провокаций и ловушек? Только на воре шапка горит, милостивый государь ведьмак. Только на воре!

– Дайте другое объяснение.

– Нет, это вы мне дайте!

– Сожалею. У меня такового не имеется.

– Я мог бы кое-что подсказать, – саркастически усмехнулся префект. – Но зачем? Поставим вопрос прямо. Меня не интересует, кому и почему вы нужны мертвым. Мне безразлично, откуда у этого кого-то о вас такая полная информация до цвета и длины волос включительно. Скажу вам больше: я вообще мог бы не сообщать вам о покушении. Мог бы спокойно отнестись к вашей команде как к ничего не ведающей приманке на Соловья. Следить, ждать, пока Соловей заглотит крючок, леску, грузило и поплавков. И тогда запросто взять его тепленьким. Потому что нужен мне он, а не вы. А то, что вы к тому времени уже грызли бы землю? Подумаешь! Неизбежное зло, издержки, так сказать, производства.

Он умолк. Геральт не комментировал.

– Видите ли, дражайший господин ведьмак, – продолжал префект, – я поклялся себе, что на этой территории воцарится закон. Любой ценой и любыми методами,

per fas et nefas [29]. Ибо закон – не юриспруденция, не толстенная книга, забитая параграфами, не философские трактаты, не напыщенные бредни о справедливости, не истрепанная фразеология о морали и этике. Закон – это безопасные дороги и тракты. Это городские закоулки, по которым можно прогуливаться даже после захода солнца. Это гостиницы и корчмы, из которых можно выйти в сортир, оставив кошелек на столе, а жену у стола. Закон – это спокойный сон людей, знающих, что разбудит их пение петуха, а не красный петух! А для тех, кто закон преступает, – виселица, топор, кол и каленое железо! Наказание, отпугивающее других. Тех, кто закон нарушает, следует хватать и карать. Всеми доступными средствами и методами... Эх, ведьмак, ведьмак! Неодобрение, которое я вижу на вашем лице, относится к цели или методам? Я думаю – к методам! Потому что методы критиковать легко, а в безопасном мире жить-то хочется, а? Ну, говорите.

– Не о чем говорить.

– Я думаю, есть о чем.

– Мне, господин Фулько, – спокойно сказал Геральт, – даже нравится мир вашей картинки и вашей идеи.

– Серьезно? Ваша мина свидетельствует о противном.

– Мир вашей картинки – это мир аккурат для ведьмака. В нем никогда не будет недостатка в работе. Кодексы, параграфы и напыщенную фразеологию о справедливости ваша идея заменяет беззаконием, анархией, самоволием и корыстолюбием принцев и самодуров, она предполагает свехусердие карьеристов, стремящихся польстить покровителям, слепую мстительность фанатиков, жестокость палачей, реванш и садизм. Ваша картинка – это мир ужаса, мир, в котором люди опасаются выходить в сумерки, боясь не бандитов, а стражей закона, ибо как ни крути, но в результате крупных облав бандиты валом валят в ряды блюстителей порядка. Ваша картинка – это мир взяточничества, шантажа и провокаций, мир коронных и подставных свидетелей. Мир шпионства и признаний, полученных под пытками. Доносительства и страха перед доносом. И неизбежно наступит день, когда в вашем мире, господин префект, станут рвать клещами грудь не того человека, когда повесят либо посадят на кол невинного. Вот тогда-то как раз и наступит мир преступлений и преступников. Короче говоря, – закончил он, – мир, в котором ведьмак будет чувствовать себя как рыба в воде.

– Надо же! – после краткого молчания сказал Фулько Артевельде, потирая прикрытый кожаной нахлопкой глаз. – Идеалист! Ведьмак! Профессионал! Специалист по убийствам! И тем не менее – идеалист. И моралист. Опасное дело при ваших-то занятиях. Знак того, что вы начинаете вырастать из собственной профессии, как малыш из коротких штанишек. Придет день, и вы задумаетесь: а стоит ли убивать упыриху, а вдруг это невинная упыриха? А вдруг да в вас заговорила слепая мстительность и слепой фанатизм? Не желаю вам, чтобы до этого дошло. А если когда-нибудь и дойдет... все равно не желаю. Но ведь вполне возможно, что кто-нибудь самым жестоким и самым садистским образом обидит близкого вам человека, и тогда я с превеликой охотой возвращусь к нашей сегодняшней беседе, к проблематике наказания, соответствующего масштабам преступления. Как знать, сколь категорично отличались бы в тот момент наши взгляды? Но сегодня, здесь, сейчас это не будет предметом рассуждений или споров. Сегодня мы будем говорить о вещах конкретных. И конкретно – о вас.

Геральт слегка приподнял брови.

– Хоть вы иронически отнеслись к моим методам и моему видению мира законности, именно вы займетесь воплощением этой идеи, дорогой мой ведьмак. Повторяю: я поклялся, что те, кто нарушает закон, получают свое. Все. От малыша, который пользуется на рынке сбитым безменом, до мужика, который ограбил где-то на тракте обоз с луками и стрелами,

предназначенными для армии. Разбойники, бандиты, воры, грабители, террористы из организации «Вольные Стоки», красиво именуемые борцами за свободу. И Соловей. Прежде всего Соловей. Соловья должна постигнуть кара, метод – безразличен. Лишь бы скорее. Прежде чем объявят амнистию и он вывернется... Ведьмак, я много месяцев ожидаю чего-то такого, что позволит мне опередить его хоть ненамного. Позволит управлять им, сделать так, чтобы он совершил ошибку, ту единственную решительную ошибку, которая его погубит. Продолжать, или вы уже угадали? А, ведьмак?

– Угадал. Но продолжайте.

– Таинственный полуэльф, якобы инициатор и подстрекатель покушения на вас, предостерегал Соловья, советовал ему быть осторожным, советовал отбросить беспечность, дурную наглость и фанфаронство. Я знаю – не без повода. Однако предостережение ничего не даст. Соловей совершит ошибку. Он нападет на ведьмака, предупрежденного и готового к обороне. Нападет на ведьмака, который нападения ждет. И это станет концом разбойника Соловья. Я хочу заключить с вами союз, Геральт. Вы будете моим коронным ведьмаком. Не прерывайте. Договор прост: каждая сторона обязуется, каждая выполнит обещание. Вы приканчиваете Соловья, я же взамен... – Он на мгновение умолк, хитро усмехнулся. – Не спрошу, кто вы такие, откуда пришли, куда и зачем направляетесь. Не спрошу, почему один из вас говорит с едва заметным нильфгаардским акцентом, а на другого иногда косятся собаки и лошади. Я не прикажу отнять у трубадура Лютика тубу с записками, не проверю, о чем в них говорится. А имперскую разведку проинформирую о вас лишь после того, как Соловей будет мертв либо окажется у меня в узилище. Даже позже. Куда спешить? Я дам вам время и шансы.

– Шансы на что?

– Шансы добраться до Туссента. До того смешного сказочного княжества, границ которого даже нильфгаардская контрразведка не осмеливается нарушать. А потом многое может измениться. Будет амнистия. Возможно, будет заключено перемирие за Яругой. Может даже – прочный мир.

Ведмак долго молчал. Покалеченное лицо префекта было неподвижно. Его единственный глаз пылал.

– Согласен, – сказал наконец Геральт.

– Не торгуйсь? Без всяких условий?

– С двумя.

– Как же иначе-то. Слушаю.

– Сначала я должен на несколько дней съездить на запад. К озеру Мондуирн. К друидам, поскольку...

– Ты что, за идиота меня держишь? – прервал Фулько Артевельде, переходя на «ты». – Дурить меня взялся? Какой еще запад? Куда твоя дорога идет, известно каждому. И Соловью тоже. Именно на ней он и устраивает засаду. На юге, в Бельхавене, там, где долину Нэви пересекает долина Сансретур, ведущая к Туссенту.

– Значит ли это...

– ...что друидов нет на Лок Мондуирне. Почти месяц. Они по долине Сансретур отправились в Туссент, под крылышко княгини Анарьеты из Боклера, у которой слабинка на разных чудаков, психов и чучел. Она охотно дает таковым прибежище в своем пряничном княжестве.

Ты ведь об этом знаешь, ведьмак. Не делай из меня идиота. Не пытайся меня обмануть!

– Не буду, – медленно сказал Геральт. – Даю слово, не буду. Завтра отправлюсь в Бельхавен.

– Ты, случаем, ни о чем не забыл?

– Случаем – не забыл. Мое второе условие: я хочу получить Ангулему. Устроишь для нее персональную амнистию и выпустишь из темницы. Коронному ведьмаку нужен твой коронный свидетель. Ну, быстро, согласен или нет?

– Согласен, – почти тут же ответил Фулько Артевельде. – У меня нет выхода. Ангулема – твоя. Я ведь знаю, что ты согласился на сотрудничество со мной исключительно ради нее. * *

Ехавший рядом с Геральтом вампир слушал внимательно, не прерывал. Ведьмак не ошибся в его проницательности.

– Нас пятеро, а не четверо, – быстро подвел он итог, как только Геральт окончил рассказ. – Мы путешествуем впятером с конца августа, впятером пересекли Яругу. А косу Мильва отрезала только в Заречье. Всего неделю назад. Твоя светловолосая протеже знает о косе Мильвы. Но не сумела досчитать до пяти. Странно.

– Неужто самое странное во всей этой странной истории?

– Отнюдь. Самое странное – Бельхавен. Городок, в котором якобы устроили на нас засаду. Городок, лежащий глубоко в горах, на пути по долине Нэви и перевалу Теодуль...

– Куда мы вовсе и не собирались, – закончил ведьмак, подгоняя начавшую было отставать Плотву. – Три недели назад, когда этот Соловей-разбойник принимал от какого-то полуэльфа заказ «умочить» меня, мы были в Ангрене, собирались в Казд Дху, опасаясь болот Ийсгита. Мы даже не знали, что нам придется пересекать Яругу. Черт возьми, мы еще сегодня утром не знали...

– Знали, – прервал его вампир. – Мы знали, что ищем друидов. И сегодня, и три недели назад. Этот таинственный полуэльф организует засаду на дороге к друидам, уверенный, что именно по этой дороге мы поедem. Он просто...

– ...лучше нас знает, куда эта дорога ведет, – подхватил Геральт. – Откуда он это знает?

– Надо его спросить. Поэтому ты и согласился на предложение префекта, верно?

– Верно. Надеюсь, мне удастся перекинуться парой слов с таинственным господином полуэльфом, – неприятно ухмыльнулся Геральт. – Однако прежде чем это произойдет... Слушай, а тебе не приходили в голову какие-нибудь объяснения? Что-нибудь такое... вроде...

Вампир некоторое время молча глядел на него.

– Не нравится мне то, что ты говоришь, Геральт, – сказал он наконец. – Не нравится мне то, что ты думаешь. Я считаю эту мысль недостойной, поспешной, непродуманной, вытекающей из предубеждения и неприязни.

– Тогда чем же объяснить...

– Чем-нибудь другим. – Регис прервал его тоном, которого раньше Геральт у него не замечал.

– Чем угодно, только не этим. К примеру, не думаешь ли ты, что твоя светловолосая протеже

попросту лжет?

– Ну-ну, дядечка! – воскликнула Ангулема, ехавшая за ними на муле по имени Драакуль. – Не копай, коли не знаешь где!

– Я тебе не дядечка, милое дитя.

– А я тебе не милое дитя, дядечка!

– Ангулема, – повернулся в седле ведьмак. – Замолкни.

– Как прикажешь. – Ангулема мгновенно успокоилась. – Тебе вольно приказывать. Ты меня выволок из дыры, вырвал из Фулькиных когтей. Тебя я слушаюсь, ты атаман, главарь ганзы...

– Замолчи, пожалуйста.

Ангулема заворчала себе под нос, перестала подгонять Драакуля и отстала, тем более что Регис и Геральт поехали быстрее, догоняя едущих в авангарде Лютика, Кагыра и Мильву.

Они направлялись к горам вдоль берега Нэви, быстро катящей по камням и порогам свои мутные и желто-коричневые после недавних дождей воды. Дорога не пустовала. Довольно часто они встречали или обгоняли эскадроны нильфгаардской кавалерии, одиноких всадников, телеги поселенцев и вереницы купеческих фур.

На юге все ближе и грозней вздымались горы Амелл. И остроконечная игла Горгоны, Горы Дьявола, тонущая в облаках, быстро заволакивающих небо.

– Когда ты им скажешь? – спросил вампир, взглядом указывая на едущую впереди тройку.

– На стоянке.

Лютик был первым, кто заговорил, когда Геральт кончил рассказывать.

– Поправь меня, если я ошибаюсь, – сказал он. – Эта девушка, Ангулема, так охотно и беззаботно присоединившаяся к нашей команде, – бандитка. Чтобы спасти ее от наказания, к тому же заслуженного, ты согласился сотрудничать с нильфгаардцами. Позволил им нанять себя. И не себя одного, но всех нас сдал внаем. Все мы должны помочь нильфам схватить либо прикончить какого-то местного разбойника. Короче, ты, Геральт, стал нильфгаардским наемником, охотником за наградами, платным убийцей. А мы возвысились до уровня твоих пособников... Или прислужников...

– У тебя невероятный талант к упрощениям, Лютик, – буркнул Кагыр. – Или ты и впрямь не понимаешь, в чем дело? Или треплешь языком ради самой трепотни?

– Заткнись, нильфгаардец! Геральт, ну?

– Начнем с того, – ведьмак кинул в костер палочку, которой играл долгое время, – что никто не обязан мне помогать. Я вполне могу управиться один. Без пособников и прислужников.

– А ты brave мужик, дядечка, – бросила Ангулема. – Но ганза Соловья – это двадцать и четыре добрых молодца, они даже ведьмака так просто не испугаются, а ежели разговор о мечах, то – если даже то, что о ведьмаках болтают, правда – никто в одиночку не устоит против двух дюжин. Ты спас мне жизнь, потому я и отплачу тебе тем же. Предостережением. И помощью.

– Ганза, ганза, что за штука, черт побери, эта ганза?

– Aep hanse, – пояснил Кагыр, – это на нашем языке вооруженный отряд, но такой, членов которого связывают узы дружбы...

– Компания?

– Вот именно. Слово, как я вижу, вошло в местный жаргон...

– Ганза – это ганза, – прервала Ангулема. – А по-нашему – вольница или орава. О чем тут говорить? Я предупреждаю серьезно: одному против всей ганзы не устоять. К тому же еще не зная ни Соловья, ни кого-нибудь другого в Бельхавене и округе. Ни врагов, ни друзей или соратников. Не зная дорог, ведущих к городу, а ведут туда различные пути. Я говорю так: в одиночку ведьмаку не управиться. Не знаю, какие у вас обычаи в моде, но я ведьмака одного не оставляю. Он меня, как сказал дядечка Лютик, охотно и беззаботно принял в вашу дружину, хоть я и бандитка. Хоть у меня все еще волосы тюрягой воняют, некогда было умыться... Ведьмак, и никто другой, меня из этой тюрмы вытащил на дневной свет. За это я ему благодарна. Поэтому одного его не оставляю. Провожу до Бельхавена, до Соловья и того полуэльфа. Вместе с ним иду.

– Я тоже, – тут же сказал Кагыр.

– И я тож, – кратко как отрезала бросила Мильва.

Лютик прижал к груди тубу с рукописями, с которой последнее время не расставался даже ненадолго. Опустил голову. Было видно, что он борется с собственными мыслями. И мысли берут верх.

– Не мучайся, поэт, – мягко сказал Регис. – Стыдиться тут нечего. К тому, чтобы участвовать в кровавом бое на мечях и ножах, ты пригоден еще меньше, чем я. Не учили нас калечить ближних своих железом. Кроме того... Кроме того, я... – Он поднял на ведьмака и Мильву блестящие глаза. – Трус. Если не заставят обстоятельства, я не хочу больше испытывать то, что мы испытали тогда на пароме и мосту. Никогда. Поэтому прошу исключить меня из боевой группы, идущей на Бельхавен.

– С того парома и моста, – глухо проговорила Мильва, – ты вытащил меня на закорках, когда у меня слабость ноги отняла. Был бы там заместо тебя какой-нито трус, то бросил бы меня и сбег. Но там не оказалось труса. Зато был ты, Регис.

– Хорошо сказано, тетечка, – убежденно проворчала Ангулема. – Я не очень-то догадываюсь, в чем дело, но сказано здорово.

– Никакая я тебе не тетечка! – Глаза Мильвы зловеще сверкнули. – Гляди, девка! Еще раз так обзовешь, увидишь!

– Что увижу?

– Тихо! – как пролаял ведьмак. – Довольно, Ангулема. Да и вас всех, похоже, давно пора призвать к порядку. Кончилось время блужданий наугад к горизонту: мол, а вдруг да там, за горизонтом, что-нибудь есть. Пришел час конкретных действий. Час резать глотки. Потому что наконец-то есть кому резать. А кто до сих пор еще не понял, пусть поймет – наконец-то на расстоянии вытянутой руки перед нами конкретный враг. Полуэльф, который жаждет нашей смерти, а значит, является агентом враждебных нам сил. Благодаря Ангулеме мы предупреждены, а предупрежденный – это вооруженный, как гласит поговорка. Я должен добраться до этого полуэльфа и выжать из него, по чьему приказу он действует. Теперь-то ты наконец понял, Лютик?

– Похоже, – спокойно сказал поэт, – я понял гораздо больше и лучше, чем ты. Без всякого

«добирательства» и «выжимательства» я догадался, что этот таинственный полуэльф действует по приказу Дийкстры, которого ты на моих глазах охроматил, прости за неологизм, раздолбав ему сустав в щиколотке. После доклада маршала Виссегерда Дийкстра, несомненно, считает нас нильфгаардскими шпионами. А после нашего бегства из корпуса лирийских партизан королева Мэва, конечно же, добавила несколько пунктов к перечню наших преступлений...

– Ошибаешься, Лютик, – тихо вставил Регис. – Не Дийкстра. И не Виссегерд. И не Мэва.

– Тогда кто же?

– Еще рано и преждевременно делать выводы.

– Точно, – холодно процедил ведьмак. – Поэтому ситуацию следует изучить на месте. А выводы сделать в результате личных наблюдений.

– А я, – не сдавался Лютик, – продолжаю считать, что твоя идея глупая и рискованная. Хорошо, что нас предупредили о засаде, что мы знаем о ней. А коли знаем, то давайте обойдем ее широкой дугой. Пусть их эльф или полуэльф ждет нас сколько его душе угодно, а мы поспешим своим путем...

– Нет! – прервал ведьмак. – Конец обсуждениям, дорогие мои. Конец анархии. Пришло время нашей... хм... ганзе получить наконец жоака.

Все, не исключая Ангулемы, смотрели на него в напряженном молчании.

– Я, Ангулема и Мильва, – сказал он, – едем в Бельхавен. Кагыр, Регис и Лютик сворачивают в долину Сансретур и едут в Туссент.

– Нет, – быстро среагировал Лютик, сильнее прижимая к груди свою тубу. – Ни за что. Я не могу...

– Заткнись. Это не диспут. Это приказ главаря ганзы! Вы едете в Туссент: ты, Регис и Кагыр. Там ожидаете нас.

– Туссент для меня смерть, – без всякой напыщенности проговорил трубадур. – Как только меня узнают в Бокпере, в замке, со мной будет покончено. Должен вам признаться...

– Не должен, – грубо прервал ведьмак. – Слишком поздно. Ты мог выйти из игры, но не захотел. Ты остался в дружине. Чтобы спасти Цири. Не так?

– Так.

– Поэтому поедешь с Регисом и Кагыром в долину Сансретур. Подождете нас в горах, не переходя границы Туссента. Но если... в крайнем случае вам придется границу пересечь. Потому что в Туссенте, кажется, сидят друиды. Те, что из Казд Дху, знакомые Региса. Так вот, в крайнем случае вы сами добудете у друидов информацию и отправитесь за Цири... одни.

– Что значит – одни? Ты предполагаешь...

– Я не предполагаю, а учитываю вероятность. Так называемый «крайний случай». Неожданность, если тебе так больше нравится. Возможно, все пройдет гладко и у нас не будет нужды показываться в Туссенте. Но в случае чего... Важно, что в Туссент за нами не двинется нильфгаардская погоня.

– Верно, не двинется, – вклинулась Ангулема. – Очень даже странно, но Нильфгаард уважает рубежи Туссента. Я тоже однажды там от преследования укрывалась. Но тамошние рыцари

не чище Черных. Изысканные, любезные на словах, но скорые на меч и копье. А границы патрулируют неустанно. Себя именуют Блуждающими, нет – Странствующими рыцарями. Ездят в одиночку, по двое или по трое. И изничтожают вольницу. То есть нас. Одно в твоих планах надо изменить, ведьмак.

– Именно?

– Если мы думаем двинуть к Бельхавену и схватиться с Соловьем, то со мной поедешь ты и господин Кагыр. А тетечка пусть едет с ними.

– Это почему же? – Геральт жестом сдержал Мильву.

– Для такой работы нужны парни. Ну, чего ты напузырилась, тетечка? Я знаю, что говорю! Если понадобится, возможно, придется больше действовать на испуг, чем одной силой. А никого из ганзы Соловья не испугаешь тройкой, в которой на одного мужика приходится две бабы.

– С нами поедет Мильва. – Геральт стиснул плечо не на шутку разъяренной лучницы. – Мильва, а не Кагыр. С Кагыром я ехать не хочу.

– Это почему? – почти одновременно спросили Ангулема и Кагыр.

– Вот именно, – медленно проговорил Регис. – Почему?

– Потому что не доверяю ему, – кратко заявил ведьмак.

Наступившее молчание было неприятным, тяжелым, чуть ли не липким. От леса, на опушке которого расположились лагерь купеческий обоз и группа других путешественников, долетали возбужденные голоса, крики и пение.

– Объясни, – выдавил наконец Кагыр.

– Кто-то нас предал, – сухо сказал ведьмак. – После разговора с префектом и откровений Ангулемы в этом сомневаться нельзя. А если как следует задуматься, то приходишь к выводу, что предатель находится среди нас. И для того, чтобы угадать, кто он, вовсе нет нужды долго задумываться.

– Сдается мне, – насупил брови Кагыр, – ты позволил себе намекнуть, что этот предатель – я?

– Не скрываю, – голос у ведьмака был холоден, – такая мысль мне действительно пришла в голову. Многие на это указывает. И это многое бы объяснило. Очень многое.

– А не кажется ли тебе, Геральт, – сказал Лютик, – что ты заходишь несколько далековато?

– Пусть говорит, – напыжился Кагыр. – Пусть говорит. Пусть не сдерживается.

– Нас удивляло, – Геральт прошелся взглядом по лицам спутников, – как можно было ошибиться в подсчетах. Вы знаете, о чем я. О том, что нас четверо, а не пятеро. Мы думали, что кто-то попросту обсчитался – таинственный полуэльф, Соловей-разбойник либо Ангулема. Ну а если отбросить версию ошибки? Тогда напрашивается следующая версия: дружина насчитывает пятерых человек, но Соловей должен убить только четверых. Потому что пятый – союзник бандитов. Тот, кто постоянно информирует их о перемещениях дружины. С самого начала, с того момента, когда, выхлебав известный нам всем рыбный суп, сформировалась группа, приняв в свой состав нильфгаардца. Того самого, который должен схватить Цири и отдать ее в руки императора Эмгыра, поскольку от этого зависят его жизнь и дальнейшая карьера...

– Выходит все же, я не ошибся, – медленно процедил Кагыр. – Все-таки предатель – я. Подлый, двуликий предатель.

– Геральт, – снова подал голос Регис. – Прости за откровенность, но твоя теория дырява как старое решето. А твоя мысль, я уже сказал тебе это, – нехороша.

– Я – предатель, – повторил Кагыр, словно не слыша слов вампира. – Однако, как я понимаю, доказательств моего предательства нет никаких. Есть лишь туманные улики и ведьмачьи домыслы. Как я понимаю, на меня возложена тяжесть доказательства невиновности. Я должен доказать, что я не гуль. Так?

– Без пафоса, нильфгаардец, – буркнул Геральт, встав перед Кагыром и вперившись в него. – Если б у меня было доказательство твоей вины, я б не терял времени на болтовню, а распластал бы тебя на кусочки, как селедку! Ты знаешь принцип

cuī bono [30]? Так ответь мне – у кого, кроме тебя, был хоть бы малейший повод предать? Кто, кроме тебя, выгадал бы на предательстве? Хотя бы самую малость?

Со стороны купеческого лагеря донесся громкий и протяжный треск. На черном небе звездопадом рассыпался красно-золотой фейерверк, ракеты разлетелись роем золотых пчел, ливанули цветным дождем.

– Я не гуль, – сказал юный нильфгаардец звучным, сильным голосом. – К сожалению, доказать это не могу. Зато могу сделать кое-что другое. То, что мне подходит, что я сделать вынужден, когда меня оболгали и унизили, когда запятнали мою честь и нанесли удар моему достоинству.

Его движение было быстрым как молния, однако он не застал бы ведьмака врасплох, если б у того не болело колено. Вольт у Геральта не получился, и рука в перчатке врезалась ему в щеку с такой силой, что он отлетел и рухнул прямо в костер, подняв снопы искр. Он вскочил – и снова слишком медленно из-за боли в колене. Кагыр уже стоял над ним. И на этот раз ведьмак опять не успел даже уклониться, кулак угодил ему в висок, а в глазах разгорелись цветные фейерверки, в сто раз более красивые, нежели те, что запускали купцы. Геральт грязно выругался и кинулся на Кагыра, обхватил его руками и повалил на землю, они покатались по гравию, нанося друг другу гулкие удары.

И все это в призрачном и неестественном свете разлетающихся по небу искусственных огней.

– Прекратите! – орал Лютик. – Прекратите, вы, кретинские идиоты!

Кагыр ловко выбил у пытающегося подняться Геральта землю из-под ног, ударил по зубам. И добавил так, что зазвенело. Геральт сжался, напряжился и ударил его ногой, но попал не в промежность, а в бедро. Они схватились снова, перевернулись и принялись колошматить друг друга куда попало, ослепнув от ударов и забивших глаза пыли и песка.

И неожиданно разлетелись и покатались в разные стороны, сутулясь и прикрывая головы от свистящих ударов.

Это Мильва, отстегнув с бедер толстый кожаный ремень, схватившись за пряжку и обмотав ремень вокруг запястья, подскочила к драчунам и принялась хлестать их от уха, изо всей силы, не жалея ни ремня, ни руки. Ремень свистел и с сухим треском долбил по рукам, плечам, спинам и Геральта, и Кагыра. И хотя они уже разделились, Мильва продолжала прыгать от одного к другому, словно кузнец, не прекращая пороть их и тщательно следя за тем, чтобы каждый получил свою порцию.

– Й-йех, глупцы глупецкие! – крикнула она, с треском охаживая Геральта по спине. – Дурни дурацкие! Я научу вас уму-разуму, обоих! Ну! – крикнула она еще громче, хлеща Кагыра по рукам, которыми он пытался заслонить голову. – Ну, очухались? Успокоились? Чумные!

– Все! – взвыл ведьмак. – Хватит!

– Хватит! – подхватил свернувшийся в клубок Кагыр. – Достаточно!

– Достаточно, – сказал вампир. – И правда, уже достаточно, Мильва.

Лучница тяжело дышала, обтирая лоб кулаком, все еще обернутым ремнем.

– Блеск! – проговорила Ангулема. – Блеск, тетечка! Шик!

Мильва развернулась на пятке и изо всей силы хлестанула ее ремнем по плечу. Ангулема вскрикнула, села на землю и разревелась.

– Сказала ж я, – выдохнула Мильва, – чтоб меня так не кликала! Говорила ж!

– У нас все в ажуре! – Лютик немного дрожащим голосом успокаивал купцов и путешественников, сбившихся вокруг них. – Просто небольшое дружеское недоразумение. Товарищеский спор. Уже все. Спор разрешен.

Ведьмак потрогал языком шатающийся зуб, сплюнул кровь, текущую из рассеченной губы. Он чувствовал, как на спине и плечах набухают валики, как распухает – пожалуй, до размеров кочана цветной капусты – ухо, которому досталось ремнем. Рядом неловко поднимался с земли Кагыр, держась за щеку. На его оголенном предплечье прямо на глазах вырастали и набухали широкие красные полосы.

На землю осыпался отдающий серой дождь, пепел последнего фейерверка.

Ангулема жалостливо всхлипывала, держась за плечо. Мильва отбросила ремень, после недолгого колебания опустилась рядом с ней на колени, обняла и, не говоря ни слова, крепко прижала.

– Я предлагаю вам, – холодно проговорил вампир, – подать друг другу руки. Предлагаю никогда, совершенно никогда больше не возвращаться к этому делу.

Неожиданно сорвался и зашумел слетевший с гор ветер, в котором, казалось, звучали какие-то жуткие крики, вой и стоны. Мчащиеся по небу облака образовали фантастические фигуры. Серп луны сделался красным, как кровь.

Сумасшедший хор и хлопанье крыльев козодоев разбудили их перед рассветом.

Двинулись сразу, как только солнце слепящим огнем загло снега на вершинах гор, но прежде, чем оно успело выкатиться из-за гребня. Впрочем, опередив его появление, небо затянули облака.

Они ехали лесами, а дорога вела все выше и выше, и это можно было увидеть по изменениям в древостое. Дубы и грабы неожиданно кончились, они въехали в сумрак буковых лесов, выстланных опавшей листвой, пахнувших плесенью, паутиной и грибами. Грибов было невпроворот. Влажный конец лета просто разродился осенними грибами. Молодая поросль и почва местами совершенно скрывались под шляпками боровичков, рыжиков и мухоморов.

Лес был тихий, походило на то, что большинство певчих птиц уже улетели в теплые края. Только мокрые вороны каркали на опушках.

Потом буки кончились, пошли ели. Запахло смолой.

Все чаще попадались лысые пригорки и безлесья, среди которых их настигал ветер. Река Нэви бурлила на порогах и перекатах, ее воды, несмотря на дожди, стали здесь хрустально прозрачными.

На горизонте вздымалась Горгона. Она была все ближе.

Со скалистых склонов могучей горы спускались гигантские длинные ледники и снега, из-за чего Горгона казалась как бы оплетенной белыми шарфами. Вершину Дьявольской Горы, словно голову и шею таинственной невесты, все время окутывали вуали облаков. Время от времени Горгона, будто танцовщица, встряхивала своим белым нарядом – картина была прекрасной, но несла смерть: с обрывистых склонов сбегали лавины, сметая на своем пути все, докатываясь до осыпей у подножия и катясь дальше, до самых высоких елей над перевалом Теодуль, над долинами Нэви и Сансретура, над черными глазками горных озерков.

Солнце, которое, несмотря ни на что, все же ухитрилось пробиться сквозь облака, закатилось очень уж быстро – попросту скрылось за горами на западе, распалив их пурпурно-золотым заревом.

Прошла ночь. Взошло солнце.

И пришло время разделиться.

Геральт плотно обмотал голову шелковым платком Мильвы. Надел шапку Региса. В очередной раз проверил, как лежит сигилль на спине и оба кинжала в голенищах.

Рядом Кагыр точил свой длинный нильфгаардский меч. Ангулема перехватила лоб шерстяной ленточкой, сунула за голенище охотничий нож, презент от Мильвы. Лучница и Регис седлали им коней. Вампир отдал Ангулеме своего вороного, а сам пересел на Драакуля.

Они были готовы. Оставалось только одно.

– Идите сюда все, – бросил Геральт.

Подошли.

– Кагыр, сын Кеаллаха, – начал Геральт, стараясь не впадать в патетику. – Я обидел тебя несправедливым подозрением и вел себя в отношении тебя как последний подлец. Настоящим приношу извинения при всех, склонив голову. Приношу извинения и прошу тебя простить меня. Всех вас тоже прошу простить меня, ибо подло было заставлять вас смотреть на это и слушать.

Я разрядил на Кагыре и на вас свою злость, свой гнев и свою обиду, кроющуюся в том, что я знаю, кто нас предал. Знаю, кто предал и похитил Цири, которую мы хотим спасти. Мой гнев объясняется тем, что речь идет об особе, которая некогда была мне очень дорога.

Где мы находимся, что намерены делать, куда идем... все это было обнаружено при помощи сканирующей магии. Не так уж сложно для магистра магии уловить и проследить на расстоянии особу, некогда хорошо знакомую и близкую, с которой сохранялся продолжительный психический контакт, позволяющий создать матрицу. Но чародейка и чародей, о которых я говорю, совершили ошибку. Они себя раскрыли и ошиблись, пересчитывая членов нашей дружины, и эта ошибка их выдала. Скажи им, Регис.

– Возможно, Геральт прав, – медленно проговорил Регис. – Как каждый вампир, я невидим

для магического визионного зонда и сканирования, то есть улавливающих чар. Вампира можно выследить аналитической магией вблизи, но невозможно обнаружить на расстоянии при помощи магии сканирующей. Сканирующая магия вампира не покажет. В том месте, где находится вампир, волшебный сканер покажет пустоту, не обнаружит ничего. Значит, так ошибиться мог только чародей: просканировать четверых там, где в действительности находятся пятеро, то есть четыре человека и один вампир.

– Мы воспользуемся ошибкой чародеев, – снова заговорил ведьмак. – Я, Кагыр и Ангулема поедem в Бельхавен на встречу с полуэльфом, который нанимает против нас убийц. Мы спросим полуэльфа не о том, по чьему приказу он действует, потому что это мы уже знаем. Мы спросим его, где находятся чародеи, приказы которых он выполняет. Когда узнаем, поедem туда. И отомстим.

Все молчали.

– Мы перестали считать дни, поэтому даже не заметили, что сегодня уже двадцать пятое сентября. Два дня назад было Равноночье. Эквinoxий. Да, это была именно та ночь, о которой вы думаете. Я вижу ваше удручение, вижу, что светится в ваших глазах. Вы приняли сигнал тогда, в ту паскудную ночь, когда стоявшие рядом с нами лагерем купцы придавали себе храбрости и отваги сивухой и пускали фейерверки. Вероятно, вы ощущали предчувствие не так четко, как я и Кагыр, но ведь вы догадываетесь. Вы подозреваете. И боюсь, подозреваете справедливо.

Закаркали вороны, пролетавшие над безлесьем.

– Все говорит за то, что Цири мертва. Две ночи назад, во время Эквinoxия, она погибла. Где-то далеко отсюда, одна среди враждебных и чужих людей.

А нам остается только мстить. Мстить кроваво и жестоко, так, чтобы и через сто лет об этом ходили сказания. Сказания, которые люди будут бояться слушать после захода солнца. А у тех, кто захочет повторить такое преступление, задрожат руки при одной только мысли о нашей мести. Мы покажем людям пример ужаса, отбивающего у любого охоту повторить преступление! Методом господина Фулько Артевельде. Мудрого господина Фулько Артевельде, который знает, как следует поступать с мерзавцами и негодяями. Мы покажем пример ужаса, который удивит даже его.

Так начнем же, и пусть демоны ада примут нас под свое крыло. Кагыр, Ангулема, по коням! Идем вверх по Нэви, к Бельхавену. Лютик, Мильва, Регис – вы направляетесь в Сансретур, к границам Туссента. Не заблудитесь, дорогу вам укажет Горгона. До встречи.

Цири поглаживала черного кота, который по обычаю всех котов мира вернулся в хату на болоте, когда тяга к свободе и безделью была перебита холодом, голодом и житейскими неудобствами. Теперь он лежал на коленях девушки и с мурлыканьем, свидетельствующим о глубочайшем наслаждении, подставлял шею ее руке.

То, о чем девушка рассказывала, коту было абсолютно неинтересно.

– Это был единственный раз, когда я видела во сне Геральта, – начала Цири. – С того момента, как мы расстались на острове Танедд. После Башни Чайки я никогда не видела его во сне. Поэтому считала, что он мертв. И неожиданно всплыл этот сон, такой сон, какие я видела раньше и о которых Йеннифэр говорила, что это сны вещие, пророческие, что они показывают либо прошлое, либо будущее. Это было за день до Эквinoxия. В городке, названия которого я не помню. В подвале, в котором меня запер Бонарт. После того, как истязаниями принудил меня признаться, кто я такая.

– Ты выдала ему, кто ты? – поднял голову Высогота. – Сказала всё?

– За трусость, – сглотнула она, – я заплатила унижением и презрением к самой себе.

– Расскажи о своем сне.

– Я видела гору, огромную, крутую, граненую, как каменный нож. Видела Геральта. Слышала, что он говорил. Четко. Внятно. Каждое слово, так, будто была совсем рядом. Помню, я хотела крикнуть, что все совсем не так, что все это неправда, что он страшно ошибся... Ошибся во всем! Ведь еще вовсе не было Равноночия, поэтому если получится так, что в Равноночие я умру, то он не должен объявлять меня мертвой раньше срока, пока я еще жива. И он не должен обвинять Йеннифэр и говорить о ней так...

Цири замолчала на минуту, погладила кота, сильно шмыгнула носом.

– Но я не могла издать ни звука. Не могла даже дышать... Словно тонула. И проснулась. Последнее, что я видела, что помню, – это три наездника. Геральт и еще двое, во весь опор мчащиеся по ущелью, со склонов которого низвергаются горные водопады...

Высогота молчал.

Если б в ту ночь кто-нибудь подкрался к хате с провалившейся стрехой и заглянул сквозь щели в ставнях, то увидел бы в скупой освещенной комнатухе седобородого старика, сосредоточенно слушающего повествование пепельноволосой девушки, щека которой изуродована ужасающим шрамом.

Увидел бы черного кота, лежащего на коленях у девушки, лениво мурлыкающего, требующего, чтобы его гладили к вящей радости разгуливающих по комнате мышей.

Но никто не мог этого видеть. Хата с провалившейся стрехой, заросшей мхом, была хорошо укрыта туманом на бескрайних болотах Переплюта, куда никто не отваживался забредать.

Глава шестая

Известно, что ведьмак, причиняя иным мучения, страдания и смерть, столь великое удовольствие и наслаждение испытывает, коих человек благочестивый и нормальный токмо тогда достигает, когда с женою своею законною общается, *ibidem cum ei aculatio*. Из поведенного ясно следует, что и в сей материи ведьмак являет себя противным природе творением, ненормальным и мерзопакостным вырожденцем со дна ада пренаичернейшего и наисмраднейшего родом, ибо от наносимых страданий и мук токмо дьявол сам, пожалуй, удовольствие получать может. АнонимМонструм, или Ведьмака описание

Они свернули с большака, шедшего вдоль долины Нэви, и поехали, сокращая путь, через горы. Ехали быстро, насколько допускала тропа – узкая, крутая, прильнувшая к скалам с фантастическими формами, покрытым пятнами разноцветных мхов и лишайников. Ехали меж отвесных каменных обрывов, с которых низвергались рваные потоки водопадов и ручьев. Проезжали по ущельям и ярам, по раскачивающимся мостикам перебирались через пропасти, на дне которых белой пеной кипели потоки.

Граненый столб Горгоны, казалось, вздымался прямо у них над головами. Вершину Горы Дьявола они видеть не могли – она тонула в облаках и мгле, затягивающих небо. Погода – как это бывает в горах – испортилась через несколько часов, и полил дождь, нудный и малопрятный.

Ближе к сумеркам все уже нетерпеливо и нервно принялись выискивать глазами пастушеский шалаш, разрушенную овчарню или хотя бы пещеру. Что угодно, лишь бы укрыться от льющейся с неба воды.

– Кажется, дождь перестал, – с надеждой в голосе сказала Ангулема. – Капает только из щелей в крыше шалаша. Завтра, к счастью, мы уже будем у Бельхавена, а в пригороде всегда можно переночевать в каком-нибудь сарае или овине.

– В город не поедem?

– Ни в коем разе. Чужаки на лошадях бросаются в глаза, а у Соловья в городе куча доносчиков.

– Мы же собирались выставить себя в качестве приманки...

– Нет, – прервала она. – Так не пойдет. Наша тройка вызовет подозрение. Соловей – хитрый стервец, а весть о том, что меня поймали, уже наверняка разошлась. Если что-то насторожит Соловья, то и до полуэльфа дойдет.

– Что предлагаешь?

– Обойдем город стороной с востока, с устья долины Сансретур. Там рудники. В одном у меня есть знакомый. Наведаемся к нему. Как знать, может, пригодится. Если повезет.

– Можешь говорить яснее?

– Завтра скажу. На руднике. Чтоб не сглазить.

Кагыр подкинул в костер березовых веток. Дождь шел весь день, другое дерево гореть бы не стало. Но береза, даже и мокрая, только немного пошипела и тут же занялась высоким синеватым пламенем.

– Откуда ты родом, Ангулема?

– Из Цинтры, ведьмак. Есть такая страна у моря, при устье Яруги.

– Я знаю, где лежит Цинтра.

– Так зачем спрашиваешь, коли столько знаешь? Я так сильно тебя интересую?

– Скажем – немного есть.

Помолчали.

Потрескивал огонь.

– Моя мать, – наконец сказала Ангулема, глядя в пламя, – была в Цинтре дворянкой, к тому ж, кажется, высокого рода. У этого рода в гербе был морской котик, я б тебе показала, был у меня медальончик с этим их затраханым котом, от матери. Я его опосля в кости продула... Но этот кошкін род, разорви его морской пес, отказался от меня, потому что, вишь ты, мать моя вроде бы связалась с каким-то хамом, кажется, конюхом, а может, конюшим, и получилось, что я – бастард, срамота, позорище и пятно на кошачьей чести. Отдали меня на воспитание дальним родственникам, у тех, правда, в гербе не было ни кота, ни псины, ни какой другой живности, но отнеслись они ко мне неплохо. Послали в школу, в общем, и били мало... Хотя довольно часто напоминали, кто я такая есть, какой-то ублюдок, в крапиве зачатый и рожденный. Мать навестила меня раза три или четыре, когда я была еще маленькой. Потом перестала. Впрочем, мне на это было... ну...

– А как попала к бандитам?

– Ты выпрашиваешь прямо как следователь! – фыркнула она, поморщившись. – К бандитам, это ж надо! Ай-ай-ай! С добродетельного-то пути, ой-ей-ей!

Она поворчала, покопалась за пазухой, вытащила что-то, чего ведьмак толком не разглядел.

– Одноглазый Фулько, – проговорила она неразборчиво, яростно втирая себе что-то в десны и втягивая носом. – Нормальный хрен. Что забрал, то забрал, но порошок оставил. Возьмешь щепотку, ведьмак?

– Нет. Лучше бы и ты не брала.

– Это почему?

– Потому.

– Кагыр, а ты?

– Наркотик не употребляю.

– Ну и святоши мне попались, – покрутила она головой. – Никак сразу же приметесь морали читать. Мол, от порошка я ослепну, оглохну и облысею. Рожу ненормального ребенка.

– Прекрати, Ангулема, и закончи рассказ.

Девушка громко чихнула.

– Ладно, если хочешь. Так на чем я... Ага. Ну, началась, значит, война с Нильфгаардом, родственнички растеряли все имущество и вынуждены были бросить дом. Было у них несколько собственных детей, а я стала для них обузой, вот и отдали меня в приют. Содержали приют жрецы при каком-то храме. Веселенькое это было, как вскорости оказалось, местечко. Обычный бордель, ни прибавить, ни убавить, для таких, что любят незрелое яблочко, сечешь? Молоденьких девочек, да и мальчиков тоже. Я, когда туда попала, была уже слишком взрослой, переростком, на меня любители не находились...

Совершенно неожиданно она залилась румянцем, который был виден даже при свете костра.

– Ну, почти не находились, – добавила она сквозь зубы.

– Сколько тебе тогда было лет?

– Пятнадцать. Познакомилась я там с одной девчонкой и пятью мальчишками моего возраста и постарше. И мы быстренько нашли общий язык. Как ни говори, а знали мы легенды и предания. О Бешеном Дее, о Чернобородом, о братьях Кассини... Захотелось нам на большак, на свободу, на разбой! Это что же, сказали мы себе, только из-за того, что нас тут дважды в день кормят, мы должны каким-то старперам и отвратникам по первому зову задницы подставлять...

– Попридержи словотворчество, Ангулема. Сама знаешь, перебор хуже недобора...

Девушка протяжно отхаркнулась, сплюнула в костер.

– Ну и святоша! Ладно, перейду к делу, что-то мне болтать не хочется. В приютской кухне отыскились ножи, достаточно было их как следует на камне наострить и на пояс подвесить. Из точеных ножек дубового стула получились шикарные колья. Нужны были только лошади и деньги, ну, дождались мы приезда двух развратников, постоянных бывальцев, стариков, тьфу, почти сорокалетних. Приехали они, винцо потягивают, ждут, когда им попы по обычаю

привяжут выбранную малолетку к такой специальной удобной штуковине... Но в тот день им поиграть не удалось!

– Ангулема!

– Ладно, ладно. Короче: прирезали мы и забили обоих развратных старцев, трех попов и пажа, единственного, который не сбежал и коней ихних сторожил. Храмового эконома, который не хотел дать ключей от сундучка с деньгами, мы огнем припекали до тех пор, пока не дал, но жизнь ему сохранили, потому как милый был старичок, всегда доброжелательный и покладистый. И пошли на грабеж, на тракты и большаки. Разные колеи оказались у наших судеб, то на возу, то под возом, то мы дрались, то нас избивали. То было сыро, то холодно. Ха, холодно-то чаще. Из того, что ползает, я ела в жизни все, что удавалось, мать их так, поймать. А из того, что летает, однажды сожрала даже воздушного змея, потому как он был склеен мучным клеем.

Она умолкла, яростно почесала голову, заросшую светлыми, как солома, волосами.

– Да уж, что было, то было. Вот что я тебе скажу: из тех, что со мной в приюте сидели, уж никого в живых не осталось. Двух последних, Овена и Абея, прикончили несколько дней тому кнехты господина Фулько. Абель сдался, как и я, но его все равно зарубили, хоть он меч бросил. Меня пощадили. Не думай, что по доброте душевной. Нет, меня на плацу уже крестом раскладывали, но тут примчался офицер и не допустил потехи. Ну а от эшафота ты меня упас...

Она на минуту замолчала.

– Ведьмак?

– Слушаю.

– Я знаю, как отблагодарить. Если только захочешь...

– Ну?

– Пойду взгляну, как там с лошадьми, – быстро сказал Кагыр и встал, заворачиваясь в плащ.

– Прогуляюсь немного... по округе...

Девушка чихнула, потянула носом, кашлянула.

– Ни слова больше, Ангулема, – опередил ее по-настоящему злой, по-настоящему устыдившийся, по-настоящему смутившийся Геральт. – Ни слова!

Она снова кашлянула.

– Ты действительно не хочешь меня? Ни капельки?

– От Мильвы ты уже получила ремнем, соплячка. Если немедленно не замолкнешь, получишь добавку от меня.

– Все, молчу.

– Послушная девочка.

В склоне горы, поросшем худосочными и кривыми сосенками, зияли дыры и ямы, прикрытые или обшитые досками, соединенные мостками, лесенками и лесами. Из дыр торчали опирающиеся на скрещивающиеся столбы помосты. По некоторым бегали люди, толкающие тележки и тачки. Содержимое тележек и тачек – которое на первый взгляд казалось грязной,

перемешанной с камнями землей – сваливали с помостов в большое четырехугольное корыто, вернее, в набор постепенно уменьшающихся, перегороженных досками корыт. По корытам постоянно и шумно текла вода, подводимая с лесистой возвышенности по опирающимся на невысокие крестовины деревянным желобам. И таким же образом выводимая вниз, к обрыву.

Ангулема слезла с лошади, дала знак Геральту и Кагыру сделать то же. Оставив лошадей у изгороди, они направились к постройкам, увязая в грязи, скопившейся вдоль неплотно сбитых желобов и труб.

– Промывка железной руды, – сказала Ангулема, указывая на приспособления. – Вот оттуда, из шахт рудника, вывозят добычу, выгружают в корыта и смачивают водой, которую берут из ручья. Руда оседает на поддонах, оттуда ее выбирают. Вокруг Бельхавена множество рудников и таких промывочных. А руду везут в долину, в Маг Тургу, там расположены печи и плавильни, потому как там больше лесов, а для выплавки нужны дрова.

– Благодарю за лекцию, – кисло прервал Геральт. – Мне доводилось в жизни видеть несколько рудников, и я знаю, что именно необходимо для выплавки. Когда ты наконец скажешь, зачем мы сюда приехали?

– Чтобы поговорить с одним моим знакомцем. Здешним штейгером. Пошли за мной. Ха, да вот он! У столярной мастерской. Пошли.

– Краснолюд?

– Ага. Его зовут Голян Дроздек. Он, как я сказала...

– ...здешний штейгер. Это-то ты сказала, а вот о чем собираешься с ним поболтать, сказать забыла.

– Гляньте на свои сапоги.

Геральт и Кагыр послушно глянули на обувь, испачканную шламом странно красного цвета.

– У полуэльфа, которого мы ищем, – опередила вопрос Ангулема, – во время разговора с Соловьем была точно такая же грязюка на гамашах. Улавливаете?

– Теперь да. А краснолюд что?

– Не заговаривайте с ним вообще. Переговоры я беру на себя. А вас он должен считать теми, которые не болтают, а работают мечами. Сделайте грозные мины.

Делать грозные мины не понадобилось. Одни из присматривавшихся к ним горняков быстро отводили глаза, другие замирали, раскрыв рты. Оказавшиеся у них на пути спешили уступить дорогу. Геральт догадывался почему. На лице Кагыра и его собственном все еще были видны синяки, кровоподтеки, царапины и припухлости – красочные следы драки и порки, которую учинила им Мильва. Так что выглядели они людьми, обожающими давать по зубам друг другу, а уж чтобы дать по морде третьему, их долго упрашивать не было нужды.

Краснолюд, знакомец Ангулемы, стоял у домика с табличкой «Столярная мастерская» и выводил что-то на щите, сколоченном из двух оструганных досок. Увидев приближающихся, он отложил кисть, отставил банку с краской, глянул исподлобья. На его физиономии, которую украшала заляпанная краской борода, возникло удивление.

– Ангулема?

– Как дела, Дроздек?

- Это ты? – Краснолюд раззявил скрывающийся под бородой рот. – Это, что ль, верно ты?
- Нет. Не я. Воскресший пророк Лебеда! Ну, спроси еще о чем-нибудь, Голян. Что-нибудь другое. Поумней. Для разнообразия.
- Не шути, Светлая. Я уж тебя увидеть не ожидал больше. Был тут пяток дней тому Мулица, говорил, сцапали тебя и на кол насадили в Ридбруне. Клялся, что не врет.
- Все ж какая-никакая, а выгода, – пожалала плечами девушка. – Ежели теперь станет Мулица у тебя под свою честность деньги просить и клясться, что вернет, так ты будешь знать, чего его клятвы стоят.
- Я это и без того давно знал, – ответил краснолюд, быстро моргая и шевеля носом совсем как кролик. – Я б ему и шелонга ломаного не одолжил, хоть он усрись и землю жри. Но тому, что ты жива и цела, рад, рад. Эй, а может, по такому случаю и ты мне долг отдашь?
- Не исключено. Вполне даже может быть.
- А кто ж это с тобою, Светлая?
- Добрые друзья.
- Ну, морды... А куда ж боги ведут?
- Как обычно, куда глаза глядят. – Ангулема проигнорировала испепеляющие взгляды ведьмака, втянула носом щепотку порошка, остальное втерла в десну. – Нюхнешь, Голян?
- Пожалуй. – Краснолюд подставил руку, втянул носом подаренную щепоть наркотика.
- Если по правде, – продолжала девушка, – то думаю в Бельхавен податься. Не знаешь, Соловей с ганзой не там ли, к случаю, залег?
- Голян Дроздек наклонил голову.
- Тебе, Светлая, надобно Соловья избегать. Разозленный он, говорят, на тебя, как та еще росوماха, когда ее в зимнюю пору разбудить.
- Жуть! А если до него весть дошла, что меня на острый кол парой лошадок натянули, у него сердце не помягчало? Не пожалел? Слезинки не обронил, бороденки не обсопливил?
- Никак нет. Говорят, сказал, получила, мол, Ангулема то, что ей давным-давно полагалось: палку в жопу.
- Ох, грубиян. Вульгарь, хамское рыло. Господин префект Фулько сказал бы культурненько: общественные низы. Я же скажу, дно выгребной ямы!
- Тебе, Светлая, лучше такие речи ему за глаза говорить. И возле Бельхавена не отирайся, стороной его обходи. А ежели в город намылилась, тогда лучше б переодеться...
- Ты, Голян, не учи ученого.
- Да разве ж я посмею!
- Слушай, краснолюдина, – Ангулема поставила сапог на приступочек столярки, – вопрос тебе поставлю. С ответом не спеши. Для начала подумай как следует.
- Спрашивай.

– Полуэльф некий тебе на глаза, случаем, не попадался? Чужой, нездешний?

Голян Дроздек втянул воздух, могуче чихнул, отер нос запястьем.

– Полуэльф, говоришь? Что за полуэльф?

– Не прикидывайся идиотом, Дроздек. Тот, который Соловья для одной работы нанял. На мокрое дело. На ведьмака одного...

– Ведьмака? – расхохотался Голян Дроздек, поднимая с земли доску. – Вот те раз! Тоже, понимаешь ли, интересно! Это мы как раз ведьмака ищем, объявления малюем и развешиваем по округе. Глянь: «Нужен ведьмак, плата добрая, к тому пропитание и жилье, подробности в правлении рудника “Маленькая Бабетта”»... Кстати, как правильно писать: «подробности» или «подробности»?

– Напиши «детали». А на кой вам хрен на рудник ведьмак?

– Во вопросик! На кой, если не на чудищ?

– На каких?

– На стучаков и барбегазов. Жуть как обнаглели в нижних горизонтах.

Ангулема кинула взгляд на Геральта, который кивком подтвердил, что знает, о чем речь. А многозначительным покашливанием дал понять, что пора бы поскорее вернуться к теме.

– Итак, – с ходу поняла девушка, – что тебе известно об этом полуэльфе?

– Неизвестно мне ни о каком полуэльфе. Ничего.

– Я ж сказала, чтобы ты как следует подумал.

– А я и подумал. – Голян Дроздек неожиданно соорудил хитрую мину. – И надумал, что лучше уж ничего об этом деле не знать.

– То есть?

– То есть беспокойно тут. Район беспокойный, и время беспокойное. Банды, нильфы, партизаны из «Вольных Стоков»... И разные чуждые элементы, полуэльфы всякие... И у каждого аж в заднице свербит, чтобы какую-никакую неприятность учинить.

– То есть?

– А то есть, что ты мне деньги должна, Светлая. А вместо того, чтобы отдать, новых долгов хочешь наделать. Серьезных долгов, потому как за то, о чем ты спрашиваешь, можно по кумполу отхватить, да не голой рукой, а топориком. Какой мне с того пропит? Какая мне корысть с того, если я чего-нито буду о полуэльфе знать? Иль получу чего? Потому как один только риск, а добытку никакого...

Геральт не выдержал. Утомил его разговор, раздражали жаргон и манеры красноречивца. Молниеносным движением он схватил бородача за его расцвеченную краской бороду, дернул и толкнул. Голян Дроздек споткнулся о ведро с краской и упал. Ведьмак подскочил, уперся коленом ему в грудь и приставил нож к глазу.

– Добытком, – проворчал он, – можешь считать то, что живым уйдешь. Говори.

Глаза Голяна, казалось, вот-вот выскочат из орбит и пойдут гулять по округе.

– Говори, – повторил Геральт. – Говори, что знаешь. Иначе так тебе кадык резану, что скорее захлебнешься, чем кровью изойдешь...

– «Риальто»... – пробормотал краснолюд. – На руднике «Риальто»...

Рудник «Риальто» мало чем отличался от рудника «Маленькая Бабетта», как, впрочем, и от других шахт и карьеров, которые Ангулема, Геральт и Кагыр миновали по дороге и которые носили звучные названия «Осенний манифест», «Старый рудник», «Новый рудник», «Рудник Юлька», «Целестинка», «Общее дело» и «Счастливая дыра». На всех кипела работа, на всех вывозимую из забоев грязную землю вываливали в корыта и промывали на поддонах. На всех сверхдостаточно было красной грязи.

«Риальто» был рудником большим, расположенным почти на вершине горы. Сама вершина была срезана и образовывала карьер, то есть открытую разработку. Промывочная находилась на выработанной в склоне горы террасе. Здесь, у отвесной стены, в которой зияли отверстия шурфов и штолен, стояли корыта, поддоны, лотки и прочие причиндалы горного промысла. Здесь же примостился горняцкий поселок, состоящий из деревянных домишек, будок, шалашей и крытых корой хат.

– Здесь у меня знакомых нет, – сказала девушка, подвязывая поводья к ограде. – Попытаюсь поговорить с управляющим. Геральт, если можешь, не хватай его с ходу за глотку и не размахивай железякой. Сначала поговорим...

– Не учи ученого, Ангулема.

Поговорить они не успели. Не успели даже подойти к домику, в котором, как предполагали, размещался управитель. На площадке, на которой руду загружали на телеги, они наткнулись на пятерку конников.

– А, черт! – сказала Ангулема. – А, черт и дьявол! Гляньте, кого тот кот принес!

– В чем дело?

– Это люди Соловья. Приехали собирать дань. Меня уже увидели и узнали... Мать твою так-растак... Ну и влипли же мы...

– Сумеешь отбрехаться?

– Не думаю.

– Что так?

– Я ж обворовала Соловья, сбегая из ганзы. Этого они мне не простят. Но попытаюсь. Вы помалкивайте. Держите ушки на макушке и будьте готовы. Ко всему.

Конники приблизились. Впереди ехали двое – длинноволосый седой тип в волчьей дохе и молодой верзила с бородой, несомненно, отпущенной, чтобы скрыть безобразившие его прыщи. Они прикидывались равнодушными, но Геральт заметил тщетно скрываемые искорки ненависти во взглядах, которыми они дарили Ангулему.

– Светлая!

– Новосад, Йиррель! Здравствуйте. Хороший нынче денек. Жаль только, дождь идет.

Седой слез, вернее, соскочил с лошади, размахисто перекинув правую ногу над конской головой. Остальные тоже слезли. Седой передал поводья дылде с бородой, которого Ангулема назвала Йиррелем.

– Как вам нравится? – сказал он. – Наша сорока болтливая. Получается, ты жива и здорова?

– И ногами дрыгаю.

– Соплячка языкастая! Шел слух, что и верно, дрыгаешь, да на коле. Шел слух, подергал тебя крепко Фулько одноглазый. Шел слух, пела ты на пытках горлицей, все выдала, о чем спрашивали!

– Шел слух, – фыркнула Ангулема, – что твоя матушка, Новосад, требовала от клиентов всего-то четыре тынфа[31], а ей никто и больше двух-то не давал.

Разбойник сплюнул ей под ноги с презрительной миной. Ангулема снова фыркнула, совсем как кошка.

– Новосад, – сказала она нахально, взявшись под бока. – У меня к Соловью дело есть.

– Интересно. Потому как у него к тебе тоже.

– Заткнись и слушай, пока мне говорить не расхотелось. Два дня тому в миле за Ридбруном я и эти вот други мои зарубили того ведьмака, что был у Соловья на мокром контракте. Усек?

Новосад многозначительно глянул на спутников, потом подтянул рукавицу, оценил взглядом Геральта и Кагыра.

– Твои новые други, – протяжно повторил он. – Ха, по мордам видать, не попы. Ведьмака рубанули, говоришь? А как? Кинжалом в спину? Или во сне?

– Это не важная подробность. – Ангулема соорудила обезьянью мордочку. – А важная подробность та, что названный ведьмак землю грызет. Послушай, Новосад. Я с Соловьем тягаться не собираюсь и наперехлест ему идти. Но дело есть дело. Полуэльф дал нам аванс на уговор, о нем я молчу, это ваши монеты на расходы и за хлопоты. А второй взнос, который полуэльф пообещал после работы, по закону – мой.

– По закону?

– Именно что! – Ангулема не обратила внимания на саркастический тон Новосада. – Потому как мы контракт выполнили, ведьмака пришили, доказательства чему можем тому полуэльфу показать. Значит, возьму я, что мне полагается, и пойду в синюю туманную даль. С Соловьем, как я сказала, конкурировать не хочу, потому как для меня и для него на Стоках слишком тесно. Так ему и передай, Новосад.

– Только-то и всего? – снова съязвил Новосад.

– И поцелуй, – прыснула Ангулема. – А еще можешь ему вместо меня задницу подставить per procura [32].

– У меня появилась мысль получше, – сообщил Новосад, зыркнув на спутников. – Я ему твою задницу в оригинале доставлю, Ангулема. Я ему тебя, Ангулема, в путях доставлю, а уж он тогда с тобой все обсудит и обо всем договорится. И урегулирует. Все. Спор о том, кому полагаются деньги за контракт полуэльфа Ширри. Да и плата за то, что украла. Ну и то, что Стоки для вас слишком тесны. Все таким манером уладите. В подробностях, как ты выражаешься.

– Есть одно «но», – опустила Ангулема руки. – Как ты собираешься меня к Соловью доставлять, а, Новосад?

– А вот как! – Бандит протянул руку. – За загривок!

Геральт мгновенно вытянул сгилль и подсунул Новосаду под нос.

– Не советую.

Новосад отскочил, вытащил меч. Йиррель с шипением выхватил из ножен за спиной кривую саблю. Остальные последовали их примеру.

– Не советую, – повторил ведьмак.

Новосад выругался. Глянул на дружков. Он не был силен в арифметике, но у него все же получилось, что пятеро – гораздо больше, чем трое.

– Бей! – рявкнул он, кидаясь на Геральта. – Бей-убивай!

Ведьмак полуоборотом ушел от удара и рубанул Новосада наотмашь в висок. Еще прежде чем тот упал, Ангулема наклонилась в коротком замахе, нож свистнул в воздухе, нападавший Йиррель покачнулся – из-под подбородка у него торчала костяная рукоять. Разбойник выпустил саблю, обеими руками выдернул нож из шеи, из раны хлынула кровь, а Ангулема в подскоке ткнула его ногой в грудь и повалила на землю. В это время Геральт рассек другого бандита, Кагыр зарубил следующего, под могучим ударом нильфгаардского меча от черепа разбойника отвалилось что-то вроде куска арбуза. Последний бандит ретировался, прыгнул к коню. Кагыр подбросил меч, схватил его за клинок и кинул на манер копья, попав бандиту точно между лопаток. Конь заржал и дернул головой, присел, забил ногами, таща по красной грязи труп с запутавшейся в ремень поводка рукой.

На все пришлось не больше пяти ударов сердца.

– Лю-ю-юди! – крикнул кто-то между домушками. – Лю-у-уди-и-и! На помощь! Убивают, убивают, убивают!!!

– Армию! Армию вызвать! – крикнул другой горняк, отгоняя детей, которые по извечной привычке всех детей мира явились неведомо откуда, чтобы глазеть и путаться под ногами.

– Кто-нибудь бегите за армией!

Ангулема подняла свой нож, вытерла и сунула за голенище.

– А пусть его бежит, пожалуйста! – крикнула она в ответ, оглядываясь. – Вы что, подзёмы, слепые иль как? Это ж была самооборона! На нас напали, сволота! А вы будто их не знаете? Мало вам плохого наделали? Мало от вас дани набрали?

Она крепко чихнула. Потом сорвала у Новосада кошель с веревочки, наклонилась над Йиррелем.

– Ангулема!

– Чего?

– Оставь.

– Это почему же? Добыча ведь! У тебя что, денег куры не клюют?

– Ангулема...

– Эй, ты, – вдруг раздался звучный голос. – Поди-ка сюда!

В раскрытых дверях барака, который служил складом инструментов, стояли трое мужчин. Два – коротко остриженные здоровяки с низкими лбами и, несомненно, низкой смекалкой. Третий – тот, что их окликнул, – был необычно высокий, темноволосый, представительный мужчина.

– Я невольно слышал разговор, который предварял происшествие, – сказал мужчина. – Не очень-то мне хотелось верить в смерть ведьмака, я думал, это пустая похвала. Теперь уже так не думаю. Войдите сюда, в барак.

Ангулема громко втянула воздух. Взглянула на ведьмака и едва заметно кивнула.

Мужчина был полуэльфом.

Полуэльф Ширру был высок – заметно больше шести футов росту. Длинные темные волосы носил перехваченными на затылке в падающий на спину конский хвост. Смешанную кровь выдавали глаза – большие, миндалевидные, желто-зеленые, как у кошки.

– Итак, вы убили ведьмака, – повторил он, недобро усмехаясь. – Опередив Гомера Страггена по прозвищу Соловей? Интересно, интересно. Одним словом, именно вам я должен уплатить пятьдесят флоренов. Второй взнос. Выходит, Страгген получил свои полсотни за здорово живешь. Ведь не думаете же вы, что он их добровольно отдаст?

– Как я с Соловьем полажу, это уж мое дело, – сказала Ангулема, сидя на ящике и болтая ногами. – А договор относительно ведьмака касается дела. И мы это дело сделали. Мы, а не Соловей. Ведьмак в земле. Его дружки, все трое, в земле. Получается – контракт выполнен.

– Во всяком случае, так утверждаете вы. Ну и как же это происходило?

Ангулема не перестала болтать ногами.

– Под старость, – известила она свойственным ей наглым тоном, – запишу историю моей жизни. Опишу в ней, как происходило то, да сё, да это. А пока наберитесь терпения, господин Ширру.

– Неужто так уж неловко об этом говорить? – холодно бросил метис. – Стало быть, так паршиво и предательски все было сработано?

– Вам это мешает? – спросил Геральт.

Ширру внимательно взглянул на него и, немного помолчав, ответил:

– Нет. Ведьмак Геральт из Ривии не заслужил лучшей судьбы. Это был тип наивный и глупый. Если б его постигла более красивая, приличная честная смерть, возникли бы легенды. А он легенд не заслужил.

– Смерть всегда одинакова.

– Не всегда, – покрутил головой полуэльф, все еще пытаясь заглянуть в прикрытые тенью капюшона глаза Геральта. – Уверяю вас, не всегда. Догадываюсь, что именно ты нанес смертельный удар.

Геральт не ответил. Его терзало невыносимое желание схватить метиса за конский хвост, повалить на пол и выдавить из него все, что тот знает, по одному выбивая ему зубы головкой меча. Однако он сдержался. Рассудок подсказывал, что затеянная Ангулемой мистификация могла дать лучшие результаты.

– Ваше дело, – сказал Ширру, не дождавшись ответа. – Не буду настаивать на изложении хода событий. Скорее всего вам почему-то не хочется говорить об этом. Вероятно, нечем

особенно хвалиться. Если, конечно, ваше молчание не вызвано чем-то другим... Например, тем, что вообще ничего-то вы не сделали. Может быть, сумеете представить какие-то доказательства истинности своих слов?

– Мы отрубили у убитого правую кисть, – равнодушно бросила Ангулема. – Но потом ее спер и сожрал енот-полоскун.

– Поэтому у нас осталось только это – Геральт медленно расстегнул рубаху и извлек медальон с волчьей головой. – Это было у ведьмака на шее.

– А ну, покажи.

Геральт не колебался ни минуты. Полуэльф подбросил медальон на ладони.

– Теперь верю, – сказал он медленно. – Безделушка сильно эманурует магией. Такая штука могла быть только у ведьмака.

– А ведьмак, – dokonчила Ангулема, – не дал бы ее с себя снять, если б еще дышал. Значит, доказательство железное. Давай выкладывай денюгу на стол!

Ширру заботливо спрятал медальон, вынул из-за пазухи листок бумаги, положил на стол и расправил ладонью.

– Милости прошу. Расписочку.

Ангулема соскочила с ящика, подошла, обезьянничая и вертя бедрами. Наклонилась над столом. А Ширру мгновенно вцепился ей в волосы, повалил на столешницу и приставил нож к горлу. Девушка не успела даже крикнуть.

У Геральта с Кагыром уже были мечи в руках. Но слишком поздно.

Пособники полуэльфа, крепыши с низкими лбами, держали в руках металлические крюки. Но подходить не спешили.

– Мечи на пол, – буркнул Ширру. – Оба. Мечи на пол. Иначе я расширю девке улыбку.

– Не слушай... – начала Ангулема и окончила криком, потому что полуэльф крутанул впившейся ей в волосы рукой. И тут же надрезал кожу кинжалом. По шее девушки потекла блестящая красная змейка.

– Мечи на землю! Я не шучу!

– А может, договоримся как-нибудь? – Геральт, несмотря на кипящую в нем злость, решил тянуть время. – Как культурные люди?

Полуэльф ядовито рассмеялся.

– Договориться? С тобой, ведьмак? Меня прислали не балакать с тобой, а прикончить. Да-да, выродок. Ты тут комедию ломал, дитятей невинным прикидывался, а я узнал тебя с первого взгляда, сразу же. Мне тебя точно описали. Догадываешься, кто мне тебя так точно описал? Кто дал мне четкие указания, где и в какой компании я тебя найду? О, наверняка догадываешься.

– Отпусти девушку.

– Но я тебя знаю не только по описанию, – продолжал Ширру, и не думая отпускать Ангулему. – Я тебя уже видел. Я за тобой даже когда-то следил. В Темерии. В июле. Я ехал за тобой аж до города Дорьян. До дома юристов Кодрингера и Фэнна. Улавливаешь?

Геральт повернул меч так, что солнечный зайчик от клинка ослепил полуэльфа.

– Интересно, – холодно сказал он, – как ты намерен выпутаться из патовой ситуации, Ширру? Я вижу два выхода. Первый: ты немедленно отпускаешь девушку. Второй: ты убьешь девушку... А через секунду твоя кровь изящно разукрасит стены и потолок.

– Ваше оружие, – Ширру грубо рванул Ангулему за волосы, – должно лежать на полу, прежде чем я досчитаю до трех. Потом я начну девку кроить.

– Поглядим, много ли успеешь накроить. Я думаю, не очень.

– Раз!

– Два! – начал собственный отсчет Геральт, выкручивая в воздухе сигиллем шипящую мельницу.

Снаружи слышались стук копыт, ржание и фыркание лошадей, крики.

– И что теперь? – засмеялся Ширру. – Этого я и ждал. Это уже не пат, а мат! Прибыли мои друзья.

– Серьезно? – сказал Кагыр, выглядывая в окно. – Я вижу форму императорской легкой кавалерии.

– Значит, это и верно мат, но только для тебя, – сказал Геральт. – Ты проиграл, Ширру. Отпусти девушку.

– Как же, жди!

Дверь распахнулась под ударами ног, в барак ворвались несколько человек, почти все – в черном. Вел их светловолосый бородач с серебряным медведем на наплечнике.

– Que aep suess's? – спросил он грозно. – Что тут происходит? Кто отвечает за дебош? За трупы на дворе? А ну, отвечайте немедленно!

– Господин командир...

– Glaeddyvan vort! Бросай мечи!

Они послушались. Потому что на них были направлены арбалеты и луки. Ширру отпустил Ангулему, та хотела вскочить, но неожиданно оказалась в объятиях крепкого, ярко одетого дылды с выulptенными как у лягушки глазами. Хотела крикнуть, но дылда зажал ей рот затянутой в перчатку рукой.

– Предлагаю воздержаться от применения силы, – холодно предложил Геральт командиру с медведем на наплечнике. – Мы не преступники.

– Это ж надо!

– Мы действуем с ведома и согласия господина Фулько Артевельде, префекта из Ридбруна.

– Это ж надо! – повторил Медведь, подав знак солдатам, чтобы те подняли и забрали мечи Геральта и Кагыра. – С ведома и согласия? Господина Фулько Артевельде? Очень важного господина Артевельде. Фулько, значит. Слышали, ребята?

Его люди – и черные, и пестроцветные – захохотали в один голос.

Ангулема дергалась в объятиях лягушачьеглазого, тщетно пытаясь кричать. Геральт уже

понял. Понял еще прежде, чем ухмыляющийся Ширру принялся пожимать поданную ему правую руку. Прежде, чем четыре черных нильфгаардца схватили Кагыра, а трое других направили арбалеты прямо ему в лицо.

Лягушатник толкнул Ангулему к друзьям. Девушка повисла в их руках тряпичной куклой, даже не пытаясь сопротивляться.

Медведь медленно подошел к Геральту и неожиданно саданул в промежность кулаком в железной перчатке. Геральт согнулся, но не упал. На ногах его удержала холодная ярость.

– Может, тебя порадует известие, – сказал Медведь, – что вы не первые идиоты, которых Одноглазый Фулько использовал в своих целях. У него бревном в глазу сидят дела, которые я здесь проталкиваю на пару с господином Гомером Страггеном, которого некоторые зовут Соловьем. Фулько искать не перестает, зная, что ради этих делишек я принял на государственную службу Гомера Страггена и назначил его командиром добровольного отряда по охране горного производства. Поэтому, не имея возможности мстить официально, он нанимает разных сволочей.

– И ведьмаков, – ядовито усмехнулся Ширру.

– Снаружи, – громко сказал нильфгаардец, – мокнут под дождем пять трупов. Вы прикончили людей, находящихся на императорской службе! Нарушили работу на рудниках! У меня нет ни малейших сомнений: вы шпионы, диверсанты и террористы. На этой территории действует закон военного времени. Во исполнение его незамедлительно приговариваю вас к смертной казни на месте.

Лягушатник захохотал. Подошел к удерживаемой бандитами Ангулеме, быстро схватил ее за грудь. И сильно стиснул.

– Ну и как, Светлая? – проскрипел он, а голос, оказалось, у него был еще более лягушачий, нежели глаза. Бандитская кличка, которую он сам себе дал, доказывала наличие юмора. Если же это был простой камуфляж, то он себя оправдывал на все сто.

– А ведь встретились мы снова-то, – проскрипел лягушачий Соловей, снова ущипнув Ангулему в грудь. – Ты довольна?

Девушка болезненно ойкнула.

– Ну, курва, где жемчуга и камни, которые ты у меня сперла?

– Их взял на хранение Одноглазый Фулько, – взвизгнула Ангулема, пытаясь прикинуться, будто не боится. – Обратись к нему за получением!

Соловей заскрипел и вылупил зенки – теперь он выглядел как самая настоящая жаба, того и гляди примется языком мух ловить. Он еще сильнее ущипнул Ангулему, которая начала вырываться и вскрикнула еще громче. Из-за красного тумана ярости, застывшего глаза Геральту, девушка опять напомнила ему Цири.

– Взять! – приказал вышедший из терпения Медведь. – Во двор их.

– Это ведьмак, – неуверенно сказал бандит из Соловьиной ганзы по охране горных выработок. – Тот еще тип. Как его голыми руками брать? Он запросто могёт нас каким-никаким заговором зачаровать или чем-нито другим...

– Нечего бояться. – Улыбающийся Ширру похлопал себя по карману. – Без ведьмачьего амулета он не сумеет чаровать, а амулет у меня. Берите смело.

Во дворе ожидали остальные вооруженные нильфгаардцы в черных накидках и пестрая Соловьиная орда. Собралась группа горняков. Крутились вездесущие дети и собаки.

Соловей вдруг потерял самообладание. В него прямо-таки дьявол вселился. Яростно скрипя, он ударил Ангулему кулаком, а когда она упала, несколько раз ударил ногой. Геральт вырвался из рук бандитов и тут же получил по шее чем-то твердым.

– Говорили, – скрипел Соловей, прыгая над Ангулемой не хуже свихнувшейся жабы, – будто в Ридбруне тебя насадили задницей на кол, стерва малолетняя! Эй, парни, подыщите-ка какой-нибудь шест и заострите получше. Да живо!

– Господин Страгген, – поморщился Медведь. – Не вижу повода заниматься столь трудоемкой и зверской экзекуцией. Пленных надо просто повесить...

Он замолчал под злым взглядом лягушачьих глаз.

– Заткнитесь, капитан, – скрипнул бандит. – Я достаточно много плачу вам, чтобы вы делали мне дурные замечания. Я поклялся злую смерть Ангулеме учинить и теперь с ней поиграю. Ежели желаете, можете повесить тех двоих. Мне они до свечки.

– Но мне нет, – вмешался Ширру. – Мне необходимы оба. Особенно ведьмак. Да, он в особенности. А поскольку насаживание девушки на кол немного затянется, постольку этим временем воспользуюсь и я.

Он подошел, уставился на Геральта кошачьими глазами.

– Тебе неплохо бы знать, выродок, – сказал он, – что твоего дружка Кодрингера в Дорьяне прикончил я. И сделал это по приказу моего господина, магистра Вильгефорца, которому служу многие годы с огромным удовольствием.

– Старый прохвост Кодрингер, – продолжал эльф, не дождавшись реакции, – имел наглость сунуть нос в дела магистра Вильгефорца. Я вспорол его ножом. А его мерзопакостного уродца Фэнна поджег среди его же бумаг и зажарил живьем. Я мог его просто зарезать, но решил пожертвовать некоторым временем, чтобы послушать, как он воет и визжит. А выл он и визжал, скажу тебе, как резаный поросенок. Ничего, ну, ничего человеческого не было в его визге. Абсолютно.

Знаешь, почему я обо всем этом говорю? Потому что и тебя я мог бы просто-напросто зарезать сам либо приказать кому-нибудь сделать это. Но я пожертвую ради тебя временем. Послушаю, как ты будешь выть. Ты говорил, что смерть всегда одинакова. Сейчас ты увидишь, что не всегда. Подожгите, парни, смолу в мазнице. И принесите какую-нибудь цепь.

Что-то с грохотом разбилось об угол барака и тут же со страшным гулом полыхнуло огнем.

Второй сосуд с каменным маслом – Геральт распознал запах нефти – попал прямо в мазницу, третий разорвался совсем рядом с бандитами, державшими коней. Громыкнуло, взвилось пламя, кони взбесились. Закипело, из кипени вывалился пылающий и воющий пес. Один из бандитов Соловья вдруг раскинул руки и шлепнулся в грязь со стрелой в спине.

– Да здравствуют Вольные Стоки!

На вершине горы, на лесах и помостах замаячили фигуры в серых плащах и меховых шапках. В людей, лошадей и на рудничные бараки полетели новые зажигательные снаряды, словно фейерверки, тянущие за собой косы огня и дыма. Два попали в мастерскую, на пол, устланный стружкой и опилками.

– Да здравствуют Вольные Стоки! Смерть нильфгаардским оккупантам!

Запели перья стрел и болтов.

Рухнул под лошадь один из черных нильфгаардцев, свалился с рассеченным горлом один из Соловьиных бандитов, упал с болтом в груди один из стриженных силачей. Повалился с ужасающим стоном Медведь. Стрела угодила ему в грудь, под дых, пониже ринграфа. Это была – хоть никто знать и не мог – стрела, украденная из армейского транспорта, стандартное вооружение императорской армии, немного переделанное. Широкий двухвостый наконечник, подпиленный в нескольких местах так, чтобы получить эффект разбрызга.

Наконечник отлично выполнил свою роль – разбрызгался во внутренностях Медведя.

– Долой тирана Эмгыра! Вольные Стоки!

Соловей захрипел и схватился за плечо, в которое угодил болт.

Захромал в красной грязи один из ребятишек, прошитый навылет стрелой плохо прицелившегося борца за свободу. Упал один из тех, что держали Геральта. Свалился один из державших Ангулему. Девушка вырвалась из рук второго, молниеносно выхватила из-за голенища нож, рубанула в широком замахе. Целилась в горло, но из-за горячности промахнулась и почти до зубов распоролла ему щеку. Соловей заскрипел еще скрипучее, чем обычно, а глаза вылупил еще вылупястее. Упал на колени, пропуская кровь между пальцами рук, которыми схватился за лицо. Ангулема дико взвыла, подскочила, чтобы довершить дело, но не сумела, потому что между ней и Соловьем взорвалась очередная бомба, исходя огнем и клубами вонючего дыма.

Вокруг гудел и полыхал огненный ад. Бесились, ржали и рвались лошади. Бандиты и нильфгаардцы орали. Горняки впали в панику – одни убегали, другие пытались гасить пылающие домишки.

Геральт уже успел поднять упущенный Медведем сигилль. Коротко срезал высокую женщину в кольчуге, замахнувшуюся на Ангулему шестопером. Черному нильфгаардцу, налетевшему со шпontonом[33], рассек бедро. Следующему, который просто оказался на пути, пробил горло.

Тут же рядом безумствующий, обожженный, мчащийся напролом конь повалил и истоптал еще одного ребенка.

– Лови коня! Лови коня! – Рядом с ним оказался Кагыр, расчищая проход размахистыми ударами меча. Геральт не слушал, не смотрел. Зарубил следующего нильфгаардца. Поискал глазами Ширру.

Ангулема на коленях с расстояния в три шага выстрелила из поднятого с земли арбалета, вбивая болт в гениталии идущего на нее бандита из команды охраны горных выработок. Потом вскочила и схватила за уздечку бегущего мимо коня.

– Лови какого-нибудь! – крикнул Кагыр. – И – прочь отсюда!

Ведьмак ударом сверху располовинил от грудины до бедра очередного нильфгаардца. Резко мотнул головой, чтобы стряхнуть кровь с бровей и ресниц.

– Ширру! Где ты, паскуда вонючая?!

Удар. Крик. Теплые капли на лице.

– Смиловствисься! – взвыл ползающий в грязи парень в черной форме.

Ведьмак заколебался.

– Опамятуйся! – рявкнул Кагыр, хватая его за плечо и крепко трянув. – Опамятуйся! Приди в себя! Ты впадаешь в бешенство!

Галопом возвращалась Ангулема, держа в поводу другого коня. За ней гнались двое конных. Один упал, получив стрелу бойца за Вольные Стоки. Другого смел с коня меч Кагыра.

Геральт вскочил в седло. И тут в свете пожара увидел Ширру, созывавшего к себе паникующих нильфгаардцев. Рядом с полуэльфом скрипел и выкрикивал ругательства Соловей, похожий с раскровавленной мордой на настоящего тролля-людоеда.

Геральт взревел, развернул коня, закрутил мечом. Оказавшийся рядом Кагыр покачнулся в седле, кровь из лба моментально залила ему глаза и лицо.

– Геральт! Помоги!

Ширру собрал наконец вокруг себя группу, орал, приказывал стрелять из арбалетов. Геральт ударил коня плашмя по крупу, готовый к самоубийственной атаке. Ширру должен был умереть. Остальное не имело значения. Не имела значения Ангулема. Не имел значения Кагыр.

– Геральт! – взвизгнула Ангулема. – Помоги Кагыру!

Он опомнился. И устыдился.

Поддержал Кагыра, подпер плечом. Кагыр вытер глаза рукавом, но кровь тут же снова залила их.

– Ерунда, царапина... – Голос у него дрожал. – На коней, ведьмак... Галопом за Ангулемой. Галопом!

От подножия горы разрастался крик, оттуда мчалась вооруженная кирками, кайлами, топорами толпа. Это на помощь друзьям и кумовьям из рудника «Риальто» спешили горняки из соседней шахты – из «Счастливой дыры» либо «Общего дела». Или из какой-то другой. Кто мог это знать?

Геральт ударил коня пятками. Они пошли галопом, сумасшедшим

ventre a terre [34].

Гнали не оглядываясь, прижавшись к конским шеям. Самый лучший конь достался Ангулеме, маленький, но прыткий бандитский бахмач. Конь Геральта, гнедой в нильфгаардской сбруе, уже начинал храпеть и посвистывать, ему трудно было держать голову. Конь Кагыра, тоже армейский, был сильнее и выносливее, да что толку, если наездник еле удерживался в седле, машинально стискивая бедра и с трудом сдерживая хлещущую на гриву и шею лошади кровь.

Но они гнали дальше. Вырвавшаяся вперед Ангулема ждала их на повороте, в том месте, откуда дорога шла вниз, извиваясь среди скал.

– Погоня... – выдохнула она, размазывая грязь по лицу. – За нами будут гнаться, не простят... Горняки видели, куда мы бежим. Нельзя оставаться на тракте... Надо заскочить в леса, на бездорожья... Потерять их.

– Нет, – возразил ведьмак, с беспокойством слушая вырывающиеся из груди коня звуки. – Надо по тракту... Самой кратчайшей и прямой дорогой в Сансретур...

– Почему?

– Сейчас не до болтовни... Вперед! Выжмите из лошадей все, что можно.

Пошли в карьер. Гнедой ведьмака храпел.

Гнедой не годился для дальнейшей езды. Он едва шел на одеревеневших словно колья ногах, сильно ходил боками, воздух вырывался из него с хрипом. Наконец он повалился на бок, дернул задними ногами. В его помутневших глазах застыл укор.

Конь Кагыра был в несколько лучшем состоянии: сам же Кагыр явно в худшем. С седла он просто свалился, сумел встать на четвереньки, его начало рвать, хоть и нечем было.

Когда Геральт и Ангулема попытались дотронуться до его окровавленной головы, он закричал.

– Чертовская мать, – сказала девушка. – Ну, фризурку ему устроили.

Кожа надо лбом и висками молодого нильфгаардца вместе с волосами на значительной площади отделилась от кости черепа. Если б не то, что кровь уже образовала клейкую массу, срубленный лоскут, вероятно, сполз бы на ухо. Вид был чудовищный.

– Как это случилось?

– Бросили мне прямо в лоб топорик. И как бы смеха ради это был не Черный и не из соловьиной банды, а кто-то из горняков.

– Какое значение, кто бросил? – Ведьмак плотно обвязал голову Кагыра оторванным от рубахи рукавом. – По счастью, это был никуда не годный метатель. Он только оскальпировал тебя, а ведь мог череп разрубить. Но и черепу тоже крепенько досталось. Да и мозг это почувствовал. Он не удержится в седле, если даже конь его выдержит.

– Так что же делать? Твой конь подох, его почти подох, а с моего аж капает... А за нами погоня. Нам нельзя здесь оставаться...

– Мы должны здесь остаться. Я и Кагыр. И конь Кагыра. Ты поезжай дальше. Быстро. У тебя конь крепкий, выдержит галоп. А если даже придется его загнать... Ангулема, где-то в долине Сансретур нас ждут Регис, Мильва и Лютик. Они ни о чем не знают и могут попасть Ширру в лапы. Ты должна их отыскать и предупредить, а потом все четверо что есть сил в конях жмите в Туссент. Там вас искать не станут. Надеюсь.

– А вы с Кагыром? – Ангулема закусил губу. – Что будет с вами? Соловей не дурак, когда увидит полусдохшего запасного, перероет все ямы в округе! А ты с Кагыром на руках далеко не уйдешь.

– Ширру, а за нами гонится он, поедет вслед за тобой.

– Ты думаешь?

– Уверен. Поезжай.

– Что тетечка скажет, когда я без вас появлюсь?

– Объяснишь. Не Мильве, а Регису. Регис знает, что делать. А мы... Когда у Кагыра чуб немного прирастет к черепу, отправимся к Туссенту. Там как-нибудь разыщем друг друга. Ну, не тяни, девка. На коня и вперед! Не дай погоне приближаться. Не позволяй им увидеть себя.

Он не стал сильно удаляться от дороги. Не мог отказать себе в удовольствии глянуть на

преследователей. В принципе он не ожидал каких-либо действий с их стороны, знал, что они, не теряя времени, последуют за Ангулемой.

И не ошибся.

Правда, всадники, вылетевшие на перевал меньше чем через четверть часа, остановились около лежащего коня, но почти тут же возобновили погоню по дороге. Они, несомненно, решили, что из трех беглецов двое сейчас едут на одной лошади, и если не терять времени, их можно будет быстро нагнать. Геральт заметил, что кони под некоторыми из преследователей тоже не в лучшем состоянии.

Совсем не многие конники были в черных плащах нильфгаардской легкой кавалерии. Преобладали пестроцветные разбойники Соловья. Геральт не разобрал, участвует ли в погоне сам Соловей, или же главарь банды остался и сейчас залечивает рассеченную физиономию.

Когда топот копыт утих, Геральт вышел из укрытия в папоротниках, поднял и поддержал стонущего и охающего Кагыра.

– Конь слишком слаб, чтобы тебя нести. Сможешь идти сам?

Нильфгаардец издал звук, который с равным успехом мог быть и подтверждением, и отрицанием, а то и чем-то другим. Но ноги переставлял, а это было сейчас самым главным.

Они спустились в яр, к руслу реки. Последние несколько футов скользкого откоса Кагыр преодолел довольно неловко – просто съехал на ягодицах. Дополз до воды, пил, обильно смачивая водой повязку на голове. Ведьмак не торопил – сам дышал тяжело, собираясь с силами.

Он шел вверх по течению, поддерживая Кагыра и ведя коня, брел по колено в воде, спотыкался на окатышах и поваленных стволах. Спустя некоторое время Кагыр уже не мог переставлять непослушные ноги, вообще не мог ими шевелить, ведьмак просто тащил его силой. Дальше идти было нельзя, тем более что русло речки перегородили пороги и водопады. Геральт крикнул, взвалил раненого на спину. Конь, которого он вел в поводу, тоже жизни не облегчал. Когда же они наконец выбрались из яра, ведьмак просто повалился на мокрый грунт и лежал, тяжело дыша, совершенно измученный, рядом со стонущим Кагыром. Лежал долго. Колено снова начало чертовски болеть.

Наконец Кагыр подал признаки жизни, а вскоре – о диво! – встал, ругаясь и держась за голову. Они пошли. Вначале Кагыр шел неплохо. Потом пошел медленнее. Потом упал.

Геральт снова взвалил его на спину и тащил, постанывая, оскользаясь на камнях. Колено разрывала боль, в глазах мельтешили черные и огненные пчелы.

– Еще месяц назад... – застонал у него за спиной Кагыр, – кто бы мог подумать, что ты потащишь на хребте...

– Заткнись, нильфгаардец... Когда ты ораторствуешь, то делаешься еще тяжелее...

Когда они наконец добрались до скал и каменных стен, уже почти совсем стемнело. Ведьмак не искал пещеру, да и не нашел ее – он просто без сил свалился у первой же попавшейся дыры.

На почве валялись человечьи черепа, тазовые и бедренные кости, ребра. Но – что важнее всего – были здесь и сухие ветки.

У Кагыра поднялась температура, его била дрожь. Пришивание куска кожи с помощью дратвы

и кривой иглы он переносил мужественно и сознания не терял. Кризис наступил позже. Ночью Геральт распалил в пещере костер, махнув рукой на соображения безопасности. Впрочем, снаружи накрапывал дождь и подвывал ветер, так что вряд ли кто-нибудь мотался по окрестности и высматривал отблески огня. А Кагыру необходимо было согреться.

Лихорадило его всю ночь. Он дрожал, стонал, бредил. Геральт не засыпал, подпитывал огонь. А колено болело как тысяча чертей.

Молодой и сильный парень, Кагыр утром пришел в себя. Он был бледен и весь в поту, от него веяло жаром. Зубы отчаянно клацали. Но, несмотря на лязг зубов, можно было понять, что он говорит. А говорил он вполне осознанно. Жаловался на головную боль – явление вполне нормальное для человека, у которого топором скосили с черепа волосы вместе с кожей.

Геральт делил время между беспокойной дремой и ловлей стекающей со скал дождевой воды в сооруженные из березовой коры туески. И его, и Кагыра мучила жажда.

– Геральт?

– Да?

Кагыр поправил ветки в костре с помощью найденной тут же берцовой кости.

– На руднике, где мы бились... Я испугался, знаешь?

– Знаю.

– На мгновение мне показалось, что тобою овладело безумие убийства. Что для тебя уже все потеряло смысл... Кроме убийства...

– Знаю.

– Я боялся, – закончил Кагыр спокойно, – что в исступлении ты засечешь того Ширру. А ведь от убитого уже не получишь никакой информации.

Геральт кашлянул. Молодой нильфгаардец нравился ему все больше. Он был не только мужественным, но и рассудительным.

– Ты правильно сделал, отослав Ангулему, – продолжал Кагыр, все еще легонько постукивая зубами. – Такое не для девушек... Даже таких, как она. Мы dokonчим это сами, вдвоем. Поедем вслед за погоней. Но не для того, чтобы убивать в берсеркерском бешенстве. То, что ты тогда говорил о мести... Геральт, даже в мести должен быть какой-то метод. Мы доберемся до полуэльфа... Заставим его сказать, где находится Цири.

– Цири умерла.

– Неправда. Я не верю в ее смерть... И ты тоже не веришь. Признайся.

– Я не хочу верить.

Снаружи свистел ветер, шумел дождь. В пещере было уютно.

– Геральт?

– Ну?

– Цири жива. Я опять видел сон... Верно, что-то случилось во время Эквинокция, что-то фатальное... Да, несомненно, я тоже это чувствовал и видел... Но она жива... Жива наверняка. Поспешим... Но не ради мести и убийства. А к ней.

– Да. Да, Кагыр. Ты прав.

– А ты? Уже не видишь снов?

– Вижу, – сказал он с горечью. – Но после пересечения Яруги очень редко. И вообще, проснувшись, их не помню. Что-то во мне оборвалось, Кагыр. Что-то прогорело. Что-то во мне кончилось...

– Это не страшно, Геральт. Я буду видеть сны за нас обоих. * * *

На рассвете отправились дальше. Дождь перестал, казалось даже, что солнце пытается отыскать какую-нибудь щелочку в затягивающей небо серости.

Ехали медленно, вдвоем на одной лошади в нильфгаардской военной сбруе.

Животное шлепало по гальке и голышам, бредя по берегу Сансретура, речушки, ведущей к Туссенту. Геральт знал дорогу. Он когда-то бывал здесь. Очень давно. С того времени многое изменилось. Но не изменилась долина и речка Сансретур, которая чем дальше, тем больше из речки превращалась в реку. Не изменились горы Амелл и вздымающийся над ними обелиск Горгоны. Горы Дьявола.

Некоторые вещи имеют свойство вообще не изменяться.

– Солдат приказов не обсуждает, – говорил Кагыр, ощупывая повязку на голове. – Не анализирует, не раздумывает над ними, не ждет, чтобы ему раскрывали их смысл. Это первое, чему у нас учат солдата. Поэтому легко понять, что я ни минуты не сомневался в законности отданного мне приказа. Вопрос, почему именно я должен поймать цинтрийскую королевну или княжну, даже в голову мне не приходил. Приказ есть приказ. Зол я был, это верно, потому что хотел прославиться, вступая в бой с рыцарством, с регулярной армией... Но работа на разведку у нас тоже считается почетной. Правда, если б речь шла о каком-то более трудном задании, о каком-то важном пленнике... Но девчонка?

Геральт бросил в огонь хребет форели. К вечеру они поймали во впадающем в Сансретур ручье достаточно рыбы, чтобы наесться. Форель шла на нерест, и схватить ее было проще простого.

Он слушал рассказ Кагыра, и любопытство боролось в нем с чувством глубокой досады.

– В общем, это была случайность, – продолжал Кагыр, глядя на огонь. – Чистейшая случайность. Как я позже узнал, у нас при цинтрийском дворе был шпион, камер-юнкер. Когда мы захватили город и пытались окружить замок, этот шпион выскользнул и дал нам знать, что цинтрийцы попытаются вывести княжну из города. Было создано несколько таких групп, как моя. По случайности именно на мою группу налетел тот, кто вез Цири.

Началась погоня по улицам, полыхающим огнем. Это был сущий ад. Ничего больше, только рев пламени, стены огня. Кони не хотели идти, а люди... да что тут говорить, люди тоже не спешили их подгонять. Мои подчиненные, у меня их было четверо, принялись молиться, кричать, что я спятил, что веду их на погибель... Мне едва удалось восстановить порядок...

Мы продолжали преследовать беглецов в этом огненном котле и догнали. Неожиданно на нас налетели пятеро конных цинтрийцев. И началась сеча, я не успел даже крикнуть, чтобы мои солдаты следили за девочкой. Впрочем, она сразу же оказалась на земле, тот, кто ее вез на луке седла, погиб первым. Один из моих подхватил ее и затащил на лошадь, но далеко не уехал, кто-то из цинтрийцев рубанул его со спины. Я видел, как острие прошло в дюйме от головы Цири, которая снова упала в грязь. От страха она была в полубморочном состоянии, я видел, как она прижимается к убитому, как пытается подползти под него... словно котенок

рядом с убитой кошкой...

Он замолчал, громко сглотнул.

– Она даже не знала, что прижимается к врагу. К ненавистному нильфгаардцу. Мы остались вдвоем, – продолжил Кагыр после недолгого молчания, – я и она, среди трупов и огня. Цири ползала в грязи, а вода и кровь уже начинали сильно парить. Рядом с нами завалился дом, я уже мало что видел сквозь искры и дым. Конь ни в какую не хотел туда подходить. Я кричал ее, звал к себе, охрип, пытаюсь перекричать гул пожара. Она видела меня и слышала, но не реагировала. Конь не хотел идти, и я не мог его заставить. Пришлось спешиться. Я никак не мог поднять ее одной рукой, а другая была занята поводьями, конь вырывался, чуть не повалил меня. Когда я наконец поднял ее, она принялась кричать. Потом потеряла сознание. Я накрыл ее плащом, который намочил в луже, в грязи, навозе и крови. И мы поехали. Прямо сквозь огонь.

Сам не знаю, каким чудом нам удалось выбраться оттуда. Но неожиданно открылся пролом в стене, и мы выскочили к реке. Неудачно, в том месте, которое как раз выбрали отступающие нордлинги. Я скинул офицерский шлем, потому что по шлему, хоть крылья и подгорели, меня распознали бы тотчас. Остальная одежда была настолько покрыта копотью, что не могла меня выдать. Однако если б девушка была в сознании, если б стала кричать, меня разделали бы мечами. Мне повезло.

Я ехал с отступающими около двух больших стаях, потом отстал и укрылся в кустарнике над рекой, по которой несло трупы.

Кагыр замолчал, закашлялся, обеими руками пощупал обернутую тряпкой голову. И покраснел. А может, это был всего лишь отблеск пламени?

– Цири была вся в грязи. Пришлось ее раздеть... Она не сопротивлялась, не кричала. Только дрожала, не открывая глаз. Всякий раз, когда я к ней прикасался, чтобы омыть или вытереть, она напрягалась и замирала... Я знаю, с ней надо было говорить, успокаивать... Но я вдруг растерял все слова вашего языка... Языка моей матери, который знаю с детства. Не в состоянии отыскать слов, я хотел успокоить ее прикосновением, нежностью. Но она замирала и пищала... Как птенец...

– Это преследовало ее в кошмарах, – шепнул Геральт.

– Знаю. Меня тоже.

– Что было дальше?

– Она уснула. И я тоже. От усталости. А когда проснулся, ее рядом не было. Ее не было нигде. Остального я не помню. Те, кто меня отыскал, утверждают, что я бегал по кругу и был волком. Они вынуждены были меня связать. Когда я успокоился, за меня взялись люди из разведки, подчиненные Ваттье де Ридо. Их интересовала Цирилла. Где она, куда и когда убежала. Разъяренный, я что-то ляпнул об императоре, не хуже ястреба охотящемся за маленькой девчонкой. За это я больше года просидел в цитадели. А потом его милость вернулась, потому что я был ему нужен. На Танедде был необходим человек, который знал всеобщий язык и знал, как выглядит Цири. Император потребовал, чтобы я поехал на Танедд. И чтобы на этот раз не ошибся. Чтобы привез ему Цири.

Кагыр ненадолго замолчал.

– Эмгыр дал мне возможность реабилитироваться. Я мог отказаться, но это означало бы абсолютную, окончательную, до конца жизни немилость. Но все же отказаться я мог, если б хотел. Но я не отказался. Потому что, видишь ли, Геральт... Я не мог о ней забыть.

Не стану тебя обманывать. Я ее беспрерывно видел в снах. И не только худенькую девочку, какой она была у реки, когда я ее раздел и обмывал. Я видел ее... И продолжаю видеть как женщину, прекрасную, все понимающую, будоражащую... С такими подробностями, как пунцовая роза, вытатуированная в паху...

– О чем ты?

– Не знаю. Сам не знаю... Но так было и так продолжается. Я ее по-прежнему вижу в снах, точно так же, как в снах видел ее тогда... Именно поэтому я согласился ехать на Танедд. Поэтому позже хотел присоединиться к вам. Я... Я хочу ее еще раз... увидеть. Хочу еще раз коснуться ее волос, заглянуть ей в глаза... Хочу на нее смотреть. Убей меня, твоя воля. Но я не буду больше прикидываться. Я думаю... Я думаю, что я ее люблю. Прошу тебя, пожалуйста, не смейся.

– Мне вовсе не до смеха.

– Именно поэтому я еду с вами. Понимаешь?

– Она нужна тебе для себя или для твоего императора?

– Я реалист, – прошептал Кагыр. – Ведь меня она не захочет. А как супругу императора я мог бы ее хоть иногда видеть.

– Как реалисту, – фыркнул Геральт, – тебе следовало бы понять, что для начала ее надо отыскать и спасти. Предположим, твои сны не лгут, и Цири действительно еще жива.

– Я знаю это. А когда мы ее найдем, что тогда?

– Посмотрим. Посмотрим, Кагыр.

– Не лукавь, Геральт. Будь честным. Ведь ты не позволишь мне ее забрать.

Ведьмак не ответил. Кагыр вопроса не повторил.

– До этого времени мы можем оставаться друзьями? – спросил он холодно.

– Можем, Кагыр. Еще раз прости меня. Не знаю, какой бес в меня вселился. По правде говоря, я никогда всерьез не подозревал тебя в измене или двуличии.

– Я – не предатель. Я тебе никогда не изменю и не предаю, ведьмак.

Они ехали по глубокому ущелью, проторенному среди гор быстрой и уже широкой рекой Сансретур. Ехали на восток, к границе княжества Туссент. Над ними вздымалась Гора Дьявола, Горгона. Чтобы взглянуть на ее вершину, приходилось задираТЬ голову.

Но они не задирали.

Вначале они почуяли дым, спустя минуту увидели костер, а на нем вертела, на которых запекались выпотрошенные форели. Увидели сидящего у костра одинокого человека.

Еще совсем недавно Геральт высмеял бы, безжалостно высмеял и счел полнейшим идиотом любого, кто осмелился бы утверждать, будто он, ведьмак, так обрадуется, увидев вампира.

– Так, – спокойно сказал Эмиель Регис Рогеллек Терзиефф-Годфрой, поправляя вертела. – Так! Гляньте-ка, что кот-то принес.

СТУЧАК, он же кнакер, гоблинай, полтердук, шеенос, рубезааль, скарбоник либо пустельник, – есть разновидность кобольда, коего все же размероростом и силою значительно превосходит. Обычно С. носят бородищи преогромные, кои кобольды носить не обвыкли. Обитает С. в штольнях, шахтах, развалинах, пропастях, темных ямах разновеликих, внутри скал, во всяческих гротах, пещерах и каменных пустовинах. Там, где он обретаётся, наверняка в земле богатства сокрыты, каковые: золото самородное, руды, меловина, соль либо каменное масло, сиречь нефть. Потому ж С. зачастую в выработках встретить можно, особливо покинутых, но и в действующих любит он показываться. Злостный вредник, проклятие и истинная кара Господня для подземных рудокопов, коих распоясавшийся С. водит за нос, постукиванием по камню манит и пугает, ходки заваливает, горняцкое имущество и всяческий скот крадет и портит, да и частенько из-за угла в лоб палкою дать может.

Однако же подкупить его можно, дабы не безобразничал сверх меры, положивши где-нито на ходке темном либо в шахте хлеб с маслом, сырок козий, кусок копченой вепрятины. Но лучше всего шклянку первача, ибо на таковой С. до чрезвычайности лаком и падок. Physiologus

– Они в безопасности, – заверил вампир, подхлестывая мула Драакуля. – Все трое, Мильва, Лютик и, разумеется, Ангулема, которая своевременно добралась до нас в долине Сансретур и обо всем поведала, не жалея весьма красочных слов. Я никогда не мог понять, почему у вас, людей, большинство ругательств и обидных выражений связано с эротической сферой? Ведь секс сам по себе прекрасен и ассоциируется с прекрасным, радостным, приятным. Как можно название полового органа применять в качестве вульгарного синонима...

– Придерживайся темы, Регис, – прервал Геральт.

– Конечно, конечно, прости. Предупрежденные Ангулемой о надвигающихся бандитах, мы незамедлительно пересекли рубеж Туссента. Правда, Мильва не была в восторге, пыталась вернуться и идти вам обоим на выручку. Однако я сумел ее отговорить. А Лютик – о диво! – вместо того чтобы радоваться предоставившемуся убежищу, каковое дают границы княжества, был явно готов в любую минуту сбежать. Чего он так боится в Туссенте, ты, случайно, не знаешь?

– Не знаю, но догадываюсь, – кисло ответил Геральт. – Потому что это далеко не первый город, где наш друг нашкодничал. Теперь-то он малость остепенился, поскольку пребывает в приличном обществе, но в юности для него не было ничего святого. Я бы сказал, что при виде него чувствовать себя в безопасности могли разве что ежи да те женщины, которым удавалось влезть на самую макушку высокого дерева. А мужья женщин частенько обижались на трубадура неведомо почему. В Туссенте наверняка проживает чей-нибудь муж, которому лицемерие Лютика может оживить воспоминания... Но к сути дела это отношения не имеет. Вернемся к конкретным вопросам. Как там с преследователями? Надеюсь, что...

– Не думаю, – усмехнулся Регис, – чтобы они перешли за нами в Туссент. Граница кишмя кишит странствующими рыцарями, которые скушают невероятно и только и ждут okazji с кем-нибудь сразиться. Кроме того, мы вместе с группой встреченных на границе пилигримов сразу же попали в священную рощу Мырквид. А место это нагоняет страх. Даже пилигримы и больные, которые из самых дальних краев направляются в Мырквид на излечение, останавливаются в поселке неподалеку от края леса, не смея заходить вглубь. Ибо ходят слухи, будто тот, кто отважится пройти к священным дубам, окончит жизнь на медленном огне в Ивовой Бабе.

Геральт глубоко вздохнул.

– Неужели...

– Конечно. – Вампир снова не дал ему закончить. – В роще Мырквид проживают друиды. Те, которые раньше обитали в Ангрене, в Каэд Дху, потом перебрались к озеру Мондуирн и, наконец, в Мырквид в Туссенте. Нам было предназначено попасть к ним. Не помню, говорил ли я, что это нам предназначено?

Геральт глубоко вздохнул. Сидящий у него за спиной Кагыр тоже.

– Среди тех друидов есть твой знакомый?

Вампир снова улыбнулся.

– Не знакомый, а знакомая, – пояснил он. – Да, она там. И даже возвысилась. Руководит всем Кругом.

– Иерофантка?

– Фламиника. Так называется высший друидский титул, если его носит женщина. Иерофантами бывают только мужчины.

– Да, верно, забыл. Я так понимаю, что Мильва и остальные...

– Сейчас находятся под покровительством фламиники и Круга. – Вампир по своему обыкновению ответил на вопрос, не дослушав его до конца, затем незамедлительно приступил к ответу на вопросы, вообще еще не заданные. – Я же поспешил вам навстречу. Поскольку произошло нечто загадочное. Фламиника, которой я начал было излагать наше дело, не дала мне закончить. Сказала, что знает обо всем. Что уже с какого-то времени ожидала нашего прибытия...

– Что-что-о?

– Я тоже не мог сдержать удивления. – Вампир придержал мула, поднялся на стременах, осмотрелся.

– Ищешь кого-то или что-то? – спросил Кагыр.

– Уже не ищу. Нашел. Слезаем.

– Я хотел бы как можно скорее.

– Слезаем. Я все объясню.

Чтобы расслышать друг друга в шуме падающего с большой высоты по отвесной скале водного потока, им приходилось говорить громко. Внизу, там, где водопад выдолбил солидное озерко, в скале зияло отверстие пещеры.

– Да, именно там. – Регис подтвердил догадку ведьмака. – Я выехал тебе навстречу, поскольку мне посоветовали направить тебя сюда. Тебе придется войти в пещеру. Дело в том, что друиды знали о тебе, о Цири, о нашей миссии. А узнали они это от особы, которая, понимаешь ли, обитает именно здесь. Особа эта, если верить друидке, жаждет с тобой пообщаться.

– Если верить друидке... – едко повторил Геральт. – Я бывал в здешних местах. Знаю, кто обитает в глубоких пещерах под Горой Дьявола. Многие там... обитают. Но в подавляющем большинстве с ними пообщаться не удастся. Разве что с помощью меча. Что еще поведала

твоя знакомая друидка? Во что мне еще следует поверить?

– Она совершенно явно, – вампир уставился на Геральта антрацитовыми глазами, – дала мне понять, что не очень-то жалует субъектов, уничтожающих и убивающих живую природу. То есть никого из них, а уж ведьмаков тем более. Я пояснил, что в данный момент ты ведьмак, так сказать, в основном по названию. Что ты абсолютно не досаждаешь в данный момент живой природе, ежели только вышеупомянутая природа не досаждают тебе. Фламиника, надобно тебе знать, женщина невероятно проницательная, сразу же заметила, что от ведьмачества ты отказался не в результате перемен в мировоззрении, но будучи принужден к тому обстоятельствами. «Я точно знаю, – сказала она, – что с близкой ведьмаку особой приключилось несчастье. Ведьмак вынужден был бросить ведьмачьи занятия и поспешить ей на помощь...»

Геральт не комментировал, но его взгляд был столь многозначительным, что вампир поспешил дать разъяснения.

– Она сказала, цитирую: «Отказавшись от ведьмачества, ведьмак доказывает тем самым, что он способен на смирение и самопожертвование. Пусть он войдет в мрачное чрево земли. Безоружный. Оставив снаружи все оружие, все острое железо. Всякие острые мысли. Всякую агрессивность, гнев, злость, дерзость. Войдет смиренно. И тогда там, во чреве земли, смиренный не-ведьмак найдет ответы на мучающие его вопросы. На многие вопросы. Но если ведьмак останется ведьмаком, он не найдет ничего», – конец цитаты.

Геральт плюнул в сторону водопада и пещеры.

– Обычная игра, – отметил он. – Забава! Фокусы! Ясновидение, самопожертвование, таинственные встречи в гротах, ответы на вопросы... Такие заигранные приемчики можно встретить только у бродячих дедов-сказителей. Кто-то здесь издевается надо мной. В лучшем случае. А если это не издевка...

– Издевкой я бы это не назвал ни в коем случае, – решительно сказал Регис. – Ни в коем, Геральт из Ривии.

– Тогда что же? Одно из широко известных друидских чудачеств?

– Мы не узнаем ничего, – бросил Кагыр, – пока не убедимся. Пошли, Геральт, войдем туда вместе...

– Нет, – покачал головой вампир. – В этом фламиника была совершенно категорична. Ведьмак должен войти один. Без оружия. Дай сюда свой меч. Я присмотрю за ним во время твоего отсутствия.

– Чтоб меня черти... – начал было Геральт, но Регис быстро прервал его словоизвержение.

– Давай сюда меч, – протянул он руку. – А если есть и еще какое-то оружие, то и его оставь мне. Помни о словах фламиники. Никакой агрессивности. Самоотречение. Покорность. Самоотверженность.

– Ты-то хоть знаешь, кого я там встречу? Кто... или что ожидает меня в пещере?

– Не знаю. Самые различные существа заселяют подземные коридоры под Горгоной.

– Чтоб меня черти забрали, – все-таки закончил Геральт.

Вампир тихо кашлянул.

– И этого исключить нельзя, – серьезно сказал он. – Но ты должен рискнуть. И я знаю, что

рискнешь.

Геральт не ошибся. Да, как он и ожидал, вход в пещеру был завален внушительной кучей черепов, ребер, берцовых и прочих костей. Однако запаха тлена на ощущалось. Бренные останки были явно многовековыми и исполняли роль декорации, отваживающей возможных посетителей.

Во всяком случае, так ему подумалось.

Он ступил во тьму, под ногами захрустели кости.

Глаза быстро привыкли к темноте.

Он находился в гигантской пещере, каменной каверне, размеры которой глаз охватить был не в состоянии, поскольку пропорции нарушались и пропадали в кружеве сталактитов, свешивающихся с купола красочными фестонами. Из почвы, блестящей влагой и играющей разноцветным щебнем, вырастали белые и розовые сталагмиты, толстые и приземистые у основания, истончающиеся кверху. Некоторые вздымались гораздо выше головы ведьмака. Другие соединялись наверху со сталактитами, образуя колоннообразные сталагнаты. Никто его не окликнул. Единственным звуком, который удавалось услышать, было звонкое эхо плещущейся и капающей воды.

Он медленно шел, углубляясь в густеющий между колоннами сталагнатов мрак. Он знал, что за ним наблюдают.

Отсутствие меча за спиной ощущалось сильно, навязчиво и отчетливо – как отсутствие недавно выкрошившегося зуба.

Он пошел медленнее.

То, что еще секунду назад он принимал за лежащие у основания сталагмитов округлые камни, теперь тарасилось на него огромными горящими глазищами. В плотной массе серо-бурых, покрытых пылью патлов раскрывались огромные пасти и сверкали конусовидные зубы.

Барбегазы.

Он шел медленно, ступал осторожно – барбегазы были повсюду, большие, средние и маленькие, они лежали на его пути и не думали уступать дорогу. Пока что они вели себя на удивление спокойно, однако он не мог знать, что случится, если на кого-нибудь из них наступить.

Сталагмиты росли как лес. Невозможно было идти прямо, приходилось петлять. Сверху, с ошестинившегося иглами натеков купола, капала вода.

Барбегазы – их становилось все больше – сопровождали его, двигаясь следом и перекатываясь по почве. Он слышал их монотонную болтовню и сопение. Чувствовал их резкий кислый запах.

Необходимо было остановиться. Между двумя сталагмитами, в том месте, которое он обойти не мог, лежал крупный эхинопс, ошестинившийся массой длинных колючек. Геральт сглотнул. Он слишком хорошо знал, что эхинопсы могут выстреливать своими колючками на расстояние до десяти футов. У колючек было особое свойство – воткнувшись в тело, они обламывались, а острые концы проникали вглубь и блуждали там до тех пор, пока не достигали какого-нибудь чувствительного органа.

– Ведьмак дурак, – услышал он из тьмы. – Ведьмак трус! Он боится, ха-ха!

Голос звучал необычно и чуждо, но Геральту уже не раз доводилось слышать такие голоса. Так говорили существа, не привыкшие общаться с помощью членораздельной речи и поэтому странно акцентировавшие и неестественно растягивавшие слоги.

– Ведьмак дурак! Ведьмак дурак!

Он удержался от ответа. Закусил губу и осторожно прошел рядом с эхинопсом. Колючки существа заколебались на манер щупалец актинии. Но это длилось всего лишь мгновение, потом эхинопс замер и снова превратился в огромную кучу болотной травы.

Два гигантских барбегаза пересекли ему дорогу, что-то бормоча и ворча. Сверху, из-под купола, долетало хлопанье перепончатых крыльев и шипящий хохот, безошибочно сигнализирующий о присутствии листоносов и веспертылей.

– Он пришел сюда, убивец, уничтожник! Ведьмак! – раздался во мраке тот же голос, который он слышал раньше. – Влез сюда! Осмелился! Но он без меча, уничтожник! Так как же он собирается убивать? Взглядом? Ха-ха!

– А может, – раздался другой голос, с еще менее естественной артикуляцией, – это мы его будем убивать? Ха-а-а?

Бормотание барбегазов слилось в громкий хор. Один, размером в зрелую тыкву, подкатился очень близко и щелкнул зубами у самой ноги Геральта. Ведьмак сдержал так и рвущееся наружу ругательство. Пошел дальше. Со сталактитов капала вода, будя серебристое эхо.

Что-то вцепилось ему в ногу. Он сдержался, чтобы не отбросить сразу.

Твореньице было небольшое, не больше собачки пекинеса. Да и немного пекинеса напоминало. Мордочкой. Остальным было похоже на обезьянку. Геральт понятия не имел, что это такое. В жизни не видел ничего подобного.

– Ведь-мак! – визгливо, но вполне четко выговорил пекинесик, спазматически вцепившийся в сапог Геральта. – Ведь-мак! Ведь-мат! Сукин брат!

– Отцепись, – процедил ведьмак сквозь стиснутые зубы. – Отцепись от сапога или получишь под зад.

Барбегазы забормотали громче, резче и грознее. В темноте что-то зарычало. Геральт не знал, что это было, звук напоминал коровье мычание, но он мог побиться об заклад, что коровой это не было.

– Ведь-мат, сукин брат!

– Отпусти сапог, – повторил Геральт, с трудом сдерживаясь. – Я пришел сюда безоружный, с миром. Ты мне мешаешь...

Он осекся и задохнулся волной отвратительной вони, от которой глаза слезились, а волосы завивались в кудряшки.

Вцепившееся в лодыжку пекино-обезьянье творение вытаращило глаза и испражнилось прямо ему на сапог. Отвратительную вонь сопровождали еще более отвратительные звуки.

Он выругался соответственно ситуации и отпихнул ногой нахальное твореньице. Гораздо деликатнее, чем следовало. Но все равно произошло то, что он и ожидал.

– Он пнул малыша! – зарычало что-то в темноте, перекрывая прямо-таки ураганный рев и вой барбегазов. – Он пнул малыша! Он обидел маленького!

Ближайшие барбегазы подкатились к самым его ногам. Он почувствовал, как их сучковатые и твердые как камни лапищи хватают его и не дают пошевелиться. О мех самого большого и самого агрессивного он вытер обгаженный сапог. Они тянули его за одежду. Он сел.

Что-то большое спустилось по сталагнату, соскочило на землю. Он с первого же мгновения знал, что это такое. Стучак. Кряжистый, пузатый, косматый, кривоногий, шириной в плечах, пожалуй, с сажень, с рыжей бородой, которая была еще шире.

Приближение стучака сопровождало сотрясение почвы, словно приближался не стучак, а першерон. Ороговевшие широкие ступни чудища были по полтора фута длиной каждая.

Стучак наклонился над ним и пыхнул водкой. «Шельмы гонят здесь самогон», – машинально подумал Геральт.

– Ты ударил меньшого, ведьмак, – провонял ему в лицо стучак. – Без основания напал и обидел маленькое, нежное, невинное существо. Мы знали, что тебе нельзя доверять. Ты агрессивен. У тебя инстинкт убийцы. Сколько наших ты убил, мерзавец?

Геральт не счел нужным отвечать.

– О-о-о-о-о! – Стучак еще крепче дыхнул на него водочным перегаром. – С детства мечтал об этом! С детства! Наконец-то исполнилась моя мечта. Глянь влево.

Геральт словно дурак какой глянул. И тут же получил зуботычину правым кулаком. Да так, что увидел яркий свет.

– О-о-о-о-о! – Стучак выставил из путаницы вонючей бороды огромные кривые зубищи. – С детства об этом мечтал. А ну, глянь вправо.

– Довольно! – раздался где-то в глубине пещеры громкий и звучный приказ. – Довольно игр и шуточек. Отпустите его.

Геральт сплюнул кровь с рассеченной губы. Обмыл сапог в струйке стекающей по камню воды. Скунс с мордой пекинеса насмешливо, но с безопасного расстояния щерился на него. Стучак тоже лыбился, массируя ладонь.

– Иди, ведьмак, – проворчал он. – Иди к нему, коли тебя вызывают. Я погоду. Потому как ты по этой дорожке вертаться будешь.

Пещера, в которую он вошел – о диво! – была наполнена светом. Через пролом в оцетинившемся сталактитовыми сосульками куполе проникали перекрещивающиеся столбы света, вырывающиеся из камня и натеков феерию розблесков и красок. Кроме того, в воздухе висел горящий огнем магический шар, свет которого усиливался бликами кварца в стенах. Несмотря на всю эту иллюминацию, противоположная стена пещеры тонула во мраке, а где-то в конце колоннады сталагнатов затаилась черная тьма.

На стене, которую природа как бы специально подготовила для этого, возникала огромная наскальная картина. Художником оказался высокий светловолосый эльф в испачканной краской епанче. В волшебном-естественном свете его голову, казалось, охватывал сияющий ореол.

– Присядь. – Эльф, не отрываясь от картины, движением кисти указал Геральту на камень. – Они не обидели тебя?

– Нет. Пожалуй, нет.

– Ты должен их простить.

– Конечно. Должен.

– Они немного похожи на детей. Страшно обрадовались твоему приходу.

– Я это заметил.

Только теперь эльф взглянул на него.

– Присядь, – повторил он. – Еще немного, и я – в твоём распоряжении. Я уже заканчиваю.

То, что заканчивал изображать эльф, оказалось стилизованным животным, скорее всего бизоном. Однако пока что готов был лишь его контур – от внушительных рогов до не менее изумительного хвоста. Геральт присел на предложенный камень и поклялся себе быть терпеливым и смирным – по мере возможности.

Эльф, тоненько посвистывая через сжатые зубы, погрузил кисточку в плошку с краской и быстрыми движениями выкрасил своего бизона в фиолетовый цвет. После недолгого раздумья намалевал на боку тигриные полосы.

Геральт молча смотрел.

Наконец эльф отступил на шаг, рассматривая наскальную фреску, уже полностью изображавшую охотничью сцену. Фиолетово-полосатого бизона дикими прыжками преследовали тощие, нанесенные неряшливыми мазками кисти фигурки людей с луками и копьями.

– И что это должно изображать? – не выдержал Геральт.

Эльф мимолетно глянул на него, сунув чистый конец кисточки в зубы.

– Это, – извещил он, – доисторическая картина, выполненная первобытными людьми, обитавшими в сей пещере тысячи лет назад и занимавшимися в основном охотой на теперь уже давно вымерших фиолетовых бизонов. Некоторые из доисторических ловчих были художниками, ощущали необоримую потребность адекватного отображения действительности. Увековечения того, что у них в душах играло. В меру сил и способностей, конечно.

– Захватывающее зрелище.

– Именно что так, – согласился эльф. – Ваши ученые годами ползают по пещерам в поисках следов первобытного человека. И всякий раз, когда находят таковые, аж прыгают от восторга, поскольку находят доказательство тому, что на этой земле и в этом мире вы никакие не приبلуды. Доказательство тому, что ваши предки якобы обитали здесь от начала времен, а стало быть, этот мир принадлежит их наследникам, то бишь вам. Ну что ж, каждая раса имеет право на какие-нибудь корни. Даже ваша, человеческая, корни которой, что бы кто ни говорил, искать следует на верхушках деревьев. Хо, смешной каламбур, не считаешь? Достоин быть эпиграммой. Ты любишь легкую поэзию? Как думаешь, что бы тут еще дорисовать?

– Дорисуй прачеловеческим ловцам большие торчащие фаллосы.

– Это мысль. – Эльф обмакнул кисточку в краску. – Фаллический культ был типичен для примитивных цивилизаций. Это тоже может послужить возникновению теории, что человеческая раса подверглась фаллической, прости, физической деградации. У предков фаллосы были как палицы, у потомков остались смешные, зародышевые хреновинки... Благодарю, ведьмак.

– Не за что. Так, понимаешь, заиграло в душе. Краска выглядит очень свежей для доисторической-то.

– Через три-четыре дня цвета поблекнут под влиянием соли, выделяемой стеной, и картина сделается такой доисторической, что хоть стой, хоть падай. Ваши ученые описаются от радости, когда ее увидят. Ни один, даю голову на отсечение, не разберется в моей проделке.

– Разберется.

– Это как же?

– Ты же не удержишься, чтобы не подписать свой шедевр?

Эльф сухо рассмеялся.

– Это уж верно! Ты расколол меня с ходу. О огонь тщеславия, как же трудно артисту погасить в себе его пламя. Я уже подписал картину. Вот здесь.

– А разве это не стрекоза?

– Нет. Идеограмма, означающая мое имя. Меня зовут Crevan Espane aep Caomhan Macha. Для удобства я пользуюсь другим, сокращенным именем Аваллак'х. Так и можешь обращаться ко мне.

– Не премину.

– Ты – Геральт из Ривии. Ведьмак. Однако в данный момент ты не преследуешь чудовищ и чудищ, будучи занят поисками затерявшихся девиц.

– Поразительно быстро расходятся вести. Поразительно далеко. И поразительно глубоко. Похоже, ты предвидел, что я сюда явлюсь. Получается, что ты умеешь предсказывать будущее, насколько я понимаю?

– Предсказывать будущее, – Аваллак'х протер руки тряпочкой, – может каждый. Может и предсказывает, ибо это очень даже просто. Нет ничего особенного в том, чтобы предсказывать. Искусство в том, чтобы предсказывать точно.

– Вывод изящный и достойный быть эпиграммой. Ты, естественно, умеешь предсказывать точно.

– И очень даже часто. Я, дорогой Геральт, умею многое и знаю немало. Впрочем, на это указывает, как сказали бы вы, люди, мое ученое звание. В полном звучании: Aen Saevherne.

– Ведун. Знающий.

– Верно.

– Надеюсь, Ведун поделится своими знаниями будущего с ведьмаком?

Аваллак'х помолчал.

– Поделиться? – наконец протянул он. – Поделиться с тобой? Знание, дорогой мой, это привилегия, а привилегиями делятся только с равными себе. И чего бы ради мне, эльфу, Ведуну, члену элиты, делиться чем бы то ни было с потомком существа, которое появилось во вселенной едва пять миллионов лет назад, эволюционировав из обезьяны, крысы, шакала или другого млекопитающего? Существа, которому потребовалось около миллиона лет на то, чтобы открыть, что с помощью двух мохнатых лап можно производить какие-то действия, использовав обглоданную кость? После чего это существо засунуло себе оную кость в

задницу и завизжало от радости.

Эльф замолчал, отвернулся и уставился на свою картину.

– На основании чего, – повторил он, – ты осмелился подумать, будто я поделюсь с тобой каким бы то ни было знанием, человек? Ну, скажи мне?

Геральт очистил сапог от остатков экскрементов.

– Может, на основании того, – ответил он сухо, – что это неизбежно?

Эльф резко повернулся.

– Что? – спросил он сухо. – Что неизбежно?

– Может, то, – Геральту не хотелось повышать голоса, – что пройдет еще какое-то количество лет, и люди просто заберут себе любое знание, независимо от желания или нежелания тех, кто им владеет, делиться с ними, разве не так? В том числе и знание того, что ты, эльф и Ведун, ловко прячешь за наскальными фресками, думая, будто люди не пожелают раздолбать кирками стену, покрашенную ложным доказательством дочеловеческого существования? Ну? Ответь, дорогой ты мой огонь тщеславия?

Эльф фыркнул. Вполне весело.

– О да, – сказал он, – тщеславием, доведенным до глупости, было бы считать, что вы чего-нибудь не раздолбаете! Вы раздолбаете все! Ну и что? Ну и что, человек?

– Не знаю. Скажи мне. А если не считаешь нужным, так я пойду. Желательно другим выходом, потому что при том, которым я вошел, меня ожидают твои своевольные дружки, жаждущие поломать мне ребра.

– Изволь. – Эльф резким движением раскинул руки, и каменная стена раскрылась со скрежетом и треском, грубо разделив фиолетового бизона пополам. – Выйди здесь. Иди на свет. В переносном или буквальном смысле слова – это, как правило, верный путь.

– Жаль немного, – буркнул Геральт. – Я имею в виду фреску.

– Да ты, никак, шутикуешь, – сказал после недолгого молчания эльф – поразительно мягко и дружелюбно. – С фреской ничего не случится, таким же заклинанием я закрою скалу, даже следа от щели не останется. Иди. Я выйду за тобой, провожу. Я решил, что мне все-таки есть что сказать тебе. И показать.

Кругом стояла тьма, но ведьмак сразу понял, что пещера огромна. Это стало ясно по температуре и движению воздуха. Щебень, по которому они шли, был влажным.

Аваллак'х вычаровал свет – по эльфьей моде одним только жестом, не произнеся вслух заклинания. Светящийся шар взлетел к куполу, друзья горного хрусталя в стенах пещеры разгорелись мириадами розблесков, заплясали тени. Ведьмак невольно вздохнул.

Не впервой он видел эльфьи барельефы и статуи, но всякий раз ощущения были одинаковыми: застывшие на полудвижении, на полувздохе фигуры эльфов и эльфов, выполненные не резцом и долотом скульптора, а возникшие в результате могущественного волшебства, способного превратить живую ткань в белый амеллский мрамор.

Ближайшая статуя изображала эльфку, сидящую, подогнув ноги, на базальтовой плите. Эльфка повернула голову так, словно ее встревожил шорох приближающихся шагов. На ней не было ничего. Белый, отполированный до млечного блеска мрамор заставлял прямо-таки

почувствовать излучаемое статуей тепло.

Аваллак'х остановился и оперся об одну из колонн, ограничивающих проход вдоль аллей скульптур.

– Второй раз, – тихо проговорил он, – ты меня раскрываешь, Геральт. Ты был прав, изображение бизоньей охоты на скале – камуфляж. Его цель – отбить желание разрушать стену. Защитить все это от разграбления и разорения. Любая раса, эльфья тоже, имеет право на свои корни. Двигайся, пожалуйста, осторожнее. По сути дела, это – кладбище.

Пляшущие на гранях горного хрусталя блики выхватывали из мрака очередные детали – за аллеей статуй проступали колоннады, ступени, амфитеатры галерей, аркад и перистилей. Все из белого мрамора.

– Я хочу, – заговорил Аваллак'х, останавливаясь и обводя вокруг себя рукой, – чтобы это сохранилось. Даже когда мы уйдем, когда весь континент со всем здешним миром покроется многомильным слоем льда и снега, Tír na Bea Arainne сохранится. Мы отсюда уйдем, но когда-нибудь возвратимся. Мы, эльфы. Так предсказывает Aen Ithlinnespeath, пророчество Ithlinne Aegli aep Aevenien.

– И вы действительно верите в предсказание? Настолько глубок ваш фанатизм?

– Все было предсказано и напророчено. – Эльф смотрел не на него, а на мраморные колонны, покрытые тонкими, как паутинка, барельефами. – Ваше прибытие на континент, войны, потоки эльфьей и человечесьей крови. Возвышение вашей расы, упадок нашей. Борьба владык Севера и Юга. «И поднимется король Юга против королей Севера, и зальет их земли могучим потоком; и будут они разбиты, а народы их уничтожены... И так начнется гибель мира». Помнишь текст Итлины, ведьмак? «Кто далеко – умрет от болезни, кто близко – падет от меча, кто останется, умрет с голоду, кто выживет, того погубит мороз... Ибо наступит Tedd Deireadh, Час Конца, Век Меча и Топора, Час Презрения, Час Белого Хлада и Волчьей Пурги...»

– Поэзия.

– Желаешь не столь поэтично? Пожалуйста. Изменится угол падения солнечных лучей, значительно сместится граница вечной мерзлоты. Надвигающиеся с севера ледники сомнут и сдвинут далеко к югу эти горы. Все заметет белым снегом слоем толщиной более мили. И наступят жесточайшие морозы.

– Ну что ж, станем носить кальсоны на меху, – без всяких эмоций пообещал Геральт. – Кожухи. И меховые шапки.

– Ну, прямо мои слова. Слово в слово, – спокойно согласился эльф. – И в этих теплых подштанниках и шапках вы пересидите катастрофу, чтобы в один прекрасный день вернуться сюда копать ямы и буйствовать в этих пещерах, уничтожать и разворовывать. Пророчество Итлины об этом не говорит, но я знаю. Людей, как и тараканов, полностью уничтожить невозможно, всегда хоть парочка да останется. Что касается эльфов, то Итлины тут более категорична: уцелеют лишь те, что пойдут за Ласточкой. Ласточка – символ весны, избавительница. Она отворит запретные двери, укажет путь спасения. И возвестит возрождение мира. Ласточка, Дитя Старшей Крови.

– То есть Цири? – не выдержал Геральт. – Либо ребенок Цири? Как? Каким образом? И почему?

Аваллак'х, казалось, не расслышал.

– Ласточка принадлежит Старшей Крови, – повторил он. – Ее крови. Иди и взгляни.

Даже среди других, совершенно реалистичных, пойманных в движении изваяний выделялось то, на которое указал Аваллак'х. Белая мраморная эльфка, полулежащая на плите, выглядела так, словно – разбуженная – вот-вот поднимется и сядет. Лицо ее было обращено к пустому месту рядом, а поднятая рука, казалось, прикасается там к чему-то невидимому.

Лицо эльфки выражало покой и счастье.

Много времени прошло, прежде чем Аваллак'х прервал тишину.

– Это Лара Доррен аэп Шиададь. Разумеется, здесь не могила, а лишь кенотаф. Тебя удивляет поза статуи? Ну что ж, большинство не поддержало предложения изваять в мраморе обоих легендарных любовников: Лару и Крегеннана из Лёда. Крегеннан был человеком, и решили, что было бы святотатством тратить амеллский мрамор на его статую. Кошунством – помещать изваяние человека здесь, в Tir na Bea Arainne. С другой стороны, не менее преступно было бы умышленно и преднамеренно предавать забвению память об их чувствах. Поэтому выбрали золотую середину. Формально... Крегеннана здесь нет. И все же он есть. Во взгляде и позе Лары. Любовники – вместе. Ничто не смогло их разлучить. Ни смерть, ни забвение... Ни ненависть.

Ведьмаку показалось, что бесцветный голос эльфа на мгновение изменился. Но, пожалуй, это было не так.

Аваллак'х подошел к статуе, осторожным, мягким движением погладил мраморную руку. Потом отвернулся, а на его треугольном лице снова застыла привычная, немного насмешливая улыбка.

– Знаешь ли ты, ведьмак, что есть самый большой минус долголетия?

– Нет.

– Секс.

– Что?

– Ты правильно расслышал. Секс. Проходят неполных сто лет, и он становится скучным. В нем уже нет ничего, что могло бы увлечь и возбуждать, несло бы в себе призывную прелесть новизны. Все уже было... Так или иначе, но было. И тут вдруг происходит сопряжение сфер и появляетесь вы, сюда проникает горстка людей, прибывших из иного мира, из вашего древнего мира, который вам удалось-таки тотально уничтожить своими же собственными, все еще мохнатыми руками. Уничтожить спустя едва пять миллионов лет после вашего становления как вида. Вас горстка, средняя продолжительность жизни у вас до смешного мизерна, поэтому ваше выживание зависит от темпа рождаемости, потому-то неумная похоть никогда вас не покидает, секс управляет вами тотально, это влечение сильнее даже, чем инстинкт самосохранения. Умереть? А почему бы и нет, если предварительно удастся, прости, но я выражусь по-вашему, оттрахать. Вот в сжатом ракурсе вся ваша философия.

Геральт не прерывал и не комментировал, хоть желание было огромное.

– И что же вдруг оказалось? – продолжал Аваллак'х. – Эльфы, пресытившись пресыщенными эльфками, берут в жены всегда готовых к этому человеческих женщин, а пресытившихся эльфов извращенное любопытство толкает ко всегда полным пыла и темперамента человеческим самцам. И происходит нечто такое, что объяснить не может никто: эльфки, у которых нормально овуляция случается один раз в десять – двадцать лет, сочетаясь с людьми, начинают овулировать при каждом сильном оргазме. Пробуждается какой-то

скрытый доселе гормон, может быть, комбинация гормонов. Эльфы понимают, что практически могут иметь детей только с людьми. Именно эльфы повинны в том, что мы не уничтожили вас, когда мы еще были сильнее. А потом уже сильнее стали вы и тут же принялись уничтожать нас. Но в лице эльфов вы все время имели союзников. Именно они были заступниками сожительства, сотрудничества и сосуществования. И не хотели признаться, что по сути дела речь шла о совместной постели.

– Что у всего этого, – кашлянул Геральт, – общего со мной?

– С тобой? Абсолютно ничего. Но с Цири – многое. Ведь Цири – потомок Лары Доррен аэп Шиадаля, а Лара Доррен была сторонницей сосуществования с людьми. В основном – с одним человеком. С Кregenнаном из Лёда... Человеческим чародеем. Лара Доррен сосуществовала с этим Кregenнаном часто и эффективно. Говоря проще – забеременела.

Ведьмак и на этот раз хранил молчание.

– Проблема состояла в том, что Лара Доррен не была обычной эльфкой. Она была генетическим зарядом. Специально препарированным. Плодом многолетних трудов. В соединении с другим зарядом, эльфым, разумеется, ей предстояло родить еще более специализированного ребенка. Начиная с семени человека, она похоронила эту возможность, свела на нет результаты сотен лет планирования и подготовки. Так по крайней мере думали тогда. Никто не предполагал, что рожденный Кregenнаном метис мог унаследовать от полноценной матери что-либо положительное. Нет, такой мезальянс не мог дать ничего хорошего.

– И поэтому, – вставил Геральт, – он был сурово наказан.

– Но не так, как ты думаешь. – Аваллак'х быстро глянул на него. – Хотя связь Лары и Кregenнана принесла неисчислимые беды эльфам, а людям могла обернуться только добром, однако именно люди, а не эльфы прикончили Кregenнана. Люди, а не эльфы погубили Лару. Именно так и случилось, несмотря на то что у многих эльфов были причины ненавидеть любовников. В том числе и личные.

Геральта уже второй раз заставило задуматься незначительное изменение в голосе эльфа.

– Так или иначе, – продолжал Аваллак'х, – сосуществование лопнуло как мыльный пузырь, две расы кинулись перегрызать друг другу глотки. Началась война, которая длится до сих пор. А тем временем генетический материал Лары... продолжал существовать, как ты уже, несомненно, догадываешься. И даже развиваться. К сожалению, он мутировал. Да, да. Твоя Цири – мутант.

И на этот раз эльф не дождался комментария.

– Разумеется, к этому руку приложили ваши чародеи, хитроумно соединяя выращиваемых индивидуумов в пары, но и у них это тоже вышло из-под контроля. Мало кто догадывается, каким чудом генетический материал Лары Доррен так мощно возродился в Цири. Что послужило толчком. Я думаю, это знает Вильгефорц, тот самый, что на Танедде пересчитал тебе косточки. Чародеи, экспериментировавшие с потомками Лары и Рианнон, какое-то время осуществлявшие регулярное выращивание потомства, не дождались ожидаемых результатов, устали и пустили дело на самотек. Но эксперимент продолжался, правда, теперь уже самостоятельно. Цири, дочь Паветты, внучка Калантэ, прапраправнучка Рианнон, была истинным потомком Лары Доррен. Вильгефорц узнал об этом скорее всего случайно. Знает об этом также Эмгыр вар Эмрейс, император Нильфгаарда.

– И ты.

– Я знаю даже больше, чем они оба, вместе взятые. Но это не имеет значения. Жернова предназначения действуют, мельница судьбы работает... Предначертанному суждено сбыться.

– А что должно сбыться?

– Что было predeterminedено свыше, в переносном смысле, разумеется. То, что predeterminedено действием безотказно функционирующего механизма, в основе которого лежат Цель, План и Результат.

– Все это либо поэзия, либо метафизика. Либо и то и другое, ибо порой их трудно разграничить. Возможно ли привести хоть что-либо конкретное? Пусть минимальное? Я охотно подискутировал бы с тобой о том о сем, но так получилось, что у меня срочное дело.

Аваллак'х долго смотрел на него.

– И куда ты так спешишь? Ах, прости... Ты, мне кажется, ничего не понял из сказанного. Так скажу прямо: твой великий спасательный поход уже лишен смысла. Потерял его полностью. Причин тут несколько, – продолжал эльф, глядя на каменное лицо ведьмака. – Во-первых, уже слишком поздно: основное зло свершилось, ты не в состоянии уберечь ее. Во-вторых, сейчас, уже ступив на соответствующий путь, Ласточка прекрасно управится сама, слишком большую силу она носит в себе, чтобы опасаться чего-либо. Твоя помощь ей не нужна. А в-третьих, хм...

– Я слушаю тебя, Аваллак'х. Все время. Внимательно.

– В-третьих... В-третьих, теперь ей поможет кто-то другой. Полагаю, ты не настолько нахален, чтобы думать, будто эту девушку Предназначение связало только и исключительно с тобой.

– Это все?

– Да.

– Тогда до свидания.

– Подожди.

– Я же сказал: я спешу.

– Предположим на минутку, – спокойно сказал эльф, – что я действительно знаю, что случится, что я вижу будущее. Ежели я скажу тебе, что то, чему суждено случиться, произойдет независимо от твоих усилий? От твоих шагов и решений? Если сообщу, что ты мог бы подыскать себе какое-нибудь спокойное место на земле и сидеть там, ничего не делая, а только ожидая неизбежных последствий хода событий, решишься ли ты на что-нибудь подобное?

– Нет.

– А если я скажу, что твоя активность, свидетельствующая о неверии в непоколебимые механизмы Цели, Плана и Результата, может, хотя вероятность этого исчезающе мала, все же действительно кое-что изменить, но исключительно в худшую сторону? Продумаешь ли ты эту проблему заново? Ах, я уже вижу по выражению твоего лица, что нет. Тогда спрошу напрямую: почему нет?

– Ты действительно хочешь знать?

– Да.

– Потому что просто-напросто не верю в твои метафизические баналы о целях, планах и идущих откуда-то сверху замыслах творцов. Не верю также в ваше знаменитое предсказание Итлины и другие пророчества. Я считаю их, представь себе, точно такой же ерундой и мистификацией, как твоя наскальная картина. Фиолетовый бизон, Аваллак'х. Ничего больше. Не знаю, то ли ты не можешь, то ли не хочешь мне помочь. Однако я на тебя не в обиде...

– Говоришь, не могу или не хочу помочь? А как можно это сделать?

Геральт на мгновение задумался, прекрасно понимая, что от соответствующей формулировки вопроса зависит многое.

– Я найду Цири?

Ответ был дан незамедлительно.

– Найдешь, но только для того, чтобы тут же потерять. Насовсем, безвозвратно. Одного из своих спутников ты потеряешь в ближайшие же недели, возможно, дни. Может быть, даже часы.

– Благодарю.

– Я еще не кончил. Непосредственным и скорым результатом твоего вмешательства в перемалывающие жернова Цели и Плана будет смерть нескольких десятков тысяч людей. Что, впрочем, не имеет особого значения, поскольку вскоре после этого с жизнью расстанутся десятки миллионов человек. Мир, каким ты его знаешь, просто исчезнет, перестанет существовать, чтобы после определенного времени возродиться в совершенно ином виде. Но на этот-то раз никто не имеет и не будет иметь никакого влияния, никто не в состоянии этого предотвратить или повернуть пути свершений. Ни ты, ни я, ни чародеи, ни Знающие, Ведуны. Ни даже Цири. Никто. Что скажешь на это?

– Фиолетовый бизон. Тем не менее благодарю тебя, Аваллак'х.

– Однако же, – пожал плечами эльф, – меня интересует, что может сделать камушек, попадающий в жернова... Могу ли я еще что-то для тебя сделать?

– Пожалуй, нет. Ведь показать мне Цири, думается, ты не можешь?

– Кто тебе сказал?

Геральт затаил дыхание.

Аваллак'х быстро направился к стене пещеры, дав знак ведьмаку следовать за ним.

– Стены Tír na Bea Arainne, – указал он на искрящиеся друзы горного хрусталя, – обладают особыми свойствами. А я, без ложной скромности, обладаю особым искусством. Положи сюда руку. Вглядишься. Думай интенсивно. О том, как сильно ты сейчас ей нужен. И прояви, я так скажу, максимальное желание помочь. Думай о том, что хочешь мчаться ей на выручку, быть рядом, что-то в этом роде. Изображение должно возникнуть само. И быть четким. Смотри, но воздержись от бурных реакций. И ничего не говори. Это будет изображение, а не связь.

Геральт так и сделал.

Первые картинки, вопреки заверению, не были четкими. Они были размытыми, но при этом столь неожиданными, что он невольно отпрянул. Отрубленная рука на крышке стола... Кровь, разбрызганная по стеклянной плите... Скелеты людей на скелетах лошадей... Йеннифэр,

закованная в цепи.

Башня. Черная Башня. А за ней, в глубине... Полярное сияние?

И вдруг, совершенно неожиданно, без предупреждения изображение стало четким, даже слишком четким.

– Лютик! Мильва! – крикнул Геральт. – Ангулема!

– Что? – заинтересовался Аваллак'х. – Ах да. Сдается мне, ты все испортил.

Геральт отскочил от стены. Чуть не перевернулся, задев за базальтовый постамент.

– Не важно, черт побери! – крикнул он. – Слушай, Аваллак'х, мне необходимо как можно скорее добраться до друидского леса...

– Каэд Мырквида?

– Кажется, так! Моим друзьям грозит смертельная опасность! Они борются за жизнь! Под угрозой и другие люди... Как можно скорее. Ах, дьявольщина! Я возвращаюсь за мечом и конем...

– Ни один конь, – спокойно прервал эльф, – не сумеет донести тебя до леса Мырквид до наступления сумерек...

– Но я...

– Я еще не закончил. Иди за своим знаменитым мечом, а я тем временем подыщу тебе носителя. Прекрасного носителя по горным тропам. Это будет носитель, я бы сказал, немного нетипичный... Но благодаря ему ты будешь в Каэд Мырквиде через неполных полчаса.

От стука неслось лошадей – но на этом и кончалось подобие. Геральт когда-то присутствовал в Махакаме на краснолюдских состязаниях по объезде горных муфлонов, и это показалось ему тогда совершенно изумительным спортом. Но лишь теперь, сидя на спине мчащегося как ветер стука, он понимал, что такое истинная изумительность!

Чтобы не свалиться, он конвульсивно впивался пальцами в жесткие патлы и стискивал бедрами косматые бока чудища. Стучак вонял конским потом, мочой и водочным перегаром. Гнал как сумасшедший, от ударов его гигантских ступней земля гудела так, словно подошвы у стука были из бронзы. Чуть-чуть притормаживая, он взмывал на склоны, а спускался с них так быстро, что воздух завывал в ушах. Мчался по граням, крутым горным тропинкам и полкам таким узким, что Геральт зажмурился, чтобы не глядеть вниз. Он перелетал через водопады, каскады, пропасти и расщелины, через которые не перепрыгнул бы муфлон, а каждый удачный прыжок сопровождался диким оглушительным ревом. То есть еще более диким и еще более оглушительным, чем обычно, – потому что практически стучак ревел непрерывно.

– Не гони так! – Встречный ветер вгонял слова ведьмаку обратно в глотку.

– Почему ж?

– Ты же пил!

– Уууууаааааааа!

Дикая гонка продолжалась. В ушах свистело.

Стучак вонял.

Грохот огромных стоп о камень оборвался, загудели пролысины и щебень. Потом грунт сделался не таким каменистым, мигнуло что-то зеленым, это могли быть горные сосны. Потом мелькнуло зеленым и коричневым – это стучак в смертоубийственных прыжках мчался сквозь еловый лес. Запах смолы перемешивался с вонью чудища, создавая неповторимый букет.

– Ууааахааа!

Кончились ели, зашумела опавшая листва. Теперь кругом было красно, бордово, охрово и желто.

– Мееедлеееннееей!

– Уаааахахахахха!

Стучак длинным прыжком перелетел через груды поваленных деревьев. Геральт чуть было не откусил себе язык.

Дикая скачка окончилась так же бесцеремонно, как и началась. Стучак врылся ступнями в землю, зарычал и скинул ведьмака на усталенную листьями почву. Геральт какое-то время лежал, не в состоянии даже выругаться. Потом встал, шипя, и принялся массировать колено, в котором снова заговорила боль.

– Глянь-ка, ты так и не свалился, – удивленно отметил факт стучак. – Ну, ну.

Геральт промолчал.

– А ведь мы на месте. – Стучак указал косматой лапой. – Вот Каэд Мырквид.

Внизу, под ними, раскинулась котловина, плотно забитая туманом, сквозь который просвечивали верхушки больших деревьев.

– Этот туман, – опередил вопрос стучак, принохиваясь, – не естественный. Кроме того, оттуда несет дымом. На твоём месте я б поспешил. Ийэ-э-эх, пошел бы я с тобой. Меня аж мутит, так хочется подраться! Я уж с дитячих времен мечтал напасть на людей, да еще с ведьмаком на хребте! Но Аваллак'х запретил мне показываться. Тут дело в безопасности всего нашего общества.

– Знаю.

– Не обижайся, что я дал тебе по зубам.

– А я и не обижаюсь.

– Ты мужик что надо.

– Спасибо. За то, что подвез, – тоже.

Стучак выдвинул зубы из рыжей бороды идохнул водочным перегаром. Раз, но крепко.

– За то, что ехал на мне, – тоже благодарствую.

Туман, затягивающий лес Мырквид, был плотным и имел неправильную форму, напоминавшую грудку взбитой сметаны, которую наляпала на торт полудурная кухарка. Этот туман напомнил Геральту Брокилон – лес дриад частенько затягивало таким же плотным защитным и камуфлирующим магическим испарением. Наподобие брокилонской была и благородная и грозная атмосфера пуши, здесь, на опушке, состоящей в основном из ольхи и буков.

И совсем уж как в Брокилоне, на опушке леса, на устланной листьями дороге, Геральт почти споткнулся о трупы.

Зверски изрубленные люди были не друидами, не нильфгаардцами, наверняка не входили в банду Соловья и Ширру. Еще прежде чем Геральт рассмотрел в тумане контуры телег, он вспомнил, что Регис упоминал о пилигримах. Получалось, что для некоторых из них паломничество окончилось не очень счастливо.

Все ощутимее становился запах дыма и гари, неприятный во влажном воздухе. Он указывал путь. Вскоре к нему присоединились и голоса. Окрики. И фальшивая мяукающая музыка гуслей.

Геральт пошел быстрее.

На раскисшей от дождей дороге стоял воз. Рядом с колесами валялись очередные трупы.

В телеге шерудил один из бандитов, вываливая на дорогу груз и инструменты. Другой держал выпяженных лошадей, третий сдирал с убитого пилигрима шубу из чернобурки. Четвертый перепиливал смычком найденные, видимо, среди трупов гусли. Ему никак не удавалось извлечь из инструмента хотя бы один чистый звук.

Какофония помогла – приглушила шаги Геральта.

Музыка оборвалась резко, струны гуслей душераздирающе застонали, разбойник рухнул на листья и оросил их кровью. Державший лошадей бандит не смог даже крикнуть, сигилль перерезал ему горло. Третий не успел спрыгнуть с воза, повалился рыча, с рассеченной бедренной артерией. Последний сумел выхватить меч из ножен. Но поднять его уже не успел.

Геральт стряхнул большим пальцем кровь со щеки.

– Да, сынки, – бросил он в сторону леса и запаха дыма. – Неумно вы поступили. Не надо было слушать Соловья и Ширру. Надо было оставаться дома.

Вскоре он наткнулся на новые телеги и новых убитых. Среди множества порубленных и зарезанных пилигримов лежали друиды в заляпанных кровью белых одеяниях. Дым уже недалекого пожара стлался низко над землей.

На сей раз разбойники были бдительнее. Ему удалось захватить врасплох только одного, занятого стягиванием дешевеньких колечек и браслетов с окровавленных рук убитой женщины. Геральт не раздумывая рубанул бандита. Тотчас зарычали остальные – разбойники и нильфгаардцы – и с криком кинулись на него.

Он отскочил к лесу, под ближайшее дерево, так, чтобы ствол защищал спину. Однако не успели разбойники подбежать, как загудели копыта, и из кустов и мглы выдвинулся огромный конь, покрытый попоной в красно-золотые шашечки, расположенные по диагонали. Конь нес наездника в полном вооружении, снежно-белом плаще и шлеме с клювообразным решетчатым забралом. Прежде чем бандиты успели остыть, рыцарь уже рубил мечом налево и направо. Кровь лилась фонтанами. Зрелище было изумительное.

Однако Геральту некогда было любоваться роскошными картинками, у него у самого на шее сидели двое – разбойник в вишневой куртке и черный нильфгаардец. Разбойника, который приоткрылся при выпаде, он хлопыстнул по морде. Нильфгаардец, увидев, как у напарника вылетели зубы, взял, как говорится, ноги в руки и скрылся в тумане.

Геральта чуть было не истоптал конь в клетчатой попоне, бегущий без седока.

Он немедленно кинулся к тому месту, откуда доносились крики, ругань и грохот.

Три бандита стащили рыцаря в белом плаще с седла и теперь пытались прикончить. Один, расставив ноги на ширину плеч, дубасил топором, второй рубил мечом, третий, маленький и рыжий, зайцем скакал вокруг, поджидая возможности отыскать незащищенное место, в которое можно было бы всадить рогатину. Поваленный на землю рыцарь что-то нечленораздельно гудел внутри шлема и отбивал удары щитом, который держал обеими руками. После каждого удара топора щит опускался все ниже. Было ясно: еще один-два таких удара – и рыцарские внутренности полезут из всех щелей лат.

Геральт тремя прыжками пробился внутрь клубка дерущихся, ткнул в шею подпрыгивающего рыжика с рогатиной, широко хлестнул по брюху бандюгу, орудующего топором. Рыцарь, несмотря на явно мешающие ему латы, изловчился и треснул третьего разбойника по колену краем щита, потом трижды съездил по лицу так, что кровь забрызгала щит. Кое-как поднялся на колени и принялся шарить по папоротникам в поисках меча, гудя при этом не хуже гигантского жестяного трутя. Вдруг увидел Геральта и замер.

– В чьих же я руках? – прогудел он из глубин шлема.

– Ни в чьих. Все, кто здесь лежит, – это и мои враги.

– Ага... – Рыцарь пытался поднять забрало, но металл был погнут и шарниры заблокировало.

– Слово чести! Стократно благодарю за помощь.

– Что вы, что вы? Как можно? Ведь именно вы пришли на помощь мне.

– Серьезно? И когда же?

«Он ничего не видел, – подумал Геральт. – Он меня даже не заметил сквозь дырки в своем железном горшке».

– Как ваше имя? – спросил рыцарь.

– Геральт. Из Ривии.

– Ваш герб?

– Сейчас не время для геральдики, милсдарь рыцарь.

– Слово чести, вы правы, мужественный кавалер Геральт. – Рыцарь наконец отыскал свой меч и встал. Его погнутый щит, как и попона лошади, был украшен красно-золотыми шашечками. По полям щит обрамляли попеременно расположенные буквы

А и

Г.

– Это не мой родовой герб, – загудел он, поясняя. – Это инициалы моей сюзеренки, княгини госпожи Анны-Генриетты. Меня зовут Рыцарем Шахматной Доски... Я – странствующий рыцарь. Имени своего и герба я не могу открывать. Я дал рыцарский обет. Слово чести, еще раз благодарю за помощь, кавалер.

– Полная взаимность. Полнейшая, Рыцарь без имени и герба!

Один из поваленных бандитов застонал и зашебуршился в листве. Шашечно-Шахматный Рыцарь подскочил и мощным тычком пригвоздил его к земле. Разбойник задержал руками и ногами, как приколотый булавкой паук.

– Поспешим, – сказал Рыцарь. – Банда все еще здесь свирепствует. Слово чести, еще не время отдыхать!

– Верно, – согласился Геральт. – Банда буйствует в лесу, убивает пилигримов и друидов. Мои друзья в опасности...

– Простите, – перебил Рыцарь. – Я отвлекусь на минуточку.

Другой разбойник еще подавал признаки жизни. И тоже был с размаху пригвожден, а задранными кверху ногами выкручивал такие кренделя, что у него даже сапоги слетели.

– Слово чести. – Шашечный Рыцарь вытер меч куском меха. – Тяжко этим сволочам расставаться с жизнью! Не удивляйтесь, кавалер, что я раненых добиваю. Слово чести, давно так не поступал. Но эти мерзавцы приходят в себя так быстро, что порядочный человек только позавидовать может. С тех пор, как с одной такой шельмой мне довелось иметь дело три раза подряд, я взял за правило приканчивать их тщательнее. В смысле – так, чтобы уж наглухо.

– Понимаю, понимаю.

– Я, видите ли, рыцарь странствующий. Но, слово чести, не странный! О, вот и моя лошадь. Иди сюда, Буцефал!

Лес сделался просторнее и светлее. Основное место в нем стали занимать огромные дубы с раскидистыми, но редкими кронами. Геральт и рыцарь уже издали почувствовали дым и вонь пожара. А через минуту и увидели.

Горели крытые камышом хаты, из которых состоял весь небольшой поселок. Горели тенты телег. Между телегами валялись трупы – многие в издали заметных белых друидских одеждах.

Бандиты и нильфгаардцы, придавая себе храбрости ревом и скрываясь за телегами, которые толкали перед собой, атаковали большой, стоящий на сваях дом, привалившийся к стволу гигантского дуба. Дом был сложен из толстых бревен и крыт крутым гонтом, по которому без вреда для дома скатывались забрасываемые бандитами факелы. Осажденный дом защищался и успешно огрызался – на глазах Геральта один из бандитов неосторожно высунулся из-за телеги и рухнул, словно громом пораженный, со стрелой в черепе.

– Твои друзья, – проявил сообразительность Шахматно-Шашечный Рыцарь, – должны быть в этом доме! Слово чести, крепко их осадили! Вперед, поспешим на помощь!

Геральт услышал скрипящие выкрики и приказы, узнал разбойника Соловья с перевязанной харей. Какое-то мгновение видел и полуэльфа Ширру, прячущегося за спины нильфгаардцев в черных плащах.

Неожиданно взревели рога, да так, что листья посыпались с дубов. Загудели копыта боевых коней, заблестели латы и мечи атакующего рыцарства. Бандиты с криками разбежались в разные стороны.

– Клянусь честью! – рявкнул Шахматный Рыцарь, подгоняя коня. – Это мои друзья! Нас опередили! Вперед, чтобы и нам немного хвалы досталось! Бей-убивай!

Пустив Буцефала в галоп, Шахматный Рыцарь налетел на разбегающихся бандитов первым, мгновенно зарубил двоих, остальных разогнал не хуже, чем ястреб воробьев. Двое свернули в сторону подбежавшего Геральта, ведьмак тут же расправился с ними.

А третий выстрелил в него из «гавриила». Миниатюрные самострелы изобрел и запатентовал

некий Гавриил, ремесленник из Вердэна. Рекламиривал он их словами: «Защити себя сам. Вокруг тебя махровым цветом цветут бандитизм и насилие. Закон бессилен и неповоротлив. Защити себя сам! Не выходи из дома без карманного самострела марки «Гавриил». Гавриил – твой защитник. Гавриил защитит тебя и твоих близких».

Распродавались мини-самострелы в рекордных количествах. Вскоре исключительно удобными при нападении «гавриилами» вооружились все бандиты.

Геральт был ведьмаком, умел уклоняться от стрелы. Но он забыл о больном колене, вольт запоздал на дюйм, листовидный наконечник разорвал ему ухо. Боль ослепила, но всего лишь на мгновение. Бандит не успел натянуть тетиву и «защитить себя сам». Разъяренный Геральт рубанул его по рукам, а потом выпустил из него кишки широким ударом сигилля.

Он даже не успел стереть кровь с уха и шеи, когда на него налетел маленький и шустрый как ласка типус с неестественно пылающим взглядом, вооруженный кривой зерриканской саблей, которую он крутил с поразительной ловкостью. Он уже парировал два удара Геральта. Отменная сталь клинков звенела, рассыпая искры.

Ласкотипус был быстр и внимателен – моментально заметил, что ведьмак прихрамывает, и тут же начал обходить его и нападать с удобной для себя стороны. Да, он был невероятно быстр, острие саберры прямо-таки выло при взмахах, выполняемых очень опасными перекрестными движениями. Геральту все труднее было уходить от ударов. И он все сильнее припадал на больную ногу, вынужденный опираться на нее.

Неожиданно Ласка пригнулся, прыгнул, проделал ловкий финт и ударил с размаху. От уха. Геральт парировал наискось и отбил. Бандит ловко вывернулся и уже шел согнувшись, чтобы ударить снизу, очень опасно, но тут вдруг выпучил глаза, могуче чихнул и пустил соплю, на мгновение ослабив защиту. Ведьмак молниеносно секанул его по шее. Острие дошло до позвонков.

– Ну и пусть кто-нибудь скажет, – тяжело вздохнул он, глядя на дергающийся труп, – что пользоваться фисштехом не вредно.

Налетевший на него с поднятой палицей бандит споткнулся и рухнул носом в грязь. Из затылка у него торчала стрела.

– Я иду, ведьм! – крикнула Мильва. – Иду! Держись!

Геральт обернулся, но рубить уже было некого. Мильва застрелила единственного оставшегося рядом бандита. Остальные сбежали в лес, преследуемые разномастным рыцарством. Несколько гонял на Буцефале Рыцарь Шахматной Доски. Видимо, догнал, потому что было слышно, как зверски он сквернословит в лесу.

Один из черных нильфгаардцев, не до конца убитый, вдруг вскочил и кинулся бежать. Мильва мгновенно подняла и натянула лук, завыли перья, нильфгаардец ткнулся лицом в опавшую листву. Между лопаток торчала стрела.

Лучница тяжело вздохнула.

– Повесят.

– Чего ради?

– Нильфгаардец же. А здесь Нильфгаард. И я уж второй месяц как стреляю в основном в имперских.

– Туссент здесь, а не Нильфгаард. – Геральт пощупал голову, отнял руку. Вся в крови.

– Черт! Глянь-ка, Мильва, что там такое?

Лучница глянула внимательно и критически, потом сказала:

– Просто тебе ухо оторвало. Ничего страшного.

– Тебе легко говорить. Я, понимаешь ли, любил это ухо. Помоги чем-нибудь обмотать, а то кровь за ворот течет. Где Лютик и Ангулема?

– В халупе, с пилигримами... А, зараза...

Затопали копыта, из тумана галопом вынеслись три наездника на боевых конях. Развевались плащи, трепыхались флажки на пиках. Еще не умолк их боевой клич, а Геральт уже ухватил Мильву за руку и затащил под телегу. Не следует шутить с теми, кто нападает, вооруженный четырнадцатифутовыми копьями, позволяющими эффективно поражать противника в десяти футах перед головой коня.

– Вылазь! – Кони рыцарей рыли подковами землю рядом с телегой. – Бросай оружие и вылезай!

– Повесят! – буркнула Мильва. И вполне могла быть права.

– Эй, голодранцы! – звонко рыкнул один из рыцарей, у которого на щите была нарисована черная бычья голова на серебряном поле. – Эй, шелупонь, повесим, слово чести!

– Слово чести, – подхватил юношеским голосом другой, вооруженный одноцветным голубым щитом. – На месте иссечем!

– Эге-гей! Хватит! Стоять!

Из тумана возник на Буцефале Рыцарь Шахматной Доски. Ему наконец-то удалось поднять искореженное забрало шлема, из-за которого теперь торчали буйные светлые усы.

– Освободить их, да поживее! – крикнул он. – Это не грабители, а честные и порядочные люди! Девушка мужественно встала на защиту пилигримов, а этот кавалер – прекрасный рыцарь!

– Прекрасный рыцарь? – Бычья Голова поднял забрало шлема, весьма недоверчиво пригляделся к Геральту. – Слово чести! Быть не может!

– Слово чести! – Шахматный Рыцарь ударил себя кулаком по нагруднику лат. – Быть может! Даю слово! Этот мужественный кавалер жизнь мне спас, когда я оказался в тяжелейшем положении, поваленный на землю бандюгами. Его зовут Геральт из Ривии.

– Герб?

– Я не могу выдавать, – проворчал ведьмак. – Ни настоящего имени, ни герба. Дал рыцарский обет. Я – странствующий Геральт.

– О-о-о-о! – завопил вдруг знакомый нахальный голос. – Гляньте-ка, кого кот принес! Ну, говорила ж я тебе, тетечка, что ведьмак наверняка придет нам на помощь!

– И в самую пору! – крикнул подходящий с Ангулемой и группой перепуганных пилигримов Лютик, несущий лютню и свою неразлучную тубу. – Ни на секунду раньше! У тебя изумительное чувство драматизма, Геральт. Ты должен писать пьесы для театров!

Он вдруг умолк. Бычья Голова наклонился в седле, глаза у него загорелись.

– Виконт Юлиан?

– Барон де Пейрак-Пейран?

Из-за дубов выехали еще два рыцаря. Один, в горшкообразном шлеме, украшенном очень удачно выполненным чучелом белого лебедя с раскинутыми крыльями, вел на аркане двух пленных. Второй рыцарь, странствующий, но практичный, готовил веревки и подыскивал соответствующий сук.

– И не Соловей. – Ангулема заметила взгляд ведьмака. – И не Ширру. Жаль.

– Угу, – согласился Геральт. – Но попытаемся исправить дело. Милсдарь рыцарь...

Но Бычья Голова – он же барон де Пейрак-Пейран – не обращал на него внимания. Видел он, казалось, одного только Лютика.

– Слово чести, – протянул он. – Да уж не подводит ли меня зрение? Это ж милостивый государь виконт Юлиан собственной персоной! Хо! Ну, вот государыня-то княгиня обрадуется!

– Что еще за виконт Юлиан? Кто таков? – любопытствовал ведьмак.

– Это я, – вполголоса сказал Лютик. – Не вмешивайся, Геральт.

– Да уж, вот обрадуется госпожа Анарьетта, – повторил барон де Пейрак-Пейран. – О, уж да. Слово чести! Всех вас забираем в замок Боклер. Только без отговорок, виконт, никакие отговорки и слушать не стану!

– Часть разбойников сбежала. – Геральт позволил себе довольно холодный тон. – Для начала предлагаю их выловить. Потом подумаем, как продолжить столь увлекательно начавшийся день. Как вы на это, милостивый государь барон?

– Слово чести, – сказал Бычья Голова. – Ничего из этого не получится. Погоня невозможна. Преступники сбежали за ручей, а нам за ручей даже ногой ступить нельзя, даже краешком копыта. Тамошняя часть леса Мырквид – неприкосновенное святилище, святая святых в соответствии с компактатами[35], заключенными с друидами милостиво правящей в Туссенте ее высочеством княгиней Анной-Генриеттой...

– Но туда сбежали разбойники, черт побери, – в бешенстве прервал Геральт, – и теперь начнут в этой святой святых людей мордовать и убивать! А мы тут о каких-то компактатах чушь несем...

– Мы дали рыцарское слово! – Похоже, барону де Пейрак-Пейрану подходила бы на щите не бычья, а баранья голова. – Нельзя никак! Компактаты! Ни шагу на друидскую территорию!

– Кому нельзя, тому не можно, – фыркнула Ангулема, таща за трензеля двух бандитских лошадей. – Кончай пустой треп, ведьмак. Едем. У меня еще не закончены расчеты с Соловьем, а ты, если не ошибаюсь, хотел бы малость потолковать с полуэльфом.

– Я с вами! – сказала Мильва. – Подыщу только какую-нибудь кобылу.

– Я тоже, – пробормотал Лютик. – Я тоже с вами...

– О, что нет, то уж нет! – воскликнул бычьеголовый барон. – Слово чести, милсдарь виконт Юлиан поедет с нами в замок Боклер. Княгиня не простит нам, если мы его встретим, да не привезем. Вас не задерживаем, вы свободны в своих планах и свершениях. Как друзей виконта Юлиана ее высочество госпожа Анарьетта с удовольствием достойно приняла бы в

замке и знатно угостила, но ничего не поделаешь, если вы брезгуете приглашением...

– Мы не брезгуем, – прервал Геральт, грозным взглядом удерживая Ангулему, которая за спиной барона выделявала согнутой в локте рукой всяческие паскудные и обидные жесты. – Мы далеки от того, чтобы брезговать. Мы не преминем поклониться княгине и воздать ей соответствующие почести. Однако вначале dokonчим то, что dokonчить обязаны. Мы тоже дали слово, можно даже сказать, тоже заключили кое с кем компакты. Как только мы с ними разделаемся, незамедлительно направимся в замок Боклер. Прибудем туда тотчас и в обязательном порядке.

– Хотя бы только ради того, – добавил он многозначительно и с нажимом, – чтобы присмотреть, дабы никакой вред и неуважение не были нанесены там нашему другу Лютику. То бишь, тьфу ты, Юлиану. Виконту, значит.

– Слово чести! – рассмеялся вдруг барон. – Никакого вреда или неуважения не будет проявлено виконту Юлиану, готов поклясться! О, кстати, совсем забыл сказать, виконт: князь-то Раймунд скончался два года назад от апоплексического удара. Увы нам!

– Хо-хо! – воскликнул Лютик, бурно расцветая. – Князек-то чебурахнулся, стало быть! Вот так шикарная и радостная новость... То есть, я хотел сказать, какая жалость и печаль, какое несчастье и утрата... Пусть ему земля будет прахом, в смысле – пухом... Однако, если все обстоит именно так, то едемте в Боклер поскорее, господа рыцари! Геральт, Мильва, Ангулема – до встречи в замке!

Они перешли вброд ручей, загнали лошадей в лес, меж раскидистых дубов, в доходящие до стремян папоротники. Мильва запросто нашла след убегающей шайки. Поехали с максимально возможной скоростью. Геральт опасался за друидов. Боялся, что остатки недобитой банды, почувствовав себя в безопасности, решат отыгаться на друидах за разгром, учиненный им странствующим рыцарем из Туссента.

– Ну, лафа Лютику, – неожиданно сказала Ангулема. – Когда нас соловьи окружили в халупе, он признался мне, чего боится в Туссенте. Повезло поэту.

– Я догадывался, – отозвался ведьмак. – Только не думал, что он так высоко нацелился. Госпожа княгиня, ничего себе!

– Это было несколько лет назад, а князь Раймунд, тот, что чебурахнулся, вроде бы поклялся вырвать у поэта сердце, запечь его и подать неверной благоверной княгине на ужин. И заставить съесть. Подфартило нашему цветику, что не попал он князю в лапы, когда тот еще в силе был. Нам тоже повезло...

– Это еще бабка надвое сказала.

– Лютик утверждает, что княгиня Анарьетта влюблена в него до умопомрачения.

– Обычное Лютиково бахвальство.

– Заткнитесь, – буркнула Мильва, натягивая поводья и взявшись за лук.

Перебегая от дуба к дубу, в их сторону мчался разбойник, без шапки, без оружия. Ничего не видя и не замечая вокруг, он бежал и падал, вставал, снова бежал и снова падал. И при этом орал. Тонко, пронзительно, жутко.

– В чем дело? Что такое? – удивилась Ангулема.

Мильва молча натянула лук. Но стрелять не стала, ждала, пока бандит приблизится, а тот бежал прямо на них, словно их не видя. Пробежал между конями ведьмака и Ангулемы. Они

видели его лицо, белое, как сметана, и искривленное ужасом, видели выпученные глаза.

– Какого черта? – повторила Ангулема.

Мильва отряхнулась от оцепенения, повернулась в седле и послала стрелу беглецу в крестец. Разбойник зарычал и рухнул в папоротники.

Земля содрогнулась. С ближнего дуба посыпались желуди.

– Интересно, – сказала Ангулема, – от чего он так драпал...

Земля задрожала снова. Зашелестели кусты, затрещали ветви.

– Да что ж это такое-то? – чуть не простонала Мильва, поднимаясь на стременах. – Что, говорю, такое, ведьмак?

Геральт поднял глаза, увидел и громко вздохнул. Ангулема тоже увидела. И побледнела.

– А, курва...

Конь Мильвы тоже увидел, панически заржал, поднялся на дыбы, а потом поддал крупом. Лучница вылетела из седла и тяжело повалилась на землю. Конь помчался в лес. Кобыла ведьмака, не раздумывая, бросилась за ним следом, неудачно выбрав дорогу под низко свисающей веткой дуба. Ветка смела ведьмака с седла. От удара и боли в колене он едва не потерял сознание.

Ангулеме дольше других удавалось удерживать разбушевавшегося коня, но в конце концов и она оказалась на земле, а конь сбежал, чуть не растоптав поднимающуюся с земли Мильву.

И тогда они четко увидели то, что на них надвигалось. И совершенно, то есть абсолютно, перестали удивляться панике животных.

Существо напоминало гигантское дерево, раскидистый вековой дуб, а может, оно и было дубом. Но очень уж дубом нетипичным. Вместо того чтобы позволять бегать по себе белочкам и гадить на себя коноплянкам, этот дуб резво вышагивал по лесу, мерно топал толстенными корнями и размахивал ветвями. Толстый ствол – или туловище? – чудища на глаз был саженой двух в диаметре, а зияющее в нем дупло было, пожалуй, не дуплом, а пастью, потому что чавкало со звуком, напоминающим хлопанье тяжелых дверей.

Хоть под его гигантским весом земля дрожала так, что было трудно удержать равновесие, существо мчалось по выбоинам и колдобинам удивительно ловко. И делало это не без цели.

На их глазах оно замахало ветками, свистнуло веточками и выловило из ямы спрятавшегося бандита так же ловко, как аист вылавливает из травы притаившуюся там лягушку. Оплетенный ветвями мерзавец повис в кроне, воя так пронзительно, что аж зубы ныли. Геральт увидел, что в кроне чудовища уже висят три таким же образом схваченных разбойника. И один нильфгаардец.

– Бегите... – прошептал он, тщетно пытаясь встать. Ощущение было такое, будто в колено кто-то ритмично вколачивал раскаленный добела гвоздь. – Мильва, Ангулема... Бегите...

– Мы тебя не оставим!

Дубочуд услышал, радостно притопнул корнями и направился в их сторону. Ангулема, напрасно пытаясь поднять Геральта, выругалась особо цветисто и мерзопакостно. Мильва дрожащими руками пробовала поставить стрелу на тетиву. Это было бессмысленно и глупо.

– Бегите!

Поздно. Дубочуд был уже рядом. Парализованные ужасом, они теперь отчетливо видели его добычу – четырех разбойников, висящих в оплетающих их ветках. Двое были явно живы, потому что издавали хриплые стоны и дрыгали ногами. Третий, кажется, потерявший сознание, висел безвольно. Чудовище явно старалось хватать их живыми. Но с четвертым пойманным ему не повезло, вероятно, по невнимательности оно слишком сильно его сдавило, что было видно по вытаращенным глазам жертвы и языку, вывалившемуся далеко, аж на испачканный кровью и рвотой подбородок.

В следующую секунду они тоже висели в воздухе, оплетенные ветками, и все трое орала во весь голос.

– Вылавливай, – услышали они снизу, со стороны корней, – Деревушко, вылавливай.

За дубочудом, легонько подгоняя его прутиком, бежала молодая друидка в белой одежде и веночке из цветов.

– Не обижай их, Деревушко, не стискивай. Нежненько. Вылавливай...

– Мы не бандиты... – простонал сверху Геральт, едва выжимая голос из стиснутой ветками груди. – Вели ему нас отпустить. Мы ни в чем не виноваты...

– Все так говорят. – Друидка отогнала бабочку, кружащую у нее над бровью. – Вылавливай, вылавливай, вылавливай, Деревушко...

– Я обоссалась... – застонала Ангулема. – Хрен вас побери, обоссалась.

Мильва только закашлялась. Голова упала у нее на грудь. Геральт грязно выругался. Это было единственное, что он мог сделать.

Подгоняемый друидкой дубочуд резво бежал по лесу. Все – кто еще был в сознании – щелкали зубами в ритм подскокам существа. Так что аж эхо разливалось.

Спустя немного они оказались на просторной поляне. Геральт увидел группу одетых в белое друидов, а рядом второго дубочуда. У этого улов был пожиже – с его веток свисали всего три бандита, из них в живых был, пожалуй, только один.

– Преступники, разбойники, бесчестные, подлые, низкие людишки, – проговорил снизу один из друидов, старец, опирающийся на длинный посох. – Присмотритесь к ним как следует. Посмотрите, какое наказание ждет в лесу Мырквид преступников и негодяев. Посмотрите и запомните. Мы отпустим вас, чтобы обо всем сейчас увиденном вы смогли рассказать другим. Как предостережение.

В самом центре поляны вздымалась огромная куча бревен и хвороста, а на куче, подпертая слегами, стояла сплетенная из ивовых прутьев клетка в форме огромной неуклюжей куклы. Клетка была забита орущими и дергающимися людьми. Ведьмак четко слышал лягушачьи вопли, хриплые, скрипучие стоны Соловья-разбойника. Видел белое как полотно, искривленное паническим страхом лицо полуэльфа Ширру, прижатое к ивовой плетенке.

– Друиды! – заорал Геральт, вкладывая в крик все силы. – Госпожа фламаника! Я – ведьмак Геральт!

– Не поняла, – отозвалась снизу высокая худощавая женщина с прихваченными на лбу венком из омелы волосами цвета серой стали, ниспадающими на спину.

– Я Геральт... Ведьмак... Друг Эмиеля Региса...

- Повтори, я не расслышала.
- Гера-а-а-альт! Друг вампира!
- Ах! Ну, так и надо было сразу же!

По данному стальноволосой друидкой знаку дубочуд опустил их на землю. Не очень нежно. Они упали, не в силах подняться. Мильва была без сознания, кровь текла у нее из носа. Геральт с трудом встал на колени, наклонился к ней.

Стальноволосая фламаника, стоявшая рядом, кашлянула. Лицо у нее было очень худощавое и даже костлявое. Неприятно напоминавшее череп, обтянутый кожей. Ее васильковые глаза смотрели добро и мягко.

– У нее, кажется, сломаны ребра, – сказала она, глядя на Мильву. – Но мы сейчас это подправим. Наши целители незамедлительно окажут ей помощь. Я сожалею о случившемся. Но откуда было знать, кто вы такие? Я не приглашала вас в Саег Myrkvid и не давала согласия войти в наши владения. Правда, Эмиель Регис поручился за вас, но присутствие в нашем лесу ведьмака, платного убийцы живых созданий...

– Я немедленно уйду, уважаемая фламаника, – заверил Геральт, – как только...

Он осекся, видя друидов с горящими лучинами, подходящих к костру и забитой людьми ивовой кукле.

– Нет! – крикнул он, сжимая кулаки. – Стойте!

– Эта клетка, – сказала фламаника, словно и не слыша его, – должна была служить зимней кормушкой для голодающих животных и стоять в лесу, заполненная сеном. Но когда мы схватили этих мерзавцев, я вспомнила о гнусных сплетнях и наветах, которые распространяют о нас люди. Хорошо, подумала я, вы получите вашу Ивовую Бабу. Вы сами придумали этот вызывающий ужас кошмар, ну так я вам его обеспечу...

– Прикажи им остановиться, – выдохнул ведьмак, – почтенная фламаника... Не поджигайте... У одного из бандитов есть важные для меня сведения...

Фламаника скрестила руки на груди. Ее васильковые глаза по-прежнему были мягкими и добрыми.

– О нет, – сказала она сухо. – Нет и нет. Я не верю в институт коронного свидетеля. Избежать кары – ненормально.

– Стойте! – рявкнул ведьмак. – Не подкладывайте огонь. Стой...

Фламаника сделала рукой короткий жест, а дубочуд, все еще стоявший поблизости, затопал корнями и положил ведьмаку ветку на плечо. Геральт с размаху сел.

– Подкладывайте огонь! – приказала фламаника. – Досадно, ведьмак, но так должно быть. Мы, друиды, ценим и почитаем жизнь в любом ее проявлении. Но даровать жизнь преступникам – обычная глупость. Преступников отпугивает только ужас. Поэтому я покажу им пример ужаса. Очень надеюсь на то, что мне не придется этот пример повторять.

Хворост занялся мгновенно, костер вспыхнул, забился пламенем. Вырывающиеся из Ивовой Бабы рев и вопли поднимали волосы на голове. Разумеется, это невозможно было услышать в усиливающемся треске огня и какофонии, но Геральту почудилось, что он различает отчаянный хрип Соловья и высокие, полные боли крики полуэльфа Ширру.

«Он был прав, – подумал ведьмак, – смерть не всегда бывает одинаковой».

А потом – далеко не сразу – костер и Ивовая Баба наконец милостиво вспыхнули адом гудящего огня, в котором не могло выжить ничто.

– Твой медальон, Геральт, – сказала стоявшая рядом с Геральтом Ангулема.

– Не расслышал, – откашлялся он, прочищая стиснутое кошмаром горло. – Что ты сказала?

– Твой серебряный медальон с волком. Он был у Ширру. Теперь ты его потерял насовсем. Он расплавился в этом жару.

– Что делать, – ответил ведьмак после короткого молчания, глядя в васильковые глаза фламиники. – Я больше не ведьмак. Я перестал быть ведьмаком. На Танедде, в Башне Чайки, в Брокилоне, на мосту через Яругу. В пещере под Горгоной. И здесь, в лесу Мырквид... Нет, теперь я уже не ведьмак. Придется, видно, обходиться без ведьмачьего медальона.

Глава восьмая

Король безгранично любил свою супругу, а она всем сердцем любила его. Такая любовь просто не могла не окончиться трагически. Флоуренс ДеланнойСказки и предания

ДЕЛАННОЙ, Флоуренс, языковед и историк, родился в 1432 году в Виковаро, в 1460–1475 годах – секретарь и библиотекарь при императорском дворе. Неутомимый исследователь народных легенд и сказаний, автор множества трактатов, считающихся памятниками древнего языка и литературы северных регионов Империи. Из его произведений самыми значительными являются: «Мифы и легенды народов Севера», «Сказки и предания», «Неожиданность, или Миф Старшей Крови», «Сага о ведьмаке», а также «Ведьмак и ведьмачка, или Неустанные поиски». С 1476 года – профессор академии в Кастелль Граупиане, где скончался в 1510 году. Эффенберг и ТальботEncyclopedia Maxima Mundi, том IV

С моря дул сильный ветер, хлопал парусами; мелкий дождь, будто мелкий град, колот лицо. Вода в Большом Канале была свинцовая, изморщенная ветром, исклеванная оспинками дождя.

– Сюда, милсдарь. Извольте сюда. Лодка ждет.

Дийкстра тяжело вздохнул. Он уже по горлышко был сыт морским переходом, облегчение принесли те несколько минут, когда он чувствовал под ногами твердый и неколебимый камень набережной, и теперь ему делалось дурно при одной только мысли о необходимости снова подниматься на покачивающуюся палубу. Но делать было нечего – Лан Эксетер, зимняя столица Ковира, принципиально отличалась от других столиц мира. В порту Лан Эксетера прибывшие морем путешественники высаживались с кораблей на каменные набережные только для того, чтобы тут же пересечь на очередное плавсредство – изящную многовесельную лодку с высоко задранной носом и лишь чуть менее задранной кормой. Лан Эксетер стоял на воде в широком устье реки Танго. Роль улиц здесь выполняли каналы, и все городское сообщение осуществлялось на лодках.

Он вошел в лодку, поздоровавшись с реданским послом, ожидавшим у трапа. Отвалили от набережной, весла размеренно ударили по воде, лодка двинулась, набрала скорость. Реданский посол молчал.

«Посол, – машинально подумал Дийкстра. – Уж сколько лет Редания посылает в Ковир послов? Сто двадцать, не меньше. Уже сто двадцать лет Ковир и Повисс считаются в Редании зарубежьем. А ведь так было не всегда».

Территории, лежащие к северу, вдоль залива Пракседы, Редания издавна считала своими ленами. Ковир и Повисс были – как говорили при третогорском дворе – апанажем[36] в коронной оправе. Очередные правящие там апанаж-графы именовались Тройденидами, поскольку вели свое происхождение – или же утверждали, что вели, – от общего предка, Тройдена. Означенный принц Тройден был родным братом короля Редании Радовиды Первого, того, которого впоследствии прозвали Великим. Уже в юности этот Тройден был типом сластолюбивым и исключительно вредным. Страшно было подумать, во что с годами он разовьется. Король Радовид – который в этом случае не был исключением – брата ненавидел, как моровую язву. Поэтому, чтобы отделаться, отодвинуть его как можно дальше от себя, назначил апанаж-графом Ковира. Однако отодвинуть дальше Ковира не удалось.

Апанаж-граф Тройден формально считался вассалом Редании, но вассалом нетипичным: не имел никаких ленных обязанностей и тягот. Да что там, ему не надо было даже приносить чисто церемониальной ленной присяги, от него требовали только так называемого обязательства не вредить. Одни утверждали, что Радовид просто-напросто смилиостивился, зная, что ковирского «камня в коронной оправе» не хватит ни на дань, ни на сервитуты. Другие же полагали, что Радовид просто-напросто на дух не переносил апанаж-графа и его начинало тошнить при одной только мысли, что братец может лично явиться в Третогор за деньгами либо военной помощью. Как было в действительности, не знал никто. Но как оно было, так и осталось. Долгие годы после смерти Радовиды Первого в Редании по-прежнему действовал закон, введенный во времена великого короля. Во-первых, графство Ковир является вассалом, но не обязано ни платить дани, ни служить. Во-вторых, ковирский апанаж является выморочным поместьем и наследование идет исключительно по линии дома Тройденидов. В-третьих, Третогор не вмешивается в дела дома Тройденидов. В-четвертых, членов дома Тройденидов не приглашают в Третогор на торжества, связанные с проведением государственных праздников. В-пятых – и на другие празднования тоже.

О том, что творится на Севере, в принципе мало кто знал, да и мало кого это интересовало. До Редании доходили – в основном окольными путями, через Каздвен – сведения о конфликтах ковирского графства с северными владыками рангом пониже. О перемириях и войнах – с Хенгфорсом, Маллеорой, Крейденом, Тальгаром и другими государствшками с трудно запоминающимися названиями. Кто-то там кого-то покори́л и поглотил, вот-вот с кем-то объединится в результате династических союзов, кто-то кого-то раздолбал и изничтожил – в общем-то не шибко было известно кто, кого, когда и почему.

Однако просачивающиеся известия о войнах и драчках привлекали на Север массу всяческих забияк, авантюристов, любителей приключений и других беспокойных духом людей, мотающихся по свету в поисках добычи и возможности выжить. Таковые тянулись со всех сторон света, даже из столь удаленных, казалось бы, стран, как Цинтра или Ривия. Однако в основном шли обитатели Редании и Каздвена. И прежде всего именно из Каздвена двигались в Ковир конные отряды, правда, без обозов – разнесся даже слух, что во главе одного отряда ехала знаменитейшая Аидеен, взбунтовавшаяся против отца внебрачная дочь каздвенского монарха. В Редании поговаривали, что при дворе в Ард Каррайге вынашивают замыслы аннексии северного графства и отделения его от королевства Реданского. Кто-то даже начал вещать о необходимости вооруженной интервенции.

Однако Третогор демонстративно известил, что Север его нисколько не интересует. Как

заявили королевские юристы, существует принцип взаимности: у ковирского апанажа нет никаких обязанностей и повинностей перед короной, а посему корона не уделяет помощи Ковиру. Тем более что Ковир ни о какой помощи никогда и не просил.

Тем временем из ведущихся на Севере войн Ковир и Повисс выходили все более сильными и могущественными. Мало кто в то время об этом знал. Самым очевидным сигналом растущего могущества Севера был все более интенсивный экспорт.

О Ковире десятки лет говорили, что единственное его богатство – песок и морская вода. Шуточку вспомнили, когда ковирские фабрики и солеварни фактически монополизировали всемирный рынок стекла и соли.

Но хоть сотни людей пили из стаканов со знаками ковирских фабрик и солили супы повисской солью, в человеческом сознании эта страна оставалась невероятно далекой, недоступной, суровой и недружественной. А прежде всего – иной.

В Редании и Каэдвене вместо «иди ты ко всем чертям» говорили «отправляйся в Повисс». «Если вам у нас не нравится, – говаривал мастер своим строптивым челядникам, – можете проваливать в Ковир». «Здесь вы ковирских порядков не дождетесь!» – кричал профессор разболтавшимся жакам. «Иди в Повисс умничать!» – орал кмет на сына, критикующего прадедовское орало и подсечно-огневую систему земледелия.

Короче: тот, кому не нравятся теперешние порядки, может отправляться в Ковир.

Адресаты таких высказываний мало-помалу начали задумываться и вскоре заметили, что ведь и верно, дорогу в Ковир и Повисс никто, то есть совершенно никто и ничто, не заграждает. На Север двинулась вторая волна эмиграции. Как и предыдущая, эта в основном состояла из недовольных чудаков, которые отличались от других и желали другого. Но на сей раз это были уже не разругавшиеся с жизнью и ни к чему не пригодные авантюристы. Во всяком случае, не только они одни.

На Север потянулись ученые, которые верили в свои теории, хотя «люди здравомыслящие» объявляли эти теории вздорными, сумасшедшими и нереальными. Техники и конструкторы, убежденные, что вопреки всеобщему мнению все же возможно построить придуманные ими машины и устройства. Чародеи, для которых применение магии для установки волноломов не было святотатственным преступлением. Купцы, которым перспектива развития оборота способна была распахнуть жесткие, статичные и близорукие границы риска. Землепашцы и животноводы, убежденные, что даже самые отвратительные почвы возможно превратить в урожайные поля, что путем селекции всегда можно вырастить такие разновидности животных, для которых данный климат будет родным.

На Север потянулись горняки и геологи, для которых суровость диких гор и скал Ковира была безошибочным сигналом, что если поверх земли раскинулась такая скудость, то, значит, под землей должно скрываться богатство. Ибо природа обожает равновесие.

Да, под землей были богатства.

Прошло четверть века, и Ковир добывал столько полезных ископаемых, сколько Редания, Аэдирн и Каэдвен, вместе взятые. Добычей и переработкой железных руд Ковир уступал только Махакаму, но в Махакам шли из Ковира металлы, используемые для изготовления сплавов. На Ковир и Повисс приходилась четверть всемирной добычи руд серебра, никеля, олова, свинца и цинка, половина добычи медной руды и самородной меди, три четверти добычи марганцевой руды, хрома, титана и вольфрама, столько же добычи металлов, выступающих только в самородной форме: платины, самородного феррита, криобелита, димерита.

И свыше восьмидесяти процентов мировой добычи золота.

Того самого золота, на которое Ковир и Повисс закупали то, что на Севере не росло и не выращивалось. И то, чего Ковир и Повисс не изготавливали. Не потому, что не могли или не умели. Просто это было невыгодно. Ремесленник из Ковира или Повисса, сын либо внук прибывшего с мешком на спине эмигранта, зарабатывал теперь в четыре раза больше, чем его собрат в Редании или Темерии.

Ковир хотел бы торговать со всем миром все шире и шире. Но не мог.

Королем Редании стал Радовид Третий, которого с Радовидом Великим, его прадедом, объединяло имя, а также хитрость и скупость. Король сей, которого прихвостни и агиографы нарекли Смелым, а все остальные – Рыжим, заметил то, чего до него никто как-то замечать не хотел. Почему от гигантской торговли, которую ведет Ковир, Редания не имеет ни шелонга? Ведь Ковир – это ж всего-навсего ничего не значащее графство, всего лишь незначительная драгоценность в реданской короне. Пришла пора ковирскому вассалу начать служить сюзерену.

Приключилась к тому соответствующая оказия – у Редании был пограничный спор с Аэдрином. Речь, как всегда, шла о долине Понтара. Радовид Третий решился на вооруженное выступление и начал к нему готовиться. Ввел специальный налог на военные цели, который назвал Понтарской десятиной. Налог обязан был платить каждый подданный и вассал. То есть все. Ковирский апанаж тоже. Рыжий потирал руки: десять процентов с доходов Ковира – это было что-то!

В Понт Ванис, который слыл незначительным городишкой с деревянным частоколом, отправились реданские послы. Вернувшись, принесли Рыжему потрясающее известие: Понт Ванис никакой не городишко. Это гигантский город, летняя столица королевства Ковир, владыка которого король Гедовиус настоящим шлет королю Радовиду нижеприведенный ответ.

Королевство Ковир не является ничьим вассалом. Все претензии и притязания Третогора безосновательны и исходят из мертвой буквы закона, коий никогда не имел силы. Короли Третогора никогда не были суверенами властителей Ковира, ибо властители Ковира –

что легко проверить в анналах –

никогда не платили Третогору дани, никогда не несли воинской повинности и –

что самое главное –

никогда не приглашались на торжества, связанные с проведением государственных праздников. И на другие торжества –

тоже.

Гедовиус, король Ковира, передали послы, сожалеет, но не может признать короля Радовида своим сеньором и сюзереном... и уж тем более не намерен выплачивать ему десятину. Не может этого проделать также никто из ковирских вассалов или арьервассалов, подпадающих исключительно под ковирский сеньорат.

Одним словом: пусть Третогор бережет собственный нос и не сует его в дела Ковира, независимого королевства.

Рыжий вскипел хладным гневом. Что такое? Независимое королевство? Зарубежье? Дальнее? Хорошо! Поступим с Ковиром как с зарубежным королевством!

Редания и наущенные Рыжим Каэдвен и Темерия применили к Ковиру реторсионные пошлины и абсолютный закон склада. Купец из Ковира, направляющийся на юг, должен был, хошь не хошь, весь свой товар выставлять на продажу в одном из реданских городов и продать его либо возвратиться. То же самое принуждение встречало купца с дальнего Севера, направлявшегося в Ковир.

С товаров, которые Ковир транспортировал транзитом, не заворачивая в реданские либо темерские порты, Редания потребовала грабительских пошлин. Ковирские корабли, само собой, платить не хотели – платили только те, которым не удавалось сбежать. В начавшейся на море игре в кошки-мышки очень скоро дело дошло до инцидентов. Реданский патруль попытался арестовать ковирского купца, тогда явились два ковирских фрегата, и патрульный корабль сгорел. Были жертвы.

Чаша переполнилась. Смелый Радовид Рыжий решил приструнить непослушного «вассала». Сорокатысячная армия Редании форсировала реку Браа, а экспедиционный корпус из Каэдвена вступил в Каингорн.

Спустя неделю две тысячи уцелевших реданцев форсировали Браа в обратном направлении, а жалкие остатки каэдвенского корпуса тащились домой по перевалам Пустульских гор. Выявилась еще одна цель, коей служило золото северных гор. Регулярная армия Ковира состояла из двадцати пяти тысяч закаленных в боях – и разбоях! – профессионалов, привлеченных из самых дальних уголков света кондотьеров, беспрдельно верных ковирской короне за небывало щедрую плату и гарантированную контрактом пенсию. Готовых на любой риск ради невероятно щедрых наград, выплачиваемых за каждый боевой поход. Таких богатых солдат вели в бой опытейшие, способнейшие – и в данный момент еще более богатые – командиры, которых Рыжий и король Каэдвена Бенда прекрасно знали: они-то и были теми, что не так давно служили в их собственных армиях, но неожиданно ушли на заслуженный отдых и выехали за границу.

Рыжий не был идиотом и умел учиться на ошибках. Он утихомирил спесивых генералов, настаивавших на крестовом походе, не стал слушаться купцов, требовавших голодной блокады, обласкал Бенду из Каэдвена, жаждущего крови и мести за гибель своего элитного подразделения. Рыжий предложил переговоры. Его не сдержало даже унижение – горькая пилюля, которую пришлось заглотить: Ковир соглашался на переговоры, но у себя в Лан Эксетере. Голод не тетка, захочешь есть – придешь!

«И поплыли они в Лан Эксетер как просители, – подумал Дийкстра, укутываясь плащом. – Как униженные. И челобитчики. Совсем так, как я сейчас».

Реданская эскадра вошла в залив Пракседы и направилась к ковирскому берегу. С борта флагманского корабля «Алата» Радовид Рыжий, Бенда Каэдвенский и сопровождавший их в роли посредника иерарх Новиграда с изумлением рассматривали уходящий далеко в море волнолом, за которым возвышались стены и крепкие бастiónы крепости, стерегущей доступ в город Понт Ванис. А плывя от Понт Ваниса на север, в сторону устья реки Танго, короли видели ряды причалов, ряды верфей, ряды пристаней. Видели лес мачт, режущую глаза белизну парусов. У Ковира, оказывается, было уже припасено лекарство против блокады, реторсий и таможенной войны. Ковир был явно готов стать владыкой морей.

«Алата» вошла в широкое устье Танго и бросила якорь в каменных челюстях аванпортов. Но королей, к их изумлению, еще ожидал долгий путь водой. В городе Лан Эксетере вместо улиц были каналы. Причем основную артерию и ось метрополии образовывал Большой Канал, который вел от порта прямо и непосредственно к резиденции монарха. Короли пересели на галеру, украшенную пурпурно-золотыми гирляндами и гербом, на котором Рыжий и Бенда с изумлением распознавали реданского орла и каэдвенского единорога.

Плывя по Большому Каналу, короли и их свита присматривались и хранили молчание. Вернее, следовало бы сказать – просто онемели. Они ошибались, думая, будто знают, что есть богатство и роскошь, полагая, что их не удивишь проявлениями достатка и какой-либо демонстрацией роскоши.

Они плыли по Большому Каналу, мимо величественного здания Адмиралтейства и резиденции Купеческой гильдии. Плыли вдоль променадов, заполненных ярко и богато одетой толпой. Плыли сквозь строй изумительных магнатских дворцов и купеческих каменных домов, отражающихся в водах Канала радугой роскошных, но непривычно узких фасадов. В Лан Эксетере платили налог за ширину дома – чем шире фасад, тем налог прогрессивно выше.

На спускающихся к самой воде ступенях дворца Энсенада, монаршей зимней резиденции, единственного здания с широким фасадом, их уже ожидали торжественный караул и королевская чета: Гедовиус, властитель Ковира, и его супруга Гемма. Чета приветствовала прибывших учтиво и с достоинством. И... нетипично. «Дорогой дядюшка», – обратился Гедовиус к Радовиду. «Милый дедушка», – улыбнулась Бенде Гемма. Как-никак Гедовиус был Тройденидом, Гемма же, как оказалось, вела свой род от сбежавшей в Каэдвен взбунтовавшейся Аидеены, в жилах которой текла кровь королей из Ард Каррайга.

Подтвержденное родство улучшило настроение и возбудило симпатии, но переговорам не помогло. В принципе то, что произошло, было никакими не переговорами. «Дети» кратко изложили, чего они желают. «Деды» выслушали. И подписали документ, который потомки окрестили Первым Эксетерским Трактатом. Чтобы отличить его от заключенных позже. Первый Трактат еще носил название, соответствующее первым словам его преамбулы: *Mare Liberum Apertum*[37].

Море свободно и открыто. Торговля – свободна. Прибыль – священна. Полюби торговлю и прибыль ближнего своего, как свои собственные. Усложнение кому бы то ни было торговли и получения дохода есть нарушение законов природы. А Ковир – ничей не вассал. Он – независимое, самоуправляемое и нейтральное королевство.

Никто не ожидал, что Гедовиус и Гемма сделают – просто из вежливости – хотя бы минимальную уступку. Нечто такое, что спасло бы честь Радовида и Бенды. Однако они это сделали. Они согласились на то, чтобы Радовид Рыжий пожизненно использовал в официальных документах титул короля Ковира и Повисса, а Бенда – пожизненно же – титул короля Каингорна и Маллеоры.

Разумеется, с условием

de non preiudicando [38].

Гедовиус и Гемма царствовали двадцать пять лет; на их сыне, Герарде, оборвалась королевская линия Тройденидов. На ковирский престол взошел Эстериль Тиссен. Основатель дома Тиссенидов.

Соединившиеся вскоре кровными узами почти со всеми остальными династиями мира, короли Ковира неотступно следовали Эксетерским Трактатам. Никогда не вмешивались в дела соседей. Никогда не поднимали вопросов совместного владения – хотя не раз повороты истории приводили к тому, что ковирский принц имел достаточно оснований считать себя законным наследником престола Редании, Аэдирна, Каэдвена, Цидариса либо даже Вердэна или Ривии. Никогда могущественный Ковир не предпринимал территориальных аннексий либо завоеваний, не направлял вооруженных катапультами или баллистами канонерок в чужие территориальные воды. Никогда не узурпировал в свою пользу привилегии «править морями». Ковиру вполне хватало *Mare Liberum Apertum*, моря вольного и открытого для торговли. Ковир признавал святость торговли и доходов. В смысле – барыша.

И абсолютного, ненарушаемого нейтралитета!

Дийкстра поднял бобровый воротник плаща, прикрывая шею от ветра и секущих капель дождя. Осмотрелся, вырванный из раздумий. Вода в Большом Канале казалась черной. В слякоти и тумане даже гордость Лан Эксетера Адмиралтейство походило на казарму. Даже купеческие дома утратили свою обычную роскошь – их узкие фасады казались еще уже, чем обычно. «А может, и верно, черт побери, – подумал Дийкстра, – они стали уже: если король Эстерад повысил налог, хитрецы владельцы могли и заузить дома».

– И давно у вас такая чумная погода, ваше превосходительство? – спросил он, лишь бы прервать нервную тишину.

– Такая неприятная погода, граф, у нас стоит с середины сентября, – ответил посол. – С новолуния. Зима обещает быть ранней. В Тальгаре уже выпал снег.

– Я думал, – сказал Дийкстра, – что в Тальгаре снега вообще никогда не тают.

Посол взглянул на него, будто удостовераясь, что это шутка, а не проявление невежества.

– В Тальгаре, – решил пошутить и он, – зима начинается в сентябре, а кончается в мае. Остальные времена года – весна и осень. Есть, правда, еще и лето... обычно оно приходится на первый вторник после августовского новолуния. И длится аж до утра среды.

Дийкстра не засмеялся.

– Но даже там, – насупился посол, – снег в конце октября является событием.

Посол, как и большинство реданской аристократии, терпеть не мог Дийкстры. Необходимость принимать архишпиона он рассматривал как личное оскорбление, а тот факт, что Регентский Совет поручил переговоры с Ковиром Дийкстре, а не ему, считал смертельной обидой. Его корежило то, что он, де Руйтер, из славнейшей ветви рода де Руйтеров, графов в девяти поколениях, вынужден именовать графом этого хама и парвеню. Но, будучи идеальным дипломатом, он мастерски скрывал свою неприязнь.

Весла поднимались и мерно опускались, лодка быстро двигалась по Каналу. Они как раз миновали небольшой, но весьма изысканный дворец Культуры и Искусства.

– Мы плывем в Энсенату?

– Да, граф, – подтвердил посол. – Министр иностранных дел однозначно дал понять, что желает увидеться с вами тотчас по прибытии, поэтому я сопровождаю вас прямо до Энсенаты. Вечером же пришло ко дворцу лодку, поскольку желал бы пригласить вас на ужин...

– Ваше превосходительство соизволит простить меня, – прервал Дийкстра, – но обязанности не позволяют мне воспользоваться приглашением. У меня масса ждущих решения вопросов, времени мало, приходится заниматься делами в ущерб удовольствиям. Поужинаем как-нибудь в другой раз. В более счастливые, более спокойные времена.

Посол поклонился и украдкой облегченно вздохнул.

В Энсенату они, конечно же, прошли задним входом. Чему Дийкстра был весьма рад. К парадному входу монаршей резиденции, к изумительному, опирающемуся на стройные колонны фронтону прямо от Большого Канала вела широкая, но дьявольски длинная лестница из белого мрамора. Лестница, ведущая к одному из многочисленных задних входов, была несравнимо менее эффектна, но и более доступна для преодоления. Несмотря на это, Дийкстра, шагая, кусал губы и втихую ругался под нос, так, чтобы не слышали эскортирующие

его гвардейцы, лакеи и мажордом.

Во дворце его ожидали новые лестницы и новый подъем. Дийкстра снова выругался вполголоса. Вероятно, влажность, холод и неудобное положение в лодке привели к тому, что нога в поломанной и магически вылеченной щиколотке начала напоминать о себе тупой, злостной болью. И скверными воспоминаниями. Дийкстра скрежетнул зубами. Он знал, что виновному в его страданиях ведьмаку тоже поломали кости. И глубоко надеялся, что ведьмака тоже дерет, и желал ему от всей души, чтобы драло и рвало как можно дольше и как можно чувствительнее.

Снаружи уже опускались сумерки, коридоры Энсенады были темны. Дорогу, по которой Дийкстра шел за молчаливым мажордомом, освещал редкий ряд светильников в руках лакеев, расставленных вдоль коридоров. А перед дверьми комнаты, в которую его провел мажордом, по стойке «смирно» стояли гвардейцы с алебардами, такие прямые и неподвижные, словно им в зады воткнули дополнительные ратовища. Лакеи со светильниками стояли здесь погуще, свет прямо-таки резал глаза. Дийкстра несколько удивился помпе, с которой его встречали.

Войдя в комнату, он мгновенно перестал удивляться. И низко поклонился.

– Приветствую тебя, Дийкстра, – сказал Эстерад Тиссен, король Ковира, Повисса, Нарока, Вельгада и Тальгара. – Не стой в дверях, изволь подойти ближе. Отбросим этикет, это аудиенция неофициальная.

– Светлейшая госпожа.

Супруга Эстерада, королева Зулейка, несколько рассеянным кивком ответила на почтеннейший поклон Дийкстры, ни на мгновение не бросая вязания.

Кроме королевской четы, в огромном покое не было ни души.

– Именно, именно. – Эстерад заметил взгляд. – Поболтаем в четыре, прошу прощения, в шесть глаз. Что-то мне, понимаешь ли, кажется – так будет лучше.

Дийкстра присел на указанном карле напротив Эстерада. На короле была кармазиновая, отороченная горностаеями мантия, на голове, в тон мантии, бархатная шапо. Как все мужчины клана Тиссенидов, он был высок, могуче сложен и бандитски красив. Выглядел всегда крепким и здоровым; словно моряк, только что вернувшийся с моря, он прямо-таки излучал аромат морской воды и соленого ветра. Как у всех Тиссенидов, точный возраст короля определить было трудно. Судя по волосам, коже и рукам – местам, наиболее ярко свидетельствующим о возрасте, – Эстераду можно было дать сорок пять лет. Дийкстра знал, что королю пятьдесят шесть.

– Зулейка, – наклонился король к жене. – Взгляни на него. Если б ты не знала, что это шпион, ты б поверила?

Королева Зулейка была невысока ростом, скорее полновата, нежели худощава, и симпатично неуклюжа. Одевалась она характерным для женщин такого типа образом, заключающимся в таком подборе элементов одежды, чтобы никто не мог угадать, что она не собственная бабушка. Такого эффекта Зулейка достигала свободным, не выделяющимся покроем выдержанных в серо-коричневых тонах платьев. На волосы надевала унаследованный от предков чепец. Не пользовалась никакой косметикой и не носила никаких украшений.

– Хорошая Книга, – проговорила она тихим, мелодичным голосом, – учит нас быть сдержанными в оценке ближних наших. Ибо, говорит она, и вас тоже когда-то оценят. И хорошо бы, если не по внешности.

Эстерад Тиссен одарил супругу теплым взглядом. Повсюду было ведомо, что любил он ее безгранично, любовью, которая за двадцать девять лет супружества нисколько не остыла, а, наоборот, горела все ярче и горячее. Эстерад, как утверждали, ни разу не изменил Зулейке. Дийкстра не очень-то верил в нечто столь неправдоподобное. Он сам трижды пытался подставлять – а точнее, подкладывать – королю эффектных агенток, кандидаток в фаворитки, незаменимые источники информации. Ничего не получалось. И все же...

– Не люблю ходить вокруг да около, – сказал король, – поэтому сразу же поясню тебе, Дийкстра, почему я решил поговорить с тобою лично, а не доверять это министрам. Причин тому несколько. Во-первых, я знаю, что ты не прочь подкупать людей. В принципе я уверен в своих чиновниках, но к чему подвергать их тяжким испытаниям, вводить в искушение? Какую взятку ты намеревался предложить министру иностранных дел?

– Тысячу новиградских крон, – глазом не моргнув ответил шпик. – А если б он заартачился, то дошел бы до полутора.

– Вот за это я тебя и люблю, – после краткого молчания сказал Эстерад Тиссен. – Кошмарный же ты сукин сын, милостивый государь Дийкстра. Ты напоминаешь мне меня в юности. Гляжу я на тебя и вижу себя в этом возрасте.

Дийкстра поблагодарил поклоном. Он был моложе короля всего на восемь лет. И был уверен, что Эстерад прекрасно это знает.

– Да, кошмарный ты сукин сын, – повторил король, посерьезнев. – Сукин сын. Но порядочный и с хорошими манерами. А это большая редкость в наше паршивое время.

Дийкстра снова поклонился.

– Понимаешь, – продолжал Эстерад, – в любом государстве найдутся люди, которых можно назвать слепыми фанатиками идеи общественного согласия. Преданные этой идее, они ради нее готовы на все. На преступление тоже, поскольку цель, по их мнению, оправдывает средства и изменяет соотношения и значимости понятий. Они не убивают, нет, они спасают порядок. Они не истязают, не шантажируют – они обеспечивают интересы государства и дерутся за эти интересы. Жизнь единицы, если единица нарушает догму установленного порядка, для таких людей шелонга ломаного не стоит. А того, что общество, которому они служат, состоит именно из единиц, такие люди во внимание не принимают. Такие люди обладают так называемыми широкими взглядами... а широкие взгляды – это вернейший способ не замечать других людей.

– Никодемус де Боот, – не выдержал Дийкстра.

– Близко, но не точно. – Король Ковира продемонстрировал алебастрово-белые зубы. – Это Высогота из Корво. Менее известный, но тоже хороший этик и философ. Почитай, советую. Возможно, у вас осталась еще какая-нибудь его книга, может, не все спалили? Но к делу, к делу. Ты, Дийкстра, тоже без зазрения совести пользуешься интригами, подкупам, шантажом и пытками. Ты и глазом не моргнешь, посылая кого-либо на смерть или приказывая убить тайно. То, что все это ты творишь, исходя из блага королевства, которому служишь, не оправдывает тебя и не делает в моих глазах более симпатичным. Отнюдь. Знай об этом.

Шпион кивнул в знак того, что знает.

– Однако ты, – продолжал Эстерад, – представляешь собою, как уже сказано, сукина сына благородного характера. И поэтому я тебя люблю и уважаю, поэтому даю тебе приватную аудиенцию. Потому что ты, Дийкстра, имея к тому миллион возможностей, ни разу в жизни не сделал ничего для себя лично и не украл из государственной казны. Даже полшелонга. Зулейка, взгляни! Он покраснел или мне только показалось?

Королева подняла глаза, не отрываясь от вязанья.

– По скромности их познаете правоту их, – процитировала она стих из Хорошей Книги, хоть не могла не видеть, что на лице шпиона не проступило даже следа румянца.

– Хорошо, – сказал Эстерад. – Ближе к делу. Время перейти к государственным проблемам. Он, Зулейка, пересек море, движимый патриотическим долгом. Редания, его отчизна, под угрозой. После трагической смерти короля Визимира там царит хаос. Реданией правит банда аристократических идиотов, именующих себя Регентским Советом. Эта банда, моя Зулейка, не сделает для Редании ничего. Почувствуй угрозу, сбежит или же примется по-собачьи ластиться к обшитым жемчугами туфлям нильфгаардского императора.

Эта банда презирает Дийкстру, потому что он – шпион, убийца, парвеню и хам. Но именно Дийкстра переплыл море, чтобы спасти Реданию. Продемонстрировав тем самым, кто действительно болеет за Реданию.

Эстерад Тиссен замолчал, засопел, утомленный долгой речью, поправил кармазиново-горностаевую шапо, которая слегка сползла ему на нос.

– Ну, Дийкстра, – продолжил он. – Чем больно твое королевство? Кроме отсутствия денег, разумеется?

– Если не считать отсутствия денег, – лицо шпиона было словно высечено из камня, – благодарствую, ваше величество, все здоровы.

– Ага, – кивнул король, и при этом шапо снова сползла ему на нос и ее снова пришлось поправлять. – Ага. Так. Понимаю. Я понимаю, – продолжал он. – И аплодирую идее. Когда имеешь деньги, можешь прикупить себе лекарство от любого другого недомогания. Секрет в том, чтобы эти деньги иметь. У вас их нет. Если б они были, то здесь не было бы тебя. Я рассуждаю логично?

– Несомненно.

– И сколько же вам надо, любопытно было бы узнать?

– Немного. Миллион бизантов.

– Немного? – Эстерад Тиссен преувеличенным жестом схватился обеими руками за шапо... – И это ты называешь – немного? Ай-ай-ай.

– Для вашего королевского величества... – проворчал шпион, – такая сумма – явная мелочь...

– Мелочь? – Король отпустил шапо и воздел руки к плафону. – Ай-ай! Миллион бизантов – это мелочь, ты слышишь, Зулейка, что он говорит? А знаешь ли ты, Дийкстра, что иметь миллион и не иметь миллиона – это вместе два миллиона? Я понимаю и чувствую, что ты и Филиппа Эйльхарт бурно и лихорадочно ищете средство для защиты от Нильфгаарда, но что вы хотите – весь Нильфгаард закупить или как?

Дийкстра не ответил.

Зулейка ожесточенно вязала. Эстерад несколько мгновений делал вид, что любитесь обнаженными нимфами на плафоне.

– Иди сюда. – Он неожиданно встал, подозвал шпиона.

Они подошли к огромной картине, изображающей короля Гедовиуса на сивом коне, скипетром

указующего армии нечто, на полотне не уместившееся, – вероятно, нужное направление. Эстерад извлек из кармана малюсенькую позолоченную палочку, коснулся ею рамы картины, вполголоса проговорил заклинание. Гедовиус и сивый конь исчезли, появилась рельефная карта известного мира. Король коснулся палочкой серебряной кнопочки в углу картины и магически изменил масштаб, сводя видимую часть мира до границ долины Яруги и Четырех Королевств.

– Голубое – Нильфгаард, – пояснил он. – Красное – вы. Куда ты глазеешь? Смотри сюда!

Дийкстра оторвал взгляд от других изображений – в основном морских битв и сцен. Задумался, которая из них была волшебным камуфляжем для другой знаменитой карты Эстерада, той, что изображала военную и торговую разведку Ковира, полную сеть перекупленных информаторов и шантажируемых людей, секретных сотрудников, оперативных контактов, диверсантов, наемных убийц, «спящих» шпионов и действующих резидентов. Он знал, что такая картина существует, и давно и столь же безуспешно пытался до нее добраться.

– Красное – вы, – повторил Эстерад Тиссен. – Скверно это выглядит, верно?

«Скверно», – мысленно согласился Дийкстра. Последнее время он беспрерывно рассматривал стратегические карты, но сейчас, на рельефной карте Эстерада, положение представлялось еще хуже. Голубые квадраты складывались в жуткие драконьи челюсти, готовые в любой момент сцапать и раздробить зубищами несчастные красные квадратики.

Эстерад Тиссен поискал что-нибудь такое, что можно было бы использовать в качестве указки, наконец вытянул изящную рапиру из ножен, украшавших наряду с другим оружием настенный ковер.

– Нильфгаард, – начал он лекцию, указывая рапирой соответствующее место на карте, – напал на Лирию и Аэдирн, используя в качестве *casus belli*[39] нападение на пограничный форт Глевициген. Сейчас не важно, кто и в кого переодетый в действительности напал на Глевициген. Я считаю совершенно бессмысленными также любого рода домыслы относительно того, на сколько дней или часов вооруженные действия Эмгыра опередили аналогичные действия Аэдирна и Темерии. Предоставляю это делать историкам. Меня гораздо больше интересует нынешняя ситуация и то, что случится завтра. В данный момент Нильфгаард стоит в Доле Анг्रे и Аэдирне; прикрытый буфером в виде эльфьего доминиона в Доле Блатанна, граничащего с той частью Аэдирна, которую король Хенсельт из Каздвина, образно выражаясь, вырвал из пасти Эмгыра и сожрал сам.

Дийкстра не комментировал.

– Моральную оценку акций короля Хенсельта я также оставляю историкам, – продолжал Эстерад. – Но одного взгляда на карту достаточно, чтобы увидеть: аннексировав Северную Мархию, Хенсельт загородил Эмгыру путь к Долине Понтара. Оградил темерские фланги. А также ваши и реданские. Вам следовало бы его поблагодарить.

– Я поблагодарил, – проворчал Дийкстра. – Но втихую. Мы в Третогоре принимаем короля Демавенда из Аэдирна. А Демавенд дал достаточно точную моральную оценку поступку Хенсельта. Он взял за правило выражать ее кратко и звучно.

– Догадываюсь, – кивнул король Ковира. – Временно оставим это, взглянем на юг, за реку Яругу. Ведя наступление в Доль Ангра, Эмгыр одновременно прикрыл фланги, заключив сепаратное соглашение с Фольтестом из Темерии. Но как только окончились боевые действия в Аэдирне, император беспардонно нарушил пакт и ударил на Бругге и Содден. Своими трусоватыми переговорами Фольтест выгадал две недели мира. Точнее – шестнадцать дней. А сегодня у нас двадцать шестое октября.

– Именно.

– Положение же на двадцать шестое октября видится следующим: Бругге и Содден заняты. Крепости Разван и Майена пали. Армия Темерии разбита в боях под Марибором, отогнана на север, Марибор осажден. Сегодня утром он еще держался. Но сейчас уже поздний вечер, Дийкстра.

– Марибор устоит. Нильфгаардцы не сумели замкнуть вокруг него кольцо.

– Это верно. Они зашли слишком далеко, чрезмерно растянули коммуникации, опасно приоткрыв фланги. К зиме они прекратят осаду, отступят к близкой Яруге, сократят фронт. Но что будет весной, Дийкстра? Что будет, когда травка выглянет из-под снега? Подойди, глянь на карту.

Дийкстра глядел.

– Глянь на карту, – повторил король. – Я скажу тебе, что сделает Эмгыр вар Эмрейс весной.

– Весной начнется наступление невероятных масштабов, – сообщила Картия ван Кантен, поправляя перед зеркалом свои золотистые локоны. – Знаю, знаю, в этой информации как таковой нет ничего сенсационного, у каждого городского колодца бабы разнообразят себе стирку болтовней о весеннем наступлении.

Ассирэ вар Анагид, сегодня исключительно раздражительная и нетерпеливая, сумела, однако, удержаться от вопроса, почему же в таком случае ей забивают голову столь нелюбопытными сообщениями. Но она знала Кантареллу. Если Кантарелла начинала о чем-то говорить, значит, у нее была к тому причина. А все сказанное она, как правило, завершала выводами.

– Однако я знаю немного больше, чем все остальное общество, – сказала Кантарелла. – Ваттье рассказал мне все, раскрыл весь ход совещания у императора. К тому же приволок целую кипу карт, а когда уснул, я их просмотрела... Продолжать?

– А как же, – прищурилась Ассирэ. – Обязательно, милая.

– Направление главного удара – разумеется, Темерия. Рубеж реки Понтар, линия Новиград – Вызима – Элландер. Наступает группа войск «Центр» под командованием Мэнно Коегоорна. Фланги прикрывает группа войск «Восток», наступающая из Аэдирна на Долину Понтара и Каэдвен...

– Каэдвен? – подняла брови Ассирэ. – Получается: конец хрупкому миру, заключенному при дележе добычи?

– Каэдвен угрожает правому флангу. – Картия ван Кантен слегка надула полные губки. Ее кукольная мордашка страшно контрастировала изрекаемым премудростям стратегии. – Наступление имеет превентивный характер. Перед отборными частями группы войск «Восток» поставлена задача связать армию короля Хенсельта и выбить у него из головы мысли о предполагаемой помощи Темерии.

На западе, – продолжала блондинка, – ударит специальная оперативная группа «Вердэн», которая должна захватить Цидарис и плотно замкнуть кольцо осады Новиграда, Горс Велена и Вызимы. Генеральный штаб считает необходимым блокировать эти три крепости.

– Ты не назвала имен командующих групп войск.

– Группа «Восток» – Ардаль аэп Даги, – слегка улыбнулась Кантарелла. – Группа «Вердэн» – Йоахим де Ветт.

Ассирэ высоко подняла брови.

– Любопытно. Два князя, оскорбленные тем, что их дочерей вычеркнули из матримониальных планов Эмгыра. Наш император либо очень уж наивен, либо чертовски хитер.

– Если Эмгыр что-то и знает о заговоре князей, – сказала Кантарелла, – то не от Ваттье. Ваттье ему ничего не сказал.

– Продолжай.

– Наступление будет иметь невиданные до сих пор масштабы. В сумме, считая линейные подразделения, резервы, вспомогательные и тыловые службы, в операции примет участие свыше трехсот тысяч человек. И эльфов, разумеется.

– Дата начала?

– Не установлена. Все упирается в снабжение, снабжение же – в проходимость дорог, а никто не в состоянии сказать, когда закончится зима.

– О чем еще поведал Ваттье?

– Плакался, бедняжка, – сверкнула зубками Кантарелла. – Император опять его облаял и изругал. Принародно. Причиной опять было таинственное исчезновение Стефана Скеллена и его отряда. Эмгыр публично обозвал Ваттье недотепой, начальником служб, которые вместо того, чтобы беззвучно и бесследно изымать людей, сами оказываются захваченными врасплох такими исчезновениями. При этом он произнес какой-то ехидный каламбур, который, однако, Ваттье не сумел точно повторить. Потом император шутливо спросил Ваттье, а не означает ли это, что возникла какая-то другая секретная организация, укрытая даже от него? Умен наш император. Почти по цели бьет.

– Почти, – проворчала Ассирэ. – Что еще, Картия?

– Агента, которого Ваттье держал в отряде Скеллена и который тоже исчез, звали Нератин Цека. Ваттье его, видимо, очень ценил, потому что сильно удручен его исчезновением.

«Я тоже, – подумала Ассирэ, – удручена исчезновением Йедии Мекессера. Но в отличие от Ваттье де Ридо я скоро буду знать, что случилось».

– А Риенс? Ваттье больше с ним не встречался?

– Нет. Не говорил.

Обе долго молчали. Кот на коленях Ассирэ громко мурлыкал.

– Госпожа Ассирэ?

– Да, Картия?

– И долго мне еще играть роль глупой любовницы? Хотелось бы вернуться к занятиям. Посвятить себя научной работе...

– Недолго, – прервала Ассирэ. – Но еще и не очень скоро. Держись, дитя мое.

Кантарелла вздохнула.

Они окончили беседу и попрощались. Ассирэ вар Анагид согнала кота с коленей, еще раз прочитала письмо Фрингильи Виго, отдыхавшей в Туссенте, и задумалась, поскольку письмо беспокоило. Между строк в нем угадывались какие-то мысли, которые Ассирэ улавливала, но

не понимала. Уже миновала полночь, когда Ассирэ вар Анагид, нильфгаардская чародейка, привела в действие мегаскоп и установила телесвязь с замком Монтекальво в Редании.

На Филиппе Эйльхарт была коротюсенькая ночная рубашечка на тонюсеньких бретелечках, а на щеках и в вырезе декольте – следы губной помады. Ассирэ величайшим усилием воли сдержала гримасу отвращения. «Никогда-преникогда я не смогу этого понять, – подумала она, – и понимать не хочу. Этого».

– Мы можем говорить свободно?

Филиппа сделала рукой широкий жест, укрывая себя магической сферой тайны.

– Теперь да.

– У меня есть сведения, – сухо начала Ассирэ. – Сами по себе они ничего сенсационного не представляют, об этом болтают даже бабы у колодцев. Тем не менее... * * *

– Редания, – сказал Эстерад Тиссен, глядя на карту, – в данный момент может выставить пять тысяч линейных бойцов, из них четыре тысячи – тяжелой конницы. Округляя, разумеется.

Дийкстра кивнул. Подсчет был абсолютно точным.

– У Демавенда и Мэвы была такая же армия. Эмгыр разгромил ее за двадцать шесть дней. То же случится и с войсками Редании и Темерии, если вы их не укрепите. Я поддерживаю вашу идею, Дийкстра, твою и Филиппы Эйльхарт. Вам нужны войска. Вам необходима боевая, хорошо обученная и прекрасно экипированная конница. И такую конницу вы хотите получить за какой-то жалкий миллион бизантов.

Шпион наклоном головы подтвердил, что и против такого расчета ему возразить нечего.

– Однако, как тебе, несомненно, известно, – сухо продолжал король, – Ковир всегда был, есть и будет нейтральным. С Нильфгаардской империей нас связывает трактат, подписанный еще моим дедом, Эстерилем Тиссеном, и императором Фергусом вар Эмрейсом. Буква данного трактата не разрешает Ковиру поддерживать врагов Нильфгаарда военной силой. Либо деньгами на... военную силу.

– Когда Эмгыр вар Эмрейс задушит Темерию и Реданию, – откашлялся Дийкстра, – тогда он обратит взор свой на Север. Эмгыр никогда не насытится. Может статься, что ваш трактат мгновенно перестанет стоить чего-либо. Только что мы говорили о Фольтесте Темерийском, который договорами с Нильфгаардом сумел купить себе всего-навсего шестнадцать дней мира...

– О, дорогой мой, – отмахнулся Эстерад. – Это, знаешь ли, не аргумент. С договорами о мире дела обстоят так же, как с супружескими пактами, – их не заключают с мыслью об измене, а коли уж заключают, то не подозревают в измене противную сторону. А кому это не нравится, тот пусть не женится. Ибо нельзя стать рогачом, не будучи женатым, но, согласись, страх перед рогами – обидное и довольно смешное оправдание вынужденного celibата. А рога в семейной жизни не должны быть темой для рассуждений типа «что было б, если бы?». До тех пор, пока рога не выросли, и говорить не о чем... Кстати о рогах: как чувствует себя супруг прелестной Мари, маркизы де Мерсей, реданский министр финансов?

– Ваше королевское величество, – натянуто поклонился Дийкстра, – располагает достойными зависти информаторами.

– А и верно, располагаю, – согласился король. – Ты удивился бы, узнав, сколькими и сколь хорошими. Но и тебе нечего стыдиться своих. Тех, которые отираются при моих дворах здесь

и в Понт Ванисе. О, слово даю, любой из них достоин высочайшей похвалы.

Дийкстра даже бровью не повел.

– Эмгыр вар Эмрейс тоже не испытывает недостатка в хороших и удачно пристроенных агентах. Поэтому повторяю: государственные интересы Ковира – нейтралитет и принцип

pacta sunt servanda [40]. Ковир не нарушает заключенных договоров. Ковир не нарушает договоров даже ради того, чтобы опередить нарушение договоров противной стороной.

– Осмелюсь заметить, – сказал Дийкстра, – что Редания не предлагает Ковиру нарушать пакты. Редания ни в коей мере не стремится заключить союз либо получить военную помощь Ковира против Нильфгаарда. Редания хотела бы... одолжить небольшую сумму, которую мы вернем...

– Мне известно, – прервал король, – как вы возвращаете. Но все это чисто академические рассуждения, ибо я не одолжу вам ни шелонга. А дурной казуистикой меня потчевать незачем, Дийкстра, поскольку она идет тебе, как волку слюнявчик. Есть у тебя какие-нибудь другие, более серьезные, умные и удачные аргументы?

– Нет.

– Твое счастье, – после недолгого молчания сказал Эстерад Тиссен, – что ты стал шпионом. В торговле б ты не преуспел. * * *

Испокон веков у всех коронованных пар были отдельные опочивальни. Короли – с весьма различной регулярностью – посещали спальни королев, случалось и королевам наносить неожиданные визиты королям. Затем супруги расходились по собственным комнатам и ложам.

Монаршья чета Ковира и в этом отношении была исключением. Эстерад Тиссен и Зулейка всегда почивали вместе – в одной спальне, на одном гигантском ложе под огромным балдахином.

Перед тем как уснуть, Зулейка, нацепив очки, в которых стыдилась показываться подданным, обычно почитывала свою Хорошую Книгу. Эстерад Тиссен обычно болтал.

В ту ночь тоже все было как обычно. Эстерад натянул ночной колпак и взял в руки скипетр. Он обожал держать скипетр и поигрывать им, но не делал этого на людях, ибо опасался, как бы подданные не сочли его претенциозным.

– Знаешь, Зулейка, – болтал он, – преудивительнейшие меня последнее время посещают сны. Уж которую ночь кряду мне снится та ведьма, моя матушка. Встанет надо мной и долдонит: «Есть у меня жена для Танкреда, есть жена для Танкреда». И показывает симпатичную, но очень уж юную девочку. И знаешь, Зулейка, что это за девочка? Цири, внучка Калантэ. Ты помнишь Калантэ, Зулейка?

– Помню, супруг мой.

– Цири, – продолжал Эстерад, поигрывая скипетром, – это та, на которой якобы хочет жениться Эмгыр вар Эмрейс. Станный марьяж, поразительный... Так каким же, черт побери, образом она может стать женой Танкреда?

– Танкреду, – голос у Зулейки немного изменился, как всегда, когда она говорила о сыне, – не помешала бы жена. Может, остепенится...

– Возможно, – вздохнул Эстерад. – Хоть сомневаюсь, но возможно... Во всяком случае,

супружество дает какой-то шанс. Хм-м-м... Интересно! Цири... Ковир и Цинтра... Устье Яруги! Недурно звучит, недурно. Удачный был бы союз... Удачное родство... Однако если эту малышку присмотрел для себя Эмгыр... Только вот чего ради именно она является мне в снах? И почему, черт побери, мне вообще снится такая ересь? Во время Эквинокция, помнишь, когда я тебя тоже разбудил... Бр-р-р, какой же это был кошмар, чертовски рад, что не могу вспомнить подробностей... Хм-м-м... А может, призвать какого-нибудь астролога? Ворожея? Медиума?

– Сейчас в Лан Эксетере пребывает госпожа Шеала де Танкарвилль.

– Нет, – поморщился король. – Этой чародейки я не хочу. Она слишком уж мудра. У меня под боком вырастает вторая Филиппа Эйльхарт. Мудрых баб слишком влечет аромат власти, их нельзя раззадоривать ласками и доверием.

– Ты, дорогой супруг, как всегда, прав.

– Хм-м-м... Но эти сны...

– Хорошая Книга, – Зулейка перелистнула несколько страниц, – говорит, что, когда человек засыпает, боги открывают ему уши и говорят к нему... А вот пророк Лебеда учит, что, видя сон, видишь либо великую мудрость, либо великую глупость... Искусство состоит в том, чтобы распознать, что именно.

– Женитьбу Танкреда на возможной невесте Эмгыра вряд ли можно считать великой мудростью! – вздохнул Эстерад. – А если уж говорить о мудрости, то я б хотел, чтобы таковая снизошла на меня во сне. Речь о деле, с которым сюда прибыл Дийкстра. Очень сложное дело. Потому что, видишь ли, дражайшая моя Зулейка, рассудок не позволяет мне ликовать, когда Нильфгаард безостановочно прет на север и в любой момент может занять Новиград, ибо из Новиграда все, в том числе и наш нейтралитет, выглядит иначе, нежели с дальнего юга. Так что хорошо было бы, если б Редания и Темерия остановили натиск Нильфгаарда и прогнали агрессора вновь за Яругу. Но будет ли хорошо, ежели они сделают это за наши деньги? Ты слушаешь меня, о, любимая супруга?

– Я слушаю тебя, любезный супруг мой.

– И что ты на это скажешь?

– Всяческую мудрость вмещает в себя Хорошая Книга.

– А не говорит ли твоя Хорошая Книга, что делать, когда приходит этакий Дийкстра и домогается от тебя миллиона?

– Книга, – заморгала поверх очков Зулейка, – ничего не говорит о бесчестных деньгах. Но в одном из стихов сказано: давать есть большее счастье, нежели брать, а поддерживать убогого милостыней есть благородство. Сказано: раздай все, и это облагородит душу твою.

– Ну да, а мешок и брюхо – выпотрошит, – проворчал Эстерад Тиссен. – А что, Зулейка, кроме стихов о благородном одарении и раздаче милостыни, не содержит ли Книга каких-либо мудростей, касающихся интереса? К примеру, что Книга говорит об эквивалентном обмене?

Королева поправила очки и принялась быстро листать инкунабулу.

– Как Иаков богам, так и боги Иакову, – прочитала она.

Эстерад долго молчал, наконец медленно проговорил:

– А еще что-нибудь?

Зулейка снова принялась терзать Книгу.

– Нашла, – наконец сказала она, – кое-что в премудрости пророка Лебеда. Прочесть?

– Сделай милость.

– Пророк Лебеда учит: воистину убогого подаянием поддержи. Но вместо того чтобы дать убогому целый арбуз, дай ему пол-арбуза, ибо иначе убогий может свихнуться от счастья.

– Пол-арбуза, – фыркнул Эстерад Тиссен. – Стало быть, полмиллиона бизантов? А ведомо ли тебе, Зулейка, что иметь полмиллиона и не иметь полмиллиона – это в сумме получается целый миллион?

– Ты не дал мне закончить, – окинула Зулейка супруга сердитым взглядом поверх очков. – Далее пророк говорит: еще лучше дать убогому четверть арбуза. И вовсе уж хорошо сделать так, чтобы кто-то другой дал убогому арбуз. Поскольку, истинно говорю вам, всегда отыщется тот, у кого есть арбуз и кто склонен им одарить убогого, ежели не из благородства чувств своих, то по расчету либо иному поводу.

– У! – хватанул король Ковира скипетром по ночному столику. – А ведь и верно, головастый был мужик этот твой пророк Лебеда! Вместо того чтобы дать, постараться заставить это сделать другого? Это мне нравится, вот они, слова истинно медоточивые. Нет, ты поищи-ка еще в премудростях твоего пророка, любезная моя Зулейка. Уверен, обнаружишь там что-нибудь такое, что позволит мне без ущерба решить проблему Редании и армии, которую Редания намерена создать за мои деньги.

Зулейка долго-долго листала Книгу, прежде чем принялась читать.

– Сказал однажды пророку Лебеде ученик его: «Научи меня, учитель, как мне поступить? Возжелал, понимаешь ли, ближний мой моего любимого пса. Если отдам любезное мне животное, сердце мое разорвется от жалости. Если же не отдам, буду несчастлив, ибо обижу ближнего своего отказом. Что делать?» «А нет ли у тебя, – спросил пророк, – чего-нибудь такого, что бы ты любил менее, нежели любимого своего пса?» «Есть, учитель, – отвечал ученик, – кот озорной, шкодник неумный. И я вообще его не люблю». И сказал тогда пророк Лебеда: «Возьми одного кота – шкодника неумного, озорника – и подари его ближнему твоему. Тем самым ощутишь ты двойное счастье – отделаешься от кота и ближнего порадуешь. Поскольку чаще всего ближний не подарка самого жаждет, но просто быть одаренным желает».

Эстерад какое-то время молчал, наморщив лоб. Наконец спросил:

– Зулейка? А это что же, один и тот же пророк-то был?

– Возьми одного кота – шкодника неумного, озорника...

– Слышал уже, слышал! – воскликнул король, но тут же помягчал. – Прости, возлюбленнейшая. Дело в том, что я никак в толк не возьму, какая связь у кота с...

Он замолчал. И надолго задумался.

Спустя восемьдесят пять лет, когда ситуация изменилась настолько, что о некоторых проблемах и людях уже можно было говорить без опаски, заговорил Гвискар Вермуллен, герцог Крейденский, внук Эстерада Тиссена, сын его старшей дочери Гудемунды. Герцог Гвискар к тому времени уже был ветхим годами старцем, но события, свидетелем которых ему довелось быть, помнил хорошо. Именно герцог Гвискар раскрыл, откуда взялся миллион

бизантов, с помощью которых Редания экипировала конную армию для войны с Нильфгаардом. Миллион этот был взят, как предполагали, не из казны Ковира, а из богатств Новиграда. Эстерад Тиссен, выдал тайну Гвискар, получил новиградские деньги за участие в создании компаний по заморской торговле. Парадоксально то, что компании эти создавались при активном участии нильфгаардских купцов. Из откровений престарелого герцога следовало, значит, что сам Нильфгаард – в определенной степени – оплатил организацию враждебной себе реданской армии.

– Дедушка, – вспомнил Гвискар Вермуллен, – говорил что-то об арбузах и при этом шельмовски улыбался. Говорил, что всегда отыщется такой, кто пожелает одарить бедного, хотя бы и по расчету. Говорил также, что коли сам Нильфгаард присовокупляется к увеличению силы и боеспособности реданского войска, то не может за то же самое иметь претензий к другим.

А потом, – продолжал старец, – дедушка призвал к себе моего отца, который в то время руководил разведкой, и министра внутренних дел. Те, узнав, какие приказы им предстоит выполнять, впали в панику. Ибо речь шла о том, чтобы выпустить из тюрем и вернуть из ссылки свыше трех тысяч человек. Больше чем сотне предстояло отменить домашние аресты.

Нет, речь шла не только о бандитах, обычных преступниках и наемных кондотьерах. Помилowaniu подлежали прежде всего диссиденты. Среди помилованных оказались и сторонники сверженного короля Рыда, и люди узурпатора Иди, их преданнейшие партизаны. К тому же не только такие, которые поддерживали словами: большинство сидели за диверсии, покушения, вооруженные бунты. Министр внутренних дел был в шоке, папаша сильно обеспокоен.

Дедушка же, – рассказывал герцог, – смеялся так, словно это была лучшая шутка из лучших. А потом сказал, помню каждое слово: «Величайшее ваше упущение, господа, состоит в том, что вы не читаете на ночь Хорошую Книгу. Если б читали, то понимали бы идеи своего монарха. А так – будете выполнять приказы, не понимая их. Но не отчаивайтесь напрасно и про запас, ваш монарх знает, что делает. А теперь идите и выпустите всех моих проказников, котов – шkodников неумных».

Именно так он и сказал: проказников, котов – шkodников неумных. А речь-то шла – о чем тогда никто и подумать не мог – о будущих героях, командирах, покрывших себя честью и славой. Этими дедушкиными «котами» были известные позже кондотьеры: Адам «Адью» Пангратт, Лоренцо Молла, Хуан «Фронтиньо» Гуттьерес... и Джулия Абатемарко, которая прослыла в Редании как «Сладкая Ветреница»... Вы, молодые, этого не помните, но в мои времена, когда мы играли в войну, любой парень хотел быть «Адью» Панграттом, а каждая девчонка – Джулией «Сладкой Ветреницей»... А для дедушки все они были «котами-шkodниками», хе-хе...

Позже же, – мямлил Гвискар Вермуллен, – дедушка взял меня за руку и вывел на террасу, с которой бабушка Зулейка кормила чаек. Дедушка сказал ей... он ей сказал...

Старик медленно и с огромным напряжением пытался вспомнить слова, которые тогда, восемьдесят пять лет назад, король Эстерад Тиссен сказал жене, королеве Зулейке, на нависшей над Большим Каналом террасе дворца Энсенада.

– ...сказал, – вспомнил наконец герцог, – «Знаешь ли ты, любимейшая моя супруга, что я обнаружил еще одну премудрость среди множества премудростей пророка Лебеды? Таковую, которая даст мне еще одну выгоду при одарении Редании котами-шkodниками? Коты, дорогая моя Зулейка, возвращаются домой. Коты всегда возвращаются домой. Ну а когда мои коты вернутся, когда принесут добычу, свое жалованье, богатства... Вот тогда я обложу этих котов

налогами...» * * *

Последний раз король Эстерад Тиссен беседовал с Дийкстрой один на один, даже без Зулейки. Правда, на полу гигантского зала играл десятилетний мальчик, но на него не обращали внимания, да кроме того, он был так занят своими оловянными солдатиками, что совершенно не интересовался разговорами взрослых.

– Это Гвискар, – пояснил Эстерад, указывая на мальчика головой. – Мой внук, сын моей Гудемунды и того шалопая, князя Вермуллена. Но этот малыш, Гвискар, единственная надежда Ковира, если Танкред Тиссен вдруг окажется... Ну, если с Танкредом что-нибудь приключится...

Дийкстре была не чужда проблема Ковира. И лично проблема Эстерада. Он знал, что с Танкредом уже кое-что приключилось. У парня если и были вообще данные стать королем, то только королем очень скверным.

– Твой вопрос, – проговорил Эстерад, – в принципе уже решен, ты можешь начинать думать, как наиболее эффективно использовать миллион бизантов, который вскоре окажется в третогорской казне.

Он наклонился и украдкой поднял одного из оловянных солдатиков Гвискара, кавалериста с занесенным палашом.

– Возьми и как следует спрячь. Тот, кто покажет второго такого же воина, будет моим посланцем. Учти это, даже если он будет выглядеть так, что ты не поверишь, будто это мой человек, знающий проблемы нашего миллиона. Любой другой будет провокатором, и отнесись к нему соответственно.

– Редания, – поклонился Дийкстра, – не забудет этого вашему королевскому величеству. Я же от собственного имени хочу заверить ваше королевское величество в моей личной благодарности.

– Не заверяй, а давай сюда ту тысячу, с помощью которой намеревался завоевать благосклонность моего министра. Что ж, по-твоему, благосклонность короля не заслуживает взятки?

– И ваше королевское величество снизойдет...

– Снизойдет, снизойдет. Давай деньги, Дийкстра. Иметь тысячу и не иметь тысячи...

– Это в сумме дает две тысячи. Знаю.

В дальнем крыле Энсенеды, в комнате значительно меньших размеров, чародейка Шеала де Танкарвилль сосредоточенно и серьезно выслушала сообщение королевы Зулейки.

– Прелестно, – кивнула она. – Прелестно, ваше королевское величество.

– Я сделала все так, как ты посоветовала, госпожа Шеала.

– Благодарю. И еще раз уверяю вас – мы действуем в общих интересах. Ради блага страны. И династии.

Королева Зулейка кашлянула, голос у нее слегка изменился.

– А... А Танкред, госпожа Шеала?

– Я дала слово, – холодно сказала Шеала де Танкарвилль. – Я дала свое слово, что за

помощь отплату помощью. Ваше королевское величество может спать спокойно.

– Очень бы хотелось, – вздохнула Зулейка. – Очень. Кстати, коли уж разговор зашел о снах... Король начинает что-то подозревать. Эти сны удивляют его, а король, когда его что-то удивляет, становится подозрительным.

– Значит, на некоторое время я перестану насылать на короля сны, – пообещала чародейка.
– Относительно же сна вашего величества повторяю, вы можете спать спокойно. Принц Танкред расстанется с дурным обществом. Перестанет посещать замок барона Суркратасса, бывать у госпожи де Байсемур. И у жены реданского посла тоже.

– Он никогда не станет бывать у этих персон? Никогда?

– Персоны, о которых идет речь, – в темных глазах Шеалы де Танкарвилль вспыхнул странный огонек, – уже не отважатся приглашать и совращать с праведного пути принца Танкреда. Не отважатся никогда. Ибо будут знать о последствиях таких шагов. Я ручаюсь за то, что говорю. Ручаюсь также за то, что принц Танкред возобновит учебу и будет прилежным учеником, серьезным и уравновешенным юношей, перестанет гоняться за юбками. Успокоится... до того момента, когда мы представим ему Цириллу, княжну Цинтры.

– Ах, если б я могла в это поверить! – Зулейка заломила руки, возвела очи горе. – Если б могла поверить!

– В могущество магии, – Шеала де Танкарвилль улыбнулась даже неожиданно для себя самой, – порой трудно поверить, ваше королевское величество. Впрочем, так оно и должно быть.

Филиппа Эйльхарт поправила тонюсенькие как паутинка бретельки прозрачной ночной рубашки, стерла последние следы губной помады. «Такая умная женщина, – недовольно подумала Шеала де Танкарвилль, – а не может удержать свои гормоны в узде».

– Можно говорить?

Филиппа окружила себя сферой секретности.

– Теперь да.

– В Ковире все сделано. Положительно.

– Благодарю. Дийкстра уже уехал?

– Еще нет.

– В чем задержка?

– Он ведет переговоры с Эстерадом Тиссенем, – скривила губы Шеала де Танкарвилль. – Как-то странно они пришлись друг другу по вкусу, король и шпион.

– Ты знаешь шуточки о нашей погоде, Дийкстра? О том, что в Ковире есть только две поры года...

– Зима и осень. Знаю.

– А знаешь ли ты признаки, позволяющие установить, что в Ковире уже наступило лето?

– Нет. Какие?

– Дождь становится чуточку теплее.

– Ха-ха!

– Шутки шутками, – серьезно сказал Эстерад Тиссен, – но все более ранние и долгие зимы меня немного беспокоят. Это было предсказано. Ты, полагаю, читал пророчества Итлины? Там говорится, что настанут десятки лет непрекращающегося холода. Некоторые утверждают, что это не более чем аллегория, но я немного побаиваюсь. В Ковире однажды уже случились четыре года подряд холода, непогоды и неурожая. Если б не мощный поток продуктов питания из Нильфгаарда, люди начали бы массами умирать от голода... Ты представляешь себе это?

– Честно говоря, нет.

– А я – да. Охлаждение климата может всех нас погубить. Голод – это враг, с которым чертовски трудно бороться.

Шпик задумчиво кивнул.

– Дийкстра?

– Ваше королевское величество?

– У тебя в стране уже наступил мир и покой?

– Не вполне. Но я стараюсь... установить...

– Знаю. Об этом говорят громко. Из тех, что совершили предательство на Танедде, в живых остался только Вильгефорц.

– После смерти Йеннифэр – да. Знаешь, король, что Йеннифэр скончалась? Погибла в последний день августа при загадочных обстоятельствах на пресловутой Седниной Бездне между Островами Скеллиге и полуостровом Пейкс де Мар.

– Йеннифэр из Венгерберга, – медленно проговорил Эстерад, – не была предательницей. Она не была сообщницей Вильгефорца. Если хочешь, я представлю тебе доказательства.

– Не хочу, – после недолгого молчания ответил Дийкстра. – А может, захочу, но не теперь. Сейчас мне удобнее видеть в ней предательницу.

– Понимаю. Не доверяй чародейкам, Дийкстра. Особенно Филиппе.

– Я никогда ей не доверял. Но мы вынуждены сотрудничать. Без нее Редания погрязнет в хаосе и погибнет.

– Это верно. Но если позволишь тебе посоветовать – отпусти немного поводья. Ты знаешь, о чем я. Эшафоты и пыточные дома по всей стране, изуверства, чинимые на эльфах... И этот страшный форт Дракенбург. Я знаю, тобою руководит чувство патриотизма. Но ты оставляешь после себя скверную легенду, в которой выглядишь оборотнем, лакающим невинно пролитую кровь.

– Кто-то должен это делать.

– И на ком-то это должно отыгаться. Я знаю, ты пытаешься быть справедливым, но ведь ошибок не избежать, ибо избежать их невозможно. Невозможно также остаться чистым, валяясь в крови. Знаю, ты ни разу не обидел никого ради собственного удовольствия, но кто в это поверит? В тот день, когда удача от тебя отвернется, тебе припишут небескорыстное умерщвление невинных. А ложь липнет к человеку как смола.

– Знаю.

– Тебе не дадут возможности защищаться. Таким, как ты, никогда не дают шансов обелиться. Тебя вываляют в смоле... позже. Постфактум. Стерегись, Дийкстра.

– Стерегусь. Они меня не получают.

– Они получили твоего короля, Визимира. Я слышал – стилет в бок по самую гарду...

– В короля легче попасть, чем в шпиона. Меня не достанут. Никогда не достанут меня.

– И не должны. А знаешь почему, Дийкстра? Потому что должна же быть, язви ее, хоть какая-то справедливость на этом свете.

И пришел день, когда они вспомнили этот разговор. Оба. Король и шпион. Дийкстра вспомнил слова Эстерада в Третогоре, когда прислушивался к шагам убийц, приближающихся со всех сторон, по всем коридорам замка. Эстерад вспомнил слова Дийкстры на широких ступенях мраморной лестницы, ведущей из Энсенеды к Большому Каналу. * * *

– Он мог бороться. – Затуманившиеся, невидящие глаза Гвискара Вермуллена глядели в бездну воспоминаний. – Убийц было только трое, дедушка был мужчиной сильным. Он мог бороться, защищаться до того момента, пока не подросла бы стража. Он мог просто-напросто убежать. Но там была бабушка Зулейка. Дедушка прикрывал и защищал Зулейку, только Зулейку, о себе он не думал. Когда наконец подросла помощь, на Зулейке не было даже царапины. Эстерад получил больше двадцати ударов. Он умер через три часа, не приходя в сознание.

– Ты когда-нибудь читал Хорошую Книгу, Дийкстра?

– Нет, ваше королевское величество. Но знаю, что в ней написано.

– Представь себе, я вчера наугад раскрыл ее. И натолкнулся на такую вот фразу: «На пути к вечности каждый будет идти по своим собственным ступеням, неся свое собственное бремя». Что ты об этом думаешь?

– Мне пора, король Эстерад. Пришел час нести собственное бремя.

– Ну что ж, будь здоров, шпион.

– Будь здоров, король.

Глава девятая

От града древнего и зело славного Ассенгарда удалилися мы не менее как на шесть сотен стае к югу, аж до краю, Стоозерьем именуемого. Ежели в споверху на край оный глянуть, узреть можно неисчислимое множество озер, воистину искусною рукою в фигуры разнообразнейшие уложенных. Всреде фигур тех провожатый наш, эльф Аваллак'х, повелел таковую выискивать, коя листу трифолии подобна есть. И истинно, таковая выискалася. При том казалось, что не троица, а четверица озер там раскинулася, ибо одно, продолговатое, с полудня на полночь тянущееся, суть якобы оного листу ножица. Озерцо это, Тарн Мира именуемое, лесом черным околено, а у полуночного его конца башня она таинственная вздыматься должна была, якобы Башнею Ласточки именуемая, в эльфьей же речи – Тог Zireael. Однако ж поначалу не зрели мы ничего, окромя мглы единой. Уж способился я о той

башенке эльфа Аваллак'ха запытать, однако ж сам оный эльф Аваллак'х таковы слова рек: «Надо ждать и надеяться. Надежда вернется со светом и с добрыми чарами. Вглядитесь в безмер вод, там увидите посланников доброй вести. Буйвид БэкуйзенСтранствования по тропам и местам магическим

Книга эта от первой до последней страницы есть блеф и надувательство. Руины у озера Тарн Мира исследовались неоднократно. Развалины эти, вопреки декларации Б. Бэкуйзена, никакой магии в себе не содержат, а следовательно, не могут быть развалинами легендарной Башни Ласточки. *Ars Magica*, изд. XIV

– Плывут! Плывут!

Йеннифэр, обеими руками придерживая волосы, которые трепал насыщенный влагой ветер, остановилась у перил лестницы, отстранив с пути сбегающих на набережную женщин. Прибой, которому вдобавок помогал западный ветер, с грохотом разбивал о берег волны, из расщелин между скалами то и дело взметались белые султаны пены.

– Плывут! Плывут!

С верхних террас цитадели Каэр Трольда, главной твердыни Ард Скеллиге, был виден почти весь архипелаг. Прямо за тесниной лежала Ан Скеллиг, плоская и низкая с южной стороны, обрывистая и изрезанная фиордами с невидимой северной. Далеко слева острыми клыками рифов разрезала волны высокая и зеленая Спикероога, горы и вершины которой тонули в облаках. Справа были видны крутые обрывы острова Ундвик, кишащие чайками, глупышами, бакланами и олушами. Из-за Ундвика выглядывал лесистый конус Хиндарсфьялла, самого маленького островка архипелага. Если же подняться на вершину одной из башен Каэр Трольда и посмотреть на юг, то можно было увидеть одинокий, как бы отброшенный от остальных остров Фаро, торчащий из воды словно спина огромной рыбы, для которой океан слишком мелок.

Йеннифэр спустилась террасой ниже и остановилась около группы женщин, которым гордость и общественное положение не позволяли со всех ног помчаться на набережную и смешаться с взбудораженной толпой. Внизу, под террасой, раскинулся портовый город, черный и бесформенный, будто выброшенное волнами на берег огромное морское ракообразное.

Из теснины между Ан Скеллиг и Спикероогой один за другим выплывали драккары. Паруса загорелись на солнце белым и красным, засверкали бронзой умбоны висящих по бортам цитов.

– «Рингхорн» идет первым, – сказала одна из женщин. – За ним «Фенрис»...

– «Тригля», – возбужденно выкрикнула другая. – Следом «Драк»... Позади них «Хавфруя»...

– «Анигра»... «Тамара»... «Дария»... Нет, это «Скорпена»... Нет «Дарии». «Дарии» нет...

Молодая женщина с толстой светлой косой, поддерживавшая руками уже довольно большой животик, глухо охнула, побледнела и потеряла сознание, опустившись на плиты террасы, словно сорванный с колец занавес. Йеннифэр тут же подскочила к ней, бросилась на колени, уперлась пальцами в живот женщины и выкрикнула заклинание, прерывая спазмы и сильно и уверенно связывая грозящую разорваться связь матки с детским местом. Для надежности бросила еще успокаивающее и защитное заклинание на дитя, движения которого

чувствовала рукой.

Женщину, чтобы не терять напрасно магической энергии, она привела в чувство шлепком по щеке.

– Заберите ее, осторожнее.

– Глупышка... – сказала одна из пожилых женщин. – Еще бы немного...

– Запаниковала... Может, ее Нильс жив, может, он на другом драккаре...

– Благодарим вас за помощь, госпожа магичка.

– Заберите ее, – повторила Йеннифэр, поднимаясь и проглотив ругательство: платье, когда она опускалась на колени, разошлось по шву.

Она спустилась еще на одну террасу. Даккары по одному подходили к берегу, воины спускались на набережную. Бородатые, увешанные оружием берсеркеры со Скеллиге. Многие выделялись белизной повязок. Многие идти самостоятельно не могли и вынуждены были воспользоваться помощью товарищей. Некоторых приходилось нести.

Столпившиеся на набережной женщины со Скеллиге узнавали своих мужей, кричали и плакали от счастья – если счастье им улыбалось. Если ж нет – теряли сознание. Либо отходили, медленно, тихо, не произнося ни слова жалобы. Иногда оглядывались, надеясь, что в проливе блеснет белым и красным парус «Дарии».

«Дарии» не было.

Йеннифэр заметила возвышающуюся над другими рыжую шевелюру Краха ан Крайта, ярла Скеллиге, одним из последних спускавшегося с палубы «Рингхорна». Ярл выкрикивал приказы, отдавал распоряжения, проверял, заботился. Две не отрывавшие от него глаз женщины, одна светловолосая, вторая темная, плакали. От счастья. Ярл, удостоверившись наконец, что обо всем позаботился и ничего не упустил, подошел к женщинам, обхватил обеих медвежьим объятием, расцеловал. А потом поднял голову и увидел Йеннифэр. Его глаза вспыхнули, загорелое лицо застыло как камень рифа, как бронзовый умбон щита.

«Знает, – подумала чародейка. – Вести расходятся быстро. Ярл знал еще в плавании о том, что позавчера меня выловили сетью в зунде за Спикероогой. Знал, что застанет меня в Казэд Трольде. Магия или почтовые голуби?»

Он не спеша подошел к ней. Он весь пропах морем, солью, силой, усталостью. Она глянула в его светлые глаза, и тут же у нее в ушах загремели боевые кличи берсеркеров, грохот щитов, звон мечей и топоров, вопли убиваемых, крики людей, прыгающих в море с пылающей «Дарии».

– Йеннифэр из Венгерберга.

– Крах ан Крайт, ярл Скеллиге. – Она слегка наклонила голову.

Он поклоном не ответил. «Плохо», – подумала она.

Он тут же заметил синяк, памятку от удара веслом, его лицо снова застыло, губы дрогнули, на мгновение приоткрыв зубы.

– Тот, кто тебя бил, ответит за это.

– Никто меня не бил. Я споткнулась на ступенях.

Он внимательно глянул на нее, пожал плечами.

– Не хочешь жаловаться, воля твоя. Мне расследованиями заниматься некогда. А теперь послушай, что я тебе скажу. Послушай внимательно, потому что это будут единственные слова, которые ты от меня услышишь.

– Слушаю.

– Завтра тебя посадят на драккар и отвезут в Новиград. Там передадут городским властям, а потом – темерским или реданским в зависимости от того, кто обратится первым. А я знаю, что и те и другие одинаково хотели бы тебя заполучить.

– Это все?

– Почти. Еще небольшое пояснение. Достаточно часто случалось, что Острова Скеллиге давали укрытие людям, преследуемым законом. Нет у нас и недостатка возможностей искупить вину тяжелой работой, мужеством, самопожертвованием, кровью. Но не для тебя, Йеннифэр. Тебе я убежища не предоставляю. Если ты на это рассчитывала, то просчиталась. Я ненавижу таких, как ты, ненавижу людей, которые ради власти бунтуют, ставят личное выше общественного, вступают в сговор с врагом и предают тех, кому обязаны не только послушанием, но и благодарностью. Я ненавижу тебя, Йеннифэр, потому что именно в то время, когда ты вместе со своими дружками-бунтарями по нильфгаардскому наущению подняла мятеж на Танедде, мои драккары были под Аттре, мои парни шли на помощь тамошним повстанцам. Триста моих парней встали против двух тысяч Черных! Должна же быть какая-то награда за мужество и верность, должна же быть кара за подлость и предательство! Чем я могу наградить павших? Кенотафами? Надписями, выбитыми на обелисках? Нет! Награды и почести павшим будут иными. За их кровь, впитавшуюся в дюны Аттре, твоя кровь, Йеннифэр, потечет сквозь щели в досках эшафота.

– Я не виновна. Я не участвовала в заговоре Вильгефорца.

– Доказательства тому ты представишь судьям. Я тебя судить не стану.

– Ты не только не станешь судить, ты уже вынес приговор.

– Довольно болтовни! Я сказал, завтра на восходе солнца ты в кандалах отправишься в Новиград, чтобы предстать перед королевским судом, который определит тебе должное и справедливое наказание. А сейчас дай мне слово, что не попытаешься воспользоваться магией.

– А если не дам?

– Марквар, наш чародей, погиб на Танедде, сейчас здесь нет магика, который мог бы взять тебя под контроль. Но знай, что ты будешь находиться под неусыпным надзором самых лучших лучников Скеллиге. Если ты хотя бы пальцем шевельнешь подозрительно, ты будешь немедленно застрелена.

– Ясно, – кивнула она. – Значит, даю слово.

– Прекрасно. Благодарю. Прощай, Йеннифэр. Я не стану тебя завтра провожать.

– Крах.

Он развернулся на пятках.

– Слушаю.

– У меня нет ни малейшего желания садиться на корабль, плывущий в Новиград. У меня нет времени доказывать Дийкстре свою невиновность. Я не могу рисковать тем, что вскоре после ареста умру от внезапного кровоизлияния в мозг или же каким-нибудь эффектным образом покончу в камере самоубийством. Я не могу терять времени и идти на такой риск. Я не могу объяснить тебе, почему для меня это так рискованно. Я не намерена и не поплыву в Новиград.

Он долго смотрел на нее.

– Не поплывешь? Что, интересно, позволяет тебе так думать? Неужто то, что некогда нас связывали любовные соперничества? На это не рассчитывай, Йеннифэр. Что было, то быльем поросло.

– Знаю и не рассчитываю. Но я не поплыву в Новиград, ярл, потому, что мне необходимо срочно отправиться на помощь особе, которую я поклялась никогда не оставлять одну и без помощи. А ты, Крах ан Крайт, ярл Скеллиге, поможешь мне в этом. Потому что и ты дал такую же клятву. Десять лет назад, ровно на том месте, где мы сейчас стоим, на этой набережной. Той же самой особе, Цири, внучке Калантэ, Львенку из Цинтры. Я, Йеннифэр из Венгерберга, считаю Цири своей дочерью. Поэтому от ее имени требую, чтобы ты сдержал свою клятву. Сдержи ее, Крах ан Крайт, ярл Скеллиге.

– Серьезно? – еще раз удостоверился Крах ан Крайт. – Даже не отведаешь? Ни одного из этих яств?

– Серьезно.

Ярл не настаивал, сам снял с тарелки омара, положил на доску, сильным и точным ударом тесака разрубил вдоль. Обильно окропив лимоном и чесночным соусом, принялся выковыривать мясо из панциря. Пальцами.

Йеннифэр ела благовоспитанно, серебряным ножом и вилок, а ела она баранью отбивную со шпинатом, специально для нее приготовленную изумленным и, кажется, немного обиженным поваром. Ибо чародейка не пожелала ни устриц, ни мули, ни маринованного в собственном соку лосося, ни супа из триглей и раковин-сердценок, ни тушеного хвоста морской лягушки, ни запеченной меч-рыбы, ни жареной мурены, ни осьминогов, ни крабов, ни омаров, ни морских ежей. Ни – тем более – свежих водорослей.

Все, что хоть чуточку отдавало морем, ассоциировалось у нее с Фрингильей Виго и Филиппой Эйльхарт, с дьявольски рискованной телепортацией, падением в волны морские, морской водой, которую приходилось глотать против воли, и с накинутой на нее сетью, к которой, кстати, прицепились водоросли, причем ни дать ни взять – точно такие, какие расположились на тарелке. Водоросли, которые у нее на голове и спине превращали в кашницу парализующими волю болезненными ударами соснового весла скеллигские рыбачки.

– Итак, – продолжал беседу Крах, высасывая мясо из переламываемых в суставах лапок омара, – я решил поверить тебе, Йеннифэр. Однако знай, делаю это не ради тебя. Блоэдгеас, клятва на крови, которой я поклялся Калантэ, действительно связывает мне руки. Поэтому, если твое намерение помочь Цири не ложно и искренне – а я исхожу из того, что так оно и есть, – то у меня нет выхода: я должен помочь тебе исполнить твое намерение...

– Благодарю. Но, пожалуйста, отбрось патетический тон. Повторяю, я не принимала участия в заговоре на Танедде. Поверь.

– Так ли уж важно, – отмахнулся он, – во что верю я? Скорее бы уж следовало начать с королей, с Дийкстры, агенты которого разыскивают тебя по всему свету. С Филиппы Эйльхарт и верных королям чародеев, от которых, как ты призналась сама, ты сбежала сюда, на

Скеллиге. Это им надо представить доказательства...

– У меня нет доказательств, – прервала она, пытаясь подхватить вилкой кочанчик брюссельской капусты, которую изумленный повар подал к бараньей отбивной. – А если бы и были, мне не позволят их представить. Я не могу тебе этого объяснить, я связана словом. И все же поверь мне, Крах. Пожалуйста.

– Я же сказал...

– Сказал, – прервала она. – Ты пообещал помочь. Благодарю. Но ты по-прежнему не веришь в мою невиновность. Так поверь же.

Крах отбросил высосанные скорлупки омара, пододвинул к себе тарелку мулей. Долго с грохотом копался, отыскивая ту, что покрупнее, наконец сказал, вытирая руки о скатерть:

– Согласен. Верю. Ибо верить хочу. Но убежища и укрытия тебе не дам. Не могу. Однако ты можешь покинуть Скеллиге, когда пожелаешь, и отправиться, куда хочешь. Я советовал бы поспешить. Ты прибыла, я бы так сказал, на крыльях магии. Другие тоже могут последовать за тобой. Им тоже известны заклинания.

– Я не ищу убежища или безопасного укрытия, ярл. Я должна идти спасать Цири.

– Цири, – повторил он задумчиво. – Львенок... Станный это был ребенок.

– Был?

– А. – Он снова махнул рукой. – Я неверно выразился. Был, потому что теперь она уже не ребенок. Это я имел в виду. Только это. Цирилла, Львенок из Цинтры... она проводила на Скеллиге лета и зимы. Иногда такое накуролесит, что ого-го! Чертенок это был, а не Львенок... А, черт, уже второй раз сказал «был»... Йеннифэр, разные слухи доходят до нас с материка... Одни говорят, что Цири в Нильфгаарде...

– Нет ее в Нильфгаарде.

– Другие утверждают, что девочка умерла.

Йеннифэр молча кусала губы.

– Но второй слух, – твердо сказал ярл, – отрицаю я. Цири жива. В этом я уверен. Не было никаких знамений... Она жива!

Йеннифэр подняла брови. Но ничего не спросила. Они молчали долго, вслушиваясь в рев волн, обрушивающихся на скалы Ард Скеллиг.

– Йеннифэр, – сказал наконец Крах. – Дошли до меня с континента еще и другие вести. Мне известно, что твой ведьмак, который после драчки на Танедде скрывался в Брокилоне, вышел оттуда, намереваясь добраться до Нильфгаарда и высвободить Цири.

– Повторяю, Цири нет в Нильфгаарде. Что намерен делать мой, как ты пожелал это назвать, ведьмак, я не знаю. Но он... Крах, ни для кого не секрет, что я... симпатизирую ему. Но знаю, что он Цири не спасет, не добьется ничего. Я его знаю. Он расхнычется, растеряется, начнет философствовать и сокрушаться над своей судьбиной. Потом разрядит гнев, размахивая мечом налево и направо, разя что и кого попало. Потом, в порядке искупления содеянного, совершит что-нибудь благородное, но бессмысленное. А в конце концов будет убит по-дурному, без толку, скорее всего ударом в спину...

– Говорят, – быстро вставил Крах, испуганный зловеще изменившимся, странно

вибрирующим голосом чародейки. – Говорят, что Цири ему предназначена. Я сам видел, тогда, в Цинтре, во время обручения Паве́тты...

– Предназначение, – резко оборвала Йеннифэр, – можно интерпретировать очень по-разному. Очень. Впрочем, жаль терять время на рассуждения. Повторяю, я не знаю, что намерен делать Геральт и намерен ли что-либо делать вообще. Я же намерена приняться за дело лично. Своими методами. И активно, Крах, активно. Я не привыкла сидеть и нюни распускать, ухватившись обеими руками за голову. Я действую!

Ярл поднял брови, но ничего не сказал.

– Я буду действовать, – повторила чародейка. – План уже продуман. А ты, Крах, поможешь мне, выполняя данную тобою клятву.

– Я готов, – твердо заявил Крах. – На все. Драккары стоят в порту. Приказывай, Йеннифэр.

Она не удержалась от смеха.

– Ты всегда одинаков. Нет, Крах, не надо никаких доказательств мужества и мужественности. Не понадобится плыть в Нильфгаард и дубасить топором по запорам врат Города Золотых Башен. Мне нужна менее эффектная помощь. Но более эффективная... Как у тебя дела с финансами?

– Не понял?

– Ярл Крах ан Крайт! Помощь, которая мне нужна, пересчитывается на валюту.

Началось через день, с рассвета. В отданных в распоряжение Йеннифэр покоях воцарился дикий хаос, с которым с величайшим трудом управлялся приданный чародейке сенешаль Гутлаф.

Йеннифэр сидела за столом, почти не поднимая головы от бумаг. Считала, подводила итоги, проделявала расчеты, с которыми тут же гонцы мчались к министру финансов и в островной филиал банка Чианфанелли. Рисовала и чертила. Рисунки и чертежи немедленно попадали в руки мастеров – алхимиков, золотильщиков, стекольщиков, ювелиров.

Некоторое время все шло как по маслу, потом начались сложности.

– Сожалею, милсдарыня чародейка, – процедил сенешаль Гутлаф, – но чего нет, того нет. Мы дали все, что имели. Чудеса и чары творить не научены! А позволю себе заметить, то, что лежит перед вами, это бриллианты общей стоимостью...

– Мне чихать на их общую стоимость! – фыркнула Йеннифэр. – Мне нужен один, но соответствующих размеров. Какой величины, мэтр?

Шлифовальщик камней еще раз глянул на рисунок.

– Чтобы исполнить такой шлиф и такие фасетки? Минимум тридцать каратов.

– Такого камня, – категорично заявил Гутлаф, – нет во всем Скеллиге.

– Неправда, – возразил ювелир. – Есть.

– Как ты себе это представляешь, Йеннифэр? – насупил брови Крах ан Крайт. – Послать солдат, чтобы они штурмом взяли и ограбили храм? Пригрозить монахиням своим гневом, если они не выдадут бриллиант? Так не пройдет! Не то чтобы я был слишком уж религиозен, но храм есть храм, а жрицы – это жрицы. Я могу лишь вежливо просить. Дать им понять,

насколько это для меня важно и сколь велика будет моя благодарность. Но в любом случае это может быть только просьба.

– В которой можно отказать?

– Именно. Но – попытка не пытка. Чем мы рискуем? Сплываем вдвоем на Хиндарсфьялл, выскажем свою просьбу. Я разъясню жрицам положение вещей, дальше – все в твоих руках. Договаривайся. Аргументируй. Пытайся подкупить. Жми на амбиции. Обращайся к высшим силам. Заламывай руки, плачь, дергайся в конвульсиях, бери их на жалость. Дьяволы морские, да неужто мне тебя учить, Йеннифэр?

– Все это впустую, Крах. Чародейка никогда не договорится со жрицами. Слишком велики различия в наших... мировоззрениях. А уж чтобы позволить чародейке воспользоваться «священной» реликвией или артефактом...

– Зачем тебе, собственно, нужен такой бриллиант?

– Чтобы создать «окно», то есть телекоммуникационный мегаскоп. Мне необходимо связаться с несколькими людьми.

– Магически? На расстоянии?

– Если б достаточно было подняться на вершину Каэр Трольда и орать оттуда, я бы не забивала тебе голову. * * *

Кричали кружащие над водой чайки и глупыши. Пронзительно пищали гнездившиеся на отвесных скалах и рифах Хиндарсфьялла красноклювые устричники, хрипло скрипели и гоготали желтоголовые олуши. Черные чубатые морские бакланы внимательно наблюдали за плывущим баркасом своими отдающими в зелень глазами.

– Вон та нависшая над водой скала, – указал опирающийся о релинг Крах ан Крайт, – это Каэр Хеймдалль, Страж Хеймдалль. Хеймдалль – наш мифологический герой. Легенда гласит, что, когда наступит *Tedd Deireadh*, Час Конца, Час Белого Хлада и Волчьей Пурги, Хеймдалль встанет против злых сил из страны Морхёгг, против демонов и призраков Хаоса. Он встанет на Радужном Мосту и затрубит в рог, подавая знак, что время братья за оружие и строиться в ряды. Для *Rad nar Roog*, Последней Битвы, в которой решится, опустится ли ночь или настанет рассвет.

Баркас ловко проскочил по волне, выплыв на спокойные воды залива между Стражем и другой скалой со столь же фантастическими формами.

– Скала поменьше – Камби, – пояснил ярл. – В наших мифах имя Камби носит волшебный золотой петух, который своим пением предупредит Хеймдалля, что приближается «Нагльфар», драккар ада, везущий воинство Тьмы – демонов и призраков из Морхёгга. «Нагльфар» построен из ногтей трупов. Ты не поверишь, Йеннифэр, но на Скеллиге все еще есть люди, которые, прежде чем предать покойников земле, обстригают им ногти, чтобы не поставлять призракам и упырям Морхёгга строительного материала.

– Поверю. Я знаю силу легенд и мифов.

Фиорд немного заслонил их от ветра, парус захлопал.

– Трубите в рог, – приказал экипажу Крах. – Подходим к берегу, надо упредить благочестивых дамочек, что мы прибываем в гости.

Возведенное на вершине длинной каменной лестницы здание напоминало гигантского ежа – так сильно оно обросло мхом, плющом и кустарником. Йеннифэр заметила, что на его крыше

растут не только кусты, но даже небольшие деревца.

– Вот и храм, – сказал Крах. – Окружающая его рощица называется Гиндар и тоже является местом отправления культа. Отсюда берут священную омелу, а на Скеллиге, как ты знаешь, омелой украшают все, от колыбели и до гроба. Осторожнее, ступени скользкие... Религия, хе-хе, сильно обрастает мхом... Позволь взять тебя под руку... Все те же духи... Йенна...

– Крах, прошу тебя... Пожалуйста. Что было – то быльем поросло...

– Прости. Идем.

Перед храмом ожидали несколько молодых и молчаливых жриц. Ярл вежливо поздоровался и выразил желание поговорить с Верховной Жрицей, которую называл Модрон Сигрдрифа. Вошли в помещение, внутрь здания, освещенного столбами света, падающими из высоко расположенных витражей. Один из таких столбов освещал алтарь.

– Сто морских дьяволов! – буркнул Крах ан Крайт. – Совершенно забыл, какой он огромный, этот Брисингамен. Не бывал тут с детства. За то, что тут есть, можно бы скупить все верфи в Цидарисе. Вместе с рабочими и годовой продукцией.

Ярл преувеличивал. Но не сильно.

Над огромным мраморным алтарем, над изваяниями котов и соколов, над каменной чашей для благодарственных подношений возвышалась статуя Модрон Фрейи, Великой Матери, в привычно материнском воплощении – женщина в свободных одеждах, выдающих нарочито подчеркнутую беременность. Голова опущена, лицо скрыто покрывалом. Над сложенными на груди руками богини сверкал бриллиант, элемент золотого ожерелья. Отдающий в голубизну. Чистейшей воды. Огромный.

На глаз – около ста пятидесяти каратов.

– Его даже не пришлось бы резать, – шепнула Йеннифэр. – У него шлиф в розетку, точно такой, какой нужен. Аккуратные фаски для дифракции света...

– Значит, нам повезло.

– Сомневаюсь. Сейчас явятся жрицы, а я как безбожница буду оскорблена и с позором выдворена отсюда.

– Преувеличиваешь.

– Нисколько.

– Приветствую тебя, ярл, в храме Матери. Приветствую и тебя, уважаемая Йеннифэр из Венгерберга.

Крах ан Крайт поклонился.

– Будь благословенна, почтенная мать Сигрдрифа.

Жрица была высокая, почти с Краха ростом, а значит – на голову выше Йеннифэр. У нее были светлые волосы и глаза, продолговатое, не очень красивое и не очень женственное лицо.

«Где-то я ее уже видела, – подумала Йеннифэр. – Недавно. Где?»

– На лестнице Каэр Трольда, ведущей к порту, – с улыбкой напомнила жрица. – Когда драккары выходили из пролива. Я стояла выше тебя, когда ты оказывала помощь уже

начинавшей рожать беременной женщине, не заботясь о платье из очень дорогого камлота. Я это видела. И уже никогда не поверю байкам о бесчувственных и расчетливых чародейках.

Йеннифэр откашлялась, наклонила голову в поклоне.

– Ты стоишь пред алтарем Матери, Йеннифэр. Да снизойдет на тебя милость ее.

– Почтенная, я... Я хотела смиренно просить...

– Молчи. Ярл, у тебя наверняка достаточно много дел. Оставь нас одних здесь, на Хиндарсфьялле. Мы сумеем понять друг друга. Мы – женщины. Не важно, чем мы занимаемся, не важно – кто мы; мы всегда служим той, которая одновременно и Дева, и Мать, и Старуха. Опустись рядом со мной на колени, Йеннифэр. Склони голову пред Матерью.

– Снять у богини с шеи Брисингамен? – повторила Сигрдрифа, и в ее голосе было больше недоверия, чем праведного гнева. – Нет, Йеннифэр. Это просто невозможно. Дело даже не в том, что я не осмелюсь. Даже если б я отважилась, Брисингамен снять невозможно. У ожерелья нет застежки. Оно намертво сплавлено с изваянием.

Йеннифэр долго молчала, спокойно изучая жрицу.

– Если б я знала, – сказала она наконец холодно, – я сразу же отплыла бы с ярлом на Ард Скеллиг. Нет-нет, я вовсе не считаю потерянным время, проведенное в беседе с тобой. Но у меня его очень мало. Поверь мне, очень. Признаюсь, меня обманули твои доброжелательность и сердечность...

– Я доброжелательна, – спокойно сказала Сигрдрифа. – Твоим планам я тоже сочувствую всем сердцем. Я знала Цири, я любила эту девочку, меня волнует ее судьба. Я восхищаюсь тобой и той решительностью, с которой ты собираешься идти на помощь ребенку. Я выполню любое твоё желание. Но не Брисингамен, Йеннифэр. Не Брисингамен. Об этом не проси.

– Сигрдрифа, чтобы отправиться на помощь Цири, мне необходимо получить некоторые сведения. Кой-какую информацию. Без этого я бессильна. Знания и информацию я могу получить только путем телекоммуникации. Чтобы связываться на расстоянии, мне нужно построить при помощи магии магический артефакт – мегаскоп.

– Устройство вроде вашего знаменитого хрустального шара?

– Гораздо более сложное. Шар обеспечивает телесвязь исключительно с другим, сочетающимся с ним шаром. Даже у местного краснолюдского банка есть такой шар, используемый им для связи с центральным банком. У мегаскопа намного большие возможности... Впрочем, к чему теоретизировать. Без бриллианта все равно ничего не получится. Ну что ж, давай прощаться...

– Не спеши так...

Сигрдрифа встала, прошла через неф, остановилась перед алтарем и изваянием Модрон Фрейи.

– Богиня, – сказала она, – покровительствует также вещуньям, ясновидящим, телепаткам. Это символизируют ее священные животные: кот, который слышит и видит скрытое, и сокол, который видит сверху. Это символизирует драгоценность богини – Брисингамен, ожерелье ясновидения. Зачем строить какие-то видящие и слышащие приборы, Йеннифэр? Не проще ли обратиться за помощью к богине?

В последний момент Йеннифэр удержалась, чтобы не выругаться. Как ни говори, а это было

место культа.

– Подходит время вечерней молитвы, – продолжила Сигрдрифа. – Вместе с другими жрицами я посвящу себя медитации. Буду просить богиню помочь Цири. Той Цири, которая не раз бывала здесь, в храме, не раз глядела на Брисингамен на шее Великой Матери. Пожертвуй еще часом или двумя твоего бесценного времени, Йеннифэр. Останься здесь, с нами, на время молитвы. Поддержи меня, когда я буду молиться. Поддержи мыслью и присутствием.

– Сигрдрифа...

– Я прошу. Сделай это для меня. И для Цири.

Драгоценность Брисингамен. На шее богини.

Йеннифэр сдержала зевоту.

«Хоть какое-нибудь бы пение, – подумала она, – какие-нибудь заклинания, какие-нибудь мистерии... Какой-нибудь мистический фольклор... Было б не так нудно, не так бы клонило в сон. Но они просто стоят на коленях, склонив головы. Неподвижные, молчаливые...

А однако могут, когда хотят, оперировать Силой, и порой – не хуже нас, чародеек. И по-прежнему остается загадкой, как они это делают. Никакой подготовки, никакого обучения, никаких занятий... Только медитация и молитва. Вдохновение? Разновидность самогипноза? Так утверждала Тиссая де Врие... Они черпают энергию бессознательно, в трансе, и в трансе обретают способность ее преобразовывать подобно тому, как делаем мы нашими заклинаниями. Трансформируют энергию, трактуя это как дар и милость божества. Вера дает им силу.

Почему нам, чародейкам, никогда не удавалось ничего подобного?

А что, если попытаться? Воспользоваться атмосферой и аурой этого места? Ведь я могла бы сама погрузить себя в транс... Ну, вот хотя бы глядя на этот бриллиант... Брисингамен... Интенсивно размышляя о том, как изумительно он выполнял бы свою роль в моем мегаскопе...

Брисингамен... Он горит, как утренняя звезда там, во мраке, в дыме кадил и коптящих свечей...»

– Йеннифэр!

Она подняла голову.

В храме было темно. Сильно пахло дымом.

– Я уснула? Прости...

– Прощать нечего. Иди за мной.

Снаружи ночное небо горело мерцающим, меняющимся как в калейдоскопе светом. Полярное сияние? Йеннифэр протерла глаза, пораженная увиденным.

Aurora borealis [41]? В августе?

– Чем ты можешь пожертвовать, Йеннифэр?

– Не поняла.

– Готова ли ты пожертвовать собой? Своей бесценной магией?

– Сигрдрифа, – зло ответила она. – Не испытывай на мне свои вдохновенные штучки. Мне девяносто четыре года. Но прими это как тайну исповеди. Я открываюсь тебе только для того, чтобы ты поняла, что нельзя относиться ко мне, как к ребенку.

– Ты не ответила на мой вопрос.

– И не собираюсь. Ибо это мистицизм, который я не принимаю. Я уснула во время вашего моления. Меня оно утомило. Потому что я не верю в твою богиню.

Сигрдрифа отвернулась, а Йеннифэр помимо воли вздохнула. Очень глубоко.

– Не скажу, что твое неверие мне льстит, – сказала женщина с глазами, заполненными расплавленным золотом. – Но разве твое неверие что-нибудь изменит?

Единственное, что Йеннифэр была в состоянии сделать, это выдохнуть.

– Придет время, – сказала златоглазая женщина, – когда абсолютно никто, включая детей, не будет верить в чародеек. Я говорю тебе это намеренно зло. В виде реванша. Пошли.

– Нет. – Йеннифэр наконец удалось переломить пассивные вдохи и выдохи. – Нет! Никуда я не пойду! Довольно! Это наговор или гипноз. Иллюзия! Транс! У меня выработаны защитные механизмы... Все это я могу развеять одним-единственным заклинанием, вот так! А, дьявол...

Златоглазая подошла ближе. Бриллиант в ее ожерелье горел как утренняя звезда.

– Ваша речь постепенно перестает служить взаимопониманию, – сказала она. – Она превращается в искусство ради искусства, чем менее она понятна, тем считается более глубокой и мудрой. А ведь я призывала вас уже тогда, когда вы только и умели, что «Э-э-э-э» да «Гу-гу». Идем.

– Это иллюзия, транс... Никуда я не пойду!

– Я не собираюсь тебя принуждать. Это было бы позорно. Ведь ты разумная и гордая девушка. С характером.

Равнина. Море трав. Вересковые заросли. Камень, выступающий из вересков, будто спина притаившегося хищника.

– Ты возжелала обладать драгоценностью, Йеннифэр. Я не могу ее тебе дать, предварительно не уверившись кое в чем. Я хочу проверить, что в тебе сокрыто. Поэтому я привела тебя сюда, на то место, которое с незапамятных времен было и осталось местом Силы и Могуущества. Утверждают, что твоя бесценная магия действует всюду. Кажется, стоит протянуть руку. Ты не боишься ее протянуть?

У Йеннифэр пресеклось дыхание. Она молчала, не в состоянии произнести ни единого слова.

– Сила, способная преобразовывать мир, – сказала женщина, которую нельзя было называть по имени, – есть, по-твоему, Хаос, искусство и наука? Проклятие, благословение и прогресс. А случайно, не есть ли она Вера? Любовь? Жертвенность?

Слышишь? Поет петух Камби. Волна бьет о берег. Волна, которую разрезает нос Нагльфара. Поет рог Хеймдалля, стоящего лицом к врагу на радужной дуге Бифроста. Подступает Белый Хлад, надвигаются Вьюга и Пурга... Земля дрожит от содроганий Змея...

Волк пожирает Солнце. Луна чернеет. Есть только холод и тьма. Ненависть, месть и кровь...

На чью сторону ты встанешь, Йеннифэр? Где ты будешь – на восточном или же на западном краю Бифроста? Будешь с Хеймдаллем или против него?

Поет петух Камби.

Решай, Йеннифэр. Выбирай. Ибо только для того вернули тебе некогда жизнь, чтобы ты в нужный момент могла свершить выбор.

Свет или Тьма?

– Добро и Зло, Свет и Тьма, Порядок и Хаос? Все это лишь символы, в действительности такой полярности не существует! Свет и Тьма есть в каждом, немного того, немного другого. Это бессмысленный разговор. Бессмысленный. Я не принимаю мистицизм. Ты и Сигдрифа считаете, что Волк пожирает Солнце. Я же знаю, что это – затмение. И пусть так оно и останется.

Останется? Что?

Она почувствовала, как земля уходит из-под ног, как какая-то чудовищная сила выкручивает ей руки, ломает суставы в плечах и локтях, натягивает позвонки, словно при пытке страппадо. Она крикнула от боли, рванулась, открыла глаза. Нет, это не был сон. Это не мог быть сон. Она висела на дереве, распятая на ветвях огромного ясеня. Высоко над ней кружил сокол, под ней, внизу, во мраке, слышалось шипение змея, шелест трущихся одна о другую чешуек.

Что-то пошевелилось рядом. По ее напряженному, измученному болью плечу пробежала белочка.

– Ты готова? – спросила белочка. – Готова ли ты к самопожертвованию? Чем ты готова пожертвовать?

– У меня нет ничего! – Боль ослепляла и парализовывала. – И даже если б было, я не верю в смысл такого самопожертвования! Я не хочу страдать ни за какие миллионы! Я не хочу страдать вообще! Ни за кого и ни ради кого!

– Страдать не хочет никто. А ведь это – удел каждого. Просто некоторые страдают сильнее. Не обязательно по собственному выбору. Дело не в том, что ты терпишь страдания. Дело в том, как ты их терпишь. * * *

Янка! Яночка!

Забери от меня это горбатое уродище! Я не хочу ее видеть!

Это твоя дочка, точно так же, как и моя.

Да? Мои дети –

нормальные!

Как ты смеешь... Как ты смеешь намекать...

Это в твоей эльфьей родне были чаровницы. Это ты прервала первую беременность. Вот все из-за чего. У тебя порченная эльфья кровь и лоно, женщина. Поэтому ты рождаешь уродов.

Это несчастное дитя... Такова была воля богов! Это твоя дочь, точно так же, как и моя! Что мне было делать? Удушить ее? Не перевязывать пуповину? Что мне делать теперь? Вывезти ее в лес и оставить там? Чего ты, о боги, от меня хочешь?

Папа! Мама!

Вон, чудовище!

Как ты смеешь! Как ты смеешь бить ребенка! Стой! Куда ты? Куда? К ней, да? К ней?

Да, женщина. Я –

мужчина, мне вольно удовлетворять желание, где хочу и когда хочу. Это мое естественное право. А ты мне отвратительна. Ты и плод твоей вырожденной матки. Не жди меня к ужину. Я не приду ночевать.

Мама...

Почему ты плачешь?

Зачем ты бьешь меня и отталкиваешь? Ведь я была послушной.

Мама! Мамочка!

– Способна ли ты прощать?

– Я уже давно простила.

– Насытившись первой мстью?

– Да.

– Ты сожалеешь?

– Нет.

Боль. Чудовищная боль истязаемых рук и пальцев.

– Да, я виновна! Ты это хотела услышать? Признание и раскаяние? Ты хотела увидеть, как Йеннифэр из Венгерберга кается и бьет себя в грудь? Нет, такого удовольствия я тебе не доставлю. Вину признаю и жду кары. Но моего раскаяния ты не дождешься!

Боль доходит до предела.

– Ты перечисляешь мне преданных, обманутых, использованных, ты обвиняешь меня от имени тех, кто умер от моей ли руки, или из-за меня покончивших с собой? То, что когда-то я подняла руку на самое себя? Значит, были основания! И я не жалею ни о чем! Даже если б могла повернуть время вспять... Я не жалею ни о чем.

На ее плечо опустился сокол.

Башня Ласточки. Башня Ласточки. Спешите к Башне Ласточки.

Доченька.

Поет петух Камби.

Цири мчится галопом на вороной кобыле, пепельные волосы разметал ветер. С лица льется и брызжет кровь, яркая, живая... Ворона кобыла взвизгивает птицей, гладко перемахивает над воротами. Цири качается в седле, но не падает...

Цири среди ночи, в каменисто-песчаной пустыне, с поднятой рукой, из руки вырывается светящийся шар... Единорог, разгребая копытом щебень... Много единорогов... Огонь... Огонь...

Геральт на мосту. В битве. В огне. Пламя отражается в острие меча.

Фрингиля Виго, ее зеленые глаза широко раскрыты от удовольствия, ее темная стриженная головка лежит на раскрытой книге, на фронтисписе... Видна часть заглавия: «Заметки о смерти неминуемой»...

В глазах Фрингили отражаются глаза Геральта.

Бездна. Дым. Лестница, ведущая вниз. Лестница, по которой надо пройти. Что-то кончается. Надвигается Tedd Deireadh, Час Конца...

Тьма. Сырость. Пронизывающий холод каменных стен. Холод на запястьях, на щиколотках. Боль, пульсирующая в изуродованных руках, разрывающая разможенные пальцы...

Цири держит ее за руку. Длинный темный коридор, каменные колонны, а может, статуи... Мрак. В нем шепоты, тихие, как шум ветра.

Двери. Бесконечное множество дверей с гигантскими тяжелыми створками беззвучно отворяются перед ними. А на конце, в непроглядной тьме, те, которые не откроются сами. Которых открывать нельзя.

Если боишься, вернись.

Эти двери отворять нельзя. Об этом ты знаешь.

Знаю.

И все-таки ведешь меня туда.

Если боишься – вернись. Еще не поздно. Есть еще время возвратиться.

А ты?

Мне – поздно.

Поет петух Камби.

Пришел Tedd Deireadh.

Aurora borealis.

Рассвет.

– Йеннифэр, проснись.

Она подняла голову. Посмотрела на руки. Обе на месте. Целые.

– Сигрдрифа? Я уснула...

– Идем.

– Куда? – шепнула она. – Куда теперь?

– Я тебя не понимаю. Идем. Ты должна это увидеть. Случилось нечто... Нечто поразительное... Никто из нас не знает, как и чем это объяснить. Но я догадываюсь. Милостью... Снизойшла на тебя милость богини, Йеннифэр.

– О чем ты, Сигрдрифа?

– Взгляни.

Она взглянула. И громко вздохнула.

Брисингамен, священная драгоценность Модрон Фрейи, уже не висел на шее богини. Он лежал у ее ног.

– Я верно понял? – удостоверился Крах ан Крайт. – Ты отправляешься с этим магическим устройством на Хиндарсфьялл? Жрицы отдают тебе священный бриллиант? Позволяют использовать в твоей адской машине?

– Да.

– Ну-ну, Йеннифэр. Уж не обратили ли тебя жрицы в свою веру? Что там произошло, на острове?

– Не важно. Я возвращаюсь в храм, вот и все.

– А финансовая поддержка, о которой ты просила? Понадобится?

– Вероятно, да.

– Сенешаль Гутлаф выполнил все твои поручения. Но, Йеннифэр, потрать деньги побыстрее. Я получил новые сведения. Поспеш.

– Чертовщина! Этого я и опасалась. Они уже знают, где я?

– Пока еще нет. Однако меня предупредили, что ты можешь появиться на Скеллиге, и, если это случится, посоветовали немедленно арестовать. Велено также брать во время экспедиций пленных и выжимать из них информацию или хотя бы обрывки касающихся тебя сведений. О твоём пребывании в Нильфгаарде либо в провинциях. Йеннифэр, поспеш. Если они тебя выследят и доберутся сюда, на Скеллиге, я окажусь в несколько щекотливом положении.

– Сделаю все, что в моих силах. Постараюсь тебя не скомпрометировать. Не бойся.

Крах оскалился.

– Я сказал: «в несколько». Я не боюсь. Ни королей, ни чародеев. Они ничего не могут мне сделать, ибо я им нужен. А оказывать тебе помощь я обязан в силу ленной присяги. Да, да, ты верно поняла. Формально я остаюсь вассалом короны Цинтры. А Цирилла имеет формальные права на эту корону. Представляя Цириллу в качестве ее единственного опекуна, ты имеешь формальное право приказывать мне, требуя послушания и сервитутов.

– Казуистические софизмы.

– Конечно, – фыркнул он. – Я сам заявлю об этом во весь голос, если, несмотря ни на что, окажется, что Эмгыр вар Эмрейс принудил девушку к замужеству. А также в том случае, если с помощью каких-либо юридических выкрутасов и крючкотворства Цири лишили права на престол и возвели на него кого-нибудь другого, например, балбеса Виссегерда. Тогда я незамедлительно отрекусь от послушания и ленной присяги.

– А если, – прищурилась Йеннифэр, – несмотря ни на что, окажется, что Цири... мертва?

– Она жива, – твердо заявил Крах. – Я знаю это наверняка.

– Откуда бы?

– Ты не захочешь поверить.

– А ты попробуй.

– Королевская кровь Цинтры, – начал Крах, – удивительнейшим образом связана с морем. Когда умирает кто-либо из женщин этой крови, море начинает безумствовать. Тогда люди говорят, что Ард Скеллиг оплакивает дочерей Рианнон. Потому что в этих случаях шторм бывает таким зловещим, что бьющие с запада волны продираются сквозь расщелины и пещеры на восточную сторону острова и из скал неожиданно вырываются соленые потоки. А весь остров дрожит. Простой народ говорит: это рыдает Ард Скеллиг. Опять кто-то умер. Умерла кровь Рианнон. Старшая Кровь.

Йеннифэр молчала.

– И это не сказки, – продолжал Крах. – Я видел сам, собственными глазами. Трижды. После смерти Адалии Ворожейки, после смерти Калантэ... И после смерти Паветты, матери Цири.

– Паветта, – заметила Йеннифэр, – погибла именно из-за шторма, так что трудно говорить о...

– Паветта, – прервал Крах, по-прежнему задумчиво, – не погибла из-за шторма. Шторм разыгрался после ее смерти, море, как всегда, отреагировало на гибель представительницы цинтрийской королевской крови. Я достаточно долго изучал это явление. И уверен в своем.

– Интересно б знать, в чем именно?

– Корабль, на котором плыли Паветта и Дани, пропал на знаменитой Седниной Бездне. Это был не первый корабль, исчезнувший там. Ты наверняка знаешь.

– Сказки. Корабли терпят крушения, дело вполне естественное...

– На Скеллиге, – резко прервал Крах, – мы достаточно много знаем о кораблях и мореходстве, чтобы уметь отличить естественные катастрофы от противоестественных. На Седниной Бездне корабли погибают неестественно. И не случайно. То же относится и к кораблю, на котором плыли Паветта и Дани.

– Не стану спорить, – вздохнула чародейка. – Да и какое это имеет значение? Спустя без малого пятнадцать-то лет?

– Для меня имеет, – стиснул зубы ярл. – Я объясню. Все упирается во время. Но я докопаюсь... Я найду объяснение. Найду объяснение всем этим загадкам. И той, во время цинтрийской бойни...

– Что еще за очередная загадка?

– Когда нильфгаардцы ворвались в Цинтру, – проворчал он, глядя в окно, – Калантэ приказала тайно вывезти Цири из города. Дело в том, что город уже горел. Черные были повсюду, шансы выбраться из окружения были минимальными. Королеву отговаривали от рискованного мероприятия. Советовали Цири формально сдаться гетману Нильфгаарда и тем самым спасти жизнь себе и самостоятельность Цинтре. А на пылающих улицах она неизбежно и бессмысленно погибла бы от рук солдатни. Но Львица... Знаешь ли ты, что, по словам очевидцев, она ответила?

– Нет.

– «Уж лучше пусть кровь девочки прольется на брусчатку Цинтры, чем подвергнется осквернению». Осквернению чем?

– Супружеством с императором Эмгыром. Мерзким и скверным нильфгаардцем, ярл. Уже поздно. Завтра на заре я начинаю... Я буду держать тебя в курсе...

– Надеюсь. Спокойной ночи, Йенна...

Хм-м...

– Что еще, Крах?

– А у тебя нет, хм-м-м, желания...

– Нет, ярл. Что было, то было да быльем поросло. Спокойной ночи.

– Это ж надо! – Крах ан Крайт поглядел на гостью, наклонив голову. – Трисс Меригольд собственной персоной. Ах, какое прелестное платье. А шубка... Шиншилла, не так ли? Я б спросил, что привело тебя на Скеллиге... Если б не знал что. Но знаю.

– Ну и прелестно. – Трисс обольстительно улыбнулась, поправила изумительные каштановые волосы. – Как славно, что знаешь, ярл. Это избавит нас от вступлений и предварительных выяснений и позволит сразу же перейти к делам.

– К каким делам? – Крах скрестил руки на груди и окинул чародейку холодным взглядом. – Что именно нам надо было бы предварять вступлениями, на какие пояснения ты рассчитываешь? Кого ты представляешь, Трисс? По чьему поручению прибыла? Король Фольтест, которому ты служила верой и правдой, отблагодарил тебя за службу изгнанием. Хоть ты ни в чем не провинилась. Тебя выгнали из Темерии. Я слышал – тебя взяла под крыло Филиппа Эйльхарт, в данное время фактически правящая в Редании на пару с Дийкстрой. Похоже, ты отрабатываешь право на убежище со всяческим старанием. Не колеблешься даже взять на себя роль тайного агента, чтобы следить за своей бывшей подругой.

– Ошибаешься, ярл.

– Смиренно извиняюсь. Если ошибся. А я ошибся?

Они долго молчали, недоверчиво разглядывая друг друга. Наконец Трисс махнула рукой, выругалась, топнула каблучком.

– А, к чертям собачьим! Хватит водить друг друга за нос! Какое теперь имеет значение, кто кому служит, кто за кого держится, кто кому верит и почему? Йеннифэр мертва. По-прежнему неизвестно, где и в чьей власти находится Цири... Какой смысл играть в прятки? Я приплыла сюда не как шпион, Крах. Я прибыла по собственной воле как частное лицо. Гонимая заботой о Цири.

– Все только и знают, что заботятся о Цири. Везет девочке.

У Трисс заблестели глаза.

– Я б не стала смеяться. На твоем месте – особенно.

– Прости.

Они помолчали, глядя в окно на красный шар солнца, заходящего за лесистые вершины Спикерооги.

– Трисс Меригольд...

– Слушаю тебя, ярл.

– Приглашаю отужинать. Да, повар велел спросить, все ли чародейки брезгуют хорошо приготовленными дарами моря? * * *

Трисс не брезговала дарами моря. Совсем наоборот – съела их в два раза больше, чем собиралась, и теперь серьезно опасалась за талию – за те двадцать два дюйма, которыми так гордилась. Решила вспомоществовать пищеварительному процессу белым вином, знаменитым эст-эст из Туссента. Как и Крах, она пила его из рога.

– Значит, так, – заговорила она, осушив рог. – Йеннифэр явилась сюда девятнадцатого августа, эффектно сверзившись с неба в рыбацкие сети. Ты как верный ленник Цинтры предоставил ей убежище. Помог построить мегаскоп... С кем и о чем она разговаривала, ты, разумеется, не знаешь.

– Не знаю, – хитро усмехнулся Крах. – Ну, разумеется, не знаю. Откуда мне, бедному и простому моряку, что-то знать о действиях могущественных чародеек?

Сигдрифа, жрица Модрон Фрейи, низко опустила голову, словно вопрос Краха ан Крайта придавил ее тысячефунтовым грузом.

– Она мне доверилась, ярл, – еле слышно прошептала жрица. – Нет, не требовала, чтобы я поклялась молчать, ей просто нужно было сохранить все в тайне. Я, поверь, не знаю...

– Модрон Сигдрифа, – серьезно прервал Крах ан Крайт. – То, о чем я тебя прошу, – не доносительство. Как и ты, я симпатизирую Йеннифэр, как и ты, я хочу, чтобы она отыскала и защитила Цири. Больше того, я дал клятву блоэдгеас, клятву крови! Так что по отношению к Йеннифэр мною руководит забота о ней. Это невероятно гордая женщина. Даже идя на очень большой риск, она не унижится до просьб. Поэтому я не исключаю, что придется прийти ей на помощь непрощеными. Но для этого мне нужна информация.

Сигдрифа откашлялась, и хоть лицо у нее было словно вырезанное из камня, голос, когда она заговорила, слегка дрожал.

– Она построила свою машину... Вообще-то никакая это не машина, там нет ни одного механизма, ни одной подвижной части, просто два зеркала, черная бархатная занавеска, ящик, две линзы, четыре светильника, ну и, конечно, Брисингамен... Когда она произносит заклинание, свет от двух светильников падает...

– Оставим в стороне детали. С кем она связывалась?

– С несколькими людьми. С чародеями... Ярл, я не уловила всего, но то, что слышала... Среди них были люди действительно мерзостные. Никто не хотел помогать бескорыстно... Требовал денег... Все требовали денег...

– Знаю, – проворчал Крах. – Банк сообщил мне об отправленных переводах. В солидную, ох, солидную суммочку обходится мне моя клятва! Но деньги – дело наживное. То, что я потерял на Йеннифэр и Цири, возьму с нильфгаардских провинций. Но продолжай, мать Сигдрифа.

– Некоторых, – жрица опустила голову, – она откровенно шантажировала. Давала им понять, что обладает компрометирующими сведениями и в случае отказа сотрудничать откроет их всему миру... Ярл... Это мудрая и вообще-то добрая женщина... Но моральных принципов у нее нет и в помине... Она беспощадна. И жестока.

– Это-то как раз я прекрасно знаю. А вот подробности шантажа знать не хочу, да и тебе советую поскорее забыть. Слишком опасные знания. С таким огнем посторонним играть не следует.

– Знаю, ярл. Я обязана быть послушной тебе... И верю, что твои цели оправдывают средства.

Никто другой не узнает от меня ничего. Ни друзья за дружеской беседой, ни враги на пытках.

– Хорошо, Модрон Сигрдрифа. Очень хорошо... Чего касались вопросы Йеннифэр, помнишь?

– Не всегда и не все я понимала, ярл. Они пользовались жаргоном, который трудно уразуметь... Часто речь шла о каком-то Вильгефорце...

– А как же иначе-то! – Крах громко скрежетнул зубами. Жрица испуганно взглянула на него.

– Много говорилось также об эльфах и Ведунах, – продолжала она. – И о магических порталах. Шла речь даже о Бездне Седны... Однако, как мне кажется, в основном о башнях.

– Башнях?

– Да. О двух. Башне Чайки и Башне Ласточки.

– Так я и думала, – сказала Трисс. – Йеннифэр начала с того, что раздобыла секретный доклад комиссии Радклиффа, изучавшей события на Танедде. Не знаю, какие сведения об этой афере дошли сюда, на Скеллиге... Ты слышал о телепорте Башни Чайки? И о комиссии Радклиффа?

Крах ан Крайт подозрительно глянул на чародейку.

– К нам, на острова, – поморщился он, – не доходят ни политика, ни культура. Мы таки здорово поотстали.

– Комиссия Радклиффа, – Трисс решила, что лучше не обращать внимания ни на его тон, ни на его мину, – особенно детально изучала ведущие с Танедда телепортные следы. Расположенный на острове портал, Тор Лара, пока существовал, сводил на нет любые попытки телепортационной магии на значительном расстоянии от себя. Но, как ты, несомненно, знаешь, Башня Чайки взорвалась и развалилась, разблокировав тем самым телепортацию. Большинство участников событий на Танедде выбрались с острова при помощи открывшихся порталов.

– Верно, – улыбнулся ярл. – К примеру, ты, Трисс, полетела прямиком в Брокилон. С ведьмаком на загривке.

– Ну вот, извольте, – взглянула ему в глаза Трисс. – Политика не доходит, культура не доходит, а сплетни, видите ли, доходят. Но временно оставим это в покое, вернемся к комиссии Радклиффа. Комиссия намеревалась установить точно, кто и куда телепортировался с Танедда. Использовали так называемые синопсы, чары, способные восстановить картину прошлых событий и сопоставить обнаруженные телепортационные следы с их направлениями. И в результате привязать к конкретным особам, открывшим порталы. Это удалось практически во всех случаях. Кроме одного. Один телепортал не вел никуда. Точнее – в море. На Бездну Седны.

– Кто-то, – с ходу догадался ярл, – телепортировался на ожидавший в условленном месте корабль. Интересно только, зачем так далеко? И в место с такой дурной славой? Но когда топор висит над головой...

– Именно. Комиссия тоже так рассудила. И сделала вывод: сам Вильгефорц, схватив Цири и не имея иного выхода, воспользовался резервным путем – вместе с девушкой телепортировался на Бездну Седны, где его ожидал нильфгаардский корабль. По мнению комиссии, так можно объяснить тот факт, что Цири была представлена императорскому двору в Лок Крими уже десятого июля, то есть всего лишь через десять дней после событий на Танедде.

– Ну да, – прищурился ярл. – Это многое объясняет. Разумеется, при условии, что комиссия не ошиблась.

– Конечно. – Чародейка выдержала взгляд и даже позволила себе насмешливо улыбнуться. – В Лок Кримере, надо понимать, мог с таким же успехом быть представлен двойник, а не истинная Цири. И это тоже может многое объяснить. Однако не объясняет еще одного факта, установленного комиссией Радклиффа. Факта столь удивительного, что в первом варианте доклада его упустили как слишком уж неправдоподобный. Однако во втором, строго секретном варианте доклада этот факт привели. В качестве гипотезы.

– Я уже давно сгораю от нетерпения, Трисс.

– Гипотеза комиссии такова: телепорт Башни Чайки сработал, через него кто-то прошел, причем энергия прохода была столь велика, что после этого телепорт взорвался и развалился.

– Йеннифэр, – помолчав, добавила Трисс, – стало известно то, что комиссия Радклиффа вначале скрывает, а затем упоминает в секретном докладе. Имеется возможность... Тень возможности... Что Цири удалось безопасно пройти порталом Тор Лара. Что она сбежала от Нильфгаарда и Вильгефорца...

– Тогда где же она находится?

– Я б тоже хотела знать. * * *

Было чертовски темно, скрывающийся за тучами месяц вообще не давал света. Однако по сравнению с предыдущей ночью была исключительно безветренна и благодаря этому не так холодна. Лодчонка лишь слабо покачивалась на водной ряби. Пахло болотом. Прелыми листьями. И угорьей слизью.

Где-то у берега бобр шлепнул хвостом по воде, да так, что оба они подскочили. Цири была уверена, что Высогота задремал, а бобр его разбудил.

– Продолжай, – сказала она, утирая нос чистой, еще не покрывшейся слизью частью рукава. – Не спи. Когда ты засыпаешь, у меня глаза тоже начинают слипаться, того и гляди течение снесет нас и проснемся мы в открытом море! Рассказывай дальше, что там с порталами этими?

– Сбегая с Танедда, – начал старик, – ты прошла через портал Башни Чайки, Тор Лара. А Джеоффри Монк, автор труда «Магия Старшего Народа», представляющего собой opus magnum[42] знаний об эльфьих телепортах, пишет, что портал Тор Лара ведет к Башне Ласточки...

– Телепорт из Танедда действовал искаженно, – прервала Цири. – Может, раньше, прежде чем испортиться, он и вел к какой-то ласточке. Но теперь ведет в пустыню. Это называется «хаотический портал». Я учила.

– Представь себе, я тоже, – хмыкнул старик. – Много из того, что изучал, помню. Именно поэтому меня так поразила твой рассказ... Некоторые его фрагменты. Именно те, которые касаются телепортации...

– Ты можешь говорить яснее?

– Могу, Цири. Могу. Но сейчас уже самая пора вытаскивать вентерь. Он наверняка полон угрей. Готова?

– Готова. – Цири поплевала на руки и ухватилась за багор. Высогота уцепился за уходящую в

воду веревку.

– Тянем. Раз, два, три! И в лодку! Лови их, Цири, лови! В корзину, иначе сбегут! * * *

Уже вторую ночь они выплывали на долбленке на болотистый разлив реки, ставили вентера и верши на угрей, которые массой тянулись к морю. Возвращались в хату далеко за полночь, учуханные слизью с головы до ног, мокрые и умученные как дьяволы.

Но сразу же спать не укладывались. Улов, предназначенный для бартера, надо было поместить в корзины и как следует прикрыть – отыщи угорь малейшую щелочку, и утром в корзине не останется ни одного. После работы Высогота сдирал кожу с двух либо трех самых толстых угрей, резал их на кружочки, обваливал в муке и жарил на огромной сковороде. Потом они ели и разговаривали.

– Понимаешь, Цири, мне все время не дает покоя одна штука. Я не могу забыть, как сразу после твоего выздоровления мы не могли никак сговориться относительно дат, при этом рана на твоей щеке была точнейшим из возможных календарей. Этой ране не могло быть больше десяти часов, а ты упорно твердила, что тебя ранили четыре дня назад. Хотя я и был уверен, что это обычная ошибка, но думать об этом не переставал, все время спрашивал себя – куда подевались потерянные четыре дня?

– Ну и что? Куда они, по-твоему, завалились?

– Не знаю.

– Изумительно!

Кот проделал рекордный прыжок в длину, схваченная когтями мышь тоненько пискнула. Котяра неспешно перегрыз ей шею, выпотрошил и принялся с аппетитом ужинать. Цири безразлично смотрела на него.

– Телепорт Башни Чайки, – снова затянул Высогота, – ведет к Башне Ласточки. А Башня Ласточки...

Кот dokonчил мышь. Хвост оставил на десерт.

– Телепорт Tor Lara, – сказала Цири, зевая во весь рот, – нарушен и ведет в пустыню. Я тебе уже говорила сто раз.

– Не о том речь, а о том, что существует связь между двумя этими телепортами. Портал Tor Lara был искажен, согласен. Но существует еще телепортал Tor Zireael. Если б ты добралась до Башни Ласточки, то могла бы телепортироваться обратно на остров Танедд. Оказалась бы далеко от грозящей тебе опасности, вне досягаемости твоих врагов.

– Ха! Это б меня устроило. Однако есть один пустячок: я не знаю, где находится Башня Ласточки.

– Против этого мы, пожалуй, найдем средство. Знаешь, Цири, что дает человеку университетское образование?

– Нет. Что?

– Умение пользоваться источниками.

– Я знал, – гордо заявил Высогота, – что найду. Я искал, искал и... А, черт побери...

Кипа тяжелых книг вырвалась у него из рук, инкунабулы рухнули на глинобитный пол,

листы вылетели из истлевших корочек и рассыпались в беспорядке.

– Что ты нашел? – Цири приткнулась рядом, помогая ему собрать разлетевшиеся страницы.

– Башню Ласточки! – Отшельник отогнал кота, который нахально уселся на одной из страниц.

– Tor Zireael. Помоги мне.

– Господи, все заросло пылью! Аж липнет! Высогота! Что это? Здесь, на картинке? Человек, висящий на дереве?

– Это? – Высогота присмотрелся к выскользнувшей странице. – Сцена из легенды о Хеймдалле. Герой Хеймдалль девять дней и девять ночей провисел на Мировом Ясене, чтобы через боль и самопожертвование обрести знание и силу.

– Мне, – потерла лоб Цири, – несколько раз снилось нечто подобное. Человек, висящий на дереве...

– Гравюра вылетела из той вон книги. Если хочешь, можешь посмотреть. Однако сейчас важнее... О, вот оно, нашел. «Странствования по тропам и магическим местам» Буйвида Бэкуйзена, книга, которую многие считают апокрифом...

– То есть ерундистикой?

– Более или менее. Но были и такие, что книгу оценили... Вот послушай... Дьявол, как тут темно...

– Света вполне достаточно, это ты от старости слепнешь, – сказала Цири со свойственной молодости беспощадной жестокостью. – Дай я сама почитаю. Откуда?

– Отсюда. – Он указал костлявым пальцем. – Читай вслух.

– Станным языком писал твой Буйвид. Если не ошибаюсь, Ассенгард был вроде бы какой-то замок. А что за страна Стоозерье? Никогда о такой не слышала. И что такое трифолиум?

– Клевер. А об Ассенгарде и Стоозерье я тебе расскажу после, когда кончишь читать.

«Живенько же, едва эльф Аваллак'х оные слова произнес, выбегли из-под вод озерных пташулечки малые и чернявые, кои на дне пучины цельную зиму от хлада хоронились. Ибо ласточка, как то ученым людям ведомо, по обычаю иных птицев во теплые краины не летит и по весне не возвращивается, но, коготками в зело большие клубки со другими сцепившись, на дно вод западает и токмо по весне из-под вод

de profundis [43] вылетает. Однако ж птах сей не токмо весны и надежды символом является, но и чистоты идеальной образчиком, поелику на землю никогда не опускается и с земною грязью и мерзостью столкновенности никоей не имеет.

Возвернемся, однако ж, к озеру нашему: кружащие пташки, я бы сказал, крылышками своими распрошили туман, ибо

tandem [44] нежданно возникнула из мглы башенка прерасчудесная, чернокнижнецкая, мы же единым изумления гласом выдохнули, ибо была та башенка как бы из опаров соткана, на туман, яко на

fundamentum [45], опирающаяся, а при вершине блеском зари увенчана, чернокнижнецкой

aurore borealis. Истинно могущественным магическим кунштом[46] могла быть она башенка воздвигнута, свыше разумения человеческого.

Оборотил внимание на наше восхищение эльф Аваллак'х и говорил такие слова: «Вот Tor Zireael, Башня Ласточки. Вот Врата Миров и Врата Времен. Натешь, человеке, очи свои видом сим, ибо не каждому и не всегда бывает он дан!»

Будучи вопрошаем, можно ли приблизиться и из близи на оную Башню взглянуть, либо

grorgia manu [47] коснуться, рассмеялся Аваллак'х. «Tor Zireael, – сказал он, – это для вас видение сонное, а коснуться видения никакой возможности нет. И сие есть благо, – добавил он, – ибо Башня лишь Ведунам служит и немногим Избранным, для коих Врата Времен есть врата надежды и возрождения. А для непосвященных это врата кошмара».

Едва он сии слова произнес, опустились вновь туманы и лепоты оной оглядеть нашим очам не дозволили...»

– Страна Стоозерье, – пояснил Высогота, – теперь называется Миль Трахта. Это довольно обширный, перерезанный рекой Йеленой озерный край в южной части Метинны, близ границы с Назаиром и Мак Тургой. Буйвид Бэкуйзен пишет, что они шли к озеру с юга, со стороны Ассенгарда... Сегодня уже Ассенгарда нет, остались одни развалины, самый ближний город – Нойнройт. Буйвид насчитал от Ассенгарда шестьсот стae. Разные стae были в употреблении, но в данном случае примем самый популярный счет, в соответствии с которым шестьсот стae дают около пятидесяти миль. Счет шел на юг от Ассенгарда, который от нас, то есть от Переплюта, удален примерно на триста пятьдесят миль. Иначе говоря, от нас до Башни Ласточки около трехсот миль. На твоей Кэльпи это что-то порядка двух недель пути, разумеется, весной. Не сейчас, когда через день-другой могут ударить морозы.

– От Ассенгарда, о котором я читала, – буркнула Цири, задумчиво морща нос, – от тех времен остались руины. А я собственными глазами видела эльфий город Шаэрраведд в Каэдвене, я там была. Поручусь, что от вашей Башни Ласточки тоже остались одни камни, причем только те, что покрупнее, потому как маленькие наверняка растащили. А если вдобавок там был портал...

– Tor Zireael была башней магической. Не всем дано было ее видеть. А телепорты вообще всегда невидимы.

– Верно, – согласилась она и задумалась. – Тот, что на Танедде, виден не был. Он неожиданно открылся на голой стене... Впрочем, случилось это точно как по заказу, потому что чаровник, который за мной гнался, уже был близко... Я его уже слышала. И тут-то появился портал.

– Уверен, – тихо сказал Высогота, – что, если ты попадешь к Tor Zireael, тамошний телепорт тоже тебе откроется. Даже в руинах, среди голых камней. Убежден, что тебе удалось бы его активировать. А он, несомненно, послушался бы твоего приказа. Потому что, я думаю, Цири, ты – Избранная.

– Твои волосы, Трисс, как огонь при пламени свечей. Твои глаза – как ляпис-лазурь. Губы твои – как кораллы...

– Прекрати, Крах. Ты что, упился? Налей мне еще вина. И рассказывай.

– Это о чем же?

– Не прикидывайся дурнем. О том, как Йеннифэр решила плыть на Бездну Седны.

– Как идут дела, Йеннифэр? Расскажи.

– Нет, сначала ты ответь мне: кто такие те две женщины, которых я постоянно встречаю, когда иду к тебе? И которые смотрят на меня так, как обычно смотрят на наваленное на ковре

кошачье дерьмо? Кто они такие?

– Тебя интересует формально-юридический или фактический аспект?

– Второй.

– В таком случае – это мои жены.

– Понимаю. Тогда при случае разъясни им, что то, что было между нами, былшем поросло. И к тому же давно.

– Уже пояснял. Но бабы есть бабы. Давай не будем об этом. Рассказывай, Йеннифэр. Меня интересует, как идет твоя работа.

– Увы. – Чародейка закусила губу. – Еле-еле. А время бежит.

– Бежит, – кивнул ярл. – И постоянно приносит новые неожиданности. Я получил известия с континента, они должны тебя заинтересовать. Источник – в корпусе Виссегерда. Надеюсь, ты знаешь, кто такой Виссегерд?

– Генерал из Цинтры?

– Маршал. Командует корпусом цинтрийских эмигрантов и волонтеров, входящим в состав темерской армии. Там служит довольно много добровольцев с Островов, поэтому сведения я получаю из первых рук.

– И что же ты получил?

– Ты попала к нам, на Скеллиге, девятнадцатого августа, через два дня после полнолуния. В тот же день, девятнадцатого, значит, корпус Виссегерда во время боя у Ины захватил группу беженцев, среди которых оказались Геральт и его знакомый трубадур.

– Лютик?

– Именно. Виссегерд обвинил обоих в шпионаже, арестовал и, кажется, намеревался казнить, но они сбежали и навели на Виссегерда нильфгаардцев, с которыми якобы были в сговоре.

– Брехня.

– По-моему, тоже. Но что-то мнится мне, что ведьмак, вопреки тому, что об этом думаешь ты, реализует какой-то хитрый план. Чтобы спасти Цири, он вкручивается в милость к Нильфгаарду...

– Цири нет в Нильфгаарде. А Геральт не реализует никакого плана. Планирование – не самая сильная сторона его натуры. Кончим с этим. Важно, что у нас сегодня двадцать шестое августа, а я по-прежнему знаю слишком мало. Слишком мало, чтобы начать действовать... Разве что...

Она умолкла, уставившись в окно и поигрывая пришпиленной к черной бархотке обсидиановой звездой.

– Что «разве»? – не выдержал Крах ан Крайт.

– Вместо того чтобы посмеиваться над Геральтом, использовать его методы.

– Не понимаю.

– Похоже, готовность к самопожертвованию может принести проценты, дать хорошие

результаты... Хотя бы в виде благосклонности богини, которая любит и ценит жертвующих собою и страдающих во имя правого дела.

– Все еще не понимаю, – нахмурился ярл. – Но то, что ты говоришь, мне не нравится.

– Знаю. Мне тоже. Однако я и без того зашла слишком далеко... Волк мог услышать блеяние козленка...

– Этого я и опасалась, – шепнула Трисс. – Именно этого...

– Следовательно, я тогда верно понял. – Желваки на скулах Краха ан Крайта заходили сильнее. – Йеннифэр знала, что либо кто-то подслушивает разговоры, которые она вела при помощи своей изумительной машины, либо же кто-то из собеседников подло предал ее...

– Либо и то и другое.

– Она знала, – скрежетнул зубами Крах. – И продолжала делать свое. Потому что это должно было сыграть роль приманки? Она сама должна была стать приманкой? Чтобы спровоцировать врагов? Она прикидывалась, будто знает больше, чем знала в действительности. И поплыла на Седнину Бездну...

– Бросив вызов. Провоцируя. Она страшно рисковала, Крах.

– Знаю. Она не хотела подвергать риску никого из нас. Кроме добровольцев. Поэтому просила дать ей два драккара.

– Ты просила два драккара. Они готовы. «Алкиона» и «Тамара». Разумеется, с экипажами. «Алкионой» будет командовать Гутлаф, сын Свена, он просил оказать ему такую честь, ты пришлась ему по душе, Йеннифэр. «Тамарой» командует Аса Тъязи, капитан, которому я доверяю абсолютно. Да, чуть не забыл. В экипаже «Тамары» будет мой сын, Яльмар Кривоустый.

– Твой сын? Сколько же ему лет?

– Девятнадцать!

– Рановато ты начинал!

– Чья бы корова мычала, а твоя б... Яльмар просил включить его в команду из личных соображений. Я не мог отказать.

– Личных?

– Ты что, действительно не знаешь этой истории?

– Нет. Расскажи.

Крах ан Крайт опрокинул рог, улыбнулся своим воспоминаниям.

– Ребятишки с Ард Скеллиг, – начал он, – любят зимой кататься на коньках, дожидаться не могут морозов. Первыми вылезают на лед, едва скует озеро, на такой тонкий лед, что взрослых не удержит. Конечно, самая лучшая игра – гонки. Разогнаться и... вперед, что есть сил, от одного берега озера до другого. А мальчишки обожали соревноваться в так называемом «прыжке лосося». Надо на коньках перескакивать через прибрежные камни, торчащие изо льда на манер акульих зубов. То есть прыгать, как лосось, когда он перелетает через пороги водопадов. Выбираешь соответственно длинный ряд таких камней, разгоняешься... Ха, я и сам прыгал так, еще сопляком...

Крах ан Крайт задумался, чуть улыбнулся.

– Конечно, такие состязания выигрывал, а потом распускал павлином хвост тот, кто перепрыгивал через самый длинный ряд камней. В свое время, Йеннифер, такая честь частенько доставалась твоему покорному слуге и теперешнему собеседнику, хе-хе. В те времена, которые нас больше интересуют, чемпионом бывал мой сын, Яльмар. Он перепрыгивал через такие камни, через которые ни один из мальчишек прыгать не решался. И ходил, задрав нос, призывая всех попробовать его, как он любил говорить, «перепрыгнуть». И его вызов приняли. Цири, дочка Паве́тты из Цинтры. Даже не островитянка, хоть и считала себя таковой, поскольку проводила здесь больше времени, чем в Цинтре.

– Даже после несчастного случая с Паве́ттой? Я думала, Калантэ запретила ей бывать здесь.

– И ты знаешь об этом? – быстро глянул он на нее. – Ну да, ты многое знаешь, Йеннифер. Много. Гнева и запретов Калантэ хватило на полгода, потом Цири снова начала проводить здесь лета и зимы... На коньках носилась как черт, но чтобы прыгать «лососем» на соревновании с мальчишками? И вызвать Яльмара? Это в голове не укладывалось!

– Ясно. Прыгнула, – догадалась чародейка.

– Прыгнула. Этот маленький цинтрийский полудьяволенок прыгнул. Истинный Львенок Львиной крови. А Яльмар, чтобы не вызвать насмешек, вынужден был рискнуть, прыгнув через еще более длинный ряд камней. И он рискнул. Сломал ногу, руку, четыре ребра и разорвал лицо. До конца жизни у него останется шрам. Яльмар Кривоустый! И его знаменитая невеста! Хе-хе!

– Невеста?

– А ты об этом не знала? Столько всего знаешь, а этого – нет? Она приходила к нему, когда после «великолепного» прыжка он лежал и лечился. Читала ему, рассказывала сказки, держала за ручку... А стоило кому-нибудь войти в комнату, оба краснели как два мака. Ну и наконец Яльмар известил меня, что они обручились. Меня чуть удар не хватил. Я тебе, сопляку, отвечаю, покажу обручение, ага, плетью из сыромятной кожи. Но, честное слово, я немного испугался, поверь, потому что понимал, что у Львенка горячая кровь, что ей все трын-трава, потому как она бесстрашная, чтобы не сказать – психованная... К счастью, Яльмар весь был в лубках и перевязках, так что глупостей они наделать не успели, да и не могли...

– Сколько же им тогда было лет?

– Ему пятнадцать, ей – неполных двенадцать.

– Пожалуй, ты малость переусердствовал со своими опасениями.

– Разве что самую малость. Именно. Но Калантэ, которой я вынужден был обо всем рассказать, не отмахнулась от проблемы. Я знаю, что у нее были матримониальные планы касательно Цири, кажется, имелся в виду Танкред Тиссен из Ковира, а может, реданский Радовид, точно не знаю. Но слухи могли нарушить проекты марьяжа, даже слухи о невинных поцелуйчиках или полуневинных ласках. Калантэ незамедлительно забрала Цири в Цинтру. Девочка скандалила, кричала, захлебывалась соплями, но все впустую. С Львицей из Цинтры не спорят. Яльмар потом два дня лежал отвернувшись лицом к стене и не произносил ни слова. А как только выздоровел, вознамерился украсть скиф и в одиночку плыть в Цинтру. Получил ремнем и успокоился. А потом...

Крах ан Крайт замолчал. Задумался.

– Потом наступило лето, затем осень, и уже вся нильфгаардская рать пёрла на Цинтру с южной стороны, через Марнадальские ступени. А Яльмар нашел другую оказию стать мужчиной. В Марнадале, под Цинтрой, под Содденом он мужественно кидался на Черных. Потом тоже, когда драккары ходили к нильфгаардским берегам, Яльмар с мечом в руках мстил за якобы невесту, о которой тогда ходили слухи, будто она погибла. Я не верил, потому что не было феноменов, о которых я тебе рассказывал... Ну а теперь, когда Яльмар узнал о возможной спасательной экспедиции, он вызвался добровольцем.

– Спасибо за рассказ, Крах. Я передохнула, слушая тебя. И забыла о... заботах.

– Когда отправляешься, Йеннифэр?

– В ближайшие дни. Возможно, завтра. Осталась еще одна последняя телесвязь.

Глаза Краха ан Крайта были словно глаза ястреба. Свербили глубоко, до самого дна.

– А ты, случаем, не знаешь, Трисс Меригольд, с кем беседовала Йеннифэр в последний раз, перед тем как размонтировать дьявольскую машину? В ночь с двадцать седьмого на двадцать восьмое августа? С кем? И о чем?

Трисс прикрыла глаза ресницами.

Преломленный бриллиантом луч света оживил розблеском поверхность зеркала. Йеннифэр протянула обе руки, произнесла заклинание. Ослепительная вспышка превратилась в клубящийся туман, туман стал быстро сгущаться. Появилось изображение комнаты с затянутыми яркими тканями стенами.

Движение в окне. И беспокойный голос:

– Кто? Кто там?

– Трисс, это я.

– Йеннифэр? Ты? О боги! Откуда... Где ты?

– Не имеет значения, не блокируй, изображение неустойчивое. И убери светильник, он слепит.

– Готово. Конечно.

Хотя пора была поздняя, Трисс Меригольд была не в неглиже, но и не в рабочем костюме. На ней было выходное платье. Как обычно, застегнутое до самого верха.

– Мы можем разговаривать свободно?

– Конечно.

– Ты одна?

– Да.

– Лжешь.

– Йеннифэр...

– Меня не обманешь, девчонка. Я знаю твою улыбочку, насмотрелась... У тебя такая была, когда ты взялась у меня за спиной спать с Геральтом. Тогда ты тоже натягивала маску невинности, как и теперь. И сейчас она означает то же самое, что и тогда!

Трисс покраснела. А рядом с ней в окне появилась Филиппа Эйльхарт в темно-синем мужском вамсе с серебряным шитьем.

– Bravo, – сказала она. – Ты, как всегда, проницательна, как всегда, мудра. Как всегда, тебя трудно понять. Рада видеть тебя в здравии, Йеннифэр. Рада, что безумная телепортация из Монтекальво не окончилась трагически.

– Ладно, предположим, что тебя это действительно радует, – скривилась Йеннифэр. – Хотя это слишком уж смелое предположение. Но бог с ним. Кто меня предал?

– А разве это важно? – пожала плечами Филиппа. – Уже четыре дня, как ты контактируешь с предателями. С такими, для которых продажность и предательство – вторая натура. И с такими, которых ты сама принудила к предательству. Один из них предал тебя. Нормальное дело. Не говори, что ты этого не ожидала.

– Конечно, ожидала, – фыркнула Йеннифэр. – Лучшее тому доказательство, что я контактирую с вами. А ведь не следовало бы.

– Не следовало. Но раз контактируешь, значит, тебе это необходимо.

– Bravo. Как всегда, мудра, как всегда, проницательна. Я связалась с вами, чтобы подтвердить, что тайна вашей ложи, если говорить обо мне, вне опасности. Я вас не предам.

Филиппа глядела на нее из-под опущенных ресниц.

– Если ты рассчитывала, – сказала она наконец, – что таким образом купишь себе время, покой и безопасность, то просчиталась. К чему обманывать себя, Йеннифэр? Убегая из Монтекальво, ты сделала выбор, поставила себя по определенную сторону баррикады. Кто не с ложей, тот против ложи. Сейчас ты пытаешься опередить нас в поисках Цири, а мотивы, которыми ты руководишься, противоположны нашим. Ты действуешь против нас. Не хочешь допустить, чтобы мы использовали Цири в наших политических целях. Так знай: мы сделаем все, чтобы ты не успела воспользоваться ею в своих – сентиментальных.

– Значит, война?

– Состязание, – ядовито усмехнулась Филиппа. – Только состязание, Йеннифэр.

– Честное и благородное?

– Ты шутишь!

– Ага. Ясно. Тем не менее определенную проблему я хотела бы поставить честно и однозначно. Впрочем, надеюсь кое-что получить взамен.

– Ставь.

– В течение ближайших дней, возможно, даже завтра, произойдут события, последствия которых я не в состоянии предсказать. Может случиться, что наше состязание и соперничество вдруг потеряет смысл. По простой причине. Не будет состязающегося.

Филиппа Эйльхарт прищурила подведенные голубыми тенями глаза.

– Понимаю.

– Постарайтесь тогда восстановить мою репутацию и доброе имя. Посмертно. Чтобы меня не считали предательницей и сообщницей Вильгефорца. Я прошу об этом ложу. Прошу лично тебя.

Филиппа молчала.

– Просьбу отклоняю, – сказала она наконец. – Прискорбно, но твоя реабилитация не в интересах ложи. Если ты умрешь, то умрешь как предательница. Ты будешь предательницей и преступницей в глазах Цири, потому что так нам будет легче девочкой манипулировать.

– Прежде чем ты предпримешь что-либо, что грозит смертью, – неожиданно выдавила Трисс, – оставь нам...

– Завещание?

– Что-нибудь, что позволит нам... Продолжать... Пойти по твоим следам. Отыскать Цири. Ведь речь прежде всего идет о ее благе! О ее жизни. Йеннифэр, Дийкстра отыскал... определенные следы. Если Цири у Вильгефорца, то ей грозит страшная смерть.

– Молчи, Трисс! – рявкнула Филиппа Эйльхарт. – Никакого торга и переговоров...

– Я оставлю вам указания, – медленно сказала Йеннифэр. – Информацию о том, что узнала, и о том, что предприняла. Оставлю вам след, по которому вы сможете пойти. Но не даром. Вы не хотите реабилитировать меня в глазах мира, ну, так к чертовой матери и вас, и ваш мир. Но реабилитируйте меня хотя бы в глазах одного ведьмака.

– Нет, – почти тут же ответила Филиппа. – Это тоже не в интересах ложи. И для своего ведьмака ты останешься предательницей и продажной чародейкой. Не в интересах ложи, чтобы он скандалил и мучил воду, пытаясь отомстить, а если будет тебя презирать, то мстить не захочет. Впрочем, он скорее всего тоже мертв. Либо вот-вот умрет.

– Информацию, – глухо сказала Йеннифэр. – За его жизнь. Спаси его, Филиппа.

– Нет, Йеннифэр.

– Поскольку это не в интересах ложи. – Глаза чародейки полыхнули фиолетовым пламенем. – Ты слышала, Трисс. Вот она – твоя ложа. Вот оно – ее истинное обличье, вот они, ее истинные интересы. Ну и что скажешь? Ты была девочке наставницей, почти, как ты сама сказала, старшей сестрой. А Геральт...

– Не бери Трисс на романтику. – Филиппа ответила огнем в глазах. – Девочку мы найдем и спасем без твоей помощи. А если повезет тебе, то мы будем только рады и благодарны, поскольку ты выручишь нас, сэкономишь нам время и деньги. Ты вырвешь девочку из рук Вильгефорца, мы вырвем ее из твоих. А Геральт? Что такое Геральт?

– Ты слышала, Трисс?

– Прости меня, – глухо сказала Трисс Меригольд. – Прости, Йеннифэр.

– О нет, Трисс. Никогда.

Трисс уставилась в пол. Глаза Краха ан Крайта были острее глаз ястреба.

– На следующее утро после секретной связи, – медленно проговорил ярл Островов Скеллиге, – той, о которой ты, Трисс Меригольд, ничего не знаешь, Йеннифэр отплыла со Скеллиге, взяв курс на Седнову Бездну. Когда я спросил, почему она плывет именно туда, она взглянула мне в глаза и ответила, что намерена установить, чем катастрофы естественные отличаются от неестественных. Отплыла она на двух драккарах, «Тамаре» и «Алкионе», с экипажами, составленными исключительно из добровольцев. Это случилось двадцать восьмого августа, две недели тому назад. Больше я ее не видел.

– Когда ты узнал...

– Спустя пять дней, – прервал он довольно грубо. – Через три дня после сентябрьского новолуния.

Сидевший перед ярлом капитан Аса Тъязи чувствовал себя беспокойно. Облизывал губы, крутился на лавке, заламывал пальцы так, что хрустели суставы.

Красное солнце, вырвавшееся наконец из затянувших небо туч, медленно опускалось за Спикероогу.

– Говори, Аса, – приказал Крах ан Крайт.

Аса Тъязи сильно откашлялся.

– Мы шли быстро, – начал он, – ветер благоприятствовал, мы делали не меньше двенадцати узлов. Тогда же, двадцать девятого, увидели ночью свет маяка на Пейкс де Маре. Мы немного отклонились к востоку, чтобы не натолкнуться на какого-нибудь нильфа... А за день до сентябрьского новолуния на рассвете вышли в районе Бездны Седны. И тогда чародейка вызвала меня и Гутлафа...

– Мне нужны добровольцы, – сказала Йеннифэр. – Только добровольцы. Не больше, чем требуется, чтобы недолгое время управлять драккаром. Не знаю, сколько человек, я в этом не сильна. Но прошу не оставлять на «Алкионе» ни одного лишнего человека. И повторяю – только добровольцы. То, что я намерена сделать, очень опасно. Гораздо опаснее, чем морской бой.

– Понимаю, – кивнул старый сенешаль. – И вызываюсь первым. Я, Гутлаф, сын Свена, прошу вас оказать мне эту честь.

Йеннифэр долго смотрела ему в глаза.

– Хорошо, – сказала она. – Но честь оказали мне вы. * * *

– Я тоже вызвался, – сказал Аса Тъязи. – Но Гутлаф не согласился. Кто-то, сказал он, должен держать команду на «Тамаре». В результате вызвалось пятнадцать. В том числе Яльмар...

Крах ан Крайт поднял брови.

– Сколько нужно человек, Гутлаф? – повторила чародейка. – Сколько необходимо? Пожалуйста, подсчитай точно.

Сенешаль какое-то время размышлял, наконец сказал:

– Вдевятером управимся. Если не очень долго... Но ведь здесь только добровольцы, так что нет нужды...

– Назначь восьмерых из этих пятнадцати, – резко оборвала она. – Назначь сам. И вели выбранным перейти на «Алкиону». Остальные останутся на «Тамаре». Да, одного, который останется, назначу я. Яльмар!

– Нет, госпожа! Ты не можешь так поступить! Я вызвался и буду рядом с тобой. Я хочу быть...

– Замолчи! Ты останешься на «Тамаре»! Это приказ! Еще одно слово, и я прикажу привязать тебя к мачте!

– Продолжай, Аса.

– Магичка, Гутлаф и восьмерка добровольцев поднялись на «Алкиону» и пошли на Бездну. Мы, на «Тамаре», как было приказано, держались в стороне, но так, чтобы не очень отставать. С погодой же, которая до того на удивление сопровождала нас, вдруг начала твориться какая-то дьявольщина. Да, я верно говорю, именно дьявольщина, потому что нечистая это была сила, ярл... Пусть меня под килем протащат, ежели лгу...

– Рассказывай.

– Там, где были мы, «Тамара», значит, было спокойно. Хоть ветер немного посвистывал и небосклон потемнел от туч так, что день почти в ночь обратился. А вот там, где была «Алкиона», там разбушевался ад. Неожиданно. Истинный ад.

Парус «Алкионы» захлопал вдруг так бурно, что это было слышно даже на «Тамаре». Небо почернело, за клубились тучи. Море, которое вокруг «Тамары» казалось вполне спокойным, взбурлило и вскипело гривастыми волнами у бортов «Алкионы». Кто-то вдруг крикнул, кто-то подхватил, и через минуту кричали все.

Под нацеленным на «Алкиону» конусом черных туч корабль пробкой плясал на волнах, крутясь, вертясь и подсакивая. Зарываясь в волны то носом, то кормой. Порой драккар на несколько мгновений почти полностью скрывался из глаз, и виден был только полосатый парус.

– Это чары! – крикнул кто-то за спиной Асы. – Это чертова магия!

Водоворот крутил «Алкиону» все быстрее и быстрее. Щиты, которые центробежной силой отрывало от бортов, полетели в воздух, словно диски; рванулись направо и налево переломанные весла.

– Рифьте парус! – рявкнул Аса Тъязи. – И за весла! Плыдем туда, к ним. Надо спасти!

Однако было уже поздно.

Небо над «Алкионой» сделалось черным, тьму разорвали зигзаги молний, которые оплели драккар словно щупальца медузы. Собравшиеся в фантастические фигуры тучи закрутились в гигантскую воронку. Драккар помчался по кругу с немыслимой быстротой. Мачта переломилась как соломинка, сорванный парус взлетел над гривами волн огромным альбатросом.

– Гребите, ребята!

Однако сквозь собственный крик, сквозь оглушительный рев стихии они все-таки услышали вопли людей с «Алкионы». Вопли настолько чудовищные, что волосы встали у них дыбом. У них, старых морских волков, кровавых берсеркеров, моряков, которые многое видели и слышали на своем веку.

Они опустили весла, видя свое полное бессилие. Одурели, перестали даже кричать.

«Алкиона», продолжая вращаться, медленно поднялась над волнами. И поднималась все выше и выше. Они увидели истекающий водой, обросший ракушками и водорослями киль. Увидели черную фигуру, падающее в воду тело. Потом второе. И третье.

– Они прыгают! – заревел Аса Тъязи. – Грести, парни, не прекращать! Что есть сил! Плыдем на помощь!

«Алкиона» поднялась еще выше, не меньше чем на сто локтей над бурлящей как кипяток поверхностью моря. И продолжала вращаться. Огромное, истекающее водой, оплетенное огненной паутиной молний веретено невидимая сила затягивала в клубящиеся тучи.

Неожиданно воздух прорезал разрывающий ушные перепонки взрыв. Подгоняемая вперед пятнадцатью парами весел «Тамара» подпрыгнула, словно от таранного удара, и помчалась назад. У Тъязи палуба ушла из-под ног. Он упал, ударившись виском о борт.

Подняться своими силами он не смог, его подняли. Он был оглушен, крутил и тряс головой, качался на ногах, нечленораздельно кричал что-то. Крики экипажа он слышал как из-за стены. С трудом подошел к борту, покачиваясь как пьяный, вцепился пальцами в релинг.

Вихрь утих, волны успокоились. Но небо по-прежнему было черным от клубящихся туч.

От «Алкионы» не осталось и следа.

– Даже следа не осталось, ярл. Так, обломки такелажа, какие-то обрывки... Больше ничего.

Аса Тъязи умолк, глядя на солнце, исчезающее за лесистыми вершинами Спикерооги. Крах ан Крайт, задумавшись, не торопил его.

– Неизвестно, – заговорил наконец Аса Тъязи, – сколько успели выскочить, прежде чем «Алкиону» втянуло в эту чертову тучу. Однако ж, сколь бы ни выскочили, ни один не выжил. А нам, хотя ж мы ни времени не щадили, ни сил, удалось выловить всего два трупа. Два тела, водой несомые. Всего два.

– Чародейки, – изменившимся голосом спросил ярл, – не было среди них?

– Нет.

Крах ан Крайт долго молчал. Солнце уже совсем ушло за Спикероогу.

– Пропал старый Гутлаф, сын Свена, – снова заговорил Аса Тъязи. – До последней косточки его уже обглодали, видать, крабы на дне Седны. – Пропала с концом и магичка... Ярл, люди начинают болтать... Что все это ейная вина. И ейная кара за преступления...

– Дурная болтовня!

– Сгинула, – буркнул Аса, – на Бездне Седны. В том же самом месте, где тогда Паветта и Дани... Вот, понимаешь, совпадение-то какое...

– Это не была случайность, нет, – убежденно сказал Крах ан Крайт. – Ни тогда, ни теперь это наверняка не была случайность.

Глава десятая

...Страдания и унижения несчастных, мучения их подчиняются закономерностям природы, оставаясь существенными элементами общего замысла, подобно тому, как и относящееся к этому замыслу счастье угнетателей. Означенная истина должна устранить у тиранов и злодеев все угрызения совести, ведь злодеи, не зная себе предела, слепо совершают любую жестокость, мысль о которой может появиться в их голове, и здесь они следуют советам природы, становясь послушным инструментом проведения в жизнь ее законов.

Подобные тайны природа внушает злодеям, толкая их на совершение преступлений, только в том случае, когда необходимость зла становится очевидной... Донсьен-Альфонс-Франсуа де Сад

Грохот открываемых, а затем замыкаемых дверей камеры разбудил младшую из сестер Скарра. Старшая сидела за столом и методично выскребала кашу, присохшую ко дну оловянной миски.

– Ну, что там было, в суде-то, Веда?

Жоанна Сельборн по прозвищу Веда молча уселась на нары, уперев локти в колени и положив голову на руки.

Младшая Скарра зевнула, отрыгнула и громко пустила ветры. Пристроившийся на противоположных нарах Петюх что-то невнятно буркнул и отвернулся. Он был обижен на Веду, на сестер и на весь белый свет.

В обычных тюрьмах по установившейся традиции арестантов разделяли по полу. В армейских же крепостях было иначе. Уже император Фергус вар Эмрейс, вводя специальным декретом равноправие женщин в имперской армии, постановил, что уж ежели эмансипация, так до конца, равноправие должно быть полным и абсолютным, без всяких исключений или поблажек для какого-либо из полов. С того времени в крепостях и цитаделях Империи арестанты сидели вместе.

– Ну, так как? – повторила старшая Скарра. – Выпускают тебя?

– Жди! – горько отозвалась Веда, по-прежнему не поднимая головы от рук. – Считай, повезет, если не повесят. Холера! Выдавала всю правду, ничего не скрывала, то есть почти ничего. А эти сукины дети, когда принялись меня допрашивать, так для начала идиоткой перед всеми выставили, потом оказалось, что я личность, не заслуживающая доверия, и преступный элемент, а под конец вышло мне соучастие в заговоре, ставящем целью низвержение.

– Вниз, стало быть, свержение, – покачала головой старшая Скарра, словно понимала, о чем речь. – Ага, ну ежели вниз... то держи жопу шире, Веда.

– Будто я не знаю.

Младшая Скарра потянулась, снова зевнула широко и громко, словно леопардиха соскочила с верхних нар, энергичным пинком отшвырнула мешающий ей табурет Петюха, плюнула рядом с табуретом. Петюх заворчал, но ни на что большее не осмелился.

Петюх был на Веду смертельно обижен. А сестер вдобавок и боялся.

Когда три дня назад ему в камеру подкинули Веду, то очень скоро оказалось, что Петюх если в принципе и допускает эмансипацию и равноправие женщин, то имеет на сей счет свое собственное мнение. Посреди ночи он накинул Веде одеяло на верхнюю половину тела и намеревался воспользоваться нижней, что, возможно, ему бы и удалось, если б не то, что Петюх взвыл оборотнем и заплясал по камере, словно укушенный тарантулом. Веда же из чистой мстительности телепатически принудила его опуститься на четвереньки и ритмично колотиться головой в обитые железом двери камеры. Когда потревоженные страшным грохотом стражники отворили дверь, Петюх ткнулся макушкой в одного из них, за что немедленно получил пять ударов окованной железом палкой и столько же пинков. В итоге в ту ночь Петюх не испытал того блаженства, на которое рассчитывал. И обиделся на Веду. О реванше он даже не помышлял, так как наутро в камеру попали сестры Скарра, таким образом прекрасный пол оказался в большинстве, и к тому же вскоре выяснилось, что точка зрения сестер Скарра на равноправие почти совпадает с Петюховой, только с точностью до наоборот, если говорить о предначертанных полам ролях. Младшая Скарра хищно поглядывала на мужчину и изрекала недвусмысленные замечания, а старшая хохотала, потирая руки. Эффект был таков, что Петюх спал с табуреткой в руках, которой в случае чего намеревался защищать свою честь и достоинство. Однако шансы и перспективы у него были

ничтожны – обе Скарры служили в линейных частях и были ветераншами многих сражений, так что табуретки б не испугались, когда хотели насилловать – насильовали, даже если мужчина был вооружен бердышом. Однако Веда была уверена, что сестры просто шутят. Ну, почти уверена. Скажем так.

Сестры Скарра сидели за избиение офицера, по делу же провиант-мастера Петюха велось следствие, связанное с большой, громкой и захватывающей все более широкие круги аферой – кражей армейских луков.

– Да, держи жопу шире, Веда, – повторила старшая Скарра. – В хорошее дерьмо ты вляпалась, думаю. А вернее – тебя вляпали. И как же ты, ядрена вошь, сразу-то не сообразила, что это политическая игра!

– Ха-а! – только и ответила Веда.

Скарра взглянула на нее, не очень понимая, как следует разуместь односложное замечание. Веда отвела глаза.

«Не стану же я рассказывать вам то, о чем промолчала перед судьями, – подумала она. – То есть что знала, в какое дерьмо вляпалась. И то, когда и каким образом об этом узнала».

– Хорошенького ты себе пивка наварила, – мудро отметила младшая Скарра, менее сообразительная, которая – Веда была в этом убеждена – вообще не понимала, о чем идет речь.

– Ну а как все-таки было с цинтрийской княжной-то? – не отступала старшая Скарра. – Ведь ее вы в конце концов сцапали, а?

– Сцапали. Если так можно выразиться. У нас сегодня которое?

– Двадцать второе сентября. Завтра Эквинокций.

– Ну да! Вот удивительное совпадение. Стало быть, завтра тем событиям будет точно год... Уже год!..

Веда растянулась на нарах, подложив сплетенные пальцы рук под голову. Сестры молчали, надеясь, что это было вступление к рассказу.

«Ничего не получится, сестренки, – подумала Веда, глядя на выцарапанные на досках верхних нар грязные картинки и еще более грязные надписи. – Не будет никаких рассказов. Даже не в том дело, что от вонючего Петюха несет обосравшейся подсадной уткой или каким другим коронным свидетелем. Я попросту не хочу об этом вспоминать. О том, что было год назад, после того как Бонарт ушел от нас в Клармоне.

Мы прибыли туда с опозданием в два дня, – все-таки принялась она вспоминать. – Следы уже успели остыть. Куда охотник поехал, никто не знал. Никто, кроме купца Хувенагеля, конечно. Но купец Хувенагель со Склленом разговаривать не пожелал и даже под крышу к себе не пустил. Передал через слуг, что у него-де нет времени и аудиенции он не даст. Филин раздувался и тощал, но сделать ничего не мог. Ведь мы были в Эббинге, а там у него никаких прав не было. А по-другому, нашими методами, за Хувенагеля браться было невозможно, потому что у него там, в Клармоне, личное войско, а ведь войну начинать было нельзя.

Ну, Бореас Мун вынюхивал, Дакре Силифант и Оль Харшейм занимались подкупам, Тиль Эхрад – эльфьей магией, а я учуивала и слушала мысли, но это мало что дало. Вроде бы узнали мы, что Бонарт выехал из города южными воротами. А прежде чем выехать...

Был в Клармоне храмик, маленький такой, лиственничный... Рядом с южными воротами, у

торговой площадки. Перед отъездом из Клармона Бонарт истязал Фальку арапником. На глазах у всех, в том числе и у жрецов, на той площадке у храмика... Выкрикивал, что покажет ей, кто тут ее господин и повелитель. Что сейчас он ее батогом поучит, как хочет, а то и насмерть заучит, потому как никто за нее не встанет, никто не заступится – ни люди, ни боги».

Младшая Скарра выглядывала в оконце, уцепившись за решетку. Старшая выедала кашу из миски. Петюх взял табурет, лег и укрылся одеялом.

Из кордегардии доносился звон, перекликались стражи на стенах.

Веда повернулась лицом к стене.

«Спустя несколько дней мы встретились, – подумала она. – Я и Бонарт. Лицом к лицу. Я смотрела в его нечеловечески рыбы глаза, думая только об одном – как он ту девушку избивал. И в мысли ему заглянула... На мгновение. И было это так, словно сунула голову в разрытую могилу...

Было это в Эквинокций.

А днем раньше, двадцать второго сентября, я сообразила, что промеж нас втерся невидимка».

Стефан Скеллен, имперский коронер, выслушал не перебивая. Но Веда видела, как у него изменяется лицо.

– Повтори, Сельборн, – процедил он. – Повтори, ибо я ушам своим не верю.

– Осторожнее, господин коронер, – проворчала она. – Прикидывайтесь злым... Так, словно бы я к вам с просьбой, а вы не разрешаете... Для видимости, значит. Я не ошибаюсь, я уверена. Уже два дня, как ошивается при нас какой-то невидимка. Невидимый шпион.

Филин – у него этого не отнимешь – был умен, улавливал влет.

– Нет, Сельборн, не разрешаю! – сказал он громко, не сдержав актерского пафоса и в тоне, и в мимике. – Дисциплина обязательна для всех. Никаких исключений. Я согласия не даю!

– Но хотя бы соблаговолите выслушать, господин коронер. – У Веды не было таланта Филина, она не смогла скрыть неестественности в голосе, но в разыгрываемой сценке натянутость и обеспокоенность просительницы были оправданны. – Соблаговолите хотя бы выслушать...

– Говори, Сельборн. Только кратко и четко.

– Он шпионит за нами два дня, – пробурчала она, делая вид, что смиренно излагает свои соображения. – С самого Клармона. Едет за нами тайно, а на биваках приходит невидимый, крутится меж людей, слушает.

– Слушает, шпик чертов. – Скеллену не требовалось притворяться суровым и разгневанным, в его голосе прямо-таки вибрировало бешенство. – Как ты его обнаружила?

– Когда вы позавчера перед корчмой отдавали приказы господину Силифанту, кот, что на лавке спал, зашипел и уши прижал. Это показалось мне подозрительным, потому что никого в той стороне не было... А потом я что-то вычуяла, вроде бы мысль, чужую мысль, и волю. Обычно-то для меня такая чужая мысль, господин коронер, это как будто кто-то крикнул громко... Ну, начала я чують, крепко, вдвойне, и вычуяла его.

– Ты можешь его почуять всегда?

– Нет, не всегда. У него какая-то магическая защита. Я чую его только очень близко, да и то не всякий раз. Поэтому надо притворяться, потому как неизвестно, не кроется ли он аккурат поблизости.

– Только б не спугнуть, – процедил Филин. – Только б не спугнуть. Он мне нужен живым, Сельборн. Что предлагаешь?

– Заставить его ошибиться.

– Ошибиться?

– Тише, господин коронер.

– Но... а, не важно. Хорошо. Даю тебе полную свободу.

– Завтра сделайте так, чтобы мы остановились в какой-нибудь деревушке. Остальное – мое дело. А теперь для видимости отругайте меня как следует, и я уйду.

– Не могу я отругать, – улыбнулся он ей глазами и слегка подмигнул, немедленно сделав мину грозного начальника. – Я доволен вами, госпожа Сельборн.

«Он сказал – госпожа. Госпожа Сельборн. Как офицеру».

Скеллен снова подмигнул, одновременно махнул рукой.

– Нет! В просьбе отказываю! Кругом, марш!

– Слушаюсь, господин коронер.

Скеллен прекрасно сыграл свою роль.

На следующий день, ближе к вечеру, Скеллен объявил постой в деревушке у реки Леты. Деревня была богатая. Обнесена частоколом, въезжали в нее через изящные вращающиеся ворота из свежих сосновых бревен. Называлась деревня Говорог, а название это пошло от маленькой часовенки, в которой стояла сплетенная из соломы кукла, изображающая единорога.

«Помню, – вспоминала Веда, – как мы хохотали над этим соломенным божком, а солтыс с важной миной объяснял, что покровительствующий селу священный говорог многие годы назад был золотым, потом стал серебряным, был медным, было несколько костяных вариантов и несколько из благородной древесины. Но их постоянно крали. Приезжали издалека, специально, чтобы своровать. Так что гораздо спокойнее, если говорог сделан из соломы.

Ну, расположились мы в селе лагерь. Скеллен, как было условлено, занял чистую светелку.

Спустя неполный час поймали мы невидимого шпика. Классически».

– Прошу подойти, – громко потребовал Филин. – Прошу подойти и глянуть на этот документ... Минутку? Что, все уже на месте? Чтобы не пришлось разъяснять дважды.

Оль Харшейм, который только что выпил из подойника немного разведенной кислым молоком сметаны, облизнул губы и испачканные сметаной усы, отставил сосуд, осмотрелся, подсчитал. Дакре Силифант. Нератин Цека. Тиль Эхрад. Жоанна Сельборн...

– Нет Дуффицея.

– Позвать.

– Крель! ДUFFи Крель! К командиру на совещание! За важными приказами. Бегом!

ДUFFицей Крель, задыхаясь, вбежал в комнату.

– Все на месте, господин коронер, – доложил Оль Харшейм.

– Не закрывайте окна. Чесноком тут несет, подохнуть можно. Двери тоже отворите, устройте сквозняк.

Бригден и Крель быстро отворили окна и дверь, Веда же в который раз удостоверилась, что из Филина получился бы шикарный актер.

– Прошу подойти, господа. Я получил от императора вот этот документ. Секретный и чрезвычайно важный. Прошу внимания...

– Давай! – взвизгнула Веда, одновременно высылая сильный направленный импульс, который по своему воздействию на органы чувств был равносителен близкому удару молнии.

Оль Харшейм и Дакре Силифант схватили подойники и одновременно плеснули разведенной сметаной в указанном Ведой направлении. Тиль Эхрад размахнулся спрятанным под столом ковшом муки. На полу комнаты материализовалась сметанно-мучная фигура, вначале бесформенная. Но Берт Бригден не зевал. Безошибочно оценив, где может быть голова еще не испеченного, но уже вываленного в муке «жаворонка», он изо всей силы саданул по этому месту железной сковородой.

Потом все скопом накинудись на облепленного сметаной и мукой шпики, содрали с него шапку-невидимку, схватили за руки и ноги. Перевернув стол крышкой вниз, привязали конечности пойманного к ножкам стола. Стащили с него сапоги и онучи, одну из онучей засунули в распахнутый в крике рот.

Чтобы увенчать дело, ДUFFицей Крель с размаху дал пойманному по ребрам, а остальные с удовольствием наблюдали за тем, как у шпиона глаза вылазят из орбит.

– Прекрасная работа, – похвалил Филин, который все это небывало короткое время не пошевелился стоял со скрещенными на груди руками. – Bravo! Поздравляю. Прежде всего вас, госпожа Сельборн.

«Черт побери, – подумала Веда. – Если так и дальше пойдет, я и взаправду могу стать офицером».

– Господин Бригден, – холодно сказал Стефан Скедлен, стоя над разведенными между ножками стола ногами пленника. – Пожалуйста, суньте железо в уголки. Господин Эхрад, извольте присмотреть, чтобы вблизи светлицы не крутились дети.

Он наклонился, заглянул пленнику в глаза.

– Давненько же ты не показывался, Риенс. Я уж подумал, не приключилось ли с тобой какое-нибудь несчастье.

Ударил кордегардский колокол, сигнал смены вахты. Сестры Скарра мелодично храпели. Петюх чмокал сквозь сон, обнимая табуретку.

«Разыгрывал из себя бодрячка, – вспоминала Веда, – прикидывался храбрецом.

Риенс-то. Чародей Риенс, превращенный в свежеепеченного «жаворонка» и привязанный к

ножкам стола.

Изображал из себя храбреца, но никого не обманул, а меня-то и подавно. Филин предупреждал, что это чародей, поэтому я перемешивала ему мысли, чтобы он ни чародействовать, ни призывать магическую помощь не мог. Попутно читала его. Он защищал доступ, но как только учуял запах дыма от углей камина, в которых раскаляли железо, его магические защиты и блокады лопнули по всем швам словно старые штаны, а я могла читать его сколько угодно. Его мысли ничем не отличались от мыслей других людей, которых я читала в подобных ситуациях, людей, которых вот-вот начнут истязать. Мысли разбросанные, несобранные, полные страха и отчаяния. Мысли холодные, склизкие, мокрые и вонючие. Как внутренности трупа.

И все же, когда у него изо рта вытащили кляп, чародей Риенс продолжал разыгрывать из себя храбреца. Во всяком случае – пытался».

– Ну хорошо, Скеллен! Вы меня поймали, ваша взяла. Поздравляю! Низко склоняю голову перед техникой, профессионализмом и специализацией! Отлично вышколенные люди, можно позавидовать. А теперь прошу меня освободить. Уж очень неудобная поза.

Филин пододвинул себе стул, уселся на него верхом, опершись сплетенными руками и подбородком на спинку. Глядел на пленника сверху. И молчал.

– Прикажи меня освободить, Скеллен, – повторил Риенс. – А потом попроси подчиненных удалиться. То, что я имею сказать, предназначено исключительно для тебя.

– Господин Бригден, – спросил Филин, не поворачивая головы, – каков цвет железки?

– Еще минутку, господин коронер.

– Госпожа Сельборн?

– Трудновато его сейчас читать, – пожала плечами Веда. – Он слишком трусит, страх застит все другие мысли. А мыслей этих с избытком! В том числе несколько таких, которые он пытается скрыть. За магическими покровами. Но для меня это не сложно, я могу...

– В этом не будет необходимости. Испытаем классически, каленым железом.

– К чертям собачьим! – взвыл шпион. – Скеллен! Уж не собираешься ли ты...

Филин наклонился, лицо у него немного изменилось.

– Во-первых, господин Скеллен, – процедил он. – Во-вторых, да, абсолютно верно, я намерен припечь тебе пятки, Риенс. И сделаю это с неизъяснимым удовольствием. Ибо буду рассматривать сие действие как восстановление исторической справедливости. Могу поспорить, что ты не понимаешь.

Риенс молчал, поэтому Скеллен продолжал:

– Видишь ли, Риенс, я советовал Ваттье де Ридо прижечь тебе пятки уже тогда, семь лет назад, когда ты ползал в имперской разведке, скуля как пес о милости и согласии стать предателем и двойным агентом. Я повторил совет четыре года назад, когда ты без мыла лез в задницу Эмгыру, посредничая в контактах с Вильгефорцем. Когда ты по случаю охоты за цинтрийкой вдруг вырос из обычного маленького сексота в почти первого резидента. Я бился об заклад с Ваттье, что, если тебя поджарить, ты скажешь, кому служишь... Нет, я неточно выразился. Что ты перечислишь всех, кому служишь. И тогда, сказал я, ты, Ваттье, увидишь и удивишься, в каком количестве пунктов совпадут эти перечни. Что делать, Ваттье де Ридо меня не послушался. И теперь наверняка сожалеет. Но еще не все потеряно. Я припеку тебя

всего малость, а когда узнаю все, что хочу знать, передам в распоряжение Ваттье. А уж он-то шуру с тебя сдерет, помаленьку, маленькими кусочками.

Филин вынул из кармана платочек и флакончик духов. Обильно смочил платочек и приложил к носу. Духи приятно пахли мускусом, однако Веду потянуло рвать.

– Железо, господин Бридген.

– Я слежу за вами по поручению Вильгефорца! – завыл Риенс. – Дело в девчонке! Следя за вашим подразделением, я надеялся опередить вас, добраться раньше вас до охотника за наградами! Я должен был попытаться выторговать у него девку! У него, а не у вас! Потому что вы собирались ее убить, а Вильгефорцу она нужна живой! Что еще вы хотите знать? Я скажу. Скажу все!

– Ну-ну! – воскликнул Филин. – Не так споро, Риенс, этак и голова может разболеться от шума и избытка информации. Вы представляете себе, господа, что будет, когда его припечет? Он заорёт всех нас до могилы!

Крель и Силифант громко расхохотались, Веда и Нератин Цека не присоединились к веселью. Не присоединился к ним и Берт Бригден, который в этот момент критически рассматривал вынутый из угля прут. Железо было накалено так, что казалось, будто это не железо вовсе, а заполненная жидким огнем стеклянная трубка.

Риенс увидел это и визгливо закричал:

– Я знаю, как отыскать охотника и девушку! Я знаю, знаю! Я скажу!

– Само собой, скажешь.

Веда, продолжавшая читать в его мыслях, поморщилась, восприняв волны отчаянного, бессильного бешенства. В мозгу Риенса снова что-то лопнуло, какая-то очередная перегородка. «Со страха он скажет все, – подумала Веда, – все, что собирался держать до конца, как козырную карту, туза, которым мог перешибить остальных тузов при последней решающей раздаче на самую высокую ставку. Сейчас, от обычного отвратительного страха перед болью, он выкинет этого туза на фоски».

Вдруг что-то щелкнуло у нее в голове, она почувствовала в висках жар, потом неожиданный холод.

Теперь она знала скрытую мысль Риенса.

«О боги, – подумала она. – Ну и вляпалась же я в дельце...»

– Я скажу, – взвыл чародей, краснея и впиваясь вытаращенными глазами в лицо коронера. – Скажу нечто действительно важное. Скеллен! Ваттье де Ридо...

Веда вдруг услышала другую, чужую мысль. Увидела, как Нератин Цека двигается к двери, держа руку на рукояти кинжала.

Загудели шаги, в комнату влетел Бореас Мун.

– Господин коронер! Быстрее, господин коронер! Они приехали... Вы не поверите кто!

Скеллен жестом остановил Бригдена, уже поднесшего было железо к пяткам шпиона.

– Тебе надо играть в лотерею, Риенс, – сказал коронер, глядя в окно. – В жизни своей не встречал такого везунчика!

В окне была видна толпа, в центре толпы пара конных. Веда с первого же взгляда знала, кто это. Знала, кто тот худой мужчина с белыми рыбьими глазами, что сидел на рослом гнедом коне. И кто – пепельноволосая девушка на прекрасной вороной кобыле. Руки у девушки были связаны, на шее – ошейник. И синяки на распухших губах.

Высогота вернулся в хату в отвратительном настроении, угнетенный, молчаливый, даже злой. Это было следствие разговора с кметом, приплывшим на лодке забрать шкуры. Возможно, последний раз до весны, сказал кмет. Погода портится со дня на день. Слякоть и ветер такие, что страх на воду выходить. По утрам на лужах лед, того и гляди снег повалит, а после него – морозы, вот-вот река станет и заливы, тогда прячь лодку в сарай, сани вытаскивай. Но на Переплют, сам знаешь, даже на санях нельзя, разводье тут на разводье...

Парень был прав. Под вечер набежали тучи, с темно-синего неба посыпались белые хлопья. Порывистый ветер положил сухие камыши, белыми гривками загулял по поверхности разлива. Стало пронизывающе, чувствительно холодно.

«Послезавтра, – подумал Высогота, – праздник Саовинны. По эльфьему календарю через три дня Новый год. По человеческому нового года надо подождать еще два месяца».

Кэльпи, вороная кобыла Цири, топотала и фыркала в овчарне.

Войдя в халупу, он застал Цири копающейся в сундуке. Он позволял ей это, даже одобрял. Во-первых, совсем новое занятие после поездок на Кэльпи и листания книг. Во-вторых, в сундуках было множество вещей его дочерей, а девочке нужна была теплая одежда. Несколько смен одежды, потому что в холоде и влаге требовался не один день, прежде чем выстиранные тряпки наконец высохали.

Цири выбирала, примеряла, отбрасывала, откладывала. Высогота уселся за стол, съел две вареные картофелины и обглодал куриное крылышко. Молчал.

– Хорошая работа, – показала Цири вещи, которых Высогота не видел многие годы и даже забыл об их существовании. – Тоже дочкины? Она любила бегать на коньках?

– Обожала. Зимы дождаться не могла.

– Можно взять?

– Бери что хочешь, – пожал он плечами. – Мне от этого никакой пользы. Если тебе пригодятся и башмаки подходят... Да ты никак упаковываешься, Цири? К отъезду готовишься?

Она уставилась на кучу одежды. Потом, помолчав, сказала:

– Да, Высогота. Так я решила. Видишь ли... Нельзя терять ни минуты.

– Сны?

– Да. Я видела очень неприятные вещи. Не уверена, случилось ли уже это, или случится лишь в будущем. Понятия не имею, смогу ли предотвратить... Но ехать должна. Понимаешь, я в детстве обижалась на своих близких за то, что они не пришли мне на помощь. Бросили на произвол судьбы... А теперь я думаю, что, пожалуй, им самим нужна моя помощь. Я должна ехать.

– Зима на носу.

– Поэтому-то и надо ехать. Если останусь – проторчу тут до весны... И до самой весны буду маяться от безделья и неуверенности, мучимая кошмарами. Нет, я должна ехать, ехать немедленно, попытаться отыскать Башню Ласточки. Телепорт. Ты сам подсчитывал, что до

озера пятнадцать дней пути. Значит, я буду на месте перед ноябрьским полнолунием...

– Тебе нельзя сейчас покидать убежища, – с трудом проговорил он. – Сейчас – нельзя. Тебя схватят... Твои преследователи... очень близко. Сейчас тебе никак нельзя...

Она кинула на пол блузку, вскочила, словно подкинутая пружиной.

– Ты что-то узнал, – резко бросила она. – От кмета, который взял шкурки. Говори.

– Цири...

– Пожалуйста, скажи!

И он сказал. А позже пожалел о сказанном. * * *

– Не иначе, как их дьявол подослал, добрый господин отшельник, – проворчал кмет, на минуту отрываясь от шкурок. – Не иначе – дьявол. С самого Равноночия по лесам гоняли, какую-то девку искали. Пугали, кричали, грозились, но тут же снова ехали дальше, не успевали нигде избытно напугать. Но теперича другую дружость придумали: оставили по деревням и селам каких-то, ну, как их там... ну, посты какие-то... Постятся, стало быть, по деревням-то. И никакие энтэ не посты, добрый человек, потому как жрут они тама в три горла, а стоят там по три, а то и по четыре мерзавца разом. Разорение сплошное... Посты... Горе одно. Навроде бы будут так цельну зиму нас объезжать, пока девка, которую поджидают, не выглянет откеда бы нибудь с укрытия и в село не заглянет. Тута уж ихний пост кончится, девку они схватят, а нам вроде волю дадут.

– У вас тоже... постятся?

Парень погрузнел, скрежетнул зубами.

– У нас – нет. Повезло нам. Но в Дун Даре, в полудне от нас, сидят вчетвером... В корчме, на выселках квартируют. Жрут и пьют. За девок брались, а када им парни воспротивились, дак убили, господин хороший, без жалости. Насмерть...

– Людей убили?

– Двоих. Солтыса и еще одного. Ну и как, есть кара Божья на таких обалдуев, добрый человек? Нету ни кары, ни права! Один колесник, что к нам с женой и дочкой из Дун Дара сбег, говаривал, мол, были ране на свете ведьмаки... Они порядок со всякими беспорядками учиняли. И-эх, призвать бы в Дун Дар ведьмака, штоб энтих стервецов под корень.

– Ведьмаки убивали чудовищ, а не людей.

– Энтэ мерзопакостники, господин отшельник, а никакие не люди. Мерзостники, что из пекла повылазили. Ведьмак на них нужон, верно говорю, ведьмак... Ну, мне в путь сам час, добрый господин отшельник... Уж холодина идет! Скоро лодку прячь, а сани вытягивай... А супротив мерзавцев из Дун Дара ведьмак нужон. Ох, нужон... * * *

– И верно, – повторила сквозь зубы Цири. – Святая правда. Нужен ведьмак... Или ведьмачка. Четверо их, да? В Дун Даре, да? А где он находится, этот Дун Дар? Вверх по реке? Туда сквозь рощи проехать можно?

– Ради богов, – прервал Цири Высогота. – Уж не думаешь ли ты всерьез...

– Не призывай богов, если в них не веришь. А я знаю, что не веришь.

– Оставим в покое мое мировоззрение! Цири, что за адские мысли приходят тебе в голову?

Как ты вообще можешь...

– А вот теперь ты оставь в покое мое мировоззрение, Высогота. Я знаю, что мне положено! Я – ведьмачка!

– Ты – личность юная и неуравновешенная! – взорвался Высогота. – Ты – ребенок, перенесший травмирующее воздействие извне, ты – ребенок обиженный, невротический и близкий к нервному срыву. И сверх всего ты одержима жаждой мести! Ослеплена жаждой реванша! Неужели ты этого не понимаешь?

– Понимаю лучше, чем ты! – воскликнула она. – Потому что ты понятия не имеешь о мести, потому что ты никогда не испытывал того, что досталось мне. Потому что ты знать не знаешь, что такое настоящее зло!

Она выбежала, хлопнув дверью, через которую тут же ворвался в сени и комнату пронизывающий зимний вихрь. Спустя несколько секунд Высогота услышал цокот копыт и ржание.

Возбужденный, он хватил оловянной тарелкой о стол. «Пусть едет, – подумал он. – Пусть вытрясет из себя злобу». Бояться за нее он не боялся, она одна ездила по болотам часто и днем, и ночью, знала тропки, островки и заросшие лесом топи. Однако, если б и впрямь заблудилась, достаточно было отпустить поводья, и вороная Кэльпи нашла бы дорогу домой, к овчарне. Эту дорогу она знала.

Спустя какое-то время, когда уже здорово стемнело, он вышел, повесил на столб фонарь. Постоял у живой изгороди, прислушался к стуку копыт, к плеску воды. Однако ветер и шум камышей приглушали все звуки, фонарь на столбе раскачивался как бешеный и наконец погас.

И тогда он услышал. Далеко. Нет, не оттуда, куда поехала Цири. С другой стороны, противоположной. От болот.

Дикий, нечеловеческий, протяжный воющий крик. Стон.

Минута тишины.

И снова.

Beann'shie. Беанн'ши.

Эльфья упырица. Предвестница смерти.

Высогота задрожал от холода и страха. Быстро вернулся в хату, бормоча и приговаривая себе под нос, чтобы не услышать, чтобы не слушать.

Прежде чем он снова разжег фонарь, из тьмы появилась Кэльпи.

– Войди в дом, – сказала Цири ласково и мягко. – И не выходи. Отвратная ночь.

За ужином они снова начали пререкаться.

– Такое впечатление, будто ты очень много знаешь о проблемах добра и зла!

– Да, знаю! И вовсе не из университетских книжек!

– Конечно, нет. Ты все изучила на собственном опыте. На практике. Как-никак у тебя же гигантский опыт в твои-то долгие шестнадцать лет.

– Вполне достаточный! Достаточно большой!

– Поздравляю, коллега ученая.

– Ехидничаешь, – сжала она губы, – даже понятия не имея, как много недоброго наделали миру вы, трухлявые ученые, теоретики, с вашими книгами, со столетним опытом просиживания над моральными трактатами, да еще с таким прилежанием, что вам некогда было даже в окно глянуть, чтобы увидеть, как выглядит мир в действительности. Вы, философы, искусственно поддерживающие придуманные вами же философии, чтобы получать денежки в университетских кассах. А поскольку ни одна хромая собака не заплатила бы вам за неприглядную правду о мире, вы напридумывали этику и моралистику, красивые и оптимистические науки. Беда только в том, что... лживые и шарлатанские!

– Нет ничего более шарлатанского, чем непродуманное осуждение, соплячка! Чем поспешные и непродуманные суждения!

– Вы не нашли противоядие от зла! А я, сопливая ведьмачка, нашла! Безотказное противоядие!

Он не ответил, но лицо выдало его, потому что Цири стрелой вылетела из-за стола.

– Ты считаешь, что я несу дурь? Бросаю слова на ветер?

– Я считаю, – ответил он спокойно, – что в тебе говорит раздражение. Считаю, что ты намерена мстить от раздражения, и горячо советую успокоиться.

– Я спокойна. А месть? Ответь мне: почему бы и нет? Почему я должна отказаться от мысли о мести? Во имя чего? Высших соображений? А что может быть выше наказания скверных дел и поступков? Для тебя, философ и этик, месть – деяние дурное, нехорошее, незтичное, незаконное, наконец. А я спрашиваю: где кара за зло? Кто должен ее подтвердить, определить и отмерить? Кто? Боги, в которых ты не веришь? Великий творец-демиург, которым ты решил заменить богов? Или закон? А может, нильфгаардская юстиция, императорские суды, префекты? Наивный ты старик!

– Значит, око за око, зуб за зуб? Кровь за кровь? А за эту кровь, очередную кровь? Море крови? Ты хочешь утопить мир в крови? Наивная, обиженная девочка! Так ты намерена бороться со злом, ведьмачка?

– Да. Именно так! Потому что я знаю, чего Зло боится. Не этики твоей, Высогота, не проповедей, не моральных трактатов о порядочной жизни. Зло боли боится, боится быть покалеченным, страданий боится, смерти, наконец! Раненое Зло воет от боли как пес! Ползает по полу и визжит, видя, как кровь хлещет из вен и артерий, видя торчащие из обрубков рук кости, видя кишки, вываливающиеся из брюха, чувствуя, как вместе с холодом приходит смерть. Тогда, и только тогда, у Зла волосы встают дыбом на башке, и тогда скулит Зло: «Милосердия! Я раскаиваюсь в совершенных грехах! Я буду хорошим и порядочным, клянусь! Только спасите, остановите кровь, не дайте позорно умереть!»

Да, отшельник. Вот так борются со Злом! Если Зло собирается обидеть тебя, сделать тебе больно – опереди его, лучше всего в тот момент, когда Зло этого не ожидает. Если ж ты не сподобился Зло опередить, если Зло успело обидеть тебя, то отплати ему. Напади, лучше всего когда оно уже забыло, когда чувствует себя в безопасности. Отплати ему вдвойне. Втройне. Око за око? Нет! Оба ока за око! Зуб за зуб? О нет! Все зубы за зуб! Отплати Злу! Сделай так, чтобы оно выло от боли, чтобы от этого воя лопались у него глазные яблоки! И вот тогда, поглядев на землю, ты можешь смело и определенно сказать: то, что здесь валяется, уже не обидит никого. Никому не опасно. Потому что как можно угрожать, не имея глаз? Не имея обеих рук? Как оно может обидеть, если его кишки волочатся по песку, а их

содержимое впитывается в этот песок?

– А ты, – медленно проговорил отшельник, – стоишь рядом с окровавленным мечом в деснице, глядишь на кровь, впитывающуюся в песок, и имеешь наглость думать, будто разрешила извечную дилемму, что наконец-то обрела плоть мечта философов. Думаешь, что природа Зла изменилась?

– Да, – заносчиво ответила она. – Так как то, что валяется на земле и истекает кровью, – уже не Зло. Возможно, это еще не Добро, но уже наверняка и не Зло!

– Говорят, – медленно проговорил Высогота, – что природа не терпит пустоты. То, что лежит на земле, что истекает кровью, что пало от твоего меча, – уже не Зло? Тогда что же такое Зло? Ты когда-нибудь задумывалась об этом?

– Нет. Я – ведьмачка. Когда меня учили, я поклялась себе, что буду выступать против Зла. Всегда. И не раздумывая... Потому что стоит только начать задумываться, – добавила она глухо, – как уничтожение потеряет смысл. Месть потеряет смысл. А этого допустить нельзя.

Он покачал головой, но она жестом не дала ему заговорить.

– Мне пора уже закончить свой рассказ, Высогота. Я рассказывала тебе больше тридцати ночей, с Эквинокция до Саовинны. А ведь не рассказала всего. Прежде чем я уеду, тебе следует узнать, что случилось в день Эквинокция в деревушке под названием Говорог.

Она застонала, когда ее стаскивали с седла. Бедро, по которому он ее вчера бил ногой, болело.

Он дернул за цепь, пристегнутую к ошейнику, потащил ее к дому.

В дверях стояли несколько вооруженных мужчин. И одна высокая женщина.

– Бонарт, – сказал один из мужчин, худощавый брюнет с тощим лицом, державший в руке окованную бронзой нагайку. – Должен признать, ты умеешь застигать врасплох.

– Здравствуй, Скллен.

Человек, названный Склленом, какое-то время глядел ей прямо в глаза. Она вздрогнула под его взглядом.

– Ну так как? – снова обратился он к Бонарту. – Объяснишь сразу или, может, помаленьку?

– Не люблю объяснять на базаре, потому как мухи в рот летят. В дом войти можно?

– Прошу.

Бонарт дернул за цепь.

В доме ждал еще один мужчина, растрепанный и бледный, вероятно, повар, потому что занимался чисткой одежды от следов муки и сметаны. Увидев Цири, он сверкнул глазами. И подошел.

Это не был повар.

Она узнала его, помнила эти паскудные глаза и пятно на морде. Это был тот, кто вместе с «белками» преследовал их на Танедде, именно от него она сбежала, выскочив в окно, а он велел эльфам прыгать следом. Как тот эльф его назвал? Риенс?

– Это ж надо! – сказал он язвительно, сильно и болезненно тыкнув ее пальцем в грудь. –

Мазель Цири! С самого Танедда не виделись. Долго, долго я мазельку искал. И наконец нашел!

– Не знаю, милсдарь, кто вы такой, – холодно бросил Бонарт, – но то, что вы якобы нашли, принадлежит мне, а посему держите лапы подальше, ежели цените свои пальчики.

– Меня зовут Риенс, – нехорошо блеснул глазами чародей. – Соблаговолите это милостиво запомнить, господин охотник за наградами. А кто я, сейчас станет ясно. И ясно также станет, кому будет принадлежать эта мазель. Но зачем опережать события? Сейчас я просто хочу передать поздравления и сделать некое признание. Надеюсь, вы не имеете ничего против?

– Надеемся. Никто вам не запрещает.

Риенс приблизился к Цири, заглянул ей в глаза.

– Твоя покровительница, ведьма Йеннифэр, – ядовито процедил он, – однажды обидела меня. Когда же впоследствии она попала мне в руки, я, Риенс, показал ей, что такое боль. Вот этими руками, вот этими пальцами. И пообещал, что когда мне в руки попадешь ты, королевна, то и тебя я тоже научу боли. Этими вот руками, этими вот пальцами...

– Рискованное дело, – тихо сказал Бонарт. – Очень даже рискованное, господин Риенс, – дразнить мою девочку и угрожать ей. Она мстительна и запомнит это. Держите, повторяю, подальше от нее ваши руки, пальцы и прочие части тела.

– Довольно, – обрезал Скеллен, не спуская с Цири любопытного взгляда. – Перестань, Бонарт. Ты, Риенс, тоже помягче. Я отнесся к тебе снисходительно, но еще могу раздумать и велю снова привязать к ножкам стола. Садитесь оба. Поговорим как люди культурные. Втроем, в три пары глаз. Потому как, что-то мне сдается, поговорить есть о чем. А предмет нашей беседы временно отдадим под охрану. Господин Силифант!

– Только стерегите ее как следует. – Бонарт вручил Силифанту конец цепи. – Как зеницу ока.

Веда держалась в сторонке. Нет, конечно, ей хотелось присмотреться к девушке, о которой так много разговоров шло в последнее время, но она чувствовала странное нежелание лезть в толпу, окружающую Харшейма и Силифанта, которые вели загадочную пленницу к столбу на майдане.

Все пытались пробиться поближе, разглядывали девушку, пробовали даже пощупать, толкнуть, дернуть. Она шла с трудом, немного прихрамывая, но голову держала высоко. «Он ее бил, – подумала Веда. – Но не сломил...»

– Значицца, энто и есть та самая Фалька...

– Едва-едва из девчонок вылезла...

– Девчонка! Тьфу! Резака!

– Шестерых парней, говорят, рубанула, зверюга, на арене в Клармоне...

– А скольких еще ране-то! Дьяволица!

– Волчица!

– А кобыла, гляньте, какова кобыла-то? Чудных кровей лошадь... А вона, при Бонартовых-то тебеньках какой меч. Хо... Чудо чудное!

– Прекратить! – буркнул Дакре Силифант. – Не прикасаться! Куда ты со своими лапами в

чужое добро? Девушку тоже не трогать, не щупать, не оскорблять и не клеветать! Побольше уважения. Неизвестно, может, еще будем ее на рассвете казнить. Так пусть хоть до того времени в мире побудет.

– Ежели девке на смерть идтить, – ощерился Киприан Фрипп Младший, – то, может, остаток жизни-то ей маленько усладить и отодрать как следоват? Взять на сенцо и прочистить?

– Ну! – захохотал Каберник Турент. – А чего, можно бы! Спросим Филина, нельзя ль...

– Говорю вам, нельзя! – отрезал Дакре. – У вас только одно на уме, трахательники дурные! Сказал же, оставить девушку в покое. Андрес, Стигварт, а ну, станьте-ка с ней рядышком. И глаз не спускать, ни на шаг не отходить. А тех, что полезут, палкой!

– Ого! – сказал Фрипп. – Ну, нет так нет, нам все едино. Айда, парни, к скирдам, к местным, они там барана и поросенка запекают. Ведь нонче Равноночие, Эквинокций, праздник, стало быть. Пока господа советываются, мы можем повеселиться.

– Пошли! Достань-ка, Деде, какой-нито кувшинок из переметов. Выпьем. Можно, господин Силифант? Господин Харшейм? Праздник ноне, да и без того куда не поедем на ночь-то глядя.

– Тоже мне – толковая мысль, – поморщился Силифант. – Выпивки у них одни в головах да трахты! А кто тут останется, чтобы помогать девку стеречь и к господину Стефану бечь, ежели что?

– Я останусь, – вызвался Нератин Цека.

– И я, – поддержала Веда.

Дакре Силифант внимательно взглянул на них. Потом махнул рукой. Оставайтесь, мол. Фрипп и компания поблагодарили нестройным ревом.

– Но смотреть в оба, повнимательнее быть на том празднике, – предупредил Оль Харшейм. – Девочек не лапать, как бы еще кого мужики вилами в промежность не ткнули!

– Хе! Идешь с нами, Хлоя? А ты, Веда? Не надумала?

– Нет. Остаюсь.

– Они оставили меня у столба на цепи, со связанными руками. Охраняли двое. А двое стоявших поодаль непрерывно зыркали, наблюдали. Высокая и интересная женщина и мужчина с какой-то вроде бы женственной внешностью и движениями. Станный такой.

Кот, сидевший на середине комнаты, широко зевнул, заскучав, потому что замученная мышь перестала его забавлять. Высогота молчал.

– Бонарт, Риенс и Скеллен-Филин продолжали совещаться в светлице. Я не знала, о чем. Ждать могла самого худшего, но мне было как-то все равно. Ну, еще одна арена? Или просто убьют? А, да не все ль равно, лишь бы поскорее кончилось.

Высогота молчал.

Бонарт вздохнул.

– Не гляди волком, Скеллен, – повторил он. – Я просто хотел заработать. Мне, понимаешь, на отдых пора. На заслуженный. На веранде посидеть, на голубочков поглядеть. Ты давал мне за Крысиху сто флоренов и обязательно хотел получить мертвой. Меня это озадачило.

Сколько же эта девица может стоять в натуре? – подумал я. И сообразил, что если ее продать или отдать, то она наверняка будет не такой ценной, как если попридержать. Древний закон экономии и торговли. Такой товар, как она, постоянно растет в цене. Можно и поторговаться.

Филин сморщил нос, словно неподалеку что-то завоняло.

– А ты откровенен, Бонарт, до боли. Но переходи к делу. К пояснениям. Ты убегаешь с девчонкой через весь Эббинг и вдруг появляешься и растолковываешь нам принципы экономики. Объясни, что случилось?

– А что тут объяснять, – лстиво усмехнулся Риенс. – Господин Бонарт просто наконец-то понял, кто такая в действительности эта девка. И чего стоит.

Скеллен не удостоил его взглядом. Он смотрел на Бонарта, в его рыбы, ничего не выражающие глаза.

– И эту драгоценную девицу, – процедил он сквозь зубы, – эту ценнейшую добычу, которая может обеспечить ему приличную старость, он выталкивает в Клармоне на арену и заставляет драться не на жизнь, а на смерть. Рискует ее жизнью, хотя, по его мнению, живая она так много стоит. Как это понимать, Бонарт? Что-то у меня тут не вытанцовывается.

– Если б она погибла на арене, – Бонарт не опускал глаз, – это означало бы, что она вообще ничего не стоит.

– Понимаю. – Филин слегка насупился. – Но вместо того чтобы отвезти девку на очередную арену, ты привез ее ко мне. Почему, позволь спросить?

– Повторяю, – поморщился Риенс, – он понял, кто она такая.

– Прыткий вы типчик, господин Риенс. – Бонарт потянулся так, что хрустнули суставы. – Угадали. Да, правда, с этой выученной в Каэр Морхене ведьмачкой была связана еще одна загадка. В Гесо, во время нападения на благородную девицу, девка распустила язычок. Мол, она такая важная, знатная и титулованная, что баронесса перед ней – чепуховина и кукиш с маслом и вообще пониже кланяться должна. Получалось, подумал я, Фалька – самое меньшее – графиня. Интересно. Ведьмачка – раз. Часто мы встречаем ведьмачек? В банде Крыс состоит – два. Имперский коронер собственной персоной гоняется за ней от Кората до Эббинга, приказывая прикончить, – три. А ко всему тому... дворянка вроде бы высокого рода. Ну, думаю, надо будет девку наконец спросить, кто же она в действительности такая.

Он на минуту замолчал.

– Ну, вначале, – он вытер нос манжетом, – она говорить не хотела. Хоть я и просил. Рукой, ногой, кнутом просил. Калечить не хотел... Но надо ж было так случиться, что рядом оказался цирюльник. С прибором для вырывания зубов. Привязал я ее к стулу...

Скеллен громко сглотнул. Риенс усмехнулся. Бонарт осмотрел манжет.

– Все сказала, прежде чем... Как только увидела инструменты. Ну, клещи зубные, козиножки. Сразу разговорчивой стала. Оказалось, что это...

– Княжна Цинтры, – сказал Риенс, глядя на Филина. – Наследница престола. Кандидатка в жены императору Эмгыру.

– Чего господин Скеллен сказать мне не соизволил, – поморщился охотник за наградами. – А поручил просто пришить. Несколько раз повторил: убить на месте, и безжалостно! Как же так, господин Скеллен? Убить королевну? Будущую супругу вашего императора? С которой, если

верить слухам, император того и гляди пойдет под венец, после чего будет объявлена крупная амнистия.

Произнося свою речь, Бонарт сверлил Скллена взглядом. Но имперский коронер глаз не опустил.

– М-да, – продолжал охотник. – Вот и получается весьма неприятная история. И тогда, хоть и не без сожаления, но от своих планов в отношении ведьмачки я отказался. Привез эту «весьма неприятную историю» сюда, к вам, господин Скллен. Чтобы поболтать, значит, договориться... Потому как этих неприятностей вроде бы многовато для одного Бонарта...

– Очень верный вывод, – скрипуче проговорил кто-то из-за пазухи Риенса. – Весьма, весьма верный вывод, господин Бонарт. То, что вы, господа, поймали, чуточку многовато для вас обоих. К вашему счастью, у вас есть еще я.

– Это что такое? – вскочил Скллен со стула. – Что это такое, черт вас побери?

– Мой мэтр, чародей Вильгефорц. – Риенс вынул из-за пазухи малюсенькую серебряную коробочку. – Точнее говоря, голос моего мэтра. Идущий из этого вот приспособления, именуемого ксеноглозом.

– Приветствую всех присутствующих, – проговорила коробочка. – Сожалею, что могу вас только слышать, но осуществить телепроекцию либо телепортацию не позволяют мне срочные дела.

– Этого, хрен с маслом, еще не хватало, – проворчал Филин. – Но можно было догадаться. Риенс слишком глуп, чтобы действовать в одиночку и по своему разумению. Можно было догадаться, что ты все время таишься где-то во мраке, Вильгефорц. Как старый, ожиревший паук, прячешься в темноте, поджидая, когда дрогнет паутинка.

– Ах, какое образное сравнение!

Скллен фыркнул.

– И не вешай нам лапшу на уши, Вильгефорц. Ты пользуешься Риенсом и его шкатулкой не из-за навала занятий, а из страха перед армией чародеев, твоих былых дружков по Капитулу, сканирующих весь мир в поисках следов магии с твоим алгоритмом. Если б ты попытался телепортироваться, они б тебя засекли мгновенно.

– Ах, какие поразительные знания!

– Мы не были представлены друг другу. – Бонарт достаточно театрально склонился перед серебряной коробочкой. – Но получается, что по вашему поручению и получив от вас соответствующие полномочия, господин чернокнижник милсдарь Риенс обещает девушке мученичество? Я не ошибаюсь? Даю слово, эта девица с каждой секундой становится все значительнее. Оказывается, она потребна всем.

– Мы не были представлены, – сказал из коробочки Вильгефорц, – но я знаю вас, Бонарт, Лео Бонарт, и вы удивитесь, насколько хорошо. А девушка действительно важна. Как ни говори, она – Львенок из Цинтры, Старшая Кровь. В соответствии с предсказаниями Итлины ее потомкам предстоит править миром.

– Поэтому она вам так нужна?

– Мне нужна только ее плацента, детское место. Когда я извлеку из нее детское место, остальное можете взять себе. Что это я там слышу? Какое-то ворчание? Какие-то отвратительные вздохи и сопение? Чьи? Уж не ваши ли, Бонарт, человека, который

ежедневно изуверски истязает девушку и физически, и психически? Или Стефана Скеллена, который по приказу предателей и заговорщиков собирается девушку убить? Э?

«Я подслушивала их, – вспоминала Веда, лежа на нарах с подложенными под голову руками. – Стояла за углом и чуяла. И волосы у меня шевелились. На всем теле. Наконец-то я поняла, в какое дерьмо вляпалась».

– Да, да, – донеслось из ксеноглоза, – ты предал своего императора, Скеллен. Не колеблясь, при первой же возможности.

Филин пренебрежительно фыркнул.

– Получить обвинения в предательстве из уст такого суперпредателя, как ты, Вильгефорц, воистину что-то да значит. Я почувствовал бы себя польщенным, если бы от твоих слов не несло базарной хохмой.

– Я не обвиняю тебя в предательстве, Скеллен, я смеюсь над твоей наивностью и неспособностью предавать. Ради кого ты предаешь своего хозяина? Ради Ардаля аэп Даги и де Ветта, князей с оскорбленной болезненной гордостью, обиженных тем, что их дочерей император отверг, намереваясь жениться на цинтрийке. А они-то рассчитывали на то, что именно с их родов начнется новая династия, что именно их роды станут в Империи первыми, быстро подымутся даже выше трона. Эмгыр одним мановением руки лишил их этих надежд, и тогда они решили изменить ход истории. К вооруженному восстанию они еще не готовы, но ведь можно умертвить девушку, которую Эмгыр предпочел их чадам. Собственные аристократические ручки, естественно, пачкать не хочется, и они находят наемного убийцу, Стефана Скеллена, страдающего избытком амбиций. Как это было, Скеллен? Не поведаешь ли?

– Зачем?! – крикнул Филин. – И кому? Ты, как всегда, знаешь все, великий маг! Риенс, как всегда, не знает ничего, так оно и должно остаться, а Бонарта это не интересует...

– А тебе, как я уже сказал, похвастаться нечем. Князя подкупили тебя обещаниями, но ты, как ни говори, достаточно умен, чтобы не понимать, что тебе с князьками не по пути. Сегодня ты им нужен как орудие уничтожения цинтрийки, завтра они отделаются от тебя, потому что ты – низкороджденный парвеню. Тебе в новой Империи пообещали должность Ваттье де Ридо? Да ты, пожалуй, и сам в это не веришь, Скеллен. Ваттье им нужнее, потому что перевороты переворотами, но секретные службы остаются. Твоими руками они хотят только убивать, Ваттье же им потребен, чтобы овладеть аппаратом государственной безопасности и сыска. Кроме того, Ваттье – виконт, а ты никто.

– Действительно, – надул губы Филин. – Я чересчур разумен, чтобы не заметить этого, следовательно, сейчас я должен, в свою очередь, предать Ардаля аэп Даги и присоединиться к тебе, Вильгефорц? На это ты намекаешь? Но я не флюгер-петушок на башне! Если я поддерживаю идею революции, то по убеждению и идеологии. Необходимо кончать с самодержавной тиранией, ввести конституционную монархию, а после нее – демократию...

– Что?!

– Власть народа. Систему, в которой править будет народ. Все граждане всех сословий и состояний через избранных в честных выборах наиболее достойных и наиболее порядочных представителей...

Риенс расхохотался. Дико засмеялся Бонарт. Искренне, хоть и немного со скрипом засмеялся из ксеноглоза чародей Вильгефорц. Все трое долго хохотали, горохом рассыпая слезы.

– Хорошо, – прервал веселье Бонарт. – Мы тут не на кукольное представление пришли, а на

торг. Девушка пока что не входит в число порядочных граждан всех сословий, а принадлежит мне. Но я могу ее уступить. Что можете предложить, господин чародей?

– Власть над миром тебя устроит?

– Нет.

– Значит, могу предложить, – медленно проговорил Вильгефорц, – присутствовать при том, что я буду делать с девушкой. Сможешь посмотреть. Я знаю, такие спектакли ты предпочитаешь всем другим удовольствиям.

Глаза Бонарта полыхнули белым пламенем. Но он был спокоен.

– А если конкретнее?

– А если конкретнее: я готов выплатить тебе твою двадцатикратную ставку. Две тысячи флоренов. Поразмысли, Бонарт, это ведь мешок денег, которого ты не поднимешь, понадобится выучный мул. Тебе этого хватит на «заслуженный отдых», веранду, голубков и даже на водку и девок, если сохранишь разумную умеренность.

– Согласен, господин магик, – внешне беззаботно рассмеялся охотник. – Этой водкой и девками вы поразили меня прямо-таки в сердце. Что ж, dokonчим торг. Но на предложенную обсервацию я б тоже согласился. Правда, предпочитал бы видеть, как она подышает на арене, но и на вашу работу ножичком тоже охотно кину взгляд. Добавьте в виде довеска.

– Уговор – железо.

– Быстренько у вас пошло, – терпко оценил Филин. – И верно, Вильгефорц, быстро и гладко заключили вы с Бонартом союз. Союз, который, однако, есть и будет

societas leonina [48]. А вы ни о чем, случайно, не забыли? Светлицу, в которой сидите вы и цинтрийка, коей торгуете, окружают два десятка вооруженных людей. Моих людей, заметьте.

– Дорогой коронер Скеллен, – прозвучал из коробочки голос Вильгефорца. – Вы оскорбляете меня, думая, будто при обмене я намерен вас обидеть. Совсем наоборот. Я намерен быть невероятно щедрым. Правда, не смогу обеспечить вам достижения той, как вы изволили выразиться, демократии, но гарантирую материальную помощь, логистическую поддержку и доступ к информации, благодаря чему вы перестанете быть для заговорщиков оружием и халявщиком, а станете партнером. Таким, с личностью и мнением которого будет считаться князь Йоахимм де Ветт, герцог Ардаль аэп Даги, граф Бруанне, граф д'Арви и остальные заговорщики голубой крови. И что с того, что это

societas leonina? Разумеется, если добычей оказывается Цирилла, то львиную долю добычи получу я, как мне, кстати, кажется, законно. И тебя это так трогает? Ведь и у тебя выгоды будут немалые. Если отдашь мне цинтрийку, считай, что место Ваттье де Ридо у тебя в кармане. А став шефом секретных служб, Стефан Скеллен, можно реализовать любые, даже самые бредовые идеи, к примеру, демократию и честные выборы. Так что, видишь, одна тощая пятнадцатилетняя девчонка обеспечивает тебе исполнение жизненной мечты и амбиций. Ты это видишь? Видишь, а?

– Нет, – покрутил головой Филин. – Исключительно слышу.

– Риенс.

– Да, мэтр?

– Покажи господину Скеллену образец качества нашей информации. Скажи, что выжал из

Ваттье.

– В этом отряде, – сказал Риенс, – есть подсадная утка.

– Что?!

– То, что слышишь. У Ваттье де Ридо здесь есть свой человек. Он знает обо всем, что ты делаешь, знает, зачем делаешь, и знает, для кого делаешь. Ваттье вернул к вам своего агента.

Он подошел тихо, так, что она почти не слышала.

– Веда.

– Нератин.

– Ты чужая мои мысли. Там, в светлице. Ты знаешь, о чем я думал. Значит, знаешь, кто я.

– Послушай, Нератин...

– Нет, послушай ты, Жоанна Сельборн. Стефан Скеллен предает страну и императора. Он – заговорщик. Все, кто его держится, кончат на эшафоте. Их станут разрывать лошадьми на площади Тысячелетия.

– Я ничего не знаю, Нератин. Я исполняю приказы... Чего ты от меня хочешь? Я служу коронеру... А кому служишь ты?

– Императору... Господину де Ридо.

– Повторяю: чего ты от меня хочешь?

– Чтобы ты проявила разумность.

– Отойди. Я не выдам тебя, не скажу... Но отойди, пожалуйста. Я не могу, Нератин. Я – простая женщина. Не для моего все это ума. * * *

«Не знаю, что делать. Скеллен называет меня «госпожа Сельборн». Как офицера. Кому я служу? Ему? Императору? Империи? Откуда мне знать».

Веда оттолкнулась спиной от угла домика, прутиком и грозным ворчанием отогнала деревенских ребятишек, с любопытством рассматривавших сидящую у столба Фальку.

«Ох, в хорошую заварушку я попала. Ох, запахло в воздухе веревкой. И конским навозом на площади Тысячелетия.

Не знаю, чем это кончится, – подумала Веда. – Но я должна в нее войти. В эту Фальку. Хочу на минутку почувствовать ее мысли. Знать то, что знает она.

Понять».

– Она подошла, – сказала Цири, поглаживая кота. – Высокая, опрятная, сильно отличающаяся от всей остальной шпани... На свой лад даже красивая. И вызывающая уважение. Те двое, что меня стерегли, вульгарные простолюдины, перестали ругаться, когда она подошла.

Высогота молчал.

– А она, – продолжала Цири, – наклонилась, заглянула мне в глаза. Я сразу что-то

почувствовала. Что-то странное. У меня что-то вроде бы хрустнуло в затылке, заболело. Зашумело в ушах. В глазах сделалось на мгновение очень светло... Что-то в меня проникло, отвратительное и скользкое... Я это знала. Йеннифэр показывала мне в храме... Но этой женщине я не хотела позволить... Поэтому просто отторгла то, чем она меня изучала, оттолкнула и выбросила из себя изо всей силы, на какую была способна. А высокая женщина изогнулась и покачнулась, словно получила удар кулаком, сделала два шага назад... И кровь потекла у нее из носа. Из обеих ноздрей.

Высогота молчал.

– А я, – Цири подняла голову, – поняла, что произошло. Я вдруг почувствовала в себе Силу, которую потеряла там, в пустыне Корат. Отреклась от нее. Не могла потом черпать, не могла пользоваться. А она, эта женщина, дала мне Силу, прямо-таки вложила оружие в руку. Это был мой шанс. * * *

Веда отшатнулась и тяжело опустилась на песок, покачиваясь и ощупывая почву около себя, словно пьяная. Кровь текла у нее из носа на губы и подбородок.

– В чем дело?.. – Андрес Верный вскочил, но тут же обеими руками схватился за голову, раскрыл рот, из горла у него вырвался хрип. Широко раскрытыми глазами он глядел на Стигварда, но из носа и ушей пирата тоже проступала кровь, а глаза заволакивал туман. Андрес упал на колени, глядя на Нератина Цеку, стоявшего сбоку и спокойно глядевшего на них.

– Нера... тин... Помоги...

Цека не пошевелился. Он смотрел на девушку. Она повернула голову, и он покачнулся.

– Не надо. Я на твоей стороне, – быстро предупредил он. – Я хочу тебе помочь. Давай я перережу веревки... На, возьми нож, ошейник разрежешь сама. Я приведу коней.

– Цека... – с трудом выдавил Андрес Верный. – Ах ты, предатель...

Девушка ударила его взглядом, он упал на лежащего неподвижно Стигварда и скрючился, словно плод в лоне матери. Веда все еще не могла подняться. Кровь густыми каплями падала на грудь и живот.

– Тревога! – крикнула вдруг появившаяся из-за домов Хлоя Штиц, упуская из руки баранье ребро. – Тре-е-е-вога!.. Силифант! Скеллен! Девчонка сбегает!

Цири уже была в седле. В руке – меч.

– Йа-а-а-а, Кэльпи! Йа-а-а-а!!!

Веда скребла пальцами песок. Встать не могла. Ноги не слушались, были словно деревянные. «Псионичка, – подумала она. – Я налетела на суперпсионичку. Девушка в десятки раз сильнее меня... Хорошо, что не убила... Каким чудом я все еще не потеряла сознание?»

От домов уже бежали люди, в голове – Оль Харшейм, Берт Бригден и Тиль Эхрад. Спешили на майдан также и стражники от ворот, Дакре Силифант, Бореас Мун. Цири развернулась, взвизгнула, помчалась галопом к реке. Но и оттуда уже бежали вооруженные люди.

Скеллен и Бонарт выскочили из светлицы. У Бонарта в руке был меч. Нератин Цека крикнул, налетел на них конем и повалил обоих. Потом прямо с седла кинулся на Бонарта и прижал его к земле. Риенс выскочил на порог и глядел на все это дурными глазами.

– Хватайте ее! – рявкнул Скеллен, поднимаясь с земли. – Хватайте или убейте!

– Живую! – взвыл Риенс. – Живу-у-у-ю!

Веда видела, как Цири оттеснили от частокола, идущего вдоль реки, как она развернула вороную кобылу и помчалась к воротам. Видела, как Каберник Турент подпрыгнул и хотел стащить ее с седла, видела, как сверкнул меч, видела, как из шеи Турента вырвалась карминовая струя. Деде Варгас и Фрипп Младший видели это тоже и, не решившись загородить девушке дорогу, скрылись за домами.

Бонарт вскочил, эфесом меча оттолкнул от себя Нератина Цека и рубанул страшно, наискось через грудь. И тут же прыгнул вслед за Цири. Разрубленный и истекающий кровью Нератин еще сумел схватить его за ноги и отпустил только тогда, когда Бонарт пригвоздил его острием меча к земле. Но этих нескольких мгновений было достаточно.

Девушка толкнула кобылу, уходя от Силифанта и Муна. Скеллен, наклонившись словно волк, забежал слева, махнул рукой. Веда видела, как что-то блеснуло в полете, видела, как девушка дернулась и покачнулась в седле, а из ее лица фонтаном хлестнула кровь. Она отклонилась назад так, что минуту почти лежала спиной на крупе кобылы. Но не упала, выпрямилась, удержалась в седле, прижалась к лошадиной шее. Вороная кобыла раскидала вооруженных людей по сторонам и мчалась прямо на ворота. За ней бежали Мун, Силифант и Хлоя Штиц с арбалетом.

– Не перескочит! Она наша! – торжествующе крикнул Мун. – Семь футов не возьмет ни один конь!

– Не стреляй, Хлоя!

Хлоя Штиц не расслышала в общем гуле. Остановилась. Приложила самострел к щеке. Все знали, что Хлоя никогда не мажет.

– Труп! – крикнула она. – Труп!

Веда видела, как незнакомый ей по имени невысокий мужчина подбежал, поднял свой арбалет и выстрелил Хлое в спину. Болт прошел навывлет, исторгнув из спины женщины фонтан крови. Хлоя упала, не издав ни звука.

Вороная кобыла домчалась до ворот, чуть отвела назад голову, прыгнула, взметнулась над воротами, красиво подогнув передние ноги, перелетела через них, как черная шелковая лента! Поджатые задние копыта даже не лизнули верхней перекладины.

– О боги! – возопил Дакре Силифант. – Боги, что за лошадь! Она стоит золота по своему весу!

– Кобыла тому, кто ее поймает! – крикнул Скеллен. – По коням! По коням и за ней!

Через открытые наконец ворота карьером рванулась погоня, взбивая пыль. Впереди всех, в голове, неслись Бонарт и Бореас Мун.

Веда с трудом приподнялась, тут же покачнулась и снова тяжело опустилась на землю. По ногам болезненно бегали мурашки.

Каберник Турент не двигался, лежа в красной луже, широко раскинув руки и ноги. Андрес Верный пытался поднять все еще валяющегося в обмороке Стигварда.

Скорчившаяся на песке Хлоя Штиц казалась маленькой, как ребенок.

Оль Харшейм и Берт Бригден приволокли к Скеклену невысокого мужчину, убившего Хлою. Филин тяжело дышал и прямо-таки дрожал от ярости. Из перевешенной через грудь бандольеры вынул вторую стальную звезду, такую же, какой только что ранил в лицо девушку.

– Чтоб тебя ад поглотил, Скеклен, – сказал невысокий мужчина.

Веда вспомнила, как его зовут. Мекессер. Йедия Мекессер, геммериец. Она узнала его еще в Рокаине.

Филин сгорбился, резко махнул рукой. Шестиконечная звезда взвыла в воздухе и глубоко врезалась в лицо Мекессера между глазом и носом. Мекессер даже не крикнул, только начал сильно и спазматически дергаться в руках Харшейма и Бригдена. Дергался он долго, а зубы выставил так по-звериному, что все отвернулись. Все, кроме Филина.

– Вырви из него мой орион, Оль, – приказал Стефан Скеклен, когда наконец труп бессильно повис в державших его руках. – И закопайте эту пададь вместе с той другой падлой, с тем гермафродитом. Чтобы следа от паршивых предателей не осталось.

Неожиданно завыл ветер, налетели тучи, и сразу стало темно.

Часовые перекликались на стенах цитадели, храпели дуэтом сестры Скарра, Петюх громко отливал в пустую парашу.

Веда натянула одеяло под подбородок. Вспоминала.

«Они не догнали девушку. Она исчезла. Просто-напросто исчезла.

Бореас Мун – невероятно! – потерял след вороной кобылы через каких-то три мили. Неожиданно, без предупреждения, сделалось темно, вихрь пригнул деревья почти до земли. Хлынул дождь, загремел гром, засверкали молнии.

Бонарт не успокоился. Вернулся в Говорог. Орала друг на друга все: Бонарт, Филин, Риенс и тот четвертый, загадочный, нечеловеческий, скрипящий голос. Потом подняли на седла всю ганзу, кроме тех, которые вроде меня не в состоянии были ехать. Созвали кметов с факелами, помчались в леса. Вернулись поутру.

Ни с чем. Если не считать ярости, горевшей в глазах.

Разговоры, – вспоминала Веда, – начались лишь через несколько дней. Вначале все слишком боялись Филина и Бонарта, которые так бесились, что лучше было не попадаться им на глаза. За какое-то неловкое словцо даже Берт Бригден, офицер, получил рукоятью нагайки по лбу.

Но потом разговоры пошли о том, что творилось во время погони. О маленьком соломенном единороге из часовенки, который вдруг вырос до размеров дракона и напугал коней так, что седоки свалились с седел, чудом не переломав шеи. О мчащейся по небу кавалькаде огненноглазых призраков на конских скелетах, которых вел страшный король-скелет, приказывавший своим слугам-упырям затирать следы копыт черной кобылы рваными плащами. Об ужасном хоре козодоев, орущих «Лиик'йорр, лиик'йорр из крови». О наводящем ужас вое призрачной беанн'ши, вестницы смерти.

Ветер, дождь, тучи, кусты и деревья фантастических форм, вдобавок страх, у которого глаза велики, разъяснял Бореас Мун, побывавший там лично. Вот и все объяснение. А козодои? Ну что, козодои как козодои, эти, добавлял он, завсегда кричат.

А тропа, следы копыт, которые вдруг исчезают, словно лошадь в небеса улетела?

Лицо Бореаса Муна, следопыта, умеющего выследить рыбу в воде, при таком вопросе становилось унылым. Ветер, отвечал он, ветер засыпал следы песком и листьями. Другого объяснения нет.

Некоторые даже верили, – вспоминала Веда, – некоторые даже поверили, что все это были естественные явления либо миражи. И даже смеялись над ними.

Но смеяться перестали. После Дун Дара. После Дун Дара уже не смеялся никто».

Когда он ее увидел, то невольно попятился, втянув воздух.

Она смешала гусиный смалец с печной сажей и получившейся густой краской зачернила глазные впадины и веки, растянув их длинными линиями до самых ушей и висков.

Выглядела она не хуже дьявола.

– От четвертого островка на высокий лес, самым краем, – повторил он. – Потом вдоль реки до трех усохших деревьев, от них грабами по болоту напрямик на запад. Как появятся сосны, поезжай краем и считай просеки. Свернешь в девятую и потом уж не сворачивай никуда. Потом будет поселок Дун Дар, с его северной стороны – выселки. Несколько халуп. А за ними, на развилке, корчма.

– Запомнила. Не беспокойся.

– Особенно осторожной будь на излучинах реки. Остерегайся мест, где камыши реже. Мест, поросших горецом. А если все-таки еще до сосняка тебя застанут сумерки, остановись и пережди до утра. Ни в коем случае не ездь по болотам ночью. Уже почти новолуние, к тому же тучи...

– Знаю.

– Теперь относительно Страны Озер... Направляйся на север через горы. Избегай главных трактов, там всегда полно солдат. Когда доберешься до реки, большой реки, которая называется Сильта, – это будет больше половины пути.

– Знаю. У меня есть карта, которую ты начертил.

– Ах да, конечно.

Цири в который раз проверила упряжь и вьюки. Механически. Не зная, что сказать. Оттягивая то, что наконец сказать следовало.

– Мне приятно было принимать тебя здесь, – опередил он. – Серьезно. Прощай, ведьмачка.

– Прощай, отшельник. Благодарю тебя за все.

Она уже была в седле, уже приготовилась тронуть Кэльпи, когда он подошел и схватил ее за руку.

– Цири, останься, пережди зиму...

– К озеру я доберусь до морозов. А потом, если все будет так, как ты сказал, то уже ни тракты, ни морозы не будут иметь значения. Я возвращусь телепортом на Танедд. В школу в Аретузе. К госпоже Рите... Как давно это было, Высогота. Как давно...

– Башня Ласточки – легенда. По мне, это всего лишь легенда.

– Я тоже всего лишь легенда, – сказала она с горечью. – С рождения. Zireael, Ласточка,

дитя-неожиданность. Избранница. Дитя Предназначения. Дитя Старшей Крови. Я еду, Высогота. Будь здоров.

– Будь здорова, Цири.

Корчма на развилке за выселками была пуста. Киприан Фрипп Младший и три его дружка запретили входить местным жителям и прогоняли приезжих. А сами пиршествовали и пили целыми днями напролет, высиживая в мрачном кабаке, смердящем так, как обычно смердит корчма зимой, когда не отворяют ни окон, ни дверей, – кошками, мышами, потом, онучами, сосняком, жиром, чем-то горелым и мокрой сохнувшей одеждой.

– Собачья доля, – повторил, пожалуй, в сотый раз Юз Йанновиц, геммериец, махнув рукой прислуживавшим девкам, чтобы те принесли водки. – Чтоб перекрутило этого Филю! В такой паршивой дыре заставил портки просиживать! Уж лучше б по лесам с патрулями ездить!

– Дурак, – ответствовал Деде Варгас. – На дворе чертовский зяб. Нет, уж лучше в тепле. Да с девкой!

Он с размаху шлепнул девушку по ягодицам. Девушка пискнула, не очень убедительно и с явно видимым равнодушием. Правду сказать, глуповата была. Работа в корчме научила ее только тому, что, когда шлепают или щиплют, надобно пищать.

Киприан Фрипп и его компания взялись за обеих девок на другой же день по приезде. Корчмарь боялся слова молвить, а девки были не настолько резвы, чтобы думать о протестах. Жизнь уже успела научить их, что ежели девка протестует, то ее бьют. Потому разумней погодить, пока «желателям» наскучит.

– Энта Фалька, – притомившийся Риспат Ля Пуант завел очередной стандартный разговор поднадоевших вечерних бесед, – сгинула где-то в лесах, говорю вам. Я видал, как тогда ее Скеллен орионом в морду секанул, как из ее кровушка фонтаном рвалась! Из этого, говорю вам, она очухаться не могла!

– Филя промахнулся, – заявил Юз Йанновиц. – Едва скользнул орионом-то. Морду, верно, недурственно ей разделал, сам видел. А помешало это девке перескочить через ворота? А? Свалилась она с коня? А? Аккурат! А ворота я опосля измерил: семь футов и два дюйма, тютелька в тютельку. Ну и что? Прыгнула! Да еще как! Промеж седла и жопы лезвие ножа не воткнешь!

– Кровь из ее лилась как из ведра, – возразил Риспат Ля Пуант. – Ехала, говорю вам, ехала, а опосля свалилась и подохла в какой-нито яме, волки и птицы падаль сожрали, куницы dokonчили, а муравцы дочистили следы. Конец,

deireadh! Сталбыть, мы тута, говорю вам, понапрасну портки просиживаем и денежки пропиваем. К тому ж лафы никакой не видать!

– Не может так быть, чтобы опосля трупа ни следу, ни знаку не осталось, – убежденно проговорил Деде Варгас. – Завсегда чегой-то да остается: череп, таз, кость какая потолще. Риенс, тот чаровник, остатки Фалькины наконец отыщет. Вот тогда будет делу конец.

– И может, тогда нас в таки места погонют, что с любовью тепершнее безделье и паршивый этот хлев вспомним. – Киприан Фрипп Младший окинул утомленным взглядом стены корчмы, на которых знал уже каждый гвоздь и каждый подтек. – И эту водяру паскудную. И этих вона двух, от которых луком несет, а когда их прочищаешь, то лежат ровно телки, в потолок зыркают и в зубах ковыряют.

– Все лучше, чем скукотища эта, – проговорил Юз Йанновиц. – Выть хоцца! Давайте сотворим

хоть чего-то! Что угодно! Деревню подпалим или еще чего сделаем?

Скрипнула дверь. Звук был такой необычный, что все четверо сорвались с мест.

– Вон! – зарычал Деде Варгас. – Выметайся отседова, дед! Попрошайка хренов! Вонючка! Пшел во двор! Ну!

– Оставь, – махнул рукой утомленный Фрипп. – Видишь, дудку вытягивает. Небось нищенствует, видать, старый солдат, что дудкой да пением по постоянным дворам промышляется. На дворе слякоть и зяб. Пусть посидит...

– Только подальше от нас. – Юз Йанновиц указал деду, где тому можно сесть. – Нито нас воши зажрут. Отседова видать, какие по ему быки ползают. Подумать можно – не воши, а черепахи.

– Дай ему, – скомандовал Фрипп Младший, – какой-нито жратвы, хозяин. А нам водяры!

Дед стащил с головы огромный валяный колпак и уважительно разогнал вокруг себя вонь.

– Благодарствуйте, благородники, – промямлил он. – Ноне ведь сочевник Саовинны, праздник. В праздник негоже никого гонять, чтоб под дождем мок и мерз. В праздник годится почествовать...

– Верно, – хлопнул себя по лбу Риспат Ля Пуант. – И верно, ведь сочевник Саовинны нынче! Конец октября!

– Ночь чар. – Дед отхлебнул принесенного ему жидкого супа. – Ночь духов и страхов!

– Ого! – сказал Юз Йанновиц. – Дедок-то, гляньте, сейчас нас тут нищенской повестью порадует!

– Пусть радуется, – зевнул Деде Варгас. – Все лучше, чем нуда эта!

– Саовинна, – повторил загрустевший Киприан Фрипп Младший. – Уж пять недель после Говорога. И две – как здесь сидим. Битых две недели! Саовинна, ха!

– Ночь чудес. – Дед облизнул ложку, пальцами выбрал что-то со дна миски и сшамкал. – Ночь страхов и чар!

– Ну, не говорил я? – ощерился Юз Йанновиц. – Будет дедовская сказка!

Дед выпрямился, почесался и икнул.

– Сочевник Саовинны, – начал он напыщенно, – последняя ночь перед ноябрьским новолунием, у эльфов – последняя ночь старого года. Когда новый день наступит, то это у эльфов уже новый год. И тут у эльфов есть обычай, чтоб в ночь Саовинны все огни в доме и окрест от одной щепы смолистой зажечь, а остаток щепы спрятать как следует, аж до мая, и той же самую огонь Беллетэйна распалить, в новолуние. Тогда будет везенье и даренье. Так не токмо эльфы, но и также наши некоторые делают. Чтобы от духов злых ухраниться...

– Духов, – фыркнул Юз. – Послушайте только, что этот старпер болтает!

– Это ночь Саовинны! – продолжал дед торжественным тоном. – В такую ночь духи ходят по земле! Души покойных стучат в окна, впустите нас, впустите. Тогда им надобно меду дать и каши и все это водкой окропить...

– Водкой-то я себе самому предпочитаю горло кропить, – захохотал Риспат Ля Пуант. – А твои духи, старик, могут меня вот сюда поцеловать!

– Ох, милсдарь, не шуткуйте над духами, мстивые они ибo! Сегодня сочевник Саовинны, ночь страхов и чар. Наставьте уши, слышите, как вокруг шуршит и постукивает? Это мертвые приходят с того света, хотят вкрасься в дом, чтобы отогреться при огне и сыто поесть. Там, по голым полям и облысевшим лесам, гуляет ветер и заморозь. Зablудшие души зябнут, тянутся к жилью, где тепло и огонь. Тут не след забыть им выставить еды в мисочке на порог или где на гумне, потому как если там мертвецы ничего не сыщут, то по полночи сами в халупу войдут, чтобы пошукать...

– О Господи помилуй! – громко шепнула одна из девок и тут же пискнула, потому что Фрипп ущипнул ее в ягодицу.

– Недурная повестушка, – сказал он. – Но до совсем доброй ей далеко! Налей-ка, хозяин, старику кружку пивка теплого для сугреву! Может, добрую расскажет! Добрую повесть о духах, парни, вы по тому узнаете, что заслушавшихся девок можно как следует ущипнуть, они и не заметят!

Мужчины захохотали, послышался писк обеих девушек, на которых проверялось качество повествования. Дед отхлебнул теплого пива, громко шмыгая носом и отрыгиваясь.

– Глади мне не упейся да не усни! – грозно предостерег Деде Варгас. – Не задаром тебя поим! Давай говори, пой, на дуде играй! Веселье должно быть.

Дед раскрыл рот, в котором одинокий зуб белел словно верстовой столб среди темной степи.

– Так это ж, милсдарь, Саовинна! Какая тут музыка, какая игра? Не можно. Музыка для Саовинны – это вон тот за окном ветер. Это оборотни воют и вомперы, мамуны стонут и стенают, гули зубами скрежещут! Беанн'ши скулит и кричит, а кто тот крик услышит, тому, это уж точно, скорая смерть писана. Все злые духи покидают свои укрытия, ведьмы летят на последний их предзимний шабаш! Саовинна – ночь страхов, чудес и волшебства! В лес не ходить, потому как леший загрызет! Через жальник не ходить, потому как мертвяк уцепит! Вообще лучше из хаты не выходить, а для верности в порог вбить новый нож железный, над таковым зло переступить не осмелится. Бабам же надобно особливо детей стеречь, потому как в ночь Саовинны дитяню может русалка либо слезливица скрасть, а обмерзлого найденыша подкинуть. А которая баба на сносях, та пусть лучше не выходит на двор, потому как ночница может плод в лоне попортить! Заместо ребенка родится упырь с железными зубами...

– О Господи!

– С железными зубами! Для почину матери грудь отгрызет. Потом руки. Лицо обглаживает... Ух, чтой-то я оголодал...

– Возьми кость, на ней еще осталось малость мяса. Старичкам много есть не здорово, запор может сделаться и – конец, ха-ха! А, хрен с ним, принеси ему еще пива, девка. Ну, старый, давай о духах еще!

– Саовинна, милостивые государи мои, для упырей последняя ночь, чтобы посвоевольничать. Позже заморозь силы у них отбирает, потому собираются оне в Бездне, под землей, откуда уж цельную зиму носа не кажут. Потому от Саовинны и до февраля, до праздника Имбаэлк, до Почкования, значицца, самое лучшее время для походов в места волшебные, чтобы сокровищ там искать. Ежели в теплый час, для примеру, в негодяйшиковой могиле копать, то выскочит оттедова негодяйщик разозленный и копальщика сожрет. А от Саовинны до Имбаэлка – копай и гребь, сколь сил достанет, негодяйщик, ровно старый медведь, крепко спит!

– Во наплел, старый хрыч!

– Правду я говорю, милсдарь. Да, да. Чародейская это ночь, Саовинна, страшная, но одновременно и наилучшая для ворожбы и предвещаний всяких разных. В такую ночь гадать надо и по костям ворожить, и по руке, и по белому петуху, и по луковице, и по сыру, и по кроличьей требухе, и по дохлому нетопырю...

– Тьфу на тебя!

– Ночь Саовинны – ночь страха и упырей... Лучше по домам сидеть. Всей родней... У огня...

– Всей родней, говоришь? – повторил Киприан Фрипп, неожиданно хищно осеревшись на дружков. – Всей, значит, родней, чуете? Вместе с той бабой, которая вот уж неделю от нас хитро по каким-то камышам кроется!

– Кузнечиха! – тут же сообразил Юз Йованновиц. – Златоволосая красотка! Ну у тебя башка, Фрипп! Сегодня можно ее в халупе придыбать! Ну, парни! Налетим на кузнечихин домишко?

– У-у-у, да хоть сейчас. – Деде Варгас крепко потянулся. – Прямо как вот вас вижу кузнечиху эту, через деревню идущую, ейные сиськи подпрыгивающие, ейный задок вертлявый... Надо было ее тогда сразу брать, не ждать, да вот Дакре Силифант, дурной служака... Но нонче нет здесь Силифанта, а кузнечиха в хате! Ждет!

– Разделали мы уже в здешней дыре солтыса чеканом, – скривился Риспат. – Разделали хама, который ему на помощь пёр. Нам что, мертвяков мало? Кузнец и сын его – парни что твои дубы. Страхом их не возьмешь. Надо их будет...

– Покалечить, – спокойно закончил Фрипп. – Только малость покалечить, ничего более. Кончайте пиво, собираемся и – в село. Устроим себе Саовинну! Натянем кожу шерстью наверх, рычать станем и орать, хамы подумают, это дьяволы либо кобольды.

– Ага. Затащим кузнечиху сюда, на квартиру, или позабавимся по-нашему, по-геммерски, у семейки на глазах?

– Одно другому не мешает. – Фрипп Младший выглянул в ночь сквозь оконную пленку. – Ну и вьюга зачалась, мать-перемать! Аж тополя клонит!

– О-хо-хо! – вздохнул по-над кружкой старик. – Это не ветер, милостивцы, не вьюга это! Это чаровницы мчатся – одни верхом на метлах, другие в ступах, следы за собой метлами заматают. Неведомо, когда такая человеку в лесу дорогу перекроет и от заду зайдет, неведомо, когда нападет! А зубы-то у нее – во-о-она какие!

– Детишек тебе, дед, чаровницами пугать...

– Не скажите, господа, в недобрый час! Потому как я еще вам скажу, что самые страшные ведьмы – это ведьмовского сословия графини и княгини, о-хо-хо, так те не на метлах, не на кочергах, не в ступах ездят! Эти галопируют на своих черных котах!

– Хе-хе, хе-хе!

– Истинно говорю! Потому как в сочевник Саовинны, в эту единственную ночь в году, коты ведьмовы оборачиваются черными как смоль кобылами. И беда тому, кто в такую тьму тьмущую услышит стук копыт и увидит ведьму на вороной кобыле. Кто с такой ведьмой встренется, не избежит смерти. Завертит им ведьма, как вьюга листьями, унесет на тот свет!

– Ладно. Когда вернемся – закончишь. Да получше чего-нибудь придумай и дудку наладь. Вернемся, будет тут гулянка! Будем плясать и девку кузнецову лапать... В чем дело, Риспат?

Риспат Ля Пуант, вышедший на двор облегчить пузырь, вернулся бегом, лицо у него было

белее снега. Он бурно жестикулировал, указывая на дверь. Заговорить не успел, да и нужды в том не было. Во дворе громко заржал конь.

– Вороная кобыла, – проговорил Фрипп, чуть не прилепившись лицом к окну. – Та самая вороная кобыла. Это она.

– Чаровница?

– Фалька, дурень!

– Это ее дух! – Риспат резко втянул воздух. – Привидение! Она не могла выжить! Умерла и возвращается упырем. В ночь Саовинны...

– Приидет ночью, как траур черной, – забормотал дед, прижимая к животу пустую кружку. – А кто с ней встретится, тому смерти не миновать...

– Оружие! Хватай оружие! – лихорадочно крикнул Фрипп. – Быстрее! Дверь обставить с обеих сторон! Не понимаете? Посчастливилось нам! Фалька не знает о нас, заехала обогреться, мороз и голод выгнали из укрытия! Прямоком нам в руки! Филин и Риенс золотом нас обсыпят! Хватайте оружие...

Скрипнула дверь.

Дед сгорбился над крышкой стола, прищурился. Он видел плохо. Глаза были старые, попорченные глаукомой и хроническим воспалением спаек. К тому же в корчме было мрачно и дымно. Поэтому дед едва разглядел вошедшую в избу из сеней худенькую фигурку в курточке из ондатровых шкур, капюшоне и шарфе, заслоняющих лицо. Однако слух у старика был хороший. Он слышал тихий вскрик одной из прислужниц, стук сабо другой, тихое ругательство корчмаря. Слышал скрип мечей в ножнах. И тихий, злобный голос Киприана Фриппа:

– Поймали мы тебя, Фалька! Небось не ожидала нас здесь увидеть?

– Ожидала, – услышал дед. И вздрогнул при звуке этого голоса.

Он увидел движение щуплой фигурки. И услышал вздох ужаса. Приглушенный крик одной из девок. Он не мог видеть, что девушка, которую называли Фалькой, скинула капюшон и шарф. Не мог видеть чудовищно изуродованного лица. И глаз, обведенных краской из сажи и жира так, что они казались глазами демона.

– Я не Фалька, – сказала девушка. Дед снова увидел ее быстрое размазанное движение, увидел, как что-то огненно сверкнуло в свете каганков. – Я Цири из Каэр Морхена. Я – ведьмачка! Я пришла, чтобы убивать.

Дед, которому в жизни довелось быть свидетелем не одной пьяной драки, уже давно разработал прекрасный способ избежать повреждений: дал нырка под стол и крепко вцепился руками в ножки. Из такой позиции видеть, ясное дело, он ничего не мог. Да вовсе и не стремился. Он судорожно держался стола, а стол уже ездил по избе вместе с остальной мебелью в гуле, стуке, треске и скрежете, в топоте тяжело обутых ног, ругательствах, криках, ударах и звоне стали.

Одна из девок дико и непрерывно вопила.

Кто-то рухнул на стол, передвинув его вместе с уцепившимся за ножки дедом, и тут же свалился рядом с ним на пол. Дед заурчал, чувствуя, как на него хлынула горячая кровь. Деде Варгас, тот, что сначала хотел его вытурить – дед узнал его по латунным пуговицам на куртке, – жутко хрипел, рвался, разбрызгивал кровь, молотил вокруг себя руками. Один из

беспорядочных ударов угодил деду в глаз. Дед уже совсем перестал видеть что-либо. Орущая девка захлебнулась, утихла, вздохнула и принялась вопить снова, правда, взяв более высокую тональность.

Кто-то с грохотом шмякнулся на пол, снова на свежeweымытые сосновые доски хлынула кровь. Дед не разглядел, что теперь умирал Риспат Ля Пуант, которого Цири рубанула в шею. Он не видел, как Цири проделала пируэт перед самым носом Фриппа и Йанновица, как проскользнула сквозь их барьер словно тень, словно серый дым. Йанновиц вывернулся за ней следом, быстрым, мягким, кошачьим разворотом. Он был прекрасным фехтовальщиком. Уверенно стоя на правой ноге, ударил длинной, протяжной прямой, метясь в лицо девушки, прямо в ее мерзкий шрам. Он должен был попасть.

И не попал.

Заслониться тоже не успел. Цири рубанула его из выпада, вблизи, обеими руками, через грудь и живот. И тут же отскочила, закружилась, уходя от удара Фриппа, хлестнула согнувшегося Йанновица по шее. Йанновиц врезался лбом в лавку. Фрипп перепрыгнул над лавкой и трупом, ударил с размаху, широко. Цири парировала укосом, крутанула полупируэт и коротко ткнула его в бок над бедром. Фрипп закачался, повалился на стол, пытаясь удержать равновесие, инстинктивно протянул вперед руку. Когда он уперся пятерней в крышку стола, Цири быстрым ударом обрубила ему кисть.

Фрипп поднял брызжащий кровью обрубок, сосредоточенно взглянул на него, потом посмотрел на лежащую на столе кисть. И вдруг упал – резко, с размаху сел задом на пол, совсем так, словно поскользнулся на мыле. Сидя он зарычал, а потом принялся выть диким, высоким, протяжным волчьим воем.

Скорчившийся под столом, залитый чужой кровью дед слышал, как несколько секунд тянулся этот жуткий дуэт – монотонно кричащая девка и дико воющий Фрипп.

Девка умолкла первой, закончив визг нечеловеческим, давящимся стоном. Фрипп просто утих.

– Мама... – неожиданно проговорил он совершенно четко и осознанно. – Мапочка... Как же так... Как же... Что со мной... случилось? Что... со мной?

– Ты умираешь, – ответила изувеченная девушка.

У деда остатки волос встали на голове дыбом. Чтобы сдержать крик, он прикусил единственным зубом рукав сермяги.

Киприан Фрипп Младший издал такой звук, будто что-то с трудом проглотил. Больше никаких звуков он уже не издавал. Никаких.

Стало совершенно тихо.

– Что ж ты сотворила... – прозвучал в тишине дрожащий голос корчмаря. – Что ж ты наделала, девушка...

– Я – ведьмачка. Я убиваю чудовищ.

– Нас повесят... Деревню и корчму спалят.

– Я убиваю чудовищ, – повторила она, и в ее голосе вдруг пробилося что-то вроде удивления. Как бы сомнения. Неуверенность.

Корчмарь застонал, заныл. И зарыдал.

Дед понемногу выкарабкался из-под стола, сторонясь трупа Деде Варгаса, его жутко разрубленного лица.

– На черной кобыле едешь... – пробормотал он. – Ночью, черной как траур... Следы за собой заметаешь...

Девушка повернулась, взглянула на него. Она уже успела обернуть лицо шарфом, а поверх шарфа глядели обведенные черными кругами глаза упырихи.

– Кто с тобой встренется, – пробормотал дед, – тот не избежит смерти... Ибо ты сама есть смерть.

Девушка смотрела на него. Долго. И довольно спокойно.

– Ты прав, – сказала она наконец.

Где-то на болотах, далеко, но значительно ближе, чем раньше, второй раз послышался плачущий вой беанн'ши.

Высогота лежал на полу, на который упал, слезая с постели. С удивлением обнаружил, что не может встать. Сердце колотилось, подскакивало к горлу, давило.

Он уже знал, чью смерть вещает ночной крик эльфьего призрака.

«Жизнь была прекрасна. Несмотря ни на что», – подумал он и прошептал:

– Боги... Я не верю в вас... Но если вы все-таки существуете...

Чудовищная боль неожиданно стиснула ему грудь. Где-то на трясилах, далеко, но еще ближе, чем до того, беанн'ши дико завывала в третий раз.

– Если вы существуете – сберегите ведьмачку на стезе ее...

Глава одиннадцатая

– У меня большие глаза, чтобы тебя лучше видеть, – рявкнул железный волчище. – У меня огромные лапы, чтобы ими схватить тебя и обнять! Все у меня большое, все, сейчас ты в этом сама убедишься. Почему ты так странно смотришь на меня, маленькая девочка? Почему не отвечаешь?

Ведьмачка улыбнулась.

– А у меня для тебя сюрприз. Флоуренс Деланной «Сюрприз». Из книги «Сказки и предания»

Монахини стояли перед верховной жрицей неподвижно, напряженные как струна, немые, слегка побледневшие. Они были готовы в путь. Полностью собраны. Мужские серые дорожные одежды, теплые, но не связывающие движений кожанки, удобные эльфы башмаки. Волосы острижены так, чтобы их легко было содержать в чистоте в лагерях и во время переходов. И чтобы они не мешали работать. Плотные маленькие узелки, в которых была только пища на дорогу и необходимые медицинские инструменты. Остальное им должна была дать армия. Армия, в которую они отправлялись.

Лица обеих девушек были спокойны. Внешне. Трисс Меригольд знала, что у обеих чуть-чуть дрожат руки и губы.

Ветер рванул голые ветви деревьев храмового парка, погнал по плитам двора пожухшие листья. Небо было темно-синим. Чувствовалось, что надвигается метель.

– Вы уже получили назначение? – прервала молчание Нэннеке.

– Я – нет, – ответила Эурнэйд. – Пока буду на зимней базе, в лагере под Вызимой. Вербовщик говорил, что весной там останутся подразделения кондотьеров с Севера... Мне предстоит быть фельдшерницей в одном из отрядов.

– А я, – слабо улыбнулась Иоля Вторая, – уже получила. В полевую хирургию к господину Мило Вандербеку.

– Только не опозорьте меня. – Нэннеке окинула девушек грозным взглядом. – Не опозорьте меня, храм и имя Великой Мелитэле.

– Ни за что не опозорим, матушка.

– И следите за собой.

– Да, матушка.

– Ухаживая за ранеными, вы будете валиться с ног, не зная сна. Вы будете бояться, будете сомневаться, глядя на боль, и страдания, и смерть. А в таких случаях легко пристраститься к наркотику или возбуждающему снадобью. Будьте осторожнее с этим.

– Знаем, матушка.

– Война, страх, смерть и кровь, – верховная жрица сверлила обеих взглядом, – это страшное ослабление нравов, а для некоторых – чрезвычайно сильная афродизия. Сейчас вы не знаете и знать не можете, как это действует на вас, девочки. Будьте осторожны. А в крайних случаях, когда уже ничего больше сделать будет нельзя, применяйте предохранительные средства. Если все же, несмотря на это, одна из вас забеременеет, тогда сторонитесь знахарей и деревенских бабок! Поищите храм, а лучше всего – чародейку!

– Знаем, матушка.

– Это все. Теперь можете подойти под благословение.

Она поочередно возлагала им руки на голову, поочередно обнимала и целовала. Эурнэйд откровенно хлюпала носом. Иоля Вторая, как всегда, разревелась. Нэннеке, хоть и у нее самой чуть ярче, чем всегда, блестели глаза, фыркнула.

– Без сцен, без сцен, – сказала она, как могло показаться – гневно и резко. – Вы идете на самую обыкновенную войну. Оттуда возвращаются. Ну, забирайте вещички, и до встречи.

– До встречи, матушка.

Девушки быстро, не оглядываясь, шли к храмовым воротам, сопровождаемые взглядами верховной жрицы Нэннеке, чародейки Трисс Меригольд и писаря Ярре.

Юноша настойчиво покашливал, чтобы обратить на себя внимание.

– В чем дело? – покосилась на него Нэннеке.

– Им ты разрешила! – горько воскликнул Ярре. – Им, девушкам, разрешила завербоваться! А

я? Почему мне нельзя? Мне что, продолжать за этими стенами корпеть над пересохшими пергаментами? Я не калека и не трус! Позор – сидеть в храме, когда даже девушки...

– Эти девушки, – прервала священнослужительница, – всю свою молодую жизнь обучались медицине, лечению и уходу за больными и ранеными. Они идут на войну не из патриотизма или жажды приключений, а потому, что там будет бесчисленное множество раненых и больных. Завал работы днем и ночью. Эурнэйд и Иоля Вторая, Мирра, Катье, Пруна, Дебора и другие девочки – вклад храма в эту войну. Храм как часть общества расплачивается с общественными долгами. Наш вклад – обученные специалисты. Это ты понимаешь, Ярре? Специалисты! Не мясо для резников!

– Все вступают в армию! Только трусы остаются дома!

– Глупости, Ярре, – резко сказала Трисс. – Ничего ты не понял.

– Я хочу на войну... – Голос юноши надломился. – Хочу спасти... Цири...

– Ну вот, извольте, – насмешливо проговорила Нэннеке. – Странствующий рыцарь рвется спасти даму своего сердца. На белом коне...

Она замолчала под взглядом чародейки.

– Впрочем, хватит об этом, Ярре, – бросила она на мальчика гневный взгляд. – Я сказала – не позволю. Возвращайся к книгам. Учись. Твое будущее – наука. Пошли, Трисс. Не будем терять времени.

На разложенном перед алтарем куске полотна лежали костяной гребень, дешевенькое колечко, книжка в потрепанном переплете, стиранный-перестираный голубой шарфик. Склонившись над этими предметами, стояла на коленях Иоля Первая, жрица-ясновидящая.

– Не спеши, Иоля, – предупредила стоящая рядом Нэннеке. – Концентрируйся понемногу. Нам ни к чему молниеносное пророчество, нам не нужна энигма, допускающая тысячи решений. Нам нужна картина. Четкая картина. Возьми ауру от этих предметов, они принадлежали Цири... Цири к ним прикасалась. Возьми ауру. Постепенно. Спешка нам ни к чему.

Снаружи буйствовала пурга. Крыши и двор храма быстро покрылись снегом. Был девятнадцатый день ноября. Полнолуние.

– Я готова, матушка, – сказала мелодичным голосом Иоля Первая.

– Начинай.

– Одну минутку. – Трисс Меригольд вскочила с лавки, словно ее подбросила пружина, скинула с плеч шубу из шиншиллы. – Минуточку, Нэннеке. Я хочу войти в транс вместе с нею.

– Это небезопасно.

– Знаю. Но я хочу видеть. Собственными глазами. Я обязана... Я люблю Цири, как младшую сестру. В Каэдвене она спасла мне жизнь, рискуя собственной... – Голос чародейки неожиданно надломился.

– Ну, совсем как Ярре, – покачала головой верховная жрица. – Мчаться на выручку вслепую, очертя голову, не ведая, куда и зачем. Но Ярре – наивный мальчишка, а ты – зрелая и умная магичка. Ты должна знать, что своим погружением в транс ты Цири не поможешь. А себе можешь навредить.

– Я хочу войти в транс вместе с Иолей, – повторила Трисс, кусая губы. – Позволь мне, Нэннеке. Да и чем я рискую? Эпилептическим припадком? Даже если и так, ты ведь вытащишь меня из него.

– Ты рискуешь, – медленно проговорила Нэннеке, – увидеть то, чего видеть не должна.

«Холм, – с ужасом подумала Трисс, – Содденский Холм. На котором я когда-то умерла. На котором меня похоронили и выбили мое имя на надгробном обелиске. Холм и могила, которые когда-нибудь напомнят обо мне.

Я знаю. Когда-то мне это уже показывали!»

– Я уже решила, – сказала она холодно и торжественно, выпрямляясь и обеими руками отбрасывая на спину свои роскошные волосы. – Начинаем.

Нэннеке опустилась на колени, оперлась лбом на сложенные вместе ладони.

– Начинаем, – сказала она тихо. – Приготовься, Иоля. Опустись рядом со мной, Трисс. Возьми Иолю за руку.

Снаружи была ночь. Выл ветер. Мела метель.

На юге, далеко за горами Амелл, в Метинне, в крае, именуемом Стоозерье, в пятистах милях полета ворона от города Элландер и храма Мелитэле рыбак Госта вдруг проснулся от ночного кошмара. Проснувшись, Госта никак не мог вспомнить содержание сна, но странное волнение долго не давало ему уснуть.

Каждый владеющий своим ремеслом рыбак знает, что если ловить окуня, то только по первому льду.

Неожиданно ранняя зима этого года устраивала фокусы, а уж капризной была, как красивая и пользующаяся успехом девица. Первым морозом и метелью она, словно разбойник, выскакивающий из засады, застигла врасплох в начале ноября, сразу после Саовинны, когда никто еще снегов и мороза не ожидал, а работы было навалом. Уже примерно в середине ноября озеро покрылось тонюсеньким, блестящим на солнце ледком, который, казалось, еще немного – и выдержит человека, но тут зима-капризница вдруг отступила, возвратилась осень, хлынул дождь, а теплый южный ветер отогнал от берега и растопил размытый дождем ледок.

«Какого черта? – поражались селяне. – Так быть зиме или не быть?»

Не прошло и трех дней, как зима вернулась. На сей раз обошлось без снега, без метели, зато мороз схватил будто кузнец клещами. Так, что аж затрещало. Истекающие водой стрехи крыш за одну ночь покрылись острыми зубьями сосулек, а захваченные врасплох утки чуть не примерзли к утиным лужам.

Озера Миль Трахта вздохнули и затянулись льдом.

Госта для уверенности переждал еще день, потом стянул с чердака ящик с ремнем, который носил на плече и в котором держал рыбацкую снасть. Как следует набил сапоги соломой, натянул кожух, взял пешню, мешок и поспешил на озеро.

Известно, ежели на окуня, то лучше всего по первому льду.

Лед был крепкий. Правда, немного прогибался под человеком, немного потрескивал, но держал. Госта дошел до плеса, вырубил первую лунку, сел на ящик, размотал леску из конского волоса, прикрепленную к короткому листовенничному пруту, нацепил оловянную

рыбку с крючком, закинул в воду. Первый окунь в пол-локтя схватил приманку еще до того, как она опустилась и натянула леску.

Не прошло и часа, а вокруг лунки уже лежало больше полусотни зелено-полосатых рыб с красными как кровь плавниками. Госта наловил окуней больше, чем ему требовалось, но рыбачий азарт не позволял прекратить лов. Рыбу, в конце концов, всегда можно раздать соседям.

Тут он услышал протяжное фырканье и поднял голову над лункой. На берегу озера стоял красивейший черный конь, пар валил у него из ноздрей. Лицо наездника в ондатровой шубке прикрывал шарф.

Госта сглотнул. Бежать было поздно. Однако он втихую надеялся, что ездок не отважится спуститься с лошастью на тонкий лед.

Машинально он продолжал подергивать удочку, очередной окунь дернул леску. Рыбак вытянул его, отцепил, кинул на лед. Краем глаза видел, как наездник спрыгивает с седла, закидывает вожжи на голый куст и идет к нему, осторожно ступая по скользкому льду. Окунь трепыхался, напрягая колючие плавники, шевелил жабрами. Госта встал, наклонился за пешней: в случае нужды она могла сойти за оружие защиты.

– Не бойся.

Это была девушка. Теперь, когда она сняла шарф, он увидел ее лицо, изуродованное чудовищным шрамом. На спине у нее был меч, над плечом выступала прекрасной работы рукоять.

– Я не сделаю тебе ничего плохого, – тихо сказала девушка. – Хочу только спросить дорогу.

«Как же, – подумал Госта. – Аккурат. Сейчас, зимой-то? В мороз? Кто путешествует или едет по так себе? Только разбойники. Или курьеры».

– Здешняя местность называется Миль Трахта?

– Ну... – буркнул он, глядя в черную воду, плещущуюся в лунке. – Миль Трахта. Только мы-то говорим – Стоозерье.

– А озеро Тарн Мира? Слышал о таком?

– Все знают. – Он взглянул на девушку, испуганный. – Хоть мы его тута называем Бездна. Заколдованное озеро. Жуткой глубины. Свитезянки тамой живут. И упыри живут в старожитних заговоренных развалинах.

Он увидел, как блеснули ее зеленые глаза.

– Там есть руины? Может, башня?

– Какая там ишшо башня? – не сумел он сдержать усмешки. – Камень на камне, камнем приваленный, травой зарослый. Груда обломков...

Окунь перестал трепыхаться, лежал, шевеля жабрами, среди своей цветасто-полосатой братии. Девушка смотрела, задумавшись.

– Смерть на льду, – сказала она наконец, – есть в ней что-то завораживающее.

– Э?

– И далеко до озера с руинами? В которую сторону ехать?

Он сказал. Показал. Даже выцарапал на льду острым концом пешни. Она кивала, запоминая. Кобыла на берегу озера била копытами о замерзшую землю, фыркала, гнала пар из ноздрей.

Он смотрел, как девушка удаляется вдоль западного берега озера, как галопом идет по краю откоса на фоне безлистных ольх и берез, через изумительный, сказочный лес, который мороз изукрасил глазурью инея. Вороная кобыла шла с неописуемым изяществом, грацией, быстро и в то же время легко, едва слышны были удары копыт о смерзшийся грунт, едва порошился серебристый снежок на задетых ею ветках. Как будто по глазурованному и застывшему на морозе лесу из сказки летел не обычный, а сказочный конь, конь-призрак.

А может, это и вправду был призрак?

Демон на призрачном коне, демон, принявший обличье девушки с огромными зелеными глазами и изуродованным лицом?

Кто же, ежели не демон, путешествует зимой? Расспрашивает о дороге к залятым руинам?

Когда она отъехала, Госта быстро собрал свое рыбацкое немудреное имущество. До дома шел лесом. Сделал крюк, но разум и инстинкт предупреждали, что не надо идти просеками, не надо быть на виду. Девушка, подсказывали разум и инстинкт, наперекор всему привидением не была, а была человеком. Вороная кобыла не была привидением, а была лошастью. А за такими, что в одиночку на коне носятся по безлюдью, вдобавок зимой, очень даже часто следует погоня.

Часом позже по просеке пронесли четырнадцать лошадей с седоками. Погоня.

Риенс еще раз тряхнул серебряной коробочкой, выругался, в бешенстве ударил ею по луке седла. Но ксеноглоз молчал. Как заколдованный.

– Магическое дерьмо, – холодно отметил Бонарт. – Заело побрякушку с ярмарки.

– Или же Вильгефорц демонстрирует нам свое к нам отношение, – добавил Стефан Скеклен.

Риенс поднял голову, окинул обоих злым взглядом.

– Благодаря побрякушке с ярмарки, – ядовито заметил он, – мы напали на след и его уже не потеряем. Благодаря господину Вильгефорцу мы знаем, куда направляется девушка. Мы знаем, куда идем и что нам предстоит сделать. Я считаю, что это много. По сравнению с вашими действиями месячной давности.

– Не болтай лишнего. Эй, Бореас? Что говорят следы?

Бореас Мун выпрямился, закашлялся.

– Она была здесь за час до нас. Когда может, старается ехать быстро. Но это местность сложная. Даже на своей сказочной кобыле она опередила нас не больше чем на пять-шесть миль.

– Значит, все-таки она лезет между озерами, – буркнул Скеклен. – Вильгефорц был прав. А ведь я не верил ему...

– Я тоже, – признался Бонарт. – Но только до того момента, когда вчера кметы подтвердили, что около озера Тарн Мира действительно есть какое-то магическое сооружение.

Кони фыркали, из ноздрей валил пар. Филин кинул взгляд через левое плечо на Жоанну Сельборн. Вот уже несколько дней не нравилось ему выражение лица телепатки. «Я становлюсь нервным, – подумал он. – Эта гонка всех нас измочалила и физически, и

психически. Пора кончать. Самое время!»

Холодная дрожь пробежала у него по спине. Он вспомнил сон, который посетил его предыдущей ночью.

– Ладно! – встряхнулся он. – Довольно рассуждений. По коням!

Бореас Мун свешивался с седла, высматривал следы. Дело шло с трудом. Землю сковало как железом, образовались замерзшие комья, и быстро сдуваемый с них ветром снег удерживался только в бороздках и впадинах. Именно там-то Бореас и выискивал отпечатки подков вороной кобылы. Требовалась большая внимательность, чтобы не потерять след, особенно теперь, когда шедший из серебряной коробочки голос перестал давать советы и указания.

Он зверски устал. И волновался. Они преследовали девушку уже почти три недели, с самой Саовинны, после резни в Дун Даре. Почти три недели в седлах, все время в погоне. И все это время ни воронья кобыла, ни едущая на ней девушка не слабели, не снижали темпа.

Бореас Мун высматривал следы.

И не мог перестать думать о сне, который посетил его в последнюю ночь. В этом сне он тонул, захлебываясь водой. Черная тонь замкнулась у него над головой, а он шел ко дну, в горло и легкие врывалась ледяная вода. Он проснулся вспотевший, мокрый, горячий – хотя кругом стоял прямо-таки собачий холод.

«Довольно уж, – думал он, свешиваясь с седла и высматривая следы, – самое время с этим кончать».

– Мэтр! Вы меня слышите? Мэтр?!

Ксеноглоз молчал, как проклятый.

Риенс энергично подвигал руками, дунул на замерзшие пальцы. Шею и спину кусал мороз, крестец и поясница болели, каждое резкое движение коня напоминало об этой боли. Даже ругаться уже не хотелось.

Почти три недели в седлах, в постоянной погоне. В пронизывающем холоде, а последние несколько дней – трескучем морозе.

А Вильгефорц молчит.

«Мы тоже молчим и глядим друг на друга волками!»

Риенс растер руки, натянул перчатки.

«Когда Скеллен на меня смотрит, – подумал он, – у него такой странный взгляд. Неужели хочет предать? Что-то слишком уж быстро и чересчур легко он тогда согласился с Вильгефорцем... А этот отряд, варнаки, ведь они ему верны, выполняют его приказы. Когда мы схватим девушку, он, несмотря на уговор, либо убьет ее, либо отвезет к своим заговорщикам, чтобы воплощать в жизнь idiotские идеи о демократии и гражданском правлении.

А может, Скеллен уже отказался от заговора? Родившийся конформистом и конъюнктурщиком, он сейчас, возможно, уже подумывает о том, чтобы доставить девчонку императору Эмгыру?

Нет, странно он как-то на меня поглядывает, этот Филин. Да и вся его банда. И Веда

Сельборн...

А Бонарт? Бонарт – непредсказуемый садист. Когда он говорит о Цири, голос у него дрожит от ярости. В зависимости от минутного каприза он готов прикончить девушку либо украсть, чтобы заставить драться на аренах. Договор с Вильгефорцем? Плевал он на этот договор. Тем более теперь, когда Вильгефорц...»

Риенс вытащил ксеноглоз из-за пазухи.

– Мэтр! Вы меня слышите? Это Риенс...

Прибор молчал. Риенсу даже расхотелось злиться.

«Вильгефорц молчит. Скеллен и Бонарт заключили с ним пакт. А через день-другой, как только догоним девчонку, может оказаться, что пакт-то пшик! И тогда я могу получить ножом по горлу. Или отправиться в путях в Нильфгаард в качестве доказательства Филиновой лояльности...

Дьявольщина!

Вильгефорц молчит. Ничего не советует. Пути не указывает. Не рассеивает сомнения своим спокойным, логичным, проникающим до глубины души голосом. Молчит.

Ксеноглоз испортился. Может, из-за холода? А может...

Может, Скеллен был прав? Может, Вильгефорц действительно занялся чем-то другим и его не интересуем ни мы, ни наша судьба?

К чертовой матери, вот уж не думал, что так может случиться. Если б предполагал, не ухватился бы как последний дурак за это задание... Поехал бы прикончить ведьмака. Вместо Ширру. К чертям собачьим! Я тут мерзну, а Ширру, наверно, греется в тепле...

Подумать только, ведь я сам напросился на то, чтобы именно мне поручили Цири, а Ширру – ведьмака. Сам ведь просил.

Тогда, в сентябре, когда нам в руки попала Йеннифэр».

Мир, который еще минуту назад был нереальной, мягкой и тягучей тьмой, вдруг обрел твердые поверхности и контуры. Посветлел. Стал реальным.

Сотрясаемая конвульсиями Йеннифэр раскрыла глаза. Она лежала на камнях, среди трупов и закопченных досок, приваленная остатками такелажа драккара «Алкиона». Кругом нее виднелись ноги. Ноги в тяжелых сапогах. Один из сапог только что ударил ее, заставил очнуться.

– Вставай, ведьма!

Снова удар, отозвавшийся болью в корнях зубов. Она увидела склонившееся над нею лицо.

– Вставай, сказал! На ноги! Ты меня не узнаешь?

Она заморгала. И узнала. Это был тип, которого она однажды припалаила, когда он сбегал от нее по телепорту. Риенс.

– Посчитаемся, – пообещал он. – Рассчитаемся за все, девка! Я покажу тебе, что такое боль. Этими вот руками и этими вот пальцами покажу.

Она напряглась, сжала и разжала кулаки, готовая бросить заклинание. И тут же свернулась в

клубок, давясь, хрипя и дергаясь. Риенс захохотал.

– Не получается, да? – услышала она. – В тебе не осталось ни крупички Силы! Тебе с Вильгефорцем не тягаться! Он выдавил из тебя все до последней капельки, как молочную сыворотку из творога. Ты не сумеешь даже...

Он не закончил. Йеннифэр выхватила кинжал из ножен, пристегнутых с внутренней стороны бедер, вскочила как кошка и ткнула вслепую. Но не попала. Лезвие лишь царапнуло цель, разорвало материал брюк. Риенс отскочил и повернулся.

Тут же на нее посыпался град ударов и пинков. Она взвыла, когда тяжелый сапог ударил в низ живота. Чародейка свернулась, хрипя. Ее сорвали с земли, заломив руки за спину, она увидела летящий в ее сторону кулак. Мир вдруг разгорелся искрами, лицо прямо-таки взорвалось от боли. Боль волной спустилась вниз, до живота и промежности, превратила колени в кисель. Она повисла в удерживающих ее руках. Кто-то схватил ее сзади за волосы, поднял голову. Она получила еще удар. В глаз. Снова все исчезло и расплылось в ослепительном блеске.

Сознания она не потеряла. Чувствовала все. Ее били сильно, жестоко, как бьют мужчину. Ударами, которые должны не только принести боль и сломить, но выбить из нее все силы, всю волю к сопротивлению. Ее били, дергающуюся в стальных тисках рук.

Она рада была бы потерять сознание, но не могла. Она чувствовала все.

– Достаточно, – вдруг услышала она издалека, из-за завесы боли. – Ты спятил, Риенс. Хочешь ее убить? Она нужна мне живая.

– Я обещал ей, мэтр, – буркнула маячившая перед ней тень, постепенно принимавшая очертания тела и лица Риенса. – Я обещал ей отплатить... Этими вот руками...

– Меня не интересует, что ты ей обещал. Повторяю, она нужна мне живая и способная к членораздельной речи.

– Из кошки и ведьмы не так-то просто выбить жизнь, – засмеялся тот, кто держал ее за волосы.

– Не умничай, Ширру. Я сказал: прекратить избиение. Поднимите ее. Как ты себя чувствуешь, Йеннифэр?

Чародейка сплюнула красным, подняла распухшее лицо. В первый момент не узнала его. На нем было что-то вроде маски, закрывавшей всю левую часть головы. Но она знала, кто это.

– Иди к дьяволу, Вильгефорц, – с трудом выговорила она, осторожно прикасаясь языком к передним зубам и искалеченным губам.

– Как расцениваешь мое заклинание? Тебе понравилось, как я поднял тебя с моря вместе с подчонкой? Понравился полет? Какими заклинаниями ты защитилась, что сумела выжить при падении?

– Иди к дьяволу.

– Сорвите с нее звезду. И в лабораторию ее. Не теряйте времени.

Ее тащили, тянули, иногда несли. Каменистая равнина, на ней разбитая «Алкиона». И еще многочисленные остовы, торчащими ребрами шпангоутов напоминающие скелеты морских чудовищ. «Крах был прав, – подумала она. – Корабли, которые без вести пропадали на Бездне Седны, не попали в естественные катастрофы. О боги... Паветта и Дани...»

Над равниной, далеко, врезались в затянутое тучами небо горные вершины.

Потом были стены, ворота, галереи, паркет, лестница. Все какое-то странное, неестественно большое... и слишком мало деталей, чтобы можно было понять, где находишься, куда попал, куда занесло тебя заклинание. Лицо распухало, дополнительно затрудняя наблюдения. Единственным поставщиком информации было обоняние – она моментально почувствовала запах формалина, эфира, спирта. И магии. Запахи лаборатории.

Ее грубо усадили на стальное кресло, на запястьях и щиколотках защелкнулись тесные захваты. Прежде чем стальные челюсти держателя сжали виски и зафиксировали голову, она успела осмотреть обширный, ярко освещенный зал. Увидела еще одно кресло, странную стальную конструкцию на каменном подиуме.

– Верно-верно, – услышала она голос стоявшего позади Вильгефорца. – Это креслице для твоей Цири. Давно уже ждет, все дожидаться не может. Я тоже.

Она слышала его близко, почти чувствовала его дыхание. Он вводил ей иглы в кожу головы, пристегивал что-то к ушным раковинам. Потом встал перед ней и снял маску. Йеннифэр невольно вздохнула.

– Работа твоей Цири, – сказал он, открыв некогда классически прекрасное, а теперь жутко изувеченное лицо, усеянное золотыми клеммами и зажимами, поддерживавшими многофасеточный кристалл в левой глазной впадине. – Я пытался ее схватить, когда она вбегала в телепорт Башни Чайки, – спокойно пояснил чародей. – Хотел спасти ей жизнь, будучи уверен, что телепорт убьет ее. Наивный! Она прошла гладко, с такой силой, что портал взорвался и все обломки полетели мне прямо в лицо. Я потерял глаз и левую щеку, а также много кожи на лице, шее и груди. Очень печально, очень неприятно, очень усложняет жизнь. И очень некрасиво, верно? Да, надо было видеть меня до того, как я начал магическую регенерацию.

Если б я верил в такие штуки, – продолжал он, засовывая ей в нос загнутую медную трубку, – то подумал бы, что это месть Лидии ван Бредевоорт. Из могилы. Я регенерируюсь, но постепенно. Это требует массу времени и идет с трудом. Особые сложности с регенерацией глазного яблока... Кристалл прекрасно выполняет свою роль, я вижу трехмерно, но, как ни говори, это чуждое тело, отсутствие естественного глазного яблока порой доводит меня до бешенства. Тогда, охваченный, как там ни говори, иррациональной злостью, я клянусь себе, что когда схвачу Цири, то первым делом прикажу Риенсу вырвать у нее один из ее огромных зеленых глаз. Пальцами. «Этим вот пальцами», – как он любит говорить. Молчишь, Йеннифэр? А знаешь, что и у тебя мне тоже хочется вырвать глаз? А то и оба?

Он воткнул ей толстую иглу в вену на руке, он никогда не промахивался. Йеннифэр стиснула зубы.

– Наделала ты мне хлопот. Заставила оторваться от работы. Ты шла на большой риск, отправившись на лодке на Бездну Седны под мой насос... Эхо нашего краткого поединка было сильным и далеким, могло дойти до любопытных и нежелательных ушей. Но я не мог сдержаться. Возможность заполучить тебя, подключить к моему сканеру была чертовски искусительной. Думаю, ты не предполагаешь, – он воткнул очередную иглу, – что я клюнул на твою провокацию? Заглотал приманку? Нет, Йеннифэр, если ты так думаешь, то путаешь небо со звездами, отраженными ночью в поверхности озера. Ты преследовала меня, я же преследовал тебя. Отправившись на Бездну Седны, ты просто облегчила мне задачу. Потому что я, видишь ли, сам нащупать Цири не могу даже с помощью вот этого не имеющего себе равных сканера. У девушки сильные врожденные защитные механизмы, сильна собственная антимагическая и глушащая аура, и в конце концов это ведь Старшая Кровь... Но все равно мои суперсканеры должны были бы ее обнаружить. Однако не обнаруживают.

Йеннифэр уже вся была обмотана сетью серебряных и медных проводков, окружена системой серебряных и фарфоровых трубочек. На приставленном к креслу столике покачивались стеклянные сосуды с бесцветными жидкостями.

– Тогда я подумал, – Вильгефорц всунул ей в нос другую трубку, на этот раз стеклянную, – что единственный способ отыскать Цири сканированием – это применить эмпатический зонд. Однако для этого мне нужен был человек, у которого имелся с девушкой достаточно сильный эмоциональный контакт и образовалась эмпатическая матрица, этакий, воспользуемся неологизмом, алгоритм взаимных чувств и симпатии. Я подумал о ведьмаке, но ведьмак исчез, кроме того, ведьмаки скверные медиумы. Я намеревался приказать выкрасть Трисс Меригольд, нашу Четырнадцатую с Холма. Подумывал, не увести ли Нэннеке из Элландера... Но когда оказалось, что ты, Йеннифэр из Венгерберга, прямо-таки сама лезешь мне в руки... Честное слово, ничего лучшего и придумать было невозможно... Если тебя подключить к аппаратуре, ты нащупаешь мне Цири. Правда, операция требует сотрудничества с твоей стороны... Но, как тебе известно, существуют методы принудить к сотрудничеству.

Конечно, – продолжал он, вытирая руки, – должен тебе кое-что пояснить. Например – откуда и как я узнал о Старшей Крови. О наследии Лары Доррен. Что, собственно говоря, такое этот ген. Как случилось, что он попал к Цири. Кто его ей передал. Каким образом я его у нее отберу и для чего использую. Как действует насос Седны, кого я им уже всосал, что и зачем сделал с ними. Правда ведь, масса вопросов? Просто жаль, что нет времени обо всем тебе рассказать, все объяснить. И даже просто удивить, потому что, я уверен, Йеннифэр, некоторые факты тебя удивили бы... Но, как сказано, на это нет времени. Эликсиры начинают действовать. Тебе уже пора начать сосредоточиваться.

Чародейка стиснула зубы, задыхаясь от глубокого, рвущегося изнутри стоны.

– Я знаю, – кивнул Вильгефорц, придвигая ближе большой профессиональный мегаскоп, экран и огромный хрустальный шар на треноге, окутанный паутиной серебряных проволоочек. – Знаю, это очень неприятно. И весьма болезненно. Поэтому чем скорее ты приступишь к сканированию, тем меньше времени на него уйдет. Ну, Йеннифэр! Здесь, на этом вот экране, я хочу видеть Цири. Где она, с кем, что делает, что ест, с кем и где спит?

Йеннифэр пронзительно, дико и отчаянно закричала.

– Больно? – догадался Вильгефорц, впиваясь в нее живым глазом и мертвым кристаллом. – Ну конечно же, больно. Сканируй, Йеннифэр, не упирайся. Не разыгрывай из себя героиню. Ты прекрасно знаешь, что этого выдержать нельзя. Последствия упрямства могут быть плачевными: кровоизлияние, параплексия или же ты вообще превратишься в бессмысленное существо и будешь вести растительное существование. Если, конечно, выживешь!

Она стиснула челюсти так, что хрустнули зубы.

– Ну, Йеннифэр, – мягко сказал чародей. – Ну, хотя бы из любопытства! Ведь тебе наверняка интересно, как поживает твоя воспитанница. А вдруг ей угрожает опасность? Может, она бедствует? Ты же знаешь, сколько людей желают Цири зла и жаждут ее гибели. Сканируй. Когда я буду знать, где находится девушка, я притащу ее сюда. Тут она будет в безопасности... Тут ее не найдет никто. Никто.

Голос у Вильгефорца был бархатный и теплый.

– Сканируй, Йеннифэр, сканируй. Пожалуйста. Даю тебе слово: я возьму у Цири только то, что мне необходимо. А потом обеим вам верну свободу. Клянусь.

Йеннифэр еще крепче стиснула зубы. Струйка крови потекла у нее по подбородку. Вильгефорц резко встал, махнул рукой.

– Риенс!

Йеннифэр почувствовала, как пальцы ее рук стискивают какие-то приспособления.

– Порой, – сказал Вильгефорц, наклоняясь к ней, – там, где бессильна магия, эликсиры и наркотики, дает результат обычная, старая, добрая классическая боль. Не принуждай меня к этому. Сканируй.

– Иди к черту, Вильгефорц!

– Подкручивай винты, Риенс. Понемногу.

Вильгефорц взглянул на безжизненное тело, которое тащили по полу к лестнице, ведущей в подземелья. Потом поднял глаз на Риенса и Ширру.

– Всегда существует риск, – сказал он, – что кто-нибудь из вас попадет в руки моих врагов и будет подвергнут допросу с пристрастием. Хотелось бы верить, что вы проявите не меньшую стойкость тела и духа. Да, хотелось бы в это верить. Очень. Но я не верю.

Риенс и Ширру молчали. Вильгефорц вновь включил мегаскоп, спроецировав на экран изображение, генерируемое огромным кристаллом.

– Вот все, чего я добился. Я хотел получить Цири, а она дала мне ведьмака. Интересно. Не позволила вырвать из себя эмпатическую матрицу девушки, но на Геральте сломалась. А о каких-либо ее чувствах к этому Геральту я вовсе и не подозревал... Ну, для начала удовольствуемся достигнутым. Ведьмак, Кагыр аэп Кеаллах, бард Лютик, какая-то женщина? Хм-м-м... Кто возьмется за окончательное решение ведьмачьей проблемы?

«Согласился Ширру, – вспоминал Риенс, приподнимаясь на стременах, чтобы хоть немного облегчить болящие от седла ягодицы. – Ширру взялся убить ведьмака. Он знал местность, в которой Йеннифэр высканировала Геральта и его компанию, у него там были знакомые или даже родня. Меня же Вильгефорц послал переговорить с Ваттье де Ридо, а затем следить за Скелленом и Бонартом...

А я, идиот, тогда радовался, уверенный, что мне в удел досталась задача гораздо более легкая и приятная. И такая, с которой я управлюсь быстро, без труда и с удовольствием...»

– Если кметы не лгали, – Стефан Скеллен поднялся на стременах, – то озеро должно быть за этой возвышенностью, в котловине.

– Туда и следы ведут, – подтвердил Бореас Мун.

– Тогда почему же мы стоим? – Риенс потер озябшее ухо. – Шпоры коням и вперед!

– Не шебуршись, – придержал его Бонарт. – Надо разделиться и окружить котловину. Неизвестно, по какому берегу она поехала. Если выберем неверное направление, озеро может отрезать ее от нас.

– Истинная правда, – поддакнул Бореас Мун.

– Озеро сковал лед, – бросил Риенс.

– Лед может оказаться слишком слабым для лошадей. Бонарт прав, надо разделиться.

Скеллен быстро отдал нужные распоряжения. Группа, которую вели Бонарт, Риенс и Оль Харшейм, насчитывавшая в общей сложности семь лошадей, помчалась по восточному берегу и быстро скрылась в черном лесу.

– Хорошо, – скомандовал Филин. – Едем. Силифант... – И тут же сообразив, что что-то не в порядке, развернул коня, хлестнул его нагайкой, наехал на Жоанну Сельборн.

Веда оттянула назад своего коня. Лицо у нее было каменное.

– Впустую, господин коронер, – сказала она хрипло. – И не пытайтесь даже. Мы не поедem. Мы возвращаемся. С нас довольно.

– Мы?! – рявкнул Дакре Силифант. – Кто – мы? Это что, бунт?

Скеллен наклонился в седле, сплюнул на мерзлую землю. За Ведой стояли Андрес Верный и Тиль Эхрад, светловолосый эльф.

– Госпожа Сельборн, – протяжно и ядовито проговорил Филин. – Не в том дело, что вы теряете виды на многообещающую карьеру, что растрчиваете и превращаете в ничто выпавший вам в жизни шанс. Дело в том, что вас отдадут палачу. Вместе с теми дурнями, которые вас послушались.

– Чему суждено висеть, то не утонет, – философически ответила Веда. – А палачом нас не надо пугать, господин коронер, ибо неизвестно еще, кому ближе к эшафоту, вам или нам.

– Ты так считаешь? – Глаза Филина сверкнули. – Подслушала где-то чьи-то хитрые мысли. Я считал тебя умнее. А ты оказалась обыкновенной глупой бабой. Тот, кто со мной, – всегда выигрывает, кто против – всегда проигрывает! Запомни! Хотя ты меня уже за утопленника считаешь, я еще успею отправить тебя на эшафот. Слышите, вы? Раскаленными крючьями прикажу срывать у вас мясо с костей!

– Раз мать родила, господин коронер, – мягко сказал Тиль Эхрад. – Вы выбрали свой путь, мы – свой. Оба пути ненадежны и рискованны. И неизвестно, кому что судьба уготовила.

– Вам не удастся, – гордо подняла голову Веда, – нас, как псов каких, натравливать на девушку, господин Скеллен. И мы не позволим, словно псы, убить себя, как это случилось с Нератином Цекой. А, хватит болтать. Мы возвращаемся. Бореас, поехали с нами!

– Нет, – покачал головой следопыт, отирая лоб меховой шапкой. – Дай вам счастья, не желаю вам зла. Но я остаюсь. Служба! Я присягнул.

– Кому? – поморщилась Веда. – Императору или Филину? А может, чародею, треплющемуся из корбочки?

– Я солдат, Веда. Служба.

– Пойдите, – крикнул Диффицей Крель, выезжая из-за спины Дакре Силифанта. – Я с вами. Мне тоже надоело. Вчера ночью мне приснилась моя смерть. Я не хочу подыхать за паршивое и подозрительное дело!

– Предатели! – крикнул Дакре, краснея, как вишня. Казалось, черная кровь вот-вот брызнет у него с лица. – Отступники! Подлые псы!

– Замолчи. – Филин продолжал смотреть на Веду, а глаза у него были такие же мерзкие, как у птицы, давшей ему прозвище. – Они выбрали путь, ты же слышал. Чего же кричать и брызгать слюной. Но мы еще когда-нибудь встретимся. Обещаю.

– Может, даже на одном эшафоте, – без всякого ехидства сказала Веда. – Потому что вас, Скеллен, не вместе с их светлостями, князьями, казнить будут, а с нами, хамами. Но вы правы, нечего слюной брызгать. Мы едем. Бывай, Бореас. Бывайте, господин Силифант.

Дакре сплюнул между ушами коня.

– И сверх того, что я уже рассказала, – Жоанна Сельборн гордо подняла голову, отбросила со лба темную прядку волос, – ничего добавить не могу, Высокий трибунал.

Председатель трибунала глядел на нее сверху. Лицо у него было непроницаемое. Глаза серые. И добрые.

«А, да что там, – подумала Веда, – попытаюсь. Двум смертям не бывать. Как говорится, раз козе смерть! Не стану я гнить в цитадели и ожидать смерти. Филин слов на ветер не бросал, он даже из могилы готов мстить...

Подумаешь! А вдруг не заметят. Раз козе смерть!»

Она приложила ладонь к носу, словно утиралась. Взглянула прямо в серые глаза председателя трибунала.

– Стража! – сказал председатель трибунал. – Отведите свидетельницу Жоанну Сельборо обратно в...

Он осекся, закашлялся. Неожиданно на лбу у него проступила испарина.

– В канцелярию! – закончил он, сильно засопев. – Выписать соответствующие документы. И освободить. Свидетельница Сельборн Жоанна трибуналу более не нужна.

Веда украдкой стерла капли крови, выступившие из носа. Обольстительно улыбнулась и поблагодарила вежливым поклоном.

– Дезертировали? – недоверчиво повторил Бонарт. – Обыкновенно так дезертировали? Взяли, понимаешь, и просто так уехали? Скеллен! И ты позволил?

– Если они нас сыпанут... – начал Риенс, но Филин тут же прервал его:

– Не «сыпанут», потому что им жизнь дорога! Да, впрочем, что я мог сделать? Когда Крель к ним присоединился, со мной остались только Берт и Мун, а их было четверо...

– Четверо, – зловеще проговорил Бонарт, – вовсе не так много. Дайте только догнать девчонку, я двинусь за ними. И накормлю ими ворон. Во имя определенных принципов.

– Сначала еще догнать надо, – бросил Филин, нагайкой подхлестывая своего сивку. – Бореас! Гляди за следами!

Котловину наполнял плотный туман, но они знали, что внизу лежит озеро, потому что здесь, в Миль Трахте, в каждой котловине лежало озеро. А то, к которому вел след копыт вороной кобылы, несомненно, было тем, которое они искали, тем, которое им велел искать Вильгефорц. Тем, которое он подробно им описал и сообщил название.

Тарн Мира.

Озеро было узкое, не шире полета стрелы, втиснутое слегка изогнутым полумесяцем между высокими отвесными склонами, поросшими черным ельником, красиво присыпанным белой снежной пудрой. Склоны покрывала тишина, такая, что аж в ушах звенело. Замолчали даже вороны, зловещее карканье которых сопровождало их в пути несколько дней.

– Это южный конец, – сказал Бонарт. – Если чаровник не испоганил дела и не напутал, то магическая башня лежит на северном конце. Гляди за следом, Бореас. Если потеряем след, озеро отгородит нас от нее.

– Следы четкие! – крикнул снизу Бореас Мун. – И свежие. Ведут к озеру!

– Вперед! – Скеллен сдержал сторонящегося крутизны сивку. – Вниз.

Спустились по склону, осторожно, сдерживая фыркающих лошадей. Продрались сквозь черные, голые, обледеневшие кусты, закрывающие доступ к берегу.

Гнедой Бонарта мягко ступил на лед, с хрустом ломая торчащие словно из стеклянной плиты сухие камышины. Лед затрещал, из-под копыт разбежались звездочкой длинные стрелки трещин.

– Назад! – Бонарт натянул поводья, завернул храпящего коня к берегу. – С коней! Лед тонкий.

– Только у берега, в камышах, – оценил Дакре Силифант, ударив по ледяной скорлупе каблуком. – Но даже и здесь дюйма полтора. Удержит лошадей запросто, бояться нечего...

Его слова заглушила ругань Скеллена. Лошадь заржала, просела на зад, ноги под ней разъехались. Скеллен ударил лошадь шпорами, выругался снова, на этот раз ругательству вторил хруст ломающегося льда. Сивка заколотил передними копытами, задние, увязшие, дергались в пробоине, круша лед и взбивая в пену вырывающуюся из-под него темную воду. Филин спрыгнул с седла, дернул за поводья, но поскользнулся и свалился всем телом, чудом не попав под копыта собственного коня. Два геммерийца, тоже спешившиеся, помогли ему подняться. Оль Харшейм и Берт Бригден выволокли ржущего сивку на берег.

– С коней, парни, – повторил Бонарт, уставившись в туман, затягивающий озеро. – Незачем рисковать. Догоним девку пёхом. Она тоже слезла, тоже идет пешком.

– Истинная правда, – подтвердил Бореас Мун, указывая на озеро. – Это видать.

Только у самого берега, под крышей еловых ветвей, ледяная скорлупа была гладкой и полупрозрачной, как темное бутылочное стекло, под ней был виден камыш и побуревшие водоросли. Дальше, на плесе, лед покрывал тоненький слой влажного снега. А на снегу, докуда позволял видеть туман, темнели следы ног.

– Возьмем! – запальчиво крикнул Риенс, закидывая вожжи на сук. – Не такая уж она хитрая, как казалось! Пошла по льду, серединой озера. Если б выбрала один из берегов или лес, нелегко было бы догнать!

– Серединой озера... – задумчиво повторил Бонарт. – Именно серединой озера ведет самая короткая и самая прямая дорога к той якобы магической башне, о которой говорил Вильгефорц. Она об этом знает. Мун, на сколько она опережает нас?

Бореас, который уже был на озере, низко наклонился над следом сапога. Присмотрелся.

– Не больше чем на полчаса. Теплеет, а след не размытый, каждый гвоздь в каблуке видать.

– Озеро, – буркнул Бонарт, напрасно пытаясь пробить взглядом туман, – тянется к северу больше чем на пять миль. Так говорил Вильгефорц. Если у девчонки полчаса перевеса, значит, она в какой-нибудь полумиле перед нами.

– На скользком льду? – покрутил головой Мун. – И того нет. Шесть-семь стает, не больше.

– Тем лучше. Вперед!

– Вперед, – повторил Филин. – На лед, и вперед, быстро!

Они шли, тяжело дыша. Близость жертвы взбадривала, возбуждала, наполняла эйфорией словно наркотик.

– Не уйдет!

– Только б след не потерять...

– И только б она нас не объегорила в тумане... Бело, как в молоке... В двадцати шагах не видать, мать ее...

– Шевелите лаптями, – буркнул Риенс. – Быстрее, быстрее! Пока снежок на льду, идем по следам...

– Следы совсем свежие, – неожиданно забормотал Бореас Мун, останавливаясь и наклоняясь. – Свеженькие... Каждый гвоздь оттиснулся... Она перед нами... Совсем близко! Почему ж мы ее не видим?!

– И почему не слышим?! – задумался Оль Харшейм. – Наши шаги по льду дуднят, снег поскрипывает! Так почему ж ее-то не слышно?

– Потому что болтаете много, – резко отрезал Риенс. – Дальше, марш!

Бореас Мун стащил шапку, утер вспотевший лоб.

– Она тут, в тумане, – сказал он тихо. – Где-то тут, в тумане... Но не видно где... Не видать, откедова ударит... Как там... В Дун Даре... В ночь Саовинны...

Он принялся дрожащей рукой извлекать меч из ножен. Филин подскочил к нему, схватил за плечи, рванул.

– Заткни хлебало, старый дурень, – зашипел он.

Однако было уже поздно. Остальным передался страх. Они тоже вытащили мечи, инстинктивно становясь так, чтобы за спиной был кто-нибудь из спутников.

– Она не привидение! – громко прошипел Риенс. – Она даже не магичка! А нас – десятеро! В Дун Даре было четверо и все пьяные в дымину!

– Расступиться, – неожиданно сказал Бонарт, – влево и вправо, в линию. И идти цепью! Но так, чтобы друг друга из глаз не выпускать.

– И ты туда же? – скривился Риенс. – И тебя тоже забрало, Бонарт? Я считал тебя не таким...

– Он осекся.

Охотник за наградами глянул на него взглядом холодней, чем лед.

– Растянуться в цепь, – повторил он, не обращая внимания на чародея. – Держать дистанцию. Я возвращаюсь за лошадью.

– Что?

Бонарт и на этот раз не удостоил Риенса ответом. Риенс выругался, но Филин быстро положил ему руку на плечо.

– Перестань, – буркнул он, – пусть идет. А мы давайте не будем терять времени! Люди, в цепь! Берт и Стигварт – налево, Оль – направо...

– Зачем все это, Скллен?

– Под идущими кучей, – буркнул Бореас Мун, – лед скорее проломится, чем под растянувшимися в цепь. Кроме того, ежели цепью пойдем, будет меньше риск, что девка у нас как-нито бочком ускользнет.

– Бочком? – фыркнул Риенс. – Это каким же манером? Следы перед нами как на ладони. Девчонка идет прямо как по струнке; если попытается хоть на шаг в сторону двинуться, следы выдадут!

– Хватит трепаться, – обрезал Филин, глядя назад, в туман, в котором исчез Бонарт. – Вперед!

Они пошли.

– Теплее становится, – шепнул Бореас Мун. – Лед поверху тает, наледь образуется...

– Туман густеет...

– Но следы все время видны, – отметил Дакре Силифант. – Кроме того, мне кажется, девчонка пошла медленнее. Устает.

– Как и мы. – Риенс сорвал шапку и обмахнулся.

– Тише. – Силифант вдруг остановился. – Вы слышали? Что такое?

– Я ничего не слышал.

– А я – да... Как бы скрип... Скрип по льду... Но не оттуда. – Бореас Мун указал в туман, в который уходили следы. – Как бы слева, сбоку...

– Я тоже слышал, – подтвердил Филин, беспокойно оглядываясь. – Но теперь стихло. Черт побери, не нравится мне это. Мне это не нравится!

– Следы, – утомленно, но настойчиво повторил Риенс. – Мы видим ее следы! Что, у вас глаз нет? Она идет прямо как стрела. Если б свернула хоть на шаг, хоть на полшага, мы увидели бы по следам! Марш быстрее, через минуту-другую мы ее возьмем! Ручаюсь, через минуту увидим...

Он осекся. Бореас Мун вздохнул так, что у него заиграло в легких. Филин выругался.

В десяти шагах перед ними, на самой границе видимости, обозначенной плотным туманом, следы обрывались. Исчезали.

– Чума на тебя...

– В чем дело?

– Улетела, что ли?

– Нет, – покрутил головой Бореас Мун. – Не улетела. Хуже.

Риенс грязно выругался, указывая на появившиеся на ледовой скорлупе черточки.

– Коньки, – буркнул он, машинально сжимая кулаки. – У нее были коньки, и она их надела... Теперь помчится по льду как ветер... Мы ее не догоним! Куда, чума на его морду, подевался Бонарт? Не догнать девку без лошадей!

Бореас Мун громко кашлянул, вздохнул. Скеллен медленно расстегнул кожаную куртку, открыв пересекающую наискось грудь бандольеру с рядом орионов.

– Нам не придется ее догонять, – сказал он холодно. – Это она догонит нас. Боюсь, очень даже скоро!

– Ты спятил?

– Бонарт это предвидел. Поэтому и вернулся за лошадьми. Он знал, что девка заманивает нас в ловушку. Внимание! Ловите скрип коньков по льду!

Дакре Силифант побледнел, это было видно, даже несмотря на покрасневшие от мороза щеки.

– Парни! – крикнул он. – Внимание! Будьте настороже! И в кучку, в кучку. Не потеряйтесь в тумане.

– Заткнись! – рявкнул Филин. – Соблюдать тишину! Полную тишину, иначе не услышим...

Они слышали. С левого, самого дальнего, края цепи из тумана до них долетел короткий, тут же оборвавшийся крик. И резкий, хриплый скрип коньков, от которого сводило скулы, как от скрипа железом по стеклу!

– Берт! – крикнул Филин. – Берт! В чем там дело?

Они слышали непонятный крик, а через мгновение из тумана выскочил мчащийся во весь опор Берт Бригден. Уже оказавшись близко, он поскользнулся, упал, поехал животом по льду.

– Она достала... Стигварта, – выдохнул он, с трудом поднимаясь. – Зарезала... проносясь мимо... Так быстро... что я едва ее увидел... Чаровница...

Скеллен выругался. Силифант и Мун, оба с мечами в руках, вертелись, тараща во мглу.

Скрип. Скрип. Скрип. Быстрый. Ритмичный. И все более четкий. Все более четкий...

– Откуда? – зарычал Бореас Мун, поворачиваясь и водя в воздухе острием меча, который держал обеими руками. – Откуда?

– Тихо! – крикнул Филин, держа орион в поднятой руке. – Кажется, справа! Да, справа! Она подъезжает справа! Внимание!

Идущий на правом фланге геммериец неожиданно выругался, развернулся и помчался вслепую в туман, шлепая по слою тающего льда. Далеко ему убежать не удалось. Не удалось даже скрыться из глаз. Они слышали резкий скрип коньков, заметили расплывчатую, подвижную тень. И блеск меча. Геммериец взвыл. Они видели, как он упал, видели широкий веер крови на льду. Раненый дергался, извивался, кричал, выл, потом утих и замер.

Но пока он выл, он заглушил своим воем скрип коньков. Они не ожидали, что девушка сумеет так быстро развернуться.

Она влетела между ними, в самую середину. Оля Харшейма рубанула на лету, низко, под колено, переломив его как складной ножичек. Закружилась в пируэте, засыпав Бореаса Муна градом колких крошек льда. Скеллен отскочил, поскользнулся, ухватил за рукав Риенса. Оба упали. Коньки заскрипели совсем рядом с ними, острые холодные осколки покусали им лица. Один из геммерийцев вскрикнул, вопль оборвался диким всхлипом. Филин знал, что случилось. Он слышал многих людей, которым перерезали глотки.

Оль Харшейм кричал, дергаясь на льду.

Скрип. Скрип. Скрип.

Тишина.

– Господин Скеллен, – выдавил Дакре Силифант. – На тебя вся надежда... Спасай... Не дай пропасть...

– Ногу мне подсекла, курва-а-а-а! – выл Оль Харшейм. – Помогите, мать вашу... Помогите вста-а-а-ать-то!

– Бонарт! – заорал в туман Скеллен. – Бонарт! На помощь! Где ты, сукин ты сын! Бонарт!!!

– Она обходит нас, – выдохнул Бореас Мун, разворачиваясь и прислушиваясь. – Ездит по кругу в тумане... Ударит неведомо откуда... Смерть! Эта девка – сама смерть! Все подохнем тут! Будет резня, как в Дун Даре в ночь Саовинны...

– Держитесь вместе, – простонал Скеллен. – Держитесь кучей, она охотится за одиночками... Как только увидите, что приближается, не теряйте головы... Бросайте ей под ноги мечи, пояса, мешки... Что угодно, лишь бы ее...

Он не закончил. На этот раз они даже не услышали скрипа коньков. Дакре Силифант и Риенс спасли себе жизнь, упав плашмя на лед. Бореас Мун успел отскочить, поскользнулся, упал, перевернул Берта Бригдена. Когда девушка проносилась мимо, Скеллен размахнулся и запустил орион. И попал. Но не в того, в кого собирался. Оль Харшейм, которому в этот момент только-только удалось подняться, рухнул в судорогах на окровавленный лед, его широко раскрытые глаза, казалось, косили на стальную звезду, торчащую из основания носа.

Последний из геммерийцев бросил меч и принялся коротко, отрывисто всхлипывать. Скеллен подлетел к нему и изо всей силы ударил по лицу.

– Возьми себя в руки! – зарычал он. – Возьми себя в руки, парень! Это всего-навсего одна девчонка! Одна девчонка!

– Как в Дун Даре в ночь Саовинны, – тихо сказал Бореас Мун. – Нам уже не уйти с этого льда, с этого озера. Слушайте! Слушайте! И вы услышите, как надвигается на нас смерть!

Скеллен поднял меч геммерийца и попробовал сунуть всхлипывающему мужчине оружие в руку, но напрасно. Сотрясаемый конвульсиями геммериец глядел на него невидящим взором. Филин бросил меч, подскочил к Риенсу.

– Сделай же что-нибудь, чародей! – рявкнул он, рванув того за руки. Ужас удвоил его силы, и Риенс, хоть был выше, тяжелее и мощнее, дергался в хватке Филина, как тряпичная кукла. – Сделай что-нибудь! Вызывай своего могущественного Вильгефорца! Иди чародейничай сам! Чародейничай, выкрикивай заклинания, вызывай духов, созывай демонов! Делай что угодно, ты, паршивый поскребыш, ты, дерьмо поганое! Сделай что-нибудь, пока упыриха всех нас не поубивала!

Эхо его крика прокатилось по покрытым лесом склонам. Прежде чем оно умолкло, заскрипели коньки. Всхлипывающий геммериец упал на колени и закрыл лицо руками. Берт Бригден завыл, бросил меч и кинулся бежать. Поскользнулся, перевернулся, какое-то время карабкался на четвереньках, словно пес.

– Ну, Риенс!

Чародей выругался, поднял руку. Когда произносил заклинание, рука у него дрожала, голос тоже. Но получилось. Правда, не все.

Вывавшаяся из пальцев тоненькая огненная молния прорезала лед. Ледяная плита лопнула. Но не поперек, как должна была бы, чтобы загородить приближающейся девушке дорогу. Лопнула вдоль. Ледяная скорлупа с громким хрустом раскрылась, вырвалась и загудела черная вода, быстро расширяющаяся щель помчалась в сторону тупо глядевшего на нее Дакре Силифанта.

– Бегите! – взвизгнул Скеллен. – Бегите-е-е-е!

Поздно. Щель прошла между ногами Силифанта и резко расширилась, лед изломался, как стекло, образовав большие куски. Дакре потерял равновесие, вода приглушила его крик. В образовавшуюся полынью свалился Бореас Мун, исчез под водой ползавший на четвереньках геммериец, исчез труп Оля Харшейма. За ними плюхнулся в черную глубь Риенс, а тут же следом Скеллен, в последний момент успевший уцепиться за край льдины... А девушка, сильно оттолкнувшись, перелетела над образовавшейся щелью, опустилась так, что брызнул тающий лед, помчалась за убегающим Бригденом. Через секунду до слуха висевшего на краю разлома Филина долетел дикий, свинячий визг.

Догнала.

– Господи... – простонал Бореас Мун, которому неведомо как удалось выкарабкаться на лед.
– Дайте руку... Господин коронер...

Вытянутый из воды Скеллен посинел. Его била дрожь. Под пытавшимся вылезти Силифантом обломился край льдины. Дакре снова ушел под воду. Но тут же вынырнул, кашляя и отплеываясь, нечеловеческим усилием выбрался на лед. Выкарабкался и упал, совершенно выбившись из сил. Рядом с ним образовалась лужа.

Бореас стонал, прикрыв глаза. Скеллен дрожал.

– Спасите... Мун... Помогите...

На краю ледяного поля, погрузившись по пах, висел Риенс. Мокрые волосы облепили череп. Зубы стучали не хуже кастаньет. Это походило на призрачную увертюру к какой-то inferнальной

dance macabre [49].

Заскрипели коньки. Бореас не шелохнулся. Ждал. Скеллен дрожал.

Она приближалась. Медленно. С ее меча стекала кровь, помечая лед пунктиром капель. Бореас сглотнул слюну. Хоть он до последней нитки промок в ледяной воде, ему вдруг сделалось чудовищно жарко.

Но девушка не смотрела на него. Она смотрела на Риенса, напрасно пытавшегося выбраться на лед.

– Помоги... – Риенс пересилил стук зубов. – Спаси...

Девушка притормозила, развернувшись на коньках с грацией танцовщицы. Остановилась, слегка расставив ноги и держа меч низко, поперек бедер.

– Спаси меня, – заскулил Риенс, впиваясь в лед деревенеющими пальцами. – Спаси... Я скажу тебе... Где сейчас Йеннифэр... Клянусь.

Девушка медленно стянула шарф с лица. И улыбнулась. Бореас Мун увидел жуткий шрам и с трудом сдержал крик.

ним на своей вороной кобыле. «Чародейка, – подумал он, – общается со своей зверюгой. Послала ее на конец озера и велела ожидать себя.

Но ничто ей не поможет.

Я должен ее убить. Пусть провалится к черту в ад Вильгефорц. Я должен ее убить. Для начала заставлю молить о пощаде, о жизни... А потом убью».

Он крикнул, пришпорил лошадь и послал ее в галоп.

И вдруг понял, что проиграл. Что все-таки она обвела его.

Его отделяло от нее не больше полстае – но по тонкому льду. Она была по другую сторону озера. Больше того, полумесяц плеса теперь изгибался в противоположную сторону – девушка, едущая по тетиве лука, была гораздо ближе к краю озера.

Бонарт выругался, рванул поводья и направил лошадь на лед.

– Гони, Кэльпи!

Из-под копыт вороной кобылы задробила замерзшая земля.

Цири прижалась к лошадиной шее. Вид преследующего ее Бонарта пронзил ее ужасом. Она боялась этого человека. При мысли о возможности сопротивления невидимая рука стиснула ей желудок.

Нет, бороться с ним она не могла. Пока еще не могла.

Башня. Спасти ее могла только Башня. И портал. Как на Танедде, когда чародей Вильгефорц был уже совсем рядом, уже протянул к ней руку...

Единственное спасение – Башня Ласточки.

Туман поднялся.

Цири натянула поводья, чувствуя, как ее вдруг охватывает чудовищный жар. Она не могла поверить в то, что видела. Что было перед ней.

Бонарт тоже увидел. И торжествующе крикнул.

На краю озера башни не было. Не было даже ее развалин, не было попросту ничего. Только едва заметный, едва различимый холмик, только покрытая голыми промерзшими стеблями травы кучка камней.

– Вот она, твоя башня! – рявкнул он. – Вот твоя волшебная башня! Вот оно – твое спасение! Куча камней!

Девушка, казалось, не слышит и не видит. Она подвела кобылу ближе к холмику, на каменную насыпь. Воздела обе руки к небу, словно проклинала небеса за все то, что ее здесь встретило.

– Я говорил тебе, – рычал Бонарт, пришпоривая гнедого, – что ты моя! Что я сделаю с тобой все, что захочу! Что никто мне не помешает! Ни люди, ни боги, ни дьяволы, ни демоны! Ни волшебные башни! Ты моя, ведьмачка!

Подковы гнедой лошади зацокали по ледяной глади.

Туман вдруг за клубился, закипел под ударами вихря, свалившегося неведомо откуда. Гнедой

заржал и заплясал, оскалив зубы. Бонарт откинулся в седле, натянул поводья изо всей силы, потому что лошадь прямо-таки сбесилась, мотала головой, топала, скользила по льду.

Впереди, между ним и берегом, на котором стояла Цири, танцевал на льду снежно-белый единорог, вставал на дыбы, принимая позу, знакомую по гербовым щитам.

– Со мной такие фокусы не проходят! – рявкнул охотник, сдерживая лошадь. – Меня чарами не возьмешь! Я догоню тебя, Цирилла! На этот раз я тебя убью! Ведьмачка! Ты – моя!

Туман снова пошел клубами. Закипел, принял странные очертания. Эти очертания становились все более четкими. Наездники! Кошмарные фигуры призрачных наездников.

Бонарт вытаращил глаза.

На скелетах коней сидели скелеты наездников, одетых в проржавевшие латы и кольчуги, обрывки плащей, погнутые и исковерканные шлемы с буйволиными рогами, остатками султанов из страусовых и павлиньих перьев. Из-под обрезов шлемов глаза привидений светились синеватым пламенем. Полоскались разодранные полотнища знамен.

В голове демонической кавалькады мчался вооруженный призрак с короной на черепе, с нашейником, бьющимся о проржавевшую кирасу.

Прочь! – загудело в голове Бонарта. –

Прочь отсюда, смертный! Она не твоя! Она наша! Прочь!

В одном нельзя было отказать Бонарту: в отваге. Он не испугался призраков. Он переборол страх, не запаниковал.

Но его конь оказался не таким храбрым.

Гнедой жеребец встал на дыбы, заплясал, словно в балете, на задних ногах, дико заржал, рванулся и подскочил. Под ударами его подков лед с ужасающим скрежетом треснул, плиты встали отвесно, вырвалась вода. Жеребец завизжал, ударил о край льда передними копытами, разломил его. Бонарт вырвал ноги из стремян, прыгнул на лед.

Слишком поздно.

Вода сомкнулась над его головой. В ушах загудело и зазвенело словно в колокольне. Легкие готовы были вот-вот разорваться.

Ему повезло. Его перемешивающие воду ноги нащупали что-то – вероятно, идущего ко дну коня. Он оттолкнулся, вынырнул, отплеываясь и сопя. Ухватился за край образовавшейся полыньи. Не поддаваясь панике, выхватил нож, вбил его в лед, вытянул себя. Он лежал, тяжело дыша, с него с плеском стекала вода.

Озеро, лед, заснеженные склоны, белый глазурованный еловый лес – все вдруг залил неестественный мертвенный свет.

Бонарт с огромным трудом поднялся на колени.

Темно-синее небо над горизонтом запылало ослепительной короной, светящимся куполом, из которого вдруг выросли огненные столбы и спирали, вырвались пляшущие колонны и вихри света. На небосклоне повисли переливающиеся, подвижные, быстро меняющие форму ленты и полотнища.

Бонарт захрипел. Ему показалось, что на горло надет стальной обруч гарроты.

Там, где только что был лишь голый холмик и груда камней, вздымалась башня.

Величественная, стрельчатая и изящная, черная, гладкая, блестящая, словно высеченная из цельной глыбы базальта. Огонь мерцал в немногочисленных окнах, в зубчатых остриях вершины горела

aurora borealis.

Он видел девушку, повернувшуюся к нему в седле. Видел ее горящие глаза и уродующий лицо шрам, пересекающий щеку. Видел, как девушка подгоняет вороную кобылу, как не спеша въезжает в черный провал, под каменный свод входа.

Как исчезает.

Aurora borealis вспыхнула ослепительными водоворотами огней.

Когда Бонарт снова стал видеть, башни уже не было. Был покрытый снегом холмик, груда камней, засохшие, черные стебли травы.

Ползая на коленях по льду, в луже стекающей с него воды, охотник за наградами жутко закричал. Жутко и дико. Воздев руки к небу, не вставая с колен, он кричал, выл, богохульствовал и проклинал – людей, богов и демонов.

Эхо его крика катилось по поросшим елями склонам, несло по замерзшему зеркалу озера Тарн Мира.

То, что она увидела внутри башни, в первый момент напомнило ей Каэр Морхен – такой же длинный коридор за аркадами, точно такое же бесконечное пространство уходящих вдаль то ли колонн, то ли скульптур. Было непонятно, каким образом эта бездна может уместиться в стройном обелиске башни. Но ведь Цири знала, что бессмысленно пытаться анализировать – ибо башня эта выросла из ничего, возникла там, где ее раньше не было. В такой башне могло быть все что угодно, и ничему не следовало удивляться. Она оглянулась, не веря, что Бонарт осмелится и войдет следом. Но предпочитала удостовериться.

Аркада, через которую она въехала, сияла неестественным светом.

Копыта Кэльпи зазвенели по полу, под копытами что-то захрустело. Черепа, берцовые кости, грудные клетки, бедренные, тазовые кости. Она ехала по гигантскому склепу. «Каэр Морхен, – вспомнила она. – Умерших следует предавать земле... Как же давно это было... Тогда я еще верила в нечто подобное... В величие смерти, в почтение к умершим... А смерть – это просто-напросто смерть. И умерший – всего-навсего холодный труп. Не имеет значения, где лежат, где превращаются в прах его кости».

Она въехала во мрак под аркадами, между колоннами и статуями. Тьма заколебалась как дым, уши наполнились настойчивыми шепотками, вздохами, тихими стенаниями. Впереди неожиданно вспыхнул свет, распахнулись гигантские двери. Они раскрывались одни за другими. Двери. Бесчисленное множество дверей с тяжелыми створками беззвучно раскрывалось перед нею.

Кэльпи шла, звеня подковами по каменному полу.

Геометрия окружающих стен, арок и колонн нарушилась так внезапно и резко, что Цири почувствовала головокружение. Ей показалось, что она внутри какой-то невероятной многогранной глыбы, какого-то гигантского октаэдра.

Двери продолжали раскрываться. Но уже не указывали одного-единственного направления. Они открывались в бесконечное множество направлений и возможностей.

И Цири начала видеть.

Черноволосая женщина ведет за руку пепельноволосую девочку. Девочка трусит, боится света, боится усиливающихся во тьме шепотков, ее пугает звон подков, который она слышит. Черноволосая женщина с искрящейся бриллиантами звездой на шее тоже боится. Но не показывает виду. Она ведет девочку дальше. К ее предназначению.

Кэльпи идет. Следующие двери.

Иоля Вторая и Эурнэйд в колушках, с узелками, шагают по замерзшему, покрытому снегом тракту. Небо –

темно-синее.

Следующие двери.

Иоля Первая стоит на коленях перед алтарем. Рядом с нею матушка Нэннеке. Обе смотрят, лица их искажены гримасами ужаса. Что они видят? Прошрое или будущее? Правду или ложь?

Над ними обеими, над Нэннеке и Иолей, –

руки. Протянутые в жесте благословения руки женщины с золотыми глазами. В ожерелье женщины –

бриллиант, светящаяся утренняя звезда. На руках у женщины кот. Над ее головой – сокол.

Следующие двери.

Трисс Меригольд поддерживает свои роскошные каштановые волосы, которые путает ветер. От ветра невозможно укрыться, от ветра ничто не заслонит.

Не здесь, не на вершине холма.

На холм поднимается долгая, бесконечная череда теней, фигур. Они идут медленно. Некоторые поворачиваются к ней лицами. Знакомые лица. Весемир, Эскедь, Ламберт, Койон, Ярпен Зигрин и Паулье Дальберг. Фабио Сакс... Ярре... Тиссия де Врие...

Мистле...

Геральт?

Следующие двери.

Йеннифэр в цепях, прикованная к покрытой влагой стене подполья. Ее руки –

сплошная масса застывшей крови. Черные волосы растрепаны и спутаны... Губы разбиты и распухли... Но в фиолетовых глазах неугасающая воля к борьбе и сопротивлению.

Мамочка! Держись! Выдержи! Я иду к тебе на помощь! Держись!

Следующие двери. Цири отворачивается. С обидой и смущением.

Геральт. И зеленоглазая женщина с черными, коротко стриженными волосами. Оба нагие. Заняты, поглощены друг другом. Удовольствием, которое доставляют друг другу.

Цири сдерживает стискивающие горло эмоции, подгоняет Кэльпи. Стучат копыта. В темноте пульсируют шепотки.

Следующие двери.

Здравствуй, Цири.

– Высогота?

Я знал, что у тебя все получится, храбрая девочка. Моя мужественная Ласточка. Ты не пострадала?

– Я победила их. На льду. У меня был для них сюрприз. Коньки твоей дочери...

Я имел в виду моральные страдания.

– Я остановилась... Не стала убивать всех. Не убила Филина... Хотя именно он меня ранил и изуродовал. Я сдержалась.

Я знал, что ты победишь, Zireael. И войдешь в башню. Ведь я читал об этом. Потому что это уже описано... Все это уже было описано. Знаешь, что дает учеба? Умение пользоваться источниками.

– Как получается, что мы можем разговаривать... Высогота... Или ты...

Да, Цири. Умер. А, не важно! Гораздо важнее то, что я узнал. На что наткнулся... Теперь я знаю, куда девались потерянные дни. Знаю, что произошло в пустыне Корат. Знаю, каким образом ты скрылась от погони...

– И каким образом вошла сюда, в башню, да?

Старшая Кровь, текущая в твоих жилах, дает тебе власть над временем. И над пространством. Над измерениями и сферами. Теперь ты –

Владычица Миров, Цири. Ты обладаешь могущественной Силой. Не позволяй ее у себя отнять и использовать в собственных целях преступникам и негодяям...

– Не позволю.

Прощай, Цири. Прощай, Ласточка.

– Прощай, Старый Ворон.

Следующие двери. Свет, ослепительный свет.

И пронзительный аромат цветов.

На озере лежал туман, легчайшая как пух мгла, быстро разгоняемая ветром. Гладкая как зеркало поверхность воды, на зеленых коврах плоских листьев кувшинок белеют цветы.

Берега утопают в зелени и цветах.

Тепло.

Весна.

Цири не удивлялась. Да и как можно было удивляться? Ведь теперь все стало возможным. Ноябрь, лед, снег, мерзлая почва, куча камней на ошестинившемся замерзшими стеблями

холмике – все это было там. А здесь есть здесь, здесь – стрельчатая базальтовая башня с зубчатыми башенками на вершине отражается в зеленой, усеянной белыми кувшинками воде озера. Здесь – май, потому что именно в мае цветут дикая роза и черемуха.

Кто-то поблизости играет на флейте или свирели, выводя веселую, задорную мелодийку.

На берегу озера, передними ногами в воде, стояли два снежно-белых коня. Кэльпи фыркнула, ударила копытом о камень. Тогда кони подняли морды и влажные от воды ноздри, а Цири громко вздохнула.

Это были не кони, а единороги.

Цири не удивилась. Вздыхала она от восхищения, а не от удивления.

Мелодия звучала все громче, долетая из-за кустов черемухи, увешенных белыми гирляндами цветов. Кэльпи направилась туда сама, не понукаемая никем. Цири сглотнула. Оба единорога, теперь неподвижные как статуи, глядели на нее, отражаясь в гладкой как зеркало поверхности вод.

За кустом черемухи сидел на округлом камне светловолосый эльф с треугольным лицом и огромными миндалевидными глазами. Он играл, ловко перебирая пальцами по отверстиям флейты. Он видел Цири и Кэльпи, глядел на них, но играть не переставал.

Белые цветочки черемухи пахли так сильно, как никогда не пахла та черемуха, которую Цири встречала когда-либо в жизни. «И ничего удивительного, – подумала она совершенно спокойно. – В том мире, где я жила до сих пор, черемуха просто пахнет иначе.

Потому что в том мире вообще все иначе».

Эльф закончил мелодию протяжной высокой трелью, отнял флейту от губ, встал.

– Почему так долго? – спросил он, улыбнувшись. – Что задержало тебя?

Владычица

Озера

Глава первая

We are such stuff

As dreams are made on, and our little life

Is rounded with a sleep. William Shakespeare

Едут они дальше и видят озеро, широкое и чистое, а посреди озера, видит Артур, торчит из воды рука в рукаве богатого белого шелка, и сжимает она в длани своей добрый меч.

– Глядите, – сказал Мерлин, – вон меч, о котором говорил я.

Тут видят они вдруг деву, по водам к ним идущую.

– Кто эта дева? – спросил Артур.

– Это Владычица Озера, – отвечал Мерлин. Томас Мэлори Смерть Артура

Озеро было зачарованным. Вне всяких сомнений.

Во-первых, лежало оно совсем рядом с зачарованной долиной Ким Пикка, долиной таинственной, вечно затянутой туманом, славной своими чарами и магическими явлениями.

Во-вторых, достаточно было одного только взгляда.

Водная гладь – глубоко, сочно, незамутненно голубая, словно отшлифованный сапфир. До такой степени зеркально-голубая, что отраженные в ней вершины И Виддфа были прекраснее самих вершин. С озера веял прохладный живительный ветерок, и благословенной тишины не нарушали ни плеск рыбы, ни крик птицы.

Рыцарь тряхнул головой, пытаясь избавиться от охватившего его волнения, но вместо того чтобы продолжать путь по вершинам предгорных холмов, направил коня к озеру – словно влекомый силою магнетических чар, дремлющих там, внизу, на дне, в бездне вод. Конь пугливо ступал по каменному крошеву, тихим похрапыванием давая знать, что и он чувствует магическую ауру.

Спустившись вниз, к самому берегу, рыцарь соскочил с коня и, ведя его за трензеля, подошел к кромке воды, где мелкая волна плескалась среди разноцветных окатышей.

Поскрипывая кольчугой, опустился на колени, распугал мальков и юрких рыбешек, малюсеньких, словно иголки, набрал воды в сложенные горстью ладони. Он пил медленно, осторожно – от льдисто-холодной воды немели губы и язык, заходились зубы.

Когда он вновь зачерпнул воду, до него долетел звук, как бы разлившийся по поверхности озера. Он приподнял голову, конь захрапел, словно давал знать, что слышит и он.

Рыцарь прислушался. Нет, не показалось. Это были звуки пения. Пела женщина, скорее даже – девушка.

Рыцарь, как и всякий рыцарь, воспитывался на песнях бардов и рыцарских романах. А в них в девяти случаях из десяти девичьи песни либо стоны оказываются приманкой, а спешащие на помощь или же на выручку рыцари пренебреженно попадают в ловушки. Нередко смертельные.

Однако любопытство взяло верх. В конце концов, рыцарю-то ведь было всего-навсего девятнадцать годков. Он был зверски смел и чрезвычайно безрассуден. Отличался одним и славился другим.

Проверив, хорошо ли ходит в ножнах меч, он потянул коня туда, откуда доносилось пение. Впрочем, далеко идти не пришлось.

Берег был усеян большими скатившимися со склонов камнями – темные, отполированные до блеска, прямо-таки игрушки великанов, неряшливо брошенные или же просто забытые после окончания игры, они лежали в воде, темнели под прозрачным зеркалом вод, кое-где выступали над поверхностью, омываемые волной словно спины левиафанов. Множество

камней виднелось и на берегу – от самой кромки и до опушки леса. Часть их была погружена в песок, лишь немного выступая наружу, предоставляя зрителю домысливать, сколь велики они в действительности.

Из-за этих-то прибрежных валунов и доносилось пение, которое слышал рыцарь. А самой девушки видно не было. Рыцарь толкнул коня, держа его за мундштук, чтобы не ржал и не храпел.

Одежда девушки лежала на валуне, погруженном в воду и плоском, как стол. Сама певунья, стоя по пояс в воде, мылась, плескаясь и напевая. Слов рыцарь не понимал.

И неудивительно.

Девушка – он мог бы побиться об заклад – не была человеком из крови и плоти, о чем свидетельствовало тоненькое тело, странный цвет волос, голос. Рыцарь был уверен: если она повернется, он увидит огромные миндалевидные глаза. А если отбросит пепельные волосы, под ними, несомненно, приоткроются острые ушки.

Да, это обитательница Faërie, страны чар. Волшебница. Одна из Tylwyth T?g. Из тех, которых пикты и ирландцы называли Daoine Sidhe, Народом Холмов, а саксы – эльфами.

Девушка на мгновение перестала напевать, погрузилась по горлышко, зафыркала, закашлялась и обыкновеннейшим манером ругнулась. Однако рыцаря это не обмануло. Волшебницы, как известно всем, умеют ругаться по-человечески. Порой – не хуже сапожников. И очень даже часто ругань бывает лишь прелюдией к какому-нибудь зловердному фокусу, страстью к которым ворожейки славились: например, раздуть человеку нос до размеров семенного огурца либо уменьшить его мужескость до величины горошины.

Ни то, ни другое рыцаря не привлекало. Он уже совсем было собрался потихоньку ретироваться, когда его выдал конь. Нет, его конь, верховой, удерживаемый за ноздри, вел себя прилично и тихо, как мышь под метлой. Его выдала лошадь волшебницы, вороная кобыла, которую рыцарь вначале не заметил среди валунов. Жеребец дернул мордой и, будучи скотиной благовоспитанной, ответил. Да так, что эхо пошло по воде.

Волшебница выскочила из воды, продемонстрировав рыцарю все свои ласкающие глаз прелести, и тут же метнулась к камню, на котором лежала одежда. Однако вместо того, чтобы схватить какую-нибудь тряпку и скромно прикрыться, схватила ножны и на удивление ловко вытянула из них меч. На все ушло лишь мгновение, после чего она то ли пригнулась, то ли присела, скрывшись под водой по самый нос, и выставила над водной гладью вытянутую руку с мечом.

Рыцарь вроде бы немного пришел в себя, бросил поводья и, преклонив колено, опустился на влажный песок. Теперь он наконец понял, с кем его свела судьба.

– Пребывай в здравии, – забормотал он, протягивая руки. – Великая сие честь для меня... Великое отличие, о Владычица Озера. Меч сей приму...

– А может, поднимешься с колен и отвернешься? – Волшебница выставила над водой губы. – Может, перестанешь болтать и пялиться и позволишь мне одеться?

Волшебницам не противоречат.

Он слышал плеск воды, когда она выходила на берег, слышал шелест одежды, слышал, как она потихоньку ругается, натягивая рубашку на мокрое тело. Он рассматривал вороную кобылу с гладкой, блестящей, как кротовья шубка, шерстью. Лошадь, несомненно, была чистейших кровей и, конечно, быстрая как ветер. И – конечно же – заколдованная. И стало

быть – столь же несомненно, обительница Faërie, как и ее хозяйка.

– Можешь повернуться.

– Владычица Озера...

– И представиться.

– Галахад из Каэр Бенина. Рыцарь короля Артура, властителя замка Камелот, владыки Теплого Края, а также Думнонии, Дифнита, Повисса, Диффида...

– А Темерия, – прервала она, – Редания, Ривия, Аэдирн, Нильфгаард? Эти названия тебе о чем-нибудь говорят?

– Нет. Никогда таких не слышал.

Она пожала плечами. В руке у нее, кроме меча, были ботинки и курточка, выстиранная и отжатая.

– Так я и думала. А какой у нас теперь день года?

– Сейчас... – Безмерно пораженный, он раскрыл рот. – Второе полнолуние после Бельтайна... Владычица...

– Цири, – закончила она машинально, вертя руками, чтобы лучше расправить одежду на высыхающем теле. Она говорила странно, глаза у нее были зеленые и большие...

Типично женским движением она отбросила влажные волосы, и рыцарь невольно вздохнул. И не только потому, что ухо оказалось самым обыкновенным, человеческим, не эльфийским, а потому скорее, что щека ее была обезображена некрасивым шрамом. Ее ранили! Но позвольте, разве можно ранить волшебницу?

Она заметила его взгляд, прищурилась, сморщила нос.

– Да, шрам! – сказала она со своим удивительным акцентом. – Чего ты испугался? Неужто шрам для рыцаря такая уж редкость? И такое уродство?

Медленно, обеими руками он снял кольчужный капюшон, откинул волосы.

– Дело и верно неувидительное... для рыцаря, – сказал он не без юношеской заносчивости, демонстрируя собственный, едва затянувшийся шрам, идущий от виска к скуле. – А уродливы только шрамы на чести... Я – Галахад, сын Ланселота Озерного и Элейны, дочери короля Пеллеса, хозяина Каэр Бенина. Рану эту мне нанес гнусный осквернитель дев Бреунис Безжалостный, прежде чем я повалил его в честном поединке. Поэтому, поверь, я действительно достоин получить меч из рук твоих, о Владычица Озера.

– Не поняла.

– Меч. Я готов принять его.

– Это мой меч. Я никому не позволю к нему прикоснуться.

– Но...

– Что «но»?

– Владычица Озера, когда... Она же всегда выныривает из вод и одаряет мечом.

Девушка немного помолчала, потом сказала:

– Понимаю. Как говорится, что ни страна, то обычай. Сожалею, Галахад, или как там тебя, но ты налетел не на ту Владычицу. Я ничего не раздаю. Ничем не одариваю. И не позволяю у себя отбирать. Чтобы все было ясно.

– Но ведь, – расхрабрился Галахад, – ты, Владычица, прибыла из Faërie? Разве нет?

– Я прибыла... – Она ненадолго умолкла, а ее зеленые глаза, казалось, устремлены в пучины пространства и времени. – Прибыла из страны Ривии, из города с таким же названием. От озера Лок Эскалотт. Я приплыла сюда в лодке. Стоял туман. Я не видела берегов. Слышала только ржание Кэльпи... моей кобылы, которая вначале бежала следом за мной.

Она снова раскинула влажную еще курточку на камне, а рыцарь снова вздохнул. Курточка была выстирана, но не вполне. На ней все еще проступали кровавые подтеки.

– Меня принесло сюда течение реки, – начала девушка, либо не видя, что он заметил кровь, либо притворившись, будто не видит. – Течение реки и волшебство единорога... Как называется это озеро?

– Не знаю, – признался он. – Важно, что оно в Гвинедде...

– Гвинедде?

– Само собой. Вон те горы – это И Виддфа. Если держаться правее и ехать лесами, то через два дня доберешься до Динас Диллеу, а дальше – до Каэр Даталю. А река... Ближайшая называется...

– Не имеет значения, как называется ближайшая река. Нет ли у тебя чего-нибудь перекусить, Галахад? Я подышаю с голоду.

– И что ты уставился? Боишься – исчезну? Унесусь в просторы вместе с твоим сухарем и телячьей колбасой? Не бойся. В моем собственном мире я малость набедокурила и запуталась в Предназначении, так что временно мне нежелательно там появляться. Придется немного побыть в твоём... В мире, в котором ночью не отыщешь на небе ни Дракона, ни Семь Коз. В котором сейчас второе полнолуние после Беллетэйна, а само слово «Беллетэйн» произносят как «Бельтайн». Ну, чего ты, спрашиваю, пялишься?

– Я не знал, что волшебницы умеют кушать.

– Волшебницы, чародейки и эльфы – все умеют кушать. Правильнее сказать – есть. Потребляют пищу. Пьют и, как говорится, тэ-дэ и тэ-пэ.

– Не понял. Что тэ-пэ?

– Не важно.

Чем внимательнее он ее рассматривал, тем больше рассеивалась аура необычности и тем более человеческой, что ли, нормальной и даже обычной она становилась. Однако он понимал, что она не такая и такой быть не может. Обыкновенные девушки не встречаются у подножий И Виддфа в окрестности Ким Пикка, не купаются нагишом в горных озерах и не отстирывают окровавленную одежду. Независимо от того, как эта девушка выглядит, земным существом она быть не может... И однако же Галахад уже совершенно свободно и без благоговейного страха глядел на ее мышиного цвета волосы, в которых теперь, когда они подсохли, к его удивлению заблестели серебристо-белым прядки седины. На ее тонкие руки, небольшой носик и бледные губы, на ее мужскую одежду немного странного покроя, сшитую из тонкой ткани с непривычно плотным плетением. На ее покрытый удивительным

орнаментом странных очертаний меч, который тем не менее отнюдь не выглядел парадным оружием. На ее бледные ступни, облепленные высохшим песком.

– Для ясности, – проговорила она, потирая ступню о ступню, – я не эльфка, а чародейка, то есть волшебница – правда, немного нетипичная. Впрочем, пожалуй, я и не чародейка вовсе.

– А жаль, слово чести!

– Чего тебе, как ты говоришь, жаль?

– Говорят... – Он покраснел и запнулся. – Говорят, что чародейки, ежели им случается повстречать юношей, ведут их в Эльфланд, Страну Эльфов, и там... Под ореховым кустом, на ковре из мхов, велят себя ублажать...

– Понимаю. – Она быстро глянула на него, потом отгрызла солидный кусок колбасы. – Что касается Страны Эльфов, – сказала она, проглатывая колбасу, – так некоторое время тому назад я оттуда сбежала, и у меня нет ни малейшего желания возвращаться туда. Что же до ублажения на ковре из мхов, да еще и под ореховым кустом, то, по правде говоря, Галахад, ты налетел не на ту, что надо, Владычицу. Тем не менее искренне благодарю за добрые намерения.

– Владычица! Я же не хотел тебя оскорбить...

– Не оправдывайся.

– Все из-за того, – пробормотал он, – что ты до невозможности красива.

– Еще раз благодарю. Но это ничего не меняет.

Помолчали. Было тепло. Стоящее в зените солнце приятно нагрело камни. Слабый ветерок рябил поверхность озера.

– Что означает... – неожиданно заговорил Галахад странно возбужденным голосом. – Что означает пика с окровавленным наконечником? Что означает и почему страдает король с пробитым бедром? Что означает дева в белом, несущая Грааль, серебряную чашу?

– А кстати, – прервала она, – ты вообще-то как себя чувствуешь?

– Но я же только спросил...

– Я не понимаю твоего вопроса. Это какой-то пароль? Сигнал, по которому распознаются посвященные? Будь добр, разъясни.

– Не сумею.

– Так чего же спрашиваешь в таком случае?

– А потому как... ну... – Его заело. – Ну, в общем... Один из наших взял, да и не спросил, хоть и выпал случай. То ли язык проглотил, то ли устыдился чего-то. Не спросил, вот и свалилась на него куча неприятностей. Так теперь уж мы всегда спрашиваем. На всякий случай.

– Слушай, в твоём мире есть чародеи? Ну, понимаешь, такие люди, которые занимаются магией. Маги. Ведуны, значит.

– Есть Мерлин. И Моргана. Но Моргана – дрянь в общем-то.

– А Мерлин?

- Так, средний.
- Знаешь, где его найти?
- А как же! В Камелоте. При дворе короля Артура. Я как раз туда направляюсь.
- И далеко это?
- Отсюда до Повисса, по реке Гафрен, потом по течению реки до Глевума к Морю Сабрины, а оттуда уж близко до равнин Теплого Края. На все вместе дней этак десять набегит.
- Далековато, однако.
- Можно, – задумался Галахад, – сократить малость, если поехать через Ким Пикка. Но это заколдованная долина. Там страшновато. Там живут Ү Дунан Тег, зловредные карлики.
- А меч у тебя для чего? Для фасону?
- А что мечом супротив карлов-то сделаешь?
- Сделаешь-сделаешь, не бойся. Я – ведьмачка. Слышал когда? Э, ясное дело, не слышал. А твоих карлов я не боюсь. У меня среди краснолюдов уйма знакомых.
- «Это уж точно», – подумал Галахад.
- Владычица Озера?
- Меня зовут Цири. И не называй меня Владычицей Озера. У меня это вызывает неприятные ассоциации. Неприятные и скверные. Так меня называли в Стране... Как ты назвал ту страну?
- Гаёгіе, или, как говорят друиды, Аннуин. А саксы – Эльфланд.
- Эльфланд? – Она накинула на плечи полученный от него клетчатый пиктовский плед. – Знаешь, я бывала там. Вошла в Башню Ласточки и – трам-тарарам – оказалась среди эльфов. А они именно так меня называли – Владычица Озера. Мне вначале даже нравилось. Льстило. Пока я не поняла, что в том краю, в той башне и над тем озером никакая я не Владычица, а обыкновенная пленница.
- Уж не там ли, – не выдержал Галахад, – ты испачкала одежду кровью?
- Она долго молчала. Наконец ответила:
- Нет, – и ему показалось, что голос у нее слегка дрогнул, – не там. А у тебя острый глаз. Ну что ж, от правды не убежишь, голову в песок прятать нет резону. Да, Галахад. Последнее время я пачкалась частенько. Кровью врагов, которых убивала. И кровью близких, которых пыталась спасти... И которые умирали у меня на руках... Почему ты так на меня смотришь?
- Не знаю, кто ты – богиня или смертная... Но ведь ты обретаешься на грешной земле.
- Будь добр, ближе к делу.
- Я хотел бы, – у Галахада разгорелись глаза, – услышать твою историю. Не соблаговолишь ли ты, Владычица, поведать ее?
- Слишком долго рассказывать.
- У нас есть время.

– И не очень хорошо она заканчивается.

– Не верю.

– Почему?

– Ты пела, когда купалась в озере.

– А ты наблюдателен. – Цири повернулась к нему, стиснула губы, а ее лицо вдруг сморщилось и стало совсем некрасивым. – Да, ты наблюдателен. Но очень наивен.

– Поведай мне свою историю. Пожалуйста.

– Ну что ж, – вздохнула она. – Пусть так, коли хочешь... Расскажу.

Она уселась поудобнее. Он тоже. Лошади гуляли на опушке леса, пощипывали траву.

– С начала, – попросил Галахад. – С самого начала...

– Эта история, – заговорила она после недолгого молчания, плотнее кутаясь в плед, – все больше кажется мне историей без начала. И я вовсе не уверена в том, что она закончилась. Понимаешь, в ней жутко перемешались и переплелись прошлое с будущим. Некий эльф сказал мне, что она похожа на змея, который ухватился зубами за собственный хвост. Имя этого змея тебе полезно знать – Уроборос. А то, что он грызет собственный хвост, означает, что кольцо замкнулось. В каждом миге таится прошлое, настоящее и будущее. В каждом мгновении – вечность. Понимаешь?

– Нет.

– Не беда.

Глава вторая

Истинно говорю вам, кто верит снам, тот подобен человеку, что тщится поймать ветер или ухватить тень. Прельщается зыбкими отражениями, зеркалом кривым, которое лжет либо вещает вздор на манер женщины рожающей. Воистину глуп тот, кто миражам сонным верит и спешит призрачным путем.

Однако же, кто снами пренебрегает и не верит им совсем, тот столь же неразумен. Ибо ежели б сны вообще никакого смысла не имели, то зачем тогда боги, творя нас, даровали нам способность видеть сны? Премудрость пророка Лебеде, 34:1

Ветерок тронул парящую как котел поверхность озера, погнал по ней клочья тумана. Ритмично скрипели и потрескивали уключины, вынырывающие из вод лопасти весел рассыпали градины блестящих капель. Кондвирамурса опустила руку за борт. Лодка двигалась настолько медленно, что водная гладь почти не взбурлила и не вспенилась на ее ладони.

– Ах, ах, – сказала Кондвирамурса, стараясь придать голосу побольше сарказма. – Ах, какая скорость. Прямо-таки мчимся по волнам. И от скорости аж дух захватывает и голова кругом идет.

Лодочник – невысокий, коренастый и плотный мужчина – гневно и невнятно пробормотал что-то в ответ, даже не подняв головы, покрытой седоватыми, вьющимися будто каракуль волосами. Адептке уже вконец осточертело бурчание, покашливание и хрипы, которыми невежа гребец отделялся от ее вопросов с тех самых пор, как она села в лодку.

– Осторожней, – процедила она, с трудом сохраняя спокойствие. – От такой бурной гребли можно и заболеть.

На этот раз крепыш поднял загорелое, темное как дубленая кожа лицо, что-то пробурчал, прокашлялся, движением заросшего седой щетиной подбородка указал на укрепленную на борте деревянную моталку и скрывающуюся в воде леску, натянутую движением лодки. Видимо, считая объяснение вполне достаточным и исчерпывающим, он продолжил грести в прежнем темпе. Весла вверх. Пауза. Весла в воду до половины лопасти. Долгая пауза. Протяжка. Еще более долгая пауза.

– Ага, – медленно сказала Кондвирамурса, посматривая на небо. – Понимаю. Важна блесна, которая тянется за лодкой и должна двигаться с соответствующей скоростью и на соответствующей глубине. Главное – рыболовство. На остальное начхать.

Сказанное было настолько очевидным, что мужчина даже не потрудился фыркнуть или даже просто кашлянуть в ответ.

– Кому какое дело до того, – продолжала монолог Кондвирамурса, – что я провела в пути целую ночь? Что я голодна? Что ягодицы у меня болят, а между ними свербит от жесткой скамейки? Что мне хочется писать? Нет, главное – ловля рыбы на дорожку. К тому же ловля бессмысленная, ибо никто не клюнет на блесну, которую волокут серединой плеса, да еще и на двадцатисаженной глубине.

Гребец поднял голову, зловеще глянул на Кондвирамурсу и заворчал очень – ну очень даже – ворчливо. Кондвирамурса сверкнула зубами, довольная собой. Грубиян по-прежнему греб медленно. Он был взбешен.

Адептка раскинулась на кормовой скамейке и закинула ногу на ногу. Так, чтобы в разрезе платья было видно побольше.

Мужчина забурчал, крепче стиснул на веслах узловатые пальцы, делая вид, будто глядит только на леску. Темп гребли он, ясное дело, и не думал увеличивать. Адептка, осознавши тщетность своих манипуляций, вздохнула и занялась изучением неба.

Уключины поскрипывали, бриллиантовые капельки ссыпались с лопастей весел.

В быстро рассеивающемся тумане замаячил силуэт острова. И вздымающиеся над ним темные бочковатые очертания башни. Грубиян рыбак, хоть и сидел спиной вперед и не оглядывался, непостижимым образом почувствовал, что они уже почти на месте. Он не спеша сложил весла вдоль бортов, встал, принялся понемногу навивать леску на моталку. Кондвирамурса – все еще нога на ногу – посвистывала, глядя в небо.

Гребец смотал леску до конца, осмотрел блесну – большую латунную ложку, снабженную тройным крючком с хвостиком из красной шерсти.

– Надо же, – сладенько проворковала Кондвирамурса. – Ничего не клюнуло, ай-ай-ай, жалость какая. А интересно, почему бы такая непруха? Может, лодка шла слишком быстро?

Мужчина окинул ее взглядом, в котором при желании можно было прочесть уйму малопривлекательных слов, фраз и даже целых абзацев. Сел, прохрипел что-то, сплюнул за борт, ухватил весла узловатыми лапами, резко выгнул спину. Весла шлепнули, забились в

уключинах, лодка помчалась по озеру стрелой, вода с шумом вспенилась у носа, воронками закружилась за кормой. Отделявшее от острова расстояние в четверть полета стрелы они прошли быстрее, чем гребец успел дважды пробурчать нечто невразумительное. Лодка вылетела на прибрежную гальку с такой скоростью, что Кондвирамурса свалилась со скамейки.

Лодочник забурчал, захрипел, сплюнул. Адептка знала, что в переводе на язык цивилизованных людей это означает: «Выматывайся из лодки, ведьма заумная». Знала она также, что нечего и думать, будто ее вынесут, а потому сняла туфельки, провокационно высоко задрала платье и вышла, проглотив проклятие в адрес ракушек, болезненно уколовших ступни.

– Благодарствую, – процедила она сквозь стиснутые зубы, – за прогулку.

Не дожидаясь ответного ворчания и не оглядываясь, Кондвирамурса, как была босиком, направилась к каменным ступеням. Все тяготы и мучения закончились и улетучились бесследно, уступив место возрастающему возбуждению. Наконец-то она на острове Inis Vitre [50], посреди озера Loc Blest[51]. В том почти легендарном месте, которое довелось посетить лишь немногим избранным.

Утренний туман развеялся полностью, на еще тусклом небе уже начал просвечивать красный шар солнца. Вокруг навесных бойниц башни кружили и кричали чайки, мельтешили стрижи.

На площадке, которой завершалась лестница, ведущая с берега на террасу, опершись о статую присевшей оскалившейся химеры, стояла Нимуэ Владычица Озера.

Она была изящная и невысокая, не выше пяти футов. Кондвирамурса слышала, что в молодости ее называли Локотком, и теперь поняла, насколько удачным было прозвище. И притом не сомневалась, что уже с полвека никто не осмеливался так называть миниатюрную чародейку.

– Я – Кондвирамурса Тилли, – поклонившись, представилась она, все еще держа туфельки в руке, а поэтому немного смущаясь. – Я счастлива гостить на твоём острове, Владычица Озера.

– Нимуэ, – поправила маленькая магичка. – Нимуэ, ничего более. Эпитеты, титулы и звания можно отбросить, госпожа Тилли.

– В таком случае я – Кондвирамурса. Кондвирамурса, ничего более.

– Проходи, Кондвирамурса... и ничего более. Побеседуем за завтраком. Думаю, ты голодна?

– Не отрицаю.

На завтрак были творог, зелёный лук, яйца, молоко и ржаной хлеб, поданные двумя молоденькими, тихонькими, пахнущими крахмалом прислужницами. Кондвирамурса ела, чувствуя на себе взгляд миниатюрной чародейки.

– У башни, – неожиданно заговорила Нимуэ, наблюдая за каждым движением адептки и почти за каждым куском, который та отправляла в рот, – шесть этажей, из них один – подземный. Твоя комната расположена на втором надземном, там же размещены все необходимые удобства. Первый этаж, как видишь, хозяйственный, здесь же находятся комнаты прислуги, подземный, а также второй и третий этажи: лаборатории, библиотека и галерея. На все названные этажи и в расположенные в них помещения ты имеешь неограниченный доступ, можешь пользоваться ими и всем, что в них содержится, в любое время и любым образом.

– Поняла. Благодарю.

– На двух верхних этажах мои личные покои и мой личный рабочий кабинет. Эти помещения – только мои. Чтобы избежать недоразумений, знай: я в таких вопросах невероятно щепетильна.

– Приму во внимание.

Нимуэ повернула голову к окну, сквозь которое был виден Ворчливый Господин Гребец, уже разделавшийся с багажом Кондвирамурсы и теперь загружавший лодку удочками, моталкой, сачками, подсечками и прочими причиндалами хитрого рыболовецкого промысла.

– Я малость старомодна, – продолжала Нимуэ. – Но определенными вещами привыкла пользоваться на правах единоличия. Скажем, зубной щеткой, личными покоем, библиотекой, туалетом. И... Королем-Рыбаком. Пожалуйста, не пытайся воспользоваться Королем-Рыбаком.

Кондвирамурса чуть было не захлебнулась молоком. На лице Нимуэ не дрогнул ни один мускул.

– А если... – продолжала она, прежде чем к адептке вернулась способность говорить, – если ему взбредет в голову воспользоваться тобой – откажи.

Кондвирамурса, наконец проглотив молоко, быстро кивнула, воздержавшись от каких-либо комментариев. Хоть ей ужасно хотелось сказать, что рыбаки вообще не в ее вкусе, а грубияны – в особенности. К тому же такие, у которых башка поросла беленькой, как сметана, порослью.

– Ну-с, та-а-ак, – протянула Нимуэ. – С вступлением мы, стало быть, покончили. Пора перейти к конкретным делам. Тебе интересно, почему из всех кандидаток-адепток я выбрала именно тебя?

Кондвирамурса если вообще и задумывалась над ответом, то лишь для того, чтобы не показаться чересчур самоуверенной. Однако быстро пришла к выводу, что обостренный слух Нимуэ даже самое минимальное отклонение от истины воспримет как режущую ухо фальшь.

– Я – лучшая сновидица в академии, – ответила она холодно, по-деловому, без лишнего хвастовства. – А на третьем курсе я занимала второе место среди онейроманток.

– Я могла взять ту, что стояла в списке на первом месте. – Нимуэ действительно была откровенна до боли. – Между прочим, мне настойчиво предлагали именно ту приму, впрочем, насколько я поняла, вроде бы потому, что она дочурочка какой-то важной шишки. А что до сновидения и онейроскопии, то ты не хуже меня знаешь, дорогая Кондвирамурса, что это материя весьма тонкая, и даже самая лучшая сновидица может потерпеть фиаско.

Кондвирамурса с трудом сдержалась, чтобы не сказать, что ее провалы можно пересчитать по пальцам одной руки. Ведь она разговаривала с мэтрессой. «Соблюдай пропорции, gesch?tzte miss»[52], как говаривал один из профессоров академии, эрудит.

Нимуэ легким наклоном головы одобрила ее молчание.

– У меня свой человек в академии, – сказала она, помолчав, – поэтому я знаю, что у тебя нет нужды усиливать сновидения дурманящими снадобьями. Это меня радует, поскольку я наркотиков не одобряю...

– Я сню без всяких порошков, – с легкой гордостью подтвердила Кондвирамурса. – Для онейроскопии мне достаточно иметь зацепку.

– Поясни.

– Ну, зацепку, – кашлянула сновидица. – Предмет, как-то связанный с тем, что мне надобно выяснить. Какую-нибудь вещь. Или картину.

– Картину?

– Да. Я неплохо сню сны по картине.

– О, – улыбнулась Нимуэ. – Если картина поможет, то сложностей не предвидится. Ну а ежели ты уже покончила с завтраком, тогда пошли, самая сновидящая сновидица и вторая среди онейроманток. Будет славно, если я сразу же поясню тебе остальные причины, побудившие меня избрать в помощницы именно тебя.

От каменных стен тянуло холодом, от которого не спасали ни тяжелые гобелены, ни потемневшие от времени панели. Каменный пол охлаждал ноги даже через подошвы туфель.

– За этими дверями, – небрежно указала Нимуэ, – лаборатория. Как уже было сказано, можешь пользоваться ею по собственному усмотрению. Конечно, рекомендуется предельная осторожность. Умеренность желательна, особенно при попытках заставить метлу носить воду.

Кондвирамурса вежливо улыбнулась, хоть шуточка была сомнительного качества. Все наставницы одаривали адептов анекдотами, связанными с мифическими провалами мифического ученика чернокнижника.

Лестница вела вверх, извиваясь наподобие морского змея, казалась бесконечной и была крутой. Прежде чем они оказались на месте, Кондвирамурса вся взмокла и задохнулась сотни раз. По Нимуэ вообще не было видно усталости.

– Прошу сюда. – Она отворила дубовые двери. – Осторожно – порог.

Кондвирамурса вошла и вздохнула.

Перед ней была галерея. Стены от пола до потолка увешаны старинными картинами, шелушащимися и осыпающимися местами маслом миниатюрами, пожелтевшими гравюрами и ксилографиями, поблекшими акварелями и сепиями. Были тут и яркие модернистские гуаши, и темперы, строго выдержанные в чистых линиях акватины и офорты, литографии и контрастные меццотинты, притягивающие взгляд выразительными пятнами черноты.

Нимуэ остановилась у висящей ближе к двери картины, изображающей группу людей под гигантским деревом. Молча и выразительно глянула на полотно, потом на Кондвирамурсу.

– Лютик. – Сновидица с ходу сообразила, в чем дело, не заставила чародейку ждать. – Поет свои баллады под дубом Блеобхерисом.

Нимуэ улыбнулась, кивнула. И сделала еще один шаг, остановившись перед следующей картиной. Акварель. Символика. Две женские фигуры на холме. Над ними кружатся чайки, под ними, на склонах холма, чередуются тени.

– Цири и Трисс Меригольд, пророческое видение в Казр Морхене.

Улыбка. Кивок, шаг, следующая картина. Наездник на мчащейся галопом лошади, кругом покореженные ольхи, протягивающие к нему руки-ветви. Кондвирамурса почувствовала, как по коже пробежали мурашки.

– Цири... Хм-м-м... Пожалуй, ее поездка на встречу с Геральтом на ферме низушка Хофмайера.

Следующая картина, потемневшее масло. Батальная сцена.

– Геральт и Кагыр обороняют мост на Яруге.

Потом пошло быстро.

– Йеннифэр и Цири: первая встреча в храме Мелитэле. Лютик и дриада Эитнэ в лесу Брокилон. Дружина Геральта в снежной метели на перевале Мальхеур...

– Bravo, превосходно, – прервала Нимуэ. – Отличное знание легенды. Теперь тебе ясна вторая причина того, почему здесь оказалась ты, а не кто-нибудь другой?

Над столиком красного дерева, у которого они присели, нависло гигантское батальное полотно, изображающее, кажется, битву под Бренной. Ключевой момент боя или чья-то безвкусно-героическая смерть. Полотно, вне всяких сомнений, было кисти Николая Цертозы, что легко было определить по экспрессии, шизофренической заботливости о деталях и типичной для автора цветосветовой гамме.

– Да, я знаю легенду о ведьмаке и ведьмачке, – ответила Кондвирамурса. – Знаю и запросто могу пересказать любой ее отрывок. Еще будучи совсем маленькой, я обожала эту историю, зачитывалась ею. И мечтала быть такой же, как Йеннифэр. Однако, честно говоря, хоть это и была любовь с первого взгляда, причем любовь совершенно безрассудная, все же великой она не была.

Нимуэ подняла брови.

– Я знакомилась с историей, – заговорила Кондвирамурса, – в популярных изложениях и версиях для юношества, чуть ли не по шпаргалкам... урезанным и упрощенным *ad usum delphini*[53]. Потом, естественно, я взялась за так называемые серьезные и полные версии. Раздутые до избыточности, а порой – и запредельно избыточные. Именно тогда «захлеб» уступил место рассудительности, а страсть – чему-то напоминающему супружеские обязанности. Если ты понимаешь, что я имею в виду.

Нимуэ едва заметным движением головы показала, что понимает.

– Короче говоря, я предпочитаю те легенды, которые строже придерживаются общепринятых для такого рода повествований рамок и условностей, не смешивают вымысел с реальностью. Не пытаются увязать и прямолинейной морали сказки, и глубоко неморальной исторической правды. Я предпочитаю легенды, к которым энциклопедисты, археологи и историки не дописывают послесловий. Такие сказки, в которых «договор» свободен от экспериментов. Я предпочитаю небылицы, в которых, допустим, принц взбирается на вершину стеклянной горы, находит там спящую принцессу, та просыпается от поцелуя, и оба живут долго и счастливо. Так или иначе должна завершаться легенда... Кто писал портрет Цири? Вон тот, *en pied*[54]?

– Нет ни одного портрета Цири. – Голос маленькой чародейки был суровым до сухости. – Ни здесь и нигде в мире. Не сохранилось ни одного портрета, ни одной миниатюры, написанных кем-либо, кто мог бы Цири видеть, знать или хотя бы помнить... На портрете *en pied* изображена Паветта, мать Цири, а написал его красноряд Руиз Доррит, придворный художник цинтрийских королей. Известно, что Доррит написал портрет десятилетней Цири, тоже *en pied*, но полотно, носившее название «Инфанта с борзой», увы, погибло. Однако вернемся к легенде, твоему к ней отношению и тому, как, по-твоему, легенда должна заканчиваться.

– Она должна заканчиваться хорошо, – ответила с задорной убежденностью Кондвирамурса. – Добро и справедливость обязаны восторжествовать, зло должно быть примерно наказано, любовь – соединить любящие сердца до могилы. И никто из положительных героев, черт

побери, не имеет права погибнуть! А легенда о Цири? Чем заканчивается она?

– Вот именно, чем?

Кондвирамурса на мгновение онемела. Она никак не ожидала такого вопроса, ей почудилось в нем испытание, экзамен. И она молчала, чтобы не попасть впросак.

«Как и чем заканчивается легенда о Геральте и Цири? Это ж любому ребенку известно!»

Она смотрела на выполненную в темных тонах акварель: неуклюжая лодка плывет по затянутому испарениями озеру. На лодке, с длинным шестом в руках, стоит женщина, написанная лишь в виде темного силуэта.

«Именно так заканчивается легенда. Именно так».

Нимуэ читала ее мысли.

– Я бы остереглась утверждать столь категорично, Кондвирамурса. Это вовсе не так уж однозначно.

– Еще будучи ребенком, – начала Нимуэ, – я, четвертая дочь деревенского колесника, слышала эту легенду от странствующего сказителя. Минуты, проведенные в нашей деревне Посвистом, стариком-бродяжкой, были прекраснейшими минутами моего детства. Можно было отдохнуть от работы, глазами души увидеть сказочных див, далекий мир... Мир прекрасный и чудесный... Еще более далекий и чудесный, чем даже ярмарка в городке, до которого от нас было целых девять миль...

Мне тогда было лет шесть-семь. Моей старшей сестре – четырнадцать, и она уже успела нажить себе горб от постоянного вязания. Ведь надо было на что-то жить. Бабья доля. К этому у нас готовили девочек с младенчества. Горбатиться. Вечно горбатиться. Горбатиться и сгибаться над вязанием, над ребенком, под тяжестью живота, который тебе заделывал парень, едва ты успевала оправиться после предыдущих родов.

И вот эти-то дедовы байки разбудили во мне желание узнать нечто большее, чем горб и изнурительная работа, мечту о чем-то большем, нежели урожай, муж и дети. Первой книжкой, которую я купила на деньги, вырученные от продажи собранной в лесу ежевики, была легенда о Цири. Версия, как ты это красиво назвала, упрощенная, «шпаргалка» для детей, *ad usum delphini*. Такая «шпаргалка» была в самый раз для меня. Читала я неважно. Но уже точно знала, чего хочу. А хотела я быть такой, как Филиппа Эйльхарт, как Шеала де Танкарвилль, как Ассирэ вар Анагид.

Нимуэ посмотрела на рисунок гуашью, изображавший погруженный в мягкий кьяроскуро дворцовый зал, стол и сидящих за ним женщин.

– В академии, – продолжала Нимуэ, – в которую я попала, кстати сказать, лишь со второй попытки, из всей истории магии меня занимали только деяния великой логи. На то, чтобы читать что-либо ради удовольствия, у меня вначале, разумеется, не хватало времени, приходилось... вкалывать, чтобы... Чтобы не отставать от графских и банкирских дочек, которым все давалось играючи и которые посмеивались над деревенской девчонкой...

Она замолчала, с хрустом выламывая пальцы.

– Наконец я нашла время для чтения, но тут выяснилось, что перипетии Геральта и Цири занимают меня гораздо меньше, чем в детстве. Возник такой же, как и у тебя, синдром. Как ты его назвала? «Супружеские обязанности»? Так было до того момента...

Она замолчала, потеряла лицо. Кондвирамурса с изумлением заметила, что у Владычицы

Озера дрожит рука.

– Мне было, вероятно, лет восемнадцать, когда... когда случилось нечто такое, что заставило меня вновь заинтересоваться легендой о Цири. И тогда я взялась за нее серьезно, так сказать, научно. Посвятила ей жизнь.

Адептка молчала, хотя внутри у нее все прямо-таки кипело от любопытства.

– Не прикидывайся, будто не знаешь, – жестко сказала Нимуэ. – Всем известно, что Владычицу Озера снедает прямо-таки болезненная страсть, связанная с легендой о Цири. Кругом только и слышишь, что неопасный вначале бзик переродился у меня во что-то похожее на наркозависимость или даже манию. В этих слухах много правды, дорогая моя Кондвирамурса, много правды! А ты, коли уж я взяла тебя в ассистентки, тоже заразишься этой же манией и зависимостью. Ибо таковы мои требования. Во всяком случае, на время практики. Понимаешь?

Кондвирамурса согласно кивнула.

– Тебе только кажется, будто понимаешь. – Нимуэ взяла себя в руки и немного остыла. – Но я тебе это поясню. Постепенно. А когда время придет, объясню все. А сейчас – отдохни...

Она осеклась, глянула в окно, на озеро, на черный штришок лодки Короля-Рыбака, четкий на золотом мерцании вод.

– Пока отдохни. Осмотри галерею. В шкафах и витринах найдешь альбомы и картонные графики, все они тематически связаны со сказанным. В библиотеке собраны все версии легенды, а также большая часть научных разработок. Посвяти им немного времени. Смотри, читай, концентрируйся. Я хочу, чтобы у тебя набрался материал для сна. Зацепка, как ты выразилась.

– Я это сделаю. Госпожа Нимуэ...

– Слушаю.

– Два портрета... Ну, те, что висят рядышком... Тоже не Цири?

– Я же тебе сказала: портретов Цири не существует. Ни одного, – терпеливо повторила Нимуэ. – Более поздние художники изображали ее исключительно в массовых сценах, каждый в меру собственной фантазии. Что касается этих портретов, так тот, что слева, тоже скорее вольная вариация на тему, поскольку представляет нам эльфку Лару Доррен аэп Шиададь, особу, которой художница знать не могла. Ибо художницей была знакомая тебе, вероятно, по легенде Лидия ван Бредевоорт. Одно из уцелевших полотен, написанных маслом, еще висит в академии.

– Знаю. А второе?

Нимуэ долго смотрела на картину. На образ худощавой девушки со светлыми волосами и грустным взглядом. Одетой в белое платье с зелеными рукавчиками.

– Ее писал Робин Андеридида, – сказала она, отворачиваясь от полотна и глядя прямо в глаза Кондвирамурсе. – А кого он изобразил... Это скажешь мне ты, сновидица и онейромантка. Выясни это. И расскажи мне твой сон. * * *

Мэтр Робин Андеридида первым заметил приближающегося императора и согнулся в поклоне. Стелла Конгрев, графиня Лиддерталь, встала и сделала реверанс, быстрым жестом приказав проделать то же сидевшей в резном кресле девушке.

– Приветствую дам, – кивнул Эмгыр вар Эмрейс. – Приветствую и тебя, мэтр Робин. Как идет работа?

Мэтр Робин быстро откашлялся и снова поклонился, нервно вытирая пальцы о халат. Эмгыр знал, что художник страдает острой агорафобией и болезненно робок. Но кому это мешает? Главное – как он пишет.

Император, как обычно во время поездок, был одет в офицерскую форму гвардейской бригады «Импера» – черные доспехи и плащ с шитьем, изображающим серебряную саламандру. Он подошел, взглянул на портрет. Вначале на портрет – и лишь потом на модель. Худенькую девушку со светлыми волосами и грустными глазами. Одетую в белое платье с зелеными рукавичками и высоким вырезом, в котором виднелось кольцо из перидотов.

– Прекрасно, – бросил он в пустоту – так, чтобы непонятно было, что именно он хвалит. – Прекрасно, мэтр. Извольте продолжать, не обращайтесь на меня внимания. Позвольте вас на одно слово, графиня.

Он отошел к окну, принуждая ее идти следом.

– Я выезжаю, – сказал он тихо. – Государственные дела зовут, благодарю за гостеприимство. И за нее. За принцессу... Хорошая работа, Стелла. Вы вполне заслуживаете похвалы. Обе. И ты, и она.

Стелла Конгрев низко присела в изящном реверансе.

– Ваше императорское величество слишком добры к нам.

– Не хвали дня до захода...

– Ах, – графиня слегка поджала губы, – значит, так.

– Значит, так.

– И что будет с ней, Эмгыр?

– Не знаю, – ответил он. – Через десять дней я возобновлю наступление на Севере. Оно обещает быть нелегким. Очень тяжелая война. Ваттье де Ридо следит за направленными против нас заговорами и противодействующими группировками. К разным, самым различным действиям может принудить меня забота о безопасности государства.

– Это дитя ни в чем не виновно.

– Я сказал – безопасность государства. Безопасность государства не имеет ничего общего со справедливостью. Впрочем... – Он махнул рукой. – Я хочу с ней поговорить. Наедине. Подойди поближе, княжна. Ну, давай, давай. Быстрее. Император приказывает.

Девушка низко присела. Эмгыр внимательно смотрел на нее, мысленно возвращаясь к столь чреватой последствиями аудиенции в Лок Гримере. Он был признателен, более того, восхищался Стеллой Конгрев, которая за минувшие шесть месяцев сумела превратить неуклюжего утенка в маленькую аристократку.

– Оставьте нас, – приказал он. – Прервись, мэтр Робин, промой кисти, скажем. Тебя, графиня, прошу подождать в приемной. А ты, княжна, пройди со мной на террасу.

Выпавший ночью мокрый снег растаял в первых лучах утреннего солнца, но крыши башен и навесные бойницы замка Дарн Рован все еще были влажными и блестели так, словно там

что-то горело.

Эмгыр подошел к балюстраде. Девушка, как предписывал этикет, держалась в шаге позади него. Нетерпеливым жестом он подозвал ее и велел подойти ближе.

Долго молчал, обеими руками опершись о перила, вглядываясь в горы и покрывающие их вечнозеленые тисы, резко контрастирующие с меловой белизной каменистых склонов. Поблескивала река – лента расплавленного серебра, змеящаяся по дну котловины.

В воздухе чувствовалась весна.

– Я слишком редко здесь бываю, – бросил Эмгыр.

Девушка молчала.

– Слишком редко приезжаю сюда, – повторил он, поворачиваясь к ней. – А ведь здесь места прекрасные и спокойные. Красивый пейзаж... Ты согласна со мной?

– Да, ваше императорское величество.

– В воздухе уже чувствуется весна. Я прав?

– Да, ваше императорское величество.

Снизу, с придворцовой площади, доносилось пение, перекрываемое скрипом, бряцанием и звоном подков. Эскадрон, уведомленный о том, что император собирается отбыть, спешно готовился в путь. Эмгыр помнил, что среди гвардейцев есть один, который любит петь. Часто. И независимо от обстоятельств.

Обожги меня глазками,

Глазками озорными.

Одари меня ласками,

Ласками огневыми.

Вспоминай меня, милая,

Чтобы жизнь уберечь...

Наша доля постылая,

Наш удел – щит и меч...[55]

– Хорошая баллада, – сказал Эмгыр задумчиво, поглаживая тяжелый золотой императорский альшбанд[56].

– Хорошая, ваше императорское величество.

«Ваттье уверяет меня, что уже напал на след Вильгефорца. Что найти его – дело нескольких дней, самое большее – недель. Предателям отрубят головы, а в Нильфгаард привезут настоящую Цириллу, королеву Цинтры, надо что-то делать с двойником!»

– Подними голову.

Она подняла.

– У тебя есть какие-нибудь желания? – неожиданно резко спросил он. – Жалобы? Просьбы?

– Нет, ваше императорское величество.

– Правда? Любопытно, однако. Ну, я ведь не могу приказать, чтобы они у тебя были. Подними голову, как пристало принцессе. Надеюсь, Стелла обучила тебя хорошим манерам?

– Да, ваше императорское величество.

«Действительно, хорошо выдрессировали, – подумал он. – Сначала Риенс, потом Стелла. Заставили как следует выучить роль, угрожая, вероятно, что за ошибку или оговорку она заплатит муками и смертью. Предупредили, что ей предстоит играть перед суровой, не прощающей ошибок аудиторией. Перед страшным Эмгыром вар Эмрейсом, императором Нильфгаарда».

– Как тебя зовут?

– Цирилла Фиона Элен Рианнон.

– Твое настоящее имя?

– Цирилла Фиона...

– Не испытывай моего терпения. Имя!

– Цирилла... – Голос девушки надломился словно веточка. – Фиона...

– Достаточно, во имя Великого Солнца, – сказал он сквозь зубы. – Довольно.

Девушка громко засопела. В нарушение этикета. Губы у нее дрожали, но этого этикет не возбранял.

– Успокойся, – приказал он тихо, почти мягко. – Чего ты боишься? Стыдишься собственного имени? Боишься его назвать? С ним связано что-то неприятное? Если я спрашиваю, то лишь потому, что хотел бы иметь возможность назвать тебя твоим истинным именем. Но для этого надо знать, как оно звучит.

– Никак, – ответила девушка, и ее огромные глаза неожиданно заблестели, будто подсвеченные пламенем изумруды. – Потому что это имя никакое, ваше императорское величество. Имя в самый раз для того, кто есть никто. До тех пор, пока я остаюсь Цириллой Фионой, я что-то значу... До тех пор, пока...

Голос сорвался так резко, что она невольно схватилась за горло, будто на ней было не кольцо, а удушающая гаррота. Эмгыр продолжал сверлить ее взглядом, по-прежнему мысленно одобряя действия Стеллы Конгрев. Но вместе с тем он испытывал злобу. Злобу неоправданную, беспочвенную, а потому особо злую.

«Чего я хочу от этого ребенка? – думал он, чувствуя, как злоба заполняет его, вскипает, вздымается пеной, словно пар в котле. – Что мне нужно от ребенка, которого...»

– Знай, я ни в коей мере не причастен к твоему похищению, девочка, – неожиданно для самого себя резко сказал он. – Ни в коей мере. Я не отдавал такого приказа. Меня обманули...

Его душила злость на самого себя. Он понимал, что совершает ошибку. Уже давно следовало закончить разговор, закончить надменно, властно, грозно, по-императорски. Следовало

забыть о девчонке и ее зеленых глазах... Какое она имеет значение? Она – двойник, подделка, у нее нет даже собственного имени. Она – никто и ничто. А императоры не беседуют с теми, имя которым «никто». Императоры не признаются в ошибках тем, имя которым «никто». Императоры не просят прощения и не каются перед теми, которые...

– Прости меня, – сказал он, и слова эти – чужие и неприятные – прилипали к губам. – Я совершил ошибку. Конечно, я виновен в случившемся. Виновен. Но вот тебе мое слово: больше тебе ничто не грозит. Больше с тобой ничего плохого не случится. Никакой несправедливости, никакого унижения, никаких неприятностей. Ты не должна бояться.

– Я не боюсь. – Она подняла голову и вопреки этикету взглянула ему прямо в глаза. Эмгыр вздрогнул, пораженный чистотой и доверчивостью ее взгляда. Но тут же выпрямился, высокомерный и царственный до тошноты.

– Проси у меня что хочешь.

Она снова подняла на него глаза, и он невольно припомнил те неисчислимые случаи, когда именно таким способом покупал покой своей совести, покой взамен за содеянную подлость. Подло радуясь в душе, что так дешево отделался.

– Проси что хочешь, – повторил он, и поскольку усталость уже брала свое, голос прозвучал как-то более человечно. – Я выполню любое твоё желание.

«Пусть она не глядит на меня, – думал он. – Я не вынесу ее взгляда.

Говорят, люди боятся глядеть мне в глаза. А я-то чего боюсь?

Плевал я на Ваттье де Ридо и его «высшие государственные интересы». Если она попросит, я прикажу отвезти ее домой, туда, откуда ее выкрали. Прикажу отвезти в золотой карете с шестериком лошадей. Достаточно, чтобы она попросила».

– Проси у меня что хочешь, – повторил он.

– Благодарю вас, ваше императорское величество, – сказала девушка, опуская глаза. – Ваше императорское величество очень благородны, щедры. Если у меня и есть просьба...

– Говори.

– Я хотела бы остаться здесь. Здесь, в Дарн Роване. У госпожи Стеллы.

Он не удивился. Он предполагал нечто подобное.

Тактичность удержала его от вопросов, которые были бы унижительны для обоих.

– Я дал слово, – холодно сказал он. – И да будет все по твоему желанию.

– Благодарю, ваше императорское величество.

– Я дал слово, – повторил он, стараясь не избегать ее взгляда. – И сдержу его. Однако, думаю, ты выбрала не самое лучшее. Высказала не то желание. Если ты изменишь...

– Я не изменю, – сказала она, когда стало ясно, что император не закончит фразу. – Да и зачем менять? Я выбрала госпожу Стеллу, выбрала то, чего так мало видела в жизни... Дом, тепло, добрые отношения... Сердечность. Невозможно ошибиться, выбирая такое.

«Бедная, наивная зверушка, – подумал император Эмгыр вар Эмрейс Деитвен Аддан ын Карн азп Морвудд, Белое Пламя, Пляшущее на Курганах Врагов. – Если б только ты знала, что именно выбирая такое, совершают самые страшные ошибки».

Но что-то – может, далекое, давно забытое воспоминание – не позволило императору произнести это вслух.

– Интересно, – сказала Нимуэ, выслушав рассказ. – И правда интересный сон. Были еще какие-то?

– О! – Кондвирамурса быстрым и точным взмахом ножа срезала верхушку яйца. – У меня все еще в голове кружится после той сценки! Но это нормально. Первая ночь на новом месте всегда приносит сумасшедшие сны. Знаешь, Нимуэ, о нас, сновидицах, говорят, будто наш дар не в том, что мы умеем снить. Если опустить снения в трансе или под гипнозом, то наши сонные видения не отличаются от снов других людей ни интенсивностью, ни разнообразием, ни багажом предвещения. Нас отличает и о нашем даре говорит нечто иное. Мы помним сны. Редко когда забываем, что нам снилось.

– Потому что у вас нетипичная и только вам присущая работа желез внутренней секреции, – оборвала Владычица Озера. – Ваши сны, говоря несколько упрощенно, не что иное, как выделения в организм эндорфина. Как и многие стихийные магические таланты, ваш дар прозаически органичен. Впрочем, к чему я говорю о том, что ты и сама прекрасно знаешь? Я слушаю тебя. Так какие же сны ты помнишь еще?

– Молодого парня, – нахмурила брови Кондвирамурса, – странствующего по голым полям с котомкой за плечами. Голые весенние поля. Вербы... У дороги и на межах. Вербы кривые, дуплистые, растопырившие ветви... Еще не зазеленевшие. Парень идет, осматривается. Наступает ночь. На небе загораются звезды. Одна из них движется. Это комета. Красная, рассыпающая искры, она наискосок пересекает небосклон.

– Bravo, – улыбнулась Нимуэ. – Хотя я и понятия не имею, кого ты видела во сне, можно по крайней мере точно определить дату события. Красная комета была видна в течение шести дней весной в год заключения цинтрийского мира. Точнее, в первые дни марта. В остальных снах тоже появлялись какие-нибудь календарные события?

– Мои сны, – фыркнула Кондвирамурса, подсадивая яйцо, – не календарь огородника. В них нет табличек с датами. Но, чтобы быть точной, я видела сон о битве под Бренной, вероятно, насмотревшись на полотно Николая Цертозы в твоей галерее. А дата битвы под Бренной тоже известна. Та же самая, что и год кометы. Я ошибаюсь?

– Не ошибаешься. Что-нибудь особенное было в твоем сне о битве?

– Ничего. Кони, люди, оружие. Люди толкались и орали. Кто-то, вероятно, ненормальный, ревел: «Орлы! Орлы!»

– Что еще? Ты сказала, что снов был полный мешок.

– Не помню. – Кондвирамурса осеклась.

Нимуэ улыбнулась.

– Ну хорошо. – Адептка гордо вскинула голову, не давая Владычице Озера возможности позлословить. – Да, случается, что и я забываю. Идеальных людей не бывает. Повторяю: мои сны – видения, а не каталожные карточки.

– Знаю, – обрезала Нимуэ. – Я не проверяю твои сновидческие способности. Это не экзамен, а анализ легенды. Ее загадок и пробелов. Кстати, у нас получается вовсе недурственно, в первых же снах ты распознала девушку с портрета, двойника Цири, которую Вильгефорц пытался выдать за наследницу цинтрийского престола.

Они замолчали, потому что в кухню вошел Король-Рыбак. Поклонившись и буркнув что-то, он

взял с буфета хлеб, горшок-двойчатку и полотняный сверток. Вышел, не забыв поклониться и снова что-то пробурчать.

– Он сильно хромает, – сказала Нимуэ, по возможности равнодушно. – Он был тяжело ранен. Кабан распорол ему на охоте ногу. Поэтому он почти все время проводит в лодке. В гребле и рыболовстве рана ему не мешает, на лодке он забывает о своей беде. Это очень порядочный и добрый человек. А мне...

Кондвирамурса тактично молчала.

– А мне необходим мужчина, – деловито пояснила миниатюрная чародейка.

«Мне тоже, – подумала адептка. – Черт побери, как только вернусь в академию, первым делом дам... кому-нибудь себя совратить. Целибат, конечно, вещь хорошая, но не дольше одного семестра».

Нимуэ кашлянула.

– Если ты закончила с завтраком и мечтаниями, идем в библиотеку.

– Вернемся к твоему сну.

Нимуэ раскрыла папку, перебрала несколько акварелей, вынула одну. Кондвирамурса узнала сразу.

– Аудиенция в Лок Гримере?

– Разумеется. Двойника представляют императорскому двору. Эмгыр делает вид, будто позволил себя обойти, строит хорошую мину при плохой игре. Вот взгляни, послы Северных Королевств, для которых разыгрывается этот спектакль. А вот здесь мы видим нильфгаардских герцогов, получивших афронт: император пренебрег их дочерьми, отверг предложения вступить в родство. Жаждающие мести, они перешептываются, наклонившись друг к другу, уже готовят заговор и убийство. Девочка-двойник стоит склонив голову, художник, чтобы подчеркнуть таинственность, даже надел на нее скрывающую лицо вуаль.

– И ничего больше, – продолжила после паузы чародейка, – мы о фальшивой Цири не знаем. Ни одна из версий легенды не сообщает, что случилось с ней впоследствии.

– Однако можно догадываться, – печально заметила Кондвирамурса, – что ее судьбе не позавидуешь. Когда Эмгыр получил оригинал – а мы знаем, что он его получил, – он освободился от фальсификата. Когда я сняла этот сон, я не почувствовала трагедии, а ведь в принципе должна была бы что-то ощутить, если б... С другой стороны, то, что я вижу, не обязательно происходило в реальности. Как каждый человек, я вижу сонные миражи, мечты. И... страхи.

– Знаю.

Они беседовали до обеда, просматривая папки и фасцикулы[57] с гравюрами. У Короля-Рыбака, видимо, выдался удачный день, потому что на обед подали лосося на вертеле. На ужин тоже.

Ночью Кондвирамурса спала скверно. Слишком плотно поела.

Сон не пришел. Она была угнетена, но Нимуэ ничуть не расстроилась. «У нас есть время, – сказала она. – У нас впереди еще много ночей».

В башне Inis Vitre было несколько ванных, можно сказать роскошных, светящихся мрамором и

сверкающих латунию, обогреваемых гипокаустами[58], помещенными где-то в подвалах. Кондвирамурса не стеснялась занимать ванны часами, но все равно то и дело сталкивалась с Нимуэ в бане, маленьком деревянном домике с выходящим на озеро помостом. Мокрые, окутанные паром с поливаемых водой раскаленных камней, они вдвоем усаживались на скамеечках, от души похлестывая друг дружку березовыми вениками, и соленый пот ел им глаза.

– Если я правильно поняла, – Кондвирамурса отерла лицо, – моя работа в Inis Vitre сводится к тому, чтобы прояснять все белые пятна легенды о ведьмаке и ведьмачке?

– Ты поняла правильно.

– Днем, когда мы рассматриваем картинки, и во время беседы я как бы подзаряжаюсь для сна, чтобы ночью увидеть истинную, никому не известную версию данного события?

На этот раз Нимуэ не сочла нужным подтверждать. Она просто несколько раз прошлась веничком, встала, плеснула на раскаленные камни воды. Бухнул пар, от жара на миг перехватило дыхание.

Нимуэ вылила на себя остатки воды из ушата. Кондвирамурса восхищалась ее фигурой. Несмотря на малый рост, чародейка была сложена на удивление пропорционально. Ее формам и здоровой коже могла бы позавидовать двадцатилетняя девушка. Кондвирамурсе было, кстати сказать, двадцать четыре. И она завидовала.

– Если я даже что-то выясню, – начала она, снова отирая вспотевшее лицо, – то где уверенность, что я вижу истину? То, что было на самом деле? Честное слово, не знаю...

– Об этом через минуту, – отрезала Нимуэ. – Пошли на воздух. Я уже достаточно здесь насиделась. Охладимся, потом поговорим.

Это тоже входило в ритуал. Они выбежали из бани, шлепая босыми ступнями по доскам помоста, и прыгнули в озеро, издавая при этом дикие вопли. Наплескавшись вдоволь, выбрались на помост, принялись отжимать волосы.

Сидевший в лодке Король-Рыбак, встревоженный плеском и воплями, оглянулся, посмотрел на них, прикрыв глаза рукой, но тут же отвернулся и занялся рыбацкими аксессуарами. Кондвирамурсе такое поведение мужчины показалось унижительным и обидным. Ее мнение о Короле-Рыбаке значительно улучшилось, когда она заметила, что время, которое он не посвящал рыбной ловле, он отдавал чтению. Он ходил с книгой даже до ветру. А книга называлась – хо-хо! – не как-нибудь, а *Speculum aureum*[59] и была произведением серьезным и сложным. Так что, если в первые дни пребывания на Inis Vitre Кондвирамурса немножко удивлялась Нимуэ, то теперь перестала. Было ясно, что Король-Рыбак казался невежей и грубияном исключительно внешне. Скорее всего вел себя так из соображений безопасности. Мимикрия!

«Тем не менее, – подумала Кондвирамурса, – оскорбительным и необъяснимым афронтом следует считать то, что он отдает предпочтение удочкам и блеснам, когда на помосте разгуливают во всей красе две обнаженные мазели, чьи тела совершенством не уступают телам нимф и наяд, от которых – ё-моё! – глаз не оторвешь».

– Если я что-нибудь выясню, – вернулась она к теме, вытирая грудь полотенцем, – то где гарантия, что я увидела истину? Я знаю все литературные версии легенды от «Полвека поэзии» Лютика до «Владычицы Озера» Андреи Равикса. Знаю преподобного Ярре, знаю все научные разработки, не говоря уж о популярных изданиях. Все прочитанное оставило след, оказало влияние, я не в состоянии выделить это из моих снов. Есть ли какая-то возможность прodrаться сквозь фикции и выяснить истину?

– Есть.

– И сколь же она велика?

– Столь же, – Нимуэ кивком указала на лодку, стоящую на приколе, – как у Короля-Рыбака. Сама видишь, он без передышки закидывает свои крючки. Зацепляет водоросли, корни, затопленные коряги, стволы, старые башмаки, утопленниц и черт знает что еще. Но время от времени что-то там вылавливает приличное.

– Стало быть – удачной ловли, – вздохнула Кондвирамурса, одеваясь. – Закидываем невод и ловим. Ищем истинные версии легенды, отпарываем обшивку и подкладку, простукиваем сундук, надеясь найти второе дно. А что, если второго дна не существует? При всем уважении к тебе, Нимуэ, я должна сказать: мы не первые на этой рыбалке. Откуда такая уверенность, что какие-да-нибудь подробности, какой-то штришок упущен теми, кто занимался легендой до нас? Что они оставили нам хотя бы одну-единственную рыбешку?

– Оставили, – убежденно сказала Нимуэ, расчесывая мокрые волосы. – То, в чем они сами не разобрались, чего не поняли, они заштукатурили выдумками и красивой ложью. Либо обошли молчанием.

– Например?

– Например, чтобы далеко не ходить, зимовку ведьмака в Туссенте. Все версии легенды обходят эпизод молчанием, отделяются ничего не говорящей фразой «Герои провели зиму в Туссенте». Даже Лютик, посвятивший своим деяниям в том княжестве две главы, во всем, что касается ведьмака, поразительно немногословен. Так не следует ли узнать, что происходило в ту зиму? После бегства из Бельхавена и встречи с эльфом Аваллак'хом в подземном комплексе Tir na Bea Arainne. После стычки в Каэд Мырквиде и приключений с друидками. Что делал ведьмак в Туссенте с октября по январь?

– Что делал, что делал! Зимовал, – фыркнула адептка. – Не мог до оттепели перебраться через перевал, вот и зимовал, и скучал. И неудивительно, что позднейшие авторы обходили этот скучный фрагмент лаконичным «Прошла зима». Но если это так уж важно, попытаюсь выяснить. У нас есть какие-нибудь картины или рисунки?

Нимуэ улыбнулась:

– У нас есть даже один рисунок на рисунке.

Наскальная фреска изображала сцену охоты. Тощие, намеченные небрежными движениями кисти человечки с луками и копьями гнались, дико подпрыгивая, за огромным фиолетовым бизоном, на боку которого были намалеваны тигриные полосы, а над лирообразными изогнутыми рогами висело нечто вроде стрекозы.

– Так, – покачал головой Регис. – Стало быть, это и есть картина, нарисованная Аваллак'хом, многознающим эльфом.

– Да, – сухо подтвердил Геральт. – Это она и есть.

– Проблема в том, что в тщательно исследованных нами пещерах нет ни следа эльфов или других созданий, о которых ты упоминал.

– Они здесь были. А сейчас попрятались. Или же убрались вон.

– Сие есть факт бесспорный. Не забывай, аудиенция тебе была дана исключительно после вмешательства фламимики. Видимо, сочли, что одной такой встречи вполне достаточно. После того, как фламимику категорически отказалась сотрудничать, я, поверь, не знаю, что

еще можно предпринять. Мы таскаемся по пещерам целый день, и я не могу отделаться от ощущения, что таскаемся впустую.

– Я тоже, – горько сказал ведьмак, – не могу отделаться. Никогда не пойму эльфов. Но по крайней мере уже знаю, почему большинство людей не питает к ним нежных чувств. Трудно, понимаешь, отделаться от ощущения, что они насмеваются над нами, измываются, презирают. Смеются.

– В тебе говорит антропоморфизм.

– Разве что самую малость. Но ощущение остается.

– Что дальше?

– Возвращаемся в Казд Мырквид за Кагыром, друидки уже наверняка подлатали его оскальпированную головенку. Потом садимся на лошадей и воспользуемся приглашением княгини Анны Генриетты. Не гримасничай, вампир. У Мильвы сломаны ребра, у Кагыра разбита башка, небольшая передышка в Туссенте обоим пойдет на пользу. Надобно также вытянуть Лютика из аферы, потому как, сдается мне, он вляпался крепко.

– Ну что ж, – вздохнул Регис, – да будет так. Стану держаться подальше от зеркал и собак, сторониться чародеев и телепатов. А если меня, несмотря на все, раскроют, рассчитываю на тебя.

– Можешь, – серьезно ответил Геральт. – Я тебя в беде не оставлю. Дружище.

Вампир улыбнулся, а поскольку они были одни, позволил себе показать полный комплект резцов, клыков, коренных и зубов мудрости.

– Дружище?

– Во мне говорит антропоморфизм. Ну ладно, выбираемся из этих пещер, дружище. Ибо здесь, похоже, мы не найдем ничего, кроме, как сказала бы Мильва, ремонтизма.

– Ревматизма... Разве что... Геральт? Tír nu Bea Agáinne, эльфий некрополь, судя по тому, что ты видел, находится за наскальной картиной, как раз за этой стеной... Туда можно попасть, если... Ну, понимаешь? Если ее раздолбать. Об этом ты не подумал?

– Нет, не подумал.

Королю-Рыбаку, видать, снова подфартило, потому что на ужин были копченые гольцы. Рыбы оказались настолько вкусными, что про ученые разговоры забыли. Кондвирамурса объелась снова.

Копченые гольцы отыгрались на сновидице. «Пора спать, – подумала она, второй раз поймав себя на том, что страницы книжки переворачивает машинально, вовсе не улавливая содержания. – Пора!»

Она зевнула, отложила книжку. Раскинула подушки из положения «читать» в положение «отдыхать», заклинанием погасила лампу. Комната моментально погрузилась в непроницаемый, тягучий как патока мрак. Тяжелые бархатные шторы были плотно затянуты – адептка давно уже на практике убедилась, что в темноте видеть сны легче. «Что выбрать? – подумала она, потягиваясь и ворочаясь на простыне. – Отдаться онейроидной стихии или попытаться ловить на крючок?»

Вопреки общераспространенным утверждениям сновидицы не помнили даже половины своих вещих снов, значительная часть их оставалась в памяти в виде смешения картинок,

меняющих расцветки и формы, словно в калейдоскопе, детской игрушке из зеркалец и стеклышек. Еще полбеда, когда перемежающиеся картинки были просто лишены какого-то склада, лада и даже намек на значимость. Тогда можно было спокойно перейти к следующему пункту «повестки дня», вернее, ночи. По принципу: «не помню, значит, и не стоило помнить». На жаргоне сновидиц такие сны назывались ни на что не годной замазкой.

Худшими и более постыдными были «призраки» – сны, из которых сновидицы запоминали лишь отрывки, клочки знаний, сны, от которых к утру оставался только туманный привкус воспринятого сигнала. Если же «призрак» повторялся, это значило, что имеет место сон, содержащий немалую информационную ценность. Тогда сновидица концентрацией и самовнушением принуждала себя повторно, на этот раз во всех подробностях, вылущить конкретного «призрака». Наилучшие результаты давал метод принуждения себя к новому сну сразу после пробуждения – это называлось «тралением». Если сон не давал себя «зацепить», следовало попытаться вновь вызвать данную картину на одном из последующих сеансов путем концентрации и медитации, упреждающих погружение в сон. Такие программированные снения назывались загарпуниванием.

После двенадцати проведенных на острове ночей Кондвирамурса заполнила уже три листа, три комплекта снов. Был перечень достойных похвалы успехов – список «призраков», которые сновидица успешно «затрала» или даже «загарпунила». К таким относились сны о бунте на острове Танедд, а также о путешествиях ведьмака и его группы через снежные заносы перевала Мальхеур, через весенние разливы и раскисшие дороги в долине. Был перечень провалов, то есть снов, которые, несмотря на все усилия, так и остались для слушательницы академии загадкой. И был список, так сказать, рабочий – перечень снов, ожидавших своей очереди.

И был один сон – странный, но очень приятный, – который то и дело возвращался в отрывках и мерцаниях, в неуловимых звуках и шелковистых прикосновениях.

Милый, чудесный сон.

«Хорошо, – подумала Кондвирамурса, прикрывая глаза. – Да будет так».

– Похоже, я знаю, чем занимался ведьмак, зимую в Туссенте.

– Ну-ка, ну-ка. – Нимуэ оторвалась от оправленного в кожу гримуара и поверх очков взглянула на сновидицу. – Наконец-то ты что-то выяснила?

– А как же, – горделиво сказала Кондвирамурса. – Увидела! Ведьмака Геральта и женщину с коротко стриженными черными волосами и зелеными глазами. Не знаю, кто это мог быть. Может, та княгиня, о которой пишет в своих заметках Лютик?

– Видимо, ты читала невнимательно, – немного охладила ее пыл чародейка. – Лютик описывает княгиню Анарьетту детально, а другие источники подтверждают, что волосы у нее были, цитирую: «каштанового цвета, с сияющим, воистину злату подобным ореолом». Конец цитаты.

– Стало быть, не она, – согласилась адептка. – «Моя» женщина была брюнеткой. Ни дать ни взять – настоящий уголь! А сон... хм-м-м... интересный.

– Слушаю внимательно.

– Они разговаривали. Но это был не совсем обычный разговор.

– И что же в нем было необычного?

– Большую часть времени она держала ноги у него на плечах.

- Скажи, Геральт, ты веришь в любовь с первого взгляда?
- А ты?
- Верю.
- Тогда я знаю, что нас соединило. Притяжение противоположностей.
- Не будь циником.
- Почему? Цинизм, говорят, доказывает наличие интеллекта.
- Неправда. Цинизм, при всем своем интеллектуальном обрамлении, отвратительно неискренен. Я не переносу никаких неискренности. Однако, коли уж мы об этом заговорили... Скажи, ведьмак, что ты любишь во мне больше всего?
- ЭТО.
- Ты из цинизма шарахаешься в тривиальность и банал. Попробуй еще раз.
- Больше всего я люблю в тебе твой ум, твой интеллект и твою духовную глубину. Твою независимость и свободу. Твою...
- Не понимаю, откуда в тебе столько сарказма.
- Это был не сарказм. Это была шутка.
- Терпеть не могу таких шуточек. Тем более не ко времени сказанных. Всему, дорогой мой, свое время, и время всякой вещи под небом. Время молчать и время говорить, время плакать и время смеяться, время насаждать и время вырывать, пардон, собирать посаженное, время шутить и время размышлять...
- Время обнимать и время уклоняться от объятий?
- Не принимай сказанного столь буквально. Давай примем лучше, что сейчас пришло время комплиментов. Любовь без комплиментов отдает физиологией, а физиология плоска. Говори мне комплименты!
- Ни у кого от Яруги до Буины нет такой прелестной попки, как у тебя.
- Везет же! Теперь ради разнообразия ты поместил меня где-то между варварскими северными речками. Опуская вообще сомнительное качество метафоры, нельзя было разве сказать: «От Альбы до Вельды»? Или от «Альбы до Сансретуры»?
- Мне ни разу в жизни не доводилось бывать на Альбе. Я стараюсь избегать сравнений, если они не подкреплены личным знанием вопроса.
- И-ах! Так ты серьезно? Отсюда вывод: попок – а речь, как ни говори, все еще о них – ты повидал и опробовал опытным путем достаточно много, чтобы сделать соответствующие сравнительные выводы? А, белоголовый? Так сколько же женщин было у тебя до меня? Э? Вопрос поставлен, ведьмак. Нет-нет, лапы прочь, таким манером ты не отвертишься. Так сколько женщин у тебя было до меня?
- Ни одной. Ты у меня первая!
- Ну то-то же!

Нимуэ уже достаточно долго разглядывала картину, изображающую в мягком кьяроскуро

десять сидящих за круглым столом женщин.

– Жаль, – бросила она наконец, – что мы не знаем, как они выглядели на самом деле.

– Великие мэтрессы, – приснула Кондвирамурса. – Но ведь их портретов – завались! В одной только Аретузе...

– Я сказала: на самом деле, – обрезала Нимуэ. – Я имею в виду не льстивые подобию, намалеванные на основании других, не менее льстивых портретов. Не забывай, было время уничтожения портретов чародеек. Да и самих чародеек заодно. А потом был период пропаганды, когда мэтрессы должны были самою своею внешностью пробуждать уважение, изумление, восхищение и священный ужас. Именно из тех времен идут все собрания ложи, заговоры и договоры, полотна и графика, изображающие стол, а за ним десять изумительных, обворожительно прекрасных женщин. А истинных, аутентичных портретов нет. Не считая двух: чудом уцелевший портрет Маргариты Ло-Антиль, что висит в Аретузе на острове Танедд, и портрет Шеалы де Танкарвилль в Эссенаде в Лан Эксетере.

– А написанный эльфами портрет Франчески Финдабаир, который выставлен в венгербергской пинакотеке?

– Фальшивка. Когда открыли Двери и эльфы ушли, они забрали с собой или же уничтожили все произведения искусства, не оставили ни одной картины. Мы не знаем, была ли Маргаритка из Долин действительно так прекрасна, как гласит предание. Вообще не знаем, как выглядела Ида Эмеан. А поскольку в Нильфгаарде портреты чародеек уничтожали страстно и старательно, постольку мы не имеем понятия об истинной внешности Ассирэ вар Анагид и Фрингильи Виго.

– Однако примем и условимся, – вздохнула Кондвирамурса, – что все они были именно такими, как их изображали позже. Властными, добрыми и мудрыми, предусмотрительными, справедливыми и благородными. И прекрасными, убийственно прекрасными... Примем так. Тогда как-то жить становится легче.

Дневные дела в Inis Vitre обрели черты довольно утомительной рутины. Анализ снов Кондвирамурсы, начинающийся за завтраком, обычно затягивался до полудня. Время между полуднем и обедом адептка проводила на прогулках – да и они вскоре сделались рутинными и скучными. И неудивительно – за один час остров можно было обойти дважды, насмотревшись при этом на такие «увлекательные» объекты, как гранит, карликовая сосна, щебень и галька, беззубки, вода и чайки.

После обеда и долгой сиесты начинались дискуссии, просмотр книг, манускриптов и свитков, разглядывание картин, графики и карт. И долгие, затягивающиеся до ночи диспуты о том, как соотносятся между собой легенда и истина.

А потом были ночи – и сны. Различные сны. Воздержание давало о себе знать. Вместо загадок ведьмачьей легенды Кондвирамурсе снился Король-Рыбак в самых разнообразных ситуациях, начиная от предельно незротичных и кончая эротически экстремальными. В предельно незротическом сне Король-Рыбак волок ее на леске за лодкой. Греб медленно и отупело, так что она погружалась в воду, тонула, задыхалась, и к тому же ее раздирали на части жуткий страх – она чувствовала, что от дна озера отрывается и взмывает к поверхности нечто жуткое, что-то такое, что жаждет заглотить тянущуюся за лодкой наживку, коей была она. Это «нечто» уже вот-вот должно было схватить ее, но тут Король-Рыбак сильнее налегал на весла, утягивая ее за пределы досягаемости челюстей невидимого хищника. Она захлебывалась и просыпалась.

Во сне недвусмысленно и экстремально эротическом она стояла на коленях на дне раскачивающейся лодки, перегнувшись через борт, а Король-Рыбак держал ее за шею и

«прочищал» с великим запалом, бурча при этом, хрипя, отхаркиваясь и сплевывая. Несмотря на физическое удовлетворение, Кондвирамурса чувствовала перекручивающий внутренности ужас – что будет, если Нимуэ их прихватит? Неожиданно в воде озера возникало расплывчатое и искаженное яростью лицо маленькой чародейки, и адептка просыпалась вся в поту.

Тогда она вставала, отворяла окна, захлебывалась ночным воздухом, лунным светом, наплывающим от озера туманом.

Потом ложилась и продолжала снить дальше.

У башни Inis Vitre была терраса, опирающаяся на столбы и нависающая над озером. Вначале Кондвирамурса не обращала на это обстоятельство внимания, однако в конце концов стала задумываться. Странная терраса – совершенно недоступная. Ни одно известное ей помещение не имело сюда выхода.

Понимая, что жилища чародеек не могут обойтись без таких тайных аномалий, Кондвирамурса не задавала вопросов. Даже когда, прогуливаясь по берегу озера, замечала глядящую на нее с террасы Нимуэ. Террасы, недоступной, видимо, только для непосвященных.

Возмущенная тем, что ее считают простофилей, она обиделась и повела себя так, будто ничего не случилось. Однако вскоре «страшная тайна» перестала быть таковой.

Это произошло после того, как на нее снизошла череда снов, активированных акварелями Вильмы Вессэли. Увлеченная, по-видимому, одним из фрагментов легенды, художница посвятила все свои произведения Цири и Башне Ласточки.

– Странные у меня бывают после этих картинок сны, – посетовала Кондвирамурса на следующее утро. – Я сню... картинки. Все время одни и те же картинки. Не ситуации, картинки. Цири на зубцах башни... Неподвижная картинка.

– И ничего больше? Никаких ощущений, кроме зрительных?

Нимуэ, конечно, знала, что такая способная сновидица, как Кондвирамурса, снит всеми органами чувств – воспринимает сны не только зрительно, как большинство людей, но также слухом, обонянием, осязанием и даже... вкусом.

– Ничего, – покачала головой Кондвирамурса. – Только...

– Ну-ну...

– Мысль. Упорная мысль. Что над тем озером, в той башне, я вовсе не хозяйка, а узница.

– Пойдем со мной.

Как Кондвирамурса и полагала, выйти на террасу можно было только из личных комнат чародейки, чистеньких, ухоженных, пахнущих сандалом, миррой, лавандой и нафталином. Надо было воспользоваться маленькой потайной дверью и винтовой лестницей, ведущей вниз. Лишь после этого можно было попасть куда следовало.

В комнате в отличие от остальных помещений на стенах не было ни панелей, ни обоев, простая побелка, а потому здесь было светло. Свет вливался и сквозь огромное трехстворчатое окно, вернее, остекленные двери, ведущие прямо на террасу, что нависла над озером.

Единственными предметами мебели в комнате были два кресла, огромное зеркало в

овальной раме красного дерева и что-то вроде стойки с поперечным горизонтальным плечом, на котором, касаясь фестонами пола, висел гобелен размером пять на семь футов.

Скальный обрыв над горным озером. Замок, утопленный в склон обрыва, словно часть каменной стены. Замок, который Кондвирамурса хорошо знала по многочисленным иллюстрациям.

– Цитадель Вильгефорца, место заключения Йеннифэр. Здесь завершилась легенда.

– Верно, – с деланным равнодушием подтвердила Нимуэ. – Здесь завершилась легенда, по крайней мере в ее известных версиях. Мы знаем именно эти версии, поэтому нам кажется, будто мы знаем финал. Цири сбежала из Башни Ласточки, где, как ты выснила, она была в заточении. Убежала, когда сообразила, что с ней намерены сделать. Легенды приводят множество вариантов ее бегства...

– Мне, – перебила Кондвирамурса, – особенно нравится та, в которой говорится о бросании за спину предметов. Гребня, яблока и носового платка. Но...

– Кондвирамурса!

– Прости.

– Версий бегства, как я уже говорила, множество. Но до сих пор не совсем ясно, каким образом Цири из Башни Ласточки попала прямо в замок Вильгефорца... А ты никак не можешь выснить Башню Ласточки? Попробай выснить замок. Внимательнее приглядишься к гобелену... Ты меня слушаешь?

– Зеркало... Оно магическое, да?

– Нет. Я выдавливаю перед ним прыщи.

– Прости.

– Это зеркало Хартманна, – пояснила Нимуэ, видя сморщенный нос и надутые губы адепки. – Если хочешь, загляни. Но, пожалуйста, будь осторожна.

– А правда ли, – спросила дрожащим от возбуждения голосом Кондвирамурса, – что через Хартманна можно перейти в другие...

– Миры? Конечно. Но не сразу, не без подготовки, медитации, концентрации и множества других действий. Советую тебе быть осторожной, я имела в виду нечто другое.

– Что именно?

– Зеркало действует в обе стороны. Из Хартманна в любой момент может что-нибудь выйти.

– Знаешь, Нимуэ... Когда я смотрю на гобелен...

– Ты снила?

– Снила. Но странно. С высоты птичьего полета. Я была птицей... Видела замок снаружи. Но не могла в него проникнуть. Что-то не давало, перекрывало доступ.

– Смотри на гобелен, – приказала Нимуэ. – Смотри на цитадель. Смотри внимательно, сосредоточься на каждой детали. Концентрируйся сильно, глубоко, врежь это изображение в память. Я хочу, чтобы во сне ты туда вошла. Попала внутрь. Очень важно, чтобы ты туда вошла.

Снаружи, за стенами замка, судя по всему, бушевала прямо-таки адская метель, в камине огонь так и гудел, быстро пожирая поленья. Йеннифэр блаженствовала в тепле. Ее теперешняя «келья» была, правда, в тысячи раз теплее той мокрой дыры, в которой она провела, пожалуй, месяца два, но все равно и тут у нее зуб на зуб не попадал. Там она полностью потеряла счет времени, да и потом никто не торопился сообщить ей дату, но она была уверена, что на улице зима, декабрь, может, даже январь.

– Ешь, Йеннифэр, – сказал Вильгефорц. – Ешь, не стесняйся.

Чародейка и не думала стесняться. А если ела медленно и с трудом справлялась с курицей, то исключительно потому, что ее только-только зарубцевавшиеся пальцы все еще были неловкими и почти не гнулись. Удержать нож и вилку ими было трудно. А есть руками она не хотела – предпочитала демонстрировать свое превосходство Вильгефорцу и остальным пиршествующим гостям чародея. Ни одного из них она не знала.

– Искренне сожалею, но вынужден сообщить тебе, – сказал Вильгефорц, поглаживая пальцами ножку фужера, – что Цири, твоя подопечная, распрощалась с этим миром. Винить за это ты можешь только себя, Йеннифэр. И свое безрассудное, бессмысленное упрямство.

Один из гостей, невысокий темноволосый мужчина, мощно чихнул, высморкался в батистовый платочек. Нос у него был опухший, красный и явно наглухо забитый.

– Будь здоров, – сказала Йеннифэр, на которую зловещие слова Вильгефорца не произвели никакого впечатления. – Откуда бы такая серьезная простуда, милсдарь? Слишком долго стояли на сквозняке после ванны?

Второй гость, годами постарше, крупный, худой, с отвратительно белесыми глазами, неожиданно захохотал. Простудившийся же после ванны мужчина, хоть физиономию ему перекосило от злости, поблагодарил чародейку кивком и короткой простуженной фразой. Однако недостаточно короткой, чтобы она не уловила нильфгаардского акцента.

Вильгефорц повернулся к ней. Он больше не носил на голове золотой «опалубки» для хрустального яблока в глазной впадине, однако выглядел еще чудовищней, чем тогда, летом, когда она увидела его рану в первый раз. Регенерированное левое глазное яблоко уже пришло в порядок, но было заметно меньшего размера, нежели правое. От такой картинки перехватывало дыхание.

– Ты, Йеннифэр, – процедил он, – вероятно, полагаешь, что я лгу, ловлю тебя в силки, пытаюсь застать врасплох? Зачем бы мне это? Известие о гибели Цири потрясло меня не меньше, да что там, гораздо сильнее, чем тебя. В конце концов, я связывал с девушкой вполне конкретные надежды, строил планы, которым предстояло сыграть решающую роль в моей дальнейшей жизни. Теперь девушка мертва, и мои планы рухнули.

– Прекрасно. – Йеннифэр, с трудом удерживая нож непослушными пальцами, пыталась резать наштигованную черносливом свиную котлету.

– Тебя же, – продолжал чародей, не обращая внимания на комментарий, – связывала с Цири исключительно глупая сентиментальность, на которую в различных пропорциях влияли сожаление о собственном бесплодии и чувство вины. Да, да, Йеннифэр, чувство вины! Ведь ты активно участвовала в скрещивании парочек и, я бы сказал, в откормке производителей, благодаря чему и явилась на свет малютка Цири. И ты перенесла свои чувства на плод генетического эксперимента – кстати сказать, неудачного. Ибо у экспериментаторов не хватило знаний.

Йеннифэр молча пожелала ему успехов, подняв бокал и одновременно искренне моля судьбу, чтобы та не дала бокалу вывалиться из руки. Она постепенно приходила к выводу,

что по меньшей мере два пальца из пяти не будут сгибаться очень долго. Возможно, никогда.

Вильгефорц не обратил на ее жест никакого внимания.

– Теперь уже поздно. Это случилось, – прошипел он сквозь зубы. – Однако знай, Йеннифэр, у меня-то знания были. А если б была и девушка, то я своими знаниями наверняка бы воспользовался. Остается лишь сокрушаться. А ведь я мог бы укрепить и подлечить твой эрзац материнского инстинкта. Хоть ты суха и стерильна как камень, с моей помощью ты обрела бы не только дочь, но и внучку. Или, на худой конец, заменитель внучки.

Йеннифэр пренебрежительно прыснула, хотя прямо-таки закипала от ярости.

– С величайшим сожалением вынужден подпортить твоё праздничное настроение, дорогая, – холодно сказал чародей. – Думаю, тебе не очень приятно будет узнать, что ведьмак Геральт из Ривии также почил в бозе. Да-да, тот самый ведьмак Геральт, с которым тебя, да, кажется, и Цири, связывал суррогат чувств – смешная сентиментальность, глупая и переслащенная до тошноты. Знай, Йеннифэр, что наш обожаемый ведьмак распрощался с земной юдолью буквально пламенно и весьма эффектно. Однако тебе не следует ни в чем себя корить. В смерти ведьмака ты не повинна даже в самой что ни на есть наименьшей степени. Всю чехарду устроил я. Отведай маринованных грушек, они, поверь мне, отменны.

В фиалковых глазах Йеннифэр полыхнула холодная ненависть. Вильгефорц рассмеялся.

– Вот такой ты мне нравишься, – сказал он. – Честное слово, если б не двумеритовые браслеты, ты б меня наверняка испепелила. Но двумерит действует, так что испепелять меня ты можешь исключительно взглядом.

Простуженный чихнул, высморкался и раскашлялся так, что слезы полились из глаз. Высокий и худой рассматривал чародейку своими неприятными рыбьими глазами.

– А куда же подевался милостивый государь Риенс, – спросила Йеннифэр, растягивая слова. – Тот милостивый государь Риенс, который столько всего мне наплел и наобещал бог весть что со мной сотворить? И где сейчас господин Ширру, никогда не упускавший okazji ударить меня и пнуть? Почему стражники, еще недавно хамливые и грубые, теперь ведут себя с робким уважением? Нет, Вильгефорц, ты вообще не обязан отвечать. Я знаю: то, о чем ты говорил, – одна большая липа. Цири от тебя ускользнула, и Геральт от тебя ускользнул, попутно вроде бы устроив твоим бандитам кровавую баню. И что теперь? Планы рухнули, пошли прахом, ты сам это признал, сны о могуществе развеялись как дым. А чародеи и Дийкстра уже нащупывают вас. Да-да, нащупывают. Неспроста и не из жалости ты перестал меня пытаться и принуждать к сканированию. А император Эмгыр затягивает сеть, и он скорее всего очень, ну очень зол. Ess a tearth, me tiarn? A'pleine a cales, ellea?

– Я знаю всеобщий, – сказал простуженный, выдерживая ее взгляд. – А зовут меня Стефан Скеллен. И у меня отнюдь, да-да, отнюдь не полны штаны. Хо, мне до сих пор кажется, что я нахожусь в гораздо более выгодном положении, чем вы, госпожа Йеннифэр.

Долгая речь утомила его, он раскашлялся снова и высморкался в уже вконец промокший батистовый платочек. Вильгефорц стукнул кулаком по столу.

– Кончаем игру, – проговорил он, жутко вращая маленьким глазком. – Учти, Йеннифэр, мне ты больше не нужна. В принципе надо было бы засунуть тебя в мешок и утопить в озере, но я с величайшей неохотой прибегаю к таким методам. До поры до времени, пока обстоятельства позволят либо заставят принять другое решение, ты будешь находиться в изоляции. Однако предупреждаю – я не позволю тебе доставлять мне неприятности. Ежели ты снова решишься на голодовку, знай, я не стану, как это было в октябре, терять время на кормление через трубку. Я просто позволю тебе изголодаться до смерти. А если попробуешь бежать, приказы

стражникам будут однозначными. А теперь позволю откланяться. Если, разумеется, ты уже удовлетворила свой голод.

– Нет. – Йеннифэр встала, швырнула салфетку на стол. – Может, я и еще что-нибудь отведала бы, но собравшееся за столом общество отбивает у меня аппетит. Позвольте откланяться.

Стефан Скеллен чихнул и закашлялся. Белесоглазый косил на нее злым глазом и препаскуднейше ухмылялся. Вильгефорц глядел в сторону.

Как обычно, когда ее вели в узилище или из узилища, Йеннифэр пыталась понять, где находится, добыть хотя бы обрывок информации, который мог бы оказаться полезным в задуманном бегстве. И всякий раз ничего не получалось. У огромного замка не было окон, сквозь которые можно было бы увидеть окружающий пейзаж или хотя бы солнце и попытаться определить стороны света. Телепатия невозможна, два тяжелых браслета и ошейник из двумерита эффективно сводят на нет любые попытки воспользоваться магией.

Комната, где ее держали, была холодной и спартански суровой, как келья затворника. Однако Йеннифэр вспомнила тот радостный день, когда ее вытащили из ямы. Из подвала, на дне которого вечно стояла зловонная лужа, а на стенах выросли селитра и соль. Из подвала, где ее кормили объедками, и крысы без всяких трудов вырывали эти жалкие объедки из ее искалеченных пальцев. Когда спустя два месяца ее расковали и, вытащив оттуда, позволили переодеться и искупаться, Йеннифэр не знала, куда деваться от счастья. Новая комната показалась ей королевской опочивальней, а жидкий супец, который ей приносили, – живительным бульоном из ласточкиных гнезд, достойным императорского стола. Ясное дело, очень скоро бульон оказался обычными помоями, удобное ложе – жесткой лежанкой, а королевская опочивальня – тюрьмой. Холодной, тесной камерой, в которой, сделав четыре шага, упираешься в стену.

Йеннифэр выругалась, вздохнула, присела на карло – единственный, кроме лежанки, предмет мебели.

Мужчина вошел так тихо, что она едва услышала.

– Меня зовут Бонарт, – сказал он. – Постарайся запомнить это имя, ведьма. Да вколоти его как следует себе в башку.

– В гробу я тебя видела вместе с твоим затраханным именем!

– Я, – скрежетнул он зубами, – охотник за людьми. Да-да, слушай как следует, чародейка. В сентябре, три месяца назад, я в Эббинге поймал твоего ублюдка. Ту самую Цирю, о которой тут столько трепа.

Йеннифэр стала слушать внимательнее. Сентябрь, Эббинг. Поймать-то поймал. Да где же она? Может, врет, падла?

– Сероволосая ведьмачка, вышколенная в Казэр Морхене. Я заставил ее драться на арене: убивать людей под визг публики. Понемногу, мало-помалу превратил ее в зверюгу. Учил арапником, кулаком и каблуками. Долго учил. Но она сбежала, зеленоглазое змийство.

Йеннифэр неслышно вздохнула.

– Сбежала от меня в мир иной. Но когда-нито мы еще встретимся. Уверен, уж когда-нибудь – да встретимся. Да, чародейка. И ежели я о чем-то сожалею, так только о том, что твоего ведьмачьего любовничка, Геральта, испекли на живом огне. Я охотно дал бы ему попробовать моего клинка, выродку треклятому.

Йеннифэр фыркнула.

– Послушай-ка, Бонарт, или как тебя там. Не смейся. Ты ведьмаку и в подметки не годишься. И сравниться с ним не можешь. Ни в чем. Ты, как только что сам выразился, живодер и палач. А герой разве что против щенков.

– Глянь-ка сюда, ведьма.

Он резко распахнул куртку и рубаху, вытянул, путая их, три цепочки с тремя серебряными медальонами. Один изображал кошачью голову, второй – голову то ли орла, то ли грифа, третьего она как следует не рассмотрела. Скорее всего это была волчья голова.

– Таких штучек, – фыркнула она, снова изображая безразличие, – полным-полно на ярмарках.

– Эти не с ярмарки.

– Да неужто?!

– Было время, – прошипел Бонарт, – когда порядочные люди боялись ведьмаков пуще чудовищ. Чудовища, известное дело, сидели по лесам и камышникам, а ведьмаки нагло разгуливали по улицам, заходили в кабаки, вертелись около храмов, всяческих заведений, школ и игровых площадок. Порядочные люди справедливо сочли это непорядком. Поэтому решили поискать кого-нибудь, кто мог бы призвать нахальных ведьмаков к порядку. И нашли. Нелегко, небыстро, неблизко, но нашли. Как видишь, у меня на счету – тройка. Ни один выродок больше не появлялся в округе и не пугал почтенных граждан своей внешностью. А если б появился, то я разделал бы его точно так же, как предыдущих.

– Во сне? – скривилась Йеннифэр. – Из самострела? Из-за угла? Или, может, подлив яду?

Бонарт спрятал медальоны под рубаху, сделал два шага в ее сторону.

– Дразнишься, ведьма?

– Было такое намерение.

– Так, значит? Ну, сейчас я покажу тебе, сучье вымя, кто кому в подметки годится. С кем я могу соперничать во всем. Да что там, я даже, думаю, покрепче его буду.

Стоявшие за дверью стражники аж подскочили, услышав пробившийся из камеры грохот, треск, гул, вой и скулеж. А если б стражникам когда-либо в жизни довелось слышать рев пойманной в капкан пантеры, то они могли бы поклясться, что в камере находится именно этот хищник!

Потом до стражников долетел страшный рык раненого льва, которого, впрочем, стражники тоже никогда не слышали, да и видели только на гербах. Они переглянулись. Покачали головами. А потом ворвались в комнату.

Йеннифэр сидела, сжавшись, среди обломков лежанки – волосы взъерошены, платье и рубашка разодраны сверху донизу, маленькая девичья грудь бурно вздымается в такт тяжелому дыханию. Из носа текла кровь, на лице быстро увеличивалась припухлость, наливались малиновым цветом царапины на плече.

Бонарт сидел в другом углу среди остатков карла, обеими руками ухватившись за промежность. У него из носа тоже текла кровь, окрашивая седые усы глубоким кармином. Лицо искорежено кровавыми царапинами. Едва зажившие пальцы Йеннифэр были жалким оружием, а вот звенья двумеритовых браслетов обладали прекрасными, роскошно острыми

краями.

В распухающей на глазах щеке Бонарта, точнехонько посреди скулы, торчала чуть ли не по ручку вбитая обоими зубьями вилка, которую Йеннифэр стащила со стола во время ужина.

– Только против щенков ты годен, изувер, – выдохнула чародейка, пытаясь прикрыть грудь остатками платья. – А от сучек держись подальше. Слабоват ты против них, сопляк!

Она не могла себе простить, что попала не туда, куда целила – в глаз. Ну что ж, мишень была подвижной, а кроме того, полное совершенство недостижимо.

Бонарт рывкнул, встал, выдернул вилку, взвыл и пошатнулся от боли. Изрыгнул мерзкие ругательства.

Тем временем в камеру заглянули еще два стражника.

– Эй вы! – заорал Бонарт, стирая кровь с лица. – Быстрее сюда! Тащите эту сволочугу на середину комнаты, распните крестом и держите, да покрепче!

Стражники переглянулись. Уставились в потолок.

– Идите-ка лучше отседова, господин хороший, – сказал один. – Нам за это не плотют.

– А окромя того, – буркнул другой, – нету у нас охоты кончить как Риенс или Ширру.

Кондвирамурса отложила в стопку картинок картон с изображением тюремной камеры и женщины, сидевшей с опущенной головой, в кандалах, прикованной к каменной стене.

– Ее мучили, а ведьмак в это время забавлялся в Туссенте с какими-то брюнетками.

– Осуждаешь? – резко спросила Нимуэ. – Ничего практически не зная?

– Нет. Не осуждаю, но...

– Никаких «но». Замолкни, пожалуйста.

Некоторое время они сидели молча, перекладывая гравюры и акварели.

– Все версии легенды, – Кондвирамурса указала на одну из гравюр, – местом ее кончины, финала, последней битвы Добра со Злом, прямо-таки Армагеддона, называют замок Рыс-Рун. Все, кроме одной.

– Да, – кивнула Нимуэ. – Все, кроме анонимной, мало популярной версии, известной как «Черная книга из Элландера».

– «Черная книга» сообщает, что финал разыгрался в крепости Стигга.

– Именно. Да и другие, канонические моменты легенды «Книга из Элландера» подает совсем иначе, существенно отклоняясь от канона.

– Интересно, – Кондвирамурса подняла голову, – который из замков изображен на иллюстрациях? Который выткан на гобелене у тебя в кабинете? Которое изображение соответствует истине?

– Этого нам не узнать никогда. Замок – свидетель финала – погиб. Разрушен. От него не осталось и следа, в этом сходятся все легенды, даже та, которую приводит «Книга из Элландера». Ни одно из приведенных в источниках мест не вызывает доверия. Мы не знаем и никогда не узнаем, как выглядел и где стоял этот замок.

– Но истина...

– Для истины, – резко перебила Нимуэ, – как раз это-то и не существенно. Не забывай, мы не знаем, как в действительности выглядела Цири. Но вот на этом картоне руки Вильмы Вессели изображена явно она, ведущая бурный разговор с эльфом Аваллак'хом на фоне скульптур капризничающих детей. Это, несомненно, Цири.

– Но, – не сдавалась Кондвирамурса, – твой гобелен...

– Изображает замок, в котором разыгрался финал легенды.

Молчали долго. Шелестели переворачиваемые листы.

– Не нравится мне, – проговорила Кондвирамурса, – версия легенды из «Черной книги». Она какая-то... Какая-то...

– Беспощадно правдивая, – закончила Нимуэ, покачав головой.

Кондвирамурса зевнула, отложила «Полвека поэзии», издание дополненное с послесловием профессора Эверетта Денхофа-сына. Разбросала подушки, сменив их расположение «для чтения» в расположение «для сна». Снова зевнула, потянулась, погасила лампу. Комната погрузилась во тьму, нарушаемую только иглами лунного света, что проникал сквозь щели в ставнях. «Что выбрать на эту ночь? – спросила себя адептка, ворочаясь на простыне. – Отдаться на волю судьбы? Или тралить?»

После недолгого раздумья выбрала второе.

Был какой-то туманный, то и дело возвращающийся сон, который никак не удавалось досмотреть до конца. Он рассеивался, исчезал между другими снами, как ниточка основы теряется в разноцветном тканом узор. Сон, который исчезал из памяти и в то же время упрямо сидел в ней.

Когда она наконец уснула по-настоящему, сон сошел на нее моментально. Стоило закрыть глаза.

Ночное безоблачное небо, светлое от луны и звезд. Горы, на их склонах виноградники, припорошенные снегом. Черный угловатый силуэт здания – зубчатые стены, колонны, столбы, одинокая наружная beffroi[60].

Два наездника. Въезжают в пространство между стенами, слезают с лошадей, входят в портал. Но в зияющее в полу отверстие спускается только один.

Тот, у которого белые волосы.

Кондвирамурса застонала сквозь сон, заметалась на постели.

Беловолосый спускается по ступеням, глубоко-глубоко в подвал.

Идет по темным коридорам, освещает их, то и дело зажигая торчащие в железных захватах лучины. Призрачные тени пляшут по стенам и сводам.

Коридоры, ступени, снова коридоры. Яма, огромный склеп, вдоль стен бочки. Груда кирпичей. Потом разветвляющийся коридор. В обоих разветвлениях тьма. Беловолосый зажигает очередную лучину. Вытягивает меч из ножен на спине. Не знает, по какому коридору пойти. Наконец выбирает правый. Очень холодный, крутой, заваленный хламом.

Кондвирамурса стонет во сне, ее охватывает страх. Она знает, что путь, выбранный

беловолосым, ведет к опасности.

И еще она знает, что беловолосый ищет опасности.

Ибо это его занятие.

Адептка мечется на постели, стонет. Она – сновидица, она спит, она в онейроскопическом трансе и неожиданно, провидчески, знает, что произойдет через минуту. «Осторожнее! – хочет крикнуть она, хоть и знает, что крикнуть не сумеет. – Осторожнее, обернись!

Берегись, ведьмак!»

Чудовище напало из темноты, из засады, тихо и предательски. Оно возникло внезапно, возникло во мраке, как всполох огня. Как язык пламени.

Глава третья

При свете радужной зари,

Крылами хлопая, летят

На токовище глухари,

Подруг себе найти хотят.

Вот так и мы самой судьбой

Любовью связаны с тобой...

Я так хочу лобзать тебя,

Златые кудри теребя.

ЛютикИз переложений Ф. В.

Ведьмак, хоть он так спешил, так торопился, так подгонял своих и так сквернословил, тем не менее остался в Туссенте почти на всю зиму. Что послужило тому причиной? Об этом я писать не стану. Причины были, и все тут, и не о чем говорить. Тем же, кому не терпится ведьмака осудить, напомним, что у любви множество имен, и не судите, да не судимы будете. ЛютикПолвека поэзии

Those were the days of good hunting and good sleeping. Rudyard Kipling[61]

Чудовище напало из темноты, из засады, тихо и предательски. Оно возникло внезапно, возникло во мраке, как всполох огня. Как язык пламени.

Геральт, хоть его и застигло врасплох, отреагировал инстинктивно. Вывернулся, проехав спиной по стене. Бестия пролетела мимо, отбилась от кровли, будто мяч, махнула крыльями и прыгнула вновь, шипя и разевая жуткий клюв. Но теперь ведьмак был наготове.

Он ударил из короткого замаха, от локтя, целясь чуть ниже горла, под карминовые бусины, огромные, в два раза превышающие индюшачьи. Почувствовал, как клинок рассекает плоть. Инерция удара откинула бестию на землю, к стене. Скоффин вскрикнул, и был это крик почти человеческий. Скоффин метался среди битых кирпичей, размахивал и молотил крыльями, брызгал кровью, разваливая все вокруг себя хлыстообразным хвостом. Ведьмак был уверен, что бой окончен, но чудовище невероятно удивило его, неожиданно ринувшись ему на горло, страшно скрипя, выставив когти, щелкая и клацая клювом. Геральт отпрянул, оттолкнулся плечом от стены, резанул наотмашь снизу, используя силу толчка. Попал. Скоффин снова свалился на осколки кирпичей, вонючая сукровица брызнула на стену и стекла по ней, оставив фантастический узор. Сбитое в прыжке чудовище уже не металось, только дергалось, скрипело, вытягивало длинную шею, раздувало «сопли» и трясло «бусинами». Кровь потоком текла между кирпичами, на которых валялся скоффин.

Геральт запросто мог бы добить его, но не стал этого делать, чтобы не портить шкуры. Спокойно ожидал, пока скоффин изойдет кровью. Отошел на несколько шагов, отвернулся к стене, расстегнул ширинку и помочился, насвистывая тоскливую мелодийку.

Скоффин перестал скрипеть, утих, замер. Ведьмак подошел, слегка ткнул его острием меча. Видя, что все кончено, схватил чудовище за хвост, поднял. Удерживаемый за основание хвоста на высоте бедра, скоффин касался орлиным клювом земли, в раскинутых крыльях было больше четырех футов.

– Легкий ты, куролиск. – Геральт потрянул бестию, действительно весившую лишь немного больше хорошо откормленного индюка. – Легковат. К счастью, мне платят поштучно, а не пофунтово.

– Впервые. – Рейнарт де Буа-Фресне тихонько свистнул сквозь зубы, выражая тем самым высочайшую степень удивления. Геральт это знал. – Впервые, говорю, вижу такую погань собственными глазами. Чудо чудное, чес-слово, чудо из чудес. Стало быть, это и есть прославленный василиск?

– Нет. – Геральт приподнял чудовище повыше, чтобы рыцарь мог получше его рассмотреть. – Не василиск. Куролиск.

– Какая разница?

– Принципиальная. Василиск, именуемый также регулюсом, – гад, а куролиск, именуемый

также скоффином либо кокатриксией, – орниторептилия, то есть не пресмыкающееся и не птица. Это единственный известный представитель рода, который ученые называли орниторептилиями, поскольку после долгих дискуссий обнаружили...

– А которые из этих двух, – перебил Рейнарт де Буа-Фресне, которого явно не интересовали мотивации ученых, – взглядом убивает или превращает в камень?

– Никоторый. Это выдумка.

– Тогда почему же люди так их боятся? Этот, к примеру взять, не такой уж крупный. Он что, действительно может быть опасен?

– Этот, как ты выразился, к примеру взять, – ведьмак тряхнул добычей, – обычно нападает сзади, а целится точно меж позвонков либо под левую почку, в аорту. Как правило, достаточно одного удара клювом. А что до василиска, то без разницы, куда он укусит. Его яд – сильнейший из известных нейротоксинов, убивает за одну секунду.

– Бррр... А скажи, которого из них можно прикончить с помощью зеркала?

– Любого. Если садануть прямо по башке.

Рейнарт де Буа-Фресне захохотал. Геральт не смеялся: шутка о василиске и зеркале перестала его забавлять еще в Каэр Морхене – учителя слишком часто ее повторяли. Столь же малосмешными были шутки о девицах и единорогах. Рекорды глупости и примитивизма побивали в Каэр Морхене неисчислимые версии анекдота о драконихе, которой юный ведьмак на спор вознамерился пожать правую лапу. Заднюю.

Он улыбнулся воспоминаниям.

– Предпочитаю видеть тебя улыбающимся, – проговорил Рейнарт, внимательно глядя на него. – В сто раз и вообще неизмеримо более желаю видеть тебя таким, как сейчас, нежели таким, каким ты был в октябре, после той драки в друидском лесу, когда мы ехали в Боклер. Тогда, поверь, ты был мрачен, злобен и обижен на весь белый свет, словно обманутый ростовщик, да к тому же раздражителен, будто мужчина, у которого всю ночь ничего не получилось. Даже под утро.

– Я правда был такой?

– Правда. Поэтому неудивительно, что я предпочитаю видеть тебя именно таким, как сейчас. Я бы сказал: возродившимся.

– Трудотерапия. – Геральт снова тряхнул удерживаемого за хвост куролиска. – Спасительное влияние профактивности на психику. А теперь, чтобы продолжить курс терапии, перейдем к интересам. Есть возможность заработать на скоффине немного больше, чем назначенно за его убийство. Он покалечен не сильно, и если у тебя найдется клиент на весь экземпляр, с тем, чтобы изготовить из него чучело, бери не меньше двухсот. Если потребуется загонять по частям, запомни: самое ценное – перья с верхней части хвоста, особенно центральные рулевые. Их можно заточить гораздо тоньше, чем гусиные, пишут они лучше и чище, а сами – тверже. Писака, который в этом что-нибудь смыслит, не задумываясь отдаст по пятерке за штуку.

– У меня есть клиенты на труп для набивки, – усмехнулся рыцарь. – Цех бондарей. Они видели в Кастель Равелло чучело подобной дряни, плешницу или как там ее... Сам знаешь кого, ту, что на другой день после Саовинны забили в ямах под руинами старого замка...

– Помню.

– Ну, так бондари видели чучело и просили меня достать им что-нибудь такое же раритетное для украшения цехового помещения. Куролиск будет в самый раз. Цех бондарей в Туссенте, как ты догадываешься, не жалуется на недостаток заказов и благодаря этому живет припеваючи. Они дадут без звука и двести двадцать. Может, даже и побольше, попробую поторговаться. А что до перьев... Бондари не заметят, если мы выдерем у куролиска из задницы несколько штук и загоним княжеской канцелярии. Канцелярия платит не из своего кошелька, а из княжеской казны, так что не торгуясь выложит не пять, а все десять за перо.

– Преклоняюсь перед рыцарской предприимчивостью... и предпринимательством.

– *Nomen omen*. [62] – Рейнарт де Буа-Фресне улыбнулся еще шире. – Мама должна была что-то предчувствовать, давая мне имя лиса-хитреца из известной сказки.

– Тебе надо было стать купцом, а не рыцарем.

– Ага, – согласился рыцарь. – Но что делать: коли уж родился сыном гербового господина, то так и проживешь всю жизнь гербовым господином, наплодив, хе-хе-хе, гербовых госпожат. Ничего не попишешь, хоть ты лопни. Впрочем, Геральт, ты тоже не так уж скверно посчитываешь, а меж тем торговлишкой не промышляешь.

– Не промышляю, кстати, по тем же причинам, что и ты. С той лишь разницей, что я так и помру ведьмаком, никаких ведьмачат не наплодив. Пошли отсюда.

Снаружи, у стен небольшого замка, их охватил холод и ветер с гор. Ночь была ясная, небо безоблачное и звездное, лунный свет искрился на виноградниках, укрытых недавно выпавшим, чистейшим снегом.

Стреноженные лошади встретили их фырканием.

– Следовало бы, – сказал Рейнарт, многозначительно глядя на ведьмака, – сразу же встретиться с клиентами и положить в кошелек то, что удастся выторговать. Но ты, полагаю, спешишь в Боклер, а? К некоему альковчику?

Геральт смолчал, ибо на такие вопросы не отвечал принципиально. Приторочил тушку скоффина к седлу запасной лошади, сам вскочил на Плотву.

– Встретимся с клиентом, – решил он, поворачиваясь в седле. – Ночь еще молодая, а я голоден. Охотно бы чего-нибудь выпил. Едем в город. В «Фазанщину».

Рейнарт де Буа-Фресне хохотнул, поправил висящий на луке щит в красно-желтых шашечках, забрался на высокое седло.

– Воля ваша, кавалер. Итак, в «Фазанщину». Пшел, Буцефал!

Они шагом поехали по заснеженному склону, вниз, к тракту, четко обозначенному редким строем тополей.

– Знаешь что, Рейнарт, – неожиданно заговорил Геральт. – Я тоже предпочитаю видеть тебя таким, как сейчас. Разговаривающим нормально. Тогда, в октябре, ты изъяснялся, а точнее – изгилялся с бьющей по нервам идиотской манерностью.

– Чес-слово, ведьмак, я – странствующий рыцарь, – захохотал Рейнарт де Буа-Фресне. – Забыл или как? А рыцарь всегда изъясняется с идиотской манерностью. Это, понимаешь, знак такой, вроде щита вот этого. По нему, как по гербу на щите, распознают наше братство.

– Чес-слово, – сказал Рыцарь Шахматной Доски, – напрасно вы нервничаете, милсдарь Геральт. Ваша подружка наверняка уже выздоровела и о слабости окончательно забыла.

Госпожа княжна держит придворных лекарей, те любую хворь вылечат. Чес-слово, нечего беспокоиться.

– Я придерживаюсь того же мнения, – сказал Регис. – Расхмурься, Геральт. Ведь Мильву и друидки лечили...

– А друидки в лечении доки, – добавил Кагыр. – Чему первейшее доказательство моя раздолбанная горняцким кайлом голова, не желаете ли глянуть? Почти как новая. Мильва, уверен, уже здорова. Нет причин тревожиться.

– Вашими б устами...

– Здорова уже, здорова, – повторил рыцарь, – ваша Мильва свежа как огурчик, голову дам на отсечение, и уж наверняка отплясывает на балах. Кренделя выписывает. Пиршествует. А в Боклере при дворе княгини Анарьетты что ни день, то бал либо пир. Ха-ха! Чес-слово, теперь, когда я разделался с обетом, я тоже...

– Вы разделались с обетом?

– Фортуна была ко мне благосклонна! Ибо следует вам знать, что клялся я не хухрой-мухрой какой-нибудь, а журавлем! По весне. Поклялся пятнадцать разбойников-грабителей уложить к Йуле. Ну и теперь свободен я от клятвы. Пить уже могу и говядину есть. К тому ж мне не надо больше скрывать своего имени. Я, позвольте представиться всем, Рейнарт де Буа-Фресне.

– Очень приятно.

– Касательно упомянутых балов, – проговорила Ангулема, подгоняя лошадь, чтобы поравняться с ними. – Так и нас, надеюсь, не обойдут возможностью насытиться и напиться? Да и поплясать я б тоже охотно поплясала. На балу-то.

– Чес-слово, будет в Боклере все, – заверил Рейнарт де Буа-Фресне. – Балы, пиры, рауты, выпивки и посиделки поэтические. Ведь вы же Лютиковы друзья... Пардон, я хотел сказать Юлиановы. Виконтовы, чес-слово. А оный Юлиан, виконт, весьма мил госпоже княгине.

– А как же, похвалялся, было дело, – хихикнула Ангулема. – А как оно в натуре-то было с той любовью? Не знаете ли, милсдарь рыцарь? Поведайте!

– Ангулема, – проговорил ведьмак. – Тебе это знать обязательно?

– Не обязательно. Но хочется. Не брюзжи, Геральт. И перестань дуться. При виде твоей кислой физиономии придорожные грибы сами маринуются. А вы, милсдарь рыцарь блуждающий, давайте излагайте.

Едущие впереди кавалькады странствующие рыцари распевали рыцарскую песню. Слова песни были глупые до неприличия.

– Случилось это, – начал рыцарь, – годков этак шесть назад. Гостил у нас господин поэт целую зиму и весну, на лютне тренькал, романсы распевал, стихи декламировал. Князь Раймунд в то время в Цинтре посиживал, на сборе. Домой не спешил. Ни для кого не было секретом, что в Цинтре полюбовница у него завелась. А госпожа Анарьетта и милсдарь Лютик... М-да... преудивительнейший это город, Боклер, и прекрасный, любовных чар полный. Сами увидите. В те времена княгиня и господин Лютик это изведали... И не заметили, как от стишка к стишку, от словечка к словечку, от комплиментика к комплименту, цветочку, взгляду, вздоху... Короче говоря, вскоре дошло дело до близкого, стало быть, интереса.

– И очень близкого? – хихикнула Ангулема.

– Очевидцем быть не довелось, – сухо отрезал рыцарь, – а сплетен повторять не обывк. Кроме того, как мазель, несомненно, знает, у любви множество имен, и весьма относительное это понятие: близкое ли было общение, или не очень.

Кагыр прыснул в кулак. Ангулеме добавить было нечего.

– Встречались, – продолжал Рейнарт де Буа-Фресне, – княгиня с господином Лютиком тайно месяца, вероятно, два, от Беллетэйна до летнего Солтыция. Да позабыли об осторожности. Разошлась весть, начали болтать языки. Милсдарь Лютик не мешкая на коня вскочил и отбыл. Оказалось, поступил вполне разумно. Потому что как только князь Раймунд из Цинтры возвратился, донес ему обо всем один услужливый лакей. Князя, когда узнал он, какой инсульт на него свалился, какие порожа ему пристроили, такая дикая, можете себе представить, ярость обуяла, что он супницу с борщом на стол опрокинул, потом слугу-доносителя чеканчиком раздела, слова всякие-разные выдавал, затем при свидетелях дал маршалу двора по морде и большое ковирское зеркало вдребезги разнес. Княгиню же в ее собственных покоях заточил и, пытками пригрозив, все из ее княжеского сиятельства вытянул. Сразу же за господином Лютиком погоню учинил, повелев без всякой жалости и разговоров соблазнителя прикончить и сердце из груди вырвать. Вычитавши что-то подобное в какой-то стародавней балладе, вздумал он сердце Лютиково зажарить и ее сиятельство княгиню Анарьетту принудить на глазах всего двора оное сердце откусать. Бррр, тьфу ты, отвратность какая, надо же! На свое счастье, успел-таки господин Лютик сбежать.

– Повезло парняге. А князь, значит, от горестей штиблеты отбросил?

– Скончался светлейший князь. Но не сразу. Инцидент, как я уже сказал, вконец скрутил его, да так, что кровь в нем закипела и апоплексия его схватила и, стало быть, паралич. Лежал он без мала полгода что твой пень. Но поправился. Даже ходить начал было. Только глазами беспрерывно моргал, вот так.

Рыцарь повернулся в седле, прищурился и скривился будто обезьяна.

– Хоть князь сам был известный трахтельман и попрыгунчик, так от этих подмигиваний еще больший из него сделался в амурах *pericolosus*[63], ибо каждой бабе чудилось, будто это он из аффекта именно ей подмигивает и ей любовные знаки подает. Ну, бабы, известное дело, на такие почитания шибко падки. Их ничуть не смущает, что всем им клеймо похотливых и распутных припечатывают. Что нет, то нет. А князь, как я сказал, моргал много, почти непрерывно, так что все *per saldo* одно на одно выходило. В итоге-то меру в разнузданности он перебрал, и в одну из ночей хватил его второй удар. И дух из него вышел. Прямо в алькове.

– На бабе? – загоготала Ангулема.

– По правде... – Рыцарь, до того смертельно серьезный, усмехнулся в усы. – По правде-то, под бабой. Однако не в подробностях суть.

– Конечно ж, нет, – серьезно поддержал Кагыр. – Особого траура, мыслю, по князю Раймунду не было, а? Пока слушал, мне подумалось...

– Что неверная жена вам милее, чем муж-рогоносец, – по своему обычаю влез в разговор вампир. – Неужто по той причине, что сейчас она здесь властвует?

– И по этой тоже, – разоружающим тоном ответил Рейнарт де Буа-Фресне. – Но не только. Раймунд, да будет ему земля пухом, таким был бездельником, вертопрахом, паршивцем и, культурно выражаясь, сукиным сыном, что самого дьявола через полгода довел бы до язвы желудка! А правил в Туссенте семь лет. Зато княгиню Анарьетту народ обожал и обожает.

– Значит, можно рассчитывать на то, – жестко сказал Геральт, – что после князя Раймунда осталось не так уж много неутешных друзей, которые ради того, чтобы отметить круглую дату кончины покойного, готовы устроить Лютику засаду со стилетами?

– Можете рассчитывать. – Рыцарь глянул на него, а взгляд у него был острый и вполне понимающий. – И, чес-слово, расчеты вас не подведут. Я же говорил: поэт мил госпоже Анарьетте, а за госпожу Анарьетту тут любой позволит себя на куски разделить.

Возвернулся рыцарь бравый

Да с войны, войны-забавы!

Ну а милка не ждала.

От другого родила!

Ой-ля-ля, ой-ля-ля,

Вот и мри за короля!

Из придорожных кустов с карканьем срывались перепуганные рыцарской балладой вороны.

Вскоре из леса они выехали в долину между возвышенностями, на вершинах которых белели башни небольших замков, яркие на фоне синего, расцвеченного фиолетовыми полосами неба. Склоны, насколько хватал глаз, покрывали стройные, словно солдатские шеренги, ряды ровненько подстриженных кустов. Земля там была устлана красными и золотыми листьями.

– Что это? – спросила Ангулема. – Виноград?

– Виноградная лоза, молодая, а как же, – подтвердил Рейнарт де Буа-Фресне. – Знаменитые долины Сансретуры. Первейшие вина мира давят из созревающих здесь гроздей.

– Факт, – согласился Регис, который, как всегда, знал все обо всем. – Дело в вулканической почве и здешнем микроклимате, обеспечивающем из года в год прямо-таки идеальное сочетание солнечных и дождливых дней. Если к этому добавить традиции, знание и заботливость виноградарей, то мы получим результат в виде продукта высочайшего класса и марки.

– Хорошо вы это выразили, – улыбнулся рыцарь. – Марка – это вещь! О, взгляните хотя бы сюда, вот на этот склон под замком. У нас замки дают названия виноградникам и подвалам, которые расположены глубоко под землей. Вот этот называется Кастель Равелло, с его виноградников получают такие вина, как эрвелюк, фьорано, помино и знаменитое эст-эст. Должно быть, слышали. За бочонок эст-эста платят столько, сколько за десяток бочонков цидарисского или из нильфгаардских винных погребов под Альбой. А там, гляньте, куда хватает глаз – другие, небольшие замки и другие виноградники, да и названия тоже, думаю, вам знакомы. Ферментино, Торичелья, Кастельдачья, Туфо, Санкерре, Нурагус, Короната и, наконец, Корво Бьянко, по-эльфье Gwyn Serbin. Полагаю, вам не знакомы эти названия?

– Знакомы, фууу... – поморщилась Ангулема. – Особенно после проверки, не налил ли часом шельма кабатчик какое-нибудь из них вместо нормального яблочного, потому как тогда, бывало, приходилось утром коня в конюшне оставлять, чтобы за эту кастелью или эсту-эсту расплатиться. Тьфу, черт, не пойму я, небось для больших господ пойло, то, марковое. А мы люди простые, можем и тем, что подешевле, не хуже надраться. И скажу я вам, ибо на

собственном опыте испытала: блюется оно одинаково, что после эста-эста, что после какой другой рыгаловки, к примеру, яблочной. * * *

– Начхав на октябрьские шуточки Ангулемы, – Рейнарт раскинулся за столом, расслабил пояс, – сегодня, ведьмак, напьемся какой-нибудь лучшей марки и какого-нибудь лучшего года. Кошель выдержит. Мы подзаработали неплохо. Можно и гульнуть.

– Ясное дело. – Ведьмак кликнул трактирщика. – В конце концов, как говорит Лютик, быть может, существуют и другие методы заработать, но я их не знаю. Поэтому поедем то, чем так славно несет из кухни. Кстати, сегодня в «Фазанщине» что-то тесновато, хоть час уже довольно поздний.

– Сочельник Йуле, – пояснил трактирщик, услышав его слова. – Празднует народишко. Радует. Ворожит. Традиция требует, а традиция у нас...

– Знаю, – оборвал ведьмак. – А что сегодня требует традиция на кухне?

– Холодный язык с хреном. Бульон из каплуна с фрикадельками из мозжечка. Зразы-завертушки говяжьи и к этому клецки и капуста.

– Тащи мигом, добрый человек. И к этому... Ну, что к этому, Рейнарт?

– Ежели говядина, – сказал после минутного раздумья рыцарь, – то красное коте-де-блессюр того года, когда откинула лапти старая княгиня Кароберта.

– Прекрасный выбор, – кивнул трактирщик. – К вашим услугам, господа.

Венок из омелы, наугад брошенный за спину девушкой из-за соседнего стола, упал почти на колени Геральту. Компания зашлась смехом. Девушка призывно зарумянилась.

– Никаких фокусов. – Рыцарь поднял венок и отбросил в сторону. – Это не будет ваш очередной. Он уже занят, дорогая мазель. Он уже в неволе зеленых очей.

– Заткнись, Рейнарт.

Трактирщик принес заказ.

Они ели, пили, молчали, слушали, как веселятся люди.

– Йуле, – сказал Геральт, отставляя кубок. – Мидинваэзн, Зимнее Солнцестояние. Два месяца я тут торчу. Два потерянных месяца.

– Месяц, – холодно и трезво поправил Рейнарт. – Если ты что-то потерял, то лишь месяц. Потом снега завалили перевалы в горах, и ты не выбрался бы из Туссента, хоть сдохни. А то, что дождался здесь Йуле, да и весну скорее всего тоже здесь дождешься, так это есть высшая сила, а посему нечего жалобно скулить и причитать. Что же до сожаления, то не надо преувеличивать. Все равно я не поверю, что тебе так уж сильно жаль.

– Да что ты знаешь, Рейнарт? Что знаешь?

– Немного, – согласился рыцарь, наливая. – Не очень много сверх того, что вижу. А видел я вашу первую встречу, твою и ее, в Боклере. Помнишь Праздник Бочки? Белые трусики?

Геральт не ответил. Он помнил.

– Дивное это место, дворец Боклер, полное любовных чар, – замурлыкал Рейнарт, наслаждаясь букетом вина. – Один только его вид способен очаровать. Помнишь, как у всех у вас дух захватило, когда вы увидели, ну, тогда, в октябре. Дай-ка вспомнить, как тогда

изволил выразиться Кагыр?

– Складный замчишко, – восхищенно сказал Кагыр. – Верно ведь складный и глаз радует.

– Красиво княгиня живет, – сказал вампир. – Следует признать.

– Да уж, вполне ладный, курва его мать, домик, – добавила Ангулема.

– Дворец Боклер, – не без гордости повторил Рейнарт де Буа-Фресне. – Эльфова постройка, только слегка переделанная. Говорят, самим Фарамондом.

– Не «говорят», – возразил Регис. – А несомненно. Стиль. Стиль Фарамонда виден с первого же взгляда. Ясно. Четко. Достаточно посмотреть хотя бы вон на те башенки.

Увенчанные пурпуром черепиц башни, о которых вел речь вампир, врезались в небо стройными белыми обелисками, вырастающими из филигранного, расширяющегося книзу здания самого замка. Все это однозначно ассоциировалось со свечами, с которых фестоны воска натекали на мастерски выполненное основание подсвечника.

– У стен Боклера, – пояснил рыцарь Рейнарт, – раскинулся город. Стену, разумеется, возвели позже, вы ведь знаете, эльфы не окружали города стенами. Подгоните лошадей, уважаемые. Путь перед нами долгий. Боклер только кажется близким, горы искажают перспективу.

– Едем.

Они ехали резво, опережая странников и вагантов, телеги и двуколки, груженные темными, словно обомшелыми гроздьями винограда. Потом начались говорливые и пахнущие бродящим соком улочки города, потом мрачный парк, весь заросший тополями, тисами, барбарисом и самшитом. Потом были клумбы роз, мультифлоры и центифолии. Потом – резные колонны, порталы и архивольты дворца, слуги и лакеи в ливреях.

Наконец возник Лютик, модно причесанный и роскошно одетый. Ни дать ни взять принц.

– Где Мильва?

– Здорова, не беспокойся. Сидит в покоях, приготовленных для вас. И не желает выходить.

– Почему?

– Об этом позже. А сейчас – пошли. Княгиня ждет.

– Прямо с дороги?

– Таково ее желание.

Зала, в которую они вошли, была полна людей, ярких и пестрых, будто райские птицы. Геральту некогда было приглядываться. Лютик подтолкнул его к мраморным ступеням, у которых в окружении пажей и придворных стояли две женщины, резко выделяющиеся из толпы.

Было тихо, но сделалось еще тише.

У первой женщины нос был острый и курносый, голубые, пронизательные и как бы слегка взволнованные глаза. Каштановые волосы уложены в изумительную – воистину произведение искусства – укрепленную бархатными вставочками прическу, продуманную до мельчайших нюансов, включая и идеальной формы локон в виде полумесяца на лбу. Лиф декольтированного платья переливался тысячами голубых и лиловых полосок на черном фоне, подол был черный, густо усеянный шитьем из маленьких золотых хризантем. Шею

обвивало искусными завитками кольцо из обсидиана, изумрудов и ляпис-лазури, заканчивающееся жадеитовым крестом, заходящим чуть ли не в ложбинку между небольшими, поддерживаемыми жестким корсетом грудками. Каре выреза было низким и глубоким, обнаженные миниатюрные плечики, казалось, не гарантировали достаточной опоры – Геральт ежесекундно ожидал, что платье сползет с бюста. Но оно не сползло, удерживаемое в нужном положении таинственными узами портновского искусства и буфами рукавов.

Вторая женщина не уступала первой в росте. На губах у нее была такого же цвета помада. Однако на этом подобие заканчивалось. На ее коротко стриженных черных волосах возлежала сетчатая шапочка, с которой спускалась на лицо до кончика маленького носика вуалетка. Растительный мотив вуалетки не закрывал прекрасных, блестящих, густо подведенных зеленым контуром глаз. Точно такая же цветная вуаль прикрывала скромный вырез черного платья с длинным рукавом. На ткани сверкали словно случайно разбросанные сапфиры, аквамарины, кристаллики горного хрусталя и золотые ажурные звездочки.

– Ее сиятельство княгиня Анна Генриетта, – вполголоса проговорили за спиной Геральта. – Преклони колени, милостивый государь.

«Интересно, о которой из них, – подумал Геральт, с трудом сгибая больное колено в церемониальном поклоне. – Обе, чтоб мне лопнуть, выглядят равно по-княжески. Господи, по-королевски!»

– Встаньте, милсдарь Геральт, – развеяла его сомнения женщина с каштановыми волосами и острым носиком. – Приветствуем вас и ваших друзей в княжестве Туссент, во дворце Боклер. Мы счастливы принимать у себя особ, прибывших со столь благородной миссией. К тому же имеющих быть в дружбе с милым нашему сердцу виконтом Юлианом.

Лютик поклонился глубоко и размашисто.

– Виконт, – продолжала княгиня, – сообщил нам ваши имена, характер и цель вашей экспедиции, поведал, что привело вас в Туссент. Повествование его взволновало наши сердца. Мы будем счастливы побеседовать с вами на личной аудиенции, милсдарь Геральт. Однако сия встреча несколько задержится, поскольку нас ждет исполнение неких государственных обязанностей. Закончился сбор винограда, традиция велит нам принять участие в Празднике Бочки.

Вторая женщина, та, что в вуалетке, наклонилась к княгине и что-то быстро шепнула. Анна Генриетта взглянула на ведьмака, улыбнулась, прошла тонким язычком по губам.

– Мы желаем, – возвысила она голос, – чтобы наряду с виконтом Юлианом нам прислуживал у Бочки милсдарь Геральт из Ривии.

По группе придворных и рыцарей пробежал шелест – так шумят тронутые ветром сосны. Княгиня Анарьетта одарила ведьмака очередным волооким взглядом и вышла из залы вместе с подружкой и кортежем пажей.

– Черт побери, – совсем не по-рыцарски шепнул Рыцарь Шахматной Доски. – Вот-те на! Немалой вы удостоились чести, господин ведьмак!

– Я не шибко понял, в чем суть дела, – признался Геральт. – Это каким же манером мне придется услужить ее величеству?

– Ее милости, – поправил, подходя, упитанный субъект с внешностью кондитера. – Простите, господа, мое вмешательство, но в данных оличностях я вынужден это сделать. Мы здесь, в Туссенте, строго почитаем традиции и блюдем протокол. Я – Себастьян ле Гофф, камергер и

маршал двора.

– Весьма приятно.

– Официальным и протокольным титулом госпожи Анны Генриетты, – камергер и маршал двора не только выглядел кондитером, но и источал аромат крема и глазури, – является «ваше сиятельство», неофициальным – «ваша милость», фамильярным, вне стен дворца, – «госпожа княгиня». Но обращаться к ее сиятельству следует «ваша милость».

– Благодарствую, запомню. А вторая дама? Как ее следует титуловать?

– Ее официальный титул «почтенная», – серьезно поучил камергер. – Но вполне допустимо просто «госпожа». Это родственница княгини, зовут ее Фрингилья Виго. Во исполнение воли ее милости прислуживать при Бочке вам достанется именно ей, госпоже Фрингилье.

– А в чем будет состоять данное прислуживание?

– Ничего особенного. Сейчас поясню. Видите ли, мы уже многие годы используем механические давяльни, однако же традиция...

Подворье было заполнено говором и неистовым визгом пицалок, дикой музыкой дудок, назойливым звоном тамбуринов. Вокруг стоящей на помосте бочки плясали и бодались козлы, выряженные в венки скоморохи и кувыркались акробаты. Подворье и окружающие его галереи были заполнены людьми – рыцарями, дамами, дворянами, богато одетыми горожанами.

Камергер Себастьян ле Гофф воздел к небу увитый лозой жезл, потом трижды ударил им о помост.

– Эхо-хо! – крикнул он. – Благородные дамы, господа и рыцари!

– Эхо-хо! – ответствовала толпа.

– Эхо-хо! Вот он, древний обычай! Да одарит нас виноградная гроздь! Эхо-хо! Да созреет до солнца!

– Эхо-хо! Да созреет!

– Эхо-хо! Да забродит, придавленная! Да наберет силы и вкуса в бочках! Да изольется в кубки и ударит в головы во славу ее сиятельства, во славу прекрасных дам, во славу благородных рыцарей и виноградарей!

– Эхо-хо! Да забродит!

– Да приидет красота!

Из бархатных палаток на противоположной стороне подворья появились две женщины – княгиня Анна Генриетта и ее черноволосая спутница. Обе были плотно укутаны в пурпурные плащи.

– Эхо-хо! – Камергер ударил жезлом. – Да приидут Юные!

«Юные» были научены, они знали, что им надлежит делать. Лютик подошел к княгине. Геральт – к черноволосой. Которую, как известно, звали почтенной Фрингильей Виго.

Женщины одновременно скинули плащи, толпа взорвалась грохотом оваций, Геральт сглотнул.

На женщинах были белые, тонюсенькие, как паутинки, не достигающие даже до бедер рубашечки на бретельках. И плотно облегающие трусики с оборочками. И ничего больше. Даже украшений. Кроме того, они были без обуви.

Геральт поднял Фрингилью на руки, а она, нисколько не смущаясь, тут же обняла его. За шею. От нее исходил едва уловимый аромат амбры и роз. И женственности. Она была теплой, и тепло это пронзало как наконечник стрелы. Она была податливо-мягкой. И мягкость эта обжигала и дразнила пальцы.

Мужчины поднесли женщин к бочке. Геральт – Фрингилью, Лютик – княгиню, помогли им встать на сминающиеся под ногами, источающие виноградный сок грозди. Толпа взревела.

– Эхо-хоооо!

Княгиня и Фрингилья возложили друг другу руки на плечи – так легче было удержать равновесие на гроздях, в которые они погрузились до колен. Сок брызгал и бил ключом, женщины, поворачиваясь, топтали виноградные гроздья, хохоча, как маленькие. Фрингилья совершенно произвольно стрельнула в ведьмака глазами.

– Эхо-хо! – орала толпа. – Эхо-хо! Да забродит!

Сминаемые грозди исходили соком, мутная жидкость булькала и обильно пенилась вокруг колен топчущихся в бочке женщин.

Камергер ударил жезлом о доски помоста. Геральт и Лютик подошли, помогли женщинам выбраться из бочки. Геральт видел, как Анарьетта укусила Лютика за ухо и как у нее при этом опасно заблестели глаза. Ему показалось, что губы Фрингильи скользнули по его щеке, но было это сознательно или случайно, он, пожалуй, не смог бы сказать. Винный дух сильно ударял в голову.

Геральт опустил Фрингилью на помост, обернул пурпурным плащом, Фрингилья быстро и крепко пожала ему руку.

– Ах, эти древние обычаи, – шепнула она. – Они так возбуждают. Не правда ли?

– Правда.

– Благодарю тебя, ведьмак.

– Я счастлив безмерно!

– Не только ты! Уверю тебя, не только.

– Налей, Рейнарт.

За соседним столом вели очередную зимнюю ворожбу, состоящую в кидании завитой в длинную спиральную полоску кожицы яблока. По форме, в которую кожаца уляжется, пытались угадать инициалы будущего партнера. Всякий раз кожура укладывалась буквой «S». Несмотря на это, веселью не было конца.

Рыцарь налил.

– Оказалось, – задумчиво сказал ведьмак, – что Мильва здорова, хоть все еще носила бандаж на бедрах. Тем не менее она сидела в комнате и отказывалась выходить, ни за что не соглашаясь надеть подаренного ей платья. Дело шло к протокольному скандалу, но ситуацию уладил всеведающий Регис. Процитировав с дюжину прецедентов, он вынудил камергера-маршала двора принести лучнице мужскую одежду. Ангулема же, наоборот, с

радостью скинула брюки и верховые сапоги с портянками, а платье, мыло и гребень сотворили из нее вполне симпатичную девушку. Всем нам, что тут говорить, подняли настроение баня и чистая одежда. Даже мне. И во вполне нормальном настроении все мы шли на личную аудиенцию.

– Прервись на минуточку, – указал движением головы Рейнарт. – К нам приближаются клиенты. Хо-хо, к тому же не один, а два винодельца. Малатеста, наш клиент, ведет собрата... И конкурента. Чудо из чудес!

– А второй – кто?

– Виноградники Помероль. Их вино, коте-де-блессюр, мы как раз сейчас пьем.

Малатеста, управляющий виноградниками Ферментино, помахал рукой, подошел, ведя спутника: мужчину с черными усиками и буйной черной бородой, больше подходящей убийце, нежели чиновнику.

– Позвольте представить, – указал на бородача Малатеста, – господин Алкид Фьерабрас, управляющий виноградниками Помероль.

– Присаживайтесь.

– Мы на минутку. К господину ведьмаку относительно бестии из наших подвалов. Из того, что вы, уважаемый, находитесь здесь, следует, что чудище уже прикончено?

– Намертво.

– Обусловленная сумма, – заверил Малатеста, – поступит на ваш счет у Чианфанелли самое позднее послезавтра. Ох, благодарю вас, господин ведьмак. Стократно благодарю. Такой подвальчик прелестный, сводчатый, ориентированный на север, не слишком сухой, не слишком влажный, ну точь-в-точь такой, какой надо для вина, а из-за этого чудища паршивого им невозможно было пользоваться. Сами видели, пришлось там значительную часть подвалов замуровать, но бестия все равно ухитрилась как-то пролезть. Тьфу-тьфу, откуда она взялась, не угадать. Не иначе как из самого ада...

– Пещеры, вымытые в вулканических туфах, всегда бывают полны чудовищами, – мудро проговорил Рейнарт де Буа-Фресне, который сопровождал ведьмака уже почти месяц и, будучи хорошим слушателем, успел многому научиться. – Дело ясное, где туф, там того и гляди чудище объявится.

– Оно, конечно, может, и туф, – покосился на него Малатеста. – Кем бы он, этот туф, ни был. Но люди болтают, дескать, все потому, что наши подвалы вроде бы с глубокими пещерами связаны, с самим нутром земным. Много у нас таких ям и пещер.

– Да вот хотя бы, к примеру, наши подвалы, – заметил управляющий виноградниками Помероль. – Цельными милями эти ямы тянутся, как и докудова, не знает никто. Те, кто дело это хотел прояснить, не возвернулись. Да и чудовище страшное тоже там видывали. Якобы... Так вот поэтому и хотел я предложить...

– Догадываюсь, – сухо проговорил ведьмак, – что вы хотите предложить. И соглашаюсь. Я проверю ваши подземелья. Плату установим в зависимости от того, на что я там наткнусь.

– Обижены не будете, – заверил бородач. – Хм, хм... Еще одно дело.

– Слушаю.

– Тот суккуб, что по ночам мужей посещает и... мытарит... Которого ее сиятельство убить

повелели... Думаю, убивать его вовсе нет нужды. Ведь чудо это никому не мешает, ежели уж по правде-то... Так, посетит когда... Потревожит чуть-чуть...

– Но только полнолетних, – быстро вставил Малатеста.

– Ну прям мои слова, кум, мои... Так и есть, никому этот суккуб не навредил. А последнее время так и вообще слух о нем как бы затерялся. Полагаю, вас он, милсдарь ведьмак, испугался. Какой же тогда смысл его утюживать. Ведь вам, господин, наличные не помешают. А ежели чего недостает...

– На мой счет у Чианфанелли, – проговорил с каменным лицом Геральт, – могло бы что-нибудь и поступить. В ведьмачий пенсионный фонд.

– Сделаем.

– А у суккуба волос с блондинистой головки не упадет.

– Ну, стало быть, бывайте. – Оба управляющих встали. – Празднуйте в мире, не станем мешать. Праздник нынче. Традиция. А у нас, в Туссенте, традиции...

– Знаю, – не дал ему договорить Геральт, – святое дело.

Компания за соседним столом шумела. Ворожили Йуле, ворожили при помощи шариков из мякиша калача и кости от съеденного карпа. Пили при этом обильно. Трактирщик и девки мотались как угорелые, бегая с кувшинами.

– Упомянутый суккуб, – заметил Рейнарт, подкладывая себе капусты, – стал началом достопамятной серии ведьмачьих контрактов, заключенных тобою в Туссенте. Потом уж клиенты валом повалили, так что отбоя от них не было. Вот только не помню я, который заявился к тебе первым.

– Тебя в тот момент не было. А случилось это на следующее утро после аудиенции у княгини. На которой, впрочем, тебя не было тоже.

– Ничего удивительного. Аудиенция была личная.

– Также мне личная, – усмехнулся ведьмак. – Человек на двадцать, не считая неподвижных как статуи лакеев, малолетних пажей и вконец умученного шута. Среди перечисленных особ был ле Гофф, камергер с внешностью и ароматом кондитера, несколько согбенных под грузом золотых цепей вельмож. Была парочка субъектов в черном, то ли советников, то ли судей. Был знакомый мне по Каэд Мырквиду барон Бычья Голова. Была, разумеется, Фрингилья Виго, особа, несомненно, приближенная к княгине.

И были мы; вся наша компания, включая Мильву в мужском костюме. Нет, я неверно выразился, сказав, что были все. Не было с нами Лютика. Лютик, он же виконт Кто-то-Там, сидел, раскинувшись в карле ошую ее остроносой милости Анарьетты, и топорщил перья что твой павлин. Как и полагалось фавориту.

Анарьетта, Фрингилья и Лютик были единственными особами, которые сидели. Никому больше присесть дозволено не было. А меня радовало уже то, что не было велено опуститься на колено.

Княгиня выслушала мой рассказ – к счастью, редко прерывая. Когда же я взялся вкратце излагать результаты бесед с друидками, она заломила руки жестом, говорящим об ее отчаянии столь же искренне, сколь и преувеличенно. Я знаю, это звучит как какой-то холерный оксюморон, но, поверь мне, Рейнарт, в данном случае все так именно и было.

– Ах-ах, – проворковала княгиня Генриетта, заламывая руки. – Вы так нас огорчили, господин Геральт. Так огорчили. Поверьте, сочувствие переполняет наши сердца.

Она потянула остреньким носиком, протянула руку, и Лютик незамедлительно вложил ей в пальцы батистовый платочек с монограммой. Княгиня мазнула платочком обе щеки так, чтобы не стереть пудры.

– Ах-ах, – повторила она. – Выходит, друидки ничего не знали о Цири? Были не в состоянии помочь вам? Получается, все ваши усилия пошли прахом и все ваше странствие оказалось ненужным?

– Прахом – наверняка нет, – убежденно ответил ведьмак. – Признаюсь, я рассчитывал получить от друидок какие-нибудь конкретные сведения либо указания, которые могли бы хоть в самом общем виде пояснить, почему Цири оказалась объектом столь яростной охоты. Однако друидки не могли или же не пожелали мне помочь. Так что в этом смысле действительно я ничего не выгадал. Но...

Он перешел на шепот. Не ради повышения уровня драматизма. Просто решал, насколько может быть откровенен перед собравшимися.

– Я знаю, что Цири жива, – наконец сухо сказал он. – Вероятнее всего, была ранена. И все еще в опасности. Но жива.

Анна Генриетта вздохнула, снова воспользовалась платочком и пожала руку Лютику.

– Обещаем вам, – проговорила она, – нашу помощь и поддержку. Гостите в Туссенте, сколь пожелаете. Ибо должно вам знать, что мы бывали в Цинтре, знали и дарили своей дружбой Паве́тту, знали и любили малютку Цири. Всем сердцем мы скорбим вместе с вами, господин Геральт. Если требуется, вам окажут посильную помощь наши ученые и астрологи. Вы должны, мы глубоко в это верим, отыскать какую-то тропинку, какое-то указание или след, которые укажут вам нужный путь. Не действуйте опрометчиво. Вам нет нужды спешить. И можете оставаться здесь по собственному желанию, вы милый и приятный нам гость.

– Благодарю, ваше сиятельство, – поклонился Геральт, – за добрые слова и ласку. Однако мы тронемся в путь, как только немного передохнем. Цири все еще в опасности. Да и мы тоже. Если слишком долго засиживаться на одном месте, опасность не только возрастает, но и начинает угрожать людям доброжелательно к нам относящимся. И всем окружающим. А этого мы ни за что не хотели бы допустить.

Княгиня какое-то время молчала, размеренными движениями, будто кошку, поглаживая Лютика по руке.

– Благородны и справедливы слова ваши, – сказала она наконец. – Но опасаться вам нечего. Гнавшиеся за вами бандиты нашими рыцарями разгромлены так, что ни один свидетель их поражения не ушел живым. Нам рассказал об этом виконт Юлиан. Любого, кто осмелится вас беспокоить, ждет та же участь. Вы – под нашей защитой и покровительством.

– Я умею это ценить. – Геральт снова поклонился, мысленно проклиная болевшее колено и не только его. – Однако не смею умолчать о том, о чем господин виконт забыл вашей милости поведать. Разбойники, которые гнались за мной от Бельхавена и которых доблестные рыцари вашей милости отважно разгромили в Каэд Мырквиде, действительно были бандитами высшей разбойничьей гильдии, но нильфгаардского цвета.

– Ну и что?

«А то, – чуть не сорвалось у него с языка, – что если нильфгаардцы заняли Аэдирн за

двадцать дней, то на твое игрушечное княжество им хватит двадцати минут».

– Идет война, – сказал он вместо этого. – То, что случилось в Бельхавене и Казд Мырквиде, можно рассматривать как рейд по тылам. Обычно это вызывает репрессии. В военное время...

– Война, – перебила его княгиня, подняв кверху острый носик, – наверняка уже кончилась. Относительно этого мы писали нашему кузену Эмгыру вар Эмрейсу. Мы направили ему меморандум, в котором потребовали немедленно положить конец бессмысленному кровопролитию. С войной уже наверняка покончено, наверняка уже заключен мир.

– Не так уж наверняка, – холодно ответил Геральт. – За Яругой буйствуют меч и огонь, льется кровь. Нет никаких признаков того, что война идет к завершению. Я бы сказал – совсем наоборот.

Он тут же пожалел о сказанном.

– То есть? – Носик княгини, казалось, стал еще острее, а в голосе прозвучала противная, скрипуче-ворчливая нотка. – Верно ли я слышу? Война продолжается? Почему нам об этом не сообщили? Господин министр Трембли?

– Ваше сиятельство, я... – забормотал, преклоняя колени, один из златоносцев, позвякивая цепями. – Я не хотел... огорчать... беспокоить... ваше сиятельство...

– Стража! – взывала ее сиятельство. – В башню его! Вы в немилости, милостивый государь! Господин камергер! Господин секретарь!

– Мы здесь, ваше сиятельство!

– Пусть наша канцелярия немедленно подготовит резкую ноту нашему кузену, императору Нильфгаарда. Мы требуем, чтобы немедленно, незамедлительнейше он прекратил воевать и заключил мир. Ибо война и несогласие суть вещи скверные. Несогласие разрушает, а согласие возводит!

– Ваша милость, – еле выговорил маршал двора – кондитер, белый, как сахарная пудра, – абсолютно правы. Абсолютнейше!

– А вы что тут делаете? Мы отдали приказы! Действуйте же! Одна нога тут, другая там!

Геральт незаметно осмотрелся. У дворян были совершенно каменные лица, из чего следовало, что подобные инциденты при здешнем дворе дело не новое и не редкое. Он твердо решил с этого момента исключительно поддакивать госпоже княгине. И никак не более того.

Анарьетта тронула платочком кончик носа, затем улыбнулась Геральту.

– Как видите, – сказала она, – ваши опасения были беспочвенны. Вам нечего опасаться, и вы можете гостить у нас сколько пожелаете.

– Так точно, ваше сиятельство.

В тишине четко слышался скрип короеда в каком-то из предметов древней мебели. И ругательства, коими старший конюх поносил коня на далеком дворе.

– Есть у нас, – прервала молчание Анарьетта, – также просьба к вам, господин Геральт, как к ведьмаку.

– Так точно, ваше сиятельство.

– Это просьба многих благородных дам Туссента и также наша. Ночное чудовище беспокоит здешние дома. Дьявол, призрак, суккуб в обличье женском, но столь бесстыдным, что описать его мы не решаемся, терзает достойных и верных супругов. Навещает по ночам альковы, позволяет себе безобразные распутства и отвратительные половые извращения, о которых нам не позволяет говорить присущая нам скромность. Вы как специалист наверняка знаете, в чем дело.

– Так точно, ваше сиятельство!

– Туссентские дамы просят вас положить предел этой мерзости. А мы присоединяемся к их просьбе и заверяем вас в нашем благоволении.

– Так точно, ваше сиятельство!

Ангулема отыскала ведьмака и вампира в дворцовом парке, где они прогуливались и вели секретные разговоры.

– Вы мне не поверите, – просипела она, – не поверите, если я вам скажу. Но это чистейшая правда.

– Говори же.

– Рейнарт де Буа-Фресне, странствующий Рыцарь Шахматной Доски, вместе с другими странствующими рыцарями стоит в очереди к княжескому казначею. И знаете, за чем? За месячным жалованьем! Очередь, скажу я вам, длиной в полполета стрелы, а от гербов аж в глазах рябит. Я спросила Рейнарта, в чем, мол, дело, а он мне: странствующие-де рыцари тоже есть хотят.

– И что же здесь странного?

– Шуткуешь небось? Странствующие рыцари странствуют из благородных побуждений! А не за месячное жалованье!

– Одно, – очень серьезно сказал вампир Регис, – не исключает другого... Поверь мне, Ангулема.

– Верь ему, Ангулема, – сухо подтвердил Геральт. – Перестань бегать по дворцу в поисках сенсаций, составь-ка лучше компанию Мильве. Она в жутком настроении, ей нельзя оставаться одной.

– Верно. У тетечки, видать, месячные, потому как злая она вроде осы. Я думаю...

– Ангулема!

– Иду, иду...

Геральт и Регис остановились у клумбы уже слегка примерзших роз центифолий. Но как следует поговорить не сумели. Из-за оранжереи вышел худющий мужчина в модном плаще цвета умбры.

– Добрый день. – Он поклонился, отряхнул колени кунным колпаком. – Дозвольте спросить, кто из ваших милостей есть ведьмак, Геральтом именуемый, своим ремеслом славящийся?

– Я есть ведьмак, Геральтом именуемый. В чем дело?

– Я – Жан Катильон, управляющий виноградниками Кастель Торичелья. А дело, понимаешь, в

том, что нам в виноградники очень и даже весьма ведьмак нужен. Я удостовериться, понимаешь, хотел бы, не пожелаете ли вы по милости своей...

– Так в чем дело-то?

– Тут, понимаешь, такая штука получается, – начал управляющий Катильон. – Из-за этой войны, чтобы ее черт побрал, купцы реже, понимаешь, приезжают, запасы готового продукта растут, мест для бочек начинает не хватать. Мы подумали, невелика беда, ведь под замком целые мили ям тянутся, все глубже и глубже, аж до нутра, понимаешь, земли, почитай, эти ямы достигают. Под Торичельей тожить ямочку я отыскал, прелестенькую, кругленькую с таковым же, понимаешь, сводом и не шибко сухую, не шибко мокрую, аккурат подходящую, чтобы в ней вину славненько было...

– И что? – не выдержал ведьмак.

– Почудилось нам, понимаешь, что в тех ямах чудит какой-то чудовищ, видать, из земных глыбей прилезший. Двух человек изжег, до костей им телеса изжарил, а одного ослепил, понимаешь, потому как он, чудовищ, значит, плюется и рыгается каким-то жручим щелоком или щелочью.

– Сольпуга, – кратко определил Геральт. – Также ядницей именуемая.

– Ну вот, извольте, – улыбнулся Регис. – Сами видите, господин Катильон, что имеете дело с профессионалом. Профессионал, можно сказать, с неба к вам свалился. А кстати, к странствующим здесь рыцарям вы случаем не обращались уже с этой, как вы изволили выразиться, бедой? У княгини их целый полк, рыцарей-то этих, а такие миссии – так это ж их специальность, суть их существования. И оправдание...

– Никакая не суть, – помотал головой управляющий Катильон. – Их суть – тракты охранять, перевалы, потому, понимаешь, ежели купцы сюда не допрут, то все мы с сумой в странствующие, значит, по миру пойдем. Кроме того, рыцари храбрые и боевитые, понимаешь, но только когда на коне. Под землю такой не полезет! Сверх же того они доро...

Катильон осекся и замолчал. Лицо у него было как у человека, которому – ежели нет бороды – не во что плюнуть. И который очень об этом сожалеет.

– Дорого берут, – закончил Геральт, даже без особого ехидства. – Знай же, добрый человек, я беру дороже. Свободный рынок. И свободная конкуренция. Ибо я, если уж мы шлепнем контракт, сойду с коня и полезу под землю. Обдумайте это. Но не очень тяните-то, потому что я в Туссенте долго не задержусь.

– Ты меня поражаешь, – сказал Регис, как только управляющий ушел. – В тебе неожиданно воспрял ведьмак? Заключаешь сделки? Берешься за чудовищ?

– Да я и сам удивлен, – честно признался Геральт. – Отреагировал как-то автоматически, меня словно подтолкнуло что-то. Откажусь. Любую предложенную сумму я могу счесть недостаточно высокой. Всегда. Вернемся к нашей беседе...

– Погоди. – Вампир указал взглядом на дорожку. – Что-то мне подсказывает, что к тебе спешит очередной клиент.

Геральт мысленно выругался. По обрамленной кипарисами аллейке к ним шли два рыцаря. Первого он узнал сразу, огромную бычью голову на снежно-белом поле невозможно было перепутать ни с чем другим. Второй рыцарь, высокий, седовласый, с благородно-угловатой физиономией, словно высеченной из гранита, был обладателем голубой туники и одной трети золотого креста, усеянного лилиями.

Остановившись в положенных по этикету двух шагах, рыцари поклонились. Геральт и Регис ответили поклонами, после чего все четверо выдержали установленное рыцарским регламентом молчание, имеющее длиться десять ударов сердца.

– Позвольте представить, – пробасил Бычья Голова, – барон Пальмерин де Лонфаль. Меня, как, возможно, господа помнят, зовут...

– Барон де Пейрак-Пейран. Как можно забыть!

– У нас дело к господину ведьмаку, – перешел к сути Пейрак-Пейран. – В разрезе, я бы так выразился, профессиональных проблем.

– Слушаю.

– Лично.

– У меня нет секретов от господина Региса.

– Но у благородных господ они, несомненно, имеются, – улыбнулся вампир. – Поэтому, с вашего позволения, я хотел бы осмотреть вон тот прелестный павильончик, вероятно, храм задумчивости... Господин де Пейрак-Пейран... Господин де Лонфаль...

Они обменялись поклонами.

– Я обращаюсь в слух, – прервал молчание Геральт, и не думая ожидать, пока прозвучит десятый удар сердца.

– Проблема, – Пейрак-Пейран понизил голос до шепота и испуганно оглянулся, – в том суккубе... Ну, в том ночном кошмаре, что посещает... Которого вам княгиня и дамы поручили уничтожить. И сколько же вам за сие убийство обещано?

– Простите, но это профессиональная тайна.

– Разумеется, разумеется, – проговорил Пальмерин де Лонфаль, рыцарь с лилиевым крестом. – Ситуация истинно достойная вашего положения. Истинно. Я серьезно опасаюсь, что пошатну вашу решимость выполнить пожелания дам, но тем не менее, слово чести, предложение внесу. Откажитесь от контракта, господин ведьмак. Не охотьтесь на суккуба, оставьте его в покое. Ничего дамам и княгине не говоря. А мы, господа из Туссента, слово чести, перекроем предложение дам. Удивим вас нашей щедростью.

– Предложение, – холодно сказал ведьмак, – действительно не очень далеко от неуважения.

– Господин Геральт. – Лицо у Пальмерина де Лонфалья было жестким и серьезным. – Я скажу вам, почему мы осмелились на такой шаг. Прошел слух, что вы убиваете исключительно тех чудовищ, кои являются угрозой. Реальной угрозой. Не воображаемой, из невежества или предрассудков родом. Позвольте заметить, что суккуб никому ничем не угрожает и не пакостит. Так, просто посещает в снах... Время от времени... И немного... э-э-э... как бы это сказать, ублажает...

– Но исключительно полнолетних, – быстро добавил Пейрак-Пейран.

– Дамы из Туссента, – сказал Геральт, оглядываясь, – вряд ли обрадуются, узнав о нашем разговоре. Княгиня тоже.

– Полностью с вами согласны, – буркнул Пальмерин де Лонфаль. – Желательна секретность сверх всякой меры. Не следует пробуждать спящих святош...

– Откройте мне счет в одном из местных краснолюдских банков, – медленно и тихо сказал Геральт. – И поразите меня своей щедростью. Предупреждаю, поразить меня не просто.

– И все же мы постараемся, – гордо пообещал Пейрак-Пейран.

Они обменялись прощальными поклонами.

Вернулся Регис, который, конечно, все слышал своим вампирьим слухом.

– Теперь, – сказал он не улыбаясь, – ты, конечно, тоже можешь утверждать, что это был невольный рефлекс и необъяснимый импульс. Но объяснить, откуда взялся новый банковский счет, тебе будет трудновато.

Геральт глядел куда-то ввысь, более того, поверх крон кипарисов.

– Кто знает, – сказал он, – может, все-таки мы проведем здесь несколько дней. А с учетом Мильвовых ребер, может быть, даже больше, чем несколько. Может, несколько недель. Ведь не помешает обрести на это время финансовую независимость?

– Так вот откуда у тебя счет у Чианфанелли, – покачал головой Рейнарт де Буа-Фресне. – Ну-ну. Если б княгиня узнала, были бы точно смены в должностях, была бы новая раздача патентов. Ха, возможно, и я бы маленько подрос? Чес-слово, жаль, что у человека нет задатков к доносительству. А теперь расскажи об известном выпивоне, на который я так рассчитывал. Мне так хотелось побывать на том пиру, поесть и попить. А меня выслали на границу, на вышку, в холод и собачью пургу. Эх, холя-холя, рыцарская доля...

– Великому и шумно разрекламированному пиру, – начал Геральт, – предшествовала серьезная подготовка. Надо было отыскать Мильву, прятавшуюся в конюшнях, надо было убедить ее, что от ее участия в банкете зависит судьба Цири и чуть ли не всего мира. Надо было почти что силой натянуть на нее платье. Потом заставить Ангулему поклясться, что она поведет себя как подобает даме и уж обязательно постарается избегать слов «курва» и «жопа». Когда наконец мы всего этого добились и уже намеревались было взяться за вино, появился камергер ле Гофф, маршал двора, пуще прежнего воняющий глазурью и надутый как свиной пузырь.

– В данных циркумстанциях[64] я вынужден пояснить, – загундосил камергер ле Гофф, – что за столом ее милости нет мест первых и последних, никто не может обижаться на то, что ему предназначено положение за столом, кое покажется ему ниже его достоинства. Однако же мы здесь, в Туссенте, строго блюдем и чтим давние традиции и обычаи и придерживаемся обсерванции[65]. В соответствии же с оными обычаями, традициями и...

– Переходите, милостивый государь, к делу.

– Пиршество назначено на завтра. Мне надобно рассадить гостей в соответствии с честью и рангом.

– Ясно, – серьезно проговорил ведьмак. – Значится, так: самый достойнейший из нас, как рангом, так и честью, – Лютик.

– Господин виконт Юлиан, – произнес камергер, задрав нос, – являет себя гостем экстраординарно почетным. И как таковой одесную ее милости усажен будет.

– Ясно, – повторил ведьмак, серьезный как сама смерть. – А относительно нас... виконт не пояснил, у кого ранг, титул и честь, в смысле – достоинства каковы?

– Пояснил лишь, – кашлянул камергер, – что ваши милости пребывают здесь инкогнито с рыцарской миссией, деталей каковой, как и истинных имен, гербов и титулов, выдавать вам

нет возможности, ибо того не допускают ваши обеты.

– Именно так оно и есть. Тогда в чем же проблема?

– В том-то и проблема, чтобы правильно рассадить гостей! Вы – гости, к тому же соратники господина виконта, стало быть, мне должно усадить вас ближе к голове стола... Промеж баронов. Но ведь не может быть, чтобы все вы, ваши милости и господа, оказались ровней, ибо так никогда не бывает, поскольку быть не может, чтобы все, повторяю, ровней были. Ежели кто из вас рангом либо родом выше, то должен при верхнем столе сидеть, при княгине...

– Он, – ведьмак не колеблясь указал на вампира, который неподалеку в задумчивости любовался занимающим чуть ли не всю стену гобеленом, – граф. Но об этом – ша! Это тайна, покрытая мраком веков.

– Понял! – Камергер чуть не захлебнулся от восторга. – В данных циркумстанциях... Я усажу его одесную графини Ноттурн и благородно урожденной тетушки господа, то бишь ее светлости княгини.

– Не пожалеете ни вы, ни благородно урожденная тетушка. – У Геральта было совершенно каменное лицо. – Равных ему нет ни в смысле обычаев, ни в искусстве конверсации[66].

– Безмерно рад слышать. Вы же, милсдарь из Ривии, усядетесь рядом с почтенной госпожой Фрингильей. Такова традиция. Вы несли ее к бочке, вы... хм-м-м... ее рыцарь как бы...

– Понятно.

– Ну и славно. Ах, господин граф...

– Слушаю, – удивился вампир, который как раз отошел от гобелена, изображающего битву гигантов с циклопами.

– Нет-нет, ничего, – улыбнулся Геральт. – Мы просто беседуем.

– Ага, – кивнул Регис. – Не знаю, заметили ли вы, господа... Но у этого циклопа на гобелене, о, вон у того с пальцами... Гляньте на пальцы его ног. У него, я не боюсь это сказать, две левые ноги.

– Да-да, – без тени удивления подтвердил камергер ле Гофф. – Таких гобеленов в Боклере множество. Умелец, который их ткал, был истинным мастером своего дела, но страшно много... э... пил. Служитель муз, сами понимаете, господа...

– Нам пора, – проговорил ведьмак, избегая взгляда разгоряченных вином девушек из-за соседнего стола, за которым занимались ворожбой. – Собираемся, Рейнарт. Расплачиваемся и на лошадей – едем в Боклер.

– Знаю, куда тебе невтерпех, – оскалился в ухмылке рыцарь. – Не бойсь, твоя зеленоглазая ждет. Только что пробило полночь. Расскажи, как пир прошел?

– Расскажу и едем.

– И едем.

Вид установленных гигантской подковой столов однозначно говорил о том, что осень подходит к концу и дело идет к зиме. Меж громоздящихся на тарелках, подносах и блюдах кушаний особое место занимала дичь во всех возможных видах и вариантах. Были там огромные кабаны туши, олени окорока и кострецы, самые разнообразные паштеты,

заливные и розовые пластины мяса, по-осеннему украшенные грибами, клюквой, сливовыми повидлами и боярышниковым соусом. Была осенняя птица – тетерева, глухари и фазаны, эффектно поданные с крыльями и хвостами, были запеченные цесарки, перепела и куропатки, читки, бекасы, рябчики и дрозды. Были редкостные деликатесы: дрозды-рябинники, запеченные целиком, без потрошения, поскольку ягоды можжевельника, которыми нафаршировали этих маленьких пичужек, сами по себе создавали соответствующую приправу. Не обошлось и без форели из горных озер, судаков, налимов и щучьей печени. Зеленью разнообразила стол малая валерьяница, позднеосенний салат, который, если возникала такая потребность, можно было выгрести даже из-под снега.

Цветы заменяла омела.

В центре закругления, во главе стола, где восседала княгиня Анарьетта и наиболее уважаемые гости, на огромном серебряном подносе помещалось украшение вечера. Среди трюфелей, вырезанных из моркови цветов, половинок лимонов и артишоковых сердец возлежала гигантская стерлядь, а на ее спинке стояла на одной ноге запеченная целиком цапля с золотым кольцом в поднятом клюве.

– Клянусь цаплей! – воскликнул, поднимая кубок, Пейрак-Пейран, хорошо знакомый ведьмаку барон с бычьей головой в гербе. – Цаплей клянусь защищать рыцарскую честь и честь дома и приношу обет никогда-преникогда никому не уступить поля боя!

Обет наградили громкой овацией. И принялись за еду.

– Клянусь цаплей! – рявкнул другой рыцарь с воинственно торчащими во все стороны метельчатыми усами. – До последней капли крови в жилах своих защищать границы и ее сиятельство Анну Генриетту! А чтобы доказать свою верность, клянусь изобразить на щите цаплю и целый год драться инкогнито, имя свое истинное и герб свой истинный скрывая, а именоваться Рыцарем Белой Цапли! Пью за здоровье ее княжеского сиятельства!

– Здравия! Счастья! Виват! Да здравствует ее милость!

Анарьетта поблагодарила легким кивком головы, украшенной филигранной диадемой. Бриллиантов на княгине было столько, что, даже просто проходя мимо стекла, она могла покрыть его поверхность царапинами. Рядом с княгиней, глуповато улыбаясь, сидел Лютик. Немного поодаль, между двумя матронами, восседал Эмиель Регис, вампир. Одет он был в черный кафтан и выглядел точь-в-точь как положено вампиру. Услуживал матронам и забавлял их конверсацией, они же увлеченно слушали.

Геральт схватил блюдо с заливным судаком, украшенным петрушкой, и подал сидящей по левую сторону Фрингилье Виго, на которой было платье из лилового атласа и невероятно шикарное кольцо из аметистов. Фрингилья, поглядывая на него из-под черных ресниц, подняла кубок и загадочно улыбнулась.

– Твое здоровье, Геральт. Рада, что нас посадили рядышком.

– Не хвали день до захода... – Геральт не закончил и улыбнулся. Настроение у него было в принципе неплохое. – Пир еще только начинается.

– Совсем наоборот. Он уже достаточно затянулся, и пора бы тебе начать делать мне комплименты. Долго я еще буду ждать?

– Ты обворожительно прекрасна.

– Ну, не так уж сразу с места в карьер, – засмеялась она, и ведьмак мог бы поклясться, что сказала она это совершенно искренне. – Страшно подумать, до чего мы можем в таком темпе

дойти к концу возлияния. Начни с... хм... Ну, скажи, что платье я выбрала со вкусом и что лиловый мне к лицу.

– Лиловый цвет тебе к лицу, но, честно говоря, мне ты больше понравилась в белом.

Он заметил в ее изумрудных глазах вызов. И боялся его принять. Уж в таком-то хорошем настроении он все же не был.

Напротив них посадили Кагыра и Мильву. Кагыр сидел между двумя молоденькими и беспрестанно щебечущими дворяночками, кажется, баронессами.

У лучницы в кавалерах оказался пожилой, угрюмый и молчаливый как камень рыцарь с лицом, изъеденным оспинами.

Немного дальше расположилась Ангулема, верховодя и вызывая суматоху среди юных странствующих рыцарей.

– Что такое? – верещала она, поднимая серебряный нож с закругленным концом. – Без острия? Неужто бояться, что мы примемся тыкать друг в друга, или как?

– Такие ножи, – пояснила Фрингилья, – употребляются в Боклере со времен княгини Каролины Роберты, бабки Анны Генриетты. Кароберта прямо-таки из себя выходила, когда во время выпивок гости ковыряли ножами в зубах. А ножом с закругленным концом в зубах не поковыряешь.

– Что верно, то верно, – согласилась Ангулема, шельмовски гримасничая. – К счастью, подали еще и вилки!

Она сделала вид, будто сует вилку в рот, но под грозным взглядом Геральта остановилась. Сидящий по правую руку от нее молодой рыцарь зашелся бараньим фальцетом. Геральт взял тарелку с уткой в желе, подал Фрингилье. Он видел, как Кагыр разрывается на части, выполняя капризы баронессочек, а те глаз с него не сводят. Видел он и то, как юные рыцари увиваются вокруг Ангулемы, наперебой подавая ей кушанья и ржа над ее немудреными шутками.

Он видел, как Мильва крошит хлеб, уставившись взглядом в скатерть.

Фрингилья, казалось, читает его мысли.

– Неудачно попала твоя неразговорчивая подружка, – шепнула она, наклонившись к нему. – Что делать, такое случается, когда распределяют места за столом. Барон де Трастамара не грешит галантностью. И словоохотливостью.

– Может, оно и к лучшему, – тихо ответил Геральт. – Истекающий слюногалантностью дворянин был бы хуже. Я Мильву знаю.

– Ты уверен? – Она быстро взглянула на него. – А не меришь ли ты ее своей собственной меркой? Кстати, достаточно жестокой.

Он не ответил, а вместо этого налил ей вина. И счел, что теперь самое время кое-что выяснить.

– Ты чародейка, верно?

– Верно, – согласилась она, очень умело скрывая удивление. – Как ты догадался?

– Я воспринимаю ауру, – не стал он вдаваться в подробности. – Да и опыт некоторый есть.

– Чтобы все было ясно, – проговорила она через минуту, – я не собираюсь никого вводить в заблуждение. Однако и не обязана громогласно извещать всех о своей профессии или надевать островерхий колпак и черный плащ. Зачем пугать детей? Я имею право на инкогнито. Тоже.

– Не возражаю.

– Я сижу в Боклере, потому что здесь собрана хоть и не самая большая, зато самая богатая библиотека известного мира. Кроме университетской, конечно. Но университеты очень ревностно следят за своими полками, а здесь я – родственница и подруга Анарьетты, и мне дозволено все.

– Можно позавидовать.

– Во время аудиенции Анарьетта намекала на то, что здешние книги могут содержать полезные для тебя сведения. Не удивляйся ее несколько театральной экзальтации. Такова уж она есть. А то, что в книгах ты можешь что-нибудь найти, действительно не исключено. Более того, вполне правдоподобно. Достаточно знать, что искать и где.

– Всего-то?

– Энтузиазм твоих ответов воистину воодушевляет и побуждает к разговору. – Она слегка сощурилась. – Догадываюсь о причине. Ты не доверяешь мне, правда?

– Может, еще по рябиновке?

– Клянусь цаплей! – Молодой рыцарь с конца подковы встал и перевязал себе глаз шарфом, полученным от соседки по столу. – Клянусь не снимать шарфа до тех пор, пока не будут под корень вырублены бандиты с перевала Сервантеса!

Княгиня выразила признательность покровительственным наклоном искрящейся бриллиантами диадемки.

Геральт рассчитывал на то, что Фрингилья не продолжит разговор.

Он ошибся.

– Ты не веришь мне и не доверяешь, – сказала она. – Ты нанес мне вдвойне болезненный удар. Ты не только сомневаешься в том, что я искренне хочу тебе помочь, но к тому же не веришь, что я действительно могу это сделать. Ох, Геральт! Ты за живое задел мое самолюбие и возвышенные стремления.

– Послушай...

– Нет! Не выкручивайся. Терпеть не могу мужчин, которые всячески пытаются вывернуться.

– А каких мужчин терпишь?

Она снова сощурилась, все еще держа нож и вилку в рабочем положении.

– Список длинный. И мне не хочется утомлять себя подробностями. Замечу лишь, что достаточно высоко в нем стоят мужчины, которые ради любимой женщины готовы идти на край света, бесстрашные, рискованные, пренебрегающие опасностями. И не сдающиеся, даже если кажется, что шансов на успех уже нет.

– А остальные пункты списка? – не выдержал он. – Другие мужчины, которые в твоем вкусе? Тоже психи?

– А что есть истинная мужественность, – она кокетливо наклонила голову, – если не смешанные в нужной пропорции класс и сумасбродство.

– Дамы и господа, бароны и рыцари! – громко воскликнул камергер ле Гофф, отрываясь от стула и обеими руками поднимая гигантский кубок. – В данных обстоятельствах я позволю себе произнести тост: за здоровье сиятельнейшей княгини Анны Генриетты!

– Здоровья и счастья!

– Урррра!

– Да здравствует! Виват!

– А теперь, дамы и господа, – камергер поставил кубок, торжественно кивнул лакеям, – теперь... Magna Bestia[67].

На подносе, который четверо прислужников вынуждены были нести на чем-то вроде лектики, въехала в залу гигантская зажаренная туша, наполнив помещение изумительным ароматом.

– Magna Bestia! – грохнули хором пиршествующие. – Урррра!

– Что еще, черт побери, за бестия? – забеспокоилась Ангулема. – Не стану я есть, пока не дознаюсь, что это такое.

– Лось, – пояснил Геральт. – Целиком зажаренный лось.

– И не какой-нибудь там лосишко, – проговорила Мильва, откашлявшись. – В быке было цветаров семь.

– Сохатый. Семь цветаров и сорок пять фунтов[68], – хрипло проговорил сидящий рядом с ней молчаливый барон. Это были первые слова, произнесенные им с начала пиршества.

Может, и стало бы это началом разговора, но лучница покраснела, уткнулась взглядом в скатерть и снова принялась крошить хлеб.

– Уж не вы ли, барон, – спросил Геральт, которого за живое задела слова Фрингильи, – уложили эту громадину?

– Не я, – возразил молчун. – Мой племянник. Отличный стрелок. Но это мужская тема, я бы так сказал... Прошу прощения. К чему утомлять дам?

– А из какого лука? – спросила Мильва, все еще уставившись в скатерть. – Наверняка не слабее, чем из семидесятки.

– Ламинат. Слоями тис, ясень, акация, склеенные жилами, – медленно ответил барон, заметно удивленный. – Двойной гнутый зефар. Семьдесят пять фунтов силы.

– А натяжение?

– Двадцать девять дюймов. – Барон говорил все медленнее, казалось, он выплевывает отдельные слова.

– Действительно, махина, – спокойно сказала Мильва. – Из такого положишь олененка даже за сто шагов. Если стрелок действительно хороший.

– Я, – кашлянул барон, словно немного обиженный, – с четверти сотни шагов попадаю, я бы сказал, в фазана.

– С двадцати-то пяти, – Мильва подняла голову, – я в белку всажу.

Барон, опешив, откашлялся, быстро подставил лучнице еду и напиток.

– Добрый лук, – пробормотал он, – половина успеха. Но не менее важно качество, я бы сказал, стрелы. А также, видишь ли, милсдарыня, по моему мнению, стрела...

– За здоровье ее сиятельства Анны Генриетты! За здоровье виконта Юлиана де Леттенхофа!

– За здравие! Виват!

– ...а она послала его к черту, – завершила очередной нехороший анекдот Ангулема. Юные рыцари зашлись не менее дурашливым хохотом.

Баронесски Келина и Ника слушали Кагыра с открытыми ртами, пылающими очами и горящими огнем щеками. У верхнего стола рассуждениям Региса внимала вся высшая аристократия. До Геральта – даже при его ведьмачьем слухе – доходили сквозь гул лишь отдельные слова, однако он сообразил, что речь идет об упырях, ведьмах, суккубах и вампирах. Регис размахивал серебряной вилкой и доказывал, что наилучшим противоядием «супротив вампиров» является серебро, золотой песок, наилегчайшие прикосновения к коим для вампира абсолютно и несомненно убийственны. «А чеснок?» – выпрашивали дамы. «Чеснок тоже хорошо действует, – соглашался Регис, – но малопривлекателен в общении, поскольку страшно смердит».

Тихо поигрывала на гуслях и дудках капелла на галерейке, похвалялись своим искусством акробаты, жонглеры и огнеглотатели. Утомленный шут пытался смешить, но где уж ему было до Ангулемы. Потом появился медвежатник с медведем, а медведь к общей потехе испугался и наклепал кучу на полу. Ангулема погрузстнела и слегка угасла – с такими конкурентами ей трудно было тягаться.

Остроносая княгиня неожиданно жутко разгневалась. Из-за какого-то случайно брошенного слова кто-то из баронов впал в немилость и под эскортом стражей и лично маршала двора был препровожден в башню. Впрочем, мало кого – кроме самого барона – взволновал этот инцидент.

– Слишком быстро-то ты отсюда не выедешь, маловерный, – проговорила Фрингилья Виго, покачивая кубок. – Хоть с радостью выехал бы прямо сейчас, ничего из этого не получится.

– Снова прошу: не читай у меня в мыслях.

– Прости. Они были такими яркими, что у меня получилось невольно.

– Я слышу это уже не в первый раз.

– Ты даже не представляешь себе, сколько я знаю. Пожалуйста, отведай артишоков, они полезны, хорошо влияют на сердце. Сердце – важный орган у мужчины. Второй по счету, если говорить о значимости.

– Я думал, самое важное – класс и сумасбродство.

– Достоинствам духа должно идти в паре с достоинствами тела. Это обеспечивает совершенство.

– Совершенных не бывает.

– Это не аргумент. Надо стараться. Знаешь что? Пожалуй, попрошу: подай-ка мне рябчика.

Она рассекла птицу на блюде так быстро и резко, что ведьмак даже дрогнул.

– Так быстро ты отсюда не уедешь, – повторила она. – Во-первых, в этом нет никакой нужды. Тебе ничто не угрожает.

– Ну ничегошеньки, действительно, – не выдержал он. – Нильфгаардцы перепугаются строгой ноты, отправленной княжеской канцелярией. А если даже вдруг возьмут да рискнут напасть, то их турнут отсюда поклявшиеся цаплей странствующие рыцари с шарфами на глазах.

– Тебе ничто не грозит, – повторила она, не обращая внимания на сарказм. – Туссент повсеместно считается сказочным княжеством, смешным и нереальным, кроме того, вследствие специфичности винной продукции, пребывающим в состоянии перманентного опьянения и неизменного вакхического веселья. Как таковое, никто его не воспринимает всерьез, но тем не менее оно пользуется определенными привилегиями. В конце концов, Туссент поставляет вина, а без вин, каждому известно, нет жизни. Поэтому в Туссенте не действуют никакие агенты, шпионы или тайные службы. И ему не нужна армия, вполне достаточно странствующих рыцарей с перевязанными глазами. Никто не нападет на Туссент. По твоей mine вижу, что я не до конца тебя убедила?

– Скажем так: не до самого.

– А жаль, – сощурилась Фрингиля. – Люблю, чтобы доходило до конца. Не переношу, когда не получается или получается наполовину. И недосказанностей тоже не люблю. Фулько Артевельде, префект из Ридбруна, считает, что ты – покойник, беглецы донесли ему, что друидки всех вас спалили живьем. Фулько делает что может, лишь бы прикрыть эту неприятную историю, носящую явные признаки скандала. Впрочем, тут у него свой интерес и собственная карьера. Даже если до него дойдет, что ты жив-живехонек, будет поздно. Версия, которую он привел в рапортах, уже будет считаться канонической.

– А ты многое знаешь.

– Я никогда этого не скрывала. Так что аргумент, касающийся нильфгаардской погони, отпадает. А других, которые оправдывали бы твой скорый отъезд, попросту нет.

– Интересно...

– Но реально. Из Туссента можно выехать через четыре перевала, ведущих на четыре стороны света. Какой выбираешь? Друидки не сказали тебе ничего и отказались сотрудничать. Эльф с гор исчез.

– Слушай, а ты и верно многое знаешь.

– Это мы уже установили.

– И жаждешь мне помочь.

– А ты от моей помощи отказываешься. Не веришь в искренность моих намерений. Не доверяешь мне.

– Послушай, я...

– Перестань объясняться. Откушай еще артишоков.

Кто-то снова клялся цаплей. Кагыр источал комплименты баронессочкам, подвыпившую Ангулему слышно было на весь стол. Молчаливый барон, оживленный дискуссией о луках и стрелах, начал чуть ли не ухаживать за Мильвой.

– Изволь отвесть кабаньей ветчинки. Эх, я бы сказал... Есть в моих владениях такие кабаны места, где от зверя не продохнуть. Они там прямо-таки ордами валандаются...

– О!

– Там попадаются преотменные экземпляры. Цетнара по три штука. Сезон в разгаре... Если б милостивая государыня изъявила желание... Мы могли бы, я б так сказал, совместно на охоту...

– Мы тут, понимаете, так-то долго уж не засидимся. – Мильва странно просительно глянула на Геральта. – Потому как, с вашего позволения, у нас есть дела поважнее, чем нежели, значит, охота... Хотя, – добавила она быстро, видя, что барон хмурится, – с величайшим желанием я с вашей милостью на черного бы зверя пошла...

Изрытое оспинами лицо барона тут же пошло красными пятнами.

– Ну, если не на охоту, то хоть бы к себе приглашаю. Я бы так сказал – в резиденцию. Покажу свои коллекции лосиных и оленьих рогов, трубки и сабли.

Мильва уставилась в скатерть.

Барон схватил поднос с дроздами-рябинниками, подал ей, потом наполнил кубок вином и сказал:

– Прошу прощения, я не придворный. Веселить не обучен. Да и с придворной болтовней у меня не шибко...

– Я, – откашлялась Мильва, – в лесу воспитывалась. Умею ценить тишину.

Фрингилья отыскала под столом руку Геральта и крепко пожала. Геральт глянул ей в глаза. И не мог угадать, что в них таится.

– Я тебе доверяю, – сказал он. – Верю в искренность твоих намерений.

– Не лжешь?

– Клянусь цаплей.

Городской стражник, видимо, по случаю Йуле, здорово набрался, поскольку перемещался неуверенно, задевал алебардой вывески и громко, но бестолково вещал, что уже десятый час, хотя в действительности было далеко за полночь.

– Поезжай в Боклер один, – неожиданно сказал Рейнарт де Буа-Фресне, как только они вышли из кабака. – Я останусь в городе. До утра. Пока, ведьмак.

Геральт знал, что у рыцаря в городе есть дружески к нему расположенная дама, муж которой много разъезжал по делам. Они не разговаривали об этом никогда, поскольку о таких вещах настоящие мужчины не болтают.

– Пока, Рейнарт. Позаботься о скоффине. Чтобы не протух.

– На улице мороз.

Действительно, стоял мороз. Улочки были мрачны и пустынные. Лунный свет лился на крыши, бриллиантово блестел на свисающих с застрех ледяных сосульках, но не проникал в глубину переулков. Подковы Плотвы цокали по брусчатке.

«Плотва, – подумал ведьмак, – направляется к дворцу Боклер. Хорошая гнедушка! Ценный

подарок от Анны Генриетты и Лютика».

Он подогнал лошадь.

Он торопился.

После торжества все встретились за завтраком, к которому привыкли спускаться в дворцовую кухню. Там, неизвестно почему, их всегда принимали с удовольствием. Обязательно находилось что-нибудь тепленькое, прямо из горшка, со сковороды или с вертела, всегда отыскивался хлеб, сало, корейка и соленые рыжики. Никогда не было нехватки в кувшине-двух какого-нибудь белого или красного продукта знаменитых местных виноградников.

Они всегда ходили туда. Две проведенные в Боклере недели. Регис, Геральт, Кагыр, Ангулема и Мильва. Только Лютик завтракал в другом месте.

– Ему, – комментировала Ангулема, намазывая хлеб маслом, – сало с ошурками[69] приносят прямо в лежанку! И низко кланяются!

Геральт был склонен верить, что так оно и есть. И именно сегодня решил удостовериться лично.

Лютика он нашел в рыцарской зале. На голове у поэта красовался карминовый берет, огромный как буханка пеклеванного хлеба, сам «виконт» был облачен в выдержанный в соответствующих тонах богато расшитый золотой нитью дублет. Бард сидел на карле с лютней на колене и небрежными кивками реагировал на комплименты окружающих дам.

Анны Генриетты, к счастью, на горизонте не наблюдалось. Геральт не колеблясь нарушил протокол и смело приступил к акции. Лютик заметил его тут же.

– Соблаговолите оставить нас одних, ваши милости. – Он напыжился и истинно по-королевски махнул рукой. – Слуги пусть также удалятся.

Окружающие зааплодировали, и не успело еще эхо аплодисментов заглухнуть, как они оказались в рыцарской зале наедине с латами, картинами, паноплиями[70] и сильным запахом пудры, оставшимся после дам.

– Шикарная забава, – оценил без излишнего ехидства Геральт, – так вот запросто выгнать их, а? Надо думать, приятно отдавать приказы монаршьим мановением бровей, одним хлопком, единым властным жестом? Глядеть, как пятятся словно раки, сгибаясь перед тобой в поклонах? Шикарная забава? А? Милостивый государь фаворит?

– Тебя интересует что-то конкретное? – поморщившись, кисло спросил Лютик. – Или просто потрепаться приспичило?

– Меня сильно интересует нечто вполне конкретное. Настолько сильно, что сильнее не бывает.

– Так говори. Я слушаю.

– Нам нужны верховые лошади. Три. Мне, Кагыру и Ангулеме. И две запасные. Итого три хорошие верховые плюс две под багаж. Под багаж в крайнем случае сгодятся мулы, груженные провиантом и фуражом. Настолько, думаю, твоя княгиня тебя оценивает? Э? Это ты у нее отработал, надеюсь?

– Никаких проблем. – Лютик, не глядя на Геральта, принялся настраивать лютню. – Меня только удивляет твоя поспешность. Я бы сказал, она удивляет меня столь же сильно, сколь и

твой глуповатый и неуместный сарказм.

– Тебя удивляет поспешность?

– Именно. Октябрь кончается, погода заметно портится. В любой день на перевалах может выпасть снег.

– А тебя, значит, удивляет поспешность, – покачал головой ведьмак. – Кстати, хорошо, что напомнил. Обеспечь нас еще теплой одеждой. Шубами.

– Я думал, – медленно проговорил Лютик, – что мы переждем здесь зиму. Что останемся здесь...

– Если хочешь, – не задумываясь, бросил Геральт, – останься.

– Хочу. – Лютик неожиданно встал, отложил лютню. – И остаюсь.

Ведьмак громко втянул воздух. Помолчал. Он смотрел на гобелен, на котором была изображена битва титана с драконом. Титан, твердо стоя на двух левых ногах, пытался выломать у дракона челюсть, а дракон, насколько можно было понять, особой радости от этого не испытывал.

– Я остаюсь, – повторил Лютик. – Я люблю Анарьетту. И она любит меня.

Геральт хранил молчание.

– Вы получите еще одну лошадь, – молвил поэт. – Для тебя я прикажу подобрать породистую кобылку – по имени Плотва, разумеется. Вы будете накормлены, обуты и тепло одеты. Но я от души советую подождать до весны. Анарьетта...

– Правильно ли я расслышал? – Ведьмак наконец прокашлялся. – Уж не обманывает ли меня слух?

– Разум у тебя притупился несомненно, – буркнул трубадур. – Что касается других органов чувств, не знаю. Повторяю: мы любим друг друга, Анарьетта и я. Я остаюсь в Туссенте. С ней.

– В качестве кого? Фаворита? Любовника? А может, князя-консорта?

– Формально-правовой статус мне в принципе безразличен, – честно признался Лютик. – Но исключать нельзя ничего. Супружества тоже.

Геральт снова помолчал, любуясь борьбой титана с драконом.

– Лютик, – сказал он наконец. – Если ты пил, то трезвей поскорее. Если не пил, напейся. Тогда и поговорим.

– Я не очень понимаю, – поморщился Лютик, – что тебя так волнует?

– А ты подумай малость.

– В чем дело? Тебя так взволновала моя связь с Анарьеттой? Быть может, ты намерен воззвать к моему рассудку? Перестань. Я все продумал. Анарьетта меня любит...

– А тебе знакома, – прервал Геральт, – такая поговорка: княжья милость на пестрых конях ездит? Даже если твоя Анарьетта не легкомысленна, а таковой она мне, прости за откровенность, кажется, то...

– То что?

– А то, что лишь в сказках княгини связываются с музыкантами и... свинопасами.

– Во-первых, – надулся Лютик, – даже такой простак, как ты, должен был слышать о морганатических браках. Привести тебе примеры из древней и новейшей истории? Не надо? Во-вторых, тебя, вероятно, это удивит, но я вовсе не из последних простолюдинов. Мой род де Леттенхоф идет от...

– Слушаю я тебя, – снова прервал Геральт, уже готовый вспылить, – и удивляюсь. Неужто это мой друг Лютик? Неужто мой друг Лютик и вправду лишился разума? Неужто тот самый Лютик, которого я всегда знал и считал реалистом, ни с того ни с сего погрузился в мир иллюзий и там обретается? Раскрой глаза, кретин!

– Ага, – медленно проговорил Лютик, кривя губы. – Какая любопытная перемена ролей. Я – слепец, а ты вдруг стал остроглазым и прытким наблюдателем. Обычно бывало наоборот. И чего же, хотелось бы узнать, я не замечаю из того, что столь очевидно для тебя? Э? На что я должен, по-твоему, раскрыть глаза?

– А хоть бы и на то, – процедил ведьмак, – что твоя княгиня – балованный ребенок, из которого выросла избалованная нахалка и буффонка. На то, что она допустила тебя к своим прелестям, увлеченная новизной, и ты незамедлительно вылетишь в трубу, как только явится новый трубадур с новым и более увлекательным репертуаром.

– Невероятно низко и вульгарно то, что ты говоришь. Надеюсь, ты осознаешь это?

– Я сознаю трагедию отсутствия у тебя признаков сознания. Ты сумасшедший, Лютик.

Поэт молчал, поглаживая гриф лютни. Прошло время, прежде чем он заговорил. Медленно и раздумчиво.

– Мы отправились из Брокилона с сумасшедшей миссией. Идя на сумасшедший риск, мы кинулись в сумасшедшую и лишенную малейших шансов на успех погоню за миражем. За призраком, сонным видением, за сумасшедшей мечтой, за абсолютно невоплотимыми идеалами. Мы кинулись в погоню, как глупцы, как психи. Но я, Геральт, не произнес ни слова жалобы. Не называл тебя сумасшедшим, не высмеивал. Потому что в тебе жили надежда и любовь. Они руководили тобой в этой сумасбродной эскападе. Впрочем, мною тоже. Но я уже догнал свой мираж, и мне не просто повезло, что сон осуществился, а мечта исполнилась. Моя миссия закончена. Я нашел то, что так трудно найти. И намерен сохранить что нашел. И это – сумасшествие? Сумасшествием было бы, если б я отринул это и выпустил из рук.

Геральт молчал столь же долго, как и Лютик. Наконец сказал:

– Чистая поэзия. А в этом с тобой состязаться трудно. Больше я не произнесу ни слова. Ты выбил у меня из рук аргументы. С помощью, согласен, не менее, а может быть, и более точных и весомых аргументов. Бывай, Лютик.

– Бывай, Геральт.

Дворцовая библиотека действительно была огромна. Зал, в котором она размещалась, по меньшей мере двукратно превышал размерами зал рыцарский. И у нее был стеклянный потолок. Благодаря чему было светло. Однако Геральт подозревал, что из-за этого летом здесь бывает чертовски жарко.

Проходы между шкафами и стеллажами были узенькими и тесными. Он шел осторожно, чтобы не скинуть книги. Приходилось переступать через фолианты, валявшиеся на полу.

– Я здесь, – услышал он.

Середина библиотеки тонула в книгах, сложенных в кучи и пирамиды. Многие валялись совершенно хаотично, поодиночке либо живописными кучами.

– Здесь я, Геральт.

Он углубился в межкнижные каньоны и ущелья. И нашел ее. Она стояла на коленях посреди разбросанных инкунабул, листая их и приводя в относительный порядок. На ней было скромное серое платье, для удобства немного подтянутое вверх. Геральт отметил, что картина сия невероятно привлекательна.

– Не возмущайся здешним разгардешем, – сказала она, отирая лоб предплечьем, потому что на руках у нее были грязные от пыли, тонкие шелковые перчатки. – Здесь сейчас проводится инвентаризация и каталогизирование. Но по моей просьбе работы прервали, чтобы я могла побыть в библиотеке одна. Когда я работаю, терпеть не могу, чтобы посторонние дышали мне в затылок.

– Прости. Мне уйти?

– Ты не посторонний. – Она слегка сощурила зеленые глаза. – Твой взгляд... доставляет мне удовольствие. Не стой так. Садись сюда, на книги.

Он присел на «Описание мира», изданное in folio.

– Этот ералаш, – Фрингилья широким жестом повела вокруг, – неожиданно облегчил мне работу. Мне удалось добраться до книг, которые обычно лежат где-то на дне, под опоклой. Которую нельзя тронуть.

Княгинины библиотекари титаническими усилиями разобрали завалы, благодаря чему дневной свет узрели некоторые жемчужины письменности, самые настоящие белые вороны.

– Взгляни. Ты когда-нибудь видел что-нибудь подобное?

– «Speculum Aureum»[71]? Видел.

– Совсем забыла. Прости. Ты многое повидал. Предполагалось, что это комплимент, а не сарказм. А кинь взгляд сюда. Это «Gesta Regum»[72]. С нее мы и начнем, чтобы ты понял, что такое твоя Цири в действительности, чья кровь течет в ее жилах... Мина у тебя еще более кислая, чем обычно, знаешь? В чем причина?

– В Лютике.

– Расскажи.

Фрингилья слушала, сидя на стопке книг и положив ногу на ногу.

– Ну что ж, – вздохнула она, когда он окончил. – Признаюсь, я ожидала чего-то подобного. У Анарьетты, я давно заметила, просматриваются симптомы влюбленности.

– Влюбленности? – прыснул ведьмак. – Или великобарской фанаберии?

– Ты, – она пронизательно глянула на него, – похоже, не веришь в искреннюю и чистую любовь?

– Как раз о моей-то вере, – отрезал он, – дебатировать нечего. Она никакого отношения ко всему сказанному не имеет. Речь идет о Лютике и его глу...

Он осекся, неожиданно потеряв уверенность.

– С любовью, – медленно проговорила Фрингилья, – все обстоит так же, как с почечными коликами. Пока не схватит, даже не представляешь себе, что это такое. А когда об этом рассказывают – не веришь.

– Что-то в этом есть, – согласился ведьмак. – Но есть и различия. От почечных колик рассудок не спасает. И их не лечит.

– Любовь смеется над рассудком. И в этом ее притягательная сила и прелесть.

– Скорее глупость.

Фрингилья встала, подошла к нему, стянула перчатки. Ее глаза под сенью ресниц были темными и глубокими. От нее исходил запах амбры, роз, библиотечной пыли, истлевших бумаг, свинцового сурика и типографской краски, порошка чернильного орешка, стрихнина, которым пытались травить библиотечных мышей. У этого запаха было мало общего с афродизиями. Тем удивительнее, что он действовал.

– Ты не веришь, – сказала она изменившимся голосом, – в неожиданный импульс? В бурное притяжение? В столкновение летящих по пересекающимся траекториям болидов? В катаклизм?

Она протянула руки, коснулась его плеч. Он коснулся ее плеч. Их лица сближались, пока еще медленно, чутко и напряженно, губы соприкасались осторожно и нежно, как будто боялись спугнуть какое-то очень-очень настороженное существо.

А потом болиды столкнулись, и произошел взрыв. Катаклизм.

Они упали на кучу фолиантов, разъехавшихся под их тяжестью во все стороны. Геральт уткнулся носом в декольте Фрингильи, крепко обнял ее и схватил за колени. Подтянуть ее платье выше талии мешали разные книги, в том числе полные искусно выполненных вензелей и украшений «Жития пророков», а также «De haemorrhoidibus»[73], интересный, хоть и противоречивый медицинский трактат. Ведьмак отпихнул огромные тома в сторону, нетерпеливо рванул платье. Фрингилья охотно приподняла бедра.

Что-то упиралось ей в плечо. Она повернула голову. «Искусство акушерской науки для женщин». Быстро, чтобы не будить лиха, она глянула в противоположную сторону. «О горячих сероводородных водах». Действительно, становилось все горячее. Краешком глаза она видела фронтиспис раскрытой книги, на которой возлежала ее голова. «Заметки о кончине неминуемой». «Еще того не лучше», – подумала она.

Ведьмак расправлялся с ее трусиками. Она приподнимала бедра, но на этот раз чуть-чуть, так, чтобы это выглядело случайным движением, а не оказанием помощи. Она не знала его, не знала, как он реагирует на женщин. Не предпочитает ли тех, которые прикидываются, будто не знают, чего от них ждут, тем, которые знают. И не проходит ли у него желание, если трусики снимаются с трудом.

Однако никаких признаков потери желания ведьмак не проявлял. Можно сказать, совсем наоборот. Видя, что время не ждет, Фрингилья жадно и широко развела ноги, перевернув при этом кучу уложенных один на один свитков, которые тут же лавиной низверглись на них. Оправленное с тисненую кожу «Ипотечное право» уперлось ей в ягодницу, а украшенный латунной оковкой «Codex diplomaticus»[74] – в кисть Геральту. Геральт мгновенно оценил и использовал ситуацию: подsunул огромный томище туда, куда следовало, Фрингилья пискнула: оковка оказалась холодной. Но только какое-то мгновение.

Она громко вздохнула, отпустила волосы ведьмака и обеими руками ухватилась за книги.левой – за «Начертательную геометрию», правой – за «Заметки о гадах и пресмыкающихся». Державший ее за бедра Геральт случайным пинком повалил очередную кипу книг, однако был слишком увлечен, чтобы обращать внимание на сползающие по его ноге фолианты. Фрингилья спазматически постанывала, задевая головой страницы «Заметок о кончине...».

Книги с шелестом сдвигались, в носу свербило от резкого запаха слежавшейся пыли.

Фрингилья крикнула. Ведьмак этого не слышал, поскольку она сжала ноги у него на ушах. Он скинул с себя мешающую действовать «Историю войн» и «Журнал всяческих наук, для счастливой жизни потребных». Нетерпеливо воюя с пуговками и крючками верхней части платья, он перемещался с юга на север, произвольно читая надписи на обложках, корешках, фронтисписах и титульных страницах. Под талией Фрингильи – «Идеальный садовод». Под мышкой, неподалеку от маленькой, прелестной, призывно торчащей грудки, – «О солтысах бесполезных и строптивых». Под локтем – «Экономия, или Простые указания, как создавать, разделять и использовать богатства».

«Заметки о кончине неминуемой» он уже прочитал, прильнул губами к ее шее, а руками находясь вблизи «Солтысов...». Фрингилья издала странный звук: то ли крик, то ли стон, то ли вздох... Отнести его к какой-либо определенной разновидности восклицаний было сложно.

Стеллажи задрожали, стопки книг закачались и рухнули, повалившись словно скалы-останцы после крупного землетрясения. Фрингилья крикнула снова. На сей раз с грохотом свалилось первое издание «De larvis scenicis et figuris comicis»[75] – истинная белая ворона, за нею рухнул «Перечень общих команд для кавалерии», потянув за собой украшенную прелестными гравюрами «Геральдику» Иоанна Аттрейского. Ведьмак охнул, пинком вытянутой ноги свалив новые тома. Фрингилья опять крикнула, громко и протяжно, свалила каблуком «Размышления или медитации на дни все всего года», интересное анонимное произведение, которое неведомо как оказалось на спине у Геральта. Геральт подрагивал и читал ее поверх плеч Фрингильи, невольно узнавая, что «Замечания...» написал доктор Альбертус Ривус, издала Цинтрийская академия, а отпечатал мэтр-типограф Иоганн Фробен-младший на втором году царствования его величества короля Корбетта.

Воцарившуюся тишину нарушал только шорох сползающих книг и переворачивающихся страниц.

«Что делать, – думала Фрингилья, ленивыми движениями руки касаясь бока Геральта и твердого уголка «Размышлений о природе вещей». – Предложить самой? Или ждать, пока предложит он? Только б не подумал, что я робкая... или нескромная...

А как повести себя, если предложит он?»

– Пойдем и поищем какую-нибудь постель, – предложил немного хрипловато ведьмак. – Нельзя так безобразно обращаться с книгами – источником знания.

«Тогда мы отыскиали постель, – вспоминал Геральт, пуская Плотву в галоп по парковой аллее. – Постель в ее комнате, в ее алькове. Мы отдавались любви, будто помешанные, ненасытно, жадно, алчно, словно после многих лет воздержания. Как бы про запас, так, будто воздержание снова грозило нам.

Мы поведали друг другу многое. Поверяли весьма тривиальные истины. Изливали прекраснейшую ложь. Но ложь эта, хоть и была ложью, говорила не для обмана».

Возбужденный галопом, он направил Плотву прямо на присыпанную снегом клумбу роз и заставил лошадь перепрыгнуть ее.

«Мы любили. И говорили. И наша ложь была все прекраснее. И все лживее.

Два месяца. От октября по Йуле.

Два месяца сумасшедшей, самозабвенной, ненасытной, бурной любви».

Подковы Плотвы зацокали по плитам двора дворца Боклер.

Быстро и бесшестно прошел он по коридорам. Никто не видел, никто не слышал его. Ни стражи с алебардами, убивающие скуку дежурства болтовней и сплетнями, ни кемарящие лакеи и пажи. Не дрогнули даже огоньки свечей, когда он проходил мимо канделябров.

Он был недалеко от дворцовой кухни. Но не вошел туда. Не присоединился к компании, которая там управлялась с бочонками и чем-то жареным. Постоял в тени, послушал.

Говорила Ангулема.

– Это какое-то прям, курва ее мать, зачарованное место, весь ихний Туссент. Какое-то заклятие висит над всей тутошной долиной. А уж над дворцом-то и подавно. Меня удивлял Лютик, поражал ведьмак, но теперь меня и саму чего-то томит под животом... Тьфу ты, я поймала себя на том, что... что там говорить. Послушайте, уезжать отсюда надо. И как можно скорее.

– Скажи это Геральту, – пробурчала Мильва. – Ты ему это скажи.

– Верно, поговори с ним, – сказал Кагыр довольно саркастически. – В одну из тех кратких минут, когда его удастся поймать. В перерыве между чародейкой и охотой на чудовищ. Между обоими занятиями, которыми он вот уже два месяца забивает время, чтобы забыть...

– Тебя и самого-то, – отмахнулась Ангулема, – поймать можно в основном в парке, где ты играешь в серсо со своими мазельками-баронессочками. Эх, да что там, зачарованное это место, весь тутошний Туссент. Регис по ночам куда-то исчезает, у тетечки – рябомордый барон...

– Заткнись, девчонка! И перестань называть меня тетечкой!

– Но-но, – примирительно встрял Регис. – Девочки, прекратите. Мильва, Ангулема. Да восторжествует согласие. Ибо согласие возводит, несогласие разрушает. Как говаривает ее милость Лютикова княгиня, владычица сей страны, дворца, хлеба, масла и огурчиков. Кому еще налить?

Мильва тяжело вздохнула.

– Слишком долго мы тут сидим. Слишком длинно, говорю, сидим тут в праздности. Дуреет из-за этого.

– Хорошо сказано, – проговорил Кагыр. – Очень хорошо сказано.

Геральт осторожно ретировался. Бесшестно. Как летучая мышь.

Быстро и бесшестно прошел он по коридорам. Никто не видел, никто не слышал его. Ни стражи, ни лакеи, ни пажи. Не дрогнули даже огоньки свечей, когда он проходил мимо канделябров. Крысы слышали, поднимали усаые мордочки, становились столбиками. Но не пугались. Они его знали.

Он ходил здесь часто.

В алькове витал аромат очарования и волшебства, амбры, роз и женского сна. Но Фрингиля

не спала.

Она присела на постели, откинула одеяло, своим видом околдовывая его и овладевая им.

– Наконец-то ты здесь, – сказала она, потягиваясь. – Ты непростительно забываешь обо мне, ведьмак. Раздевайся и быстренько сюда. Быстро, как можно быстрее.

Быстро и бесшелестно прошла она по коридорам. Никто не видел, никто не слышал ее. Ни стражи, лениво сплетничающие на посту, ни кемарящие лакеи и пажи. Не дрогнули даже огоньки свечей, когда она проходила мимо канделябров. Крысы слышали. Поднимали усатые мордочки, становились столбиком, следили за ней черными бусинками глаз. Но не пугались. Они ее знали.

Она ходила здесь часто.

Был во дворце Боклер коридор, а в конце коридора комната, о существовании которой не знал никто. Ни нынешняя владелица замка, княгиня Анарьетта, ни самая первая владелица, прапрабабка Анарьетты, княгиня Адемарта, ни капитально перестраивавший замок архитектор, знаменитый Петр Фарамонд, ни работавшие в соответствии с проектом и указаниями Фарамонда каменщики. Да что там, даже сам камергер ле Гофф, который, как считалось, знал в Боклере все, не знал о существовании коридора и комнаты.

Коридор и комната, замаскированные сильнейшей иллюзией, были известны исключительно первоначальным конструкторам замка – эльфам. Позже, когда эльфов уже не было, а Туссент стал княжеством, – немногочисленной группе чародеев, связанных с княжеским домом. В частности, Арториусу Виго, магистру магических тайн, крупному специалисту в области иллюзий. И его юной племяннице Фрингилье, обладавшей особым даром иллюзионистки.

Быстро и бесшелестно пройдя по коридорам дворца Боклер, Фрингилья Виго остановилась перед участком стены между двумя колоннами, украшенными листовным аканфом. Тихо произнесенное заклинание и быстрый жест заставили стену – которая была иллюзией – исчезнуть, приоткрыв коридор. Казалось, глухой. Однако в конце коридора были задрапированные иллюзией двери. И за ними – темная комната.

Войдя в комнату, Фрингилья, не теряя времени, запустила телекоммуникатор. Овальное зеркало помутнело, потом разгорелось, осветив помещение и выхватив из мрака древние, тяжелые от пыли гобелены на стенах. В зеркале проявилась ниша, погруженный в мягкое кьяроскуро зал, округлый стол и сидящие за ним женщины. Девять женщин.

– Мы слушаем, мазель Виго, – сказала Филиппа Эйльхарт. – Что нового?

– К сожалению, – ответила, откашлявшись, Фрингилья, – ничего. Со времени последней телесвязи – ничего. Ни одной попытки сканирования.

– Скверно, – сказала Филиппа. – Не скрываю, мы рассчитывали на то, что вы что-нибудь обнаружите. Прошу по крайней мере сказать нам... ведьмак уже утихомирится? Сможете удержать его в Туссенте хотя бы до мая?

Фрингилья Виго помолчала. У нее не было ни малейшего желания сообщать ложь, что только за последнюю неделю ведьмак дважды называл ее «Йеннифэр», причем в такие моменты, когда у нее были все основания ожидать собственного имени. Но у лжи, в свою очередь, были все основания ожидать от нее правды. Искренности. И верных выводов.

– Нет, – наконец ответила она. – До мая, пожалуй, нет. Однако я сделаю все, что в моих силах, чтобы удерживать его как можно дольше.

КОРРЕД, чудовище из многочисленного семейства Strigiformes (см.), в зависимости от региона именуемый также корриганом, руттеркином, румпельштыльцем, кренчиком либо месмером. Одно о нем можно сообщить – вреден до невозможности. Это такой, прямо сказать, дерьмогнусник, такой сучий хвост, что ни о внешности евонной, ни об обычаях писать мы не станем, поскольку истинно говорю вам: жаль слова тратить на эту дрянность.
Physiologus

Колонный зал дворца Монтекальво заполнял аромат, представляющий собой удивительную смесь запахов старинных деревянных панелей, истекающих воском свечей и десяти разновидностей духов. Десяти специально подобранных ароматических смесей, коими пользовались десять женщин, восседавших за круглым дубовым столом в креслах с поручнями в виде сфинксов.

Напротив Фрингильи Виго сидела Трисс Меригольд в светло-голубом, застегнутом под горлышко платье. Рядом с Трисс, держась в тени, устроилась Кейра Мец. Ее огромные серьги из многофасеточных цитринов то и дело разгорались тысячами манящих взгляд розблесков.

– Прошу продолжать, мазель Виго, – поторопила Филиппа Эйльхарт. – Нам не терпится узнать окончание истории и предпринять соответствующие шаги.

На Филиппе – что случилось с ней исключительно редко – не было никаких драгоценностей, кроме приколотой к киноварного цвета платью большой камеи из сардоникса. Фрингилья уже успела ознакомиться со сплетней и знала, кто подарил Филиппе камей и чей профиль на ней вырезан.

Сидящая рядом с Филиппой Шеала де Танкарвилль была вся в черном и лишь самую малость украшена бриллиантами. У Маргариты Ло-Антиль на бордовом атласном платье было литое золото без камней. Зато у Сабрины Глевиссиг в колье, серьгах и перстнях красовались любимые ею ониксы, гармонировавшие с цветом глаз и одежды.

Ближе всех к Фрингилье сидели обе эльфки – Франческа Финдабаир и Ида Эмеан аэп Сивней. Маргаритка из Долин выглядела, как всегда, по-царски, хотя ни прическа, ни карминовое платье сегодня, в виде исключения, не похвалялись излишеством, а диадема и кольцо отливали пурпуром не рубинов, а скромных и со вкусом оправленных гранатов. Ида же Эмеан была одета в выдержанные в осенних тонах муслин и тюль, столь тонкие и воздушные, что даже при едва ощутимом сквознячке, вызванном движением обогреваемого из единого центра воздуха, они порхали и трепетали словно анемоны.

Ассирэ вар Анагид, как обычно в последнее время, вызывала удивление элегантностью скромной, но изысканной. В небольшом декольте облегающего темно-зеленого платья красовался одинокий изумрудный кабошон в золотой оправе на золотой же цепочке. Холеные ногти, покрытые очень темной зеленью, придавали композиции привкус истинно чарующей экстравагантности.

– Мы ждем, мазель Виго, – напомнила Шеала де Танкарвилль. – Время идет.

Фрингилья откашлялась.

– Наступил декабрь. Пришло Йуле, потом Новый год. Ведьмак успокоился настолько, что имя Цири уже не всплывало в каждой беседе. Вылазки на чудовищ, которые он предпринимал

регулярно, казалось, поглощают его без остатка. Ну, скажем, не вполне без остатка-то...

Фрингилья понизила голос. Ей почудилось, будто в лазурных глазах Трисс Меригольд промелькнула вспышка ненависти. Но в конце концов это мог быть просто отблеск мерцающего пламени свечей. Филиппа хмыкнула, поигрывая камеей.

– К чему такая скромность, мазель Виго? Мы среди своих. В обществе женщин, которые знают, что, кроме удовольствия, дает секс. Все мы пользуемся этим инструментом, когда возникает потребность. Продолжайте.

– Если днем он еще как-то пытался демонстрировать независимость и гордыню, – заговорила Фрингилья, – то ночами был полностью в моей власти. Говорил мне все, пел дифирамбы моей женственности – учитывая его возраст, достаточно, надо признать, щедрые. А потом засыпал. В моих объятиях, припав устами к моей груди. В поисках, полагаю, суррогата материнской любви, которой не знал никогда.

Теперь-то уж она была уверена, что это не отблеск свечей. «Хорошо, извольте, ревнуйте, завидуйте, – подумала она. – Завидуйте мне. Благо, есть чему завидовать».

– Да, он был всецело в моей власти.

– Возвращайся в постель, Геральт. Ведь не рассвело еще, черт побери!

– У меня контракт. Надо ехать в Помероль.

– Я не хочу, чтобы ты ездил в Помероль.

– У меня контракт, и я дал слово. Управляющий виноградниками будет ждать меня у ворот.

– Все твои вылазки на чудовищ глупы и бессмысленны. Что ты хочешь доказать, убивая в пещере очередное страшилище? Свою мужественность? Я знаю способы получше. Короче – возвращайся в постель. Не поедешь ты ни в какой Помероль. Во всяком случае, не так быстро. Управляющий может подождать, кто он такой, в конце концов, твой управляющий? Я хочу заниматься с тобой любовью.

– Прости. У меня на это нет времени. Я дал слово.

– А я хочу заниматься любовью!

– Если хочешь присутствовать при моем завтраке, начинай одеваться.

– Ты меня не любишь больше, Геральт. Ты меня больше не любишь? Ответь!

– Надень то перламутрово-серое платье, что с аппликациями из норки. Оно тебе очень к лицу.

– Он был всецело под моими чарами, исполнял любое мое желание, – повторила Фрингилья.

– Делал все, чего я от него требовала. Так было.

– Да верим мы, верим, – невероятно сухо произнесла Шеала де Танкарвилль. – Продолжай.

Фрингилья кашлянула в кулак.

– Трудности были с его компанией, – снова заговорила она. – Странной шайкой, которую он называл дружиной. Кагыр Маур Дыффин аэп Кеаллах, который все время приглядывался ко мне и краснел от натуги, пытаясь меня припомнить. Но никак не мог, потому что в Дарн Дыффе, родовом замке его дедов, я бывала, когда ему было лет шесть или семь. Мильва, девица на первый взгляд задиристая и строптивая. Однако мне дважды довелось застать ее

плачущей в уголке конюшни. Ангулема – ветреное дитя. И Регис Терзиефф-Годфрой. Тип, раскусить которого я так и не сумела. Вся эта шайка влияла на ведьмака, и я не могла этого нейтрализовать.

«Хорошо, хорошо, – подумала она, – не поднимайте так высоко брови, не кривите рты. Погодите. Это еще не конец. Вы еще услышите о моем триумфе».

– Каждое утро все они собирались на кухне в нижнем этаже замка Боклер. Кухарь любил их, сам не зная почему. Всегда что-нибудь подносил им настолько обильное и настолько вкусное, что завтрак обычно затягивался на два, порой и на три часа. Я не раз ела с ними вместе с Геральтом. Поэтому знаю, какие абсурдные разговоры они привыкли вести.

По кухне, опасливо ступая когтистыми лапками, расхаживали две курицы – одна черная, другая пестрая. Поглядывая на завтракающую компанию, куры склевывали с пола крошки.

Компания, как и каждое утро, собралась в дворцовой кухне. Кухарь любил их, неизвестно почему. Всегда у него находилось для них что-нибудь вкусненькое. Сегодня это были яичница, супчик на мучной закваске, тушеные баклажаны, кроличий паштет, половинка гуся и колбаса со свеклой, а ко всему прочему – большой кусок козьего сыра. Ели с аппетитом, в молчании. Не считая Ангулемы, которая молчать не умела.

– А я вам говорю: для начала устроим здесь бордель. А когда уже сделаем все, что надо сделать, вернемся и устроим дом разврата. Я осмотрела место. Здесь есть все. Одних только цирюлен насчитала девять да восемь аптек. А вот бордель всего один. И никакой конкуренции. Мы откроем более роскошный. Купим одноэтажный домик с садиком...

– Смилуйся, Ангулема.

– Исключительно для почтенной клиентуры. Я буду бордельмаман. Уверяю вас, мы зашибем здесь хорошие денежки и проживем не хуже шикарных господ. В конце концов меня изберут советницей, и тогда-то уж я вам наверняка не дам помереть, потому что как только меня изберут, так я изберу вас, не успеете и оглянуться...

– Ангулема, ну пожалуйста... Отведай бульон с паштетом.

Некоторое время стояла тишина.

– На что нынче охотишься, Геральт? Трудная работа?

– Очевидцы, – ведьмак поднял голову над тарелкой, – дают противоречивые описания. Следовательно, либо прыскирник, а значит, работа предстоит достаточно трудная, либо делихон, то есть – средней трудности, или же нажемпик, то есть – сравнительно легкая. А может выйти и так, что работа и вовсе легкая, потому что последний раз чудовищ видели перед Ламмасом прошлого года. Они могли перебраться из Помероля за тридевять земель.

– Чего им и желаю, – сказала Фрингилья, обгладывая гусиное бедрышко.

– А как там, – неожиданно переменял тему ведьмак, – у Лютика? Я видел его так давно, что все сведения о нем черпаю из распеваемых в городе пашквилей.

– У нас положение не лучше, – улыбнулся, не разжимая губ, Регис. – Знаем только, что наш поэт уже вступил с госпожой княгиней Анарьеттой в отношения столь близкие, что позволяет себе даже при свидетелях достаточно фамильярно именовать ее Ласочкой.

– Точненько бьет, – сказала с набитым ртом Ангулема. – У госпожи княгини действительно какой-то ласочкин нос. Не говоря уж о зубах.

– Идеальных людей не бывает, – сощурилась Фрингиля.

– Правда ваша, тетечка.

Куры, черная и пеструшка, обнаглели настолько, что принялись клевать башмаки Мильвы. Лучница отогнала их пинком и выругалась. Геральт уже давно приглядывался к ней. Теперь решился.

– Мария, – сказал он серьезно, даже сурово. – Я знаю, что наши беседы трудно назвать серьезными, а шутки – изысканными. Но тебе вовсе не обязательно демонстрировать нам столь уж кислую мину. Что-нибудь случилось?

– Именно что случилось, – сказала Ангулема. Геральт успокоил ее резким взглядом.

Слишком поздно.

– Да что вы знаете? – Мильва резко встала, чуть не повалив стул. – Ну, что вы знаете-то? Чтоб вас бес разорвал и холера! В задницу меня поцелуйте все вы. Все! Ясно?!

Она схватила со стола кубок, осушила до дна, потом, не задумываясь,хватила им об пол. И выбежала, хлопнув дверью.

– Дело очень даже серьезное, – подтвердил Регис. – Не ожидал я от нашей милой лучницы столь экстремальной реакции. Как правило, так ведет себя тот, кому, простите за вульгаризм, дают от ворот поворот. Но в данном конкретном случае имело место явление, я бы сказал, обратного характера.

– О чем, гуль вас раздери, вы говорите? – занервничал Геральт. – А? Может, кто-нибудь скажет наконец, в чем тут дело?

– Не в чем, а в ком. В бароне Амадисе де Трастамаре.

– Рябомордом охотнике?

– В нем самом. Он признался Мильве в любви. Три дня назад на охоте. Он ее уже месяц как на охоту таскает...

– Одна охота, – Ангулема бесстыже сверкнула зубками, – продолжалась два дня. С ночевкой в охотничьем домике, понял? Даю голову на...

– Замолкни, девушка. Говори, Регис.

– Торжественно и формально он просил ее руки. Мильва отказала, кажется, в достаточно резкой форме. Барон казался человеком рассудительным, однако воспринял отказ как незрелый юноша, надулся и незамедлительно выехал из Боклера. А Мильва с тех пор ходит как пыльным мешком пришибленная.

– Слишком уж мы тут засиделись, – буркнул ведьмак. – Слишком.

– И кто это говорит? – произнес молчавший до тех пор Кагыр. – Кто это говорит?

– Простите. – Ведьмак встал. – Поговорим, когда вернусь. Управляющий виноградником Помероль ждет меня. А точность – вежливость ведьмаков.

После бурного бегства Мильвы и ухода ведьмака оставшиеся завтракали в молчании. По кухне, пугливо ступая когтистыми лапками, расхаживали две курицы, одна черная, другая пестрая.

– Есть у меня, – заговорила наконец Ангулема, поднимая на Фрингилью глаза поверх тарелки, которую протирала корочкой хлеба, – одна проблема.

– Понимаю, – кивнула чародейка. – Ничего страшного. И давно была последняя менструация?

– Да ты что! – Ангулема вскочила, переполошив кур. – Ничего похожего! Дело совсем в другом.

– Ну, так слушаю.

– Геральт хочет меня здесь оставить, когда отправится в дальнюю дорогу.

– Ого!

– Не перебивай меня, ладно? Я хочу ехать с ним, с Геральтом, потому как только с ним я не боюсь, что Одноглазый Фулько снова меня сцапает здесь, в Туссенте...

– Ангулема, – прервал ее Регис. – Не сотрясай попусту воздух. Мазель Виго слушает, но не слышит. Она занята только одним: отъездом ведьмака.

– Ого, – повторила Фрингилья, поворачиваясь к нему и сощуриваясь. – О чем это вы изволили упомянуть, господин Терзиефф-Годфрой? Отъезд ведьмака? И куда ж он отъезжает? Если можно знать?

– Может, не сегодня, может, не завтра, – мягко ответил вампир, – но в один из грядущих дней наверняка. Никого не обижая.

– Я не чувствую себя обиженной, – холодно ответила Фрингилья. – Разумеется, если вы имели в виду именно меня. Что же касается тебя, Ангулема, то будь спокойна: проблему отъезда из Туссента я с Геральтом обговорю. Ручаюсь, ведьмак примет к сведению мое мнение на этот счет.

– Ну конечно, – фыркнул Регис. – Я предчувствовал, я знал, что именно так вы и ответите, мазель Фрингилья.

Чародейка долго глядела на него, наконец сказала:

– Ведьмак не должен уезжать из Туссента. И если вы желаете ему добра, то не должны его к этому подталкивать. Где ему еще будет так хорошо, как здесь? Он купается в роскоши. Здесь у него есть его обожаемые чудовища, на которых он охотится, совсем неплохо на этом зарабатывая, тут живет его сподвижник – фаворит ее сиятельства княгини, сама княгиня благоволит ведьмаку. В основном из-за того суккуба, который раньше посещал альковы. Да-да, господа, Анарьетта, как и все высокородные дамы Туссента, невероятно рада присутствию здесь ведьмака. Ибо суккуб перестал навещать их супругов. Однозначно. Туссентские дамы скинулись на специальную премию, которую вот-вот внесут на счет ведьмака в банке Чианфанелли. Приумножая тем самым наличные, которые он там уже собирал.

– Красивый жест со стороны туссентских дам. – Регис не опустил глаз. – Да и премия вполне заслуженна. Не так легко было устроить, чтобы суккуб перестал навеваться. Можете поверить, мазель Фрингилья.

– И верю. Кстати, один из дворцовых стражников утверждает, что видел суккуба. Якобы. Ночью, на зубцах Башни Кароберты. В обществе другого упыря. Вроде бы – вампира. Демоны прохаживались, клялся стражник, и выглядели так, будто давно знакомы. Может, вам что-либо известно об этом, господин Регис? Не проясните ли?

– Нет. – У Региса даже веко не дрогнуло. – Не проясню. Есть многое на земле, небе и зубцах башен, что и не снилось нашим мудрецам.

– Такое, несомненно, случается, – кивнула головкой Фрингилья. – Относительно же того, что ведьмак якобы приготовился выезжать, возможно, вам известно что-нибудь больше? Ибо мне, к примеру, он ничего о своих намерениях не говорил, а, как правило, говорить привык обо всем.

– Само собой, – проворчал Кагыр. Фрингилья не обратила на это внимания.

– Так как, господин Регис?

– Нет, – после минутного молчания ответил вампир. – Нет, милсдарыня Фрингилья, не извольте беспокоиться. Ведьмак отнюдь не одаряет нас большим доверием или конфиденциальностью, нежели вас... госпожа. Он не нашептывает нам на ушко никаких секретов, которые скрывал бы от вас... госпожа.

– Тогда откуда же, – Фрингилья была холодна как мрамор, – эти сведения о выезде?

– Тут, понимаете ли, – у вампира и на сей раз не дрогнуло веко, – все совсем так, как в полной юношеского очарования поговорке нашей обожаемой Ангулемы: со временем наступает такой момент, когда надо либо срать, либо освободить сральню. Пардон... Иными словами...

– Не трудитесь продолжать, – резко оборвала его Фрингилья. – Вполне достаточно и этих, как вы изволили выразиться, полных юношеского очарования слов.

Молчание длилось. Куры, черная и пестрая, ходили и клевали что попало. Ангулема вытирала испачканный свеклой нос. Вампир задумчиво шуршал шкуркой от колбасы.

– Благодаря мне, – наконец нарушила молчание Фрингилья, – Геральт ознакомился с родословной Цири, известными лишь немногим линиями и тайнами ее генеалогии. Благодаря мне он знает теперь то, о чем еще год назад даже понятия не имел. Благодаря мне он обладает нужной информацией, а информация – это оружие. Благодаря мне и моей магической защите ему не угрожает вражеское сканирование, а значит – и наемные убийцы. Благодаря мне и моей магии колено у него больше не болит, и он может его безболезненно сгибать. На шее у него изготовленный моим искусством амулет, возможно, не столь совершенный, как тот, ведьмачий, но все же... Благодаря мне – и только мне – весной или летом, обладающий знанием, охраняемый, здоровый, подготовленный и вооруженный, он сможет начать борьбу с врагами. Если кто-либо из присутствующих сделал для Геральта больше, дал ему больше, пусть заявит об этом. Я охотно уступлю ему первенство.

Куры клевали башмаки Кагыра, но юный нильфгаардец, не обращая на них внимания, язвительно произнес:

– Действительно, никто из нас не давал Геральту больше, чем вы, госпожа.

– Я так и знала, что ты скажешь именно это!

– Не в том дело, мазель Фрингилья... – начал было вампир.

Чародейка не дала ему закончить.

– Тогда в чем? В том, что он спит со мной? Что нас связывает взаимная симпатия? В том, что я не желаю, чтобы он сейчас уезжал? Не хочу, чтобы его угнетало чувство вины? То самое покаянное чувство, которое толкает в дорогу вас?

Регис молчал. Кагыр тоже не произнес ни слова. Ангулема посматривала то на одного, то на другого, явно не очень понимая, о чем идет речь.

– Если то, что Геральт отыщет Цири, – сказала чародейка, – записано на скрижалях Предназначения, то так тому и быть. Независимо от того, отправится ли ведьмак в путь, или будет сидеть в Туссенте. Предназначение настигает людей. А не наоборот. Это вы понимаете? Вы понимаете это, господин Регис Терзиефф-Годфрой?

– Лучше, чем вы думаете, мазель Виго. – Вампир покрутил пальцами колбасную шкурку. – Но для меня, благоволите простить, Предназначение – не свиток, начертанный рукою Великого Демиурга, не воля Небес и не бесспорное решение какого-то там Провидения, а результирующая множества, казалось бы, не связанных между собой фактов, событий и действий. Я был бы склонен согласиться с вами в отношении того, что Предназначение настигает людей... и не только людей. Однако я не очень верю, будто не может быть и наоборот. Ибо такая точка зрения есть не что иное, как удобный фатализм, дифирамбы отупению и гнусности, перина, набитая пухом, и пленительное тепло женского лона. Короче говоря – жизнь во сне. А жизнь, госпожа Виго, может, и есть сон, может, и оканчивается сном... Но сие есть сон, который надобно «проснить» – простите за неологизм – активно. Поэтому, госпожа Виго, нас ждет дорога.

– Счастливого пути! – Фрингилья встала почти так же резко, как недавно Мильва. – Извольте! На перевалах вас ждут метель, мороз и... Предназначение. Как же, однако, зверски вы жаждете искупления! Путь свободен! Но ведьмак останется здесь. В Туссенте! Со мной!

– Полагаю, – спокойно возразил вампир, – что вы заблуждаетесь, госпожа Виго. Сон, коий снится сейчас ведьмаку, признаю это с поклоном, есть сон волшебный и прекрасный. Чарующий. Но любой сон, если он затягивается надолго, превращается в кошмар. А от такового мы пробуждаемся с криком.

Девять женщин, сидящих за огромным круглым столом замка Монтекальво, впились глазами в десятую, Фрингилью Виго. Фрингилью, которая неожиданно начала заикаться.

– Геральт выехал на виноградники Помероль восьмого января утром. А вернулся... Кажется, восьмого же ночью... Либо девятого к полудню... Этого я не знаю... Я не уверена...

– Более четко, – мягко попросила Шеала де Танкарвилль. – Пожалуйста, более четко, мазель Виго. А ежели какая-то часть рассказа вас смущает, можете ее просто-напросто опустить.

По кухне, осторожно вышагивая когтистыми лапами, ходила пеструшка. Пахло бульоном.

Дверь с грохотом распахнулась. В кухню ворвался Геральт. На покрасневшем от ветра лице красовался синяк и черно-фиолетовый струп засохшей крови.

– Давай, дружина, упаковывайтесь! – провозгласил он без лишних вступлений. – Выезжаем! Через час и ни минутой позже я хочу видеть всех вас на холме за городом, там, где стоит столб. С поклажей, в седлах, готовых к дальнему и трудному пути.

Сказанного было достаточно. Все как будто ожидали этого уже давно и так же давно были готовы.

– Я мигом! – крикнула, вскакивая, Мильва. – Я и за полчаса сберуся!

– Я тоже. – Кагыр встал, бросил ложку, внимательно глянул на ведьмака. – Но хотелось бы знать, в чем дело? Каприз? Любовники повздорили? Или и верно – дорога?

– Верно, дорога. Ангулема, ты что кривишься?

– Геральт, я...

– Не дрожи. Я тебя тут не брошу. Я переменял решение. За тобой, соплячка, нужен глаз да глаз. Едем, я сказал. Собирайся, приторачивайте вьюки. И по одному, чтобы и виду не подавать, за город, к столбу на холме. Через час там встречаемся.

– Обязательно, Геральт! – крикнула Ангулема. – А, курва, наконец-то!

Мгновение спустя на кухне остались только Геральт, курица-пеструшка да вампир, спокойно прихлебывающий бульон с клецками.

– Ждешь особого приглашения? – холодно поинтересовался ведьмак. – Почему сидишь, вместо того чтобы выучить мула Драакуля? И прощаться с суккубом?

– Геральт, – спокойно сказал Регис, зачерпывая добавки из супницы, – на прощание с суккубом мне достаточно того же времени, что тебе на расставание со своей чернулькой. Предположивши, что ты с вышеупомянутой чернулькой вообще намерен прощаться. А между нами говоря, ребяташек ты, конечно, мог отправить упаковывать вещички воплями, грубостью и пинками. Мне же полагается нечто большее, хотя бы учитывая мой преклонный возраст. Попрошу несколько слов объяснений.

– Регис...

– Объяснений, Геральт. И чем скорее, тем лучше. Я тебе помогу. Итак, вчера утром, в соответствии с договоренностью, ты встретился у ворот с управляющим виноградниками Помероль...

Алкид Фьерабрас, чернобородый управляющий виноградниками Помероль, с которым Геральт познакомился в «Фазанщине» в сочельник Йуле, ждал ведьмака у ворот с мулом, одет же и экипирован был так, словно им предстояло отправиться бог весть куда, чуть ли не на край света, аж за Врата Сольвейги и перевал Эльскердег.

– Это, и верно, не близко, – бросил он, узрев кислую мину Геральта. – Вы, милсдарь, пришли из большого мира, так вам наш маленький Туссент видится захолустьем, думаете, мол, тут от границы до границы шапкой докинуть можно, к тому же шапкой сухой. Так вот, ошибаетесь. До виноградников Помероль, а туда мы и направляемся, немалый кус пути, ежели мы к полудню доберемся, то, почитай, повезло.

– Стало быть, ошибка, – сухо проговорил Геральт, – что мы так поздно отправляемся.

– Оно, может, и ошибка. – Алкид Фьерабрас глянул на него и фукнул в усы. – Но я не знал, что вы из тех, кто прытко подымается чуть свет. Потому как у больших господ такое встречается нечасто.

– Я не большой господин. Ну, в путь, милсдарь управляющий. Не будем терять времени на пустую болтовню.

– Ну, прям-таки мои слова.

Чтобы сократить дорогу, поехали через город. Геральт сперва собрался протестовать: опасался заблудиться в незнакомых, забитых людьми улочках. Однако оказалось, что управляющий Фьерабрас прекрасно знал город и часы, когда на улицах не бывает толчеи. Они ехали быстро, не встречая никаких трудностей.

Въехали на рынок, миновали эшафот. И виселицу с повешенным.

– Опасная это штука, – кивком указал управляющий, – рифмы складывать да песенки

распевать. Особенно публично.

– Суровые тут принципы. – Геральт мгновенно сообразил, в чем дело. – В других местах за пашквили самое большое – позорный столб.

– Все зависит от того, на кого пашквиль, – резонно заметил Алкид Фьерабрас. – И как зарифмован. Наша милостивая госпожа княгиня очень добра и любима... но если уж взовьется...

– Песню, как говаривает один мой знакомый, не задушишь, не убьешь...

– Песню – да. Но песенника – вполне. Извольте. Вот доказательство.

Они пересекли город, выехали через Бочарные Ворота прямо в долину реки Блессюры, быстрым потоком пенящейся на быстрынах. Снег на полях лежал только в бороздах и межах, но было довольно холодно.

Мимо проехал рыцарский разъезд, направляющийся, вероятно, к перевалу Сервантеса, на приграничный пост Ведетту. В глазах рябило от намалеванных на щитах и вышитых на плащах и пополах грифов, львов, сердец, лилий, звезд, крестов, шевронов и прочей геральдической шелухи. Стучали копыта, полоскались знамена, гремела громкоголосая глупейшая песня о рыцарской доле и милашке, которая, вместо того чтобы ожидать, поспешила выскочить замуж.

Геральт взглядом проводил разъезд. Вид странствующих рыцарей напомнил ему о Рейнарте де Буа-Фресне, который только что вернулся со службы и восстанавливал силы в объятиях своей «мещаночки», муж которой, торговец, обычно не возвращался по утрам и вечерам, вероятно, задерживаемый где-то в пути взбухшими реками, полными зверья лесами и другими выкрутасами стихий. Ведьмак и не думал выдергивать Рейнарта из объятий любовницы, но искренне сожалел, что не отложил выполнение контракта с виноградниками Помероль на более позднее время. Он полюбил рыцаря, ему не доставало его общества.

– Поехали, господин ведьмак.

– Поехали, господин Фьерабрас.

Поехали трактом вверх по течению речки. Блессюра извивалась и петляла, но мостиков было множество, так что удлинять путь за счет объездов не приходилось.

Из ноздрей Плотвы и мула вырывался пар.

– Как думаете, господин Фьерабрас, долго зима продержится?

– На Саовинну был мороз. А пословица гласит: «Коль на Саовинну мороз, нацепляй кулек на нос».

– Понимаю. А ваша лоза? Ей мороз не повредит?

– И холоднее бывало.

Поехали молча.

– Поглядите, – проговорил наконец Фьерабрас, – там, в котловине, лежит деревушка Лисьи Ямы. На тамошних полях, просто удивительно даже, горшки растут.

– Не понял?

– Горшки, говорю. Родятся в лоне земли, сами по себе, исключительное чудо природы, без

всякой помощи человеческой. Как где в другом каком месте картошка либо репа, так в Лисьих Ямах горшки растут. Всяческого рода и всяческих конфигуранциев.

– Вы серьезно?

– Чтоб я так здоров был! Поэтому Лисьи Ямы устанавливают партнерские контакты с деревней Дудно в Мехте. Там, народ говорит, земля крышки для горшков рождает.

– Всяческого рода и конфигуранциев?

– Ну, прям в яблочко попали, господин ведьмак. В яблочко.

Поехали дальше. Молча. Блессюра шумела и пенилась на перекатах.

– А эвона там, гляньте, милсдарь ведьмак, руины древнего града Дун Тынне. Страшных сцен, если верить сказкам, насмотрелся этот град. Свидетелем, стало быть, был. Вальгериус, которого называли Удалым, убил там кроваво и жестоко неверную жену, любовника оной, мать оной же, сестру оной же и оной же брата также. А потом сел и заплакал неведомо почему.

– Слышал я об этом.

– Так, значит, бывали здесь.

– Нет.

– Ну, стало быть, далеко сказка разносится.

– Прямо в яблочко попали, господин управляющий.

– А вон та, – указал ведьмак, – стройная башня, вон там, за тем страшным бургом? Что такое?

– Там-то? Храм.

– Какого божества?

– А кто ж его знает?

– И верно. Кто ж.

Ближе к полудню они увидели виноградники. Полого спускающиеся к Блессюре склоны холмов, оцетинившиеся ровно обрезанной лозой, сейчас диковинные и голые. На макушке самого высокого холма, овеваемые ветром, врезались в небо башни, толстый донжон и барбакан замка Помероль.

Геральта заинтересовала ведущая к замку дорога – наезженная, избитая копытами и ободьями колес не меньше, чем главный тракт. Видать, к замку Помероль с тракта частенько кто-то наведывался. Он воздержался от вопросов, пока не заметил близ замка несколько покрытых парусиной телег, солидных и крепких экипажей, используемых в дальних поездках.

– Купцы, – пояснил управляющий. – Виноторговцы.

– Купцы? – удивился Геральт. – Как так? Я думал, горные перевалы занесены снегом, а Туссент отрезан от мира. Каким же чудом прибыли сюда купцы?

– Для купцов, – серьезно сказал управляющий Фьерабрас, – нет плохих дорог, во всяком случае, для тех, кто по-серьезному относится к своему ремеслу. У них, милсдарь ведьмак,

такой принцип: если цель привлекает, средство должно найтись.

– Действительно, – медленно проговорил ведьмак, – принцип очень меткий и достойный подражания. В любой ситуации.

– Несомненно. Но, сказать по правде, некоторые из купцов торчат здесь с осени, выехать не могут. Однако духом не падают, говорят, мол, ну и что, зато весной будем первыми, прежде чем конкуренты объявятся. У них это называется «мыслить позитивно».

– И против этого принципа трудно возражать, – кивнул Геральт. – Еще одно меня интересует, господин управляющий. Почему купцы сидят здесь, на отшибе, а не в Боклере? Иль княгиня не спешит предложить им гостеприимство? Может, брезгает купцами?

– Отнюдь, – возразил Фьерабрас. – Госпожа княгиня всегда приглашает их, они же вежливо отказываются. И живут при виноградниках.

– Почему?

– Боклер, говорят, сплошь пиры, балы, гулянки, попойки и любвишки. Человек, говорят, только паршивеет, дуреет и время тратит, вместо того чтобы думать об интересе. А мыслить след о том, что действительно важно. О цели, что светит. Неустанно. Не распыляя мыслей на какие-то там финтифлюшки. Тогда, и только тогда, можно намеченной цели достигнуть.

– Истинно, господин Фьерабрас, – медленно проговорил ведьмак. – Я рад нашей совместной поездке. Я многое обрел из наших бесед. Поверьте, многое.

Вопреки ожиданиям ведьмака, они не поехали к замку Помероль, а проследовали несколько дальше, на горб за котловиной, на котором возвышался очередной замочек, поменьше размером и гораздо более запущенный. Замочек назывался Зурбарран. Предвкушение близкой работы радовало Геральта. Темный, обнесенный крепостной стеной с обрушившимися зубьями Зурбарран выглядел один к одному как зачарованные руины, несомненно, кишашие чарами, дивами и чудовищами.

Внутри, во двореке, вместо призраков и чудовищ копошились несколько человек, поглощенных занятиями столь чародейскими, как перекачивание бочек, очистка досок и сбивание их же при помощи гвоздей. Несло свежим деревом, свежей извешкой, несвежими кошками, прокисшим вином и гороховой похлебкой. Похлебку вскоре и подали.

Проголодавшиеся в пути, опаленные ветром, холодом, они ели охоче и молча. С ними потчевался похлебкой подчиненный управляющего Фьерабраса, представленный Геральту под именем Шимон Гилька. Прислуживали две светловолосые девушки с длинными, не меньше двух локтей, косами. Обе посылали ведьмаку взгляды столь красноречивые, что он решил как можно скорее покончить с похлебкой и заняться работой.

Шимон Гилька чудовища не видел. Как оно выглядит, знал исключительно с чужих слов.

– Черный был, пол-нет, как смола, но ковда по стене полз, кирпичи скрозь ево видать было. Все одно, как желе был, пол-нет, господин ведьмак, или как бы, с твоо позволения, клей какой-то. А лапищи у ево предлинные и тонкие, и уйма тех лапищев при ем, восемь, а-то и поболее даже. А Йунтек этак стоял-стоял и глазел, аж вконец стукнуло ево, и он заорал: «Сгинь, пропади!» И еще екзорцизму доложил: «Да чтоб ты сдох. Морда твоя, мать ее так-перетак!», тогда чудище прыг-прыг-прыг. Запрыгало, пол-нет, и только ево и видели. Сбегло в пропасти пещер. Тады парни так говорили: коли тута у вас чуды, так гоните повышение в оплате труда. Потому как здесь условия вредные для здоровья, а ежели не хочите, то мы в цех войдем с жалобой. Аль, говорят, деменстрацию устроим. А я им на то: ваш, говорю, цех может меня в задницу...

– А когда видели чудовище последний раз? – перебил Геральт.

– Дык недели две тому. Так где-то перед Йуле.

– Вы говорили, – ведьмак посмотрел на управляющего, – что перед Ламмасом.

Алкид Фьерабрас покраснел в местах, не прикрытых бородой. Гилька, тот, что Шимоном звался, фыркнул.

– Стал-быть так, господин управляющий: ежели хотите управлять, требуется почащее к нам ездить, а не токмо в Боклере в конторе задницей табуретки полировать. Так я думаю...

– Не интересуют меня ваши мысли, – прервал Фьерабрас. – О чудовище говорите.

– Дык я уж выговорил. Все чево было.

– Жертв не было? Ни на кого оно не нападало?

– Не-а. Однако в позатом годе пропал у нас один парнишка без вести, пол-нет? Некоторые болтали, мол, энто чудище ево в пещеры уволокло и сожрало. Другие же, что никакое не чудище, а тот парнишка по собственной надумке гикнулся, и все из-за долгов и элементов. Потому как он, пол-нет, в кости игрывал жуть, а до того еще пузо надул мельничихе, а та мельничиха в суд побегла, а судья повелел парнишке элементы платить.

– Ни на кого больше, – безжалостно прервал рассуждения Геральт, – чудовище не нападало? Никто другой его не видел?

– Не-а.

Одна из девушек, подливая Геральту местного вина, проехала ему грудью по уху и многообещающе подмигнула.

– Пошли, – быстро сказал ведьмак. – Нечего лясы точить да время терять. Проводите меня в подвалы.

Амулет Фрингильи, как это ни печально, не оправдал возлагавшихся на него надежд. В то, что оправленный в серебро и отшлифованный хризопраз заменит его ведьмачий медальон с волчьей головой, Геральт не верил вообще. Впрочем, Фрингилья вовсе на этом и не настаивала. Однако заверяла с большой убежденностью, что после подстройки к психике ведьмака амулет будет способен на многое, в частности, сможет предупреждать о возможных опасностях.

Однако то ли волшебство Фрингильи не удалось, то ли Геральт и амулет сильно расходились в понимании того, что следует считать опасностью, а что нет, во всяком случае, хризопраз едва ощутимо дрогнул, когда, направляясь в подвалы, ведьмак перешел дорогу большому рыжему коту, который, задрав хвост, шествовал через двор. Впрочем, сам кот, видимо, получил все же какой-то сигнал от амулета, ибо сбежал, дико мяуча.

Когда же ведьмак спустился в подвалы, медальон то и дело нервически вибрировал, причем в ямах сухих, прибранных и чистых, в которых единственной угрозой были вина в огромных бочках. Тому, кто, забыв о самоконтроле, улегся бы, раскрыв рот, под шпунтом, угрожал сильный перепой. И ничего больше.

Однако медальон даже не шелохнулся, когда Геральт покинул рабочую часть подвалов и спустился ниже по лестнице и ходкам. Ведьмак уже сообразил, что под большинством виноградников Туссента располагались древние шахты. Было ясно, что, когда саженцы лозы начали плодоносить и приносить хорошую прибыль, эксплуатацию шахт прекратили, а сами

выработки забросили, частично приспособив штреки и ходки под винные погреба и подвальчики. Замки Помероль и Зурбарран стояли над древними сланцевыми лавами. Здесь все было изрыто шурфами и приямками – достаточно минутной невнимательности, чтобы оказаться на дне одного из них со сложными переломами. Часть шурфов прикрыли прогнившими уже досками, которые под присыпавшей их сланцевой пылью почти не отличались от почвы. Неосторожно ступать на такое перекрытие было опасно, о чем, по идее, медальон и должен был предупреждать. Но не предупреждал.

Не предупредил он также, когда из навала сланца, в каких-то десяти шагах от Геральта, выскочила серая размытая фигура, заскребла почву когтями, дико подпрыгнула, пронзительно взвыла, а затем с визгом и хохотом помчалась по штрекам и нырнула в одну из зияющих в стене ниш.

Ведьмак выругался. Магическая штучка кое-как еще реагировала на рыжих кошек, но оставляла без всякого внимания гремлинов. «Придется поговорить об этом с Фрингильей», – подумал Геральт, подходя к нише, в которой скрылось существо.

И тут амулет сильно задрожал.

– Точно вовремя, – хмыкнул ведьмак. Но тут же задумался глубже. В конце концов, медальон мог быть и не так уж глуп. Стандартная и любимая тактика гремлинов сводилась к тому, чтобы сбежать и устроить засаду, из которой они поражали преследуемого неожиданным ударом острых как серпы шпор. Гремлин мог поджидать там, в темноте, и медальон сигнализировал об этом.

Геральт ждал долго, сдерживая дыхание, напрягая слух. Амулет спокойно и мертвецки тихо лежал у него на груди. Из дыры несло мерзким смрадом. Но стояла мертвая тишина. А ни один гремлин не выдержал бы так долго в тишине.

Не раздумывая, ведьмак залез в нишу, оказавшуюся устьем ходка, и пополз на четвереньках, задевая спиной за шершавые камни. Долго ползти не пришлось.

Что-то хрустнуло и зашелестело, почва прогнулась, и ведьмак поехал вниз вместе с несколькими цетнарами песка и щебня. К счастью, продолжалось это недолго. Под ним была не бездонная пропасть, а обычная яма. Он влетел в нее, как дерьмо из канализационной трубы, и с треском рухнул на кучу прогнившего дерева. Вытряхнул из волос и выплюнул изо рта песок, громко выругался. Амулет дрожал не переставая, метался у него на шее, будто засунутый за пазуху воробей. Ведьмак с трудом удержался, чтобы не сорвать его и не выкинуть к чертовой матери. Во-первых, это разозлит Фрингилью. Во-вторых, получалось, что у хризопраза были вроде бы и еще какие-то другие волшебные свойства. Геральт надеялся, что, когда проявятся эти другие свойства, амулет станет действовать более четко.

Пытаясь встать, он нащупал рукой круглый череп. И понял, что то, на чем он лежал, вовсе не сгнившее дерево.

Он поднялся и быстро осмотрел кучу костей. Человеческие. И все эти люди в момент смерти были закованы в кандалы, и, вероятнее всего, на них не было одежды. Кости были раскрошены и обглоданы. Когда их грызли, люди могли уже быть мертвы. Впрочем, могли и не быть.

Из ямы его вывел штрек, длинный и прямой как стрела. Сланцевая стена была обработана довольно гладко. Это уже не походило на копи.

Неожиданно он вышел в огромную каверну, потолок которой тонул во мраке, а в центре располагалась гигантская, черная, бездонная пропасть, через которую был переброшен каменный, слишком уж изящный на вид мосток.

Со стен гулко капала вода, отзываясь эхом. Из пропасти веяло холодом и тянуло вонью. Амулет вел себя спокойно. Геральт ступил на мосток внимательно и осторожно, стараясь держаться подальше от разваливающихся перил.

За мостком оказался еще один коридор. В гладко обработанных стенах Геральт приметил ржавые держатели для факелов. Здесь тоже были ниши, в некоторых стояли статуйки из песчаника, однако годами капавшая вода изгладила их и превратила в бесформенных истуканов. В стены были заделаны плиты с барельефами. Выполненные из более стойкого материала, они сохранились лучше. Геральт узнал женщину с лунными рогами, башню, ласточку, кабана, дельфина, единорога.

Услышал голос.

Остановился, затаил дыхание.

Амулет дрогнул.

Нет, это не обман слуха, не шорох осыпающегося сланца, не эхо капающей воды. Голос. Человеческий голос.

Геральт прикрыл глаза, напряг слух. Локализовал.

Голос – он мог поклясться – исходил из очередной ниши, из-за очередной скульптурки, размытой, но не настолько, чтобы утратить округлые женские формы. На сей раз медальон оказался на высоте. Сверкнуло, и Геральт неожиданно заметил в стене проблеск металла. Он схватил размытую фигуру женщины в объятия, крепко сжал, повернул. Раздался скрежет, стенка ниши развернулась на стальных навесах, открыв винтовую лестницу.

Сверху снова донесся голос.

Геральт не стал раздумывать.

Наверху обнаружилась дверь. Она открылась легко, без скрипа. За дверью – маленькое сводчатое помещение. Из стен торчали четыре огромных латунных цилиндра, концы которых расширялись, образуя раструбы. Посредине, между раструбами, стояло кресло. А в нем... скелет. На черепе с отвалившейся нижней челюстью сохранились остатки берета, на костях – лохмотья некогда очень богатой одежды, на шее золотая цепь, а на ногах погрызенные крысами ботинки из тисненой козловой кожи с сильно загнутыми мысами.

В одной из труб послышалось чихание, такое громкое и неожиданное, что ведьмак даже подскочил. Потом кто-то трубно высморкался. Усиленный латунными трубами звук был прямо-таки адским.

– Будьте здоровы, – послышалось в трубе. – Ну вы и сморкаетесь, Скеллен.

Геральт столкнул скелет с кресла, не преминув снять и спрятать в карман золотую цепь. Потом сам уселся у раструба.

У одного из них голос был басовитый, глубокий и гулкий. Когда он говорил, латунная труба даже вибрировала.

– Ну вы и сморкаетесь, Скеллен. Где это вы так простудились? И когда?

– Не стоит об этом, – ответил простуженный. – Вцепилась проклятая хвороба и держится, то отпустит, то снова схватит. Даже магия не помогает.

– Может, есть смысл сменить магика? – послышался другой голос, скрипучий, будто

заржавленные дверные петли. – Вильгефорц пока что не может похвастаться особыми успехами. Вот что, мне кажется...

– Давайте не будем, – вступил в разговор кто-то, говоривший с характерным затягиванием слогов. – Не для того мы съехали сюда, в Туссент. На край света.

– На паршивый край света!

– Этот край света, – сказал простуженный, – единственная известная мне краина, у которой нет собственной службы безопасности. Единственный уголок Империи, не наспигованный агентами Ватье де Ридо. Все считают здешнее вечно веселое и полупьяное княжество опереточным, и никто не принимает всерьез.

– Такие уголки, – сказал затягивающий слоги, – всегда считались и были раем для шпионов и любимым местом их встреч. А потому притягивали и контрразведку, и агентов, и всяческого рода соглядатаев и подслушивателей.

– Возможно, так было раньше. Но не в эпоху бабьего засилья, которое тянется в Туссенте почти сотню лет. Повторяю, мы здесь в безопасности. Здесь нас никто не найдет и не подслушает. Мы можем изображать из себя купцов, спокойно обговорить весьма животрепещущие также и для ваших княжеских милостей проблемы. Для ваших личных благ и латифундий.

– Я презираю все личные блага, вот что! – возмутился скрипучий. – И не ради личного я сюда явился! Меня волнует исключительно благо Империи. А благо Империи, милостивейшие государи, это – крепкая династия! Ибо несчастьем и огромным злом для Империи будет, если на трон усядется какой-нибудь гнилой плод паршивой крови, потомок физически и душевно больных северных корольков. Нет, господа! На это я, Ветт из де Веттов, клянусь Великим Солнцем, не буду взирать в бездействии! Тем более что моей дочери уже было почти обещано...

– Твоей дочери, де Ветт? – зарычал гулко-басовитый. – А что тогда говорить мне? Я, который поддержал сосунка Эмгыра еще тогда, в борьбе против узурпатора? Ведь именно из моей резиденции кадеты отправились штурмовать дворец! А еще раньше что? Именно у меня он прятался! Еще будучи мальком, он лакомо поглядывал на мою Эйлан, улыбался, комплименты расточал, а за гардиной, я-то знаю, сиськи ее тискал. А теперь что? Другая императрица? Такой афронт? Такая обида? Император Вечной Империи выше дочерей древних родов ставит приبلуду из Цинтры? А? Сидит на троне по моей милости и мою Эйлан отвергать смеет? Нет, этого я не потерплю!

– И я тоже! – крикнул очередной голос, высокий и возбужденный. – Мною он тоже пренебрег! Ради цинтрийской приبلуды бросил мою жену!

– По счастливой случайности, – проговорил человек, затягивающий слоги, – приبلуду отправили на тот свет. Что следует из сообщения господина Скеллена.

– Я внимательно выслушал сообщение господина Скеллена, – сказал скрипучий, – и пришел к выводу, что из него не следует ничего, кроме того, что приبلуда исчезла. Если же исчезла, значит, может объявиться вновь. С прошлого лета она исчезала и возникала неоднократно! Ведь так? Да уж, ничего не скажешь, господин Скеллен, разочаровали вы нас весьма, вот что! Вы и ваш чародей Вильгефорц.

– Не время сейчас об этом, Йоахим. Не время оскорблять друг друга и обвинять. Вбивать клинья в наше единство. Мы должны быть монолитны и едины. И решительны. Ибо не имеет значения, жива цинтрийка или нет. Император, единожды безнаказанно оскорбивший и унизивший древние роды, будет это делать и дальше! Нет цинтрийки? Ну так через несколько

месяцев он представит нам императрицу из Зеррикании или Зангвебара! Нет, клянусь Великим Солнцем, этого мы не допустим!

– Не допустим, и все тут. Верно говоришь, Ардаль! Род Эмрейсов не оправдал ожиданий, и каждый день, который Эмгыр просидит на троне, приносит вред Империи, вот что. А ведь есть, есть, кого на престол возвести. Юный Воорис...

Послышался громкий чих, затем чихавший трубно высморкался и сказал:

– Конституционная монархия. Самое время учредить конституционную монархию, прогрессивный режим. А потом – демократию... Власть народа, стало быть...

– Император Воорис, дорогой Стефан Скеллен. Воорис, который возьмет в жены мою Эйлан либо одну из дочерей Йоахима. И тогда я – Великий Коронный Канцлер, де Ветт – фельдмаршал. Вы же, Стефан, – граф и министр внутренних дел. Разве что как приверженец какого-то там народа откажетесь от титула и должности, а?

– Оставим в покое исторические процессы, – примирительно сказал простуженный. – Их все равно не удержать в узде. На сегодня же, ваша милость Великий Коронный Канцлер аэп Даги, если у меня и есть какие-то возражения относительно принца Воориса, так в основном потому, что это человек с железным характером, гордый и несгибаемый, на которого нелегко будет влиять.

– Если мне будет дозволено кое-что подсказать, – проговорил тот, что затягивал слоги, – у принца Воориса есть сын, малыш Морвран. Этот кандидат значительно лучше. Во-первых, у него более основательные права на престол как по мечу, так и по кудели. Во-вторых, это ребенок, за которого править будет регентский совет. То есть мы.

– Глупости! Справимся и с отцом! Отыщется способ!

– Подсунем ему, – предложил возбужденный, – мою жену!

– Погодите, граф Бруанне. Сейчас не время. Господа, советоваться надо о другом, вот что. Я хотел бы заметить, что Эмгыр вар Эмрейс пока еще на троне.

– А как же, – согласился простуженный, трубя в платок. – Правит и живет, чувствует себя прекрасно как телом, так и умом. Второе особенно не следует подвергать сомнению после того, как он вытурил вас обоих из Нильфгаарда вместе с теми войсками, которые могли быть вам верны. Тогда как же вы собираетесь осуществлять переворот, любезный князь Ардаль, ежели в любой момент вас могут послать в бой во главе группы армий «Восток»? Да и князю Йоахиму тоже, пожалуй, пора присоединиться к своим войскам при специальной оперативной группе «Вердэн».

– Оставь колкости при себе, Стефан Скеллен. И не корчи рожиц, которые только в твоём понимании делают тебя похожим на твоего нового принципала чародея Вильгефорца. К тому же учти, Филин, что если Эмгыр что-то подозревает, так виной тому именно вы. Ты и Вильгефорц. Признавайся, вы хотели поймать цинтрийку и торговать ею, включив это в цену милости Эмгыра? Теперь, когда девушка мертва, торговать нечем, верно? Эмгыр разорвет вас лошадьми, вот что. Не сносить вам головы, ни тебе, ни чародею, с которым ты связался вопреки нам!

– Никому из нас не сносить головы, Йоахим, – вставил бас. – Надо взглянуть правде в глаза. Наше положение ничуть не лучше, чем у Скеллена. Ситуация сложилась так, что все мы оказались на одной телеге.

– Но усадил нас в эту телегу именно Филин! Мы собирались действовать скрытно, а теперь

что? Эмгыр знает все! Агенты Ваттье де Ридо разыскивают Филина по всей Империи! А нас, чтобы отделаться, вар Эмрейс отослал на войну, вот что!

– Как раз это-то меня и радует, – проговорил тот, что растягивал слоги. – Этим бы я и воспользовался. Затянувшейся войной, уверяю вас, все уже сыты по горлышко. Армия, простой люд, а прежде всего купцы и предприниматели. Сам факт окончания войны будут приветствовать по всей Империи с огромной радостью, независимо от того, как она окончится. А ведь вы, господа, командуя армиями, можете на результат войны повлиять, я бы так сказал, не отходя от своего штандарта. Ведь в случае успешного завершения военного конфликта вас увенчают лаврами победителей! А в случае неудачи вы сможете выступить в качестве посланцев Провидения, сторонников переговоров, поборников справедливости, положивших конец кровопролитию!

– Правда, – сказал после недолгого молчания скрипучий. – Клянусь Великим Солнцем, это правда. Вы верно рассуждаете, господин Леуваарден.

– Эмгыр, – проговорил бас, – отправив нас на фронт, тем самым накинул себе удавку на шею.

– Эмгыр, – сказал возбужденный, – еще жив, дорогой князь. Жив и чувствует себя прекрасно. Не следует делить шкуру неубитого медведя.

– Не следует, – поддержал бас. – Сначала медведя надобно убить.

Молчание затянулось.

– Итак, покушение. Смерть?

– Смерть.

– Смерть!

– Смерть. Вот единственное решение проблемы. У Эмгыра есть сторонники, пока он жив. Стоит Эмгыру умереть, и нас поддержат все. На нашу сторону встанет аристократия, потому что аристократия – это мы, а сила аристократии в солидарности. Нас поддержит значительная часть армии, особенно та часть офицерского корпуса, которая припомнит Эмгыру чистки после содденского поражения. И на нашей стороне будет народ.

– Ибо народ темен, глуп, и им легко манипулировать, – закончил, высморкавшись, Скеллен. – Достаточно крикнуть: «Уррра!», произнести пламенную речь со ступеней сената, открыть тюрьмы и скостить налоги.

– Вы абсолютны правы, – произнес затягивающий слоги. – Теперь я понимаю, почему вы так ратуете за демократию.

– Предупреждаю, – заскрипел тот, кого называли Йоахимом, – что так гладенько у нас дело не пройдет, господа. Наш план предусматривает смерть Эмгыра. А не следует закрывать глаза на то, что у Эмгыра много приверженцев, в его распоряжении корпус внутренних войск, у него фанатично преданная гвардия. Непросто будет пробиться сквозь ряды бригады «Импера», а она – нечего себя обманывать – будет драться до последнего бойца.

– И здесь, – заявил Стефан Скеллен, – нам предлагает свою помощь Вильгефорц. Нам не придется осаждать дворец или пробиваться сквозь ряды «Имперы». Все сделает один террорист, владеющий практической магией. Да. Как это случилось в Третогоре перед самым бунтом магигов на Танедде.

– Король Радовид Реданский?

– Так точно.

– У Вильгефорца есть такой террорист?

– Есть. Чтобы доказать, что мы полностью вам доверяем, господа, я назову этого террориста. Чародейка Йеннифэр, которую мы держим в узилище.

– В узилище? Но говорят, Йеннифэр – сообщница Вильгефорца.

– Она его пленница. Заколдованная и загипнотизированная, запрограммированная как голем, она осуществит покушение. А затем покончит жизнь самоубийством.

– Что-то не очень мне по душе заколдованные ведьмы, – сказал тягучий, из-за явной неприязни еще более растягивая слоги. – Лучше был бы герой, пламенный идейный мститель...

– Мстительница, – оборвал его Скеклен. – Она подходит как нельзя лучше, господин Леуваарден. Йеннифэр будет мстить за зло, причиненное ей тираном. Эмгыр преследовал и довел до смерти ее воспитанницу, невинное дитя. Этот жестокий самодержец, этот извращенец, вместо того чтобы заботиться об Империи и народе, преследовал и истязал детей. За это его настигнет рука мстителя...

– Я считаю, – пробасил Ардаль аэп Даги, – это прекрасно.

– Я тоже, – проскрипел Йоахим де Ветт.

– Отлично! – возбужденно рыкнул граф Бруанне. – Да покарает рука мстителя тирана и вырожденца за совращение чужих жен! Пусть свершит правое дело десница справедливости! Отлично!

– Еще одно, – протянул Леуваарден. – Чтобы доказать, что вы, господин граф Скеклен, полностью нам доверяете, сообщите, пожалуйста, где сейчас пребывает господин Вильгефорц.

– Господа... Я... Я не имею права...

– Это будет гарантия. Поручение в искренности и приверженности делу.

– Не бойся предательства, Стефан, – добавил аэп Даги. – Никто из присутствующих не выдаст, как бы парадоксально это ни звучало. При других обстоятельствах, возможно, меж нами и нашелся бы человек, который захотел бы купить себе жизнь, выдав остальных. Но все мы прекрасно знаем, что предательством не купим ничего. Эмгыр вар Эмрейс не прощает. Он просто не умеет прощать. Вместо сердца у него осколок льда. И поэтому он должен умереть.

Стефан Скеклен колебался недолго.

– Ну хорошо, – сказал он. – Пусть это будет доказательством моей искренности. Вильгефорц скрывается в...

Ведьмак, сидевший у раструба, до боли сжал кулаки. Напряг слух. И память.

Сомнения ведьмака в никчемности амулета Фрингильи оказались напрасны и рассеялись мгновенно. Стоило ему войти в большую каверну и приблизиться к каменному мостку над черным провалом, как медальон начал дергаться и рваться уже не как воробей, а как большая и сильная птица. Ворон, например.

Геральт успокоил амулет и замер словно истукан, стремясь к тому, чтобы слух его не

обманули ни шелест, ни громкое дыхание. Он ждал. Он знал, что по другую сторону провала за мостком что-то есть, что-то таится во тьме. Возможно, это что-то скрывалось и за спиной, а мосток был ловушкой. Он не мог позволить схватить себя. Он ждал. И дождался.

– Привет, ведьмак, – услышал он. – Мы тебя ждали.

Голос, шедший из мрака, звучал странно. Но Геральт уже слышал такие голоса, знал их. Голоса существ, не привыкших общаться при помощи речи. Умея пользоваться аппаратом легких, диафрагмой, трахеями и гортанью, эти существа не до конца владели аппаратом артикуляционным даже в тех случаях, когда их губы, нёбо и язык имели строение полностью подобное человеческому. У выговариваемых такими существами слов был не только странный акцент и интонация, они вдобавок содержали звуки, неприятные для человеческого уха, – от твердых и щелкающих до шипящих и скользко мягких.

– Мы ждали тебя, – повторил голос. – Знали, что ты придешь, если тебя приманить слухами. Что влезешь сюда, под землю, чтобы преследовать, хватать, убивать. Отсюда ты уже не выйдешь. Не увидишь солнца, которое так любил.

– Покажись.

В темноте за мостком что-то шевельнулось. Мрак словно сгустился в одном месте и принял человеческий, в общих чертах, облик. Существо, казалось, ни мгновения не оставалось в одной и той же позе, не стояло на месте. Оно изменялось постоянно, проделывая быстрые нервные мерцающие движения. Ведьмак уже видывал таких существ.

– Корред, – холодно бросил он. – Можно было ожидать здесь что-то подобное. Даже поразительно, как я не наткнулся на тебя раньше.

– Надо же! – В голосе подвижного существа прозвучала издевка. – В темноте, а узнал. А этого узнаешь? И того? И того вон?

Из тьмы беззвучно, словно духи, возникли еще три существа. Одно, прятавшееся за спиной корреда, судя по форме и общему облику, тоже было гуманоидом, но ростом пониже, сгорбленным и сильно походившим на обезьяну. Геральт знал, что это кильмулис.

Два других чудища, как справедливо подозревал ведьмак, прятались по его сторону мостка, готовые отрезать ему обратный путь. Первый слева заскреб когтями, словно гигантский паук, замер, перебирая многочисленными конечностями. Прыскирник. Последнее существо, больше похожее на семисвечник, вынырнуло, казалось, прямо из потрескавшейся сланцевой стены. Геральт не мог определить, что это такое. Ни в одной из ведьмачьих книг такие монстры не упоминались.

– Я не хочу ссоры, – сказал он, немного рассчитывая на тот факт, что существа начали с разговора, а не просто прыгнули ему в темноте на шею. – Я не хочу с вами ссоры. Но если вы начнете драку, я буду защищаться.

– Мы это учли, – прошипел корред. – Поэтому нас здесь четверо. Поэтому мы заманили тебя сюда. Ты отравил нам жизнь, сволочной ведьмак. Ты залез в наипрекраснейшие карсты и провалы в этой части мира, чудесное место для зимовки. Мы зимуем здесь почти от начала истории. А теперь ты явился сюда, чтобы охотиться на нас, негодяй. Ты преследуешь нас, вылавливаешь, убиваешь корысти ради. Хватит. С этим пора кончать. И с тобой тоже.

– Послушай, корред...

– Повеселее, – буркнуло существо. – Терпеть не могу хамства.

– Тогда как же к тебе об...

– Господин Швайцер.

– Значит, так, господин Швайцер, – проговорил Геральт внешне миролюбиво и покладисто. – Я вошел сюда. Не скрываю, как ведьмак, с ведьмачьим намерением. Я предлагаю опустить этот вопрос. Однако случилось здесь, в подземельях, нечто такое, что изменило ситуацию радикально. Я узнал нечто для меня чрезвычайно важное. Такое, что может изменить всю мою жизнь.

– Ну и дальше что?

– Мне необходимо, – Геральт был само спокойствие и терпение, – немедленно выйти на поверхность. Незамедлительно, без минуты промедления отправиться в дальний путь. Дорогой, которая может оказаться дорогой без возврата. Вряд ли я когда-либо вернусь сюда...

– Таким фортелем ты думаешь купить себе жизнь, ведьмак? – зашипел господин Швайцер. – Не выйдет. Ничего твои просьбы не дадут. Мы поймали тебя в силки и уже не выпустим. Убьем, чтобы сохранить жизнь не только себе, но и другим нашим единокровцам. В бою за нашу и, я бы сказал, вашу свободу.

– Я не только не вернусь в эти места, – терпеливо продолжал Геральт, – но и вообще откажусь от ведьмачьей работы. Я никогда больше не убью ни одного из вас...

– Врешь! Врешь с перепугу!

– Нет. – Геральт и на этот раз не позволил себя прервать. – Я уже сказал, мне необходимо немедленно отсюда выйти. Поэтому я предлагаю вам на выбор два решения. Первое: вы поверите в мою искренность, и я отсюда выйду. Второе: я выйду отсюда по вашим трупам.

– Третье, – кашлянул корред, – ты сам будешь трупом.

Ведьмак с шипением вытянул меч из ножен.

– Не единственным, – сказал он спокойно. – Не единственным, господин Швайцер.

Корред некоторое время молчал. Державшийся у него за спиной кильмулис покачивался и покашливал. Прыскирник сгибал и распрямлял конечности. Семисвечник постоянно изменял форму. Теперь он выглядел ободранной елочкой с двумя большими фосфоресцирующими глазами.

– Докажи, – наконец сказал корред, – свою искренность и добрую волю.

– Как?

– Отдай свой меч. Ты утверждаешь, что перестанешь ведьмачить. Но ведьмак – это его меч. Брось его в пропасть. Или сломай. Тогда мы позволим тебе выйти.

Геральт несколько секунд стоял неподвижно, в тишине было слышно, как капает вода со свода и стен. Потом медленно, не спеша, вертикально и глубоко всадил меч в расщелину. И переломил клинок сильным ударом сапога. Сталь лопнула, и звон эхом прокатился по пещерам.

Вода капала со стен, стекала, будто слезы.

– Не могу поверить, – очень медленно сказал корред. – Не могу поверить, что человек может быть настолько глуп.

Они бросились на него все разом, мгновенно, без крика, без приказа, без команды. Первым через мосток мчался господин Швайцер, выпустив когти и выставив клыки, которых не постыдился бы и волк.

Геральт позволил ему приблизиться, а потом развернулся в бедрах и ударил, разрубив ему нижнюю челюсть и горло. В следующий момент он уже был на мостке, ударом наотмашь располосовал кильмулиса, тут же сжался и припал к земле – вполне своевременно, – а прыгнувший на него семисвечник пронесся поверху, едва задев за куртку шпорами когтей. Ведьмак отпрыгнул от прыскирника, от тонких лап, крутящихся словно крылья ветряной мельницы. Удар одной из лап угодил Геральту по голове. Геральт заплясал, проделывая финт и окружая себя широкими взмахами меча. Прыскирник прыгнул снова, но промахнулся, ударился о перила и, проломив их, рухнул в пропасть, сопровождаемый каменным градом. До сих пор он не издал ни малейшего звука, сейчас же, падая в пропасть, завыл. Вой не утихал долго.

На Геральта набросились с двух сторон: с одной семисвечник, с другой – кровоточащий кильмулис, который, хоть и был ранен, сумел подняться. Ведьмак прыгнул на перила мостка, чувствуя, как трутся один о другой сползающие камни, как сотрясается мосток. Балансируя, выскочил за пределы шпористых лапищ семисвечника и оказался за спиной у кильмулиса. У кильмулиса не было шеи, и Геральт ударил его в висок. Череп оказался прямо-таки железным, пришлось ударить второй раз. На это ушло немного больше времени, чем хотелось бы.

Он получил по голове, боль вспыхнула в глазах и разлетелась в голове фейерверком огней. Он завертелся, окружив себя широкой защитой и чувствуя, как стекает из-под волос кровь, стараясь понять, что произошло. Чудом избежав второго удара шпорой, понял. Семисвечник изменил форму – теперь он действовал неправдоподобно длинными лапами.

Это было опасно: из-за сместившегося центра тяжести у семисвечника нарушилось равновесие. Ведьмак поднырнул под лапы, сокращая дистанцию. Семисвечник, видя, что ему грозит, словно кот перевернулся на спину и выставил задние лапы, такие же шпористые, как и передние. Геральт проскочил над ним, рубя в прыжке. Почувствовал, как клинок врезается в тело, собрался, развернулся, рубанул еще раз, припав на колено. Существо закричало и, резко выбросив вперед голову, дико клацнуло зубами перед самой грудью ведьмака. Его огромные глаза светились в темноте. Геральт оттолкнул его сильным ударом оголовка меча, резанул вблизи и снес левую половину челюсти. Но даже теперь, оставшись лишь с одной правой, это странное, не фигурирующее ни в одной из ведьмачьих книг существо щелкало зубами еще добрых несколько секунд. Потом умерло, страшно, почти по-человечески, вздохнув.

Лежащий в луже крови корред конвульсивно дрожал.

Ведьмак встал над ним.

– Не могу поверить, – очень медленно проговорил он. – Не могу поверить, что кто-то может быть настолько глуп, чтобы купиться на такую простую иллюзию, как та, что была мною продемонстрирована с переломленным мечом.

Неизвестно, в состоянии ли был корред понять его слова. Да, впрочем, ему это было безразлично.

– Я предупреждал, – сказал он, вытирая кровь, текущую по щеке. – Предупреждал, что мне необходимо выйти отсюда.

Господин Швайцер сильно задрожал, захрипел и застонал. Потом затих и замер.

Вода капала со свода и стен.

– Ты удовлетворен, Регис?

– Теперь – да.

– А посему, – ведьмак встал, – давай беги и упаковывайся. Да поживее.

– Это не отнимет у меня много времени. Omne a mea tecum porto.[76]

– Что-что?

– У меня багажа немного.

– Тем лучше. Через полчаса за городом.

– Буду.

Он ее недооценил. Она перехватила его. Сам виноват. Вместо того чтобы торопиться, надо было поехать на зады дворца и оставить Плотву в большой конюшне, предназначенной для странствующих рыцарей, персонала и прислуги. В которой стояли и лошади дружины. Он не сделал этого, а в спешке и по уже установившейся привычке воспользовался княжеской конюшней. А ведь мог бы догадаться, что в княжеской конюшне обязательно найдется стукач.

Она прохаживалась от бокса к боксу, пиная солому. На ней была короткая рысья шубка, белая атласная блузка, черная юбка для верховой езды и высокие сапоги. Кони фыркали, чувствуя пышущую от нее ярость.

– Так-так, – сказала она, увидев его и изгибая хлыст, который держала в руке. – Сбегаем! Не попрощавшись! Ибо письмо, которое лежит у меня на столе, – не прощание. Во всяком случае, не после того, что нас связывало. Насколько я понимаю, твое поведение вызвано невероятно важными причинами, объясняющими и оправдывающими его.

– Объясняющими и оправдывающими. Прости, Фрингилья.

– Прости, Фрингилья, – повторила она, яростно кривя губы. – Как кратко, как экономно, как просто и без претензий, какая забота о чистоте стиля. Письмо, которое ты оставил мне, даю голову на отсечение, вероятно, выглядит столько же изысканно. Без излишнего многословия, если говорить об аргументах.

– Я должен ехать, – выдавил он. – Ты догадываешься почему. И из-за кого. Прости меня, прошу. Я намеревался сбежать скрытно, втихую. Я не хотел, чтобы ты пыталась поехать с нами.

– Напрасные страхи, – процедила она, сгибая хлыст в кольцо. – Я не поехала бы с тобой, даже если б ты умолял, валялся у меня в ногах. О нет, ведьмак. Поезжай один, один погибай, один подыхай на перевалах. У меня нет перед Цири никаких обязательств. А перед тобой? Знаешь ли, сколько таких, как ты, умоляло меня дать им то, что досталось тебе и что ты сейчас с презрением отбрасываешь, зашвыриваешь в угол?

– Я никогда тебя не забуду.

– И-эх, – прошипела она. – Ты сам даже не догадываешься, как мне хочется сделать, чтобы это было правдой. И даже не с помощью магии, а просто при помощи этого хлыста!

– Ты этого не сделаешь.

– Ты прав. Не сделаю. Не смогу. Я буду вести себя как подобает опостылевшей и брошенной любовнице. Классически. Уйду, высоко подняв голову. Достоинно и гордо. Глотая слезы. Позже я буду реветь в подушку. А потом сойду с другим.

Она уже почти кричала.

Он не произнес ни слова. Она тоже умолкла. Наконец сказала совершенно иным голосом:

– Геральт. Останься со мной. Мне кажется, я люблю тебя. – Она почувствовала, что он колеблется. Явно колеблется. – Останься со мной. Прошу. Я никогда никого не просила и не думала, что попрошу. Тебя – прошу.

– Фрингилья, – ответил он, помолчав. – Ты женщина, о которой мужчина может только мечтать. Я виноват лишь в том, что мечтать не способен.

– Ты, – сказала она, тоже помолчав и кусая губы, – как рыболовный крючок, который вырвать можно только вместе с кровью и мясом. Что делать, я сама виновата: знала, на что шла, играя с опасной игрушкой. К счастью, я знаю также, как управиться с последствиями. В этом я превосхожу остальное бабское племя.

Он молчал.

– Впрочем, – добавила она, – разбитое сердце хоть и болит долго, гораздо дольше, чем сломанная рука, но срастается гораздо, гораздо быстрее.

Он и на этот раз не сказал ничего. Фрингилья посмотрела на синяк у него на щеке.

– Ну, как мой амулет? Хорошо действует?

– Просто великолепен. Благодарю.

Она кивнула.

– Куда едешь? – спросила она совершенно иным голосом и тоном. – Что ты узнал? Тебе уже известно место, где скрывается Вильгефорц, верно?

– Верно. Только не проси меня сказать, где это. Я не скажу.

– Я у тебя эту информацию покупаю. Баш на баш.

– Ах так?

– У меня есть достаточно ценные сведения, – продолжала она. – А для тебя – так просто бесценные. Я продам их тебе взамен за...

– ...за спокойную совесть, – dokonчил он, глядя ей в глаза. – За доверие, которым я тебя почтил. Кажется, только что шла речь о любви? А теперь уже начинается торг?

Она молчала долго. Потом резко, сильно ударила хлыстом по голенищу.

– Йеннифэр, женщина, именем которой ты несколько раз называл меня ночью в самые неподходящие для этого моменты, никогда не предавала ни тебя, ни Цири. Она никогда не была сообщницей Вильгефорца. Чтобы спасти Цири, она пошла на невероятный риск, потерпела поражение и попала в руки Вильгефорца. Осенью прошлого года он пытками принудил ее сканировать, чтобы отыскать Цири. Жива ли она – неизвестно. Больше я ничего не знаю. Клянусь.

– Благодарю тебя, Фрингилья.

– Уходи.

– Я верю тебе, – сказал он, не двигаясь с места. – И никогда не забуду, что было между нами. Я верю тебе, Фрингилья. Я не останусь с тобой, но, пожалуй, я тоже тебя любил... По-своему. Прошу тебя, то, что ты сейчас узнаешь, сохрани в величайшей тайне. Убежище Вильгефорца находится в...

– Подожди, – прервала она. – Скажешь это позже, выдашь это позже. А сейчас, перед отъездом, попрощайся со мной. Так, как должен попрощаться. Не записками, не детскими извинениями. Прощайся со мной так, как этого хочу я.

Она скинула рысью шубу, бросила на кучу соломы. Рывком разорвала блузку, под которой не было ничего. Упала на шубку, потянула его за собой. На себя. Геральт ухватил ее за шею, подтянул юбку, сразу же понял, что перчатки снять уже не успеет. На Фрингилье, к счастью, перчаток не было. И трусиков тоже. К еще большому счастью, на ней не было и шпор. К счастью – потому что через мгновение каблуки ее верховых сапог уже были буквально везде – если б она носила шпоры, страшно подумать, что могло случиться.

Когда она крикнула, он поцеловал ее. Придушил крик.

Лошади, чувствуя необузданную человеческую страсть, ржали, топали, бились в боксах о перегородки, так что пыль и сено сыпались с потолка.

– Цитадель Rhys-Rhun в Назаире, у озера Муредах, – торжествующе закончила Фрингилья Виго. – Там убежище Вильгефорца. Я вытянула это из ведьмака прежде, чем он уехал. У нас достаточно времени, чтобы его опередить. Он ни в коем случае не успеет добраться туда до апреля.

Девять женщин, собравшихся в колонном зале дворца Монтекальво, покачали головами, одарили Фрингилью взглядами, полными признательности.

– Рыс-Рун, – повторила Филиппа Эйльхарт, обнажая зубы в хищной улыбке и поигрывая пришпиленной к платью камеей из сардоникса. – Рыс-Рун в Назаире. Ну, до скорой встречи, господин Вильгефорц. До скорой встречи!

– Когда ведьмак туда доберется, – прошипела Кейра Мец, – он найдет развалины, от которых уже не будет даже нести гарью.

– И дохлятиной, – обаятельно улыбнулась Сабрина Глевиссиг.

– Bravo, мазель Виго, – кивнула Шеала де Танкарвилль, сделав такой жест, которого Фрингилья никогда не ожидала бы от известной чародейки. – Отличная работа.

Фрингилья склонила голову.

– Bravo, – повторила Шеала. – Свыше трех месяцев в Туссенте... Но, вероятно, имело смысл.

Фрингилья Виго обвела взглядом сидящих за столом чародеек: Шеала, Филиппа, Сабрина Глевиссиг, Кейра Мец, Маргарита Ло-Антиль и Трисс Меригольд. Франческа Финдабаир и Ида Эмеан, чьи глаза, подчеркнутые ярким эльфийм макияжем, не выражали абсолютно ничего. Ассирэ вар Анагид, глаза которой выражали и беспокойство, и озабоченность.

– Имело, – призналась она.

Совершенно искренне.

Небо из темно-голубого постепенно становилось черным. Морозный вихрь гудел в виноградниках. Геральт застегнул волчью доху и обернул шею шерстяным шарфом. Чувствовал он себя прекрасно. Воплощенная любовь, как обычно, вознесла его на вершины физических, психических и моральных сил, стерла остатки каких-либо сомнений, прояснила и оживила мысли. Он только жалел, что теперь надолго будет лишен этой чудотворной панацеи.

Голос Рейнарта де Буа-Фресне вырвал его из задумчивости.

– Надвигается скверная погода, – сказал странствующий рыцарь, глядя на восток, откуда налетал вихрь. – Поспешите. Если ветер принесет снег и прихватит вас на перевале Мальхеур, вы окажетесь в ловушке. И тогда молитесь об оттепели всех богов, каких вы только знаете, почитаете и о каких слышали.

– Понятно.

– Первые дни вас будет вести Сансретура, держитесь реки. Минуете трапперскую факторию, доберетесь до места, в котором в Сансретуру впадает правый приток. Его течение укажет вам дорогу на перевал Мальхеур. Если же по воле божьей вы все-таки преодолеете Мальхеур, не особенно радуйтесь, потому что впереди вас еще будут ждать перевалы Сансмерси и Монблан. Перейдя оба, вы спуститесь в долину Саддат. В Саддате теплый микроклимат, почти как в Туссенте. Если б не бедная почва, там сажали бы виноград...

Он оборвал, устыдившись осуждающих взглядов.

– Ясно. Ближе к делу. У устья Саддата лежит городок Карависта. Там проживает мой кузен, Ги де Буа-Фресне. Посетите его и сошлитесь на меня. Если окажется, что кузен скончался либо впал в старческий маразм, запомните: направление вашего пути – равнина Маг Деира, потом долина реки Сильты. Дальше, Геральт, уже по картам, которые ты скопировал у местного картографа. Ну а коли уж мы упомянули картографа, то я не очень понимаю, чего ради ты пытался о каких-то замках...

– Об этом забудь, Рейнарт. Ничего такого не было. Ничего ты не слышал, ничего не видел. Даже если тебя станут пытаться. Понятно?

– Понятно.

– Всадник, – предостерег Кагыр, сдерживая брыкающегося жеребца. – Всадник мчится к нам галопом со стороны дворца.

– Если один, – осклабилась Ангулема, поглаживая висящий при седле топорик, – то невелика беда.

Всадником оказался Лютик, мчащийся во весь опор, не жалея коня. О диво, конем был мерин поэта Пегас, который скакать не любил и не привык.

– Ну, – сказал трубадур, задыхаясь так, словно не он скакал на мерине, а мерин на нем. – Ну, слава всевышнему. Я боялся не поймать вас.

– Неужто едешь с нами?

– Нет, Геральт. – Лютик опустил глаза. – Не еду. Остаюсь в Туссенте с Ласочкой. То есть с Анарьеттой. Но не мог же я, в самом деле, с вами не попрощаться. Пожелать счастливого пути.

– Поблагодари княгиню за все. И постарайся оправдать нас за то, что мы так неожиданно, как это? Ну, совсем по-американски, в смысле – не прощаясь. Объясни как-нибудь.

– Вы дали рыцарский обет, вот и все. Любой в Туссенте, включая и Ласочку, это понимает. А здесь... Возьмите. Пусть это будет моим вкладом.

– Лютик, – Геральт принял у поэта тяжелый кошель, – на отсутствие денег мы не жалуемся. Ты напрасно...

– Пусть это будет моим вкладом, – повторил трубадур. – Наличные никогда не помешают. Кроме того, они не мои, я позаимствовал дукаты из личной шкатулки Ласочки. Что так смотрите? Женщинам деньги не нужны. Да и зачем они им? Пить не пьют, в кости не играют, а женщинами... Ну, женщины-то, черт побери, они сами и есть. Ну, бывайте! Поезжайте, а то я еще, чего доброго, разревусь. А когда все кончится, на обратном пути загляните в Туссент, все мне расскажите. И я хочу обнять Цири. Обещаешь, Геральт?

– Обещаю.

– Ну все. Бывайте.

– Погоди. – Геральт развернул лошадь, подъехал вплотную к Пегасу, незаметно вытащил из-за пазухи письмо. – Постарайся, чтобы это письмо дошло...

– До Фрингильи Виго?

– Нет. До Дийкстры.

– Да ты что, Геральт? Спятил? И как я смогу это сделать, по-твоему?

– Найди способ. Знаю, ты сумеешь. А теперь – прощай. Давай морду, старый дурень.

– Давай морду, друг. Я буду ждать вас.

Они глядели ему вслед, видели, как он едет рысью в сторону Боклера.

Небо темнело.

– Рейнарт! – Ведьмак повернулся в седле. – Поехали с нами?

– Нет, Геральт, – помолчав, ответил Рейнарт де Буа-Фресне. – Я рыцарь странствующий, но не странный. Во всяком случае, не настолько странный, чтобы оказаться сумасшедшим.

В большом колонном зале замка Монтекальво царило необычное возбуждение. Привычную светотень канделябров сегодня заменяла млечная яркость большого магического экрана. Изображение на экране дрожало, мерцало, пропадало и возникало вновь, усиливая возбуждение и напряженность. И нервозность.

– Да-а, – сказала Филиппа Эйльхарт, хищно ухмыляясь. – Жаль, я не могу там быть. Немного движения мне бы не помешало. И немного азарта.

Шеала де Танкарвилль едко взглянула на нее, но ничего не сказала. Франческа Финдабаир и Ида Эмеан заклинаниями стабилизировали изображение и увеличили так, чтобы оно заняло всю стену. Они четко видели черные вершины гор на фоне темно-синего неба, звезды, отражающиеся в поверхности озера, темную угловатую глыбу замка.

– Я все еще не уверена, – проговорила Шеала, – не ошиблись ли мы, доверив руководство ударной группой Сабрине и юной Мец. Кейре сломали на Танедде ребра, у нее может возникнуть желание отомстить. А Сабрина... Ну, эта чересчур обожает действия и азарт. Верно, Филиппа?

– Мы уже говорили об этом, – отрезала Филиппа, и голос у нее был кислый словно сливовый

маринад. – Установили все, что следовало установить. Никто не будет убит без крайней необходимости. Группа Сабрины и Кейры войдет в Рыс-Рун тихо, как мышка, на цыпочках, тики-топ. Вильгефорца возьмут живым, без единой царапины, без единого синячка. Это мы решили. Хотя я по-прежнему считаю, что следовало бы некоторых проучить. Чтобы те немногие там, в замке, которые переживут эту ночь, до конца жизни просыпались бы с криком, когда им приснится то, что случилось.

– Мечь, – сухо проговорила чародейка из Ковира, – есть наслаждение для умов заурядных, слабых и мелочных.

– Возможно, – со спокойной улыбкой согласилась Филиппа. – Однако наслаждением она от этого быть не перестает.

– Давайте прекратим. – Маргарита Ло-Антиль подняла фужер искрящегося вина. – Предлагаю выпить за здоровье мазели Фрингильи Виго, стараниями которой убежище Вильгефорца было обнаружено. Воистину, мазель, это была добротная, образцовая работа.

Фрингилья поклоном поблагодарила за тост. В черных глазах Филиппы она заметила что-то вроде насмешки, в лазурном взгляде Трисс Меригольд – отвращение. Улыбок Францески и Шеалы она постичь не могла.

– Начинают, – сказала Ассирэ вар Анагид, указывая на вызванную чарами картину.

Уселись поудобнее. Чтобы лучше видеть, Филиппа заклинанием приглушила свет.

Было видно, как от скал отделяются быстрые черные фигуры, бесшумные и юркие, словно летучие мыши. Как на бреющем полете опускаются на зубцы и навесные бойницы замка Рыс-Рун.

– Почти сотню лет, – буркнула Филиппа, – не держала я метлы между ногами. Еще немного – и вообще забуду, что значит летать.

Шеала, всматривавшаяся в изображение, успокоила ее нетерпеливым шиканьем.

В окнах черной громады замка кратко блеснул огонь. Раз, другой, третий. Они знали, что это. Запертые двери и внутренние цепи разлетелись вдребезги под ударами шаровых молний.

– Они внутри, – тихо произнесла Ассирэ вар Анагид, единственная, кто наблюдал картину не на стене, а вглядываясь в лежащий на столе хрустальный шар. – Ударная группа внутри. Но что-то у них неладно. Не так, как должно бы.

Фрингилья почувствовала, как кровь от сердца отливает куда-то вниз, к животу. Она уже знала, что именно не так, как должно было бы быть.

– Госпожа Глевиссиг, – продолжала докладывать Ассирэ, – включает прямой коммуникатор.

Пространство между колоннами зала неожиданно разгорелось, в материализующемся овале они увидели Сабрину Глевиссиг в мужской одежде, с волосами, перехваченными на лбу шифоновым шарфом, и лицом, зачерненным полосками маскирующей краски. За спиной чародейки просматривались грязные каменные стены, на них висели обрывки лохмотьев, некогда бывших гобеленами.

Сабрина указала на них затянутой в перчатку рукой, с которой свисали длинные полосы паутины.

– Только этого, – сказала она, бурно жестикулируя, – тут полным-полно! Только этого! Дьявол меня побери, что за идиотизм, какой провал...

– Говори понятней, Сабрина.

– Что понятней? – взвизгнула каэдвенская магичка. – Что тут можно сказать понятней? Не видите? Это замок Рыс-Рун! Он пуст! Пуст и грязен! Это чертовски пустая развалюха! Нет тут ничего! Ничего!

Из-за спины Сабрины выглянула Кейра Мец, с маскирующей раскраской на лице выглядевшая как черт из ада.

– В этом замке, – спокойно подтвердила она, – нет и не было никого. Уже лет пятьдесят. Всего каких-то пятьдесят годков здесь не появлялась ни одна живая душа, если не считать пауков, крыс и летучих мышей, у которых, как известно, душ нет. Мы десантировались не туда.

– Вы проверили, не иллюзия ли это?

– Ты нас детьми считаешь, Филиппа?

– Слушайте обе, – Филиппа Эйльхарт нервно пригладила волосы, – наемницам и адепткам скажете, что это были учения. Заплатите им и возвращайтесь. Возвращайтесь немедленно! И с хорошей миной, слышите? Делайте хорошую мину!

Овал коммуникатора погас. Осталось только изображение на стенном экране. Замок Рыс-Рун на фоне черного, усеянного звездами неба. И озеро, в котором эти звезды отражались.

Фрингилья Виго уставилась в крышку стола. Она чувствовала, что приливающая к щекам кровь вот-вот разорвет кожу.

– Я... поверьте... – выдавила она наконец, не в силах больше переносить молчания, заполнившего колонный зал замка Монтекальво. – Я... поверьте, я... действительно не понимаю...

– А я – понимаю, – сказала Трисс Меригольд.

– Этот замок, – задумчиво проговорила Филиппа, совершенно не обращая внимания на сообщниц. – Этот замок... Рыс-Рун... следует уничтожить. Превратить в развалины, в груды кирпичей и камней. А когда об этом деянии начнут слагать легенды и сказания, надо будет подвергнуть их тщательной цензуре. Вы улавливаете мою мысль?

– Вполне, – кивнула молчавшая до того Францеска Финдабаир.

Ида Эмеан, тоже молчавшая, позволила себе многозначительно фыркнуть.

– Я... – Фрингилья Виго все еще сидела словно оглушенная. – Я действительно не понимаю... Как такое могло случиться...

– Ох, – после очень долгого молчания сказала Шеала де Танкарвилль, – ничего особенного, мазель Виго. Идеальных людей не бывает.

Филиппа тихонько прыснула в кулак. Ассирэ вар Анагид вздохнула и воздела глаза к потолку.

– В конце концов, – добавила Шеала, выпятив губы, – с каждой из нас такое когда-нибудь да случалось. Каждую из нас, здесь сидящих, когда-нибудь обольстил, использовал, обманул и выставил на посмешище какой-нибудь мужчина.

«Дитя, я пленился твоей красотой,

Неволей иль волей, а будешь ты мой».

«Родимый, лесной царь нас хочет догнать;

Уж вот он: мне душно, мне тяжело дышать».

И. В. Гёте

Все уже когда-то было, все уже когда-то случилось и все уже когда-то было описано.
Высогота из Корво

Полдень сошел на лес зноем и духотой, а совсем еще недавно темная, как жадеит, гладь озера запылала золотом, заиграла солнечными бликами. Цири пришлось заслонить глаза рукой: отраженный от воды свет слепил, отзывался болью в зрачках и висках.

Она проехала сквозь прибрежные заросли, загнала Кэльпи в озеро, так чтобы вода покрыла кобыле колени. Вода была настолько прозрачной, что в отбрасываемой лошастью тени Цири даже с высоты седла различала цветную мозаику дна, беззубок и водоросли. Видела она и маленького рака, с чувством собственного достоинства ползущего меж камней.

Кэльпи заржала. Цири дернула поводья, выехала на мель, а не на берег, потому что берег был песчаный, выстланный камнями, а это не позволяло ехать быстро. Кобыла пошла вдоль самой кромки, ступая по твердой гальке дна. И почти сразу – рысью, а в этом-то Кэльпи была мастерицей, не хуже настоящей ездовой лошади, которую тренировали не под седло, а для брички или ландо. Но Цири быстро пришла к выводу, что рысь – все же слишком медленно. Ударом пяток и голосом Цири послала кобылу в галоп. Они неслись в блестящих на солнце, как капли расплавленного серебра, брызгах разлетающейся во все стороны воды.

Цири не замедлила темп даже тогда, когда увидела башню. Мчалась быстро, так быстро, что обыкновенная лошадь, наверно, пала бы. Но в дыхании Кэльпи не пробивалось ни малейшего храпа, а ее галоп по-прежнему был легок и непринужден.

Она влетела во двор со всего разгона, под звон копыт, остановила кобылу так, что несколько мгновений копыта скользили по плитам с протяжным скрежетом. Остановилась совсем рядом с поджидавшими у башни эльфками. Чуть ли не наехав на них. Это доставило ей удовольствие, потому что две из них, обычно невозмутимые и бесстрастные, сейчас невольно попятились.

– Не бойтесь, – фыркнула она. – Не задавлю. Если не захочу.

Эльфки быстро успокоились, лица снова разгладились, глаза стали равнодушно-самоуверенными.

Цири соскочила, – вернее, спорхнула с седла. В глазах у нее был вызов.

– Bravo, – сказал светловолосый эльф с треугольным лицом, выходя из тени под аркой. – Отличный спектакль. Loc'hlaith.

Когда она вошла в Башню Ласточки и оказалась среди цветущей весны, он назвал ее так же. Loc'hlaith. Но это было давно, и на Цири такие вещи уже перестали действовать.

– Никакая я не Владычица Озера, – огрызнулась она. – Я тут – пленница. А вы – тюремщики! И нечего суп-ритатуй именовать консоме-де-валяем[77]. Надо называть вещи своими именами. А ну-ка! – бросила она одной из эльфок. – Лошадь протереть. Когда остынет, напоить. И вообще – позаботиться!

Светловолосый эльф едва заметно улыбнулся.

– Действительно, – сказал он, глядя, как эльфки, не вымолвив ни слова, отводят лошадь в конюшню. – Ты тут – всеми обижаемая, бесправная узница, а они – строгие тюремщики. Невооруженным глазом видно.

– За что купил, за то и продал. – Она подбоченилась, задрала нос, смело глянула ему в глаза, бледно-голубые, как аквамарины, и не очень строгие. – Обращаюсь с ними, как и они со мной. А тюрьма есть тюрьма!

– Ты удивляешь меня, Loc'hlaith.

– А ты меня, видать, за дурочку держишь! И даже не представился.

– Извини. Я – Crevan Espane aep Caomhan Macha. Я, если ты знаешь, что это значит, – Aep Saevherne.

– Знаю. – Она не смогла полностью скрыть удивления. – Знающий. Ведун... Эльфий чародей.

– Можно сказать и так. Для удобства я пользуюсь более коротким, но равнозначным именем: Avallac'h. Так ты и можешь ко мне обращаться.

– Кто тебе сказал, – нахмурилась она, – что мне вообще захочется к тебе обращаться? Ведун ты или нет, все едино – надзиратель, а я...

– Узница, – саркастически закончил он. – Это я уже слышал. К тому же узница, с которой скверно обращаются. Разгуливать по округе тебя, видимо, принуждают силой, меч на спине ты носишь в наказание, как и модную и достаточно дорогую одежду, во много раз более элегантную и чистую, нежели та, в которой явилась сюда. Но, несмотря на столь жуткие условия, ты не сдаешься. Отвечаешь на наносимые тебе обиды резкостями. С величайшей отвагой и запалом бьешь зеркала, представляющие собой выдающиеся произведения искусства.

Она покраснела. Страшно злая на самое себя.

– О, – быстро сказал он. – Можешь бить сколько твоей душе угодно, в конце концов, это ведь всего-навсего неодушевленные предметы. Правда, изготовили их семь столетий назад. Не желаешь ли прогуляться со мной по берегу озера?

Налетевший ветер смягчил жару. Да и огромные деревья и башни давали тень. У воды

залива был цвет мутной зелени. Густо покрытая листьями и усыпанная желтыми шариками кувшинок, она больше походила на луг. Водяные курочки-камышницы, покрывавшая и кивая красными клювами, быстро кружили вокруг листьев.

– Зеркало... – пробормотала Цири, вертя каблуком влажную гальку. – За него прости. Обозлилась я. Вот и все.

– Ах-ах...

– Они меня третируют. Твои эльфки. Когда я обращаюсь к ним, делают вид, будто не понимают. А когда обращаются ко мне, то говорят специально так, чтобы их не понимала я. Они мною пренебрегают.

– Ты прекрасно говоришь на нашем языке, – спокойно пояснил он. – Но все же для тебя это язык чужой. Кроме того, ты пользуешься *hen llinge*, а они *ellilon’om*. Различия невелики, но все же есть.

– Тебя я понимаю. Каждое слово.

– В разговорах с тобой я пользуюсь *hen llinge*, языком эльфов твоего мира.

– А ты? – Она отвернулась. – Из которого мира ты? Я не ребенок. Достаточно ночью поглядеть на небо. Там нет ни одного знакомого мне созвездия. Этот мир – не мой. Не мое место. Я попала сюда случайно... И хочу выйти отсюда. Уехать.

Она наклонилась, подняла камень, сделала такое движение, будто хочет кинуть его в озеро, туда, где плавали курочки, однако под его взглядом сдержалась.

– Даже если уехать на целое стае, – сказала она, не скрывая огорчения, – я все равно оказываюсь у озера. И вижу эту башню. Независимо от того, в которую сторону поеду, как повернусь, всегда рядом озеро и эта башня. Всегда. От нее невозможно удалиться. А значит, это тюрьма... Хуже, чем яма, чем темница, хуже, чем комната с зарешеченными окнами. Знаешь почему? Потому что сильнее унижает. *Ellilon* или не *ellilon* – меня злит, когда надо мной насмеются и демонстрируют превосходство. Да-да, нечего жмуриться. Ты мною тоже пренебрегаешь и тоже насмехаешься. И еще удивляешься, что я злюсь?

– Я и верно удивляюсь. – Он широко раскрыл глаза. – Безмерно.

Она вздохнула. Пожала плечами.

– Я вошла в Башню больше недели назад, – сказала она, пытаюсь сохранять спокойствие. – Попала в иной мир. Ты ждал меня, сидя на камне и наигрывая на флейте. Ты даже удивился тому, что я так долго не приходила. Ты назвал меня моим именем, лишь потом взялся за свои глупости о Владычице Озера... Потом исчез, ничего не объяснив. Оставив меня в... тюрьме. Называй это как хочешь. Я называю издевательством и злонамеренным унижением.

– Но ведь прошло всего восемь дней, *Zireael*.

– Угу, – скривилась она. – Стало быть, мне повезло? Потому что ведь могли быть и восемь недель? Или восемь месяцев? Или восемь... – Она умолкла.

– Дитя, – тихо сказал он, – ты далеко ушла от Лары Доррен. Ты потеряла ее наследие, потеряла вместе со своей кровью. Ничего странного в том, что женщины не понимают тебя, а ты – их. Ты не только разговариваешь иначе, ты иначе мыслишь. Совершенно иными категориями. Что такое восемь дней или восемь недель? Время не имеет значения.

– Ладно! – зло воскликнула она. – Согласна, я не мудрая эльфка, я глупый человек. Для меня

время имеет значение, я считаю дни, даже часы считаю. И высчитала, что прошло много и дней, и часов. Я уже не хочу от вас ничего, обойдусь без объяснений, мне безразлично, почему здесь весна, почему на водопой к озеру приходят единороги, а ночью на небе светят другие созвездия. Меня абсолютно не интересует, откуда ты знаешь мое имя и каким образом тебе стало известно, что я явлюсь сюда. Я хочу лишь одного. Вернуться к себе. В свой мир. К людям. Таким, которые мыслят, как я. Теми же категориями.

– Ты вернешься к ним. Спустя какое-то время.

– Я хочу сейчас! – крикнула она. – А не спустя какое-то время! Потому что ваше время – вечность! По какому праву вы удерживаете меня? Почему я не могу уйти? Я вошла сюда сама! По собственной воле! У вас нет на меня никаких прав!

– Ты вошла сюда сама, – спокойно подтвердил он. – Но не по своей воле. Тебя привело Предназначение, которому мы немного помогли. Ибо тебя здесь давно и долго ждали. Очень долго. Даже и по нашему счету времени.

– Ничего я не поняла!

– Мы ждали долго, – он не обратил внимания на ее слова, – опасаясь только одного: сумеешь ли ты войти. Ты сумела. Подтвердив тем самым свою кровь, свою родословную. А это значит, что здесь, а не среди Dh'oine, твое место. Ты – дочь Лары Доррен азп Шиададь!

– Я – дочь Паветты! Я даже не знаю, кто такая эта твоя Лара!

Он поморщился, но всего чуть-чуть, почти незаметно.

– В таком случае будет лучше, если я объясню тебе, кто такая «моя» Лара. Поскольку время торопит, охотнее всего я взялся бы за объяснение в пути. Но беда в том, что ради неумного спектакля ты чуть не загнала лошадь.

– Загнала? Хо! Ты еще не знаешь, что эта кобыла может выдержать. А куда мы поедем?

– Если не возражаешь, я и это поясню тебе в пути.

Цири придержала храпящую Кэльпи, видя, что сумасшедший галоп не имеет смысла и ничего не даст.

Аваллак'х не лгал. Здесь, на открытой равнине, на лугах, среди зарослей вереска, из которых торчали менгиры, действовала та же сила, что в окрестности Tor Zireael. Можно было мчаться очертя голову в любом направлении, но примерно после одного стае оказывалось, что ты едешь по кругу.

Цири пошлепала храпящую Кэльпи по шее, глядя на группку спокойно едущих эльфов. Как только Аваллак'х сказал, чего от нее хотят, она рванула в галоп, стараясь убежать от них по возможности дальше, оставить позади и их, и их бесстыдное, не вмещающееся в голове предложение.

Теперь они снова перед ней. На расстоянии примерно стае.

Аваллак'х не лгал. Убежать отсюда невозможно.

Единственное, что дал галоп, так это остудил голову, приморозил ярость. Теперь она была гораздо спокойнее. Но до сих пор дрожала от злости.

«Ну и влипла, – подумала она. – И как меня угораздило лезть в эту Башню?»

По телу пробежала дрожь. И она тут же успокоилась.

«Жива, – подумала она, оглядываясь. – Битва еще не окончена. Битву закончит смерть, все остальное лишь перерыв в битве. Передышка. Этому меня научили в Каэр Морхене».

Она пустила лошадь шагом, потом, видя, что кобыла снова гордо подняла голову, пошла рысью вдоль ряда менгиров. Травы и вересковый кустарник доходили до стремян.

Довольно быстро она догнала Аваллак'ха и трех эльфов. Едва улыбающийся Ведун вопросительно глянул на нее аквамариновыми глазами.

– Пожалуйста, Аваллак'х, – кашлянула она. – Скажи, что это была грустная шутка.

По его лицу пробежало подобие тени.

– Я не привык так шутить, – сказал он. – А если ты сочла сказанное шуткой, то позволю себе повторить еще раз со всей серьезностью: мы хотим иметь от тебя ребенка, Ласточка, дочь Лары Доррен. Лишь после этого мы позволим тебе уйти, вернуться в свой мир. Выбор, естественно, за тобой. Ручаюсь, сумасшедшая гонка помогла тебе принять решение. Каков будет твой ответ?

– Нет, – жестко ответила она. – Категорически и однозначно – нет. Я не согласна. И все тут.

– Что делать? – Он пожал плечами. – Признаться, я разочарован. Ну что ж, это твой выбор.

– Как можно вообще требовать подобное? – дерзко выкрикнула она. – Как ты вообще посмел? По какому праву?

Он спокойно смотрел на нее. Цири почувствовала на себе взгляды и остальных эльфов.

– Мне кажется, – сказал Аваллак'х, – историю твоего рода я изложил во всех подробностях. Мне казалось, ты понимаешь. Поэтому твои вопросы удивляют. Мы имеем право и можем требовать, Ласточка. Твой отец, Крегеннан, забрал у нас ребенка. Ты его нам вернешь. Возвратишь долг. Мне это представляется логичным и справедливым.

– Мой отец... Я не помню своего отца, но его звали Дани. Не Крегеннан. Я тебе уже сказала!

– А я уже ответил, что несколько смешных поколений людей не имеют для нас значения.

– Но я не хочу! – заорала Цири так, что кобыла заплясала под нею. – Не хочу, понятно тебе? Не хочууу!!! Мне отвратительна сама мысль о том, что мне присадят какого-то дерьмового паразита, меня тошнит при одной мысли, что этот паразит будет во мне расти, что...

Она осеклась, видя лица эльфов. На двух рисовалось безбрежное изумление. На третьем – безбрежная ненависть. Аваллак'х многозначительно кашлянул.

– Проедем немного вперед, – холодно сказал он, – и поговорим с глазу на глаз. Твои взгляды, Ласточка, пожалуй, излишне радикальны, чтобы высказывать их при свидетелях.

Они долго ехали молча.

– Я сбегу от вас, – первой заговорила Цири. – Вы не удержите меня против моей воли. Я сбежала с острова Танедд, сбежала от жрецов и нильфгаардцев, убежала от Бонарта и Филина. Убегу и от вас. Я найду способ и против ваших чар.

– Я думал, – ответил он, помолчав, – тебе важнее друзья. Йеннифэр, Геральт.

– Ты об этом знаешь? – удивленно вздохнула она. – Ну да. Правда. Ведь ты – Ведун! Поэтому

обязан знать, что именно о них я и думаю. Там, в моем мире, они сейчас, в этот момент, в опасности. А вы намерены держать меня здесь... в тюрьме. По крайней мере девять месяцев. Сам же видишь, у меня нет выбора. Я понимаю, что вам важен ребенок, Старшая Кровь, но я не могу. Просто не могу.

– Выбор, как я сказал, за тобой. Однако тебе следует знать кое-что. Было бы несправедливо это от тебя скрывать. Отсюда сбежать невозможно, Ласточка. Поэтому, если ты откажешься действовать с нами заодно, то останешься здесь навсегда. Своих друзей и свой мир ты никогда не увидишь.

– Наглый и отвратительный шантаж!

– Если же, – не отреагировал он на ее крик, – ты согласишься пойти нам навстречу, мы докажем тебе, что время не имеет значения.

– Не понимаю.

– Время здесь течет иначе, чем там. Если ты окажешь нам услугу, мы отблагодарим тебя. Сделаем так, что ты восполнишь время, которое потеряла здесь, среди нас. Среди Народа Ольх.

Она молчала, уставившись на черную гриву Кэльпи. «Надо тянуть, – подумала она. – Как говорил Весемир в Казр Морхене: “Когда тебя собираются вешать, попроси стакан воды. Никогда не известно, что может произойти, пока его принесут”».

Одна из эльфов неожиданно вскрикнула и свистнула.

Конь Аваллак'ха заржал, забил копытами. Эльф успокоил его, что-то крикнул эльфам. Цири увидела, как одна из них выхватила лук из висящей при седле кожаной петли, приподнялась в стременах, прикрыла рукой глаза.

– Сохраняй спокойствие, – сказал Аваллак'х.

Цири вздохнула.

В каких-нибудь двухстах шагах от них через заросли вереска галопом мчались единороги. Целый табун, голов тридцать, не меньше.

Цири уже видела единорогов, в основном на рассвете, они подходили порой к озеру у Башни Ласточки. Однако никогда не позволяли ей приблизиться. Исчезали, словно духи.

Табун вел огромный жеребец странной красноватой масти. Он вдруг остановился, пронзительно заржал, встал на дыбы. Совершенно невыполнимым для любого коня образом он танцевал на задних ногах, перебирая в воздухе передними.

Цири с изумлением отметила, что Аваллак'х и три эльфы тянут хором какую-то странную монотонную мелодию.

Кто ты?

Она потрянула головой.

Кто ты? – снова прозвучал вопрос у нее в мозгу, забился в висках. Распев эльфов неожиданно повысился на тон. Рыжий единорог заржал, табун ответил тем же. Земля задрожала, когда они уносились.

Песнь Аваллак'ха и эльфов оборвалась. Цири увидела, как Ведун украдкой оттирает пот со

лба. Эльф уголком глаза взглянул на нее, понял, что она заметила.

– Не все тут так ладно, как кажется, – сухо сказал он. – Не все.

– Вы боитесь единорогов? Но ведь они умные и мирные.

Он не ответил.

– Я слышала, – продолжала Цири, – что эльфы и единороги любят друг друга.

Он отвернулся.

– Считай, – холодно сказал он, – что ты была свидетельницей ссоры любовников.

Больше она вопросов не задавала.

Ей хватало собственных неприятностей.

Вершины холмов были украшены кромлехами и дольменами. Они напоминали Цири тот камень из-под Элландера, у которого Йеннифэр учила ее магии. «Как давно это было, – подумала она. – Много веков тому назад».

Одна из эльфов крикнула снова. Цири посмотрела в ту сторону, куда она указала. Прежде чем успела сообразить, что ведомый рыжим жеребцом табун возвращается, крикнула вторая эльфка. Цири поднялась на стременах.

С противоположной стороны, из-за холма, вылетел другой табун. Ведущий его единорог был синеватый в яблоках.

Аваллак'х быстро проговорил несколько слов. Это и был тот труднопонимаемый Цири язык *ellilon*, но она поняла, тем более что эльфки как по команде схватились за луки. Аваллак'х повернулся лицом к Цири, и она почувствовала, как в голове у нее начинает шуметь. Это был шум подобный тому, какой издает приложенная к уху морская раковина.

Не сопротивляйся, – услышала она голос. –

Я должен прыгнуть и перенести тебя в другое место. Тебе угрожает смертельная опасность.

Издавека до них донесся свист, протяжный крик. А мгновение спустя земля задрожала от подков.

Из-за холма появились всадники. Целый отряд.

На конях были попоны, на наездниках гребенчатые шлемы, за спинами развевались плащи, киноварно-малиновые, подобные отсвету пожара на небе, подсвеченном лучами заходящего солнца.

Свист, крик.

Наездники лавиной мчались на них.

Прежде чем они приблизились на полстае, единорогов уже не было. Они исчезли в степи, оставив за собой облако пыли.

Командир всадников, черноволосый эльф, сидел на гигантском как дракон караковом жеребце, покрытом, как и все лошади отряда, попоной, вышитой под драконью чешую, и вдобавок несущим на голове прямо-таки демонический рогатый букраньон[78]. Как и у остальных эльфов отряда, у черноволосого под киноварно-малиново-кармазинным плащом

была кольчуга, изготовленная из колечек невероятно малого диаметра, благодаря чему она облегала тело мягко, словно шелковая ткань.

– Аваллак'х, – сказал он, приветствуя.

– Эредин.

– Ты мой должник за оказанную услугу. Расплатишься, когда я потребую.

– Расплачусь, когда потребуешь.

Черноволосый слез с коня. Аваллак'х слез тоже и жестом приказал спешиться Цири. Они поднялись на холм к странной формы белым камням, обросшим бересклетом и карликовыми кустиками цветущего мирта.

Цири смотрела на эльфов. Они были одного роста, то есть оба чрезвычайно высоки. Но лицо Аваллак'ха было мягким, а черноволосый лицом напоминал хищную птицу. «Светлый и черный, – подумала Цири. – Добрый и злой. Свет и тьма...»

– Позволь, Зиреаэль, представить тебе Эредина Бреакк Гласа.

– Очень приятно, – поклонился эльф. Цири ответила наклоном головы. Не слишком изящно.

– Откуда ты узнал, – спросил Аваллак'х, – что нам грозит опасность?

– Я и не знал. – Эльф внимательно разглядывал Цири. – Мы патрулируем равнину. Разошлась весть, что единороги стали беспокойными. Неведомо почему. То есть теперь уже ведомо. Из-за нее, ясное дело.

Аваллак'х не подтвердил, но и не опроверг. Цири же гордым взглядом ответила на взгляд черноволосого эльфа. Несколько мгновений они глядели друг на друга, но ни он, ни она не хотели первыми опустить глаза.

– Значит, это и есть Старшая Кровь, – отметил эльф. – Aep Hen Ichaer, наследница Шиадаля и Лары Доррен? Что-то не очень хочется в это верить. Самая обыкновенная девчонка. Dh'oine. Человечья самочка.

Аваллак'х смолчал. Лицо у него было неподвижным и безразличным.

– Предположим, – продолжал черноволосый, – что ты не ошибся. Более того, примем за факт – ведь ты, говорят, никогда не ошибаешься, – что в этом существе сидит глубоко укрытый ген Лары. И верно, если приглядеться как следует, можно заметить определенные признаки, свидетельствующие о родословной этой малютки. И верно, есть у нее в глазах что-то напоминающее Лару Доррен. Не правда ли, Аваллак'х? Кто, если не ты, больше других способен это оценить?

Аваллак'х и на этот раз не отозвался. Цири заметила на его бледном лице признаки румянца. И удивилась. И задумалась.

– Короче говоря, – скривил губы черноволосый, – есть в этой маленькой Dh'oine что-то стоящее, что-то прекрасное. Я замечаю. И у меня такое ощущение, будто я увидел золотой самородок в куче... перегноя.

Глаза Цири вспыхнули. Аваллак'х медленно повернул голову.

– Ты говоришь, – сказал он, четко выговаривая слова, – совсем как человек, Эредин.

Эредин Бреакк Глас улыбнулся, показав зубы. Цири уже видела такие зубы, очень белые,

очень мелкие и очень нечеловеческие, ровные, как из-под оселка. Ни резцов, ни клыков. Она видела такие зубы у мертвых эльфов, лежавших рядами во дворе пограничной заставы в Каэдвене. Насмотрелась она на такие зубы у Искры. Но когда улыбалась Искра, зубы выглядели красиво, у Эредина же – как у упыря.

– А что, эта девочка, – сказал Эредин, – которая пытается убить меня взглядом, уже знает причину своего появления здесь?

– Конечно.

– И готова сотрудничать?

– Еще не вполне.

– Не вполне, – повторил Эредин. – Ха, скверно. Поскольку характер сотрудничества требует, чтобы оно было полным. Иначе как полным – попросту невозможно. А поскольку от Tig n? Lia нас отделяет всего полдня езды, хорошо бы знать, к чему мы пришли.

– Зачем торопиться? – Аваллак'х слегка выпятил губы. – Что мы выгадаем на спешке?

– Вечность. – Эредин Бреакк Глас посерьезнел, в его зеленых глазах что-то вспыхнуло и тут же погасло. – Однако это твое дело, Аваллак'х. Твоя забота. И твоя ответственность.

– Это сказал ты.

– Это сказал я. А теперь простите, но обязанности вызывают. Оставляю вам эскорт для безопасности. Переночевать советую здесь, на этом холме. Если отправитесь в путь на заре, в Тир на Лиа прибудете своевременно. Va faill. Да, еще одно.

Он наклонился, обломал и сорвал покрытую цветками ветку мирта. Поднес ее к лицу, потом с поклоном вручил Цири.

– Это мои извинения, – сказал он кратко. – За необдуманные слова. Va faill. Luned.

Он быстро отошел, через минуту земля дрогнула под копытами, когда он уезжал с частью отряда.

– Только не говори, – пробурчала Цири, – что мне пришлось бы с ним... Что это он... Если это он, то никогда в жизни...

– Нет, – медленно сказал Аваллак'х. – Не он. Будь спокойна.

Цири поднесла ветку к лицу. Чтобы Аваллак'х не заметил возбуждения и интереса, охвативших ее.

– Я спокойна.

Сухой чертополох и вереск уступили место буйной зеленой траве, влажным папоротникам, сырая почва зажелтела лютиками, залиловела люпинами. Вскоре показалась река, лениво текущая в обрамлении плакучих ив. У хрустально-прозрачной воды был слегка коричневатый оттенок. Пахло торфом.

Аваллак'х наигрывал на своей флейте синкопированную мелодийку. Погрустневшая Цири усиленно размышляла.

– Кто, – заговорила она наконец, – должен стать отцом ребенка, который вам так необходим? А может, отцовство не имеет значения?

- Отцовство имеет значение. Надо понимать, ты приняла решение?
- Нет, не надо понимать. Просто выясняю для себя некоторые вопросы.
- Готов помочь. Что ты хочешь знать?
- Ты прекрасно знаешь что.

Несколько минут ехали молча. Цири смотрела на лебедей, гордо плывущих по реке.

- Отцом ребенка, – спокойно и по-деловому сказал Аваллак'х, – будет Ауберон Муиркетах. Ауберон Муиркетах – наш... Как это вы говорите... Верховный вождь.
- Король? Король всех Aen Seidhe?
- Aen Seidhe, Народ Гор, это эльфы твоего мира. – Мы же – Aen Elle. Народ Ольх. А Ауберон Муиркетах, да, верно, наш король.
- Король Ольх?
- Можно сказать и так.

Ехали молча. Было очень тепло.

- Аваллак'х...
- Слушаю.
- Если я решусь, то потом... позже... я буду свободна?
- Ты будешь свободна и уйдешь, куда захочешь. Если не решишь остаться. С ребенком.

Она пренебрежительно фыркнула, но ничего не сказала.

- Так ты решила?
- Решу, когда будем на месте.
- Мы уже на месте.

Из-за ветвей плакучих ив, спускающихся к воде словно зеленые занавеси, Цири увидела дворцы. Никогда в жизни ей не встречалось ничего подобного. Построенные из мрамора и алебаstra, они больше походили на ажурные беседки и казались столь нежными, воздушными и легкими, словно это были не здания, а призраки зданий. Цири так и казалось, что вот-вот повеет ветер и дворцы-игрушки исчезнут вместе с заволакивающим реку туманом. Но когда ветер повеял, туман исчез, зашевелились ветви ив и по реке пошла рябь, дворцы вовсе не исчезли и исчезать, судя по всему, не собирались. Они только стали еще красивее.

Цири восхищенно смотрела на террасы, на выступающие из воды подобно цветам водяных лилий башенки, на висящие над рекой мосточки, на фестоны плюща, на лесенки, ступеньки, изящные балюстрады, на арки и галереи, перистилы, колонны и колонки, на большие и маленькие купола, на стройные, напоминающие спаржу зубцы и башенки на крышах.

- Тир на Лиа, – тихо сказал Аваллак'х.

Чем ближе они подъезжали, тем сильнее щемило сердце от прелести этого места, сильнее стискивало горло, и слезы наворачивались на глаза. Цири смотрела на фонтаны, на мозаики

и терракоты, на статуи и памятники. На ажурные элементы строений, предназначения которых не понимала. И на конструкции, относительно которых была уверена, что они не служили ничему. Кроме эстетики и гармонии.

– Тир на Лиа, – повторил Аваллак'х. – Тебе когда-нибудь доводилось видеть подобное?

– Конечно. – Она пересилила спазм в горле. – Когда-то я видела остатки чего-то очень похожего. В Шаэрраведде.

Теперь долго молчать пришла очередь эльфа.

Они переехали на другой берег по изогнутому дугой ажурному мостку, казавшемуся таким хрупким, что Кэльпи долго сторонилась и пофыркивала, прежде чем отважилась ступить на него.

Цири внимательно смотрела, стараясь не упустить ничего из той красоты, изящества и прелести, которые являл взору сказочный город Тир на Лиа. Во-первых, она прямо-таки сгорала от любопытства, во-вторых, не переставала думать о бегстве и внимательно искала малейшую возможность.

На мостах и террасах, в аллеях и перистилиях, на балконах и внутренних галерейках она видела прогуливающихся длинноволосых эльфов в облегающих одеждах и коротких плащах, вышитых диковинными листовыми мотивами. Видела красиво причесанных и ярко окрашенных эльфов в воздушных платьях или же мужских костюмах.

Перед портиком одного из дворцов их встретил Эредин Бреакк Глас. По его краткому приказу вокруг них закружились маленькие, одетые в серое эльфочки. Аваллак'х, Эредин и другие встреченные до сих пор эльфы были чрезвычайно высокого роста. Чтобы заглянуть им в глаза, ей приходилось задираť голову. Серые эльфочки были гораздо ниже. «Другая раса, – подумала она. – Раса слуг. Даже здесь, в сказочном мире, должен быть кто-то, кто вкалывает, пока бездельничают хозяева».

Вошли во дворец. Цири вздохнула. Она была королевских кровей, воспитывалась во дворцах. Но таких мраморов и малахитов, такого алебаstra, подделанного под мрамор, паркета, мозаик, зеркал и канделябров не видела никогда. В этом блистательном чреве дворца она почувствовала себя скверно, неловко, не на месте, пыльной, потной и дурно пахнущей после проделанного пути.

Аваллак'х же, наоборот, вообще не обращал ни на что внимания. Отряхнул перчаткой брюки и голенища сапог, оставив без внимания тот факт, что пыль осела на зеркала. Потом по-барски бросил перчатки склонившейся перед ним эльфочке.

– Ауберон? – спросил кратко. – Ждет?

Эредин улыбнулся:

– Ждет. Ему не терпится. Он требовал, чтобы Ласточка явилась незамедлительно, не теряя ни минуты. Я отговорил его.

Аваллак'х поднял брови.

– Зиреаэль, – очень спокойно пояснил Эредин, – должна пойти к королю без какого-либо волнения и без давления с нашей стороны, отдохнувшая, спокойная, в хорошем настроении. Хорошее настроение ей обеспечат ванна, новая одежда, новая прическа и макияж. Столько времени Ауберон, надо думать, еще выдержит. Мне кажется.

Цири глубоко вздохнула и взглянула на эльфа. Просто поразительно, каким симпатичным он

ей сейчас показался. Эредин выставил напоказ свои ровные, без клыков, зубы.

– Одно только тревожит меня, – проговорил он. – Соболиный блеск в глазах нашей Ласточки. Наша Ласточка стреляет глазками налево и направо что твой горноста́й, высматривающий дырку в клетке. Ласточка, я это вижу, еще далека от соития без каких-либо предварительных условий.

Аваллак'х смолчал. Цири, разумеется, тоже.

– Я нисколько не удивляюсь, – продолжал Эредин. – Иначе и быть не может. Это же кровь Шиада́ль и Лары Доррен. Однако выслушай меня очень внимательно, Зиреаэль. Отсюда убежать невозможно. Нет никаких способов преодолеть Geas Cratadh. Заклинание Барьера.

Взгляд Цири явно говорил, что она не поверит, пока не убедится лично.

– Если даже каким-то чудом ты выйдешь за Барьер, – Эредин не спускал с нее глаз, – то знай, это приведет к твоей гибели. Наш мир только выглядит красиво. Но несет смерть, в особенности несведущим. Раны, нанесенные рогом единорога, не залечивает даже магия. Знай также, – продолжал он, не дождавшись комментариев, – что тебе никак не поможет твой стихийный дар. Ты не выскочишь, даже не пытайся. А если тебе все же как-то удастся, знай: мои Deard Ruadhri, Красные Всадники, сумеют догнать тебя даже в бездне времени и пространства.

Она не очень поняла, что он имеет в виду. Но ее насторожило то, что Аваллак'х вдруг нахмурился и поморщился, явно недовольный речью Эредина. Так, словно Эредин сказал слишком много.

– Идем, – бросил он. – Следуй за мной. Сейчас мы отдадим тебя в руки дам. Надо, чтобы ты выглядела привлекательно. Первое впечатление важнее всего.

Сердце било молотом, кровь шумела в висках, руки слегка дрожали. Она сдержала дрожь, сжав кулаки. Успокоилась, сделав несколько глубоких вдохов и медленных выдохов. Расслабила плечи, пошевелила занемевшей от волнения шеей.

Еще раз осмотрела себя в огромном зеркале. Картинка ей понравилась. Еще влажные после купания волосы были подстрижены и зачесаны так, чтобы хоть немного прикрыть шрам. Макияж удачно подчеркивал глаза и губы, неплохо смотрелись разрезанная до середины бедра серебристо-серая юбка, черный жилетик и тоненькая блузка из жемчужного крепа. Картину завершал фуляр на шее.

Цири поправила и выровняла фуляровый платок, сунула руку меж ляжек, поправляя и там все, что требовалось. А под юбкой у нее были действительно поразительные вещи – трусики, тонкие, как паутинка, и доходившие почти до трусиков чулочки, совершенно непостижимым образом державшиеся без подвязок.

Она потянулась к ручке двери. С опаской, так, словно это была не ручка, а спящая кобра.

«Past, – подумала она невольно по-эльфы, – я выдерживала и мужиков с мечами. Выдержу и одного с...»

Она прикрыла глаза. И вошла в комнату.

Пусто. На малахитовом столике книга, бокал. На стенах странные рельефы и барельефы, драпри, яркие гобелены. В углу – статуя.

А в другом углу – ложе с балдахином. Сердце у Цири снова забило сильнее. Она сглотнула.

Краешком глаза заметила движение. Не в комнате. На террасе.

Он сидел там, полуобернувшись к ней.

Хотя уже немного понимая, что у эльфов все выглядит не так, как она привыкла думать и видеть, Цири тем не менее испытала легкий шок. Всякий раз, когда речь заходила о короле, ей, неведомо почему, чудился Элвилл из Вердэна, невесткой которого она чуть было не стала. Думая о короле, она видела неповоротливого, заплывшего жиром, пропахшего луком и пивом толстяка с красным носом и налитыми кровью глазами, неопрятного бородатого старика со скипетром и державой в опухших, покрытых печеночными бляшками руках.

Но у балюстрады стоял совсем другой король.

Он был очень худощав и – это было видно – очень высок. Его длинные, ниспадающие на плечи и спину волосы были пепельные, как у нее, сильно прореженные седыми прядками. На нем был черный бархатный жилет. На ногах типичные эльфьи высокие сапоги с многочисленными застёжками по всей голени. Кисти рук – узкие, белые, с длинными пальцами.

И занимался он тем, что пускал мыльные пузыри, то и дело макая соломинку в блюдечко с мыльной водой. Переливающиеся всеми цветами радуги пузырьки плыли вниз, к реке.

Они тихо кашлянула.

Король Ольх повернул голову. Цири не могла сдержать вздоха. У него были необыкновенные глаза. Светлые, как расплавленный свинец, бездонные. И полные невероятной тоски.

– Ласточка, – проговорил он. – Зиреазль. Благодарю за то, что пожелала прийти.

Она сглотнула, не зная, что сказать. Ауберон Муиркетах поднес соломинку к губам и послал в пространство очередной пузырь.

Чтобы сдержать дрожь в руках, она сплела их, выламывая пальцы. Потом нервно прошлась по волосам. Эльф, казалось, всецело поглощен мыльными пузырями.

– Ты нервничаешь?

– Нет, – солгала она. – Нет...

– Куда-нибудь спешишь?

– Конечно!

Пожалуй, она вложила в голос чуть лишку развязности, почувствовала, что балансирует на грани приличия. Однако эльф не обратил на это внимания. Выдул на конце соломинки огромный пузырь, покачивая, придав ему форму огурца. Долго любовался своим произведением.

– Я не покажусь тебе слишком назойливым, если спрошу, куда ты так спешишь?

– Домой! – фыркнула она, но тут же поправилась, добавив спокойным тоном: – В свой мир.

– Куда-куда?

– В свой мир!

– Ах так? Прости. Я мог бы поклясться, что ты сказала: к своим причудам. И очень удивился, поверь. Ты говоришь на нашем языке превосходно, но над произношением следует еще

поработать.

– Так ли уж важно, как я произношу слова? Ведь я тебе потребна не для разговоров.

– Ничто не должно стоять на пути к совершенству.

На конце соломинки вырос очередной пузырь, оторвался, поплыл и лопнул, натолкнувшись на ветку ивы. Цири вздохнула.

– Стало быть, ты спешишь в твой мир, – проговорил, помолчав, король Ауберон Муиркетах. – Твой. Действительно, вы, люди, не страдаете избытком скромности.

Он поболтал соломинкой в блюдечке, беззаботным, казалось, дуновением окружил себя роем радужных шариков.

– Человек, – сказал он. – Твой косматый предок по мечу появился на свет гораздо позже, чем курица. А я никогда не слышал, чтобы у какой-либо курицы были претензии к миру... Почему ты крутишься и топчешься на месте, словно обезьянка? То, что я говорю, должно тебя заинтересовать. Ведь это история. Ах, прости, догадываюсь, история тебя ничуть не интересует, а лишь нагоняет тоску.

Большой искрящийся пузырь поплыл к реке. Цири молчала, покусывая губы.

– Твой косматый предок, – продолжал эльф, помешивая соломинкой в блюдечке, – быстро научился пользоваться оттопыренным большим пальцем и зачатками интеллекта. С их помощью он проделывал разные фокусы, как правило, столь же смешные, сколь и страшные. То есть я хотел сказать, что если б проделываемые им фокусы не были столь страшными, то были бы смешны.

Очередной пузырь. Сразу после него второй и третий.

– Нас, Aen Elle, в принципе мало интересовало, что вытворяет твой предок. Мы, в противоположность Aen Seidhe, нашим собратьям, уже давно ушли из «твоего» мира. Мы избрали себе иной, более любопытный универсум. Ибо в те времена – тебя удивит то, что я скажу, – можно было достаточно свободно перемещаться между мирами. При толике дара и ловкости, разумеется. Ты, несомненно, понимаешь, что я имею в виду.

Цири закипала от любопытства, но упорно молчала, сознавая, что эльф слегка подсмеивается над ней. И не хотела облегчать ему задачу.

Ауберон Муиркетах улыбнулся. Повернулся. На шее у него висел золотой альшбанд, знак власти, носящий на Старшей Речи название torc'h.

– Mire luned.

Он легко дунул, медленно вращая соломинку. У отверстия вместо одного, как раньше, большого пузыря повисло несколько.

– Пузырек при пузырьке, при пузырьке пузырек, – замурлыкал он. – Эх, так было, так было... Мы говорили, какая разница, побудем немного здесь, немного там, ну и что из того, что Dh'oine захотели во что бы то ни стало уничтожить свой мир вместе с собой? Пойдем куда-нибудь еще... В другой пузырек...

Обжигаемая его палящим взглядом Цири кивнула, облизнула губы. Эльф снова улыбнулся, стряхнул пузырьки, дунул еще раз, теперь уже так, что на конце соломинки образовалась огромная гроздь из множества маленьких, слепившихся меж собой пузырьков.

– Наступила Конъюнкция. – Эльф поднял увешанную пузырьками соломинку. – Миров стало еще больше. Но двери захлопнулись. Они закрыты для всех, кроме горстки избранных. А время уходит. Двери надобно отворить. Срочно. Это императив. Ты понимаешь это слово?

– Я не дура.

– Конечно, нет. – Он повернул голову. – Просто не можешь быть душой. Ведь ты – Aen Hen Ichaer, Старшая Кровь. Подойди ближе.

Когда он протянул к ней руку, она невольно стиснула зубы. Но коснулся он только ее предплечья, а потом запястья. Она почувствовала, как по руке пробежали приятные мурашки. Отважилась глянуть в его необыкновенные глаза.

– Я не верил, когда говорили, – шепнул он. – Но это правда. У тебя глаза Шиададь. Глаза Лары.

Она потупилась. Чувствовала себя неуверенно и глуповато.

Король Ольх оперся локтем о перила балюстрады, а подбородок положил на ладонь. Несколько минут, казалось, его интересовали исключительно плавающие по реке лебеди.

– Благодарю тебя за то, что ты пришла, – сказал он наконец, не поворачивая головы. – А теперь иди и оставь меня одного.

Она отыскала Аваллак'ха на террасе у реки в тот момент, когда он садился в лодку в обществе прекраснейшей эльфки с волосами цвета соломы. На губах у эльфки была помада фишашкового цвета, а на щеках и висках золотились переливающиеся пылинки.

Цири собиралась повернуться и уйти, но тут Аваллак'х сначала остановил ее жестом, а потом пригласил в лодку. Она замаялась. Не хотела разговаривать при свидетеле. Аваллак'х что-то быстро сказал эльфке и послал ей воздушный поцелуй. Эльфка пожала плечами и ушла. Только один раз обернулась, чтобы показать Цири глазами, что о ней думает.

– Если можешь, воздержись от замечаний, – сказал Аваллак'х, когда она присела на ближайшую к носу скамеечку. Сам он тоже сел, вынул флейту, заиграл, нисколько не интересуясь лодкой. Цири беспокойно обернулась, но лодка плыла точно по середине реки, не отклоняясь ни на дюйм в сторону спускающихся к воде ступеней, столбов и колонн. Странная это была лодка. Цири таких не видела никогда, даже на Скеллиге, где насмотрелась на все, что в состоянии держаться на воде. У лодки был высокий изящный нос в виде ключа с бородкой, сама лодка была очень узкой и неустойчивой. Действительно, только эльф мог сидеть в такой штуковине и наигрывать на флейте, вместо того чтобы держаться за руль и весла.

Аваллак'х перестал играть.

– Что тебя тяготит?

Он выслушал, поглядывая на нее и непонятно чему улыбаясь.

– Ты обманута, – отметил он, а не спросил. – Обманута, разочарована, а прежде всего возмущена.

– Вовсе нет. Не возмущена!

– И правильно, – посерьезнел эльф. – Ауберон отнесся к тебе с уважением, как благородный Aen Elle. Не забывай, мы, Народ Ольх, никогда не торопимся. У нас достаточно времени...

– Он сказал мне совсем другое.

– Я знаю, что он тебе сказал.

– И в чем тут дело, ты тоже знаешь?

– Конечно.

Она уже научилась многому. Даже вздохом, даже дрожью век не выдала нетерпения и злости, когда он опять взялся за флейту и заиграл. Мелодично, грустно. Долго.

Лодка плыла. Цири считала проплывающие над их головами мосты.

– У нас есть, – заговорил он, как только они проплыли под четвертым мостом, – более чем серьезные основания предполагать, что твоему миру грозит гибель. Климатическая катастрофа колоссального масштаба. Ты – эрудитка и, несомненно, сталкивалась с Aen Ithlinne Speath. Пророчеством Итлины. В этом пророчестве сказано о Белом Хладе. Мы считаем, что в виду имеется гигантское оледенение. А поскольку так сложилось, что девяносто процентов льдов твоего мира скопилось в Северном полушарии, постольку оледенение может угрожать существованию большинства живых... объектов. Они попросту вымрут от холода. Те, что выживут, погрязнут в варварстве, уничтожат друг друга в безжалостных войнах за пищу, станут добычей спятивших от голода хищников. Вспомни слова Пророчества: Час Презрения, Час Топора, Час Волчьей Пурги.

Цири не перебивала, опасаясь, как бы он снова не взялся за флейту.

– Столь необходимый нам ребенок, – продолжал Аваллак'х, поигрывая флейтой, как палочкой, – потомок и носитель гена Лары Доррен, того гена, который мы специально создали, может спасти обитателей тамошнего мира. У нас есть основания предполагать, что потомок Лары – и твой, конечно, – будет обладать способностями тысячекратно более сильными, нежели те, которыми обладаем мы, Ведуны. И которыми в зачаточной форме обладаешь ты. Ты ведь знаешь, о чем я говорю? Верно?

Цири уже успела привыкнуть к тому, что такие риторические построения, внешне имеющие форму вопроса, фактически не только не требовали, но совсем наоборот – запрещали давать ответы.

– Короче говоря, – продолжал Аваллак'х, – речь идет о возможности перемещения между мирами не только твоей собственной, как ни говори, не очень-то значительной особы. Речь идет о раскрытии Ard Gaeth, гигантских и устойчивых Врат, сквозь которые прошли бы все. До Конъюнкции нам это удавалось. Мы хотим добиться этого и теперь. Мы эвакуируем из погибающего мира обитающих там Aen Seidhe. наших братьев, которым мы обязаны помочь. Мы не могли бы жить с мыслью, что сделали для их спасения не все, что-то упустили. Можешь поверить, мы не упустим ничего. И спасем, эвакуируем из того мира всех, кому угрожает гибель. Всех, Зиреазль. Людей тоже.

– Да ну? – не выдержала она. – Dh'oine тоже?

– Также. Теперь ты сама видишь, сколь необходима, как многое от тебя зависит. Как важно, чтобы ты набралась терпения. Как важно, чтобы сегодня вечером пошла к Ауберону и осталась у него на всю ночь. Поверь, его поведение не было демонстрацией неприязни. Он знает, что для тебя все очень непросто, знает, что настойчивой поспешностью может задеть тебя и обидеть. Он знает многое, Ласточка. Не сомневаюсь, что ты это заметила.

– Заметила, – фыркнула она. – Заметила также, что течение относит нас далеко от Тир на Лиа. Пора взяться за весла. Которых, впрочем, я что-то не вижу.

– Потому что их нет. – Аваллак'х поднял руку, покрутил кистью, щелкнул пальцами. Лодка остановилась. Некоторое время стояла на месте, потом поплыла против течения.

Эльф уселся поудобнее, поднес к губам флейту и всецело погрузился в музыку.

Вечером Король Ольх пригласил ее отужинать. Когда она вошла, шурша шелками, он жестом предложил ей место за столом. Слуг не было. Ухаживал за ней он сам.

Ужин состоял из нескольких видов овощей. Были также грибы – вареные, жареные, тушенные в соусе. Таких грибов Цири никогда не едала. Были грибы белые и тоненькие будто нитки, с нежным и мягким вкусом, были коричневые и черные, мясистые и ароматные.

Ауберон не жалел розового вина. На первый вкус легкое, оно ударяло в голову, расслабляло, развязывало язык. Не успела Цири оглянуться, как уже повествовала ему о вещах, о которых никогда б не подумала, что кому-нибудь скажет.

Он слушал. Терпеливо. А она неожиданно вспомнила, зачем пришла, нахмурилась и умолкла.

– Насколько я понял, – он подложил ей совершенно новых грибов, зеленоватых и пахнущих шалотом[79], – ты считаешь, что с неким Геральтом тебя связывает Предназначение?

– Именно так. – Она подняла фужер, уже носящий многочисленные следы ее губной помады. – Предназначение. Он, то есть Геральт, предназначен мне, а я ему. Наши судьбы связаны. Так что лучше бы мне отсюда уйти. Сейчас же. Ты понимаешь?

– Признаться, не очень.

– Предназначение, – она отхлебнула из фужера, – сила, которой лучше не вставать на пути. Поэтому я думаю... Нет-нет, благодарю, пожалуйста, не подкладывай больше, я наелась так, что вот-вот лопну.

– Ты сказала, что думаешь...

– Я думаю, было ошибкой притащить меня сюда. И принудить к... Ну, ты знаешь, о чем я. Мне надо отсюда уйти, поспешить ему на помощь... Ибо мое Предназначение...

– Предназначение, – прервал король, поднимая фужер. – Предопределение. Нечто неизбежное. Механизм, который ведет к тому, что практически бесконечное множество событий, которые невозможно предвидеть, должно завершиться только так, а не иначе. Так, да?

– Именно!

– Независимо от обстоятельств и условий результат должен оказаться вполне определенным. Что предназначено, должно свершиться. Так? Нет?

– Так!

– Тогда куда и зачем ты намерена идти? Пей вино, радуйся мгновению, радуйся жизни. Чему суждено, то случится, коли это неизбежно.

– Аккурат! Все вовсе не так уж хорошо!

– Ты противоречишь самой себе.

– Неправда.

– Ты противоречишь противоречию, а это уже порочный круг.

– Нет, – потрянула она головой. – У тебя получается, что сиди себе у озера и жди погоды! А что суждено – случится! Нет! Само по себе ничего случиться не может!

– Софизм.

– Нельзя впустую транжирить время. Этак можно прозевать нужный момент! Тот единственный нужный, соответствующий, неповторимый. Ибо время не возвращается никогда!

– Послушай, – прервал он. – Взгляни-ка сюда.

На стене, на которую он указал, размещался рельеф, изображающий огромного чешуйчатого змея. Гад, свернувшийся восьмеркой, вгрызлся в собственный хвост. Цири уже видела нечто подобное, но не помнила где.

– Это, – сказал эльф, – древнейший змей Уроборос. Он символизирует бесконечность и сам является бесконечностью. Он – вечный уход и вечное возвращение. Он есть то, что не имеет ни начала, ни конца. Время – как древнейший Уроборос. Время – уходящие мгновения, песчинки, пересыпающиеся в песочных часах. Время – моменты и события, которыми мы так охотно пытаемся его измерять. Но древнейший Уроборос напоминает нам: в любом моменте, в любом мгновении, в любом событии содержатся прошлое, настоящее и будущее. В любом мгновении сокрыта вечность. Каждый уход это одновременно и возвращение, каждое прощание – встреча, каждое возвращение – расставание. Все одновременно суть и начало, и конец.

И ты тоже, – сказал он, больше не глядя на нее, – суть одновременно начало и конец. А поскольку мы ведем речь о Предназначении, знай, что это как раз и есть твое Предназначение. Быть началом и концом. Понимаешь?

Она на мгновение заколебалась. Но его пылающий взгляд заставил ее ответить.

– Понимаю.

– Раздевайся.

Он проговорил это так беззаботно, так равнодушно, что она чуть не вскрикнула от ярости. Дрожащими руками начала расстегивать жилет.

Пальцы не слушались, крючочки, пуговицы и тесемочки были неудобными и тугими. Хоть Цири и спешила как могла, желая поскорее покончить со всем, разоблачение тянулось раздражающе долго. Но эльф, казалось, не торопится. Словно в его распоряжении и правда вечность.

«Как знать, – подумала она, – а может, оно и верно так?»

Уже совершенно нагая, он переступала с ноги на ногу, паркет охлаждал ступни. Он заметил это и молча указал на ложе.

Постель была из норок. Мягчайших, теплых, ласкающих тело.

Он лег рядом, в одежде, даже в сапогах. Когда он коснулся ее, она невольно напряглась, немного злая на себя, потому что намеревалась до последней минуты разыгрывать из себя гордую и неприступную. Зубы, что уж долго говорить, у нее стучали, однако его электризирующее прикосновение, как ни странно, успокаивало, а пальцы учили и приказывали. Указывали. В тот момент, когда она начала понимать указания верно и даже с опережением,

она прикрыла глаза и представила себе, что это Мистле. Но ничего не получилось: очень уж он отличался от Мистле.

Он рукой поучал, что надо сделать. Она послушалась, даже с желанием выполнила. Торопливо.

Он же не спешил вообще. Добился того, что под его ласками она размякла, словно шелковая тряпочка. Довел ее до того, что она начала постанывать. Грызть губы. До резких, сотрясающих все естество, спазм.

Того, что он сделал потом, она никак не ожидала: встал и ушел, оставив ее распластанной, нервно дышащей и дрожащей.

И даже не обернулся.

Кровь ударила Цири в виски. Она свернулась калачиком на норковых простынях. И начала ругаться. От ярости, стыда и унижения.

Утром она отыскала Аваллак'ха в перистиле за дворцом, среди скульптур. Скульптуры – странное дело – изображали эльфьих детей. В основном капризничавших. Особенно интересен был тот, около которого стоял эльф: малыш с искаженной злостью мордашкой, стиснутыми кулачками, стоящий на одной ножке.

Цири долго не могла оторвать взгляда от скульптурки, а под животом чувствовала тупую боль. Лишь когда Аваллак'х поторопил ее, она рассказала обо всем. Уклончиво и заикаясь.

– Он, – серьезно сказал Аваллак'х, когда она закончила, – более шестисот пятидесяти раз видел дымы Саовинны. Поверь мне, Ласточка, это много даже для Народа Ольх.

– А мне-то что? – проворчала она. – Мы договорились. Вы, я думаю, научились у краснолюдов, ваших побратимов, что такое контракт? Я свое сделала! Отдалась! Какое мне дело, что он не может или не хочет? Мне без разницы, что это – старческая немощь или я его не привлекаю. Может, он брезгует Dh'oine? Может, как Эредин, видит во мне только самородок в куче перегноя?

– Надеюсь, – лицо Аваллак'ха, небывалое дело, изменилось и сморщилось, – надеюсь, ты не сказала ему ничего подобного?

– Не сказала. Хоть и очень хотелось.

– Остерегайся. Ты не знаешь, чем рискуешь.

– Мне все едино. Я заключила контракт. Или выполняйте условия, или разрываем уговор и я становлюсь свободной.

– Берегись, Зиреазль, – повторил он, указывая на статуэтку капризничавшего малыша. – Не будь такой, как этот мальчик. Следи за своими словами. Старайся понять. А если чего-то не понимаешь, ни в коем случае не действуй опрометчиво. Помни, время не играет никакой роли.

– Неправда!

– Не будь, пожалуйста, строптивым ребенком. Повторяю еще раз: наберись терпения. Потому что это твой единственный шанс получить свободу.

– Да неужто? – чуть не закричала она. – Начинаю сомневаться! Начинаю подозревать, что ты обманул меня! Что все вы меня обманули...

– Я обещал тебе, – лицо Аваллак'ха оставалось таким же мертвым, как камень статуй, – что ты вернешься в свой мир. Я дал слово. Подвергать слово сомнению – тяжкая обида для Aen Elle. Чтобы от нее уберечься, я предлагаю окончить разговор.

Он хотел уйти, но она преградила ему путь. Его аквамариновые глаза превратились в щелочки, и Цири поняла, что имеет дело с очень опасным эльфом. Но отступить было поздно.

– Очень уж это по-эльфьему, – прошипела она, – оскорбить и не давать возможности отыграться.

– Берегись, Ласточка.

– Послушай! – Она гордо вскинула голову. – Ваш Король Ольх с задачей не справился. Это более чем ясно. Не имеет значения, в нем ли причина, или во мне. Но я желаю выполнить договор и покончить с этим раз и навсегда. Так пусть того ребенка, который вам так необходим, заделает мне кто-нибудь другой.

– Ты даже не понимаешь, что говоришь!

– А если причины во мне, – проговорила она с той же интонацией, с тем же выражением лица, – значит, ты ошибся, Аваллак'х. Притащил в свой мир не того, кого надо.

– Ты не понимаешь, что говоришь, Зиреазль.

– Если же, – крикнула она, – все вы мною брезгуете, то воспользуйтесь методами скотоводов, выращивающих осломов! Что, не знаешь? Жеребцу показывают кобылу, а потом завязывают глаза и подставляют ослицу!

Он даже не пытался отвечать. Бесцеремонно отвернулся и ушел по аллее.

– А может, ты сам? – рявкнула она. – Хочешь, отдамся тебе? А? Не пожертвуешь ли собой? А? Ведь у меня вроде бы глаза Лары?!

В два прыжка он оказался рядом, его руки змеями протянулись к ее шее и сжали, словно стальные клещи. Она поняла, что стоит ему захотеть, и он удушит ее, как цыпленка.

Но он отпустил ее. Наклонился. Заглянул в глаза.

– Кто ты такая, – спросил необыкновенно спокойно, – что осмеливаешься бесчестить ее имя? Кто ты такая, что осмеливаешься осыпать меня оскорблениями? О, я знаю, я вижу, кто ты такая. Ты не дочь Лары. Ты дочь Крегеннана, бездумная, невежественная, самовлюбленная Dh'oine, прямо-таки типичный представитель расы, которая ничего не понимает, но стремится все разрушить и уничтожить, превратить в руины одним прикосновением, измарать и испоганить одной лишь мыслью! Твой предок украл у меня мою любовь, отнял ее у меня, самовлюбленно и невежественно отнял у меня Лару. Но тебе, достойной его дочери, я не позволю отнять у меня память о ней!

Он отвернулся. Цири поборола спазм.

– Аваллак'х...

Взгляд.

– Прости меня. Я вела себя бездумно и низко. Подло. Прости меня, Аваллак'х. И если можешь – забудь.

Он подошел к ней. Обнял.

– Я уже забыл, – тепло проговорил он. – Не будем к этому возвращаться. * * *

Когда вечером она вошла в королевские покои, умытая и причесанная, Ауберон Муиркетах сидел за столом, склонившись над шахматной доской. Он молча приказал ей сесть напротив.

И выиграл за девять ходов.

Следующую партию она играла белыми, а он выиграл за одиннадцать ходов.

Только тогда он поднял глаза – светлые необыкновенные глаза.

– Разденься, пожалуйста.

В одном его нельзя было упрекнуть – он был деликатен и нисколько не торопился.

Когда – как и в прошлый раз – он поднялся с ложа и молча ушел, Цири приняла это безропотно. Но почти до рассвета не могла уснуть.

А когда окна посветлели от зари и она наконец уснула, ей приснился очень странный сон.

Высота, склонившись, отряхивает от росы ловушку на ондатр. Шумят тронутые ветром камыши.

Я чувствую себя виновным, Ласточка. Это я подсказал тебе идею безумной эскапады. Показал путь к той проклятой Башне.

– Не упрекай себя, Старый Ворон. Если б не Башня, меня схватил бы Бонарт. Здесь я по крайней мере в безопасности.

Здесь ты не в безопасности.

Высота выпрямляется.

За его спиной Цири видит холмы, голые и пологие, выступающие из трав, словно изогнутые хребты затаившихся в засаде чудовищ. На одном из холмов огромный валун. Рядом с валуном две фигуры. Женщина и девочка. Ветер рвет и развеивает черные волосы женщины.

Горизонт полыхает молниями.

Хаос протягивает к тебе руки, доченька. Дитя Старшей Крови, девочка, вплетенная в Движение и Перемены, в Гибель и Возрождение. Предназначенная и сама являющаяся Предназначением. Из-за закрытых дверей Хаос протягивает к тебе свои когти, по-прежнему не зная, станешь ли ты его орудием, или помехой в его планах. Не зная, не сыграешь ли ты случайно роль песчинки в шестеренках Часов Судьбы. Хаос боится тебя, Дитя Предназначения. А хочет сделать все, чтобы страх испытывала ты. Поэтому насылает на тебя сны.

Высота наклоняется. За его спиной небо полыхает заревом пожаров. По равнине галопом мчатся тысячи всадников. Всадников в красных плащах.

Dearg Rundhri.

Послушай меня внимательно, Ласточка. Старшая Кровь, текущая в твоих жилах, дает тебе огромную власть. Ты –

Владычица Мест и Времени. У тебя гигантская Сила. Не позволяй ее у себя отобрать и

использовать для подлых целей преступникам и негодяям. Защищайся! Вырвись из их нечистоплотных рук!

– Легко сказать. Они окружили меня здесь каким-то магическим барьером и сделали своей узницей.

Ты – Владычица Мест и Времен. Тебя невозможно запереть.

Высота выпрямляется. У него за спиной плоскогорье, каменистая равнина, на ней – остовы кораблей. Десятки остовов. А дальше – замок, черный, грозный, оскалившийся зубцами стен, возвышающийся над горным озером.

Они погибнут, если ты не поможешь им, Ласточка. Только ты можешь их спасти.

Губы Йеннифэр, потрескавшиеся и разбитые, шевелятся беззвучно, кровоточат. Фиолетовые глаза блестят, горят на исхудалом, сморщенном, почерневшем от муки лице, прикрытом бурей растрепанных, грязных, черных волос. В углублении пола – вонючая лужа, кругом бегают крысы. Пронизывающий холод каменных стен. Холод кандалов на кистях рук, на щиколотках ног.

Ладони и пальцы Йеннифэр – сплошная масса запекшейся крови.

– Мамочка! Что они с тобой сделали?!

Мраморные ступени, ведущие вниз. Лестница в три этажа.

Va'esse deireadh aep eígean... Что-то кончается... Что?

Ступени. Внизу огонь, горящий в железных корзинах. Пылающие гобелены.

«Пошли, – говорит Геральт. – По ступеням вниз. Мы должны. Так надо. Другой дороги нет. Только эта лестница. Я хочу увидеть небо».

Его губы не шевелятся. Они синие, и на них кровь. Кровь, всюду кровь. Вся лестница в крови...

Другой дороги нет. Нет, Звздоокая.

– Как! – кричит она. – Как я могу им помочь? Я в другом мире! Я заперта здесь. Я бессильна!

Тебя нельзя запереть.

«Все уже описано, – говорит Высота. – Даже это. Взгляни под ноги».

Цири с ужасом видит, что стоит в море костей. Среди черепов, берцовых костей и поломанных ребер.

Только ты можешь предотвратить это, Звздоокая.

Высота выпрямляется. У него за спиной зима, снег, метель. Воеет и свищет вьюга.

Перед ней, в метели, на коне, Геральт. Цири узнает его, хотя на голове у него меховая шапка, а лицо укутано шерстяным шарфом. За ним маячат другие всадники, их фигуры размыты, так сильно укутаны, что невозможно распознать, кто есть кто.

Геральт смотрит на нее. Но не видит. Снег застит ему глаза.

– Геральт! Это я! Здесь!

Он не видит ее. И не слышит в вое вьюги.

– Гераааальт!!!

«Это муфлон, – говорит Геральт. – Это всего-навсего муфлон. Возвращаемся».

Всадники исчезают, растворяются в пурге.

– Герааааальт! Нет! Нееет!

Она проснулась.

Утром сразу же пошла в конюшню. Даже не позавтракав. Не хотела встречаться с Аваллак'хом, не желала разговаривать с ним. Предпочитала избегать настырных, вопрошающих, любопытствующих, липнувших взглядов других эльфов и эльфов. В любом другом случае демонстративно равнодушные, к делам королевского алькова эльфы проявляли интерес, а у стен дворца, Цири не сомневалась, были уши.

Она отыскала в боксе Кэльпи, нашла седло и упряжь. Не успела оседлать кобылу, как рядом уже оказались слуги, серые эльфки, маленькие, на голову ниже обычных Aep Elle. Они помогли ей управиться с лошастью, кланяясь и льстиво улыбаясь.

– Благодарю, – сказала она. – Я управилась бы сама, но благодарю. Вы очень любезны.

Ближайшая к ней эльфка широко улыбнулась, и Цири вздрогнула.

Потому что у девушки в числе других зубов были и клыки...

Она подскочила к ней так быстро, что та чуть не присела от испуга. Отвела волосы от уха. Обычное, закругленное.

– Ты человек?

Девушка, а вместе с ней и остальные прислужницы бросились на колени, упали на глинобитный пол. Наклонили голову, ожидая наказания.

– Я... – начала Цири, теребя ремень поводьев. – Я...

Она не знала, что сказать. Девушка все еще стояла на коленях. Лошади беспокойно фыркали и топтались в боксах.

Снаружи, уже в седле, уже мчась галопом, она все еще никак не могла собраться с мыслями. Человеческие девушки. Слуги, но не это главное. Главное то, что в этом мире есть Dh'oine...

«Люди, – тут же мысленно поправилась она. – Я начинаю мыслить как эльфы!»

Из задумчивости ее вывело громкое ржание и прыжок Кэльпи. Она подняла голову и увидела Эредина на темно-гнедом жеребце, без демонического букраньона и большей части остальных боевых причиндалов. Только кольчуга по-прежнему поблескивала под плащом, переливающимся множеством оттенков красного. Жеребец приветливо и хрипло заржал, мотнул головой и ощерил на Кэльпи желтые зубы. Кэльпи, придерживаясь принципа, что дело надо иметь с хозяином, а не со слугой, потянулась зубами к уху эльфа. Цири резко натянула поводья.

– Поосторожней, – сказала она. – Держи дистанцию. Моя кобыла чужаков не любит. И может укусить.

– Тех, которые кусаются, – окинул он ее злым взглядом, – взнуздывают железными

мундштуками, чтобы кровь брызнула. Чудесный способ сбить спесь. У коней тоже.

Он рванул трензеля жеребца так сильно, что конь захрипел и сделал несколько шагов назад, с морды потекла пена.

– Зачем тебе кольчуга? – Цири окинула эльфа взглядом. – На войну собрался?

– Совсем наоборот. Жажду покоя. У твоей кобылы, кроме норова, есть еще какие-нибудь достоинства?

– Например?

– Померяемся в беге?

– Почему бы нет? – Она приподнялась на стременах. – Туда, в сторону вон тех кромлехов...

– Нет, – прервал он. – Туда – нет.

– Почему?

– Запретная территория.

– Конечно, для всех?

– Конечно, не для всех. Мы, Ласточка, слишком ценим твое общество, чтобы рисковать остаться без тебя самой либо кого-нибудь еще.

– Кого-нибудь еще? Ты, конечно, имеешь в виду не единорогов?

– Не хочу утомлять тебя разговорами о том, что именно я имею в виду.

– Не понимаю.

– Знаю, что не понимаешь. Для того, чтобы понимать, эволюция не дала тебе достаточного количества извилин. Послушай, если хочешь наперегонки, предлагаю вдоль берега. Вон туда. До Порфирикового Моста, третьего по счету. Потом через мост на другой берег, дальше – вдоль берега по течению, финиш у впадающего в реку ручья. Ты готова?

– Всегда готова!

Он криком послал жеребца вперед, и тот рванулся как ураган. Не успела еще Кэльпи стартовать, а он уже был далеко. Жеребец шел так, что земля дрожала, но с Кэльпи сравняться не мог. Она догнала его быстро, еще перед Порфириковым Мостом. Мост был узкий. Эредин крикнул, и жеребец, что казалось совершенно невероятным, помчался быстрее. Цири моментально сообразила, в чем дело. На мосту ни за что не уместились бы две лошади. Одна должна была задержаться.

Но задерживаться Цири не собиралась. Приникла к гриве, и Кэльпи стрелой вырвалась вперед. Отерлась о стремя эльфа, влетела на мост первой. Эредин вскрикнул, жеребец встал на дыбы, ударился боком об алебастровую статую, свалил ее с цоколя, рассыпав в пыль.

Цири, хохоча, как упырица, не оглядываясь прогалоопировала через мост.

У ручья спешила и подождала.

Он подъехал через минуту, шагом. Улыбающийся и спокойный.

– Мои поздравления, – сказал кратко, слезая с лошади. – И кобыле, и амазонке.

Хоть гордость и распирала Цири как павлина, она лишь пренебрежительно фыркнула.

– Ну что? Не придется тебе нас взнуздывать железом до крови?

– Разве только с твоего согласия, – двусмысленно улыбнулся он. – Есть кобылы, которым по душе грубая ласка.

– Совсем недавно, – она заносчиво поглядела на него, – ты приравнял меня к перегну. А теперь уже заговорил о ласках?

Он подошел к Кэльпи, прошелся рукой, пошлепал ее по шее, покачал головой, убедившись, что она сухая. Кэльпи дернула головой и протяжно взвизгнула. Эредин повернулся к Цири.

«Если он и меня пошлепает, – подумала она, – то пожалеет».

– Пойдем со мной.

Вдоль впадающего в реку ручья, что сбегал с крутого, густо поросшего лесом склона, наверх вела лестница, выложенная плитами омшелого песчаника. Ступени были весьма преклонного возраста, многовековые, потрескавшиеся, испещренные щелями от корней деревьев. Лестница шла зигзагами, то и дело пересекала ручей. Их окружил лес, дикий лес, полный старых деревьев – ясеней и грабов, тисов, яворов и дубов, ближе к земле опутанных зарослями орешника, тамариска и смородины. Пахло полынью, шалфеем, крапивой, влажными камнями, весной и плесенью.

Цири шла молча, не спеша, контролируя дыхание, и следила за нервами. Она понятия не имела, чего от нее хочет Эредин, но предчувствия были не из лучших.

Рядом с очередным водопадиком, шумно сбегающим с каменного порожка, располагалась каменная терраса, а на ней, в тени большого куста дикой сирени, стояла беседка, увитая плющом и традесканцией. Внизу виднелись кроны деревьев, лента реки, крыши, перистилии и террасы Тир на Леа.

Они немного постояли.

– Мне так и не сказали, – первой нарушила молчание Цири, – как называется эта река.

– Easnadh.

– Вздох? Красиво. А ручей?

– Tuathe.

– Шепот. Тоже красиво. Почему никто не сказал, что в вашем мире живут люди?

– Потому что эта несущественная информация не имеет для тебя никакого значения. Войдем в беседку.

– Зачем?

– Войдем.

Первое, что она увидела, был деревянный топчан. Цири почувствовала, как в висках стучит кровь. «Ну конечно, – подумала она, – можно было ожидать. Читала же я в храме роман Анны Тиллер о старом короле, юной королеве и жаждущем власти претенденте-князе. Эредин безжалостен, самолюбив и решителен. Знает, что истинный король, истинный владыка – тот,

у кого в руках королева. Он настоящий мужчина. Кто обладает королевой, тот обладает королевством. Здесь, на этом топчанчике, будет положено начало государственному перевороту...»

Эльф присел за мраморный столик, указал Цири на второй стул. Вид из беседки, казалось, интересует его больше, чем она, а на топчан он и глазом не повел.

– Ты останешься здесь навсегда, – заговорил он неожиданно, застав ее врасплох. – Ты, моя амазонка, легкая как мотылек, останешься здесь до конца твоей мотылиной жизни.

Она молчала, глядя ему прямо в глаза. Глаза не выражали ничего.

– Тебе не позволят отсюда уйти, – повторил он. – Они отмахнутся от того, что вопреки пророчествам и мифам ты – никто и ничто, существо, абсолютно ничего не значащее. Они не поверят в это и не дадут тебе уйти. Они обманули тебя посулами, чтобы обеспечить твое послушание, но и не думали своего обещания выполнять. Никогда.

– Аваллак'х, – хрипло проговорила она, – дал мне слово. И сказал, что сомневаться в слове эльфа – для него оскорбление.

– Аваллак'х – Ведун. У Ведунов свой кодекс чести, в котором каждая вторая фраза говорит о том, что цель оправдывает средства.

– Не понимаю, зачем ты все это говоришь. Или... чего-то от меня хочешь? Похоже, у меня есть нечто очень нужное тебе. И ты намерен поторговаться. Что, Эредин? Моя свобода взамен за... За что?

Он долго смотрел на нее. А она напрасно искала в его глазах какое-нибудь указание, какой-нибудь сигнал, знак. Хотя что-то...

– Ты наверняка, – медленно начал он, – уже успела немного узнать Ауберона. Наверняка заметила, что он невероятно честолобив. Есть многое, чего он не одобрит никогда, с чем никогда не согласится. Скорее умрет.

Цири молчала, покусывая губы и поглядывая на топчан.

– Ауберон Муиркетах, – продолжал эльф, – никогда не обратится к магии либо иным средствам, которые могут изменить положение дел. А такие средства есть. Хорошие, сильные, гарантированные средства. Гораздо более эффективные, нежели атрактанты, которыми слуги Аваллак'ха насыщают твою косметику.

Он быстро провел рукой над темной с прожилками поверхностью стола, а когда отвел руку, на столе остался маленький флакончик из серо-зеленого нефрита.

– Нет, – прохрипела Цири. – Ни в коем случае. На это я не согласна.

– Ты не дала мне закончить.

– Не считай меня дурочкой. Я не дам ему того, что в этом флакончике. И не надейся!

– Ты слишком торопишься с выводами, – сказал Эредин медленно, глядя ей в глаза. – Пытаешься выше себя прыгнуть. А такие фокусы всегда кончаются падением. Очень болезненным падением.

– Я сказала – нет.

– Подумай как следует. Независимо от того, что находится в этом флаконе, ты выиграешь.

Выиграешь в любом случае, Ласточка.

– Нет!

Движением таким же быстрым, как раньше, воистину достойным иллюзиониста, эльф убрал флакончик со стола. Потом долго молчал, глядя на реку Вздох, поблескивающую среди деревьев.

– Ты умрешь здесь, мотылек, – сказал он наконец. – Тебе не позволят отсюда уйти. Но это твой выбор.

– Мы договорились. Моя свобода за...

– Свобода, – хмыкнул он. – Ты все время толкуешь о свободе. А что ты сделаешь, получив ее? Куда отправишься? Пойми же наконец, от твоего мира тебя отделяет сейчас не только пространство, но и время. Время здесь течет иначе, чем там. Те, кого ты знала там детьми, сейчас уже дряхлые старики, а твои ровесники – давным-давно скончались.

– Не верю!

– Вспомни ваши легенды. Легенды о людях, таинственно исчезнувших и вернувшихся спустя годы для того лишь, чтобы взглянуть на заросшие бурьяном могилы близких. Ты думаешь, это фантазии, байки, высосанные из пальца? Ошибаешься! Людей похищали на целые столетия, их уносили наездники, которых вы называете Диким Гоном. Похищенные, использованные, а потом отброшенные, как скорлупка выпитого яйца. Зиреазель, ты умрешь здесь, тебе не будет дано увидеть даже могилы друзей.

– Я не верю тому, что ты говоришь.

– Верить – не верить, дело твое. А свою судьбу ты выбрала сама. Возвращаемся. У меня к тебе просьба, Ласточка. Не согласишься ли ты перекусить со мной в Тир на Лиа?

Несколько ударов сердца голод и дикое желание боролись в Цири со злостью, страхом перед отравлением и общей неприязнью.

– Охотно, – опустила она глаза. – Благодарю за предложение.

– Благодарить должен я. Пошли.

Выходя из беседки, она еще раз кинула взгляд на топчан и подумала, что Анна Тиллер была глупой и экзальтированной графоманкой.

Медленно, в молчании, вдыхая ароматы мяты, шалфея и крапивы, они спускались к реке Вздох. По лестнице вниз. Вдоль берега ручья, который назывался Шепот. * * *

Когда вечером, надушенная, с еще влажными после ароматной ванны волосами, она вошла в королевские покои, то застала Ауберона на софе, склонившимся над книгой. Молча, одним лишь жестом, он приказал ей сесть рядом.

Книга была богато иллюстрирована. Правду говоря, в ней вообще не было ничего, кроме иллюстраций. У Цири, которая всеми силами пыталась играть роль светской дамы, кровь прилила к щекам. В храмовой библиотеке Элландера ей довелось видеть несколько таких произведений. Но с книгой Короля Ольх они не могли сравниться ни богатством и разнообразием, ни художественностью исполнения.

Они рассматривали долго, молча.

– Пожалуйста, разденься.

На этот раз он разделся тоже. Тело у него было худощавое и мальчишечье, без капельки жира, прямо как у Гиселера, как у Кайлея, как у Реефа, которых она не раз видела купающимися в ручьях или горных озерах. Но от Гиселера и Крыс так и разило энергией, так и било жизнью, жизненной силой, окруженной ореолом серебряных капелек водяных брызг.

А от Короля Ольх веяло холодом вечности.

Он был терпелив. Несколько раз казалось, что уже вот-вот, – и все же ничего из этого не получилось. Цири была зла на себя, уверенная, что это результат ее неопытности и парализующего неумения. Он заметил это и успокоил ее. Как обычно, очень эффективно. И она уснула. В его объятиях.

Но утром его уже не было рядом.

На следующий вечер Король Ольх впервые проявил нетерпение.

Она застала его склонившимся над столом, на котором лежало оправленное в янтарь зеркало. Зеркало было засыпано белым порошком.

«Начинается», – подумала она.

Ауберон небольшим ножичком собрал наркотик в два валика. Взял со стола серебряную трубочку и втянул порошок в нос, сначала в левую ноздрю, потом в правую. Его глаза, обычно блестящие, словно немного пригасли и потускнели, заслезились. Цири сразу поняла, что это не первая порция.

Он сформировал на столе два новых валика, пригласил ее жестом, подал трубку. «А, да что там, – подумала она. – Легче пойдет».

Фисштех был невероятно сильный.

Немного погодя оба уже сидели на ложе, прижавшись друг к другу, и пялились на луну слезящимися глазами.

– Зашнурованная ночь, – сказала она по-эльфьему, вытирая нос рукавом шелковой блузки.

– Зачарованная, – поправил он, вытирая глаз. – Ensh'eass, а не en'leass. Тебе следует поработать над произношением.

– Поработаю.

– Разденься.

Сначала казалось, что все будет хорошо, что наркотик подействовал на него так же возбуждающе, как и на нее. А на нее он подействовал так, что она сделалась активной и предприимчивой, больше того, прошептала даже ему на ухо несколько очень неприличных – в ее понимании – слов. Это вроде бы немного разгорячило его, эффект был... хм-м-м... осязаем, в определенный момент Цири показалось, что все вот-вот получится. Но все отнюдь не было «вот-вот». Во всяком случае, не до конца.

И именно тут он занервничал. Встал, накинул на худощавые плечи соболиный мех. Стоял так, отвернувшись, глядя в окно и на луну. Цири села, обхватила колени руками. Она была разочарована и зла, но одновременно на нее снизошла какая-то совершенно не свойственная ей сентиментальность. Явно действовал крепкий наркотик.

– Виной всему я, – пробормотала она. – Шрам на лице меня уродует, я знаю, знаю, что ты видишь, глядя на меня. Маловато во мне осталось от эльфки. Золотой самородок в куче перегноя.

– Ты невероятно скромна, – процедил он, резко обернувшись. – Я бы сказал – жемчужина в свином дерьме. Бриллиант на пальце разложившегося трупа. В порядке работы над языком отыщи еще и другие сравнения. Завтра я проведу экзамен, маленькая Dh’oine. Человеческое существо, в котором ничего, абсолютно ничего не осталось от эльфки.

Он подошел к столу, взял трубку, склонился над зеркалом. Цири сидела будто каменная и чувствовала себя так, словно ее оплевали.

– Я прихожу сюда не из-за любви к тебе! – чуть не пролаяла она. – Меня шантажируют, и ты прекрасно об этом знаешь! Но я соглашаюсь и делаю это ради...

– Ради кого? – запальчиво прервал он, совсем не по-эльфьему. – Ради меня? Ради заточенных в твоём мире Aen Seidhe? Ты, глупая девчонка! Ты делаешь это ради себя, ради себя ты приходишь сюда и пытаешься мне отдаться. Потому что в этом твоя единственная надежда, единственная спасительная соломинка. И скажу тебе еще: молись! Истово молись своим человеческим идолам, божкам или тотемам. Ибо или я, или Аваллак’х и его лаборатория. Поверь мне, я не хотел бы попасть в лабораторию и познать это «или».

– Мне все равно, – сказала она глухо, скорчившись на постели, – я согласна на все, лишь бы получить свободу. Чтобы иметь наконец возможность освободиться от вас. Уйти. В мой мир. К моим друзьям.

– Твои друзья? – насмешливо спросил он. – Вот они, твои друзья!

Он резко отвернулся и подsunул ей под нос запорошенное наркотиком зеркало.

– Здесь твои друзья, – повторил он. – Погляди, полюбуйся.

Он вышел, развевая распахнутыми полами шубы.

Вначале в мутном стекле она видела только собственное неясное отражение. Но почти тут же зеркало посветлело, стало млечно-белым, заполнилось дымом. А потом возникло изображение.

Йеннифэр, висят в бездне, напрягаясь, с руками, воздетыми кверху. Рукава платья раскинуты, как крылья птицы. Волосы колеблются, между ними шмыгают маленькие рыбки. Целые косяки искрящихся юрких рыбок. Некоторые уже щиплют щеки и глаза. От ног Йеннифэр спускается ко дну озера веревка, на конце веревки увязшая в иле и водорослях большая корзина с камнями. Наверху, высоко, сверкает и поблескивает поверхность озера.

Платье Йеннифэр колеблется в том же ритме, что и волосы.

Запыленную фисштехом поверхность зеркала затягивает дым.

Геральт, стеклянисто-белый, с закрытыми глазами, сидит под свисающими со скалы длинными сосульками, неподвижный, обледепевший. Наносимый метелью снег быстро засыпает его. Белые волосы уже стали белыми льдинками, белые сосульки уже свисают с бровей и ресниц, с губ. А снег все идет и идет, все больше увеличивается сугроб, покрывающий ноги Геральта, все выше пушистые холмики снега на его плечах. Вьюга воет и свистит...

Цири сорвалась с постели, с размаху ударила зеркалом о стену. Треснула янтарная рамка, стекло разлетелось на миллион осколков.

Она узнавала, знала, помнила такого рода видения. Из своих давних снов.

– Неправда все это! – крикнула она. – Ты слышишь, Ауберон? Я не верю! Это неправда! Это всего лишь твоя злоба, бессильная и хилая, как и ты сам! Твоя злоба...

Она опустилась на паркет. И расплакалась.

Цири подозревала, что у стен дворца есть уши. На следующее утро она не могла отделаться от скользких взглядов, чувствовала за спиной усмешки, ловила шепотки.

Аваллак'ха не было нигде. «Знает, – подумала она, – знает, что случилось, и избегает меня. Заранее, еще прежде, чем я встала, уплыл либо уехал куда-нибудь подальше со своей позлащенной эльфой. Не желает со мной разговаривать, не хочет признаться, что его план рухнул!»

Нигде не было и Эредина. Впрочем, это вполне нормально, он часто уезжал со своими Dearg Ruadhri, Красными Всадниками.

Цири вывела Кэльпи из конюшни и поехала за реку. Все время лихорадочно размышляла, не замечая вокруг ничего.

«Бежать отсюда. Не все ли равно, лживыми или правдивыми были изображения в зеркале. Ясно одно – Йеннифэр и Геральт там, в моем мире. И там, рядом с ними, мое место. Необходимо отсюда убежать, убежать немедленно. Должен же найтись какой-то способ. Я вошла сюда сама, значит, должна сама и выйти. Эредин говорил, что у меня дикий, стихийный магический дар, то же самое подозревал и Высогота. Из Тор Зиреазль, которую я исследовала детально, выхода не было. Но, возможно, здесь есть и другая башня...»

Она посмотрела вдаль, на холм, на виднеющийся на нем кромлех. «Запрещенный район, – подумала она. – Ха! Похоже, это очень далеко. Пожалуй, туда меня Барьер не пропустит. Нечего и пытаться. Пойду по течению реки. Туда я еще не ездила».

Кэльпи заржала, затрясла головой, резко брыкнулась. Не позволила себя развернуть, пошла рысью в сторону холма. Цири изумилась настолько, что несколько мгновений не реагировала, позволяя кобыле бежать. Лишь потом крикнула и натянула поводья. Кэльпи поднялась на дыбы, заржала, мотнула крупом и пошла галопом. Туда же.

Цири больше не удерживала ее, не пыталась управлять. Она была безгранично удивлена. Но достаточно хорошо знала Кэльпи. У кобылы был норов, однако не такой уж дурной! Подобное ее поведение должно было что-то означать.

Кэльпи пошла медленнее, перешла на рысь. Она бежала по прямой к увенчанной кромлехом вершине холма.

«Примерно одно стае, – подумала Цири. – Сейчас начнет действовать Барьер».

Кобыла вбежала на каменистую площадку между плотно стоящими омшелыми и потрескавшимися монолитами, вырастающими из гущи усеянных колючками кустов ежевики, и остановилась как вкопанная. Единственное, что у нее двигалось, были уши.

Цири попыталась ее завернуть. Сдвинуть с места. Напрасно. Если б не жилы, пульсирующие на горячей лошадиной шее, она могла б поклясться, что сидит не на живой лошади, а на статуе. Внезапно что-то коснулось ее спины. Что-то острое, что-то, что проткнуло одежду и болезненно укололо. Она не успела обернуться. Из-за камней без единого звука появился единорог рыжей масти и решительно сунул ей рог под мышку. Сильно. Резко. Она почувствовала, как по боку течет теплая струйка крови.

С другой стороны выдвинулся еще один единорог. Этот был совершенно белый, от краешков ушей до кончика хвоста. Только ноздри розовые, а глаза черные.

Белый единорог приблизился. Медленно, очень медленно положил голову ей на лоно. Возбуждение было столь сильным, что Цири охнула.

Я вырос, – прозвучало у нее в голове. –

Вырос, Звездоклая. Тогда, в пустыне, я не знал, как мне следует себя вести. Теперь уже знаю.

– Конек? – ахнула она, все еще болтаясь на двух колющих ее рогах.

Меня зовут Иуарраквакс. Ты помнишь меня, Звездоклая? Помнишь, как лечила меня? Спасала?

Он отступил, повернулся боком. Она увидела шрам у него на ноге. И узнала. Она помнила.

– Конек! Это ты! Но ведь ты был совсем другой масти!!!

Я вырос.

В голове неожиданная путаница, шепоты, голоса, крики, ржание. Рога отошли назад. Она увидела, что второй единорог, тот, что стоял у нее за спиной, синий в яблоках.

Старшие учатся тебе, Звездоклая. Они учатся тебе через меня. Еще немного, и они смогут разговаривать с тобой. Сами скажут, чего от тебя хотят.

Какофония в голове Цири взорвалась диким гомоном. И почти тут же смягчилась, поплыла потоком понятий и ясных мыслей.

Мы хотим помочь тебе убежать, Звездоклая.

Она молчала, хотя сердце забилось сильнее.

Где сумасшедшая радость? Где благодарность?

– А чего ради, – дерзко бросила она, – откуда такое желание помогать мне? Так уж сильно вы меня любите?

Мы вообще тебя не любим. Но это не твой мир. Это не место для тебя. Ты не можешь здесь оставаться. Мы не хотим, чтобы ты осталась.

Она стиснула зубы. Хоть и была возбуждена перспективой, помотала головой. Конек – Иуарраквакс – застриг ушами, начал грести землю копытами, глянул на нее черным глазом. Рыжий единорог топнул так, что земля под ней задрожала, грозно закрутил рогом. Гневно фыркнул. И Цири поняла.

Ты нам не доверяешь.

– Не доверяю, – тихо проговорила она. – Здесь каждый играет в какую-то свою игру, а меня, несведущую, пытается использовать. Почему я должна верить именно вам? Между вами и эльфами, это видно сразу, нет дружбы, я сама видела там, в степи, как дело чуть не дошло до драки. Я вполне могу думать, что вы хотите мною воспользоваться для того, чтобы насолить эльфам. Они мне тоже не очень-то нравятся, как бы там ни было, они заперли меня здесь и принуждают делать то, чего я вовсе не хочу. Но использовать себя я не позволю.

Рыжий тряхнул головой, его рог снова проделал опасное движение. Синий заржал. В голове у

Цири загудело как в колодце, а проявившаяся мысль была нехорошей.

– Ага! – крикнула она. – Вы такие же, как и они! Или подчинение и послушание, или смерть! Я не боюсь! А использовать себя не дам!

Она опять ощутила сумятицу и хаос. Прошло немного времени, прежде чем из хаоса проявилась позволяющая себя прочесть мысль.

Это прекрасно, Звездоокая, что ты не любишь, когда тебя используют. Нам именно это и нужно. Именно это мы хотим обеспечить тебе. Себе. И всему миру. Всем мирам.

– Не понимаю.

Ты – грозное оружие. Нельзя допустить, чтобы это оружие попало в руки Короля Ольх, Лиса и Ястреба.

– Кого-кого? – прошептала она. – Ах... – «Лис, creven, это Аваллак'х. А кто из них Ястреб – это я знаю слишком хорошо!»

Король Ольх стар. Но Лис и Ястреб не могут обрести власть над Ard Gaeth, Вратами Миров. Однажды они уже ее получили. Однажды они уже ее утратили. Теперь не могут ничего, только плутать, блуждать среди миров маленькими шажками, одни, бессильные, как призраки. Лис –

до Тир на Беа Араинна, Ястреб и его Всадники до Спирали. Дальше не могут, нет сил. Поэтому они мечтают о Ard Gaeth и власти. Мы покажем тебе, каким образом они уже однажды использовали такую власть. Покажем тебе это, Звездоокая, когда ты будешь отсюда уходить.

– Я не могу уйти. Меня связали чарами. Барьер. Geas Garath.

Тебя нельзя удержать. Ты –

Владычица Миров.

– Ну да! У меня нет никакого стихийного магического дара, я не властвую ни над чем. А от Силы я отказалась там, в пустыне, год назад. Конек – свидетель.

В пустыне ты отказалась от фокусничанья. От Силы, которая в крови, отказаться невозможно. Она по-прежнему с тобой. Мы научим тебя, как ею воспользоваться.

– А случайно, не в том ли дело, – крикнула она, – что Силу и власть над мирами, которые у меня якобы есть, вы вознамерились заполучить?

Нет, не так. Нам твоя Сила ни к чему. Мы обладали ею всегда.

Поверь им, – попросил Иуарраквакс. –

Поверь, Звездоокая.

– При одном условии.

Единороги подняли головы, раздули ноздри, казалось, из их глаз посыпались искры. «Они не любят, – подумала Цири, – когда им ставят условия, они не любят даже звучания этого слова. Past, не знаю, правильно ли я поступаю... Лишь бы только все не окончилось трагично...»

Мы слушаем. Что за условие?

– Иуарраквакс пойдет со мной.

Под вечер набежали тучи, стало душно. Над рекой поднялся плотный липкий туман. А когда на Тир на Лиа опустилась тьма, вдалеке тихим ворчанием заговорила гроза, озаряя горизонт сполохами молний.

Цири уже давно была готова. В черной одежде, с мечом за спиной, взволнованная и напряженная, она с трудом дождалась темноты.

Тихо пересекла пустой вестибюль, проскользнула вдоль колоннады, вышла на террасу. Река Easnadh смолой блестела в темноте, шумели ивы.

По небу прокатился далекий гром.

Цири вывела Кэльпи из конюшни. Кобыла знала, что ей полагается делать, и послушно потрусил в сторону Порфириового Моста. Цири несколько секунд смотрела ей вслед, глянула на террасу, при которой стояли лодки.

«Не могу, – подумала она. – Покажусь ему еще раз. Может, так мне удастся немного задержать погоню? Это рискованно, но иначе я не могу».

В первый момент ей показалось, что его нет и королевские покои пусты. Такая в них стояла тишина и мертвенность.

Его она заметила не сразу. Он сидел в углу, в кресле, в белой рубахе, распахнутой на худощавой груди. Рубаха была сшита из такой тонкой ткани, что облепляла тело словно мокрая.

Лицо и руки Короля Ольх были почти такими же белыми, как рубаха.

Он поднял на Цири глаза. В них была пустота.

– Шиададь? – шепнул он. – Хорошо, что ты пришла. Знаешь, ведь говорили, ты умерла.

Он разжал кулак, что-то упало на ковер. Флакон из серо-зеленого нефрита...

– Лара. – Король Ольх покачал головой, коснулся шеи, словно его душил толстый королевский torc'h. – Saemm a me, luned. Иди ко мне, доченька. Saemm a me, elaine.

В его дыхании Цири ощутила смерть.

– Elaine blath, feainne wedd... – затянул он. – Mire, luned, у тебя развязалась ленточка... Позволь...

Он хотел поднять руку, но не смог. Вдохнул глубоко, резко поднял голову, взглянул ей в глаза. На этот раз осмысленно.

– Зиреазль. Loc'hlaidd. Ты действительно – Предназначение, Владычица Озера. И моя. Как получается. Va'esse deireadh aep eigeap, – продолжал он, помолчав, а Цири с изумлением поняла, что его слова и движения начинают кошмарно замедляться. – Да, – вздохнув, договорил он. – А все же хорошо, что иногда что-то начинается.

Из-за окна до них долетел протяжный гром. Буря была еще далеко. Но быстро приближалась.

– Несмотря на все, – сказал он, – мне страшно не хочется умирать, Зиреазль. И меня ужасно огорчает, что все же приходится. Кто бы мог подумать? Я полагал, что не стану сожалеть. Жил я долго, познал все. Утомился... И все же теперь испытываю сожаление. И знаешь, что

еще? Наклонись. Я скажу тебе на ушко. Пусть это будет нашей тайной.

Она наклонилась.

– Я боюсь, – прошептал он.

– Я знаю, – ответила она тоже шепотом.

– Ты здесь?

– Здесь.

– Va faill, lured.

– Прощай, Король Ольх.

Она сидела рядом, держа его руку в своей до тех пор, пока он не утих и не угасло его легкое дыхание. Она не утирала слезы. Пусть текут...

Буря приближалась. Горизонт полыхал молниями.

Быстро сбежала по мраморным ступеням на террасу с колоннами, рядом с которыми покачивались лодки. Отвязала одну, крайнюю, ту, что присмотрела еще с вечера. Оттолкнулась от террасы длинным шестом красного дерева, который предварительно вытащила из карниза. Потому что сомневалась, что лодка станет ее слушаться так же, как Аваллак'ха.

Лодка бесшумно пошла по течению. В Тир на Лиа было тихо и темно. Только статуи на террасах провожали ее мертвыми взглядами. Цири считала мосты.

Небо над лесом осветилось заревом молний, спустя некоторое время протяжно заворчал гром.

Третий мост.

Что-то промчалось по мосту, тихо, ловко, словно огромная черная крыса. Лодка покачнулась, когда он спрыгнул ей на нос. Цири бросила шест, выхватила меч.

– И все-таки, – прошипел Эредин Бреакк Глас, – ты вознамерилась лишить нас своего общества?

Он тоже выхватил меч. В коротком проблеске молнии она успела рассмотреть оружие. Клинок с односторонним лезвием, слегка изогнутый, лезвие блестящее, несомненно, острое, рукоять длинная, гарда – в виде круглой ажурной пластины. То, что эльф умеет пользоваться таким мечом, было ясно с первого взгляда.

Неожиданно он качнул лодку, сильно опершись ногой о борт. Цири ловко забалансировала, уравнивала лодку сильным наклоном тела, почти тут же сама попыталась проделать такой же трюк, прыгнув на борт обеими ногами. Эредин покачнулся, но удержал равновесие и бросился на нее с мечом. Она парировала удар, прикрывшись инстинктивно, потому что мало что видела. Ответила быстрым ударом снизу. Эредин отбил и ударил сам. Цири отразила удар. От клинков, словно от кресал, летели снопы искр.

Бреакк снова качнул лодку – сильно, чуть не перевернув. Цири заплясала, балансируя вытянутыми руками. Он отступил к носу, опустил меч.

– Где ты этому научилась, Ласточка?

– Ты удивишься, если скажу.

– Вряд ли. То, что по реке можно преодолеть Барьер, ты сообразила сама, или кто-то тебе подсказал?

– Не имеет значения.

– Имеет. И мы это выясним. Есть такие способы. А теперь – брось меч и возвращаемся.

– Как же! Жди!

– Возвращаемся, Зиреазль. Ауберон ждет. Сегодня ночью, ручаюсь, он будет отважен и темпераментен.

– Как же, – повторила она. – Ты перегнул со своим средством для повышения темперамента. Тем, которое ему дал. А может, это вовсе и не было средство для подогрева темперамента?

– О чем ты?

– Король умер.

Эредин мгновенно подавил изумление, резко кинулся на нее, раскачивая лодку. Балансируя, они обменялись яростными ударами, и по воде пронесся громкий звон стали о сталь.

Молния озарила ночь. Над их головами мелькнул мост. Один из последних мостов Тир на Лиа. А может, последний?

– Ты наверняка понимаешь, Ласточка, – хрипло сказал Эредин, – что только оттягиваешь неизбежное. Я не могу тебе позволить уйти.

– Почему? Ауберон умер. А ведь я – ничто и ничего не значу. Ты сам это сказал.

– Потому что это правда. – Он поднял меч. – Ничего не значишь. Так – маленькая моль, которую можно пальцами растереть в блестящую пыльцу, но которая, если это допустить, может проесть дыру в драгоценной ткани. Так – зернышко перца, совершенно незначительное, но если его по невнимательности разжевать, оно испоганит самое изысканное блюдо и заставит сплунуть, хотя так хотелось бы насладиться едой. Вот что ты такое. Ничто. Докучливое ничто.

Молния. При ее свете Цири увидела то, что хотела увидеть. Эльф поднял меч, размахнулся, вскочил на скамейку. У него было преимущество в высоте. Следующую стычку он должен был выиграть.

– Не следовало поднимать на меня оружие, Зиреазль. Теперь уже поздно. Я тебе этого не прощу. Я не убью тебя, о нет. Но несколько недель в кровати, в бинтах, тебе наверняка не повредят.

– погоди. Сначала я хочу тебе кое-что сказать. Открыть некую тайну.

– И что ж ты можешь мне сказать? – фыркнул он. – Что такое, чего я не знаю, ты можешь мне открыть? Какую такую истину ты можешь мне прояснить?

– А такую, что ты не проплывешь под мостом.

Он не успел среагировать, ударился о мост затылком, отлетел к корме, потерял равновесие. Цири могла просто вытолкнуть его из лодки, однако боялась, что этого будет недостаточно, что он не откажется от преследования. Кроме того, именно он, умышленно или нет, убил Короля Ольх. А за это ему полагалась боль.

Она коротко ткнула его в бедро под самой кольчугой. Он даже не вскрикнул. Вылетел за борт, плюхнулся в реку, вода сомкнулась над ним.

Цири обернулась и наблюдала. Нескоро он выплыл. Нескоро выполз на спускающиеся к воде мраморные ступени и долго лежал неподвижно, истекая водой и кровью.

– Тебе повезло: несколько недель в кровати, в бинтах, тебе наверняка не повредят, – буркнула она, схватила свой красного дерева шест и сильно оттолкнулась. Река Вздох набирала скорость, лодка плыла все быстрее. Вскоре позади скрылись во тьме последние строения Тир на Лиа.

Больше Цири не оглядывалась.

Сначала сделалось очень темно, когда лодка заплыла в старый лес, меж деревьев, чьи ветви сходились над поверхностью реки, образуя свод. Потом посветлело, лес кончился, оба берега заросли ольховником, камышами, очеретом. В чистой прежде реке появились клочки травы, водоросли, древесные стволы. Когда небо освещивалось молниями, она видела на воде круги, когда гремел гром, слышала, как плещется испуганная рыба. Что-то постоянно хлюпало и шлепало, чмокало и чавкало. Несколько раз недалеко от лодки появлялись большие фосфоресцирующие глаза. Порой лодка вздрагивала, столкнувшись с чем-то большим и живым. «Не все здесь так ладно. Для непривычных этот мир – смерть», – мысленно повторяла она слова Эредина.

Река расширилась, разлилась. Появились островки и рукава. Она позволяла лодке плыть, куда несло течение. Но начала побаиваться. Что, если по ошибке поплывет не по нужному рукаву?

Едва успела об этом подумать, как с берега, из зарослей, долетело ржание Кэльпи и мощный сигнал единорога.

– Ты здесь, Конек!

Надо спешить, Звездоокая. Двигайся за мной.

– В мой мир?

Вначале я должен тебе кое-что показать. Так приказали Старшие.

Они ехали вначале лесом, потом по степи, густо изрезанной оврагами и впадинами. Сверкали молнии, гремел гром. Гроза приближалась, поднялся ветер.

Единорог завел Цири в одну из впадин.

Здесь.

– Что «здесь»?

Слезь с лошади и посмотри.

Она спустилась на землю. Грунт был неровный. Она споткнулась. Что-то хрустнуло и осунилось под ногами. Сверкнула молния, и Цири глухо вскрикнула.

Ее окружало море костей.

Песчаные склоны впадины оползали, скорее всего подмытые дождями. И приоткрыли то, что скрывали. Кладбище. Морг. Огромный навал костей. Берцовых, тазовых, реберных, фаланг пальцев, черепов.

Цири наклонилась и подняла один.

Сверкнула молния, и Цири вскрикнула. Она поняла, чьи останки здесь покоятся.

У черепа, носящего след удара оружием, среди прочих зубов сохранились клыки.

Теперь ты понимаешь, — зазвучало у нее в мозгу. —

Теперь ты знаешь. Это сделали они. Aen Elle. Король Ольх, Лис, Ястреб. Этот мир вовсе не был их миром. Он стал им после того, как они его завоевали. Когда отворили Ard Gaeth, обманув и использовав нас так же, как теперь пытаются обмануть и использовать тебя.

Цири выпустила череп из рук.

— Сволочи! — крикнула она в ночь. — Убийцы!

По небу с грохотом прокатился гром. Иуарраквакс громко предупреждающе заржал. Она поняла. Взлетела в седло одним прыжком, криком послала Кэльпи в галоп.

По их следам шла погоня.

«Когда-то так уже было, — думала она, захлебываясь бьющим в лицо ветром. — Так уже когда-то было. Такая скачка, дикая, во тьме, в ночи, полной страшилищ, призраков и упырей».

— Вперед, Кэльпи!

Головокружительный галоп, слезятся глаза. Молния вспарывает небо, в ее свете Цири видит ольхи по обеим сторонам дороги. Кривые деревья отовсюду протягивают к ней узловатые руки-ветви, хлопают черными пастями дупел, бросают вслед проклятия и угрозы. Кэльпи пронзительно ржет, мчится так быстро, что копыта, кажется, едва касаются земли. Цири прижимается к шее кобылы. Не только для того, чтобы уменьшить сопротивление воздуха, но и чтобы не налететь на ветки ольх, которые так и стремятся повалить ее или стащить с седла. Ветки свисают, тянутся, хлещут, пытаются вцепиться ей в одежду. Искореженные стволы раскачиваются, дупла хлопают и гудят.

Кэльпи дико ржет. Единорог отвечает тем же. Он — снежно-белое пятно во мраке, указывающее путь.

Мчись, Звездоокая! Мчись что есть сил!

Ольх все больше, все труднее уклоняться от их ветвей. Вскоре они совсем преграждают дорогу.

Позади крик. Голоса погони.

Иуарраквакс ржет. Цири принимает его сигнал. Понимает его значение. Еще плотнее прижимается к шее Кэльпи. Нет нужды подгонять кобылу. Подгоняемая страхом лошадь мчится головоломным галопом.

Снова сигнал от единорога, более четкий, бьющий в мозг. Это указание, даже — приказ.

Прыгай, Звездоокая. Ты должна прыгнуть. В другое место, в другое время.

Цири не понимает, но пытается понять. Очень старается понять, концентрируется. Концентрируется так сильно, что кровь начинает шуметь и пульсировать в ушах...

Молния. А потом неожиданная тьма. Бархатистая и черная, черная чернотой, которую не

освещает ничто.

В ушах шум.

На лице ветер. Холодный ветер. Капельки дождя. В ноздрях запах сосны.

Кэльпи брыкается, фыркает, топает. Шея у нее мокрая и горячая.

Молния. Почти сразу же за ней гром. При свете молнии Цири видит Иуарраквакса, трясущего мордой и рогом, сильно гребущего землю копытами.

– Конек?

Я здесь, Звездоокая.

Небо усеяно звездами. Украшено созвездиями. Дракон, Зимняя Дева, Семь Коз, Жбан.

А почти над самым горизонтом – Око.

– Получилось, – вздохнула Цири. – У нас получилось, Конек! Это мой мир!

Его сигнал настолько четок, что Цири понимает все.

Нет, Звездоокая. Мы убежали из их мира. Но здесь вовсе не то место, не то время. Впереди еще немалый путь.

– Не оставляй меня одну.

Не оставлю. Я твой должник. Я обязан расплатиться. До конца.

Одновременно с поднявшимся ветром небо темнеет на западе, наплывающие волнами тучи гасят созвездия одно за другим. Гаснет Дракон. Гаснет Зимняя Дева, Семь Коз, Жбан. Гаснет Око, светящееся ярче и дольше других.

Коротким светом молнии разгорелся вдоль горизонта небосклон. Ветер усилился, сыпанул в глаза пылью и сухими листьями.

Единорог заржал, выдал ментальный сигнал.

Нельзя терять ни минуты. Единственная наша надежда в быстром бегстве. В нужное место и нужное время. Поспешим, Звездоокая.

«Я – Владычица Мира. Я – Старшая Кровь.

Я – кровь от крови Лары Доррен, дочери Шиадаля».

Иуарраквакс заржал, поторопил. Кэльпи поддержала протяжным фырканием. Цири натянула поводья.

– Я готова, – сказала она.

Шум в ушах. Блеск и свет. А потом – тьма.

Глава шестая

Суд над Йоахимом де Веттом, приговор и казнь большинство историков обычно объясняют бурной, жестокой и тиранической натурой императора Эмгыра. Нет недостатка (особенно у авторов – любителей беллетристики) в догадках и гипотезах о мести и разборках совершенно личного свойства. Теперь пришло время сказать правду, одну только правду, и ничего, кроме правды, которая любому серьезному исследователю вполне очевидна. Герцог де Ветт командовал оперативной группой «Вердэн» таким образом, для которого определение «неудачно» следует считать исключительно деликатным. Имея под началом двукратно превосходящие силы, он отступил на север, а всю активность подчиненных ему подразделений направил на борьбу с вердэнскими гверильясами. Группа «Вердэн» обращалась с населением исключительно изуверски. Результат можно было легко предсказать, ибо он был неизбежен: если зимой силы инсургентов составляли неполных полтысячи человек, то весной восстала почти вся страна. Преданного Империи короля Эрвилла убили, и восстание возглавил его сын, принц Кистрин, симпатизировавший нордлингам. Имея на фланге десанты пиратов из Скеллиге, с фронта – наступающих из Цидариса нордлингов, а на тылах – повстанцев, де Ветт запутался в хаосе борьбы и терпел поражение за поражением. Тем самым он задержал наступление группы «Центр» и, как установлено, вместо того чтобы связывать крыло нордлингов, группа «Вердэн» связывала Мэнно Коегоорна. Нордлинги незамедлительно перешли к контрударам, разорвали кольцо вокруг Майены и Марибора, сведя на нет шансы быстрого повторного захвата этих важных укреплений.

Неспособность и глупость де Ветта имели также чисто психологический аспект. Лопнул миф о непобедимости Нильфгаарда. К армии нордлингов начали сотнями присоединяться добровольцы. Рестиф де Монтолон Северные войны – мифы, ложь и полуправда

Чего уж скрывать, Ярре был сильно разочарован. Воспитание в храме и его собственная открытая натура привели к тому, что он верил в людей, в их доброту, благожелательность и бескорыстие. От этой веры мало что осталось.

Он уже две ночи проспал на дворе, в остатках стогов, а теперь дело шло к тому, что таким же образом он проведет и третью ночь. В тех селах, где он просил пустить его на ночлег, отвечали либо угрюмым молчанием, либо ругательствами и угрозами. Не помогало, когда он говорил, кто он и какова цель его странствия.

Очень, очень разочаровали его люди.

Смеркалось быстро. Паренек быстро шагал по тропинке среди полей. Высматривал стог, отчаявшийся и убитый перспективой очередной ночи под открытым небом. Правда, март выдался исключительно теплым, но ночью становилось по-настоящему холодно. И по-настоящему страшно.

Ярре глянул на небо, на котором, как и каждую ночь уже почти неделю, видна была красно-золотая пчела кометы, пересекающей небо с запада на восток, и протянувшийся за нею мерцающий огненный хвост. «Интересно, – думал Ярре, – что в действительности может предвещать это удивительное, упоминаемое во многих пророчествах явление?»

Задерживаться он не стал. Делалось все темнее. Дорожка шла вниз, в заросли кустов, принимающих в полумраке самые причудливые очертания. Снизу, оттуда, где было еще темнее, веяло холодом, неприятным запахом гниющих трав и чем-то еще.

Чем-то очень нехорошим.

Ярре остановился. Попробовал убедить себя, что по спине и плечам ползает не страх, а холод. Впустую.

Берега заросшего лозняком и искривленными ивами канала, черного и блестящего, как свежесмытая смола, стягивал невысокий мостик. В тех местах, где балки прогнили и провалились, зияли продолговатые дыры, перила были сломаны, стойки погружены в воду. За мостиком ивы росли плотнее. Хотя до настоящей ночи было еще далеко, хоть далекие луга за каналом все еще светились висящей на стеблях трав пряжей тумана, здесь, меж ив, царила тьма. Во мраке Ярре нечетко различал развалины какой-то постройки, вероятно, мельницы, шлюза или угрекопильни.

«Надо перейти мостик, – подумал он. – Ничего не поделаешь, надо. Хотя я кожей чую, что там, во тьме, затаилось что-то недоброе, на другую сторону канала перейти надо. Я просто обязан перейти канал, как это сделал бы мифический вождь или герой, о котором я читал в истлевших манускриптах в храме Мелитэле. Перейду канал, и тогда... Как там было? Карты брошены? Нет – кости брошены. Позади останется мое прошлое, впереди раскинется мое будущее».

Он ступил на мостик и тут же понял, что предчувствие его не обмануло. Понял еще прежде, чем увидел. И услышал.

– Ну что? – прохрипел один из тех, что загородили ему дорогу. – Не говорил я? Говорил, мол, посидеть малость и кто-нито притопают.

– Верно, Окультих. – Второй из вооруженных толстыми палками типов слегка шепелявил. – И верно, ты у нас не хуже ворожеи аль волхва. Ну, прохожий, шам-один идет! Давай, чего там у тебя ешь, хошь по доброте швоей, иль дернуть тебя придешша?

– У меня ничего нет! – что было сил крикнул Ярре, хоть и невелика была надежда на то, что кто-нибудь услышит и примчится на выручку. – Я бедный странник! У меня нет ни гроша в кармане! Что ж отдавать-то вам? Палку эту? Одежду?

– И энто тожить, – сказал шепелявый, и в его голосе было что-то такое, что заставило Ярре вздрогнуть, – потому как надобно тебе знать, странничек убогий, по правде-то мы тут, при желании будучи, девки какой-никакой дожидались. Но коли ночь уж на носу, никто, видать, не придет из девок-то, и стало быть, на безрыбье и рак рыба. Хватайте, ребята!

– У меня нож! – взвизгнул Ярре. – Предупреждаю!

У него действительно был нож. Ярре умыкнул его из храмовой кухни за ночь до бегства и спрятал в суме. Но ни разу не пускал в дело. Его парализовало – и поразило – сознание того, что все это бессмысленно и никто ему не поможет.

– Нож у меня, говорю!

– Это ж надо! – усмехнулся шепелявый, подходя ближе. – Нож у него, вишь ты. Кто б мог подумать!

Ярре не мог бежать. Ужас превратил его ноги в два врытых в землю столба. Горло петель стянул спазм.

– Эгей! – вдруг крикнул третий молодым и удивительно знакомым голосом. – Я ж его навроде бы знаю! Ну да, ну конечно ж, знаю я его! Отстаньте, говорю, знакомый это. Ярре! Ты меня узнаешь? Мэльфи я! Эй, Ярре! Узнаешь друга Мэльфи?

– У... узнаю. – Ярре изо всех сил боролся с отвратительным, неодолимым, незнакомым ему раньше ощущением. Только когда почувствовал боль в бедре, которым ударился о бревно моста, понял, что это за ощущение.

Ощущение потери сознания.

– Ого, вот так неожиданность, – повторил Мэльфи. – Вот-те случай так случай! Во, глянь-ка, своячка случилось встренуть! Из Элландера знакомца! Друга! А, Ярре?

Ярре проглотил кусок твердой и тягучей словно подметка солонины, которой его угостила странная компания, заел печеной репой. Он не ответил, только кивнул в сторону окружающей костер шестерки.

– И куда ж ты направляешься-то, Ярре?

– В Вызиму.

– Ха! Так и нам ведь в Вызиму! Во совпадение-то! А, Мильтон? Ты Мильтона-то помнишь, Ярре?

Ярре не помнил, не был уверен, видел ли его вообще когда-нибудь. Впрочем, Мэльфи тоже слегка преувеличивал, величая его другом. Это был сын бондаря из Элландера. Когда они вместе посещали начальную храмовую школу, Мэльфи регулярно и чувствительно колотил Ярре и называл его при этом ублюдком, зачатым без отца и матери в крапиве. Так тянулось около года, по окончании которого бондарь забрал сына из школы, поскольку стало ясно, что подросток годен исключительно для бочек. Так Мэльфи, вместо того чтобы в поте лица своего познавать секреты чтения и чистописания, в поте того же лица строгал клепки в мастерской отца. А когда Ярре выучился и по рекомендации храма был принят на должность помощника писаря в городском суде, бондарь-сын, по примеру отца, кланялся ему в пояс, совал презенты и демонстрировал дружбу.

– ...в Вызиму идем, – продолжал свое повествование Мэльфи. – В армию. Все мы туда как один в армию идем. Вон те, понимаешь, Мильтон и Огребок, сыновья кметовы, по данной повинности набраны. Сам знаешь...

– Знаю. – Ярре окинул взглядом кметовых сыновей, светловолосых, одинаковых как братья, грызущих какое-то неизвестное испеченное на углях едово. – По одному с десяти ланов. Ланный контингенс[80]. А ты, Мэльфи?

– Со мной, – вздохнул бондарев сын, – все вышло так: по первому разу, когда цеха должны были выделять рекрутов, отец откупился и жребий не тянул. Но номер не прошел, пришлось тянуть второй раз, потому как так решил город... Сам знаешь...

– Знаю, – снова подтвердил Ярре. – Дополнительный набор контингенса Совет города Элландера установил законом от шестнадцатого января. Это было необходимо, учитывая опасность нильфгаардского нападения.

– Нет, Щук, ты токо послушай, как поёт, – хрипло влез в разговор крепкий и остриженный чуть не наголо тип, которого называли Окультихом и который первым окликнул его на мосту. – Господинчик! Вумник какой!

– Умник, – протяжно поддержал второй крупный парень с вечно прилепленной к круглой физиономии глуповатой усмешкой. – Мудрила, ишь!

– Заткнись, Клапрот, – медленно прошепелявил тот, кого называли Щуком, самый старший среди них, рослый, с отвислыми усами и подбритым затылком. – Ешли умник, годитша пошлушать, кады треплецца. Пользительношь от того может быть. Наука, значицца. А наука никому никогда не навредила. Ну, почти никогда. И почти никому.

– Что верно, то верно, – согласился Мэльфи. – Он, Ярре, стало быть, и впрямь не дурак, читательный и писательный... Ученый. Он же ж в Элландере за судебного писаря трудился, а в храме Мелитэле у него в попечительности цельный книгосбор был...

– А чего ж тады, любопытштвую, – прервал Щук, рассматривая Ярре сквозь дым и искры, – такой шудебно-храмовшко-зашранный книжник делает на выжимшхом большаке?

– Как и вы, – повторил юноша. – В армию иду записываться.

– А чегой-то, – глаза Щука блеснули, отражая свет, как глаза большой рыбыны в свете лучины на носу лодки, – чего, интересуюшь, шудебно-храмовшкой мудрец в армии найтить моёт? Потому как ведь не по набору идет? Э? Ведь же кажный дурак жнает, што храм ишключен иж контингенша и не обяжан рекрутов поштавлять. Да и то ишшо кажный дурень жнает, што кажный шуд швого пишарчука от службы моет защитить и не объявлять. Дык как же энто получаецца, милшдарь чиновник?

– Иду в армию добровольцем, – объяснил Ярре. – Сам иду, по своей воле, не по контингенсу. Частично по личным побуждениям, но в основном из чувства патриотического долга.

Компания взревела громким, гудливым, хорovým хохотом.

– Гляньте, ребята, – проговорил наконец Щук, – какие шупроворечивошты порой в человеке шидят. Две натуры. Вот, парень. Кажалось бы, ученый и бывалый, к тому ж, нешомненно, от рожжения не дурак. Жнать бы должен, што на войне творицца, понимать, кто кого бьет и того и гляди шовшем доконает. А он, как шами шлышали, беж принуждения, по швоей воле, из патеротичной обяжанношты, хотит к проигрывающей партии приштать.

Никто не прокомментировал. Ярре тоже молчал.

– Этакая патеротичная обяжанношь, – сказал наконец Щук, – обнаковенно больноголовым пришучна, хочь, может, и храмово-шудебным вошпитанникам тож. Но тута речь шла и о каких-то личных побуждениях. Шильно я любопытштвую, какие это такие личные побуждения у его?

– Они настолько личные, – отрезал Ярре, – что я не стану о них говорить. Тем более что вы, милшдари, и о своих побуждениях не очень торопитесь рассказать.

– Глянь-ка, – проговорил, нарушив минутную тишину, Щук, – ежели б какой-никакой проштак так шо мной жаговорил, то б он ш ходу по мордашам огреб. Но ежели ученый пишарчук... Такому прошшаю... на первый раж. И ответчу: я тожить до войшка иду. И тожить добровольцем.

– Дабы, словно какой больноголовый, пристать к проигрывающим? – Ярре сам удивился, откуда в нем вдруг взялось столько наглости. – Попутно обирая странников на мостах?

– Он, – захохотал Мэльфи, упреждая Щука, – все еще обижается на нас из-за засады на мосте. Перестань, Ярре. То так, игранка была. Шутковали мы. Невинная такая шутка-то! Верно, Щук?

– Ага. – Щук зевнул, щелкнул зубами. – Игранки такие, невинные. Жижнь тошклива, ошовеешь вконец. Точно навроде теленка, которого в жарез ведут. Потому токмо шуткой, либо игранкой ее шебе можно ражвешелить. Ты так не шшитаешь, пишарчук?

– Считаю. В принципе.

– Ну и порядок. – Щук не спускал с него слезящихся глаз. – Потому как иначе никчемной был бы иж тебя для наш компаньон, и лучше б тебе в Выжиму одному идтить. Да хочь бы и сразу.

Ярре смолчал. Щук потянулся.

– Я шказал, што хотел. Ну, ребята, пошутковали мы, поигралишя, а теперича и передохнуть

надыть. Ежели к вечеру хотим в Выжиму попашть, то ш шолнышком отправляцца будем.

Ночь была очень холодной. Несмотря на усталость, Ярре, свернувшись калачиком под опончей и поджав ноги чуть не до подбородка, уснуть никак не мог. Когда же наконец уснул, то спал скверно, его все время будили сны. Большую часть он не запомнил. Кроме двух. В первом сне знакомый ведьмак Геральт из Ривии сидел под нависшей со скалы длинной сосулькой. Неподвижный, обледеневший и до половины засыпанный валящим снегом. Во втором сне Цири на вороной кобыле, прижавшись к гриве, мчалась галопом между искореженными ольхами, пытающимися схватить ее кривыми ветками.

Да еще перед самым рассветом приснилась ему Трисс Меригольд. После прошлогоднего пребывания в храме чародейка снилась ему несколько раз. Сны принуждали Ярре делать то, чего он впоследствии очень стыдился.

Сейчас, надо понимать, ничего постыдного не случилось. Просто было очень холодно.

Утром действительно, едва взошло солнце, все семеро отправились в путь. Мильтон и Огрёбок, кметовы сыновья из ланного контингенса, подбадривали себя солдатской песенкой:

Слышишь звон солдатских лат?

На войну спешит солдат!

Прочь, девчонка, кыш с дороги!

Уноси скорее ноги,

А не то прижму к груди!

«Жми, родименький, не жди!»

Щук, Окультих, Клапрот и примкнувший к ним бондарев сын Мэльфи рассказывали друг другу забавные истории и анекдоты, невероятно, по их мнению, смешные.

– ...а нильф и спрашивает: «Чем это тут так воняет?» А эльф ему: «Говном!» Ха-ха-ха!

– Ха-ха-хаааа!

– Ха-ха-ха! А такой слыхали? Идут нильф, эльф и краснолюд. Глядят, мыша летит...

Чем сильнее разгорался день, тем больше они встречали на большаке других странников, кметских телег, армейских подразделений. Некоторые телеги были загружены нехитрым скарбом, за этими банда Щука шла чуть ли не опустив носы до земли, будто гончие, подбирая что упало – то морковку, то картофелину, то репу, порой даже луковицу. Часть «добычи» предусмотрительно прятали на черный день, часть тут же поедали, не прерывая изложения анекдотов.

– А нильф, фуууу! И обделался по самые уши! Ха-ха-ха, ха-ха-ха!

– Хаа, хаа, хаа! О боги, не выдержу... Обделался! Хааа, хааа...

– Хеее, хеее, хеее!

Ярре ждал случая и повода, чтобы отделиться. Не нравился ему Щук, не нравился ему Окультих. Не нравились ему взгляды, которыми Щук и Окультих окидывали обгонявшие их купеческие возы, кметские упряжки и сидящих на фурманках женщин и девушек. Не нравился ему насмешливый тон Щука, когда тот то и дело заводил речь о целесообразности идти в добровольцы в тот момент, когда поражение и гибель очевидны и predetermined.

Запахло пашней. Дымом. В долине, среди ровных клеточек полей, рощиц и блестящих, как зеркальца, рыбных прудиков, виднелись крыши построек. Временами долетал далекий лай собак, мычание вола, крик петуха.

– Видать, не бедны эти деревушки, – прошепелявил Щук, облизывая губы. – Небольшие, но ишкучные.

– Здесь, в долине, – поспешил объяснить Окультих, – низушки живут и хозяйствуют. У них все искусно и ладно. Хозяйственный народец, карлички энти.

– Нелюди проклятые, – просипел Клапрот. – Кобольды чертовы. Они тут хозяйничают, а настоящему человеку из-за таких беда и нищета! Таким даже война не помеха.

– На вшакий шлучай, – Щук растянул рот в неприятной ухмылке, – жапомните, молодцы, эту деревушку. Ту, крайнюю, шреди бережок, у шамого лешу. Жапомните как следует. Ежели когда-нить захоцца мне туда в гошти, не хотелошь бы плутать.

Ярре отвернулся, прикинувшись, будто не слышит, будто видит только большак.

Они шли. Мильтон и Огребок, кметовы сыновья из ланного набора, затагнули новую песню. Не такую армейскую, добрую. Немного даже как бы пессимистическую. Которую можно было – особенно после предыдущих намеков Щука – считать недобрым предзнаменованием.

А на войне, как на войне,

Хлебнешь несчастья вдвойне.

Не важно, стар ты или млад,

Фельдмаршал, сотник иль солдат,

Уж коли смерть тебя найдет,

То стороной не обойдет...

– Вон у того, – оценил угрюмо Окультих, – должны быть бабки. Если у ево бабков нету – пусть меня в монахи постригут.

Человеком, из-за которого Окультих шел на такой огромный риск, был бродячий торговец, идущий рядом с двуколкой, запряженной ослом.

– Бабки бабками, – прошепелявил Щук, – а ошлик тоже деньгу стоит. Пошли-ка побыштрей, молодцы.

– Мэльфи, – схватил Ярре бондаря за рукав, – разуй глаза-то! Не видишь, к чему дело идет?

– Так то ж всего лишь шуточки. – Мэльфи вырвал рукав. – Шуткует Щук, шуткует.

Двуколка торговца была одновременно ларьком и могла превращаться в прилавок за несколько минут. Конструкцию, которую тащил осел, украшали яркие, с размахом намалеванные надписи. Судя по ним, торговец предлагал бальзамы и охранные амулеты, эликсиры, фильтры и магические притирки, стиральные средства, а сверх того искали металлов, золотого песка и трюфелей, а также безотказные приманки для рыб, уток и девок.

Торговец, худой и сильно придавленный бременем лет субъект, оглянулся, увидел их, выругался и подогнал осла. Но осел, как всякий осел, и не думал идти быстрее.

– Начну-кося я с ево, – тихо бросил Окультих. – Да и на тележке чегой-нибудь отыщется.

– Ну, молодцы! – скомандовал Щук. – Раз-два! Управимша ш делом, пока мало швидетелев на большаке.

Ярре, не понимая, откуда у него вдруг взялось столько мужества, несколькими большими шагами опередил компанию и обернулся, загородив от них торговца.

– Нет, – сказал он, с трудом выдавливая слова из перехваченного спазмом горла. – Я не позволю...

Щук медленно распахнул кафтан и показал засунутый за пояс длинный нож, даже на глаз острый как бритва.

– А ну, отойди, пишарчук, – зловеще прошепелявил он. – Ешли шея дорога. Я думал, ты пригодишша в нашей компании, ан нет, уж шлишком тебя, погляжу, твой храм швятым шделал, шлишком уж ты ладаном провонял. А ну, отштупи ш дороги, иначе...

– А что тут происходит, а?

Из-за окружающих большак толстых раскидистых верб, самого распространенного элемента исменского пейзажа, появились две странные фигуры.

У обоих мужчин были нафабранные и торчащие кверху усики, цветные штаны с буфами, стеганные, украшенные ленточками кафтаны и огромные мягкие бархатные береты с пучком перьев. Кроме висящих на широких поясах тесаков и кинжалов, у обоих за спинами виднелись двуручные мечи длиной, пожалуй, в сажень, с рукоятками в локоть и большими изогнутыми гардами.

Ландскнехты, подпрыгивая, застегивали штаны. Ни один не сделал даже движения в сторону рукоятей страшных мечей, однако Щук и Окультих мгновенно сникли, а гигантский Клапрот опал, как надувная игрушка, из которой выпустили воздух.

– Мы тут... Ну, мы воше-то ничево... – зашепелявил Щук. – Ничего плохого...

– Только шуткуем, – пропищал Мэльфи.

– Никому никакого ущерба не сделано, – неожиданно проговорил согбенный годами торговец. – Никому!

– Мы, – быстро вставил Ярре, – идем в Вызиму, в армию записываться. Может, и вам с нами по пути, милостивые государи?

– И верно, – фыркнул ландскнехт, с ходу сообразив, в чем дело. – И мы в Вызиму, можете идти с нами. Безопасней будет.

– Безопасней, это уж точно, – многозначительно добавил второй, окидывая Щука долгим взглядом. – Все ж должно добавить, что мы недавно видели здесь, в окрестности Вызимы,

конный патруль. Уж очень они вешать скоры, патрульные-то. Хреновая будет судьба разбойника иль грабителя, которого на деле прихватят.

– И очень это хорошо. – Щук слегка воспрял духом, ощерился щербато. – Очень это даже хорошо, милшдари, что ешть на поганцев закон и кара, правильный это порядок. Двигаем в путь, в Выжиму, в армию, по патеротическому жову души. Вживает, штало быть, наш патеротижм.

Ландскнехт посмотрел на него долго и вполне презрительно, потом пожал плечами, поправил меч за спиной и пошел по дороге. Его спутник, Ярре, а также торговец с осликом и двуколкой двинулись следом, а позади, на небольшом удалении, потопала Щукова рвань.

– Благодарю вас, – сказал после долгого молчания торговец, подгоняя осла хворостинкой, – господа солдаты. Да и тебе благодарность, молодой господин.

– А, ерунда, – махнул рукой ландскнехт. – Мы привыкли.

– Разные всякие в армию прутся. – Его спутник оглянулся через плечо. – Как выпадет деревне или городку доля выдать с каждого десятого лана по солдату, так пользуются случаем, чтобы от самой большой сволочи отделаться. Вот. А потом тракты полны такими, а, да что говорить, паршивцами. Ну ничего, уж там, в армии, их вышколят, вымуштрует ефрейторская палка, научит негодяев порядку, когда раз-другой пройдутся меж строя солдат.

– Я, – поспешил пояснить Ярре, – иду записываться добровольцем, не по принуждению.

– Похвально, похвально. – Ландскнехт поглядел на него, подкрутил нафабренные кончики усов. – И то, вижу, что тебя с детства из другой глины лепили. Как же ты к ним-то пристал?

– Случай столкнул.

– Доводилось мне уже видывать, – голос солдата был серьезен, – такие «случайные» столкновения и связи, когда побратавшихся под одну общую шибеницу волокли. Сделай отсюда выводы, парень.

– Сделаю.

Прежде чем закрытое облаками солнце достигло зенита, большак вывел их на тракт. Здесь пришлось остановиться надолго. Тут же толпилась и солидная группа путников, пришедших раньше. Ярре и его компания вынуждены были задержаться – тракт был забит войсками.

– На юг, – многозначительно пояснил один из ландскнехтов. – На фронт. К Марибору и Майене.

– Чьи знаки? – указал головой второй.

– Реданцы, – сказал Ярре. – Серебряные орлы на кармазине.

– Точно угадал. – Ландскнехт похлопал его по плечу. – Башковитый парень. Реданская армия, которую королева Гедвига нам на подмогу прислала. Мы теперь единством сильны. Темерия, Редания, Аэдирн, Каэдвен – все мы теперь союзники, одного дела приверженцы.

– И пора уж, – проговорил у них за спиной Щук с явным ехидством.

Ландскнехт обернулся, но промолчал.

– Ну так присядем, – предложил Мэльфи, – дадим культяпам передохнуть. Этому войску конца-края не видно, много времени пройдет, пока дорога освободится.

– Посидим, – сказал торговец, – вон там, на горке. Оттуда обзор получше.

Прошла реданская конница, за ней, взбивая пыль, маршировали пращники и щитonosцы. Дальше уже виднелась колонна идущих шагом латников на лошадях.

– Вон те, – указал на латников Мэльфи, – под другим знаком идут. У них черные штандарты, чем-то белым напестренные.

– Эх, глухое захоlustье. – Ландскнехт глянул на него. – Герба собственного короля не знаешь. Это ж серебряные лилии, голова садовая.

– Черное поле, усеянное серебряными лилиями, – сказал Ярре, и ему тут же захотелось показать, что уж кто-кто, а он-то не глухое захоlustье. – На давнем гербе королевства Темерии, – начал он, – был изображен шагающий лев. Но темерские коронные князья пользовались измененным гербом: добавляли к щиту дополнительное поле с тремя лилиями, потому что в геральдической символике лилия есть знак королевского сына, наследника трона и скипетра.

– Мудрила засранный... – прошипел Клапрот.

– Пусть говорит, а ты заткнись, конская морда, – грозно сказал ландскнехт. – Продолжай, парень. Это интересно.

– А когда принц Гоидемар, сын старого короля Гардика, шел в бой против повстанцев дьяволицы Фальки, темерская армия именно под его началом, под его гербом с лилиями, билась и победила решающим образом. И когда Гоидемар после отца унаследовал трон, он в память о тех победах и чудесном избавлении жены и детей из вражеских рук сделал королевским гербом три серебряные лилии на черном поле. А позже король специальным рескриптом государственный герб изменил тем, что усеял черный щит серебряными лилиями... Таким он и остался, темерский герб, до сих дней. В чем все вы легко можете убедиться сами, поскольку по тракту идут как раз темерские копейщики.

– Очень ловко, – сказал торговец, – все это ты нам объяснил, юноша.

– Не я, – вздохнул Ярре, – а Ян из Аттре, ученый геральдик.

– Да и ты не хуже. Видать, тоже ученый.

– В шамый раш для рекрута, – вполголоса буркнул Щук, – чтобы дать прикончить шебя под серебряными лилиями жа короля и Темерию.

Послышалось пение. Гортанное, воинственное, гулкое как штормовая волна, как грохот приближающейся бури. Следом за темерцами шла ровным плотным строем другая армия. Серая, почти бесцветная кавалерия, над которой не развевались ни хоругви, ни штандарты. Перед едущими во главе колонны командирами несли украшенный конскими хвостами шест с поперечиной, к которой были прибиты человеческие черепа.

– Вольная Компания, – указал на серых всадников ландскнехт. – Кондотьеры. Наемное войско.

– Сразу видать, – вздохнул Мэльфи, – боевые. Мужик к мужику! А уж ровненько идут, будто на параде.

– Вольная Компания, – повторил ландскнехт. – Посмотрите, кметы и желторотики, на настоящих солдат. Эти уже в бою побывали, именно они, кондотьеры, что шли под знаменами Адама Пангратта, Молли, Фронтини и Абатемарко, перевесили чашу весов под Майеной, благодаря им развалилось нильфгаардское кольцо, их надо благодарить за то, что

крепость освобождена.

– Головой ручаюсь, – добавил другой, – боевые и мужественные люди, кондотьеры, в битве не отступают, что твоя скала. Хоть и за деньги Вольная Компания служит, как из их песни понять можно.

Отряд приближался, песня гремела все сильнее и громче, но на удивительно грустной и злой ноте.

Нам не нужны ни почести, ни троны,

Нам не милы побряжки королей.

А нам нужны за нашу кровь и стоны

Дукаты, те, что солнца посветлей.

Штандарты не целуем мы и руки,

Нам почести и слава ни к чему,

Мы терпим боль, презрение и муки,

Лишь поклоняясь злату одному.

– Эх, у таких служить, – снова вздохнул Мэльфи. – С такими вместе воевать... Добился бы человек и славы, и шмоток.

– Глаза меня обманывают, или как? – Окультих поморщился. – Во главе второй-то хоругви... Баба? Так они под бабской командой воют, наемники-то?

– Это точно баба, – подтвердил ландскнехт. – Но не какая-нибудь. Это Джулия Абатемарко, ее называют Сладкой Ветреницей. Воин что надо! Под ее командой кондотьеры раздолбали рейд Черных и эльфов под Майеной, хоть у нее под командой всего дважды по пять сотен бойцов было, а на нильфовых три тысячи вдарили!

– Довелошь мне краем уха прошлышать, – проговорил Щук странным, слащаво-заискивающим и одновременно злым тоном, – что не много эта победа дала, впуштую пошли отпущенные на наемников дукаты. Шобралша Нильфгаард и снова жадал нашим перцу, да еще какого! И Майену обратно опояшал. А может, уж и жахватил крепость-то? А может, уж шуды нацелилша? Может, вот-вот ждешя будет? Может, эти продажники кондотьеры давно нильфгаардским золотом перекуплены. А может...

– А может, – оборвал его рассердившийся солдат, – в морду хочешь, хам? Учти, за оскорбление наших войск шибеницей карают! Заткнись, пока я добрый!

– Ооооо! – Дубина Клапрот, широко раскрыв рот, разрядил ситуацию. – Ооо, гляньте-ка! Какие чудные недомерки!

По дороге, под глухой грохот литавр, трубный рев кобз и дикий свист пищалок, топал отряд

пехоты, вооруженной алебардами, гизармами, бердышами, цепами и палицами, толстые концы которых были утыканы кремнями и железными шипами. Одетые в меховые бурки, кольчуги и островерхие колпаки, солдаты были действительно непривычно невысоки.

– Краснолюды с гор, – пояснил ландскнехт. – Одно из подразделений Махакамской Добровольческой Рати.

– А ведь я-то думал, – бросил Окультих, – что краснолюды не с нами, а супротив нас. Мол, предали нас эти вшивые карлы и теперича с Черными в сговоре.

– Ты думал. – Ландскнехт сочувственно глянул на него. – А чем, интересно? Ты, недотепа, если б в супе таракана съел, так в кишках у тебя завелось бы больше ума, чем в башке. Те, что там идут, – одно из подразделений краснолюдской пехоты, которую прислал нам в помощь Брувер Гоог, староста махакамский. Они в большинстве тоже в бою побывали, крупные потери понесли, ну, тогда их под Вызиму отправили на переформировку.

– Боевой народ эти краснолюдины, – подтвердил Мэльфи. – Когда мне один такой в элландерском трактире по уху дал, так у меня в том ухе аж до Йуле звенело.

– Краснолюдский отряд – последний в колонне, – заслонил ландскнехт глаза ладонью. – Конец маршу. Сейчас тракт освободится. Собираемся – и в путь, потому как скоро уже полдень.

– Столько военного люда на юг топает, – сказал продавец амулетов и чудодейственных снадобий, – что, несомненно, бо-ольшая будет война. Бо-о-льшие будут на людей несчастья! Бо-ольшое поражение армий. Гибнуть будет народ тысячами от меча и пожоги. Взять, господа, хотя бы тот вон комет, что по небу кажную ночь видать, красный хвост огненный за собою волочит. Ежели у комета хвост синий али бледный, сие на зимние хвори, лихоманки, плевры, флегмы и простужения. А также несчастья водные, таковые, како наводнения, ливни или другие ненастья и напасти. Красный же цвет указывает, что это комет горячки, крови и огня, а также железа, кое из огня рождается. Страшные, страшные несчастья на народ свалятся! Бо-ольшие погромы будут и резня. Како сказано в том пророчестве: «Будут трупы лежать грудами по локтей двунадесять, на опустошалай земле будут волки выть, а человек след другого человека целовать будет». Ох, горе нам, горе!

– Почему нам? – холодно перебил ландскнехт. – Комета высоко летит, из Нильфгаарда ее тоже видать, не говоря уж о долине Ины, откуда, говорят, Мэнно Коегоорн движется. Черные тоже в небо глядят и комету видят. Так почему же не принять, что она не нам, а им поражение ворожит? Что это их трупы будут грудами уложены?

– Точно! – буркнул второй ландскнехт. – Это им горе-то, Черным!

– А ловко вы это, милсдари, сообразили!

– Конечно.

Они миновали окружающие Вызиму леса, вышли на луга и пастбища. Здесь паслись целые табуны лошадей, самых разных – кавалерийских, упряжных, тяговых тяжелых першеронов. Травы, как обычно в марте, на лугах было что кот наплакал, но стояли скирды и телеги, полные сена.

– Ну, видитя? – облизнул губы Окультих. – И-эх, коняшки! И никто не стерегет! Бери-выбирай!

– Заткни хлебало, – прошипел Щук и подхалимски улыбнулся ландскнехтам выщербленными зубами. – Он, гошпода, в кавалерии вожмечталша шлужить, потому так на этих коняг

жырытшы.

– В кавалерии! – бросил ландскнехт. – Ишь что хаму мечтается! Конюхом ему быть, навоз из-под лошадей вилами выгребать да на тачке вывозить!

– Швятую иштину, милшдарь, говорите.

Двинулись дальше, наконец добрались до дамбы, идущей вдоль прудов и каналов. И неожиданно над верхушками ольх увидели красные черепицы вздымающихся над озером башен вызимского замка.

– Ну, стало быть, мы почти на месте, – сказал торговец. – Чуете?

– Фууу! – скривился Мэльфи. – Что за вонь? Что такое?

– Наверно, шолдаты ш голодухи подошли на королевшкой шлужбе, – забурчал у них за спинами Щук, но так, чтобы ландскнехты не расслышали.

– Чуть нос не своротит, э? – засмеялся один. – Верно, тут тысячами стоял люд военный на передыхе, а военный люд есть должен, а как поест, так бздит, прошу прощения. Таким уж фортеlem природа людей сделала, и тут уж ничего не попишешь. Ну а то, что высрано, то в те вон рвы вывозят, вываливают, даже не присыпая. Зимой, пока мороз дерьмо прихватывал, оно как-то держалось, а с весны... Тьфу!

– И постоянно новые приходят и на старую кучу наваливают. – Второй ландскнехт тоже сплюнул. – А громкое жужжание слышите? Это мухи. Тут их тучи целые, ранней весной невиданное дело! Заверните носы кто чем может, не то в глаза и рот полезут, паскуды! И чем быстрее отсюда уберемся, тем лучше!

Миновали рвы, но отделаться от вони не удавалось. Даже наоборот. Ярре мог бы поклясться, что, чем ближе они подходили к городу, тем вонь становилась плотнее, насыщеннее, но в то же время понятнее, масштабнее и богаче оттенками. Воняли окружающие город воинские обозы и палатки. Вонял гигантский лазарет. Вонял многолюдный и шумливый пригород, вонял вал, воняла земля у валов, воняли ворота, воняли площадки и улочки, воняли стены возвышающегося над городом замка. К счастью, ноздри быстро привыкли, и вскоре «добровольцам» было все равно, навоз ли это, падаль, кошачья моча или очередной пункт раздачи пищи.

Мухи были повсюду. Они настырно звенели, лезли в глаза, в нос. Их невозможно было отогнать. Проще – раздавить прямо на лице... либо разжевать.

Как только они вышли из тени ворот, в глаза им бросилась огромная картина на стене, изображающая рыцаря с нацеленным в них пальцем. Надпись под картиной кричала огромными буквами: «ТЫ УЖЕ ЗАВЕРБОВАЛСЯ В СОЛДАТЫ?»

– Уже, уже, – буркнул ландскнехт. – К сожалению.

Таких картин было множество, можно сказать – что ни стена, то картина. В основном – тот же рыцарь с пальцем, довольно часто попадалась Мать-Родина с развевающимися седыми волосами, за спиной у нее пылали деревни и висели младенцы, насаженные на острия нильфгаардских пик. Попадались также изображения эльфов с окровавленными ножами в зубах.

Ярре вдруг обернулся и увидел, что они остались одни: он, ландскнехты и торговец. Щук, Окультих, кметские новобранцы и Мэльфи испарились.

– Да-да, – подтвердил предположение ландскнехт, внимательно на него глядя. – Смылись

твои дружки при первой же возможности, за первым же углом, замели след хвостами. И знаешь, что я тебе скажу, парень? Хорошо, что ваши дорожки разошлись. И не стремись к тому, чтобы сошлись снова.

– Жаль Мэльфи, – проворчал Ярре. – В принципе-то он неплохой парень.

– Каждый сам выбирает свою судьбу. А ты – пошли с нами. Покажем, где вербовочный пункт.

Они вышли на небольшую площадь, посреди которой на каменном возвышении стоял позорный столб. Вокруг позорного столба толпились жаждущие развлечений горожане и солдаты. Закованный в цепи осужденный, только что получивший грязью в лицо, плевался и плакал. Толпа рычала и корчилась от смеха.

– Эй! – крикнул ландскнехт. – Гляньте-ка, кого закандалили-то! Это ж Фусон. Интересно, за что его так?

– За земледелие, – поспешил разъяснить тучный горожанин в волчьей дохе и фетровой шапке.

– За что?

– За земледелие, – с нажимом повторил толстяк. – За то, что он сеял!

– Хо! Ну это уж вы, простите, навалили, будто вол после долгой жвачки, – засмеялся ландскнехт. – Я Фусона знаю, он сапожник, сапожников сын и сапожников внук. В жизни он не пахал, не сеял, не жал. Ну, говорю, лягнули вы с этим сеянием, аж дух пошел.

– Собственные слова бейлифа! – распетушился мужчина. – Он будет у позорного столба до зари стоять за то, что сеял! А сеял он, злостник, по нильфгаардскому наущению и за нильфгаардские сребреники... Дивное, правду сказать, зерно сеял, какое-то, похоже, заморское... О, вспомнил. Дефетизму[81], вот чего.

– Верно-верно! – воскликнул продавец амулетов. – Слышал я, говорили о том, нильфгаардские шпионы и эльфы мор ширят, колодцы, источники и ручьи разными ядами отравляют: то дурманом, то цикутой, то лепрой, то дефетизмами всякими.

– Ага, – кивнул горожанин в волчьей дохе. – Вчера двух эльфов повесили. Как пить дать за это ж самое отравление.

– За углом этой улочки, – показал ландскнехт, – корчма, в которой заседает вербовочная комиссия. Там растянута большая тряпка, на ней темерские лилии, кстати, знакомые тебе, парень, так что попадешь безошибочно. Ну, будь здоров! Дай нам боги встретиться в лучшие времена. Бывайте и вы, господин перекупщик.

Торговец громко кашлянул.

– Милостивые государи, – сказал он, копаясь в баулах и шкатулках, – позвольте за вашу помощь... Во знаки благодарности...

– Не беспокойтесь, добрый человек, – улыбнувшись, сказал ландскнехт. – Помогли, вот и все. И на том конец, что тут говорить...

– А может, чудотворную мазь от прострелов? – Торговец отыскал что-то на дне шкатулки. – Может, универсальное и безотказное средство супротив бронхита, подагры, паралича? Перхоть тоже облегчает. Может, бальзам смоляной супротив ужаления пчелиного, змеиного и вампирьего? Или талисман для защиты от последствий дурного сглаза?

– А может, у вас есть, – серьезно спросил второй ландскнехт, – что-нибудь для защиты от последствий скверной жратвы?

– Есть! – крикнул, расцветая, торговец. – Вот весьма эффективное средство, из магических корней изготовленное, пахучими зельями приправленное. Достаточно трех капель после еды. Прошу, берите, милостивые государи!

– Благодарствуйте. Я пошутил. Ну, бывайте! Бывай и ты, парень. Успеха тебе!

– Вежливые, воспитанные и приличные, – оценил торговец, когда солдаты скрылись в толпе. – Не каждый день таких встречаешь. Ну и ты тоже помог мне, юнош. Что ж подарить-то тебе? Амулет громоотводный? Противоядие? Черепаший камень, супротив ведьмовых прелестностей действующий? Хм. Есть и трупий зуб против лести чужой, есть и кусок засушенного дьявольского дерьма, его хорошо в правом башмаке носить...

Ярре оторвал взгляд от людей, яростно смывающих со стены дома надпись «ДОЛОЙ ПОГАНУЮ ВОЙНУ», и сказал:

– Бросьте. Мне пора.

– О! – воскликнул торговец, вытаскивая из шкатулки латунный медальончик в форме сердечка. – Это должно тебе пригодиться, юнош, потому что эта вещь в самый раз для юных. Это раритет редкостный, у меня такой только один. Чудодейственный амулет. Он делает так, что о носящем его милка не забудет никогда, даже ежели их разделяет время и версты. Взгляни, вот тут отворяется, а внутри листок из тонкого папируса, на этом листике достаточно написать магическими чернилами, красными, они у меня есть, имя любимой, и она не забудет, сердца не отринет, не покинет и не предаст. Ну?

– Хм-м-м. – Ярре слегка покраснел. – И не знаю даже....

– Какое имя? – Торговец погрузил тонко оструганную палочку в магические чернила. – Написать?

– Цири. То есть – Цирилла.

– Готово. Бери.

– Ярре! А ты, черт побери, что тут делаешь?

Ярре резко обернулся. «Я надеялся, – подумал он машинально, – что оставил позади свое прошлое. Все. И что теперь все будет новым. А тут чуть не на каждом шагу наталкиваешься на старых знакомых».

– Господин Деннис Кранмер?

Краснолюд в тяжелой шубе, кирасе, с карвашами[82] на предплечьях и лисьей шапке с пучком перьев, окинул быстрым взглядом паренька, торговца, потом снова паренька.

– Что ты тут делаешь, Ярре? – сурово спросил он, топорща брови, бороду и усы.

Юноша несколько мгновений молчал, решая, не солгать ли, а для достоверности не вплести ли в ложь версию благорасположенного торговца. Но почти тут же раздумал. Деннис Кранмер, служивший некогда в гвардии князя Элландера, пользовался репутацией краснолюда, которого трудно обмануть. Так что и пробовать не стоило.

– Хочу в армию вступить.

Он знал, каким будет следующий вопрос.

– А Нэннеке разрешила?

Отвечать не было нужды.

– Ты сбежал! – затряс бородой Деннис Кранмер. – Просто сбежал из храма. А Нэннеке и жрицы там рвут у себя волосы на головах.

– Я оставил записку, – бухнул Ярре. – Господин Кранмер, я не мог... Я должен был... Негоже бездействовать, когда враг на пороге... В грозный для отчизны час... А к тому же она... Цири... Матушка Нэннеке ни за что не соглашалась, хотя три четверти девушек из храма послала в армию, а мне не позволила... А я не мог...

– Вот и сбежал, – нахмурился краснолюд. – Тысяча чертовых дьяволов, я обязан связать тебя и отправить в Элландер с курьерской почтой! Чтобы там заперли тебя в яме под замком и держали, пока жрицы не явятся за посылкой. Я должен... – Он гневно засопел. – Ты когда последний раз ел, Ярре? Когда у тебя во рту последний раз была горячая пища?

– По-настоящему горячая? Три... Нет, четыре дня назад.

– Пошли.

– Ешь медленнее, сынок, – посоветовал Золтан Хивай, один из дружков Денниса Кранмера. – Вредно жрать наспех, не прожевывая как следует. Куда ты так спешишь? Поверь, никто у тебя эту пищу не отберет.

Ярре не был так уж в этом уверен. В главном зале постоянного двора «Под кудлатым мишкой» как раз шел кулачный бой. Под аккомпанемент рева дружков из добровольческой рати и аплодисменты городских проституток два приземистых и широких как печки краснолюда дубасили друг друга кулачищами так, что аж гул стоял. Скрипел пол. Падали столы, стулья и посуда, а брызги разлетающейся из разбитых носов крови сыпались вокруг дождем. Ярре только и ждал, когда кто-нибудь из бойцов рухнет на их офицерский стол, свалив деревянный поднос со свиными рульками, миску пареного гороха и глиняные кувшины. Он быстро проглотил уже откушенный кусок сала, исходя из соображений, что то, что проглочено, – твое.

– Я не очень понял, Деннис, – второй краснолюд, которого называли Шелдоном Скаггсом, даже головы не повернул, хотя один из бойцов чуть не задел его, размахивая руками, – если этот парень – жрец, то что его вынудило вербоваться? Ведь жрецам кровь проливать не полагается.

– Он воспитанник храма, а не жрец.

– Никогда, черт побери, не мог уразуметь этих путаных человеческих предрассудков. Ну, над чужими верованиями смеяться нехорошо... Однако получается, что этот парень, хоть и в храме воспитывался, не имеет ничего против пролития крови. Особенно нильфгаардской. Ну как, парень?

– Оставь его в покое, Скаггс.

– Почему ж? Я охотно отвечу. – Ярре откусил кусок рульки и забросил в рот горсть гороха. – Дело обстоит так: проливать кровь можно на войне справедливой. При защите высших интересов. Поэтому я и записываюсь. Родина-Мать зовет.

– Вы сами видите, – Шелдон Скаггс повел взглядом по спутникам, – сколь правды в утверждении, будто люди – раса близкая нам и родственная, будто мы выросли из того же

корня, что и они. Самое лучшее тому доказательство сидит между нами и трескает горох. Иными словами, уйму таких же дурных голов можно встретить и меж юных краснолюдов.

– Особенно после Майенского похода, – холодно заметил Золтан Хивай. – После выигранной баталии всегда возрастает наплыв добровольцев. Наплыв прекратится, как только разойдется весть одвигающемся вверх по Ине войске Мэнно Коегоорна, оставляющем за собою лишь землю и воду.

– Только б тогда не начался «наплыв» в обратную сторону, – буркнул Кранмер. – Я как-то добровольцам не очень доверяю. Между прочим, каждый второй дезертир – бывший доброволец.

– Как вы можете... – Ярре чуть не подавился. – Как вы можете, господин, говорить такое... Я из идейных соображений... Иду на войну справедливую и праведную. Родина-Мать...

От удара, который, как показалось юноше, потряс фундамент здания, один из дерущихся краснолюдов рухнул, пыль из щелей пола взвилась под потолок. Однако на этот раз побежденный, вместо того чтобы вскочить и садануть соперника, неловко и бестолково шевелил конечностями, очень напоминая большого перевернутого на спину майского жука.

Деннис Кранмер встал.

– Вопрос решен, – сказал он громко, оглядывая зал. – Место командира роты, пустующее после геройской смерти Эльканы Фостера, павшего на поле брани под Майеной, получает... Как там тебя, сынок? Запомнил я.

– Бласко Грант. – Победитель кулачного боя выплюнул на пол зуб.

– ...получает Бласко Грант. Есть еще какие-либо спорные вопросы касательно продвижения по службе? Нет? Ну и славно. Хозяин! Пива! Так о чем мы говорили-то?

– О войне справедливой, – принялся перечислять Золтан Хивай, загибая пальцы. – О добровольцах. О дезертирах.

– Именно, – прервал Деннис. – Я знал, что хотел к чему-то вернуться. Речь шла о дезертирующих и предающих добровольцах. Мне вспоминается цинтрийский корпус Виссегерда. Сволочи, оказывается, даже не сменили штандарта. Мне об этом сказали кондотьеры из вольной компании из отряда Джулии Сладкой Ветреницы. Под Майеной хоругвь Джулии столкнулась с цинтрийцами. Они шли в авангарде нильфгаардской облавы, под теми же знаменами со львами...

– Их призвала Родина-Мать, – угрюмо вставил Скаггс. – И императрица Цири.

– Тише, – прошипел Деннис.

– Верно, – проговорил молчавший до тех пор четвертый краснолюд, Ярпен Зигрин. – Тише. И к тому ж тише тихости! И не от страха перед шпиками, а потому что не следует болтать о том, о чем не имеешь ни малейшего понятия.

– А ты, Зигрин, – выпятил бороду Скаггс, – такое понятие, значит, имеешь?

– Имею. И скажу одно: Эмгыр вар Эмрейс ли, бунтовщики ли чародеи с Танедда, или даже сам дьявол не сумели бы ни к чему принудить эту девушку. Не сумели бы ее сломать. Я это знаю. Потому что знаю ее. Вся разрекламированная свадьба с Эмгыром – мистификация. Мистификация, на которую дали себя поймать всякие дурни... Иное, говорю вам, у этой девушки предназначение. Совершенно иное...

– Ты так говоришь, – проворчал Скаггс, – будто и вправду ее знал, Зигрин.

– Перестань, – неожиданно буркнул Золтан Хивай. – Что до предназначения, так он прав. Я в это верю. Есть у меня к тому основания.

– А! – махнул рукой Шелдон Скаггс. – Что болтать попусту? Цирилла, Эмгыр, предназначение... Далекие это дела... А вот дело поближе, господа, так это, значит, Мэнно Коегоорн и группа армий «Центр».

– Угу, – вздохнул Золтан Хивай. – Что-то сдается мне, не обойдет нас тяжкая баталия. Может, самая крупная, какую знает история.

– Многое, – пробурчал Деннис Кранмер, – да, многое она решит...

– И еще больше – завершит.

– Все. – Ярре отрыгнул, прикрыв по обыкновению рот ладонью. – Все кончится.

Краснолюды какое-то время молча глядели на него.

– Не совсем, – наконец сказал Золтан Хивай, – я тебя понял, юноша. Не пожелаешь ли пояснить, что имел в виду?

– В княжеском совете, – неуверенно начал Ярре, – в Элландере, значит, говорили, что победа в этой гигантской войне важна потому, что... Что это великая война, которая положит конец всем войнам.

Шелдон Скаггс фыркнул и оплевал себе бороду пивом. Золтан Хивай зарычал во весь голос:

– Вы так думаете, господа?

Теперь пришел черед фыркнуть Деннису Кранмеру. Ярпен Зигрин хранил молчание, глядя на юношу внимательно и как бы соболезнующе.

– Сынок, – сказал он наконец очень серьезно. – Глянь. Вон там, у стойки, сидит Евангелина Парр. Она, надо признать, довольно велика. Да что там, даже огромна. Однако при всех своих размерах она, несомненно, отнюдь не такая курва, которая в состоянии перекурвить всех остальных курв.

Свернув в тесный безымянный переулок, Деннис Кранмер остановился.

– Должен тебя похвалить, Ярре, – сказал он. – Знаешь, за что?

– Нет.

– Не прикидывайся. Передо мной – не надо. Достойно похвалы то, что ты и глазом не моргнул, когда шел разговор о Цирилле. Еще более похвально, что даже рта не раскрыл... Ну, ну, не изображай из себя глупенького. Я много знаю о том, что творилось у Нэннеке за храмовыми стенами, можешь поверить, многое. А если тебе этого мало, то знай, что я слышал, какое имя тебе торговец на медальоне выписал. Так и держись дальше. – Краснолюды тактично сделал вид, будто не замечает румянца, выступившего на лице юноши. – Держись так и дальше, Ярре. И не только когда речь идет о Цири... Ты на что пялишься?

На стене стоящего в конце улочки амбара красовалась начертанная известкой надпись: «ЗАНИМАЙСЯ ЛЮБОВЬЮ, А НЕ ВОЙНОЙ». А чуть ниже кто-то накарябал гораздо меньшими буквами: «СРИ КАЖДОЕ УТРО».

– Ты лучше в другую сторону гляди, дуралей, – бросил Деннис Кранмер. – Только за чтение

таких надписей можно здорово отхватить, а ежели что не вовремя ляпнешь, проучат тебя у столба, кровавую кожу с хребта сдерут. Здесь суд скорый! Очень даже скорый!

– Я видел, – проворчал Ярре, – сапожника в кандалах. Якобы за сеяние дефетизма.

– Это «сеяние», – серьезно сказал краснолюд, потянув паренька за рукав, – скорее всего состояло в том, что, провожая сына в армию, он плакал, вместо того чтобы выкрикивать патриотические лозунги. За более серьезные «посевы» тут карают иначе. Пошли покажу.

Они вышли на небольшую площадь. Ярре попятился, зажав руками нос и рот. На огромной каменной шибенице висело несколько трупов. Некоторые – судя по виду и запаху – висели уже давно.

– Вон тот, – указал Деннис, отгоняя мух, – малевал на стенах и заборах глупые надписи. Тот – утверждал, что война – дело господ и рекрутированные нильфгаардские кметы ему не враги. Третий по пьянке рассказывал такой вот анекдот: «Что есть пика? Это оружие вельмож, палка, у которой на каждом конце – бедняк». А вон там, на самом краю, видишь бабу? Это бордельмаман из армейского борделя на колесах, который она украсила надписью: «Тыкай, солдат, сегодня, потому как завтра уже можешь не суметь».

– И только за это...

– Кроме того, у одной из девочек оказался триппер. А это уже параграф о диверсии и умышленном снижении боеспособности.

– Я понял, господин Кранмер. – Ярре вытянулся так, как, по его мнению, должен был стоять солдат. – Но за меня не беспокойтесь. Я никакой не дефетист...

– Ни хрена ты не понял и не перебивай, потому как я еще не кончил. Последний висак, тот, что уже как следует провонял, виновен только в том, что в ответ на болтовню провокатора-шпики прореагировал восклицанием: «Вы совершенно правы, милостивый государь, вы совершенно правы. Именно: дважды два – четыре!» Вот теперь скажи, что ты понял.

– Понял. – Ярре украдкой осмотрелся. – Буду внимательным. Но... Господин Кранмер... Как тут в действительности...

Краснолюд тоже оглянулся.

– В действительности, – тихо сказал он, – все обстоит так, что группа армий «Центр» маршала Мэнно Коегоорна в количестве около ста тысяч солдат идет на север. В действительности, если б не восстание в Вердэне, они уже были бы здесь. В действительности хорошо было бы, если б начались переговоры. В действительности у Темерии и Редании нет сил, чтобы сдержать Коегоорна. В действительности никак уж не перед стратегическим рубежом Понтара.

– Река Понтар, – шепнул Ярре, – находится к северу от нас.

– Именно это я и хотел сказать. Но помни: об этом ни гу-гу.

– Буду за собой следить. А когда окажусь в отряде, тоже надо? Там тоже можно налететь на шпики?

– В линейной части? Вблизи линии фронта? Скорее всего – нет. Шпики потому такие усердные до линии фронта, что боятся сами туда попасть. Кроме того, если вешать каждого солдата, который брюзжит, жалуется и выражает недовольство, то воевать некому будет. Но ты, Ярре, как и в случае с Цири, лучше помалкивай. В закрытый рот, запомни мои слова, ни

одна навозная муха не влетит. Никогда. А теперь пошли, провожу до комиссии.

– Заболвите там за меня словечко? – Ярре с надеждой взглянул на краснолюда. – А? Господин Кранмер?

– Ну и дурной же ты парень, писарчук! Здесь армия! Хлопотать за тебя все одно, что у тебя на спине золотой нитью вышить: «НЕДОТЕПА»! Жизни бы у тебя в отряде не было, парень.

– А к вам... – заморгал Ярре. – В ваш отряд...

– И не думай даже!

– Потому что у вас, – горько сказал юноша, – только для краснолюдов место, верно? Не для меня, человека. Верно?

– Верно.

«Не для тебя, – подумал Деннис Кранмер. – Не для тебя, Ярре. Потому что я все еще не расплатился с Нэннеке. И поэтому хочу, чтобы ты живым вернулся с войны. А добровольческая рать Махакама состоит из краснолюдов, из существ чуждой и худшей расы. Ее всегда будут посылать с самыми опасными заданиями на самые скверные участки. Туда, откуда не возвращаются. Туда, куда не послали бы людей».

– Как же тогда сделать, – нахмурился Ярре, – чтобы попасть в хороший отряд?

– А который, по-твоему, отряд настолько хорош, чтобы так уж рваться в него?

Ярре отвернулся, слыша пение, набравшее силу, как волна прибой, разливающееся словно грохот быстро приближающейся бури. Пение громкое, буйное, сильное, жесткое как сталь. Он уже слышал такое пение.

По улочке, ведущей от замка, выстроившись по трое, двигался шагом отряд кондотьеров. Впереди, на сивом жеребце, под украшенными человеческими черепами шестом ехал командир, седовласый мужчина с орлиным носом и опадающим на латы гаркапом[83].

– Адам «Адью» Пангратт, – проворчал Деннис Кранмер.

Песня кондотьеров гремела, гудела, грохотала. Контрапунктный звон подков о брусчатку заполнял улочку до самых крыш, взвивался над ними высоко в голубое небо над самым городом.

Не станут ныть любовницы и жены,

Когда падут на грудь земли солдаты...

Пусть выются над погибшими вороны.

Зато живым достанутся дукаты...

– Вы спрашиваете, который отряд... – сказал Ярре, не в силах оторвать взгляда от кавалеристов. – Да хотя бы вот этот! В таком хотелось бы...

– У каждого своя песенка, – тихо прервал краснолюд. – И каждый по-своему на грудь Земли-Матушки падет. Как ему выйдет. И либо заплачут по нему, завоют, либо нет. На войне,

писарчук, только поют да маршируют ровно, в строю стоят ровно. А потом, в бою, – каждому то, что ему писано. В вольной ли компании «Адьо» Пангратта, в пехтуре ли, в обозах ли... В блестящих латах и с красивым султаном, или в лаптях и завшивевшем кожушке... На резвом ли скакуне, или за щитом... Каждому свое. Как выпадет! Ну а вот и комиссия, видишь вывеску над входом? Туда тебе дорога, коли солдатом стать надумал. Иди, Ярре. Ну, бывай. Увидимся, когда все кончится.

Краснолюд провожал взглядом юношу, пока тот не скрылся в дверях корчмы, занятой рекрутской комиссией.

– Или не увидимся, – добавил он тихо. – Неведомо, кому что писано. Что кому выпадет.

– На коне ездешь? Из лука или арбалета стреляешь?

– Нет, господин комиссар. Но умею писать и каллиграфии обучен, а также знаю Старшие Руны... Знаю Старшую Речь.

– Мечом рубить? Копьем орудовать?

– ...я читал «Историю войн», произведения маршала Пеллигрима. И Родерика да Новембра...

– А может, хоть готовить-то умеешь? Кухарить?

– Нет, не умею... Но я неплохо считаю.

Комиссар поморщился и махнул рукой.

– Мудрец начитанный! Это который же сегодня? Выписать ему бумагу в бэ-эм-пэ. В бэ-эм-пэ служить будешь, парень. Отправляйся с этой бумагой на южный край города, а потом через Мариборские ворота к озеру.

– Но...

– Попадешь точненько. Следующий!

– Эй, Ярре! Эй! Погоди!

– Мэльфи?

– Я. Надо же! Я! – Бондарь покачнулся, придержался за стену. – Точно ж я! Хе-хе!

– Что с тобой?

– Со мной, что ли? Хе-хе! А ничего! Пригубил малость! Нильфгаарду на погибель пил, стало быть. Ух, Ярре, рад тебя видеть, потому как думал, ты у меня куда-то потерялся... Другок ты мой...

Ярре попятился, словно его ударили. От бондаря несло не только скверным пивом и еще более отвратительным самогоном, но к тому же луком, чесноком и черт знает чем еще. И несло чудовищно.

– А где, – спросил он ехидно, – твоя почтенная компания?

– Ты о Щуке, что ль? – поморщился Мэльфи. – Так я тебе скажу: пес с ним! Знаешь, Ярре, я думаю, паршивый это был человек.

– Bravo! Быстро же ты его раскусил.

– А то! – Мэльфи напыжился, не заметив издевки. – Крутил, понимаешь, все, да только шиш меня обманешь! Я те скажу, чего он задумал. Пошто сюда, в Вызиму, намылился! Небось думаешь, Ярре, он и его оборвыши в армию шли? Как и мы? Фига с маслом. Ежели так думаешь, то шибко ошибаешься. Знаешь, чего он задумал? Не поверишь!

– Поверю.

– Ему, – торжественно dokonчил Мэльфи, – ему лошади нужны были и форма военная. Он надумал где-нито тут стибрить. Потому как удумал в военной одеже на разбой идти.

– Чтоб его палач повесил!

– И побыстрее! – Бондарев сын слегка покачнулся, прислонился к стене и расстегнул штаны. – Жаль мне токмо, что Огрёбок с Мильтоном, дундуки, лбы деревенские, дали себя окрутить, пошли за Щуком. Так и их палач уже подвесить готов! Ну... в общем, накласть мне на них, лаптежников, понимаешь? А как у тебя-то, Ярре?

– В смысле?

– Ну, пристроили тебя куда-нито комиссары? – Мэльфи пустил струю на каменную стену. – Спрашиваю, потому как я уже записался. Мне надо за Мариборские ворота, на южный край города. А тебе куда?

– Тоже на южный.

– Ха! – Бондарев сын несколько раз подпрыгнул, отряхнулся, застегнул ширинку. – Так, может, вместе воевать будем?

– Не думаю. – Ярре взглянул на него свысока. – Я получил назначение в соответствии с моей квалификацией. В бэ-эм-пэ.

– Знамо дело. – Мэльфи икнул и дыхнул на него убийственной смесью газов. – Ты ж ученый! Таких умников небось на важные дела берут, а не на мелочишку какую. Что делать! Но покамест маленько еще вместе походим. На южный край города все ж вместе нам дорога.

– Так получается.

– Ну так пошли.

– Пошли.

– Пожалуй, здесь, – решил Ярре, глядя на окруженный палатками плац, на котором перемешивал пыль отряд оборванцев с длинными палками на плечах. У каждого оборванца, как заметил юноша, к правой ноге был привязан клок сена, а к левой – пучок соломы.

– Похоже, не туда мы попали, Мэльфи.

– Сено! Солома! – слышались на плацу крики командовавшего оборванцами ефрейтора. – Сено! Солома! Держи равнение, так-растак мать вашу!

– Над палатками штандарты развеваются, – сказал Мэльфи, – глянь сам, Ярре. Те самые лилии, о которых ты на большаке долбал. Штандарт есть? Есть. Армия есть? Есть. Сталбыть здесь. Верно попали.

– Ты, может, да. Я наверняка нет.

– А вона там, у забора, стоит какой-то чин. У него спросим.

Ну а потом пошло быстрее.

– Новенькие? – расставил ноги сержант. – С вербовки? Гони бумагу. Чего, мать вашу, стоишь будто столб? На месте шагом марш! Чего, говорю, стоите, курвы? Нале-во! Кру-гом! А, курва! И напра-во! Бегом марш! Кру-гом, курва! Слушай и запоминай! Допрежь всего, курва, к провиант-мастеру! Получить обмундирование. Кольчугу, накладки кожаные, пику, курва, шлем и корд! Потом на муштру! Быть готовыми к перекличке, курва, в сумерки! Маааарш!

– Минуточку. – Ярре неуверенно осмотрелся. – У меня, кажется, другое назначение.

– Чеееево?

– Простите, господин офицер, – покраснел Ярре. – Я только о том, чтобы избежать возможной ошибки... Поскольку господин комиссар четко... четко говорил о назначении в бэ-эм-пэ, вот я и...

– Ты на месте, парень, – фыркнул сержант, немного помягчавший от того, что его возвели в офицеры. – Тут как раз и есть твое назначение. Приветствую тебя в бэ-эм-пэ, бригаде м...звонев пехотинцев.

– А почему ж бы это, – повторил Рокко Хильдебранд, – и что это за мода такая – вашим милостям дань платить? Мы уже все, что следовало, уплатили.

– Эх-ма, гляньте-ка на низушка-умника. – Рассевшийся в седле уворованного коня Щук залыбился дружкам. – Уплатил уже! И полагает, что вше. Ну прям как тот петух, што думал, будто в курятник попадет, а попал-то в ошип!

Окультих, Клапрот, Мильтон и Огрёбок согласно загоготали. Шутка была что надо. А забава обещала быть еще лучше.

Рокко заметил отвратительные липкие взгляды грабителей, оглянулся. На пороге халупы стояла Инкарвиллея Хильдебранд, его жена, а также Алоэ и Жасмина – дочери.

Щук со товарищи, паскудно усмехаясь, поглядывали на низушек. Да, несомненно, забава намечалась преотличнейшая.

К живой изгороди с другой стороны дороги приближалась племянница Хильдебранда, Импотьянта Вандербек, ласково именуемая Импи. Это была действительно складная девушка. Усмешки бандюг стали еще плотояднее и отвратительнее.

– Ну, недомерок, – поторопил Щук. – Гони королевской армии денежки, гони жратву, гони лошадей, выводи коров из коровника. Мы не намерены ждешь штотять до ночи. Нам надобно ишшо нешколько деревень нонче наведать.

– А почему, собственно, мы обязаны платить и давать? – Голос Рокко Хильдебранда слегка дрожал, но в нем по-прежнему звучали настойчивость и упорство. – Вы говорите, мол, это на армию, мол, это для нашей же охраны. А от голода, спрашиваю я, кто нас охранит? Мы уже и зимние уплатили, и на довольствие, и душевые, и поземельные, и подымные, и огневые, и зерновые, и бог знает какие еще! Мало того, так четверо из этого поселка, в том числе и мой собственный сын, упряжками в военных обозах правят! И не кто иной, как шурик мой, Мило Вандербек по прозвищу Руст-Рыжик, является полевым хирургом, важной персоной в армии... Стало быть, мы с избытком наш ланный контингент выполнили... Так чего ради нам платить? За что и на что? И почему?

Щук долго глядел на жену низушка, Инкарвиллею Хильдебранд из дома Бибервельт. На его пухленьких дочек, Алоэ и Жасмину. На красивенькую, как куколка, наряженную в зеленое платьице Импи Вандербек. На Сэма Хофмайера и его деда, старика Холофернеса. На бабу

Петунью, яростно долбящую грядку мотыгой. На остальных низушков из поселка, побольше – на женщин и подростков, опасливо выглядывающих из домов и из-за заборов.

– Почему, спрашиваешь? – зашипел он, наклоняясь в седле и заглядывая в изумленные глаза низушка. – Я те скажу почему. Потому што ты – паршивый нижушек, чужак, приبلуда. Кто тебя, нелюдя отвратного, обирает, тот богов радует. Кто тебя, нелюдя, допекает, тот ишполняет добрую и патеротичную обяжанношь. А также потому, что меня аж тошнит от желания твое гнездо нелюдшкое в дым обратить. Потому, что меня аж ошкома берет этих твоих недомеров оттрахать. И потому, что наш тут пятеро молодцев, а ваш – горшть недоделанных зашранцев. Теперь понимаешь почему?

– Теперь понимаю, – медленно проговорил Рокко Хильдебранд. – Идите отсюда вон, Большие Люди. Идите прочь, негодяи. Ничего мы вам не дадим.

Щук выпрямился, потянулся к висящему при седле корду.

– Бей! – рявкнул он. – Бей-убивай!

Движением быстрым, почти неуловимым, Рокко Хильдебранд наклонился к тачке, выхватил спрятанный под рогожей самострел, подкинул приклад к щеке и всадил Щуку болт прямо в распахнутый для крика рот. Инкарвиллея Хильдебранд из дома Бибервельт размахнулась, и в воздухе закружился серп, точно и с разгону угодив в горло Мильтону. Кметов сын рыгнул кровью и дал козла через конский круп, комично размахивая ногами. Огрёбок взвыл и рухнул под копыта лошади, в его животе, вбитый по деревянную ручку, торчал секач деда Холофернеса. Дубина Клапрот замахнулся на старика палицей, но слетел с седла, нечеловечески визжа, получив прямо в глаз пикировочную иглу, запущенную Импи Вандербек. Окультих развернул коня и собрался драпать, но бабка Петунья подскочила и вцепилась зубьями мотыги ему в бедро. Окультих зарычал, свалился, нога застряла в стремени, испуганная лошадь потащила его через ограду, по острым колышкам. Грабитель рычал и выл, а вслед за ним, словно две волчицы, мчались бабка Петунья с мотыгой и Импи с кривым ножом для прививки деревьев. Дед Холофернес трубно высморкался.

Все событие – начиная с окрика Щука и кончая сморканием деда Холофернеса – заняло примерно столько времени, сколько требуется, чтобы произнести фразу: «Низушки невероятно прыткие и безошибочно метают всякого рода сельхозорудия».

Рокко присел на ступенях халупы. Рядом пристроилась его жена, Инкарвиллея Хильдебранд из дома Бибервельт. Их дочери, Алоэ и Жасмина, пошли подсобить Сэму Хофмайеру дорезать раненых и обдирать убитых.

Возвратилась Импи в зеленом платье с руками, окровавленными по локти. Бабка Петунья тоже возвращалась, она шла медленно, посапывая, постанывая, опираясь на испачканную мотыгу и держась за поясицу. «Эх, стареет наша бабка, стареет», – подумал Хильдебранд.

– Где закапывать разбойников-то, господин Рокко? – спросил Хофмайер.

Рокко Хильдебранд обхватил жену за плечи, глянул на небо.

– В березовой рощице, – сказал он. – Рядышком с предыдущими.

Глава седьмая

Сенсационное приключение сэра Малькольма Гатри из Бремора стремительно ворвалось на

полосы многих газет. Даже лондонская «Дэйли мейл» посвятила ему несколько строк в рубрике «Bizarre», однако, поскольку не все наши читатели знакомятся с прессой, издаваемой южнее Твида, а если и знакомятся, то с более серьезными, нежели «Дэйли мейл», изданиями, мы решили напомнить суть события... 10 марта текущего года мистер Малькольм Гатри отправился на рыбалку на озеро Лох-Гласкарнох. И там мистер Гатри наткнулся на возникшую из тумана и пустоты (sic!) юную девушку с уродливым шрамом на лице (sic!), ехавшую верхом на вороной кобыле (sic!) в сопровождении белого единорога (sic!). Девушка задала онемевшему от изумления мистеру Гатри вопрос на языке, который мистер Гатри любезно определил как, цитируем: «Пожалуй, французский или какой-то иной континентальный диалект». Поскольку мистер Гатри не владеет ни французским, ни каким-либо иным континентальным диалектом, разговора не получилось. Девушка и сопровождавший ее зверинец исчезли или, выражаясь словами мистера Гатри, «растаяли как сон златой».

Наш комментарий: «златой сон» мистера Гатри был, несомненно, того же золотого цвета, что и виски single malt, которое мистер Гатри любил, как нам стало известно, попивать достаточно часто и в таких количествах, которые объясняют появление белых единорогов, белых мышек и возникающих из ничего чудовищ на озерах. А наш вопрос звучит так: «Что мистер Гатри намеревался делать с удочкой на Лох-Гласкарнох за четыре дня до окончания периода, запрещающего рыболовство?» «Inverness Weekly» от 18.03.1906 года

Поднялся ветер, небо на западе начало темнеть, наплывающие волнами облака одно за другим гасили созвездия. Погас Дракон, погасла Зимняя Дева, погасли Семь Коз. Облака закрыли горящее ярче и дольше других Око. Небосклон вдоль горизонта осветили короткие вспышки молний. С глухим грохотом прокатился гром. Ветер резко усилился, сыпанул в глаза пылью и сухими листьями.

Единорог заржал и послал ментальный сигнал. Цири сразу же поняла, что он хотел сказать.

Нельзя тянуть. Единственная наша надежда в быстром бегстве. В нужное место и нужное время. Поспешим, Звездоокая.

«Я – Владычица Миров, – напомнила она себе самой. – Я – Старшая Кровь, у меня власть над миром и пространством. Я – кровь от крови Лары Доррен».

Иуарраквакс заржал, поторопил. Кэльпи поддержала его протяжным фырканием. Цири натянула перчатки.

– Я готова.

Шум в ушах. Вспышка и яркость. А потом – тьма.

Воды озера и предвечерняя тишина несли ругань Короля-Рыбака, который на своей лодке тянул и дергал леску, пытаясь освободить блесну, зацепившуюся за дно. Глухо плеснуло упущенное весло.

Нимуэ нетерпеливо кашлянула. Кондвирамурса отвернулась от окна, снова склонилась над акварелями. Особенно притягивал взгляд один из картонов: девушка с развевающимися волосами верхом на вздыбленной вороной кобыле. Рядом – белый единорог, тоже поднявшийся на дыбы. Его грива развевается так же, как волосы девушки.

– Пожалуй, только относительно одного этого фрагмента легенды, – заметила адептка, – мнения историков не разошлись. Они единодушно считают его вымыслом и сказочным украшательством либо же тонкой метафорой. А художники и графики назло и наперекор

ученым облюбовали именно этот эпизод. Пожалуйста, что ни картинка, то Цири и единорог. Например – здесь: Цири и единорог на обрыве у приморского пляжа. А тут, смотри, Цири и единорог на фоне прямо-таки пейзажа из наркотического транса, ночью, под двумя лунами.

Нимуэ молчала.

– Словом, – Кондвирамурса отложила картоны на стол, – всюду Цири и единорог. Цири и единорог в лабиринте мест. Цири и единорог в бездне времен.

– Цири и единорог, – сказала Нимуэ, глядя в окно, на озеро, на лодку и мечущегося в ней Короля-Рыбака. – Цири и единорог появляются из небытия, как призраки, висят над гладью вод одного из озер... А может – одного и того же озера, связывающего, как застежка, времена и места всякий раз разные – и все же всегда одни и те же?

– Не поняла.

– Призраки. – Нимуэ не смотрела на нее. – Пришельцы из иных измерений, иных плоскостей, иных мест, иных времен. Видения, изменяющие чью-то жизнь. Изменяющие и свою жизнь, свою судьбу... Не ведая о том. Для них это попросту... очередное место. Не то место, не то время... Снова, в который уже раз подряд, не то место, не то время...

– Нимуэ, – вымученно улыбнулась Кондвирамурса. – Напоминаю: здесь я – снящая, именно я нахожусь тут для того, чтобы наблюдать сонные видения и онейроскопии. А ты ни с того ни с сего начинаешь вещать так, словно то, о чем говоришь, видела... во сне.

Королю-Рыбаку, судя по резко усилившейся ругани, блесну отцепить не удалось, леска порвалась. Нимуэ молчала, глядя на рисунки. На Цири и единорога.

– Все это, – очень спокойно сказала она наконец, – я действительно видела во сне. Видела во сне множество раз. И однажды видела наяву.

На поездку из Члухова в Мальборк при определенных условиях может, как известно, уйти даже и пять дней. А поскольку письма члуховского комтура[84] Винриху фон Книпроре, Великому магистру ордена, должны были дойти до адресата не позже, чем в Троицын день, рыцарь Генрих фон Швельборн тянуть не стал, а отправился на следующее утро после праздника Вознесения, чтобы иметь возможность ехать спокойно и не бояться опоздать. *Langsam, aber sicher.*[85] Такое поведение рыцаря очень нравилось его эскورتу из шести конных стрелков под командой Хассо Планка, сына пекаря из Кельна. Арбалетчики и Планк больше привыкли к таким господам-рыцарям, которые ругались, орали, погоняли и приказывали гнать во весь опор, а потом, все равно не успев к сроку, всю вину валили на несчастных ландскнехтов, отговариваясь враньем, недостойным рыцаря, к тому же рыцаря ордена. Было тепло, хоть и пасмурно. Время от времени моросило, яры затягивал туман. Порошкие буйной зеленью холмы напоминали рыцарю Генриху его родную Тюрингию, матушку, а также то, что у него больше месяца не было женщины. Едущие позади арбалетчики тупо напевали балладу Вальтера фон дер Фогельвейде. Хассо Планк дремал в седле.

Wer gute Fraue Liebe hat

Der schamt sich aller Missetat...[86]

Странствие протекало спокойно и, кто знает, может, таковым оставалось бы и до конца, если б не то, что ближе к полудню рыцарь Генрих заметил неподалеку от тракта поблескивающий

плес озера. А поскольку завтра была пятница и имело смысл заблаговременно запастись постной пищей, рыцарь приказал спуститься к воде и поискать какую-нибудь рыбацкую хибару.

Озеро было большое и даже обзавелось собственным островом. Никто не знал его настоящего названия, но оно, несомненно, было Святым. В здешней языческой стране – словно в насмешку – каждое второе озеро именовалось Святым.

Подковы захрустели по устилающим берег ракушкам. Озеро затягивал туман, но все же было видно, что с людьми здесь жидковато. Ни лодки, ни сетей и вообще ни живой души. «Придется поискать в другом месте, – подумал Генрих фон Швельборн. – А если нет, ничего не поделаешь. Поедим, что есть в мешках, даже если это ветчина, а в Мальборке исповедаемся, капеллан назначит епитимью и освободит от греха».

Он уже собирался отдать приказ, когда в голове под шлемом что-то зашумело, а Хассо Планк дико заорал. Фон Швельборн глянул и остолбенел. И перекрестился.

Перед ними из ничего возникли две лошади – белая и вороная, а мгновение спустя он с ужасом увидел, что из выпуклого лба белой лошади торчит закрученный винтом рог. Увидел он также, что на вороной кобыле сидит девушка с пепельными волосами, зачесанными так, чтобы они заслоняли щеку. Мираж, похоже, не касался ни земли, ни воды, а выглядел так, словно повис над стелющимся по глади вод туманом.

Вороная лошадь заржала.

– Uuups, – вполне отчетливо произнесла девушка с пепельными волосами. – Ire lokke, ire tedd! Squaess'me.

– Святая Урсула, покровительница, – забормотал Хассо, побледнев как смерть. Арбалетчики замерли, раскрыв рты и осеняя себя крестными знаменами.

Фон Швельборн тоже перекрестился, затем нетвердой рукой вытянул меч из ножен, притороченных под тебеньком.

– Heilige Maria, Mutter Gottes, – рявкнул он. – Steh mir bei![87]

Рыцарь Генрих не опозорил в тот день своих бравых предков фон Швельборнов, в том числе и Дитриха фон Швельборна, храбро бившегося под Дамьеттой и одного из немногих, которые не убежали, когда сарацины волшебством запустили на крестоносцев черного демона. Пришпорив коня и вспомнив неустрашимого предка, Генрих фон Швельборн ринулся на привидение, разбрызгивая вылетающие из-под конских копыт крошки беззубок.

– Орден и святой Георгий!

Белый единорог совершенно по-геральдически поднялся на задние ноги, черная кобыла заплясала. Девушка испугалась, это было видно с первого же взгляда. Генрих фон Швельборн бурей мчался на них. Как знать, чем бы все кончилось, если б озеро вдруг не покрыл туман, а таинственный мираж лопнул, распался на разноцветные осколки, словно витраж, в который швырнули камнем. И все исчезло. Все – белый единорог, вороная лошадь, странная девушка...

Мерин Генриха фон Швельборна с плеском влетел в озеро, остановился, мотнул головой, заржал, принялся грызть зубами удила.

С трудом усмирив закапризничавшего коня, Хассо Планк подлетел к рыцарю. Фон Швельборн глубоко дышал и сопел, чуть ли не сипел, а глаза у него были выпучены, как у рыбы.

– Клянусь мощами святой Урсулы, святой Кордулы и всех одиннадцати тысяч кельнских дев-мучениц... – выдавил из себя Хассо Планк. – Что это было, edler Herr Ritter[88]? Чудо? Явление?

– Teufelwerk, – простонал фон Швельборн, только теперь бледнея от изумления и щелкая зубами. – Schwarze Magie! Zauberey![89] Проклятое, языческое и чертовское наваждение.

– Лучше поедem отсюда, благородный господин. Да поскорее... До Пельплина недалеко, только бы церковные колокола услышать.

У самого леса, на возвышенности, рыцарь Генрих фон Швельборн оглянулся последний раз. Ветер разогнал туман, в местах, закрытых стеной леса, зеркальная поверхность озера поматовела и пошла рябью.

Над водой кружил огромный орел-рыболов.

– Безбожный, языческий мир, – пробормотал Генрих фон Швельборн. – Много, много трудов, работ и огня ждет нас, прежде чем орден немецких госпитальеров наконец изгонит отсюда дьявола.

– Конек, – сказала Цири укоризненно и одновременно насмешливо, – не хотелось бы быть назойливой, но я немного тороплюсь в свой мир. Я нужна близким, ты же знаешь. А мы сначала оказываемся у какого-то озера и налетаем на какого-то смешного простака в клетчатом костюме, потом на толпу грязных и орущих лохмачей с палицами, наконец на психа с черным крестом на плаще. Нет, нет! Не те времена, не те места! Очень тебя прошу, Конек, поднатужься как следует. Очень тебя прошу.

Иуарраквакс заржал, вскинул рогом и передал ей что-то, какую-то мысль. Цири поняла не до конца. Задумываться не было времени, потому что в голове у нее опять разлился холодный свет, в ушах зашумело, а в затылке похолодало.

И ее снова поглотило черное бархатное ничто.

Нимуэ, заливаясь веселым смехом, потянула мужчину за руку, они сбежали к озеру, петляя меж невысоких березок и ольшинок, вывороченных с корнями и поваленных стволов. Выбежав на пляж, Нимуэ сбросила сандалии, приподняла платице, зашлепала босыми ногами по прибрежной воде. Мужчина тоже скинул ботинки, но в воду входить не спешил, а сбросил плащ и разложил на песке.

Нимуэ подбежала, закинула ему руки на шею и поднялась на цыпочки, однако, чтобы ее поцеловать, мужчине все равно пришлось сильно наклониться. Не напрасно Нимуэ называли Локотком – но теперь, когда ей уже исполнилось восемнадцать и она была адепткой магических искусств, называть ее так могли лишь самые близкие подруги. И только некоторые мужчины...

Мужчина, не отрываясь от губ Нимуэ, сунул руку в разрез ее плаття.

Потом все пошло быстро. Они оказались на расстеленном на песке плаще, платице Нимуэ подвернула повыше талии, ее бедра крепко охватили бедра мужчины, а руки впились ему в спину. Когда он ее брал, как всегда слишком нетерпеливо, она стиснула зубы, но быстро нагнала его, сравнялась, подхватила ритм. Опыт и сноровка у нее были.

Мужчина издавал смешные звуки. Поверх его плеч Нимуэ видела медленно плывущие по небу кучевые облака фантастических форм.

Что-то зазвенело – так звонит затопленный на дне океана колокол. В ушах зашумело. «Магия», – подумала она, отворачивая голову, чтобы высвободиться из-под щеки и руки

лежащего на ней мужчины.

На берегу озера – повиснув над его поверхностью – стоял белый единорог. Рядом – вороная лошадь. А в седле вороной лошади сидела...

«Но я же знаю эту легенду, – пронеслось в мозгу Нимуэ. – Я знаю эту сказку! Я была ребенком, маленькой девчушкой, когда слышала ее от деда Посвиста, бродячего сказочника. Ведьмачка Цири. Со шрамом на щеке... Вороная кобыла Кэльпи... Единорог... Страна эльфов...»

Движения мужчины, вообще не заметившего появившейся картины, стали резче, издаваемые им звуки – смешнее.

– Uups, – сказала девушка, сидевшая на вороной кобыле. – Опять ошибка! Не то место, не то время. Вдобавок, если не ошибаюсь, совершенно несвоевременно. Простите.

Картина поблекла и лопнула, лопнула, как лопается раскрашенное стекло, вдруг разлетелась, распалась на тысячи радужных мерцающих искорок, бликов и мигающих золотинок. А потом исчезла.

– Нет! – крикнула Нимуэ. – Нет! Не исчезай! Я не хочу!

Она распрямила колени и хотела высвободиться из-под мужчины, но не могла – он был тяжелее и сильнее ее. Мужчина застонал и икнул.

– Ооооох, Нимуэ... Ооооох!

Нимуэ вскрикнула и впилась ему зубами в плечо.

Они лежали на плаще, возбужденные и жаркие. Нимуэ смотрела на берег озера, на шапки взбитой волнами пены. На наклоненные ветром камыши. На бесцветную, безнадежную пустоту, пустоту, которая осталась от рассеявшейся легенды.

По носу адепки бежала слеза.

– Нимуэ... Что-то случилось?

– Случилось. – Она прижалась к нему, все еще глядя на озеро. – Молчи. Обними меня и ничего не говори. Молчи.

Мужчина высокомерно улыбнулся.

– Я знаю, что с тобой, – сказал он хвастливо. – Земля содрогнулась?

Нимуэ печально улыбнулась.

– Не только, – ответила она после недолгого молчания. – Не только.

Блеск. Тьма. Следующее место.

Следующее место было мрачным, зловещим и отвратительным.

Цири инстинктивно сжалась в седле, потрясенная – как в буквальном, так и переносном значении этого слова. Потому что подковы Кэльпи ударили с разбега во что-то болезненно твердое, плоское и неуступчивое, как камень. После долгого движения в мягком небытии ощущение твердости оказалось настолько неожиданным и неприятным, что кобыла заржала и резко кинулась вбок, выбивая на почве стаккато, от которого зазвенели зубы.

Второе потрясение, метафорическое, ей принесло обоняние. Цири застонала и прикрыла руками рот и нос, чувствуя, как глаза моментально заполняются слезами.

Вокруг стоял кислый, ядовитый, плотный и липкий смрад, ужасающе удушливый, не поддающийся определению, не похожий ни на один известный ей запах. Это была – в чем она ничуть не сомневалась – вонь разложения, трупная вонь окончательного разложения и распада, вонь гниения и уничтожения – причем создавалось впечатление, что то, что сейчас прекращало свое земное существование, воняло ничуть не лучше и при жизни. Даже в период своего расцвета.

Цири скукожилась, и ее вырвало. Сдержаться она не могла. Кэльпи фыркала и трясла головой, сжимала ноздри. Единорог, материализовавшийся рядом с ними, присел на задние ноги, подскочил и брыкнулся. Твердое основание ответило сотрясением и громким отзвуком.

Вокруг них стояла ночь, ночь темная и грязная, окутанная липким и вонючим покровом мрака.

Цири подняла глаза, надеясь отыскать звезды, но наверху не было ничего, только бездна, местами подсвеченная нечетким красноватым заревом, словно бы далеким пожаром.

– Uuups, – сказала она и скривилась, чувствуя, как на губах оседают кисло-гнилостные испарения. – Фуууу-эх! Не то место, не то время. Ни в коем случае не они!

Единорог фыркнул и кивнул, его рог описал короткую и крутую дугу.

Скрипящая под копытами Кэльпи почва была камнем, но камнем странным, прямо-таки неестественно ровным, интенсивно выделяющим запах гари и грязного пепла. Прошло какое-то время, прежде чем Цири сообразила, что перед глазами у нее не что иное, как дорога. Неприятная и нервирующая своей твердостью. Цири направила кобылу на обочину, очерченную чем-то таким, что некогда было деревьями, теперь же лишь отвратительными и голыми скелетами. Трусами, увешанными обрывками тряпок, словно бы действительно остатками сгнивших саванов.

Единорог предостерег ее ржанием и ментальным сигналом. Но было уже слишком поздно...

Сразу же за странной дорогой и иссохшими деревьями начиналась осыпь, а тут же под ней – чуть ли не отвесный откос, почти пропасть. Цири вскрикнула, кольнула пятками бока сползающей вниз кобылы. Кэльпи рванулась, перемешивая копытами то, из чего состояла осыпь. Это были отбросы. В основном какие-то странные сосуды. Они не крошились под подковами, не хрустели, но лопались отвратительно мягко, клейко, словно огромные рыбы пузыри. Что-то захлюпало и замигало, поднявшаяся вонь чуть не свалила Цири с седла. Кэльпи дико ржала, топтала навал мусора, стараясь выбраться наверх, на дорогу. Цири, задыхаясь от вони, ухватилась за шею кобылы.

Удалось. Неприятную вначале твердость странной дороги они встретили с радостью и облегчением.

Цири, дрожа, взглянула вниз, на осыпь, оканчивающуюся в черной глади озера, заполнявшего дно котловины. Поверхность озера была мертвой и блестящей. Так, словно это была не вода, а застывшая смола. За озером, за свалкой, за кучами пепла и отвалами шлака небо краснело далеким заревом пожаров, прорезаемым полосами дымов.

Единорог фыркнул. Цири хотела вытереть манжетой слезящиеся глаза, но тут же поняла, что весь рукав покрыт пылью. Пыль покрывала ее бедра, луку седла, гриву и шею Кэльпи.

Вонь удушала.

– Жуть, – забормотала она. – Отвратность... Мне кажется, вся я липну. Выбираемся отсюда...

Выбираемся отсюда, да поскорее, Конёк.

Единорог застриг ушами, захрапел.

Только ты можешь это сделать. Действуй.

– Я? Сама? Без твоей помощи?

Единорог кивнул рогом.

Цири почесала затылок, вздохнула, прикрыла глаза. Сконцентрировалась.

Вначале было только недоверие, отчаяние, страх. Но на нее быстро снизошла холодная ясность знания и Силы. Она понятия не имела, откуда берутся эти знание и Сила, в чем их корни и источник. Но знала, что может. Что сумеет, если захочет.

Она еще раз кинула взгляд на замершее и мертвое озеро, дымящиеся терриконы отбросов, скелеты деревьев. Небо, подсвеченное далеким заревом.

– Хорошо, – Цири наклонилась и сплюнула, – что это не мой мир. Очень хорошо.

Единорог многозначительно заржал. Она поняла, что он хотел этим сказать.

– Если даже и мой, – она вытерла платочком глаза, губы и нос, – то одновременно и не мой, потому что далекий во времени. Несомненно, удаленный во времени. Ведь это прошлое либо...

Она осеклась.

– Прошлое, – повторила она глухо. – Я глубоко верю, что это прошлое.

Прямо-таки прорвавший тучи ливень, под который они попали в следующем месте, показался им настоящей благодатью. Дождь был теплый и благоуханный, в нем смешались запахи лета, трав, грязи и перегноя, дождь смывал с них дрянь, очищал, доставляя истинное блаженство и отдохновение.

Как всякое чересчур долгое отдохновение, так и это обернулось монотонной, надоедливой и непереносимой нудностью. Вода, которая вначале обмывала, вскоре начала утомительно вымачивать, литься за воротник и опасно охлаждать. Поэтому они постарались поскорее выбраться отсюда. Из этого чересчур дождливого места.

Потому что оно тоже не было нужным местом. И нужным временем.

Следующее место было очень теплым, здесь стояла жара, поэтому Цири, Кэльпи и единорог высыхали и исходили паром, словно три кипящих чайника. Они находились на иссушенной солнцем вересковой пустоши на краю леса. Сразу же было видно, что это огромный лес, просто пуща, густые дикие и непроходимые дебри. В сердце Цири забилась надежда – ведь это мог быть и Брокилон, то есть наконец-то место знакомое и соответствующее.

Они медленно двинулись вдоль опушки. Цири пыталась рассмотреть хоть что-нибудь, что могло бы подсказать, где они в действительности находятся. Единорог похрапывал, высоко поднимал голову и рог, осматривался. Он был неспокоен.

– Думаешь, Конёк, – спросила она, – за нами могут гнаться?

Храп, понятный и однозначный даже без телепатии.

– Мы еще не сумели убежать достаточно далеко?

То, что он в ответ мысленно передал ей, она не разобрала. «Далеко» и «близко» – такие понятия не существуют? Какая спираль? Она не могла понять, о чем он. Но его беспокойство передалось и ей.

Жаркое вересковье не было нужным местом и нужным временем. Это они поняли под вечер, когда жара стала спадать, а на небе над лесом вместо яркой луны взошли две. Одна большая, другая маленькая.

Следующим местом оказался берег моря, крутой обрыв, с которого были видны гривастые, разбивающиеся о скалы причудливые волны. Запах моря, ветер, крики крачек, чаек, пересмешников и глупышей, белой шевелящейся массой покрывающих выступы обрыва.

Море уходило за горизонт, затянутый темными тучами.

Внизу, на каменистом пляже, Цири неожиданно обнаружила полузаваленный галькой гигантский рыбий скелет с чудовищно огромным черепом. Зубы, торчавшие в выбеленных временем челюстях, были не меньше трех пядей длины, а в пасть, казалось, можно въехать на лошади и спокойно, не задевая за позвоночник, продефилировать под порталами ребер.

Существуют ли в ее времени и в ее мире подобные рыбы, Цири не знала.

Они проехали по краю обрыва, а чайки и альбатросы совсем не пугались и неохотно уступали им дорогу, более того, пытались клюнуть и ущипнуть Кэльпи и Иуарраквакса. Цири сразу же поняла, что здесь никогда не видели ни человека, ни лошади, ни единорога.

Иуарраквакс фыркал, тряс головой и рогом, явно беспокоился. Оказалось, не напрасно.

Что-то затрещало, совсем как раздираемое надвое полотно. Крачки взлетели, крича и хлопая крыльями, белое облако на мгновение затянуло все вокруг. Воздух над обрывом неожиданно завибрировал, затуманился, как залитое водой стекло, и лопнул. В трещины влилась тьма, а из тьмы высыпали всадники. Вокруг плеч у них развевались плащи, красно-амарантово-кармазинный цвет которых напоминал зарево пожара на небе, освещенном блеском заходящего солнца.

Dearg Ruadhri, Красные Всадники.

Еще не успел утихнуть гомон птиц и тревожное ржание единорога, а Цири уже заворачивала лошадь и посылала ее в галоп. Но воздух разорвался, и с другой стороны, из разрыва, развевая плащами-крыльями, вылетели новые конники. Полукруг облавы замыкался, прижимая их к пропасти. Цири крикнула, выхватывая Ласточку из ножен.

Единорог призвал ее резким сигналом, врезавшимся в мозг словно игла. На этот раз она поняла сразу. Он указывал дорогу. Прорыв в кольце. Сам же поднялся на дыбы, пронзительно заржал и ринулся на эльфов, грозно выставив рог.

– Конёк!

Спасайся, Звездоокая! Не дай себя схватить!

Она прижалась к гриве.

Двое эльфов с арканами в руках загородили ей дорогу. Попытались накинуть арканы на шею Кэльпи. Кобыла ловко отвела голову, ни на миг не замедляя бега. Цири одним взмахом меча рассекла другую петлю, криком подогнала Кэльпи. Кобыла мчалась как вихрь.

Но на пятки уже наступали другие всадники, она слышала их крики, топот копыт, хлопанье плащей. «Что с Коньком? – подумала она. – Что они сделали с ним?»

Рассуждать было некогда. Единорог прав, нельзя им позволить снова схватить себя. Необходимо нырнуть в пространство, укрыться, затеряться в лабиринте мест и времен. Она сконцентрировалась, с ужасом ощущая одну лишь пустоту и странный звонкий, нарастающий шум.

«Они пытаются взять меня заклинаниями, – подумала она. – Связать чарами. Глупости! У чар есть предел. Я не позволю им приблизиться ко мне!»

– Быстрее, Кэльпи! Быстрее!

Вороная кобыла вытянула шею и понеслась как ветер. Чтобы еще сильнее уменьшить сопротивление воздуха, Цири легла ей на шею.

Крики за спиной, мгновение назад громкие и опасно близкие, утихли, заглушенные гомоном испуганных птиц. Потом стали совсем тихими. Далекими.

Кэльпи мчалась так, что свистело в ушах.

В далеких криках погони слышались нотки ярости. Всадники поняли, что им не справиться. Что они никогда не догонят вороной кобылы, летящей без усталости, легко, мягко и изящно, словно гепард.

Цири не оглядывалась. Но знала, что за ней гнались долго. До того момента, когда их собственные лошади начали хрипеть и храпеть, спотыкаться и почти до земли опускать ощеренные и покрытые пеной морды. Только тогда они сдались, лишь посылая ей вслед проклятия и бессильные угрозы.

Кэльпи неслась как вихрь.

Место, в которое она сбежала, было сухим и ветреным. Резкий воющий ветер быстро осушал слезы.

Она была одна. Снова одна. Одна как перст.

Странник, вечный путник, моряк, затерявшийся в бескрайних морских просторах, в архипелаге мест и времен.

Моряк, потерявший надежду.

Ветер свистел и выл, гнал по истрескавшейся земле шары высохших трав.

Ветер осушал слезы.

В черепе холодная ясность, в ушах шум, однообразный шум, как в закрученном чреве морской раковины. Мурашки по шее. Черное и мягкое ничто.

Новое место. Другое время.

Архипелаг мест.

– Сегодня, – сказала Нимуэ, кутаясь в шубу, – будет хорошая ночь. Я чувствую.

Кондвирамурса не ответила, хотя подобные заверения слышала уже не раз, поскольку не первый вечер они посиживали на террасе. Перед ними пылающее закатом озеро, позади – магическое зеркало и магический гобелен.

С озера, усиленная бегущим по воде эхом, доносилась ругань Короля-Рыбака. Король-Рыбак вообще привык крепким словом выражать недовольство рыбацкими неудачами –

неудачными засечками, подсечками и так далее. Однако в этот вечер, судя по силе и репертуару ругательств, дело у него шло особенно скверно.

– У времени, – сказала Нимуэ, – нет ни начала, ни конца. Время – вроде змея Уробороса, схватившего зубами собственный хвост. В каждом мгновении скрывается вечность. А вечность складывается из мгновений, которые создают ее. В этом архипелаге плавать можно, хоть навигация чрезвычайно затруднена и очень легко заблудиться. Хорошо, чтоб был маяк, дающий свет. Хорошо иметь возможность услышать в тумане призыв...

Она на мгновение умолкла.

– Как кончается интересующая нас легенда? Нам – тебе и мне – кажется, будто мы знаем как. Но змей Уроборос вцепился зубами в собственный хвост. То, как окончится легенда, решается сейчас. В этот миг. Окончание легенды будет зависеть от того, сможет ли – а если сможет, то когда, – затерявшийся в архипелаге мгновений моряк увидеть свет маяка. Услышать призыв.

С озера донеслись ругань, плеск, скрип весел в уключинах.

– Сегодня будет хорошая ночь. Последняя перед летним Солнцестоянием. Луна идет на ущерб. Солнце из Третьего Дома переходит в Четвертый – в знак Козлорыбы. Самое лучшее время для дивинаций[90]. Самое лучшее... Соберись, Кондвирамурса.

Кондвирамурса, как и много раз прежде, послушно сконцентрировалась, постепенно погружаясь в состояние, близкое к трансу.

– Поищи ее, – сказала Нимуэ. – Она где-то там, среди звезд, среди лунного света. Среди различных мест. Она там. Одна, ждет помощи. Мы поможем ей, Кондвирамурса.

Концентрация, кулаки на висках. В ушах шум, идущий как бы изнутри морской раковины. Вспышка света. И тут же мягкое и черное ничто. * * *

Было место, в котором Цири видела пылающие костры. Прикованные цепями к столбам женщины дико и пронзительно кричали, умоляя пощадить их, а собравшиеся вокруг люди рычали, смеялись и плясали. Было место, в котором полыхал огнем огромный город, пламя гудело, с заваливающихся крыш во все стороны летели искры, и черный дым затягивал небо. Было место, где огромные двуногие ящеры дрались, сцепившись друг с другом, и яркая кровь лилась ручьями из-под клыков и когтей.

Было место, в котором не было ничего, кроме тьмы, заполненной голосами, шепотами и тревогой.

Были и другие места. Но ни одно из них не было тем, которое она искала.

Перенос из места в место шел у нее уже так хорошо, что она начала экспериментировать. Одним из немногих мест, которых она не боялась, были теплые вересковые пустоши на опушке дикого леса, над которыми висели две луны. Вызвав в памяти образ этих лун и мысленно твердя, чего именно она хочет добиться, Цири сконцентрировалась, напряглась, погрузилась в ничто.

Удалось уже со второй попытки.

Ободренная, она решилась на еще более смелый эксперимент. Было ясно, что, кроме различных мест, она посещала и различные времена. Об этом говорил Высогота, говорили эльфы, упоминал единорог. Ведь она смогла – хоть и непреднамеренно – однажды уже сделать это! Когда ее ранили в лицо, она сбежала от преследователей во время, прыгнула на четыре дня вперед, потом Высогота не мог досчитаться этих дней. Ничего у него не

сходило...

Не в этом ли было ее спасение? Прыжок во времени?

Она решила попытаться. Пылающий город, к примеру, не мог гореть вечно. А если попасть туда до пожара? Либо после него?

Она попала точно в самое сердце пожара, опалив себе брови и ресницы и вызвав ужасный переполох среди бегущих из полыхавшего огнем города погорельцев. И тут же сбежала на дружественное вересковое.

«Пожалуй, не стоит так рисковать, – подумала она. – Кто знает, чем это кончится? С местами у меня получается лучше, а значит, будем придерживаться мест. Попытаемся попасть в места знакомые, такие, которые я помню, и такие, которые вызывают у меня приятные ассоциации».

Начала она с храма Мелитэле, представив себе ворота, дом, парк, мастерские, общежитие послушниц и адептов, комнату, в которой жила с Йеннифэр. Она концентрировалась, прижав кулаки к вискам, вызывая в памяти лица Нэннеке, Эурнэйд, Катье, Иоли Второй.

Ничего не получилось. Она попала на какие-то туманные и кишасие москитами болота, заполненные посвистом черепах и громким кваканьем лягушек.

Попробовала поочередно – не с лучшим результатом – Каэр Морхен, Острова Скеллиге, банк в Горс Велене, в котором работал Фабио Сахс. Отказалась от Цинтры: знала, что город захвачен нильфгаардцами. Вместо этого попыталась попасть в Вызиму, город, в котором она и Йеннифэр когда-то производили закупки.

Аарениус Кранц, ученый, алхимик, астроном и астролог, ерзал на жестком стульчике, прильнув глазом к окуляру телескопа. Комета первой величины и мощности, которую можно было почти неделю видеть на небе, заслуживала того, чтобы ее наблюдать и исследовать. Такая комета – Аарениус Кранц знал – с огненным красным хвостом обычно предвещает большие войны, пожары и резню. Сейчас, правда, комета малость припозднилась, поскольку война с Нильфгаардом шла уже полным ходом, а пожары и резню можно было предсказать вслепую – и безошибочно, поскольку без них не обходилось ни дня. Отлично зная движения небесных сфер, Аарениус Кранц все же надеялся высчитать, когда, через сколько лет или столетий, комета появится вновь, предвещая очередную войну, к которой, если знать, можно подготовиться лучше, чем к теперешней.

Астроном встал, помассировал ягодицы и пошел облегчить мочевой пузырь. С террасы, через балюстраду. Он всегда отливал с террасы прямо на клумбу пионов, начхав на замечания экономки. До дворовой уборной было далеко, терять время на пустое хождение, во-первых, не пристало ученому, а во-вторых, бросать работу и ходить далеко по нужде – значит растерять ценные мысли, а уж этого ни один уважающий себя ученый позволить себе не мог.

Аарениус Кранц себя уважал.

Он встал у балюстрады, расстегнул штаны, глядя на отражающиеся в воде озера огни Вызимы. Облегченно вздохнул, возвел очи горе, к звездам, и подумал при этом: «Звезды и созвездия – Зимняя Дева, Семь Коз, Жбан. Если верить некоторым теориям – никакие это не мерцающие огоньки, а миры. Иные миры. Миры, от которых нас отделяет время и пространство... Я глубоко убежден, что когда-нибудь станут возможны путешествия к этим иным мирам, в эти иные времена и пространства. Да, наверняка когда-нибудь такое станет возможным. Отыщется способ. Но для этого потребуется совершенно новый образ мыслей, новая животворящая идея, разорвущая сдерживающий ее ныне жесткий корсет, именуемый

рациональным познанием...

Ах, – думал он, подпрыгивая, – если б это случилось... Если б озарило, если б напасть на след. Всего лишь одна, неповторимая оказия...»

Внизу, под террасой, что-то сверкнуло, ночная тьма разорвалась, из блеска появилась лошадь. С седоком. Девушкой.

– Добрый вечер, – вежливо поздоровалась девушка. – Простите, если не вовремя. Нельзя ли узнать, что это за место? И какое это время?

Аарениус Кранц сглотнул, открыл рот и забормотал.

– Место, – терпеливо и четко повторила девушка-наездница. – Время.

– Эээ... Ну... Того... Беее...

Лошадь фыркнула. Девушка вздохнула.

– Ну что ж, вероятно, я снова не туда попала. Не то место. Не то время! Но ответь мне, человек! Хотя бы одним понятным словечком. Ведь не могла же я попасть в мир, в котором люди утратили способность к членораздельной речи?

– Эээ...

– Одно словечко.

– Хэээ...

– Да чтоб тебя удар хватил, болван, – сказала девушка.

И исчезла. Вместе с лошадью.

Аарениус Кранц закрыл рот. Немного постоял у балюстрады, вглядываясь в ночь, в озеро и отражающиеся в нем далекие огни Вызимы. Потом застегнул штаны и вернулся к телескопу.

Комета быстро обегала небо. Ее следовало наблюдать, не упускать из поля зрения стекла и глаза. Следить, пока она не исчезнет в просторах космоса. Это был шанс, а ученому нельзя упускать шансы.

«А может, попытаться по-другому, – подумала она, глядя на две луны над вересковым, у которых теперь был вид серпов, одного поменьше, другого – побольше и не столь серповидного. – Может, не воображать себе места и лица, а крепко захотеть? Крепко. Очень крепко, изо всех сил...

Почему б не попробовать?

Геральт. Я хочу к Геральту. Я очень-очень хочу к Геральту».

– Надо же! – закричала она. – Славно вляпалась, чтоб те провалиться!

Кэльпи, бухая клубами пара из ноздрей и переступая зарывшимися в снег ногами, подтвердила, что думает так же.

Метель свистела и выла, слепила, острые иголки снега кололи щеки и руки. Мороз прошивал насквозь, хватал суставы будто волк. Цири дрожала, сутулилась и прятала шею за тонкой и вовсе не спасающей от холода преградой поднятого воротника.

Слева и справа вздымались величественные громады скал, серые каменные монументы, вершины которых скрывались где-то высоко во мгле и метели. На дне котловины ревела быстрая, вспучившаяся река, густая от снега и обломков льдин. Кругом было белым-бело. И холодно.

«Вот и все, на что я способна, – подумала Цири, чувствуя, как у нее замерзает в носу. – Вот и вся моя Сила. Хороша ж из меня Владычица Миров, ничего не скажешь! Хотела попасть к Геральту, а попала в самую сердцевину какой-то затраханной глухомани, зимы и метели!»

– Ну, Кэльпи, давай двигай, не то окостенеешь! – Она ухватилась за поводья ничего не чувствующими от холода пальцами. – Вперед, вперед, вороная! Я знаю, это вовсе не то место, какое надо. Сейчас я вытащу нас отсюда, сейчас мы вернемся на наше теплое вересковье. Но мне надо сосредоточиться, это требует времени. Поэтому двигай! Ну, вперед!

Кэльпи пыхнула паром из ноздрей.

Метель завывала, снег прилипал к лицу, таял на ресницах. Морозная вьюга выла и свистела.

– Гляньте! – заорала Ангулема, стараясь перекрыть вихрь. – Гляньте туда! Там следы. Кто-то там проехал!

– Что? – Геральт сдвинул шарф, которым обмотал голову, чтобы не отморозить уши. – Что ты сказала, Ангулема?

– Следы! Следы лошади!

– Откуда здесь лошадь? – Кагыру тоже приходилось кричать, метель усиливалась, река Сансретура, казалось, шумела и гудела все сильнее. – Откуда бы тут взяться лошади?

– Смотрите сами!

– Действительно, – бросил вампир, единственный, кто явно не окоченел, поскольку, совершенно очевидно, был маловосприимчив и к низким, и к высоким температурам. – Следы. Но лошадиные ли?

– Лошадь исключается. – Кагыр сильно потер щеки и нос. – Лошадь на безлюдье? Нет. Следы наверняка оставило какое-то дикое животное. Скорее всего муфлон.

– Сам ты муфлон! – взвизгнула Ангулема. – Если я сказала – лошадь, значит, лошадь!

Мильва, как обычно, предпочла практику теории. Соскочила с седла, наклонилась, сдвинула на затылок лисий колпак.

– Девчонка права, – вынесла она приговор минуту спустя. – Это лошадь. Пожалуй, даже подкованная, но сказать трудно, метель заметает следы. Поехала туда, вон в то ущелье.

– Ха! – Ангулема захлопала в ладоши. – Я знала! Кто-то здесь живет! Неподалеку! Поехали по следам, может, попадем в какую-нито халупу? Может, нам позволят обогреться? Может, угостят?

– Несомненно, – усмехнулся Кагыр. – Скорее всего болтом из арбалета.

– Умнее будет придерживаться плана и реки, – огласил решение всезнающий Регис. – Тогда нет опасности заблудиться. А в пойме Сансретуры должна быть трапперская фактория, там нас угостят с гораздо большей вероятностью.

– Геральт! Что скажешь?

Ведьмак молчал, не отрывая глаз от кружащихся в снежном вихре снежинок.

– Едем по следам, – наконец решил он.

– Вообще-то... – начал вампир, но Геральт не дал ему договорить.

– По следам копыт! Вперед!

Они подогнали лошадей, но далеко не уехали. Зашли в ущелье не больше, чем на четверть стае.

– Конец, – отметила Ангулема, глядя на гладкий и девственно чистый снег. – Было – нету! Прямо как в эльфьем цирке.

– Что теперь, ведьмак? – Кагыр повернулся в седле. – Следы кончились. Замело их.

– Их не замело, – возразила Мильва. – Сюда, в яр, метель не доходит.

– Тогда что же с лошастью?

Лучница пожала плечами, ссутулилась в седле, втянув голову в плечи.

– Куда подевалась лошадь? – не сдавался Кагыр. – Исчезла? Улетела? А может, нам просто померещилось? Геральт, что скажешь?

Метель завывала над ущельем, замела, запуржила снегом.

– Почему, – спросил вампир, – ты велел ехать по этим следам, Геральт?

– Не знаю, – признался ведьмак после недолгого молчания. – Что-то... Я что-то почувствовал. Что-то меня подтолкнуло. Не важно что. Ты был прав, Регис. Возвращаемся к Сансретуре и будем держаться реки, не отходя от нее и не тыркаясь в стороны. Это может скверно кончиться. Если верить Рейнарту, настоящая зима и отвратительная погода ждут нас лишь на перевале Мальхеур. Когда доберемся туда, нам надо быть в полной силе. Не стойте так, возвращаемся.

– Не выяснив, что произошло с таинственной лошастью?

– А что тут выяснять? – горько бросил ведьмак. – Замело следы, вот и все. Впрочем, может, это и верно муфлон?

Мильва посмотрела на него странно, но от комментариев воздержалась.

Когда вернулись к реке, следов уже не было. Их замело, засыпало мокрым снегом. В свинцово-сером потоке Сансретуры густо плыла шуга, крутились и вертелись осколки льдин.

– Я вам кое-что скажу, – проговорила Ангулема. – Но обещайте, что не станете смеяться.

Они обернулись. В натянутой на уши шерстяной шапке с помпоном, покрасневшими от холода щеками и носом, одетая в бесформенный кожаный плащ девушка выглядела забавно. Ни дать ни взять – толстый кобольд.

– Я вам кое-что скажу относительно этих следов. Когда я была у Соловья в ганзе, то болтали, будто зимой на перевалах гоняет на зачарованном сивом коне Король Гор, владыка ледовых демонов. Повстречаться с ним – верная смерть. Что скажешь, Геральт? Возможно ли, чтобы...

– Все, – отрезал он, – все возможно. В путь, команда! Нас ждет перевал Мальхеур.

Снегопад усиливался, колот все сильнее, ветер дул, буран свистел и выл голосами ледовых демонов.

То, что вересковье, на которое она угодила, не было тем самым вересковьем, Цири поняла сразу. Не надо было дожидаться вечера, было ясно, что двух лун она здесь не увидит.

Лес, по опушке которого она поехала, тоже был диким и непроходимым, как и тот, но различия все же имелись. Здесь, например, было гораздо меньше берез и гораздо больше буков. Там не видно было и не слышно птиц, здесь же их было полным-полно. Там между кустиками вереска проглядывали лишь песок да мох, здесь же прямо-таки коврами пластался зеленый плаун. Даже выпрыгивающие из-под копыт Кэльпи кузнечики были здесь какие-то другие. Более привычные. А потом...

Сердце забилося сильнее. Она увидела тропинку, заросшую и запущенную. Уходящую, на первый взгляд, в глубь леса.

Цири присмотрелась внимательнее и убедилась, что странная тропинка дальше по вересковью не идет, а обрывается здесь. И что она не ведет в лес, а из него выходит. Не рассуждая дольше, она ткнула бок кобылы каблуком и въехала меж деревьев. «Буду ехать до полудня, – подумала она, – если до полудня ни на что не наткнусь, вернусь и поеду в противоположную сторону, за вересковье».

Она ехала шагом под сводом крон, внимательно посматривая по сторонам, стараясь не пропустить чего-нибудь важного. Поэтому не прозевала старичка, выглядывавшего из-за ствола дуба.

Старичок, низенький, но отнюдь не согбенный, был одет в льняную рубаху и штаны из того же материала. На ногах – огромные и смешные лыковые лапти. В одной руке – суковатая клюка, в другой – ивовая корзинка. Лица Цири как следует не разглядела, оно скрывалось за обшарпанными и обвисшими полями соломенной шляпы, из-под которых торчал обгоревший нос и седая взлохмаченная борода.

– Не бойся, – сказала она. – Я не сделаю тебе дурного.

Седобородый переступил с лаптя на лапоть и снял шляпу. Лицо у него оказалось круглое, усеянное старческими пятнами, но свежее и не очень морщинистое, брови редкие, подбородок маленький и скошенный, длинные седые волосы заплетены на затылке в косичку, макушка – совершенно лысая, блестящая и желто-зеленая, как арбуз.

Она видела, что старик смотрит на ее меч, на выступающую над плечом рукоять.

– Не бойся, – повторила она.

– Хо-хо, – промямлил он. – Хо-хо, девушка. Старичок-Лесовичок не боится. Он не из пугливых, о нет.

Он улыбнулся. Зубы были большие, сильно выдающиеся вперед из-за неправильного прикуса и срезанной челюсти. Вот почему он так мямлит!

– Старичок-Лесовичок не боится странников, – повторил он, говоря о себе в третьем лице. – Даже разбойников. Старичок-Лесовичок – убогий, горемыка. Старичок-Лесовичок спокойный, никому не мешает. Хо-хо!

Он снова улыбнулся. И когда улыбался, казалось, состоит исключительно из одних передних зубов.

– А ты, милая девушка, не боишься Лесовичка?

– Представь себе – нет, – фыркнула Цири. – Я тоже не из пугливых.

– Хе-хе-хе! Ишь ты!

Он шагнул к ней, опираясь на клюку. Кэльпи фыркнула. Цири натянула поводья.

– Лошадь чужих не любит, – предупредила она. – Может укусить.

– Хе-ха! Лесовичок знает. Нехорошая, неуважительная кобылка! А откедова, любопытствую, милая девушка путь держит? И куда, к примеру, направляется?

– Долгая история. Куда ведет эта тропинка?

– Хе-хе! Так ты, стало быть, не знаешь?

– Будь добр, не отвечай вопросом на вопрос. Куда я приеду по этой тропе? Что это вообще за место? Какое это... время?

Старичок снова выставил зубы, пошевелил ими, как нутрия.

– Хе-хе, – промямлил он. – Гляди-кось! Какое, говоришь, время? Ох, издалека, видать, прибыла ты, девушка, к Лесовичку-то!

– И верно, издалека, – безразлично кивнула она. – Из других...

– ...мест и времен, – докончил он. – Дед знает. Дед догадался.

– О чем? – спросила она с некоторой опаской. – О чем ты догадался? Что тебе известно?

– Лесовичок многое знает. Ему многое известно.

– Говори!

– Ты, милая девушка, голодна небось, – выставил он зубы. – И пить хочешь? И раздражена? Ежели пожелаешь, Лесовичок проводит тебя в терем, накормит, напоит. Угостит.

У Цири долго не было ни времени, ни возможности думать об отдыхе и пище. Сейчас от слов странного старца у нее свело желудок, кишки завязались узлом, а язык сбежал куда-то далеко. Старец наблюдал за ней из-под полей шляпы.

– У Старичка-Лесовичка, – замямлил он, – в хате еда есть. Есть ключевая вода. Есть и сено для кобылки, плохой кобылки, которая хотела доброго деда укусить. Хе-хе! В хате у Старичка-Лесовичка есть все. Да и поболтать о местах и временах можно будет. Тут совсем недалеко, о нет. Воспользуетесь, девица-скиталица? Не побрезгуете приглашением убогого дедка-горемыки?

Цири сглотнула.

– Веди.

Лесовичок развернулся и пошлепал по едва заметной стежке через пушу, отмеряя дорогу энергичными взмахами клюки. Цири ехала следом, то и дело наклоняясь под ветвями и удерживая поводьями Кэльпи, которая явно вознамерилась укусить старичка или, на худой конец, сжевать его шляпу.

Вопреки заверениям, ехать было вовсе не так уж близко. Когда они добрались до места, до

полянки, солнце уже стояло почти в зените.

Терем Лесовичка оказался красочной развалюхой, подпертой жердями. Крышу явно чинили часто и с помощью подручного материала. Стены были обшиты кожами, смахивающими на свиные. Перед хатой стояла деревянная конструкция в виде перекладины на двух кольях, невысокий стол и пень с воткнутым в него топором. За хатой виднелась печка из камня и глины, на которой стояли большие закопченные чугуны.

– Вот и дом Старичка-Лесовичка. – Старичок не без гордости ткнул клюкой. – Здесь Старичок-Лесовичок живет-поживает. Здесь спит. Здесь готовит себе еду. Если есть из чего готовить. Труд. Великий это труд – добыть пищу в дебрях. А любит ли девушка-странница перловую кашу?

– Любит. – Цири снова сглотнула. – Девушка-странница любит все.

– С мяском? С жирком? Со шкварками?

– Ммм...

– А не видать, – Лесовик окинул ее оценивающим взглядом, – чтобы девица-красавица последнее время часто мяском-то и шкварками баловалась, нет, не видать. Худенькая такая, худобущая. Кожа да кости! Хе-хе! А это что такое? Ну, у девицы-странницы-красавицы за спиной?

Цири оглянулась, позволив себя купить самым древнейшим и самым примитивнейшим фокусом.

Страшный удар сучковатой клюкой угодил ей прямо в висок. Рефлекса хватило лишь на то, чтобы поднять руку, рука частично амортизировала удар, способный раздробить череп, как куриное яйцо. Но все равно Цири оказалась на земле – оглушенная, ошарашенная, полностью дезориентированная.

Старичок-Лесовичок, ощерившись, подскочил к ней и прошелся клюкой еще раз. Цири снова успела заслонить голову руками. В результате обе руки бессильно повисли. Левая почти наверняка была сломана, кости запястья, вероятно, потрескались.

Старичок-Лесовичок, прыгая, подлетел к ней с другой стороны и саданул клюкой в живот. Она крикнула, свернувшись калачиком. Тогда он ястребом кинулся на нее, перевернул лицом к земле, прижал коленями. Цири напряглась, резко дернулась назад, промахнулась, нанесла сильный удар локтем. Дед яростно гикнул и треснул ее кулаком по затылку с такой силой, что она зарылась лицом в песок. Схватил за волосы и прижал к земле носом и губами. Она начала задыхаться. Старик наклонился над ней, все еще прижимая голову к земле, сорвал со спины и отбросил в сторону меч. Потом занялся своими брюками, отыскал застежку, расстегнул. Цири взвыла, давась песком и отплевываясь. Он прижал ее сильнее, лишил возможности двигаться, закрутив волосы в кулаке. Сильным рывком стянул с нее брюки.

– Хе-ха, – заныл он, со свистом дыша. – А недурная попка попалась Дедушке-то! Ху, хууу, давненько, давненько Дедушка таких не пользовал.

Цири, чувствуя отвратительное прикосновение его сухой когтистой руки, взвизгнула, сплевывая песок и иголки.

– Лежи спокойно, девка. – Она слышала, как он сопит, слюнявит, треплет ее ягодицы. – Дедушка уже немолод, не сразу, помаленьку... Но не пугайся. Дедушка сделает, что требуется, хе-хе! А потом Дедушка перекусит, хе-хе, перекусит сытненько...

Он осекся, зарычал и завизжал.

Чувствуя, что хватка ослабевает, Цири дернулась, вырвалась и вскочила, словно распрямляющаяся пружина. И увидела, что произошло.

Кэльпи, подкравшись тихарем, схватила Старичка-Лесовичка зубами за косичку на затылке и почти подняла в воздух. Старик выл и визжал, дергался, размахивал и дрыгал ногами, наконец сумел-таки вырваться, оставив в зубах кобылы длинный седой клочок волос. Вознамерился было схватить свою клюку, но Цири пинком выбила ее за пределы досягаемости. Вторым пинком она собралась угостить его в соответствующее место, но движения сдерживали брюки, стянутые до середины бедер. Время, ушедшее на то, чтобы их подтянуть, Лесовик использовал превосходно. Он несколькими прыжками подскочил к пеньку, вырвал топор, взмахом отогнал все еще не успокоившуюся Кэльпи, зарычал, выставил вперед страшные зубищи и кинулся на Цири, воздевая оружие для удара.

– Я оттрахаю тебя, девка, – дико завыл он. – Даже если мне вначале придется разрубить тебя на кусочки! Деду – все едино: целиком или по порциям!

Она думала, что справится с ним запросто. В конце концов, это был всего лишь старый, дряхлый старикан. О, не тут-то было!

Несмотря на чудовищной величины лапти, он крутился волчком, скакал не хуже кролика, а топором с гнутым топорщищем размахивал с ловкостью рубщика. После того как темное наточенное острие несколько раз чуть не скользнуло по ней, Цири поняла, что единственное ее спасение – бегство.

Но спасло ее не бегство, а стечение обстоятельств. Пятясь, она задела ногой свой меч. И мгновенно подняла его.

– Брось топор, – выдохнула она, с шипением вытаскивая Ласточку из ножен. – Брось топор на землю, паршивый старикашка. Тогда, может, я подарю тебе жизнью. И не рассеку на... порции.

Он остановился. Сопел, хрипел, борода у него была безобразно оплевана. Однако оружия не бросил. Она видела, как он перебирает пальцами топорщище. Видела в его глазах дикую ярость.

– Ну! – Она закрутила мечом. – Подсласти мне день...

Мгновение он глядел на нее, словно не понимая, потом выставил зубы напоказ, вытаращил глаза, зарычал и кинулся на нее. Цири надоели шутки. Она ушла от удара быстрым полуборотом и резанула снизу по обеим поднятым рукам повыше локтей. Дед выпустил топор из брызжущих кровью рук, но тут же прыгнул на нее снова, целясь растопыренными пальцами в глаза. Она отскочила и коротко хлестнула его по шее. Больше из жалости, чем по необходимости: с перерезанными венами на обеих руках он и без того неизбежно изошел бы кровью.

Он лежал, невероятно тяжело расставаясь с жизнью, несмотря на разрубленные позвонки, продолжая извиваться, как червь. Цири встала над ним. Остатки песка все еще скрежетали у нее на зубах. Она выплюнула их прямо ему на спину. Прежде чем кончила отплеиваться, он умер.

Странная конструкция перед хатой, напоминавшая виселицу с перекладиной, была снабжена железными крючьями и талями. Стол и пенек были скользкими, липли к рукам от жира, противно пахли.

Походило на бойню.

На кухне Цири нашла котел с остатками хваленой перловой каши, обильно сдобренной жиром и полной кусочков мяса и грибов. Она была очень голодна, но что-то заставило ее воздержаться, не есть. Она только выпила воды из кувшина, сжевала маленькое сморщенное яблоко.

За халупой оказался ледник со ступенями, глубокий и холодный. Там стояли горшки с жиром. Под потолком висело мясо. Остатки половины тушки.

Она выскочила из ледника, спотыкаясь на ступеньках так, словно за ней гнались демоны. Повалилась в крапиву, вскочила, нетвердыми шагами добежала до халупы, обеими руками ухватила за одну из подпирающих стену жердей. Хотя желудок у нее был почти совершенно пуст, ее рвало очень бурно и очень долго.

Висевшие в леднике остатки полутушки некогда были телом ребенка.

Идя на запах, она нашла в лесу заполненную водой и тиной яму, в которую заботливый Старичок-Лесовичок выбрасывал отходы и то, что не удавалось съесть. Глядя на выступающие из тины черепа, ребра и тазобедренные кости, Цири с ужасом поняла, что в живых осталась исключительно благодаря любвеобильности страшного старца и тому, что Лесовику приспичило пошалить. Если б голод оказался сильнее похоти, он предательски ударил бы ее топором, а не клюкой. Потом подвесил бы за ноги к деревянной перекладине, выпотрошил, снял кожу, разложил на столе, разделал и порубил на пенечке... на порции.

Хоть от головокружения она едва держалась на ногах, а левая рука распухла и страшно болела, Цири все же нашла в себе силы оттащить трупик и столкнуть его в вонючую тину, туда, где уже лежали кости жертв. Потом вернулась, завалила ветками и лесным подстилом вход в ледник, обложила хворостом жерди, поддерживающие халупу, столбы и всю дедову провизию, затем все тщательно подпалила с четырех сторон.

Вздохнула только тогда, когда занялось как следует, а огонь разбушевался и разгулялся на славу. Когда уже стало ясно, что никакой кратковременный дождь не помешает стереть следы этого места.

С рукой было не так уж плохо. Правда, она опухла, болела, но ни одна кость вроде не была сломана.

Когда наступил вечер, на небе действительно взошла луна. Одна. Но Цири как-то удивительно не хотелось признавать этот мир своим.

И торчать в нем дольше, чем требуется. * * *

– Сегодня, – промурлыкала Нимуэ, – будет хорошая ночь. Я это чувствую.

Кондвирамурса вздохнула.

Горизонт пылал золотом и пурпуром. Пурпурно-золотая полоса протянулась на водах озера от горизонта до острова.

Они сидели на террасе, в креслах, позади было зеркало в раме красного дерева и гобелен, изображающий притулившийся к каменной стене замок, что глядится в воды горного озера.

«Который уже это вечер, – подумала Кондвирамурса, – который уже вечер мы сидим вот так, до самой темноты и позже тоже, в темноте? Безрезультатно. Только болтая».

Похолодало. Чародейка и адептка укрылись шубами. С озера доносился скрип уключин, но

лодки Короля-Рыбака видно не было, она терялась в слепящем зареве заката.

– Мне довольно часто снится, – вернулась Кондвирамурса к прерванной беседе, – что я в ледовой пустыне, в которой нет ничего, только белизна снега и навалы искрящегося на солнце льда. До самого горизонта – ничего, только снег и лед. И тишина. Тишина, звенящая в ушах. Противоестественная тишина. Тишина смерти.

Нимуэ кивнула, словно показывая, что знает, о чем речь. Но ничего не сказала.

– И вдруг, – продолжала адептка, – вдруг мне начинает казаться, будто я что-то слышу, чувствую, как лед дрожит у меня под ногами. Опускаюсь на колени, разгребаю снег. Под снегом лед, прозрачный как стекло, как на чистых горных озерах, когда камни на дне и плавающие рыбы видны сквозь саженную толщу воды. Я в моем сне тоже вижу. Хотя толщина ледяного слоя десятки, может, и сотни саженей, но это не мешает мне видеть... И слышать... Людей, взывающих о помощи. Там, внизу, глубоко подо льдом... лежит замерзший мир.

Нимуэ смолчала и на этот раз.

– Конечно, я знаю, – продолжала адептка, – в чем источник этого сна. Пророчество Итлины. Знаменитый Час Белого Хлада и Век Волчьей Пурги. Мир, умирающий среди снегов и льдов, чтобы, как гласит пророчество, через много веков возродиться вновь. Чище и лучше.

– В то, – сухо сказала Нимуэ, – что мир возродится, я глубоко верю. В то, что будет лучше, – не очень.

– Не поняла.

– Ты слышала, что я сказала.

– И не ослышалась? Нимуэ, Белый Хлад предсказывали уже неоднократно, и всякий раз, когда наступала холодная зима, говорили, что вот-де он, хлад-то этот, и пришел. Сегодня даже дети не верят, что зима, какая она ни будь, может угрожать миру.

– Это ж надо! Дети не верят, а я, представь себе, верю.

– Исходя из каких-то рациональных соображений? – с легкой иронией спросила Кондвирамурса. – Или исключительно из мистической веры в безошибочность эльфьих пророчеств?

Нимуэ долго молчала, пощипывая мех шубы.

– Земля, – начала она наконец слегка менторским тоном, – имеет форму шара и вращается вокруг Солнца. С этим ты согласна? Или, может, тоже входишь в какую-нибудь модную секту, утверждающую нечто противоположное?

– Нет. Не вхожу. Я признаю гелиоцентризм и согласна с теорией шарообразности Земли.

– Прекрасно. Полагаю, ты согласишься с тем, что ось вращения земного шара наклонена, а Земля вокруг Солнца движется не по правильной окружности, а по эллипсу?

– Я это учила. Но я не астроном, поэтому...

– Не надо быть астрономом, достаточно мыслить логически. Поскольку Земля обегает Солнце по эллиптической орбите, постольку в своем движении она оказывается то ближе, то дальше от Солнца. Чем больше Земля удаляется от центрального светила, тем – я думаю, это логично, – на ней делается холоднее. А чем меньше ось вращения Земли отклонена от

вертикали, тем меньше света достается Северному полушарию.

– Тоже логично.

– Оба эти фактора, то есть эллиптичность орбиты и степень наклона оси мира, подвержены изменениям. Считают, что изменения эти цикличны. Эллипс может то больше, то меньше отличаться от окружности, ось мира может наклоняться то менее, то более. Экстремальные условия, если говорить о климате, вызывает одновременное проявление этих факторов: максимального растяжения эллипса и минимального отклонения оси от вертикали. Оббегающая Солнце Земля получит в афелии очень мало света и тепла, а ситуация в полярных районах усугубится еще и неудачным наклоном оси.

– Ясно.

– Меньше света на Северном полушарии – значит более продолжительное залегание снегов. Белый и блестящий снег отражает солнечные лучи, температура опускается еще ниже. Благодаря этому снег сохраняется еще дольше, на все больших площадях не тает вообще либо растаивает на очень недолгое время. Чем больше снега вообще, тем больше не растаявшего, в частности, тем большую площадь занимает белая и блестящая отражающая поверхность.

– Поняла.

– Снег идет, идет, идет, и его все больше. Заметь, вместе с морскими течениями с юга поступают массы теплого воздуха, которые собираются над вымороженным Северным полушарием. Теплый воздух конденсируется и выпадает в виде снега. Чем больше разность температур, тем обильнее снегопады. Чем обильнее снегопады, тем больше белого, не тающего снега. Тем холоднее. Тем больше разность температур и обильнее конденсация влаги, содержащейся в воздушных массах.

– Поняла.

– Снежный покров становится настолько тяжелым, что превращается в спрессованный лед. Ледник. На который, как мы уже знаем, продолжает падать снег, тем самым еще больше уплотняя его. Ледник растет, он становится не только толще, но и разрастается вширь, покрывая все большие территории. Белые пространства...

– ...отражают солнечные лучи, – кивнула Кондвирамурса. – Холодно, холоднее, еще холоднее, совсем холодно. Белый Хлад, напророченный Итлиной. Но возможен ли катаклизм? Действительно ли есть опасность того, что лед, который лежит на севере всегда, начнет вдруг двигаться к югу, сдвинет, спрессует и прикроет все? С какой скоростью разрастается ледяная шапка на полюсе? На сколько дюймов ежегодно?

– Возможно, тебе известно, – сказала Нимуэ, глядя на озеро, – что единственный незамерзающий порт в Заливе Праксены – это Понт Ванис?

– Известно.

– Ну так пополни знания: сто лет тому назад не замерзал ни один из портов Залива. Сто лет назад – тому есть многочисленные свидетельства – в Тальгаре созревали огурцы и тыквы, в Каингорне выращивали подсолнечник и люпин. Сейчас не выращивают, ибо вегетация названных овощей и растений невозможна, там просто-напросто холодно. А знаешь ли ты, что в Каэдвене были виноградники? Вина из тамошнего винограда, правда, были не из самых лучших, о чем говорят их невысокие цены, известные по сохранившимся документам. Но все равно их воспевали каэдвенские поэты. Сегодня в Каэдвене виноград не растет вообще. Потому что теперешние зимы в отличие от прежних стали гораздо холоднее, а сильный холод

убивает виноградную лозу. Не то что замедляет вегетацию, а просто-напросто убивает. Уничтожает.

– Понимаю.

– Да, – задумалась Нимуэ. – Что еще добавить? Разве то, что снег выпадает в Тальгаре в середине ноября и передвигается к югу со скоростью свыше пятидесяти миль в сутки? Что в конце декабря – начале января метели случаются над Альбой, где еще сто лет назад снег был сенсацией? А то, что снега тают, а озера вскрываются у нас в апреле, знает каждый ребенок! И каждый ребенок удивляется, почему же в таком случае этот месяц именуется в народе «месяцем цветов», то есть «цветнем»? Тебя это не удивляет?

– Не очень, – призналась Кондвирамурса. – К тому же у нас, в Виковаро, говорят не «цветень», а «лжецвет», или, по-эльфьему, «бирке». Но я понимаю, о чем ты. Название месяца пришло к нам из древних времен, когда в цветне-апреле действительно все цвело...

– Эти «древние» времена – всего сто, сто двадцать лет. Почти вчера, девушка. Итлина была абсолютно права. Ее предсказание исполняется. Мир погибнет под слоем льда. Цивилизация погибнет по вине Разрушительницы, которая могла, имела возможность открыть путь спасения. Как известно из легенды, она этого не сделала.

– По причинам, о которых легенда умалчивает. Либо поясняет с помощью туманного и наивного моралитета.

– Правда. Но факт остается фактом. Белый Хлад – это факт. Цивилизация Северного полушария обречена на гибель. Она погибнет под льдом разрастающегося ледника, под слоем вечной мерзлоты и льдом. Однако паниковать не следует, потому что впереди у нас еще есть немного времени.

Солнце полностью скрылось, с поверхности озера слетел слепящий отблеск, и на воду легла дорожка более мягкого, не режущего глаз света. Над башней Inis Vitre возшла луна, яркая, как перерубленный пополам золотой талер.

– И долго? – спросила Кондвирамурса. – И долго, по-твоему, это протянется? То есть сколько в нашем распоряжении времени?

– Много.

– Сколько, Нимуэ?

– Каких-нибудь три тысячи лет.

На озере Король-Рыбак шлепнул по воде веслом и выругался.

Кондвирамурса громко вздохнула.

– Ты малость успокоила меня, – сказала она, помолчав. – Но лишь самую малость.

Следующее место оказалось одним из противнейших, какие Цири посетила, и, бесспорно, вошло в первую десятку, причем в начало десятки.

Это был порт, портовый канал. Она видела лодки и галеры у причалов и свай, видела лес мачт, видела паруса, тяжело обвисшие в неподвижном воздухе. Кругом ползал и клубился дым. Дым вонючий.

Он вырывался из-за покосившихся развалюх, приткнувшихся у канала. Оттуда доносился громкий, захлебывающийся плач ребенка.

Кэльпи захрапела, сильно дернула мордой, попятилась, звеня копытами по мостовой. Цири глянула вниз и увидела дохлых крыс. Они валялись повсюду. Мертвые, скрученные в муках грызуны с бледными розовыми лапками.

«Что-то тут не так, – подумала Цири, чувствуя, как ее охватывает ужас. – Что-то тут не так. Бежать отсюда. Бежать как можно скорее!»

Под обвешанным сетями и веревками столбом сидел мужчина в разорванной рубаше и склоненной к плечу головой. В нескольких шагах от него лежал второй. Не похоже было, чтобы они спали. Даже не дрогнули, когда подковы Кэльпи зацокали по камням совсем рядом с ними. Цири наклонила голову, проезжая под свисающими с веревок лохмами, выделяющими терпкую вонь.

На дверях одной из лачуг красовался крест, начерченный мелом или белой краской. Из-под крыши вырывался черный дым. Ребенок продолжал плакать, вдали кто-то кричал, кто-то поблизости кашлял и хрипел. Выла собака.

Цири почувствовала, как по руке что-то ползает. Взглянула. Рука, словно тмином, была усеяна черными запятыми блох.

Цири взвизгнула во весь голос. Сотрясаясь от ужаса и отвращения, начала отряхиваться и резко размахивать руками. Испуганная Кэльпи рванулась с места в галоп. Цири чуть не свалилась. Сжимая бока кобылы бедрами, она обеими руками прочесывала и трепала волосы, отряхивала курточку и рубашку. Кэльпи галопом влетела в затянутое дымом улочку. Цири вскрикнула от ужаса.

Она ехала сквозь ад, сквозь преисподнюю, сквозь наикошмарнейший из кошмаров. Между домами, помеченными белыми крестами. Между тлеющими кучами тряпья. Между мертвыми, лежащими поодиночке, и теми, что лежали кучами, один на другом. И между живыми – оборванными полуголыми привидениями с запавшими от боли щеками, ползающими в дерьме, кричащими на языке, которого она не понимала, протягивающими к ней исхудавшие, покрытые ужасными кровавыми коростами руки.

Бежать! Бежать отсюда!

Даже в черном небытии архипелага мест и времен Цири еще долго чувствовала тот дым и смрад.

Следующее место тоже было портом. Здесь тоже были сваи, был укрепленный бревнами канал, на канале коги, баркасы, шхуны, лодки, а над ними лес мачт. Но здесь, в этом месте, над мачтами весело покрикивали чайки, а пахло знакомо и привычно: мокрым деревом, смолой, морем и рыбой во всех трех основных вариантах: свежей, несвежей и копченой.

На палубах ближайшей коги ругались двое мужчин, стараясь перекричать друг друга возбужденными голосами. Она понимала, что они говорят. Речь шла о цене на сельдь.

Неподалеку была таверна, из ее раскрытых дверей вырывалась затхлая вонь и запах пива, слышались голоса, звон, смех. Кто-то орал гнусную песенку, все время одну и ту же строфу.

Luned, v'ard t'elaine arse

Aen a meath a'il aen sparse!

Она поняла, где оказалась. Еще прежде, чем прочла на корме название одного их галеасов: «Evall Muire» и порт приписки: «Bassala». Да, она знала, куда попала.

В Нильфгаард.

Она сбежала раньше, чем кто-либо обратил на нее особое внимание.

Однако, прежде чем успела нырнуть в ничто, блоха – последняя из тех, что ползали по ней в предыдущем месте и которая пережила путешествие во времени и пространстве, притаившись в складках курточки, – длинным прыжком соскочила на портовую сваю.

В тот же вечер блоха поселилась в вылинявшей шерсти крысы, старого самца, ветерана множества крысиных битв, о чем свидетельствовало откушенное у самого черепа ухо. В тот же вечер блоха и крыса прошли на корабль. А уже на следующее утро отправились в рейс. На холке[91], старом, запущенном и донельзя грязном.

Холк назывался «Катриона». Этому названию суждено было войти в историю. Но тогда об этом никто еще не знал.

Следующее место – хоть действительно трудно было в это поверить – поразило Цири картиной воистину идиллической. Над спокойной ленивой рекой, несущей воды меж склонившимися над нею ивами, ольхами и дубами, совсем рядышком с мостом, стягивающим берега изящной каменной дугой, среди мальв стоял покрытый камышами трактир, увитый диким виноградом. Над крыльцом покачивалась вывеска с золочеными буквами. Буквами, совершенно незнакомыми Цири. Но на вывеске красовалось вполне удачное изображение кошки, поэтому она предположила, что трактир называется «У черной кошки».

Струившийся из трактира аромат еды притягивал как магнит. Цири не стала раздумывать. Поправила меч на спине и вошла.

Внутри было пусто, только за одним столом сидели трое мужчин. Деревенские на вид. На нее они даже не взглянули. Цири присела в углу, спиной к стене.

Трактирщица, полная женщина в чистейшем фартуке и рогатом чепце, подошла и спросила о чем-то. Ее голос звучал непривычно звонко, но мелодично. Цири указала пальцем на раскрытый рот, пошлепала себя по животу, затем срезала с курточки одну из серебряных пуговиц и положила на стол. Видя удивленный взгляд, она взялась было за вторую пуговицу, но женщина удержала ее движением руки и слегка шипящими, но приятно звучащими словами.

Эквивалентом пуговицы оказалась миска густой овсяной похлебки, глиняный горшочек фасоли с копченой грудинкой, хлеб и кувшин разбавленного вина. Проглотив первую ложку, Цири подумала, что, пожалуй, расплатится. Но сдержалась. Ела медленно. Наслаждаясь едой.

Трактирщица подошла, вопросительно зазвенела, приложив щеку к сложенным ладоням. Останется ли гостья на ночь?

– Не знаю, – сказала Цири. – Возможно. Во всяком случае, благодарю за предложение.

Женщина улыбнулась и ушла на кухню.

Цири расстегнула пояс, откинулась спиной к стене. Задумалась, что делать дальше. Место – особенно по сравнению с несколькими предыдущими – было приятным, вызывало желание остаться подольше. Однако она знала, что излишняя доверчивость может оказаться опасной, а неосторожность – губительной.

Черная кошка, точно такая, как на вывеске трактира, явилась неведомо откуда, потерялась о ее щиколотку, выгибая спинку. Цири погладила ее, кошка слегка ткнулась головкой в ее руку, села и принялась вылизывать шкурку на груди. Цири глядела.

Она видела Ярре, сидевшего у костра в кругу каких-то неприятных на вид оборванцев. Все грызли что-то, что напоминало куски древесного угля.

– Ярре?

– Так надо, – сказал юноша, глядя в пламя костра. – Я читал об этом в «Истории войн», произведении маршала Пеллигрима. Так надо, когда родина в опасности.

– Что надо? Уголь грызть?

– Да. Именно так. Родина-Мать зовет. А частично из личных побуждений.

– Цири, не спи в седле, – говорит Йеннифэр. – Мы подъезжаем.

На домах города, к которому они подъезжают, на всех дверях и воротах видны большие кресты, нарисованные мелом или белой краской. Клубится плотный и вонючий дым, дым от костров, на которых жгут трупы. Йеннифэр, кажется, этого не замечает.

– Мне надо сделать себя красивее.

Перед ее лицом, над ушами лошади, висит зеркальце. Гребень танцует в воздухе, расчесывает черные локоны. Йеннифэр действует только чарами, совсем не пользуется руками, потому что...

Потому что ее руки – месиво застывшей крови.

– Мамочка! Что они с тобой сделали?

– Поднимись, девочка, – говорит Койон. – Пересиль боль и поднимись на гребень! Иначе ты станешь трусить. Ты хочешь до конца жизни умирать от страха?

Его желтые глаза нехорошо горят. Он зевает. Его острые зубки блещут белизной. Это вовсе не Койон. Это кошка. Черная кошка...

Шагает многомильная колонна солдат, над ними колышется лес пик, развевается море хоругвей. Ярре тоже идет, на голове у него круглый шлем, на плече пика, такая длинная, что ему приходится крепко держать ее обеими руками, иначе она его перевернет. Грохочут бубны, вопят дудки, гудит солдатское пение. Над колонной носятся и каркают вороны. Множество ворон...

Берег озера, на пляже шапки взбитой пены, выброшенные и сгнившие камыши. На озере остров. Башня. Зубчатый, топорщащийся наростами навесных бойниц донжон. Над башней темно-синее вечернее небо, светит луна – блестящий, перерубленный пополам золотой талер. На террасе в креслах две женщины, закутанные в шубы. Мужчина в лодке...

Зеркала и гобелен.

Цири поднимает голову. Напротив нее за столом сидит Эредин Бреакк Глас.

– Ты не можешь не знать, – говорит он, показывая в улыбке ровные зубы, – что только оттягиваешь неизбежное. Ты – наша, и мы достанем тебя.

– Аккурат!

– Ты вернешься к нам. Немного поболтаешься по местам и временам, потом натолкнешься на Спираль, а на Спирали мы тебя достанем. В свой мир и свое время ты уже не возвратишься никогда. Впрочем, и поздно уже. Тебе просто не к кому возвращаться. Люди, которых ты знала, давно умерли, их могилы поросли бурьяном и провалились. Их имена забыты. Твое, впрочем, тоже.

– Лжешь! Не верю!

– Веришь – не веришь, дело твое. Повторяю: вскоре ты наткнешься на Спираль, а я уже буду там ждать. Ведь ты втайне этого желаешь, *me elaine luned*.

– Ты не иначе как бредишь!

– Мы, *Aen Elle*, чувствуем такие вещи. Ты была мною увлечена, ты хотела меня и боялась своего желания. Ты хотела меня и продолжаешь хотеть, *Зиреазль!* Меня. Моих рук. Моего прикосновения...

Когда он прикоснулся, она резко вскочила, перевернула кубок – к счастью, пустой. Хотела схватиться за меч, но тут же успокоилась. Она сидела в трактире «У черной кошки» и, видимо, уснула, задремала за столом. Рука, коснувшаяся ее волос, была рукой полной хозяйки. Цири терпеть не могла таких фамильярностей, но женщина прямо-таки излучала расположение и доброту, за которые нельзя было отплатить грубостью. Цири позволила гладить себя по голове, улыбаясь, слушала мелодичную, позванивающую речь. Она была утомлена.

– Мне надо ехать, – сказала она наконец.

Женщина улыбнулась, певуче зазвенела. «Как получается, – подумала Цири, – что во всех мирах, местах и временах, на всех языках и наречиях единственно это слово всегда звучит понятно? И всегда похоже?»

– Да, к маме. Моя мама ждет меня.

Трактирщица проводила ее во двор. Прежде чем Цири оказалась в седле, женщина вдруг крепко обняла ее, прижала к пышному бюсту.

– До свидания. Благодарю за прием. Вперед, Кэльпи!

Она направилась прямо на дугообразный мост над спокойной рекой. Когда подковы кобылы зазвенели по камням, она оглянулась. Женщина все еще стояла перед трактиром.

Концентрация. Кулаки к вискам. В ушах шум, как изнутри морской раковины. И неожиданно мягкое и черное ничто.

– *Bonne Chance, ma fille!*[92] – крикнула ей вслед Тереза Ляпен, трактирщица из постоянного двора «*Au chat noir*»[93] в Пон-сюр-Жонн у тракта, ведущего из Мелуна в Оксерр. – Удачи в пути!

Концентрация, кулаки у висков. В ушах шум, словно изнутри морской раковины. Вспышка. И неожиданно мягкое и черное ничто.

Место. Озеро. Остров. Башня. Луна, словно талер, перерубленный пополам, его блеск отражается в воде светлой дорожкой. На дорожке лодка, в лодке мужчина с удочкой...

На террасе... Две женщины?

Кондвирамурса не выдержала, взволнованно крикнула и тут же прикрыла рот рукой.

Король-Рыбак с плеском упустил якорь, ворчливо выругался, потом раскрыл рот, да так и замер. Нимуэ даже не дрогнула.

Прочерченная лунной дорожкой гладь озера задрожала и покрылась рябью, как под ударом ветра. Ночной воздух над зеркалом вод лопнул – так лопается разбитый витраж. Из трещины появилась вороная лошадь. На ней – всадница.

Нимуэ спокойно протянула руку, произнесла заклинание. Висящий на стояке гобелен неожиданно разгорелся, расцвел феерией разноцветных огоньков. Огоньки отразились в овале зеркала, заплясали, заklubились в стекле, как цветные пчелы, и неожиданно выплыли радужным призраком, расширяющейся лентой, от которой стало светло как днем.

Вороная кобыла поднялась на дыбы, дико заржала. Нимуэ резко развела руки, выкрикнула формулу. Кондвирамурса, видя возникающее в воздухе и увеличивающееся изображение, сконцентрировалась сильнее. Изображение тут же набрало резкость. Вырисовался портал. Ворота, за которыми возникло...

...плоскогорье, усеянное остатками кораблей. Замок, приникший к острым скалам обрыва и возвышающийся над черным зеркалом горного озера...

– Сюда! – пронзительно крикнула Нимуэ. – Вот дорога, по которой ты должна идти! Цири, дочь Павеиты! Войди в портал, ступай путем, ведущим на встречу с Предназначением! Да замкнется кольцо времен! Да погрузит змей Уроборос зубы свои в хвост свой!

– Прекрати блуждания! Спеша, спеша на помощь близким! Это верный путь, ведьмачка!

Кобыла заржала снова, снова принялась месить копытами воздух. Девушка в седле крутила головой, глядя то на Нимуэ, то на изображение, порожденное гобеленом и зеркалом. Откинула волосы, и Кондвирамурса увидела у нее на щеке безобразный шрам.

– Доверься мне, Цири! – крикнула Нимуэ. – Ведь ты меня знаешь! Ты уже однажды видела меня!

– Я помню, – услышала она. – Верю. Благодарю.

Они видели, как подстегнутая поводьями кобыла легким танцующим шагом вбежала в свет портала. Прежде чем изображение затуманилось и расплылось, они увидели, как пепельноволосая девушка машет им рукой, обернувшись в седле.

Потом все исчезло. Поверхность озера успокоилась, разгладилась лунная дорожка.

Было так тихо, что казалось, будто они слышат хриплое дыхание Короля-Рыбака.

Сдерживая наворачивающиеся слезы, Кондвирамурса крепко обняла Нимуэ. Она чувствовала, как дрожит миниатюрная чародейка. Так, обнявшись, они сидели какое-то время. Молчали. Потом обе повернулись туда, где исчезли Врата Миров.

– Удачи тебе, ведьмачка! – воскликнули они в унисон. – Удачи тебе на пути!

Глава восьмая

Неподалеку от того луга, места той жестокой сечи, в коей, почитай, вся сила Севера сошлась со всей мощью нильфгаардской, стояли ранее два рыбацких поселения: Старые Жопки и

Бренна. Однако ж поелику к тому часу Бренна была уже пожжена дотла, то говорили поначалу о Битве под Старыми Жопками. Теперь же говорят не иначе как «Битва под Бренной», и тому есть две причины. *Primo*, отстроенная Бренна стала ноне большим и цветущим поселением, а Старые Жопки многие лета не заселялись и след по ним простыл, зарос крапивой, пыреем и лопухами. *Secundo*, как-то не личило такое название великим достопамятным и трагическим боям. Да и верно, как же так: баталия, в которой тридесять с лишком тысяч бойцов полегло, – и вдруг мало что Жопки, так еще и Старые?

Так и вышло, что во всей исторической и военной литературе принято стало писать о Битве под Бренной, как у нас, так и в нильфгаардских источниках, коих, к слову сказать, гораздо боле, чем нежели наших. Достопочтенный Ярре-старший из Элландера *Annales seu Cronicae Incliti Regni Temeriae*

– Кадет Фиц-Остерлен – оценка неудовлетворительная. Садитесь. Хочу обратить ваше внимание, господин кадет, на то, что отсутствие знаний о знаменитых и важных битвах в истории своей родины в принципе недостойно любого патриота и доброго гражданина, а для будущего офицера – попросту скандально! Позволю себе сделать еще одно небольшое замечание. За все двенадцать лет, кои я преподаю в этом училище, я не припомню ни одного экзамена на офицерское звание, на котором не был бы задан вопрос о Битве под Бренной. Посему невежество в этом вопросе практически перечеркивает шансы на карьеру в армии. Впрочем, коли вы барон, так вам вовсе не обязательно быть офицером: можно испробовать свои силы в политике. Либо дипломатии. Чего от всей души вам и желаю, кадет Фиц-Остерлен. А мы, господа, возвратимся под Бренну. Кадет Путткаммер!

– Я!

– Подойдите к карте. Продолжайте. С того места, на котором господина барона покинуло красноречие.

– Слушаюсь! Причиной, заставившей фельдмаршала Мэнно Коегоорна произвести маневр и совершить ускоренный бросок на запад, были доклады разведки, сообщившей, что армия нордлингов идет на выручку блокированной крепости Майена. Маршал решил перекрыть нордлингам путь и принудить их к решающему бою. Для этого он разделил силы группы армий «Центр». Часть оставил под Майеной, с остальными силами двинулся быстрым маршем.

– Кадет Путткаммер! Вы не писатель-беллетрист! Вы – будущий офицер! Что за определение «остальные силы»? Прошу дать точный *ordre de bataille*[94] ударной группой маршала Коегоорна. Используя военную терминологию.

– Слушаюсь, господин ротмистр! Под командой фельдмаршала Коегоорна стояли две армии: Четвертая конная армия под началом генерал-майора Маркуса Брайбана, патрона нашей школы...

– Прекрасно, кадет Путткаммер.

– Подлиза сраный, – прошипел со своей парты кадет Фиц-Остерлен.

– ...а также Третья армия под командованием генерал-лейтенанта Реца де Меллис-Стока. В состав Четвертой конной армии, насчитывавшей более двадцати тысяч солдат, входили дивизия «Венендаль», дивизия «Магна», дивизия «Фрундеберг», Вторая виковарская бригада, Седьмая даэрлянская бригада, а также бригады «Наузыкаа» и «Врихедд», а также... хмм... а также дивизия...

– Дивизия «Ард Феаинн», – бросила Джулия Абатемарко. – Если, разумеется, вы чего-нибудь не напутали. У них на прапоре точно было большое серебряное солнце?

– Так точно, полковник! – твердо ответил командир разведки. – Несомненно, было.

– «Ард Феаинн», – проворчала Сладкая Ветреница. – Хммм... любопытно. Получается, что в трех маршевых колоннах, которые вы якобы видели, на нас идет не только вся Конная, но и часть Третьей. Нет! На слово не поверю! Необходимо увидеть собственными глазами. Ротмистр, на время моего отсутствия бандерой[95] командуете вы. Приказываю послать связного к полковнику Пангратту...

– Но, полковник, умно ли, лично...

– Выполняйте!

– Слушаюсь!

– Это большой риск, полковник! – перекричал командир разведки гул копыт идущих галопом лошадей. – Можно налететь на разъезд...

– Не болтай. Веди!

Отряд промчался вниз по теснине, вихрем пронесся по долине речки, влетел в лес. Здесь пришлось притормозить. Движение затрудняли плотно растущие деревья, кроме того, они действительно могли случайно наткнуться на разведывательные разъезды либо передовое охранение, несомненно, высланные нильфгаардцами. Правда, разведка кондотьеров заходила неприятелю с фланга, не с фронта, но фланги наверняка тоже были защищены. Так что операция выглядела чертовски рискованной. Но Сладкая Ветреница любила такие спектакли. И во всей вольной компании не нашлось бы солдата, который не пошел бы за ней. Даже в ад.

– Здесь, – сказал командир разведки. – Вот эта башня.

Джулия Абатемарко покрутила головой. Башня была кривая, разрушенная, оцетинившаяся сломанными балками, ажурная от проломов и дыр, в которых западный ветер играл, как на свирели. Неизвестно, кто и зачем построил на безлюдье эту башню. Но что построил давно, было известно.

– Эта хреновина не обрушится под нами?

– Наверняка нет, полковник.

В вольной компании кондотьеры обращались к начальству не по-господски, а только по званию.

Джулия быстро взобралась, почти взбежала на вершину башни. Командир разведки присоединился лишь через минуту, а уж сопел словно бугай, покрывающий корову. Опершись о кривой парапет, Сладкая Ветреница с помощью монокуляра осматривала долину, высунув язык и выпятив изящный задок. Видя это, командир разведки почувствовал, как его пробирает дрожь. Однако быстро успокоился.

– «Ард Феаинн», несомненно, – облизнулась Джулия Абатемарко. – Вижу также даэрлянцев Элана Трахе, есть там и эльфы из бригады «Врихедд», наши старые знакомцы из-под Марибора и Майены... Ага! Вот и черепа. Знаменитая бригада «Наузикаа»... Вижу и языки пламени на пропорцах дивизии латников «Деитвен»... И белую хоругвь с черным алерионом [96] – знаком дивизии «Альба»...

– Вы узнаете их, – буркнул в ответ командир разведки, – действительно, как старых знакомых...

– Я окончила военную академию, – отрезала Сладкая Ветреница. – Я – офицер и цензус[97]. Ладно, все, что хотела увидеть, я увидела. Возвращаемся в бандеру.

– На нас идут Четвертая конная и Третья, – сказала Джулия Абатемарко. – Повторяю, вся Четвертая конная и, пожалуй, вся кавалерия Третьей. За хоругвями, которые я видела, вздымается туча пыли. Там тремя колоннами идут, на мой взгляд, тысяч сорок конников. А может, больше. Может...

– Может быть, Коегоорн разделил группу армий «Центр», – докончил Адам «Адью» Пангратт, командир вольной компании. – Взял только Четвертую конную и конников из Третьей без пехоты, чтобы идти быстрее. Эй, Джулия, будь я на месте коннетабля Наталиса или короля Фольтесты...

– Знаю. – Глаза Сладкой Ветреницы вспыхнули. – Знаю, что бы ты сделал. Ты послал бы к ним гонцов?

– Конечно.

– Наталис – тертый калач. Возможно, завтра...

– Возможно, – не дал ей докончить «Адью». – И даже думаю, что будет. Подгони коня, Джулия. Хочу тебе кое-что показать.

Они быстро отъехали, значительно обогнав остальную часть войска. Солнце уже почти коснулось холмов на западе, леса и кустарники поймы перечеркивали долину длинными тенями. Но видно еще было достаточно хорошо, чтобы Сладкая Ветреница с ходу поняла, что хочет ей показать «Адью» Пангратт.

– Здесь, – подтвердил он ее догадку, поднимаясь на стремянах, – здесь я принял бы завтра бой. Если б командовал армией.

– Удачное место, – согласилась Джулия Абатемарко. – Ровно, твердо, гладко... Есть где построиться... Хммм... От тех вон холмов до тех вон прудов... Мили три будет... А лучшего места для командира, чем тот вон холм, и не придумаешь.

– Верно говоришь. А там, глянь, в середине, еще одно озерко или рыбный пруд, вон, который там блестит... Можно использовать... Речка тоже сгодится для рубежа, потому что и невелика, и болотиста... Как, Джулия, ее?.. Мы ведь там вчера проходили. Помнишь?

– Забыла. Вроде бы Хохля. Или как-то так...

Кто тамошнюю округу знает, тот свободно сможет представить себе все, что происходило, тем же, кои не столь хорошо со всем сим знакомы, поясню, что левое крыло королевского войска до того места доходило, где ноне поселение Бренна расположение имеет. Во времена же битвы никакого поселения там не было, потому как в позатом году эльфами-«белками» спалена она была до земли. Так вот там, именно что на левом крыле, стоял реданский королевский корпус, коим граф Руйтер руководил. А было в оном корпусе народу восемь тысяч в пехоте и коннице преотменной.

Середина королевской силы стояла как раз насупротив холма, коий после Шибеничным – Висельным, стало быть, –

поименовали. Там, на холму на том, стояли король Фольтест со свитою и коннетабль Ян

Наталис, на всю битву с высоты холма обозрение имевшие. Здесь главные силы войска нашего сгруппированы были –

двенадцать тысяч доблестных темерских и реданских инфантеристов, в четыре огромных четверобочка уформованных, десятью хоругвями конницы охраняемых, стоявших аж до северного края пруда, местными жителями Золотым именуемого. Серединная группировка имела во второй линии резервную рать –

три тысячи вызимской и мариборской пехоты, коими воевода Бранибор верховодил.

От южного же края Золотого пруда по сам ряд садков рыбных и заворот речки Хотли на позиции в милю широтой стояло войска нашего крыло правое, состоящее из добровольческой рати махакамских краснолюдов, восьми хоругвей легкой кавалерии и бандеры знаменитой вольной кондотьерской компании. Команду над правым крылом держали кондотьер Адам Пангратт и краснолюд Барклай Эльс.

Насупротив, в миле почитай али двух, на поле голом, за лесом, построил нильфгаардское войско фельдмаршал Мэнно Коегоорн. Стоял там народ железный, аки стена черная, полк при полку, рота при роте, эскадрон при эскадроне, покуда хватал глаз конца им не было. А по лесу хоругев [98]

и пик вообразить себе можно было, что не токмо широкий, но и зело глубокий строй там устроен. Потому как было того войска сорок и шесть тысячей, о чем в то время мало кто ведал, и хорошо, потому как иначе у многих наших при видимости той нильфгаардской мощи сердце и защемило.

А даже и у нахрабрейших воинов сердца забились под латами, аки молоты кузнечные, ибо явно стало, что сечь, да к тому ж кровавая теперь тут почнется, и мало кому из тех, что в строях стоят, заход солнца дадено узреть будет.

Ярре, поддерживая сползающие с носа очки, еще раз прочитал написанное, вздохнул, потер лысину, затем взял губку, немного сжал ее и стер последнюю фразу.

Ветер шумел в листьях липы, звенели пчелы. Дети, как все дети мира, пытались перекричать друг дружку.

По ноге старика ударил летящий по траве мяч. Прежде чем он, неуклюжий и неловкий, успел наклониться, кто-то из его внучат пронесся, словно маленький волчонок, и, не останавливаясь, схватил мяч. Стол покачнулся. Ярре правой рукой удержал чернильницу, культей левой придержал листки бумаги.

Звенели тяжелые от золотых шариков акациевой пыльцы пчелы.

Ярре продолжил свой труд.

Утро было хмурым, но солнце пробивалось сквозь облака и со своей высоты явно о проходящих часах напоминало. Задул ветер, залопотали и зашумели пропорцы, словно многих птиц стая, что к полету вспархивает. А Нильфгаард как встал, так и стоял, аж все удивляться почали, почему бы это маршал Мэнно Коегоорн не дает своим войскам приказа выступить?

– Когда? – Мэнно Коегоорн оторвался от карт, окинул военачальников взглядом. – Когда, спрашиваете, я прикажу начинать?

Никто не отозвался. Мэнно поочередно взглянул на своих командиров. Самыми напряженными и встревоженными выглядели те, кому предстояло оставаться в резерве: Элан Трахе, командир Седьмой даэрлянской, и Кеес ван Ло из бригады «Наузикаа». Явно

нервничал также Удер де Вынгальт, адъютант маршала, у которого было меньше всех шансов принять активное участие в бою.

Те, кому предстояло ударить первыми, казались спокойными, более того – явно скучающими. Маркус Брайбан зевал. Генерал-лейтенант Рец де Меллис-Сток ковырял мизинцем в ухе, то и дело осматривая палец, словно и верно ожидал увидеть на нем что-то заслуживающее внимания. Оберштер[99] Рамон Тырконнель, молодой командир дивизии «Ард Феаинн», тихо посвистывал, уставившись в одному ему известную точку на горизонте. Оберштер Лиам аэп Муир Мосс из дивизии «Деитвен» листал свой неразлучный томик поэзии. Тибор Эггебрахт из дивизии тяжелых копейщиков «Альба» почесывал затылок концом хлыста.

– Атаку начнем, – сказал Коегоорн, – как только вернутся патрули. Меня беспокоят холмы на севере, господа офицеры. Прежде чем ударить, я должен знать, что там творится, за теми холмами.

Ламарр Флаут трусил. Трусил чудовищно, страх ползал у него по кишкам, ему казалось, что в утробе у него по меньшей мере дюжина скользких, покрытых вонючей слизью угрей яростно пытается отыскать лазейку, через которую можно было бы выбраться на волю. Час назад, когда патруль получил приказы и отправился на разведку, Флаут в глубине души надеялся, что утренний холод разгонит тревогу, что страх задушит рутину, отшлифованный ритуал, жесткий и суровый церемониал службы. Он ошибся. Теперь же, по прошествии часа и, пожалуй, пяти миль – далеко, опасно далеко от своих, глубоко, опасно глубоко на территории врага, близко, смертельно близко от неведомой опасности, – только теперь страх показал, на что он способен.

Они остановились на опушке пихтового леса, предусмотрительно не высываясь из-за растущих здесь больших можжевельников кустов. Перед ними, за полосой невысоких елочек, раскинулась широкая котловина. Туман стлался по верхушкам трав.

– Никого, – отметил Флаут. – Ни живой души. Возвращаемся. Мы уже, пожалуй, далековато зашли.

Вахмистр покосился на него. Далеко? Отъехали едва на милю. К тому же ползли, словно хромые черепахи.

– Стоило бы еще, – сказал он, – заглянуть за те холмы, господин лейтенант. Оттуда, думается мне, обзор будет получше. Далеко, на обе долины. Если кто туда тащится, мы не сможем его не заметить. Так как? Шмыгнем, господа? Тут всего парочка стае.

«Парочка стае, – подумал Флаут. – На открытой местности, будто на сковороде!» Угри извивались в животе, настойчиво искали выход из его внутренностей. Во всяком случае, один-то уж наверняка. Флаут определенно чувствовал, что угорь – на верном пути.

«Я слышал звон стремян. Фыркание лошади. Там, в сочной зелени, меж молодых пихточек на песчаном склоне. Что-то там пошевелилось. Чья-то фигура?

Нас окружают?»

По обозу ходил слух, что несколько дней назад кондотьеры из вольной компании напали из засады на разъезд бригады «Врихедд», взяли живым одного эльфа. Говорят, кастрировали его, вырвали язык, обрубили пальцы рук... А под конец выдавили глаза. Теперь-то, насмехались они, никаким манером ты не поиграешь со своей эльфьей подружкой. И даже не сможешь глянуть, как она забавляется с другими.

– Ну, господин лейтенант, – кашлянул вахмистр. – Сбегаем за холмы-то?

Ламарр Флаут сглотнул слюну.

– Нет, – сказал он. – Нельзя терять время. Мы убедились: здесь врага нет. Необходимо доложить командованию. Возвращаемся!

Мэнно Коегоорн выслушал рапорт, оторвал глаза от карты.

– По подразделениям! – приказал кратко. – Господин Брайбан, господин де Меллис-Сток. Наступать!

– Да здравствует император! – рявкнули Тырконнель и Эггебрахт.

Мэнно как-то странно посмотрел на них.

– По подразделениям, – повторил он. – Да осияет Великое Солнце вашу славу.

Мило Вандербек, низушек, полевой хирург, известный под прозвищем Русти-Рыжик, жадно втянул изумительную смесь запахов йода, нашатыря, спирта, эфира и магических эликсиров, заполнявших палатку. Он хотел насытиться этим ароматом – здоровым, чистым, невинным, незамутненным, незараженным и клинически стерильным – сейчас. Русти знал, что долго он таким не продержится.

Взглянул на операционный стол, девственно белый, и хирургические аксессуары – десятки инструментов, вызывающих уважение и доверие бесстрастным, грозным величием холодной стали, сияющей чистотой металла, порядком и эстетикой расположения.

При инструментах возился его персонал – три женщины. «Тьфу, – мысленно поправился Русти. – Одна женщина и две девушки. Тьфу еще раз: одна старая, хоть и прелестно выглядящая баба. И двое детей».

Магичка и знахарка по имени Марти Содергрэн, волонтерка Шани, студентка из Оксенфурта, Июля, жрица из храма Мелитэле в Элландере.

«Марти Содергрэн я знаю, – подумал Русти, – работал с этой красоткой не раз. Чутьочку нимфоманка со склонностью к истерии, но это не страшно, пока действует ее магия. Анестезирующие, дезинфицирующие и останавливающие кровотечение чары.

Июля. Жрица, вернее – адептка. Девушка с красотой бесхитростной и заурядной как льняное полотно, с большими, сильными крестьянскими руками. Храм позаботился о том, чтобы эти руки не калечила тяжкая и грязная изнурительная работа в поле. Но не смог скрыть происхождения девушки.

Нет, – подумал Русти, – за нее я в принципе не беспокоюсь. Это руки кметки – верные руки, им доверять можно. Кроме того, воспитанницы храма редко подводят, в моменты отчаяния не расслабляются, а ищут опоры в своей вере, в своей мистике. Интересно, что это им помогает».

Он взглянул на рыжеволосую Шани, ловко заправляющую в закривленные иголки хирургическую нить.

«Шани. Дитя зловонных городских закоулков, попавшее в Оксенфуртский университет благодаря собственной жажде знаний и невероятным самоограничениям родителей, оплачивающих ее учебу. Жак. Франтиха. Веселый шалопай. Что она умеет? Иглы заправлять? Накладывать жгуты? Держать крючки? М-да, вопрос. А что, если она свалится в обморок, упустит крючки и рухнет носом в распоротый живот оперируемого?

Люди такие нежные, – подумал он. – Ведь просил же я, чтобы мне дали эльфку. Или

кого-нибудь из моего народа. Так нет же. Видите ли, не доверяют.

Мне, впрочем, тоже не доверяют.

Я – низушек. Нелюдь.

Чужак!»

– Шани!

– Слушаю, господин Вандербек?

– Русти. То есть для тебя – господин Русти. Что это, Шани? И для чего оно?

– Экзаменуете, господин Русти?

– Отвечай, девушка.

– Это распатор. Для снятия надкостницы при ампутациях. Чтобы надкостница не лопалась под зубьями пилы, чтобы получить чистый и гладкий распил! Вы удовлетворены? Я угадала?

– Тише, девушка, тише.

Шани пятерней пригладила волосы.

«Интересно, – подумал он. – Нас здесь четверо медиков. И все рыжие! Фатум, что ли?»

– Прошу вас, девушки, – бросил он, – выйти из палатки.

Они вышли, хотя все три фыркнули себе под нос. Каждая по-своему.

Перед палаткой, пользуясь последними минутами сладкого безделья, сидела группа санитаров. Русти окинул их суровым взглядом, принялся проверять, не успели ли уже набраться.

Кузнец, огромный парнище, пыхтел около напоминающего пыточную скамью стола, упорядочивая инструменты для вылущивания раненых из лат, кольчуг и погнутых забрал шлемов.

– Там, – начал Русти без предисловий, указывая на поле, – вот-вот начнется бойня. И тут же появятся первые раненые. Все вы знаете, что делать, каждый знает свои обязанности и свое место. Если каждый будет делать то, что делать обязан, ничего плохого случиться не может. Ясно?

Ни одна из «девушек» не ответила.

– Там, – продолжал Русти, снова указывая на поле, – каких-то сто ерундовых тысяч солдат сейчас примутся калечить, уродовать и убивать друг дружку. Весьма изысканными методами. Нас, с учетом двух других госпиталей, двенадцать медиков. Мы ни за что на свете не сумеем помочь всем пострадавшим. Даже исчезающе малому проценту требующих нашей помощи. Да этого от нас даже и не ожидают. Но мы будем лечить! Ибо это, простите за банальность, суть нашего существования. Помогать страждущим. Так поможем – банально – стольким, скольким сможем помочь.

Никто опять не ответил. Русти повернулся.

– Мы не сумеем сделать больше, чем в состоянии сделать, – сказал он тише и теплее. – Но давайте постараемся все, чтобы того, что мы сделать не сможем, было по возможности

меньше.

– Двинулись, – сказал коннетабль Ян Наталис и вытер вспотевшую руку о бедро. – Ваше королевское величество, Нильфгаард двинулся. Они идут на нас!

Король Фольтест, сдерживая танцующего сивого коня в расшитой лилиями попоне, показал коннетаблю свой прекрасный, достойный красоваться на монетах профиль.

– Стало быть, надлежит принять их достойно. Милсдарь коннетабль! Господа офицеры!

– Смерть Черным! – в один голос рявкнули кондотьер Адам «Адью» Пангратт и граф де Руйтер.

Коннетабль глянул на них, потом выпрямился в седле и набрал воздуха в легкие:

– По хоругвям!

Вдали глухо гудели нильфгаардские литавры и барабаны, надрывались рожки, роги и боевые трубы. Земля, по которой разом ударили тысячи копыт, дрогнула.

– Сейчас, – проговорил Анди Бибервельд, низушек, старшина обоза, откидывая волосы с небольшого остроконечного ушка. – Вот-вот...

Тара Хильдебранд, Диди Хофмайер «Хмельник» и прочие ездовые, сбившиеся вокруг старшины, покивали головами. Они тоже слышали глухой монотонный топот копыт, долетавший из-за холмов и из-за леса. Слышали нарастающий, словно гудение шмелей, рев и глухой гул. Чувствовали, как дрожит земля.

Рев и гул резко усилились, подскочили на тон выше.

– Первый залп лучников. – У Анди Бибервельда был опыт, он видел, вернее, слышал не одну битву. – Будет и второй.

Он был прав.

– Теперь-то уж сойдутся!

– Л-луч-ч... ше з-за-залез-зем под в-возы, – предложил, беспокойно вертась, Вильям Хардботтом по прозвищу Заика, – г-говорю в-в-вам.

Бибервельд и остальные низушки поглядели на него с сочувствием. Под телеги? Зачем? От места боя их отделяла почти четверть мили. И даже если какой-нибудь разъезд заберется сюда, к обозу, разве спасет кого-нибудь сидение под телегой?

Рев и гул нарастали.

– Все, – сказал Анди Бибервельд.

И снова оказался прав.

С расстояния в четверть мили, из-за холмов и из-за леса, сквозь рев и лязг железа о железо до обозников долетел четкий, чудовищный, вздымающий волосы на голове звук.

– Кавалерия. – Бибервельд облизнул губы. – Кавалерия напоролась на пики...

– Т-т-т... только, – выдавил побледневший Заика, – н-н-не зна... в чем у них т-т-там л-л-лошади провинились... у к-к-курвиных д-детей!

Ярре неведомо уже который раз стер губкой написанную фразу. Прикрыл глаза, вспоминая тот день, тот миг, когда столкнулись две армии. Когда оба войска, словно разъяренные сторожевые псы, кинулись друг другу на горло, схватились в смертельной хватке.

Он искал слова, которыми можно было бы это описать.

Напрасно.

Клин конницы с разгона врезался в квадрат пехотинцев. Словно гигантский кинжал дивизия «Альба» крушила все, что защищало доступ к живому телу темерской пехоты – пики, копья, алебарды, дротики, рубели, щиты. Словно кинжал дивизия «Альба» врезалась в живое тело, и полилась кровь. Кровь, в которой теперь топтались и скользили кони. Но острие кинжала, хоть и врезавшееся глубоко, не коснулось ни сердца, ни какого-либо другого жизненно важного органа. Вместо того чтобы разорвать и разрезать на части темерский квадрат, клин дивизии «Альба» вошел в него и споткнулся. Увяз в эластичной и вязкой как смола толпе пешего люда.

Вначале это выглядело неопасно. Голова и фланги клина состояли из элитных тяжеловооруженных рот. Клинки и мечи ландскнехтов отскакивали от щитов и блях, как молоты от наковален, невозможно было добраться и до защищенных ладрами[100] лошадей. И хотя то один, то другой латник все же падал с коня (либо вместе с конем), мечи, топоры, чеканы и шестоперы кавалеристов укладывали напирających пехотинцев прямо-таки штабелями, и увязший было в пехоте клин дернулся и начал вбиваться глубже.

– «Альбааааа»! – Младший лейтенант Девлин аэп Меара услышал крик оберштера Эггебрахта, прорвавшийся сквозь рев, вой и ржание. – Вперед, «Альба»! Да здравствует император!

Конники рванулись, рубя, давя и полосуюя. Из-под копыт визжащих и хрипящих лошадей летели плеск, скрип и хруст.

– «Альбааааа»!

Клин завяз снова. Ландскнехты, хоть и прореженные и окровавленные, не поддались, нажали, стиснули конников тисками так, что затрещало. Под ударами алебард, бердышей и боевых цепов надломились и остановились латники первой линии. Поражаемые двурогами и пиками, стаскиваемые с седел крючьями гизарм и рогатин, безжалостно избиваемые железными кистенями и палицами кавалеристы дивизии «Альба» начали умирать. Врезавшийся в квадрат пехоты клин – еще недавно грозное, безжалостно калечащее железо, увязшее в живом организме, – теперь больше напоминал ледяную сосульку, зажатую в огромном крестьянском кулаке.

– Темерияаааа! За короля, ребята! Бей Черных!

Но ландскнехтам тоже было нелегко. «Альба» не давала себя разорвать, мечи и топоры вздымались и падали, рубили, кололи, резали, и каждого сваленного с седла конника пехота оплачивала немалой кровью.

Оберштер Эггебрахт, которого ткнули в щель между пластинами лат острым, тонким как шило наконечником пики, закричал, покачнувшись в седле. Прежде чем ему успели прийти на помощь, страшный удар боевого топора смёл его с коня. Пехота сомкнулась над ним.

Штандарт с черным алерионом с золотым перисониумом[101] на груди покачнувшись и упал. Латники, а среди них и младший лейтенант Девлин аэп Меара, кинулись в ту сторону, рубя, топча, вереща.

«Хотел бы я знать, – подумал Девлин аэп Меара, выдергивая меч из разрубленного капалина и черепа темерского ландскнехта, – хотел бы я знать, – подумал он, широким ударом отбивая нацеленный в него зубчатый наконечник гизармы, – хотел бы я знать, зачем все это. Почему все это. И из-за кого все это».

– Эээ... И тогда собрался Совет великих мэтресс... наших Почтенных Матерей... Э... Память о которых вечно будет жить в наших сердцах... Ибо... Э... Мэтрессы из первой ложи... установили... Ээээ... Установили...

– Адептка Абонда. Ты не готова. Оценка неудовлетворительная. Садись.

– Но я учила, правда учила...

– Садись.

– На кой ляд нам изучать такие древности? – забурчала Абонда, садясь. – Кого это сегодня интересует? Кому это сегодня нужно?.. И какая от этого польза...

– Тише! Адептка Нимуэ!

– Я здесь, госпожа магистр.

– Вижу. Ты можешь ответить на вопрос? Если нет, сядь и не отнимай у меня попусту время.

– Я могу.

– Слушаю.

– Потому что хроники говорят нам, что Совет мэтресс собрался в замке Лысая Гора, чтобы решить, как покончить с пагубной войной между императором и владыками Севера. Почтенная Мать Ассирэ, святая мученица, поведала, что владыки Севера не перестанут воевать, пока как следует не истекнут кровью. А Почтенная Мать Филиппа, святая мученица, ответила: «Дадим же им великий и кровавый, страшный и жестокий бой, доведем их до такого боя. Пусть армии императора и войска королей изойдут в этом бою кровью, и тогда мы, великая ложа, заставим их заключить мир». Так все и вышло. Почтенные Матери сделали так, что случилась битва под Бренной. А владыки принуждены были заключить цинтрийский мир.

– Очень хорошо, адептка Нимуэ. Я поставила бы тебе оценку «отлично»... если бы не твое «потому что» в начале изложения. Фразу не положено начинать со слов «потому что». Садись. А теперь о цинтрийском мире нам расскажет...

Прозвучал звонок на перемену. Но слушательницы не вскочили, сопровождая конец урока визгом и хлопаньем парт. Они хранили молчание и благовоспитанное спокойствие. Ведь они уже не были детьми, уже учились в третьем классе! Им было по четырнадцать лет.

А это обязывает.

– Ну, здесь ничего добавить нельзя. – Русти оценил состояние первого раненого, истекавшего кровью на незапятнанной прежде девственной белизне операционного стола. – Бедренная кость раздроблена... Артерия уцелела, иначе б вы принесли труп. Похоже на удар топором, причем твердое крыло седла выполнило роль пенька дровосека. Извольте посмотреть...

Шани и Иоля наклонились. Рыжик потер руки.

– Как я сказал, здесь ничего не добавит. Можно лишь отнять. За работу, Иоля. Жгут, крепче.

Шани – нож. Не этот, двусторонний. Ампутационный.

Раненый не сводил бегающего взгляда с их рук, следил за их действиями глазами перепуганного, схваченного в силки животного.

– Немножко магии, Марти, если можно попросить, – кивнул низушек, наклоняясь над пациентом так, чтобы полностью перекрыть ему поле зрения. – Буду ампутировать, сынок.

– Нееее! – заорал раненый, дергая головой и пытаясь увернуться от рук Марти Содергрена. – Не хочуууу!

– Если не ампутирую, умрешь.

– Лучше умереть... – Под влиянием магии целительницы раненый говорил все медленнее. – Лучше умереть... чем быть калекой... Дайте мне умереть... Умоляю... Дайте мне умереть!

– Не могу. – Рыжик поднял нож, поглядел на лезвие, на все еще блестящую, незапятнанную сталь. – Не могу я позволить тебе умирать. Так уж сложилось, сынок, что я врач.

Он решительно вонзил острое и сделал глубокий разрез. Раненый взвыл. Дико, нечеловечески.

Гонец осадил коня так резко, что из-под копыт брызнул дерн. Два адъютанта вцепились в узду, удержали покрытого пеной жеребца. Гонец спрыгнул на землю.

– От кого? – крикнул Ян Наталис. – Ты от кого?

– От господина де Руйтера... – выдавил гонец. – Мы остановили Черных... Но у нас очень большие потери... Господин де Руйтер просит помощи...

– Нет помощи, – после краткого молчания ответил коннетабль. – Вы должны выстоять. Должны!

– А здесь, – указал Рыжик с видом коллекционера, демонстрирующего свою коллекцию, – взгляните, дамы, прекрасный образчик удара в живот... Кто-то нас немного выручил, осуществив на несчастном любительскую лапаротомию[102]... Хорошо, что его несли заботливо, не растеряли по дороге важнейших органов... То есть я предполагаю, что не растеряли. Как считаешь, Шани? А почему вдруг такая мина, девочка? До сих пор ты знала мужчин исключительно снаружи?

– Поврежден кишечник, господин Русти.

– Диагноз столь же точный, сколь и очевидный! Здесь даже осмотр не нужен, достаточно понюхать. Иоля, платок. Марта, все еще много крови, будь любезна, удели нам еще толику своей бесценной магии. Шани, зажим. Поставь сосудистую клемму, ты же видишь, что льется. Иоля, нож.

– Кто берет верх? – неожиданно совершенно здраво, хоть и не совсем членораздельно, спросил оперируемый, вращая вытаращенными глазами. – Скажите... кто... побеждает?

– Сынок, – Рыжик наклонился над раскрытой, кровавой и пульсирующей брюшной полостью, – поверь, это самое последнее, о чем я стал бы беспокоиться, оказавшись на твоём месте! * *

...завязался тогда на крыле левом и в середине линии бой жестокий и кровавый, но тут, хоть и велики были ярость и напор Нильфгаарда, разбились их ряды о королевское войско, как волна морская разбивается, налетев на скалу, ибо отборный стоял здесь королевский солдат,

боевые мариборские, вызимские и третогорские хоругви латников, а также вельми стойкий темерский ландскнехт, профессиональный наемник, коего конница не утратила.

Так там и воевали, воистину как море со скалою суши, такой шел бой, в коем не угадаешь, кто верх берет, поелику хоть волны в скалу неустанно бьют, не слабеют, а отступают затем лишь, чтобы ударить снова, а скала стоит как стояла, все ей среди волн бурных видать.

Иначе шло дело на королевского войска крыле правом.

Будто опытный ястреб, коий знает, куда упасть и насмерть клюнуть, так и фельдмаршал Мэнно Коегоорн знал, где удар нанести. Собрал в кулак железный свои отборные дивизии, копейщиков «Деитвен» и латников «Ард Феаинн», ударил он в стык линии повыше Золотого пруда, туда, где стояли хоругви бруггенские. Бруггенцы геройское сопротивление оказывали, однако послабее показались и оружием, и духом. Не сдержали нильфгаардского напора. Вскочь помчались им на поддержку две бандеры вольной компании под старым кондотьером Адамом Панграттом и Нильфгаард остановили, обильно, однако же, заплатив за это своею кровью. Но стоящим на правом фланге краснолюдом из добровольческой рати страшная угроза окружения глянула в очи, а всему королевскому войску разорванием рядов загрозила.

Ярре погрузил перо в чернильницу. Внучата в глубине сада пискливо кричали, их смех звенел словно стеклянные колокольчики.

Однако же приметил грозящую опасность чуткий навроде журавля Ян Наталис, в миг единый уразумел, что там светит. И не мешкая гонца послал к краснолюдом с приказом полковнику Эльсу... * * *

При всей своей семнадцатилетней наивности корнет Обри понимал, что добраться до правого крыла, передать приказ и снова вернуться на командирский холм можно самое большее за десять минут. Ни в коем случае не дольше. Конечно, на Чиките, кобыле изящной и быстрой, как лань.

Однако еще прежде, чем он домчался до Золотого пруда, корнет понял, что, во-первых, неизвестно, когда он доберется до правого крыла, и, во-вторых, неизвестно, когда ему удастся вернуться. И еще он понял то, что ему очень даже пригодится резвость Чикиты.

На поле, к западу от Золотого пруда, кипел бой. Черные секлись с бруггенской конницей, защищающей боевые порядки пехоты. На глазах у корнета из скопища людей и коней внезапно, словно искры, словно осколки разбитого витража, выпали и беспорядочно рванулись к речке Хотле фигурки в зеленых, желтых и красных плащах. За ними черной рекой разливалась поводь нильфгаардцев.

Обри резко осадил кобылу, рванул поводья, готовый развернуться и бежать, сойти с дороги беглецов и преследователей. Однако чувство долга взяло верх. Корнет прильнул к конской шее и пошел головокружительным галопом.

Вокруг стояли крик и рев, мелькали, как в калейдоскопе, фигурки, сверкали мечи, неслись звон и грохот. Некоторые припертые к пруду бруггенцы отчаянно сопротивлялись, сбившись в кучу вокруг знамени с якорным крестом. На поле Черные добивали рассеянную, лишенную поддержки пехоту.

Неожиданно все заслонил черный плащ со знаком серебряного солнца.

— Evgyr, nordling!

Обри крикнул, поднятая криком Чикита сделала прямо-таки олений прыжок, спасая ему жизнь и вынося за пределы досягаемости нильфгаардского меча. Над головой засвистели стрелы,

завыли болты, в глазах снова замелькали разноцветные фигурки.

«Где я? Где свои? Где враг?»

– Evgur, morv, nordling!

Грохот, стук, ржание лошадей, крик.

– Стой, молокосос! Не туда!

Женский голос. Женщина на вороном жеребце, в доспехах, волосы развеваются, лицо забрызгано кровью. Рядом – конники в латах.

– Ты кто? – Женщина размазала кровь рукой, в которой держала меч.

– Корнет Обри... Флигель-адъютант коннетабля Наталиса... С приказом полковникам Пангратту и Эльсу...

– Тебе не добраться туда, где дерется «Адью». Давай к краснолюдом. Я – Джулия Абатемарко... Вперед, черт побери! Нас окружают! Галопом!

Он не успел возразить. Да и смысла не было.

Через две-три минуты сумасшедшего галопа из пыли возникла масса пехоты, квадрат, наподобие черепахи прикрытый панцирем из деревянных щитов и на манер подушечки для иголок ошестинившийся копьями. Над квадратом развевалось большое золотое знамя со скрещенными молотами, а рядом с ним торчал шест с конскими хвостами и человеческими черепами.

На квадрат, наскакивая и тут же отбегая, словно псы, рвущиеся укусить размахивающего палкой деда, бросались нильфгаардцы. Дивизию «Ард Феаинн» из-за огромных солнц на их плащах невозможно было перепутать ни с какой другой.

– Бей, вольная компания! – крикнула женщина, закрутив мечом мельницу. – Отработаем дукаты!

Конники – а с ними и корнет Обри – ринулись на нильфгаардцев. Стычка длилась всего несколько минут. Но была жуткой. Потом стена щитов раскрылась перед ними. Они оказались внутри четырехугольника, в толпе, среди краснолюдов в кольчугах, шлемах с бармицами и остроконечных шоломах, среди реданской пехоты, легкой бруггенской кавалерии и закованных в латы кондотьеров.

Джулия Абатемарко (Сладкая Ветреница, кондотьерка, только теперь сообразил Обри) потянула его к пузатому краснолюду в шишаке, украшенном красной шкофией[103], неуклюже сидящему на нильфгаардском коне в ладрах, в седле пикинеров с большими луками, на которое он взобрался, чтобы иметь возможность смотреть по-над головами пехотинцев.

– Полковник Барклай Эльс?

Краснолюд одобрительно кивнул шкофией, заметивши кровь, что забрызгала корнета и его кобылу. Обри невольно покраснел. Это была кровь нильфгаардцев, которых кондотьеры рубили рядом с ним. Сам он не успел даже меча вытянуть.

– Корнет Обри.

– Сын Анзельма Обри?

– Младший.

– Ха! Я знаю твоего отца! Что там у тебя от Наталиса и Фольтеста, корнетик?

– Центру группировки грозит прорыв... Господин коннетабль приказывает добровольческой рати как можно скорее свернуть фланг и отойти к Золотому пруду и речке Хотле... Чтобы поддержать...

Слова корнета заглушили рев, храп и визг коней. Обри вдруг сообразил, до чего бессмысленные он привез приказы. Как мало они значат для Барклая Эльса, для Джулии Абатемарко, для всего этого краснолюдского четырехугольника под золотым знаменем с молотами, развевающимся над черным морем окружающих, штурмующих со всех сторон нильфгаардцев.

– Я опоздал, – простонал он. – Я прибыл слишком поздно...

Сладкая Ветреница фыркнула. Барклай Эльс оскалился.

– Нет, малыш, – сказал он. – Просто Нильфгаард пришел слишком рано.

– Поздравляю дам и себя с удачной резекцией тонкого и толстого кишечника, спленектомией [104] и сшивкой печени. Обращаю внимание на время, понадобившееся нам, чтобы ликвидировать последствия того, что за доли секунды было сотворено нашему пациенту во время боя... Советую это воспринять как материал для философских размышлений. А теперь мазель Шани зашьет нам пациента.

– Но я этого еще никогда не делала, господин Русти.

– Когда-то надобно начинать. Шейте красное с красным, желтое с желтым, белое с белым. Так наверняка будет хорошо...

– Это ж надо! – рванул бороду Барклай Эльс. – Что ты говоришь? Что говоришь ты, младший сын Ансельма Обри? Что мы тут, получается, баклуши бьем? Мы, курва его мать, не дрогнули даже под напором! Ни на шаг не отступили! Не наша вина, что эти му... эээ... из Бругге не сдержали!

– Но приказ...

– Задом я давлю такие приказы!

– Если мы не закроем брешь, – перекричала рев Сладкая Ветреница, – Черные прорвут фронт. Фронт прорвут! Раскрой мне ряды, Барклай! Я ударю! Я прорвусь!

– Вырежут вас, прежде чем доберетесь до пруда! Погибнете там зазря.

– Так что ты предлагаешь?

Краснолюд выругался, сорвал с головы шишак, хватанул им о землю. Глаза у него были дикие, налитые кровью, страшные.

Чикита, напуганная криками, плясала под корнетом насколько позволяла теснота.

– Давай сюда Ярпена Зигрина и Денниса Кранмера! Мигом!

Оба краснолюда вырвались из яростного боя, это было видно с первого же взгляда. Оба были в крови. Стальной наплечник одного носил след настолько сильного удара мечом, что пластины встали торчком. У другого голова была обвязана тряпицей, сквозь которую проступала кровь.

– Все в порядке, Зигрин?

– Интересно, – вздохнул краснолюд, – почему все об этом спрашивают?

Барклай Эльс отвернулся, отыскал взглядом корнета и впился в него глазами.

– Стало быть, так, самый младший сын Анзельма, – прохрипел он. – Король и коннетабль приказывают нам прийти и поддержать их? Ну, так раскрой глаза шире, корнетик. Будет на что посмотреть. * * *

– Холера! – рявкнул Русти, отскакивая от стола и размахивая скальпелем. – Почему? Чертов хрен, почему так должно быть?

Никто ему не ответил. Марти Содергрэн только развела руками. Шани наклонила голову. Иоля шмыгнула носом.

Пациент, который только что умер, глядел вверх, глаза у него были неподвижные и стеклянные.

– Бей-убивай! На погибель сволочам!

– Равняйся! – рычал Барклай Эльс. – Держи шаг! Держи строй! И плотней! Плотней, мать вашу так-растак!

«Мне не поверят, – подумал корнет Обри. – Ни за что мне не поверят, когда я стану об этом рассказывать. Этот квадрат дерется в полном окружении... Охваченный со всех сторон кавалерией, разрываемый на части, его рубят, давят, колют... И этот квадрат идет. Идет ровный, плотный, даже со щитами. Идет, переступая через трупы и топча их, толкает перед собой конницу, толкает перед собой элитную дивизию «Ард Феаинн». И идет».

– Бей!

– Держи шаг! Держи шаг! – рычал Барклай Эльс. – Держи строй! Песню, курва ваша мать, песню! Нашу песню! Вперед, Махакам!

Из нескольких тысяч краснолюдских глоток вырвалась знаменитая махакамская боевая песня.

Ху-у! Ху-у!

Строй держи! Печатай шаг!

Мы прикроем ваш бардак!

Нам не греться на печи!

В бой! Вперед, бородачи!

Ху-у! Ху-у!

– Бей-убивай! Вольная компания! – В грозный рев краснолюдов врезалось, словно тонкое жало мизерикордии, высокое сопрано Джулии Абатемарко. Кондотьеры, вырываясь из строя, нападали на атакующих квадрат конников. Все это граничило с самоубийством. На наемников, лишенных защиты краснолюдских алебард, пик и щитов, обрушилась вся мощь нильфгаардского напора. Рев, крик людей, конский визг заставили корнета Обри невольно скорчиться в седле. Кто-то ударил его в спину, он почувствовал, как вместе с увязшей в толпе

кобылой движется в сторону самого страшного столпотворения, самой жуткой резни. Обри крепче сжал рукоять меча, которая вдруг показалась ему скользкой и ужасно неудобной.

Через мгновение, вынесенный перед линией щитов, он уже рубил налево и направо, как безумный, и орал, как спятивший.

– Еще раз! – услышал он дикий крик Сладкой Ветреницы. – Еще одно усилие! Держитесь, парни! Бей-убивай! За дукаты, что как солнце золотые! Вольная компания!

Нильфгаардский конник без шлема, с серебряным солнцем на плаще, ворвался в строй, поднялся на стремянах, страшным ударом топора повалил краснолюда вместе со щитом, рассек голову другому. Обри вывернулся в седле и рубанул наотмашь. С головы нильфгаардца отлетел большой покрытый волосами кусок, сам он рухнул на землю. В тот же момент корнет тоже получил чем-то по голове и свалился с седла. Из-за давки он не сразу оказался внизу, несколько секунд висел, тонко визжа, между небом и землей и боками двух лошадей. Но хоть он досыта набрался страха, боли почувствовать не успел. Когда же наконец упал, подкованные копыта почти тут же размозжили ему череп.

Спустя шестьдесят пять лет старушка, которую попросили рассказать о том дне, о Бренненском поле, о краснолюдском квадрате, двигавшемся к Золотому пруду по трупам друзей и врагов, усмехнулась, еще сильнее сморщив уже и без того сморщенное и темное, как сушеная слива, лицо. Раздраженная – а может, только прикидывающаяся раздраженной, – она махнула дрожащей, костлявой, чудовищно скрученной артритом рукой.

– Никак, – зашепелявила она, – ни одна сторона не могла одолеть другую. Мы-то были внутри. В окружении. Они – снаружи. И мы просто-напросто убивали друг друга. Кхе-кхе-кхе... Они нас, мы их...

Старушка с трудом сдержала приступ кашля. Те из слушателей, которые были ближе, заметили на ее щеке слезу, с трудом пробивающую себе дорогу среди морщин и старых шрамов.

– Они были такими же мужественными, как и мы, – бормотала бабулька, которую некогда звали Джулией Абатемарко, Сладкой Ветреницей из вольной кондотьерской компании... – Кхе-кхе-кхе... Мы были равно мужественными. И мы, и они.

Старушка замолчала. Ненадолго. Слушатели не торопили ее, видя, как она улыбается своим воспоминаниям. Своей храбрости. Маячившим в тумане забвения лицам тех, что героически погибли. Лицам тех, что героически выжили... Для того, чтобы потом их подло прикончила водка, наркотики и туберкулез.

– Да, мы были равно мужественны, – закончила Джулия Абатемарко, – ни одной стороне не удавалось набрать столько сил, чтобы быть более мужественной. Но мы... Нам удалось быть мужественными на одну минуту дольше.

– Марти, очень тебя прошу, дай нам еще малость своей чудесной магии! Еще совсем немного! В животе у этого бедолаги сплошная каша, вдобавок приправленная множеством проволочных колечек от кольчуги! Я ничего не могу сделать, он дергается, словно рыба, которую потрошат живьем! Шани, черт побери, держи крючки! Июля! Спishi, язви тебя? Зажим! Зааажим!

Июля глубоко вздохнула, с трудом сглотнула слюну, заполнявшую рот. «Сейчас я грохнусь в обморок, – подумала она. – Не выдержу, не вынесу больше этой вони, этой чудовищной мешанины запахов – крови, блевотины, кала, мочи, содержимого кишок, пота, страха, смерти. Не выдержу непрекращающегося крика, воя, скользких окровавленных рук, цепляющихся за меня, словно я и верно их спасение, их бегство, их жизнь... Не перенесу бессмысленности

того, что мы здесь делаем. Потому что это бессмысленность. Одна огромная, гигантская, бессмысленная бессмысленность.

Не перенесу усилий и усталости. Приносят все новых... И новых...

Я не выдержу. Сейчас меня начнет рвать. Сейчас я потеряю сознание. Какой позор...»

– Салфетку! Тампон! Кишечный зажим! Не этот! Мягкий зажим! Смотри, что делаешь! Еще раз ошибешься, дам тебе по рыжей башке! Слышишь? Тресну по рыжей башке!

«Великая Мелитэле! Помоги мне! Помоги мне, богиня!»

– Ну, извольте! Сразу исправилась! Еще один зажим, жрица! Клемму на кишки! Хорошо! Хорошо, Иоля, так держать! Марти, оботри ей глаза и лицо. И мне тоже...

«Откуда эта боль? – подумал коннетабль Ян Наталис. – Что у меня так болит?

Ах да!

Стиснутые кулаки!»

– Мы их доконаем! – крикнул, потирая руки, Кеес ван Ло. – Дождем их, господин маршал! Линия разваливается на стыке. Ударим! Ударим, не оттягивая, и, клянусь Великим Солнцем, они не выдержат! Разбегутся!

Мэнно Коегоорн нервно погрыз ноготь, сообразил, что на него смотрят, быстро вынул палец изо рта.

– Ударим, – повторил Кеес ван Ло спокойнее, уже не так взволнованно. – «Наузикаа» готова...

– «Наузикаа» должна стоять, – отрубил Мэнно. – Даэрлянская тоже должна стоять. Господин Фаоильтиарна!

Командир бригады «Врихедд», Инсегрим Фаоильтиарна по прозвищу Железный Волк, обратил к маршалу страшное лицо, обезображенное шрамом, идущим через лоб, бровь, основание носа и щеку.

– Ударьте, – указал булавой Мэнно, – в стык Темерии и Редании! Туда!

Эльф отдал честь. Искалеченное лицо не дрогнуло, не изменилось выражение больших глубоких глаз.

«Союзники, – подумал Мэнно. – Альянты. Боремся вместе. Против общего врага.

Но я их вообще не понимаю, этих эльфов.

Они совсем другие.

Совсем чужие». * * *

– Интересно. – Русти попытался вытереть лицо предплечьем, но предплечье тоже было в крови. На помощь пришла Иоля. – Любопытно, – снова проговорил хирург, указывая на пациента. – Его ткнули вилами или какой-то двузубой разновидностью гизармы... Один зуб пробил сердце. Вот, извольте взглянуть. Камера, несомненно, пробита, аорта почти отделена... А он еще минуту назад дышал. Здесь, на столе. Получив в самое сердце, он дотянул до стола...

– Вы хотите сказать, – угрюмо спросил конник из легкой волонтерской кавалерии, – что он умер? И мы напрасно тащили его к вам с поля боя?

– Никогда не бывает напрасно, – не отвел взгляда Русти. – А правду говоря – да, он мертв. Увы. Exitus.[105] Забирайте... Эх, холера... Киньте-ка глаз, девушки.

Марти Содергрэн, Шани и Иоля наклонились над трупом. Русти оттянул умершему веко.

– Вам когда-нибудь доводилось видеть подобное?

Девушки дрогнули, потом ответили.

– Да, – сказали они одновременно, переглянувшись слегка удивленно.

– Я тоже видел, – сказал Русти. – Это ведьмак. Мутант. Вот почему он жил так долго... Это был ваш брат по оружию, люди? Или вы принесли его случайно?

– Это был наш друг, господин медик, – угрюмо подтвердил другой волонтер, детина с перевязанной головой. – Из нашего эскадрона, доброволец, как и мы. Уж и мастер был с мечом обращаться! Койон – имя ему.

– Ведьмак?

– Ага. Но несмотря на все, порядочный был парень.

– Да, – вздохнул Русти, видя четырех солдат, несущих на набухшем и капающем кровью плаще очередного раненого, очень молодого, судя по тому, как тонко он выл. – Да, жаль... Охотно взялся бы за вскрытие этого, несмотря на все, порядочного парня. И любопытство жжет, и диссертацию можно было бы написать, если б заглянуть ему внутрь. Но времени нет! Долой труп со стола! Шани, воды. Марти – дезинфекция! Иоля, полей... Эй, девушка, опять слезы льешь? А теперь-то что?

– Ничего, господин Русти. Ничего. Все уже в порядке.

– Я чувствую себя, – повторила Трисс Меригольд, – так, словно меня ограбили.

Нэннеке долго не отвечала, глядя с террасы на храмовый сад, в котором жрицы и адепки копошились, занимаясь весенними работами.

– Ты свой выбор сделала, – сказала она наконец. – Ты избрала свой путь, Трисс. Свою судьбу. Добровольно. И жалеть не о чем.

– Нэннеке, – опустила глаза чародейка. – Я действительно не могу сказать тебе больше, чем сказала. Поверь – и прости.

– Кто я, чтобы прощать? И какая тебе польза от моего прощения?

– Я же вижу, – взорвалась Трисс, – как ты на меня смотришь! Ты и твои жрички! Вижу, как глазами спрашиваете: «Что ты тут делаешь, магичка? Почему ты не там, где Иоля, Эурнэйд, Катье? Мирра? Ярре?»

– Преувеличиваешь, Трисс!

Чародейка смотрела вдаль, на лес, синеющий за стенами храма, на дымы далеких костров. Нэннеке молчала. Мыслями она была не здесь. Там, где кипела битва и лилась кровь. Она думала о девушках, которых послала туда.

– Они, – проговорила Трисс, – отказали мне во всем.

Нэннеке молчала.

– Отказали во всем, – повторила Трисс. – Такие мудрые, такие рассудительные, такие логичные... Как им не верить, когда они говорят, что есть проблемы более важные и проблемки менее важные... что от менее важных надо отказываться не раздумывая, без тени сомнения, полностью посвятив себя более важным. Что нет смысла спасать людей, которых знаешь и любишь, потому что это всего лишь единицы, а судьбы единиц не сказываются на судьбах мира. Что бессмысленно вставать на защиту чести и идеалов, ибо все это пустые слова. Что истинное поле боя за судьбы мира находится в совершенно ином месте, и именно там-то будет идти борьба. А я чувствую себя ограбленной. Меня ограбили, не позволили совершать безумные поступки. Я не могу сломя голову, как безумная, поспешить на помощь Цири, не могу как безумная мчаться, чтобы спасти Геральта и Йеннифэр. Не могу даже участвовать в войне, в той войне, на которую убежал Ярре, на которую ты послала своих девочек... Мне отказали в возможности подняться на Холм. Еще раз встать там. Но только на этот раз – полностью осознавая продуманность и правильность такого решения.

– У каждого – свое решение и свой Холм, – тихо сказала первосвященница. – У каждого. И ты от своего не убежишь.

У входа в палатку образовалась толкучка. Принесли очередного раненого в сопровождении нескольких рыцарей. Один, в полной латной броне, покрикивал, командовал, подгонял:

– Двигайтесь, санитары! Живее! Несите его сюда, сюда! Эй ты, фельдшер!

– Я занят. – Русти даже головы не повернул. – Положите раненого на носилки. Я займусь им, как только закончу...

– Ты займешься им сейчас, дурной медикус! Ибо это сам благородный господин граф Гаррамон!

– У этого госпиталя, – Русти повысил голос, потому что застрявший во внутренностях раненого наконец-то болта снова выскользнул у него из щипцов, – у этого госпиталя очень мало общего с демократией. Сюда в основном приносят именно баронов, графов, маркизов и разных других всяких, что повыше рангом. А вот о раненых, что рангом пониже, мало кто заботится. Но все же некоторое равенство существует и здесь! Здесь, а именно – у меня на столе!

– Э! Не понял?

– Не имеет значения, – Русти снова сунул в рану зонд и щипцы, – хам ли тот бедняга, у которого я сейчас пытаюсь вытащить из бебехов железа, дворянин ли древнего рода, аристократ или скартебель[106]. Он лежит у меня на столе. А у меня, позволю себе заметить, князь стоит шута.

– И что?

– А то, что ваш граф подождет своей очереди.

– Ах ты, низушек затраханый!

– Помоги мне, Шани. Возьми другие щипцы. Осторожнее с артерией. Марти, еще немного магии, если можно попросить. У нас здесь ужасное кровотечение.

Рыцарь шагнул вперед, скрежеща зубами и латами.

– Я прикажу повесить тебя! Повесить прикажу, ты, нелюдь!

– Молчи, Пепербок, – с трудом, кусая губы, проговорил раненый граф. – Молчи. Оставь меня здесь и возвращайся на поле боя...

– Нет уж, граф! Никогда!

– Это приказ.

Из-за полотна палатки долетели грохот и звон железа, конский храп и дикий вой. Раненые были в лазарете на разные голоса.

– Прошу взглянуть. – Русти поднял щипцы и продемонстрировал вытянутый с таким трудом зазубренный наконечник болта. – Эту цацку выковал профессионал, который получает за свой труд плату, позволяющую ему содержать многочисленную семью и попутно помогать развитию мелкого производства, а стало быть, содействовать повышению всеобщего благосостояния и не менее всеобщего счастья. А способ, которым эта прелесть держится в человеческих внутренностях, несомненно, защищен патентом. Да здравствует прогресс!

Он небрежно бросил окровавленный наконечник в ведро, глянул на раненого, потерявшего в ходе операции сознание.

– Зашить и унести, – прошипел он. – Если посчастливится – выживет. Давайте следующего в очереди. Того, у которого разрублена голова.

– Он, – спокойно сказала Марти Содергрэн, – очередь освободил. Только что.

Русти втянул и выпустил воздух, без лишних замечаний отошел от стола, склонился над раненым графом. Руки у него были испачканы, халат забрызган кровью, словно у резника. Даниель Эчеверри, граф Гаррамон, побледнел еще больше.

– Ну-с, – просопел Русти, – очередь свободна, светлейший граф. Давайте его на стол. Так. Что тут у нас? Хо, от этого сустава уже не осталось ничего, что можно было бы спасти. Каша! Пульпа! Чем вы там дубасите друг друга, милсдарь граф, что до такой степени раздалбливаете себе мослы? Ну-с, будет немного больно, милостивый государь. Немножко поболит. Но прошу не волноваться. Будет совсем как в бою. Жгут! Нож! Ампутируем, ваша милость.

Даниель Эчеверри, граф Гаррамон, до сих пор державшийся с должным достоинством, взвыл волком. Прежде чем успел стиснуть от боли челюсти, Шани быстрым движением сунула ему в рот между зубами затычку из липового сучка.

– Ваше королевское величество! Господин коннетабль!

– Говори, парень!

– Добровольческая рать и вольная компания держат перешеек около Золотого пруда... Краснолюды и кондотьеры стоят твердо, хоть все в крови... Говорят, «Адью» Пангратт убит. Фронтин убит. Джулия Абатемарко убита... Все, все убиты. Дорианская хоругвь, что шла им на помощь, уничтожена...

– Резерв, милсдарь коннетабль, – тихо, но четко проговорил Фольтест. – Если хотите знать мое мнение, пора вводить резервы. Пусть Бронибор бросит на Черных свою пехоту! Сейчас же! Немедленно! Иначе они разрубят наш стык, а это конец.

Ян Наталис не ответил, уже издалека видя очередного связника, мчащегося к ним на лошади, разбрасывающей клочья пены.

– Отдышись, парень. Отдышись и говори складно!

– Фронт прорвали... эльфы из бригады «Врихедд»... Господин де Руйтер сообщает вашим превосходительствам...

– Что сообщает? Говори!

– Что пора спасать жизнь.

Ян Наталис воздел очи горе.

– Бленкерт! – сказал он глухо. – Да явится Бленкерт! Или да опустится ночь.

Земля вокруг палатки задрожала под копытами, полотно, казалось, вспучилось от конского ржания и громких криков. В палатку ворвался солдат, вслед за ним два санитары.

– Бегите все! – зарычал солдат. – Спасайтесь! Нильфгаард бьет наших! Гибель! Гибель! Поражение!

– Клемму. – Русти отвел лицо от струйки крови, энергичным и живым фонтаном бьющей из артерии. – Зажим! И тампон! Зажим, Шани! Марти, сделай, пожалуйста, что-нибудь с этим кровотечением...

Совсем рядом с палаткой кто-то взвыл зверем. Отрывисто. Завизжала лошадь, что-то рухнуло на землю со звоном и грохотом. Болт из арбалета с треском прорвал полотно, зашипел, вылетел с противоположной стороны, к счастью, слишком высоко, чтобы угрожать лежащим на носилках раненым.

– Нильфгаард! – снова крикнул солдат высоким, дрожащим голосом. – Господа фершела! Не слышите, что ль, что говорю-то? Нильфгаард прорвал королевскую линию, идет и крошит! Бегиитя!

Русти взял у Марти Содергрена иглу, сделал первый стежок. Оперированный уже долгое время не двигался. Но сердце билось. Это было видно.

– Не хочу умирать! – заорал кто-то из находившихся в сознании раненых. Солдат выругался, прыгнул к выходу, что-то крикнул, рухнул назад и, разбрызгивая кровь, свалился на глинобитный пол. Июля, стоявшая на коленях у носилок, вскочила на ноги, попятилась.

Неожиданно стало тихо.

«Скверно, – подумал Русти, увидев, кто входит в палатку. – Эльфы. Серебряная Молния. Бригада “Врихедд”. Прославленная бригада “Врихедд”».

– Мы здесь, получается, лечим, – отметил факт первый из эльфов, высокий, с удлинённым, красивым, выразительным лицом и большими васильковыми газами. – Лечим?

Никто не отозвался. Русти чувствовал, как у него начинают дрожать руки. Он быстро отдал иглу Марти. Увидел, что у Шани побелели лоб и переносица...

– Как же так? – сказал эльф, зловеще растягивая слова. – Зачем же мы там, в поле, раним? Мы там, в бою, раним для того, чтобы из-за этих ран умирали. А вы, стало быть, лечите? Я вижу в этом полное отсутствие логики. И единства интересов.

Он сгорбился и, почти не размахиваясь, вонзил меч в грудь раненого, лежащего на носилках, что ближе стояли к входу. Другой эльф пригвоздил второго раненого шпontonом. Третий раненый, бывший в сознании, попытался отвести удар левой рукой и толсто перебинтованной культей правой.

Шани крикнула. Тонко, пронзительно. Заглушая тяжелый, нечеловеческий стон убиваемого калеки. Иоля, кинувшись к носилкам, прикрыла собой следующего раненого. Лицо побелело у нее как ткань бинта, губы начали непроизвольно дрожать. Эльф прищурился.

– Va vort, beanna! – пролаял он. – Иначе я продырявлю тебя вместе с твоим Dh’oine!

– Вон отсюда! – Русти тремя прыжками подскочил к Иоле, заслонил ее. – Вон из моей палатки, убийца! Выматывайся отсюда туда, на поле. Там твое место. Среди других убийц. Можете поперебивать друг друга там, если вам не терпится! Но отсюда – вон!

Эльф глянул вниз. На трясущегося от страха пузатого низушка, макушкой курчавой головы достающего ему лишь чуточку выше пояса.

– Bloede Pherian, – зашипел он. – Людской лакей! Прочь с дороги!

– Ну уж нет. – Зубы низушка стучали, но слова были четкими.

Второй эльф подскочил, подтолкнул хирурга древком шпонта. Русти упал на колени. Высокий эльф грубым рывком стащил Иолю с раненого, занес меч.

И замер, видя на черном, свернутом под головой раненого плаще язычки серебряного пламени дивизии «Деитвен». И полковничьи знаки различия.

– Yaevinn! – крикнула, влетая в палатку, эльфка с темными, заплетенными в косу волосами. – Caemm, veloe! Ess’evgyriad a’Dh’oine a’en va! Ess’tedd!

Высокий эльф несколько секунд глядел на раненого полковника, потом перевел взгляд на слезящиеся от ужаса глаза хирурга. Посмотрел, развернулся на каблуках и вышел.

Из-за полотна палатки снова донеслись топот, крик и звон железа.

– Вперед на Черных! Бей-убивай! – орали тысячи глоток.

Кто-то взвыл по-звериному, вой перешел в чудовищный хрип.

Русти попытался встать, но ноги не слушались его. Руки тоже не очень.

Иоля, сотрясаемая спазмами сдерживаемых рыданий, скорчилась рядом с носилками раненого нильфгаардца. В положении плода.

Шани плакала, не пытаясь скрыть слезы. Но крючки держала. Марти спокойно шила, только губы у нее двигались в каком-то немом, беззвучном монологе.

Русти, все еще не в силах встать, сел. Встретился взглядом с вжавшимся в угол палатки санитаром.

– Плесни мне водки, – с трудом проговорил он. – Только не говори, что у тебя нет. Знаю я вас, шельмецов. У вас всегда есть.

Генерал Бленгейм Бленкерт поднялся на стременах и вытянул шею на манер журавля, прислушиваясь к звукам боя.

– Развернуть строй, – приказал он командирам. – А за тем вон холмом сразу в рысь. Из слов разведчиков следует, что мы выйдем прямо на правое крыло Черных.

– И покажем им, где раки зимуют! – тонко крикнул один из лейтенантов, юноша с шелковистыми и еще очень редкими усиками.

Бленкерт косо глянул на него.

– Отряд со штандартом вперед! – приказал он, вынимая меч. – А при атаке кричать «Редания!». Кричать что есть мочи! Пусть парни Фольтеста и Наталиса знают, что идет подмога.

Граф Кобус де Руйтер рубился во множестве битв четырнадцать лет, с шестнадцатого годка жизни, и у него в генах, несомненно, выработалось что-то такое, что позволяло ему, Кобусу де Руйтеру, воспринимать рев, крик и ор битвы как симфонию, концерт для барабана с оркестром, хотя для любого другого боевой рев и ор были не чем иным, как все заглушающим криком и грохотом.

Вот и сейчас граф де Руйтер моментально различил в концерте новые ноты, аккорды и оттенки.

– Уррра, парни! – зарычал он, размахивая булавой. – Редания! Редания идет! Орлы! Орлы!

С севера, из-за холмов, к полю боя катился вал конницы, над которой плескались амарантовые флажки и большой гонфалон[107] с серебряным реданским орлом.

– Помощь! – рявкнул Руйтер. – Помощь идет! Уррррааа! Громи Черных!

Будучи солдатом в восьмом поколении, он мгновенно засек, что нильфгаардцы сворачивают фланг, пытаясь развернуть его навстречу наступающей коннице плотным фронтом. Он знал, что этого допустить нельзя.

– За мной, – прокричал граф, вырывая из рук хорунжего штандарт. – За мной! Третогорцы, за мной!

Они ударили. Ударили самоубийственно, страшно. Но действенно. Нильфгаардцы из дивизии «Венендаль» сломали строй, и на них с ходу налетели реданские хоругви. В небо вознесся страшный гул.

Кобус де Руйтер уже не видел и не слышал этого. Шальной болт угодил ему прямо в висок. Граф повис в седле и упал с лошади, словно саваном накрывшись штандартом. Восемь поколений де Руйтеров, polegших до него в боях и следивших сейчас за битвой из иного мира, одобрительно кивали головами.

– Можно сказать, господин ротмистр, нордлингов в тот день спасло чудо. Либо стечение обстоятельств, которого никто не мог предвидеть. Правда, Рестиф де Монтолон пишет в своей книге, что маршал Коегоорн совершил ошибку при оценке сил и намерений противника. Что пошел на неоправданный риск, разделив группу армий «Центр» и двинув кавалерийский резерв. Что рискованно принял бой, не обладая по крайней мере троекратным превосходством. И что пренебрег разведкой, не обнаружил реданской армии, идущей на помощь.

– Кадет Путткаммер! Сомнительной ценности «произведения» господина де Монтолона нет в программе нашей школы! А его императорское величество даже изволили весьма критически отозваться об этой книжонке! Посему, кадет, извольте не цитировать ее здесь. Вы меня просто удивляете. До сих пор ваши ответы были вполне хорошими, очень точными, и вдруг вы, кадет, начинаете толковать нам о чудесах и стечениях обстоятельств и наконец позволяете себе критиковать способности командиров Мэнно Коегоорна, одного из крупнейших военачальников, каких породила Империя. Кадет Путткаммер и остальные господа кадеты, соизвольте намотать себе на несуществующие у вас усы и запомнить, если вы всерьез думаете сдать цензовый экзамен, что решающую роль в битве под Бренной сыграли никакие не чудеса или случайности, а заговор! Враждебные диверсионные силы,

подрывные элементы, подлые возмутители порядка, космополиты, политические банкроты, предатели и изменники! Язва, которую впоследствии выжгли каленым железом! Однако прежде, чем это случилось, подлые предатели собственной нации плели свои паучьи сети и готовили силки подвохов. Именно они одурманили и предали тогда маршала Коегоорна, обманули его и ввели в заблуждение! Это они, подлецы без чести и веры, привыкшие...

– Сукины дети, – повторил Мэнно Коегоорн, не отрывая глаз от подзорной трубы. – Просто-напросто сукины дети. Но я вас отыщу, погодите, я вас научу заниматься разведкой! Де Вингалът! Ты лично разыщешь офицера, командовавшего патрулем за холмами на севере. Всех, весь патруль, прикажешь повесить.

– Слушаюсь! – щелкнул каблуками Удер де Вингалът, адъютант маршала. Откуда ему было знать, что Ламарр Флаут, тот самый офицер патруля, именно в этот момент умирает под копытами лошадей атакующего с фланга секретного резерва нордлингов, того самого, которого он не обнаружил. Де Вингалът не мог также знать, что и ему самому жить осталось всего два часа.

– Сколько их там, господин Трахе, – Коегоорн по-прежнему не отрывал подзорной трубы от глаз, – по-вашему?

– Не меньше десяти тысяч, – сухо ответил командир Седьмой даэрлянской. – В основном реданцы, но я вижу также шевроны Аэдирна. Есть и единорог, значит, там же и Каэдвен... В количестве не меньше хоругви...

Хоругвь шла галопом, из-под копыт летели песок и гравий.

– Вперед, Бурая! – орал пьяный, как всегда, сотник Полугарнец. – Бей-руби! Каэдвееен! Каэдвееен!

«Язви его, ссать хоцца, мочи нет! – подумал Зывик. – Надыть было отлить загодя перед боем... Теперича могу не успеть!»

– Вперед, Бурая!

«Вечно Бурая! Ежели где хреново, так – Бурая! Кого посылали экспедиционным корпусом в Темерию? Бурую. Завсегда Бурая. А мне ссать хоцца».

Подлетели. Зывик рывкнул, вывернулся в седле и рубанул от уха, разрубив наручье и плечо коннику в черном плаще с серебряной восьмиконечной звездой.

– Бурая! Каэдвееен! Бей-убивай!

С грохотом, лязгом и звоном, в реве людей и визге лошадей Бурая, она же – Медвежья, хоругвь сбилась с нильфгаардцами.

– Де Меллис-Сток и Брайбан справятся с их подмогой, – спокойно сказал Элан Трахе, командир Седьмой даэрлянской бригады. – Силы уравнены, ничего плохого пока не случилось. Дивизия Тырконнеля уравнивает левый фланг, «Магна» и «Венендаль» сдерживают правый. А мы... Мы в силах перевесить чашу, господин маршал...

– Ударить в стык, исправить положение после эльфов, – сразу же понял Мэнно Коегоорн. – Выйти на тылы, вызвать панику. Правильно! Так мы и поступим, клянусь Великим Солнцем! По частям, господа! «Наузинаа» и Седьмая, пришел ваш час!

– Да здравствует император! – крикнул Кеес ван Ло.

– Господин де Вингалът, – повернулся маршал, – возьмите адъютантов и эскадрон охраны.

Хватит им бездельничать! Идем в бой вместе с Седьмой даэрлянской.

Удер де Вингалът слегка побледнел, но тут же взял себя в руки.

– Да здравствует император! – крикнул он во весь голос. И голос у него почти совсем не дрожал.

Русти резал, раненый выл и скреб стол. Иоля, героически сражаясь с головокружениями, смотрела за повязками, жгутами и зажимами. От входа в палатку доносился возбужденный голос Шани:

– Куда? Вы что, сдурели! Тут живые ждут спасения, а вы претесь с трупом?

– Но это же сам барон Анзельм Обри, лично, мазель фершелша! Это ж командир хоругви!

–

Был командир хоругви. А сейчас – покойник! Вам удалось притащить его сюда одним куском только потому, что у него плотные латы! Забирайте! Здесь лазарет, а не морг!

– Но, мазель фершелша...

– Не загораживайте вход! Видите, несут такого, который еще дышит. Во всяком случае, мне кажется, что дышит. Потому что это могут быть лишь пер... э... газы выходят.

Русти хмыкнул, но тут же насупился.

– Шани! Немедленно ко мне! Запомни, девчонка, – проговорил он сквозь стиснутые зубы, наклонившись над разрубленной ногой. – Хирург может позволить себе быть циничным только после десяти лет практики. Запомнила?

– Ага, господин Русти.

– Бери респиратор и оттяни надкостницу... А, дьявольщина, надо бы еще немного обезболить... Где Марти?

– Блюет за палаткой, господин Русти, – без всякого цинизма ответила Шани. – Как обожравшаяся кошка.

– Чародеи, – Русти взял пилу, – чем выдумывать бесчисленные заклинания, страшные и могущественные, лучше б сосредоточились на придумывании одного-единственного. Такого, которое позволило бы им наводить мелкие чары. Например, обезболивающие. Но – запросто. И без блевания.

Пила закрипела и захрустела на кости. Раненый выл.

– Туже повязку, Иоля.

Кость наконец поддалась. Русти обработал ее долотом, отер лоб.

– Сосуды и нервы, – сказал он машинально и напрасно, потому что, прежде чем успел закончить фразу, девушки уже зашивали. Он снял со стола ампутированную ногу и бросил в угол, на кучу других ампутированных конечностей. Раненый уже какое-то время не ревел и не выл.

– Обморок или умер?

– Обморок, господин Русти.

– Хорошо. Зашей культю, Шани. Давайте следующего! Июля, пойдй проверь, Марти уже все... выблевала?

– Интересно, – тихонько сказала Июля, не поднимая головы, – а сколько лет практики у вас, господин Русти? Сто?

После нескольких минут форсированного, удушающего пылью броска ругань сотников и десятников наконец остановила и развернула в линию вызимские подразделения. Ярре, задыхаясь, как рыба ловя воздух ртом, увидел воеводу Бронибора, красовавшегося перед строем на своем изумительном жеребце, покрытом пластинами ладр. Сам воевода тоже был в полных латах, покрытых голубыми полосками, благодаря чему казался огромной жестяной макрелью.

– Ну, как дела, недотепы?

Шеренги пикинеров ответствовали гудливым, как далекий гром, бурчанием.

– Попердываете, значит, – констатировал воевода, разворачивая выраженного в ладры коня и двигаясь вдоль строя. – Стало быть, чувствуете себя хорошо. Потому что, когда вы чувствуете себя скверно, то не пердите вполголоса, а воете и скулите, словно вас вот-вот повесят. По мордам вижу, что вы так и рветесь в бой, что мечтаете о битве, что уже не в силах дожидаться нильфгаардцев! Ну что, вызимские разбойники? У меня для вас добрая весть! Ваши мечты через минуту исполнятся. Через малюсенькую, я бы сказал, мгновенную минутку.

Пикинеры снова загудели. Бронибор доехал до конца строя, завернул и продолжал, постукивая булавой по изукрашенной луке седла:

– Нажрались пыли, пехтура, за латниками идучи! М-да, пока что вместо славы и добычи вы нюхали конскую бздень. Еще б немного, и даже сегодня, когда возникла большая необходимость, вы не попали бы на поле боя. Но вам посчастливилось, поздравляю вас от всего сердца! Здесь, у деревни, название которой я позабыл, вы наконец-то покажете, на что способны и чего стоите как войско. Туча, которую вы видите в поле, это нильфгаардская конница, намеревающаяся раздолбать нашу армию фланговым ударом, столкнуть нас и утопить в болотах речки, название которой я позабыл тоже. Вам, славным вызимским пикинерам, по милости короля Фольтеста и коннетабля Наталиса выпала честь закрывать бреши, которые возникнут в наших стройных рядах. И эти бреши вы закроете собственными, я бы так сказал, грудями, сдержите нильфгаардскую атаку. Ну как, ликуете, кумовья? Распирает вас гордость, а? Распирает, спрашиваю?

Ярре, стискивая древко пики, осмотрелся. Никаких признаков ликования по поводу перспективы близкого боя видно не было, а если солдат и распирала гордость в связи с доверенной им честью закрывать бреши собственными, как выразился воевода, грудями, то «пехтура» весьма умело эту гордость скрывала. Мэльфи, стоявший по правую руку от Ярре, бормотал под нос молитвы. Слева посапывал, сквернословил и нервозно кашлял профессиональный служака Делакс.

Бронибор завернул жеребца, выпрямился в седле.

– Не слышу! – рявкнул он. – Я спрашивал, распирает ли вас, курва, гордость?

На сей раз пикинеры, не видя другого выхода, заорали в один голос, что их, да, распирает. Ярре тоже орал. Ежели все, так уж все. Чего там!

– Ладно! – Воевода остановил жеребца перед строем. – А теперь построиться как подобает! Сотники, чего ждете, мать вашу так-растак! Выстроить квадраты! Первая шеренга на одно

колени, вторая – стоять! Пики выставить. Да не тем концом, идиоты! Да, да, тебе говорю, ты, обросшее чудо лесное. Выше, выше наконечники, мужики! Сомкнуть ряды, теснее, плотнее, плечо к плечу! Ну, теперь прилично! Почти совсем как войско!

Ярре оказался во второй шеренге. Он крепко уперся концом пики в землю, стиснул древко вспотевшими от страха руками. Мэльфи непрерывно бормотал слова молитвы за упокой души погибающих. Делакс неразборчиво ворчал, твердил бесконечно, мусолил одни и те же слова, касающиеся деталей интимной жизни нильфгаардцев, кобелей, королей, коннетаблей, воевод и матерей всех вышеперечисленных вместе взятых.

Туча в поле росла.

– Эй, не пердеть там, не стучать зубами! – рявкнул Бронибор. – Если думаете своей вонью напугать нильфгаардских лошадей, то ошибаетесь. И не ободряйтесь! То, что на нас прет, называется бригада «Наузикаа» и Седьмая дээрлянская, известные боевые, прекрасно выученные воины! Их не испугаешь! Их не победишь! Их надо поубивать! Выше пики, мать...

Издали уже доносилась тихая, но быстро усиливающаяся барабанная дробь копыт. Задрожала земля. В туче пыли засверкали, словно искры, мечи.

– На ваше засранное счастье, вызимские герои, – снова заревел воевода, – пехотная пика нового модернизированного образца имеет в длину двадцать один фут! А в нильфгаардском мече всего три фута с половиной. Надеюсь, считать-то вы умеете? Так знайте, они тоже умеют. Но рассчитывают на то, что вы не устоите, что из вас выпрет наружу ваше истинное естество и тем самым подтвердит и покажет, что вы засранцы, трусы и паршивые овцы! Я четко излагаю? Ну, ладно! Проще сказать, Черные рассчитывают на то, что вы отбросите свои жерди и кинетесь бежать, а они станут вас нагонять на поле и долбать по хребтам, задницам и шеем, сечь с удобствами и без трудностей. Запомните, стервецы, что, хоть страх придает пяткам прямо-таки невероятную летучесть, от конников вам не убежать. Кому жизнь дорога, кому мила слава и добыча, тот должен стоять! Стоять твердо! Стоять стеной! И смыкать строй!

Ярре оглянулся. Стоявшие за линией пикинеров арбалетчики уже крутили рукоятки, внутренняя часть квадрата ошетичилась остриями гизарм, рансер, алебард, глевий, кос, рунков и вил. Земля дрожала все сильнее, в черной стене надвигающейся конницы уже можно было различить отдельные фигуры наездников.

– Мама, мамочка, – повторял дрожащими губами Мэльфи. – Мама, мамочка...

– М... мать твою, – бурчал Делакс.

Топот нарастал. Ярре хотел облизнуть губы, но не сумел. Язык отказался вести себя нормально, сделался твердым, как инородное тело, и сухим как щепка. Топот нарастал.

– Сплотиться! – рявкнул Бронибор, выхватывая меч. – Чувствовать плечо соседа! Помните, ни один из вас не дерется в одиночку! А единственное средство против страха, который вы чувствуете, это пика в кулаке! Готовься к бою! Пики – на грудь лошади! Ну, что будем делать, вызимские разбойники? Я спрашиваю!

– Стоять твердо, – проорали в один голос пикинеры. – Стоять стеной! Держать строй!

Ярре тоже орал. Уж ежели все, так все. Чего уж! Из-под копыт мчащейся клином конницы вырывались песок, щебень и дерн. Атакующие орали не хуже демонов, размахивали оружием. Ярре нажал на пику, втянул голову в плечи и крепко зажмурился.

Ярре, не отрываясь от работы, резким движением культи отогнал кружащую над

чернильницей осу.

Ничего не дала задумка маршала Коегоорна, его фланговый отряд остановила героическая вызимская пехота под командованием воеводы Бронибора, заплатив большою кровью за свое геройство. А пока вызимцы отпор ставили, на левом крыле нильфы рассыпались –

одни кинулись в бегство, другие сбивались в кучи и кучами же оными защищались, со всех сторон окруженные. Почти то же деелось и на правом крыле, где ярость краснолюдов и кондотьеров вконец над императором Нильфгаарда верх взяли. На всем фронте возвился единый крик триумфа, а в сердце королевских рыцарей новый дух вступил. В нильфгаардцах же дух пал, руки их занемели, и наши принялись их лущить, из панцирей ихних выколачивая навроде гороха, так что прям-таки эхо прокатилось.

И понял фельдмаршал Коегоорн, что баталия проиграна, увидел, как гибнут и разваливаются вокруг него бригады.

И тут прибежали к нему офицеры, а также рыцари, коня подводя свежего, взывая, дабы уходил Коегоорн, спасал свой живот. Но неустрашимо было сердце в груди нильфгаардского маршала. «Негоже, –

воскликнул он, протянутые ему поводья отвергаючи. –

Негоже, дабы я, будто трус какой, сбежал с поля боя, на коем под моею командою столько добрых мужей за Империю жизнь свою отдали!» И добавил мужественный Мэнно Коегоорн...

– Уж некуда бежать, – спокойно и рассудительно добавил Мэнно Коегоорн, осматривая поле.
– Окружили нас со всех сторон.

– Дайте ваш плащ и шлем, господин маршал. – Ротмистр Сииверс отер со лба кровь и пот. – Берите мои! Слезьте с жеребца, возьмите моего... Не возражайте! Вы обязаны жить! Вы необходимы Империи, незаменимы... Мы, даэрлянцы, ударим по нордлингам, притянем их на себя, а вы попытайтесь пробиться туда, вниз, пониже рыбного пруда...

– Не выбраться вам отсюда, – проворчал Коегоорн, хватая поданные поводья.

– Это честь, – выпрямился в седле Сииверс. – Я – солдат. Из Седьмой даэрлянской! Ко мне, друзья! Ко мне!

– Успеха вам, – буркнул Коегоорн, набрасывая на плечи даэрлянский плащ с черным скорпионом на плече. – Сииверс!

– Я здесь, господин маршал.

– Нет, ничего. Удачи тебе, парень.

– И вам да сопутствует счастье, господин маршал. По коням, друзья!

Коегоорн глядел им вслед. Долго. До тех пор, пока группа Сииверса с гиком и грохотом не столкнулась с кондотьерами. С численно превосходящим отрядом, которому к тому же на подмогу тут же поспешили другие. Черные плащи даэрлянцев исчезли, скрылись среди кондотьерской серости. Все утонуло в пыли.

Коегоорна привело в себя нервное покашливание де Вингальта и адъютантов. Маршал поправил стременной ремень и тебеньки, усмирил беспокойного жеребца, скомандовал:

– По коням!

Вначале им везло. У выхода ведущей к реке долинки яростно оборонялся быстро тающий, сбившийся в ошетилившееся остриями кольцо отряд недобитых бойцов бригады «Наузикаа», на котором нордлинги сейчас сосредоточили весь напор и всю силу, стараясь пробить брешь в их кольцо.

Совсем, однако, просто у небольшой группы маршала дело не прошло – приходилось прорубаться сквозь лавину легкой волонтерской конницы, судя по знакам – бруггенской. Бой был короткий, но зверски яростный. Коегоорн уже растерял и отбросил последние крохи патетического героизма, сейчас он хотел только одного – выжить. Не оглядываясь на секущийся с бруггенцами эскорт, прижавшись к конской шее, он с адъютантами помчался к реке.

Путь был свободен, за речкой, за кривыми вербами, раскинулась пустая равнина, на которой не было видно и следа вражеских войск. Мчавшийся рядом с Коегоорном Удер де Вингальт тоже увидел это и торжествующе вскрикнул.

Рановато.

От ленивого и мутного течения речки их отделял заросший ядовито-зеленым горцем луг. Когда они на полном галопе влетели туда, кони неожиданно провалились в трясину по животы.

Маршал перелетел через голову лошади и шлепнулся в болото. Вокруг ржали и визжали лошади, кричали барахтающиеся в грязи и покрытые зеленым горцем люди. Среди этого хаоса он неожиданно услышал другой звук. Звук, означающий смерть.

Шипение перьев.

По бедра в вязкой трясине, Коегоорн пытался пробиться к руслу реки. Продиравшийся рядом адъютант вдруг рухнул лицом вниз, маршал успел заметить болт, торчащий у него в спине по самые перья. В тот же миг почувствовал страшный удар в голову. Покачнулся, но не упал, завязнув в тине и трясине. Хотел крикнуть, но смог только захрипеть. «Жив, – подумал он, пытаясь выбраться из объятий липкого месива. Вырывающийся из топи конь ударил его по шлему, вдавленный глубоко металл разбил щеку, выбил зубы и покалечил язык. – Исхожу кровью... глотаю кровь... Но живу...»

Снова щелчок тетивы, шипение перьев, звон и скрежет пробивающих латы болтов, визг и ржание лошадей, хлюпанье, брызги крови. Маршал оглянулся и увидел на берегу стрелков: маленькие, плотные, коренастые фигурки в кольчугах, шлемах с бармицами и островерхих шоломах. «Краснолюды», – подумал он.

Щелчок тетивы, свист болта. Визг обезумевших лошадей, крики людей, заглушаемые водой и топью.

Обернувшись к стрелкам Удер де Вингальт высоким писклявым голосом завопил, что сдается, умолял спасти, упрашивал оставить его в живых. Видя, что никто не понимает его слов, он поднял над головой меч, схватил за клинок. Международным, почти всекосмическим жестом подчинения протянул меч в сторону краснолюдов. Но не был ими понят или же был понят неверно, потому что два болта тут же угодили ему в грудь с такой силой, что удар просто вырвал его из трясины.

Коегоорн сорвал с головы вдавленный в нее шлем. Он достаточно хорошо знал всеобщий язык нордлингов.

– Я маршал Коегоорн... – забормотал он, отплевываясь кровью, – малал... Коогоо... Сдаюсь... Профу... Плофтите...

– Чего он там плетет, Золтан? – удивился один из краснолюдов.

– А хрен их поймет с их трепом! Видишь шитье на плаще, Мунро?

– Серебряный скорпион! Хо-хо! Ребята, а ну давай в сукина сына! За Калеба Страттона!

– За Калеба Страттона!

Щелкнули тетивы. Один болт угодил Коегоорну в грудь, второй – в бедро, третий в ключицу. Фельдмаршал Нильфгаардской империи перевернулся на спину, повалился в жидкое месиво, горец и топь поддались под его тяжестью. «Кто, – успел он еще подумать, – такой этот Калев Страттон? Никогда в жизни не слышал ни о каком Калеве...»

Мутная, густая, кроваво-грязная вода речки Хотли сомкнулась над его головой и ворвалась в легкие.

Она вышла из палатки, чтобы глотнуть свежего воздуха. И тут увидела его, сидевшего на земле возле скамейки кузнеца.

– Ярре!

Он поднял на нее глаза. В глазах была пустота.

– Июля? – спросил он, с трудом шевеля пересохшими губами. – Откуда ты...

– Во вопросик! – тут же перебила она. – Лучше скажи, откуда ты здесь взялся?

– Мы принесли нашего командира... Воеводу Бронибора... Раненого...

– Ты тоже ранен. А ну покажи руку. О богиня! Ты же изойдешь кровью, парень!

Ярре глядел на нее, а Июля вдруг усомнилась в том, что он ее видит.

– Идет бой, – сказал юноша, слегка постукивая зубами. – Надо стоять стеной... Сомкнув ряды. Легко раненные должны носить в лазарет... раненных тяжело. Приказ.

– Покажи, говорю, руку.

Ярре коротко взвыл, зубы принялись отбивать дикое стакато. Июля поморщилась.

– Ого-го. Скверно это выглядит... Ох, Ярре, Ярре... Вот увидишь, матушка Нэннеке будет недовольна... Пошли со мной.

Она заметила, как он побледнел, когда увидел, когда почувствовал висящую под полотном палатки вонь. Покачнулся. Она поддержала его. Видела, что он смотрит на залитый кровью стол. На лежащего там человека. На хирурга, маленького низушка, который вдруг подпрыгнул, затопал ногами, грубо выругался и бросил на землю скальпель.

– Черт! Курва! Почему? Зачем все так? Кому это нужно?

Никто ему не ответил.

– Кто это был?

– Воевода Бронибор, – еле слышно пояснил Ярре, глядя вперед пустыми глазами. – Наш командир... Мы стояли твердо в строю... Приказ. Как стена. А Мэльфи убили...

– Господин Русти, – попросила Июля. – Этот парень – мой знакомый... Он ранен...

– На ногах держится, – холодно бросил хирург. – А тут один почти умирающий ждет трепанации. Здесь никакие знакомства не имеют значения...

В этот момент Ярре с большим чувством драматизма ситуации потерял сознание и повалился на глинобитный пол. Низушек фыркнул.

– Ну хорошо. На стол его, – скомандовал он. – Ого, неплохо разделали руку. На чем это, интересно, держится? Пожалуй, на рукаве? Жгут, Иоля! Тугой! И не вздумай плакать! Шани – пилу.

Пила с отвратительным скрежетом вгрызалась в кость выше локтевого сустава. Ярре очнулся и заревел. Ужасно, но коротко... Потому что, когда кость поддалась, он тут же снова потерял сознание.

Так вот и получилось, что могущество Нильфгаарда приказало долго жить в пыли и прахе на бренненских полях, а на движении Империи на север был положен окончательный крест. Убитыми и взятыми в плен Империя потеряла людей сорок и четыре тысячи. Полег цвет рыцарства, элитная кавалерия. Полегли, попали в плен и неволю либо без вести пропали воители таких величин, как Мэнно Коегоорн, Брайбан, де Меллис-Сток, ван Ло, Тырконнель, Эггебрахт и другие, имена коих не сохранились в наших архивах.

Так оборотилась Бренна началом конца. Но следует тут отметить, что битва та была лишь малым камушком в строении, и невелик был бы ее вес, коли б не то, что были мудро использованы плоды виктории. Надобно напомнить, что вместо того, чтобы почить на лаврах и разрываться от гордости, а также почестей и наград ждать, Ян Наталис, почитай без передыху, двинулся на юг. Отряды конников под командой Адама Пангратта и Джулии Абатемарко разбили две дивизии Третьей армии, кои шли с запоздалой помощью Мэнно Коегоорну. Наталис разгромил их так, что *nuntius cladis* [108].

При известии о сём оставшаяся часть группы армий «Центр» срамно тылы показала и за Яругу в поспешности ретировалась, а поелику Фольтест и Наталис на пятки им наступали, потеряли имперские все свои обозы и все свои штурмовые машины, коими намеревались в неизбывной гордыне своей Вызиму, Горс Велен и Новиград добыть.

И како лавина, с гор мчащая, все сильнее снегом обрастающая и через это возрастающая, тако и Бренна все более суровые приносила Нильфгаарду последствия. Трудные времена пришли для армии «Вердэн» под командованием де Ветта, коей моряки со Скеллиге и король Этайн из Цидариса великие в партизанской войне неудобства чинили. Когда же де Ветт о Бренне доведася, когда весть до него дошла, что форсированным маршем движется на него король Фольтест со Наталисом, то тоже приказал он поворот трубить и в панике за реку в Цинтру сбежал, трупам путь своего бегствия усеявши, ибо при вести о нильфгаардских поражениях восстание в Вердэне вновь возгорелось. Токмо в Настроге, Розроге и Будроге, не взятых нильфами крепостях, могучие остались гарнизоны, откуда оне лишь после цинтрийского мира с почестью и штандартами вышли.

В Аэдирне же весть о Бренне к тому привела, что враждебные дружка дружке короли Демавенд и Хенсельт один другому правые руки подали и совместно супротив Нильфгаарда выступили. Группа армий «Восток», что под командой герцога Ардаля аэп Даги к Долине Понтара направлялася, не сумела воспротивиться партизанам королевы Мэвы, кои тылы нильфгаардские жестоко рвали. Демавенд и Хенсельт загнали Ардаля аэп Даги под самый под Альдерсберг. Герцог Ардаль хотел было бой принять, но дивной судьбы случайностию неожиданно вдруг животом захворал, откушавши чего-то. Колики его прихватили и понос дизентерийный, так что в два дня скрутило онного в болях великих, и отдал он богам душу. А Демавенд с Хенсельтом, не мешкая, по нильфгаардцам ударили, в хороброй битве наголову оных разбили, хотя ж по-прежнему у Нильфгаарда значительный перевес числом был. Так

вот дух и искусство над силою тупой и грубой торжествовать обвыкли.

Надобно и еще об одном написать: что под Бренной с самим Мэнно Коегоорном случилось, того никто не ведает. Одни говорят, полег он, а тело не распознали и в общей погребли могиле. Другие толкуют: мол, живым ушел, но, императорского убоявшись гнева, в Нильфгаард не вернулся, но сокрылся в Брокилоне, посреди дриад, и там пустынным стал, бороду до самой земли отпустил. И посередь дриад же от огорчений и забот преставился.

Кружит промеж людю простого предание, будто возвращался маршал ночами на бренненское поле и ходил меж курганов, стеная: «Верните мне мои легионы!», но в конце концов повесился на осине на том холме, который с той поры так и именуется –

Шибеницкий. И ночью можно призрак старого маршала среди иных встретить призраков, разгромное поле сообщая навещающих.

– Дедушка Ярре! Дедушка Ярре!

Ярре поднял голову, поправил сползающие с вспотевшего носа очки.

– Дедушка Ярре! Бабушка Люсьена велела сказать, что хватит на сегодня штаны просиживать да напрасные каракули разводить и что ужин на столе!

Ярре тщательно сложил исписанные листки и заткнул пробкой чернильницу. В культе руки билась боль. «К перемене погоды, – подумал он. – Будет дождь».

– Дедушка Ярре!!!

– Иду! Да иду же, Цири. Иду.

Когда они занялись последним раненым, была глубокая ночь. Операцию проводили уже при свете, вначале обычном, от лампы, а позже и магическом. Марти Содергрэн пришла в себя после кризиса и, все еще бледная как смерть, замедленная, неестественная в движениях как голем, чаровала исправно и эффективно.

Наконец все четверо вышли из палатки и присели, прислонившись к полотнищу.

Равнину заполняли огни. Различные. Неподвижные – бивуачных костров, движущиеся – лучин и факелов. Ночь гремела далеким пением, восклицаниями, разговорами, победными криками.

Вокруг них ночь тоже жила отрывистыми криками и стонами раненых. Мольбами и вздохами умирающих. Привыкшие к звукам страдания и смерти, они уже не слышали этого. Эти звуки были для них обычными, естественными, так же вплавленными в ночь, как пение цикад в акациях у Золотого пруда.

Марти Содергрэн лирично молчала, прислонившись к плечу низушка. Иоля и Шани, обнявшись и прижавшись друг к дружке, то и дело прыскали тихим, совершенно бессмысленным смехом.

Прежде чем выйти из палатки, они выпили по мензурке водки, а Марти угостила всех своим последним заклинанием: веселящими чарами, которые обычно применяла при экстрагировании зубов. Русти чувствовал себя обманутым: усиленный магией напиток вместо того, чтобы расслабить, лишь одурманил, вместо того, чтобы снять утомление, еще больше усилил. Вместо того, чтобы дать забыться, напоминал.

«Похоже, – подумал хирург, – только на Иолю и Шани алкоголь и магия подействовали, как было задумано».

Он отвернулся и при лунном свете увидел на лицах обеих девушек блестящие, серебристые следы слез.

– Интересно, – сказал он, облизывая онемевшие, бесчувственные губы, – кто победил в этой битве? Кто-нибудь это знает?

Марти повернулась к нему, но продолжала лирично молчать. Цикады пиликали в акациях, вербах и ольхах над Золотым прудом. Квакали лягушки, стонали раненые, умоляли, вздыхали. И умирали. Шани и Иоля хохотали сквозь слезы.

Марти Содергрэн скончалась через две недели после боя. Она сошлась с офицером из вольной кондотьерской компании. Отнеслась к приключению легко и даже легкомысленно. В противоположность офицеру. Когда Марти, любительница перемен, связалась потом с темерским ротмистром, спятивший от ревности кондотьер пырнул ее ножом. Кондотьера повесили, целительницу спасти не удалось.

Русти и Иоля скончались через год после битвы, в Мариборе, во время жуткой вспышки кровавой лихорадки, заразы, которую называли также Красной Смертью, или – по названию корабля, на которой ее завезли, – «Бичом Катрионы». Тогда из Марибора бежали все медики и большинство жрецов. Русти и Иоля, конечно, остались. Они лечили, ибо были врачами. То, что от Красной Смерти не было лекарств, значения для них не имело. Оба заразились. Он умер у нее на руках, в крепких надежных объятиях ее деревенских, больших, некрасивых, прекрасных рук. Она умерла четыре дня спустя. В одиночестве.

Шани прожила после битвы семьдесят два года. Ушла из жизни знаменитой, всеми уважаемой – деканом кафедры медицины Оксенфуртского университета. Многие поколения будущих хирургов повторяли ее знаменитую шутку: «Сшей красное с красным, желтое с желтым, белое с белым. Наверняка будет хорошо».

Мало кто замечал, как, произнося эту истину, госпожа декан украдкой утирала слезы.

Мало кто.

Лягушки квакали, цикады пиликали среди верб над Золотым прудом. Шани и Иоля хохотали сквозь слезы.

– Интересно, – повторил Мило Вандербек, низушек, полевой хирург, больше известный под именем Русти. – Интересно, кто победил?

– Русти, – лирично сказала Марти Содергрэн. – Поверь, это самое последнее, о чем я стала бы беспокоиться на твоем месте.

Глава девятая

Одни язычки пламени были высокими и сильными, светили ярко и живо, другие – маленькими и зыбкими, а свет их то и дело тускнел и замирал. На самом же конце был один огонек, совсем маленький и такой слабый, что он едва тлел, едва теплился, то с величайшим трудом разгорался, то почти совсем угасал.

– Чей это угасающий огонек? – спросил ведьмак.

– Твой, – ответила Смерть. Флоуренс ДеланнойСказки и предания

Плоскогорье почти до самых дальних, синеющих в тумане горных вершин было совсем как каменное море, тут и там вздымающееся горбами, ребрами, ощетинившееся острыми зубьями рифов. Впечатление усиливали остовы кораблей. Десятки остовов: галер, галеасов, ког, каравелл, бригов, буксирчиков, драккаров. Некоторые выглядели так, словно появились здесь недавно, другие – кучи с трудом распознаваемых досок и шпангоутов, явно находившихся здесь десятки, если не сотни лет.

Некоторые лежали килями кверху, иные, повалившиеся набок, выглядели так, словно их выбросили сатанинские швалы и штормы. Третьи, казалось, плыли, маневрируя среди опасностей, поджидающих в каменном океане. Они стояли ровно и прямо, гордо выпятив борта, направив в зенит мачты, на которых развевались остатки парусов, болтались ванты и штаги. У них даже были свои призрачные экипажи – заклиненные в прогнивших досках и запутавшиеся в линиях скелеты мертвых моряков, навеки ушедших в бесконечное плавание.

Напуганные появлением всадника, взволнованные стуком копыт, с мачт, рей, линей, скелетов с криком сорвались тучи черных птиц. На мгновение они закрыли небо, закружились стайей над краем пропасти, на дне которой, серое и гладкое как ртуть, лежало озеро. На обрыве, частично возвышаясь над кладбищем кораблей, частично нависая над озером вплавленными в отвесную скалу бастиянами, виднелась сторожевая башня, темная и угрюмая. Кэльпи заплясала, зафыркала, застригла ушами, косясь на остовы, на скелеты, на весь пейзаж смерти. На каркающих черных птиц, которые уже возвращались, снова рассаживались на потрескавшихся мачтах и салингах, на вантах и черепах. Птицы поняли, что одинокого всадника бояться нечего. А если здесь кто-то и должен чего-то бояться, так только сам всадник.

– Спокойно, Кэльпи, – проговорила изменившимся голосом Цири. – Это конец пути. Это – нужное место и нужное время.

Она появилась перед воротами неведомо откуда, вынырнула, будто мираж, среди остовов. Стражи у ворот, встревоженные карканьем воронов, заметили ее первыми. Теперь они кричали, жестикулировали и указывали на нее пальцами, созывая других.

Когда она подъехала к надвратной башне, здесь уже была давка. И возбужденный гомон. На нее глазели все: те немногие, которые, как и Бореас Мун и Дакре Силифант, ее уже видели и знали, и те, кто только слышал о ней, – новозавербованные люди Скеллена, наемники и просто разбойники и грабители из Эббинга. Теперь они изумленно пялились на пепельноволосую девушку со шрамом на лице, с мечом за спиной. На изумительной красоты вороную кобылу, высоко держащую голову, похрапывающую и звенящую подковами о плиты двора.

Гомон и галдеж улеглись. Стало очень тихо. Кобыла ступала, поднимая ноги, как балерина, подковы звенели, как молоты о наковальню. Прошло немало времени, пока наконец ей преградили путь, скрестив гизармы и рунки. Кто-то неуверенно и испуганно протянул руку к узде. Кобыла храпнула.

– Проводите меня, – звучно сказала девушка, – к хозяину замка.

Бореас Мун, сам не зная почему, поддержал ей стремя и подал руку. Другие придерживали перебирающую ногами и фыркающую кобылу.

– Ты не узнаешь меня, милостивая государыня? – тихо спросил Бореас Мун. – Ведь мы уже встречались.

– Где?

– На льду.

– Я не глядела тогда на ваши лица, – равнодушно бросила она.

– Ты была Владычицей Озера. – Он серьезно покачал головой. – Зачем ты приехала сюда, девушка? Зачем?

– За Йеннифэр. И за своим Предназначением.

– Вернее – за смертью, – прошептал Мун. – Это замок Стигга. На твоём месте я бежал бы отсюда как можно скорее и дальше.

Она взглянула снова. Бореас тут же понял, что она хотела сказать этим взглядом.

Появился Стефан Скеллен. Долго рассматривал её, скрестив руки на груди. Наконец энергичным жестом велел следовать за ним. Они пошли молча, со всех сторон сопровождаемые вооружёнными людьми.

– Странная девка, – буркнул Бореас. И вздрогнул.

– К счастью, это уже не наша забота, – язвительно проговорил Дакре Силифант. – Меня удивляет, что ты с ней так запросто болтал. Она же ведьма, убила Варгаса и Фриппа, а потом Оля Харшейма...

– Харшейма убил Филин, – отрезал Бореас, – не она. Она подарила нам жизнь, там, на ледяном крошечке, хотя могла зарезать и потопить, как щенков. Всех. Филина тоже.

– Само собой. – Дакре сплюнул на плиты двора. – Нонче он зараз с чародеем и Бонартом наградит её за ейную милость. Поглядишь, Мун, уж они-то её обработают за милую душу. Они с неё шкуру тонкими полосками сдерут.

– Что сдерут, в это, пожалуй, поверю, – буркнул Бореас. – Потому как живодеры они. Да и мы тоже не лучше, коль у них служим.

– А выход-то у нас есть? Нету!

Кто-то из наемников Скеллена неожиданно тихо вскрикнул, кто-то подхватил. Кто-то выругался. Кто-то вздохнул. Кто-то молча указал рукой.

На зубцах, консолях и треугольных фронтонах над окнами, на сточных трубах, горгульях и машкаронах сидели, куда ни глянь, черные птицы. Тихо, не каркнув, они слетелись сюда с кладбища кораблей и теперь сидели в тишине и ожидании.

– Смерть чувят, – бухнул кто-то из наемников.

– И трупы, – добавил другой.

– Нет у нас выхода, – машинально повторил Силифант, глядя на Бореаса.

Бореас Мун глядел на птиц.

– Может, пора, – ответил он тихо. – Заиметь...

Они поднялись наверх по большой лестнице с тремя площадками, прошли мимо статуй, стоящих в нишах вдоль длинного коридора, затем – по галерее, окружающей вестибюль. Цири шагала смело, не чувствуя тревоги. В ней не вызывали страха ни оружие, ни разбойничьи физиономии сопровождающих. Она лгала, сказав, что не помнит лиц людей с замерзшего озера. Она помнила. Помнила, как Стефан Скеллен, тот самый, что сейчас с

угрюмой миной вел ее в глубь этого страшного замка, дрожал и стучал зубами на льду.

Теперь, когда он то и дело оглядывался и испепелял ее взглядом, она чувствовала, что он по-прежнему немного побаивается ее. Она глубоко вздохнула.

Они вошли в холл, под высокий, поддерживаемый колоннами звездчато-ребристый купол, под огромные паукообразные жирандоли. Цири увидела, кто ждет ее там. Страх вонзил в нее когтистые лапы, стиснул грудь, рванул и закрутил.

Бонарт тремя шагами оказался рядом. Обеими руками схватил за куртку на груди, поднял, притянул к себе, приблизил ее лицо к своим выцветшим рыбьим глазам.

– Ад, – прохрипел он, – должен быть действительно ужасным, если ты все же предпочла меня.

Она не ответила. В его дыхании ощущался алкоголь.

– А может, не пожелал тебя ад принять, маленькая зверюга? Может, та дьявольская башня с отвращением изрыгнула тебя, отведав твоего яда?

Он притянул ее еще ближе. Она отвернулась, отводя лицо.

– Правильно, – тихо сказал он. – Ты не напрасно опасаясь, это конец твоего пути. Отсюда ты уже не сбежишь. Здесь, в этом замке, я выпущу тебе кровь из жил.

– Вы закончили, господин Бонарт?

Она сразу узнала того, кто это сказал. Чародей Вильгефорц, тот, что на Танедде сначала был закованным в кандалы узником, а потом преследовал ее в Башне Чайки. Тогда, на острове, он выглядел пристойнее. Сейчас в его лице что-то изменилось, что-то сделало его некрасивым и страшным.

– Разрешите, господин Бонарт. – Чародей даже не пошевелился в похожем на трон кресле. – Я возьму на себя приятную обязанность приветствовать в замке Стигга нашу гостью, мадемуазель Цириллу из Цинтры, дочь Паветты, внучку Калантэ, потомка знаменитой Лары Доррен аэп Шиададь. Приветствую. И прошу подойти ближе.

В последних словах чародея уже не чувствовалось скрываемой под маской вежливости насмешки. Были в них только угроза и приказ. Цири сразу поняла, что не сможет противостоять этому приказу. Ощутила страх. Чудовищный, парализующий страх.

– Ближе, – прошипел Вильгефорц.

Теперь она увидела, что не так в его лице. Левый глаз, который был значительно меньше правого, моргал, яблоко дергалось и вертелось, как дикое, в сморщенной и синей глазной впадине. Картина была кошмарная.

– Поведение бравое, на лице ни следа страха, – сказал чародей, наклонив голову. – Одобряю. Если только отвага не есть следствие глупости. Я сразу же рассею возможные иллюзии. Отсюда, как справедливо заметил господин Бонарт, ты не убежишь. Ни телепортом, ни при помощи твоих собственных особых способностей.

Она знала, что он прав. Раньше она убеждала себя, что в случае чего всегда, пусть даже в последний момент, сумеет убежать и скрыться среди времен и мест. Теперь же знала, что эта надежда – обманчивая. Неосуществимая. Замок прямо-таки дрожал от зловещей, враждебной, чуждой магии. Чуждая и враждебная магия пронизывала ее, исследовала, паразитом ползала по внутренностям, по извилинам мозга. Она ничего не могла с этим

поделать. Она была во власти вражьей силы. Она была бессильна.

«Что делать? – думала она. – Я знала, на что иду, что делаю. Знала, зачем сюда пришла. Все остальное действительно было фантазией. А, пусть будет что будет».

– Bravo, – сказал Вильгефорц. – Точная оценка ситуации. Будет, что и должно быть. Точнее, будет так, как решу я. Интересно, догадываешься ли ты, изумительная моя, как и что я решу?

Она хотела ответить, но не успела преодолеть сопротивление перехваченного спазмой и сухого горла. Он опять опередил ее, проконтролировав мысль.

– Ну конечно, догадываешься, Владычица Миров, Владычица Времен и Мест. Да-да, изумительная моя, ты не застала меня врасплох своим визитом. Я просто-напросто знаю, куда и каким образом ты сбежала с озера. Я знаю, с кем и с чем ты там столкнулась. Знаю, как попала сюда. Единственное, чего я не знаю, так это – долгим ли был путь? И достаточно ли много было впечатлений?

Ах, – зловеще усмехнулся он, снова опережая ее. – Тебе нет нужды отвечать. Я знаю, что было интересно и увлекательно. Видишь ли, я не могу дожидаться испробовать это лично. Страшно завидую твоему дару. Придется тебе со мной поделиться, изумительная моя. Да, «придется» – нужное слово. Пока ты не поделишься со мной своим даром, я просто не выпущу тебя из рук. Ни днем, ни ночью не выпущу из рук.

Цири наконец поняла, что горло перехватил ей не только страх. Чародей давил и душил ее магически. Издевался. Унижал. На глазах у всех.

– Выпусти... Йеннифэр, – прохрипела она, корчась от усилий. – Выпусти ее... А со мной можешь сделать что захочешь.

Бонарт зашелся смехом, сухо рассмеялся и Стефан Скллен. Вильгефорц почесал мизинцем уголок своего чудовищного глаза.

– Ты не можешь быть настолько глупа, чтобы не понимать, что я и без того могу сделать с тобой все, что захочу. Предложение твое патетично, а стало быть, жалостно и смешно.

– Тебе нужна я... – Цири подняла голову, хоть это потребовало от нее значительных усилий. – Чтобы иметь от меня ребенка. Все этого хотят, ты тоже. Да, я в твоей власти, я сама пришла сюда... Ты меня не поймал, хотя гонялся по всему миру. Я пришла сюда сама и сама себя отдаю тебе. Взамен на Йеннифэр. За ее жизнь. Тебе смешно? Ну так попытайся сделать со мной ребенка... насильно... Увидишь, что у тебя тут же пропадет желание смеяться.

Бонарт подскочил к ней, замахнулся нагайкой. Вильгефорц сделал внешне небрежное, всего лишь слабое движение рукой, но и этого было достаточно, чтобы нагайка вырвалась из бонартовых рук, а сам он завертелся, словно получил удар тележкой с углем.

– Господин Бонарт, – сказал Вильгефорц, массируя пальцы. – У вас, похоже, все еще сложности с пониманием обязанностей гостя. Соболаговолите запомнить: находясь в гостях, не ломают мебель и произведения искусства, не крадут мелкие предметы, не пачкают ковры и труднодоступные места. Не насилюют и не избивают других гостей. Последнее действует по крайней мере до тех пор, пока не закончит насилловать и избивать гостей сам хозяин, пока он не даст знак, что теперь бить и насилловать уже можно. Из только что сказанного должна сделать соответствующие выводы и ты, Цири. Не сумеешь? Я помогу. Ты отдаешься мне сама и покорно соглашаешься на все, ты позволяешь мне делать с тобой все, что мне заблагорассудится. И думаешь, что с твоей стороны это невероятная жертва. Ты глубоко заблуждаешься. Суть в том, что делать с тобой я буду не то, что мне хочется, а то, что сделать вынужден. Пример: я желал бы в порядке реванша за Танедд вырвать у тебя хотя б

один глаз, а не могу, ибо опасюсь, что ты этого не переживешь.

Цири поняла, что либо сейчас, либо никогда. Она вывернулась в полуобороте, выхватила Ласточку из ножен. Весь замок вдруг завибрировал, она почувствовала, что падает, болезненно стукнулась коленями. Согнулась, чуть ли не касаясь лбом пола, борясь с позывами. Меч выскользнул из одеревеневших пальцев. Кто-то его поднял.

– Та-а-ак, – протянул Вильгефорц, положив подбородок на сложенные будто для молитвы ладони. – Так на чем мы остановились? Ах да, на твоем предложении. Жизнь и свобода Йеннифэр взамен... За что? За то, что ты отдашься добровольно, с желанием, без насилия и принуждения? Печально, Цирилла. Для того, что я с тобою сделаю, насилие и принуждение просто необходимы.

Да-да, – повторил он, с интересом присматриваясь к тому, как девушка хрипит, пускает слюни и пытается очистить желудок. – Без насилия и принуждения просто не получится. На то, что я сделаю, ты никогда не согласишься добровольно, уверяю тебя. Стало быть, как видишь, твое предложение по-прежнему остается жалким и смешным, а сверх того еще и бессмысленным. Поэтому я его отвергаю. Ну, возьмите ее. И сразу в лабораторию.

Лаборатория мало чем отличалась от той, которую Цири знала по храму Мелитэле в Элландере. Она тоже была ярко освещена, в ней тоже царила идеальная чистота. И в ней тоже стояли длинные столы, покрытые листовым металлом. На столах громоздились стекла, заполненные чем-то баночки, реторты, колбы, пробирки, трубки, линзы, шипящие и бурлящие перегонные кубы и другие удивительные приборы. Здесь, как и там, в Элландере, резко пахло эфиром, спиртом, формалином и чем-то еще, что нагоняло страх. Даже там, в дружественном храме, рядом с дружественными жрицами и дружественной Йеннифэр, Цири испытывала в лаборатории страх. А ведь там, в Элландере, никто не загонял ее в лабораторию насильно, никто не усаживал грубо на скамью, никто не держал за плечи и руки железной хваткой. Там, в Элландере, посередине лаборатории не было страшного стального кресла, садистская форма которого была совершенно очевидна. Не было там одетых в белое и наголо обритых типов, не было там Бонарта, не было Скеллена, возбужденного, раскрасневшегося и нервно облизывающего губы. И не было Вильгефорца с одним нормальным и другим маленьким и кошмарно подвижным глазом.

Вильгефорц повернулся к столу и долго раскладывал на нем вызывавшие страх инструменты.

– Видишь ли, изумительная моя, – начал он, подходя к Цири, – ты для меня ключ к могуществу и власти. Власти не только над здешним миром, представляющим собой мерзопакостную мерзость, обреченную, кстати сказать, на скорую гибель, но и над всеми мирами. Над полной гаммой мест и времен, возникших после Конъюнкции. Ты наверняка понимаешь меня. Некоторые из этих мест и времен ты уже посетила.

– Меня, – продолжил он через минуту, подворачивая рукава, – стыдно признаться, страшно привлекает власть. Это тривиально, знаю, но я хочу быть властелином. Владыкой, которому будут бить поклоны, которого люди станут боготворить и благословлять только за то, что он, то есть я, существует, и воздавать ему, то есть мне, божественные почести, если, скажем, я пожелаю избавить мир от катаклизма. Даже если я сделаю это только ради собственного каприза. Ох, Цири, сердце мое ликует, когда я думаю, сколь щедро я стану награждать верных и как жестоко карать непослушных и непокорных. Медом, сладкой патокой для моей души будут возносимые целыми поколениями молитвы ко мне и за меня, за мою милость и мою ласку. Целые поколения, Цири, целые миры. Послушай как следует! Слышишь? Они будут молиться за то, что Всевышний, то есть я, дал им воздух, избавил от голода, огня, войны и гнева Вильгефорца, то есть меня же!

Вильгефорц пошевелил пальцами у нее перед лицом – и резко схватил за щеки. Цири вскрикнула, рванулась, но ее держали крепко. У нее задрожали губы.

Вильгефорц нервно захохотал, в уголках рта забелели пятнышки пены.

– Дитя Предназначения, – не мог остановиться он, – священная эльфья Старшая Кровь... Qen Nen Ichaer... Теперь уже только моя, принадлежащая только мне...

Он резко выпрямился, отер губы.

– Всяческие глупцы и мистики, – проговорил уже своим обычным холодным тоном, – пытались подогнать, как-то приспособить тебя к небылицам, легендам и предсказаниям, выискивали ген, который ты носишь, наследие предков. Путая небо со звездами, отраженными в поверхности пруда, мистически положили, что ген, от которого зависит осуществление великих возможностей, будет эволюционировать дальше и полной мощи достигнет в твоем ребенке либо в ребенке твоего ребенка. Так и ширилась окружающая тебя магическая аура, извивался дымок кадил. А истина столь же банальна, сколь и прозаична. Я бы сказал: органически прозаична. Важна, прелесть моя, твоя кровь. Но в прозаически буквальном, отнюдь не поэтически-возвышенном значении этого слова.

Вильгефорц взял со стола стеклянный шприц по меньшей мере полфута длиной. Шприц оканчивался тонким, слегка изогнутым капилляром. Цири почувствовала, как у нее начинает сохнуть во рту. Чародей осмотрел шприц на свет.

– Через минуту, – заявил он сухо, – тебя разденут и усадят на кресло. Именно то, на которое ты зришь с таким любопытством. На этом кресле ты проведешь – правда, в неудобном положении, – некоторое время. А вот при помощи этого прибора, который, как я вижу, тебя также весьма заинтересовал, ты будешь оплодотворена. Это вовсе не так уж страшно, почти все время ты будешь пребывать в полубморочном состоянии от эликсиров, которые я стану вводить тебе в сосуды, чтобы правильнее закрепить плодовое яйцо и исключить внематочную беременность. Тебе нечего бояться, у меня есть опыт, я проделывал это уже сотни раз. Правда, моими подопытными ни разу не были избранницы судьбы и Предназначения, но не думаю, чтобы матка и яичники избранниц кардинально отличались от маток и яичников обычных девочек.

А теперь – самое главное. – Вильгефорц явно наслаждался своими словами. – Это может тебя огорчить, а может – утешить, но знай, что ребенка ты рожать не будешь. Как знать, возможно, это и был бы величайший избранник с невероятными способностями, спаситель мира и властелин народов. Однако гарантировать этого не может никто, а кроме того, я не намерен ждать так долго. Мне необходима кровь. Точнее, кровь плацентная. Как только плацента оформится, я извлеку ее из тебя. Последующие мои планы и намерения, изумительная моя, тебя уже, как ты сама понимаешь, касаться не будут, так что нет смысла информировать тебя о них, это было бы излишней фрустрацией.

Он умолк, сделал эффектную паузу. Губы у нее задрожали – и поделаться с собой она уже ничего не могла.

– А теперь, – театрально кивнул Вильгефорц, – приглашаю в кресло, мазель Цирилла.

– Хорошо было бы, – сверкнул зубами из-под седых усов Бонарт, – чтоб на это поглядела сука Йеннифэр. Она того заслужила!

– А и верно. – В уголках улыбающихся губ Вильгефорца снова появился белый шарик пены. – Оплодотворение, как ни говори, дело святое, возвышенное и торжественное, сие есть мистерия, при которой должна присутствовать вся ближайшая родня. А ведь Йеннифэр – ее квазيمات, а в примитивных культурах таковые прямо-таки активно участвуют в проводах

дочерей к брачному ложу. А ну! Приведите-ка ее сюда!

– Что же до оплодотворения, – Бонарт наклонился над Цири, которую выбритые до блеска аколиты чародея уже начали раздевать, – то нельзя ль, господин Вильгефорц, сделать это более привычно? Традиционно? По-божьему?

Скеллен фыркнул, покачал головой. Вильгефорц слегка насупился, потом холодно возразил:

– Нет, господин Бонарт. Нельзя ль.

Цири, словно только теперь уразумев серьезность ситуации, пронзительно закричала. Раз, потом второй.

– Но, но, – поморщился чародей. – Храбро, с гордо поднятой головой и мечом вошли мы в логово эльфа, а теперь испугались маленькой стеклянной трубочки? Стыд, моя девочка. Стыд и позор.

Цири, наплевав на стыд и позор, заорала в третий раз, да так, что зазвенела лабораторная посуда.

А замок Стигга неожиданно ответил криком и воплями ужаса.

– Будет беда, сынки, – повторил Клочень, выковыривая окованным концом рунки засохший навоз из щелей между камнями двора. – Ох, увидите, беда нам будет, горемыкам.

Он посмотрел на дружков, но ни один из стражников ничего не ответил. Смолчал и Бореас Мун, оставшийся со стражниками у ворот. По собственной воле, не по приказу. Он мог, как Силифант, пойти за Филином, мог собственными глазами поглядеть, что станет с Владычицей Озера, какая судьба постигнет ее. Но Бореас не хотел на это смотреть. Предпочитал остаться здесь, во дворе, под голым небом, подальше от комнат и залов верхнего этажа, куда забрали девушку. Он был уверен, что сюда до него не долетит даже ее крик.

– Дурной это знак, птицы эти черные. – Клочень движением головы указал на воронов, все еще сидящих на стенах и карнизах. – Скверный энто знак, та молодница, что на вороной кобыле прискакала. В скверном, говорю я вам, мы тута деле Филину служим. Балакают, мол, сам Филин уже не коронер вовсе и никакой не важный господин, а в розыске пребывает, како и мы. Что инператор на него зол, аж жуть. Как нас, сынки, инперские разом прихватят, будет нам беда, горемыкам.

– Да уж! – добавил второй стражник, усач в колпаке, украшенном перьями черного аиста. – Да уж! Скверно, ежели инператор злой.

– А, хрен с имя, – вставил третий, прибывший в замок совсем недавно с последней завербованной Скелленом партией наемников. – Инператору моет до нас времени недостать. У его теперича навроде бы другие неразберихи-то. Побил нордлинг инператора-то наголову.

– Сталбыть, – сказал четвертый, – моет быть, и не так уж паршиво, что мы тута с Филином-та? Завсегда лучшее при том, который наверху.

– Оно и верно, – проговорил новичок, – что лучшее. Филин, мнится мне, в гору пойдет. А при нем и мы выплывем.

– Ох, сынки, – оперся о рунку Клочень, – глупы ж вы, яко хвосты конские...

Черные птицы взвились с оглушительным шумом и карканьем, перекрыли небо, тучей

окружили башню.

– Какого черта? – ахнул один из стражников.

– Отворите ворота!

Бореас Мун неожиданно почувствовал пронзительный запах трав, шалфея, мяты и тмина. Он сглотнул, тряхнул головой, закрыл и открыл глаза. Не помогло. Худощавый, седовласый, похожий на сборщика податей тип, возникший вдруг рядом с ним, и не думал исчезать. Он стоял и улыбался, не разжимая губ. Волосы Бореаса чуть не подняли шапку.

– Прошу отворить ворота, – повторил улыбающийся тип. – Незамедлительно. Без проволочек. Поверьте, так будет лучше.

Клочень, со звоном упустив рунку, стоял неподвижно и беззвучно шевелил губами. Глаза у него были совершенно пустые. Остальные стражники подошли к воротам, двигаясь одеревенело и неестественно, будто глиняные големы. Сняли балку, отодвинули засовы.

На двор, гремя подковами, ворвалась четверка лошадей со всадниками. У одного волосы были белые как снег, в руке молнией сверкал меч. Второй оказался светловолосой женщиной, на скаку натягивающей тетиву лука. Третья наездница, совсем юная девчонка, размашистым ударом рассекла Клочню висок.

Бореас Мун подхватил упущенную рунку, заслонился древком. Четвертый наездник неожиданно возвысился над ним. К его шлему с обеих сторон были прикреплены крылья хищной птицы. Блеснул занесенный меч.

– Перестань, Кагыр, – резко сказал беловолосый. – Береги время и кровь. Мильва, Регис – туда...

– Нет! – крикнул Бореас, сам не зная, почему это делает. – Не туда... Там только тупик между стенами. Туда вам дорога, вон по тем ступеням. В верхний замок. Ежели хотите спасти Владычицу Озера, то надобно вам поспешить.

– Благодарю, – сказал белоголовый. – Благодарю тебя, незнакомец. Регис, слышал? Веди!

Через минуту на дворе остались только трупы. И Бореас Мун, все еще опирающийся на древко рунки, которого не мог отпустить – так сильно тряслись у него ноги.

Вильгефорц выслушал сообщение прибежавшего наемника со стоическим спокойствием и каменным лицом. Но бегающий и беспрерывно мигающий глаз выдавал его.

– Помощь в последний момент? – проскрежетал он. – Невероятно. Такие вещи так просто не случаются. Либо случаются, но в скверных ярмарочных представлениях, что, впрочем, одно на одно выходит. Окажи любезность, добрый человек, и скажи, что все это ты придумал, скажем так, шутки ради?

– Я не выдумывал! – возмутился солдат. – Правду говорю! Ворвались сюда какие-то... Цельная армия...

– Ну ладно, ладно, – прервал чародей. – Я пошутил. Скллен, займись этим лично. Есть случай показать, чего в натуре стоит твое войско, нанятое, кстати, на мое золото.

Филин подпрыгнул, нервно размахивая руками.

– Не слишком ли просто ты на это смотришь, Вильгефорц? – крикнул он. – Ты, похоже, не представляешь себе серьезности ситуации! Если на замок напали, так это же армия Эмгыра!

А значит...

– Ничего это не значит, – отрезал чародей. – Но я знаю, о чем ты. Хорошо, если тот факт, что у тебя за спиной стою я, поправит твоё моральное состояние, пусть будет так. Пошли. Вы тоже, господин Бонарт. Что до тебя, – он уставился на Цири страшным глазом, – то оставь надежды. Я знаю, кто сюда явился со своей достойной дешёвого фарса помощью. И уверяю тебя, я этот дешёвый фарс оберну ужасом.

– Эй, эй! – крикнул он слугам и аколитам. – Заковать девчонку в двимерит, запереть в келье на три засова, шагу не ступать от двери! Головой за неё отвечаете! Ясно?

– Так точно, господин! * * *

Они влетели в коридор, из коридора – в другой зал, полный статуй. Никто не преградил им пути. Мелькнули лишь несколько слуг, тут же скрывшихся при их приближении.

Вбежали по лестнице. Кагыр ударом ноги вышиб дверь. Ангулема ворвалась внутрь с боевым криком, одним махом сабли снесла шлем со стоящих у дверей лат, которые приняла за стража. Поняла ошибку и залилась хохотом.

– Ха-ха-ха! Вы только гляньте...

– Ангулема, – утихомирил её Геральт. – Не стоять! Дальше!

Перед ним отворились двери, за ними замаячили фигуры. Мильва, не раздумывая, натянула тетиву и послала стрелу. Кто-то вскрикнул. Двери захлопнулись. Геральт слышал, как звякнул засов.

– Дальше! Дальше! – крикнул он. – Не стоять!

– Ведьмак, – сказал Регис. – Глупо и бессмысленно бегать вслепую. Я пойду... Полечу на разведку.

– Лети.

Вампир исчез, словно ветром сдуло. Геральту некогда было удивляться.

Они снова натолкнулись на людей, на этот раз вооружённых. Кагыр и Ангулема с криком кинулись к ним, а люди бросились бежать, скорее всего из-за Кагыра и его шикарного шлема с крыльями.

Вбежали на окружающую внутренний дворик галерею. От ведущего в глубь здания портика оставалось шагов, может, двадцать, когда на противоположной стороне галереи появились люди. Разлетелись эхом крики. И засвистели стрелы.

– Прячься! – крикнул ведьмак.

Стрелы сыпались градом. Фурчали перья, наконечники высекали искры из каменного пола, отбивали штукатурку со стен. Мелкая пыль штукатурки осыпала ведьмака и его команду.

– Падайте! За перила!

Они упали, прячась кто как мог за резными столбиками перил. Но избежать ранений не удалось. Ведьмак слышал, как вскрикнула Ангулема, увидел, как она хватается за плечо, за мгновенно набухший кровью рукав.

– Ангулема!

– Ничего! Прошла сквозь мякоть! – крикнула девушка немного дрожащим голосом, подтвердив то, что он уже знал: если б наконечник стрелы раздробил кость, Ангулема потеряла бы от шока сознание.

Лучники с противоположной стороны галереи стреляли непрерывно, кричали, призывали подкрепление. Несколько человек отбежали вбок, чтобы поражать противника под более острым углом. Геральт выругался, оценил расстояние, отделяющее их от аркады. Дело выглядело неважно. Но оставаться там, где они были, означало смерть.

– Прыгаем! – крикнул он. – Внимание! Кагыр, помоги Ангулеме.

– Они нас уничтожат!

– Прыгаем! Так надо!

– Нет! – крикнула Мильва, поднимаясь с луком в руке.

Она выпрямилась, заняла стрелецкую позу, истинная статуя, мраморная амазонка с луком. Лучники на галерее заорали.

Мильва спустила тетиву.

Один из лучников отлетел назад, ударился спиной о стену, на стене расцвел кровавый разбрызг, напоминающий огромного осьминога. С галереи долетел крик, рев гнева, злобы и угрозы.

– Великое Солнце... – простонал Кагыр.

Геральт сжал ему плечо.

– Прыгаем! Помоги Ангулеме.

Стрелки с галереи сосредоточили весь обстрел на Мильве. Лучница даже не шелохнулась, хотя вокруг нее клубилась пыль от штукатурки, летели осколки мрамора и щепки ломающихся стрел. Она спокойно спустила тетиву. Опять вскрик, второй противник рухнул как тряпичная кукла, обрызгал своих соседей кровью и мозгом.

– Сейчас! – крикнул Геральт, видя, как стражники прыгают с галереи, как падают на каменный пол дворика, скрываясь от неминуемых Мильвиных стрел. Продолжали стрелять лишь трое самых отважных.

Наконечник стрелы ударился о столб, запудрив Мильву пылью штукатурки. Она сдула падающие на лицо волосы, натянула лук.

– Мильва! – Геральт, Ангулема и Кагыр подскочили к аркам. – Оставь! Беги!

– Еще разочек, – сказала лучница, держа перья стрелы у уголка губ.

Зазвенела тетива. Один из тройки отважных стрелков взвыл, перегнулся через перила и рухнул вниз, на плиты дворика. Остальных тут же покинула отвага. Они повалились на пол и прижались к нему. Подбежавшие на помощь не спешили выходить на галерею и подставлять себя под убийственные Мильвины стрелы.

За исключением одного.

Мильва поняла и оценила его сразу. Невысокий, щуплый, седой. С протертым до блеска наплечником на левом предплечье, с лучничьей перчаткой на правой руке. Она видела, как он подбрасывает красивый композитный лук с профилированным резным седлищем, как

мягко его натягивает. Видела, как полностью натянутая тетива пересекает его загорелое лицо, видела, как красное перо стрелы касается его щеки. Она видела, что он целится верно.

Она подкинула лук, мягко натянула тетиву, прицелилась уже во время натяжения. Тетива коснулась ее лица, перо стрелы – уголка губ...

– Сильней, сильней, Маришка! До мордашки. Скручивай тетиву пальцами, чтобы стрела не свалилась с седлица. Руку крепче к щеке. Целься. Оба глаза открыты! Теперь сдержи дыхание. Стреляй!

Тетива, несмотря на шерстяной защитник, болезненно укусила левое предплечье.

Отец хотел что-то сказать, но на него напал кашель. Тяжелый, сухой, болезненный кашель. «Он кашляет все страшнее, – подумала Маришка Барринг, опуская лук. – Все страшнее и все чаще. Вчера раскашлялся, когда метился в козла. И на обед из-за этого была вареная лебеда. Терпеть не могу вареной лебеды. Ненавижу голод. И нужду».

Старый Барринг, хрипя, со стоном втянул воздух.

– В пяди от середины прошла твоя стрела, девка! В целой пяди! А ведь я говорил, чтобы так не дергать, спуская тетиву! А ты скачешь так, будто тебе червяк заполз между полужопками. И целишься слишком долго. Усталой рукой стреляешь! Только стрелы изводишь!

– Так я ж попала! И вовсе даже не в пяди, а всего полпяди от середины.

– Не пищи! Наказали ж меня боги, вместо парня девку-растяпу послав.

– И вовсе не растяпа я!

– Еще увидим. Стрельни еще разок. И помни, что я сказал. Стоять надо, словно в землю врытая. Целиться и стрелять быстро. Ну, чего морщишься?

– Потому что наговариваете на меня!

– Имею право. Я – отец. Стреляй.

Она натянула лук, надувшаяся и готовая разорваться. Он заметил это.

– Я люблю тебя, Маришка, – сказал он глухо. – Помни об этом всегда.

Она отпустила тетиву, как только перо коснулось губ.

– Хорошо, – сказал отец. – Хорошо, дочка.

И закашлялся жутко, хрипло.

Смуглый лучник на галерее погиб на месте. Стрела Мильвы угодила ему под левую подмышку и вошла глубоко, больше чем на половину древка, ломая ребра, разрывая легкие и сердце.

Выпущенная долей секунды раньше красноперая стрела смуглого стрелка угодила Мильве низко в живот и вышла сзади, разбив таз, разорвав кишки и артерию. Лучница упала на пол, словно ее ударили тараном.

Геральт и Кагыр закричали в один голос. Не обращая внимания на то, что увидевшие падение Мильвы стрелки с галереи снова взяли за луки, они выскочили из-за прикрывающего их портика, схватили лучницу и вытащили, презирая град стрел. Одна из стрел зазвенела, ударив по шлему Кагыра. Другая, Геральт поклялся бы, прочесала ему волосы.

Мильва оставила за собой широкую блестящую полосу крови. В том месте, где ее положили, мгновенно разлилась по полу огромная лужа. Кагыр ругался, руки у него тряслись. Геральт чувствовал, как его охватывает отчаяние. И ярость.

– Тетечка! – крикнула Ангулема. – Тетечка, не умирай! Тетечка!

Мария Барринг открыла рот, ужасно кашлянула, выплевывая кровь на подбородок.

– Я тоже люблю тебя, папка, – сказала она совершенно отчетливо.

И скончалась.

Бритые аколиты не могли справиться с вырывающейся и орущей Цири, на помощь поспешили прислужники. Один, которого она ловко пнула, согнулся в три погибели и упал на колени, обеими руками хватаясь за промежность и лихорадочно лоя ртом воздух.

Но это только разъярило остальных. Цири получила кулаком по шее, раскрытой ладонью по лицу. Ее перевернули, кто-то крепко пнул в бедро, кто-то уселся на лодыжки. Один из бритых аколитов, молодой, со злыми желто-зелеными глазами, придавил коленями ее грудь, вцепился в волосы и крепко рванул. Цири взвыла.

Аколит тоже взвыл. И вытаращился. Цири увидела, как из его бритой головы фонтаном брызнула кровь, пачкая белый лабораторный халат чудовищным рисунком.

В следующее мгновение в лаборатории разверзся ад.

Загрохотала выворачиваемая мебель. Пронзительный звон и хруст бьющегося стекла слился с безумным воем людей. Разливающиеся по столам и полу декокты, фильтры, эликсиры, экстракты и другие магические субстанции перемешивались и соединялись, некоторые при соприкосновении шипели и взрывались клубами желтого дыма. Помещение мгновенно наполнил ядовитый смрад.

Сквозь дым, сквозь проступившие от вони слезы Цири с ужасом видела, как по помещению с невероятной быстротой мечется что-то черное, напоминающее гигантского нетопыря. Видела, как нетопырь на лету задевает за людей, как те, кого он задевает, с криком валятся на пол. На ее глазах пытавшегося бежать прислужника подхватило с пола и швырнуло на стол, где он извивался, брызгал кровью и хрипел, окруженный разбитыми ретортами, перегонными кубами, пробирками и колбами.

Разлившиеся смеси брызнули на лампу. Зашипело, завоняло, и в лаборатории неожиданно вспыхнул огонь. Волна жара развеяла дым. Цири стиснула зубы, чтобы не закричать.

На стальном кресле, том, что предназначалось для нее, сидел худощавый седовласый, одетый в элегантный черный костюм мужчина. Он спокойно грыз и сосал шею перекинутого через колено бритого аколита. Тот тоненько попискивал и конвульсивно подрагивал. Напряженные ноги и руки у него ритмично подергивались.

Мертвенно-синие язычки пламени плясали по металлической крышке стола. Реторты и колбы с гулом взрывались одна за другой.

Вампир оторвал острые клыки от шеи жертвы, уставился на Цири черными, как агаты, глазами.

– Бывают обстоятельства, – проговорил он менторским тоном, слизывая кровь с губ, – когда просто невозможно не напиться. И не пугайся, – улыбнулся он, видя ее мину. – Не пугайся, Цири. Я рад, что нашел тебя. Меня зовут Эмиель Регис. Я, сколь странным это ни покажется, друг ведьмака Геральта. Прибыл вместе с ним, чтобы тебя спасти.

В пылающую лабораторию влетел вооруженный наемник. Друг Геральта повернул к нему голову, зашипел и выставил клыки. Наемник дико взвыл. Его вой долго еще не стихал вдали.

Эмиель Регис сбросил с колена неподвижное, обмякшее как тряпка тело аколита, встал и совсем по-кошачьи потянулся.

– И кто бы мог подумать? – проговорил он. – Такой хмырь, а до чего шикарная в нем была кровь. Это называется «скрытые достоинства». Разреши, Цирилла, проводить тебя к Геральту.

– Нет, – буркнула Цири.

– Тебе незачем меня бояться.

– А я и не боюсь, – возразила она, героически сражаясь с зубами, которые принялись было отбивать дробь. – Не в этом дело. Но где-то здесь в узилище находится Йеннифэр. Я должна ее как можно скорее освободить. Я боюсь за Йеннифэр... Пожалуйста, господин...

– Эмиель Регис.

– Предупредите, добрый господин, Геральта, что здесь Вильгефорц. Это чародей. Могущественный чародей. Пусть Геральт будет внимательным.

– Тебе следует быть внимательным, – повторил Регис, глядя на тело Мильвы. – Потому что Вильгефорц – могущественный чародей. А она освобождает Йеннифэр.

Геральт выругался.

– Дальше! – крикнул он, чтобы криком поднять у своих упавший дух. – Вперед!

– Я чувствую в себе, – зашипел вампир, жутко улыбаясь, – такую силу, что мог бы, наверное, весь этот замок развалить!

Ведьмак подозрительно глянул на него.

– Ну, вряд ли надо так-то уж, – сказал он. – Но пробейтесь на верхние этажи и наделайте немного шума, чтобы отвлечь от меня внимание. Я попытаюсь отыскать Цири. Не нравится мне, ох не нравится, что ты оставил ее одну, вампир.

– Она потребовала, – спокойно объяснил Регис, – таким тоном и поведением, которые исключали дискуссию. Признаться, она меня удивила.

– Знаю. Идите на верхние этажи. Держитесь! Я попробую ее отыскать. Ее либо Йеннифэр.

Он нашел, к тому же очень быстро.

Налетел на них случайно, совершенно неожиданно, выбежав из-за поворота коридора. И увидел. И картина эта вызвала такой приток адреналина, что у него прямо-таки закололо в сосудах на кончиках пальцев.

По коридору несколько верзил волокли Йеннифэр. Чародейка была избита и закована в цепи, что, однако, не мешало ей вырываться, брыкаться и ругаться не хуже портового грузчика.

Геральт не дал верзилам очухаться от неожиданности. Ударил только один раз, только одного, коротко, от локтя. Мужик заскулил по-собачьи, завертелся и с грохотом и звоном врезался головой в стоящие в нише латы, сполз по ним, размазывая кровь по пластинам.

Остальные – их было трое – отпустили Йеннифэр и отскочили. Кроме четвертого, который

схватил чародейку за волосы и приставил ей нож к горлу над самым димеритовым ошейником.

– Не подходи, – заорал он. – Я зарежу ее! Я не шучу!

– Я тоже. – Геральт закрутил мечом мельницу и заглянул дылде в глаза. Тот не выдержал. Отпустил Йеннифэр и присоединился к друзьям. У всех в руках уже было оружие. Один сорвал со стенного паноплия древнюю, но грозную на вид алебарду. Все, ссутулившись, не могли решить: нападать или обороняться.

– Я знала, что ты придешь, – сказала Йеннифэр, гордо выпрямляясь. – Покажи, Геральт, этим мерзавцам, на что способен ведьмачий меч.

Она высоко подняла скованные руки, натянув связывающую наручники цепь. Геральт схватил сигилль обеими руками, немного наклонился, примерился и рубанул. Так быстро, что никто не заметил движения клинка. Оковы со звоном упали на пол. Кто-то из наемников громко выдохнул. Геральт крепче сжал рукоять, положил указательный палец на эфес.

– Стань тверже, Йен. Голову немного набок, пожалуйста.

Чародейка даже не дрогнула. Звон металла, по которому ударил меч, был едва слышен.

Димеритовый ошейник упал рядом с кандалами. На шее у Йеннифэр расцвела одна – одна-единственная! – красная капелька.

Она засмеялась, массируя кисти. И повернулась к мужчинам. Ни один не выдержал ее взгляда.

Тот, что держал алебарду, осторожно, словно опасаясь, чтобы она не зазвенела, положил древнее орудие на пол.

– С такими, – проворчал он, – пусть Филин дерется сам. А мне моя жизнь дорога.

– Нам приказали, – забормотал, птясь, другой. – Велели нам... Мы по приказу...

– Я ж ничего не сделал, – облизнул губы третий, – вам, госпожа... В вашей камере... Заступитесь за нас...

– Пошли вон, – бросила Йеннифэр. Освобожденная от димеритовых оков, выпрямившаяся, с гордо поднятой головой, она смотрелась как сестра титанов. Черной растрепанной гривой она, казалось, касается потолка.

Верзилы исчезли. Уменьшившись до нормальных размеров, Йеннифэр кинулась Геральту на шею.

– Я знала, что ты придешь за мной, – мурлыкала она, отыскивая губами его губы. – Что ты придешь в любом случае.

– Пошли, – сказал он минуту погодя, с трудом ловя воздух. – Теперь – Цири.

– Цири, – подтвердила она. А через миг в ее глазах разгорелось пугающее фиолетовое пламя. – И Вильгефорц.

Из-за угла выскочил детина с арбалетом, крикнул, выстрелил, целясь в чародейку. Геральт прыгнул, как подброшенный пружиной, махнул мечом. Отраженный болт пролетел над самой головой арбалетчика так близко, что тот аж скорчился. Раскорчиться он уже не успел: ведьмак подскочил и разделал его, как карпа. Дальше в коридоре стояли еще двое, у них

тоже были арбалеты, они тоже выстрелили, но у них слишком уж тряслись руки, чтобы попасть. В следующий момент ведьмак был рядом с ними, и оба умерли.

– Куда, Йен?

Чародейка прикрыла глаза, сосредоточилась.

– Туда. По лестнице.

– Ты уверена?

– Да.

Разбойники Скеллена напали на них сразу за изломом коридора, неподалеку от украшенного архивольтом портала. Их было больше десятка – с пиками, алебардами и корсеками. Кроме того, они были решительны и ожесточенны. Несмотря на это, дело пошло быстро. Одного Йеннифэр сразу же поразила выпущенной из руки огненной стрелой. Геральт завертелся в пируэте, влетел меж остальными, краснолюдский сигилль мелькал и шипел змеей. Когда свалились четверо, остальные сбегали, звоном и топотом пробуждая эхо в коридорах.

– Все в порядке, Йен?

– Более чем!

Под архивольтом стоял Вильгефорц.

– Это впечатляет, – сказал он спокойно и звучно. – Я восхищен. Честное слово, я восхищен, ведьмак. Ты наивен и безнадежно глуп, но техникой своей действительно можешь вызвать восхищение.

– Твои разбойники, – так же спокойно ответила Йеннифэр, – только что ретировались, бросив тебя на нашу милость. Отдай мне Цири, и мы подарим тебе здоровье.

– Знаешь, Йеннифэр, – осклабился чародей, – это уже второе за сегодняшний день столь великодушное предложение. Благодарю, благодарю. А вот и мой ответ.

– Берегись! – крикнула Йеннифэр, отскакивая.

Геральт отскочил тоже. Вовремя. Вырвавшийся из рук чародея огненный шар превратил в черную шипящую жижу то место, где они только что стояли. Ведьмак смахнул с лица сажу и остатки бровей. Увидел, что Вильгефорц протягивает руку. Нырнул вбок, припал к полу за основанием колонны. Гроыхнуло так, что закололо в ушах, а замок задрожал до основания.

Грохот эхом прокатился по замку, задрожали стены, зазвенели жирандоли. С грохотом упал большой выполненный маслом портрет в позолоченной раме.

У прибежавших со стороны вестибюля наемников в глазах стоял дикий ужас. Стефан Скеллен остудил их грозным взглядом, привел в порядок воинственной миной и решительным голосом.

– Что там? Говорите!

– Господин коронер, – прохрипел один. – Ужас там! Это ж демоны и дьяволы... Из луков бьют без промашки... Рубять страшно... Смерть там... Все красное от кровищи!

– С десятков пало... Может, и поболее... А там... Слышите?

Загудело снова, замок задрожал.

– Магия, – пробормотал Скеллен. – Вильгефорц... Ну, посмотрим. Поглядим, кто кого.

Прибежал еще один солдат, бледный и опорошенный штукатуркой. Он долго не мог выговорить ни слова, а когда наконец заговорил, то руки у него тряслись и дрожал голос.

– Там... Там... Чудовище... Господин коронер... Все равно как огромный черный летучий мышь! У меня на глазах головы людям отрывал... Кровь – фонтаном. А он свистить и хохочет... Во-от такие у него зубищи!

– Не сносить нам голов... – прошептал кто-то за спиной у Филина.

– Господин коронер, – решился заговорить Бореас Мун. – Это упыри. Я видел... молодого графа Кагыра аэп Кеаллаха. А ведь он мертв.

Скеллен молча взглянул на него.

– Господин Стефан... – еле внятно пробормотал Дакре Силифант. – С кем нам здесь воевать досталось?

– Это не люди, – простонал один из наемников. – Адские черти они, вот кто! Не одолеет их человеческая сила...

Филин скрестил руки на груди, повел по солдатам смелым и властным взглядом.

– Значит, не станем, – заявил он громко и отчетливо, – вмешиваться в конфликт адских сил! Пусть себе дерутся демоны с демонами, чародейки с чародеями, а упыри – с восставшими из могил мертвяками. Не станем им мешать! Мы спокойно переждем здесь результат боя.

Лица наемников посветлели. Самочувствие их заметно поправилось.

– Эта лестница, – громко продолжал Скеллен, – единственная. Другого хода нет. Подождем здесь. Посмотрим, кому придет нужда по ней спускаться.

Наверху раздался ужасающий грохот, со свода шумно посыпалась штукатурка. Запахло серой и гарью.

– Слишком здесь темно! – воскликнул Филин громко и храбро, чтобы поднять дух своему войску. – Быстро зажечь, что только можно! Факелы, лучины! Надо толком видеть, кто появится на лестнице! Заполнить чем-нибудь горючим вон те железные корзины!

– Каким горючим, господин?

Скеллен молча показал каким.

– Картинами? – недоверчиво спросил наемник. – Изображениями?

– Именно! – фыркнул Филин. – Ну, что вы смотрите! Искусство умерло!

В щепки превратились рамы, в тряпки – полотна. Хорошо просохшее дерево и промасленная материя занялись сразу, взвились ярким пламенем.

Бореас Мун смотрел. Он для себя уже все решил. Окончательно.

Загудело, сверкнуло, колонна, из-за которой они успели выскочить прямо-таки в последний момент, развалилась. Ствол колонны переломился, украшенная аканфом капитель грохнулась о паркет, раздробив на части терракотовую мозаику. В их сторону с шипением понеслась шаровая молния. Йеннифэр отбила ее, выкрикнув заклинание и жестикулируя.

Вильгефорц шел прямо на них, его плащ развевался драконьими крыльями.

– Ну, Йеннифэр меня не удивляет, – говорил он на ходу. – Она – женщина, существо в эволюционном смысле более низкое, управляемое гормональной неразберихой, сумбуром. Но ты-то, Геральт, ты же не просто мужчина рассудительный от природы, но к тому же еще и мутант, эволюции неподвластный.

Он взмахнул рукой. Загудело, блеснуло. Молния отскочила от вычарованного Йеннифэр щита.

– Несмотря на свою рассудительность и рассудочность, – продолжал Вильгефорц, переливая из руки в руку огонь, – в одном ты проявляешь поразительную и глупейшую последовательность: тебя постоянно тянет плыть против течения и мочиться против ветра. Это должно было кончиться скверно. Знай же, что сегодня, здесь, в замке Стигга, ты мочился против бури.

Где-то на нижних этажах кипел бой, кто-то жутко кричал, скулил, выл от боли. Что-то горело. Цири вдыхала дым и запах гари, чувствовала дуновение теплого воздуха.

Громыкнуло с такой силой, что задрожали поддерживавшие потолок колонны, а со стен посыпался алебастр.

Цири осторожно выглянула из-за угла. Коридор был пуст. Она быстро и тихо пошла вдоль стоящих справа и слева в нишах скульптур. Когда-то она уже видела эти скульптуры.

В снах.

Выходя из коридора, наткнулась на человека с дротиком. Отскочила, готовая к сальто и вольтам. И тут же сообразила, что это не человек с дротиком, а седая, худая и согбенная женщина. И что в руках у нее не дротик, а метла.

– Где-то здесь держат чародейку, – откашлялась Цири, – с черными волосами. Где?

Женщина с метлой долго молча шевелила губами, словно что-то жевала.

– Откедова ж мне-то знать, голубица? – промямлила она наконец. – Я туточки токмо прибираюсь. Ничего боле, токмо прибираю опосля их и прибираю, – повторила она, вообще не глядя на Цири. – А они хучь бы што, токмо поганють и поганють. Глянь-кось сама, голубица.

Цири глянула. На полу извивалась размазанная зигзагом полоса крови. Через несколько шагов полоса обрывалась около скорчившегося у стены трупа. Дальше лежали еще два – один свернувшийся клубком, другой – совершенно противоестественно раскинувшийся крестом. Рядом с ними валялись арбалеты.

– Ничего боле, как токмо пачкають да пачкають. – Женщина взяла ушат и тряпку, опустилась на колени, принялась вытирать. – Грязь и ничегошеньки боле, токмо грязь, грязь да грязь. А ты тут, понимаешь, убирай и мой. Когда-нито будет тому конец?

– Нет, – глухо сказала Цири. – Никогда. Таков уж этот мир.

Женщина перестала вытирать. Но головы не подняла.

– Я токмо убираюсь, – сказала она. – Ничегошеньки боле. Но тебе, голубица, скажу, что тебе надоть прямо идтить, а опосля налево.

– Благодарю.

Женщина еще ниже опустила голову и принялась за свое дело.

Она была одна. Одна, одинокая, затерявшаяся в путанице коридоров.

– Госпожа Йеннифэ-э-эр!

До сих пор она блюла тишину, боясь привлечь людей Вильгефорца. Но теперь...

– Йеннифэ-э-эр!

Ей показалось, будто она что-то услышала. Да, конечно!

Она вбежала на галерею, оттуда – в большой холл со стройными колоннами. В ноздри снова полез запах горелого.

Бонарт, словно дух, вышел из ниши и ударил ее по лицу. Она покачнулась, а он ястребом кинулся на нее, схватил за горло, предплечьем прижал к стене. Цири глянула в его рыбы глаза и почувствовала, как сердце опускается у нее вниз, под живот.

– Я б тебя не нашел, если б ты не орала, – прохрипел Бонарт. – Но ты орала, к тому же тоскливо! Уж не по мне ли ты тосковала, милочка?

Продолжая прижимать ее к стене, он запустил ей руку в волосы на затылке. Цири дернула головой. Охотник ощерился. Проехал рукой по плечу, груди, грубо схватил за промежность. Потом отпустил, толкнул так, что она сползла по стене.

И бросил ей под ноги меч. Ее Ласточку. А она мгновенно поняла, чего он хочет.

– Я предпочел бы на арене, – процедил он. – Как завершение, как финал множества превосходных представлений. Ведьмачка против Лео Бонарта. Эх, и платили бы людишки, чтобы увидеть нечто подобное. Ну же! Подними железяку и вытащи ее из шагрени!

Так она и сделала. Но не вытянула меч из ножен, только перевесила за спину так, чтобы до рукояти можно было дотянуться.

Бонарт отступил на шаг.

– Я думал, – сказал он, – что мне достаточно будет натешиться видами тех процедур, которые готовит для тебя Вильгефорц. Я ошибся. Я должен почувствовать, как твоя жизнь стекает по моему клинку. Плевать я хотел на чары и заговоры, на предназначения и предсказания, на судьбы мира. Плевать я хотел на старшую и младшую кровь. Что мне все эти ворожбы и чары? Какой мне от них прок? Никакого! Ничто не может сравниться с удовольствием...

Он осекся. Она видела, как он стиснул зубы, как зловеще блеснули его глаза.

– Я выпущу из тебя кровь, ведьмачка, – зашипел он. – А потом, прежде чем ты окоченеешь, мы отпразднуем свадьбу. Ты – моя. И умрешь моей. Доставай оружие.

Послышался далекий грохот, замок задрожал.

– Вильгефорц, – пояснил с каменным лицом Бонарт, – делает там фарш из твоих ведьмачьих спасителей. Ну, давай, девка, доставай меч.

«Бежать, – подумала она, коченея от ужаса. – Бежать в другие места и другие времена, только бы подальше от него, только бы подальше». Она ощутила стыд. Как же так – бежать? Бросить на произвол судьбы, оставить в их руках Йеннифэр и Геральта? Но рассудок подсказывал: «Мертвая, я ненамного им сгложусь...»

Она сконцентрировалась, прижала кулаки к вискам. Бонарт моментально понял, что ему светит, кинулся к ней. Но поздно. В ушах у Цири зашумело, что-то сверкнуло. «Получилось», – подумала она торжествующе.

И сразу же поняла, что торжествовала преждевременно. Поняла это, слыша яростные крики и ругань. Виной фиаско была, вероятно, злая, враждебная и парализующая аура этого места. Она перенеслась, но недалеко. Совсем недалеко от Бонарта. Но все же за пределы досягаемости его рук и меча. По крайней мере – на какое-то время.

Подгоняемая его ревом, она повернулась и побежала.

Она пробежала по длинному широкому коридору, сопровождаемая мертвыми взглядами алебастровых канефор[109], поддерживающих арки. Свернула раз, другой. Намеревалась скрыться и обмануть Бонарта, а кроме того, спешила на звуки боя. Туда, где шла драка, где были ее друзья.

Влетела в большое круглое помещение, посреди которого на мраморном постаменте возвышалась статуя женщины с прикрытым лицом, скорее всего – богини. Отсюда выходили два коридора, оба довольно узкие. Она выбрала наугад. И конечно, выбрала плохо.

– Эй, девка! – рявкнул бандюга. – Попалась!

Их было слишком много, чтобы ввязываться в бой даже в узком коридоре. А Бонарт, вероятно, уже близко. Цири развернулась и бросилась бежать. Влетела в зал с мраморной богиней. И остолбенела.

Перед ней стоял рыцарь с огромным мечом, в черном плаще и шлеме, украшенном крыльями хищной птицы.

Город горел. Она слышала рев огня, видела извивающиеся языки пламени, чувствовала опаляющий жар пожара. В ушах стояло ржание лошадей, вопли убиваемых... Крылья черной птицы неожиданно захлопали, прикрыли собою все... На помощь!

«Цинтра, – подумала она, приходя в себя. – Остров Танедд! Он настиг меня даже здесь. Это демон. Меня окружают демоны, кошмары моих снов. Позади – Бонарт, впереди – он».

Слышались крики, топот подбегающих прислужников.

Рыцарь в шлеме с перьями неожиданно шагнул к ней. Цири переборола страх. Выхватила из ножен Ласточку.

– Ты не коснешься меня!

Рыцарь сделал еще шаг, и Цири с изумлением увидела, что за его спиной, прикрытая плащом, прячется светловолосая девушка, вооруженная кривой саблей.

Девушка рысью промчалась рядом с Цири, ударом сабли распластала одного из прислужников. А черный рыцарь – о диво! – вместо того чтобы напасть на Цири, могучим ударом разрубил второго наемника. Остальные отступили в коридор.

Светловолосая девушка кинулась к дверям, но не успела их запереть. И хотя она грозно крутила саблей, прислужники вытолкнули ее из-под портала. Цири увидела, как один ткнул ее сулицей, увидела, что девушка падает на колени, и прыгнула, от уха взмахнув Ласточкой, с другой стороны, ужасающе размахивая длинным мечом, подбежал Черный Рыцарь. Светловолосая, все еще стоя на коленях, вытащила из-за пояса топорик и метнула, попав одному из наемников в лицо. Потом подскочила к дверям, захлопнула их, а рыцарь опустил засовы.

– Фу, – выдохнула девушка. – Дуб и железо! Не сразу они пробьются.

– Они не станут терять времени, поищут другой путь, – деловито бросил Черный Рыцарь и тут же нахмурился, видя, как штанина девушки набухает кровью. Девушка махнула рукой – мол, ерунда.

– Бежим отсюда! – Рыцарь снял шлем, взглянул на Цири. – Я Кагыр Маур Дыффин, сын Кеаллаха. Пришел вместе с Геральтом. Тебе на спасение, Цири. Я знаю, что это кажется тебе невероятным.

– Я видела и более невероятное, – буркнула Цири. – Дальний же ты проделал путь... Кагыр... Где Геральт?

Он глядел на нее. Она помнила его глаза по Танедду. Темно-голубые и мягкие, как атлас. Красивые.

– Спасает чародейку, – ответил он. – Ту.

– Йеннифэр. Идем.

– Да! – сказала светловолосая, перехватывая ногу на бедре. – Надобно прикончить еще несколько задниц! За тетечку!

– Идем, – повторил рыцарь.

Но было уже поздно.

– Бегите, – шепнула Цири, видя, кто приближается по коридору. – Это воплощение дьявола. Но ему нужна только я. Вас он преследовать не станет... Бегите... Помогите Геральту...

Кагыр покачал головой.

– Цири, – мягко проговорил он, – ты поражаешь меня. Я ехал сюда с края света, чтобы отыскать тебя, спасти и защитить. И ты хочешь, чтобы теперь я бежал?

– Ты не знаешь, с кем имеешь дело.

Кагыр подтянул перчатки, скинул плащ, обернул его вокруг левого предплечья. Взмахнул мечом, завертел так, что зашипел воздух.

– Сейчас узнаю.

Бонарт, заметив троицу, остановился. Но только на секунду.

– Так! – сказал он. – Помощь прибыла! Твои дружки, ведьмачка? Славно. Двумя меньше, двумя больше, какая разница?

Цири неожиданно осенило.

– Прощайся с жизнью, Бонарт! – взвизгнула она. – Это твой конец! Нашла коса на камень!

Она немного перебрала, он уловил фальшь в голосе. Остановился, глянул подозрительно.

– Ведьмак? Серьезно?

Кагыр закрутил мечом, встал в позицию. Бонарт не дрогнул.

– Оказывается, чаровница предпочитает более молодых, чем я думал, – зарычал он. – Глянь

сюда, молокосос.

Он распахнул рубашку. Блеснули серебряные медальоны. Кот, гриф и волк.

– Если ты и вправду ведьмак, – скрежетнул он зубами, – то знай, твой личный знахарский амулет сейчас украсит мою коллекцию. Если же не ведьмак, то будешь трупом прежде, чем успеешь моргнуть. Поэтому умнее было бы сойти с моей дороги и бежать куда глаза глядят. Мне нужна эта девка, на тебя у меня аппетита нет.

– Силен ты в речах, – спокойно проговорил Кагыр, вертя клинком. – Проверим, не только ли. Ангулема, Цири. Убегайте!

– Кагыр...

– Бегите, – поправился он, – на помощь Геральту.

Они побежали. Цири поддерживала хромающую Ангулему.

– Ты сам того хотел. – Бонарт прищурил белесые глаза, сделал шаг, вращая меч.

– Я сам того хотел! – глухо повторил Кагыр Маур Дыффин азп Кеаллах. – Нет. Того хочет Предназначение!

Они бросились навстречу друг другу, сошлись быстро, окружили себя дикими розблесками клинков. Коридор наполнился звоном металла, от которого, казалось, дрожит и колеблется мраморная скульптура женщины.

– Недурно, – кашлянул Бонарт, когда они разошлись. – Недурно, парень. Но никакой ты не ведьмак, маленькое змейство обманула меня. Конец тебе. Готовься умереть.

– Силен ты в речах.

Кагыр глубоко вздохнул. Стычка убедила его, что победить рыбоглазого у него шансов мало. Этот тип был слишком быстр, слишком силен для него. Надеяться можно было лишь на то, что противник спешил догнать Цири. И явно нервничал.

Бонарт напал снова. Кагыр парировал удар, сгорбился, прыгнул, ухватил противника за пояс, толкнул на стену, ударил коленом между ног. Бонарт схватил его за лицо, сильно саданул в висок оголовком меча, раз, другой, третий. Третий удар отшвырнул Кагыра. Он увидел розблеск клинка. Машинально парировал.

Слишком медленно.

Существовала строго соблюдаемая традиция рода Дыффинов: около покоящегося в замковом арсенале тела усопшего родственника все мужчины рода проводили сутки. Женщины же, собравшись в дальнем крыле замка, чтобы не мешать мужчинам в их молчаливом предпохоронном бдении, не рассеивать их мысли и не нарушать сосредоточения, в это время рыдали и падали в обмороки. Когда их приводили в себя, они вновь начинали всхлипывать и истерически рыдать. И да саро[110].

Истерики и слезы даже у женщин, виковарских дворянок, считались неприятной бестактностью и бесчестьем. Но у Дыффинов именно такова была традиция, и никто ее не отменял. И отменять не собирался.

Десятилетний Кагыр, младший брат павшего в Назаире и лежащего сейчас в дворцовом арсенале Аиллиля, мужчиной считаться еще не мог. Его не допустили в собравшееся у открытого гроба мужское общество, не позволили сидеть и молчать вместе с дедушкой

Груффыдом, отцом Кеаллахом, братом Дераном, а также кучей дядьев, родных и двоюродных братьев. Рыдать же и терять сознание рядом с бабушкой, матерью, тремя сестрами и уймой тетюшек и кузин ему, естественно, тоже дозволено не было. Вместе с прочими малолетними родственниками, прибывшими в Дарн Дыффа на панихиду, похороны и тризну, Кагыр бездельничал и проказничал на стенах замка. И вел кулачные бои с теми, кто считал, что отважнейшими из отважных в боях за Назаир были именно их отцы и старшие братья, а вовсе не Аиллиль азп Кеаллах.

– Кагыр! Иди сюда, сынок!

На галерее стояла Маур, мать Кагыра, и ее сестра, тетя Кинеад вар Анагид. Лицо матери было красным и настолько опухшим от слез, что Кагыр прямо-таки испугался. Его потрясло, что даже столь красивую женщину, как его мать, плач мог превратить в такое чудовище. И он крепко-накрепко решил не плакать никогда-никогда.

– Помни, сынок, – зарыдала Маур, прижимая мальчугана к подолу так, что у него перехватило дыхание. – Запомни этот день. Помни, кто лишил жизни твоего брата Аиллиля. Ты должен ненавидеть их всегда. Это сделали проклятые нордлинги. Твои враги, сыночек. Ты должен ненавидеть их всегда, ненавидеть эту проклятую преступную нацию!

– Я буду их ненавидеть, мама, – пообещал Кагыр, немного удивленный. Во-первых, его брат Аиллиль пал в честном бою, достойной и завидной смертью бойца, так над чем же слезы лить? Во-вторых, не было секретом, что бабушка Эвива, мать Маур, была родом из нордлингов. Папе во гневе не раз случалось назвать бабушку «северной волчицей». Конечно, когда она не слышала.

Но коли теперь мать велит...

– Я буду их ненавидеть, – горячо поклялся он. – Я их уже ненавижу! А когда вырасту большой и у меня будет настоящий меч, то пойду на войну и головы им поотрубаю! Вот увидишь, мама!

Мама набрала воздуха в легкие и принялась рыдать с новой силой. Тетя Кинеад поддержала.

Кагыр сжал кулаки и дрожал от ненависти. От ненависти к тем, кто обидел его маму, заставив ее стать такой некрасивой.

Удар Бонарта рассек ему висок, щеку, губу. Кагыр выпустил меч и покачнулся, а охотник с полуоборота рубанул его между шеей и ключицей. Кагыр рухнул под ноги мраморной богине, и кровь, словно языческая жертва, омыла цоколь статуи.

Загрохотало, пол задрожал под ногами, со стенного паноплия со звоном свалился щит. По коридору ползли клубы ядовитого дыма. Цири отерла лицо. Светловолосая девушка тянула ее не хуже мельничного жернова.

– Быстрее... Бежим быстрее...

– Я не могу быстрее, – проговорила девушка и вдруг тяжело повалилась на пол. Цири с ужасом увидела, как из-под ее набухшей штанины начинает сочиться кровь и расти красная лужа.

Девушка была бледна как труп.

Цири упала на колени рядом с ней, стянула с нее шаль, потом пояс, попыталась сделать перетягивающую повязку. Но рана была слишком велика. И слишком близко располагалась к паху. Кровь лилась не переставая.

Девушка схватила ее за руку. Пальцы были холодны как лед.

– Цири...

– Да?

– Я – Ангулема. Я не верила... Не верила, что мы тебя отыщем. Но я пошла за Геральтом... Потому что за ним нельзя не идти. Ты знаешь?

– Знаю. Таков уж он.

– Мы отыскиали тебя. И спасли. А Фрингиля насмехалась над нами... Скажи мне...

– Помолчи, пожалуйста.

– Скажи... – Губы Ангулемы шевелились все медленнее. – Скажи, ведь ты – королева... В Цинтре... Мы будем у тебя в милости, правда? Ты сделаешь меня... графиней? Скажи, но не лги... Сделаешь? Ну, скажи!

– Помолчи. Береги силы.

Ангулема вздохнула, неожиданно наклонилась вперед и оперлась лбом о плечо Цири.

– Я знала... – сказала она совершенно отчетливо. – Знала, курва, что бордель в Туссенте был самой моей лучшей придумкой, чтобы выжить...

Прошла долгая, очень долгая минута, прежде чем Цири поняла, что держит в объятиях мертвую девушку. * * *

Она увидела его, увидела, как он приближается, сопровождаемый мертвыми взглядами поддерживающих арки алебастровых канефор. И неожиданно поняла, что бегство невозможно, что от него нельзя убежать. Что ей предстоит сразиться с ним. Она знала об этом.

Но страх перед ним все еще был слишком велик.

Она выхватила оружие. Клинок Ласточки тихо запел. Она знала это пение.

Она пятилась по широкому коридору, а он наступал на нее, держа меч обеими руками. Кровь стекала по лезвию, тяжелыми градинами падала с эфеса.

– Труп, – бросил он, переступая через тело Ангулемы. – Вот и хорошо. Тот мальчишка тоже готов.

Цири почувствовала, как ее охватывает отчаяние. Почувствовала, как пальцы до боли стискивают рукоять Ласточки.

Она пятилась.

– Ты обманула меня, – цедил Бонарт, следуя за ней. – У парня не было медальона. Но внутренний голос говорит мне, что отыщется в замке и тот, у кого такой медальон есть. Отыщется где-то рядом с ведьмой Йеннифэр. Старый Лео Бонарт даст голову на отсечение – отыщется. Но первое дело – главное! – ты, змея! Прежде всего – ты. Ты и я. И наше обручение.

Цири решилась. Выкрутила Ласточкой короткую дугу, встала в позицию. Пошла полукругом, все быстрее, принуждая охотника вертеться на месте.

– Последний раз, – процедил он, – тебе не очень-то помог такой фортель. В чем дело? Ты не умеешь учиться на ошибках?

Цири увеличила темп, плавными, мягкими движениями клинка обманывала противника и вводила в заблуждение, манила и гипнотизировала.

Бонарт проделал мечом шипящую мельницу.

– Это на меня не действует, – буркнул он. – И мне от этого становится скучно.

Он двумя быстрыми шагами сократил дистанцию.

– Жарь, музыка!

Он прыгнул, резко ткнул. Цири вывернулась в пируэте, подскочила, мягко опустилась на левую ногу, ударила сразу, не занимая позиции, и еще прежде, чем клинок столкнулся с защитой Бонарта, она уже кружилась, гладко подныривая под свистящие удары. Рубанула еще раз, не замахиываясь, из неестественного, застывшего врасплох сгиба локтя. Бонарт парировал, инерцию парирования он использовал для того, чтобы тут же рубануть слева. Она ожидала этого, ей достаточно оказалось лишь слегка подогнуть колени и качнуться корпусом, чтобы мгновенно выскользнуть из-под острия. Она ответила тут же коротким ударом. Но теперь уже он ждал ее и обманул финтом. Не встретив ответа, она чуть было не потеряла равновесие, спаслась мгновенным отскоком, но все равно меч задел ей плечо. Сначала она подумала, что острие перерубило только подватованный рукав, но через мгновение почувствовала под мышкой и на руке тепло.

Алебастровые канефоры наблюдали за ними равнодушными глазами. Она отступала, а он шел за ней, сгорбившись, выделявая мечом широкие косящие движения. Как костлявая смерть, которую Цири видела на картинах в храме. «Танец скелетов, – подумала она. – Идет, идет, курносая».

Она попятилась. Теплая кровь уже текла по предплечью и кисти.

– Первая кровь – мне, – проговорил он, видя капли, звездочками разбрызгивающиеся по паркету. – Кому будет вторая? Милая моя?

Она пятилась.

– Обернись. Это конец.

Он был прав. Коридор оканчивался ничем, провалом, на дне которого были видны запыленные, грязные и разбитые доски пола нижнего этажа. Эта часть замка была разрушена. Здесь, где они сейчас находились, вообще не было пола. Осталась только ажурная несущая конструкция – столбы, балки, перекладины.

Она, не раздумывая, ступила на балку, начала пятиться по ней, не упуская Бонарта из виду, следя за каждым его движением. Это ее спасло. Потому что он вдруг ринулся на нее бегом по балке, рубя быстрыми перекрестными ударами, размахивая мечом в молниеносных финтах. Она знала, на что он рассчитывал: неловкая защита или ошибка в финте выбили бы ее из равновесия, и она свалилась бы с балки на разрушенный пол нижнего этажа.

На этот раз Цири не дала обмануть себя финтами. Совсем даже наоборот. Она ловко вывернулась и сама приготовилась к удару справа, а когда он на долю секунды задержался, мгновенно рубанула из декстера, да так сильно и мощно, что Бонарт покачнулся, парируя удар. И упал бы, если б не его рост. Вытянутой вверх левой рукой он сумел ухватиться за перекладину и удержать равновесие. Но на долю секунды расслабился, и Цири этой доли секунды хватило. Она рубанула из выпада, сильно, на всю длину руки и клинка.

Он даже не дрогнул, когда острие Ласточки с шипением прошло по его груди и левому плечу. Ответил тут же, удар перерубил бы ее, наверное, пополам, если б она не перепрыгнула на соседнюю балку, упав на полусогнутые и держа меч горизонтально над головой.

Бонарт глянул на свое плечо, поднял левую руку, уже помеченную плетением карминовых змеек. Посмотрел на густые капли, падающие в провал.

– Ну-ну, – сказал он. – Однако ты умеешь учиться на ошибках...

Его голос дрожал от ярости. Но Цири знала его достаточно хорошо. Он был спокоен, собран и готов к смерти. Перепрыгнул на ее балку, кося мечом, шел на нее словно ураган, ступал уверенно, не колеблясь, даже не глядя под ноги. Балка потрескивала, пылила и сыпала песок.

Он напирал, рубя крестом. Заставил ее идти спиной вперед. Нападал так быстро, что она, боясь рисковать, не могла ни прыгнуть, ни сделать сальто, а вынуждена была все время парировать и делать вольты.

Увидев блеск в его рыбьих глазах, она поняла, в чем дело. Он припирал ее к столбу, к крестовине над перекадиной. Толкал ее туда, откуда невозможно сбежать.

Надо было что-то делать. И тут вдруг она поняла – что.

Казр Морхен. Маятник.

Оттолкнувшись от маятника, ты получишь инерцию. К тебе перейдет его энергия, необходимая, чтобы нанести удар. Ясно?

«Ясно, Геральт».

Неожиданно, с быстротой нападающей змеи, она перешла от защиты к удару. Клинок Ласточки застонал, столкнувшись с мечом Бонарта. В тот же миг Цири оттолкнулась от столба и прыгнула на соседнюю балку. Опустилась, чудом удержала равновесие. Пробежала несколько легких шагов и прыгнула снова, опять на балку Бонарта, оказавшись у него за спиной. Он вовремя обернулся, ударил широко, почти вслепую, туда, куда ее должен был перенести прыжок. Промахнулся на волос, сила удара покачнула его. Цири налетела словно молния. Рубанула на выпаде, падая на полусогнутые. Ударила сильно и уверенно.

И замерла с мечом, отведенным в сторону. Спокойно глядела, как длинное, косое, ровненькое сечение на его кафтане начинает вспухать и наливаться густым кармином.

– Ты... – Бонарт покачнулся. – Ты...

Он кинулся на нее. Но он был уже медлительным, вялым. Она ушла прыжком назад, а он, не в состоянии удержать равновесия, упал на колено, но и коленом не попал на балку. А дерево было уже мокрым и скользким. Какое-то мгновение он глядел на Цири. Потом упал.

Она видела, как он рухнул на искореженные доски провала в фонтане пыли, штукатурки и крови, видела, как его меч отлетел в сторону на несколько саженей. Бонарт лежал неподвижно, раскинув руки и ноги, огромный, худой. Раненый и совершенно безоружный. Но по-прежнему страшный.

Понадобилось некоторое время, чтобы он наконец вздрогнул. Застонал. Попытался поднять голову. Пошевелил руками. Пошевелил ногами. Придвинулся к столбу, оперся о него спиной. Застонал снова, обеими руками ощупывая окровавленную грудь и живот.

Цири прыгнула. Упала рядом с ним на разрушенный пол в полуприсесте. Мягко, как кошка. Она видела, как его рыбы глаза расширились от ужаса.

– Ты выиграла... – прохрипел он, глядя на острие Ласточки. – Ты выиграла, ведьмачка. Жаль, что это не на арене... Было бы зрелище...

Она не ответила.

– Я дал тебе этот меч, помнишь?

– Я помню все.

– Думаю, меня... – он застонал, – ты не дорежешь, а? Не сделаешь этого... Не добыешь поверженного и безоружного... Ведь я тебя знаю, Цири. Для этого ты... слишком благородна.

Она долго смотрела на него. Очень долго. Потом наклонилась. Глаза Бонарта расширились еще больше. Но она только сорвала у него с шеи медальоны – волка, кота и грифа. Потом отвернулась и пошла к выходу.

Он бросился на нее с ножом. Гнусно и предательски. И беззвучно, как летучая мышь. Лишь в последний момент, когда нож уже вот-вот должен был по гарду войти ей в спину, он зарычал, вкладывая в этот рык всю ненависть.

Она ушла от предательского удара быстрым полуоборотом и отскочила, отвернулась и ударила сама – ударила быстро и широко, крепко, со всей руки, увеличивая силу удара разворотом бедер. Ласточка свистнула и резанула, рассекла самым кончиком клинка. Зашипело и чавкнуло. Бонарт схватился за горло. Его рыбы глаза вылезли из орбит.

– Я же сказала, – холодно бросила Цири, – что помню все.

Бонарт вытаращил глаза еще больше. А потом упал. Перегнулся и рухнул на спину, вздымая пыль. И лежал так, большой, тощий как скелет, на грязном полуразрушенном полу среди сломанных досок и паркетных клепок. И продолжал зажимать горло, спазматически, изо всех сил. Но хоть зажимал крепко, вокруг его головы быстро расползлся огромный черный ореол.

Цири встала над ним. Молча. Но так, чтобы он видел ее как следует. Он задрожал, заскреб доски каблуками. Потом издал такой звук, какой издает воронка, когда из нее уже выльется все.

И это был последний звук, который он издал. * * *

Грохотнуло, с гулом и звоном вылетели витражи.

– Осторожнее, Геральт!

Они отскочили. В самое время. Ослепительная молния пробила пол, в воздухе засвистели осколки терракоты и острые кусочки мозаики. Вторая молния попала в колонну, за которой укрылся ведьмак. Колонна развалилась на три части. От свода отвалилась половина арки и с оглушительным грохотом рухнула на пол. Геральт, прижавшись животом к полу, прикрыл голову руками, понимая, сколь эфемерна такая защита от падающих на него пудов. Он приготовился к худшему, но было вовсе не так плохо. Он вскочил, успел увидеть над собой блеск магического щита и понял, что спасла его магия Йеннифэр.

Вильгефорц повернулся к чародейке, разбил в пыль колонну, за которой она укрылась. Яростно крикнул, прошил тучу дыма и пыли огненными нитями. Йеннифэр успела отскочить, ответила, пустив в чародея собственную молнию, которую, однако, Вильгефорц без всяких усилий и почти играючи отразил. Ответил ударом, швырнувшим Йеннифэр на пол.

Геральт бросился на чародея, смахивая с лица штукатурку. Вильгефорц уставился на него и протянул руку, из которой с шипением вырвалось пламя. Ведьмак машинально заслонился мечом. О диво! Покрытый рунами краснолюдский клинок защитил его, разрубив огненную полосу пополам.

– Хо! Прекрасно, ведьмак! А что скажешь на это?

Ведьмак ничего не сказал, а отлетел так, словно по нему ударили тараном, упал на пол и проехался, остановившись только у цоколя колонны. Колонна раскололась и развалилась на мелкие кусочки, опять прихватив с собой часть купола. На этот раз Йеннифэр не сумела прикрыть его магическим щитом. Огромный кусок, отвалившийся от арки, попал ему в бок, свалил с ног. Боль на мгновение парализовала его.

Йеннифэр, скандируя заклинания, швыряла в Вильгефорца молнию за молнией. Ни одна не достигла цели, все бессильно отражались от защищающей чародея магической сферы. Вильгефорц неожиданно вытянул руки, быстро развел их в стороны. Йеннифэр вскрикнула от боли, поднялась в воздух. Вильгефорц свел руки так, словно выжимал мокрую тряпку. Чародейка пронзительно завывала. И начала скручиваться.

Геральт прыгнул, преодолевая боль. Но его опередил Регис.

Вампир появился неведомо откуда в теле гигантского нетопыря и беззвучно свалился на Вильгефорца. Не успел тот заслониться чарами, как Регис хватил его когтями по лицу, не попав в цель исключительно потому, что глаз был ненормально маленьким. Вильгефорц зарычал, замахал руками. Освобожденная Йеннифэр с душераздирающим стоном рухнула на кучу обломков. Кровь из носа полилась ей на лицо и грудь.

Геральт был уже близко, уже заносил для удара сигилль, но Вильгефорц еще не был побежден и капитулировать не собирался. Ведьмака он отбросил мощной силовой волной, а в напавшего вампира запустил ослепительное белое пламя, перерезавшее колонну, словно горячий нож масло. Регис ловко увернулся от пламени, материализовался в нормальную фигуру рядом с Геральтом.

– Осторожнее! – крикнул ведьмак, пытаясь разглядеть, что с Йеннифэр. – Берегись, Регис!

– Беречься? – ахнул вампир. – Мне? Не для того я сюда прибыл!

Невероятным, молниеносным, истинно тигриным прыжком он кинулся на чародея и схватил его за горло. Сверкнули клыки.

Вильгефорц взвыл от ужаса и ярости. Какое-то мгновение казалось, что ему конец. Но всего лишь казалось. У чародея в запасе было оружие на любой случай. И против любого противника. Даже против вампира.

Руки, схватившие Региса, запылали раскаленным железом. Вампир крикнул. Геральт, видя, что чародей буквально раздирает Региса, закричал тоже и метнулся на выручку, но не успел. Вильгефорц бросил разорванного вампира на колонну, с малого расстояния из обеих рук колдуна вырвалось белое пламя. Регис закричал, закричал так, что ведьмак заткнул уши руками. С гулом и звоном вылетели последние витражи. А колонна просто расплавилась. Вампир оплавился вместе с нею, превратился в бесформенную глыбу.

Геральт выругался, вложив в проклятие всю ярость и отчаяние. Подскочил, занес сигилль для удара.

Ударить он не успел. Вильгефорц развернулся и хватил его магической энергией. Ведьмак пролетел через весь зал, с размаху врезался в стену, сполз по ней. Лежал, как рыба, хватая

воздух. Думать ему надо было не о том, что у него сломано, а о том, что уцелело. Вильгефорц шел к нему. В его руке материализовался железный стержень длиной футов в шесть.

– Я мог бы испепелить тебя заклинаниями, – сказал он. – Я мог бы превратить тебя в стекло, как только что проделал с тем чудовищем. Но тебе, ведьмак, суждено подохнуть иначе. В борьбе. Может, не слишком честной, но все же – борьбе.

Геральт не верил, что ему удастся встать. Но он встал. Выплюнул кровь из разрубленной губы. Сильнее стиснул меч.

– На Танедде, – Вильгефорц подошел ближе, завертел стержнем, – я только малость поломал тебя. Немного и аккуратно, потому что хотел лишь проучить. Однако, поскольку урок не пошел на пользу, сегодня я ломаю тебя со всем старанием, разделаю на малюсенькие косточки. Так, чтобы уже никто и никогда не сумел тебя собрать заново.

Он напал. Геральт не отступил.

Геральт принял бой.

Стержень мелькал и свистел, чародей прыгал вокруг пляшущего ведьмака. Геральт уходил от ударов и наносил их сам, но Вильгефорц ловко парировал, и тогда жалобно стонала сталкивающаяся со сталью сталь.

Чародей был быстр и ловок, как демон.

Он обманул Геральта поворотом туловища и ловким ударом слева хлестнул снизу по ребрам. Прежде чем ведьмак снова обрел равновесие и восстановил дыхание, он получил по плечу так, что даже присел. Отскоком защитил череп от удара сверху, но не избежал ответного удара снизу, чуть выше бедра. Он покачнулся и ударился спиной о стену, сохранив, однако, достаточно сообразительности, чтобы упасть на пол – и в самую пору, потому что железный стержень скользнул по его волосам и врезался в стену так, что полетели искры.

Геральт перекатился, стержень выбивал искры из пола совсем рядом с его головой. Второй удар пришелся по лопатке. Сотрясение, парализующая боль, опускающаяся в ноги слабость. Чародей занес стержень. В его глазах горело торжество победителя.

Геральт стиснул в кулаке медальон Фрингилы.

Стержень опустил с такой силой, что зазвенело. Ударился в пол в футах от головы ведьмака. Геральт вскочил и быстро встал на одно колено. Вильгефорц подскочил, ударил. Стержень снова прошел в нескольких дюймах мимо цели. Чародей недоверчиво покрутил головой, на мгновение растерялся. Потом вздохнул, неожиданно поняв. Глаза у него сверкнули. Он прыгнул, одновременно замахнувшись.

Поздно.

Геральт молниеносно резанул его по животу. Вильгефорц взвизгнул, упустил стержень, отступил, согнувшись пополам. Ведьмак был уже рядом. Послал его ударом ботинка на обломки раздробленной колонны, рубанул с размаху, от ключицы к бедру. Кровь хлынула на пол, вырисовывая на нем зыбкий узор. Чародей закричал, упал на колени. Опустил голову, поглядел на живот и грудь. Долго не мог оторвать взгляда от того, что увидел.

Геральт спокойно выжидал, стоя в боевой позиции с сигиллем, готовым к действию.

Вильгефорц душераздирающе застонал и поднял голову.

– Гера-а-а-альт...

Ведьмак не дал ему закончить.

Долгое время было очень тихо.

– Не знала я, – сказала наконец Йеннифэр, поднимаясь с кучи обломков. Вид у нее был страшноватый. Кровь текла из носа, заливая подбородок, стекая на грудь. – Вот уж не думала, – повторила она, видя непонимающий взгляд Геральта, – что ты знаешь иллюзионные чары. К тому же способные обмануть Вильгефорца...

– Не я. Мой медальон.

– Ах, – подозрительно взглянула она. – Любопытно. Но все равно – за то, что мы живы, надо благодарить Цири.

– Не понял.

– Его глаз. Он не вполне восстановил координацию. Не всегда попадал. Однако в основном я обязана жизнью...

Она замолчала, глянула на остатки расплавленной колонны, в которой можно было угадать контуры фигуры...

– Кто это был, Геральт?

– Друг. Мне будет его не доставать.

– Он был человеком?

– Он был воплощением человечности. Что у тебя, Йен?

– Несколько поломанных ребер, сотрясение мозга, тазобедренный сустав, позвоночник. А все остальное – прекрасно. А у тебя?

– Примерно то же.

Она равнодушно взглянула на голову Вильгефорца, лежавшую точно в центре мозаики на полу. Маленький остекленевший глаз чародея поглядывал на них с немым укором.

– Хорошая композиция, – сказала Йеннифэр.

– Факт, – согласился Геральт, немного помолчав. – Но я уже насмотрелся досыта. Ты сможешь идти?

– С твоей помощью – да.

И они встретились втроем там, где сходились коридоры. Под арками. Встретились под мертвыми взглядами алебастровых канефор.

– Цири, – сказал ведьмак и протер глаза.

– Цири, – сказала поддерживаемая ведьмаком Йеннифэр.

– Геральт, – сказала Цири.

– Цири, – ответил он, преодолевая неожиданный спазм. – Рад тебя видеть.

– Госпожа Йеннифэр.

Чародейка высвободилась из-под руки ведьмака и с величайшим трудом распрямилась.

– Как ты выглядишь, девочка! – сурово сказала она. – Ты только посмотри на себя. Как ты выглядишь? Поправь волосы. Не сутулься. Подойди-ка сюда.

Цири подошла, окостеневшая, будто автомат. Йеннифэр поправила ей воротничок, попыталась стереть уже засохшую кровь с рукава. Коснулась волос. Приоткрыла шрам на щеке. Крепко обняла. Очень крепко. Геральт видел ее руки на спине Цири. Видел изуродованные пальцы. Он не чувствовал ни гнева, ни жалости, ни ненависти. Только усталость и дикое желание покончить со всем этим.

– Мамочка...

– Доченька...

– Пошли, – решил наконец он. Но решил не сразу.

Цири громко хлопнула носом, вытерла его тыльной стороной ладони. Йеннифэр осуждающе взглянула на нее, протерла глаз. Видимо, в него что-то попало. И немудрено. Ведьмак глядел в коридор, из которого вышла Цири, словно ожидал, что оттуда вот-вот появится кто-нибудь еще. Цири покачала головой. Он понял.

– Пошли отсюда.

– Да, – сказала Йеннифэр. – Я хочу увидеть небо.

– Я вас никогда больше не оставлю, – глухо сказала Цири. – Никогда.

– Пошли отсюда, – в третий раз сказал Геральт. – Цири, поддержи Йен.

– Незачем меня поддерживать!

– Разреши мне, мамочка.

Перед ними была лестница, гигантская лестница, тонущая в дыму, в мерцающем свете факелов и огня в железных корзинах. Цири вздрогнула. Она уже видела эту лестницу. В снах и видениях.

Внизу, далеко, ожидали вооруженные люди.

– Я устала, – шепнула Цири.

– Я тоже, – признался Геральт, доставая сигилль.

– Хватит с нас убийств.

– С меня тоже.

– Отсюда есть другой выход?

– Нет. Только эта лестница. Что делать, девонька? Так надо... Йен хочет увидеть небо. А я хочу видеть небо, Йен и тебя.

Цири оглянулась, посмотрела на Йеннифэр, которая оперлась о поручни, чтобы не упасть. Вытащила отнятые у Бонарта медальоны. Кота повесила себе на шею, волка протянула Геральту.

– Надеюсь, ты знаешь, – сказал он, – что это всего лишь символы?

– Все в жизни всего лишь символы.

Она вытянула Ласточку из ножен.

– Идем, Геральт.

– Идем. Держись ближе ко мне.

Внизу, с оружием во вспотевших руках, ожидали наемники Скеллена. Филин быстрым жестом послал на лестницу первую группу. Кованные ботинки загрохотали по ступеням.

– Помедленнее, Цири, не спеши. И ближе ко мне.

– Да, Геральт.

– И спокойнее, девочка, спокойнее. Помни, никакой злости, никакой ненависти. Просто мы должны выйти и увидеть небо. А все, вставшие у нас на пути, должны умереть. Не сомневайся.

– Я не сомневаюсь. Я хочу видеть небо.

До первой площадки они дошли без помех. Наемники отступали, удивленные и сбитые с толку их спокойствием. Но через мгновение трое прыгнули к ним, с криком размахивая мечами. Они умерли тут же.

– Все разом! – орал снизу Филин. – Прикончить их!

Прыгнули следующие трое. Геральт быстро шагнул навстречу, обманул финтом, прошелся одному снизу по горлу. Развернулся, пропустил Цири под правую руку. Цири гладко хлестнула второго под пах. Третий хотел спастись прыжком через перила. Не успел.

Геральт отер с лица брызги крови.

– Спокойнее, Цири.

– Я спокойна.

Следующая тройка. Просверк клинков, крик, смерть.

Густая кровь капала вниз, стекала по ступеням.

Наемник в изукрашенной латунью разбойничьей одежке прыгнул к ним с длинной списой. Глаза у него были дикими от наркотиков. Цири быстро ударила наискось, отбросила древко. Геральт рубанул. Отер лицо. Они шли вниз, не оглядываясь.

Вторая площадка была уже близко.

– Убить! – орал Скеллен. – Вперед! На них! Все вместе! Убить!

На ступенях топот, крик. Сверкание клинков, рев.

Смерть.

– Хорошо, Цири. Но спокойнее. Без эйфории. И ближе ко мне.

– Я всегда буду рядом с тобой.

– Не тычь от плеча, если можно – от локтя. И осторожнее.

– Я осторожна.

Сверк клинка. Крик, кровь.

Смерть.

– Хорошо, Цири.

– Я хочу увидеть небо.

– Я очень тебя люблю.

– Я тебя тоже.

– Осторожнее. Уже близко.

Вспышка клинков. Вой. Они шли, догоняя стекающую по ступеням кровь. Шли вниз, все время вниз, по лестнице замка Стигга.

Нападающий поскользнулся на окровавленных ступенях, упал им под ноги, завопил, умоляя смилостивиться, обеими руками прикрывал голову. Они прошли мимо, не глядя.

До самой третьей площадки никто не решился преградить им путь.

– Луки! – орал снизу Стефан Скеллен. – Хватайте арбалеты! Бореас Мун должен был принести арбалеты! Где он?

Бореас Мун – о чем Филин знать не мог – был уже весьма далеко. Он мчался прямо на восток, прижав лоб к конской гриве, выжимая из коня все, что он мог дать.

Из остальных посланных за луками и арбалетами вернулся только один.

У отважившегося стрелять дрожали руки и слезились от фисштеха глаза. Первый болт едва скребнул балюстраду. Второй попал в ступени.

– Выше! – надрывался Филин. – Поднимись выше, идиот! Стреляй вблизи!

Арбалетчик прикинулся, будто не слышит. Скеллен грязно выругался, выдернул у него из рук арбалет, прыгнул на лестницу, опустился на одно колено и прицелился. Геральт быстро заслонил собою Цири. Но девушка мгновенно вывернулась из-за него, а когда щелкнула тетива, она уже стояла в позиции. Вывернула меч в верхнюю квартиру, отразила болт с такой силой, что он долго вертелся, прежде чем упасть.

– Очень хорошо, – буркнул Геральт. – Очень хорошо, Цири, девочка. Но если ты еще раз сделаешь подобное, я выпорю тебя.

Скеллен бросил арбалет. И вдруг понял, что остался один.

Все его люди, сбившиеся в кучу, были в самом низу. Ни один не решался ступить на лестницу. Их было вроде бы поменьше, опять несколько человек куда-то побежали. Не иначе как за арбалетами.

А ведьмак и ведьмачка спокойно, не убыстряя и не замедляя шага, шли вниз, вниз по залитым кровью ступеням лестницы замка Стигга. Рядом, плечом к плечу, гипнотизируя и обманывая противника быстрыми движениями клинков.

Скеллен попятился. И пятиться не переставал. До самого низа. Оказавшись среди своих и увидев, что отступление продолжается, он бессильно выругался.

– Парни! – крикнул он, а голос сфальшивил и надломился. – Смелее! Вперед на них! Разом! Вперед, смелее! За мной!

– Идите сами, – проворчал кто-то, поднося к носу ладонь с фисштехом. Филин ударом кулака запорошил ему наркотиком лицо, руки и грудь кафтана.

Ведьмак и ведьмачка спустились со второй площадки.

– Когда они окажутся внизу, – зарычал Филин, – их можно будет окружить. Смело, парни! За оружие!

Геральт глянул на Цири. И чуть не взвыл от ярости, увидев в ее серых волосах беленькие, блестящие серебром прядки. И тут же взял себя в руки. Сейчас не время было злиться.

– Осторожнее, – сказал он глухо. – Ближе ко мне.

– Я всегда буду рядом с тобой.

– Внизу будет жарко.

– Знаю. Но мы – вместе.

– Мы вместе.

– Я с вами, – сказала Йеннифэр, спускаясь следом за ними по ступеням, красным и скользким от крови.

– Держаться! Держаться! – ревел Филин.

Некоторые из тех, что бегали за арбалетами, возвращались. Без арбалетов. И очень напуганные.

Из всех трех ведущих к лестнице коридоров донесся грохот выбиваемых бердышами дверей, звон железа и топот тяжелых шагов. И неожиданно из всех трех коридоров вывалились солдаты в черных шлемах, латах и плащах со знаком серебряной саламандры. Услышав громкие и грозные окрики, наемники Скеллена со звоном побросали на пол оружие. В менее решительных нацелились арбалеты, острия глевий и рогатины, их поторопили еще более грозными криками. Теперь послушались все, поскольку стало ясно, что черные солдаты прямо-таки сгорают от желания кого-нибудь прикончить и только ждут повода. Филин стоял у колонны, скрестив руки на груди.

– Чудотворная помощь? – проворчала Цири.

Геральт отрицательно помотал головой.

Арбалеты и копья нацелились и в них.

– Glaeddyvan vort!

Сопrotивляться было бессмысленно. От черных солдат было черно внизу, словно от скопища муравьев, а Геральт и Цири слишком устали. Но мечей не бросили. Аккуратно положили на ступени. Потом сели. Геральт чувствовал теплое плечо Цири, слышал ее дыхание.

Сверху, обходя трупы и лужи крови, показывая черным солдатам невооруженные руки, шла Йеннифэр. Тяжело уселась рядом, на ступени. Геральт почувствовал тепло и другим плечом. «Жаль, – подумал он, – что так не может быть всегда».

И знал, что не может.

Людей Филина связывали и выводили по одному. Черных солдат в плащах с саламандрами становилось все больше. Неожиданно среди них появились высокие рангом офицеры, которых легко было узнать по белым султанам и серебряной окантовке лат. И по уважению, с которым расступались перед ними.

Перед одним из офицеров, шлем которого был особенно богато украшен серебром, расступались с исключительным почтением. Даже с поклонами.

Именно он остановился перед застывшим у колонны Скелленом. Филин – это было видно даже в мерцающем свете лучин и догорающих в железных корзинах картин – побледнел, стал белым как бумага.

– Стефан Скеллен, – громко проговорил офицер звучным, зазвеневшим под сводами холла голосом. – Пойдешь под суд. Будешь наказан за предательство.

Филина вывели, но рук, как его подчиненным, не связывали.

Офицер обернулся. От гобелена наверху оторвалась пылающая тряпка и упала, вращаясь огромной огненной птицей. Свет загорелся на серебряной окантовке лат, на прикрывающих половины щек заслонах шлема, выполненных – как у всех черных солдат – в форме жуткой зубастой челюсти.

«Пришел наш черед», – подумал Геральт и не ошибся.

Офицер глядел на Цири, а его глаза сверкали в прорезях забрала, замечая и регистрируя все. Ее бледность. Шрам на щеке. Кровь на рукаве и руке. Белые струйки в волосах.

Потом нильфгаардец перевел взгляд на ведьмака.

– Вильгефорц? – спросил он своим звучным голосом.

Геральт отрицательно покачал головой.

– Кагыр аэп Кеаллах?

Опять отрицательное движение головы.

– Бойня, – сказал офицер, глядя на лестницу. – Кровавая бойня. Ну что ж, кто с мечом пришел... Кроме того, ты облегчил задачу палачу. Далекий же ты проделал путь, ведьмак.

Геральт не ответил. Цири громко хлупнула носом и вытерла его кистью руки. Йеннифэр неодобрительно глянула на нее. Нильфгаардец заметил и это. Усмехнулся.

– Далекий же ты проделал путь, – повторил он. – Явился сюда с края света. За ней и ради нее. И уже хотя бы за это ты что-то заслужил. Господин де Ридо!

– Слушаюсь, ваше императорское величество.

Ведьмак не удивился.

– Найдите отдельную комнату, в которой я смогу без помех спокойно поговорить с господином Геральтом из Ривии. А пока мы будем беседовать, прошу обеспечить все удобства и услуги обеим дамам. Разумеется, под чуткой и неусыпной охраной.

– Слушаюсь, ваше императорское величество.

– Господин Геральт, соблаговолите пройти со мной.

Ведьмак встал. Взглянул на Йеннифэр и Цири, чтобы успокоить их, предостеречь от каких-нибудь глупостей. Но в этом не было нужды. Обе чудовищно устали. И смирились с судьбой.

– Далекий же ты проделал путь, – в третий раз сказал, снимая шлем, Эмгыр вар Эмрейс Аддан ын Карн аэп Морвудд, Белое Пламя, Пляшущее на Курганах Врагов.

– Не думаю, – спокойно ответил Геральт, – что короче был твой путь, Дани.

– Ты узнал меня, – улыбнулся император. – А ведь, казалось бы, отсутствие бороды и характер поведения совершенно изменили меня. Из тех, с кем мы раньше встречались в Цинтре, многие потом побывали в Нильфгаарде и видели меня на аудиенциях. И никто не узнал. А ты видел всего один раз, к тому же шестнадцать лет назад. Неужто я так врезался тебе в память?

– Я не узнал бы, ты действительно очень изменился. Я просто догадался. Уже некоторое время тому назад, не без посторонней помощи и подсказки я догадался, какую роль сыграл инцест в семье Цири. В ее крови. В одном из кошмарных снов мне приснился инцест самый страшный, самый отвратительный из возможных. И, пожалуйста, вот он ты, собственной персоной.

– Ты едва держишься на ногах, – холодно сказал Эмгыр. – А через силу выдавливаемые дерзости заставляют тебя качаться еще сильнее. Можешь сесть в присутствии императора. Этой привилегией ты будешь пользоваться пожизненно.

Геральт с облегчением сел. Эмгыр продолжал стоять, опершись о резной шкаф.

– Ты спас жизнь моей дочери, – сказал он. – Несколько раз. Благодарю тебя за это. От своего собственного имени и от имени потомков.

– Ты меня обезоруживаешь.

– Цирилла, – Эмгыр не отреагировал на колкость, – поедет в Нильфгаард. В соответствующее время она станет женой императора. Точно так же, как становились и становятся королевами десятки девочек. То есть почти не зная своего супруга. Зачастую – не составив о нем достаточно хорошего мнения после первой встречи. Часто – разочаровавшись первыми днями и... ночами супружества. Цирилла будет не первая.

Геральт воздержался от комментариев.

– Цирилла, – продолжал император, – будет счастлива, как и большинство королев, о которых я говорил. Это придет со временем. Любовь, которой я от нее вовсе не требую, Цирилла перенесет на сына, которого она мне родит. Эрцгерцога, а впоследствии императора. Императора, который родит сына. Сына, который станет владыкой мира и спасет мир от уничтожения. Так гласит пророчество, точное содержание которого знаю только я.

Разумеется, – снова заговорил Белое Пламя, – Цирилла никогда не узнает, кто я. Эта тайна умрет. Вместе с теми, кто ее знает.

– Ясно, – кивнул Геральт. – Ясно даже и ежу. О, пардон!

– Ты не можешь не видеть, – проговорил после некоторого молчания Эмгыр, – десницы Предназначения, стоящего за всем этим. За твоими действиями тоже. С самого начала.

– Во всем этом я вижу скорее руку Вильгефорца. Ведь именно он тогда направил тебя в

Цинтру, правда? Когда ты еще был заколдованным Йожем. Он сделал так, что Паветта...

– Ты блуждаешь в тумане, – резко прервал Эмгыр, забрасывая на плечо плащ с саламандрой. – Ты ничего не знаешь и знать не должен. Я пригласил тебя не для того, чтобы рассказать историю своей жизни. И не для того, чтобы перед тобой оправдываться. Единственное, что ты заслужил, это заверение, что с девушкой не случится ничего скверного. Перед тобой у меня нет никаких долгов и обязательств, ведьмак. Никаких.

– Есть! – Геральт прервал так же резко. – Ты нарушил заключенное соглашение. Не выполнил данное тобою слово. Солгал. Это долги, Дани. Ты нарушил клятву, будучи князем, и у тебя есть долг как у императора. С императорскими процентами. За десять лет!

– Только-то и всего?

– Только-то и всего. Потому что лишь столько мне полагается, не больше. Но и не меньше! Я должен был явиться за ребенком, когда ему исполнится шесть лет. Ты не стал ждать обещанного срока. Ты надумал украсть его у меня прежде, чем наступит срок. Однако Предназначение, о котором ты все время толкуешь, посмеялось над тобой. Все следующие десять лет ты пытался с ним бороться. Сейчас ты ее получил, получил Цири, собственную дочь, которую некогда по-сволочному и подло лишил родных и с которой теперь собираешься по-сволочному и подло наплодить детей, не убоявшись кровосмешения. Не требуя от нее любви. Между нами говоря, Дани, я не знаю, как ты сможешь глядеть ей в глаза.

– Цель оправдывает средства, – глухо сказал Эмгыр. – То, что я делаю, я делаю ради потомков. Ради спасения мира.

– Если миру предстоит уцелеть таким образом, – поднял голову ведьмак, – то пусть лучше этот мир сгинет. Поверь мне, Дани, лучше будет, чтобы он сгинул.

– Ты сильно побледнел, – сказал почти мягко Эмгыр вар Эмрейс. – Не нервничай так, а то, чего доброго, грохнешься в обморок.

Он отошел от шкафа, отодвинул стул, сел. У ведьмака действительно кружилась голова.

– Обернуться Железным Йожем, – начал спокойно и тихо император, – был единственный способ принудить моего отца сотрудничать с узурпатором. Все происходило после переворота. Отца – низложенного императора – арестовали и пытали. Однако он не позволил себя сломить. Тогда испробовали другой метод: на глазах отца нанятый узурпатором чародей обратил меня в чудище. Чародей немного добавил по собственной инициативе. А именно – юмора. Эмгыр – на нашем языке значит «Еж», или, как ты меня называешь, – «Йож». Отец, как я сказал, не дал себя сломить, и его убили. А меня под насмешки и хохот выпустили в лес и натравили собак. Жизнь я сохранил, меня не очень активно преследовали, поскольку не знали, что чародей работу спортачил и по ночам ко мне возвращался человеческий облик. К счастью, я знал нескольких человек, в преданности которых мог быть уверен. А было мне тогда, к твоему сведению, тринадцать лет.

Из страны мне пришлось бежать. А то, что освобождения от чар мне надо было искать на Севере, за Марнадальскими Ступенями, вычитал по звездам один чуточку спятивший астролог по имени Ксартисиус. Потом, уже став императором, я подарил ему за это башню и оборудование. До того ему приходилось работать на взятом напрокат инструментарии.

О том, что случилось в Цинтре, ты знаешь сам, нечего напрасно терять время, чтобы углубляться в эти дела. Однако я не согласен с тем, что к этому как-то причастен Вильгефорц. Во-первых, я тогда его еще не знал, во-вторых, я питал сильную антипатию к магикам. Впрочем, не люблю их до сих пор. Да, чуть было не упустил: обретя престол, я отыскал того волшебника, который лизал зад императору и истязал меня на глазах отца. Я

тоже проявил чувство юмора. Магика звали Браатенс, а на нашем языке это звучит почти как «жареный».

Однако достаточно воспоминаний, возвратимся к делу. Вильгефорц тайно навестил меня в Цинтре вскоре после рождения Цири. Назвался агентом людей, которые в Нильфгаарде были мне по-прежнему верны и скрывались от узурпатора. Он предложил помощь и вскоре доказал, что помочь действительно может. Когда, все еще не очень ему доверяя, я спросил, почему он это делает, он откровенно сказал, что рассчитывает на благодарность. На милость, привилегии и власть, которыми одарит его великий император Нильфгаарда. То есть я, могущественный владыка, подчинивший себе половину мира, человек, потомок которого станет властелином мира. Рядом с такими великими владыками, заявил он не смущаясь, он и сам надеется взлететь высоко. Тут он достал перевязанные змеиной кожей свитки и предложил моему вниманию их содержание.

Таким образом я познакомился с предсказанием. Узнал о судьбе мира и вселенной. Узнал, что должен сделать, и пришел к выводу, что цель оправдывает и венчает средства.

– Ну конечно.

– Тем временем в Нильфгаарде, – Эмгыр пропустил иронию мимо ушей, – мои дела шли все лучше. Мои сторонники обретали все большее влияние; наконец, поддержанные группой линейных офицеров и кадетским корпусом, они решились на государственный переворот. Однако для этого был необходим я. Законный наследник престола и короны Империи, истинный Эмрейс – кровь от крови Эмрейсов, собственной персоной, мне предстояло стать чем-то вроде знамени революции. Между нами говоря, многие революционеры питали надежду на то, что ничем сверх того я не буду. Те из них, которые еще живы, до сих пор не перестают об этом сожалеть.

Но, как было сказано, оставим отступления. Мне необходимо было возвратиться домой. Пришла пора Дани – лжепринцу из Мехта и липовому цинтрийскому герцогу – напомнить о своих правах на трон. Однако я не забывал о предсказании. Вернуться надо было обязательно вместе с Цири. А меж тем Калантэ внимательно, очень внимательно следила за моими руками.

– Она никогда тебе не доверяла.

– Знаю. Думаю, что-то знала о той ворожбе. И сделала бы все, чтобы мне помешать, а в Цинтре я был в ее власти. Значит, необходимо было вернуться в Нильфгаард, но так, чтобы никто не догадался, что я – Дани, а Цири – моя дочь. Развязку подсказал Вильгефорц: Дани, Паветте и их ребенку предстояло умереть. Сгинуть без следа.

– При организованном вами кораблекрушении.

– Именно. При переходе из Скеллиге в Цинтру Вильгефорц намеревался втянуть корабль магическим насосом, когда тот будет проплывать над Бездной Седны. Я, Паветта и Цири должны были предварительно запереться в специально защищенной каюте и выжить. А экипаж...

– Выжить был не должен, – dokonчил ведьмак. – Так начался твой путь по трупам.

Эмгыр вар Эмрейс некоторое время молчал. Наконец заговорил, и голос его звучал сухо:

– Он начался раньше. К сожалению. В тот момент, когда оказалось, что Цири на борту нет.

Геральт поднял брови.

– К сожалению, – лицо императора ничего не выражало, – в своих планах я недооценил

Паветту. Эта малохолдная девица с вечно опущенными глазами разгадала меня и мои намерения. Перед тем как подняли якорь, она отослала ребенка на сушу. Меня охватило бешенство. Ее тоже. У нее начался приступ истерии. Во время разразившегося скандала она свалилась за борт. Прежде чем я успел прыгнуть за ней, Вильгефорц втянул корабль своим всасывателем. Я ударился обо что-то головой и потерял сознание. Выжил чудом, запутавшись в линиях. Очнулся весь в бинтах. У меня была сломана рука...

– Интересно, – холодно спросил ведьмак, – как чувствует себя человек, прикончивший собственную жену?

– Паршиво, – немедленно ответил Эмгыр. – Я чувствовал и чувствую себя паршиво и чертовски отвратительно. И тут ничего не меняет тот факт, что я ее никогда не любил. Цель оправдывает средства. Однако я искренне сожалею о ее смерти. Я этого не хотел и не планировал. Паветта погибла случайно.

– Лжешь, – сухо сказал Геральт, – а императорам лгать не пристало. Паветту нельзя было оставлять в живых. Она бы тебя разоблачила. И никогда б не допустила того, что ты намеревался сделать с Цири.

– Она жила бы... – возразил Эмгыр, – где-нибудь... далеко. Есть достаточно замков... Хотя бы Дарн Рован... Я не смог бы ее убить.

– Даже ради цели, которая оправдывает средства?

– Всегда, – император потер лицо, – можно найти какое-то менее драматическое средство. Их множество.

– Не всегда, – сказал ведьмак, глядя ему в лицо.

Эмгыр отвел глаза.

– Именно это я имел в виду, – кивнул Геральт. – Закончи рассказ. Время уходит.

– Калантэ стерегла малышку как зеницу ока. О том, чтобы ее похитить, я и думать не мог. Мои отношения с Вильгефорцем сильно охладели, другие магики все еще вызывали у меня антипатию... Но военные и аристократия активно подталкивали меня к войне и нападению на Цинтру. Клялись, что этого жаждет народ, что народу требуется жизненное пространство, что следование vox populi[111] будет чем-то вроде императорского испытания. Я решил убить двух зайцев одной стрелой. Одним махом заполучить и Цинтру, и Цири. Остальное ты знаешь.

– Знаю, – кивнул Геральт. – Благодарю за беседу, Дани. Но дольше тянуть невозможно. Я очень устал. Я нагледелся на смерть друзей, которые пришли сюда со мной с края света. Они шли, чтобы спасти твою дочь. Они ее даже не знали. Кроме Кагыра, никто не знал Цири. Но они пошли, чтобы спасти. Потому что были в них порядочность и благородство. И что? Они нашли смерть. Я считаю, что это несправедливо. И если хочешь знать, не согласен с этим. Потому что плевал я на такую историю, когда порядочные люди умирают, а паршивцы продолжают жить и творить свое гнусное дело. У меня больше нет сил, император. Зови людей.

– Ведьмак...

– Тайна должна умереть вместе с теми, кто ее знает. Твои слова. Другого выхода у тебя нет. Неправда, будто у тебя их множество. Я убегу из любой тюрьмы. Отберу у тебя Цири. Нет такой цены, какую я не заплачу, чтобы ее отнять. Ты прекрасно знаешь.

– Прекрасно знаю.

– Йеннифэр ты можешь позволить жить. Она тайны не знает.

– Она, – серьезно сказал Эмгыр, – заплатит любую цену, чтобы спасти Цири. И отомстить за твою смерть.

– Факт, – кивнул Геральт. – Действительно, я забыл, как сильно она любит Цири. Ты прав, Дани. Ну что же, от Предназначения не убежишь. Есть у меня просьба.

– Слушаю.

– Позволь мне с ними проститься. Потом – я в твоём распоряжении.

Эмгыр подошел к окну, уставился на вершины гор.

– Не могу тебе отказать. Но...

– Не бойся. Я не скажу Цири ничего. Я нанес бы ей смертельную обиду, сказав, кто ты. А я не в силах ее обижать.

Эмгыр долго молчал, все еще глядя в окно.

– Может, и есть у меня перед тобой какой-то долг, – повернулся он. – Послушай, что я предложу тебе в порядке оплаты. Давно-давно, в очень давние времена, когда у людей еще были честь, гордость и постоянство, когда они ценили свое слово, а боялись исключительно бесчестья, случалось, что осужденный на смерть человек, чтобы избежать позорящей его руки палача или наемного убийцы, ступал в ванну с горячей водой и вскрывал себе вены. Можно ли...

– Прикажи наполнить ванну.

– Можно ли рассчитывать на то, – спокойно продолжил император, – что Йеннифэр пожелает сопровождать тебя в таком купанье?

– Я почти уверен. Но все же спросить не помешает. Йеннифэр – натура довольно бунтарская.

– Знаю.

Йеннифэр согласилась сразу.

– Круг замкнулся, – добавила она, глядя на кисти рук. – Змей Уроборос вонзил зубы в собственный хвост.

– Я не понимаю! – Цири зафыркала, как разозленная кошка. – Я не понимаю, зачем я должна с ним идти? Куда? Почему?

– Доченька, – мягко сказала Йеннифэр. – Таково, девочка, твое Предназначение. Пойми, иначе просто не может быть.

– А вы?

– У нас, – Йеннифэр взглянула на Геральта, – иное Предназначение. Просто так должно быть. Иди сюда, доченька. Обними меня покрепче.

– Они хотят вас убить, верно? Я не согласна! Я едва отыскала вас! Это несправедливо!

– Поднявший меч, – глухо проговорил Эмгыр вар Эмрейс, – от меча и погибнет. Они сражались со мной и проиграли. Но проиграли достойно.

Цири тремя шагами оказалась рядом с ним, а Геральт молча втянул воздух. Услышал вздох Йеннифэр. «Хрен тебя побери, – подумал он, – ведь это же все видят! Ведь все его черное воинство видит то, что скрыть невозможно! Та же осанка, те же горящие глаза, тот же изгиб губ. Так же скрещенные на груди руки. К счастью, к великому счастью, пепельные волосы она унаследовала от матери. Но все равно, стоит приглядеться и сразу видно, чья это кровь...»

– Так ты... – сказала Цири, испепеляя Эмгыра огненным взглядом. – Ты, значит, выиграл? И считаешь, что выиграл достойно?

Эмгыр вар Эмрейс не ответил. Только удовлетворенно усмехнулся, глядя на девушку.

Цири стиснула зубы.

– Столько людей погибло. Столько людей погибло из-за тебя. Они проиграли достойно? Их смерть – достойна? Только зверь может так думать. Из меня, хоть я видела смерть вблизи, рядом, тебе сделать зверя не удалось. И не удастся.

Он не ответил. Смотрел на нее, казалось, поедая ее взглядом.

– Я знаю, – прошипела она, – что ты удумал. Что хочешь со мной сделать. И скажу тебе сейчас, сразу, здесь: я не позволю к себе прикоснуться. А если меня... Если меня... То я убью тебя. Даже связанная. Когда ты уснешь, я перегрызу тебе глотку.

Император быстрым жестом успокоил нарастающее среди офицеров ворчание.

– Будет то, – процедил он, не спуская с Цири глаз, – что предназначено. Попрощайся с друзьями, Цирилла Фиона Элен Рианнон.

Цири взглянула на ведьмака. Геральт ответил отрицательным движением головы. Девушка вздохнула.

Они с Йеннифэр обнялись и долго шептались. Потом Цири подошла к Геральту.

– Жаль, – тихо сказала она. – Все обещало быть лучше.

– Гораздо лучше, – подтвердил он.

Они обнялись.

– Будь мужественной.

– Он меня не получит, – шепнула она. – Не бойся. Я сбегу от него. Я знаю способы...

– Ты не должна его убивать. Запомни, Цири. Не должна.

– Не бойся. Я и не думала убивать. Знаешь, Геральт, я уже достаточно наубивала. Слишком много этого было.

– Слишком. Прощай, ведьмачка.

– Прощай, ведьмак.

– Только не вздумай реветь.

– Тебе легко говорить.

Эмгыр вар Эмрейс, император Нильфгаарда, сопровождал Йеннифэр и Геральта до самой ванны, почти до обрамления огромного мраморного бассейна, заполненного ароматной

парящей водой.

– Прощайте, – сказал он. – Торопиться не обязательно. Я уезжаю, но оставляю здесь людей, которых проинструктирую и отдам нужные распоряжения. Когда вы будете готовы, крикнете, и лейтенант подаст вам нож. Но повторяю, торопиться не обязательно.

– Мы должным образом оцениваем оказанную милость, – серьезно кивнула Йеннифэр. – Ваше императорское величество?

– Слушаю.

– Прошу по возможности не обижать мою дочку. Не хотелось бы умирать, зная, что она плачет.

Эмгыр молчал долго. Очень долго. Прислонившись к дверному косяку. И отвернувшись.

– Госпожа Йеннифэр, – проговорил он наконец, и лицо у него было на удивление странное. – Будьте уверены, я не обижу вашей и ведьмака Геральта дочери. Я топтал трупы друзей и плясал на курганах врагов. И думал, что в силах сделать все. Но то, в чем меня подозревают, я просто сделать не могу. Теперь я это знаю. И благодарю вас обоих. Прощайте.

Он вышел, тихо прикрыв за собой дверь. Геральт вздохнул.

– Разденемся? – Он взглянул на парящий бассейн. – Правда, не очень-то меня радует мысль, что нас выволокут отсюда в виде голых трупов...

– А мне, представь, без разницы, какой меня выволокут. – Йеннифэр скинула туфли и быстро расстегнула платье. – Даже если это мое последнее купание, я не намерена бултыхаться в воде одетой.

Она стянула рубашку через голову и вошла в бассейн, энергично расплескав воду.

– Ну, Геральт. Что стоишь как вкопанный?

– Я забыл, насколько ты прекрасна.

– Быстро же ты забываешь. А ну, лезь в воду.

Как только он оказался рядом, она тут же закинула ему руки на шею. Он поцеловал ее, глядя ее талию над водой и под водой.

– А это, – спросил он порядка ради, – подходящее время?

– Для этого, – замурлыкала она, погружая в воду одну руку и касаясь его, – любое время подходящее. Эмгыр дважды повторил, что нам торопиться не обязательно. Как ты предпочел бы провести отпущенные нам последние минуты? В стенаниях и плаче? Недостойно. В расчетах с совестью? Банально и глупо.

– Не об этом я.

– Так о чем же?

– Если вода остынет, – проворчал он, лаская ее груди, – разрезы будут болезненными.

– За удовольствие, – Йеннифэр погрузила другую руку, – стоит заплатить болью. Ты боишься боли?

– Нет.

– Я тоже нет. Сядь на край бассейна. Я люблю тебя, но, черт побери, нырять не хочу.

– О-хо-хо, – сказала Йеннифэр, откидывая голову так, что ее влажные от пара волосы расплылись по бордюру маленькими черными змейками. – О-хохо-хохошеньки...

– Я люблю тебя, Йеннифэр.

– Я люблю тебя, Геральт.

– Пора. Кликнем их?

– Кликнем.

Они кликнули. Сначала кликнул ведьмак, потом кликнула Йеннифэр. Потом, не дождавшись ответа, кликнули вместе:

– Ну-у-у-у! Мы готовы! Давайте нож! Э-э-эй! Черт побери! Вода же стынет!

– Ну так вылазьте из нее, – сказала Цири, заглядывая в ванную. – Они все ушли.

– Что-о-о?

– Я же сказала: ушли. Кроме нас троих, тут нет ни живой души. Оденьтесь. Голышом вы выглядите ужасно смешно.

Когда они одевались, у них начали дрожать руки. У обоих. С величайшим трудом они управлялись с пряжками, застежками и пуговицами. Цири болтала.

– Уехали. Просто взяли и уехали. Все, сколько их было. Забрали отсюда все, уселись на лошадей и уехали. Аж пыль столбом.

– И никого не оставили?

– Никогошеньки.

– Непонятно, – шепнул Геральт. – Это непонятно.

– Может, случилось что? – откашлялась Йеннифэр.

– Нет, – быстро ответила Цири. – Ничего.

Она лгала.

Вначале она держала фасон. Выпрямившись, гордо подняв голову и сделав каменное лицо, она оттолкнула затянутые в перчатки руки черных рыцарей, смело и вызывающе взглянула на ужасающие забрала и нащечные прикрытия их шлемов. Больше они к ней не прикасались. К тому же их удерживало ворчание офицера, плечистого парня с серебряными галунами на латах и белым султаном из перьев цапли.

Она направилась к выходу, эскортируемая с обеих сторон. Гордо подняв голову. Гудели тяжелые сапоги, позвякивали кольчуги, звенело оружие.

Сделав несколько шагов, она обернулась в первый раз. Сделав еще несколько – второй. «Ведь я их уже никогда, никогда не увижу, – ужасающим и холодным светом забила у нее под темечком мысль. – Ни Геральта, ни Йеннифэр. Никогда».

Осознание этого мгновенно, одним махом стерло маску притворной отваги. Лицо у нее сморщилось и искривилось, глаза наполнились слезами, из носа потекло. Она боролась изо

всех сил, но впустую. Поток слез прорвал запруду притворства.

Нильфгаардцы с саламандрами на плечах глядели на нее молча. Молча и изумленно. Некоторые видели ее на окровавленных ступенях, все – во время разговора с императором. Ведьмачку с мечом, непобедимую ведьмачку, смело глядящую в глаза самому императору. И теперь удивлялись, видя всхлипывающего и плачущего ребенка.

Она понимала это. Их взгляды жгли ее огнем, кололи как шпильки. Она боролась, но безуспешно. Чем сильнее сдерживалась, тем сильнее лились слезы.

Она замедлила шаг, потом остановилась. Эскорт тоже. Но только на мгновение. Выполняя ворчливую команду офицера, кто-то схватил ее железными руками под мышки, за кисти. Цири, всхлипывая и глотая слезы, обернулась в последний раз. Потом ее потащили. Она не сопротивлялась. Но всхлипывала все громче, все отчаяннее.

Остановил их император Эмгыр вар Эмрейс, тот темноволосый человек, лицо которого пробуждало в ней странные, неясные воспоминания. Они отпустили ее по его резкому приказу. Цири хлюпнула носом, вытерла глаза рукавом. Видя, что он подходит, сдержала плач, снова вскинула голову. Но сейчас – она понимала – все выглядело просто смешно.

Эмгыр долго и молча глядел на нее. Подошел. Протянул руку. Цири, всегда в ответ на такие движения механически пятившаяся, сейчас, к своему величайшему изумлению, не отреагировала. С еще большим изумлением она отметила, что его прикосновение ей вовсе не отвратительно. Он прикоснулся к ее волосам, как бы пересчитывая беленькие как снег прядки. Коснулся изуродованной шрамом щеки. Потом привлек к себе, гладил по голове, по спине. И она, сотрясаемая рыданиями, позволяла ему делать это, а руки держала неподвижно, словно пугало для воробьев.

– Удивительная это штука – Предназначение, – услышала она шепот. – Прощай, дочка. * * *

– Как он сказал?

Лицо Цири слегка искривилось.

– Он сказал: *va faill, lured*. На Старшей Речи: «Прощай, девочка».

– Знаю, – кивнула Йеннифэр. – И что потом?

– Потом... Потом он отпустил меня, повернулся и ушел. Приказал всем уйти. И все ушли. Проходили мимо меня совершенно равнодушно, топая сапогами и бренча латами и кольчугами так, что эхо шло по коридору. Сели на лошадей и уехали, я слышала ржание и топот. Никогда в жизни не пойму этого. Потому что, если задуматься...

– Цири...

– Что?

– Не задумывайся.

– Замок Стигга, – повторила Филиппа Эйльхарт, глядя сквозь ресницы на Фрингилью Вигу. Фрингилья не покраснела. За прошедшие три месяца ей удалось составить магический крем, сужающий кровеносные сосуды. Благодаря этому румянец не выступал на лице, даже если ей было невыразимо стыдно.

– Укрытие Вильгефорца было в замке Стигга, – подтвердила Ассирэ вар Анагид, – в Эббинге, над горным озером, название которого мой информатор, простой солдат, не в состоянии был запомнить.

– Вы сказали «было», – обратила внимание Франческа Финдабаир.

– Было, – подхватила Филиппа. – Потому что Вильгефорц мертв, дорогие коллеги. Он и его сообщники, вся их шайка уже грызет землю. Эту услугу оказал нам не кто иной, как наш хороший знакомый ведьмак Геральт из Ривии. Которого мы недооценили. Ни одна из нас. В отношении которого ошибались. Все мы.

Чародейки как по команде взглянули на Фрингилью, но крем и верно действовал безотказно. Ассирэ вар Анагид вздохнула. Филиппа хлопнула ладонью о стол.

– Хоть нас и оправдывает, – сказала она сухо, – завал занятий, связанных с войной и подготовкой мирных переговоров, все же следует считать поражением логи тот факт, что в деле Вильгефорца нас опередили и выручили. Больше такое не должно с нами случаться, милые дамы.

Ложа – за исключением бледной как смерть Фрингильи Виго – согласно кивнула головами.

– В данный момент, – заговорила Филиппа, – ведьмак Геральт находится где-то в Эббинге. Вместе с Йеннифэр и Цири, которых освободил. Надо будет подумать, как их отыскать...

– А замок? – прервала Сабрина Глевиссиг. – Ты ни о чем не забыла, Филиппа?

– Нет, не забыла. Легенда, если таковая возникнет, должна иметь одну правильную версию. Я хотела просить об этом именно тебя, Сабрина. Возьми с собой Кейру и Трисс. Покончите с этим так, чтобы и следа не осталось.

Гул взрыва был слышен даже в Мехте. Свет – поскольку все происходило ночью – виден даже в Метинне и Гесо. Серия вызванных взрывом тектонических колебаний была ощутима еще дальше. На действительно далеких краях света.

Глава десятая

КОНГРЕВ Эстелла, она же Стелла, дочь барона Оттона де Конгрева, выданная замуж за престарелого графа Лиддерталея, после кончины одного по-деловому распорядилась имуществом и средствами, приведя имение в благосостояние немалое. Пребывая в большой милости у императора Эмгыра вар Эмрейса (см.), весьма значительную особую при дворе была. И хотя должностей не имела никаких, ведомо было, что голос и мнение ее император с почтением и уважительностью воспринимать изволил. Благодаря сочувствию и расположению великому к юной императрице Цирилле Фионе (см.), кою ровно дочь собственную любила, была шуточно «матушкой-императрицею» именована. Пережив обоих, как императора, так и императрицу, преставилась в 1331 году, а преогромное ее владение в дальнейшем наследовании досталось родственникам по побочной линии Лиддерталей, Белыми именуемым, оне же, людьми малосерьезными и шалопайными будучи, до доски последней оное порастратили. Эфпенбах и ТальботEncyclopaedia Maxima Mundi. Том III

Подкравшийся к бивуаку человек, надо отдать ему должное, был ловок и по-лисьему хитер. Менял место быстро, а двигался так скрытно и тихо, что любой дал бы застать себя врасплох. Любой – но не Бореас Мун. Бореас Мун обладал солидным опытом по вопросам «распloffов».

– Вылезай, человек! – крикнул он, стараясь придать голосу уверенность и грубость. – Впустую

все твои фокусы! Я тебя вижу. Вон ты где.

Один из больших камней, которыми был усыпан склон холма, дрогнул на фоне звездного темно-синего неба. Пошевелился и принял форму человека.

Бореас покрутил вертел с жарившимся на нем мясом, потому что запахло горелым. Делая вид, будто небрежно опирается на локоть, положил руку на держало лука.

– Невелик мой скорб. – В нарочито спокойный тон он вплет шершавую металлическую нить предостережения. – Не так уж много у меня пожитков. Но я к ним привязан. И буду защищать не на жизнь, а на смерть.

– Я не бандит, – глубоким голосом сказал мужчина, который подкрадывался, маскируясь под менгир. – Я пилигрим.

Пилигрим был высок и крепко сложен, роста не меньше семи футов, а если б его взвесить, то Бореас пошел бы на спор, что в качестве противовеса понадобилось бы не меньше десяти пудов. Пилигримский посох – дубина толщиной с оглоблю – в его руке казался тросточкой. Бореаса Муна искренне удивило, каким таким чудом этот огромный бычок ухитрился так ловко подкрадываться. И немного обеспокоило. Его лук – композитная семидесятифунтовка, из которой он за полсотни шагов мог уложить лося, – показался ему вдруг маленькой и хрупкой детской игрушкой.

– Я пилигрим, – повторил могучий мужчина. – У меня нет дурных...

– А второй, – быстро прервал Бореас, – тоже пусть выйдет.

– Какой вто... – начал было пилигрим и осекся, видя, как из мрака с противоположной стороны бесшестно, словно тень, возникла стройная фигура. На этот раз Бореас Мун ничуть не удивился. Второй мужчина – то, как он двигался, выдавало опытному следопыту мгновенно, – был эльфом. А дать застать себя врасплох эльфу – не позорно.

– Прошу прощения, – сказал эльф странно неэльфым, слегка хрипловатым голосом. – Я прятался от вас не с дурными намерениями, а от страха. Я, пожалуй, повернул бы вертел.

– И верно, – сказал пилигрим, опираясь на посох и громко сопя. – Мясо на этой стороне уже вполне...

Бореас повернул вертел, вздохнул, кашлянул. Снова вздохнул.

– Соблаговолите присесть, – решился он наконец. – И подождать. Скотина того и гляди допечется. Да, полагаю, плох тот, кто поспежит покормить странников на тракте.

Жир с шипением потек в огонь, огонь взвился, стало светлее.

На пилигриме был фетровый колпак с широкими полями, тень которого довольно успешно прикрывала лицо. Эльфу головной убор заменяла чалма из цветного материала, лица не скрывавшая. Увидев его при свете костра, оба вздрогнули. И Бореас, и пилигрим. Но даже тихого вдоха не издали, когда увидели, что лицо это, некогда, вероятно, по-эльфьему красивое, было обезображено чудовищным шрамом, пересекающим лоб, бровь, нос и щеку до самого подбородка.

Бореас Мун кашлянул, снова повернул вертел.

– Этот запашок, – отметил, а не спросил он, – привел господ к моему бивуаку? Или нет?

– Верно. – Пилигрим покачал полями шляпы, а голос у него немного изменился. – Я унюхал

жаркое издали. Однако соблюл осторожность. На костре, к которому я неосмотрительно приблизился два дня тому, поджаривали женщину.

– Это правда, – подтвердил эльф. – Я побывал там на следующее утро, видел человеческие кости в пепле.

– На следующее утро, – протяжно повторил его слова пилигрим, а Бореас мог бы поспорить, что на его скрытом тенью лице мелькнула неприятная усмешка. – И давно ты скрытно идешь по этому следу, уважаемый эльф?

– Давно.

– И что не позволяло тебе показаться?

– Рассудок.

– Перевал Эльскердег, – Бореас Мун повернул вертел и прервал неловкую тишину, – место, действительно пользующееся не самой лучшей славой. Я тоже видел кости в кострах, скелеты на кольях. Повешенных на деревьях. Здесь полным-полно диких жестоких культов. И существ, которые только и ждут, как бы тебя сожрать. Кажется.

– Не кажется, – поправил эльф, – а наверняка. И чем дальше в горы, тем хуже будет.

– Вашим милостям тоже на восток дорога? За Эльскердег? В Зерриканию? А может, еще дальше, в Хакланд?

Ни пилигрим, ни эльф не ответили. Да Бореас в общем-то и не ждал ответа. Во-первых, вопрос был бестактным. Во-вторых, глупым. С того места, где они находились, идти можно было только на восток. Через Эльскердег. Туда, куда направлялся и он.

– Жаркое готово. – Бореас легким и не лишенным театральности движением раскрыл свой складной нож. – Прошу, господа. Не смущайтесь.

У пилигрима был охотничий нож, а у эльфа – кинжал, на вид отнюдь не кухонный. Но все три служившие явно для более серьезных дел лезвия сегодня пошли в ход для вполне мирных действий – разделки мяса. Некоторое время слышны были только работа челюстей и шипение отбрасываемых в уголья обглоданных костей.

Пилигрим удовлетворенно отрыгнул.

– Чудная зверушка, – сказал он, рассматривая лопатку, которую обглодал и облизал до такой степени, что теперь она выглядела так, будто три дня пролежала в муравейнике. – На вкус – козел, но мягкое, как крольчатина. Не припоминаю, чтобы когда-нибудь ел подобное.

– Это был скрекк, – сказал эльф, с хрустом разгрызая хрящи. – Я тоже не помню, чтобы когда-нибудь его ел.

Бореас тихо кашлянул. Едва слышная нотка сарказма в голосе эльфа говорила: он знал, что ел мясо огромной крысы с кровавыми глазами и страшными зубищами, один только хвост был в три локтя длиной. Следопыт вовсе не охотился специально на гигантского грызуна, а застрелил в порядке самообороны. Однако решил его испечь. Он был человеком рассудительным и практичным. Конечно, есть крысу, питающуюся на свалках и помойках, он бы не стал. Но до перевала Эльскердег, до ближайшего способного продуцировать отходы сообщества было добрых триста миль. Крыса, или, как больше нравилось эльфу, – скрекк, должна была быть чистой и здоровой. Она не контактировала с цивилизацией. Так что не могла ни замарать, ни заразить.

Вскоре последняя, самая маленькая, дочиста обглоданная и высосанная косточка полетела в костер. Луна выплыла над зубчатым хребтом Огненных Гор. От раздуваемого ветром костра сыпались искры, улетали в небо и гасли среди мерцающих звезд.

– Ваши милости, – рискнул задать очередной малотактичный вопрос Бореас Мун, – давно ль в пути? Здесь, на Пустошах? И давно ли, осмелюсь спросить, оставили позади Врата Сольвейг?

– Давно, недавно, – сказал пилигрим, – понятия относительные. Я прошел Врата на второй день после октябрьского полнолуния.

– А я, – сказал эльф, – на шестой.

– М-да, – продолжал Бореас, ободренный реакцией. – Удивительно, как мы там не сошлись, ведь и я там в то время шел, вернее, ехал, потому как тогда у меня еще была лошадь.

Он замолчал, отбрасывая неприятные воспоминания, связанные с потерей лошади. Он был уверен, что и его случайные собеседники сталкивались с подобными приключениями. Передвигаясь все время пешком, они ни за что не догнали бы его здесь, под Эльскердегом.

– Отсюда я делаю вывод, – продолжал он, – что ваши милости отправились в путь уже после войны, после заключения цинтрийского мира. Мне, разумеется, нет до этого никакого дела, но осмелюсь предположить, что вашим милостям не по душе пришелся порядок и картина мира, созданного и установленного в Цинтре.

Тишину, довольно надолго повисшую у костра, прервал далекий вой. Вероятно, выл волк. Хотя в районах перевала Эльскердег никогда и ни в чем нельзя было быть уверенным до конца.

– Если быть откровенным, – неожиданно заговорил эльф, – то после цинтрийских соглашений у меня не было оснований любить установленный мир и его картину. Не говоря уж о порядке.

– В моем случае, – сказал пилигрим, скрещивая на груди могучие руки, – все было аналогично. Хотя убедился я в этом, как бы сказал один мой знакомый, *post factum*.

Тишина стояла долго. Умолкло даже то, что выло на перевале.

– Вначале, – начал пилигрим, хотя Бореас и эльф могли бы побиться об заклад, что он этого не сделает, – вначале казалось, что после цинтрийского мира произойдут полезные изменения и установится достаточно сносный порядок. Если не для всех, то по крайней мере для меня...

– Короли, – кашлянул Бореас, – съехались в Цинтру, если мне память не изменяет, в апреле?

– Точно второго апреля, – уточнил пилигрим. – Было, как сейчас помню, новолуние.

Вдоль стен, пониже темных балок, поддерживающих галереи, рядами висели щиты, украшенные геральдическими эмблемами и гербами цинтрийского дворянства. С первого взгляда бросалась в глаза разница между несколькими поблекшими гербами старинных родов и гербами тех, кто получил дворянство уже в новые времена, в правление Дагорада и Калантэ. Те, что поновее, блистали живыми, не потрескавшимися еще красками, на них не заметно было дыр, проделанных древооточками.

Самые же роскошные цвета были у добавленных совсем недавно щитов с гербами нильфгаардских дворян, отмеченных во время захвата города и императорского правления.

«Когда мы возвратим Цинтру, – подумал король Фольтест, – надо будет присмотреть, чтобы цинтрийцы не уничтожили этих щитов в священном пылу обновления. Политика – одно дело, декор зала – другое. Изменения политического режима не могут служить оправданием вандализма».

«Стало быть, здесь все и началось, – подумал Дийкстра, обводя взглядом огромный холл. – Памятный обручальный пир, на котором появился Железный Йож и потребовал руки принцессы Паве́тты... А королева Калантэ наняла ведьмака... Как все-таки поразительно сплетаются судьбы человеческие», – подумал шпион, сам удивляясь тривиальности своих мыслей.

«Пять лет назад, – подумала королева Мэва, – пять лет назад мозг Калантэ, Львицы, в которой текла кровь Кербинов, разбрызгался по плитам двора, того двора, что виден сейчас из окон. Калантэ, чей гордый портрет висит в коридоре, была предпоследней, в жилах которой текла королевская кровь. После того как утонула ее дочь Паве́тта, осталась только внучка, Цирилла. Впрочем, возможно, умерла и Цирилла, если слухи не лгут».

– Прошу, – махнул рукой Кирус Энгелькинд Хеммельфарт, иерарх Новиграда, которого, принимая во внимание его возраст и всеобщее уважение, *per acclamationem*[112] избрали председателем переговоров. – Прошу занимать места.

Расселись, отыскивая обозначенные табличками кресла за круглым столом. Мэва, королева Ривии и Лирии. Фольтест, король Темерии, и король Вензлав из Бругге – его ленник. Король Этайн из Цидариса. Юный король Кистрин из Вердэна. Герцог Нитерт, глава реданского Регентского Совета. И граф Сигизмунд Дийкстра.

«От старого шпи́ка надо было бы избавиться, удалить от стола совещаний, – подумал иерарх. – Король Хенсельт и даже юный Кистрин уже позволили себе довольно кислые замечания, того и жди демарша со стороны представителей Нильфгаарда. Этот Сигизмунд – человек не того положения, а кроме того – особа с сомнительным прошлым и скверной репутацией, *persona turpis*[113]. Нельзя допустить, чтобы присутствие *persona turpis* оскверняло атмосферу переговоров».

Руководитель нильфгаардской делегации, барон Шилярд Фиц-Эстерлен, которому за круглым столом досталось место точно напротив Дийкстры, приветствовал шпиона вежливым дипломатическим поклоном.

Видя, что все расселись, иерарх Новиграда сел тоже. Не без помощи служек, поддерживавших его под трясущиеся руки. Иерарх сел в кресло, много лет назад изготовленное специально для королевы Калантэ. У кресла была удивительно высокая, украшенная изумительно красивой резьбой спинка, что выделяло его среди остальных кресел.

Круглый стол – стол, конечно, круглый, но должно же быть видно, кто здесь самый важный.

«Значит, здесь, – подумала Трисс Меригольд, осматривая комнату, гобелены, картины и многочисленные охотничьи трофеи, в том числе шкуру совершенно незнакомого ей рогатого зверя. – Здесь, после достославного разрушения тронного зала, состоялась знаменитая приватная беседа Калантэ, ведьмака, Паве́тты и заколдованного Йожа, когда Калантэ дала согласие на этот странный марьяж. А Паве́тта была уже беременна. Цири родилась чуть больше восьми месяцев спустя... Цири, наследница престола... Львенок кровей Львицы... Цири, моя маленькая сестренка, которая сейчас где-то далеко на юге. К счастью, уже не одна. Вместе с Геральтом и Йеннифэр. В безопасности. А может, они снова меня обманули?»

– Присаживайтесь, милые дамы, – поторопила Филиппа Эйльхарт, с некоторого времени внимательно присматривавшаяся к Трисс. – Владыки мира вот-вот начнут один за другим

произносить инаугурационные речи, я не хотела бы упустить ни слова.

Чародейки, прервав кулуарные сплетни, быстро заняли свои места. Шеала де Танкарвилль в боа из серебристых лис, придающем женственность ее строгой мужской одежде, Ассирэ вар Анагьд в платье лилового шелка, чертовски тонко сочетающем в себе скромную простоту и шикарную элегантность. Франческа Финдабаир – царственная как всегда. Ида Эмеан аэп Сивней, как всегда таинственная, Маргарита Ло-Антиль, как всегда – воплощение достоинства и серьезности. Сабрина Глевиссиг в бирюзе, Кейра Мец в зеленом и нарциссово-желтом. И Фрингилья Виго. Удрученная. Грустная. И бледная прямо-таки смертельной, болезненной, какой-то даже призрачной бледностью.

Трисс Меригольд сидела рядом с Кейрой, напротив Фрингильи. Над головой нильфгаардской чародейки висела картина: наездник мчится галопом среди рядов ольх, ольхи протягивают к нему чудовищные руки-ветви, издевательски скалятся страшными пастьми дупел. Трисс невольно вздрогнула.

Стоящий посреди стола трехмерный коммуникатор действовал. Филиппа Эйльхарт заклинанием повысила резкость изображения и звук.

– Как вы видите и слышите, – сказала она не без ухмылки, – в тронном зале Цинтры, этажом ниже, точно под нами, владыки мира сейчас принимаются решать судьбы именно этого мира. А мы здесь, этажом выше, присмотрим за тем, чтобы мальчики не очень-то резвились.

К воющему на Эльскердеге существу присоединились другие. Бореас Мун не сомневался: это не волки.

– Я тоже, – сказал он, чтобы оживить замершую было беседу, – мало чего ожидал от цинтрийских переговоров. И вообще никто из тех, кого я знал, не надеялся, что из них будет что-нибудь путное.

– Важен был, – спокойно возразил пилигрим, – сам факт начала переговоров. Простой и прямой человек – а я, с вашего позволения, такой человек и есть – думает просто и прямо. Простой человек знает, что дерущиеся короли и императоры настроены друг против друга так воинственно, что, будь у них достаточно силы, они просто поубивали бы один другого. А ведь перестали убивать и вместо этого уселись за круглый стол. Почему? Да потому что силенок-то уже нет. Проще говоря, они бессильны. И из-за этого бессилия их солдаты не нападают на дома простых людей, не убивают, не калечат, не сжигают хаты, не режут детей, не насилуют жен, не угоняют в неволю. Нет. Вместо этого владыки солдат столпились в Цинтре и совещаются. Возликуйте же, о едоки хлеба. Возрадуйтесь!

Эльф поправил прутиком стреляющее искрами полено в костре, искоса взглянул на пилигрима.

– Даже простой и прямой человек, – сказал он, не скрывая сарказма, – даже радующийся, да что там, прямо-таки ликующий, должен понимать, что политика – та же война, только малость по-иному ведущаяся. Должен понимать и то, что переговоры – тот же торг. У них одинаковый самодействующий приводной механизм. Достигнутые успехи обуславливаются уступками. Здесь выгадываешь – там теряешь. Иными словами, чтобы одних можно было купить, других необходимо продать.

– Воистину, – сказал после недолгого молчания пилигрим, – это настолько просто и очевидно, что поймет любой человек. Даже очень простой и прямой. * * *

– Нет, нет и еще раз нет! – взревел король Хенсельт, дубася кулаками по столу так, что повалился кубок и подскочили чернильницы. – Никаких дискуссий на этот счет! Никаких торгов по этому вопросу! Конец, Schlus[114], deireadh!

– Хенсельт, – спокойно, трезво и дружелюбно проговорил Фольтест, – не усложняй. И не компрометируй нас своим ревом перед его превосходительством.

Шиллярд Фиц-Эстерлен, участвовавший в переговорах в качестве представителя империи Нильфгаард, поклонился с лживой улыбкой, коия имела целью дать понять, что фокусы каэдвенского короля нимало его не волнуют и не занимают.

– Мы договариваемся с Империей, – продолжал Фольтест, – а между собой вдруг начинаем грызться, словно псы? Стыдись, Хенсельт.

– Мы договорились с Нильфгаардом по таким сложным вопросам, как Доля Ангра и Заречье, – с кажущимся равнодушием проговорил Дийкстра, – было бы глупо...

– Я не позволю делать себе подобные замечания! – заревел Хенсельт, на этот раз так, что не всякому буйволу удалось бы его перемычать. – Я не желаю слушать такие замечания, тем более от шпигов всяческих мастей! Я, курва вас побери, короли!

– Оно и видно, – фыркнула Мэва.

Демавенд, отвернувшись, изучал гербовые щиты на стенах зала, легкомысленно при этом улыбаясь, совсем так, будто не о его королевстве шла речь и торг.

– Достаточно, – засопел Хенсельт, поводя вокруг диким взглядом. – Достаточно, клянусь богами, потому как меня сейчас кровь зальет. Я сказал: ни пяди земли. Никаких, то есть абсолютно никаких возвратов захваченного! Я не соглашусь на уменьшение моего королевства даже на пядь, даже на полпяди земли! Боги доверили мне часть Каэдвена, и только богам я ее уступлю! Нижняя Мархия – наши земли... Эти... Эти... Энти... А, курва, этнические, во! Нижняя Мархия веками принадлежала Каэдвену...

– Верхний Аэдирн, – снова заговорил Дийкстра, – принадлежит Каэдвену с прошлого лета. Точнее, с двадцать четвертого июля прошлого года. С той минуты, как туда вступил каэдвенский оккупационный корпус.

– Убедительно прошу, – сказал Шиллярд Фиц-Эстерлен, хотя его никто не спрашивал, – запротоколировать *ad futurum rei memoriam*[115], что империя Нильфгаард не имела ничего общего с данной аннексией.

– Если не считать того, что именно в это время она грабила Венгерберг.

– *Nihil ad rem!*[116]

– Да неужто?

– Господа! – напомнил Фольтест.

– Каэдвенская армия, – прохрипел Хенсельт, – вступила в Нижнюю Мархию освободительницей! Моих солдат встречали там цветами! Мои солдаты...

– Твои солдаты... – Голос короля Демавенда был спокоен, но по его лицу было видно, чего ему стоит это спокойствие. – Твои разбойники, ворвавшиеся в мое королевство с бандитскими воплями, убивали, насиловали и грабили. Господа! Мы собрались здесь и сидим уже неделю, размышляя, как должна выглядеть картина будущего мира. О боги, неужели это будет мир преступлений и грабежей? Неужели сохранится бандитское *status quo*? Неужели награбленное добро останется в руках разбойников и грабителей?

Хенсельт схватил со стола карту, разорвал ее и швырнул в Демавенда. Король Аэдиерна даже не шелохнулся.

– Моя армия, – прохрипел Хенсельт, а его лицо налилось цветом доброго старого вина, – отвоевала Мархию у нильфгаардцев. Твое, прости господи, королевство тогда уже прекратило существование, Демавенд. Скажу больше, если б не моя армия, у тебя сегодня вообще никакого королевства не было бы. Хотелось бы взглянуть, как без моей помощи ты изгоняешь Черных за Яругу и Доль Ангру. Поэтому можно без особых преувеличений утверждать, что ты остался королем по моей милости. Но здесь и сейчас моя милость кончается! Я сказал: не отдам даже пяди моей земли! Не позволю уменьшить мое королевство!

– А я – мое! – встал Демавенд. – Нам не договориться!

– Господа, – примиряюще сказал Кирус Хеммельфарт, иерарх Новиграда. – Наверняка возможен какой-то компромисс...

– Империя Нильфгаард, – снова заговорил Шиллярд Фиц-Эстерлен, обожавший вступать ни с того ни с сего, – не примет такого договора, коий нанесет вред Стране Эльфов в Доль Блатанна. Если это необходимо, я еще раз прочту господам содержание меморандума...

Хенсельт, Фольтест и Дийкстра фыркнули. Демавенд взглянул на императорского посланника спокойно и почти доброжелательно.

– Ради общего блага, – заявил он, – и ради мира я признаю автономию Доль Блатанна. Но не как королевства, а как княжества. При условии, что княгиня Энид ан Глеанна принесет мне ленную присягу и обязуется уравнивать в правах и привилегиях людей и эльфов. Я готов на это, как уже сказал, *pro publico bono*.

– Вот, – произнесла Мэва, – речи истинного короля.

– *Salus publica lex suprema est*[117], – сказал иерарх Хеммельфарт, уже долгое время ждавший okazji продемонстрировать свое знание дипломатического сленга.

– Однако добавлю, – продолжал Демавенд, глядя на надувшегося Хенсельта, – что уступка в отношении Доль Блатанна не прецедент. Это есть единственное нарушение целостности моих земель, на которое я соглашаюсь. Никакого другого раздела либо захвата я не приемлю. Каэдвенская армия, вторгшаяся в пределы моего королевства агрессором и захватчиком, должна в течение недели покинуть незаконно оккупированные укрепления и замки Верхнего Аэдирна. Таково условие моего участия в переговорах. А поскольку *verba volant*[118], мой секретарь приложит к протоколу официальный демарш по данному вопросу.

– Хенсельт? – Фольтест выжидательно взглянул на бородача.

– Никогда! – заревел король Каэдвена, переворачивая кресло и вскакивая, будто ужаленный шершнем шимпанзе. – Никогда не отдам Мархии! Только через мой труп! Не отдам! Ничто не заставит меня сделать это! Никакая сила! Никакая, курва вас задери, сила!

А чтобы доказать, что и он не лыком шит и кое-чему научился, взвыл:

– *Non possumus*![119]

– Покажу я ему *non possumus*, старому дуралею! – фыркнула Сабрина Глевиссиг в комнате этажом выше. – Можете не сомневаться, милые дамы, я заставлю этого идиота признать требования, касающиеся возврата территорий, захваченных в Верхнем Аэдирне. Каэдвенские войска уйдут оттуда за десять дней. Это ясно. Двух мнений быть не может. Если кто-либо из вас, дамы, сомневается, то я, поверьте, имею право чувствовать себя задетой за живое.

Филиппа Эйльхарт и Шеала де Танкарвилль выразили свое одобрение кивками. Ассирэ вар Анагид поблагодарила улыбкой.

– На сегодня, – сказала Сабрина, – осталось решить проблему Доля Блатанна. Содержание меморандума императора Эмгыра мы знаем. Короли, что сидят под нами, еще не успели обсудить этот вопрос, но уже высказали свое мнение. Занял определенную позицию также наиболее, я бы сказала, заинтересованный: король Демавенд.

– В позиции Демавенда, – сказала Шеала де Танкарвилль, кутаясь в боа из серебристых лис, – просматриваются признаки далекоидущего компромисса. Это позиция позитивная, продуманная и взвешенная. Шилярду Фиц-Эстерлену придется трудновато, если он пожелает добиваться референдума и заявлять протесты. Он будет препираться по меньшей мере сутки. А потом начнет отступать.

– Нормально, – отрезала Сабрина Глевиссиг. – Нормально и то, что наконец-то они где-то встретятся, о чем-то договорятся. Однако не будем ждать и сейчас же решим, что позволить им в конечном итоге. Франческа! Молви слово! Речь же идет о твоей стране.

– Именно поэтому, – обворожительно улыбнулась Маргаритка из Долин. – Именно поэтому я и молчу, Сабрина.

– Перебори гордость, – серьезно сказала Маргарита Ло-Антиль. – Нам надо знать, что можно позволить королям.

Франческа Финдабаир улыбнулась еще обворожительнее.

– Ради мира и блага народа, – проговорила она, – я соглашусь с предложением короля Демавенда. Можете, милые девушки, с этой минуты перестать именовать меня Наисветлейшей, достаточно будет просто Вашей Светлости.

– Эльфы шуточки, – поморщилась Сабрина, – меня ничуть не смешат, вероятно, потому, что я их не понимаю. Как с другими условиями Демавенда?

Франческа трепыхнула ресницами.

– Я согласна на реэмиграцию поселенцев-людей и возвращение их имущества, – сказала она серьезно. – Гарантирую также равные права всем расам...

– Побойся богов, Энид, – рассмеялась Филиппа Эйльхарт. – Не соглашайся на все-то! Поставь хоть какие-нибудь условия!

– Поставлю. – Эльфка вдруг посерьезнела. – Я не согласна на ленную присягу. Я хочу полностью распоряжаться Доля Блатанна. Никаких вассальных повинностей, кроме обещания сохранять лояльность и не наносить вреда сюзерену.

– Демавенд не согласится, – кратко бросила Филиппа. – Он не откажется от доходов и рент, которые давала ему Долина Цветов.

– По этой проблеме, – Франческа подняла брови, – я готова к двусторонним переговорам и убеждена, что мы достигнем консенсуса. Алодиум[120] не принуждает к уплатам, но ведь не запрещает и не исключает их.

– А что с фидеикомиссом[121], – не сдавалась Филиппа Эйльхарт. – Как с примогенитурой [122]? Соглашаясь на алодиум, Фольтест захочет получить гарантии нераздельности княжества.

– Фольтеста, – снова улыбнулась Франческа, – действительно могли ввести в заблуждение моя кожа и фигура, но ты-то меня удивляешь, Филиппа. Далеко, очень далеко я уже ушла от того возраста, когда могла бы забеременеть. Относительно примогенитуры и фидеикомисса Демавенду опасаться нечего. Это я буду ultimus familiae[123] рода владык Доля Блатанна.

Однако, несмотря на кажущуюся выгодной для Демавенда разницу в возрасте, проблему наследования после меня мы обсуждать будем не с ним, а скорее всего с его внуками. Заверяю вас, дамы, в этом вопросе спорных пунктов не будет.

– В этом не будет, – согласилась Ассирэ вар Анагид, глядя в глаза эльфьей чародейки. – А как со скоя'таэлями? С эльфами, которые дрались на стороне Империи? Если не ошибаюсь, речь идет в основном о твоих подданных, госпожа Францеска?

Маргаритка из Долин перестала улыбаться. Взглянула на Иду Эмеан, но молчаливая эльфка с Синих Гор избегала ее взгляда.

– Pro publica bono... – начала и осеклась Ассирэ, тоже очень серьезная, и тут же кивнула: дескать, понимает. – Что делать, – сказала она медленно. – Всею своя цена. Война требует жертв. Мир, оказывается, тоже.

– Совершенно верно, – задумчиво повторил пилигрим, глядя на опустившего голову эльфа. – Мирные переговоры – торг, базар. Ярмарка. Чтобы одних можно было купить, других надо продать. По таким колеям катится мир. Главное, не купить слишком дорого...

– И не продать слишком дешево, – закончил эльф, не поднимая головы.

– Предатели! Сволочные паршивцы!

– Сукины дети!

– An'badraigh aen cuach!

– Нильфгаардские псы!

– Ти-и-хо! – рывкнул Гамилькар Данза, саданув закованной в железо пятерней по перилам балюстрады. Стрелки на галерее навели арбалеты на столпившихся внизу эльфов. – Ти-и-хо! – еще громче прокричал Данза. – Достаточно! Успокойтесь, господа офицеры! Где ваша честь и достоинство?!

– И у тебя хватает наглости говорить о чести и достоинстве, висельник?! – крикнул Коиннеах Да Рео. – Мы проливали за вас кровь, проклятые Dh'oine! За вас, за вашего императора, который принял от нас присягу на верность. Вот как вы отблагодарили? Выдаете нас палачам с Севера! Как преступников! Как предателей!

– Я сказал – довольно! – Данза опять ударил пятерней по перилам так, что прокатилось эхо. – Примите к сведению свершившийся факт, господа эльфы! Подписанные в Цинтре соглашения, являющиеся условием заключения мира, налагают на Империю обязательство выдать нордлингам военных преступников...

– Преступников? – крикнул Риордаин. – Преступников? Ах ты гнусный, паршивый Dh'oine!

– Военных преступников, – повторил Данза, не обращая внимания на гул внизу. – Офицеров, в отношении которых доказана их причастность к террору, уничтожению гражданского населения, истязаниях и убийству военнопленных! Лишению жизни раненых в лазаретах...

– Вы сволочи! – рывкнул Ангус Бри-Кри. – Да, мы убивали, потому что шла война!

– Убивали по вашим же приказам!

– Cuach'te aep arse, bloede Dh'oine!

– Это дело решенное! – повторил Данза. – Ругань и крики ничего не изменят. Прошу по

одному подходить к кордегардии и не сопротивляться, когда вас будут заковывать в железо.

– Надо было остаться, когда они бежали за Яругу, – скрежетнул зубами Риордаин. – Надо было остаться и продолжать биться в командах. А мы, дурни, глупцы, идиоты, держали верность солдатской присяге! Вот и додержались!

Инсегрим Фаоильтиарна, Железный Волк, славнейший, уже почти легендарный командир скоя'таэлей – «белок», ныне имперский полковник, с каменным лицом сорвал с рукава и наплечников серебряные молнии бригады «Врихедд», швырнул их на плиты двора. Другие офицеры последовали его примеру. Глядевший на это с галереи Гамилькар Данза насупился.

– Глупая, несерьезная демонстрация, – сказал он. – Кроме того, на вашем месте я бы не стал так легкомысленно освобождаться от имперских знаков различия. Я считаю себя обязанным сообщить вам, господа, что при обсуждении условий мира вам как имперским офицерам гарантированы справедливые судебные разбирательства, легкие приговоры и скорая амнистия...

Столпившиеся внизу эльфы, словно сговорившись, залились громким, гудящим меж окружающих двор стен хохотом.

– Обращаю также ваше внимание, – спокойно добавил Гамилькар Данза, – на то, что мы выдаем нордлингам только вас. Тридцать двух офицеров. Не выдаем ни одного солдата, которыми вы командовали. Ни одного.

Смех внизу утих словно отсеченный ножом.

Ветер дунул в костер, взметнул веер искр, ударил в глаза дымом. С перевала снова долетел вой.

– Торговали всем, – прервал молчание эльф. – Все было выставлено на прилавки. Честь, верность, слово дворянина, присяга, простая порядочность... Все это просто-напросто был товар, имеющий ценность лишь до тех пор, пока на него существовал спрос и соответствующая конъюнктура. А когда спрос кончился, цена всему стала грош, и товар пошел на свалку. На выброс. На помойку.

– На свалку истории, – кивнул пилигрим. – Вы правы, господин эльф. Так это выглядело там и тогда – в Цинтре. У всего была своя цена. Все стоило ровно столько, сколько можно было получить в качестве эквивалента. Каждое утро начинались торги. И как на настоящей бирже, то и дело возникали неожиданные хоссы и бессы[124]. И как на настоящей бирже, трудно было отделаться от ощущения, что кто-то дергает за веревочки.

– Верно ли я слышу? – протяжно спросил Шилярд Фиц-Эстерлен, миной и тоном выказывая недоверие. – Не обманывает ли меня слух?

Беренгар Леуваарден, императорский посланник по особым поручениям, не потрудился ответить. Раскинувшись в кресле и покручивая фужер, он продолжал наслаждаться переливами вина.

Шилярд нахохлился, а затем натянул на лицо маску презрения и превосходства, говорящую: «Либо ты лжешь, сучий хвост, либо хочешь меня купить, испытать. В обоих случаях я тебя раскусил».

– Стало быть, мне следует понимать, – сказал он, задрав нос, – что после далекоидущих уступок по пограничным вопросам, относительно военнопленных и возврата добычи, а также касательно офицеров бригады «Врихедд» и команд скоя'таэлей император приказывает мне

пойти на согласие и одобрить невероятные претензии нордлингов в смысле репатриации поселенцев?

– Вы прекрасно поняли, барон, – ответил Беренгар Леуваарден, характерно затягивая слог. – Я искренне восхищен живостью вашего ума.

– Клянусь Великим Солнцем, господин Леуваарден, задумываетесь ли вы там, в столице, над последствиями ваших решений? Нордлинги уже сейчас шепчут, что наша Империя – лишь колосс на глиняных ногах! Уже сейчас они вопят, что победили, побили, изгнали! Да понимает ли император, что пойти на дальнейшие уступки означает принять их наглые, явно завышенные и чуть ли не ультимативные требования?! Понимает ли император, что они воспримут это как проявление слабости, последствия чего в дальнейшем могут быть плачевными. Наконец, понимает ли император, какая судьба ждет тысячи наших поселенцев в Бругге и Лирии?

Беренгар Леуваарден перестал покачивать фужер и впился в Шилярда черными как угольки глазами.

– Я передал вам, господин барон, императорский приказ, – процедил он. – Когда вы, господин барон, выполните его и вернетесь в Нильфгаард, вы сможете лично спросить императора, почему он столь неразумен. Сможете высказать императору свое возмущение. Накричать на него. Обругать. Почему бы и нет? Но лично. Не используя в качестве посредника меня.

«Так-так, – подумал Шилярд. – Теперь понятно. Передо мной сидит новый Стефан Скеллен. И вести себя с ним надо так же, как со Скелленом. Но ведь ясно же, что он прибыл сюда не просто так. Приказ мог привезти обычный курьер».

– Ну что ж, – начал он на первый взгляд свободно и даже доверительно. – Горе побежденным! Но императорский приказ ясен и конкретен, а значит, и выполнен он будет точно так же. Кроме того, я постараюсь, чтобы все выглядело как результат переговоров, а не как полная капитуляция. В таких вещах я разбираюсь. Я дипломат уже тридцать лет. И в четвертом поколении. Моя семья – одна из знатнейших, богатейших... и наиболее влиятельных...

– Знаю-знаю, а как же, – слегка усмехнувшись, прервал Леуваарден. – Потому-то здесь и я.

Шилярд поклонился. И терпеливо ждал.

– Сложности во взаимопонимании, – начал посланник, покачивая фужер, – возникли потому, что вы, дорогой барон, изволили считать, будто победа и завоевание основываются на бессмысленном геноциде. На том, чтобы где-то там в пропитавшуюся кровью землю вбить древо знамени, объявив при этом: «До сих границ – мое. Я это завоевал!» Таковое мнение, увы, довольно широко распространено. Для меня же, как и для людей, меня уполномочивших, победа и завоевание основываются на диаметрально противоположном. Победа должна выглядеть так: побежденных следует заставить покупать блага, производимые победителями, более того, они должны делать это с желанием, ибо продукты, изготавливаемые победителями, лучше качеством и дешевле. Валюта победителей крепче, чем валюта побежденных, и побежденные доверяют ей значительно больше, нежели собственной. Вы понимаете меня, господин барон Фиц-Эстерлен? Теперь вы начинаете понемногу отличать победителей от побежденных? Понимаете ли вы, кому действительно горе?

Представитель императора на переговорах наклоном головы подтвердил, что да, он понимает.

– Но чтобы победу закрепить и узаконить, – продолжил Леуваарден, растягивая слог минуту спустя, – надобно заключить мир. Быстро и любой ценой. Не какое-то там перемирие или

временная приостановка военных действий, а мир! Творческий компромисс, согласие, кое создает и не вводит хозяйственных блокад, таможенных ограничений и протекционизма в торговле.

Шилярд и на этот раз кивком подтвердил, что да, он понимает, о чем идет речь.

– Мы неспроста подорвали их сельское хозяйство и промышленность, – продолжал спокойным, тягучим и бесцветным голосом Леуваарден. – Мы сделали это для того, чтобы из-за нехватки собственных товаров они вынуждены были покупать наши. Но через враждебные и закрытые границы наши купцы и наши товары не пройдут. И что тогда? Я скажу вам, дорогой барон. Возникнет кризис перепроизводства, поскольку наши мануфактуры работают на полном ходу, рассчитывая на экспорт. Крупные потери понесут совместные компании морской торговли, в которые вошли Новиград и Ковир. В этих компаниях, дорогой барон, вашей влиятельной семье принадлежит немалая доля. А семья, как вы, вероятно, знаете, есть основная ячейка общества. Знаете ли вы это, дорогой барон?

– Знаю. – Шилярд Фиц-Эстерлен понизил голос, хоть комната была абсолютно звуконепроницаема и подслушать ведущиеся в ней разговоры было невозможно. – Понимаю. Да, конечно, понимаю. Однако хотелось бы иметь уверенность в том, что я выполняю приказ императора... А не какой-то... корпорации... Совместной компании...

– Императоры приходят и уходят, – процедил Леуваарден, – а корпорации и совместные компании остаются. И выживают. Но это трюизм. Я понимаю ваши опасения, барон. Можете не сомневаться – вы исполняете приказ, отданный императором и имеющий целью благополучие и интересы Империи. Отданный, не возражаю, в результате советов, данных императору некой корпорацией.

Посланник по специальным поручениям расстегнул ворот кафтана и рубашки и продемонстрировал золотой медальон с изображением вписанной в треугольник звезды, охваченной языками пламени.

– Прекрасная вещица. – Шилярд с легким поклоном улыбнулся, подтверждая, что да, понял. – Весьма ценная... И элитная... Можно ли где-нибудь приобрести нечто подобное?

– Нет, – с упором ответил Беренгар Леуваарден. – Приобрести нельзя. Надо заслужить.

– Если милостивая государыня и милостивые государи позволят, – голос Шилярда Фиц-Эстерлена окрасился специфическим, уже знакомым участникам переговоров звучанием, свидетельствующим о том, что сейчас будет сказано нечто невероятно значительное, – если государыня и государи не возражают, я зачитаю присланную мне *aide memoire*[125] его величества Эмгыра вар Эмрейса, по милости Великого Солнца императора Нильфгаарда...

– Ну нет! Все сначала, – скрежетнул зубами Демавенд, а Дийкстра только вздохнул, что не ушло от внимания Шилярда, ибо уйти не могло.

– Документ достаточно длинный, – согласился он. – Поэтому я просто перескажу его содержание вместо того, чтобы зачитывать. Его императорское величество выражает колоссальное удовлетворение ходом переговоров и, будучи человеком искренне миролюбивым, с радостью воспринимает достигнутые компромиссы и договоренности. Его императорское величество желает переговорам дальнейших успехов и надеется на их окончание к обоюдной выгоде договаривающихся сторон.

– Поэтому беремся за дело, – тут же проговорил Фольтест. – Да поживее! Покончим к обоюдной выгоде и по домам!

– Справедливо, – проговорил Хенсельт, которому до дому было дальше всех. – Давайте закругляться, не то нас тут зима застанет! Если будем тянуть.

– Нас ждет еще один компромисс, – напомнила Мэва. – И проблема, которой мы несколько раз едва-едва коснулись. Вероятно, опасаясь, как бы она не вбила между нами клинья. Пора перебороть страх. Только от того, что эта проблема нас пугает, она не исчезнет.

– Верно, – сказал Фольтест. – Итак, за дело. Установим статус Цинтры, вопрос наследования престола и наследства после Калантэ. Проблема сложная, но, надеюсь, мы с ней управимся. Не так ли, ваше превосходительство?

– Ах, – дипломатично и таинственно улыбнулся Шилярд Фиц-Эстерлен. – Уверен, проблема наследования престола Цинтры будет нами разрешена с ходу! Это проблема гораздо более проста, нежели господа и дама предполагают.

– Ставлю на обсуждение, – заявила не подлежащим обсуждению тоном Филиппа Эйльхарт, – следующий проект: мы превратим Цинтру в подмандатную территорию. Мандат же на управление вручим Фольтесту из Темерии.

– Слишком уж вырастает этот Фольтест, – поморщилась Сабрина Глевиссиг. – Слишком уж велики у него аппетиты. Бругге, Содден, Ангрен...

– Нам необходимо сильное государство в устье Яруги. И на Марнадальских Ступенях.

– Не возражаю, – кивнула Шеала да Танкарвилль. – Нам-то это необходимо. Нам – да, но не Эмгыру вар Эмрейсу. А наша цель – компромисс, а не конфликт.

– Несколько дней назад Шилярд предложил, – напомнила Франческа Финдабаир, – провести демаркационную линию, разделив Цинтру на сферы влияния, на Северную и Южную зоны...

– Глупости и ребячество, – возмутилась Маргарита Ло-Антиль. – В таких разделах нет ни крупинки смысла, одни лишь зародыши конфликтов.

– Я думаю, – сказала Шеала, – что Цинтру следует превратить в кондоминиум с совместным управлением Северными Королевствами и империей Нильфгаард. Город и порт Цинтра получат статус вольного города... Вы хотели что-то сказать, дорогая госпожа Ассирэ? Прошу. Признаться, я предпочитаю диспуты, складывающиеся из полных, завершенных высказываний, а не отдельные реплики, но извольте. Мы слушаем...

Магички, не исключая и бледной как привидение Фрингильи Виго, впились глазами в Ассирэ вар Анагид. Нильфгаардская чародейка не торопилась.

– Я предлагаю, – проговорила она приятным и мягким голосом, – обратиться к другим проблемам. А Цинтру оставить в покое. Мне совсем недавно кое-что сообщили, но я еще не успела вас, милые дамы, проинформировать. Проблема Цинтры, уважаемые единомышленницы, уже разрешена, и с нею покончено.

– Да? – прищурилась Филиппа. – И что же это, позвольте спросить, означает?

Трисс Меригольд вздохнула. Она уже догадалась, уже знала, что это могло означать.

Ваттье де Ридо пребывал в тоске и печали. Его прелестная, его неповторимая в телесном общении любовница, златоволосая Кантарелла, покинула его вдруг и внезапно, не приведя обоснования и объяснений. Для Ваттье это был удар. Удар страшный, после которого он ходил как пришибленный, нервничал, был рассеянным и словно одуревшим. Теперь ему следовало быть очень осторожным, особо внимательным, чтобы не попасться, не ляпнуть какой-нибудь глупости в разговоре с императором. Времена больших перемен не любят

людей нервных и некомпетентных.

– Купеческую гильдию, – начал, морща лоб, Эмгыр вар Эмрейс, – мы уже вознаградили за неоценимую помощь. Мы предоставили купцам достаточно привилегий. Гораздо больше, чем они получили от предыдущих трех императоров вместе взятых. Что касается Беренгара Леуваардена, то мы обязаны ему за неоценимую помощь в раскрытии заговора. Он получил высокую и прибыльную должность. Однако если выявится его некомпетентность, то независимо от заслуг он вылетит как из пращи. Желательно, чтобы он это знал.

– Я позабочусь, ваше величество. А как с Дийкстрой? И его таинственным информатором?

– Дийкстра скорее умрет, чем выдаст своего человека. Его же самого действительно следовало бы отблагодарить за совершенно неожиданную весть... Но как? Дийкстра от меня ничего не примет.

– Если ваше величество позволит...

– Говори.

– Дийкстра примет информацию. О том, чего не знает, а знать бы хотел. Ваше величество может отблагодарить его информацией.

– Bravo, Ваттье.

Ваттье де Ридо облегченно вздохнул. Чтобы вздохнуть, он, согласно этикету, отвернулся. Поэтому первым заметил приближение дам. Графиню Лиддерталь – Стеллу Конгрев – и ее подопечную, светловолосую девушку.

– Они идут, – указал он движением бровей. – Ваше императорское величество, позволю себе напомнить... Благо государства... Интересы Империи...

– Перестань, – недовольно прервал Эмгыр вар Эмрейс. – Я же сказал – подумаю. Обдумаю проблему и приму решение. А потом сообщу тебе, каковым оно будет.

– Слушаюсь, ваше императорское величество.

– Что еще? – Белое Пламя Нильфгаарда нетерпеливо хлыстнул перчаткой по бедру мраморной nereиды, украшающей цоколь фонтана. – Почему ты не удаляешься, Ваттье?

– Проблема Стефана Скллена...

– Не помилую. Смерть предателю. Но после честного и детального разбирательства.

– Слушаюсь, ваше императорское величество.

Эмгыр даже не взглянул на кланяющегося и пятящегося Ваттье. Он смотрел на Стеллу Конгрев. И на светловолосую девушку.

«Вот он приближается – интерес Империи, – подумал он. – Лжепринцесса, лжекоролева Цинтры, лжевладелица устья реки Ярры, которое так необходимо Империи. Вот она приближается, опустив глаза, испуганная, в белом шелковом платье с зелеными рукавами и перидотовом колье на хрупкой шейке. Тогда, в Дарн Роване, я похвалил это платье, похвалил подбор украшений. Стелла знает мой вкус. Вот и нарядила куколку опять так, чтобы угодить мне. Но что мне с этой куколкой делать? Поставить на камин?»

– Благородные дамы, – поклонился он первым. Вне пределов тронного зала уважительность и вежливость в общении с женщинами были обязательны даже для императора.

Дамы ответили глубокими реверансами и наклоном головы. Перед ними был вежливый, но все же император.

Эмгыру надоел протокол.

– Останься здесь, Стелла, – сухо приказал он. – А ты, девушка, будешь сопровождать меня на прогулке. Вот моя рука. Выше голову. Хватит, хватит мне твоих реверансов. Это всего лишь прогулка. Не более того.

Они пошли по аллейке, извивающейся меж едва зазеленевшими кустами и живыми изгородями. Императорская охрана, солдаты из элитной гвардейской бригады «Импера», знаменитые «саламандры», держались поодаль, но всегда наготове. Они знали, когда не следует императору мешать.

Миновали садок, пустой и грустный. Столетний карп, запущенный императором Торресом, издох два дня назад. «Они запустили нового. Молодого, сильного зеркального красавца, – подумал Эмгыр вар Эмрейс. – Прикажу приклепать ему медаль с моим изображением и датой. Vaesse deireadh aер eígean. Что-то закончилось, что-то начинается. Новая эпоха. Новые времена. Новая жизнь. Так пусть же, черт побери, будет и новый карп. Зеркальный».

Задумавшись, он почти забыл о девушке, которую держал под руку. О ней ему напомнило тепло, аромат ландыша, интересы Империи. Именно в такой, а не иной последовательности.

Остановились около садка, посреди которого высился над водой искусственный островок с каменным садиком, фонтаном и мраморной фигурой.

– Знаешь, что это?

– Да, ваше императорское величество, – не сразу ответила она. – Это пеликан, раздирающий клювом собственную грудь, чтобы кровью выкормить детей. Аллегория благородного самопожертвования. А также...

– Я внимательно слушаю.

– А также неизбывной любви.

– Ты думаешь, – повернул он ее к себе, стиснув зубы, – что раздираемая грудь от этого болит меньше?

– Не знаю... – не сразу ответила она. – Ваше императорское величество, я...

Он взял ее за руку. Почувствовал, как она вздрогнула, дрожь прошла по его ладони, запястью, предплечью, плечу...

– Мой отец, – сказал он, – был великим владыкой, но никогда не прислушивался к легендам и мифам, у него никогда не было на это времени. И он вечно их путал. Всегда, помню как сейчас, каждый раз, когда он водил меня сюда, в парк, он говорил, что скульптура изображает пеликана, возникающего из пепла. Ну, девочка, улыбнись хотя бы, когда император рассказывает байки. Благодарю. Так гораздо лучше. Мне было бы неприятно думать, что тебя не радует общение со мной. Взгляни мне в глаза.

– Я рада... имея возможность... быть здесь... с вашим императорским величеством. Это честь для меня... я знаю... Но и огромная радость... Я счастлива...

– Серьезно? Или, может быть, это всего лишь придворная лесть? Этикет? Хорошая школа Стеллы Конгрев? Слова, которые Стелла приказала тебе заучить наизусть? Признайся, девушка.

Она молчала, потупившись.

– Твой император спросил тебя, – повторил Эмгыр вар Эмрейс. – А когда император спрашивает, никто не осмеливается молчать. Лгать, разумеется, тоже никто не осмеливается.

– Действительно, – мелодично ответила она. – Я действительно рада, ваше императорское величество.

– Я тебе верю, – сказал, помолчав, Эмгыр. – Верю. Хоть и удивляюсь.

– Я тоже... – прошептала она. – Я тоже удивляюсь.

– Не понял. Пожалуйста, смелее.

– Я хотела бы чаще... прогуливаться. И беседовать. Но я понимаю... Понимаю, что это невозможно.

– Ты правильно понимаешь. – Он закусил губу. – Императоры владеют империями, но двумя вещами владеть не могут: своим сердцем и своим временем. И то и другое принадлежит империи.

– Я знаю об этом, – шепнула она, – слишком даже хорошо.

– Я пробуду здесь недолго, – сказал он, немного помолчав. – Мне необходимо поехать в Цинтру, почтить своим присутствием торжество подписания мирного договора. Ты вернешься в Дарн Рован... Выше голову, девочка. Ну нет, ты уже второй раз хлупаешь носом в моем присутствии. А что в глазах? Слезы? О, это серьезное нарушение этикета. Придется высказать графине Лиддерталь мое величайшее недовольство. Я просил – подними голову.

– Я прошу вас... простить госпожу Стеллу... ваше императорское величество. Виновата я. Только я. Госпожа Стелла учила меня... И подготовила хорошо...

– Я заметил и оценил. Не беспокойся, Стелле Конгрев не грозит моя немилость. И никогда не грозила. Я пошутил. Неудачно.

– Я заметила, – шепнула девушка, бледнея, пораженная собственной храбростью. Но Эмгыр только рассмеялся. Немного искусственно.

– Вот такую тебя я предпочитаю, – сказал он. – Поверь. Смелую, как...

Он осекся. «Такую, как моя дочь», – подумал он. Чувство вины рвануло как укусы собаки.

Девушка не опускала глаз. «Это не была лишь выучка Стеллы, – подумал Эмгыр. – Это ее истинная природа. Несмотря на видимость, это бриллиант, который сложно поцарапать. Нет. Я не позволю Ваттье убить этого ребенка. Цинтра Цинтрой, интересы Империи – интересами Империи, но у этой проблемы, похоже, может быть только одно толковое и отвечающее законам чести решение».

– Дай мне руку. – Это был приказ, произнесенный строгим тоном. Но при этом он не мог отделаться от ощущения, что его приказ был исполнен охотно. Без сопротивления и принуждения.

Ее рука была маленькой и холодной. Но уже не дрожала.

– Как тебя зовут? Только не говори, что, мол, Цирилла Фиона.

– Цирилла Фиона.

– Мне хочется тебя наказать, девушка. Сурово.

– Знаю, ваше императорское величество. Я это заслужила. Но я... Я должна быть Цириллой Фионой.

– Похоже, – сказал он, не отпуская ее руки, – ты сожалеешь о том, что ты – не она.

– Сожалею, – шепнула она. – Сожалею, что я – не она.

– Ты серьезно?

– Если б я была... настоящей Цириллой... император смотрел бы на меня милостивее. Но я всего лишь подделка. Имитация. Двойник, ничего не стоящий. Ничего...

Он резко обернулся, схватил ее за плечи. И тут же отпустил. Отступил на один шаг.

– Ты жаждешь короны? Власти? – Он говорил тихо, но быстро, прикидываясь, будто не видит, что она отрицательно крутит головой. – Почестей? Великолепия? Роскоши?

Он замолчал, глубоко вздохнул, продолжая делать вид, будто не замечает, что девушка по-прежнему крутит головой, отрицая новые обидные упреки, даже еще более обидные из-за того, что они не были высказаны.

Он снова вздохнул. Глубоко. И громко.

– Знаешь ли ты, маленький мотылек, что перед тобой – пламя?

– Знаю, ваше императорское величество.

Они долго молчали. Аромат весны неожиданно вскружил им головы. Обоим.

– Быть императрицей, – наконец глухо проговорил Эмгыр, – это, вопреки видимости, нелегкий кусок хлеба. Не знаю, смогу ли я полюбить тебя.

Она кивнула, показывая, что знает и это. Он увидел слезу на ее щеке. Как тогда, в замке Стигга, он почувствовал, как зашевелился засевший в сердце осколок холодного стекла.

Он обнял ее, крепко прижал к груди, погладил по волосам, пахнувшим ландышем.

– Бедный ты мой... – сказал он не своим голосом. – Маленький ты мой, несчастный... интерес государства.

По всей Цинтре звонили колокола. Величественно, гулко, торжественно. Но при этом как-то на удивление грустно.

«Редкостная красота, – думал иерарх Хеммельфарт, глядя вместе со всеми на закрепляемый на стене портрет размером, как и остальные, по меньшей мере полсажени на сажень. – Странная красота. Голову дам на отсечение, что это метиска. Дам голову, что в ее жилах течет проклятая эльфья кровь».

«Красивая, – думал Фольтест, – красивее, чем на миниатюре, которую мне показывали люди из разведки. Ну что ж, портреты не всегда льстят».

«Совершенно не похожа на Калантэ, – думала Мэва. – Совершенно не похожа на Рёгнера. Совершенно не похожа на Паветту... Хммм... Шли слухи... Но нет, это невозможно. Это должна быть королевская кровь, законная властительница Цинтры. Должна быть. Того требуют интересы государства. И истории».

«Это не та, которая являлась мне в снах, – думал недавно прибывший в Цинтру Эстерад Тиссен, король Ковира. – Наверняка не та. Но я не скажу никому. Сохраню для себя и моей Зулейки. Мы вместе с моей Зулейкой решим, как использовать знания, данные нам снами».

«Еще немного, и она стала бы моей женой, эта Цири, – думал Кистрин из Вердэна. – И тогда я стал бы герцогом Цинтры и, по обычаю, наследником трона... И погиб бы, конечно, как Калантэ. Хорошо, ох хорошо, что она еще в детстве сбежала от меня».

«Я ни секунды не верил в рассказы о великой любви с первого взгляда, – думал Шиллярд Фиц-Эстерлен. – Ни мгновения. Однако Эмгыр берет в жены эту девушку. Отвергает возможность примирения с князьями и вместо нильфгаардской княжны берет в жены Цириллу из Цинтры. Почему? Чтобы завладеть маленьким нищенским государством, половину которого, если не больше, он и без того присоединил бы к Империи путем переговоров? Чтобы овладеть устьем Яруги, которое и без того уже находится во владении совместных нильфгаардско-новиградско-ковирских компаний морской торговли?

Ничего я не понимаю в этих государственных интересах, ничего.

Похоже, мне далеко не все говорят».

«Чародейки, – думал Дийкстра. – Все это фокусы чародеек. Ну и пусть. Видать, писано было, что Цири станет королевой Цинтры, женой Эмгыра и императрицей Нильфгаарда. Видать, того хотело Предназначение. Судьба. Кисмет[126]».

«Пусть так оно и будет, – думала Трисс Меригольд. – Пусть так и останется. Все получилось лучше некуда. Теперь Цири будет в безопасности. О ней забудут. Позволят ей жить».

Портрет наконец занял положенное место. Слуги забрали лестницы. Унесли.

Во втором ряду потемневших и несколько запыленных изображений владык Цинтры, за коллекцией Кербинов и Корамов, за Корбеттом, Дагораром и Рёгнером, за гордой Калантэ, за меланхолической Паветтой, висел портрет последний. На нем была изображена милостиво властвующая ныне королева. Наследница трона и королевской крови.

Портрет худощавой девушки со светлыми волосами и грустным взглядом. Одетой в белое платье с зелеными рукавами.

Портрет Цириллы Фионы Элен Рианнон.

Королевы Цинтры и императрицы Нильфгаарда.

«Предназначение», – думала Филиппа Эйльхарт, чувствуя на себе взгляд Дийкстры.

«Бедное дитя, – думал Дийкстра, глядя на портрет. – Небось думает, что пришел конец ее горестям и невзгодам. Бедное дитя».

Колокола Цинтры звонили, распугивая чаек.

– Вскоре после завершения переговоров и подписания цинтрийского мира, – продолжал свое повествование пилигрим, – в Новиграде устроили шумный многодневный праздник, фестиваль, венцом которого был многолюдный и торжественный парад войск. День, как пристало первому дню новой эпохи, был действительно прекрасный...

– Надо думать, – саркастически поинтересовался эльф, – ваша милость там были? На том параде?

– Правду-то сказать, я немного припозднился. – Пилигрим был явно из тех, кого сарказм не

задевает. – День, как я сказал, был прекрасный. С рассвета обещал быть таким.

Васконье, комендант форта Дракенборг, до недавнего времени – заместитель коменданта по политчасти, нетерпеливо ударил нагайкой по голенищу.

– А ну, быстрее там, – подгонял он. – Другие ждут. После заключенного в Цинтре мирного договора у нас тут куча работы!

Палачи, накинув осужденным петли на шеи, отошли. Васконье снова хватанул нагайкой по голенищу.

– Если кому-то из вас есть что сказать, – бросил он сухо, – теперь для этого последняя возможность.

– Да здравствует свобода, – сказал Каирбр аэп Диаред.

– Суд был тенденциозным, – сказал Орестесо Коппа, мародер, грабитель и убийца.

– Поцелуйте меня в задницу, – сказал Роберт Пильх, дезертир.

– Передайте господину Дийкстре, что я сожалею, – сказал Ян Леннер, агент, осужденный за взяточничество и разбой.

– Я не хотел... Я действительно не хотел, – зарыдал, покачиваясь на березовом пеньке, Иштван Игалффи, бывший комендант форта, снятый с должности и поставленный перед трибуналом за деяния, которые допускал в отношении узниц.

Солнце, ослепительное, как расплавленное золото, взвилось над палисадом форта. Столбы шибеницы отбрасывали длинные тени. Над Дракенборгом вставал новый, прекрасный день.

Первый день новой эпохи.

Васконье ударил нагайкой по голенищу. Поднял и опустил руку.

Пеньки выбили из-под ног осужденных.

Все колокола Новиграда били, их глубокий и стонущий звон отражался от крыш и мансард купеческих домов, расплывался эхом по улочкам. Высоко взлетали шутихи и ракеты. Толпа ревела, орала, бросала цветы, подкидывала шапки, махала платочками, шарфами, флажками, да что там, даже штанами.

– Да здравствует вольная компания!

– Да здравствует!!!

– Да здравствуют кондотьеры!

Лоренцо Молля отдавал честь толпе, посылал поцелуи прелестным горожанкам.

– Если вознаграждать они будут так же щедро, как приветствуют, – перекричал он всеобщий гомон, – то мы – богачи!

– Жаль, – сказала, пересиливая спазм в горле, Джулия Абатемарко. – Жаль, Фронтин не дождался...

Они ехали шагом по главной улице города – Джулия Абатемарко, Адам «Адью» Пангратт и Лоренцо Молля – во главе компании, празднично одетой, по четыре в ряд, ровненько, так что ни одна из очищенных и прочесанных щетками до блеска лошадей не высывала из строя

носа даже на дюйм. Кондотьерские лошади были, как и их хозяева, спокойны и горды, не пугались выкриков толпы, лишь легкими, почти незаметными движениями голов реагировали на сыпавшиеся на них венки и цветы.

– Да здравствуют кондотьеры!

– Да здравствует «Адью» Пангратт! Да здравствует Сладкая Ветреница!

Джулия украдкой смахнула слезу, поймав на лету брошенную из толпы гвоздику.

– Даже не мечтала... – сказала она. – Такой триумф... Как жаль, что Фронтин...

– Романтическая ты натура, – улыбнулся Лоренцо Молля. – Ты умиляешься, Джулия.

– Умиляюсь. Слушай команду! Равнение налево!

Солдаты выпрямились в седлах, повернули головы к трибуне и установленным на ней тронам и креслам. «Вижу Фольтеста, – подумала Джулия. – А вот тот, бородатый, пожалуй, Хенсельт из Каэдвена, а вот тот интересный – Демавенд из Аэдирна... Та матрона, должно быть, королева Гедвига... А молокосос, что рядом с ней, королевич Радовид, сын убитого короля... Бедный мальчишка...»

– Да здравствуют кондотьеры! Да здравствует Джулия Абатемарко! Виват, «Адью» Пангратт! Виват, Лоренцо Молля!

– Да здравствует коннетабль Наталис!

– Да здравствует королева! Фольтест, Демавенд, Хенсельт... Да здравствуют!

– Да здравствует господин Дийкстра! – взревел кто-то, видать, подхалим.

– Да здравствует его святейшество! – рявкнули из толпы несколько платных клакеров.

Кирус Энгелькинд Хеммельфарт, иерарх Новиграда, не без труда встал, помахал толпе и дефилирующей армии ручкой, не очень вежливо повернувшись задом к королеве Гедвиге и несовершеннолетнему Радовиду, заслонив их при этом полами своего одеяния.

«Никто не крикнет «Да здравствует Радовид!» – подумал заслоненный солидным задом иерарха королевич. – Никто даже не взглянет в мою сторону. Никто не крикнет в честь моей матери. И даже не вспомнит моего отца, не возгласит криком ему славу. Сегодня, в день триумфа, в дни согласия, примирения, к которому отец, как ни говори, тоже причастен. Поэтому его и убили».

И тут он почувствовал затылком взгляд. Нежный, как что-то такое, чего он не знал либо знал, но только в мечтах. Что-то такое, что было как прикосновение мягких и жарких женских губ. Он повернул голову. Увидел впившиеся в него темные, бездонные глаза Филиппы Эйльхарт.

«Погодите, – подумал королевич, отводя глаза. – Только погодите».

Тогда никто не мог предвидеть и угадать, что этот тринадцатилетний мальчик, не имеющий ни веса, ни значения в стране, которой управляли регентский совет и Дийкстра, повзрослев, станет королем и, отплатив всем за нанесенные ему и его матери обиды, войдет в историю как Радовид Пятый Свирепый.

Толпа выкрикивала приветствия. Под копыта кондотьерских лошадей сыпались цветы.

– Джулия...

– Слушаю, «Адью».

– Выходи за меня. Стань моей женой.

Сладкая Ветреница долго не отвечала, приходя в себя от изумления. Толпа орала. Иерарх Новиграда, вспотевший, хватаящий ртом воздух наподобие огромного жирного сома, благословлял с трибуны горожан, парад, город и мир.

– Но ведь ты женат, Адам Пангратт.

– Я ушел от нее. Развожусь.

Джулия Абатемарко не отвечала. Отвернулась. Удивленная. Опешившая. И очень счастливая. Неведомо почему.

Толпа вопила и кидала цветы. Над крышами домов с хрустом и дымом взрывались фейерверки.

Колокола Новиграда заходились стоном.

«Женщина, – подумала Нэннеке. – Когда я посылала ее на войну, она была девочкой. Вернулась женщиной. Уверенной в себе. Ощущающей свою значимость. Спокойной. Сдержанной. Женственной.

Она выиграла эту войну. Не дала войне уничтожить себя».

– Дебора, – продолжала перечислять Эурнейд тихо, но уверенно, – умерла от тифа в лагере под Майеной. Мыру убили эльфы-скоя'таэли во время нападения на лазарет под Армерией... Катье...

– Говори, дитя мое... – мягко подбодрила Нэннеке.

– Катье, – откашлялась Эурнэйд, – познакомилась в госпитале с раненым нильфгаардцем. После заключения мира, когда обменивались военнопленными, она пошла с ним в Нильфгаард.

– Я всегда утверждала, – вздохнула полная жрица, – что для любви нет ни границ, ни кордонов. А что с Иолей Второй?

– Жива, – поспешила заверить Эурнейд. – Она в Мариборе.

– Почему не возвращается?

– Она не возвратится в храм, матушка, – тихо сказала адептка, наклонив голову. – Она работает в больнице господина Мило Вандербека, хирурга-низушка. Сказала, что хочет лечить. Что всю себя посвятит этому. Прости ее, матушка Нэннеке.

– Простить? – покачала головой первосвященница. – Я горжусь ею.

– Ты запоздал, – прошипела Филиппа Эйльхарт. – Ты опоздал на торжество с участием королей. Какого черта, Сигизмунд! Твое пренебрежение к протоколам достаточно известно. У тебя не было нужды так нахально проявлять его. Тем более сегодня, в такой день...

– У меня были причины. – Дийкстра ответил поклоном на взгляд королевы Гедвиги и осуждающее движение бровей иерарха Новиграда. Поймал взглядом кривую гримасу на физиономии жреца Виллемера и усмешку на лице короля Фольтеста, достойном того, чтобы его профиль чеканили на монетах.

– Мне необходимо поговорить с тобой, Филь.

Филиппа подняла брови.

– Небось с глазу на глаз?

– Хорошо б. – Дийкстра едва заметно улыбнулся. – Впрочем, если пожелаешь, я соглашусь на несколько дополнительных пар глаз. Скажем, прекрасных глаз дам из Монтекальво.

– Тише, – прошипела чародейка улыбающимися губами.

– Когда можно получить аудиенцию?

– Я подумаю и дам знать. А сейчас оставь меня в покое. Здесь крупное торжество. Здесь великий праздник. Напомню, если ты сам этого не заметил.

– Великий праздник?

– Мы стоим на пороге новой эпохи, Дийкстра.

Шпион пожал плечами.

Толпа выкрикивала приветствия. В небо взметались ракеты, рассыпались огни фейерверков. Колокола Новиграда били, вещая о триумфе, о славе. Но звучали они как-то на удивление грустно.

– Поддержи-ка вожжи, Ярре, – сказала Люсьена. – Проголодалась я, перекушу малость. Давай обмотаю тебе ремень на руке, я знаю, тебе одной неудобно.

Ярре чувствовал, как щеки ему заливают румянец стыда и унижения. Он еще не привык. Ему все казалось, будто всему миру нечего больше делать, как только пялиться на его культу, на подвернутый и зашитый рукав. Что весь мир думает только об одном: заметить увечье, а потом лицемерно сочувствовать и неискренне сожалеть, а в глубине души безразлично и считать, что он некрасиво нарушает красивый порядок своим убогим, наглым существованием. Что вообще смеет существовать.

Люсьена – нельзя было не признать – явно отличалась в этом от всего остального мира. Она не прикидывалась, будто ничего не замечает, в ее глазах не было признаков унижительного сочувствия и еще более унижительной жалости. Ярре готов был признать, что светловолосая возница относится к нему совершенно естественно и вполне нормально. Но отгонял от себя эту мысль. Не принимал ее.

Потому что никак не мог привыкнуть воспринимать самого себя нормально.

Везущая инвалидов телега скрипела и тархтела. После краткого периода дождей наступила жара, пробитые военными обозами выбоины на дорогах высохли и застыли гребнями и горбами фантастических форм, и телеге, которую тянула четверка лошадей, все время приходилось переваливаться через эти выбоины и колдобины. На самых больших выбоинах телега подскакивала, трещала, раскачивалась не хуже корабля во время шторма. Тогда искалеченные – в основном безногие – солдаты ругались столь же артистично, сколь и жутко. А Люсьена – чтобы не свалиться – прижималась к Ярре и обнимала его, щедро одаривая своим волшебным теплом, удивительной мягкостью и возбуждающей смесью аромата лошадей, ремней, сена, овса и молодого, ядреного девичьего пота.

Телега соскочила в очередной ухаб. Ярре уже выбрал слабинку закрученных вокруг локтя вожжей. Люсьена, откусывая попеременно хлеб и колбасу, притулилась у его бока.

– Ну-ну, – заметила она его латунный медальон и бессовестно воспользовалась тем, что одна рука у него была занята вожжами. – И тебя тоже провели? Амулет-незабудка? Ох и пройдоха же тот, кто эти финтифлюшки выдумал. Большой был на них спрос во время войны, больше, чем на водку, пожалуй. И какое же там внутри имя девчачье, а ну, глянем...

– Люсьена. – Ярре залился пурпуром, чувствуя, что еще секунда – и кровь хлынет у него из щек. – Я должен тебя попросить... чтобы ты... не открывала... Прости, но это очень личное. Я не хочу тебя обижать, но...

Телега подпрыгнула, Люсьена прижалась, а Ярре замолк.

– Ци... рил... ла, – прочитала возница с трудом, но все равно удивила Ярре, который никак не ожидал от деревенской девушки столь выдающихся способностей. – Она о тебе не забудет. – Люсьена защелкнула медальон, отпустила цепочку, глянула на юношу. – Цирилла, стало быть. Если действительно любила. Чепуха все эти чары и амулеты. Ерунда и глупистика. Если действительно любила, то не забыла, была верной. И ждет.

– Этого? – Ярре поднял культю.

Девушка слегка прищурила глаза, голубые как васильки.

– Если по-настоящему любила... – твердо повторила она, – то ждет, а все остальное – чепуховина чепуховая. Я-то знаю.

– Такой уж у тебя солидный в этом деле опыт? Так сказать, много ль ты экспериментировала?

– Не твое дело, – теперь настал черед Люсьены слегка зарумяниться, – с кем и что у меня было. И не думай, будто я из тех, которым только мигни, и они уже готовы какие-то там сперементации на сеновале вытворять. Но что знаю – то знаю. Ежели парня любишь, то всего разом, а не по частям. И не имеет значения, если даже какой-никакой части недостает.

Телега подпрыгнула.

– Ты здорово упрощаешь, – проговорил сквозь стиснутые зубы Ярре, жадно вдыхая аромат девушки. – Здорово упрощаешь и сильно идеализируешь, Люсьена. Не хочешь замечать одной мелочи. Пойми, для того, чтобы мужчина мог достойно содержать жену и семью, он должен быть, я так скажу, в полном комплекте! Калека на это не способен.

– Но-но-но! – резко перебила она. – Нечего сопли распускать. Голову тебе Черные не оторвали, а ведь ты головастый, головой работаешь. Ну чего уставился? Я – деревенская, но глаза-то у меня есть, да и уши тоже. Вполне хорошие, чтобы заметить такую мелочишку, как способ говорения истинно господских и ученых. А к тому ж...

Она наклонила голову, кашлянула.

Ярре тоже кашлянул. Телега подскочила.

– А к тому ж, – закончила девушка, – слышала я, что другие говорили. Что ты, мол, писарь. И жрец из храма. Сам, значит, видишь, что рука-то... Тьфу, плюнуть и растереть.

Телега какое-то время не подпрыгивала, но Ярре и Люсьена, казалось, вовсе этого не замечали. И им это вовсе не мешало.

– Надо ж, – сказала она после долгого молчания. – Везет мне на ученых. Был один такой... Когда-то... Подъезжал... Ученый был и в академиях учился. По имени одному можно было усечь.

– И как же его звали?

– А Семестром...

– Эй, девка! – закричал у них за спиной ефрейтор Деркач, здоровенный и угрюмый, покалеченный во время боев за Майену. – А-ну, стрельни-тко коняг бичом над задницами, ползет твоя фура словно сопля по стене!

– Будто черепаха, – добавил другой калека, почесывая выглядывающую из-под отвернутой штанины культю, на которой поблескивали пятна затянувшихся рубцов. – Осточертела уже энта пустошь! По корчме затосковал, потому как, взаправду говоря, пива хоцца. Нельзя ль порезвее ехать-то?

– Можно. – Люсьена обернулась на козлах. – Но только ежели на колдобине ось иль ступица полетят, то неделю, а то и две не пиво, а воду дождевую да сок березовый лакать будете, подводы ожидаючи. Сами не уйдете, а я вас на закорки не возьму.

– А жаль, – осклабился Деркач. – Потому как мне по ночам снится, что ты меня на себя громоздишь. Со спины, то бишь с заду. Я так шибко люблю. С заду-то! А ты, девка?

– Ах ты, голяк хромой! – взвизгнула Люсьена. – Хрен вонючий! Ты...

Она осеклась, видя, как лица сидящих на телеге инвалидов неожиданно покрываются мертвенной бледностью.

– Матка, – заплакал кто-то. – А так недалече было до дому...

– Пропали мы, – сказал Деркач тихо и совсем без эмоций. Просто отмечая факт.

«А говорили, – пронеслось у Ярре в голове, – что “белок” больше нет. Что уже всех перебили. Что уже, как они выразились, “эльфий вопрос решен”».

Конников было шестеро. Но при внимательном взгляде стало ясно: шесть было лошадей, а конников – восемь. Две лошади несли по паре всадников. Все ступали как-то жестко, неровно, низко опустив головы. Выглядели скверно.

Люсьена громко выдохнула.

Эльфы приблизились. Выглядели они еще хуже, чем их лошади.

Ничего не осталось от их заносчивости, от их отработанной веками высокомерности, харизматической инности. Одежда, обычно элегантная и красивая даже у партизан из команд «белок», была грязной, рваной, покрытой пятнами. Волосы, краса и гордость эльфов, растрепаны, свалялись от липкой грязи и запекшейся крови. Большие глаза, обычно надменно лишённые какого-либо выражения, стали безднами паники и отчаяния.

Ничего не осталось от их инности. Смерть, ужас, голод и мытарства привели к тому, что они стали обыкновенными. Слишком обыкновенными.

Перестали вызывать страх.

Несколько мгновений Ярре надеялся, что эльфы проедут мимо, просто пересекут тракт и исчезнут в лесу по другую сторону, не удостоив телегу и ее пассажиров даже взглядом. И останется от них только этот совершенно не эльфий, противный, отвратительный запах, запах, который Ярре знал слишком даже хорошо по лазаретам, – запах мучений, мочи, грязи и гниющих ран.

Они миновали их не глядя.

Не все.

Эльфка с темными, длинными, слипшимися от засохшей крови волосами задержала лошадь у самой телеги. Она сидела в седле неуклюже перекосившись, оберегая руку, висящую на пропитавшейся кровью перевязи, вокруг которой кружили и звенели мухи.

– Toruviel, – сказал, повернувшись, один из эльфов. – En'ca digne, luned.

Люсьена моментально сообразила, поняла, в чем дело. Поняла, на что эльфка смотрит. Крестьянка, она с детских лет свыклась с притаившимся за углом халупы синим и опухшим призраком голода. Поэтому отреагировала инстинктивно и безошибочно. Протянула эльфке хлеб.

– En'ca digne, Toruviel, – повторил эльф. Лишь у него на правом рукаве запыленной куртки серебрились молнии бригады «Врихедд».

Инвалиды на телеге, до той минуты окаменевшие и застывшие от ужаса, вздрогнули, словно возвращенные к жизни магическим заклинанием. В их протянутых эльфам руках как по мановению волшебной палочки появились краюхи хлеба, кусочки круглого сыра, солонины и колбасы.

А эльфы, впервые за тысячи лет, протянули руки людям.

А Люсьена и Ярре были первыми людьми, видевшими, как эльфка плачет. Как давится рыданиями, даже не пытаясь вытирать текущие по грязному лицу слезы. Тем самым полностью отрицая утверждение, будто у эльфов вообще нет слезных желез.

– En'ca digne, – ломким голосом повторил эльф с молниями на рукаве.

А потом протянул руку и взял хлеб у Деркача.

– Благодаря тебе, – сказал он хрипло, с трудом приспособив язык и губы к чужому языку.
– Благодаря тебе, человек.

Спустя немного, увидев, что все уже кончилось, Люсьена чмокнула лошадям, щелкнула вожжами. Телега заскрипела и затарахтела. Все молчали.

Было уже здорово к вечеру, когда тракт заполнился вооруженными конниками. Командовала ими женщина с совершенно седыми, коротко стриженными волосами и злым, суровым лицом, обезображенным шрамами, один из которых пересекал щеку от виска до краешка рта, а другой подковкой охватывал глазную впадину. У женщины не было значительной части правой ушной раковины, а ее левая рука ниже локтя оканчивалась кожаным цилиндром с латунным крючком, за который были зацеплены поводья.

Женщина, осматривая их злым, полным застывшей мстительности взглядом, спросила об эльфах. О скоя'таэлях. О террористах. О беглецах, недобитках команды, рассеянной два дня тому назад.

Ярре, Люсьена и инвалиды, избегая взглядов беловолосой и одноглазой женщины, неразборчиво отвечали, что-де нет, никого не встречали и никого не видели.

«Врете, – думала Белая Райла, та, которая некогда была Черной Райлой. – Врете, знаю. Из жалости врете.

Но это все равно ничего не значит и не меняет.

Ибо я – Белая Райла – жалости не знаю».

– Уррррааа! Да здравствуют краснолюды! Ура, Барклай Эльс!

– Да здравсствууют!

Новиградская брусчатка гудела под коваными сапожищами служак из добровольческой рати. Краснолюды шагали типичным для них строем, пятерками, штандарт с молотами реял над колонной.

– Да здравствует Махакам! Виват, краснолюды!

– Хвала им! Слава!

Неожиданно кто-то из толпы рассмеялся. Несколько человек поддержали. А через минуту хохот охватил уже всех.

– Какой афронт... – выдохнул иерарх Хеммельфарт. – Какой скандал... Это непростительно...

– Паршивые нелюди! – рыкнул жрец Виллемер.

– Прикиньтесь, будто не замечаете, – спокойно посоветовал Фольтест.

– Нечего было экономить на продовольствии, – кисло сказала Мэва, – и отказывать в снабжении.

Краснолюдские офицеры были серьезны и выдержанны, перед трибуной выпрямились и отдали честь, а вот фельдфебели и солдаты добровольческой рати показали свое отношение к сокращению ассигнований на рать, осуществленному королями и иерархом. Одни, проходя мимо трибуны, демонстрировали королям согнутые в локте руки, другие изображали второй из своих любимых жестов: кулак с торчащим вверх средним пальцем. Этот жест в академических кругах назывался *digitus infamis*[127]. Плебс называл его еще обиднее.

Появившиеся на лицах королей и иерарха пятна доказывали, что оба эти названия им известны.

– Не надо было скупиться. Это их оскорбило, – повторила Мэва. – Краснолюды – гордый народец.

Ревун на Эльскердеге завыл, вой перешел в жуткое пение. Однако сидевшие у костра не повернули голов.

Первым после долгого молчания заговорил Бореас Мун:

– Мир изменился. Справедливость восторжествовала.

– Ну, насчет справедливости, конечно, перебор, – слабо усмехнулся пилигрим. – Однако я, пожалуй, соглашусь с тем, что мир как бы приспособился к основному закону физики.

– Интересно, – протянул эльф, – не об одном ли и том же законе мы думаем?

– Любое действие, – сказал пилигрим, – вызывает противодействие.

Эльф прыснул, но это был вполне доброжелательный звук.

– Одно очко – в твою пользу, человек. * * *

– Стефан Скллен, сын Бертрама Скллена, бывший имперский коронер, встань. Высокий Трибунал вечной по милости Великого Солнца Империи признал тебя виновным в преступлениях и деяниях незаконных, а именно: государственной измене и участии в заговоре, имеющем целью предательское покушение на установленный порядок, а также особу его императорского величества лично. Вина твоя, Стефан Скллен, подтверждена и доказана. Трибунал не усматривает смягчающих обстоятельств. Его наивеличайшее императорское величество не соизволил воспользоваться правом помилования.

Стефан Скллен, сын Бертрама Скллена, из зала заседаний ты будешь перевезен в Цитадель, откуда по истечении соответствующего времени будешь выпровожден. Однако поскольку ты есть не что иное, как предатель, ты недостоин ступать по земле Империи, а посему будешь уложен на деревянные волокна и на волоках оных лошадьми приволочен на площадь Тысячелетия. А поскольку как предатель ты воздухом Империи дышать недостоин, постольку будешь ты на площади Тысячелетия рукою палача повешен за шею на шибенице между небом и землею. И будешь там висеть до тех пор, пока не умрешь. Тело твое будет сожжено, а пепел развеян на четырех ветрах.

Стефан Скллен, сын Бертрама, предатель. Я, председатель Верховного Трибунала Империи, осуждаю тебя, в последний раз произношу твое имя. С сей минуты да будет оно предано забвению.

– Получилось! Получилось! – крикнул, влетая в деканат, профессор Оппенхойзер. – Успех, господа! Наконец-то! Наконец! И все-таки оно вертится! И все-таки оно действует! Действует! Оно действует!

– Серьезно? – спросил нагло и довольно скептически Жан Ла Вуазье, профессор химии, прозванный студентами Углеодородом[128]. – Этого быть не может. Интересно, а что именно действует? * * *

– Вечный двигатель!

– Perpetuum mobile? – заинтересовался Эдмунд Бамблер, престарелый преподаватель зоологии. – Действительно? А вы не преувеличиваете, коллега?

– Нисколько! – воскликнул Оппенхойзер и подпрыгнул козликом. – Ни капельки! Действует! Двигатель... э... движется! Я его запустил, и он работает! Работает непрерывно! Безостановочно! Постоянно! На веки веков! Это невозможно рассказать, коллеги, это нужно увидеть! Идемте в мою лабораторию! Живее!

– Я завтракаю, – запротестовал Углеодород, но его протест утонул в шуме и всеобщей спешке. Профессора, магистры и бакалавры поспешно накидывали на тоги плащи и делии, бежали к выходу, ведомые продолжающим выкрикивать и жестикулировать Оппенхойзером. Углеодород показал им вслед *digitus infamis* и вернулся к своей булке с паштетом.

Группа ученых, по дороге разрастающаяся за счет все новых и новых желающих узреть плоды тридцатилетних усилий Оппенхойзера, быстро преодолела расстояние, отделяющее деканат от лаборатории известного физика. Они уже вот-вот должны были открыть дверь, когда земля внезапно содрогнулась. Внезапно и ощутимо. Более того – весьма ощутимо. И еще более того – очень даже ощутимо.

Это был сейсмический толчок, один из серии толчков, вызванных разрушением замка Стигга, укрытия Вильгефорца. Разрушения, осуществленного чародейками. Сейсмическая волна дошла от далекого Эббинга даже сюда, в Оксенфурт.

Со звоном вылетело несколько стеклышек из витража на фронтоне Кафедры Изящных Искусств. С исчерканного неприличными словами цоколя свалился бюст Никодемуса де

Боота, первого ректора академии. Со стола в деканате свалилась кружка с травяным настоем, которым Углеодород запивал булку с паштетом. Свалился с паркового платана студент первого курса физического факультета Альберт Цвейштейн, забравшийся на дерево, чтобы покрасоваться перед студентками-медичками.

A perpetuum mobile профессора Оппенхойзера, его легендарный вечный двигатель, крутанулся еще раз-другой и остановился. На веки веков.

И уже никогда больше его никому запустить не удавалось.

– Да здравствуют краснолюды!

«Ну – орава, ну – шайка, – думал иерарх Хеммельфарт, дрожащей рукой благословляя марширующих бородатых коротышек. – Кого здесь приветствуют? Продажных наемников, непристойных краснолюдов! Что же это за странный набор? Кто, в конце концов, выиграл войну, они или мы? О боги, необходимо обратить на это внимание королей. Когда историки и писатели возьмутся за работу, надо будет подвергнуть их потуги цензуре. Наемники, ведьмаки, алчные разбойники, нелюди и всякие другие подозрительные элементы должны исчезнуть со страниц истории человечества. Их необходимо вычеркнуть, вымарать, стереть. Ни слова о них. Ни слова.

И ни слова о нем, – подумал иерарх, сжимая губы и глядя на Дийкстру, наблюдающего за парадом с явно утомленной миной. – Надо будет, – подумал иерарх, – дать королям совет относительно этого Дийкстры. Его существование – позор для порядочных людей.

Безбожник и прохвост. И пусть он исчезнет бесследно. И будет забыт».

«Не бывать этому, пурпурный лицемерный боров, – думала Филиппа Эйльхарт, запросто читая мысли иерарха. – Ты мечтаешь о том, чтобы управлять, диктовать и влиять? О том, чтобы решать? Не бывать этому. Решать ты можешь исключительно вопросы собственных геморроидальных шишек, да и тут, в твоей собственной заднице, твои решения мало что будут значить.

А Дийкстра останется. Пока будет мне нужен».

«Когда-нибудь ты ошибешься, – думал жрец Виллемер, глядя на блестящие карминовые губы Филиппы. – Когда-нибудь какая-нибудь из вас совершит ошибку. Вас погубит зазнайство, наглость и нахальство. Заговоры, которые вы плетете. Аморальность. Мерзопакость и извращенность, которым вы предаетесь, которые составляют вашу жизнь. Все выйдет на явь, развеется смрад грехов ваших, когда вы совершите ошибку. Такая минута должна неминуемо наступить.

Даже если вы ошибки не совершите, отыщется способ обвинить вас. Постигнет человечество какое-нибудь несчастье, случится какое-нибудь поражение, придет какая-нибудь напасть: зараза либо эпидемия... И вот тогда-то вину свалят на вас. Вас обвинят в том, что вы не сумели несчастье предотвратить, не сумели ликвидировать его последствий.

И во всем виновны будете вы.

И тогда распалят костры».

Дряхлый полосатый кот, из-за масти прозванный людьми Рыжиком, умирал. Умирал чудовищно. Дергался, напрягался, царапал землю, его рвало кровью и слизью, сотрясали конвульсии. К тому же у него был кровавый понос. Он мяукал, хотя это было ниже его достоинства. Мяукал жалостно, тихо. Быстро слабел.

Рыжик знал, почему умирает. По крайней мере догадывался, что его убило.

Несколько дней назад в цинтрийский порт заглянул странный корабль, старый и очень грязный парусник, вконец запущенная рухлядь, почти разваливающийся остов. «Катриона» – гласила едва проглядывающая надпись на носу парусника. Надписи этой Рыжик – естественно – прочитать не умел. Из странного плашкоута, воспользовавшись швартовкой, выползла на набережную крыса. Только одна. Вылинявшая, запаршивевшая, еле двигающаяся. У нее не было одного уха.

Рыжик загрыз крысу. Он был голоден, но инстинкт не позволил ему сожрать эту мерзость. Однако несколько блох, больших блестящих блох, которыми кишмя кишела шерсть грызуна, успели перебраться на Рыжика и угнездиться в его шубке.

– Что с ним?

– Не иначе – кто-то отравил. Или сглазил.

– Тьфу, какая мерзость! Ну и воняет, сволочь! Убери его с лестницы, женщина!

Рыжик напрягся и беззвучно раскрыл рот.

Он уже не чувствовал ни пинков, ни ударов метлы, которыми хозяйка благодарила его за то, что он одиннадцать лет ловил мышей. Выброшенный со двора, он умирал в пенящейся мылом и мочой канаве. Умирал, желая этим неблагодарным людям заболеть тоже. И страдать так, как страдает он.

Его пожеланию предстояло вскоре исполниться. Причем в гигантских масштабах. Воистину гигантских масштабах.

Женщина, выбросившая Рыжика со двора, остановилась, задрала юбку и почесала ногу под коленом. Зудело.

Ее укусила блоха.

Звезды над Эльскердегом светились ярко. Мерцали. Искры костра блекли на их фоне.

– Ни цинтрийский мир, – сказал эльф, – ни тем более проведенный с большой помпой новиградский парад нельзя считать отметинами и верстовыми камнями. Что за понятия такие? Политическая власть не может творить истории с помощью актов или декретов. Не может она и давать истории оценку, выставлять баллы или раскладывать по полочкам, хотя в гордыне своей ни одна власть таковой истины не признает и не приемлет. Одним из ярчайших проявлений вашего человеческого зазнайства является так называемая историография, попытки судить и выносить приговоры, как вы говорите, «делам минувших дней». Для вас, людей, это типично и проистекает из того факта, что природа наделила вас эфемерной, муравьиной, мотыльковой, смешной жизнью однодневок, не дотягивающей и до сотни лет. Вы же к своему существованию насекомых пытаетесь подстраивать весь мир. А меж тем история – процесс непрерывный и бесконечный. Невозможно поделить историю на кусочки – отсюда и досада – от даты до даты. Историю нельзя декретировать и тем более изменить королевскими указами. Даже выиграв войну.

– Я философствовать не стану, – сказал пилигрим. – Как было сказано, я человек простой, прямой и некрасноречивый. Однако осмелюсь заметить вот что: во-первых, короткая как у насекомых жизнь защищает нас, людей, от декадентства, склоняет к тому, чтобы, цenia жизнь, жить интенсивно и творчески, использовать каждую минуту жизни и радоваться ей. А когда потребуется, без сожаления отдать ее за нужное дело. Я говорю и мыслю как человек, но ведь точно так же мыслили долгожители эльфы, когда шли биться и умирать в командах ская'таэлей. Если я не прав, пусть меня поправят.

Пилигрим выждал соответствующее время, но никто его не поправил.

– Во-вторых, – продолжал он, – мне кажется, политическая власть, хоть она и не способна изменить историю, может своими действиями создать вовсе не плохие иллюзии и видимости такой способности. Для этого у власти имеются методы и инструменты.

– О да, – ответил эльф, отворачиваясь. – Здесь вы попали в самую суть, господин пилигрим. У власти есть методы и инструменты. Такие, с которыми невозможно дискутировать.

Галера ударила бортом по обросшей водорослями и ракушками свае. Бросили сходни. Загребели крики, проклятия, команды.

Кричали чайки, подхватывающие отбросы, что покрывали зеленую грязную воду порта. Побережье кишело людьми. В основном в военной форме.

– Конец рейса, господа эльфы, – сказал нильфгаардский командир конвоя. – Мы в Диллингене. Выбирайтесь! Вас тут ждут!

Их действительно ждали.

Ни один из эльфов – и уж конечно, не Фаоильтиарна, – ни на секунду не поверил заверениям о справедливых судах и амнистиях. У скоя'таэлей и офицеров бригады «Врихедд» не было никаких иллюзий относительно ожидающей их за Яругой судьбы. В большинстве своем они уже смирились с нею, воспринимали стоически, даже безразлично. Вероятно, думали, что ничто уже их не удивит.

Они ошибались.

Их вытолкали с галеры, звенящих и бряцающих кандалами, погнали на мол, потом на набережную, где стояли ряды вооруженных солдат. Были там и гражданские. Из тех, чьи острые глазки быстро моргали, бегая от лица к лицу, от фигуры к фигуре.

«Селекционеры», – подумал Фаоильтиарна. И не ошибся.

На то, что его изуродованное лицо прозевает, он, конечно, рассчитывать не мог. И не рассчитывал.

– Господин Инсегрим Фаоильтиарна? Железный Волк? Какая приятная неожиданность! Извольте, извольте!

Солдаты вытащили его из строя кандальников.

– Va fail! – крикнул ему Коиннеах Да Рео, которого тоже узнали и вытащили другие военные, носившие ринграфы с реданским орлом. – Se'ved se caerne dea!

– Встретитесь, – прошипел штатский, отделивший Фаоильтиарну, – но, я думаю, в аду. Его там уже ждут, в Дракенборге. А ну постойте-ка! Да случаем это уж не господин ли Риордаин? Взять его!

Всего из колонны вытащили троих. Только троих. Фаоильтиарна понял, и внезапно (он даже удивился) его охватил страх.

– Va fail! – крикнул друзьям вытянутый из ряда Ангус Бри-Кри, звеня кандалами. – Va fail, fraeren!

Солдат грубо толкнул его.

Далеко их не увели. Только до одного из сараев вблизи пристани. Рядом с гаванью, над

которой покачивался лес мачт.

Штатский подал знак. Фаоильтиарну толкнули к столбу, к балке, на которую закинули веревку. К веревке начали привязывать железный крюк. Риордаина и Ангуса усадили на два стоящих на глинобитной площадке табурета.

– Господин Риордаин, господин Бри-Кри, – холодно проговорил штатский. – На вас распространяется указ об амнистии. Суд решил проявить милосердие. Справедливость, однако, должна восторжествовать, – добавил он, не дождавшись реакции. – А за то, чтобы так произошло, заплатили семьи тех, кого вы убили, господа. Приговор вынесен.

Риордаин и Ангус не успели даже крикнуть. Сзади им на шею накинули петли, их стянули, повалили вместе с табуретами, потащили по утрамбованной земле. Когда скованными руками они тщетно попытались сорвать врезающиеся в тело веревки, исполнители уперлись им коленями в грудь. Сверкнули и опустились ножи, брызнула кровь. Теперь даже петли не в состоянии были заглушить криков, визга, от которого волосы вставали дыбом.

Это продолжалось долго. Как всегда.

– В приговоре, вынесенном вам, господин Фаоильтиарна, – сказал штатский, медленно поворачивая голову, – имеется дополнительная клаузула. Нечто особенное...

Фаоильтиарна не собирался ожидать «чего-то особенного». Замок оков, над которым эльф трудился уже два дня и две ночи, упал с его кистей как по мановению волшебной палочки. Страшный удар тяжелой цепи повалил двух стерегущих его солдат. Фаоильтиарна в прыжке ударил третьего ногой в лицо, хлестнул кандалами штатского, прыгнул прямо в натянутое тенетами оконце сарая, вылетел из него вместе с рамой и коробкой, оставив на гвоздях кровь и обрывки одежды. С грохотом повалился на доски мола. Перевернулся, перекатился и плюхнулся в воду между рыбацкими лодками и баркасами. Все еще прикованная к правой кисти тяжелая цепь тянула на дно. Фаоильтиарна боролся. Из всех сил боролся за жизнь, которая, как он считал еще совсем недавно, не имела для него никакой ценности.

– Хватай! – орали выскакивающие из сарая солдаты. – Хватай! Убей!

– Там! – кричали другие, подбегая по молу. – Там, вот там он нырнул!

– По лодкам!

– Стреляйте! – зарычал штатский, обеими руками пытаясь сдержать кровь, текущую из глазницы. – Убейте его!

Щелкнули тетивы арбалетов. Чайки с криком взмыли в воздух. Грязно-зеленая вода между баркасами закипела от болтов.

– Виват! – Шествие продолжалось, толпа жителей Новиграда уже хрипела и проявляла признаки усталости. – Да здравствуют!

– Урррааа!

– Слава королям! Слава!

Филиппа Эйльхарт оглянулась, удостоверилась, что никто их не слушает, наклонилась к Дийкстре:

– О чем ты хотел поговорить?

Шпион тоже осмотрелся.

– О покушении на короля Визимира в июле прошлого года.

– И что?

– Полуэльф, совершивший это убийство, – Дийкстра еще больше понизил голос, – вовсе не был сумасшедшим, Филь. И действовал не в одиночку.

– Да что ты говоришь?

– Тише, – усмехнулся Дийкстра. – Тише, Филь.

– Не называй меня Филь. У тебя есть доказательства? Какие? Откуда?

– Ты удивишься, Филь, если я скажу откуда. Когда можно ждать аудиенции, милостивая государыня?

Глаза Филиппы Эйльхарт были словно два бездонных черных озера.

– Вскоре, Дийкстра.

Били колокола. Толпа хрипло орала. Армия маршировала. Лепестки цветов словно снег покрывали новиградскую брусчатку.

– Все пишешь?

Ори Ройвен вздрогнул и посадил кляксу. Он служил Дийкстре девятнадцать лет, но так и не привык к беззвучным движениям шефа, к его появлениям неведомо откуда и каким образом.

– Добрый вечер, кхе-кхе, ваше превос...

«Люди – тени, – прочитал Дийкстра титульный лист рукописи, который бесцеремонно поднял с пола. – История секретных королевских служб, Орибастусом Джиафранко Паоло Ройвеном, магистром, написанная...» Ох, Ори, Ори. Старый мужик, а такие глупости...

– Кхе-кхе...

– Я пришел попрощаться, Ори.

Ройвен удивленно взглянул на него.

– Видишь ли, верный друг, – продолжал шпион, не дожидаясь, пока секретарь прокашляет что-нибудь путное, – я тоже стар, и получается, что тоже глуп. Взянул одно слово одной особе. Только одной и только одно... И оказалось, что это на одно слово и на одну особу больше, чем требовалось. Послушай как следует, Ори. Ты их слышишь?

Ори Ройвен, широко раскрыв удивленные глаза, отрицательно помотал головой. Дийкстра минуту молчал.

– Не слышишь, значит. А я слышу. Во всех коридорах. Крысы бегают по третогорскому граду, Ори. Идут сюда. Приближаются на мягких крысиных лапках.

Они возникли из тени, из тьмы. Черные, в масках, проворные, как крысы. Стражники и охранники из вестибюля свалились, не застав, под быстрыми ударами стилетов с узкими гранеными клинками. Кровь текла по полам третогорского замка, разливалась по паркету, пачкала его, впитывалась в дорогие венгербергские ковры.

Они шли по всем коридорам, оставляя за собой трупы.

– Он там, – указав на дверь, сказал один. Черный шарф, закрывающий лицо до глаз, приглушал голос. – Туда он вошел! Через канцелярию, в которой работает Ройвен, вечно кашляющий хрыч.

– Оттуда нет выхода. – Глаза другого, командира, горели в прорезях черной бархатной маски.
– Из комнаты за канцелярией другого выхода нет! Там нет даже окон.

– Остальные коридоры под охраной. Все двери и окна. Он от нас не уйдет. Он в ловушке.

– Вперед!

Двери поддались под ударами ног. Сверкнули стилеты.

– Смерть! Смерть кровавому палачу!

– Кхе-кхе? – Ори Ройвен поднял над бумагами голову с близорукими слезящимися глазами. – Слушаю вас. Чем могу, кхе-кхе, быть полезен?

Убийцы с ходу разбили дверь в личные апартаменты Дийкстры, пробежали по комнатам, словно крысы обнюхивая закоулки. Со стен полетели гобелены, картины и панно, кинжалы рассекали шторы и обивку.

– Его нет! – крикнул один, влетая в канцелярию. – Нет его!

– Где? – крикнул вожак, наклоняясь над Ори и сверля его взглядом сквозь прорези в черной маске. – Где этот кровавый пес?

– Нету его, – спокойно ответил Ори Ройвен. – Сами же видите.

– Где он? Говори! Где Дийкстра?!

– Разве, – кашлянул Ори, – сторож я, кхе-кхе, брату своему?

– Подохнешь, старик!

– Я человек старый, больной и страшно уставший. Кхе-кхе. Я не боюсь ни вас, ни ваших ножей.

Убийцы выбежали из комнаты. Исчезли так же быстро, как и появились.

Ори Ройвена не убили. Они были заказными убийцами. А в полученных ими приказах об Ори Ройвене не было ни слова.

Орибастус Джианфранко Паоло Ройвен, магистр права, провел шесть лет в различных тюрьмах, его непрерывно допрашивали сменяющиеся следователи, выпытывали о самых различных, зачастую вроде бы бессмысленных вещах и делах.

Через шесть лет освободили. К тому времени он уже был совершенной развалиной. Цинга лишила его зубов, анемия – волос, глаукома – зрения, астма – дыхания. Пальцы обеих рук ему сломали на допросах.

На воле он прожил неполный год. Умер в храмовом приюте. В нужде. Забытый всеми.

Рукопись книги «Люди – тени, или История секретных королевских служб» пропала без следа.

Небо на востоке посветлело, над взгорьями разлился белый ореол, предвестник зари.

У костра уже долгое время стояла тишина. Пилигрим, эльф и следопыт молча глядели на умирающий огонь.

Тишина стояла и на Эльскердеге. Воющий упырь замолк, наскучившись напрасным воем. Воющему упырю пришлось наконец понять, что трое сидящих у костра мужчин за последнее время видели слишком много ужасов, чтобы обращать внимание на вой какого-то там упыря.

– Если нам предстоит странствовать вместе, – неожиданно сказал Бореас Мун, глядя в рубиновые уголья костра, – то надо кончать с недоверием. Давайте оставим позади все, что было. Мир изменился. Впереди новая жизнь. Что-то кончилось, что-то начинается. Впереди...

Он осекся. Кашлянул. Он не привык к таким речам, боялся показаться смешным. Но его случайные спутники не смеялись. О, Бореас чувствовал прямо-таки исходящую от них доброжелательность.

– Впереди перевал Эльскердег, – закончил он уже более уверенно, – а за перевалом – Зеррикания и Хакланд. Перед нами дальний и опасный путь. Если мы пойдем вместе... Отбросим недоверие. Я – Бореас Мун.

Пилигрим в шляпе с широкими полями встал, выпрямился во весь свой гигантский рост, пожал протянутую ему руку. Эльф встал тоже. Его чудовищно изувеченное лицо странно искривилось.

Пожав руку следопыту, пилигрим и эльф протянули друг другу правые руки.

– Мир изменился, – сказал пилигрим. – Что-то кончилось... Я – Сиги Ройвен.

– Что-то начинается. – Покрытое шрамами лицо эльфа искривило что-то, что по всем признакам было улыбкой. – Я – Вольф Инсегрим.

Их рукопожатия были краткими, крепкими, можно сказать, даже взволнованными. Какое-то мгновение это походило более на рукопожатие перед боем, нежели на жест согласия. Но всего лишь мгновение.

Догорающее полено в костре выстрелило искрами, скрепляя событие радостным фейерверком.

– Сожри меня черти, – Бореас Мун широко улыбнулся, – если это не начало настоящей дружбы.

Глава одиннадцатая

...как и других Верных, так и св. Филиппу оклеветали, приписав оной, будто действует она во вред королевству, якобы подстрекает народ к беспорядкам и мятежам, будто будоражит люд и готовит переворот. Вильмериус, еретик и сектант, первосвященником себя самозванно поименовавший, святую схватить повелел и в узилище темное и ужасное бросил и там мучил хладом и смрадом, требуя, дабы она в грехах оных призналась и выдала бы тех, коих поучала. И показал Вильмериус св. Филиппе инструментарий различный, для пыток предназначенный, и грозился зело. Святая же токмо в лицо ему плюнула и в содомии его обвинила.

Повелел тогда еретик от одежды ее освободить и нагую бычьими жилами сечь без пожаления и под ногти иглы вбивать. И все пытал и взывал, дабы от веры своей и богини отреклася. Но

только рассмеялась святая и присоветовала ему удалиться.

Повелел тогда он еретик святую на пыточную лавку укласть, по всему телу железными острогами и крючьями рвать и бока ее свечами палить. Но хоть была она таковыми жестокостями мучаема, являла святая в смертном теле бессмертную терпеливость. И ослабели палачи, и с превеликим страхом отступились, но Вильмериус грозно оных сгрозил и велел, дабы оне далее мучили и десницы свои зело крепко прилагали. И тогда почали святую Филиппу железами раскаленными палить, члены из суставов выбивать и груди женские клещами рвать. И в муках таковых, не признавшись ни в чем, скончалась святая мученица Филиппа.

А Вильмериуса, еретика-распутника, о чем у отцов святых читай, такая кара опосля настигнула, что весь он прогнил и от того издох. И смердел аки пес, так что его без погребения в воды речные бросить пришлось.

За то св. Филиппе слава и мученический венец, Матери Богине великой во веки веков слава, а нам научение и предупреждение. Аминь. Житие святой Филиппы Мученицы из Mons Calvus, в старину писарями мученическими писанное, в Третогорском Требнике собранное, от многих святых отцов позаимствованное, кои ее в писаниях своих восславляют

Они мчались во весь опор, как сумасшедшие. Ехали несколько бурлящих весною дней. Кони неслись галопом, а люди, распрямляя согбенные над землей спины и шеи, глядели им вослед, не понимая, что это: живые люди или призраки.

Они ехали и ночами, темными и влажными от теплого дождя, а проснувшиеся в своих кроватях люди изумленно крутили головами, борясь с удушающей болью, вздымающейся у них в груди. Вскликивали, прислушивались к хлопанью ставней, плачу разбуженных детей, вою собак. Приникали к оконным пленкам, не понимая, что это: живые люди или призраки.

По Эббонгу пошли рассказы о трех демонах.

Трое конников появились неведомо как, неведомо откуда и неведомо каким чудом, застав Хромушу врасплох и не позволив ему бежать. Помощь звать не было смысла. От самых последних домишек калеку отделяли добрые пять сотен шагов. И даже будь они ближе, вряд ли кто из жителей Ревности откликнулся б на призыв. Было время послеобеденной сиесты, начинавшейся в Ревности обычно ранним предполуднем и оканчивающейся ранним вечером. Аристотель Бобек по прозвищу Хромуша, здешний нищий и философ, прекрасно знал, что в часы сиесты обитатели Ревности не реагируют ни на что.

Их было трое. Две женщины и мужчина. У мужчины – белые волосы, за спиной меч. У женщины, той, что повзрослее, одетой в черно-белое, волосы цвета воронова крыла завивались локонами. У молодой с пепельно-серыми прямыми волосами левую щеку уродовал отвратительный шрам. Сидела она на изумительной красоты вороной кобыле. Хромуше показалось, что когда-то он уже такую кобылу видел.

Именно молодая заговорила первой:

– Ты местный?

– Я не виноват! – защелкал зубами Хромуша. – Я тут строчки собираю! Помилуйте, не забирайте калеку...

– Ты местный? – повторила пепельноволосая, и ее зеленые глаза угрожающе сверкнули.

Хромуша сник.

– Ага, светлейшая госпожа, – с явным усилием пробормотал он. – Здешние мы. В Бирке, стало быть, в Ревности, родился. И тута верняком помереть доведется...

– Летом и осенью прошлого года был здесь?

– А где ж мне ишшо-то быть бы?

– Отвечай, когда спрашиваю.

– Был я, был, светлейшая.

Вороная кобыла тряхнула головой, застригла ушами. Хромуша чувствовал на себе колющие как ежовые иглы взгляды двух других конников – черноволосой и белого. Беловолосого он боялся больше всего.

– Год назад, – начала девушка со шрамом, – в сентябре, точно девятого сентября, в первую четверть луны, здесь убили шестерых молодых людей. Четырех парней... и двух девушек. Припоминаешь?

Хромуша сглотнул. Вначале он только предполагал, теперь же знал точно, был уверен.

Девушка изменилась. И изменил ее не только шрам на лице. Теперь она была совсем другой, нежели тогда, когда выла, привязанная к столбу коновязи, когда глядела, как Бонарт отрезает головы убитым Крысам. Точно, она была не такой, как тогда, когда в корчме «Под головой химеры» охотник раздел ее и бил. Только вот эти глаза... Глаза не изменились.

– Отвечай! – резко прикрикнула черноволосая. – Тебе задали вопрос.

– Помню, милостивые государыни... А чего ж бы не помнить-то? Шестерых молодых убили. Помню, в прошлом годе это было. В сентябре.

Девушка долго молчала, глядя не на него, а куда-то вдаль над его плечами.

– Значит, должен знать, – с трудом сказала она наконец. – Должен знать, где тех парней и девушек закопали. Под каким забором... На какой помойке или свалке... А если тела сожгли... Если вывезли в лес, кинули лисам и волкам... Так ты покажешь мне это место. Проводишь туда. Ты понял?

– Понял, светлейшая госпожа. Чего ж не понять-то? Извольте за мной. Это и вовсе недалече.

Он захромал, чувствуя спиной горячее лошадиное дыхание. Не оглядывался. Что-то говорило ему: оглядываться не следует.

– Вот тута, – указал он наконец. – Энто наш жальник ревностный, в энтой роще. А те, о которых вы спрашиваете, светлая мазелька Фалька, так вона тамотки они и упокоются.

Девушка громко вздохнула. Хромуша взглянул украдкой, увидел, как изменилось ее лицо. Беловолосый и черноволосая молчали, лица их были словно высечены из камня.

Девушка долго смотрела на холмик – складный, ровный, ухоженный, обнесенный обломками песчаника, плитками шпата и сланца. Лапы ельника, которыми когда-то украсили холмик, порыжели. Цветы, которые здесь когда-то положили, пожелтели и высохли.

Девушка спрыгнула с лошади.

– Кто? – глухо спросила, все еще не поворачивая голову.

– Ну, ети... – откашлялся Хромуша. – Многие из Ревности помогали. Но более всех вдова

Гуле. И молодой Ныкляр. Вдова завсегда была доброй и сердешной бабой... А Ныкляр... Его сны жутко мучили. Покою не давали. Допокудова энтим забитым приличных погребин не устроил...

– Где их найти? Вдову и того Ныкляра?

Хромуша долго молчал.

– Вдова лежит вона там, за той кривой березкой, – сказал наконец, бесстрашно глядя в глаза девушки. – От легочного воспаления померла в зимнюю пору. А Ныкляр завербовался куда-то на чужбину... Говорят, на войне полег.

– Я забыла, – шепнула она. – Забыла, что ведь обоих судьба свела со мной.

Она подошла к холмику, опустилась, вернее – упала на колени. Наклонилась низко, очень низко, почти коснувшись лбом камней у основания. Хромуша видел, как беловолосый сделал движение, словно хотел слезть с лошади, но черноволосая женщина схватила его за руку, удержала жестом и взглядом.

Лошади похрапывали, трясли головами, позвякивали кольцами мундштуков.

Долго, очень долго оставалась она у холмика, низко склонившись, и губы ее шевелились в какой-то беззвучной литании.

Вставая, она покачнулась, Хромуша невольно поддержал ее. Она вздрогнула, вырвала локоть, сквозь слезы зловеще взглянула на него. Но не произнесла ни слова. Даже поблагодарила кивком головы, когда он поддержал для нее стремя.

– Да, светлая мазелька Фалька, – решился он. – Странными путями судьба ходит. Вы в жестоком тогда были положении, в тяжелом, значицца. Мало кто из нас тут, в Ревности, думал, что цельной из его выйдете... Ан, глянь-кось, вы нонче в здоровье, а Гуле и Ныкляр на том свете... Некого даже поблагодарствовать, э? Отблагодарить за холмик-то...

– Меня зовут не Фалька, – резко проговорила она. – Меня зовут Цири. А что до благодарности...

– Считайте, что она оказала вам честь, – холодно вставила черноволосая, и в ее голосе было что-то такое, что Хромуша задрожал. – За этот холмик, – медленно проговорила она, – за вашу человечность, за ваше человеческое достоинство и порядочность удостоились вы, весь ваш поселок милости, благодарности и... награды. Вы даже не знаете, не можете знать, сколь огромных.

Вскоре после полуночи девятого апреля первых жителей Клармона разбудило мерцающее зарево, красный свет, ворвавшийся в окна из домов. Остальных подняли с постели крики, рев и громкий тревожный звон набата.

Горел только один дом. Большое деревянное здание бывшего храма, некогда посвященного божеству, имени которого не помнил уже никто, кроме самых древних старух. В храме, теперь превращенном в амфитеатр, время от времени давали цирковые представления, проводили бои и другие рискованные зрелища, способные взбудоражить городок Клармон. Встряхнуть, вырвать на время из болота скуки, хандры и сонного отупения.

Именно этот амфитеатр сейчас полыхал ревушим пламенем, сотрясаемый взрывами. Из всех его окон вырывались рваные, длиной в несколько сажень языки огня.

– Гаасить! – вопил хозяин амфитеатра купец Хувенагель, бегая, размахивая руками, тряся могучим брюхом. Он был в ночном колпаке, тяжелой делии из выпороток, накинутой прямо на

ночную рубашку. Босые ноги месили навоз и грязь улочки.

– Гааасите! Люююди! Воооды!

– Это кара божья, – безапелляционно заявила одна из старух. – За потехи, кои в этом владении устраивали.

– Да-да, госпожа. Несомненно, за это!

От ревущего в огне театра полыхало жаром, в лужах парила и воняла конская моча, шипели искры. Неведомо откуда налетел ветер.

– Туууушите! – дико выл Хувенагель, видя, что огонь перекидывается на пивоварню и амбары с зерном. – Люююди! За ведра! За ведра!

Недостатка в охотниках не было. Более того, у Клармона даже была собственная пожарная команда, вооруженная и содержащаяся на деньги Хувенагеля. Гасили с жаром и энтузиазмом. Но впустую.

– Не справиться... – бормотал брандмейстер, вытирая покрывшееся пузырями лицо. – Это не обычный огонь... Не простой... Это огонь дьявольский!

– Черная магия, – задыхался от кашля в дыму другой топорник.

Из амфитеатра донесся страшный треск рушащихся стропил, коньков и столбов. Грохотнуло, гроыхнуло, сломалось, в небо взметнулся могучий сноп огня и искр, крыша переломилась и завалилась внутрь, на арену. Здание накренилось, словно поклонилось публике, которую в последний раз повеселило и порадовало эффектным, воистину пламенным бенефисом.

А потом стены рухнули.

Усилиями пожарных и спасателей удалось сохранить лишь половину зернохранилища и примерно четвертую часть пивоварни.

Занимался смертельный рассвет.

Хувенагель сидел в грязи и пепле, в опаленной делии из выпороков. Сидел и жалостливо рыдал, всхлипывал точно малое дитя. Принадлежавшие ему театр, пивоварня и зернохранилище были, конечно, застрахованы. Проблема состояла в том, что страховая компания тоже была собственностью Хувенагеля. Ничто, даже какая-нибудь афера с налогами, не в состоянии была хоть в малой степени восполнить потери.

– Куда теперь? – спросил Геральт, глядя на столб дыма, расплывчатой лентой пачкающий розовеющий зареку горизонт. – Кого ты еще хочешь навестить, Цири?

Она взглянула на него, и он тут же пожалел о своем вопросе. Ему ужасно захотелось обнять ее, держать в объятиях, прижимать к себе, гладить ее волосы. Защитить. Никогда-никогда не допускать, чтобы она оставалась в одиночестве. Чтобы с ней не случилось что-нибудь худое, чтобы ей больше никому и ничему не захотелось мстить.

Йеннифэр молчала. Последнее время Йеннифэр вообще много молчала.

– Теперь, – очень спокойно сказала Цири, – мы поедem в поселок с названием Говорог. Это название идет от опекающего поселок соломенного единорога, смешной, бедной, убогой куколки. Я хочу, чтобы в память о том, что там произошло, жители получили... Ну, если не более ценный, то хотя бы с большим вкусом выполненный тотем. Рассчитываю на твою помощь, Йеннифэр, потому что без магии...

– Знаю, Цири. А дальше что?

– Болота Переплюта. Надеюсь, попаду... К хате на болотах, среди трясин. Там мы найдем останки человека. Я хочу, чтобы эти останки почили в приличной и достойной его могиле.

Геральт продолжал молчать. И не опускал глаз.

– Потом, – продолжала Цири, запросто выдерживая его взгляд, – мы заглянем в Дун Дар. Тамошнюю корчму скорее всего спалили, не исключая, что корчмаря убили. По моей вине. Меня ослепили ненависть и мстительность. Я попытаюсь как-то отблагодарить его родных.

– Вряд ли, – проговорил он, все еще глядя на нее, – это получится.

– Знаю, – сразу же ответила она, твердо, почти зло. – Но я явлюсь к ним с повинной. Запомню выражение их глаз. Надеюсь, память об этих глазах охранит меня от подобных ошибок. Ты понимаешь это, Геральт?

– Понимаю, Цири, – сказала Йеннифэр. – Оба мы, поверь, очень хорошо понимаем тебя, доченька. Едем.

Лошади неслись как ветер. Как магический ветер. Встревоженный мчащейся тройкой наездников, поднимал голову путник на тракте. Поднимал голову купец на телеге с товарами, преступник, бегущий от правосудия, бродяга-поселенец, изгнанный политиками с земли, на которой он поселился, доверившись другим политикам. Поднимали головы бродяги, дезертир и пилигрим с костью. Пораженные, напуганные, не уверенные в том, что видели.

По Эббину и Гесо начинали кружить рассказы. О Диком Гоне. О трех призрачных всадниках.

Рассказы придумывали и повествовали вечерами в пропахших топленным жиром и жареным луком избах, в светлицах, задымленных корчмах, трактирах, на хуторах и заимках. Рассказывали, выдумывали, трепались. О войне. О геройстве и рыцарственности. О дружбе и справедливости. О подлости и предательстве. О любви верной и истинной. О всегда торжествующей дружбе и привязанности. О преступлении и наказании, которое непременно настигает преступников. О правосудии, всегда справедливом и правом.

О правде, которая на манер масла всегда всплывает наверх.

Выдумывали, радуясь выдумке. Сказочному обману. Ибо вокруг-то, в жизни, все делалось наизусть.

Легенда росла и ширилась. Слушатели в благостном трансе глотали, вбирали в себя высокопарные и возвышенные слова сказителей, повествующих о ведьмаке и чародейке. О Башне Ласточки. О Цири, ведьмачке со шрамом на лице. О Кэльпи, зачарованной вороной кобыле.

О Владычице Озера.

Все это случилось спустя многие годы. Спустя многие, многие годы.

Но уже теперь, как набухшие после теплого дождя семена, легенда давала ростки и пускала корни в людских душах.

Незаметно пришел май. Вначале – ночами, которые разгорались и разблескивались далекими огнями Беллетэйна. Когда Цири, странно возбужденная, вскочила на Кэльпи и помчалась к кострам, Геральт и Йеннифэр воспользовались случаем, выпавшей минутой одиночества. Раздевшись лишь настолько, сколько было абсолютно необходимо, они любили друг друга на брошенном на земле колушке. Спеша и самозабвенно, молча, не произнося ни

слова. Быстро и кое-как. Только бы больше и больше.

А когда пришло успокоение, оба, дрожа и сцеловывая с лиц друг у друга слезы, ужасно удивились, сколько же счастья дала им такая, в общем-то невесть какая, любовь.

– Геральт...

– Слушаю, Йен.

– Когда я... Когда мы не были вместе, ты бывал с другими женщинами?

– Нет.

– Ни разу?

– Ни разу.

– У тебя даже голос не дрогнул. Не понимаю, почему я тебе не верю.

– Я всегда думал только о тебе, Йен.

– Теперь верю.

Незаметно пришел май. Пришел и днями. Осот обрызгал желтизной луга, деревья в садах распушились и потяжелели от цветов. Дубравы величественно, чтобы не спешить, все еще оставались темными и голыми, но уже затягивались зеленым туманом, а опушки искрились зелеными пятнышками березы.

В одну из ночей, когда они остановились в заросшей ивами котловине, ведьмака разбудил сон. Кошмар, в котором он видел себя парализованным и безоружным, а огромная серая сова рвала ему когтями лицо, искала глаза острым кривым клювом. Он проснулся. И не понял, не перенесся ли из одного кошмара в другой.

Над их бивуаком клубился свет, на который косились фыркающие лошади. В свете было видно что-то вроде подпертого черной колоннадой замкового зала. Геральт видел огромный стол, вокруг которого сидели десять человек. Десять женщин.

Слышал голоса.

...привести ее к нам, Йеннифэр. Мы приказываем.

Вы не можете мне приказывать. Не можете приказывать ей! У вас нет над ней власти! Никакой!

Я их не боюсь, мама. Они ничего не могут мне сделать. Если они хотят, я явлюсь к ним.

...собирается первого июня, в новолуние. Мы приказываем вам обеим явиться. Предупреждаем, что за непослушание будем наказывать.

Я сейчас прибуду, Филиппа. Она пусть еще побудет с ним. Пусть он не остается один. Только несколько дней. Я прибуду немедленно. Как добровольная заложница.

Выполни мою просьбу, Филиппа. Пожалуйста.

Свет замигал. Лошади дико захрапели, забили копытами.

Ведьмак проснулся. На этот раз по-настоящему.

Наутро Йеннифэр подтвердила его опасения. После долгой и проведенной в сторонке беседы с Цири.

– Я ухожу, – сказала она сухо и без предисловий. – Я должна. Цири останется с тобой. Еще на какое-то время. Потом я вызову ее, и она тоже уйдет. А потом все мы встретимся снова.

Он кивнул. Неохотно. Ему надоело молчаливо поддакивать. Соглашаться со всем, что она ему сообщала, со всем, что решала. Но он кивнул. Он любил ее, как бы там ни было.

– Это приказ, – сказала она мягче, – которому противостоять невозможно. Откладывать тоже нельзя. Необходимо просто выполнить. Впрочем, я делаю это и ради тебя. Ради твоего блага. А особенно ради блага Цири.

Он кивнул.

– Когда мы встретимся, – сказала она еще мягче, – я вознагражу тебя за все, Геральт. И за твое молчание. Слишком много молчания было между нами, слишком много. А теперь, вместо того чтобы кивать, обними меня и поцелуй.

Так он и сделал. Он любил ее, как бы там ни было.

– Куда теперь? – тихо спросила Цири вскоре после того, как Йеннифэр скрылась в розблеске овального телепорта.

– Река... – Геральт откашлялся, превозмогая боль в груди, не дающую дышать. – Река, вверх по течению которой мы идем, называется Сансретура. Она ведет в страну, которую я обязательно хочу тебе показать. Потому что это сказочная страна.

Цири насупилась. Он видел, как она стиснула кулаки.

– Все сказки, – процедила она, – оканчиваются скверно. А сказочных стран нет вообще.

– Есть. Увидишь. * * *

Был второй день после полнолуния, когда они увидели Туссент, утопающий в зелени и солнечных лучах. Горы, склоны, виноградники. Черепицы башен замка, горящие после утреннего дождика.

Картина не подвела. Впечатляла. Она впечатляла всегда.

– Какая красотища, – восхищенно сказала Цири. – О-хо-хо! Словно игрушечные замки... Словно глазурь на торте... Так и хочется лизнуть!

– Архитектура самого Фарамонда, – мудро пояснил Геральт. – Погоди, пока не увидишь вблизи дворец и сады Боклера.

– Дворец? Мы едем во дворец? Ты знаешь здешнего короля?

– Княгиню.

– А может, – кисло спросила она, внимательно поглядывая на него из-под челки, – у этой княгини зеленые глаза? И короткие черные волосы?

– Нет, – отрезал он, отводя взгляд. – Она выглядит совсем иначе. Откуда ты взяла...

– Перестань, Геральт, ладно? Так как там со здешней княгиней-то?

– Я сказал, что знаю ее. Немного. Не очень хорошо... и не очень близко, если тебя

интересует это. Зато я очень хорошо знаком со здешним князем-консортом, а может, пока еще кандидатом в князья-консорты. Ты его тоже знаешь, Цири.

Цири тронула Кэльпи шпорой, заставила танцевать.

– Не мучай меня больше!

– Лютик.

– Лютик? Со здешней княгиней? Каким чудом?

– Долгая история. Мы оставили его здесь, рядом с любимой. Обещали навестить, возвращаясь, когда...

Он замолчал и нахмурился.

– Ничего не поделаешь, – тихо сказала Цири. – И не мучайся, Геральт. Это не твоя вина.

«Моя, – думал он. – Моя. Лютик спросит. А я вынужден буду ответить».

Мильва. Кагыр. Регис. Ангулема.

Меч – оружие обоюдоострое...

О боги, довольно. Хватит. Надо покончить с этим раз и навсегда».

– Едем, Цири.

– В этих одеждах? – кашлянула она. – Во дворец?

– Не вижу ничего зазорного в наших одеждах, – обрезал он. – Мы едем туда не верительные грамоты вручать. И не на бал. А с Лютиком можно встретиться хотя бы в конюшнях. Впрочем, – добавил он, видя, как она надулась, – сначала я поеду в городок, в банк. Возьму немного наличных, а в суконных рядах на рынке сколько угодно портных и модисток. купишь, что захочешь, и оденешься по желанию.

– Так много, – она насмешливо поморщилась, – у тебя наличных?

– купишь, что захочешь, – повторил он. – Хотя бы горностаев. И туфельки из василиска. Я знаю сапожника, у которого на складе еще должны быть такие.

– На чем ты столько заработал?

– На убийствах, Цири. Едем, времени жаль.

В филиале банка Чианфанелли Геральт поручил сделать перевод и открыть аккредитив, получил банковскую чековую книжку и немного наличных. Написал письма, которые должны были подоспеть к курьерской экспресс-почте, идущей на Яругу. Вежливо отказался от обеда, которым его хотел попотчевать услужливый и гостеприимный банкир.

Цири ожидала на улице, присматривая за лошадьми. Улица, только что пустая, уже кишела народом.

– Похоже, мы попали на какой-то праздник. – Цири головой указала на толпы, тянущиеся к рынку. – Может, ярмарка...

Геральт быстро глянул.

– Это не ярмарка.

– Ох... – Она тоже взглянула, поднявшись на стременах. – Неужто опять...

– Казнь, – сказал он. – Самое популярное из послевоенных развлечений. Что мы с тобой уже видели, Цири?

– Дезертирство, предательство, трусость перед лицом врага, – быстро перечислила она. – И экономические преступления.

– Поставка заплесневевших сухарей для армии, – кивнул ведьмак. – Ох, тяжела в военное время доля предприимчивого купца.

– Здесь будут рубить голову не купцу. – Цири натянула поводья Кэльпи, уже погрузившейся в толпу, как в волнуемое поле пшеницы. – Только глянь, помост накрыт сукном, а на палаче новый и чистейший колпак. Тут будут казнить кого-то важного, по меньшей мере барона. Все-таки, пожалуй, за трусость перед лицом врага.

– У Туссента, – покачал головой Геральт, – не было армии, ибо не было никаких врагов. Нет, Цири, думаю, это снова экономика. Казнят кого-то за мошенничество в торговле их знаменитым вином, основой здешнего хозяйства. Едем, Цири. Не станем глядеть.

– Едем. Но как?

Действительно, дальше ехать было невозможно. Не успели они оглянуться, как увязли в собравшейся на площади толпе, оказались в толчее, нечего было и думать продаться на другую сторону рынка. Геральт скверно выругался, оглянулся. Увы, возвратиться тоже было невозможно, вливающаяся на рынок человеческая волна полностью закупорила улочку позади них. Несколько мгновений толпа несла их будто река, но движение прекратилось, как только люди наткнулись на окружающую эшафот плотную стену алебардистов.

– Едут! – крикнул кто-то, а толпа зашумела, заволновалась и подхватила крик. – Едут!

Цокот копыт и тарыхтение телеги утонули и затерялись в шмелином гудении толпы. Потом они совершенно неожиданно увидели пару лошадей, тянущих из закоулка обрешеченный воз, на котором, с трудом удерживая равновесие, стоял...

– Лютик!!! – ахнула Цири.

Геральт вдруг почувствовал себя скверно. Очень скверно.

– Это Лютик, – не своим голосом повторила Цири. – Да, это он.

«Какая несправедливость, – подумал ведьмак. – Какая гигантская и дьявольская несправедливость. Так не может быть. Так не должно быть. Я знаю, глупо и наивно было думать, будто что-то и когда-то от меня зависело, что я как-то повлиял на судьбы этого мира, что этот мир чем-то мне обязан. Я знаю, это было мнение наивное, более того, наглое. Но я об этом знаю. Меня не надо в этом убеждать! Мне не надо этого доказывать! Тем более таким образом...

Это несправедливо!»

– Это не может быть Лютик, – сказал он глухо, уставившись на гриву Плотвы.

– Это Лютик, – повторила Цири. – Геральт, мы должны что-то сделать.

– Что? – горько спросил он. – Скажи, что?

Ландскнехты сняли Лютика с телеги, обращаясь с ним на удивление почтительно, без грубости, даже с уважением – максимальным, на какое были способны. Перед ведущими на эшафот ступенями ему развязали руки. Поэт бесцеремонно почесал себе зад и без посторонней помощи ступил на ступени.

Одна из ступенек вдруг затрещала, а изготовленный из ошкуренной следи поручень прогнулся. Лютик с трудом удержал равновесие.

– Черт побери! – воскликнул он. – Это необходимо исправить! Вот увидите, кто-нибудь когда-нибудь убьется на этой лесенке! И случится несчастье!

На помосте Лютика приняли двое помощников палача в кожаных куртках без рукавов. Палач, широкий в плечах как донжон, глядел на осужденного сквозь отверстия в капюшоне. Рядом стоял типчик в богатом, хоть и траурно-черном одеянии. Мина у него тоже была траурная.

– Уважаемые господа и горожане Боклера и округи! – возгласил он громко и печально, уставившись в развернутый пергамент. – Доводится до вашего сведения, что Юлиан Альфред Панкрац, виконт де Леттенхов, он же Лютик...

– Панкрац – что? – шепотом спросила Цири.

– ...приговором Верховного княжеского суда признан виновным во всех приписанных ему преступлениях, грехах и проступках, а именно: оскорблении величества, государственной измене, а сверх того оскорблении достоинства благородного состояния путем клятвопреступления, пасквильантства, клеветы и наветов, а также кутежей, непристойных дебошей, иначе говоря, блудничества. Посему Трибунал решил виконта Юлиана *et cetera, et cetera*[129] покарать, *primo*[130], ущерблением герба путем нанесения на щит черной косой полосы, *secundo*[131], конфискацией имущества, земель, имений, лугов, боров, замков...

– Замков, – простонал ведьмак, – каких еще замков?

– *Tertio*[132]: главная кара. Предусмотренную за перечисленные преступления кару волочением коньми, колесованием и четвертованием милостиво правящая нами Анна Генриетта, сиятельная княгиня Туссента и владелица Боклера, сооблаговолила заменить отъятием головы от тела при помощи топора. Да восторжествует правосудие!

Толпа ответила несколькими нестройными выкриками. Стоявшие в первом ряду бабы принялись лицемерно завывать и неискренне всхлипывать. Детей взяли на руки либо на плечи, чтобы они не упустили ничего из представления. Помощники палача выкатили на середину эшафота пень и накрыли его скатертью. Возникло небольшое замешательство, поскольку оказалось, что кто-то свистнул ивовую корзинку для отрубленной головы, но быстроенько подыскали другую.

Под эшафотом четверо оборванцев растянули платок, чтобы поймать на него кровь. Был солидный спрос на такого типа сувениры, на этом можно было недурно заработать.

– Геральт! – Цири не поднимала опущенной головы. – Мы должны что-то сделать...

Он не ответил.

– Я хочу обратиться к народу, – гордо заявил Лютик.

– Только покорооче, виконт.

Поэт встал на край помоста, поднял руку. Толпа зашелестела и утихла.

– Эй, люди! – закричал Лютик. – Что слышно нового? Как делишки?

– Ну, живем кое-как, – ответил после долгой тишины кто-то из дальних рядов.

– Ну и славно, – кивнул поэт. – Весьма рад. Ну, теперь уже можно начинать.

– Мэтр, – сказал с выпренной торжественностью траурный тип. – Приступай к своим обязанностям.

Палач подошел, в соответствии со стародавним обычаем опустился перед осужденным на колени, склонил прикрытую капюшоном голову.

– Отпусти мне грех, добрый человек, – попросил он замогильным голосом.

– Я? – удивился Лютик. – Тебе?

– Эге.

– Да ни в жисть.

– Эээ?

– Ни за что не отпущу. Чего ради? Видели фокусника? Через минуту он мне голову отсечет, а я должен ему это простить? Смеешься надо мной, что ли? В такой момент?

– Но как же так, господин? – опешил палач. – Ведь таков закон... И обычай такой... Осужденный обязан прежде всего отпустить палачу. Простить вину. Отпустить грех...

– Нет.

– Нет?

– Нет.

– Я не стану его обезглавливать, – угрюмо заявил палач, поднимаясь с колен. – Пусть отпустит, этаким сын, иначе не отсеку. И все тут.

– Господин виконт. – Грустный чиновник взял Лютика за локоть. – Не усложняйте. Люди собрались как-никак. Ждут... Отпустите ему грех, он же вежливо просит...

– Не отпущу – и точка...

– Мэтр! – Траурный типчик подошел к палачу. – Обезглавьте его без отпущения, а? Я вас вознагражу.

Палач молча протянул огромную как сковорода ладонь. Траурный вздохнул, полез в калету и насыпал в руку монет. Мэтр несколько секунд глядел на них, потом сжал кулак. Глаза в прорезях капюшона зловеще сверкнули.

– Ладно, – сказал он, пряча деньги в карман и обращаясь к поэту. – Опуститесь на колени, упрямец. Положите голову на пень, зловредный господин. Я тоже, если хочу, могу быть зловредным. Буду рубить вам голову в два приема. А если получится, то и в три.

– Отпускаю! – взвыл Лютик. – Прощаю!

– Благодарю вас.

– Ну, коли отпустил, – грустно сказал траурный чиновник, – гоните деньги взад.

Палач отвернулся и занес топор.

– Отодвиньтесь, милостивый государь, – сказал он зловеще глухим голосом. – Не нойте над оружием. Вы же знаете, где головы рубят, там уши летят.

Чиновник быстро попятился, чуть было не свалившись с эшафота.

– Так хорошо? – Лютик опустился на колени и вытянул шею на пне. – Мэтр! Эй, мэтр!

– Ну. Чего?

– Вы ведь пошутили, правда? За один прием отрубите-то? За один замах? А?

Палач сверкнул глазами.

– Неожиданность, – буркнул он зловеще.

Толпа вдруг заволновалась, уступая дорогу ворвавшемуся на площадь наезднику на взмыленном коне.

– Стоять! – крикнул наездник, размахивая огромным, обвешанным красными печатями свитком пергамента. – Задержать казнь! Я везу помилование осужденному!

– Снова? – проворчал палач, опуская уже занесенный топор. – Снова помилование! Это становится скучным.

– Помилование! Помилование! – зарычала толпа. Бабы в первом ряду принялись голосить еще громче. Многие, в основном малолетки, свистели и недовольно выли.

– Успокойтесь, уважаемые господа и горожане! – крикнул траурный, разворачивая пергамент.

– Вот воля ее милости Анны Генриетты! В своей неизбывной доброте и в ознаменование заключенного мира, коий, как сообщается, был подписан в городе Цинтра, ее милость прощает виконту Юлиану Альфреду Панкрацу де Леттенхофу, он же Лютик, его провинности и освобождает его от казни...

– Милая Ласочка, – сказал Лютик, широко улыбаясь.

– ...одновременно приказывая вышеупомянутому виконту Юлиану Панкрацу et cetera незамедлительно покинуть столицу и пределы княжества Туссент и никогда сюда не возвращаться, поскольку он немил ее милости и смотреть на него ее милость не может! Вы свободны, виконт.

– А мое имущество? – крикнул Лютик. – А? Мое добро, мои рощи, дубравы и замки можете оставить себе, но отдайте, чума на ваши головы, лютню, лошадь Пегаса, сто сорок талеров и восемьдесят геллеров, плащ, подбитый енотами, перстень...

– Заткнись! – крикнул Геральт, расталкивая лошадью обманутую и неохотно расступающуюся толпу. – Заткнись, слезай и иди сюда, болван! Цири, тарань ему дорогу! Лютик! Ты слышишь, что я тебе говорю?

– Геральт? Ты?

– Не спрашивай, а слезай поскорее! Ко мне! Прыгай на лошадь!

Они продрались сквозь толчею, галопом помчались по узкой улочке. Цири впереди, за ней Геральт и Лютик на Плотве.

– К чему такая спешка? – проговорил бард из-за спины ведьмака. – Никто нам не угрожает. Никто не гонится.

– Пока что. Твоя княгиня обожает менять свое отношение и как бы попутно отменять то, что решила раньше. Согласись, ты знал о помиловании?

– Не знал, – проворчал Лютик. – Но, признаюсь, рассчитывал на него. Ласочка любвеобильна, и у нее доброе сердечко.

– Заткнись ты со своей Ласочкой, черт побери. Ты только что чудом выкрутился от обвинения в оскорблении величества, а теперь хочешь подпасть под статью «рецидив»?

Трубадур замолчал. Цири остановила Кэльпи, подождала их. Когда поравнялись, она взглянула на Лютика и вытерла слезы.

– Эх ты... – сказала она. – Ты... Панкрац...

– В путь, – поторопил ведьмак. – Покинем этот город и пределы прелестного княжества. Пока еще можем.

Почти на самой границе Туссента, в том месте, откуда уже была видна гора Горгона, их догнал княжеский гонец. Он тянул за собой оседланного Пегаса, вез лютню, плащ и перстень Лютика. Вопрос о ста сорока талерах и восьмидесяти геллерах он пропустил мимо ушей. Просьбу барда передать княгине поцелуи выслушал не моргнув глазом.

Они поехали вверх по течению Сансретуры, теперь уже малюсенькой и юркой струйки. Обошли стороной Бельхавен.

На ночлег остановились в долине Неви. В том месте, которое помнили и ведьмак, и бард.

Лютик держался долго и вопросов не задавал.

Но в конце концов пришлось рассказать ему обо всем.

И присоединиться к его молчанию. К отвратительной, гноящейся как язва тишине, наступившей после рассказа.

В полдень следующего дня они были на стоках, под Ридбруном. Вокруг стоял мир, лад и порядок. Люди были доверчивы и работящи. Чувствовалась безопасность.

Повсюду стояли тяжелые от висельников шибеницы.

Они обошли стороной город, направляясь к Долю Ангре.

– Лютик! – Только теперь Геральт заметил то, что должен был заметить уже давно. – А твоя бесценная туба? Твои полвека поэзии? У гонца их не было. Они остались в Туссенте?

– Остались, – равнодушно поддакнул бард. – В гардеробе Ласочки, под кучей платьев, трусов и корсетов. И пусть себе там остаются на веки веков. Аминь.

– Объясни.

– А чего тут объяснять? В Туссенте у меня было достаточно времени, чтобы внимательно прочесть все, что я написал.

– И что?

– Напишу еще раз. Заново.

– Понимаю, – кивнул Геральт. – Короче говоря, ты оказался таким же никудышным писателем, как и фаворитом. А говоря обиднее: к чему бы ты ни прикоснулся, испоганишь. Но

если свои «Полвека» ты еще имеешь возможность исправить, то с княгиней Анарьеттой у тебя такие же шансы вновь стать возлюбленным, как у дерьма снова сделаться хлебом. К примеру. Тьфу! Любовник, которого с позором изгнали. Да-да, нечего гримасничать. Быть князем-консортом в Туссенте не тебе писано, Лютик.

– Еще посмотрим.

– На меня не рассчитывай. Я на это смотреть не намерен.

– А никто тебя и не просит. Однако скажу, что у Ласочки доброе и всепрощающее сердечко. Правда, ее малость занесло, когда она прихватила меня с юной баронессочкой Никвой... Но теперь уже наверняка охолонула. Поняла, что мужчина не создан для моногамии. Простила меня и наверняка ждет...

– Ты безнадежно глуп, – отметил Геральт, а Цири энергичным кивком подтвердила, что думает точно так же.

– Не стану я с вами спорить, – надулся Лютик. – Тем более что дело это интимное. Повторяю еще раз: Ласочка меня простит. Напишу соответствующую балладу либо сонет, перешлю ей, а она...

– Смиловисься, Лютик.

– А и верно, чего с вами болтать. Поехали дальше! Гони, Пегас! Мчись, летун быстроногий!

Они ехали. Стоял май.

– Из-за тебя, – укоризненно сказал ведьмак, – из-за тебя, любовник отлученный, мне тоже пришлось бежать из Туссента, словно какому-то изгнаннику или преследуемому. Я даже не успел увидеться с...

– С Фрингильей Виго? И не увиделся бы. Она вскоре после вашего отъезда, еще в январе, отбыла в неизвестном направлении. Попросту исчезла.

– Не ее я имел в виду, – кашлянул Геральт, видя, как Цири с интересом прислушивается. – Я хотел встретиться с Рейнартом. Познакомить его с Цири...

Лютик уставился в гриву Пегаса.

– Рейнарт де Буа-Фресне, – пробормотал он, – где-то в конце февраля погиб в стычке с партизанами на перевале Сервантеса, в районе сторожевой башни Ведетта. Анарьетта посмертно почтила его орденом...

– Заткнись, Лютик.

Лютик заткнулся, на удивление послушный.

Май длился, разгорался. С лугов сбежала яркая желтизна осота, сменившаяся пышной, немного припыленной и летучей белизной одуванчиков.

Было зелено и очень тепло. Воздух, когда его не освежала краткая буря, был плотным, жарким и липким, как крупник[133].

Двадцать шестого мая пересекли Яругу по новенькому, беленькому, пахнущему смолой мосту. Остатки старого моста, черные, закопченные и обугленные балки, виднелись в воде и на берегу.

Цири сделалась беспокойной.

Геральт знал. Знал ее намерения, знал о планах, о договоренности с Йеннифэр. Он был готов. И все-таки мысль о расставании болезненно уколола его. Будто там, в груди, внутри, за ребрами, дремал и неожиданно проснулся маленький вредный скорпион.

За руинами сожженной корчмы, на развилке дорог за деревней Укропня стоял – возрастом, пожалуй, за сто лет – раскидистый черешневый дуб, сейчас, весной, усыпанный маленькими паучками цветов. Население всей округи, даже далекой Спалли, привыкло использовать огромные и достаточно низко расположенные ветви дуба, чтобы вешать на них досочки и таблички, содержащие различную информацию. По этой причине дуб, выполняющий для людей роль связующего звена, именовался Дубом Познания Добра и Зла.

– Цири, начни с той стороны, – скомандовал Геральт, слезая с лошади, – а ты, Лютик, посмотри с той.

Развешенные на ветках досочки колебались на ветру, сталкивались, словно колотушки.

В основном здесь сообщалось об обычных после войны поисках пропавших родных. Много было объявлений типа «ВЕРНИСЬ, Я ВСЕ ПРОЩУ», немало извещений об эротическом массаже и подобного рода услугах в окрестных селах и городках, много объявлений и торговых реклам. Была любовная переписка, были доносы и анонимные заявления, подписанные доброжелателями. Попадались также досочки, содержащие философские взгляды их авторов – в основном кретинско-бессмысленные либо омерзительно непристойные.

– О! – воскликнул Лютик. – Замку Растбург срочно требуется ведьмак. Оплата высокая, ночлег по высшему классу и экстраординарный стол гарантируются. Воспользуешься, Геральт?

– Ни в коем случае.

Сообщение, которое они искали, нашла Цири.

И тут же сказала ведьмаку то, чего он ожидал уже давно.

– Я еду в Венгерберг, Геральт, – повторила она. – Не хмурься. Ты же знаешь, я должна. Она ждет меня там.

– Знаю.

– Ты едешь в Ривию, на встречу, из которой все время делаешь секрет.

– Сюрприз, – поправил он. – Сюрприз, а не секрет.

– Ладно, пусть будет сюрприз. А я покончу в Венгерберге со всем, что полагается, заберу Йеннифэр, и мы будем в Ривии через шесть дней. И незачем прощаться. Не навек расстаемся. Всего на шесть дней. До свидания!

– До свидания, Цири.

– Ривия, через шесть дней, – повторила она еще раз, заворачивая Кэльпи.

И сразу пошла галопом. Скрылась очень быстро, а Геральт почувствовал, как какая-то страшная, холодная, костистая лапа стискивает ему желудок.

– Шесть дней, – задумчиво повторил Лютик. – Отсюда до Венгерберга и обратно до Ривии... В сумме почти двести пятьдесят миль... Это невозможно, Геральт. Конечно, на той адской кобыле, на которой девочка может двигаться со скоростью курьера в три раза быстрее нас,

теоретически – только теоретически – можно за шесть дней покрыть такое расстояние. Но даже ее дьявольской кобыле необходимо отдыхать. Да и на таинственное дело, которое Цири собирается завершить, тоже ведь уйдет какое-то время. Стало быть, невыполнимо...

– Для Цири, – сжал губы Геральт, – нет вещей невыполнимых.

– Неужто...

– Она далеко не та девочка, которую ты знал, – оборвал Геральт. – Не та.

Люттик долго молчал.

– У меня странное ощущение...

– Замолчи. Не говори ничего. Очень тебя прошу.

Май кончился. Близилось новолуние, луна шла на ущерб и была уже совсем тоненькой. Они ехали к маячившим на горизонте горам.

Ландшафт был типично послевоенный. Посреди полей то тут, то там вздымались могильные холмики и курганы, в буйной весенней зелени белели черепа и скелеты. На придорожных деревьях болтались повешенные, на дорогах, в ожидании голодной смерти, сидели нищие. У леса, в ожидании, когда нищие ослабеют, сидели волки.

Отстраивались деревни и поселки, от которых остались лишь закопченные трубы печей, стучали молотки, визжали пилы. Неподалеку от развалин бабы дырявили сожженную землю мотыгами. Некоторые, спотыкаясь, тянули бороны и плуги, а холщовые шлеи врезались им в исхудавшие плечи. В бороздах дети охотились на личинок и дождевых червей.

– У меня неясное ощущение, – сказал Люттик, – что здесь что-то не так, чего-то недостает... Тебе не кажется, Геральт?

– А?

– Что-то здесь ненормально.

– Все здесь ненормально, Люттик. Все.

Ночью, теплой, черной и безветренной, освещенной далекими вспышками молний и заполненной беспокойным ворчанием громов, отдыхающие после дня езды Геральт и Люттик увидели, как горизонт на западе расцветился красным заревом пожара. Это было недалеко, поднявшийся ветер принес запах гари и дыма. Принес он и обрывки звуков. Они слышали – хоть и не желали слушать – крики убиваемых, вой женщин, наглый и торжествующий рев банды.

Люттик молчал, то и дело тревожно косился на Геральта.

Но ведьмак даже не дрогнул, даже не повернул головы. А лицо у него было как из латуни.

Утром двинулись дальше. На поднимающиеся над лесом струйки дыма даже не смотрели.

А потом столкнулись с колонной поселенцев.

Они шли длинной колонной. Медленно. Несли маленькие узелки.

Шли в полной тишине. Мужчины, юноши, женщины, дети. Шли без вздохов, без плача, без слова жалобы. Без криков, без отчаянных рыданий.

Крик и отчаяние стояли у них в глазах. Пустых глазах обездоленных людей. Ограбленных, избитых, изгнанных.

– Кто это? – На Лютика не подействовала враждебность в глазах сопровождавшего колонну офицера. – Кого вы гоните?

– Нильфгаардцев, – ответил с высоты седла поднаместник[134], румяный парнишка, встретивший самое большее восемнадцать весен. – Нильфгаардских поселенцев, приползли, понимаешь, на нашу землю словно тараканы. Вот мы их будто тараканов и выметаем. Так решено в Цинтре, и так записано в мирном договоре.

Он наклонился, сплюнул.

– А я, – продолжал, вызываясь глядя на Лютика и ведьмака, – будь в моей власти, их отсюда живьем бы не выпустил, подлецов.

– А я, – протяжно бросил седоусый унтер-офицер, кинув на своего командира взгляд, явно лишенный почтения, – будь это в моей власти, оставил бы я их в покое на их фермах. Не стал бы изгонять из страны хороших кметов. Радовался бы, что сельское хозяйство у них процветает. И есть, что в рот положить.

– Глупы вы, вахмистр, будто сапог валяный, – проворчал поднаместник... – Это ж нильфгаардцы! Не наш язык, не наша кровь, не наша культура. Сельскому-то хозяйству мы радовались, а на сердце своем змею согревали. Предателей, готовых ударить в спину... Может, думаете, меж нами и Черными уже навсегда согласие? Нет, пускай идут откуда пришли... Эй, солдат! Там у одного тележка. А ну сбегай-ка живо!

Приказ был выполнен с запалом. С применением не только палки, но и каблуков.

Лютик кашлянул.

– А вам что, может, не нравится? – Мальчишка-поднаместник смерил его взглядом. – Может, вы – нильфгаардец?

– Упаси боже, – сглотнул Лютик.

У многих идущих мимо них пустоглазых,двигающихся словно автоматы женщин и детей была рваная одежда, опухшие, в синяках лица, бедра и бока покрыты засохшими струйками крови. Многих приходилось поддерживать, чтобы они могли идти. Лютик глянул на Геральта, и ему стало страшно.

– Пора нам, – пробормотал он. – Бывайте, господа солдаты.

– Бывайте, господа путники, – ответил вахмистр.

Поднаместник даже головы не повернул, увлеченный высматриванием, не несет ли кто из поселенцев багажа побольше, чем установлено цинтрийским миром.

Колонна поселенцев двигалась.

Послышались высокие, отчаянные, полные боли крики женщины.

– Геральт! Нет! – простонал Лютик. – Не делай ничего, умоляю... Не вмешивайся...

В одну из ночей, беспокойную, то и дело рассекаемую молниями, ведьмака снова разбудил сон. На этот раз он тоже не был уверен, что не попал из одного сна в другой.

Снова над последними тлеющими угольями костра вздымалась мерцающая ясность,

пугающая лошадей, снова в ясности этой был огромный замок, черные колонны, стол, сидящие за ним женщины.

И две женщины, стоявшие у стола. Черно-белая и черно-серая.

Йеннифэр и Цири.

Ведьмак застонал во сне.

Йеннифэр была права, отсоветовав Цири надевать мужскую одежду. В мужской одежде, похожая на мальчишку, Цири чувствовала бы сейчас себя по-дурацки. Здесь, в этом зале. По сравнению с шикарными, сверкающими драгоценностями женщинами. Она была рада, что позволила одеть себя в сочетание черного и серого, ей льстили одобрителные взгляды, которые бросали эти шикарные женщины на ее разрезные рукава с буфами и высокую талию, на бархат, украшенный небольшой бриллиантовой розой.

– Подойдите ближе.

Цири слегка вздрогнула. И не только от звука этого голоса. Йеннифэр оказалась права еще в одном, когда не советовала делать декольте. Однако Цири заупрямилась, и теперь ей чудилось, что сквозняк прямо-таки гуляет по ее маленькой груди, а бюст чуть не до пупка покрылся гусиной кожей.

– Еще ближе, – повторила темноволосая и темноглазая женщина, которую Цири знала, помнила по острову Танедд. И хотя Йеннифэр сказала, кого они застанут в Монтекальво, описала всех и сообщила их имена, эту женщину Цири с первого мгновения начала мысленно именовать госпожой Совой.

– Приветствуем вас, – сказала госпожа Сова, – в ложе Монтекальво, мазель Цири.

Цири поклонилась так, как советовала Йеннифэр, почтительно, но больше по-мужски, без девичьего книксена, не опуская скромно и по-девичьи робко глаз. Ответила улыбкой на искреннюю и милую улыбку Трисс Меригольд, немного более глубоким наклоном головы – на дружеский взгляд Маргариты Ло-Антиль. Выдержала восемь остальных взглядов, хоть они больше походили на проникающие до глубины сознания сверла. Колющие острия копий.

– Прошу сесть, – истинно королевским жестом пригласила госпожа Сова. – Нет, Йеннифэр, не ты. Только она. Ты, Йеннифэр, не приглашенный в ложу гость, а обвиняемая, вызванная для осуждения и наказания. Пока ложа не вынесет решения о твоей судьбе, ты будешь стоять.

Для Цири протокол мгновенно окончился.

– В таком случае и я буду стоять, – сказала она отнюдь не тихо и не смиренно. – Я тоже не считаю себя здесь каким-то гостем. Меня тоже вызвали, чтобы объявить мою судьбу. Как она, так и я. Нас невозможно разорвать. При всем к вам уважении.

Маргарита Ло-Антиль улыбнулась, глядя ей в глаза.

Скромная, элегантная, с немного крючковатым носом – явно нильфгаардка! – Ассирэ вар Анагьд покачала головой, слегка постукивая пальцами по крышке стола.

– Филиппа, – проговорила женщина, шею которой охватывало боа из серебристых лис. – Мне кажется, нам не следует быть столь уж принципиальными. Во всяком случае, не сегодня, не в данный момент. Это круглый стол ложи. За ним мы сидим как равные. Я считаю, мы можем согласиться с тем, чтобы...

Она не договорила, обвела взглядом остальных чародеек. Те поочередно кивали, выражая

согласие: Маргарита, Ассирэ, Трисс, Сабрина Глевиссиг, Кейра Мец, обе прекрасные эльфы. Только вторая нильфгаардка, черноволосая Фрингиля Виго, сидела неподвижно, очень бледная, не отрывая глаз от Йеннифэр.

– Будь по-вашему, – махнула унизированной перстнями рукой Филиппа Эйльхарт. – Сядьте обе. Хотя я и возражаю. Однако единство ложи прежде всего. Интересы ложи – прежде всего. И превыше всего. Ложа – все, остальное – ничто. Надеюсь, ты понимаешь это, Цири.

– Прекрасно понимаю. – Цири и не думала опускать глаз. – Тем более что именно я и есть то самое ничто.

Франческа Финдабаир, изумительной красоты эльфка, рассмеялась жемчужно и звучно.

– Поздравляю, Йеннифэр, – сказала она завораживающим мелодичным голосом. – Узнаю пробу золота. Узнаю школу.

– Нетрудно распознать. – Йеннифэр прошлась по лицам огненным взглядом. – Ибо это школа Тиссаи де Врие.

– Тиссая де Врие умерла, – спокойно сказала госпожа Сова. – Ее нет за этим столом. Тиссая де Врие умерла, траур по ней закончился. Будучи одновременно рубежом и поворотным пунктом. Ибо началось новое время, пришла новая эпоха, грядут большие перемены. А тебе, Цири, коя некогда была Цириллой из Цинтры, судьбой предназначена в этих переменах важная роль. Вероятно, ты уже знаешь какая.

– Знаю, – чуть ли не гавкнула Цири, не обращая внимания на успокаивающие взгляды Йеннифэр. – Мне это разъяснил Вильгефорц! Готовясь всадить стеклянный шприц между ног. Если в этом состоит мое предназначение, то благодарю покорно.

Темные глаза Филиппы разгорелись холодным гневом. Но заговорила не она. Заговорила Шеала де Танкарвилль.

– Ты еще многому должна будешь научиться, дитя, – сказала она, кутаясь в боа из серебристых лис. – От очень многого, насколько я вижу и слышу, придется тебе отвыкать самой либо с чьей-то помощью. За последнее время ты набралась, видимо, массы скверных знаний, несомненно, испытала зло и научилась ему. Сейчас, в твоём ребяческом упрямстве, ты отказываешься замечать добро, отвергаешь добрые намерения. Топорщишь иглы словно еж, не способная увидеть тех, кто заботится именно о твоём благе. Фыркаешь и выпускаешь когти, будто дикий котенок, не оставляя нам выбора. Придется взять тебя за загривок. И мы сделаем это, дитя, не медля ни минуты. Ибо мы старше тебя, мудрее тебя, знаем все о том, что было, что есть. Знаем многое о том, что будет. Мы возьмем тебя за загривок, котенок, для того, чтобы ты когда-нибудь, скоро, уже став опытной и мудрой кошкой, села здесь, за этот стол, вместе с нами. Одной из нас. Нет! Ни слова! Не вздумай открывать рот, когда говорит Шеала де Танкарвилль!

Голос ковирской чародейки, резкий и пронзительный, словно скребущий по железу нож, неожиданно завис над столом. Съежилась не только Цири, легко дрогнули и втянули головы в плечи даже другие магички из ложи, ну, может, за исключением Филиппы, Франчески и Ассирэ.

И Йеннифэр.

– Ты была права, – проговорила Шеала, кутаясь в боа, – полагая, что тебя вызвали в Монтекальво, чтобы ознакомить с судьбой. Но не была права, полагая, что ты – ничто. Ибо ты – все, ты – будущее мира. В данный момент, конечно, ты этого не знаешь и не понимаешь. В данный момент ты не более чем взъерошенный и фыркающий котенок, ребенок, переживший

травмирующие события, в каждом видящий Эмгыра вар Эмрейса либо Вильгефорца с осеменителем в руке. И бессмысленно сейчас, в данный момент, пытаться объяснить тебе, что ты ошибаешься, что речь идет о твоём благе и благе мира. Придет время для таких пояснений. Когда-нибудь. А сейчас, взъерошенная, ты все равно не захочешь услышать голос рассудка, сейчас на каждый наш аргумент ты будешь искать ответный удар в виде ребяческого упрямства и крикливого ожесточения. По сему случаю сейчас тебя просто-напросто возьмут за шкирку. Я кончила. Сообщи девушке, что ее ждет, Филиппа.

Цири сидела неподвижно, поглаживая головы сфинксов, украшающие поручни кресла.

– Ты поедешь, – прервала тягостно-мертвенную тишину госпожа Сова, – со мной и Шеалой в Ковир, в Понт Ванис, летнюю столицу королевства. Поскольку ты уже никакая ни Цирилла из Цинтры, ты будешь на аудиенции представлена в качестве адепки магии, нашей подопечной. На аудиенции познакомишься с очень мудрым королем, Эстерадом Тиссенем, истинно королевской кровью. Познакомишься с его супругой, королевой Зулейкой, личностью невероятного благородства и доброты. Познакомишься также с сыном королевской четы, принцем Танкредом.

Цири, начиная наконец понимать что к чему, широко раскрыла глаза. Это не ушло от внимания госпожи Совы.

– Да, – кивнула та. – Прежде всего ты должна произвести впечатление на принца Танкреда. Ибо станешь его наложницей и родишь ему ребенка.

– Если б ты по-прежнему была Цириллой из Цинтры, – после долгого молчания продолжала Филиппа, – если б ты по-прежнему была дочерью Паветты и внучкой Калантэ, мы сделали бы тебя законной супругой Танкреда. Вначале княгиней, затем – королевой Ковира и Повисса. Увы, к величайшему сожалению, судьба лишила тебя всего. В том числе и будущего. Ты будешь всего лишь любовницей Танкреда. Фавориткой.

– Номинально, – вставила Шеала, – и формально. Потому что мы постараемся, чтобы практически рядом с Танкредом ты пользовалась статусом княгини, а потом, не исключено, даже королевы. Конечно, потребуется твоя помощь и добрая воля. Необходимо держать себя так, чтобы Танкред всегда хотел видеть тебя рядом. Днем и ночью. Мы научим тебя, как подпитывается такое желание. Но от тебя зависит, пойдет ли обучение впрок.

– Вообще-то это мелочи, – сказала госпожа Сова. – Важно, чтобы ты как можно скорее забеременела от Танкреда.

– Яснее ясного, – буркнула Цири.

– Будущее и положение твоему ребенку, – Филиппа не спускала с нее темных глаз, – обеспечит ложа... Да будет тебе известно, что речь идет о делах действительно серьезных. Впрочем, ты не окажешься в стороне, поскольку тут же после рождения ребенка примешь участие в наших собраниях. Будешь набираться опыта. Ибо ты, хоть сегодня это скорее всего тебе непонятно, одна из нас.

– Здесь нет никакого противоречия, – раздался мелодичный, словно журчание ручейка, голос Энид ан Глеанна, Маргаритки из Долин. – Мы, *me lured*, все есть не что иное, как чудовища. Каждая по-своему. Не так ли, госпожа Сова?

Филиппа пожала плечами.

– Неприятный шрам на лице, – снова заговорила Шеала, механически пощипывая боа, – мы замаскируем иллюзией. Ты будешь выглядеть прекрасно и таинственно, а Танкред Тиссен, уверяю тебя, просто свихнется от любви к тебе. Надо будет придумать тебе имя и легенду.

Цирилла, конечно, имя красивое и не столь уж редкое, чтобы от него отказываться ради сохранения инкогнито. Но тебе нужна фамилия. Я не стану возражать, если ты выберешь мою.

– Либо мою, – сказала госпожа Сова, усмехнувшись уголками губ. – Цирилла Эйльхарт – тоже звучит недурно.

– Ее имя, – в зале опять заиграл серебряным колокольчиком голос Маргаритки из Долин, – звучит недурно в любом обрамлении. И каждая из нас хотела бы иметь такую дочь, как ты, Зиреаэль, ласточка с глазами сокола, ты – кровь и плоть Лары Доррен. Каждая из нас пожертвовала бы всем, даже этой ложей, даже судьбой королевства и всего мира, чтобы только заполучить такую дочь, как ты. Но это, увы, невозможно. Мы знаем, что невозможно. Поэтому так завидуем Йеннифэр.

– Благодарю вас, госпожа Филиппа, – проговорила после минутного молчания Цири, сжимая пальцы на головах сфинксов. – Я также польщена предложением госпожи де Танкарвилль носить ее фамилию. Однако поскольку получается, что фамилия – единственное, что в данном случае зависит от меня и моего выбора, единственное, что мне не навязывают, я вынуждена поблагодарить вас обеих, милостивые государыни, и выбрать сама. Я хочу, чтобы меня именовали Цири из Венгерберга, дочь Йеннифэр.

– Ого! – сверкнула зубами черноволосая чародейка, которую, как догадалась Цири, звали Сабрина Глевиссиг из Каэдвена. – Танкред Тиссен окажется круглым идиотом, если не свяжет себя с ней морганатическим браком. Если же позволит вместо нее подсунуть себе в жены какую-нибудь «мыльную принцессу», то будет просто дурнем и слепцом, не умеющим распознать бриллианта среди россыпи стекляшек. Поздравляю, Йенна. И завидую. А ты знаешь, сколь искренней бывает моя зависть.

Йеннифэр поблагодарила наклоном головы. Не улыбнувшись.

– Итак, – сказала Филиппа, – с этим покончено.

– Нет, – сказала Цири.

Франческа Финдабаир прыснула в кулак. Шеала де Танкарвилль подняла голову, а лицо у нее недобро закаменело.

– Мне необходимо все обдумать, – заявила Цири. – Поразмышлять. Разложить все сказанное по полочкам. В себе. В спокойной обстановке. Как только я это сделаю, я вернусь сюда, в Монтекальво. Стану перед вами. Скажу вам, милостивые государыни, что решила.

Шеала пошевелила губами так, словно у нее во рту оказалось что-то такое, что следует немедленно выплюнуть, но промолчала.

– Я, – подняла голову Цири, – договорилась встретиться с ведьмаком Геральтом в городе Ривия. Я пообещала ему, что встречусь с ним там, что приеду туда вместе с Йеннифэр. Я сдержу обещание при вашем согласии либо без него. Присутствующая здесь госпожа Рита знает, что я, когда иду к Геральту, всегда отыщу щель в стене.

Маргарита Ло-Антиль улыбнулась и кивнула.

– Мне необходимо поговорить с Геральтом. Попрощаться. И признать его правоту. Потому что, милостивые государыни, одно вам следует знать. Когда мы уезжали из замка Стигга, оставляя за собой трупы, я спросила Геральта, конец ли уже, победили ли мы, пало ли уже зло, восторжествовало ли добро. А он только улыбнулся как-то так странно и грустно. Я думала, это от усталости, из-за того, что всех его друзей мы похоронили там, у замка Стигга.

Но теперь понимаю, что означала его улыбка. Это была улыбка сожаления о наивности ребенка, думавшего, будто перерезанные глотки Вильгефорца и Бонарта означают торжество добра над злом. Я обязательно должна сказать ему, что я поумнела и поняла. Я должна обязательно ему это сказать.

Должна убедить в существенном и принципиальном отличии того, что намерены сделать со мной вы, от того, что собирался проделать со мной при помощи стеклянного осеменителя Вильгефорц. Должна попробовать объяснить ему, что есть разница между замком Монтекальво и замком Стигга, хотя и Вильгефорц заботился о благе мира, и вы, благородные дамы, также заботитесь о благе того же мира.

Я знаю, нелегко будет мне убедить такого старого волка, как Геральт. Геральт скажет, что я – сопличка, что меня легко задурить видимостью благородства, что все разговоры о предназначении и благе мира – глупые фразы. Но я должна попытаться. Очень важно, чтобы он это понял и одобрил. Это очень важно. Для вас также.

– Ничего ты не поняла, – резко сказала Шеала де Танкарвилль. – Ты все еще остаешься ребенком, от фазы сопливого рева и топанья ножками переходящим к сопливому нахальству. Единственное, что вселяет надежду, так это живость ума. Ты будешь учиться быстро, вскоре, поверь мне, ты станешь смеяться, вспоминая глупости, которые возглашала здесь. А что касается поездки в Ривию, изволь, пусть выскажется ложа. Я лично категорически против. Из принципиальных соображений. Чтобы доказать тебе, что я, Шеала де Танкарвилль, никогда не бросаю слов на ветер. И сумею склонить твою строптивую головку. Надо, ради твоего же собственного блага, приучить тебя к дисциплине.

– Давайте покончим с этим. – Филиппа Эйльхарт положила руки на стол. – Прошу вас, дамы, высказаться. Можем ли мы позволить непокорной мазель Цири поехать в Ривию? На встречу с неким ведьмаком, которому вскоре не будет места в жизни? Можем ли мы допустить, чтобы в ней возрастал сентиментализм, от коего вскоре ей предстоит избавиться полностью? Шеала против. Остальные?

– И я против, – заявила Сабрина Глевиссиг. – Тоже из принципиальных соображений. Девушка мне нравится, что уж говорить. Мне нравится ее категоричность и вспыльчивая дерзость. Я предпочитаю это чуть тепленьким галушкам. Я не стала бы возражать против ее поездки, тем более что она, несомненно, возвратится. Такие, как она, слова не нарушают. Но девица отважилась угрожать нам. Так пусть знает, что такие угрозы нас лишь забавляют.

– Я – против, – сказала Кейра Мец, – из практических соображений. Девушка и мне нравится, а упомянутый Геральт нес меня на Танедде на руках. Во мне нет ни крохи сентиментальности, но тогда мне было ужасно приятно. Была бы возможность отблагодарить его. Но нет! Ибо ты, Сабрина, ошибаешься. Девушка – ведьмачка и пытается нас по-ведьмачьи перехитрить. Короче говоря – сбежать.

– Кто-то здесь, – спросила Йеннифэр, зловеще растягивая слова, – осмеливается подвергнуть сомнению слова моей дочери?

– Ты, Йеннифэр, помалкивай, – прошипела Филиппа. – Помалкивай, пока я не потеряла терпения. У нас два голоса «против». Слушаем дальше.

– Я голосую за то, чтобы позволить ей ехать, – сказала Трисс Меригольд. – Я знаю ее и ручаюсь за нее. Я хотела бы также, если она согласится, сопровождать ее. Помочь, если она согласится, рассуждать и взвешивать. И, если согласится, разговаривать с Геральтом.

– Я также голосую «за», – улыбнулась Маргарита Ло-Антиль. – Вас удивит то, что я скажу, но я делаю это в память Тиссаи де Врие. Будь она здесь, она возмутилась бы, услышав, будто ради удержания единства ложи надо применять принуждение и ограничивать личную

свободу.

– Я голосую «за», – сказала Франческа Финдабаир, поправляя кружево на декольте. – Причин множество, выявлять их я не обязана и не стану.

– Голосую «за», – столь же лаконично проговорила Ида Эмеан аэп Сивней. – Ибо так велит мне сердце.

– А я против, – сухо заявила Ассирэ вар Анагйд. – Мною не руководят ни симпатии, ни антипатии или принципиальные поводы. Я опасаюсь за жизнь Цири. Под опекой ложи она в безопасности, на ведущих же в Ривию трактах станет легкой добычей. А я опасаюсь, что найдутся такие, которые, отняв у нее даже имя и личность, все еще посчитают, что этого мало.

– Итак, нам осталось, – довольно ядовито сказала Сабрина Глевиссиг, – узнать мнение госпожи Фрингильи Виго. Хотя оно-то, пожалуй, сомнений не вызывает. Позволю себе напомнить вам, дамы, замок Рыс-Рун.

– Благодарю за напоминание. – Фрингилья Виго гордо подняла голову. – Я отдаю голос за Цири. Чтобы доказать уважение и симпатию, которые питаю к девушке. А прежде всего – ради Геральта из Ривии, ведьмака, без которого этой девушки сегодня не было бы здесь. Который ради спасения Цири шел на край света, борясь со всем, что вставало у него на пути, даже с самим собой. Было бы подло отказывать ему теперь во встрече с нею.

– Слишком мало, однако, было бы подлости, – цинично сказала Сабрина Глевиссиг, – и чрезмерно много сентиментальности, той самой сентиментальности, которую мы собираемся искоренить в этой девушке. О, здесь даже шла речь о сердечности. А результат? В результате чаши весов уравнились. Замерли в мертвой точке. Мы ничего не решили. Надо голосовать снова. Предлагаю – тайно.

– А зачем? – неожиданно для всех сказала Йеннифэр. – Я все еще член ложи. Никто не лишил меня членства. На мое место не принят никто. Формально я имею право голоса. Думаю, ясно, как я голосую. Таким образом, голоса «за» перевешивают, и вопрос решен.

– Твоя наглость, – сказала Сабрина, сплетая унизанные ониксовыми перстнями пальцы, – того и гляди выйдет за пределы хорошего тона, Йеннифэр.

– На вашем месте, – серьезно добавила Шеала, – я бы покорно молчала. В преддверии голосования, предметом которого вскоре станете вы сами.

– Я поддержала Цири, – сказала Франческа, – но тебя, Йеннифэр, вынуждена призвать к порядку. Ты выбыла из ложи, сбежав и отказавшись сотрудничать. У тебя нет никаких прав. Зато есть обязанности, долги, которые надо заплатить, и приговор, который надобно выслушать. Если б не это, тебя не пустили бы на порог Монтекальво.

Йеннифэр удержала Цири, явно готовую вскочить и кричать. Цири, не сопротивляясь, опустилась в кресло с поручнями в виде голов сфинксов и уставилась на госпожу Сову, Филиппу Эйльхарт, поднимающуюся со своего кресла и нависающую над столом.

– Йеннифэр, – громко заявила она, – не имеет права голоса. Это ясно. Но я – имею. Я выслушала всех присутствующих и наконец, мне кажется, могу голосовать сама.

– Что ты хочешь этим сказать? – нахмурилась Сабрина.

Филиппа Эйльхарт глянула через стол. Нащупала глазами Цири и погрузилась в них.

Дно бассейна выполнено из разноцветной мозаики, плитки играют всяческими цветами и

кажутся подвижными. Вода дрожит, переливается. Под огромными, как блюда, листьями кувшинок среди зеленых водорослей мелькают караси и ельцы. В воде отражаются огромные темные глаза девочки, ее длинные волосы касаются поверхности воды, плавают по ней.

Девочка, забыв обо всем, водит руками меж стеблей кувшинок, перевесившись через обрамление фонтана. Ей так хочется прикоснуться к одной из красных и золотистых рыбок. Рыбки подплывают к ручкам, шныряют вокруг, но схватить себя не дают, неуловимые как призраки, как сама вода. Пальцы темноглазой девочки ловят только воду.

– Филиппа!

Самый любимый голос. И все-таки девочка отзывается не сразу. Продолжает смотреть в воду, на рыбок, на кувшинки, на свое отражение.

– Филиппа!

– Филиппа! – Резкий голос Шеалы де Танкарвилль вырвал ее из задумчивости. – Мы ждем.

Из раскрытого окна повеяло холодным весенним ветром. Филиппа Эйльхарт вздрогнула. «Смерть, – подумала она, – смерть прошла рядом со мной».

– Ложа, – наконец уверенно, громко и отчетливо проговорила она, – будет решать судьбу мира. Поэтому ложа – все равно что мир, она его зеркало. Здесь в равновесии оказались рассудок, не всегда означающий холодную подлость и расчетливость, и сентиментальность, которая не всегда бывает наивной. Ответственность, железная, даже навязанная силой дисциплина и отвращение к насилию, мягкость и доверчивость. Деловитый холод всемогущества... и сердце.

Я, – продолжала она в наступившей в колонном зале замка Монтекальво тишине, – отдавая свой голос последней, учитываю еще одно. То, что, не уравниваясь ни с чем, уравнивает все.

Следуя за ее взглядом, женщины повернули головы к стене, к мозаике, на которой собранный из маленьких разноцветных плиточек змей Уроборос ухватил зубами свой собственный хвост.

– Это, – продолжала чародейка, впиваясь в Цири своими темными глазами, – Предназначение. В которое я, Филиппа Эйльхарт, не так давно начала верить. Которое я, Филиппа Эйльхарт, недавно начала понимать. Предназначение – не приговор Провидения, не свитки, написанные рукой демиурга, не фатализм. Предназначение – это надежда. Будучи исполнена надежды, веря, что все, чему суждено случиться, – случится, я отдаю свой голос. Отдаю его Цири, Дитя Предназначения. Дитя надежды.

Долго стояла тишина в погруженном в мягкую светотень колонном зале замка Монтекальво. Из-за окна долетел крик кружащего над озером орла-рыболова.

– Госпожа Йеннифэр, – шепнула Цири. – Значит ли это...

– Идем, доченька, – тихо ответила Йеннифэр. – Геральт ждет нас, а путь неблизкий.

Геральт проснулся и вскочил. Крик ночной птицы все еще стоял у него в ушах.

Глава двенадцатая

...Потом чародейка и ведьмак справили шумную свадьбу. Я там был, мед-пиво пил. И жили потом счастливо, но очень недолго. Он умер легко, от сердечного приступа. Она умерла вскоре после него, а от чего, о том сказка не говорит. Толкуют, что, мол, от горя и тоски, да только кто станет верить сказкам? Флоуренс ДеланнойСказки и предания

На шестой день после июньского новолуния они добрались до Ривии.

Выехали из лесов на склоне холма, и тотчас перед ними внизу блеснула зеркальная гладь озера Лок Эскалотт, имеющего форму руны, от которой оно и получило название. Озеро искрилось в котловине. В зеркало вод смотрели поросшие пихтами и лиственницами холмы Крааг Рос, выступающие вперед предгорья массива Махакам. И красные крыши башен стоящего на озерном мысу толстостенного замка Ривия, зимней резиденции королей Лирии. А у залива, на южном конце озера Лок Эскалотт, лежал ривский град, блестящий соломенным пригородом, темнеющий домами, словно опять покрывающими берег озера.

– Ну, похоже, доехали, – отметил факт Лютик, прикрывая глаза ладонью. – Так вот и замкнулся круг: мы в Ривии. Удивительно, ох и удивительно же петляют судьбы... Что-то не вижу я на башнях замка бело-голубого флага, значит, королевы Мэвы в замке нет. Впрочем, не думаю, чтобы она припомнила тебе твое дезертирство...

– Поверь, Лютик, – прервал Геральт, направляя лошадь вниз по склону. – Мне глубоко безразлично, кто и что обо мне помнит.

Неподалеку от града, ближе к рогатке, стояла цветная палатка, напоминающая кулич. Перед палаткой на палке висел белый щит с красным шевроном. Под поднятым пологом стоял рыцарь в полных доспехах и белой яке[135], украшенной таким же гербом, что и щит. Рыцарь внимательно и весьма подозрительно присматривался к проходящим мимо бабам с хворостом, дегтярникам с баклагами товара, пастухам, разносчикам товара и нищим старцам. Заметив приближающихся Геральта и Лютика, он с надеждой сверкнул глазами.

– Дама вашего сердца, – Геральт ледяным тоном развеял тщетные ожидания рыцаря, – кем бы она ни была, несомненно, самая прекрасная и самая желанная девица от Яруги до Буины.

– Слово чести, – пробурчал рыцарь. – Вы абсолютно правы, милостивый государь.

Светловолосая девушка в кожаной, густо усеянной серебряными кнопками куртке изрыгала посредине улицы все ранее съеденное и выпитое, согнувшись в три погибели и держась за стремя кобылы цвета непромытой гречки. Два дружка девицы, точно так же выряженные, с мечами на спинах и повязками на лбах, нечленораздельно осыпали ругательствами проходящих мимо людей. Оба были более чем нетрезвы, нетвердо стояли на ногах, бились о бока лошадей и перекладину установленной перед заезжим двором коновязи.

– А нам обязательно туда входить? – спросил Лютик. – Внутри этого, хе-хе, «заезженного дворца» может оказаться множество столь же милых отроков и отроковиц.

– Я условился здесь. Забыл? Это и есть заезжий двор «Под пастухом и квочкой», о котором говорилось в табличке на Древе Познания Добра и Зла. На дубе том.

Светловолосая девушка согнулась снова, рыгнула спазматически и весьма обильно. Кобыла громко фыркнула и дернулась, повалив хозяйку и протаскив ее через рвотину.

– Ну, чего таращишься, лаптежник? – пробормотал один из парней. – Ты, седой мерин?

– Геральт, – шепнул, слезая с лошади, Лютик. – Пожалуйста, не наделай глупостей.

– Не бойсь. Не наделаю.

Они привязали лошадей к коновязи по другую сторону ступеней. Парни перестали обращать на них внимание, принялись ругать и поносить проходящую по улице горожанку с ребенком. Лютик бросил взгляд на лицо ведьмака. То, что он увидел, ему явно не понравилось.

Первое, что бросилось в глаза после того, как войдешь в помещение, было объявление: «НАЙМУ КУХАРЯ». Второе – большая картина, намалеванная на сколоченном из досок щите, изображающая бородатое страховидло с окровавленным топором в руках. Подпись гласила: «КРАСНОЛЮД – ЗАСРАННЫЙ КАРЛИК ПРЕДАТЕЛЬСТВА».

Лютик опасался не без оснований. Практически единственными гостями заезжего двора – кроме нескольких достаточно набравшихся пьянчуг и двух тощих проституток с синяками под глазами – были несколько одетых в сверкающие кнопками кожи «отроков» с мечами на спинах. Их было восемь, обоего полу, но шум от них стоял как от восемнадцати. При этом они всеми силами старались перекрычать и пересквернословить друг друга.

– Узнаю вас и знаю, кто вы такие, господа, – сказал хозяин, едва их увидел. – И есть у меня для вас сообщение. Вам надобно отправиться в Вязово, в корчму «У Вирсинга».

– Ооо, – повеселел Лютик. – Это славно.

– Кому славно, тому славно. – Хозяин снова взялся протирать фартуком кубки. – Брезгуете моим заведением? Воля ваша. Но я вам скажу: Вязово – краснолюдский квартал, нелюди там обретаются.

– Ну и что с того? – прищурился Геральт.

– Оно конечно. Вам, может, и все равно, – пожал плечами хозяин. – Потому как тот, что вам известие оставил, краснолюд был. А ежели вы с такими якшаетесь... ваше дело. Ваше дело, чья вам компания мильше.

– Мы не особо привередливы в смысле компании, – бросил Лютик, движением головы указывая на орущих и хватающих друг друга за грудки мальчишек в черных курточках с перевязанными платками прыщавыми лбами. – Но такая, как эта, нам не очень по душе.

Хозяин отставил протертый кубок и окинул их неприязненным взглядом.

– Надо быть снисходительными, – бросил он поучающе. – Молодежи надо вышуметься. Есть у нас такое выражение: молодежи надо дать вышуметься. Война их обидела. Отцы погибли...

– А матери гуляли, – договорил Геральт голосом, ледяным как горное озеро. – Понимаю и полон снисходительности. По крайней мере стараюсь. Пошли отсюда, Лютик.

– Ну и идите, мое вам почтеньице, – сказал без всякой почтительности хозяин. – Но чтоб потом не вякали, дескать, я вас не упреждал. В нынешние времена в краснолюдском районе запросто можно шишку набить. При случае.

– При каком случае?

– А я больно знаю? Мое это дело, шишки, что ли?

– Пошли, Геральт, – поторопил Лютик, краем глаза видя, что обиженные войной юнцы, те, которые еще сохранили толику сознания, посматривают на них слезящимися от фисштеха глазами.

– До свидания, хозяин. Как знать, может, еще когда-нибудь забежим на минутку. Когда уже не будет при входе этих надписей.

– И которая же из них не пришлась вашим милостям по вкусу? – насупился хозяин, задиристо подбоченясь. – Э? Может, та, что о краснолюдях?

– Нет, та, что о кухаре.

Трое «отроков», заметно покачиваясь, поднялись из-за стола с явным намерением загородить им дорогу. Девушки и два парня в черных курточках. С мечами за спиной.

Геральт не замедлил шага, шел, а лицо и глаза у него были холодные и совершенно равнодушные.

Сопляки почти в последний момент расступились, попятились. Лютик почувствовал, как от них несет пивом, потом и страхом.

– Надо привыкать, – сказал ведьмак, когда они вышли. – Надо подлаживаться.

– Иногда трудно.

– Это не аргумент. Не аргумент, Лютик.

Воздух был горячим, плотным и липким. Как крутой бульон.

Снаружи перед заезжим двором два парня в черных курточках помогали светловолосой девушке умыться в корыте. Девушка фыркала, невнятно утверждала, что ей уже лучше, и заявляла, что должна напиться. Что да, конечно, она пойдет на базар, чтобы там ради потехи переворачивать прилавки, но сначала ей необходимо выпить. В смысле – напиться.

Девушку звали Надя Эспозито. Это имя записано в анналах. И вошло в историю.

Но ни Геральт, ни Лютик этого знать еще не могли.

Девушка тоже.

Жизнь на улочках, окружающих центральную городскую часть Ривии, была ключом, причем ключом этим был всеобщий торг, без остатка поглощающий жителей и гостей столицы. Создавалось впечатление, что все здесь торгуют всем и все пытаются обменять свое барахло на другое, лучшее. Отовсюду гремела и разливалась какофония криков – товар рекламировали, самозабвенно торговались, безбожно врали друг другу, громогласно обвиняли в обмане, воровстве, шельмовстве и других грехах, в принципе с торговлей не связанных.

Прежде чем Геральт с Лютиком добрались до Вязова, им пришлось отказаться от массы заманчивых предложений, например, астробии, жестяной трубы, комплекта столовых приборов, украшенных гербом рода Франгипани, акций медного рудника, баночки пива, обшарпанной книги с названием «Чудо мнимое, оно же – Голова Медузы», пары белых кроликов, эликсира, повышающего потенцию, а также – в порядке совмещения – не шибко молодой, не шибко худой и не шибко свежей женщины.

Чернобородый краснолюд до невозможности нахально пытался всучить им дешевенькое зеркальце в рамке из томпака, долдоня, что это-де волшебное зеркало Кабускана, когда вдруг брошенный камень выбил у него товар из рук.

– Паршивый кобольд! – заорал, убегая, босой и грязный беспризорник. – Нелюдь! Козел бородатый!

– А чтоб у тебя кишки сгнили, говно человечесь! – зарычал краснолюд. – Чтоб сгнили и через задницу вытекли!

Люди посматривали в угрюмом молчании.

Квартал Вязово протянулся вдоль озера, у залива, среди ольх, плакучих ив и, конечно же, вязов. Здесь было гораздо тише и спокойнее, никто ничего не покупал и не желал продать. От озера тянуло ветерком, особенно приятным после душного и смрадного, полного мух города.

Корчму «У Вирсинга» искать пришлось недолго. Первый же прохожий указал ее не задумываясь.

На ступенях увитого горошком и дикой розой крылечка, под навесом, обросшим зелененьким мхом и облепленным ласточкиными гнездами, сидели два бородатых краснолюда, потягивающих пиво из прижатых к животам кубков.

– Геральт и Лютик, – сказал один и приветственно отрыгнул. – Долго же вы заставляете себя ждать, паршивцы.

Геральт слез с лошади.

– Привет, Ярпен Зигрин. Рад тебя видеть, Золтан Хивай.

Они были единственными посетителями корчмы, крепко пропахшей жарким, чесноком, травами и чем-то еще – неуловимым, но очень приятным. Сидели за массивным столом у окна с видом на озеро, которое сквозь подкрашенные стекла в свинцовых переплетах выглядело таинственно, привлекательно и романтично.

– Где Цири? – без вступлений спросил Ярпен Зигрин. – Неужто...

– Нет, – быстро прервал Геральт. – Приедет сюда. Вот-вот. Ну, бородачи, рассказывайте, что у вас слышно.

– Ну, не говорил я? – насмешливо бросил Ярпен. – Не говорил я, Золтан? Возвращается с края света, где, если верить слухам, бродил по колена в крови, истребляя драконов и повергая в прах империи, а нас спрашивает, что у нас слышно. Одно слово – ведьмак.

– Ага, – подхватил Золтан Хивай. – Ведьмак, он и в Вызиме ведьмак.

– Чем это тут, – вставил Лютик, – так вкусно пахнет?

– Обедом, – сказал Ярпен Зигрин. – Мяском. А ну, Лютик, спроси: откуда, дескать, у вас мясо?

– Не спрошу, потому что знаю эту шутку.

– Не будь свиньей, спроси.

– Так откуда же у вас мясо-то?

– А само приползло... А теперь серьезно. – Ярпен отер слезы, которые проступили от смеха, хотя шутка, правду сказать, была с большой бородой. – С едой положение критическое, как всегда после войны. Мяса не найдешь. Даже птицы, и той нет. С рыбой тоже швах... Плохо с мукой и картошкой, горохом и бобами. Фермы пожжены, склады разграблены, пруды спущены, поля пустуют...

– Торговый оборот приказал долго жить, – добавил Золтан. – Привоза нет. Функционирует только ростовщичество да натуральный обмен. Базар видели? Рядом с бедняками,

распродающими и выменивающими остатки добра, набивают мощну спекулянты...

– Если вдобавок ко всему еще случится неурожай, зимой народ станет помирать с голоду.

– Неужто так скверно?

– Когда ты ехал с юга, должен был видеть деревни и селения. А ну вспомни, ты во многих слышал собачий лай?

– Ядрена вошь! – хватил себя по лбу Лютик. – Я ж чуял... Ведь говорил я тебе, Геральт, что это было ненормально! Что чего-то не доставало! О! Теперь понимаю: собак не было слышно! Нигде...

Он вдруг осекся, взглянул в сторону ароматящей чесноком и травами кухни, и в его глазах засветился испуг.

– Не трусь, – фыркнул Ярпен. – Наше мяско не из лающих, мяукающих или кричащих «Смилуйтесь!». Наше мяско совсем другое. Прямо сказать – королевская пища.

– Ну, скажи наконец, краснолюдище!

– Когда мы получили вашу цидульку и стало ясно, что встретимся именно в Ривии, мы с Золтаном долго ломали голову: чем бы вас тут удивить. Комбинировали, комбинировали, аж нам от этого комбинирования... писать захотелось. Тогда зашли мы в приозерную рощицу ольховую. Глядим, а там прям-таки неимоверность виноградных улиток. Ну, взяли мы мешок и насобирали этих миленьких моллюсков, сколько в тот мешок влезло...

– Многие сбежали, то бишь сползли, – покачал головой Золтан Хивай. – Мы были малость подшофе, а они чертовски юркие... улитки-то.

Оба краснолюда снова поплакали от смеха над очередным бородатым анекдотом...

– Вирсинг, – Ярпен указал на копошащегося у печи корчмаря, – мастер по приготовлению улиток, а дело это, чтоб вы знали, требует немалых талантов. А он – прям-таки кухмистр от бога. Пока не овдовел, содержал с женой трактир в Мариборе с такой кухней, что сам король принимал у него гостей. Щас поедим, поверьте!

– А для начала, – кивнул Золтан, – перекусим свежескопченным сигом, пойманным на наживку в бездонных пучинах тутошнего озера. И запьем сивухой из бездонных пучин тутошних подвалов.

– И рассказывайте, други, – напомнил Ярпен, наливая. – Рассказывайте!

Сиг был еще теплый, жирный, пахнувший дымом ольховых стружек. Водка была холодная, аж челюсти сводило.

Вначале рассказывал Лютик. Цветисто, гладко, с лирическими отступлениями, красноречиво расцвечивая повествование такими вычурными и фантазийными орнаментами, которые почти заслоняли и прикрывали выдумки и фантастические построения. Потом рассказывал ведьмак. Рассказывал одну правду и говорил так сухо, скучно и бесцветно, что Лютик не выдерживал и то и дело встревал, что вызывало у краснолюдов нескрываемое недовольство.

А потом повествование закончилось, и наступила долгая тишина.

– За лучницу Мильву! – Золтан Хивай откашлялся, поднял бокал. – За нильфагаардца. За Региса-травника, который в своей хате угостил путников мандрагоровым самогоном. И за ту

Ангулему, которой я не знал. Пусть им земля будет пухом. Всем. Пусть у них там, в ином мире, будет вдоволь всего, чего в этом недоставало. И пусть имена их живут в песнях и легендах во веки веков. Выпьем.

– Выпьем, – глухо повторили Лютик и Ярпен Зигрин.

«Выпьем», – подумал ведьмак.

Вирсинг, седовласый мужчина, бледный и худой как щепка, прямая противоположность привычному стереотипу корчмаря и мэтра кухонных таинств, поставил на стол корзину белого ароматного хлеба, потом огромное блюдо, на котором на подстилке из листьев хрена лежали улитки, шипящие и брызгающие чесночным маслом. Лютик, Геральт и краснотелы прытко взялись за дело. Пища была исключительно вкусна и к тому же невероятно забавна, поскольку приходилось ловко манипулировать странными щипчиками и вилочками.

Ели, причмокивали, подхватывали на хлеб вытекающее масло. Добродушно поругивались, когда то у одного, то у другого улитка выскальзывала из щипчиков. Два котенка от души веселились, гоняя и катая по полу пустые раковинки.

Запах, шедший из кухни, говорил о том, что Вирсинг жарит вторую порцию.

Ярпен Зигрин вяло махнул рукой, прекрасно понимая, что ведьмак не отстанет.

– У меня, – сказал он, высасывая ракушку, – в принципе ничего нового. Немного повоевал... Немного починовничал, меня ведь помощником старосты избрали. Придется делать карьеру в политике. В любом другом деле большая конкуренция. А в политике – дурак на взяточнике сидит и грабителем погоняет. Легче выбиться.

– У меня, – сказал Золтан Хивай, размахивая прихваченной щипчиками улиткой, – на политику смекалки нету. Я водяно-паровой металлургический заводик варганю в компании с Фиггисом Мерлуццо и Мунро Бруйсом. Помнишь, ведьмак, Фиггиса и Мунро?

– Не только их.

– Язон Варда полег под Яругой, – сухо сообщил Золтан. – По-дурному, в одной из последних стычек.

– Жаль парня. А Персиваль Шуттенбах?

– Гром-то? Ну, у этого все в порядке. Хитер, бродяга. От набора отбрехался, какими-то древнейшими гномовскими законами прикрылся, дескать, ему религия воевать запрещает. И ведь отвертелся-таки, хоть каждой собаке известно, что он всех богов и богинь за одну маринованную селедку заложит. Сейчас у него ювелирная мастерская в Новиграде. Знаешь, купил у меня попугая, Фельдмаршала Дуба, и сделал из несчастной птицы живую рекламу, научив кричать: «Брылльянты!»

Брррылльянты!» И, представь себе, клюет народишко-то. У гнома клиентов до пупка и выше, полны руки работы и набитые карманы. Да-да, это ж Новиград. Там деньги на улицах валяются. Потому и мы наш заводик собираемся в Новиграде запустить.

– Люди станут тебе двери дерьмом мазать, – сказал Ярпен. – Камнями окна вышибать. И зачуханным карликом обзывать. И ничуть тебе не поможет, что ты, мол, фронтовик, что за них, мол, дрался. Будешь парией в том своем Новиграде.

– Как-нито выдюжу, – весело сказал Золтан. – В Махакаме слишком большая конкуренция. И сверх плеши политиков. Выпьем, ребята? За Калеба Страттона. За Язона Варду.

– За Регана Дальберга, – добавил Ярпен, грустнея.

Геральт покачал головой:

– Реган тоже?

– Тоже. Под Майеной. Одна осталась старая дальбергова жена... А, к чертям собачьим! Хватит, довольно, кончим об этом, выпьем! И поторопимся с улиточками, Вирсинг снова тащит.

Краснолюды, распустив пояса, выслушали повествование Геральта о том, как княжеский роман Лютика окончился на эшафоте. Поэт прикидывался оскорбленным и не комментировал. Ярпен и Золтан ревели и пускали от смеха ветры и слезы.

– Да, да, – наконец осклабился Ярпен Зигрин. – Как говорится в старой песенке, «хоть муж подковы лихо гнет, а вот от бабы не уйдет»! Несколько прекрасных примеров справедливости этой истины собрались сегодня за одним столом. Взять хотя бы Золтана Хивая. Повествуя о своих новостях, он забыл сказать, что женится. Вскоре, в сентябре. Счастливую избранницу зовут Эвдора Брекекекс.

– Бре-кен-риггс, – проговаривая каждый слог, поправил Золтан, насупившись. – Сколько раз можно повторять? Надоедает ведь, Зигрин. И давай поосторожней, ибо, когда мне что-то начинает надоедать, я могу и приперчить как следует!

– Где свадьба? И когда точно? – примирительно подхватил Лютик. – Спрашиваю, потому что, может, заглянем. Если пригласишь, ясное дело.

– Еще не решено, что, где и вообще ли, – буркнул Золтан, явно сконфуженный. – Ярпен опережает события. Вроде бы мы с Эвдорой уговорились, но как знать, что будет? В наши-то, курва, беспокойные времена?

– Второй пример бабской всесильности, – продолжал Ярпен Зигрин, – это Геральт из Ривии, ведьмак... и рыцарь, хе-хе.

Геральт делал вид, что целиком поглощен поглощением улитки. Ярпен фыркнул.

– Чудом отыскав свою Цирю, – заявил он, – ведьмак позволяет ей уехать, соглашается на новое расставание. Снова оставляет ее одну, хотя, как кто-то здесь справедливо заметил, времена, курва, не из самых спокойных. И все вышесказанное вышеупомянутый ведьмак делает лишь потому, что так, видите ли, желает некая женщина. Ведьмак все и всегда делает так, как того желает она, известная народу под именем Йеннифэр из Венгерберга. И ладно бы, если б вышеупомянутый ведьмак хоть что-то от этого имел! А он не имеет. Воистину, как говаривал король Дезмод, заглянув в ночной горшок после того, как освободил желудок: «Умом все это не объять».

– Предлагаю, – Геральт с обаятельнейшей улыбкой поднял кубок, – выпить и сменить тему.

– О, вот это то, что надо, – дуэтом ответили Лютик и Золтан. * * *

Вирсинг поставил на стол третье, а потом четвертое блюдо с виноградными улитками. Не забыл, разумеется, о хлебе и водке. Едоки уже достаточно насытились едой, поэтому неудивительно, что тосты произносились немного чаще. Неудивительно также, что в разговоры все чаще пробиралась философия.

– Зло, с которым я боролся, – повторил ведьмак, – было проявлением действий Хаоса, рассчитанных на то, чтобы нарушать Порядок. Ибо там, где ширится Зло, Порядок воцариться не может, все, что возведет Порядок, рухнет, не устоит. Огонек мудрости и

пламечко надежды, костер тепла, вместо того чтобы разгореться, погаснут. Опустится тьма. И во тьме будут клыки, кости и кровь.

Ярпен Зигрин погладил бороду, жирную от вытекающего из улиток чесночно-пряного масла.

– Оч-ч-чень это даже хорошо сказано, ведьмак, – согласился он. – И, как сказала молоденькая Керо королю Вриданку при их первом общении, «недурная штука, но есть ли у нее какое-то практическое применение?».

– Суть существования, – ведьмак не улыбался, – и оправдание существования ведьмаков поколеблены, поскольку борьба Добра со Злом теперь идет на другом поле боя и ведется совершенно иначе. Зло перестало быть хаотичным. Перестало быть слепой и стихийной силой, против которой призван был выступать ведьмак, мутант, столь же убийственный и столь же хаотичный, как и само Зло. Сегодня Зло правит законами – ибо законы служат ему. Оно действует в соответствии с заключенными мирными договорами, поскольку о нем, Зле, подумали, заключая эти договоры.

– Ты видел поселенцев, которых гнали на юг, – догадался Золтан Хивай.

– Не только, – серьезно добавил Лютик. – Не только.

– Ну и что? – Ярпен Зигрин уселся поудобнее, сложил руки на животе. – Каждый что-нибудь да видел. Каждого что-нибудь когда-нибудь достало, каждый когда-нибудь ненадолго или надолго потерял аппетит. Или сон. Так бывает. Так бывало. И так будет. Больше философии, как и сока из этих вот ракушек, сколь ни жми, не выжмешь. Потому как больше там и нет. Что тебе не нравится, ведьмак? Перемены, которые совершаются в мире? Развитие? Прогресс?

– Возможно.

Ярпен долго молчал, глядя на ведьмака из-под кустистых бровей. Наконец сказал:

– Прогресс – навроде стада свиней. Так и надо на этот прогресс смотреть, так его и следует расценивать. Как стадо свиней, бродящих по гумну и двору. Факт существования стада приносит сельскому хозяйству выгоду. Есть рульки, есть солонина, есть холодец с хреном. Словом – польза! А посему нечего нос воротить потому, мол, что всюду насрано.

Какое-то время все молчали, взвешивая на весах души и совести различные серьезные вопросы и проблемы.

– Надо выпить, – сказал наконец Лютик.

Возражений не последовало.

– Прогресс, – проговорил в тишине Ярпен Зигрин, – будет, по большому счету, рассеивать тьму. Тьма отступит перед светом. Но не сразу. И наверняка не без борьбы.

Геральт, глядевший в окно, улыбнулся собственным мыслям и мечтам.

– Тьма, о которой ты говоришь, – сказал он, – это состояние духа, а не материи. Для борьбы с подобным необходимо вышколить совершенно других ведьмаков. И самое время начать.

– Начать перекалцифицироваться? Ты это имел в виду?

– Совсем не это. Меня лично ведьмачество больше не интересует. Я, как говорится, ухажу на заслуженный отдых.

– Как же, уходишь!

– А вот так же! Я покончил с ведьмачеством. Совершенно серьезно.

Наступила долгая тишина, прерываемая яростным мявом котят, которые под столом царапались и грызлись, верные законам своего рода, для которого игра без боли – не в радость.

– Ты покончил с ведьмачеством, – протяжно повторил наконец Ярпен Загрин. – «Прямо и сам не знаю, что об этом думать», как сказал король Дезмод, когда его прихватили на шулерстве. Но подозревать можно наихудшее. Лютик, ты с ним странствуешь, много с ним разговариваешь. У него наблюдаются еще какие-нибудь признаки паранойи?

– Ладно, ладно. – У Геральта лицо было словно высечено из камня. – «Шутки в сторону», как сказал обожаемый тобой король Дезмод, когда посреди пиршества гости неожиданно принялись синеть и помирать. Я сказал все, что имел сказать. А теперь за дело.

Он снял меч со спинки кресла.

– Вот твой сигилль, Золтан Хивай. Возвращаю с благодарностью и низким поклоном. Он сослужил свою службу. Помогал. Спасал жизни. И отнимал жизни.

– Ведьмак... – Краснолюд поднял руку в оборонительном жесте. – Меч твой. Я его тебе не одалживал, а подарил... Подарки...

– Замолчи, Хивай. Я возвращаю тебе твой меч. Он мне больше не пригодится.

– Как же, не пригодится! – передразнил Ярпен. – Налей-ка ему водки, Лютик, потому что он начинает заговариваться, как старый Шрадер, когда тому в рудничном шурфе кирка на голову свалилась. Геральт, я знаю, ты натура глубокая и душа у тебя возвышенная, но не выдавай, прошу тебя, такие хилые шуточки, потому что в аудитории, как легко заметить, нет ни Йеннифэр, ни какой другой из твоих чародейских наперсниц, а сидим лишь мы, матерые волки. Не нам, матерым волкам, вешать лапшу на уши, толкуя, что меч боле не требуется, ведьмак боле не требуется, что мир, мол, бяка и воще, то да се... Ты – ведьмак и ведьмаком останешься...

– Нет, не останусь, – мягко возразил Геральт. – Вероятно, вас удивит, матерые волки, но я пришел к выводу, что глупо мочиться против ветра. Глупо подставлять шею за кого-то. Даже если этот кто-то тебе платит. И никакого отношения к сказанному не имеет философия бытия. Вы не поверите, но собственная шкура с некоторых пор стала мне удивительно мила и дорога. Я пришел к выводу, что глупо подвергать ее опасности, защищая других.

– Я это заметил, – кивнул Лютик. – С одной стороны, это умно. С другой...

– Другой стороны нет.

– Твое решение, – чуть погодя спросил Ярпен, – как-то связано с Йеннифэр и Цири?

– И не как-то...

– Тогда все ясно, – вздохнул краснолюд. – Правда, не очень понимаю, как ты, мастер меча, собираешься существовать, как намереваешься обеспечить себе приличную жизнь. Я никак, хоть ты меня режь, не вижу тебя в роли, к примеру, эдакого овощевода, занимающегося выращиванием, опять же, к примеру, капусты, однако, что делать, выбор следует уважать. Хозяин, поди-ка сюда. Вот меч, махакамский сигилль из кузни самого Рундурина. Это был подарок. Получивший более им пользоваться не желает, подаривший же – обратно принять не может. Так прими его ты и прикрепи над печью. Переменуй корчму в «Под ведьмачьим мечом». И пускай здесь в долгие зимние вечера текут повествования о сокровищах и чудовищах, о кровавой войне и нерушимой дружбе. Об отваге и о чести. Пусть меч этот

создает настроение слушателям и ниспосылает вдохновение бардам... А теперь налейте-ка, други, в этот сосуд водки, поскольку я намерен продолжать свою речь и расположен возглашать глубокие истины и сеять перед вами многочисленные жемчуга философских мыслей, в том числе касающихся существования.

Водку разлили по кубкам в тишине и возвышенности духа. Взглянули друг другу искренне в глаза и выпили. С не меньшей возвышенностью духа. Ярпен Зигрин откашлялся, обвел взглядом слушателей, удостоверился, что все достаточно сосредоточенны и возвышенны.

– Прогресс, – проговорил он торжественно, – будет освещать мрак, ибо для того прогресс и существует, как, к примеру, жопа для... сранья. Будет все светлей, все меньше мы будем бояться темноты и притаившегося в ней Зла. Придет, быть может, и такой день, когда мы вообще перестанем верить, что в этой темноте что-то затаилось. Будем высмеивать такие страхи. Называть их ребячеством. Стыдиться их! Но всегда, всегда будет существовать тьма. И всегда в темноте будет Зло, всегда в темноте будут клыки и когти, убийство и кровь. И всегда будут необходимы ведьмаки.

Они сидели задумчивые и молчаливые, погруженные в мысли так глубоко, что не обратили внимания на неожиданно усилившийся шум и гомон города, гневный, зловещий, набирающий силу, как гудение растревоженных ос.

Почти не заметили, как по тихому и пустынному приозерному бульвару пронеслась одна фигура, вторая, третья.

В тот момент, когда над городом взвился рев, двери корчмы «У Вирсинга» с треском распахнулись и внутрь влетел молодой краснюд, весь красный от усилия и с трудом хватающий воздух.

– В чем дело? – поднял голову Ярпен Зигрин.

Краснюд, все еще не в силах набрать воздуха, указал рукой в сторону городского центра. Глаза у него были дикие.

– Вдохни поглубже, – посоветовал Золтан Хивай. – И говори, в чем дело?

Впоследствии говорили, что трагические события в Ривии были явлением совершенно случайным, что это была реакция спонтанная, внезапная вспышка праведного гнева, которую невозможно было предвидеть, порожденная взаимной враждебностью и взаимным нерасположением людей, краснюдов и эльфов. Говорили, что не люди, а краснюды напали первыми, что агрессия началась с их стороны. Что краснюдский перекупщик оскорбил молодую дворянку, Надю Эспозито, послевоенную сироту, что применил к ней силу. Когда же на защиту дворянки кинулись ее друзья, краснюд-де скликал своих соплеменников. Началась потасовка, потом драка мгновенно охватила весь базар. Драка, а затем битва переродились в бойню, в массированное нападение людей на занимаемую нелюдьми часть пригорода в районе Вязово. За неполный час – с момента бойни на базаре и до вмешательства магов – погибли сто восемьдесят четыре жителя, причем половину жертв составляли женщины и дети.

Аналогичную версию случившегося приводит в своей работе профессор Эммерих Готтшалк из Оксенфурта.

Но были и такие, которые утверждали совсем другое. Какая уж тут спонтанность, какая уж тут неожиданная и непредвиденная вспышка, вопрошали они, если за несколько минут до событий на базаре на улицах появились телеги, с которых людям принялись раздавать оружие? Какой уж тут внезапный и праведный гнев, если фюрерами толпы, самыми заметными и активными во время резни были люди, которых никто ранее не знал и которые

прибыли в Ривию неведомо откуда лишь за несколько дней до событий? А потом исчезли неведомо куда. Почему армия вмешалась так поздно? И вначале так вяло?

Другие ученые пытались отыскать в ривских событиях след нильфгаардской провокации, а были и такие, которые утверждали, будто все это устроили сами краснолюды на пару с эльфами. Что сами нарочно поубивали друг друга, чтобы очернить людей.

Среди голосов серьезных ученых совершенно затерялась весьма смелая теория некоего молодого и эксцентричного магистра, который – пока его не утихомирили – утверждал, будто события в Ривии были следствием не заговоров и не деятельности тайных сообществ, а обычных и весьма распространенных свойств местного населения: темноты, ксенофобии, хамской жестокости и глубочайшего скотства.

А потом история надоела всем, и о ней вообще перестали говорить.

– В подвал! – повторил ведьмак, беспокойно прислушиваясь к быстро приближающемуся реву и крикам толпы. – Краснолюды – в подвал. К черту ваше дурацкое геройство!

– Ведьмак! – охнул Золтан, сжимая топориче. – Я не могу... Там погибают мои братья...

– В подвал! Подумай об Эвдоре Брекекекс. Хочешь, чтобы она овдовела еще до свадьбы?

Аргумент подействовал. Краснолюды спустились в подвал. Геральт и Лютик прикрыли вход соломенной рогожкой. Вирсинг, обычно бледный, теперь был белый. Как сметана.

– Я видел погром в Мариборе, – выдохнул он, глядя на вход в подвал. – Если их там найдут...

– Отправляйся на кухню.

Лютик тоже был бледен. Геральт не очень этому удивлялся. В нечленораздельном и монотонном до того реве, доходившем до них, зазвучали отдельные ноты. Такие, при звуке которых волосы вставали дыбом.

– Геральт, – простонал поэт. – Я немного похож на эльфа...

– Не будь идиотом.

Над крышами расцвели клубы дыма. А с улочки вылетели беглецы. Краснолюды. Обоего полу.

Двое, не раздумывая, прыгнули в озеро и поплыли, резко буравя воду, прямо на плес. Остальные разбежались. Часть свернула к корчме.

Из улицы выперла толпа. Она бежала быстрее краснолюдов. Эту гонку выигрывала жажда убийства.

Крики убиваемых сверлили уши, зазвенели цветные стекла в окнах корчмы. Геральт почувствовал, как у него начинают дрожать руки.

Одного краснолюда буквально разорвали на части. Другого, поваленного на землю, за несколько секунд превратили в кровавое месиво. Женщину закололи вилами и пиками, ребенка, которого она защищала до конца, просто растоптали, раздавили ударами каблуков.

Трое – краснолюд и две женщины – бежали прямо к корчме. За ними гналась ревушая толпа.

Геральт глубоко вздохнул. Поднялся. Встал. Чувствуя на себе полные ужаса взгляды Лютика и Вирсинга, снял с полки над камином сигилль, меч, выкованный в Махакаме, в кузнице

самого Рундурина.

– Геральт... – душераздирающе застонал поэт.

– Ладно, – сказал ведьмак, направляясь к выходу. – Но это последний раз! Пусть меня удар хватит, это действительно будет последний раз!

Он вышел на крыльцо, а с крыльца уже прыгнул, быстрым взмахом рассек надвое верзилу в одежде каменщика, замахнувшегося на женщину кельмой. Следующему отсек руку, вцепившуюся в волосы другой женщины. Топчущих поверженного на землю краснолюда разделал двумя резкими косыми ударами.

И пошел в толпу. Быстро, извиваясь в полуоборотах. Рубил специально широко, на первый взгляд беспорядочно, зная, что такие удары бывают особенно кровавыми и более зрелищными. Он не хотел убивать. Хотел только как следует покалечить.

– Эльф! Эльф! – раздался дикий голос из толпы. – Убить эльфа!

«Какое преувеличение, – подумал он. – Лютик еще, может, и сойдет, но я не похож на эльфа, как ни крути».

Он высмотрел того, который кричал, кажется, солдата, потому что тот был в бригантине^[136] и высоких сапогах. Ввернулся в толпу угрем. Солдат заслонился древком копья, которое держал обеими руками. Геральт прошелся мечом вдоль древка, отрубив солдату пальцы. Закружился, очередным широким ударом вызвав крик боли и фонтаны крови.

– Пощади! – Расхохотанный парнишка с ошалевшими глазами упал перед ним на колени. – Смилуйся!

Ведьмак смилостивился, удержал руку, а предназначенный для удара напор использовал для разворота. Краем глаза увидел, как юнец вскакивает, увидел, что у него в руках. Геральт переломил оборот, чтобы развернуться в обратный вольт. Но увяз в толпе. Всего на долю секунды увяз в толпе.

И мог только видеть, как на него летит трезубец вил.

Огонь в топке огромного камина погас, в холле сделалось темно. Веющий с гор ветер свистел в щелях стен, выл, врывался сквозь неплотные ставни окон Каэр Морхена, Ведьмакова Пристанища.

– Дьявольщина! – Эскель не выдержал, встал, отворил буфет. – «Чайку» или водку?

– Водку, – в один голос ответили Койон и Геральт.

– Ну конечно, – проговорил сидящий в тени Весемир. – Ну конечно, ясно! Утопите свою глупость в сивухе! Идиоты чертовы!

– Это был несчастный случай... – бухнул Ламберт. – Она уже справлялась на гребне...

– Заткнись, дурень! Слышать тебя не хочу! Говорю тебе, если с девочкой что-нибудь случилось...

– Она же прекрасно себя чувствует, – мягко прервал Койон. – Спит спокойно. Глубоко и здорово. Проснется немного побитая, вот и все. О трансе, о том, что случилось, вообще не будет помнить.

– Лишь бы вы помнили, – засопел Весемир. – Головы еловые! Налей и мне, Эскель.

Молчали долго, вслушиваясь в вой метели.

– Надо кого-нибудь позвать, – сказал наконец Эскель. – Надо притащить сюда какую-нибудь магичку. То, что творится с девочкой, – ненормально.

– Уже третий раз такой транс.

– Но в первый она говорила членораздельно...

– Повторите мне еще раз, что она говорила, – приказал Весемир, одним духом осушив кубок.
– Слово в слово.

– Слово в слово не получится, – сказал Геральт, уставившись на уголья. – А смысл, если вообще есть смысл искать смысл в ее словах, таков: я и Койон умрем. Зубы будут нашей гибелью. Обоих нас убьют зубы. Его – два. Меня – три.

– Вполне вероятно, – хмыкнул Ламберт, – что нас загрызут. Любого из нас в любой момент могут погубить зубы. Однако если ее вещание действительно вещее, то вас двоих прикончат какие-то особенно щербатозубые чудовища.

– Либо гнойная гангрена от гнилых зубов, – покачал головой Эскель, сохраняя серьезность. – Только зубы-то у нас не гниют, вот какая штука.

– Я, – сказал Весемир, – повременил бы ехидничать.

Ведьмаки молчали.

Метель выла и свистела в щелях стен Казр Морхена.

Расчохраный парнишка, словно испугавшись содеянного, выпустил из рук древко, ведьмак закричал от боли, согнулся, древко воткнувшись в живот трехзубых вил перевесило, а когда он упал на колени, зубья выскользнули из тела, упали на брусчатку. Кровь хлынула с шумом и плеском, достойными водопада.

Геральт хотел было подняться с колен. Вместо этого перевернулся на бок.

Окружающие его звуки сделались громче и раскатистее, он слышал их так, словно голова его была под водой. Видел тоже нечетко, перспектива была нарушенной, геометрия окружающего пространства – ложной.

Но он видел, как толпа пьтится. Видел, как отступает перед теми, кто шел ему на выручку: Золтаном и Ярпенем с топорами, Вирсингом с тесаком для рубки мяса и Лютиком, вооружившимся метлой.

«Стойте, – хотел он крикнуть. – Куда вы! Хватит того, что я всегда мочусь против ветра!»

Но крикнуть не смог. Голос задавил поток крови.

Дело шло к полудню, когда чародейки добрались до Ривии и внизу, на продолжении большака, сверкнула зеркалом поверхность озера Лок Эскалотт, загорелись красные крыши замка и города.

– Ну, приехали, – отметила факт Йеннифэр. – Ривия. Удивительно, как петляют и сплетаются судьбы.

Цири, долгое время очень возбужденная, заставила Кэльпи плясать и отбивать дробь копытами. Трисс Меригольд незаметно вздохнула. То есть ей казалось, что незаметно.

– Ну-ну. – Йеннифэр скосила на нее глаза. – Какие-то странные звуки вздымают твою девственную грудь, Трисс. Цири, поезжай вперед, проверь, что там к чему.

Трисс отвернулась, полная решимости не провоцировать сама и не дать спровоцировать себя. Впрочем, на эффект она не рассчитывала. Уже долгое время она ощущала в Йеннифэр злость и агрессию, усиливающиеся по мере их приближения к Ривии.

– Ты, Трисс, – ядовито бросила Йеннифэр, – не красней, не вздыхай, не распускай слюни и не верти задом в седле. Думаешь, почему я поддалась на твою просьбу, согласилась, чтобы ты поехала с нами? Согласилась на чреватую шикарным обмороком твою встречу с бывшим любовником? Цири, я же просила – продвинься немного вперед. Дай нам побеседовать!

– Это монолог, а не беседа, – дерзко ответила Цири, но под грозным взглядом Йеннифэр тут же капитулировала, свистнула Кэльпи и галопом помчалась по большаку.

– Ты не едешь на встречу с любовником, Трисс, – продолжала Йеннифэр. – Я не настолько благородна и не столь глупа, чтобы предоставить тебе такую возможность, а ему искушение. Только один раз, сегодня, а потом я позабочусь, чтобы у вас обоих не было ни искушений, ни возможностей. Но сегодня я не откажу себе в сладком и извращенном удовольствии. Он знает о сыгранной тобой роли. И поблагодарит за это своим знаменитым взглядом. А я буду смотреть на твои дрожащие губы и трясущиеся руки, буду слушать твои неловкие извинения и оправдания. И знаешь что, Трисс? Я буду млеть от удовольствия.

– Я знала, – буркнула Трисс, – что ты этого не забудешь, что станешь мне мстить. Я пошла на это, потому что действительно виновата. Но одно я должна тебе сказать, Йеннифэр. Не очень-то рассчитывай на то, что тебе удастся млеть от удовольствия! Он умеет прощать.

– То, что сделано ему, верно, – прищурилась Йеннифэр. – Но он никогда не простит тебе того, что вы сделали Цири. И мне.

– Возможно, – сглотнула Трисс. – Возможно, и не простит. Особенно если ты приложишь к этому руку. Но измываться не будет наверняка. До этого он не унижится.

Йеннифэр хлестнула лошадь нагайкой. Лошадь заржала, встала на дыбы, заплясала так, что чародейка покачнулась в седле.

– Хватит препираться, – проворчала она. – И будь скромнее, ты, наглая шантрапа! Это мой мужчина, мой, и только мой! Понимаешь? И прекрати разговоры о нем, и перестань думать о нем, и кончай восхищаться его благородным характером... Сейчас же, немедленно! Ох, до чего ж мне хочется схватить тебя за твои рыжие космы...

– Только попробуй! – крикнула Трисс. – Только попробуй, обезьяна, и я выцарапаю тебе глаза! Я...

Они замолкли, увидев Цири, мчащуюся к ним во весь опор в туче пыли. И сразу, еще прежде, чем Цири подъехала, поняли, что их ожидает.

Поверх домишек уже близкого пригорода взвились красные языки пламени, клубами повалил дым. До чародейки долетел далекий крик, гул, похожий на бречание назойливых мух, на гудение обозленных шмелей. Крик разбухал, усиливался, контрапунктируемый отдельными высокими выкриками.

– Что там, язвы их, происходит? – Йеннифэр поднялась на стременах. – Нападение? Пожар?

– Геральт... – вдруг простонала Цири, становясь блее веленовой бумаги. – Геральт!

– Цири! Что с тобой?

Цири подняла руку, и чародейки увидели кровь, стекающую по ее ладони, по линии жизни.

– Круг замкнулся, – прошептала девушка, закрывая глаза. – Меня ранила игла из Шаэрраведда, и змей Уроборос вонзил зубы в собственный хвост. Я еду, Геральт! Я еду к тебе! Я не оставлю тебя одного!

Прежде чем чародейки успели запротестовать, девушка развернула Кэльпи и моментально пошла в галоп.

Им достало ума тут же послать вперед своих лошадей. Но их лошади не могли состязаться с Кэльпи.

– Что такое?! – крикнула Йеннифэр, глотая ветер. – Что происходит?

– Ты же знаешь! – рыдала Трисс, мчась рядом. – Гони, Йеннифэр!

Не успели они еще влететь в узкие улочки пригорода, не успели миновать бегущих навстречу первых паникующих обитателей города, а Йеннифэр уже совершенно четко представила себе, что происходит впереди, знала, что в Ривии не пожар, знала, что на Ривию не напали вражеские войска. Нет! Она знала, что в Ривии бушует погром. Йеннифэр знала уже, что предчувствовала Цири, куда – и к кому – она мчится. Знала Йеннифэр и то, что не сможет ее догнать. Это было исключено. Через массу сбившегося в паникующую толпу народа, перед которой им с Трисс пришлось так резко осадить лошадей, что они лишь чудом не перелетели через конские головы, Кэльпи просто-напросто перемахнула. Копыта кобылы сбили при этом несколько капюшонов и шапок.

– Цири, стой!

Они и сами не заметили, как оказались уже в лабиринте улочек, забитых мечущейся и воющей толпой. С мчащейся во весь опор лошади Йеннифэр видела валяющиеся в канавах тела, видела убитых, повешенных за ноги на столбах, балках. Видела корчащегося на земле краснолюда, которого пинали ногами и били палками, видела другого, которого уродовали донышками разбитых бутылок. Слышала рев истязающих, крики и вой истязаемых. Видела, как сомкнулась толпа над выброшенной из окна женщиной, как замелькали колья в руках обезумевших, потерявших человеческий облик людей.

Толпа густела, рев нарастал. Чародейкам показалось, что расстояние между ними и Цири уменьшается. Очередной преградой на пути Кэльпи оказалась группка растерявшихся алебардистов, которых вороная кобыла приняла за ограду и перемахнула через них, сбив с одного плоский каплан[137]. Остальные присели от страха.

Не сбавляя скорости, они вылетели на площадь. Здесь было черным-черно от людей. И дыма. Йеннифэр сообразила, что Цири, безошибочно ведомая пророческим инстинктом, направляется к самому ядру, в самую гущу происходящего. В самый огонь пожаров, туда, где бушевало и буйствовало убийство.

На улице, в которую они свернули, шел яростный бой. Краснолюды и эльфы защищали наваленную наспех баррикаду, обороняли уже обреченные позиции, падали и погибали под напором наваливающейся на них воющей толпы. Цири вскрикнула, прижалась к лошадиной шее. Кэльпи взвилась и перелетела над баррикадой, как гигантская черная птица.

Йеннифэр ворвалась в толпу, резко осадилась лошадь, сбив при этом нескольких человек. Ее стащили с седла прежде, чем она сумела крикнуть. Получила чем-то по спине, по крестцу, по затылку. Упала на колени, увидела волосатого типа в сапожническом фартуке, собирающегося ее пнуть.

Йеннифэр уже была по горлышко сыта такими субчиками, которые пинают.

Из ее растопыренных пальцев вырвался синий шипящий огонь, бичом прошелся по лицам, телам и рукам окружающих людей. Запахло горелым мясом, на мгновение сквозь общий рык и гвалт пробились рев и визги боли.

– Ведьма! Эльфья ведьма! Чародейка!

Второй тип подскочил к ней с занесенным топором. Йеннифэр ударила его огнем прямо в лицо, глазные яблоки лопнули, закипели и с шипением вылились на щеки.

Немного поредело. Кто-то схватил ее за руку, она рванулась, готовая жечь и палить, но это была Трисс.

– Бежим отсюда, Йенна... Бе... жим...

«Я уже слышала ее, слышала такой голос, – пронеслось в голове Йеннифэр, – слова, которые выговаривают губы, словно деревянные, не увлажненные даже капелькой слюны. Губы, парализованные страхом, дрожащие от охватившей паники. Я слышала ее голос. На Содденском Холме.

Когда она умирала от страха.

Сейчас она тоже умирает от страха. До конца жизни она будет умирать от страха. Потому что тот, кто однажды не переборол в себе трусости, будет умирать от страха до конца своих дней».

Пальцы, которыми Трисс вцепилась в ее рукав, были будто стальные. Йеннифэр с величайшим трудом высвободилась от их хватки.

– Хочешь – беги! – крикнула она. – Схоронись за юбками твоей ложи! Мне есть что защищать! Мне есть кого защищать! Я не оставлю Цири одну! И Геральта!

– Прочь, голодрань! С дороги, если вам шкура дорога!

Толпа, отсекающая Йеннифэр от лошади, попятилась перед молниями, вылетающими из ее глаз и рук. Йеннифэр тряхнула головой, рассыпала черные локоны. Теперь она превратилась в фурию, в ангела смерти, карающего ангела смерти с огненным мечом.

– Вон, прочь с дороги, пошли по домам, хамы! – взвизгнула она, иссекая толпу пламенным бичом. – Прочь! Иначе искромсаю огнем, как скотов!

– Это всего одна ведьма, люди! – раздался из толпы звучный металлический голос. – Единственная психованная эльфья колдунья!

– Она одна! Вторая-то сбежала! А ну-ка, ребя, живо за камнями!

– Смерть нелюдям! Горе чаровнице!

– Бей-убивай!

Первый камень просвистел у нее рядом с ухом. Второй ударил по руке. Йеннифэр покачнулась. Третий попал прямо в лицо. Боль вспыхнула огнем в глазах и накрыла все черным бархатом.

Она очнулась, застонала от боли. Оба предплечья и кисти рук разрывала боль. Она потянулась, ощущая толстый слой бинтов. Снова застонала – глухо, отчаянно. От обиды, что это не сон. И от обиды, что ничего не получилось.

– Не получилось, – сказала сидящая рядом с кроватью Тиссая де Врие.

Йеннифэр хотела пить. Ей так хотелось, чтобы кто-нибудь хотя бы смочил ей губы, покрытые липким налетом. Но не просила. Гордость не позволяла.

– Не получилось, – повторила Тиссая де Врие. – Но не потому, что ты не старалась. Ты резала хорошо и глубоко. Поэтому я и сижу сейчас рядом. Если б это был всего лишь кукольный театрик, дурацкая и дурная демонстрация, то я могла бы лишь презирать тебя. Но ты резала глубоко. И всерьез.

Йеннифэр тупо глядела в потолок.

– Я займусь тобой, девочка. Мне кажется, дело стоит того. А ведь придется над тобой поработать, ох, придется. Придется не только выпрямлять позвоночник и лопатку, но и вылечить руки. Перерезая сосуды, ты перерезала и сухожилия. А руки чародейки – серьезный инструмент, Йеннифэр.

Влага на губах. Вода.

– Будешь жить. – Голос Тиссаи деловой, серьезный, даже суровый. – Еще не пришло твое время. Когда придет, ты вспомнишь этот день.

Йеннифэр жадно высасывала влагу с обернутой мокрым бинтом палочки.

– Я займусь тобой, – повторила Тиссая де Врие, мягко касаясь ее волос. – А теперь... Мы здесь одни. Без свидетелей. Никто не увидит, а я никому не скажу. Плачь, девочка. Выплачься. Выплачься последний раз. Потом тебе уже нельзя будет плакать. Нет зрелища более жалкого, чем плачущая чародейка.

Она очнулась, раскашлялась, отхаркнула, выплюнула кровь. Кто-то волочил ее по земле. Трисс. Она узнала по аромату духов. Неподалеку звенели по брусчатке подковы, дрожал крик. Йеннифэр увидела наездника в доспехах и белой накидке с красным шевроном, с высоты копейного седла охаживающего толпу кнутом. Летящие из толпы камни бессильно отскакивали от лат и забрала. Конь ржал, рвался.

Йеннифэр чувствовала, что вместо верхней губы у нее огромная картофелина. По крайней мере один передний зуб был сломан или выбит, болезненно царапал язык.

– Трисс... – еле выговорила она. – Телепортируй нас отсюда!

– Нет, Йеннифэр. – Голос у Трисс был очень спокойный. И очень холодный.

– Нас убьют.

– Нет, Йеннифэр. Я не убегу. Не спрячусь за юбки ложи. И не бойся, не свалюсь в обморок от страха, как под Содденом. Я переломлю это в себе. Уже переломила!

Недалеко от начала улочки, в изломе обомшелых стен, громоздилась большая куча перегноя, навоза и отбросов. Солидная была куча. Можно сказать – холм.

Толпе наконец удалось зажать и лишить подвижности рыцаря и его коня. Его со страшным грохотом повалили на землю, толпа заползла на него, будто вши, прикрыла копошащейся массой.

Трисс, втянув за собой Йеннифэр, поднялась на кучу отбросов, воздела кверху руки. Прокричала заклинание, прокричала с настоящей яростью. Так пронзительно, что толпа на долю секунды замерла и утихла.

– Нас убьют. – Йеннифэр сплюнула кровь. – Точно...

– Помоги мне! – Трисс на мгновение прервала декламацию. – Помоги мне, Йеннифэр. Пустим на них Перон Альзура...

«И прикончим пятерых-шестерых, – подумала Йеннифэр. – А потом оставшиеся разорвут нас на куски. Но хорошо, Трисс, как хочешь. Если ты не убегаешь, то не увидишь, как убегаю я».

Она присоединилась. Теперь они кричали вдвоем.

Толпа несколько мгновений тарасилась на них, но быстро пришла в себя. Вокруг чародеек снова засвистели камни. Совсем рядом с виском Трисс пролетело брошенное копье. Трисс даже не шелохнулась.

«Это вообще не действует, – подумала Йеннифэр, – наши чары не действуют совсем. Нам не удастся произнести Перон Альзура. Утверждают, что у Альзура голос был подобен колоколу и дикция оратора. А мы пищим и бормочем, путая ритмику и слова... Нет, слишком это для нас сложно...»

Она готова была остановиться, сконцентрировать остатки сил на каком-нибудь другом заклинании, способном либо телепортировать их обеих, либо угостить напирющий сброд – пусть даже только на секунду – чем-нибудь малоприятным. Но оказалось, что в этом нет нужды.

Небо внезапно потемнело, над городом за клубились тучи. Стало чертовски мрачно. И повеяло холодом.

– Эй, – простонала Йеннифэр, – похоже, наделали мы дел.

– Разрушительное Градобитие Меригольд, – повторила Нимуэ. – В принципе – название неформальное, это волшебство никогда не было зарегистрировано официально, потому что после Трисс повторить его не удавалось никому. По самым прозаическим причинам. У Трисс тогда был искалечен рот, и она произносила слова неразборчиво. Кроме того, злые языки утверждают, будто язык у нее заплетался от страха.

– В это, – надула губы Кондвирамурса, – как раз поверить трудно. Примеров мужества и отваги почтенной Трисс вполне достаточно. Некоторые хроники даже называют ее Бесстрашной. Но я хотела спросить о другом. Одна из версий легенды говорит, что Трисс была не одна на Ривийском Холме. Что с ней была и Йеннифэр.

Нимуэ смотрела на акварель, изображающую черный, крутой, острый как нож холм на фоне подсвеченных темно-синих туч. На вершине холма виднелась стройная женская фигурка с распростертыми руками и развевающимися волосами.

Из затягивающего поверхность озера тумана долетел ритмичный стук весел лодки Короля-Рыбака.

– Если кто-нибудь там и был с Трисс, – сказала Владычица Озера, – то не оставил отпечатка в видении художника.

– Ох, наделали мы дел, – повторила Йеннифэр. – Осторожней, Трисс!

Из клубящейся над Ривией черной тучи обрушился на город град, граненые ледяные шарики размером с куриное яйцо. Градины били так сильно, что с грохотом разваливались черепицы на крышах домов. Били так плотно, что вся площадь мгновенно покрылась их толстым слоем. Толпа забурлила, люди падали, прикрывали головы, заползали один под другого, убегали, переворачивались, теснились в подворотнях и подъездах, жались под стенами. Не всем это

удавалось. Некоторые оставались, валялись как рыбы на окрашенном темной кровью льду.

Град валил так, что дрожал и готов был вот-вот лопнуть магический щит над головами, который почти в последний момент успела выколдовать Йеннифэр. Других заклинаний она даже не пыталась выкрикивать. Знала, что сотворенное остановить невозможно, что совершенно случайно они разбудили стихию, которая должна – и вскоре иссякнет – сама.

Во всяком случае, Йеннифэр на это надеялась.

Полыхнуло, громыхнул гром. Протяжно, раскатисто. Так, что задрожала земля. Град колотил по крышам и брусчатке, вокруг летали осколки разваливающихся градин.

Небо слегка пояснило. Пробившийся сквозь тучи луч солнца хлестнул город будто плетью. Из горла Трисс вырвался не то стон, не то всхлип.

Град все еще барабанил по брусчатке, покрывая ее толстым слоем ледяных шариков, сверкающих словно бриллианты. Но градины падали уже не так плотно и заметно медленнее. Йеннифэр поняла это по тому, как изменился звук ударов о магический щит. А потом град прекратился. Сразу. Как не бывало. На площадь ворвались вооруженные люди, захрустели по льду подковы. Толпа с ревом кинулась бежать, подхлестываемая нагайками, избиваемая древками пик и обрушивающимися плашмя мечами.

– Bravo, Трисс, – прохрипела Йеннифэр. – Не знаю, что это было... но получилось у тебя здорово.

– Было что защищать, – прохрипела Трисс Меригольд, Героиня с Холма.

– Защищать всегда есть что. Бежим, Трисс. Пожалуй, это еще не конец.

Однако это уже был конец. Град, обрушенный чародейками на город, остудил горячие головы. Остудил настолько, что армия отважилась ударить и навести порядок. До того солдаты робели. Они знали, чем грозит нападение на озверевшую чернь, на опоенную кровью и убийством толпу, не боящуюся ничего и не отступающую ни перед чем. Однако вмешательство неукротимой стихии уредило чудовищную стоглавую гидру, а армия доделала остальное.

Град нанес городу ужасный урон. И вот уже тот человек, который только что убил краснолюдскую женщину, а голову ее ребенка разможил о стену, теперь всхлипывал, теперь рыдал, теперь глотал слезы и сопли, видя то, что осталось от крыши его дома.

В Ривии воцарились мир и покой. Если б не почти двести изуродованных трупов и несколько сожженных домов, можно было бы сказать, что ничего не случилось. В районе Вязова, у самого озера Лок Эскалотт, над которым небо расцветилось изумительной дугой радуги, плакучие ивы картинно отражались в гладкой словно зеркало поверхности вод. Пели птицы, пахло влажными листьями. Все здесь выглядело вполне идиллически.

Даже лежащий в луже крови ведьмак, над которым, стоя на коленях, склонилась Цири.

Белый как мел Геральт был без сознания и лежал неподвижно, но, когда они остановились рядом, он начал кашлять, хрипеть, отплевываться кровью. Его стало трясти, и он принялся дрожать так, что Цири не могла удержать его. Йеннифэр опустилась рядом. Трисс видела, что у нее трясутся руки. Она сама почувствовала себя слабым ребенком, у нее вдруг потемнело в глазах. Кто-то поддержал ее, не дал упасть. Она узнала Лютика.

– Это на него совсем не действует, – услышала она полный отчаяния голос Цири. – Твоя магия его вообще не лечит, Йеннифэр.

– Мы пришли... – Йеннифэр с трудом шевелила губами. – Мы пришли слишком поздно.

– Твоя магия не действует, – повторила Цири, словно не слыша. – Грош ей цена, всей твоей магии.

«Ты права, Цири, – подумала Трисс, чувствуя, как у нее перехватывает горло. – Мы умеем вызывать градобой, но не умеем отгонять смерть. Хотя, казалось бы, второе сделать легче».

– Мы послали за медиком, – хрипло сказал стоявший рядом с Лютиком краснолюд. – Но его что-то не видать...

– Поздно звать медика, – сказала Трисс, сама удивляясь спокойствию собственного голоса. – Он умирает.

Геральт снова вздрогнул, выплюнул кровь, напряжился и замер. Лютик, поддерживающий Трисс, отчаянно вздохнул, краснолюд начал ругаться. Йеннифэр застонала, лицо у нее вдруг изменилось, сморщилось и стало ужасно некрасивым.

– Нет зрелища более жалкого, чем плачущая чародейка, – резко бросила Цири. – Ты сама учила меня этому. Но сейчас ты жалка по-настоящему, Йеннифэр. Ты и твоя магия, которая ни на что не годится.

Йеннифэр не ответила. Она обеими руками держала бессильную, выскальзывающую из рук голову Геральта, ломким голосом повторяя заклинания. По ее ладоням, по щекам, по лбу ведьмака плясали синие огоньки и потрескивали искорки. Трисс знала, какой энергии требуют такие заклинания. Знала также, что эти заклинания здесь не помогут. Она была более чем уверена, что ничего не дали бы даже заклинания специализировавшихся на этом целителей. Было слишком поздно. Чары Йеннифэр только изнурили ее. Трисс даже удивлялась, что черноволосая чародейка так долго это выдерживает.

Она перестала удивляться, когда Йеннифэр умолкла на середине очередной магической формулы и опустила на брусчатку рядом с ведьмаком.

Один из краснолюдов снова выругался. Другой стоял, опустив голову. Лютик, все еще поддерживающий Трисс, хлюпал носом.

Вдруг резко потемнело. Поверхность озера задымилась, словно ведьмин котел, затянулась испарениями. Туман прибывал, клубился над водой, волнами напал на берег, окутывая все густой белой млечностью, в которой затихали и умирали звуки, исчезали контуры, расплывались формы.

– А я, – медленно сказала Цири, так и не вставая с окровавленной брусчатки, – когда-то отказалась от своей Силы. Если б не отказалась, я бы сейчас его оберегала. Вылечила бы его, я знаю. Но – слишком поздно. Я отказалась и теперь ничего не могу сделать. Все получается так, будто именно я его убила.

Тишину разорвало сначала громкое ржание Кэльпи. Потом глухое восклицание Лютика.

Все остолбенели.

Из тумана возник белый единорог. Он бежал легко, воздушно, бесшумно, изящно неся свою красивую голову. В этом-то как раз не было ничего необычного, все знали легенды, а те были едины в том, что единороги бегают легко, воздушно и бесшумно, а головы держат с только им присущим изяществом. Если что-то и было странно, так лишь то, что единорог бежал по озерной глади, а гладь даже не морщинаясь.

Лютик икнул, на этот раз от изумления. Трисс почувствовала, как ее охватывает эйфория

возбуждения.

Единорог зацокал копытцами по брусчатке бульвара. Тряхнул гривой. Заржал протяжно, мелодично.

– Иуарраквакс, – сказала Цири. – Я так надеялась, что ты придешь.

Единорог подошел ближе, заржал снова, скребнул копытом, сильно ударил по брусчатке. Наклонил голову. Торчащий из его выпуклого лба рог неожиданно запылал резким светом, блеском, который на мгновение развеял туман.

Цири коснулась рога.

Трисс глухо вскрикнула, видя, как глаза девушки разгораются млечным пламенем, как ее охватывает огненный ореол. Цири не слышала ее, она не слышала никого. Одной рукой она держалась за рог Иуарраквакса, другую направила на неподвижного ведьмака. Из ее пальцев заструилась лента мерцающего, горящего как лава света.

Никто не мог сказать, как долго это продолжалось. Потому что все это было нереально.

Как сон.

Единорог, почти растворяясь в густеющем тумане, заржал, ударил копытом, несколько раз мотнул головой, словно указывая на что-то рогом. Трисс взглянула. Под балдахином свисающих над озером ивовых ветвей она увидела в воде темную тень. Лодку.

Единорог указал рогом снова. И начал быстро таять в тумане.

– Кэльпи, – сказала Цири. – Иди с ним.

Кэльпи захрапела. Задержала головой. Послушно пошла за единорогом. Подковы несколько мгновений звенели по брусчатке. Потом звук резко оборвался. Так, словно кобыла улетела, исчезла, дематериализовалась.

Лодка стояла у самого берега. В те мгновения, когда туман развеивался, Трисс четко видела ее. Это была примитивная плоскодонка, неуклюжая и угловатая, словно огромная колода для свиней.

– Помогите мне, – сказала Цири. Голос был уверенный и решительный.

Вначале никто не понимал, о чем она говорит, какой помощи ждет. Первым сообразил Лютик. Может, потому, что знал эту легенду, когда-то читал одну из ее поэтизированных версий. Он поднял на руки все еще находящуюся без сознания Йеннифэр. И удивился, какая она маленькая и легкая. Он поклялся бы, что кто-то помогает ему нести чародейку. Он поклялся бы, что чувствует рядом со своей рукой плечо Кагыра. Уголкем глаза он поймал промельк светлой косы Мильвы. Когда укладывал чародейку в лодку, мог бы поклясться, что видел поддерживающую борт руку Ангулемы.

Краснолюды подняли ведьмака, им помогала Трисс, поддерживая ему голову. Ярпен Зигрин даже заморгал, потому что несколько мгновений видел обоих братьев Дальбергов. Золтан Хивай поклялся бы, что укладывать ведьмака в лодку ему помогал Калед Страттон. Трисс Меригольд голову дала бы на отсечение, что чувствует аромат духов Нейд по прозвищу Коралл. И на протяжении нескольких ударов сердца видела в толще испарений желто-зеленые глаза Койона из Каэр Морхена.

Вот такие штучки проделывал с органами чувств туман, плотный туман над озером Эскалотт.

– Готово, Цири, – глухо сказала чародейка. – Твоя лодка ждет.

Цири откинула волосы со лба, хлюпнула носом.

– Извинись перед дамами из Монтекальво, Трисс, – сказала она. – Но иначе быть не может. Я не могу остаться здесь, если Геральт и Йеннифэр уходят. Попросту не могу. Дамы из ложи должны это понять.

– Должны.

– Ну, прощай, Трисс Меригольд. Будь здоров, Лютик. Счастья вам всем.

– Цири, – шепнула Трисс. – Сестренка... Позволь мне уплыть с вами...

– Ты сама не знаешь, о чем просишь, Трисс.

– Быть может, когда-нибудь я тебя еще...

– Наверняка, – решительно прервала Цири.

Она вошла в лодку, которая покачнулась и тут же стала уплывать. Таять в тумане. Оставшиеся на берегу не слышали ни всплеска, не видели ни волны, ни движения воды. Словно это была не лодка, а призрак.

Совсем-совсем недолго они еще видели маленькую воздушную фигурку Цири, видели, как длинным шестом она отталкивается от дна, как подгоняет и без того быстро плывущую лодку.

А потом был лишь туман.

«Она солгала мне, – подумала Трисс. – Я больше не увижу ее. Никогда. Не увижу, потому что Vaesse deireadh aep eígean. Что-то кончается...»

– Что-то кончилось, – проговорил изменившимся голосом Лютик.

– Что-то начинается, – подхватил Ярпен Зигрин.

Откуда-то со стороны города послышалось громкое пение петуха.

Туман начал быстро подниматься.

Геральт открыл глаза. Его дразнила сквозь веки игра света и тени. Увидел над собой листья, калейдоскоп мерцающих на солнце листьев. Увидел тяжелые от яблок ветви.

На висках и щеках чувствовал мягкое прикосновение пальцев. Пальцев, которые знал. Которые любил до боли.

Болел живот, грудь, болели ребра, а тесный корсет бандажа убедительно говорил о том, что город Ривия и трезубые вилы не были ночным кошмаром.

– Лежи спокойно, любимый, – мягко сказала Йеннифэр. – Лежи спокойно. Не шевелись.

– Где мы, Йен?

– Разве это важно? Мы вместе. Ты и я.

Пели птицы – зеленушки или скворцы. Пахло травами, цветами, яблоками.

– Где Цири?

– Ушла.

Она переменила положение, мягко высвободила руку из-под его головы, прилегла рядом на траву, чтобы видеть его глаза. Она глядела на него жадно, так, словно хотела насытиться, словно хотела насмотреться про запас, на всю вечность. Он тоже смотрел, а грусть стискивала ему горло.

– Мы были с Цири в лодке, – вспомнил он. – На озере. Потом на реке. На реке с быстрым течением. В тумане...

Ее пальцы нащупали его руку, крепко сжали.

– Лежи спокойно, любимый. Лежи спокойно. Я рядом. Не важно, что случилось, не важно, где мы были. Сейчас я рядом с тобой. И уже никогда тебя не покину. Никогда.

– Я люблю тебя, Йен.

– Знаю.

– И тем не менее, – вздохнул он, – хотелось бы знать, где мы?

– Мне тоже, – сказала Йеннифэр, тихо и не сразу.

– И это, – спросил немного погодя Галахад, – конец истории?

– Ну да! – возразила Цири, потирая ступню о ступню и стирая высохший песок, прилипший к пальцам и подошвам. – Ты хочешь, чтобы повествование окончилось так? Аккурат! Я бы не хотела!

– Так что ж было дальше?

– Все было нормально, – фыркнула она. – Они поженились.

– Расскажи.

– А что тут рассказывать? Была громкая свадьба. Съехались все: Лютик, матушка Нэннеке, Июля и Эурнэйд, Ярпен Зигрин, Весемир, Эскедь... Койон, Мильва, Ангулема... И моя Мистле... И я там была. А они, то есть Геральт и Йеннифэр, завели потом собственный дом и были счастливы. Очень, очень счастливы. Все равно как в сказке. Понимаешь?

– Почему ты плачешь, о Владычица Озера?

– И вовсе я не плачу. Просто глаза слезятся от ветра. Вот и все!

Они долго молчали, глядя, как раскаленный до красноты солнечный шар касается горных вершин.

– Действительно, – нарушил наконец тишину Галахад. – Преудивительная это была история, ох удивительная. Воистину, госпожа Цири, необычен мир, из которого ты прибыла.

Цири громко засопела.

– Да, – продолжал, несколько раз откашлявшись, Галахад, слегка обескураженный ее молчанием. – Но и здесь, у нас, тоже случаются преудивительнейшие истории. Например, та, что приключилась с сэром Гавейном и Зеленым Рыцарем... Или с моим дядей, сэром Борсом и сэром Тристаном... Понимаешь, госпожа Цири, сэр Борс и сэр Тристан однажды отправились на запад, в Тинтагель... Дорога их шла через леса дикие и опасные. Едут они, значит, едут, глядят – стоит лань белая, а рядом – дама, в черное одетая, ну прямо черней

черного и во сне не увидишь. А уж такая прекрасная та дама, что прекраснее на целом свете не сыщешь, ну разве что королева Гвиневра... Узрела та дама, что возле лани стояла, рыцарей, рукой махнула и такими словами обратилась к ним...

– Галахад...

– Что?

– Замолчи.

Он закашлял, захрипел, умолк. Оба молчали, глядя на солнце. Молчали очень долго.

– Владычица Озера...

– Я же просила не называть меня так.

– Госпожа Цири...

– Слушаю.

– Поедем со мной в Камелот, а, госпожа Цири? Король Артур, вот увидишь, окажет тебе честь и уважение... Я же... Я буду тебя всегда любить и почитать...

– Немедленно поднимись с колен! Или нет. Раз уж ты там, разотри мне ступни. Страшно замерзли. Спасибо. Ты очень мил. Я же сказала – ступни! Ступни оканчиваются на щиколотках!

– Госпожа Цири...

– Я все время здесь.

– Солнце к закату клонится...

– Верно. – Цири защелкнула застёжки ботинок, встала. – Седлаем лошадей, Галахад. Есть тут неподалеку какое-нибудь место, где можно было бы переночевать? О, по твоей mine вижу, что здешние места ты знаешь не лучше меня. Но не страшно, отправляемся, а уж если придется спать под открытым небом, так лучше где-нибудь подальше, в лесу. От озера холодом тянет... Ты что так смотришь? Ага, – догадалась она, видя, как он покраснел. – Тебе мнится ночлег под ореховым кустом, на ковре из мхов? В объятиях чародейки? Послушай, малыш, у меня нет ни малейшего желания...

Она осеклась, глядя на его румянец и горящие глаза. В принципе вполне нормальное лицо. Что-то стиснуло ей желудок и все, что было ниже. И это был не голод.

«Что со мной творится? – подумала она. – Что со мной дееется?»

– Не волокить! – почти крикнула она. – Седлай мерина!

Когда они уже были в седлах, она глянула на него и громко рассмеялась. Он глянул на нее, и взгляд у него был изумленный и вопрошающий.

– Нет-нет, ничего... – легко сказала она. – Мне просто кое-что пришло в голову. Ну, в путь, Галахад.

«Ковер из мхов, – подумала она, сдерживая хохот. – Под ореховым кустом. И я – в роли чародейки. Ну-ну...»

– Госпожа Цири...

– Да?

– Поедешь со мной в Камелот?

Она протянула ему руку. Он протянул ей руку. Они соединили руки, едучи бок о бок.

«К черту, – подумала она. – А почему бы и нет? Побьюсь на что угодно – в этом мире тоже найдется занятие для ведьмачки. Ибо нет такого мира, в котором не нашлось бы для ведьмачки занятия».

– Госпожа Цири...

– Давай не будем об этом сейчас. Едем.

Они ехали прямо на закат. Позади оставалась темнеющая долина. Позади оставалось озеро, озеро заколдованное, озеро голубое и гладкое, как отшлифованный сапфир. Позади оставались камни на озерном берегу. Сосны на склонах.

Это было позади.

А впереди у них было все.

Сноски

1

В средние века существовал закон «кудели и меча» – о наследовании трона по женской (кудель) и мужской (меч) линии. –

Примеч. пер.

2

Перевод Эльвиры Частиковой.

3

Перевод Эльвиры Частиковой.

4

Перевод с английского Н. Эристави.

5

Что касается

(лат.). – Здесь и далее примеч. пер.

6

Правосудие – основа государства... А ужасные преступления не должны оставаться безнаказанными

(лат.).

7

камня на камне

(лат.).

8

основой государства

(лат.).

9

первое

(лат.).

10

Второе

(лат.).

11

препятствие

(лат.).

12

память подводит

(лат.).

13

похищение девочек

(лат.).

14

и т. д., и т. д.

(лат.).

15

Стае – мера длины, равная 1067 м.

16

Шаг – старинная мера длины, равная 0,81 м.

17

Нильфгаардская империя

(лат.).

18

с высшей похвалой

(лат.).

19

Перевод Н. Эристави.

20

Rubor – краснота; calor – повышенная температура; tumor – припухлость; dolor – боль, страдания

(лат.).

21

дрожь.

22

от лат. datura – дурман.

23

Инфима (от лат. infimitas) – начальная школа, школа низшего уровня.

24

Экспериенция (от лат. experientia) – опыт, знание предмета.

25

Сгинь

(лат.).

26

приблизительно десять с половиной тысяч гектаров.

27

2800 гектаров.

28

белая горячка

(лат.).

29

всеми правдами и неправдами

(лат.).

30

кому на пользу

(лат.).

31

старинная серебряная монета.

32

по доверенности

(лат.).

33

Шпонтон – оружие на древке, с одной стороны снабженное обоюдоострым секущим концом, с другой – крючьями либо иглами.

34

прямым галопом

(фр.).

35

Компактат (от лат. *Contractum*) – договор, соглашение.

36

Апанаж – земельное владение, предоставлявшееся некоронованным членам королевской семьи.

37

Море открыто для всех

(лат.).

38

без права передачи по наследству

(лат.).

39

повода к войне

(лат.).

40

договора следует выполнять

(лат.).

41

Северное сияние

(лат.).

42

основной труд

(лат.).

43

из глубины

(лат.).

44

наконец

(лат.).

45

фундамент

(лат.).

46

искусством

(искаж. нем.).

47

собственной рукой

(лат.).

48

львиное сообщество, то есть такое, от которого одна сторона получает все выгоды, а другая несет все тяготы

(лат.).

49

пляска смерти

(фр.).

50

Стеклянный Остров

(лат.).

51

Озеро Благословенных

(шотл.+англ.).

52

Уважаемая барышня (

нем.+англ.).

53

для детей

(лат.).

54

во весь рост

(фр.).

55

Все рифмованные тексты выполнены переводчиком.

56

Альшбанд (искаженное немецкое Halsband), что-то вроде шейного обруча (тора).

57

пакет, небольшая папка (fasciculum,
лат.).

58

Гипокаусты – форма центрального отопления, при котором образующийся в центральной топке горячий воздух пропускается через систему отверстий или труб под полом или внутри стен, прежде всего в фермах.

59

Золотое зеркало (
лат.).

60

дозорная башня
(фр.).

61

Это были дни хорошей охоты и хорошего сна. Редьярд Киплинг
(англ.).

62

Имя есть значение
(лат.).

63

опасный, угрожающий опасностью
(лат.).

64

обстоятельство (circumstantia,
лат.) – устаревшее.

65

строгое следование законам, правилам, установлениям (observantium,
лат.) – устаревшее.

66

диалога.

67

Великий Зверь

(лат.).

68

Цетнар (центнар) – В средневековой Европе от 40,5 до 64,8 кг. Фунт – от 400 до 560 г.

69

шкварки.

70

декоративный мотив, составленный из оружия.

71

«Золотое Зеркало»

(лат.).

72

«Бремя власти»

(лат.).

73

«К вопросу о геморроидах»

(лат.).

74

«Дипломатический кодекс» (
лат .).

75

«О театральных масках и комических представлениях»
(лат.).

76

Все свое ношу с собой
(лат.).

77

бульон с гренками (
иск. фр .).

78

голова быка, по образцу древнеримских воинов.

79

лук-шалот.

80

Контингентный

(уст.) – поставленный в обязательном порядке.

81

Дефетизм (Defaitisme,

фр.) – пораженчество, отсутствие веры в победу.

82

железный наплечник (сарvas,

венгр.).

83

коса парика, защищающая шею от ударов (Haarzopf,

нем.).

84

командор

(историч.).

85

Медленно, но верно

(нем.).

86

Кто любит прекрасную женщину, тот стыдится всяческих злодеяний (нем.).

87

Святая Мария, Матерь Божия, молись за нас!
(нем.)

88

высокородный господин рыцарь
(нем.).

89

Чертовщина. Черная магия! Колдовство!
(нем.)

90

вдохновение (devinatio,
лат.).

91

Холк (или – хулк) – большой, обычно трехмачтовый торговый парусник.

92

Удачи, девочка!

(фр.).

93

«У черной кошки»

(фр.).

94

порядок прохождения битвы

(фр.).

95

Бандера, хоругвь – воинское подразделение всех типов кавалерии, насчитывающее 100–200 человек; оно же – рота.

96

Алерийон – геральдический орел без клюва и когтей.

97

выпускник, сдавший специальный экзамен на офицерское звание.

98

Хоругвь (здесь), пропор – флаг, флажок и т. д.

99

Оберштер (оберстер) – в прежних полках немецкой и польской пехоты – полковник (в настоящее время – оберст).

100

защитные пластины; могут быть и металлическими (нем. leder – кожа).

101

полукруглая полоска на груди геральдического орла либо алериона.

102

вскрытие брюшной полости
(мед.).

103

небольшой султан на шлеме или военной шапке.

104

удаление селезенки
(мед.).

105

Кончина, смерть
(лат.).

106

рыцарь низшего класса, имеющий право пользоваться лишь частью дворянских привилегий (средневековое,

лат.).

107

большое знамя, укрепленное короткой стороной на поперечине и имеющее вырез в свисающей стороне (gonfalone,

ит.).

108

Здесь: дальше некуда (

лат.).

109

участницы торжеств в честь богов, несущие на головах корзины с утварью (греч.).

110

до конца (и так далее) (

лат.).

111

глас народа

(лат.).

112

единогласно

(лат.).

113

отвратительный тип

(лат.).

114

конец

(нем.).

115

для будущего

(лат.).

116

Ничего подобного!

(лат.)

117

Благо народа превыше всего

(лат.).

118

слова улетают

(лат.).

119

Не можем!

(лат.) – форма категорического отказа.

120

Земля, являющаяся личной собственностью рыцаря.

121

Фидеикомисс (fideicomiss –

лат .) – система наследования крупной собственности.

122

Примогенитура (

средневеков. – лат .) – право первенства наследования трона, собственности и т. п.

123

последний представитель

(лат.).

124

Хоссы и бессы (hausse, baisse –
фр.) – повышение и понижение курса ценных бумаг.

125

памятная записка
(фр.).

126

Судьба
(тюркск.).

127

«Бесстыжий средний палец» (
лат.) – что-то вроде российского кукиша.

128

Углеодород – «углевонючка», от уголь+одор. Одор – вонь, запах, зловоние
(лат.).

129

и так далее, и так далее
(лат.).

130

во-первых

(лат.).

131

во-вторых

(лат.).

132

В-третьих.

133

горячая водка с медом и пряностями.

134

устаревшее воинское звание в кавалерии, примерно соответствует подхорунжему (польск.).

135

цветная, чаще всего с вышитым на ней гербом туника, накинутая на латы (jacet – нем.).

136

разновидность простых лат – кожаная куртка, густо покрытая металлическими плитками (от brigante – разбойник. –

ит.).

137

каска с широкими, опущенными вниз полями, напоминающая шляпу (carpine –

фр.).